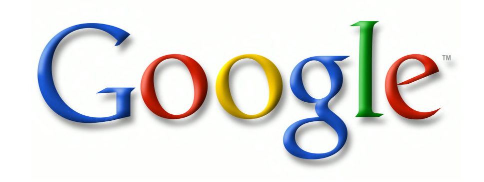
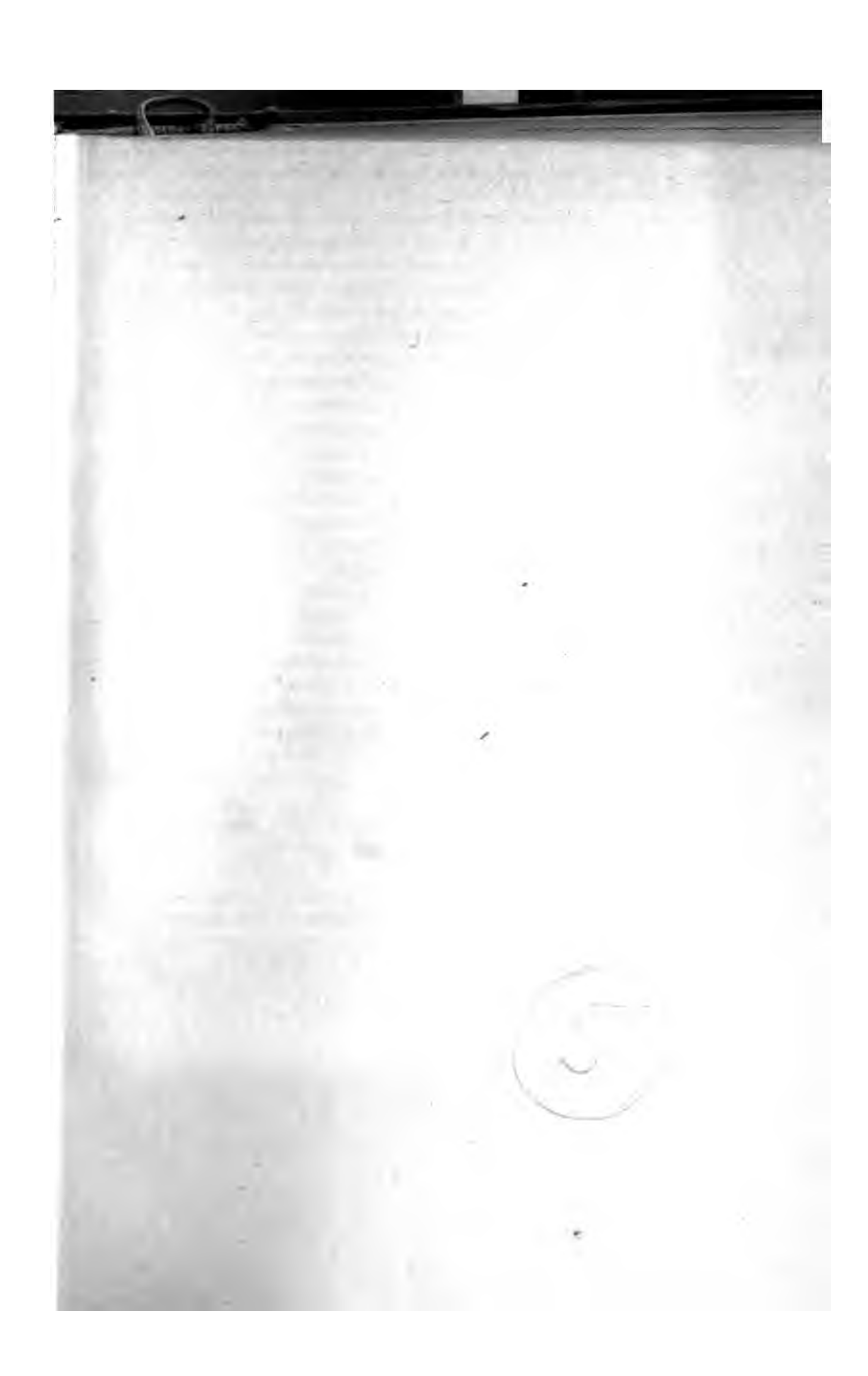




ВОЗРОЖДЕНІЕ КЛАССИЧЕСКОЙ ДРЕВНОСТИ,

или

ПЕРВЫЙ ВѢКЪ ГУМАНИЗМА.

Соч. Георга Фойгта.

Перевелъ со 2-го нѣмецкаго изданія, передѣланнаго авторомъ

И. П. РАССАДИНЪ.

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ И АЛФАВИТНЫМЪ УКАЗАТЕЛЕМЪ.

ТОМЪ I.

Изданіе К. Т. Солдатенкова.

МОСКВА.
Типографія М. П. Щепкина, Средняя Кисловка, д. Волковыхъ.
1884.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Сочиненіе Фойгта, предлагаемое читателямъ въ русскомъ переводѣ, разрабатываетъ одну изъ самыхъ замѣчательныхъ эпохъ въ исторіи человѣчества. Цѣль его главнымъ образомъ показать, чѣмъ образованное человѣчество обязано гуманизму и его поклонникамъ, изучавшимъ вновь открытую древность, какіе новые духовные элементы внесъ онъ въ культуру новаго времени, какіе вопросы разрабатывали люди, занимавшіеся такъ называемыми гуманистическими науками и т. д. Въ то же время эта эпоха крайне любопытна какъ переходъ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени. Авторъ отнесся къ своей задачѣ съ необыкновенною любовью и добросовѣстностью. Второе изданіе его труда, появившееся три года тому назадъ, именно первый томъ въ 1880 г., а второй въ 1881 г., значительно увеличено въ объемѣ противъ прежняго, первый томъ котораго появился въ 1859 г. Въ первомъ томѣ прибавлено противъ прежняго 100 стр., а во второмъ даже 300. Уже это одно показываетъ, что съ тѣхъ поръ авторъ въ продолженіи слишкомъ десяти лѣтъ много работалъ надъ своею книгою. А еще большимъ доказательствомъ служитъ то, что въ новомъ изданіи ея не только нѣкоторые отдѣлы расширены, но и многія статьи прибавлены вновь. Кромѣ добросовѣстнаго изученія предмета достоинство этого сочиненія составляетъ живость изложенія, какая рѣдко встрѣчается въ трудахъ нѣмецкихъ ученыхъ. Авторъ не только указываетъ на ученую дѣятельность и на заслуги тѣхъ лицъ, которыя подвизались на поприщѣ гуманизма, но старается вполнѣ

обрисовать ихъ личности и характеры. Такимъ образомъ передъ нами цѣлый рядъ портретовъ замѣчательныхъ гуманистовъ XV столѣтія. Авторъ всесторонне изслѣдовалъ ихъ дѣятельность на основанiи самаго подробнаго изученiя всѣхъ тѣхъ памятниковъ, какiе остались намъ отъ той эпохи. Особенное значенiе придалъ Фойгтъ письмамъ, какъ самому несомнѣнному свидѣтельству.

Въ свое время книга эта была встрѣчена весьма похвальными отзывами нѣмецкихъ критическихъ изданiй [1]), хотя нѣмецкiй рецензентъ указываетъ и на нѣкоторые недостатки, какъ напр. на то, что авторъ мало обратилъ вниманiя на значенiе Данта по отношенiю къ гуманистическимъ идеямъ.

Выше мы сказали, что авторъ даетъ намъ рядъ очень живыхъ характеристикъ. Не можемъ воздержаться отъ легкаго упрека ему въ томъ отношенiи, что иногда желанiе охарактеризовать ближе извѣстное лицо и его дѣятельность доводитъ автора до крайности. Именно онъ вдается въ ненужныя подробности. А между тѣмъ въ другихъ случаяхъ онъ скупится на подробности, имѣющiя большой интересъ для читателя. Такъ напр. намъ бы желательно было знать гораздо больше содержанiе сочиненiя Валлы О дарѣ Константина Великаго, имѣвшаго весьма важныя послѣдствiя. По нашему мнѣнiю, авторъ говоритъ о немъ весьма мало. Но гораздо сильнѣе хочется намъ упрекнуть его въ томъ, что онъ съ какою то особенною любовью изображаетъ передъ нами всѣ тѣ мелочныя дрязги, которыми увлекались гуманисты въ своей взаимной ненависти, то самообольщенiе и ухаживанiе за знатными, въ которыхъ повинны многiе изъ нихъ. Слабости эти въ значительной степени объясняются характеромъ вѣка и положенiемъ самихъ гуманистовъ. Во всякомъ случаѣ намъ странно читать нѣсколько страницъ кряду о томъ, какъ напримѣръ Филельфо ссорился съ флорентинскими и другими учеными и до какихъ крайностей доходилъ онъ въ своемъ самообольщенiи и раздраженiи. А между тѣмъ объ ученыхъ заслугахъ

[1]) См. между прочимъ Literarische S. Centralblatt für Deutschland herausg. v. Friedr Zarncke jahrs 1881—1882.

этого самаго Филельфо авторъ говоритъ лишь нѣсколько словъ. Тоже почти слѣдуетъ сказать и объ ухаживаніи гуманистовъ за государями и разными владѣтельными особами. Тутъ опять жестоко достается тому-же Филельфо. Есть нѣсколько смягчающихъ обстоятельствъ въ пользу гуманистовъ. Они были люди бо̀льшею частію бѣдные, рѣшавшіеся поселиться при дворѣ государя или владѣтельнаго лица только послѣ долгаго странствованія по свѣту и упорной борьбы съ разными невзгодами и лишеніями. Исключеній изъ этого встрѣтимъ немного. Грустно, конечно, что даже самъ великій Петрарка не устоялъ противъ искушенія спокойной и привольной жизни при Феррарскомъ дворѣ заискивалъ милости другихъ владѣтельныхъ особъ. Онъ былъ человѣкъ далеко не бѣдный. Другимъ гуманистамъ, его послѣдователямъ, это уже простительнѣе. Только духомъ времени объясняется то странное для насъ ослѣпленіе государей и владѣтельныхъ особъ, что литературныя похвалы поэтовъ и гуманистовъ могутъ даровать имъ безсмертіе и представить ихъ потомству въ свѣтѣ вполнѣ благопріятномъ. Заблужденіе это до такой степени овладѣло умами лицъ высокопоставленныхъ, что его всецѣло раздѣляли даже и такіе умные и образованные люди, какъ король Неаполитанскій Альфонсъ и папа Николай V. Винить ли особенно гуманистовъ въ томъ, что они поддавались на соблазнительную приманку и ради трудно-достижимыхъ благъ жизни писали панегирики людямъ далеко не заслуживавшимъ ихъ.

Примемъ также во вниманіе, что науки въ то время еще мало цѣнились, а въ особенности гуманистическія, только-что получившія право гражданства. Отнесемся нѣсколько болѣе снисходительно къ слабостямъ и увлеченіямъ дѣятелей новой науки, чѣмъ отнесся авторъ предлагаемой книги. Эти слабости и увлеченія, неизбѣжные спутники каждаго смертнаго, сошли въ могилу вмѣстѣ съ ними, не нанесши вреда потомству, тогда какъ ихъ ученыя заслуги легли въ основу дальнѣйшаго развитія человѣчества. Все это мы говоримъ для того, чтобы устранить недоразумѣніе, могущее возникнуть въ умѣ читателей, будто гуманистическія науки породили много особенно вредныхъ стремленій. Тутъ многое, вѣроятно, придется отнести на счетъ среднихъ вѣковъ, культура

которыхъ еще сравнительно мало разработана, какъ справедливо говоритъ рецензентъ книги г. Фойгта. Обрати авторъ побольше вниманія на послѣднюю, тогда, быть можетъ, гораздо больше можно бы было сказать въ пользу піонеровъ новой науки.

Напрасно также г. Фойгтъ считаетъ такое, дѣйствительно, поражающее своимъ безобразіемъ литературное явленіе, какъ Гермафродитъ, „первымъ плодомъ вѣры въ непогрѣшимость древнихъ". Неужели кто-нибудь могъ серьезно считать противоестественный порокъ, избранный легкомысленнымъ поэтомъ темою своего произведенія, дѣломъ похвальнымъ?

Все дѣло объясняется просто тѣмъ, что авторъ Гермафродита, какъ человѣкъ, любившій жизнь преимущественно со стороны наслажденій, а не духовныхъ интересовъ, относился весьма легко къ подобнаго рода вопросамъ. Такъ онъ смотрѣлъ и на профессорскую дѣятельность. Если другіе гуманисты хвалили эту книгу, то никакъ не со стороны содержанія, а исключительно со стороны языка.

Намъ остается объяснить нѣсколько терминовъ, встрѣчающихся въ переводѣ: аббревіаторъ — сочинитель папскихъ буллъ и разрѣшеній; камерарій—хранитель драгоцѣнностей и денегъ; близкій человѣкъ (familiaris), — совѣтникъ по болѣе важнымъ дѣламъ; прокураторъ — представитель извѣстнаго лица или учрежденія передъ судомъ.

И. П. Рассадинъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Ни одна страна въ Европѣ не была свидѣтельницей столь разнообразныхъ и глубоко-захватывающихъ переворотовъ, какъ Италія. И тотъ величайшій кризисъ, какой только когда-либо испытало человѣчество въ исторіи — распаденіе античнаго міровладычества и возникновеніе новаго, основаннаго на крови Христа,—должна была особенно смутно и бурно пережить Италія. Тогда ей было предназначено образовать мостъ между древностью и христіанской эпохой. Для послѣдней сохранила она палладій будущности, камень, на которомъ была основана церковь: съ другой стороны, и древность завѣщала ей разнообразные останки — наслѣдство бóльшее, чѣмъ можно было бы подумать съ перваго взгляда. Если гдѣ-либо долженъ былъ возродиться античный духъ и вступить въ самыя поры новыхъ организмовъ, то это именно въ Италіи.

Италія сохранила въ наиболѣе чистой и вѣрной формѣ, не смотря на всѣ смѣшенія народовъ, то нарѣчіе, на которомъ древніе Римляне излагали свои мысли. Болѣе, чѣмъ гдѣ-либо космополитскій языкъ Лаціума остался здѣсь, въ этомъ средоточіи церковной и образованной жизни, языкомъ дѣловитости, учености и богослуженія. Извѣстно, далѣе, что единственное въ своемъ родѣ и вмѣстѣ съ владычествомъ надъ народами величайшее твореніе древнихъ Римлянъ,—ихъ право и наука права,—никогда не теряли своего значенія въ Италіи, хоть и довольно жалко влачили свое существованіе въ конторахъ нотаріусовъ. Это Римское право постепенно и незамѣтно, такъ же какъ кровь народовъ древняго міра смѣшивалась съ кровью вновь выступающихъ племенъ, то слегка окрашивало, то глубже проникало образъ мыслей послѣднихъ, ихъ общественную и политическую жизнь.

Но и кромѣ этого новое населеніе унаслѣдовало еще массу воспоминаній о геройскомъ поколѣніи Ромула, покорившемъ міръ. Часто существуетъ только памятникъ и стоитъ загадочнымъ привидѣніемъ, какъ это видно изъ средневѣковыхъ сказаній о конной статуѣ Марка Аврелія или о постройкѣ Пантеона. Часто является

темное и смутное представленіе, какъ, напримѣръ, о цезарствѣ, когда возстановилъ его Карлъ Великій, или о древней римской республикѣ во время Арнольда Брешіанскаго, пытавшагося возсоздать сенатъ, консуловъ и Римскій народъ. Нерѣдко также держалось какое-нибудь установленіе, а никто и не подозрѣвалъ его древняго происхожденія. Таковы: школы грамматиковъ въ городахъ, документальные пріемы нотаріусовъ и многое тому подобное въ общественной, домашней и даже церковной жизни. Въ особенности же никогда не могла забыть Италія (и не могъ главнымъ образомъ Римъ), что оттуда былъ когда-то покоренъ и управляемъ цѣлый міръ. Въ поры именно сильнѣйшаго одичанія старое язычество проявляется вновь какъ демоническій призракъ. Дьяволъ искушаетъ схоластиковъ, какъ, напримѣръ, Вильгарда Равенскаго, заставляя ждать вѣчной славы за преданность Виргилію, Горацію и Ювеналу и съ строптивымъ пренебреженіемъ противостать церкви. Римъ порождаетъ вновь демагоговъ и тирановъ, напоминающихъ Капитолій и прежнее призваніе города къ владычеству,—Альбериха и Крещенціевъ, древнихъ гетеръ въ широкомъ стилѣ, папъ, которые ведутъ жизнь какого-нибудь Геліогабала и клянутся Юпитеромъ и Венерой.

Никто не станетъ отрицать, что Италія въ сущности была колыбелью не только іерархіи, но и Германской Имперіи. Она видѣла ихъ возникновеніе, ихъ мощную борьбу другъ съ другомъ и, наконецъ, ихъ паденіе. Іерархія же и священная Римская имперія навсегда остались проникнуты древне-римскими идеями, придавшими имъ ихъ космополитическое и всемірно-монархическое направленіе. Такъ же точно языкъ, право и церковь Рима приготовили почву для совокупнаго развитія Европы и обхватили народы той духовной связью, исходная точка которой была въ Италіи, въ силу этого ставшей во главѣ Европы.

Съ перваго взгляда на политическую исторію Италіи въ XIV-мъ и XV-мъ столѣтіяхъ намъ кажется яснымъ, что полуостровъ сдѣлался совершенно неспособенъ къ выполненію своей великой задачи. По видимому, мы не замѣчаемъ ничего, кромѣ арены всеразрушающихъ и разнузданныхъ страстей. Не сдерживаемыя болѣе сильной рукой императора, эти маленькія государства и города пользуются своей свободой только для того, чтобы наперерывъ мучить и губить другъ друга. Безконечная распря династовъ и узурпаторовъ съ республиками, вѣчная борьба въ послѣднихъ между дворянствомъ и народной партіей, дворянскихъ родовъ и народныхъ властей между собой, разнообразная усобица, все это только способствуетъ довершенію общаго разстройства и безсилія. Полуостровъ мало по малу созрѣвалъ для чужевластія и притомъ даже не одного только господина. Удаленіе куріи изъ Италіи и церковный расколъ под-

[illegible]

О классической древности свидѣтельствовали главнымъ образомъ ея литературные памятники; вмѣстѣ съ ними погрузилась она въ зимній сонъ, съ ними же вмѣстѣ должна была пробудиться къ новой веснѣ. Ея исторія, слѣдовательно, примыкаетъ къ исторіи ея литературы. Люди, возвратившіе къ жизни римскихъ и греческихъ авторовъ, справедливо говорили о ея семисотъ-лѣтнемъ снѣ. Они разсчитали вѣрно: вмѣстѣ съ римской имперіей мало по малу исчезла и склонность къ римской литературѣ; въ VII столѣтіи ея не было и слѣда. Но все же нельзя безусловно полагаться на ихъ слова: находясь въ самомъ огнѣ, они не замѣтили искръ, тлѣющихъ подъ пепломъ. Наравнѣ съ римскими юридическими сочиненіями не оставалась вполнѣ безъ вниманія и историческая, философская и поэтическая литература Римлянъ; въ тихихъ монастырскихъ кельяхъ всегда почитывали Саллюстія и Ливія, нѣкоторыя сочиненія Цицерона, Сенеки, Виргилія, Лукана, Горація, Овидія, Теренція и Плинія; имена этихъ писателей встрѣчаются въ церковныхъ, схоластическихъ и историческихъ произведеніяхъ того времени. Даже отцы церкви, и тѣ часто ссылались на языческихъ писателей, которымъ по большей части обязаны были своимъ ученымъ образованіемъ. Благодаря ихъ сочиненіямъ, также какъ и позднѣйшимъ церковнымъ компиляторамъ въ родѣ епископа Исидора Севильскаго, нѣкоторыя свѣдѣнія и замѣтки изъ классической древности оставались въ постоянномъ обращеніи. Другія продолжали распространяться, хоть и въ весьма обезображенномъ видѣ, посредствомъ сказаній, легендъ и вообще поэтическихъ произведеній, какъ напр., темныя преданія о Троянской войнѣ, объ Александрѣ Великомъ, о нѣкоторыхъ римскихъ императорахъ. Боэцій, чья христіански-философская книга «Утѣшеніе» всегда высоко цѣнилась, своими комментаріями далъ толчекъ если не для изученія, то по крайней мѣрѣ для уваженія аристотелевской философіи. Примѣровъ подобныхъ соприкосновеній съ древностью можно привести тысячи. Наконецъ, у насъ есть рукописныя копіи классическихъ писателей, относящіяся ко всѣмъ эпохамъ средневѣковой жизни, что, несомнѣнно, указываетъ на дѣйствительный интересъ къ древней литературѣ.

Если мы станемъ перечислять средневѣковыхъ писателей, болѣе или менѣе близко стоящихъ къ классической литературѣ, то получится длинный рядъ именъ и, между ними, не мало выдающихся. Пожалуй, можно бы было придти къ убѣжденію, что не было вовсе надобности въ особенномъ и бурномъ возрожденіи древности. При дворѣ Карла Великаго съ увлеченіемъ читали латинскихъ поэтовъ и горячо стремились подражать ихъ стихамъ. Съ тѣхъ поръ они никогда не были преданы забвенію. При дворахъ нѣкоторыхъ епископовъ, въ знаменитыхъ монастыряхъ Бенедиктинцевъ поэтическое

искусство и мудрость Римлянъ находятъ себѣ новое прибѣжище и продолжаютъ свое существованіе въ библіотекахъ, или же преподаются въ школахъ. Какъ бы дѣтски и неуклюжи ни казались намъ подражанія, во всякомъ случаѣ предъ глазами были хорошіе образцы древнихъ [1]). Эйнгардтъ беретъ себѣ въ образецъ Светонія, Видукиндъ—Саллюстія; онъ старается усугубить впечатлѣніе въ античномъ духѣ напыщенными рѣчами, образы и чувства древняго Рима переполняютъ его душу. По видимому, и Адамъ Бременскій, конечно, самый даровитый питомецъ музы Кліо въ средніе вѣка, образовался на Саллюстіи. Экегардъ изъ Ауры украшаетъ свои сочиненія изрѣченіями Цицерона; и у многихъ другихъ языкъ, содержаніе мыслей, а также заимствованія доказываютъ, что имъ не было чуждо чтеніе древнихъ писателей. Извѣстно, съ какимъ рвеніемъ Ратерій Веронскій и Гербертъ собирали и читали древнія сочиненія, даже такихъ поэтовъ, какъ Плавтъ или Теренцій, Персій и Ювеналъ. Извѣстно, какимъ богатствомъ свѣдѣній изъ классической литературы обладалъ Іоаннъ Салисбёрійскій. Въ своихъ стихахъ онъ старался подражать Овидію, въ прозѣ — Цицерону, а у Квинтиліана искалъ правилъ краснорѣчія [2]). Эпическіе поэты не могли себѣ искать образца гдѣ-либо, кромѣ Виргилія или Лукана и Клавдіана. Поэтому они обыкновенно всецѣло предаются древности; какой-нибудь Готье Шатильонскій даже покланяется богамъ и фатуму, какъ будто онъ выросъ не между христіанъ [3]).

Указывали также на пѣсни Вагантовъ и Голіардовъ и видѣли въ нихъ предшественниковъ гуманизма, потому что они смѣло прославляютъ міръ и чувственное наслажденіе, часто заставляютъ появляться языческихъ боговъ и осмѣиваютъ принудительныя начала школы и церкви [4]). Но въ сердцахъ этихъ непосѣдныхъ, словно вырвавшихся на волю личностей бьется только юношеская любовь къ жизни и чувственность, а нѣсколько школьныхъ воспоминаній еще не доказываютъ сближенія съ древностью. Изъ такого рода стремленій не можетъ возникнуть прочная и дально-дѣйствующая сила.

Чѣмъ же были обязаны гуманисты, когда они принялись за свой трудъ, выше-названнымъ поэтамъ, историкамъ и ученымъ? Они ни-

[1]) Ср. Dümmler, Geschichte des ostfräkischen Reichs Bd. II, Berlin 1865, стран. 652 и слѣд.

[2]) Schaarschmidt, Johannes Saresberiensis, Leipz. 1862, стран. 82 и слѣд., гдѣ подробно указаны его знанія.

[3]) См. Pannenborg Ueber den Ligurinus — въ «Forschungen zur deutschen Geschichte». Bd. XI, Gött., 1871.

[4]) Сначала Буркгардтъ, часть 1 стр. 221 и 245, затѣмъ Бартоли въ «I precursori del rinascimento», Флоренція 1877.

когда не видѣли въ нихъ своихъ предшественниковъ. Не количество антикварныхъ свѣдѣній даетъ рѣшающее значеніе, но міровоззрѣніе, преданность древнему міру, страстное стремленіе внести его въ современность и объять всѣми силами своего духа. Достаточно здѣсь вспомнить только, что никто изъ всѣхъ тѣхъ мужей, ни Ратерій, ни Гербертъ, ни Абеляръ, ни Іоаннъ Салисбёрійскій не знали греческаго языка, даже никогда не высказывали желанія воспользоваться сокровищами греческой литературы, благоговѣйное восхваленіе которыхъ постоянно встрѣчалось у Римлянъ. Гдѣ хоть только тлѣла искра духа гуманизма, она сейчасъ же воспламенялась при имени Гомера.

Вообще же далеко преобладали моменты, враждебные изученію древности. Христіанская вѣра и церковь, выросши въ постоянной борьбѣ съ языческимъ міромъ, еще не знали примиренія съ ней; съ другой стороны, можетъ быть, и едва замѣтно, но все-таки постоянно таилась искра язычества подъ развалинами его храмовъ: оно, и побѣжденное, навсегда осталось страшнымъ врагомъ, благодаря своему свободному, просвѣтленному искусствомъ воззрѣнію на жизнь. Во время его упадка даже прославленнымъ учителямъ церкви, которые прежде сами были софистами или риторами, оно кажется чарующей сиреной. Другіе не были въ силахъ вполнѣ отрицать духовную мать, вскормившую ихъ; Василій даже защищалъ ее въ одномъ маленькомъ сочиненіи; Григорій Назіанзинъ, Іеронимъ, Августинъ сохранили къ ней теплое расположеніе. Можетъ быть, приведутъ ригоризмъ Григорія Великаго въ доказательство того, съ какимъ глубокимъ презрѣніемъ были попраны въ его время языческіе поэты; но именно тотъ фактъ, что Григорій считалъ себя вынужденнымъ энергично противодѣйствовать чтенію ихъ, покажетъ намъ съ другой стороны, что склонность къ этимъ отжившимъ и ихъ чарующая сила далеко не исчезли. Алкуинъ упрекалъ Трирскаго архіепископа за его любовь къ Виргилію, поэту лжи, который отчуждаетъ его отъ Евангелія, хотя его собственный умъ достигъ зрѣлости только благодаря общенію съ Виргиліемъ, Цицерономъ и др. [1]. Аббатъ Вибальдъ Корвейскій, котораго сильно привлекали мысли и красота рѣчи у Цицерона и который собиралъ его сочиненія, былъ сильно озабоченъ, чтобъ не показаться Цицероніанцемъ болѣе, чѣмъ христіаниномъ, и утверждалъ, что при своихъ занятіяхъ считаетъ себя только шпіономъ въ станѣ врага [2]. Даже когда борьба

---

[1]) Epist. 216. 248 въ «Monument. Alcuiniana», изданнымъ Ваттенбахомъ и Дюммлеромъ. Сюда относится Vita Alcuini § 10.

[2]) Письмо настоятеля Райнальда Гильдсгеймскаго къ Вибальду и его отвѣтъ къ Monum. Corbeiensia ed. Iaffé. № 207. 208.

съ остатками язычества дѣйствительно отошла на задній планъ и всеобщее вниманіе было привлечено борьбой римскихъ епископовъ съ императорской властью; затѣмъ, когда во время раскола наука была преимущественно занята ковкой теологическаго и каноническаго оружія, даже и тогда нельзя было отрѣшиться отъ страшнаго ужаса предъ покоренной силой, которая, какъ бы заточенная въ Аду, но все еще живая и готовая отмстить, осталась все-таки грознымъ супостатомъ. Время Грековъ и Римлянъ представлялось ночью, впродолженіи которой люди обращались съ молитвой къ нечистымъ духамъ; эти же духи, съ которыми нѣкогда покончила христіанская вѣра, все еще продолжали свое чуждое существованіе въ суевѣріи. Нѣтъ, церковь никогда не могла протянуть примиряющую руку древности, пока ея цѣлью было—въ противность свѣтскимъ стремленіямъ,— учредить на землѣ царство Божіе. Она не могла перенести, чтобы умъ съ любовью погружался въ прошедшее, которое ей не принадлежало, чтобы онъ отвратилъ свои взоры отъ царства, обѣщаннаго Іисусомъ въ грядущемъ, и ключи котораго только хранила она одна.

Соотвѣтственно этому церковь, пока въ ней было сильно стремленіе очиститься отъ грѣха и пока ея идеаломъ было религіозное господство, завладѣла для своихъ цѣлей чувствомъ и воображеніемъ народовъ, этими мощными рычагами человѣческихъ дѣлъ. Мышленіе сдерживала она въ подчиненіи и въ оковахъ, благодаря своей приспѣшницѣ —*схоластикѣ*, и готова была скорѣе подавить чувство прекраснаго, чѣмъ даровать ему питательный матеріалъ, который она могла найти у классическихъ народовъ. Не простой случайностью было то— и на это будетъ часто указываться въ нашей книгѣ,—что только тогда, когда померкло солнце католической церкви, вновь разлился долго затмѣваемый имъ лунный свѣтъ язычества.

Если бы мы искали основной причины не здѣсь, то намъ осталось бы совершенно непонятнымъ то явленіе, какимъ образомъ занятіе отдѣльныхъ личностей классической литературой, нерѣдко встрѣчаемое нами въ средніе вѣка, осталось совершенно безъ послѣдствій для общаго развитія. Древность—міръ, заключенный самъ въ себѣ, и только тому доставляетъ она образующій матеріалъ, кто можетъ понять ее въ такомъ смыслѣ. Ни одна научная отрасль не можетъ процвѣтать, пока будетъ обречена лишь на служеніе другой.

Безспорно, сохраненіемъ классической литературы, насколько именно она сохранилась, мы по преимуществу обязаны монастырской братіи. Цѣлые вѣка ревниво хранила и оберегала она пріобрѣтенія своихъ предшественниковъ и умножала ихъ списками. Но это не было ея призваніемъ; она никогда не посвящала себя всецѣло этой

работѣ. Списываніе книгъ обыкновенно было сухимъ ремесломъ, иногда указываемымъ орденскими правилами, чтобы мирнымъ занятіемъ смягчить грубые нравы или наполнить досуги слабѣйшихъ братьевъ или же чтобы доставить прибытокъ монастырю; — иногда занятіе это только допускалось, иногда же возбранялось вполнѣ. Такимъ образомъ, если въ прославленныхъ монастыряхъ Бенедиктинцевъ, въ Монте-Касино, Клюни, С. Галленскомъ и Фульдскомъ случалось, что наряду съ служебниками, молитвенниками и богословскими сочиненіями переписывались и классическія произведенія, то это происходило или по приказанію настоятеля, или же, можетъ быть, по игривой прихоти самого брата. Но всегда это занятіе оставалось при мертвой буквѣ. Часто случалось также, что знатный настоятель съ соколомъ на рукѣ рыскалъ по полямъ, отправлялся на турниры и придворныя празднества или, бражничая, любовался выходками шутовъ, братья же шаталась безъ дѣла или оживляла виномъ досужные разговоры,—а книги въ это время покрывались пылью и плеснѣвѣли въ самыхъ мрачныхъ и сырыхъ кельяхъ за исключеніемъ, можетъ быть, писцовыхъ книгъ землямъ, на производствѣ которыхъ покоились доходы и прибыль монастыря. Тамъ, можетъ быть, погибло и навсегда осталось потеряннымъ столько же твореній классическихъ авторовъ, сколько съ другой стороны было спасено. Имъ предлагали здѣсь гостепріимство, но никогда не даровали правъ отчизны.

Содержаніе классическихъ книгъ жило въ умахъ такимъ же образомъ, какъ сами онѣ существовали въ монастыряхъ. Пока образованіе вообще, и школьное въ особенности, было исключительно въ рукахъ духовенства, къ античной литературѣ относились съ недобрымъ настроеніемъ. Поэтому кажущійся расцвѣтъ ея во времена Каролинговъ и его отголосокъ въ оттоновскую эпоху остались безъ послѣдствій, равно какъ и сношенія съ Византіей, этимъ архивомъ эллинизма, вызвавшія то тамъ, то сямъ на Западѣ скоропреходящія моды. Недоставало безпрерывности стремленій, недоставало дружнаго содѣйствія стремящихся. Понятія большинства не шли дальше того, что латинскій языкъ есть подготовительная ступень къ духовному чину. Его изучали по Донату и его варварскимъ послѣдователямъ, читали нѣкоторыя сочиненія Цицерона или какого-нибудь поэта съ тѣмъ, чтобы найти примѣры для правилъ грамматики. Едва ли можно себѣ представить болѣе плачевное существованіе классическихъ писателей, чѣмъ тогдашнее, предназначенное для пропедевтической подготовки клириковъ или же для вялыхъ, только побочныхъ занятій. Не лучше было имъ и тогда, когда изъ монастыря они были перенесены въ монастырскую школу и затѣмъ въ университеты. И здѣсь они были подчинены главнымъ

факультетскимъ наукамъ; они не достигли самостоятельной жизни даже въ такихъ первоклассныхъ умахъ, какъ Абеляръ и Іоаннъ Салисбёрійскій. Отрывки древности помогали только заткнуть пробѣлы какой нибудь богословской или философской системы, точь въ точь какъ мраморныя колонны древнихъ храмовъ и дворцовъ безъ всякаго стыда употреблялись на простыя частныя подѣлки.

Мы не будемъ возобновлять старую пѣсню объ отсутствіи толка, критики и вкуса въ средніе вѣка. Какъ бы безсмысленно она иногда и не повторялась, все-таки остается безспорнымъ, что духовное и прежде всего эстетическое достояніе древности на цѣлыя столѣтія исчезло безъ слѣда. Мы бы хотѣли отмѣтить здѣсь только нѣкоторыя, менѣе оцѣненныя явленія, потому что они-то наиболѣе ярко доказываютъ сокрушающую диктатуру церкви, и такъ какъ мы предполагаемъ въ слѣдующихъ отдѣлахъ своего труда придерживаться именно этихъ взглядовъ.

Господствующая церковь не терпитъ индивидуальнаго человѣка. Все должно стать покорнымъ звеномъ въ цѣпи ея систематики и подчиниться закону ея установленій. Она не признаетъ частной духовной собственности. Съ такой же точки зрѣнія она обошлась и съ классической литературой. Вотъ почему классическія произведенія были произвольно укорачиваемы и расширяемы, христіанизуемы и искажаемы; вотъ почему, вовсе не изъ намѣренія обмануть, современнымъ поддѣлкамъ придавались имена досточтимыхъ авторовъ. Извѣстно, какъ, напримѣръ, имя Доната сдѣлалось общимъ названіемъ всякой грамматики, имя Сервія — всякаго комментарія къ Виргилію. Сила, выступающая противъ подобныхъ стремленій—критика; съ ея помощью отдѣльная личность, полагаясь на свой собственный разумъ, противостаетъ подавляющему авторитету.

Далѣе Церковь сама покоилась на множествѣ самыхъ разнородныхъ авторитетовъ; назначеніемъ церковной науки было — примирить ихъ противорѣчія и согласно съ извѣстными тенденціями округлить научное построеніе. Чтобы не подорвать ни одного изъ этихъ авторитетовъ, она придавала равное значеніе всѣмъ имъ. То же должно было произойти и съ классическими авторами. Философская мораль Аристотеля не смѣла противорѣчить церковной; на Цицерона, Сенеку и Боэція смотрѣли такъ, какъ будто ихъ сочиненія были одинаковаго достоинства; Флору, Евтропію и Валерію Максиму придавалось то же значеніе, какъ Саллюстію и Ливію; наравнѣ съ Виргиліемъ, Стаціемъ, Луканомъ, Ювеналомъ и Персіемъ стояли поэтическія произведенія какого-нибудь Марбода Реннскаго, Алана островитина (Alanus ab Insulis) или Іоанна Салисбёрійскаго. Чтобы провести между такими авторитетами раздѣльную черту, нужна была

сила критики, а еще болѣе необходимо было саморазвивающееся чувство болѣе благородной формы и болѣе глубокаго содержанія. Но вкусъ, котораго не терпѣла церковь, опять-таки составлялъ принадлежность отдѣльной личности.

Чтобы создать просторъ для этой индивидуальной силы, новая наука, завладѣвши наслѣдствомъ древнихъ народовъ, должна была покинуть монастырь, духовную опеку и цеховые университеты. Ея питомцы должны были сбросить рясу и церковное облаченіе и подобно сынамъ древняго Рима облечься въ тогу и тунику. Въ общество должно было вступить новое сословіе съ новымъ и самостоятельнымъ образованіемъ, стоящее то въ мирѣ съ церковью, то во враждѣ съ ней, но всегда отъ нея одаль. И это могло произойти только въ Италіи, гдѣ еще чувствовалось въ жилахъ немного крови древнихъ, гдѣ стояли еще классическіе памятники и память о минувшемъ величіи сочеталась съ патріотической гордостью. У клириковъ и монаховъ галльскаго, британскаго и нѣмецкаго сѣвера изученіе древнихъ осталось дѣломъ ерудиціи, иногда лишь усовершенствованія въ стилистикѣ. Въ Италіи это изученіе, исходя отъ сердца и одушевленія, входило прямо въ плоть и кровь.

Кто хочетъ прослѣдить развитіе новой Италіи въ какомъ-бы то ни было отношеніи, тотъ не можетъ оставить безъ вниманія Данта Аллигьери. Его нельзя, конечно, причислить къ возстановителямъ классической древности. Образованіе его вполнѣ еще покоится на дисциплинѣ тривіума и квадривіума; путеводныя звѣзды для него Библія и «философъ», затѣмъ попеременно Августинъ и Ѳома Аквинскій, Боэцій и Цицеронъ. Онъ всецѣло стоитъ на почвѣ церковнаго ученія, созданнаго схоластиками, даже любитъ со рвеніемъ погружаться въ его тончайшія философскія построенія [1]), можетъ еще чувствовать отвращеніе къ еретикамъ и сектантамъ и, безъ сомнѣнія безусловно отвергъ бы свободный образъ мыслей послѣдующихъ гуманистовъ. Онъ, можетъ быть, прочелъ съ бóльшимъ увлеченіемъ своего Виргилія, чѣмъ кто-либо изъ его предшественниковъ или современниковъ, онъ прославляетъ его, какъ своего учителя, какъ источникъ, изъ котораго излился широкій потокъ краснорѣчія, называетъ его даже «нашимъ божественнымъ поэтомъ» [2]); но затѣмъ поэтъ представляется ему опять то авторитетомъ въ родѣ Аристотеля или въ родѣ какого-нибудь учителя церкви, то мистическимъ святымъ, то, наконецъ, предшественникомъ

---

1) Напр. Paradiso canto VII.
2) Inferno c. I. De monarchia lib. II cap. 3.

Христа. Онъ не мало воспринялъ изъ доступнаго ему круга [1]) классическихъ писателей и составилъ себѣ нѣкоторое понятіе о томъ, какъ духовный капиталъ предшествовавшихъ поколѣній передается послѣдующимъ, увеличивается и воздѣлывается ими [2]). Но онъ только случайно пользуется идущею отъ древности мудростью; она не господствуетъ въ мірѣ его мысли, и самъ онъ далекъ отъ того, чтобы въ классическихъ писателяхъ видѣть свидѣтелей и героевъ лучшаго вѣка. Также точно и болѣе тонкій и развитой языкъ древнихъ не имѣлъ на него никакого вліянія и навѣрно не прельстилъ его слуха. У Данта тяжеловѣсный умъ, его не прельщаютъ легкія, граціозныя формы, онъ ищетъ золотую мудрость въ глубинѣ и остается холоденъ къ чарующему блеску поверхности. Въ немъ нѣтъ ни капли подвижной крови Эллиновъ и эллинизированныхъ римскихъ поэтовъ. Строгая логика всегда сдерживаетъ его воображеніе и никогда не даетъ свободнаго полета его генію.

Но, не смотря на то, такъ какъ дѣйствія великихъ умовъ непредразсчислимы, уже въ сочиненіяхъ Данта чувствуются какіе-то таинственные импульсы, которые словно наталкиваютъ на сокровища классической римской эпохи. Онъ читалъ лучшихъ ея поэтовъ, Овидія, Виргилія, Горація и Ювенала; правда, онъ полагаетъ ихъ значеніе только въ изрѣченіяхъ мудрыхъ житейскихъ правилъ и не видитъ его, какъ позднѣйшіе гуманисты, въ благозвучіи ихъ стиховъ и привлекательной формѣ поэтическаго стиля; но уже и то знаменательно, что онъ отважился поставить рядомъ съ обычными авторитетами слово поэтовъ и воспользовался имъ для своихъ художественныхъ выводовъ. Можно найти множество примѣровъ этому въ его прозаическихъ сочиненіяхъ; не такъ много ихъ въ его большой поэмѣ, но и здѣсь замѣчательно то, что рука объ руку идутъ въ ней язычество и христіанство, древняя и новая исторія, греческій миѳъ и религіозныя воззрѣнія. Онъ внесъ древность, хотя отрывочно и разбросанно, въ тосканскую поэзію точно такъ же, какъ его современникъ Брунетто Латини впервые перевелъ на народный языкъ римскихъ авторовъ—Овидія и Боэція, также нѣкоторыя рѣчи Цицерона, набрался изрѣченій послѣдняго и поэтому считался великимъ знатокомъ въ реторикѣ [3]). Такихъ писателей,

---

[1]) Что этотъ кругъ не былъ великъ, указываютъ Witte въ его изданіи Monarchian edit. alt. Windob. 1874 p. LXXV и Schück Dantes klassische Studie und Brunetto Latini въ N. Jahrbüchern f. Phil. und. Päd. 1865 Abth. II S. 253 ff.

[2]) De Monarchia lib. I, cap. 1.

[3]) Giov. Villani Chron. Lib. VIII cap. 10: il quale fu gran filosofo, e fu sommo maestro in rettorica, tanto in bene sapere dire come in bene dittare.

какъ, напр., Ливій, Дантъ читалъ съ увлеченіемъ: здѣсь раскрывалось передъ нимъ понятіе о той патріотической доблести, въ свѣтѣ которой блистали дѣянія древняго Рима; объ этомъ свидѣтельствуетъ вторая книга его сочиненія «о монархіи».

Дантъ хорошо сознавалъ, что по благородству и красотѣ формы латинскій языкъ превосходитъ народный, еще не получившій надлежащаго развитія [1]), и свою Божественную Комедію началъ латинскимъ гекзаметромъ: Ultima regna canam etc. Если впослѣдствіи, не смотря на это, онъ обратился къ народному нарѣчію, то едвали причина этого заключалась въ однажды высказанной гордой мысли поэта, что онъ видитъ, какъ великіе писатели древнихъ не были поняты и достаточно оцѣнены людьми его вѣка, и что поэтому онъ отложилъ классическую лиру и взялся за другую, которая болѣе подходитъ къ этимъ современнымъ людямъ, такъ-какъ напрасно было-бы предлагать грудному младенцу твердую пищу [2]). Напротивъ, къ этому его скорѣе побуждала другая и не менѣе гордая мысль: онъ хотѣлъ возвысить презрѣнный народный языкъ, избравъ его для выраженія своихъ высокихъ мыслей. Когда Джованни ди Виргиліо убѣждалъ его не отдавать свои благородныя произведенія ума на судъ толпы, не метать бисера предъ свиньями и не облекать въ недостойное одѣяніе Кастальскихъ сестеръ, Дантъ шутливо отвергъ это предложеніе въ первой своей эклогѣ [3]). Подъ конецъ своей жизни въ разсужденіи de vulgari eloquio Дантъ и теоретически на варварской еще латыни отпраздновалъ торжество народнаго языка. И однако же тѣ двѣ латинскія эклоги, которыя остались отъ Данта, по тому именно и замѣчательны, что въ нихъ видно стремленіе къ изяществу древнихъ и Виргилій взятъ также въ образецъ по отношенію къ формѣ. Даже употребленіе народнаго языка въ Божественной Комедіи принесло результаты, которыхъ, конечно, не имѣлъ въ виду поэтъ, но которые были весьма на руку грядущему времени: именно языкъ этотъ вырвалъ великую поэму изъ церковной области и передалъ ее той части націи, которой суждено было стать носительницей гуманистическаго направленія.

Въ одномъ пунктѣ сквозь церковныя воззрѣнія Данта рѣзко пробивается античная идея, которая потомъ сдѣлалась жизненнымъ

---

1) Convito tr. I, cp. 5.

2) По извѣстному разсказу монаха Иларіона, сообщаемому имъ въ письмѣ къ Угуччіо де Фаджіола, въ Mehus Vita Ambr. Travers p. 321. Этотъ разсказъ, очевидно, далъ начало и часто повторяемому потомъ взгляду Боккачіо (Comento sopra la Commedia di Dante. Opere. vol. IV. Firenze, 1724. p. 17).

3) Эклога Джіованни у Mehus l. c. p. 320.

нервомъ всей дѣятельности гуманистовъ, съ неустаннымъ одушевленіемъ внушавшихъ и надолго усвоившихъ ее міру. Это мысль о посмертной славѣ. Церковь обѣщаетъ вѣрующему, исполняющему ея заповѣди, награду въ будущей жизни. Желаніе искать награды за земную дѣятельность въ славѣ среди современниковъ и потомства заимствовано изъ жизни древнихъ и далеко ужь не христіанскій принципъ.

Весьма естественно, что это стремленіе къ славѣ переходило отъ поэтовъ къ поэту, что имена, прославляемыя уже болѣе тысячи лѣтъ, воспламеняли сердце поэта. Въ особенности же прославлялось имя Мантуанца, которое не забудется, доколѣ есть только въ мірѣ движеніе [1]). Въ кругу добродѣтельныхъ язычниковъ поэты составляютъ особую группу, вслѣдствіе той почетной славы, которой они пользуются еще на землѣ; во главѣ ея стоитъ Гомеръ, а затѣмъ Горацій, Овидій и Луканъ. Они привѣтствуютъ Данта и принимаютъ его въ свои ряды [2]). Въ бездѣльи и въ роскоши, такъ поучаетъ Виргилій своего спутника, нѣтъ славы, а безъ нея жизнь улетучивается какъ дымъ [3]). Не въ характерѣ Данта заискивать себѣ хвалы съ помощью маленькихъ тщеславныхъ уловокъ и украдкой смотрѣть на лавровый вѣнокъ. Онъ открыто требуетъ его въ полномъ сознаніи своей силы и своихъ достоинствъ, и, такъ какъ такое желаніе не можетъ быть выражено въ христіанской молитвѣ, онъ проситъ Аполлона дать ему достаточно силъ на то, чтобы добиться желанныхъ лавровъ [4]). Не стыдясь, заставляетъ онъ Брунетто Латини предсказать себѣ, что онъ нѣкогда достигнетъ пристани славы, что во Флоренціи какъ бѣлые, такъ и черные будутъ съ одинаковой гордостью называть его своимъ [5]). Онъ какъ поэтъ чувствуетъ въ себѣ силу, «съ которой человѣкъ достигаетъ вѣчности», съ помощью которой послѣ этой жизни онъ завоевываетъ себѣ другую въ посмертной славѣ [6]). Дантъ идетъ даже еще далѣе, развив[illegible] теорію славы[illegible] этомъ впослѣдствіи гуманисты съ во[illegible]римкнули [illegible] поэтъ, по его словамъ, можетъ сдѣл[illegible]нными так[illegible]ихъ, упоминая объ нихъ въ сво-

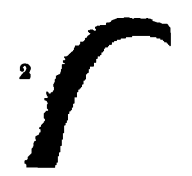
---

[1]) [illegible] Di cui la [illegible]el mondo d[illegible]
[illegible] Edurerà [illegible] lontana.

[2]) [illegible] [illegible] слова [illegible] c. XXI.).

[3]) [illegible]

[illegible]



ихъ произведеніяхъ [1]). Такимъ образомъ онъ создаетъ себѣ и другимъ новое небо, соперничающее съ небомъ христіанскаго блаженства.

При этомъ отъ вниманія Данта однако не укрылось, въ какомъ разладѣ это античное стремленіе стояло съ христіанствомъ. Онъ заставляетъ мучиться въ чистилищѣ живописца Одеризи да Губбіо за горячее желаніе отличиться, которое воодушевляло его въ жизни и отвращало отъ Бога. Онъ заставляетъ его сѣтовать на то, что слава между смертными такъ же преходяща, какъ вѣяніе вѣтра или какъ зелень травъ. И самъ Дантъ извлекаетъ себѣ изъ этихъ словъ поученіе смиренія [2]). Но во всякомъ случаѣ знаменательно, что ищущему славы живописцу ставится въ грѣхъ, какъ разъ то самое, что для поэта кажется вполнѣ естественнымъ, такъ какъ уже и древніе римскіе поэты находили это естественнымъ. Да Дантъ и не старается подавить въ себѣ страстное стремленіе къ славѣ; онъ даже ни разу не отрекается отъ него [3]).

И такъ, если что въ особенности привлекаетъ насъ новизною въ образѣ Данта, такъ это именно мужественное проявленіе имъ самосознающей личности, дерзнувшей обратиться къ міру съ своимъ собственнымъ Я. Въ этомъ заключалось величіе мыслителя и поэта — величіе, которое уже современники видѣли покоющимся на его мощномъ челѣ и въ чертахъ его мрачнаго лица. И этотъ-то одинокій человѣкъ, достигшій такихъ познаній и такой художественности, исключительно лишь путемъ своихъ занятій и своей собственной силы духа, былъ міряниномъ, который не принадлежалъ ни церкви, ни школѣ, ни отечеству и который въ полной приключеніями жизни старался создать себѣ положеніе, какъ поэтъ [4]).

По видимому, ничто не отдѣляетъ Данта отъ Петрарки; послѣдній легко даже могъ въ молодыхъ годахъ видѣть въ живыхъ стараго художника. Но по образованію и по роду жизни они очень далеки другъ отъ друга. Ближе, чѣмъ Дантъ, стоитъ къ гуманистическому развитію, которому принадлежала будущность, группа поэтовъ и историковъ сѣверной Италіи, вскормленныхъ рѣшительно на груди классической литературы.

---

[1]) Ср напр. Inf. c. XXIX. XXXI. XXXII.

[2]) Purg. c. XI.

[3]) Ср. Burckhardt, p. 170, гдѣ извлечены и нѣкоторыя другія мѣста.

[4]) Giov. Villani Chronica IX., 136 обращаетъ особенное вниманіе на это явленіе: Questi (Dante) fu grande letterato: quasi in ogni scienza, tutto fosse laico etc.

Во главѣ этой группы стоитъ А л ь б е р т и н о М у с с а т о изъ Падуи, человѣкъ низкаго происхожденія, выработавшійся исключительно лишь собственными силами и безъ всякаго образца между современниками. Онъ помогалъ одному старому школьному учителю въ дѣлѣ его тяжелаго призванія, какъ вдругъ на 21-мъ году жизни, по смерти отца, ему пришлось содержать старуху-мать, сестру и двухъ младшихъ братьевъ. Это побудило его ревностно предаться изученію права, сдѣлаться нотаріусомъ и искать пропитанія посредствомъ веденія дѣлъ и процессовъ и общественной службы. Какъ сынъ народа, онъ скоро снискалъ себѣ любовь, а какъ дѣльный гражданинъ, обратилъ на себя вниманіе, добился высшихъ должностей и почестей въ городѣ и часто былъ выбираемъ въ посланники къ владѣтельнымъ князьямъ (къ одному Генриху Лютцельбургскому до четырехъ разъ), къ папамъ, къ республикамъ. Не смотря на это, въ немъ однако не умерло внутреннее призваніе поэта и писателя. Онъ, можетъ быть, впервые представляетъ примѣръ человѣка, у котораго прибыльныя занятія юриста идутъ въ разрѣзъ съ поэтической склонностью. Впрочемъ, что касается до Муссато, то онъ съумѣлъ примирить одно съ другимъ. Намъ еще часто будетъ встрѣчаться подобное же столкновеніе въ жизненной стезѣ гуманистовъ. Муссато съ юныхъ лѣтъ любилъ грамматику и стихотворство; онъ скоро собралъ около себя небольшой кружокъ поэтовъ, въ числѣ которыхъ упоминаютъ адвоката Л о в а т т о [1]) и Б о н а т т и н о. Но *слава* его не шла дальше скромныхъ предѣловъ его *родины*. *Если онъ* приноситъ въ даръ кому-нибудь произведенія своей музы, то это или епископу въ Падуѣ, или же цеху тамошнихъ нотаріусовъ. Меценатовъ въ болѣе широкомъ смыслѣ, которые могли бы признать за литературой національное значеніе, тогда еще не было.

Помимо историческихъ сочиненій, благодаря которымъ имя Муссато будетъ всегда имѣть значеніе, онъ писалъ еще трагедіи по образцу Сенеки, эпистолы элегическимъ размѣромъ, эклоги и другія стихотворенія самаго разнообразнаго характера; ему также принадлежатъ философскія сочиненія de lite naturae et fortunae, de casibus fortunae, которыя, безъ сомнѣнія, были навѣяны Цицерономъ или Сенекой. Конечно, христіанская мораль не могла послу-

[1]) Объ немъ именно говоритъ П е т р а р к а (Rer. memorand. lib. II): Lovatus Patavinus fuit nuper poetarum omnium, quos nostra vel partum nostrorum vidit aetas, facilime princeps, nisi iuris civilis studium amplexus cum novem Musis duodecim Tebulas limmiscuisset, et animum ab Heliconiis curis ad forensen strepitum deflexisset. Что здѣсь нужно читать Lovatus, а не Donatus, это уже доказалъ M e h u s Vita Ambros. Travers. p. 232.

жить для нихъ содержаніемъ. Еще болѣе важно извѣстіе, что онъ написалъ de vita et moribus suis. Если оно справедливо, то это была бы первая автобіографія, извѣстная среднимъ вѣкамъ, если не придать автобіографическое значеніе и «Новой жизни» Данта. Къ несчастью эта книга, какъ и многія другія философскія и поэтическія произведенія Муссато, по видимому, утрачена. Въ такомъ предпріятіи онъ является предшественникомъ, даже, по скольку мы знаемъ, единственнымъ предшественникомъ Петрарки; въ высшей степени важенъ тотъ фактъ, что поэтъ и гражданинъ маленькой республики самъ заботится о томъ, чтобы его жизнь не была забыта потомствомъ. Еще въ одномъ обстоятельствѣ является онъ предшественникомъ Петрарки, именно въ томъ, что въ 1316-мъ году по предложенію его друзей и по рѣшенію университета былъ публично и торжественно признанъ поэтомъ и вѣнчанъ плющевымъ и миртовымъ вѣнкомъ. Съ этихъ поръ народъ прозвалъ его «поэтомъ»; точно также и въ граматахъ онъ носитъ названіе поэта и историка Падуи.

Не смотря на это, вовлеченный въ борьбу партій, онъ умеръ 31-го мая 1329 года въ изгнаніи, тѣло же его было перенесено въ отечественный городъ и погребено тамъ въ С. Джустинѣ. Такимъ образомъ за именемъ его осталась славная память въ Падуѣ еще долго, и тамъ указывали домъ, въ которомъ жилъ поэтъ. Достичь же національной славы, такъ сильно имъ желанной, Муссато не удалось [1]).

Въ стилѣ и вкусѣ онъ, конечно, еще далеко отсталъ отъ древнихъ. Объ усердномъ чтеніи ихъ свидѣтельствуютъ у него скорѣе отдѣльные намеки и, можетъ быть, улучшенное построеніе періодовъ и стиха. Въ общемъ же онъ скорѣе напоминаетъ тяжело-напыщенный, темный способъ выраженія іерархическихъ папъ или какого-нибудь Петра Винейскаго, чѣмъ легкій потокъ краснорѣчія

---

1) Очеркъ жизни Муссато, сдѣланный Sicco Polentone въ его большомъ сочиненіи de scriptoribus latinis и помѣщенный Muratori Scriptt. rer. Ital. T. X. p. 1. seq., можетъ быть, частью основанъ и на автобіографіи. Facciolati Fasti gymn. Patav. T. II, p. XV, XVI предлагаетъ другія данныя о времени вѣнчанія поэта и его смерти: первое событіе онъ полагаетъ въ 1314 году, а смерть относитъ къ 31-му мая 1339 года. Рѣшающее значеніе принадлежитъ граматѣ 9-го іюля 1329 года, приведенной у Gloria въ Atti d. r. Istit. Veneto T. VI. Ser. V. p. 45. Помимо же этого новѣйшія изысканія Gloria, въ особенности же его толкованія стиховъ (p. 30) для меня не убѣдительны. Относительно изданій сохранившихся сочиненій Муссато ср. Böhmer Fontes rer. germ. Bd. I. p. XIX и Potthast Bibliotheca. Извѣстіе о погребеніи тѣла Муссато въ Падуѣ я взялъ у Gulielmus Pastregicus de originibus rerum, Venet. 1547, fol. 13. Для оцѣнки — Dönniges Kritik der Quellen für die Geschichte Heinrichs VII. Berlin 1841 s. 37 ff.

Цицерона или Саллюстія. Онъ еще не чувствуетъ варваризмовъ средневѣковой латыни и, не задумываясь, смѣшиваетъ ихъ съ классическими оборотами и образами. Для него не кажется безвкусіемъ написать три книги своего большаго историческаго сочиненія героическимъ размѣромъ и наполнить ихъ античными и миѳологическими намеками. Искусство повѣствованія онъ ищетъ въ техническихъ выраженіяхъ, заимствованныхъ изъ государственнаго строя древняго Рима, въ патетически-высокопарныхъ рѣчахъ, въ различныхъ поэтическихъ украшеніяхъ. Онъ остается замѣчательнымъ явленіемъ, какъ самоучка, но какъ писатель, онъ не выработалъ себѣ индивидуальности.

Непосредственно къ Муссато примыкаетъ Феррето Виченцскій. Послѣдній близко стоялъ къ нему также и по времени своей жизни: такъ, въ молодыхъ годахъ онъ посвятилъ ему стихи, написанные по поводу смерти другаго виченцскаго поэта, Бенвенуто Кампезано, которому Феррето предсказывалъ вѣчную славу, хотя, сколько мы знаемъ, теперь онъ продолжаетъ жить только въ словахъ своего друга Феррето. И этотъ послѣдній, кажется, дарилъ въ изобиліи стихи міру, большинство которыхъ подобно муссатовскимъ были забыты. Онъ воспѣлъ въ гекзаметрахъ смерть Данта, но не прочь былъ и отъ пріапическихъ затѣй. Прославляя Муссато за то, что онъ «былъ жаденъ до славы», онъ и съ своей стороны не скрываетъ такого же стремленія. Какъ кажется, поэзія была его исключительнымъ занятіемъ [1]; онъ полагалъ, что должно жить какъ жили Виргилій и Горацій. Поэтому ему пришлось горько жаловаться на отсутствіе меценатовъ въ его время, такъ какъ государи, по видимому, вовсе не искали прославленія своего имени въ потомствѣ [2]. Еслибы писатели, думаетъ онъ, помимо надежды на славу, которая теперь является единственнымъ только стимуломъ для нихъ, могли ожидать вознагражденія, то число ихъ значительно бы увеличилось. Съ ироніей замѣчаетъ онъ, что вмѣстѣ съ этимъ, конечно, устранилась бы опасность для историковъ поддѣлывать исторію въ угоду государямъ. Отсюда можно вывести, что его поэма, написанная стилемъ Лукана и Клавдіана, въ герои которой онъ выбралъ Кана Гранде, не удостоилась большаго вниманія со стороны послѣдняго. Онъ не нашелъ никого знатнѣе виченцскаго

---

1) Предисловіе къ Hist. rerum in Italia gestarum ap. Muratori Scriptt. T. IX p. 941: Nos autem soli Poëticae iugiter intendentes, satis in ea more nostro profecimus etc.

2) Ibid. p. 1051: Neque enim apud principes nostros tanti, est sapientia ut per virtutis semitam ambulantes fama se decorari velint. Подобныя же жалобы на стр. 941, 1019, 1119.

гражданина для того, чтобы посвятить свое историческое сочиненіе, написанное прозой и живо и миловидно повѣствующее по примѣру Муссато о пережитомъ. У Феррето впервые проявляется то страстное исканіе щедрыхъ меценатовъ и придворной поэзіи, которое затѣмъ остается одной изъ отличительныхъ чертъ гуманистическаго сословія.

Феррето также не свободенъ отъ щегольства классической ученостью и высокопарными фразами. Однако его историческій стиль привлекателенъ, благодаря полному вкуса выбору матеріала, благодаря живости и ясности изложенія; особенно же поражаетъ насъ его болѣе чистый языкъ, подмѣченный имъ у древнихъ [1]).

Въ красотѣ формы Муссато и Феррето были превзойдены миланскимъ нотаріусомъ и городскимъ синдикомъ Джованни да Черменате (Giovanni da Cermenate), взявшимъ себѣ въ образецъ Ливія и Саллюстія и съумѣвшимъ оживить свой разсказъ художественными рѣчами и силой сочувствія. Но онъ только историкъ, и въ немъ едва чувствуется дуновеніе античнаго міра. Какъ у тѣхъ двухъ, такъ и у него есть намеки только на ту или другую сторону гуманизма. Истый же гуманистъ проникнутъ новымъ духомъ одинаково какъ въ своихъ писаніяхъ, такъ и во всѣхъ проявленіяхъ своей личности.

---

[1]) Ср. Dönniges въ выше-приведенной книгѣ, стран. 73 и далѣе.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Франческо Петрарка. Геніальность и ея воспламеняющая сила.

Дантъ развѣ только съ смутнымъ предчувствіемъ простиралъ взоры къ обѣтованной землѣ, а на почву ея онъ еще не вступилъ. Новый міръ гуманизма былъ открытъ Франческо Петраркою [1]). Онъ не только напередъ указалъ пути и области его, но и самъ прошелъ по нимъ съ торжествомъ. Его личность съ поразительной наглядностью уясняетъ намъ роль генія во всемірной исторіи, а равнымъ образомъ и то, что его въ сущности скорѣе слѣдуетъ считать дивнымъ единичнымъ явленіемъ, чѣмъ плодомъ такихъ условій, которыя можно указать. Кто захочетъ выяснить себѣ этотъ взглядъ, тому, несомнѣнно, слѣдуетъ отрѣшиться отъ ходячаго сужденія о Петраркѣ, считающагося почти непреложною истиною въ Италіи и Франціи, и усвоить себѣ другое мнѣніе, которое было распространенено между его современниками.

---

[1]) Замѣтимъ здѣсь же, что ссылки на латинскія сочиненія Петрарки всѣ дѣлаются по изданію его Opera omnia Basil. 1554, не потому, чтобы оно было безусловно лучшимъ—старинные оттиски, по которымъ это послѣднее составлено, всегда заслуживаютъ предпочтенія,—но потому, что оно самое полное и доступное. Было бы по истинѣ дѣломъ чести для одной изъ итальянскихъ академій замѣнить это изданіе новымъ полнымъ и дѣйствительно образцовымъ. Для Epistolae de rebus familiaribus et variae и естественно воспользоваться изданіемъ Фракассети и его же итальянскимъ переводомъ ихъ, снабженнымъ интересными примѣчаніями (Lettere de Franc. Petrarca etc.). Не совсѣмъ удобно, было конечно, присоединить эти примѣчанія не къ оригиналу, а къ переводу, который прочтутъ немногіе. Epistolae sine titulo и epistolae rerum senilium должны мы все еще читать въ старыхъ жалкихъ изданіяхъ, что мало вознаграждается переводомъ Lettere senili, сдѣланнымъ Фракассети. Нельзя также предположить, чтобы изданіе Фракассети было окончательное. Перечисляя и классифицируя рукописи, скоро можно придти къ убѣжденію, что и тѣ, которыя уступаютъ по значенію флорентинскимъ и парижскимъ, останутся не безъ пользы. Поэтому я разсматривалъ Cod. ms. C. 132 Дрезденской коро-

Здѣсь, конечно, не можетъ быть рѣчи о пѣвцѣ Лауры и объ его невыносимо сладкихъ сонетахъ. Эти произведенія обаятельны, какъ пѣніе сиренъ, но въ нихъ онъ является лишь художникомъ благозвучной поэтической рѣчи, которую нашелъ обработанною, царемъ той сферы любовныхъ мечтаній, которымъ онъ съумѣлъ придать совершенно новую прелесть нѣжными звуками своихъ пѣсень. Петраркою овладѣло было искушеніе предать свои риѳмы (rime) огню, какъ «пустяшныя», но оно не было сильно, а между тѣмъ онъ, какъ извѣстно, всегда отзывался о нихъ, какъ объ юношескихъ бездѣлушкахъ, которыя писалъ въ угоду людей необразованныхъ и отъ которыхъ не ожидалъ, что онѣ обезсмертятъ его имя [1]. Такъ думали и лучшіе его современники, такъ судили

левской публичной библіотеки, который относится къ началу 15 вѣка, содержитъ въ себѣ только три первыя книги Epist. rer. famil. и шесть первыхъ писемъ четвертой и представляетъ иногда, рядомъ съ сильно испорченнымъ текстомъ, очень вѣроятныя чтенія. Къ тому же въ этомъ кодексѣ есть пять адресовъ, которыхъ Фракассети не нашелъ и большею частію поневолѣ замѣнилъ словами: Ad ignotum; epist. famil. III, 9 здѣсь обозначено ad Matehum Patavinum, III, 12 ad Marcum Janueunsem (какъ и XVII, 9 и XX, 4), III, 16 и 17 ad Paganinum Mediolanensem и ad eundem, III, 19 ad Lelium suum. Также расположеніе и числовыя помѣтки писемъ въ сборникѣ Фракассети сомнительной вѣрности. Наконецъ у него недостаетъ писемъ, адресованныхъ къ Петраркѣ: а Baldelli Del Petrarca p. 221, напримѣръ, насчиталъ по одному только парижскому кодексу 14-го вѣка 30-ть такихъ писемъ, которыя почти всѣ отъ Франческо Нелли изъ Флоренціи. Въ послѣднее время вознамѣрился издать ихъ Hortis, извѣстный уже своими заслугами въ этой области литературы.—Poëmata minora Петрарки цитирую я, правда, и по базельскому изданію, но небезполезнымъ было сравненіе этого изданія съ изданіемъ Россетти, который держался только одной рукописи, но сдѣлалъ многое для исправленія и поясненія текста. Для Rime у меня подъ рукою было изданіе Marsand'а. Другія отдѣльныя изданія будутъ указаны въ своемъ мѣстѣ.

Хорошій обзоръ ранней біографической литературы можно найти у Baldelli, чье сочиненіе о Петраркѣ между всѣми итальянскими и донынѣ самое цѣнное, хотя нѣкоторыя письма, которыя онъ читалъ вь рукописяхъ, изданы уже послѣ того. Какъ критикъ, онъ несомнѣнно надежнѣе знаменитаго Де-Сада. Сочиненіе Campbell Life of Petrarch. 2 voll. London 1841 популярно составлено и прекрасно издано, но не имѣетъ никакого достоинства и полно ошибокъ. Напротивъ, Бламкъ помѣстилъ хорошую статью о Петраркѣ въ Alg. Encyklopädie der Wiss. u. Künste (1844). Сочиненіе Мезьера Petrarque. 2. édit. Paris 1868 носитъ мало слѣдовъ сокровищъ Парижской національной библіотеки и весьма поверхностно. Произведеніе Людвига Гейгера Petrarca. Leipzig. 1874, появилось въ качествѣ труда, написаннаго съ особой цѣлью, именно къ юбилею и представляетъ многостороннюю характеристику поэта, доступную для большинства читателей. Послѣдняя и лучшая біографія, полная какъ широкихъ обобщеній, такъ и многочисленныхъ выписокъ изъ сочиненій Петрарки, принадлежитъ Кёртингу Petrarcas Leben und Werke. Leipzig. 1878.

[1]) Sonetto I; epist. de reb. famil. VIII, 3, тождественно съ Append. litt. epist. 6; epist. var. 9; epist. metr. III, 27, de reb. senil. V, 3. XIII, 10. XV, 1 (p. 1047) у Фракассети. И посвященіе трактата de vita solitaria, безъ сомнѣнія, говоритъ о пѣсняхъ на тосканскомъ языкѣ.

и спустя два вѣка послѣ его смерти по вѣрному ли инстинкту, или, быть можетъ, вслѣдствіе сильныхъ восторговъ, и признательности вызванныхъ болѣе крупными его заслугами. Послѣднія только потому болѣе сокрыты отъ нашего вниманія, что составляютъ коренящуюся въ мракѣ давно минувшихъ временъ основу того зданія, въ готовыхъ покояхъ котораго мы уже спокойно обитаемъ.

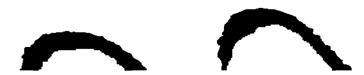
Чтобы выразить многое въ немногихъ словахъ, мы скажемъ, что геній Петрарки проявляется въ открытіи міра гуманизма, совершенномъ имъ. Мало того, что онъ пробудилъ древность, погруженную въ глубокій зимній сонъ, и призвалъ къ жизни умершій міръ. Онъ повелъ его на борьбу съ окружающимъ его міромъ и предвидѣлъ, что эта борьба поведетъ къ началу новой эры. Тутъ Петрарка указалъ на поприще многотрудныхъ и безконечныхъ усилій, но щедро вознаграждающихъ, и далъ направленіе сотнямъ дарованій. А если чрезъ нѣсколько поколѣній новые дѣятели уже успѣли опередить его во многихъ отношеніяхъ, то это случилось такъ же, какъ и человѣкъ, открывшій четвертую часть свѣта, долженъ былъ бы по части свѣдѣній о ней уступить любому школьнику. Имя Петрарки блеститъ звѣздою первой величины не только въ исторіи итальянской литературы, но и въ исторіи всего цивилизованнаго міра, да и не только въ ней, но и вообще въ исторіи человѣческаго ума, насколько ее можно прослѣдить. Заслуги его были бы столь же велики, если бы онъ не написалъ ни одного стиха на тосканскомъ нарѣчіи.

Кто задумаетъ изобразить дѣятельность подобнаго человѣка и прослѣдить ходъ его идей, тому придется постоянно ограничивать свой кругозоръ и даже сознаться, что многое осталось тайною для него и, быть можетъ, откроется для другихъ, болѣе счастливыхъ изслѣдователей. Достаточно и того, если удастся добраться до зерна сквозь рядъ оболочекъ. Мы желаемъ выяснить преимущественно тѣ моменты жизни и дѣятельности Петрарки, въ которыхъ онъ даетъ направленіе приверженцамъ, идущимъ по его стопамъ, и школамъ гуманистовъ. Поразительно то явленіе, что Петрарка не только выработалъ себѣ извѣстное направленіе, но на основаніи его—свой складъ мыслей и образъ жизни [1], которые потомъ мы въ теченіи вѣковъ встрѣчаемъ на каждомъ шагу въ литературномъ мірѣ.

Первыя впечатлѣнія богато одареннаго ума часто бываютъ самыя рѣшительныя, но ихъ всегда очень трудно указать. Петрарка сознавалъ впослѣдствіи, что такимъ, какимъ онъ былъ, онъ сдѣлался

---

[1]) P. 13 ed Galletti.



благодаря самому себѣ и своимъ книгамъ. Онъ хотѣлъ быть всѣмъ обязанъ только досточтимымъ древнимъ и не считалъ себя ничѣмъ обязаннымъ современному поколѣнію, даже Данту. Онъ даже не хочетъ назвать своего учителя въ дѣтствѣ, общественную школу котораго въ Карпентра онъ посѣщалъ почти четыре года и подъ руководствомъ котораго пріобрѣлъ элементарныя свѣдѣнія въ грамматикѣ, а потомъ болѣе основательно познакомился съ латынью, реторикой и стихосложеніемъ. Этотъ человѣкъ былъ бы забытъ навсегда, не сохрани о немъ воспоминаній Филиппо Виллани; его звали Конвеневоле (или Конвенноле) да Прато.

Въ то время, какъ Петрарка былъ юношей, учитель его, какъ сообщаютъ, уже шестьдесятъ лѣтъ держалъ школу, но жилъ постоянно въ бѣдности и нуждѣ. Отецъ Петрарки оказывалъ ему нѣкоторую помощь; послѣ его смерти такъ же поступалъ и сынъ, который сверхъ того былъ гордостью своего учителя. Когда кардиналъ Джіованни Колонна шутя спрашивалъ Конвеневоле: «скажите-ка мнѣ, учитель, не принадлежитъ ли и нашъ Франческо къ вашимъ великимъ ученикамъ, которыхъ вы такъ нѣжно любите?» тогда на глазахъ честнаго учителя навертывались слезы, и онъ съ трогательнымъ молчаніемъ отходилъ въ сторону или клялся всѣмъ святымъ, что не любилъ ни одного ученика такъ горячо, какъ Петрарку. Всѣмъ было извѣстно, что для старика юный Петрарка былъ предметомъ страстнаго обожанія [1]).

Петрарка помнилъ это до самыхъ преклонныхъ лѣтъ. Вообще же, стоя на высотѣ славы, онъ изображаетъ старика скорѣе съ надменнымъ состраданіемъ, чѣмъ съ уваженіемъ. Наставникъ былъ, по его словамъ, того мнѣнія, что онъ долженъ сочинять книги—мысль, присущая всякому латинскому учителю,—но не могъ пойти далѣе причудливо выбраннаго заголовка и предисловія. Виллани же, повидимому, зналъ его и какъ поэта [2]). Существуетъ странное стихотвореніе, написанное разными размѣрами, по всей вѣроятности, принадлежащее бывшему Карпентрасскому учителю и относящееся къ тому времени, когда послѣдній, уже въ глубокой старости, вновь поселился на своей родинѣ, въ Прато [3]).

---

1) Petrarca epist rer. senil. X, 2 и XV, 1—отъ 1374 года.

2) Онъ называетъ его vir mediocris poesis peritus.

3) О немъ писалъ на основаніи двухъ мальябеккіановскихъ рукописей и амброзіанскаго сборника въ Вѣнѣ Mehus Vita Ambros. Travers. p. 208 sqq. Primisser въ Archiv f. Geographie. Historie u. s. w. (herausg. von Hormayr) Jahrg. 1818 Nr. 78 и 79—и D'Ancona Il maestro del Petrarca въ Rivista Ital. di scienze, lettere ed arti, Anno I. Milano 1874. Конечно, нельзя строго доказать авторства Конвеневоле, но сочинитель ея былъ не только professor Prarensis (т. е. grammaticus), онъ и родился въ Прато, а

Это произведеніе, украшенное аллегорическими образами, посвящено старому королю Неаполитанскому Роберту, который въ немъ прославляется. Самъ поэтъ, Христосъ, Святой Духъ и разныя аллегорическія и миѳологическія существа убѣждаютъ его помочь униженному Риму и побудить папу вернуться въ него. Языкъ стихотворенія вычуренъ и теменъ, латынь варварская, гекзаметры плохіе, большею частію риѳмованные, въ подражаніе средневѣковой безвкусицѣ, и всюду преобладаетъ схоластическая ученость. Но авторъ ищетъ поэтическихъ красотъ уже въ аллегорическихъ олицетвореніяхъ. Однако есть и слѣды подражанія Виргилію. Поэма не лишена сентиментальнаго оттѣнка. Въ ней напр. является скорбный Римъ въ черномъ одѣяніи, съ растерзанной грудью и напоминаетъ о своихъ разрушающихся храмахъ. Поэтъ выводитъ и Италію въ изорванной одеждѣ, съ растрепанными волосами. Онъ съ грустью вспоминаетъ о герояхъ древнихъ временъ, о Фабіяхъ, Брутахъ, Коклесахъ, Деціяхъ и Сципіонахъ и сравниваетъ съ ними тотъ жалкій людъ, который населяетъ современный ему Римъ. Это уже не школьный учитель, обучающій изъ года въ годъ одно поколѣніе за другимъ. Въ умѣ подобнаго человѣка могли таиться возбуждающія силы. Конечно, Петрарка по формѣ быстро и далеко ушелъ впередъ отъ своего учителя, но многіе изъ идей старика, навѣрное, запечатлѣлись въ его умѣ.

У отца Петрарки было нѣсколько сочиненій Цицерона, къ которымъ онъ относился съ уваженіемъ, впрочемъ больше съ юридической точки зрѣнія. Они попали въ руки мальчику раньше, чѣмъ онъ могъ судить объ ихъ содержаніи и значеніи, и въ то время, какъ товарищи его дѣтскихъ игръ мучились надъ грамматикой и баснями Эзопа, онъ уже наслаждался величавымъ теченіемъ и благозвучіемъ латинскихъ фразъ. Чѣмъ больше научался онъ ихъ понимать, тѣмъ болѣе казалось ему, что языкъ Цицерона превосходитъ все остальное [1]). Слухъ его, чутье звука и ритма—вотъ тѣ средства, съ

въ приведенныхъ Мегусомъ стихахъ называетъ себя terrigena Prati, и городъ Прато проситъ за него въ слѣдующихъ словахъ: Supplico p r o n a t o, qui regia carmina cudit etc. Мѣстомъ смерти Конвеневоле было также Прато, такъ какъ тамъ сограждане удостоили его торжественныхъ похоронъ и лавроваго вѣнка и просили Петрарку написать эпитафію. Что же касается до того, что воспоминанія старика Петрарки хронологически неясны и что онъ не зналъ этого стихотворенія, то это не должно казаться страннымъ. Едвали однако тогда былъ другой латинскій поэтъ, который родился бы и умеръ въ Прато. Мнѣ кажется, что за этого учителя говоритъ и сходство его главныхъ мыслей съ петрарковскими.

[1]) Sola me verborum dulcedo quaedam et sonoritas detinebat, ut quicquid aliud vel legerem vel audirem, raucum mihi longeque disson[illegible]etur.

помощью которыхъ онъ впервые научился воспринимать и притомъ весьма своеобразно. Это-то именно и развило въ немъ способность понимать изящество формъ, утраченную въ средніе вѣка. Стихъ и благозвучіе какъ будто родились съ нимъ [1]). Лютня и пѣсня были отрадою всей его жизни. Онъ даже въ завѣщаніи сдѣлалъ распоряженіе насчетъ первой. Вѣроятно, подъ ея звуки онъ пѣлъ свои сонеты. Точно такъ же и пѣніе птицъ, сообщаетъ Боккачіо, всегда доставляло ему наслажденіе [2]). Имя свое Петракко онъ измѣнилъ на мягче звучащее Петрарка. Голосъ его, по отзыву Филиппо Виллани, былъ такъ звученъ и пріятенъ, что нельзя было оторваться слушая его. И въ этой сферѣ замѣтна связь между тѣмъ, къ чему стремился Петрарка въ латинскомъ языкѣ и къ чему въ тосканскомъ. Рифмованные латинскіе гекзаметры, писанные имъ въ лѣта ранней юности, конечно, подъ руководствомъ стараго Конвеневоле, можно считать переходнымъ звеномъ.

Эта страсть къ музыкальности въ латинскомъ языкѣ и въ античныхъ стихахъ развилась еще сильнѣе подъ внѣшнимъ давленіемъ. Отецъ Петрарки предназначалъ сына къ занятію выгодною наукою, правомъ, и весьма строго держалъ его семь лѣтъ въ университетахъ въ Монпельѣ и Болоньѣ. Сочиненія Цицерона и стихи римскихъ поэтовъ стали теперь для него запрещеннымъ плодомъ, за наслажденіе которымъ его часто бранили, такъ что онъ долженъ былъ съ нимъ прятаться изъ страха отцовскаго гнѣва. Однако, когда разъ произошла сцена между ними, то отецъ вытащилъ изъ укромнаго мѣстечка въ постели и подъ постелью всѣ книги, отвлекавшія идеальнаго юношу отъ занятія юриспруденціей, и бросилъ ихъ въ огонь на глазахъ сына. Но когда онъ увидѣлъ, какъ горько плачетъ Франческо и стоитъ подобно еретику, тоже обреченному на сожженіе, то пощадилъ Виргилія и одно реторическое сочиненіе Цицерона. «Возьми перваго, сказалъ онъ улыбаясь, для развлеченія въ рѣдкія минуты, а втораго въ пособіе твоимъ юридическимъ занятіямъ!» Но къ чему это повело? Геній все таки проложилъ себѣ свой собственный путь, бросилъ гражданское право и на широко распущенныхъ крыльяхъ воспарилъ на

---

1) Онъ самъ говоритъ вмѣстѣ съ Овидіемъ:

Sponte sua carmen numeros veniebat ad ptos.
Quicquid tentabam dicere, versus erat.

2) Joh. Bochacii de vita et moribus Franc. Petrarchae y Rossetti Petrarca p. 323: Jn musicalibus vero, prout in fidicinis, et cantilenis, et nondum (solum) hominum tantum sed etiam avium, delectatus ita ut ipsemet se bene gerat et gesserat in utrisque.

вершины Парнаса [1]). Виргилій и Цицеронъ—это именно тѣ два свѣточа, которые впервые засіяли изъ мрака древности. Исходя отъ нихъ, Петрарка открылъ новый міръ, полный красоты и дивной мудрости. Для него оба они—отцы римскаго краснорѣчія, очи латинскаго языка [2]). Виргилія уважали всѣ средніе вѣка, но то какъ какого-то зловѣщаго предсказателя и чернокнижника, къ которому можно прибѣгать въ случаѣ чародѣйства и мимо могилы котораго на Поптанской дорогѣ тамошній житель проходилъ съ нѣкоторымъ ужасомъ, то какъ полусвятаго. Одинъ ученый, именно Іоаннъ Салисбѣрійскій, приписывалъ ему божеское глубокомысліе на томъ основаніи, будто онъ подъ покровомъ басни проповѣдуетъ философскія истины [3]). Дантъ питалъ къ нему мистическое благоговѣніе. И Петрарка никогда не могъ вполнѣ освободиться отъ подобнаго воззрѣнія, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ видѣлъ въ Виргиліи пѣвца, плодовитаго на вымыслы, изящнаго по формѣ и сладкозвучнаго и презрительно отзывался о кардиналѣ Альберти, будущемъ папѣ Иннокентіи VI, который называлъ Петрарку волхвомъ и некромантомъ за то, что послѣдній изучалъ его [4]). Въ юности Петрарка собственноручно списалъ поэму Виргилія вмѣстѣ съ комментаріями Сервія. Эта книга, какъ самая дорогая его сердцу, была неразлучною спутницею его жизни кромѣ тѣхъ десяти лѣтъ, когда у него ее украли, —конечно, та самая книга, которую онъ слезами спасъ отъ сожженія. Петрарка отмѣтилъ въ ней дни, когда она была украдена и вновь найдена, дни смерти своего сына, своего Сократа и другихъ друзей, также Лауры. Уже въ старости онъ дѣлалъ въ ней дополненія къ Сервію или опровергалъ его [5]). Самому Виргилію онъ не рѣшался сдѣлать ни малѣйшаго упрека; это былъ избранный святой.

Имя Цицерона и прежде пользовалось уваженіемъ, но Петрарка имѣлъ полное право сказать, что до него изучались лишь весьма немногія его произведенія, и онъ первый собственно заставилъ поклоняться ему. То, что другіе высказываютъ сухо и прозаично, Цицеронъ выразилъ въ остроумной и блестящей формѣ. Съ поль-

---

1) Petrarca epist. rer. senil. XV, 1.

2) Petrarca Rer. memorand. Lib. II. (Opp. p. 461); Torinfo della Fama cpt. III, 16 e. seg.

3) Schaarschmidt стр. 97.

4) Petrarca epist. rer. famil. XI, 5. XIII, 6; senil. I, 3.

5) Первое свидѣтельство въ пользу амвросіановскаго Виргилія—это письмо Дечембріо къ Казелли отъ 1468 года у Saxius p. 294. 377 и Baldelli Petrarca p. 178 seq. Въ надписи Петрарки вмѣсто in вѣроятно должно читать III.

зою у него соединяется наслажденіе, а съ достоинствами содержанія блескъ и благородство выраженія [1]). Онъ лучезарное свѣтило краснорѣчія, передъ которымъ меркнутъ даже Саллюстій, Ливій и Сенека. «О, первый творецъ римскаго краснорѣчія!» восклицаетъ Петрарка, «не только я одинъ, но мы всѣ благодаримъ тебя, украшая себя цвѣтами латинской рѣчи. Вѣдь изъ твоего источника орошаемъ мы поля наши. Намъ пріятно сознаться, что мы, руководимые тобою, твоими указаніями наставленные на путь истинный, твоимъ свѣтомъ озаряемые, подъ твоимъ же покровительствомъ дошли до нашего искусства въ письменной рѣчи, какъ бы оно ни было скромно» [2]).

Конечно, Петрарка дозволялъ себѣ слегка осуждать Цицерона, какъ человѣка и политическаго дѣятеля, такъ какъ и блаженный Августинъ въ своемъ «Градѣ Божіемъ» не все то одобрялъ, что было сказано Цицерономъ. Тѣмъ не менѣе такіе мужи, какъ Цицеронъ и Сенека, для него были «почти равны божествамъ» [3]). И это воззрѣніе, сложившееся у Петрарки еще въ ранней юности, онъ сохранилъ и въ старости. Когда онъ въ «Торжествѣ славы» вывелъ рядъ древнихъ героевъ, шествующихъ въ свитѣ богини славы, то Мантуанецъ шелъ, какъ равноправный, рядомъ съ Гомеромъ, а за нимъ слѣдовалъ Маркъ Туллій, подъ ногами котораго зеленѣла трава, знаменующая собою цвѣты и плоды краснорѣчія.

Положеніе дѣлъ было таково, что прежде всего надобно было возстановить достоинство поэзіи и уяснить понятіе о ней. Голословно утверждали, что поэтъ дѣлаетъ своимъ призваніемъ ложь, а античные поэты кромѣ того вовлекаютъ въ нескромности, въ гнусные пороки и въ язычество. Нѣкоторые въ этомъ случаѣ не дѣлали исключенія и для Виргилія. Еще въ юности Петрарка счелъ необходимымъ писать въ защиту поэзіи противъ такихъ хулителей и спасать честь Виргилія [4]). Съ такимъ же жаромъ онъ защищалъ ихъ уже въ старости отъ нападокъ людей, не могшихъ простить римскимъ поэтамъ ихъ непристойности. Строгимъ богословамъ онъ ставитъ на видъ, что блаженный Іеронимъ, Августинъ и Лактанцій тоже занимались краснорѣчіемъ, поэзіею, философіею и исторіею и безъ этихъ занятій едва ли могли бы такъ побѣдоносно бороться съ еретиками, и что поэзія устами добродѣтельнаго

---

[1]) Petrarca de vita solitaria Lib. II. Sect. VIII cp. 2; cf. Praefat. in Epistt. famil ed. Fracassetti vol. I. p. 16. 21 seq.

[2]) Письмо къ Цицерону отъ 19 дек. 1345 года въ Epist. rer. famil. XXIV, 4.

[3]) Petrarca epist. rer. famil. XXIV, 2. var. 33.

[4]) Epist. rer. senil. IV, 4.

и благочестиваго пѣвца можетъ и должна возвѣщать славу Христа и истинной религіи [1]). Онъ напоминаетъ о притчахъ Спасителя въ Евангеліяхъ, которыя, по его мнѣнію, не что иное, какъ аллегорическая форма, свойственная поэзіи. Онъ готовъ даже утверждать, что богословіе вообще есть поэзія, воспѣвающая Бога [2]). Какъ часто Петрарка вновь принимался за эту борьбу въ защиту поэзіи отъ ея враговъ и хулителей! Это была одна изъ любимыхъ его задачъ, тѣмъ болѣе, что вмѣстѣ съ поэзіею онъ ратовалъ и за свое собственное призваніе и за свою славу. Цѣлое столѣтіе его поклонники продолжали эту борьбу, препираясь постоянно съ тѣми же врагами и большею частію тѣмъ же самымъ оружіемъ сначала въ Италіи, а потомъ еще дольше въ Германіи, Англіи, Франціи и Испаніи. Церковь и схоластика всюду съ ожесточеніемъ и ненавистью нападали на этого новаго пришельца, но въ концѣ концовъ все таки должны были примириться съ нимъ.

Петрарка съ благородною гордостью называлъ себя поэтомъ, poeta; онъ проводилъ рѣзкую раздѣльную черту между серьезною поэзіею и стихами. Первая не могла обойтись безъ латинскаго языка и безъ античной формы, и даже въ содержаніе ея входило столько древнихъ элементовъ, сколько было можно — подражанія древнимъ римскимъ поэтамъ и нѣкоторые мотивы ихъ произведеній. Чтобы писать подобныя произведенія, слѣдовало много учиться. Стихи же не что иное какъ искусная игра словами, образами и чувствами. Стихи Петрарки никогда не теряли своей прелести, и спустя цѣлые вѣка тысячи людей внимали имъ съ восторгомъ, а его такъ называемыя строго-поэтическія произведенія перелистываетъ по временамъ лишь ученый—и то не ради наслажденія, которое онъ можетъ легче и прямѣе почерпнуть въ самомъ источникѣ древности, но ради разбросанныхъ въ нихъ извѣстій и чтобы составить себѣ опредѣленное понятіе, которое, конечно, было бы мало назидательно для поэта. Его поэтическій геній слабо проявляется тамъ, гдѣ онъ слѣдуетъ своему идеалу, Виргилію, именно въ буколикахъ и эпическихъ поэмахъ. Поэтическій талантъ просвѣчиваетъ лишь въ нѣкоторыхъ посланіяхъ, гдѣ онъ изображаетъ себя самого и пережитыя имъ душевныя волненія, гдѣ и въ латинскихъ гекзаметрахъ слышится тонъ и одушевленіе творца канцонъ, вообще преобладаетъ лирическій элементъ [3]). Но поэтическія произведенія въ то

---

1) Epist. rer. senil. I, 4; XIV, 11.

2) Theologiam poeticam esse de deo. Epist. rer. famil. X, 5. писанное къ его брату, картезіанскому монаху въ Монтріе.

3) Такъ прежде всего въ epist. metr. I, 7, въ стихотвореніи de statu suo, за которое онъ самъ расточаетъ себѣ такую хвалу въ Dialogus III. de contemptu mundi.

время имѣли новое достоинство; это былъ мостъ, ведшій къ величественнымъ созданіямъ древней поэзіи. Да и сами по себѣ это были такія произведенія, въ которыхъ Петрарка былъ единственный поэтъ; ими онъ и заслужилъ лавровый вѣнокъ, украсившій его въ Капитоліи. Самъ онъ часто и довольно торжественно говорилъ о томъ почетѣ, которымъ міръ обязанъ поэту. Поэты блистаютъ славою, своимъ именемъ, безсмертіемъ; всего этого они достигаютъ не для однихъ себя, но и для другихъ, такъ какъ преимущественно ихъ призваніе—спасать людей отъ забвенія [1]).

Петрарка требуетъ высокаго положенія для поэта. Но замѣчательно, что при этомъ онъ остался вѣренъ тому узкому пониманію поэзіи, какое сложилось въ прошлые вѣка благодаря культу Виргилія въ связи съ христіанскимъ мистицизмомъ. И онъ видитъ сущность поэзіи въ аллегоріи, а ея конечную цѣль въ назиданіи. Такое воззрѣніе усвоили себѣ уже послѣдователи древнихъ римскихъ поэтовъ, и оно часто встрѣчается у поэтовъ христіанскихъ начиная съ Пруденція [2]), потомъ проходитъ ичрезъ всѣ средніе вѣка. Но въ Италіи, по видимому, примѣненіе аллегоріи въ широкихъ размѣрахъ первый ввелъ Брунетто Латини. Дантъ считаетъ ее душою поэзіи [3]). Но лишь глубокомысленные умы находили прелесть въ таинственности. А такіе люди, какъ Муссато и Феррето изъ Виченцы, были чужды ея: первый находитъ поэзію въ красотѣ выраженій, въ классическихъ и миѳологическихъ прикрасахъ, Феррето же въ изысканности рѣчи и въ благозвучіи стиха [4]). А для Петрарки таинственные поэтическіе покровы были не простою только формою, а истинною потребностью. Извѣстно, что и другіе поэты признавали необходимымъ условіемъ своего икусства таинственность, и въ этомъ кроется особенное чувство, свойственное поэту, чувство стыда — выступить открыто съ тѣмъ, что волнуетъ сердце. Поэтому самой удобной формой для Петрарки была эклога; этою невинною и въ то же время заманчивою формою онъ не только прикрывалъ свои нападки на авиньонскихъ папъ и свои политическія мнѣнія, но и субъективныя чувства. И въ другихъ произведеніяхъ, какъ поэтическихъ, такъ и прозаическихъ,

---

1) Lib. I. Invectivarum contra medicum (Opp. p. 1205).

2) Cp. Ebert Geschichte der christlich-lateinischen Literatur, Leipzig 1874, стр. 277 и др.

3) Яснѣе всего высказываетъ онъ это въ Inferno c. IX.

Mirate la dottrina che s'asconde
Sotto 'l velame degli versi strani.

4) Феррето пространно излагаетъ это въ своей Historia у Muratori Script. T. IX p. 1018.

его личность является какъ бы въ полусвѣтѣ; онъ любилъ избирать самого себя предметомъ загадки, говорить въ темныхъ образахъ о пережитомъ, или объ условіяхъ своей настоящей жизни, также о другихъ лицахъ, почти никогда не называя именъ.

Поэтому для насъ вовсе не странно, что поэзія и аллегорическіе покровы почти тождественны для Петрарки и въ теоріи. Тѣхъ, для кого остается недоступнымъ таинственный аллегорическій смыслъ въ поэтическихъ произведеніяхъ, онъ называетъ ремесленниками. Этотъ смыслъ онъ находитъ всюду, а особенно у Виргилія и въ Св. *Писаніи.* «Поэтъ старается скрыть истину подъ изящнымъ покровомъ, такъ что она остается темною для необразованной массы; конечно, трудно найти ее и мыслящему и ученому читателю, но тѣмъ отраднѣе, если онъ ее откроетъ» [1]). Это открытіе было, разумѣется, довольно трудно, и самъ Петрарка не разъ говорилъ, что считаетъ невозможнымъ вполнѣ понять смыслъ его эклогъ, если самъ поэтъ не объяснитъ ихъ. Онъ поразилъ своего брата Джерардо разоблаченіемъ, что въ первой эклогѣ его буколикъ, гдѣ бесѣдуютъ пастухи Сильвій и Моникъ, рѣчь идетъ о нихъ обоихъ. Поэтъ называетъ себя Сильвіемъ потому, что всегда ненавидѣлъ города и любилъ лѣсъ. Такимъ образомъ, чтобы братъ не трудился понапрасну, онъ открываетъ ему таинственный смыслъ нѣкоторыхъ мѣстъ и выраженій; даже слово inde (оттуда)—и то не лишено таинственнаго значенія. И трибуну Колѣ ди Ріэнцо Петрарка разъяснялъ смыслъ 5-й эклоги, посвященной ему, подъ заглавіемъ Pietas *pastoralis. Насколько* такія разъясненія были необходимы, показываютъ совершенно ложныя толкованія, которыми старались освѣтить эти стихотворенія Бенвенуто да Имола и Донато дельи Альбанцани, хотя оба они были когда-то друзьями Петрарки [2]). Слѣдовательно,

---

[1]) Ibid. Подобное же мы находимъ и въ „Привилегіи поэта", сочиненной, вѣроятно, Петраркою же, отъ 7-го апр. 1341-го года (Opp. p. 1754). Virtutem rei sub amoenis coloribus absonditam—altisonis celebratam carminibus et dulcis eloquii suavitate respergat, quae sit quaesitu difficilior magis atque inventa dulcescat.

И въ Африкѣ IX, 100 ed Corradini:
—Sub ignoto tamen ut celentur amictu.
Nuda alibi et tenui frustrentur lumina velo,
Interdumque palam veniant fugiantque vicissim.

[2]) Petrarca epist. rer. famil. X. 4 u epist. var. 42 ed Fracasseti. Въ первомъ письмѣ говорится: qnoniam id genus est, quod nisi ex ipso qui condidit auditum, intelligi non possit. Совершенно то же находимъ и въ другомъ письмѣ. Напечатанныя Гортисомъ argumenta ко всѣмъ эклогамъ въ Scritti ined. di Petrarca p. 359 e seg., я считаю скорѣе за произведеніе Альбанцани. Если бы Петрарка дѣйствительно написалъ ихъ, какъ этого желалъ Ольмюцскій епископъ, то объ этомъ зналъ бы и Боккачіо.

эта поэзія предлагала міру неразрѣшимыя загадки и щеголяла этою таинственностью. Относительно другихъ эклогъ мы слышимъ отъ Боккачіо, что въ нихъ поэтъ подъ формою пастушескихъ разговоровъ воспѣвалъ хвалу истинному Богу и св. Троицѣ, а также выражалъ и Божій гнѣвъ за дурное управленіе кораблемъ св. Петра [1]). Теперь мы довольно легко понимаемъ намеки на Авиньонъ, на его папъ и кардиналовъ, аллегорическое значеніе пастуха и стада и т. п. Слѣдовательно, эти тайны не что иное, какъ тѣ самыя мысли, которыя Петрарка несчетное число разъ выражалъ яснымъ, простымъ языкомъ. Но если мы захотимъ приложить это мѣрило къ его Африкѣ, то должны будетъ сознаться въ нашемъ полномъ непониманіи ея. Гораздо легче открыть эту символику въ Rime Петрарки, и еще одинъ изъ друзей его высказалъ такое мнѣніе, что подъ воспѣваемой въ нихъ Лаурою слѣдуетъ разумѣть лавръ, а подъ нимъ стремленіе къ славѣ поэта. Касательно «Торжествъ» извѣстно, что Петраркѣ пожелалось наполнить ихъ таинственными намеками. Только здѣсь намеки эти не такъ символичны, какъ у Данта, съ которымъ онъ, быть можетъ, хотѣлъ соперничать. Это скорѣе загадки, которыя безъ труда можно разгадать съ помощью классической учености и нѣкотораго остроумія.

«Поэты,» говоритъ въ одномъ мѣстѣ Петрарка, «стали уже рѣдки, но еще рѣже ораторы» [2]). Подъ краснорѣчіемъ онъ разумѣетъ не столько искусство дѣйствовать на форумѣ устнымъ словомъ, сколько вообще способность придавать своимъ мыслямъ бо́льшую силу и увлекательность искусственною формою, слѣдовательно—краснорѣчіе въ обширномъ смыслѣ. По его мнѣнію, его трактаты и письма имѣютъ такое же право на безсмертіе, какъ и поэмы, и прозою онъ заслужилъ тоже лавровый вѣнокъ. Дѣйствительно, Петрарка перенесъ это краснорѣчіе изъ древняго міра въ современную ему эпоху и сдѣлался отцемъ его въ новомъ мірѣ.

Находили весьма забавными и то самодовольство, съ какимъ Петрарка обыкновенно говоритъ о своемъ слогѣ, и похвалы, расточавшіяся ему друзьями по этому поводу; находили, что недостаточно оцѣнены заслуги позднѣйшаго времени. Нападали на латынь Петрарки, доказывая, что въ ней еще много грамматическихъ ошибокъ и варваризмовъ, построеніе предложеній часто темно и неуклюже, а самая рѣчь то испещрена архаизмами, то лишена изящества, трактаты

[1]) De Genealogia Deorum XIV, 10. 22 и Comento sopra la Commedia di Dante cap. I (Opere vol. V, p. 35).

[2]) De remedio utriusque fortunae Lib. II. dial. 102: insignis poëtarum, maior oratorum raritas.

его переполнены общими мѣстами, заимствованными у классиковъ, письма многорѣчивы и растянуты. Наконецъ, тоже изъ сожалѣнія и желанія спасти прославленное имя, сваливали всю вину на общее отсутствіе вкуса и варварство той эпохи и лишь по добродушію оставили за Петраркою малую долю той славы, какую признавали за нимъ его послѣдователи. Такія сужденія мы встрѣчаемъ уже въ началѣ XV в., съ тѣхъ поръ какъ начала пріобрѣтать господство чисто Цицероновская рѣчь [1]).

Но если мы будемъ искать въ слогѣ отраженія личности и измѣрять его достоинства не эстетическимъ наслажденіемъ, доставляемымъ намъ, а тѣмъ впечатлѣніемъ, какое онъ, а благодаря ему и самая личность автора производили даже на послѣдующія поколѣнія, то въ этомъ случаѣ Петрарка—первый писатель новаго времени, владѣвшій вообще слогомъ. Онъ писалъ такъ же свободно, какъ говоритъ, разсказываетъ и бесѣдуетъ человѣкъ энергичный и возбужденный. Человѣкъ съ схоластическимъ направленіемъ, хорошо обученный и дисциплинированный, идетъ по указкѣ логики. Но Петрарка отбросилъ эту указку, и слово у него стало опять непосредственнымъ выраженіемъ мысли и чувства. Онъ хочетъ излагать свои мысли свободно и быть не только полезнымъ своему вѣку и поучать другихъ, но писать для того, чтобъ облегчить свой умъ отъ полноты мыслей, которыя просятся на бумагу. Онъ не хочетъ быть прежде всего человѣкомъ, а потомъ писателемъ; напротивъ, для него писательство и жизнь тождественны [2]). Всѣ его сочиненія, а въ особенности письма прежде всего имѣли значеніе и были полезны для него самаго. То, что называли растянутостью и многорѣчіемъ, есть напротивъ веселая говорливость ребенка, который наслаждается только умѣньемъ говорить, стоившимъ такого труда; его какъ бы инстинктивная сила влечетъ къ постоянному упражненію въ немъ. Его заставляетъ высказаться обиліе новыхъ воззрѣній и свѣдѣній въ связи съ радостнымъ сознаніемъ, что ему такъ легко выражаться. Тутъ получаетъ свое право каждая мысль, т. е. случайная операція ума, которую отвергъ бы схоластическій догматизмъ. Когда Петрарка хочетъ разсказать кардиналу Колоннѣ, съ какими мыслями онъ ходилъ по Риму, то при

---

[1]) Мы еще упомянемъ объ нѣкоторыхъ еще болѣе раннихъ сужденіяхъ подобнаго рода въ третьей книгѣ. Они повторяются въ такой же формѣ и въ новѣйшихъ исторіяхъ литературы. Ср. напр. Tiraboschi T. V. p. 820, гдѣ противовѣсомъ должны служить нужныя для знанія того времени infinite notizie и чистосердечіе Петрарки!

[2]) Epist. de reb. famil. VI. 4. Praefat. in epistt. famil. p. 25: Scribendi enim mihi vivendique unus finis erit.

словѣ «ходить» ему приходитъ на умъ школа перипатетиковъ. И онъ не можетъ при этомъ случаѣ не высказать своего мнѣнія о разныхъ философскихъ школахъ древности и ихъ отношеніи къ христіанскому ученію, а затѣмъ вдругъ прерываетъ себя и разсказываетъ о римскихъ древностяхъ [1]). Именно такой живой умъ и нуженъ былъ для того, чтобы покончить съ сухими пріемами схоластики. Противопоставить ей свободную личность—таково было призваніе Петрарки, какъ писателя, и самый благотворный плодъ его классическихъ изученій.

И это не наша мысль: Петрарка самъ вполнѣ сознаетъ это. Когда отъ него тономъ упрека требовали, чтобы онъ писалъ ясно, вразумительно для всѣхъ, то онъ гордо отвергалъ это требованіе. Такая пошлость, по его мнѣнію, быть можетъ, хороша для законника, а онъ съ своей стороны считаетъ жалкимъ то, что понимается безъ умственнаго напряженія. Пусть лучше толпа не понимаетъ его, чѣмъ хвалитъ [2]). Глубокая мысль должна имѣть право —явиться въ соотвѣтствующей ей формѣ. Какъ много ни читалъ Петрарка Ливія и Цицерона, какъ ни усвоилъ ихъ памятью и умомъ, однако желаетъ писать лучше своимъ слогомъ, хотя не столь обработаннымъ, чѣмъ прибѣгать къ заимствованному. Каждый, по его мнѣнію, долженъ самъ себѣ вырабатывать слогъ, и онъ долженъ быть такою же естественною и оригинальною его принадлежностью, какъ черты лица, осанка, тѣлодвиженія, голосъ и рѣчь [3]).

При такомъ возвышенномъ стремленіи, которое понималось его современниками, хотя, конечно, не было сознательно выражено, хорошая латинская, или Цицероновская рѣчь играетъ незначительную роль. Уже одно это стремленіе Петрарки составило бы эпоху, будь его латынь даже вдесятеро хуже. Однако онъ заботился и о болѣе чистомъ и благородномъ языкѣ, и хотя другіе значительно опередили его въ этомъ отношеніи, все-таки и онъ достигъ удивительныхъ успѣховъ. Только его латынь слѣдуетъ сравнивать не съ латынью Полиціана, Бембо или Мурета, а съ монашескою преж-

---

1) Epist. de reb. famil. VI, 2.

2) Epist. rer. famil. XIV, 2, куда относится и письмо XIV, 1.

3) Epist. rer. famil. XXII, 2. Боккачіо: Suus (stilus) cuique formandus servandusque est.... Et est sane uique naturaliter ut in vultu et gestu, sic in voce et sermone quiddam suum ac proprium, quod colere et castigare quam mutare cum facilius tum melius atque felicius sit.... Sum qui aliorum scriptis non furtim sed precario uti velim in tempore sed dum liceat, meis malim. Нѣкоторое пониманіе возвышенности такого взгляда обнаруживаетъ въ 15-мъ вѣкѣ только Paulus Cortesius de hom. doct. ed. Galletti p. 224, когда послѣ разныхъ критическихъ замѣчаній о стилѣ Петрарки прибавляетъ: quamquam omnia eius, nescio quo pacto, sic inornata delectant.

нихъ временъ. Послѣднюю самъ Петрарка при случаѣ сравниваетъ съ хилымъ деревомъ, которое не зеленѣетъ и не приноситъ плодовъ [1]). Примите во вниманіе, что онъ учился древнему языку собственно безъ грамматической основы—элементарную грамматику такъ нельзя назвать,—что онъ лишь мало по малу пріобрѣталъ разныхъ древнихъ писателей и лучшія рукописи, что онъ желалъ научиться только древнему языку, а не языку золотаго вѣка. Притомъ его сочиненія дошли въ такомъ искаженномъ видѣ, что нельзя сразу отличить его собственныхъ промаховъ отъ позднѣйшихъ ошибокъ переписчиковъ и наборщиковъ. И если онъ испещрялъ поля своихъ рукописей и самый текстъ поправками, то это — уже само по себѣ знаменательное явленіе, къ какимъ бы результатамъ оно ни привело.

Однимъ изъ первыхъ впечатлѣній Петрарки было наслажденіе, доставляемое сладкозвучіемъ виргиліевскихъ стиховъ и Цицероновской рѣчи. Красота ритмическихъ формъ и мелодичность классической латыни очаровывали его тѣмъ болѣе, чѣмъ внимательнѣе прислушивалось къ нимъ его ухо и чѣмъ усерднѣе старался онъ подражать имъ. Уже это первое соприкосновеніе съ древностью подѣйствовало такъ сильно, что восторгъ совершенно оковалъ его; словно какая-то духовная сила влекла его все далѣе и далѣе, до тѣхъ поръ, пока онъ не вступилъ вполнѣ съ своими возвышеннѣйшими чувствами и стремленіями въ этотъ новый міръ и, влекомый *сотнями чаръ* въ его область, не сдѣлался мечтательнымъ поклонникомъ его величія. Читая своего Ливія, поэтъ мысленно жилъ въ общеніи съ Фабіями, Метеллами и Сципіонами, забывалъ тѣ бѣдственныя времена, въ которыя какая-то злополучная звѣзда перенесла его рожденіе [2]). Онъ былъ убѣжденъ, что и до пришествія Христа было множество людей, выдающихся своимъ умомъ и добродѣтелями, но что умъ и добродѣтель выродились въ его время. Это явленіе было для него безспорно; онъ думалъ только о томъ, какъ его объяснить [3]). То, что онъ воспринялъ отъ древнихъ, въ его глазахъ было, по крайней мѣрѣ, одинаковаго достоинства съ тѣмъ, что самостоятельно создавалъ его умъ; онъ даже часто не могъ отдѣлить одно отъ другаго [4]). Петрарка чувствовалъ, что всѣмъ тѣмъ, чѣмъ онъ

---

[1]) C. E. Chr. Schneider составилъ Lexicon Petrarchicum, вмѣстѣ съ тѣмъ и перечень стилистическихъ ошибокъ; см. въ его изданіи Franc. Petrarchae Historia Julii Caesaris. Lips., 1827. Prooem. p. XXXXII. sq.

[2]) Epist. rer. famil. XXIV, 8, обращенное къ Т. Ливію.

[3]) Epist. rer. famil. XVI, 4.

[4]) Epist. rer. famil. VI, 2 p. 315: Testatus sum tamen, me nihil novum, nihil fere meum dicere, immo vero nihil alienum; omnia enim, undecunque didicimus, nostra sunt nisi forsan abstulerit ea nobis oblivio. Подобное этому находимъ и въ письмѣ XXII, 2.

сталъ, онъ обязанъ древности, и легко смѣшивалъ такимъ образомъ величіе древности съ своимъ высокимъ мнѣніемъ о самомъ себѣ. Онъ долженъ былъ бы сдѣлаться мечтателемъ, или безумцемъ, если бы его не освѣжало это сильное сознаніе самого себя и не поддержало его связи съ современниками. Такимъ образомъ съ одушевленіемъ, но въ то же время и съ разумною энергіею повелъ онъ дѣло, которое казалось ему достойнѣйшей задачей его жизни, именно возрожденіе умершей и похороненной древности.

Подъ небомъ Прованса, гдѣ пробудился геній Петрарки, книги были единственными памятниками, живо напоминавшими древній Римъ. Онъ видѣлъ, что если только въ скоромъ времени не явятся спасители, то сочиненіямъ древнихъ, покрытымъ пылью и плѣсенью, а частью уже потеряннымъ, предстоитъ неизбѣжная гибель. Это стремленіе спасать вмѣстѣ съ желаніемъ обладать сначала естественно обратилось на сочиненія Цицерона, болѣе другихъ писателей преданнаго забвенію. Іоаннъ Салисбёрійскій, до Петрарки, безъ сомнѣнія, писатель въ средніе вѣка самый начитанный въ твореніяхъ древнихъ, зналъ, правда, значительную часть философскихъ произведеній Цицерона, немногія изъ его реторическихъ сочиненій, а изъ писемъ только собраніе ad familiares; что же касается до рѣчей Цицерона, то, повидимому, онъ не зналъ ихъ вовсе [1]). Какъ кажется, Брунетто Латини перевелъ на народный языкъ нѣкоторыя рѣчи и часть такъ называемой Реторики къ Гереннію. — Дантъ былъ знакомъ только съ сочиненіемъ О высшемъ благѣ, О дружбѣ, О старости и Объ обязанностяхъ, зналъ также Парадоксы и Реторику [2]). И младшій современникъ Петрарки, Вальтеръ Борлей, хотя и въ состояніи былъ назвать значительное число произведеній Цицерона, но, очевидно, не видалъ многихъ изъ нихъ; знакомство его съ рѣчами крайне скудно, точно также нельзя вообще приписать ему знакомства съ письмами Цицерона [3]). Въ общемъ видно, что философскія творенія Цицерона еще пользовались нѣкоторымъ значеніемъ, источники же краснорѣчія были совершенно неизвѣстны. Именно Франція, гдѣ вліяніе парижскаго университета было самое непосредственное, кажется, была поразительно бѣдна рукописями и читателями классиковъ; это до-

---

1) Schaarschmidt стр. 87. 92.

2) Я заключаю это изъ того, что нашелъ упоминаніе только объ этихъ поэтическихъ и прозаическихъ сочиненіяхъ въ твореніяхъ Данта. Къ такимъ же результатамъ приходитъ и Schück Klassische Studien und Brunetto Latini въ Neuen Jahrbüchern f. Philol. und. Päd. 1865. II. Abth. S. 264.

3) Ср. Ciceronis Opp. rec. Orelli. Edit. alt. vol. III, Turici 1845, p. XI.

казываютъ средневѣковые каталоги ея библіотекъ. Въ библіотекахъ королей и другихъ владѣтельныхъ лицъ не встрѣчается и имени Цицерона. Изъ монастырей только въ немногихъ старинныхъ, какъ напримѣръ въ Корвейскомъ, сохранилось небольшое число его философскихъ и реторическихъ сочиненій, да и тѣ были словно похоронены тамъ [1]). Такимъ образомъ становится понятнымъ убѣжденіе Петрарки, что онъ, такъ сказать, вновь открылъ Цицерона.

Еще юношей, Петрарка усердно собиралъ его сочиненія, и поклоненіе этому римлянину усиливалось въ немъ болѣе и болѣе по мѣрѣ того, какъ онъ читалъ или слышалъ объ нихъ. Какъ велика была, напримѣръ, его радость, когда онъ узналъ, что Квинтиліанъ ставилъ Цицерона гораздо выше Сенеки! Всякое указаніе другихъ писателей на тѣ книги Цицерона, которыхъ у него еще не было, служило для него сильнымъ побужденіемъ искать ихъ. Если онъ находился въ дорогѣ и замѣчалъ виднѣющійся вдали монастырь, то первой его мыслію было: кто знаетъ, можетъ быть, здѣсь можно найти то, чего я такъ добиваюсь! Приблизительно на 25-мъ году своей жизни пріѣхалъ онъ въ Люттихъ и, узнавъ, что тамъ есть много старинныхъ книгъ, тотчасъ же рѣшился тамъ остаться. Двѣ новыя рѣчи Цицерона были для него великой наградой: одну изъ нихъ списалъ онъ самъ, другую—его другъ, и обѣ были распространены имъ въ Италіи [2]). Какъ велика была опасность утраты, Петрарка наглядно доказывалъ тѣмъ, что ему большаго труда стоило *достать* въ такомъ промышленномъ и цвѣтущемъ городѣ *немного* чернилъ, да и тѣ были скорѣе шафраннаго, чѣмъ чернаго цвѣта [3]). Своихъ друзей и поклонниковъ неустанно побуждалъ онъ рыться въ старыхъ монастыряхъ и разспрашивать ученыхъ людей. Въ Римъ, Тоскану, во Францію, Испанію, Германію и Британію разсылалъ онъ просьбы и напоминанія, денежныя суммы, записки, на которыхъ обозначалъ, какія сочиненія желательно ему имѣть болѣе всего. Даже въ Грецію обращался онъ за сочиненіями Цицерона, но вмѣсто нихъ получилъ греческаго Гомера. Часто не имѣлъ онъ и малѣйшей надежды достать желаемое и хотѣлъ своими подстрекательствами только побудить къ розыскамъ; часто также получалъ онъ послѣ нетерпѣливаго ожиданія только тѣ сочиненія, которыя уже были у него въ нѣсколькихъ экземплярахъ [4]). Почти

---

[1]) Deschamps p. 25. 29. 38.

[2]) Вѣроятно онъ имѣетъ это въ виду, когда упоминаетъ въ epist. famil. XIII, 6 p. 238, что изъ своего путешествія по Германіи онъ привезъ рѣчь Цицерона за Архія.

[3]) Epist. rer. senil. XV. 1.

[4]) Epist. rer. famil. III, 18. XVIII, 13. 14. senil. III, 9. XV, 1. И тотъ сборникъ цицероновскихъ произведеній, который ему прислалъ Боккачіо, и который онъ пере-

изъ каждаго далекаго путешествія привозилъ онъ съ собою какое-нибудь сочиненіе Цицерона, до тѣхъ поръ ему еще неизвѣстное; другія сочиненія приходилось ему узнавать только по названію и оплакивать ихъ утрату [1]). На сочиненіе Цицерона О Республикѣ, послѣ долгихъ и напрасныхъ поисковъ, онъ потерялъ всякую надежду [2]). Петрарка не терялъ надежды найти сочиненія Объ утѣшеніи и О хвалѣ философіи. На послѣднее поэтъ нашелъ указаніе у Августина въ такой формѣ, которая его крайне взволновала: какъ важно должно быть его содержаніе, если этотъ уважаемый отецъ Церкви признавалъ, что оно не мало повліяло на его обращеніе и познаніе истины. Петрарка долгое время полагалъ, что имѣетъ въ рукахъ названное сочиненіе Цицерона, но никакъ не могъ понять, чтò бы могло въ немъ такъ привлечь Августина. Наконецъ, въ книгѣ Августина о Святой Троицѣ нашелъ онъ мѣсто, взятое изъ этого сочиненія, котораго не было въ лежащемъ передъ нимъ экземплярѣ. Онъ ясно увидѣлъ свою ошибку: въ заблужденіе его ввело ложное заглавіе книги; но что она была также написана Цицерономъ, въ этомъ не позволяло сомнѣваться ея чудное, неподражаемое краснорѣчіе. Позднѣе узналъ Петрарка изъ одного кодекса, полученнаго имъ въ подарокъ въ Неаполѣ, что то сочиненіе, которое онъ считалъ за хвалу философіи, есть не что иное какъ часть Академикъ, и въ сердцахъ за разочарованіе позволилъ себѣ довольно презрительный отзывъ объ этомъ послѣднемъ сочиненіи [3]).

Петрарка не могъ забыть потерю книгъ Цицерона О славѣ. Однажды онъ получилъ въ подарокъ томъ смѣшанныхъ сочиненій отъ Раймондо

писалъ собственноручно, кажется, содержалъ въ себѣ только извѣстное, хотя Петрарка (epist. rer. famil. XVIII, 4) и говоритъ изъ любезности объ opusculis eximiis prorsus et raris.

1) Rer memorand. Lib. I. (Opp. p. 447).

2) Никто уже не будетъ думать, что «Республика» была въ рукахъ Петрарки. Въ Apologia c. Gallum называетъ онъ ее только при перечисленіи всѣхъ сочиненій Цицерона вмѣстѣ съ такими, которыхъ онъ никогда не видалъ, точно такъ же какъ это дѣлаетъ и Борлей. Не смотря на это, еще Schio утверждалъ p. 74, что даже Лоски зналъ сочиненіе de republica и только въ XV-мъ столѣтіи оно снова исчезло. Въ заблужденіе вводили постоянно цитированныя мѣста изъ Лактанція и Августина.

3) Онъ называетъ его (epist. rer. senil. XV, 1) subtile opus magis quam necessarium aut utile. Hortis M. T. Cicerone p. 51 полагаетъ, что рукопись, введшая въ заблужденіе Петрарку, въ дѣйствительности составляя часть Академикъ подъ заглавіемъ de laude philosophiae; она указана въ инвентарѣ Bibliotecae Visc.Sforz.—Извѣстіе о цицероновскомъ сочиненіи de consolatione основано, безъ сомнѣнія, тоже на какомъ-нибудь обманчивомъ недоразумѣніи; можетъ быть, книга Боэція была переписана подъ именемъ Цицероновой. Если въ одномъ только Корвейскомъ монастырѣ были три рукописи этого трактата, то какъ могъ онъ погибнуть! См. Deschamps p. 38. 41. 103.

Сопранцо, у котораго было много книгъ, но послѣдній, какъ юристъ по профессіи, изъ классическихъ писателей любилъ только Ливія. Въ числѣ этихъ сочиненій были книги Цицерона *Объ ораторѣ* и *О законахъ* въ томъ жалкомъ видѣ, въ какомъ ихъ тогда вообще читали, и «двѣ превосходныя книги о славѣ» [1]). Этотъ томъ и другой, содержавшій въ себѣ тоже сочиненія Цицерона и доставшійся Петраркѣ по наслѣдству отъ отца, онъ далъ своему бывшему учителю, о которомъ мы разсказывали выше. Бѣдность вынудила послѣдняго на нечестный поступокъ: онъ заложилъ эти книги, на требованія Петрарки давалъ уклончивые отвѣты, но стыдился заставить его выкупить ихъ и вдругъ исчезъ изъ Авиньона въ то время, когда Петрарка жилъ у истоковъ Сорги. Наставникъ удалился на свою тосканскую родину, и о немъ больше ничего не слышно. Данныя ему книги пропали, не смотря на всѣ розыски, а книги *О славѣ* — навсегда. Петрарка былъ убѣжденъ, что онѣ были у него. Однако мы не можемъ воздержаться отъ той мысли, что и здѣсь невѣрное заглавіе ввело его въ заблужденіе. Впослѣдствіи Петрарка уже не могъ припомнить содержанія этого сочиненія, — доказательство, что онъ никогда не былъ коротко знакомъ съ нимъ. О существованіи книгъ de gloria онъ могъ знать изъ сильно распространеннаго сочиненія *Объ обязанностяхъ*. А какъ легко видѣть людямъ привидѣніе, если они убѣждены въ его существованіи! Если бы Петрарка основательнѣе разслѣдовалъ дѣло, кто знаетъ, *быть можетъ*, книги о славѣ оказались бы нѣкоторыми отдѣлами Тускуланскихъ бесѣдъ [2]). Произвольное заглавіе, данное переписчиками на основаніи какой нибудь части сочиненія, показавшейся имъ болѣе важною, не разъ вводило читателей въ заблужденіе [3]).

---

[1]) Совершенно неосновательно извѣстіе Манетти, писавшаго жизнь Петрарки въ половинѣ XV-го вѣка (ed. Galletti. p. 87), что Петрарка нашелъ эти книги «о славѣ» in extremo fere Germaniae angulo abstrusos, и что послѣ смерти Петрарки онѣ были вновь утрачены.

[2]) Напр. Tuscul. Lib, I III, 2. V. 15 etc.

[3]) Petrarca epist. rer. senil. XV, 1. cf. epist. rer. famil. XXV, 4, p. 267 Должно замѣтить, что у Петрарки постоянно идетъ рѣчь о какомъ-то воспоминаніи изъ прежнихъ лѣтъ, приблизительно отъ 1331-го года, когда онъ писалъ epist. rer. famil. I, 2 къ Сопранцо, бывшему тогда уже старикомъ; адресъ въ дрезденскомъ кодексѣ такой: Venerando seni Raymondo Superano jurisconsulto. Зналъ ли Петрарка уже тогда Тускуланскія бесѣды Цицерона, какъ говоритъ Hortis M. T. Cicerone p. 55, это намъ всетаки неизвѣстно, такъ какъ у насъ нѣтъ болѣе раннихъ свидѣтельствъ. Рукопись съ заголовкомъ De gloria, по словамъ Павла Мануція, спустя еще цѣлыхъ сто лѣтъ была въ библіотекѣ Бернардо Джустиніани или, по крайней мѣрѣ, упоминалась въ тамошнемъ каталогѣ. Къ ней относятся литературныя росказни. будто она была сожжена Филельфо или П. Альціоніемъ. Бернардо же былъ сынъ из-

Ученые не могли согласиться насчетъ того, какія сочиненія Цицерона были снова найдены Петраркою. Конечно, трудно установить понятіе о находкѣ, если не знаемъ, какой списокъ сочиненій Цицерона можно предполагать извѣстнымъ. Съ нѣкоторыми изъ нихъ дѣло, очевидно, происходило такъ: они появлялись на свѣтъ Божій изъ какой нибудь монастырской библіотеки, переписывались разъ или два и потомъ опять предавались забвенію, изъ котораго снова извлекались и такимъ образомъ открывались вторично. Заслуга открытія состояла лишь въ распространеніи ихъ, а новыми можно было съ нѣкоторымъ основаніемъ назвать только тѣ сочиненія, память о которыхъ совсѣмъ утратилась, или же тѣ, которыя были отысканы въ другихъ странахъ и оттуда доставлены въ Италію.

Вообще нѣтъ сомнѣнія, что, благодаря вліянію Петрарки, сочиненія Цицерона, даже филофскія и реторическія, списывались и читались несравненно болѣе, чѣмъ прежде. Въ пользу этого говоритъ ихъ распространеніе въ началѣ слѣдующаго столѣтія. Но

вѣстнаго гуманиста и собирателя книгъ, Леонардо Джустиніани, да и самъ имѣлъ значеніе какъ гуманистъ. Какъ же могло случиться, что долго розыскиваемое сочиненіе Цицерона осталось въ такомъ домѣ въ неизвѣстности, если оно дѣйствительно тамъ было? Quirini Diatriba p. 37. Deschamps. p. 41.—Темнымъ также остается вопросъ, что видѣлъ Петрарка изъ сочиненій Варрона. Его письмо къ послѣднему отъ 1 октября 1343 г. существуетъ въ двухъ редакціяхъ, которыя, по всей вѣроятности, обѣ принадлежатъ Петраркѣ. Въ edit. Veneta 1501 г. и затѣмъ въ базельскомъ изданіи Opp. p. 785 говорится: Nullae tamen extant vel admodum lacerae tuorum operum reliquiae, licet divinarum et humanarum libros, ex quibus sonantius nomen habes, puer um me vidisse meminerim et recordatione torquear, summis ut aiunt labiis gustatae dulcedinis. Hos alicubi forsitan latitare suspicor, eaque multos per annos me fatigat cura etc. Менѣе ясно въ изданіи Epistt. Lugduni 1601 и у Fracassetti epist. rer famil. XXIV, 6: Nullae tamen extant vel admodum lacerae tuorum operum reliquiae, e quibus aliqua pridem vidi et recordatione torqueor summis ut aiunt labiis gustatae dulcedinis. Et ea ipsa, praecipue divinarum et humanarum rerum libros—adhuc alicubi latitare suspicor etc. Вѣроятно, здѣсь Петрарка опять имѣетъ въ виду стараго Сопранцо, отъ котораго онъ по epist. rer. senil. XV, 1 получилъ Varronis aliqua, но только на время, а не въ подарокъ, какъ мнимое сочиненіе de gloria. Во всякомъ случаѣ видно, какъ смутно представлялось Петраркѣ содержаніе того кодекса; и изъ сочиненій Варрона ничего не осталось у него въ памяти. Я ссылаюсь здѣсь на письмо Салютато къ Пасквино де Капелли отъ 24 сент. (1390) въ Hauptii Opusc. vol. II. p. 115, по которому въ числѣ оставленныхъ Петраркой книгъ должно было находиться сочиненіе de mensuris orbis terrae, между тѣмъ какъ по мнѣнію Антонія Лоски это варроновское de lingua latina. — Такъ же мало мало придаемъ мы значенія и замѣткѣ Петрарки въ Rer. memorab. Liv. I. cp. 2, по которой заключили, что ему еще были извѣстны эпиграммы и письма императора Августа. Это опять воспоминаніе юныхъ лѣтъ, въ глубокой старости: quod opus inexplicitum et carie semesum adolescenti mihi admodum in manus venit frustraque postmodum quaesitum etc.

Петрарка оказалъ непосредственную заслугу относительно двухъ родовъ ихъ, именно рѣчей и писемъ. Хотя и въ средніе вѣка Цицерона постоянно восхваляли, какъ великаго оратора, но его рѣчами, равно какъ и теоретическими ораторскими сочиненіями положительно пренебрегали, безъ сомнѣнія потому, что тогда ораторская рѣчь ограничивалась областью проповѣди. До извѣстной степени распространены были въ XII и XIII в. только рѣчи противъ Катилины, Филиппики, часть рѣчей противъ Верреси, рѣчь въ защиту Манилиева закона и, можетъ быть, нѣкоторыя мелкія. Больше двѣнадцати рѣчей едва ли гдѣ можно было найти въ одномъ мѣстѣ, а болѣе двадцати рѣчей вообще не упоминается въ средніе вѣка [1]). Библіографы того времени не потрудились собрать рѣчи и составить по возможности полный списокъ ихъ. Нуженъ былъ человѣкъ, который бы восторгался этого рода памятниками и усердно розыскивалъ ихъ. Петрарка навсегда сохранилъ пріятное воспоминаніе о томъ, какъ онъ нашелъ въ Люттихѣ рѣчь Цицерона за Архія и еще одну [2]). Впослѣдствіи онъ получилъ отъ юриста Лапо да Кастильонкіо еще четыре рѣчи, которыхъ до того времени не зналъ, въ томъ числѣ Филиппики и рѣчь за Милона. Онъ отплатилъ за нихъ рѣчью за Архія. Но ему очень тяжело было разстаться съ полученными рукописями: одну изъ нихъ онъ совсѣмъ оставилъ у себя, вознаградивъ своего друга прекрасно написанною и исправленною копіею, а другую рѣшился отослать только черезъ четыре года или больше. Впрочемъ Петрарка далеко еще не составилъ того полнаго собранія сочиненій Цицерона, какое образовалось впослѣдствіи, конечно, мало по малу [3]).

Но каково было торжество Петрарки, когда въ 1345 г. въ веронской соборной библіотекѣ ему попалась въ руки уже загнившая рукопись съ письмами Цицерона. О подобныхъ сборникахъ было извѣстно изъ неоднократныхъ ссылокъ древнихъ писателей; впрочемъ о нихъ упоминали и писатели средневѣковые. Петрарка долго розыскивалъ ихъ, а теперь они нашлись совершенно неожиданно.

---

[1]) cf. Adami Clerici Flores historiarum y Mehus Vita Ambros. Travers. p. 212. Niebuhr въ edit. Ciceronis Orationum et pro M. Fonteio et pro. C. Rabirio. Romae 1820 p. 36.

[2]) Сама по себѣ эта находка не важна, такъ какъ для Гальмова изданія рѣчи эрфуртская и брюссельская рукописи оказались лучше всѣхъ итальянскихъ.

[3]) Petrarca epist. rer. famil. VII, 16, XII, 8, XVIII, 12; epist. var. 45. Хорошее разсмотрѣніе этихъ вопросовъ у Hortis Cicerone p. 38—42. Нужно обратить также вниманіе на извѣстіе объ оставшихся послѣ Петрарки цицероновскихъ рѣчахъ, которыя встрѣчаются въ письмѣ Салютато къ Ломбардо да Серико у Bandini Catal. codd. lat. bibl. Laurent. T. III, p. 567.

Это были письма къ Аттику, къ Бруту и къ брату Цицерона Квинту; Петрарка не зналъ, что есть еще другой сборникъ. Содержаніе писемъ, усвоенное имъ съ пылкою торопливостью, показало ему въ совершенно новомъ свѣтѣ личность уважаемаго римлянина. Онъ узналъ его не только какъ философа, но и какъ человѣка слабаго и шаткаго. Впрочемъ прежняя любовь къ отцу римскаго краснорѣчія одержала верхъ. Не смотря на болѣзнь и усталость, Петрарка своею рукою переписалъ рукопись, не желая довѣрять наемнымъ писцамъ чтеніе покрытыхъ ржавчиною листовъ; притомъ же ему хотѣлось поскорѣе обратить ее въ прочную собственность. Онъ уже сталъ, конечно, осторожнѣе послѣ прежнихъ находокъ, которыя были у него въ рукахъ и все таки потомъ пропали. Копія эта съ тѣхъ поръ принадлежала къ числу его любимыхъ книгъ. Собственникъ отвелъ ей привилегированное мѣсто въ библіотекѣ и такъ ревностно берегъ, что, по видимому, при жизни его никто не получилъ новой копіи съ нея. Но въ сочиненіяхъ своихъ Петрарка приводилъ множество цитатъ изъ сочиненій Цицерона и внесъ такимъ образомъ въ литературу совершенно новый и плодотворный элементъ. Съ гордымъ торжествомъ, прочитавши въ первый разъ рукопись, онъ сообщилъ о ней свѣту, разсказавъ объ этомъ въ своемъ посланіи къ Цицерону, и съ удовольствіемъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ вспоминалъ онъ о находкѣ, которую ему посчастливилось сдѣлать въ Веронѣ [1]).

Мы не безъ причины нѣсколько подробнѣе говорили о томъ усердіи, съ какимъ Петрарка относился къ сочиненіямъ Цицерона. Можно сказать, что они внушили ему любовь къ другимъ писателямъ древняго Рима и дали возможность понимать ихъ. Академическіе трактаты его научили поэта цѣнить Варрона, въ сочиненіи Объ обязанностяхъ онъ въ первый разъ прочелъ имя Эннія, Тускуланы научили его любить Теренція и т. д. [2]). Если онъ искалъ

---

[1]) Письмо къ Цицерону напечатано у Фракассети какъ epist. rer. famil. XXIV, 3; въ связи съ этимъ — письмо XXI, 10. Критическіе вопросы, относящіеся сюда, я разбиралъ въ статьѣ «Uber die handschriftliche Ueberlieferung von Cicero's Briefen», помѣщенной въ Berichte der K. Sächs. Gesellsch. d. Wiss. 1879 S. 41 ff. Необычайной радостью было для меня, что одновременно со мной Dr. Viertel, производя изслѣдованія въ той же области, пришелъ во всѣхъ существенныхъ пунктахъ къ совершенно одинаковымъ результатамъ, обнародованнымъ имъ статьѣ «Die Wiederauffindung von Cicero's Brifen durch Petrarca» Кёнигсбергъ, 1879 г. Что вообще зналъ Петрарка о цицероновскихъ сочиненіяхъ, на это полнѣе всего онъ указываетъ въ Apologia contra Gallum (1372); потерянныя и розыскиваемыя имъ сочиненія, также какъ и сохранившіяся въ искаженномъ видѣ онъ приводитъ въ epist. rer. famil. XXIV, 4 ad Ciceronem. Подробности см. у Hortis M. T. Cicerone.

[2]) Epist. rer. famil. III, 18.

главнымъ образомъ недостающихъ сочиненій Цицерона, то всѐ таки римскіе классики составляли въ его воображеніи нѣчто цѣлое, и каждый пробѣлъ въ нихъ казался ему тяжелою утратою. Его поѣздки, частыя перемѣны мѣстопребыванія, множество дружескихъ связей, слава, всюду безъ труда открывавшая ему доступъ,—все это чрезвычайно какъ облегчало для него добываніе рукописей и пользованіе ими. Вскорѣ въ его распоряженіи было такое литературное богатство, какого, разумѣется, раньше ни у кого не было [1]). У него были самыя рѣдкія сокровища, многое такое, чего кромѣ его никто не зналъ. Одинъ Петрарка читалъ стихотворенія Катулла, которыя помимо того хранились еще въ соборной веронской библіотекѣ; всѣ рукописи Проперція, по видимому, ведутъ свое начало отъ Петрарковой. Дантъ, навѣрное, зналъ только первыя *четыре* книги Ливія [2]), а у Петрарки ихъ было—29. Но возрастаніе богатствъ распаляло въ немъ жажду къ новымъ пріобрѣтеніямъ. Онъ зналъ, что Ливій написалъ 142 книги и какъ онъ старался добыть ихъ [3])! Какъ жалѣлъ онъ объ утратѣ исторіи Саллюстія [4])! Какъ терзала его мысль о томъ, что когда-то у него были Древности Варрона, а теперь онъ не можетъ ихъ найти!

Весьма понятно, какъ дорого стало для собственника собраніе книгъ, которыя пришлось розыскивать, пріобрѣтать и собирать съ такимъ трудомъ. Только въ частныхъ рукахъ стали оборотнымъ капиталомъ тѣ умственныя блага, какія въ нихъ заключались. Онѣ *вступали въ общеніе* съ живою окружающей средою и становились *плодотворными* въ рукахъ и близкихъ, и далекихъ друзей. Книги, *по словамъ* Петрарки, это—предметъ его неутолимѣйшей жажды; онѣ для него какъ бы живые собесѣдники, говорящіе друзья [5]). Подлѣ нихъ душа его всегда искала и находила тихое пристанище даже и тогда, когда въ нѣкоторыхъ другихъ стремленіяхъ своихъ онъ открылъ заблужденіе или тщеславіе. Но онѣ не всегда были въ одномъ мѣстѣ, потому что поэтъ не могъ ихъ брать каждый разъ съ собою при перемѣнѣ мѣстопребыванія. Много лѣтъ одна часть ихъ находилась въ Воклюзѣ, а другая въ разныхъ мѣстахъ Италіи. На его виллѣ у истоковъ Сорги ихъ хранилъ его старый слуга, «самое вѣрное созданіе, какое когда-либо было на землѣ». Не смотря на отсутствіе всякаго знакомства съ литературою, послѣдній, вслѣд-

---

[1]) Размѣры его подробно указалъ (Körting. p. 481).
[2]) Schück (см. выше) стр. 270.
[3]) Epist. rer. famil. XXIV, 8 къ Ливію.
[4]) Rer. memorand. Lib. I (Opp. p. 447, 448).
[5]) Epist. rer. famil. III, 18.

ствіе долгаго обращенія съ книгами, все таки зналъ произведенія древнихъ и своего господина. Отъ одного лишь прикосновенія къ книгамъ онъ какъ будто дѣлался ученѣе и счастливѣе, такъ какъ старые слуги часто свыкаются съ образомъ мыслей своихъ господъ. Когда онъ скоропостижно умеръ, то Петрарка тотчасъ же поспѣшилъ изъ Авиньона на виллу, чтобы его книги не остались безъ призора [1]). Онъ уже болѣе не монахъ, списывающій въ душной кельѣ рукописи своего монастыря и увеличивающій число ихъ на пользу младшей братіи. Петрарка устроилъ себѣ удобную комнату для ученыхъ занятій, гдѣ его окружали собственныя его книги, какъ вѣрные спутники жизни, и изъ которой обширный міръ читателей получалъ произведенія его ума. Здѣсь онъ могъ тѣшить себя представленіемъ, что сами великіе мыслители древности собрались вокругъ него, и при свѣтѣ ночной лампы онъ бесѣдуетъ съ ними какъ съ равными себѣ. Всѣ его послѣдователи гуманисты любили признавать себя за библіомановъ, и люди этого рода никогда не вымирали. Есть прекрасное преданіе, хотя и не выдерживающее критики, что въ послѣдній день жизни Петрарки его нашли утромъ заснувшимъ надъ книгою.

Его собраніе книгъ и въ другомъ отношеніи является первою библіотекою новаго времени. Петрарку занимала мысль о томъ, чтобы онѣ не только могли служить ему на пользу, но и по смерти его остались бы всѣ въ одномъ мѣстѣ и были доступны каждому ученому. Онъ считалъ Пизистрата и Птоломея Филадельфа гораздо выше среди ихъ книжныхъ сокровищъ, чѣмъ Креза среди его богатствъ. У него однажды былъ планъ, чтобы его книги, къ которымъ поэтъ хотѣлъ еще пріобрѣсть книги Боккачіо, были всѣ цѣликомъ помѣщены въ какомъ нибудь приличномъ мѣстѣ, въ вѣчное воспоминаніе о немъ [2]). Впослѣдствіи Петрарка избралъ для этой цѣли Венецію. Когда въ 1362 г. чума и ужасы «великой кампаніи» принудили его покинуть Миланъ, то поэтъ пожелалъ переселиться въ островную республику и сдѣлалъ ея сенату предложеніе—предоставить ему тамъ приличный домъ. За это онъ хотѣлъ назначить Евангелиста Марка наслѣдникомъ своихъ книгъ. Для этой цѣли послѣднія должны были неприкосновенно сохраняться въ безопасномъ мѣстѣ въ его память и славу и служить на пользу гражданамъ. Запасъ ихъ могъ потомъ увеличиваться путемъ прикупокъ и пожертвованій, и такимъ образомъ къ славѣ республики составилась бы боль-

---

[1]) Epist. rer. famil. XIV, 1 отъ 15 января (1353).
[2]) Epist. I rer. senil., 4 къ Боккачіо.

шая и знаменитая библіотека [1]) Дѣйствительно, великій совѣтъ постановилъ принять просьбу знаменитаго мужа, и ему былъ назначенъ палаццо delle due Torri. Тамъ Петрарка прожилъ долгое время, но невѣроятно, чтобы всѣ книги или хоть часть ихъ остались въ Венеціи, или были доставлены туда послѣ его смерти. Напротивъ, онѣ, повидимому, были разобраны и растеряны его друзьями [2]). Но мысль его не осталась втунѣ. Мы увидимъ, что она снова воскресла и была приведена въ исполненіе во Флоренціи, и многія дорогія сокровища классической литературы обязаны ей своимъ спасеніемъ.

Подобнымъ же образомъ Петрарка обращалъ пытливый взоръ и на другія сокровища древности и побуждалъ къ ихъ сохраненію. Насколько мы знаемъ, онъ первый сталъ усердно собирать античныя монеты и медали. Друзья, присылавшіе ему эти вещи, могли быть увѣрены въ самой горячей его благодарности. Когда онъ бывалъ въ Римѣ, то рабочіе, воздѣлывавшіе виноградники, предлагали ему купить золотыя или серебряныя монеты, найденныя ими въ землѣ, или къ нему обращались за объясненіемъ портретовъ императоровъ. Какъ живые говорили съ нимъ послѣдніе, прямые свидѣтели о томъ мірѣ, о которомъ онъ зналъ только по книгамъ. Петрарка гордился тѣмъ, что поднесъ въ даръ Карлу IV нѣсколько монетъ римскихъ императоровъ, какъ бы въ память о его предкахъ, и полагалъ, что онѣ возбудятъ въ немъ благородное стремленіе къ славѣ [3]).

Петрарка рано узналъ, что римляне, сочиненія которыхъ онъ читалъ съ такимъ восторгомъ, чтили греческихъ писателей, какъ

---

[1]) atque ita facile poterit ad unam magnam et famosam bibliothecam ac parem veteribus pervenire.

[2]) Постановленіе великаго совѣта отъ 4-го сентября 1362 г., въ которое включено предложеніе Петрарки, см. у Agostini T. I p. XXVIII, у Фракассети въ примѣчаніи къ переводу epist. var. 43 къ Бенинтенди отъ 28 авг. (1362). Дальнѣйшая литература у Valentinelli Bibl. T. I, p. 2 seq. и у Barrozzi Petrarca a Venezia. Его сомнѣніе въ томъ, были-ли книги Петрарки когда-либо перевезены въ Венецію, конечно, основательно (p. 289). Что нашелъ Tomasinus Petrarca redivivus p. 72, не удостовѣряется никакой помѣткой владѣтеля, какъ въ этомъ убѣдились Морелли и Бальделли (Baldelli Petrarca p. 139). Кажется, что договоръ послѣ отъѣзда Петрарки изъ Венеціи (1367), обѣими сторонами считался нарушеннымъ. Такимъ образомъ Боккачіо по кончинѣ Петрарки обращается съ вопросомъ къ зятю его, какъ распорядились съ библіотекой: nam apud nos alii varia credunt, alii referunt (Lettere ed. Corazzini p. 383). Съ нимъ же ведетъ переговоры и Салютато по поводу нѣкоторыхъ оставленныхъ Петраркой книгъ. Поджіо же, вѣрно, знавшій это отъ Салютато, въ надгробной рѣчи Никколи говоритъ положительно. Petrarcha habuit ingentem copiam librorum, qui post eius obitum omnes venundati et variis hominibus dispertiti sunt.

[3]) Epist. rer. famil. XVIII, 8, XIX, 3, 12.

свои идеалы и недосягаемые образцы. Многія сотни людей знали это и раньше его, и все таки никому не приходило на мысль— овладѣть языкомъ этихъ грековъ, народа еще продолжавшаго свое существованіе и легко доступнаго, чтобы ознакомиться съ сокровищами ихъ поэзіи, философіи и исторіи и сообщить ихъ латинскому міру въ переводахъ. Если и были переводы нѣкоторыхъ сочиненій Аристотеля и Іоанна Златоуста, то они не вызвали стремленія — искать и усвоивать себѣ другія произведенія. Уже одна эта мысль была необыкновенно плодотворнымъ литературнымъ подвигомъ, если бы даже она повела лишь къ попыткѣ. Она заставила привлечь древній геалленскій міръ къ участію въ западномъ образованіи.

Въ Италіи всегда были люди, знавшіе греческій языкъ, особенно въ Нижней, гдѣ потребность въ знаніи греческаго языка обусловливалась прежними церковными сношеніями, также въ Венеціи и Генуѣ, гдѣ оно было нужно для торговыхъ связей. Конечно, это были люди практическіе, не друзья литературы, не учителя. А въ Провансѣ не было ни малѣйшей возможности удовлетворить тому стремленію, какое носилъ въ своей груди Петрарка. Она представилась только тогда, когда въ 1339 г. пріѣхалъ въ Авиньонъ базиліанскій монахъ Барлаамо, родомъ калабріецъ, но нѣсколько лѣтъ уже жившій въ Византіи. Онъ долженъ былъ отъ имени императора Андроника начать переговоры съ папою Бенедиктомъ XII о возсоединеніи церквей. Желали, чтобы созванъ былъ соборъ, на которомъ бы велись диспуты объ исхожденіи св. Духа. Но посланный сначала долженъ былъ снова отправиться въ Византію. Нужно было вступить въ переговоры съ другими государствами, въ особенности съ Франціей и Неаполемъ, и такимъ образомъ дѣло тянулось нѣсколько лѣтъ [1]). Петрарка познакомился съ этимъ человѣкомъ и по возвращеніи его въ 1342 г. выбралъ себѣ въ учителя. Занимаясь каждый день, онъ весьма усердно усвоивалъ себѣ начатки греческаго языка, но Барлаамо весьма скоро назначенъ былъ епископомъ въ калабрійскій городъ Джераче и долженъ былъ покинуть Авиньонъ. Самъ Петрарка способствовалъ этому повышенію, конечно, тѣмъ, что рекомендовалъ своего учителя королю Неаполитанскому Роберту. Онъ былъ еще далеко не въ состояніи продолжать одинъ занятія новымъ языкомъ, тѣмъ болѣе, что не было никакихъ грамматическихъ и лексическихъ пособій. Петрарка самъ сознается, что онъ лишь возлежалъ на лонѣ греческой науки [2]). Но, по видимому, его рвеніе охладилъ самъ на-

---

[1]) Документы у Raynaldus Annal. eccl. 1339 n. 19, 31, 32.

[2]) in ipso studiorum lacte—ego tum primum inchoabam; онъ такъ и остался elementarius Graius.

ставникъ, кичливый и безтолковый богословъ. Почему Петрарка не поѣхалъ съ нимъ? вѣдь онъ былъ человѣкъ свободный. Говоря о Барлаамо, Петрарка выражается какъ-то странно, будто долженъ извиняться въ томъ, что его занятія греческимъ языкомъ не кончились блестящимъ успѣхомъ. Онъ не разъ говоритъ, что смерть отняла у него учителя, однако это случилось уже черезъ пять лѣтъ послѣ отъѣзда послѣдняго въ Калабрію. Или поэтъ упрекаетъ Барлаамо въ томъ, что онъ былъ чуждъ латинскаго краснорѣчія, и самодовольно прибавляетъ, что грекъ, по собственному его признанію, самъ немало научился ему у своего ученика. Но это было безразлично для преподаванія греческаго языка, которое было нужно. Однако Боккачіо, по дѣтски усердствовавшій къ ученью, хвалилъ того же Барлаамо, какъ человѣка весьма ученаго. Конечно, для вѣнчаннаго поэта было не малою нравственною пыткою опять войти въ роль ученика. Разумѣется, это ему стоило бы многихъ усилій и жертвъ, пока онъ станетъ понимать произведенія гелленовъ и наслаждаться ими, или удостоится тѣхъ лавровъ, которые такъ быстро и легко выпали на его долю въ другой области. Поэтому вся заслуга его ограничивается любовью къ дѣлу и благороднымъ стремленіемъ, а энергическій трудъ онъ предоставилъ другимъ.

Новый толчокъ данъ былъ Петраркѣ въ 1353 г. Николаемъ Сигеросомъ, преторомъ Романьи, который пріѣхалъ въ Авиньонъ также для переговоровъ о возсоединеніи греческой церкви съ римскою. И его побуждалъ Петрарка поискать въ Византія потерянныхъ сочиненій Цицерона. Онъ не получилъ ихъ, но Сигеросъ прислалъ ему въ подарокъ экземпляръ Гомеровыхъ поэмъ. Не смотря на церковный расколъ, на ненависть, укоренившуюся вѣками, Востокъ и Западъ дружески протягивали здѣсь руки другъ другу, и связующимъ звеномъ является прославленный пѣвецъ Иліона. Въ то же время онъ былъ какъ бы первый бѣглецъ, искавшій покровительства на западѣ отъ варварства, угрожавшаго со стороны турокъ, и хотя не ангелы перенесли его туда, какъ домикъ Богородицы въ Лорето, однако Петрарка принялъ его съ такимъ же благоговѣніемъ. Этотъ отдѣльный случай является началомъ и образцомъ литературныхъ переселеній, имѣвшихъ неисчислимыя послѣдствія. Когда гелленской литературѣ угрожала такая же гибель, какъ и византійской имперіи, то она стала искать и нашла въ Италіи отрадный пріютъ и новую будущность. Петрарка съ своимъ Гомеромъ въ рукахъ, котораго едва умѣлъ читать, сдѣлался самымъ усерднымъ наставникомъ греческаго языка. Онъ съ восторгомъ смотрѣлъ на эту книгу, обнималъ ее и зналъ только одно,

какъ высоко цѣнили эти поэмы римляне, наприм. Цицеронъ, Горацій и Плиній. У него уже было нѣсколько сочиненій Платона на греческомъ языкѣ; первый поэтъ, по его словамъ, и первый философъ поселились у него. Петрарка рѣшился попросить того же Сигероса о сочиненіяхъ Гезіода и Эврипида и не терялъ надежды —научиться когда нибудь греческому языку, хоть подъ старость. Прежде всего онъ обратился съ поощреніями къ Боккачіо: послѣднему внушено было страстное желаніе имѣть творенія прославленнаго Гомера на латинскомъ языкѣ. А самъ Петрарка съ своей обычной важностью ограничился тѣмъ, что возбуждалъ другихъ и покровительствовалъ предпріятіямъ ихъ. Безъ сомнѣнія, та заслуга, что въ итальянскомъ мірѣ явился переводъ произведеній Гомера, сдѣланный Леонціо Пилато, какъ ни былъ онъ сухъ и слабъ, принадлежитъ главнымъ образомъ Боккачіо, хотя Петрарка положительно приписывалъ ее себѣ. Съ этою цѣлью послѣдній купилъ въ Падуѣ экземпляръ Гомера на греческомъ языкѣ и на свой счетъ заказалъ одинъ экземпляръ латинскаго перевода, быть можетъ, также принялъ участіе въ вознагражденіи переводчика [1]). За то теперь въ его библіотекѣ явилась сокровищница новыхъ познаній, которою онъ могъ пользоваться въ своихъ сочиненіяхъ [2]). Если Гомеръ все еще оставался для него личностью, которой онъ покланялся издалека [3]), все таки онъ внесъ его въ западный міръ и возжегъ любовь къ геллепской литературѣ. Мы увидимъ, какъ была сильна и плодотворна эта любовь, какъ итальянцы переселялись въ Византію, а византійцы являлись въ Италію, первые—учиться, вторые—учить, какъ и старъ и младъ занимаются греческимъ языкомъ и геній древней Геллады, вызванный къ жизни Петраркою, уже не меркнетъ болѣе.

Петрарка съ юныхъ лѣтъ горѣлъ желаніемъ видѣть Римъ, который для него все еще былъ обладателемъ вселенной. Желаніе это

---

[1]) Конечно, не иной смыслъ заключается въ словахъ письма къ Боккачіо: (epist. var. 25): Et nunc coeptis vestris pro virili parte libens faveo.

[2]) Какъ онъ это дѣлалъ, указалъ Körting стр. 476.

[3]) Такъ поетъ онъ въ Africa IX, 144 ed. Corradini:

Millibus ex tantis unus mihi summus Homerus,
Unus habet, quod suscipiam, quod miror amemque.

Болѣе всего о своихъ греческихъ занятіяхъ Петрарка говоритъ въ благодарственномъ посланіи къ Сигеросу отъ 10-го января 1354 г. (epist. rer. famil. XVIII, 2), и въ посланіи къ Гомеру, отъ имени котораго ему кто-то написалъ изъ Болоньи (epist XXIV, 12 — отъ 9-го октября 1560 г.). Сюда же относятся epist. rer. senil. III, 6. V, 1. VI, 2. XI, 9. Rer. memorand. lib. II (Opp. p. 464). De ignorantia sui ipsius (Opp. p. 1162).

въ первый разъ исполнилось въ январѣ 1337 г. [1]), Какъ бы отрѣшившись отъ дѣйствительнаго міра, блуждалъ онъ среди семи холмовъ, находилъ все то, о чемъ читалъ у древнихъ писателей, начиная съ крѣпости Эвандра и пещеры Какуса до тѣхъ мѣстъ, гдѣ приняли мученическую смерть Апостолы Петръ и Павелъ. Только фантазіи его приходилось трудиться надъ объясненіемъ развалинъ, а новые римляне были не въ состояніи этого сдѣлать: суевѣріе и невѣжество покрывали для нихъ мракомъ сооруженія ихъ предковъ. «Нигдѣ, воскликнулъ Петрарка, Рима не знаютъ меньше, чѣмъ въ самомъ Римѣ» [2]). Это былъ и не былъ тотъ же всемірный городъ. Древніе дворцы, въ которыхъ нѣкогда жили «исполинскіе люди», Петрарка видѣлъ въ развалинахъ, храмы и тріумфальныя арки разрушались, городская стѣна разваливалась. Эти римляне не стыдились вести гнусную торговлю почтенными обломками, допускать, чтобы изнѣженный Неаполь украшался мраморными колоннами ихъ зданій, портиками древнихъ храмовъ и надгробными памятниками. Скоро, думалъ онъ, исчезнутъ и послѣдніе остатки города [3]). Петрарка умолялъ авиньонскихъ папъ сжалиться надъ гибнущимъ городомъ на Тибрѣ [4]). Послѣдній представлялся ему въ видѣ престарѣлой сѣдовласой матроны съ блѣднымъ болѣзненнымъ лицомъ, въ разодранномъ рубищѣ, но съ непоколебимымъ духомъ, полной великихъ воспоминаній [5]). «Но кто можетъ сомнѣваться въ томъ, что древняя римская доблесть снова воспрянетъ, если Римъ начнетъ познавать *себя»* [6]).

Петрарка напередъ уже видѣлъ осуществленіе этихъ пророческихъ словъ въ предпріятіи Колы ди Ріэнцо. Политическое потрясеніе, вызванное имъ въ Римѣ и Италіи, шумное и изумительное,

---

1) Позднѣйшіе случаи пребыванія Петрарки въ Римѣ перечисляетъ Körting стр. 469.

2) Epist. de reb. famil. VI, 2 къ кардиналу Джованни Колонна.

3) Ad Nicolaum Laurentii de capessenda libertate hortatoria (Opp. p. 596), epist metr: II, 13.

> Et quanta integrae fuit olim gloria Romae,
> Reliquiae testantur adhuc, quas longior aetas
> Frangere non valuit etc.
> . . . .
> Funditus ita ruent (labentis patricae fragmenta) manibus convulsa nefandis.

4) Epist. metr. I, 2. Benedicto XII; II, 5. Clementi VI et al. Сюда же относится горячо написанное прославленіе Рима въ epist. metr. II, 12.

5) De pacificanda Italia Exhortatio ad Carolum IV, въ Epist. rer. famil, X, 1 отъ 24 февраля 1350 года.

6) Epist. rer. famil. VI, 2, p. 314. Подобнымъ же образомъ и въ Africa II, 305. 315. 325—мѣсто, несомнѣнно указывающее на Колу.

было подобно взрыву бури, мѣстами подѣйствовало разрушительно, но въ концѣ концовъ миновало безслѣдно. Но порывы, увлекавшіе умы людей во время этой бури, долго оставались въ памяти и собственно никогда не стихали. Это тѣ самые порывы, во имя которыхъ говорилъ и писалъ Петрарка. Этимъ объясняется удивительное сродство между двумя названными личностями; какъ ни различны были—ихъ жизненное поприще и сфера дѣятельности, однако обоихъ одушевляла одна и та же идея.

Не лишено вѣроятія, что самъ Петрарка заронилъ воспламеняющую искру въ душу молодаго Колы. Не однѣ канцоны и поэмы прославленнаго пѣвца нашли пламенныя сердца въ Римѣ, какъ и повсюду въ Италіи. Несомнѣнно, что Кола былъ въ восторгѣ отъ славнаго вѣнчанія его лаврами въ Капитоліи во время пасхи 1347 г. Едва ли случайно самъ онъ впослѣдствіи устроилъ для себя «трибунское» вѣнчаніе лаврами и помѣчалъ свои посланія тѣми же словами: «дано въ Капитоліи», какія красовались на поэтическомъ дипломѣ Петрарки, сильно распространенномъ. Черезъ годъ началось въ Римѣ волненіе, предвѣщавшее переворотъ, вслѣдствіе чего Кола, какъ уполномоченный отъ народа и тринадцати, былъ отправленъ въ Авиньонъ—просить папу снова перенести свою резиденцію въ городъ св. Петра [1]). Онъ искусно и горячо говорилъ передъ консисторіею, произвелъ впечатлѣніе и вызвалъ сильное сочувствіе, изображая бѣдствія покинутаго города и смуты тамошней знати. Онъ не оттолкнулъ отъ себя и папу. Колѣ данъ былъ утѣшительный отвѣтъ, который онъ тотчасъ же съ торжествомъ сообщилъ въ Римъ, и охотно исполнена была его просьба о должности нотаріуса римской камеры, дававшей ему поддержку въ его затруднительномъ положеніи. Теперь онъ именуется папскимъ камераріемъ и близкимъ человѣкомъ, а въ письмѣ къ римлянамъ называетъ себя уже римскимъ консуломъ. Въ это то время и познакомился съ нимъ Петрарка, и они обмѣнялись мыслями о Римѣ, объ его бѣдствіяхъ и новой всемірной роли. Какъ-то разъ, стоя съ Петраркою у дверей одной старинной церкви, Кола пылко и въ возвышенныхъ рѣчахъ развивалъ свой планъ о возстановленіи величія древняго Рима. Поэтъ вздрогнулъ, услыша въ этомъ отголосокъ своихъ собственныхъ идей изъ устъ человѣка, рѣшившагося приступить къ великому подвигу. «Мнѣ показалось, пишетъ онъ ему вскорѣ послѣ этого, будто оракулъ провѣщалъ изъ святилища,

---

1) На цѣль этого посольства, состоявшагося въ январѣ 1343-го года, указываетъ Giov. Villani XII, 90. Ср. Gregorovius, Geschichte der Stadt Rom Bd. VI s. 226 ff.

будто я слышалъ бога, а не человѣка.—Всякій разъ, какъ я привожу себѣ на память твои слова, слезы подступаютъ къ глазамъ и скорбь охватываетъ душу. При этомъ воспоминаніи я проливаю мужественныя слезы. Колеблясь между отчаяніемъ и надеждою, я говорю: о, если бы когда нибудь.... при жизни моей удалось это... О, если бы мнѣ привелось принять участіе въ этомъ великомъ дѣлѣ и въ высокой славѣ!» [1]).

Не смотря на все различіе въ судьбѣ и ходѣ образованія этихъ обоихъ людей, встрѣтившихся въ Авиньонѣ, все таки есть общія черты, которыми легко объясняется избирательное сродство ихъ умовъ. И Кола давно уже создавалъ и расширялъ міръ своихъ идей чтеніемъ Ливія, Саллюстія и Валерія Максима; Цицеронъ и Сенека тоже были знакомы ему. Будучи лишь нотаріусомъ, онъ питалъ сильную любовь къ реторикѣ, къ красотѣ рѣчи, хотя вкусъ былъ не въ уровень съ этою любовью [2]). Намъ осталась цѣлая группа его писемъ, относящихся ко времени его политической дѣятельности, изъ коихъ многія имѣютъ объемъ небольшихъ разсужденій. Какое значеніе придавалъ Кола этимъ произведеніямъ своего пера, видно изъ того, что онъ тщательно берегъ черновые наброски и копіи, подобно Петраркѣ и другимъ писателямъ [3]). Но изъ его писемъ не видно, что онъ изучалъ классиковъ: въ нихъ масса ужасныхъ словъ, взятыхъ изъ нотаріальнаго языка и схоластики, рѣчь слишкомъ искусственна и напыщена, нерѣдко совсѣмъ непонятна. Въ ней отражаются всѣ тѣ разнообразныя стихіи, изъ безпорядочнаго смѣшенія которыхъ сложился его внутренній міръ. Въ ней человѣкъ этотъ виденъ такимъ, какъ онъ есть, съ своими сентиментальными порывами и притязаніями, и для насъ вполнѣ понятно, что Петрарку влекло къ нему сочувствіе [4]). А въ другой области знаній

---

[1]) Epist. sine tit. 6 (по edit. Basil.) и у Fracassetti Append. litt. (vol. III epist. 2, amico suo, безъ сомнѣнія, вѣрно относится къ Колѣ и къ 1343-му году. Для насъ ясенъ теперь смыслъ словъ, сказанныхъ Петраркой въ epist. ad Nicolaum Laurentii hortatoria (у Fracassetti epist. var. 48 p. 427): Testis ego sibi sum, sempe eum hoc, quod tandem peperit, sub praecordiis habuisse,—и въ письмѣ къ Нелли позднѣе (1552): ut qui in illo viro ultimam libertatis Italicae spem posueram, quem diu ante mihi cognitum dilectumque etc. и затѣмъ: seu solu veteris eisque ipsis in locis (въ Авиньонѣ, гдѣ Кола находился теперь въ заключеніи) contractae olim amicitiae memoria.

[2]) Авторъ Vita di Cola di Rienzo Lib. I cap. 1 говоритъ: Fu da sua gioventudine nutricato latte d'eloquenza: buono grammatico, megliore retorico, autorista buono.

[3]) Петрарка одобряетъ этотъ обычай въ epist. var. 38 къ Колѣ.

[4]) Epist. rer. famil. XIII, 6: Nicolaus Laurentii vir facundissimus est et ad persuadendum efficax et ad oratoriam pronus, dictator (litterarum) quoque dulcis ac lepidus non multae quidam, sed suavis colorataeque sententiae.

Кола старается проложить себѣ свой собственный путь. Мечты влекли его къ образамъ героевъ древняго Рима, поэтому развалины и остатки древняго города, которые едва ли кто удостоивалъ вниманія въ теченіи многихъ вѣковъ, мощно приковывали къ себѣ его взоры. Онъ старался читать надписи на стѣнахъ, на рѣзныхъ камняхъ и монетахъ; онъ умѣлъ объяснять статуи и развалины города и его окрестностей. Теперь даже нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что первое описаніе города Рима и его великолѣпія, составленное со временъ старинныхъ Memorabilia, и приложенный къ этому сочиненію первый сборникъ надписей, составленный съ IY в., послѣ работы швабскаго пилигрима, имѣли авторомъ не кого другаго, какъ знаменитаго трибуна [1]). Такимъ образомъ Кола является геніальнымъ основателемъ важной отрасли науки о древностяхъ, которая и теперь, въ цвѣтущемъ состояніи, признаетъ его заслугу.

Быть можетъ, Кола, человѣкъ молодой и талантливый, составилъ бы себѣ имя, какъ изслѣдователь древностей и писатель, но у него было сильное влеченіе играть роль въ общественной жизни и пожать лавры оратора. Совершенно такъ же, какъ и Петрарка, онъ исходилъ отъ представленія древняго Рима и съ этой точки зрѣнія смотрѣлъ на современныхъ ему римлянъ. Гдѣ тѣ благородные римляне, спрашивалъ онъ, гдѣ ихъ высокая справедливость? О, если бы мы могли жить въ ихъ время!—Скорбя о павшемъ и поруганномъ Римѣ, онъ горько плакалъ и трогалъ до слезъ другихъ.

Въ своихъ агитаціяхъ среди народа Кола постоянно является и поэтомъ, и восторженнымъ поклонникомъ древняго Рима. Онъ велѣлъ поставить въ Капитоліи аллегорическую картину, изображающую бурное море, по которому носится корабль безъ руля, на немъ плачущую вдову, съ распущенными волосами, скрестившую руки на груди какъ бы для молитвы, а надъ нею надпись: это Римъ! Тутъ была также Италія и другіе аллегорическіе образы. Это изображеніе Рима въ видѣ плачущей вдовы, конечно, навѣяно Дантомъ, и къ нему особенно любилъ прибѣгать Петрарка [2]). Священная Италія, священ-

---

1) Остроумные и преврасные доводы de Rossi въ Bulletino dell' Instituto di corr. arch. per. l'anno 1871, Roma 1871, p. 13 seg. были приняты Генценомъ въ Corpus inscr. Lat. Vol. VI. P. 1. p. XV и Іордановъ въ Topographie der Stadt Rom im Alterthum Bd. I. Abth. I. Berlin 1878 s. 76. Сюда же можно отнести, какъ положительное доказательство авторства Колы, слова старинного біографа: tutte scritture antiche (antichi pitaffi) vulgarizzava (= publicava), queste figure di marmo guistamente interpretava.

2) Dante Purg. canto VI. Если оно встрѣчается и въ Dittamondo Уберти, то, по моему, это слѣдуетъ объяснить примѣромъ Петрарки.

ный Римъ, священный римскій народъ и священная римская республика потомъ навсегда остались любимыми выраженіями Колы, хотя, по требованіямъ реторики, онъ называлъ также Римъ разбойничьимъ вертепомъ,—любимый терминъ Петрарки. Потомъ ту мѣдную доску съ lex regia, которымъ римскій народъ предоставилъ Веспасіану императорское полномочіе, употребленную папою Бонифаціемъ VIII при сооруженіи алтаря въ Латеранской церкви, Кола велѣлъ взять оттуда и поставить въ церкви на видномъ мѣстѣ. Онъ объяснилъ народу этотъ законъ и доказывалъ неотъемлемость его правъ, безъ сомнѣнія, имѣя въ мысляхъ побудить его къ новому предоставленію императорскихъ полномочій [1]). Отъ своего восторженнаго настроенія, отъ мечтательнаго стремленія къ величію и свободѣ, въ блескѣ которыхъ представлялась ему римская республика, онъ перешелъ къ мысли о себѣ, какъ воскресителѣ этого идеальнаго міра и освободителѣ Рима и Италіи. Его разгоряченному воображеніи представлялись то Брутъ и народный трибунъ, то опять Римъ, какъ властитель міра, и тогда онъ съ увлеченіемъ и пылкостью говорилъ объ Юліи Цезарѣ. Для него было неясно, гдѣ былъ предѣлъ его ораторскихъ мечтаній и гдѣ начиналось суетное выставленіе на показъ своей собственной личности. Вотъ почему и на этой чертѣ онъ совершалъ забавныя сумасбродства.

Извѣстно, какъ Кола достигъ трибунской власти, какъ онъ возстановилъ въ Римѣ безопасность и строгую дисциплину, какъ сокрушилъ или по крайней мѣрѣ оттѣснилъ на задній планъ партіи знатныхъ родовъ, какъ послы его возвѣстили о новомъ господствѣ итальянскимъ республикамъ и другимъ державамъ. Это время восторженнаго упоенія живо изобразилъ намъ его старинный біографъ, и мы видимъ, какъ всѣ были веселы и исполнены радужныхъ надеждъ. Казалось, возвратилось доброе старое время, и знатные люди въ качествѣ пословъ держали рѣчи передъ трибуномъ, униженные и оскорбленные обращались къ нему, а онъ обѣщалъ всѣмъ помочь и объявилъ въ одной рѣчи, что правдиво будетъ судить міръ и народы [2]).

Но чтобы понять тотъ восторгъ, съ которымъ привѣтствовали начало дѣятельности Колы не только въ Римѣ и Италіи, но повсюду, куда доходила молва о немъ, мы должны принять въ разсчетъ

---

[1]) Vita di Cola cap. 2. 3. Какъ онъ любилъ прибѣгать въ подобныхъ случаяхъ къ древности показываетъ также и шутливое толкованіе буквъ S. P. Q. R: Sozzo popolo questo romano (позорный народъ этотъ римскій). Объ этомъ разсказываетъ Rambaldi Comment. s. Div. Comm. Parad. c. XVI.

[2]) Vita di Cola cap. 21. 22.

нѣкоторыя условія, которыя потеряли уже цѣну для насъ, знающихъ исходъ этихъ событій и подобныхъ имъ. Это прежде всего совершенная новость идеала, юношеская стремительность первыхъ шаговъ Колы, въ силу которыхъ онъ издалека представлялся великодушнымъ поборникомъ свободы, даже спасителемъ человѣчества, а потомъ сіяніе римской славы, которая, какъ бы въ укоръ авиньонскимъ папамъ, блистала изъ мрака давно отжившей языческой древности. Петрарка сообщаетъ намъ, что думали и говорили объ этомъ въ самомъ Авиньонѣ: письма Колы къ папскому двору тотчасъ же списывались и распространялись, будто сошедшія съ неба; не знали, чему больше удивляться, поступкамъ ли трибуна, или рѣчамъ его.—Его называли Брутомъ, такъ какъ онъ даровалъ Риму свободу, и Цицерономъ, такъ какъ въ словахъ его отражалось благородное величіе римскаго народа [1]).

Самъ Петрарка былъ самымъ громозвучнымъ глашатаемъ этихъ восторговъ. Онъ былъ изумленъ и потрясенъ, какъ человѣкъ, сладкія мечты котораго вдугъ сбылись. На его глазахъ въ эту жалкую и прозаическую эпоху возсталъ герой, о которомъ онъ мечталъ среди своихъ книгъ, и снова сдѣлалъ Римъ властителемъ вселенной. Онъ называлъ Колу третьимъ Брутомъ, Камилломъ, новымъ Ромуломъ. «Ты стоишь на высокой твердынѣ, взывалъ онъ къ нему; нѣтъ предѣловъ твоей славы ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ!» [2]). Петрарка видѣлъ въ новой республикѣ «улучшеніе общественнаго быта, начало золотаго вѣка, преобразованіе вселенной» [3]). Его приводила въ восторгъ и та черта, что трибунъ помѣчалъ свои письма Капитоліемъ и первымъ годомъ освобожденной республики [4]). Пожеланіе счастья, съ которымъ поэтъ обращался къ «обильному славою семихолмному городу» и его трибуну, ясно показываетъ намъ, что онъ имѣетъ дѣло лишь съ образами своей фантазіи, навѣянными чтеніемъ Ливія, и предается несбыточнымъ надеждамъ какъ зритель, смотрящій на дѣло издалека [5]).

Сколь радостно было это ожиданіе, столь же горько было, конечно, разочарованіе и уныніе, когда сквозь маску древняго римля-

---

1) Petrarca къ Колѣ epist. var. 38. Apologia contra Galli cuiusdam calumnias (Opp. p. 1181).

2) Epist. var. 38 отъ 1347 года.

3) Epist. s. tit. Append. litt. epist. 8, ed. Fracassetti.

4) Какъ, напр., въ письмахъ у Gaye въ Carteggio T. I p. 395, 397, 402. Если здѣсь постоянно говорится: Datum in capitulo, то это или ошибочное чтеніе или же одинъ изъ промаховъ полуобразованнаго Колы.

5) Epist. var. 48.

нина, принятую Колою, все яснѣе сталъ проглядывать тщеславный глупецъ, который позорилъ свое собственное дѣло смѣшными выходками. Въ головѣ его постоянно возникали новыя мысли и планы. Древній Римъ и папскій, призраки, навѣянные Ливіемъ, и апокалипсическіе образы страннымъ образомъ мѣшались одни съ другими, какъ рядъ самыхъ противорѣчивыхъ представленій. Единая свободная Италія и Римъ владыка, народное господство и императорская власть, всемірное господство церкви и папы и въ то же время — народнаго трибуна, свобода во имя общаго міра и справедливости и при этомъ терроризмъ и обладаніе міромъ, республиканская простота и безсмысленная любовь къ пышности, сентиментальное влеченіе къ скромному семейному счастію и все попирающая, часто дѣтская заносчивость! Хотя успѣхи Колы вскорѣ остановились, однако онъ все еще ставилъ на первый планъ свою личность и старался только о томъ, чтобы украсить себя новыми титулами и почестями, окружать себя блескомъ и пышностью и давать празднества, какъ можно скорѣе получить императорскій вѣнецъ и устроить дворъ. Характеристичны тѣ эпитеты, которые онъ публично и торжественно присвоивалъ себѣ и о значеніи которыхъ часто имѣлъ самое смутное представленіе. Кола никогда не носилъ только санъ ректора города Рима, дарованный ему папою и, правда, не имѣвшій античнаго оттѣнка. Онъ назвался трибуномъ, но благоразумно остался безъ товарищей-трибуновъ: народъ называлъ его вообще заступникомъ свободы и справедливости и признавалъ за нимъ республиканскую власть, ставившую его во главѣ города. 1 августа 1347 г. опоясался онъ рыцарскимъ поясомъ и принялъ рыцарское крещеніе въ купели императора Константина, а 15 августа, въ день Успенія Пресвятой Богородицы, предполагалъ вѣнчаться трибунскимъ вѣнкомъ, который, по его словамъ, всегда давался древнимъ трибунамъ. Но потомъ въ этотъ праздникъ онъ заставилъ поднести себѣ шесть вѣнковъ разомъ: изъ дубовыхъ листьевъ, пальмовый, миртовый, масличный, лавровый и изъ позолоченаго серебра [1]). Онъ носилъ сенаторскій жезлъ, въ яблоко котораго былъ вдѣланъ золотой крестъ съ мощами, а въ гербѣ изображены ключи св. Петра и буквы S. P. Q. R. Онъ постоянно придумывалъ все новыя прибавленія къ своему величественному сану. Назвавъ себя Августомъ, Кола приводилъ въ свое оправданіе слѣдующія основанія папѣ Клименту VI: Св. Духъ чрезъ него въ нѣсколько дней освободилъ римскую республику, сдѣлалъ его рыцаремъ въ календы Августа, наконецъ онъ принялъ

---

[1]) Papencordt Urk. 10 p. XX.

рыцарское крещеніе въ купели Константина [1]). Однако что трибунъ хотѣлъ сказать титуломъ Tribunus Augustus? Далѣе онъ называлъ себя кандидатомъ, конечно, потому, что любилъ одѣваться во все бѣлое. Другіе титулы служили лишь для большей торжественности. Такъ напр. Кола называлъ себя «строгимъ и милостивымъ, освободителемъ города, печальникомъ за Италію, другомъ вселенной», причемъ всѣ эти названія обращались въ постоянную оффиціальную форму [2]). Случайно онъ принималъ и другіе громкіе титулы, называлъ себя напр. «трибуномъ свободы, мира и справедливости, великимъ освободителемъ священной римской республики» [3]). Именно въ подыскиваніи такихъ титуловъ любилъ изощрять свой умъ бывшій нотаріусъ, а ему помогалъ и поэтъ, облекая въ разныя таинственныя формы отдѣльныя статьи этой пышной обрядности.

Кола самъ подготовилъ печальный поворотъ своей судьбы, когда въ упоеніи властолюбія и тщеславія сталъ домогаться и послѣдней степени земнаго величія. «Не безъ наитія Св. Духа» поручилъ онъ римскимъ законовѣдамъ опредѣлить права священнаго римскаго народа. Такъ какъ они рѣшили, что римскій сенатъ и народъ имѣютъ ту же власть надъ міромъ и юрисдикцію, какія имѣли въ цвѣтущую эпоху древняго Рима, то онъ объявлялъ, что желаетъ опять возстановить эти права. Онъ приглашалъ въ Римъ Карла IV, «который, какъ говорятъ, называетъ себя римскимъ королемъ», и курфистовъ. Кола наименовалъ всѣхъ гражданъ священной Италіи римскими гражданами и пригласилъ ихъ въ Римъ для соучастія въ выборѣ императора. Тамъ 20.000 гражданъ должны были по внушенію Св. Духа избрать въ Августы итальянца [4]). Тогда и римскій народъ былъ озадаченъ. Нѣкоторые, говоритъ біографъ Колы, теперь называли его сумасбродомъ и глупцомъ, да и самъ біографъ былъ того же мнѣнія, ибо прибавляетъ, что на лицѣ Колы всегда замѣчали довольно странную улыбку [5]).

Мы ясно видимъ, что движущею пружиною у Колы, какъ и у Петрарки, была жажда славы, раждавшаяся у того и у другаго при

---

1) Письмо къ Клименту VI у Papencordt Urk. 6 p. X.

2) Candidatus, Spiritus Sancti Miles, Nicolaus Severus et Clemens, Liberator Urbis, Zelator Italiae, Amator Orbis et Tribunus Augustus. Такъ называетъ онъ себя въ письмѣ къ Клименту VI, (у Папенкордта, пам. 6 p. XI) въ одномъ публичномъ указѣ (тамъ-же, пам. 7 p. XIII), въ посланіи къ синьоріи флорентинской у Gaye T. I p. 398.

3) У Gaye T. I p. 53, у Papencordt Urk. 1. p. 1.

4) Посланіе во Флоренцію отъ 19-го сент. 1347-го года у Gaye T. I p. 402.

5) Vita di Cola Lib. I cap. 1. 27: in sua bocca sempre riso appariva in qualche modo fantastico. Нѣкоторые, по его словамъ, называли его fantastico e pazzo. И по словамъ Giov. Villani, XII, 90, разсудительные люди скоро рѣшили, che la detta imperssa del tribuno era un' opera fantastica e da poco durare.

мысли о славныхъ подвигахъ древнихъ, затѣмъ проявлявшаяся въ тщеславіи, такъ какъ способности и возвышенность духа не соотвѣтствовали стремленіямъ. Конечно, и у Колы были минуты благороднаго увлеченія, когда онъ рѣшался трудиться лишь для общаго блага и счастія народовъ. Тогда онъ представлялъ себѣ правленіе, которое охраняетъ добрыхъ и караетъ злыхъ, оказываетъ всѣмъ равную справедливость, попираетъ тирановъ, помогаетъ бѣднымъ, печется о сиротахъ и вдовахъ, покровительствуетъ церквамъ и монастырямъ, обращаетъ заблудшихъ къ церкви, предотвращаетъ несогласія между супругами и нарушеніе святости брака и т. п. [1]). Все это политическія утопіи, подобныя нравственнымъ утопіямъ Петрарки, его понятіямъ о добродѣтели и всесвѣтной мудрости. Но у Колы и сквозь эти мечтанія постоянно проглядываетъ его личность. Онъ окружаетъ себя пѣвцами и поэтами, которые прославляютъ его и его подвиги [2]). Трибунъ тѣшитъ себя лестною мечтою о томъ, какъ римляне и итальянцы любятъ его и удивляются ему, даже предвѣщаетъ безсмертіе своего имени, и часто ему представляется, что великіе міра сего не столько возстаютъ противъ его республики, сколько изъ зависти — противъ его безпредѣльной славы [3]). Точно такъ же, какъ и Петрарка, Кола видитъ въ каждомъ противникѣ поэзіи своего личнаго врага. Петрарка во время своего поэтическаго вѣнчанія въ Капитоліи готовъ былъ отрицать завѣтное свое желаніе и показать видъ, будто обязанъ этою честью одной поэзіи. Такъ же точно и Кола. «Если я согласился быть посвященнымъ въ рыцари, говоритъ онъ, и вѣнчаться трибунскимъ вѣнкомъ, то Богъ да будетъ мнѣ свидѣтелемъ, что я принялъ званіе рыцаря не ради суетной славы. Это я сдѣлалъ лишь для возвеличенія власти трибуна и прославленія Св. Духа, внушившаго мнѣ и освятившаго своимъ именемъ мое рыцарское служеніе» [4]). Однако, лишенный власти и смиренно умоляя Карла IV о защитѣ и помощи, онъ сознался въ своей гордости, надменности, тщеславіи и честолюбивомъ стремленіи къ блеску, которыми увлекся во дни своего счастья [5]), и наконецъ по своей безхарактерности онъ зашелъ такъ же далеко, какъ и Петрарка. Кола началъ хвалиться именно

---

[1]) Papencordt Urk. 11. p. XX и Urk. 13 p. XXXVI.

[2]) Vita di Cola Lib. I. cap. 10.

[3]) Papencordt Urk. 12 p. XXVI. Urk. 13 p. XXXV: quamquam multi preeminentes, in mundo illam (famam mei nominis gloriosam) extinguere sitiant ob invidiam et timorem ne videlicet nomen meum gratum in Italia atque clarum nomen eorum obscurum faciet et neglectum.

[4]) Тамъ-же. Urk. 11 p. XXII.

[5]) Тамъ-же. Urk. 12 p. XXVI.

этимъ смиреніемъ и добровольнымъ отреченіемъ отъ любви къ славѣ [1]).

Крушеніе предпріятія, отъ котораго Петрарка ожидалъ новаго блаженства на землѣ, начала золотаго вѣка, было для него тяжкимъ ударомъ, тѣмъ болѣе, что онъ самъ побуждалъ къ нему и что теперь это помрачало славу его мудрости. Ему тяжело было отказаться отъ сладостной мечты и помириться съ дѣйствительностью. Поэтъ получилъ копію съ одного изъ самыхъ велерѣчивыхъ и сумасбродныхъ посланій трибуна. «Я нѣмѣю, не знаю, чтб отвѣчать», писалъ поэтъ. «Я узнаю судьбу нашей отчизны и куда ни обращаюсь, всюду встрѣчаю поводъ для жалобы. Если Римъ сокрушатъ, что станется съ Италіей? А если Италія будетъ поругана, то какая будетъ моя жизнь? Пускай при этой всеобщей и глубокой скорби одни помогаютъ деньгами, другіе тѣлесными силами, иные властью, а тѣ добрымъ совѣтомъ; — я не знаю, что могу дать, кромѣ—слезъ» [2]).

Конечно, не въ характерѣ Петрарки было спѣшить въ Римъ и самому приняться за дѣло. Онъ былъ такимъ же суетнымъ мечтателемъ въ своемъ скромномъ ученомъ кабинетѣ, какимъ Кола въ своемъ фантастическомъ предпріятіи. Поэтому Петрарка и теперь совѣтовалъ ему, выражаясь безцвѣтными общими мѣстами, не отдаваться въ руки самой дурной части народа, оберегать свою доблесть и славу, избѣгать забавныхъ глупостей и т. п. [3]). Разъ въ одномъ письмѣ онъ далъ Колѣ совѣтъ искоренить римскихъ враговъ свободы; теперь онъ хотѣлъ видѣть причину неудачи въ томъ, что трибунъ не послѣдовалъ этому совѣту, не обезоружилъ знати и ея приверженцевъ, когда они были въ его рукахъ. Петрарка былъ очень недоволенъ бѣгствомъ Колы изъ Рима. По его мнѣнію, трибуну слѣдовало лучше умереть славною смертью въ Капитоліи, чѣмъ явиться просящимъ милости у чешскаго короля и плѣнникомъ передъ авиньонскимъ папою. Впрочемъ онъ и теперь не хочетъ стыдиться своихъ прежнихъ восторговъ, такъ какъ прежде думалъ принять почетное участіе въ славѣ Колы, когда возбуждалъ его и воспламенялъ своими письмами. Онъ не могъ презирать того, на кого возлагалъ послѣднюю надежду въ дѣлѣ

---

[1]) Онъ писалъ къ Пражскому архіепископу (тамъ-же въ Urk. 20. p. LXV): Nullus est enim hominum, qui tantum (sibi) in pompe et vane glorie presumptione detraxerit, quantum ego meis accusationibus michi ipsi, nec plura de sumptis honoribus et operibus virtuosis, quam de huiusmodi meis delictis, scripture mee undique iam redundant.

[2]) Epist. rer. famil. VII, 5 отъ 22-го ноября 1347-го года.

[3]) Epist. rer. famil. VII, 7, къ Колѣ отъ 29-го ноября 1347-го года.

освобожденія Италіи, который на дѣлѣ осуществилъ его завѣтную мечту. «По истинѣ,—съ сожалѣніемъ восклицаетъ онъ,—это преступленіе, стоящее креста и позорной смерти, заставившее римлянина съ прискорбіемъ видѣть свой родной городъ, по праву властителя вселенной, рабомъ самыхъ жалкихъ людей!»—«Каковъ бы ни былъ конецъ, я не могу не удивляться началу!» [1]). Однако Петрарка ничего не сдѣлалъ для Колы, когда его привезли узникомъ въ Авиньонъ и когда онъ спрашивалъ о немъ, ища помощи. Поэтъ объявилъ съ жалкимъ смиреніемъ и реторическими сожалѣніями, что не можетъ заступиться за него. Онъ только взывалъ къ римлянамъ, умоляя ихъ вспомнить о своей доблести и, если у нихъ осталась хоть капля прежней крови, не отрекаться отъ разъ добытой свободы и ходатайствовать объ освобожденіи трибуна, оказавшаго имъ такъ много услугъ. Самъ онъ не прочь былъ умереть за истину, если его смерть полезна для республики [2]).

Разумѣется, республикѣ не помогали ни вопли Петрарки, ни его готовность умереть за отечество, однако весьма любопытно, какъ поэтъ еще судорожно хватается за проигранное дѣло римской свободы. Тутъ видна та родственная черта, которая связывала его съ Колою, какъ сыновей одного времени и поклонниковъ одной идеи, такъ что удивляясь одному, нельзя съ сожалѣніемъ пожимать плечами при мысли о другомъ.

Мы должны имѣть въ виду, что было время, когда еще не была *дознана на опытѣ* та простая истина, что можно быть великимъ ученымъ, даже всесвѣтнымъ мудрецомъ и все таки человѣкомъ неспособнымъ къ политической дѣятельности, когда самая популярная власть, іерархія, постоянно вела свою политику на основаніи широкихъ теорій. Тогда, мы поймемъ, что Петрарка могъ считать себя мудрецомъ и человѣкомъ непогрѣшимымъ и въ государственныхъ дѣлахъ, а что еще поразительнѣе, что его могло признавать такимъ большинство. Поэтъ нимало не разувѣрился, когда предпріятіе Колы, которое когда-то онъ восторженно привѣтствовалъ, завершилось какъ театральное представленіе; онъ самъ въ качествѣ литературнаго глашатая этой комической республики принималъ участіе во всѣхъ ея крайностяхъ и нелѣпостяхъ. Онъ остался при томъ убѣжденіи, что виною неудачи были лишь свойственныя людямъ слабости Колы. Онъ даже утѣшалъ себя тою мыслью, что постоянно совѣтовалъ умѣренность и справедливость.

---

1) Epist. rer. famil. XIII, 6, отъ 10-го августа 1352-го года.
2) Epist. s. tit. 4, у Fracassetti vol. III въ Appendix litt. epist. 1.

Поэтому тѣ литературныя сѣтованія, въ которыхъ онъ оплакивалъ господство трибуна, онъ серьезно считалъ достойною данью, приносимою благороднымъ римляниномъ своему отечеству.

Петрарка считалъ себя обязаннымъ на вѣки правомъ гражданства, которое дано было ему при его вѣнчаніи въ Капитоліи. Ему казалось, что по смерти трибуна Римъ взираетъ на него, какъ огорченная мать на сильнаго сына, на него возлагаетъ свою послѣднюю надежду, ожидая, что онъ заступится за нее своимъ мудрымъ совѣтомъ и славнымъ именемъ. Поэтому онъ сознавалъ необходимость покрайней мѣрѣ хоть словомъ бороться за свое отечество, такъ какъ не въ состояніи помочь ему дѣломъ. Папа назначилъ коммиссію изъ семи кардиналовъ, которая бы возстановила и улучшила расшатанный строй римскаго общественнаго управленія. Петрарка обратился къ этой коммисіи съ двумя записками, въ которыхъ съ помощію мудрости, почерпнутой у Ливія, хотѣлъ пособить этимъ прелатамъ, лишеннымъ классическаго образованія, стать на истинный путь [1]).

Ни въ чемъ не обнаруживалось такъ ясно самомнѣніе Петрарки и его неспособность отличить дѣйствительный міръ отъ міра своихъ ученыхъ занятій, какъ въ этихъ запискахъ. Главный вопросъ состоялъ въ томъ, слѣдуетъ ли допускать къ управленію городомъ только знать, или и простыхъ гражданъ. Петрарка прямо высказываетъ, что если хотятъ улучшить бѣдственное положеніе Рима, то нужно имѣть въ виду примѣръ той эпохи, когда городъ «изъ ничего поднялся до звѣздъ». Вотъ на какой руководящій принципъ указывалъ онъ коммиссіи: нѣтъ имени полнозвучнѣе (sonantius) имени римской республики, и одно имя древней царицы міра должно еще внушать уваженіе и къ скорбному Риму. Римскій народъ, граждане—поэтъ не говоритъ, какіе классы разумѣетъ подъ этимъ—представляются ему древнимъ плебсомъ, а знатныхъ онъ называетъ «чуждыми тиранами», гордыми и склонными къ разбоямъ. Эта знать злоупотребляетъ слишкомъ глубокимъ униженіемъ римскаго народа и обращается съ нимъ, какъ съ плѣнными карѳагенянами или кимврами. Извѣстно, что онъ не питаетъ ненависти къ фамиліи Орсини, а Колоннъ даже любитъ и уважаетъ, но ему дороже общественное благо, Римъ и Италія. Ну какъ только можно спрашивать, должны ли римскіе граждане получить доступъ въ сенатъ римскій! Напротивъ, они должны одни или по крайней мѣрѣ преимущественно составлять его, а чужеземные аристократическіе роды могутъ быть много если терпимы въ немъ. Въ доказатель-

[1]) Записки отъ 18-го и 24-го ноября 1351-го года въ Epistt. rer. famil. XI, 16. 17.

ство этого Петрарка ссылается на одно изреченіе Манлія Торквата. и когда онъ ставитъ въ образецъ знати Церковной области— Валерія Публиколу, Мененія Агриппу, Цинцинната, Фабриція и Курія, то римскую чернь, которая показала свою доблесть только при Колѣ ди Ріэнцо, онъ смѣшиваетъ съ ливіевскимъ populus romanus. «Какъ можетъ римскій народъ, восклицаетъ онъ, нѣкогда повелитель всѣхъ народовъ, не участвовать въ управленіи государствомъ въ Капитоліи, гдѣ онъ отражалъ сенонскихъ галловъ, гдѣ видѣлъ плѣнныхъ царей, влекомыхъ за тріумфальной колесницей, гдѣ выслушивалъ униженныхъ пословъ иноземныхъ народовъ, гдѣ сокрушалъ выю надменныхъ гражданъ?

Народъ Марса, никогда не имѣвшій въ мірѣ подобнаго себѣ, герои римской доблести, идущіе впереди въ свитѣ богини славы [1]), и Сципіонъ Африканскій старшій, его избранный любимецъ между ними, все это до ослѣпленія поражало Петрарку и производило на него впечатлѣніе какого-то яркаго сіянія, которое тѣмъ скорѣе вводило его въ заблужденіе. Какъ знатокъ древности, онъ принималъ себя за непогрѣшимаго оракула, а какъ человѣкъ знаменитый, считалъ своимъ долгомъ въ важныхъ вопросахъ, касающихся его отечества, класть на вѣсы и свое сужденіе. Не разъ умолялъ онъ авиньонскихъ папъ возвратиться въ осиротѣлый Римъ; эти мольбы принимали за отвлеченныя желанія поэта, чѣмъ въ сущности онѣ и были. Вѣдь самъ онъ не хотѣлъ жить въ Римѣ, не смотря на то, что былъ римскій гражданинъ. Не смотря на свой итальянскій патріотизмъ, онъ ради спокойствія или хлопотъ о бенефиціяхъ много лѣтъ прожилъ подъ тѣмъ же небомъ, въ томъ же Авиньонѣ, которымъ горько упрекалъ папъ и который называлъ самымъ ненавистнымъ мѣстомъ на всемъ земномъ шарѣ для всякаго, кто еще не долго жилъ тамъ и не успѣлъ пропитаться вавилонскимъ ядомъ [2]). Петраркѣ гораздо легче было бѣжать изъ этого Вавилона и удалиться въ Римъ, чѣмъ папамъ, связаннымъ разными политическими условіями!

Петрарку такъ часто прославляли, какъ патріота, и дѣйствительно, даже спустя цѣлые вѣка послѣ него никто такъ неустанно и такъ громогласно не роптал на бѣдствія своего отечества и не требовалъ его объединенія, возстановленія прежней славы его и господства. Но ни Италіи, ни Риму онъ не принесъ ни одной личной жертвы. Онъ ни разу не воспользовался своимъ вліяніемъ при дворахъ и въ республикахъ, или расположеніемъ къ себѣ владѣтель-

---

[1]) Trionfo della Fama cap. I, II, 3.

[2]) Epist. rer. famil. XII, 11. Будто Авиньонъ сталъ такъ ненавистенъ поэту только послѣ смерти Лауры, есть ложная мотивировка. Онъ самъ всегда говоритъ только въ тонѣ патріотическаго и нравственнаго негодованія.

ныхъ особъ для того, чтобы возбудить въ нихъ сочувствіе къ своимъ политическимъ идеаламъ. Какъ тщеславный ученый и поэтъ, онъ постоянно думалъ только о собственной славѣ и хотя самъ считалъ сильнымъ орудіемъ свое слово, которымъ любилъ отзываться на общественные вопросы, но другіе принимали это слово за прекрасную поэтическую мечту и отвѣчали любезностями даже тогда, когда онъ гнѣвался и каралъ. Петрарка вмѣшался въ войну Венеціи съ Генуей, какъ будто для умиротворенія достаточно однихъ хорошо расположенныхъ фразъ; въ Венеціи ему давали отвѣты лестные, но вѣжливо-уклончивые [1]). Поэтъ былъ и этимъ доволенъ. Онъ не разошелся ни съ одною изъ враждущихъ сторонъ и потомъ поздравлялъ побѣдителей. Петрарка ограничился тѣмъ, что повѣдалъ міру свою великую политическую идею: междоусобныя войны въ Италіи должны прекратиться и общія силы слѣдуетъ употребить на борьбу съ невѣрными и на освобожденіе святой земли— идея дешевая, часто проповѣдывавшаяся папами и всегда обнаруживавшая только ихъ безсиліе.

Когда дѣло Колы погибло безнадежно, когда трибунъ томился въ пражской тюрьмѣ, Петрарка перенесъ свои политическія мечтанія на другую личность, хотя прозаическое благоразуміе ея составляло полнѣйшій контрастъ съ бреднями римскаго фантазера. Чтобы возвратить прежнюю славу Италіи и Риму, который Кола повергъ въ еще большія смуты, онъ умолялъ Карла IV предпринять походъ за Альпы, отъ котораго ожидалъ возстановленіе всемірнаго античнаго господства. Совершенно иной оборотъ приняло это дѣло, къ которому одинъ относился какъ мечтатель, а другой тѣмъ искуснѣе умѣлъ избѣжать трагическаго, или, пожалуй, забавнаго исхода. Во всякомъ случаѣ литературныя сношенія съ королемъ и императоромъ были почетнѣе, чѣмъ съ бѣднымъ нотаріусомъ, явившимся въ Авиньонѣ. Вѣроятно, на Петрарку повліялъ примѣръ Данта, хотя это не доказано. Но посланіе Данта къ Генриху VII было политическою исповѣдью; поэтъ въ то же время обнародовалъ воззваніе ко всѣмъ итальянцамъ [2]). Петрарка же сближается съ королемъ больше какъ писатель, которому желательно сойтись съ высокимъ меценатомъ; онъ набивается ему и въ политическіе совѣтники, но въ частномъ письмѣ. Вѣроятно, онъ слышалъ также, что Карлъ и окру-

---

[1]) Переписка въ Lib. epist. variar. 1—4 базельскаго изданія: оба посланія Петрарки помѣщены также въ ed. Fracassetti epistt. rer. famil. XI, 8 и XVIII, 16. Сюда же относится epist. XIV, 5 къ дожу и генуэзскому совѣту.

[2]) Dantis Allighierii Epistolae cum notis Caroli Witte, Patavii 1827, p. 19, 30.

жающія его образованныя духовныя особы обнаружили замѣчательно теплое участіе къ заключенному трибуну, тоже пытавшемуся побудить его принять императорскую корону и снова возстановить римскую имперію. Заставляя Римъ въ образѣ сѣдовласой матроны въ разодранномъ рубищѣ держать рѣчь къ королю, въ которой она приглашаетъ его въ Италію для возстановленія свободы, онъ въ тоже время изображаетъ все величіе исторіи древняго Рима. Петрарка хвалитъ мудрость короля, но старается внушить ему высшую мудрость, представителемъ которой служитъ самъ онъ, именно стремленіе къ славѣ. Онъ льститъ ему, увѣряя, что по образованію считаетъ его не нѣмцемъ, а итальянцемъ,—онъ, который вообще любитъ проповѣдывать объ изгнаніи чужеземцевъ изъ Италіи и даже признаетъ чужеземцами Колоннъ и Орсини [1]). Такъ какъ онъ больше года не получалъ отвѣта, то во второмъ письмѣ напоминалъ королю, «что полезно для его славы и для общественнаго блага [2])». Однако отвѣтъ, дошедшій до поэта лишь чрезъ три года, былъ посланъ немедленно [3]). Карлъ выразилъ свое дружеское расположеніе къ славному «обитателю Геликона», но въ мягкой формѣ отклонилъ его навязчивый совѣтъ. Онъ превосходно объяснилъ ему, что теперь уже они не въ древнемъ мірѣ и не въ древней римской имперіи, что и герои той эпохи являются передъ ними въ поэтической идеализаціи. Онъ далъ понять поэту, что политикою нельзя управлять посредствомъ школьныхъ фразъ. Какъ ни любилъ Петрарка вообще стоять на своемъ, однако тотчасъ же заявилъ, что въ такихъ вопросахъ онъ не рѣшается спорить съ королемъ; впрочемъ онъ остался при своемъ мнѣніи, что свѣтъ все тотъ же, только люди стали не такъ энергичны. Ему пришла въ голову несчастная мысль сослаться на успѣхъ Колы въ доказательство того, что и въ данное время можно еще совершать великіе подвиги, особенно если вмѣсто бѣднаго трибуна во главѣ движенія станетъ король [4]).

---

[1]) Еще въ epist. rer. famil. XI, 13 въ Акчіайоли призываетъ онъ небо на помощь, ut corpus italicum labe barbarica purgatum medullitus agnoscam. Извѣстно, какъ часто возвращается онъ къ этой темѣ въ своихъ стихотвореніяхъ.—Первое письмо его къ Карлу IV, epist. rer. famil. X, 1 очевидно вѣрнѣе отнесено Іегеромъ и затѣмъ Пальмомъ (Italienische Ereignisse in den ersten Jahren Karl IV, Göttingen 1873, s. 56. 60) къ 24-му февраля 1351-го года, чѣмъ Фракассети къ 1350-му году. Въ такомъ случаѣ нельзя отрицать отношенія къ судьбѣ Колы въ Прагѣ.

[2]) Epist. rer. famil. XII, 1.

[3]) У De Sade T. II п. 34.

[4]) Epist. rer. famil. XV, 1 отъ 23-го ноября. Конечно, мы не можемъ отнести этого письма къ 1354-му году, какъ это сдѣлалъ Фракассетти, такъ какъ Карлъ тогда уже

Послѣ подобной переписки намъ нисколько не удивительно, что Петрарку не приглашали къ участію въ политическихъ переговорахъ, когда Карлъ IV въ октябрѣ 1354 г. дѣйствительно перешелъ Альпы. Съ восторгомъ привѣтствовалъ его поэтъ, который, конечно, видѣлъ въ этомъ вліяніе своихъ посланій, и сулилъ ему вѣчную славу, хотя король явился не во главѣ войска, а лишь съ небольшой свитой придворныхъ [1]). Только тогда, когда кончились переговоры съ послами въ Мантуѣ, король пожелалъ лично привѣтствовать знаменитаго ученаго и пригласилъ его къ себѣ чрезъ посланнаго. 16 декабря пріѣхалъ Петрарка въ Мантую [2]), былъ любезно принятъ и провелъ цѣлый день въ дружеской бесѣдѣ съ государемъ. Слѣдовало ожидать, что патріотъ воспользуется этимъ случаемъ и еще разъ сообщитъ королю свои пылкія желанія «касательно общей всѣмъ матери Италіи и главы ея, Рима». Но въ сообщеніи его другу Лелію, Колоннѣ, нѣтъ рѣчи о подобныхъ политическихъ бесѣдахъ. Король оказался гораздо выше ученаго поэта по знанію людей и такту, смотрѣлъ на него лишь какъ на литературную знаменитость и, кажется, забавлялся его тщеславіемъ. Прежде всего, разумѣется, говорили о погодѣ, о сильномъ зимнемъ холодѣ. Затѣмъ король спросилъ у Петрарки о его трудахъ и пожелалъ, чтобы онъ посвятилъ ему одно изъ своихъ произведеній, всего лучше книгу de viris illustribus. Но она еще была далеко не кончена. Онъ съ радостью принялъ нѣсколько императорскихъ монетъ, поднесенныхъ въ подарокъ Петраркою, но, повидимому, не понялъ того, что ими въ немъ хотѣли возжечь стремленіе къ всемірному господству и славѣ. Король просилъ Петрарку подробно разсказать исторію своей жизни и своими вопросами внушилъ поэту пріятную мысль, что его личность хорошо извѣстна и по ту сторону Альпъ. А когда поэтъ заговорилъ о своемъ любимомъ конькѣ, объ уединеніи, котораго онъ любитъ искать въ горахъ и вѣсяхъ, а иногда, какъ теперь, и въ городахъ, то король улыбнулся. Когда же Петрарка въ долгомъ и шутливомъ спорѣ по этому поводу упомянулъ и о

былъ въ Италіи. Оно относится, слѣдовательно, къ 1353-му году, и разсчетъ Петрарки о трехъ годахъ не можетъ быть вѣрнымъ.

[1]) Epist. rer. famil. XIX, 1.

[2]) Что извѣстіе о присутствіи Петрарки въ Удинѐ, помѣченное 14-мъ окт. 1354-го года Губеромъ въ Regesten Karl's IX, явилось по ошибкѣ, и что вообще эта помѣтка относится къ второму римскому походу Карла, указалъ уже Werunsky Der erste Römerzug Kaiser Karls IV, Innsbruck 1878. p. 2 и затѣмъ призналъ самъ Губеръ въ Lit. Centralblat. И то, что разговоръ въ Мантуѣ имѣлъ мѣсто только 24-го декабря, какъ это можно заключить по датѣ epist. rer. famil. XIX, 2, кажется тоже есть результатъ ошибки въ этой датѣ.

своей недавно изданной книгѣ объ уединеніи, то король прервалъ его. Онъ сказалъ, что знаетъ ее и если она ему попадетъ въ руки, то броситъ въ огонь. Очевидно, ему казался забавнымъ этотъ философъ уединенія, который уже съ давнихъ поръ основалъ свое мѣстопребываніе у Висконти въ Миланѣ и весьма охотно пользовался милостями владѣтельныхъ особъ и знати. Вслѣдствіе тонкой любезности короля, Петрарка не замѣтилъ, какую жалкую роль игралъ онъ передъ его величіемъ, онъ, пламенный проповѣдникъ идеальной классической политики. Возвышенныя мечты Петрарки были скорѣе созданіемъ его пера, чѣмъ вожделѣніемъ сердца [1]).

Петрарка отклонилъ отъ себя предложеніе сопровождать короля въ Римъ. Онъ, по крайней мѣрѣ, не былъ очевидцемъ императорскаго коронованія, чуждаго всякаго блеска, и поспѣшнаго отъѣзда коронованнаго, случившагося до наступленія ночи. Мы знаемъ, что это было слѣдствіемъ сдѣлки, заключенной нѣкогда Карломъ въ Авиньонѣ. Поэтъ, по видимому, никогда не подумалъ о томъ, что онъ вызываетъ на великій гибеллинскій подвигъ короля, обязаннаго попамъ. Этимъ объясняется его теперешнее безграничное разочарованіе, когда императоръ, достигшій своей ближайшей цѣли и вообще смотрѣвшій на Италію, какъ на источникъ доходовъ, спѣшилъ домой какъ бѣглецъ. Петрарка излилъ свою досаду въ письмѣ, наполненномъ бранныхъ укоровъ, написанномъ почти въ тонѣ инвективы [2]). Его часто хвалили за мужественную смѣлость, высказанную въ этомъ письмѣ. Можно было подумать, что въ это время отношенія между ними порвались навсегда, и дѣйствительно, въ ихъ перепискѣ наступаетъ шестилѣтній перерывъ. Но императоръ охотно простилъ мечтателя; онъ послалъ подарки знаменитому мужу и звалъ его къ себѣ въ Богемію. Намъ придется еще въ другомъ отдѣлѣ говорить о важныхъ послѣдствіяхъ этихъ сношеній для литературы. Здѣсь замѣтимъ только, что Петрарка и не противился приманкѣ. И здѣсь мы съ удивленіемъ видимъ, что никакой опытъ ничему не научаетъ суетнаго мечтателя: поэтъ тотчасъ же снова начинаетъ увѣщевать императора явиться въ Италію и возстановить величіе Рима и имперіи. Его не смущало то, что онъ уже «прокричалъ все горло» по этому поводу. По истинѣ, онъ сдѣлалъ съ своей стороны все, чтобы снова дать міру римскаго Августа [3]).

---

[1]) Извѣстія объ ихъ встрѣчѣ въ epist. rer. famil. XIX, 3 къ Лелію-Колоннѣ отъ 25-го февраля 1355-го года. Характеристично, какъ Петрарка въ epist. XIX, 4 рекомендуетъ этого друга королю. Объ этихъ происшествіяхъ ср. Friedjung p. 299.

[2]) Epist. rer. famil. XIX, 12.

[3]) Новая серія воззваній къ императору начинается въ epist. rer. famil. XXIII, 2 отъ 21-го марта 1361 года, принятаго и Іегеромъ. Здѣсь опять говорится: Surgo,

Подробно разсмотрѣвъ непрошенное участіе идеалога въ дѣлахъ общественныхъ и въ дѣлахъ церкви по отношенію къ Колѣ и Карлу IV, мы можемъ обойти молчаніемъ подобные же, но менѣе важные случаи, о которыхъ знаемъ по письмамъ. Петрарка терпѣлъ одинаковую неудачу всегда, когда вмѣшивался въ политику, и долженъ былъ утѣшаться тѣмъ, что всѣ охотно признавали возвышенность его мыслей и рѣчей. Политика была дѣломъ такихъ людей, какъ кардиналъ Альборноццо, который походилъ на великихъ римскихъ государственныхъ дѣятелей, хотя, быть можетъ, никогда не читалъ о нихъ.

Каждая страница дальнѣйшаго изложенія покажетъ намъ, что римская древность не была только предметомъ изученія для Петрарки, но проникала все его міросозерцаніе. На классическомъ языкѣ и подъ угломъ зрѣнія древности все тотчасъ же получаетъ иную окраску, и Петрарка продолжалъ бы оставаться въ этомъ неестественномъ полусвѣтѣ, словно какой повихнувшійся мечтатель или лунатикъ. Но борьба съ преданіемъ, къ которой онъ былъ призванъ, борьба внутренняя и могучее пробужденіе личнаго сознанія поддержали равновѣсіе между его мечтами и дѣйствительнымъ міромъ.

Отличительная черта генія та, что онъ не сознаетъ во всей полнотѣ ни того вліянія, какое производитъ на окружающихъ, ни тѣхъ силъ, какія кроются въ немъ. Тотъ шагъ впередъ, который сдѣланъ имъ въ одной области, быть можетъ, не самой важной, отражается и въ другихъ, которыхъ онъ едва коснулся, и однако только въ нихъ получаетъ полное значеніе. Тамъ, гдѣ результаты очевидны и осязательны, какъ напр. въ сферѣ техническихъ изобрѣтеній, легче указать и взаимную связь. Напротивъ, умственная дѣятельность и пропаганда чисто духовныхъ стремленій не поддаются опредѣленію и въ нихъ есть нѣчто демоническое. Мы замѣчаемъ ихъ по рѣчамъ и письменнымъ памятникамъ, по мыслямъ и поступкамъ, но не всегда бываемъ въ состояніи передать на словахъ и письменно то, что думаемъ. Поэтому легко сказать, что Петрарка внесъ въ умственное броженіе новаго міра принципъ **гуманизма**. Но вмѣсто того, чтобы объяснять, что мы въ сущности разумѣемъ подъ гуманизмомъ, и разлагать это понятіе на его составные элементы, мы лучше изобразимъ борьбу Петрарки со всѣми тѣми явленіями, которыя были противоположностью или помѣхою гуманизму. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы

---

inquam, surge iam Imperator, et clamorem urbis atque orbis te vocantis exaudi etc. Затѣмъ слѣдуютъ epistt. XXIII, 8, 15, 21. Впрочемъ, порядокъ этихъ писемъ недостовѣренъ.

ограничимся пока сферою научныхъ стремленій и отдѣльными отраслями науки, такъ какъ тутъ Петрарка съ особенною ясностью сознавалъ, чему слѣдуетъ положить конецъ, какъ предразсудку и пошлой рутинѣ.

Онъ смѣло, но мало по малу и съ разныхъ сторонъ приступалъ къ дѣлу. Вся ученость въ томъ видѣ, какъ ее создала схоластика, казалась ему безобразною кучею отбросковъ, въ которой не кроется ни одной золотой крупинки истины и мудрости. Поэтому она только вредитъ дѣлу, и ее слѣдуетъ удалить безъ всякихъ околичностей. Въ его глазахъ цѣнно только то, что имѣетъ прямое отношеніе къ человѣку. Для него никакая ученость не имѣетъ права на уваженіе, если конечная цѣль ея не имѣетъ ничего общаго съ цѣлью человѣческой жизни. Поэтому Петрарка въ особенности полонъ презрѣнія и благороднаго негодованія тогда, когда ему приходится говорить о ремесленномъ характерѣ дѣятельности схоластиковъ. Для него совершенно невѣроятно, чтобъ она могла дать пищу уму и быть избрана по влеченію. «Эти люди», говоритъ онъ, «смотрятъ на науку только какъ на средство для добыванія денегъ, какъ на продажный товаръ; даже тѣ изъ нихъ, которые посвящаютъ себя такъ называемымъ свободнымъ искусствамъ, едва лишь поступятъ въ школу, какъ уже думаютъ о вознагражденіи. Эти мелочные торговцы продаютъ по дешевой цѣнѣ умъ и даръ слова, поэтому достойны бо́льшаго презрѣнія, чѣмъ морякъ или земледѣлецъ, которые пользуются для наживы только своими руками и физической силой [1])». Петрарка осмѣиваетъ степени магистра и доктора, которыя просто въ силу громкихъ титуловъ вдругъ превращаютъ глупца въ кичливаго мудреца [2]). Университеты, на его взглядъ, притоны много думающаго о себѣ невѣжества. Если онъ при случаѣ почтительно называетъ славный парижскій университетъ «матерью учености», или «великимъ университетомъ», то лишь въ тотъ моментъ, когда послѣдній предложилъ ему вѣнокъ поэта, такъ что онъ не могъ умалять его достоинства, не умаляя своего собственнаго [3]).

Истинный ученый для него человѣкъ стремящійся, а наука — помощница добродѣтели. Поэтому онъ полагаетъ, что историкъ, философъ, поэтъ и богословъ должны соединяться въ одномъ лицѣ. Схоластикъ старается по возможности рѣзко разграничить научныя области, а Петрарка, какъ гуманистъ, стремится слить ихъ въ

---

[1]) Rer. memorand. Lib. I Opp. p. 456): de vita solitaria lib. 1. sect. IV. cp. 1. et al.
[2]) De vera sapientia Dila, 1 (Opp. p. 365).
[3]) Epist. rer. famil. IV, 5. 6.

одно цѣлое, какъ мощное орудіе человѣческаго образованія. Если кто нибудь спроситъ его, какую отрасль онъ изучаетъ, то онъ отвѣтитъ, что желаетъ быть не знатокомъ, но скромнымъ поклонникомъ только одной науки, стремиться къ ней, но не обладать ею, и это—наука, совершенствующая его. Далѣе онъ вообще называетъ ее «добродѣтелью и истиною [1])».

Эту мѣрку Петрарка прилагаетъ къ научнымъ стремленіямъ другихъ и показываетъ ихъ ограниченность или ничтожество. Грамматикъ, по его словамъ, строго держится законовъ языка, но какъ легко онъ относится къ вѣчнымъ Божескимъ законамъ! Поэтъ скорѣе готовъ сдѣлать промахъ въ жизни, чѣмъ въ стихахъ. Историкъ заботится о дѣяніяхъ государей и народовъ, но не можетъ отдать отчета въ своемъ собственномъ кратковременномъ существованіи. Ариѳметикъ и геометръ все хотятъ пересчитать и измѣрить, только не знаютъ, что дѣлать съ своей душею. Музыканты совсѣмъ отдались своимъ звукамъ, но не пекутся о гармоніи своихъ поступковъ. Астрономы вычисляютъ по звѣздамъ, что произойдетъ съ городами и государствами, но не обращаютъ вниманія на то, что дѣлается съ ними самими въ повседневной жизни. Они напередъ видятъ затмѣніе солнца и луны, но не замѣчаютъ затмѣнія своего собственнаго ума. Философы изслѣдуютъ основную причину всѣхъ вещей и не знаютъ ничего о Богѣ Творцѣ; они изображаютъ добродѣтели, но не слѣдуютъ имъ на дѣлѣ. Богословы стали діалектиками, если только не софистами; они не хотятъ быть любящими сынами Бога, а знатоками науки о немъ, да и то лишь казаться таковыми. Даже тѣ, которые избираютъ предметомъ своего изученія краснорѣчіе—въ этомъ случаѣ Петрарка не исключаетъ и себя,—конечно, остерегаются употреблять въ рѣчи нелитературныя и пошлыя выраженія, однако не боятся пошлости въ жизни. «О если бы ты зналъ, восклицаетъ онъ при этой мысли, обращаясь къ другу, — какое страстное влеченіе овладѣваетъ мною, какъ горитъ во мнѣ желаніе поучать и подробно говорить объ этомъ [2]).

Это-то пылкое желаніе, это-то неустанное стремленіе и показываетъ намъ умъ Петрарки во всей его высотѣ. Когда же онъ дѣйствительно принимается подробнѣе развивать и обосновывать это высшее ученіе, которое съ такою многообѣщающею силою просилось наружу, то онъ или затрудняется или впадаетъ въ суетное многорѣчіе. Однако мы сначала изобразимъ его борьбу съ отдѣль-

[1]) Epist. rer. senil. XII, 2 (Opp. p. 1004).

[2]) Epist. rer. famil. XVI, 14. Часть вышеприведенныхъ словъ живо напоминаетъ слова Августина (Confess. Lib. I. cap. 18. 19)

ными отраслями науки, которыя считались наиболѣе важными въ университетахъ, или вообще по мнѣнію людей. Правда, тутъ онъ скорѣе являлся полемическимъ писателемъ, чѣмъ преобразователемъ; онъ судилъ рѣзко, запальчиво и односторонне. Но примемъ во вниманіе, что прежде, чѣмъ приступать къ постройкѣ новаго зданія, всегда сначала нужно убрать ненужный мусоръ, что скептицизмъ всегда предшествуетъ самостоятельному изслѣдованію и одинъ человѣкъ, конечно, можетъ выступить обновителемъ науки вообще, но не всѣхъ отдѣльныхъ наукъ. Петрарка не всегда велъ эту борьбу въ особыхъ сочиненіяхъ, написанныхъ съ спеціальною цѣлью нападать. Она проходитъ чрезъ всѣ его произведенія; въ особенности его трактаты и письма проникнуты духомъ этой непрерывной мелкой войны. Мы видимъ и здѣсь его стремительные порывы, видимъ, какъ онъ, то серьезно нападая, то съ шутливою улыбкою и торжественнымъ укоромъ идетъ постоянно къ одной цѣли.

Прежде всего онъ зоветъ къ суду астрологовъ, алхимиковъ и всѣхъ тѣхъ обманутыхъ обманщиковъ, которые утверждаютъ, что съ помощію своего искусства могутъ узнать будущую судьбу человѣка или вывѣдать у природы ея тайны. Быть можетъ, неутомимое повтореніе однихъ и тѣхъ же нападокъ, направляемыхъ противъ нихъ, вызоветъ у насъ улыбку, и конечно, то, что онъ говорилъ, для насъ—общія мѣста. Но онъ говорилъ это въ такое время, когда придворный астрологъ принадлежалъ къ числу самыхъ выдающихся ученыхъ, когда въ Болоньѣ и Падуѣ открыты были особыя каѳедры для этой науки, когда Церковь еще не осмѣливалась строго отдѣлить отъ вѣры восточную тауматологію, проникшую въ науку и жизнь вслѣдствіе общеній съ востокомъ, когда эта Церковь сама еще раздѣляла это суевѣріе и считала его фикціи за реальности, хотя осуждала и карала ихъ, какъ наважденіе злаго духа, когда еще ей нуженъ былъ міръ злыхъ духовъ, какъ противоположность ея искупляющей силѣ. Тогда, безъ сомнѣнія, нужно было много мужества, для того чтобы такъ безпощадно и безусловно клеймить обманъ и суевѣріе, какъ это дѣлалъ Петрарка. Хотя послѣдніе просуществовали еще цѣлые вѣка, все таки гуманизмъ неотложно взялъ на себя задачу борьбы съ ними, какъ наслѣдіе своего праотца, и довелъ ее почти до конца.

Не обращая вниманія на разнообразныя отношенія Церкви къ суевѣрнымъ взглядамъ, Петрарка въ своей полемикѣ опирается отчасти на древность, а главнымъ образомъ на то свободное воззрѣніе, какое выработалъ его умъ. Онъ зналъ, что уже и образованные римляне, какъ напр. Цицеронъ, относились съ презрѣніемъ къ суевѣрію простаго народа. Августинъ ратовалъ противъ него

вооруженный догматическими и философскими доводами [1]). Петрарка не могъ придавать вѣры разнымъ гаданіямъ, оракуламъ и изреченіямъ Сивиллы, о которыхъ читалъ у Ливія. Примѣненіе къ нимъ критики изощрило его умъ для разоблаченія всякихъ подобныхъ шарлатанствъ, встрѣчавшихся ему въ жизни. Но съ другой стороны во всемъ этомъ онъ уже видитъ не наважденіе злаго духа, а только обманъ и глупость, подобно Цицерону. Петрарка полагаетъ, что вѣрить въ нихъ недостойно разумнаго человѣка, а тѣмъ болѣе философа. Онъ отвергалъ даже на раціональныхъ основаніяхъ вѣру въ предчувствія и сны. Однажды ему явился во снѣ самый дорогой другъ его, Джіакомо Колонна, епископъ Ламбезскій, блѣдный какъ мертвецъ, а чрезъ 25 дней спустя это сновидѣніе оказалось фактомъ Онъ все таки не хотѣлъ вѣрить въ сны и полагалъ, что съ нимъ было тоже, что съ Цицерономъ, сонъ котораго случайно сбылся. И такъ, чтобы разоблачить шарлатанство и преодолѣть легковѣріе, Петрарка обращался только къ здравому человѣческому смыслу, который выводитъ уроки жизни изъ повседневнаго опыта. Астрологи, по его словамъ, не знаютъ, что происходитъ на небѣ, но настолько безстыдны, что прикидываются знающими, да и къ какой же наглой лжи они прибѣгаютъ, чтобы поддержать уваженіе къ себѣ! Они говорятъ такія вещи, которыя знаетъ одинъ Богъ, и скорѣе готовы болтать вздоръ, чѣмъ сознаться въ своемъ невѣжествѣ. Людямъ достойнымъ, а въ особенности такимъ, которые могутъ похвалиться научнымъ образованіемъ, стыдно было бы придавать значеніе ихъ плутовству и тревожиться, если напр. они по продолжительной конъюнктурѣ Марса съ Сатурномъ предскажутъ великое бѣдствіе. Только глупая чернь всегда хлопочетъ о томъ, что таится въ будущемъ. Есть единое Существо, управляющее какъ звѣздами, такъ и людьми; отъ Его благой десницы должны мы ожидать нашей судьбы и принимать ее; такъ учитъ св. Писаніе. А слѣпаго рока не существуетъ. Съ особеннымъ торжествомъ разсказываетъ Петрарка о томъ, какъ онъ однажды заставилъ миланскаго придворнаго астролога сознаться, что обо всемъ этомъ въ сущности онъ думаетъ такъ же, какъ и Петрарка, но принужденъ зарабатывать себѣ средства къ жизни своимъ искусствомъ [2]).

---

[1]) Петрарка повторяетъ ихъ воззрѣнія и приводимыя ими основанія въ epist. rer. famil III, 8. Сюда же относятся Rer. memorand. lib. IV cap. 3, 4, 8.

[2]) De remed. utr. fortunae lib. I. dial. 111, 112; epist. rer. senil. I, 6. III, 1. et al. Любопытно знать, кто изъ современниковъ Петрарки стоялъ на его сторонѣ въ такой борьбѣ. Болѣе другихъ, можетъ быть, Джованни Виллани, но какъ слабы его нападки на астрологическую науку какого-нибудь Чекко д'Асколи (Chronica X, 40).

Отъ астрологовъ, вся наука которыхъ есть чистое шарлатанство, оставался одинъ шагъ до врачей, которые, дѣйствительно, оказались такими же шарлатанами. Петрарка любилъ выставлять дѣло въ такомъ свѣтѣ, будто врачи первые раздражили его, отзываясь неуважительно о поэзіи. А въ дѣйствительности ссору затѣялъ онъ самъ. Во время болѣзни папы Климента VI онъ безъ всякаго повода написалъ ему письмо, въ которомъ предостерегалъ отъ лѣкарей, какъ невѣжественныхъ обманщиковъ [1]). Папскому лейбъ медику показалось страннымъ, что Петрарка вмѣшивается въ такое дѣло. въ которомъ ничего не знаетъ: пусть поэтъ остается при своемъ лживомъ ремеслѣ. Петрарка написалъ противъ него тѣ четыре книги своихъ инвективъ, которыя заслуживаютъ нашего вниманія какъ первыя произведенія новаго времени въ этомъ родѣ [2]). Онъ сталъ защищать поэзію тѣми доводами, которые мы изложили выше, а на практику врачей напалъ съ язвительнымъ глумленіемъ и самъ себя льстилъ надеждою, что «навсегда уничтожилъ своего врага». Своимъ проницательнымъ взглядомъ онъ, дѣйствительно, подмѣтилъ много смѣшнаго въ ихъ дѣятельности: болтовню насчетъ пульса, разныхъ снадобій, критическихъ дней и чудодѣйственной силы несчетнаго множества ихъ средствъ. Онъ былъ столь знаменитъ, что его смѣлыя нападки обратили на себя вниманіе. Въ Авиньонѣ онъ часто спорилъ съ лейбъ-медиками папъ и кардиналовъ, а они всегда платили ему презрительными отзывами объ его искуствѣ, поэзіи. Чѣмъ болѣе раздражали его, тѣмъ рѣзче становились его взгляды на медицину. Петрарка проводилъ ихъ и въ жизни и проповѣдывалъ въ своихъ сочиненіяхъ съ такимъ жаромъ, что могло показаться даже страннымъ. Уже въ старости, когда поэтъ не шутя сталъ прихварывать, онъ любилъ хвалиться тѣмъ, что не допускаетъ къ себѣ врачей, а если по какимъ нибудь соображеніямъ и принимаетъ ихъ, то не слѣдуетъ ихъ наставленіямъ [3]).

Но въ личныхъ отношеніяхъ и имъ руководилъ по малой мѣрѣ настолько же и капризъ, насколько убѣжденіе. Важнѣе тѣ доводы,

---

1) Epist. rer. famil. V, 19 отъ 13-го марта 1352-го года.

2) Эти Libri IV Invectivarum contra medicum quendam (Opp. p. 1200—1233) были, навѣрно, написаны постепенно во время спора. Въ epist. rer. famil. XII, 5 отъ 18-го января 1352-го года, гдѣ говорится о болѣзни папы, не упоминается еще о письмѣ противъ его медика; о немъ заходитъ рѣчь въ epist. XV, 5 и 6 отъ 3-го и 17-го апрѣля 1352-го года. Послѣдняя инвектива помѣчена 12-го іюля (1352?). Папскимъ лейбъ-медикомъ по предположенію Де Сада былъ Жанъ д'Алансъ или Гвидо де Шоліакъ.

3) Cf. epist. rer. senil. XII, 2. XIV, 8 et al. Однако онъ былъ въ дружественныхъ сношеніяхъ съ нѣсколькими знаменитыми врачами, имена которыхъ Фракассети приводитъ въ примѣчаніи къ epist. rer. famil. XXII, 12.

которые онъ выставляетъ противъ практики врачей. Конечно, онъ не зналъ ихъ науки, однако для него было ясно, что до его времени она не была наукою, а потому или должна сознаться въ своемъ безсиліи, или искать новыхъ путей. И въ этой области онъ первый отнесся съ невѣріемъ къ старой системѣ. Поэтому Петраркѣ принадлежитъ почетное мѣсто въ исторіи медицины. Всего прямѣе высказывается онъ тогда, когда вообще не нападаетъ на ненавистное сословіе шарлатановъ въ насмѣшливомъ полемическомъ тонѣ, а сдержанно выражаетъ свое мнѣніе уважаемымъ друзьямъ, какъ напр. знаменитому врачу и физику Джіованни де' Донди. Онъ вовсе не отрицаетъ существованія медицинской науки, но не можетъ допустить, чтобы современные ему врачи или ихъ предшественники знали ее. По его мнѣнію, и древніе въ этомъ случаѣ не оказываютъ помощи; мы вѣдь не знаемъ, какъ собственно лѣчилъ Гиппократъ, а Галену, какъ хвастуну, нельзя особенно довѣрять, и вообще греческіе врачи не могутъ лѣчить больныхъ, живущихъ въ другой странѣ, такъ какъ природа ея другая. Арабскіе медики, на его взглядъ, заслуживаютъ полнѣйшаго презрѣнія. Если древніе врачи не удостоиваются его почета, то откуда же взяли свои знанія новые? Въ его глазахъ они очень близко подходятъ къ астрологамъ, занимаются лживымъ и къ тому же грязнымъ ремесломъ и сущіе шарлатаны; имъ бы слѣдовало сознаться въ своемъ невѣжествѣ. Они злоупотребляютъ легковѣріемъ и любовью къ жизни глупой толпы, которая съ уваженіемъ относится къ ихъ таинственнымъ пріемамъ и словамъ и считаетъ ихъ варварскія названія лѣкарствъ греческою мудростью. Когда они приводятъ афоризмы Гиппократа, которыхъ не понимаютъ, то берутъ на себя такой гордый видъ, будто у нихъ небо подъ ногами и всѣ тайны природы открыты имъ. Петрарка не вѣритъ и въ ихъ опытность, потому что силы природы слишкомъ глубоко скрыты. Притомъ, по его мнѣнію, слишкомъ заботиться о поддержаніи жизни противно религіи и философіи. Слѣдуетъ жить согласно съ природою, а если она не помогаетъ, положиться на Бога, а не на Гиппократа и уже никакъ не на его невѣжественныхъ учениковъ, которые, уморивъ человѣка, требуютъ еще за это большихъ денегъ.

На практикѣ съ этимъ стоицизмомъ случались часто странныя вещи. Больному Манфредо Піо, владѣтелю Капри, Петрарка рекомендовалъ отличнаго врача, а кромѣ того прислалъ одно, по его мнѣнію, хорошее средство, котораго не могъ прописать никакой Гиппократъ, именно — совѣтъ поручить себя Богу и твердо перенесть физическія страданія, даже смерть. Между прочимъ самъ онъ въ случаѣ болѣзни, помимо своей философіи, обращался и къ врачамъ.

Когда въ Миланѣ начала обнаруживаться чума, то онъ съ высоты своего стоицизма поучалъ одного врача, что не слѣдуетъ бѣжать отъ смерти, такъ какъ она вездѣ можетъ постичь человѣка. Поэтому онъ намѣренъ спокойно ожидать той участи, какая назначена ему свыше. Однако, когда чума началась, то поэтъ не выдержалъ и удалился сначала въ Падую, а потомъ въ Венецію [1]).

Кромѣ медицины и правовѣдѣніе было тоже выгодной наукой, и одно это уже давало Петраркѣ поводъ относиться къ ней съ презрѣніемъ съ заоблачныхъ высотъ своей философіи. По его сочиненіямъ не замѣтно, что онъ самъ семь лѣтъ изучалъ права, хотя по принужденію и съ неохотою. По видимому, единственнымъ плодомъ его университетскихъ занятій было отвращеніе къ этой наукѣ и вслѣдствіе этого болѣе глубокое убѣжденіе въ своемъ гуманистическомъ призваніи. Однако къ изученію права и къ юристамъ онъ относился мягче, чѣмъ къ медицинѣ и врачамъ. Или воспоминаніе о годахъ подневольныхъ занятій было такъ непріятно для него, что не хотѣлось и думать о нихъ, или онъ не выяснилъ себѣ своего взгляда. Однако онъ принималъ близко къ сердцу, что древніе римляне такъ высоко цѣнили изученіе права. Притомъ гражданское право Италіи, хотя и искаженное, все таки была наука, покоившаяся на древней основѣ, и гражданская жизнь не могла обойтись безъ судейскихъ рѣшеній. Петрарка не особенно глубоко проникъ въ эту область. Онъ не могъ отдѣлить историческаго взгляда отъ практики и понять ихъ необходимую связь. Поэтъ былъ того мнѣнія, что цвѣтущая эпоха изученія римскаго права совпадаетъ съ высшимъ развитіемъ краснорѣчія при Цицеронѣ, а потомъ дѣло ограничилось простымъ знаніемъ права. Петрарка едва ли былъ знакомъ съ римскими спеціалистами права, цѣнить которыхъ и по отношенію къ языку училъ впослѣдствіи Валла. Онъ, вѣроятно, никогда не видалъ Юстиніанова кодекса и всегда говорилъ только о той юридической наукѣ, которая въ то время преподавалась въ университетахъ. Ее-то и называлъ поэтъ крайне растянутой, запутавшейся въ тонкостяхъ казуистики. На законниковъ и адвокатовъ своего времени онъ смотритъ съ презрѣніемъ, потому что они не доискиваются происхожденія права и законовъ и заняты только практическою стороною своей науки, ведущей прямо къ

---

[1]) Epist. rer. famil. IX, 1; XXII, 12. Epist. rer. senil. XII, 1. 2. V, 4. XV, 3 et al. Все, что высказано Петраркой по поводу медицинской науки и врачей, приведено въ порядокъ и систематизировано, вслѣдствіе чего, конечно, получило слишкомъ методическій характеръ, въ статьѣ Henschel, Janus. Zeitschrift für Gesch. und Literatur der Medicin Bd. I. Breslau, 1846 p. 183.

наживѣ [1]). Это, по мнѣнію его, унизительно. Петрарка думаетъ, что самъ онъ могъ бы сдѣлаться великимъ юристомъ, чего когда-то желали его родители, но для него было невыносимо—унижать свои таланты ремесленнымъ занятіемъ [2]). Поэтъ вступилъ на стезю славы. Знаменитымъ юристамъ своего времени онъ предсказываетъ, что о нихъ скоро позабудутъ. Съ величайшимъ изъ нихъ, декреталистомъ Джіованци де Андреа, составлявшимъ гордость Болоньи, онъ началъ борьбу еще въ раннихъ лѣтахъ. Онъ охотно признавалъ его первымъ въ своей наукѣ, даже смотрѣлъ на него когда-то съ благоговѣніемъ. Но поэтъ горячо оспаривалъ универсальное образованіе, какое приписывали прославленному юристу, и указывалъ на рядъ нелѣпостей и ошибокъ, въ которыя онъ впалъ въ сферѣ древности. Именно Джіованни предпочиталъ Валерія Максима всѣмъ другимъ писателямъ по нравственной философіи, относилъ Платона и Цицерона къ числу поэтовъ, Эннія и Стація считалъ современниками и т. п. Похвальбу одною памятью поэтъ считалъ ребячествомъ [3]).—Петрарка не цѣнилъ и юридическую практику, хотя необходимую для государства. Онъ указывалъ на ежедневный опытъ, который, по его мнѣнію, былъ не согласенъ съ нравственностью. Петрарка находилъ, что практика права искажена людскою безсовѣстностью, и желалъ, чтобы господствовало то человѣческое право, о которомъ говорили древніе философы. Онъ лишь немногими чертами указалъ здѣсь на ту область полемики, которая была тщательно разработана его послѣдователями.

Всего сильнѣе долженъ былъ вооружиться гуманизмъ противъ начала, прямо противоположнаго ему, именно схоластической философіи, отрѣшенной отъ жизни и практическаго примѣненія. До этого корня Петрарка дошелъ постепенно, такъ какъ его вниманіе сначала привлекли и вызвали на борьбу области знанія, тѣсно связанныя съ жизнію, Если діалектика была постояннымъ орудіемъ его противниковъ, то ему или слѣдовало научиться владѣть ею, или выбить орудіе изъ рукъ врага. Онъ полагалъ, что благодаря своему реторическому искусству будетъ въ состояніи сдѣлать послѣднее. Діалектика, по его толкованію, можетъ быть превосходнымъ упражненіемъ для юношескаго ума, подобно тому, какъ ребенокъ упражняетъ свои тѣлесныя силы сначала въ играхъ; діалектика есть

[1]) Подробнѣе всего онъ говоритъ объ этомъ въ epist. rer. famil. XX, 4 къ генуэзцу Марко Портинари отъ 1356-го или 57-го года.

[2]) Epist. rer. famil. XXIV, 1.

[3]) Epist. rer. famil. IV, 15, 16 къ Джіованни ди Андреа. Смѣшеніе Стація Цецилія, котораго тотъ называлъ современникомъ Эннія, съ Папиніемъ Стаціемъ, ведетъ свое начало впрочемъ отъ Вальтера Борлея.

средство, а не цѣль, и старый кропатель силлогизмовъ въ высшей степени забавенъ. Одинъ такой кропатель дѣйствительно вооружился противъ Петрарки и объявилъ, что поэзія и реторика самыя безполезныя изъ всѣхъ искусствъ [1]). Такъ началась борьба Петрарки съ цѣлою системою. Съ этихъ поръ онъ смотрѣлъ на себя какъ на Сократа, разоблачающаго суетную мудрость софистовъ. Въ прославленныхъ теоретикахъ философіи онъ видѣлъ просто глупцовъ, которые сѣдѣютъ въ игрѣ словами, совершенно забывая о понятіяхъ, ими выражаемыхъ, которые суетно и надменно вращаются въ пустомъ кругѣ съ своими безплодными умозрѣніями и преніями и вызываютъ удивленіе лишь у глупцовъ [2]). Истинная философія выступаетъ скромно и указываетъ путь къ блаженству; предметъ ея—не голыя понятія, а нравственный человѣкъ и *жизнь*; она ведетъ мудраго въ пристанище высшаго бытія. Какъ мы видимъ, конечною цѣлью всякой философіи для него служитъ нравственность. Истинный философъ, по его понятіямъ, тождественъ съ истиннымъ христіаниномъ [3]).

Щитомъ, которымъ прикрылись противники Петрарки, былъ, разумѣется, Аристотель, прославленное имя, которому еще никто не отваживался отказать въ благовѣніи. И такъ поэтъ, поклонникъ древности, въ этомъ случаѣ былъ сбитъ съ позиціи тою же древностью. Въ высшей степени любопытно слѣдить, какъ онъ силится обойти это возраженіе и наконецъ смѣло выступаетъ противъ этого великаго имени съ другимъ именемъ. Именно въ тѣ годы, когда онъ писалъ инвективы противъ врачей, онъ обвинялъ своихъ противниковъ прямо въ томъ, что они не понимаютъ Аристотеля и ложно толкуютъ его. Но самъ Петрарка зналъ его въ такомъ же искаженномъ видѣ, какъ и они, и навѣрное, съ тѣхъ поръ, какъ оставилъ университетъ, никогда не занимался философіей, преподающейся тамъ. Однако онъ зналъ, что въ руководствахъ излагается не чистое ученіе Аристотеля, а переработка его, и въ безчисленныхъ дополненіяхъ и поясненіяхъ къ ней едва ли можно узнать древняго писателя. Онъ зналъ также и то, что въ этомъ принимали участіе арабскіе и еврейскіе комментаторы, въ особенности Аверроэсъ, и этого было довольно, чтобы у него разъигралась желчь. Петраркѣ тотчасъ же пришли на мысль

---

1) Epist. rer. famil. I, 6. 11.

2) De remed. utr. fort. Praefat. (Opp. p. 2); de contemptu mundi Dial. I (Opp. p. 379) et. al.

3) Invect. c. medicum; Lib. II (Opp. p. 1212. Тоже самое въ другихъ мѣстахъ этого сочиненія. Epist. rer. famil. XVII, 1.

арабскіе врачи, грубые язычники, закоренѣлые евреи, ярые гонители Христа и т. п. Современемъ и на Аристотелѣ, едва знакомомъ ему, должна бы отозваться та ненависть, какую онъ питалъ къ Аверроэсу, еще менѣе знакомому. Только о первомъ онъ говорилъ сдержанно, а арабовъ, аверроистовъ и послѣдователей Аристотеля поносилъ съ своею обычною запальчивостью. Но при этомъ онъ долженъ былъ сознаться въ душѣ, что его нимало не увлекали и тѣ сочиненія Аристотеля, какія онъ читалъ въ переводѣ, правда, сомнительной вѣрности. Поэтъ колебался, желалъ вполнѣ высказать свое мнѣніе объ Аристотелѣ и однако боялся близко подойти къ нему. Все это ясно видно въ сочиненіи О своемъ собственномъ невѣжествѣ и невѣжествѣ другихъ людей, направленномъ противъ той секты, которая чтила Аристотеля, какъ бога. Въ этомъ сочиненіи Петрарка два раза мѣняетъ свою точку зрѣнія. Онъ разсказываетъ намъ, какъ онъ вывертывался, когда его противники выставляли въ спорѣ какое нибудь положеніе Аристотеля, какъ непреложную истину. Именно Петрарка или шутками старался отклонить бесѣду отъ этого вопроса, или вообще говорилъ, что Аристотель, конечно, былъ великій человѣкъ съ большими свѣдѣніями, но все таки человѣкъ, а потому многаго не зналъ [1]). Его противники, заклятые сторонники логики, считали краснорѣчіе занятіемъ недостойнымъ серьезнаго человѣка и даже готовы были поставить его въ укоръ Аристотелю, окажись оно у него. Поэтому Петрарка вдругъ объявилъ, что Аристотель выражается пріятно и благозвучно, а его поклонники, лишенные вкуса, сдѣлали его рѣчь шероховатою и грубою [2]). Наконецъ, продолжая полемику и сильно разсердившись на своихъ противниковъ, поэтъ все таки вызсказываетъ свое настоящее мнѣніе. Ради свидѣтельствъ древнихъ, особенно Цицерона, онъ, пожалуй, готовъ допустить, что Аристотеля на его родномъ языкѣ легко и пріятно читать, но долженъ сознаться, что не особенно хорошъ слогъ его произведеній въ томъ ихъ видѣ, въ какомъ они дошли. Правда, и Аристотель учитъ, что такое добродѣтель, но не съ такимъ пылкимъ увлеченіемъ, какъ Цицеронъ, или Сенека, и не такъ глубоко ненавидитъ порокъ. Конечно, онъ знаетъ, что послѣдователи Аристотеля обвинятъ его въ ереси за это смѣлое мнѣніе, но онъ долженъ его высказать [3]).

Въ другомъ мѣстѣ своихъ сочиненій Петрарка выражается еще откровеннѣе объ Аристотелѣ. Онъ рѣшается выступить противъ

---

1) De sui ipsius et multorum (s. aliorum) ignorantia (Opp. p. 1149).
2) Dulcis ac suavis, sed ab his scaber factus Aristoteles. ibid. p. 1143.
3) Ibid. p. 1159.

«неистовой толпы» поклонниковъ Аристотеля и «не слѣдовать общему заблужденію»: въ величіи его ума нельзя сомнѣваться, но можно сомнѣваться въ краснорѣчіи; по крайней мѣрѣ «его нѣтъ и слѣда» въ сочиненіяхъ, дошедшихъ до насъ [1]).

Подобный взглядъ составляетъ эпоху въ исторіи наукъ, какъ битва народовъ въ исторіи государствъ. Петрарка, высказывая его, выступалъ не только противъ отдѣльнаго противника или одной школы, но противъ авторитета, признававшагося цѣлыми вѣками, на который никто еще не нападалъ. Ударъ былъ нанесенъ не одному Аристотелю, но въ тоже время Церкви и всей средневѣковой системѣ.

Въ противовѣсъ Аристотелю Петрарка возвысилъ Платона. Тутъ было еще менѣе знанія, и почти все дѣлалось по инстинкту. Поклонники Аристотеля были весьма невысокаго мнѣнія о Платонѣ, или, по крайней мѣрѣ,. такъ мало знали его, что воображали, будто онъ не написалъ ничего или какія нибудь два неважныхъ сочиненія. У Петрарки было около шестнадцати его сочиненій, но всѣ— на греческомъ языкѣ и стояли на полкахъ его библіотеки подобно книгамъ Сивиллы [2]). Однажды Боккачіо хотѣлъ было похлопотать объ ихъ переводѣ, но скоро убѣдился, что доброе намѣреніе не есть еще «возможность». Самъ Петрарка при случаѣ хочетъ показать видъ, будто изучалъ Платона и остановился только потому, что уѣхалъ его греческій наставникъ Варлаамо. Быть можетъ, онъ заставлялъ послѣдняго объяснять себѣ нѣкоторыя мѣста. Мы вѣдь знаемъ, какъ еще далеко ему было до того, чтобы понимать Платона на греческомъ языкѣ [3]). Своими свѣдѣніями о жизни и сочиненіяхъ его онъ обязанъ Цицерону и Августину [4]). Поэтому и его представленіе о великомъ аѳинянинѣ было крайне смутно и отрывочно. Но Петрарка зналъ, что схоластики обыкновенно ругаютъ его—аргументъ, уже сильно говорящій въ пользу греческаго философа,—что Цицеронъ, Сенека, Апулей, Плотинъ, Амвросій и Августинъ высоко цѣнили его, что уже въ древности его называли божественнымъ [5]). Этого съ него достаточно. Если онъ не хочетъ быть судьею по

---

1) Rer. memorand. Lib. II (Opp. p. 466).

2) De sui ips. et mult. ignorant. (Opp. p. 1162).

3) Въ Dialogus II de contemptu mundi Августинъ обращается къ нему съ рѣчью: — et haec ex Platonis libris tibi familiariter nota sunt, quibus avidissime nuper incubuisse diceris. Онъ отвѣчаетъ: Incubueram fateor alacri spe magnoque desiderio, sed peregrinae linguae novitas, et festinata praeceptoris absentia praeciderunt propositum meum.

4) Объ этомъ см. также Hortis M. T. Cicerone p. 62.

5) Epist. rer. famil. XVIII, 2.

вопросу, кто выше, Платонъ или Аристотель [1]), все таки вопросъ этотъ давно рѣшенъ имъ. Въ другихъ случаяхъ онъ прямо называетъ Платона первымъ изъ философовъ, признаетъ за нимъ главенство, увлеченъ «божественнымъ потокомъ его рѣчи», а философовъ-теоретиковъ, противящихся его славѣ, называетъ плебеями и лавочниками [2]). Онъ даже готовъ согласиться съ новыми греками, которые вообще не пользуются его уваженіемъ, такъ какъ они чтутъ Аристотеля за богатство его свѣдѣній, а Платону удивляются, какъ божественному, по возвышенности его ума [3]). И въ Торжествѣ славы Платонъ выступаетъ первымъ въ ряду философовъ, какъ прежде всѣхъ достигшій великой цѣли, начертанной свыше; Аристотель слѣдуетъ уже за нимъ [4]). А такъ какъ блаженный Августинъ былъ того мнѣнія, что изъ философовъ Платонъ ближе всѣхъ подошелъ къ христіанству, то такой приговоръ окончательно утвердилъ Петрарку въ его воззрѣніи.

И здѣсь насъ поражаетъ не сужденіе Петрарки, которое онъ развилъ слишкомъ слабо, а скорѣе даръ предвидѣнія, геніальное указаніе пути. Нуженъ былъ цѣлый вѣкъ, чтобы перенести на научную почву ту борьбу, которую пришлось вести Платону съ Аристотелемъ изъ за преобладанія надъ умами, затѣмъ прошло еще около половины столѣтія, и побѣда Платона была рѣшена. На первыхъ порахъ было важно только то, что съ возвеличеніемъ Платона сильно поколебался авторитетъ Аристотеля, но мы должны имѣть здѣсь въ виду другое слѣдствіе, хотя обнаружившееся позднѣе. Аристотель сталъ опорою Церкви, и его діалектическая метода, тысячами нитей перевившаяся съ ея догмою, придала послѣдней крѣпость и единство. Напротивъ платонизмъ утвердился самостоятельно, независимо отъ Церкви, и при томъ направленіи, какое ему дали, сдѣлался теософіею, которая благодаря своей привлекательной таинственности, какъ высокое ученіе для избранныхъ, явилась довольно опасною противницею богословія и вѣры.

Какъ же разрѣшилось въ умѣ Петрарки это противорѣчіе, именно между гуманизмомъ, свободною силою, стремившеюся все создать изъ собственныхъ началъ, и церковной вѣрою, которая предъявляла положительныя требованія къ человѣку?—Отношенія его къ Церкви,

---

[1]) De sui ips. et mult. ignorant. (Opp. p. 1161).

[2]) Epist. rer. famil. IV, 15. XVIII, 2. Rer. memorand. Lib. I (Opp. p. 451).

[3]) Rer. memorand. Lib. I (Opp. p. 453).

[4]) Trionfo della fama cap. 3. Не говоря уже о схоластикахъ, можно указать на Richardus de Bury Philobiblion cap. 3: Аристотель тамъ все еще archiphilosphus; Plato prior tempore, sed. doctrinis posterior.

богословію и вѣрѣ не просто. Мы увидимъ, что въ другихъ вопросахъ Петрарка часто былъ образцомъ и указателемъ пути для слѣдовавшихъ за нимъ школъ гуманизма. Но въ данномъ случаѣ онъ не играетъ этой роли, или играетъ ее въ несравненно высшемъ и болѣе глубокомъ смыслѣ.

Въ тѣ юные годы, когда Петрарка былъ всецѣло увлеченъ благозвучіемъ Цицероновской рѣчи и славою древнихъ героевъ, мерцавшею въ полумракѣ, онъ едва ли пекся о вѣрѣ и Церкви болѣе другихъ молодыхъ людей, которые приняли посвященіе, ожидали доходныхъ бенефицій и поручали судьбу Церкви ея незримому Главѣ. Но когда поэтъ съ лѣтами сталъ серьезнѣе, то онъ былъ вовлеченъ въ ея интересы, тѣмъ болѣе, что въ немъ кипѣло желаніе выдвинуться впередъ и явиться пѣвцомъ (vates) въ смыслѣ пророковъ Ветхаго Завѣта.

Эпоха авиньонскаго плѣненія папъ, страшной чумы и всѣхъ тѣхъ бѣдствій, которыя волновали тогда общественную жизнь и умы, имѣетъ свою литературу скорбныхъ пѣсень, карающихъ проповѣдей и пророчествъ о страшномъ судѣ. Господствовало какое-то тяжелое религіозное настроеніе, которое лишь къ концу вѣка уступило мѣсто продолжительному и вялому индефферентизму. Сотни монаховъ и сектантовъ уже видѣли приближеніе Антихриста и въ отчаяніи призывали къ покаянію и сокрушенію. И Петрарка присоединяется къ этимъ скорбнымъ воплямъ, столь же многорѣчивый и рыдающій, какъ они, только гораздо изобрѣтательнѣе на выраженія и изящнѣе. И онъ неистощимъ, когда заводитъ рѣчь о грѣховности и бѣдствіяхъ своего времени. Ему представляется, что человѣчество стоитъ на краю пропасти, и впереди ему предстоитъ лишь общая гибель. Поэтъ является предвѣщателемъ грознаго суда, который долженъ наступить для человѣчества, отпавшаго отъ Христа, и удивляется долготерпѣнію Вышняго, Который еще не проявляетъ Своего праведнаго гнѣва и отлагаетъ грозный день кары. «Теперь», говоритъ онъ, «можно позавидовать даже временамъ Нерона и Домиціана, такъ какъ теперь нельзя ни жить добродѣтельно, ни умереть съ честью. Міръ сталъ такъ скуденъ и жалокъ, что уже нельзя придумать и новаго вида бѣдствій. Единственное утѣшеніе можно находить въ томъ, что мы не родились еще позднѣе, такъ какъ міръ, стремясь къ своей гибели, съ каждымъ днемъ становится хуже. И если кто долженъ нести всю вину на себѣ, такъ это папа, который не живетъ тамъ, гдѣ стоятъ гробы верховныхъ Апостоловъ и гдѣ народъ изъ Капитолія повелѣвалъ цѣлому міру. «Идя за нашими знаменами, мы терпимъ измѣну и, ведомые нашимъ вождемъ, стре-

мимся къ гибели, и все погибнетъ, если Христосъ еще разъ не явится мстителемъ [1])».

Петрарка здѣсь подчиняется такимъ образомъ общимъ пессимистическимъ возрѣніямъ. Но и на этой почвѣ онъ является лишь художникомъ рѣчи, строгимъ цензоромъ, который усердствуетъ только по обязанности, а не ради самого дѣла. Стоитъ только поставить въ параллель нѣкоторые его поступки съ его же словами. Онъ то серьезно, то съ остроумными шутками [2]) бичуетъ порочную жизнь духовенства и монаховъ, а самъ раньше принялъ посвященіе, былъ священникомъ, каноникомъ и архидіакономъ, но не заботился о своихъ пастырскихъ обязанностяхъ и въ жизни не слѣдовалъ тому воздержанію, которое проповѣдывалъ въ теоріи. Извѣстно, что у него было двое незаконныхъ дѣтей, которыхъ онъ потомъ усыновилъ. Дочь онъ приличнымъ образомъ выдалъ замужъ. А сынъ Джіовани пошелъ по ложному пути, но отецъ всегда считалъ его лишнимъ бременемъ для себя и хотѣлъ для собственнаго удобства сдѣлать писцомъ, не смотря на то, что юноша явно противился этому. Петрарка едва ли когда нибудь относился къ нему съ любовью воспитателя [3]). Онъ сильно ратовалъ противъ притворства и лицемѣрія, но не безъ тщеславія выставлялъ на показъ свои молитвы и посты. Какъ часто поэтъ увѣряетъ насъ, что онъ вѣрующій христіанинъ и хочетъ быть имъ, однако не можетъ отрицать въ себѣ качествъ языческаго философа, воспитаннаго на древности.

Въ то самое время, когда Цицеронъ и Виргилій были кумирами Петрарки, ему попалась въ руки Исповѣдь Августина. Эта Исповѣдь, дѣйствительно, удивительная книга! Риторъ, гордящійся своею цвѣтистою рѣчью и ищущій сцены для своего искусства, сталкивается здѣсь съ христіаниномъ, который ничѣмъ не хочетъ быть

---

[1]) Письма безъ адресовъ преимущественно посвящены сѣтованіямъ (ср. въ особенности epist. s. tit. 6. 7. 11. 13), однако подобные же скорбные возгласы встрѣчаются довольно часто и въ другихъ сочиненіяхъ Петрарки, напр., epist. famil. II, 10: Sed, ut res eunt, indies peiora coniicio, quamvis iam peiora vix possim nedum timere, sed fingere. cf. epist. rer. famil. XI, 7 или XX, 1. гдѣ говорится: mundus indies ad extrema praecipitans secum omnia in deterius trahit.

[2]) Такъ напримѣръ, разсказанная въ epist. s. tit. 18. исторія о старомъ волокитѣ кардиналѣ вполнѣ достойна фацецій Поджіо. Поэтому Фракассети считалъ nec catholico nec cordato viro dignum имѣть дѣло съ петрарковскими Epistolae sine titulo (Prolegom. p. V); онъ счелъ за лучшее исключить ихъ какъ изъ своего изданія, такъ и изъ перевода.

[3]) Epist. rer. famil. XXII, 7. XXIII, 12, оба снабжены толкованіями Фракассети. Замѣтка въ экземплярѣ Виргилія о смерти сына, послѣдовавшей во время чумы 1361-го года, у Baldelli Petrarca p. 181. Согласно съ нею сынъ родился въ 1336-мъ году.

чрезъ себя, а всѣмъ по Божьей благодати. Намъ сдается, нѣкоторое влеченіе Августина къ рисовкѣ внушило ему мысль сдѣлать сердце свое сценою и изобразить свое обращеніе передъ зрителями. У этого писателя, тщеславнаго и самодовольнаго, пока онъ наслаждался жизнью, какъ развитой язычникъ, проглядываютъ замашки ритора даже и тогда, когда онъ повергъ себя въ море благодати и съ страстнымъ восторгомъ наслаждался смиреніемъ. Онъ уже не могъ болѣе воротиться къ простотѣ и единству своего существа. Такимъ образомъ этотъ замѣчательный человѣкъ, подобно Петраркѣ, стоитъ на раздѣльной грани: оба они представляютъ собою подобіе Януса, смотрящаго назадъ и впередъ, оба увлекаютъ насъ видомъ людей подвизающихся и борющихся, которымъ бы желалось быть дѣтьми, но которые должны влачить съ собою свое прошлое, какъ цѣпь.

Мы очень хорошо понимаемъ, что̀ такъ сильно влекло Петрарку въ этой книгѣ признаній, почему онъ такъ кипитъ и волнуется, говоря объ Августинѣ. Онъ чувствовалъ натуру, родственную себѣ, и въ ней, какъ въ зеркалѣ, видѣлъ свой собственный образъ. Онъ чувствовалъ, что и въ немъ кроются тѣ же стихіи и должны пробудиться для борьбы. Дѣйствительно, Петрарка ни къ кому не былъ такъ близокъ, какъ къ этому учителю Церкви, жившему цѣлымъ тысячелѣтіемъ раньше его. Онъ любитъ называть его: мой Августинъ. Доселѣ, какъ гордый Цицероніанецъ, поэтъ мало обращалъ вниманія на свѣтила Церкви, а какъ самолюбивый поэтъ—на христіанскаго писателя [1]). Петрарка понялъ, что въ этой книгѣ бесѣдуетъ человѣкъ съ человѣкомъ и высказываетъ тѣ же глубокія чувства, какія онъ носилъ въ своей груди. Эта книга признаній, «омоченная слезами», стала его любимою книгою [2]). Петрарка нашелъ своего церковнаго героя, котораго тотчасъ же сдѣлалъ новымъ кумиромъ и съ культомъ его носился передъ цѣлымъ свѣтомъ, точно такъ, какъ въ области свѣтской доходилъ до нелѣпости въ своемъ поклоненіи Сципіону Африканскому, на котораго палъ его предпочтительный выборъ. Упоминая объ Августинѣ, онъ рѣдко не прибавляетъ къ его имени весьма

---

[1]) Epist. rer. senil. XV, 1: Nondum sane sanctorum libros attigeram, et errore coecus et typho tumidus aetatis.

[2]) Въ epist. rer. famil. X, 3 p. 81 онъ называетъ. Augustini scatentes lacrymis Confessionum libros, de quibus quidam ridiculi homines ridere solent. Посылая своему брату Джерардо, картезіанскому монаху, признанія Августина вмѣстѣ съ epist. rer. famil. XVIII, 5, онъ пишетъ: Accensum liber hic animum inflammabit, qui atgentes accenderet.—Et tibi inter legendum fluent lacrimae, et legendo flebis, e flendo laetaberis etc. И въ Dial. I de contemptu mundi: Quotiens Confessionum tuarum libros lego, inter duos contrarios affectus, spem videlicet et metum (licet non sine lacrymis interdum) legere me arbitror non alienam, sed propriae meae peregrinationis historiam.

почтительнаго эпитета, напр. «философъ Христа» или «солнце церкви». Въ діалогѣ о презрѣніи къ міру, гдѣ Августинъ является его духовникомъ рядомъ съ аллегорическимъ образомъ истины онъ выводитъ его почтеннымъ монахомъ, возвышенно серьезнымъ. Но по потоку римскаго краснорѣчія онъ тотчасъ же узнаетъ его, «какъ самаго дорогого изъ тысячъ» [1]). И такой взглядъ на церковнаго писателя былъ совершенно новый. Классики научили Петрарку читать такого писателя, изъ сочиненій котораго до тѣхъ поръ брали только отдѣльныя мѣста для школьныхъ цѣлей вмѣстѣ съ ученіями Ѳомы Аквинскаго и глоссами Лиры. Поклонникъ Августина прежде любилъ только Цицерона и Виргилія, а теперь онъ ознакомилъ его и съ другими отцами Церкви, съ Амвросіемъ, Іеронимомъ и Григоріемъ. Ему онъ считаетъ себя обязаннымъ тѣмъ, что научился ставить спасеніе души выше краснорѣчія [2]). Петрарка не мало способствовалъ тому, что и въ уваженіи позднѣйшихъ гуманистовъ его Августинъ занималъ видное мѣсто.

Далѣе Петрарка первый провелъ рѣзкую раздѣльную черту между религіею Христа, какъ она изложена въ книгахъ Новаго Завѣта, въ сочиненіяхъ Іеронима и Лактанція, а въ особенности его любимаго Августина съ одной стороны, и между новѣйшимъ богословіемъ съ другой. Богословъ-схоластикъ въ его мнѣніи не выше схоластическаго философа и юриста. «Священное имя богословія, говоритъ онъ, украшенное нѣкогда великими исповѣдниками, теперь безчестятъ пустые и болтливые діалектики,—вотъ отчего такое множество никуда негодныхъ магистровъ» [3]). Ихъ ученость не внушаетъ ему ни малѣйшаго уваженія; такъ же мало уважаетъ онъ и монашество; первые лишены мудрости древнихъ, а послѣднему противорѣчитъ философія римлянъ. Въ сочиненіяхъ Петрарки замѣчательно слабую роль играютъ святые, еретики, чудеса, мощи, видѣнія и откровенія. Онъ не трогаетъ ихъ, щадя вѣрованія массы, а самъ мыслитъ какъ человѣкъ развитой, который умѣетъ найти свой путь къ Богу и Христу и безъ путеводной нити Церкви. Онъ обходитъ молчаніемъ все, что создала Церковь со времени прежнихъ отцовъ, выработку ея ученія, смѣшеніе его съ язычествомъ и суевѣріемъ, іерархію. Поэтъ печется только о собственной душѣ и собственной религіи. Если же онъ стяжалъ не малую славу, какъ апологетъ христіанства, то мы должны принять во вниманіе поводы и мотивы его дѣятельности.

---

[1]) Praefatio къ Dialogus de contemptu mundi.
[2]) Epist. rer. famil. XXII, 10.
[3]) De remedio utr. fortunae Lib. I. dial. 46.

Въ то время существовала секта просвѣщенныхъ людей, такъ называемыхъ аверроистовъ, которые шли совсѣмъ отъ другихъ началъ, чѣмъ Петрарка. О нихъ едва ли можно составить себѣ ясное понятіе, такъ какъ ихъ ученіе, насколько извѣстно, никогда не было изложено письменно, и о нихъ, какъ и о многихъ еретическихъ сектахъ того времени, мы узнаемъ лишь изъ нападокъ и осуждающихъ приговоровъ ихъ противниковъ. Но мы, навѣрное, не ошибемся, если будемъ искать первыхъ слѣдовъ этого ученія на западѣ при дворѣ Гогенштауфеновъ, въ томъ просвѣщенномъ натурализмѣ, который ставили въ вину Фридриху II и Манфреду и который выводятъ изъ ихъ знакомства съ арабской философіей. Папы тотчасъ же направили свои удары противъ этой высокомѣрной науки, которая смѣло и враждебно выступила противъ вѣры, но положенія и представители которой были равно неизвѣстны. Еще самъ Аверроэсъ хотѣлъ предоставить чистую науку мудрецамъ и устранить отъ нея массы. Она и была постоянно тайнымъ ученіемъ избранныхъ людей тѣмъ болѣе гордыхъ, которые составляли цѣлыя группы въ университетахъ парижскомъ и падуанскомъ. По видимому, они образовали нѣчто въ родѣ тайнаго общества, которое держалось или безмолвнымъ соглашеніемъ и извѣстными формулами, или своимъ развѣтвленіемъ и положеніемъ, независимымъ отъ Церкви, по крайней мѣрѣ напоминаетъ масонскія ложи. Всего точнѣе эта секта опредѣляется именемъ своего основателя. Однако тѣхъ же самыхъ людей называли безбожниками и эпикурейцами; послѣднимъ именемъ называли въ средніе вѣка тѣхъ, кто не вѣрилъ въ Бога и загробную жизнь. По видимому, такой образъ мыслей всего болѣе былъ свойственъ физикамъ и медикамъ, такъ какъ онъ опирался на свидѣтельства чувствъ и на простую логику. Поэтому они отрицали все противоестественное и сверхъестественное, или предоставляли это вѣдѣнію богословія, методъ котораго хотѣли отдѣлить отъ логическаго. Это—ученіе о «двоякой истинѣ», дававшее имъ возможность въ жизни, рѣчахъ и ученіи согласоваться и съ Церковью и такимъ образомъ избѣгать ея преслѣдованій. У нихъ не было ни малѣйшаго желанія страдать за свою эсотерическую философію; напротивъ, они наслаждались благами жизни, какъ весельчаки, любившіе пожить. Поэтому о строгихъ мѣрахъ Церкви противъ нихъ нѣтъ и рѣчи, и они удержались въ Италіи и Франціи вплоть до реформаціи [1]).

---

[1]) Эта общая характеристика, главнымъ образомъ, опирается на матеріалъ, собранный Ренаномъ Averroes et l'averroïsme, Paris 1852 p. 222 et s. и Рейтеромъ. Geschichte der religiösen Aufklärung im Mittelalter Bd. II, Berlin 1877, p. 49—173.

Петрарка зналъ одно подобное общество въ 1366 г. въ Венеціи, которое находилась всегда въ живомъ умственномъ общеніи съ Падуею. Мы знаемъ имена его главныхъ членовъ по одному старому списку. Тутъ были: Леонардо Дандоло, конечно, сынъ извѣстнаго дожа Андрея и самъ видный политическій дѣятель, хотя просто названъ солдатомъ,—Томмазо де' Таленти, купецъ безъ особеннаго литературнаго образованія, и Заккарія Контадини, аристократъ республики. Но духовнымъ главою былъ, очевидно, магистръ Гвидо де Баньоло изъ Реджіо, физикъ и медикъ съ большими свѣдѣніями, врачъ короля кипрскаго Петра [1]). Слѣдовательно, это были люди, занимавшіе видное положеніе въ обществѣ, которые пользовались въ своемъ свободомысліи покровительствомъ республики. Доказательствомъ служитъ то, что многіе знатные венеціанцы были въ ихъ рядахъ. Мы, правда, только изъ характеристикъ Петрарки знаемъ объ ихъ образѣ мыслей и дѣятельности, а онъ, какъ ихъ противникъ, указываетъ лишь на предосудительныя стороны ихъ ученія, вызвавшія его на борьбу.

Это были также «новые философы», «проповѣдники новой тайной мудрости», общество вольнодумцевъ. Гордые своимъ діалектическимъ искусствомъ, они считали всякую вѣру въ авторитетъ опорою слабыхъ умовъ. Они предоставляли умъ своимъ собственнымъ силамъ, устраняли всѣ готовыя данныя и признавали, только тѣ, какіе добывались чувственнымъ воспріятіемъ и логикою, а несомнѣнными только тѣ результаты, до которыхъ доходили отвлеченнымъ мышленіемъ. Слѣдовательно, если мы не ошибаемся, это была схоластическая метода, которая старалась отрѣшиться отъ всего вещественнаго и отъ всякихъ узъ, даже церковныхъ, и явиться самостоятельною наукою, особою философіею. Но, какъ всегда бываетъ, одинъ авторитетъ устраняютъ для того, чтобы поставить на его мѣсто другой; а потому эта школа чтила Аристотеля какъ пророка, а его комментаторовъ, въ особенности Аверроэса, какъ людей непогрѣшимыхъ. Естественныя науки, по скольку онѣ основываются на чистомъ эмпиризмѣ, часто подавали поводъ къ спорамъ, но вмѣсто того чтобы вѣрить собственнымъ глазамъ, и здѣсь все таки ссылались на Аристотеля и Арабовъ и, если вѣрить Петраркѣ, спорили о предметахъ совсѣмъ не философскихъ,

---

[1]) Двойная глоса въ одномъ кодексѣ библіотеки св. Марка, указывающая ихъ имена и сословіе у Agostini T. I p. 5, комментирована Фракассети въ примѣчаніи къ Lett. V, 12 (vol. II. p. 62). Эта замѣтка опять сообщается въ книгѣ Petrarca e Venezia, Venetia 1874, p. 108. О Гвидо можно кое-что найти у Tiraboschi Bibl. Modenese T. I, Modena 1781, p. 134.

какъ напр. о томъ, сколько волосъ въ гривѣ у льва, или перьевъ въ хвостѣ у ястреба, какъ оплодотворяются слоны, дѣйствительно ли крокодилъ есть единственное животное, которое можетъ двигать верхнею челюстью, дѣйствительно ли фениксъ брасается въ ароматическое пламя и возрождается изъ пепла и т. п.

Эти философы относились совершенно самостоятельно и къ христіанству. Но это самостоятельное отношеніе было уже оппозиціею, только они не отваживались обнаружить ее открыто, а довольствовались тѣмъ, что въ сознаніи своего превосходства презирали массу вѣрующихъ. Если въ этомъ кружкѣ заходила рѣчь о Христѣ, объ Апостолахъ и Евангеліи, то слышались или легкомысленныя шутки, или же гордые единомышленники понимали другъ друга по улыбкѣ и нѣмымъ жестамъ. Въ случаѣ публичныхъ диспутовъ обыкновенно заявлялось, что теперь будутъ говорить «не касаясь вѣры».

Петрарку уважали, какъ великій умъ своего времени, а такъ какъ эти діалектики тоже чувствовали себя на высотѣ его, то и рѣшили, что въ тайнѣ онъ согласенъ съ ними, и въ этомъ предположеніи съ нимъ вступили въ сношенія тѣ люди, о которыхъ мы говорили выше и которые безъ того были дружны съ нимъ. Подобно всѣмъ сектантамъ, они, конечно, хотѣли вести пропаганду между людьми выдающимися и знаменитыми. Но именно это-то и отдалило Петрарку еще болѣе отъ общенія съ ними. Онъ всегда смотрѣлъ на себя, какъ на личность исключительную, не имѣвшую равной себѣ. Не только ученость его была единственная, стоявшая выше всякихъ нападокъ, но онъ былъ и великій мудрецъ своего вѣка и даже въ своихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ не сходился ни съ кѣмъ изъ современниковъ. Тѣ люди не имѣли никакого понятія о томъ, чѣмъ для него былъ его Августинъ, а ихъ Аристотель былъ давно уже противенъ ему. Сверхъ того онъ былъ уже старъ, а извѣстно, каковы бываютъ люди, въ которыхъ съ лѣтами укоренилось извѣстное мнѣніе о себѣ.

Поэтому само собою понятно, что Петрарка долженъ былъ неблагосклонно отнестись къ «новымъ философамъ». Онъ говоритъ, что они смѣялись надъ Сократомъ, Пиѳагоромъ, Платономъ и Аристотелемъ, презирали Цицерона и Сенеку, издѣвались надъ Виргиліемъ, а Амвросія, Августина и Іеронима называли пустомелями. Имъ нѣтъ дѣла до того, что бо̀льшая часть сочиненій древнихъ потеряна, такъ какъ они полагаютъ, что сами знаютъ все. Краснорѣчіе они считаютъ недостойнымъ человѣка, занимающагося наукою.—Здѣсь мы, конечно, слышимъ тѣ мнѣнія, которыя могли быть высказаны какъ разъ противъ одного Петрарки; они, конечно,

своимъ невниманіемъ къ нему поразили его, какъ поклонника древности, и, вѣроятно, большею долею своей рѣзкости составляютъ плодъ фантазіи обиженнаго. Они не могли быть догматами секты, такъ какъ послѣдняя не могла, уважая камментатора Аверроэса, въ чемъ ее упрекаетъ Петрарка, осмѣивать въ то же время комментируемаго Аристотеля. Кромѣ того Петрарка самъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ, что Аристотель—ихъ кумиръ, и съ тою же шутливостью называетъ ихъ то послѣдователями Аристотеля, то аверроистами. Они и лично оскорбляли его. Одинъ изъ нихъ говорилъ о религіозной борьбѣ Августина, какъ о чистой выдумкѣ, а когда Петрарка по этому поводу соболѣзновалъ о немъ, какъ о несчастномъ человѣкѣ, то послѣдній отвѣтилъ съ улыбкою: «Какъ же ты, должно быть, глупъ, если думаешь дѣйствительно такъ, какъ говоришь». А другой, посѣтившій его въ рабочемъ кабинетѣ въ Венеціи, высказалъ въ разговорѣ всю кичливость своего невѣрія: онъ называлъ Апостола Павла глупымъ пустомелею, въ шутку говорилъ о Петраркѣ, заступившемся за него, какъ объ истинномъ христіанинѣ, и увѣрялъ, что ничему не вѣритъ въ св. Писаніи. Это былъ, конечно, тотъ самый, который, по словамъ Боккачіо, тоже выразился рѣзко, что онъ не можетъ считать Петрарку ученымъ человѣкомъ [1]. Насколько, по его мнѣнію, Аверроэсъ выше Апостола Павла и Августина, этихъ невѣжественныхъ басенниковъ. Петрарка вспылилъ, схватилъ еретика за полу платья и вытолкалъ за дверь.

Можетъ быть, таковы и были взгляды нѣкоторыхъ умозрительныхъ философовъ, но Петрарка, очевидно, преувеличиваетъ, когда увѣряетъ, что они кишатъ всюду, какъ густая куча муравьевъ, что число ихъ растетъ съ каждымъ днемъ, что они заполонили городъ и школы, что наконецъ они—цѣнители науки. Въ этой борьбѣ онъ игралъ роль Августина, ратовавшаго противъ Пелагіанцевъ, поэтому ему и нужно было страшное множество противниковъ, а такъ какъ онъ ихъ не нашелъ, то явилась на выручку фантазія. Могла ли Церковь относиться равнодушно къ такимъ массамъ дерзкихъ отрицателей, и какимъ образомъ, хотя эти діалектики распространяли свою мудрость только путемъ споровъ, а не сочиненій, все таки до насъ не дошло никакихъ свѣдѣній о нихъ, кромѣ извѣстія Петрарки?

Петрарка побуждалъ одного юнаго философа, августинскаго монаха Луиджи Марсильи, писать противъ Аверроэса, этого «бѣшенаго пса, который лаетъ и изрыгаетъ хулу на Христа и на католическую вѣру», и противъ его новыхъ приверженцевъ [2]. Это не

[1]) Boccaccio Lettere p. 319.
[2]) Epist. s. tit. 20 къ Людовику Марсилію (Opp. p. 812).

состоялось, напротивъ мы знаемъ, что Марсильи впослѣдствіи былъ въ мирныхъ сношеніяхъ съ однимъ изъ ревностнѣйшихъ поборниковъ ученія Аверроэса въ Падуѣ, именно съ магистромъ Марсиліо di S. Sofia [1]). Поэтому наставникъ самъ взялся за перо и написалъ знаменитое сочиненіе О своемъ собственномъ невѣжествѣ и невѣжествѣ многихъ другихъ [2]). Тенденція его проста: Петрарка отдаетъ предпочтеніе христіанскому смиренію передъ философскимъ высомѣріемъ. На каждой страницѣ этой книги видно, что здѣсь дѣло не столько въ томъ, чтобы поразить кичливое самомнѣніе и сорвать съ него маску, сколько въ томъ, чтобы показать ихъ ничтожество тѣмъ, которые осмѣливались унижать славу автора и оспаривать его первенство въ отношеніи мудрости. Вмѣсто самаго предмета, дававшаго обильный матеріалъ для полемики, онъ имѣетъ въ виду лишь тѣ мелкія столкновенія, какія у него бывали съ нѣкоторыми членами этой секты. Мотивъ, которымъ онъ объясняетъ ихъ поступки и къ которому то и дѣло возвращается, по истинѣ страненъ и придуманъ, конечно, не съ Августиновскимъ смиреніемъ. Ему кажется, что онъ ведетъ борьбу съ завистью: изъ зависти къ его славѣ эти еретики, поклонники Аристотеля, старались принизить его до своего собственнаго невѣжества и ославили его человѣкомъ, презирающимъ этого философа [3]). Неуваженіе ихъ къ религіи и неуваженіе къ его славѣ кажутся Петраркѣ двумя преступленіями, стоящими почти на одинаковой степени. «Если они находятся въ своемъ кружкѣ, говоритъ онъ, то смѣются надъ Христомъ и называютъ меня невѣждою, потому что я по моей религіозности не соглашаюсь съ ними [4])». Судя по его словамъ, можно было бы подумать, что вся секта обязана своимъ происхожденіемъ завистливымъ нападкамъ на его авторитетъ и что вмѣстѣ съ нею въ борьбу съ нимъ вступилъ весь ученый міръ.

Гдѣ Петрарка горячѣе всего высказывается, какъ христіанинъ и защитникъ христіанской религіи, тамъ его побуждаетъ къ этому

---

1) Веселовскій въ примѣчанія къ Giov. da Prato Vol. I. p. 514.

2) De sui ipsius et multorom (s. aliorum) ignorantia (Opp. p. 1141 sq). Это сочиненіе въ первой редакціи написано Петраркой по epist. rer. senil. XV, 8 въ 1367 году или же по его собственной замѣткѣ въ автографѣ за два года до 25-го или 29-го іюня 1370 года послѣдовавшей новой редакціи, слѣдовательно, въ 1368 году. Эта замѣтка перешла и въ позднѣйшія копіи. См. Tomasini Petrarca rediv. p. 30; Mehus Vita Ambros. Travers. p. 238; Bandini Catal. codd. lat. libl. Laurent. T. IV p. 196. Слѣдовательно, замѣчаніе Боккачіо отъ 5-го апрѣля 1378 года (Lettere p. 349), что Петрарка написалъ эту книгу pridie, нельзя принимать въ точности. Эта книга, естественно, есть главный источникъ разсказаннаго выше. Сюда же относятся epist. rer senil. V, 3 и XIV, 8, а также и нѣкоторыя тамъ и сямъ разбросанныя замѣчанія.

3) De ignorantia p. 1142. 1143. 1158. 1164. et. al.

4) Ibid. p. 1156.

большею частію антагонизмъ съ аверроистами. Поэтому онъ не только защищаетъ высокое достоинство христіанства вообще, но всегда именно только своего христіанства. «Чѣмъ болѣе я слушаю рѣчи противъ вѣры во Христа, тѣмъ горячѣе люблю я Христа, тѣмъ тверже я укрѣпляюсь въ Христовой вѣрѣ. Со мною происходитъ тоже, что съ человѣкомъ, у котораго нѣсколько остыла любовь къ отцу: когда онъ слышитъ, что говорятъ противъ него, то любовь эта, казалось, потухшая, тотчасъ же возгарается снова. Такъ это и должно быть, если онъ добрый сынъ. Часто,—призываю самого Христа въ свидѣтели,—богохульство еретиковъ обращаетъ меня, вѣрующаго во Христа, въ самаго пылкаго христіанина. Вѣдь хотя древніе язычники и разсказываютъ много басень про божественныя дѣла, однако не богохульствуютъ, потому что не знаютъ истиннаго Бога и никогда не слыхали имени Христа [1])».

Такимъ образомъ ненавистная надменность противниковъ Петрарки значительно помогла ему въ этой борьбѣ смирить свою земную мудрость, т. е. въ данномъ случаѣ классическую, передъ небесною и искать славы въ этомъ смиреніи. Правда, онъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ съ благоговѣніемъ говоритъ о христіанскомъ ученіи. Но только въ позднѣйшіе годы и послѣ этихъ столкновеній поэтъ любилъ отчетливо и прямо ставить его на высоту даже въ противоположность языческимъ философамъ. Петрарка призываетъ Бога въ свидѣтели, что лучше желаетъ быть добродѣтельнымъ человѣкомъ, чѣмъ ученымъ, проситъ у Него смиренія, сознанія собственнаго невѣжества и грѣховности, чтобы спастись отъ надменности послѣдователей Аристотеля. Одинъ изъ малыхъ, вѣрующихъ въ Бога, для него выше Платона, Аристотеля и Цицерона со всею ихъ мудростью; передъ Христомъ они люди слабые, во многомъ заблуждающіеся, и ученіе ихъ не имѣетъ авторитета. Когда противники упрекали его въ томъ, что онъ слишкомъ горячій поклонникъ Цицерона, то онъ отвѣчалъ имъ: «Да, я Цицероніанецъ, но если дѣло идетъ о высшихъ истинахъ религіи, о вѣчномъ блаженствѣ, то я не Цицероніанецъ и не Платоникъ, а Христіанинъ». Притомъ онъ убѣжденъ, то Цицеронъ сдѣлался бы христіаниномъ, если бы до него дошло Евангеліе, точно такъ же, какъ Августинъ смѣло утверждаетъ тоже самое о Платонѣ. Христіанство для Петрарки — единственная незыблемая основа всякой истинной науки; только на немъ и можетъ утверждаться человѣческій разумъ. Евангеліе, по его мнѣнію, всегда должно быть въ памяти человѣка,

[1]) Ibid. p. 1151.

даже когда онъ читаетъ поэтическія, философскія и историческія сочиненія древнихъ [1]).

Теперь мы понимаемъ, почему даже люди строго вѣрующіе и духовныя лица не нападали на Петрарку, не смотря на его занятія языческою древностью, напротивъ были въ числѣ его поклонниковъ. Церковь и въ позднѣйшее время съ гордостью причисляла отца гуманизма къ своимъ поборникамъ. Лишь немногія посланія, направленныя противъ авиньонскихъ папъ, указаны въ индексѣ въ числѣ книгъ, запрещенныхъ католическою церковью. Но никакая инквизиція не нашла ничего предосудительнаго ни въ его культѣ Лауры, ни въ его пылкомъ поклоненіи древнимъ. Конечно, имѣя въ виду результаты, мы смотримъ на это дѣло иначе. Тѣ искусники формальнаго мышленія, съ которыми боролся Петрарка, собственно не нанесли вѣрѣ существеннаго вреда, потому что ученіе ихъ не представляло и тѣни новаго содержанія. Напротивъ поклонники Петрарки всего менѣе слѣдовали своему наставнику въ этомъ уваженіи къ религіи. Часто, съ яркимъ свѣточемъ язычества въ рукахъ, они дерзали соперничать съ меркнущимъ солнцемъ вѣры и не рѣдко торжествовали побѣду.

Оппозиція Петрарки противъ аверроистовъ уже показала намъ нѣкоторыя характеристическія стороны его духа. Но таково было и все его духовное существо. Петраркѣ хотѣлось быть не только знаменитымъ писателемъ, но и царить надъ своими современниками въ качествѣ всесвѣтнаго мудреца, вызывая удивленіе и почетъ, какъ великое свѣтило, о лучахъ котораго неизвѣстно, что они такое и откуда исходятъ. Мысль, поражающая своей смѣлостью и новизною, даже если мы заранѣе допустимъ, что она была выполнена въ высшей степени слабо, что пророкъ на каждомъ шагу обличалъ въ себѣ человѣка.

Петраркѣ и здѣсь нуженъ былъ темный фонъ, чтобъ на немъ тѣмъ рельефнѣе выдѣлялась его личность. Онъ не находилъ достаточно мрачныхъ красокъ, чтобы изобразить аверроистовъ людьми злонамѣренными и опасными. Теперь онъ такъ же не находитъ красокъ нужныхъ для того, чтобы очернить окружающій его міръ. Противопоставляетъ ли ему Петрарка лучезарную древность, или скорбитъ вмѣстѣ съ монахами объ общей грѣховности, онъ постоянно только себя одного считаетъ великимъ человѣкомъ, обреченнымъ на это жалкое и извращенное бытіе. Онъ не хочетъ писать и дѣйствовать изъ любви къ своимъ современникамъ, такъ какъ ихъ бѣдствіямъ

---

[1]) Cf. de ignorantia p. 1145, 1146, 1162, 1163; epist. rer. famil. VI, 2 et. al.

нельзя уже помочь. Чтобы «забыть о тѣхъ, на сожительство съ которыми его осудила злосчастная звѣзда», онъ хочетъ пребывать духовно съ своими великими предками древняго міра, а въ дѣйствительной жизни идти одинокою стезею [1]). Его любимая мысль, безсчетное число разъ повторяющаяся въ его сочиненіяхъ, та, что онъ составляетъ и будетъ составлять рѣзкую противоположность съ «массою», съ profanum vulgus, что онъ вполнѣ посвящаетъ себя тому, чего не вѣдаетъ обыкновенное человѣчество, и презираетъ то, къ чему оно стремится [2]). Однако въ юности Петрарка, какъ и всякій, испилъ чашу наслажденій, никогда не гнушался благами жизни, и какъ ни презиралъ онъ свой вѣкъ, однако не могъ обойтись безъ его поклоненія.

Въ какой бы области мы ни слѣдили за ходомъ мыслей Петрарки, всегда встрѣтимъ искреннее стремленіе къ познанію самыхъ глубокихъ истинъ съ примѣсью самого суетнаго желанія блеска, постоянную борьбу благородныхъ влеченій съ сильною внутреннею ложью.

Петрарка хотѣлъ провести начала стоической философіи не только въ своихъ сочиненіяхъ, но и въ жизни. Отличительною чертою истиннаго философскаго стремленія онъ считаетъ то, что высокоодаренный человѣкъ довольствуется скромными условіями жизни и все считаетъ ничтожнымъ кромѣ науки и добродѣтели, а въ особенности гнушается всякаго хвастовства и тщеславія. Какъ писатель и поэтъ, онъ гордился краснорѣчіемъ, этимъ опаснымъ искусствомъ, которое, правда, быстро вызываетъ удивленіе, но часто вводитъ въ заблужденіе какъ пишущаго и говорящаго, такъ и читателя и слушателя. Петрарка весьма ясно видѣлъ эту опасность. Краснорѣчіе, по его мнѣнію, должно быть чистою музой. Онъ знаетъ, что для того, чтобы имѣть цѣну, оно должно вступить въ союзъ съ добродѣтелью и мудростью, и только тогда становится «могучимъ орудіемъ для достиженія славы». А льстивую сладость рѣчи и обманчивыя украшенія ея онъ сравниваетъ съ румянами кокетки или съ ядомъ, сладкимъ какъ медъ [3]). «Это суетная слава, если

---

1) Epist. rer. famil. VI, 4. Подобныя выраженія встрѣчаются повсюду въ его сочиненіяхъ. Еще въ epist. ad posteritatem (передъ изданіемъ русскихъ писемъ Фракасетти vol. I p. 3), составляющемъ въ то же время завѣщаніе потомству, онъ говоритъ: Incubui unice inter multa ad notitiam vetustatis, quoniam mihi semper aetas ista (nostra) displicuit etc

2) Приведемъ здѣсь только одно изъ самыхъ рѣзкихъ мѣстъ въ epist. rer. famil. XIX 7. Et miraris quod paucis placeo, cui cum paucis convenit, cui omnia fere aliter. videntur ac vulgo, a quo semper quod longissime abest, id penitus rectum iter censo?

3) Epist. ad posteritatem. l. c.

мы хотимъ снискать уваженіе людей пышными рѣчами [1])». -«Направляй твой умъ къ дѣламъ! Въ словахъ—тщеславное хвастовство, многотрудная борьба и пустой звукъ, въ дѣлахъ—спокойствіе, добродѣтель и счастіе» [2]). Онъ такъ глубоко проникнутъ сознаніемъ этого противорѣчія, что даже считаетъ долгомъ упрекнуть въ слабости глубоко уважаемаго Цицерона: «какая польза учитъ другихъ, что толку постоянно говорить великолѣпныя фразы о добродѣтели, если ты самъ не слѣдуешь своимъ словамъ? [3])» Онъ упрекаетъ римскаго писателя въ томъ, что послѣдній, не смотря на свои прекрасныя стоическія правила, излагаемыя съ такимъ увлекательнымъ краснорѣчіемъ, однако жалуется—то на изгнаніе и болѣзнь, на суматоху въ судахъ и на форумѣ, то на потерю денегъ и имущества и на поруху своей славы,—что въ письмахъ его часто встрѣчаются оскорбительныя выходки противъ тѣхъ самыхъ людей, которыхъ онъ только что хвалилъ. И такъ Петрарка почуялъ своимъ инстинктомъ это противорѣчіе между словами и поступками, эту самодовольную непослѣдовательность, къ которымъ въ сущности сводиться все, что въ наше время все рѣзче ставятъ въ вину Цицерону, конечно, почуялъ потому, что и въ себѣ самомъ онъ чувствовалъ тотъ же антагонизмъ, ту же шаткость. Какъ онъ обращается къ Цицерону, такъ его Августинъ обращается къ нему самому: «Что пользы тебѣ проповѣдывать такія прекрасныя истины другимъ, коль ты самъ себя не слушаешь?»—«Насколько краснорѣчіе дороже самой жизни»—признается однажды Петрарка, «для всѣхъ насъ, вращающихся въ пыли литературной палестры, на сколько горячѣе стремимся мы къ славѣ, чѣмъ къ добродѣтели! [4])».

Петрарка помышлялъ занять свободнее и высокое положеніе по отношенію къ современникамъ. Онъ хотѣлъ являться передъ ними на заоблачной высотѣ философіи, стать выше мірскихъ благъ и людской хвалы. Передъ его мысленнымъ взоромъ падаютъ тѣ грани, которыя проводитъ между людьми знатность происхожденія. «Знаменитость, говоритъ онъ, пріобрѣтается не знатностью рода, а жизнью». Смѣшно хвалиться чужими заслугами; пороки испорченныхъ внуковъ ярче выступаютъ, если предки блистали славою [5]). Поэтому

---

[1]) De remed. lib. II. diai. 102.

[2]) Письмо къ Цицерону epist. rer. famil. XXIV, 3. Въ Ареццо нашлось письмо, въ которомъ одинъ шутникъ отвѣчалъ Петраркѣ за Цицерона. cf. Leonardi Bruni epist. IV, 4 ed. Mehus.

[3]) Praefat. in Epist. famil. ed. Fracassetti vol. I. p. 25.

[4]) De remed. utr. fort. I, 16. II, 5.

[5]) О предложеніи кардинальской шапки знаетъ одинъ только Секко Полентоне у Mehus Vita Ambros. Travers. p. 200 и у Tomasini Petrarca rediv. p. 191. Даже ни у кого другаго нѣтъ рѣчи и объ епископствѣ,

Петрарка гордый республиканецъ, и когда онъ излагаетъ свою теорію, то считаетъ всѣхъ государей Фаларидами и Діонисіями, противъ которыхъ долженъ выступить съ свободною рѣчью новый Платонъ. Однако его влекло къ дворамъ владѣтельныхъ особъ и во дворцы знати; тамъ онъ водворилъ гуманизмъ, бывшій цѣлые вѣка ихъ лучшимъ украшеніемъ. Съ этихъ поръ идеаломъ подобнаго новаго Виргилія или Горація служитъ дворъ щедраго Августа съ толпою меценатовъ, спокойное и обезпеченное положеніе, за которое охотно платилось самою рабскою преданностью повелителю.

Петрарка уже въ Авиньонѣ научился ухаживать за папами и кардиналами. Что его привязывало къ этому двору, тогда какъ онъ постоянно громилъ его и порочность новаго Вавилона? Не Лаура, не незамѣнимые друзья, а прежде всего погоня за богатыми приходами, желаніе обезпечить свою судьбу. Папы постоянно предлагали ему въ видѣ обезпеченія должность секретаря при дворѣ. Но онъ отказывался отъ нея, считая это рабствомъ. И когда онъ изъ Италіи снова пріѣзжаетъ къ римскому двору, то постоянно ищетъ расположенія духовныхъ сановниковъ изъ за приходовъ. Достигши цѣли, онъ спокойно удалялся — пользоваться ими въ Италіи. Тогда онъ не смотрѣлъ на желаніе «Арсацидовъ» удержать его въ Авиньонѣ; много если онъ сознавалъ себя обязаннымъ имъ за нѣкоторыя благодѣянія [1]).

Въ Италіи его первымъ Августомъ былъ король Неаполитанскій Робертъ, который устроилъ для него вѣнчаніе лаврами и къ которому онъ, дѣйствительно, всегда чувствовалъ признательность и пылкую преданность [2]). Когда Корреджи въ 1345 г. напали ночью на Парму и овладѣли ею, то Петрарка, познакомившійся съ ними еще въ Авиньонѣ, вошелъ въ городъ вмѣстѣ съ побѣдителями, хотя въ другихъ случаяхъ проповѣдывалъ свободу и громилъ тирановъ. Въ Италіи обыкновенно искали свободы въ республикахъ, которыя, правда, все болѣе и болѣе подпадали подъ власть мелкихъ владѣтелей или сильныхъ сосѣднихъ городовъ. Флоренція, занимавшая по обра-

---

1) Epist. rer. famil. XII, 11 отъ 21-го мая (1352).

2) Между тѣмъ нельзя сказать, чтобы напыщенные стихи молодаго поэта были свободны отъ раболѣпія, напр., epist. metr. II, 1: одинъ другъ долженъ рекомендовать его королю Роберту:

Sum suus ex merito, sibi me meaque omnia soli
Devovi: ingenium calamum, linguamque manumque
Et si quid superest. aliud. Mihi charior ipse
Sum, postquam dedit esse suum; dominoque superrit
Mens mea.

зованію первое мѣсто, естественный пріютъ для Петрарки, однако была какъ бы заперта для него. Не смотря на свою любовь къ свободѣ въ теоріи, онъ никогда не могъ забыть того, что республика изгнала его родню. Онъ восторгался древнею римскою республикою или республикою трибуна Колы, но, очевидно, не любилъ республикъ, существовавшихъ въ Италіи. Поэту лучше жилось у государей, чѣмъ среди бурнаго волненія партій, гдѣ его муза оставалась безъ покровительства, почета и милостей мецената. Но друзья и поклонники Петрарки были глубоко возмущены тѣмъ, что онъ сошелся съ самымъ дурнымъ деспотомъ, который путемъ завоеваній подчинялъ своей власти одинъ городъ за другимъ, былъ извѣстенъ за тирана и ничѣмъ не скрашивалъ своей суровости. Поэтъ въ 1353 г. поселился на постоянное жительство у фамиліи Висконти въ Миланѣ. Петрарка счелъ нужнымъ оправдаться, говорилъ, что архіепископъ Джіованни Висконти прельстилъ его своею любезностью и заманчивыми обѣщаніями. Онъ, только что избавившійся отъ вавилонскихъ оковъ и авиньонской тюрьмы, часто отказывавшій папамъ и королямъ французкимъ и неаполитанскимъ, не могъ устоять противъ любезныхъ просьбъ и величія этого «величайшаго изъ итальянцевъ». Когда онъ спросилъ архіепископа, чего послѣдній отъ него желаетъ, тотъ почтительно отвѣчалъ, что желаетъ только его общества, и своимъ присутствіемъ онъ сдѣлаетъ честь ему и его странѣ. Онъ обѣщалъ ему свободу, досугъ, а не наслажденія, не богатство и не почести [1]). — Дѣйствительно, Висконти устроили ему покойную жизнь въ особомъ домѣ при соборѣ, поэтому онъ и называетъ себя, гостемъ св. Амвросія. Они не требовали отъ него никакихъ услугъ кромѣ того, чтобы онъ по временамъ писалъ оффиціальныя письма, или участвовалъ въ посольствѣ въ качествѣ оратора [2]). Петрарка, конечно, горячо старался увѣрить, что и въ большомъ городѣ и при дворѣ онъ живетъ философомъ и отшельникомъ, однако все таки служилъ украшеніемъ двора, любилъ пользоваться почетомъ и этимъ былъ обязанъ тиранамъ. Онъ пробылъ у нихъ восемь лѣтъ, пока наконецъ его оттуда не прогнали чума и война.

Только одна обидная тѣнь омрачала его почетную и привольную жизнь на Тичино. Поклонники и даже самые преданные друзья усомнились въ философскомъ величіи поэта. Когда Боккачіо въ первый

---

1) Epist. var. 7: epist. rer. famil. XVI, 12.

2) Epist. var. 6 и epist. rer. famil. XIX, 18 написаны Петраркой отъ имени Галеацно Висконти. Всѣ три посольскія рѣчи, которыя остались отъ Петрарки, онъ держалъ отъ имени Висконти.

разъ узналъ, что его Solivagus Silvanus, такъ громко прославлявшій независимость и почетную бѣдность, подпалъ подъ ярмо Висконти, грозившихъ порабощеніемъ его родной Флоренціи, принималъ отъ нихъ подарки и сдѣлался ихъ придворнымъ, то счелъ это небылицею. Но когда Франческо Нелли доказалъ этотъ фактъ письмами наставника, «то онъ вопіялъ къ небу о преступленіи Сильвана». Какъ онъ могъ поступать такимъ образомъ вопреки своему ученію и убѣжденіямъ! Онъ, упрекавшій Цицерона и Сенеку въ слабости характера! Честный Боккачіо откровенно высказалъ ему свое мнѣніе, хотя въ такой формѣ, что Сильванъ былъ третьимъ лицомъ. «Я не могу не краснѣть отъ стыда и долженъ порицать его поступокъ». Таково же было мнѣніе и всего дружескаго кружка. Всѣ они были пристыжены, такъ какъ изо всѣхъ силъ хвалили произведенія и нравственность наставника. Уже говорили, что его философская слава искусственна и пріобрѣтена лицемѣріемъ, что сребролюбіе конечная движущая пружина его дѣятельности [1]). Петрарка получалъ отъ друзей множество писемъ подобнаго рода, въ томъ числѣ сонетъ отъ псевдонима, въ которомъ авторъ обращался къ «единственному солнцу и свѣту міра» съ просьбою оставить дворъ тирановъ и удалиться въ мѣста свободы [2]). Но поэтъ, получавшій отовсюду увѣщанія, былъ слишкомъ гордъ для того, чтобы оправдываться. По его словамъ, чтобы отвѣчать на всѣ эти письма, пришлось бы написать цѣлую книгу о своемъ образѣ жизни [3]). Уваженіе къ нему было такъ велико, что друзья со временемъ успокоились.

Мы знаемъ, что потомъ Петрарка прожилъ нѣсколько времени въ Венеціи, гдѣ республика, правда, приняла его гостепріимно, но, по видимому, не удовлетворила его притязаніямъ на почетъ и уваженіе. Едва ли онъ удалился оттуда только съ досады на аверроистовъ. Петрарка снова былъ доволенъ только тогда, когда нашелъ милостивыхъ повелителей въ лицѣ Каррарскихъ династовъ. У нихъ онъ наслаждался безмятежными днями старости, все еще упиваясь придворной атмосферой, но пользовался независимымъ обезпеченнымъ положеніемъ, которое было его всегдашнею цѣлью. Поэтъ садился за столъ съ великими міра сего и принималъ ихъ дружескія посѣщенія. Сами владѣтели обожали его, и въ этомъ случаѣ онъ имѣетъ равнаго себѣ только въ лицѣ фернейскаго философа. Короли желали ви-

---

1) Прекрасное письмо Боккачіо къ Петраркѣ отъ 18-го іюля 1553 года въ Lettere ed. Corrazzini p. 47.

2) Его отвѣтъ въ Append. epist. 5. ed. Fracasseti.

3) Epist. var. 25 къ Боккачіо отъ 18-го августа 1360 года. Уклончивый отвѣтъ въ epist. rer. famil. XVII. 10.

дѣть его, приглашали къ себѣ и присылали подарки. Папа Урбанъ V желалъ видѣть у себя прославленнаго старца: пусть онъ не беретъ на себя ни должности, ни работы, только почтитъ римскій дворъ своимъ присутствіемъ [1]). Философъ постоянно отговаривался старостію или немощами. Онъ заставлялъ посѣщать себя и просить и казался еще величественнѣе, отклоняя отъ себя честь. Петрарка писалъ брату, что никогда не былъ способенъ пользоваться довѣріемъ властителей, а теперь въ старости всего менѣе; онъ хочетъ вести жизнь спокойную, умѣренную и уединенную, читать, писать и благоговѣйными размышленіями очищать свою душу [2]).

Но всѣхъ этихъ почестей Петрарка достигъ не безъ ущерба для своихъ философскихъ принциповъ. Онъ съумѣлъ очаровать слухъ властителей сладкими рѣчами почтительнаго благоговѣнія и признательности и въ отплату за почести и благодѣянія обѣщалъ прославить ихъ имя въ своихъ стихахъ. Поэтъ любитъ хвалиться тѣмъ, что короли и папы ухаживаютъ за его особою. Но еще съ бо̀льшею гордостью хвалится онъ тѣмъ, что всегда былъ вполнѣ независимъ, что никогда не вынесъ бы такого положенія, которое бы отвлекало его хоть сколько нибудь отъ собственнаго Я и отъ ученыхъ занятій. По его словамъ, никто не можетъ сказать, что онъ потерялъ много времени на службѣ у владѣтельныхъ особъ. Онъ никогда не бывалъ въ ихъ совѣтѣ—въ этомъ мы не сомнѣваемся,—а на пирушкахъ рѣдко. Когда всѣ суетились и толпились во дворцѣ, поэтъ оставался въ своей мирной комнатѣ за книгами, или шелъ одинъ размышлять въ лѣсъ. Такимъ образомъ онъ только на видъ былъ у владѣтелей, а на самомъ дѣлѣ они были у него; если они желали его общества, то должны были примѣняться къ его желаніямъ [3]).

Такого положенія нельзя пріобрѣсти безъ умѣнья жить. И философъ хочетъ ѣсть и пить и лучше имѣть обильное участіе въ благахъ міра сего, чѣмъ пить горькую чашу лишеній. Петрарка хромаетъ въ этомъ случаѣ и въ теоріи. То ему кажется желаннымъ спокойствіе Горація, полное наслажденій, и онъ хочетъ спастись отъ гнетущей бѣдности въ томъ смыслѣ, чтобы имѣть рѣшительно все, чего душа желаетъ. Онъ научился, полагалъ онъ, любить умѣренность, но не переносить ее [4]). То поэтъ кутается въ плащъ отшельника, не знаетъ границъ презрѣнія къ золоту и сокровищамъ, хо-

---

1) Epist. rer. senil. XIV, 3.

2) Ibid. XIV, 6.

3) Ibid. VI, 2. XVI, 2 въ Боккачіо. Filippo Villani p. 15: Ceterum cum curias frequentaret invitus et renitens, in illis, quod dictu mirabile est, solitarius erat.

4) Epist. rer. senil. VIII, 3.

четъ питаться только плодами и пить воду изъ ручья и ничего не желаетъ кромѣ мирной кончины. Онъ никогда не соглашался пожертвовать своею свободою службѣ напр. при римскомъ дворѣ, отказывался отъ должности секретаря и всякихъ бенефицій, связанныхъ съ пастырскими обязанностями, на томъ основаніи, что для него достаточно печься о своей душѣ. Но его гордость ни мало не оскорблялась тѣмъ, что онъ жилъ доходами съ приходовъ, для которыхъ ничего не дѣлалъ, получалъ подарки отъ владѣтельныхъ особъ, которымъ платилъ за это лестью. Припомнимъ одинъ наиболѣе рѣзкій примѣръ, именно когда онъ вмѣстѣ съ депутаціею отъ города Рима былъ въ Авиньонѣ у папы Климента VI и такъ любезно говорилъ съ французскимъ папою, что послѣдній тотчасъ же наградилъ его саномъ пріора въ Мальярино.

Желательно было бы знать, что собралъ Петрарка съ приходовъ и церковныхъ должностей во всю свою долгую жизнь. Но на это мы встрѣчаемъ лишь отрывочныя указанія въ письмахъ, а въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ лично велъ дѣла свои въ Авиньонѣ, часто не выручаютъ и письма. Особенно бѣдны мы свѣдѣніями за года его ранней юности, когда его, конечно, тоже кормила церковь. Уже самое посвященіе онъ принялъ, безъ сомнѣніе, потому, что это было нужно для полученія прихода. Его первою бенефиціею былъ каноникатъ въ Ломбэ, данный ему, папою Бенедиктомъ XII въ 1335 г., разумѣется благодаря хлопотамъ его друга, епископа Джіакомо Колонны. Что только Лаура привязывала его къ папскому Вавилону и къ идиллическому уединенію въ Воклюзѣ, мысль наивная. Подобно сотнямъ другихъ, поэтъ вращался вокругъ солнца папскихъ милостей, и его раздраженіе противъ Авиньона и куріи позволяетъ заключать о неудачныхъ искательствамъ. Онъ уже и тогда прикрывалъ свои поступки тѣмъ благовиднымъ предлогомъ, что занимается этимъ противнымъ выпрашиваніемъ бенефицій только для другихъ и по дружбѣ. Однако блаженному Августину Петрарка кается, что ищетъ средствъ къ жизни и хочетъ обезпечить себя подъ старость [1]). Онъ былъ, очевидно, человѣкомъ вполнѣ обезпеченнымъ, когда оставилъ Авиньонъ въ ноябрѣ 1347 г. Въ октябрѣ 1346 г. Петрарка получилъ каноникатъ при Пармскомъ соборѣ, потомъ должность архидіакона тамъ же въ 1350 г., а раньше, въ 1349 г., Джакопо да Каррара доставилъ ему каноникатъ въ Падуѣ, приносившій около 260 дукатовъ, съ домомъ при соборѣ [2]).

---

[1]) Сюда относятся тѣ sollicitudines et edentes animum curae въ Dial. de contemptu mundi II (отъ 1342-го года), въ силу которыхъ Августинъ уличаетъ его въ avaritia.

[2]) Извѣстную исторію этихъ доходовъ разъясняютъ и недавно найденные документы Livi въ Atti e Memorie delle Deputazioni di storia patria per le provincie dell'Emilia.

Но уже въ 1351 г. онъ возвращается въ Авиньонъ, толкается тамъ цѣлый годъ и дольше въ толпѣ придворныхъ, въ пріемныхъ папы и кардиналовъ, къ удивленію своихъ друзей, картина забавная и въ тоже время жалкая, какъ онъ самъ ее рисуетъ. Наконецъ онъ можетъ сообщить съ торжествомъ своему Симониду въ Римъ, что его настойчивыя хлопоты увѣнчались успѣхомъ. Общій другъ ихъ, валломброзскій аббатъ, исполнилъ его желаніе. И такъ это любезная услуга для другаго лица! А недѣли чрезъ полторы было кончено и другое дѣло. Онъ привезъ съ собою въ Авиньонъ своего пятнадцатилѣтняго сына Джіованни, не шедшаго ни въ одной школѣ и питавшаго отвращеніе къ ученью. Это отецъ сдѣлалъ не изъ алчности къ деньгамъ, какъ онъ говорилъ, но чтобы не оставить его безъ средствъ, если что случится съ нимъ. Этотъ повѣса, узаконенный еще раньше, теперь воротился къ своему прежнему учителю достаточно обезпеченнымъ веронскимъ каноникомъ [1]). Но что же еще удерживало отца въ Авиньонѣ? «По истинѣ, не что другое, какъ любовь къ моимъ друзьямъ». Онъ увѣряетъ, что его призвали ко двору два самыхъ вліятельныхъ кардинала, Гвидо де Монфоръ и Эли де Талейранъ, что онъ явился не зная, что имъ нужно, потому что давно положилъ предѣлъ своимъ желаніямъ. А если бы онъ не послѣдовалъ ихъ приглашенію, это могло показаться гордостью. По его словамъ, всячески старались сдѣлать его богатымъ, но завалить дѣлами,—а это несчастіе. Это значитъ, что ему вмѣсто покойнаго пользованія доходами предлагали мѣсто секретаря, отъ котораго онъ усиленно отказывался. Да и слогъ его оказался не подходящимъ: нашли, что поэтъ пишетъ неясно и слишкомъ возвышенно для чиновника. Но доброжелатели его были готовы помочь ему другими путями и, вѣроятно, достигли своей цѣли. Конечно, не одинъ поклонникъ Петрарки смущался тѣмъ, что философъ черезъ каждые два года пріѣзжаетъ въ Авиньонъ, и это приписывали не одной только его неспособности сидѣть на мѣстѣ, а также и алчности. Но они снова успокоились, когда поэтъ съ благороднымъ негодованіемъ доказывалъ, что упреку въ алчности противорѣчитъ вся жизнь его, что у людей съ возвышеннымъ умомъ есть врожденное

№. S. vol III, P. II. Modena 1878, p. 289. Значеніе прихода въ Падуѣ мы узнаемъ изъ его позднѣйшаго пожалованія въ 1390-мъ г. Грамота у Schio Vita di Ant. Loschi p. 163. Относительно дома при соборѣ, который нѣкогда былъ украшенъ изображеніемъ поэта, см. Gloria въ Atti del r. Instituto Veneto T. VI Ser. V, Venet. 1879-1880, p. 21.

[1]) Epist. rer. famil. XII, 13 отъ 24-го мая и XIII, 2 отъ 5-го іюня 1352-го года. Какъ трудно было достигнуть этого, ясно изъ epist. var. 35 къ Веронцу Гульельмо да Пастренго: pro quo totiens laborastis, говоритъ Петрарка о канониката.

стремленіе перемѣнять мѣсто своего жительства, что его гоняетъ изъ мѣста въ мѣсто нравственная болѣзнь [1]).

Въ дѣйствительности Петрарка, неутомимый искатель бенефицій, по видимому, въ самомъ дѣлѣ пускался въ новый походъ чрезъ каждые два года, когда смолкали толки объ его назойливости. Только въ позднiе годы жизни онъ не являлся уже самъ въ Авиньонъ, а велъ дѣла чрезъ своихъ друзей и агентовъ. А такъ какъ въ этомъ случаѣ было невѣроятно, что онъ хлопочетъ за другихъ, то поэтъ придумалъ новые нравственные софизмы, чтобы скрасить свою нефилософскую погоню за доходами. Подробности намъ большею частію неизвѣстны. Но кто знаетъ, какъ шли дѣла въ Авиньонѣ, на этомъ обширномъ рынкѣ бенефицій, какіе тамъ шли происки, торговыя и мѣновыя сдѣлки, процессы, какъ обходили законъ о несовмѣстимости приходовъ и насиловали право, тотъ пойметъ, почему нельзя ясно прослѣдить всѣхъ похожденій Петрарки. Въ 1358 г. онъ увѣрялъ генуэзскаго архіепископа, что живетъ у Висконти, какъ скромный ученый, умѣренно, и проситъ только у Бога мирной кончины. Но архіепископъ вскорѣ узналъ изъ другихъ источниковъ, что Петрарка добился новыхъ доходовъ. Этого нельзя было скрыть, но поэтъ утверждалъ, что расходы его увеличились и потому деньги не залеживаются въ сундукѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ открылъ въ себѣ одну прекрасную и замѣчательную черту: между тѣмъ какъ у другихъ страсть къ богатствамъ усиливается по мѣрѣ пріобрѣтенія ихъ, онъ съ каждымъ новымъ пріобрѣтеніемъ становится спокойнѣе и довольнѣе. Слѣдовательно, выводъ былъ такой, что его можно все щедрѣе надѣлять благами міра не вредя его философскимъ принципамъ [2]). Уже въ 1361 г. Петрарка опять проситъ кардинала Талейрана и епископа Кавальонскаго похлопотать у папы о новой милости, чтобы спасти поэта отъ печальной бѣдности и заботъ [3]). Кардиналъ опять вернулся къ прежней мысли, что Петраркѣ слѣдуетъ поступить на службу къ римскому двору секретаремъ. Неизвѣстно, чего добился поэтъ. Но канроникатъ въ Веронѣ, данный сыну Петрарки, былъ отнятъ у развратнаго юноши и остался въ семьѣ, потому что добрый папа по смерти сына отдалъ его отцу [4]).

---

[1]) Epist. rer. famil. XIII, отъ 9-го августа 1352 г., XIV, 7 отъ 8-го ноября. И письма XIV, 4 и XV, безъ сомнѣнія, должны быть отнесены къ одной категоріи съ первыми.

[2]) Epist. rer. famil. XIX. 16, 17. Въ послѣднемъ письмѣ говорится: Sed ad hunc diem quo plus habui, eo minus optavi, et quo rerum copia largior, eo et tranquillitas vitae maior et cupiditas animi minor fuit, minusque sollicitudinum et curarum.

[3]) Epist. var. 55 и epist. rer. senil. 3. Тамъ: Divitias alii, ego paupertatem appeto sed non omnem profecto, non sordidam, non tristem ne que sollicіam, sed tranquillam sed pacificam, sed honestam.

[4]) Epist. var. 35 отъ 10-го августа 1361-го года.

Еще въ глубокой старости, доживая последніе годы въ Арквѣ, какъ философъ-отшельникъ, Петрарка не погнушался воспользоваться расположеніемъ папы для приращенія своихъ доходовъ. И тутъ характеристична его манера просить. У него, конечно, по его словамъ, достаточно для обихода каноника. Но вѣдь ему приходится заботиться о множествѣ дѣтей [1], поэтому у него явились такіе расходы, какіе бы потребовались развѣ на содержаніе цѣлаго капитула. Онъ любитъ жить въ деревнѣ просто и уединенно, но принужденъ держать слугъ,—«о, если бы я могъ жить безъ нихъ!»—довольствоваться двумя лошадьми и тремя переписчиками. Иногда, когда онъ одинъ и желаетъ пообѣдать запросто, вдругъ является толпа гостей, которыхъ онъ все таки долженъ принять прилично, чтобы не показаться скупымъ (!) [2]. Никто не можетъ такъ легко оказывать благодѣянія, какъ папа, если только онъ захочетъ; а онъ, поэтъ, не умѣетъ просить, такъ какъ мало размышлялъ о подобныхъ вещахъ. Но онъ ставитъ на видъ слѣдующее: если ему дадутъ приходъ, то по его старости и дряхлости можно разсчитывать вскорѣ передать его другому [3]. — Какъ однако ловко Петрарка ни подступалъ къ дѣлу, оно не удалось. Одинъ изъ друзей его при римскомъ дворѣ писалъ ему, что папа, конечно, расположенъ къ нему, но едва ли много сдѣлаетъ, потому что имъ совсѣмъ завладѣла толпа вновь назначенныхъ и голодныхъ кардиналовъ. Теперь Петрарка еще болѣе отдался гордости, не будучи въ состояніи отдѣлаться отъ чувства стыда, что унизился до просьбы. Только теперь сталъ онъ горячо доказывать, что никогда не желалъ земныхъ благъ и мало заботился о томъ, много ли мало ли ему достанется, или ровно ничего. Но онъ не можетъ не излить своей досады на ненасытныхъ прелатовъ. Отказъ въ бенефиціи обращается для него въ символъ и признакъ дурнаго управленія церковью: папа, по его мнѣнію, готовъ на всякое доброе дѣло, а кардиналы—представители всякаго зла. «И у меня, и у истины», говоритъ онъ, «много вра-

---

[1]) Кромѣ умершаго Джованни намъ извѣстна только дочь его Франческа, которая тогда уже давно была замужемъ.

[2]) Какъ ни любитъ часто онъ хвастаться своей умѣренностью, мы все-таки знаемъ, что съ каждымъ годомъ онъ становился все тучнѣе. Объ этомъ сообщаютъ первые біографы. Боккачіо у Rossetti Petrarca p. 321: statura procerus, forma venustus, facie rotunda etc. Секко Полентоне у Mehus Vita Ambros. Travers. p. 199: pinguior enim simul et senior factus est. «Vita» у Tomasinus Petrarca rediv. p. 191: Vultus teres ac pinguis—Corpus in senio pingue—habuit. «Vita» P. P. Vergerius'a ibid. p. 1175 и у De Sade T. III Pièces just. p. 13: plena facies, rotundiora membra et in senectute ad crassitudinem vergens.

[3]) Epist. var. 15 къ Франч. Бруни и epist. rer. senil XIII. 12 къ нему же.

говъ при римскомъ дворѣ, которые всячески противятся моимъ выгодамъ и почету». Съ какимъ презрѣніемъ смотритъ онъ на толпу надменныхъ кардиналовъ, тогда какъ ему весьма лестно слышать дружеское слово отъ каждаго изъ нихъ. «Въ лицѣ ихъ чтутъ только митру да красную шапку»; напротивъ почетъ, воздаваемый ему, поэту, относится и къ его личности. А такъ какъ размышленіе о смерти онъ считаетъ главнымъ отличіемъ философа, то, чтобы вызвать самое глубокое презрѣніе къ кардиналамъ, утопающимъ въ роскоши и нѣгѣ, онъ относитъ ихъ къ числу людей, избѣгающихъ мысли о смерти [1]).

Конечно, нельзя отрицать того, что Петрарка былъ самымъ назойливымъ изъ всѣхъ искателей бенефицій, происки которыхъ такъ обезславили авиньонскій дворъ. Поэтому, какъ мы ясно видимъ, онъ достаточно палъ въ глазахъ людей, близко знавшихъ его. Объ этомъ свидѣтельствуетъ даже самый горячій его поклонникъ, достойный Боккачіо, защищавшій его отъ такихъ упрековъ въ своемъ похвальномъ сочиненіи, написанномъ еще при жизни Петрарки. Онъ отыскиваетъ другую причину тому, что наставникъ то и дѣло посѣщалъ римскій дворъ: онъ, видите ли, долженъ былъ тамъ изучать людей, а иначе его знанія о нихъ утратились бы въ «слишкомъ строгомъ уединеніи». Онъ пользовался лишь умѣренными бенефиціями, несвязанными съ пастырскимъ долгомъ, и онѣ предлагались ему самимъ папою [2]). Безспорно Петрарка былъ однимъ изъ лицъ наиболѣе достойныхъ, которымъ церковь давала хорошее содержаніе, не требуя услугъ. Но столь же безспорно и то, что онъ долженъ былъ унижаться до софистики и лицемѣрія, чтобы оправдать передъ свѣтомъ противорѣчіе между такими отношеніями и своими стоическими принципами.

Сотню разъ сообщаетъ намъ Петрарка о томъ, что онъ избѣгалъ городской и людской суеты, сидѣлъ въ тихомъ кабинетѣ надъ книгами, или, гуляя по лѣсамъ и лугамъ, слушалъ пѣніе птицъ и журчаніе ручья, предавался одинъ созерцанію и поэтическимъ мечтамъ. Такимъ изображаетъ онъ себя не только въ своихъ Rime, но также въ письмахъ и философскихъ сочиненіяхъ постоянно рисуетъ картину своей поэтической жизни. Конечно, въ его изображеніяхъ неизбѣжно проглядываетъ тщеславіе и натяжка, но основной ихъ фонъ всегда такой, какой только художникъ улавливаетъ въ окружающей природѣ и во внутреннихъ чувствахъ своихъ. Кто

---

[1]) Epist. rer. senil. XIII, 12, 13, оба письма на имя того-же Бруни, его дѣлопроизводителя при куріи.

[2]) У Rossetti I, c. p. 319, 321.

когда либо такъ краснорѣчиво и восторженно повѣдалъ міру о прелестяхъ своей свѣтской жизни. Кто, какъ поэтъ, наслаждался природою и идиллическимъ уединеніемъ въ связи съ учеными занятіями такъ же, какъ воклюзскій геній!

Мѣстность у истоковъ Сорги съ перваго же раза очаровала Петрарку, когда онъ воротился домой, кончивъ ученыя занятія въ Болоньѣ. Онъ купилъ тамъ домикъ и сады, которые воздѣлалъ своими руками и по своему вкусу, «подобно Фабрицію или Катону». Старая домоправительница, весьма работящая и преданная женщина, заботилась объ удовлетвореніи его скромныхъ потребностей. Хозяйство дополняли двое слугъ и собака. По временамъ прибавлялся писецъ. Здѣсь жилъ поэтъ среди бѣдныхъ и честныхъ поселянъ, которые обработывали свои скудныя нивы, виноградники и масличныя деревья и ловили рыбу. Онъ вступилъ въ мирныя сношенія съ этими людьми, хотя имъ не было дѣла до его пѣсень, науки и философскаго величія. Ему даже хотѣлось бы убѣдить весь свѣтъ, что, пресыщенный похвалами и славой, онъ радъ жить между такими людьми, которымъ онъ совершенно неизвѣстенъ какъ великій человѣкъ [1]) Часто онъ ѣстъ тотъ же хлѣбъ, что и пастухи, лакомится виноградомъ, смоквами и орѣхами. Одѣвается Петрарка такъ же, какъ и поселяне, и часто помогаетъ имъ ловить рыбу удочками и сѣтью. Но всего больше любитъ онъ наслаждаться природою и сельскою тишиною наединѣ съ самимъ собой. Поэтъ бродитъ по зеленымъ лѣсамъ и цвѣтущимъ лугамъ, поднимается на холмъ и любуется оттуда величественнымъ видомъ. Иногда, если придетъ охота, онъ проводитъ цѣлый день на холмѣ, слушая щебетанье и пѣніе птицъ, мычанье стада въ долинѣ, дремлетъ въ тѣни дерева или на травѣ на берегу прохладной рѣчки, вечеромъ отдыхаетъ въ саду у ручья, а ночью бродитъ одинъ по лугамъ или горамъ, наслаждаясь волшебнымъ сіяніемъ луны, или слушая далекое пѣніе пастуховъ, стерегущихъ свое стадо. Тутъ онъ размышляетъ и творитъ, и у него постоянно подъ рукою записная книжка, даже когда ѣздитъ верхомъ. Или онъ просто только мечтаетъ. Самъ себѣ онъ даетъ имена Solivagus (одиноко бродящій) и Silvius (любитель лѣсовъ); такъ и друзья любятъ называть его. Прогулка и блужданье становятся аттрибутами поэта, который научаетъ міръ кое чему новому, именно отыскивать прелести природы и наслаждаться дѣйствіемъ ихъ на душу.

---

[1]) Epist. rer. famil. XI, 12: Usque ad satietatem notus in patria, fugiensque fastidium, quaero ubi lateam solus, inglorius et ignotus. Mira cupiditas inter tot praesertim inanis gloriae sectatores!

А для разнообразія—рабочая комната, мирная библіотека. Нѣтъ другой работы кромѣ той, какую умъ самъ себѣ выбираетъ и которой ищетъ! Петрарка любитъ разсказывать, какъ онъ встрѣчаетъ утро за книгами. Нѣкоторое время поэтъ любилъ помѣчать свои письма такъ: «въ тиши мрачной ночи» или «при началѣ утренней зари». Такимъ образомъ въ идиллическомъ провожденіи времени онъ находилъ полный литературный досугъ. Петрарка тутъ научился тому, что однажды призналъ лучшимъ въ жизни—искусству жить [1]).

Современники соединяли образъ воклюзскаго поклонника природы не съ сладостными пѣснями любви, а съ философскимъ уединеніемъ. Это видимъ мы у Боккачіо, который всегда говоритъ съ таинственнымъ благоговѣніемъ объ отшельничествѣ своего друга, какъ о богинѣ арицинской рощи. Истоки Сорги и домикъ Петрарки тотчасъ же послѣ его смерти показывались пріѣзжимъ, какъ чудное мѣсто, гдѣ возникло сочиненіе Объ уединенной жизни [2]). Уже позднѣе воспоминаніе о сладкозвучномъ пѣвцѣ Лауры любятъ соединять съ прославленною воклюзскою долиною, и мы невольно представляемъ себѣ ученаго Петрарку склонившимся надъ своими латинскими книгами, въ скромномъ домикѣ въ Арквѣ, у окна, выходящаго въ тотъ садъ, масличныя деревья котораго онъ самъ посадилъ и выростилъ.

И римскіе поэты воспѣвали подобное идиллическое уединеніе, и военные и государственные люди древняго Рима любили сельскую жизнь и литературный досугъ. Но Петрарка сознавалъ, что онъ стоитъ еще выше обыкновенныхъ людей, отрекаясь отъ ихъ грубаго, матеріальнаго наслажденія жизнью, и питая свой умъ бесѣдой съ самимъ собою и съ умами древняго міра. Много говорили о монашеско-аскетической чертѣ въ характерѣ Петрарки, но какъ

---

1) Epistt. rer. famil. XIII, 4, 8. XXI, 12 senil. X, 2 и др. Приведемъ два примѣра изъ стихотворныхъ писемъ.

I, 7: Saepe dies totos agimus per devia soli
Inque manu calamus dextra est, at carta sinistram
Occupat, et variae complent praecordia curae.

III, 27: Solus ego populum fugiens et rura pererrans
Solus et ad ripam tenera resupinus in herba
Ardentes transire dies rabiemque leonis
Curarum liber video, vacuusque malorum etc.

2) Bocaccio de montibus etc. p. 436. Онъ прибавляетъ: Nec dobium puin adhuc filii nepotes et qui nascentur ab illis, ampliori cum honore tanti vatis aemiratione vestigia venerertur.

плохо понимали его въ этомъ случаѣ! Какъ ни любитъ онъ говорить о своихъ постахъ, ночныхъ бдѣніяхъ и лишеніяхъ и выставлять на видъ свою созерцательную жизнь, однако въ немъ кроется несравненно больше гордости ученаго, чѣмъ смиренной простоты монаха. Онъ написалъ книгу о жизни въ уединеніи [1]), которая, правда, чрезвычайно понравилась монахамъ, нашедшимъ въ ней похвалы своему сословію. Однако уже своими философскими воззрѣніями и блестящимъ ораторскимъ слогомъ она довольно рѣзко отличается отъ назидательныхъ трактатовъ монашескаго характера. При томъ странно, что Петрарка ставитъ древняго философа на одну доску съ христіанскимъ отшельникомъ. Въ немъ проповѣдуется не однообразно благочестивая жизнь монастыря, а невозмутимая тишина рабочаго кабинета и наслажденіе, испытываемое на лонѣ природы, чуждыя суеты окружающаго міра и дающія возможность жить болѣе богатою и разнообразною внутреннею жизнью. Кто живетъ на виллѣ, предаваясь своимъ влеченіямъ, тотъ отрекается только отъ своихъ обязанностей передъ свѣтомъ, а не отъ самаго свѣта. Чтеніе, писаніе и размышленія, по словамъ Петрарки, всегда были его высшимъ наслажденіемъ [2]); въ такомъ смыслѣ прославляетъ онъ блага, доставляемыя уединеніемъ, которыя оно одно и можетъ доставлять: спокойствіе, независимость и досугъ. Постоянно работая и творя, онъ чувствуетъ въ себѣ полноту бытія. Боккачіо однажды сказалъ, что Петрарка можетъ наконецъ успокоиться на лаврахъ и провести безмятежную старость, но поэтъ отклонилъ этотъ дружескій совѣтъ, какъ недостойный его [3]). Въ другой разъ тотъ же другъ подарилъ ему сочиненія Августина въ одномъ большомъ томѣ. Теперь, увѣрялъ его Петрарка, за пристальнымъ чтеніемъ онъ иной разъ забываетъ объ обѣдѣ и проводитъ безсонныя ночи. Это чтеніе—единственная его отрада; конечно, чернь не понимаетъ этого: вѣдь она не знаетъ другихъ наслажденій кромѣ чувственныхъ [4]). Съ высоты того пьедестала, на который любилъ становиться поэтъ, онъ и къ семейной жизни относится съ презрѣніемъ. Изученіе философіи и жена, думаетъ онъ, плохо уживаются вмѣстѣ, женщина—это настоящій дьяволъ, заклятой врагъ

---

[1]) Сочиненіе de vita solitaria во всякомъ случаѣ было начато еще въ Воклюзѣ по Append. litt. epist. 6 ed. Fracassetti отъ 17-го мая 1349 года. Карлу же Петрарка сказалъ согласно epist. rer. famil. XIX, 3, въ декабрѣ 1354 года, что «недавно» издалъ эту книгу. Стало быть, она была обработана во время его пребыванія въ мятежномъ Миланѣ.

[2]) Epist. rer. senil. XIII, 7; Invect. c. medicum Lib. IV (Opp. p. 1223).

[3]) Epist. rer. senil XVI, 2.

[4]) Epist. rer. famil. XVIII, 3,

мира и душевнаго покоя. Часто бракъ ведетъ къ разнаго рода опасностямъ, а еще чаще къ позору и почти всегда къ пресыщенію и отвращенію. Кто любитъ чувственныя наслажденія и дѣтскую возню, тотъ пусть женится и такимъ образомъ печется о продолженіи своего рода и имени. «А мы, если намъ это суждено, распространимъ свое имя не съ помощію брака, а ума, не чрезъ дѣтей, а сочиненіями, не съ помощью жены, а добродѣтели» [1]).

Въ это ученое отшельничество хочетъ удалиться Петрарка отъ людей, чтобъ укрыться отъ ихъ удивленныхъ взоровъ и не слышать ихъ похвалъ. Тѣмъ невозмутимѣе наслаждался онъ полнотою славы въ своемъ воображеніи, которую порождала молва объ его мирномъ философскомъ досугѣ. Чѣмъ болѣе онъ избѣгалъ поклоненія людей, тѣмъ съ большимъ любопытствомъ желали они видѣть необыкновеннаго человѣка. Какой почетъ былъ для него, что многіе именитые люди пріѣзжали въ воклюзскую долину—видѣться и говорить съ нимъ [2]). Въ томъ числѣ было нѣсколько кардиналовъ изъ Авиньона и даже Неаполитанскій король Робертъ [3]). Какъ упоительно, что для приглашенія къ поэтическому вѣнчанію его слѣдовало посѣтить у истоковъ Сорги! «Къ царю Сифаксу, разсказываетъ Петрарка, пришли послы римскіе и кароагенскіе просить союза и помощи и нашли его гордо возсѣдающимъ на престолѣ и окруженнымъ тѣлохранителями. Меня застали эти приглашенія въ то время, какъ я одиноко бродилъ утромъ по лѣсамъ, а вечеромъ по берегу рѣки» [4]). Такимъ образомъ на его поэтическое наслажденіе въ горахъ, лѣсахъ и у ручьевъ опять ложится тѣнь суетной гордости, и ради ихъ онъ не можетъ забыть о своемъ Я. Онъ полагаетъ, что можетъ «безъ хвастовства замѣтить въ ихъ прославленіе, что самое лучшее украшеніе этихъ мѣстъ—обитающій въ нихъ Франческо» [5]).

И то же самое чувство, съ какимъ онъ принималъ посѣщенія друзей и приглашенія къ вѣнчанію лаврами, въ другое время опять влекло его въ общество. Ему уже не сидится на берегахъ тихой Сорги. Онъ придумываетъ причины, по которымъ ему тяжело жить тамъ: итальянская родина слишкомъ далека, а ненавистный Авиньонъ съ римскимъ дворомъ слишкомъ близки и т. п. Его опять

---

[1]) Epist. rer. senil. XIV, 4 (Opp. p. 1034).
[2]) Invect. c. medicum. l. c. (Opp. p. 1226).
[3]) Epist. rer. famil. XII, 12.
[4]) Epist. rer. famil. IV, 4.
[5]) Append litt. epist. 6 ed. Fracassetti: quid habet locus ille gloriosius habitatore Francisco? Такія же выраженія можно встрѣтить и въ другихъ мѣстахъ.

тянетъ къ людямъ, но ни одна мѣстность не можетъ долго нравиться ему; тутъ виноваты — то самъ онъ, то мѣсто, то люди, однимъ словомъ—все. Онъ какой-то скиталецъ на землѣ, не знающій себѣ покоя, и ему думается, что пора переселиться въ иную мѣстность [1]). Тутъ онъ ѣздитъ изъ города въ городъ, жадно упитываясь всюду воскуриваемымъ ѳиміамомъ. «Даже Сципіонъ Африканскій — такъ объясняетъ онъ эту перемѣну мѣстъ для жительства — ежедневно будучи на глазахъ у римлянъ, сдѣлался обыкновеннымъ человѣкомъ; чего же ожидать другому, кто вовсе не Сципіонъ и живетъ не среди римлянъ» [2]).

Есть собственное признаніе Петрарки, которое устраняетъ всякія сомнѣнія и даетъ простое рѣшеніе вопроса объ его уединеніи въ Воклюзѣ, въ Литернумѣ на Гарильяно и на Эвганейскихъ горахъ. Правда, по его словамъ, онъ часто удалялся изъ большихъ городовъ и отъ людей въ уединенные лѣса и тихія долины. Но причиною этого было именно его честолюбіе. Онъ думалъ похвалиться этимъ бѣгствомъ отъ людскаго поклоненія, покидалъ обычную, слишкомъ проторенную тропу честолюбцевъ, но шелъ къ той же цѣли другимъ путемъ: конечною цѣлью его уединенія, его тихихъ ученыхъ занятій все таки была постоянно слава [3]).

Цицеронъ написалъ книгу о дружбѣ; какъ часто и восторженно говоритъ о ней Сенека въ своихъ письмахъ! Петрарка тоже думалъ, что безъ дружбы не будетъ истиннымъ философомъ. Его письма и другія сочиненія полны нравоученій и разсужденій о ней и примѣровъ изъ древней исторіи. Въ поэмѣ Африка дружба находитъ классическаго представителя въ лицѣ Лелія, и въ нее же была влючена похвала дружбѣ [4]). Петрарка и въ жизни хотѣлъ блистать какъ виртуозъ, какъ герой ея. Двоихъ братьевъ, по его словамъ, подарила ему мать, но больше того дала дружба. Съ ея сокровищами онъ считаетъ себя богаче владѣтельныхъ особъ и королей [5]). Еще въ посланіи къ потомству поэтъ хвалится тѣмъ, что весьма усердно искалъ почетныхъ дружескихъ связей и заботливо поддерживалъ ихъ. Петрарка постоянно говоритъ съ восторженною любовью о своихъ друзьяхъ, а потомъ, когда всѣ они переселились отъ него въ иной міръ, съ трогательнымъ воспоминаніемъ. Но мы не знаемъ, какъ собственно относились къ нему друзья. Даже не исклю-

---

1) Epist. rer. famil. XV, 4. 8.
2) Epist. rer. senil. VI, 2.
3) De contemptu mundi Dial. II (Opp. p. 389). Epist. rer. famil. IX, 14.
4) II, 510 seq. ed. Corradini.
5) Epist. rer. famil. IX. 2.

чая наиболѣе любимыхъ имъ Лелія (Джіакомо Колонна) и Боккачіо, мы ни у кого не замѣчаемъ такихъ личныхъ отношеній, которыя бы служили основаніемъ дружбѣ. Это были—избранные его поклонники. Они обыкновенно выражаютъ ему свое уваженіе въ вычурныхъ фразахъ; такъ напр. Франческо Нелли пишетъ ему, что счастливъ тѣмъ, что онъ — современникъ Петрарки. Письма послѣдняго къ нимъ почти никогда не касаются ихъ личныхъ дѣлъ; по большей части это бесѣды автора съ самимъ собою, а адресъ друга только дѣлаетъ честь послѣднему. Такимъ образомъ для Петрарки дружба—не наслажденіе, состоящее въ способности и готовности быть преданнымъ другимъ и утѣшаться любовью къ людямъ въ тѣсномъ кругу; это просто—аппаратъ, необходимый для величія его философскаго трона, который долженъ быть окруженъ друзьями, какъ тронъ государя свитою придворныхъ. Самымъ короткимъ его друзьямъ даются античные псевдонимы: Сократъ, Лелій, Симонидъ. Другимъ изъ вѣжливости не только выпадали на долю названія друзей, но и Цицероновскія изреченія, относившіяся къ нимъ. «Кто хочетъ только извлекать пользу изъ своихъ друзей, тотъ мелкій торгашъ дружбы, а не почитатель ея»—такъ писалъ Петрарка Франческо Бруни, аббревіатору при Куріи, отъ котораго онъ, очевидно, ждалъ только помощи при своемъ исканіи бенефицій [1]). По большей части въ этомъ послѣднемъ смыслѣ и играетъ роль культъ дружбы впослѣдствіи въ литературѣ гуманистовъ. Такъ и вообще многое, что̀ Петрарка еще умѣлъ прикрывать блескомъ величія, при его послѣдователяхъ все болѣе и болѣе получало видъ обыкновенныхъ отношеній.

Не иначе можно судить и о любви Петрарки, вызвавшей такое удивленіе. Во всякомъ случаѣ это не любовь трубадуровъ, съ которою ее часто сравнивали. Да и любовныя пѣсни Петрарки имѣютъ только то общаго съ ихъ пѣснями, что большею частію созданы подъ небомъ Прованса. Скорѣе онѣ навѣяны, повидимому, Дантомъ и, вѣроятно, Чино. Къ этому присоединяется взятый у древнихъ поэтовъ образъ, какъ люди показываютъ пальцами на бѣднаго юношу, пожираемаго пламенемъ безнадежной любви, какъ герой этой любви становится предметомъ городскихъ толковъ, вызываетъ удивленіе и пріобрѣтаетъ знаменитость [2]). Это стремленіе возникло у

---

[1]) Fpist. rer. XIII, 13. cf. epist. rer. famil. IX, 11.
[2]) Ovidii amor. III, 1, 19.

Saepe aliquis digito vatem designat euntem
Atque ait' hic hic est quem ferus urit Amor.

Петрарки уже въ то время, когда онъ франтомъ расхаживалъ по улицамъ Авиньона въ узкихъ башмакахъ, съ завитыми въ локоны волосами. Оно усиливалось вмѣстѣ съ славою его имени и постоянно побуждало его къ новымъ изліяніямъ неугасимой страсти, безнадежно терзавшей его. Слезы и вздохи, приторная сладость, передаваемыя въ благозвучныхъ стихахъ, въ скоромъ времени сдѣлали его интересною личностью, прославили его имя, которое вскорѣ повторялось устами тысячи людей, а въ особенности женщинъ и чувствительныхъ мужчинъ «безъ грамматики». Сентиментальность, выражавшаяся съ такимъ обиліемъ въ мученіяхъ безнадежной страсти, въ тоскѣ и желаніи смерти, отъ которыхъ поэтъ не хотѣлъ избавиться, была самымъ чарующимъ элементомъ его любви. Но и тутъ онъ хочетъ высоко подняться надъ толпою. Его любовь должна быть совершенно особымъ чувствомъ, облагороженнымъ, любовью къ душѣ, не вызываемою тѣлесною красотою и потому не остывающею съ годами [1]). А иначе вмѣстѣ съ любовью охладѣло бы и вниманіе свѣта къ любящему. Конечно, это уже не античная идея. Скорѣе это идея Данта, который первый противопоставилъ природному влеченію высшую, духовную любовь. Такъ объясняется то явленіе, что нашъ поэтъ цѣлые десятки лѣтъ продолжалъ воспѣвать передъ свѣтомъ свою единственную любовь. Конечно, она не надолго овладѣла имъ. Она не помѣшала поэту жить въ то же время съ конкубинами и имѣть дѣтей, хотя онъ любитъ говорить объ ея облагораживающей силѣ, подавляющей въ немъ пошлую страсть.

Лаура, быть можетъ, когда нибудь вызвавшая мимолетное упоеніе любви въ юномъ Петраркѣ, потомъ становится просто образомъ, къ которому поэтъ пріурочиваетъ свои вымыслы, подобно тому, какъ его такъ называемые друзья въ лучшемъ случаѣ были просто лицами, нужными для возвеличенія его славы. Джіакомо Колонна, знавшій его лучше всѣхъ друзей, которому онъ посвятилъ великолѣпное изображеніе своихъ душевныхъ мукъ въ латинскихъ стихахъ, шутливо замѣчалъ, что Петрарка выдумалъ прекрасное имя Лауры только для

— Fabula—nec sentis?—tota iactaris in urbe etc.
Pers. I, 28: At pulchrum est digito monstrari et dicier hic est.

Петрарка напоминаетъ своему брату Джерардо въ epist. rer. famil. X. 3: quanta nobis fuerat cura quantaeque vigiliae, ut furor noster late notus, et nos essemus populorum fabula—denique quid non fecimus, ut amor ille—plausibiliter caneretur. Epist. metr. III, 27: Fabula quod populo fuerim digitoque notatus. Тоже самое въ первомъ сонетѣ и въ другихъ мѣстахъ.

[1]) Поэтому онъ сообщаетъ Августину въ Dial. III de contemptu mundi, что Цицеронъ говоритъ только de communi amore hominum, in me autem singularia quaedam sunt.

того, чтобъ оно могло прославить его и чтобы всѣ говорили о немъ. Лаура въ его сердцѣ—не что иное, какъ поэзія, и мотивъ его пѣсень—вымышленный, а вздохи—притворные. «О, если бы это было притворство, а не безуміе!» отвѣчалъ Петрарка, не пускаясь однако въ дальнѣйшія объясненія [1]). Въ годы всесвѣтной мудрости онъ, правда, довольно часто говоритъ, что стыдится этихъ оковъ и тѣхъ похвалъ, какія вызвали его пѣсни отъ обыкновенныхъ людей. Однако онъ до преклонной старости отыскиваетъ въ пожелтѣвшихъ листахъ все новыя свидѣтельства своей прежней любви, снова освѣжаетъ ее въ памяти своей, какъ и ту славу, которую пріобрѣлъ ими [2]). И какъ долина Сорги кажется ему напослѣдокъ потому столь великолѣпною, что онъ сдѣлалъ ее знаменитою, такъ поэтъ не можетъ забыть и Лауру, которую прославилъ своими пѣснями [3]).

Оцѣнить и признать заслуги другихъ безъ отношенія къ самому себѣ Петрарка рѣшительно не могъ, кромѣ древнихъ, отдаленныя личности которыхъ недоступны для зависти. Никто изъ современниковъ не долженъ былъ выражать притязанія сравняться съ нимъ. Изъ нихъ, какъ одинокая скала, гордо высился только Дантъ Алигіери. Петрарка избѣгаетъ случая говорить о немъ и съ нѣкоторою робостью держится въ отдаленіи отъ него. Но само по себѣ не мыслимо, чтобы Дантъ, какъ поэтъ, не былъ близокъ къ нему въ юности и не произвелъ на него никакого впечатлѣнія. Петраркѣ было 17 лѣтъ, когда онъ умеръ, и именно въ то время слава о немъ гремѣла. Да и самъ онъ говоритъ, что помнитъ, какъ Данта до излишества прославляли на улицахъ и площадяхъ. Собственно это,

---

1) Epist. metr. I, 7: epist. rer. famil. II, 9. Стихотвореніе De statu quo, сантиментальная сладость котораго привела въ восторгъ даже самаго Петрарку, и слова Колонна, очевидно, находятся въ причинной связи.

2) Epist. var. 9 отъ 1373 года.

3) Въ стихотвореніи De statu: Carminibusque ornata meis auditaque longe. Отмѣчая въ своемъ Виргиліи день ея смерти, онъ говоритъ: Laura propriis virtutibus illustris et meis longus celebrata carminibus etc. Августинъ напоминаетъ ему въ Dial. III de contemptu mundi: Cogita quantum tu famae illius addideris etc Въ Канцонѣ «Chedebb' io far»? слава Лауры требуетъ, чтобы онъ не переставалъ ее воспѣвать:

E sua fama che spira
In molte parti ancor per la tua lingua,
Prega che non estingua etc.

Son. 21 in morte di L. поетъ о томъ, какое дѣйствіе они оказывали другъ на друга: Io gloria in lei ed ella in me virtute. Еще въ Trionfo della Morte cap. 2 просвѣтленная Лаура говоритъ:

E piacemi'l bel nome (se'l ver odo)
Che lungo e presso col tuo dir m' acquisti.

какъ хочетъ онъ увѣрить, и отдалило поэта отъ народнаго языка, на которомъ онъ писалъ въ юности. Но, разумѣется, не простая случайность, что въ юношескихъ стихотвореніяхъ Петрарки столь многое напоминаетъ Данта. Не чему иному, какъ вліянію Данта, можемъ мы приписать употребленіе аллегоріи, искусственные покровы и маскировку живыхъ лицъ, смѣшеніе дѣйствительности съ вымысломъ, культъ платонической любви и нѣкоторыя особенности поэтической формы. Уже у Данта мы находимъ сентиментальное изображеніе Рима, Roma, одиноко сидящаго въ видѣ печальной вдовы; и онъ требовалъ благоговѣнія къ почвѣ и камнямъ города. При болѣе основательномъ изслѣдованіи нашлись бы и другія сходныя черты. Петрарка, навѣрное, зналъ Новую жизнь. О Божественной Комедіи онъ хотя и не говоритъ, что она осталась неизвѣстною ему, однако сообщаетъ, что ея не было въ его книгахъ [1]). Напротивъ, что касается латинскихъ сочиненій Данта, не особенно распространенныхъ, Петрарка, быть можетъ, имѣлъ понятіе только о письмѣ къ Генриху VII.

Много говорено было о томъ, что Петрарка уклончиво относился къ Данту, не участвовалъ въ его похвалѣ и поклоненіи. Это приписывали непріязни къ сопернику по славѣ, зависти. Боккачіо, честная душа котораго смиренно преклонялась предъ обоими, хотѣлъ снять съ живаго учителя это темное пятно, внушивъ ему уваженіе къ заслугамъ покойнаго. Въ то же время онъ смотрѣлъ на это какъ на дѣло примиренія двухъ великихъ флорентинцевъ, которое онъ обязанъ устроить ради дорогой родины. Онъ подарилъ Петраркѣ въ 1359 г. экземпляръ Божественной Комедіи, который списалъ для него самъ [2]). При этомъ онъ подробно распространился въ похвалахъ Данту и столь же подробно извинялся въ этомъ передъ Петраркою! Послѣдній очень холодно принялъ трогательную жертву

---

[1]) Послѣ словъ Петрарки трудно понять, какимъ образомъ хотѣли найти писанныя его рукой копіи Божественной Комедіи. Относительно ватиканскаго кодекса, изданнаго Ubaldini, и палатинскаго, надъ которымъ такъ трудился Палермо J manoscritti Palatini vol. II p. 599 Фракассети уже высказалъ свой недовѣрчивый взглядъ въ примѣчаніи къ переводу epist. rer. famil. XXI, 15. Что значатъ графическія сравненія при такой недостовѣрности сравниваемыхъ предметовъ! Прежде еще нужно изслѣдовать, что, кромѣ амброзіановскаго Виргилія, осталось отъ написаннаго рукой Петрарки, если не считать краткія замѣтки, которыя упоминаются, напримѣръ, у Mehus Vita Ambros. Travers. p. 200 и въ Historie litt. de la France vol. XXIV p. 575. Я не сомнѣваюсь уже объ автографическихъ письмахъ въ лаурепціанскомъ кодексѣ, бывшемъ во владѣніи Беккадели, послѣ ихъ изслѣдованія, сдѣланнаго моимъ почтеннымъ товарищемъ Рюлемъ.

[2]) Сопровождающее его стохотвореніе Italiae iam certus honos etc. часто печаталось, въ послѣдній разъ, въ Boccaccio Lettere ed. Corrazzini p, 53, Копію, писанную рукой Боккачіо, показываютъ теперь въ ватиканской библіотекѣ.

друга. Его усердіе, какъ земляка, вовсе не подѣйствовало на поэта; онъ и не высказался о Дантѣ, и странно, что въ длинномъ отвѣтномъ письмѣ умышленно не называетъ его имени [1]). Только одна мысль тревожила Петрарку, что его упрекаютъ въ зависти къ Данту; онъ, очевидно, считаетъ для себя оскорбительнымъ, что осмѣливаются ставить Данта наряду съ нимъ. Онъ увѣряетъ, что, приведи ихъ судьба жить въ одно время, Дантъ былъ бы его дорогимъ другомъ, что онъ удивляется высокой жизни поэта, не смущаемаго бѣдностью и преслѣдованіями. Презрѣніе его должно обрушиться на тѣхъ неразумныхъ поклонниковъ Данта, которые расхваливаютъ своего поэта въ харчевняхъ и на улицахъ, не понимая его истиннаго достоинства. Онъ прибѣгаетъ къ самымъ затѣйливымъ уловкамъ, чтобы показать, какъ невозможна зависть съ его стороны. Какъ можно думать, чтобы Петрарка завидовалъ тому, кто всю жизнь свою, хотя и возвышенно, писалъ на томъ народномъ языкѣ, которому онъ посвятилъ лишь нѣсколько юношескихъ лѣтъ, да и то шутя. Вѣдь онъ не завидуетъ даже Виргилію; притомъ его не можетъ задѣть за живое грубая похвала красильщиковъ шерсти, кабатчиковъ и тому подобнаго люда. И того достаточно, что онъ терпитъ за свои юношескіе стихи ту жалкую славу, которая гремитъ по улицамъ и рынкамъ. Поэтъ поздравитъ себя вмѣстѣ съ Гомеромъ и Виргиліемъ, если избавится отъ такихъ похвалъ. Только завистники его славы могли выдумать ту нелѣпость, будто онъ завидуетъ Данту. А какъ странно объясняетъ Петрарка, почему онъ въ юности никогда не добивался имѣть великую поэму Данта! Тогда онъ еще былъ вполнѣ увлеченъ народнымъ языкомъ и не научился «стремиться къ высшему» и, по правдѣ говоря, боялся, что если займется поэмою Данта, то безъ своего вѣдома и воли сдѣлается его подражателемъ. Петрарка не объясняетъ, почему хуже учиться у Данта и подражать ему, чѣмъ Цицерону или Виргилію. Но онъ не хочетъ быть обязаннымъ духовными благами никому изъ современныхъ поэтовъ, не хочетъ сравненія ни съ кѣмъ, ни съ однимъ не желаетъ дѣлить славу великаго человѣка. Поэтому что бы ни говорили, его раздражали похвалы великому произведенію и его вѣнчанному творцу; онъ съ отвращеніемъ и съ тайною ревностью отстранялъ ихъ отъ себя — зависть же, отъ которой онъ такъ усиленно оправдывался постоянно [2]),— дѣйствительно, слово не совсѣмъ подходящее. Можетъ быть, именно

---

[1]) Cuius hodie nomine scienter abstinui.

[2]) Въ Dial. II de contemptu mundi, напримѣръ, онъ говоритъ объ Августинѣ: Utinam non tibi magis superbia quam invidia nocuisset, hoc enim crimine, me iudice, liber es.— Письмо къ Боккачіо есть epist. rer. famil. XXI, 15.

этотъ упрекъ и навелъ его на мысль превзойти Данта въ большомъ серьезномъ произведеніи тоже на народномъ языкѣ. Въ 1357 г., какъ полагаютъ, онъ задумалъ написать Торжество славы, навѣянное однако торжествомъ церкви въ XXIX-й пѣсни Чистилища, которое слѣдовательно онъ хорошо зналъ и раньше подарка Боккачіо. Не смотря на остановку въ работѣ [1]), онъ продолжалъ ее до самой смерти, хотя, конечно, даже не приблизился къ своему великому предшественнику [2]).

Напротивъ, Петрарка съ своей стороны часто говоритъ о своихъ завистникахъ и врагахъ. Они были нужны ему, потому что низкая толпа напослѣдокъ всегда досадуетъ на все великое и необычайное, потому что зависть есть неизбѣжное послѣдствіе славы. Безъ сомнѣнія, противники у поэта были: ученые, на которыхъ онъ нападалъ, во главѣ ихъ медики и послѣдователи Аристотеля, по мѣрѣ силъ давали волю своему гнѣву; другіе предпочитали свою спеціальную область гуманнымъ наукамъ; наконецъ третьи нѣсколько непочтительно отзывались о немъ и о поэзіи, или держались всторонѣ отъ всеобщаго поклоненія ему, а нѣкоторыхъ это безмѣрное поклоненіе, очевидно, вызывало на противорѣчіе. Петрарка былъ такъ счастливо поставленъ, что подобные враги не могли ни разстроить его внѣшнихъ отношеній, ни помѣшать его ученымъ занятіямъ. Онъ могъ относиться къ нимъ совершенно спокойно. Но какъ скоро до его слуха доходилъ какой нибудь неблагопріятный отзывъ, нападки на его ученіе или на его заслуги, и не всѣ смиренно подчинялись ему, то ему тотчасъ же мерещилась цѣлая масса злокозненныхъ враговъ, злоумышляющихъ противъ его славы. Тутъ сейчасъ же обнаруживалось его раздраженное тщеславіе и высокомѣріе, и часто весьма мелочными выходками. Одинъ человѣкъ, къ которому онъ прежде относился какъ къ другу, позволилъ себѣ слегка порицать его сочиненія. Петрарка тотчасъ же съ озлобленіемъ напалъ на него, какъ на «врага», и гордо примѣнилъ къ нему выраженіе Sus docet Minervam (свинья учитъ Минерву) [3]). Другіе, какъ ему сообщали, презрительно отзывались объ его умѣ; они тотчасъ же являются у него «толпою плебейскихъ умовъ», которые тѣмъ поспѣшнѣе и смѣлѣе въ своихъ сужденіяхъ, чѣмъ

---

[1]) Epist. rer. senil. V, 2, къ Боккачіо: Magnum opus inceperam in eo genere (на народномъ языкѣ) sed aetatem respiciens substii.

[2]) Его отношенія къ Данту вызвали въ Италіи множество трактатовъ и составляютъ почти любимую тему литераторовъ. Я назову здѣсь только Carducci Studi letterari p. 323.

[3]) Epist. metr. II, 18.

необразованнѣе и легкомысленнѣе; не слѣдуетъ смотрѣть на ихъ пустую болтовню, а ихъ зависть—преодолѣть добродѣтелью и глубокою ученостью. Они могутъ только прикрыть свѣтъ, а не потушить его; онъ продолжаетъ свѣтить и вдругъ снова прорѣжетъ облака. «Многіе судятъ обо мнѣ, которыхъ я не знаю, не желаю знать и не удостоиваю этого. Меня по истинѣ удивляетъ, кто ихъ поставилъ судьями надо мною» [1]). А другіе не хотѣли цѣнить поэзію и древнихъ поэтовъ столь же высоко, какъ онъ. Виргилій и Горацій, быть можетъ говорили они, давно уже умерли; къ чему же поднимать такой шумъ изъ за нихъ! Они говорили такъ, по мнѣнію Петрарки, только для того, чтобы отклонить отъ изученія древнихъ писателей своихъ современниковъ, слѣдовать которымъ они не могли; эти литераторы—«надутый и плохой народъ» [2]). Онъ вовсе не нашелъ бы неумѣстнымъ, если бы во время его борьбы съ аверроистами какая нибудь сила въ родѣ инквизиціи защитила святыню его славы. Въ лицѣ ихъ онъ нападалъ не на еретиковъ, а только на своихъ личныхъ противниковъ, но видѣлъ величайшее зло въ слишкомъ широкой свободѣ слова, которая позволяетъ глупцамъ насмѣшками унижать великія имена; имъ легко привлечь на свою сторону большинство, которое тоже состоитъ изъ глупцовъ [3]).

Но всего характеристичнѣе одинъ случай, относящійся къ послѣднимъ годамъ жизни Петрарки, который сверхъ того имѣлъ особое значеніе потому, что произошелъ въ высшихъ сферахъ. Припомнимъ, что Петрарка въ 1372 г. изъ Арквы обратился съ своею послѣднею просьбою о бенефиціи къ папѣ Григорію XI, но обманулся въ своемъ ожиданіи, потому что этому воспротивились нѣкоторые кардиналы. Тогда же было сдѣлано нападеніе и на его литературное величіе. Кардиналъ Филиппъ де Кабассоль, старинный доброжелатель и другъ Петрарки, которому онъ посвятилъ трактатъ объ уединенной жизни, еще разъ весьма лестно отрекомендовалъ папѣ поэта. Онъ сказалъ, что это настоящій фениксъ, единственный въ свѣтѣ. Послѣ его отъѣзда другой кардиналъ, тоже французскаго происхожденія [4]), возобновилъ разговоръ о Петраркѣ, злостно

---

[1]) Epist. rer. senil. II, 3.

[2]) Epist. rer. famil. IV, 7 къ королю Сициліи Роберту.

[3]) De ignorantia (Opp. p. 1165).

[4]) Мнѣ не удалось открыть этой личности вслѣдствіе той игры въ тайну, которую такъ любилъ Петрарка. По даннымъ, которыя можно найти въ цитированной въ предшествующемъ примѣчаніи инвективѣ отъ 1373 года, хулитель былъ за три люстры (слѣдовательно, въ 1358 году) протонотаріемъ при куріи. Время, когда онъ сдѣлался кардиналомъ, смутно относится ко времени вторичнаго возвращенія Петрарки въ Авиньонъ

насмѣхался надъ хвалившимъ и хвалимымъ, особенно по поводу феникса. Онъ говорилъ объ его невѣжествѣ, имѣя, быть можетъ, въ виду его неудачный опытъ въ дѣловомъ слогѣ 20 лѣтъ тому назадъ, доказывалъ, что все лучшее онъ беретъ у древнихъ философовъ и поэтовъ. Онъ издѣвался также надъ его характеромъ, приводя въ примѣръ то обстоятельство, что онъ жилъ въ Падуѣ и Арквѣ у тирановъ каррарскихъ, слѣдовательно на счетъ труда бѣдняковъ и вдовъ. Онъ уже много лѣтъ зналъ Петрарку, однажды искалъ его дружбы, будучи протонотаріемъ при римскомъ дворѣ, считалъ ее за честь для себя, даже помогалъ ему при прежнемъ исканіи бенефицій. Петрарка узналъ обо всемъ этомъ отъ Франческо Бруни, своего агента при куріи, бывшаго при этомъ. Онъ сейчасъ же угадалъ, кто его порицатель, поносилъ его, какъ врага, ненавидящаго правду и откровенность, говорилъ, что онъ вмѣстѣ съ дьяволомъ отецъ лжи, ночная сова. Мы уже упоминали тѣ бранныя слова, которыми онъ клеймилъ поголовно всѣхъ кардиналовъ, недоброжелательныхъ ему. Боккачіо тоже узналъ объ этомъ и явился вѣрнымъ оруженосцемъ: онъ написалъ апологію наставника. Петрарка долго не могъ забыть этого поношенія, которое потерпѣлъ одновременно съ отказомъ въ бенефиціи. Еще черезъ годъ гнѣвъ заставилъ его взяться за перо, и онъ написалъ сильную инвективу противъ французскаго кардинала, въ которой говорилось о томъ, какъ послѣдній позорно измѣнилъ прежней дружбѣ, какъ онъ добился красной шапки кривыми путями, благодаря своему знатному происхожденію и чрезъ симонію,

---

(стр. 575). Онъ былъ знатнаго рода, такъ что его возвышеніе въ кардиналы могло казаться результатомъ его родовитости. Наконецъ, онъ уже былъ въ глубокой старости (стр. 583: ut togati senis ridiculum pileum expavescam). Напрасно я искалъ его, заручившись этими признаками, между французскими кардиналами у Duchesne Historie de tous les cardinaux francois T. I, Paris 1660, у Ciaconius Vitae et res gestae Pontrficum Romanorum et S. R. E. Cardinalium T. II, Romae 1677, и у Balozius Vitae Paparum Avenionensium T. I. Paris. 1693. Относительно Роберта Женевскаго, сына графа Амедея III, впослѣдствіи антипапы Климента VII, свидѣтельствуетъ его надгробная надпись, что онъ сначала былъ апостольскимъ протонатаріемъ. Но въ 1373 году ему было только 34 года. Де Садъ (De Sade T. III, p. 779) и Фракассети въ примѣчаніи къ переговору epist. rer. famil. XIII, 1 на основаніи писемъ Петрарки рѣшили, что это Гвидо изъ дома графовъ Булонскихъ sur Mer ошибочно называемый Гвидо Монфортскимъ. Конечно, онъ могъ похвалиться родствомъ съ французскими королями и по ихъ ходатайству былъ сдѣланъ въ 1342 году кардиналомъ. Къ тому же Петрарка во время погони за бенефиціями въ 1352 году находился съ нимъ въ дружеской перепискѣ. Но если ему было 20 лѣтъ, когда онъ получилъ архіепископство Ліонское, то онъ не могъ быть настоящимъ старикомъ въ 1373 году, и нигдѣ не упоминается, чтобы онъ былъ раньше протонотаріемъ, что уже само по себѣ весьма неправдоподобно.

что онъ живетъ крохами нищенствующихъ монаховъ и напрасно надѣется запугать его своимъ высокимъ саномъ [1]).

За эту непріятность Петрарка вознаграждалъ себя тѣмъ удовольствіемъ, съ какимъ принималъ почетъ даже отъ лицъ не выдающихся [2]). Правда, онъ умѣлъ отклонять похвалы и удивленіе мягко и съ любезной скромностью, но и этими ласковыми пріемами только искалъ похвалъ за другую добродѣтель. Столь же часто онъ самъ бывалъ глашатаемъ своей славы и ссылался при этомъ на Овидія, Сенеку и Стація, которые тоже смѣло предсказывали себѣ жизнь въ посмертной славѣ своихъ произведеній [3]). Поэтому и онъ включилъ въ свою обширную поэму гордыя пророчества о юношѣ, который чрезъ многіе вѣка родится въ Тосканѣ, подобно второму Эннію воспоетъ Сципіаду подъ заглавіемъ — Африка, снова призоветъ съ Геликона музъ, давно изгнанныхъ, и приметъ вѣнчаніе лаврами въ Капитоліи [4]). Какъ обыкновенно бываетъ съ людьми, и тщеславіе

---

1) Петрарковскія epist. rer. senil. XIII, 11 къ кардиналу де Кабассоль XIII, 12 къ Бруни и XIV, 8 къ Боккачіо. Послѣднее письмо Фракассети, навѣрно, ошибочно относитъ къ борьбѣ съ аверроистами, которая къ этому времени уже давно кончилась. Упомянутое тамъ Apologeticum Боккачіо, quod ira nobili dictante, in censores meos effudisti, повидимому, не сохранилось; такъ какъ мягкую похвалу у Rossetti Petrarca p. 316 нельзя принять за него. Инвектива же Петрарки, о которой онъ здѣсь говоритъ, найдена спустя 500 лѣтъ въ одномъ Грейсвальдскомъ кодексѣ и была издана Герм. Мюллеромъ въ Jahrbücher für Philol. und Pädagogik, 2 Abtheil. Jahrg. 1873. S. 569 ff. подъ названіемъ: Petrarcae Invectica contra quendam Gallum innominatum in dignitate positum. По Tomasinus Petrarca redtv. p. 31, она встрѣчается подъ этимъ же названіемъ и въ ватиканской библіотекѣ. Теперь только становятся понятнѣе тѣ письма. Нельзя сомнѣваться въ подлинности инвективы, хотя многое и остается неяснымъ,— какъ напримѣръ указаніе на стр. 582-ой на другую инвективу противъ сильнаго и въ Италіи страшнаго мужа Слѣдуетъ обратить вниманіе на слѣдующее совпаденіе: Въ первомъ письмѣ къ Бруни Петрарка писалъ: et nullum timeam, nisi quem diligo. Ipsum vero non diligam, ut audisti; а въ инвективѣ на стр. 582. Nullum timeo, nisi quem diligo, te non diligo.

2) Cf. epist rer. famil. VII, 14. 16. XIII, 11. senil. II, 1. VI, 3. 6. et ah.

3) De remed. utr. fortunae lib. I, dial. 117.

4) Africa ed. Corradini II, 441;

Cernere iam videor genitum post secula multa
Finidus Etruscis iuvenem, qui gesta renarret,
Nate, tua, et nobis veniat velut Ennius alter.

IX, 219: Hic ego, nam longe clausa sub valle (Воклюза) sedentem
Aspexi iuvenem etc.

IX, 222: Agnosco iuvenem, sera de gente nepotum
Quem regio Italiae quemve ultima proferet aetas.
Hunc tibi Tusca dabit latis Florentia muris etc.
Ille diu profugas revocabit carmine Musas

Петрарки въ старости обнаруживалось еще свободнѣе; человѣкъ не такъ легко забываетъ почести, все болѣе привыкаетъ представлять себѣ свое величіе и достоинство, дѣлается вообще болтливѣе, а потому и хвастливѣе. Только этимъ и можно объяснить, почему Петрарка могъ часто удачно затмить свой лучшій взглядъ массою украшеній, принятыхъ изъ скромности. Онъ признавался однажды, что въ юности часто по надменности презиралъ всѣхъ кромѣ самого себя, въ зрѣломъ возрастѣ презиралъ только себя, а теперь въ старости больше всего презираетъ себя и цѣнитъ только тѣхъ кто по добродѣтели своей стоитъ выше презрѣнія [1]). Всего вѣрнѣе думалъ онъ наслаждаться плодами философіи именно въ старости, смотря съ высоты на свою юношескую гордость, которая впрочемъ только перемѣнила оболочку, подобно человѣку, который давно уже сталъ выше такихъ побужденій. Какъ-то разъ въ юности поэтъ унизился до Сократовскаго признанія одному другу, что онъ ничего не знаетъ. Въ зрѣломъ возрастѣ онъ разсказывалъ объ этомъ самоуничиженіи съ полнымъ сознаніемъ своего философскаго величія [2]). Стало быть, и тутъ мы видимъ то же противорѣчіе, которое во всѣхъ направленіяхъ проходитъ чрезъ его жизнь и мышленіе.

Если бы оставалось еще сомнѣніе въ безграничномъ, непреодолимомъ тщеславіи Петрарки, слившемся со всѣми сторонами его духа, то мы могли бы доказать это съ неотразимой очевидностью выдержками изъ сочиненій его и его собственными признаніями. Но что намъ дѣлать съ добытымъ выводомъ? Извинить ли намъ это тщеславіе, какъ обыкновенно дѣлаютъ итальянскіе ученые, или язвить и бичевать поэта, какъ поступилъ одинъ изъ новѣйшихъ нѣмецкихъ цѣнителей, или наконецъ утѣшиться тѣмъ общимъ соображеніемъ, что и у великихъ людей есть свои слабости? Намъ

Tempus in extremum, veteresque Helicone sorores
Ristituet, vario quamvis agitante tumultu,
Francisco cui nomen erit etc.

[1]) Epist. rer. senil. XIII, 7. Петрарка, повидимому, имѣетъ здѣсь прямо въ виду одно изреченіе, съ которымъ онъ разъ уже въ зрѣломъ возрастѣ обратился къ міру. Въ epistt metr. I, 7 онъ пѣлъ:

Nil usquam invideo, nullum ferventius odi
Nullum despicio nisi me, licet hactenus idem
Despicerem cunctos et me super astra levarem.

Подобно этому въ epist. ad poster. (1. c.): Sensi superbiam in aliis, non in me, e. cum parvus fuerim, semper minor iudicio meo fui. - Eloquio, ut quidam dixerunt, claro ac potenti, ut mihi visum est, fragili et obscuro.

[2]) Epist. rer. senil, XV, 6.

кажется, что историческая наука должна сойти съ трибунала судьи и, имѣя въ виду ходъ цѣлаго, отрѣшиться отъ обыденной и ненадежной нравственной мѣрки, не взвѣшивать добродѣтелей и пороковъ, а добросовѣстно изслѣдовать, какъ произошло явленіе, почему и куда оно стремится. А потомъ конечнымъ масштабомъ, который мы должны прилагать къ всякой исторической личности, будетъ ея отношеніе къ высшей группѣ, ея вліяніе на цѣлое человѣчество. Съ этой точки зрѣнія и для насъ Петрарка стоитъ на той недосягаемой высотѣ, на которую его ставили современники.

Его тщеславіе со всѣми его забавными крайностями — что оно, какъ не болѣзненное и извращенное стремленіе къ славѣ? Это стремленіе, быть можетъ, самый глубокій и благородный мотивъ дѣятельности у народовъ классическаго міра, самое сокровенное біеніе пульса ихъ исторіи, тоже вызвано къ жизни Петраркою изъ могилы и возвѣщено новому міру, какъ новая движущая сила. Христіанскій аскетизмъ долженъ былъ осуждать его, ибо хотя оно тоже избавляетъ человѣка отъ смерти и скорби, однако опирается на этотъ міръ и ставитъ себѣ цѣлью жизнь грядущихъ поколѣній. Только истинное пониманіе исторіи, тотъ выводъ, что давно развѣянный прахъ умершихъ можетъ снова явиться живымъ образомъ передъ нашими духовными очами, только сознаніе той мысли, что плоды умственнаго величія и заслугъ не гибнутъ, что одно поколѣніе должно учиться у другаго и чтить за это своихъ выдающихся наставниковъ благодарнымъ воспоминаніемъ,—слѣдовательно только мысль о томъ, какое значеніе можетъ имѣть человѣкъ, какъ отдѣльная личность, для безсмертнаго человѣчества,—могла вызвать къ жизни культъ славы, безсмертія имени. Этотъ культъ существовалъ у древнихъ римлянъ, въ особенности у Цицерона, историковъ и поэтовъ. Вообще вся древняя исторія представлялась Петраркѣ галлереею славы и вмѣстѣ служила яснымъ доказательствомъ того, что не смотря на отдаленность времени, лучше сказать именно благодаря ей, образы историческихъ личностей выступаютъ ярче и величественнѣе. Тѣ люди, которые не страшились жизни, полной трудовъ, и даже смерти, чтобы спасти свое имя отъ забвенія, достигли этого, и Петрарка гордился тѣмъ, что прославлялъ и себя, возвѣщая о ихъ славѣ. Какая увлекательная мысль, что онъ займетъ мѣсто рядомъ съ ними и что имя его будетъ произноситься по истеченіи вѣковъ. Какъ упоительно должна была дѣйствовать эта мечта на того, кто первый лелѣялъ ее! Ее уже предчувствовалъ Дантъ, но Петрарка развилъ самобытно и вполнѣ выяснилъ. Быть можетъ, это открытіе самое обильное по послѣдствіямъ, какое только онъ оставилъ потомству.

Удивляться ли намъ тому, что эта идея вполнѣ овладѣла имъ самимъ? Въ юности она не давала ему покоя, мѣшала спать и еще въ старости, не смотря на всѣ отговорки, ему приходилось сознаться, что самымъ сильнымъ побужденіемъ для великихъ людей служитъ любовь къ славѣ [1]). Ею объясняетъ онъ свое стремленіе къ занятію науками, любовь къ краснорѣчію, свои неустанные труды и безсонныя ночи. Она внушала ему идеи его произведеній, изъ которыхъ онъ ожидалъ въ особенности отъ Африки, что она будетъ «знаменитою, рѣдкою и превосходною поэмою» [2]). Эта страсть лежала въ основѣ всей его жизни и мышленія. Она то пылала въ груди его, какъ священный огонь, то сверкала яркими искрами тщеславія. Поэтъ называетъ ее самымъ тяжкимъ своимъ недугомъ, съ которымъ не въ силахъ бороться. Она овладѣла имъ съ того времени, какъ онъ началъ мыслить, усиливалась съ каждымъ днемъ, и онъ предвидитъ, что она не покинетъ его до самой могилы [3]). Достичь славы—было великою задачею его жизни, а сохранить ее —величайшей [4]). Но этой пожирающей страсти, которую мы во всякомъ случаѣ должны считать наслѣдіемъ язычества, противорѣчили его христіанскія воззрѣнія. Цицеронъ говорилъ, что именно лучшіе люди наиболѣе обуреваются жаждою славы, а Евангеліе не знаетъ этого мотива хорошихъ поступковъ. Поэтому Петрарка говорилъ себѣ, что ему слѣдуетъ отказаться отъ этого суетнаго вожделѣнія и стремиться къ добродѣтели, такъ какъ слава—только тѣнь ея, соблазнительное пѣніе сиренъ, которое тѣмъ опаснѣе и тѣмъ усиленнѣе его слѣдуетъ остерегаться. Писаніе книгъ есть зло, а уче-

---

1) Epist. rer. famil. V, 6. Вмѣсто безчисленныхъ доказательствъ, всюду встрѣчаемыхъ въ его сочиненіяхъ, приведемъ только два изреченія, относящихся къ сравнительно раннему возрасту. Юношей пѣлъ онъ въ epist. metr. I, 1;

Implumem lepido praeceps me gloria nido
Expulit et coelo iussit volitare remoto.

А вскорѣ послѣ своего вѣнчанія лаврами (epist. metr. II. 11):

. . . . est mihi famae
Immortalis honos et gloria meta laborum.

2) De contemptu mundi Dial. III (Opp. p. 410).

3) Canz. I'vo pensando:

Questo d'allor chi m'addormiva in fasce,
Venuto è di di in di crescendo meco;
E temo ch'un sepolcro ambedno chiuda.

4) Эту мысль онъ выразилъ однажды въ epist. metr. II, 15 въ слѣдующемъ стихѣ Magnus enim labor est magnae custodia famae. Самъ онъ нашелъ этотъ стихъ столь хорошимъ, что взялъ его въ Africa VII, 292 и повторилъ въ epist. rer. famil. VII, 7 къ Колѣ.

ныя занятія должны быть чужды честолюбія и блеска и имѣть цѣлью лишь просвѣщеніе ближнихъ [1]). Такъ поучаетъ онъ самъ себя и иногда думаетъ, что достигъ цѣли, одолѣлъ врага, но онъ тѣмъ побѣдоноснѣе нападаетъ на него съ другой стороны. Его великій мысленный другъ Августинъ пережилъ и высказалъ то же самое: «человѣкъ часто хвалится тѣмъ, что онъ презираетъ суетную славу, но тѣмъ суетнѣе его похвальба. Поэтому ему не слѣдуетъ хвалиться истиннымъ презрѣніемъ къ суетной славѣ; онъ не презираетъ ее уже потому, что хвалится» [2]). Въ этомъ-то и состоялъ неизлѣчимый недугъ Петрарки.

Мы укажемъ на примѣрѣ это колебаніе между пылкимъ чувствомъ, противорѣчащимъ философіи, и философіей, осуждающей его. Петрарка хотѣлъ еще при жизни предвкушать то поклоненіе, котораго онъ ждалъ отъ потомства въ храмѣ исторіи. Желаніе удостоиться вѣнчанія лаврами стоило ему многихъ безсонныхъ ночей. Быть можетъ, онъ не зналъ, что Дантъ былъ увѣнчанъ по смерти. Но и въ нѣкоторыхъ университетахъ увѣнчивали поэтовъ, какъ напр. Муссато въ падуанскомъ въ 1316 г. Даже Конвенноле, бывшій учитель Петрарки, удостоился этой почести въ своемъ родномъ городкѣ Прато. Это были мѣстныя чествованія, мало извѣстныя свѣту. Петрарка имѣлъ въ виду болѣе торжественный почетъ, хотя въ то время былъ знаменитъ лишь какъ поэтъ, писавшій на народномъ языкѣ; на латинскомъ онъ издалъ лишь нѣсколько стихотворныхъ посланій, а Африка была только что начата. Тѣмъ не менѣе онъ считалъ себя достойнымъ самыхъ высшихъ почестей, какъ новый Виргилій. Смутно представлялись его воображенію игры и состязанія гелленовъ и дельфійскій вѣнокъ, но нѣсколько яснѣе лавровый вѣнокъ въ Капитоліи, который, какъ высшая почесть, украшалъ нѣкогда головы знаменитыхъ цезарей и священныхъ пѣвцовъ. Онъ хотѣлъ дать міру зрѣлище, свидѣтелемъ котораго онъ не былъ въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ, съ тѣхъ поръ, какъ Домиціанъ увѣнчалъ пѣвца Тебаиды. Это зрѣлище должно было выказать его во всей той славѣ, которую нѣкогда властители вселенной дѣлили съ поэтами. Мы не сомнѣваемся въ томъ, что всѣ приготовленія были придуманы имъ самимъ. При посредствѣ друга своего Діониджи де' Роберти, августинскаго монаха изъ тосканскаго мѣстечка Санъ Сеполькро, онъ умѣлъ очаровать своими поэтическими произведеніями Неаполитанскаго короля Роберта и велъ съ нимъ переговоры чрезъ другаго друга, жившаго при томъ

---

[1]) Ibid. p. 414. 397—Rer. memorand. lib. III (Opp. p, 512).
[2]) Confess. X. 38.

же дворѣ, Томмазо Каллоріа изъ Мессины, вмѣстѣ съ которымъ изучалъ права въ Болоньѣ. Въ то же время Петрарка старался добиться такого же предложенія отъ парижскаго университета, канцлеръ котораго, Роберто де' Барди, былъ его землякъ. Но навѣрное поэтъ серьезно не думалъ этого, а хотѣлъ только, выставивъ соперника, вызвать усердіе и поспѣшность со стороны Неаполитанскаго короля и римскаго сената. Онъ получилъ оба приглашенія въ одинъ и тотъ же день, 1-го сентября 1340 г. Они, какъ мы видѣли, застали его въ то время, когда онъ жилъ философомъ, размышлялъ и сочинялъ, бродя по лѣсамъ и лугамъ. Нѣкоторое время казалось, что онъ колеблется между Неаполемъ и Римомъ. Въ первый городъ его привлекала новизна этого зрѣлища для тамошнихъ мѣстъ и слава великаго университета, но, конечно, онъ рѣшилъ въ пользу уважаемаго города древности, «владыки міра и царицы городовъ», въ пользу «священнаго мѣста надъ прахомъ древнихъ пѣвцовъ», въ пользу римскаго Капитолія. Но еще въ философской долинѣ въ Воклюзѣ, гдѣ поэтъ получилъ эту желанную вѣсть, имъ овладѣло ясное сознаніе ничтожества всего этого. «Ты спрашиваешь, къ чему эти хлопоты, это усердіе, эта забота? Развѣ лавровый вѣнокъ сдѣлаетъ меня ученѣе и лучше? Быть можетъ, онъ сдѣлаетъ меня знаменитѣе и заставитъ еще больше завидовать мнѣ. Но престолъ знанія и добродѣтели —духъ; въ немъ обитаютъ они, но не на вѣтвяхъ, покрытыхъ листвою, подобно птицамъ. Такъ къ чему же эти приготовленія къ лавровому вѣнку? Ты спрашиваешь, что я могу отвѣтить на это. Что же ты думаешь? Конечно, то же самое, что говоритъ еврейскій мудрецъ: Vanitas vanitatum et omnia vanitas. Но таковы люди!» [1]).

Поэтическое вѣнчаніе происходило на пасхѣ 1341 г. Еще незадолго до этого Петрарка объявилъ торжественно въ присутствіи римскихъ сенаторовъ, что онъ домогался лавровъ не ради славы, а гораздо больше для того, чтобы внушить другимъ подобную же любовь къ занятіямъ науками. Это объясненіе включили въ его поэтическій дипломъ, «данный въ Капитоліи» и скрѣпленный золотымъ шарикомъ [2]). Но какое упоеніе овладѣло имъ, когда обрядъ кончился и онъ слышалъ ликованіе толпы, охотницы до зрѣлищъ. Онъ считалъ свою голову какъ бы освященною и слышалъ, какъ Римъ, Капитолій и Квириты радовались возобновленію почетнаго торжества [3]). Рѣчь, которую онъ въ это время держалъ передъ

---

1) Epistt. rer. famil. IV, 4, 5, 6. къ кардиналу Джіованни Колонна отъ 1 сентября (однако по парижскому кодексу De Sade X здѣсь должно читать kal. Sept.), и отъ 10 сентября 1340 года и къ Джіакомо Колонна отъ 15 февраля 1341 года.

2) Opp. p. 1254.

3) Epist. rer. famil. IV, 7 къ королю Сициліи Роберту отъ 30 апр. 1341 г. Epist. metr. II, 1.

собравшимися, конечно, мало чѣмъ отличалась отъ тѣхъ педантскихъ декламацій, какія слышались въ университетахъ. Подобно проповѣднику, онъ взялъ темою одно мѣсто изъ Виргилія и блеснулъ множествомъ цитатъ изъ Цицерона и римскихъ поэтовъ. Поэтъ говорилъ также и о поэзіи, о любви къ славѣ, врожденной самымъ мудрымъ и лучшимъ людямъ, и о той великой задачѣ, которую онъ принимаетъ на себя вмѣстѣ съ лавровымъ вѣнкомъ,— взойти на крутой Парнасъ [1]). Тотъ день, въ который ему торжественно присужденъ былъ вѣнокъ славы, оставилъ въ немъ свѣтлое воспоминаніе на всю жизнь. Но поэтъ не забылъ и о томъ, какъ искалъ онъ этого вѣнка, ради котораго долженъ былъ вступить въ сдѣлку съ своею философскою совѣстью. Въ одно и то же время онъ съ торжествомъ хвастался тѣмъ рѣдкимъ отличіемъ, которое выпало на долю ему одному, и однако спрашивалъ себя, почему у него постоянно на умѣ этотъ лавровый вѣнокъ, которому дивится лишь простой народъ, какъ сценическому украшенію, и не лучше ли было бы ему бродить по полямъ и лѣсамъ, среди хижинъ и поселянъ, которые ничего не знаютъ объ его пѣсняхъ, чѣмъ подниматься въ Капитолій царственнаго города [2]).

Ничто такъ ярко не характеризуетъ средніе вѣка, какъ духъ корпорацій: мы разумѣемъ подъ этимъ вѣка, протекшіе до Петрарки. Послѣ хаоса переселенія народовъ обновленное человѣчество сложилось въ группы, порядки и системы. Іерархія и феодализмъ были лишь самыми крупными организаціями. Даже научная и художественная дѣятельность, дававшая пищу, конечно, лишь малой части населенія и не такъ легко укладывавшаяся въ узкія рамки, послѣдовала однако общему теченію: она сосредоточилась въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, откуда шли лучи во всѣхъ направ-

---

[1]) Эту рѣчь только въ недавнее время издалъ Hortis Scritti inediti di F. Petrarca p. 311.

[2]) Epist. metr. II, 11:

Laurea, perrarum decus atque hoc tempore sol
Speratum optatumque mihi etc,
Cur redit in dubium totiens mea laurea? numquid
Non satis est meminisse seel? decumitne per urbes
Circumferre nova viridantia tempora fronde,
Testarique greges hominum, populique favorem
Infami captare via? Laudarier olim
A paucis mihi propositum. Quid inertia vulgi
Millia contulerint, quid murmura vana theatri?

леніяхъ. Никогда такія массы людей не жили, не дѣйствовали, не думали и не чувствовали такъ однообразно. Если выдаются недюжинныя личности, то онѣ являются лишь представителями той системы, которой держатся, только первыми между равными, совершенно такъ же, какъ главы леннаго государства и церкви. Ихъ величіе и могущество зависятъ не отъ личныхъ качествъ и дарованій, а отъ той энергіи, съ какою они отстаиваютъ идеальную основу своей системы и сами себя приносятъ въ жертву ей. Эта стойкость и дружная дѣятельность, конечно, вели къ громаднымъ результатамъ, къ великимъ дѣламъ; всѣ стремятся къ одной цѣли, и такимъ образомъ силы не разъединяются. Передовыми бойцами человѣчества являются не отдѣльныя личности, духовно царящія надъ массами, но сословія и корпораціи, которыя только идутъ за личностью, какъ за знаменемъ.

Кто же тотъ могучій человѣкъ, который разрушилъ эти оковы корпораціи, который, по видимому, ничѣмъ не хочетъ быть обязанъ своимъ современникамъ, который всего достигъ благодаря общенію съ людьми, давно отжившими, и самому себѣ, который отваживается считать свое Я зеркаломъ современнаго общества и требовать уваженія современниковъ къ своей личности и славы въ потомствѣ? Мы смѣло назовемъ въ этомъ смыслѣ Петрарку пророкомъ новаго времени, родоначальникомъ новѣйшихъ поколѣній. Въ его лицѣ личность въ первый разъ выступила смѣло и свободно и *заявила свои* права. Правда, уже и въ идеяхъ Данта, хотя мрачно *и одиноко* свершавшаго свой жизненный путь, кроется тотъ же элементъ, но онъ рѣдко проглядываетъ сквозь его методически-строгое міровоззрѣніе. У Петрарки же онъ высказывается весьма разнообразно, и это даже доходитъ до крайности. Даже его неумѣренная жажда славы и мелкое тщеславіе составляютъ существенные признаки его. Все то, что онъ читаетъ, изучаетъ, дѣлаетъ и переживаетъ, онъ относитъ къ своей личности, и весь окружающій міръ служитъ лишь матеріаломъ для его образованія. Совсѣмъ иначе поучается онъ изъ книгъ! Не только память его усвоиваетъ запасъ свѣдѣній, не только умъ упражняется въ распредѣленіи матеріала и сужденіи,—онъ всецѣло вступаетъ въ общеніе съ великими людьми, жившими до него. Онъ отыскиваетъ въ сочиненіяхъ Цицерона, Сенеки и Августина выраженія тѣхъ самыхъ чувствъ, которыя бы соотвѣтствовали его собственнымъ; въ книгахъ онъ ищетъ человѣка.

Петрарка оказалъ много услугъ классическимъ наукамъ, сильно содѣйствовалъ паденію схоластики, но несравненно выше и величественнѣе всѣхъ заслугъ его—это выработка собственной личности. Онъ

часто заявляетъ, что высшее призваніе его жизни работать для себя и надъ самимъ собою; но это не подвижничество монаха, который, заботясь о спасеніи своей души, терзается съ своими узкими понятіями о плоти и духѣ и, подавивъ въ себѣ грѣховныя вожделѣнія плоти и предаваясь дѣламъ благочестія, утѣшаетъ себя надеждою на блаженство. Въ душѣ Петрарки напротивъ кипитъ постоянная борьба и смятенія глубоко проникающихъ противорѣчій, сильное стремленіе разныхъ духовныхъ силъ къ единству, которое именно предвѣщаетъ субъективнаго человѣка новаго времени. Сообразно съ этимъ онъ съ новой точки зрѣнія смотритъ и на окружающихъ его людей: онъ видитъ то внутреннее богатство, которое кроется въ нихъ, и тѣ безконечно разнообразные пути, которымъ они слѣдуютъ въ жизни [1]).

Это-то мощное таинственное очарованіе и было предметомъ поклоненія для современниковъ Петрарки, которые видѣли въ немъ таинственнаго пророка. И если мы представимъ себѣ, какъ это очарованіе должно было воздѣйствовать на его самосознаніе, то гордость, стремленіе къ славѣ и суетность явятся не столько слабостями его характера, сколько естественными слѣдствіями чувства собственнаго достоинства. Оно должно было быть безгранично, потому что онъ не зналъ никого выше себя, или равнаго себѣ, слѣдовательно не могъ ни съ кѣмъ себя сравнивать и никого признавать судьею. Подобно великому человѣку, открывшему новый свѣтъ за океаномъ, который, какъ извѣстно, умеръ, не сознавая того, что имъ открытъ новый свѣтъ, и Петрарка не понялъ новой эпохи, начавшейся съ нимъ. Оба они думали, что постигли старое, только новымъ путемъ. Однако Петрарка чувствовалъ въ себѣ нѣчто такое, что дѣлало его одинокимъ среди людей и передъ Богомъ, живущаго въ особомъ духовномъ мірѣ.

Петрарка разсказываетъ намъ одинъ случай, который относится приблизительно къ 32-му году его жизни. Однажды онъ поднялся на Монъ-Ванту въ сопровожденіи одного младшаго брата Джерардо. Трудность восхожденія навела его на мысль о томъ, какъ человѣкъ съ помощью упорнаго усвоенія добродѣтелей достигаетъ спасенія. Онъ дошелъ до вершины горы и видѣлъ, какъ облака громоздились у его ногъ. Ему мысленно представилось все его жизненное поприще. Десять лѣтъ тому назадъ онъ оставилъ болонскій университетъ и всецѣло посвятилъ себя поэзіи и краснорѣчію. А года

---

[1]) Epist. rer. famil. X, 5 къ его брату Джерардо: quis fando enumeret diversitates innumeras quibus inter se dissident mortales, ut nec una species certe, nec unum genus homo cum homine videatur.

три уже въ душѣ его идетъ борьба, въ которой духовный человѣкъ возсталъ противъ плотскаго, до тѣхъ поръ царившаго полновластно. Онъ думалъ о будущемъ, о томъ, насколько эта борьба усилится въ немъ въ теченіи десяти лѣтъ. При этомъ взоры его были устремлены на окрестные виды; тутъ тянется широкая цѣпь Севеннъ, а тамъ онъ видитъ Ліонскій заливъ, глубоко подъ нимъ течетъ величественная Рона. Солнце склонялось уже къ закату, и онъ былъ почти одинъ. Душа его искала простора, и онъ рѣшился открыть на выдержку исповѣдь Августина, которую всегда носилъ съ собою въ маленькомъ томикѣ, и то, чтó прочтетъ, принять за указаніе свыше. Онъ прочелъ слѣдующее мѣсто: «И люди идутъ дивиться на горныя выси, на громадныя массы морскихъ водъ и на теченіе широкихъ рѣкъ, на необъятный просторъ океана и на теченіе звѣздъ,— а на себя не обращаютъ вниманія, къ себѣ самимъ не относятся съ удивленіемъ» [1]). Пораженный этими словами, Петрарка не сталъ читать дальше и закрылъ книгу. Поэтъ сердился на самаго себя, потому что недавно узналъ отъ языческихъ философовъ, что ничему не слѣдуетъ удивляться кромѣ ума человѣческаго и что великому уму ничто не представляется удивительнымъ (кромѣ его самого). Петрарка не сказалъ ни слова до тѣхъ поръ, пока они не пришли къ подошвѣ горы. Когда же они воротились въ ту самую хижину, изъ которой пошли, то поэтъ сѣлъ и сообщилъ объ этомъ удивительномъ случаѣ въ письмѣ къ своему пріятелю, монаху Діониджи изъ мѣстечка Санъ Сеполькро [2]).

Въ сущности это была не больше какъ сцена, которую онъ разъигралъ съ своею душею. Онъ подражалъ словамъ Августина: Tolle, lege! (возьми, читай!). Но мы видимъ также, что въ это время у него созрѣла глубокая мысль, надъ которою онъ, быть можетъ, давно работалъ. Его внутренній міръ сталъ для него съ этихъ поръ предметомъ самаго глубокаго изученія. Какъ бы ни было, онъ отнесся къ нему съ самой горячей любовью, и любовь эта усиливалась по мѣрѣ того, какъ онъ работалъ надъ нимъ. А умственный взоръ, обращенный на внутренній міръ, былъ достаточно проницателенъ для того, чтобы замѣтить всѣ слабости и несовершенства и проникнуть въ самую глубь бездны тщеславія. Тогда онъ ужаснулся передъ зрѣлищемъ своей собственной души и все таки не могъ отречься отъ любви къ ней. Онъ хотѣлъ привести ее въ гармонію съ идеаломъ и началъ упорную борьбу съ самимъ собою, но все дѣло ограничивалось мрачнымъ расположеніемъ духа и гнѣвными

---

1) Augustini Confess. X, 8 § 6.

2) Epist. rer. famil. IV, 1. Въ болѣе раннихъ изданіяхъ письмо это ошибочно помѣчено, какъ адресованное на имя Джіованни Колонна.

возгласами. Онъ не могъ употребить противъ своего любимца острое оружіе, пронзающее сердце врага. Размышляя и сочиняя, онъ думалъ этимъ совершить покаяніе и подвигъ, но эти занятія только усиливали его любовь къ самому себѣ. Наконецъ онъ всего больше любилъ эту тщеславную душу, которую хотѣлъ ненавидѣть, ради ея раскаянія и ея тяжелой борьбы.

Эта борьба, проходящая чрезъ всю жизнь Петрарки съ помянутаго вечера на Монъ-Ванту до наступленія менѣе тревожной старости, служитъ самою глубокою основою его нравственно-философскихъ трактатовъ, произведеній его зрѣлыхъ лѣтъ. Рядъ ихъ начинается діалогами О презрѣніи къ міру, или, какъ яснѣе гласитъ заглавіе въ большей части рукописей О тайной борьбѣ его сердечныхъ заботъ [1]). Затѣмъ слѣдуютъ книги О жизни въ уединеніи и О досугѣ монаховъ [2]). Рядъ этотъ кончается діалогами О средствахъ противъ радостей и горя; это нѣкоторымъ образомъ система практической мудрости [3]). Содержаніе всѣхъ этихъ произведеній въ сущности одно и то же, по крайней мѣрѣ то же настроеніе. Оно сильнѣе выражается въ молодые годы Петрарки, а сильнѣе всего въ самомъ раннемъ произведеніи, которое вполнѣ посвящено имъ изученію самого себя; въ позднѣйшихъ оно проглядываетъ большею частію лишь случайно и постепенно отступаетъ на задній планъ передъ стоическою мудростью древнихъ и христіанскимъ ученіемъ.

Книга О тайной борьбѣ своихъ сердечныхъ заботъ есть памятникъ первостепенной важности для исторіи человѣческаго ума, изображеніе

---

[1]) Эту книгу De contemptu mundi или De secreto conflictu curarum suarum, названную самимъ Петраркой также Secretum, а въ другой разъ Liber maximur rerum mearum. Франассети и Кёртингъ относятъ къ 1342 году, потому что въ Dial. III Августинъ говоритъ, что Петрарка питаетъ любовь къ Лаурѣ (которую, какъ извѣстно, онъ впервые увидѣлъ 6 апрѣля 1327 года) уже 16 годъ и потому, что Лаура еще жива. Это дѣйствительно вполнѣ выясняетъ время сочиненія этого мѣста, слѣдовательно, и общаго плана и начала сочиненія. Но Петрарка нѣсколько разъ обработывалъ и переработывалъ его. По Mehus Vita Ambros Travers. p. 237 библіотека въ С. Кроче владѣетъ копіей, снятой заботливымъ миноритомъ Тебальдо де Каза съ экземпляра Петрарки; по его примѣчаніямъ первый діалогъ относится къ 1353, второй къ 1349 году, третій былъ написанъ въ 1347 году или, по крайней мѣрѣ, въ этомъ году получилъ окончательную форму.

[2]) Первое сочиненіе начато въ 1346 году, но только въ 1366 году въ окончательной редакціи снабжено посвященіемъ; второе—задумано постомъ 1347 года и только въ 1357 году кончено.

[3]) Начало этого трактата Франассети относитъ къ 1359 году. Въ декабрѣ 1360 года, по epist. rer. famil. XXIII, 12, онъ настолько уже подвинулся впередъ, что недоставало только переписчика. Однако группа рукописей кончается замѣткою: ex originali proprio scripto manu—Petrarce—et per eum ipsum ad exitum perducto Ticini anno Domini 1366. IV (или III) monas Octobris hora tertia. Amen. Petrarca e Venezia p. 106. Valentinelli Bibl. msc. T. IV. p. 181. Catalogus codd. lat. bibl. Monac. T. II. P. I. p

многосторонней и сильной внутренней жизни, подобно Исповѣди блаженнаго Августина, признаніямъ Монтеня и Руссо, ключъ ко всѣмъ другимъ сочиненіямъ Петрарки и вѣнецъ ихъ. Передъ нами настоящая исповѣдь, начатая съ самымъ честнымъ стремленіемъ, съ непреодолимымъ желаніемъ чистосердечно высказать все и успокоить свою совѣсть. Какъ говоритъ Петрарка въ предисловіи, онъ пишетъ эту книгу не изъ стремленія къ славѣ, какъ всѣ прочія сочиненія, и она должна принадлежать ему одному, быть истиннымъ зеркаломъ его души, которую онъ всегда желаетъ читать одинъ про себя. «Ты должна быть и называться моею тайною», съ такими словами обращается онъ къ книгѣ.

Одинъ только блаженный Августинъ достоинъ выслушать эту Исповѣдь. Сенека могъ быть человѣкомъ, родственнымъ по духу, такимъ же страдальцемъ; Августинъ же былъ для Петрарки въ то же время духовникомъ, который строго побуждалъ къ чистосердечной исповѣди и покаянію; къ тому же онъ былъ отцомъ всѣхъ этихъ мыслей. Мы должны здѣсь еще разъ поставить на видъ, что помыслы о покаяніи были внушены Петраркѣ прежде всего не потребностью его собственной совѣсти, а Исповѣдью этого отца Церкви. «Когда я читаю сочиненія Августина, говоритъ онъ, то вся жизнь моя кажется мнѣ какимъ-то мимолетнымъ сномъ, какимъ-то воздушнымъ видѣніемъ; они такъ сильно потрясаютъ меня, что я со страхомъ пробуждаюсь отъ сна; моя воля колеблется, мои желанія идутъ въ разрѣзъ другъ съ другомъ; внѣшній человѣкъ вступаетъ въ борьбу съ внутреннимъ» [1]). Однако же есть нѣкоторая доля правды въ упрекѣ, однажды сдѣланномъ Петраркѣ его другомъ и мефистофелемъ Джіакомо Колонна, будто бы онъ предался Августину и его твореніямъ «съ неискреннимъ увлеченіемъ», на самомъ же дѣлѣ не отрѣшился отъ поэтовъ и философовъ древности. Сцена на Монъ-Ванту на столько же аффектирована, на сколько и вообще восхищеніе Петрарки этимъ «солнцемъ церкви», а это съ самого начала уже подрываетъ вѣру въ чистосердечіе и искренность его признанія.

Петрарка обвиняетъ самого себя въ томъ, что слишкомъ гордится своимъ геніемъ, такой массой прочитанныхъ книгъ, своимъ краснорѣчіемъ; онъ упрекаетъ себя въ самодовольствѣ, «доходящемъ до ненависти къ Творцу» и признается въ своемъ честолюбіи. Только для того, чтобы его больше уважали и хвалили, онъ искалъ

29.—Читатель видитъ, почему мы говорили о сомнительномъ и сильно растянутомъ времени писанія этихъ трактатовъ. Это мѣшаетъ намъ прослѣдить послѣдовательныя фазы развитія за это время.

[1]) Epist. rer. famil. II, къ Джіакомо Колонна.

напр., одиночества [1]). Славолюбіе, по его мнѣнію, одна изъ самыхъ опасныхъ страстей, потому что имѣетъ подобіе высокаго и благороднаго чувства и обольщаетъ самыми сладостными звуками. Стремленіе къ безсмертію имени составляетъ, по его признанію, одинъ изъ его сильнѣйшихъ недуговъ, котораго онъ не въ силахъ побороть [2]). Въ числѣ суетныхъ помысловъ онъ особенно порицаетъ исканіе лавроваго вѣнка. Какъ тяжело было для Петрарки именно это послѣднее признаніе, мы видимъ по тѣмъ уловкамъ и оговоркамъ, съ помощью которыхъ онъ старался обойти его. То онъ говоритъ, что желалъ лавроваго вѣнка только для того, чтобы побудить другихъ къ соревнованію, то объявляетъ, что все это дѣлалось ради имени его Лауры [3]).

Здѣсь мы находимъ единственное мѣсто въ его прозаическихъ сочиненіяхъ, гдѣ онъ распространяется болѣе или менѣе подробно объ этой прославленной любви; но и здѣсь онъ высказывается темно и, очевидно, съ намѣреніемъ не открывать заманчивой тайны. Теперь ему хочется оправдать свою любовь, какъ чистый и благородный порывъ души въ высшія сферы, но его религіозное сознаніе, его Августинъ требуютъ, чтобы онъ видѣлъ преступное безумство въ томъ, что онъ обратилъ свои помыслы отъ неба къ ней, отъ Творца—къ творенію, и что она заставила его забыть о Богѣ [4]). И здѣсь мы оказываемся среди тумана противорѣчій, обмана и призрачности,—тумана, который все болѣе и болѣе окутываетъ привлекательную тайну.

Петрарка самъ противорѣчитъ правиламъ своей житейской философіи. Онъ находитъ, что умъ его раскидывается въ слишкомъ разнообразныхъ занятіяхъ, безъ плана бросается то туда, то сюда, ни на чемъ не сосредоточивается всецѣло. Живость характера не допускаетъ его держаться своихъ благихъ предначертаній; оттого то главнымъ образомъ и происходитъ «то внутреннее раздвоеніе, та тревога негодующей на себя души, которая чувствуетъ отвращеніе передъ своею собственною скверною и все таки не можетъ смыть ея, познаетъ тѣ извилистые пути, по которымъ идетъ, и все таки не покидаетъ ихъ, боится угрожающей опасности и не старается предотвратить ее» [5]). У него есть то орудіе, какое нужно для борьбы съ этимъ зломъ — правила стоической философіи, но, конечно, они «ближе къ истинѣ, чѣмъ къ примѣненію»; у

---

1) De contemptu mundi dial. II (Opp. p. 383, 389). Мы не придерживаемся здѣсь даннаго въ книгѣ порядка признаній, потому что онъ кажется не преднамѣренъ и не важенъ, какъ видно и изъ отдѣловъ.
2) Ibid. dial. III (p. 397, 410)
3) Ibid. p. 403.
4) De contemptu mundi dial, III (p. 398, 403).
5) Ibid. dial. I (p. 382).

него есть заповѣди религіи, по онѣ такъ же неумолимо требуютъ повиновенія и смиренія отъ образованнаго человѣка, какъ и отъ всякаго глупца и смѣшиваютъ съ массою черни того, кто стоитъ высоко и одиноко; имъ бы слѣдовало предоставить нѣкоторую свободу мнѣній человѣку мыслящему вмѣсто того, чтобы и его подчинять одному, и притомъ единственному, авторитету [1]. Эти заповѣди однако во всякомъ случаѣ истинны. Только стоицизмъ и жизнь во Христѣ могутъ возвратить спокойствіе душѣ; они не допускаютъ никакой полумѣры. Ихъ требованія тяжелы и безусловны: Петрарка долженъ забыть миртъ и плющъ, даже лавровый вѣнокъ, носить который онъ только одинъ имѣетъ право, изъ всѣхъ современниковъ; долженъ отказаться отъ всѣхъ земныхъ желаній, если захочетъ достигнуть истиннаго блага, стать на возвышенную точку зрѣнія августиновской исповѣди [2].

Онъ такъ часто разсказывалъ людямъ о томъ, что его безпрестанно занимаетъ мысль о смерти, что онъ постоянно носитъ въ своей душѣ ея образъ, какъ бы нарисованный мрачными красками, и эта тема такъ часто повторяется въ его трактатахъ и письмахъ, что наводитъ скуку. Въ этомъ, по его мнѣнію, сказалась вся его мудрость. Онъ принимается за самоизученіе крайне сурово. И вотъ помыслы о смерти вызываютъ въ немъ все еще дѣтскій страхъ; онъ все еще не привыкъ къ нимъ и, проникая внутрь себя, находитъ, что только воображаетъ, будто много и серьезно помышлялъ о смерти. Онъ требуетъ отъ себя, чтобы мысль о ней дѣйствительно и живо представлялась ему такъ, чтобы наводила на него ужасъ. Въ этомъ случаѣ ему должно представляться, что онъ уже дрожитъ передъ страшной отвѣтственностью, гдѣ тѣлесная красота, слава міра, краснорѣчіе, власть и богатство, вообще все земное ничтожно; онъ долженъ представить себѣ адъ со всѣми его ужасами. Петрарка отчаявался, что не чувствуетъ этого такъ, какъ бы слѣдовало; онъ принуждалъ себя къ фантастическому сокрушенію, которое однако не имѣло никакого отношенія къ сердцу. Въ часы ночи онъ ложился на кровать, словно умирающій; ясно передставлялъ себѣ тотъ актъ, когда духъ отдѣляется отъ тѣла; создавалъ себѣ мысленно ужасы смерти и страшный судъ; онъ ви-

---

[1] Между прочимъ Петрарка полагаетъ dial. III (p. 398); Suam quisque sententiam sequatur; est enim opinionum ingens varietas (безъ сомнѣнія, читать должно такъ, а не veritas; я нашелъ подтвержденіе такого чтенія въ одной рукописи королевской библіотеки въ Кенигсбергѣ) libertasque iudicandi. Его Августинъ, напротивъ, говоритъ, что церковь veritas una atque eadem semper est. Намъ кажется, что въ подобныхъ словахъ Петрарки заключается принципъ, обильный послѣдствіями.

[2] Ibid. dial. I (p. 377, 378).

дѣлъ адъ, съ трепетомъ вскакивалъ, громко, какъ сумасшедшій, призывалъ на помощь Христа; обливался потоками слезъ, и, къ своему удивленію, видѣлъ себя затѣмъ такимъ же человѣкомъ, какимъ былъ до этого [1]).

По аналогіи съ этой философской борьбой намъ теперь становится понятною и нравственная борьба Петрарки съ самимъ собой; мы понимаемъ его жалобы на то, что совѣсть, хотя и вызывала въ немъ часто глубочайшее сокрушеніе и горькія слезы, тѣмъ не менѣе никогда не могла кореннымъ образомъ переработать его намѣренія и волю, никогда не могла преодолѣть его тщеславія. Поэтому для Петрарки нѣтъ въ жизни ничего печальнѣе пустаго и пагубнаго желанія человѣка обмануть самого себя. «Тутъ безконечно велики любовь, уваженіе и довѣріе: всякій цѣнитъ себя выше того, чего онъ достоинъ на самомъ дѣлѣ, любитъ себя болѣе, чѣмъ бы слѣдовало, и потому нельзя уже различить обманутаго отъ обманщика [2])».

Теперь мы понимаемъ и сущность той душевной болѣзни, о которой Петрарка въ первый разъ говоритъ въ своихъ Признаніяхъ и къ которой еще не разъ возвращается потомъ въ другихъ своихъ сочиненіяхъ и при другомъ настроеніи. Онъ высказывается о ней таинственно и въ темныхъ выраженіяхъ, но безъ неудовольствія, какъ о печали, не имѣющей никакой видимой причины, какъ о снѣдающемъ его горѣ, въ которомъ все таки есть что-то пріятное [3]). Жизнь, міръ, судьба—вотъ тѣ враждебныя силы, которыя вызываютъ и поддерживаютъ это необъяснимое мрачное настроеніе. Конечно, почувствуешь отвращеніе къ жизни, если ежедневно будешь видѣть кругомъ себя бушующія страсти и самыя разнообразныя страданія, которыя вдобавокъ испытываешь самъ. Быть можетъ, удается избѣжать этого, если столь-же живо будешь представлять себѣ радости жизни и умѣренно пользоваться ими. Такое объясненіе болѣзни прекрасно опровергаетъ Августинъ: кто самъ съ спокойнымъ сердцемъ стоитъ на безопасномъ берегу, тотъ будетъ спокойнѣе взирать и на кораблекрушеніе, постигшее другихъ, говоритъ онъ [4]). Философское же лѣкарство оказывалось недѣйствительнымъ. Такимъ образомъ Петрарка очень скоро увидалъ, что причина этой болѣзни должна заключаться въ немъ самомъ. Вся

[1]) Ibid. dial. I (p. 378—380): Corpus hoc in morem morientium compono, ipsam quoque mortis horam et quicquid circa eam mens horrendum reperit, intentissime mihi ipse confingo, usque adeo, ut in agone moriendi positus mihi videar etc.

[2]) Ibid. dial. I (p. 376).

[3]) De remedio utriusque fortunae lib. II. dial. 93: dolendi voluptas quaedam, quae moestam animam fecit, pestis eo funestior, quo ignotior causa atque ita difficilior cura est. На это мѣсто Петрарка ссылается въ epist. rer. senil. XV, 9 ad fin.

[4]) De contemptu mundi dial. II (p. 394).

жизнь вокругъ него и въ немъ самомъ получила въ его глазахъ характеръ постоянной борьбы. Не только съ другими тварями, но и съ подобными себѣ борется всякій, и не только съ другою личностью, но и съ самимъ собою. Въ самой сокровенной сердечной глубинѣ ведетъ каждый непрерывную борьбу съ собою, терзается волненіями противоборствующихъ чувствъ и страстей [2]). Душа распадается на двѣ части, и онѣ ведутъ постоянно борьбу между собою. Чрезъ это жизнь становится мрачною и полною заботъ, такъ что человѣкъ становится самъ себѣ въ тягость [3]). Часто жалуется Петрарка на то тревожное чувство, которое не даетъ ему покоя; онъ надѣется освѣжиться, мѣняя мѣстопребываніе, а потомъ думаетъ снова успокоиться, если воротится на старое мѣсто [4]). Болѣзнь, жалуется онъ, всюду преслѣдуетъ его. Онъ ни минуты не знаетъ покоя отъ нея и ясности духа, которыя кажутся ему однако высшимъ благомъ. Это тяготитъ и утомляетъ его, иногда мучитъ день и ночь, приводитъ въ мрачное настроеніе и смертельную тоску. Его личная судьба и судьба міра, прошедшее и будущее ложатся такимъ тяжелымъ бременемъ на его душу, что онъ чувствуетъ себя какъ бы обуреваемымъ и угнетаемымъ со всѣхъ сторонъ. Человѣчество тогда вообще представляется ему ненавистнымъ и достойнымъ презрѣнія, и чужія и собственныя бѣдствія подавляютъ его. Эту болѣзнь, свое величайшее душевное страданіе, онъ называетъ особымъ терминомъ: **acedia**, **міровая скорбь** [5]).

Но что же это за болѣзнь, эта acedia? Понятіе это впервые заимствовано изъ четвертой книги Этики Аристотеля и затѣмъ въ средневѣковомъ пониманіи получило особую окраску. По своему производству слово это (ἀκήδεια) означаетъ вялое умственное равнодушіе ко всему, что́ служитъ предметомъ заботъ для человѣка, погруженіе души въ страдательное состояніе. Поэтому церковная мораль то видитъ въ этомъ плачевномъ настроеніи меланхолію, достойную сожалѣнія, происходящую отъ физическихъ и нравственныхъ причинъ и слѣдовательно тоже требующую врача, то самый тяжелый грѣхъ—нерадивость [5]). Уже въ раннюю эпоху это душевное состояніе оказывается свойственнымъ отшельникамъ и монахамъ, и на него смотрѣли отчасти какъ на

---

1) De remedio etc. Praefat. ad lib. II (Opp. p. 124).

2) Петрарка такъ рисуетъ свои юные годы въ epist. rer. senil. VIII. 3: quippe pugnantibus inter se animae partibus et dissensione perpetua ac civilibus velut bellis vitae statum pacemque tulbantibus etc.—ipse mihi pondus et labor et supplicium factus eram.

3) Epist. ad poster. in fine. Epist. rer. famil. XV, 8, 11, отъ 1352-го года.

4) De contemptu mundi dial. II (Opp. p. 391)

5) Обзоръ того, въ какомъ смыслѣ употреблялось это слово со временъ Іеронима, можно найти у Du Cange Glossar. med. et inf. latin. digess. Henschels. v. Acedia.

болѣзнь, отчасти какъ на тревожную сердечную тоску, отчасти какъ на порочную томительную лѣность, такъ что лучшимъ цѣлительнымъ средствомъ противъ нея считали трудъ [1]). Въ системахъ этики у схоластиковъ acedia является однимъ изъ семи смертныхъ грѣховъ. Монахи, а въ особенности тѣ, которые только-что приняли самый строгій уставъ, всего болѣе подвержены этому недугу, оттого ли что сильный аскетизмъ своимъ вліяніемъ на тѣлесные органы производитъ тяжелую ипохондрію, или рѣзкое противорѣчіе между мертвеннымъ однообразіемъ монастырской жизни съ веселою жизнью въ мірѣ порождаетъ этотъ недугъ, или мечтательная жизнь ведетъ къ сознанію неестественности такого положенія. Въ теоріи все еще допускается, что недугу содѣйствуютъ физическія причины, но порокомъ считается то, что человѣкъ не преодолѣваетъ этого мрачнаго настроенія. Въ монашеской жизни недугъ этотъ обнаруживается вялостью, апатіею и сонливостью, и послѣдняя нападаетъ на больную братію особенно въ томъ случаѣ, когда она идетъ во время Богослуженія въ храмъ [2]).

Если мы не ошибаемся, то явленіе это, встрѣчаемое между людьми свѣтскими, совершенно измѣняетъ свой характеръ. Тутъ уже нѣтъ рѣчи объ особаго рода монашеской болѣзни; стараются опять придти къ первоначальному античному представленію. Та мысль, что дѣятельность составляетъ существенный элементъ въ жизни человѣка, подтвержденная свидѣтельствомъ опыта, что онъ чувствуетъ себя весьма здоровымъ и весьма довольнымъ въ нравственномъ отношеніи тогда, когда работаетъ, служитъ укоромъ для всякой апатичной бездѣятельности, для всякаго устраненія себя отъ горестей и радости жизни, какъ преступнаго себялюбія. Такъ, по видимому, понимаетъ эту acedia Дантъ. Въ пятомъ кругѣ ада онъ встрѣчаетъ существа озлобленныя, которыя въ болотистомъ Стиксѣ терзаютъ и рвутъ зубами другъ друга. Въ вонючей водѣ полощутся и захлебываются другіе, которые были мрачны и недовольны жизнію въ веселомъ мірѣ. Они жалобно вопіютъ:

Tristi fummo
Nel aere dolce, che dal Sol s'allegra,
Portando dentro accidioso fummo [3]).

---

1) Такъ толкуетъ ацедію въ «de coenobiorum institutis» Кассіанъ, причисляющій ее къ 12-ти монашескимъ грѣхамъ, какъ taedium sive anxietas cordis. Ср. Ebert Allg. Gesch. der Literatur des Mittelalters Bd. I. S. 334.

2) Примѣры подобныхъ вульгарныхъ монастырскихъ воззрѣній въ Caesarii Heisterbacensis Dialogus miraculorum ed. Strange vol. I, Colon. 1851. Dist. IV cap. 2. 27. 38. Онъ опредѣляетъ: Accidia est ex contusione mentis nata trisfitia sive taedium et amaritudo animi immoderata, qua iocunditas spiritualis extinguitur, et quodam desperationis praecipitio mens in semet ipsa subvertitur. — Accidia multos tentat et multos per desperationem praecipitat.

3) Inferno canto VII s. fine.

Т. е. «мы были печальны въ пріятной атмосферѣ, радостно освѣщаемой солнцемъ, потому что въ душѣ мы страдали acedia».

Именно сопоставленіе съ Iracondi всего лучше характеризуетъ Accidiosi. Первые превышаютъ мѣру дѣятельности, слишкомъ невоздержно давая волю своимъ душевнымъ движеніямъ; послѣдніе же чужды волненій, которыя долженъ былъ бы испытывать достойный человѣкъ; они идутъ противъ природы, потому что не мстятъ за себя, не огорчаются, не раздражаются, всобще утратили все то, что возбуждаетъ въ жизни и къ жизни. Подобное толкованіе глубокомысленнаго поэта, которое новые комментаторы замѣнили какими то диковинными натяжками, приводится уже у Боккачіо, который съ особенною подробностью распространяется по этому поводу [1]. Онъ того мнѣнія, что acedia—это безсмысленная и предосудительная лѣность и указываетъ на жизнь неутомимо трудящихся муравьевъ. Вопреки своему обычному пріему объясненія, онъ такъ наглядно изображаетъ человѣка, подверженнаго этой болѣзни, что можно подумать, что онъ зналъ такихъ несчастныхъ людей. Такого рода человѣкъ не можетъ ни за что приняться, а если необходимость заставитъ его что нибудь дѣлать, то онъ не въ силахъ кончить. Жизнь мелькаетъ передъ нимъ такъ, какъ будто онъ не живетъ, мысли его становятся все печальнѣе и мрачнѣе, и онъ тяготится обществомъ, а предпочитаетъ уединеніе, мракъ и безмолвіе. Онъ не можетъ ходить въ церковь и каяться, дѣлать дѣла человѣколюбія, въ уныніи впадаетъ въ бѣдность и жалкое положеніе, ненавидитъ свою жизнь и самого себя, сначала чувствуетъ равнодушіе, а потомъ отвращеніе ко всему хорошему и прекрасному (fastidio generale d' ogni bene).

Тоже ли самое было и съ Петраркою? Неужели и онъ почувствовалъ гнетущее отвращеніе къ жизни, онъ, всегда дѣятельный и трудолюбивый, который видѣлъ, что другіе ищутъ плодовъ его трудолюбія и хвалятъ ихъ, который больше, чѣмъ слѣдовало, наслаждался чувствомъ удовлетвореннаго самолюбія, который отрадно предавался своимъ занятіямъ древностью, энергически пользовался благами бытія и жадно упивался наслажденіемъ славы и всегда былъ готовъ помочь друзьямъ? Во всякомъ случаѣ его болѣзнь была не апатія; вѣдь онъ изображаетъ ее именно какъ постоянную борьбу. Если же онъ называлъ ее неподходящимъ словомъ acedia, то мы должны имѣть въ виду, что онъ былъ не въ

[1]) Comento sopra Dante cap. VII (Opp. vol. VI. Firenze, 1724. p. 53—65). Подобнымъ же образомъ у Benvenuto Rambaldi. Commentario s. Div. Comm. Purg. c. XVIII (trad. da Tamburini vol. II. p. 364 seg.).

состоянiи опредѣлить происхожденiе этого слова и не хотѣлъ короче ознакомиться съ значенiемъ его въ философской терминологiи схоластиковъ. Петрарка называетъ ее философскимъ недугомъ и ссылается на Цицерона и Сенеку. Тутъ и должны мы искать ключа къ открытiю этой тайны. Правда, Цицеронъ говоритъ въ третьей книгѣ Тускуланскихъ бесѣдъ, на которую главнымъ образомъ ссылается Петрарка, объ aegritudo animi (душевная болѣзнь), но такимъ образомъ, что едва ли можетъ удовлетворить читателей, уважающихъ его. Вмѣсто того, чтобы распространяться о душевныхъ состоянiяхъ, онъ ограничивается общими мыслями о высшемъ благѣ, о боли и наслажденiи,—о стоическихъ и эпикурейскихъ воззрѣнiяхъ. А Сенека въ своемъ сочиненiи О спокойствiи духа, дѣйствительно, употребляетъ такiя выраженiя, которыя должны были подобно стрѣламъ проникать въ сердце Петрарки; онъ здѣсь разоблачаетъ болѣзненность и двойственность своей природы, которая поразительно родственна съ природой Петрарки.

Подобно Петраркѣ, Сенеку одолѣвало сильное стремленiе въ свое жалкое время искать отрады въ философскомъ успокоенiи, но по своему образованiю онъ былъ ораторъ, или лучше сказать художникъ мысли и слова. Сообразно съ своей философiей, ему бы слѣдовало вести жизнь уединенную и простую, но дарованiе влекло его на такое поприще, гдѣ онъ могъ отличиться въ глазахъ свѣта. Онъ считалъ за лучшее предоставить изучаемымъ имъ предметамъ говорить просто самимъ отъ себя и отказаться отъ блеска краснорѣчiя, отъ притязанiя на славу въ потомствѣ. И все таки честолюбiе, по его словамъ, побуждало его упражняться въ краснорѣчiи и отвлекало отъ изученiя самого себя. Вѣдь очень соблазнительно слышать похвалу и лесть и крайне тяжело говорить сущую правду самому себѣ [1]. «И такъ, признается онъ, твоя жизнь искусственна и разсчитана на внѣшнiй блескъ; ты не смѣешь являться просто и свободно, такимъ, каковъ есть, постоянно долженъ ты носить маску и придавать себѣ такой видъ, который противорѣчитъ твоему истинному характеру». И однако все таки ему лучше бы было пользоваться малымъ уваженiемъ по своей простотѣ, чѣмъ постоянно терзаться благодаря лицѣмѣрiю [2]. Это колебанiе и есть недугъ Сенеки [3]. Болѣе разумное настроенiе пробовало преодолѣть это состоянiе, но не въ силахъ было сдѣлать этого; глубоко укоренившееся тщеславiе являлось непреодолимою силою [4], и нако-

1) Cf. de tranquill. animi I, 10—17.
2) Ibid. XVII, 1.
3) Animi inter utrumque dubii nec ad recta fortiter nec ad prava vergentis infirmitas. ibid. I, 4. Онъ также употребляетъ здѣсь слово morbus.
4) Tam malorum quam bonorum longa conversatio amorem induit. ibid. I, 3.

нецъ сознаніе того факта, что борьба безполезна, приводила философа въ отчаяніе [1]). Онъ придумываетъ средства противъ этой болѣзни и однако не находитъ другаго кромѣ жизни, направленной къ общественной или частной дѣятельности. А при перваго рода дѣятельности, внутренней опасности которой онъ именно хочетъ избѣжать, присоединяется еще внѣшняя, и жизнь, проводимая въ научныхъ занятіяхъ, и есть именно корень всѣхъ золъ.

Мы уже предчувствуемъ, какъ долженъ былъ смутиться Петрарка, читая эти размышленія философа о жизни. Какъ въ этомъ сочиненіи Сенеки, такъ и въ Исповѣди Августина передъ нимъ выступаетъ на сцену человѣкъ, стремящійся изучить и привести въ гармонію свои внутреннія побужденія, человѣкъ, работающій надъ своею личностью. И душевныя болѣзни имѣютъ свойство заражать другихъ. Вѣдь и эта склонность къ размышленіямъ есть уже болѣзнь, такъ какъ умственныя силы, подобно тѣлеснымъ чувствамъ, самою природою предназначены для внѣшнихъ проявленій, и это собственно составляетъ ихъ самую нормальную дѣятельность. Человѣкъ познаетъ себя не посредствомъ испытанія, обсужденія и покаянія, а въ дѣятельности. Какъ человѣкъ, больной физически, размышленіями о своей болѣзни еще болѣе усиливаетъ ее, такъ и душевные недуги при долговременномъ самонаблюденіи наконецъ становятся какими-то завлекательными тайнами, внушая намъ лестное представленіе о разнообразіи и глубинѣ нашего внутренняго міра, и человѣку наконецъ пріятно вращаться въ кругу тѣхъ мыслей, средоточіемъ которыхъ служитъ онъ самъ.

Послѣ своихъ признаній Петрарка остался точно такимъ же, какимъ былъ и прежде. Изъ нихъ не вытекаетъ ничего другаго кромѣ того, съ чего онъ началъ и что давно уже зналъ, именно, что онъ долженъ отказаться отъ суетнаго стремленія къ славѣ и стремиться къ самой добродѣтели, что остатокъ дней его долженъ быть всецѣло посвященъ мыслямъ о смерти и о могилѣ [2]). Чтобы узнать, какое вліяніе произвело на него подобное рѣшеніе, намъ едва ли нужно обращаться къ послѣднимъ годамъ его жизни и къ его послѣднимъ сочиненіямъ. Для насъ уже достаточно признаній. Онъ только что осуждалъ свою гордость и тщеславіе, и вдругъ опять восхищается «своими талантами и своимъ умомъ, богатымъ мыслями» [3]). Въ началѣ онъ рѣшилъ, что эта книга должна принадлежать ему одному, однако обнародовалъ ее и въ третьемъ діалогѣ уже опять ясно пред-

---

[1]) Recedo itaque non peior, sed tristior — nihil horum me mutat, nihil non tamen concutit. ibid. I, 9.

[2]) De contemptu mundi dial. III (p. 414).

[3]) Ibid. dial. III (p. 407).

ставляетъ себѣ удивляющагося читателя [1]). Когда-то онъ хотѣлъ быть выше того, чѣмъ былъ, и это было не честно по отношенію къ людямъ; теперь онъ хотѣлъ быть честнымъ передъ самимъ собою и уже не могъ. Такою дорогою цѣною пріобрѣлъ онъ себѣ славу мнимо-непогрѣшимаго философа. Колонна говорилъ сущую правду, упрекая Петрарку въ томъ, что послѣдній съ своей ранней юности такъ искусно обманывалъ свѣтъ, что это искусство почти стало его второю природою.

Въ то время, которое не имѣетъ подобнаго себѣ по ужаснымъ бѣдствіямъ, когда въ 1348 г. чума опустошила Италію и Францію, когда всюду встрѣчались трупы, поставленные въ церквахъ или же валявшіеся безъ всякаго призора на улицахъ, когда самъ Петрарка лишился нѣсколькихъ друзей, тогда ему пришло на умъ снова серьезнѣе углубиться въ самого себя, принести философское покаяніе [2]). Онъ размышляетъ о томъ, какой путь долженъ избрать при этомъ его умъ, но остается въ состояніи нерѣшительности. Хотя образъ смерти, который онъ прежде усиливался вызвать въ своемъ воображеніи, находился такъ близко отъ него, что эта близость наводила ужасъ, тѣмъ не менѣе онъ не можетъ рѣшиться на самомъ дѣлѣ отбросить заботы о временной жизни. Истинный философъ не является на сцену; человѣкъ, привязанный къ вещественному міру, несмотря на мощные порывы его мыслей, остается такимъ, какимъ былъ. Духъ расправляетъ крылья, но не можетъ отрѣшиться отъ того тлѣннаго міра, къ которому онъ прикованъ. Только къ этому сознанію и приходитъ онъ въ своемъ покаяніи, но не видитъ выхода [3]).

Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Петрарка могъ, дѣйствительно, указать на свое нравственное обращеніе. Но оно наступило не раньше того, какъ старость выслала своихъ первыхъ предвѣстниковъ, приблизительно

---

[1]) Ibid. p. 410 онъ заставляетъ Августина вспоминать свои miserias, quas sciens sileo, ne arguar a quoquam, si quis forte aurem in hos sermones nostros intulerit.

[2]) То, что онъ высказываетъ въ epist. metr. I, 14 ad se ipsum, вовсе не религіозное волненіе, часто побуждавшее тогда къ различнаго рода сумасбродствамъ. Петрарка даже не увѣренъ вполнѣ въ томъ, что чума есть кара Божія:

Sive est ira dei, quod crimina nostra mereri
Certe ego crediderim, seu sola iniuria coeli,
Natura variante vices.

[3]) Подобныя же мысли, какъ въ этомъ стихотвореніи, которое, сверхъ этого, относится къ его лучшимъ латинскимъ сочиненіямъ, встрѣчаются и въ epist. metr. III, 2:

Fulgentia sidera circum
Volvuntur lege aeterna; nos lumina proni
Figimus in terram, terrena semper amamus.

или epist. metr. II, 3.

лѣтомъ 1352 года, когда Петрарка рѣшился покинуть Воклюзъ и навсегда переселиться въ Италію. Вмѣстѣ съ этимъ онъ отказался отъ общественныхъ привычекъ прежнихъ лѣтъ. Онъ не хотѣлъ болѣе обращать вниманіе на платье и узкіе башмаки, отпустилъ конкубину; у него не было болѣе охоты болтать пустяки со своими вѣтренными друзьями и съ дамами. Онъ шутливо разсказываетъ, какъ никто не хотѣлъ серьезно повѣрить этому перевороту, какъ прежняя «пріятельница» все еще осаждала его дверь, старые товарищи все еще звали къ дамамъ; даже башмачники и портные качали головой на его новую моду [1]). Правда, онъ не пожелалъ мириться съ строгою серьезностью своего брата Джерардо, который послѣ такой же свѣтской жизни вступилъ въ орденъ Картезіанскихъ монаховъ; онъ только удивлялся тому, какъ согласны мысли и слова послѣдняго съ поступками. Но, по крайней мѣрѣ, съ женщинами онъ уже не хотѣлъ имѣть никакого дѣла; онъ полагалъ, что одолѣлъ побужденія подобнаго рода силою философскаго мышленія [2]). Конечно, въ другихъ отношеніяхъ душевная борьба, которую Августинъ характеризуетъ словами partim velle, partim nolle, продолжалась. Вмѣсто того, чтобы искать уединенія въ лѣсахъ, Петрарка какъ разъ въ то время находился при дворѣ Висконти. Любовь къ славѣ все еще усиливалась; она росла, по его мнѣнію, вмѣстѣ съ самой извѣстностью. Такимъ образомъ и душевная болѣзнь не хотѣла оставить его въ покоѣ [3]).

Діалоги «О средствахъ противъ горя и радости» — послѣднее ввѣренное бумагѣ самоизображеніе Петрарки, такъ какъ его послѣдующія сочиненія нравственно-философскаго содержанія направлены уже полемически противъ другихъ лицъ. Къ тому-же въ тѣхъ діалогахъ преобладаетъ уже иной характеръ — объективно-систематическій. Именно передъ нами выведены страданія и радости жизни; первыя сѣтуютъ, вторыя торжествуютъ; затѣмъ онѣ разсматриваются по примѣру Сенеки, разбираются и наконецъ сводятся къ формулѣ Aequam memento, обезпечивающей истинное счастье. Все это дѣлается большею частію со спокойной діалектикой. Даже и тогда, когда Петраркѣ приходится говорить о схоластическихъ философахъ и богословахъ, о краснорѣчіи и о римскихъ поэтахъ, онъ всегда раз-

---

[1]) Epist. rer. famil. IX, 3 amicissimis, справедливо помѣченное Фракассети 1352 годомъ, такъ какъ въ этомъ году Петрарка покинулъ Воклюзу.

[2]) Epist. rer. famil. X, 5 къ его брату Джерардо отъ 11-го іюня (1352): consortium feminae, sine quo interdum aestimaveram non posse vivere, morte nunc gravius pertimesco, et quamquam saepe tentationibus turber acerrimis, tamen dum in animum redit quid est femina, omnis tentatio confestim avolat.

[3]) Epist. rer. famil. XVII, 10 къ Джованни д'Ареццо отъ 1-го января (1354).

виваетъ своя взгляды съ увѣренностью и съ удовлетвореннымъ чувствомъ собственнаго достоинства. Въ другихъ же мѣстахъ мы вдругъ чувствуемъ усиленное біеніе авторскаго пульса; его философія впадаетъ какъ-бы въ лихорадочное состояніе. Такъ въ самомъ началѣ трактата, въ предисловіи, жизнь, которую онъ здѣсь окидываетъ широкимъ взоромъ, вдругъ представляется ему печальною и полной заботъ. «Какъ стараемся мы создать себѣ поводъ для горя и пищу для страданій! Этимъ мы дѣлаемъ жалкой и печальною нашу жизнь, которая должна бы быть такъ счастлива и такъ сладка, если вести ее правильно. Въ ея началѣ господствуетъ слѣпота и отсутствіе воспоминаній; въ ея дальнѣйшемъ теченіи — работа и усиліе; въ концѣ—болѣзнь; а во всей царитъ заблужденіе.» Развѣ не въ насъ самихъ кроется вина, если откровенно признаться въ этомъ? Мы знаемъ, что одна только добродѣтель можетъ доставить намъ побѣду и, тѣмъ не менѣе, сознательно и по своей волѣ, отступаемъ отъ нея. Тутъ Петрарка опять становится втупикъ передъ разрушительною мыслью, которая, повидимому, насмѣхается надъ стоическимъ пустословіемъ. Противорѣчіе ясно, но остается неразрѣшеннымъ; вскрывается рана, но нѣтъ достаточно воли, чтобы приступить къ ея излѣченію. Внутренняя борьба не ведетъ къ миру.

Петрарка увѣряетъ насъ, что со старостью сталъ покойнѣе и больше примирился съ самимъ собою. [1]) Но что онъ въ силу этого не сталъ философомъ, какимъ обѣщалъ сдѣлаться въ своихъ Признаніяхъ, это доказываютъ на каждой страницѣ его послѣднія произведенія. Въ своей старческой болтовнѣ онъ кажется даже еще тщеславнѣе и хвастливѣе, чѣмъ прежде. Но онъ оставилъ свое безплодное раскаяніе и безполезное стремленіе сдѣлаться другимъ человѣкомъ. Съ удовольствіемъ, хотя уже не съ прежней пылкостью, продолжалъ онъ вкушать въ своемъ уединеніи въ Арквѣ отъ чаши славы и поклоненія. Чѣмъ ближе подвигался онъ къ могилѣ, тѣмъ грандіознѣе казалось подростающему поколѣнію его философское величіе.

Удивительно, что именно та черта, за которую болѣе всего упрекали Петрарку критики нравственности, то тщеславное выставленіе на показъ своей личности и ореолъ, въ которомъ онъ старался представить себя, болѣе всего обусловили его вліяніе на окружающихъ и, главнымъ образомъ, на литературу. Въ его лицѣ научились чтить поэта, философа, изслѣдователя древности. Ничто такъ не споспѣшествуетъ развитію и распространенію нѣкоторыхъ идей, какъ то обстоятельство, что міръ видитъ ихъ представленными и, такъ сказать, воплощенными въ одной личности. Громадное

---

[1]) Epist. rer. senil. VIII, 3.

большинство одарено способностью уважать человѣка, хотя и мало знаетъ и понимаетъ то, чего собственно онъ хочетъ. Такимъ образомъ почести, требуемыя тщеславіемъ какъ личная дань, опять таки идутъ на пользу дѣлу, и даже мелочи въ великомъ человѣкѣ служатъ высшему міровому порядку.

На Петрарку дивились какъ на чудо творенія. Мы уже указывали на то, что причинами этого были не столько слава его учености и сладкозвучіе его пѣсенъ, сколько таинственная сторона его личности [1]). Поэтому воздаваемое ему почитаніе, кажущееся иногда непонятнымъ и дѣтскимъ, во многихъ случаяхъ было полно смысла и трогательно. Еще тогда, когда онъ былъ юнымъ поэтомъ и жилъ въ Авиньонѣ, туда нерѣдко пріѣзжали знатные и образованные люди изъ Франціи и Италіи только за тѣмъ, чтобы видѣть его и говорить съ нимъ; при этомъ, чтобы обезпечить доступъ къ нему, посылали напередъ цѣнные подарки. Если его не было въ городѣ, они искали философа въ его уединеніи у истоковъ Сорги. Онъ вспоминаетъ, разсказывая объ этомъ, что нѣчто подобное Іеронимъ сообщаетъ о Титѣ Ливіи. Папы и владѣтельныя особы, свѣтская и духовная знать на перерывъ старались подарками и ласками выказать свое благоговѣніе къ нему. Если впослѣдствіи гуманистическое направленіе охватило Италію единящими узами и стало космополитической связью для образованныхъ націй Европы, то началомъ этого явленія было всеобщее поклоненіе Петраркѣ. У Италіи было теперь *имя*, громкая и неоспоримая слава котораго не имѣла себѣ подобной, начиная отъ Альпъ до Іонійскаго моря. Такъ отплатили Петраркѣ за ту пламенную любовь, съ которой онъ словомъ и пѣснью превозносилъ славный полуостровъ. Въ одномъ декретѣ венеціанскаго сената говорится про Петрарку, что его извѣстность такъ велика по всей землѣ, что на памяти людей нѣтъ и не было между христіанами ни одного моралиста-философа и поэта, который могъ бы сравниться съ нимъ въ этомъ отношеніи [2]). Какъ гордились имъ граждане его роднаго города Ареццо! Когда ему разъ случилось быть тамъ, его торжественно повели по улицамъ города къ дому, въ которомъ онъ родился; перестройка этого дома была воспрещена тог-

---

[1]) По его смерти Франко Саккети (у Mehus Vita Ambr. Travers. p. 231) воспѣлъ его какъ:

Colui, che sempre avea co' vizzi guerra,
Cercando i modi santi e il regno eterno.
Tanto avea gli occhi verso il ciel divino etc.

[2]) Декретъ отъ 4-го сентября 1362 года. См. выше стр. 43.

дашнему его собственнику, чтобы онъ такимъ образомъ оставался памятникомъ великаго гражданина [1]). Флоренція — самая богатая почва, на которую пало сѣмя петрарковскаго духа,—также съ гордостью называла великаго тосканца своимъ «согражданиномъ». На государственный счетъ были пріобрѣтены и возвращены поэту тѣ земли, которыя были отняты у его изгнаннаго отца. Побуждаемая его славой, республика постановила открыть въ своемъ университетѣ каѳедру изящной словесности и пригласила съ самыми лестными предложеніями того мужа, «который въ продолженіи вѣковъ не имѣлъ себѣ равнаго и едва ли будетъ имѣть въ грядущемъ», котораго она чтитъ, «какъ будто бы геній Марона и краснорѣчіе Цицерона опять воплотились въ человѣческомъ образѣ». Подъ его руководствомъ должны были процвѣтать новыя ученыя занятія и, благодаря его участію, затмить всѣ остальныя. Боккачіо было поручено передать это приглашеніе, но Петрарка и здѣсь удовольствовался только одною почестью, служившею къ его славѣ [2]).

Еще трогательнѣе было то поклоненіе, которое воздавали ему отдѣльныя личности. Одинъ старый, совсѣмъ ослѣпшій учитель изъ Понтремоли, самъ сочинявшій стихи и питавшій искреннюю любовь къ литературѣ, добрелъ, опираясь на своего единственнаго сына и одного ученика, до Неаполя, чтобы хоть разъ услышать голосъ великаго Петрарки и, можетъ быть, прикоснуться къ нему. Такъ какъ Петрарка въ то время уже покинулъ Неаполь, онъ такимъ же образомъ отправился за нимъ вслѣдъ черезъ снѣжные Аппенины до Пармы. Здѣсь наконецъ онъ встрѣтилъ его; сколько разъ цѣловалъ онъ его въ голову за тѣ приводящія въ восторгъ рѣчи, которыя родились въ ней, сколько разъ цѣловалъ его правую руку за тѣ пламенныя слова, которыя она написала [3])! Въ другой разъ, когда Петрарка жилъ въ Миланѣ, его посѣтилъ одинъ уже пожилой человѣкъ изъ близь лежащаго Бергамо. Сначала этотъ человѣкъ былъ извѣстнымъ золотыхъ дѣлъ мастеромъ, но, воодушевленный произведеніями великаго поэта, бросилъ свою мастерскую, сталъ искать учителей свободныхъ искусствъ и горячо принялся за ученіе. Онъ такъ неотступно просилъ Петрарку почтить его своимъ посѣщеніемъ,

---

1) Epist. rer. senil. XIII. 3. Secco Polentone y Mehus Vita Ambros Travers. p. 199.

2) Грамата Priori, Gonfaloniere di giustizia и Коммуны во Флоренціи отъ апрѣля 1351-го года у de Sade Memoires T. III. p. 125. у Meneghelli Opere vol. IV p. 149, у Боккачіо, который, очевидно, былъ ея составителемъ, Lettere ed. Corazzini p. 391. Отвѣтъ Петрарки, въ которомъ онъ любезно и холодно говоритъ о своей готовности принять предложеніе, въ epist. rer. famil. XI, 5.

3) Epist. rer. senil XV 7.

которое, по его словамъ, навѣки осчастливитъ и прославитъ его, что тотъ наконецъ исполнитъ это желаніе. Торжественно встрѣченный начальствомъ и знатнѣйшими города, Петрарка нашелъ у него царственный пріемъ, разукрашенную золотомъ горницу и пурпуровое ложе. Предъ его глазами во всѣхъ углахъ дома красовались его изображенія, его гербъ и имя; у хозяина дома были собраны его сочиненія и масса книгъ, помимо этого. Онъ былъ такъ безгранично доволенъ посѣщеніемъ, что его домочадцы боялись, какъ бы онъ не сошелъ съ ума. И это былъ однако только полуобразованный человѣкъ, которымъ руководило болѣе одушевленіе, чѣмъ разсудокъ [1]).

Въ письмахъ и стихахъ ближайшихъ, а еще болѣе, быть можетъ, дальнихъ друзей Петрарки преобладаетъ тонъ самаго чрезмѣрнаго почитанія. Графъ Роберто де Баттифолле завѣрялъ, приглашая его къ себѣ въ Аппенинскія горы, что послѣднія горятъ желаніемъ, чтобы его драгоцѣнныя ноги коснулись ихъ [2]). Одинъ стряпчій Габріэлле Заморео изъ Пермы, докторъ правъ, прославилъ Петрарку въ гекзаметрѣ, какъ «отца священныхъ музъ», слава котораго, подобно солнцу, затмѣваетъ всѣ другія звѣзды, который, какъ второй Гомеръ и Маронъ, возвращаетъ золотой вѣкъ. Онъ сравниваетъ его со львомъ, самого же себя съ муравьемъ [3]). Наибольшимъ поклоненіемъ Петрарка пользовался со стороны учителей по профессіи; мы знакомимся съ изряднымъ количествомъ ихъ по *его письмамъ*. Они смотрятъ на него, какъ на корифея ихъ грамматическаго и реторическаго искусства. Впрочемъ и другія личности самаго разнообразнаго характера не могли отдѣлаться отъ очарованія. Магистръ Пьетро де Кастеллетто, изъ С. Спирито во Флоренціи, впослѣдствіи обработавшій составленное Боккачіо жизнеописаніе Петрарки, какъ то разъ видѣлъ послѣдняго, когда тотъ сидѣлъ въ своей библіотекѣ и вдохновенно размышлялъ, повидимому, только о небесныхъ и божественныхъ вещахъ. Въ другомъ мѣстѣ

---

[1]) Петрарка разсказываетъ объ этомъ посѣщеніи въ epist. rer. famil. XXI, 11 1358 или 1359 года.

[2]) Его два письма къ Петраркѣ у Mehus Vita Ambros. Travers. p. 226. Первое адресовано: Cellęberrimo seculi domino etc, второе: Totius orbis unico domino etc. Письмо Петрарки къ нему въ epist. rer. senil. II, 6, 7.

[3]) Стихотвореніе этого Заморео отъ 1344-го года (къ нему же обращено одно изъ метрическихъ писемъ Петрарки) у Mehus l. c. p. 200, перепечатано въ Petrarca Poemata minora ed. Rossetti vol II, p. 400.

Sentio me minimum, te summum. Sentio recte,
Numen inesse tibi, tibi Pieridesque favere.

онъ увѣряетъ, что самъ какъ бы отрѣшается отъ чувственнаго міра и, такъ сказать, превращается въ другаго человѣка, всякій разъ, какъ вспоминаетъ о великомъ мужѣ [1]). Даже такіе люди, какъ старый Филиппо Виллани, сохранили глубокое впечатлѣніе отъ личности Петрарки. Петрарка, говоритъ онъ, во всѣхъ отношеніяхъ, представлялъ примѣръ совершенной добродѣтели и былъ въ нѣкоторомъ родѣ образцемъ нравственности. Этимъ онъ не менѣе, чѣмъ своею рѣчью, повліялъ на свой жалкій вѣкъ, такъ какъ многіе стремились подражать ему. Поэтому Филиппо Виллани находитъ весьма вѣроятнымъ, что изъ устъ умирающаго Петрарки поднялось къ небу бѣлое туманное облачко, и видитъ въ этомъ чудесное знаменіе благочестія покойнаго [2]). Приведемъ еще одно свидѣтельство. За нѣсколько дней до смерти Петрарки его посѣтилъ въ Аркве молодой Доминико изъ Ареццо, многосторонне образованный ученый, между прочимъ тоже написавшій краткое жизнеописаніе Петрарки. Какъ землякъ, онъ осмѣливается дать ему на разсмотрѣніе свою книгу: Fons memorabilium universi. Бѣгло просмотрѣвъ ее, учитель поднимаетъ на него глаза и говоритъ: иди, мой сынъ, желаю тебѣ счастливо, дѣятельно и похвально продолжать начатое! Вникай во всѣ книги, перелистывай ихъ вновь и вновь, и доставь, такимъ образомъ, самую отдаленную будущность своему имени! Чрезъ нѣсколько дней Доминико привелось услышать, что великаго мужа поразилъ параличъ. Онъ могъ бы, прибавляетъ онъ, очень многое разсказать про него, но всякій разъ, какъ онъ вспоминаетъ о немъ, у него ручьями льются слезы и трепещущія руки отказываются писать [3]).

Лучи славы, исходящіе отъ вѣнчанной главы Петрарки, съ воспламеняющей силой дѣйствовали и на варварской чужбинѣ. Три раза Карлъ IV приглашалъ къ себѣ поэта: ему, говорилъ онъ, сильно хочется увидать его вновь, насладиться его краснорѣчіемъ и услышать наставленія въ нравственности. Его канцлеръ, епископъ Іоаннъ Ольмюцскій, былъ словно околдованъ выписанными по его приказу сочиненіями Петрарки и славой удивительнаго философа, которая сама собой дошла до него. Впрочемъ о вліяніи Петрарки за предѣлами Италіи намъ еще придется говорить въ другомъ отдѣлѣ нашей книги.

---

1) У Rossetti Petrarca etc. p. 147.

2) Villani p. 15. По Manetti у Mehus Specimen hist. litt. p. 69 и ed. Galletti p. 88 это же разсказывалъ скоро послѣ смерти Петрарки Ломбардо да Серико, на груди у котораго, по его словамъ, Петрарка испустилъ духъ.

3) Dominicus Aretinus у Mehus Vita Ambros. Travers. p. 198.

Тѣ латинскія сочиненія Петрарки, надъ которыми теперь такъ много людей, не зная ихъ, позволяютъ себѣ смѣяться, вызвали въ свое время такое волненіе, какое можно сравнить по его причинѣ и дѣйствію развѣ только съ вертеровской горячкой. Въ нихъ все было пережито сердцемъ самого автора. Потому они и воспламеняли такъ удивительно умы. Мы слышимъ это даже о такихъ сочиненіяхъ, которыя менѣе другихъ производятъ сентиментальное впечатлѣніе, напримѣръ, о трактатѣ объ отшельнической жизни. Разныя личности чувствовали потребность высказать свое удивленіе автору. Одинъ врачъ изъ Сіэны увѣрялъ, что при чтеніи многихъ мѣстъ этой книги проливалъ слезы праведника. Епископъ кавальонскій, впослѣдствіи кардиналъ, приказалъ въ своей духовной семьѣ читать ее вслухъ за столомъ, будто главы этого сочиненія были священныя легенды. Одинъ старый и набожный камальдульскій аббатъ не нашелъ въ числѣ святыхъ отшельниковъ св. Ромуальда, основателя его ордена; онъ послалъ Петраркѣ его жизнеописаніе и настойчиво просилъ принять и его въ число почтенныхъ отшельниковъ. Такъ-какъ Петрарка согласился, другой его другъ сейчасъ добился такой же чести для св. Іоанна Валломброзскаго. Доминиканцы жаловались, что въ книгѣ упоминается св. Францискъ, а ихъ Доминика нѣтъ, на что Петрарка отвѣчалъ, что нигдѣ не читалъ, чтобы Доминикъ велъ отшельническую жизнь [1]). Еще Подоріо съ уваженіемъ отнесся къ сочиненію о жизни въ уединеніи и ссылался на него въ подтвержденіе того, что за именемъ Петрарки обезпечено безсмертіе [2]). Трактатъ «О средствахъ противъ радостей и горя» даже спустя сто лѣтъ послѣ его появленія казался для искуснаго въ слогѣ Аммаыати, кардинала Павійскаго, драгоцѣнной книгой, пріобрѣсти которую было бы весьма желательно [3]). Когда въ Авиньонѣ узнали о смерти Петрарки, папа Григорій XI, у котораго за нѣсколько лѣтъ до этого поэту не посчастливилось въ исканіи бенефицій, поручилъ кардиналу-викарію церкви въ Италіи произвести старательные розыски сочиненій Петрарки и снять съ нихъ хорошія копіи, а въ особенности позаботиться объ «Африкѣ», эклогахъ, эпистоляхъ, инвективахъ и о превосходномъ сочиненіи «Объ уединенной жизни» [4]). Видно, что латинскія сочиненія въ ихъ сферѣ были приняты съ такимъ же горячимъ восторгомъ, какъ нѣкогда сонеты и канцоны; слава философа даже затмила, безъ

---

1) Epist. rer. senil. XV, 2.
2) Epist. II, 16 ed. Tonelli.
3) Jacobi Picolominei epist. 102.
4) Его бреве отъ 11-го августа 1374 года у Meneghelli Opere vol. VI p. 198.

сомнѣнія, прежнюю. Въ памяти ближайшихъ поколѣній Петрарка представлялся тѣмъ, чѣмъ былъ въ послѣдніе годы своей жизни: въ немъ видѣли ученаго и мудреца, а не пѣвца Лауры. Поэтому даже въ рукописи его канцонъ онъ изображенъ раскрывающимъ лѣвой рукой лежащую на столѣ книгу и готовящимся писать правой [1]).

Въ произведеніяхъ Петрарки мы находимъ почти всѣ тѣ роды сочиненій, какіе въ продолженіе столѣтія были въ ходу у его учениковъ—гуманистовъ. Впрочемъ о прозаическихъ сочиненіяхъ это справедливѣе, чѣмъ о стихотворныхъ. Для послѣднихъ главнымъ образомъ составило эпоху то, что Петрарка избѣгалъ риѳмы и не любилъ мелкихъ шуточныхъ стихотвореній, исключительно употребляя гекзаметръ. Онъ даже не подражалъ элегіи и размѣрамъ древнихъ, принятымъ въ строфахъ. Латинскія сочиненія Петрарки столько же отличаются своей простотой, сколько произведенія на народномъ языкѣ—богатствомъ риѳмы и отдѣлкою стиха. Въ этомъ отношеніи за нимъ послѣдовало впрочемъ лишь ближайшее поколѣніе. И буколическія эклоги, въ которыхъ онъ по примѣру Виргилія подъ аллегорическою маскою выводилъ живыя личности, относятся къ его юношеской порѣ [2]) и вызвали подраженіе только у ближайшихъ послѣдователей. Что же касается до стихотворныхъ эпистолъ, писанныхъ по образцу Горація, то онѣ надолго остались любимымъ предметомъ чтенія. Самъ Петрарка, написавшій около 67-ми писемъ, къ нѣкоторымъ эпистоламъ питалъ нѣжную отеческую любовь, въ особенности къ тѣмъ, въ которыхъ столь же сильно преобладаетъ лирическій элементъ, какъ въ канцонѣ; и дѣйствительно, онѣ лучше другихъ.

Но самымъ капитальнымъ произведеніемъ, которымъ Петрарка думалъ заслужить себѣ вѣнокъ, по его фантастическому представленію, когда то возложенный Августомъ на пѣвца Энеиды, была его большая героическая поэма Африка. Отъ нея то онъ и ждалъ себѣ безсмертной славы въ потомствѣ. Уже давно выбравъ себѣ въ герои Сципіона Африканскаго, въ лицѣ короля Сициліи онъ нашелъ Августа, которому предназначалось принести въ даръ эпопею, не смотря на то, что его уже не было тогда въ живыхъ. Только послѣ вѣнчанія поэта лаврами поэма стала быстро подвигаться впередъ при усиленной работѣ въ Воклюзѣ. Энергично и быстро работая, Петрар-

---

1) Palermo I manoscritti Palat. vol. I. p. 347.

2) Этому не противорѣчитъ, что онъ позднѣе переиздалъ 12 эклогъ. Въ одной копіи съ его автографа находится такая приписка: Bucolicum carmen meum explicit, quod ipse qui ante annos dictaveram, scripsi manu propria apud Mediolanum 1357. Bandini Bibl. Leop. Laurent. T. II. p. 519.

ка успѣлъ написать почти что половину ея. Затѣмъ эта работа остановилась. Наступило время трактатовъ, когда поэтъ уже пересталъ такъ восхищаться своимъ любимымъ героемъ и сталъ все болѣе и болѣе видѣть въ себѣ философскаго подвижника. Онъ все еще полагалъ, что создалъ «на рѣдкость прекрасное произведеніе» [1], но отчаявался кончить его и уже возвѣстилъ о своемъ намѣреніи собственноручно предать его огню, дабы оно не дошло до потомства въ неоконченномъ видѣ [2]). Какъ ни повторялъ онъ свою угрозу, тѣмъ не менѣе онъ такъ же былъ далекъ отъ ея исполненія, какъ и послужившій ему примѣромъ Виргилій. Онъ только вызвалъ во всѣхъ тревожное ожиданіе. Былъ обнародованъ отрывокъ поэмы, заключавшій умерщвленіе мага и его предсмертную рѣчь. Онъ былъ принятъ неблагосклонно и вызвалъ порицаніе со стороны нѣкоторыхъ критиковъ во Флоренціи, мнѣніемъ которыхъ нельзя было пренебречь вполнѣ. Поэтъ далъ волю своему гнѣву въ задорной инвективѣ, написанной на нихъ и обращенной къ Боккачіо [3]). Съ этихъ поръ всякій разъ, какъ заходила рѣчь объ «Африкѣ», Петрарка впадалъ въ гнѣвное раздраженіе; о ней не смѣли даже заикаться, и въ минуту его смерти еще не знали, была ли она дѣйствительно предана огню. Въ «Посланіи къ потомству» Петрарка помѣстилъ на поляхъ замѣтку, въ которой говоритъ, будто эта тяжкая жертва была принесена имъ [4]). Тѣмъ не менѣе «Африка» нашлась въ бумагахъ, оставшихся послѣ него [5]). Правда, пришлось разочароваться въ ожиданіяхъ, возлагавшихся на «божественную» поэму. Но во всякомъ случаѣ величественный замыселъ былъ оцѣненъ по достоинству; эпопея еще надолго осталась въ глазахъ всѣхъ вѣнцомъ

---

[1]) Praeclarum rarumque opus et egregium.

[2]) Въ Dial. III de contemptu mundi, который, какъ было выше указано, въ своей окончательной формѣ былъ написанъ не позже 1347 года.

[3]) Epist. rer. senil. II, 1, отъ 1363 года. Объ этомъ мы узнаемъ еще изъ письма Боккачіо отъ 5-го апрѣля 1373 года въ Lettere ed. Corazzini p. 349. Данный отрывокъ, заканчивающій 6-ую книгу Африки, часто встрѣчается отдѣльно въ рукописяхъ, напр., у Valentinelli Bibl. ms. ad. S. Marci Venez. T. IV p. 182. И Нелли вспоминаетъ о немъ въ письмѣ у Hortis Studj s. opere. lat. del Boccaccio p. 349.

[4]) Эти замѣчанія находятся въ P. P. Vergerius Petrarchae vita, по своему времени такъ близко стоящей къ послѣднимъ днямъ Петрарки, у Tomasinus Petrarca rediv. p. 183. Въ этой глоссѣ сказано слѣдующее: Raro unquam pater aliquis tam moestus filium unicum in rogum misit, quanto id fecerim dolore, et (si) omnes labores meos eo in opere perditos acriter tecum volvas, vix ipse lachrymas contineas. Вергерій справедливо относитъ это къ Африкѣ и прибавляетъ: Cui rei argumentum est, quod in ultimis annis, quotiescunque Africae mentio incidisset, totus conturtabatur, molestiamque mente conceptam foris facies indicabat. Сюда же—Boccaccio Lettere p. 383.

[5]) Она теперь съ рѣдкой любовью и научностью издана Коррадини, тогда какъ прежнія ея изданія, даже изданіе Pingaud Paris 1872—не удобны для чтенія и сдѣланы безъ всякой критики и знанія дѣла.

поэтическихъ произведеній, и цѣлымъ рядомъ промежуточныхъ звеньевъ «Африка» состоитъ въ связи съ Неистовымъ Орландомъ и Освобожденнымъ Іерусалимомъ.

Въ очень молодыхъ годахъ Петрарка написалъ также и комедію подъ заглавіемъ «Филологія»; безъ сомнѣнія, онъ разумѣлъ здѣсь не науку, названную такъ впослѣдствіи, а скорѣе женщину легкаго поведенія, такъ какъ комедія эта предназначалась для того, чтобы развлечь Джованни Колонна, удрученнаго заботами; къ тому же и поэтъ скоро сталъ стыдиться ея. [1]) Повидимому, она была скоро утрачена. Какой богатой литературѣ она дала начало, будетъ указано въ одной изъ послѣдующихъ главъ.

Нравственно-философскій трактатъ, написанный Петраркой по образцу Цицерона отчасти въ непрерывной формѣ изложенія, отчасти въ діалогической, былъ цѣлыя столѣтія очень любимой книгой, какъ образцовый сводъ античной философіи и сборникъ антикварныхъ свѣдѣній.

Такъ же продолжительно и значительно было вліяніе Петрарки въ области исторіографіи. Правда, не его дѣло было писать хронику, какъ, напр., писали Муссато и Феррето; въ дѣлахъ политики онъ не шелъ далѣе декламаціи. Исторія собственной жизни интересовала его несравненно болѣе, чѣмъ жизнь всѣхъ его современниковъ. Но онъ былъ увѣренъ, что одна изъ его величайшихъ задачъ—вновь вызвать къ жизни исторію древняго міра, въ особенности же Римлянъ. И здѣсь наше вниманіе обращаетъ на себя тотъ фактъ, что его занимало не развитіе римскаго государства, а только великіе и знаменитые мужи Рима. Всегда только человѣкъ, отдѣльный человѣкъ интересуетъ его въ исторіи. Какъ кажется, этотъ планъ внушили ему подготовительныя работы къ жизнеописанію Спиціона Африканскаго и къ «Африкѣ». Этимъ то и объ-

---

[1]) Петрарка упоминаетъ о ней только въ epist. rer. famil. II, 7 къ Колонна отъ 1331-го года и VI, 16. Въ первомъ письмѣ сохранилось только одно мѣсто, гдѣ говорилъ Транквиллинусъ: Maior pars hominum expectando moritur, что уже, конечно, не составляетъ стиха. Боккачіо въ своемъ похвальномъ словѣ Петраркѣ у Rossetti Petrarca etc. p. 324 называетъ эту комедію Philostratus и говоритъ, что поэтъ взялъ въ образецъ Теренція. Повидимому, онъ былъ знакомъ съ комедіей, такъ-какъ отмѣчаетъ ее словомъ pulcherrima. Не былъ ли Филостратъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ? Я желалъ бы обратить вниманіе на то, что въ своей 15-ой эклогѣ Боккачіо подъ Филостропомъ разумѣетъ своего учителя Петрарку, отклонившаго умъ своего ученика отъ свѣтскихъ удовольствій; при этомъ Боккачіо производитъ это имя отъ φίλος-amor и τρόπος-conversio (Lettere p. 267). По его манерѣ это могло бы быть въ близкой связи съ Филостратомъ. Прозаическое сочиненіе De casu Medeae, упомянутое у Mehus Vita Ambros. Travers. p. 239, и имѣющее, повидимому, драматическую форму, навѣрное, не принадлежитъ перу Петрарки.

ясняется то обстоятельство, что онъ такъ подробно говоритъ впослѣдствіи о своемъ героѣ. [1]) По первоначальному, болѣе широкому плану въ сочиненіе должна была войти исторія Александра Великаго, Пирра Аннибала, но, такъ какъ Греки остались недоступны ему, то, уже начиная съ третьяго діалога съ Августиномъ, онъ тѣснѣе сдвинулъ рамки и ограничился только жизнеописаніемъ великихъ римскихъ героевъ отъ Ромула до императора Тита; писатели были исключены изъ ихъ числа. Въ этой книгѣ не нашелъ мѣста даже его любимый Цицеронъ. Предпринятый трудъ даже въ такомъ видѣ казался Петраркѣ чудовищнымъ и требующимъ много времени. Онъ написалъ 31 или, если считать жизнь Цезаря, 32 біографіи; послѣ его смерти его ученикъ Ломбардо да Серико присоединилъ къ нимъ еще 4 біографіи. Здѣсь Петрарка далеко опередилъ ту тупую и безвкусную манеру, съ какой до того времени обработывался подобный антикварный матеріалъ. Онъ хотѣлъ держаться исключительно чисто классическихъ источниковъ, главнымъ же образомъ своего Ливія, съ которымъ могъ затѣмъ сравнивать то, что находилъ у Валерія Максима или же въ отдѣльныхъ замѣткахъ у Цицерона. Онъ съумѣлъ оцѣнить то, что имѣются комментаріи, написанные самимъ Юліемъ Цезаремъ, что Курцій писалъ объ Александрѣ. Преданія и сказки среднихъ вѣковъ онъ оставилъ безъ вниманія, какъ не имѣющія никакой цѣны. Онъ хочетъ слѣдовать только тѣмъ писателямъ, которыхъ считаетъ вполнѣ достовѣрными, старается дополнять и пояснять ихъ, устраняя находимыя противорѣчія. Даже Ливій вовсе не такой безспорный авторитетъ для него, чтобы можно было слѣпо довѣриться ему. Такимъ образомъ критика начинаетъ расправлять свои крылья. Петрарка выше рабскаго слѣдованія принятымъ обычаямъ; разсказъ его самобытенъ по изложенію; по пошибу своего вкуса и по стилю онъ ни Ливій, ни Цезарь, а всегда только Петрарка. Число ставшихъ извѣстными рукописей свидѣтельствуетъ о широкомъ распространеніи и вліяніи этого сочиненія. Впослѣдствіи (1373) Петрарка самъ сдѣлалъ извлеченіе изъ него по желанію Франческо да Карарра, которому сочиненіе было посвящено. Какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, оно вытѣснило изъ обращенія большой трудъ и переписывалось еще охотнѣе [2]).

---

[1]) Vol. I p. 616 ed. Razzolini: Si mihi historico in opere librum unum Scipio meus tenet, in Pierio tenet omnes. Notus, ut arbitror, ad hunc ducem amor est meus etc.

[2]) Большое сочиненіе De viris illustribus долгое время не было напечатано, даже не было извѣстно, пока Rossetti Petrarca, Giul. Celso e Boccaccio, Trieste 1828 не установилъ существованія того и другаго сочиненія. Затѣмъ половина его была издана по Бреславской рукописи Шнейдеромъ in 4 частяхъ, Vratisl. 1829 до 1834. Все

Моральной тенденціи исторіи, еще всецѣло господствовавшей во взглядахъ Петрарки, онъ посвятилъ свои «Книги достопамятныхъ исторій»,—примѣры изъ жизни древнихъ и современныхъ людей, расположенные по нравственнымъ категоріямъ. Образцомъ ему здѣсь служилъ Валерій Максимъ, въ то же время бывшій его самымъ богатымъ источникомъ. Гоняясь за пикантными чертами, авторъ «Книгъ достопамятныхъ исторій» нерѣдко переходитъ изъ области философіи въ область анекдотовъ и увеселительныхъ разсказовъ. Этимъ опять таки было положено начало любимой литературной отрасли.

Письма Петрарки многократно свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ интересовался географій и этнографіей и, въ особенности, любилъ сравнивать античный міръ съ существующимъ предъ глазами; объ этомъ же свидѣтельствуетъ его «Сирійскій Итинерарій», нѣчто въ родѣ путеводителя для пилигримовъ. Мы не имѣемъ такихъ же точныхъ указаній на то, что онъ составилъ карту Италіи, или, по крайней мѣрѣ, содѣйствовалъ этому [1]).

Долгое время ничего, или почти ничего не было извѣстно о публичныхъ рѣчахъ Петрарки, произнесенныхъ имъ въ качествѣ посланника или вообще представителя извѣстной державы. Теперь же для насъ несомнѣнно, что онъ часто присоединялся какъ искусный ораторъ къ посольствамъ Висконти, что онъ держалъ слѣдующія рѣчи: въ 1353 г. предъ дожемъ и совѣтомъ въ Венеціи, въ 1354 г. по случаю смерти могущественнаго архіепископа миланскаго Джованни Висконти, въ 1357 въ Новарѣ отъ имени Галеацо Висконти; и въ 1361 г. въ Парижѣ предъ королемъ Іоанномъ Добрымъ. Конечно, всѣ эти рѣчи такъ же ничтожны и безвкусны, какъ и произнесенная въ Капитоліи во время вѣнчанія лаврами. Но во всякомъ случаѣ онъ былъ первымъ придворнымъ

сочиненіе впервые было издано Razzolini. Historia Julii Caesaris, приписываемая прежде какому то Юлію Цельсу, была предъ этимъ издана Шнейдеромъ Lips. 1827. Epitome находится въ общихъ изданіяхъ петрарковскихъ сочиненій.

1) Это извѣстіе, хотя и часто повторяемое, основывается все еще только на Blondus Italia illustr. p. 353; Pictura Italie quam imprimis sequimur, Roberti regis Sicilie et Francisci Petrarce eius amici opus. Безъ сомнѣнія, на стр. 299 Блондусъ говоритъ о той же самой картѣ. Въ одномъ письмѣ Cod. ms. Dresd. F. 66 fol. 119 король неаполитанскій проситъ у Блондуса прислать ему тѣ географическія карты, которыя имѣются у него съ современными названіями. Въ отвѣтъ на свою просьбу онъ, вѣроятно, получилъ только одну карту, а все остальное было придумано. Для болѣе смѣлаго утвержденія у Baldelli del Petrarca p. 132, я не нахожу въ письмахъ доказательства. Весьма вѣроятна догадка, что карта эта была та самая, какую нѣкогда Маттео Строцца подарилъ королю Альфонсу. Ср. Alessandra Macinghi Lettere ed. itsuG p. 76.

ораторомъ, призываемымъ въ торжественныхъ случаяхъ, и своимъ примѣромъ открылъ совершенно новое и своеобразное поприще для дѣятельности гуманистовъ [1]).

Мы уже указывали на значеніе писемъ Петрарки, прокладывающихъ новый путь, и намъ придется еще разъ говорить объ этомъ, когда будемъ разсматривать развитіе эпистолографіи. Петрарка вновь возвелъ ее на степень искусства и въ то же время сдѣлалъ средствомъ общенія между членами будущей республики ученыхъ. Еще при жизни его начала создаваться около него эпистолографическая школа: мы видимъ, что его друзья во Флоренціи, Венеціи, Пармѣ и въ другихъ мѣстахъ стараются писать философскимъ языкомъ, прибѣгаютъ къ изысканнымъ выраженіямъ, наполняютъ свои письма классическими цитатами, историческими и миѳологическими намеками [2]). Даже и въ инвективѣ, этой полемической перебранкѣ съ отдѣльнымъ лицомъ, въ этомъ впервые имъ изобрѣтенномъ родѣ произведеній, по истинѣ онъ не остался безъ послѣдователей.

Петрарка еще при жизни увидалъ роскошные всходы всего того, что вообще разумѣлъ подъ казавшимися ему столь близкими одно другому понятіями поэзіи и древности. Никогда, говоритъ онъ, не то съ радостью, не то съ опасеніемъ, никогда не были слова Горація: Scribimus indocti doctique poemata passim т. е. И ученые, и не ученые мы иногда пишемъ поэмы, правдивѣе, чемъ нынѣ. Ежедневно приходили къ нему со всѣхъ концовъ Италіи письма и стихи, доходили даже изъ Франціи, Германіи, Англіи и Греціи. Юристы забывали, по его словамъ, своего Юстиніана, а врачи своего Эскулапа и хотѣли слышать только о Виргиліи и Гомерѣ. Это зло прокралось даже и въ римскую курію. «Я боюсь, что своимъ примѣромъ способствовалъ этой глупости. Говорятъ, что лавры порождаютъ правдивые сны, но я опасаюсь, что тѣ, которыхъ я добился съ такимъ страстнымъ желаніемъ, не созрѣли еще и принесли съ собой лживые сны, какъ для меня, такъ и для многихъ другихъ» [3]).

---

[1]) Рѣчи вѣнскаго кодекса указалъ уже Denis Mss. theol. Bibl. Palat. Vindob. T. I, p. 509. Рѣчь къ королю Іоанну обнародовалъ Barbeu du Rocher Ambassade de Petrarque p. 214 sq., а произнесенную въ Венеціи Fulin Il Petrarca dinanzi alla signoria di Venetia p. 306 sq. съ совершенно неумѣстными сомнѣніями въ ея подлинности, и Hortis въ Scritti ined. di Petrarca p. 329. Тутъ же p. 335 помѣщена рѣчь на смерть архіепископа, которая однако существуетъ только въ латинскомъ переводѣ и p. 341 произнесенная въ Новарѣ, въ которой Петрарка столь основательно толкуетъ городскому населенію одинъ стихъ псалма, что поясняетъ, напримѣръ, что meus, mea, meum—притяжательныя мѣстоименія.

[2]) Цвѣтистыя письма другихъ главнымъ образомъ встрѣчаются въ Epistolae rerum variarum.

[3]) Epist. rer. famil. XIII, 7.

КНИГА ВТОРАЯ.

Основатели флорентинской республики музъ. Странствующіе наставники. Появленіе классиковъ, скрывавшихся въ монастырскихъ библіотекахъ.

Имя Петрарки, спустя полвѣка послѣ его смерти, пользовалось великою славою, но горько разочаровался бы онъ, если бы могъ сравнить ее съ тою, какую пламенно желалъ увѣковѣчить. Да и къ чему искалъ онъ славы въ слѣпомъ поклоненіи толпы, въ ея шумныхъ восторгахъ? Первое проходитъ, а послѣдніе смолкаютъ. Юныя поколѣнія, идущія по стопамъ учителя, легко забываютъ о томъ, кто способствовалъ ихъ духовному подъему. За то Петраркѣ обильно выпала на долю другая слава, которая правда не такъ наглядно переходитъ изъ устъ въ уста: это вліяніе его духа, мирное и часто проявляющееся сокровенными путями. Сѣмяна, брошенныя имъ, привлекли не одну тысячу людей къ ихъ воздѣлыванію, а для ихъ роста потребовались цѣлые вѣка.

Читатель, одаренный тонкимъ чутьемъ, ощутитъ вѣяніе духа вновь открытой древности на каждой страницѣ не только нашего труда, но и—того отдѣла исторіи, который повѣтствуетъ о событіяхъ двухъ слѣдующихъ вѣковъ. И духъ этотъ всегда облекается въ тѣ именно формы, какія онъ получилъ отъ Петрарки.

Въ этомъ отдѣлѣ мы говоримъ о томъ умственномъ возбужденіи, которое шло прямо отъ Петрарки и вызвало къ жизни плодотворныя силы, а не одно только пассивное удивленіе. Мы указываемъ на первые зачатки его пропаганды. Мы видимъ, какъ тотчасъ же дробится между нѣсколькими лицами тотъ трудъ, который онъ одинъ взялъ на себя, — какъ отдѣльныя личности брали ту или

другую сторону его духовной дѣятельности и разрабатывали ее по своему,—какъ выдѣлялись разныя направленія и потомъ снова соединились въ группы, чтобы поддерживать и взаимно дополнять одна другую. Петрарка представлялъ собою типическое сосредоточеніе умственныхъ силъ въ одномъ лицѣ, а теперь онѣ сосредоточиваются въ цѣломъ тосканскомъ народѣ, или, лучше сказать, именно въ столицѣ его, Флоренціи, которая, благодаря Петраркѣ, отнынѣ становится обителью музъ. Она собираетъ въ стѣнахъ своихъ лучшихъ его учениковъ и основываетъ такимъ образомъ прекрасный пріютъ гуманизма. Безспорно, отъ этой республики заимствовала большею частію и форму и характеръ новѣйшая республика наукъ.

Многія условія споспѣшествовали тому, что Флоренція стала центромъ сильнаго умственнаго движенія, утонченныхъ нравовъ, оживленной литературной и художнической дѣятельности. Прежде всего этому содѣйствовалъ республиканскій духъ ея, который былъ тѣмъ могучѣе, что столица Тосканы, поднявшись на степень итальянскаго государства, постоянно должна была отражать нападенія властителей верхней и средней Италіи, стремившихся къ возвышенію. Свободное государство сдѣлалось бы жертвою политическихъ бурь, не будь оно проникнуто гражданскимъ чувствомъ, не обладай политическою зрѣлостью, богатствомъ и образованностью. Но главною представительницею всѣхъ этихъ благъ его была знатная и популярная аристократическо-купеческая фамилія—примѣръ рѣдко встрѣчающійся въ исторіи. Такой знати, какъ флорентинская, мы нигдѣ больше не найдемъ въ Италіи. Въ Венеціи она какъ партія заговорщиковъ отдѣлилась, и отъ страны и отъ населенія, и государственная власть, эта таинственная и недружелюбная сила, держала народъ въ строгомъ повиновеніи и страхѣ. Въ Генуѣ рядомъ съ торговымъ сословіемъ стояло дворянство, ведшее разбойническій образъ жизни въ своихъ замкахъ. Неаполитанцы видѣли достоинство знати въ томъ, что она содержитъ себя на счетъ своихъ владѣній, живетъ спокойно и развѣ иногда дѣлаетъ поѣздки по странѣ. Тутъ дворянинъ не имѣлъ никакой склонности къ сельскому хозяйству и ко всякаго рода труду относился съ презрѣніемъ. Ни съ какимъ богатымъ приданымъ нельзя было найти жениха дворянина дочери знатнаго человѣка, если послѣдній торговалъ продуктами своихъ виноградниковъ, потому что на него смотрѣли какъ на торгаша. И служба при королевскомъ дворѣ не доставляла почета, а только вызывала непреклонную оппозицію противъ такого лица. Въ Церковной области было дворянство, занимавшееся земледѣліемъ и скотоводствомъ, но въ эпоху смутъ оно тоже склонно было къ хищническимъ набѣгамъ и охотно при-

нимало участіе въ борьбѣ партій на улицахъ Рима. Торговлею здѣсь тоже пренебрегали [1]).

Напротивъ во Флоренціи была родовая знать, которая не гнушалась заниматься торговлею и всякими дѣлами, полезными для общества. Она даже гордилась своею дѣятельностью и предпріимчивостью. Послушаемъ, что говоритъ объ этомъ самъ историкъ республики, человѣкъ, занимавшій въ ней высшія государственныя должности. Флоренція, въ противоположность сосѣднимъ государствамъ, отличалась обиліемъ населенія и богатствами. Причину этого явленія онъ видитъ главнымъ образомъ въ томъ, что ея юные граждане отправлялись въ путешествія, желая видѣть другія страны. Нѣкоторое время они наживали тамъ деньги торговлею, потомъ возвращались на родину. Ихъ встрѣчали во всѣхъ государствахъ, какъ христіанскихъ, такъ и языческихъ. Въ молодые годы они изучали свѣтъ и жизнь. По возвращеніи на родину они составляютъ кружокъ полезныхъ и богатыхъ людей, которому нѣтъ равнаго въ цѣломъ свѣтѣ [2]). Эти знатные купцы лишь по временамъ бываютъ въ деревняхъ и на охотѣ, но не ведутъ праздной или бурной жизни рыцарей. Страсть къ пріобрѣтенію увлекаетъ ихъ въ далекія страны, за моря, но въ самомъ городѣ они живутъ спокойно, пользуются довольствомъ и комфортомъ, которымъ обставляютъ дома, средоточіе ихъ всесвѣтныхъ сношеній. При такомъ образѣ жизни дворянство становилось на равную ногу съ богатымъ горожаниномъ, вступало съ нимъ въ постоянныя сношенія и не рѣдко заключало родственные союзы. Оно вовсе не жило трудами простаго народа, а напротивъ открывало послѣднему доступъ къ источникамъ благостоянія и наслажденія благами жизни.

У такого народа даже и роскошь, неизбѣжно возникающая вслѣдствіе богатства, принимаетъ болѣе благородныя формы. Умственное образованіе и искусства поощряются. Народное просвѣщеніе уже во времена Джіованни Виллани стоитъ на такой высокой степени, что мы поражаемся изумленіемъ: во Флоренціи было отъ осьми до десяти тысячъ мальчиковъ и дѣвочекъ, умѣвшихъ читать, отъ 1000 до 1200 такихъ, которые въ шести школахъ учились грамотѣ и ариѳметикѣ, а такихъ, которые изучали латынь и логику въ четырехъ большихъ школахъ, онъ насчитываетъ отъ 500 до 600 [3]).

---

[1]) На эти отличія отъ флорентинскаго дворянства указываетъ, правда, въ позднѣйшее время, Poggius въ сочиненіи: De nobilifate (Opp. p. 67).

[2]) Goro Dati (род. въ 1363 г.) Istoria di Firenze p. 55.

[3]) Cronica XI, 94 (Tit. VI). Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ для сравненія аналогичныхъ данныхъ. Но въ городѣ Моденѣ, имѣющемъ значеніе, еще въ 1412 г. жалуются

Прибавимъ къ этому, что уже и въ то время былъ человѣкъ, который считалъ подобные факты заслуживающими вниманія. Въ той самой Флоренціи, которую еще Дантъ назвалъ лучшею и знаменитѣйшею дочерью Рима, вскорѣ каждый образованный человѣкъ былъ по малой мѣрѣ въ состояніи судить о произведеніяхъ, написанныхъ на народномъ языкѣ (volgare). Въ особенности съ Дантомъ коротко были знакомы какъ мужчины, такъ и дамы высшаго общества. Уже вовсе не рѣдкое явленіе и знакомство съ «грамматикою», т. е. латынью. Даже среди простыхъ горожанъ встрѣчаются личности, говорящія по латыни при участіи въ посольствахъ и понимающіе языкъ св. писанія.

Такимъ образомъ новая наука Петрарки нашла во Флоренціи почву болѣе богатую и болѣе тщательно воздѣлываемую, чѣмъ гдѣ либо [1]). Вспомнимъ о Лапо-да-Кастильонкіо, который обмѣнивался съ Петраркою посланіями въ духѣ Цицерона и любилъ поэзію. Потомъ онъ покинулъ Парнасъ съ его музами и занялся правовѣдѣніемъ, какъ дѣломъ болѣе выгоднымъ [2]). Вспомнимъ о Франческо Нелли, настоятелѣ монастыря св. Апостолъ, принадлежавшемъ къ числу самыхъ близкихъ друзей Петрарки, и наконецъ о Боккачіо. Вскорѣ и тутъ мы встрѣчаемъ школьнаго учителя, горячо преданнаго Петраркѣ и поэзіи. Старый Джіованни-да-Страда— такъ его прозвали по мѣсту его рожденія, находившемуся невдалекѣ отъ Флоренціи—содержалъ открытую школу грамматики. Онъ держался еще старыхъ пріемовъ, но все-таки у него Боккачіо, кромѣ другихъ предметовъ, научился и латыни. Когда онъ умеръ въ 1335 г., то завѣдываніе школою принялъ на себя его двадцатилѣтній сынъ, Заноби, желавшій поддержать ею свое тяжелое и

на то, что нѣтъ учителя латинскаго языка (magister grammaticae), а тѣ наставники, которыхъ пригласили изъ чужихъ странъ съ платою въ 100 лиръ, тоже были безвѣстные преподаватели, Tiraboschi Biblioth. Moden. T. I. p. 58.

[1]) Ubi et nobiles ingeniorum scaturigines erumpunt et dulces nidificant philomenae. Petrarca epistt. rerr. famil. XXIV, 12, письмо къ Гомеру отъ 1360 г.

[2]) Какъ гвельфъ, онъ въ 1876 г. былъ изгнанъ изъ Флоренціи, изучалъ каноническое право въ Падуѣ и умеръ въ 1381 г. въ Римѣ адвокатомъ консисторіи. Отъ него остались лишь сочиненія въ сатирическомъ родѣ и нѣкоторыя рѣчи, сказанныя по случаю посольствъ. Впрочемъ, Салютато (epist. 28 ed. Mehus) отзывается съ похвалою объ его гуманистическомъ образованіи и слогѣ его писемъ, даже прославляетъ его въ эпитафіи, какъ

Optimus eloquio, sacrique Heliconis alumnus
Et calamo scribens vix Cicerone minor.

Epistola o sia Ragionamento di Messer Lapo da Castiglionchio, colla Vita composta da Mehus, Bologna 1758. Colle Storia.... dello studio di Padova vol. III, p. 52—61.

скудное существованіе. На него сошло вдохновеніе Петрарковой музы. Время, остававшееся свободнымъ отъ занятій, онъ посвящалъ изученію древнихъ поэтовъ и философовъ, писалъ изящныя посланія прозою и стихами и считался поэтомъ. Потомъ онъ началъ и обширную поэму, въ которой предполагалось воспѣть подвиги Сципіона Африканскаго; но когда онъ узналъ, что Петрарка обработываетъ тотъ же самый сюжетъ, то оставилъ ее [1], Въ 1350 г., въ свою бытность во Флоренціи, онъ увидалъ лично обожаемаго имъ поэта и удостоился его дружбы. Долго убѣждалъ его великій мужъ покинуть жалкое учительство и, въ качествѣ человѣка, рожденнаго для высшаго призванія, посвятить себя исключительно Цицерону и Виргилію и стремиться къ славѣ поэта. Занобиподдался этому заманчивому совѣту. Мы увидимъ, что онъ впослѣдствіи поступилъ на службу къ знатнымъ лицамъ, удостоился вѣнчанія поэтическимъ вѣнцомъ, сдѣлался папскимъ секретаремъ и богатымъ человѣкомъ. Но тогда уже онъ не принадлежалъ больше Флоренціи, а вскорѣ распрощался и съ музами, которыхъ любилъ выше всего, будучи бѣднымъ школьнымъ учителемъ. Другія личности основали для нихъ надежное убѣжище на рѣкѣ Арно.

Мы сейчасъ назовемъ троихъ учениковъ Петрарки, которымъ приписываемъ эту заслугу: это—Джіованни Боккачіо, Луиджи Марсильи и Колюччіо Салютато. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы опредѣлимъ и основный характеръ дѣятельности каждаго изъ нихъ: Боккачіо олицетворяетъ собою восторженное трудолюбіе ученаго; Марсильи — основатель перваго свободнаго кружка, въ которомъ наука и вообще духовныя стороны разрабатывались всторонѣ отъ церкви и университета; Салютато доставилъ гуманизму право гражданства въ общественной жизни. Всѣ они проникнуты извѣстнаго рода республиканскимъ духомъ, котораго былъ чуждъ Петрарка, гражданинъ цѣлаго міра, хотя этотъ духъ ведетъ свое начало отъ его ученія. Изъ дальнѣйшаго изложенія достаточно ясно будетъ видно, насколько эти люди вообще примыкали къ Петраркѣ, но укажемъ и на тѣ черты, которыя принадлежатъ лично имъ и ихъ положенію.

Генію, какъ любимцу судьбы, повидимому, многое дается само собою, и то, что въ другихъ случаяхъ признается печальною помѣхой, то для него часто является возбуждающимъ началомъ. Отецъ противился идеальнымъ стремленіемъ Петрарки, желая сдѣлать изъ него адвоката, но тѣмъ энергичнѣе сказалось въ немъ поэтическое чувство; его талантъ и вдохновеніе развива-

---

[1] Philippo Villani ed. Galletti p. 16. Matteo Villani lib. V. cap. 26.

ются благодаря гнету, и вмѣстѣ съ правовѣдѣніемъ онъ отказался и отъ всякой схоластической науки. Совершенно инымъ путемъ шло образованіе его преданнѣйшаго ученика, Джіованни Боккачіо изъ Четальдо. Ему еще не было и шести лѣтъ, какъ онъ уже пробовалъ свои силы въ небольшихъ стихотвореніяхъ, разумѣется, на тосканскомъ нарѣчіи. Но отецъ намѣревался сдѣлать его купцомъ и заставилъ цѣлые шесть лѣтъ — невознаградимая утрата! — возиться въ конторѣ съ разными дѣлами и счетами. Наконецъ, замѣтивъ недюженныя дарованія сына, онъ уже не сталъ больше противиться его охотѣ къ ученью, однако выбралъ ему хлѣбную науку—правовѣдѣніе. Нѣтъ сомнѣнія, генію юнаго Джіованни данъ былъ толчокъ прежде всего тосканскою поэзіею, въ особенности Божественною Комедіею Данта [1]). Онъ навсегда остался вѣренъ этому первому порыву своей юности: Дантъ, говоритъ онъ впослѣдствіи, снова открылъ давно заглохшій родникъ поэзіи; онъ снова показалъ свѣту, что̀ такое поэзія [2]). Мы видѣли, какъ Боккачіо, даже передъ Петраркою, выражалъ свое благоговѣніе къ Данту. Навѣрное, онъ и самое имя Петрарки впервые узналъ какъ имя пѣвца Лауры. Но сильнѣе поразила его та слава, которую стяжалъ Петрарка въ качествѣ творца эклогъ и поэмы Африка, какъ новый Виргилій. Конечно это больше ничего, какъ пустая басня, будто превращеніе съ нимъ произошло въ виду гробницы древняго Виргилія [3]). Хотя Боккачіо былъ только девятью годами моложе Петрарки [4]), однако онъ, подобно ученику-ребенку, весь отдался ему, представителю всякой мировой мудрости [5]). Онъ принялся читать древнихъ писателей безъ руководителя, но съ тѣмъ бо̀льшею горячностью. Еще шесть лѣтъ продержалъ его отецъ на изученіи правовѣдѣнія и сердился на его идеалистическія затѣи. Друзья тоже бросили его за это, а если и называли поэтомъ, то не безъ ироніи. Но это не смутило Боккачіо. Когда со смертью отца онъ

---

[1]) По словамъ Петрарки epist. rer. famil. XXI, 15, онъ писалъ ему, quod ille (Дантъ) sibi adolescentulo primus studiorum dux et prima lux fuеritt, т. е. что онъ ему въ юности былъ первымъ руководителемъ въ занятіяхъ и первымъ свѣточемъ.

[2]) Lettere ed. Corazzini p. 194.

[3]) Онъ не самъ говоритъ объ этомъ, а только Filippo Villani ed. Galletti p. 18.

[4]) Основанія (Corazzini Introduz. p. XI), по которымъ Боккачіо родился не въ 1313-мъ, а уже въ концѣ 1314 г., не убѣдили меня, и въ нихъ больше проглядываетъ стремленіе совсѣмъ отвергнуть то мнѣніе, что онъ родился въ Парижѣ, которое и безъ того достаточно шатко.

[5]) Quem ego ab ineunte inventute mea prae ceteris colueram, т. е. въ моей ранней юности я уважалъ его предпочтительно предъ прочими, говоритъ онъ. См. De casibus illustr. viror. fol. 90.

сталъ свободнымъ человѣкомъ на двадцать пятомъ году, то рѣшеніе его было твердо. Онъ зналъ, что поэта не ожидаетъ благоденствіе въ жизни, какое могутъ устроить себѣ духовныя лица или адвокаты. Но онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, въ душу которыхъ запала неугасимая искра Петраковской идеи о славѣ. Для него однако совсѣмъ даромъ пропало то время, когда пробуждаются духовныя силы и врожденныя способности. По крайней мѣрѣ, онъ самъ до старости сознавалъ, что, быть можетъ, онъ сдѣлался бы знаменитымъ поэтомъ, предоставь ему отецъ тотчасъ-же свободу [1]).

Петрарка удостоилъ его своей дружбы, но Боккачіо принялъ это за незаслуженную милость. Съ удивленіемъ, чуждымъ зависти, видѣлъ онъ, какъ папы и короли добивались этой дружбы великаго человѣка и какъ слава о немъ разошлась по всему свѣту. Онъ не можетъ написать его имени безъ почетнаго эпитета, внушаемаго благоговѣніемъ. Онъ называетъ его своимъ знаменитымъ и высокимъ наставникомъ, отцомъ и господиномъ, поэтомъ, котораго скорѣе слѣдуетъ отнести къ числу прославленныхъ древнихъ, чѣмъ новыхъ, по истинѣ неземнымъ человѣкомъ, великимъ чудомъ своего времени [2]). Но ему пришлось долгіе годы удивляться ему лишь издалека; онъ не отваживается даже въ письмахъ стать въ близкія отношенія къ нему. Нѣтъ доказательствъ и на то, что Боккачіо жилъ въ Неаполѣ въ то время, когда Петрарка стоялъ тамъ передъ королемъ Робертомъ до своего коронованія въ Капитоліи. Только тогда уже, когда Петрарка осенью 1350 г. пріѣхалъ во Флоренцію, гдѣ познакомился и съ Заноби, Боккачіо осмѣлился дать знать ему о себѣ пославши свое стихотвореніе. Такъ было положено начало ихъ личной дружбѣ [3]). Въ слѣдующую весну Боккачіо, по порученію своего отечественнаго города, пріѣхалъ въ Падую, чтобы передать Петраркѣ почетное посланіе, которымъ его призывали изъ изгнанія, возвращали ему отцовское достояніе и приглашали профессоромъ въ новый университетъ. Боккачіо про-

---

1) Jo. Baccacii Περὶ γενεαλογίας Deorum. hibri XV. Basileae, 1532. Lib. XV, cap. 10.

2) Ibid. XIV, 10. 11. 19. XV, 6. 14. Comento sopra la Commedia di Dante cap. 1, (Opere vol. IV. Firenze, 1724 p. 34, 35). Cp. Petrarca epist. rer. senil. I. 4.

3) Слѣдуетъ строго держаться положительнаго заявленія Петрарки epist. rer. famil. XXI, 15, что они тогда въ первый разъ видѣлись во время его поѣздки по средней Италіи. Слова Боккачіо ego quadraginta annis vel amplius suus fui (я былъ близокъ съ нимъ въ теченіи сорока лѣтъ или даже больше) (Lettere p. 382), хотя по связи и предполагаетъ взаимную дружбу, но могутъ быть отнесены къ его нравственной преданности. Болѣе раннихъ писемъ, которые считаетъ возможнымъ Corazzini p. XXIV, нѣтъ и въ поминѣ, хотя Боккачіо впослѣдствіи собралъ полученныя имъ отъ Петрарки. Первое сохранившееся—это epist. rer. famil XI, 1 отъ 2 25 p. 1350 г.

гостилъ нѣсколько дней въ домѣ Петрарки. Онъ видѣлъ, какъ послѣдній отдавался своимъ «священнымъ занятіямъ», и считалъ за счастіе, что могъ списать нѣкоторыя изъ произведеній наставника. А подъ вечеръ они ходили въ садъ, который манилъ къ себѣ роскошью весенняго убранства; тамъ они сидѣли и бесѣдовали часто до ночи [1]). Потомъ они увидѣлись еще разъ спустя восемь лѣтъ, когда Боккачіо посѣтилъ своего друга въ Миланѣ. Но это была уже ихъ послѣдняя встрѣча; въ позднѣйшую поѣздку въ Венецію Боккачіо не видался съ своимъ другомъ.

Трогательно то усердіе и самоотверженіе, съ которыми Боккачіо лелѣялъ эту дружбу; она составляла его гордость. Зная любовь Петрарки къ Блаженному Августину, онъ подарилъ ему комментарій его на Псалмы [2]). Онъ списалъ для него своею рукою Божественную Комедію, также книгу, заключавшую въ себѣ сочиненія Цицерона и Варрона [3]). Боккачіо написалъ Похвальное слово Петраркѣ и его поэтическимъ произведеніямъ, въ которомъ защищалъ его отъ нѣкоторыхъ взведенныхъ на него упрековъ [4]). А когда въ 1372 г. престарѣлый наставникъ былъ унижаемъ французскимъ кардиналомъ передъ папою, который оспаривалъ у него право на титулъ феникса, Боккачіо снова выступилъ въ защиту его съ полемическимъ сочиненіемъ [5]). Письма, полученныя имъ отъ Петрарки, онъ располагалъ по числамъ и составилъ изъ нихъ особую книгу. Онъ полагалъ, что эти дружескія письма скорѣе обезсмертятъ его имя, чѣмъ его собственныя произведенія [6]). Мысль о сравненіи себя съ Петраркою показалась бы Боккачіо преступною. Чей духъ витаетъ въ высшихъ сферахъ, говоритъ онъ, у того слогъ удивительно какъ изященъ и украшенъ возвышенными мыслями, потому что онъ пишетъ по зрѣломъ соображеніи, почерпая свои идеи изъ глубины мышленія [7]). Когда Петрар-

---

1) Письмо Боккачіо къ Петраркѣ отъ 18 іюля 1353 г. въ Lettere p. 47.

2) Теперь хранится въ Парижской библіотекѣ съ собственноручною надписью Петрарки. Histoire litt. de la France vol. XXIV p. 575.

3) Petrarca epist. rer. famil. XVIII, 4.

4) Напечатано подъ заглавіемъ: De vita et moribus Domini Francisci Petrarchae de Florentia, Secundum Johannem Bochacii de Certaldo y Rossetti Petrarca etc. p. 316 ff. Издатель старается доказать на стр. 351, что Боккачіо написалъ свою Похвалу еще до перваго знакомства съ Петраркою. Я готовъ бы отнести ее къ 1353 г., особенно по намеку на неоднократное пребываніе Петрарки при дворѣ въ Авиньонѣ стр. 319.

5) См. выше стр. 115.

6) Его письмо къ Петраркѣ въ Lettere p. 123.

7) Epilogus libri de montibus etc., приложенной въ выше упомянутомъ изданіи къ Genealagia Deorum, p. 504. Точно такъ же см. Lettere p. 349.

ка въ одномъ письмѣ назвалъ Боккачіо поэтомъ, то послѣдній рѣшительно отклонилъ отъ себя эту честь. Идеаломъ его было «скромно идти по стопамъ своего Сильвана настолько, насколько онъ будетъ въ силахъ [1])». Съ своей стороны Петрарка видѣлъ въ подчиненіи себѣ такого «покорнаго раба» лишь естественное отношеніе. Онъ оказывалъ ему уже большую любезность, обѣщая въ будущемъ перспективу великихъ успѣховъ [2]). Этотъ другъ былъ какъ разъ по душѣ ему: онъ посвятилъ Боккачіо множество писемъ, въ завѣщаніи отказалъ 50 золотыхъ гульденовъ—на зимнее платье, которое согрѣвало бы трудолюбиваго друга во время его ночныхъ занятій [3]). Боккачіо былъ боленъ въ то время, когда узналъ объ этомъ послѣднемъ доказательствѣ любви и о смерти поэта, которому поклонялся больше сорока лѣтъ. Письмо, написанное имъ въ то время дрожащею рукою въ похвалу усопшему, служитъ лучшимъ и самымъ трогательнымъ памятникомъ этого духовнаго союза.

Забота о славѣ наставника и друга все еще занимали Боккачіо, когда тотъ умеръ. Его безпокоила судьба Африки, которую Петрарка хотѣлъ сжечь. Хотя онъ былъ столь же мало знакомъ съ нею, какъ и другіе, однако былъ увѣренъ, что это—великолѣпное, удивительное поэтическое произведеніе, достойное Гомера, проникнутое божественнымъ духомъ [4]). Таинственность, въ которой поэтъ подражалъ примѣру Виргилія, усиливала интересъ. То говорили, что Африки уже нѣтъ, то—что Петрарка распорядился въ завѣщаніи сжечь ее, или поручилъ коммиссіи разсмотрѣть, которое изъ его неизданныхъ сочиненій стоитъ сохранить. Для послѣдней цѣли Боккачіо обратился къ суду съ просьбою въ стихахъ, боясь, что его членами будутъ юристы: во имя музъ, королей, народовъ и городовъ онъ умолялъ, чтобы пощадили образцовое произведеніе. Такъ содѣйствовалъ онъ тому, что оно, дѣйствительно, уцѣлѣло для потомства, а впослѣдствіи списокъ его попалъ и во Флоренцію [5]).

---

1) Petrarca epist. rer. famil. XVIII, 15 Boccacio Lettere p. 140.

2) Epist. rer. famil. XVIII, 4 къ Боккачіо. Venient tamen qui te forsitan mirentur, quempe uem jam nunc mirari incipit invidia.

3) Petrarcae Testamentum въ недавнее время напечатано у Fracassetti vol. III p 542.

4) Versus pro Africa Petrarchae впервые издалъ вмѣстѣ съ poemata minora Петрарки Rossetti vol. III Append. p. 46; потомъ они были напечатаны въ Боккачіевыхъ Lettere p. 243. Если судилище состояло изъ patres Veneti, то это стояло въ связи съ тѣмъ договоромъ, который нѣкогда Петрарка заключилъ съ республикою о своей библіотекѣ. Боккачіо обращался и къ зятю Петрарки (Lettere p. 377), и чрезъ него впослѣдствіи получилъ Салютато позволеніе списать ее.

5) Тамъ говоритъ онъ въ похвальномъ словѣ Петрарки l. c. p. 319. 324.

Боккачіо былъ творцомъ прекрасной тосканской прозы, самымъ веселымъ и милымъ разсказчикомъ новеллъ, но это не входитъ къ рамки нашей задачи, подобно стихотвореніямъ Петрарки. Тѣмъ не менѣе поразительно, что онъ въ своихъ латинскихъ сочиненіяхъ почти ни разу не упоминаетъ о произведеніяхъ, написанныхъ на тосканскомъ нарѣчіи, тогда какъ Петрарка о своихъ произведеніяхъ въ этомъ родѣ говоритъ, хотя съ большимъ пренебреженіемъ. И Боккачіо признается въ своемъ стремленіи къ литературной славѣ[1]), но онъ ожидаетъ ее не отъ чего иного, какъ отъ своихъ классическихъ занятій[2]). Говорили даже, будто его нескромныя юношескія произведенія, новеллы, въ старости лежали тяжелымъ бременемъ на его совѣсти, и онъ готовъ былъ бы уничтожить ихъ, но онѣ уже разошлись по цѣлой Италіи. Ему непріятно было, что одинъ уважаемый его покровитель намѣревался рекомендовать ихъ дамамъ въ своей семьѣ; пожалуй, онѣ сочтутъ его за грязнаго стараго развратника! По крайней мѣрѣ то послужитъ ему въ оправданіе, что онъ писалъ подобныя повѣсти только въ юности и по неотступной просьбѣ лица высшаго[3]). Конечно, черезъ два вѣка тонкій цѣнитель литературы судилъ какъ разъ наоборотъ: латинскія сочиненія Боккачіо едва влачатъ свое жалкое существованіе, а необычайно увлекательный Декамеронъ переведенъ на всѣ языки и никогда не умретъ[4]).

Ничто не рисуетъ въ такомъ яркомъ свѣтѣ геніальность Петрарки, какъ та громадная разница, какую мы замѣчаемъ между нимъ и Боккачіо. Для Петрарки древность была школою человѣчества, и онъ сознательно проникается ея духомъ, овладѣваетъ тѣмъ, что читаетъ, и что ему пригодно, то становится его личнымъ достояніемъ. Боккачіо принимается за изученіе ея заинтересованный самымъ содержаніемъ, и его трудолюбіе заслуживаетъ всякой похвалы, но онъ теряется въ мелкихъ фактахъ. Онъ энергически работалъ въ ширь, раздвигая рамки предмета, тогда какъ Петрарка проникалъ въ глубь его. Очевидно, Боккачіо изъ чтенія древнихъ извлекъ громадную массу выписокъ, потомъ составилъ изъ нихъ отдѣльныя сочиненія, группируя матеріалъ съ внѣшней точки зрѣнія[5]).

---

1) Напр. De geneal. Deorum XV, 13. Lettere p. 198.

2) Le cose volgari non possono fare uno uomo letterario, говоритъ онъ въ Lettere p. 160, по отношенію къ Аччіайоли.

3) Lettere p. 295. Я не знаю другаго мѣста въ его латинскихъ сочиненіяхъ, въ которомъ бы хоть упоминалось о народномъ языкѣ.

4) Paulus Iovius Elogia doctor. viror. 6.

5) Чьямпи (Monumento di manuscritto autogra fo di M. Giov. Boccaccio, Tirente 1827 (второе изданіе Milano 1830) полагалъ, что нашелъ подобный сборникъ замѣтокъ въ Magliabechiana. Если впослѣдствіи Гортисъ отстаивалъ подлинность, то Кертингъ снова

Самое раннее изъ латинскихъ сочиненій Петрарки, насколько мы знаемъ, это трудъ его: **О знаменитыхъ женщинахъ**. Оно служитъ переходомъ отъ стихотвореній, написанныхъ на народномъ языкѣ, къ ученымъ сочиненіямъ, такъ какъ предназначено больше для похвалы женщинъ и развлеченія друзей, не претендуя особенно на ученость. Однако извѣстіе о книгѣ Петрарки произвело сильное впечатлѣніе. Еврейскихъ и христіанскихъ женщинъ предполагалось исключить, но авторъ начинаетъ съ Евы и къ греческимъ, римскимъ и варварскимъ женщинамъ присоединяетъ нѣкоторыхъ средневѣковыхъ, паписсу Іоанну, императрицу Констанцію, Іоанну, королеву іерусалимскую и сицилійскую. То, что въ ней излагается какъ бы въ поученіе насчетъ добродѣтелей и пороковъ, является нѣкоторымъ образомъ маскою для шуточныхъ и нескромныхъ разсказовъ, служащихъ къ увеселенію друзей [1]. Какъ ни нелѣпа эта книга на нашъ взглядъ, въ то время она понравилась, даже нашла поклонниковъ [2].

Какъ древніе, такъ и Петрарка любилъ говорить о превратности земнаго счастія, о трагическомъ характерѣ человѣческой судьбы. Эту мысль Боккачіо понялъ по своему, совершенно прозаично, и положилъ ее въ основу историческаго труда, въ которомъ задумалъ указать на трагическую судьбу знаменитыхъ мужей [3]. Такъ, начиная съ Адама и Евы,—нѣкоторыя женщины тоже встрѣчаются здѣсь,—выводятся передъ нами герои сказаній, преимущественно грече-

---

намѣревался опровергнуть ее. Многое говоритъ за нее, многое противъ, во всякомъ случаѣ рѣшительныхъ доказательствъ лишены обѣ стороны. Шюкъ (Boccaccio's lateiuische Sichriften historischen Stoffes) указалъ источники, которыми Боккачіо пользовался, въ Neue Iahrb. fur Philol. Padag. und Abtb. 1847 s. 467 ff. Весьма подробно изслѣдовалъ этотъ вопросъ Гортисъ въ Studj s. opere latine del Boccaccio.

1) Какъ авторъ самъ говоритъ въ началѣ, онъ хотѣлъ съ разсказомъ иногда nonnulla lepida blandimenta virtutis et in fugam atque detestationem scelerum aculeos addere. Я пользуюсь крайне рѣдкимъ editio princops: Compendium Iokannis Boccacii de Certaldo quod de praeclaris mulieribus ac (ad) famam perpetuam edidit feliciter' s. l. et a. (Hain Repert. № 3327. Hortis p. 756); оно хранится въ Лейпцигской университетской библіотекѣ. О другихъ изданіяхъ (въ числѣ которыхъ недостаетъ Lovan. 1487 г.) см. Landau Boccaccio s. 419.

2) Такъ напримѣръ и Filippo Villani ed. Galletti p. 17 находитъ въ немъ такую facundia et gravitas, ut priscorum altissima ingenia ea in re dicatur merito superasse (!).

3) Въ берлинской библіотекѣ первый весьма рѣдкій оттискъ этого сочиненія: Johannis Boccacii de Certaldis historiographi Prologus in Libros de casibus virorum illustrium s. l. et a. (Hain. Repert. № 8338. Hortis p. 764), печатанъ въ той же типографіи, какъ и первый оттискъ сочиненія de praeclaris mulieribus. Но такъ какъ это изданіе напечатано безъ помѣтки страницъ и даже безъ обозначенія заглавій 9 книгъ, то я предпочитаю дѣлать ссылки на распространенное изданіе Joannis Boccacii Certaldi de casibus illustrium virorum libri novem. Parrkissis s. a.

скихъ, и историческія личности даже эпохи, современной автору. Повѣствованіе о трагическомъ концѣ ихъ жизни или ихъ могущества сопровождается большею частью странными замѣтками въ сторону, какъ въ театральныхъ пьесахъ [1]. Если рядъ знаменитыхъ мужей, выводимыхъ авторомъ, крайне однообразенъ, то поэтъ вознаграждаетъ читателя видѣніями. Кромѣ того, нить повѣствованія прерывается нравственно-философскими размышленіями и длинными экскурсами, постоянно трактующими о такихъ предметахъ, которые и Петрарка обработывалъ подобнымъ же образомъ,—именно о женщинахъ, противъ хитростей и приманокъ которыхъ авторъ предостерегаетъ читателя, о юристахъ съ ихъ крючкотворствомъ, о богатствѣ и счастіи, въ защиту поэзіи и автора, также реторики, о печальномъ положеніи современнаго ему Рима и объ acedia автора, отъ которой врачуетъ его Петрарка. Такимъ образомъ въ историческое сочиненіе входитъ трактатъ Петрарки, а въ него—личный элементъ, совершенно въ духѣ наставника.

Главнымъ ученымъ сочиненіемъ Боккачіо считалась его миѳологія (de Genealogia Deorum), тоже сухой и неискусно составленный сборникъ матеріала. Конечно, мы можемъ принять во вниманіе, что этотъ предметъ въ его время былъ еще новъ, и въ этомъ трудѣ мы имѣемъ первое цѣльное руководство къ изученію древности. Слѣдуетъ удивляться начитанности и трудолюбію Боккачіо, какъ собирателя матеріала. Но все это въ сущности не вознаграждаетъ читателя за ту сухую манеру изложенія, которая господствовала еще въ прежніе вѣка. Только новый методъ обработки матеріала сообщилъ изученію древности характеръ серьезнаго и плодотворнаго труда. Если занятіе миѳологіею не научало преодолѣвать легковѣріе, тупую несообразительность и педантскую систематичность, то оно не вносило въ науку ничего освѣжающаго, ничего гумманистическаго. Боккачіо собираетъ и громоздитъ миѳологическій матеріалъ въ одну груду и при этомъ еще обнаруживаетъ пагубное стремленіе все объяснять аллегорически и символически. Правда, современники видѣли въ этомъ его геніальную заслугу [2]. Его сочиненіе «О горахъ, лѣсахъ, источникахъ, озерахъ,

---

[1] Какъ напр. Plurimus triostium concursus, m. 1. многолюдное стеченіе людей, пораженныхъ горемъ, или lugens certamen dolentium, т. е. люди печалящіеся плачутъ на перебой и т. д.

[2] Научная оцѣнка этого сочиненія составляетъ главную суть небольшаго труда Шюка, Zur Ckarakteristik der ifal. Humanisten des 14 und 15 Iakrk. Breslau 1867. Filippo Villani ed. Galletti p. 17 видитъ достоинство книги именно въ объясненіи миѳовъ, quidquid moraliter per allegoriam sentirent. Mysteria siquidem poeiarum sensusque

рѣкахъ, болотахъ и моряхъ», обыкновенно прилагаемое къ предъидущему, не что иное, какъ алфавитный словарь древней географіи, могущій служить пособіемъ при изученіи древнихъ поэтовъ въ связи съ такъ называемымъ Вибіемъ Секвестромъ [1]).

Кто бы могъ узнать въ сухомъ ученомъ, ночномъ труженикѣ, забавнаго разсказчика Декамерона, шаловливаго и нескромнаго автора «Фіезоланской игры нимфъ» и «Фьяметты»! А однако Боккачіо все тотъ же самый писатель и тамъ, гдѣ онъ покидаетъ область эпоса и является ученымъ. Онъ, повидимому, ближе ознакомился въ Неаполѣ съ литературою грековъ, въ которой для него таилось многое, заслуживающее изученія, или по крайней мѣрѣ окольными путями почерпнулъ нѣкоторыя свѣдѣнія о ней. Тамъ жилъ Паоло да Перуджіа, библіотекарь короля Роберта, который, правда, тоже не зналъ греческаго языка; но, благодаря своему другу Барлаамо, пріобрѣлъ множество ученыхъ замѣтокъ о греческихъ божествахъ и далъ имъ мѣсто въ своемъ большомъ сборникѣ, Collectiones. Отсюда уже Боккачіо перенесъ греческую премудрость въ свои сочиненія. Тогда онъ понялъ, что необходимо овладѣть языкомъ, который пока дѣлаетъ для него недоступными такія сокровища, и подобно Петраркѣ лелѣялъ эту мысль въ душѣ. Когда впослѣдствіи, въ 1360 или 1363 г., въ Италію пріѣхалъ Леонціо Пилато, то онъ отправился на встрѣчу ему въ Венецію—пригласить его профессоромъ греческаго языка въ флорентинскій университетъ. Онъ принялъ его на нѣсколько лѣтъ въ свой домъ, усвоилъ себѣ греческую азбуку и начала грамматики подъ руководствомъ этого кропотливаго и циничнаго наставника. Онъ заставилъ его объяснять себѣ Илліаду и усердно записывалъ всѣ тѣ нелѣпыя толкованія и замѣчанія, какія предлагалъ невѣжественный учитель изумленному ученику. Онъ поднялъ вопросъ о переводѣ поэмъ Гомера, который и сдѣлалъ Пилато, при денежномъ пособіи со стороны Петрарки. Потомъ Боккачіо списалъ этотъ трудъ своею рукою. Поэтому онъ могъ съ гордостью сказать, что онъ первый распространилъ въ Тосканѣ произведенія Гомера и на свой счетъ,

---

allegoricos, ques kistoriae fictio vel fabulosa editio occulebat, mirabili acumine ingenii in medium et quasi ad manum perdufit. Объ обработкѣ миѳологическаго матеріала въ твореніяхъ прежнихъ поэтовъ ср. Landau s. 58. 61.

[1]) Превосходный ученый разборъ этого сочиненія см. у Гортиса въ Accenni alle scienze naturali nelle opere di G. Boccaccio p. 38-e seg.

[2]) De geneal. Deor. XV, 6, 7.

[3]) Меrусъ (Vita Ambros. Travers. p. 275) полагалъ, что узналъ почеркъ Боккачіо въ одномъ кодексѣ библіотеки Лауренціане. Большая часть списковъ, написанныхъ имъ, впослѣдствіи сгорѣли вмѣстѣ съ его библіотекой. Подробности см. у Baldelli Vita di Giov. Boccacci p. 127-e seg.

первый пригласилъ учителя греческаго языка и пріютилъ его у себя, первый изо всѣхъ итальянцевъ сталъ снова читать Гомера [1]). Никакой трудъ не былъ для него тяжелъ, никакіе хлопоты не утомляли его. Онъ переписалъ собственноручно множество рукописей самъ уже просто потому, что не имѣлъ средствъ содержать писцовъ, подобно Петраркѣ. Онъ предпочелъ самъ переписать комедіи Теренція, не желая подвергать текстъ искаженію въ рукахъ безсовѣстныхъ переписчиковъ [2]). Мысль о свѣркѣ древнихъ рукописей и взаимномъ исправленіе ихъ одной другою составляетъ его заслугу. Но онъ не пошелъ дальше того, что въ этого рода работахъ составляетъ чисто механическую сторону дѣла. Онъ—предшественникъ и типическій представитель тѣхъ филологовъ, кропотливыхъ тружениковъ, трудъ которыхъ только тогда дѣлается плодотворнымъ, когда онъ осмысленъ духовно. Петрарка противоставлялъ надменнымъ схоластикамъ свое философское *я*, а онъ противопоставлялъ свой благородный трудъ. Однако и при такой скромной работѣ онъ считалъ себя счастливымъ.

Тѣ идеи и взгляды, какія выражалъ Боккачіо, собственно принадлежали Петраркѣ. Но онъ беретъ лишь отдѣльныя нити ткани, чтобы продолжать ихъ, тогда какъ ихъ гораздо больше у него выскользаетъ изъ рукъ. Но объ ихъ значеніи въ общей связи онъ не имѣетъ ни малѣйшаго представленія. Часто намъ кажется непонятнымъ, какъ такой близкій другъ Петрарки и преданный поклонникъ его не усвоилъ себѣ отъ него ничего болѣе существеннаго. Рѣчи мудреца, книги и житейскій опытъ бросаютъ сѣмена на удачу; если почва неподготовлена къ воспринятію ихъ, то растительная сила совсѣмъ замираетъ.

Петрарка, въ сознаніи своей духовной самобытности, часто относится критически и къ древней литературѣ. Онъ выбираетъ и взвѣшиваетъ мнѣнія древнихъ писателей, а Боккачіо безъ разбора приводитъ рядомъ самые разнорѣчивые авторитеты разныхъ вѣковъ. Съ какою проницательностью разоблачилъ Петрарка и уничтожилъ критически австрійскія привилегіи, будто бы данныя Нерономъ и Юліемъ Цезаремъ: онъ доказалъ, что это больше ничего, какъ пустыя выдумки [3]). У Боккачіо не достаетъ смѣлости высказать рѣшительный приговоръ; все, что написано, въ его глазахъ еще почтенно. Когда онъ прочелъ у Винценція Белловакскаго, что Франки происходятъ отъ Гекторова сына Франко, то, конечно, не очень-то повѣрилъ этому, но не сталъ и совсѣмъ отрицать, потому что для Бога нѣтъ ни-

---

[1]) De geneal. Deor. XV, 6, 7.
[2]) Mehus Vita Ambr. Travers. p. 275 и пр.
[3]) Epist. rer. senil. XV, 5 къ Карлу IV.

чего невозможнаго [1]). Мы видѣли, что Петрарка рѣшился дѣлать попреки даже своему многочтимому Цицерону. Боккачіо чуждъ такого ученическаго отношенія къ Цицерону, налагающаго извѣстныя обязанности; когда онъ говоритъ о немъ, то сейчасъ видно, какъ мало онъ въ сущности зналъ его [2]). Правда, онъ безмѣрно хвалитъ его, называетъ одареннымъ божественнымъ духомъ, яркимъ и постоянно увеличивающимся свѣтиломъ [3]), однако ищетъ у него только ученыхъ замѣтокъ или выраженій, которыми можетъ воспользоваться. Болѣе глубокаго умственнаго возбужденія онъ изъ его чтенія не выноситъ; по его сухому и неуклюжему слогу вовсе не замѣтно, чтобъ онъ когда нибудь читалъ сочиненія «главы римскаго краснорѣчія» [4]). Разумѣется, только примѣръ Петрарки заставляетъ Боккачіо считать его великимъ авторитетомъ. Если онъ въ какомъ либо случаѣ не согласенъ съ нимъ, то всегда непремѣнно прибавляетъ: Salva tamen semper Ciceronis reverentia (все таки оставаясь при нашемъ уваженіи къ Цицерону). Въ Петраркѣ онъ наряду съ писателемъ уважалъ и человѣка, однако вовсе не замѣчалъ, что послѣдній противопоставлялъ философію школьную житейской.

Конечно и онъ, вѣрный оруженосецъ своего рыцаря и господина, при случаѣ обрушивается на схоластическихъ философовъ, но для самого его философія не больше какъ искусство приводить доказательства, схоластическая діалектика [5]).

Петрарка смѣло нападалъ на господство Аристотеля въ области мышленія, но для Боккачіо онъ тоже «самый цѣнный авторитетъ по всѣмъ важнымъ вопросамъ» [6]). И если напр. Аристотель говоритъ, что поэты были творцами религіи, то поэтъ Боккачіо ставитъ это изреченіе на видъ богословамъ своего времени. Если Петрарка смотрѣлъ съ пренебреженіемъ на юристовъ-теоретиковъ, потому что они незнакомы были съ древностью и съ философскою теоріею права, а также и на адвокатовъ, потому что они хлопотали только о наживѣ, то и Боккачіо направляетъ свое копье въ тѣхъ и другихъ и еще ожесточеннѣе нападаетъ на нихъ. Конечно, въ его сочиненіяхъ нѣтъ и слѣда того, что онъ шесть лѣтъ изучалъ право. Мы знаемъ призрительное отношеніе Петрарки къ врачамъ,

---

1) De geneal. Deor. VI, 24.

2) v. Comento S. Dante cap. 4 (Opere vol. V p. 249).

3) De casibus illustr. viror. fol. 59. 66. 67.

4) Его слогъ превосходно характеризуетъ Paulus Corterius de hominibus doctis ed. Galletti p. 224. Totum genus inconditum est, et claudicans et jejunum. Multa tamen videtur conari, multa velle.

5) v. Vita di Dante (Opere vol IV p. 56).

6) Ibid. p. 40: dignissimo testimonio ad ogni gran cosa.

знаемъ также, что онъ все-таки прибѣгалъ къ ихъ помощи, если его крѣпкое здоровье измѣняло ему. А когда Боккачіо въ старости страдалъ тяжкимъ недугомъ, онъ тоже пригласилъ врача, но какъ послушный ученикъ своего наставника, извиняется тѣмъ, что онъ въ сущности считалъ это дѣломъ лишнимъ, а все таки поступилъ такъ по совѣту друзей, чтобы не показаться скупымъ. Онъ не вѣритъ врачамъ; сама природа и ея дѣятельность должна быть руководительницею въ болѣзняхъ [1]). А если гдѣ Петрарка является дѣйствительно человѣкомъ великимъ, и съ свѣтлыми взглядами, тамъ, разумѣется, ученикъ не въ состояніи слѣдовать за нимъ. Всего страннѣе то, что Боккачіо опять придавалъ большое значеніе астрологическимъ бреднямъ. Петрарка прямо ищетъ случая осмѣять ихъ, а именно въ письмахъ къ Боккачіо онъ обстоятельно и рѣзко высказался по этому поводу. Но послѣдній снова убѣжденъ, что астрологія есть истинная наука и покоится на прочныхъ основахъ; если въ чемъ она ошибается, то причина ошибокъ кроется въ недостаточности человѣческаго познанія о переворотахъ и конъюнктурахъ планетъ [2]).

Мы видѣли въ Петраркѣ ревностнаго поборника христіанской религіи, и онъ старался по своему примирить ученіе церкви съ языческимъ стоицизмомъ и оба эти ученія принаровить къ своему личному вкусу. Онъ отважился стать передъ Богомъ одинъ, безъ посредства духовенства и церкви, самостоятельно. Напротивъ, Боккачіо большею частію выказываетъ глубокое уваженіе къ схоластическому богословію; ему даже нравятся его мистическія представленія и терминологія [3]). Въ своемъ религіозномъ міросозерцаніи онъ не отдѣляется отъ общаго міросозерцанія своего вѣка. Хотя онъ не открываетъ своей души передъ обществомъ, подобно Петраркѣ, однако его терзаетъ раскаяніе при воспоминаніи о легкомысліи прошлыхъ лѣтъ. Одинъ замѣчательный случай, который собственно былъ съ нимъ, но былъ отданъ на судъ Петраркѣ, ясно показываетъ намъ ихъ образъ мыслей. Пьеро Петрони, сіэнскій Картезіанецъ, человѣкъ благочестивый и почитаемый за святаго, которому Христосъ открываетъ въ видѣніяхъ самые сокровенные помыслы и чувства всѣхъ людей, на смертномъ одрѣ поручаетъ брату Джіоваккино Чіани между прочимъ идти къ Боккачіо и склонить его отказаться отъ своего легкомысленнаго и языческаго образа жизни. Въ удо-

---

1) Lettere p. 281.

2) Vita di Dante p. 55. Comento s. Dante cap. 1, 5, 7. (Opere vol. V p. 55. 316 vol. VI p. 21). Hortis Acceni alle scienze naturali nelle opere di G. Boccacci p. 14.

3) Мы укажемъ въ 3 книгѣ на ту случайную выходку, какую онъ себѣ позволилъ противъ средневѣковыхъ богословій.

стовѣреніе своего божественнаго посланничества онъ долженъ сообщить ему нѣкоторыя тайны, которыхъ кромѣ самаго Боккачіо никто знать не можетъ. Онъ долженъ напомнить ему тѣ его сочиненія, которыми онъ нанесъ вредъ нравственности, оскорбилъ цѣломудріе и прикрасилъ порокъ. Его слѣдуетъ уговорить отказаться отъ исканія ничтожнаго почета и суетной славы, погрозить ему скорой смертью и адскими муками. Боккачіо напугался: въ первую минуту душевнаго сокрушенія онъ рѣшается тотчасъ же продать свои книги и сказать прости поэзіи. Онъ передаетъ Петраркѣ этотъ случай и говоритъ о своемъ раскаяніи. Послѣдній прямо сказалъ, что въ такихъ случаяхъ надобно испытать личность божественнаго посланника, такъ какъ часто подъ маскою благочестія скрываются обманъ и ложь. Онъ напоминаетъ Боккачіо, что ему и безъ монаха давно пора знать, что его жизнь коротка. Онъ одобряетъ его намѣреніе отречься отъ мірскихъ заботъ и страстей, но считаетъ совершенно неосновательнымъ желаніе друга оставить ученыя занятія, утѣшеніе его старости [1]). Со временемъ Боккачіо пришелъ къ такому же заключенію, но мы видимъ, на сколько у него не хватало самостоятельности.

Другія ученыя мнѣнія Петрарки, принятыя Боккачіо, послѣдній опять-таки не можетъ развить съ надлежащею полнотою и толково изложить. Поэзія, по теоріи Петрарки, по которой она вмѣщала въ себѣ и краснорѣчіе съ наукою древностей, была новымъ искусствомъ; она нашла себѣ поклонниковъ, но и множество враговъ. Отъ послѣднихъ Петрарка отдѣлывался большею частію нѣсколькими презрительными фразами. Онъ самъ нападалъ; онъ былъ слишкомъ гордъ для того, чтобы защищаться и защищать свою музу. Но вести эту борьбу, казавшуюся недостойною наставника, взялся Боккачіо. Онъ посвятилъ ей всю четвертую книгу своей миѳологіи. Тутъ онъ беретъ подъ свою защиту древнихъ поэтовъ, поэзію вообще и вмѣстѣ съ тѣмъ свое собственное занятіе миѳологіею. Схоластическіе философы и богословы, которые презираютъ поэзію, какъ вздорныя бредни, и съ высокомѣріемъ

---

[1]) Petrarca, epist. ret. senil. I, 4. Случай этотъ передается также въ жизнеописаніи блаженнаго Петрони († 29 мая 1361 г.) Іоанномъ Колумбиномъ. Но онъ сохранился въ вольной обработкѣ санесскаго Картеріанца Бартоломея 1619 г. со многими прибавками и напечатанъ въ Acta Santorum Maii T. VII Antwer. 1688, p. 188 seq. Та длинная рѣчь, которую здѣсь держитъ братъ Джіованино къ Боккачіо (p. 228), не содержитъ въ себѣ ничего такого, что бы дало право думать о другомъ источникѣ кромѣ письма Петрарка, и очевидно есть сочиненіе Бартоломея, какъ уже предполагалъ Ландау S. 206.

говорятъ: «Что намъ за дѣло до этихъ пустяковъ? Мы не видали ихъ, да и не хотимъ видѣть; у насъ есть дѣла получше», сребролюбивые правовѣды, презирающіе поэта, какъ жалкаго оборвыша, лицемѣрные монахи, которые не могутъ простить древнимъ поэтамъ ихъ многобожія, шуточныхъ разсказовъ о богахъ и ихъ соблазнительныхъ похожденіяхъ, поэтому бросаютъ ихъ произведенія въ огонь, а пепелъ разсѣиваютъ по вѣтру,—всѣ эти противники опровергаются здѣсь серьезно, горячо и подробно. Чтобы оправдать свое занятіе миѳологіею, Боккачіо ссылается на примѣры Августина, Іеронима и Лактанція [1]) Если онъ встрѣчаетъ сильное затрудненіе, какъ напр. говоря о нескромности нѣкоторыхъ римскихъ поэтовъ, которой онъ не можетъ ни отрицать, ни оправдывать, то нѣкоторыхъ оставляетъ на жертву врагамъ. Подобной участи подверглись Плавтъ, Теренцій и Овидій [2]).

По Боккачіеву опредѣленію поэзіи замѣтно, что онъ уловилъ нѣкоторыя случайныя выраженія Петрарки, не понявши общей идеи своего учителя, проникнутой субъективными симпатіями. Послѣдній видѣлъ поэта прежде всего въ самомъ себѣ. Подъ понятіемъ о поэтѣ (vates-вѣщатель) онъ разумѣетъ и философа, и религіознаго мыслителя, и пророка. Въ числѣ отличительныхъ свойствъ поэзіи онъ уже на второмъ планѣ ставилъ мощную силу слова и глубокій аллегорическій смыслъ. Боккачіо не согласенъ съ нимъ именно на счетъ двухъ послѣднихъ элементовъ. Прежде всего онъ считаетъ реторику весьма сходною съ поэзіею. По его мнѣнію, работа поэта состоитъ лишь въ томъ, чтобы придумывать новые, неизвѣстные еще сюжеты, приводить въ порядокъ матеріалъ, украшать рѣчь необычными словами и выраженіями, изображать извѣстныя положенія, хвалить людей, воодушевлять ихъ, ободрять и обуздывать. Въ сравненіи съ реторикою, по его теоріи, область поэзіи болѣе широкая, какъ онъ и отзывается съ похвалою о ней, потому что она должна также подъ покровомъ аллегоріи выражать глубокія истины [3]). Онъ считаетъ забавными глупцами людей, оспаривающихъ то положеніе, что древніе поэты влагали глубокій смыслъ въ свои вымыслы. Только

---

1) De geneal. Deor. XV, 9. На эту защиту поэзіи Боккачіо ссылается въ Lettere p. 349. Онъ повторяетъ ее почти въ той же формѣ въ Comento S. Dante cap. I. (Opere vol. V. p. 33—42).

2) De geneal. Deor. XIV, 19.

3) De geneal. Deor. XIV, 7. Mera poesis est, quidquid sub velamine componimus et exiritur (несомнѣнно, слѣдуетъ читать exprimitur) exquisito. Забавна, при этомъ хотѣлъ Боккачіо производить слово poéta не отъ греческаго слова Ποῶ-fingo (вымышляю, создаю); онъ считаетъ такое словопроизводство злокозненнымъ униженіемъ достоинства поэта. По его мнѣнію, оно происходитъ отъ греческаго слова Ποιητός, которое, въ

сумасшедшій можетъ не допускать этого въ Буколикахъ, Георгикахъ и Энеидѣ Виргилія. Такъ и въ великой поэмѣ Данта скрыты глубокія истины католицизма, равно какъ и въ поэмахъ Петрарки, наставника Боккачіо [1]). Точно такъ же, какъ и онъ, и, очевидно, просто въ качествѣ его поклонника, онъ превозноситъ наслажденіе, испытываемое человѣкомъ мыслящимъ, когда онъ открываетъ въ чемъ либо таинственный смыслъ, недоступный пониманію толпы. Только онъ много разглагольствуетъ о томъ, что Петрарка выражаетъ въ одномъ предложеніи [2]). Въ молодые годы онъ писалъ любовные сонеты по образцу сонетовъ Петрарки, тщательно перенималъ его пріемы и искуственные обороты рѣчи, какъ обыкновенно поступаютъ подражатели [3]). Однако онъ ставилъ эти подражанія выше плодовъ вдохновенія собственной музы. Тамъ, гдѣ она вдохновляетъ его, сентиментальность является лишь незначительнымъ уклоненіемъ въ сторону, и по пути ея ловкій обожатель съ наивозможною быстротою добивается желанныхъ благъ любви. Онъ считалъ Лауру Петрарки просто аллегорическимъ образомъ, знаменующимъ собою жажду лавровъ [4]). Въ такомъ случаѣ и его Фьяметта не больше того, хотя, быть можетъ, въ ней онъ хотѣлъ изобразить какую нибудь неаполитанскую красотку. Онъ тоже видитъ ее въ церкви во время пасхи, и имя ея подаетъ поводъ къ каламбурамъ съ словами пламя и огонь, какъ имя Лауры съ словами Laura лавръ и aura воздухъ. И она воспѣвается послѣ смерти въ нѣсколькихъ грустныхъ сонетахъ и служитъ отличнымъ сюжетомъ для мистическаго произведенія, надъ разгадкою котораго упражняли бы свое остроуміе грядущія поколѣнія. Такимъ образомъ Боккачіо могъ повѣствовать о томъ, какъ Лаура Петрарки и его Фьяметта витаютъ въ небесахъ передъ лицомъ Божіимъ [5]).

примѣненіи къ слогу, означаетъ какъ бы sotto fabuloso velame e esquiso parlere, т. е. форму басни и изысканный способъ выраженія. V. Comento S. Dante c. I vol. p. 33.

[1]) De geneal. Deo. XIV, 10.

[2]) Comento S. Dante cap. I (vol. V. p. 54) см. выше стр. 29.

[3]) См. Landaú S. 39.

[4]) Въ Похвалѣ Петраркѣ у Rossetti Petrarca etc. p. 823 онъ говоритъ: Et quamvis in suis compluribus vulgaribus poematis in quibus perlucide decantavit se Laurettam duan dam ardentissime demonstravit amasse, non obstat; nonprout ipsemet et bene puto, Eaurettam illam allegorice pro laurea corona, quam posfmodem est adeptus, accipiendam existimo.

[5]) Въ сонетѣ на смерть Петрарки:

Ti tiro già per vedere Lauretta.
Hor se dove lamia bella Fiametta.
Siede con di nel conspetto bi Dio.

Въ своихъ эклогахъ Боккачіо является такимъ же ученикомъ и подражателемъ. Ему казалось весьма заманчивымъ, подобно Петраркѣ и Виргилію, облекать въ своихъ произведеніяхъ въ аллегорическіе образы живыя лица, дѣйствительныя событія и случаи. И у Боккачіо имена пастуховъ полны этимологическаго смысла изъ жизни. Когда пастухъ Дифнисъ ссорится съ пастушкою Флоридою, то это означаетъ борьбу императоровъ съ городомъ Флоренціею. Капитана изъ Форли, который любилъ охотиться въ лѣсахъ, онъ выводитъ подъ именемъ Фавна. Бѣжавшаго короля Сициліи Людовика онъ называетъ именемъ Дора, странствующаго сына Гелленова. Въ этомъ имени онъ находитъ корень греческаго слова, означающаго горечь. Оно, по его мнѣнію, весьма кстати здѣсь, потому что, вѣроятно, изгнаніе показалось весьма горькимъ изгнаннику. По возвращеніи короля онъ называетъ его Алцестомъ, отчасти потому, что онъ былъ добрый король, отчасти намекая на значеніе словъ ἀλχή (храбрость) и aestus (жаръ), такъ какъ онъ съ жаромъ стремился къ храбрости. Не позаботься Боккачіо самъ о разоблаченіи этихъ и другихъ подобныхъ тайнъ, онѣ, безъ сомнѣнія, навсегда остались бы для потомства неразрѣшимою загадкою [1]). Въ миѳологіи страсть къ аллегоріи доходитъ у него до самаго нелѣпаго произвола. Онъ считаетъ даже христіанское богословіе близко родственнымъ съ поэзіею, потому что образныя выраженія и аллегорическія повѣствованія часто встрѣчаются въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтѣ. Святаго духа онъ считаетъ «весьма ученымъ, ибо онъ прибѣгаетъ къ поэтическому орудію — аллегоріи, чтобы скрыть высшія тайны Божества. Это исполнено въ видѣніяхъ нѣкоторыхъ пророковъ и въ Апокалипсисѣ [2]). Такъ, горящая купина, въ которой Іегова явился Моисею, по его мнѣнію, обозначаетъ дѣвственность Іисуса Христа, а видѣніе Навуходоносора—вѣка христіанскаго ученія. Онъ находитъ эти аллегорическіе образы столь естественными, какъ и то, что въ лицѣ Геракла, вознесшагося къ богамъ, аллегорически изображена награда за доблесть, а въ лицѣ Ликаона, обращеннаго въ волка, наказаніе за порочность [3]).

Слава въ потомствѣ и лавры поэта—это два кумира, которымъ Петрарка, вѣчно бывшій въ борьбѣ самъ съ собою, то поклонялся, то отталкивалъ ихъ отъ себя. У Боккачіо они выходятъ предметами не-

---

1) Толкованіе заглавій и именъ собесѣдниковъ мы находимъ въ письмѣ къ ученому августинскому отшельнику Мартино-де-Синья, Lettere p. 267. Объ имени Dorus, означающемъ горечь, см. Schück, s. 13. Гортисъ собралъ все, относящееся до объясненія эклогъ съ самымъ глубокимъ знаніемъ дѣла, Studj s. opere lat. del Boccaccio.

2) Comento s. Dante l. c.

3) Vita di Dante l. c. p. 36-e seg. Въ томъ же духѣ Comento l. c. p. 57.

обыкновенно прозаичными. Онъ находитъ весьма заманчивымъ, что люди прославляютъ хорошаго человѣка еще при жизни его, смотрятъ на него съ удивленіемъ и съ благоговѣніемъ указываютъ другимъ, а еще заманчивѣе то, когда его жизнь расхвалена въ сочиненіяхъ, которыя снова читаются уже по прошествіи многихъ вѣковъ. Но такъ какъ не каждый можетъ сдѣлаться Юліемъ Цезаремъ или Александромъ Великимъ, то его болѣе подходящая задача—писать безсмертныя произведенія. По этимъ соображеніямъ Боккачіо, ни мало не стѣсняясь, признается, что онъ охотно стяжалъ бы столько славы, сколько можно, и что это желаніе воодушевляетъ его при ученыхъ занятіяхъ. Людей, побуждаемыхъ къ дѣятельности желаніемъ славы, онъ все таки считаетъ выше тѣхъ, которые гонятся лишь за деньгами и пекутся о мамонѣ. Къ этому высшему классу онъ не обинуясь причисляетъ в себя, такъ какъ отказался отъ правовѣдѣнія, сулящаго выгоды, и избралъ незавидную долю поэта [1]). Онъ не высказываетъ ни малѣйшей наклонности къ самоуниженію Петрарки. Но за то въ своихъ сочиненіяхъ, и даже въ письмахъ Боккачіо говоритъ о себѣ мало и всегда съ искреннею скромностью. Поэтому-то мы и не имѣемъ достаточныхъ свѣдѣній о его жизни.

Если духовная жизнь Петрарка была несравненно богаче и разнообразнѣе, то внутренняя жизнь Боккачіо была въ гармоніи съ окружающимъ его міромъ и съ нимъ самимъ. У него была родина, которую онъ любилъ, которою гордился, гдѣ его уважали какъ гражданина, высоко цѣнили какъ поэта и ученаго, а друзья любили какъ дорогаго друга. Это былъ дородный, цвѣтущій здоровьемъ мужчина съ круглымъ и веселымъ лицомъ, остроумный и очаровательно ласковый въ бесѣдѣ, чуждый надменности и недовѣрчиваго отношенія къ другимъ. У него, навѣрное, не было ни одного врага въ городѣ, и онъ не подвергался опасности при борьбѣ партій [2]). Часто его услугами пользовались при дипломатическихъ посольствахъ, такъ какъ онъ былъ гражданинъ съ вѣсомъ и вліяніемъ. Такъ въ 1351 г. онъ ѣздилъ въ Тироль къ маркграфу Людвигу бранденбургскому, а въ 1365 и 1368 гг. въ Авиньонъ къ папѣ Урбану V [3]). При этомъ онъ былъ въ сущности во главѣ дѣла, а не

---

[1]) Поэтому онъ находитъ весьма естественнымъ, что только слава могла заставить Данта написать поэму и что онъ желалъ лавроваго вѣнка. Fu desiderosa di fama, come generalmente siamo tutti. И на призваніе поэта — увѣковѣчивать память великихъ людей—онъ смотритъ какъ на ремесло, напр. Comento s. Dante cap. 4 (p. 276).

[2]) Manetti Vita Boccaccii ed. Galletti p. 92.

[3]) Hortis Giovanni Boccaccio, ambasciatore in Asignone etc. Trieste 1875. Письмо Урбана V о посольствѣ Боккачіо gy Gaye Garteggio I p. 521. Тоже въ Boccaccio

просто ораторомъ, подобно Петраркѣ, служившему помощникомъ при юристѣ. Не смотря на свои усидчивыя и трудныя занятія науками, онъ постоянно поддерживалъ связи съ окружающимъ его міромъ, принималъ искреннее участіе въ людяхъ и ихъ судьбѣ. Очень хорошо было извѣстно, что онъ много взялъ грѣха на душу въ отношеніи женщинъ, не только въ лѣта своей веселой юности, живя въ Неаполѣ, но и въ зрѣломъ возрастѣ [1]). Но такъ какъ онъ не былъ духовнымъ лицомъ и былъ даже холостякъ, то намъ не покажется, конечно, страннымъ, что жизнь и поэзія у него были въ полной гармоніи между собою. Но и для Боккачіо настало время философскаго обращенія, когда онъ, какъ миноритскій проповѣдникъ, съумѣлъ изобразить въ предостереженіе другимъ суетность, любовь къ роскоши и соблазнительныя приманки женщинъ [2]). На него по временамъ находили благочестивые порывы раскаянія, какъ намъ это доказываетъ эпизодъ съ картезіанскимъ монахомъ. Въ послѣдніе годы онъ страдалъ тяжкимъ недугомъ и тяготился жизнью. Тогда «и онъ началъ» обращаться мыслями къ загробной жизни и, проливая слезы, дрожалъ отъ страха передъ Божьимъ гнѣвомъ [3]).

Такъ жилъ Боккачіо подъ вліяніемъ природныхъ влеченій, чувствъ и нравственныхъ перемѣнъ, которыя у него были общи со многими. Онъ не прикрывалъ ихъ философскимъ плащемъ Петрарки, чтобы казаться въ более выгодномъ свѣтѣ окружающему его міру. Онъ честно относился и къ другимъ, и къ себѣ, не прибѣгая къ софизмамъ. Поэтому онъ не подвергался и филисофскому недугу, *acedia*. А такъ какъ его наставникъ весьма таинственно разсказываетъ о послѣднемъ, то ему казалось, что и онъ испытываетъ нѣчто подобное. Онъ считаетъ такимъ недугомъ ту ипохондрическую вялость и утомленіе, какія нерѣдко бываютъ слѣдствіемъ усиленныхъ ученыхъ занятій. Боккачіо спрашивалъ самъ себя, зачѣмъ онъ мучитъ себя надъ сочиненіями древнихъ писателей, ищетъ не спокойствія, а славы. Но въ такія минуты передъ нимъ возставалъ образъ Петрарки—онъ передаетъ это въ формѣ видѣнія—укорялъ его въ лѣности и поучалъ, какъ неустаннымъ трудомъ слѣдуетъ подняться надъ толпою и стяжать вѣчную славу. Послѣ этого Боккачіо ободрялся и снова брался за перо [4]).

---

lettere ed. Corazzini находимъ p. 395 e seg. подъ заглавіемъ Ambascerie politiche документы, касающіеся участія Боккачіо въ посольствахъ.

1) Manetti l. c.: in amores usque ad malusam fere aetatem vel paulo procliviro.

2) Экскурсъ in mulieres въ cot. De casibus illustr. viror. fol. 11. 12. Вотъ самое начало его: Blandum et exifiale malum femina, т. е. женщина есть зло обольстительное и пагубное. Здѣсь лишь мимоходомъ упоминемъ о «Корбаччіо» съ его злымъ юморомъ.

3) Lettere p. 281.

4) De casibus Illustr. viror. fol. 90.

Боккачіо принужденъ былъ жить доходами съ того скромнаго состоянія, которое досталось ему отъ отца; оно заключалось въ двухъ домахъ и виноградникахъ въ Чертальдо. Въ тѣхъ кружкахъ, гдѣ онъ вращался, его считали бѣднымъ человѣкомъ; онъ тяготился этою бѣдностью и по временамъ жаловался [1]). Но ему ни разу не приходило въ голову принять посвященіе и искать бенефиціи Удобнѣе была служба у владѣтельныхъ особъ, для которой впослѣдствіи столь многіе гуманисты жертвовали своими знаніями, или славою. Боккачіо, дѣйствительно, попыталъ счастья на этомъ поприщѣ, хотя и считалъ его унизительнымъ для великаго Петрарки. Въ самой Флоренціи жилъ съ царственною пышностью богачъ Никкола Акчіайоли, занимаясь литературою и покровительствуя писателямъ. И Боккачіо отдался ему довольно довѣрчиво и писалъ письма, полныя почтительной любви, въ которыхъ не скрывалъ и того, что ожидаетъ за это награды [2]). Когда богатый флорентанецъ сдѣлался великимъ сенешаломъ въ Неаполѣ и правителемъ королевства, онъ привлекъ къ себѣ Заноби ди Страда и Франческо Нелли, друзей Петрарки. Онъ хотѣлъ придать особый блескъ своей славѣ, составивъ придворный штатъ изъ писателей. Акчіайоли пригласилъ къ себѣ и Боккачіо, говоря, что зоветъ его «подѣлиться съ нимъ счастьемъ». Повидимому, Боккачіо предстояло сдѣланныя глашатаемъ его подвиговъ, т. е. его придворнымъ исторіографомъ. А онъ еще раньше узналъ его съ несовсѣмъ выгодной стороны. Какъ-то разъ меценатъ съ язвительною улыбкою назвалъ его Johannes tranquillitatum (т. е. Іоаннъ, любящій спокойствіе), быть можетъ потому, что онъ, подобно Петраркѣ, не любилъ работать для господина, у котораго служилъ, а желалъ посвящать свою жизнь литературнымъ занятіямъ [4]). Забывши это оскорбленіе, Боккачіо согласился ѣхать къ

---

[1]) Petrarca epist. rer. senil. XVII, 2. Filippo Villani ed. Galletti p. 18. Leonardo Bruni ibid. p. 54. Manetti l. c. И этихъ послѣднихъ слѣдуетъ считать хорошими авторитетами относительно флорентинскаго преданія, если принять во вниманіе, что они имѣли посредниками такихъ людей, какъ Салютато.

[2]) Въ lettere p. 17 находимъ его первое письмо къ Акчіайоли отъ 28 авг. 1341 г., въ которомъ онъ выражаетъ надежду, что его fortuna измѣнится благодаря меценату, и подписывается inimico della fortuna, какъ человѣкъ, которому судьба не благоволитъ. См. сомнѣніе на счеть подлинности письма у Кёртинга, Boccaccio. 163.

[3]) Письмо Боккачіо къ Заноби отъ 13 апр. (1353) у Ciampi Monumenti p. 47 и въ Lettere p. 33. Объясненіе шуточнаго прозвища Johannes tranquillitatum я вывожу изъ тѣхъ словъ, на которыя Боккачіо возражаетъ и изъ его собственныхъ выраженій tranquilla sequentem и felicitatutum sectator. Сенешалъ, не говорившій по латыни, назвалъ его, конечно, Giovanni delle tranquillita. Кораззини считаетъ письмо подложнымъ, а Кёртингъ, Boccaccio s. t. ff., старается положительно доказать это и наконецъ предполагаетъ вторичное пребываніе Боккачіо у Акчіайоли. Но зачѣмъ ему было быть

Акчіайоли и нашелъ своего мецената въ Ночерѣ. На другой день они прибыли въ Неаполь. Здѣсь будущій исторіографъ горько разочаровался въ своихъ надеждахъ. Ему отвели въ палатахъ сенешаля маленькую, мрачную комнатку, въ которой къ тому же ему приходилось жить вмѣстѣ съ своимъ братомъ, дали плохую постель и вообще самую жалкую обстановку, гораздо бѣднѣе той, какая во Флоренціи соотвѣтствовала его вкусамъ. Онъ былъ такъ раздосадованъ всѣмъ этимъ, что сейчасъ же уѣхалъ, не простясь. Меценатъ счелъ это оскорбленіемъ, а его домоправитель, Нелли, другъ Боккачіо написалъ послѣднему колкое письмо, называлъ его нѣженкою и непосѣдою (subito) за то, что онъ такъ скоро бѣжалъ. Боккачіо рѣшился на подробный отвѣтъ только послѣ долгаго молчанія. Но отвѣтъ этотъ разросся въ цѣлую инвективу противъ сенешаля, единственную, какая вышла изъ-подъ пера добродушнаго поэта [1]). Такъ почти комично кончилась его попытка избавиться придворною службою отъ бѣдности на родинѣ.

Боккачіо представлялись и другіе случаи промѣнять свою свободу на какую нибудь службу или мѣсто при дворѣ. Онъ готовъ бы былъ искать судейской должности, и мѣсто секретаря у папы не ушло бы отъ него. Онъ получалъ предложенія и приглашенія изъ Падуи, Вероны, Равенны, Форли. Графъ Уго изъ Санъ Северино хотѣлъ доставить ему синекуру въ Неаполѣ при помощи королевы сицилійской Іоанны, а король Іаковъ предлагалъ ему такое же мѣсто у себя [2]). Но у него не хватало рѣшимости разстаться со своей свободою; ясно, онъ былъ на столько республиканецъ и флорентинецъ, что нигдѣ не могъ долго ужиться въ другомъ мѣстѣ.

раньше у сенешаля, если послѣдній такъ часто бывалъ во Флоренціи? Magister — это степень не равнозначущая съ учителемъ (praeceptor). Я не вижу ни какого основанія заподозривать подложность письма. Да и самъ Боккачіо (Lettere p. 148) указываетъ на то, что онъ раньше былъ оскорбленъ неразборчивымъ сенешалемъ.

[1]) Это письмо къ Франческо Нелли, очевидно, переведенное съ латинскаго языка, послано изъ Венеціи 28-го іюня 1863 г. Сомнѣнія въ подлинности его, приведенныя недавно у Гортиса въ Studj s. opere lat. del Boccaccio p. 21-e seg., почти всѣ основываются на хронологическихъ затрудненіяхъ. Но если принять во вниманіе неточность извѣстныхъ намъ помѣтокъ на письмахъ и иногда совершенно произвольныя опредѣленія времени въ біографіяхъ Петрарки и Боккачіо, то трудно на этомъ основывать заключенія о подлогѣ писемъ. Кому могла придти въ голову мысль о поддѣлкѣ такой инвективы? О позднѣйшемъ подлогѣ и рѣчи быть не можетъ, такъ какъ уже Веспасіано упоминаетъ о ней, Comment. di Manetti p. 97. Мнѣ пріятно, что недавно и Кёртингъ Boccaccio s. 39 ff. и 699 послѣ тщательной оцѣнки доводовъ pro и contra высказался за подлинность письма, содержаніе котораго согласно съ намеками 16 эклоги.

[2]) Lettere p. 33. 146. 189. 317.

Если съ нимъ случалась непріятность во Флоренціи, или ему приходилось тамъ слишкомъ плохо, то онъ удалялся въ свое Чертальдо, гдѣ вскорѣ привыкалъ къ грубому сельскому платью и былъ радъ, что не слышитъ больше о высокомѣріи и честолюбивыхъ проискахъ Флорентинцевъ. Онъ пріятно проводилъ время среди холмовъ и полей въ ихъ роскошномъ нарядѣ, среди зелени лѣсовъ, слушая пѣніе птицъ [1]). Тутъ онъ былъ философъ безъ всякихъ натяжекъ, чего Петраркѣ никогда не удавалось. Правда, онъ жаловался на свою бѣдность, которая, повидимому, особенно тяготила его въ послѣдніе годы жизни. Онъ съ благодарностью принялъ денежный подарокъ, который послалъ ему въ Чертальдо Меджинардо де-Кавальканти. Но такіе щедрые почитатели встрѣчались не часто. Флорентинская синьорія предложила ему за сто золотыхъ гульденовъ въ годъ публично объяснять «книгу Данта». Бѣдность, по словамъ Боккачіо, и увѣщанія друзей заставили его принять это предложеніе. Но онъ заболѣлъ во время лекцій. Вообще онъ постоянно оставался вѣренъ своему стоическому принципу, предпочитая бѣдность ученаго, мало-мальски терпимую, лишенію свободы и самостоятельности [2]). Онъ твердо слѣдовалъ ученію Петрарки, но въ умѣньи жить согласно съ ученіемъ далеко превосходилъ его.

Никто не оцѣнилъ Боккачіо, какъ ученаго, лучше его самого. По его словамъ, онъ съ великою отвагою вступилъ на путь, проложенный Петраркою; но когда увидѣлъ еще издали вершины знанія, высящіяся къ небу, то лишился бодрости и силы. Даже въ цвѣтущіе свои годы онъ никогда не утверждалъ, что онъ—поэтъ, но по мѣрѣ силъ стремился достичь этого. Онъ самъ себѣ сочинилъ краткую эпитафію, точно такъ-же, какъ и Петрарка, только въ тонѣ болѣе искренняго смиренія; самая заносчивая фраза въ ней—это конецъ: Studium fuit alma poesis, т. е. моимъ занятіемъ была кормилица поэзія [3]). Онъ умеръ 27-го декабря 1375 г. Салютато, канцлеръ республики, говорилъ, что онъ не зналъ человѣка болѣе достойнаго любви, и теперь погасли оба свѣточа новаго краснорѣчія [4]).

---

1) Lellere p. 96 къ Пипо-де-Росси.

2) Жалобы на бѣдность см. въ Lettere p. 68. 76. 78. 877. Тамъ же письмо къ Занобн p. 33: Mihi pauper vivo, dives tamen et splendidus aliis viverem et plus cum aliquibus meis libellis parvulis voluptatis sentio, quam cum magno diademate sentiant reges tui. Fil. Villani l. c.: Amicos habuit multos, sed neminem, qui suae indulgentiae subveniret.

3) Lettere p. 198. De casibus illustr. viror. fol. 31. Эпитафія у Fil. villani l. c.

4) Оба письма Салютато о смерти Боккачіо см. въ его Lettere p. 475. 477. Послѣднее также въ Salutat. episs ed. Rigacci. T. II, p. 44. Первое, конечно, должно относиться къ 28-му ноября 1375 г.

Боккачіо, какъ мирный ученый, велъ жизнь спокойную. Онъ не любилъ принимать участіе въ товарищескихъ кружкахъ, или примыкать къ какой либо корпораціи. Церкви онъ не принадлежалъ, какъ всякій другой міряниuъ, а въ университетѣ преподавалъ лишь случайно и временно. Это отдѣленіе гуманистической науки отъ церкви и ея установленій, а съ другой стороны и отъ университетовъ, это самостоятельное положеніе первыхъ гуманистовъ мы считаемъ явленіемъ весьма знаменательнымъ, потому что оно не ограничивается одною внѣшнею стороною.

Такъ объясняется то явленіе, что духовное воздѣйствіе Боккачіо преимущественно замѣтно во Флоренціи и въ мірскихъ кружкахъ, въ которыхъ онъ вращался. Онъ самъ вѣдь обрабатывалъ повѣствовательную прозу свѣтскихъ людей и столь же сочувственно относился къ Данту, какъ и къ древнимъ и ихъ пропагандисту Петраркѣ. Новой образованности, представителемъ которой является Боккачіо, необыкновенно благопріятствовалъ переворотъ въ политической жизни города, происшедшій вскорѣ послѣ его смерти. Въ 1382 г. кормиломъ правленіи за владѣла богатая аристократическая фамилія. Настала та половина столѣтія, въ которую дѣятельность аристократіи стала благодѣтельною для государства. Оно постоянно увеличивалось чрезъ присоединеніе къ его территоріи близкихъ и отдаленныхъ городовъ. Внутри оно было безопасно и наслаждалось спокойствіемъ, такъ какъ борьба партій ограничивалась весьма узкою сферою. Благосостояніе господствующаго торговаго класса необычайно возрастало и проявлялось съ одной стороны въ великолѣпныхъ постройкахъ и разведеніи увеселительныхъ садовъ, а съ другой въ пышныхъ празднествахъ и пирахъ. Это та эпоха, о которой съ грустью вспоминаетъ старый Филиппо Виллани, разумѣется, превозносившій до небесъ все то, что онъ видѣлъ въ юности. Тогда, говоритъ онъ [1]) господствовала еще честность въ торговыхъ дѣлахъ, которая потомъ уступила мѣсто алчности и хищничеству; знатное юношество умѣло владѣть оружіемъ и сражаться, а игрою въ кости занимались лишь немногіе ничтожные люди. Дѣвушки любили приличные танцы, дамы носили длинныя платья и изъ скромности покрывали головы; жизнь была прекрасная и веселая. И ремесленнику и простому человѣку жилось свободно, привольно и спокойно. Были праздники и общественныя игры, въ которыхъ принимали участіе и знать, и низшіе классы, Календимаджіо (1 мая), Веѳапа (Богоявленіе) и т. д. съ музыкою и процессіями. Пѣніе и танцы, фейерверки и представленія сраженій чередовались съ великолѣп-

[1]) Ed. Galletti p. 41. 42.

ными церковными торжествами. Эти праздники рѣдко справлялись на общественный счетъ. Обыкновенно средства на это давали богатые аристократы, при чемъ они, какъ въ древнемъ Римѣ, старались перещеголять другъ друга пышностью. Наслажденіе благами жизни было одинаково доступно для всѣхъ сословій, и все обходилось безъ непріятностей, ссоръ и грубостей.

Мы находимъ картину общественной жизни того времени и утонченности нравовъ господствующей знати въ одномъ литературномъ памятникѣ. Въ немъ записаны воспоминанія о кружкѣ, собиравшимся около 1389 г. Это «Парадизо дельи Альберти» [1]). Тутъ собираются старые и молодые аристократы изъ города, кавалеры и дамы, купцы и свѣтила литературы и университета, духовныя особы и чужеземные гости. Цѣль ихъ веселое препровожденіе времени; мѣсто собранія близь города на виллѣ Парадизо и въ садахъ Антоніо дельи Альберти, богатаго купца аристократа съ утонченнымъ образованіемъ, который оставилъ намъ книгу сонетовъ и канцонъ. Сначала всѣ идутъ въ капеллу, гдѣ священникъ служитъ обѣдню. Потомъ подаются самыя дорогія вина, свѣжіе плоды и заграничныя конфекты. Раздается музыка, и на зеленомъ лугу собирается молодежь танцовать, пѣть и играть въ мячъ. А прочее общество занимается разговорами. Разсказываются новеллы, какъ въ кружкѣ Декамерона, такъ какъ всѣ любятъ и разсказывать и слушать. Разсказы смѣняются бесѣдами философскаго и антикварнаго характера, въ которыхъ популяризуются сюжеты моднаго направленія, взятые изъ древней жизни, и часто ведутся горячіе споры. Говорятъ о Ливіи и Овидіи, о Блаженномъ Августинѣ и о Божественной Комедіи. Разсуждаютъ объ Одиссеѣ и Катилинѣ, о происхожденіи Прато или Флоренція, занимаются вопросомъ о томъ, основана ли она Римлянами. Этотъ вопросъ былъ уже разсматриваемъ историками и Боккачіо въ его «Фіезоланской игрѣ нимфъ», и все таки его долго и горячо обсуждали. Или бесѣдовали объ историческихъ личностяхъ, какъ напр. о Фридрихѣ II и Эццелино ди Романо. Тутъ было мѣсто и схоластическимъ задачамъ, и св. Θома цитировался на ряду «съ нашимъ Дантомъ». Вѣдь имена Данта, Петрарки и Боккачіо здѣсь въ большомъ почетѣ; ихъ духъ оживляетъ и самое общество. Здѣсь національный языкъ и литература разработываются съ такимъ же рвеніемъ, какъ и антикварная наука. Многіе еще, въ томъ числѣ и авторъ названнаго нами сочиненія, считали патріотическимъ дѣломъ—обработать и облагородить народное нарѣчіе. Въ домѣ Альберти долго потомъ

---

[1]) Il Paradiso degli Alberti ed. Wesselofsky 3 voll, изъ которыхъ первый, въ 2 томахъ, содержитъ весьма подробное введеніе, обработанное съ большою любовію и знаніемъ дѣла по библіотечнымъ и архивнымъ матеріаламъ.

шла рѣчь объ этихъ праздничныхъ дняхъ и вечерахъ. Отецъ знаменитаго Леоне Баттиста разсказывалъ ему, какъ тамъ толковали о древней римской имперіи и латинскомъ языкѣ.

Мы упомянемъ только о самыхъ крупныхъ знаменитостяхъ, украшавшихъ этотъ кружокъ. Тутъ мы встрѣчаемъ августинскаго монаха Луиджи Марсильи и Салютато, канцлера республики, въ домѣ котораго тоже собиралось подобное общество. Вскорѣ намъ придется говорить подробнѣе объ обоихъ этихъ дѣятеляхъ. Тутъ былъ и Франческо Ландини прозванный слѣпымъ (cieco), или Франческо Орано, въ качествѣ музыканта. Рядомъ съ гуманистами въ его лицѣ мы встрѣчаемъ человѣка, который написалъ латинское стихотвореніе въ защиту логики Оккама и семи древнихъ свободныхъ искуствъ противъ нововводителей, т. е. гуманистовъ [1]). Марсиліо di Santa Sofia принадлежалъ къ той фамиліи, которая дала Италіи многихъ знаменитыхъ врачей; онъ тоже не былъ преданъ гуманистическимъ наукамъ. Хотя о немъ и отзываются какъ о человѣкѣ, весьма свѣдущемъ въ свободныхъ искуствахъ, однако онъ прежде всего былъ ученный медикъ и физикъ. Это былъ одинъ изъ ревностнѣйшихъ поборниковъ ученія Аверроеса въ Падуѣ. А они враждебно относились къ Петраркѣ и его поклонникамъ [2]). Какъ онъ, такъ и Віаджіо Пелакани изъ Пармы являлись лишь по временамъ на виллѣ. Послѣдній отличался громадною памятью и обширною ученостью, такъ что былъ въ состояніи остроумно состязаться по всѣмъ вопросамъ философіи и богословія. Но онъ считался свѣтиломъ своего времени собственно въ области математическихъ наукъ. А новаго краснорѣчія онъ совсѣмъ не понималъ, и какъ ни высоко цѣнили во Флоренціи маститаго ученаго, однако въ Падуѣ и Болоньѣ его лекцій почти ни кѣмъ не посѣщались [3]). Наконецъ тотъ, кто записалъ намъ все, что происходило въ «Парадизо», и обработалъ этотъ трудъ уже подъ старость, былъ еще «безбородымъ юношею» въ то время, какъ слушалъ ихъ. Онъ, по видимому, особенно уважалъ Марсильи и съ одинаковою любовью относился какъ къ новелламъ, такъ и къ ученымъ разсужденіямъ. Но былъ ли это Джіовани да Прато, читавшій впослѣдствіи лекціи о Дантѣ во Флоренціи?—Вопроса этого мы не будемъ рѣшать [4]). Таково разнообразное общество высшаго и избраннаго

---

1) Paradiso vol. I. p. II p. 21. Здѣсь напечатаны и стихи p. 295 e seg.
2) ibid. vol. III p. 8.
3) Ibid. vol. III. p. 3. 18.
4) Авторство его, которое издатель Paradiso (Vol. I P. II. p. 86 e seg.) силится доказать на основаніи внѣшнихъ и внутреннихъ причинъ, все таки не доказалъ съ оче-

кружка, въ которомъ, разумѣется, преобладаетъ модное направленіе, но не возбраняется ничто, отличающееся умомъ и знаніемъ въ какой бы то ни было сферѣ.

Тѣ самые вопросы, которые занимаютъ здѣсь кружокъ знатныхъ диллетантовъ, поднимаются, съ болѣе серьозной постановкой, въ ученомъ кружкѣ, собиравшемся у августинскихъ монаховъ монастыря С. Спирито, въ самомъ городѣ. Его смѣло можно назвать частною академіею въ духѣ Платоновой. И здѣсь, насколько можно прослѣдить нить умственнаго возбужденія, она опять приведетъ насъ къ Петраркѣ и Боккачіо. Къ числу самыхъ близкихъ друзей послѣдняго принадлежалъ августинскій монахъ, Мартино де Синья, профессоръ и докторъ св. писанія, которому когда-то Боккачіо открылъ смыслъ своихъ эклогъ и завѣщалъ всѣ свои книги, чтобы по смерти этого монаха онѣ навсегда хранились въ монастырскомъ шкапѣ. Боккачіо пожелалъ, чтобы его похоронили въ церкви С. Спирито, и тамъ-же должны были молиться за упокой его души [1]). Другой братъ изъ С. Спирито, Пьетро де Кастеллетто, обработалъ и докончилъ біографію Петрарки, начатую Боккачіо [2]).

И въ монастырѣ С. Спирито собирались каждый день образованные флорентинцы, и старые, и молодые. Къ сожалѣнію, извѣстія о всемъ томъ, что происходило здѣсь, относятся къ позднѣйшему времени, когда во главѣ кружка стояли магистры Ванджелиста изъ Пизы и Джироламо изъ Неаполя. Тогда рѣчь шла только о философіи и богословіи, и читались лекціи этихъ наукъ, какъ въ университетѣ. Но ежедневные споры, разумѣется, шли въ томъ порядкѣ, какой установленъ былъ раньше: всегда вывѣшивались на доскѣ тѣ положенія, которыя будутъ предметомъ состязаній на слѣдующій день [3]). Однако мы слышимъ, что прежняя метода споровъ съ ея quodlibet (о чемъ угодно) и подобными академическими обычаями была осмѣяна какъ пустая и нелѣпая. Поэтому была введена и въ формальномъ отношеніи новая, болѣе свободная метода разсужденій, ближе подходящая къ характеру бесѣдъ и Цицероновыхъ разговоровъ. Предметомъ ихъ не былъ уже, или по крайней мѣрѣ не былъ исключительно старый схоластическій запасъ темъ. Тутъ рѣшались и тѣ вопросы, какіе были въ ходу въ кружкѣ Парадизо. Это мы

видностью. Если Джіованни было по малой мѣрѣ 29 лѣтъ, можетъ быть 32, то онъ былъ уже не безбородый юноша.

[1]) Baccaccio Lettere p. 267. Завѣщаніе тамъ же p. 425.

[2]) Rossetti Petrarca etc. p. 340.

[3]) Vespasiano. Bisticci Commentario della vita di Messet Giannozzo Manetti p. 6. 7. 131. 132.

видимъ уже изъ того, что руководящія преніями лица отчасти были тѣ же, какъ и въ садахъ Альберта.

Центромъ и душею кружка въ С. Спирито былъ главнымъ образомъ Луиджи де Марсильи. Происходя изъ старинной аристократической фамиліи во Флоренціи и въ молодыхъ лѣтахъ вступивши въ августинскій орденъ, приблизительно двадцати лѣтъ отъ роду онъ учился въ Падуѣ, и тамъ одинъ родственникъ привелъ его къ Петраркѣ. Послѣдній предсказалъ юношѣ великую будущность и убѣждалъ его не проводить ни одного дня въ праздности, пріобщить богословіе къ свободнымъ искусствамъ и приготовиться къ важной борьбѣ съ ложною философіею Аверроистовъ [1]). И въ этомъ случаѣ встрѣча съ властелиномъ умовъ рѣшила его поприще. Достаточно было одного его присутствія, говоритъ Марсильи, чтобы направить каждаго на стезю добродѣтели; слова его навсегда запечатлѣлись въ его памяти [2]). Во Флоренціи онъ сошелся съ Боккачіо [3]). Потомъ на нѣкоторое время мы теряемъ его изъ виду. Онъ жилъ въ Парижѣ и получилъ тамъ степень магистра богословія. Когда Марсильи, какъ полагаютъ, возвратился во Флоренцію въ 1382 г., то онъ былъ человѣкъ съ большимъ вѣсомъ. Ему поручаютъ посольство къ герцогу Анжуйскому Людовику. Онъ считался тоже и краснорѣчивымъ проповѣдникомъ [4]). Въ своемъ орденѣ онъ былъ назначенъ провинціаломъ пизанскаго округа. Два раза флорентинцы желали имѣть его епископомъ въ своемъ городѣ, хотя раньше сами заявили римскому двору, что на это мѣсто не можетъ быть выбранъ никто изъ ихъ среды [5]).

Весьма сомнительно, чтобы онъ писалъ ученые богословскіе трактаты и чтобы ему можно было приписывать переложеніе въ гекза-

---

[1]) Petrarca epist. s. tit. 20. (Opp. p. 810) безъ сомнѣнія адресовано къ Марсильи. Объ отношеніи къ Петраркѣ см. его epist. ret. senil XIV, 7. Cf. Fracasjsetti Lettere senili di F. Petrarca vol. II, p. 427.

[2]) Письмо Марсильи къ Гвидо видѣлъ Паладжіо при извѣстіи о смерти Петрарки у Mehus Vita Ambros. Travers. p. 297.

[3]) Онъ говоритъ о немъ въ Lettere p. 383: ut frater Luisius noster de ordine eremitarum asserit. Во время его пребыванія въ Парижѣ Салютато сообщилъ ему о смерти Боккачіо. См. его Lettere p. 475.

[4]) Binaccini въ Salutati Iuvectiva în Anton. Luschum ed. Moreni p. 227: il quale con'si abondantissimo parlare al popolo in santa isrittura insegno.—Buoninsegni Hist. Fiorent. p. 683 разсказываетъ о томъ, какъ синьоры спрашивали у него совѣта по церковно-политическому вопросу.

[5]) Это предложеніе было уже извѣстно изъ Mehus Vita Ambr. Travers p. 285. Изъ трехъ оффиціальныхъ писемъ Салютато (см. Paradico Vol. I, p. I, Documenti p. 305, 308, 310. мы видимъ, что уже во время ваканціи 1385 или 1386 г. тоже желаніе было заявлено папѣ и кардиналамъ.

метры. Ветхаго и Новаго Завѣта [1]). Напротивъ, кромѣ писемъ онъ, повидимому, написалъ лишь небольшія сочиненія на народномъ языкѣ, объясненіе къ сонетамъ Петрарки, въ которомъ нападалъ на порочныхъ авиньонскихъ папъ, и сочинилъ канцону Italia mia [2]). Тутъ опять мы узнаемъ того человѣка, который писалъ «противъ порочности папскаго двора», горячо отстаивалъ единство церкви отъ притязаній папъ и боролся за самостоятельность національныхъ церквей, подобно своему другу Салютато. Послѣдній тоже скорбѣлъ о томъ, что Италія страдаетъ отъ войны и гражданскихъ раздоровъ.

Но родникъ его мудрости лился самъ собою въ частномъ кружкѣ въ С. Спирито. Каждый выдающійся флорентинецъ посѣщалъ эти собранія, въ томъ числѣ канцлеръ Салютато, Роберто де' Росси, Никколо Никколи—все личности, съ которыми мы еще не разъ встрѣтимся. Всѣ младшіе друзья чтили «какъ божественнаго оракула». Марсильи, этого достойнаго старца, необыкновенно-остроумнаго и обладавшаго глубокою богословскою ученостью. Мы не знаемъ, какъ онъ относился къ Аверроистамъ, съ ученіемъ которыхъ, вѣроятно, былъ знакомъ еще въ Падуѣ и на борьбу съ которыми призывалъ его Петрарка. Въ Парадизо онъ мирно бесѣдуетъ рядомъ съ магистромъ Марсиліо di Santa Sofia. Но онъ, безъ сомнѣнія, сочувственнѣе относился къ раціоналистическимъ воззрѣніямъ, чѣмъ къ безусловной вѣрѣ, хотя, конечно, не былъ вольнодумцемъ, подобно своему ученику Салютато. Въ Парадизо онъ однажды объяснялъ превращеніе спутниковъ Одиссея волшебницею Цирцеею. По его словамъ, это должно понимать въ нравственномъ смыслѣ. Людей нельзя обращать въ звѣрей съ помощью чаръ, но по своимъ дурнымъ дѣламъ они могутъ казаться звѣрями и себѣ и другимъ [3]). Отсюда одинъ шагъ до нравственнаго объясненія чудесъ библейскихъ и новозавѣтныхъ. Вѣроятно, было въ учености Марсильи нѣчто новое и при-

---

1) Bocchius и Negri Istoria degli Scrittori Fiorent. p. 389 слабые авторитеты. Кромѣ этого переложенія они указываютъ на Quaestiones theologicae и Sermones. Но уже Тирабосни выразилъ сомнѣніе, не смѣшали ли его сочиненія съ сочиненіями другаго, гораздо болѣе поздняго Марсильи.

2) О письмахъ къ Гвидо де Паладжіо, изъ которыхъ на одно я уже ссылался, упоминаетъ Lamius Catalog. p. 278. Comento a una conzone (Italia mia) di F. Petrarka издано въ Болоньѣ въ 1863 г.

3) Посвященіе ему неизвѣстнаго автора новеллъ. которому «Богъ послалъ милость—слышать усладительнѣйшее красноръчіе Марсильи.» Paradiso vol. I P. I. p. 287. Эта проблема дѣйствительно есть въ Paradiso vol. II. p. 176. Къ дѣлу мало относится то, что здѣсь приведенное выше рѣшеніе приписывается Блаженному Августину. Марсильи принялъ и сообщилъ его.

влекательное, за что ученики называли его «величайшимъ богословомъ». Говорили также о нравственно-воспитательномъ вліяніи, какое онъ имѣлъ на нихъ. Но, по видимому, его нравственность была не столько нравственностью церкви, сколько плодомъ глубокомысленнаго и честнаго ума. Образованность предохраняла его отъ грубой чувственности и облагороживала. Марсильи въ высокой степени обладалъ даромъ слова и приковывалъ къ себѣ вниманіе слушателей, такъ какъ, казалось, зналъ все, и во множествѣ цитатъ передавалъ мнѣнія Цицерона, Виргилія и Сенеки. Кромѣ того, по свидѣтельству одного ученика, глубоко уважавшаго его, онъ присоединялъ къ этому неистощимый даръ остроумія и шутки [1]). Насъ не удивляетъ, когда мы слышимъ о нападкахъ, какія доходили до собранія въ С. Спирито извнѣ. Повидимому, то мистическое настроеніе, которое проявлялось напр. въ видѣніяхъ св. Екатерины Сіенской и св. Джіованни Доминичи слѣдуетъ считать реакціею противъ усиливавшагося раціонализма [2]). Однако Марсильи продолжалъ пользоваться большимъ уваженіемъ у своихъ согражданъ. Когда онъ умеръ въ 1394 г., то во Флоренціи рѣшено было, помимо другихъ почестей, поставить въ честь его мраморную гробницу на общественный счетъ въ монастырѣ S. Maria del Fiore [3]).

Наше представленіе о Марсильи и его академіи все таки неясно. Но мы во всякомъ случаѣ видимъ, что вокругъ мудреца группируется кружокъ людей образованныхъ, не бывшихъ его учениками. Повторяемъ, отдѣленіе этихъ гуманистическихъ философовъ отъ церкви и университета многознаменательно само по себѣ. Подобно Петраркѣ, кружокъ этотъ не связываетъ себя завѣтными преданіями, служа типомъ ученой республики, созданной гуманизмомъ, какъ его самая своеобразная форма.

Колюччіо ди Пьеро де Салютато былъ тоже плодомъ тѣхъ умственныхъ вліяній, какія шли отъ Петрарки, изъ кружка Парадизо и академіи С. Спирито [4]). Въ молодые годы это былъ

---

[1]) Manett. Vifa Nicolai (Niccoli) y Mehus l. c. p. 76. loquendi et obiuzgaudi vaga quaedam ac soluta libertas atue licentiu. cf. ibid. p. 283 sg. Поджіо выражаетъ ту же мысль въ рѣчи при погребеніи Никколи (Opp. p. 271) нѣсколько мягче.

[2]) ef. Paradsio V. I P. I p. 89. 91 и письмо Селютато въ генералу августинскаго ордена отъ 4 сент. 1368 ibid. p. 313.

[3]) Опредѣленіе 28 авг. y Gage Carleggio I p. 537. Почетная надпись y Filippo Villani ed Galletti p. 252.

[4]) Объ имени Лино я здѣсь нарочно умалчиваю; подобно Колуччіо, это ласкательная форма отъ Никколо. Но безспорно, обѣ онѣ часто употребляются рядомъ. Пьеро— не имя канцлера, а его отца. Часто онъ присоединяетъ къ своему имени и названіе мѣста рожденія Стиньяно. Небольшое сочиненіе Селоми Biografia di Coluccio Salutoti, Lucca 1879 г., не безъ ошибокъ.

человѣкъ крайне мягкаго характера, страстно жаждавшій образованія. Еще мальчикомъ, учась въ болонской школѣ, онъ постоянно задавалъ вопросы учителямъ и велъ споры съ учениками. Какъ будто предугадывая, къ какой разнообразной дѣятельности онъ будетъ призванъ со временемъ, онъ живо интересовался всѣмъ. У него являлась настоятельная потребность поговорить съ кѣмъ нибудь о томъ, что онъ прочелъ или выучилъ [1]). Выдающихся наставниковъ у него не было. Салютато принадлежалъ къ числу крѣпкихъ, самобытныхъ натуръ, которыя развиваются большею частію сами собою и въ которыхъ слабыя наклонности становятся сильными влеченіями. Пьетро де Муліо, другъ Петрарки и Боккачіо, имѣвшій школу въ Болоньѣ, былъ лишь временно его учителемъ, но и онъ не изъ числа знаменитостей. Впрочемъ Салютато, быть можетъ, отъ него слышалъ о славѣ Петрарки [2]). Въ такомъ случаѣ это было первое, конечно, еще весьма отдаленное соприкосновеніе съ властителемъ умовъ, но и тутъ оно служитъ доказательствомъ того, какъ магически дѣйствовало имя Петрарки вообще на воспріимчивые умы. Юный Салютато никогда не видалъ его, но слава его не давала ему покою. Онъ пишетъ къ нему весьма подобострастное письмо и получаетъ въ отвѣтъ коротенькую записочку, впрочемъ любезную и ободряющую [3]). По волѣ отца онъ долженъ былъ изучать нотаріальное право. Потомъ мы опять встрѣчаемъ его уже секретаремъ при папскомъ дворѣ; быть можетъ, онъ занималъ эту должность еще при Иннокентіи VI, но при Урбанѣ V—навѣрное. Послѣднему онъ сопутствовалъ изъ Авиньона въ Римъ въ 1369 г., но назадъ въ Авиньонъ не ѣздилъ [4]). Впечатленія тѣхъ лѣтъ навсегда остались въ его памяти: онъ затаилъ въ душѣ глубокую ненависть къ французскимъ папамъ [5]).

---

1) Leonardus Aret. Libellus de disputationum usu p. 16.

2) Salutati Epistolae ed. Mehus Praefat. rp. LXX ed. Kigacci P. I. ep. 72. II. 27, Въ письмѣ къ Ломбардо де Серико 1376 г. у Bandini Catal. codd. lat. J. III. p. 564 онъ, по видимому, считаетъ себя самоучкою въ краснорѣчіи: in summa docentium, ne dicam doctorum inopia cloquentiam semper cxcolni. Epist. 11. ed. Mchus: ime in haec studia intrasse rudem line magistro et ferme sine principio etc.

3) Petrarca epist. rer. senil. XI, 2. 4.

4) Свидѣтельство Бонамиціуха (p. 123), что онъ былъ секретаремъ еще при Иннокентіи VI, не достовѣрно, а относительно Григорія XI прямо невѣрно. Въ письмѣ къ Бонаспини 20 іюля 1374 г., которое обнародовалъ Гауптъ въ Ber. der K. Sächs. Ges. d. Wiss. 1849 s. 258 (Opusc. v. I.), онъ говоритъ, что уже 6 лѣтъ и даже больше, какъ онъ оставилъ курію, стало быть въ 1368 г. Письмо это доказываетъ, что онъ былъ а въ fetida Babylon. А что онъ въ 1368 г. былъ еще въ Витербо при куріи, это доказалъ уже Moreni въ Praefat. къ Salntati Iuvectiva p. XII.

5) А также и къ папству вообще. Такъ ep. 25 ед. Mehns: non crediderim de curiae romanae sentina nihil quicquam hauriri nisi limosum et fetidum et illa turpitudine maculatum, qua spiritualia pecuniis venundantur.

Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ судьба бросала его въ разныя стороны; наконецъ онъ возвратился во Флоренцію и съ этихъ поръ навсегда остался въ родномъ городѣ. Вскорѣ онъ былъ сдѣланъ секретаремъ пріоровъ и около двухъ лѣтъ правилъ дѣлами за канцлера Никколо ди Вентура, впавшаго въ немилость у гонфалоньера. Ему открывалась возможность занять это мѣсто, что дѣйствительно и случилось послѣ смерти Никколо въ апрѣлѣ 1375 г.[1]). Такимъ образомъ онъ очень скоро сталъ пользоваться довѣріемъ и ни разу не обманулъ его. Должность эта, въ высшей степени почетная и соединенная съ хорошимъ вознагражденіемъ, избавляла его отъ скитальческой жизни, отъ нужды и отъ заискиванія милостей у меценатовъ. Все это нерѣдко разбивало жизнь людей, изучавшихъ науки, и портило ихъ характеръ.

Салютато принадлежалъ къ небольшому числу тѣхъ счастливцевъ, которые, не смотря на перемѣну своей судьбы къ лучшему, не измѣнили идеаламъ своей юности. Когда онъ вступилъ въ управленіе дѣлами, то престарѣлый Петрарка подобно человѣку, уже на половину отрѣшившемуся отъ всего земнаго, давно жилъ подъ масличными деревьями на Арквѣ, а старикъ Боккачіо тоже проводилъ время большею частію въ Чертальдо. Впрочемъ послѣдняго Салютато могъ еще пазвать своимъ другомъ: каждый разъ, какъ они бесѣдовали, предметомъ ихъ бесѣды былъ Петрарка, и когда Боккачіо разсказывалъ о немъ и хвалилъ его, то розсказнямъ добраго, словоохотливаго старика и конца не было [2]). 18 іюля 1374 г. душа Петрарки отошла къ своему Творцу, а 21 декабря 1375 г. за нимъ послѣдовалъ и Боккачіо. Странное настроеніе овладѣваетъ нами, когда мы, привыкши считать живыми великихъ и уважаемыхъ людей, вдругъ чувствуемъ, что со смертью ихъ образовалась какая-то пустота на ихъ мѣстѣ. Поэтому Салютато рѣшилъ, что теперь его долгъ выразить общую скорбь, по силамъ продолжать то дѣло, надъ которымъ они оба трудились и возвратить ихъ флорентинской республикѣ, которой онъ теперь принадлежалъ. «О горе, славная Флоренція! Еще недавно ты озарилась двумя свѣтилами и могла состязаться въ блескѣ съ свѣтилами небесными; равныхъ имъ не могла бы указать и сама древность [3])».

---

1) Salutati epist p. II. 5, 6 ed. Rigacci. Кромѣ этого его письмо въ Броаспини l. c. и Марсильи въ Boccacio Lettere ed Corazzini p. 475. Mehus Vita Ambros. Travers. p. 290 открылъ въ одной замѣткѣ, найденной въ книгѣ, что онъ умеръ 18 апрѣля 1375 г. Другіе говорятъ 25 апрѣля.

2) In cujus landationem adeo libenter sermones usurpabat, ut nihil avidius nèhilque copiosius narraret. Lelutat. epist. II 6 ed. Rigacci въ Франческо ди Броссано, зятю Петрарки.

3) Salutati epist. II. 6.

Когда во Флоренцію пришло достовѣрное извѣстіе о смерти Петрарки, то Салютато говорилъ, что онъ и днемъ, и ночью все думалъ о «свѣтилѣ угасшемъ для міра».—«Если любовь не ослѣпляетъ меня, то лишь благодаря его заслугамъ нашъ вѣкъ будетъ славенъ въ потомствѣ». Теперь самымъ пламеннымъ желаніемъ его было увѣковѣчить для потомства эти заслуги. Онъ еще раньше послалъ Петраркѣ стихи, въ которыхъ побуждалъ его къ изданію таинственной »Африки»: повсюду распространился слухъ, что ей угрожаетъ сожженіе согласно завѣщанію поэта, потому что онъ не хочетъ оставлять потомству незрѣлаго произведенія [1]). Миланецъ Франческоло де Броссано, зять и прямой наслѣдникъ Петрарки, обѣщался велѣть переписать его и подъ извѣстными условіями послать Боккачіо во Флоренцію. Во время переговоровъ послѣдній умеръ. Тогда Салютато убѣдительно просилъ Броссано принять его въ друзья вмѣсто покойнаго и передать ему «божественную Африку». Онъ намѣревался тотчасъ же приняться за работу и съ помощью поправокъ «обезсмертить божественную Сципіаду». Такимъ образомъ Боккачіо и Солютато, а также и помощникъ послѣдняго, нѣкто Никколо Никколи, который отправился въ Падую переписывать «Африку»—мы уже знаемъ его—вмѣстѣ съ прославленною поэмою перенесли во Флоренцію и духъ Петрарки и основали здѣсь его обитель, въ которой онъ и продолжалъ царить въ полномъ блескѣ. Съ трогательнымъ усердіемъ принялся Салютато работать надъ Африкою, многія выраженія нашелъ неловкими или неблагозвучными и хотѣлъ, къ чести поэта, выкинуть нѣкоторые стихи. Но старанія его и его друзей остались напрасными: поэма не явилась въ свѣтъ [2]). Весьма характеристично то слѣпое поклоненіе, какое Салютато воздавалъ двумъ «великимъ флорентинцамъ». Онъ не только восхвалялъ ихъ самихъ въ письмахъ и элегіяхъ, но и всѣ ихъ произведенія. Онъ полагаетъ, что не впадетъ въ преувеличеніе, ставя инвективы Петрарки противъ папскаго лейбмедика выше рѣчей Цицерона противъ Верреса и филиппикъ Демосѳена, даже выше рѣчей Цицерона противъ Катилины. Онъ находитъ, что миѳологія Боккачіо написана слогомъ «чисто божественнымъ», а его эклоги онъ предпочитаетъ если не буколикамъ Петрарки, то подобнымъ же произведеніямъ древнихъ [4]). Только при такомъ

1) Я не знаю, были ли эти стихи изданы. Напротивъ апокрифическій отвѣтъ Петрарки, въ который вставлено нѣсколько стиховъ изъ его произведеній, напечатанъ у Zachariae Iter litter. p. 347 и Mehus Vifa Ambr. Trav. p. 811.

2) О Медицейскомъ кадексѣ, содержащемъ рецензію, Mehus l. c.

3) ep. II, 6 ed. Rigacci.

4) Epist. II, 6 ed. Rigaeci.

восторженномъ поклоненіи можно было привлечь сторонниковъ и воздѣлывателей къ новой наукѣ, которая требовала жертвъ и представляла большія трудности [1]).

Потомъ Салютато, подружившись съ Марсильи, былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ посѣтителей Парадизо и монастыря Санто Спирито. Путь къ этому всесвѣтному мудрецу былъ дальній: онъ жилъ за Арно. Поэтому дорогою Салютано обдумывалъ предметъ разговора. Тутъ онъ, удовлетворяя своему внутреннему влеченію, старался въ долгихъ бесѣдахъ уяснить себѣ самые глубокомысленные вопросы нравственности [2]).

Когда Салютато былъ назначенъ канцлеромъ республики, ему было 45 лѣтъ отъ роду. Онъ какъ бы слился съ этой должностью, которую занималъ почти тридцать лѣтъ, до самой своей смерти. Современники изображаютъ его намъ мужчиною выше средняго роста, съ величественною осанкою, хотя впослѣдствіи онъ ходилъ нѣсколько сгорбясь, полнымъ силы и здоровья. Выраженіе мужественной отпечатлѣно было энергіи на сильно развитыхъ челюстяхъ и губахъ. Во взглядѣ было нѣчто мрачное, почти отталкивающее, рѣчь была серьезна и медленна, какъ рѣчь человѣка, который привыкъ наблюдать за собою. Но и во взглядахъ и въ рѣчахъ его просвѣчивало самое очаровательное добродушіе, когда онъ находился въ кругу людей, близкихъ ему [3]). Онъ даже и въ оффиціальной сферѣ умѣлъ быть гуманнымъ; его въ особенности хвалятъ за то, что онъ съ каждымъ гражданиномъ обходился ласково и любезно [4]). Его можно было считать образцомъ гражданской добродѣтели; въ его строгости, безупречности и преданности общему благу было нѣчто однородное съ аттическою καλοκαγαθία (совершенство во всѣхъ отношеніяхъ). Во время его тридцатилѣтняго завѣдыванія дѣлами республики ни разу не поколебалось то довѣріе, какое питали къ нему. Одно это уже служитъ доказательствомъ его безусловной честности, особенно если принять во вниманіе, что въ волнуемой смутами республикѣ къ чиновникамъ вообще относились недовѣрчиво. Послѣ смерти Салютато полюбопытствовали узнать, что онъ оставилъ. Оказалось,

---

[1]) Ejusd. epist. II, 3. 5. къ извѣстному Бенвенуто (де' Рамбальди) да Имола; II, 6. 7. ed. Rigacci. Три письма одинаковаго содержанія у Bandini Catal. codd. lat. p. 563. 564.

[2]) Leonardus Aret. libellus de disputationum usu p. 17.

[3]) Filippo Villani Vita etc. ed. Mazzucheli p. 28. Въ латинскомъ текстѣ Виллани нѣтъ характеристики Салютато; вѣроятно, она прибавлена уже послѣ смерти его, но навѣрное самимъ Виллани. Manetti у Mehus l. c. p. 289.

[4]) Lucas de Scarparia въ своей современной хроникѣ у Rigacci l. s. p. XIV.

что и дома, и другую недвижимую собственность онъ получилъ по наслѣдству; чистыми деньгами было всего 40 золотыхъ гульденовъ [1]). Онъ былъ отецъ многочисленной семьи и съ достоинствомъ исполнялъ долгъ главы ея. Въ 1390 г. у него было десятеро взрослыхъ сыновей, и онъ могъ смѣло сказать, что всѣ они стоятъ на хорошей дорогѣ [2]). Когда двое изъ нихъ умерли, то на похоронахъ ихъ Салютато не пролилъ ни одной слезы. Въ своей непоколебимой твердости онъ походилъ на стоическихъ героевъ древняго міра. Во время болѣзни своего любимца Пьетро онъ не отходилъ отъ него до самой его смерти, закрылъ ему глаза, уложилъ въ гробъ, сложилъ крестообразно руки на груди, но не обнаружилъ больше никакихъ признаковъ скорби. Такъ же твердо перенесъ онъ и потерю жены. Двѣ недѣли боролась она со смертью, и все это время онъ душевно страдалъ, плакалъ и молился. Но когда смерть взяла свое, онъ стоялъ надъ тѣломъ безъ слезъ, спокойно. Поддаваться скорбямъ онъ считалъ слабостью, недостойною мужчины [3]).

Салютато считали язычникомъ, руководящимся въ жизни древнею философіею и въ душѣ чуждымъ христіанской религіи. Въ тѣхъ бесѣдахъ, какія вели между собою образованные граждане, его рѣчь была пересыпана изреченіями Цицерона и Сенеки, будто они священные авторитеты, требовавшіе безусловной вѣры. Но письма его проникнуты истинною и глубокою религіозностью, твердою вѣрою въ Бога и прямымъ отношеніемъ къ христіанской религіи, которая, по его мнѣнію, согласна съ философіею стоиковъ. Напротивъ, онъ вовсе не сочувствовалъ эпикурейскимъ воззрѣніямъ, которыя впослѣдствіи нерѣдко находили сторонниковъ. Когда онъ нашелъ у своего уважаемаго Сенеки одно письмо, выражавшее, повидимому, его убѣжденіе, что душа исчезаетъ вмѣстѣ съ тѣломъ, то онъ съ сожалѣніемъ и негодованіемъ заявилъ, что этотъ философъ сошелъ съ ума [4]). У этого человѣка философія была въ полной гармоніи съ жизнью.

---

1) По списку пріоровъ въ Magliabechiana у Rigacci l. s. p. XXI.

2) Salutatus epist. 6. ed. Mehus. Письмо его къ Лоски 29-го сентября (1390) у Schio Sulla vita et sugli scritti di Antonio Loschi p. 157. Имена шестерыхъ сыновей сообщаетъ Moreni въ Salut. Invect. in Anton. Luschum p. XXX.

3) О первомъ случаѣ разсказываетъ Manetti въ напечатанномъ сочиненіи de illustribus longaevis по письму Салютато. Mehus l. c. p. 289. О смерти жены своей Салютато говоритъ въ epist. 16. ed. Mehus. Это философія его утѣшающихъ писемъ; cf. epist. 1. 2. 4. ed. Mehus. Піерія умерла въ 1396 г.

4) Глосса на поляхъ его экземпляра писемъ Сенеки у Bandini Bibl. Leop. Laurent. T. I, p. 466.

Такимъ Салютато былъ и въ общественныхъ дѣлахъ. Въ его лицѣ античная мудрость впервые оказалась плодотворною для государственной дѣятельности. Въ прежнее время духовнымъ лицамъ часто приходилось быть правителями государствъ, и они вносили въ деловую сферу превосходное духовное образованіе. Со временъ Салютато эта роль столь же часто выпадаетъ на долю ученымъ и гуманистамъ. Своимъ образованіемъ и патріотизмомъ онъ облагородилъ то дѣло, которое собственно было дѣломъ нотаріуса и опытнаго канцеляриста, когда онъ взялъ его на себя. Изъ чиновника пріоровъ онъ сдѣлался вліятельнымъ государственнымъ человѣкомъ, и теперь должность канцлера республики получила совсѣмъ иное значеніе. Возвышенный умъ и утонченное образованіе не позволяли Салютато погрязнуть въ мелочахъ ежедневной канцелярщины. Его одушевляла высокая идея отечества, какъ онъ однажды выразился, а потому онъ умѣлъ придавать глубокій смыслъ и мелочамъ. Быть можетъ, именно масса служебныхъ занятій мѣшала ему уходить въ древность, что Петрарка считалъ еще главною задачею политической мудрости. Идея свободы, воодушевлявшая его, была не пустою и туманною фикціею, а нераздѣльно сливалась съ флорентинскою отчизною, и мысль о судьбѣ ея приводила его въ благородный восторгъ.

Первые годы его дѣятельности совпали съ періодомъ трехлѣтней войны, которую вела Флоренція съ папою Григоріемъ XI. Это была пагубная война, ведшаяся иноземными наемниками, ознаменованная не блестящими сраженіями, а коварствомъ и измѣною. Флорентинская республика ставила на карту свое высшее благо, свою независимость. Въ ея войскѣ въ то время развѣвалось два знамени: одно было знамя общины, а на другомъ красовалось начертанное золотыми буквами золотое слово: свобода [1])! Во имя ея республика стремилась образовать и изъ городовъ Церковной области одинъ гибеллинскій союзъ, который въ качествѣ «священной лиги», священной именно во имя свободы, отказалъ бы въ повиновеніи главѣ церкви [2]). Канцлеру пришлось много работать: онъ велъ переписку отъ имени осьми правителей съ союзными городами, съ предводителями наемниковъ и членами партіи. Его посланія были проникнуты нравственною силою и силою убѣжденія, для которыхъ открылось обширное поприще, такъ какъ нужно было повліять на массу людей. Вотъ какая мысль воодушевляла его: «Этотъ городъ, этотъ народъ гнушается деспотизма у себя, проклинаетъ его и всегда

---

[1]) S. Antonino Chronicon p. III tit. XXII cap. 9. § 1.

[2]) Cp. Papencordt Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter s. 438, гдѣ положеніе дѣлъ съ римской точки зрѣнія изображается иначе.

готовъ защищать свободу другихъ городовъ [1])». Съ другой стороны Салютато питалъ къ врагу ненависть честнаго человѣка; онъ глубоко проникся ею, бывши на службѣ при авиньонскомъ дворѣ. Козни римскаго двора были разрушены возмущеніемъ народной партіи въ Церковной области. Канцлеръ съ своей стороны выступилъ противъ его угрозъ и проклятій съ могучимъ словомъ. Конечно онъ отстаиваетъ честь республики отъ упрека въ томъ, что она борется съ св. Церковью. Она хочетъ, говоритъ онъ, только отстоять свою свободу и прогнать чужеземцевъ, которыхъ папа призвалъ въ страну на гибель Италіи. Но онъ не отрекается отъ тѣхъ словъ, проникнутыхъ горькою истиною, которыя навсегда должны были воздвигнуть непреодолимую преграду между имъ и папствомъ. Съ церковью, говорится въ одномъ изъ его писемъ, немыслимъ прочный миръ; «ибо глава ея можетъ, говорю это съ полнѣйшимъ почтеніемъ къ нему, даже имѣетъ обычай въ силу своего могущества нарушать договоры, разрѣшать отъ клятвъ и т. д.». Папа, конечно, разсчитываетъ на внутренніе раздоры, напр. на междоусобія во Флоренціи; но чѣмъ ближе будетъ опасность, тѣмъ скорѣе прекратятся эти раздоры, и всѣ Флорентинцы возстанутъ какъ одинъ человѣкъ противъ общаго врага [2]).—«Мы знаемъ, что церковь очень сильна. Мы вѣримъ, что папа замышляетъ жестокую месть и опустошеніе Италіи. Но Всевышній обращаетъ въ ничто беззаконные замыслы и обрушиваетъ ихъ на головы тѣхъ, отъ кого они исходятъ.—А намъ дороже наша свобода, за которую мы боремся, чѣмъ коснѣющее въ лѣни рабство. Пусть враги грозятъ, пусть они богаче и, быть можетъ, сильнѣе насъ. Силѣ мы противопоставимъ силу и докажемъ, что свободѣ Флорентинцевъ можно угрожать, но не такъ легко одолѣть ее. И наконецъ все это въ десницѣ Божіей, такъ какъ превышаетъ силы человѣка, Онъ разсудитъ народъ свой и, по Своему милосердію, спасетъ свободу нашу и нашихъ потомковъ [3]).

Петрарка когда-то приходилъ въ восторгъ отъ замысла Колы и изъ далекаго Авиньона обращался къ римскому народу съ пламенными, но безсильными рѣчами. Теперь вооружался канцлеръ сосѣдней республики, стоявшей одиноко, и отъ имени своего правительства призывалъ Римъ и другіе города Церковной области къ возстанію, а Италію къ единству и свободѣ. Богъ,—такъ писалъ онъ

---

[1]) Изъ его письма къ Франч. Гвиниджи, луккскому послу, у Corniani I secoli della lett. Ital. T. I, p. 107.
[2]) Epist. II. 2 ed. Rigacci.
[3]) Epist. I, 786.

Римлянамъ, — наконецъ умилосердился надъ униженною Италіею, стенающею подъ игомъ рабства, достойнаго проклятія. Пусть она возстанетъ вся, воззоветъ всѣхъ къ свободѣ и завоюетъ ее съ мечемъ въ рукахъ. Римляне должны идти впереди всѣхъ, какъ основатели политической свободы, свергшіе нѣкогда тираннію царей и децемвировъ. Имъ не слѣдуетъ слушаться поповъ, которые убѣждаютъ ихъ покоряться власти главы церкви. Они не должны болѣе терпѣть, чтобы благородная Италія, которой самой бы подобало повелѣвать другимъ націямъ, томилась въ столь ужасномъ рабствѣ, чтобы варвары опустошали несчастный Лаціумъ, чтобы грабители французы овладѣли Италіей. — За эти-то слова Флоренція и была поражена самымъ тяжкимъ интердиктомъ и проклятіемъ со стороны папы. Имущество и личность каждаго флорентинскаго гражданина были объявлены внѣ законовъ, и всѣ Флорентинцы изгнаны изъ Авиньона. Между тѣмъ Римляне изъ страха уклонились отъ призыва— стать во главѣ лиги, образовавшейся для освобожденія Италіи. А когда, спустя нѣсколько лѣтъ, они приглашали Флоренцію принять участіе въ лигѣ, то республика была слишкомъ истощена и утомлена, такъ что не могла продолжать борьбу въ широкихъ размѣрахъ [1]).

Такое возрѣніе, показывающее, что «старинная доблесть еще не угасла въ сердцахъ итальянцевъ,» проглядываетъ не въ отдѣльныхъ только мѣстахъ писемъ Салютато, подобно сейчасъ приведенному; напротивъ всѣ они проникнуты имъ. Въ эпоху великаго раскола Салютато снова выступаетъ на сцену съ патріотическимъ памфлетомъ, который написанъ глубокимъ мыслителемъ и есть изліяніе его накипѣвшаго злобою сердца. Онъ написанъ отъ имени могущественной республики и оставляетъ далеко за собою и декламаціи Петрарки, и посланія монаховъ [2]). Поруганіе святыни пробудило въ душѣ его глубокую ненависть. Отсюда весьма понятно, что онъ выражаетъ ее не только въ качествѣ канцлера, но и при всякомъ случаѣ, гдѣ только ему приходится говорить о римскомъ дворѣ. Слова гнѣва и насмѣшки у него сами собою выливаются изъ подъ пера. Напримѣръ, обращаясь къ своему юному Ліонардо Бруни, которому онъ покровительствовалъ и который отправился въ

---

[1]) Флорентинскія посланія отъ 6 января и 1 февраля 1376 г. и дальнѣйшія см. у Gregorovius Geschichte der Stadt. Rom im Mittelalter Bd. VI s. 455, 457. Онѣ, безъ сомнѣнія, принадлежатъ перу Салютато.

[2]) Epist. I, 9 къ французскимъ кардиналамъ; въ томъ же духѣ I, 10 къ кардиналу Корсини и I, 51 къ маркграфу бранденбургскому и миланскому Іодову отъ 20 августа 1397 г.

Римъ искать должности въ канцеляріи, онъ вовсе не случайно называетъ его съ ироніею «достоуважаемымъ братомъ во Христѣ [1])». Въ его жилахъ течетъ горячая гибеллинская кровь. Онъ не могъ, подобно Петраркѣ, сѣтуя объ испорченности духовенства, въ тоже время пожимать руку любому прелату. Это была натура вполнѣ цѣльная, вся изъ самаго крѣпкаго матеріала.

Упомянемъ еще объ одномъ полемическомъ сочиненіи, которое было продиктовано канцлеру благороднымъ патріотическимъ негодованіемъ уже на 73 году его жизни. До того времени онъ ни разу не унижался до политическихъ инвективъ, никогда ни на кого не нападалъ, если писалъ отъ своего имени, а не отъ имени республики. Но его дорогая Флоренція подверглась поруганію, и онъ не могъ оставить ея безъ защиты. Подготовлялось новое нападеніе со стороны миланскихъ Висконти. Служа какъ бы предвѣстникомъ борьбы, въ Миланѣ вышло небольшое сочиненіе, проникнутое явною тенденціею—возмутить противъ республики ея подданныхъ, которые будто бы ждутъ миланскаго войска, чтобы свергнуть рабское иго. Салютато имѣлъ точныя свѣдѣнія, что авторомъ его былъ юный поэтъ Антоніо Лоски. Канцлеръ былъ его покровителемъ и другомъ во Флоренціи, а теперь поэтъ состоялъ на службѣ у Висконти. Онъ назвалъ Флорентинцевъ людьми тщеславными и ослѣпленными, смѣялся надъ тѣмъ, что они гордятся своимъ происхожденіемъ отъ древнихъ римлянъ. Это именно и была любимая идея Салютато. Лоски заявлялъ, что къ счастію человѣчества гордость республики будетъ унижена. Все это возмутило престарѣлаго канцлера. Онъ сдѣлалъ видъ, что не знаетъ автора, чтобы тѣмъ свободнѣе напасть на него, прямо называлъ его лягушкою, рабомъ рабовъ, звѣремъ, укорялъ въ болтливости, глупости и т. п.: таковъ былъ характеръ бранныхъ сочиненій со временъ Петрарки. Онъ по пунктамъ опровергъ все его сочиненіе, конечно съ словоохотливостью старца, но съ чувствомъ пламенной любви къ тому городу, честь котораго была оскорблена. И какъ онъ превозносилъ великолѣпіе его храмовъ, дворцовъ, галлерей и площадей, его богатое и образованное населеніе, его Данта, Петрарку, Боккачіо! Съ какою ученостью отстаивалъ онъ основаніе Флоренціи Римлянами, что̀ утверждалъ еще Дантъ и чѣмъ гордился каждый Флорентинецъ! Даже въ надгробной надписи Салютато ему ставится въ великую заслугу, что онъ разсѣялъ ложные навѣты Лоски [2])!

---

1) Epist. I, I, 1 ed. Rigacci.

2) Въ эпитафіи говорится: patriae ius fasque tuetur, Et cynici calamo perimit convicia Lusci.—Salutati Invectiva in Ant. Luschum (ed. Moreni), Florent. 1826. Относящееся

Главную суть политико-литературной дѣятельности Салютато составляетъ громадное собраніе его оффиціальныхъ и полуоффиціальныхъ писемъ, которыя разсылались изъ его канцеляріи по всей Италіи и за Альпы. Образцомъ бойкаго, раскошнаго и образнаго слога для него служили, по видимому, письма Петра де Винеа, внесшія въ политическую переписку страстный тонъ и вызывающіе риторическіе пріемы. Къ этому Салютато присоединилъ классическія выраженія и ссылки, маперу Сенеки и Петрарки. Цицеронъ, письмамъ котораго онъ именно и далъ право гражданства въ литературѣ, едва ли имѣлъ какое пибудь вліяніе на его слогъ. Но именно возвышенный, часто высокопарный слогъ писемъ Салютато и доставилъ имъ популярность, какою прежде никогда не пользовались эти канцелярскіе документы. Ихъ читали и списывали, удивляясь новому пріему—соединять политическія дѣла съ краснорѣчіемъ [2]). Вскорѣ для сношеній между итальянскими городами они служили тѣмъ же,

сюда письмо къ канцлеру Піетро Турко отъ 12 сент., въ которомъ Салютато говоритъ, что онъ въ февралѣ вступаетъ въ 73-й годъ своей жизни, положительно доказываетъ, что инвектива написана въ 1403 г. (р. XLIV). Памфлетъ Лоски не былъ напечатанъ отдѣльно, но включенъ по частямъ въ сочиненіе Салютато, и сохранился еще у Bandini Catal. codd. lat. T. III p. 561. и у др. И возраженіе Чино Ринуччини, сохранившееся только въ итальянскомъ переводѣ и показывающее въ авторѣ человѣка старой школы, напечатано въ изданіи Морени стр. 119 слл. Оно, повидимому, одновременно съ сочиненіемъ Салютато, потому что ни въ одномъ изъ нихъ ее упоминается о другомъ.

2) Lucas de Scarparia l. c. Manetti ap. Mehus l. c. p. 288: epistolas privatas et publicas paene infinitas ita egregie dictavit, ut in hoc epistolari genere solus consensu omnium reguare diceretur. Изданіе избранныхъ писемъ Ригаччи уже упомянуто. Изданіе Мегуса (Colucii P. Salutati Epistolae rec. Mehus Pars I Florent. 1741 typis P. G. Viviani), повидимому, стало весьма рѣдкимъ благодаря стараніямъ Ригаччи, который не поладилъ съ Мегусомъ. Оно было разсчитано на 5 томовъ, изъ которыхъ вышелъ только первый, содержащій 31 письмо. Замѣчательно, что Мегусъ пропустилъ гробовымъ молчаніемъ свое собственное изданіе. Онъ говоритъ въ Vita Ambr. Travers. p. 304 объ illustris anonymus и eruditissimus editor другихъ писемъ (это Лами), не упоминая ни слова о своемъ. Однако въ обоихъ изданіяхъ есть разныя письма, такъ что оба необходимы. Только письма 27 и 30 ed. Mehus напечатаны и у Ригаччи. Послѣ долгихъ поисковъ въ самыхъ обширныхъ нѣмецкихъ библіотекахъ я нашелъ наконецъ изданіе Мегуса въ гамбургской городской библіотекѣ. Полное изданіе писемъ и сочиненій. Салютато составляетъ долгъ чести, лежащій на флорентинскихъ ученыхъ, вообще столь дѣятельныхъ и патріотичныхъ. Ср. Mazzuchelli въ Villani Vite etc. p. 23 not. 7 и p. 77 not. 50. Небольшіе отдѣлы писемъ есть у Pez Thesaur. Anecd. noviss. T. v. p. III, въ Baluzii Miscell. Lis. IV p. 510, 511, 516, въ Epistolae Principum etc. (ed. ab. Don Zellino) Venat. 1574 p. 208, у Martene et Durand Vett. scriptt.—ampliss. Collect. T. III p, 903, въ Bibliothèque de l'école des chartis XI Année 1879 p. 536 ff., итальянскіе документы въ Commissioni di Rinaldo degli Abizzi vol. I съ 1399 г. О рукописныхъ сборникахъ см. hamius Catal. bibl. Riccard, p. 135, 136, 191, Mehus Vita Ambro, Travers p. 305 Baudini Bibl. Leop. hanrent. T. I p. 429, Tab. cadd. mzc. bibl. Vindob. voss.

чѣмъ прежде, у другихъ народовъ собранія формулъ, образцомъ новаго канцелярскаго стиля, украшеннаго цвѣтами краснорѣчія и философскими изреченіями. Дипломатическія формы вообще измѣнились. Сношеніе черезъ пословъ чаще стало замѣняться письменнымъ, и рядомъ съ изящнымъ слогомъ вошла въ моду флорентинская вѣжливость. Ученые и искусно владѣющіе слогомъ канцлеры въ итальянскихъ республикахъ и при дворахъ владѣтельныхъ особъ съ начала XV в. становятся рѣшительно необходимы. Поэтому выдающіеся гуманисты занимали этого рода должности въ Венеціи, Генуѣ, Сіэнѣ, Неаполѣ и Миланѣ, даже при римскомъ дворѣ, часто съ большимъ жалованьемъ. Это давало имъ возможность не подвергаться превратностямъ судьбы при университетахъ. А то обстоятельство, что для литературнаго честолюбія открывалась и сфера политической дѣятельности, повело къ неоцѣнимымъ послѣдствіямъ какъ для литературы, такъ и для политики.

Конечно, искусство убѣждать есть вмѣстѣ съ тѣмъ и искусство обманывать, и Салютато тоже очень хорошо зналъ это. «Чѣмъ скорѣе можно обмануть, какъ не ловко придуманною, хорошо составленною, красивою рѣчью? Что можетъ быть пріятнѣе стройной и гладкой фразы? Что больше увлекаетъ, трогаетъ и склоняетъ человѣческій умъ, какъ не искусное изложеніе дѣла?» [1]). Однако Салютато такъ же не былъ отцомъ лжи въ политикѣ, какъ и вѣкомъ позже его преемникъ по должности, Маккіавелли. Только на сторонѣ перваго было то преимущество, что искусство обманывать людей красивыми фразами было еще вновѣ, что «сила краснорѣчія, глубина мысли и возвышенный слогъ», которымъ удивлялись въ его письмахъ, еще мало были въ ходу, и потому производили необыкновенно мощное впечатлѣніе. Любили повторять выраженіе, приписываемое миланскому деспоту, Джіангалеаццо Висконти: Салютато, по его словамъ, больше повредилъ ему своими писаніями, чѣмъ тысяча флорентинскихъ всадниковъ [2]).

Республика достойнымъ образомъ почтила заслуги великаго канцлера. Онъ умеръ 4 мая 1406 года. Хотя ему было уже 76 лѣтъ отъ роду, однако онъ до послѣднихъ дней энергически исполнялъ свою обязанность. Тѣло его на другой день было выставлено на общественной площади дельи Перацци, чтобы всѣ могли видѣть

II p. 202. Lamius l. c. p. 141 упоминаетъ также объ Ars dictaminis s. de conscribendis epistolis, которое приписывается Салютато.

[1]) У Pez. l. c. p. 80.

[2]) Я встрѣтилъ въ первый разъ это произведенія у Энея Сильви Ен гора стр. 54. Pii II Comment. p. 50.

его. Его окружали высшіе сановники города, пріоры и гонфалоньеръ della girucstizia, доктора университета, знаменитости изъ гражданъ и ученаго міра и громадная толпа народа. Вивіано Нери де'Франко, нотаріусъ dei Riformagioni, слѣдовательно сослуживецъ покойнаго, выступилъ впередъ, сказалъ похвальное слово усопшему и потомъ, по опредѣленію пріоровъ и гонфалоньера, положилъ на голову его поэтическіе лавры. Знамена и значки общинъ и цеховъ склонились надъ тѣломъ. Гробницу его зарыли въ храмѣ С. Липарата [1]) и соорудили тамъ мраморный памятникъ на счетъ общины. Гражданамъ было приказано называть его не иначе какъ поэтомъ Колюччіо, и, по словамъ одного свидѣтеля, они признали, что онъ былъ достоинъ этой почести [2]).

Литературная дѣятельность Салютато, помимо оффиціальной, въ сравненіи съ политическою менѣе важна, но всетаки она и сама по себѣ заставила бы насъ обратить на него вниманіе. Къ сожалѣнію, изданы лишь немногія его произведенія. Извѣстенъ сонетъ его въ духѣ Петрарки, въ которомъ онъ обращается къ мадоннѣ Еленѣ; безъ сомнѣнія, этотъ сонетъ былъ не единственный [3]). Упоминаютъ еще о восьми эклогахъ, образцомъ для которыхъ тоже, вѣроятно, послужилъ Петрарка, и объ элегіи, написанной въ утѣшеніе Филлиды [4]). Это—юношескія произведенія, объ утратѣ которыхъ нечего особенно сожалѣть, судя по другимъ его опытамъ въ гекзаметрахъ [5]). Къ юношеской же порѣ, безъ сомнѣнія, относится и начало эпической поэмы, предметомъ которой была война Пирра, царя эпирскаго, съ Римлянами; она, очевидно, была вызвана «Сципіадою» Петрарки. Онъ написалъ немного больше плана, и она не была издана. Произведеніе de fato et fortuna было философскою дидактическою поэмою въ гекзаметрахъ и направлено противъ суетной мудрости астрологовъ. Но въ ней встрѣчались такія странныя языческія выраженія, что доминиканецъ Джіованни ди Доменико направилъ противъ нея свои Lucula noctis (свѣтъ во мракѣ) [6]). Изъ трактатовъ въ собственномъ смыслѣ, къ которымъ послѣдняя поэма слу-

---

1) Тогдашнее народное названіе извѣстнаго собора Santa Maria del Fiore.

2) По списку пріоровъ (Priorista) Вивіано (Джіовіано) Нери и Chronicon Lucas de Scarparia у Rigacci p. XIV, XV, XXI, и у Mehus Praefat. ad. Epistt. p. LXXVI. Короткая замѣтка объ этомъ у Valentinelli Bibl. ms. ad S. Marci Venez. T. IV, p. 202 Buonirsegni Hist. Fiorent. p. 798.

3) Напечатанъ въ Paradiso degli Alberti vol. I P. II p. 320.

4) Fil. Villani ed. galletti p. 19.

5) Ср. длинное неудачное стихотвореніе у Zacharias Itir litt. p. 338.

6) Часть этой поэмы Салютато напечатана въ Carmina ill. poet. Ital. T. VIII, p. 293. Cf. Bandini Catal. codd. lat. T. II, p. 614. Когда Сальви издавалъ Regola del

житъ переходомъ, повидимому, всего больше былъ въ ходу трактатъ de religione et fuga seculi (о религіи и удаленіи отъ міра). Однажды канцлеръ республики посѣтилъ во Флоренціи монастырь Камальдуловъ Santa Maria degli Angioli, въ которомъ уже и тогда, безъ сомнѣнія, были почитатели новаго краснорѣчія, какъ и среди августинскихъ монаховъ въ С. Спирито. Тамъ онъ пообѣщалъ брату Джироламо-де-Узано одно сочиненіе, которое должно было утвердить его въ любви къ монашеской жизни. Ему дѣйствительно доставили эту книгу, о которой Филиппо Виллани говоритъ, что она, безъ сомнѣнія, могла кого угодно привлечь къ одинокой и религіозной жизни. Быть можетъ, подобно книгѣ Петрарки: «О препровожденіи времени благочестиваго человѣка», въ ней больше рекомендовались поэтическія уединенныя созерцанія, чѣмъ отшельническая жизнь, сопровождаемая покаяніемъ и умерщвленіемъ плоти. Кромѣ того, мы знаемъ, хотя поверхностно, и другіе трактаты Салютато философскаго содержанія, какъ напримѣръ de verecundia, также о подвигахъ Геркулеса. Послѣдніе Салютато толковалъ аллегорически [1]). Причина, почему эти сочиненія были вскорѣ забыты, очевидна: они уже болѣе не удовлетворяли усилившимся запросамъ на хорошій слогъ и были отодвинуты на задній планъ болѣе пикантною литературою.

Какъ ни былъ великъ авторитетъ Салютато, однако ему не разъ приходилось защищать отъ ожесточенныхъ нападковъ свои любимыя занятія, чтеніе древнихъ поэтовъ, поэзію и риторику, которыя считались родственными между собою. Нападки эти шли большею частію отъ монаховъ. Уже къ послѣднимъ годамъ его жизни относится полемическое сочиненіе, направленное противъ Камальдула Джіованни изъ Санъ-Миніато, съ которымъ онъ часто велъ споры по этому вопросу и мѣнялся посланіями въ полемическомъ духѣ [2]). Монахъ этотъ отклонялъ юнаго Аньоло де'Корбинелли, котораго Салютато

---

governo di cura familiare (Firenre 1860) Джіов. Доминичи, то онъ напрасно искалъ въ библіотекахъ Lacula noctis. Оно было найдено потомъ Анціано въ Лаврентьевской. Ср. Janitschek. Die gesellschaft der Renaissance in Italien und die Kunst. Stuttg. 1879 s. 105. Это сочиненіе было въ вѣжливыхъ выраженіяхъ посвящено Салютато, хотя его сочиненіе и направлено противъ него и языческихъ наукъ. Монахи нерѣдко писали такіе душеспасительныя посланія въ духѣ сентиментальной набожности.

[1]) Перечень сочиненій Салютато помѣщено передъ изданіями писемъ у Ригаччи p. XXXIV и у Мегуса p. LXXVIII.

[2]) Salutatus epist. 26 ed. Mehus, изъ котораго я намѣренъ привести еще нѣчто въ VII книгѣ. Оно адресовано къ тому же Джіованни и содержитъ защиту поэзіи и нападки на высокомѣріе монаховъ. Джіованни отвѣчалъ на него въ сочиненіи, указанномъ у Mittarelli Bibl. codd. ms. S. Michaelis Venet. p. 597.

почиталъ чуть не за роднаго сына, отъ изученія языческихъ поэтовъ и указывалъ на Св. Писаніе. Сладкозвучныя изреченія языческихъ писателей онъ считалъ суетою суетъ и утверждалъ, что въ устахъ христіанина они почти составляютъ кощунство и идолопоклонство, портятъ нравы, какъ какая нибудь зараза и т. п. Престарѣлый канцлеръ взялся за перо и написалъ защитительное сочиненіе, бывшее уже послѣднимъ его литературнымъ трудомъ. Онъ требовалъ отвѣта отъ богослова, доказывая, что и Св. Писаніе, подобно поэзіи, прибѣгаетъ къ формѣ аллегоріи, что таинственный смыслъ древнихъ поэтовъ замѣчательно согласуется съ богословскими истинами, что въ Библіи тоже встрѣчаются неприличныя и возмутительныя выраженія [1]). Это, безъ сомнѣнія, тѣ взгляды, какіе когда-то высказывались въ кружкѣ С. Спирито. Ни Петрарка, ни Боккачіо не отваживались такъ смѣло и самоувѣренно нападать на духовенство. Защищая поэзію и древнихъ поэтовъ, они держались оборонительнаго положенія. Однако церковь оставляла Салютато въ покоѣ: его охранялъ гибеллинскій духъ республики.

Подобно Петраркѣ, и Салютато является ревностнымъ собирателемъ книгъ, неутомимо хлопотавшимъ о томъ, чтобы увеличивать число сочиненій древнихъ римлянъ въ своей библіотекѣ и пополнять ихъ. Если первому въ его разныхъ литературныхъ сношеніяхъ помогала его слава, то послѣднему открывало всюду доступъ его оффиціальное положеніе, такъ что онъ легко доставилъ сочиненія или, по крайней мѣрѣ, списки ихъ. Онъ считаетъ самъ себя любителемъ книгъ, не выпускающимъ изъ рукъ ничего, и страстно желалъ имѣть ихъ больше. Въ этомъ отношеніи, по его словамъ, онъ никогда не могъ соблюдать мѣры; ко всякаго рода имуществу, какое есть у него, онъ относится, какъ господинъ, но передъ книгами становится рабомъ [2]). Подобно Петраркѣ, Салютато обыкновенно просилъ своихъ заграничныхъ друзей розыскивать

---

[1]) Mehus vita Ambros. Travers. p. 292 привелъ извлеченія изъ сочиненій брата Джіованни и Салютато. Послѣднее какъ у него, такъ и у Bandini Catal. codd. lat. T. III, p. 560 помѣчено 25-мъ января 1406 г. (конечно, по флорентинскому стилю, слѣд. 1405 г.). Изданіе Salutati Epistola al reverendo D. Giovanni Dassaminiato (!), tradotta di latino da Niccolo Castellani (ed. Stolfi), Bologna 1867, сообщаетъ только старый итальянскій переводъ. Писалъ ли Салютато сечиненіе въ защиту Петрарки, на котораго нападали, котораго отъ него требовали, мы не знаемъ. Salutatus ep. 19 ed. Mehus. Но 23 epist. этого изданія есть апологія Виргилія, направленная противъ его порицателей.

[2]) Письмо къ Пасквино де'Каппелли отъ 24-го сентября (1390) въ Hauptii Opuscula vol. II p. 114. 115.

неизвѣстныхъ до того времени классиковъ, особенно потерянныя книги Ливія, также Помпея Трога, котораго онъ зналъ только по Юстину, наконецъ полнаго Квинта Курція [1]). Но и онъ, какъ Петрарка, испыталъ много разочарованій. Нѣкоторое время Салютато надѣялся имѣть исправный экземпляръ Квинтиліана, сочиненія котораго Петрарка зналъ въ весьма неполномъ видѣ, но надежда эта не сбылась. Его положительно увѣряли, что у Гонзаги въ Мантуѣ есть произведенія Эннія, впрочемъ только Лѣтописи, но ихъ не оказалось [2]). Зять Петрарки писалъ ему, что у миланскаго герцога Джіанъ-Галеаццо есть оставшееся послѣ Петрарки сочиненіе Варрона de mensuris orbis terrarum очень стариннаго письма и съ геометрическими фигурами, но его не нашлось, и Лоски былъ того мнѣнія, что это сочиненіе есть de lingua latina [3]). Маркграфъ моравскій Іобстъ писалъ ему, что онъ нашелъ полнаго Ливія и позаботится снять копію съ него. Солютато не хотѣлъ этому вѣрить, но потомъ узналъ отъ маркграфскаго канцлера, что въ бенедиктинскомъ монастырѣ Любекскаго діоцеза дѣйствительно есть полный или почти полный Ливій, только такого стариннаго письма, что его никто не можетъ разобрать. Салютато убѣдительно просилъ сообщить рукопись и уже надѣялся располагать ею. Но о ней опять замолчали, и не разъ еще толки о Ливіи, хранящемся на сѣверъ, вводили въ заблужденіе поклонниковъ древней литературы [4]).

Петрарка собралъ очень много книгъ, которыя для другихъ были едва доступны, лучше сказать совсѣмъ недоступны. Но онъ видимо не былъ расположенъ дѣлиться подобными сокровищами, потому ли, что не хотѣлъ разставаться съ своими книгами, или не желалъ, чтобы кто нибудь пользовался рѣдкостями кромѣ него. Мы слышимъ, что онъ подарилъ Лапо да Кастильонкіо рѣчь за Архію въ отплату за то, что получилъ отъ него цѣлый рядъ рѣчей Цицерона. Но мы не знаемъ другаго случая, когда бы онъ согласился на распространеніе книги, взятой изъ его библіотеки. У него были стихотворенія Катулла и Проперція, вѣроятно, также и Тибулла. Салютато зналъ это. Онъ долго хлопоталъ, желая познакомиться съ этими поэтами, которые были извѣстны ему почти только по именамъ. Но онъ обратился за этимъ не къ Петраркѣ, а къ Гаспарре де'

---

[1]) Письмо къ неизвѣстному у Mehus Vita Ambros. Travers. p. 296, къ школьному учителю Доменико изъ Ареццо у Bandini Catal. cold. latl. T. III, p. 564.

[2]) Salutati epist. II, 18 ed. Rigacci.

[3]) Его посланіе къ Каппелли отъ 24 сент. (1390).

[4]) Приписки къ epist. I, 51 Салютато, ed. Rigacci, издалъ Гауптъ въ Ber. der K. Sächs. Ges. der Wess. Bd. II 1850 s. 16.

Броаспини въ Веронѣ. Въ его библіотекѣ, безъ сомнѣнія, сдѣланы были и для Петрарки копіи съ этихъ произведеній, вообще совсѣмъ неизвѣстныхъ [1]). Катулла онъ получилъ изъ Вероны. Стихотворенія Проперція были списаны для него впослѣдствіи съ экземпляра Петрарки послѣ его смерти. У него былъ и Тибуллъ; это доказывается его экземпляромъ, и теперь сохранившимся [2]).

Послѣ смерти Петрарки для Салютато открылся доступъ къ его литературнымъ богатствамъ, благодаря Броссано, зятя покойнаго, и Ламбардо да Серико, другу дома покойнаго поэта. Мы уже знаемъ, какъ при ихъ помощи получилъ онъ доступъ къ «Африкѣ». Теперь онъ могъ заказать копіи и съ другихъ произведеній Петрарки, оставшихся неконченными, какъ напр. книга «О знаменитыхъ мужахъ» и «Достопамятныя повѣствованія». Теперь для него сталъ доступенъ и цѣлый рядъ рѣчей Цицерона, которыхъ у него еще не было, или были въ искаженномъ видѣ. Вѣроятно, было удовлетворено и его страстное желаніе имѣть Academica Цицерона. За то въ книгахъ Петрарки не нашлось нѣкоторыхъ сочиненій римскаго оратора, хотя они, по нѣкоторымъ даннымъ, должны были тамъ быть [3]). Такъ напр. странно, что въ этомъ случаѣ ничего не слышно о письмахъ Цицерона, о томъ экземплярѣ, который Петрарка списалъ въ Веронѣ въ 1345 г.

Салютато постоянно желалъ достать именно письма Цицерона, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ его вниманіе было привлечено отрывками изъ нихъ, приведенными Петраркою въ разныхъ мѣстахъ его сочиненій. Онъ зналъ также, что Петрарка нашелъ ихъ въ Веронѣ. Поэтому онъ обратился прежде всего къ Броаспини, но получилъ при его посредствѣ лишь выборъ изъ нихъ, около 60 писемъ, которыя только усилили его желаніе имѣть ихъ всѣ. Уже около 1389 г. узналъ онъ, что герцогъ миланскій, Джіангалеаццо, получилъ въ подарокъ множество старыхъ книгъ изъ библіотекъ веронской и верчелльской и въ числѣ ихъ есть веронскій списокъ писемъ Цицерона, а также и другой изъ Верчелли, который, какъ ему желалось бы думать, содержалъ въ себѣ тѣже письма. Онъ тотчасъ же принялся дѣятельно хлопотать о томъ, чтобы другимъ

---

[1]) Относительно Катулла и Тибулла въ пользу этого мнѣнія говоритъ упоминаніе ихъ у Guilielmus Pastregicus de originibus rerum libellus fol. 18, который безъ сомнѣнія обратилъ вниманіе Петрарки и на рукопись писемъ Цицерона. А за Проперціемъ Салютато обращается прямо въ Верону.

[2]) Гауптъ обнародовалъ въ Sitzungsberichte d. K. Sächs. Ges. d. Wiss. 1849 s. 256 ff. три письма Салютато къ Броаспини и Бенвенуто да Имола отъ 20 и 25 іюля и 17 окт. 1374 г. (въ Hauptii Opeese. vol. I. p. 279 sq.). Тоже письмо къ Ломбардо да Серико 13 іюня (конечно, 1375 г.) у Bandini Catal. codd. lat. T. III p. 567. Tibulli Eleg. rec. Baehrens Proleg. p. VII. X.

путемъ добраться до желаннаго сокровища. Онъ былъ въ сношеніяхъ съ миланскимъ канцлеромъ, Пасквино де' Каппелли, также съ юнымъ поэтомъ Антоніо Лоски. Послѣдній въ то время — передъ своимъ злымъ пасквилемъ на Флоренцію—былъ еще его дорогимъ другомъ и тоже вращался при миланскомъ дворѣ. Каппелли, дѣйствительно, велѣлъ списать письма для флорентинскаго коллеги, но не смотря на усиленныя убѣжденія послѣдняго и увѣренія въ дружбѣ не хотѣлъ вступить съ нимъ въ переписку, потому что въ то время Миланъ велъ войну съ Флоренціею. Наконецъ списокъ былъ полученъ. Съ Салютато случилось тоже самое, что съ человѣкомъ, который искалъ серебра, а нашелъ золото. Онъ читалъ совсѣмъ другія письма Цицерона, не тѣ, какихъ ожидалъ, судя по имѣвшимся у него 60 и по ссылкамъ Петрарки. Ихъ списали не съ веронскаго экземпляра, а съ верчелльскаго, а первый заключалъ въ себѣ частныя письма Цицерона, о существованіи которыхъ не зналъ Петрарка, да и вообще никто. Если въ средніе вѣка ихъ и видѣлъ кто нибудь, то только теперь они нашли мѣсто въ литературѣ, имѣвшей значеніе. Слогъ писемъ краснорѣчивѣйшаго изъ римлянъ долженъ былъ произвести въ ней коренной переворотъ. Салютато вполнѣ оцѣнилъ важность этой находки; онъ смотрѣлъ на эту книгу не только какъ на неисчерпаемый источникъ краснорѣчія, но, какъ Петрарка, за полвѣка передъ тѣмъ, тотчасъ же заглянулъ въ душу прославленнаго римлянина. Только теперь онъ узналъ Цицерона, о которомъ судилъ лишь по своимъ книгамъ и рѣчамъ, узналъ, какъ онъ мыслилъ и чувствовалъ какъ гражданинъ, какъ относился къ друзьямъ и семьѣ, въ какое приходилъ отчаяніе въ минуты опасностей и бѣдствій. Этимъ объясняется его безпредѣльная благодарность другу за его «божественный подарокъ» По словамъ Салютато, онъ никогда ничего не читалъ съ такою жадностью и съ такимъ упоеніемъ. Онъ никогда не думалъ, чтобы могъ такъ наслаждаться чтеніемъ. Онъ чувствуетъ себя столь довольнымъ и счастливымъ, что едва помнитъ себя отъ радости. Но тѣмъ убѣдительнѣе просилъ канцлеръ приказать списать для него съ веронской рукописи и другія письма Цицерона: къ Аттику, къ Квинту Цицерону и Бруту. Тянулись цѣлые годы, а война еще продолжалась, и миланскій канцлеръ хранилъ упорное молчаніе, оставляя безъ отвѣта письма Салютато. Наконецъ и эта копія была получена. Быть можетъ, въ теченіи тысячи лѣтъ нигдѣ обѣ группы Цицероновскихъ писемъ не встрѣчались вмѣстѣ кромѣ двухъ старинныхъ миланскихъ рукописей и въ обоихъ спискахъ съ нихъ у Салютато. [1])

---

[1]) Больше подробностей съ доказательствами изъ источниковъ см. въ моемъ разсужденій о рукописной передачѣ писемъ Цицерона,—въ Bericht. der K. Sachs. Ges. d. Wiss

Но въ этомъ случаѣ канцлеръ не былъ только ревностнымъ собирателемъ и читателемъ-диллетантомъ. Онъ часто жалуется на ненадежность и недобросовѣстность переписчиковъ, которые то дѣлаютъ пропуски, то берутъ въ текстъ толкованія и такимъ образомъ искажаютъ его. Извѣстно, что онъ редактировалъ письма Цицерона, снабдилъ ихъ указателемъ содержанія и толкованіями и просилъ Хризолора объяснить греческія слова, встрѣчающіяся въ нихъ. Онъ сравнилъ разные списки сочиненій Сенеки и Августина и исправилъ текстъ. Тоже самое должно сказать и о другихъ сочиненіяхъ, бывшихъ когда-то у него. Мы должны удивляться подобной дѣятельности канцлера, обремененнаго занятіями. Онъ обладалъ и критическимъ талантомъ, Такъ онъ тотчасъ же сообразилъ, что сочиненіе de differentiis, распространенное подъ именемъ Цицероновскаго, не можетъ принадлежать ему [1].

Въ сношеніяхъ съ молодыми писателями, выросшими подъ его покровительствомъ, Салютато былъ добръ и простъ. Онъ помогалъ имъ совѣтомъ и дѣломъ, въ особенности щедро снабжалъ своими книгами, которыя считалъ общимъ достояніемъ. Онъ былъ для нихъ благодѣтелемъ и наставникомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и строгимъ отцомъ. Канцлеръ не могъ относиться равнодушно къ легкомысленнымъ взглядамъ и тщеславію этого молодаго поколѣнія. Онъ увѣщевалъ юнаго Поджіо, который сначала жилъ бѣдно во Флоренціи, а потомъ получилъ хорошее мѣсто при римскомъ дворѣ, относить это не къ своимъ талантамъ и заслугамъ, а прежде всего къ милости Божіей и ходатайству одного придворнаго. Въ другой разъ онъ совѣтовалъ ему остерегаться столкновеній и ссоръ, не говорить о томъ, о чемъ не слѣдуетъ [2]). Когда мы познакомимся ближе съ этимъ Поджіо, то увидимъ, что такіе совѣты вовсе были не лишни для него, и Салютато былъ единственный человѣкъ, отъ котораго онъ терпѣливо выслушивалъ ихъ. Ліонарди Бруни, который всѣмъ былъ обязанъ Салютато и тоже однажды услыхалъ отъ него подобное нравоученіе, сначала было по гордости отнесся нѣсколько рѣзко къ своему благодѣтелю, но впослѣдствіи искренно раскаялся

1879. Послѣ того письма привелъ въ болѣе строгій порядокъ Фиртель въ Jahrb. für klass. Philol 1880 S‘ 242.

[1]) Deschamps Essai bibl. sur. Cicéron p. 154. Его мнѣнія о томъ, что философъ Сенека не могъ быть авторомъ приписываемыхъ ему трагедій (epist. II, 41 ed Rigacci) я не буду приводить здѣсь, потому что подобное сомнѣніе уже высказалъ Петрарка, при томъ не разъ. Но ср. ep. 23 ed. Mehus его основательное сужденіе о стихотвореніяхъ, извѣстныхъ подъ именемъ Катоновыхъ.

[2]) Epist. I, 6. 76 ed. Rigacci.

въ этомъ [1]). Есть нѣчто трогательное въ томъ воспоминаніи, какое хранила эта молодежь о старомъ канцлерѣ. Когда Бруни узналъ о его смерти, то сожалѣлъ, что не можетъ уже видѣть безъ слезъ ни площади, ни сеньоріи, ни церквей Флоренціи, гдѣ онъ такъ долго встрѣчался съ нимъ [2]). А Поджіо, получивши извѣстіе объ этомъ, писалъ: «Мы, занимающіеся изученіемъ гуманныхъ наукъ, потеряли отца, какого намъ трудно будетъ найти. Мы лишились пріюта и отрады всѣхъ образованныхъ умовъ, свѣта отчизны, украшенія Италіи [3]). Даже Лоски, котораго покойный такъ разгромилъ въ литературной стычкѣ, теперь заявилъ, что онъ всегда любилъ его. Онъ называлъ его главою латинскаго краснорѣчія между современниками [4]). Если они причисляли его, какъ вполнѣ достойнаго, къ вождямъ гуманизма, то и мы смѣло отведемъ ему это почетное мѣсто въ ряду первыхъ свѣтилъ его времени.

Флоренція, изгнавшая своего Данта, съ избыткомъ искупила свою вину. Со временъ Боккачіо и Салютато въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ она оставалась метрополіею новаго просвѣщенія, и необычайное множество представителей его были родомъ изъ Тосканы.

Примѣръ этихъ великихъ мужей, несомнѣнно, въ умѣ многихъ вызвалъ представленіе о золотомъ вѣкѣ римской литературы. Но принимая въ соображеніе ту энергію, съ которою тогда предавались новаго рода занятіямъ, мы находимъ, что успѣхи были посредственные, распространеніе знаній шло медленно. Въ ту эпоху потребовалось цѣлое столѣтіе на то, чего мы достигли въ какія нибудь десять лѣтъ. Средства къ образованію и передачѣ знаній были крайне скудны. Кто не могъ потратить большихъ денегъ на то, чтобы запастись книгами, или не имѣлъ случая доставать ихъ у щедраго обладателя, тотъ долженъ былъ, быть можетъ, довольствоваться однимъ Виргиліемъ и немногими сочиненіями Цицерона и могъ лишь мало по малу увеличивать свои сокровища путемъ переписки. Старыя руководства по грамматикѣ и реторикѣ стали негодны къ употребленію, а новыхъ еще не было. Постоянно повторяемое чтеніе, заучиваніе наизусть и упражненія должны были замѣнять собою систематическое преподаваніе и, разумѣется, замѣняли его слабо. Кружокъ

---

[1]) Leon. Bruni epist. I, 10. X, 5. rec. Mehus.
[2]) Epist. I. 12 rec. Mehus.
[3]) Его письмо къ Никколи отъ 15 мая 1406 г. въ Poggii Epistt. ed. Tonnelli vol. I p. XIII, у Bandini Catal. codd. lat. T. III p. 647, отчасти также у Bandini Bibl. Leop-Laurent. T. II p. 451, гдѣ впрочемъ письмо по ошибкѣ приписывается Бруни
[4]) Его письмо отъ 25 октября 1406 г. у Scbio p. 151.

друзей, который собирали вокругъ себя Петрарка, Боккачіо и Салютато, былъ самъ по себѣ весьма обширенъ, но ничтоженъ въ сравненія съ тѣми сотнями и тысячами людей, которые хотѣли учиться и на каждомъ шагу встрѣчали препятствія. Прежде чѣмъ книгопечатаніе дало могучее орудіе къ распространенію знаній, для этого требовались другія средства.

За людьми первой поры возрожденія знаній послѣдовало второе поколѣніе, поколѣніе странствующихъ наставниковъ. Подобнымъ же образомъ и основанію университетовъ предшествовало сословіе странствующихъ преподавателей и учениковъ. И какъ тогда, такъ и теперь преимущественно грамматики и риторы переходили изъ города въ городъ въ качествѣ частныхъ преподавателей [1]). Классическое выраженіе ludi litterarii (школы) осталось въ ходу. Къ знаменитымъ наставникамъ собирались и старцы, и юноши, и люди знатные, и низкаго званія, и свои и чужеземцы, составляя самую пеструю, смѣсь. А такъ какъ наставники переходили съ мѣста на мѣсто, то часто и ученики путешествовали, чтобы въ одномъ мѣстѣ учиться хорошему слогу, въ другомъ объясненію писителя, въ третьемъ античной морали, а тамъ — греческой грамматикѣ. Разнообразіе въ преподаваніи, столкновенія и скитальческая жизнь преподавателей рождали новыя педагогическія силы и все болѣе и болѣе вызывали къ жизни многосторонніе интересы.

Первый странствующій учитель былъ ученикъ Петрарки. Въ 1364 г. другъ его Донато рекомендовалъ ему бѣднаго молодаго человѣка, который обратилъ на себя его вниманіе въ венеціанской школѣ своими способностями въ качествѣ писца. Это былъ Джіованни Мальпагини, родомъ изъ Равенны [2]). Едва вышедши изъ

---

[1]) Cf. Wilh. Giesebrecht de literarum Sturiis apud Italos primis medii revi Saeculis, 1845, p. 1519.

[2]) Ученые приходятъ въ отчаяніе отъ хронологическихъ трудностей, какія представляетъ его біографія; нѣкоторые даже считали встрѣчающіяся въ ней противорѣчія неразрѣшимыми. Главная суть заключается въ двухъ годахъ, въ которыхъ собственно нельзя сомнѣваться. Салютато, знавшій своего друга, говоритъ въ письмѣ къ Карло Малатеста, что Джіованни оставался у Петрарки ferme trilustri tempore, а самъ Джіованни говоритъ въ посвященіи своей исторіи Каррары: octo prope lustris atrü verna Carrigerum... fui... egs juvenis et pauper aulam adii etc. Такъ возникаютъ непомѣрные періоды времени, не оставляющія мѣста для другихъ родовъ дѣятельности Джіованни. Стараясь пособить горю, Мегусъ въ своемъ предисловіи къ письмамъ Салютато допустилъ возвращеніе Джіованни послѣ втораго удаленія къ Петраркѣ, у котораго онъ и могъ оставаться до конца его жизни. Но въ источникахъ на это нѣтъ ни малѣйшаго указанія, да и правдоподобіе не въ пользу этого предположенія. Ginnani Memorie degli Scrittori Ravennati T. I, p. 214—225 пришелъ къ мысли подѣлить извѣстія между двумя совре-

отроческаго возраста, онъ отличался не только хорошимъ почеркомъ, но и необыкновенною тщательностью, усердіемъ, понятливостью и любовью къ литературѣ, которою занимался его наставникъ. Онъ переписалъ, къ удовольствію Петрарки, сборникъ его дружескихъ писемъ, который слѣдовало привести въ порядокъ, такъ какъ они составляли безпорядочную массу копій и набросковъ и надъ ними раньше уже нѣсколько лѣтъ трудились четверо писцовъ. Онъ былъ для своего наставника не только пріятнымъ и дорогимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и полезнымъ человѣкомъ. Чтобы вполнѣ привязать его къ себѣ,

---

менными Джіованни-да-Равенна, изъ которыхъ одинъ имѣлъ фамилію Ферретти. Но его изложеніе лишено критики. Впрочемъ, съ нимъ согласны Tiraboschi T. V и Fracassetti Lettere di F. Petrarca v. V. p. 91—100. Напротивъ, Baldelli Petrarca p. 249—252 защищалъ единство личности и старался разъяснить кажущіяся противорѣчія, впрочемъ, неудачно. Основательнѣе доказывалъ это Colle Storia dello studio di Padova vol. IV, p. 85-e seq., но не разрѣшилъ затрудненія, какъ самъ говорить. И онъ дѣлаетъ натяжки во времени, относя съ Бальделли письмо Петрарки къ Боккачіо отъ 1365 г. (epist. rer. fam. XXIII, 19) къ 1361 г. и допуская съ Мегусомъ возвращеніе молодаго Джіованни къ Петраркѣ и все-таки едва выгадываетъ только 13 лѣтъ. 40 лѣтъ при карроркомъ дворѣ можно допустить потому, что юнаго писца заставляютъ поступить туда чрезъ Петрарку, при чемъ нужно имѣть въ виду и перерывы. Нельзя допустить двухъ Джіованни-де-Равенна, которые оба были магистры и писатели, уже потому, что современное и слѣдующее поколѣніе говорятъ постоянно только объ извѣстномъ Джіованни-да-Равенна, или Iohannes grammaticus. Но всѣ трудности исчезнутъ, если поставить вопросъ, что понимали подъ словомъ lustrum сами Салютато и Джіованни. Безъ сомнѣнія, не древне-римскій циклъ, а по средневѣковому—годъ, и въ доказательство этого Du Cange Glossat. med. et inf. lat. s. v. Lustrum приводитъ нѣсколько примѣровъ. Поэтому слова Салютато ferme trilustri tempore значатъ тоже, что самъ Петрарка epist. rer. senil. XI, 8 говоритъ: triennio et ampliis mecum fuit. Небольшую разницу можно объяснить, если Петрарка считалъ и два мѣсяца перваго удаленія Джіованни, а самъ онъ не считалъ. Восемь лѣтъ при каррарскомъ дворѣ сами собою окажутся изъ дальнѣйшаго. Но не слѣдуетъ забывать того, что Salutatus ep. 18 ed. Mehus p. 81 умѣетъ считать lustrum и по древне-римски. Такимъ образомъ все выходитъ просто въ исторіи жизни Джіованни. Остается только объяснить разницу въ оффиціальныхъ упоминаніяхъ имени его отца. Въ нотаріальныхъ актахъ падуанской общины у Colle l. c. p. 96 нашъ профессоръ въ 1382 г. именуется filius ser. mag. C o n v e r t i n i physici de Tregnano, у Facciolatus gymnas. Patav. Synt. XII p. 167 онъ называется такъ: q. (quondam) mag. C o n v e r t i n i (1399). Mehus (у Colle l. c. p. 99) прочелъ въ одномъ документѣ имя отца Iacopo, а какъ профессоръ во Флоренціи, Джіованни въ разныхъ документахъ будто бы называется Conversanus (Conversani sc. filius?) У насъ есть только адреса двухъ писемъ Салютато къ нему, epist 14 и 18 ed. Mehus: Johanni de Ravenna Conversano и Joanni Malpaghiano de Ravenna. Это—одно лицо, что вывелъ Mehus Praef. p. XI ex multarum epistolarum lectione, quae ad eos exaratae sunt. Напротивъ, есть оффиціальное флорентинское постановленіе 10-го іюня 1412 г. (у Lalvini Fasti p. XV и у Gaye Carteggio I p. 544, гдѣ онъ названъ Iohannes de Malpaglinis. Насколько можно судить, слѣдуетъ принять Convertinus и Conversanus за народное имя его отца, а Tregnano за мѣсто его пребыванія въ 1382 г., при чемъ его могли прозвать Jacopo. Фамилія его несомнѣнно Malpaghini. Фамилія Ферретти впервые дана въ XVI в. и совершенно произвольно падуанскому канцлеру епископомъ Джіанпіетро Ферретти.

Петрарка просилъ своего друга, архіепископа равеннскаго, принять его въ духовное званіе и имѣлъ въ виду доставить ему бенефицію. Это въ то же время было облегченіемъ и для самого поэта, такъ какъ ему до сихъ поръ приходилось снабжать бѣднаго юношу платьемъ и вообще всѣмъ необходимымъ. Съ своей эгоистической точки зрѣнія онъ былъ убѣжденъ, что юноша не можетъ вести жизни болѣе счастливой и славной, чѣмъ когда онъ возмужаетъ такимъ образомъ въ храмѣ мудрости, въ ежедневныхъ сношеніяхъ съ свѣтилами мудрости, въ услуженіи у него, какъ человѣкъ преданный, и останется до самой смерти. Джіованни, конечно, признавалъ то умственное вліяніе, подъ которымъ находился, но въ его тѣлѣ жилъ тревожный духъ, не дававшій ему покоя. Ему наскучило быть простымъ переписчикомъ, только спутникомъ, вращающимся вокругъ свѣтила учености. У него застаивалась кровь оттого, что онъ въ цвѣтущихъ лѣтахъ долженъ былъ жить одною жизнью съ безмятежнымъ старцемъ. Юноша обратилъ свои взоры на Неаполь, на Византію, мечталъ о греческомъ языкѣ, хотѣлъ бы отправиться въ Авиньонъ, видѣть Римъ. Однимъ словомъ онъ желалъ самъ завоевать себѣ счастіе и славу. Однажды — это было 21 апрѣля 1366 г. — молодой человѣкъ объявилъ своему наставнику, что не можетъ и не хочетъ больше оставаться у него. А когда тотъ сталъ спрашивать о причинѣ, то онъ со слезами благодарности на глазахъ сознался, что другой причины никакой нѣтъ, кромѣ той, что не можетъ больше переписывать. Онъ не желаетъ больше быть писцомъ ни у кого. Петраркѣ эта причина показалась невѣроятною; онъ подозрѣвалъ, что молодой человѣкъ, который такъ много работалъ у него почти безъ вознагражденія, разсчитываетъ получить болѣе выгодную службу въ другомъ мѣстѣ. Такъ какъ Джіованни намѣревался отправиться въ Неаполь, то наставникъ шутилъ надъ новымъ равеннскимъ Виргиліемъ. Но послѣдній сознался въ своемъ страстномъ желаніи изучать греческій языкъ и литературу. Поэтому Петрарка, тоже когда-то питавшій эту страсть, сказалъ, что онъ еще плохо знаетъ и латинскій языкъ. Но Джіованни, послѣ недолгихъ колебаній, дѣйствительно рѣшился уйти. Наставникъ видѣлъ въ немъ просто непостояннаго молодаго человѣка, безпокойнаго бродягу, однако снабдилъ его рекомендательными письмами и далъ немного денегъ на дорогу. Конечно, Петрарка обрадовался, когда безденежье, опасносни и горе заставили молодаго равеннца со стыдомъ вернуться въ домъ своего господина уже въ рубищѣ. Онъ дошелъ, и то голодая, только до Пизы.

Но примиреніе между этими людьми длилось не долго, лишь до тѣхъ поръ, пока не изгладились ужасныя впечатлѣнія перваго странство-

ванія. Черезъ годъ Джіованни уже нельзя было удержать. Онъ хотѣлъ отправиться прямо въ Константинополь, а такъ какъ Петрарка сообщилъ ему, что тамъ не особенно можно запастись ученостью, то—по крайней мѣрѣ въ Калабрію. Онъ желалъ посѣщать тамъ такихъ людей, какъ Барлаамо и Пилато. Наставникъ не рѣшался уже охуждать его намѣреніе видѣть Римъ и учиться по гречески, хотя юноша все-таки казался ему безразсуднымъ искателемъ приключеній. Снабженный болѣе обильными средствами и рекомендательными письмами въ Римъ и Неаполь, Джіованни отправился, готовясь вести жизнь, полную превратностей, лишеній и разочарованій [1]). Это типическій представитель поколѣнія бурныхъ стремленій, какія всегда возникаютъ, когда геніальные люди открываютъ новыя области науки или искусства. Такіе представители исполнены безпредѣльнаго рвенія къ образованію и отважно стремятся къ высшимъ цѣлямъ, но стремленія ихъ неясны и отличаются юношески преувеличеннымъ понятіемъ о своихъ силахъ.

Проходитъ почти десять лѣтъ, въ которые мы теряемъ изъ виду странствующаго ученика Петрарки. Мы слышимъ только, что судьба безпощадно бросаетъ его изъ одного мѣста въ другое, что онъ однажды нашелъ было должность у одного знатнаго человѣка, вѣроятно мѣсто секретаря, но потомъ ушелъ отъ него и то и дѣло мѣнялъ родъ дѣятельности, недовольный свѣтомъ и людьми. Онъ видѣлъ Римъ, пріобрѣлъ и степень магистра, но не выучился греческому языку [2]). Онъ поддерживалъ переписку съ Петраркою и постоянно получалъ отъ него совѣты избрать постоянный родъ жизни и научиться примѣняться къ людямъ [3]). Въ 1375 г. Джіованни является учителемъ латинскаго языка въ Беллуно, но спустя четыре года, разу-

---

[1]) Первое упоминаніе о Джіованни встрѣчается у Петрарки epist. rer. famil. XXIII, 19 къ Боккачіо, если Фракассетти вѣрно относитъ его къ 28 окт. 1365 г. Но въ такомъ случаѣ Джіованни явился къ Петраркѣ iam ante biennium. Поэтому я предпочитаю 1366 г., время слѣдовавшее за возвращеніемъ Джіованни. Оба письма у Донато epist. rer. senil V, 5, 6—22 апр. и 11 іюля могутъ относиться только къ 11 іюля 1366 г., потому что рекомендательныя письма относятся къ 1367 г. Въ первомъ Петрарка рекомендуетъ молодаго Джіованни своему другу Франческо Бруни, папскому секретарю, такъ какъ молодой человѣкъ хотѣлъ видѣть Римъ. А двора Урбана V до 1367 г. не было въ Римѣ. Въ другомъ письмѣ къ Уго ди С. Северино Петрарка говоритъ, что онъ цѣлый годъ всячески старался охладить страсть Джіованни къ скитанью: онъ однажды уже уходилъ.

[2]) Petrarca epist. rer. Senil. XY, 12 въ изданіяхъ Vogo cuidam или Ad inconstantisiimum vagumque hominem, конечно отъ 1373, давно уже отнесено къ Джіованни.

[3]) Magister Johannes de Ravenna licentiam habuit a comuni eo quod efset nimium volens et in multo mojoribus quam professor grammaticae, et non bene aptus ad decendum pueros указаніе въ Беллунскомъ архивѣ у Colle l. c. p. 95.

мѣется, по истеченіи договора, ему и здѣсь отказываютъ, потому что онъ питаетъ слишкомъ высокіе замыслы и не годится для обученія мальчиковъ. Безъ сомнѣнія, и его собственный взглядъ былъ таковъ, что его призваніе гораздо выше; таково же было и мнѣніе его друзей. У насъ есть письмо къ нему, быть можетъ, относящееся къ этому времени. Пишущій сожалѣетъ о немъ, какъ нѣкогда Петрарка о Заноби во Флоренціи, что онъ тратитъ свои блестящія способности на жалкое учительство [1]). Это-то и привело Джіованни опять въ Падую, но опять таки промежуточными пунктами, гдѣ ему открылся болѣе обширный кругъ дѣятельности въ университетѣ [2]). Здѣсь онъ преподавалъ реторику и краснорѣчіе, читалъ лекціи о древнихъ поэтахъ и Цицеронѣ. Сикко Полентоне, слушавшій эти лекціи. хвалитъ его, какъ наставника, пробуждавшаго умственныя силы своихъ учениковъ, ведшаго къ добродѣтели примѣрами древнихъ и картиною своей собственной превратной жизни [3]). Такъ превосходный ученикъ отзывается о своемъ учителѣ. Витторино да Фальтре тоже можно назвать слушателемъ равеннца. Но Джіованни не получалъ въ Падуѣ опредѣленнаго жалованья, а вознагражденіемъ съ бѣдныхъ учениковъ не могъ жить. Поэтому въ 1388 г. онъ принялъ приглашеніе содержать латинскую школу въ Удино. Но число учениковъ и плата были и здѣсь ничтожны, хотя община назначила ему 84 дуката, «принимая во вниманіе его полезную дѣятельность и глубокія свѣдѣнія въ наукахъ [4])». Вскорѣ мы опять теряемъ его изъ виду; конечно онъ снова ведетъ скитальческую жизнь [5]). Потомъ Джіованни опять является въ Падуѣ, но уже не университетскимъ преподавателемъ, а при дворѣ Франческо II Каррарскаго, сначала во второстепенныхъ должностяхъ, а потомъ его канцлеромъ. Къ этому времени отно-

---

1) Johanni de Ravenna viro excellentis ingenii въ Cod. ms. 1269 Лейпц. Универс. библ. fol. 107. Я намѣренъ далѣе сообщить больше подробностей изъ этой рукописи.

2) Въ нотаріальныхъ актахъ общины .2 марта 1382 г. онъ является artis rhetoricae professor; онъ выбираетъ прокуратора для продажи своего имущества въ Беллуно Colle p. 96. Съ 1369 г. онъ могъ быть и въ Падуѣ, но этого нельзя доказать.

3) Въ 7 книгѣ своего рукописнаго сочиненія de illustribus latinae linguae Seriptoribus y Mehus Vita Ambros. Travers. p. 349 и у Rosmini Vittorino do Fettre p. 52.

4) По документамъ, найденнымъ Тирабоски въ Удинскомъ архивѣ. Изъ нихъ видно. что Джіованни пробылъ здѣсь до 1391 г.

5) Такъ какъ въ числѣ его сочиненій упоминается Исторія Рагузы, то слѣдуетъ предположить, что онъ и тамъ пробылъ нѣсколько времени. Извѣстіе объ его венеціанской школѣ, гдѣ Гаспарино да Барзицца будто бы былъ его ученикомъ, вѣроятно есть плодъ какого нибудь недоразумѣнія. Напротивъ Франческо Бардаро называетъ его своимъ учителемъ въ надписи на книгѣ у Agostini T. II. p. 29. Но это могло быть только во Флоренціи, такъ какъ Барбаро родился около 1898 г.

сится цѣлый рядъ его сочиненій, которыя должны были выставить его въ благопріятномъ свѣтѣ передъ владѣтельнымъ лицомъ, сочувствовавшимъ литературѣ. Таковы: «Трактатъ о поступленіи на службу при дворѣ», «О счастіи при дворѣ», Исторія каррарскаго дома и эпизодъ изъ исторіи Падуи. Но счастье давно уже не улыбалось каррарскому дому и было сильно потрясено бурями венеціанской войны. Въ 1405 г. и Падуя, и владѣтель ея подпали подъ власть республики [1]).

Скитальческая жизнь, которую велъ Джіованни по удаленіи изъ дома Петрарки, теперь кончилась. Судьба доставила ему мѣсто, единственное, которымъ онъ въ то время могъ быть доволенъ. Въ 1397 г., безъ сомнѣнія; благодаря вліянію Салютато, его пригласили читать лекціи въ флорентинскомъ университетѣ [2]). Но, повидимому, Джіованни тогда не принялъ предложенія, потому что ему не обѣщали опредѣленнаго жалованья, и лишь около 1404 г. переселился во Флоренцію. Тутъ наконецъ нашелъ онъ тотъ родъ дѣятельности, кружокъ людей и удовольствія въ жизни, для которыхъ былъ созданъ. Онъ читалъ нѣсколько лѣтъ лекціи по реторикѣ и краснорѣчію съ возрастающимъ успѣхомъ, объяснялъ древнихъ римскихъ писателей, а иногда и поэму Данте, за что городъ назначилъ ему по 8 гульденовъ въ мѣсяцъ жалованья [3]). Салютато былъ и остался его лучшимъ другомъ и покровителемъ, и Джіованни помогалъ ему защищать поэзію и древнихъ поэтовъ противъ ихъ ожесточенныхъ враговъ [4]). «Какъ бы по милости Божіей», говорилъ обыкновенно одинъ изъ его учениковъ, Ліонардо Бруни, онъ умѣлъ воодушевить своихъ учениковъ къ занятію науками. Изъ его школы вышелъ рядъ превосходныхъ людей, которые тоже съ своей стороны въ школахъ или своими занятіями распространили по свѣту новое образованіе. Изъ флорентинской знати вышли: Палла Строцци, Джіакомо д'Анджело да Скарпарія, Роберто де'Росси, три человѣка, впослѣдствіи бывшіе

---

[1]) Канцлеромъ числится онъ по актамъ съ 18 февр. 1398 и 17 марта 1399 г. у Facciolatus l. c. Если онъ былъ восемь лѣтъ при Каррирскомъ дворѣ, то это приходится въ промежутокъ отъ 1391 до 1404. Таковы его слова invenis et pauper aulam adi, imo ultro vocatus fui. Но такіе понятія, какъ puer и invenis, въ то время были очень широки. Что Каррарскій канцлеръ одно лицо съ учителемъ, подъ руководствомъ котораго ученикъ дѣлалъ извлеченіе изъ Валерія Максима, доказываетъ надпись на книгѣ у Agostino T. II. p. 29.

[2]) Mehns Vita Ambros. Travers p. 348.

[3]) Постановленіе 10 іюня 1412 г.

[4]) Такъ въ 1406 г. противъ Джіованни де Санъ Миніато, чемъ Салютато упоминаетъ въ своемъ письмѣ противъ него p. 194: lascioti alle riprensioni del mio nobile nomo Giovanni der Ravenna.

канцлерами республики: Ліонардо Бруни, Карло Марсуппини и Поччію Браччеллини, далѣе такіе люди, какъ Піеръ Паоло Верджеріо, Оньибене да Виченца, Франческо Барбаро, Амброджіо Траверсари. Два знаменитѣйшихъ ludimagistri (учителя) слѣдующей эпохи, Витторино да Фельтре и Гварино да Верона, были его учениками [1]). Конечно, это младшее поколѣніе, которое онъ воодушевлялъ и руководилъ, вскорѣ превзошло своего наставника и затмило его славу еще при его жизни. Полагаютъ, что Джіованни умеръ около 1420 г. Повидимому, его неуживчивый, недовѣрчивый и раздражительный характеръ отдалилъ его отъ прежнихъ друзей. Онъ жаловался на судьбу, считалъ себя оклеветаннымъ и гонимымъ, напослѣдокъ оставилъ Флоренцію и удалился въ уединеніе. Тутъ онъ и сошелъ съ исторической сцены, и понятно, что современники больше почти не упоминаютъ о немъ [2]).

Этому, конечно не мало содѣйствовало и то обстоятельство, что какъ писатель, Джіованни не имѣлъ значенія. Онъ былъ человѣкъ, обладавшій изумительною памятью, чѣмъ удивилъ нѣкогда Петрарку: онъ выучилъ двѣнадцать эклогъ его наизустъ въ одинадцать дней. Онъ умѣлъ вдохновлять другихъ собственнымъ одушевленіемъ и былъ рожденъ наставникомъ для воспріимчивыхъ учениковъ. Но тѣ немногія сочиненія Джіованни, какія у насъ есть, написаны неумѣло и невразумительно. Этимъ и объясняется ихъ малое распространеніе, и Біондо черезъ тридцать лѣтъ имѣлъ полное право сказать, что вообще, насколько онъ знаетъ, Джіованни ничего не написалъ [1]). О такихъ замѣчательныхъ людяхъ легко забываютъ, не смотря на ихъ заслуги потому что дѣятельность преподавателя, даже самаго полезнаго, не оставляетъ послѣ себя никакихъ слѣдовъ. Но современники дали ему почетное прозвище и на долго упрочили память о немъ въ потомствѣ: его называли; Iohannes Grammaticus, школьный учитель.

Чрезъ нѣсколько десятилѣтій послѣ него на то же поприще выступилъ Гаспарино да Варзицца. Фамилію онъ заимствовалъ отъ той

---

[1]) Blondus Italia illustr. p. 346, 347., гдѣ еще названы не всѣ ученики. Самъ Бруни, на котораго ссылается Blondus, упоминаетъ о Джіованни только въ epist. X, 19 ed. Mehus. Онъ одинъ считаетъ Гварино ученикомъ Джіованни.

[2]) Salutatus epist. 14. 18. ad. Mehus. Въ послѣднемъ приводится характеристическое мѣсто изъ письма Мальпигіани.

[3]) Джіованни собственно написалъ не мало, и упоминаются историческія сочиненія и трактаты съ странными заглавіями, но стиховъ не писалъ. Ginnani перечисляетъ его сочиненія по ватиканскому списку, а Col ер. 225 по оксфордскому, другіе по парижскому. Нѣкоторыя сочиненія Ферретти приписали (Ginnoni p. 224) его соименнику. Напечатаны только вступленіе къ латинской новеллѣ Elysiae historia и историческое повѣствованіе въ разговорѣ Historia lugi et Conselicis; въ Quirini Cardinalis Epistolae ed. Coletti. Yenet. 1756, p. 568.

мѣстности, гдѣ родился: Такъ какъ она находилась въ бергамской области, то и самаго ученаго нерѣдко называли Бергомасъ. Его умственныя силы пробуждены были сочиненіями Цицерона, который навсегда остался главнымъ предметомъ его ученыхъ занятій. Послѣднія были направлены на грамматику, реторику и стилистику. Однако Варзицца долго оставался въ неизвѣстности, именно до тѣхъ поръ, пока не открылъ школу въ родномъ Бергамо. Это могла быть только латинская школа для мальчиковъ, какія мы встрѣчаемъ еще во времена Петрарки въ каждомъ сколько нибудь значительномъ городѣ. Но учительство не могло долго удовлетворить его умственныхъ потребностей. Однако онъ не такъ легко рѣшился странствовать, какъ Джіованни, который, сколько мы знаемъ, остался холостякомъ, конечно, вслѣдствіе посвященія въ духовный санъ; этимъ Петрарка хотѣлъ устроить для него спокойную и обезпеченную жизнь. Варзицца вскорѣ обзавелся большою семьею и долженъ былъ переселяться со своимъ хозяйствомъ изъ города въ городъ. Въ началѣ XV в. онъ искалъ счастія въ Миланѣ, но не нашелъ тамъ мѣста. Тогда онъ поселился на нѣкоторое время въ Павіи, потомъ въ Венеціи, тоже на короткое время. Казалось, счастье улыбнулось ему, когда онъ въ 1407 г. былъ выбранъ профессоромъ въ Падуѣ съ жалованьемъ во 120 дукатовъ, хотя это было такое положеніе, котораго бы не вынесъ здѣсь Джіованни. Такимъ образомъ для него въ первый разъ представился случай примѣнить свои знанія къ дѣлу. Онъ читалъ лекціи по реторикѣ, объяснялъ древнихъ писателей, преподавалъ также нравственную философію, которая здѣсь, быть можетъ, въ первый разъ преподавалась гуманистомъ по новой методѣ. Но когда онъ въ 1410 г. принялъ къ себѣ восьмерыхъ дѣтей оставшихся въ крайней бѣдности послѣ смерти его брата, то увидѣлъ, что не можетъ оставаться въ Падуѣ, гдѣ жизнь была дорога. Въ 1411 г. онъ отправился въ Феррару, но вскорѣ опять воротился въ Падую, чтобы снова удалиться и попытать счастья въ Венеціи [1]). Мы знаемъ, что такіе даровитые люди, какъ Франческо Барбаро и Антоніо Беккаделли, были въ числѣ его учениковъ [2]). Не смотря на это дѣла его шли здѣсь такъ плохо, что онъ принужденъ былъ продать съ аукціона книги, чтобъ чѣмъ нибудь жить. Въ 1412 г. Варзицца снова вернулся въ Падую, гдѣ держалъ у себя учениковъ, подобно всякому бѣдному учителю.

---

1) Blondus italia illustr. p. 346: Venetiis meliori solifo doctrina nonnullos eradirit, plirimos ad ea imifanda sfudia incifavif.

2) Barbarus epist. 118.

Въ такомъ положеніи застало его въ 1412 г. предложеніе миланскаго герцога, Филиппа Маріи. Онъ приглашалъ его переселиться въ этотъ городъ и основать тамъ школу. Варзицца долженъ былъ согласиться уже потому, что былъ миланскимъ подданнымъ, и мы встрѣтимъ его въ кружкѣ великихъ ученыхъ при дворѣ Висконти [1]. Такимъ образомъ и онъ нашелъ мирное пристанище послѣ долголѣтнихъ скитаній, бѣдности, горя и разныхъ треволненій.

Литературная дѣятельность его, которой мы будемъ часто касаться, тѣмъ почтеннѣе, что онъ былъ въ жалкомъ положеніи, отравившемъ лучшіе годы его жизни. Но мы должны сейчасъ же упомянуть объ одной его великой заслугѣ. Онъ первый пустилъ въ ходъ манеру Цицерона, особенно въ сочиненіи писемъ. Гаспарини училъ этому по совершенно новой методѣ. Письмо должно было имѣть значеніе не въ силу глубинѣ мыслей, какъ у Петрарки, и не въ силу реторической напыщенности, какъ у Салютато. Его слѣдовало сочинять какъ бы съ геніальной небрежностью, писать такъ, какъ мы ведемъ оживленную бесѣду. Но самого Гаспарини упрекали въ томъ, что его слогъ былъ, правда, красивъ, но лишенъ силы и не производилъ глубокаго впечатлѣнія.

Съ Варзиццею мы вступаемъ въ новую сферу, которая уже стоитъ внѣ прямаго воздѣйствія Петрарки и, освободившись отъ его авторитета, ищетъ иныхъ путей; дерево уже высоко поднялось надъ корнями и начинаетъ раскидывать свои вѣтви въ разныя стороны. Въ особенности плодотворна была та мысль, что слѣдуетъ проникнуть въ эпоху, предшествующую римской литературѣ, ознакомиться съ тою литературою, которая послужила первой образцомъ, съ греческимъ языкомъ и его сокровищами, которыя еще сохранялись въ византійской имперіи. Петрарка и Боккачіо только указали на нихъ, но ни одинъ изъ нихъ не могъ читать греческихъ писателей. Петрарка полагалъ, что гелленская литература вымерла въ Константинополѣ, и указывалъ своему равеннскому ученику на Калабрію, потому что оттуда къ нему явились Барлаамо и Пилато. Но это было заносчивое невѣжество. Теперь молодые люди, полные жажды знаній, рѣшились отправляться въ Византію, къ которой Петрарка относился съ равнодушіемъ; а равеннскій учитель не могъ попасть туда по бѣдности. Изъ Византійской имперіи, уже обреченной на гибель,

---

[1] Біографія его, принадлежащая Фуріетти, передъ его изданіемъ Gasp. Barzizii Opera, большею частію составлено по его письмамъ. Mazzuchelli Scrittori d' Itala Vol. II P. I p. 498 seg.

мало по малу являлись на Западъ люди съ литературными талантами и истиннымъ знаніемъ. Здѣсь они приняли участіе въ новомъ умственномъ движеніи, учили другихъ и сами учились.

Первый изъ этихъ наставниковъ, человѣкъ стоявшій по уму и энергіи несравненно выше Барлаамо и Пилато, былъ византіецъ Эммануилъ Хризолоръ [1]). Онъ и въ своемъ отечествѣ считался замѣчательнымъ преподавателемъ риторомъ и философомъ. Увлеченный его славою, молодой Гварино отправился въ Константинополь и не только слушалъ его въ качествѣ ученика, но и былъ принятъ въ его домъ въ качествѣ слуги (famulus). Подъ его руководствомъ онъ быстро усвоилъ себѣ греческій языкъ и нашелъ доступъ къ его литературнымъ сокровищамъ. Отзывы Гварино, конечно, проникнутые тѣмъ же глубокимъ уваженіемъ къ наставнику, какое онъ хранилъ до самой старости, ознакомили и Западъ съ именемъ Хризолора и съ молвою о его почтенной дѣятельности. Въ это время во Флоренціи узнали, что онъ прибылъ въ Венецію вмѣстѣ съ престарѣлымъ Димитріемъ Ки-

[1]) Не легко установить хронологическія данныя его жизни, такъ какъ свѣдѣнія о ней дошли до насъ лишь въ отдѣльныхъ замѣткахъ. Oratio funebris Андрея Джіуліано (у Lenfant Poggiana T. II p. 327, у Boerner de doctis hom. graecis p. 25 и у Hodius de Graecis illustr. p. 32) есть просто похвальное слово безъ обычнаго очерка жизни. Гварино вызывалъ желающихъ написать біографію, но это не состоялось. Біографія Понтика Вирунія при его изданіи Грамматики 1509 г. неудобна для пользованія. Giorgi Osservazioni intorno a Em. Crisolora сообщилъ новыя драгоцѣнные документы, въ томъ числѣ и рѣчь Джіуліано, но не далъ яснаго біографическаго очерка. Hody, Boerner и Jacobs въ Allg. Encyclopaedie der Wis. und Künste Th. XXI. Дополненія v. Chrysoloras располагали весьма скуднымъ матеріаломъ. Уже время его перваго появленія въ Италіи указываютъ различно. Большею частію, слѣдуя Rosmini Vita di Guarino Vol. I p. 6, утверждаютъ, что онъ былъ посланъ въ Италію императоромъ Эммануиломъ Палеологомъ—просить у католическихъ державъ помощи для имперіи, которой угрожали Турки. Но я нигдѣ не нашелъ доказательствъ но это, даже можно рѣшительно спорить и противъ того, чтобы онъ уже въ то время преподавалъ. Его σύγκρισις παλαιᾶς καὶ νέας Ῥώμης (сравненіе древняго Рима съ новымъ), напечатанное у Codinus Excerpta de antiquit. Constant. ed opara P. Lambecii, Paris. 1655, p. 107 seq. и въ Byzanti. historiae Scriptt. ed. Venata T. XVIII. p. 81 seq., написанное въ Римѣ, но безъ помѣтки года, послано въ видѣ отчета императору Іоанну. Но нельзя съ достовѣрностью рѣшить, Іоанну ли V, который умеръ въ 1391 г., или Іоанну VI, царствовавшему между 1399 и 1402. И рукопись въ Lauzenziana у Bandini Catal. codd. graecc. bibl. Medic. Laurent. T. I p. 139 не объясняетъ этого. Только въ первомъ случаѣ можно предполагать прежнее посольство. Но нѣтъ нужды допускать этого. Хризолоръ упоминаетъ въ своемъ сочиннніи, что онъ за два года передъ тѣмъ былъ въ Лондонѣ. Объ этомъ сообщаетъ Speculum parvulorum ms. у Hodius de Graecis illustr. p. 14, какъ византійскій императоръ 13 декабря 1401 г. cum nonnullis viris peritis de natione Graeciae прибылъ изъ Дувра въ Конторбери. Конечно, въ числѣ ихъ былъ и Хризолоръ. Въ такомъ случаѣ σύγκρισις относится къ концу 1403 г., что не соотвѣтствуетъ правленію Іоанна V.

доніемъ, который тоже считался первостепеннымъ ученымъ. Въ Венеціи они должны были заняться политическими дѣлами по порученію императора. Византіи приходилось искать помощи противъ Турокъ. Конечно, всюду отнеслись къ этому вопросу равнодушно, но образованность грековъ вызвала общее сочувствіе. Два знатные Флорентинца, Джіакомо д'Анджело до Скарпаріа и Роберто де Росси, тотчасъ поспѣшили въ Венецію, желая познакомиться съ учеными греками и воспользоваться ихъ преподаваніемъ. Потомъ Джіакомо отправился въ Константинополь вмѣстѣ съ послами, возвращавшимися въ отечество, учиться у Кидонія. А Росси возвратился во Флоренцію, усвоивши себѣ въ Венеціи у Хризолора начатки греческаго языка и, разумѣется, переговоривши съ нимъ предварительно Онъ горячо превозносилъ своего наставника и вызвалъ въ лучшихъ гражданахъ отечественнаго города сильное желаніе — пріобрѣсти его для Флоренціи и ея университета. Всѣхъ усерднѣе хлопоталъ объ этомъ Салютато: хотя ему уже было 65 лѣтъ отъ роду, однако онъ снова чувствовалъ въ себѣ юношескую свѣжесть силъ при мысли о томъ, что греческій языкъ и мудрость водворятся во Флоренціи, что и онъ можетъ ознакомиться съ ними. Онъ вспоминалъ о Катонѣ, который выучился по гречески тоже въ преклонныхъ лѣтахъ. Ему казалась забавною мысль, что онъ будетъ постоянно задавать вопросы наставнику, а другіе ученики при этомъ будутъ смѣяться, слыша, какъ старый канцлеръ силится произносить греческіе слоги. Салютато совѣтовалъ Джіакомо да Скарпаріа возвращаться на родину не иначе какъ съ запасомъ греческихъ книгъ. Пусть онъ купитъ всѣхъ историковъ, а особенно Плутарха, всѣхъ поэтовъ, но непремѣнно Гомера, писаннаго четко на пергаментѣ, да не забудетъ запастись и словарями [1].

Салютато, при помощи друзей, Палла Строцци и Николо Никколи, достигъ того, что Хризолоръ былъ приглашенъ во флорентинскій университетъ. Въ каждой строчкѣ оффиціальнаго письма тоже видна мысль канцлера. Онъ только что похоронилъ жену, но при мысли о томъ, что флорентинское юношество слѣдуетъ пріобщать къ источникамъ греческой и латинской образованности, забылъ горе и приходилъ въ восторгъ. Онъ съ жаромъ и энергіею убѣждалъ Хризолора, и отъ своего имени, пріѣхать какъ можно скорѣе, увѣрялъ въ своей дружбѣ

---

[1] Первое письмо Салютато къ Кидонію у Mehus Vita Ambros. Travers. p. 356—отъ 20 февр., конечно, 1395 г.; въ немъ Салютато упоминаетъ, что завтра ему исполнится 65 лѣтъ. Слѣдовательно, въ то время оба посла были въ Венеціи, откуда они, насколько мы знаемъ, возвратились прямо въ Константинополь.

14*

и обѣщалъ почетное положеніе. Онъ просилъ Кидонія и флорентинца Джіакомо поторопить его. Хризолора приглашали на десять лѣтъ съ жалованьемъ по 100 гульденовъ въ годъ. За это онъ долженъ былъ каждаго, кто пожелаетъ учиться греческому языку, учить грамматикѣ, и могъ сверхъ того получать вознагражденіе. Стало быть, республика хотѣла сдѣлать греческій языкъ доступнымъ и для бѣдныхъ учащихся [1]).

Еще въ концѣ 1396 г. Хризолоръ пріѣхалъ во Флоренцію, а въ началѣ слѣдующаго года принялся за преподаваніе. Онъ самъ поздно усвоилъ себѣ латинскій языкъ и большею частію по книгамъ. Однако онъ былъ въ немъ сильнѣе того, чтобы только преподавать; онъ ознакомился и съ новымъ краснорѣчіемъ, хотя, повидимому, никогда не писалъ латинскихъ писемъ [2]). Сначала наплывъ его учениковъ во Флоренцію былъ весьма значителенъ. Въ числѣ ихъ были и пожилые люди съ вѣсомъ, и молодые, вскорѣ ставшіе знаменитостями. Конечно, старый канцлеръ уже не вступалъ въ борьбу съ греческой азбукою. Но Джіакомо да Скарпарія и Роберто де'Росси продолжали на родинѣ свои ученыя занятія; первый началъ переводить на латинскій языкъ космографію Птолемея [3]), а второй сочиненія Аристотеля. Изъ флорентинской знати къ нимъ присоединился Палла де Строцци, который собралъ вмѣстѣ съ своими друзьями значительную сумму денегъ, чтобы облегчить дѣло приглашенія ученаго грека во Флоренцію. Онъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ перевелъ нѣкоторыя сочиненія съ греческаго языка [4]). Николо Никколи часто посѣщалъ лекціи Хризолора, но онъ не пріобрѣлъ глубокихъ свѣдѣній въ греческомъ языкѣ. Изъ молодыхъ людей всѣхъ ревностнѣе къ занятіямъ и способнѣе были Ліонардо Бруни, Джіаноццо Манетти, Карло Марсуппини, а также и Амброджіо Траверсари [5]). Бруни уже четыре года изучалъ гражданское право, но и

1) Пригласительное посланіе республики отъ 28 марта 1396 г. у Giorgi l. c. p. 250, напечатано у Онкена въ Verhandl. der XXIII. Philologen versammlung s. 72. См. также письмо Салютато къ Хризолору отъ 8 марта, дня, въ который было сдѣлано постановленіе, къ Кидонію и Джіакомо у Mehus l. c. и у Bandini Catal. codd. T. III p. 571.

2) Andreae Juliani Oratio funebris.

3) Это сочиненіе было не задолго передъ тѣмъ получено изъ Константинополя въ Италіи для Палла Строцци. Таблицы рисовалъ флорентинецъ Франческо ди Лапачина; онъ же нанесъ и греческія и латинскія названія, какъ они потомъ передавались въ копіяхъ и печатныхъ изданіяхъ. За это Веспасіано посвятилъ ему краткую біографію. См. Vespasiano Alessandria de' Bardi l. c.

4) Vespasiano Nic. Nicoli § 7 и Vita dell Alessandria de' Bardi. l. c.

5) Мы не знаемъ, гдѣ иначе Траверсари могъ научиться греческому языку. Его epist VI. 4, 5 указываютъ на Хризолора. Веспасіано называетъ также его Frate Ambrogio § 1 и

новые пріемы стилистики и риторикидавно увлекали его. Съ пріѣздомъ византійскаго ученаго онъ очутился какъ бы на распутьи. Онъ говорилъ самъ себѣ: «ты вѣдь можешь изучить Гомера, Платона, Демосѳена и вообще всѣхъ греческихъ поэтовъ, ораторовъ и философовъ, о которыхъ разсказываютъ столь много чудесъ. Упустишь ли теперь этотъ случай? Уже 700 лѣтъ никто не зналъ въ Италіи по гречески, хотя мы сознаемъ, что всѣ науки получили начало у грековъ. Докторовъ гражданскаго права у насъ довольно, и этому ты всегда успѣешь научиться. Но здѣсь теперь преподаватель греческаго языка, единственный!» Окончательное рѣшеніе было принято. Два года Бруни слушалъ лекціи ученаго грека; чему онъ учился днемъ, говоритъ онъ, то ночью во время сна все еще вертѣлось у него въ головѣ [1]). Хризолоръ больше всего имѣлъ право гордиться имъ изъ своихъ флорентинскихъ учениковъ. Однимъ изъ послѣднихъ, явившихся во Флоренцію учиться по гречески, былъ Піеръ Паоло Верджеріо, который еще въ Падуѣ былъ превосходнымъ учителемъ. По его словамъ, не проходило дня, чтобы онъ не читалъ по гречески. Правда, онъ очень рано лишился наставника, такъ что не могъ совсѣмъ выучиться, но постоянно поддерживалъ съ нимъ дружескія сношенія. Тогда уже усердіе къ ученью стало замѣтно ослабѣвать. Большая часть желавшихъ страшились трудностей новаго языка, а потомъ отказывались отъ ученья, когда оно не представляло прелести новизны [2]).

Такое охлажденіе учениковъ, можетъ быть, содѣйствовало тому, что Хризолоръ сталъ тяготиться своимъ положеніемъ во Флоренціи. Но онъ не жаловался на это; напротивъ, онъ благосклонно смотрѣлъ на благодарную привязанность тѣхъ, кто остался вѣренъ ему, и съ удовольствіемъ вспоминалъ о своей дѣятельности. Далѣе мы узнаемъ, что Никколи лишилъ его своего прежняго расположенія, бранилъ его и прогналъ

Guerino Veronese § 1 прямо ученикомъ Хризолора. Рядъ ложныхъ свѣдѣній объ его ученикахъ пущенъ въ ходъ Blondus Italia illustr. p. 347 и слѣдовавшему ему Iac. Phil. Bergemas fol. 264. Неправда, будто во Флоренціи прежніе ученики Джіованни ди Равенна сдѣлались теперь учениками Хризолора. Вѣроятно, Джіованни явился во Флоренцію уже тогда, когда Хризолора давно тамъ не было, во всякомъ случаѣ послѣ него. Далѣе ни Поджіо, ни Барбаро, ни Филельфо не были учениками Хризолора, а Гварино учился у него только въ Константинополѣ.

1) Leonardi Aretini Rerum suo tempore in Italia gestarum Commentarius ap. Muratori Scriptt. T. XIX p. 920.

2) Онъ говоритъ въ письмѣ къ Забареллѣ, сообщенномъ Бернарди въ Archivio stor. Ital. Serie terza T. XXIII, Firenze 1876 p. 177, o тѣхъ pauci, qui usque ad extremum discendo perseveraverunt: nam multos, qui ab initio convenerant, alios discendi labor deterrui, alios discendi desperatio.

отъ себя. Впрочемъ, эти свѣдѣнія взяты изъ одного ручательнаго сочиненія. Быть можетъ, Никколи называлъ его козлиною бородою, такъ какъ отъ его насмѣшекъ никому пощады не было. Длинная борода и широкое одѣяніе грековъ часто было въ Италіи предметомъ подобныхъ шутокъ [1]). Хризолоръ оставилъ Флоренцію еще въ началѣ 1400 г., задолго до окончанія своего десятилѣтняго контракта. Причина была очень простая: императоръ Эммануилъ Палеологъ прибылъ на Западъ и пригласилъ его къ себѣ въ Миланъ. Страшная чума, свирѣпствовавшая во Флоренціи въ 1400 г., тоже, вѣроятно, сдѣлала для него пребываніе въ городѣ непріятнымъ. А Джіангалеаццо, герцогъ миланскій, выразилъ императору желаніе пригласить ученаго въ свой университетъ въ Павію [2]). Но Хризолоръ, по видимому, не долго пробылъ въ Миланѣ и не преподавалъ тамъ греческаго языка [3]). Слѣдуетъ думать напротивъ, что онъ сопровождалъ своего императора въ качествѣ переводчика и посредника во время его путешествія въ Парижъ и Лондонъ [4]). Слабое участіе къ печальной судьбѣ восточной римской имперіи, повидимому, и совсѣмъ остыло, когда рѣшили, что битвою при Ангорѣ отъ Византіи устранена близкая опасность.

Такимъ образомъ въ началѣ 1402 г. мы находимъ Хризолора дѣйствительно въ Павіи, притомъ съ двоякимъ положеніемъ. Онъ былъ вмѣстѣ довѣреннымъ лицамъ и прокураторомъ своего императора, обнародовалъ въ миланской области папскія отпустительныя граматы и собиралъ деньги для войны съ Турками, сверхъ того читалъ и лекціи въ университетѣ. Съ этою цѣлью и пригласилъ его съ хорошимъ жалованьемъ герцогъ Джіангалеаццо, который также называлъ его своимъ близкимъ человѣкомъ [5]). Здѣсь онъ перевелъ республику Платона слово въ слово, потому что не надѣялся перевести изящнымъ слогомъ. Его любимый ученикъ Уберто Дечембріо впослѣдствіи обработалъ этотъ трудъ. Другаго выдающагося ученика изъ

---

1) Leonardi Aret. l. c. и слѣдующій ему Manetti Orat. funebr. in Leonardium Aret. передъ его Epist. ed. Mehus p. XCIV.

2) По рукописному письму Джіамб. Гварино у Giorgi l. c. p. 280.

3) Послѣднее, сколько я знаю, говоритъ одинъ Филельфо въ письмѣ къ Лоренцо Мидичи отъ 29 мая 1473 г. Быть можетъ, онъ вспоминалъ о Павіи.

4) Изъ письма Поджіо Pogg. epist. I, 10 ed. Tonelli видно, что онъ былъ и въ Салисбери. Пребываніе въ Англіи относится къ концу 1401 г.

5) Весьма кстати тутъ опредѣленіе времени, выводимое изъ указа герцога его духовнымъ и свѣтскимъ чинамъ, даннаго въ Павіи 20 февраля 1402 г., у Osio Documenti vol. I № 245, одного изъ немногихъ съ точнымъ обозначеніемъ времени. Иначе, слѣдуя Paulus Iovins Elogia doctor. viror. 28, мы должны бы допустить, что Хризолоръ сначала преподавалъ въ Римѣ, потомъ въ Павіи.

времени его пребыванія въ Павіи мы не можемъ указать. Сынъ Уберто, впослѣдствіи знаменитый Піеръ Кандидо Дечембріо, былъ тогда еще мальчикомъ, но сохранилъ почтительное воспоминаніе объ ученомъ грекѣ [1]). Мы не знаемъ, когда послѣдній оставилъ Павію. Во всякомъ случаѣ та дѣятельность, которой онъ предавался тамъ, не идетъ въ сравненіе съ его флорентскими занятіями. Въ Павіи почва была не подготовлена, и похвальное желаніе герцога не могло замѣнить ее. Хризолоръ отправился обратно въ Византію.

Когда Турки снова стали грозить имперіи, то, снова стали искать помощи на Западѣ и вести переговоры о возсоединеніи церквей. Прежній посолъ опять принялся за свое дѣло. Въ началѣ 1408 г. Хризолоръ былъ опять въ Венеціи, потомъ привѣтствовалъ во Флоренціи своихъ прежнихъ учениковъ и отправился въ Римъ къ папскому двору [2]). Здѣсь, кромѣ своей оффиціальной дѣятельности, онъ держалъ школу, но, какъ и въ Павіи, мы можемъ указать только на одного выдающагося ученика его. Это поэтъ Агапито Ченчи де'Рустичи. Бруни былъ тогда папскимъ секретаремъ и жилъ при дворѣ, но не могъ часто видаться съ своимъ бывшимъ наставникомъ. Чума заставила выѣхать изъ Рима большую часть придворныхъ, Хризолоръ тоже удалился отъ нея въ Болонью. Потомъ онъ воротился въ Римъ, но въ письмѣ къ Бруни слегка жалуется на то, что въ Римѣ не особенно сочувствуютъ изученію греческаго языка, что тамъ онъ не встрѣтилъ такихъ страстныхъ поклонниковъ, какъ во Флоренціи [3]). *Повидимому*, ему снова пришлось отправляться ко дворамъ великихъ европейскихъ державъ [4]). Папа еще разъ посылалъ его по

---

1) См. Уберто Дечембріо epist. nuncupat. для перевода у Saxius Hist. lit. typ. Mediol. p. 299, у Bandini Catal. codd. lat. p. 414. Онъ называетъ въ немъ Хризолора прямо meum graecae litterae famosissimum praeceptorem.—Письмо Кандидо Дечембріо къ Амброджіо Траверсари въ его Epist. XXIV, 69.

2) Письмо Ambros. Travers. VII, 6 показываетъ намъ, что его ждали, а Leonardi Bruni epist. II, 15 отъ января 1408 г., что онъ прибылъ въ Венецію; въ письмѣ Ambros. Travers. epist. VI, 5, 28 января (1408) говорится о пріѣздѣ во Флоренцію. Опредѣленіе времени основано просто на соображеніяхъ. Но послѣднія согласны и съ основательною догадкою Росмини, что письмо Хризолора къ Гварино, посланное изъ Рима 25 января (Vita di Guarino vol. III p. 191. 182) относится къ 1409 г. Въ письмѣ идетъ рѣчь о «Сравненіи Рима съ Константинополемъ», какъ будто это сочиненіе только что явилось, и мы бы допустили это, не будь обращенія къ императору Іоанну.

3) Письмо Хризолора къ Бруни 29 декабря изъ Болоньи у Cyrillus Codd. graeci T. II p. 213 положительно отъ 1410 г., когда Бруни былъ въ первый разъ приглашенъ во Флоренцію. При неточномъ опредѣленіи начала года я не осмѣливаюсь рѣшить, не относится ли письмо Бруни, помѣченное 26 декабря 1412, epist. IV, 1 ed Mehus, скорѣе къ 1411 г. Потомъ и онъ, и Хризолоръ опять являются въ Римѣ.

4) Согласно Leonardo Bruni epist. III, 14 предполагаютъ, что онъ былъ въ Испаніи. Можетъ быть, въ постороннихъ источникахъ найдется указаніе на эту дѣятельность.

дѣламъ возсоединенія церквей къ Константинопольскому патіарху. Есть извѣстіе, что онъ вполнѣ примкнулъ къ католическому вѣроисповѣданію. Въ 1413 г. онъ отправился съ двумя кардиналами въ Германію вести съ императоромъ переговоры о томъ, гдѣ будетъ созванъ предстоящій соборъ. А потомъ, по дѣлу папы Іоанна XXIII, поѣхалъ съ кардиналомъ Забареллою въ Констанцъ. Тамъ онъ и умеръ отъ горячки 15 апрѣля 1415, за долго до прибытія греческаго посольства, при которомъ онъ долженъ былъ служить переводчикомъ. И такъ онъ умеръ на чужбинѣ, оставшись вполнѣ вѣренъ своему призванію. Его оплакивали ученики, которыхъ онъ ввелъ въ сокровищницу греческой литературы; это были поклонники гуманистическихъ наукъ. Хризолора похоронили въ доминиканской церкви; Піеръ Паоло Верджеріо, его флорентинскій ученикъ, посвятилъ ему простую надпись на надгробной плитѣ, которая и до сихъ поръ сохранилась, не смотря на то, что монастырь обращенъ былъ въ фабрику. Поджіо и Ченчи присутствовали при погребеніи [1]).

Хризолора еще въ меньшей степени можно назвать писателемъ, чѣмъ Джіованни да Равенна. Въ кругу его поклонниковъ это объясняли тѣмъ, что, озабоченный дѣлами церкви, онъ не имѣлъ времени заняться литературою. Его граматтика—онъ назвалъ ее Ἐρωτήματα (Вопросы),—конечно, имѣетъ значеніе, какъ первое руководство, явившееся на Западѣ, но она разсчитана на самое сухое преподаваніе. Мы уже упоминали объ его переводѣ Платоновой республики; онъ принималъ также участіе въ подобныхъ же трудахъ своихъ учениковъ. Кромѣ этого онъ оставилъ множество писемъ, въ томъ числѣ и такія, которыя можно назвать разсужденіями, какъ напр. сравненіе Рима съ Византіею, или письмо къ Гварино, въ которомъ онъ обстоятельно отвѣчаетъ на вопросы его о значеніи Θεωρικά (деньги выдаваемыя на зрѣлища) у Демосѳена и объ Иліадѣ, сохранявшейся въ ковчежцѣ Плутарха, или письмо къ Траверсари по вопросу о томъ, должны ли друзья хвалить другъ друга. Въ простыхъ дружескихъ письмахъ онъ крайне многорѣчивъ; его мысль обращена на разные предметы и всегда выражена красиво. Онъ самъ сознавалъ многорѣчивость своихъ писемъ (πολυλογία). По видимому, Хризолоръ не придавалъ особой цѣны тому, что писалъ. Насъ трогаетъ то отрадное чувство, которое онъ испытываетъ при мысли о своихъ ученикахъ, его сочувствіе къ ихъ

---

[1]) Эпитафія въ сборникѣ Гварино, которому Верджеріо послалъ ее, у Giorgi p. 314 и у Mabillon et Germain Museum Ital. T. I p. 181. V. Hefele Conciliengeschichte Bd. VII s. 108.

успѣхамъ, живой интересъ къ ихъ трудамъ по латинскому краснорѣчію [1]).

Похвалы, воздаваемыя такому человѣку благодарными учениками, гораздо выше и знаменательнѣе его литературной славы. Первая слава его сохранилась и до нашихъ дней. Но въ настоящее время съ его именемъ соединяется лишь память объ услугахъ, оказанныхъ имъ западному образованію. А въ то время чтились и личныя его качества и добродѣтели, побѣдившія то недовѣріе, съ которымъ тогда вообще, и не даромъ, относились къ грекамъ-отступникамъ. Поджіо, долгіе годы бывшій въ общеніи съ нимъ въ Констанцѣ и Римѣ и съ удивительною наблюдательностію подмѣчавшій человѣческія слабости, хвалилъ кроткую гуманность Хризолора, его ученость, которою онъ всегда готовъ былъ подѣлиться, умѣренную и вполнѣ безукоризненную жизнь. Одно его почтенное лицо, говоритъ онъ, и серьезная рѣчь, по которой вы сейчасъ же узнавали философа, могли бы въ комъ угодно возбудить стремленія къ добродѣтельной жизни. Благодаря его усиліямъ, въ умахъ пробудилась любовь къ знанію греческаго языка. Онъ былъ на землѣ какъ бы образцомъ для другихъ, какъ бы лицомъ посланнымъ свыше [2]).

Гварино почти боготворилъ своего наставника не только при его жизни, но и пока самъ былъ живъ. Онъ съ напыщенными, но искренними похвалами вспоминалъ о немъ въ своихъ сочиненіяхъ и многочисленныхъ письмахъ. Никому онъ не былъ лично обязанъ столь многимъ, по его словамъ, какъ этому наставнику, образовавшему его умъ. Но всѣ ученые тоже должны съ благодарностью относиться къ нему, пока гуманистическія науки будутъ разрабатываться въ Италіи и въ цѣломъ свѣтѣ. Онъ сравнивалъ его съ солнцемъ, озарившимъ Италію, погруженную въ глубокій мракъ. Онъ называетъ его истиннымъ философомъ, вполнѣ божественнымъ человѣкомъ. Гварино далъ своему второму сыну имя Эммануилъ въ честь Хризорола, внушалъ и своимъ ученикамъ уваженіе къ нему, а съ другими учениками Хризолора находился какъ бы въ духовномъ родствѣ [3]). Когда пришло въ Венецію извѣстіе о смерти Хризолора, то Гварино прочелъ это письмо въ

---

[1]) Извлеченія изъ его писемъ есть у Bandini Catalagus codd. graec. p. 139, у Rosmini Vita di Guarino vol. III p. 181. 187. 192 и изъ той же неаполитанской рукописи у Andres Anecdota graeca et lat., Neap. 1816 p. 46. Три другіе у Cyrillus l. c. p. 213 sqq. Здѣсь также есть p. 259 письмо къ Траверсари, о которомъ послѣдній упоминаетъ epist. VI, 4, тогда какъ письмо къ Палла Строцци de mensibus еще не отыскано. Сочиненія, изданныя Ламбеціемъ, уже названы выше.

[2]) Poggius epist. I, 4 отъ 15 мая 1416 г., подобнымъ же образомъ и XIII, 1, отъ 1455 г.

[3]) Укажу только на его письма, сообщенныя у Giorgi p. 293. 297. См. также письма Гварино у Hodius p. 15 seq.

своей школѣ, потомъ велѣлъ одному изъ своихъ учениковъ, патрицію Андреа Джуліано, написать надгробное слово въ честь покойнаго и произнести его публично. Самому Гварино, говоритъ этотъ ученикъ, помѣшали говорить слезы, проливаемыя о наставникѣ и отцѣ, [1]). Къ сожалѣнію, въ то время не была составлена его біографія, что Гварино, безъ сомнѣнія, могъ всѣхъ скорѣе сдѣлать. Но онъ отклонилъ отъ себя этотъ трудъ, какъ непосильный, и предложилъ его Верджеріо, который тоже ничего не написалъ [2]). Въ Констанцѣ Поджіо намѣревался написать похвальное слово покойному, но Ченчи, какъ ученикъ его, не хотѣлъ уступить другому этой чести. Поэтому Поджіо отказался отъ своего намѣренія, а Ченчи тоже не исполнилъ своего обѣщанія. О прежней жизни Хризолора, вѣроятно, и Гварино зналъ мало, а впослѣдствіи на Западѣ она была такая дѣятельная и многостороння, что едва ли кто былъ въ состояніи прослѣдить нить ея. Но Гварино не отказывался совсѣмъ отъ своей задачи. Спустя 40 лѣтъ послѣ смерти Хризолора, будучи уже 85 лѣтнимъ старцемъ, онъ рѣшился оставить литературный памятникъ въ честь того, кому Италія, по его мнѣнію, должна бы была соорудить тріумфальныя колонны и золотыя статуи. Онъ собралъ вмѣстѣ все, что было написано о Хризолорѣ его учениками и друзьями въ прозѣ и въ стихахъ, и назвалъ этотъ сборникъ Chrysoloriana [3]).

Здѣсь слѣдовало говорить только о первыхъ школахъ, которыя послужили образцомъ, и только о первыхъ наставникахъ, которые распространили въ Италіи свѣтъ византійскаго образованія. Какъ и можно было ожидать по энергическому началу, въ числѣ учениковъ этихъ людей нашлось не мало такихъ, которые сами основали школы по ихъ образцу. Грековъ являлось все больше и больше въ Италіи и вскорѣ собралось очень много. Юные итальянскіе гуманисты слушали курсъ въ Константинополѣ и потомъ передавали своимъ землякамъ пріобрѣтенныя ими свѣдѣнія въ греческомъ языкѣ и привозили съ собою новые литературные памятники.

---

[1]) Выше мы ссылались на такъ называемую orafto funebris. См. также письма Гварино у Giorgi ji. 297. 314. 318. Слѣдуя письму Гасп. Варзицци (Opp. ed. Furietto P. I p. 210) къ Андреа Джіуліано первый получилъ рѣчь около 23 сент. 1415 г.

[2]) Письмо Гварино къ нему у Bernardi l. c. p. 179.

[3]) Hodius p. 61. Giorgi p. 285, гдѣ изъ него сообщаются извлеченія. Рукопись въ его время была у Камалдуловъ. Время опредѣляется письмомъ Гварино къ Поджіо 26 мая 1455 г. у Shepherd Vita di Poggio tradi Tonell. T. II App. num. XXIX и отвѣтомъ Паджіо ep. XIII, 1 ed. Tonelli. Оба письма тоже въ Specilegium Romanum T. X. p. 253 epist. 81, 82.

Въ началѣ XV столѣтія въ Италіи обнаруживается такая оживленная дѣятельность въ области литературы, какую мы видимъ въ наше время развѣ только въ области промышленности. Примѣръ, данный Петраркою, вызвалъ сотни, даже тысячи подражателей. Вездѣ начинаютъ разыскивать старинныя рукописи, вскорѣ даже и въ чужихъ странахъ; ихъ сравниваютъ и исправляютъ, переписываютъ и распространяютъ. Ученые уже не работаютъ по прежнему уединенно въ своихъ кабинетахъ. Они являются съ своими открытіями и собственными трудами на общественное литературное поприще. Основываются каѳедры наукъ, и профессора стараются пролить свѣтъ на древній міръ и на оба классическія языка. Въ республикахъ и при дворахъ владѣтельныхъ особъ гуманисты играютъ выдающуюся роль и получаютъ поощряющія награды. Они прославленные герои своего вѣка. Они составляютъ сильно развѣтвленное общество, ученую республику, доступъ въ которую открываютъ таланты и трудолюбіе. Образуется новое сословіе, чуждое всякихъ кастическихъ предразсудковъ, поставленное свободно и независимо, но все таки знать покровительствуетъ ему, заискиваетъ въ немъ. Мысли и мечты этихъ людей витаютъ въ древнемъ мірѣ; они собираютъ и чтятъ его письменные памятники какъ святыню, медали, статуи и драгоцѣнные камни. Они обращаются съ запросами, какъ къ живымъ свидѣтелямъ, къ зданіямъ, храмамъ, циркамъ и надгробнымъ памятникамъ.

Когда пробудилось восторженное поклоненіе древности и было положено первое начало, то какъ и у Петрарки, прежде всего явилось желаніе—спасти тѣ остатки древностей, какіе можно было спасти. Стали говорить о томъ, что рука времени сильно повредила эти памятники, и теперь надобно снять наростъ, покрывающій ихъ. Книги, хранившіяся въ монастыряхъ и внѣ Италіи, повидимому, вслѣдствіе невѣжества людей, сохранявшихъ ихъ, были обречены на гибель. Быть можетъ, усердіе и боязнь ученыхъ за ихъ цѣлость нѣсколько преувеличивали опасность. Однако вообще ими руководилъ вѣрный инстинктъ. Опытъ, свидѣтельствовавшій, что нѣкоторыя безцѣнныя произведенія римской литературы затерялись, показывалъ, что поиски слѣдуетъ производить быстро и тщательно. Боккачіо разсказывалъ, что случилось съ нимъ у Бенедиктинцевъ въ Монте Кассино. Любопытствуя видѣть ихъ старинную библіотеку, онъ просилъ одного изъ монаховъ отпереть ее. Тотъ сухо указалъ ему на крутую лѣстницу: «поднимись по ней; библіотека открыта». Дѣйствительно, книгохранилище не было заперто; даже и дверей не было. Когда Боккачіо сталъ разсматривать нѣкоторыя рукописи, то оказалось, что у однихъ отрѣзаны края, у другихъ недостало цѣлыхъ листовъ; вообще

онъ нашелъ, что онѣ попорчены. Плача съ досады, онъ спустился внизъ и спросилъ встрѣтившагося монаха, почему такъ небрежно обращаются съ такими дорогими сокровищами. Монахъ отвѣчалъ, что двое братьевъ, желая выручить отъ 2 до 5 солидовъ, отрѣзали пергаментъ и употребили его на обложку псалтырей и молитвенниковъ, которые потомъ продали женщинамъ и дѣтямъ. [1]). Если это случилось въ центрѣ учености, то чего можно было ожидать въ другихъ мѣстахъ?

Тѣ самые юноши и люди зрѣлыхъ лѣтъ, которые слушали во Флоренціи лекціи Джіованни да Равенна и Хризолора, теперь ревностно занялись поисками и наслаждались успѣхами. Свѣтъ вскорѣ увидѣлъ сокровища, хранившіяся въ Италіи. Для изслѣдованій въ другихъ странахъ Констанцскій соборъ составилъ эпоху. Вообще вліяніе двухъ великихъ церковныхъ собраній на столкновеніе народностей было неоцѣнимо. Нерѣдко папскіе послы и нунціи, визитаторы монашескаго чина и бѣлаго духовенства были въ то же время и литературными эмиссарами. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр. кардиналы Бранди и Чезарини, обладали достаточнымъ образованіемъ, такъ что сами могли разыскивать древнихъ писателей въ монастырскихъ библіотекахъ Германіи. Другіе имѣли въ своей духовной средѣ секретарей-гуманистовъ. Въ эпоху базельскаго собора такіе легаты, какъ Чезарини и Альбергати, рядомъ съ дѣлами политическими и церковными, занимались и книжными вопросами.

Не мало было людей съ классическимъ образованіемъ особенно въ числѣ папскихъ секретарей въ Констанцѣ. Они большею частію воодушевлены были во Флоренціи ревностью къ собиранію книгъ, обнаруженною Солютато и Джіованни да Равенна. Теперь они въ первый разъ ступили на почву, еще дѣвственную для ищущихъ книгъ. До тѣхъ поръ не ожидали многаго отъ нѣмецкихъ монастырей и библіотекъ. Любителямъ классической литературы было неизвѣстно, что нѣкогда среди нѣмецкихъ Бенедиктинцевъ процвѣтало высокое образованіе. Они изумились, когда открыли здѣсь старинныя книгохранилища, обильно снабженныя и рукописями классиковъ. Теперь они надѣялись найдти здѣсь то, чего напрасно искали въ Италіи, именно новыя сочиненія Цицерона, новыя книги Ливія, сочиненія Варрона и т. п., чего такъ сильно желалъ еще Петрарка. Вслѣдствіе пріостановки папскихъ дѣлъ, а потомъ и полнаго прекращенія ихъ служебной карьеры, по случаю низложенія папы, у этихъ людей оставалось много свободнаго времени. Поэтому они мо-

---

[1]) Benvenuti Imolensis Comment in Dantis Comoed. ap. Muratori Antiqu. Ital. T. I p. 1692, trad. da Tamburini vol. III p. 398.

гли разъискивать книги въ окрестныхъ монастыряхъ, предпринимать небольшія поѣздки и обращать найденныя сокровища въ прочное достояніе, списывая ихъ собственноручно. Притомъ на соборѣ рядомъ съ прелатами было много докторовъ разныхъ наукъ, магистровъ, канцлеровъ и секретарей со всѣхъ концовъ римско-католическаго міра, отъ которыхъ можно было получить свѣдѣнія объ отдаленныхъ странахъ.

Первый, кто составилъ себѣ громкое имя на этомъ поприщѣ открытій, былъ Поджіо Бракчіолини. Онъ пріѣхалъ въ Констанцъ въ качествѣ папскаго секретаря, но улыбался втихомолку, когда прелаты и доктора пускались въ длинныя толкованія и разсужденія, по поводу раскола, или гусситской ереси. Его не особенно огорчало и стѣсненное положеніе его папы; онъ уже былъ свидѣтелемъ паденія не одного главы церкви. Онъ не обращалъ вниманія на все это и смотрѣлъ на смутное время какъ на время литературнаго досуга, въ особенности побуждаемый своими флорентинскими и венеціанскими друзьями, которые считали его миссіонеромъ по части разыскиванія книгъ на нѣмецкой почвѣ. Поджіо выросъ во Флоренціи въ средѣ самыхъ усердныхъ собирателей книгъ и самъ принадлежалъ къ ихъ числу. Онъ очень хорошо зналъ, чѣмъ владѣлъ образованный міръ и чего еще слѣдовало искать. Онъ самъ писалъ красиво и скоро и даже долженъ былъ жить этимъ въ юные годы. А въ Констанцѣ у него сверхъ того была возможность имѣть переписчика. При его ловкости и находчивости, при тѣхъ протекціяхъ въ высшихъ сферахъ, какія онъ имѣлъ, онъ былъ самымъ подходящимъ человѣкомъ для своей миссіи во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ былъ чуждъ эгоистической слабости прятать, какъ личную собственность, тѣ новыя сокровища, которыя находилъ. Напротивъ, онъ сейчасъ же охотно сообщалъ ихъ итальянскимъ ученымъ, и такимъ образомъ они дѣлались общимъ достояніемъ [1]).

Поджіо былъ руководящимъ лицомъ въ поискахъ книгъ, однако среди своихъ товарищей и друзей имѣлъ помощниковъ, которые едвали уступали ему въ энергіи. Особенно дѣятеленъ былъ секретарь Бартоломео да Монтепульчіано, юристъ и искусный дѣлецъ. Ему хотѣлось играть роль и въ дѣлѣ классическихъ изученій. Онъ слушалъ Хризолора и писалъ не мало стиховъ. Если онъ въ этомъ случаѣ и преувеличивалъ свое значеніе, то стре-

---

[1]) Онъ самъ хвалится epist. VIII, 3: Fuit quondam tempus, cum omnes ferme elegantia litterarum superarem. Извѣстны даже нѣкоторыя рукописи писанныя имъ. Объ утайкѣ литературныхъ сокровищъ онъ говоритъ въ письмѣ III, 12 противъ Никколи: Absit ut aliquid vellem non esse commune lorum, quae omnilus scripta sunt. И этимъ онъ имѣетъ право гордиться.

мился къ приращенію своихъ книжныхъ богатствъ съ тою же горячностью, какъ и Поджію. Въ Констанцѣ онъ не одну книгу переписалъ своею рукою [1]). Третьимъ членомъ этого союза обыкновенно былъ Агапито Ченчи, поэтъ и ученикъ Хризолора. Свободное время на соборѣ и ему дало возможность заниматься переводами съ греческаго языка и посвящать себя гуманнымъ наукамъ. Къ этимъ троимъ друзьямъ примкнулъ также Зомино (Созоменъ) изъ Пистойи, молодой духовный, изучавшій кононическое право во Флоренціи. Въ 1416 г. пистойскій епископъ призвалъ его на Констанцскій соборъ. Онъ не былъ, правда, такимъ цѣнителемъ изящнаго какъ его сообщники. Это доказываетъ грубый слогъ его всемірной хроники, которую онъ написалъ впослѣдствіи, будучи каноникомъ при пистойскомъ соборѣ. Но онъ зналъ немного по гречески, и во Флоренціи, въ музеѣ Никколи, читалъ лекціи по грамматикѣ и реторикѣ, и слушателями были Леонардо Дати и Маттео Пальміери. Онъ умеръ въ 1448 г. и оставилъ своему родному городу для общественнаго пользованія, прекрасное собраніе изъ 116 латинскихъ и греческихъ рукописей. Для него онъ трудился и въ Констанцѣ [2]). Здѣсь были и другіе поклонники классической литературы, но намъ не сообщаютъ объ ихъ участіи въ осмотрѣ библіотекъ. Тутъ былъ магистръ Бартоломмео де Реньо — его называютъ такъ потому, что онъ былъ родомъ изъ Апуліи—ученый человѣкъ и толкователь классическихъ писателей. Слѣдуетъ упоминуть также о поэтѣ Бенедето да Пиліо, который кончилъ курсъ въ Болоньѣ и явился въ Костанцъ, какъ состоящій на службѣ у кординала Аннибальди. Впрочемъ онъ вскорѣ былъ вовлеченъ въ политическія смуты и содержался въ плѣну въ башнѣ, гдѣ, разумѣется, могъ писать стихи, но не могъ отыскивать классиковъ.

Еще Петрарка, завидѣвъ издали старинный монастырь, думалъ о тѣхъ книжныхъ богатствахъ, которыя могутъ скрываться въ немъ. Такъ и итальянскіе гуманисты изъ Констанца дѣлали поѣздки въ бенедиктинскія аббатства Вейнгартенъ и Рейхенау. Оттуда было доставлено въ Констанцъ во время собора нѣсколько прекрасныхъ рукописей для ученыхъ отцовъ, которыя потомъ не были возвращены [3]).

---

[1]) По его замѣткамъ въ качествѣ писца у Bandini Catal. codd. lat. T. III p. 573, 574 16 декабря 1414 г. онъ находился въ Констанцѣ и еще 16 февраля 1416, тоже, разумѣется, раньше и позднѣе этого.

[2]) Vespasiano Zembino Pistolese, Sacharias Bibliotheca Pistorieusis p. 29 seq. Asconius Pedianus rec. Kiessling et Schoell p. XXIX. О его всемірной хроникѣ, часть которой напечатана у Muratori Scriptt. T. YVI, p. 1063, ed. Bandini Bibl. Lop. Laurent. T. III p. 95. Объ его сношеніяхъ съ Никколи см. Mehus Vita Ambros. Trauers. p. 367.

[3]) Pregizer ap. Von der. Hardt: Magn. accumen. Constant. concilium, Prolog. ad. T. I p. 13. Weidmann Gesch. d. Billiothek v. S. Gallen, St. Gallen, 1846, s. 36.

Суровая зима и заваленныя снѣгомъ дороги не удержали путниковъ. Поджіо, Ченчи и Бартоломмео рѣшились отправиться вмѣстѣ въ Ст. Галленъ. Оказалось, что аббатъ и монахи этого нѣкогда столь знаменитаго пріюта образованности были совершенно чужды литературныхъ интересовъ, библіотека очень богата, но находится въ старой соборной башнѣ и безжалостно отдана на жертву пыли, сырости, насѣкомыхъ и вообще всего, что губитъ книги. «Она помѣщается въ какой-то отвратительной тюрьмѣ, говоритъ Поджіо, въ которую не заключили бы и преступника, приговореннаго къ смерти». «Мы плакали отъ жалости, разсказываетъ Ченчи, видя, какъ латинская литература лишается своихъ лучшихъ украшеній. По истинѣ эта библіотека, имѣй она даръ слова, сказала бы намъ: О люди, любящіе латинскій языкъ! Не дайте мнѣ погибнуть отъ этой небрежности. Извлеките меня изъ этой тюрьмы!» Ченчи поноситъ нѣмецкихъ варваровъ, но все-таки не забываетъ, что его земляки римляне, еще хуже относились къ своей старинной литературѣ. Поджіо упоминаетъ о нѣмцахъ не иначе какъ съ нелестнымъ эпитетомъ «варварскіе» и вообще называетъ ихъ монастырскія библіотеки тюрьмами (ergastula). При такомъ взглядѣ на дѣло онъ серьезно считалъ съ своей стороны спасительнымъ подвигомъ, когда при удобномъ увезъ нѣсколько книгъ и возвратилъ въ ихъ отечество по ту сторону Альпъ [1]).

Первыя открытія, сдѣланныя друзьями въ С. Галленѣ, были такъ богаты и поразительны, что весьма понятенъ тотъ торжественный тонъ, въ которомъ о нихъ сообщалось въ Италіи. Въ пыли и плѣсени найденъ *былъ полный* экземпляръ сочиненій Квинтиліана (Institutiones). Этотъ памятникъ древности не былъ совсѣмъ неизвѣстенъ въ средніе вѣка. Уже Вибальдъ изъ Стабло зналъ его и оцѣнилъ, какъ вспомогательное пособіе при изученіи реторики, а также и Петръ Блуасскій [2]). Но въ Италіи о немъ давно и помина не было. Петрарка въ декабрѣ 1350 г. получилъ въ подарокъ экземпляръ Квинтиліана отъ Лапо да Кастильонкіо во Флоренціи. Въ немъ не достовало цѣлой

---

[1]) Въ Poggius epist. I, 5 отъ 15 дек. 1417 г. разсказываетъ Гварино о посѣщеніи С. Галлена и тамошнихъ находкахъ, но уже гораздо позже. И письмо Ченчи къ его учителю Франчесско де Фьяна въ Римѣ, сообщенное Квиринусомъ въ Diatriba ad Franc. Barbari Epistolas p. 8, относится уже къ тому времени, когда онъ говоритъ, что посѣщеніе было his proximis diebus. Но Леонардо Бруно epist. IV, 5 ed. Mehus отвѣчаетъ Поджіо уже 13 сент. 1416 на первое извѣстіе о находкахъ въ С. Галленѣ. Къ этимъ главнымъ свѣдѣніямъ присоединяется письмо Франческо Барбара къ Поджіо отъ 6 іюля 1417 г. у Pez Thesanrus anecd. nov. T. VI p. III P. 145 и у Barbari Epist. rec. Quirino ep. 1.

[2]) Wibaldi epist. 167 ed. Jaffè Monum. Corbei p. 284. Ciceronis Opp. rcc. Orelli edit alt. vol. III p. VIII.

половины, въ текстѣ были пропуски, и имъ вообще нельзя было пользоваться. Но онъ все таки пришелъ въ восторгъ и написалъ письмо Квинталіану, въ царство тѣней, въ которомъ выражалъ надежду на то, что и цѣлое сочиненіе его будетъ отыскано. Онъ изъявлялъ радость, что будетъ обладать такимъ сокровищемъ [1]). Потомъ Салютато былъ обрадованъ ложнымъ извѣстіемъ, что слѣдуетъ ожидать полнаго Квинтиліана изъ Франціи [2]). Желаніе имѣть полный экземпляръ было сильно возбуждено, но вскорѣ потеряли всякую надежду на то, что оно сбудется. Гаспорино да Варзицца приняся за неутѣшительную задачу — изъ собственной головы дополнить недостающее [3]). Такимъ образомъ Поджіо очень хорошо зналъ, какое сокровище нашелъ онъ въ упомянутой нами монастырской библіотекѣ, и сообщилъ объ этомъ флорентинскимъ друзьямъ, Никколи и Бруни. Онъ взялъ рукопись съ собою въ Констанцъ и собственноручно списалъ ее тамъ въ 53 дня усиленнаго труда [4]). На этомъ основаніи онъ могъ похвалиться, что благодаря ему сочиненіе римскаго ритора возстановлено въ своемъ первоначальномъ видѣ и безъ его участія пропало бы въ своей тюрьмѣ «О необычайное пріобрѣтеніе, о неожиданная радость!» писалъ ему въ восторгѣ Бруни словами Петрарки, получивъ первое извѣстіе объ этомъ [5]).

---

1) Epist. rer. famil. XXIV, 17: Oratoriarum institutionum liber heu discerptus et lacer venit ad manus meas . . . . Et fortasse nunc apud aliquem totus es . . . Quisquis in te reperiendi fartunatior fuit, sciat se rem magni pretii pessidere, quemque si nuverit primas inter divitias locet.

2) См. его письмо у Mehus Vita Ambros. Trauers. p. 386. Другое у Bandini Catal. codd. lat. p. T. III 364.

3) Blondus Italia illustr. p. 346; по его словамъ это случилось задолго до (diu antea) находки въ Лоди (1422) Jac. Phil. Bergomas fol. 274 представляетъ дѣло въ превратномъ видѣ, допуская, что Варзицца впослѣдствіи (postea) съ большимъ трудомъ исправилъ искаженный экземпляръ, найденный Поджіо.

4) Это достаточно ясно изъ его письма къ Гварино и изъ замѣтки на самой рукописи. Послѣднюю см. у Reifferscheid Die Quintilianhandschift Poggio's въ Rhein. Mus. f. Philol. N. F. Jahrg. 23. (1868) s. 145. Судя по этому, Поджіо писалъ sede apostolica vacante (когда апостольскій престолъ не былъ занятъ), значитъ между 24-го мая 1415 г. и 11-го ноября 1417 г. Его копія, согласно каталогу 1495 г., была въ библіотекѣ Медичи. (Archivio stor. Ital. Ser. III T. XX p. 60). Рейффершейдъ опровергъ то мнѣніе, будто въ Италію былъ присланъ С. Галленскій списокъ и есть тотъ самый, о которомъ упоминаютъ Mehus Vita Ambros. Travers. p. 34 и Bandini Catal. codd. lat. T. II, p. 382. А что Паджіо нашелъ рукопись въ salsamentarii taberna въ лавкѣ торговца соленою рыбою, какъ разсказываетъ Jovius Elogia doctor. viror. 10, не заслуживаетъ опроверженія. Странно только то, что Ченчи не упоминаетъ объ этой находкѣ въ своемъ письмѣ. За то о ней говоритъ самъ Поджіо и въ Oratio in funere Nic. Niccoli (Opp. p. 272), и въ сочиненіи De infelicitate principum (Opp. p. 394).

5) Такъ онъ говоритъ и въ письмѣ отъ 13-го сентября 1416 г. Quintilianus, prius lacer atque discerptus etc.

Въ С. Галленѣ также найдены были Argonautica **Валерія Флакка**, впрочемъ только три первыя книги и часть четвертой. И это сочиненіе Поджіо списалъ самъ. Онъ выразилъ желаніе, чтобы кто нибудь другой нашелъ цѣлый экземпляръ; «я сдѣлалъ, что могъ». прибавилъ онъ. Дѣйствительно, впослѣдствіи въ Италіи получена была полная рукопись этой поэмы [1]).

Другія рукописи, добытыя въ старой соборной библіотекѣ, были: списокъ, писанный въ IX в., заключавшій въ себѣ комментаріи **Асконія Педіана** къ пяти рѣчамъ Цицерона и другой комментарій къ части рѣчей противъ Верреса, написанный неизвѣстнымъ схоліастомъ позднѣйшаго времени. Этому обрадовались, какъ и вообще радовались всему, что относилось до Цицерона, хотя флорентинскіе друзья далеко не придавали этой находкѣ того значенія, какъ *полному* Квинтиліану. Однако Поджію открылъ, что именно на Асконія ссылается послѣдній. Кромѣ него констанцскую рукопись переписали также Бартоломмео и Зомино изъ Пистойи, который былъ съ нимъ въ С. Галленѣ [2]). При этомъ геніальный Поджіо рѣшился пополнить пробѣлы по догадкамъ, а затрудненія объяснить самъ. Найденъ былъ лишь отрывокъ цѣлаго сочиненія, притомъ въ искаженномъ видѣ. Это очень хорошо понимали, а потому и относительно Асконія Поджіо желалъ, чтобы его сочиненіе впослѣдствіи было отыскано вполнѣ. Но, благодаря находкѣ трехъ друзей и ихъ трудамъ по перепискѣ, писатель былъ спасенъ: сентъ-галленскій оригиналъ вскорѣ *затерялся*, а другой рукописи не отыскалось. Экземпляръ же, *исправленный* Поджіо, вскорѣ распространился по Италіи и по другимъ странамъ и вызвалъ труды ученыхъ, которые старались дополнить недостающее [3]). Затѣмъ были найдены «Лѣса», поэма **Стація**, извѣстная потомству только по рукописи, которую Поджіо увезъ въ Италію, и книга **Манилія** объ астрономіи, которой, по видимому, до тѣхъ поръ не знали въ Италіи [4]). Небольшое сочи-

---

[1]) Объ этой находкѣ упоминаютъ какъ Поджіо, такъ и Ченчи. Включенное въ его списокъ желаніе см. у Tycho Mommsen въ Rhein. Mus. f. Philol. N. F. Jahrg. VI (1848 s. 628. Cp. Valerii Flacci Argonaut. rec. Thilo, Halis 1863, Proleg.

[2]) Замино кончилъ свою работу 28-го іюля 1417 г. См. Zacharia, l. c. p. 48, гдѣ приписка невѣрно считается принадлежащею къ копіи Поджіо.

[3]) Q. Asconii Pediani Orationum Ciceronis quinque enarratio rec. Kiessling et Schoell, Berol. 1875, Praefat. p. XXI seq. Копія Поджіо теперь, повидимому, потерянная, пробыла больше 7 лѣтъ у Никколи. Poggius epist. IV, 2, 4.

[4]) Cf. Statius Silvae rec. Baehrens, Lips. 1876, Praef., гдѣ есть и извѣстная приписка флорентинскаго Асконія, въ которой говорится, что онъ найденъ Поджіо въ С. Галленѣ вмѣстѣ съ Валеріемъ Флаккомъ, Маниліемъ и Стаціемъ. Въ описаніи рукописей въ M. Manilii Astronomicon libri quinque rec. Iacob и у Bechert De M. Manili emendandi ratione, Lips. 1878, о находкѣ Поджіо не упомянуто. Но Dr. T. Löwe нашелъ въ Bib-

неніе Присціана, въ которомъ онъ разбираетъ нѣкоторые стихи Виргилія, не произвело особаго впечатлѣнія, а рукопись заключающая въ себѣ Витрувія, не представляла ничего новаго [1]). Впрочемъ съ обѣихъ были сняты копіи.

Нельзя различить того, что было найдено въ С. Галленѣ, отъ находокъ, сдѣланныхъ въ Констанцѣ и въ окрестностяхъ его. Такъ о Рuniса Силія Италика, дотолѣ остававшихся въ неизѣстности въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, мыслышимъ только то, что Бартоломмео да Монтепульчіано привезъ ихъ съ собою изъ Костанца и что они тамъ были списаны нѣмецкимъ писцомъ [2]), Касательно дидактической поэмы Лукреція «О природѣ вещей» увѣряютъ, что главная рукопись относится къ IV или V в., но неизвѣстно, откуда Поджіо взялъ списокъ, посланный въ 1427 г. къ Никколи. Мы только знаемъ, что въ 1427 г. Бартоломмео тайкомъ увезъ оригиналъ изъ его нѣмецкаго хранилища [3]). Не разъяснено также и то обстоятельство, гдѣ Поджіо нашелъ историческое сочиненіе Аммiана Марцеллина и какъ перевезъ старинную рукопись. Она попала къ кардиналу Одо, который по избраніи своемъ на папскій престолъ принялъ имя Мартина V, потомъ въ библіотеку его племянника, кардинала Просперо Колонна, а впослѣдствіи въ ватиканскую. Думаютъ, что она взята изъ фульдскаго монастыря. Поджіо говоритъ въ такомъ тонѣ, будто онъ самъ лично увезъ ее; неизвѣстно, былъ ли

liotheca nacional въ Мадритѣ бывшія нѣкогда вмѣстѣ четыре рукописи этихъ четырехъ авторовъ, которыя такимъ образомъ послѣ Поджіо были списаны вмѣстѣ. Vespasiano Poggio § 2 упоминаетъ о Маниліи прямо въ числѣ находокъ Поджіо, также и о «Лѣсахъ» Стація.

1) Объ обѣихъ упоминаетъ Ченчи. Cf. Vitruvii de architectura libri decem edd. Rose et Müller Strübing, Lipsiae 1867 p. IV. Въ С. Галленѣ были также найдены: сочиненіе Вегеція о военномъ искусствѣ и Помпей Фестъ и списаны Бартоломмео. Письмо его къ Траверсари см. въ его Epist. rec. Canneto XXIV, 9.

2) Изъ писемъ Филельфо къ Транкедино отъ 25-го іюля 1460 г., къ Парризіо отъ 31-го октября и къ Барбадоро 1-го ноября 1464 г. Филельфо прямо говоритъ, что списокъ Бартоломмео, видѣнный имъ во Флоренціи, былъ прежде единственнымъ въ Италіи, отъ котораго произошли другіе. Ср. Blass, Die Textesquellen des Silius Italicus въ Jahrbüch. f. class. Philol. Suppl. Bd. VIII s. 162. 164.

3) Изъ письма Поджіо (epist. III, 12) къ Никколи отъ 17-го мая (1427) слѣдуетъ только, что изъ того же источника желали получить и другія произведенія. Въ Epist. IV, 9. 4 отъ 13-го и 27-го декабря 1429 г. Поджіо проситъ Никколи возвратить ему его Лукреція, котораго тотъ держитъ 12 лѣтъ (значитъ съ 1417 г.). Собственноручный списокъ Никколи представляетъ важнѣйшій экземпляръ группы списковъ. Ср. Polle Die Lucrezliteratur въ Philologus Bd. XXV (1867) s. 517 Петрарка и Боккачіо уже знали Лукреція. Это доказываетъ Hortis Studj s. op lat. del Bocc. p. 392. Его знали и во Франціи, sf. Ioh. de Monsterolio epist. 70 ap. Martene et Durand Ampliss. Collectio T. II p. 1442.

онъ когда нибудь въ Фульдѣ [1]). Но это былъ экземпляръ неполный и весьма попорченный, съ котораго Никколи въ 1423 г. переписывалъ своею рукою, потому что менѣе образованный писецъ не справился бы съ нимъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ въ Герсфельдѣ была открыта рукопись болѣе полная и въ лучшемъ видѣ, однако Поджіо напрасно старался добыть ее. Лишь черезъ столѣтіе она сдѣлалась доступною для ученыхъ [2]). Поджіо упоминаетъ въ числѣ классиковъ, найденныхъ имъ, и о сочиненіи Колумеллы «О сельскомъ хозяйствѣ». Извѣстно только, что въ Корве когда-то была рукопись этого писателя; если она служитъ источникомъ медицейскихъ списковъ, которые слѣдуетъ отнести къ находкамъ Поджіо и трудамъ Никколи, то разъясненіе дѣла возможно [3]). Но въ отношеніи большей части этихъ открытій слѣдуетъ имѣть въ виду, что упомянутые нами Итальянцы считали вновь открытымъ и спасеннымъ для науки все то, что было пока еще неизвѣстно имъ и ихъ друзьямъ во Флоренціи.

По видимому, Поджіо ѣздилъ изъ Констанца на поиски во Францію раньше посѣщенія нѣмецкихъ монастырей. Если приходилось дѣлить съ другими честь открытій, сдѣланныхъ въ послѣднихъ, то во Франціи, насколько мы знаемъ, у него не было спутниковъ. Именно во французскихъ монастыряхъ удалось ему пополнить сочиненія Цицерона, которыя съ особеннымъ стараніемъ розыскивали со временъ Петрарки. Такъ въ Клюни онъ нашелъ старый, почти уже истлѣвшій списокъ, который въ числѣ другихъ рѣчей Цицерона заключалъ въ себѣ и рѣчи въ защиту Секста Росція Америйскаго и Мурены. Прежде этого онѣ обѣ были неизвѣстны и обѣ, по видимому, дошли до потомства благодаря удачнымъ поискамъ Поджіо. Онъ спасъ рукописи, которымъ грозила гибель, тѣмъ что взялъ ихъ и послалъ во Флоренцію. Тамъ Гварино и Барбаро постарались разобрать рукопись особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ плѣсень грозила истребить все [4]). Вторая, болѣе плодотворная находка, именно не менѣе 8 рѣчей Цицерона, сдѣлана Под-

---

[1]) Письмо Поджіо къ Франческо д' Ареццо (между августомъ 1448 г. и іюлемъ 1449 г.) въ Specilegium Romanum T. X epist. 48 (съ примѣчаніемъ Мая), epist. IX, 32 ed. Tonelli: Ammianum Marcellium ego latinis Musis restifui, cum eum eruissem e bibliothecis Germanorum. Cardinalis de Columna (Prospero) habet eum codicem, quem portavi, litters autiqnis etc.

[2]) Poggius epist. II, 7, къ Никколи отъ 6 ноября 1423 и III, 12 къ нему же отъ 17 мая (1427). Ср. Urlichs въ журналѣ Eos Iahrg. II (1060) v. 352. Kiessling въ Neue Jahrbucher f. Philologie und Paed. 1871 S. 481. Vespasiano Nic. Nicoli § 2.

[3]) Cf. Scriptores rci rusticae voteres latini cur. Gesner (T. I Lips. 1725, Praef. п. IX).

[4]) Это видно изъ сопоставленія отдѣльныхъ замѣтокъ, такъ какъ современныхъ извѣстій о находкахъ нѣтъ. Leon. Bruni. epist. IV, 4 отъ 2 января 1415 г. говоритъ прежде всего о трехъ новыхъ рѣчахъ Цицерона, которыя Поджіо недавно нашелъ

жіо спустя два года въ Лангрѣ па Марнѣ, бывшемъ городѣ Лингоновъ. Правда, онъ не могъ здѣсь получить рукопись въ свою собственность, но съ того списка, который онъ сдѣлалъ, написаны были списки его друзей во Флоренціи и Венеціи, и только благодаря этому обстоятельству дошли до насъ нѣкоторыя рѣчи, а другія отыскались тоже впослѣдствіи въ другихъ рукописяхъ. А о старомъ лангрскомъ спискѣ потомъ ничего неизвѣстно [1]).

Упомянемъ здѣсь и о позднѣйшихъ усиліяхъ Поджіо по части открытія новыхъ сочиненій Цицерона. Они не увѣнчались такимъ успѣхомъ, какъ тѣ, когда онъ самъ производилъ поиски въ пору цвѣтущей юности. Онъ и въ Италіи не упускалъ изъ виду своей цѣли и пользовался для сношеній съ нѣмецкими монастырями всякимъ удобнымъ случаемъ, какой только ему представлялся при римскомъ дворѣ. Такъ здѣсь явился въ 1427 г. Николай Трирскій, который говорилъ, что у него въ числѣ другихъ сокровищъ есть и сочиненіе Цицерона о республикѣ, также о законахъ, о судьбѣ и другія, которыя вообще встрѣчались въ плохомъ видѣ и неполныя. Но книга о республикѣ оказалась извѣстнымъ сномъ Сципіана, сохранившимся у Макробія; другія рукописи Цицерона тоже не дали много новаго, хотя, какъ мы увидимъ, этотъ Николай былъ не шарлатанъ [2]). Изъ Утрехта Поджіо получилъ

во Франціи. Самъ Поджіо опредѣляетъ ихъ epist. II, 7 какъ illas (orationes Tullii) quas detuli ex monasterio Cluniacensi и II, 26 какъ orationes meas Cluniacensse; тутъ мы узнаемъ также, что кромѣ рѣчи за Клюэнція и другихъ въ спискѣ находились рѣчи за Росція и Мурену. Согласно epist. IV, 2 Дечембріо въ 1429 г. снова доставилъ Никколи во Флоренцію volumen antiquum рѣчей Туллія. Это тотъ же загнившій экземпляръ, о которомъ Гварино говоритъ въ своемъ изложеніи рѣчи pro Roscio Amerino (cf. Ciceironis opp. rer. Orelli, edit. alt. vol. II, P. I p. 66. P. II p. III): Quod factum est situ et exemplars vetustate decrepita, quod vir doctissimus Poggius ex Gallis ad nos reportaverat, qui et hujus orationis et alterius pro Murena repertor hac aetate fuit.

[1]) Тѣ рѣчи, о которыхъ здѣсь говорится, извѣстны изъ приписки, сообщенной Bandini Catal. codd. lat. T. II, p. 431, согласно которой онѣ были найдены in silvis Lingonum. Время опредѣляетъ Ambros. Travers. epist. IV, 8 къ Барбаро отъ 3-го октября 1417 г. Ex litteris, quas ad Guarinum proxime dedi, quid Ciceronis oralionum Poggii nostri diligentia reparatum sit, scire proteris. Согласно epist. VI, 14, относящемуся, безъ сомнѣнія, къ тому же году, Никколи отправилъ къ Барбаро всѣ рѣчи, пересланныя Поджіо. Списокъ амброзіанской библіотеки, содержащій ихъ и начинающійся рѣчами pro Murena и pro Roscio Amerino, упоминаютъ Байтеръ и Гальмъ въ Ciceronis Opp. l. c. p. II Praef. p. III. Но это не тотъ экземпляръ, который былъ посланъ къ Барбаро; онъ былъ писанъ самимъ Поджіо, о чемъ онъ упоминаетъ epist. II, 2, 6 съ жалобою па Барбаро, который очень долго держалъ его. Въ спискѣ, указанномъ Миттарелля въ Bibl. codd. ms. monast. S. Michaelis Venet. заключается только вторая находка. Vespasiano Poggio § 2 слышалъ отъ Поджіо, что онъ нашелъ 6 рѣчей Цицерона въ кучѣ разнаго хлама.

[2]) Paggius ep. III, 12, 29.

перечень рѣчей Цицерона, между которыми упоминалась въ немъ пятая, направленная противъ Катилины. Поджіо заранѣе уже не вѣрилъ въ существованіе послѣдней, такъ какъ самъ Цицеронъ говоритъ только о четырехъ обнародованныхъ рѣчахъ противъ Катилины, а другія рѣчи все такія, какія уже есть въ Италіи [1]. Подобнаго рода обманы были нерѣдки. Но это не поколебало намѣренія Поджіо; онъ даже въ далекой Португаліи возбудилъ поиски сочиненій Цицерона о славѣ, объ утѣшеніи, о законахъ, также остальныхъ писемъ и рѣчей [2]. Не удивительно, что его имя отождествлялось съ именемъ лица, открывшаго сочиненія Цицерона, что впослѣдствіи ему приписывали и такія находки, которыхъ онъ никогда не дѣлалъ [3].

Въ Италіи въ то время не розыскивали особенно сочиненія Цицерона, такъ какъ полагали, что эта почва достаточно разслѣдована уже во время Петрарки. Чего тутъ не находили, то открывалось какъ-то случайно. Когда Ліонардо Бруни въ 1409 г. былъ съ римскимъ дворомъ въ Пистойѣ, то епископъ Кремонскій, Бартоломмео Капри, показалъ ему одну очень старинную рукопись, содержавшую письма Цицерона къ Бруту, къ Квинту Цицерону и 7 книгъ писемъ къ Аттику. Такимъ образомъ въ ней было не все, что было уже извѣстно по веронской находкѣ Петрарки, однако она была полезна для сличенія и исправленія текста, и благодаря ей, быть можетъ, были пополнены пробѣлы, — потому что въ веронской рукописи недоставало двухъ писемъ къ Аттику [4]. Но мы не знаемъ, найдена ли рукопись Капри въ Италіи, или добыта благодаря заграничнымъ сношеніямъ.

Гораздо больше вниманія обратилъ на себя случай, происшедшій въ 1422 г. въ Лоди въ то время, когда Поджіо жилъ еще въ Лондонѣ. Въ этомъ городѣ стали искать какихъ то грамотъ въ сундукѣ, который давно сталъ запертымъ въ старинномъ соборѣ. Епископъ Джерардо Ландріани нашелъ при этомъ старинный списокъ Цицероновскихъ сочиненій, состоящій изъ нѣсколькихъ частей. Кромѣ обѣихъ реторикъ, уже извѣстныхъ прежде, и той, въ которой авторъ обращается къ Геренію и которую тогда еще всѣ приписывали

---

[1]) Poggius epist. X, 23. Мнимая пятая рѣчь противъ Катилины начиналась словами: Si quid precibus apud deos immortales etc.

[2]) Poggius epist. VIII, 24.

[3]) Vespasiano Poggio § 2 говоритъ, что онъ нашелъ письма Цицерона къ Аттику въ Констанцѣ, а Іовій Elog. 10, что въ Германіи найдены были трактаты de finibus и de legibus. Deschamps p. 95 повторяетъ это, прибавляя, что онъ, вѣроятно, завѣдывалъ и печатаніемъ ихъ!

[4]) Leonardi Bruni epist. III, 13. Ср. Viertel въ Jahrb. f. class. Phil. 1880 s. 243.

Цицерону, и обоихъ сочиненій de inventione, тамъ оказались три полныя книги сочиненія «Объ Ораторѣ», «Брутъ, или о знаменитыхъ ораторахъ» и сочиненіе «Ораторъ», въ которомъ авторъ обращается къ Бруту. У Петрарки и его современниковъ были въ рукахъ лишь два испорченыхъ отрывка сочиненія «Объ Ораторѣ» [1]), надъ которыми тоже, какъ и раньше надъ Institutiones Квинтиліана трудился Гаспарино, желая ихъ дополнить. Хотя епископъ Ландріани былъ такой человѣкъ, что могъ самъ считаться ученымъ гуманистомъ, однако лодійскій кодексъ съ его старинною рукописью былъ для него, какъ и для миланскихъ ученыхъ, которымъ показали это сокровище, книгою за семью печатями. Имъ приходилось только смотрѣть на нее съ удивленіемъ. Первый, прочитавшій книгу «Объ Ораторѣ», былъ, говорятъ, нѣкто Козьма изъ Кремоны. Потомъ Гаспарино составилъ свой первый исправленный списокъ по тѣмъ отрывкамъ, которые уже были извѣстны, и по вновь найденной рукописи. И онъ въ массѣ копій совершалъ какъ бы торжественное шествіе по Италіи.

Флавіо Бьондо изъ Форли, пріѣхавшій въ это самое время въ Миланъ по дѣламъ своего отечественнаго города, списалъ «Брута» съ «удивительнымъ усердіемъ и быстротою», какъ самъ говоритъ, послалъ его сперва къ Гварино въ Верону, потомъ къ Леонардо Джустиніано въ Венецію. И вскорѣ экземпляры новаго сочиненія были во всей Италіи [2]). Ауриспа пламенно желалъ достать его, чтобы списать [3]). Поджіо, воротившись въ Римъ и опять принявши должность секретаря, съ увлеченіемъ и тщательно переписывалъ самъ эти три сочиненія въ свободное время [4]). Книгу «О знаменитыхъ

---

[1]) Petrarca epist. rer. famil. XXIV, 4 причисляетъ это сочиненіе, равно какъ и Acaedmica и Libri legum къ тѣмъ, qui ita truncati foedatique evaserunt, ut proprie melius fuerit periisse. Epist. rer. senil. XVI, 1 (edit. Basil. XV, 1): libri de Oratore — imperfecti ut semper inveniuntur. И въ перечнѣ книгъ Вальтера Борлея (+ 1337) нѣтъ ни Brutus, ни Orator. По словамъ Сикко Полентоне у Hortis Cenni di Giov. Boccaci intorno a T. Livio p. 89 уже отчаялись найдти эти три сочиненія.

[2]) Главное извѣстіе объ этой замѣчательной находкѣ сообщаетъ Blondus Italia illustr. p. 346. См. также письмо Gasparinus Barzizius въ Opp. ed. Furietto p. 215 къ епископу города Лоди, къ сожалѣнію безъ числа. Изъ этихъ двухъ извѣстій Jac. Phil Bergamas fol. 274 составилъ свое въ пользу своего земляка Гаспарино. Время находки ясно изъ писемъ Поджіо epist. I, 21. 22, отъ 10-го и 25-го іюня (1422). Онъ получилъ это извѣстіе еще въ Лондонѣ чрезъ Никколи. Съ этимъ согласна замѣтка о миланскомъ послѣ во Флоренціи у Vespasiano Nic. Niccoli § 2, на которое обратилъ вниманіе уже Urlichs Eos Jahrg. II (1866) s. 351. Ср. Masius Flavio Biondo, Leipzig 1879, s. 10.

[3]) Ambros. Travers. ep. VIII, 39 et al.

[4]) Онъ получилъ ихъ отъ Никколи. Poggius epist. II, 2. 22. 23. 26. 27. Его экземпляръ помѣченъ у Bandini Catal. codd. lat. T. II, p. 516, cod. XXXI. На немъ есть три его замѣтки.

ораторахъ», по видимому, впослѣдствіи пересматривалъ Гварино и сдѣлалъ годною для чтенія [1]).

И лодійская рукопись вскорѣ исчезла, и ея содержаніе дошло до насъ только въ копіяхъ и пересмотрѣнныхъ спискахъ, которые обязаны своимъ происхожденіемъ трудолюбію и усердію тогдашнихъ гуманистовъ. Если обратить вниманіе на количество такихъ старинныхъ рукописей, которыя были найдены въ тѣ десятилѣтія, чтобы потомъ истлѣть и исчезнуть, которыя были единственными уцѣлѣвшими экземплярами древнихъ литературныхъ памятниковъ, то мы вполнѣ оцѣнимъ заслугу людей, открывшихъ и сохранившихъ ихъ. Дѣйствительно, легко можно допустить, что нѣкоторыя сочиненія Цицерона погибли уже въ позднюю эпоху среднихъ вѣковъ. Эти печальные факты и возбудили рвеніе спасать памятники прежде, чѣмъ это уже будетъ поздно.

Но возвратимся къ Поджіо, съ именемъ котораго не даромъ связана исторія сохраненія древнихъ памятниковъ. Извѣстно, что съ Констанцскаго собора судьба перенесла его на нѣсколько лѣтъ въ Англію. Хотя онъ и тамъ продолжалъ свои поиски, однако они были поразительно безуспѣшны, и для него мало было утѣшенія въ томъ, что онъ вмѣсто классическихъ сочиненій пашелъ хронику Зигберта изъ Жамблу и сдѣлалъ изъ нея извлеченія [2]). Но чтобы соборныя и монастырскія библіотеки Англіи были такъ бѣдны рукописи классиковъ, какъ объ этомъ говоритъ Поджіо, мы не можемъ вполнѣ повѣрить, *читая* Іоанна Салисберійскаго, Вальтера, Борлея и Ричарда изъ Бёри Никколи тоже не вѣрилъ этому. Поджіо былъ въ Англіи не въ духѣ, и на умѣ у него было вовсе не переписываніе рукописей. Если мы не ошибаемся, на обратномъ пути, будучи въ Кёльнѣ и Парижѣ, онъ прибавилъ къ литературнымъ драгоцѣнностямъ нѣсколько новыхъ пріобрѣтеній. Въ Кельнѣ отыскался сатирическій романъ Петронія Арбитра, конечно не полный, какой былъ извѣстенъ въ средніе вѣка и раньше Поджіо. Но для Италіи это была однако новость, и Никколи не могъ семь лѣтъ разстаться съ копіею Петронія, которую другъ его приказалъ списать для себя въ Кельнѣ [3]). Изъ Парижа былъ отправленъ къ Никколи лексиконъ Нонія Марцелла вмѣстѣ

---

1) Въ пользу этого факта я знаю только одно свидѣтельство, но современное, у Angelus Decembrius de politia lit., Basil. 1562. Lib. I, p. IV; de claris oratoribus ad Brutum nuper a Veronense publicatum. Книга написана около 1450 г.

2) Poggius epist. VIII, 9.

3) Согласно Poggius epist. II, 3 отъ 3 мая 1423 г. онъ получилъ около этого времени заказанный въ Кельнѣ списокъ, cum illac iter feci; epist. IV, 2, 4 отъ 13 и 27 дек. 29 увѣщаніе Никколи.

съ другими сочиненіями, по видимому, не имѣвшими большой цѣны [1]).

И по возвращеніи къ римскому двору Поджіо долго былъ собирателемъ всѣхъ извѣстій о новыхъ открытіяхъ и всячески старался продолжать послѣднія. Въ Римъ стекались кандидаты и просители, тяжущіеся и повѣренные со всѣхъ концовъ латинскаго міра. Папскому секретарю, человѣку опытному, умѣвшему обращаться съ людьми, подобно Паджіо, теперь представлялся отличный случай — собирать свѣдѣнія, и слѣдить за всѣмъ. Иногда это вводило его въ заблужденіе, а иногда вело и къ пріобрѣтеніямъ.

Начались снова поиски мнимаго Ливія, много терзавшіе еще Петрарку, мучившіе Салютато. Вообразили, что есть очень старинный полный Ливій въ бенедиктинскомъ монастырѣ любекскаго діоцеза, именно въ Эйсмарѣ [2]). Не смотря на всѣ разочарованія, страстное желаніе имѣть его поддерживало эту надежду вплоть до нашего вѣка. Почему бы, размышлялъ тогда Секко Полентоне, не найдтись потеряннымъ декадамъ, если нашлись вполнѣ, въ хорошо сохранившемся видѣ, Institutiones Квинтиліана и реторическія сочиненія Цицерона [3])? Вѣдь найдти ихъ тоже отчаялись. Одинъ доминиканецъ, Джіованни да Колонна, видѣлъ четвертую декаду въ шартрской соборной церкви. Рукопись была такая старая, что, по его мнѣнію, едва ли кто нибудь разберетъ ее [4]). Если это была одна изъ извѣстныхъ декадъ, то случайное открытіе такихъ старинныхъ рукописей давало поводъ надѣяться на то, что и новыя декады со временемъ найдутся. Какъ въ вопросѣ о привидѣніяхъ, такъ и въ этомъ случаѣ всегда люди, которые, сами обманутые или обманывая другихъ, видѣли то, чего всѣ нетерпѣливо ожидали. При дворѣ Мартина V, въ началѣ 1424 г., явился одинъ датчанинъ, по имени Николай, который въ присутствіи Поджіо, кардинала Джіордано Орсини и другихъ всячески увѣрялъ, что онъ видѣлъ въ цистер·

---

1) Poggius epist. II, 22 (1425 г.) о книгѣ Нонія, quem ad te misi una cum aliis rebus ex Parisio, scriptum litteris antiquis. По этому еще заключать о старой рукописи, такъ какъ люди, подобные Поджіо, умѣли сами писать litteris antiquis. См. также epist. IV, 2.

2) Ср. выше стр. 196.

3) Изъ его не напечатаннаго сочиненія de illustr. scriptor. linguae latinae u Hortis Cenni di G. Boccaci intorno a T. Liviofo p. 89.

4) Изъ его сочиненія de viris illustr. у Valentinelli Bibl. ms. ad. S. Marci Venet. T. VI, p. 52: Vidi ego tamen quartam decadem (sic!) in archivis ecclesiae Carnotensis, sed littera adeo erat antiqua, quod vix ab aliquo legi polerat etc. Когда это было, видно изъ дальнѣйшей замѣтки: Paduae decessit (Livius), cuius sepulchrum nostra aetate repertum est (1415).

ціанскомъ монастырѣ Сороэ близь Рöскильде три толстыхъ свитка. Судя по надписи на одномъ изъ нихъ, въ нихъ заключаются десять декадъ Ливія, указатель содержанія которыхъ онъ самъ читалъ [1]). Почеркъ этихъ рукописей, по его словамъ, лонгобардскій, но есть и готическія буквы. Датчанинъ, много странствовавшій по свѣту, казался человѣкомъ легкомысленнымъ. Однако, по видимому, онъ имѣлъ хорошія свѣдѣнія объ этомъ дѣлѣ, и не было причины подозрѣвать наглую ложь съ его стороны. Кардиналъ Орсини, по совѣту Поджіо, хотѣлъ тотчасъ же отправить довѣренное лицо въ Зеландію. А самъ Поджіо обратился къ Никколи, и по его настоянію Козьма Медичи поручилъ своему любекскому агенту тотчасъ же отправиться въ назначенное мѣсто и навести справки. Однако подобныхъ свитковъ не оказалось въ названномъ монастырѣ [2]). Такіе слухи часто возникали. Вскорѣ Поджіо сталъ до крайней степени недовѣрчивъ. Когда кардиналъ Чезарини отправлялся легатомъ въ германію во время гусситскихъ войнъ и убѣждалъ его отыскивать Ливія, то онъ отвѣтилъ въ шутку, что предоставляетъ это ему [3]). Но когда нашелся второй свидѣтель, на этотъ разъ въ Мантуѣ, который тоже увѣрялъ, что видѣлъ всѣ декады Ливія въ другомъ датскомъ монастырѣ, то онъ опять почувствовалъ приливъ одушевленія. Туда тоже послали для развѣдокъ и тоже напрасно. Чрезъ нѣсколько лѣтъ Поджіо суждено было выслушать и третьяго свидѣтеля, но теперь онъ считалъ извѣстіе о сѣверномъ Ливіи за басню и заподозрилъ въ свидѣтелѣ шарлатана [4]). Но мы увидимъ, что папа Николай V тоже послалъ открывать Ливія на сѣверѣ.

Имя Ливія не забывалось въ средніе вѣка, и для него всегда находились читатели, проникнутые любовью и уваженіемъ къ этому историку. Его утрата объясняется только значительнымъ объемомъ его труда и замѣною его болѣе удобными сокращеніями. Напротивъ Тацитъ былъ въ полномъ забвеніи, и его приходилось какъ бы возвращать къ жизни. Очевидно лишь дѣло рѣдкихъ случайностей, что онъ у насъ не мелькаетъ мимолетною тѣнью въ исторіи литературы. Разъ онъ было явился у Роберта фульдскаго, но потомъ скоро опять исчезъ, и только люди все знающіе увѣряютъ, что они замѣчали присутствіе его въ разныхъ мѣстахъ. Петрарка

---

[1]) Decem Livii decadas, quarum capita ipse legisset. Не Periochae ли это, если только извѣстіе справедливо? Впрочемъ, повидимому, и этотъ Николай, и самъ Поджіо принимали за полнаго Ливія 10 декадъ.

[2]) Poggius epist. II, 9 къ Никколи отъ 8-го января 1424 г. V, 18. XI, 12.

[3]) Poggius epist. IV, 20 отъ 7-го мая 1431 г.

[4]) Poggius epist. V, 18. XI, 12.

не зналъ его и не говорилъ о немъ; но его другъ Гульельмо да Пастреиго имѣлъ о немъ смутное представленіе [1]). Тотъ писатель, который открылъ его Лѣтописи и Исторію, насколько ихъ нашлось въ Италіи, переписалъ и пользовался ихъ содержаніемъ, былъ Боккачіо. Но онъ оказалъ эту услугу незамѣтно, съ необычайною скромностью, такъ что лишь недавно изслѣдователи могли доказать, что честь открытія принадлежитъ ему [2]).

Предполагаютъ, что онъ нашелъ старинную рукопись въ Монте Кассино, печальное положеніе библіотеки котораго описываетъ. Извѣстно, что эта рукопись осталась единственною представительницей текста позднѣйшихъ изданій Лѣтописей и Исторіи. Неизвѣстно, самъ ли Боккачіо увезъ ее во Флоренцію и случилось ли это при жизни Салютато. Достовѣрно только то, что она была у Никколи, и онъ что-то такое скрывалъ касательно происхожденія ея. Послѣднее было покрыто тайною, въ которую въ числѣ немногихъ былъ посвященъ и Поджіо. Но и для него было трудно получить въ Римѣ рукопись для переписки, такъ что онъ успѣлъ въ этомъ лишь подъ условіемъ хранить молчаніе. Все еще боялись, что прежній собственникъ откроетъ ея слѣды [3]). Кромѣ Поджіо осторожный Никколи дозволялъ списывать рукопись лишь весьма немногимъ друзьямъ, какъ напр. Франческо Барбаро. Съ экземпляра его могъ впослѣдствіи заказать копію кардиналъ Виссаріонъ, который,

---

[1]) De origine rerum fol. 18. Cornelius Tacitus, quem imperator suae praefecit bibliothecae, Augusti gesta descripsit atque Domitiami. Откуда взято это извѣстіе? Сухія упоминанія о Тацитѣ, какъ у Петра Блезенскаго, встрѣчаются и у другихъ, но по нимъ нельзя заключить о томъ, что знали о его сочиненіяхъ.

[2]) Hortis Le Additiones al de remedio fortuitorum di Seneca etc. Trieste 1879, p. 27 и Studj s. opere lat. del Boccacio p. 424. Körting Boccaccio s. 393. Тутъ есть указанія, что Боккачіо пользовался 13—16 книгами лѣтописей и 2-ю и 3-ю книгами исторіи и что онъ, судя по его письму къ монтекассинскому аббату, вѣроятно, имѣлъ ихъ въ собственноручной копіи. Въ такомъ случаѣ ему было вполнѣ извѣстно содержаніе монтекассинской рукописи.—Такъ объясняется то обстоятельство, что и младшій другъ Боккачіо, Бенвенуто Рамбальди да Имола, въ своемъ коментаріи къ Аду Данта c. IV (vol. I p. 120. 137. ed. Tamburini) ссылается на Тацита и именно на Annal. XV, 56 seq.

[3]) Poggius epist. III, 5 къ Никколи отъ 23-го октября 1426: gratissimum vero erit, si miseris Cornelium Tacitum. Въ письмѣ III, 17 къ нему же отъ 27-го сентября 1427 г.: Cornelium Tacitum, cum venerit, observabo penes me occulte. Scio enim omnem illam cantilenam, et unde exierit, et per quem, et quis eum sibi vindicet; sed nil dubites, non exibit a me ne verbo quidem. Въ письмѣ III, 15 отъ 21-го октября 1427: Misisti mihi—Cornelium Tacitum etc. Въ III, 17 отъ 5-го іюня 1428 г. сообщается объ обратной посылкѣ Тацита съ прибавкою: in tuo Cornelio deficiunt plures chartae variis in locis. Это извѣстный cod. Mediceus II, который послѣ смерти Никколи поступилъ въ библіотеку Лоренца Медичи (Laurenziana).

услышавъ толки о Тацитѣ, съ тѣхъ поръ ощутилъ сильное желаніе имѣть его [1]). Изо всего этого понятно, почему Лѣтописи и Исторія Тацита оставались неизвѣстными для большей части гуманистовъ въ теченіи цѣлаго вѣка, именно до той поры, какъ они были напечатаны въ первый разъ. Поэтому на рукопись не ссылались и тѣ немногіе, которые ее знали, такъ что она не имѣла никакого вліянія на развитіе гуманистической исторіографіи [2]).

Но оттуда явились первыя шесть книгъ Лѣтописей, какъ возникъ извѣстный медицейскій списокъ, который послужилъ единственнымъ основаніемъ нашего текста? И его исторія темна. Но мы, кажется не ошибемся, если припишемъ открытіе его Поджіо. Николай Трирскій, о которомъ мы уже упомянули и который часто бывалъ по дѣламъ при римскомъ дворѣ, человѣкъ ученый и совершенно безкорыстный, по свидѣтельству Поджіо, сообщалъ ему о довольно объемистомъ историческомъ сочиненіи Плинія, которое есть у него, или которое онъ съумѣетъ найти въ Германіи—больше этого онъ, очевидно, не хотѣлъ сказать. Поджіо возразилъ ему, что это, вѣроятно, «Естественная исторія».—«Нѣтъ, отвѣчалъ трирецъ; ее я знаю очень хорошо и не говорю про нее: это сочиненіе заключаетъ въ себѣ «нѣмецкія войны».—Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что онъ имѣлъ въ виду первыя книги Лѣтописей Тацита. Какъ подтверждаютъ новѣйшія изслѣдованія, онѣ въ то время были уже отдѣлены отъ его мелкихъ сочиненій и на нихъ не было обозначено имени никакого автора [3]). Съ этимъ Николаемъ вели переговоры о разныхъ книгахъ, которыя онъ долженъ

---

[1]) Письмо его къ Барбаро отъ 3-го мая 1453 г. въ его Epist. ed. Quirini epist. 302, Списокъ Виссаріона, попавшій въ Венецію послѣ его смерти, описанъ у Valentinelli Bibl. ms. ad S. Marci Venez. T. VI p. 21. Конечно, онъ заключаетъ въ себѣ тоже, что и Medic. II. Приписка кардинала отъ октября 1453 г.

[2]) Но въ сочиненіи Leonardi Areteni de Studiis et literis tractatulus, Liptzick 1496 кромѣ Ливія, Саллюстія Курція и Цезаря, рекомендуется и Тацитъ. Но здѣсь его имя, повидимому, составляетъ вставку: его нѣтъ въ изданіи, напечатанномъ съ другой рукописи Parisiis 1642. Въ сочиненіяхъ Леонбаттисты Альберти опять мѣстами прямо дѣлаются ссылки на книги Тацита и всего раньше, сколько извѣстно, въ Architettura p. 38 (Venetia 1565), гдѣ онъ ссылается на Historiar. II, 49. Но это сочиненіе, по словамъ Пальмерія, онъ отдалъ папѣ въ 1452 г. Этотъ мракъ, покрывавшій сочиненіе Тацита, вызвалъ появленіе странной книги: Tacitus and Bracciolini. The annals forged in the XV—th century. London 1878. Значитъ Поджіо въ промежутокъ времени отъ 1422 до 1429 г. велѣлъ сочинить лѣтописи за большія деньги! Авторъ этого криминальнаго романа—Россъ, а англичанинъ Гюортъ постарался опровергнуть его.

[3]) Такъ какъ Николай Трирскій хорошо былъ знакомъ съ классиками, то онъ могъ заключить объ имени автора по свидѣтельству о своемъ дядѣ Плинія младшаго epist. III. 5: Bellorum Germaniae viginti quibus omnia quae cum Germanis gessimus bella collegit. Мы вскорѣ увидимъ, какое было основаніе допускать это относительно Плинія.

доставить изъ своего отечества, и это дѣлалось по разумному указанію Поджіо. «Слѣдуетъ идти впередъ мало по малу; мы имѣемъ дѣло съ варварами, а они недовѣрчивы». И съ трирцемъ небрежно обращались при римскомъ дворѣ. Мы вскорѣ узнаемъ, какое великолѣпное пріобрѣтеніе было сдѣлано благодаря ему.

Объ историческомъ сочиненіи Плинія нѣтъ больше рѣчи. Но невѣроятно, чтобы Поджіо и Никколи оставили этотъ вопросъ безъ разрѣшенія. Такое молчаніе могло и безъ того разъяснится, но въ Италіи полученъ былъ таинственными путями списокъ. Извѣстіе о томъ, что онъ явился въ Римъ изъ Германіи какъ разъ къ 1509 г., присланный кардиналу Медичи, и темно, и само по себѣ невѣроятно [2]).

Быть можетъ, другія извѣстія и соображенія прольютъ болѣе яркій свѣтъ на этотъ вопросъ. Извѣстно положительно, что медицейскій списокъ, содержащій въ себѣ шесть книгъ лѣтописей Тацита, былъ соединенъ съ другимъ знаменитымъ медицейскимъ спискомъ, который передаетъ намъ только девять книгъ писемъ младшаго Плинія и служитъ лучшею основою ихъ текста. Оба они писаны однимъ переписчикомъ, и счетъ страницъ продолжается начиная отъ Плинія. Въ средніе вѣка давно знали сто писемъ Плинія; только около 1420 г. появляются рукописи, содержащія восемь книгъ [3]). Веспазіано разсказываетъ, что Никколи и—смѣло прибавимъ это имъ отъ себя—Поджіо получили извѣстіе, что въ одномъ любекскомъ монастырѣ есть болѣе полный Плиній Онъ не говоритъ, что это письма, но объ Естественной исторіи, само собою разумѣется, и рѣчи быть не можетъ. Козьма Медичи тотчасъ же поручилъ одному своему родственнику, имѣвшему тамъ дѣла, переговорить съ монахами. За 100 рейнскихъ гульденовъ книга поступила въ его собственность. Такимъ образомъ возникъ медицейскій списокъ. Между тѣмъ это обстоятельство было причиною многихъ непріятностей какъ для монаховъ, такъ и для самаго Козьмы, и онъ уже не выпускалъ изъ рукъ драгоцѣнной

---

[1]) Vespasiano Niccolo Niccoli § 1 говоритъ о немъ: s'egli sapeva libro ignuno o in latino, o in greco, che non fusse in Ferenze, non perdonava nè a spesa nè cosa ignona per averlo, è sonci infiniti libri in Firenze, nella lingua latina, che tutti s'eblono col mehro suo. § 2: è quelli libri che sapeva che fussino in luogo ignuno, usava ogni mezzo che poteva per avergli.

[2]) Poggius epist. III, къ Никколи отъ 17-го мая (1427 г.); далѣе III, 13. 14. 19. Urlichs Briefe über Tacitus въ Eos Jahrg. II (1866) s. 227. Извѣстіе въ родѣ Бефаальдова, который говоритъ, что списокъ найденъ in saltibus Germaniae, или Беатуса Ренануса, который указываетъ на Корвэ,—темныя преданія.

[3]) Cf. Plini Epist. rec. Keil, Lips. 1870, Praefat., гдѣ группы рукописей разсмотрѣны съ образцовой тщательностью.

рукописи. Однако она сохранялась въ строгой тайнѣ, какъ и всѣ подобныя пріобрѣтенія, такъ что въ XV в. съ нея не было снято ни одной копіи, и рукопись получила значеніе только при второмъ изданіи Катанео въ 1518 г. Будетъ ли смѣлостью предположить, что вмѣстѣ съ Плиніемъ изъ Любека явились въ библіотеку Козьмы и Лѣтописи Тацита [1])?

Близко родственъ съ этимъ вопросомъ другой: когда и кѣмъ доставлены въ Италію мелкія сочиненія Тацита, Германія, Агрикола и разговоръ объ ораторахъ. Положительно извѣстно только то, что они явились всѣ вмѣстѣ и вмѣстѣ съ сочиненіемъ Светонія о грамматикахъ и риторахъ. И тутъ, если я сужу вѣрно, авторъ замѣтки, имѣющей, видимо, положительный характеръ, введенъ въ заблужденіе, приписывая находку или доставку рукописей Эноке да Асколи. Первый слѣдъ этихъ сочиненій открылъ, по видимому, Бартоломмео Капра, тогдашній епископъ миланскій, который съ своими политическими порученіями соединялъ отыскиваніе классическихъ рукописей и, какъ мы видѣли, нашелъ старинный списокъ цицероновскихъ рѣчей. Поджіо былъ въ Лондонѣ, когда узналъ отъ Никколи о находкѣ Капры. Но онъ не хотѣлъ этому вѣрить, предполагая, что Капра при своемъ высокомъ положеніи и опираясь на авторитетъ императора завладѣлъ бы этимъ сокровищемъ, или по крайней мѣрѣ похлопоталъ бы о перепискѣ рукописи, объявилъ бы наконецъ всему свѣту о своемъ знаменитомъ открытіи. Намъ, правда, не сообщаютъ, что собственно онъ открылъ; но эти были крупныя историческія сочиненія, и они найдены были въ Германіи. Тутъ всего естественнѣе предположить Тацита и Светонія, такъ какъ только ихъ неизвѣстныя сочиненія и можно было отыскать. Ревнивый прелатъ сдѣлалъ изъ найденнаго сокровища тайну, но ему не удалось воспользоваться имъ. Быть можетъ, энергическія флорентинцы предупредили его въ этомъ случаѣ [2]).

---

1) Vespasiano Poggio § 2. Niccoli § 3: Plinio intero non era in Firenze, se non era frammentato. Онъ также говоритъ объ uno grandissimo incoveniente. О Тацитѣ онъ не говоритъ, а знаетъ только, въ какомъ положеніи находились прежде его рукописи во Флоренціи. Prooem. della vita d'Alessandro de'Bardi: Scrive Cornelio Tacito una storia; si trova frammentata; èvvi la vita di Nerone e d'altri imperatori: Angelus Decembrius de politia libr. Lit. I, p. IV говоритъ о Plinii minoris epistolae, quarum inuper (его сочиненіе написано около 1450 г.) centum et viginti quatuor cum priorebus nventae. Это пейдетъ ни къ одной изъ группъ, указанныхъ Кейлемъ. Это nuper часто получаетъ произвольную растяжимость. Такъ думаетъ Катанео, говоря въ предисловіи 1458 г. о codex pontificius, qui cum libris quinque Corneli Taciti nuper inventis coniunctus fuerat. Это значитъ только, что ему медицейскій списокъ сдѣлался извѣстенъ недавно.

2) Poggius epist. I, 21 къ Никколи, изъ Лондона отъ 10-го іюня (1422). Поджіо говоритъ: Est enim res digna triumpho, inventio tam singularium auctorum: sed mihi non

Если пріобрѣтенія дѣлались открыто и прямымъ путемъ, то не нужно было прибѣгать ни къ какой тайнѣ. Повидимому, у Николая Трирскаго дѣйствительно были тѣ книги, каталогъ которыхъ онъ послалъ въ Римъ въ февралѣ 1429 г. Къ сожалѣнію, еще не разъяснено, кто онъ былъ; его можно считать за одного изъ многочисленныхъ дѣльцевъ или агентовъ, которые то и дѣло являлись при римскомъ дворѣ, неразъяснено и то обстоятельство, какъ и откуда подобный человѣкъ могъ пріобрѣсти въ Германіи большое количество классическихъ рукописей. Остается предположить, что они взяты изъ какой нибудь монастырской или соборной библіотеки, за которою никто не наблюдалъ [1]) Николай былъ хорошо знакомъ съ Поджіо, но книжную торговлю онъ началъ съ болѣе богатымъ и знатнымъ человѣкомъ, съ кардиналомъ Джіордано Орсини. Въ его каталогѣ были нѣкоторыя хорошія книги, сочиненія Цицерона, полный Гехвій, Курцій, даже съ первою книгою, сочиненія Кипріана и т. п., а—что всего важнѣе—20 комедій Плавта, бо̀льшею частію съ заглавіями, до того времени неизвѣстными. Когда инвентарь разсматривали въ присутствіи Поджіо и дошло дѣло до Плавта, то онъ сказалъ: «это было бы громадное пріобрѣтеніе!» Онъ просилъ кардинала тотчасъ же послать кого нибудь за рукописями. Но кардиналъ отговаривался тѣмъ, что слѣдуетъ подождать; Николай самъ доставитъ книги въ Римъ. Интересъ былъ сильно возбужденъ.

изъ «Германіи», но показываютъ бѣглое чтеніе. Ср. Gengler Ueber Aeneas Sylvius и s. w. Erlangen 1860 s. 90. О другихъ сочиненіяхъ Тацита Пій, кажется, не зналъ. Заглавіе, идущее лишь къ небольшой части его сочиненій, Tractatus de ritu, situ, moribus et conditione Germaniae, или просто Germania встрѣчается только въ печатномъ посланіи 1496 и 1515 г.—Неблагопріятно то обстоятельство, что вновь открываемые классики списывались въ одну рукопись и потомъ печатались, что такимъ образомъ сочиненія Тацита и Светонія являются рядомъ съ Апиціемъ и Парфиріономъ, найденными Эноке, и рядомъ съ Фронтиномъ, добытымъ Поджіо въ Монте-Кассино. Начало рукописей относится къ 1460 г., Падуанская къ 1464 (Tomasinus Bibl. Patav. MS. p. 16). вѣнская, писанная въ Римѣ, къ 1466 (Huemer въ Zeitschr. f. d. österr. Gymnasien 1878 s. 801). Чезенская у Muccioli Catal. cod. ms. Malatest. Caesen. bibl. T. II p. 103, навѣрное, относится не къ началу XIV в., что̀ касается только сочиненій Мелы,

[1]) Это, безъ сомнѣнія, то же лицо, о которомъ говоритъ Ambros. Travers, epist III. 48 изъ Базеля 24 октября 1435 г.: Nicolaus Treverensis, homo studiosissimus et librorum copia insignis. Онъ получилъ духовное мѣсто отъ папы. Быть можетъ, и Николай, упомянутый въ epist. III, 50, императорскій посолъ на бреславльскомъ соборѣ, тотъ же самый. Въ актахъ собора нельзя указать этого посольства. Urlichs напалъ на догадку, что Николай Трирскій тождественъ съ знаменитымъ Кузанусомъ, съ чѣмъ почти согласны замѣтки Траверсари. Къ сожалѣнію, мы очень мало знаемъ о молодости Кузанусе. Въ нѣмецкихъ документахъ 15 сент. 1430 г. и 7 сент. 1431, у Гёрца, Regesten der Erzbischöfe zu Trier, его называютъ магистромъ и докторомъ, деканомъ монастыря св. Флоріаны Probstei въ Кобленцѣ и постоянно Николаемъ фонъ Кусъ.

Никколи во Флоренціи такъ былъ пораженъ этимъ извѣстіемъ, что подозрѣвалъ, не хочетъ ли другъ Поджіо подшутить надъ нимъ. На святкахъ дѣйствительно трирецъ явился въ Римъ и привезъ драгоцѣнное сокровище— Плавта; тутъ были четыре извѣстныя уже комедіи и двѣнадцать новыхъ [1]).

Такая находка произвела тотчасъ же нѣкотораго рода волненіе въ литературныхъ кружкахъ, и каждый желалъ имѣть копію. Старинная рукопись, принадлежащая теперь къ числу сокровищъ ватиканской библіотеки, была искажена, и ее нельзя было понять не обладая основательною ученостью: слова были не отдѣлены другъ отъ друга, распредѣленіе ролей неясно. Поджіо считалъ себя только одного въ состояніи востановить сколько нибудь исправный текстъ. Но кардиналъ не соглашался дать ему рукописи и не склонялся на его просьбы, такъ что послѣдній съ досады рѣшился больше не просить его. Поджіо не зналъ, что кардиналъ самъ хотѣлъ испытать свои силы надъ Плавтомъ и издать его, изъ желанія славы, со стихами сочиненными Лоски [2]). Теперь и флорентинскимъ друзьямъ пришлось ждать. Оттуда Камальдульскій монахъ Траверсари первый обратился къ кардиналу съ просьбою, но не получилъ отъ него даже и отвѣта [3]). Потомъ его просили о томъ же герцогъ миланскій, Филиппъ Марія Висконти, маркграфъ Леонелло д' Эсте и Лоренцо де Медичи. Послѣднему, вѣроятно, внушилъ это Гаспарино ди Варзицца, а маркграфу Гварино [4]). Но кромѣ Медичи были еще Никколи, Поджіо и Траверсари. Владѣтельнымъ особамъ, разумѣется, нельзя было отказать въ копіяхъ. Но когда Лоренцо Медичи самъ пріѣхалъ въ Римъ, чтобы сказать привѣтствіе папѣ Евгенію IV отъ имени республики, то и ему удалось выманить рукопись у кардинала и привезти во Флоренцію, гдѣ Никколи и Траверсари тотчасъ же сами принялись за переписку ея. Никколи было, очевидно, очень тяжело отдавать рукопись для отсылки въ Римъ послѣ того, какъ онъ переписалъ ее [5]).

---

1) Poggius, epist. III. 21. 29. 30. 31. 39 IV, 4. Vespasiano Poggio § 2 приписываетъ и Леонардо Бруни, бывшему тогда во Флоренціи, участіе въ доставкѣ 12 комедій, конечно, неосновательно: Ritschl Ueber die Kritik des Plautus въ Opusc. philol. vol. II. Lips. 1868, p. s seq.

2) Poggius epist. IV, 4. 11. 17.

3) Ambros. Travers. epist. VIII, 35, 36.

4) Его письма къ кардиналу Орсини и къ Леонелло д'Эста см. у Pez Thesaur. anecd. nov. T. V. P. III, epist. 14. 8.

5) Ambros. Travers. epist. VIII, 2. 37. 41. Письмо Поджіо къ Никколи ibid. XXV, 44. Все-таки комедіи Плавта распространялись не особенно быстро. Въ 1452 г. Филельфо еще хлопоталъ о копіи, какъ показываетъ его письмо отъ 22-го января. Отъ

Поджіо уже, конечно, не пришлось видѣть при жизни снова такое блестящее приращеніе классической литературы. Однако ему еще два раза удалось спасти отъ гибели класическія сочиненія, тлѣвшія въ монастырскихъ библіотекахъ. Было извѣстно, что въ монтекассинской библіотекѣ есть сочиненіе Фронтина о римскихъ водопроводахъ. Поджіо завелъ объ этомъ рѣчь съ администраторомъ монастыря, когда послѣдній пріѣхалъ въ Римъ. Онъ обѣщалъ прислать книгу, если она найдется; нѣсколько лѣтъ тому назадъ, по его словамъ, много книгъ пропало изъ монастыря. Если мы вспомнимъ при этомъ о Тацитѣ, то намъ будутъ понятны и осторожность Поджіо, и его нетерпѣливое ожиданіе. Дѣйствительно, ему написали, что Фронтина долго искали, но нигдѣ не нашли. А онъ былъ того мнѣнія, что для этого туда непремѣнно слѣдуетъ отправиться ученому человѣку. Въ іюлѣ 1429 г. онъ рѣшился ѣхать самъ туда вмѣстѣ съ кардиналомъ Брандою. На этотъ разъ книга нашлась, и онъ могъ взять ее на нѣсколько времени съ собою въ Римъ и списать. Изъ монастыря въ свое время потребовали рукопись назадъ [1]).

Если мы бросимъ взглядъ на довольно длинный рядъ открытій и пріобрѣтеній, нераздѣльно связанныхъ съ именемъ Поджіо, то должны будемъ по истинѣ дивиться его дару проницательности въ дѣлѣ находокъ, гибкости и энергіи, съ которыми онъ преслѣдовалъ свои цѣли. Но его заслуги явятся въ свѣтѣ еще болѣе яркомъ, если мы сравнимъ ихъ съ дѣятельностью другихъ лицъ, которыя по его примѣру искали книгъ и не были лишены ни учености, ни умѣнья. Къ числу такихъ искателей принадлежалъ и Траверсари. Онъ тоже разъѣзжалъ по Италіи, Германіи и Венгріи, и у него, какъ генерала ордена Камальдуловъ, не было недостатка ни въ связяхъ, ни въ помощникахъ. Но кромѣ нѣкоторыхъ книгъ духовнаго содержанія онъ ничего не нашелъ [2]). Счастливѣе его былъ Ауриспа, ко-

---

Vespasiano Poggio § 2 мы узнаемъ, кому обязаны ходячею рецензіею текста: Pure per diligentia Messer Lionardo e di messer Poggio si trovarono le dodici ultimime comedie di Plauto; e messer Grigorio Corero viniziano e messer Poggio e altri l'emendarono, e misonle nell ordine ch'elle si trovano.

1) Poggius epist. II, 26 (1425 г.) 27. 29. 34. 35. III. 37. IV, 2. 4. Вмѣстѣ съ сочиненіями Фронтина были и Matheseos libri Фирмика Матерна, которыхъ, впрочемъ, Поджіо не списалъ. Онъ упоминаетъ о находкѣ и въ своемъ сочиненіи Descriptio urbis Romae (Opp. p. 136). Относительно времени ея (1429) иначе показываетъ Ambros. Travers. ep. VIII, 43, такъ какъ это письмо должно быть отнесено къ 12 апр. 1432 г. Монтекассинскій кодексъ, единственный представитель текста, и теперь еще хорошо извѣстенъ. Cf. Julii Frontini de aquis urbis Romae rec. Bücheler, Lips. 1858 p. 5.

2) Такъ въ ep. VII, 4 онъ говоритъ, что на пути въ Венгрію былъ въ Регенсбургѣ (1435 г.): Illic monasterium (Св. Эммерана) mirae pulchritudinis et antiquitatis offendimus, voluminaque antiqua permulta, sed nihil peregrinitatis habentia.

торый по дѣламъ базельскаго собора ѣздилъ въ Кельнъ и Майнцъ и рылся въ тамошнихъ библіотекахъ. Въ Майнцѣ въ 1433 г. онъ нашелъ латинскіе панегирики, главный изъ нихъ — похвальное письмо Плинія младшаго императору Траяну и Комментарій Доната къ Теренцію [1]. Старинныхъ рукописей панегириковъ больше отыскано не было потомъ, слѣдовательно потеря этого единственнаго экземпляра навсегда лишило бы потомство цѣлаго классическаго сочиненія. По этому такіе счастливые случаи слѣдуетъ считать спасеніемъ классиковъ [2].

Къ 1430 г. собраны были почти всѣ произведенія латинскихъ классиковъ, какія мы теперь знаемъ. Дополненія, сдѣланныя во время Николая V и послѣ него, были ничтожны въ сравненіи съ тѣмъ, что было собрано въ тотъ вѣкъ, когда Петрарка впервые началъ производить свои поиски. Правда, не хватало еще списка найденныхъ литературныхъ сокровищъ, или онъ былъ только въ головѣ Никколи, въ его книгохранилищѣ, въ хранилищахъ его флорентинскихъ друзей. Стали смотрѣть на остатки древней римской литературы какъ на великое цѣлое, какъ на священные предметы, спасенные отъ всеразрушающаго времени. Имъ придавало особую цѣну то обстоятельство, что они собраны были съ такимъ трудомъ и по частямъ. Теперь слѣдовало сравнивать разныя рукописи и исправлять текстъ, объяснять его и пользоваться имъ для чтенiи и изученія грамматики, реторики, піитики, философіи, исторіи и т. д. Восторженное увлеченіе древнимъ міромъ мало по малу привело къ его основательному изученію.

Весьма понятно, что у этихъ собирателей **церковная литература** стояла на второмъ планѣ. Но про нее не позабыли, и не смотрѣли на нее съ пренебреженіемъ. Къ числу особенно любимыхъ церковныхъ писателей принадлежали тѣ изъ нихъ, которые по образу мыслей и слогу напоминали античныхъ поэтовъ и философовъ. И эта литература мало по малу распространялась. Къ числу тѣхъ сокровищъ, какія нашелъ въ С. Галленѣ Поджіо съ своими друзьями, относилось и одно сочиненіе Лактанція [3]. Траверсари во время своего

---

1) Легко можетъ быть, что это та самая рукопись, которая попала въ руки миланскому епископу Франческо Пиччіольпосси и которую ему разобралъ и описалъ Пьеръ Кандидо Дечембріо. Ср. Dziatsko въ Jahrbücher f. class. Philol. Suppl. Band. X s. 691.

2) Письмо Аурispы къ Якобино Томмазіо изъ Базеля отъ 1433 г., на которое первый обратилъ вниманіе Fabronius Magni Cosmi Medicei vita vol. II p. 227, было издано Кейлемъ въ Index scholarum въ Галле на лѣтній семестръ 1870 г. p. III съ объясненіями. См. также Plini Epist rec. Keil, Lips. 1870, Praef. p. XXXVIII.

3) De utroque homine. См. Cenci l. c. А стихотвореніе о Фениксѣ, приписываемое Лактанцію, было будто бы найдено въ Страсбургѣ. Aless. Macinghi Lettere ed. Guasti p. XVI.

пребыванія въ Римѣ нашелъ 39 гомилій Оригена, которыя до того времени были извѣстны только по заглавію. По его словамъ, онъ такъ бы не обрадовался, если бы открылъ сокровища Креза; не менѣе его радовался и другъ его Никколи, получивши извѣстіе объ этомъ [1]). Когда Ауриспа рылся въ нѣмецкихъ библіотекахъ во время базельскаго собора, и кардиналъ Альбергати пріѣхалъ въ Германію въ качествѣ папскаго легата. Съ нимъ былъ и его домоправитель Томмазо Парентучелли, будущій папа Николай V. Послѣдній, членъ флорентинскаго ученаго кружка, нашелъ при этомъ полный экземпляръ сочиненій Тертулліана, который и былъ тотчасъ же посланъ къ Никколи [2]). Такимъ образомъ основатель ватиканской библіотеки самъ принималъ благородное участіе въ собираніи памятниковъ христіанской духовной литературы. Венеціанецъ Григоріо Кортаро тоже привезъ съ базельскаго собора въ Италію найденное въ Германіи сочиненіе Сальвини «О божественномъ Промыслѣ» [3]). Но вообще говоря, церковная литература была довольно распространена по культурнымъ католическимъ странамъ. Классическая же литература была собрана только тамъ, гдѣ ее временно разработывали.

Теперь началось перенесеніе въ Италію остатковъ древней греческой литературы съ тѣмъ же усердіемъ, съ какимъ Поджіо и Никколи собирали латинскія сокровища. Съ тѣхъ поръ какъ Хризолоръ, явившись въ эту страну, пробудилъ восторженное поклоненіе древней Элладѣ, явилось и сильнсе желаніе имѣть греческія книги. Судя по тому, что нашлось на итальянской почвѣ, нельзя было и думать, что здѣсь нѣкогда эта литература такъ же процвѣтала, какъ и въ самой Греціи. Быть можетъ, здѣсь были два, три экземпляра поэмъ Гомера, нѣкоторыя сочиненія Платона и творенія нѣкоторыхъ Отцовъ Церкви. Но эти книги можно было достать не за дорогую цѣну и легко въ самой Греціи особенно въ Византіи и на островахъ, или чрезъ сношенія съ учеными, или чрезъ агентовъ флорентинскихъ и венеціанскихъ торговыхъ домовъ. Ліонардо Бруни, который, насколько мы знаемъ, всѣхъ раньше позаботился о собираніи греческихъ книгъ, получалъ ихъ съ острова Кипра и изъ другихъ мѣстъ то чрезъ посредство Венеціанца Хризолора, то чрезъ куп-

---

[1]) Это были бесѣды на евангеліе отъ Луки и еще бесѣды на три псалма. Ambrosii Hodoeporicon p. 10

[2]) См. письмо Ауриспы l. c. Albertus a Sarthino epist. 25 къ Никколи отъ 27-го января 1433 г. quem (Tertullianum) in Alamannia repertum de Basilea Theutonicorum ad te perlatum doces.

[3]) Его письмо къ Чеч. Гонзаго отъ 5-го августа (конечно, 1440 г.) у Mabillon Museum Ital. T. I p. 198 и у Martene et Durand Vet. Scriptt. Collect. T. III, p. 838.

[4]) Leon. Bruni epist. II, 15, Ambros. Travers. epist. VI, 7.

цовъ [1]). Особенно помогли ему связи съ Венеціанцемъ Пьетро Мьяно, который самъ былъ человѣкъ образованный и собиралъ греческія рукописи. Онъ собиралъ ихъ въ Левантѣ во время своихъ разъѣздовъ по дѣламъ торговли и охотно сообщалъ ученому Бруни. Чрезъ него-то послѣдній и познакомился съ исторіею Ѳукидида, жизнеописаніями Плутарха и разными сочиненіями Ксенофонта [2]). Только такими окольными путями можно было доставать въ Римѣ памятники греческой литературы.

Вскорѣ возвратились въ отечество тѣ итальянцы, которые ѣздили въ Византію почерпать греческую мудрость изъ самаго источника ея и пріобрѣтать греческія книги. Они привезли съ собою богатыя сокровища. Первымъ изъ нихъ въ этомъ отношеніи былъ Гварино, хотя и не могъ покупать столько книгъ, сколько хотѣлъ [3]).

Но его примѣръ и увлекательные разсказы о томъ, что̀ онъ видѣлъ и пережилъ, повидимому, внушили Никколи мысль о поѣздкѣ въ Грецію вмѣстѣ съ Гварино, говорившимъ по гречески, и съ Поджіо, и купить тамъ книгъ. Но этотъ планъ не осуществился: Гварино женился, а Поджіо былъ еще въ Лондонѣ, да, по видимому, и денегъ на проѣздъ не хватило [4]). Разсчитывали на Козьму Медичи, но онъ нашелъ, что лучше доставать книги чрезъ агентовъ.

И на этомъ поприщѣ Джіованни Ауриспа оказалъ величайшія услуги. Чѣмъ былъ Поджіо для римской литературы, тѣмъ онъ — для греческой. Довольно ученый знатокъ ея, опытный въ розыскиваніи книгъ, ловкій въ обращеніи съ людьми, Ауриспа имѣлъ еще особаго рода способность пріобрѣтать и покупать рукописи. Хотя онъ прежде всего желалъ прослыть ученымъ, однако покупалъ и продавалъ съ такимъ искусствомъ, что его готовы были принять за книгопродавца. Какъ и откуда онъ получалъ списки, онъ, повидимому, считалъ тайною. Еще въ 1417 г., встрѣтившись въ Пизѣ съ Никколи, онъ продалъ ему Ѳукидида весьма стариннаго письма [5]). Мы не знаемъ, дѣлалъ ли онъ прежде поѣздки внѣ Италіи. Съ 1422 г.

---

1) Leon. Bruni epist. II, 15. Ambros. Travers. epist. VI, 7.

2) Два письма—одно къ Никколи, другое къ Мьяно, котораго онъ называетъ homo doctissimus, см. у Bandini Bibliot. Leop. Laurent. T. II, p. 453.

3) Единственное подробное извѣстіе объ этомъ Панегирикъ въ iani Pannonii Poemata P. I, p. 300: et urbem Ingrederis Venetam Spoliis orientis onustus. Онъ лишился части греческихъ списковъ на морѣ и съ горя посѣдѣлъ отъ этого. Объ этомъ см. у Pontico Virunio.

4) Poggius epist. I, 8. 9. 10. 11. 13. Все это, повидимому, относится къ 1420 г., а поѣздка Гварино къ октябрю или самому концу 1409 г.

5) Ambros. Travers. epist. VI, 8.

до весны 1423 г. онъ пробылъ въ Константинополѣ и скупилъ тамъ массу греческихъ книгъ, какъ классическихъ, такъ и духовныхъ. Повидимому, у него были также связи въ Пелопоннезѣ и на островахъ. Старый императоръ Эммануилъ II подарилъ ему нѣсколько книгъ; это были—обширное историческое сочиненіе Прокопія и маленькій трактатъ Ксенофонта «О верховой ѣздѣ». Произведенія духовной литературы Ауриспа послалъ на свою родину, въ Сицилію, частію потому что они, по его словамъ, были не такъ цѣнны для него, а отчасти и потому, что медлить было опасно. Его обвинили передъ императоромъ въ томъ, что онъ въ Византіи «награбилъ книгъ св. писанія». Присвоеніе языческихъ классиковъ, прибавляетъ онъ, тамъ не казалось столь преступнымъ. Вскорѣ такъ дурно стали смотрѣть на его торговыя операціи въ Византіи, что греческій посолъ, проѣзжавшій чрезъ Флоренцію, назвалъ его плутомъ. Поэтому онъ туда ужъ больше не ѣздилъ.

Когда Ауриспа пріѣхалъ въ Венецію въ 1423 г., то онъ привезъ въ своемъ тяжеломъ сундукѣ не менѣе 238 томовъ, однимъ словомъ цѣлую библіотеку. Это были исключительно древніе классики. На одно погашеніе долговъ въ Константинополѣ и на уплату за провозъ потребовалось 50 гульденовъ золотомъ. Ему охотно помогъ Лоренцо Медичи, потому что къ нему поступило на такую же сумму книгъ въ видѣ залога. Онѣ остались у Франческо Барбаро, которому потомъ очень трудно было разставаться съ такимъ сокровищемъ. Ауриспѣ сильно хотѣлось тотчасъ же отправиться во Флоренцію, но война и чума удержали его. Къ этому городу онъ постоянно стремился мысленно, во Флоренцію направлялъ свою корреспонденцію, главнымъ образомъ къ Никколи и Траверсари, какъ Поджіо изъ Констанца и Лондона.

Флорентинцы давно уже хлопотали о спискѣ тѣхъ книгъ, которыя Ауриспа собралъ въ Византіи. Но онъ не спѣшилъ съ этимъ дѣломъ, хотѣлъ еще больше возбудить любознательность и такимъ образомъ повысить цѣну на свой товаръ.

Только разъ послалъ онъ прямо изъ Константинополя къ Никколи отличный старинный списокъ, хорошо сохранившійся, но за то и очень дорогой. Это были семь трагедій Софокла, шесть Эсхила и Argonautica Аполлонія. Это знаменитый кодексъ библіотеки Лоренцо Медичи, превосходящій всѣ прочія древностью и исправностью текста. Траверсари былъ въ восторгѣ: онъ полагалъ, что рукопись писана раньше VI вѣка—теперь ее относятъ приблизительно къ десятому—и онъ никогда не видалъ лучшаго списка греческихъ поэтовъ. По его мнѣнію, въ этомъ случаѣ Ауриспа игралъ роль истиннаго друга.

Теперь онъ возвратился со множествомъ сундуковъ, наполненныхъ подобными сокровищами. Чрезъ это онъ надѣялся занять почетное положеніе во Флоренціи, и Козьма изъявилъ готовность помочь ему. Ауриспа сообщилъ ему, что онъ привезъ съ собою 300 томовъ, и быть можетъ, не преувеличилъ, если принять въ разсчетъ отцовъ Церкви, прибывшихъ въ Мессину. Никколи и Камальдульскій монахъ всячески старались заманить этого книжнаго Креза во Флоренцію, разсмотрѣть его богатства и воспользоваться ими. Но Ауриспа послалъ во Флоренцію лишь коротенькій списокъ дорогихъ книгъ, составленный на память. У него были почти всѣ рѣчи Демосѳена въ очень старинномъ спискѣ, всѣ сочиненія Платона и Ксенофонта, какія только дошли, Діодоръ, Страбонъ, Арріанъ, Лукіанъ, Діонъ Кассій и др. Многія сочиненія у него были въ двухъ экземплярахъ и даже болѣе, какъ напр. сочиненія Платона и Плутарха. Это было истинное перенесеніе цѣлой литературы на новую и плодородную почву [1]). 10 октября 1428 Франческо Филельфо воротился изъ Константинополя въ Венецію. И онъ прислалъ напередъ множество греческихъ книгъ, но онѣ пролежали цѣлые десятки лѣтъ у Джустиніани, конечно какъ обезпеченіе. Другія сочиненія онъ привезъ съ собою. Онъ пріобрѣлъ нѣсколько рѣдкихъ и цѣнныхъ экземпляровъ, но его собраніе, разумѣется, нельзя было сравнивать съ богатствами Ауриспы [2]).

Мы не будетъ дольше слѣдить за тѣмъ, какъ греки, постоянно все и болѣе переселяясь на Западъ, привозили съ собою и памятники своей литературы. Мы должны считать великимъ счастіемъ, что эти сокровища все охотнѣе увозили въ Италію по мѣрѣ того, какъ византійской имперіи грозило турецкое завоеваніе. А въ Италіи въ то время ихъ усиленно искали. Здѣсь положительно признавали это спасительнымъ дѣломъ. А чего не успѣли спасти, то окончательно погибло подъ господствомъ полумѣсяца [3]).

Теперь снова получили свое значеніе не только книги, но также и развалины, статуи, драгоцѣнные камни, медали и монеты. Въ

---

[1]) Ambros. Travers. epist. V, 34. VIII, 1. 7. 8. 28. 39. Письма Ауриспы ibid. XXIV, 38. 53. Всѣ эти письма помѣчены числами, но годъ не обозначенъ. За точку отправленія слѣдуетъ принять то, что Travers. ep. VIII, навѣрное отъ 16-го марта 1423 г., такъ какъ упоминаемая въ немъ рѣчь Альберто да Сартіано прямо помѣчена 1422 г. Согласно этому легко можно возстановить послѣдовательный порядокъ писемъ.

[2]) Письма Филельфо отъ 12-го октября 1427 г. къ Барбаро, 3-го августа 1448 г. къ Гварино.

[3]) Въ Византіи еще Чиріако Анконскій видѣлъ около 1418 г. bibliothecas plerasque graecis sacris et gentilibus litteris auro imaginibusque insignes (Scalamontius y Collucci Antich. Picene T. XV. p. 65. Не многія изъ нихъ пережили турецкое завоеваніе.

теченіе цѣлыхъ вѣковъ никто и не думалъ объ этихъ остаткахъ древности. Если они не представляли цѣнности, какъ металлъ, или украшеніе, то ихъ обрекали безжалостно на разрушеніе, такъ какъ людямъ сталъ чуждъ тотъ міръ, который они напоминали собою. Даже въ самомъ Римѣ древній Римъ почти пришелъ въ забвеніе. Духовные властелины города и его знать считали памятники просто матеріаломъ, годнымъ для построекъ и укрѣпленій, или, если они были мраморные, хоть на известку. Простой народъ по крайней мѣрѣ придавалъ хоть какое нибудь значеніе этимъ императорскимъ сооруженіямъ: онъ думалъ, что они воздвигнуты злыми духами. Всѣ эти зданія и развалины были окутаны миѳическимъ мракомъ, внушали страхъ передъ язычествомъ, съ которымъ они были тѣсно связаны. Кто бывалъ въ Римѣ и осматривался кругомъ по указанію Mirabilia, того привлекалъ къ себѣ городъ мучениковъ и папъ, и лишь мимоходомъ бросалъ онъ взглядъ на развалины до-христіанскаго Рима. Въ древнихъ надписяхъ не говорилось ни о чемъ такомъ, что бы удовлетворяло умственнымъ запросамъ новаго человѣка. Тотъ пиллигримъ, который посѣтилъ Римъ и Италію въ IX в., составилъ Путеводитель по Риму и собралъ нѣкоторыя надписи. Это Анонимъ изъ Эйнзидельна, какъ его обыкновенно называютъ по мѣсту находки одной копіи. Онъ былъ свидѣтелемъ разныхъ умственныхъ движеній, которыя совершались во времена Каролинговъ, однако является передъ нами безвѣстнымъ и одинокимъ. Его собраніе, бывшее въ забросѣ цѣлые вѣка, обратило на себя вниманіе лишь въ вѣкъ гуманистовъ.

Петрарка видѣлъ Римъ какъ мечтатель, витающій въ образахъ своей фантазіи. Для него городъ представлялъ собою священную почву благодаря героямъ, которая на каждомъ шагу напоминаетъ о томъ, какимъ поруганіямъ подвергалась она въ позднѣйшія эпохи. Но онъ не былъ изслѣдователемъ, жаждущимъ открытій. Напротивъ, онъ довѣрчиво выслушивалъ все, что передавали ему согласно съ народной молвою. Онъ повѣрилъ тому объясненію, что колонна Траяна есть надгробный памятникъ этого императора, а пирамида Цестія памятникъ на могилѣ Рема. Ему и въ голову не приходило искать болѣе точныхъ свѣдѣній объ этомъ въ надписяхъ. Императорскія монеты онъ считалъ не вспомогательнымъ средствомъ для изученія древняго міра, но предметами, напоминающими только объ извѣстной эпохѣ. Вообще тамошній житель обыкновенно равнодушно проходитъ мимо остатковъ, минувшихъ временъ, а иноземный посѣтитель останавливается передъ ними въ почтительномъ удивленіи. Здѣсь былъ Кола, природный Римлянинъ, зараженный такою же восторженною мечтательностью, какъ и Петрарка, но далеко не столь

ученый. Однако онъ искалъ древняго Рима въ новомъ, принялся изучать и описывать памятники и развалины, разбирать надписи, списывать ихъ и составилъ изъ нихъ особый сборникъ. Все это онъ дѣлалъ не имѣя примѣра впереди, никѣмъ не воодушевляемый, не встрѣчая ни въ комъ участія къ своимъ трудамъ. Петрарка или не зналъ ничего этого, или не придавалъ такой дѣятельности никакого значенія. Да и Кола, сдѣлавшись трибуномъ, вѣроятно, отказался отъ этихъ мирныхъ ученыхъ занятій. Но они не пропали даромъ, а нашли новаго продолжателя въ лицѣ Николы Синьорили, секретаря римскаго сената при папѣ Николаѣ V.

И еще одинъ другъ Петрарки обратилъ вниманіе на эту отрасль археологіи. Это былъ Джіованни Донди, извѣстный врачъ и астрономъ, посѣтившій Римъ въ 1375 г. Онъ записалъ свои измѣренія базилики св. Петра, Пантеона, Траяновой колонны, Колизея, списалъ также двѣнадцать надписей, найденныхъ въ разныхъ церквахъ, на стѣнахъ тріумфальныхъ арокъ и другихъ сооруженій древняго Рима. Такимъ образомъ, хотя и въ скромныхъ размѣрахъ, но обнаруживалось стремленіе сдѣлать эти остатки древности предметомъ научныхъ изслѣдованій [1]).

Но это были лишь отдѣльныя попытки, не могшія дать сильнаго толчка будущимъ поколѣніямъ. И тутъ опять таки Поджіо далъ этой отрасли знаній право гражданства въ литературѣ. Только что пріѣхалъ онъ въ Римъ еще молодымъ человѣкомъ, какъ сейчасъ же обратилъ вниманіе на древности его и именно подъ вѣдѣніемъ стараго Салютато, который поставилъ для него задачею—собираніе древнихъ римскихъ надписей [2]). Потомъ онъ нашелъ въ одной нѣмецкой библіотекѣ, вѣроятно Санъ-Галленской, небольшое сочиненіе [3]), написанное такъ называемымъ Анонимомъ изъ Эйнзидельна, въ подлинникѣ или въ копіи. Онъ спряталъ ее въ рукавъ и ушелъ. Слѣдуетъ согласиться, что только въ его рукахъ эта находка получила значеніе и принесла пользу. Онъ тотчасъ же понялъ, какъ важны подобные памятники для изученія древняго міра, и съ тѣхъ поръ, какъ возвратился въ Римъ, усердно принялся за изслѣдованія. Еще при жизни Мартина V онъ составилъ свое собраніе древностей, въ которомъ кол-

---

1) О Колѣ да Ріэнцо, его Descriptio urbis Romae ejusque excellentiarum и его собраніи эпитафій см. выше стр. G. B. de Rossi Le prime raccolti d'antiche iscrizioni compilate in Roma tra il finir del secolo XIV, ed il cominciare del XV въ Giornale Arcadico T. 127, Roma.

2) Salutatus epist. I, 76 ed. Rigacci: Video quidem te pauco tempore nobis urbem totam antiquis epigrammatibus traditurum.

3) Онъ обыкновенно говоритъ о спискѣ въ четверть листа форматомъ (quaternio).

лекція нѣмецкаго монаха составила самое видное мѣсто. Мы не знаемъ, воспользовался ли онъ собраніями Колы и Синьорили. Въ тщательной копировкѣ надписей монахъ IX в. могъ служить для него образцемъ. Но онъ превзошелъ и его въ отношеніи методы. Монахъ списывалъ надписи обыкновенными буквами, а онъ писалъ тѣ, которыя копировалъ съ подлинниковъ, крупными буквами, и не бралъ изъ собранія рукописей того, что могъ самъ читать на мѣстѣ. О томъ усердіи и трудолюбіи, съ какими онъ собиралъ рукописи, мы разскажемъ впослѣдствіи, когда намъ придется говорить о его пребываніи въ Римѣ. Въ этомъ случаѣ какъ и въ отношеніи древняхъ рукописей, онъ полагалъ, что нужно спасать уцѣлѣвшее, а иначе все это погибнетъ, быть можетъ, навсегда [1]). Когда онъ обнародовалъ свой сборникъ, то и въ обществѣ пробудилось стремленіе продолжать это дѣло въ томъ же духѣ, и такимъ образомъ стала воздѣлываться новая отрасль знаніи Рукопись этого сочиненія, писанная имъ самимъ, была кѣмъ то взята у него для прочтенія и потеряна, но она сохранилась въ копіи, и въ недавнее время ее отыскалъ Росси [2]).

Но для разработки древностей въ самомъ широкомъ смыслѣ слова нашелся человѣкъ геніальный между современниками Поджіо, спеціалистъ по части открытія ихъ, отправлявшійся путешествовать съ этою цѣлью. Это былъ уроженецъ Анконы, Чиріако де' Пиццинолли. Всѣ прежніе ученые, желавшіе изучать древній міръ, начинали съ книгъ, знакомили потомство съ лучшими сокровищами, литературы а потомъ уже обращали вниманіе на вещественные

---

[1]) Ut si, quod persaepe vidimus, ex Romani everterint, saltem titulornm estet memoria.

[2]) Ambros. Travers. epist. XI, 27 отъ 11-го апрѣля 1432 г. Здѣсь въ первый разъ идетъ рѣчь о похищеніи рукописи: quaternionem praeterea solum ac vetustissimum, in quc plura epigrammata Romanae urbis scripta sunt, non majusculis, sed communibus litteris. Очевидно, Поджіо въ то время нужна была рукопись, такъ какъ онъ составлялъ собственный сборникъ. Poggius epist. X, 16. 17. ed. Tonelli отъ января 1451 г., также относящіяся сюда мѣста парижской рукописи въ Rhein. Mus. f. Philologie. N. F. Jahrgang IV (1846) s. 467. Poggius Dialogus de varietate fortunae ed. Georgio p. 9. Съ помощью этихъ данныхъ новѣйшіе изслѣдователи привели въ порядокъ матеріалъ, относящійся къ надписямъ. Толчокъ далъ Th. Mommsen Epigraphische Analekten въ Berichten der K. Sächs. Ges. d. Wiss. 1850 s. 287 ff. Потомъ Rossi (Giornale Arcad. T. 128. 1852) нашелъ копію сборника Поджіо. Ходъ этихъ изслѣдованій сообщилъ Генценъ въ Corp. Inscr. Lat. vol. VI p. I, Berol. 1876. Исторія прежнихъ собраній довольно темна. У Козьмы Медичи (см. каталогъ его библіотеки у Bandini Bibl. Leop. Laurent. T. III, p. 519) была Liber epigrammatum ubique repertorum. Слѣдуя Lami Catal. bibl. Riccard. p. 176 Johannus Siculus, т. е. Аурнспѣ, приписываются Epitaphia, если только онѣ не сочинены имъ самимъ.

остатки. Нуженъ былъ другаго рода человѣкъ, который взялъ бы за точку отправленія живую дѣйствительность и могъ бы чутьемъ постичь значеніе развалинъ и другихъ древностей. Тогда только можно было обратиться къ книгамъ и тамъ искать объясненій. Поэтому ключъ къ исторіи его развитія, умственной дѣятельности и заслугъ будемъ искать во внѣшнихъ событіяхъ его жизни, большей мѣрѣ, чѣмъ это дѣлается вообще въ исторіи ученыхъ людей [1]).

Чиріако происходилъ изъ купеческой семьи и выросъ въ такой средѣ, въ которой только и шла рѣчь что о торговыхъ дѣлахъ да поѣздкахъ по морю. Насколько онъ помнитъ, онъ постоянно чувствовалъ непреодолимое желаніе путешествовать и видѣть далекія страны. Уже на 9 году, еще ничему хорошенько не научившись, онъ былъ такъ счастливъ, что могъ сопровождать одного торговца въ Венецію, Потомъ дѣдъ его, тоже купецъ, взялъ его съ собою въ Падую, а на 12 году въ Неаполитанское королевство. Онъ еще тамъ обратилъ вниманіе на памятники древности, конечно, не понимая ихъ значенія. Чтобы видѣть свѣтъ, не было другаго средства кромѣ поѣздокъ по торговымъ дѣламъ, но надобно было приготовиться къ этому. Поэтому четырнадцатилѣтній мальчикъ поступилъ въ ученье къ богатому купцу, своему родственнику, по обязательству на 7 лѣтъ. Прежде получившш плохое образованіе онъ теперь сталъ учиться счетоводству, бухгалтеріи и торговому дѣлу во всѣхъ его видахъ, безъ руководства, съ практики. Это желаніе обходиться безъ чужихъ наставленій и помощи, все дѣлать самому, имѣло важное значеніе для его развитія. Онъ обыкновенно говорилъ, что

---

[1]) Главный источникъ для исторіи его жизни—Franciscus Scalamontius Vita Kyriac Anconitani у Colucci Delle antichita Picene T. XV, p. 50-e seg. Онъ былъ другъ и землякъ Чиріако, но значительно пережилъ его; согласно письму Филельфо отъ 22-го іюня 1868 г., онъ умеръ именно въ этомъ году въ Анконѣ отъ чумы. Записки его, посвященные Лауро Квирино, какъ матеріалъ для полной біографіи, доведены только до 1435 г. Посвященіе см. также у Agostini Scritt. Venez. T. I, p. 227. Содержаніе взято большею частію изъ комментаріевъ самого Чиріако, только тутъ говорится отъ имени третьяго лица; см. стр. 63, гдѣ еще остались прежнія формы vidimus и convenimus, p. 93, 94. Сюда же присоединяются извѣстія въ письмахъ Чиріако (p. 84). Его напыщенную рѣчь всегда можно узнать. На этомъ основано и подробное изложеніе у Tiraboschi T. VI, p. 263 - 297, которому слѣдовали новѣйшіе писатели, какъ напр. Theod. Mommsen въ Corp. Inscr. lat. vol. III, а Джіамб. Росси готовитъ изданіе собраннаго имъ матеріала. Годъ рожденія былъ названъ въ пробѣлѣ рукописи Скаламонція. На основаніи другихъ данныхъ можно согласиться съ Тирабоски, который принимаетъ 1391 г. Фамилія Пиччиколле достовѣрно засвидѣтельствована самимъ Чиріако; намекая на свое пиценское происхожденіе, онъ называетъ себя въ эпитафіи своей матери (у Colucci l. c. p. 19) называетъ себя Kyriacus, Ph. T. (Philippi Filius) Picenicolles, своего родственника (ibid. p. 56) Cincius Picennicolens и еще разъ себѣ въ письмѣ у Bandini Catal. codd. lat T. III, p. 742—Kyriacum Anconitanum Picenicollem.

ничему не учился ни у одного учителя. Онъ былъ и остался самоучкою безъ систематическаго образованія, но отличался предпріимчивостью и энергіею, сильною жаждою знаній и разносторонности. Это вообще составляетъ отличительную черту тѣхъ людей, которые желаютъ сами себѣ проложить дорогу. Онъ былъ человѣкъ основательный и надежный въ своемъ дѣлѣ и уже пользовался уваженіемъ среди купцовъ.

Но когда кончился срокъ ученія, то юный Чиріако тотчасъ же снова отправился на море, нанявшись «помощникомъ бухгалтера» у одного собственника корабля, своего родственника. Онъ поѣхалъ по Средиземному морю въ Александрію. На возвратномъ пути онъ былъ сдѣланъ бухгалтеромъ и былъ въ Киликіи, Виѳиніи и на островахъ Родосѣ, Самосѣ и Хіосѣ. Потомъ онъ былъ въ Сициліи и на берегу Далмаціи. Въ 1418 г. онъ въ той же должности отправился въ Византію, видѣлъ здѣсь древнія зданія, церкви и монастыри, а также и греческія рукописи въ библіотекахъ. Конечно, его больше интересовали изображенія, которыми они были украшены, и золотыя буквы, чѣмъ самое ихъ содержаніе. Онъ воротился въ Анкону подъ наплывомъ тѣхъ впечатлѣній, какія вынесъ изъ Леванта. Папскій легатъ, кардиналъ Кондольміере, будущій папа Евгеній IV, предложилъ ему, какъ извѣстному бухгалтеру, мѣсто главнаго кассира при поправкѣ анконскаго порта.

Въ это весьма спокойное время его жизни, повидимому, прежняя страсть къ путешествіямъ нѣсколько охладѣла въ немъ. Но голова Чиріако постоянно работала, и въ ней родилась новая мысль. Онъ и раньше въ часы досуга постоянно и усердно читалъ произведенія поэтовъ, писавшихъ на народномъ языкѣ, Данта, Петрарку и Боккачіо. А въ шуточныхъ состязаніяхъ съ товарищами, какія тогда были въ модѣ, сочинялъ сонеты, канцоны, терцины и сестины. Онъ хотѣлъ вполнѣ понять Божественную комедію, и у него явилось страстное желаніе прочесть шестую книгу Энеиды, въ которой изображаются сцены въ аду. Для этого надобно было учиться по латыни. Но онъ началъ учиться не съ грамматики, какъ дѣлаютъ школьники, а учился, какъ повѣствуетъ его біографъ, по методѣ, болѣе соотвѣтствующей потребностямъ взрослаго человѣка. Именно Чиріако сталъ прямо слушать объясненія Энеиды у Томазо Сенеко, преподававшаго латинскій языкъ въ тамошней школѣ. А за это онъ объяснялъ ему поэму Данта. Но вскорѣ онъ по волѣ судьбы лишился учителя и старался изучать Виргилія одинъ. Такимъ образомъ его наставникомъ былъ самъ древній поэтъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ въ немъ пробудилось желаніе изучать древній міръ, у него уже создавались въ головѣ новые планы и за-

мыслы. Дантъ вызвалъ въ немъ желаніе познакомиться съ Виргиліемъ, а послѣдній—желаніе познакомиться съ Гомеромъ, котораго и Дантъ прославлялъ какъ «перваго поэта». Теперь онъ смотрѣлъ иными глазами на мраморную тріумфальную арку Траяна, воздвигнутую въ честь его за исправленіе порта въ Анконѣ. Онъ самъ принималъ нѣкоторое участіе въ подобной работѣ. Онъ прочелъ на ней надпись, и она была слабымъ зародышемъ тѣхъ собраній, которыми онъ впослѣдствіи прославился. Она впервые внушила ему мысль—*разъискивать* памятника древности и въ другихъ мѣстахъ, о чемъ *онъ* впослѣдствіи такъ любилъ разсказывать.

Теперь онъ горѣлъ нетерпѣніемъ видѣть Римъ, куда возвратился и покровитель его, кардиналъ Кондольмьере, Онъ явился въ вѣчный городъ 3-го декабря 1424 г. и пробылъ шесть недѣль у кар*динала*, разъѣзжая каждый день по городу на его бѣломъ иноходцѣ. Такимъ способомъ онъ осматривалъ и изучалъ древніе храмы, театры, дворцы, термы, обелиски, тріумфальныя арки, водопроводы, мосты, колонны и статуи. Онъ срисовывалъ ихъ и списывалъ надписи. Онъ былъ теперь уже не просто человѣкъ, изъ любопытства осматривающій эти древности. Чиріако уже сталъ понимать ихъ значеніе для науки. Онъ нашелъ, что эти развалины, эти камни съ надписями даютъ болѣе вѣрное понятіе о жизни древнихъ Римлянъ, чѣмъ даже книги [1]). Нѣтъ сомнѣнія, въ то время Чиріако познакомился и съ Поджіо, который уже успѣлъ бросить свой пытливый взглядъ на развалины *и* надписи и отыскалъ старинное собраніе швабскаго монаха. *Чиріако* вполнѣ понималъ значеніе и пользу подобныхъ коллекцій, *поэтому* воспользовался тѣмъ, что уже собрали Кола и Поджіо, *чтобы* присоединить къ этому собственныя открытія [2]).

Такъ было положено имъ начало плодотворной дѣятельности въ Анконѣ и Римѣ. Въ связи съ непреодолимымъ влеченіемъ объѣхать чужія земли оно подготовило его къ великому призванію въ жизни,—всюду, даже въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ древняго міра отыскивать и описывать эти остатки, пока время и тупоуміе верваровъ не истребили ихъ въ конецъ [3]). На возвратномъ пути изъ Рима онъ посѣтилъ Сутри, Витербо и другіе города Церковной области. Чиріако любилъ хвалиться тѣмъ, что воспользовался своею

---

[1]) Maiorem longe quam ipsi libri fidem et notitiam praebere videbantur.

[2]) Едва ли, впрочемъ, въ это первое посѣщеніе Рима. Ср. Henzen въ Monatsbericht. d. Berlin. Akad. 1866 s. 231. 244. 258—280.

[3]) Litteris mandare, ut ea, quae in dies longi temporis labe hominumque iniuria (incuria?) collabuntur, et memoratu digna visa sunt, penitus posteris (posteritas) abolita non sentiat.

торговою дѣятельностью для служенія наукѣ, не принималъ такихъ предложеній, которыя могли бы дать ему большія выгоды, а такія, которыя давали возможность удовлетворить страсти къ антикварнымъ изслѣдованіямъ. Тая въ душѣ желаніе познакомиться съ Гомеромъ и греческимъ языкомъ, онъ теперь стремился на греческій Востокъ. Поэтому онъ отправился въ 1425 г. сначала въ Византію, чтобы подождать тамъ корабля венеціанскаго торговаго дома Контарини, который направлялся въ Сирію и на островъ Кипръ. Въ Византіи онъ въ короткое время слегка научился элементамъ греческаго языка. Дорогою на островѣ Хіосѣ онъ принялся за отыскиваніе древностей, сталъ собирать греческія и римскія надписи и покупать греческія книги. Между прочимъ онъ купилъ Новый Завѣтъ за 20 дукатовъ. Онъ видѣлъ острова Эгейскаго моря, Родосъ, потомъ города Бейрутъ и Дамаскъ. Чиріако покупалъ всюду не только древнія монеты, бронзовыя вещи, драгоцѣнные рѣзные камни и рукописи, но также утварь и всякаго рода рѣдкости. Напр. въ Дамаскѣ онъ купилъ великолѣпные мѣдные сосуды, изящно украшенные золотомъ и серебромъ. Съ памятниками и развалинами онъ тоже знакомился, измѣрялъ ихъ, срисовывалъ, описывалъ и помѣщалъ все это въ собраніи своихъ рѣдкостей. Повидимому Чиріако не былъ особенно связанъ маршрутомъ. Поэтому онъ могъ дѣлать поѣздки на сушѣ и на морѣ, удовлетворяя своей любознательности и влеченію антикварія. Въ Дамаскѣ онъ слышалъ отъ богатаго купца Мусалаха, что онъ часто отправлялъ своихъ сыновей по дѣламъ къ «Эѳіопамъ и Евреямъ». Онъ обрадовался было случая поѣхать съ ними, но это не состоялось. За то въ кипрскомъ городѣ Левкозіи исполнилось давнее желаніе Чиріако. По своему обычаю, онъ сталъ тамъ искать книгъ въ одномъ старинномъ монастырѣ и нашелъ очень ветхую, давно почти брошенную Иліаду. Онъ купилъ ее у монаха. Съ этихъ поръ она сдѣлалась его главною наставницею въ греческомъ языкѣ, подобно тому какъ въ Анконѣ Виргилій — въ латинскомъ. Уже въ Левкозіи къ его богатствамъ прибавились: Одиссея и трагедіи Эврипида. На островѣ Родосѣ въ главномъ его городѣ и окрестностяхъ онъ нашелъ множество развалинъ, статуй и надписей, писанныхъ «дорическимъ письмомъ», мраморныя головы, статую Афродиты и Бахуса. Эти произведенія искусствъ были вырыты изъ земли грекомъ Калогеромъ. Чиріако купилъ ихъ и отправилъ въ Анкону. Вѣроятно, въ эту же поѣздку былъ онъ и въ Галикарнасѣ, желая видѣть тамошній мавзолей. Кто до него пылалъ такимъ идеальнымъ стремленіемъ, чтобы посѣщать эти мѣста и отыскивать безжизненныя глыбы мрамора! По нимъ онъ хотѣлъ составить себѣ понятіе о давно замолкшей жизни!

Свободное время этотъ купецъ посвящалъ чтенію рукописей, найденныхъ на островѣ Кипрѣ. У греческаго населенія этихъ островов нельзя было научиться греческому языку. Кромѣ этого всюду встрѣчались только факторіи венеціанцевъ и генуезцевъ, въ которыхъ велась торговля. Чиріако изучалъ греческій языкъ тѣмъ инстинктомъ, который научаетъ ребенка говорить. Однако онъ сдѣлалъ въ немъ такіе успѣхи во время этого путешествія, что могъ перевести на латинскій языкъ жизнь Эврипида. Послѣднюю онъ нашелъ въ своихъ греческихъ книгахъ, а переводъ подарилъ одному пріятелю на островѣ Хіосѣ. По своимъ торговымъ дѣламъ онъ долженъ былъ провести зиму въ Адріанополѣ. Тамъ греческій грамматикъ Болесъ объяснялъ ему Иліаду и поэму Гезіода «Труды и Дни». Кромѣ того онъ накупилъ книгъ и въ числѣ ихъ превосходный списокъ Птоломея. Но по временамъ имъ овладѣвало желаніе посѣтить отдаленныя страны, трудно доступныя. Раньше того онъ задумывалъ отправиться въ Персію съ генуезцемъ Николо Зеба, но отказался отъ этой мысли, услыхавъ о восшествіи на папскій престолъ своего покровителя, кардинала Кондольмьере. Впрочемъ прежде, чѣмъ отправиться въ Римъ, онъ долженъ былъ ѣхать по дѣламъ въ древній Кизикъ. Тамъ онъ тоже нашелъ множество развалинъ и одну древне-греческую надпись. Турецкій намѣстникъ города по его просьбѣ обѣщалъ ему не позволять разрушать этихъ развалинъ изъ уваженія къ древности и къ чести султана. Отсюда онъ отправился въ Смирну, гдѣ пріобрѣлъ золотыя монеты времен Филиппа, Александра и Лизимаха.

Когда Чиріако пріѣхалъ въ Римъ [1], то сдѣлался интереснымъ гостемъ съ своими греческими книгами, найденными античными сокровищами и запасомъ путевыхъ воспоминаній. Онъ поднесъ папѣ двѣ «индѣйскія» фарфоровыя вазы, но неизвѣстно, чего собственно ожидалъ отъ него. Вѣроятно, онъ уже тогда желалъ имѣть какое нибудь порученіе на отдаленный Востокъ. Онъ заводилъ рѣчь о соединеніи церквей и о крестовомъ походѣ противъ Турокъ. Извѣстно, что положеніе папы и его двора вскорѣ было потрясено базель-

---

[1]) Согласно письму Ambros. Travers. epist. VIII, 15 отъ 29-го апрѣля 1433 и Hodoeporicon p. 27 около этого времени онъ былъ въ Венеціи и показывалъ камальдульскому монаху свои сокровища. Но помѣтка письма сомнительна. Подлежитъ вопросу и время обоихъ писемъ Филельфо къ Барбаро и Джустиніани въ Венеціи, въ которыхъ онъ рекомендуетъ Чиріако. Въ Мегусовомъ изданіи Itinerar. p. XII они помѣчены 30-го декабря 1438 г., но въ то время Филельфо не было въ Миланѣ. Въ числѣ писемъ Филельфо edit. Veneta 1502 они отнесены къ 30-му декабря 1443 г., но тогда Чиріако не нуждался въ рекомендаціи къ Венеціанцамъ.

скимъ соборомъ, борьбою партій въ Римѣ и войнами въ Италіи. Поэтому о предпріятіяхъ въ странахъ отдаленныхъ нечего было и думать. Чиріако ѣздилъ въ Тиволи и Остію—осматривать древнія постройки и собирать надписи. Но тутъ онъ узналъ, что въ Римѣ ждутъ короля Сигизмунда, который будетъ короноваться императорскою короною. Тогда онъ выѣхалъ на встрѣчу ему въ Сіэну съ кардиналомъ Конти, былъ милостиво принятъ королемъ, поднесъ ему золотую монету императора Траяна, какъ Петрарка—Карлу IV. Онъ говорилъ и ему о великомъ общемъ походѣ противъ Турокъ [1]). Потомъ онъ сопровождалъ также Сигизмунда въ Римъ, куда они прибыли 21 мая 1433 года. Чиріако былъ съ королемъ при осмотрѣ древнихъ памятниковъ и развалинъ. Онъ жаловался, что Римляне ежедневно истребляютъ дома, колонны и статуи, потому что обращаютъ мраморъ въ известку, такъ что потомство не увидитъ уже слѣдовъ минувшей эпохи [2]).

Вскорѣ послѣ этого Чиріако пріѣхалъ въ первый разъ во Флоренцію, куда его привлекалъ и пышный новый городъ, и тѣ знаменитые его граждане, съ которыми онъ уже былъ знакомъ. Эти были Козьма Медичи, Палла Строцца, Ліонардо Бруни, Карло Марсуппини и его пицентскій землякъ Филельфо, знатокъ греческой жизни. Здѣсь онъ нашелъ кружокъ людей, которые помимо своей назидательной бесѣды выразили теплое сочувствіе къ его стремленіямъ. Здѣсь были частныя собранія, довольно богатыя такими рѣдкостями, какія были у него: у Марсуппини монеты и драгоцѣнные камни, у Медичи—вазы и вообще посуда, у Донаттело и Гиберти—разныя древности [2]). Но особенно любилъ онъ бесѣдовать съ Никколо въ его библіотекѣ, среди его собранія древнихъ вещей. Только во Флоренціи впервые признанъ онъ членомъ гуманистическаго общества. Потомъ Чиріако сопровождалъ короля въ Римъ, куда они пріѣхали 21 мая 1433 г., и показывалъ ему тамъ древніе памятники и развалины. Онъ жаловался императору, что Римляне ежедневно разрушаютъ дома и колонны и дѣлаютъ изъ гипса известь. Вскорѣ потомство не увидитъ болѣе и слѣдовъ древней жизни.

Послѣ этого Чиріако нѣсколько лѣтъ разъѣзжалъ по разнымъ мѣстностямъ Италіи. Онъ былъ и въ Неаполитанскомъ королевствѣ, и въ Сициліи, объѣзжалъ Сѣверъ до Адріи и Генуи, посѣтилъ Тоскану и древній Пиценумъ. Онъ не могъ долго жить спокойно на своей родинѣ. Чиріако является то въ томъ, то въ другомъ

[1]) И притомъ plerisque orationibus, какъ онъ самъ говорилъ. Cf. Bandini Catal. codd. lat. T. III, p. 394.
[2]) Scalamontius p. 89. Itineratium p. 21.

городѣ, собираетъ надписи, осматриваетъ древности и рѣдкости, записываетъ и рисуетъ, разыскиваетъ знаменитыхъ археологовъ, представляется владѣтельнымъ особамъ и прелатамъ, дѣлаетъ имъ подарки и разсказываетъ о своихъ путешествіяхъ, замыслахъ и рѣдкостяхъ. Эти его странствованія ясно доказываютъ, что онъ не преслѣдовалъ торговыхъ цѣлей, а увлекался своими антикварными симпатіями и тѣми воспоминаніями, какія были навѣяны чтеніемъ Виргилія и другихъ древнихъ писателей. Въ Неаполѣ онъ видѣлъ мраморный храмъ Діоскуровъ съ надписью и многія другія древности, что и записалъ въ своихъ комментаріяхъ, видѣлъ также Аверяское озеро, Мизенъ, Кумы, Байи. Въ послѣднее время онъ осмотрѣлъ дворцы Лукулла и Нерона, а въ Литернѣ надѣялся найдти памятники Сципіона [1]). Впослѣдствіе онъ былъ еще разъ въ Неаполѣ при королѣ Альфонсѣ. Послѣдній, говорятъ, вскочилъ съ мѣста отъ радости, когда онъ подарилъ ему кусочекъ янтаря, въ который была вправлена муха съ расправленными крыльями [2]). Роясь въ развалинахъ древней Адріи, Чиріако нашелъ нѣсколько камней съ надписями, мѣдныя монеты и древніе сосуды [3]).

Къ этому времени, по видимому, относится и его вторая поѣздка въ Египетъ. Онъ поѣхалъ туда, по его словамъ, потому, что ему сильно хотѣлось видѣть дальнія страны [4]). Онъ пріѣхалъ черезъ Критъ въ Александрію, плылъ оттуда девять дней въ вверхъ по Нилу въ Сансъ и Мемфисъ, а во время разлитія Нила отправился къ пирамидамъ. На самой большой изъ нихъ Чиріако нашелъ весьма древнюю надпись, начертанную «финикійскими буквами», которую списалъ въ свои комментаріи и послалъ во Флоренцію въ двухъ копіяхъ. Одна была предназначена городу, другая Никколи. Его манило дальше въ глубь Африки, и онъ объ этомъ не забылъ. У кого раньше могла родиться въ головѣ мысль о томъ, что свѣтъ науки можетъ быть пролитъ и на древнѣйшій міръ фараоновъ?

---

1) Itinerarium p. 23. 24.

2) Pontanus de magnificentia (Opp. Lib. I fol. 134).

3) Itinerarium p. 85.

4) Изъ разнообразныхъ замѣтокъ въ Itinerarium p. 49—52, гдѣ онъ говоритъ объ этомъ очень подробно, видно только, что онъ раньше этого труда, т. е. до 1441 г., былъ въ другой разъ въ Египтѣ. Изъ элегіи Calorus Aretimes ibid. p. LXVIII, которая предполагаетъ пріобрѣтеніе надписей въ путешествіи 1435—1436 гг. и упоминается о Konupobal rieporhupolis (Et legis ignotis scripta notata feris, видно, что онъ ѣздилъ раньше 1435 г. Но такъ какъ Чиріако послалъ скопированные іероглифы въ Неаполь къ Никколи, съ которымъ онъ познакомился только въ 1433 г., то для поѣздки остается только 1434 г., и къ этому же году я готовъ отнести письмо Ambros. Trav. epist. VIII, 47 отъ 20-го іюня. Cyr. Anc. hinc. abiit orientem petiturus. Уже Тирабоски сообразилъ, что письмо не можетъ относиться къ 1433 г.

Съ осени 1435 г. Чиріако странствуетъ по Далмаціи, Эпиру, по берегамъ древней Акарнаніи и на классической почвѣ, лежащей по обѣ стороны Коринѳскаго залива. Всюду онъ рисуетъ и собираетъ древности, списываетъ надписи, заноситъ все это въ свои комментаріи и шлетъ итальянскимъ друзьямъ, какъ драгоцѣнный подарокъ [1]). 7 апрѣля 1436 г. онъ пріѣхалъ въ Аѳины, гдѣ пробылъ 16 дней, съ біеніемъ сердца смотря на акрополь, срисовалъ пропилеи, дивился на парѳенонъ, еще въ то время сохранившійся во всемъ своемъ великолѣпіи, съ карнизомъ и метопами, и на льва, стоявшаго въ Пиреѣ. На этотъ разъ онъ отправился въ Венецію тѣмъ же путемъ, какимъ ѣхалъ. Но уже 1437 г. онъ переправился изъ Апуліи въ Пелопоннезъ, видѣлъ Аргосъ и циклопическія стѣны, срисовалъ ихъ и вымѣрилъ громадные камни, изъ которыхъ онѣ построены. Въ виду развалинъ древней Спарты онъ сочинилъ итальянскій сонетъ. И здѣсь онъ первый съ умиленіемъ ступилъ на священную почву, которую готовился изслѣдовать. Хотя онъ и не обладалъ особенно обширнымъ запасомъ научныхъ свѣдѣній, однако не упускалъ изъ виду ничего такого, что могло пролить свѣтъ на древній міръ. Онъ даже обращалъ вниманіе на гавани и военныя дороги, на рудники, залежи мрамора и другіе слѣды древней культуры. Объ всемъ этомъ въ то время ничего еще не начинали сообщать и сохранившіяся греческія книги.

Повидимому, именно эта поѣздка въ Грецію внушила Чиріако грандіозные, даже чудовищные замыслы. Его біографъ часто слыхалъ отъ него, что онъ предполагалъ изучить и остальныя извѣстныя въ то время земли до послѣднихъ мысовъ на океанѣ и до острова Ѳулы. Въ Египтѣ онъ проникъ только до мемфисскихъ пирамидъ, поэтому теперь ему хотѣлось видѣть все, что сохранилось отъ древнихъ Ѳивъ, посѣтить Сіэну и древнее жреческое государство Мероэ, іслѣдовать Элефантинскія горы, побывать въ Эѳіопіи, у короля Константина, извѣстнаго подъ именемъ священника Іоанна, приславшаго въ то время своихъ пословъ на Флорентинскій соборъ, дойти до оракула Аммона, чрезъ Мармарику до Атласа, поддерживающаго небо, и воротиться въ Италію чрезъ Апулію и Киренейскую Ливію. Уже одинъ этотъ чудовищный маршрутъ доказываетъ неутолимую страсть къ путешествіямъ. Этому человѣку доставляютъ наслажденіе странствіе и смѣлые замыслы; у него нѣтъ опре-

---

[1]) Результатъ поиска рукописей въ эту далматинскую поѣздку еще сохранился. Но я не видалъ изданія Carlo Morone Inscr. Cyriaci etc. Обзоръ этой поѣздки сдѣланъ Момзеномъ въ Corp. inscr. lat. T. III, p. 93. Къ ней относятся письма, напечатанныя въ Itinerarium p. 56—71.

дѣленныхъ цѣлей, и онъ слѣдуетъ только своему влеченію. И для исполненія этого-то нелѣпаго плана онъ надѣялся получить одобреніе и средства отъ своего прежняго покровителя. Онъ старался быть ему въ этомъ случаѣ полезнымъ въ дѣлѣ возсоединенія церквей. Столь же тщетны были его усилія возбудить сочувствіе къ этому дѣлу въ Козьмѣ Медичи и въ юномъ маркграфѣ Леонелло д' Эсте [1]). Къ счастію, онъ оставилъ мечту объ этомъ путешествіи и обратился къ болѣе плодотворнымъ задачамъ, подсказаннымъ опять таки любовью къ классической древности.

Уже съ апрѣля слѣдующаго (1442) г. мы встрѣчаемъ его на островѣ Делосѣ, [2]) на Цикладахъ, на островѣ Эвбеѣ, въ Константинополѣ, на берегахъ Малой Азіи, во Ѳракіи, собственной Греціи, Ѳессаліи и Македоніи, на островахъ Эгейскаго моря и на островѣ Критѣ. Около пяти лѣтъ съ небольшими перерывами разъѣзжалъ онъ, по прежнему преданный многосторонней и плодотворной дѣятельности. На островѣ Тазосѣ аббатъ одного монастыря показывалъ ему библіотеку, въ числѣ сокровищъ которой оказался и старинный полный экземпляръ сочиненій Діонисія Ареопагита. Въ другомъ монастырѣ онъ нашелъ такъ называемые трактаты о нравственности Плутарха въ 13 книгахъ и купилъ ихъ съ радостью. Потомъ ему попались въ руки схоліи къ Иліадѣ, также творенія отцовъ церкви: Іоанна Златоуста, Василія и Григорія, но рядомъ съ этимъ и сочиненія Платона, Аристотеля, Гиппократа,

---

[1]) Именно то, что издалъ Mehus подъ заглавіемъ Kyriaci Anconitani Itinerarium Florent. 1472 г., по ближайшей цѣли своей есть не что иное, какъ посланіе къ папѣ Евгенію, котораго онъ хочетъ склонить въ свою пользу отчетами о своей полезной дѣятельности и своихъ путешествіяхъ. Но у этого посланія нѣтъ конца. Впрочемъ. продолженіе есть у Mehus Vita Ambros. Travers. p. 24 и у Bandini Catal. codd. lat T. III, p. 740. Оно и помѣчено годомъ и числомъ письма: Флоренція 18-го октября 1441 г. Эту записку Чиріако включилъ въ письмо, адресованное къ Козьмѣ Медичи. отъ 13-го ноября 1441 г., къ которому приложилъ сонетъ и карты. Colluci p. 123 не понялъ этой связи и былъ того мнѣнія, что въ тревизской рукописи эти документы находятся вмѣстѣ лишь благодаря невѣжеству писца. У него же идетъ рѣчь о пересылкѣ записки къ L. Pr. (несомнѣнно Leonello princeps), ut et sua iuvante clementia rem iam diu a me coeptam exoptatamque tandem expediam etc.

[2]) О годѣ я заключаю изъ того обстоятельства, что въ немъ 11-го апрѣля, когда онъ при отъѣздѣ съ острова Делоса обратился въ шутку съ мольбою къ Меркурію, должно приходиться въ среду. Это идетъ только къ 1436 г., но тогда онъ былъ въ Аѳинахъ. Относительно этой поѣздки у насъ есть списанный Гартманомъ Шеделемъ отрывокъ дневника Чиріако, о которомъ говоритъ О. Янъ въ Bulletino dell' Instituto di corresp. archeol. per l'anno 1861 p. 180 seg. Письмо съ острова Хіоса отъ 29-го марта 1447 г. о второмъ пребываніи Чиріако въ Аѳинахъ см. у Вахсмута Die Stadt Athen im Alterthum Bd. I s. 728.

Галена и Геродота [1]). Мы только изъ отрывочныхъ свѣдѣній узнаемъ о всѣхъ его пріобрѣтеніяхъ.

Разумѣется, онъ отправлялъ эти литературныя сокровища въ сундукахъ въ Италію. Онъ самъ признается намъ, что если покупалъ такую массу книгъ, то обязанъ этимъ щедрому пособію со стороны Козьмы Медичи. Вѣроятно, послѣдній открылъ ему широкій кредитъ въ флорентинскомъ банкѣ [2]). Сверхъ того онъ былъ политическій агитаторъ. Какъ человѣкъ, пользовавшійся довѣріемъ папы и хорошо знакомый съ турецкимъ Востокомъ, онъ счелъ подходящимъ для себя участвовать въ рѣшеніи великаго восточнаго вопроса. Поэтому онъ дѣятельно подстрекалъ къ общей войнѣ и византійскаго императора, и папу, о томъ же говорилъ легатамъ его и всѣмъ доставлялъ политическія извѣстія [3]). Потомъ онъ былъ въ Аѳинахъ и еще разъ видѣлъ акрополь, нашелъ на островѣ Хіосѣ надгробную надпись на могилѣ Гомера, положительно убѣдившую его, что пѣвецъ Иліады родился на этомъ островѣ. Это—послѣднія извѣстія о его путешествіяхъ по чужимъ странамъ [4]). Послѣ этого онъ уже не странствуетъ больше по морю. Мы знаемъ еще, что онъ посѣтилъ маркграфа феррарскаго Леонелло, а потомъ вскорѣ умеръ въ Кремонѣ, гдѣ и похороненъ. Путешествія и ученыя занятія для него были дѣломъ тождественнымъ, и ему не суждено было успокоиться на родной землѣ [5]).

Теперь мы знаемъ о Чиріако почти только какъ о собирателѣ рукописей. Когда онъ путешествовалъ, то обыкновенно прилагалъ надписи къ письмамъ, которыя посылалъ на родину, какъ привѣтственный даръ, иногда по одной, а иногда и по нѣскольку. И въ Италіи, переѣзжая изъ одного города въ другой, онъ возилъ съ собою вновь пріобрѣтенный запасъ рисунковъ и описаній, которые показывалъ и дарилъ въ копіяхъ. Нѣкоторыя изъ этихъ

---

1) Согласно его комментаріямъ. Colucci p. 134--136.

2) См. замѣтку объ этомъ у Faaroniu Magni Cosmi Medicci Vita p. 143.

3) См. письма его отъ 1443 г. въ Fabricius Bibliotteca lat. ed. Manri T. VI. Addendi p. 4—18.

4) Elogium in Homeri sepulchro inscriptum онъ послалъ Филельфо, и послѣдній благодарилъ его въ письмѣ отъ 21 ноября 1448 г.

5) Время его смерти можно опредѣлить лишь приблизительно. Еще 8 іюля 1449 г. маркграфъ Леонелло показывалъ ему въ Феррарѣ картину одного живописца (Colucci p. 143). Согласно письму отъ 1457 г. (ibid. p. 154) онъ умеръ superioribus annis. Точнѣе опредѣляется время извѣстіемъ у Blondus Italia illustr. p. 339 о томъ, что Анкона nuper лишилась своего Чиріако. А замѣтки этой книги не идутъ далѣе 1450 г. Ср. Masius Flavio Biondo 52. О похоронахъ Чиріако въ Кремонѣ говорится въ анонимномъ четверостишіи у Colucci p. 151.

трудовъ его сохранились [1]). Потомъ изъ такихъ отрывковъ онъ составлялъ цѣлые сборники, которые называлъ своими комментаріями [2]). Это была пестрая смѣсь ежедневныхъ новостей, замѣтокъ, эскизовъ и рисунковъ всякаго рода, сотни надписей и свѣдѣній о монетахъ, стихи и письма, свои и полученныя отъ другихъ, небольшія антикварныя статейки,—однимъ словомъ все заслуживавшее вниманія, что́ ему попадалось подъ руку или приходило на мысль. Ими пользовался Скаламонте, извлекая изъ нихъ по просьбѣ Лауро Квирини свѣдѣнія для біографіи своего друга. Они составили три толстыхъ тома. Ихъ видѣлъ Пьетро Радзано, тоже другъ дома Чиріако. Они не были просмотрѣны и подготовлены къ изданію. Тутъ нужно было работать систематически, а Чиріако былъ неспособенъ къ этому. Такимъ образомъ эти почтенные томы, которые теперь изслѣдователь древностей считалъ бы величайшимъ сокровищемъ, остались въ Анконѣ и были разрознены. Такова участь громаднаго труда человѣка, вдохнувшаго новую жизнь въ остатки древностей. Отъ него тоже уцѣлѣли лишь остатки, и, безъ сомнѣнія, съ нимъ опять погибли и многія открытія, добытыя авторомъ.

Конечно, никто не будетъ считать Чиріако ученымъ, критически изучавшимъ памятники. Для этого у него не было ни достаточнаго матеріала подъ рукою, ни учености. Онъ былъ человѣкъ крайне восторженный, поэтому относился съ довѣріемъ къ тому, что ему выдавали за подлинное, что разсказывали или что онъ представлялъ себѣ. Но нельзя доказать, чтобы онъ поддѣлывалъ надписи и выдавалъ собственную работу за древность. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ удостовѣрено, что онъ былъ добросовѣстный труженникъ. Новѣйшіе изслѣдователи признали его заслуги [3]). Онъ даже удовлетворилъ нѣкоторымъ требованіямъ современной науки, быть можетъ больше по инстинкту, чѣмъ вслѣдствіе глубокаго знанія дѣла. Онъ не только писалъ надписи съ ихъ древнею формою буквъ—квадратнымъ письмомъ, но больше срисовывалъ [4]), отдѣлялъ строчки и не забывалъ

---

[1]) Иногда и безъ его имени. Такъ напр. оба анонимныя письма къ Роберто Вальтуріо съ надписями откровенны я „изъ понтійскаго путешествія“ у Bandini Catal. codd. lat. T. II. p. 374 по слогу и содержанію несомнѣнно принадлежатъ Чиріако, быть можетъ тождественны съ приведенными у Valentinelli T. V. p. 192.

[2]) Antiquarum rerum commentaria, какъ слѣдуетъ допустить согласно Itinerarium.

[3]) Boeckh. въ C. Inscr. Gr. Vol. I p. IX говоритъ про него: vir diligens et verus maleque tanquam falsarius. О латинскихъ надписяхъ ср. Henzen въ Corp. Inscr. lat. vol. VI P. I p. XL.

[4]) Ioannes Cirignanus, стихотвореніе котораго 1442 или 1443 г. сообщилъ Mehus въ Itinerarium p. LXIV, такъ говоритъ о немъ:

указывать мѣсто находки. Многолѣтнее упражненіе даже до извѣстной степени уяснило ему самое пониманіе дѣла.

Если бы Чиріако ограничился этою плодотворнѣйшею стороною своей дѣятельности, то потомство сохранило бы о немъ самое свѣтлое воспоминаніе. Но онъ не хотѣлъ быть простымъ собирателемъ и антикваріемъ. Ему желательно было прослыть поэтомъ и ученымъ среди гуманистовъ. Природа надѣлила его довольно разнообразными дарамъ. Онъ хорошо рисовалъ, обдѣлывалъ драгоцѣнные камни и лѣпилъ вазы, безъ сомнѣнія, въ античномъ духѣ [1]). Какъ и многіе послѣдователи Петрарки, онъ въ молодыхъ лѣтахъ сочинялъ канцоны и сонеты [2]). Чиріако писалъ стихи и на латинскомъ языкѣ, хотя владѣлъ имъ не вполнѣ, а такъ какъ хорошо зналъ надписи, то и самъ сочинялъ такія же, какъ по латыни, такъ и по гречески, всего больше эпитафіи [3]). Едва ли бы что нибудь сохранилось изо всего этого, если бы онъ самъ не позаботился сообщить потомству, вписывая въ свои комментаріи и постоянно посылая покровителямъ и друзьямъ. Этимъ же объясняется и распространеніе нѣкоторыхъ его писемъ. Такъ какъ онъ перевелъ нѣсколько небольшихъ сочиненій съ греческаго, то находилъ, что вправѣ причислять себя къ избранному кружку знатоковъ этого языка. И его сочиненьице о семи чудесахъ свѣта не разъ упоминаемое—просто переводъ изъ сочиненія Григорія Каппадокійскаго. Извѣстіе о морскомъ сраженіи при островѣ Понца, въ которомъ генуэзцы 5 авг. 1435 взяли въ плѣнъ короля аррагонскаго, дало Чиріако поводъ претендендовать на титулъ историка [4]). Сочиненіе «О знатныхъ

Quid de litterulis Graecis dicam atque latinis,
Qnas mira novitate mudis mirisque retexis,
Quarumque antiquas renovas reparasque figuras?

[1]) Онъ любилъ, когда его хвалили за это. Такъ Аурисна (Carm. ill. paet. Ital. T. I p. 489. 492) восхваляетъ его:

Pingenti formas rerum concedit Apelles,
Cedit Sculpenti Phidia Cyriaco.

[2]) И изъ нихъ сохранились нѣкоторые, особенно сонеты, которыми онъ обмѣнивался съ Леонардо Джустиніани, у Agostini Scritt. Viniz, T. I p. 154 и Palermo Imanossritti Palat. vol. I p. 400. Lamins Catal. bibl. Riccard. p. 127. Bandini Catal. codd. lat., T. V p. 434. Scalamontius p. 78. Часто также упоминается латинское стихотвореніе на дружбу.

[3]) Такъ напр. своей матери, Леонелло д' Эсте, на памятникъ своему отцу, королю кипрскому Яну, Чатталюзіо тазосскому. Cf. Colucci p. 100. Cf. Bandini Catal. codd. lat. T. III p. 394.

[4]) Подъ заглавіемъ De Pontiano Taraconnensium regis couflictu navali Commentarium или De naumachia regia у Colucci p. 100. Cf. Bandini Catal. codd. lat. T. III p. 394.

римскихъ фамиліяхъ» мы знаемъ только по заглавію. Вѣроятно, онъ выводилъ ихъ происхожденіе изъ глубокой древности. Имя Урсинъ, найденное въ одной надписи на островѣ Корцирѣ, тотчасъ же напомнило ему о фамиліи Орсини и объ его благодѣтелѣ, кардиналѣ Орсини. Его, какъ географа, занимала древность нѣкоторыхъ городовъ, но онъ обладалъ весьма слабыми свѣдѣніями и потому часто сочинялъ крайне нелѣпыя басни. Въ такомъ духѣ онъ писалъ о первобытныхъ временахъ Мантуи и Рагузы [1]). Но когда онъ писалъ о своемъ родномъ городѣ Анконѣ—часто онъ подписывалъ и свое имя съ грѣхомъ по-поламъ по гречески Кирьякъ — тогда онъ дозволялъ себѣ самыя произвольныя выдумки. Напр. Чиріако сочинилъ для него древняго греческаго историка и еще латинскаго; онъ даже имѣлъ дерзость приписывать свои жалкіе стихи Тибуллу [2]).

Но и здѣсь больше видно легкомысліе и самодовольство самоучки. Человѣку полуобразованному свойственно не замѣчать недостатковъ своего образованія и думать много о себѣ. Гуманисты высокомѣрно относились къ грамматикѣ и логикѣ старинныхъ учителей, но гдѣ ихъ не было, тамъ дѣло шло плохо. Классическимъ языкамъ нельзя учиться такъ, какъ французскому языку, по сочиненіямъ поэтовъ и прозаиковъ, или во время путешествій. Цицеронъ и Ливій, бывшіе вообще идеалами писателей, остались навсегда неизвѣстными Чиріако. Онъ читалъ и изучалъ только то, что ему случайно попадалось подъ руку. Онъ имѣлъ нѣкоторыя свѣдѣнія, но ему не доставало системы и критики. Чиріако навсегда остался дилеттантомъ и энтузіастомъ. Его варварская латынь, которою онъ однако гордился, приправленная греческими словами и нѣсколькими выраженіями, взятыми у древнихъ поэтовъ, была часто уродлива и невразумительна. Она даетъ полное понятіе о его жалкомъ образованіи и неразвитости вкуса.

---

1) О Мантуѣ въ комментаріяхъ у Colucci p. 94, о Рагузѣ въ письмѣ къ одному Рагузцу отъ 1440 г. у Fabricius Bibl. lat. T. VI. Add. p. 18.

2) Это разсужденіе объ Анконѣ, конечно написанное раньше, мы находимъ въ упомянутомъ письмѣ къ папѣ Евгенію IV отъ 1441, вышедшемъ въ такъ наз. Itinerarium p. 38: Clitomachus vero, graecus et ipse, auctor haud ignobilis multum ante suis in commentariis haec de Ancone scripta reliquit, ut et latine habetuz ex lino (auctore praeclaro прибавлено въ письмѣ къ Евгенію). Вотъ стихи. которые Tibullu poëta haud ignobilis:

Fides fixa tuo sancto de momine dixti,
Quae aumidos illyris fluctus depelleret Ancon.

Но нельзя указать другаго такого примѣра шарлатанства у Чиріако, если не относить сюда то. что онъ въ письмѣ отъ 1435 г. (при Itiner. ed. Mehus p. 58) изображаетъ охоту въ Эпирѣ, къ нашему удивленію почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ и другую охоту въ Падуѣ (Itin. p. 29). Онъ, разумѣется, считалъ эту охоту просто вымысломъ.

Поэтому всюду, гдѣ онъ являлся, онъ казался назойливымъ болтуномъ и смѣшнымъ самохваломъ, хваставшимся своими морскими путешествіями, антикварными рѣдкостями и крохами классической учености. Въ сущности онъ вызывалъ насмѣшки своими недостатками. Правда, гуманисты очень тщеславны, но я не знаю ни одного изъ нихъ, который бы такъ наивно принималъ похвалы отъ своихъ друзей и на словахъ, и въ посланіяхъ, въ прозѣ и стихахъ, который бы самъ превозносилъ свои заслуги съ такою дѣтскою словоохотливостью, какъ этотъ Анконецъ въ посланіи къ папѣ Евгенію. Онъ совсѣмъ не замѣчалъ, что все это пахнетъ ложью и смѣшно. Онъ вообразилъ себѣ, что его научное призваніе состоитъ въ томъ чтобы вызвать снова къ жизни то, что умерло, что онъ умѣетъ «своимъ искусствомъ» воскрешать въ памяти людей то, что предано забвенію. Для него было особенно пріятно вспоминать одинъ случай. Однажды Чиріако искалъ въ Верчелли древностей въ церкви, и глупый патеръ спросилъ его, что онъ тутъ дѣлаетъ. Онъ озадачилъ его своимъ отвѣтомъ: «Мое искусство состоитъ въ томъ, чтобы иногда вызывать мертвыхъ изъ могилъ; этому я научился изъ предсказаній Пиѳіи.» Потомъ онъ нашелъ одну рукопись, по смыслу которой будто бы выходило, что граждане города Реканати должны называться не Recanatenses, а правильнѣе Ricinates отъ древней колоніи Helvia Ricina. Чиріако съ торжествомъ сообщилъ тамошнему прелату, тоже родомъ изъ Реканати, что съ помощью его искусства можно вызывать настоящія имена городовъ изъ ада [1]. Но онъ не замѣтилъ, что онъ съ своимъ воскресеніемъ мертвыхъ сталъ для всѣхъ посмѣшищемъ, такъ что его въ шутку сравнивали съ Орфеемъ. Впрочемъ онъ и самыя насмѣшки принималъ за лестныя похвалы [2]. Тоже слѣдуетъ сказать и о его почитаніи Меркурія.

---

1) O magnam vim artis nostrae ac penitus divinam! прибавляетъ онъ. Письмо къ епископу Рагузскому (Iohanni Ricinati) у Mabillon et Germain Monum. Ital. T. I p. 44 и въ Kyriaci Itinerarium ed. Mehus p. 58.

2) Такъ Филельфо хвалитъ въ упомянутомъ рекомендательномъ письмѣ его 'diligentia, qua in suscitandis mortuis unus omnium primus utitur. Чиріако l. s. c. такъ воспѣвалъ его:

Orphei nec fuerit maior Proserpinae ab umbris
Cura reflectendae superasque reduceri ad auras,
Quam tibi Kyriace deletam nobilitatem
Antiquam in lucem curae est revocare novellum.
Deleta nobilitas относится къ любимымъ выраженіямъ Чиріако.

Blondus Ital. ill. p. 339 говоритъ о немъ: qui monumenta investigando vetustissima mortuos, ut dicebat, vivorum memoriae restituebat.

Онъ выбралъ своимъ покровителемъ во время путешествій, а также и своихъ научныхъ стремленій Меркурія, крылатаго и быстраго вѣстника боговъ и нелѣпо выставлялъ этотъ культъ па показъ. Мы не знаемъ, какъ пришла ему въ голову эта затѣя; можетъ быть причиною былъ драгоцѣнный рѣзной камень, который онъ видѣлъ въ собраніи Марсуппини [1]). Тогда онъ подарилъ ему раскрашенное красками изображеніе Меркурія, подлинникъ котораго, по его словамъ, онъ нашелъ въ Греціи. Марсуппини считалъ подарокъ воодушевляющимъ художественнымъ произведеніемъ. Онъ извѣстенъ намъ по рисункамъ Гартмана Шеделя и Альбрехта Дюрера [2]). Когда Чиріако въ 1442 г. переправлялся съ острова Делоса въ Микену, то обратился къ этому Меркурію съ странною молитвою, какъ къ святому патрону, чтобы онъ счастливо провелъ его по морю, «направляемый сонмомъ нимфъ и нереидъ.» Конечно, онъ молился не такъ, какъ древній грекъ, но записалъ эту молитву въ свои комментаріи въ замѣткахъ о Делосѣ. Съ тѣхъ поръ онъ плавалъ съ своимъ «святѣйшимъ богомъ Меркуріемъ» и вѣрилъ въ среду, посвященную ему, какъ въ день, особенно приносящій счастье [3]) Что жъ мудренаго, если друзья въ шутку величали его, новымъ Меркуріемъ, Меркуріемъ Анконскимъ, отцомъ того Меркурія, «нашимъ Меркуріемъ», безсмертнымъ вмѣстѣ съ своимъ Меркуріемъ [4]).

Конечно, не трудно было видѣть слабыя стороны Чиріако, и мнѣніе о немъ долгое время не могло установиться. Виною этого были некоторые его современники. Такъ напр. Пьеръ Кандидо Дечембріо разсказываетъ, что миланскій герцогъ Филиппъ Марія прогналъ Чиріако отъ своего двора, какъ тщеславнаго хвастуна [5]). Но это ложь, сочиненная личнымъ врагомъ. Самъ Чиріако разсказывалъ что онъ вручилъ герцогу свои рѣчи къ туркамъ, которыя на него

---

1) Scalamontius p. 92: falerati aenea Mercurii agalmata. Онъ причисляетъ изображеніе къ imagines.

2) Безъ сомнѣнія, это тоже изображеніе, которое превозноситъ похвалами Марсуппини въ стихахъ къ Поджіо. Carm. ill. poet. Ital. T. VI, p. 278. Cp. O. Iahn Cyriacus von Ancona und Albrecht Dürer въ сборникѣ «Aus der Altertumswissenschaft», Bonn, 1868 s. 346.

3) Молитва эта, напечатанная O. Яномъ въ Bull. dell' Just. di corr. arch. per l'anno 181 p. 183, начинается такъ: Artium mentis ingenii facundiaeque pater alme Mercuri, viarum itinerumque optime dux etc. Въ комментаріяхъ было приложено изображеніе Меркурія съ крыльями на ногахъ. Путешествіе Чиріако и его антикварная дѣятельность теперь совершаются cum nostro sanctissimo genio Atlantiadoi (!) Mercurio (Colucci p. 128), или optimo iuvante Deo, necnon genio sanctissimo nostro favitante Mercurio, какъ онъ писалъ греческому императору (Fabricius l. c. p. 12).

4) Конечно, опять злоязычный Чиріако l. s. c.

5) Vita Phil. Mariae y Muratori scriptt. T. XX cap. 63.

разумѣется, не производили никакого впечатлѣнія, но Филиппъ Марія приказалъ показать гостю зданія и древности въ Павіи и Миланѣ [1]). Поджіо всегда хвалилъ его, какъ человѣка трудолюбиваго и образованнаго. Но однажды Чиріако вздумалось вмѣшаться въ ученый споръ о Сципіонѣ и Цезарѣ. Тогда Поджіо обрушился на него съ своею извѣстною запальчивостью и выставилъ его въ смѣшномъ видѣ, не касаясь впрочемъ его заслугъ по части древностей [2]) Истинные ученые и вообще люди достойные пропускали мимо ушей его безвредную болтовню и все таки признавали его совершенно исключительное отношеніе къ наукѣ, во Флоренціи Марсуппини, Никколи, Леонардо Дати, Бруни и Траверсари, въ Венеціи Барбаро и Леонардо Джустиніани, также Гварино, Веджіо, Бьондо и многіе другіе, которые даже хвалили его, чтобы сдѣлать ему что нибудь пріятное. Бруни сказалъ ему по одному случаю: «Для тебя было бы лучше знать меньше того, чѣмъ ты знаешь». Но онъ остался его другомъ и постоянно посылалъ ему множество эпиграммъ и древностей [3]). Филельфо всѣхъ охотнѣе признавалъ пользу, доставляемую ученому міру его неутомимымъ другомъ. Постоянно получая отъ него надписи, онъ хвалилъ его какъ перваго и единственнаго человѣка, который разъѣзжалъ, чтобы собирать древнія письмена и остатки, привозилъ въ Италію и въ этомъ видѣлъ выгодное дѣло [4]) Даже варварамъ Чиріако внушалъ смутное понятіе о значеніи древностей. Это доказывается охранною грамотою, полученною имъ отъ султана Мурада II, съ которою онъ могъ безопасно и не платя пошлинъ странствовать по всѣмъ городамъ, мѣстечкамъ и селеніямъ оттоманской имперіи [5]).

---

[1]) Itinerarium p. 22. Scalamontius p. 93. Согласно предисловію къ извѣстію о морскомъ сраженіи при Понца, это посѣщеніе относится къ 1433 г.

[2]) Poggius epist. VII, 9 ed. Tonelli. Также въ Фацеціяхъ (Opp. p. 492) и въ другихъ мѣстахъ.

[3]) Bruni epist. VI, 9. VII, 3. IX, 5 ed. Mehus.

[4]) Ср. упомянутыя рекомендательныя письма къ Барбаро и Джустиніани, письма къ Чиріако отъ 21-го декабря 1427, отъ 11-го іюля 1440, отъ 31-го октября 1444 г.

[5]) Colucci p. 154.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Первый вѣкъ Медичи. Гуманизмъ въ итальянскихъ республикахъ.

Мы видѣли замѣчательныхъ дѣятелей, проложившихъ новые пути, видѣли, какъ странствующіе наставники распространяли новый свѣтъ классицизма по городамъ Италіи и дворамъ владѣтельныхъ особъ и какъ восторженные ученики ихъ отыскивали памятники древности повсюду, даже въ отдаленныхъ странахъ. Теперь мы вступаемъ въ иную эпоху. Талантливые люди разрабатываютъ новую науку преимущественно кружками. Они наперерывъ подаютъ другъ другу руку помощи и создаютъ обширныя республики ученыхъ. Они то живутъ въ дружбѣ между собою, то враждуютъ и ведутъ ожесточенную борьбу, то наконецъ всецѣло отдаются наукѣ. Но не смотря на соперничество и столкновенія, всѣ эти личности стремятся къ одной цѣли и различными путями создаютъ одну культуру своего вѣка.

Для наукъ и искусствъ весьма благотворно, если они въ пору своего возрожденія не сосредоточиваются въ извѣстныхъ пунктахъ и такимъ образомъ спасаются отъ нѣкоторой односторонности. То же самое замѣчаемъ мы и въ ходѣ развитія отдѣльныхъ личностей. Но столь же благотворна и необходима для нихъ устойчивость силъ и стремленій, дружная, цѣлесообразная дѣятельность, передаваемая другимъ какъ бы по наслѣдству. Такимъ образомъ перехожія школы мало по малу превращаются въ постоянные университеты, и гуманизмъ ищетъ себѣ пристанища. Его сторонники составляютъ разнохарактерныя группы, какъ ученое сословіе, или собираются вокругъ представителей аристократическихъ республикъ, или при дворахъ владѣтельныхъ особъ и папъ. Все это опредѣляетъ характеръ и порядокъ нашего дальнѣйшаго изложенія.

Едва ли нужно напоминать, что здѣсь мы обратимъ вниманіе лишь на центральные пункты литературной дѣятельности и только насвѣтила первой и второй величины, принимая тогдашнюю точку зрѣнія. Пусть читатель самъ рисуетъ въ своемъ воображеніи, какъ

около нихъ жили и работали кабинетные ученые и поэты. Это явленіе встрѣчается въ исторіи почти всѣхъ литературъ.

Всѣхъ раньше образовалась величественная республика музъ во Флоренціи. По видимому, ея призваніемъ было сдѣлать для Италіи то, что Италія сдѣлала для остальнаго міра въ теченіи среднихъ вѣковъ. Представительницею новаго образованія въ этой республикѣ является прежде всего знать: въ ней живетъ духъ Данта, Петрарки, Боккачіо и Салютато. Въ средѣ этой знати мы находимъ поэтовъ, знатоковъ языка, философскихъ мыслителей и людей съ разностороннимъ энциклопедическимъ образованіемъ. Тутъ мы встрѣчаемъ также богатыхъ меценатовъ, которые любятъ поддерживать юные таланты, даютъ имъ средства для образованія, иногда доставляютъ дорогія книги, а нерѣдко также дѣлаютъ предметомъ роскоши и новую науку и искусство. Это духовное развитіе совершается тѣмъ же путемъ, какъ и политическій прогрессъ республики. Со времени побѣды оптиматовъ въ 1382 г. первое беретъ подъ защиту родовая аристократія, и оно находитъ мецената въ фамиліи Медичи. Послѣдніе низвергли враждебную имъ знать и привлекли къ участію въ общественныхъ дѣлахъ народныя силы, подготовили господство своего дома. Медичи не были творцами этой республики музъ; они нашли всѣ элементы ея уже готовыми и только собрали всѣ лучи въ одинъ фокусъ.

Первые родовые аристократы, которые заставили поэтовъ и ученыхъ прославлять себя и окружили себя писателями, были, насколько мы знаемъ, богатые и любившіе роскошь Акчіайоли. Но Никкола, самый знаменитый представитель этой фамиліи, рано покинулъ свою родную Флоренцію. Будучи сенешаломъ Неаполитанскаго королевства, онъ полюбилъ тотъ родъ великолѣпія, мысль о которомъ внушилъ ему Петрарка, тоже любившій все грандіозное. Но его фамилія питала любовь къ классическому образованію. Юный Донато Акчіайоли хорошо зналъ по гречески и по латыни. Хотя онъ былъ обремененъ государственными дѣлами, однако перевелъ нѣкоторыя сочиненія съ греческаго языка, написалъ комментарій къ Аристотелю и латинское сочиненіе въ похвалу Карлу Великому. Если бы онъ не умеръ такъ рано, то пріобрѣлъ бы себѣ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ въ исторіи литературы [1]).

Вспомнимъ о Роберто де' Росси, который былъ первымъ ученикомъ Хризолора на Западѣ и главнымъ образомъ содѣйствовалъ его приглашенію во Флоренцію. Вмѣстѣ съ другомъ своимъ Джіакомо д' Анджело да Скарпаріа онъ первый изъ флорентинской знати

---

1) P. Iovius Elogia doctorum viror. 16.

сталъ изучать греческій языкъ. И онъ восхищался имъ въ душѣ. Впослѣдствіи онъ былъ какъ бы литературнымъ патріархомъ среди знати. Но это былъ въ тоже время гордый богачъ. Запершись въ своемъ замкѣ, онъ трудился надъ переводомъ Аристотеля, котораго хотѣлъ передать изящнымъ латинскимъ языкомъ. Онъ самъ переписывалъ рукописи древнихъ писателей и посвящалъ молодыхъ людей въ тайны науки своими наставленіями и бесѣдою. Когда онъ выходилъ изъ дому, то его сопровождали ученики, члены знатныхъ фамилій: Бонинсеньи, Тебальди, Альбицци, Алессандри; въ числѣ ихъ былъ и Козьма Медичи [1]). Подобно Росси, и Антоній Корбинелли хлопоталъ въ свое время о приглашеніи Хризолора и былъ его ученикомъ. Потомъ онъ гостепріимно пригласилъ къ себѣ въ домъ Гварино, его преемника по каѳедрѣ греческаго языка. Онъ увѣковѣчилъ его имя, такъ какъ Гварино основалъ обширную библіотеку латинскихъ и греческихъ рукописей [2]).

Самый выдающійся изъ учениковъ Хризолора и вмѣстѣ человѣкъ высокой честности и твердаго характера, въ родѣ Салютато, былъ Палла де Строцци. Всѣ отзывались о немъ не иначе какъ съ почетомъ и уваженіемъ. Домъ его отличался радушнымъ гостепріимствомъ и былъ открытъ для всѣхъ образованныхъ и достойныхъ людей. Духовное лицо, учившее тамъ дѣтей, Томмазо Парентучелли, впослѣдствіи извѣстно подъ именемъ папы Николая V, пользовавшагося громкою славою [3]). Строцци легко могъ бы быть такимъ же меценатомъ, какъ и Козьма Медичи, но противникъ послѣ побѣды послалъ его въ вѣчное изгнаніе и конфисковалъ все имущество. Двадцать восемь лѣтъ провелъ престарѣлый Палла въ Падуѣ. Теперь его утѣшеніемъ и опорою была философія, которую онъ изучалъ въ юныхъ лѣтахъ. Онъ принялъ въ свой домъ грека Іоанна Аргиропуло и самъ перевелъ на латинскій языкъ сочиненія Плутарха, Платона и Іоанна Златоуста. Удивлялись тѣмъ возвышеннымъ взглядамъ, какіе онъ выносилъ изъ занятія философіею, считали его древнимъ римляниномъ по той твердости духа, съ которою онъ переносилъ несчастіе и все-таки принималъ близко къ сердцу славу своего роднаго

---

1) Vespasiano Cosimo de' Medici § 1. О трудахъ Росси по части изученія Аристотеля свидѣтельствуетъ Гварино въ своемъ посвященіи Плутархова Фламинина у Bandini Datal. codd. lat. T. II p. 738. Онъ выводитъ ихъ дружбу отъ Хризолора: ille communis utrique parens dulcissimusque praeceptor etc.

2) Rosmini Vita di Guarino vol. II p. 56. 58.

3) Такихъ домашнихъ наставниковъ мы не рѣдко встрѣчаемъ въ богатыхъ дворянскихъ домахъ. Такъ Alottus epist. III, 44 доставилъ своему брату подобное мѣсто во Флоренціи, гдѣ онъ кромѣ готоваго содержанія получалъ 24 дуката въ годъ.

города. Онъ умеръ въ 1462 г. девяноста лѣтъ отъ роду. Но духъ его не умеръ вмѣстѣ съ нимъ. Его сыновья Лоренцо и Нафри собирали рукописи, подобно ему, и держали для этого писцовъ. Маттео Строцци, который также принужденъ былъ удалиться изъ Флоренціи въ 1434 г., былъ знатокъ римской литературы. Томясь въ изгнаніи, онъ искалъ утѣшенія въ философіи, подобно Паллѣ. И Нанни Строцца былъ человѣкъ съ утонченнымъ образованіемъ, а сынъ его Тито писалъ сочиненія въ прозѣ и стихахъ [1]).

Во главѣ знатныхъ (nobili), низвергнутыхъ фамиліею Медичи при помощи народа, стоялъ Ринальдо дельи Альбицци. Онъ съ 1399 г. служилъ своему отечественному городу въ разныхъ должностяхъ и былъ его представителемъ въ пятидесяти посольствахъ. Послѣ переворота 1434 г. онъ уже больше не возвращался изъ изгнанія и окончилъ дни свои въ Анконѣ 2 февраля 1452 г. Онъ началъ свое развитіе еще при жизни Салютато; литературная дѣятельность того времени была не чужда и ему. Въ его домѣ тоже жилъ нѣкоторое время магистръ Томмазо де Сарзано въ качествѣ воспитателя юношества. Конечно, его нельзя отнести къ числу писателей. Но многочисленные его отчеты о посольствахъ показываютъ въ немъ человѣка вполнѣ владѣвшаго слогомъ. Онъ былъ также участникомъ одного диспута, въ которомъ разсматривалось отношеніе натурфилософіи и языческой науки къ католической вѣрѣ. Впослѣдствіи онъ, по видимому, смотрѣлъ на модную литературу того времени больше какъ на средство—возстановить общественное мнѣніе противъ Медичи. Этимъ объясняется его связь съ Филельфо, когда послѣдній былъ во враждебныхъ отношеніяхъ къ этой фамиліи [2]).

Есть политическій сонетъ, написанный Альбицци, притомъ въ пору его цвѣтущаго развитія. Въ немъ онъ убѣждаетъ насъ не пренебрегать совершенно и этимъ литературнымъ родомъ, съ тѣхъ поръ мало разработаннымъ. Ему сочувствовали во Флоренціи благо-

---

1) Vespasiano Palla di Nofri Strozza. Alessandra de' Bardi p. 546. Pii II Comment. p. 49. Письмо Филельфо къ Палла отъ 1 марта 1444 г. Fabronius Magni Cosmi Medici vita vol. I p. 50. лol. II p. 105. О Тито пишетъ Блондусъ кардиналу Колонна въ 1443 г. въ год. ms. F. 66 кор. общ. Библ. въ Дрезденѣ fol. 119: Versu multum valet. cum oratione soluta mediocribus (melioribus?) huius seculi equiparandus sit. sed. moribus sese nobilissimu gente Strozza dignissimum edidit. — Alessandra Macinghi Lettere ed. Guasti p. XV. esed. 43.

2) Commissioni di Rinaldo degli Albizzi pubbl. da Guasti vol. I p. VIII e seg. vol. III p. 604 e seg. Здѣсь (p. 672) говорится и о письмахъ Филельфо къ фамиліи Альбицци. Медичи и его приверженцевъ въ Ambrosiana ядовитой сатирѣ его на Козьму хранится одинъ экземпляръ, написанный Альбицци въ ноябрѣ 1437 г. въ Анконѣ собственноручно Rosmini vita di Filelfo T. I. p. 97.

дара Салютато, особенно знатъ. У насъ есть въ этомъ родѣ стихотворенія Антоніо ди Паладжіо; по старинной методѣ приправленныя цитатами изъ древне-римскихъ писателей и дышащія гордымъ патріотическимъ чувствомъ образованнаго флорентинца [1]).

Назовемъ далѣе Пьеро де' Пацца, любящаго пышность, который выучилъ наизусть всю Энеиду и многія рѣчи изъ Ливія, зналъ немного по гречески, постоянно держалъ у себя писцовъ и много тратилъ денегъ на книги [2]). Маттео Пальміери собственно говоря не принадлежалъ къ числу знати, но прославился обширною ученостью, отъ которой всѣ приходили въ изумленіе. Два раза былъ онъ въ рядахъ priori, а въ 1453 г.—гонфалоньеромъ di giustizia, также нѣсколько разъ посломъ республики къ папѣ и королямъ. Онъ написалъ всемірную хронику въ родѣ Евсевіевой, біографію Никколы Акчіайоли, книгу о пизанской войнѣ—все это на латинскомъ языкѣ. Въ числѣ сочиненій его, написанныхъ на тосканскомъ нарѣчіи, была нравственная философія —«О гражданской жизни» и обширная нравственно-богословская дидактическая поэма Citta di vita. Это—подражаніе Божественной Комедіи Данта. Но всѣ эти сочиненія его имѣли ограниченный кругъ читателей [3]). Вмѣстѣ съ нимъ учился греческому языку Леонардо Дати, подъ руководствомъ Траверсари и Марсуппини. Потомъ мы встрѣчаемъ его въ числѣ папскихъ секретарей. Онъ написалъ комментарій къ Citta di vita, какъ Боккачіо и Рамбальди къ поэмѣ Данта [4]). Мы могли бы указать и на другія знаменитости того времени изъ среды знати [5]). О геніальномъ *Альберти* будемъ говорить впослѣдствіи.

Исторія литературы и искусства окружила имя Козьмы Медичи ореоломъ величія. Какъ купецъ, ведшій дѣло въ грандіозныхъ размѣрахъ, какъ мудрый и дальновидный государственный дѣятель, какъ человѣкъ съ моднымъ образованіемъ, какъ меценатъ на ши-

---

[1]) Сонетъ Альбицци см. въ Commissioni vol. III p. 617, Паладжіо и Доменико да Прато ibid vol. Вотъ стихи Паладжіо:

O car buon cittadini
Noi siam pur Fiorentini,
Liber Toscani, in Talia Specchio e lume.

[2]) Vespasiani de' Piero Pazzi.
[3]) Salvini Vita Leon. Dathi передъ его Epistolae ed. Mehus p. 46. 51.
[4]) Vespasiano Palla Strozzi § 2, говоритъ, что Флоренція именно отъ 1422 до 1433 пользовалась благоденствіемъ и была богата отличными гражданами.
[5]) Vespasiano Matteo Palmieri Blondus Italia ilustr. p. 687. Jacobus Philippus Bergomas Suppl. chron. fol. 284. Bellum pisanum или De captitviate Pisaram Mabillon (Mus. Ital. T. I p. 187) видѣлъ во Флоренціи, въ Laurenzina.

рокую ногу, онъ былъ самымъ блестящимъ представителемъ флорентинской знати. Уже благодаря тѣмъ богатствамъ, которыя оставилъ ему отецъ его, Джіованни, онъ былъ самымъ богатымъ частнымъ человѣкомъ въ Италіи. Самъ онъ увеличилъ ихъ до невѣроятныхъ размѣровъ. Его торговыя сношенія захватывали всю Европу, весь Востокъ, даже Египетъ. Но и обладая такимъ громаднымъ состояніемъ Козьма не забывалъ, что онъ купецъ. Онъ обыкновенно говорилъ, что если бы у него по манію волшебнаго жезла явилось все, что нужно для жизни и ея украшенія, онъ все-таки старался бы увеличить свое состояніе. Благодаря этому образуются тѣсныя связи между людьми, по его словамъ, и такія стремленія возвеличиваютъ отечество [1]). Козьма имѣлъ обширные взгляды. Въ юные годы опъ участвовалъ въ Констанцскомъ соборѣ и объѣхалъ большую часть Германіи и Франціи. Италія была передъ его мысленнымъ взоромъ вся какъ на ладони; онъ зналъ тайны всѣхъ дворовъ и настроеніе народныхъ массъ. Незримыми путями стекались къ нему политическія и торговыя извѣстія. Но самъ онъ казался замкнутымъ, совершенно недоступнымъ для любопытныхъ глазъ, тайною для государственныхъ людей и пословъ, такъ что они приходили въ отчаяніе. Этому всего болѣе способствовала холодная вѣжливость его рѣчей, чѣмъ вообще отличается флорентинская дипломатія. Благодаря такому же холодному разсчету безшумно достигъ онъ и господства въ республикѣ. Конечно, когда онъ воротился изъ изгнанія въ 1434 г., первыя его дѣйствія отличались безпощадной суровостью. Онъ цѣлыми массами изгонялъ своихъ враговъ или заключалъ въ тюрьмы, конфисковалъ ихъ имущества, разорялъ тяжелыми денежными штрафами и налогами. Онъ не надѣялся примирить ихъ съ собою, потому что зналъ преданія республики, систему заговоровъ и мести. Но Козьма утвердилъ власть свою почти безъ всякихъ насилій. Синьорія и балія остались по прежнему, только онъ отдалъ всѣ должности людямъ, преданнымъ его партіи. Въ то же время къ участію въ государственныхъ дѣлахъ привлечены были люди всѣхъ сословій. Его обращеніе съ согражданами было умѣренное и ровное, рѣчь спокойна, нѣсколько односложна, безъ всякихъ шутокъ и фамиліарностей. Онъ ко всѣмъ относился ласково и съ участіемъ и всегда готовъ былъ помочь нуждающемуся. Лично онъ не былъ ни честолюбецъ, ни эгоистъ и жилъ съ благородной простотою. Если онъ шелъ по городу, то за нимъ слѣдовалъ лишь одинъ слуга; на улицѣ и въ совѣтѣ онъ всегда давалъ преимущество старшимъ гражданамъ. Его неутомимая

---

[1]) Fabronius Magni Cosmi Medicei vita (vol. I) p. 10.

дѣятельность, для которой онъ часто жертвовалъ сномъ, была, повидимому, посвящена только благу города, равно какъ и вся та роскошь и пышность, которыя были слѣдствіемъ его богатства, служили къ пользѣ и украшенію республики.

Козьма Медичи сооружалъ много построекъ въ самомъ городѣ и его окрестностяхъ, какъ властитель, любящій великолѣпіе. Но это была не только личная страсть его, которой онъ удивлялъ, выставляя на показъ свои богатства и роскошь. Величественный дворецъ его былъ украшенъ колоннами, статуями, картинами, книгохранилищами, рѣзными камнями и разными произведеніями древняго и новаго искусства. У него были очаровательные сады и виллы въ родѣ замковъ. Во всемъ этомъ заключался болѣе глубокій смыслъ, чѣмъ одна любовь къ роскоши. Прибавимъ къ этому ту царственную щедрость, съ которою онъ дѣлалъ приношенія въ монастыри и церкви, возстановилъ соборъ св. Марка, а въ С. Кроче домъ для новиціата и капеллу, построилъ церковь св. Лоренцо, у главнаго алтаря которой должны были со временемъ покоиться бренные останки Козьмы. Онъ даже употребилъ значительныя денежныя суммы на возобновленіе и украшеніе одной церкви въ Іерусалимѣ.

Уже и тогда, разумѣется, многіе качали головами съ недоумѣніемъ, свидѣтельствуетъ ли это великолѣпіе построекъ, образовъ и скульптурныхъ украшеній въ церквахъ и монастыряхъ о благочестивой набожности его, или о жаждѣ славы того человѣка, чьи гербы красуются на зданіяхъ [1]). Но пышность и великолѣпіе города, которыя для гражданъ были предметомъ гордости, а для чужеземныхъ посѣтителей предметомъ изумленія, были въ тоже время правомъ на власть для человѣка, создавшаго все это. Мы полагаемъ, что эта республиканская щедрость, для удовлетворенія которой банкъ фамиліи Медичи сталъ какъ бы государственною кассою, была плодомъ благоразумнаго разсчета. Но ее считали дѣломъ привычки и наслѣдственною чертою, характеризующею эту фамилію. У Козьмы Медичи были въ залогѣ государственные доходы и была въ долгу масса гражданъ. Но онъ находилъ отдохновеніе и досугъ только тогда, когда читалъ, обрѣзывалъ виноградныя лозы въ своихъ садахъ въ Карреджи и Каффаджіоло; иногда только игралъ онъ въ шахматы. Понятно, что ему и подобало быть первымъ человѣкомъ въ республикѣ, но онъ никому не давалъ этого чувствовать. Весьма скоро забыли о томъ, какимъ путемъ онъ достигъ власти и какъ республика сдѣлалась

---

[1]) Timothei Maffei Veronensis canonici regularis In Cosmi Medicei Florentini detractores libellus въ Deliciae eruditorum ed. Lamiuo T. XII, Florent. 1742, p. 150 seq.

одною тѣнью свободнаго государства. Онъ «восторжествовалъ надъ ненавистью». Ему былъ поднесенъ почетный титулъ «отца отечества», на основаніи общественнаго декрета, украшающій его надгробный памятникъ. Это не простая лесть, а дѣйствительно вѣрная характеристика царственнаго республиканца [1]).

Всѣ Медичи являются покровителями наукъ и искусствъ, но ни одинъ изъ нихъ, не исключая и Лоренцо Великолѣпнаго, не былъ покровителемъ ихъ въ такомъ возвышенномъ и благородномъ смыслѣ, какъ Козьма. Онъ не былъ человѣкъ ученый, хотя многосторонне образованный и начитанный, съ быстрымъ соображеніемъ, одаренный тонкимъ пониманіемъ изящнаго. Но онъ всегда признавалъ и цѣнилъ всякія ученыя заслуги, даже заслуги жалкаго труженика. Трудолюбивый критикъ текста, переписывавшій и свѣрявшій рукописи, поэтъ, которому необыкновенно легко давались гекзаметры, учитель грамматики, переводчикъ съ греческаго языка, глубокомысленный богословъ и философъ, художникъ, рисовавшій церкви, дворцы, виллы и плотины, или украшавшій ихъ статуями и картинами—всѣ они для Козьмы были членами одной семьи, лелѣемой имъ. Ихъ произведенія украшали городъ, прославляли республику. Онъ привлекалъ къ себѣ даровитыхъ людей, давалъ имъ мѣста и платилъ жалованье, давалъ работу и награждалъ за нее. Но они сами не знали, кому этимъ обязаны, Козьмѣ ли какъ «отцу отечества» или какъ частному человѣку. Онъ каждому давалъ работу по его способностямъ, не налагалъ ни на кого другой обязанности кромѣ той, какой требовало само дѣло или внутреннее влеченіе, не требовалъ себѣ почитанія, но благосклонно принималъ, если его воздавали. Онъ былъ выше всякихъ дрязговъ и сплетень, которые столь же обыкновенны и въ литературномъ мірѣ, какъ и во всякой сферѣ, гдѣ возможно соперничество. Одинъ Филельфо, доходившій въ своихъ притязаніяхъ до безразсудства, не постыдился бросить грязью и въ Козьму [2]).

---

[1]) Многіе отзывы о Козьмѣ чисто панегирическаго свойства, къ которымъ относится и отзывъ Filippo Villani p. 118 ed. Galletti, не заслуживаютъ вниманія, но не вѣрна и обычная характеристика его у Маккіавелли. Искреннюю его характеристику сообщаетъ Vespasiano: Cosimo de'Medici и сверхъ того въ другихъ біографіяхъ, умное сужденіе Энея Сильвія de vir. clar. XV и in Pii II Comment. p. 49. 50.

[2]) Изъ писемъ и свидѣтельствъ, клонящихся къ похвалѣ Козьмы, впослѣдствіи Бартоломмео Скала составилъ цѣлую книгу, которую онъ назвалъ Collectiones Cosmianae, и которая хранится въ библіотекѣ Laurentiana. Въ одной части проза, въ другой стихи. Fabronius l. c. vol. II, p. 225. 226. Нѣкоторыя изъ этихъ сочиненій приводитъ и Piccolomini въ Archivio Stor. Ital. ser. III T. XX, p. 76 изъ каталога 1495 г.

Похожъ былъ на брата и Лоренцо де' Медичи, тоже человѣкъ съ разносторонним образованіемъ, любитель старинныхъ картинъ, древнихъ монетъ, вазъ. И его писатели прославляли за его щедрость. Но онъ умеръ 23 сент. 1440 г. И его праху больше почестей отдалъ Поджіо [1]) своею блестящею надгробною рѣчью, чѣмъ папа Евгеній своимъ присутствіемъ.—Дѣтей Медичи образовывали тѣ ученые, которые были облагодѣтельствованы ихъ отцами, и такимъ образомъ духъ меценатства былъ наслѣдственнымъ въ этой фамиліи.

Посмотримъ теперь на тотъ литературный кружокъ, который группировался вокругъ Козьмы де Медичи, бывшаго центромъ умственной дѣятельности. Передъ нами тотчасъ же является оригинальнѣйшая личность, человѣкъ средняго роста, склонный къ полнотѣ, всегда одѣтый изящно и чисто. Въ чертахъ лица его постоянно просвѣчиваетъ веселость, такъ что, повидимому, онъ улыбается при каждомъ словѣ. А когда онъ принимался шутить, то все общество разражалось неудержимымъ смѣхомъ. Но иногда у него прорывались ѣдкія саркастическія выходки. Это, такъ сказать, литературный министръ Козьмы и въ качествѣ мецената похожій на него, но настолько же бѣдный, насколько тотъ былъ богатъ, философъ въ жизни, настолько же довольный немногимъ и счастливый въ своей умѣренности, насколько Медичи былъ зажиточный государственный человѣкъ. Это Никкола де' Никколо. Отецъ его былъ флорентинскій купецъ и долго подготовлялъ сына къ этой же дѣятельности. Получивъ, послѣ смерти отца, небольшое состояніе, онъ оставилъ торговлю, подобно Боккачіо, чтобы отдаться своему влеченію къ наукамъ. Изъ произведеній Данта и Петрарки онъ понялъ, насколько оно благородно. Составивъ планъ жизни, онъ не измѣнялъ ему уже до самой смерти. Онъ выучился латинскому языку, также немного греческому у Хризолора. Въ С. Спирито онъ получилъ общее понятіе о философіи и богословіи. Потомъ его преобладающею страстью сдѣлались книги. Сначала, какъ мы уже говорили выше, онъ отправился въ Падую только для того, чтобы достать тамъ сочиненіе Петрарки, въ особенности его Африку. Это было спустя нѣсколько лѣтъ послѣ смерти великаго Аретинца, когда поклоненіе ему было въ разгарѣ. Люди, знавшіе еще въ старости этого всесвѣтнаго мудреца, могли многое разсказать восторгавшемуся имъ Никколи, въ особенности Луиджи Марсильи. Сочиненія

---

[1]) Въ своихъ Opp. p. 278 и Poggii epist. 49. a. въ Specil. Roman. T. X. Mehus Vita Ambros. Travers. p. 53. Лоренцо Великолѣпный опредѣлялъ годъ смерти Лоренцо 20-го сентября. Laurentii Medicis vita vol. II p. 7.

Петрарки стали главнымъ сокровищемъ библіотеки Никколи, которую онъ потомъ увеличивалъ съ замѣчательною энергіею.

Большую часть книгъ въ этой библіотекѣ онъ написалъ самъ. И теперь еще въ книгохранилищѣ Лоренцо Медичи и другихъ хранятся книги, писанныя его рукою. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напр. его Лукрецій и упомянутыя нами двѣнадцать комедій Плавта, принадлежатъ къ числу первокласныхъ рукописей. Вообще вновь найденныя книги поступали для переписки къ нему первому [1]). Еще за нѣсколько дней до своей смерти онъ обнаруживалъ необычайное рвеніе къ этому дѣлу и заботливость. Чѣмъ старше было письмо, тѣмъ для него больше было радости. Если нужно было вставить въ текстъ греческія слова, то ему дружески помогалъ въ этомъ Траверсари, камалдульскій монахъ. Онъ покупалъ книги, коль скоро у него были средства и представлялся удобный случай. Сочиненія, оставленныя Салютато, были разбросапы и растеряны его наслѣдниками; но Никколи съумѣлъ пріобрѣсти ихъ въ розницу частію для себя, частію рекомендовалъ Козьмѣ Медичи. Благодаря своей страсти онъ вскорѣ пришелъ въ крайнюю бѣдность. Но онъ былъ бы не въ силахъ опять продавать книги; это по его словамъ, могутъ дѣлать только жалкіе люди, чуждые науки [2]). А между тѣмъ ему стоило только послать записку въ банкъ Медичи; Козьма отдалъ своему кассиру приказаніе тотчасъ же выдавать желаемую сумму. Ему нечего было стѣсняться, потому что эти выдачи предполагалось производить въ видѣ ссуды. Передъ смерью онъ остался долженъ банку 500 дукатовъ, которыя онъ употребилъ отчасти на книги, отчасти на житейскія нужды.

У Никколы тоже можно было достать всевозможныя свѣдѣнія о библіотекахъ и книгахъ. Онъ угадывалъ, гдѣ можно достать старыя рукописи, какъ будто кто тайкомъ сообщалъ ему объ этомъ. Рѣдко флорентинецъ отправлялся во Францію или Грецію не снабженный отъ него литературными инструкціями. Поджіо и Бруни, жили ли они въ Римѣ, или въ другомъ мѣстѣ, гдѣ находился римскій дворъ, были ли на соборѣ въ Констанцѣ и оттуда дѣлали поѣздки по французскимъ монастырямъ, письма ихъ и извѣстія, политическія и литературныя, даже вѣсти о ихъ дружескихъ и семейныхъ дѣлахъ всегда адресовались къ Никколи. А онъ часто пересылалъ къ нимъ вѣсти изъ Флоренціи, книги, литературныя новости и деньги. Если Траверсари, совершая поѣздки по дѣламъ ордена, находилъ какія нибудь

---

1) Такъ, напримѣръ, Ambros. Travers. epist. VIII, 2 отъ 8-го іюля (1431) говоритъ, что онъ недавно списалъ послѣднія 14 книгъ Теллія, вновь найденнаго «пастуха Гермаса, Асконія Педіана и сочиненіе Лактанція de ira Dei и de opificiis Dei.

2) Poggius epist. VI, 19 ed. Tonelli.

рукописи, стоющія переписки, когда напр. онъ нашелъ Непотову жизнь Аттика и письма блаженнаго Іеронима, то онъ съ ближайшею окказіею послалъ эти копіи къ Никколи [1]). Когда послѣдній услыхалъ отъ проповѣдника, брата Бернардино, что у миноритовъ въ Римини есть греческая библія, то онъ тотчасъ же просилъ отыскать ее [2]). Жившіе далеко друзья, какъ напр. Леонардо Джустиніани и Барбаро въ Венеціи, или возвратившійся изъ Греціи Ауриспа должны были посылать ему тщательно составленные каталоги своихъ библіотекъ. Въ нихъ слѣдовало указывать на каждое сочиненіе, содержащееся въ рукописи [3]). Никколи сообщалъ книжные каталоги даже знаменитымъ кардиналамъ, каковы Альбергати и Чезарини, которымъ по дѣламъ церкви приходилось бывать въ разныхъ странахъ. И они принимали эти каталоги къ свѣдѣнію [4]). Уже въ преклонной старости Никколи задумывалъ объѣхать всю Грецію, чтобы собрать греческія рукописи. Онъ чтилъ и ихъ какъ святыню, хотя весьма плохо зналъ греческій языкъ. Онъ пришелъ въ неописанный восторгъ, когда получилъ отъ Ауриспы изъ Византіи прекрасную рукопись, содержавшую въ себѣ Эсхила, Софокла и Аполлонія.

Но Никколи не былъ просто переписчикомъ; онъ сравнивалъ разные списки, вычеркивалъ явныя искаженія, возстановлялъ текстъ, дѣлилъ сочиненіе на главы и прибавлялъ указатели содержанія. Въ этого рода работахъ онъ руководился природнымъ вкусомъ, который еще нерѣдко замѣнялъ собою критику, и онъ то доставилъ ему литературную славу.

Собраніе Никколи было положительно самымъ обширнымъ и самымъ лучшимъ во Флоренціи. Въ немъ было 800 экземпляровъ послѣ его смерти, и ихъ оцѣнили въ 4000 цехиновъ, насколько можно цѣнить подобныя вещи. У него была карта земнаго шара и особыя карты Италіи и Испаніи. Въ этой библіотекѣ было такъ много книгъ, что Никколи благодаря ей «спасся отъ кораблекрушенія въ пристань», которой другіе тщетно искали. Когда его посѣтилъ Чиріако въ его собраніи сокровищъ, то называлъ его подражателемъ Птолемея Филадельфа [5]). Тутъ была и небольшая галлерея античныхъ статуй, скульптуръ, картинъ, вазъ, мозаикъ, рѣзныхъ камней, монетъ и медалей. Послѣднія частію были древняго происхожденія, частію копіи изъ свинца.

---

[1]) Ambros. Camald. Hodoeporicon. p. 53. 58.
[2]) Albertus a Sarthiano epist. 25.
[3]) Ambros. Travers. epist. VI, 4, 14. XIII, 1.
[4]) Ambros. Travers. epist. VIII, 2 отъ 8-го іюля (1431).
[5]) Candidus Decembrius y Argelati Biblioth. Scriptt. Mediol. T. I, p. 300. Scalamontius p. 91.

Таковъ былъ міръ, въ которомъ жилъ этотъ скромный человѣкъ подобно пауку въ своей паутинѣ, но безъ его страсти къ отшельничеству и безъ ненависти къ себѣ подобнымъ. Повидимому, онъ рѣдко выѣзжалъ изъ Флоренціи. Слабый и болѣзненный,— по крайней мѣрѣ такъ о немъ думали, — онъ, какъ истый холостякъ, имѣлъ много оригинальныхъ привычекъ, часто чувствовалъ желаніе видѣть свѣтъ. Но онъ боялся случайностей путешествія и неудобствъ жизни въ другихъ мѣстахъ [1]). Онъ съ молоду часто говорилъ, что ему хочется побывать въ Римѣ, и наконецъ собрался туда въ то время, когда Поджіо только что возвратился въ вѣчный городъ. Этотъ другъ нанялъ для него домикъ по близости отъ себя, гдѣ бы онъ могъ жить покойно и удобно съ своею Бенвенутою, обѣщалъ достать слугу и лошадь или мула съ покойной походкой. Но мы не знаемъ, пріѣзжалъ ли въ то время Никколи въ Римъ. Все таки однажды онъ былъ въ вѣчномъ городѣ вмѣстѣ съ Козьмою Медичи. Но по разнымъ обстоятельствамъ они пробыли тамъ не долго. Впрочемъ развалины города успѣли внушить ему болѣзненное сожалѣніе [2]). Впослѣдствіи онъ ѣздилъ еще въ Верону. Тогда Поджіо сказалъ ему комплиментъ, именно, что эти поѣздки его слѣдуетъ причислить къ подвигамъ Геркулеса. Быть можетъ, это была та самая поѣздка, въ которую онъ былъ въ Венеціи, частію желая посѣтить изгнанныхъ Медичи, частію основательно осмотрѣть книжныя сокровища тамошнихъ монастырей и ученыхъ друзей [3]). Но совершенно счастливо и по своему вкусу онъ могъ жить только во Флоренціи. Мы рано видимъ его въ числѣ чиновниковъ, выбранныхъ для управленія дѣлами университета, и онъ оставался въ этой должности до послѣднихъ лѣтъ своей жизни. Вѣроятно, въ этой средѣ онъ пользовался сильнымъ вліяніемъ [4]). Вообще же онъ жилъ какъ человѣкъ, для котораго не существуетъ политической жизни. Она казалась ему

---

[1]) Poggius epist. I, 10. 13. Онъ отклоняетъ его отъ намѣренія ѣхать въ Грецію: Valetudinarius es, et vix tutaris sanitatem in tecto, ubi libere vivis.

[2]) Poggius, epist. II, 1 отъ 12-го февраля 1423 г. ждетъ своего друга въ Римѣ, куда поджидаютъ и Козьму. Если epist. III, 18 дѣйствительно отъ 17-го іюня 1428 г., то Поджіо, повидимому, опять ждалъ пріѣзда. Но согласно epist. II, 1 перваго не состоялось. Что Никколи разъ былъ въ Римѣ, объ этомъ свидѣтельствуетъ Travers epist. VIII, 9 отъ 25-го мая и притомъ, какъ слѣдуетъ заключить изъ упоминанія Ауриспы, въ 1423, что опять не согласно съ вторымъ письмомъ Поджіо.

[3]) Poggius въ epist. IV, 17 у Tonelli отъ 6-го января 1431 г., говоритъ о поѣздкѣ въ Верону. Поѣздка въ Венецію, о которой часто упоминается въ 8-й книгѣ писемъ Траверсари, должна относиться къ 1433 г.

[4]) Prezziner Storia del publico studio di Firenze vol. I, p. 76. 101. относитъ его въ маѣ 1414 г. и въ сентябрѣ 1434 въ числѣ uffiziali dello studio.

такою жалкою въ сравненіи съ дѣяніями великихъ людей древняго міра [1]). Онъ остался холостякомъ и предпочиталъ жертвовать свои средства на научныя цѣли. Но Никколи былъ совершенно чуждъ монашескаго умерщвленія плоти. Въ лѣта юности онъ имѣлъ привычку по праздникамъ стоять съ Бруни у дверей церкви и любоваться на хорошенькихъ дамъ, которыя выходили оттуда [2]). Впослѣдствіи онъ жилъ съ одной мирной конкубиной (una donna di tempo, по выраженію Веспазіано), той Бенвенутою, которую онъ нѣжно любилъ. Онъ даже требовалъ, чтобъ друзья уважали ее, и изъ за нея жестоко поссорился съ своими братьями. «Эта семейная война, говорилъ онъ обыкновенно, служитъ единственною помѣхою моему счастію». Бенвенута въ тоже время и прислуживала ему такъ какъ весь домъ состоялъ только изъ двухъ этихъ лицъ. Все, что дѣлалось внѣ этого дома и внѣ литературныхъ кружковъ, не возмущало веселаго расположенія его духа. Но когда онъ садился за столъ, то на немъ должны были стоять античныя вазы, изящные глиняные сосуды, античные кувшины и хрустальные бокалы, большею частію подаренные ему. Онъ требовалъ, чтобы скатерть была тонкая и чистая [3]). Въ такихъ вещахъ онъ былъ педантомъ. Чувства у него были утонченныя и необычайно воспріимчивыя ко всякимъ непріятнымъ впечатлѣніямъ. Особенно не любилъ онъ ослинаго рева, визга пилы и писка мышей.

Такіе люди обыкновенно дѣлаются затворниками и нелюдимами, закапываются въ своихъ кабинетахъ рѣдкостей и не имѣютъ склонности производить вліяніе на окружающихъ. Но характеръ Никколи былъ вовсе не таковъ. Двери его дома постоянно были открыты для всѣхъ, кто искалъ его совѣтовъ или помощи въ литературномъ дѣлѣ. Книги его были къ услугамъ каждаго, кто желалъ ими пользоваться. Когда онъ умеръ, то большей части его книгъ не было на мѣстахъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые, по видимому, рождены скорѣе для того, чтобы ободрять къ дѣятельности другихъ, чѣмъ самимъ производить что либо цѣльное. Кто сближался съ нимъ, тотъ чувствовалъ, что и въ его душѣ пробуждается живой научный интересъ. Послѣдній сквозилъ въ каждомъ словѣ Никколи даже въ каждой минѣ его.—«Всякій разъ, какъ я получаю письма отъ тебя», признавался ему однажды Ліонардо Бруни, «меня снова все болѣе влечетъ къ ученымъ занятіямъ» [4]). Его домъ былъ вмѣстѣ и музеемъ, сборнымъ мѣстомъ всего прекраснаго во Флоренціи, особенно молодыхъ и на-

---

1) Poggius epist. V, 6.
2) Leon. Bruni epist. IV, 4.
3) Vespasiano: A vederlo in tavola cosi antico come era, era un gentilezza.
4) Leon. Bruni epist. III, 19. Также у Ambros. Travers. epist. VIII, 2.

чинающихъ писателей, также живописцевъ, ваятелей и архитекторовъ. Часто иноземные гости приходили познакомиться съ нимъ въ его замѣчательной обстановкѣ. Тамъ не было ни угощеній, ни праздниковъ, за то велись ученыя бесѣды и происходилъ разносторонній обмѣнъ мыслей [1]). Иногда въ кабинетѣ Никколи собиралось до двѣнадцати молодыхъ людей. Никколи говорилъ то съ тѣмъ, то съ другимъ, спрашивалъ, что они читали и какъ поняли. Шутокъ и пустой болтовни не допускалось. Здѣсь, въ этомъ частномъ музеѣ продолжались собранія ученыхъ, какія бывали въ С. Спирито, конечно, въ совершенно иномъ духѣ. Для насъ весьма, важно, что Никколи называютъ ученикомъ Луиджи Марсильи, стоявшаго во главѣ кружка въ С. Спирито.

Переписку Никколи можно назвать литературною газетою гуманистовъ, а самъ онъ былъ оракуломъ для Флоренціи, если кому либо случалось спрашивать о латинскихъ или греческихъ книгахъ. Однажды у Беккаделли просили писемъ Цицерона или Александра Великаго, но онъ не могъ ихъ найти, поэтому указали просившему на Никколи [2]). Но послѣдній не только могъ дать точныя свѣдѣнія о книгахъ, какъ библіотекарь, но и объ историческихъ, историко-литературныхъ и космографическихъ пособіяхъ. У него была хорошая память; онъ уже въ старости зналъ наизусть почти всю Божественную Комедію, которую съ благоговѣніемъ перечитывалъ нѣсколько разъ въ молодости. Сверхъ того онъ считался хорошимъ знатокомъ латинскаго языка, только крайне мелочнымъ. Самъ онъ ничего не написалъ кромѣ коротенькаго трактата о латинской орѳографіи, предназначавшагося въ руководство для обучающагося юношества. Въ немъ онъ говорилъ объ элементахъ, о которыхъ съ любовью распространялся и въ разговорѣ, о формѣ буквъ и объ «античномъ письмѣ», которыми онъ исключительно пользовался для греческихъ текстовъ и хотѣлъ, чтобы и другіе пользовались, о начертаніи словъ, которое хотѣлъ преобразовать на основаніи словопроизводства, а въ особенности о двугласныхъ. Послѣднія, дѣйствительно, такъ были изуродованы въ средніе вѣка, что были невыносимы для человѣка систематическаго. Спорные вопросы онъ старался рѣшать съ по-

---

[1]) Ср. напр. письмо юнаго Ермолао Барбаро, ученика Гварино, который однако больше былъ обязанъ этому флорентинскому кружку, въ письмахъ Ambr. Travers. ep. XXIV, 19. Онъ говоритъ о Никколи: Hic ubi quemquam virtuti et bonis moribus deditum nactus est hominem, eum courilio, opera, ope animat, erigit, protegit. Такъ же изображалъ его обращеніе съ молодыми людьми Грегоріо Коррраро Vespasiano Gregorio protonotaio § 1.

[2]) Какъ serenissimus antiquitatis et rerum huiuscemodi scrutator. Epist. Gall. II, 18

мощью монетъ и надписей или греческаго языка. Конечно, надъ этимъ тогда смѣялись, какъ надъ мелочною кропотливостью, но такое стремленіе показываетъ филологическій тактъ, и оно было въ особенности направлено къ возстановленію исправныхъ текстовъ [1]). Но и это сочиненьице, между прочимъ написанное на итальянскомъ языкѣ, онъ, кажется снова взялъ изъ обращенія, когда подвергся ожесточеннымъ нападкамъ со стороны Гварино. Письма онъ писалъ правильнымъ слогомъ на народномъ нарѣчіи. Насколько извѣстно, по принципу онъ не писалъ ничего по латыни. На этомъ языкѣ онъ никогда не говорилъ. Объ этомъ судили разное. Бруни говоритъ въ своей инвективѣ, направленной противъ него, что онъ хотѣлъ такимъ образомъ скрыть свое круглое невѣжество въ латинскомъ языкѣ. Манетти, написавшій его біографію въ панегирическомъ тонѣ, и Веспазіано, сдѣлавшій это съ видимою любовью къ своему герою, были того мнѣнія, что онъ слишкомъ идеально смотрѣлъ на хорошій латинскій слогъ, поэтому и не надѣяся достичь этого идеала. Подобнымъ же образомъ судитъ Поджіо въ своей надгробной рѣчи, которая тоже похожа на панегирикъ, именно что онъ одобрялъ только то, что изящно и совершенно, и потому не былъ доволенъ собственными произведеніями, Между прочимъ Поджіо отражаетъ нападеніе на своего друга тѣмъ доводомъ, что ни Пиѳагоръ, ни Сократъ, ни даже Іисусъ Христосъ не оставили послѣ себя никакихъ сочиненій [2]). Всѣхъ вѣрнѣе судитъ, несомнѣнно, Эней Сильвій: Никколи не вполнѣ полагался на себя и не хотѣлъ подвергать своихъ произведеній суду другихъ, потому что самъ не находилъ ни у кого удачныхъ произведеній, и долженъ былъ бы порицать всѣхъ современныхъ писателей. Даже и изъ великихъ писателей древности онъ хвалилъ только Платона, Виргилія, Горація и блаженнаго Іеронима.

---

[1]) Если Гварино въ своемъ письмѣ къ Віаджіо Гваско упрекаетъ автора орѳографіи въ ребяческомъ невѣжествѣ, то это было слѣдствіемъ, а не причиною ихъ разлада. Письмо напечатано у Mehus Vita Ambros. Travers. p. 51. О содержаніи трактата можно догадываться по стихамъ Бриппи, написаннымъ въ похвалу Никколи ibid. p. 11:

. . . . renovatque priorem
Et proprium morem scripti, velut efficit ipse
Scribere difthongos elementaque propria docte.

Далѣе, нападеніе на Никколи, напечатанное въ Paradiso degli Alberti voi. I p. II p. 327 состоящее въ томъ, что его высшее наслажденіе una bella lettera antica, la quale non Stima bella e buona, si ella non è di forma antica e bene dittongata. Никколи будто бы по цѣлымъ днямъ гоняется за производствомъ слова или за dittoguzzo.

[2]) Poggius epist. VI, 12. Еще при жизни Никколи пишетъ онъ къ Траверсари (epist. III, 36): Niccoli, cuinihil nisi eimatum placet etc.

Вотъ тѣ условія, которыя затрудняли общеніе съ нимъ. Онъ считалъ себя почти непогрѣшимымъ судьею въ дѣлѣ искусства и самобытнымъ человѣкомъ. Страстный пособникъ и доброжелательный другъ въ дѣлахъ важныхъ, онъ часто пренебрегалъ тою мелочною внимательностью и вѣжливостью, которыя необходимы въ общежитіи и которыхъ онъ самъ требовалъ себѣ отъ самыхъ короткихъ друзей. Притомъ онъ былъ раздражителенъ, легко дѣлался подозрительнымъ и былъ въ этомъ отношеніи себялюбивъ. Противорѣчія волновали и сердили его [1]). А такъ какъ онъ быстро подмѣчалъ промахи и слабости другихъ, то часто высказывалъ свои мнѣнія объ этомъ съ рѣзкою откровенностью, въ которой думали видѣть ученика Марсильи. Онъ не умѣлъ также сдержать порывовъ своего язвительнаго остроумія. А самъ видѣлъ въ шуткахъ другихъ желаніе одурачить его. Болѣе снисходительные друзья, прощали ему злыя выходки и много много если нѣкоторое время не ходили къ нему. Однажды Поджіо — это было вскорѣ послѣ его пріѣзда изъ Англіи — долго не писалъ ему. Никколи сталъ обвинять его въ томъ, что онъ слишкомъ занялся пирушками на «англійскій ладъ»: вотъ плодъ его ученыхъ занятій. Но Поджіо замѣчательно умѣлъ ладить съ нимъ. На шутку онъ отвѣчалъ такою же шуткою: «Ругайся и сердись, отвѣчалъ онъ ему; я смѣюсь надъ этимъ: я вѣдь по язвительности твой ученикъ». Но онъ тоже и уговаривалъ его.— «Что это за дружба, если мы должны взвѣшивать наши слова, какъ люди незнакомые другъ съ другомъ!» Такимъ образомъ этотъ чудакъ и извѣстный ругатель остались отличными друзьями, и дружескій союзъ ихъ разрушила только смерть [2]). Никколи не щадилъ даже камальдульскаго монаха Траверсари, котораго онъ искренно любилъ. По словамъ Филельфо, онъ называлъ его attonitum per contumeliam (озадаченный ругательствомъ) что̀, конечно, объясняется какимъ нибудь личнымъ отношеніемъ. Но люди гордые или вспыльчивые не прощали ему этихъ выходокъ. Такимъ образомъ Никколи нажилъ себѣ много враговъ среди людей, которые по его настоянію были приглашены во Флоренцію и сначала пользовались его покровительствомъ. А такъ какъ его голосъ былъ всесиленъ у Козьмы и его чиновниковъ, завѣдывавшихъ университетомъ, то обыкновенно его недругамъ вскорѣ приходилось покидать Флоренцію, эту обѣтованную землю литературы. Такова была судьба Эммануила Хризолора и

---

1) Ambros. Travers. epist. VI, 2. Poggius epist. II, 13: Tener est, inter caetera, et ut ita dicam vitreus, qui ad parvulum ictum [illegible]

2) Poggius epist. III, 5 отъ 23 октября [illegible]

Гварино изъ Вероны, которые оба были приглашены наставниками греческаго языка при его посредствѣ; тоже случилось съ Аурислою и Филельфо [1]). Даже Ліонардо Бруни сильно поссорился съ Никколи, съ которымъ прежде слушалъ лекціи греческаго языка у Хризолора, которому посвятилъ свои переводы съ греческаго языка, котораго призналъ судьею своихъ сочиненій [2]). Первою причиною охлажденія было то, что Никколи больше интересовался учеными занятіями Траверсари. Но ближайшимъ поводомъ былъ скандальный случай съ Бенвенутой. Родственники Никколи напали на нее на улицѣ въ виду смѣявшихся сосѣдей, ругали и били [3]). Никколи, растроенный и раздраженный этимъ, услыхалъ, что и Бруни, вмѣсто того чтобы утѣшить друга въ горѣ, отнесся неодобрительно къ этому нѣжному союзу и назвалъ Бенвенуту кухаркою. Дошло дѣло до крупныхъ объясненій. Бруни написалъ инвективу противъ прежняго пріятеля, въ которой не было недостатка ни въ насмѣшкахъ, ни въ гнусной клеветѣ. Никколи былъ внѣ себя отъ досады, однако не выступилъ на публицистическое поприще и отплатилъ лишь ядовитыми остротами [4]). Ссора эта надѣлала много шума, не только въ средѣ флорентинскихъ писателей, изъ которыхъ Траверсари не разъ и всегда напрасно пытался примирить ихъ [5]). Поджіо, состоя въ дружбѣ съ обоими, еще будучи въ Лондонѣ хотѣлъ возстановить миръ между ними и много лѣтъ искренно хлопоталъ объ этомъ. Онъ нашелъ, что ссора и городскія сплетни не дѣлаютъ чести обоимъ имъ, но онъ съ самаго начала рѣшился не оставлять на произволъ судьбы оскорбленнаго Никколи [6]). Даже папа Евгеній IV, бывшій въ то

---

[1]) Cf. Filelfi Satyr. Dec. I hec. I 5. Письмо Филельфо къ Козьмѣ Медичи отъ 1 мая 1433 г.

[2]) Въ посвященіи Tyrannus Ксенофонта у Bandini Catal. codd. lat. T. III p. 395 онъ говоритъ: qui et latinarum litterarum tantam peritiam hubes, quantam nemo ferehoc tempore alter, at in graecis ipsis addijscendis socius mihi adiutorque fuisti. Точно также высказался онъ въ своемъ посвященіи жизни Цицерона, какъ сообщаетъ Vespasiano въ Commentatio de vita di Manetti p. 98.

[3]) Leon. Bruni epist. V, 4 къ Поджіо, IV, 23, IX, 19.

[4]) Oratio in nebulonem malodicum, написанная Бруни, кажется, еще сохранилась въ рукописи, напр. у Mittarelli Bibl. codd. ms. S. Mich. Venet. p. 663, у Bandini Catal. codd. lat. T. II p. 549, гдѣ есть извлеченія и изъ инвективы. Съ этимъ дѣломъ связана и другая инвектива, написанная Лоренцо ди Марко Бенвенуто противъ Никколи и упоминаемая у Poggius epist. I, 9, 15. (1420 и 1421). Mehus Vita Ambros. Travers. p. 60. Но уже говоритъ Веспасіано: Frate Ambrogiu § 6, что онъ не видѣлъ этой инвективы. Отсюда его ошибка, будто сочиненіе было направлено противъ Бруни.

[5]) Ambros. Traversarii epist VI, 18.

[6]) Poggius epist. I, 9 къ Никколи: Unum dico, etsi alii omnes desciverunt, me in fide mansuram neque tibi defuturum et honori tuo. Онъ обнаруживалъ прекрасныя черты дружбы, напр. въ 1425 г., согласно epist. II, 24, выхлопаталъ Бенвенутѣ разрѣшеніе отъ опрометчиво даннаго обѣта, притомъ даромъ.

время во Флоренціи, принялъ на себя посредничество, но тоже напрасно. Только чрезъ 6 лѣтъ удалось венеціанцу Франческо Барбаро въ его бытность во Флоренціи примирить ихъ по крайней мѣрѣ наружно. И Поджіо изъ Рима поздравлялъ миротворца такъ торжественно, какъ будто міръ избавился отъ спасенъ бѣдствія [1]). Но прежней короткости отношеній между ними уже не было.

Напротивъ другіе терпѣливо ждали, пока Никколи не сознавалъ свою неправоту, и пользовались его благотворительною дружбою. Такъ поступали Траверсари, Марсуппини, Поджіо, который часто съ необычайнымъ терпѣніемъ выносилъ подозрительныя замѣчанія своего друга. Но наука и ея приверженцы во Флоренціи понесли горькую утрату, когда этотъ маленькій лектаторъ, этотъ бѣдный меценатъ, который самъ ничего не написалъ и только списывалъ книги, 4 февраля 1497 г. [2]) испустилъ духъ на рукахъ своего друга, генерала камальдульскаго ордена, на 74-мъ году жизни, какъ истинный христіанинъ. Религіи онъ всегда строго держался, никогда не былъ вольнодумцемъ и не желалъ слышать неуважительныхъ отзывовъ о вѣрѣ даже отъ такихъ друзей, какъ Поджіо и Марсуппини. Его послѣдняя земная забота была о томъ, чтобы обезпечить въ завѣщаніи судьбу своихъ книгъ. Тѣло согласно желанію покойнаго, было погребено въ С. Спирито.— «Я не знаю никого другаго, писалъ тогда Траверсари, кому бы въ наше время и при нашихъ отцахъ латинскій языкъ былъ больше обязанъ, чѣмъ ему». — Поджіо увѣряетъ, что при извѣстіи о смерти его пролилъ много слезъ, какъ о смерти отца. Для него тяжело было подумать, что онъ, воротясь во Флоренцію, больше не будетъ посѣщать домъ Никколи. Слова, сказанныя имъ въ горѣ Марсуппини, и надгробная рѣчь, написанная въ честь покойнаго, служатъ прекрасными памятниками для послѣдняго и доказательствомъ нѣжной любви и уваженія писавшаго [3]).

---

1) Poggius epist. I. 9. 12, II, 11. 41. III, 4. 5. 6. 7.

2) День смерти, обозначенный на его надгробной надписи, которую слѣдуетъ считать болѣе подлинною, чѣмъ свидѣтельство Манетти, что онъ написалъ завѣщаніе 23 .янв., peridie quam moreretur.

3) Travers. epist. IX, 21. Poggius. Epist. VI, 12. 14. 15. 16. Множествомъ свѣдѣній о Никколи мы обязаны часто упоминаемому Мегусу (Vita Ambr. Trav. p. 28 -82. 367), тоже Vita L. Bruni p. 65 sed. Въ основу ихъ положена біографія, написанная Маннетти въ его напечатанномъ сочиненіи de illustribus longaevis и много другаго рукописнаго матеріала флорентинскихъ библіотекъ и архивовъ. И изъ упомянутой инвективы Бруни Мегусъ сообщилъ важнѣйшее по рукописи Laurentiana. Сравни сверхъ того Vespasiano: Nic. Niccoli Ambrog. Camald. § 6; Cosimo de' Medici § 23. Aeneas Sylvis de vir. clar. XVI. Bart. Facius de vir. illustr. p. 11 (ed. Mehus. Florentiae 1745). Poggius irat. io funere Nic. Niccoli въ его Opp. p. 270 и у Martene et Durand. Vet. Script.

Въ числѣ лицъ, окружавшихъ Никколи, всего чаще упоминалось имя Ліонардо Бруни. Обыкновенно ему даютъ прозвище Аретино (Аретинецъ), такъ какъ онъ былъ родомъ изъ одного городка съ Петраркою. Подобно ему, и онъ нѣсколько лѣтъ долженъ былъ заниматься выгодною наукою, правовѣдѣніемъ, потому что былъ человѣкъ бѣдный и низкаго происхожденія [1]). Но умъ его стремился къ идеальнымъ наукамъ. Еще будучи мальчикомъ пятнадцати лѣтъ, онъ во время одного возмущенія, запертый въ крѣпости Кваротъ, не могъ отвести глазъ отъ портрета своего знаменитаго земляка и горячо желалъ идти по стопамъ его [2]). Впослѣдствіи Салютато взялъ сироту подъ свое покровительство и любилъ какъ сына; Бруни, по собственному признанію, ему обязанъ былъ тѣмъ, что выучился греческому языку и пріобрѣлъ большой навыкъ въ латинскомъ [3]). До тридцати пяти лѣтъ былъ онъ подъ покровительствомъ канцлера, котораго и потомъ любилъ называть своимъ отцомъ и наставникомъ. Но Бруни очень быстро развился, и Салютато убѣдился, что они другъ для друга взаимно могутъ быть и ученикомъ и учителемъ [4]). Мы уже знаемъ, что самъ онъ говорилъ о томъ вліяніи, какое произвели на него лекціи Хризолора. Нѣкоторое время онъ былъ домашнимъ наставникомъ въ домѣ Медичи и образовалъ юнаго Никколу Медичи такъ основательно, что последній считался ученѣйшимъ человѣкомъ въ средѣ флорентинской знати [5]). Однако нужда заставила Бруни снова приняться за правовѣдѣніе, и наконецъ онъ по ходатайству Салютато и Поджіо въ 1405 г. получилъ мѣсто секретаря у папы Иннокентія VII и съ тѣхъ поръ всюду слѣдовалъ за римскимъ дворомъ.

---

et. Monum. ampliss. Collectio T. III p. 727. Здѣсь есть и другіе матеріалы, вызванные смертью Никколи.

1) Самъ онъ въ Oratio in nebulonem maleficum называлъ своихъ родителей inqenuss et honestor . . . nec locupletes et cunetis honoribus in libva cilitati (Ареццо) perfunctot. Но Поджіо говоритъ въ надгробной рѣчи, что онъ былъ genere minimo claro. Онъ былъ не сынъ папскаго секретаря Франческо Бруни изъ Ареццо, друга Петрарки, какъ полагаетъ Mazzuchelli Scritt. d' Ital. Vol. II P. IV p. 2197, хотя въ документахъ онъ назвалъ Leonardum qnonom C e c c h i Bruni de Aretino.

2) Такъ разсказываетъ онъ въ своей Rerum suo temporo gestarum Commentarius ap. Muratori Scriptt. T. XIX p. 917. Manetti Orat. funebr. in Leon. Bruni Epistt. rec. Mehus p. XCII.

3) Epist. I, 12 II 11. rec. Mehus. Vespasiano: Lionardo d' Arezzo § 1.

4) Lalutati Epist. P. I ep. 2. ed. Rigacci.

5) Въ пользу этого я знаю только свидѣтельство у Blondus Ital. ill. p. 346: Nicola Mediceus, quem preceptor domi assiduus erudierat Arebinus. Но не относится ли это къ Марсуппини?

Но Бруни рѣшительно не умѣлъ примѣниться къ жизни и обычаямъ папскаго двора; былъ не изъ тѣхъ людей, которымъ легко живется и которые умѣютъ обращаться въ свѣтѣ, какъ Поджіо. Расколъ поставилъ папскаго чиновника въ шаткое и непріятное положеніе. Бруни постоянно тянуло во Флоренцію, въ кружокъ тамошнихъ образованныхъ людей. Вскорѣ послѣ смерти Салютато онъ хлопоталъ быть его преемникомъ, но напрасно [1]). Въ ноябрѣ 1410 г. его дѣйствительно выбрали, когда снова открылась ваканція, но онъ получилъ должность не въ прежнемъ ея объемѣ и, по видимому, не окончательно [2]). Такъ какъ работы казалось ему очень много, а вознагражденіе было ничтожно, то онъ оставилъ эту должность чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ и опять поступилъ секретаремъ къ папѣ Іоанну XXIII. Но духовному званію онъ не могъ себя посвятить, напротивъ именно въ то время женился, поѣхалъ съ своимъ папою въ Констанцъ, но потомъ воротился во Флоренцію раньше, чѣмъ рѣшена была печальная судьба его повелителя. Онъ заработалъ уже такъ много денегъ, что могъ жить во Флоренціи и Ареццо болѣе десяти лѣтъ независимо. Онъ получилъ право гражданства во Флоренціи [3]), нѣсколько разъ былъ членомъ совѣта десяти, однажды даже въ числѣ пріоровъ и принималъ съ достоинствомъ участіе въ общественной жизни. Ему напр. было ввѣрено посольство къ папѣ Мартину V [4]). Вообще онъ по своей энергической натурѣ чуждался той мысли, будто послѣдняя цѣль жизни человѣка или ученаго состоитъ въ томъ, чтобы работать въ кабинетѣ и размышлять, т. е. жить уединенно, предаваясь благородному досугу. Къ его досадѣ, похвалы такой жизни со временъ Петрарки вошли въ моду и даже Салютато вполнѣ не отступалъ отъ нея. Кто не можетъ найти своему уму дѣло въ обществѣ, говорилъ онъ, у того его совсѣмъ нѣтъ [5]). Едва ли кто другой изъ гуманистовъ рѣшился бы ставить военачальника выше философа. «Но отъ перваго, говорилъ публично Бруни, зависитъ благоденствіе и спасеніе государства и народа; всемірная исторія обыкновенно повѣствуетъ не о философахъ и людяхъ науки, а объ отличныхъ

---

[1]) Poggius Epistt. ed. Tonelli vol. I p. XIII отъ 15 мая (1406) проситъ Никколи похлопотать за друга.

[2]) Buoninsegni Storie della citta di Firenze p. 2. Поздравительное письмо Хризолора отъ 29 дек. (1410) у Cyrillus codd. graeci bibl. Borbon. T. II d. 213.

[3]) Документъ 26 іюля 1416 указалъ у Gaye Carteggio I p. 545.

[4]) Vespasiano l. c. § 5. 6. 8. Manetti Orat. funebr. l. c. p. XCVII. Посольство къ папѣ 30 мая 1426 г. въ Commotioni di Rinaldo degl. Albizzi vol. II p. 486.

[5]) Bruni Vite di Dante et del Petrarca y Phil. Villani ed. Galetti p. 46.

воинахъ [1]). Это здравый республиканскій взглядъ Салютато, усвоенный Бруни съ юныхъ лѣтъ.

2 Декабря 1427 г. его опять выбрали канцлеромъ и ввѣрили ему должность на тѣхъ же условіяхъ, какъ и Салютато. [2]). Такимъ образомъ прежній бѣдный ученый достигъ почетнаго положенія своимъ знакомствомъ съ правовѣдѣніемъ, а еще больше своею чистою, изящною латынью и услугами, оказанными республикѣ. Оно давало ему возможность опять жить въ кругу друзей и въ той средѣ, которая была ему особенно по душѣ. Не смотря на политическіе перевороты, которые онъ пережилъ во время своего управленія дѣлами, на изгнаніе Медичи и ихъ возвращеніе, на преобразованіе правленія аристократическаго въ quasi республиканскій принципатъ, онъ твердо стоялъ во главѣ дѣлъ до самой своей смерти. Ему еще оставалось время позаботиться о славѣ своего имени, какъ онъ дѣлалъ это съ юныхъ лѣтъ. Особенно прославился онъ переводами греческихъ писателей. Ихъ не только находили удовлетворительными, но и полагали, что своимъ яснымъ и изящнымъ языкомъ онъ открылъ доступъ къ сокровищамъ греческой литературы всѣмъ знающимъ по латыни. Намъ еще не разъ придется упоминать объ его дѣятельности въ разныхъ литературныхъ родахъ. Здѣсь мы укажемъ только на тѣ его сочиненія, которыми онъ прославилъ Флоренцію и ея исторію. Мы еще въ этомъ отдѣлѣ будемъ говорить объ его латинскомъ діалогѣ, въ которомъ онъ съ патріотическимъ жаромъ прославлялъ литературныхъ праотцевъ республики, Данта, Петрарку и Боккачіо. Реторическое сочиненіе въ похвалу Флоренціи было вызвано произведеніемъ греческаго ритора Аристида и принято «какъ общественный даръ» [3]). Бруни писалъ о государственномъ устройствѣ республики и о происхожденіи города на греческомъ языкѣ. Но главнымъ подвигомъ его жизни была исторія флорентинской рес-

---

1) Cede il sommo filosofo al sommo capitano. Изъ Commendazione e Diceria a Niccolo da Tollentino capitano при передачѣ жезла (bastone). Рѣчь эту, встрѣчающуюся и въ итальянскихъ библіотекахъ, я знаю по Cod. ms. O. 44 кор. публ. библ. въ Дрезденѣ fol. 1 (Mescolanze di Michele Siminetti cittadino Fiorentino).

2) Buoninsegni l. c. p. 28. Poggius epits. III, 16 отъ 28 дек. (1427 г.) поздравляетъ съ почетнымъ принятіемъ должности.

3) Это сочиненіе De laudibus или Laudatio Florentinae urbis, или De nobilitate Florentinae urbis до сихъ поръ не издано, но не рѣдко встрѣчается въ итальянскихъ библіотекахъ. Ср. Bandini Catal. codd. lat. T. II, p. 554 и анонимную Laudatio Leonardi ibid. T. III, p. 435. Самъ Бруни epist. VIII, 4 называетъ это сочиненіе oratio въ подражаніе рѣчи Аристида de laudibus Athenarum и опредѣляетъ время его появленія: cum recens tum primum e scholis Graecorum exinem. Такъ какъ о немъ уже упоминается въ Libellus de disputationum usu, то оно написано передъ 1401 г.

публики, первое сочиненіе, написанное изящною латынью, какъ требовалъ тогдашній обычай. По видимому, онъ принялся за нее рано, какъ только оставилъ римскій дворъ и выбралъ Флоренцію постояннымъ мѣстопребываніемъ. Въ 1439 г. онъ написалъ девять книгъ и поднесъ ихъ синьоріи; въ награду за это республика освободила его и дѣтей его отъ податей и налоговъ. Ему было дано почетное право гражданства, «чтобъ онъ, увѣковѣчившій славу города, постоянно чувствовалъ благодарность народа». Послѣ его смерти сочиненіе состояло изъ 12 томовъ, но все таки не было кончено [1]). Подобно Салютато, и Бруни писалъ не только оффиціальныя бумаги отъ имени города, но также памфлеты и полемическія сочиненія [2]). Письма его, какъ оффиціальныя, такъ и частныя, считались образцами изящной латыни. Его публичныя рѣчи тоже напоминали возвышенный характеръ рѣчей Перикла, [3]) впрочемъ, какъ извѣстно было, ему приходилось приготовляться, а иначе онъ или не могъ ничего сказать или говорилъ вздоръ [4]).

Во Флоренціи Бруни пользовался большимъ почетомъ, хотя не былъ такъ любезенъ въ обхожденіи, какъ Салютато, и былъ совершенно чуждъ благотворительности Никколи. Онъ былъ убѣжденъ, что онъ единственный преобразователь латинскаго языка и равнаго ему нѣтъ [5]). По вечерамъ ученые и образованные люди собиралась на площади della Signoria подъ такъ называемою пизанскою кровлею или въ книжныхъ лавкахъ. Тамъ они болтали или громко спорили о грамматикѣ и литературѣ [6]). Туда въ прежнее время приходилъ и Бруни. Но чѣмъ больше онъ старѣлъ, тѣмъ больше

---

[1]) 31-го декабря 1439 было кончено 6 книгъ, какъ показываетъ рукопись у Bandini Bibl. Leop. Laurent. p. 694. О почетномъ правѣ гражданства въ надгробной рѣчи Поджіо говоритъ не ясно, но у насъ есть декретъ отъ 7-го февраля 1439 г. у Gaye Carteggio I p. 554. Тамъ же p. 560 документъ, по которому сынъ Бруни, Донато продалъ синьоріи въ 1454 г. исторію Флоренціи своего отца за 50 гульд. Наконецъ литературная академія въ Ареццо сдѣлала изящное изданіе книги съ переводомъ Донато Актіайоли въ 3 ч. Флоренція 1856—1860.

[2]) Пять посланій къ базельскому собору приложены къ собранію Мегуса. Полемическое сочиненіе у Fabronius Magni Cosmi Medicei vita vol. II p. 137 принадлежитъ, безъ сомнѣнія, Бруни, можетъ быть направлено противъ сочиненія Энея Сильвія Пикколомини.

[3]) Ср. напр. надгробную рѣчь въ честь Манни Строцца въ Baluzii Miscell. Lib. III p. 226 и цитированную рѣчь къ Никколо де Толентино.

[4]) Aeneas Sylvius de vir clar. XVI.

[5]) Cf. Leon. Bruni epist. III, 19. Vespasiano: Ambrog. Camald. § 6.

[6]) Vespasiano Comment. della vita di Manetti p. 9. Vita di Niccolo V. § 5. Cino Rinuccini въ Paradiso degli Alberti vol. I p., II p. 303. Если Poggius epist. XII, 3 не допускаетъ, чтобъ такіе люди, какъ Манетти, Марсуппини и Бруни спорили на улицѣ, то это ничто передъ свидѣтельствомъ Vespasiano, тѣмъ болѣе, что въ то время (около 1430 г.) Поджіо не было во Флоренціи.

дѣлался сосредоточеннымъ и необщительнымъ и кромѣ своего дома бывалъ только въ канцеляріи; другихъ гражданъ почти не посѣщалъ. Величественно, съ серьезнымъ и торжественнымъ видомъ проходилъ онъ по улицамъ въ своемъ красномъ плащѣ [1]). Какъ и многіе люди, видѣвшіе суровую нужду въ молодости, онъ былъ угрюмъ, недоступенъ, неразговорчивъ и обидчивъ, вдобавокъ замѣчательно скупъ [2]). Однако все эти недостатки не уменьшали того уваженія, которымъ онъ пользовался. Испанцы и французы, имѣвшіе дѣла въ Италіи, иногда пріѣзжали во Флоренцію только затѣмъ, чтобы видѣть знаменитаго канцлера хотя издали [3]). Ученый, знакомый съ сочиненіями греческихъ философовъ, какъ никто другой, онъ самъ казался всесвѣтнымъ мудрецомъ въ родѣ Сократа. Другіе причисляли этого непоколебимаго стоика къ древнимъ Римлянамъ Еще за два часа до смерти онъ твердымъ голосомъ сказалъ одному другу, утѣшавшему его: «Всѣ мы рождены смертными». Онъ испустилъ послѣдній вздохъ 9 марта 1444 г. [4]).

---

[1]) Vespasiano: Lionardo d'Arezzo § 10. Такъ же изображаетъ его и Aliottus epist. I, 15, хотя лицемѣрно отрицаетъ тотъ фактъ, что его шутки относились къ Бруни: unus inter doctissimos a plerisque habitus praecipuns, lento pede et gravi passu adveniens etc.

[2]) Даже Поджіо говоритъ въ своей Oratio in funere Leon. Aretini (у Baluzius l. c. p. 248 и у Mehus передъ изданіемъ писемъ Бруни p. CXXII): Vita fuit per omnem acta em *parcistima* ac severa. Poggius epist. III, 32. Бруни, кажется, по флорентинскому обычаю велъ денежныя операціи. Такъ напр. онъ является съ 1026 гульденами къ кредиторамъ *Палла* Строцца. Aless. Macindhi Lettere ed. Guasti p. 43.

[3]) Vespasiano l. c. § 9. Landatio Leonardi l. c. p. 436.

[4]) Годъ и день его смерти показываются не одинаково. Аламанно Ринуччини въ письмѣ отъ 9-го марта 1443 г. у Fabronius Magni Cosmi vita vol. II, p. 217 говоритъ, что онъ умеръ наканунѣ, также и Filippo frinuccini Ricordi p. 73. Напротивъ, письмо у Monzani p. 51, Palmerius de temporibus и замѣтка въ ватиканскомъ спискѣ 3920 г. относятъ смерть къ 9-му марта 1443 г. Если надпись на книгѣ у Bandini Biblioth. Leop. Laurent. T. I, p. 694 указываетъ на 12-е марта 1443 г., то тутъ день смерти смѣшали со днемъ похоронъ. Въ этихъ показаніяхъ годъ считается по флорентинскому стилю. Это замѣтилъ уже Mazzuchelli Scritt d'Italia Vol. II, P. p. 2200, и это подтверждается какъ связью событій у Buoninsegni p. 79, такъ преимущественно согласно съ письмомъ Джіов. Кампизіо къ Энею Сильвію изъ Рима, которое по связи съ другими письмами, указанной мною въ моемъ перечнѣ въ Archiv f. Kunde östers. Geschichtsg. Bd. XVI s. 353 N-r 96, приходится 8-го апрѣля 1444 г. Похороны описываютъ также Eulogium Marsuppini въ Carm. ill. poet. lat. Ital. T. VI, p. 267, Vespasiano Comment di Manetti p. 21 и очевидецъ у Bandini Catal. codd. lad. T. II, p. 730. Mehus Vita Ambros. Travers. p. 261. Эпитафія у Jobu Elogia doctor. viror.: Leonardus Aretinus. у Mabillon et Germain Museum Ital. T. I p. 165. Подобные стихи Веджіо и Гварино перечисляютъ Tabulae codd. ms. bibl. Vindob. vol. IV p. 152.—Главный источникъ для біографіи Бруни—это, конечно, его письма, изданныя нѣсколько разъ (ср. Bandini Catal. codd. lat. T. II p. 550), самое лучшее—Мегуса. Рѣчь на погребеніе Маннети была дѣйствительно сказана, а рѣчь Поджіо просто литературное произведеніе и на-

Пріоры стали совѣщаться на счетъ его похоронъ, и по предложенію нѣкоторыхъ ученыхъ людей рѣшено было почтить великаго покойника по древнему обычаю. Тѣло одѣли во все черное, на грудь положили экземпляръ Исторіи Флоренціи, какъ лучшій даръ канцлера республикѣ. Рѣчь говорилъ ученый Манетти, членъ совѣта десяти, съ возвышенія, устроеннаго подлѣ катафалка въ головахъ. «И такъ теперь мы обращаемся къ тебѣ, достославнѣйшая звѣзда Латинянъ, и по поставленію нашего сената увѣнчиваемъ лавровымъ вѣнкомъ твою счастливую, блаженную главу въ вѣчное свидѣтельство твоей удивительной мудрости и твоего невѣроятнаго краснорѣчія, въ назиданіе живымъ и будущимъ поколѣніямъ». Въ виду массы флорентинскаго населенія, въ присутствіи пословъ и придворныхъ отъ куріи—папа Евгеній жилъ тогда во Флоренціи—Манетти дрожащею рукою возложилъ лавровый вѣнокъ на голову покойнаго канцлера, сочиненій котораго насчитывали до 74. Потомъ его тѣло похоронено было въ церкви Санта Кроче, и мѣсто успокоенія указываетъ памятникъ работы Бернардо Розеллини съ почетною эпитафіею, написанною Марсуппини.

Карло Марсуппини, тоже Аретинецъ, былъ его преемникомъ по должности канцлера и не менѣе цѣнился какъ ученый. Полагали, что онъ пишетъ прозою почти такъ же, какъ и Ліонардо, но превосходитъ его легкостью стиховъ. Изъ его прозаическихъ сочиненій намъ, собственно говоря, ничего неизвѣстно, ни разсужденій, ни писемъ; относительно оффиціальныхъ бумагъ мы развѣ можемъ только предполагать, что онѣ сочинялись имъ. Затѣмъ мы знаемъ цѣлый рядъ его стихотвореній, писанныхъ гекзаметромъ и пентаметромъ. Они, дѣйствительно, прелестны. Но все таки это случайные стихи, еще не дающіе права на титулъ поэта. И современники Марсуппини знали не больше того. Одинъ изъ нихъ говоритъ, что онъ не знаетъ, почему неизвѣстны сочиненія Карло; другіе объясняютъ это просто тѣмъ, что онъ очень мало писалъ [1]). Но онъ

писана въ іюнѣ или іюлѣ 1444 г. въ Римѣ, какъ видно изъ Poggius epist. IX, 3. особенно же изъ Alattus epist. II, 7 отъ 18 іюля 1444 г. Есть главныя черты жизни Бруни у S. Antoninus Croni com P. III tit. 22 cap. 11 § 15. Vespasiano: Gian. Manetti § 12. Новыя работы Мегуса передъ изданіемъ писемъ, Мадзукелли Scritt. d' Italia vol. II p. IV p. 2196 ff. Дѣльный обзоръ его жизни даетъ тоже Mozzani Di Leonardo Bruni Aretino Discorio въ Archiv. stor. It. N. S. P. 1. Firenze 1857, p. 29 seq.

[1]) Aeneas Sylvius de vir. clar. XVI, Historia Friderici III in Kallarii Analecta Monum. Vindob. T. II p. 327, Pii II. Comment p. 51. Paulus Cortesius de homin. doctis ed. Galletti p. 227. Одиннадцать частію длинныхъ стихотвореній Марсуппини въ Carmina ill. poet. Ital. T. VI p. 267—284. Cf. Mazzuchelli Scritt. d' Italia Vol. I P. II p. 1005. Подробнѣе о его переводахъ изъ Гомера будетъ говорено въ 5 книгѣ.

былъ прежде всего замѣчательнымъ преподавателемъ латинскаго красноречія и греческаго языка въ флорентинскомъ университетѣ. Мы его видимъ профессоромъ уже въ 1434 г., а будучи канцлеромъ онъ могъ въ силу особой льготы продолжать свои чтенія, въ которыхъ ученость его приводила слушателей въ изумленіе [1]). У него была неимовѣрная память Когда онъ прочелъ пробную лекцію, то рѣшили что такъ еще никто не читалъ и что нѣтъ ни одного писателя, ни римскаго, ни греческаго, на котораго бы онъ не сослался. Въ его манерѣ держать себя было нѣчто сходное съ Бруни: и онъ былъ блѣденъ, скупъ на слова и сосредоточенъ въ себѣ. Онъ стыдился нескромныхъ шутокъ и избѣгалъ веселаго общества. Его сношенія ограничивались кружкомъ Медичи; близкою дружбою съ нимъ могъ хвалиться только Никколи. А Карло былъ такъ преданъ ему и такъ уважалъ его, что слова «онъ сказалъ» для него были равносильны изреченію оракула, какъ для учениковъ Пиѳагора [2]). И у Марсуппини была превосходная библіотека и небольшое собраніе монетъ, рѣзныхъ камней и т. п. Онъ едва ли когда нибудь покидалъ Флоренцію, но не былъ холостякомъ, какъ его другъ Никколи [3]). Уваженіе, которымъ пользовался этотъ мрачный и безстрастный человѣкъ, едва ли было меньше того, какимъ пользовался Бруни. И онъ получилъ почетное право гражданства во Флоренціи, и голова его— онъ умеръ 24-го апрѣля 1453 г.—была всенародно увѣнчана лавровымъ вѣнкомъ рукою ученика его, Маттео Пальміери, а бренные останки положены напротивъ Бруни въ нефѣ церкви С. Кроче [4]). Притомъ Карло былъ отъявленный язычникъ и уже лежа па смертномъ одрѣ издѣвался надъ таинствами [5]). Конечно, въ другое время

---

1) Prezziner vol. I p. 101 знаетъ назначеніе 1454 г., состоявшеся по ходатайству Никколи. Льгота отъ 15 дек. 1451 г. у Gaye Carteggio I p. 559. Laurent. Valla Antidot. in Pogium lib. II (Opp. p. 286) свидѣтельствуетъ, что онъ и будучи канцлеромъ читалъ cum magna diguuitate et cum magno salario. Если Филельфо въ Liber de exilio въ Fabronius Cosmi Medicei vita vol. II p. 220 выставляетъ преподавательскую дѣятельность Марсуппини, какъ совсѣмъ жалкую, то это инвектива злаго соперника и врага.

2) Mehus vita Ambros. Travers. p. 59. 379.

3) Poggius epist. IX, 26 поздравляетъ его въ 1448 г. съ рожденіемъ дочери. Предполагаю, что она была отъ законнаго брака.

4) Mabillon. l. c. Vespasiano: Carlo d' Arezzo § 2. Fil. Rinuccini Ricordi p. 79; день похоронъ онъ опредѣляетъ 27 апр. Bartth. Fontius ed. Galletti говоритъ, что онъ умеръ на 54 г. жизни. Mattaeus Palmerius de coronatione Caroli Aret. y Lamius Catal. bibl. Riccard. p. 280 есть, безъ сомнѣнія, рѣчь на погребеніе. Эпитафія у Mazzuchelli Scritt. vol. I P. II p. 1003 сочинена, по порученію фамиліи Медичи, Франческо д' Ареццо. Cf. Fabronius Cosmi Medicei vita vol. II p. 219. Филельфо изображаетъ его въ Satyr. Dec. I hec. 6 тоже зло и ядовито.

5) Его современникъ Никколо Ридольфо говоритъ о немъ въ Priorista y Mazzuchelli l. c. p. 1004: Dio l' abbia onorato in Ciela se l'ha meritato, che non sistina; perche mori senra confessione e comunionn è non come buon Christiano.

его похороны по христіанскому обряду встрѣтили бы затрудненіе, а теперь честь, воздаваемая поэту, устранила всякія сомнѣнія.

Эти дѣятели, выведенные нами, одинъ по своему независимому положенію, другіе по вліянію, образовали какъ бы литературную аристократію, которая стояла на равной ногѣ со знатью. Но въ лицѣ представителя духовенства, Камальдула Амброджіо Траверсари, къ нимъ примыкаетъ человѣкъ крайне самобытный. Гуманистическое образованіе во Флоренціи было нейтральною почвою, на которой встрѣчались разныя сословія и считались равными между собою. Амброджіо, сынъ простаго поселянина изъ Портико, четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ поступилъ въ монастырь дельи Анджіоли, находящійся вплоть у города. Но на его внутреннее развитіе произвелъ болѣе сильное впечатлѣніе литературный кружокъ во Флоренціи, именно общество Никколи и лекціи Хризолора. Впрочемъ онъ обязанъ своимъ знаніемъ греческаго языка больше себѣ самому, чѣмъ этому наставнику. И въ еврейскомъ онъ былъ такъ силенъ, что могъ учить одного брата [1]). Его жизнь скромно протекла бы въ монастырѣ и литературномъ кружкѣ, если бы капитулъ ордена по настоянію папы Евгенія IV не избралъ его генераломъ 26-го октября 1431 г. Папа, бывшій кардиналъ Кондольміери, въ качествѣ протектора Камальдуловъ былъ друженъ съ нимъ. Съ этихъ поръ Амброджіо вступилъ въ общественную жизнь, и она указала для его честолюбія другія цѣли кромѣ литературной извѣстности.

Теперь Траверсари весьма желалось быть замѣченнымъ и принять хоть нѣкоторое участіе въ высшей политикѣ. Такъ какъ онъ въ своемъ орденѣ ревностно слѣдилъ за обычнымъ соблюденіемъ церковныхъ правилъ, въ чемъ самъ папа видѣлъ спасеніе міра, то могъ вполнѣ полагаться на его высокое благоволеніе. Теперь онъ сталъ съ одной стороны въ отношеніи папы разыгрывать роль св. Бернарда и въ пламенныхъ, но не рѣзкихъ выраженіяхъ убѣждалъ его преобразовать церковь, возставалъ противъ роскоши и симоніи римскаго двора, и въ ревности о домѣ Божіемъ позволялъ себѣ нѣкоторыя вольныя рѣчи [2]). Съ другой стороны онъ отлично усвоилъ себѣ искусство придворнаго: съ монахами, которые были духовниками папы и совѣтниками его въ церковной политикѣ, онъ былъ въ дру-

---

1) Franciscus Castilionensis въ Прологѣ къ своей Vita Anton. Archiep. Florent. у Bandini Catal. codd. lat. T. III p. 413 удивляется въ Амброджіо тому, что онъ Suo labore snaque industria, nullo aut parvo admodum au filio pracceptoris выучился греческому языку, см. выше, стр.—Объ его занятіяхъ еврейскимъ языкомъ смотри его письмо у Morelli codd. ms. lat. bibl. Nanianae p. 106, котораго нѣтъ въ изданіи Мегуса.

2) Ambros. Travers. epist. I, 26. 32. rec. Canneto.

жеской перепискѣ. Когда онъ, подобно св. Бернарду, казалось, наносилъ оскорбленія смѣлымъ словомъ, онъ тѣмъ любезнѣе ласкалъ ихъ. Далѣе онъ былъ ярый папистъ: объ отцахъ базельскаго собора, которые серьезно хотѣли взять дѣло реформы въ свои руки, онъ всегда отзывался не иначе какъ о сборищѣ безумныхъ злодѣевъ, а Базель обыкновенно называлъ западнымъ Вавилономъ. Лишь временно, въ качествѣ папскаго посла, игралъ онъ тамъ роль и тотчасъ же инстинктомъ угадалъ, что нужно для его партіи—именно отвлечь предсѣдателя собора, кардинала Чезарини, отъ предположенной задачи. Это сдѣлалъ, конечно, не онъ, а сила обстоятельствъ, и посольство его къ императору Сигизмунду тоже не имѣло успѣха, но онъ самъ придавалъ большой вѣсъ своимъ дипломатическимъ мѣрамъ и рѣчамъ, которыя говорилъ при этомъ, будто оборотъ въ дѣлахъ зависѣлъ въ сущности отъ него. Готовясь сказать первую свою главную рѣчь къ базельскому собранію, онъ замолчалъ и долженъ быть вынуть изъ рукава конспектъ. Но мы знаемъ объ этомъ не отъ него самого [1]). Скорѣе онъ былъ хорошимъ посредникомъ при переговорахъ о возсоединеніи съ византійскою церковью. Онъ былъ высланъ на встрѣчу грекамъ въ Венецію и уже приготовилъ было рѣчь на греческомъ языкѣ, чтобы привѣтствовать ихъ, въ которой, по его собственному мнѣнію, «никакія греческія тонкости не были забыты». Къ сожалѣнію, легатъ счелъ все это неудобнымъ; рѣчь его пропала даромъ, и славы онъ не достигъ [2]). Потомъ въ Феррарѣ и Флоренціи онъ принималъ участіе въ спорахъ о Filioque и другихъ подобныхъ вопросахъ, частію переводя подходящія сочиненія греческихъ отцовъ церкви для назиданія своихъ соотечественниковъ, частію вмѣстѣ съ другими исполняя должность толмача. Но и актъ возсоединенія, оставшійся безъ практическихъ послѣдствій, составленъ имъ на двухъ языкахъ. Такимъ образомъ онъ могъ имѣть дѣйствительно нѣкоторое вліяніе во время продолжительныхъ переговоровъ и при формулированіи вопроса. Самому ему. конечно, впослѣдствіи казалось, что большая часть дѣла сдѣлана имъ однимъ [3]).

Кто зналъ Траверсари лишь какъ общественнаго дѣятеля, могъ принять его за суроваго, хвастливаго и лицемѣрнаго монаха. Мы не удивляемся тому, что онъ не пользовался особенной любовью, велъ ожесточенныя распри, въ особенности съ братьями своего ордена, и всюду скорѣе поселялъ раздоръ и вражду, чѣмъ миролюбіе.

---

1) Vespasiano: Ambrogio Catald. § 3.

2) Epist. I, 30. X, 11. XIII, 16. XXIV, 24. Самая рѣчь ibid p. 1161.

3) Epist. XIII, 34: Negocia ista Graecorum omnia ferme ipsi conficimus, ve lex graeco in latinum, vel et latino in graecum convertendo, quae dicuntur et scribuntur omnia. Cp. W. von. Goette Bejsarion I, s. 143. 172. 220.

Но въ своей родной Флоренціи, въ кружкѣ литераторовъ онъ былъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Здѣсь онъ былъ обходителенъ и симпатиченъ. Въ монастырѣ дельи Анджіоли братья Медичи, также остроумный и веселый Никколи, холодный меланхоликъ Марсуппини и нѣкоторые другіе почти ежедневно собирались въ пріятельской бесѣдѣ. За столомъ Козьмы маленькій генералъ Камальдуловъ сидѣлъ съ веселымъ лицомъ и съ большимъ одушевленіемъ развлекалъ общество. Такіе люди, какъ классическій язычникъ Марсуппини, какъ нескромные шутники, Поджіо и Бруни, могли не опасаться его нравственныхъ наставленій. Съ Никколи онъ состоялъ почти въ товарищеской дружбѣ. Книги и литературные интересы привязывали ихъ другъ къ другу. Они навсегда остались друзьями, хотя Никколи считалъ безполезнымъ «занятіе духовною литературою», которое другъ его признавалъ для себя обязательнымъ. Онъ старался привлечь его совершенно на сторону классическихъ наукъ, язвя его въ тоже время своими остротами, какъ и всякаго другаго. Въ глубинѣ души и самъ Траверсари питалъ страсть къ этой отрасли знаній и привыкъ терпѣливо сносить слабости своего друга, который былъ старше его. Къ Никколи онъ посылалъ всѣ сообщенія и пріобрѣтенія, осматривая монастыри въ Италіи, а особенно монастырскія библіотеки. Напротивъ, если Никколи отлучался изъ города вмѣстѣ съ Бенвенутою, то оставлялъ на попеченіе Камальдула самое важное, что было у него: ключи отъ желѣзныхъ сундуковъ съ книгами. Значительная часть книгъ и безъ того хранились въ кельѣ Траверсари, равно какъ и антикварныя рѣдкости, платье, которое монахъ по желанію друга, опрятнаго до педантизма, долженъ былъ приказывать чистить одному изъ братьевъ [1]). Изъ ихъ корреспонденціи мы видимъ, что Траверсари съ удивительнымъ терпѣньемъ сноситъ мелочные капризы и слабости Никколи, что онъ питаетъ къ нему нѣжную привязанность, принимаетъ самое теплое участіе въ его личныхъ дѣлахъ, позволяетъ себѣ даже дружескія шутки, если въ письмахъ рѣчь идетъ о непріятныхъ происшествіяхъ во Флоренціи. Никколи, разумѣется, вполнѣ умѣлъ цѣнить то, что уважаемый генералъ ордена выказывалъ почтеніе и къ его Бенвенутѣ, которую самъ онъ горячо любилъ не смотря на упомянутый скандалъ. Траверсари рѣдко забывалъ послать почтительный поклонъ его сожительницѣ, какъ «самой преданной особѣ». Они жили и «помогали другъ другу по братски» и во Флоренціи [2]). То Никколи

---

[1]) Epist. VIII, 2. 4. 8 et al. Вообще осьмая книга этого собранія писемъ, въ которой 51 письма къ Никколи, особенно интересна.

[2]) Онъ обыкновенно называлъ ее femina felicissimu (Epist. VIII, 2. 3. 5. 11. 33. 35. 37. 38), только разъ (VIII, 36) называетъ онъ ее fidelissimam feminam tuam.

исполнялъ скромную роль секретаря, когда Амброджіо, у котораго въ послѣдніе годы жизни дрожала рука, переводилъ напр. сочиненія Іоанна Златоуста, то Амброджіо долженъ былъ вписывать ему красивымъ почеркомъ греческія буквы, когда Никколи списывалъ классика, вставлявшаго греческія фразы въ текстъ.

Впрочемъ любовь къ литературѣ у Траверсари превышала его дарованія. О первой свидѣтельствуютъ его письма, его Путеводитель (Hodoeporicon) и дневникъ дѣловыхъ поѣздокъ. Въ послѣдней книгѣ онъ отмѣчаетъ свои орденскія визитаціи и реформаціонныя поѣздки, насажденія устава и тѣ сопротивленія, которыя онъ встрѣчалъ, свои путешествія въ Римъ и Базель. Но съ особенною любовію говоритъ онъ о библіотекахъ, которыя осмотрѣлъ, о найденныхъ древностяхъ и о тѣхъ литературныхъ знаменитостяхъ, которыхъ посѣтилъ [1]). Подобно Никколи, онъ былъ неутомимъ въ розыскиваніи книгъ, покупалъ ихъ, заставлялъ списывать и списывалъ самъ. Его санъ и дружба съ Медичи всюду открывали ему доступъ, и онъ былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ со всѣми любителями греческой литературы въ Италіи, съ Ауриспою и Гварино, а—что важнѣе всего—съ венеціанцами Франческо Барбаро и Леонардо Джустиніани. Но его вниманіе обращали на себя главнымъ образомъ греческіе церковные писатели. Въ этой отрасли онъ былъ, несомнѣнно, первымъ и по книжнымъ богатствамъ, и по обширности свѣдѣній. Литературную славу онъ пріобрѣлъ себѣ переводами съ греческаго языка, о чемъ постоянно идетъ рѣчь и въ письмахъ его. Не безъ зависти смотрѣлъ онъ на переводы свѣтскихъ греческихъ писателей, которые дѣлалъ Ліонардо Бруни и которые производили совсѣмъ иное впечатлѣніе, чѣмъ его труды [2]). Изъ отцевъ церкви, писавшихъ по латыни, самымъ любимымъ его писателемъ былъ Лактанцій; по краснорѣчію онъ считалъ его равнымъ Цицерону [3]).

Но личность Траверсари получитъ для насъ особенный интересъ, если обратимъ вниманіе на то, какъ христіанскіе принципы боролись въ душѣ его съ языческими порывами, монашеское смиреніе съ литературною дѣятельностью. Когда онъ, послѣ избранія въ генералы ордена, пріѣхалъ въ Римъ, то ухаживалъ за папою, под-

---

[1]) Изданіе Hodoeporicon, сдѣланное Мегусомъ (Florentiae 1680), съ пропусками и ошибками, какъ указалъ Bandini сравненіемъ съ автографомъ, хранящимся въ Laurentiana. jac. Phil. Bergomas fol. 284 знали эту книгу подъ заглавіемъ Commentaria de rebus in generalatu a se gestis liber. II.

[2]) Cf. epist. VIII, 8. 9.

[3]) Epist. VI, 5.

несъ ему нѣкоторыя сочиненія, переведенныя съ греческаго языка, и за вліятельными кардиналами. Вмѣстѣ съ дѣлами ордена онъ не упускалъ изъ виду и своихъ личныхъ. Испыталъ онъ и много непріятностей, но утѣшался при видѣ развалинъ и въ обществѣ такихъ людей, какъ Антоніо Лоски, Поджіо, Ченчи и Грегоріо Карраро. Ко двору его влекло честолюбіе духовнаго лица, а въ этомъ кружкѣ онъ давалъ полную свободу своимъ наклонностямъ. У него было двѣ личности — одна для монаховъ, другая для флорентинскихъ друзей. Гораздо труднѣе ему было примириться съ своего совѣстью. Стремленіе къ отличіямъ между равными себѣ и къ славѣ въ потомствѣ, котораго ни мало не стыдились напр. Бруни, или Поджіо, не согласовалось съ положеніемъ генерала монашескаго ордена. Честолюбивое чувство кипѣло въ его груди, хотя онъ и боролся съ этимъ зломъ, стараясь успокоить угрызенія совѣсти. Когда онъ говорилъ съ папою, то всегда смиренно унижался, какъ неключимый рабъ, персть и прахъ, какъ червь земли, ослѣпленный апостольскимъ величіемъ. Послѣ его назначенія генераломъ ордена рѣшили, что онъ можетъ подняться еще выше. Но онъ увѣрялъ своего брата Джироламо, что «безуміе честолюбія» такъ чуждо его душѣ, что онъ испытываетъ весьма непріятное чувство при одномъ видѣ роскоши и великолѣпія и скорѣе согласится жить между каторжниками, чѣмъ между земными властителями [1]). Однако въ Римѣ онъ посѣтилъ всѣхъ кардиналовъ и потомъ хвалился ласковымъ пріемомъ, оказаннымъ ему. Даже Никколи, очень хорошо знавшій и цѣнившій его, обыкновенно говорилъ прямо въ дружескомъ кругу, что Амброджіо не совсѣмъ чуждъ мірскаго честолюбія и добивается красной шапки [2]). Повидимому, этотъ человѣкъ, склонный къ ироніи, былъ радъ, если замѣчалъ у своего друга монаха свѣтскія побужденія. Онъ самъ своими лестными похвалами внушалъ ему мысль придавать значеніе своимъ изящнымъ письмамъ [3]). Если генералъ показывалъ видъ, что литературная слава вовсе не соблазняетъ его, то Никколи недовѣрчиво качалъ головою и этимъ заставлялъ своего друга отступить на послѣднюю позицію. Тогда-то братъ Амброджіо признавался въ «грѣхѣ тщеславія», но съ такимъ напускнымъ смиреніемъ, что признаніе его можно было принимать лишь за минутный порывъ весьма чувствительной души [4]).

1) Epist. XI, 15.

2) Poggii Dialogus contra Hypocrisim, особенно изданіе Lugduni 1679, перепечатано въ Appendix ad Fasciculum rerum expetend. et fugiend. T. II op. et stud. Ediv. Brown Londini 1690 p. 583.

3) Ср. напр. epist. VIII, 47.

4) Nae ego nimium arrogans sum, qui me vanitatis vitio, cui miserabiliter addictus sum, liberum abs te putari voluerim. Epist. VIII, 36. 37.

Подобнымъ же образомъ приходилось ему изворачиваться, когда порою у него мелькала мысль, что генералу ордена неприлично бывать въ гуманистической республикѣ ученыхъ и стараться блеснуть красотою рѣчей. Онъ тщательно и умышленно остерегался приводить въ своихъ письмахъ мѣста изъ свѣтскихъ писателей на томъ основаніи, будто это воспрещается правилами ордена [1]). Мы нашли только одно мѣсто, гдѣ у него рядомъ съ мѣстами изъ Библіи вкралась и цитата изъ эклоги Виргилія [2]). Удивительно только то, что онъ, ни мало не стѣсняясь, въ письмахъ и рѣчахъ постоянно стремился къ Цицероновской легкости слога и его краснорѣчію. Развѣ это больше шло къ монашескому одѣянію, чѣмъ какой нибудь невинный стишокъ древняго поэта? Онъ всячески заботился о томъ, чтобы письма его не распространялись въ искаженномъ видѣ, дабы его не упрекали въ плохой латыни [3]). Онъ былъ въ комическомъ положеніи, когда Никколи и Козьма Медичи просили его перевести съ греческаго языка на латинскій произведеніе свѣтской литературы, именно извѣстія о знаменитыхъ философахъ Діогена Лаэртійскаго. Если бы совѣсть его дѣйствительно возмущалась противъ этого, то подобную просьбу онъ всегда могъ отклонить. Но у него было, по видимому, желаніе приняться за эту работу, быть можетъ, для того, чтобы вступить на этой почвѣ въ соперничество съ Бруни. Онъ совѣтовался съ людьми авторитетными, съ генуэзскимъ архіепископомъ, съ знаменитымъ богословомъ Антоніо да Масса. Они не нашли ничего зазорнаго въ этомъ дѣлѣ. Ссылаясь на эти авторитеты, Траверсари обратился за совѣтомъ и къ Леонардо Джустиніани, очевидно въ томъ разсчетѣ, что другъ его, какъ человѣкъ свободныхъ воззрѣній, будетъ поощрять его къ этому труду. Однако послѣдній противъ ожиданія посовѣтовалъ ему слѣдовать чистымъ древнимъ свѣтиламъ церкви, которыя погнушались бы переводить языческія сочиненія. Но онъ уже принялся за работу и долженъ былъ сослаться на неотступныя просьбы своихъ друзей. Во время этой переводной работы, сличая между собою текстъ своего писателя по разнымъ спискамъ, онъ уже восклицалъ, терзаемый угрызеніями совѣсти: «Лучше бы никогда не браться за эту работу! Это бы вполнѣ соотвѣтствовало и моему желанію и моему прежнему на-

---

[1]) Epist. VIII, 9 къ Никколи: Uterer ad te Naeviano versiculo, si id mihi religio permitteret etc.

[2]) Epist. III, 59.

[3]) Epist. III, 22. Отлично характеризуетъ его слогъ Paulus Cortesius de lomin. dictis ed. Galletti p. 227: Ambrosius monachus scribibut, et naturaleim queniam dicendi cursum habebat oratio, sed admodum incultum.

мѣренію!—Но послѣ я съ съ болѣе пылкимъ рвеніемъ, съ бо̀льшимъ жаромъ опять примусь за переводъ св. писанія и тѣмъ пламеннѣе буду лобызать его, что привыкъ къ нему почти съ дѣтства». Не смотря на эти сомнѣнія и мученія онъ кончилъ свой трудъ и, издавая его, посвятилъ Козьмѣ Медичи. Онъ все еще оправдывался, говоря, что для его монашескаго чина гораздо пристойнѣе переводить творенія Отцовъ церкви. Но онъ утѣшалъ себя тѣмъ, что и это сочиненіе полезно для религіи своими нравственными примѣрами. [1]) Траверсари велѣлъ собрать и переписать свои письма, но увѣряетъ, что сдѣлалъ это по настоятельной просьбѣ знатныхъ друзей, которымъ не могъ отказать [2]).

Такимъ образомъ передъ нами первый примѣръ монаха, въ которомъ мірскія стремленія борются съ духовными. Мы видимъ, что у него интересы научные и художественные брали верхъ надъ требованіями религіи. Не мало было гуманистовъ изъ среды духовенства и монаховъ, и боязнь угрызеній совѣсти, мучившая Камальдула, у послѣдователей его все болѣе проходитъ [3]).

Джіаноццо Маннети учился у Траверсари языкамъ латинскому и греческому и во многихъ отношеніяхъ былъ продолжателемъ его стремленій. Онъ происходилъ изъ знатной флорентинской фамиліи. Само собою разумѣется, его готовили къ купеческому дѣлу. Уже на десятомъ году, какъ только онъ выучился читать и писать, его отдали въ банкъ, посвятили въ тайны кассирской мудрости и, вѣроятно, по обычаю этого рода людей, отправили въ агенства и факторіи — зарабатывать деньги и изучать свѣтъ, Уже на 25-мъ году [4]), неизвѣстно, какимъ образомъ, въ немъ пробудилась пламенная любовь къ наукамъ, и онъ рѣшился совершенно отдаться имъ, что̀, разумѣется, могъ сдѣлать только тайкомъ отъ отца. Послѣдній совершенно сросся съ понятіями богатаго купца. Но сынъ началъ учиться по латыни съ такимъ рвеніемъ и жаромъ, что съ

---

1) Cf. epist. VI, 23. 25. 27, VII, 2, VIII, 8. Самое посвященіе въ epist. XXIII. 10.

2) Epist. VI, 38.

3) Траверсари умеръ 20 окт. 1439 г. Письма его были уже помѣщены въ изданіи Мегуса, у Martene et Durand Vett. scriptt. ampl. collectio. T. III p. 6—728, однако не вполнѣ. Біографію его весьма тщательно и подробно составилъ Л. Мегусъ въ часто называемой книгѣ. Однако ей собственно отведены стр. 364 до 436 и выводы сдѣланы изъ писемъ и Путеводитель Траверсари, именно самая ненужная часть всего сочиненія. Другая біографія написана Мейнерсомъ въ Lebenschreicungen berühmter Männer aus den Leitcn dev Wiederheztel . d. Wijsanscheff. Bd. II. Zürich 1796.

4) Стало-быть около 1421 г. Если Vespasiano Commentario della vita di Manetti p. 5

этихъ поръ спалъ по ночамъ всего пять часовъ. Надѣясь на свою недюжинную память, онъ хотѣлъ вмѣстить въ сокровищницу своихъ знаній, все, что только можно. Любовь къ наукамъ пробудилась въ немъ не благодаря звукамъ поэзіи, Данту, Петраркѣ или Виргилію, подобно тому, какъ раньше муза посѣтила Боккачіо, Никколи и Чиріако, которые тоже были купцы. Манетти не готовился быть ни поэтомъ, ни истиннымъ гуманистомъ. Онъ искалъ прежде всего возможности получить широкое философское и богословское образованіе. Когда онъ удовлетворилъ своей жаждѣ знаній въ университетѣ, и примкнулъ къ Никколи и Бруни, то онъ посѣщалъ лекціи и диспуты въ С. Спирито, гдѣ со временъ Марсильи образовался монастырскій университетъ, Онъ легко пробирался въ монастырь чрезъ калитку отцовскаго сада, слушалъ каждый день по двѣ или по три лекціи — логики, у магистра Джиролама да Наполи, физику Аристотеля и о Божьемъ градѣ Августина, которымъ особенно восторгался, и этику у Ванджелиста изъ Пизы. Онъ весьма охотно присутствовалъ и на диспутахъ, которыя тамъ велись правильно по академической методѣ, но не посѣщались дилеттантами.

Потомъ онъ рѣшился учиться и греческому языку, что привело его въ соприкосновеніе съ кружками гуманистовъ. Грамматикѣ онъ научился у общественныхъ преподавателей, потомъ читалъ съ Траверсари Киропедію и другія греческія сочиненія. Послѣ девятилѣтнихъ занятій онъ могъ являться и на площадь, если глубокіе знатоки латинскаго и греческяго языка были тамъ и спорили о грамматикѣ и метрикѣ. Однако онъ продолжалъ идти своимъ путемъ. Онъ хотѣлъ учиться и еврейскому языку, потому что послѣдній былъ необходимъ для полноты богословскаго образованія, и намѣревался со временемъ писать противъ евреевъ, нападать на ихъ религію и спорить съ ихъ учеными. Чтобы выучиться началамъ грамматики, Манетти больше двухъ лѣтъ держалъ у себя въ домѣ еврея. Потомъ онъ читалъ Библію на еврейскомъ языкѣ съ ученымъ евреемъ Эммануиломъ, который зналъ и по латыни. Наконецъ, желая научиться говорить по гречески и по еврейски такъ, какъ говорилъ по латыни, онъ пригласилъ къ себѣ въ домъ двухъ грековъ и крещенаго еврея, которые бы говорили съ нимъ лишь на своихъ языкахъ. Онъ покупалъ не только латинскія и греческія

считаетъ днемъ его рожденія 5 іюня 1393 г., то это описка или опечатка вмѣсто 1396 г. Въ концѣ ему считается 63 года. Да и у Наиди, обработавшаго это сочиненіе, находимъ 1396 г.

книги, но и еврейскія, или давалъ переписывать своимъ писцамъ, а особенно, цѣнимыя евреями толкованія на Библію. Въ этомъ случаѣ ему былъ полезенъ тотъ крещеный еврей; онъ писалъ необыкновенно красиво по еврейски и вмѣстѣ съ тѣмъ училъ его сына греческому языку [1]). Манетти гордился тѣмъ, что можетъ спорить съ учеными евреями объ ихъ вѣрѣ не для того, чтобы отклонить ихъ отъ нея, но чтобы поражать ихъ ихъ же собственнымъ оружіемъ и пристыжать тѣмъ, что онъ лучше знаетъ по еврейски. Впослѣдствіи онъ сдѣлалъ переводъ псалмовъ и оставилъ громадное сочиненіе «Противъ евреевъ», въ 10 книгахъ, разумѣется, не конченное.

Такимъ образомъ Манетти занялъ совершенно особое положеніе въ ученомъ мірѣ. Онъ былъ женатъ, имѣлъ дѣтей, былъ въ то же время купецъ и ученый богословъ. знакомый съ тѣми языками, на которыхъ написаны книги св. писанія. Онъ зналъ классиковъ, насколько можно знать съ хорошею памятью при бѣгломъ чтеніи. Но онъ не относился къ нимъ съ восторженною любовью, и его не манило къ себѣ болѣе глубокое изученіе древняго міра. Греческихъ писателей онъ понималъ съ одного раза, но, разумѣется, не усвоилъ вполнѣ. Своею латинскою рѣчью онъ возбуждалъ зависть даже въ Бруни. Онъ могъ безъ приготовленія сказать плавную рѣчь со всѣми учеными прикрасами. Конечно, въ реторическомъ смыслѣ рѣчь Манетти, даже и приготовленная, была посредственною. Ему можно было только удивляться, но никто не считалъ его основательнымъ знатокомъ древности. Въ письмахъ гуманистовъ его имя встрѣчается очень рѣдко: въ сущности онъ не принадлежалъ къ республикѣ ученыхъ.

Манетти написалъ не мало сочиненій. Мы знаемъ его объемистые труды по богословію и этикѣ, переводы большихъ сочиненій съ греческаго языка, громадную компиляцію о знаменитыхъ старцахъ, законченную біографіею Никколи, біографіи, особенно папы Николая V, рѣчи по случаю посольствъ и письма, также стихи на тосканскомъ нарѣчіи [2]). Но уже въ то время одинъ знатокъ этой литературы, удивлялся тому, что Манетти вовсе не пользовался такою славою, какъ другіе,—конечно потому, что онъ во всѣхъ отрасляхъ сдѣлалъ многое, но ни въ одной не достигъ совершенства [1]). Причина

---

[1]) Vespasiano Agnolo Manetti § 1.

[2]) На многія изъ нихъ указываетъ Негри Istoria di Scritt. Fiorent. p. 234, и о болѣе важныхъ сочиненіяхъ мы еще впослѣдствіи упомянемъ. Его сонетъ есть у Палермо i manoscr. Palat. vol. I p., 345.

[3]) Paulus Cortesius de homin. doctis ed. Galletti p. 227.

этого явленія еще проще: при всей учености Манетти, въ его сочиненіяхъ не было граціи. Кто писалъ такою однообразною, безцвѣтною латынью, утомительною по многорѣчію, кто видѣлъ искусство оратора въ ученыхъ экскурсахъ или въ томъ, чтобы загромождать фразу, ставя одну превосходную степень за другою, тому, по тогдашнему взгляду, мало давало вѣсу и самое громадное знаніе. Поэтому и потомство признало нужнымъ напечатать лишь немногія изъ сочиненій Манетти, казавшіяся полезными по историческому матеріалу [1]).

Насъ не удивляетъ и то, что многосторонняя ученость Манетти меньше была признана во Флоренціи, чѣмъ гдѣ нибудь. Но никто не сообщаетъ намъ истинной причины, почему онъ нашелъ нужнымъ покинуть отечество въ 1453 г. Это, конечно, зависѣло не отъ его личныхъ качествъ. Онъ былъ человѣкъ безукоризненной нравственности, зажиточный купецъ, счастливый въ семейной жизни, человѣкъ симпатичный по своему обходительному и веселому нраву, честный и спокойнаго темперамента. Веспазіано увѣряетъ, что онъ во время четырнадцатилѣтняго знакомства съ нимъ никогда не слыхалъ, чтобы Манетти лгалъ, клялся или ругался. Онъ держался всторонѣ и отъ литературной войны тѣхъ кружковъ, о которыхъ намъ столь много разсказываютъ. Въ дѣлѣ религіи онъ не могъ никого ничѣмъ оскорбить. Онъ былъ больше, чѣмъ истинный христіанинъ: Христіанскую вѣру, говорилъ онъ, слѣдуетъ называть не вѣрою, а очевидностью; ученіе церкви такъ же истинно какъ и то, что треугольникъ есть треугольникъ. Онъ дѣлалъ большую честь своему городу именно какъ ученый и ревностный богословъ.

Вѣроятно, его участіе въ политическихъ дѣлахъ было причиною тому, что у него явились тайные враги. Онъ два раза былъ членомъ баліи въ республикѣ, часто выбирался въ ректоры университета и въ другія небольшія должности, три раза также въ должности внѣ города, причемъ хвалили его неподкупность и внимательность къ дѣлу. Довольно часто также былъ онъ представителемъ республики въ качествѣ посла у Гисмонди Малатеста въ Римини, въ Сіэнѣ и Венеціи, у папъ Евгенія IV и Николая V, четыре раза у короля Неаполитанскаго Альфонса [2]). Послѣдній особенно любилъ его и

---

[1]) Манетти уже и въ его время упрекали въ болтливости, о чемъ онъ самъ говоритъ въ одномъ письмѣ (Comment. di Manetti p. 165), именно объ opinio, quae de Scriptorum nostrorum prolixitate ab imperitis, ut mihi videtur, hominibus habetur. Ср. ibid. p. 203 рѣчь и другую къ папѣ Николаю V у Mittarelli p. 716, въ которой онъ обѣщаетъ избѣгать prolixitas!

[2]) Въ 1443, 1447, 1449 и 1450 гг. Къ посольству 1449 г. относится письмо баліи

впослѣдствіи принималъ съ почетомъ. Причиною нерасположенія къ нему было то, что или онъ находился въ какихъ нибудь сношеніяхъ съ главами изгнанныхъ знатныхъ фамилій, или фамиліи Медичи показалось опаснымъ его вліяніе, какъ человѣка независимаго. Его упрекали въ отсутствіи патріотизма за то, что онъ посвятилъ свою книгу «О достоинствѣ человѣка» королю Альфонсу, а послѣдній былъ другомъ флорентинской республики. Онъ находилъ это естественнымъ, такъ какъ сочиненіе это было плодомъ одной бесѣды съ королемъ. Но его за это не судили. Избрали другой путь, которымъ Медичи съумѣлъ сдѣлать ему тяжелою жизнь во Флоренціи. Его обложили такимъ высокимъ налогомъ, что онъ видѣлъ въ этомъ прямую цѣль—раззорить его. Это было легко, такъ какъ налоговыя коммиссіи состояли изъ креатуръ Козьмы. Такимъ образомъ мы встрѣтимся съ Манетти при дворахъ Николая V и Альфонса [2]).

Это были почтенные ученые, переводчики и знатоки языковъ, собиратели книгъ и основатели библіотекъ, которые сдѣлали городъ на Арно новою Александріею, но все-таки не новыми Аѳинами. Къ нимъ примкнули новые ученые, безпокойные и необузданные умы, которые вдохнули жизнь въ науку, но вмѣстѣ съ тѣмъ внесли разногласіе и клевету въ среду ученыхъ. Это люди талантливые, быстро работающіе, большею частію съ непомѣрнымъ самолюбіемъ, тщеславные и славолюбивые, никогда не довольные, съ стоическими рѣчами на языкѣ, но падкіе на деньги, на блага жизни, на почести

у Fabronius Magni Cosmi Medic. vita vol. II, p. 196, если оно по флорентинскому стилю относится къ 1450 г. Но Веспазіано говоритъ положительно о четырехъ посольствахъ къ Альфонсу.

[2]) Указанія Веспазіано подтверждаются письмомъ Филельфо отъ 10-го сентября 1457 г., въ которомъ онъ хвалитъ его за то, что онъ раньше не занимался общественными дѣлами и жилъ какъ мудрецъ своимъ amplissimum matrimonium. Deinde vero contrariis nescio quibus repentinisque flatibus ex illa pacatissima animi sede securitateque excussus, te turbulentissimis reipublicae tempestatibus procellisque obiectasti. Болѣе точныя свѣдѣнія о его обложеніи сообщилъ Guasti Alessandra Macinghi Lettere p. 132. О налогахъ, какъ средствѣ гнёта, ср. v. Reumont Lorenzo de'Medici Bd. I s. 156. Манетти нашелъ основательнаго біографа въ лицѣ своего давняго друга Vespasiano Bisticci Commentario della vita di messer Gianozzo Manetti (ed. Fanfani), Torino 1862. Скромный авторъ хотѣлъ дать этими воспоминаніями матеріалъ для латинской біографіи ученому Аламанно Ринуччини: Vita Iannotii Manetti, написанная Нальдо Нальдіусомъ (ap. Muratori Scriptt. T. XX, p. 526 seq.) есть просто вольное переложеніе Commentario и кромѣ нѣкоторыхъ семейныхъ свѣдѣній (p. 529. 537) не даетъ ничего. И та біографія, которую написалъ Веспазіано для своихъ uomini illustri, есть бѣглое извлеченіе изъ Commentario, на которое поэтому часто указывается, но есть и нѣкоторыя прибавленія.

и уваженіе. Они заискиваютъ расположенія знатныхъ и богатыхъ и не уживаются между собою. Они рѣдко гдѣ живутъ постоянно и не слѣдуютъ въ своей дѣятельности никакому направленію. Поэтому мы не должны удивляться, встрѣчая ихъ то тамъ, то сямъ. И въ нашемъ трудѣ мы говоримъ о нихъ то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, смотря потому, съ какой точки зрѣнія разсматриваемъ ихъ дѣятельность.

Таковъ былъ Джіанъ Франческо Поджіо Браччіолини, имя котораго давно уже извѣстно нашимъ читателямъ. Мы прямо причисляемъ его къ группѣ флорентинскихъ ученыхъ. Онъ родился подлѣ Флоренціи въ мѣстечкѣ Терранова. Во Флоренцію онъ прибылъ въ ранней молодости съ пятью солидами въ карманѣ, какъ вспоминалъ послѣ. Отецъ его, человѣкъ когда-то зажиточный, попалъ въ то время въ руки ростовщиковъ. Обремененный долгами и терпя крайнюю нужду, онъ долженъ былъ покинуть свою родину. Честный Салютато принялъ участіе въ немъ и въ юномъ Поджіо. О послѣднемъ онъ говорилъ, что всегда любилъ его, какъ сына, съ тѣхъ поръ какъ знаетъ [1]). Такимъ образомъ молодой человѣкъ, выучившись немножко по латыни, по видимому, до зрѣлыхъ лѣтъ былъ писцомъ, подготовляясь къ нотаріальному дѣлу. Но онъ рано сталъ зарабатывать себѣ пропитаніе тѣмъ, что переписывалъ классическія сочиненія. Ему отдавали въ этомъ случаѣ преимущество передъ другими ради его необычайно красиваго почерка [2]); его письмо можно видѣть и теперь въ нѣкоторыхъ рукописяхъ. Потомъ онъ пріобрѣлъ себѣ покровителя въ лицѣ Никколи, питавшаго къ нему отеческое расположеніе. Онъ помогалъ молодому человѣку совѣтомъ, книгами и деньгами, поощряя его къ классическимъ занятіямъ и руководя въ нихъ. Такія отношенія обратились въ прекрасный дружескій союзъ [3]). Конечно, онъ былъ во Флоренціи, когда туда пріѣхалъ Хризолоръ и открылъ свой курсъ. Но Поджіо былъ еще очень молодъ, очень бѣденъ, а притомъ и слишкомъ мало зналъ по латыни. Поэтому онъ не могъ въ то время учиться у него греческому языку [4]). Такъ какъ онъ хотѣлъ дойти самъ до всего въ жизни, то

---

[1]) Поджіо по словамъ его письма (epist. IV, 5), родился 11 февр. 1360 г. Ср. epist I, 16. О судьбѣ его родителей сравни письма Салютато у Shepherd. Vita di Poggio tradotta di Tonnelli T. II Append. n. I. V.

[2]) Такъ (Poggius epist. III, 1) у Никколы Медичи, ученика Бруни, была bellum galleium et civile Цесарь, писанная его рукою.

[3]) Poggius epist. VI, 12. Поэтому Поджіо послѣ смерти Никколи могъ говорить о своей постоянной 36-лѣтней дружбѣ съ нимъ.

[4]) Обычное мнѣніе, что Поджіо былъ ученикомъ Хризолора, опровергнуто уже Тонелли l. c. p. 7. Всего яснѣе это видно изъ того, что самъ онъ (epist. I, 4) не на-

научился греческому языку большею частью безъ учителя, подобно Траверсари, хотя пользовался случайною помощью. По латинской стилистикѣ и реторикѣ его называютъ въ числѣ учениковъ Джіованни да Равенна. Но что послѣдній могъ передать этому геніальному юношѣ! Когда Поджіо списывалъ для Козьмы Медичи письма Цицерона къ Аттику, то при этой механической работѣ основательнѣе научился римскому краснорѣчію, чѣмъ Равеннецъ усвоилъ себѣ во всю свою жизнь. Поджіо никогда не цѣнилъ высоко тѣхъ, кто усвоиваетъ себѣ науки только благодаря учителю. Онъ указывалъ на Петрарку и Салютато, на Роберто Росси и Никколи, на Бруни, Марсуппини и Траверсари, которыхъ всѣхъ научила краснорѣчію жизнь и практика, а вовсе не знаменитые наставники. Этимъ путемъ, по его словамъ. онъ и достигъ того, чего достигъ; его учителями были Цицеронъ, Квинтиліанъ, Овидій и Виргилій [1]. Несомнѣнно много самобытной силы кроется въ натурахъ людей, которые сами себѣ отыскиваютъ путь.

Поджіо былъ почти еще юношею, когда явился къ папскому двору, при которомъ онъ съ этихъ поръ находился пятьдесятъ лѣтъ (1405 — 1455), хотя съ перерывами. Тогда его образованіе было далеко еще не закончено. За десятью годами усидчиваго труда наступило время Констанцскаго собора и разныхъ поѣздокъ. Имя его впервые стало извѣстнымъ благодаря открытію невѣдомыхъ классиковъ. Въ Англіи, въ свободное время, онъ началъ знакомиться и съ Отцами церкви, но не оставлялъ древнихъ языческихъ писателей. Имъ овладѣло сильное желаніе изучать греческую литературу именно тогда, когда она еще не могла удовлетворять изучающаго. Но онъ постоянно отыскивалъ книги и списывалъ ихъ, чтобы порадовать во Флоренціи друга Никколи—больше этого онъ не могъ ничего сдѣлать. Однако глупо, думалъ онъ, постоянно только возить дерево, камни и известку, если ничего не строить. Ему было больше сорока лѣтъ, и онъ ни въ чемъ не проявилъ своего творческаго ума кромѣ оффиціальныхъ бумагъ и увлекательныхъ дружескихъ писемъ; и ему суждено было еще состариться, пока онъ начала обнаруживать самобытную дѣятельность. Въ Англіи онъ надѣялся, что его обильно надѣлятъ бенефиціями,

---

зываетъ его своимъ учителемъ, но словами: Nobis qui cum eo familiavius viximus указываетъ только наихъ отношенія въ Рилѣ и Констанцѣ, и что онъ (epist. XIII, 1) называетъ учениками Хризолора—Гварино и Ченчи, а про себя не говоритъ. Вмѣсто испорченныхъ словъ Per Cincium Romamum eius condiscipulum я здѣсь читаю вмѣстѣ съ профессоромъ Вильмансомъ discipulum не смотря на рукописи.

[1]) Poggius epist. XIII, 3.

и онъ будетъ вести такую же жизнь, какъ Петрарка. Онъ также радъ бы былъ принять должность придворнаго поэта. Но такъ какъ ожиданія его не сбылись, то онъ опять воротился къ римскому двору и къ прежней работѣ, разумѣется, очень выгодной [1]).

Странное явленіе! Поджіо пробылъ пятьдесятъ лѣтъ въ своей должности и основалъ въ Римѣ постояное мѣстопребываніе, и все таки при этомъ Флоренція всегда оставалась его родиною. Когда онъ розыскивалъ сочиненія древнихъ римскихъ писателей въ Германіи, Франціи и Англіи, то всегда былъ лишь иноземнымъ членомъ флорентинскаго кружка. Оттуда онъ получалъ вспоможеніе, тамошнимъ друзьямъ сообщалъ о своихъ находкахъ,къ нимъ посылалъ древнихъ писателей, вызванныхъ имъ къ новой жизни. Когда онъ бродилъ по Констанцу, а его прежній властелинъ папа, сидѣлъ въ тюрьмѣ въ Готтлибенѣ безъ всякой надежды снова получить престолъ, тогда онъ опять назвался флорентинскимъ нотаріусомъ. Флоренція дала ему право гражданства въ награду за заслуги, оказанныя имъ древней литературѣ [2]). «Покрайней мѣрѣ разъ въ годъ долженъ я съѣздить во Флоренцію», говорилъ онъ, находясь въ Римѣ [3]). Онъ никогда не собиралъ всѣхъ своихъ книгъ въ Римѣ: или Траверсари хранилъ ихъ въ монастырѣ дельи Анджіоли [4]), или онѣ находились на его виллѣ близь Терранова. Въ теченіе цѣлаго десятилѣтія папа Евгеній IV не могъ жить ни въ мятежномъ Римѣ, ни даже въ Церковной области, въ которой пылала война. И Поджіо въ это время жилъ большею частію среди своихъ флорентинскихъ друзей. Онъ женился (1435 г.) на осьмнадцатилѣтней флорентинкѣ, Баджіи, изъ знатной фамиліи Бондельмонти. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ прекратилъ конкубинатъ, отъ котораго было много побочныхъ дѣтей, но это же доставило ему и первое посвященіе и дало надежду на духовное поприще. Римскій дворъ былъ настолько добръ, что давалъ ему хорошіе источники доходовъ. Но къ Флоренціи онъ былъ прикованъ узами всегдашней любви. Если кто оскорблялъ честь и славу республики, то онъ энергически принимался за защиту ея. Если кто называлъ флорентинцевъ глупыми и слѣпыми—старыя ругательныя слова, оставшіяся отъ временъ прежнихъ смутъ, — то это сильно раздражало Поджіо, и онъ обыкновенно нападалъ на ихъ врага, герцога миланскаго. Послѣдній даже обязанъ былъ прямо признать ихъ право

---

1) Poggius epist. I, 13 seq.

2) Poggii Oratio funebr. in obitu Leon. Aretini передъ его Epist. rec. Mehus p. CXXIV. Извлеченіе изъ актовъ у Gaye Carteg. I p. 545 не касается главной сути дѣла.

3) Poggius epist. IV, 19 отъ 1447 г.

4) Ambros. Travers. epist. XI, 27.

на почетъ и славу и обратиться съ этимъ къ Поджіо, какъ «флорентинскому гражданину». Но послѣдній принялъ похвалу городу за должное и объявилъ герцогу въ сильныхъ выраженіяхъ, что народъ флорентинскій наслаждается полной и истинной свободой, и онъ не можетъ ни одного города въ Италіи поставить выше республики по уму, учености и утонченности нравовъ гражданъ [1]).

Но только послѣ смерти Марсуппини Поджіо вполнѣ сталъ принадлежать своей духовной родинѣ: республика назначила его преемникомъ покойнаго по управленію дѣлами. Теперь ему шелъ 73-й годъ, и онъ вполнѣ чувствовалъ всю тяжесть подобнаго переселенія и новой должности. Онъ говоритъ, правда, что имѣлъ въ виду больше будущность своихъ сыновей, чѣмъ свое личное спокойствіе и свободу. Но у старцевъ любовь къ колыбели ихъ дѣтства обыкновенно пробуждается съ удвоенною силою, и онъ говорилъ самъ себѣ, что обязанъ принять самое почетное мѣсто, какое только можетъ получить во Флоренціи человѣкъ, занимающійся гуманными науками. Кромѣ того синьорія предоставила ему нѣкоторыя льготы: именно онъ могъ сложить самую тяжелую часть работы на плечи болѣе молодыхъ людей. По пріѣздѣ онъ былъ встрѣченъ весьма почетно: нѣсколько дней принималъ онъ изъявленіе благодарности отъ людей всѣхъ сословій за то, что принялъ на себя это бремя [2]). Онъ вступилъ въ должность 8 іюня 1453 г. преемникомъ своихъ бывшихъ друзей, Салютато, Бруни и Марсуппини [3]).

Жизнь Поджіо во Флоренціи была жизнью веселаго философа даже и въ то время, когда онъ бывалъ въ этомъ городѣ только гостемъ, пока служилъ секретаремъ у папы. При римскомъ дворѣ онъ сталъ богатымъ человѣкомъ, хотя иногда и оставлялъ дѣла въ покоѣ. Когда миновали годы, полные заботы о насущномъ хлѣбѣ и стремленій къ странствованіямъ, съ отраднымъ чувствомъ самодовольства оглядывался онъ на тѣ дни, когда нашелъ въ С. Галленѣ Institutiones Квинтиліана, списалъ ихъ и отыскалъ въ монастырскихъ библіотекахъ еще нѣсколько римскихъ писателей. Лучшее время года онъ проводилъ на дачѣ, спокойно отдаваясь своимъ занятіямъ, радовался своимъ книгамъ, любовался на подростающихъ дѣтей, съ наслажденіемъ слушалъ ихъ лепетъ. Онъ казался ему очаровательнѣе всякаго

[1]) Письмо герцога миланскаго Филиппа Маріи отъ 28-го іюля 1438 г. у Sheferd Tonelli l. c. T. II App. num. XIX. Отвѣтъ Поджіо отъ 15-го сентября epist. VIII, 1.

[2]) Cominciò a fare sua patria Firenze, come meritamente si conveniva, говоритъ флорентинецъ Веспазіано (Poggius § 4).

[3]) Poggius epist. XI, 1. 2. 3. 13. XII, 21. Время вступленія въ должность въ Giorn. stor. degli archivi Toscani vol. II, p. 12.

краснорѣчія. Этотъ прежній грѣшникъ жилъ счастливо съ своей Баджіей до самой ея смерти, она умерла мѣсяцами семью раньше его [1]).

Подобно своимъ флорентинскимъ друзьямъ, Медичи и другимъ знатнымъ людямъ, Никколи и Марсуппини, у Поджіо было свое собраніе статуй, мраморныхъ головъ, рѣзныхъ камней, монетъ и вообще всякаго рода древностей. Онъ собралъ ихъ самъ во время поѣздокъ по Церковной области и въ Монте-Кассино, пріобрѣлъ съ помощью связей въ Левантѣ и получилъ въ подарокъ отъ друзей. Въ Римѣ они занимали въ его квартирѣ небольшую комнату, которую онъ называлъ своимъ Gymnasiolum. Изъ мраморныхъ головъ только одна была цѣла и изящна, а другія или лишились носовъ въ борьбѣ съ столѣтіями, или получили другія поврежденія. Но онъ все таки видѣлъ въ нихъ работу превосходнаго древняго художника и былъ въ высшей степени радъ, когда ваятель Донателло хвалилъ подобныя вновь пріобрѣтенныя сокровища. Уже около 1427 г. его сильно занимала мысль о томъ, какъ онъ современемъ, наживши достаточное состояніе при римскомъ дворѣ, успокоится, построитъ виллу въ своемъ саду близь Терранова и устроитъ на ней музей для своихъ древностей и библіотеку для книгъ. Онъ уже придумалъ и новое названіе для своей виллы. Цицеронъ предавался своему благородному отдыху на виллахъ тускуланской и анціанской, а онъ назвалъ свою балдарнинскою. Съ этою-то цѣлью онъ и копилъ старательно средства въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Родосскіе друзья помогали ему въ пріобрѣтеніи древностей. Изъ Хіоса онъ ждалъ трехъ мраморныхъ головъ, Юноны, Минервы и Сатира; говорили, что онѣ работы Поликлета и Праксителя. Конечно, онъ не вѣрилъ этому и видѣлъ тутъ шарлатанство греческихъ купцовъ. Кромѣ того его агентъ—это былъ миноритскій братъ Франческо да Пистойя — обѣщался достать ему также Аполлона. Ходили слухи, что въ одной пещерѣ на островѣ Родосѣ разомъ найдено около сотни цѣльныхъ статуй. Послѣднее сообщеніе озадачило Поджіо, но все таки онъ просилъ монаха купить, что только можно, и привезти эти изваянія; страсть къ этимъ мраморнымъ памятникамъ у него доходила чуть не до болѣзни [2]). Это было то же пылкое стремленіе къ собиранію, та же мечтательность, которая влекла Чиріако въ дальнія страны, за моря. Но для Поджіо

---

[1]) По записи въ книгѣ флорентинскаго архива, Баджія умерла 23-го февраля 1459 г. Poggii epistolae duae ed. Wilmanns p. 8.

[2]) Delector enim supra modum his sculpturis, adeo ut curiosus earum dici possim.— Itaque in hoc mafisne incumbas oro, ut colligas ac corrados indequaque vel precibus, vel precio, quicquid eiusmodi imaginum potes.

были возможны лишь непрямыя сношенія, и часто случалось, что ожидаемое сокровище было захватываемо Медичи или другими богачами. Но самымъ естественнымъ хранилищемъ своихъ пріобрѣтеній онъ считалъ не Римъ, а свою тосканскую родину [1]).

Только въ 1438 г. онъ могъ построить красивую виллу близь Терранова. А такъ какъ онъ сильно пекся о своемъ личномъ благоденствіи—говорилъ онъ въ шутку—то счелъ нужнымъ устроить небольшую библіотеку и для своихъ возлюбленныхъ книгъ. Здѣсь былъ помѣщенъ рядъ греческихъ и латинскихъ рукописей, изъ которыхъ онъ многія самъ писалъ и исправлялъ. Онъ еще ни разу не видѣлъ ихъ собранными около себя. Онѣ составляли его гордость. Здѣсь и древности его нашли себѣ достойный пріютъ. Всего пріятнѣе для него было то, что онъ избавляется отъ хлопотъ и работы при римскомъ дворѣ, будетъ жить на своей родинѣ, съ своими пенатами и книгами. Въ сознаніи идиллическаго спокойствія онъ помѣчалъ свои письма библіотекою въ Террановѣ. Или онъ бродилъ подобно Петраркѣ по близь лежащимъ холмамъ. Послѣ занятій науками онъ считалъ лучшимъ утѣшеніемъ старости, подобно древнему Римлянину временъ республики, лелѣять свой садъ и воздѣлывать небольшой участокъ земли, увеличивая его новыми покупками. Иногда онъ чувствовалъ себя здѣсь столь спокойнымъ и счастливымъ, что полагалъ, что судьба позавидуетъ ему [2]).

Поджіо нѣкогда выросъ подъ покровительствомъ Медичи. И теперь расположеніе къ нему Медичи дѣлало жизнь его во Флоренціи пріятною и почетною. Онъ и во время изгнанія Медичи принадлежалъ къ числу лицъ, оставшихся ему вѣрными, и далеко не прочь былъ грѣться у камелька этихъ богачей. Ему во Флоренціи былъ купленъ домъ на счетъ Козьмы, которому онъ безъ сомнѣнія былъ обязанъ и мѣстомъ канцлера, и устроенъ по его желанію [3]). Поджіо и какъ придворный, и какъ литераторъ отлично умѣлъ доставать средства для безбѣднаго существованія. Правда, онъ самъ написалъ сочиненіе противъ скупости и стремленія къ наживѣ и въ письмахъ своихъ довольно часто увѣряетъ насъ, что всегда ставилъ науку и добродѣтель выше пріобрѣтенія денегъ. Но вообще извѣ-

---

[1]) Poggius epist. III, 15. 37 IV, 12. 15. (откуда взяты мѣста, приведенныя выше) 18. 21. VII, 14.

[2]) Poggius epist. VIII, 2. 3. 7. 8. 26. 31. 34. X, 1. 2. Пріобрѣтеніе участка земли близь Флоренціи относится къ 1412 г.

[3]) Утѣшающее письмо Поджіо къ Козьмѣ въ изгнаніи epist. V, 12. О другихъ письмахъ къ нему упоминаетъ Fabronius Cosmi vita vol. II, p. 221. Профессоръ Вильмансъ, намѣревающійся говорить объ этомъ подробно на основаніи актовъ былъ купленъ домъ Федериго Гори nel populo di S. Maria Novella.

стно было, что въ жизни онъ поступалъ совершенно иначе [1]). Посвященія сочиненій, сдѣланныя съ расчетомъ, составляютъ исключеніе: у него было строгимъ правиломъ не бросать даромъ жемчуга. Онъ задумалъ посвятить книгу риминійскому владѣтелю, Гисмондо Малатеста, извѣстному за щедраго мецената. Тогда онъ послалъ ее сначала къ Роберто Бальтуріо, его любимцу. Онъ долженъ былъ прочесть и оцѣнить ее и если найдетъ, что этотъ подарокъ будетъ пріятенъ Малатестѣ, то слѣдуетъ написать посвященіе. Но прежде чѣмъ поднести книгу, все таки нужно узнать, стремится ли владѣлецъ къ подобной славѣ. Если это ему не пріятно, или онъ къ подобному вопросу относится равнодушно, то лучше пусть онъ отошлетъ книгу назадъ. А если онъ окажетъ благосклонность, то имѣлось въ виду впередъ еще болѣе прославить его на основаніи той *теоріи*, что писатели только своими посвященіями доставляютъ безсмертіе владѣтельнымъ особамъ [2]).

Конечно, Малатеста сдѣлалъ удовольствіе автору и пріобрѣлъ безсмертіе, потому что Поджіо сохранилъ къ нему дружбу и уваженіе. А другой случай показываетъ, какимъ дурнымъ человѣкомъ былъ онъ въ гнѣвномъ состояніи и какъ самъ боялся своего злаго языка. Онъ перевелъ Киропедію Ксенофонта и намѣревался посвятить ее королю Неаполитанскому Альфонсу: говорили весьма много объ его благоволеніи и щедрости къ ученымъ. Но и здѣсь онъ хотѣлъ увѣриться черезъ кого нибудь въ хорошемъ пріемѣ и сдѣлать по *возможности* такъ, чтобы его вызвали на поднесеніе книги. При такомъ условіи король будетъ обязанъ дать болѣе значительную награду. Поэтому онъ обратился къ нему съ длиннымъ письмомъ, полнымъ самыхъ восторженныхъ похвалъ, жаловался, что такъ мало хорошихъ повелителей на свѣтѣ, и потомъ указывалъ на то, что только что переведенная Киропедія содержитъ въ себѣ превосходныя наставленія для королей. Въ маленькой записочкѣ къ исторіографу Бартоломмео Фаціо онъ уже подошелъ ближе къ цѣли. По его словамъ, ему указывали на многихъ лицъ, которымъ онъ могъ бы посвятить свою книгу, но онъ находитъ всего приличнѣе посвятить королю Альфонсу и т. д. Конечно, вызова на посвященіе со стороны короля не послѣдовало. Тогда, по совѣту своихъ неаполитанскихъ друзей, Фаціо и Беккаделли, онъ послалъ королю экземпляръ своей Киропедіи, украшенный золотомъ и красками, съ благоговѣй-

---

[1]) Aeneas Sylvius de vir. clar. XVI: quamvis ipse more hominum, qui aliena potius quam sua praenoscunt vitia, nequaquam liberalis esset.

[2]) Poggius epist. XIII, 12 къ Бальтуріо. Какъ поступилъ Поджіо съ Малатеста Новелло изъ Чезены, показываютъ epist. IX, 112. 113.

нымъ посвященіемъ [1]). Но ожиданной награды не послѣдовало. Королю, по видимому, поступокъ Поджіо показался навязчивымъ; говорятъ, что и тѣ преувеличенныя похвалы, какія заключались въ его прежнемъ письмѣ, были непріятны ему. Греческій языкъ Поджіо зналъ плохо, и изяществомъ перевода этого нельзя было скрыть. Онъ былъ, можетъ быть, правъ, когда приписывалъ эту неудачу вліянію своего противника, Лоренцо Валлы. Послѣ долгихъ ожиданій онъ наконецъ разразился гнѣвною вспышкою. «Я виноватъ, что посвятилъ книгу такому человѣку, который въ своихъ сужденіяхъ не самостоятеленъ, а зависитъ отъ другихъ. Молва объ учености этого государя ввела меня въ заблужденіе. Я вижу, что онъ не умѣетъ отличать дѣльныхъ людей отъ глупцовъ. Онъ кое-что дѣлаетъ для виду, чтобы его считали милостивымъ къ ученымъ людямъ.—Но всего хуже неблагодарность: она мать всѣхъ пороковъ; въ комъ этотъ порокъ укоренился, тотъ не можетъ быть добродѣтельнымъ. — Не будь это дѣло начато, я съумѣлъ бы выхлопотать себѣ благодѣяніе у лица болѣе благодарнаго». Въ такомъ тонѣ писалъ Поджіо своимъ друзьямъ въ Неаполь, и, распространяя свои письма, онъ желалъ, чтобы король Альфонсъ узналъ объ его негодованіи.

Въ тѣхъ экземплярахъ перевода, которые онъ велѣлъ писать и распространялъ въ сердитую минуту, имя Альфонса въ посвященіи было уничтожено, такъ что можно было поставить имя любаго добраго государя [2]). Впрочемъ, хотя собственно и не за это, король вскорѣ послѣ этого послалъ ему въ подарокъ 600 дукатовъ и велѣлъ посовѣтовать смѣло просить того, что имѣетъ на душѣ. Теперь Поджіо заявилъ, конечно, что этимъ подаркомъ Альфонсъ съ избыткомъ вознаградилъ свою медленность, что его разсердило не отсутствіе подарка, но то, что его злые завистники разгласили, будто король съ пренебреженіемъ отнесся къ его приношенію [3]). Теперь онъ опять съ радостью прославлялъ добродѣтели короля. Прошло два года заключенъ былъ миръ въ 1455 г. Поджіо счелъ своевременнымъ снова испытать великодушіе и славолюбіе короля и посвятилъ ему великолѣпное посланіе, въ которомъ хвалилъ мудрость, выказанную

---

[1]) Великолѣпный экземпляръ въ Ambrosiana, о которомъ говоритъ Saxius Hist. lit. typ. Mediol. p. 126, есть, безъ сомнѣнія, тотъ самый, который назначенъ былъ для короля.

[2]) Онъ не скрывалъ, что сдѣлалъ это odio et indignateone motus;—beneficium meum sentiebam me non recteneque penes gratum virum collocasse. Есть копіи и съ посвященіемъ Альфонсу, напр. у Tomasinus Bibl. Patav. Manuscr. p. 18, и безъ его имени, напр. in Tabulae codd. ms. bibl. Vindol. vol. II p. 210.—Poggius epist. IX, 6. 8. 21. 23. 24. 30. Письма къ Фаціо и Беккаделли также въ B. Facii de vir. illustr. ed. Mehus epist. 9—11.

[3]) Poggius epist. X, 10 къ Альфонсу. Vespasiano: Poggio § 4.

нимъ при умиротвореніи Италіи, убѣждалъ его стать во главѣ итальянскихъ морскихъ силъ и идти противъ турокъ. Все оно было написано въ тонѣ восторженнаго панегирика. Фаціо прочелъ его королю въ присутствіи многихъ придворныхъ, такъ какъ всѣ собрались на охоту, и Альфонсъ съ напряженнымъ вниманіемъ выслушалъ лесть знаменитаго литератора [1]).

Все это показывало опасную раздражительность Поджіо и ядовитость его сатиры. Но этотъ человѣкъ въ обращеніи съ своими флорентинскими друзьями былъ добродушенъ, уступчивъ и откровененъ. Онъ никогда не сердился на язвительнаго Никколи, на скупаго Бруни, на замкнутаго въ себѣ Марсуппини, на монашески смиреннаго Траверсари. Но онъ же могъ на любаго противника обрушиться съ самыми ужасными ругательствами, съ самыми низкими клеветами, какъ какой нибудь уличный мальчишка. Всѣ боялись его желчности и язвительности. Отъ нихъ, какъ мы видѣли, не было пощады и коронованнымъ особамъ [2]). Онъ, безспорно, былъ самымъ искуснымъ литераторомъ между своими современниками, писалъ увлекательно, живо, остроумно, и колко. Его письма и памфлеты вскорѣ разошлись по всѣмъ образованнымъ странамъ, и онъ могъ смѣло разсчитывать на ихъ безсмертіе. Но потому-то именно никому и не хотѣлось попасть въ нихъ, или быть поставленнымъ къ позорному столбу. И онъ гордился этою своею силою. При этомъ онъ мало обращалъ вниманія на положеніе лица и на его титулъ. Напр. онъ узналъ, что епископъ города Фельтре, происходившій изъ знатной фамиліи, Зенъ, обвинялъ его въ поддѣлкѣ папскаго полномочія. Тогда онъ осыпалъ его такими же поносными ругательствами, какъ Филельфо или Валлу [3]). Но эпископъ былъ какъ бы безоруженъ.

Намъ вскорѣ предстоитъ описывать ту ожесточенную борьбу инвективъ, въ которой Поджіо вступилъ въ союзъ съ Филельфо, вполнѣ достойнымъ его. Тутъ много вылито было желчи и грязи. Далѣе мы будемъ говорить о тѣхъ ругательствахъ противъ папы Феликса, избраннаго базельскимъ соборомъ, за которыя ему, безъ сомнѣнія, заплатили; мы пока отложимъ и тѣ споры, которые онъ началъ въ Римѣ съ Валлою, Перотти и Георгіемъ трапезунтскимъ. Вспомнимъ лишь о нѣкоторыхъ столкновеніяхъ, которыя онъ велъ больше для литературной славы.

Во Флоренціи у него зашелъ споръ съ Гварино о томъ, кто выше, Сципіонъ или Цезарь. Поводомъ къ этому спору послужило, вѣроятно,

---

1) Poggius epist. XII, 23. 24. 28. 30. Facius epist. 13 rec. Mehus. и у Shepherd. Tonelli T. II App. num. XXIV.

2) Vespasiano Poggio § 3: non era ignuno che non avesse paura di lui.

3) Письмо въ Poggii epistolae duae ed. Vilmanns p. 5.

одно мѣсто изъ «Торжества славы» Петрарки: тутъ у поэта идутъ впереди всѣхъ Сципіонъ Африканскій старшій и Юлій Цезарь, но онъ не хочетъ рѣшить, кто изъ нихъ приблизился прежде къ богинѣ славы. Одинъ былъ рабомъ добродѣтели, но не любви, а другой— рабомъ обѣихъ [1]). Поджіо утверждалъ въ одномъ письмѣ [2]), что Сципіонъ выше Цезаря, при чемъ дѣло не обошлось безъ сильныхъ нападокъ на послѣдняго. Для него это письмо, какъ онъ самъ признается, было не больше, какъ упражненіемъ въ слогѣ и тѣмъ невиннѣе, что онъ не упоминалъ ни о комъ изъ живыхъ людей. Гварино былъ въ дружбѣ съ Поджіо и вообще человѣкъ миролюбивый, и потому мы рѣшительно не понимаемъ, что заставило его поднять перчатку. Противникъ его вообразилъ, что маркграфъ Ліонелло Эсте большой поклонникъ Цезаря, и Гварино явился защитникомъ Цезаря изъ любви къ нему, а также въ чаяніи награды. Отвѣтъ Гварино, котораго мы не знаемъ въ печати, вѣроятно, былъ обширенъ и обиленъ личными нападками. «Я не хотѣлъ, чтобы на моей чести лежали эти оскорбленія, говоритъ Поджіо, отъ человѣка, нарушившаго старинную дружбу.» Однако, по его словамъ, онъ не хочетъ вести борьбу «по своему», а сдержитъ себя. Дѣйствительно, инвективу Поджіо можно еще назвать вѣжливою, если сравнить ее съ другими, хотя онъ и называетъ въ ней Гварино неспособнымъ, дерзкимъ и надменнымъ человѣкомъ [3]). Онъ смотрѣлъ на споръ, какъ на дѣло честное, какое подобаетъ людямъ науки, какъ на почтенное упражненіе въ остроумной похвалѣ и порицаніи. Конечно, думалъ онъ, можно быть разныхъ мнѣній по извѣстному вопросу и все таки оставаться хорошими друзьями. Когда онъ женился на молодой флорентинкѣ, и Гварино послалъ ему вѣжливое поздравленіе, то онъ въ упоеніи медоваго мѣсяца заплатилъ за дружескую любезность тѣмъ же, и прежнія добрыя отношенія возстановились. Съ тѣхъ поръ оба говорили другъ другу самыя изысканныя любезности.

Поджіо пришлось еще разъ вести полемику по этому же вопросу, но на этотъ разъ уже происходилъ не литературный тур-

---

[1]) Petrarca Trionfo della Fama cap. I v. 22:

Da man destra, ove prima gli occhi porsi,
La bella donna (la Fama) avea Cesare e Scipio,
Ma qual piu presso, a gran pena m'accorsi.
L'un di virtute e non d'amor mancipio,
L'altro d'entrambi.

[2]) Письмо къ нѣкоему Сципіоне де Феррари, въ честь имени котораго, можетъ быть, и рѣшенъ вопросъ (Poggii Opp. p. 357).

[3]) Поджіо къ Франч. Барбаро (Opp. p. 356 и epist. V, 2 ed. Tonelli). Самая инвектива тоже посвящена Барбаро (Opp. p. 365).

ниръ, а литературная драка. Злосчастная звѣзда Чиріако внушила ему мысль написать сочиненіе въ опроверженіе мнѣнія Поджіо, и онъ назвалъ свой памфлетъ императорскимъ. Именно онъ защищалъ Цезаря, какъ основателя монархіи, и униженіе его называлъ посягательствомъ на святыню. Въ отвѣтѣ ему Поджіо далъ полную волю своей бранчивости, называлъ его безстыднымъ и безтолковымъ болтуномъ, глупцомъ, надоѣдливымъ сверчкомъ, глупымъ бродягой, бородатымъ сатиромъ, двуногимъ осломъ и т. д. [1]).

Съ другой стороны тотъ же Поджіо считался первостепеннымъ панегиристомъ. Кто любилъ похвалу и лесть, того онъ умѣлъ превознести, какъ философъ и мыслитель, и выразить все это кудряво, если была въ виду выгода или награда. Славились его надгробныя рѣчи, хотя ни одна изъ нихъ не была сказана у гроба покойника. Никто не умѣлъ сочинить ихъ въ такомъ торжественномъ и высокопарномъ тонѣ, особенно если дѣло шло о знатномъ человѣкѣ или о прелатѣ, но никто не умѣлъ сочинять ихъ и такъ трогательно, если дѣло касалось друга.

Уже на основаніи всего сказаннаго нами Поджіо является типическимъ представителемъ гуманизма. Но многосторонность его такова, что намъ еще придется не разъ говорить о немъ въ другихъ мѣстахъ нашего труда. Онъ былъ все-таки флорентинецъ не только по рожденію и праву гражданства, но и по складу своей умственной жизни. Если бы онъ въ молодые годы считалъ себя гражданиномъ цѣлаго міра, то и умеръ бы въ Римѣ или вообще гдѣ нибудь на чужбинѣ. Онъ сталъ нѣсколько мраченъ и недоволенъ, приближаясь къ 80 лѣтнему возрасту, даже и во Флоренціи. Друзья той цвѣтущей поры его жизни умерли; онъ сложилъ съ себя должность [2]); жена тоже покинула его; старшій сынъ вступилъ въ монашескій орденъ:—однимъ словомъ все, что было ему дорого, оставило его. Единственнымъ его утѣшеніемъ была вилла съ садикомъ. Самыя письма его проникнуты грустью одиночества; правда, онъ еще поддерживаетъ нѣкоторыя связи при римскомъ дворѣ и поздравляетъ вновь назначенныхъ кардиналовъ. Всего больше онъ жалуется на то, что съ него требуютъ подати, хотя ему дали почетное право гражданства [3]). Въ досадѣ на это онъ сталъ сожалѣть о римскомъ дворѣ. Но его

---

[1]) Эта инвектива посвящена Ліонардо Бруни (Poggii Opp. p. 330 и epist. VII, 9 ed. Tonnelli. Имя Чиріако (анконскаго) достаточно ясно обозначено иниціалами C. A.

[2]) Въ точности неизвѣстно, когда это случилось, но въ 1458 г. Никколи уже исправляетъ эту должность. Giornale stor. d. archivi Tosc. vol. II, p. 12. Vespasiano: Poggio § 6. Послѣдній намекаетъ на нападки и огорченія, которые заставили Поджіо сложить съ себя должность.

[3]) О богатствѣ его и налогахъ см. Vespasiano Poggio § 6. 7.

послѣднее произведеніе, надъ которымъ его застигла смерть 30 октября 1459 г., была все таки исторія Флоренціи. Козьма Медичи позаботился устроить ему почетные похороны [1]). Впослѣдствіи сыновьямъ Поджіо было дозволено повѣсить портретъ его въ залѣ дворца синьоровъ, потому что онъ былъ ихъ канцлеромъ.

Жизнь почти всѣхъ тѣхъ людей, о которыхъ мы говорили, проходитъ въ дружескихъ кружкахъ, подъ покровительствомъ меценатовъ или на службѣ республики. Можно долго вращаться въ ихъ средѣ и ни разу не вспомнить о высшей школѣ. А между тѣмъ она была въ стѣнахъ Флоренціи. Намъ кажется почти страннымъ, какое малое участіе принимала она въ развитіи гуманистическихъ наукъ. Послѣднія не входили въ прежнюю рамку, потому что знаніями больше занимались какъ искуствомъ, нежели какъ наукою. Въ этомъ торговомъ городѣ они могли процвѣтать, считаясь достойнымъ украшеніемъ жизни, но не давали, ни необходимыхъ адвокатовъ, ни нотаріусовъ, ни священниковъ, ни врачей. Всесвѣтной славы и флорентинскій университетъ никогда не достигалъ, не смотря на неоднократныя попытки преобразовать и поднять его Такимъ образомъ возникаетъ даже мысль основывать постоянныя каѳедры краснорѣчія, реторики, греческаго языка, всегда снова, но такъ, чтобы все это не вело къ постояннымъ учрежденіямъ, цѣлямъ и традиціямъ. Гуманисты никогда не сливались во Флоренціи въ академическую корпорацію, а постоянно являлись тамъ гостями [2]).

Въ флорентинской высшей школѣ не было ни одного извѣстнаго имени, и ни одинъ факультетъ его ничѣмъ не славился. Только въ

---

[1]) Похороны происходили съ большими почестями въ С. Кроче позади хора. Buoninsegni p. 126.

[2]) Poggius epist. XIII, 39. XIV, 3—18. Gaye Carteggio I p. 565. Въ Opera Поджіо только часть его писемъ, притомъ напечатаны въ искаженномъ видѣ. Еще 57 писемъ издалъ Dom. Georgius въ приложеніи къ не часто встрѣчаемой книгѣ Poggii Dialogus de var. fort. 1723. Другая серія ихъ напечатана Майемъ въ Specilegium Romanum T. X. Изданіе Тонелли имѣетъ свою исторію. Самъ онъ издалъ только первый томъ въ 1832 г., довольно распространенный. О второмъ томѣ, напечатанномъ послѣ его смерти, ходили темные слухи. О третьемъ, помѣченномъ 1861 г., но никогда не выходившемъ, знали видимо лишь немногіе. Но у профессора Вильманса и онъ есть, и ему я обязанъ многими услугами, въ томъ числѣ и возможностью пользоваться 2 и 3 томами. Тонелли положилъ начало хронологическому распредѣленію писемъ. Если я и ссылался на его изданіе, но сознавалъ опасность этого пріема. Но я долженъ былъ говорить себѣ, что послѣ ученаго изданія, приготовляемаго Вильмансомъ, всѣ другія ссылки будутъ имѣть лишь

1321 года возникла мысль основать университетъ въ увеличивавшейся столицѣ, но мысль эта была выполнена слабо, хотя знаменитый Чино да Пистойя читалъ во Флоренціи лекціи обоихъ правъ. Соперничество съ высшею школою, открытою въ Пизѣ въ 1348 году, вызвало новыя усилія, но и они вскорѣ ослабли. Послѣ страшной чумы 1348 изгладилась почти и самая память объ университетѣ, такъ что когда рѣшено было возобновить его, то пришлось хлопотать о новыхъ папскихъ привилегіяхъ. Главнымъ основаніемъ приводится то, что опустошенный городъ снова нужно населить. Но въ этомъ случаѣ прибѣгли къ принудительной мѣрѣ: подъ тяжкимъ денежнымъ штрафомъ запрещалось всѣмъ, живущимъ въ городѣ и его владѣніяхъ, учиться въ другихъ высшихъ школахъ [1]). Благородна была мысль пригласить въ университетъ Петрарку, доставить этому учрежденію блескъ его прославленнаго имени и такимъ образомъ положить основаніе новой наукѣ. Но планъ этотъ собственно принадлежалъ Боккачіо, а не всѣмъ гражданамъ; и Петрарка едва ли могъ сдѣлать много для возвышенія университета, даже еслибы бы и принялъ въ немъ роль преподавателя. Около 1358 г. снова раздаются жалобы, что университетъ въ упадкѣ; требуются новыя средства для его улучшенія, нужно дать новыя порученія лицамъ, стоящимъ во главѣ его (uffiziali), пригласить новыхъ докторовъ [2]).

Опять благодаря стараніямъ Боккачіо въ 1360 г. была основана въ университетѣ каѳедра греческаго языка для Леонціо Пилато [3]). Но и на этотъ разъ мысль была выше ея осуществленія. Правда мы слышимъ, что Пилато перевелъ Гомера на счетъ Боккачіо и Петрарки, но не знаемъ ни одного его ученика, кромѣ самаго Боккачіо. Въ томъ же году былъ приглашенъ и Франческо Бруни съ жалованьемъ по 80 гульденовъ въ годъ—читать лекціи по реторикѣ; это тоже была новость. Но вскорѣ послѣ этого мы видимъ друга Петрарки при авиньонскомъ дворѣ, гдѣ; онъ съ большею выгодою упражняется въ своемъ стилистическомъ искусствѣ [4]). Для поэзіи

относительное значеніе.—Жизнеописанія Поджіо: Ланфана (1720 г.) и Реканати (1715 г.), также у Muratori Scriptt. T. XX, устарѣли, а біографія Шеферда (1802 г.) получила значеніе лишь благодаря замѣткамъ и документамъ, которыя Тонелли приложилъ къ своему переводу.

[1]) Prezziner Storia del publico studio di Firenze vol. I p. 2—6. Эдиктъ о возобновленіи отъ 18-го декабря 1348 г. тамъ же p. 224. Matteo Villani Istorii I, 8.

[2]) Matteo Villani VII, 90.

[3]) Boccacius Geneal. deorum XV, 6: maximo labore meo curavi, ut inter doctores Florentini studii susciperetur, ei e publico mercede apposita.

[4]) Prezziner l. c. p. 16. 17.

и искусствъ родственныхъ съ нею трудно было найти преподавателей. Такой человѣкъ, какъ Лапо да Кастильонкіо старшій, въ молодые годы служившій и музамъ, предпочелъ каноническое право и преподавалъ его двадцать лѣтъ во Флоренціи, пока не произошелъ переворотъ. Хотѣли пособить той безжизненности, отъ которой страдалъ университетъ, такъ какъ профессорами были люди большею частію безвѣстные. Постарались привлечь «юридическое свѣтило», Бальдо да Перуджія. Онъ, дѣйствительно, въ 1364 г. временно преподавалъ во Флоренціи, а въ 1383 г., «къ чести Тосканы» Салютато снова желалъ его привлечь во Флоренцію [1]). Но такія временныя силы не могли обновить университетъ, постоянно приходившій снова въ упадокъ, и сверхъ того Бальдо былъ послѣднимъ великимъ юристомъ старой школы. Послѣ его смерти (въ 1400 г.) всюду пришлось довольствоваться посредственностями. Теперь и соперничество Пизы не мѣшало Флоренціи, потому что тамошняя высшая школа влачила жалкое существованіе и закрылась вмѣстѣ съ утратою гражданской свободы.

Университетъ не могъ процвѣтать даже во времена Салютато, который заботился о немъ. Однако приведена въ исполненіе его любимая мысль—дать въ немъ пріютъ гуманистическимъ наукамъ. Мы встрѣчаемъ во Флоренціи Пьера Паоло Верджеріо; сначала онъ преподавалъ діалектику, но неизвѣстно, принялъ ли на себя преподаваніе реторики и краснорѣчія. Притомъ же онъ, повидимому, оставался не долго во Флоренціи. Доменико изъ Ареццо и Антоніо Піовано ди Вадо, оба—свѣтила третьей величины, читали лекціи о древнихъ классикахъ, напр. о трагедіяхъ Сенеки [2]). Когда Хризолоръ началъ свою преподавательскую дѣятельность во Флоренціи въ 1397 г., это дѣйствительно было событіемъ. Виновникомъ его, безъ сомнѣнія, долженъ считаться Салютато. Послѣ столь многихъ вѣковъ это былъ первый природный грекъ на итальянской каѳедрѣ, человѣкъ ученый и со вкусомъ, истинный наставникъ, который умѣлъ снискать высокое уваженіе у своихъ учениковъ. Любовь къ греческому языку и литературѣ, пробужденная имъ, уже не охладѣвала въ Италіи. Калабрійца Пилато совсѣмъ нельзя сравнивать съ нимъ. Но связь его съ университетомъ была слабая: даже часть жалованья выплачивалась флорентинскою знатью, и лучшіе его ученики по возрасту и развитію не были настоящими студентами. Конечно, Хризолора заставила уѣхать изъ Флоренціи ужасная чума 1400 г., унесшая въ городѣ больше 30000 жертвъ; она же разсѣяла и весь составъ университета. О постоянномъ на-

---

[1]) Prezziner l. c. p. 20. 38. Salutatus ep. II, 18, ed. Rigacci.
[2]) Prezziner p. 42. 46.

чальствѣ (ufficiali) въ этомъ учрежденіи больше не упоминается. По видимому, университетъ совсѣмъ прекратилъ свое существованіе и былъ возстановленъ только декретомъ 1412 г.: за годъ передъ тѣмъ опять свирѣпствовала чума [1]). Слѣдовательно Джіованни да Равенна, прибывшій во Флоренцію, не преподавалъ, въ университетѣ, въ 1404 г. Да и самое имя его упоминается позже, только по тому случаю, когда ему предложено было объяснять Божественную Комедію. Онъ посѣялъ сѣмена краснорѣчія лишь въ частной школѣ и объяснялъ классиковъ, такъ что его недовольство вполнѣ объясняется его незавиднымъ положеніемъ.

Со времени возобновленія университета въ 1412 г. для него начинается новая жизнь. До этого времени безжизненность была постояннымъ явленіемъ, и только временно искусственно вдыхали жизнь такіе люди, какъ Салютато. Теперь въ числѣ лицъ, завѣдующихъ его дѣлами, являются люди высоко-образованные, а съ ними вносится въ учрежденіе и новая, энергическая дѣятельность. Притомъ персоналъ ихъ не лишается своего положенія вслѣдствіе ежегодной смѣны, но постоянно выбирается на три года, что въ первый разъ было въ 1414 г. Среди этихъ лицъ, по видимому, Никколи былъ много лѣтъ главнымъ руководителемъ; по актамъ его дѣятельность начинается съ 1414 г. Кромѣ него хвалятъ Палла Строццу и Никколо де Удзано за ихъ услуги, оказанныя процвѣтанію университета. Послѣдній завѣщалъ ему значительную сумму денегъ съ тѣмъ, чтобы на нее была построена коллегія для 50 учащихся, что, разумѣется, не было исполнено [2]). Такимъ людямъ удалось въ 1432 г. привлечь на короткій срокъ во Флоренцію знаменитаго канониста Никколо де Тудески, abbas Siculus, который оставилъ плодомъ своей учености нѣсколько громадныхъ сочиненій. Еще не успѣлъ онъ сюда пріѣхать, какъ уже венеціанская республика хлопотала пригласить его въ Падую, а отсюда онъ отправился на базельскій соборъ. Эти юристы и медики обладали замѣчательнымъ искусствомъ повышать себѣ цѣну благодаря частнымъ приглашеніямъ и перемѣнѣ мѣстъ [3]). Поэтому должность лицъ, завѣдывающихъ университетомъ, была не

---

1) Prezziner p. 69. 72. Въ декретѣ отъ 13-го мая 1419 г. говорится о vacatio Studii per multos annos.

2) Prezziner p. 76. 80. 90. 100. Vespasiano Palla Strozzi § 2.

3) Акты у Fabronius Cosmi vita vol. II p. 66. 67. Въ одномъ изъ посланій флорентинская республика жалуется: Mos est pere omnium medicorum et iurisconsultorum, qui per studia publica ad legendum conducuntur, mutare frequenter propositum, et ut a pluribus expeti sua opera videatur, clectiones alias super alias querere, ac se ipsos et conducentes mobstiis involvere. Совершенно ошибочно полагали Прецциперъ и др., что abbas Siculus есть гуманистъ Беккаделли изъ Палермо: о его юриспруденціи никто бы не сталъ хлопотать.

легкая и довольно часто неблагодарная. Едва ли слѣдуетъ говорить о томъ, что университетъ былъ предметомъ особыхъ заботъ во время могущества Козьмы Медичи. Знаменитые юристы, приглашенные имъ во Флоренцію, принадлежатъ большей частью уже къ той школѣ, которой коснулся духъ гуманизма. Это были: Антоніо де'Минкуччи, Маріано Содзини, Франческо Аккольти. Около половины столѣтія въ университетѣ было больше сорока каѳедръ [1]). Какъ могло ихъ не хватить для латинскаго краснорѣчія и для греческаго языка, если университетомъ завѣдывали такія личности, какъ Никколи, Строцца, Козьма Медичи! Правда, когда Хризолоръ уѣхалъ изъ Флоренціи, то его некѣмъ было замѣнить въ теченіи десяти лѣтъ.

Трое итальянцевъ почерпали свое знаніе греческаго языка и литературы изъ самаго источника, въ Византіи. Это были веронецъ Гварино, Джіованни Ауриспа и Франческо Филельфо изъ Толентино. Жизненное поприще ихъ съ внѣшней стороны представляетъ нѣкоторое сходство. Когда они пріѣзжали въ большой венеціанскій каналъ съ сундуками, полными греческихъ книгъ, то ихъ каждый разъ старались удержать тамъ, но ихъ манило къ себѣ яркое солнце Флоренціи своими согрѣвающими лучами. Однако ни одинъ изъ нихъ не могъ прочно основаться въ этомъ городѣ. Ихъ чувство собственнаго достоинства вызывало остроты литературнаго диктатора Никколи, который самъ же и пригласилъ ихъ. Они принуждены были удалиться чрезъ два года и нашли постоянныя мѣста при дворахъ владѣтельныхъ особъ, Гварино и Ауриспа въ Феррарѣ, Филельфо въ Миланѣ. Отсюда ясно видно, что природные флорентинцы, или, вѣрнѣе, тосканцы смыкались плотно въ виду этихъ чужеземцевъ и вели глухую оппозицію противъ нихъ.

Гварино былъ непосредственнымъ ученикомъ Хризолора; въ Византіи этотъ бѣдный молодой человѣкъ нашелъ пріютъ въ его домѣ и былъ на половину ученикомъ, на половину слугою: подобнаго рода отношенія были въ то время въ обычаѣ [2]). Одолѣвъ

---

[1]) Bandini Specimen lit. Florent. p. 186. Fabronius l. c. vol. I p. 134. Конечно, въ числѣ магистровъ было много безвѣстныхъ личностей, какъ напр. Джіованни Бальдо де'Тамбени, котораго мы знаемъ по его натур-философскому трактату въ Commissioni di Rinaldo degli Albizzi vol. II p. 604. Онъ ссылается въ своихъ доказательствахъ тоже на классическихъ писателей.

[2]) Iani Pannonii Sylva panegqrica ad Guarinum (Poemata P. I). v. 157: atria docti Hospitis, et mixto geris auditore ministrum. v. 188: Obsequiisque vacans.

Гварино разсказываетъ въ письмѣ къ Леон. Джустиніани, какъ онъ попалъ въ Византію при помощи венеціанца Паоло Зено и тамъ былъ ученикомъ Хризолора. См. Hodius p. 64.

v. 157: famulus colis atria docti
Hospitis et mixto geris auditore megistrum.
v. 188: Obsequiisque vacans domini monitisque magistri.

греческій языкъ, ознакомившись съ лучшею изъ литературъ, онъ воротился съ запасомъ греческихъ книгъ, значительнымъ для того времени. Онъ былъ первый, соединявшій это знаніе съ латынью хорошей школы. Потомъ онъ нѣсколько лѣтъ учительствовалъ въ разныхъ городахъ съ разнымъ успѣхомъ, сначала въ Венеціи, потомъ въ Падуѣ и Тріентѣ [1]). Во Флоренцію его пригласили въ 1410 или въ 1411 г. [2]). Бруни зналъ его за человѣка ученаго и симпатичнаго и рекомендовалъ Никколи. Ему предложили самому назначить себѣ вознагражденіе [3]). Во Флоренціи его встрѣтили съ почетомъ; Антоніо Корбинелли, еще раньше содѣйствовавшій приглашенію Хризолора, гостепріимно принялъ къ себѣ въ домъ и его ученика [4]). Гварино положительно обладалъ педагогическимъ талантомъ, строго и усердно исполнялъ свою обязанность, и несомнѣнно, былъ сподручнѣе природныхъ грековъ, потому что систематически изучилъ ихъ языкъ. Поэтому онъ, по видимому, и во Флоренціи началъ свою дѣятельность съ блестящимъ успѣхомъ. Но вскорѣ его возмутили отношенія къ Никколи, благодаря вліянію котораго онъ былъ приглашенъ. Послѣдній смотрѣлъ на молодаго человѣка нѣсколько свысока, какъ патронъ, хотѣлъ, чтобы онъ подчинялся ему, допустилъ свободное пользованіе его книгами, и въ своихъ сужденіяхъ о немъ, какъ и вообще обо всѣхъ, былъ рѣзокъ и колокъ. Гварино былъ человѣкъ не сварливаго нрава, но самолюбіе у него превышало терпѣніе. Онъ позволилъ себѣ въ одномъ письмѣ, которое было распространено и обратилось въ инвективу, посмѣяться надъ орѳографіею Никколи и высказать ему горькіе упреки [5]). Теперь ему, конечно, нельзя было долго оставаться во Флоренціи. Поэтому Бруни и Филельфо считаютъ его въ числѣ жертвъ несноснаго характера Никколи. Однако Гварино по видимому, оставался во Флоренціи до 1414 г., быть можетъ, до истеченія срока своего обязательства. Мало того: кажется, послѣдовало примиреніе съ Никколи, такъ какъ ни одна изъ сторонъ не питала вражды. Во всякомъ случаѣ

---

[1]) Если вѣренъ послѣдовательный рядъ, сообщаемый Яномъ Паннонцемъ v. 501.

[2]) Leon. Bruni epist. III, 14. 15 къ Никколи. Я полагаю, что эти письма можно отнести къ 1410 г., частію по порядку ихъ въ Epistolarium, частію потому что въ нихъ упоминается Хризолоръ, а не къ 1405 или къ 1406, какъ вообще принято со времени Тирабоски, при чемъ слѣдовало бы допустить два назначенія.

[3]) Ambros. Travers. epist. VI, 20.

[4]) Vespasiano: Guarino § 1.

[5]) Это длинное письмо къ Біаджіо Гваско помѣщено отчасти у Meгуса Vita Ambros Travers. p. 51 и у Rosmini vol. II p. 180. Время опредѣляется тѣмъ заявленіемъ, что Никколи уже 14 лѣтъ учится греческому языку. Такъ какъ этотъ срокъ можно считать только съ пріѣзда Хризолора (1397), то инвектива относится къ 1411 г.

около 1420 г. шла рѣчь о томъ, чтобы опять пригласить Гварино во Флоренцію, а въ позднѣйшее время ихъ считаютъ друзьями [1]).

Конечно, занятія греческимъ языкомъ не могли пріобрѣсти твердой почвы во Флоренціи благодаря кратковременной дѣятельности Гварино. Цѣлые десять лѣтъ послѣ него каѳедра была не занята. Въ это время, весною 1423 г., пріѣхалъ въ Венецію Ауриспа съ сундуками, полными греческихъ книгъ. Во Флоренціи его давно уже ждали собиратели этихъ сокровищъ, особенно Никколи и Траверсари. Еще будучи въ Греціи, онъ постоянно обращался мыслями къ этому городу; туда бы хотѣлось ему тотчасъ же отправиться; тамъ вполнѣ съумѣютъ оцѣнить его и его литературныя богатства. Но тамъ свирѣпствовала чума и шла война. Поэтому онъ сначала отправился въ Болонью—искать мѣста. Онъ истратился и задолжалъ благодаря покупкѣ книгъ, а опредѣленное положеніе нѣсколько облегчало и давало возможность спокойно заниматься науками. Онъ не преминулъ сообщить Козьмѣ Медичи о томъ, что онъ привезъ съ собою больше 300 томовъ, а другу Траверсари дать понять, что ему бы всего желательнѣе было жить во Флоренціи «предаваясь научному отдохновенію». Флорентинскіе друзья сильно желали привлечь его, но не ради его личности, ничѣмъ пока не заявившей себя, кромѣ собиранія книгъ, а ради именно этихъ книгъ. Траверсари полагалъ даже, что онъ будетъ жить въ почетѣ благодаря имъ [2]). Надѣялись мало по малу скупить ихъ у него при помощи Козьмы Медичи. Это желаніе усилилось, когда Ауриспа назвалъ цѣлый рядъ греческихъ писателей, которыми онъ особенно гордился, когда онъ передавалъ черезъ одного пріятеля, что и герцогъ миланскій и венеціанская республика стараются привлечь его за хорошее вознагражденіе, а въ Болоньѣ это тоже зависитъ онъ него. Однако онъ говорилъ неправду; это было просто хитрость ученаго. Теперь только Траверсари обѣщалъ позаботиться о томъ, чтобы его пригласили во Флоренцію съ жалованьемъ.

Ауриспѣ вовсе не хотѣлось проживаться на свой капиталъ, т. е. на свои книги. Вѣроятно, онъ подозрѣвалъ, что во Флоренціи имѣютъ въ виду пользоваться ими, но онъ не хотѣлъ давать. Онъ увѣрялъ Траверсари въ шутку, что когда онъ ихъ читаетъ, то они

[1]) Leonard. Aret. Oratioin nebulonem maledicum у Bandini catal. codd. lat. T. II p. 549. Письмо Филельфо къ Никколи отъ 13 апр. 1433 г. Если бы Тирабоски не сослался на одно неизданное письмо Гварино изъ Франціи отъ 16 февраля 1414 г., то мы бы думали, что Гварино уѣхалъ еще раньше. О позднѣйшемъ примиреніи я заключаю по Poggius epist. I. 7. 8. VI, 15.

[2]) Epist. VIII, 28: Ex his (voluminibus) honorifice, quantum ego arbitror, vivere valebit.

приносятъ ему столько же пользы, какъ если бы онъ послалъ во Флоренцію. Ауриспа былъ такой же умный купецъ, какъ и флорентинцы. Такъ какъ ему ничего другаго не оставалось дѣлать, то онъ условился въ сентябрѣ 1423 г. еще годъ преподавать греческій языкъ въ Болоньѣ, хотя его положеніе было не особенно прочно, потому что ему не назначили жалованья отъ казны. Но едва лишь начался полугодичный курсъ, какъ онъ нашелъ, что тамъ нѣтъ надлежащей почвы для греческаго языка. Ему все сильнѣе хотѣлось перебраться во Флоренцію. Наконецъ онъ ввѣрилъ свою судьбу Траверсари и Никколи, чтобы имѣть возможность переселиться туда по окончаніи лѣтняго семестра [1]). Онъ готовъ былъ даже не требовать большого жалованья, лишь бы только можно было прилично жить. Сыновья Палла Строцца гостепріимно предложили ему жить у нихъ. Такимъ образомъ въ сентябрѣ 1424 г. онъ дѣйствительно переселился во Флоренцію, а съ слѣдующаго полугодія началъ преподавать. Но это продолжалось не долго, такъ какъ чрезъ нѣсколько лѣтъ мы видимъ его въ Феррарѣ. Мы также не слышимъ, чтобъ онъ принесъ какую нибудь пользу. Ауриспа, конечно, хорошо зналъ греческій языкъ, но не былъ такимъ преподавателемъ, какъ Гварино. Это человѣкъ любящій спокойствіе, синекуру, а не должность [2]).

Язвительный Филельфо причисляетъ и Ауриспу къ тѣмъ, которые были прогнаны изъ Флоренціи сарказмами Никколи. Но онъ правъ только на половину. Уже въ 1428 г. Ауриспа выразилъ желаніе воротиться во Флоренцію, что бы было странно безъ расположенія къ нему Никколи; однако тогда каѳедру занималъ уже Филельфо. Въ письмѣ отъ 1433 г. Ауриспа проситъ поклониться старому Никколи, обѣщаетъ сообщать ему о своихъ литературныхъ находкахъ и увѣряетъ, что всегда почиталъ его какъ отца [3]). О несогласіи между ними никогда не было рѣчи, равно какъ и о вторичномъ приглашеніи Ауриспы.

---

[1]) *Письмо его въ* Ambros. Travers. epist. XXIV, 51 отъ 11 іюня (1424 г.): .... ubi summo desiderio esse cupio.—Istius vero civitatis iamdiu amantissimus fui atque ibi habitandi avidissimus.

[2]) Вся эта исторія доселѣ излагалась неясно и со временемъ Тирабоски относилъ ее къ 1424—1325 гг. Такъ и у Prezziner vol. I p. 82. 83. Если принять за точку отправленія то, что Ауриспа весною 1423 г. прибылъ въ Венецію (см. выше стр. 246), то остальное слѣдуетъ изъ порядка переписки между Ауриспою и Траверсари въ Epistolarium послѣдовало. Къ 1423 г. относится потерянное, по VIII, 28 упоминаемое письмо Ауриспы отъ 24 іюля, потомъ VIII, 28 (отъ 26 іюля), XXIV, 53 (отъ 27 августа), V, 34 (отъ 1 сентября), VIII, 39 (отъ 2 сент.), XXIV, 54 (отъ 13 сент.), XXIV, 55 (отъ 26 окт.), а къ 1424 г.: XXIV, 50 (отъ 23 февраля), 51 (отъ 11 іюня), 52 (безъ обозначенія числа).

[3]) Письма Филельфо къ Никколи отъ 13 апрѣля и къ Козьмѣ отъ 1 мая 1433 г. Ambros. Travers. epist. XXIY, 62. Aurispae epist. ed. Keil отъ 6 августа (1433).

Такимъ образомъ каѳедра краснорѣчія и греческаго языка во Флоренціи опять осиротѣла на нѣсколько лѣтъ. Ее никогда не считали постоянною, а приглашали преподавателя на годъ и на два, именно если на горизонтѣ учености появлялась заманчивая звѣзда. Такою звѣздою считали Франческо Филельфо, когда онъ пріѣхалъ изъ Греціи въ Венецію 10 октября 1427 г. Хотя онъ былъ еще молодымъ человѣкомъ—родился въ 1398 г.,—однако могъ уже указать на значительную дѣятельность. Какъ онъ получилъ классическое образованіе, намъ неизвѣстно. Мы знаемъ только, что онъ учился въ Падуѣ, и учителемъ его мимоходомъ называютъ Гаспарино да Варзицца. Самою лучшею школою для него были его живой умъ и знакомство съ древними писателями. Уже въ Падуѣ онъ былъ преподавателемъ реторики, но навѣрное не въ университетѣ. Потомъ онъ около двухъ лѣтъ обучалъ знатное юношество въ Венеціи, за что ему былъ оказанъ особый почетъ. Республика дала ему право гражданства и назначила секретаремъ посольства въ Константинополѣ [1]).

Филельфо занималъ это положеніе два года, потомъ пять лѣтъ пробылъ на службѣ у императора Іоанна, тоже секретаремъ и совѣтникомъ, хотя послѣднее есть, по видимому, просто придворный титулъ. Тутъ ему представлялся прекрасный случай усвоить себѣ греческій языкъ, такъ какъ при дворѣ имъ говорили еще довольно чисто. Въ тоже время онъ слушалъ лекціи грамматики и реторики у Хризолора, племянника и ученика знаменитаго Эммануила, а послѣ его смерти у Хризококка. Судя по его разсказамъ слѣдовало бы думать, что онъ занятъ былъ важною государственною дѣятельностью при дворѣ императора. Онъ говоритъ о посольствахъ—къ султану Мураду, къ королю Польскому Владиславу, къ нѣмецкому королю Сигизмунду и о другихъ миссіяхъ. Но онъ,

---

Если Ауриспа предостерегалъ Филельфо отъ зависти и ссоръ, отъ которыхъ не было никому пощады въ Венеціи (письмо Филельфо къ нему отъ 1 янв. 1429), то у него была при этомъ своя цѣль. Но о Никколи онъ и тутъ не упоминаетъ.

[1]) Самъ онъ сообщаетъ очеркъ своей жизни въ письмахъ къ Лодризіо Кривелли отъ 1 авг. 1465 г. По его словамъ, онъ былъ admodun adolescens, когда преподавалъ въ Падуѣ. Въ одномъ документѣ изъ Константинополя отъ 14 нояб. 1423 г. онъ называетъ себя civis Venetus и in Venutorum curia Constantinopolitana cancellarius, на что указалъ Agostini Scritt. Viniz. T. I p. 141. Я пользуюсь письмами Филельфо въ единственно полномъ изданіи (Venetiis 1502). Такъ какъ оно имѣетъ передъ всѣми письмами гуманистовъ то преимущество, что сохранилось въ порядкѣ, то ссылки по адресу и числу, мнѣ кажется, точнѣе и практичнѣе, такъ какъ идутъ ко всѣмъ изданіямъ писемъ. Изданіе, предпринятое Meuccius, котораго вышелъ всего одинъ томъ (Florentiae 1745) содержитъ въ себѣ только первыя четыре книги и не имѣетъ никакой цѣны. Изъ біографій имѣетъ нѣкоторое значеніе лишь трудъ Rosmini.

разумѣется, былъ не больше, какъ секретаремъ или переводчикомъ, или случайно говорилъ торжественныя рѣчи. Во всякомъ случаѣ онъ могъ гордиться тѣми почестями и подарками, которыми осыпалъ его императоръ. Напослѣдокъ женитьба на дочери своего учителя, Θеодорѣ Хризолорѣ, сдѣлала его полугрекомъ; онъ хвалитъ чистый и изящный языкъ, которымъ она говоритъ [1]). Конечно, Филельфо отличался блестящими дарованіями и рѣдкимъ образованіемъ, но еще выше того былъ его талантъ—заставить признать свое достоинство.

Послѣ своего возвращенія на родину онъ сперва началъ преподавать въ Венеціи, по его словамъ, «при величайшемъ вниманіи цѣлой республики». Но когда его прогнала оттуда чума, то онъ, не смотря на опыты Ауриспы, отправился въ Болонью. Филельфо съ суетнымъ восторгомъ изображаетъ тотъ почетный пріемъ, оказанный ему тамъ, какъ и вездѣ, куда онъ являлся въ первый разъ. Доктора и студенты привѣтствовали его, а папскій легатъ встрѣтилъ съ изысканной предупредительностью. На самомъ же дѣлѣ его наняли на годъ за 300 дукатовъ, къ которымъ съ своей стороны папскій легатъ прибавилъ еще 150. Онъ и Болонью нашелъ не настолько невоспріимчивою къ своей реторикѣ и нравственной философіи, какъ Ауриспа нѣсколько лѣтъ тому назадъ; разумѣется, онъ былъ наставникъ и ученый въ другомъ родѣ. Но вскорѣ онъ почувствовалъ, что почва подъ нимъ колеблется, такъ какъ нападеніе на власть папы, поведшее къ изгнанію легата, грозило ему уменьшеніемъ жалованья и вообще презрѣніемъ къ музамъ.

И Филельфо совершенно такъ же, какъ и Ауриспа, уже при самомъ прибытіи своемъ въ Болонью обратилъ взоры на Флоренцію, откуда шли дружественныя предложенія со стороны Траверсари и Никколи. Филельфо увѣрялъ, что онъ желаетъ видѣть Флоренцію и ея ученыхъ, а особенно самого генерала Камальдуловъ; онъ желаетъ знать, какое мѣсто ему могутъ предложить тамъ [2]). Пере-

---

1) Письма его къ императору Іоанну отъ 21 авг. 1438 г. и къ Кривелли отъ 1 авг. 1465 г.—въ сборникѣ. Поучительнѣе его письмо къ павійскому кардиналу отъ 26 янв. 1464 г. (epist. 27 въ Jacobii Piccolominei Epistt). Если онъ говоритъ, что послѣ этого пробылъ семь лѣтъ у императора Іоанна, то тутъ считаетъ все время своего пребыванія въ византійской имперіи. Fonntana In Georgium Merlanum Seu Merulam invectiva y Satius p. 226 считаетъ бракъ съ Θеодорою, consanguinea императора, за особую честь, но самъ Филельфо не хвалится этимъ, и если извѣстіе Гварино у Ambros. Travers. epist. VIII, 9 относится къ Филельфо, то, можетъ быть, бракъ этотъ сопровождался скандаломъ.

2) Письмо его къ Траверсари отъ 17 февр. 1428 г., первое, какое у насъ есть изъ Болоньи, не находится ни въ числѣ его писемъ, ни писемъ Траверсари, а только у Mittarelli Bibl. codd. ms. S. Mishaelis Venet. p. 887.

говоры объ этомъ были бы давно кончены, если бы Филельфо предъявилъ болѣе скромныя требованія [1]). Чтобы заставить Траверсари и Никколи дѣйствовать энергичнѣе и обезпечить себѣ хорошее жалованье—по крайней мѣрѣ въ 400 дукатовъ, онъ прибѣгалъ къ тому же средству, какъ и Ауриспа; онъ заявлялъ, что ему очень хорошо и въ Болоньѣ, что сверхъ того его приглашали въ Падую и наконецъ дѣлали предложенія изъ Рима. При этомъ Филельфо послалъ роспись своихъ книгъ и объявилъ, что онъ ожидаетъ еще новыхъ изъ Византіи на венеціанскихъ корабляхъ. Въ письмахъ къ Траверсари и Бруни онъ сыпалъ греческими фразами, или писалъ эти письма сплошь на греческомъ языкѣ, какъ будто желалъ этимъ сказать: «Вы видите, Филельфо это можетъ сдѣлать!» Въ то же время лести и увѣреніямъ въ дружбѣ не было конца. Однако переговоры затянулись надолго, такъ какъ Филельфо не хотѣлъ принимать частныхъ предложеній флорентинской знати, а хотѣлъ, чтобъ кураторы университета обезпечили ему большое жалованье. Ему предложили 300 дукатовъ. Хотя онъ находилъ, что это мало по его достоинствамъ и потребностямъ, однако пришлось согласиться въ надеждѣ, что его положеніе на будущее время улучшится, благодаря протекціи такихъ людей, какъ Палла Строцца, Козьма Медичи и Никколи. Послѣдній въ качествѣ куратора университета больше всѣхъ хлопоталъ объ его приглашеніи [2]). Въ декабрѣ 1428 г. онъ заключилъ съ Флоренціею договоръ на одинъ годъ, не смотря на предостереженіе Ауриспы, которому самому очень хотѣлось вернуться туда. Но Филельфо надѣялся «величіемъ своей души обезоружить завистниковъ», о которыхъ тотъ говорилъ. Мы слышимъ, какія лекціи, или лучше, объясненія онъ взялъ на себя. Это были по четыре ординарныхъ объясненія въ день, Цицероновыхъ Тускуланскихъ бесѣдъ, первой декады Ливія, сочиненій Цицерона по реторикѣ и Иліады. Экстраординарно онъ объяснялъ Теренція, письма Цицерона въ связи съ практическими упражненіями, потомъ нѣкоторыя рѣчи его, а изъ греческихъ писателей Ѳукидида и Ксенофонтова Гіерона, кромѣ того читалъ лекціи нравственной философіи.

Въ апрѣлѣ 1429 г. Филельфо пріѣхалъ во Флоренцію. Онъ считался тогда превосходнымъ грекомъ и самымъ искуснымъ поэтомъ на Западѣ, кромѣ того однимъ изъ самыхъ изящныхъ латинистовъ. Куда бы ни являлся онъ, всюду молва опережала его. Во Флорен-

---

1) Si moderari sibi voluisset consiliisque nostris adquiescerere, пишетъ Траверсари epist. V, 14.

2) Vespasiano F. Filelfo § 1 Nicoligo fece eleggere.

ція тоже нѣсколько дней только и рѣчи было, что о немъ [1]. Ему, конечно, очень понравился красивый городъ съ его роскошными зданіями и образованными гражданами, но онъ все-таки думалъ, что самъ онъ лучшее его украшеніе. Онъ считалъ себя необыкновеннымъ чудомъ свѣта, потому что на улицѣ возбуждалъ любопытное удивленіе своею греческою бородою и женою гречанкою. Ему казалось, что самые почтенные граждане и дамы изъ высшей знати уступаютъ ему дорогу, когда онъ идетъ по улицѣ. Козьма Медичи первый явился къ нему съ визитомъ и выказалъ ему свое благорасположеніе подарками. Палла Строцца относился къ нему съ уваженіемъ, за что Филельфо посвятилъ ему свой переводъ съ греческаго [2]. Онъ преподавалъ краснорѣчіе и философію, языки латинскій и греческій. У него бывало ежедневно до 400 слушателей, «а можетъ быть и больше»,—можетъ быть и меньше: впослѣдствіи являлась только половина. Это были большею частію люди взрослые изъ среды городской знати, юноши изъ Франціи, Испаніи, Германіи и съ острова Кипра. Кромѣ того, онъ занимался разными упражненіями у себя на дому, во всякомъ случаѣ стилистическими и носившими характеръ диспутовъ. Такимъ же образомъ читались греческіе классики и сочинялись стихи. Въ числѣ его учениковъ и почитателей были и двое будущихъ папъ. Первый Томмазо Парентучелли, съ которымъ онъ рано вошелъ въ дружбу и посвятилъ одно сочиненіе, за что онъ отплатилъ ему, взошедши на престолъ подъ именемъ Николая V. Другой—Эней Сильвій Пикколомини, который въ то время, будучи человѣкомъ бѣднымъ и неизвѣстнымъ, два года слушалъ его лекціи и даже жилъ два мѣсяца въ его домѣ, конечно въ качествѣ слуги (famulus). Однако, сдѣлавшись папою, онъ не отнесся съ ожиданною признательностію къ своему бывшему наставнику [3]. Съ большимъ торжествомъ открылъ онъ и свои лекціи о Божественной комедіи, притомъ въ соборѣ, и въ этомъ никто не видѣлъ оскорбленія святыни. Какъ раньше его Бруни и Поджіо, такъ и ему декретомъ отъ 12-го марта 1431 года дано было почетное право гражданства [4]. Вскорѣ онъ нашелъ, что

---

[1]) Письма Филельфо отъ 4 апрѣля 1428 г. до 1 января 1429. Греческое письмо къ Траверсари отъ 7 марта 1428 г. въ Franc. Filelfi Epistolae, graece scriptae, msc. герцогской библіотекѣ въ Вольфенбюттелѣ fol. 6. Ambros. Travers. Epist. V, 14. XXIV, 27, 29, 30, 32, 35, 36, 40.

[2]) Это была рѣчь Лизія; посвятительное письмо отъ 1 августа 1429 г. Zacharias Iter. litt. p. 25.

[3]) Письма Филельфо къ Ауриспѣ отъ 31 іюля 1429 г., къ Николо изъ Болоньи отъ 22 сент. 1432 г., къ Кривелли отъ 1 авг. 1465. Vespasiano Filelfo § 1: Aveva del continovo ducento scolari o piu.

[4]) Prezziner vol. I p. 92.

едва ли первые граждане пользуются большимъ вліяніемъ въ городѣ, чѣмъ онъ. Даже и канцлеръ республики, Бруни, считалъ для себя въ то время за честь дружбу съ Филельфо; послѣдній написалъ къ нему письмо на греческомъ языкѣ, просилъ его ходатайства относительно профессуры и послалъ ему свой переводъ Діона Кассія [1]). Даже Никколи казался почтительнѣе и предупредительнѣе обыкновеннаго. Еще во Флоренцію не успѣла придти та дурная молва, которая шла слѣдомъ за молодымъ ученымъ изъ Венеціи. Однако уже и въ новомъ мѣстѣ поговаривали втихомолку о нѣкоторыхъ дурныхъ сторонахъ его характера [2]).

Филельфо былъ молодъ, чувствовалъ въ себѣ много силъ и думалъ, что онъ, какъ любимый сынъ боговъ, легко войдетъ въ храмъ вѣчной и безпредѣльной славы. По этому онъ принималъ всякое уваженіе къ себѣ какъ должную дань. Какъ избалованное дитя, онъ не понималъ, что всѣ эти знаки почета оказываются больше въ виду тѣхъ надеждъ, какія на него возлагаются, чѣмъ за заслуги уже оказанныя. Онъ гордо расхаживалъ по улицамъ, какъ человѣкъ, уже возложившій себѣ на голову лавровый вѣнокъ и съ пренебреженіемъ взирающій на завистниковъ своей славы [3]). У него рано обратилась въ idee fie та мысль, что онъ—геній своего времени; отсюда его забавное дѣтское хвастовство, отъ котораго онъ не избавился и въ старости. Понятно, что онъ нажилъ себѣ массу враговъ, понятно и то, что при первомъ презрительномъ отношеніи къ себѣ, какое только онъ встрѣтилъ, въ душѣ его пробудились дурныя чувства: подозрѣніе, ненависть и злоба.

Безспорно, Никколи и Карло д' Ареццо слушали лекціи Филельфо сначала только изъ любознательности. Но самому Филельфо они казались подозрительными, и онъ былъ убѣжденъ, что ими руководитъ зависть и что они только хотятъ подмѣтить у него какой нибудь промахъ. Въ особенности не довѣрялъ онъ молчаливому Карло, а относительно Никколи еще готовъ былъ допустить, что онъ скорѣе пустой болтунъ, нежели человѣкъ коварный [4]). И Траверсари онъ не могъ больше довѣрять и въ сущности не ошибался. Тѣ шумные восторги, съ которыми встрѣтили его, не могли быть продолжи-

---

1) Leon. Bruni epist. V, 9, rec. Mehus.

2) Ambros. Travers. epist. V, 34 къ Венеціанцу Леонардо Джустиніани.

3) . . . . quod solus honore
Inter mille viros meritis et laude vigentes
Angeor.—Philelphi Satyr. Dec. I, hec. 6.

4) Филельфо къ Ауриспѣ отъ 31 іюля 1429 г. и къ Траверсари изъ Сарзаны отъ 1 окт. 1432 г.

тельны. Его узнали хорошо, и вскорѣ о немъ составилось именно такое мнѣніе, какое однажды высказалъ Траверсари,—именно, что онъ тщеславенъ и легкомысленъ какъ грекъ, говоритъ всегда съ большою похвалою о себѣ; вѣдь если похвала и основательна, все таки ее непріятно слышать отъ него самого [1]). Къ тому же замѣчали, что онъ сильно любитъ деньги, а это недостойно человѣка съ возвышеннымъ умомъ. Однажды, по обыкновенію, онъ читалъ въ дружескомъ кружкѣ одно изъ своихъ сочиненій и ожидалъ, что слушатели будутъ сопровождать каждое слово его возгласами одобренія. Но Никколи часто прерывалъ его своими возраженіями, не могъ даже воздержаться отъ нѣкоторыхъ рѣзкихъ и шутливыхъ замѣчаній. Филельфо обидѣлся, назвалъ Никколи плохимъ другомъ, невѣждою, человѣкомъ неблагодарнымъ. Послѣднее потому, что своими хвалебными письмами къ Никколи онъ, по своему мнѣнію сдѣлалъ, знаменитымъ человѣка, прежде совсѣмъ неизвѣстнаго. Онъ написалъ на него язвительную сатиру [2]) и имѣлъ дерзость посвятить ее Траверсари, хотя зналъ о его короткой дружбѣ съ Никколи. Но онъ хотѣлъ какъ бы подтвердить авторитетнымъ его именемъ тѣ обвиненія въ грязныхъ порокахъ, какія взводилъ на Никколи. Пусть бы подумали, что именно Траверсари внушилъ мысль объ этомъ пасквилѣ. Амброджіо заявилъ, что сатиру слѣдуетъ признать клеветою, а ея автора лжецомъ. Не смотря на то, Филельфо обнародовалъ свой пасквиль съ посвященіемъ [3]). Теперь онъ и Траверсари считалъ явнымъ врагомъ. Послѣдній въ то время переводилъ извѣстія о знаменитыхъ философахъ Діогена Лаэртійскаго. Филельфо объяснялъ ему трудныя мѣста и, что особенно важно, обѣщалъ принять на себя переводъ нѣкоторыхъ стиховъ, встрѣчавшихся въ текстѣ [4]). Теперь Филельфо огласилъ это обстоятельство въ колкой сатирѣ. Онъ называлъ Траверсари наглецомъ, который хочетъ щеголять въ чужомъ нарядѣ. Ему лучше всего отказаться отъ перевода мірскаго сочиненія и заняться своими духовными дѣлами; это гораздо пристойнѣе для монаха, чѣмъ ученая дѣятельность. Онъ послалъ эту сатиру Манетти, ученику Траверсари—зло тоже разсчитанное [5]).

---

[1]) Ambros. Travers. epist. VI, 26 къ Леонардо Джустиніани.

[2]) In Nicolaum Nichilum, cognomine Lallum; она не напечатана. Траверсари называетъ ее orationem—omnium, quas unquam legerim, teterrimam, impudentissimam atque acerbissimam.

[3]) Ambros. Travers. epist. VI, 21 къ Франч. Барбаро.

[4]) Письмо его къ Амброджіо отъ 30 мая 1430 г. у Rosmini Vita di Filelfo. T. I p. 117, и отъ 2 мая 1433 г. въ собраніяхъ писемъ Филельфо и въ числѣ писемъ Траверсари XXIV, 43. Vespasiano. Ambrog. Camal. § 4.

[5]) Philelfi. Satyr. Dec. I hec. 7.

Но и противниковъ Филельфо нельзя вполнѣ оправдывать: они тоже занимались разными дрязгами. Вскорѣ онъ увидѣлъ, что противъ него собралась дружная партія, довольно сильная расположеніемъ знати. Городъ находится во власти немногихъ дурныхъ людей, писалъ онъ пробывши во Флоренціи только годъ; уже тогда онъ готовъ былъ согласиться на всякое приличное приглашеніе въ другое мѣсто [1]). Но слава и сочувствіе къ нему были еще въ такомъ разгарѣ, что онъ могъ надѣяться одолѣть враговъ. Еще въ 1431 г. его вновь договаривали на цѣлыхъ три года съ повышеннымъ жалованьемъ въ 350 дукатовъ; это служитъ доказательствомъ, что кураторы считали его дѣятельность полезною для университета [2]). Теперь же ему стали дѣлать и мелкія и крупныя непріятности. У него отняли аудиторію, такъ что ему пришлось читать лекціи у себя на дому [3]). Его судили за то, что онъ публично, кажется, въ лекціи о Дантѣ «неловко и необдуманно» выразился о венеціанской республикѣ и ея послахъ. Онъ былъ приговоренъ къ заключенію въ тюрьму на три недѣли и къ изгнанію на три года съ тѣмъ, чтобы жить безвыѣздно въ Римѣ. Конечно, этотъ приговоръ былъ отмѣненъ, но злой умыселъ былъ ясенъ, тѣмъ болѣе, что о жалобѣ обиженной стороны не слышно [4]). Потомъ было рѣшено уменьшить жалованье всѣмъ докторамъ; и на это Филельфо смотрѣлъ какъ на средство выжить его изъ Флоренціи. Но онъ съумѣлъ уклониться отъ этой мѣры [5]).

Однако чаша горечи переполнилась. Филельфо зналъ своихъ враговъ и первый подалъ сигналъ къ открытой борьбѣ. Марсуппини и Никколи онъ объявилъ ее письменно, обоимъ 13 апрѣля 1433 г. Перваго упрекалъ въ его пронырствахъ, козняхъ, лѣности и зависти къ литературнымъ талантамъ, ростовщичествѣ и другихъ порокахъ. А Никколи онъ напоминалъ о томъ, что онъ уже прогналъ изъ Флоренціи Хризолора, Гварино и Ауриспу, а теперь и съ нимъ хочетъ сдѣлать тоже самое. Онъ издѣвался надъ нимъ, какъ надъ слабоумнымъ старцемъ, котораго водитъ за носъ такая коварная лисица, какъ Карло. Съ этихъ поръ не было и рѣчи о

---

1) См. его греческое письмо къ Георгію Схоларію отъ 1 марта 1430 г. въ вольфенб. рукописи fol. 7.

2) Филельфо въ письмахъ къ Ламолѣ отъ 1 ноября 1430 и 1 авг. 1431 гг.

3) Сюда относится его Oratio habita in principio publicae lectionis, quam domi legere aggressus est, quam per indivos publice nequiret. Florentiae 23 окт. 1431 г. Указано у Bandini Catal. codd. lat. T. III p. 495.

4) Декретъ отъ 10 марта 1431 г. (по нашему счисленію 1432 г.) у Fabronius Cosmi vita vol. II p. 69 и у Gaye Carteggio I p. 551.

5) Его посланіе къ Козьмѣ Медичи отъ 1 мая 1433 г.

примиренiи; борьба принимала все болѣе и болѣе серьезные размѣры и велась съ ожесточенiемъ.

Во Флоренцiи былъ пущенъ въ ходъ пасквиль на Филельфо, въ авторѣ котораго трудно было не узнать Поджiо, друга Никколи. Филельфо требовалъ отъ него признанiя, онъ ли писалъ эту «глупую и пошлую руготню». Поджiо уклонился отъ прямаго отвѣта, но не опровергалъ и догадки: пусть Филельфо не воображаетъ, что онъ одинъ можетъ ругаться и клеветать и что никто не въ состоянiи отвѣчать на его брань, которую онъ осыпаетъ Никколи [1]).

Такимъ образомъ четверо самыхъ почтенныхъ людей стали отъявленными врагами надменнаго Толентинца, хотя Траверсари соблюдалъ еще нѣкоторую умѣренность, по крайней мѣрѣ публично, и не совсѣмъ оправдывалъ своего дорогаго Никколи. Въ прiятельскихъ письмахъ къ нему онъ, конечно, выразилъ полное согласiе съ противниками Филельфо. Изъ Венецiи онъ сдѣлалъ предложенiе пригласить въ преподаватели греческаго языка Георгiя Трапезунтскаго и такимъ образомъ вытѣснить Филельфо [2]). Единственный человѣкъ, державшiй сторону, послѣдняго былъ Лiонардо Бруни, потому что онъ былъ все еще въ натянутыхъ отношенiяхъ съ Никколи изъ за Бенвенуты. Но враги, на бѣду Филельфо, были въ милости у Медичи. Онъ ожидалъ, что они окажутъ на нихъ свое влiянiе. Такъ какъ Козьма казался ему человѣкомъ уклончивымъ, серьезнымъ и скупымъ на слова, то онъ приписывалъ ему всѣ дурныя качества, хотя сынъ его Пьеро былъ его ученикомъ [3]). Все таки онъ считалъ возможнымъ поставить Козьму внѣ тѣхъ влiянiй, какiя имѣли на него Никколи, Поджiо и Марсуппини. Напротивъ въ Лоренцо де Медичи онъ замѣчалъ нескрываемое нерасположенiе къ себѣ; когда Филельфо кланялся съ нимъ, то онъ смотрѣлъ всторону [4]). Еще очевиднѣе была та немилость, въ какую впалъ нашъ ученый у другихъ Медичи. Это было видно изъ того, что благодаря ихъ влiянiю Карло д'Ареццо былъ приглашенъ на каѳедру краснорѣчiя и, очевидно, выставленъ ему соперникомъ. Дѣйствительно, Марсуппини удалось открыть лекцiи съ блестящимъ успѣхомъ и возбудить страшную зависть въ Филельфо, такъ какъ его слушали

---

1) Письмо Поджiо къ Филельфо отъ 14 марта (1434 г.) epist. V, 17 ed. Tonelli.

2) Ambros. Travers. epist. VIII, 46.

3) Филельфо къ Козьмѣ Медичи отъ 1 мая 1433 г., къ болонскому кардиналу (Альбергати) отъ 29 сент. 1432. Cf. Satyr. Dec. II hec. 1.

4) Филельфо къ Траверсари отъ 2 мая 1433 г., къ Пьеро де Медичи отъ 7 мая 1433 г. у Rosmini l. c. p. 118.

ученѣйшіе мужи Флоренціи и папскіе придворные, его незаконныя дѣти и нѣкоторые кардиналы [1]). Финансовый вопросъ былъ поставленъ искусно, и было возбуждено сомнѣніе, стоятъ-ли лекціи Филельфо такого высокаго вознагражденія. Марсуппини просилъ лишь третью долю его и предлагалъ читать тѣ же лекціи [2]). Всѣ эти мелкіе уколы приводили Филельфо въ бѣшенство. Онъ уже громко говорилъ о своей славѣ и все больше раздражался противъ Никколи и Карло д'Ареццо, которыхъ постоянно клеймилъ безпощадно и безъ зазрѣнія совѣсти въ своихъ письмахъ [3]), Теперь онъ вмѣшался и въ борьбу республиканскихъ партій, нападалъ въ своихъ сатирахъ на народную партію и на фамилію Медичи, особенно на Козьму, котораго онъ даже предостерегалъ не слишкомъ надѣяться на свое богатство и вспомнить о судьбѣ Креза [4]).

Однажды утромъ, когда Филельфо шелъ въ университетъ, на него бросился со шпагою убійца, переодѣтый флорентинскимъ купцомъ. Однако тотъ оттолкнулъ его сильнымъ ударомъ въ грудь, и онъ убѣжалъ. Но извѣстно, кто онъ былъ: звали его Филиппо, родомъ онъ изъ Казале на рѣкѣ По и былъ отъявленный бандитъ. Знали и кто нанялъ его. Это нѣкто Джироламо Броккардо изъ Имолы, студентъ медицины. Но кто настроилъ послѣдняго? Филельфо былъ убѣжденъ, что Медичи знали объ этомъ, и утверждалъ, что этотъ Брокардо имѣетъ сношенія съ Лоренцо де Медичи, Никколи и Марсуппини. Съ этихъ поръ ненависть его не знала границъ [5]). Самый случай былъ забытъ, когда въ сентябрѣ 1433 г. революція, происшедшая въ городѣ, поглотила общее вниманіе. Знатные (nobili)) искуснымъ маневромъ захватили въ свои руки власть, и Козьма Медичи, теперь узникъ, ждалъ своей участи. Филельфо вполнѣ торжествовалъ; его пророческія слова, казалось, сбылись, и день возмездія насталъ. Въ сатирѣ, обращенной къ главѣ торжествующей партіи, Палла Строцца, онъ порицалъ послѣдняго за его мягкосердечную кротость, которая довольствовалась изгнаніемъ свергнутаго демагога; онъ требовалъ смерти его [6]).

---

[1]) Vespasiano Carlo d' Arezzo § 1. Franc. Filelfo § 2. Poggio Fiorentino § 3.

[2]) Philelfi Satyr. Dec. I hec. 6.

[3]) Mehus Vita Ambros. Travers. p. 61. Кромѣ напечатанныхъ сатиръ упоминаетъ и о двухъ ненапечатанныхъ, которыя Филельфо направилъ противъ Никколи.

[4]) Satyr. Dec. I hec. 3.

[5]) Письмо его къ Энею Сильвію отъ 28 марта 1439 г. Poggius Invectiva III in Philelphum (Opp. p. 181), того мнѣнія, что убійцу нанялъ Брокардо потому, что Филельфо нѣсколько разъ оскорбилъ его.

[6]) Quid facis, o Palla? quo te clementia cursu
Praecipiti culpandu traxit? pater optime, Mundo (c. e. Cosmo, Cosimo)

Козьма отправился въ изгнаніе въ Венецію. Его литературные друзья пользовались почетомъ и у Строцца и Альбицци, но должны были терпѣть, когда теперь торжествующій Филельфо вымещалъ на нихъ всю свою злобу, а въ особенности неустанно бичевалъ Марсуппини и Никколи, также Поджіо, который въ это тяжелое время принялъ участіе въ старомъ другѣ, глубоко оскорбленномъ. Возмездіе не долго заставило себя ждать. Какъ извѣстно, Козьма меньше чѣмъ чрезъ годъ былъ возвращенъ согласно всемогущей волѣ народа. Враги его удалились, какъ только онъ былъ близко отъ города; въ числѣ ихъ и Филельфо. — «Если бы я остался, говорилъ онъ, то погибли бы и музы и Филельфо». Сіэна пригласила его въ свой университетъ [1]).

Филельфо оставилъ Флоренцію, но борьба далеко еще не кончилась, и дѣло не ограничилось также одними писаніями. Мѣсяцевъ черезъ десять послѣ удаленія Филельфо изъ Флоренціи въ Сіэнѣ опять явился Филиппо, который возбудилъ подозрѣніе тѣмъ, что сталъ наводить справки объ образѣ жизни молодаго профессора. Его схватили, пытали и отрубили ему руку. Онъ признался въ намѣреніи убить Филельфо, но все таки эта исторія осталась неразъясненною. Филельфо прямо обвинялъ Медичи и своихъ флорентинскихъ соперниковъ, и утверждалъ, что какъ прежде во Флоренціи, такъ и теперь въ Сіэнѣ злоумышляютъ на его жизнь [2]). Его мщеніе приняло такое же направленіе. Вмѣстѣ съ другими флорентинскими изгнанниками, находившимися въ Сіэнѣ, онъ договорилъ одного безчестнаго грека Антонія Марію изъ Аѳинъ убить Козьму Медичи, Марсуппини и Джироламо Броккардо. За это обѣщали «осчастливить грека на всю жизнь». Послѣдній однако не хотѣлъ взять на себя убійство Медичи, такъ какъ онъ обыкновенно

Ignovisse paras? nescis portenta latronis
Immani quae mente latent?—Iam desine, Palla,
Decretam prohibere necem etc.
Satyr. Dec. III, hec. 1.

[1]) Ср. его письмо изъ Сіэны къ Леонардо Джустиніани отъ 31 янв. 1435 г. Это его первое письмо оттуда. Дальнѣйшія происшествія ясно покажутъ причину перерыва въ его письмахъ между 3 мая 1433 г. и 31 янв. 1435 г. Satyr. Dec. IV hec. 9:

. . . . ibimus et nos
Hinc propere: nec enim nostras fore duco quietas
Pieridas sicas intes virus que dolocum.

[2]) Письмо его къ Энею Сильвію отъ 28 марта 1439 г. Satyr. Dec. V. hec. 6. 10 Его предостерегалъ отъ этихъ козней и Лано да Кастильонкіо, ученикъ его. См. письмо къ послѣднему отъ 30 сент. и къ Леон. Джустиніани отъ 15 окт. 1438 г.

выходитъ изъ дому съ сильнымъ вооруженнымъ конвоемъ и уже сдѣлался осторожнѣе вслѣдствіе прежняго покушенія. Для этого дѣла рѣшено было нанять пятерыхъ или шестерыхъ бандитовъ за 4000 гульденовъ. Аѳинянинъ разсчитывалъ убить одного изъ двухъ враговъ самаго Филельфо, за что долженъ былъ получить отъ него уже послѣ преступленія 25 гульденовъ. По прибытіи во Флоренціи онъ сталъ слѣдить за Марсуппини и Броккардо, но такъ какъ ему не представлялось удобнаго случая, то онъ имъ и предложилъ убить Филельфо въ Сіэнѣ за хорошую плату. Но его схватили, судили, отрубили обѣ руки и выгнали изъ флорентинскихъ владѣній. На основаніи его показаній, безъ сомнѣнія вынужденныхъ пыткою, былъ постановленъ приговоръ и надъ Филельфо. Въ случаѣ, если бы его схватили, ему присуждено отрѣзать языкъ и прогнать изъ флорентинскихъ владѣній [1]).

Филельфо примкнулъ къ изгнанной знати, которая въ то время надѣялась достичь возвращенія силою. Онъ этимъ придалъ совсѣмъ иной характеръ борьбѣ, которая сначала ограничивалась лишь кружкомъ ученыхъ. Его запальчивость нисколько не остыла, когда 4 февраля 1437 г. умеръ Никколи, первый изъ его враговъ. Но самымъ злѣйшимъ врагомъ со времени постановленія приговора онъ считалъ Козьму Медичи. Если ему не посчастливилось сбыть его съ рукъ кинжаломъ, то слѣдовало убить литературнымъ путемъ,—запятнать вѣчнымъ позоромъ передъ потомствомъ и его, и его домъ. Язвительное перо отомститъ за позорное изгнаніе. Филельфо задумалъ большое сочиненіе въ X книгахъ или діалогахъ, въ которомъ намѣревался изобразить съ дурной стороны главнымъ образомъ Медичи. Онъ назвалъ этотъ трудъ «Книгою объ изгнаніи», потому что въ немъ собесѣдниками были флорентинскіе граждане, жаловавшіеся на свое изгнаніе, въ особенности Палла Строцца. Мы не знаемъ, было ли оно кончено; въ одной рукописи только три книги [2]). Медичи изображаются въ нихъ кабатчиками, угольщиками, содержателями игорныхъ домовъ и ростов-

---

[1]) Приговоръ надъ Антоніемъ, исполненный 22 сент. 1436 г., и надъ Филельфо отъ 11 окт. заимствованы изъ флорентинскаго архива у Fabronius Cosmi vita vol. II p. 111. 115. Судя по этому, переговоры между Филельфо и убійцею происходили въ Сіэнѣ въ августѣ. Козьму не называютъ прямо въ этихъ актахъ, но довольно ясно намекаютъ на него.

[2]) Вѣроятно, впослѣдствіи вышли и другія. Леонардо Джустиніани въ письмѣ къ Филельфо отъ 28 дек. 1443 г. (Cod. ms. 1292 Лейпцигской университетской библіотеки, fol. 216) проситъ у своего друга duos de exilio libros, будто онѣ только что явились. Письмо тоже напечатано передъ Convivia Mediol. Филельфо и въ Bern. Iustiniani Oratt. fol. K, 2.

щиками. Они обвиняются въ отравленіи папы Іоанна XXIII, который, какъ извѣстно, послѣ своего низложенія умеръ во Флоренціи. Лоренцо изображается нечистымъ животнымъ [1]; его сравниваютъ съ быкомъ, Эверардо съ волкомъ, а Козьму съ лисицей. Вся книга наполнена ругательствами и пошлостями. Она была издана около августа 1437 г. Поджіо послалъ ее къ Медичи. Онъ полагалъ, что Козьма съумѣетъ найти достойную кару для автора. «Если ты оставишь это дѣло такъ, писалъ онъ ему, то я скажу, что ты не тотъ, за кого тебя принимаютъ» и т. д. Поэтому и не удивительно, что Филельфо все еще боялся яда и кинжала [2]).

Литературную борьбу Поджіо взялъ на себя. Онъ являлся и здѣсь рыцаремъ, защитникомъ Флоренціи, а не папскимъ секретаремъ. Съ тѣхъ поръ какъ онъ выступилъ на арену за Никколи, безоружнаго въ литературномъ отношеніи, Филельфо вовлекъ его въ число враговъ, противъ которыхъ изрыгалъ свой ядъ. Но въ лицѣ Поджіо онъ нашелъ человѣка, искуснаго въ писаніи инвективъ, который не оставался у него въ долгу по части самой безпощадной руготни, хотя не могъ сравниться съ нимъ въ изяществѣ сатирическаго стиха. Послѣ первыхъ двухъ инвективъ Поджіо, за которыми слѣдовало множество сатиръ и нападокъ Филельфо въ сочиненіи «Объ изгнаніи», поэтъ Агапито Чепчи устроилъ нѣкотораго рода перемиріе. Поджіо обѣщался молчать, если противникъ его тоже замолчитъ. Но когда онъ услыхалъ, что не смотря на это Филельфо снова нападаетъ на него въ своихъ стихахъ, то онъ выпустилъ противъ него третью инвективу, въ которой старался перещеголять злость

---

[1]) Laurentii latera aspice, palearia, incessum considera! Nonne cum laquitur, mugit? Os vide et linguam e naribus mucum lingentem. Caput cornibus totum insignee est.

[2]) Изъ Liber de exilio у v. Reumont Lorenzo de' Medici Bd. II s. 595, названной Commentatioum Florentinarum libri. III, Fabronius Cosmi vita vol. I p. 9 vol. II p. 10. 155. 220 сообщаетъ нѣкоторыя извлеченія. О времени я заключаю по письму Филельфо къ Пьеру Перлеоне отъ 13 авг. 1437 г. и Poggius epist. VII, 4 отъ 13 дек. (1437 г.) Письмо Поджіо къ Козьмѣ Медичи, сообщаемое Фаброніемъ vol. II p. 116, изъ флорентинскаго архива, къ сожалѣнію не помѣчено. Графъ Виталіано Борромео, которому Филельфо посвятилъ сочиненіе de exilio, является знатнымъ дворяниномъ въ Миланѣ также и въ діалогахъ Антоніо да Ро о заблужденіяхъ Лактанція. Rosmini Vita di Filelfo T. I p. 97 упоминаетъ объ одномъ язвительномъ сочиненіи Филельфо, въ которомъ онъ подстрекалъ изгнанныхъ флорентинцевъ къ вооруженному нападенію на городъ, а герцога миланскаго къ помощи. Онъ видѣлъ въ Ambrosiana копію отъ 15 нояб. 1437 г., списанную для себя Ринальдо дельи Альбицци, но ради molte orribili oscenita, онъ считаетъ нужнымъ сдѣлать изъ нея извлеченіе. Не тождественна ли эта инвектива съ Liber de exilio? Главную суть своихъ нападокъ Филельфо повторяетъ тоже въ Satyr. Dec. V hec. 8. Vespasiano Filelfo § 4 называетъ сочиненіе de exilio. opera assai prolissa, но, кажется, не видалъ его.

первыхъ двухъ. Только послѣ четвертой въ 1447 г. онъ склонился на убѣжденіе одного пріятеля оставить борьбу съ Филельфо, но между ними примиренія не послѣдовало [1].

Мы еще нѣсколько разъ возвратимся къ этой литературѣ инвективъ, и читателю, желающему ознакомиться съ нею, укажемъ на самыя произведенія. Здѣсь мы только желали бы обратить вниманіе на чудовищность обвиненій, которымъ едва ли найдутся подобныя въ другое время. Неразборчивый Поджіо ничего не щадитъ, равно какъ и противники его—Филельфо, а впослѣдствіи Валла. Среди позорной брани и клеветъ мы слышимъ нареканія на отца, на мать, на жену. Нападающій пятнаетъ нравственность врага самыми невѣроятными укоризнами и обвиненіями; приводятся факты и имена, чтобы придать всему этому болѣе вѣроятности. Разсказывается, будто Филельфо родился отъ незаконнаго сожительства одной полуголодной женщины со священникомъ. Потомъ его будто бы палками прогнали изъ Падуи, гдѣ онъ былъ ученикомъ Гаспарино, за то, что онъ подольщался къ одному юношѣ съ непозволительною цѣлью. Въ Константинополѣ онъ обезчестилъ дочь Іоанна Хризолора, который гостепріимно пригласилъ его въ свой домъ, и такимъ образомъ принудилъ выдти за себя замужъ, воровалъ у своего тестя книги и другія вещи. Въ Венеціи онъ не отдалъ Леонардо Джустиніани занятыхъ денегъ и за это сидѣлъ въ тюрьмѣ во Флоренціи. Въ послѣднемъ городѣ, оставшись одинъ въ библіотекѣ Бруни, онъ присвоилъ себѣ нѣкоторыя драгоцѣнности, принадлежавшія его женѣ. Поджіо разсказываетъ объ одномъ молодомъ Флорентинцѣ, съ которымъ Филельфо будто бы былъ въ самыхъ неприличныхъ отношеніяхъ, и прибавляетъ: «Быть можетъ, я лгу? Сочиняю? Что нибудь прибавляю къ истинѣ? Нѣтъ, молодой человѣкъ живъ и все это подтверждаетъ. Есть свидѣтели, слышавшіе все это, имена которыхъ можно назвать противъ ихъ воли только къ твоему вѣчному позору!» [2]).

---

[1]) Первыя три инвективы Поджіо см. въ его Opera p. 164 seq. О четвертой, имѣвшей форму письма къ Пьеро Томассо отъ 19 авг. 1446 г., упоминаетъ Saxius p. 128. См. также Poggius epist. VII, 4. 5. IX, 15. 16.

[2]) Mater (Philelphi) Arimini dudum in purgandis ventribus et intestinis sorde deluendis questum fecit. Haesit naribus filii sagacis materni exercitii attrectata putredo et continui stercoris foetens habitüs.—Puerоruum atque adolescentum amores nefandissimos sectaris, non mulierum.—Tu discipulorum tuorum maritus candem artem calles, quam ab ineunte aetate exercuisti. Tu inquam adolescentos non ad scholam doctrinae, sed ad libidinum diversorium studiorum ostentatiene attrahere consuevisti, ques non solum tuae libidini effrenatae subdis, sed etiam aliis prostituere solitus es ad ampliorem mercedem salarii consequenaom.—Pusionem, quem amabas hac in urbe, inter te et uxorem in e codem lecto saepius collocarti etc.

Само собою понятно, что обѣ стороны приписывали побѣду себѣ. Обѣ, вѣроятно, сознавали также, что ихъ взаимныя поношенія не будутъ имѣть значенія для потомства. Другое дѣло положеніе Медичи. Мы имѣемъ доказательства, что бранное сочиненіе «Объ изгнаніи», казалось имъ чернымъ пятномъ на ихъ репутаціи, такъ что имъ бы желалось уничтожить эту книгу. Только этимъ и можно объяснить, что Козьма Медичи, тотчасъ послѣ своего пріѣзда во Флоренцію, вошелъ въ переговоры съ Филельфо чрезъ посредство генерала Камальдуловъ, не принимавшаго никакого участія въ этой войнѣ, и приглашалъ его воротиться. Если бы у него былъ дурной умыселъ, какъ полагалъ Филельфо, то едва ли онъ обратился бы именно къ посредничеству Траверсари. Но изгнанникъ отвѣчалъ гордо и рѣшительно: «Козьма Медичи пускаетъ въ дѣло противъ меня ядъ и кинжалъ, а я—мой умъ и перо».—«Я не желаю дружбы Козьмы и презираю его вражду» [1]).

Но чрезъ два года озлобленіе поэта настолько остыло, что онъ самъ протянулъ руку примиренія Козьмѣ, котораго такъ позорилъ, конечно, сдѣлалъ это надменно и весьма странно [2]). Онъ потерялъ въ немъ самаго щедраго мецената; изгнаніе его закрыло ему доступъ въ флорентинскую область; а при миланскомъ дворѣ ему жилось не такъ привольно, какъ когда-то во Флоренціи. Но онъ хотѣлъ, какъ грозный врагъ, заставить вдвойнѣ почувствовать цѣну своей дружбы. Филельфо началъ съ посланія къ флорентинскому совѣту и народу: онъ просилъ ихъ снова принять изгнанныхъ оптиматовъ и помириться съ миланскимъ герцогомъ Филиппомъ, который возвратитъ ихъ. Онъ обвинялъ партію Медичи въ томъ, что она эксплуатируетъ гражданъ и лишаетъ ихъ свободы. 3 іюля 1440 г. онъ побуждалъ Ринальдо дельи Альбицци, главу изгнанниковъ, положить конецъ всѣмъ «безбожнымъ измѣнникамъ» партіи Козьмы Медичи, и убить его, самаго злѣйшаго ихъ врага. А черезъ день послѣ, этого онъ предлагалъ ему примиреніе! По его словамъ, онъ доказалъ ему, что не можетъ спокойно выносить оскорбленій и поношеній. Но теперь сердце отошло, и онъ собственно никогда не питалъ къ нему ненависти [3]). Если Козьма возвратитъ изгнанниковъ и употребитъ свои богатыя средства на то, чтобы приглашать въ городъ достойныхъ

---

[1]) Письма Филельфо къ Траверсари отъ 1 окт. и 9 дек. 1437 г. и тоже письма Траверсари epist. XXIV, 44, 45.

[2]) Поводомъ къ этому, быть можетъ, было рѣшеніе баліи отъ 24 мая 1440 г. у Gaye Carteggio I p. 556, для уразумѣнія котораго намъ не достаетъ связи, но въ немъ, по видимому, запрещаютъ называть Филельфо periurus и преслѣдовать его.

[3]) Itaque inimici vulgo non absurde existimantur.—At ego si quid irarum conceperam adversus te, satis mihi videor id omne vel evomuisse vel concoxisse. Nam mediusfidius te nunquam odi.

людей, вмѣсто того, чтобы подвергать изгнанію и опалѣ, то ему будетъ удивляться все потомство, и онъ безспорно будетъ первымъ лицомъ въ республикѣ и будетъ названъ отцомъ отечества. По видимому, Козьма не такъ высоко цѣнилъ политическіе таланты своего противника, тѣмъ болѣе, что въ тѣ самые дни изгнанники понесли послѣднее и самое рѣшительное пораженіе. Ихъ союзъ съ хвастливымъ и положительно ненадежнымъ рыцаремъ пера только ввелъ ихъ въ бѣду, но болѣе благоразумные, какъ Палла Строцца, никогда не полагались на него [1]).

Долго потомъ нѣтъ рѣчи о примиреніи Филельфо съ Медичи. Наконецъ на папскій престолъ вступилъ Николай V, и Филельфо очень хотѣлось проѣхать черезъ флорентинскую область въ Римъ. Тогда онъ черезъ графу Сфорцу обратился къ Джіованни, сыну Козьмы Медичи, не желая унижаться самъ. Онъ долженъ былъ просить у отца прощенія Филельфо ради его великихъ заслугъ въ будущемъ [2]). Потомъ онъ обратился и къ другому сыну Козьмы, своему прежнему ученику Пьеро [3]). Но и это было безполезно. Филельфо удивлялся, слыша, что Марсуппини, къ которому онъ когда то подослалъ греческаго бандита, все еще не можетъ забыть зла [4]). Наконецъ онъ повелъ переговоры прямо съ Козьмою Медичи чрезъ Никодимо Транкедино, и тотъ, дѣйствительно, оказался расположеннымъ къ миру, такъ что поѣздка могла состояться [5]). Но когда онъ завелъ рѣчь объ отмѣнѣ изгнанія, то Козьма полагалъ, что это дѣло трудное, потому что въ изгнаніи было много знати. Онъ предложилъ устроить такъ, чтобы герцогъ миланскій написалъ письмо къ республикѣ, въ которомъ ходатайствовалъ бы, какъ о любезности, о возвращеніи Филельфо. Но герцогъ не хотѣлъ этого сдѣлать. Впрочемъ, хотя изгнаніе и оставалось въ силѣ, но на дѣлѣ миръ былъ возстановленъ. Филельфо считалъ, что съ Козьмою онъ помирился; онъ даже надѣялся снова пользоваться его благоволеніемъ. Козьма Медичи требовалъ только одной услуги: уничтоженія книгъ «объ изгнаніи,» которыя позорили передъ потомствомъ и его, и его домъ [6]). Филельфо обѣщалъ по-

---

1) Письма Филельфо къ флорентинскому народу отъ 16 іюня, къ Альбицци отъ 3 іюля, къ Козьмѣ Медичи отъ 4 іюля 1440 г., къ Строцци отъ 1 марта 1444 г. Satyr. Dec. VII hec. 7. 8.

2) Посланіе Сфорцы отъ 16 дек. 1447 г. у Фаброніа Cosmi vita vol. II p. 115. Филельфо предлагаетъ essere sempre vostro servitore per lo advenire divotissimo.

3) Его письмо къ нему отъ 3 нояб. 1448 г.

4) Его письмо къ Андреа Аламанно отъ 18 февр. 1451 г.

5) Письмо Филельфо къ Транкедино отъ 23 января 1452 г.

6) Филельфо къ Арчимбольди отъ 22 іюля 1454 г. Письмо его къ Лоренцо Медичи отъ 20 мая 1478 г. и отъ 23 іюля 1473 г. въ которыхъ упоминается о предложеніяхъ

заботиться объ этомъ по мѣрѣ возможности. Можетъ быть, въ это время онъ уничтожилъ часть своего собранія писемъ (Epistolarium), въ которомъ изображено было время самой ожесточенной борьбы. До насъ она не дошла. Та мечта Филельфо, что перо его даруетъ и безсмертіе, и вѣчный позоръ, жила не въ одномъ его заносчивомъ воображеніи; этому вѣрили даже люди съ высшимъ образованіемъ.

Съ другой стороны характеристично то, что Филельфо среди своей шумной жизни и дѣятельности постоянно тяготѣлъ къ Флоренціи [1]). Онъ внушилъ своему сыну Джіанмарія мысль написать «Косміаду», поэму въ двухъ книгахъ, чтобы достичь полнаго примиренія съ Козьмою Медичи и хвалебными гекзаметрами загладить тѣ оскорбленія, которыя онъ ему нѣкогда причинилъ [2]). Даже и тогда, когда Козьмы давно не было на свѣтѣ, а онъ былъ уже старикомъ и все еще въ изгнаніи, онъ завелъ оживленную переписку съ Лоренцо Медичи. Послѣдній хотѣлъ возобновить университетъ въ Пизѣ. Филельфо, 75 лѣтъ отъ роду, серьезно хлопоталъ о томъ, чтобы его пригласили туда профессоромъ. По гордости и безхарактерности онъ оставался все такимъ же, какимъ былъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. «Знайте, писалъ онъ Лоренцо Медичи, что въ настоящее время нѣтъ другаго Филельфо, нѣтъ человѣка, который бы былъ больше преданъ вамъ, чѣмъ я». Чтобы изгладить и послѣднюю память о прошломъ, онъ задумалъ новое обширное сочиненіе въ похвалу Медичи. Оно должно было состоять изъ десяти или двѣнадцати книгъ, но, кажется, остановилось на предисловіи, которое авторъ тогда же послалъ Лоренцо [3]). Онъ еще успѣлъ достичь своей послѣдней цѣли. Дѣйствительно, его опять пригласили во Флоренцію преподавать въ университетѣ, когда уже онъ былъ 83 лѣтнимъ старцемъ. Но сейчасъ же по пріѣздѣ онъ заболѣлъ отъ трудностей переѣзда и жары и умеръ 31 іюля 1481 г. [4]). Прахъ его успокоился на той же самой землѣ, гдѣ успокоились раньше и всѣ его враги: Никколи, Траверсари, Марсуппини, Поджіо и Козьма Медичи.

Если мы оглянемся на тѣ пять лѣтъ, въ теченіе которыхъ Филельфо читалъ лекціи въ флорентинскомъ университетѣ, то увидимъ, что его дѣятельность принесла не малые плоды. Еще ни въ

Козьмы, см. у Fabronius Laurentii Medicei vita vol. II p. 102. 388. Филельфо сдѣлалъ все, отъ него зависящее, чтобы уничтожить сочиненіе de exilio; это доказываетъ и Vespasiano Filelfo § 4: Io donnò o ispenselo, secondo ch'egli disse.

1) Vespasiano Filelfo § 3: cercò con grandijsima diligenza di vitornarieta Firenze.

2) Нѣсколько стиховъ у Fabronius Cosmi vita vol. I p. 172.

3) Извлеченіе изъ его корреспонденціи съ Лоренцо Медичи у Fabronius Laurentii vita vol. II p. 22. 102. 381. 382. 388.

4) Fontius Annel. ed. Galletti p. 169.

одномъ университетѣ не могли такъ долго оказывать почета профессору краснорѣчія и греческаго языка. Полное знакомство съ обоими языками, обширныя и основательныя свѣдѣнія, а въ особенности живость и энергія преподавателя имѣли мощное вліяніе на молодое поколѣніе. Молодежь легче прощаетъ неблаговидныя черты характера, чѣмъ люди зрѣлыхъ лѣтъ. Не одинъ молодой человѣкъ, бывшій ученикомъ Филельфо, вспоминалъ о своемъ наставникѣ съ благодарностью. Упомянемъ здѣсь только объ одномъ флорентинцѣ, которому, правда, было уже 25 лѣтъ, когда Филельфо сталъ читать лекціи во Флоренціи. Онъ вдохнулъ въ него любовь къ наукѣ, и на него возлагались большія надежды. Это Лапо да Кастильонкіо, племянникъ того юриста Лапо, о которомъ мы прежде упоминали. Хотя у него было маленькое состояніе, и онъ былъ по натурѣ молчаливъ и меланхоликъ, однако съ необычайнымъ жаромъ предался изученію литературъ греческой и римской, памятники которыхъ списывалъ большею частію самъ. Въ нѣсколько лѣтъ онъ сдѣлалъ такіе успѣхи, что могъ уже приняться за переводъ сочиненій Лукіана и Плутарха и писалъ изящнымъ латинскимъ языкомъ. Бруни, Манетти, Траверсари, а въ особенности Филельфо съ большою энергіею поощряли его. Въ виду предстоящаго собора, на которомъ долженъ былъ обсуждаться вопросъ о возсоединеніи церквей, онъ былъ назначенъ папскимъ секретаремъ, а въ тоже время началъ читать лекціи гуманныхъ наукъ въ болонскомъ университетѣ. Но чума похитила его во Флоренціи на 33-мъ году жизни [1]).

Послѣ Филельфо гуманныя науки преподавалъ Марсуппини и не безъ успѣха. Онъ не оставлялъ каѳедры и будучи канцлеромъ. Но послѣ его смерти уже некому было читать лекцій краснорѣчія и реторики. Онѣ не пустили глубокихъ корней. Если сравнить рвеніе къ наукамъ съ успѣхами, то приходится согласиться съ Поджіо, что для этихъ наукъ вовсе не нужно приглашать особыхъ преподавателей. Лучшіе ихъ представители, Петрарка, Салютато, Бруни, Марсуппини, Траверсари, Никколи, Росси, наконецъ самъ онъ—всѣ достигли этого безъ всякихъ наставниковъ, лишь бесѣдуя съ древними [2]). Такого воззрѣнія вообще и держались до тѣхъ поръ, пока изъ этихъ отраслей не выработалась новая наука—филологія. Конечно, Флоренція была въ то время единственнымъ городомъ, производившимъ достаточное число «поэтовъ и ораторовъ» безъ университетскихъ лекцій. Но греческій

---

[1]) Vespasiano: Lapo da Castiglionchi Bocchius Elog. ed. Galletti p. 15. Его рѣчь при началѣ лекцій въ Болоньѣ у Bandini Catal. codd. lat. T. III p. 358. Mehus Vita Ambros. Travers. p. 142. Ambros. Travers. epist. XIII, 2.

[2]) Poggius epist. XIII, 3.

языкъ не могъ еще обойтись безъ наставниковъ-специалистовъ, и постоянно старались приглашать на эту каѳедру природныхъ грековъ, вполнѣ владѣвшихъ классическою латынью. У нихъ предполагалось въ то же время знакомство съ новою философіею, съ Аристотелемъ и Платономъ, которому удивлялись, хотя мало знали его. Около времени собора мы встрѣчаемъ въ флорентинскомъ университетѣ Георгія Трапезунтскаго. Онъ при большомъ стеченіи слушателей преподавалъ греческую грамматику, латинскую реторику, логику и діалектику, имѣлъ также частныя упражненія съ своими учениками помимо лекцій. Но это длилось не долго; Георгій былъ человѣкъ несноснаго характера. Не слышно даже, чтобы онъ пользовался особымъ уваженіемъ первенствующихъ лицъ въ городѣ [1]). Въ преемники ему кураторы старались пригласить Ѳедора Газскаго, но онъ отклонилъ отъ себя эту честь, потому что въ скоромъ времени намѣревался оставить Италію и возвратиться въ Грецію [2]).

Дѣятельность Іоанна Аргиропуло начинается именно въ такое время, которое мы должны еще освѣтить, но о ней нельзя не упомянуть здѣсь потому, что блескомъ лучей ея еще озарились послѣдніе годы жизни Козьмы Медичи. Аргиропуло, кажется, пріѣхалъ на Западъ вскорѣ послѣ завоеванія Константинополя турками. Но и тамъ онъ пользовался громкою славою, какъ риторъ и философъ. Филельфо рекомендовалъ его одному молодому другу, желавшему докончить свое образованіе въ Византіи; къ нему же и для этой же цѣли онъ отдалъ и своего сына Джіанмарію [3]). Хорошіе отзывы Филельфо и открыли этому греку путь на Западъ. Онъ преподавалъ сначала въ Падуѣ, гдѣ изгнанникъ Палла Строцца заставилъ его объяснять себѣ сочиненія Аристотеля. Потомъ онъ слегка понавѣдался и по ту сторону Альпъ, но, конечно, оказалось, что тамъ не было еще готовой почвы для его учености. Въ 1456 г. его пригласили во Флоренцію съ большимъ жалованьемъ, притомъ сразу на 15 лѣтъ, что прежде случалось очень рѣдко [4]). Болѣе богатые граждане постарались облегчить жизнь для обѣднѣвшаго грека, давали ему хлѣбъ и вино,

---

[1]) Vespasiano Giorgio Trabisondi § 1. Другаго свидѣтельства объ его дѣятельности во Флоренціи я не знаю.

[2]) Его письмо отъ 5 іюля 1447 г. у Fabronius Cosmi vita vol. II p. 68 и p. 229.

[3]) Письмо Филельфо къ Пьеру Перлеоне отъ 13 апр. 1441 г. и къ самому Аргиропуло отъ того же числа,—послѣднее на греческомъ языкѣ въ вольфенбюттельскомъ спискѣ fol. 42. Вотъ адресъ: ἱερεῖ τε καὶ κρίτῃ τοῦ δημοσίου (священнику и судьѣ общественныхъ дѣлъ). Объ его духовномъ санѣ упоминается и въ другихъ мѣстахъ.

[4]) Fontius Annal. ed. Galletti p. 154. Письмо Филельфо къ Донато Аччіайоли отъ 31 мая 1456 г. и 15 іюля 1461 г.

живать свое достоинство, приноситъ и отечественному городу величайшую пользу и честь. Постройка церквей, монастырей, общественныхъ зданій, дворцовъ и виллъ свидѣтельствовала о богатствахъ и процвѣтаніи Альберти. Не менѣе этого гордились они и тѣмъ, что ни изъ одной фамиліи не вышло столько людей, отличившихся на поприщѣ политической дѣятельности, а въ особенности на поприщѣ образованности, науки и литературы. Многіе изъ нихъ пріобрѣли извѣстность въ философіи, математикѣ, богословіи, астрологіи, правовѣдѣніи, нѣкоторые въ гуманныхъ наукахъ, другіе въ математикѣ и музыкѣ. Вспомнимъ еще разъ объ Антоніо, собиравшемъ около себя развитой кружокъ на виллѣ «Парадизо», сочинявшемъ концоны и любовные сонеты и написавшемъ «Исторію знаменитыхъ мужей» (Historia illustrium virorum). Такимъ образомъ гордость высокою образованностью была наслѣдственной въ этой фамиліи [1]).

Но во время политическихъ смутъ въ 1400 г. Альберти были изгнаны и подверглись опалѣ. Въ изгнаніи они жили въ Венеціи, и тамъ около 1404 г. [2]) родился Леонъ-Баттиста. Отецъ его Лоренцо, личность недюжинная, строго поддерживалъ старинныя преданія своего дома. Сыновей онъ въ особенности велъ такъ, что никто изъ нихъ не былъ празднымъ ни дома, ни внѣ дома. Старые фамильные таланты распредѣлились между ними. Карло, конечно, тоже не лишенный научнаго образованія, занялся торговыми дѣлами. А Леонъ Баттиста былъ весь погруженъ въ ученыя занятія и цѣлый день читалъ и писалъ. Это было его утѣшеніемъ въ тоскѣ изгнанія, этимъ же думалъ онъ отличиться и въ свѣтѣ. По видимому, фамилія эта долго не находила себѣ постояннаго пріюта, такъ какъ впослѣдствіи Леонъ Баттиста вспоминалъ, что его величайшею радостью всегда было, разъѣзжая по странамъ и городамъ, смотрѣть на церкви и другаго рода зданія и оцѣнивать ихъ положеніе [3]). Художническое призваніе въ немъ пробудилось такъ же рано, какъ и научное. Но оно развилось совсѣмъ иначе, когда опредѣленіемъ баліи въ октябрѣ

---

[1]) L. B. Alberti Della famiglia (Opere volgari ed. Bonuci T. II) p. 102. 104. 124. 203—205. 301. 302.

[2]) Конечно, у меня нѣтъ доказательствъ въ пользу этого факта, приводимаго Шпрингеромъ (Bilrder aus der neuren Kunstgeschichte s. 72). Если Poggius epist. VI, 23 отъ 12 окт. (1437 г.) упоминаетъ о комедіи Альберти Filodoxos, какъ о недавно вышедшей, то Альберти родился въ 1417 г., потому что онъ въ комедіи прямо говоритъ, что писалъ ее когда ему было двадцать лѣтъ отъ роду.

[3]) Delle comodita e delle incomodita delle lettere (Opusc. morali, trad. di Bartoli) p. 141. 145. Изданіе сочиненій Бонуччи я знаю только 2-й томъ.

1428 отмѣнено было изгнаніе фамиліи Альберти, такъ что они могли воротиться и по настоянію Козьмы Медичи въ 1434 г. снова получили право занимать государственныя должности.

Во Флоренціи Альберти видѣлъ юношески свѣжій расцвѣтъ гуманизма, а вскорѣ познакомился и съ свѣтилами образовательныхъ искусствъ, Брунеллеско, Донателло, Гиберти и Лукою делла Роббіа [1]). Тутъ высказались въ полномъ свѣтѣ и его многосторонія дарованія, но вмѣстѣ съ тѣмъ внутренній разладъ и неумѣнье остановиться на чемъ нибудь въ своей дѣятельности. Онъ хотѣлъ приготовить себя и физически и умственно ко всему тому, что достойно человѣка и составляетъ украшеніе жизни. Онъ и самъ старался всегда быть благороднымъ и изящнымъ. Когда онъ упражнялся съ другими въ игрѣ въ мячъ, въ метаніи диска, скорости бѣга, лазаньи на высоты, въ борьбѣ и прыганьи, то никто изъ товарищей не могъ равняться съ нимъ во всемъ этомъ. Онъ дѣлалъ изумительныя вещи. Оружіемъ онъ владѣлъ какъ самый искусный учитель фехтованья, мастерски ѣздилъ верхомъ, такъ что самыя дикія лошади подъ нимъ дрожали отъ страха. Онъ умѣлъ лѣпить изъ глины и воска, рисовалъ, зналъ музыку,—и всему этому научился безъ учителей. Онъ изучалъ произведенія римской и тосканской литературы. На все у него находилось время и средства, но онъ не могъ долго останавливаться. То книга до такой степени завлекала его, что его нельзя было оторвать отъ нея, то занятія науками до того противѣли ему, а жизнь представлялась столь заманчивою, что буквы казались ему какими-то гадкими скорпіонами.

Альберти былъ въ такомъ положеніи, что могъ дать полную свободу измѣнчивымъ влеченіямъ своей природы. Онъ остался холостякомъ, даже принялъ посвященіе. Поэтому ему легко было вести жизнь разнообразную и пріятную, посѣщая разные приходы. Конечно, онъ держался всегда всторонѣ отъ богословія, какъ показываютъ его сочиненія. Подобнымъ же образомъ онъ избѣгалъ всякаго участія въ политической дѣятельности; онъ любилъ повторять то положеніе, что человѣкъ дѣлаетъ честь государству вырабатывая свои способности. Но вообще онъ не чуждался ничего относящагося до человѣка и до жизни по части познанія нравственности, познанія и изящнаго. Поэтому и многочисленныя сочиненія его весьма разнообразны; часто они представляютъ такую смѣсь, что трудно отнести ихъ къ какому нибудь опредѣленному роду. Насколько мы знаемъ, онъ началъ свою литературную дѣятельность еще двадцатилѣтнимъ юношею съ комедіи на ла-

---

[1]) Della pittura (небольшія теоретическія сочиненія, изд. Янично) стр. 47.

тинскомъ языкѣ. На 24 г. онъ преимущественно занимался математикою и физикою. Вѣнцомъ своего авторства онъ считалъ, вѣроятно, свои сочиненія по теоріи искусства, именно по архитектурѣ, живописи и ваянію [1]). Но кромѣ этого онъ написалъ рядъ разсужденій нравственно-философскаго, антикварнаго и математическаго содержанія. Въ томъ числѣ есть большое сочиненіе «О семьѣ», въ которомъ говорится о воспитаніи, бракѣ и домашнемъ быту, — далѣе рѣчи, элегіи, эклоги, любовныя повѣсти и стихотворенія, веселыя и нескромныя застольныя бесѣды (intercoenales) и на тосканскомъ нарѣчіи и на латинскомъ языкѣ. Многія изъ этихъ произведеній проникнуты самобытнымъ юморомъ, впрочемъ не совсѣмъ понятнымъ для насъ. Таковы напр. статьи о мухѣ, о собакѣ и когда-то, вѣроятно, много читавшійся «Момусъ» (глупецъ), подъ именемъ котораго будто бы слѣдуетъ разумѣть Бартоломмео Фаціо, исторіографа короля Альфонса [2]). Но эти сочиненія не были особенно распространены и не имѣли сильнаго вліянія на литературу. Латынь Альберти лишена была силы и изящества, а тосканское нарѣчіе онъ усвоилъ себѣ какъ человѣкъ, проведшій всю свою юность въ другихъ странахъ, съ трудомъ, и давалъ поправлять свои итальянскія произведенія друзьямъ, природнымъ флорентинцамъ [3]).

Сочиненія Альберти по теоріи образовательныхъ искусствъ имѣютъ особую цѣну потому, что онъ въ оптикѣ и механикѣ былъ человѣкомъ мыслящимъ, коротко былъ знакомъ съ Витрувіемъ и другими древними писателями, а главнымъ образомъ потому, что онъ самъ былъ художникомъ-практикомъ въ главныхъ отрасляхъ искусства. Если онъ диктовалъ какому нибудь писцу, то рисовалъ его лицо, или что нибудь лѣпилъ изъ воска. Его вообще считаютъ живописцемъ и ваятелемъ, хотя у него рѣдко хватало выдержки на крупныя произведенія. Паоло Джіовіо еще видѣлъ у Рукчелаи его портретъ, сдѣланный имъ самимъ съ зеркала [4]). Онъ очень любилъ озадачивать друзей оптическими фокусами; онъ называлъ это «представленіями», когда напр. при помощи искусственныхъ

---

[1]) Не знаю, извѣстно ли его сочиненіе о техникѣ отливки изъ мѣди (tractatus artis aerariae), о которомъ упоминаетъ Aliottus epist. V, 8, 10 въ связи съ другою итальянскою книгою де arte fusoria.

[2]) По одной замѣткѣ въ кодексѣ библіотеки Marciana у Валентинелли Bibl. ms. S. Marci Venet. T. III, p. 48. Здѣсь это сочиненіе озаглавлено такъ: Momus sive de principe libri IV, въ переводѣ Бартоли Del principe въ 5 кн. Тамъ же и извѣстія, что Момусъ написанъ въ Римѣ въ 1451 г.

[3]) Cf. Leonardi Dathi epist. 13 rec. Mehus.

[4]) Angelus Politianus къ Лоренцо Медичи въ его Epistt. Antverp 1567, p. 302: optimus et statuarius est habitus. Jorvius Elogia doct. viror. 33.

стеколъ увеличивалъ небольшіе ландшафты, показывалъ ихъ въ перспективѣ и съ изумительною вѣрностью красокъ, также, конечно, и въ камеръ-обскурѣ. Какъ архитекторъ, онъ построилъ дворецъ Рукчелаи во Флоренціи, перестроилъ церковь С. Франческо въ Римини и устроилъ ниши, въ которыхъ, какъ въ Пантеонѣ, должны были покоиться останки знаменитыхъ гражданъ. Онъ былъ также совѣтникомъ великаго зодчаго своего времени, папы Николая V.

Входить подробнѣе въ эстетическую теорію Альберти не наше дѣло. Обыкновенно, говоря о его оцѣнкѣ въ этомъ отношеніи, указываютъ на Леонардо да Винчи, предшественникомъ и учителемъ котораго является Альберти. Но если разсмотрѣть элементы его артистическаго образованія, то они приведутъ насъ къ Петраркѣ, который ищетъ наслажденій природою въ ея идиллической прелести. Но онъ не ставитъ ихъ въ связь съ своимъ личнымъ *я*. Альберти не лирикъ и воспринимаетъ красоты природы зрѣніемъ, ищетъ ихъ въ гармоніи частей, во взаимодѣйствіи формы и цвѣта, какъ художникъ-пластикъ. Онъ имѣлъ живое чутье ко всему, что отличалось изяществомъ формъ и великолѣпіемъ, будутъ ли это красивые цвѣты, или видъ природы, красивое животное, или человѣкъ. Съ такой же точки зрѣнія онъ смотритъ и на художественное произведеніе, именно, какъ оно вышло изъ подъ руки человѣка, какъ на созданіе его духа. Однако онъ хочетъ не только чувствовать прекрасное, но и понимать его. Поэтому онъ беретъ за точку отправленія число, мѣру и пропорцію, ищетъ опоры для своихъ основныхъ понятій въ геометріи, оптикѣ и механикѣ. Онъ требуетъ изученія ихъ отъ художника, постоянно снова указываетъ ему на наблюденіе природы и на подражаніе тѣмъ формамъ, которыя она творитъ.

Это стремленіе къ наблюденію, это наслажденіе окружающимъ міромъ, кромѣ того разумныя преданія фамиліи Альберти значительно уравновѣшиваютъ вліяніе на Леона Баттисту «античныхъ повѣствованій», которыя поработили бы другой умъ. Въ нихъ для него нѣтъ безусловныхъ образцовъ; они лишь дополняютъ его личный жизненный опытъ—опытомъ мудрыхъ грековъ и римлянъ. Любовь къ изящному языку въ немъ тоже воспитана древними поэтами и писателями, Цицерономъ, Саллюстіемъ и Ливіемъ [1]), но онъ не считаетъ и тосканскаго нарѣчія непригодною формою для возвышенныхъ произведеній. Онъ издалъ нѣкоторыя свои сочиненія на обоихъ языкахъ. По вопросамъ житейской философіи и морали Альберти не рѣдко

[1]) Della famiglia p. 106: quella perfectissima e splendidissima aere di eloquenzia, con molta gentilezza della lingua latina. О тосканскомъ нарѣчіи p. 221.

становится въ реалистическое противорѣчіе съ модными стоическими воззрѣніями гуманистовъ. Его забавляетъ, когда «мудрецы» отлично разсуждаютъ о дружбѣ. Онъ готовъ открыто принять сторону полезной дружбы, которой и гуманисты отдаютъ предпочтеніе въ жизни. Онъ далекъ отъ того, чтобы съ философской точки зрѣнія прославлять бѣдность, какъ сестру добродѣтели; онъ думаетъ, что если бѣдность и не исключаетъ прямо добродѣтель, все таки помрачаетъ ее и подавляетъ [1]). Въ сущности его житейская философія, насколько онъ ее развиваетъ, гораздо богаче практическою мудростію, чѣмъ философія любаго изъ его современниковъ, который сыплетъ цитатами изъ Цицерона и Сенеки. И ему не чужда нѣкоторая возвышенность и одушевленіе, когда онъ говоритъ объ идеалѣ достойнаго гражданина или художника. Отъ послѣдняго онъ также требуетъ короткаго знакомства съ поэтами и ораторами, чтобъ ихъ идеями питать свой даръ изобрѣтательности, почерпать у нихъ нравственную стойкость, чувство приличія и достоинства. Цѣлью художника должна быть слава, безсмертіе въ потомствѣ, а не выгода. Изъ сочиненій древнихъ писателей онъ приводитъ имена властителей и отличныхъ гражданъ, которые стремились къ подобной славѣ. Это была мысль новая и высокая— поставить художника, съ помощью образованія и развитія личности, выше простаго ремесленника и облагородить его. Но Альберти олицетворялъ идеалъ его собою [2]).

Уже самобытность талантовъ Альберти и его стремленій объясняетъ намъ, почему мы не встрѣчаемъ его въ средѣ гуманистовъ, почему въ письмахъ ихъ его имя встрѣчается рѣдко, а еще рѣже у нихъ идетъ рѣчь объ его сочиненіяхъ. Во Флоренціи онъ жилъ жизнью человѣка, который бываетъ тяжелъ для общежитія по своимъ артистическимъ причудамъ. То онъ одинъ, безмолвный и мрачный, блуждалъ по улицамъ, а потомъ вдругъ дѣлался привѣтливымъ, остроумнымъ собесѣдникомъ [3]). То онъ былъ раздражителенъ и обидчивъ, то успокоивался, а если ругали его картины, то онъ смѣялся, говоря, что никто лучше его не напишетъ. Онъ былъ въ

---

1) Ibid. p. 377. 382.

2) Della pittura изд. Яничекъ, s. 95. 143. 145.

3) Онъ самъ вспоминаетъ въ трактатѣ Della republica (ed. Bartoli) p. 258 о томъ обвиненіи ch'io era taciturno e pervicace, e per quanto diceano fantastico e bizarro. Antonius Panormita Hermaphroditus ed. Forberg p. 64, характеристически выражается о немъ:

Comis es et totus pulcer totusque facetus,
Litteribus (!) totus deditus ingenuis etc.

Можетъ быть, такіе грамматическія шутки вырывались у Альберти?

пріятныхъ и даже дружескихъ отношеніяхъ съ Бруни и Поджіо, а въ особенности съ городскимъ нотаріусомъ Леонардо Дати и съ Медичи; за то, повидимому, къ Марсуппини относился съ недовѣріемъ [1]). Онъ былъ, вѣроятно, въ болѣе короткихъ отношеніяхъ съ художниками. Жизнь и дѣятельность его совершались не въ гуманистическомъ кружкѣ, и онъ стоитъ одиноко въ обоихъ отношеніяхъ [2]).

Процвѣтаніе флорентинскаго искусства предшествовало возрожденію наукъ. Какъ скоро у народа, способнаго къ просвѣщенію, возрастаютъ благосостояніе и богатства, то искуство является весьма скоро. Да его и не приходилось пробуждать къ новой жизни. Постройки въ городѣ, сооруженіе церквей, монастырей, дворцовъ и виллъ сами собою представляли задачи для него. Поэтому нельзя сказать, что великіе зодчіе, ваятели и живописцы, какихъ только можно указать во Флоренціи въ XV вѣкѣ, были всѣмъ обязаны новому образованію проистекшему изъ изученія древности. Но они скоро и легко вступаютъ въ союзъ съ нимъ, тѣмъ легче, что и гуманисты были по большей части скорѣе художниками рѣчи, нежели людьми научнаго изслѣдованія. Такимъ образомъ между поклонниками древности и художниками образуются личныя связи, другими словами они подаютъ другъ другу руку въ своей дѣятельности. Гуманисты научились у древнихъ приписывать поэту болѣе высокое вдохновеніе, чѣмъ риѳмоплету. Такъ и художникъ, съ тѣхъ поръ какъ его начали сравнивать съ Праксителемъ или Зевксисомъ, по общественному положенію сталъ гораздо выше ремесленника. Онъ могъ считать себя равнымъ ученому тамъ, гдѣ вообще умъ и талантъ пользовались уваженіемъ. Искуство это—родная сестра науки, давно уже завоевавшей себѣ великую роль.

Та самая флорентинская знать, которая образовывалась на чтеніи античныхъ поэтовъ, на твореніяхъ Данта и Петрарки, понимала и высокое изящество античной скульптуры. Раньше всякихъ другихъ образовательныхъ украшеній въ домахъ, насколько мы знаемъ, въ одномъ флорентинскомъ palazzo является соблазнитель-

---

1) Leon. Bruni. epist. IX, 10 ed. Mehus. Болѣе раннее письмо о немъ Поджіо см. у Bandini Catal. codd. lat. T. III, p. 498. Facius de vir. illustr. p. 13.

2) Часть его мелкихъ сочиненій вышла впервые s. l. eta. (Florentiae 1499), потомъ въ помянутыхъ изданіяхъ Бартоли и Бонуччи. Небольшія сочиненія по теоріи искусства издалъ съ переводомъ Яничекъ (Wien 1877). Сочиненіе h'architettura я знаю только въ переводѣ Бартолы (Venezia 1565) Бойкая, но запутанная vita Leon. Bapt. Alberti у Muratori Scriptt. T. XXV p. 295 и у Fil. Villani ed. Galletti p. 139. Pozzetti Leo Bapt. Alberti laudotus, Florentiae 1789 мнѣ неизвѣстна. Хорошую біографію и разборъ эстетическихъ и философскихъ сочиненій Альберти написалъ Springer Bilder aus der neuereu Kunstgeschichte, Bonn 1867, s. 69 ff.

ная Афродита. По самому законченному типу ея обыкновенно ее называютъ медицейскою; быть можетъ, она и была у Медичи [1]). Когда нужно было роскошно украсить залу во дворцѣ республики, то Салютато просили написать эпиграммы [2]) на великихъ мужей, изображеніями которыхъ, безъ сомнѣнія, были украшены стѣны, именно на Брута, Камилла, Сципіона, Александра, Аннибала, Цицерона, Клавдіана, котораго, какъ извѣстно, считали Флорентинцемъ, также на Данта, Петрарку, Занοби да Страда и Боккачіо [3]).

Флорентинскіе художники, Брунеллеско, Гиберти, Донателло и Лука делла Роббіà, были въ близкихъ сношеніяхъ съ богатыми флорентинскими фамиліями. Это само собою вытекало изъ той роли, какую играло искусство въ республикѣ. Но эти же самые люди группировались и около Никколи, который, конечно, не давалъ имъ никакихъ выгодъ [4]). Представимъ себѣ однако то впечатлѣніе, какое произвела Флоренція въ первый разъ на Чиріако, всюду искавшаго остатковъ и слѣдовъ античной культуры. Для него великолѣпныя ворота, церкви, дворцы, мосты, произведенія Брунеллеско и Гиберти сливаются въ одну картину съ великими ея гражданами, Медичи, Удзано и Строцца, и съ учеными, каковы: Никколи, Бруни и Марсуппини. Онъ видѣлъ собраніе вазъ у Козьмы Медичи, небольшія собранія древностей у Никколи и Марсуппини, а въ мастерскихъ Донателло и Гиберти антики рядомъ съ ихъ собственными работами изъ мрамора и мѣди [5]). Замѣчательно, что Брунеллеско изучалъ Данта и Витрувія, искалъ назиданій въ Пантеонѣ и римскихъ термахъ. Тамъ, конечно, нельзя было научиться сводить куполъ собора. Эпитафію ему написалъ канцлеръ Марсуппини [6]). Съ Донато совѣтовались его флорентинскіе друзья насчетъ античныхъ статуй. Онъ внушилъ своему покровителю Козьмѣ Медичи мысль отыскивать произведенія древнихъ художниковъ и покупать ихъ, чтобы они совсѣмъ не погибли. Жаль,

---

1) О ней упоминаетъ Benvenuto Rambaldi da Imola comment. s. Divina Commedia di Dante trad. Tamburini vol. II p. 207: Io poi vidi in Fiorenza ed in cara privata una statua maravigliosamenfe bella di Venere ornata come in antico: nudateneva in sinistra mano piegata, coprendo le parti del pudore, e coll' altra più alzata copriva il seno. Dicevasi pur questa statua opera di Policlet, locchè non creda, etc. Пусть знатоки искусства рѣшать, встрѣчается ли гдѣ раньше статуя въ исторіи возрожденія.

2) Здѣсь этотъ терминъ понимается въ античномъ смыслѣ. У Грековъ эпиграмма имѣла хвалебный характеръ. *Прим. Пер.*

3) Epigrammata virotum illustrium posita in aula minori Palatii Florentini y Mehus Vita Ambros. Travers. p. 314.

4) Vespasiano Niccoli § 7.

5) Scalamontius p. 91, 92: Et apud Donatellum Nenciumque Statuarios nobilet pleraque vestusta novaque ab eis acdita ex aere marmarove Simulacra.

6) У Gaye Carteggio I p. 145.

что у насъ нѣтъ болѣе точныхъ свѣдѣній объ исторіи самаго обширнаго и драгоцѣннѣйшаго собранія! Но мы слышимъ, что такой скромный собиратель, какъ Поджіо, жалуется на конкурренцію съ фамиліею Медичи. Мы знаемъ, что въ 1451 г. они пріобрѣли изъ коллекціи, оставшейся послѣ Пизанелло, около 30 серебряныхъ медалей, что въ Римѣ для нихъ собирали античныя монеты. Мраморы получались изъ Леванта, гдѣ къ услугамъ Медичи [1]) готовы были сотни человѣкъ.

Извѣстно, какое удивленіе вызывали во всѣ времена третьи врата баптистеріи Санъ Джіованни. Микель-Анджело объявилъ, что онѣ достойны стоять рядомъ съ вратами рая. Когда въ 1421 г. работа была поручена Гиберти, и никакъ не могли согласиться насчетъ сюжета, который слѣдовало изобразить, то обратились за совѣтомъ къ Бруни. Онъ выбралъ для творческой фантазіи скульптора десять исторій изъ Ветхаго Завѣта и 8 пророковъ. [2]) Бруни же сочинилъ и эпитафію къ ракѣ съ мощами св. Зиновія, когда отливка ея въ 1439 г. была заказана Гиберти [3]). Такъ образовательныя и словесныя искусства помогали другъ другу.

Въ городѣ гуманистовъ и художниковъ незамѣтно жилъ человѣкъ, который впослѣдствіи за свою мирную христіанскую жизнь былъ причтенъ къ числу святыхъ. Это достопочтенный архіепископъ Антонино. Пока знать проводила время въ пирахъ и слушала торжественныя рѣчи, въ его домѣ употреблялась только стеклянная и глиняная посуда, и онъ проповѣдывалъ бѣднымъ. Въ то время какъ язычество усиливалось своими геніальными приманками искоренить самыя основы вѣры, онъ думалъ только о спасеніи душъ. Мы видѣли, что гордость, зависть и злоба господствовали въ литературныхъ кружкахъ. Антонино явился примирителемъ враждующихъ политическихъ партій. Говорятъ, будто Козьма Медичи сказалъ, что республика должна бы была погибнуть отъ войны, чумы и голода, но главнымъ образомъ отъ постоянныхъ заговоровъ гражданъ, если бы архіепископъ не спасалъ ее своими молитвами. Про него думали, что у него нѣтъ другихъ страстей и влеченій, кромѣ влеченія проповѣдывать и принимать покаяніе. Онъ былъ отцомъ бѣдныхъ и покинутыхъ. Онъ основалъ для нихъ школы и благочестивыя общества между гражданами. Ему обязано своимъ происхожденіемъ «Попеченіе о бѣдныхъ», которыхъ народъ называлъ buonomini св. Мартина. Съ осо-

---

[1]) Посланіе Карло де'Медичи, побочнаго сына Козьмы, къ Джіовани отъ 31 октября (1451 г.) и 13 марта 1455 у Gaye l. c. p. 163.

[2]) См. v. Rumohr Italienische Forschungen. Th. II. Berlin 1827 S. 324. Ambros. Travers. epist. VIII, 9. О годѣ также Buoninsegni Storia della citt. di Firenze p. 17,

[3]) См. Rumohr s. 353.

бенною любовью заботился онъ о пріютѣ незаконныхъ дѣтей (innocenti)[1]. Прекраснымъ памятникомъ его попеченія о спасеніи душъ остались его письма къ доннѣ Дада (Diodata) дельи Адимари. Въ нихъ онъ утѣшаетъ ее во вдовьемъ горѣ, или по случаю смерти сына. врачуетъ ея душу словами Св. Писанія, изрѣдка и изреченіями Отцовъ церкви. Его рѣчь чужда напускной святости и всякаго рода полемики. Епископъ былъ ученый богословъ и оставилъ сочиненія довольно объемистыя, отличающіяся необычайною энциклопедическою ученостью. Все, что онъ писалъ, было такъ просто и лишено прикрасъ, какъ и самая жизнь его. Изящные стилисты не обращали на него ни малѣйшаго вниманія. Онъ не совсѣмъ незнакомъ и съ классическою литературою. Его не отталкиваетъ ея языческій духъ: при случаѣ онъ въ письмахъ своихъ приводитъ идущій къ дѣлу стихъ изъ Превращеній Овидія. Но эти сочиненія для него не служатъ источникомъ жизни. Онъ кротко смотритъ, съ высокой твердыни вѣры, на язычниковъ, съ которыми еще не разстался. Онъ не хочетъ опровергать ученія эпикурейцевъ, полагавшихъ высшее благо въ наслажденіи. Его опровергли уже сами языческіе философы. И они, говоритъ онъ въ другомъ случаѣ, учили нравственности, писали о добродѣтеляхъ и порокахъ, но не могли вѣрно судить о тѣхъ добродѣтеляхъ, въ силу которыхъ въ насъ обитаетъ Іисусъ Христосъ и мы надѣемся съ Нимъ обитать[2]). Никто изъ гуманистовъ не отзывался о благочестивомъ епископѣ иначе какъ съ уваженіемъ. Когда онъ умеръ 2-го мая 1459 г., то все, что осталось послѣ него, было небольшое количество домашней утвари и мулъ, на которомъ онъ обыкновенно ѣздилъ. Старый Поджіо въ одномъ письмѣ почтилъ память его нѣсколькими прекрасными словами, а папа Пій II, бывшій въ то самое время во Флоренціи, занесъ въ свои комментаріи краткую замѣтку о достойномъ прелатѣ[3]). Но въ ней въ нѣсколькихъ словахъ сказано больше, чѣмъ въ тѣхъ длинныхъ похвальныхъ рѣчахъ, которыя потомъ писали въ честь его сподвижники по ордену, доминиканцы. Медичи постоянно чтили его память. Бѣднаго, простаго человѣка, отдававшаго все бѣднымъ, похоронили на общественный счетъ. Не Никколи былъ отшельникомъ въ своемъ книгохранилищѣ, не гордый язычникъ Марсуппини, а скорѣе св. Антоній. Университетъ, архіепископъ, вообще церковь стояли уже дальше отъ общественной жизни, чѣмъ изслѣдователи древности, которые однако въ другія времена пользовались дурною

---

1) Buoninsegni Storie p. 124. Marchese Scritti vari p. 56. 61. 67.

2) Lettere di S. Antonino Firente 1859 p. 63, 72.

3) Poggii epist. duae ed. Wilmanns p. 8. Pii II Comment. p. 50. Лучшая изъ біографій — это Francisci Castilionensis, который 8 лѣтъ былъ близкимъ человѣкомъ и секретаремъ

славою, будто они ночью бродятъ между живыми и живутъ между своими великими покойниками.

Гуманисты были какъ бы дома всюду, гдѣ только имъ было хорошо. Въ этомъ случаѣ составляли исключеніе только двѣ великія республики, Венеція съ корпоративнымъ духомъ своихъ патриціевъ и Флоренція, гдѣ кумиромъ было прославленіе государства въ прошедшемъ и будущемъ.

Тщеславные поклонники Цицерона вообще относились съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ къ Данту, Петраркѣ и Боккачіо. Уже Петрарка почти не скрывалъ, что онъ готовъ поставить себя выше Данта; его народное нарѣчіе въ обширной поэмѣ, по его мнѣнію, было непростительною ошибкою, а латынь его варварская. Салютато, епископъ Джіовани да Скравалле на Констанцскомъ соборѣ и нѣкто Маттео Ронто думали поправить эту ошибку, переведя Божественную комедію латинскими гекзаметрами. Потомъ астрономъ Чекко да Асколи сталъ нападать на Данта за то, что послѣдній допустилъ нѣкоторые промахи противъ философіи природы. Мы то и дѣло встрѣчаемъ сужденія, удивительно мелочныя и даже почти нескрываемое пренебреженіе къ великому поэту. Нѣкто Маттео Виллани, самъ не чуждый классическаго образованія, какъ показываютъ его сочиненія, ставитъ Петрарку наравнѣ съ Занноби да Страда, впрочемъ допуская, что слава перваго была громче и идеи его возвышеннѣе. Но сочиненія ихъ, по его словамъ, при ихъ жизни были извѣстны лишь немногимъ, и если они были пріятны (dillttevoli) для чтенія, то казались ничтожными для мудрецовъ, разсматривавшихъ ихъ съ высоты богословія [1]). Въ половинѣ XV в. латинскія сочиненія Данта едва находятъ себѣ читателей, а на Петрарку смотрятъ свысока. Говорятъ, что онъ былъ человѣкъ, конечно, не лишенный дарованій и оказалъ ту заслугу, что вызвалъ къ жизни античную поэзію, но его можно извинить невѣжествомъ его вѣка, недостаткамъ книгъ и т. д. Другой цѣнитель говоритъ, что онъ только того и достигъ, что современи его людямъ стремящимся къ наукѣ надоѣла устарѣлая рѣчь. Стихи его находили посредственными, прозу тяжелою и даже въ высшей степени неправильною. О Боккачіо почти и не говорятъ, а о Салютато папа Пій II былъ того мнѣнія, что его проза и стихи, пожалуй, хороши были для своего времени, а теперь они грубы [2]),

---

архіепископа, въ Acta SS. Maji T. I. Объ изданіяхъ и рукописяхъ сочиненій Антонина ср. Mazzuchelli Scritt. d'Italia vol. I p. II p. 868.

1) Istorie (y Muratori Scriptt. T. IV) V, 26.

2) Blondus Italia illustr. p. 346. Письмо Энея Сильвія къ герцогу австрійскому Сигизмунду отъ 5-го декабря 1443. Pii II, Comment. p. 50.

Нисколько не странно, что и критика впервые возстала противъ господства во Флоренціи этихъ тріумвировъ именно на родинѣ ихъ. Критика, вызванная ими къ жизни, пустила самые глубокіе корни именно во Флоренціи. Здѣсь люди новаго образованія всего скорѣе почувствовали въ себѣ силы судить о нихъ. Петрарка никогда не испытывалъ дружественнаго чувства къ родному городу, изгнавшему его отца. Вспомнимъ, что еще при его жизни именно тамъ отнеслись съ пренебреженіемъ къ тѣмъ стихамъ изъ Африки, которые стали извѣстны. Быть можетъ въ разговорахъ, въ близкихъ кружкахъ осуждались многія изъ его литературныхъ и философскихъ воззрѣній. Однако произошло сильное волненіе, когда достало смѣлости въ первый разъ выступить съ этими взглядами передъ публикою, когда сдѣланы были разомъ нападенія на три свѣтила поэзіи, которыми всѣ гордились, и нападенія эти шли изъ лучшаго ученаго кружка во Флоренціи.

Ліонардо Бруни издалъ въ 1401 г. изящное сочиненіе въ разговорной формѣ, въ которомъ онъ изложилъ бесѣды между Салютато, Никколи, Роберто Росси и имъ самимъ. Авторъ вводитъ насъ въ кружокъ людей, недавно группировавшійся около Хризолора. Въ посвященіи книги Пьеру Паоло Верджеріо, послѣднему ученику его во Флоренціи, тоже оставившему городъ, прямо говорится, что авторъ хотѣлъ выдержать характеры участвующихъ лицъ [1]). Поэтому старый канцлеръ республики является поучающимъ патріархомъ, который все еще съ полнѣйшимъ уваженіемъ относится къ яркимъ свѣтиламъ своей юности, а Никколи — безусловнымъ панегиристомъ новаго Цицероновского образованія, заступникомъ юнаго поколѣнія, смѣлымъ критикомъ съ рѣчью колкою, незнающею пощады [2]). Первый говоритъ, что Дантъ, Петрарка и Боккачіо лучшіе поэты новаго времени, славу которыхъ не даромъ превозносятъ до небесъ. Онъ смѣло ставитъ ихъ наравнѣ съ древними, даже Данта готовъ былъ бы предпочесть грекамъ, если-бы онъ не написалъ своей великой поэмы на народномъ нарѣчіи. Это вызываетъ у Никколи самыя сильныя возраженія. Для него поклоненіе массы не имѣетъ цѣны. Данта онъ упрекаетъ въ промахахъ: младшій Катонъ у него является сѣдовласымъ старцемъ, а Брута, убійцу Цезаря, онъ присуждаетъ къ страшному наказанію. Дантъ не читалъ сочиненій древнихъ писателей, а лишь разные пустяки, написанные монахами [3]). Недавно онъ видѣлъ нѣкоторыя собствен-

---

1) Ut morem utriusque diligentissime Lervaremus.
2) Et in dicendo est promptus et in lasessendo acerrimus.
3) Guodlibeta fratrum.

поручныя письма Данта [1]); всякому слѣдовало бы стыдиться писать такъ глупо. Онъ долженъ вычеркнуть Данта изъ списка людей научно образованныхъ и оставить его въ обществѣ шерстопрядовъ, хлѣбопековъ и т. п. [2]). А Петрарка.... что сталось съ его знаменитой Африкой, отъ которой онъ (Салютато) ожидалъ столь многаго и о которой такъ часто говоритъ въ своихъ сочиненіяхъ и письмахъ? не оказалась ли она ridiculus mus? [3]). Эта поэма скорѣе вредитъ славѣ Петрарки чѣмъ возвеличиваетъ ее. Въ его буколикахъ нѣтъ и слѣда пастушеской жизни, а въ инвективахъ нѣтъ риторическаго искусства. Его сочиненіе de viris illustribus какая то постная стряпня. О Боккачіо нечего и говорить; надъ нимъ уже приговоръ произнесенъ. Онъ прославился своимъ краснорѣчіемъ на народномъ языкѣ, а не латынью: онъ едвали даже зналъ грамматику послѣдняго языка.

Бесѣда продолжается на другой день въ саду Росси. Второй разговоръ имѣетъ цѣлью защиту флорентинскихъ тріумвировъ и возстановленіе ихъ славы. Эту задачу принимаетъ на себя самъ Никколи; онъ сознается, что своими нападками хотѣлъ только вызвать со стороны Салютато похвалу любимымъ его поэтамъ. Онъ можетъ привести вѣскіе доводы въ доказательство своей любви къ нимъ. Онъ выучилъ поэму Данта наизусть, ѣздилъ въ Падую, чтобы списать сочиненіе Петрарки съ его собственной рукописи, привезъ во Флоренцію Африку, на собственный счетъ позаботился о сохраненіи библіотеки, оставленной Боккачіо. Но, насколько мы знаемъ,—этотъ второй разговоръ не напечатанъ [4]),—приведенные выше упреки не

---

1) Безъ сомнѣнія, намекъ на тѣ самыя письма, о которыхъ Бруни упоминаетъ въ vita di Dante p. 48. 49. ed. Galletti.

2) Atque eum lanariis (въ рукописи Laurent. zonariis), pistoribus et eiusmodi turbae relinquam. Очевидно, это подражаніе извѣстному выраженію Петрарки (см. выше стр. 112), и его lanistae тутъ находитъ себѣ объясненіе.

3) Смѣшною мышью: намекъ на басню Федра, гдѣ горы мучились родами и родили смѣшную мышь. *Прим. пер.*

4) Это сочиненіе было вообще мало извѣстно, потому что оттиски его рѣдки. Первый носитъ заглавіе: Leonardi Aretini hibellus de disputationum exercitationisque studiorum usu, adeoque necessitate in literarum genere quolibet. Apud Henricum Potrum anno MDXXXVI. На послѣднемъ листѣ напечатано: Basileae excudebat Henricus Petrus mense Martio anno M. D. XXX. Университетская библіотека въ Базелѣ дала мнѣ возможность познакомиться съ этимъ оттискомъ. Онъ былъ повторенъ подъ тѣмъ же заглавіемъ ob raritatem et praestantiam denuo editus cum annotationibus Jac. Wihl. Feuerlini. Norimbergae 1734. Но и этотъ оттискъ, повидимому, рѣдокъ. Въ этомъ изданіи есть только первый разговоръ, вѣроятно, какъ и въ упомянутомъ у Mazzuchelli Scritt. vol. II. P. IV, p. 224 (Basileaa 1538, (если оно существуетъ) и Parisiis 1642, котораго я не видалъ. Въ рукописяхъ часто встрѣчаются другія заглавія, именно упомянутое у Mazzuchelli: Dialogus ad Petrum Paulum Iustinopolitanum (Верджеріо) de modernis quibusdam scriptoribus in comparatione ad antiquos. Нѣкоторыя извлеченія изъ

берутся назадъ и не опровергаются. Похвала тріумвирамъ уже вращается на иной почвѣ, чѣмъ нападеніе на нихъ, и, по видимому, лишена глубокихъ мотивовъ. Второй діалогъ не отличался заманчивостью перваго; на него не обратили вниманіе, его не списывали. Нельзя сказать, чтобы все это сочиненіе было пустою игрою въ положенія и отрицанія. Никколи вообще упрекали за его рѣзкіе отзывы о Дантѣ и Петраркѣ, упрекалъ даже самъ Бруни, когда писалъ инвективы противъ него во время размолвки [1]). Но и самъ Бруни въ сущности думалъ такъ же. И онъ порицаетъ Данта за тѣ вымыслы, которые онъ сочинилъ въ отношеніи Мантуи о Терезіи и Манто: весьма странно, что поэтъ не справился объ этомъ ни у Ливія, ни у Плинія [2]). Латынь его въ прозѣ и стихахъ едва лишь достигаетъ посредственности [3]). За Петраркою Бруни признаетъ ту заслугу, что онъ снова ввелъ античную легкость слога и указалъ путь своимъ послѣдователямъ, но ему самому еще далеко до совершенства [4]). Онъ охотно признаетъ за Боккачіо любовь къ наукамъ и трудолюбіе, беретъ въ разсчетъ и то, что бѣдность помѣшала его развитію, но латинскимъ языкомъ, по его мнѣнію, онъ никогда вполнѣ не владѣлъ, и дарованія къ реторикѣ и краснорѣчію видны только изъ сочиненій, написанныхъ на народномъ языкѣ [5]). Если латинская рѣчь Цицерона была идеаломъ, то, конечно, новая школа имѣла право смотрѣть нѣсколько свысока на латинскія сочиненія этихъ патріарховъ.

Не смотря на это Дантъ, Петрарка и Боккачіо были тосканцы, даже флорентинцы, поэтому у нихъ всегда находились защитники, и память ихъ во Флоренціи свято чтилась уже изъ патріотизма. Противъ суровыхъ отзывовъ Никколи и Бруни тотчасъ же выступилъ флорентинскій гражданинъ Чино Ринуччини, тотъ самый, который защищалъ свою Флоренцію и противъ памфлета Лоски. Это былъ поэтъ, сочинявшій сонеты, канцоны и баллады [6]). Онъ былъ отецъ Аламанно, знатока греческаго языка. Онъ смѣялся надъ суетными грамматиками и педантами, которые въ диспутахъ громко

втораго діалога сдѣлалъ Веселовскій въ Paradiso degli Alberti Vol. I P. II по рукописи Laurent. Новое и полное изданіе увлекательнаго сочиненія было бы весьма желательно.

[1]) In nebulonem maledicum. Филельфо называетъ въ Satyr. Dec. I hec. 5 лицъ гонимыхъ Никколи: Additur huic divus Dantes suavisque Petrarca.

[2]) Epist. X, 25 ed. Mehus.

[3]) Vita di Dante ed. Galletti p. 51: Ed a dire il vero, la virtù di quollo nostro poeta fu nella rima volgare, nella quale è eccelentissimo sopra ogn' aitro, ma in versi latini o in prosa non aggiugne a pena a quelli, che mezzanamente anno scritto.—La Monarchia è scrittoa a modo disadorno, senza niuna gentilezza di dire.

[4]) Vita di Petrarca ibid. p. 58.

[5]) Ibid. p. 54. Всѣ эти отзывы относятся къ зрѣлому возрасту Бруни, къ 1436 г.

[6]) V. Palermo I manoscr. Palat. vol. I p. 371.

кричатъ на улицахъ о своей латинской премудрости, надменно презираютъ прежнюю науку и уважаемыхъ поэтовъ—и все это для того, чтобы показаться народу весьма учеными людьми (literatissimi). Онъ защищаетъ отъ этихъ болтуновъ главнымъ образомъ Данта, говоритъ, что онъ изобрѣлъ болѣе возвышенные и полезные сюжеты, чѣмъ какой угодно другой поэтъ; онъ—слава поэтовъ, скорѣе чудесное явленіе, чѣмъ человѣкъ. Даже и народный языкъ Данта находитъ въ Ринуччини своего поборника. Онъ осмѣливается заявить, что стихи на народномъ языкѣ выходятъ гораздо удачнѣе, чѣмъ прежнее стихосложеніе по слогамъ. Тутъ гражданинъ старой Флоренціи вооружается противъ новой школы, противъ ученыхъ, которые исключительно толкуютъ о Ливіи и Валеріи Максимѣ, а между тѣмъ ничего не знаютъ о полезной исторіи своей республики [1]). Подобнымъ же образомъ и Доменико да Прато опровергалъ презрительные отзывы о трехъ великихъ поэтахъ [2]). Франко Саккетти прославляетъ въ одной канцонѣ рядомъ съ Петраркою и Боккачіо даже Заноби да Страда, который тоже былъ флорентинецъ и вѣнчанный поэтъ [3]). Горячіе поклонники народнаго нарѣчія всегда были и всегда съ гордостью указывали на «три вѣнца Флоренціи», прославившіе ее [4]). Когда ее унижали, то анонимный авторъ одного полемическаго сочиненія, защищая Данта и Петрарку и осмѣивая Никколи, какъ буквоѣда, отважился признать тотъ народный языкъ, которымъ писалъ Дантъ, болѣе достойнымъ похвалы, чѣмъ латынь или греческій языкъ. O gloria et fama excelsa della italica lingua [5]).

Въ особенности Дантъ для флорентинцевъ былъ тѣмъ же, чѣмъ Гомеръ для аѳинянъ, необходимымъ элементомъ высшаго образованія, предметомъ поклоненія для мужчинъ и женщинъ, для людей благочестивыхъ и сыновъ міра сего. Когда Чекко да Асколи напалъ на него, то послѣдній нашелъ себѣ защитника въ Салютато. Книга астронома, думалъ послѣдній, конечно, показываетъ знатока дѣла и ученаго, но въ нелѣпыхъ стихахъ, направленныхъ противъ Данта, видна только зависть. Чекко не имѣетъ никакого понятія о возвышенности Дантова слога, о философскихъ и богословскихъ идеяхъ, которыми проникнута поэма его. Но меньше всего онъ понимаетъ сущность

---

1) Инвектива Ринуччини contro a cierti calumnia tori di Dante e—Petrarca e—Boccacci—ridotta di grammatica in volgare—въ Paradiso degli Aiberti v. I P. II p. 303 e seg.

2) Mehus Vita Ambros. Travers. p. 354.

3) У Boccaccio Lettere ed. Corazzini p. 481.

4) Такъ и авторъ Paradiso. Vol. II, p. 7, которымъ считаетъ Джіованни да Прато. Онъ говоритъ, что хочетъ edioma materno con ogni possa sapere esaitare e queiio nobilitare.

5) Paradiso vol. I P. II p. 322.

поэзіи; это не усвоивается размышленіемъ и ученостью, а дается природою и божественнымъ вдохновеніемъ [1]).

Гдѣ иначе, какъ не во Флоренціи, могло возникнуть между гражданами желаніе, чтобы «книга Данта» объяснялась публично, съ помощью лекцій, для чего слѣдовало пригласить ученаго знатока поэзіи! Пріоры сочувственно отнеслись къ этому желанію, постановленіемъ 12 авг. 1373 г. [2]) назначили годичное жалованье въ 100 гульденовъ и поручили это дѣло Боккачіо, котораго, конечно, имѣли въ виду съ самаго начала. 2-го октября въ воскресенье началъ онъ свои чтенія въ церкви Св. Стефана, но они вскорѣ были прерваны чумою и немощами его старости. Насколько извѣстно, никто не находилъ ничего страннаго въ томъ, что эти чтенія о поэтѣ-богословѣ въ теченіи 84 лѣтъ происходили по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, притомъ въ церквахъ. Однако одинъ поэтъ того времени упрекалъ Боккачіо въ томъ, что онъ мысли возвышеннаго ума сообщаетъ людямъ недостойнымъ. Бѣдность, оправдывается послѣдній, принудила его къ этому и убѣжденія друзей. Какъ ни прискорбна эта мысль, но съ другой стороны отрадно то усердіе, съ которымъ Боккачіо принялся за работу. Плодомъ послѣдней былъ его комментарій, доведенный только до XVII пѣсни Ада [3]). Его трудами воспользовался Бенвенуто Рамбальди да Имола, который нѣсколько лѣтъ читалъ въ Болоньѣ подобныя же лекціи и докончилъ первый комментарій ко всей Божественной комедіи. О другѣ своемъ онъ никогда не вспоминалъ безъ словъ любви и уваженія [4]).

Боккачіо имѣлъ однако такой успѣхъ, что праздничныя лекціи о Дантѣ стали потребностью во Флоренціи, которой, какъ мы знаемъ, можно было удовлетворять лишь съ перерывами. Около 1381 г. читалъ Антоніо Піевано ди Вадо, съ 1401 г. нѣсколько лѣтъ къ ряду Филиппо Виллани, сынъ Маттео и тоже исторіографъ [5]), съ 1409 Джіованни да Равенна, которому за это и за его гуманистическія лекціи платили по 8 гульденовъ въ мѣсяцъ. Съ 1417 г. его преемникомъ былъ Джіованни да Прато, который получалъ только по 72 гульдена въ годъ, и съ нимъ каждый разъ заключали договоръ снова [6]).

---

1) Изъ трактата Салютато Tractatus de fato et fortuna у Mehus l. c. p. 322.

2) У Gaye Carteggio I p. 525. О другихъ показаніяхъ см. Körting Boccacio s. 335 ff.

3) Prezziner. vol. I p. 36, 37. Письмо Боккачіо къ Франческо де Броссано отъ 3 ноября (1374 г.) въ Lettere ed. Corazzini p. 377.

4) Къ сожалѣнію его полный комментарій изданъ только въ итальянскомъ переводѣ Тамбуррини 3 voll. Jmola 1855. Vol. II p. 308 (къ Purgat. c. XV) онъ самъ говоритъ о своихъ ученикахъ въ Болоньѣ, vol. III p. 301 о своихъ отношеніяхъ къ Боккачіо.

5) Онъ тоже намѣревался писать комментарій къ Данту, ad Solamen Senectutis meæ, какъ онъ говоритъ.

6) Тождественъ ли этотъ Джіованни Акветтини да Прато съ поэтомъ Джіованни Гвац-

Потомъ Филельфо, повидимому, придалъ снова особый блескъ этимъ лекціямъ, которыя онъ читалъ въ соборѣ. Впослѣдствіи онъ хвалился, что принялъ ихъ на себя по собственному влеченію, лишь для славы города. Конечно, это онъ дѣлалъ для того, чтобы снискать себѣ бо́льшую популярность, и съ этимъ находится, повидимому, въ связи право гражданства, полученное имъ въ то время. До 1457 г. существовалъ обычай публично объяснять Данта; это своего рода культъ, встрѣтившій большое сочувствіе [1]).

Петрарка, особенно заботившійся о своей славѣ, конечно, хорошо дѣлалъ, что не часто являлся во Флоренцію и давалъ чувствовать этой мачихѣ свое равнодушіе. Но тѣмъ больше гордилась она великимъ «согражданиномъ» и не разъ старалась привлечь его въ свои стѣны. Мы помнимъ, что въ 1351 г. его приглашали читать лекціи въ университетѣ, но онъ отклонилъ отъ себя это приглашеніе не смотря на то, что оно было передано ему лично Боккачіо. Потомъ одинъ посолъ, уѣзжавшій въ 1355 г. въ Авиньонъ, предлагалъ ему снова провести въ этомъ городѣ спокойную старость, и для этого папа даже хотѣлъ дать ему тамъ канониватъ [2]). Но и это предложеніе было отклонено. Горячіе поклонники его, какъ Боккачіо и Салютато, старались только о томъ, чтобы Флоренція не забыла его. Мы знаемъ, что всюду распространились темные слухи, будто Петрарка распорядился въ своемъ завѣщаніи, чтобы Африка послѣ его смерти была брошена въ огонь. Но едва ли гдѣ это произвело такую тревогу, какъ во Флоренціи. Когда здѣсь узнали о смерти Петрарки, то Боккачіо написалъ стихи, въ которыхъ требовалъ сохранить Африку, и преимущественно отъ имени Флоренціи [3]). Подобныя

цалотти да Прато, и онъ ли авторъ Paradiso degli Alberti, я не рѣшаю, Ср. Palermo l. c. v. 1 p. 346, 359. Согласно ему, Антоніо де Минори былъ назначенъ на 1431—1432 гг. Но я не могу согласиться съ этимъ, что по документамъ у Prezziner vol. I p. 92 Fabronius Cosm vita vol. II p. 69 Gaye Carteggio I p. 561 уже тогда Филельфо читалъ. Вообще, по мнѣнію моему, всего вѣрнѣе приведенъ рядъ чтеній у Salvini Fasti consolari dell' Academia Fiorent. Firenze 1717 p. XV.

1) Рѣчи Филельфо въ S. Maria del Fiore nel principio della lectione di Dante у Rosmini Vita di Filelfo T. I p. 56, 119. Его письмо у Fabronius Laurentii vita v. II p. 76. Дальнѣйшій рядъ у Веселовскаго vol. I p. II p. 215.

2) Инструкція магистру Ринальдо ди Ромено отъ 30 марта 1365 г. и посланіе сеньоріи къ папѣ Урбану V отъ 8 апрѣля у Gaye Carteggio I p. 516 и въ Petrarca Scritti ined. ed. Hortis p. 305.

3) Florentia mater, потому что

Non clarior illa
Est Italis patria, non aequa potentia cuisquam.
Haec animos, haec arma virûm sumptusque datura est
Omnia.

Petrarca Poemata minora ed. Rossetti vol. III Append. p. 46.

просьбы Салютато еще при жизни Петрарки влагалъ въ уста своей музѣ. Онъ сталъ хлопотать о спасеніи поэмы и требовалъ дѣйствительно отъ зятя Петрарки, чтобы Никколи, который поѣхалъ въ Падую, могъ торжественно привезти Африку во Флоренцію, гдѣ потомъ сильно разочаровались въ ней. Салютато хотѣлъ оказать этой поэмѣ ту же услугу, какую, по преданію, оказалъ Овидій Энеидѣ: онъ хотѣлъ сгладить нѣкоторыя шероховатости и промахи, очистить ее, придѣлать къ книгамъ краткій указатель содержанія въ стихахъ, потомъ дать списать нѣсколько копій, тщательно провѣрить ихъ и одну послать въ болонскій университетъ, другую въ Парижъ, третью въ Англію, четвертую во Флоренцію, «чтобы подобное твореніе и блестящее имя такого пѣвца распространялось во всѣхъ странахъ свѣта». Когда онъ получилъ ее съ радостнымъ трепетомъ и прочелъ въ три ночи, то восторгъ его, конечно, нѣсколько охладѣлъ. Онъ былъ даже радъ, что зять Петрарки не обнародовалъ ее [1]). Но его поклоненіе великому художнику осталось въ прежней силѣ. Послѣ смерти Салютато во Флоренціи оно разгаралось все болѣе свѣтлымъ пламенемъ. Если прежде находили неприличнымъ, что Петрарка не смотря на свой духовный санъ сочинялъ любовныя пѣсни и велъ образъ жизни далеко не безупречный, то теперь убѣдились, что въ позднѣйшіе годы онъ постоянно предавался изученію богословія, молитвамъ и постамъ [2]). Набожный Манетти уже не прочь былъ сдѣлать Петрарку святымъ; вѣдь онъ съ дѣтства строго соблюдалъ посты, его хвалили за цѣломудріе, а въ любовныхъ его пѣсняхъ слѣдуетъ искать глубокаго аллегорическаго смысла [3]). Подобнаго рода взглядъ былъ возможенъ тогда только, когда смѣнилось нѣсколько поколѣній послѣ Петрарки и уже его латинскія сочиненія читались гораздо меньше. Но все таки его никогда не объясняли въ церкви; комментарій, написанный Луиджи Марсильи къ канцонѣ Italia mia и къ нѣкоторымъ сонетамъ, преслѣдовалъ не религіозную цѣль, а лишь патріотическую и церковно-политическую.

Въ біографіи Петрарки выражено желаніе поставить памятникъ великому мужу, прославить его, какъ украшеніе своего народа и отечества. Замѣчательно, что біографы трехъ великихъ тосканцевъ въ теченіи цѣлаго вѣка почти всѣ были тоже тосканцы, именно флорентинцы. Извѣстно, что Боккачіо написалъ первую біографію Данта, при-

---

[1]) Письма его къ Броаспини и Ломбардо да Серико у Bandini Catall. codd. lat. T. III p. 563, 564 и. въ Hauptii Opusc. vol. I, къ Франческоло де Броссено у Bandini l. c. p. 570, въ Salutati Epist. ed Rigacci II, 17, ed. Mehus ср. 27.

[2]) Phil. Villani Liber de cir. Florent. famosis civibres ed. Gallettii p. 15.

[3]) Vita Petrarchae ed. Galletti p. 87.

томъ на тосканскомъ нарѣчія. Онъ сочинилъ похвалу Петраркѣ еще до своего личнаго знакомства съ нимъ. Но это была лишь основа для будущей подробной біографіи наставника. Самъ Боккачіо въ этихъ размѣрахъ не написалъ ее; это исполнилъ уже послѣ его смерти Пьетро де Кастеллетто, августинскій отшельникъ изъ С. Спирито, который нѣсколько лѣтъ былъ знакомъ съ Петраркою [1]). Сомнительно, чтобы и Салютато писалъ біографію Петрарки; однако было одно сочиненіе, въ которомъ онъ говорилъ о его смерти [2]). Филиппо Виллани въ своемъ сочиненіи «О знаменитыхъ гражданахъ города Флоренціи» посвятилъ довольно большой отдѣлъ каждому изъ прославленныхъ тріумвировъ. Когда Ліонардо Бруни, отдыхая отъ тяжелой работы, взялъ въ руки Боккачіеву біографію Данта въ маѣ 1436 г., то ему пришло на мысль написать болѣе основательное изслѣдованіе. Ему казалось страннымъ, что у добряка Боккачіо [3]) на каждомъ шагу встрѣчаются любовь, вздохи и слезы, такъ что біографія Данта получила оттѣнокъ сходный съ Филокопо, Филострато и Фьяметтою, какъ будто Дантъ былъ человѣкъ не серьезный и не мужественный. Самъ Бруни съ любовью обработалъ политическую сторону жизни Данта и прибавилъ къ этому біографію Петрарки, чтобы слава обоихъ нхъ возвысила славу Флоренціи [4]). Эти біографіи отличный латинистъ написалъ на тосканскомъ нарѣчіи. Въ противоположность гордымъ замысламъ изслѣдователя, который искалъ въ архивѣ писемъ Данта и не отступалъ передъ рѣзкими приговорами, Манетти снова впалъ въ тонъ слащаваго многословія, хотя зналъ сочиненіе Бруни. Но онъ тоже прибавилъ біографію Боккачіо, которой Бруни не хотѣлъ писать, потому что у него не было нужнаго матеріала [5]).

Но Флоренція никогда не забывала того, что Дантъ и Петрарка похоронены на чужой землѣ. Опять Боккачіо первый выразилъ эту мысль тотчасъ же при извѣстіи о смерти Петрарки [6]). Луиджи

---

[1]) Объ біографіи у Россетти Petrarca etc. p. 316, 340.

[2]) Первое извѣстіе основано только на томъ, что Mehus увѣряетъ, будто въ своей молодости читалъ такое сочиненіе, послѣднее—на біографіи Манетти, p. 89 ед. Galletti. De ha. praecipua efus (Petrarcae) morte Coluccius... libellum quedam composuit. Это было больше, чѣмъ одно изъ писемъ.

[3]) Dolcissimo e zuavijsimo uomo.

[4]) La vita di Petrarca были изданы уже Томазиномъ Petrarca rediv. p. 207; оба у Galletti p. 43.

[5]) Сочиненіе Манетти Vita Petrarcha у Tomasinus l. c. p. 195; всѣ три біографіи у Mehus Specimen historiae litt. и у Galletti p. 57 seq. По словамъ Vespasiano Comment. di Manetti p. 109 Манетти написалъ три книги на народномъ языкѣ, потомъ перевелъ ихъ на латинскій „для прославленія" великихъ людей.

[6]) Письмо къ Броссано отъ 3 ноября (1374) въ Lettere p. 377: Heu infeli xpatria, cui nati tam illustris servare cineres minime datum est, cui tam praeclara negata gloria!

Марсильи даже изъ Парижа убѣждалъ республику, не почтившую достойнымъ образомъ своего великаго гражданина, оказать эту почесть по крайней мѣрѣ останкамъ его [1]). Мысль объ этомъ долго занимала гражданъ. Подъ вліяніемъ Салютато пріоры 22 декабря 1396 г. постановили перенести во Флоренцію кости самыхъ знаменитыхъ флорентинцевъ, великаго юриста Аккорсо, Данта, Петрарки, Заноби да Страда, умершаго въ Авиньонѣ, и Боккачіо, если, разумѣется, это возможно. И каждому изъ нихъ въ соборѣ готовились соорудить великолѣпный памятникъ, украшенный мраморными изваяніями. Памятникъ долженъ быть поставленъ даже и въ томъ случаѣ, если нельзя перенести самый прахъ [2]). Но эта великая мысль нѣкоторое время оставалась безъ исполненія, потомъ за нее снова принялись въ 1430 г., но и тогда не могли осуществить, потому что владѣлецъ Равенны не позволялъ перевезти праха Данта [3]). Республиканская идея Пантеона осуществилась лишь въ томъ смыслѣ, что портретъ Данта, какъ образъ святаго, былъ поставленъ въ соборѣ, такъ что каждый могъ видѣть его [4]).

Съ такою же гордостью указывали во Флоренціи и на рядъ знаменитыхъ канцлеровъ республики; это въ то же время былъ рядъ ученыхъ, которые соединяли съ своимъ саномъ славныя имена. Давно уже между городскими сословіями важнѣйшимъ было сословіе «судей и нотаріусовъ» такъ какъ во всѣхъ торговыхъ городахъ адвокаты быстро дѣлаются необходимыми при дѣлахъ. Флоренцію называли школою нотаріальнаго дѣла для всего христіанскаго міра [5]). Прямымъ старшиною этого сословія былъ «секретарь пріоровъ», канцлеръ республики, какъ вскорѣ стали называть его. Онъ пишетъ отъ ихъ имени всѣ посланія къ владѣтельнымъ особамъ, синьоріямъ и частнымъ лицамъ. Поэтому его не отправляютъ посломъ; у него своя постоянная резиденція въ помѣщеніи дворца пріоровъ. Подобнаго рода положеніе необходимо связано было съ вліяніемъ на самыя дѣла, и потому мы вскорѣ слышимъ жалобу, что Флоренціею больше правитъ канцелярія, чѣмъ синьорія [6]). Если долж-

---

1) Его письмо къ Гвидо де Паладжіо у Mehus Vita Ambr. Travers. p. 227: Et ora non penso, che sieno piu sollеciti a fare onore al corpo, che per addietro sieno stati a fare riverenza al uomo intero etc.

2) Постановленіе у Gaye Carteggio I p. 124.

3) Посланіе синьоріи къ нему отъ 1 февраля 1430 тамъ же p. 123.

4) Постановленіе 1455 г. тамъ же p. 562.

5) Goro Dati Istoria di Firenze p. 133: La fonte de'dottori delle leggi è Bologna, e la fonte de'dottori della notaria è Firenze.

6) Giov. Cavalcanti Istor. Fiorent. vol. I p. 30.

ность канцлера сама по себѣ требовала человѣка надежнаго, ловкаго и осторожнаго, то вскорѣ явилось еще гордое притязаніе, чтобы канцлеры дѣлали честь республикѣ своимъ хорошимъ слогомъ и вообще художественною формою изложенія. Въ этомъ смыслѣ Брунетто Латини былъ первый подобный сановникъ Флоренціи. Хотя человѣкъ заносчивый и зазорнаго образа жизни, онъ считался первымъ стилистомъ своего времени и исправлялъ свою должность долгіе годы [1]). Объ его преемникахъ намъ нечего сказать. Это были люди выросшіе среди дѣловыхъ занятій. Только съ Салютато, слѣдовательно съ возникновеніемъ гуманистическаго краснорѣчія, начинается рядъ знаменитыхъ людей, украшавшихъ собою мѣсто канцлера въ республикѣ. Онъ влагалъ въ это дѣло всю свою душу, былъ образцомъ и предметомъ гордости для своихъ товарищей во всѣхъ странахъ латинскаго міра, творцомъ новаго, возвышеннаго канцелярскаго стиля. Его преемника Пьеро да Монтеварки далеко нельзя было сравнивать съ нимъ. Когда онъ ушелъ въ монастырь, то мѣсто его занялъ въ ноябрѣ 1410 г. Ліонардо Бруни, но какъ, мы уже говорили выше, при менѣе почетныхъ условіяхъ и лишь на нѣсколько мѣсяцевъ. Потомъ Паоло Фортино, назначенный послѣ него, былъ отрѣшенъ отъ должности. Тогда ее опять поручили Бруни въ декабрѣ 1427 г., и онъ уже остался на этомъ мѣстѣ до самой своей смерти. Относительно вліянія на ходъ дѣлъ онъ мало уступалъ Салютато, а въ литературномъ отношеніи далеко превосходилъ его [2]). Мы знаемъ, что преемниками его были въ 1444 г. Марсуппини, въ 1453 году. Поджіо. Послѣдній сложилъ съ себя должность по преклонности лѣтъ. Само собою разумѣется, что его могъ замѣнить только человѣкъ, извѣстный своею ученостью, писатель. Выбрали Бенедетто Аккольти, тоже родомъ изъ Ареццо, какъ и двое его знаменитыхъ предшественниковъ. Это былъ человѣкъ, всегда любившій гуманистическія науки, хотя и былъ профессоромъ правовѣдѣнія [3]). Онъ написалъ одинъ любимый въ то время читателями

---

[1]) Giov. Villani lib. VIII c. 10 упоминаетъ объ его смерти въ 1294 г. egli fu cominciatore e maestro in digrossare i Fiorentini, e farli scorti in bene parlare et in sapere guidare e reggere la nostra republica secondo la politica. Въ актѣ 1273 г. у Brun. Latini Tesoretto ed. Zannoni, Firenze 1824, Prefaz. p. XXIII онъ подписывается такъ: notarius necnon scriba consiliorum communis Florentiae.—Benv. Rambaldi Comment. S. Div Comm. vol. I p. 373 называетъ его uomo di sommo ingegno e di rara eloquenza, ma troppo pieno di se medesimo.

[2]) Время завѣдыванія дѣлами Пьеро и Паоло отчасти опредѣляется ихъ подписями въ Commissioni di Rinaldo degli Abizzil vol. I p. 161, 216, 220. Vol. II p. 89.

[3]) Въ 1440 г. Поджіо рекомендовалъ его въ Сіэну, какъ видно изъ его писемъ у Mittarelli Bibl. codd. ms. S. Mich. Venet. p. 926. 927. Впослѣдствіи Аккольти преподавалъ во Флоренціи.

діалогъ, въ которомъ доказывалъ, что современная ему эпоха вовсе не такъ стала бѣдна великими людьми, какъ часто утверждали исключительные поклонники древности [1]). Потомъ онъ написалъ Исторію перваго крестоваго похода, которую посвятилъ Пьеро Медичи, сыну Козьмы. Въ флорентинскомъ архивѣ хранится много писемъ и актовъ, свидѣтельствующихъ о его осьмилѣтней дѣятельности [2]).— Если бы мы захотѣли идти далѣе, то какъ не упомянуть еще о Никколо Маккіавелли! Онъ заканчиваетъ собою рядъ канцлеровъ республики, въ дѣятельности которыхъ политика вступила въ братскій союзъ съ наукою.

Такъ же точно республиканскій духъ Флоренціи и ея образованность, облагороженная изученіемъ древности, вступили въ союзъ между собою, чтобы дать начало отечественной историографіи, замѣчательной по рѣдкому богатству содержанія и по возвышенному характеру изложенія. Здѣсь мы лишь слегка можемъ указать на нее. Но какая изъ новѣйшихъ націй Европы могла бы гордиться своимъ Геродотомъ, какого произвела Флоренція въ лицѣ Джіованни Виллани! Въ какомъ высокомъ мірѣ идей вращался этотъ купецъ, котораго воодушевило зрѣлище падшаго Рима и внушило мысль написать исторію возвышающейся сестры его Флоренціи «къ возвеличенію имени Божія и св. Іоанна и къ прославленію нашей Флоренціи!» [3]) Какое разностороннее образованіе получилъ онъ, не чуждый при этомъ и знакомства съ классическою литературою! Онъ знаетъ и Виргилія, и Лукіана, и Саллюстія, и Ливія, и Валерія, и Орозія. У него простая и благородная цѣль—«дать поученіе и примѣръ грядущимъ поколѣніямъ». Насколько она стоитъ выше тенденцій бо́льшей части историковъ гуманистовъ, которые не могли забыть о собственной славѣ и славѣ своихъ меценатовъ! Такимъ образомъ у дѣятелей второстепенныхъ мы часто встрѣчаемъ поразительныя черты. Гдѣ нашелъ для себя образецъ Горо Дати, человѣкъ государственный, поэтъ, математикъ и астрологъ, когда онъ далъ намъ въ своей хроникѣ прекрасное, проникнутое патріотическимъ чувствомъ изображеніе Флоренціи, ея мѣстныхъ и политическихъ учрежденій и ея общественной жизни [4])? Въ глубокой старости и въ грустномъ одиночествѣ оглядывается Филиппо Виллани на болѣе счастли-

---

[1]) Этотъ Dialogus de praestantia virorum sui aevi часто печатался, напослѣдокъ съ сочиненіями Фил. Вилани ed. Galletti p. 101. seq.

[2]) Онъ умеръ въ 1466 г. Длинная статья о немъ у Мадзукелли Scritt. d'Italia vol. I P. I. p. 59, къ чему слѣдуетъ присоединить и біографію, написанную Веспазіано.

[3]) Cronica lib. VIII cap. 36.

[4]) Goro Dati Istoria di Firenze doll'anno 1380 all'anno 1405. Firenze 1735, p. 107-e seg.

вую пору своей юности. Виллани Филиппо, племянникъ Джіованни и сынъ Маттео, находилъ благородное утѣшеніе въ томъ, что возобновлялъ въ памяти согражданъ флорентинскую старину и великихъ людей Флоренціи, дабы примѣръ ихъ животворно дѣйствовалъ на современное поколѣніе, которое онъ считалъ испорченнымъ [1]. Упомянемъ здѣсь и о тѣхъ прелестныхъ картинахъ лицъ и нравовъ, которыя мы находимъ въ воспоминаніяхъ престарѣлаго книгопродавца Веспазіано Бистиччи. Кто могъ разсказывать проще и увлекательнѣе этого флорентинца, столь богатаго живыми воспоминаніями о людяхъ и ихъ дѣлахъ, которыя онъ видѣлъ или о которыхъ слышалъ, столь коротко знакомаго со всѣмъ современнымъ ему міромъ, но умомъ и сердцемъ жившаго только во Флоренціи!

У республики были свои великіе историки, хотя она почти не знала объ этомъ. Съ тѣхъ поръ какъ изученіе древности привлекло къ себѣ лучшіе умы, съ тѣхъ поръ какъ Флоренція стала считаться новымъ Римомъ, ей нуженъ былъ новый Ливій, исторія республики, написанная изящнымъ латинскимъ языкомъ. Эту заслугу оказалъ ей Ліонардо Бруни. Онъ еще въ молодыхъ лѣтахъ написалъ «Похвалу городу Флоренціи», похвальную рѣчь въ античномъ стилѣ, потомъ небольшое сочиненіе на греческомъ языкѣ о государственномъ устройствѣ Флоренціи, [2]. Выше мы говорили о томъ, какъ были положены на грудь покойнаго историка двѣнадцать книгъ его исторіи Флоренціи, доведенной до начала войны съ Джіангалеаццо Висконти (1404 г.) и пріобрѣтенной республикою. За новый, современный отдѣлъ исторіи города принялся старикъ Поджіо, ставъ во главѣ управленія его дѣлами. И онъ желалъ оставить республикѣ и потомству достойный памятникъ своего ума. Главная суть его труда—это война съ миланскими деспотами, кончившаяся миромъ въ 1454 г. [3]) Извѣстенъ упрекъ Маккіавели, состоящій въ томъ, что какъ Бруни, такъ и Поджіо написали только исторію войнъ и внѣшней политики, но умолчали о гражданскихъ раздорахъ и ихъ послѣдствіяхъ. Они видѣли честь и славу республики въ тѣхъ битвахъ, которыя повели къ ея приращенію, и въ отраженіи нападеній деспотовъ, которые грозились искоренить республиканскую

---

1) Philippi Villani Liber de civitatis Florentiae fomoris civibus ed. Galletti, Florentiae 1847 p. 3..5. 40. 41.

2) Λεονάρδου 'Αρετίνου περὶ τῆς των Φλωρεντίνων πολιτείας, изд. K. Fr. Naumann, Frankf. a M. 1822 и Hasper Leipzig 1861. Оно переведено на латинскій языкъ, подъ заглавіемъ: De Florentinorum republica, Бенедиктомъ Монетою у Phil. Vill. ed. Galetti p 94.

3) Poggii epist. XI, 4. XIII, 1 ed. Tonelli. Извѣстнѣйшій оттискъ 8 кн. исторіи у Muratori Scriptt. T. XX, гдѣ p. 191 есть и Praefatio Джіакомо Поджіо, сына.

свободу въ Италіи. Далѣе они полагали свою задачу въ томъ, чтобы писать слогомъ Ливія, въ живости изложенія и въ вставочныхъ рѣчахъ. Конечно, ихъ сочиненія читались съ восторгомъ, а прежняя флорентинская исторіографія была какъ бы забыта. Ни одинъ городъ Италіи, заявляетъ съ гордостію Веспазіано, за исключеніемъ древней римской республики, не можетъ похвалиться двумя такими историческими сочиненіями.

Даже у переписчиковъ классическихъ сочиненій и у собирателей книгъ мы замѣчаемъ тоже стремленіе къ общественной пользѣ, къ благополучію и украшенію республики. Мысль объ общественной библіотекѣ, которою могъ бы пользоваться всякій ученый, возникла во Флоренціи, или если хотите, унаслѣдована отъ древняго Рима. Только во Флоренціи совпали вмѣстѣ такія условія, которыя требовались для этого: образованность, богатыя книгохранилища, страсть къ собиранію книгъ и широкое пониманіе общественныхъ потребностей.

Институтъ стаціонаріевъ [1]), прикованный условными узами къ высшимъ школамъ, столь же мало удовлетворялъ потребностямъ классическихъ изученій, какъ и самыя эти школы. Ихъ дѣломъ было составленіе руководствъ, краткихъ содержаній и глоссъ. Чтобы имѣть болѣе рѣдкихъ классиковъ, надобно было имѣть прочныя связи съ любителями этой литературы, если не было случая покупать ихъ изъ имущества, накраденнаго во время войны, у задолжавшихъ церквей или монастырей, или пріобрѣтать другимъ путемъ. Обыкновенно приходилось прибѣгать къ помощи переписчика или, въ случаѣ бѣдности, самому быть переписчикомъ. Многіе гуманисты, не имѣвшіе возможности держать писцовъ, подобно Петраркѣ, должны были сами переписывать желаемыхъ классиковъ, подобно Боккачіо. Часто они даже предпочитали это, чтобы недобросовѣстный писецъ не исказилъ текста; въ тоже время, работая сами, они могли исправлять и самый текстъ. Конечно, переписчиковъ, занимавшихся этимъ дѣломъ какъ ремесломъ, невѣжественныхъ и недобросовѣстныхъ, было много вездѣ, но такимъ людямъ нельзя было довѣрять сочиненій Цицерона или Ливія. Образованному писцу, который былъ въ состояніи вѣрно переписывать произведенія классиковъ, платилось до 30 дукатовъ въ годъ [2]). Собрать такимъ путемъ обширную библіотеку могли только владѣтельныя лица. Вотъ что говоритъ объ этомъ по собственному опыту Зомино изъ Пистойи, любитель книгъ и основатель библіотеки, съ которымъ мы знакомы какъ съ сподвижникомъ Поджіо

[1]) Такъ назывались въ средніе вѣка каноники, жившіе при какомъ нибудь учебномъ учрежденіи. *Прим. пер.*

[2]) Ambros. Travers. epist. VI, 35.

въ Констанцѣ: «Лучше покупать готовыя книги, чѣмъ давать переписывать [1])».

Со временъ Никколи древнія рукописи и экземпляры, исправленные учеными, сосредоточились преимущественно во Флоренціи. Поэтому хорошія копіи классиковъ можно было достать только здѣсь, и хорошіе писцы только здѣсь могли зарабатывать себѣ постоянно пропитаніе. Кто желалъ пріобрѣсти сочиненія Светонія, Теренція, или такія рѣдкія книги, какъ «Аѳинскія ночи» Геллія, письма Цицерона или Естественную исторію Плинія, исправить текстъ въ рукописи Цицерона, или нарисовать красивыя заглавныя буквы, тотъ заказывалъ все это во Флоренціи, особенно если Никколи или Козьма Медичи предлагали наблюдать за этимъ и дать задатокъ. Для изгнаннаго Филельфо было не малымъ лишеніемъ, что онъ не могъ обратиться во Флоренцію; въ другихъ мѣстахъ ему долго приходилось искать сочиненія Діодора или Арріана [2]). Повидимому, Флоренція была главнымъ мѣстомъ и для торговли пергаментомъ. Здѣсь были фабрики, на которыхъ можно было заказывать этотъ письменный матеріалъ опредѣленной величины и однороднаго качества, форматомъ in 4°. Но напримѣръ въ Римѣ это было невозможно. Когда Поджіо заказывалъ въ Римѣ переписку новыхъ книгъ, то онъ обыкновенно выписывалъ пергаментъ изъ Флоренціи чрезъ Никколи. Здѣсь раньше, чѣмъ гдѣ нибудь, мы встрѣчаемъ переписчика греческихъ рукописей, стараго священника Дмитрія съ острова Крита. Однако онъ находилъ себѣ немного работы, тѣмъ больше, что греческія книги продавались недорого въ самомъ Левантѣ [3]). Впослѣдствіи Флоренція сдѣлалась самымъ любимымъ сборнымъ мѣстомъ для голодныхъ греческихъ бѣглецовъ, снискивавшихъ скудное пропитаніе перепискою греческихъ рукописей. Потомъ ту же роль стала играть Венеція, а еще позднѣе Римъ.

Во Флоренціи усовершенствовалось самое искусство переписки. Уже во времена Петрарки тамъ жилъ миноритъ Тебальдо да Каза изъ Муджелло, который пріобрѣлъ себѣ почетное имя не чѣмъ другимъ, какъ перепискою книгъ. Въ 1378 г. онъ отправился въ Падую, желая снять тамъ, а впослѣдствіи во Флоренціи, копію съ сочиненій Петрар-

---

[1]) Надпись, сдѣланная въ 1425 г. на рукописи съ 7 рѣчами Цицерона, гдѣ вычисляются расходы на переписку, у Deschamps Essai bibl. sur Cicèron p. 73.

[2]) Leon. Bruni epist. II, 7. 10. 13. Poggius epist. II, 25. Aliottus epist. III, 7. Письмо Филельфо къ Палла Строцца отъ 11-го марта 1458 г.

[3]) Ambros. Travers. epist. VIII, 2 къ Никколи отъ 8-го іюля (1431). Старый Димитрій, у котораго самого были цѣнныя греческія книги, часто упоминается въ этихъ письмахъ.

ки, писанныхъ его рукою, чтобы ничто не утратилось, а напротивъ все дошло до потомства въ настоящемъ видѣ. Это, конечно, мысль Салютато, съ которымъ Тебальдо былъ друженъ. Но онъ не былъ наемнымъ писцомъ, а работалъ самъ для себя и подарилъ свои труды библіотекѣ монастыря С. Кроче, своимъ орденскимъ братьямъ во Флоренціи, отъ которыхъ потомъ большинство книгъ поступило въ библіотеку Лоренцо Медичи. Онъ списывалъ и другія сочиненія, какъ напримѣръ трагедіи Сенеки, Героиды Овидія, сочиненіе Боэція «Объ утѣшеніи философіи», переводы сочиненій Ксенофонта, Лукіана, св. Василія. По всему вѣроятію, онъ отличался необычайнымъ трудолюбіемъ и терпѣніемъ, потому что кромѣ этого онъ переписалъ множество богословскихъ сочиненій и три года трудился только надъ громаднымъ комментаріемъ Николая де Лира къ книгамъ Ветхаго Завѣта. Тебальдо работалъ необыкновенно тщательно и этимъ гордился. Онъ ставилъ знаки тамъ, гдѣ авторъ случайно пропустилъ какое нибудь слово, также если какое нибудь слово слѣдовало измѣнить или уничтожить. Если какое либо мѣсто допускало разныя чтенія, то онъ обозначалъ это на поляхъ словомъ alias (иначе), а на очевидную ошибку автора указывалъ словомъ lege (читай) тоже на поляхъ. Онъ составилъ алфавитные указатели къ тѣмъ сочиненіямъ. при которыхъ они, повидимому, были нужны; мысль, сколько мы знаемъ, тоже впервые поданная Салютато. Онъ, кажется, умѣлъ даже писать тѣ греческія фразы, которыя встрѣчались въ латинскихъ сочиненіяхъ [1]). Такой переписчикъ, слѣдящій разумно и съ любовью за ходомъ мыслей писателя, стоитъ почти на равной степени съ филологомъ-редакторомъ.

Если такіе ученые люди, какъ Никколи, Поджіо и Бруни, сами переписывали рукописи, то ихъ никто не назоветъ переписчиками, хотя Поджіо этимъ даже зарабатывалъ себѣ пропитаніе въ молодости. Тѣмъ не менѣе отъ этихъ людей вела свое начало школа переписчиковъ, которые работали не изъ одной любви. Уже со временъ Петрарки стали понимать цѣну старинныхъ классическихъ рукописей. Поэтому за недостаткомъ ихъ старались приготовить другія, похожія на старинныя по виду. Подражали красивому письму X и XI вѣка, такъ называемому лангобардскому. Изобрѣтателемъ этой моды былъ, быть можетъ, Никколи, но усовершенствовалъ это дѣло несомнѣнно Поджіо. Всѣ признавали красоту его письма, которое, впрочемъ, онъ употреблялъ только для классиковъ, и онъ самъ гордился имъ до тѣхъ

---

[1]) Его замѣтки въ концѣ часто встрѣчаются у Bandini Catal. codd. lat. T. IV, напр. p. 160. 163. 168. 174. 175. 180. 189. 196. 198. 207. Mehus Vita Ambros. Travers. p. 234. 235. 236. Hortis Studi s. opere lat. del Boccaccio p. 222 seg. 388.

поръ, пока у него не начала дрожать рука. Это онъ называлъ писать literis antiquis, и онъ дѣятельно обучалъ этому искусству наемныхъ писцовъ [1]). Такимъ образомъ мы имѣемъ множество классическихъ рукописей, на видъ почтенной старины, которыя однако относятся ко времени гуманистической школы въ Италіи. Къ этому прибавилась попытка возстановить древне-римское письмо, о чемъ хлопоталъ еще Салютато. Когда Никколи спорилъ съ своими друзьями о гласныхъ и двугласныхъ, то онъ смотрѣлъ на дѣло съ практической точки зрѣнія, именно по отношенію къ письму.

Книгопродавцы были, независимо отъ поставщиковъ книгъ въ университеты, притомъ по двое въ каждомъ большомъ городѣ. Но въ обычномъ обиходѣ больше торговали Псалтырями, учебниками и богослужебными книгами. Старинныя рукописи классиковъ, или экземпляры, исправленные учеными людьми, въ эту категорію попадали рѣдко. За то со временъ Боккачіо, Салютато, Никколи и Козьмы Медичи, Флоренція сдѣлалась средоточіемъ книгохранилищъ. Здѣсь было множество публичныхъ лавокъ, гдѣ продавались книги; были въ числѣ торговцевъ выдающіяся личности, къ которымъ ученые люди сходились въ извѣстный часъ дня, какъ на биржу, и рѣшали спорные вопросы.

Только во Флоренціи могъ явиться такой человѣкъ, какъ Веспазіано Бистиччи, первый книгопродавецъ въ обширномъ смыслѣ слова, какой только извѣстенъ въ новое время. По своему направленію онъ еще вполнѣ принадлежитъ къ тому кругу, въ которомъ мы доселѣ вращались, но, родившись въ 1421 г., онъ былъ еще очень молодымъ человѣкомъ въ то время, когда Никколи, Поджіо и Бруни уже состарѣлись. Власть дома Медичи утвердилась прочно, и онъ, насколько помнитъ себя, выросъ въ преданности имъ. Онъ типическое явленіе во Флоренціи Медичи. По видимому, ему не дано было научнаго образованія. Но его лавка вскорѣ сдѣлалась сборнымъ мѣстомъ для любителей литературы; онъ каждый день слышалъ ихъ разго-

[1]) Poggius epist. II, 29 въ опредѣленномъ случаѣ отличаетъ antiquae litterae, quae gallicum redoleant, отъ antiquue litterae ad morem nostrum. II, 27, 29 онъ говоритъ о своемъ неаполитанскомъ писцѣ, который пишетъ скоро et tis litteris, quae sapiunt antiquitatem, ad quod eum trusi summo cum laborequem summo labore litteras antiquas edocui. II, 39 онъ учитъ древнему письму новаго писца, француза. Про него самого Веспазіано говоритъ Poggio § 1: fu bellissimo scrittore di lettera antica Leon. Aret. epist. II, 10 ed. Mehus заказываетъ инпціалы для копіи рѣчей Цицерона: dabisque operam ut non auro neque murice, sed vetusto more hae litterae fiant. Vespasiano Cosimo de'Medici § 22 хвалитъ Никколи: era velocissimo scrittore di lettera corsiva antica, и Niccoli § 2: le (i libri) scriveva di sua mano o di lettera corsiva o formata che dell'una letterae dell'altra era bellissimo scrittore. Напротивъ, о будущемъ папѣ Николаѣ V онъ говоритъ: Nicola § 7: era bellissimo scrittore tra l'antica e moderna.

воры о древнихъ писателяхъ и о книгахъ и такимъ путемъ пріобрѣлъ массу свѣдѣній. Хотя онъ и не могъ писать на латинскомъ языкѣ, однако понималъ латинскія письма, которыя писалъ ему Манетти, его близкій другъ. Онъ имѣлъ большія свѣдѣнія въ латинской, греческой и еврейской литературѣ, только они касались не содержанія книгъ, а библіографическихъ подробностей. Онъ зналъ, какія книги рѣдки и какія въ большомъ ходу, гдѣ можно купить или достать извѣстное сочиненіе, какого объема книга и во сколькихъ частяхъ и какова на нее цѣна. По такимъ вопросамъ онъ былъ оракуломъ, къ которому обращались за совѣтомъ изо всѣхъ странъ образованнаго міра. Онъ давалъ указанія папамъ, королямъ и ученымъ [1]). Если заказывали копію, то въ его распоряженіи были лучшіе экземпляры изъ книгохранилища Никколи или Козьмы Медичи. Послѣдній часто прибѣгалъ къ его помощи, чтобы купить напр. книгъ въ Луккѣ или Сіэнѣ [2]). Обороты его росли замѣчательно; у него было въ распоряженіи множество писцовъ, иногда разомъ до 45, такъ что онъ могъ быстро исполнять крупные заказы. Уже около половины XV столѣтія онъ былъ царемъ книгопродавцевъ въ Италіи. «Въ Италіи, сказалъ тогда поэтъ Янусъ Паннонiусъ, можно имѣть сколько угодно книгъ; пошлите только деньги во Флоренцію, и Веспазіано все сдѣлаетъ [3])». Однако пришло время, когда владѣтельныя особы, въ Урбино, Феррарѣ, Пезаро, по примѣру Козьмы Медичи, заказывали списывать цѣлыя библіотеки и обращались за этимъ къ Веспазіано. Конечно, въ этомъ случаѣ красота письма и красивый видъ книги замѣняли исправность текста. Веспазіано всегда жилъ въ умственной сферѣ ученыхъ людей, а подъ старость хотѣлъ и самъ принять какое нибудь участіе въ ихъ дѣятельности. Съ этою цѣлью онъ написалъ свои богатыя воспоминанія на народномъ языкѣ. 27 іюля 1499 г. останки его были похоронены въ церкви С. Кроче [4]).

---

[1]) Особенно благодаритъ его за это Созоменъ изъ Пистойи въ своей всемірной хроникѣ. Мѣсто у Bandini Bibl. Leop. Laurent T. III, p. 95. Aliottus ep. III, 7 называетъ его optimus huius rei explorator, по случаю вопроса о томъ, какъ получить для копіи рѣдкую Естественную исторію Плинія.

[2]) Fabronius Cosmi vita vol. I p. 135.

[3]) Angelus Decembrius de Politia lit. VII, 64: Solent igitur et Hetruria Florentiaque civitate potissime libri quam venustistime facti comparari: feruntque ibi Vespasianum quendom eximium bibliopolam, librorum librariorumque solertissimum, ad quem omnis Italica regio, longinquae etiam nationis homines confluunt, quicunque libros ornatessimos venales oplant. Jani Pannon. Opusc. P. II p. 99.

[4]) По архивной замѣткѣ въ Giornale stor. di archivi Tosc. vol. II p. 240. Въ небольшомъ сочиненіи Enrico Frizzi di Vespasiano da Bistici (Pisa 1878) мало новаго.

Трудно установить общую норму цѣны для книгъ. Томъ (volumen) не могъ служить опредѣленною нормою, хотя можно было думать, что поэмы переписывать не труднѣе, чѣмъ стихи Горація. Богословскія и юридическія книги стояли въ значительно низкой цѣнѣ. Можно было напримѣръ купить книги Ветхаго и Новаго Завѣта за восемь золотыхъ гульденовъ, написанныя на бумагѣ, а на пергаментѣ онѣ стоили вдвое дороже. Въ одномъ случаѣ книга была куплена въ Богеміи, гдѣ книги св. Писанія были больше распространены между всѣми сословіями, чѣмъ гдѣ нибудь [1]). Поджіо купилъ въ Италіи Библію, писанную по старинному, въ которой однако не было псалмовъ, за 25 золотыхъ гульденовъ и хотѣлъ перепродать папѣ Николаю V за 40 [2]). За новый экземпляръ семейныхъ писемъ Цицерона, довольно исправно написанный, миланскій книгопродавецъ требовалъ 10 цехиновъ [3]). Собраніе 19 рѣчей Цицерона, конечно, отлично написанныхъ и просмотрѣнныхъ однимъ ученымъ, стоило 14 дукатовъ, а однѣ Филиппики епископъ торчельскій купилъ у флорентинскаго книгопродавца за 5, Тимея вмѣстѣ съ сочиненіями de fato и de divinatione одинъ нѣмецъ у Веспазіано за 3 дуката [4]). Томъ писемъ Поджіо, содержавшій въ себѣ 10 книгъ ихъ, былъ списанъ во Флоренціи за 4 флорентинскихъ гульдена. Гораздо выше были цѣны, если извѣстный ученый рѣшался продать классическое сочиненіе. Такъ Поджіо продалъ принцу Леонелло д'Эсте письма блаженнаго Іеронима за сто золотыхъ гульденовъ и утверждалъ, что кардиналъ Торквемада не разъ предлагалъ ему эту сумму и все таки считалъ книгу подаркомъ. Только по просьбѣ Ауриспы, по его словамъ, онъ рѣшается уступить ее за эту цѣну. Леонелло заплатилъ эту сумму, но съ замѣчаніемъ, что находитъ, что это очень дорого, и Поджіо долженъ считать лишнее подаркомъ; Поджіо взялъ деньги съ добродушнымъ юморомъ, какъ ручательство за болѣе крупные подарки. Когда впослѣдствіи папа Николай пожелалъ пріобрѣсти письма блаженнаго Іеронима, то во Флоренціи нашелся прекрасный экземпляръ за 44 золотыхъ гульдена, да и эта цѣна вѣроятно требовалась потому, что покупалъ папа [5]). Поэтъ Беккаделли долженъ былъ заплатить Поджіо 120 цехиновъ за Ливія, прекрасно написаннаго

---

[1]) Письма Энея Сильвія къ І. Тускону отъ 31-го октября 1444 г. и 23-го августа 1445 г.
[2]) Poggius, epist. XI, 1, 6.
[3]) Письмо Филельфо къ Пико Перлеоне отъ 8-го сентября 1452 г.
[4]) Poggius epist. XII, 9. Mittarelli Bibl. p. XVIII. Catalogus codd. lat. bibl. reg. Monac. T. II. P. II, p. 31.
[5]) Poggius epist. VI, 19 отъ 21-го іюля (1437 г.) и XI, 1. 6 (отъ 1453 г.).

имъ самимъ, и принужденъ былъ продать небольшое помѣстье, чтобы получить въ свою собственность эту рукопись, тогда какъ Поджіо на эти деньги купилъ участокъ земли близь Флоренціи [1]). Какъ часто разсказывали объ этомъ случаѣ, чтобы сравнить стоимость идеальной собственности съ приносящею прямую выгоду! Къ сожалѣнію, мы не знаемъ цѣны Ливія, оставшагося послѣ друга Петрарки, Донато Альбанцани, котораго купилъ Гаспарино Варзицца. Валерій Максимъ изъ того же собранія стоилъ 7 дукатовъ [2]). Старые экземпляры, разумѣется, трудно было цѣнить, потому, что они пріобрѣтались всегда контрабанднымъ путемъ для богатыхъ любителей.

Греческія книги покупались безъ труда на востокѣ агентами флорентинцевъ и венеціанцевъ, или учеными, какъ напр. Ауриспою, Гварино и Филельфо, въ то время какъ въ Италіи цѣна на нихъ, разумѣется, значительно поднялась. Этотъ приливъ книгъ изъ Леванта усиливался вмѣстѣ съ приближеніемъ опасности отъ турокъ; поэтому въ Италіи едва замѣтна потребность списывать греческія книги. Здѣсь было не мало классически образованныхъ купцовъ, которые умѣли достать рѣдкія вещи для себя и для другихъ [3]). Книга, просмотрѣнная ученымъ, даже и греческая, стоила гораздо дороже. Филельфо заказалъ Ѳеодору Газскому списать для себя Иліаду за большія деньги. Онъ не хотѣлъ ее ни продавать, ни мѣнять и за сокровища Креза, даже и кардиналу Виссаріону. Эта книга, по его словамъ, ему дороже всего на свѣтѣ [4]).

Послѣ этого читатель пойметъ, какую энергію и настойчивость долженъ былъ обнаружить Никколи, чтобы, будучи частнымъ человѣкомъ съ весьма скромнымъ состояніемъ составить библіотеку отъ 600 до 800 томовъ, стоимость которой книгопро-

---

1) Беккаделли epist. Campan. 45 королю Альфонсу конечно отъ 1442 г., такъ какъ покупка Поджіо относится къ этому году.

2) Gasp. Varzizii Opp. p. 114. 209.

3) Cp. Leon. Bruni epist. IX, 4 ed. Mehus къ генуэзцу Никколо Чеба, который вызвался пріобрѣтать ему греческія книги, письмо, которое Тонелло по ошибкѣ издалъ въ числѣ писемъ Поджіо II, 15.

4) Письмо его къ Виссаріону отъ 23-го января и 15-го октября 1448 г: И въ свою прекрасную Батрахоміомахію онъ могъ написать гекзаметры dt's Anzeiger für Bibliographie u. s. u. 1854. Heft II. 13. Von Reumont Bandini Catal. codd. gr. bibl. Medic. T. II, p. 121. Своей Одиссеи, упомянутой тамъ же p. 174 Филельфо, повидимому, не придавалъ особаго значенія.—О цѣнѣ книгъ и т. п. cp. Ebert zur Handschriftenkunde Bd. I Leipz. 1825, s. 98 ff. 108 ff. Kirchhof Die Handschriftenhändler des Mittelalters. 2 neu bearb. Ausg. Leipz. 1853. Его же Weitere Beiträge zur Geschichte des Handschriftenhandels im Mittelalter—in Petzholdt Lorenzo de'Medici Bd. I s. 582. Особенно для Франціи Hist. Litt. de la France T. XXIV p. 279 seq.

давецъ Веспазіано опредѣлилъ въ 6000 золотыхъ гульденовъ. Его заслуга выступаетъ въ истинномъ свѣтѣ, если онъ, какъ положительно увѣряютъ насъ, первый задумалъ планъ публичной библіотеки, доступной всѣмъ [1]). Правда, Петрарка еще гораздо раньше высказалъ эту мысль, притомъ на свой грандіозный ладъ, полно и ясно. Но у него вообще недоставало уваженія къ общественнымъ потребностямъ. Поэтому онъ совсѣмъ не исполнилъ и договора, заключеннаго съ республикою св. Марка, или исполнилъ лишь слегка. Книги его, послѣ его смерти, были разрознены и растеряны наслѣдниками. Салютато имѣлъ въ головѣ эту мысль, но цѣль его была весьма ограниченная. Именно онъ хотѣлъ предохранить этимъ текстъ отъ порчи. «Слѣдовало бы устроить публичныя библіотеки и собрать въ нихъ всѣ книги. Надъ библіотеками слѣдовало бы поставить весьма свѣдущихъ людей, которые бы пересматривали книги, тщательно сравнивая между собою, и по зрѣломъ обсужденіи отдѣляли тѣ, въ которыхъ есть варіанты. Эту должность занимали нѣкогда, какъ мы знаемъ, весьма именитые люди, и они считали достойнымъ своей славы подписывать имена на спискахъ, которые они просмотрѣли, какъ мы это и теперь видимъ на древнихъ рукописяхъ» [2]). Но Никколи думалъ прежде всего объ общей пользѣ, какую можетъ принести подобное учрежденіе. Боккачіо завѣщалъ свои книги августинскому монастырю С. Спирито съ условіемъ, чтобы они хранились тамъ въ шкапу, дабы каждый братъ монастыря могъ ихъ читать и изучать [3]). Слѣдовательно, о болѣе широкой публичности онъ не думалъ. Но онѣ валялись въ величайшемъ безпорядкѣ, пока Никколи, въ то время еще молодой человѣкъ, не велѣлъ поправить на свой счетъ шкапа, назначеннаго для библіотеки и не установилъ въ немъ въ порядкѣ тѣ книги, которыя Боккачіо сочинилъ и тѣ, которыя онъ списалъ самъ и пріобрѣлъ другимъ путемъ. Такимъ образомъ онъ сохранилъ для потомства многое, что иначе сдѣлалось бы жертвою небрежности [4]). Свою собственную библіотеку Никколи завѣщалъ было Камальдульскому монастырю

---

[1]) Poggius Orat. in funere Nic. Niccoli (Opp. p. 276) Vespasiano: Nic. Niccoli § 8: Solo Nicola a quello che vuole che suoi libri siano in publico a comune utilità di ognuno, che ne meritò grandissimo commendazione. Aeneas Sylvius de vir. clar. XVI, опредѣляетъ стоимость библіотеки только въ 4000 золотыхъ гульденовъ.

[2]) Изъ его трактата de fato et fortuna у Mehus Vita Ambros. Travers. p. 291.

[3]) Его завѣщаніе 1371 г., при Lettere ed. Corazzini p. 425.

[4]) Въ діалогѣ Бруни онъ хвалится своею заслугою передъ Боккачіо, qui bibliothecam eius meis sumptibus ornarim propter memoriam tanti viri, et frequentissimus omnium in illa sum apud religiosos heremitarum. И Vespasiano Comment. di Manetti p. 101 упоминаетъ объ этомъ, прибавляя: come si vede infino al presente di. Извѣстно, что большая часть этихъ книгъ погибла во время пожара.

св. Маріи дельи Анджіоли, конечно, по дружбѣ къ Траверсари, но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы пользованіе ею было доступно всѣмъ изучающимъ науку, какъ это дѣлалось имъ при жизни. Мы не знаемъ, почему онъ за день до своей смерти перемѣнилъ это завѣщаніе. Вѣроятно, причиною были долги: онъ поручилъ выбрать помѣщеніе коммиссіи изъ шестнадцати человѣкъ, въ числѣ которыхъ мы читаемъ имена Козьмы и Лоренцо Медичи, Траверсари, Бруни, Поджіо, Марсуппини, Альберти и Манетти. Они предоставили дальнѣйшее распоряженіе библіотекою Никколи Козьмѣ Медичи, и онъ взялъ на себя долги покойнаго и осуществленіе его мысли относительно библіотеки. Онъ поставилъ ее въ связь съ другими планами и устроилъ такъ называемую Marciana, первую публичную библіотеку.

Какъ разъ въ годъ смерти Никколи (1437 г.) Козьма Медичи началъ вновь отстраивать монастырь предикантовъ св. Марка. На это онъ истратилъ 36,000 золотыхъ гульденовъ вмѣстѣ съ возобновленіемъ церкви, которая потомъ была освящена въ присутствіи папы Евгенія IV. Микелоццо построилъ прекрасную библіотеку, достойную помѣщаться рядомъ съораторіею монастыря, покоившуюся на высокихъ мраморныхъ колоннахъ. Такъ какъ монастырское помѣщеніе было занято братіею, то прежде всего надобно было доставить ей богослужебныя книги. Между самими монахами былъ отличный писецъ и миніатюристъ, фра Бенедетто, братъ живописца Джіованни Анджелико. Этому Бенедетто было поручено при помощи нѣкоторыхъ монаховъ, лучшихъ каллиграфовъ въ монастырѣ, писать книги для хора и ризницы и украшать ихъ, что было сдѣлано въ пять лѣтъ и обошлось въ 1500 дукатовъ. Къ этому присоединилась ученая публичная библіотека въ помѣщеніи, художественно украшенномъ, разсчитанная на 64 шкапа. Здѣсь нашли себѣ пріютъ и книги Никколи. Однако число ихъ, при этомъ случаѣ, опредѣляютъ въ 600 слишкомъ томовъ, изъ которыхъ Козьма счелъ себя въ правѣ выбрать 200 томовъ для себя, такъ какъ Никколи остался ему долженъ 500 гульденовъ и сверхъ того онъ удовлетворилъ другихъ его кредиторовъ. Довѣреннымъ лицомъ Козьмы въ монастырѣ былъ братъ Джуліано Лапаччини изъ Флоренціи, родственникъ Никколи. Онъ его книги привелъ въ порядокъ и уставилъ ихъ; на каждой онъ надписалъ, что она прежде принадлежала Никколо Никколи. Была составлена и роспись этого собранія. Книги, которыхъ не хватило или слѣдовало имѣть, онъ могъ пріобрѣтать, и для этого ему былъ открытъ неограниченный кредитъ въ банкѣ [1]). Козьма Медичи

---

[1]) Vespasiano vita di frate Girolamo Lapaccini, напечатано при Comment. di Manetti p. 139. Vita di Cosimo di Medici § 9.

охотно обращался и къ другимъ источникамъ для увеличенія и пополненія собранія. Никколи собиралъ только греческихъ и римскихъ классиковъ и знаменитыхъ отцовъ Церкви; новою литературою онъ пренебрегалъ. Козьма распорядился купить въ 1444 г. въ Сіэнѣ на 400 золотыхъ гульденовъ книгъ большею частію по каноническому праву, а въ слѣдующемъ году послалъ Лапаччини и Веспазіано въ Лукку, гдѣ они пріобрѣли 49 томовъ богословскихъ книгъ изъ библіотеки францисканцевъ за 250 золотыхъ гульденовъ. Приращенію библіотеки помогли также завѣщанныя книги. Поджіо отказалъ въ завѣщаніи творенія Блаженнаго Августина и всѣ духовныя книги, какія у него были, а также свои греческія рукописи библіотекѣ св. Марка, которая тогда отстраивалась и сокровищами которой онъ самъ пользовался [1]). Когда Козьма Медичи сооружалъ церковныя зданія, то онъ старался снабдить ихъ приличными библіотеками. Извѣстно, что въ Венеціи въ благодарность за тотъ пріемъ, который тамъ нашелъ во время изгнанія, въ S. Giorgio di Alga онъ устроилъ библіотеку и снабдилъ хорошими книгами. Каноники въ Фіезоле, минориты въ Дель Боско близь Муджелло тоже получили библіотеки, соотвѣтствовавшія ихъ потребностямъ. И какъ только онъ находилъ возможность собирать такія массы книгъ! Когда онъ отстроилъ монастырь С. Лоренцо во Флоренціи, то сталъ совѣтоваться съ Веспазіано. Невозможно было купить книгъ, какія хотѣлось; ихъ нужно было велѣть переписать. Книгопродавецъ тотчасъ же пригласилъ 45 переписчиковъ, а настоятель монастыря долженъ былъ сообщать въ банкъ Медичи, сколько было нужно заплатить имъ. Черезъ 22 мѣсяца образовалось собраніе изъ 200 томовъ, содержавшее въ себѣ всѣ болѣе важныя сочиненія древнихъ римскихъ писателей и Отцовъ Церкви [2]). У него былъ также планъ основать библіотеку въ предмѣстьи Флоренціи близь монастыря св. Варѳоломея. Но насколько этотъ планъ былъ выполненъ, мы не знаемъ. Козьма Медичи поручилъ Томмазо Парентуччелли, тѣсно связанному съ литературными кружками въ городѣ, составить правила для устройства подобныхъ монастырскихъ библіотекъ [3]). Парентучелли указалъ книги

---

[1]) Poggius epist. XII, 2. Его завѣщаніе отъ 19-го октября 1448 г. въ Giornale stor. d. archivi Tosc. vol. II, p. 1. Vespasiano Nicolo Nicoli § 8. Nicola V Papa § 7. Cosimo de'Medici § 9. О происхожденія библіотеки св. Марка Vinc. Marchese Santo stor. del convento di S. Marco въ его Scritti vari. О позднѣйшей судьбѣ Mehus Vita Ambr. Trav. p. 42—74. 377. Tiraboschi T. V, p. 176. T. VI, p. 194—206.

[2]) Vespasiano Cosimo de'Medici § 12.

[3]) Ut scripto exponeret qua ratione ipsa esset instituenda atque ordinanda. Эта замѣтка у Фабронія Cosmi vita vol. I p. 148 проливаетъ ясный свѣтъ на извѣстія у

по отдѣламъ и классамъ, какія считалъ нужными или желательными. Конечно прежде всего тутъ были книги св. Писанія, потомъ творенія Отцовъ Церкви и великихъ средневѣковыхъ богослововъ, далѣе Аристотель и его комментаторы, сочиненія Платона, какія были въ переводахъ, важнѣйшіе римскіе прозаики; изъ поэтовъ онъ совѣтуетъ читать монастырской братіи Овидія и Горація. Какъ ни бѣдна эта роспись, она служила руководствомъ при пріобрѣтеніи и распредѣленіи книгъ. Согласно ей были собраны и приведены въ порядокъ книгохранилища: св. Марка, въ Фіезолѣ, герцога Урбинскаго, также пезарскаго Алессандро Сфорца и наконецъ каждая новая библіотека. Кто не узнавалъ въ этомъ собирателѣ и систематикѣ будущаго папу Николая V, основателя ватиканской библіотеки?

Рядомъ съ этимъ шло собираніе частной библіотеки Медичи, которая по достоинству своему вскорѣ далеко превзошла всѣ эти книгохранилища [1]). Въ нее стекались хорошія книги отовсюду, гдѣ только онѣ были, съ востока и съ запада. Агенты факторій покупали ихъ, если можно было купить, и сами Медичи и во Флоренціи и во время поѣздокъ не упускали случая пріобрѣтать ихъ [2]). А какъ много книгъ было посвящено Козьмѣ и его родственникамъ и подарено въ роскошныхъ экземплярахъ! Притомъ множество писцовъ постоянно списывали старинныя рукописи, которыхъ нельзя было купить. Изъ тѣхъ книгъ, которыя привезены были во Флоренцію во время пріѣзда духовныхъ лицъ на соборъ, значительное количество перешло въ собственность Медичи. Самые лучшіе случаи пріобрѣсти рѣдкія книги представлялись со смертью ученыхъ, послѣ которыхъ оставались книгохранилища. Такъ Христофоро де' Бондельмонти, флорентинскій купецъ и впослѣдствіи священникъ, отъ 1414 г. до 1422 г. ѣздилъ по островамъ архипелага, былъ на Критѣ, Ан-

---

Vespasiano Nicola V § 7 и Cosimo de'Medici § 13. 14 и на inventarium Nicolai papae V. quod ipse composuit ad instantiam Cosmo de Medicis, который Эней Пикколомини сообщаетъ и разбираетъ въ Archivio Stor. ital. Serie III T. XIX p. 114 и T. XXI p. 102. Схема становится понятною въ силу того, что дѣло идетъ не просто о библіотекѣ, а о монастырской. Отсюда такія выраженія какъ bibliothece arbitror convenire или Ego tamen si bibliothecam conditurus essem, cum omnia a me haberi non possent, vellem illa praecipue non deesse.

1) Анціани (Della biblioth. Medic.—Laurent. in Firenze, Firenze 1872 p. 5) думаетъ, что ея собираніе относится къ послѣднимъ годамъ жизни Козьмы Медичи, но это, мнѣ кажется, лишено основанія. Вспомнимъ о книгахъ Никколи! Козьма едва ли опять раздарилъ дорогихъ классиковъ и старинныя рукописи. Для монастырей онъ приказывалъ «списывать» книги.

2) Такъ въ 1455 г. Манетти покупалъ книги въ Римѣ по порученію Пьеро де Медичи. Письмо его къ Веспасіану у Фабронія Cosmi vita vol. II p. 219 и у Vespasiano Comment. di Manetti p. 177.

дросѣ, Родосѣ и всюду скупалъ греческія книги. Потомъ мы ихъ находимъ въ библіотекѣ Медичи [1]). Изъ книгъ, оставшихся послѣ Салютато, Траверсари, Бруни и Филельфо самыя дорогія сокровища мало по малу перешли къ Медичи, хотя и не по 200 томовъ сразу, какъ послѣ смерти Никколи. Такъ объясняется то явленіе, что старинные экземпляры, писанные древнимъ письмомъ, стоятъ рядомъ съ произведеніями современниковъ, которыя мы находимъ въ старинныхъ росписяхъ и еще въ новыхъ каталогахъ библіотеки Лоренцо Медичи [2]).

Нѣкоторыя другія собранія флорентинскихъ аристократовъ исчезли, а особенно тѣхъ, которые умерли на чужбинѣ. Веспазіано цѣнилъ книги Манетти въ нѣсколько тысячъ гульденовъ. Онъ хотѣлъ подарить ихъ монастырю Санто Спирито, которому былъ обязанъ своимъ образованіемъ. Тамъ же должны были храниться и тѣ книги, которыя онъ писалъ самъ, чтобы съ ними не случилось того же, что, по замѣчанію Веспазіано, случается съ книгами всѣхъ ученыхъ послѣ ихъ смерти. Именно оригиналы ихъ сочиненій пропадаютъ. И у Манетти была та мысль, что его книгами современемъ долженъ свободно пользоваться всякій. Но у него были наслѣдники; поэтому его доброе желаніе не исполнилось [3]). Ближе всѣхъ къ Козьмѣ Медичи по его замысламъ былъ соперникъ его Палла Строцца. Онъ скупалъ книги не только въ Италіи, но и поручалъ доставать въ Константинополѣ. Въ томъ числѣ были добыты сочиненія Платона, біографія Плутарха и первый экземпляръ Политики Аристотеля, благодаря которому это сочиненіе сдѣлалось извѣстнымъ на западѣ. И Палла думалъ основать публичную библіотеку и избралъ для этого монастырь Св. Троицы, потому что онъ былъ удобенъ для этого по своему положенію среди города. Изгнаніе разстроило его планъ [4]).

Сама республика была совершенно чужда мысли о публичной библіотекѣ. Пріоры постановили, что смотрители за зданіями при каждой церкви и при каждомъ монастырѣ въ флорентинской области должны разъ въ два мѣсяца составлять инвентари книгъ. Но это требованіе

---

[1]) Bandini Catalogus codd. graec. T. I, p. X. T. II, p. 645. Выводъ Meryca (Vita Ambros. Travers. p. 378), что онъ покупалъ въ качествѣ агента Козьмы Медичи, справедливо оспаривалъ уже Тирабоски. Въ его Liber insulatum Archipelagi объ этомъ нѣтъ рѣчи, а надписи на книгахъ указываютъ на собственника, особенно если онъ называетъ себя scholaris in graecis Scientiis.

[2]) Bandini l. c. T. I, p. X. XI. Инвентарь Пьеро 1464 г. у Bandini biblioth. Leop. Laurent. T. III, p. 519, а 1495 г. въ Archivio stor. Ital. ser. III. T. XX.

[3]) Vespasiano Comment. di Manetti p. 101.

[4]) Vespasiano Palla di Nofri Strozzi § 1. 4. Ambros. Travers. epist. VIII, 10.

шло навѣрное отъ Козьмы Медичи, отъ Бруни или отъ какого либо другаго собирателя книгъ [1]). Сама республика имѣла только пизанскіе пандекты, которые хранились въ залѣ присутствія (udienza) какъ святыня, и которыя Чиріако считалъ за счастіе видѣть при посредствѣ Бруни [2]). Кромѣ этого вмѣстѣ съ другими драгоцѣнностями она пріобрѣла въ іюлѣ 1454 г. за 400 золотыхъ гульденовъ большую книгу, украшенную серебромъ и жемчугомъ, Четвероевангеліе на греческомъ языкѣ, и пріобщила къ пандектамъ. Грекъ Малхъ привезъ его изъ Византіи, взятой турками [3]). Но это драгоцѣнное сокровище лежало безъ пользы. Могло бы показаться страннымъ, что на поприще науки и искусства постоянно выступаютъ лишь отдѣльные граждане, но въ сущности они представляютъ собою республику, и Козьма Медичи во многихъ отношеніяхъ былъ какъ бы олицетвореніемъ ея.

Совершенно инымъ духомъ вѣяло въ тѣхъ общественныхъ библіотекахъ, въ которыхъ книги стояли въ открытыхъ помѣщеніяхъ, поступали въ вѣдѣніе того или другаго ученаго, чѣмъ въ тѣхъ душныхъ монастырскихъ кладовыхъ, гдѣ онѣ лежали прежде въ сундукахъ и дѣлались жертвою тлѣнія. Точно такъ же и ученое сословіе во Флоренціи отдѣлилось отъ монаховъ и вступило въ союзъ со знатью республики, и книги являются здѣсь общимъ достояніемъ этого сословія и даютъ пищу свободной и благородной наукѣ.

Такимъ образомъ историческія сочиненія, рѣчи, музеи и библіотеки настолько же служили украшеніемъ столицѣ Тосканы, какъ и четыре евангелиста въ S. Maria del Fiore работы Донателло, или фронтонъ Santa Maria Novella и дворецъ Ручелаи, въ которыхъ продолжаетъ жить духъ Альберти, какъ тѣ палаццо, церкви, мосты чрезъ Арно, общественные сады, которые обязаны своимъ происхожденіемъ страсти Медичи къ великолѣпію. Ученость, таившая въ нѣдрахъ своихъ искусство, ясное пониманіе изящныхъ формъ, за которымъ скрывалось соблазнительное язычество,—такова была сущность флорентинскаго духа. То проявляясь незамѣтно, то прорываясь стремительнымъ потокомъ, духъ этотъ сообщился всей Италіи, а чрезъ Италію и всему новому міру. Если не по крови, то по духу Парентучелли былъ первый Медичи на папскомъ престолѣ. Онъ сталъ для Рима тѣмъ же, чѣмъ былъ Козьма для Флоренціи. Здѣсь гуманизмъ достигъ своего апогея при Лоренцо Великолѣпномъ, воскресителѣ тосканской поэзіи, а

1) Декретъ отъ 7-го августа 1441 г. у Gaye Carteggio I p. 556.
2) Scalamontius p. 92.
3) Dom. Buoninsegni Storie p. 110. Fontius Annales p. 158.

тамъ при папахъ изъ дома Медичи, къ которымъ примыкаетъ цѣлый рядъ другихъ, старавшихся прикрыть печальный упадокъ своей власти блескомъ искусства. Раздирающій душу вопль Саванаролы лишь на короткое время пробудилъ флорентинцевъ отъ ихъ поэтическаго сна, а въ Ватиканскомъ дворцѣ также беззаботно воспѣвали любовь и прекрасныхъ боговъ языческаго міра, когда нѣмецкое слово стало плотью и ясно показало, что въ грядущемъ можетъ и долженъ настать иной вѣкъ, непохожій на вѣкъ Августа.

Какъ пышно расцвѣтаютъ науки и искусства при могуществѣ и богатствѣ государства, и въ какомъ упадкѣ находятся при отсутствіи ихъ, ясно показываетъ сравненіе Флоренціи съ Сіеною, маленькой сосѣднею республикою. Здѣсь шла борьба партій и иногда играли роль правовѣды. При постоянномъ опасеніи гражданскихъ раздоровъ и сильныхъ сосѣдей, литература и искусство не могли мирно процвѣтать. Тосканская почва и здѣсь производила выдающихся людей, одушевленныхъ благородными стремленіями, но они не могли преодолѣть ненависти и подозрѣнія партій. Притомъ Сіена пользовалась дурною славою, какъ арена, на которой былъ полный разгулъ для позорныхъ страстей. По видимому, и лучшимъ людямъ трудно было вести здѣсь спокойную жизнь и пользоваться почетомъ. Эней Сильвій Пикколомини, какъ писатель, всего менѣе пользовался славою въ своемъ родномъ городѣ; прежде чѣмъ онъ сдѣлался папою, городъ этотъ не гордился имъ. Франческо де' Патрицци, хорошій юристъ и писатель въ разныхъ родахъ, долженъ былъ покинуть городъ, потому что былъ замѣшанъ въ заговоръ знати въ 1457 г. Даже природный сіенецъ, Маріано де' Соццини, неохотно сталъ читать свои юридическія лекціи и хотѣлъ переселиться въ Вѣну, чтобы только успокоиться отъ преслѣдованій и треволненія тамошнихъ партій. А онъ былъ человѣкъ съ разнообразными дарованіями, которымъ бы въ другомъ мѣстѣ гордились, зналъ оба права, былъ опытенъ въ дѣлахъ, знакомъ съ математикою и астрологіею, немножко живописецъ и музыкантъ, также авторъ прелестныхъ стихотвореній. Но недремлющее подозрѣніе согражданъ ему отравило жизнь [1]).

Позднѣе, чѣмъ гдѣ либо въ Италіи, рѣшились въ Сіенѣ пригласить въ секретари и для сочиненія торжественныхъ рѣчей гуманиста въ лицѣ

[1]) *Его* письмо къ Энею Сильвію отъ 16-го сентября и его посланіе къ I. Мерсу, австрійскому канцлеру, отъ 8-го декабря 1443 г. Ср, Aeneas Sylvius de vir. clar. XVIII.

Агостино Дати, ученика Филельфо, согласно дипломатическому обычаю, который нашелъ себѣ доступъ вездѣ, даже при мелкихъ дворахъ владѣтельныхъ особъ. Этому долго препятствовала тоже зависть, потому, что на должность канцлера каждый годъ выбиралось новое лицо [1]).

Своихъ талантовъ въ Сіэнѣ не являлось, а изъ странствующихъ наставниковъ греческаго языка или новой реторики ни одинъ не хотѣлъ оставаться тамъ на долгое время. Первый, о комъ мы слышимъ, былъ грамматикъ Маттіа Лупи изъ Санъ Джеминьяно, который, по видимому, прежде завѣдывалъ школою въ Прато. Онъ уважалъ такихъ людей, какъ Бруни и Марсуппини, былъ друженъ съ Гварино, и его хвалятъ за краснорѣчивый слогъ, но онъ умѣлъ примѣнить свою реторику и къ дѣлу. Учениками его въ Сіэнѣ были упомянутый нами Пикколомини и поэтъ Беккаделли. Но первый никогда не вспоминалъ о немъ, а второй закидалъ его грязью въ своемъ Гермафродитѣ. Онъ, вѣроятно, оставилъ Сіэну раньше 1434 г., и Филельфо занялъ его мѣсто. Въ этомъ городѣ Лупи объяснялъ поэтовъ и ораторовъ, а въ своемъ родномъ по прихоти судьбы является правовѣдомъ и адвокатомъ, при этомъ также вѣнчаннымъ поэтомъ. Онъ подарилъ своимъ соотечественникамъ множество рукописей. Впослѣдствіи онѣ были пріобрѣтены Флоренціею для библіотеки Лоренцо Медичи [2]). Филельфо принялъ мѣсто преподавателя, когда ему нельзя было больше оставаться во Флоренціи [3]). Но жалованье въ 350 цехиновъ было для него плохою приманкою. Въ тѣ четыре года, въ которые онъ преподавалъ реторику въ Сіэнѣ, онъ велъ почти непрерывно переговоры съ герцогомъ миланскимъ и нѣкоторыми университетами, желая найти лучшее положеніе. Впослѣдствіи, когда ему было непріятно жить въ Миланѣ при господствѣ дома Сфорцы, онъ опять велъ переговоры съ Сіэною, но безъ успѣха, потому что просилъ жалованья вдвое больше; прежнимъ онъ довольство-

---

[1]) Aeneas Sylvius l. c. XVI. Письмо Филельфо къ Дати отъ 13-го января 1451 г. Bandieru de Augustino Dato, Romae 1733 a. содержитъ въ себѣ немного больше извлеченій изъ сочиненій Дати, которое, впрочемъ, принадлежитъ позднѣйшему времени.

[2]) Надгробная рѣчь, сказанная на его похоронамъ М. В. въ Джеминьяно, у Mehus Vita Ambros. Travers. 379 и у Bandini Catal. codd. lat. T. III, p. 292. Слѣдуя Bandini T. II, p. 94, онъ приглашенъ въ Прато еще въ 1403 г.

[3]) Ср. его письма къ Леон. Джустиніани отъ 31-го января 1435 г. и къ Бруни отъ 11-го апрѣля 1436 г. Уже раньше своего пріѣзда въ Сіэну онъ говорилъ Satyr. Dec. IV hec. 9.

Excipiat me Sena Sibi tantisper habendom,
Dum mare tranquillum reddot fortuna deusve,
Aut alio solvens fluctus cum turbine linguam.

вался очевидно, по нуждѣ. Плебейское правленіе не имѣло никакого понятія о гуманистической наукѣ, и знать въ своей досадѣ на униженное положеніе не находила того спокойствія, какое требуется для плодотворнаго занятія науками.

Флоренція явилась передъ нами политическою и ученою республикою подъ властью одного главы, безмолвно признанною; въ этомъ отношеніи она напоминала Аѳины временъ Перикла. Совершенно противоположное явленіе представляетъ Венеція. Здѣсь и ученое сословіе находится въ олигархически замкнутомъ положеніи; ученость составляетъ достояніе нѣкоторыхъ аристократовъ, но строгое правительство держитъ ее на извѣстномъ разстояніи отъ общественной жизни. Отъ «государства» ученый не можетъ пользоваться благосклонностью, но ему нечего бояться и его непріязни. Оно не окажетъ ему поддержки, но и не отнесется къ нему съ нетерпимостью. Правительство не желаетъ и не требуетъ никакой услуги отъ изящныхъ искусствъ и словесности по части украшеній и славы. Оно старается только сохранить таинственный ореолъ своей непоколебимой власти и въ этомъ стремленіи обращаетъ отдѣльнаго гражданина въ какой-то атомъ, имѣющій значеніе лишь въ силу благоговѣйнаго поклоненія цѣлому. Уже и въ то время на Венецію смотрѣли какъ на новую Спарту, въ которой законы и учрежденія неизмѣнны и честолюбивые помыслы лучшихъ гражданъ клонятся лишь къ величію республики [1]). Могущество этой республики зиждется на безопасности складочныхъ мѣстъ и увеличеніи числа ихъ, на полнотѣ запасныхъ магазиновъ и арсеналовъ, на широкомъ распространеніи венеціанскаго господства на сушѣ, на богатствѣ кассъ, а главнымъ образомъ—на строгой правительственной системѣ. Въ историческомъ отношеніи для нея важно лишь ея прошлое, такъ какъ на немъ покоится настоящее. Поэтому вся ея политика обращена на данное положеніе вещей и на ближайшее будущее. Иллюзіи и мечты его не увлекаютъ, идеалы не находятъ для себя почвы, наука—свободы. Граждане чужды космополитическаго духа, который во Флоренціи развился наряду съ патріотизмомъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что венеціанская знать, какъ цѣлое сословіе, относится равнодушно къ гуманизму, и выступаютъ лишь отдѣльныя личности, которыя по своему влеченію отдаются новому образованію. Если они въ тоже время оказываютъ республикѣ

---

[1]) Benedicti Accolti Dialogus ed. Galletti p. 119. 120 видитъ въ членахъ венеціанскаго совѣта подобіе древне-римскихъ сенаторовъ. Nihil inter illos vanum, nihil leve, nihil indignum posses inspicere.—Rem suam publicam unice diligunt, proque illa augenta ingenti temper studio laboraverunt

великія услуги въ важныхъ должностяхъ, то это, можетъ быть, является плодомъ ихъ болѣе утонченной образованности, которая всюду даетъ себя знать. Самой республикѣ нужны только ихъ военные или административные таланты, пріобрѣтены ли они просто практикою, или развиты учеными занятіями. Въ Венеціи нѣтъ ученаго кружка, и странно, что тамошніе выдающіеся ученые скорѣе вступаютъ въ связь съ чужеземцами, чѣмъ между собою. Они примыкаютъ къ тому литературному кружку, къ той республикѣ ученыхъ, которая имѣетъ своихъ членовъ по всей Италіи, но при этомъ постоянно охраняютъ честь и достоинство своего сословія. Уже самое положеніе ихъ, по видимому, исключаетъ всякую зависть, соперничество, вражду и вообще страсти. Поэтому они ни съ кѣмъ не вступаютъ въ споры, являются даже безпристрастными посредниками, тогда какъ во Флоренціи литературная вражда ведетъ къ скандалу. Поэтому же самому они всюду пользуются великимъ почетомъ. Поджіо отозвался неуважительно о венеціанской знати въ своемъ разговорѣ о дворянствѣ. Тогда тотчасъ же выступилъ на защиту своего сословія аристократъ Грегоріо де Коррери, бывшій въ то время первымъ нотаріусомъ папскаго двора. Злоязычный Поджіо долженъ былъ извиниться и уладить дѣло, насколько можно; споръ этотъ велся въ вѣжливомъ тонѣ и былъ порѣшенъ мирно [1]). Онъ былъ снова поднятъ, когда въ фацеціяхъ (увеселительныхъ сочиненіяхъ) Поджіо нашли одно выраженіе, затрогивавшее честь венеціанской республики. И на этотъ разъ Поджіо вѣжливо извинился, но когда юный венеціанецъ Лауро Квирини угрожалъ ему сильнымъ памфлетомъ, то Поджіо, чтобы дать ему понятіе о своемъ талантѣ, послалъ одну изъ инвективъ противъ Филельфо. Насколько извѣстно, дѣло не дошло до ссоры [2]).

И въ Венеціи, съ которою у Петрарки были разнаго рода связи, гдѣ онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ (отъ 1362 до 1462 г.), не совсѣмъ угасли искры его духа, хотя не разгорѣлись такимъ яркимъ пламенемъ, какъ во Флоренціи. Конечно, едва ли произвела сильное впечатлѣніе та рѣчь, которую онъ говорилъ тамъ передъ совѣтомъ въ 1359 г. въ качествѣ посла отъ Висконти [3]). Но уже

---

1) Poggius epist. VIII, 18. 27, ed. Tonelli.

2) Poggius epist. IX, 14 ed. Tonelli, отъ 1426 г. къ знаменитому врачу Пьеру де'Томази въ Венеціи. Онъ сознается, что написалъ колкія слова въ inconsiderata libertas loquendi, но тотчасъ же уничтожаетъ ихъ въ своемъ экземплярѣ. Письмо Лауро Квирини къ Франч. Барбаро въ числѣ его писемъ Append. epist. 62. Кромѣ него писали въ защиту венеціанской знати, по словамъ Agostini Scritt. Viniz. T. I p. 118, также Франч. Контарини и Никколо Барбо, и эти сочиненія есть въ Готскомъ спискѣ.

3) Она не напечатана и, быть можетъ, сохранилась только въ вѣнской рукописи, которая указана у Barbeu du Rocher Ambassade de Pètrarque p. 212.

одно появленіе великаго человѣка въ республикѣ было событіемъ, поразившимъ умы. Въ числѣ друзей, пріобрѣтенныхъ имъ здѣсь, былъ и дожъ Андреа Дандоло, авторъ извѣстной хроники. Но обильнѣе послѣдствіями была его встрѣча съ любимцемъ Дандоло, Бенинтенди де'Равеньяни, великимъ канцлеромъ республики съ 1352 г., которой онъ уже давно служилъ нотаріусомъ великаго совѣта, вице-канцлеромъ и участвовалъ въ разныхъ посольствахъ. Онъ уже раньше горячо желалъ достать сочиненія Петрарки, а около сотни его писемъ, набранныхъ у знакомыхъ и незнакомыхъ, онъ берегъ какъ сокровище. Теперь онъ просилъ Петрарку дозволить ему списать его дружескія письма и заключить съ нимъ дружескій союзъ. На это послѣдовало согласіе. При посредствѣ Бенинтенди Петрарка велъ съ республикою переговоры о своей библіотекѣ и домѣ на Рива дельи Скьявони, въ который онъ переселился въ 1362 г. Часто увозилъ его великій канцлеръ въ своей красивой гондолѣ подышать ночною прохладою среди ученыхъ и дружескихъ бесѣдъ. Но онъ умеръ въ 1365 г. на 48 г. жизни. Онъ вѣрно служилъ республикѣ, чего она и ждала отъ своихъ сановниковъ. Она для него была дороже, по его словамъ, чѣмъ родители, сыновья и друзья, чѣмъ онъ самъ; это онъ считаетъ не рабствомъ, а высшею свободою. Онъ часто жалуется, что при множествѣ дѣлъ у него остается мало времени для занятій краснорѣчіемъ и для дружескихъ писемъ. Онъ заботился о веденіи венеціанской хроники, хотя его собственная хроника была прервана рано, конечно, его смертью. Кромѣ этого послѣ него остались оффиціальныя посланія и письма. Особенно въ послѣднихъ довольно часто встрѣчаются излюбленныя мысли и обороты Петрарки. Конечно, онъ не былъ такимъ страстнымъ поклонникомъ науки, какъ Салютато, и никогда бы не сравнялся съ нимъ по основательности классическаго образованія, если бы и прожилъ дольше.

Не менѣе усерднаго поклонника и друга нашелъ Петрарка въ Венеціи въ лицѣ бѣднаго школьнаго учителя Донато дельи Альбанцани, котораго онъ прозвалъ Apenninigena (уроженецъ Апеннинъ), потому что онъ нѣкогда переселился на берегъ Адріатическаго мо-

---

[1]) Извѣстно, какія изъ его писемъ попали въ собраніе Петрарки, изъ котораго я здѣсь воспользовался особенно epist. rer. famil. XIX, 11 и rer. senil. III, 1. Другія письма его и къ нему есть въ лейпцигской рукописи, изъ коей я намѣренъ еще сдѣлать нѣкоторыя извлеченія. О его сочиненіяхъ см. Mittarelli Bibl. codd. ms. monasterii S. Michaelis Venet. p. 123. Ibid. p. 1196 письмо Верджеріо, которое, конечно, не можетъ быть отъ 1412 г., въ которомъ онъ хвалитъ Бенинтенди какъ acrem virum ingenio promptaque oratione. Agostini Scritt. Viniz. T. II p. 322--327

ря изъ тосканскаго Козентино, именно изъ Прато Веккіо. Петрарка хвалитъ его, какъ человѣка безукоризненно добродѣтельнаго, который и самъ питаетъ къ нему горячую любовь. Онъ-то и отрекомендовалъ Петраркѣ въ писцы своего ученика, юнаго Джіованни да Равенна, и Петрарка подарилъ ему свою книгу «О своемъ собственномъ невѣжествѣ и невѣжествѣ другихъ людей». Въ позднѣйшіе годы онъ написалъ объясненіе содержанія Петрарковыхъ эклогъ, а главное — перевелъ на народное нарѣчіе его сочиненія и сочиненіе Боккачіо «О знаменитыхъ мужахъ». Онъ былъ въ дружбѣ съ Боккачіо, а впослѣдствіи и съ Салютато. Какое счастье было для него, когда Боккачіо посвятилъ ему свои буколики! Мы встрѣтимъ его въ лучшемъ положеніи при дворѣ Эсте [1]). Но мы не можемъ указать никакихъ слѣдовъ его долголѣтней дѣятельности въ Венеціи. Здѣсь дѣти, какъ раньше его, такъ и послѣ подготовлялись къ торговлѣ, а о латинской премудрости хлопотали только тѣ, кто готовился къ духовному званію [2]).

Карло Зено первый изъ среды знати занимался гуманистическими науками, особенно въ послѣдніе годы своей жизни. Ученые, какъ Хризолоръ, Верджеріо, Гварино встрѣчали въ его домѣ дружескій пріемъ и пользовались его щедростью. Какъ бы съ предчувствіемъ заглядывая въ будущее, онъ еще на 80 году жизни хотѣлъ ознакомиться съ нѣкоторыми сокровищами греческой литературы. Въ то время Гварино посвятилъ ему свой переводъ Плутархова Ѳемистокла [3]). Но славою своею Зено обязанъ не этому меценату. Онъ принадлежалъ къ числу первыхъ полководцевъ и адмираловъ своего времени и служилъ республикѣ въ качествѣ посла въ Италіи, Греціи, Англіи и Франціи [4]).

---

1) Petrarca epist. rer. senil. III, 1. Agostini l. c. T. I, p. 4. Baldelli Petrarca p. 242. Hortis Studj s. opere lat. del Boccacio p. 600 seg. Содержанія къ эклогамъ Петрарки, которыя ошибочно приписываются самому Петраркѣ, см. у Hortis Scritti ined. di Petrarca p. 359 (также р. 223), переводъ книги de viris illustri bus при ея изданіи, сдѣланномъ Раццолини.

2) Еще около 1430 г. Грегоріо Корраро въ сатирическомъ стихотвореніи говоритъ о воспитаніи у Rosmini Vittorino da Feltre p. 484:

Veneti pueri longis ambagibus haerent,
Aut abaco discunt teneri, imberbesque etiam tum
Assyrias Latio mutant sub sidere gazas.
Solae divitiae remo veloque petuntur.

3) Часть этого посвященія у Bandini Catal. codd. lat. T. II, p. 789.

4) Его біографія, написанная внукомъ, Джіакомо Зено, епископомъ Фельтре и Беллуно, а съ 1460 г. падуанскимъ, человѣкомъ съ основательнымъ гуманистическимъ образованіемъ, у Muratori Scriptt. T. XIX p. 199. Надгробная рѣчь, сказанная Карлу Зено

Къ тому же времени относится дѣятельность Заккаріи Тревизано. Это патрицій, тоже служившій государству въ посольствахъ и разныхъ другихъ должностяхъ. При этомъ онъ имѣлъ связи съ учеными, какъ напр. съ Салютато, старшимъ Варзиццею и Бруни. Тѣ рѣчи, изъ которыхъ одну онъ говорилъ въ 1407 г. отъ имени дожа Стено папѣ Григорію XII, а другую антипапѣ «авиньонскому владыкѣ», требуя искорененія раскола, произвели сильное впечатлѣніе. Онъ говорилъ не только бойко и внушительно, но удивлялись также риторическому паренію его рѣчи и дару слова [1]). Но, по видимому, онъ всегда былъ чуждъ честолюбиваго желанія блистать въ роли настоящаго писателя.

Когда Зено умеръ въ 1418 г., то надгробную рѣчь ему говорилъ молодой человѣкъ, принадлежавшій къ одной изъ первыхъ знатныхъ фамилій, въ церкви S. Maria Celeste. Это былъ Леонардо Джустиніани, ученикъ Гварино, присутствовавшій на похоронахъ, искусно владѣвшій латинскимъ языкомъ и знавшій греческій. Здѣсь было новостью, что міряне говорили рѣчи у гроба. Но и впослѣдствіи въ Венеціи вошло въ обычай не приглашать для этой цѣли чужеземныхъ ораторовъ, а кого-нибудь изъ ученыхъ знатныхъ гражданъ. Говорящій долженъ былъ напомнить объ услугахъ, оказанныхъ покойнымъ государству въ военное и мирное время. Леонардо еще будучи молодымъ человѣкомъ пользовался громадною популярностью, какъ одинъ изъ сладкозвучнѣйшихъ Петраркистовъ. Его настоящимъ призваніемъ была музыка. Онъ изливалъ жалобы на несчастную любовь въ канцонетахъ и умѣлъ придать имъ такую трогательную мелодію, что отъ нихъ всѣ приходили въ восторгъ, и они пѣлись не только на пирахъ и на свадьбахъ, но и на улицахъ. Въ глубокой уже старости муза внушила ему гимны въ честь Св. Дѣвы Маріи и святыхъ, которые онъ, уже ослѣпши, распѣвалъ подъ звуки лютни [2]). Къ его юношеской порѣ относится переводъ 7 біографій Плутарха, доставившій большую радость его учителю Гварино.

8-го мая 1418 г. Леонардо Джустиніани, въ Bernardi Iustinian Orationes fol. a, 2, далѣе у Martene et Durand Collect. ampliss. T. III, p. 743 и у Muratori l. c. Письмо Гварино въ похвалу этой рѣчи несомнѣнно отъ 20-го іюня 1418 г., какъ у Zacharias Iter litt. p. 25, а не отъ 1-го іюля 1417 г., какъ у Mittarelli p. 477.

[1]) Полагаютъ, что онъ родился въ 1370 г., а умеръ въ 1418. Обѣ рѣчи у Mittarelli p. 1150. 1154. См. также письмо Варзиццы къ оратору ibid. p. 437 и Leon. Bruni epist. II, 15 ed. Mehus.

[2]) Посланіе Пьера Перлеоне къ Никколо Сагундино въ Miscellanea di vorie operette T. II, p. 86: онъ говоритъ, что изобрѣлъ quosdom suavissimos et miros quosdom vocum et nervorum cantus. . . . . nec alii nunc, ut vides, cantus in nuptiis, in conviviis, in triviis ac vulgo passim adhibentur. Blondus Ital. illustr. p. 373: dulcissimis carminibus et peritissime vulgariter compositis omnem replevit Italiam. Facius de vir.

Впослѣдствіи онъ сочинялъ восторженныя рѣчи и писалъ изящныя письма, но за большія сочиненія не брался. Съ 1431 г. онъ былъ занятъ дѣлами республики; онъ жалуется, что весьма мало можетъ заниматься изученіемъ древности. Послѣ множества посольствъ и должностей онъ былъ выбранъ прокураторомъ св. Марка; это былъ высшій санъ въ республикѣ послѣ сана дожа. Онъ считалъ нужнымъ присутствовать и въ совѣтѣ и на площади даже и тогда, когда почти совсѣмъ потерялъ зрѣніе. Этотъ самый человѣкъ, который въ болѣе молодые годы обмѣнивался сонетами съ Чиріако, теперь постоянно ведетъ переписку съ великими учеными своего времени, съ Никколи, Траверсари, Палла Строцца, Филельфо и Гварино. У него перваго въ Венеціи было большое собраніе латинскихъ и греческихъ книгъ. Послѣднія онъ добывалъ чрезъ купцовъ въ Греціи и на островѣ Кипрѣ; а изъ тѣхъ книгъ, которыя Филельфо пріобрѣлъ въ Византіи, онъ присвоилъ себѣ значительную часть, какъ залогъ, хотя Филельфо не хотѣлъ признать этого права. О государственномъ человѣкѣ отзываются съ особенною похвалою, потому что онъ охотно давалъ друзьямъ свои книги. Онъ умеръ 10 ноября 1446 г.

Домъ Джустиніани болѣе вѣка славился своимъ высокимъ образованіемъ. Уже дядя Леонардо, Леонардо старшій, признается величайшимъ ораторомъ, однако для насъ онъ личность темная. Лоренцо, братъ прокуратора, целестинецъ въ монастырѣ S. Giorgio in Alga, впослѣдствіи венеціанскій патріархъ, считался святымъ человѣкомъ въ этой фамиліи. Онъ написалъ 14 томовъ рѣчей и богословскихъ сочиненій [2]). А самымъ знаменитымъ въ цѣломъ родѣ былъ сынъ Леонардо, Бернардо, тоже ученикъ Гварино, какъ и отецъ его [3]). Когда Траверсари въ 1433 г. познакомился съ двадцатипятилѣтнимъ юношею, то удивлялся его образованію, получивъ отъ него переводъ рѣчи Исократа [4]). Бернардо въ то время также пробовалъ свои силы въ стихотвореніяхъ «О мирѣ». Но съ тѣхъ поръ

---

ilustr. p. 12. Janus Pannonius въ панегирикѣ Гварино v. 630: plectro celeber Leonardus eburno. Изданія его пѣсень у Agostini T. I, p. 164. См. также рукопись у Palermo Imanoscritti Palutini vol. I, p. 389, въ которыхъ также есть и нескромные канцоны.

1) Объ этомъ часто говорится въ письмахъ Филельфо, особенно въ письмѣ къ Гварино отъ 3-го августа 1448 г.

2) Jac. Phil. Bergomas Suppl. chron. fol. 273.

3) Въ письмѣ къ Джіакомо Зено (Oratt. et. epistt. fol. k, 4) онъ называетъ Guarinum praeceptorem nostrum et litterarum atque doctrinae nomen.

4) Ambros. Hodoepor. p. 27. 35. Для насъ странно, что онъ называетъ автора, родившагося въ 1408 г., puer, а на стр. 58 разсказываетъ о его свадьбѣ. Часто такія выраженія, какъ puer и odolescens въ то время употреблялись въ очень

какъ онъ поступилъ на государственную службу, онъ жалуется, подобно своему отцу, что у него едва остается время читать, не говоря уже о писательствѣ. И его услугами часто пользовались для разныхъ и весьма важныхъ посольствъ, тѣмъ болѣе, что знали его умѣнье говорить рѣчи. Онъ засѣдалъ также въ совѣтѣ десяти, а въ 1474 г. тоже былъ сдѣланъ прокураторомъ республики. Онъ написалъ хронику Венеціи съ раннихъ временъ и умеръ въ 1489 г. въ преклонныхъ лѣтахъ. Имя Джустиніани всюду пользовалось извѣстностью, гдѣ только чтили музъ. Но рѣчи и письма членовъ этой фамиліи показываютъ, что значеніе ихъ въ литературномъ мірѣ въ значительной степени обусловливалось их богатствомъ и политическою ролью, но что они далеко ниже знаменитыхъ стилистовъ. Лишь въ молодости ихъ манило въ флорентинскіе кружки. Свои лучшія силы, цвѣтущую пору жизни они посвятили на служеніе республикѣ [1]).

То же самое явленіе представляетъ собою и **Франческо Барбаро**, которому, какъ писателю, безспорно, принадлежитъ первое мѣсто между венеціанцами. Въ латинской грамматикѣ и краснорѣчіи онъ получилъ основательныя познанія у лучшихъ наставниковъ, Джіованни да Равенна и Гаспарино Варзиццы. Уроки Гварино вполнѣ докончили его образованіе. Ему и только ему одному онъ былъ обязанъ основательнымъ и невѣроятно быстрымъ знакомствомъ съ греческимъ языкомъ и нѣкоторыми главными произведеніями греческой литературы [2]). Въ очень короткое время онъ сталъ понимать Гомера и Геродота, въ нѣсколько дней могъ перевести изъ Плутарха біографіи Аристида и Катона [3]). Съ тою же легкостью, какъ онъ

широкомъ смыслѣ. Переводъ, сдѣланный Бернардо, согласно посвященію, какъ adolescentulus et hoc scribendi studium nunc primum ingressus, въ его Oratt. et Epistt. fol. h, 6.

[1]) Bernardi Justiniani etc. Orationes et Epistolae. Въ концѣ: Impressum Venetiis per Bernardinum Benalium (Hain Repert. no. 9639). Весьма рѣдкое изданіе, въ которомъ есть также письма и рѣчи Леонардо, обыкновенно относится къ 1492 г. Jac. Phil. Bergomas fol. 279, котораго сочиненіе было напечатано въ 1518 г. въ Венеціи, говоритъ, что эта книга вышла nuper. Она находится въ Лейпцигской университетской библіотекѣ. Къ біографіи Agostini Scritt. Viniz. T. I, p. 135—176. Rosmini Vita di Guarino vol. III. p. 24—29.

[2]) Нѣтъ положительныхъ свидѣтельствъ въ пользу того, что и Витторино да Фельтре былъ его учителемъ, и приведенное у Rosmini Vittorino p. 218 письмо Барбаро указываетъ на противное. О Хризолорѣ это утверждаютъ рано, но и это невозможно; когда Хризолоръ преподавалъ въ Венеціи въ 1395 г., то Барбаро еще не родился, а въ 1408, когда ему было десять лѣтъ, Хризолоръ тамъ не преподавалъ. Если Гварино въ письмѣ къ Барбаро у Mittarelli Bibl. S. Mich. p. 489 называетъ Хризолора praeceptorem nostrum, то извѣстно, что онъ вообще уважаетъ его какъ насадителя греческой мудрости въ Италіи.

[3]) Онъ говоритъ въ концѣ сочиненія de re uxoria о своихъ успѣхахъ въ греческомъ языкѣ: iin his vix paucos menses versatus uberes iam et iucundos fructus colligere vi-

говоритъ, въ 25 дней, 17-ти лѣтній юноша написалъ сочиненіе «О бракѣ», которое доставило ему громкую извѣстность въ литературномъ мірѣ. Только юношескимъ увлеченіемъ ученика и педантскою наивностью грамматика Гварино, можно объяснить выборъ такой странной темы. Въ этомъ трудѣ шла рѣчь о сущности брака, о домашнемъ порядкѣ, де coitus ratione и о воспитаніи дѣтей. Обо всемъ говорилось съ антикварной ученостью и въ духѣ строгой нравственности, будто пишетъ старикъ. Недостатокъ опытности для юноши замѣнялся мудрыми наставленіями стараго Тревизано и его уважаемаго учителя. Впрочемъ книга была издана чрезъ два года послѣ смерти Тревизано. Въ особенности богатый матеріалъ давали ему изреченія древнихъ писателей и разсказы, заимствованные у нихъ. Изъ классиковъ съ особенною любовью онъ указывалъ на грековъ, въ то время еще мало извѣстныхъ, какъ будто они лучшіе наставники по вопросу о женщинахъ и бракѣ. Гварино съ гордостью разослалъ эту книгу своимъ друзьямъ—во Флоренцію, въ Констанцъ и другія мѣста. Она была поднесена Лоренцо де' Медичи ко дню его свадьбы, въ чемъ высказалось и уваженіе молодаго писателя къ флорентинскому кружку образованныхъ людей. Но даже и Никколи высказалъ о ней весьма сочувственный отзывъ. Въ Констанцѣ, гдѣ былъ весь римскій дворъ, сочиненіе это переходило изъ рукъ въ руки. Верджеріо нашелъ его у кардинала Забареллы и удивлялся тому, что неопытный юноша могъ такъ прославиться. Поджіо, получившій ее отъ Гварино, разсыпался въ похвалахъ сочиненію и тонко подшучивалъ надъ молодымъ авторомъ, который, подобно Цицерону, тоже написалъ книгу объ обязанностяхъ, именно семейныхъ. Ченчи получилъ эту книгу отъ автора и читалъ ее съ наслажденіемъ. Какимъ сочувствіемъ она пользовалась, въ то время и впослѣдствіи, показываетъ множество рукописей ея и печатныхъ оттисковъ. Послѣ этого Барбаро уже не писалъ большихъ сочиненій и женился чрезъ пять или семь лѣтъ, слѣдуя, какъ полагалъ Поджіо, правиламъ своей книги, на Маріи, дочери Пьера Лоредано, въ то же самое время, какъ и учитель его Гварино [1]).

Барбаро былъ во Флоренціи еще до изданія своей книги, познакомился тамъ съ фамиліею Медичи, съ Роберто Росси, Бруни и Никколи,

---

deor. Это подтверждаетъ и самая книга. Посвященіе переводовъ своему брату Заккаріи, учившемуся вмѣстѣ съ нимъ у Гварино, у Quirini Diatriba p. 185.

[1]) Самое раннее изданіе этой книги, которымъ я и пользовался, озаглавлено такъ: Francisci Barbari. . . . . de re uxoria libelli duo. In aedibus Ascensianis (Parisiis) 1513. Позднѣйшіе оттиски у Agostini Scritt. Viniz. T. II, p. 118. Здѣсь тоже p. 122 замѣтка Джіакомо да Идине о сочиненіи ея въ 25 дней. Письмо Гварино къ Никколи у Mittarelli p. 479. Письма Поджіо (I, 3 ed. Tonelli) и Верджеріо при выше упомянутомъ изданіи. Ambros. Travers. Epist. VI, 15.

и, разумѣется, этотъ кружокъ произвелъ на него воодушевляющее впечатлѣніе. Онъ и потомъ былъ нѣсколько разъ въ городѣ на Арно и всегда видался съ его образованнѣйшими гражданами, служа связующимъ звеномъ между двумя республиками ученыхъ. Когда въ 1433 г. Медичи были изгнаны изъ Флоренціи, то Барбаро выражалъ одному флорентинцу свое глубокое сожалѣніе объ этомъ, «какъ въ интересахъ общественныхъ, такъ и личныхъ», потому что ему всегда были дороги честь и слава Флоренціи [1]). Извѣстно, что Медичи снова избрали своимъ мѣстопребываніемъ Венецію и въ благодарность за это устроили библіотеку въ С, Джіорджіо и снабдили книгами. Ясно видно, что въ то время политическая дружба имѣла слѣдствіемъ нѣкоторое взаимное вліяніе умовъ.

Не смотря на это Барбаро никогда не былъ между итальянскими учеными, какъ между равными себѣ. Напротивъ онъ занималъ между ними аристократическое положеніе собственно не какъ богатый патрицій, а только потому, что его обязанности въ отношеніи республики св. Марка не дозволяли ему вполнѣ отдаться этому кружку ученыхъ. Едва ли былъ хотя одинъ изъ замѣчательныхъ литераторовъ въ Италіи, который бы не почиталъ его другомъ и не былъ бы съ нимъ въ перепискѣ. Въ Римѣ онъ былъ въ сношеніяхъ съ Виссаріономъ, Бьондо, въ Неаполѣ съ Валлою, Фаціо и Беккаделли, въ Миланѣ съ Филельфо и Дечембріо, въ Феррарѣ съ Гварино и Ауриспою и наконецъ со всѣми флорентинскими учеными. Но собственно говоря онъ не былъ близокъ ни съ однимъ изъ этихъ «друзей», не исключая и венеціанцевъ, дѣлившихъ съ нимъ его ученые труды. Литературныя распри, шедшія между флорентинцами, были ему противны. Если они старались вовлечь его въ нихъ, то онъ отговаривался тѣмъ, что не читаетъ полемическихъ сочиненій, и, по его мнѣнію, не слѣдуетъ высказывать необдуманнаго сужденія объ умѣ и характерѣ ученыхъ друзей. Онъ является примирителемъ между Бруни и Никколи, между Поджіо и Гварино; между Поджіо и Валлою онъ тоже пытался установить мирныя отношенія [2]).

Барбаро принималъ участіе во всѣхъ стремленіяхъ гуманистовъ и проявлялъ свой талантъ въ разныхъ направленіяхъ. Онъ собиралъ произведенія древнихъ писателей, сравнивалъ разные экземпляры и исправлялъ [3]). Онъ владѣлъ настолько греческимъ языкомъ,

---

[1]) Его письмо къ Анджело Полиціано у Фаброніуса, Cosmi vita vol. II p. 87.

[2]) Его письмо къ Валлѣ въ его Opp. Basileae 1540 p. 334. Franc. Barbari Epist. ad Quirino epist. 233. 234.

[3]) Его Иліада, полученная съ острова Крита, Одиссея, схолія и Батрахоміомахія указаны у Agostini T. II, p. 42.

что вмѣстѣ съ Леонардо Джустиніани могъ въ 1423 г. встрѣтить греческаго императора Іоанна Палеолога греческою рѣчью. Разсказывали, будто императоръ сейчасъ же узналъ, что они ученики Гварино. Рѣчи Барбаро, какія извѣстны намъ, говорились по политическимъ и общественнымъ поводамъ; въ числѣ ихъ есть только одно надгробное слово, сказанное по смерти одного венеціанскаго врача и друга за отсутствіемъ родственниковъ [1]). Объ его обширной корреспонденціи еще не даютъ полнаго понятія пока обнародованныя письма [2]). Мы охотно вѣримъ, что его дѣятельный умъ, занятый массою государственныхъ дѣлъ и личныхъ связей, часто заставлялъ его ночью браться за перо, чтобы-что нибудь записать [3]).

Во Флоренціи Барбаро гордились бы только какъ ученымъ, а въ Венеціи его уважали только какъ заслуженнаго государственнаго человѣка. Его оффиціальное положеніе налагало на него тяжелое бремя, отъ котораго онъ находилъ облегченіе лишь въ перепискѣ съ флорентинскими друзьями. Флорентинцы не были такими союзниками островной республики, какъ въ то время, когда они вмѣстѣ боролись съ миланскимъ герцогомъ Филиппомъ Маріею. Поэтому онъ долженъ былъ остерегаться и писать salvo officio (не затрогивая дѣловыхъ отношеній). Вотъ отчего въ его письмахъ нѣтъ откровенныхъ сообщеній по дѣламъ политическимъ и церковнымъ, которыя вообще позволяютъ себѣ гуманисты. Для него всегда выше всего интересъ отечественнаго города. И науками онъ занимался для того, чтобы сдѣлаться достойнымъ и полезнымъ гражданиномъ. Это было самое твердое убѣжденіе его, которое онъ однажды высказалъ дружному съ нимъ университетскому ученому: «Пора тебѣ вывести философію изъ темной обители праздныхъ почитателей на открытое поле, на борьбу. Счастливы тѣ люди, которые трудятся для общаго блага среди свободнаго народа, которые съ честью исполняютъ великія дѣла и пользуются славою (политической) мудрости» [4]).

---

1) Рѣчь императору Сигизмунду 1433 г. у Agostini. T. II. p. 124, другія у Quirini Diatriba p. 156. 162.

2) Franc. Barbari et aliorum adi psum epistolae (ed. Quirino). Brixiae 1743. Есть еще цѣлые тома писемъ, которыхъ въ этомъ собраніи нѣтъ; указаны у Agostini T. II, p. 129, у Foscarini della lett. Venez. vol. I p. 456, Rosmini Vittorino da Feltre p. 218, въ Archivio stor. Ital. T. V, p. 407. Письма къ нему у Rosmini Vita di Guarino vol. III. 12 у Valentinelli Bibl. ms. ad S. Marci Venez. T. VI, p. 187. Нѣкоторыя письма и рѣчи Барбаро также у Pez. Thesaur. anecd. nov. T. VI, p. III.

3) Въ своемъ спискѣ дружескихъ писемъ Петрарки онъ прибавилъ на полѣ къ epist. rer. famil. XXI, 12, гдѣ Петрарка разсказываетъ нѣчто подобное про себя: Hoc idem saepe fecisse confiteor. F. bar.

4) Barbari Epistt. ed. Quirino Append. epist. 50. Подобныя выраженія ibid. ep. 84. 194, въ письмѣ къ Вениру у Agostini T. II, p. 40, у Quirini Diatriba p. 40.

Когда 17-лѣтній юноша написалъ упомянутую нами книгу «О бракѣ», то уже на 21 г. ему данъ былъ санъ сенатора [1]). Съ этихъ поръ мы постоянно видимъ его въ должности подесты въ вольныхъ общинахъ республики, или посломъ, представляющимъ ее передъ итальянскими государствами, передъ папою и императоромъ. Больше всего прославился онъ защитою Брешіи отъ нападенія миланскаго герцога въ 1437 г. Онъ былъ начальникомъ города, раздираемаго враждою партій и весьма скудно снабженнаго продовольствіемъ и не смотря на голодъ и чуму держался три мѣсяца, осаждаемый Пиччинино. Онъ никогда не хвалился своими литературными талантами, но мысль о томъ, что онъ въ этомъ случаѣ «сослужилъ службу отечеству и отстоялъ свободу Италіи», наполняла его благородною гордостью, тѣмъ болѣе, что со стороны сената республики онъ видѣлъ обидное пренебреженіе къ себѣ [2]). Оба послѣдніе года жизни онъ провелъ въ Венеціи прокураторомъ св. Марка. Для научныхъ занятій въ послѣдніе двадцать лѣтъ у него не оставалось времени. Подъ старость онъ совсѣмъ забылъ греческій языкъ, которымъ нѣкогда прославился [3]).

Немного можно сказать о другихъ венеціанцахъ, подвизавшихся на поприщѣ классическихъ наукъ. Во Флоренціи второе поколѣніе дало роскошные всходы, въ Венеціи—весьма скудные. Еще разъ вспомнимъ объ Андреа Джуліано, который только на 23-мъ году перешелъ отъ торговыхъ дѣлъ къ занятіямъ науками и учился у Гварино. Послѣдній просилъ его, какъ знатнаго патриція, сказать публично надгробное слово въ честь Хризолора. Онъ написалъ объясненіе къ нѣкоторымъ рѣчамъ Цицерона, но вскорѣ о немъ всѣ забыли [4]). Такіе ученые, какъ Грегоріо Корраро и Ермолао Барбаро, конечно, пользовались значеніемъ при дворѣ папы Евгенія IV, тоже родомъ венеціанца, и Венеціи принадлежали только по рожденію. Напротивъ Лауро Квирини родился въ колоніи на островѣ Критѣ, а потомъ

---

1) Рѣчь, въ которой его поздравляютъ съ этимъ необычайнымъ отличіемъ у Agostini T. II, p. 44.

2) Barbari epist. 62. 64. 65. 68. 70. 81.

3) Rafael (Maffejus) Volaterr. Comment. urban. lib. XXI, основывающійся на свидѣтельствѣ Ермолао Барбаро.—Смерть Барбаро нельзя точнѣе опредѣлить, какъ тѣмъ, что Филельфо послѣ своего письма къ Пьеру Томазо отъ 17-го февраля 1454 «недавно» получилъ извѣстіе о его смерти. О жизни Барбаро Agostini T. II. p. 37 seq. Quirini Diatriba praeliminaris ad F. Barbari Epistolas, Brixae 1741. Rosmini Vita di Guarino vol. III, p. 9—14.

4) Въ Gasparini Varzizzii Opp. P. I, p. 112. 196 есть два письма къ нему. Tomasinus Bibl. Patav. p. 53 отмѣчаетъ Andreac Iuliani Orationis a Gasp. Bergomense collectae, et alia ejusd. opuscula. Agostini T. I, p. 257.

уже научился латинскому и греческому языку въ Венеціи. Но мы ничего не знаемъ объ его дѣятельности. Знаемъ только, что ему приходили въ голову нелѣпыя мысли, напр. написать латинскій комментарій къ итальянскому стихотворенію Чиріако анконскаго «о дружбѣ» и напасть на Ліонардо Бруни. Онъ упрекалъ послѣдняго въ одной инвективѣ въ ошибкахъ, которыя тотъ сдѣлалъ въ переводѣ Аристотелевой этики. Конечно для такого дѣла у него было философское образованіе, но не хватало дара слова, безъ котораго не легко выдвинуться впередъ. Какая ему была польза отъ знатности рода, отъ родства съ Леонардо Джустиніани, прокураторомъ св. Марка? Его матеріальное положеніе, повидимому, было не блестяще. Поэтому онъ долженъ былъ въ 1451 г. принять въ Падуѣ мѣсто преподавателя реторики и нравственной философіи за 40 дукатовъ въ годъ. Но потомъ Барбаро уѣхалъ обратно на островъ Критъ и промѣнялъ кабинетъ ученаго на купеческую контору [1]).

Можно было бы думать, что литературныя стремленія въ одной области могли бы совпадать съ интересами республики, именно въ области отечественной исторіографіи. Едва ли въ какомъ-либо другомъ государствѣ сочетались условія, столь благопріятныя для этого, какъ въ республикѣ св. Марка. Однако все дѣло ограничилось оффиціальными лѣтописями и секретными записками, составлявшими достояніе извѣстныхъ фамилій и обнародованными лишь спустя много времени послѣ смерти авторовъ. У насъ есть исторія осады Брешіи въ 1437 г. приписываемая вѣрному подчиненному Барбаро, Ванджелиста Манельмо. Вѣроятно, авторомъ ея былъ самъ Барбаро, или сообщилъ матеріалъ для нея въ своихъ замѣткахъ, и эта таинственность бросаетъ тѣнь сомнѣнія на самое произведеніе [2]). Внѣ предѣловъ республики историческія сочиненія венеціанцевъ были совсѣмъ неизвѣстны [3]). Характеристично то явленіе, что въ средѣ правительства не разъ возникала мысль, которую оно и приводило въ исполненіе,— поручить невенеціанцу, принятому на службу республики написать ея оффиціальную исторію [4]). Историческое искусство процвѣтаетъ лишь при свободномъ развитіи общественной жизни; оно не легко даетъ плоды тамъ, гдѣ ими нельзя пользоваться.

---

[1]) Письмо Леон. Джустиніани къ нему отъ 4-го января 1444 г. въ Bern. Justiniani Orationes fol. k, 2. Kyriaci Itin. ed. Mehus p. 13. Письмо Квирини къ Барбаро о профессурѣ отъ 28-го іюля (1452 г.) въ Fr. Barbari Epist. 216. Vespasiano: Lauro Quirino. Agorteni T. I, p. 205 e seg.

[2]) Что Барбаро писалъ подобныя Commentarii Brixienses, видно изъ письма одного изъ его друзей, который ихъ видѣлъ. Barbaro epist. 133 ed. Quirino Append. epist. 3. О Манельмо упоминается ibid. epist. 153.

[3]) Vespasiano: Poggio Fiorent. § 8.

[4]) Ср. A. Masius Flavio Biondo. s. 56. 59.

Если доступъ къ расположенію Медичи былъ открытъ для всѣхъ талантовъ, то Венеція для невенеціанскихъ ученыхъ была самымъ неблагодарнымъ городомъ. Это испытали многіе изъ странствующихъ наставниковъ и пріѣзжихъ грековъ; ни одинъ изъ нихъ не оставался здѣсь долго. Они получали обѣщанное жалованье, но на бо́льшую признательность и почести не могли разсчитывать. Государство относилось къ нимъ равнодушно.

Первый выдающійся учитель латинскаго языка, котораго Венеція видѣла со временъ Донато, былъ Гаспарино да Варзицца. Но онъ пріѣзжалъ въ Венецію въ 1407 г. лишь на короткое время, а когда еще разъ попыталъ тамъ счастья, то долженъ былъ удалиться оттуда въ самой крайней нуждѣ. Хотя онъ, безъ сомнѣнія, былъ человѣкъ съ литературнымъ талантомъ и Франческо Барбаро былъ въ то время его ученикомъ, однако даже и послѣдній не сохранилъ о немъ никакого воспоминанія.

Болѣе замѣчательное явленіе представлялъ собою Гварино, когда онъ въ 1410 г. воротился въ Венецію съ знаніями, пріобрѣтенными въ Византіи. Съ греческою страною и греческими товарами на лагунахъ уже давно были знакомы, но со временъ Хризолора не видали знатока древне-греческаго языка. Мы знаемъ, что Гварино очень скоро послѣдовалъ болѣе заманчивому приглашенію во Флоренцію. Едва ли онъ раньше 1414 г. начиналъ свою преподавательскую дѣятельность въ Венеціи. Барбаро пригласилъ его къ себѣ въ домъ, и Джуліано былъ его ученикомъ. Быть можетъ, и другіе знатные граждане интересовались греческимъ языкомъ и его превосходнымъ наставникомъ [1]. Но сомнительно чтобы такъ продолжалось много времени. Навѣрное, Гварино пробылъ въ Венеціи только до 1420 г. [2].

Въ числѣ юношей, учившихся у Гварино греческому языку, былъ и Витторино да Фельтре, который при этомъ самъ держалъ латинскую школу, какъ человѣкъ бѣдный. Такимъ образомъ оба знаменитѣйшіе преподавателя этого вѣка встрѣтились здѣсь какъ наставникъ и ученикъ. Третьимъ членомъ этой группы былъ юный

---

1) Барбаро говоритъ же въ посвященіи книги de re uxoria, что Гварино былъ его руководителемъ ex multis primariis hominibus nostris. Напротивъ, живое изображеніе у Ianus Pannonius Panegyricon c. 330 seq., который сверхъ того говоритъ на основаніи позднѣйшаго изданія, скорѣе относится къ Флоренціи, чѣмъ къ Венеціи. Тутъ мы не слышимъ больше никакихъ именъ.

2) Онъ еще былъ тамъ въ маѣ 1418 г., когда Джустиніани говорилъ надгробное слово Зено. Между тѣмъ его письмо къ Поджіо отъ 28-го іюня (1416 г.) о морскомъ сраженіи при Галлиполи въ Tabul. codd. ms. bibl. Pindob. vol. II, p. 312 изъ Падуи, такъ что его наставническая дѣятельность тамъ приходится между тѣми годами, когда онъ былъ въ Венеціи.

Филельфо, который два года уже посвящалъ молодыхъ патриціевъ въ тайны латинскаго языка. Потомъ республика послала его въ Византію секретаремъ своего посольства. Когда онъ воротился черезъ пять лѣтъ и семь мѣсяцевъ и опять ступилъ въ Венеціи на западную почву 10 октября 1427 г., съ молодою женою, Хризолориною, то конечно, столько же отличался своею гордостью, какъ и знаніемъ греческаго языка. Онъ не былъ приглашенъ государствомъ; нѣкоторые знатные граждане убѣдительно звали его наставникомъ въ Венецію, именно Леонардо Джустиніани, Барбаро, Марко Липомано. Они ставили ему на видъ, что онъ можетъ получить въ годъ 500 дукатовъ, но, по видимому, крѣпко не ручались за это [1]. Когда онъ пріѣхалъ, въ городѣ свирѣпствовала чума, и всѣ знатные граждане, его доброжелатели, уѣхали; только Джустиніани оставался въ Мурано, но и онъ былъ недоступенъ. Ему писали дружескія письма, но ничего для него не дѣлали. Онъ долженъ былъ проводить время даромъ въ зачумленномъ городѣ съ женою, дѣтьми и шестью человѣками прислуги и жить на свой счетъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ разочаровался, раскаяваясь, что оставилъ Византію, и энергически ухватился за случай, указанный ему Гварино, получить мѣсто въ Болоньѣ. Съ тяжелымъ чувствомъ 13 февраля 1428 г. ѣхалъ онъ чрезъ Феррару въ Болонью. Стало быть, преподавательская дѣятельность въ Венеціи не состоялась. Филельфо уже никогда потомъ не приходило на мысль поселиться въ Венеціи [2].

Но желаніе привлечь въ Венецію наставника греческаго языка и реторики осталось по крайней мѣрѣ у нѣкоторыхъ nobili. Послѣ отъѣзда Филельфо, Барбаро обратилъ вниманіе на Георгія Трапезунтскаго на островѣ Критѣ, котораго ему, вѣроятно, рекомендовали оттуда. Но когда онъ пріѣхалъ, то сначала при вспоможеніи отъ Барбаро долженъ былъ учить лучшему латинскому языку въ школѣ Витторино, прежде чѣмъ открылъ самъ школу въ Венеціи. Правда, онъ былъ тамъ около 1433 г. и обнаружилъ энергическую дѣятельность, однако уже въ то время готовъ былъ предпочесть прочное положеніе во Флоренціи [3]. Но тамъ еще преподавалъ Филельфо, а когда онъ удалился, то замѣнить его не торопились. Съ тѣхъ поръ, какъ зашла рѣчь о церковномъ соединеніи съ греками, Георгій старался

---

1) Онъ говоритъ въ письмѣ къ Джустиніани отъ дек. 1427 г.: o spes amplissima. quam tuis tam crebris tamque liberalissimis litteris mihi ostendisti.

2) Письма Филельфо отъ 10-го октября 1427 до 13-го февраля 1428 г., также письмо къ Траверсари въ его Epistt. XXIV, 36 и греческое къ Гварино отъ 21-го декабря 1427 въ вольфенб. спискѣ fol. 5.—Нѣтъ доказательствъ, чтобы Ауриспа когда нибудь преподавалъ въ Венеціи.

3) Изъ epist. VIII, 36 Траверсари отъ 6-го іюня 1433 г., мы видимъ, что онъ ведетъ съ нимъ объ этомъ переговоры.

получить мѣсто при папскомъ дворѣ, куда его рекомендовалъ Барбаро въ 1435 и 1437 гг. Вѣроятно, онъ вскорѣ переселился въ Римъ [1]). Слѣдовательно, въ Венеціи онъ трудился всего четыре года. Однако тамъ онъ пользовался уваженіемъ, тѣмъ болѣе, что не съ кѣмъ было соперничать, и его свирѣпый нравъ не могъ обнаруживаться. Сенатъ далъ ему право гражданства, что сдѣлано было, правда, и для Филельфо, но для послѣдняго лишь въ виду возможности воспользоваться имъ для государственной службы. Георгій оставилъ по себѣ добрую память у венеціанцевъ; объ этомъ свидѣтельствуетъ Бернардо Джустиніани, который, быть можетъ, былъ его ученикомъ [2]). Спустя много лѣтъ, когда дѣла его пошли плохо при римскомъ дворѣ и въ Неаполѣ, онъ еще разъ пріѣхалъ въ Венецію и обязался преподавать гуманистическія науки за 150 дукатовъ въ годъ. Это, сколько мы знаемъ, первый примѣръ, что республика назначила такое большое жалованье: до сихъ поръ его платили только профессорамъ падуанскаго университета [3]).

Въ Венеціи долго не понимали значенія общественнаго преподаванія, и въ этомъ отношеніи она составляла прямую противоположность съ Флоренціею, гдѣ уже былъ университетъ. Но, по видимому, потребность въ немъ сознали въ началѣ этого вѣка. Въ 1445 г. былъ составленъ новый планъ въ этомъ направленіи. Прежде всего слѣдовало позаботиться о потребностяхъ канцеляріи, чтобы не было недостатка въ людяхъ искусныхъ для завѣдыванія государственными дѣлами. Въ 1449 Паола делла Пергола держалъ открытую школу философіи и математики. Преемникомъ его былъ Доменико Брагадино [4]). Къ этой группѣ наставниковъ принадлежитъ и Оньибене да Лониго, родомъ изъ Витенцы, который еще будучи молодымъ человѣкомъ послалъ Барбаро свой переводъ басень Эзопа. Это одинъ изъ лучшихъ учениковъ Витторино, хорошій риторъ, грамматикъ и толкователь древнихъ писателей, также усердный преподаватель. Но онъ не отличался блестящимъ слогомъ, а это въ то время скорѣе всего вело къ славѣ [3]). Пьеръ Пер-

---

1) Его письмо къ папѣ Евгенію и рекомендательныя письма Барбаро къ кардиналу Скарампо у Mittarelli l. c. 1143, послѣднія вполнѣ у Agostini T. II, p. 57. Тутъ Барбаро прямо говоритъ: Ego autem, qui iampridem ex Creta insula in Italiam vocavi, et quem latinis litteris erudiri feci, nec ullo unquam sibi loco defui etc.

2) Письмо его къ Георгію Трапезунтскому отъ 14-го апрѣля 1442 г. въ его Oratt. fel. k, 6.

3) Agostini T. II, p. 113.

4) Romanin Storia document. di Venezia T. IV, p. 499.

5) Письмо его къ Барбаро отъ 31-го августа 1441 г. въ его собраніи epist. 126. Его сочиненія перечисляетъ Jac. Phil. Bergomas fol. 279. А когда онъ училъ въ Венеціи, я не могу опредѣлить точнѣе.

леоне, учившійся у Филельфо во Флоренціи и Сіэнѣ, по видимому, преподавалъ въ Венеціи не долго около 1458 г. Мы встрѣтимся съ нимъ при римнійскомъ дворѣ [1]).

Въ Венеціи больше пользовался почетомъ тотъ ученый, который былъ полезенъ и на государственной службѣ. Никколо Сагундино изъ Негропонта хорошо владѣлъ и греческимъ и латинскимъ языкомъ и въ 1438 г. пріѣхалъ въ Венецію съ женою и дѣтьми— быть переводчикомъ на флорентинскомъ соборѣ. Республика приняла его на службу секретаремъ совѣта Десяти. Однако онъ опять воротился на свою родину. Но необходимость содержать многочисленную семью, нужда и невзгоды всякаго рода въ 1462 г. снова заставили его ѣхать въ Италію. При этомъ во время кораблекрушенія онъ потерялъ жену, нѣсколько человѣкъ дѣтей и все свое имущество. Въ такомъ печальномъ положеніи венеціанскій совѣтъ подарилъ ему 600 дукатовъ, далъ его сыну должность, а ему опять прежнее мѣсто, дававшее 200 дукатовъ. Но этотъ Сагундино не выступаетъ на сцену въ качествѣ ученаго, хотя онъ былъ человѣкъ съ образованіемъ и имѣлъ связи съ ученымъ міромъ. Въ Венеціи онъ былъ только полезнымъ чиновникомъ, потому что зналъ языки [2]).

Мысль объ общественной библіотекѣ возникла очень естественно во Флоренціи вслѣдствіе страсти ученыхъ къ собиранію книгъ и пониманія общественныхъ потребностей. Но Венеція была чужда ея. Правда, городъ былъ весьма удобнымъ пунктомъ для книжнаго рынка, особенно съ тѣхъ поръ, какъ памятники греческой литературы начали являться въ Италію изъ Византіи и Леванта. Но здѣсь книги покупались и продавались такъ же, какъ и всякій другой товаръ. Здѣсь не могла выработаться такая личность, какъ Веспасіано. Собственно не было основательной причины, почему остановился на Венеціи Петрарка, которому пришла мысль о доступной для всѣхъ библіотекѣ. Ему тогда удобно было выбрать этотъ городъ своимъ мѣстопребываніемъ. Но если бы, дѣйствительно, часть его книгъ и была перевезена сюда, то никто не сталъ бы заботиться объ общественномъ пользованіи ими. Когда Медичи устроили прекрасную залу для библіотеки при монастырѣ С. Джіорджіо Маджіоре и наполнили ее книгами, то они все таки были лишь чужеземными гостями въ республикѣ. Однако ихъ примѣръ побу-

---

[1]) Письмо Филельфо къ нему отъ 10-го января 1458 г.

[2]) Его письмо къ кардиналу Виссаріону отъ 21-го августа 1462 г. и утѣшающее письмо къ нему Перлеоне въ Miscellanea di varie operette T. II, p. 3. 5. 43. Упоминается его codex autographus epistolarum, изъ котораго есть извлеченіе въ вѣнской рукописи (Tabulae vol. IV, p. 230). Facius de vir. illustr. p. 21.

дилъ кардинала Антоніо де' Коррери, принадлежащаго къ этому монастырю, оставить ему свое собраніе въ 120 томовъ, которые обошлись ему очень дорого. Книги Джустиніани, Барбаро и другихъ фамилій остались въ ихъ семьяхъ. Основаніе библіотеки Marciana (св. Марка) положилъ грекъ, кардиналъ Виссаріонъ, большой любитель книгъ. Онъ завѣщалъ свою библіотеку республикѣ, потому что въ этомъ городѣ онъ въ первый разъ ступилъ на западную почву, здѣсь былъ возведенъ въ кардиналы и здѣсь же думалъ найти естественный пунктъ соприкосновенія между духовными сокровищами Греціи и Италіи.

Мы къ этому же отдѣлу отнесемъ все то, что можно сказать о дѣятельности гуманистовъ въ Падуѣ съ того времени, какъ она подпала подъ власть республики св. Марка, и университетъ ея тоже сталъ какъ бы литературнымъ предмѣстьемъ. Но мы должны коснуться и эпохи господства Каррарской династіи, такъ какъ въ ней кроются задатки позднѣйшаго развитія. Ея меценатъ открылъ курсъ изученія древностей въ спеціальной школѣ медицины и правовѣдѣнія. Прибавимъ къ этому, что Падуя пользуется предпочтеніемъ со стороны иноземныхъ учащихся, въ особенности нѣмцевъ, которые здѣсь знакомятся съ новою итальянскою реторикою и въ особенности уважаютъ ея второстепенныхъ представителей

Хотя Альбертино Муссато, и не принадлежалъ къ университетской корпораціи, однако и онъ пользовался почетомъ со стороны ея, какъ поэтъ. Университетъ подалъ мысль о его всенародномъ и торжественномъ вѣнчаніи. Онъ постановилъ кромѣ того, что ежегодно въ день Рождества Христова доктора, профессора и студенты должны привѣтствовать его съ музыкою въ его домѣ и дарить ему восковыя свѣчи. Конечно, это продолжалось не долго. Изъ этого мы видимъ, что университетъ въ сущности не питалъ никакого недовѣрія къ поэту, питомцу античной науки. Если оно и обнаруживается впослѣдствіи, то было бо́льшею частью заслужено легкомысленными и заносчивыми стихоплетами.

Извѣстна тѣсная связь Петрарки съ падуанскими деспотами; его приласкала Каррарская фамилія и лелѣяла до самой его смерти. Уже Джіакомо II оказалъ ему дружеское гостепріимство, доставилъ каноникатъ и заставилъ прославлять себя. Хотя Франческо II, какъ безстыдный тиранъ, немногимъ уступалъ своему отцу, однако искалъ еще усиленнѣе его дружбы, которою послѣдній удостоивалъ съ необычайною готовностью. Въ сущности этому деспоту нельзя отказать въ любви къ наукамъ и искусствамъ, которая въ немъ пробудилась при обще-

ствѣ Петрарки. Но онъ, по видимому, придавалъ гораздо большее значеніе тому, что Петрарка посвятилъ ему одно изъ главныхъ своихъ произведеній, «О знаменитыхъ мужахъ». Спустя осьмнадцать лѣтъ, когда онъ велѣлъ нарисовать въ одной изъ залъ своего дворца портреты античныхъ героевъ, то онъ внушилъ поэту мысль сдѣлать извлеченіе изъ его обширнаго труда. Послѣднее онъ велѣлъ продолжать послѣ его смерти ученику его, Ломбардо да Серико, до императора Траяна. Петрарка подарилъ государю длинное письмо «О правленіи», которое написалъ на закатѣ своихъ дней. Изъ сборника его писемъ ясно видно какъ онъ дорожилъ расположеніемъ этого властителя. Вовсе не случайность, что онъ въ послѣдній разъ выбралъ себѣ жилище на эвганейскихъ горахъ, гдѣ и умеръ. И въ Падуѣ осталось нѣкоторое умственное наслѣдіе его. Въ тамошнемъ дворцѣ красовались изображенія его знаменитыхъ Римлянъ, и отсюда понятно, что самыя старинныя медали, отчеканныя по античному образцу, принадлежатъ каррарской династіи [1]).

Сколько мы знаемъ, эти владѣтели не имѣли особаго вліянія на университетъ, и онъ, по видимому, управлялся на республиканскій ладъ. Въ немъ аверроисты являются представителями сильной школы. Таковы напр. Марсиліо di S. Sofia, Паоло делла Пергола, Никола да Фолиньо. Петрарка считалъ всю эту школу враждебною себѣ, но мы все таки не видимъ, чтобъ они мѣшали дѣятельности поклонниковъ его въ Падуѣ. Еще при жизни Петрарки здѣсь преподавалъ риторъ Пьетро да Мульо, тоже другъ Боккачіо; но около 1377 г. мы встрѣчаемъ его уже въ Болоньѣ [2]). Потомъ около 1382 г. Джіованни да Равенна, въ качествѣ профессора реторики, читалъ лекціи о Цицеронѣ и римскихъ поэтахъ, насколько мы знаемъ, не вступая еще въ особенно близкія сношенія съ владѣтелями города [3]).

Впервые пріобрѣлъ прочное положеніе при падуанскомъ университетѣ Пьеръ Паоло Верджеріо. Уроженецъ Каподистріи, первоначальное свое образованіе онъ получилъ въ Падуѣ, потомъ жилъ во Флоренціи и познакомился тамъ съ кардиналомъ Забареллою. Это рѣшило его судьбу. Тогда онъ былъ настолько ученъ, что могъ преподавать діалектику въ флорентинскомъ университетѣ, потомъ ревностно принялся за изученіе гражданскаго и каноническаго права, и мы часто слышимъ хорошіе отзывы объ его свѣдѣніяхъ именно въ этихъ отрасляхъ. Нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что во Флоренціи въ

---

[1]) Jul. Friedländer Welche sind die ältesten Medaillen? s. 25.

[2]) Colle Storia di studo di Padova vol. IV p. 79 e seg. Hortis Studj s. opere lat. di Boccaccio p. 282.

[3]) См. выше стр. 205.

немъ пробудилась любовь къ классическимъ писателямъ и къ латинскому краснорѣчію. Все это сильно отодвинуло на задній планъ юридическія науки и прославило его имя въ литературѣ. Онъ уже возвратился въ Падую и нѣсколько времени преподавалъ здѣсь въ качествѣ магистра [1]), когда молва о Хризолорѣ еще разъ увлекла его во Флоренцію—учиться греческому языку и литературѣ. Хотя онъ былъ лишь короткое время ученикомъ грека и жалуется, что послѣдній оставилъ Флоренцію раньше, чѣмъ онъ успѣлъ научиться, однако сдѣлалъ такіе успѣхи въ греческомъ языкѣ, что хотя съ трудомъ, но понималъ и такого писателя, какъ Арріанъ. Конечно, его многостороннее образованіе не доставило ему никакихъ осязательныхъ выгодъ. Въ одномъ изъ позднѣйшихъ писемъ онъ говоритъ, что бѣдность была его постоянною спутницею, и онъ уже привыкъ считать ее своею неразлучною подругою.

Воротившись изъ Флоренціи, Верджеріо, въ 1403 г., сдѣланъ былъ баккалавромъ правовѣдѣнія, а впослѣдствіи кандидатомъ медицины. Но онъ не оставилъ сочиненій ни по одной изъ этихъ отраслей. Съ другой стороны его ученая дѣятельность часто прерывалась, такъ какъ онъ ѣздилъ съ Забареллою въ качествѣ его секретаря по церковнымъ дѣламъ. Поэтому трудно слѣдить за событіями его разнообразной жизни, полной превратностей. Если онъ, какъ кажется, былъ холостякъ и духовное лицо, то мы должны удивляться, что его доброжелатель не далъ ему выгоднаго прихода. Впрочемъ по его рекомендаціи онъ служилъ секретаремъ или совѣтникомъ у Франческо Ровелло. Онъ еще и раньше искалъ его расположеніе, составивши описаніе похоронъ стараго Франческо. Онъ написалъ также исторію Каррарскаго дома, хвалебный характеръ которой обнаруживается въ самомъ слогѣ, полномъ претензій [2]). Но этотъ владѣтельный домъ уже стоялъ на краю гибели. Когда его судьба совершилась, то Верджеріо провелъ нѣсколько лѣтъ въ Венеціи и преимущественно въ родной Каподистріи, чтобы потомъ снова воротиться въ Падую. Потомъ въ 1414 г. онъ отправился съ Забареллою, постоянно покровительствовавшимъ ему, на Констанцскій соборъ и къ императору Сигизмунду. Съ тѣхъ поръ онъ не видалъ больше Италіи и умеръ на чужбинѣ. Въ его дѣятельности не доставало единства направленія. Онъ не былъ истиннымъ ученымъ, а также настоящимъ гу-

---

[1]) Съ 1393 г. до 1400 онъ занималъ каѳедру логики въ университетѣ—положеніе не блестящее.

[2]) То и другое у Muratori Scriptt. T. XVI. Также многія письма, написанныя отъ имени Франческо, въ Principum et illustrium virorum Epistolae принадлежатъ ему.

манистомъ, хотя постоянно поддерживалъ письменныя сношенія съ учеными венеціанцами, съ Карло Зено, Тревизано и Барбаро, также съ Хризолоромъ, Джіованни да Равенна, Гаспарино Варзиццею и Салютато. Въ этомъ смыслѣ о немъ часто упоминаютъ, съ уваженіемъ тѣмъ болѣе, что онъ въ одномъ энергическомъ памфлетѣ сильно заступился за Виргилія, статуя котораго подверглась поруганію въ Мантуѣ [1]).

Мы уже разсказывали о томъ, какъ Джіовани да Равенна во время своихъ странствованій во второй разъ пришелъ въ Падую [2]). Въ тамошнемъ университетѣ онъ уже больше не преподавалъ, а въ качествѣ секретаря или канцлера у Франческо былъ предшественникомъ Верджеріо и, подобно ему, старался прославить каррарскую династію не задолго до ея бѣдственнаго паденія.

Каррарская династія была низвергнута въ 1405 г. Это была первая жертва новой венеціанской политики, когда республика стремилась создать обширныя владѣнія и на итальянскомъ материкѣ. Съ этихъ поръ граждане Падуи находились подъ властью подесты, посылаемаго изъ города св. Марка, и въ ней стоялъ гарнизонъ подъ начальствомъ капитана. Для университета такая перемѣна повела къ лучшему. Республика заботилась о спокойствіи и безопасности Падуи, охотно взяла подъ свое покровительство это славное старинное учрежденіе, даже нѣкоторымъ образомъ способствовала прежнему меценатству, выбирая для завѣдыванія имъ чиновниковъ съ научнымъ образованіемъ.

Вмѣстѣ съ водвореніемъ венеціанскаго господства и въ области науки являются новыя силы. Съ 1406 г., именно со времени переворота, слѣдовательно не случайно, здѣсь мы встрѣчаемъ городскимъ писцомъ или секретаремъ Секко Полентоне. По словамъ его эпитафіи онъ принадлежалъ къ фамиліи Риччи; фамилію Полентоне, которую уже принялъ отецъ его, можетъ быть, ведетъ свое происхожденіе отъ мѣста рожденія ихъ. Но самъ Секко родился въ Падуѣ. Слѣдовательно, и теперь выбрали въ эту должность человѣка съ научнымъ образованіемъ, латиниста новой школы, какими были послѣдніе канцлеры каррарскаго дома, Джіовани да Ра-

---

[1]) Подробности объ его жизни первый собралъ Zeno Dissertat. Voss. T. I, p. 51. Colle l. c. vol. IV, p. 38 e seg. Bernardi въ Archivio stor. Ital. Serie III T. XXIII, p. 176. Baduber P. P. Vergerio il seniore, Capodistria 1866. Собранія писемъ Верджеріо находятся въ разныхъ библіотекахъ. Такъ, Tomasinus Bibl. Patav. ms. p. 93 указываетъ его Opuscula et Epistolae въ Падуѣ, а другія Mittarelli p. 1195. О спискѣ съ 148 письмами см. Badnber p. 36. Какъ много еще недостаетъ намъ для основательнаго знакомства съ его біографіею!

[2]) См. стр. 205.

венна и Верджеріо. Но это былъ не чужеземецъ, искавшій расположенія властей, а природный падуанецъ, проведшій всю жизнь въ этомъ городѣ, и онъ гордился тѣмъ, что будетъ писать жизнь Муссато въ томъ самомъ городѣ, въ которомъ послѣдній тоже жилъ [1]). Онъ былъ ученикомъ Джіованни да Равенна, въ то время когда послѣдній преподавалъ въ Падуѣ. Предметомъ его изученія были древніе писатели и краснорѣчіе; мы не знаемъ, изучалъ ли онъ также право. Въ качествѣ наставника онъ никогда не принадлежалъ университету [2]). По его собственному свидѣтельству, онъ трудился двадцать пять лѣтъ надъ своимъ большимъ сочиненіемъ De scriptoribus latinis. Повѣствовало оно въ 18 книгахъ о жизни всѣхъ писателей, писавшихъ на латинскомъ языкѣ, начиная съ Ливія Андроника до Петрарки [3]). Находили, что біографія античныхъ поэтовъ, насколько онѣ извѣстны, скудны и плохо составлены. Такой строгій приговоръ объясняется, конечно, разочарованіемъ, потому что думали найти въ нихъ новый матеріалъ. Однако книга списывалась и оказалась въ то время очень полезною, хотя Кортезіо и прибавляетъ къ этому отзыву и то мнѣніе, что автору не достаетъ вѣрности сужденія, что онъ наполняетъ свое сочиненіе ссылками и чужими выраженіями [4]). Но ходила и сплетня, приписываемая Джіованни Понтано, будто у Полентоне была и та часть историко-литературнаго труда Светонія, въ которой шла рѣчь объ ораторахъ и поэтахъ, но что она была сожжена ради славы собственнаго произведенія [5]). Кромѣ этого Полентоне написалъ вообще не мало: комедію, которую самъ онъ находилъ очень забавною, коротенькія изложенія содержанія нѣсколькихъ рѣчей Цицерона, дополнявшія подобныя имъ ра-

---

1) Изъ этой біографіи у Muratori Scriptt. T. X p. 2. Падую онъ называетъ своимъ patria in qua et domiliciliuni et quidquid est in me fortunae, habeo collocatum.

2) Изъ Oratio ad collegium doctorum iuristarum civitatis Paduae, сказанной 17-го іюня 1435 г. и указанной въ Tabulae codd. ms. bibl. Vindob. vol. II, p. 227 не слѣдуетъ этого.

3) Обнародованы лишь отдѣльныя части этого труда. Перечень біографій у Muccioli Catal. codd. ms. Malatest.—Cesen. T. II, p. 98.—Что книга была кончена въ 1433 г., это возможно, но основано только на показаніи Tomasinus Bibl. Patav. ms. p. 17: Auctographum anno 1433 scriptum habuit Scardsonius. Доводъ, приводимый Мегусомъ Vita Ambr. Travers. въ пользу болѣе ранняго сочиненія книги, именно тотъ, что незадолго передъ тѣмъ (1429) найденныя комедіи Плавта и многія другія рукописи еще не упоминаются въ книгѣ, не основателенъ. Жизнь Петрарки у Tomasinus Petrarca redivivus p. 36.

4) De hominibus doctis ed. Galetti p. 226.

5) Глосса Понтано въ лейденскомъ Codex Perizonianus въ Suetoni Reliquiae ed. Reifferscheid p. 364. Ritschl Parerga Zu Plautus und Terenz Bd. I Leipz. 1845 p. 613. 632, гдѣ приводятся нѣкоторыя выдержки изъ сочиненія Полентоне по флорентинской рукописи.

боты Лоски, шесть книгъ «Достопамятныхъ примѣровъ», въ позднѣйшіе годы: разсужденіе о покаяніи, жизнь св. Антонія и другихъ падуанскихъ святыхъ. Но всѣ эти сочиненія были мало извѣстны еще при его жизни и остались ненапечатанными, да и вообще молва о Полентоне, подобно жизни его, рѣдко переходила за стѣны его родной Падуи [1]).

Во время Полентоне и при его содѣйствіи усилился въ Падуѣ культъ Ливія, такъ какъ нашли останки великаго историка. Изъ хроники блаженнаго Іеронима знали, что онъ умеръ здѣсь. И монахи монастыря С. Джустины утверждали на основаніи извѣстныхъ стиховъ, сохранившихся въ ихъ обители, что Ливій похороненъ у нихъ. Про стѣны монастырской ораторіи говорили, что онѣ нѣкогда принадлежали языческому храму Согласія. Привыкши къ тому обычаю, что великихъ людей хоронили въ храмахъ, его приписали и языческому Риму. Къ этому присоединилось еще то обстоятельство, что при Джіакомо Каррарскомъ найденъ былъ извѣстный надгробный камень Ливіева отпущенника. Владѣтель велѣлъ его отчистить и поставить въ церкви св. Джустины; его-то всѣ и относили къ могилѣ историка [2]). Такъ была подготовлена почва, когда 31 августа при перестройкѣ въ монастырѣ напали на заклаженный камнями гробъ, въ которомъ стоялъ свинцовый сосудъ. Замѣчательно, какъ поняла антикварный вопросъ масса. Полагали, что непремѣнно найдены кости какого нибудь святаго. Въ городѣ скептицизмъ аверроистовъ уживался рядомъ съ фанатизмомъ, и даже ученые повѣрили находкѣ. Вскорѣ по городу разнеслась молва, что нашли кости Ливія. Братъ Роландо, считавшійся ученымъ, но въ тоже время павійскимъ патріотомъ, позвалъ Полентоне. Послѣдній спустился въ яму, открылъ крышку гроба и нашелъ костякъ, отлично сохранившійся. Когда его вынули, то Полентоне поспѣшилъ въ ратушу, и тамъ было единогласно постановлено соорудить приличный памятникъ, что было поручено тому же Полентоне. Между тѣмъ въ монастырь ходили толпы ре-

---

[1]) Пиньоріусъ хотѣлъ по одному некрологу доказать, что онъ жилъ до 1463 г. Небольшія сочиненія упоминаются у Tomasinus p. 31. 75. 124. 127. 140, другія въ Tabulae vol. II, p. 218: vol. III, p. 6. Io. Erh. Kappius Dissert. de Xiccone Polentono. Lips. 1733, очень слабая компиляція, на что указалъ уже Mehus Vita Ambros. Travers. p. 139.

[2]) Первый разъ упоминается объ этомъ камнѣ у Петрарки epist. XXIV, 86, 1350 г. и у Gulielmus Pastregicus de orig. rer fol. 70. Неизвѣстно, старше ли рукопись Ливія, указанная у Valentinelli Bibl. ms. ad S. Marci Venez. T. VI, p. 12, въ приложеніи къ которой есть надпись. Здѣсь достаточно того указанія, что надгробная надпись была извѣстна раньше мнимаго открытія праха. Hortis Stadj sulle op. lat. di Boc. p. 322, найденъ ли камень при Джіакомо I или II.

месленниковъ и разнаго рода людей и разобрали почти всѣ зубы у скелета, такъ какъ его плохо берегли. Въ этомъ хищничествѣ обвинили иноземныхъ студентовъ, которые очевидно думали, что они берутъ чудотворныя части. Теперь только скелетъ заперли въ безопасное помѣщеніе монастыря. Но лицо, заступившее мѣсто отсутствовавшаго аббата, разсердилось на то, что народъ идетъ массами на поклоненіе костямъ язычника, сочиненія котораго, какъ онъ слышалъ, были сожжены по повелѣнію папы Григорія. Чтобы народъ не вздумалъ принять Ливія за святаго, онъ тайкомъ взялъ его черепъ и разбилъ молоткомъ на мелкія части. Городъ принялъ останки отъ монаховъ, и они были препровождены на храненіе въ домъ капитана, извѣстнаго венеціанца Заккаріи Тревизано, пока будетъ готовъ мавзолей. Гробъ, покрытый лавровыми вѣтвями, помогали нести знатные венеціанцы и первенствующіе граждане, и народъ стекался со всѣхъ сторонъ. Были тутъ и такіе, которые не имѣли никакого доказательства, что чтимые останки принадлежатъ Ливію, а другіе даже утверждали, что это кости женщины. Полентоне по крайней мѣрѣ доискивался признаковъ вѣроятности, вообще же Падуя приняла эти языческіе останки съ патріотическимъ одушевленіемъ. Еще въ 1451 г. венеціанская республика поднесла руку отъ отъ этого скелета, какъ неоцѣненный даръ, королю Неаполитанскому Альфонсу, особому почитателю Ливія, который самъ просилъ объ этомъ чрезъ своего придворнаго поэта и посла Беккаделли [1]).

Конечно, благодаря мнимымъ останкамъ Ливія Падуя, не сдѣлалась излюбленнымъ мѣстомъ изученія древности. Но по крайней мѣрѣ поклонники этой науки здѣсь безпрепятственно могли заниматься ею. Въ 1407 г., по ходатайству Заккаріи Тревизано, Гаспарино да Барзицца былъ назначенъ публичнымъ преподавателемъ реторики и нравственной философіи съ жалованьемъ въ 120 дукатовъ, тогда какъ Джіованни да Имола, преподававшему только каноническое право, дали 800. Дѣла Гаспарино шли плохо вездѣ, и музы его были въ очень печальномъ положеніи въ военное время. Все таки онъ и потомъ, послѣ другихъ попытокъ, два раза возвращался въ Падую, гдѣ содержалъ себя тѣмъ,

---

[1]) Подробный разсказъ объ этомъ происшествіи сообщилъ Полентоне въ двухъ письмахъ къ Никколо Никколи; оба помѣщены у Kappius l. c. p. 19 seq. Одно письмо уже сообщилъ Pignorius Origines Patavini p. 121. Другое, почти того же содержанія, отъ 28-го октября 1444 г. Такъ и у Tomasinus Bibl. Patav. p. 128 и у Mitarelli p. 948, между тѣмъ какъ вѣнскій кодексъ (Tabulae vol. II, p. 218) ошибочно относитъ къ 21-му апрѣля 1419. Неизвѣстно, почему нужно было два письма, но самъ Полентоне въ письмѣ къ своему сыну Polidoro у Hortis Cenni di G. Boccacci intorno a T. Livio p. 91 ссылается на оба письма. О подаркѣ Альфонсу Facciolati Fasti gymn. Patav. T. I, p. 4 и Mongitore Bibl. Sicula T. I, p. 56.

что принималъ къ себѣ въ домъ учениковъ [1]). И Гварино преподавалъ въ Падуѣ около 1416 г. [2]). Нѣсколько позднѣе еще очень юный Филельфо, едва лишь кончившій свое образованіе, пробовалъ преподавать въ Падуѣ реторику [3]). Падуя была также первымъ городомъ, гдѣ испыталъ свои замѣчательные педагогическіе таланты Витторино да Фельтре. Есть извѣстіе, что ученики просили его объ этомъ, когда Гаспарино Варзицца въ 1418 г. былъ приглашенъ въ Миланъ, но еще въ 1422 г. онъ принялъ каѳедру реторики и философіи [4]). Однако странно, что всѣ эти люди вскорѣ предпочитали переселиться въ Венецію, хотя и тамъ надежды ихъ были не особенно блестящи. Стало быть, педагогическіе успѣхи ихъ въ Падуѣ не привязывали ихъ къ этому городу. И потому мы понимаемъ, что ни одинъ гуманистъ, сколько нибудь извѣстный, не оставался въ Падуѣ болѣе десяти лѣтъ.

Впослѣдствіи, около 1435 г., преподавалъ въ Падуѣ Эрмолао Барбаро [5]). Мы уже упоминали о томъ, что Лауро Квирини получалъ здѣсь жалкое вознагражденіе въ 40 дукатовъ. Падуанецъ Джіованни Марканова началъ свое поприще докторомъ свободныхъ искусствъ и доцентомъ философской пропедевтики, а потомъ пріобрѣлъ степень доктора медицины и занимался врачебною практикою бо́льшею частію въ Падуѣ, а нѣкоторое время и въ Болоньѣ. Слѣдовательно, это было для него лишь временнымъ занятіемъ изъ любви къ дѣлу, когда онъ собиралъ въ Италіи и въ другихъ странахъ рукописи, надписи, монеты и всякаго рода древности. Книги свои въ 1467 г. онъ завѣщалъ монастырю С. Джіованни въ Виридаріо въ Падуѣ, откуда онѣ потомъ поступили въ венеціанскую библіотеку св. Марка. Въ книгѣ De antiquitatibus, которую онъ посвятилъ въ 1465 г. Малатестѣ Ровелло да Чезена, онъ собралъ свои замѣтки о древнемъ Римѣ, а главнымъ образомъ надписи, которыя онъ добылъ изъ прежнихъ собраній и инымъ путемъ. Этою книгою онъ составилъ себѣ нѣкоторое имя у новѣйшихъ изслѣдователей, тогда какъ у современниковъ онъ былъ извѣстенъ лишь въ тѣсномъ кружкѣ [6]).

---

[1]) См. выше стр. 208. Письмо къ Тревизано у Mittarelli относится къ приглашенію 1407 г.

[2]) См. выше стр. 208. Въ силу письма, цитированнаго здѣсь, Antenoris cives, у которыхъ Гварино преподавалъ слѣдуя Ianus Pannonius Silva paneg. ad Guarinum v. 401, нѣкоторое хронологическое опредѣленіе.

[3]) Admodum adolescins, какъ онъ говоритъ въ письмѣ къ Кривелли отъ 1-го августа 1463 г.

[4]) Rosmini Vittorino p. 55.

[5]) Объ этомъ извѣстно только краткое упоминаніе въ Ambros..Camald. Hodoeporicon. p. 59.

[6]) Что онъ заказывалъ себѣ списывать книги, это видно изъ Tomasinus Bibl. Patav. 16. 19. Пожертвованныя монастырю книги во множествѣ упоминаются у Valentinelli

Каѳедра греческаго языка была учреждена въ Падуѣ только въ 1453 г., и ее занималъ аѳинянинъ Дмитрій Халюкондилъ, которому платили жалованья 400 гульденовъ [1]). Раньше этого неизвѣстно о попыткѣ ввести преподаваніе греческаго языка въ старинномъ университетѣ.

Изъ другихъ городовъ, находившихся подъ властью венеціанской республики, заслуживаетъ нѣкотораго вниманія только Верона, старинной епископальный городъ. Когда дожъ Микеле Стено 16 іюля 1406 г. подтвердилъ его старинные учрежденія и статуты, то устроено было нѣчто въ родѣ высшей школы, докторамъ которой должна была платить жалованье община. Рѣшили пригласить магистровъ для обоихъ правъ и для медицины, также одного для гуманистическихъ наукъ [2]). Но, по видимому, эти благія намѣренія не осуществились. Наука, представителемъ которой еще во времена Петрарки могъ считаться Гульельмо да Пастренго, въ настоящее время здѣсь была въ пренебреженіи. Когда Траверсари пересматривалъ старую соборную библіотеку и библіотеку въ монастырѣ С. Зеноне, то онъ не нашелъ въ нихъ ничего заслуживающаго вниманія. Изъ этого собранія такія сочиненія, какъ письма Цицерона, были подарены Джіанъ Галеаццо, герцогу миланскому, а знаменитый Катуллъ исчезъ [3]).

Успѣхи, достигнутые въ Венеціи и Падуѣ Гварино, уроженцемъ Вероны, внушили гражданамъ послѣдней мысль, что дѣло чести предложить ему 100 дукатовъ съ тѣмъ, чтобы онъ преподавалъ греческій языкъ и латинское краснорѣчіе. Такъ и было сдѣлано въ 1420 г. Онъ съ радостью принялъ это предложеніе и, по видимому, два года жилъ на родинѣ въ идиллически счастливомъ настроеніи, какъ человѣкъ, достигшій цѣли своей жизни. Онъ женился на красивой молодой дѣвушкѣ [4]), купилъ себѣ домикъ недалеко отъ города, который называлъ своимъ Парадизомъ и Монторіо, потому что онъ былъ окруженъ масличными деревьями и виноградниками и стоялъ на возвышеніи, откуда были видны зеленые берега Эчи и городскія башни. Здѣсь онъ отдыхалъ въ осеннія каникулы, или когда эпидимическія болѣзни про-

---

Bibl. ms. ad S. Marci Venet., напр. T. II, p. 28. T. IV p. 45. 48. 64. 297. О книгѣ de antiquitatibus Zeno Diss. Voss. Vol. I p. 140. Предисловіе также у Mucciоli T. I, d. 26. Henzen въ Corp. Inscr. Lat. Vol. VI P. I p. XLII.

1) Facciolati Fasti gymn. Patav. T. II, p. LIV.

2) Romanin Storia docum. di Venezia T. IV, p. 47.

3) Ambros. Camald. Hedoeporicon. 54. Cf. Catulli liber rec. Baehrens prolig. Если Borsetti Hist. Ferrar. Gymnas. p. II p. 19 сообщаетъ о Гварино: nec. non. mss. Catulli carmina, quae in horrev quodam neglecta ac iam peritura reperit, in lumen produtip, то на это нѣтъ никакого доказательства.

4) Что это случилось на его родинѣ, говоритъ Poggius epist. I, 11.

гоняли его изъ города, кормилъ своихъ куръ и голубей, охотился, ловилъ птицъ и жилъ въ пріятной обстановкѣ, среди друзей и книгъ. Счастливый, подобно Поджіо на его виллѣ, онъ писалъ: «Вотъ настоящая жизнь, пріятный досугъ и сладкое отдохновеніе!» Онъ отклонилъ почетное предложеніе учить дѣтей Гонзаги при мантуанскомъ дворѣ, желая жить въ родномъ городѣ жизнью поэта. Гварино держалъ свою школу и время отъ времени говорилъ торжественныя рѣчи, когда вступалъ въ должность новый подеста, или удалялся изъ Вероны прежній [1]). Но надъ его головою собрались тучи. Въ городскомъ совѣтѣ нашелся человѣкъ, который полагалъ, что жалованье Гварино слишкомъ велико и платится даромъ. Нашлись впрочемъ люди, несогласные съ нимъ. Но при дальнѣйшемъ обсужденіи вопроса выступили уже многіе, желавшіе упразднить каѳедру гуманныхъ наукъ. Высказанъ былъ и упрекъ Гварино, что онъ учитъ хорошо только тѣхъ учениковъ, которые живутъ у него. Хотя одинъ изъ учащихся и защищалъ своего учителя въ искусно составленной рѣчи, однако въ совѣтѣ большинствомъ голосовъ рѣшено было закрыть каѳедру. Это была обычная судьба пророка въ своемъ отечествѣ. Владѣтельный домъ въ Феррарѣ держалъ того же Гварино въ почетѣ, и онъ оставался тамъ до самой своей смерти, хотя въ 1451 году Верона не разъ дѣлала попытки снова пригласить его за 200 дукатовъ [2]).

Вліяніе педагогической дѣятельности Гварино можно видѣть на гуманистически образованныхъ дамахъ, которыя здѣсь, въ Веронѣ, впервые являются на сцену. Не рѣдко случалось и въ мірскихъ кружкахъ встрѣчать женщинъ, настолько знающихъ латынь, что онѣ могли понимать псалтырь и латинскія выраженія въ проповѣди. Когда архіепископъ флорентинскій Антонино писалъ Дадѣ свои пастырскія посланія, то онъ смѣло вставлялъ въ нихъ латинскія изреченія изъ Библіи. Въ Италіи были люди, понимавшіе латынь и помимо изученія грамматики. Но теперь явились женщины, которыя систематически изучали классическую латынь. Это были сестры рыцаря Антоніо де' Ногароли, Джиневра и Изотта, молодыя

---

[1]) Три его веронскія рѣчи я знаю по cod. ms. 1270 лейпцигской университетской библіотеки fol. 197. 199. 202. Одна при подестѣ Брагодано, другая при Пьеръ Лоредино, и удаленіи Франческо Барбо. Въ третьей онъ благодаритъ веронское купечество за то, что оно выбрало его mercatorius interpres. Другія рукописи у Fabricius Bibl. latina T. III p. 120 и въ вѣнскихъ Tabulae vol. II p. 312. Надгробная рѣчь у Mittarelli Bibl. codd. ms. S. Mich. Venet. p. 481.

[2]) Rosmini, Vita di Guarino, vol. I p. 13—22, 104 e leg, vol. II p. 13—18 Подробности у Quirini Diatriba p. 273. 274. Ко второму приглашенію относятся двустишія у Borsetti l. c. p. 32, 34.

дѣвушки, которыя обучились новому краснорѣчію подъ руководствомъ нѣкоего Мартино и на двадцатомъ году уже обнародовали множество писемъ, рѣчей и стиховъ. Джиневра вышла правда замужъ за графа Гамбари и съ тѣхъ поръ, по видимому, ея муза замолкла. Но Изотта обрекла себя на жизнь дѣвственной поэтессы и продолжала ученыя занятія; насмѣшки согражданъ, вызываемыя ея смѣлыми поступками и ея эмансипаціею, нѣсколько оскорбляли ее, но не отвлекали отъ цѣли. Мы видимъ, какъ трудно ей найти адресы для своихъ писемъ, какъ она ищетъ доступа въ республику ученыхъ, который не легко давался дѣвушкѣ въ Веронѣ, не имѣвшей никакихъ литературныхъ сношеній. Она хотѣла начать переписку съ своимъ знаменитымъ землякомъ Гварино, который давно уже жилъ въ Феррарѣ, и въ письмахъ къ нему разсыпалась въ необычайныхъ любезностяхъ. Сначала онъ не хотѣлъ было ничего отвѣчать ей, однако былъ тронутъ ея мольбами и жалобами. Съ тѣхъ поръ ученики его составили группу ея корреспондентовъ: съ ними она обмѣнивалась разными вѣжливыми и напыщенными фразами, цицероновскими выраженіями, классическими примѣрами и ученическими безцвѣтными письмами въ родѣ тѣхъ, какія писалъ самъ Гварино. Со временемъ она пріобрѣла небольшой кружокъ венеціанцевъ и веронцевъ, съ которыми и вступила въ подобнаго рода переписку. Она была очень счастлива, когда ей удалось познакомиться съ кардиналомъ Джуліано Чезарини. Въ зрѣлые годы она посвятила себя главнымъ образомъ изученію богословія, и ея любимыми писателями стали блаженный Августинъ и Іеронимъ. Она умерла 38 лѣтъ отъ роду въ 1466 г. Андріола де' Ногароли, безъ сомнѣнія, родственница ея, тоже была ученая поэтесса [1]).

Генуя представляла столь же неблагопріятную почву для литературы, какъ и Венеція; пожалуй, она настолько же уступаетъ ей въ этомъ отношеніи, сколько Сіэна Флоренціи. Мало значенія имѣло то обстоятельство, что канцелярія примкнула къ новой школѣ; это мы встрѣчаемъ даже въ управленіяхъ небольшихъ городовъ. Только исторіографія республики получила нѣкоторое развитіе, что̀ мы замѣчаемъ и въ Венеціи. Но умственное возбужденіе и тутъ шло отъ Флоренціи. Увѣщательное посланіе Салютато побудило къ дѣятельности двухъ первыхъ анналистовъ новаго времени въ Генуѣ, братьевъ Джіорджіо

[1]) Сочиненьице Маріо Филельфо De pudicissimae Isottae Nogarolae vita et moribus et doctrina не напечатано. Maffei Verona illustr. P. II p. 183 sq. Tiraboschi T. VI p. 1273. Rosmini Vita di Guarino vol. II p. 24, 67, 68, 163. Я знаю 23 письма къ Изоттѣ, отъ нея и объ ней по cod. lat. Monac. 522. Нѣкоторыя напечатаны напр. у Lamius Catal. codd. ms. bibl. Riccard. p. 201. Здѣсь указано и на стихотвореніе Изотты p. 29. Ср. G. Voigt. Pius II. Bd. III s. 615.

и Джіованни Стелла. Это были люди съ классическою ученостью и поклонники Цицерона [1]). Гораздо замѣчательнѣе ихъ Якопо Брачелли, генуэзскій канцлеръ, подобно младшему Стеллѣ, хотя родомъ изъ Сарзаны, дружный съ такими людьми, какъ Поджіо и Бьондо, извѣстный изящными оффиціальными письмами, рѣчами, а въ особенности историческими трудами, которые своимъ благороднымъ тономъ и живостью изложенія доставили ему почетное мѣсто въ ряду исторіографовъ республики. Онъ долго завѣдывалъ дѣлами, именно отъ 1431 г. до самой смерти своей, которую относятъ къ 1460 г., и такъ нераздѣльно слился съ Генуею, что даже превзошелъ славою своего земляка, папу Николая V [2]). И предшественникъ его по должности, Никколо Камулліо, относится къ числу ученыхъ, коротко знакомыхъ съ древностью, но онъ не писатель въ истинномъ значеніи этого слова [3]). Такіе люди, конечно, могли пользоваться почетомъ въ Генуѣ, но для преподавателей гуманныхъ наукъ тамъ не было почвы. Ученику Филельфо, Пьеру Перлеоне, взявшему на себя преподаваніе реторики приходилось бороться съ бѣдностью [4]).

---

[1]) Ихъ Annales Genuenses, во введеніи къ которымъ Джіорджіо приводитъ мѣсто изъ письма Салютато, у Muratori Scriptt. T. XVII. Энрико Стелла, ученый молодой поэтъ, котораго встрѣтилъ въ Генуѣ Чиріако Анконскій (Itiner. ed. Mehus p. 17), конечно принадлежитъ къ этой же фамиліи.

[2]) Замѣтки къ его жизни у Mazzuchelli Scritt. d'Italia vol. I P. IV p. 1963. Касательно его сочиненій и изданій ихъ указываю на Potthast Bibliotheca. Письма его въ Epistolae principum ed. Donzelino. Poggius epist. VIII, 9. Его переписка съ Бьондо въ Cod. ms. Fol. 66. кор. публ. въ Дрезденѣ fol. 118, 120.

[3]) Scalamontius p. 97 называетъ его и Брачелли egregios publicae rei secretarios. Blondus Italia illustr. p. 298. У Osio Documenti vol. II p. 55 въ одномъ актѣ отъ 19 ноября 1421 г. онъ названъ notarius et communis Ianue cancellarius.

[4]) Письмо Филельфо къ Никколо Фреготто отъ 17 іюня 1449 г.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Гуманизмъ при итальянскихъ дворахъ.

Петрарка мечталъ о республиканской свободѣ и лично для себя хотѣлъ сохранить положеніе свободнаго человѣка, однако любилъ вращаться въ кругу властителей свѣтскихъ и церковныхъ. Такъ и преемница его духа, школа гуманистовъ, вообще обладала искусствомъ примѣняться ко всѣмъ политическимъ формамъ. На аппенинскомъ полуостровѣ она могла свободно упражняться въ этомъ искусствѣ. Съ теченіемъ времени тамъ явились всѣ формы правленія: республики олигархическая, демократическая, аристократическая и въ духѣ Перикла, деспотизмъ, тираннія, любимое народомъ правительство, мелкое городское самоуправленіе и гіерархія, охватывающая цѣлый міръ. Въ каждомъ изъ подобныхъ государствъ ученое сословіе занимало особое положеніе.

Теперь мы оставляемъ сферу республикъ и вступаемъ въ сферу придворной жизни разныхъ владѣтельныхъ лицъ. Эта же перемѣна совершается и въ жизни большей части гуманистовъ. Поэтому мы встрѣтимъ при итальянскихъ дворахъ многія личности, уже знакомыя намъ. Кто цѣлые годы переходилъ изъ одного города въ другой, тотъ, конечно, желалъ болѣе спокойной жизни, болѣе прочнаго положенія. Каждая война, каждое волненіе партій, даже во Флоренціи, дѣлали положеніе ученаго шаткимъ. Онъ долженъ былъ ладить съ людьми, стоящими у власти, но они мѣнялись, и всегда ихъ было по нѣскольку. Гораздо спокойнѣе было жить при какомъ нибудь дворѣ. Тамъ приходилось служить одному лицу, ему одному льстить и только отъ его благорасположенія ожидать награды. Собственно идеаломъ гуманистовъ было положеніе придворнаго поэта, которому оказываютъ уваженіе и даютъ щедрыя награды. Заручившись милостями своего Августа и покровительствомъ своихъ меценатовъ, онъ избавленъ отъ тревогъ скитальческой жизни и можетъ посвящать свое время музамъ, не связанный никакимъ

обязательнымъ дѣломъ. Поэтому въ сущности всѣ они были монархистами, не исключая даже и тѣхъ флорентинцевъ, которые группировались вокругъ Медичи. Пикколомини, родившійся въ республикѣ, предпочиталъ умиротвореніе Италіи подъ властью такого повелителя, какъ неаполитанскій король Альфонсъ, свободной общественной жизни. И это только потому, что этотъ благородный король, какъ онъ слышалъ, «награждаетъ за добродѣтели» [1]).

Большая часть мелкихъ владѣтелей Италіи были тиранами въ античномъ смыслѣ слова. Одни утвердили свою власть на обломкахъ народнаго господства, а другіе сдѣлались независимыми повелителями изъ прежнихъ вассаловъ и намѣстниковъ. Въ Неаполѣ королевская власть водворилась путемъ завоеванія. У этихъ деспотовъ, побочныхъ сыновей и искателей приключеній, власть по большей части обусловливалась личными талантами, и они сами въ свою очередь умѣли цѣнить полезные таланты. Ни одинъ изъ нихъ не считалъ своего положенія прочнымъ: частію еще въ народѣ жила любовь къ свободѣ, частію нужно было бояться прежнихъ ленныхъ владѣтелей, наконецъ дрожать отъ страха передъ разными претендентами и кондотьерами. На послѣднихъ нельзя было полагаться, а еще меньше на постоянное войско, къ тому же не всегда были средства содержать его. Такимъ образомъ въ сущности власть этихъ династовъ опиралась на любовь населенія и на потребность спокойнаго и благоустроеннаго правленія. Оттого-то всюду и обнаруживается одно и тоже стремленіе пріучить дворянство къ придворной жизни и управлять чрезъ чиновниковъ, имѣть наготовѣ деньги, обращаться любезно съ народомъ и все таки производить на него обаяніе блескомъ и пышностью придворной жизни.

Этой-то системѣ господства должны были служить придворные ученые и придворные поэты, каждый по своему. По тогдашнимъ понятіямъ, ими главнымъ образомъ можно было блеснуть. Это все тоже, какъ если бы напр. тогдашній нѣмецкій герцогъ хотѣлъ отличиться между равными себѣ многочисленнымъ штатомъ прислуги, разодѣтой въ золото, множествомъ лошадей, собакъ и соколовъ, пышными пирами и турнирами. Обязанностью придворныхъ литераторовъ было воспѣвать личныя достоинства повелителя и его династіи, выставлять ихъ въ сіяніи античнаго величія, писать ихъ исторію, прославлять ихъ въ эпическихъ поэмахъ, элегіяхъ и одахъ, говорить торжественныя рѣчи, писать блестящія письма и эпитафіи, а также придавать двору блескъ славою своей учености и извѣстностью

---

[1]) Его письмо къ Маріано Содзини отъ 8 дек. 1443 г.

своего имени. Всѣ мелкіе итальянскіе владѣтели, которыхъ хвалятъ какъ покровителей наукъ, вмѣстѣ съ тѣмъ старались увѣковѣчить свою память великолѣпными постройками, также прикрыть свои недостатки или незаконность правъ наружною пышностью.

Съ этимъ стремленіемъ властителей шли объ руку ихъ истинная любовь къ славѣ и желаніе безсмертія, которыхъ нельзя было достичь великими подвигами. Поэтому они привлекали къ себѣ поэтовъ и писателей, какъ глашатаевъ своей славы въ будущемъ, поощряли ихъ почестями, жалованьемъ и подарками, чтобы они пеклись о ихъ безсмертіи. Та мысль, что хорошіе стихи и проза и посвященіе сочиненія всего скорѣе спасутъ отъ забвенія и вызовутъ удивленіе потомства, высказывалась съ наивною откровенностью и укоренилась въ умахъ владѣтельныхъ особъ [1]). Они сознавали, что въ отношеніи безсмертія зависятъ отъ художниковъ пера и потому заискивали ихъ похвалъ, какъ послѣдніе съ своей стороны искали случая воспользоваться отъ нихъ благами жизни. Любовь къ наукамъ и искусствамъ встрѣчается у этихъ владѣтельныхъ особъ какъ исключеніе, но столь же рѣдки и тѣ изъ нихъ, которые считаютъ возможнымъ обойтись безъ пѣвца своей славы или презираютъ сношеніе съ нимъ. Уже Петрарка привлекалъ великихъ міра сего, современныхъ ему, къ колесницѣ своей славы и училъ ихъ искать въ этомъ союзѣ своей собственной славы [2]). Поджіо и Филельфо больше другихъ распространялись о томъ, что признательность поэтовъ, прославляющихъ государей, вполнѣ зависитъ отъ щедрости послѣднихъ. Мы уже упоминали, что Поджіо совѣтовалъ юному Леонелло д'Эсте быть щедрымъ, а неаполитанскаго короля Альфонса едва не насильно принуждалъ къ этому, когда онъ медлилъ выдать награду за его Киропедію [3]). Въ обоихъ случаяхъ

---

[1]) Быть можетъ, яснѣе всѣхъ высказывается по этому поводу Беккаделли epist. Gall I, 2, доказывая герцогу миланскому Филиппу, что владѣтельному лицу нужно прежде всего безсмертіе, immortalite, quam non pecunia, non potentia, non denique virtute ipsa comparare quis potest absque poetarum auxilio... Magnam mehercule et admirabilem poetarum vim, siquidem homines ex humo creatos, modo velimt, coelo paene dixerim donant. Т. е. «(Государямъ нужно) безсмертіе, котораго нельзя пріобрѣсти ни деньгами, ни могуществомъ, ни даже добродѣтелью безъ помощи поэтовъ... Велика, клянусь, и изумительна сила поэтовъ, если они дарують, такъ сказать, небо земнороднымъ». Я не знаю ни одного случая, гдѣ бы такая притязательность показалась забавною.

[2]) Africa IX, 87: Quisquis enim se magna videt gessisse, necesse est

Diligat aeternos vates et carmina sacra.

[3]) Первому онъ писалъ: Itaqu magna sum in spe, te, postquam ingressus es iter largiendi, progressurum ulterius in officio liberalitatis, praesertim erga eum, qui et libenter accipit, et a te libentissime. Второму: Sunt omnes virtutes in principibus praeclarae maxmeque in us relucent, qui rerum potiuntur: sed nulla exallentior beneficentia, nulla hominibus gratiov, nulla quae maiorem benevolentiam regibus conciliet. Epist. VI, 20 X, 10.

онъ ставилъ щедрость въ обязанность государямъ. Мы еще будемъ имѣть случай показать, съ какимъ искусствомъ Филельфо торговалъ вѣнками на безсмертіе. Въ своемъ кружкѣ ученые вовсе не дѣлали тайны изъ того, что старались внушить своимъ меценатамъ «любовь къ музамъ, т. е. желаніе славы» [1]). Одинъ изъ позднѣйшихъ писателей, Джіовіано Понтано, въ главѣ «о щедрости» прямо сознавался, что такіе государи, какъ папа Николай V и Альфонсъ, король неаполитанскій, безспорно имѣли свои пороки, «но ихъ щедрость на подарки все таки дѣлала ихъ знаменитыми и достойными любви [2])».

Поклонникъ правдивой исторіи человѣчества изумится и будетъ даже возмущенъ, слыша, какъ эти хвалебные гимны властителямъ не только легко вводили въ заблужденіе современниковъ, но и потомство спустя цѣлые вѣка послѣ ихъ смерти. Истина проглядываетъ какъ-то робко и въ неясныхъ намекахъ. Ея правдивый, но слабый голосъ едва слышенъ среди шумныхъ кликовъ хвалебныхъ пѣсень. Съ того времени и до нашихъ дней у итальянскихъ писателей осталась дурная привычка, заразившая и другія націи. Они прославляютъ выдающіяся личности своего отечества лишь на основаніи ихъ свидѣтельствъ и авторитетовъ, какія только могутъ собрать въ свою пользу. Когда они говорятъ о жизни и заслугахъ извѣстнаго человѣка, то сейчасъ же указываютъ на длинный рядъ тѣхъ лицъ, которыя хвалили его. Но часто приговоръ выйдетъ совершенно иной, если оставить въ сторонѣ безусловныхъ поклонниковъ и вникнуть въ основанія отзывовъ остальныхъ свидѣтелей!

Такимъ образомъ владѣтельныя особы, благоразумныя, бережливыя и разсчетливыя, часто мелочныя и вѣроломныя, какими только они и могли быть въ своихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, у придворныхъ литераторовъ являются великими Цезарями и несравненными меценатами. Они просто закупали голоса тѣхъ, которые царили надъ своимъ вѣкомъ, а громозвучное эхо передавало ихъ хвалебные гимны грядущимъ поколѣніямъ. Человѣческому тщеславію свойственно любить лесть и стараться убѣдить себя въ томъ, что это истина. Поэтому и итальянскіе деспоты лелѣяли сладкую мечту о безмертной славѣ, Такимъ образомъ эта вторая, призрачная жизнь шла рядомъ съ дѣйствительною. Вотъ почему придворныхъ литераторовъ осыпали великими почестями и необычайно щедрыми наградами. Послѣдніе съ своей стороны тоже впа-

---

[1]) Слова Беккаделли Epist. Gall. IV, 7 къ Гварино относительно герцога миланскаго Филиппа Маріи.

[2]) Ioa. Iov. Pontani Opp. fol. 170. Глава эта озаглавлена такъ: liberalis viri officium esse donare quam saepissime.

дали въ самообольщеніе, воображая, что они и дѣйствительно свѣтила человѣчества, пророки будущаго, и отъ нихъ вполнѣ зависитъ—дать пальму безсмертной славы, или обречь на вѣчное забвеніе. Имъ на руку были постоянное соперничество и взаимная зависть властителей; для послѣднихъ было истиннымъ наслажденіемъ переманивать другъ у друга литературныя знаменитости. Однимъ словомъ, корифеи литературы дѣлались руководителями общественнаго мнѣнія и потому смотрѣли на себя какъ на необычайную силу.

Къ этому странному отношенію между литераторами и владѣтельными лицами можно примѣнить слова Гамлета, которыя онъ говоритъ Полонію по поводу обхожденія съ актерами: «Слышите ли? Заботьтесь о томъ, чтобъ съ вами хорошо обращались; въ васъ вся суть, вся хроника времени. Для васъ лучше послѣ смерти плохая надгробная надпись, чѣмъ дурная молва о васъ при жизни».

Перваго придворнаго пріюта музъ мы должны искать въ Неаполѣ. Здѣсь король Робертъ изъ анжуйскаго дома былъ первымъ Августомъ, принимавшимъ живое участіе въ наукѣ и поэзіи и собравшимъ вокругъ себя кружокъ ихъ поклонниковъ. Образованіе самого короля еще коренилось на почвѣ богословія и схоластики. Есть рѣчи, даже проповѣди, написанныя имъ [1]). Но мы знаемъ, что поэтъ Петрарка произвелъ на него глубокое впечатлѣніе. Однажды король посѣтилъ даже его въ долинѣ Воклюзы [2]), но болѣе тѣснаго сближенія между ними не послѣдовало, когда знаменитый пѣвецъ Лауры явился въ Неаполѣ въ 1341 г., чтобы передъ вѣнчаніемъ лаврами подвергнуться странному испытанію. Мы не знаемъ, въ чемъ собственно оно состояло. Хотя королю въ то время было уже 66 лѣтъ, однако онъ еще былъ воспріимчивъ къ новому образованію. Когда Петрарка объяснилъ ему таинственный смыслъ, заключающійся въ произведеніяхъ Виргилія, то онъ изумился. Онъ никогда не думалъ, чтобы вымыслы поэтовъ имѣли такое глубокое значеніе. Робертъ раскаявался въ томъ, что такъ поздно познакомился съ поэзіею, и хотѣлъ тотчасъ же приняться за изученіе Виргилія. «Клянусь, сказалъ онъ однажды Петраркѣ послѣ глубокомысленнаго молчанія, науки мнѣ гораздо дороже моего королевства, и мнѣ легче разстаться съ вѣнцомъ, чѣмъ съ ними». Какъ ни зазорна дѣятельность Роберта въ другихъ отношеніяхъ, однако Петрарка съ неутомимымъ усердіемъ прославлялъ этого перваго владѣтельнаго мецената, а Боккачіо и въ этомъ случаѣ слѣдуетъ его примѣру, какъ вѣрный оруженосецъ. Замѣчательно, что тѣ самыя

---

[1]) Пять Sermones у Bandini Bibl. Leop. Laurent. T. II p. 424.
[2]) Petrarca epist. famil. XII, 32.

фразы, которыя Петрарка примѣнялъ къ Роберту, послѣдователи его довольно часто примѣняли къ позднѣйшимъ королямъ и съ такимъ же успѣхомъ. Петрарка величалъ короля другомъ музъ, увѣряя его, что это такъ и есть на самомъ дѣлѣ. Онъ не ставилъ ему прямо въ образецъ цезаря Августа, но желалъ бы, чтобы король самъ взялъ его образцомъ для себя. Онъ хвалилъ короля за то, что онъ цѣнитъ добродѣтель и умъ, а не преимущество рожденія и т. п. «Счастливый Неаполь! вскричалъ Петрарка, ему на долю выпало безпримѣрное счастіе владѣть единственнымъ сокровищемъ нашего вѣка! Да, счастливый и завидный Неаполь! священнѣйшая отчизна наукъ! Если ты нѣкогда показался очаровательнымъ Марону, то во сколько разъ очаровательнѣе долженъ ты казаться теперь, когда въ стѣнахъ твоихъ живетъ такой мудрый поклонникъ великихъ умовъ и наукъ! Пусть идетъ къ тебѣ тотъ, кто вѣритъ въ свой геній [1]).»

Какъ ни идеально можетъ показаться здѣсь отношеніе между королемъ и поэтомъ, однако каждый изъ нихъ зналъ, почему онъ уважаетъ другаго. Петрарка, конечно, не ждалъ отъ Роберта большихъ подарковъ; король былъ извѣстный скряга [2]). Но онъ былъ его первымъ меценатомъ, царственнымъ меценатомъ, который доставилъ ему лавровый вѣнокъ и титулъ поэта раньше, чѣмъ онъ ихъ удостоился своими поэтическими заслугами. Слава его вѣнчанія была нераздѣльна съ славою того великаго короля, во имя котораго оно произошло. Стараго Роберта воодушевляла мысль о славѣ въ потомствѣ, которой онъ достигнетъ благодаря произведеніямъ поэта; это видно довольно ясно. Когда Петрарка говорилъ ему о своей Африкѣ и поднесъ въ даръ нѣкоторыя обработанныя части ея, то король пожелалъ, чтобы на поэмѣ новаго Виргилія современемъ красовалось и его имя. Но онъ желалъ также, чтобы Петрарка воспѣлъ и его собственные подвиги. Послѣдняя задача, очевидно, ставила поэта въ затруднительное положеніе. Онъ обѣщалъ на половину, но исполненіе отложилъ до другаго времени [3]). Какъ извѣстно, король умеръ раньше окончанія Африки, посвященной ему. А Петрака прославилъ

---

[1]) Petrarca epist. de reb. famil. I, 1. IV, 2. 3. 7. Epist, ad poster. y Fracasseti vol. I p. 8. Rer. memorand. Lib. I in fine (Opp. p. 456). Lib. III (p. 513). Эпитафія королю epist. metr. II, 9. Boccatii de geneal. Deor. XIV, 9 ad. fin. 22.

[2]) Объ этомъ разсказываетъ Ioa. Iov. Pontanus Opp. Lib. I fol. 34. За королемъ тогда еще оставалось прозвище fiscalis.

[3]) Poemata minora V, 2 ed. Rossetti:

Carmina mansurae sedem tribuentia famae,
Hoc petiit primum. Поэтъ уклонился. Также и въ самой поэмѣ Africa I, 40:
Ipse tuos actus meritis ad sidera tollam

память о немъ въ напыщенныхъ стихахъ, которые приложилъ къ поэмѣ [1]).

Конечно, самымъ старшимъ изъ ученыхъ по времени при дворѣ короля Роберта былъ Діониджи де' Роберти, тосканецъ изъ мѣстечка Санъ Сепольcро, изъ ордена августинскихъ отшельниковъ. Онъ получилъ въ Парижѣ степень магистра философіи и богословія. Потомъ мы встрѣчаемъ его преподавателемъ и ораторомъ въ Неаполѣ, пользующимся большимъ вліяніемъ. Онъ жилъ и во Флоренціи. Джіованни Виллани считаетъ его въ числѣ своихъ друзей [2]). Мы рано встрѣчаемъ его въ средѣ поклонниковъ Петрарки; быть можетъ, онъ первый указалъ королю Роберту на новаго поэта и способствовалъ вѣнчанію послѣдняго. Его считали необыкновенно ученымъ монахомъ, изучавшимъ сочиненія древнихъ поэтовъ, ораторовъ, историковъ и философовъ. Онъ также не мало написалъ сочиненій, именно комментаріи къ Валерію Максиму, къ нѣсколькимъ римскимъ поэтамъ, къ сочиненіямъ Аристотеля. Но такъ какъ всѣ эти труды его не напечатаны, то мы и не можемъ составить себѣ опредѣленнаго понятія объ его учености [3]).

Король Робертъ тоже былъ собирателемъ книгъ въ томъ смыслѣ, что желалъ имѣть лучшія произведенія всѣхъ литературъ, также поэтическія и историческія сочиненія. Легко можемъ быть, что въ этомъ случаѣ, сѣмена, брошенныя Петраркою, упали на воспріимчивую почву. Въ Неаполѣ возникла первая библіотека, основанная государемъ, которая, въ противоположность монастырскимъ и церковнымъ, имѣла чисто свѣтскій характеръ. Ею завѣдывалъ Паоло да Перуджіа, человѣкъ старый уже въ то время, когда съ нимъ познакомился Боккачіо, міряниъ и холостякъ, большой охотникъ розыскивать книги и пріобрѣтать ихъ. Онъ умѣлъ доставать и греческія книги чрезъ Барлаамо, съ которымъ былъ друженъ. Это собственно не ученый, а просто неутомимый собиратель. Паоло написалъ громадное сочиненіе Collectiones, энциклопедію всевозможныхъ научныхъ свѣдѣній. Въ одной части этой книги онъ извлекъ изъ греческихъ книгъ все, что нашелъ о богахъ греческихъ и римскихъ, конечно, при помощи Барлаамо, какъ

Laudibus atque alio fortassis carmine quondam
Nomen et alta canam Siculi miracula regis
Non audita procul, sed quae modo vidimus omnes
Omnia.

1) Africa IX, 422 seq.

2) Cronica X, 86: nostro amico e devoto.

3) Странныя извѣстія о немъ у Jac. Phil. Bergomas Suppl. suppl. chron. fol. 273.

предполагалъ Боккачіо, пользовавшійся этими источниками еще въ молодости. Боккачіо же единственно мы и обязаны свѣдѣніями о старомъ библіотекарѣ и его громадномъ трудѣ, потому что послѣдній, по небрежности его вдовы, послѣ его смерти пропалъ вмѣстѣ съ другими книгами, какія у него были. Посѣщала ли и этого старика мечта о славѣ во время его чтенія и собиранія свѣдѣній? однако онъ безжалостно преданъ вѣчному забвенію [1]).

Еще не пришло время поэтамъ и людямъ образованнымъ собраться при Неаполитанскомъ дворѣ. Однако мы находимъ уже въ Неаполѣ многихъ почитателей и друзей Петрарки: Джіованни Баррили, Никколо д' Аллифе и Марко Барбаро изъ Сульмоны. Послѣдній былъ канцлеромъ у короля, и Петрарка въ пылу дружбы назвалъ его вторымъ Овидіемъ. Но король прожилъ всего нѣсколько лѣтъ послѣ того, какъ Петрарка познакомилъ его съ Виргиліемъ и вообще съ поэтами.

Послѣ короля Роберта въ его домѣ нечего искать продолженія его научныхъ стремленій. Господство женщинъ, смуты и усобицы прогнали музъ. Если онѣ и находятъ друзей, то послѣдніе являются не сами собою, а подъ благотворнымъ воздѣйствіемъ Флоренціи: сами флорентинцы являются искать счастія въ «королевствѣ». Таковъ маршалъ сицилійскаго королевства, Магинардо де' Кавальканти, которому Боккачіо посвятилъ свою книгу «О печальныхъ судьбахъ знаменитыхъ мужей». Таковъ въ особенности и великій сенешалъ Никкола Акчіайоли, политическій искатель приключеній, которому не было мѣста дома, въ республикѣ. Благодарю своей ловкости, богатству и великолѣпію онъ занялъ мѣсто перваго министра при дворѣ королевы Іоанны. Осторожный и настолько тонкій, что умѣлъ играть роль выдающагося придворнаго при разныхъ перемѣнахъ и всякаго рода интригахъ, обладалъ искусствомъ блистать при парадныхъ представленіяхъ, окруженный большою свитою и пышностью, которымъ умѣлъ придать такой видъ, будто они нужны для усиленія блеска королевскаго сана. Его образованіе было именно такое, какое нерѣдко встрѣчалось въ кругу флорентинской знати. Ему не доставало знанія латинскаго языка [2]), но онъ умѣлъ скрывать этотъ недостатокъ, выказывая глубокое уваженіе къ древнимъ филосо-

---

[1]) Boccatius de geneal. deor. XV, 6. Liber geonologie (sic!) tam hominum quam deorum secundum Paulum de Perusio, которую сообщаетъ Hortis Studj s. opere lat. del Boccacio p. 325 изъ смѣси Magliabechi an, если даже она только извлеченіе изъ большаго сочиненія, указываетъ на плохаго собирателя.

[2]) Кромѣ Боккачіо это прямо говоритъ и Филиппо Виллани Liber de civ. Florent. famos. civibus ed. Galletti p. 40: sine litteris, mirae facundiae.

фамъ и поэтамъ, а въ письмахъ щеголялъ изреченіями Валерія Максима или Сенеки и свѣдѣніями по классической древности, которыя запоминалъ изъ разговоровъ съ людьми образованными. Онъ собиралъ книги, украшалъ ими свои замки близь Флоренціи и хотѣлъ современемъ пожертвовать ихъ тамошнему Картезіанскому монастырю для общаго пользованія. Боккачіо изображаетъ намъ его въ своей инвективѣ, конечно въ раздраженномъ состояніи, какъ онъ иногда является въ кружокъ ученыхъ и по временамъ вставляетъ отъ себя выраженія, которыя немного отзываются «грамматикою», какъ нарочно носится съ книгою въ рукѣ или велитъ читать себѣ стихи, говоритъ о своихъ книгахъ, какъ будто читалъ ихъ. Раздраженный поэтъ, очевидно, все таки зорко подмѣтилъ у него слабость хвастаться своимъ великолѣпіемъ. Въ своемъ пылкомъ стремленіи къ славѣ сенешалъ желалъ казаться потомству воинственнымъ героемъ, соорудителемъ великолѣпныхъ зданій, а также другомъ ученыхъ и музъ, даже поэтомъ. Письма его, хотя писанныя на народномъ языкѣ, полны притязаній на умъ и краснорѣчіе. Онъ писалъ также стихи по французски [1]). Ему пріятно было слышать, когда его льстивая свита называла его великодушнымъ (magnanimo). Онъ въ особенности старался передать потомству прославленное имя при помощи связей съ литературными знаменитостями и ихъ похвалъ [2]).

Петрарка очень рано вступилъ въ сношенія съ богатымъ великимъ сенешаломъ, хотя оба они, какъ кажется, никогда не видали другъ друга. Но друзья Петрарки, Алифе и Барбаро, служили секретарями у всемогущаго министра, и Петрарка считалъ его дружбу, хотя только на письмѣ, настолько высокою, что отвѣчалъ на нее благодарностью. Между тѣмъ за эти комплименты Акчіайоли платилъ всегда тою же монетою, и если ему намекали, что ожидаютъ другаго рода милостей, то онъ отдѣлывался обѣщаніями. Только въ 1363 г. дѣло дошло до откровеннаго объясненія. Петрарка напомнилъ сенешалу, какъ давно и глубоко онъ преданъ ему, и жаловался, что знатный человѣкъ не смотря на всѣ свои обѣщанія никогда ничего не сдѣлалъ для него. Въ отвѣтъ на это другъ Нелли, домоправитель сене-

---

1) По словамъ Боккачіо, онъ писалъ in francesco de'fatti de'cavalieri del sante spedito. Я не знаю, было ли извѣстно это стихотвореніе.

2) Кромѣ инвективы Боккачіо—это его письмо къ Франческо Нелли (см. выше стр. 173) у насъ есть Matthaeus Palmerius Vita Nicolai Acciajoli у Muratori Scriptt. T. XIII, p. 1202 seq., написанныя черезъ сто лѣтъ послѣ смерти героя и представляющая второстепенный источникъ. Политическую дѣятельность его изображаетъ отчасти по документамъ флорентинскаго архива Tanfani Niccola Acciaioli Firenze 1863.

шала, сообщилъ ему о пламенномъ желаніи своего повелителя, чтобы поэтъ посвятилъ «великому меценату» хорошее латинское сочиненіе. Но, насколько мы знаемъ, Петрарка съ этихъ поръ уже разочаровался въ великодушіи сенешала, тѣмъ болѣе, что и Боккачіо въ это время пришлось на дѣлѣ испытать непріятности при его дворѣ [1]).

Сенешалу не удалось привлечь къ своему двору великое свѣтило вѣка, заставить его трудиться быть можетъ въ своей канцеляріи и быть пѣвцомъ его славы. Тогда онъ удовольствовался звѣздою гораздо меньшей величины, которая только что всходила и обѣщала блестѣть еще ярче. Мы вспоминаемъ о молодомъ Заноби да Страда, флорентинскомъ учителѣ, восторгавшемся Петраркою, котораго послѣдній уговаривалъ оставить учениковъ и правила Доната и стремиться на Геликонъ. Онъ послушался этого заманчиваго совѣта. Петрарка привѣтствовалъ своего поклонника, какъ узника, освободившагося отъ заточенія: теперь, по его словамъ, онъ не только грамматикъ, но и поэтъ [2]), хотя этотъ поэтъ до сихъ поръ только составилъ планъ большой поэмы, сочинилъ первое воззваніе къ божеству и нѣсколько стиховъ. Но такъ какъ свобода поэта не давала ему ничего, то онъ съ радостью принялъ предложеніе Аччіайоли поступить секретаремъ къ нему и королю [3]). Весьма характеристично то, что Петрарка, который находилъ учительство унизительнымъ, а впослѣдствіи должность Заноби при папскомъ дворѣ возмутительною, въ настоящее время одобрялъ его службу у знатнаго человѣка.

Когда Карлъ IV былъ въ Пизѣ въ 1355 г., то сенешалъ приготовилъ своему любимцу великую почесть: 14 мая въ день Вознесенья императоръ увѣнчалъ его поэтическимъ вѣнкомъ. Это происходило послѣ обѣдни на мраморныхъ ступеняхъ лѣстницы у собора, въ присутствіи императрицы, большой свиты придворныхъ, свѣтской знати, духовныхъ лицъ и толпы народа. Императоръ, въ одѣяніи прелата и съ короною на головѣ, возложилъ на поэта лавровый вѣнокъ и поцѣловалъ его. Заноби приготовилъ было длинную рѣчь о любви къ славѣ, такъ какъ и Петрарка говорилъ въ Римѣ на эту же тему,

---

[1]) Petrarca epist. rer. famil. XI, 13. XII, 3; epist. rer. senil. III, 3 отъ 1363 г. Письмо Нелли къ Петраркѣ у Hortis Studj s. op. lat. del Boccaccio p. 349 тоже слѣдуетъ отнести къ 1363 г., такъ какъ онъ въ тоже время проситъ о стихахъ изъ Африки, и поэтому я считаю возможнымъ допустить выше сказанное.

[2]) Epist. rer. famil. XII, 15 (отъ 1352 г.).

[3]) Это, безъ сомнѣнія, было уже въ 1352 или 1353 г. Потомъ мы находимъ въ 1355 г. среди обширной свиты сенешала при одномъ посольствѣ и Заноби въ качествѣ королевскаго секретаря. Tanfani p. 101.

подходящую къ данному случаю. Но онъ могъ сказать только начало и конецъ ея, обращенные къ императору. Тутъ поэтъ хвалилъ его за то, что онъ, прославляя поэтовъ, вызвалъ къ жизни науки, бывшія въ забвеніи въ теченіи стольких вѣковъ. Послѣ завтрака у Остійскаго кардинала вѣнчанному поэту дозволили сказать свою рѣчь передъ присутствовавшими прелатами и баронами. Въ ней съ благодарностью упоминалось и объ Аччіайоли, какъ о лицѣ, благосклонно поощрявшемъ его ученыя занятія. Такимъ образомъ Италія имѣла теперь двухъ вѣнчанныхъ поэтовъ, и у Петрарки къ его досадѣ былъ соперникъ по высшей почести. Если онъ не задолго передъ этимъ, еще въ восторгѣ отъ почета, оказаннаго ему Карломъ въ Мантуѣ, назвалъ его «столько же итальянцемъ, сколько и нѣмцемъ» то теперь, намекая на вѣнчаніе Заноби, онъ говорилъ о «варварскихъ лаврахъ», которые осмѣлился дать нѣмецъ [1]). А оруженосецъ его Боккачіо тоже не скрывалъ своего презрѣнія къ «Чешскому королю» и къ «пизанскимъ» лаврамъ вмѣсто римскихъ [2]). Новый лавроносецъ чувствовалъ новый порывъ одушевленія и рѣшился совершено отдаться изученію древнихъ и музамъ. Но онъ еще раздумывалъ, какой сюжетъ выбрать для проявленія своего поэтическаго таланта, античный или новый. Такъ какъ онъ ни пришелъ ни къ какому рѣшенію, то рвеніе его охладѣло, и онъ оставилъ въ покоѣ своего Пегаса, который и безъ того никогда не былъ ретивъ [3]).

Сенешалъ и его «Коридонъ», вѣнчанный поэтъ, отлично понимали другъ друга. Послѣдній отъ всей души помогалъ тщеславнымъ блестящимъ затѣямъ своего повелителя, льстилъ ему, называя

---

[1]) Epist. rer. famil. XIX, 2 къ Заноби. Praefat. in libros Iuvectivarum contra medicum (Opp. p. 1199).

[2]) Lettere ed. Corazzini p. 196.

[3]) Самое подробное описаніе пизанскаго поэтическаго вѣнчанія у Johannes dictus Portade Avonniaco (Annoniaco) изд. Гёфлеръ въ Beitr. zur Gesch. Böhmens Abth. I Bd. II s. 50, очень краткое въ Chronica di Pisa y Muratori Scriptt. T. XV. p. 1032. Рѣчь Заноби часто встрѣчается въ рукописяхъ, также въ Cod. ms. 1269 лейпц. универс. библ. fol. 176; извлеченіе у Friedjung Kaiser Karl IV s. 308. У Hortis Studj p. 272. Странно, что рукописи, даже флорентинская у Bandini Catal. codd. lat. T. III, p. 735, сообщаютъ, что рѣчь говорилась in mane Adscensionis domini (14-го мая), къ чему лейпцигская еще прибавляетъ pridie idus Maji, а Порта показываетъ dre dominica videlicet Maji succedente qua festum Pentecoste erat (24-го мая). По императорскимъ регестамъ возможны оба числа. Стихи Заноби къ Боккачіо отъ 11-го октября (1355 г.) и два небольшія стихотворенія его, написанныя гекзаметромъ, у Hortis Studj p. 343. На другія мелочи было уже раньше указано у Ciampi Monumenti etc. p. 34.—Небольшая книжка Zanobi da Strada etc. Notizic istoriche raccolte da P. S. M. C. P., Firenze 1878, сопоставляетъ только самые извѣстные факты.

превосходнымъ военачальникомъ, великодушнымъ меценатомъ и любимцемъ музъ. Въ силу этого секретарь сдѣлался любимцемъ своего господина, которому для полнаго блеска нуженъ былъ Виргилій, и онъ гордился его поклоненіемъ. Однако матеріальное положеніе Заноби было не блестящее, и въ 1359 г. онъ съ радостью промѣнялъ его на мѣсто при папскомъ дворѣ, сулившее бо́льшія выгоды [1]). Но когда Заноби черезъ два года умеръ въ Авиньонѣ, то сенешалъ объявилъ, что слава покойнаго была частью его собственной. По его словамъ умеръ человѣкъ, подобнаго которому свѣтъ не видалъ, быть можетъ, тысячу лѣтъ, за исключеніемъ Петрарки. Онъ всегда удивлялся его возвышенному слогу, благородству чувствъ и божественному уму [2]). Что придворный поэтъ величаетъ своего господина героемъ и божествомъ,—это въ порядкѣ вещей. Но тутъ наоборотъ господинъ величаетъ чуть не Гомеромъ своего придворнаго поэта, о которомъ свѣтъ забылъ еще при его жизни, и дѣлаетъ это для того, чтобы этотъ свѣтъ удивлялся его покровителю и другу.

На мѣсто Заноби долженъ былъ поступить Боккачіо въ качествѣ глашатая славныхъ подвиговъ сенешала, а также и секретаря. Посредникомъ былъ Франческо Нелли, домоправитель (spenditore) сенешала, извѣстный за друга Петрарки. Мы уже выше разсказывали о томъ, какъ неудачна была поѣздка Боккачіо къ Акчіайоли. Это объясняется тѣмъ, что онъ по характеру представлялъ полнѣйшую противоположность съ раболѣпнымъ Заноби. За тѣ знаки почитанія, которые онъ раньше оказывалъ богатому флорентинцу, ему отплатили только насмѣшливыми замѣчаніями, однако онъ принялъ это предложеніе, польщенный обѣщаніемъ «Подѣлиться съ нимъ счастьемъ». Онъ явился съ желаніемъ промѣнять свою свободу на положеніе обезпеченнаго историографа, пользоваться тѣмъ же почетомъ, какъ его наставникъ Петрарка, составляя честь и украшеніе двора. Онъ не допускалъ и мысли, что его муза будетъ только прославлять сенешала, и ему было досадно, когда съ нимъ обошлись какъ съ бѣднымъ искателемъ милостей. Акчіайоли также досадовалъ съ своей стороны, узнавъ о внезапномъ отъѣздѣ Боккачіо, потому что отъ этого страдала его слава, какъ мецената. Этимъ объясняется ихъ взаимная непріязнь.

Въ Неаполѣ не оставалось никакого слѣда того покровительства, какое оказывали наукѣ и поэзіи король Робертъ и его сенешалъ.

---

[1]) Слѣдуя Tosti Storia della badia di Monte-Cassino. T. III, Napoli 1843, p. 52, монтекассинскій епископъ, Анджело Акчіайоли, назначилъ Заноби своимъ генеральнымъ викаріемъ. Но это была просто бенефиція, которую доставилъ сенешалъ своему поэту.

[2]) Его письмо къ нотаріусу Ландольфо у Танфани p. 201.

Анжуйскій домъ вовсе не питалъ никакой любви къ нимъ, къ тому же среди войнъ и раздоровъ некогда было и подумать о наукахъ и искусствахъ, любящихъ мирное время. Миноритъ, странствовавшій въ 1425 г. по древней Великой Греціи, одушевленный любовью къ знаніямъ, пробужденною во Флоренціи, всюду розыскивалъ книги. Но въ Неаполитанскомъ королевствѣ онъ видѣлъ всюду только праздность и разгулъ, но никакихъ научныхъ стремленій, никакихъ классическихъ сокровищъ. Въ Неаполѣ ему разсказывали, что во время испанскаго завоеванія (1421 г.) городъ былъ опустошенъ огнемъ и мечемъ, книги, разумѣется, короля Роберта отнесены на корабли и тамъ пропали. Съ грустью вспоминаетъ онъ объ этомъ королѣ, нѣкогда возродившемъ науку [1]).

Только послѣ разныхъ политическихъ бурь образовался при неаполитанскомъ дворѣ пріютъ для музъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Если искусство и наука становятся придворными, то для ихъ процвѣтанія долженъ явиться государь, любящій образованіе, который поощрялъ бы ихъ своимъ искреннимъ участіемъ, который бы давалъ свободный ходъ всему хорошему и не обращалъ бы образованныхъ людей въ жалкихъ, раболѣпныхъ придворныхъ.

Гуманисты имѣли полное право выхвалять короля аррагонскаго Альфонса, какъ идеалъ царственнаго мецента. Эти похвалы слышатся не только отъ льстецовъ, состоявшихъ на жалованьѣ, но и отъ людей, искренно уважавшихъ его. Если мы представимъ себѣ его личность безъ всякаго заимствованнаго блеска, она все таки покажется намъ необыкновенною. Съ оружіемъ въ рукахъ онъ отвоевалъ апулійскую область у французскаго претендента, козни котораго въ связи съ мятежными замыслами бароновъ постоянно тревожили его. Еще долгое время итальянскія государства не могли увѣриться въ прочности его власти. Но онъ поступалъ во всѣхъ отношеніяхъ какъ истинный государь, дѣйствуя въ своемъ государствѣ безъ подозрѣнія и страха, открыто и свободно. Альфонсъ былъ вовсе не баловень судьбы, но въ Италіи обыкновенно говорили, что онъ подчинилъ себѣ судьбу своею твердою волею. Онъ принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ дипломатическихъ переговорахъ и войнахъ на полуостровѣ; онъ не хотѣлъ казаться робкимъ и бережливымъ. Чтобы поддержать достоинство твердо установленной власти, онъ относился равнодушно къ мелкимъ выгодамъ. Хотя онъ постоянно тяготился недостаткомъ денегъ и долгами, но

---

[1]) Albertus a Sarthiano epist. 25 къ Никколи отъ 27 января 1433 г. Онъ говоритъ: Omnis ea patria iacet in tenebris, nullum litterarum lumen, nulla eruditio;... quae olim graecis et latinis doctrinis expolita fuerat, nunc, utrisque exspoliata est.

ни одинъ государь не имѣлъ такого блестящаго двора, какъ онъ, ни одинъ не дѣлалъ такихъ щедрыхъ подарковъ иностраннымъ посламъ. Далѣе хотя онъ тревожился за продолженіе своей династіи, за наслѣдство своего побочнаго сына Фернандо, однако съ видимою безпечностью веселился на охотѣ и предавался другимъ удовольствіямъ. Не смотря на свое испанское происхожденіе, онъ по жизни былъ совершенно итальянскимъ государемъ. Онъ свободно говорилъ по итальянски, хотя въ обыкновенномъ разговорѣ сохранялъ свой родной языкъ. Для него было истиннымъ наслажденіемъ, когда толпа французскихъ рыцарей, явившаяся защищать права герцога орлеанскаго на Миланъ, удалилась такъ быстро и съ такимъ позоромъ, и когда его побѣды вызвали восторгъ во всей Италіи. Съ тою же ненавистью относились и къ соперничествовавшему съ нимъ Анжуйскому дому. Напротивъ къ аррагонской династіи всѣ привыкли какъ къ родной.

Альфонсъ былъ человѣкъ прямой и честный, котораго никто не рѣшался называть чужеземцемъ и варваромъ. Если прежде наука и искусство составляли гордость итальянскаго народа и его государей, то онъ и съ этой стороны явился итальянцемъ. Онъ выучился довольно хорошо по латыни, хотя говорилъ на этомъ языкѣ плохо. Еще будучи въ Аррагоніи, слѣдовательно раньше своего пріѣзда въ Италію, онъ состоялъ въ перепискѣ съ Ліонардо Бруни и интересовался его переводомъ сочиненій Аристотеля [1]. Что касается научныхъ свѣдѣній, то ими, вѣроятно, онъ могъ помѣряться съ Козьмою Медичи, т. е. онъ былъ вовсе не ученый человѣкъ, но обладалъ понятливостью и любознательностью многосторонняго дилеттанта, который быстро усвоиваетъ себѣ все, что ему нужно. У него хватало времени и на удовольствія, и на занятія литературою. Разсказывали, будто отъ одной болѣзни его вылѣчила жизнь Александра Великаго, написанная Квинтомъ Курціемъ, которую ему ежедневно читалъ три раза въ день Беккадели, что во время войны ему ежедневно читали записки Юлія Цезаря. Но все это придворныя литературныя сплетни, которыя, быть можетъ, сочинилъ его же придворный поэтъ [2]. Но въ извѣстіяхъ объ ученыхъ бесѣдахъ и диспутахъ, которыя происходили при дворѣ Альфонса, писатели того времени согласны между собою. Король былъ большой охотникъ до діалектики, чѣмъ онъ тоже напоминаетъ Медичи, но такой, которая, вопреки мечтаніямъ гуманистовъ, отстаивала права здра-

---

[1] Leon. Bruni epist. VII, 2. 7. IX, 13.

[2] Anton. Panormita de dictis et factis Alphonsi Regis ed. stud. Dav. Chylraei. Vitebergae 1585. Lib. I, 43. II, 13.

ваго разсудка. Онъ обыкновенно хвалился тѣмъ, что нѣсколько разъ прочелъ всю Библію и сверхъ того толкованія къ ней Николая де Лира. Онъ любилъ слушать споры о философскихъ и богословскихъ предметахъ и самъ принималъ участіе въ разговорѣ. Онъ любилъ искусныхъ діалектиковъ, каковы были богословы Хуанъ де Соліера и доминиканецъ Мигуэль д'Эпила, котораго онъ сдѣлалъ епископомъ ургельскимъ [1]). Но Альфонсъ любилъ и языческихъ классиковъ, и гуманисты ревностно поддерживали въ немъ эту склонность. Конечно, это наслажденіе доставалось ему не легко, хотя льстецы и говорятъ противное. Это доказывается уже тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ велѣлъ перевести для себя Ливія и Курція на народный языкъ [2]), а сочиненіе Августина «О градѣ Божіемъ» читалъ во французскомъ переводѣ [3]). Между прочимъ онъ питалъ благоговѣйное уваженіе ко всему, что носило на себѣ печать древности: римскія монеты онъ сохранялъ въ ларчикѣ изъ слоновой кости и смотрѣлъ на изображенія императоровъ, погруженный въ глубокія размышленія о добродѣтели и славѣ въ потомствѣ. При осадѣ Гаэты онъ не позволялъ употреблять для военныхъ снарядовъ камни отъ развалинъ виллы Цицерона, находившейся по близости [4]). Онъ любилъ, когда его хвалили за остроумные или глубокомысленные лаконизмы, какими выражались великіе мужи древности. Во многихъ прекрасныхъ чертахъ его характера и благородныхъ поступкахъ ясно проглядываетъ цѣль, съ которою онъ такъ дѣйствовалъ, именно онъ желалъ, чтобы все это было передано потомству въ лѣтописи. Находясь среди книгъ и въ кружкѣ ученыхъ людей, онъ обыкновенно забывалъ, что онъ король. Иногда онъ ходилъ пѣшкомъ слушать лекціи неаполитанскихъ профессоровъ, особенно богослововъ. Если при немъ читали древняго писателя, то и другіе, кромѣ его, могли прерывать чтеніе дѣльными вопросами или ученымъ объясненіемъ. Онъ любилъ, когда придворные филологи при немъ дѣлали объясненія къ тексту Ливія и съ жаромъ отстаивали ихъ [5]). Если послѣ стола, когда всѣ шли въ библіотеку — Альфонсъ такъ же любилъ книги, какъ и Робертъ,—читали Энеиду, то должны были слушать и бѣдныя дѣти, желавшія учиться, а придворныхъ не было. Потомъ король самъ давалъ чтецу плоды или сласти [6]). Эти чтенія

---

1) Vespasiano: Alphonso Re di Napoli § I. 13. Panormita l. c. II, 17.

2) Tiraboschi T. VI p. 1076 по сочиненію Paulus Cortesius de Cardinal. p. 7.

3) Aeneas Sylvius Comment. in Anton. Panorm. I, 3.

4) Panormita II, 12. 48.

5) Laur. Valla Invect. in Barth Facium lib. I (Opp. Basileae, 1540 p. 464).

6) Panormita I, 39. IV, 18. Valla Recriminationum in B. Facium lib. IV (Opp. p. 593) Ср. разсказъ Генуэзца Якопо Карло у Mittarelli Bibl. cod. ms. S. Mich. Venet. p. 295.

и диспуты вошли въ обычай при дворѣ; они происходили иногда въ уборной короля, а иногда въ роскошно убранной библіотекѣ, и не прерывались и въ томъ случаѣ, если король жилъ не въ Неаполѣ, даже во время походовъ.

Нигдѣ, даже и въ республикахъ не жилось литераторамъ такъ легко и свободно, какъ подъ мощнымъ покровительствомъ этого неаполитанскаго короля. Тутъ они находили надежную защиту даже отъ преслѣдованій римскаго двора и отъ монашескихъ происковъ. Въ первый разъ тогда водворилась свобода слова и только здѣсь, и сторонники ея могли не бояться нападокъ духовенства. Вотъ почему здѣсь собрались самые смѣлые мыслители; здѣсь нашли себѣ пріютъ «бурныя стремленія» того вѣка.

Двумя первостепенными дѣятелями могъ гордиться этотъ дворъ, Лоренцо делла Валле, котораго обыкновенно просто называли Валлою, какъ онъ и самъ себя любилъ называть, притомъ римляниномъ, хотя говорили, что онъ родился въ Пьяченцѣ въ 1407 г. [1]). и Антоніо Беккадели изъ Палермо. Валла все таки выросъ въ Римѣ и тамъ получилъ основательное образованіе. Онъ не можетъ похвалиться тѣми наставниками, которые обучили его грамматикѣ. У него рано развился сильный самобытный умъ, которымъ онъ достигъ блестящей славы въ литературѣ. Однако онъ съ отраднымъ чувствомъ вспоминаетъ о тѣхъ людяхъ, которые указали ему путь къ высшему образованію въ зрѣлые годы. Валла осмѣлился предложить на исправленіе свои опыты въ латинскомъ языкѣ папскому секретарю, Ліонардо Бруни. Ауриспа посвятилъ его въ тайны греческаго языка, но не въ общественной школѣ; онъ училъ прилежнаго юношу какъ отецъ. Ринуччи, другой папскій секретарь, тоже помогалъ ему въ греческомъ языкѣ. Въ это же время онъ познакомился и съ Поджіо. Такимъ образомъ онъ возмужалъ въ лучшихъ литературныхъ кружкахъ, какіе были въ Римѣ [2]). Когда онъ началъ дѣйствовать самостоятельно и выступилъ на литературное поприще, то и ему суждено было нѣсколько лѣтъ вести скитальческую жизнь, въ которой почти всѣ гуманисты провели свою молодость, а многіе и цѣлую жизнь. Валла хотѣлъ было поступить въ секретари при папскомъ дворѣ, но это не удалось ему, и онъ покинулъ Римъ. Говорятъ, кардиналы высказались противъ 24-хъ лѣтняго молодаго человѣка, и онъ отомстилъ имъ желчными эпиграммами, въ которыхъ осмѣивалъ ихъ порочную жизнь [3]). Съ 1431 г.

---

[1]) Cf. Iv. Ant. Vigerini Elogium Vallae y Georgius Vita Nicolai V. Romae 1742 p. 207.

[2]) Praefat. in Elegant. lib. II. Antid. in. Pogium lib. IV (Opp. p. 335).

[3]) Впрочемъ объ этомъ говоритъ только P. Cortesius de Cardinal. y Tiraboschi T. VI p. 1561.

онъ два года пробылъ преподавателемъ реторики въ Павійской высшей школѣ, гдѣ заявилъ самобытность своихъ взглядовъ нападками на рутинную діалектику и юриспруденцію. Потомъ мы встрѣчаемъ его въ Миланѣ, Генуѣ, Феррарѣ и Мантуѣ; нигдѣ онъ не можетъ прочно утвердиться.

Въ самый разгаръ войны Валла отправился въ лагерь короля Альфонса. Быть можетъ, его раньше приглашали на службу къ нему еще въ то время, когда король находился въ плѣну въ Миланѣ. Сначала его обязанностью было служить чтецомъ у короля; поэтому онъ сопровождалъ его и въ походѣ, жилъ съ нимъ въ Гаэтѣ и въ его же свитѣ пріѣхалъ въ Неаполь въ 1442 г. [1]). Его называютъ секретаремъ короля, но, по видимому, отъ него не требовали чтобы онъ постоянно исполнялъ эту должность. Его служба была—служба придворнаго ученаго. Онъ принималъ участіе въ ученыхъ бесѣдахъ, происходившихъ въ библіотекѣ, самъ читалъ какого нибудь латинскаго писателя или присутствовалъ при чтеніи Беккаделли, принималъ также участіе въ объясненіяхъ, когда король или кто нибудь другой предлагалъ вопросы и высказывалъ сомнѣнія. Если чего не съумѣлъ объяснить Беккаделли, то онъ пускалъ въ ходъ свои знанія, напр. что значитъ у Ливія ire in sententiam pedibus (соглашаться съ чьимъ либо мнѣніемъ) или когда спорили о томъ, кому принадлежитъ принесенная голова животнаго. Беккаделли считалъ ее головою дракона, а Валла утверждалъ, что она принадлежитъ крокодилу [2]). Король также ожидалъ, что онъ будетъ знаменитымъ историкомъ его подвиговъ, но не принуждалъ его къ этой работѣ. Безъ сомнѣнія, онъ цѣнилъ его живой умъ и большую ученость. Онъ былъ того мнѣнія, что такой человѣкъ дѣлаетъ честь тому владѣтельному лицу, при дворѣ котораго живетъ.

Дѣйствительно, Валла по умственному развитію и многосторонней учености стоялъ выше всѣхъ своихъ собесѣдниковъ. Онъ былъ не поэтъ—отъ него осталось лишь нѣсколько стиховъ—и не стилистъ, умѣющій красиво излагать свои мысли; онъ не говорилъ торжественныхъ рѣчей и не писалъ тщательно составленныхъ писемъ. Это была натура здоровая и сильная, которая не довольствовалась дилеттантизмомъ. Его знанія въ греческомъ языкѣ тоже не могутъ претендовать на особенныя достоинства. Только въ молодые годы

---

1) Anxid. in Pogium lib. IV (Opp. p. 355. 356).

2) Invect. in Facium lib. IV (Opp. p. 593. 594). Что Валла преподавалъ публично реторику въ Неаполѣ, не доказано. Если молодаго Джіантоніо Кампано называютъ его ученикомъ, то, вѣроятно, имѣлись въ виду такія же отношенія, въ какихъ самъ Валла былъ съ Бруни.

имѣлъ онъ случай ознакомиться съ греческою литературою, а чтобы сдѣлать что нибудь больше этого, въ Неаполѣ не было книгъ. Такимъ образомъ эта отрасль знаній осталась для него лишь вспомогательною, и онъ самъ себя называлъ посредственнымъ грекомъ. Его область была собственно наука, не накопляющая сокровища знаній только для того, чтобы радоваться ихъ приращенію, но изслѣдующая ихъ достоинство, пролагающая новые пути и смѣло идущая по нимъ. Еще и раньше его и вмѣстѣ съ нимъ нѣкоторые возставали противъ рутиныхъ теорій, преподававшихся въ университетахъ и высшихъ школахъ. Но ни одинъ изъ этихъ ученыхъ не выступалъ съ такою страстностью, съ такою боевою отвагою, съ такимъ торжествомъ побѣдителя, какія уже съ молодыхъ лѣтъ обнаружилъ Валла. Онъ вызывалъ противниковъ на споръ и на борьбу не изъ за личнаго желанія вести полемику, какъ гласила молва, и не изъ одной любви къ истинѣ, твердо увѣренный въ своей правотѣ, а потому что находилъ въ этомъ удовлетвореніе своимъ научнымъ стремленіямъ. Онъ вовсе не принадлежитъ къ числу людей, любящихъ оппозицію и разрушеніе. Въ немъ кроются и созидательныя силы. Онъ всюду старается замѣнить несостоятельныя и отжившія свой вѣкъ положенія болѣе вѣрными и плодотворными, указать новые пути для науки и самъ показывалъ примѣръ. Онъ былъ многосторонній ученый, но не стремился быть всестороннимъ. Его умственная дѣятельность сосредоточивалась около одного пункта, въ которомъ онъ былъ особенно силенъ. Это были грамматическія и критическія изслѣдованія. Исходя отсюда, онъ искалъ областей, которыя бы могли служить ареною для его таланта. На него смотрѣли невѣрно и поверхностно, выставляя его задорнымъ спорщикомъ, не уважавшимъ никакихъ достойныхъ авторитетовъ [1]). Однако понятно, почему онъ стоитъ одиноко какъ въ жизни, такъ и въ своихъ научныхъ стремленіяхъ. Вызывающій тонъ его сочиненій могъ доставить имъ успѣхъ лишь въ такое время, когда всѣ принимаютъ живое участіе въ борьбѣ и стремленіи къ обновленію и когда они увлекаютъ массы. Современники его еще не сочувствовали этому духу бурныхъ стремленій; послѣднія нашли себѣ поборниковъ уже въ Эразмѣ и Ульрихѣ фонъ Гуттенѣ.

Этой самобытности литературнаго направленія вполнѣ соотвѣтствовали и нѣкоторыя личныя свойства Валлы, какія подмѣтилъ у своего противника Фаціо. Это—гордо поднятый затылокъ, всегдашнее

[1]) Пусть его назовутъ, по его словамъ, temnrarius и sacrilegus, говоритъ онъ во введеніи къ сочиненію «О дарѣ Константина Великаго», quov a nonnulis magnisque et longo iam aevo probatis auctoribus dissentio

желаніе бесѣдовать и спорить, энергическая жестикуляція торопливая походка [2]). Но въ этой боевой натурѣ было мѣсто и для дружбы, и для ласковаго обращенія, что особенно хвалятъ молодые люди. Валла, основавшись при дворѣ Альфонса, вскорѣ сдѣлался извѣстнымъ писателемъ, и сочиненія его были тщательно обработаны. Онъ высказался весь уже въ своемъ первомъ трудѣ, написанномъ еще въ Римѣ: Сравненіе Цицерона съ Квинтиліаномъ. Сочиненіе это, посланное молодымъ авторомъ Марсуппини, не было напечатано, даже и въ рукописи не отыскано. Но мы знаемъ, что въ немъ онъ смѣло нападалъ на Цицерона, указывалъ ошибки въ его риторическомъ ученіи и недостатки его ораторскаго искусства. Онъ страстно увлекался Квинтиліаномъ и отзывался о немъ съ особеннымъ уваженіемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что молодаго критика вызывало на протестъ то поклоненіе Цицерону, которое вошло въ обычай со временъ Петрарки. Все таки, не смотря на ошибки, подмѣченныя имъ въ его теоріи, онъ пользовался имъ какъ главнымъ источникомъ этого искусства. И именно то обстоятельство, что Квинтиліану вообще отводили второе мѣсто [2]), заставило Валлу указать на его преимущества. Но онъ подкрѣплялъ свои сужденія множествомъ примѣровъ, какъ дѣлалъ и во всѣхъ сочиненіяхъ. Въ Римѣ это парадоксальное сочиненіе вызвало не мало толковъ. Беккаделли, въ то время его другъ и доброжелатель, старшій по лѣтамъ, извинялся за него въ письмѣ къ Марсуппини. Валла, по его словамъ, тоже посылаетъ какъ бы введеніе въ болѣе обширный трудъ; его цѣлью было только дать работу своему уму и пробудить отъ сна нѣкоторыхъ людей, вообще же онъ вполнѣ умѣетъ цѣнить Цицерона [3]). Съ Поджіо и другими образованными секретарями папы Валлѣ приходилось выдерживать споры о презрѣніи къ Цицерону. Поджіо уже и тогда считалъ его человѣкомъ дерзкимъ и надменнымъ [4]).

И при жизни Валлы, и послѣ его смерти на немъ тяготѣло обвиненіе въ томъ, что онъ погрѣшилъ противъ Цицерона, тѣмъ болѣе, что онъ смѣло нападалъ и на другихъ великихъ писателей. Но его доказательствамъ придавали еще болѣе рѣзкую форму и приписывали ихъ ему же. Будто бы, по его словамъ, Присціанъ совсѣмъ

---

[1]) Facii in Vallam Invectivae въ Miscellanea di varie operetta T. VII p. 356.

[2]) Сравните напр. весьма условную похвалу Филельфо въ письмѣ къ Тосканелли отъ 10-го іюля 1440 г. Онъ говоритъ о его слогѣ: Sapit hispanitatem nescio quam, hoc est barbariem plane quandom. Nullam habet elegantiam, nullum nitorem, nullam suavitatem. . . . . . neque movet dicendo Quintilianus, neque docet, nec delectat.

[3]) Beccatelli epist. Gall. IV, 15 изъ Рима (около 1430 г.).

[4]) Poggius epist. V, 13: qui Ciceronem arguit in arte dicendi et oratoria facultate. Valla Antid. in Pogium lib. IV (Opp. p. 352).

не зналъ грамматики, а Аристотель діалектики. Ливій ошибся относительно родства двухъ царей Тарквиніевъ. Такъ называемый Өиванецъ Пиндаръ, переведшій Иліаду на латинскій языкъ, стоитъ выше Виргилія. Боэцію, праотцу схоластики, и блаженному Іерониму тоже не было пощады. По части краснорѣчія изъ древнихъ его удовлетворили лишь немногіе, а изъ новыхъ никто. Общее мнѣніе было таково, что онъ ищетъ только случая придраться къ великимъ людямъ и унизить ихъ [1]).

Насколько это сужденіе было поверхностно, показываетъ уже второе большое сочиненіе Валлы. Вскорѣ послѣ полученія профессорской каѳедры въ Павіи въ 1431 г. онъ обнародовалъ діалоги О наслажденіи (de voluptate). Быть можетъ, поводомъ къ нимъ были случайные споры въ кружкѣ литераторовъ въ Римѣ, въ которыхъ онъ смѣло защищалъ ученіе Эпикура. Въ Римѣ и Пьяченцѣ у него было достаточно свободнаго времени обработать этотъ трудъ. Но онъ былъ изданъ человѣкомъ, преподававшимъ въ высшей школѣ, профессоромъ. Это былъ шагъ неслыханно дерзкій [2]). Авторъ оставляетъ въ сторонѣ общепринятую философію, какъ вообще недостойную образованнаго человѣка. Валла не обращаетъ вниманія и на противоположный характеръ ученій Аристотеля и Платона, вообще не занимавшихъ еще тогдашній ученый міръ. Онъ понимаетъ философію соприкасающуюся съ жизнью, какъ нравственное ученіе школъ стоической и эпикурейской. Валлу вызывало на противорѣчіе именно то обстоятельство, что и гуманисты со временъ Петрарки и Салютато всѣ придерживались стоицизма и старались примирить его съ христіанскимъ ученіемъ.

---

[1]) Такъ высказываетъ все это Janus Pannonius въ Silva panegyrica въ честь Гварино v. 801.

Corrector veterum, contemtor Valla novorum. Epigr. I, 33 in Vallam:
Ipse deas ausus reprehendere Valla Camenas,
Judicium fertur pertimuisse suum.

Анонимъ въ Catal. codd. lat. bibl. reg. Monac. T. II P. III, p. 33:

Nam postquam manes defunctus Valla petivit,
Non audet Pluto verba latina loqui.
Jupiter hunc coeli dignatus parte fuisset,
Censorem linguae, sed timet esse suae.

Cf. Io. Iov. Pontanus Opp. Lib. II fol. 193.

[2]) Что книга обнародована въ Павіи, объ этомъ самъ Валла прямо говоритъ въ Invect. in Facium Lib. IV (Opp. p. 621). Кончена она въ началѣ 1431 г., какъ опредѣляетъ Валенъ Vallae opusc. tria 8, 44 съ помощью Beccatelli Epist. Gall. III, 36.

Безъ сомнѣнія, главная суть этого труда—панегирикъ чувственному наслажденію, хотя авторъ тонко разъясняетъ понятіе voluptas и побѣда его не является окончательнымъ нравоученіемъ. Въ началѣ труда авторъ прямо отъ себя оправдываетъ самое заглавіе его, и ему доставляетъ необычайное удовольствіе явиться рыцаремъ, вызывающимъ на бой и смѣло высказать читателю то положеніе, что наслажденіе есть истинное, даже единственное благо [1]). Потомъ въ діалогѣ, ведущемся по образцу Цицерона, отдается должная справедливость и стоическому ученію, и христіанскому. Но какъ ни обезпечиваетъ себя авторъ въ началѣ отъ злонамѣренныхъ толкованій, какъ ни неоспоримо то его положеніе, что онъ не можетъ заставить говорить Эпикура съ строгою серьезностью стоика, какъ ни явно наконецъ доставляетъ онъ торжество христіанскому ученію, однако все таки отстаиваетъ съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ права чувственной природы. Эта сторона увлекала читателя, потому что мысли автора были новы и смѣлы; христіанскую этику онъ сотни разъ слышалъ отъ проповѣдниковъ. Свобода чувственнымъ влеченіямъ которая всегда кажется столь заманчивою для человѣка, здѣсь возводится въ строгую систему, какъ естественное право. И человѣкъ, называющій себя христіаниномъ, можетъ высказывать такія положенія! Цѣломудріе, съ нарушеніемъ котораго нѣтъ монашеской жизни, изображено авторомъ какъ невыносимо мучительное состояніе, противное природѣ. «Если мы, говорится въ сочиненіи, родились по законамъ природы, то они же требуютъ отъ насъ и того, чтобы мы производили подобныхъ себѣ. При этомъ въ сочиненіи были и косвенные нападки на монаховъ и на монашество. Весь споръ ведется такъ, что спорящіе постоянно укоряютъ ихъ въ узкомъ пониманіи глубокихъ вопросовъ жизни. Для насъ весьма понятно, почему Валла этими объясненіями навлекъ на себя обвиненіе въ томъ, что считалъ наслажденіе высшимъ благомъ, что форму спора считали простою уловкою, что онъ лишь для видимости вывелъ христіанство торжествующимъ. Пагубный взглядъ на жизнь высказанъ, а вопросъ о томъ, согласенъ ли съ нимъ авторъ, безразличенъ. Кромѣ того все, что извѣстно было о жизни писателя, не говорило въ пользу его нравственности.

Книга Валлы не только породила большіе толки, но и вызвала озлобленіе. Изъ за нея онъ, кажется, поссорился и съ Беккаделли, хо-

---

[1]) Онъ могъ бы, говоритъ онъ, озаглавить свое сочиненіе de vero bono, но предпочитаетъ озаглавить de voluptate, molli quodam et non invidioso nomine. Liquidem de vero bono, quam eandem voluptatem esse placet, in omni hoc opere disputamus. Quid tu, ille inquiet, aisne voluptatem esse verum bonum? Ego vero aio atque affirmo: et ita affirmo ut nihil aliud praeter hunc bonum esse contendam.

тя послѣдній, какъ поэтъ, пользовался еще худшею репутаціею [1]). А особенно непріятное впечатлѣніе производила она тѣмъ, что всѣ разговоры велись въ кругу папскихъ секретарей. Поэтому Валла приступилъ къ вторичной обработкѣ ея, которую кончилъ въ Миланѣ въ 1433 г. [2]). Теперь заглавіе книги было смягчено: de vero bono, участниками бесѣды являются миланскіе и павійскіе друзья автора, вызывающее введеніе выпущено, многое измѣнено въ отношеніи слога, но эпикурейское ученіе, насколько мы видимъ, оставлено во всей его силѣ.

Нападеніе Валлы на формальныя теоріи философіи, на рутинную логику и діалектику тоже было начато еще въ Павіи, гдѣ онъ, вѣроятно, читалъ эти предметы, какъ младшій магистръ. Изъ этихъ изслѣдованій его выработались Діалектическіе диспуты, или, какъ гласитъ болѣе вызывающее заглавіе Пересмотръ діалектики. Нельзя сказать, чтобы въ этомъ сочиненіи Валла нападалъ прямо на Аристотеля, котораго едва зналъ и которымъ никогда особенно не занимался. Но весь гнѣвъ его обрушивается на новыхъ философовъ, потому что они возвели Аристотеля въ непогрѣшимый авторитетъ, и въ нѣкоторыхъ университетахъ учащіеся были обязаны присягою никогда не отступать отъ Аристотеля. Авиценну и Аверроэса онъ называетъ варварами, не знавшими ни латинскаго, ни греческаго языка. Относительно многихъ новыхъ писателей по діалектикѣ онъ сомнѣвается, по его словамъ упрекать ли ихъ въ невѣжествѣ, или тупости, или въ злонамѣренности, или во всѣхъ этихъ недостаткахъ вмѣстѣ. Онъ хочетъ избавить своихъ читателей отъ хитросплетеній этихъ софистовъ и мудреныхъ терминовъ, вновь придуманныхъ ими. Согласно съ этимъ онъ разъясняетъ путаницу схоластической системы и съ торжествомъ указываетъ, какъ просто выходитъ, если правильное употребленіе. Онъ старается настроить законы мышленія

[1]) Какъ самъ онъ говоритъ (Opp. p. 624), такъ какъ его раздражила та слава, qua ab opus de vero bono per hominum ora celebrabur.

[2]) Сочиненіе это напечатано въ полномъ собраніи въ первой редакціи. Напечатана и вторая, хотя со множествомъ ошибокъ, подъ заглавіемъ de vero bono, вмѣстѣ съ сочиненіемъ de libro arbitrio и съ Apologus in Pogium Lovanu 1483 г. Что оно было написано въ Миланѣ, это я заключаю изъ именъ собесѣдниковъ, которые всѣ миланцы или изъ Павіи. Они не собираются уже, какъ въ первой редакціи, in curia apostolica, а въ porticum Gregorianum, потомъ въ саду Маффео Веджіо, отъ котораго мы имѣемъ письмо изъ Павіи отъ 15-го марта 1433 г., у Saxius Hist. lit. typ. Mediol. p. 405. Слѣдуетъ ли искать этого портика въ Миланѣ или Павіи, я не могу рѣшить. По первой редакціи вымышленный разговоръ происходилъ три года назадъ, а теперь superioribus diebus. Poggius epist. V, 13 (1433), повидимому, ссылается на первую редакцію, въ которой собесѣдникомъ является пріѣхавшій Гварино.

на основаніи собственнаго наблюденія надъ процессами мышленія, надъ его формами и выраженіемъ ихъ въ языкѣ. Языкъ, его разумно понятый грамматическій строй и, если разъяснить его здравымъ смысломъ, употребленіе для него служатъ исходными точками и самымъ простымъ средствомъ для борьбы. Діалектика, говоритъ онъ, такъ проста, что ей можно выучиться во столько же мѣсяцевъ, сколько лѣтъ требуется на грамматику. Это ученіе, дѣйствительно, ничего не имѣетъ общаго ни съ Аристотелемъ, ни со школою; поэтому оно и показалось ученою ересью, дерзкимъ нападеніемъ на философскіе авторитеты.

Лишь мало по малу созрѣвалъ трудъ, доставившій Валлѣ наибольшую, при томъ неотъемлемую славу,—это Красоты латинскаго языка. Онъ старается отыскать въ немъ новыя и болѣе прочныя основы краснорѣчія, которыя доселѣ и гуманисты съ бо́льшимъ или меньшимъ умѣньемъ отыскивали у древнихъ. Онъ хочетъ возстановить пріемы рѣчи древнихъ и уничтожить средневѣковой наростъ. Но и эта работа даетъ ему много поводовъ для полемики. «Уже цѣлые вѣка, говоритъ онъ, никто не писалъ настоящею латынью; латынь древняго Рима заполонена варварами». Теперь ее надобно освободить. Правда, онъ еще уважаетъ древнихъ грамматиковъ, Доната, Сервія, Присціана, хотя многое и у нихъ находитъ невѣрнымъ. Но къ Папію, Исидору, Гугуціону и подобнымъ имъ писателямъ онъ относится съ полнѣйшимъ пренебреженіемъ. Они только сдѣлали своихъ учениковъ еще глупѣе. Но здѣсь нападки были дѣломъ второстепеннымъ, главнымъ же—громадный запасъ грамматическаго матеріала, котораго никто не умѣлъ обработывать такимъ образомъ. Валлу могли только упрекнуть въ громадныхъ притязаніяхъ, потому что онъ, дѣлая комплиментъ своимъ наставникамъ Бруни и Ауриспѣ, всѣхъ остальныхъ обвинялъ въ искаженіи латыни. Онъ утверждалъ, что собралъ въ своемъ сочиненіи 2000 такихъ выраженій, которыя раньше его были неизвѣстны.

Юристовъ онъ вооружилъ противъ себя еще тогда, когда написалъ въ Парижѣ Инвективу противъ знаменитаго Бартоло и доказывалъ въ ней, что онъ далеко отсталъ отъ древнихъ римскихъ юристовъ, потому что не знаетъ языковъ. Юристы грозились за это растерзать его на улицѣ. По крайней мѣрѣ ему дали понять, что ему не слѣдуетъ касаться права, котораго онъ не знаетъ. Но Валла смѣло продолжалъ борьбу. Онъ ссылался на то, что основательно прочелъ дигесты, разумѣется, какъ грамматикъ. Но ихъ нельзя было толковать безъ основательнаго знанія языка; до сихъ поръ ихъ объясняли больше по готски, чѣмъ по латыни. Онъ вызывался въ три года написать глоссы къ дигестамъ, кото-

рыя будутъ гораздо полезнѣе, чѣмъ глоссы Аккурсія. Мы не удивляемся, что юристы видѣли въ этомъ лишь безразсудную заносчивость [1]).

Столкновенія эти, по крайней мѣрѣ большею частію, происходили раньше того, чѣмъ Валла явился ко двору короля Альфонса. Онъ могъ найти прочное и безопасное положеніе только у такого просвѣщеннаго государя, который умѣлъ цѣнить подобную умственную энергію и не слушалъ навѣтовъ на человѣка, всегда готоваго на борьбу и терпѣвшаго много нападокъ. Альфонсъ никогда не старался сдерживать своего придворнаго ученаго, напротивъ давалъ полную свободу его таланту. За это онъ въ немъ и нашелъ союзника въ борьбѣ.

Въ 1440 г. вышло сочиненіе Валлы: Противъ дара Константина (Великаго) [2]). Это было въ самый разгаръ войнъ религіозныхъ и свѣтскихъ. Папа Евгеній IV, какъ ленный государь, оказывалъ расположеніе анжуйскому дому и чрезъ кардинала Виттелески сдѣлалъ попытку завладѣть неаполитанскимъ королевствомъ на правахъ верховнаго господства. Альфонсъ держалъ сторону базельскаго собора, который объявилъ папу низложеннымъ и выбралъ ему антипапу въ лицѣ Феликса V. Валла подготовился къ борьбѣ долговременными изслѣдованіями, можетъ быть, вызываемый на это тѣми сомнѣніями относительно дара, которыя высказалъ Николай Эйсъ въ своей книгѣ, О католическомъ согласіи. Онъ доказывалъ, что это подлогъ и возсталъ противъ того ученія папъ, что имъ принадлежатъ Римъ, королевства Неаполитанское и Сицилійское, вся Италія и другія страны. Напротивъ онъ объявилъ, съ закоренѣлою ненавистью римлянина къ теократіи, что свѣтскіе государи имѣютъ право выгнать папу изъ его свѣтскихъ владѣній [3]). Онъ называлъ папу Евгенія деспотомъ, а кардинала Вителлески человѣкомъ кровожаднымъ [4]). Опираясь на этотъ подлогъ, Валла въ то же время взвелъ на папъ обвиненіе въ тяжкомъ преступленіи. Или они круглые невѣжды, или очень жадны и властолюбивы, если сами измыслили даръ Константина Великаго и такимъ образомъ унизилидостоинство папской власти и

---

[1]) Рѣзкія нападки на новыхъ юристовъ, особенно въ Praefat. Elegant. lib. III. О столкновеніяхъ съ ними онъ разсказываетъ самъ Antid. in Pogium lib. IV (Opp.p. 856).

[2]) De falso credita et ementita Constantini donetione Declamatio, часто печатавшееся, также и въ Opp. Согласно p. 733 Валла написалъ эту книгу на шестой годъ послѣ римскаго возстанія, принудившаго папу бѣжать (4 іюня 1434 г.)

[3]) p. 762: At ego contra existimo, iustius licere principibus spoliare te imperio omni quod obtines.

[4]) p. 791 онъ называетъ его monstrum atque portentum qui gladium .. in christianorum songuine lassavit, quo gladio et ipre periit (1 апр. 1440 г.).

поругались надъ христіанскою вѣрою. Но не одно критическое изслѣдованіе древняго преданія заставило противника поднять громовой голосъ противъ симоніи и недостойнаго образа дѣйствій папъ, которымъ Валла объявилъ формальную войну [1]). Едва ли можно спорить противъ того, что если это сочиненіе приняло такой запальчивый характеръ, далеко не соотвѣтствовавшій тону критическаго изслѣдованія, то оно было памфлетомъ, написаннымъ на службѣ короля Альфонса, по крайней мѣрѣ обнародовано съ его одобренія. Когда король впослѣдствіи примирился съ папою Евгеніемъ, то Валла не взялъ своихъ обвиненій назадъ и не отрекся отъ нихъ, однако не продолжалъ борьбы съ папою, напротивъ хлопоталъ о примиреніи и охотно поступилъ на службу къ римскому двору.

Но сначала Валла чувствовалъ себя безопаснымъ подъ покровительствомъ короля Альфонса, такъ что могъ продолжать борьбу съ прежнею энергіею. Теперь онъ предпочелъ перенести ее именно на богословскую почву и старался искать случая наносить безпощадно удары духовенству, а въ особенности монашеству. До сихъ поръ онъ упрекалъ въ невѣжествѣ латинистовъ, философовъ и юристовъ, а теперь и богословамъ хотѣлъ тоже доказать свое превосходство. Въ спорѣ съ епископомъ ургельскимъ онъ объявилъ, что письмо Іисуса Христа къ Авгару Эдесскому, сообщаемое Эвсевіемъ, подложное. Въ *Діалогахъ о свободѣ воли* онъ высказалъ то положеніе, что Божественный Промыселъ не противорѣчитъ свободной волѣ, и съ особенною горячностью опровергалъ ученіе Боэція, такъ какъ онъ въ этомъ случаѣ имѣлъ дѣло съ уважаемымъ авторитетомъ. Въ *Діалогѣ о профессіи монаха* онъ излагалъ свой споръ съ однимъ монахомъ. Послѣдній утверждалъ, что если монахъ ведетъ такую же жизнь, какъ и міряпинъ, то онъ можетъ ожидать отъ Бога ради своей профессіи высшей награды, чѣмъ послѣдній. Валла не только возсталъ противъ этого положенія, но и высказалъ много горькихъ истинъ въ своемъ негодованіи на цѣлое сословіе. Онъ съ придирчивостью филолога отрицалъ у орденовъ право называть себя

---

[1]) Въ концѣ сочиненія говорится: Если папа не захочетъ возвратиться къ бѣдной жизни своихъ предшественниковъ, Сильвестра и Льва, tunc ad alteram orationem multo ruculentiorem accingeremur.—На эту общую борьбу съ папами и духовенствомъ указываетъ уже Antonio Кортезе въ своемъ Antivaa у Fabricius Bibl. lat. ed. Mansi T. VI p. 283. Подробный разборъ сочиненія у Vahlen, L. Valla s. 189 ff.

[2]) Его нѣтъ въ Opera и оно въ первый разъ напечатано Валеномъ въ Vollae Opuscula tria. Вообще нѣкоторыя сочиненія Валлы пока извѣстны только по заглавіямъ, какъ напр. libellus de novis rebus antiquitati prorsus ignoris,—о реторикѣ ad Herennium (Vahlen ibid. p. 66) и упомянутое въ Apologia ad Eugenium IV О Св. Духѣ написанное во время флорентинскаго собора.

монашескимъ сословіемъ,а членовъ его монахами, и хотѣлъ примѣнить къ нимъ ненавистное слово «секты». Валла вообще сильно возставалъ противъ монаховъ и, порицая обѣтъ цѣломудрія, затрогивалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и все духовенство, чтобы выставить на видъ его позорный образъ жизни [1]).

Ненависть, которую Валла вызвалъ противъ себя этими нападками въ особенности со стороны монаховъ, еще не могла ничѣмъ разразиться, пока враги его не имѣли поддержки при римскомъ дворѣ. Но съ тѣхъ поръ, какъ папа Евгеній IV заключилъ союзъ съ Альфонсомъ (1443 г.), съ тѣхъ поръ, какъ первый сталъ жить въ Римѣ и несомнѣнно долженъ былъ одержать побѣду во время раскола, и у монаховъ, блюстителей за исполненіемъ духовныхъ правилъ, которымъ Евгеній IV всегда покровительствовалъ, прибавилось смѣлости. Теперь они не стали уже терпѣливо сносить нападки Валлы.

Въ 1444 г. [2]) постомъ, въ Неаполѣ проповѣдывалъ братъ Антоніо да Битонто, одинъ изъ ученѣйшихъ и самыхъ пылкихъ миноритовъ этой категоріи, которые въ то время вслѣдствіе народной любви и своей пропаганды составляли дѣйствительную силу. Валла слышалъ эту проповѣдь и напалъ на то ученіе брата, будто члены апостольскаго символа вѣры такъ составлены Апостолами, что всѣ они неразрывно связаны между собою. Онъ пошелъ въ келью къ монаху, какъ человѣкъ, желающій назиданія, и спросилъ, на чемъ основано его ученіе и гдѣ сказано, что символъ вѣры составленъ Апостолами. Завязался споръ, и Валла сталъ смѣяться надъ прославленнымъ Бонавентурою, который въ своемъ орденѣ считался уже святымъ, а монаха, сильно размахивавшаго руками, сравнилъ съ гладіаторомъ. Послѣдній тотчасъ же сталъ совѣтоваться съ орденскими братьями и иными друзьями о томъ, какъ бы наказать этого человѣка, который сверхъ того въ своихъ діалектическихъ диспутахъ и вообще проповѣдуетъ еретическія возрѣнія. Три или четыре дня громилъ онъ его въ своихъ проповѣдяхъ и возбуждалъ противъ него народъ, такъ что наконецъ самъ король велѣлъ запретить ему это. Но для Валлы этого было недостаточно. Онъ предложилъ назначить въ соборѣ диспутъ касательно тѣхъ положеній, которыя

---

1) P. 127: Utinam, utinam episcopi, presbyteri, diaconi unius uxoris viri et non potius, venia sit dicto, non unius scorti amatores.

2) Годъ опредѣляется замѣткою Валлы о томъ, что палермскій архіепископъ, Никколо де' Тудески, въ то время воротился изъ Базеля. Онъ былъ тамъ посломъ Альфонса и былъ отозванъ вслѣдствіе терачинскаго мира (14 іюня 1443 г.)

высказалъ монахъ, пригласилъ инфанта Фернандо и нѣсколькихъ человѣкъ изъ городской знати присутствовать при своей защитѣ.

Король лежалъ больной; кромѣ того его предупредили, что легко можетъ произойти возмущеніе. Поэтому онъ пожелалъ отложить диспутъ. Валла счелъ это торжествомъ своего дѣла и велѣлъ прибить къ церковнымъ дверямъ двустишіе, въ которомъ величался своею побѣдою [1]).

Теперь озлобленные враги Валлы хотѣли добиться формальнаго осужденія еретика. Они нашли опору въ епископѣ поццуольскомъ, францисканскаго ордена и убѣдили викарія архіепископа, за отсутствіемъ послѣдняго, позвать надменнаго ученаго къ себѣ. Изъ тѣхъ положеній, которыя онъ выбралъ предметомъ диспута, и изъ внимательнаго просмотра его сочиненій они извлекли цѣлый рядъ обвинительныхъ пунктовъ, изъ которыхъ слѣдовало, что онъ отвергаетъ постановленія церкви и ученіе св. Отцевъ и хочетъ ниспровергнуть папское право,—слѣдовательно онъ еретикъ. При этомъ, безспорно, они дѣйствовали весьма неискусно и странно, смѣшали съ богословскими вопросами философскіе, даже грамматическіе, которые были направлены противъ заповѣдныхъ авторитетовъ. Весьма странно, что книги О дарѣ Константина Великаго совсѣмъ не коснулись; это безъ сомнѣнія потому, что каждый зналъ, что тутъ замѣшанъ самъ король. Напротивъ діалоги Объ истинномъ благѣ дали четыре обвинительныхъ пункта относительно школы Эпикура. Но съ ними можно было сдѣлать немного, потому что они были чисто философскаго характера, кромѣ того были прикрыты объясненіемъ понятія о voluptas и разговорною формою. Еще безтактнѣе были выбраны положенія изъ діалектики Валлы, въ которыхъ его уже упрекалъ братъ Антоніо, именно что есть только три заповѣди, а не десять, только три стихіи, а не четыре, только три чувства у человѣка, а не пять,—что изъ девятнадцати родовъ силлогизмовъ правильны только восемь, а остальные безсмыслица и т. п. Эти положенія собственно были направлены противъ Аристотеля и его школы, но не были ересью. Просмотрѣли даже его Красоты и тоже вывели обвинительные пункты изъ нападокъ на Присціана и средневѣковыхъ грамматиковъ. Можно было серьезнѣе придраться къ сочиненію О свободной волѣ и къ его полемикѣ противъ Боэція, такъ какъ тутъ шла рѣчь о Богѣ. Но въ этомъ случаѣ Валла могъ спросить, какъ впослѣдствіи и спросилъ: кто жъ такое Боэцій, что на него нельзя нападать? Въ заключеніе приведены были глав-

---

[1]) Rex pacis, miserans sternendas pace phalanges
Victoris cupidum continuit gladium

ныя положенія изъ діалога о заслугахъ монашескаго подвижничества и главнымъ образомъ опасное заблужденіе относительно символа вѣры. Быть можетъ, философскія положенія больше служили затѣмъ, чтобы доказать дерзость автора, а главное обвиненіе было построено на его богословскихъ мнѣніяхъ.

Валла послѣдовалъ приглашенію въ соборъ. Но такъ какъ онъ полагалъ, что тамъ будетъ происходить диспутъ, то отправился туда безъ адвоката и безъ друзей; за нимъ пошли лишь тѣ люди, которыхъ онъ случайно встрѣтилъ на пути. Когда же онъ увидѣлъ тамъ цѣлую массу своихъ враговъ, то понялъ, что тутъ будетъ не диспутъ, а настоящій инквизиторскій допросъ. Засѣданіе велъ инквизиторъ-доминиканецъ. Онъ спросилъ между прочимъ, какъ Валла думаетъ о происхожденіи символа вѣры. Послѣдній отвѣчалъ, что онъ составленъ не Апостолами, а Отцами никейскаго собора, и вызывался доказать это. Ему возразили, что это ересь, да тутъ и не мѣсто спорить объ этомъ, а слѣдуетъ прямо отречься. Тогда, чтобы выдти изъ затрудненія, онъ объявилъ, что думаетъ объ этомъ такъ же, какъ св. мать Церковь [1]). Его старались поставить въ затруднительное положеніе однимъ мнѣніемъ, высказаннымъ въ діалектикѣ и вовсе не касавшимся догматовъ. На это онъ отвѣчалъ трибуналу насмѣшливо, что св. мать Церковь, разумѣется, ничего не знаетъ объ этомъ, но онъ и въ этомъ случаѣ думаетъ такъ же, какъ св. мать Церковь. Судьи требовали у него отреченія отъ его мнѣній, чтобы ему осталось только выбирать одно изъ двухъ— или позорное униженіе, или смерть еретика. Но Валла оспаривалъ ихъ право судить его: они и враги его, и обвинители, и судьи, и свидѣтели. Когда онъ хочетъ защищаться, то ему запрещаютъ говорить, а когда говоритъ, то они готовы объявить его упорнымъ еретикомъ и довести до того, чтобы народъ побилъ его каменьями. Въ такомъ ужасномъ видѣ изображалъ впослѣдствіи Валла этотъ судъ папѣ Евгенію IV. Но надежда его на покровительство короля была гораздо сильнѣе, чѣмъ страхъ передъ монахами и передъ народомъ. Это показываетъ его поведеніе. Едва вышелъ онъ изъ собора, какъ сталъ поджидать своихъ инквизиторовъ, потомъ жестоко укорялъ ихъ и пошелъ жаловаться королю. Альфонсъ тоже порицалъ инквизиторовъ, говоря, что онъ знаетъ, что ихъ ожесточаетъ противъ Валлы, и при этомъ прямо назвалъ сочиненіе, направленное противъ дара Константина. — «Вы нападаете на него не изъ за вѣры, укорялъ

[1]) Этотъ отвѣтъ далъ поводъ Фаціо утверждать въ своей инвективѣ противъ Валлы, что онъ униженно просилъ прощенья у своихъ судей и только этимъ спасся отъ сож-...нія на кострѣ.

онъ ихъ, а изъ зависти и злобы, потому что онъ благороднѣе и ученѣе всѣхъ васъ; вы строите ему козни потому, что боитесь съ нимъ спорить». Онъ вообще отрицалъ ихъ приговоръ, потому что они не имѣли права дѣлать никакого допроса. Король самъ хотѣлъ разобрать спорные пункты, но этого не состоялось. Монахамъ только посовѣтовали быть спокойнѣе [1]).

И такъ критикъ безнаказанно напалъ на уважаемое преданіе, грамматикъ пристыдилъ богослововъ, придворный поэтъ посмѣялся надъ инквизиціей. Къ досадѣ преслѣдователей еретиковъ ученый филологъ изучалъ Новый Завѣтъ. Онъ хотѣлъ сравнить «греческій источникъ» съ вытекшимъ изъ него «латинскимъ ручьемъ», вульгатою, и исправить послѣднюю. При этомъ не обошлось безъ возраженій блаженному Іерониму, которыя встрѣчаются уже въ Красотахъ. Были и такіе люди, какъ кардиналъ Куза, которые понимали значеніе и пользу подобныхъ изслѣдованій. Но враги Валлы и даже такой ученый человѣкъ, какъ Поджіо, думали такъ, что онъ съ своей обычной заносчивостью мудритъ надъ вульгатой и ведетъ списокъ ошибокъ блаженнаго Іеронима [2]).

Однако Валла не былъ и фанатикомъ своихъ убѣжденій. Правда, онъ никогда не скрывалъ и не бралъ назадъ своихъ выводовъ, никогда не заключалъ и не искалъ мира съ своими врагами монахами. Но ему не трудно было преодолѣть себя, чтобы просить прощенья у глубоко-оскорбленнаго папы Евгенія IV: его мучило сильное желаніе видѣться въ Римѣ съ своими родственниками и друзьями. Онъ сознавался, что если въ чемъ погрѣшилъ—онъ разумѣлъ, конечно, преимущественно сочиненіе направленное противъ дара Константина,—то сдѣлалъ это по совѣту другихъ или изъ желанія славы. «Но всѣ поймутъ, говорилъ онъ, что онъ такой человѣкъ, который со временемъ настолько же будетъ полезенъ Церкви, насколько онъ оскорбилъ ее.» Если папѣ нужно отреченіе или оправданіе, объявлялъ онъ въ разсчетѣ на его великодушіе, то онъ явится униженно съ непокрытою головою. Кардиналъ Ландріани, покровитель гуманистовъ долженъ былъ поддерживать его. Сверхъ того Валла обратился къ могущественному кардиналу Скарампо, который относился равнодушно къ подобному нападенію на Церковь, но все таки былъ доступенъ

---

[1]) Обо всемъ этомъ разсказываетъ самъ Валла въ Apologia ad Eugenium IV (Opp. p. 795 seq.), гдѣ приведены и quaestiones, въ своемъ Antidoton in Pogium, обращенномъ къ папѣ Николаю V lib. IV (Opp. p. 356 seq.).

[2]) Valla Opp. p. 340. Poggius epist. XII, 3. О значеніи этого сочиненія см. Vallen L. Valla s. 208 ff.

для лести литераторовъ. [1]) Мы не знаемъ, какое послѣдовало рѣшеніе, но Валлѣ обѣщали безопасность [2]). Послѣ этого онъ рѣшился ѣхать въ Римъ. Но враги его, нищенствующіе монахи, не могли забыть того пораженія, которое они потерпѣли въ Неаполѣ. Они явились къ папѣ съ обвиненіями противъ него и выставили позорнѣйшею ересью Валлы то, что онъ писалъ противъ Евгенія IV и въ защиту базельскаго собора, потому что получилъ отъ него бенефиціи. Валла не хотѣлъ оставаться въ Римѣ до тѣхъ поръ, пока буря разразится. А тутъ и самая жизнь его подверглась опасности, потому что монахи совсѣмъ завладѣли папою. Пробывши два мѣсяца въ Римѣ, онъ удалился чрезъ Остію опять ко двору Альфонса и отсюда уже обратился съ Апологіею къ папѣ, въ которой остроумно защищалъ себя и не щадилъ своихъ противниковъ, однако униженно преклонялся передъ авторитетомъ римскаго престола. «Твое святѣйшество», такъ онъ заключалъ свою Апологію, «не получитъ отъ меня ни пользы—это выше моихъ силъ,—ни славы—такъ какъ твоя слава не можетъ быть ни возвеличена похвалою, ни умалена порицаніемъ—но получитъ все таки отраду въ моихъ трудахъ [3])». Такая просьба не могла тронуть папу Евгенія IV. Пока онъ былъ живъ, Валла оставался въ немилости и не смѣлъ еще разъ явиться въ Римъ. Между тѣмъ у преемника его не было рѣчи ни о какой инквизиціи, ни о какомъ прощеніи. Мы увидимъ, какъ ученый, прослывшій еретикомъ, безъ дальнихъ околичностей былъ позванъ въ Римъ, назначенъ секретаремъ, пользовался уваженіемъ и получалъ щедрые подарки. Съ именемъ Валлы связана первая блестящая побѣда гуманистической учености надъ представителями преданія [4]).

Полемическое сочиненіе Валлы противъ папской власти надѣлало шуму, въ первые годы священства Евгенія IV. Но еще болѣе сильное волненіе вызвало маленькое произведеніе подъ заглавіемъ Гермафродитъ. Это собраніе эпиграммъ, которыя по геніальной смѣлости и беззастѣнчивой нескромности превосходили все, что до сихъ

---

[1]) Письма къ папѣ и къ обоимъ названнымъ кардиналамъ, одно отъ 14-го марта (1445) въ Epistolae principum ed. Donzelino p. 346. 352. 416.

[2]) Онъ говоритъ папѣ: me tua fide, quam lederas, tutum esse oportebat.

[3]) Apologia pro se et contra calumniatores ad Eugenium IV (Opp. p. 795 seq.).

[4]) Poggiali Memorie intorno alla vita e agli scritti di Lorenzo Valla, Piacenza 1790; я ихъ не видалъ. Нѣкоторые изъ приведенныхъ имъ документовъ есть у Цумпта: Leben und Verdienste des Laur. Valla въ Zeitschr. f. Geschichtsw. Bd. IV, Berlin 1845. Clausen Laurentius Valla hams livog skrifler, Kiöbenhaven, 1861, не сообщаетъ ничего новаго. Напротивъ, книга Валена L. Valla въ Almanach der Wiener Akad. 1864 и Vallae opusc tria въ Sitzungs ber. той же акад. 1869 г. богаты фактами и взглядами.

поръ писали гуманисты въ подражаніе римскимъ сатирикамъ[1]). Это было произведеніе начинающаго поэта, который обучался въ Сіэнѣ и тамъ, въ городѣ любви и наслажденій—самъ онъ называетъ его molles Sennae—вмѣстѣ съ Энеемъ Сильвіемъ де Пикколомини изучалъ веселую жизнь по древнимъ, а древнихъ поэтовъ по жизни[2]). Это былъ Антоніо дельи Беккаделли, обыкновенно называемый по своему отечественному городу Палермцемъ (Panormita). Въ книгѣ своей поэтъ заглянулъ въ бездну порока, но старался украсить его цвѣтами поэзіи. Такимъ образомъ воспѣвались не только тѣ естественныя влеченія, при которыхъ женщина становится жертвою чувственности, но и другой болѣе грязный и противоестественный порокъ, составлявшій проклятіе древняго міра и Востока. Надъ нимъ восторжествовало было окончательно христіанство, но потомъ онъ снова обнаружился въ ужасающихъ размѣрахъ. Поэтъ изображалъ все это въ игривыхъ стихахъ въ такомъ тонѣ, какъ будто все это очень естественно и всѣмъ понятно, такъ что можетъ составлять удобный предметъ для остроумной шутки. Этого мало. Онъ вовсе не стѣснялся признать себя авторомъ этой нескромной книги. Онъ оправдывалъ ее примѣромъ древнихъ римскихъ поэтовъ, смотрѣлъ на строгихъ блюстителей нравственности, какъ на людей глупыхъ, которые не понимаютъ прелестей античнаго наслажденія жизнію.

Таковъ былъ первый ужасающій плодъ вѣры въ непогрѣшимость древнихъ, смѣлый вызовъ, обращенный къ нравственности, гораздо смѣлѣе, чѣмъ разговоры Валлы о наслажденіи. Гуманистамъ все это не показалось нисколько страннымъ. Веронецъ Гварино, который въ то время былъ уже 63-лѣтнимъ старцемъ и отцомъ цѣлой дюжины дѣтей, удивлялся гармоніи этого произведенія, легкости стиха, и непринужденности шутки. Онъ не смущается криками необразованныхъ людей, «которые находятъ утѣшеніе лишь въ слезахъ, постахъ и псалмахъ и не знаютъ, что одно дѣло — цѣль жизни, а другое—цѣль поэзіи[3])». И Поджіо хвалилъ поэта не за изящество

---

[1]) Книга, часто встрѣчающаяся въ рукописяхъ, напечатана въ первый разъ въ Парижѣ въ 1791 г., подъ заглавіемъ: Quinque illustrium poetarum, Antonii Panormitae etc. Lusus in Venerem. Потомъ Antonii Panormitarni Hermaphroditus. Primus in Germania edidit et Apophoreta adiecit Forbergius. Coburgi 1824. Заглавіе книги поэтъ объясняетъ I, 8 довольно откровенно: Cunnus et est nostro, simul est et mentula libro. Издана въ 1431 или 1432 году, потому что въ 1432 г. противъ нея направилъ свой генталогъ Маріано да Бокерія у Mittarelli Bibl. codd. ms. S. Mich. Veneh. p. 725.

[2]) Всѣ эпиграммы написаны въ Сіэнѣ; это ясно изъ ихъ содержанія. Приводимъ одинъ примѣръ. Тамъ грамматикъ Mammia Лани не разъ выставляется въ дурныхъ отношеніяхъ къ своимъ ученикамъ.

[3]) Его письмо къ Джіак. Ломола у Lamius Catal. cod. ms. bibl. Riccard. p. 37, у Bandini Catal. codd. lat. bibl. Medic. Laurent. T. II, p. 106, у Forberg l. c. p. 16. Благодарность Беккаделли въ его Epist. Gall. IV, 6 edit. 1746.

стиховъ, а выражалъ удивленіе, что онъ такъ мило и увлекательно говоритъ о такихъ непристойныхъ вещахъ. Правда, онъ совѣтовалъ ему со временемъ приняться за болѣе серьезные сюжеты, такъ какъ христіанскимъ поэтамъ не все то дозволено, что языческимъ. Но онъ не придавалъ серьезнаго характера этому упреку. Поджіо самъ писалъ фацеціи на 70-мъ году своей жизни, которыя смѣло можно поставить рядомъ съ Гермафродитомъ. [1]) Ему послалъ это произведеніе грамматикъ Антоніо Лоски, который тоже находилъ его прелестнымъ. Миланскій епископъ Бартоломмео изъявилъ поэту необычайное желаніе прочесть его стихи. Очарованіе искуснаго стиха и новизна сюжета производился довольно сильное впечатлѣніе на читателей и способствовали значительному распространенію книги. Когда король Сигизмундъ находился во Флоренціи въ 1433 г., то онъ увѣнчалъ поэта лавровымъ вѣнкомъ [2]).

Но всѣ эти шумные толки обратили вниманіе на книгу и строгихъ блюстителей нравственности. Какъ противъ Валлы, такъ и противъ палермскаго поэта выступили преимущественно минориты. Буря поднялась, кажется, въ Миланѣ, потому что поэтъ распространялъ свое произведеніе изъ Павіи, читая лекціи въ тамошнемъ университетѣ, и пользовался необычайнымъ расположеніемъ герцога Филиппо. Францисканецъ Антоніо да Ро, выдающійся грамматикъ и придворный ораторъ, кажется, первый напалъ въ инвективѣ на Гермафродита, но Беккаделли весело отвѣчалъ ему въ стихахъ и прозѣ. [4]) Въ Миланѣ жилъ также Маффео Веджіо, впослѣдствіи человѣкъ весьма набожный, но теперь вращавшійся при дворѣ Филиппо Маріи. Онъ видѣлъ въ Беккаделли опаснаго соискателя мѣста канцлера. Онъ написалъ противъ него элегическіе стихи, которые по непристойности могли соперничать съ Гермафродитомъ. [5]) Совершенно иной путь избралъ картезіанецъ Маріано да

---

[1]) Poggius epist. II, 40, 42 ed. Tonnell къ Беккаделли, но ошибочно отнесенная къ 1426 г., еще письмо у Beccatelli epist. gall. IV, 11. Ibid. IV, 12 отвѣтъ Беккаделли. Forberg p. 14.

[2]) Письмо Палермца къ нему въ его Epist. ed. 1746. epist. II, 23 у Forberg. p. 1.

[3]) Aschbach Gesch. K. Sigmund's Bd. IV, s. 403.

[4]) Carmen elegiacum in Rhodnm упоминаетъ Mongitore Bibl. Sicula T. I, p. 577, также самъ Beccadelli epist. Gall. II, 21 и Valla Opp. p. 547. Facius de vir. illustr. p. 4. Odus nescio qui ex ultima vulgi faece, utique vir malevolus in epist. Gall. IV, 12, кажется, не то, потому что Беккаделли не отвѣчалъ на нападеніе. Можно думать о Пьетро Одоне да Монтополи.

[5]) Invectiva Maphei Vegii in Anthonium Panormitanum poetam laureatum Siculum, qu intravit Mediolanum futurus cancellarius упоминается у Iacobs u. Ukert Beitr. z. älti Lit. и s. u. Bd. III s. 8, какъ о находящемся въ готскомъ кодексѣ. Оно начинается словами Plaudete, lenonesck. слѣдовательно тоже.

Вольтерра, настоятель монастыря св. Андрея дель Лидо въ Венеціи. И онъ тоже писалъ гекзаметромъ. Онъ предостерегалъ юношество въ длинномъ стихотвореніи противъ произведеній нескромныхъ поэтовъ вообще и автора Гермафродита въ особенности, и нападалъ на него съ ожесточеніемъ. Онъ противопоставлялъ его вольностямъ стихи священнаго содержанія и воспѣвалъ семь словъ, сказанные Спасителемъ на крестѣ [1]). По видимому, это назидательное произведеніе не расходилось дальше предѣловъ венеціанской области, тогда какъ на книгу непозволительнаго содержанія былъ большой спросъ и читалась она, конечно, тѣмъ охотнѣе, чѣмъ больше о ней говорили. Въ это время выступилъ миноритъ Альберто де Сортеано, который между своими братьями по ордену, миноритами-блюстителями за исполненіемъ правилъ, считался свѣтиломъ учености, потому что когда то немножко учился у Гварино. Онъ задалъ себѣ большую задачу—разгромить въ обширномъ сочиненіи и автора Гермафродита и его почитателей. И Поджіо, который отозвался о книгѣ весьма снисходительно, и Гварино, который даже похвалилъ ее, должны были тоже подвергнуться порицанію. Однако послѣдняго, своего учителя, благочестивый монахъ хотѣлъ прежде уговорить отказаться отъ его похвалъ. Но въ особенности хотѣлъ онъ предохранить юношество отъ пагубнаго вліянія какъ книги, въ высшей степени преступной, такъ и ея автора, человѣка погибшаго, если только онъ не раскается. Сначала онъ «будетъ увѣщевать его съ отеческою любовью, потомъ устрашать гнѣвомъ грознаго Судьи». Однако монахъ не написалъ этого большаго сочиненія, «обремененный многими трудами на пользу христіанъ». Дѣло ограничилось предостерегающими письмами, которыя онъ написалъ нѣкоторымъ юношамъ въ Феррарѣ, слѣдовательно не ученикамъ Гварино, и которыя потомъ получили дальнѣйшее распространеніе [2]).

Довольно характеристично, что подобные монахи не имѣли другаго орудія для борьбы съ такою зазорною книгою, кромѣ слова. Конечно, они могли склонить папу Евгенія IV запретить ее и грозить отлученіемъ каждому, кто будетъ читать. Но, разумѣется, часто случалось именно такъ, какъ и въ томъ случаѣ, о которомъ намъ разсказываютъ: кардиналъ Чезарини засталъ одного изъ своихъ секретарей за чтеніемъ запрещенной книги [3]). Между тѣмъ

---

[1]) Zeno Diss. Voss. T. I, p. 315. Agostini Scritt. Viniz. T. II, p. 152. Mittarell p. 732, гдѣ приведены нѣкоторые стихи брата Маріана.

[2]) Albertus a Sarthiano epist. 30. 33. 48. Если въ послѣднемъ письмѣ порицается также nonnulorum provectae aetatis in flagitiis licentia atque impunitas, то это, безъ сомнѣнія, относится къ Поджіо и Гварино.

[3]) Vespasiano Giuliano Cesarini § 10.

самые знаменитые миноритскіе проповѣдники, Бернардо изъ Сіэны и Роберто да Лекче, сильно вооружились противъ нескромнаго поэта и сожгли его портретъ, нарисованный на бумагѣ, вмѣстѣ съ книгою на общественныхъ площадяхъ въ Болоньѣ, Феррарѣ и Миланѣ [1]). Въ то время эта выходка раздражила поэта, который обязанъ былъ своею славою исключительно нескромному характеру произведенія. Онъ упорно продолжалъ борьбу. Лишь впослѣдствіи, когда онъ сдѣлался придворнымъ и семьяниномъ, онъ рѣшился публично раскаяться въ неприличныхъ шалостяхъ своей музы [2]).

Но кто же былъ этотъ поэтъ, который такъ шумно выступилъ на литературное поприще и столь быстро нажилъ такъ много себѣ враговъ? Онъ происходилъ изъ одной весьма многочисленной рыцарской фамиліи въ Палермо, которая, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, сто лѣтъ тому назадъ переселилась туда изъ Болоньи, а потому иногда и называла себя Беккаделли да Болонья [3]). Антоніо родился въ 1394 г. [4]). Мы знаемъ, что палермская коммуна постановила отпускать ему по 6 унцій въ годъ, пока онъ будетъ воспитываться въ общественной школѣ. Ему было уже 26 лѣтъ, когда онъ отправился въ Болонью изучать право. Но онъ не сдѣлался юристомъ. Онъ, по видимому, странствовалъ по разнымъ университетамъ. Поэтъ называетъ своимъ наставникомъ Гаспарино да Варзиццу [5]), былъ также въ Падуѣ, изучалъ искусства въ Сіэнѣ, плодомъ которыхъ и былъ Гермафродитъ [6]). Стало быть, эта неприличная книга была написана 37-лѣтнимъ человѣкомъ, который доселѣ путешествовалъ по Италіи, какъ странствующій ученикъ и, по видимому, не получилъ даже степени магистра.

---

[1]) Valla Opp. p. 341. 364. 543.

[2]) Въ эпиграммѣ на Козьму де'Медичи:

Hic foeces varias Veneris moresque prophanos,
Quos natura fugit, me docuisse piget.

Въ письмѣ къ своему противнику Антоніо да Ро онъ тоже объявляетъ впослѣдствіи: Neque Hermaphroditus cuiquam magis quam mihi ipsi odio est. Quirini Diatriba p. 60. Colangelo Vita di Antonio Beccadelli, Napoli 1880, p. 281.

[3]) Beccatelli epist. Gall. III, 1.

[4]) По рукописной замѣткѣ у Morelli Cod. ms. lat. bibl. Nanianae p. 81 ему былъ 61 годъ, когда онъ издалъ въ 1455 г. свои dicha Alphonsi. Съ этимъ почти согласно и свидѣтельство Валлы Opp. 624, что Беккаделли родился въ 1392 г.

[5]) Epist. ed. 1747. p. 7: Gasparinum nobilem grammaticum, patrem ac praeceptorem nostrum.

[6]) О плохой нравственности жителей Сіэны см. Vespasiano S. Bernardino § 3. О проповѣдяхъ Бернардино въ этомъ городѣ см. мою Leben des Aenea Sylvio Bd. I. s. 14.

По настоянію родныхъ старый студентъ сталъ искать какого нибудь положенія въ жизни. Какъ человѣкъ, вполнѣ отдавшійся поэзіи и гуманистическимъ наукамъ, онъ обратился къ герцогу миланскому, жизнь котораго смущала всѣхъ тѣми же самыми чертами, какими отличался Гермафродитъ. Онъ хотѣлъ поступить къ нему въ качествѣ придворнаго поэта, или получить другое занятіе въ этомъ родѣ. Его предложеніе было принято очень любезно. Поэтому онъ придвинулся поближе къ Милану, именно поселился въ Павіи, но сталъ выражать недовольство, долго оставаясь въ неизвѣстности. Поэтъ началъ было уже роптать на судьбу, потому что издержалъ на занятіе гуманистическими науками нѣсколько тысячъ гульденовъ и не нашелъ себѣ никакого занятія [1]). Беккаделли думалъ уже обратиться въ другое мѣсто. Правда, онъ не сдѣлался придворнымъ поэтомъ, что было идеаломъ его стремленій, но герцогъ былъ настолько милостивъ къ нему, что назначилъ ему жалованье, будто бы 800 дукатовъ, съ тѣмъ, чтобы онъ училъ въ Павіи молодыхъ людей латинскому языку. Это была обязанность легкая, такъ какъ приходилось учить немногому. Хотя онъ при своихъ счастливыхъ способностяхъ научился бѣгло писать по латыни и сочинять красивые стихи, однако не зналъ по гречески и вообще не обладалъ глубокими свѣдѣніями. А слава, которую онъ пріобрѣлъ своимъ Гермафродитомъ, замѣняла все это лишь для него лично. При этомъ въ обществѣ онъ былъ веселымъ, остроумнымъ собесѣдникомъ, который отдавалъ должную дань вину, шуткамъ и любви. Одинъ случай, произошедшій въ то время въ Веронѣ, показываетъ, какимъ значеніемъ пользовался авторъ Гермафродита. Туда явился мнимый Антоніо изъ Палермо, въ латахъ, со шпорами, въ видѣ странствующаго рыцаря, собралъ вокругъ себя народъ на торговой площади и, какъ увѣнчанный поэтъ, говорилъ рѣчи на латинскомъ языкѣ, и вызвалъ общее удивленіе. Его приглашали и угощали, а потомъ онъ исчезъ, когда явилось подозрѣніе и стали освѣдомляться у Гварино о личности прославившагося поэта [2]). И настоящій палермскій поэтъ, павійскій профессоръ, былъ тоже искатель приключеній.

Хотя намъ и не указываютъ никакой особенной причины, но мы понимаемъ, почему Беккаделли не долго читалъ лекціи въ Павіи. Все дѣло, безъ сомнѣнія въ томъ, что ему перестали платить жало-

---

[1]) . . . dum consector haec pauperitatis, volui humanitatis studia dicere. Онъ желалъ, ut mecum aliquando possim vivere et constituere iam vitae rationem ac statum. Epist. Gall. I, 6. III, 21.

[2]) Письмо Гварино къ Панормиту у Rosmini Vita di Guarino vol. II p. 43. 171.

ванье. Такимъ образомъ въ жизни Беккаделли опять наступаютъ нѣсколько лѣтъ странничества. Мы на нѣкоторое время теряемъ его изъ виду, и, вѣроятно, въ это время судьба его была такая же, какъ и его веронскаго двойника. Сотни талантовъ, такихъ же, какъ и его, пропали даромъ, Изъ Флоренціи онъ отправился въ 1435 г. въ Гаэту къ королю Альфонсу [1]). Съ этимъ вмѣстѣ для него началось новое, блестящее поприще дѣятельности.

По видимому, король не приглашалъ къ себѣ Беккаделли. Онъ самъ явился къ нему и въ искусно составленной латинской рѣчи за себя и за своего брата, изучавшаго гражданское право, выразилъ желаніе посвятить себя служенію королю, какъ его подданные [2]). Около этого времени явился и Валла, сослуживецъ Беккаделли по Павіи, а третьимъ лицомъ былъ поэтъ Порчелло, его соперникъ по неприличнымъ стихамъ. Въ лицѣ Альфонса явился новый меценатъ. Беккаделли поступилъ на личную службу къ королю. Если Валла считался секретаремъ по названію, то напротивъ Беккаделли былъ назначенъ на эту должность королемъ и въ актахъ назывался его «наставникомъ и совѣтникомъ» Почти каждый день онъ долженъ былъ читать королю, въ библіотекѣ, Ливія, записки Юлія Цезаря, Виргилія, Сенеку или другихъ писателей. Король ожидалъ отъ Валлы и отъ него рѣшенія всѣхъ научныхъ вопросовъ и благороднаго наслажденія, какъ отъ образованныхъ собесѣдниковъ. Даже и въ лагерѣ во время войны, если только оставалось свободное время, король приглашалъ къ себѣ чтеца съ его Ливіемъ [3]) Онъ по видимому, чрезвычайно привыкъ къ нему, когда дворъ находился постоянно въ Неаполѣ. Валла, конечно, былъ выше Беккаделли по учености и глубинѣ свѣдѣній, но бывалъ тяжелъ съ своими постоянными возраженіями и настойчивостью въ спорахъ. Напротивъ Беккаделли былъ превосходнымъ придворнымъ. Онъ не наскучивалъ педантскою кропотливостью и основательностью или желаніемъ поставить на своемъ. Онъ обладалъ счастливою наклонностью къ веселости и шуткѣ; его остроты еще долго потомъ помнили въ Неаполѣ. На его вѣтренность не смотрѣли особенно строго [4]) Онъ уже подъ старость женился на Лаурѣ Бечелли и сдѣлался такимъ почтеннымъ семьяниномъ, что его прошлое было забыто [5]) Онъ пользовался большимъ уваженіемъ

---

[1]) Epist. Campan. 8.
[2]) Эта рѣчь есть у Беккаделли Epist. II, Venet. 1553 fol. 122.
[3]) Epist. Campan. 38. Vespasiano Alfonso § 13.
[4]) Poggius epist. II, 29: Est enim faex orbis et tanquam scelerum omnium sentina gens illa omnis (sc. Neapolitana).
[5]) Epist. Gall. I, 1. Epist. Campan. 27.

въ Неаполѣ, хотя не могъ считаться человѣкомъ вполнѣ безупречнымъ [1]).

И расположеніе къ поэту никогда не охладѣвало, напротивъ усиливалось съ лѣтами. Сначала онъ, вѣроятно, получалъ небольшое жалованье. Но съ 1450 г. щедрый король далъ ему много доказательствъ своего вниманія и благоволенія. Въ палермскій банкъ была ассигнована пенсія въ 100 унцій золота, а другая въ 40 унцій. Поэтъ получилъ должность нотаріуса въ высшей королевской палатѣ, потомъ былъ однимъ изъ президентовъ этого судебнаго учрежденія. Конечно, никакихъ спеціально-юридическихъ занятій отъ него не требовали, Онъ былъ принятъ въ число неаполитанскихъ гражданъ и имѣлъ право помѣстить надъ своимъ фамильнымъ гербомъ знаки королевской власти. Часто его отправляли въ качествѣ посла, напр. въ Геную, нѣсколько разъ въ Венецію, Флоренцію и Феррару, при чемъ онъ говорилъ торжественныя рѣчи отъ имени своего повелителя. Король подарилъ ему старый дворецъ la Sizia близь Палермо съ принадлежащими къ нему садами, землями и доходами. Впослѣдствіи у него была также вилла близь Резины, Plinianum. Его вездѣ ставили въ образецъ того, какъ великолѣпно устраивается придворный поэтъ у великодушнаго государя [2]).

Конечно, вдохновеніе почти совсѣмъ покинуло придворнаго поэта, жившаго въ довольствѣ. Онъ какъ будто потратилъ весь свой талантъ на Гермафродита. Несмотря на свою долгую жизнь, онъ ничего больше не произвелъ кромѣ легкихъ стиховъ, рѣчей, сказанныхъ по случаю посольствъ и придворныхъ торжествъ, и собранія придворныхъ анекдотовъ [3]). Неаполь въ сущности не особенно благопріятствовалъ плодотворной дѣятельности талантовъ. Только неутомимая энергія Валлы не была надорвана неблагопріятными условіями тамошней общественной жизни. Тамъ было такъ мало книгъ, что Беккаделли долженъ былъ самъ выписывать себѣ Записки Цезаря изъ Рима и Ливія изъ Флоренціи. Трудно было даже найти

---

[1]) Нѣкоторыя подробности о немъ сообщаетъ флорентинецъ Пьеро Ченнино (1469 г.) у Morelli l. c. p. 81.

[2]) Тѣ милости, о которыхъ говорятъ Mongitore T. I p. 56 и Colangelo p. 132 на основаніи документовъ, относятся къ 1450—1451 гг. Beccateli Epist. Campan. 13. 28. Поджіо epist. X, 18 говоритъ, что Беккаделли жилось хорошо въ 1450 г. О виллѣ Plinianum на морскомъ берегу упоминаетъ Io. Iov. Pontanus Opp. Lib. I fol. 91. О посольствѣ во Флоренцію см. Fabronius Cosmi vita vol. II p. 196.

[3]) Діалогъ подъ заглавіемъ Antonius, о которомъ разъ упоминается у Понтано, кажется потерянъ. Мелкія стихотворенія, которыхъ нѣтъ въ Hermaphroditus, можетъ быть еще найдутся. Ср. Catal. codd. lat. bibl. reg, Monac. T. I P. II p. 133.

переписчиковъ [1]). Личное и даже письменное сношеніе съ гуманистами, жившими во Флоренціи, Венеціи и Миланѣ, было ограниченное. Кромѣ своего сицилійскаго земляка Ауриспы, Беккаделли изрѣдка переписывался съ Поджіо и Филельфо. Но за то онъ былъ любимецъ короля. Теперь осуществилась его мечта найдти щедраго государя, при дворѣ котораго онъ могъ бы занять безпечное положеніе поэта, мечта, однажды обманувшая его относительно Висконти. Онъ нашелъ такого государя въ лицѣ Альфонса. Быть можетъ, только въ Неаполѣ могъ жить такъ спокойно и такъ безпечно человѣкъ съ столь незавиднымъ прошлымъ.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о послѣднихъ годахъ жизни веселаго поэта. Послѣ смерти Альфонса начались волненія, которыя грозили, повидимому, разрушить и его счастье [2]). Но онъ остался вѣрнымъ владѣтельному дому, которому былъ обязанъ всѣмъ; поэтому и для него снова настали лучшіе дни, какъ и для короля Фердинанда. Правда, у послѣдняго въ библіотекѣ уже не было больше ни чтеній, ни споровъ, напротивъ изъ писемъ, написанныхъ Беккаделли отъ имени короля, видно, что онъ долженъ былъ принять на себя должность секретаря. Но всѣ подарки покойнаго короля остались у него, и даже болѣзни, которыя посѣтили его въ послѣдніе годы, не измѣнили его веселаго нрава. Онъ умеръ 76 лѣтъ отъ роду 6 января 1471 г. въ Неаполѣ [3]).

---

1) Beccatelli epist. Campan. 30.

2) Ср. его посланіе B (Bessarioni?) Legato ontificio у Bandini Catal. codd. lat. T. III p. 609. Colangelo p. 207. Филельфо къ Беккаделли отъ 12 января 1467 г.

3) Король Фердинандъ называетъ его въ 1466 г. у Colangelo p. XVIII dilectus consiliarius, secretarius et praeceptor noster. Jo. Jov. Pontanus. Opp. lib. I fol. 80. Mongitore T. I p. 57. опредѣляетъ день его смерти.—Письма Беккаделли, хотя собранныя имъ самимъ, находятся въ безпорядочномъ видѣ, почти всѣ не помѣчены и плохо разсортированы. Помогаетъ въ этомъ случаѣ старинное изданіе, которое, правда, такъ рѣдко, что его нѣтъ у Гайна и Брюнэ и по Graesse Trésor. T. V p. 121 извѣстно только въ 4 экземплярахъ. Пятый есть въ лейпцигской городской библіотекѣ; вотъ его заглавіе: Antonii Panhormitae familiarium liber incipit. Нѣтъ указанія типографщика, мѣста печатанія, года и счета страницъ. 79 листовъ 4°. Если эта книга была напечатана въ Неаполѣ въ 1470 или 1471 г., по словамъ Грессе, то еще при жизни или вскорѣ послѣ смерти автора. Второе изданіе, по видимому, самое распространенное (у меня былъ экземпляръ Геттинг. библ. вышло подъ такимъ заглавіемъ: Antonii Bononiae Beccatelli cognomento Panhormitae Epistolarum Libri V. Eiusdem Orationes II. Carmina etc. Venetiis 1553. Здѣсь первоначальный порядокъ писемъ спутанъ, но онъ еще есть въ edit. princeps, дѣленіе Epistolarum Gallicarum libri quattuov и Epistolarum Campanarum liber (написанныхъ на службѣ у Альфонса), и больше половины epistt. Gomp. попали въ Gall. Въ princeps собраніе Gall. было всего 56, а Camp. 130, во 2-мъ изданіи Gall. 142, Camp. только 54. Поэтому о хронологическомъ порядкѣ и времени появленія отдѣльныхъ писемъ можно заключать только по princeps, если нѣтъ подъ руками рукописей. Третье изданіе Antonii Beccatelli

При дворѣ Альфонса, къ которому мы возвращаемся, конечно могли ужиться вмѣстѣ такой основательной ученый, какъ Валла и такой образованный придворный, какъ Беккадели. Они даже были когда-то лучшими друзьями. Поэтъ еще въ Римѣ глубоко уважалъ Валлу, который былъ гораздо моложе его, когда послѣдній писалъ о Цицеронѣ и Квинтиліанѣ, и считалъ человѣкомъ, рожденнымъ для изученія гуманистическихъ наукъ [1]). А какъ человѣка пріятнаго въ обществѣ, онъ ввелъ его въ кружокъ своихъ друзей, принялъ также участіе въ немъ въ Павіи и стоялъ на сторонѣ Валлы, когда у него возникъ споръ съ юристами. Онъ не стыдился цѣлый годъ слушать у Валлы реторику и обыкновенно говорилъ что другихъ онъ училъ, а у Валлы самъ учится [2]). Валла съ своей стороны въ своихъ діалогахъ О наслажденіи отвелъ ему мѣсто въ дружескомъ кружкѣ, назвалъ его при этомъ отличнымъ ораторомъ и лучшимъ поэтомъ своего времени. Но еще въ Павіи между ними произошла размолвка, а когда они встрѣтились въ Гаэтѣ, то прежнія отношенія были не вполнѣ возстановлены.

Жизнь при дворѣ и ежедневныя встрѣчи въ обществѣ, собиравшемся около короля, повели къ новымъ столкновеніямъ. Часто во время чтенія Ливія оба ученые нападали другъ на друга по поводу объясненія нѣкоторыхъ мѣстъ и исправленія ошибокъ. Безъ сомнѣнія, Валла стоялъ гораздо выше своего соперника по знанію дѣла и потому былъ сильнѣе какъ противникъ. Онъ перебивалъ его объясненія колкими возраженіями. Онъ спорилъ горячо, не стѣсняясь въ выраженіяхъ и крѣпко стоялъ на своемъ, какъ во всѣ времена дѣлали филологи. Иногда онъ уличалъ своего противника въ невѣжествѣ. Эти ученые споры, по видимому, достав-

---

Siculi cagnomento Panhormitae Epistolarum Gallicarum libri quatuor. Accedit etiam Ljusdem Epistolarum Campanarum liber. Hispraemittuntur epistolae sex ex cod. ms. nunc primum in lucem erutae. Neapoli 1646. рѣдко покрайней мѣрѣ въ Германіи, но есть тоже въ лейпц. гор. библ. Это отпечатокъ изданія 1553 г., но съ множествомъ поправокъ, которыя Мегусъ нашелъ въ рукописяхъ, и лучшій текстъ, на который я поэтому и ссылаюсь. Письма, писанныя Беккадели отъ имени Фердинанда, есть въ книгѣ: Regis Ferdinandi et iliorum epistolae ac Orationes utriusque miitiae—nunc primum in lucem prodeunt. Vici Aequenses (Coppентоо) apud Josephum Cachium 1586 приложеніе къ Ioh. Mariae Saccentis partium orationis Institutio. Vice-Aequensis 1585. 8. Я напрасно искалъ его. Ср. Bandini Catal. cod. lat. T. III p. 606. 608. Colangelo Vita di Antonio Beccadelli, Napoli 1820, назывался одною рукописью Ambrosiana съ письмами. Далѣе слѣдуетъ обратить вниманіе на списокъ, помѣченный въ Tabulae codd. ms. bibl. Vindob. vol. IV p. 17.

[1]) Beccatelli epist. Gall. IV, 15 къ Марсуппини. Въ своемъ Epistolarium онъ называлъ его Gaudentius Vanius вм. Laurentius Valla; это совершенно справедливо замѣтилъ Валенъ.

[2]) Beccatelli epist. Gall. I, 40, III, 36. Valla in Facium lib. IV (Opp. p. 621).

ляли удовольствіе королю, и онъ одинаково уважалъ обоихъ соперниковъ. Но однажды во время подобнаго спора изъ за латыни терпѣніе Беккадели лопнуло, и у него сорвалось нѣсколько неосторожныхъ словъ. Валла поднесъ королю свое историческое сочиненіе, о которомъ мы еще будемъ говорить; онъ желалъ знать мнѣніе о немъ Альфонса, прежде чѣмъ приняться за окончательную отдѣлку. Но отъ королевскаго библіотекаря книга эта попала въ руки противниковъ Валлы. Самъ Беккаделли не дотронулся до нея, но подстрекалъ противъ исторіографа своего любимца, генуэзца [1]) Бартоломмео Фаціо, бывшаго ученикомъ Гварино и основательнаго латиниста [2]). Онъ подмѣтилъ въ одной первой книгѣ историческихъ разсказовъ Валлы множество ошибокъ противъ исторіи, 500 мнимыхъ погрѣшностей противъ языка, и все это распространялось тайкомъ. Всѣ подобныя козни устраивались во время отсутствія Валлы. Во время спора Беккаделли въ гнѣвѣ вдругъ упрекнулъ его въ 500 ошибкахъ, которыя собралъ Фаціо, въ присутствіи короля и множества слушателей. Мы понимаемъ въ этомъ случаѣ негодованіе Валлы. Прежде всего онъ обозвалъ Фаціо неучемъ. Потомъ споръ продолжался уже литературнымъ путемъ въ формѣ инвективъ, любимой въ то время. Оскорбленный Фаціо обрушился на своего противника со множествомъ грамматическихъ и стилистическихъ правилъ и унижалъ автора Красотъ, какъ школьника, упрекалъ его также въ нападкахъ на великіе авторитеты и въ заносчивости, даже обвинялъ въ литературной кражѣ. Валла отплатилъ ему за все это въ своихъ Встрѣчныхъ обвиненіяхъ (Recriminationes); онъ не только защищался и обнаружилъ свой критическій талантъ въ поправкахъ къ Ливію, но съ своей стороны издѣвался надъ однимъ сочиненіемъ Фаціо или Fatuus (глупецъ), какъ онъ его называлъ, и съ торжествомъ указывалъ на его незнаніе латинскаго языка [3]). Король, по видимому, не находилъ для себя ничего непріятнаго въ этой бумажной войнѣ своихъ грамматиковъ. Однако Валлѣ стало противно жить въ Неаполѣ. Ему хотѣлось воротиться на свою родину, въ Римъ, и поступить на

---

1) Его такъ часто называли, но собственно онъ былъ родомъ изъ Специіи.

2) Изъ epist. Gall. IV, 16. 17. Беккаделли видно, что онъ ѣздилъ съ его рекомендательными письмами и во Флоренцію—учиться греческому языку.

3) Изъ инвективъ Фаціо переданы большею частію только личныя нападки изъ 1 и 2 инвективы въ Miscellanea di varie operette T. VII p. 331 seq., а ученыя замѣчанія по грамматикѣ и слогу изъ 2 и 3 инвективы опущены. Recrimina tiones in Facium Валлы въ 4 кн. есть въ его Opp.—Споръ, согласно Поджіо epist. IV, 8, относится къ 1445 г. Въ соотвѣтственныхъ другъ другу письмахъ Беккаделли epist. Gall. IV, 13 и Поджіо IX, 21 отъ 1447 г. ненависть охлаждается. Поджіо получилъ инвективы Фаціо; у него списалъ ихъ Aliottus epist. IV, 45.

службу къ римскому двору, но папа Евгеній IV не хотѣлъ и слышать о примиреніи.

Виною всѣхъ этихъ размолвокъ былъ собственно одинъ пунктъ, въ которомъ неизбѣжно, приходили въ столкновеніе всѣ трое ученыхъ, какъ ни разнообразны были ихъ таланты. Король ждалъ отъ всѣхъ, что они будутъ прославлять его и его подвиги, и за эту заслугу была обѣщана высшая награда. Но понятна была и трудность задачи. Что знали о политическихъ дѣлахъ эти изслѣдователи древностей? Что они знали о дѣятельности короля въ Испаніи? Что они понимали въ войнѣ? Валла сдѣлалъ начало, разсказалъ о жизни короля въ молодости. Онъ трудился добросовѣстно, но не умѣлъ справиться съ матеріаломъ. Правда, королевскій лейбмедикъ Гаспаръ велъ дневникъ, но послѣдній былъ такъ невразумителенъ и запутанъ, что Валла не могъ имъ воспользоваться, а то, что разсказывали объ юности короля нѣкоторые старики, тоже не шло къ дѣлу [1]). Черезъ десять слишкомъ лѣтъ онъ написалъ жизнь Фердинанда I Аррагонскаго, отца Альфонса, и хотѣлъ продолжать. Это тѣ историческія повѣствованія, изъ за которыхъ вышло столько дрязговъ. Кто прочтетъ эту книгу, написанную поверхностно, тотъ замѣтитъ, съ какою неохотою авторъ писалъ ее, и пойметъ, почему продолженія не было [2]).

Тогда уже былъ приглашенъ ко двору юный Фаціо, который примкнулъ къ Беккаделли, какъ его кліентъ, съ тѣмъ, чтобы написать желаемое сочиненіе. Онъ напередъ опредѣлилъ себѣ, что его задача— «даровать королю безсмертіе», притомъ написать книгу слогомъ Юлія Цезаря, къ которому Альфонсъ питалъ особенное сочувствіе. Въ то время, какъ Фаціо трудился, онъ получалъ по 500 дукатовъ въ годъ, а когда кончилъ первыя 7 книгъ, въ которыхъ разсказывалось о военныхъ подвигахъ короля со времени прибытія его въ Италію до торжественнаго въѣзда въ Неаполь, то Альфонсъ, положившись на похвалы Беккадели, подарилъ ему 1500 гульденовъ золотомъ. Король былъ въ восторгѣ, когда авторъ прочелъ ему тотъ отдѣлъ сочиненія, въ которомъ было изображено взятіе крѣпости весьма живо и яркими красками. Это былъ панегирикъ, написанный изящнымъ слогомъ и весьма картинный, и король былъ убѣжденъ, что это сочиненіе обезсмертитъ его. Въ трехъ слѣдующихъ книгахъ оно кончалось. А въ другомъ сочиненіи О знаме-

---

[1]) Письмо его къ Бьондо отъ 13 января (1444 г.) въ Epistolae principum p. 350. Онъ уговариваетъ Бьондо: Mihi crede, nihilavidius libentiusque leget (rex), quam s. quid de se honoriticum sripsisti.

[2]) Стало быть, книга была кончена въ 1445 г.

нитыхъ мужахъ своего времени Фаціо изобразилъ короля въ концѣ цѣлаго ряда героевъ, потому что, упомянувъ о такомъ человѣкѣ, которому по добродѣтелямъ едва ли равнялись всѣ государи того времени, взятые вмѣстѣ, и который мудростію, счастіемъ и славою превосходилъ всѣхъ, о нихъ и говорить бы не стоило [1]).

Беккаделли исполнилъ свою задачу весьма легко. Его собраніе замѣчательныхъ изреченій и поступковъ короля Альфонса есть книга чисто придворная. Въ ней рельефно изображалась для потомства высокая личность короля Альфонса, изложеніе легкое, приведены прекрасныя изреченія и благородныя черты характера короля, и все это разсказано съ весьма утонченною лестью. За это авторъ получилъ 1000 дукатовъ. Къ сборнику было приложено напыщенное описаніе торжественнаго въѣзда короля въ Неаполь 26 февраля 1443 г. Цѣлью этой книги было прославленіе короля, и дѣйствительно, она доставила послѣднему гораздо больше славы, чѣмъ трудная работа Фаціо. Она была списана, напечатана, прочитана и цитирована несчетное число разъ, особенно когда къ ней будущій папа Пій II сдѣлалъ прибавленія такого же достоинства [2]).

Кромѣ троихъ ученыхъ, составлявшихъ постоянное украшеніе Неаполитанскаго двора, мы должны упомянуть и о нѣкоторыхъ другихъ, жившихъ тамъ недолго и временно пользовавшихся милостями короля. Первый итальянецъ, избравшій этого Августа своимъ повелителемъ и посѣтившій его еще въ Испаніи, былъ молодой Гвиниф орте Варзицца, сынъ Гаспарино. Отецъ когда-то считалъ его чудомъ, но онъ никогда не достигалъ славы отца. Онъ изучалъ права въ Падуѣ, потомъ вполнѣ отдался гуманнымъ наукамъ. Ему хотѣлось идти по стопамъ родителя и быть преподавателемъ ихъ въ Миланѣ. Но такъ какъ это желаніе его не исполнилось, то онъ долженъ былъ искать счастья въ другихъ мѣстахъ. Въ Миланѣ онъ вошелъ въ расположеніе къ одному послу короля Альфонса и наслышался о любви послѣдняго къ наукамъ. Поэтому онъ и рѣшился отправиться съ нимъ въ Испанію. Онъ представился королю въ

---

[1]) 7 книгъ были изданы въ 1451 г. Beccatelli epist. Campan. 22—26. Franc. Barbari epist. 119. 120. 170. Facius de vir. illustr. p. 76. 90. 93. Надъ 10-ю и послѣднею книгою Фаціо трудился въ 1456 г. Ср. его письмо къ Поджіо у Shepherd Vita di Poggio trad. Tonelli T. II num. XXIV и къ Спинолѣ Mittarelli p. 372. Vespasiano Alfonso re di Napoli § 7.

[2]) Изданіе у Potthast Bibliotheca s. v. Panormita, большею частію вмѣстѣ съ Commentarii in libros Antonii Panormitae Энея Сильвія. Что книга Беккаделли была кончена въ 1445 г., засвидѣтельствовано надписью у Morelli l. c. p. 81, слѣдовательно къ тому же времени относится и Beccatelli epist. Campan. 44. О наградѣ Ioh. Iov. Pontanus de liberalitate cap. 29.

Барселонѣ 14 марта 1432 г., сказалъ прекрасную рѣчь на латинскомъ языкѣ и отрекомендовался исторіографомъ. Онъ съумѣлъ также снискать расположеніе и великаго канцлера короля, архіепископа сарагосскаго Далмація и вліятельнаго секретаря Ольсипы. Поэтому Варзицца былъ принятъ на королевскую службу и въ августѣ сопровождалъ короля въ тунисскомъ походѣ, присутствовалъ при завоеваніи острова Джерби, написалъ въ честь этого событія маленькое историческое сочиненіе и въ октябрѣ возвратился въ Сицилію послѣ трудной поѣздки по морю. Онъ заболѣлъ, потому что не могъ выносить тамошняго климата, оставилъ службу и воротился въ Миланъ. Его ожиданія не сбылись, да и самъ онъ, по видимому, не оправдалъ надеждъ короля, какъ человѣкъ только владѣющій даромъ слова, но со скудною ученостью [1]).

Во время войны за наслѣдство Неаполитанскаго королевства, почти въ одно время съ Валлою и Беккаделли, явился при дворѣ Альфонса и Джіантоніо Порчелло де' Пандони. Онъ былъ родомъ изъ Неаполя, но больше любилъ называть себя римляниномъ, частію потому, что это казалось почетнѣе для поэта, а частію и потому, что онъ провелъ свою юность въ Римѣ [2]). По талантамъ и образованію онъ былъ очень сходенъ съ Беккаделли. И онъ не обладалъ особыми учеными свѣдѣніями, но писалъ легкимъ латинскимъ языкомъ, прекрасно выражался, а гекзаметры и пентаметры сочинялъ такъ быстро, какъ только могъ писать, конечно, не особенно изящные. По неприличію содержанія они тоже соперничали съ Гермафродитомъ, но большая часть ихъ не напечатана [3]). По своему образу жизни Порчелло былъ еще хуже своего соперника, который по крайней мѣрѣ умѣлъ себя держать прилично. Онъ ожидалъ для себя большихъ выгодъ впереди, когда выбранъ былъ папою кардиналъ Колонна, воспѣтый имъ въ длинномъ рядѣ стихотвореній. Но Мартину V, по видимому, больше не нужно было стиховъ въ этомъ родѣ [4]). 28 лѣтъ отъ роду Порчелло принималъ участіе въ народномъ

---

[1]) Guinif. Barzizii Oratt. et epistt. ed. Furietto p. 63. 82—89. Хорошій обзоръ его жизни у Мадзукелли Scritt. d'Italia vol. II. P. 1 p. 504 e seq.

[2]) Даже и Филельфо не зналъ, неаполитанецъ онъ, или римлянинъ. Между прочимъ согласно Valla Opp. p. 348 онъ былъ нѣсколько старше его.

[3]) У Jakobs и Ukert Beiträge z. älteren Litt. Bd. III s. 7 говорится о стихахъ готской рукописи: Iohannis Antho. Zodomi in Danielem adolecsentulum primarium, которые переписчикъ сообщаетъ лишь къ «вѣчному стыду» поэта. Но ихъ писалъ, конечно, не Антоній Палермскій.

[4]) Carmina ill. poet. lat. T. VI p. 500:

Carmina mille dedi dudum de prole Columnae
Pontifici sacro, carmina mille dedi.-- —

возмущенія 1434 г., которое заставило папу Евгенія IV бѣжать изъ Рима. Но черезъ пять мѣсяцевъ папа снова овладѣлъ городомъ. Порчелло былъ заключенъ въ тюрьму и потомъ выгнанъ изъ Рима. Оставивъ больную жену съ тремя дочерьми, онъ скитался всюду голодный, въ бѣдственномъ положеніи, ища себѣ мѣста у кого нибудь. Онъ нашелъ себѣ покровителя въ лицѣ графа Франческо Сфорца, который былъ врагомъ папы, подобно своему миланскому властителю. Но никто не хотѣлъ дать ему ни службы, ни пропитанія. Это типъ обнищавшаго поэта, который не нашелъ поддержки ни въ свѣтѣ, ни въ самомъ себѣ. Онъ какъ настоящій попрошай хвалилъ въ стихахъ каждаго, отъ кого могъ ожидать награды, помощи или рекомендаціи: папъ, кардиналовъ, государей, владѣтельныхъ особъ, простыхъ духовныхъ лицъ, которые могли подняться выше, и крупныя знаменитости гуманизма, голосъ которыхъ могъ имѣть силу у того или другаго мецената. Онъ льстилъ въ своихъ стихахъ Бруни, Марсуппини, Поджіо, который относился къ нему всѣхъ благосклоннѣе, къ Ауриспѣ, Веджіо и Чиріако. Поэтъ настраивалъ свою лиру на какой угодно тонъ, смотря по лицу, которое хвалилъ; у него выходила и эпическая поэма и хвалебная пѣснь, просто лесть, легкая шутка или прославленіе Венеры и Купидона, также возлюбленной, которую онъ называетъ Флорою. Обращаясь къ серьезному Веджіо, онъ высказывалъ свое отвращеніе къ Гермафродиту Беккаделли, хотя самъ съ своею музою вращался въ подобной же грязной сферѣ. Его вездѣ знали, и вездѣ онъ былъ нетерпимъ. Если ему дѣлали какой нибудь значительный подарокъ, то онъ роскошествовалъ нѣкоторое время въ древнихъ Кумахъ и въ Байяхъ, а потомъ снова являлся голодать къ своей семьѣ и снова принимался за нищенское ремесло. Порчелло уже давно утратилъ всякое чувство собственнаго достоинства. Тяжело читать, какъ онъ старается вымолить прощеніе у папы чрезъ его кубикуларія (постельничьяго), рисуетъ свое бѣдственное положеніе и смѣется надъ вздорными мечтами римлянъ о свободѣ [1]).

Онъ уже готовъ былъ воспѣвать Рене анжуйскаго, но нашелъ себѣ пристанище у короля Альфонса, можетъ быть, чрезъ Беккаделли. Это было безъ сомнѣнія, раньше пребыванія короля въ Гаэтѣ. Ко-

p. 503: Carmina mille dabit generosa ab origine patrum
Pontifici vates, carmina mille dabit.

[1]) Объ этомъ см. его стихи въ Carmina ill. poetarum Ital. T. VII, Florentiae 1720, p. 511. 512. Если бы Сфорца послушалъ его враговъ, говоритъ онъ про себя, то ему не оставалось бы никакой надежды, Et piscaturus ibo alium dominum. 29 стихотвореній въ упомянутомъ собраніи—почти все, что напечатано изъ тысячи подобныхъ же произведеній Порчелло.

роль тоже былъ врагомъ папы. Порчелло во все время войны былъ въ свитѣ короля вмѣстѣ съ Беккаделли и Валлою, потомъ повѣствовалъ о ней въ эпической поэмѣ. Во второй книгѣ ея изображался торжественный въѣздъ короля въ Неаполь, а въ третьей заключалась молитва о томъ, чтобы Богъ сохранилъ для короля Неаполь, столицу королевства [1]). Король вообще не особенно любилъ стихи, а все таки наградилъ поэта и, по видимому, взялъ къ себѣ на службу, конечно, секретаремъ. По крайней мѣрѣ мы въ это время не встрѣчаемъ его нигдѣ въ другомъ мѣстѣ, и когда въ апрѣлѣ 1452 г. императоръ Фридрихъ посѣтилъ Неаполь, то Порчелло говорилъ ему привѣтственную рѣчь и былъ за это увѣнчанъ лавровымъ вѣнкомъ рукою самаго императора, «какъ поэтъ, ораторъ и исторіографъ» [2]). Но въ ученыхъ бесѣдахъ, происходившихъ при дворѣ, онъ, по видимому, или принималъ мало участія, или ровно никакого [3]).

Вскорѣ послѣ поэтическаго вѣнчанія Порчелло, ему дано было странное порученіе. Именно король послалъ его въ лагерь венеціанцевъ, своихъ союзниковъ, кондотьеръ которыхъ, Джіакомо Пиччинино, въ 1452 и 1453 г. велъ войну съ Франческо Сфорцею. Порчелло, несомнѣнно, былъ первый гуманистъ, посланный въ лагерь въ качествѣ корреспондента и исторіографа. Онъ хвалился тѣмъ почетнымъ пріемомъ, который сдѣлалъ ему Пиччинино; но мы хорошо знаемъ, что офицеры и солдаты считали его простымъ зрителемъ. Самому ему очень лестно было—писать исторію въ лагерѣ и часто, какъ онъ увѣряетъ, съ опасностью жизни. И какъ поэтъ понималъ свою задачу! Подъ внечатлѣніемъ, вынесеннымъ изъ чтенія Цезаря и Ливія, онъ старается раздуть ничтожныя событія этой чисто наемнической войны въ величественные подвиги, влагаетъ въ уста

---

1) Это стихотвореніе нашелъ Colangelo Vita di A. Beccadelli p. 102 въ библіотекѣ герцога di Cassano Serra. Онъ предполагаетъ, что авторъ его Валла. Въ самомъ началѣ сказано:

At me quem multos iam Roma antiqua per annos
In gremio complexa suo est, et fronte benigno
Obtinuit, quique usque tuo sub nomine vixi,
Accipe, Rex sacer, etc.

Другихъ подобныхъ стихотвореній Валлы нѣтъ, да и вообще онъ не былъ поэтъ. Напротивъ, Montfaucon Bibl. bibl. T. I p. 425 и Muratori Scriptt. T. XXV въ введеніи къ комментаріямъ Порчелло упоминаютъ объ одной флорентинской рукописи: Triumphus Alphonsi regis Arragonei de victa Neapoli per Porcellum vatem Romanum. И рекомендація Siculae vates tellureis alumnus (Беккаделли) идетъ скорѣе къ Порчелло.

2) Дипломъ отъ 9-го апрѣля 1452 г. у Chmel Materialien z. öster. gesch. Bd. II. no. 7. Въ комментаріяхъ Порчелло у Муратори Scriptt. T. XX p. 79 слова: mihi, quem secretariatus honore et mille muneribus decorasti указываютъ на продолжительную службу.

3) Valla l. c. называетъ его homo in loquendo atque obloquendo libertinus. Вообще же при спорѣ между придворными учеными о немъ не упоминается.

полководцевъ рѣчи на античный образецъ, передаетъ сухія донесенія офицеровъ изящнымъ латинскимъ языкомъ, вставляетъ даже гекзаметры, и все это пересыпаетъ изреченіями древнихъ римскихъ писателей. Во всемъ его комментаріи ясно виденъ замыселъ изобразить Пиччинино Сципіономъ, именно Сципіономъ Эмиліаномъ, а Сфорцу—Аннибаломъ. При этомъ всѣ похвалы поэта, щедро расточаемыя, разсчитаны на милости и награды. Въ особенности противно его напускное благоговѣніе передъ Альфонсомъ, которому онъ посвятилъ первую книгу своихъ комментаріевъ. Онъ постоянно называетъ его divus rex или «священное величество», а себя «преданнѣйшимъ рабомъ, преклоняющимся къ его стопамъ». Пиччинино понравился этотъ Ливій, такъ какъ онъ увѣковѣчивалъ его имя, и онъ пришелъ къ убѣжденію, что по величію подвиговъ его можно поставить наравнѣ съ любымъ героемъ древности. Въ свободные часы поэтъ сочинялъ эпитафіи на латинскомъ языкѣ ему и его Гаттамелатѣ, въ которыхъ Сципіонъ не понималъ ни слова, такъ же какъ и въ комментаріяхъ. Всего страннѣе то, что Порчелло даже и во время войны обращался къ Аннибалу Сфорцѣ, своему врагу, чтобы присутствовать и въ его войскѣ въ предстоящемъ сраженіи, и его «обезсмертить» и получить награду. Дѣйствительно, ему и нѣкоторымъ его товарищамъ данъ былъ по ихъ просьбѣ свободный пропускъ. Порчелло былъ принятъ съ почетомъ и въ непріятельскомъ лагерѣ, могъ даже осматривать его, и по этому поводу прославлялъ Сфорцу, какъ великаго полководца [1]). Исторію похода 1453 г. онъ посвятилъ дожу Франческо Фоскари, котораго сравниваетъ съ Катономъ, но ставитъ выше послѣдняго. Въ извѣстіи объ одномъ сраженіи, въ которомъ онъ обращается къ дожу, онъ обѣщаетъ и ему доставить безсмертіе. И венеціанскій совѣтъ Порчелло сравниваетъ съ римскимъ сенатомъ, но тоже ставитъ первый выше. Поэтъ находитъ случай наговорить мимоходомъ комплиментовъ и Франческо Барбаро, котораго считалъ въ числѣ своихъ доброжелателей [2]). Конечно, не остался въ обидѣ и щедрый меценатъ папа, Николай V. Нѣтъ сомнѣнія, что Порчелло всѣмъ имъ разослалъ свои комментаріи, въ разсчетѣ на ихъ великодушіе. Быть можетъ, именно это неразборчивое попрошайство и было непріятно королю Альфонсу. Порчелло увидѣлъ, что король плохо наградилъ его за труды и по-

---

[1]) Онъ называетъ его fortunatissimum imperatorem et rei militaris scientia perfectissimum.

[2]) Цѣль автора обнаруживается въ корреспонденціи у Quirini Diatriba ad Franc. Barbari Epistt. p. 87. 88. 92.

священіе, поэтому оставилъ службу у него и постарался устроиться у фамиліи Малатеста въ Римини [1]).

Ауриспа, родомъ изъ Сициліи, часто посѣщалъ свою родину, и король Альфонсъ принималъ его съ особымъ почетомъ. Но онъ никогда не былъ у него на службѣ. Называютъ также сицилійскаго поэта Джіованни Марразіо [2]), который возвратился на островъ изъ Падуи, гдѣ изучалъ медицину три года или дольше. Но его больше привлекали гуманныя науки и ихъ поклонники, занятія Гварино, Веджіо, а въ особенности обоихъ аретинцевъ во Флоренціи. Марсуппини посвятилъ ему свой переводъ Батрахоміомахіи и получилъ за это поэтическую благодарность. Бруни готовъ былъ поставить наряду съ Овидіемъ и Тибулломъ, этого сицилійскаго поэта, который много сочинялъ и, подобно Ауриспѣ, воспѣвалъ любовь элегическимъ размѣромъ. Нѣтъ сомнѣнія, его имя пользовалось бы большею извѣстностью, если бы было собрано и напечатано бо̀льшее количество его произведеній [3]).—Въ свое время также былъ извѣстенъ и поэтъ Уголино Пизани изъ Пармы, авторъ комедіи Филогенія, усердный подражатель Плавта. Онъ явился въ Капую, чтобы поступить на службу къ королю Альфонсу, когда послѣдній былъ еще въ Гаэтѣ. Впослѣдствіи мы встрѣчаемъ его при дворѣ Ліонелло Феррарскаго. Кромѣ этого мы знаемъ объ Уголино только то, что императоръ Сигизмундъ увѣнчалъ его поэтическимъ вѣнкомъ [4]).

Извѣстные литераторы могли быть увѣрены въ блестящемъ пріемѣ при Неаполитанскомъ дворѣ. Въ августѣ 1453 г. сюда пріѣхалъ Филельфо, котораго уже приглашали нѣсколько лѣтъ. Онъ раньше посвятилъ королю свои сатиры, а теперь поднесъ ему ихъ лично въ Капуѣ и прочелъ нѣкоторыя мѣста. Альфонсъ оказалъ ему необычайныя почести: онъ посвятилъ его въ рыцари въ присутствіи цѣлаго двора, вручилъ ему свой родовой королев-

---

[1]) Commentarii comitis Jacobi Picinini sive Diarium ets. (1452) у Muratori Scriptt. T. XX и продолженіе (1453) T. XXV.

[2]) Mongitore Bibl. sic. T. I, p. 352 называетъ его Netinus; въ такомъ случаѣ онъ землякъ Ауриспы.

[3]) Есть 13 стихотвореній этого Marrasius Siculus въ Carmina ill. poëtarum Ital. T. VI, p. 251 seq. Часто упоминается любовная элегія Angelinetum; по Giornale stor. d. archivi Tos. vol. VII p. 143 она находилась въ библіотекѣ Федериго изъ Урбино. Въ другихъ стихотвореніяхъ, по словамъ Affo Memorie d. Scritt. Parmig. T. II, p. 259, поэтъ обращался къ папѣ Николаю V.—Cf. Leon. Bruni epist. VII, 1, Mehus обѣщалъ издать письма Марразіо. Безъ сомнѣнія, это тотъ же прославленный авторъ элегій, которому посвятилъ нѣсколько словъ Веспазіано: Malraso Ciciliano, только здѣсь онъ является не медикомъ, а buonissimo iurista e canonista.

[4]) Affo l. c. p. 169. Beccadelli epist. Campan. 22.

скій гербъ, а 21 августа собственноручно увѣнчалъ его лавровымъ вѣнкомъ, при чемъ самъ сказалъ ему длинную похвальную рѣчь. Филельфо кромѣ того навѣрное получилъ роскошные подарки, потому что съ этихъ поръ онъ безъ умолку твердитъ о славѣ и безсмертіи короля Альфонса [1]).

Упомянемъ и о пріѣздѣ къ королю епископа Энея Сильвія Пикколомини изъ Сіэны, который явился посломъ отъ своего отечественнаго города въ мартѣ 1456 г. Онъ былъ принятъ какъ извѣстный писатель, и негодованіе короля на сіэнцевъ смолкло передъ глубокимъ уваженіемъ къ ихъ образованному послу, который тотчасъ же, какъ литераторъ, отдалъ должную дань похвалъ Альфонсу.

Когда со смертью папы Николая V римскіе придворные литераторы вдругъ лишились своего покровителя, то многіе изъ этихъ бѣдняковъ съ надеждою устремили свои взоры на Неаполь. Тамъ встрѣтилъ почетный пріемъ Ѳедоръ Газскій и получилъ годичное содержаніе, которое избавило его отъ нужды [2]). Но самое почетное положеніе получилъ флорентинецъ Манетти. Онъ былъ извѣстенъ королю задолго до своего переселенія въ Неаполь и всегда, какъ литераторъ, принадлежалъ къ числу его любимцевъ. Филлософско-богословское направленіе его ума гармонировало съ наклонностью самого короля, а его находчивость въ диспутахъ и бѣглая рѣчь удивляли его. Въ первый разъ былъ онъ у короля въ 1443 г. посломъ отъ имени Флоренціи и присутствовалъ въ то время, когда Беккаделли читалъ третью декаду Ливія. Потомъ онъ опять пріѣзжалъ въ 1445 г. присутствовать отъ имени республики при бракосочетаніи Фердинанда, герцога Калабрійскаго. Его рѣчь, которою и мы можемъ наслаждаться, долго была въ памяти при тамошнемъ дворѣ. Въ то время, какъ онъ говорилъ ее, на носъ королю сѣла муха, но онъ согналъ ее только тогда, когда ораторъ кончилъ [3]). Третье посольство имѣло политическій характеръ, когда республика находилась въ затруднительномъ положеніи. Въ 1450 г. король былъ врагомъ ея, и Манетти долженъ былъ склонить его къ миру. Рѣчь его, вѣроятно, понравилась королю [4]), но не имѣла желаннаго успѣха. Напротивъ, та милость, которою Манетти пользовался лично, навлекла на него невзгоду въ родномъ городѣ. На вопросъ Альфонса, какая главная обязанность человѣка, онъ отвѣчалъ: «трудиться и учиться», и потомъ написалъ объ этомъ разсужденіе, которое посвятилъ королю.

---

[1]) Panormita de dict. et fact. Alphonsi III, 11. Facius de vir. ill. p. 5.

[2]) Facius l. c. p. 27. Письмо Филельфо къ Ѳедору Газскому отъ 25-го октября 1456 г.

[3]) Этотъ придворный анекдотъ кромѣ Веспазіано сообщаетъ и Panormita l. c I, 46.

[4]) Она тоже сохранилась. См. Mittarelli p. 722.

Эту преданность Альфонсу во Флоренціи ему поставили въ вину. Но, конечно, больше значенія имѣли для него личныя выгоды. Король далъ его сыну и его товарищамъ привелегію на торговлю сукномъ, въ силу которой только они могли вести этого рода торговлю въ неаполитанскомъ королевствѣ, а всѣмъ другимъ флорентинцамъ это было запрещено. Мы помнимъ, какимъ образомъ съумѣли удалить его изъ Флоренціи [1]).

Пока живъ былъ папа Николай V, Манетти пользовался хорошимъ положеніемъ при его дворѣ. Послѣ смерти папы онъ отправился въ Неаполь. Тамъ однажды, послѣ диспута о Троицѣ въ библіотечной залѣ, король подвелъ его къ окну, выходившему на море, и предложилъ ему мѣсто при своемъ дворѣ на самыхъ почетныхъ условіяхъ. Король сказалъ, что если у него будетъ только кусокъ хлѣба, то и тѣмъ онъ подѣлится съ нимъ. Такимъ образомъ Манетти совсѣмъ переселился въ Неаполь въ 1455 г. Альфонсъ назначилъ его своимъ совѣтникомъ и однимъ изъ предсѣдателей уголовной палаты, какъ Беккаделли. Онъ опредѣлилъ ему ежегодное содержаніе въ 150 унцій, или 900 дукатовъ, тогда какъ онъ даже у папы Николая получалъ только 600 [2]). Онъ устроилъ ему такое положеніе, что онъ вполнѣ могъ отдаваться благородному досугу, именно избавилъ его отъ обязанности постоянно являться ко двору. Король, по словамъ его, знаетъ, что ученые не любятъ терять времени. Если ему будетъ нужно, то онъ пошлетъ за нимъ; для него довольно и той чести, что онъ живетъ при его дворѣ.

Такимъ образомъ Манетти жилъ въ Неаполѣ въ довольствѣ, держалъ прислугу и лошадей, въ домѣ у него любило бывать общество, а для ученыхъ занятій при немъ постоянно были два или три писца. Тѣ три года, въ теченіи которыхъ онъ пробылъ у Альфонса, были очень плодовиты въ отношеніи его литературной дѣятельности. Онъ перевелъ псалмы съ еврейскаго языка на латинскій и посвятилъ ихъ королю Альфонсу. Послѣдній не обращалъ вниманія на тѣ упреки, которые другіе дѣлали Манетти, будто онъ хотѣлъ превзойти въ этомъ отношеніи семьдесятъ толковниковъ и блаженнаго Іеронима. Но Манетти, чтобы очистить себя отъ этого упрека, написалъ еще

---

[1]) Vespasiano Comment. di Manetti p. 19. 28. 30. 57. 72. Привилегія ibid. p. 159. Но она не могла быть дана 12-го іюля 1459 г., потому что Альфонсъ умеръ въ 1457 г. По индикту и по вычисленію сицилійскаго оффиціальнаго года напротивъ выходитъ 1451 или 1452 г. И разсказъ у Vespasiano Comment. p. 89 предполагаетъ время до 1455 г.

[2]) Патентъ отъ 30-го октября 1455 г. у Vespasiano l. c. p. 155. Между подписавшимися выше всѣхъ стоитъ имя Антонія Палермскаго.—О жалованьи также см. Vespasiano Proemio alla vita de Allessandra de'Bardi ed. Bartoli p. 581.

пять книгъ апологетическаго характера. Онъ также перевелъ Новый Завѣтъ съ греческаго языка на латинскій и нѣкоторыя сочиненія Аристотеля. Онъ исправилъ свое сочиненіе, направленное противъ евреевъ, и прибавилъ къ нему еще двѣ книги. Четыре книги о землетрясеніяхъ были написаны имъ по особому желанію короля и посвящены ему. Наконецъ онъ началъ писать біографію Альфонса, котораго хотѣлъ поставить въ параллель съ Филиппомъ, царемъ Македонскимъ, но смерть прервала этотъ трудъ, когда уже нѣсколько книгъ были готовы. Какъ бы мы ни судили о сочиненіяхъ Манетти, но то теплое сочувствіе, которое питалъ король къ его научнымъ занятіямъ, и его покровительство ясно говорятъ въ этомъ случаѣ въ пользу писателя, какъ и покровительство, оказанное Валлѣ, въ пользу послѣдняго. Филельфо считалъ счастливымъ такого человѣка, какъ Манетти, который оставилъ свой отечественный городъ, находившійся въ шаткомъ политическомъ положеніи, и нашелъ надежный пріютъ въ Неаполѣ. Фердинандъ сохранилъ къ нему тѣ же отношенія, въ какихъ былъ его отецъ. Манетти умеръ 27 октября 1459 г. вдалекѣ отъ своей родины, но въ большомъ почетѣ. Во Флоренціи по немъ служили торжественныя панихиды въ монастырѣ С. Спирито, гдѣ нѣкогда умъ его получилъ рѣшительное направленіе [1]).

Изъ знаменитыхъ ученыхъ, посвятившихъ королю свои произведенія, хотя не посѣщавшихъ его дворъ, назовемъ Ліонардо Аретино, Поджіо, Дечембріо и Георгія Трапезунтскаго. За эту дань уваженія, оказанную заочно, Альфонсъ тоже платилъ щедро. Чтобы привлечь къ своему двору Ліонардо Бруни, онъ требовалъ, чтобы послѣдній предложилъ какія угодно условія [2]). Поджіо постоянно говорилъ ему о щедрости государя и самъ обильно пользовался ею [3]). Говорятъ, что Альфонсъ расходовалъ по 20000 золотыхъ гульденовъ въ годъ на жалованье и вспоможенія ученымъ. Но, повторяемъ, не одно только это, а еще въ большей мѣрѣ личное участіе, принимаемое королемъ въ писателяхъ, и то покровительство, которое онъ имъ оказывалъ, вполнѣ достойны меценатскаго вѣнка.

---

[1]) Vespasiano l. c. p. 89--92, 101. 108. Тутъ есть и подтвердительная грамота Фердинанда (p. 158) отъ 25-го августа 1458 г. День смерти опредѣляютъ Fontius Annal. ed. Galletti p. 155 и Buoninsegni Storie p. 126—27, Веспазіано 26-го октября.— Изъ уважаемыхъ посѣтителей Альфонса. Джіакомо Куріо у Mittarelli p. 295 называетъ еще кардинала Виссаріона, а изъ такихъ, которые нѣсколько времени жили при дворѣ, Никколо Сагундино, Понтано и самаго себя; онъ помогалъ своему другу и земляку Фаціо при обработкѣ его сочиненій.

[2]) Vespasiano: Lionardo d'Arezzo § 9.

[3]) См. выше стр. 309 сл.

Время правленія его сына Фердинанда выходитъ далеко за предѣлы тѣхъ десятилѣтій, исторію которыхъ мы должны разсказать здѣсь. Герцогъ Калабрійскій былъ окруженъ придворными учеными. съ раннихъ лѣтъ учился у Беккаделли и Валлы и часто слыхалъ отъ нихъ, что государь всего скорѣе и лучше прославится, если будетъ покровительствовать наукѣ и ея дѣятелямъ. Сдѣлавшись королемъ, онъ продолжалъ образъ дѣйствій своего отца. И Беккаделли и Манетти сохранили свое почетное положеніе. На горизонтѣ появились новыя свѣтила. Но Джіовіано Понтано, глава неаполитанской академіи ученыхъ и философовъ, Константинъ Ласкарисъ и Пандольфо Колленуччіо принадлежатъ къ позднѣйшему періоду, когда уже античный духъ является торжествующимъ.

Въ Миланѣ господствовали Висконти, фамилія, у членовъ которой мы часто встрѣчаемъ пагубную страсть къ чувственнымъ наслажденіямъ, жестокости и тираніи, именно въ силу этого явленія характеры извѣстныхъ цезарей изъ рода Юліевъ являются роковыми загадками для психолога. Такой тиранъ, какъ всевластный архіепископъ Джіованни Висконти, основатель могущества этого дома, нашелъ нужнымъ загладить свою жестокость и коварную завоевательную политику основаніемъ церквей и покровительствомъ ученымъ. Петрарка былъ при его дворѣ и служилъ тирану, жертвуя своимъ философскимъ величіемъ спокойной жизни придворнаго. Но, какъ бы искусно онъ ни прикрашивалъ это, его осьмилѣтнее пребываніе въ Миланѣ послужило примѣромъ для многихъ придворныхъ поэтовъ и ораторовъ позднѣйшаго времени. Однако онъ основалъ здѣсь пріютъ для музъ, чему способствовало обаяніе его личности и его имени, которыя всюду вызывали почитателей и подражателей. Тотъ поэтъ, который сочинилъ надгробную надпись епископу въ гекзаметрахъ въ 1354 г., былъ Габріелле Заморео изъ Падуи, адвокатъ и докторъ правъ, давно уже бывшій страстнымъ поклонникомъ Петрарки. Въ его поэтической и ученой дѣятельности онъ хотѣлъ видѣть возвращеніе золотаго вѣка Сатурна [1]).

Джіангалеццо былъ настоящій типъ деспота; онъ замышлялъ свои хитросплетенныя козни въ павійскомъ замкѣ, нападалъ на сосѣдей и разорялъ ихъ при помощи своихъ наемныхъ войскъ. Императоръ

[1]) См. выше стр. 141. О надгробной надписи см. Wetunsky, Der erste Römerzug Kaiser Karl. IV, s. 10.

не былъ духовнымъ лицомъ, а напротивъ женился. Въ 1403 г. онъ былъ уже на службѣ у герцога Джіанмаріи секретаремъ, или канцлеромъ [1]).

Какъ скоро эти поэты и стилисты дѣлались съ своею музою покорными слугами разныхъ властителей! Въ 1390 г. Лоски написалъ трагедію Ахиллесъ, сочиненіе о звѣздахъ, о происхожденіи вещей; впрочемъ два послѣдінія сочиненія извѣстны только по заглавіямъ. Теперь онъ сочинилъ эпитафію на памятникъ герцога Джіангалеаццо [2]). Въ 1403 г. онъ пишетъ язвительный памфлетъ противъ флорентинской республики, за который былъ подвергнутъ осмѣянію канцлеромъ Салютато и Чино Ринуччини [3]). Въ стихотвореніяхъ его, относящихся къ этому времени, бо̀льшею частію проводятся политическія тенденціи. Онъ восхваляетъ въ нихъ миланское государственное устройство и нападаетъ на республики. Повидимому, Лоски былъ замѣчателенъ и какъ придворный ораторъ [4]). Ко времени его пребыванія въ Миланѣ относятся и изслѣдованія его о реторическомъ искусствѣ въ рѣчахъ Цицерона, которыми онъ прославился и которыя такъ часто списывались и печатались. Но онъ не могъ долго оставаться въ Миланѣ. Съ 1406 г. онъ служилъ секретаремъ у нѣсколькихъ папъ, и потому мы встрѣтимъ его въ числѣ гуманистовъ при римскомъ дворѣ [5]).

Филиппъ Марія, послѣдній Висконти, выросшій среди ужасныхъ сценъ варварства и жестокостей, былъ жалкій деспотъ, постоянно боявшійся измѣны, яда и убійства, хотя ему въ жизни нечего было терять кромѣ развѣ наслажденія собственною низостью и коварствомъ. Безъ сомнѣнія, въ глубинѣ души онъ былъ еще хуже, чѣмъ могъ обнаружить себя. Онъ умѣлъ обуздать свою жестокость и принималъ на себя личину доброты и правосудія, потому что чувствовалъ свое положеніе шаткимъ. Чуждый любви и ненависти, презирая свѣтъ и свое собственное существованіе, онъ игралъ людьми и политикою, какъ человѣкъ, который сознавалъ, что все сдѣланное имъ послѣ его смерти погибнетъ. Ему не о комъ было заботиться, потому что наслѣдниковъ не было, и онъ съ злорадствомъ думалъ о томъ,

---

1) Carmina p. 44 онъ подписывается въ одномъ стихотвореніи отъ X idus (?) 1403 такъ: ducis Mediolani cancellarius secretarius.

2) Mehus Vita Ambros. Travers p. 208.

3) См. выше стр. 190.

4) Tomasinus Bibl. Patav. Ms. p. 26 помѣчено: Antonii Lusci secretarii ducis Mediolani... orationes.

5) Antonii de Luchis carmina quae supersunt fere omnia. Patavii 1858. Къ этому примыкаетъ хорошая, опирающаяся на новый матеріалъ біографія Giov. da Schio sulla vita e sugli scritti di Antonio Loschi. Padova 1858.

что его смерть, конечно отъ руки убійцъ, повлечетъ за собою бѣдствія несчетнаго множества людей и потрясетъ государство.

Однако и у этого Нерона были свои поэтическіе порывы. Природа отмѣчаетъ эти извращенныя созданія тою особенностью, что совмѣщаетъ въ нихъ крайности. Онъ еще въ юности восхищался стихами Петрарки. Ему также объясняли поэму Данта, или ради моды читали что нибудь изъ переведеннаго Ливія или другаго какого нибудь классика, повѣтствовавшаго о дѣяніяхъ знаменитыхъ мужей, наконецъ читали французскіе рыцарскіе романы. Все это однако дѣлалось безъ всякаго порядка и связи, смотря по минутной прихоти принца.

Его коренныя склонности и привычки влекли его въ совершенно иную сферу. Онъ былъ большой охотникъ до дорогихъ лошадей и любилъ проводить время въ своихъ роскошныхъ конюшняхъ, зналъ толкъ въ сѣдлахъ и упряжи. Когда онъ растолстѣлъ, то хотя и не ѣздилъ больше верхомъ, однако любилъ укрощать буйныхъ лошадей, приказывалъ выдергивать зубы тѣмъ, которыя не любили узды, а жеребцовъ, которые громко ржали, усмирялъ тѣмъ, что дѣлалъ надрѣзы на языкѣ или другими средствами. Въ подобномъ же духѣ обходился онъ и съ людьми. Его придворные, чиновники и кондотьеры были окружены подкупленными писцами и шпіонами, а за послѣдними тоже былъ устроенъ надзоръ. Ему доносилось обо всемъ, и онъ былъ изобрѣтателенъ на разныя средства испытывать честность и преданность своихъ слугъ. Если ему кого нибудь хотѣлось наградить, то онъ нерѣдко сначала ругалъ его и называлъ никуда негоднымъ глупцомъ. А когда онъ сердился, то смѣялся. Ему доставляло наслажденіе сдерживать въ себѣ желаніе мести и поражать свою жертву вдругъ, тогда, когда это было особенно чувствительно для нея. Несчастныхъ часто влачили на заключеніе въ дальнія тюрьмы, потомъ опять приводили къ нему и мучили, снова уводили, и они сами не знали, за что они терпятъ такое истязаніе. Всѣхъ ближе были къ нему красивые пажи, которые, служа ему, дѣлались, наконецъ государственными людьми. Одною изъ любимыхъ забавъ герцога было прятать въ руку змѣй, у которыхъ были вынуты ядовитые зубы, и пугать ими трусливыхъ. Немногіе придворные пользовались правомъ — помогать герцогу считать заповѣди и псалмы, которые онъ имѣлъ обыкновеніе бормотать про себя во время прогулки и число которыхъ умѣлъ ловко опредѣлять извѣстнымъ положеніемъ пальцевъ. Разговоръ его постоянно вращался около военныхъ и политическихъ предпріятій, но больше рѣчь шла о лошадяхъ, собакахъ и пошлыхъ шуткахъ. Но иногда онъ начиналъ ругаться своимъ грубымъ голосомъ, или злобно смѣяться; онъ встрѣчалъ каждаго насмѣшливыми остротами, даже своего духовника. Герцогъ никогда

не ходилъ безъ поддержки: обыкновенно это противное созданіе съ нависшими бровями, желтоватыми глазами, тупымъ носомъ, большимъ ртомъ, короткими толстыми пальцами и совершенно кривыми ногами опиралось на одного изъ своихъ пажей или шутовъ.

Что могли дать науки такому жалкому, неразвитому человѣку! Говорятъ, что онъ очень уважалъ астрологовъ; во всякомъ случаѣ онъ вѣрилъ въ самый слѣпой фатализмъ, потому что постоянно боялся какого нибудь несчастія, однако принималъ всѣ мѣры, чтобы отклонить опасность. Врачи почти не отходили отъ него и при малѣйшемъ ощущеніи боли давали свои совѣты. Однако онъ смѣялся надъ ихъ искусствомъ. Музыку и сценическое искусство онъ считалъ глупостью; онъ больше любилъ проводить время за игрою въ карты и кости [1]). Латинскій языкъ герцогъ зналъ очень плохо. Гуманистическія идеи ни мало не коснулись его, но у него все таки было желаніе быть героемъ придворной исторіи и казаться свѣту меценатомъ. Поэтому ему тоже воскурялся классическій ѳиміамъ, какъ и другимъ властителямъ, и мы готовы были бы признать его за великодушнаго поклонника музъ, только къ сожалѣнію онъ былъ послѣднимъ членомъ своей династіи, а потому послѣ его смерти о немъ можно было говорить свободно. Конечно, при дворѣ такого повелителя не было никакой литературной дѣятельности. «Здѣсь наши труды не пользуются почетомъ», писалъ Пьеръ Кандидо Дечембріо одному флорентинцу; «все стремится къ честолюбивымъ цѣлямъ и удовольствіямъ». Изъ людей, окружающихъ герцога, хвалятъ только Франческо Барбаро, какъ человѣка умнаго и доброй нравственности. Онъ по крайней мѣрѣ чтилъ великихъ тосканскихъ поэтовъ и былъ въ дружбѣ съ Филельфо [2]).

Въ Миланѣ жилъ Андреа́ де Биліисъ, человѣкъ глубокой учености, монахъ августинскаго ордена, замѣчательный философъ и богословъ, знавшій также языки греческій и еврейскій. Онъ сочинялъ отличные трактаты и перевелъ сочиненія Аристотеля. Но нѣтъ указаній на то, чтобы онъ имѣлъ какія нибудь связи съ дворомъ. Потомъ онъ переселился въ Сіэну и читалъ тамъ лекціи; къ числу его слушателей принадлежалъ и Пикколомини [3]).

---

[1]) Эта характеристика основана большею частію на Petr. Cand. Decembrius vita Philippi Mariae ap. Muratori Scriptt. T. XX; характеристика чисто въ духѣ Светонія.

[2]) Письмо Дечембріо къ Никколи въ письмахъ Ambr. Trav. epist. XXV, 7. L. B. Abberti Della famiglia (Opp. volg. T. II p. 387). Очень часто этотъ Барбаваро является у Osio Documenti dipl. Milan. vol. II около 1427 г. секретаремъ.

[3]) Blondus Ital. illustr. p. 367. Всѣхъ подробнѣе говоритъ о немъ его орденскій братъ Iac. Phil. Bergomas, fol. 279. Aeneas Sylvius de vit. clar. XVI.

Въ ряду знаменитостей, украшавшихъ собою Миланъ, считали и Джузеппе Бриппи, или Бривіо[1]; онъ, вѣроятно, сверстникъ Лоски. Подобно ему онъ слылъ за поэта и писалъ стихотворенія на латинскомъ языкѣ. Уже лѣтъ двадцати, сдѣлавшись священникомъ въ миланскомъ соборѣ, онъ изучалъ въ Павіи духовныя науки и сдѣланъ былъ докторомъ богословія и каноническаго права. Но его постоянно увлекали краснорѣчіе и поэзія. Онъ былъ самымъ подходящимъ человѣкомъ для того, чтобы сказать въ Павіи рѣчь папѣ Мартину V, возвращавшемуся съ констанцскаго собора[1]) и сочинить надпись къ памятнику, который сооруженъ былъ этому папѣ въ миланскомъ соборѣ, алтарь котораго онъ освятилъ въ то время. Онъ тоже сказалъ отъ имени герцога привѣтствіе императору Сигизмунду, когда послѣдній пріѣхалъ въ Миланъ[2]). Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ ко двору. За то нашъ поэтъ-священникъ былъ въ сношеніяхъ съ Бруни, Никколи, Уберто-Дечембріо и Веджіо, а съ Антоніо Лоски былъ особенно друженъ[3]). Онъ былъ также близокъ съ Валлою, и когда послѣдній писалъ свое сочиненіе Объ истинномъ благѣ, то и его почтилъ въ немъ ролью собесѣдника[4]). Бриппи гордился тѣмъ, что его племянница Джунипера Бриппи пошла по той же стезѣ латинскаго образованія, по которой онъ самъ шелъ въ своей юности[5]). Насколько мы знаемъ, онъ во все время своей жизни въ Миланѣ воспѣвалъ въ гекзаметрахъ музъ и Аполлона. Но, подобно Лоски, онъ уже подъ старость перешелъ на службу къ папскому двору. Съ тѣхъ поръ онъ перелагалъ въ стихи только легенды о святыхъ.

Мы упомянули о Гаспарино да Варзиццѣ, странствующемъ наставникѣ, который въ лучшіе годы своей жизни, обремененный громадною семьею, скитался по свѣту съ нуждою и горемъ. Долго онъ бѣдствовалъ, не встрѣчая сочувствія именно на своей родинѣ, пока Филиппъ Марія не пригласилъ его въ 1418 г. въ Миланъ — основать тамъ высшую латинскую школу. Такимъ образомъ нашелъ онъ надежный пріютъ подъ старость. Онъ и не занималъ другаго положенія, кромѣ положенія наставника, содержащаго

---

1) Но самъ онъ, кажется, всегда называлъ себя только Брипіусомъ.

2) 11 октября 1418 г. Morelli Cod. ms. bibl. Nanianae p. 112. Онъ называется ordinarius ecclesi ae minoris Mediolani, studens in theologia et philosophii.

3) См. Wattenbach въ Leitshr. für die Geschichte des Oberreheins Bd. XXII s. 80.

4) Mehus Vita Ambros. Travers. p. 79. Mazhuchelli Scritt. d'Italia vol. II P. IV p 2115.

5) Валла вводитъ его какъ homo rerum humanarum divinarumque pepitissimus et vitae gravitate praestans et dicendi facultate etc.

6) Его стихотвореніе къ ней въ Guinif. Barzizii Orat. et Epist. ed. Furietto p. 109.

школу [1]). Но Гаспарино собственно не былъ учителемъ грамматики. Образцы его рѣчей и писемъ показываютъ намъ, какъ онъ училъ своихъ учениковъ чистой и изящной латыни, конечно, часто безсодержательной и безцвѣтной. Школа цицероновскаго слога, основателемъ которой его слѣдуетъ признать, во многихъ случаяхъ содѣйствовала именно безцвѣтности въ литературѣ, но оказала также большія заслуги стремленіемъ къ изяществу формы. Кромѣ того Гаспарино говорилъ торжественныя рѣчи по случаю церковныхъ и придворныхъ празднествъ. Онъ и раньше прибытія въ Миланъ всегда готовъ былъ говорить рѣчи на разные случаи [2]). Когда онъ оставилъ занятія въ 1431 г., то 24-хъ лѣтній сынъ его хлопоталъ о должности отца въ просьбѣ, поданной герцогу, доказательство, что она зависѣла отъ него и онъ же платилъ жалованье. Но школа была ввѣрена Антоніо да Ро, и молодой Варзицца долженъ былъ остаться безъ занятій, хотя онъ и ставилъ на видъ ту славу, какую пріобрѣтетъ себѣ герцогъ [3]), если соберетъ множество риторовъ въ Миланѣ. Самъ по себѣ сынъ былъ достоинъ отца, который видѣлъ въ немъ «божественный умъ» еще тогда, когда ему было всего семь лѣтъ. Но если старикъ шелъ своимъ *самобытнымъ* путемъ, то сынъ является его искуснымъ послѣдователемъ. Онъ изучалъ права въ Падуѣ, а потомъ девятнадцати лѣтъ получилъ степень доктора искусствъ, но въ душѣ всегда былъ преданъ гуманнымъ наукамъ. Онъ зналъ и греческій языкъ и даже отчасти еврейскій. Быть можетъ, онъ былъ нѣкоторое время ученикомъ Гварино [4]). Такъ какъ въ Миланѣ въ немъ не имѣли нужды, то онъ принялъ предложеніе епископа новарскаго Бартоломмео, о которомъ намъ часто приходится говорить, какъ о покровителѣ и другѣ гуманистовъ, и читалъ лекціи о классическихъ писателяхъ [5]). Потомъ онъ задумалъ отправиться въ Испанію, о чемъ мы разсказывали выше, искать мѣста у короля Альфонса, но воротился разочарованный изъ Сициліи въ Миланъ въ январѣ 1433 г. Только теперь онъ поступилъ на службу къ герцогу [6]).

1) Секретарь Гаспаринусъ, встрѣчающійся у Osio Documenti vol. I въ 1390 и 1392 гг., разумѣется, не Варзицца.

2) Рядъ его рѣчей, въ томъ числѣ и такія, которыя онъ писалъ для другихъ, въ изданіи его сочиненій Фуріэтти. Tabulae codd. ms. bibl. Vindob. vol. III p. 178.

3) Его Supplex Libellus ad Philippum Mariam отъ 11 февр. 1431 г. въ его Oratt. et Epistt. ed. Furietto p. 10.

4) Это можно заключить изъ его письма къ Гварино у Lamius Catal. bibl. Riccard. p. 58.

5) Въ Новорѣ онъ читалъ первую лекцію 8 іюня 1431 г.

6) Въ одномъ письмѣ ed. Furietto p. 92 онъ величаетъ себя ducalis vicarius generalis. Я не знаю что это значитъ, во всякомъ случаѣ немного, если секретарство считалось повышеніемъ.

Потомъ онъ получилъ и каѳедру своего отца [1]); въ 1442 г. онъ сдѣланъ былъ секретаремъ или канцлеромъ герцога [2]), человѣкомъ съ вѣсомъ и вліяніемъ. Ему поручались посольства, и онъ состоялъ на службѣ у Филиппа Маріи до самой его смерти. Отъ науки онъ, по видимому, все болѣе и болѣе отдалялся. Кромѣ комментарія къ Божественной комедіи, который онъ долженъ былъ написать по приказанію герцога, притомъ на тосканскомъ нарѣчіи [3]), онъ вообще писалъ только стихи и рѣчи, въ которыхъ нельзя не узнать направленія отца.

Когда молодой Гвинифорте, ища должности наставника, долженъ былъ уступить францисканскому монаху Антоніо да Ро (послѣдній родился въ окрестностяхъ Милана), то выборъ герцога палъ, безъ сомнѣнія, на человѣка болѣе ученаго. Братъ Антоніо былъ прежде всего богословъ, но также основательный знатокъ грамматики и вообще коротко знакомъ съ древнею литературою. Мы мало знаемъ объ его преподавательской дѣятельности, о которой не заботился и герцогъ. По видимому, латинская школа для знатнаго юношества не особенно процвѣтала. Но сочиненія францисканца вызвали въ то время не малый интересъ по своеобразному выбору сюжетовъ.

Въ 1443 г. онъ обнародовалъ свои Три діалога о заблужденіяхъ Лактанція, которые поднесъ папѣ Евгенію IV, дружескіе разговоры на манеръ Цицероновыхъ, въ которыхъ собесѣдниками являются почти исключительно свѣтскія лица, миланскіе юристы, какъ напр. Никколо д' Арцимбальди и Гварнеріо да Кастильоне, гуманисты, какъ напр. Кандидо Дечембріо и Франческо Барбаро. Самъ авторъ является здѣсь только слушателемъ и изъ осторожности пользуется свободою выражать смѣлыя мнѣнія, какъ Валла въ своихъ разговорахъ о наслажденіи. А въ тоже время онъ имѣетъ возможность заставить рядомъ съ блаженнымъ Августиномъ и схоластиками говорить чужими устами Цицерона, Сенеку, Ливія и Демосѳена, не компрометтируя своего монашескаго сана. Конечно, собесѣдники единогласно признаютъ достоинства гладкаго и краснорѣчиваго языка христіанскаго Цицерона, но высказывается и тотъ взглядъ, что онъ видимо щеголяетъ своимъ изяществомъ и мирится со всѣмъ, что только дастъ ему поводъ блеснуть красотою рѣчи. На-

---

[1]) Его вступительная рѣчь 17 января 1435 г.

[2]) Это мы видимъ изъ писемъ Энея Сильвія къ нему и архіепископу миланскому отъ 5 ноября 1442 г. и 10 іюля 1443 г. и изъ отвѣтовъ архіепископа отъ 4 января и Гвинифорте отъ 19 ноября 1443 г.

[3]) Oratt. et Epistt. ed. Furietto p. 76. 163.

конецъ на него нападаютъ во всеоружіи схоластики и догматики, и въ его Божественныхъ институціяхъ находятъ длинный рядъ отступленій и ошибокъ [1]). Какъ извѣстно, Лактанція церковь никогда не признавала правовѣрно мыслящимъ писателемъ. Но о его еретическихъ выходкахъ уже забыли, и даже духовныя особы были поражены этими безпощадными нападками на такого великаго церковнаго писателя. Въ особенности питали къ нему любовь гуманисты. Братъ Адамо изъ Генуи насмѣхался въ желчныхъ эпиграммахъ надъ глупымъ миланцемъ, который порочитъ одно изъ «великихъ свѣтилъ святой Церкви [2]). «Филельфо по дружески хотѣлъ ему объяснить, что глупо такъ дерзко нападать на столь ученаго и краснорѣчиваго писателя [3]). Но было гораздо хуже упрекать Лактанція въ догматическихъ заблужденіхъ, чѣмъ блаженнаго Іеронима въ ошибкахъ, сдѣланныхъ въ текстѣ св. Писанія, или смѣяться надъ Дунсомъ Скотомъ и Лирою, и опаснѣе раздражить собесѣдниковъ гуманистовъ, чѣмъ инквизицію.

Въ другомъ сочиненіи братъ Антоніо является исключительно грамматикомъ и риторомъ. Онъ назвалъ его de imitatione, но оно, насколько мы знаемъ, преслѣдуетъ ту же цѣль, какъ и Красоты Валлы [4]). Нельзя рѣшить, которое сочиненіе явилось раньше. Но мы готовы признать старшинство за миланскимъ писателемъ, потому что по поводу одного спеціальнаго правила, отысканнаго Валлою, по его словамъ, раньше, онъ не ссылается на свои Красоты, а обвиняетъ своего противника въ томъ, будто онъ заимствовалъ его у одного изъ его слушателей. Оба они были когда-то дружны между собою въ Миланѣ. Во второй редакціи своихъ разговоровъ Объ истинномъ благѣ Валла далъ ученому минориту роль судьи въ спорѣ и сравнилъ его съ Исократомъ [5]). Теперь онъ доказывалъ, что Антоніо не въ состояніи писать о краснорѣчіи и съ крайнею придирчивостью старался отыскать у него ошибки.

---

1) Все предисловіе и длинное извлеченіе изъ Fratris Antonii Raudensis de Lactantii erratis dialogi tres сообщилъ G. P. H. Beck Dissert. inaugur. de Orosii fontibus . . . . . et alia de Antonii Raudensis aliquo opere inedito, Marburgi 1832, по парижскимъ рукописямъ.

2) У Bandinius Bibl. Leop. Laurent. T. I, p. 44. Двустишія помѣчаются и въ Tabulae codd. ms. Biblioth. Vindob. vol. II p. 198.

3) Письмо Филельфо къ Антоніо отъ 30-го декабря 1443 г. По этому письму можно узнать, когда написана книга.

4) Такъ какъ оно не напечатано, то мы о немъ знаемъ лишь изъ In errores Antonii Raudensis Annotationes Валлы, часто печатающихся съ Красотами также въ Opp. p. 390. Въ парижской рукописи, на которую указываетъ Beck I. c. p. 9, оно, повидимому, озаглавлено такъ: Dictionarium de elegantiis latinae linguae, что собственно невѣрно.

5) In tribuendu oratoria arte magno illo Socrati comparandus.

Въ этомъ сказалась мелочная зависть и педантская придирчивость грамматика. Но его инвектива и его Красоты заставили забыть о книгѣ миланскаго ученаго, можетъ быть, незаслуженно.

Были граматики и наставники при дворѣ герцога Филиппа, но недоставало еще настоящаго гуманиста, поэта и исторіографа, который бы позаботился о славѣ и безсмертіи его. Этотъ недостатокъ замѣнилъ Беккаделли, веселый авторъ Гермафродита, еще будучи въ Сіэнѣ. Поэтъ явился къ герцогу, назвалъ себя почитателемъ его «почти божественныхъ добродѣтелей», сослался на то, что еще предки его служили дому Висконти, и объявилъ, что только поэтъ можетъ доставить ему безсмертіе [1]). Онъ прямо объяснилъ совѣтникамъ герцога, Франческо Барбавара и Луиджи Кротто, въ какомъ смыслѣ желаетъ посвятить на служеніе герцогу «себя и свою музу». Поэтъ надѣялся, что ему назначатъ содержаніе, но при этомъ желалъ пользоваться и дорогимъ благомъ свободы [2]). Ему хотѣлось быть поэтомъ, свободнымъ отъ труда, уважать герцога, льстить ему и при случаѣ хвалить въ стихахъ, но не работать въ канцеляріи и не быть наставникомъ. Герцогъ отвѣчалъ милостиво. Онъ выразилъ сильное желаніе видѣть и слышать краснорѣчиваго поэта и надѣялся, что случай къ этому вскорѣ представится. Беккаделли торжествовалъ; онъ уже видѣлъ себя у цѣли своихъ желаній. Онъ обѣщался по мѣрѣ силъ прославлять подвиги герцога и его предковъ. «Я всегда буду служить ему, жить для него, писать для него стихи; ему я долженъ пожертвовать всѣмъ тѣмъ умомъ, тѣмъ трудолюбіемъ и тою преданностью, какія имѣю». Поэтъ пріѣхалъ въ Павію и дѣйствительно послѣ долгаго нетерпѣливаго ожиданія заручился пока содержаніемъ въ 800 дукатовъ. Но въ этомъ случаѣ намѣреніе герцога было другое: Беккадели долженъ былъ согласиться читать реторику въ Павіи. Онъ, по видимому, никогда не видалъ ни герцога, ни двора, ни Милана. Какъ мало ученая дѣятельность его въ Павіи соотвѣтствовала ожиданіямъ, объ этомъ мы еще подробнѣе будемъ говорить впослѣдствіи. Пѣвецъ Гермафродита былъ не настолько знаменитъ, чтобы быть придворнымъ поэтомъ, одно имя котораго окружало бы его повелителя лучами неувядающей славы, а веселаго собесѣдника герцогу было не нужно, какъ королю Альфонсу [3]).

---

1) См. выше стр. 441.

2) Ingens mihi salarium fuerit liberius, coeleste vero munus et nestimabile.—Proprium enim libertatis est sic vivere ut velis.

3) Beccadelli Epistt. ed. 1746 p. 7; epist. Gall. 1. 2. 3 (письмо герцога, по Colangelo Vita di A. Beccadelli p. 48 помѣченное такъ: Миланъ 1-го декабря 1429 г.) 4. 6. 7. 11. 17. III, 21. IV, 4. 7. Сюда же относятся и письма, приведенныя у Colangelo p. 38. 41.

Придворнымъ поэтомъ нельзя назвать и Пьера Кандидо Дечембріо, сына Уберто, который родился въ Павіи 24 окт. 1399 г. [1]). Напротивъ король пользовался его услугами въ дѣлахъ, отправлялъ его посломъ, а съ 1426 г. онъ исправлялъ должность секретаря [2]). При этомъ Дечембріо, многосторонній ученый, но вовсе не стилистъ, старался угодить герцогу переводами на народный языкъ. Въ Италіи это считалось дѣломъ второстепеннымъ, которымъ можно заслужить награду отъ владѣтельнаго лица, но нельзя прославиться. Онъ перевелъ для него жизнь Юлія Цезаря, написанную Светоніемъ, и историческое сочиненіе Квинта Курція, которое постарался дополнить по Плутарховой біографіи Александра Великаго [3]). Но мы еще не разъ встрѣтимся съ этимъ плодовитымъ ученымъ, въ особенности когда будемъ говорить о переводахъ съ греческаго языка.

Филельфо давно уже обращалъ свои взоры на Миланъ. Когда миновали его золотые дни во Флоренціи, когда онъ началъ чувствовать нападки своихъ «завистниковъ, Марсуппини и Никколи», то рѣшился завести переговоры съ герцогомъ чрезъ Беккаделли и Арцимбальди. Онъ писалъ, что если ему предложатъ приличныя условія то онъ не откажется [4]). Потомъ въ 1436 г. ученый повторилъ свои предложенія изъ Сіэны. Но онъ получилъ приглашеніе отъ герцога Филиппа только 13 іюля 1438 г. Хотя герцогъ лишь въ общихъ чертахъ обѣщалъ ему щедрое вознагражденіе, однако Филельфо съ радостью воспользовался случаемъ спастись отъ пагубной борьбы съ своими флорентинскими врагами, въ которой стали прибѣгать уже къ помощи бандитовъ [5]).

Филельфо, дѣйствительно, скорѣе шло быть придворнымъ, чѣмъ профессоромъ, или человѣкомъ, живущимъ въ республикѣ свободнымъ литературнымъ трудомъ. Въ республикахъ его нигдѣ долго не терпѣли, хотя на первый разъ всюду принимали, какъ какого нибудь героя, за что онъ впослѣдствіи до небесъ превозносилъ разные города и ихъ жителей, — потомъ противъ него вооружались завистники и враги, или ему казалось, что ему строятъ козни. Тогда всѣ къ нему охладѣвали, потомъ были недовольны имъ, и ему приходилось удаляться. Гораздо лучше удавалось ему уживаться съ государями и придворными, и, опираясь на ихъ расположеніе, бороться съ своими соперниками. Ему все казалось, что

[1]) По его надгробной надписи у Zeno Diss. Voss. T. I, p. 202.

[2]) Въ инструкціи отъ 7-го декабря 1425 г. у Osio Documenti vol. II no. 86 онъ еще не ищетъ этого титула, а въпосланіи отъ 26-го августа 1426 г. ibid. no, 151.

[3]) Посвященіе отъ 21 апрѣля 1438 г. рукописи и оттиски у Saxius Hist. lit. typ. Mediol. p. 291 у Lamius Catal. въ Scrapeum Jahrg. II Leipl 8145 p. 76.

[4]) Письмо его къ Антонію изъ Палермо отъ 13-го іюля 1432 г.

[5]) Письмо Филельфо къ герцогу Филиппу отъ 15-го іюля 1438 г.

земля должна обращаться около него, а не около солнца, потому что онъ говорилъ по гречески и писалъ изящнымъ латинскимъ языкомъ. Но кромѣ сладостныхъ звуковъ славы Филельфо вполнѣ умѣлъ цѣнить и звонъ золота. Онъ сталъ старше и искалъ болѣе спокойной, болѣе обезпеченной жизни, какую велъ напр. Ауриспа въ Феррарѣ и какую теперь онъ самъ, казалось, нашелъ въ Миланѣ [1]). Деспотъ и его придворный поэтъ были въ лучшихъ отношеніяхъ между собою. Послѣдній могъ хвалиться тѣмъ, что на первой же аудіенціи 2 мая 1439 г. онъ былъ принятъ такъ ласково и съ такимъ почетомъ, что былъ почти внѣ себя отъ восторга. И этотъ почетный пріемъ повторился, когда онъ 11 февраля 1440 г. пріѣхалъ въ Миланъ со всею своею семьею и пожитками [2]). Онъ имѣлъ полное право сказать, что изъ тосканской пучины удалился въ надежную гавань, гдѣ ему оказываютъ всякія почести и даютъ жалованье [3]). Здѣсь онъ чувствовалъ себя безопаснымъ отъ флорентинскихъ враговъ, потому что шпіоны герцога охраняли и его [4]). Филельфо получилъ 500 цехиновъ жалованья на первый годъ, а на второй уже 700 [5]) и отлично устроенный домъ. Онъ былъ принятъ въ число миланскихъ гражданъ, и во время придворныхъ праздниковъ его мѣсто было среди высшей знати [6]). Хорошее расположеніе духа поддерживалось въ немъ подарками и милостями, и выпрошенными и неожиданными. Онъ считалъ себя въ высшей степени счастливымъ, пользуясь любовью этого «божественнаго государя», прославлялъ его удивительныя добродѣтели, его любезность, доброту, набожность, а въ особенности щедрость. Поэтъ возвѣщалъ свѣту о славѣ повелителя, котораго благородство, пышность и могущество превышаютъ мѣру человѣческихъ силъ, такъ что онъ уподобляется божеству [7]).

Въ Миланѣ у Филельфо не было соперника, который могъ бы вредить его славѣ или возбудить въ немъ зависть расположеніемъ герцога. Ученые, находившіеся здѣсь, или не имѣли доступа ко двору, или изъ осторожности поддерживали мирныя отношенія съ любимцемъ. Единственный человѣкъ, который осмѣливался не пре-

---

1) Cf. Satyr. Dec. III hec. 3.

2) Его письма къ Альберто Занкаріо отъ 2-го мая и 9-го іюня 1438 к 13-го февраля 1440 г.

3) Письмо его къ Оносдеріо Строцци отъ 5-го декабря 1439 г.

4) Въ письмѣ къ Манетти отъ 30-го декабря 1443 г. онъ говоритъ, что онъ у такого государя, qui vel dormientibus nobis omnia rimetur, omnia custodiat.

5) Документъ отъ 8-го ноября 1441 г. у Rosmini Vita di Filelfo T. II, p. 278.

6) Его письмо къ Като Сакко отъ 1-го января 1440 г. Rosmini l. c. p. 6.

7) Его письмо къ баліи и флорентинскому народу отъ 16-го іюня 1440 г. и другія письма, писанныя въ томъ же году.

клоняться передъ нимъ, былъ секретарь герцога, **Дечембріо**. За то Филельфо въ своихъ письмахъ отзывался о немъ съ пренебреженіемъ, въ сатирахъ избиралъ его мишенью своихъ остротъ и вмѣстѣ съ тѣмъ взводилъ на него самыя безсмысленныя и гнусныя обвиненія. У него же не было таланта платить тою же монетою [1]).

Такъ жилъ Филельфо при дворѣ Висконти. Его чтили и боялись. Отсюда онъ могъ смѣло нападать на своихъ флорентинскихъ враговъ. Онъ даже воображалъ себѣ, что играетъ большую роль въ политикѣ. хотя герцогъ употреблялъ совсѣмъ иныя средства въ этомъ случаѣ, а не перо литератора [2]). Для Филельфо было легкимъ дѣломъ сказать двѣ торжественныхъ рѣчи и воскуривать ѳиміамъ. Повсюду, даже когда дѣло шло о научныхъ предметахъ, какъ напр. въ Миланскихъ пирахъ, онъ умѣлъ похвалить кстати герцога въ лестныхъ сравненіяхъ или вводныхъ гимнахъ. Къ посвященіямъ сочиненій герцогъ относился равнодушно. Филельфо сдѣлалъ опытъ. Онъ поднесъ ему свой переводъ изреченій Плутарха, въ которыхъ этотъ писатель обращается къ императору Траяну. При этомъ авторъ рѣшился продолжать дѣйствовать въ томъ же духѣ, если замѣтить, что этотъ трудъ доставилъ удовольствіе герцогу. Такъ какъ онъ не повторилъ этого опыта, то мы можемъ съ увѣренностью сказать, что Филиппъ не обнаружилъ великодушія [3]). За то онъ возложилъ на поэта другую работу. Какъ Гвинифорте долженъ былъ объяснять Божественную комедію, такъ Филельфо—стихотворенія Петрарки, написанныя на народномъ языкѣ. Но онъ выполнялъ эту задачу съ величайшею небрежностью и не скрывая своей досады. Онъ уже во введеніи объявилъ, что этотъ трудъ «выпрошенъ у него лестью» а въ самомъ трудѣ вымещалъ свою злобу на Петраркѣ, на Лаурѣ, на Медичи и на другихъ врагахъ, не обращая вниманія на любовь своего высокаго покровителя къ поэту. Онъ написалъ также по желанію

---

[1]) Грубое письмо Филельфо къ Дечембріо отъ 9-го февраля 1445 г. v. Rosmini T. III, p. 156—161. Въ сатирахъ Филельфо (Dec. VII hec. 4. 5. 6. Dec. VIII hec. 3. Dec. X hec. 2) Дечембріо выводится постоянно подъ насмѣшливымъ прозвищемъ Leucus, какъ и въ письмахъ; ср. также элегію у Rosmini T. III, p. 154. Безъ сомнѣнія, Дечембріо имѣлъ въ виду Филельфо, когда онъ говоритъ со всевозможнымъ пренебреженіемъ въ Vita Philippi Mariae c. 63 o Franciscus Barbula poeta Graeculus. Такъ онъ его называетъ или въ смыслѣ презрительномъ, какое придавали этому слову древніе греки, или потому, что Филельфо такъ непомѣрно гордился своимъ греческимъ языкомъ и въ первой изъ упомянутыхъ сатиръ упрекалъ его въ незнаніи этого языка. Слово Барбула относится къ бородѣ Филельфо, которую онъ носилъ по греческому обычаю. Яснѣе позднѣйшая нападка Дечембріо въ Vita Franc. Sfortiae cap. 3 (ap. Murator. Scriptt. T. XX), направленная противъ Сфорціады Филельфо.

[2]) Письма Филельфо къ флорентинцамъ отъ 16-го іюня, къ Ринальдо дельи Альбицци отъ 3-го іюля и къ Козьмѣ Медичи отъ 4-го іюля 1440 г.

[3]) Praefatio y Saxius p. 532, y Mittarelli p. 884.

герцога терцинами стихотвореніе Іоаннъ Креститель. Начиналось оно съ упрека герцогу, какъ онъ можетъ поручать ему подобные труды [1]). Такія выходки могъ позволять себѣ только Филельфо: ему, который такъ забавно выставлялъ на показъ свое самолюбіе и высокомѣріе, деспотъ дозволялъ, по видимому, все. Болтуна онъ всего менѣе считалъ опаснымъ.

Объ услугахъ, оказанныхъ изученію древняго міра въ павійскомъ университетѣ, можно сказать немногое. Но такъ какъ все таки подробности этого дѣла относятся къ правленію герцога Филиппа, то ихъ и слѣдуетъ сообщить здѣсь. Не знаю, можно ли дому Висконти приписывать особыя заслуги относительно старинной высшей школы, слава которой восходитъ еще ко временамъ Оттоновъ. Если Галеаццо II получилъ императорскій дипломъ на дозволеніе основать университетъ въ 1361 г., если онъ и его преемники прибѣгали къ любимому ими средству—запрещать своимъ подданнымъ посѣщать другія высшія школы, то это еще не доказываетъ особенной ихъ заботливости о народномъ образованіи Нельзя также указать успѣховъ въ области правовѣдѣнія и медицины; и въ этомъ отношеніи преимущество остается за Падуею и Болоньею. Еще менѣе могла укорениться въ Павіи новая наука — изученіе древностей. Правда въ началѣ XV вѣка Гаспарино да Варзицца преподавалъ здѣсь реторику, а Хризолоръ греческій языкъ, но это были лишь временныя явленія, не оставившія по себѣ никакого слѣда [2]).

Когда Филиппъ Марія въ 1430 г. приглашалъ поэта Беккаделли преподавать реторику, то, конечно, дѣлалъ это съ хорошимъ намѣреніемъ. Но попытка герцога не удалась. Вѣтренный поэтъ смотрѣлъ на свою профессуру больше какъ на должную дань его талантамъ и славѣ, какъ на доходное мѣсто для придворнаго поэта, который не живетъ при дворѣ. Онъ проводилъ время съ товарищами, какіе всюду найдутся, велъ веселую студенческую жизнь въ пирушкахъ и въ обществѣ веселыхъ женщинъ, въ честь которыхъ писалъ шуточныя

---

1) Не смотря на это, комментарій Филельфо къ Rime Петрарки часто печатался. См. Hortis Catalogo delle opere di F. Petrarca, Trieste 1874. p. 14 e seg. Свою досаду на порученіе герцога Филельфо высказываетъ въ письмѣ къ Метелло отъ 30-го декабря 1448 г.: princeps inducitur ut alia mihi Scribenda iubeat, quae indoctos potius quam viros doctos et graves sint delectatura. Судя по письму къ епископу алерійскому отъ 13-го февраля 1470 г., у него самого въ то время не было этого труда. Ср. Rosmini T. II, p. 13—15. Vita di S. Giovanni Batista, въ которой 48 пѣсень, начинается такъ:

O Philippo Maria Anglo possente,
Perchè me strengi la qua che non poss'io?
Vuol tu ch'io sia ludibrio d'ogni gente?

2) Доказательства въ Memorie e Documenti per la Storia de'universita di Pavia P. II. Pavia 1878 p. 2 seq.

эпиграммы по примѣру древнихъ. Какъ прежде онъ воспѣвалъ свою Монифилу, такъ теперь увѣковѣчилъ въ стихахъ Элизу и Аморозію, прелестныхъ подругъ своихъ собесѣдниковъ. Замѣчательно щедрое жалованье въ 800 дукатовъ, назначенное герцогомъ, давало ему возможность держать прислугу, поваровъ и лошадей, какъ, по его мнѣнію, и подобало человѣку ученому. Онъ считалъ, что исполнялъ свой долгъ въ отношеніи герцога добросовѣстно, такъ какъ писалъ инвективы на его враговъ, венеціанцевъ и флорентинцевъ, а въ 1431 г. привѣтствовалъ латинскою рѣчью короля Сигизмунда въ Пьяченцѣ. Съ студентами онъ читалъ Плавта. Профессоръ не обременялъ ихъ ученостью, тѣмъ больше, что и самъ не обладалъ ею. Если случайно припадала ему охота, то онъ приглашалъ въ Павію юнаго Джіованни Ламолу, ученика Гварино и Филельфо, учить его грамматикѣ греческаго языка за сто золотыхъ гульденовъ, но изъ этого ничего не вышло. Или онъ старался чему нибудь научиться по лекціямъ Валлы. Въ Миланѣ были въ высшей степени недовольны дѣятельностію Беккаделли. Жалованье ему прекратили, а когда въ 1433 г., по удаленіи Валлы все таки вновь поручили преподаваніе, то онъ принужденъ былъ дѣлить скромное жалованье выбывшаго профессора съ другимъ лицомъ, Это, по видимому, и было причиною его переселенія къ королю Альфонсу [1]).

Кромѣ Беккаделли въ Павіи преподавалъ реторику и Валла съ 1431 г. Пѣвецъ Гермафродита, который все еще ждалъ, что его пригласятъ ко двору, вовсе не считалъ своимъ соперникомъ сравнительно молодаго Валлу, котораго зналъ еще въ Римѣ. Послѣдній получалъ ничтожное содержаніе, поэтому Беккаделли обѣщался доставить ему мѣсто профессора и хотѣлъ также уступить ему часть собственнаго жалованья [2]), но своей привычкѣ къ самохвальству. Мы не сомнѣваемся, что Валла исполнялъ свою обязанность усердно и приносилъ пользу учащимся. Впослѣдствіи въ Римѣ онъ доказалъ свое искусство въ этомъ отношеніи. Но онъ былъ авторъ книги о наслажденіи, еретикъ въ діалектикѣ. Онъ самъ повредилъ себѣ нападками на Бартоло, вооруживъ этимъ противъ себя юристовъ такъ что ему нельзя было оставаться въ Павіи. Чрезъ два года Валла отказался отъ своей должности.

---

[1]) Becatelli epist. Gall. I, 16. 17. 21. 23 24. 33. 36. 43. IV, 14. Colangelo p. 65 и письмо Беккаделли къ Барбавара р. 80. Но рѣчь въ Пьяченцѣ указываетъ Tomasinus Bibl. Patav. p. 127. Она послужила поводомъ къ тому, что впослѣдствіи Беккаделли удостоился поэтическаго вѣнчанія въ Сіэнѣ.

[2]) Beccatelli epist. Gall. III, 36 (1431 г.) изъ Страделлы близь Павіи. Какъ высоко цѣнилъ онъ въ то время Валлу, показываетъ epist. Gall. III, 33.

Послѣ такихъ опытовъ съ вѣтренымъ поэтомъ и запальчивымъ грамматикомъ, кажется, у герцога надолго прошла охота заботиться о преподаваніи гуманныхъ наукъ въ Павіи [1]). И въ этомъ случаѣ приходится сознаться, что представители ихъ сами были виноваты въ этомъ. Богословы и юристы еще не выражали враждебнаго отношенія къ нимъ. Напротивъ профессора гражданскаго права, Като Сакко и Силано Негро сочувствовали гуманистическимъ стремленіямъ. Послѣдній даже велъ оживленную переписку съ нѣкоторыми изъ риторовъ и поэтовъ [2]).

Господство дома Висконти пало со смертью герцога Филиппа Маріи. Настало смутное время республики. Среди гражданъ свирѣпствовали раздоры партій; кромѣ того Миланъ постоянно тѣснили внѣшнія войны. Подобно нѣкоторымъ бывшимъ придворнымъ Филиппа Маріи, мы находимъ Дечембріо на службѣ у первенствующихъ лицъ республики. Поэтому при новой династіи онъ цѣлые годы не могъ явиться въ Миланъ.

Вообще во главѣ республиканскаго правленія стали нѣсколько лицъ считавшихся литераторами или по крайней мѣрѣ любителями литературы при дворѣ Висконти, «писаки», какъ ихъ называлъ гордый Филельфо. Ихъ дѣломъ былъ декретъ, данный отъ имени «сената и народа», въ силу котораго въ Миланѣ открывалась высшая школа. Сначала при этомъ имѣлась въ виду, быть можетъ, политическая цѣль: хотѣли закрыть университетъ въ Павіи, который не годился для республики. Но этому споспѣшествовала и та мысль, что республика должна оказать достойный почетъ наукамъ. Разумѣется, новый миланскій университетъ въ теченіи тридцатилѣтняго существованія республики едва былъ открытъ настоящимъ образомъ, не говоря уже объ его процвѣтаніи [3]).

Филельфо умѣлъ плыть по какому угодно теченію. Ему желалось бы промѣнять Миланъ, гдѣ еще не было надежнаго пріюта музъ во время упоенія свободою, на жизнь при дворѣ короля Неаполитанскаго Альфонса. Но такъ какъ его не выпускали изъ города, то онъ старался угодить всѣмъ партіямъ и претендентамъ. Онъ не желалъ говорить съ воинственными врагами республики,

[1]) Судя по Beccatelli epist. Gall. 1, 25. III. 8. 10 въ то время и Маффео Веджіо жилъ въ Павіи, какъ студентъ правъ.

[2]) Еще въ 1417 г. онъ является профессоромъ въ Павіи. Blondus Italia ill. p. 365. Въ сочиненіи de vero bono Сакко является однимъ изъ собесѣдниковъ.

[3]) Saxius Hist. lit. typogr. Mediol. p. 37.

французами и венеціанцами, и защищать господство народа, отъ котораго поэту, конечно, нечего было ждать. Вскорѣ онъ сталъ пѣть нѣжныя жалобныя пѣсни въ честь умершаго деспота, обратился къ Альфонсу, которому, какъ говорили, Филиппъ Марія завѣщалъ герцогство, и порицалъ неблагодарный народъ, который разрушилъ замокъ благороднаго герцога и ходилъ по улицамъ, подобно шайкѣ воровъ, щеголяя драгоцѣнностями, украденными изъ дворца [1]). А иной разъ онъ прославлялъ императора на тотъ случай, что, пожалуй, его притязанія на упраздненное герцогство будутъ имѣть успѣхъ, также канцлера Каспара Шлика, котораго онъ воображалъ всемогущимъ при дворѣ императора, чтобы онъ внушилъ своему повелителю быть щедрымъ меценатомъ. То наконецъ онъ убѣждалъ пріоровъ прекратить раздоры въ республикѣ и возстановить порядокъ, но во что бы то ни стало защищать независимость [2]). При этомъ онъ напоминалъ имъ о Кодрѣ и Гораціи Коклесѣ, потомъ упрекалъ знать и Карло Гонзагу, что они принимаютъ на службу бѣглыхъ писцовъ и кабатчиковъ и не выгоняютъ воровъ [3]). Но когда кровавыя распри навели страхъ на болѣе богатыхъ гражданъ, когда положеніе города, осаждаемаго войсками Сфорцы, становилось все затруднительнѣе, тогда Филельфо сталъ возлагать всю свою надежду на Сфорцу, которому счастье особенно улыбалось [4]). Теперь онъ утверждалъ, что вовсе не заботился такъ о республикѣ, чтобы его можно было обвинять въ этомъ. Онъ сидитъ дома, бесѣдуетъ только съ своими книгами, ни съ кѣмъ не говоритъ и ничего не знаетъ [5]). Но мы знаемъ тѣ его публичныя рѣчи, которыя онъ говорилъ въ качествѣ республиканца, и не въ первомъ только упоеніи свободы [6]). Онъ одинаково льстилъ какъ республиканскимъ правителямъ, такъ и претендентамъ. Это достаточно ясно изъ того, что ему дано было конфискованныхъ земель цѣнностью на 2000 цехиновъ, которыя впослѣдствіи, конечно, опять возвратились къ прежнимъ владѣльцамъ [7]). Теперь, находясь во главѣ депутаціи изъ двѣнадцати гражданъ, онъ держалъ въ Монцѣ рѣчь къ Сфор-

---

1) Satyr. IX, 1. X, 1. 2.
2) Satyr. IX, 2. 6 7.
3) Satyr. X, 6—8.
4) Satyr. X, 9.
5) Его письмо къ адвокату Джіорджіо Плато отъ 27-го іюля 1449 г.
6) Saxius p. 180. Одну рѣчь, въ которой онъ убѣждаетъ защищать добытую свободу, онъ говорилъ 1-го ноября 1448 г., а другую подобнаго же содержанія еще 1-го іюля 1449 г.
7) Письмо Филельфо къ Чикко Симонетти отъ 17-го февраля 1451 г.

цѣ, въ которой повергалъ къ его стопамъ миланское герцогство [1]). Кондотьеръ занялъ престолъ.

Герцогъ Франческо Сфорца былъ, конечно, совершенно другой человѣкъ, чѣмъ его тесть, и правительственная система его была тоже другая. Тотъ былъ жалкимъ представителемъ угасавшей династіи, а этотъ—похититель престола и основатель новаго дома. Онъ выросъ въ лагерѣ, среди политическихъ интригъ. Своимъ возвышеніемъ онъ обязанъ былъ только себѣ. Судьба столь же часто была немилостива къ нему, какъ и улыбалась; онъ бралъ ее съ бою, потому что относился къ ней здраво. Толпа лейбмедиковъ, астрологовъ, поваровъ, шпіоновъ, пажей и шутовъ, имѣвшихъ значеніе при дворѣ Филиппа Маріи, должна была теперь искать себѣ пропитанія въ другомъ мѣстѣ. Франческо вѣрилъ въ свой здравый смыслъ, а не въ звѣзды [2]). Онъ смотрѣлъ на жизнь и на людей такъ, что при силахъ умственныхъ и физическихъ съ ними можно справиться, а все прочее предоставлялъ на волю Божію. Такой человѣкъ все болѣе достигаетъ нравственнаго величія по мѣрѣ усиленія своего могущества. Какъ герцогъ, онъ могъ поступать съ зрѣлымъ размышленіемъ и не имѣлъ крайности прибѣгать къ вѣроломству. Онъ могъ быть тѣмъ милостивѣе и великодушнѣе, чѣмъ прочнѣе было его положеніе.

По своимъ умственнымъ наклонностямъ герцогъ не имѣлъ ни малѣйшаго желанія быть поклонникомъ музъ. Какое было дѣло ему, солдату, до классиковъ, до стиховъ и до латинскаго краснорѣчія? Если бы кто и хотѣлъ прославлять его таланты, такъ развѣ только и могъ бы сказать про него, что онъ владѣетъ природнымъ, солдатскимъ краснорѣчіемъ [3]). Онъ былъ вовсе не такой человѣкъ, чтобы съ суетнымъ наслажденіемъ слушать купленную лесть. Но герцогъ однако былъ выскочка, котораго поддержало общественное мнѣніе; его отецъ былъ простой каменьщикъ, самъ онъ побочный сынъ, а его жена побочная дочь послѣдняго Висконти—слабая тѣнь законности наслѣдства. Онъ былъ на столько разсудителенъ, что не сталъ подвергать новымъ военнымъ опасностямъ прежняго пріобрѣтенія. Даже блестящій дворъ вначалѣ былъ невозможенъ, потому

[1]) Philelphi Oratio parentalis de divi Francisci Sphortiae foelicitate, первая въ изданіи рѣчей.

[2]) Iohanni Simoneta, Historia de rebus gestis Francisci I Sphortiae ap. Muratori Scriptt. T. I, p. 779.

[3]) Simoneta l. c. Въ письмѣ отъ 1477 у Rosmini T. II, p. 329 Филельфо прямо признаетъ это: Et fuit sane Franciscus Sphortia quam plurimis insignis virtutilus, caeterum literaturae urbonioris et musarum ignarus. Pius Comment. p. 83 говоритъ, что онъ на мантуанскомъ конгрессѣ говорилъ militari eloquentia et verbis patris.

что, истощивши свои средства, онъ былъ обладателемъ тоже истощенной республики. Тяжелыхъ поборовъ онъ не могъ себѣ дозволить. Но надобно было имѣть какое нибудь обаяніе власти въ глазахъ подданныхъ и сосѣднихъ державъ; безъ него не можетъ обойтись новая династія. Самое лучшее взять на жалованье какого нибудь глашатая славы и велѣть ему состряпать античное геройское украшеніе изъ разныхъ реторическихъ и поэтическихъ блестокъ, чтобы по крайней мѣрѣ въ облакахъ ѳиміама казаться новымъ Августомъ. Ни одинъ изъ его современниковъ не умѣлъ такъ вѣрно разсчитать, какое дѣйствіе произведутъ тѣ или другія умственныя и нравственныя средства. Онъ является горячимъ поклонникомъ искусствъ и наукъ, не имѣя ни малѣйшаго понятія о томъ наслажденіи и пользѣ, какія они доставляютъ.

Особаго рода положеніе занялъ при дворѣ Сфорцы Калабріецъ Чикко (Франческо) Симонетта; занимая должность секретаря или совѣтника, онъ былъ меценатомъ при новомъ Августѣ, или почти тѣмъ же, чѣмъ Никколи при Козьмѣ Медичи. Такъ какъ самъ герцогъ не могъ имѣть никакого сужденія въ дѣлѣ литературы, то ему нужно было довѣренное лицо, хорошо знакомое съ этимъ предметомъ. Ему были посвящены нѣкоторыя сочиненія. Согласно тогдашнимъ условіямъ вѣжливости Дечембріо, прежде обнародованія своихъ трудовъ, присылалъ ихъ ему для просмотра и исправленія, даже переводы съ греческаго языка, хотя уважаемый покровитель совсѣмъ не зналъ этого языка. Намъ неизвѣстно, писалъ ли что нибудь оригинальное самъ Симонетта. Въ литературныхъ распряхъ, которыя возникали и при этомъ дворѣ, онъ являлся судьею. Его брату Джіованни, который былъ тоже секретаремъ герцога, мы обязаны объемистою исторіею Франческо Сфорцы [1].

Прежде всего герцогъ пригласилъ Гвинифорте да Барзиццу, который послѣ смерти Филиппа Маріи искалъ пристанища у маркграфовъ Монферратскихъ и Эсте. Онъ занималъ почетную должность секретаря у герцога до самой своей смерти. Въ то же время онъ былъ и учителемъ принца Галеаццо Маріи и маленькой Ипполиты по грамматикѣ и латинскому языку и сочинителемъ рѣчей, которыя они учились произносить еще въ дѣтствѣ [2]). Кромѣ того Константинъ Ласкарисъ училъ Ипполиту греческому языку [3]). Очевидно, новый герцогъ старался приготовить къ жизни своихъ дѣ-

[1]) Saxius p. 165. Посвященіе Бонаккорси Пизано 1475 г. у Botfield Prefaces p. 156.
[2]) Cf. Guinif. Barzizi Oratt. et Epistt. ed. Furietto. Romae, 1723. p. 57. Pii II Orationes ed. Mansi T. II, p. 192. 194.
[3]) Saxius p. 175.

тей лучше, чѣмъ самъ былъ приготовленъ. И Баттиста Сфорца, дочь брата его Алессандро и Констанціи да Варано, которая сочиняла итальянскіе и латинскіе стихи и говорила рѣчи, воспитывалась при миланскомъ дворѣ. 14 лѣтъ отъ роду она уже говорила прекраснымъ латинскимъ языкомъ и вела бесѣду, если въ замокъ отца ея въ Пезаро являлся кардиналъ, какой нибудь владѣтель или посолъ. Вышедши замужъ за герцога Федериго да Урбина, она однажды такъ краснорѣчиво говорила передъ Піемъ II, что любезный папа сожалѣлъ, что не можетъ отвѣчать ей такъ же,

Нѣсколько грековъ, покинувшихъ свое отечество изъ страха турецкаго нашествія, были ласково приняты при миланскомъ дворѣ. Были приглашаемы учителя латинской грамматики и краснорѣчія. И республиканецъ Дечембріо возвратился около 1456 г. и примирился съ властью Сфорцы. Въ это время онъ служилъ секретаремъ у папъ Николая V и Каликста III и постарѣлъ. Въ Миланѣ онъ уже больше не поступалъ въ канцелярію, а преподавалъ языки латинскій и греческій, конечно, жалуясь на то, что счастье уже не улыбается ему такъ, какъ при Филиппѣ Маріи [1]) Послѣдніе годы его жизни были отравлены тѣмъ, что онъ опять встрѣтился съ своимъ прежнимъ врагомъ Филельфо. Они тотчасъ же начали соперничать и выпускать безпощадныя инвективы другъ противъ друга [2]). Дечембріо чувствовалъ въ себѣ талантъ быть исторіографомъ новой династіи. Теперь онъ могъ съ ужасающею вѣрностью изобразить характеръ Филиппа Маріи; это было вмѣстѣ съ тѣмъ и апологіею его собственнаго образа дѣйствій во время республики. Тѣмъ ярче освѣтилъ онъ военные подвиги Сфорцы, восхвалялъ его великодушіе, доброту, счастіе и его знаменитую фамилію. При этомъ онъ нашелъ случай уязвить тѣхъ, которые думали увѣковѣчить такіе славные подвиги какими нибудь жалкими стишками [3]), слѣдовательно и ненавистнаго Филельфо, который написалъ Сфорціаду. Герцогъ и дворъ его ожидали, по видимому, славы въ потомствѣ только отъ этого Виргилія. Поэтому старый Дечембріо рѣшился тоже приняться за гекзаметры. Онъ уже написалъ больше 500 стиховъ, но дарованіе ли ослабѣло, или смерть прервала работу, только поэма не явилась въ свѣтъ [4]). Онъ умеръ 12 ноября 1477 г. на 78-мъ году жизни. Изваяніе на мраморной плитѣ надъ его прахомъ въ миланскомъ соборѣ изображаетъ его поучающимъ юношество съ каѳедры. Такое

---

[1]) Его письмо къ секретарю герцога Транкедино у Mittarelli p. 875.
[2]) Письмо Филельфо къ Чикко Симонеттѣ отъ 25-го февраля 1461 г.
[3]) Decembrius Vita Franc. Sfortiae cap. 3 ap. Muratori Scriptt. T. XX.
[4]) Его письмо къ Чикко Симонеттѣ у Saxius p. 177.

воспоминаніе сохранилось въ то время о немъ. А надгробная надпись гласитъ, что онъ оставилъ потомству больше 127 сочиненій, при чемъ не считаются написанныя на народномъ языкѣ. Это были сочиненія философскія, историческія, космографическія, антикварныя, по части грамматики, комментаріи, переводы съ греческаго языка, полемическія сочиненія, письма, рѣчи и разныя стихотворенія. Онъ и самъ не зналъ имъ, вѣроятно, счета. Уже къ 1461 г. онъ написалъ 84 книги, составившія девять томовъ; тогда онъ надѣялся еще написать десятый томъ и довести число книгъ до 100. Такъ какъ плодовитость не оставляла его и въ преклонныхъ лѣтахъ, то онъ написалъ гораздо больше, чѣмъ самъ ожидалъ. Но печати удостоились лишь немногіе его историческіе труды и переводы. Всѣ прочія сочиненія лежатъ въ библіотекахъ, преданы забвенію или потеряны. Дечембріо не имѣлъ недостатка въ научномъ образованіи, но ему недоставало живости изложенія и блеска. Вѣроятно, его сочиненія были столь же поверхностны, какъ и многочисленны. Во всякомъ случаѣ онъ и въ жизни лишенъ былъ великаго таланта Филельфо заставить цѣнить себя [1]).

Жертвою ненависти Филельфо былъ также Лодризіо Кривелли [2]), который смолоду былъ ученикомъ Филельфо и тоже зналъ греческій языкъ. Сначала онъ служилъ секретаремъ у архіепископа миланскаго [3]). Около 1457 г. онъ занялъ видное положеніе при дворѣ герцога, быть можетъ, должность секретаря. Онъ написалъ жизнь старшаго Сфорцы, отца герцога, и ожидалъ, что ему предложатъ написать жизнь самого герцога. Хотя онъ въ своемъ сочиненіи отзывался съ похвалою о Сфорціадѣ Филельфо, однако послѣдній и къ нему почувствовалъ зависть и писалъ противъ него злыя инвективы, вслѣдствіе чего Кривелли счелъ за лучшее удалиться и въ 1458 г. поступилъ секретаремъ къ папѣ Пію II [4]). Нѣсколько позднѣе

---

1) О его надгробномъ памятникѣ и надписи см. Jovius Elogia doctor. viror. 15. Zeno Diss. Voss. T. I, p. 202. Saxius p. 293. 297, гдѣ говорится и о числѣ его книгъ.

2) Это, конечно, тотъ же Лодризіусъ, о которомъ упоминаетъ Поджіо epist. VIII, 15 отъ 24-го января 1440 г.

3) Письма Энея Сильвія къ нему отъ 26-го февраля и 22-го октября 1457 г.

4) Сочиненіе de rebus gestis Sfortiae ap. Muratori Scriptt. T. XIX; во введеніи есть мѣсто о Филельфо. Муратори повторяетъ въ предисловіи сомнѣніе Саксія, не было ли двухъ Лодризіо Кривелли, которое потомъ отвергъ Тирабоски. T. VI, p. 1081. Я полагаю, это основательно, потому что историческія сочиненія, переводы и хвалебныя рѣчи въ честь герцога Сфорцы принадлежатъ навѣрное миланцу. Напротивъ, сочиненіе In Decretalium I et II Explanationes имѣли, вѣроятно, авторомъ другаго Лодризіо Кривелли, быть можетъ, того самого, о которомъ говорится въ эпитафіяхъ у Borsetti Hist. Ferrar. gymn. p. 1. p. 40, какъ о iurisconsultus Ferrariensis. О положеніи Миланца у Пія II cp. G. Voigt Eneas Sylvio Bd. III s. 614.

(1461—1466) секретаремъ у герцога Сфорцы служилъ Франческо Аккольти, соединявшій изученіе каноническаго права съ изученіемъ гуманныхъ наукъ [1]).

Со вступленіемъ на престолъ Сфорцы и Филельфо вступилъ во второй періодъ своей жизни. Конечно, онъ остался такимъ же, только теперь, при измѣнившихся обстоятельствахъ ярче выступили другія черты его характера, который по истинѣ можно назвать типическимъ. Онъ мало по малу оставилъ литературную борьбу и сатиры, въ которыхъ изливалъ злобу на своихъ противниковъ, и столь же энергически принялся за ремесло искателя милостей и льстеца. Онъ тотчасъ же сталъ писать письма къ новому герцогу и превозносить его въ латинскихъ гекзаметрахъ. Былъ задуманъ планъ обширной героической поэмы, Сфорціады, вполнѣ посвященной прославленію герцога и новой династіи. По мнѣнію поэта, она должна была затмить великую поэму Виргилія. Было рѣшено, что Филельфо останется и при дворѣ Сфорцы съ тѣмъ же жалованьемъ, какое онъ получалъ при послѣднемъ Висконти. Касса герцога была въ самомъ плачевномъ положеніи, и завѣдующій ею находитъ другія потребности важнѣе содержанія придворныхъ поэтовъ. Но Филельфо считалъ себя самымъ необходимымъ лицомъ для новаго правительства. Поэтому онъ сталъ просить у герцога обѣщаннаго жалованья и сверхъ того ссуды, въ 250 цехиновъ на которую онъ смотрѣлъ, какъ на подарокъ. Это ему нужно было для начатаго произведенія въ честь герцога. Поэтъ не долженъ обременять свой умъ заботами, а кромѣ того ему для работы нужны были нѣкоторыя книги, которыя отъ нужды пришлось заложить. Герцогъ тотчасъ же приказалъ было исполнить все, чего желаетъ поэтъ, однако изъ пустой кассы нечего было взять. «Съ яростью фуріи» обрушился Филельфо на кассира, который сообщилъ ему объ этомъ. и грозился чрезъ нѣсколько дней перейти на службу къ венеціанской республикѣ, съ которою Сфорца велъ войну. Безъ сомнѣнія, онъ лгалъ, утверждая, что дожъ предлагалъ ему 700 цехиновъ жалованья въ годъ. Замѣчательно, что герцогъ не только спокойно перенесъ эту выходку, но еще и называлъ Филельфо «дражайшимъ и милѣйшимъ». Онъ писалъ кассиру: «Мы не должны его лишаться ни въ какомъ случаѣ, а это непремѣнно будетъ, если онъ сочтетъ себя обманутымъ. Притомъ по недостатку требуемыхъ имъ 250 гульденовъ онъ не можетъ продолжать того прекраснаго произведенія, которое онъ началъ къ нашей славѣ [2])».

---

[1]) Janus Pannonius epigr. I, 80.

[2]) Документы и герцогскія письма отъ 29-го мая и 26-го іюня 1452 г. изъ Registri ducali миланскаго архива у Rosmini T. II, p. 291—300.

Филельфо очень хорошо зналъ мысли Филиппа Маріи: что скажетъ свѣтъ, если у великаго герцога нѣтъ или желанія или средствъ поддерживать отличныхъ людей. Самъ онъ, Филельфо, не дастъ превзойти себя благодѣяніями. Если онъ не могъ ничѣмъ отплатить тѣмъ, которые дѣлаютъ ему добро, то привыкъ предавать безсмертію ихъ имя [1]).

Поэту необычайно легко давалась Сфорціада: матеріалъ былъ подъ рукою, а собственныя измышленія его довольно слабы, только гекзаметры писались легко. Однако онъ тянулъ эту работу нѣсколько лѣтъ и издавалъ ее отдѣльными пѣснями, чтобы между тѣмъ основательно эксплуатировать прославляемаго героя. Сначала онъ хотѣлъ написать 24 книги, въ іюлѣ 1451 г. кончилъ первую и трудился надъ второю, въ 1455 г. были изданы и поднесены герцогу 5 книгъ. Но награда, вѣроятно, не соотвѣтствовала его ожиданію. «Герцогъ, сказалъ онъ тогда въ огорченіи, не особенно чтитъ Аполлона и, кажется, не очень-то ждетъ продолженія; если дѣло будетъ такъ идти, то мнѣ придется разстаться». Онъ ограничилъ число пѣсенъ 20-ю, и потомъ 16-ю въ 12.000 стиховъ. Хотя онъ и говоритъ о строгомъ планѣ, однако, какъ видно, поэму можно было растягивать и сокращать, смотря потому, какъ идетъ дѣло о наградахъ, и вся гармонія ея заключалась въ вѣрномъ счетѣ стиховъ. Въ апрѣлѣ 1463 г. онъ кончилъ первыя восемь книгъ, и въ нихъ было 6400 стиховъ. Повидимому, награда опять задержалась, потому что въ это время Филельфо предлагалъ свои услуги папскому двору. Сообщаютъ, что прибавилось еще три книги, но онѣ не были изданы, потому что со смертью герцога и самая Сфорціада потеряла всякій смыслъ [2]).

Въ то время, какъ поэма писалась, Филельфо постоянно говорилъ, что для нея нужны подготовительныя работы и что онъ чувствуетъ себя способнымъ къ этому труду только тогда, когда его дѣла идутъ хорошо. Его дѣла, дѣйствительно, шли хорошо, пока живъ былъ герцогъ. Корыстолюбивый ученый постоянно жаловался на недостатки, и, быть можетъ, правда, что касса для него была скупѣе герцога, но посмотримъ, на какое мѣсто онъ хотѣлъ промѣнять Миланъ. Въ 1463 г. Венеціанцы хотѣли при посредствѣ Виссаріана пригласить его на службу республикѣ. Онъ отвѣчалъ, что науку,

---

1) Письмо Филельфо къ Барт. Корреджіо отъ 16-го октября 1451 г.

2) Письма Филельфо къ Пьетро Томмазіо отъ 12-го іюня 1451 г., къ Беккаделли отъ 15-го іюня 1456 г., къ Ліонардо Дати отъ 29-го октября 1464 г. Письмо къ Пьеро де'Медичи отъ 17-го мая 1455 г. въ Archivio stor. Ital. 1878 p. 366. Сфорціада не напечатана. Рукописи у Saxius p. 178, первые 32 стиха у Bandini Catal. codd. lat. T. II, p. 129. Подробное содержаніе у Rosmini T. II, p. 158.

разумѣется, нельзя купить за деньги, но все таки онъ пріѣдетъ, если ему дадутъ 1200 цехиновъ [1]).

Филельфо полагалъ, что сообразно съ своими великими талантами онъ долженъ и отъ жизни требовать многаго. Еще когда онъ только что воротился изъ Константинополя и вся его семья состояла изъ жены и маленькаго сына, то и тогда держалъ четырехъ служанокъ и двоихъ служителей [2]). Въ то самое время, какъ ученый постоянно жаловался на крайнюю бѣдность, онъ держалъ шесть лошадей [3]). Роскошно жить, имѣть прекрасный столъ и лучшія вина — Фелельфо считалъ необходимою потребностью такого человѣка, какъ онъ. Кромѣ того онъ любилъ отличное шелковое платье и дорогія шубы. Когда у него образовалась многочисленная семья, то онъ былъ того мнѣнія, что и для государей и для его вѣка будетъ величайшимъ позоромъ, если ученый принужденъ будетъ думать объ экономіи, а не презирать золото, какъ подобаетъ поэтамъ.

Филельфо стыдился нужды, но не стыдился попрошайничать. Слово деньги, которое вообще считается не поэтическимъ и не входитъ въ языкъ поэзіи древнихъ, у него то и дѣло встрѣчается и въ письмахъ и въ стихахъ. Другіе бѣдняки поэты сочиняютъ иногда стихи изъ за подарковъ, а у него вопросъ о подаркахъ и деньгахъ—главная суть поэзіи. То онъ жалуется, что ему нечего ѣсть, что заимодавцы не даютъ покоя, что его платье и книги постоянно въ залогѣ, а дочерей не съ чѣмъ выдать замужъ, то, если просьбы не помогаютъ, грозится покинуть Миланъ, искать мѣста при другомъ дворѣ, даже у турокъ, потому что въ Италіи не цѣнятъ «добродѣтель».

Трудно повѣрить, до чего могутъ доходить безстыдство и шарлатанство, когда шарлатанъ разсчитываетъ на общія людскія слабости. Къ послѣдней категоріи мы относимъ и безсмысленное желаніе, обуявшее въ то время умы владѣтельныхъ особъ, спастись отъ забвенія, быть увѣренными, что имя ихъ будетъ передано потомству и будетъ вѣчно въ устахъ людей, какъ тогда мечтали. Этимъ заблужденіемъ гуманисты и поэты злоупотребляли столь же безстыдно, какъ римская церковь отпущеніемъ грѣховъ. Своими стихами они такъ же открывали храмъ славы, какъ ключи Петра въ рукѣ папы отпираютъ врата рая. Филельфо былъ самый наглый торгашъ подобнымъ товаромъ, и эту торговлю вѣнками безсмертія онъ возвелъ въ правильную

---

[1]) Письмо его къ Виссаріону отъ 23-го декабря 1463 г. у Rosmini T. II, p. 318.
[2]) Его письмо къ Леонардо Джустиніани отъ 11-го октября 1427 г.
[3]) Къ Бернардо Джустиніани отъ 23-го августа 1454 г.

систему. Твердо убѣжденный въ томъ, что его латинскія письма и стихи будутъ жить въ потомствѣ, онъ былъ столь же увѣренъ, что и похвальный или неодобрительный отзывъ въ нихъ будетъ имѣть рѣшительное вліяніе на мнѣніе этого потомства, упрочитъ славное воспоминаніе или предастъ вѣчному презрѣнію. Онъ постоянно проповѣдывалъ это ученіе, и ему вѣрили. Поэтому его безстыдное попрошайничество не только удовлетворяли, но и сопровождали лестными словами, которыя конечно ободряли его на новыя вымогательства [1]).

Изъ писемъ Филельфо приведемъ рядъ фактовъ, ярко рисующихъ его образъ дѣйствій въ частности. Всего больше, конечно, онъ эксплуатировалъ герцога Франческо, герцогиню Бьянку и богатыхъ придворныхъ. Никакая лесть не обошлась имъ столь дорого какъ расточавшаяся въ Сфорціадѣ, и ни одну музу не считали нужнымъ до такой степени закармливать. Даже такіе придворные, какъ Чикко Симонетта и Никкола д'Арчимбальди, не могли не дарить поэту деньги, вино, съѣстные припасы и лошадей. Но и другія владѣтельныя лица сколько нибудь раздѣлявшія мысль меценатовъ о безсмертіи, были тоже жертвою подобнаго попрошайства. Лодовико Гонзага, маркграфъ мантуанскій, былъ во главѣ ихъ. Онъ уже не разъ и не напрасно осаждаемъ былъ просьбою о разныхъ суммахъ. Наконецъ поэтъ сообщилъ ему, что нужно 250 дукатовъ—на приданое для просватанной дочери. Но эту сумму онъ желаетъ получить отъ своихъ дорогихъ друзей, въ ряду которыхъ маркграфъ занимаетъ первое мѣсто. Поэтому онъ пошлетъ къ нему довѣренное лицо, которому маркграфъ вручитъ 50 дукатовъ, а поэтъ отплатитъ ему хвалебными стихами въ своей Сфорціадѣ [2]). Намъ из-

---

[1]) Приведемъ лишь нѣсколько примѣровъ, ихъ можно набрать цѣлыя сотни, особенно въ стихотвореніяхъ. Вотъ какъ обращается онъ къ Джентиле Симонетта:

> Non ignarus ero; nam qui mea vota fovebunt,
> Semper ego meritis prosequor hos titulis.

А къ герцогинѣ Бланкѣ:

> Non ignarus ero; nam me tua vate per omnes
> Cognita venturis gloria tempus erit.

Совершенно теорически говоритъ онъ о себѣ и вообще о поэтахъ:

> . . . . Hique animas possunt Acheronta sub imum
> Trades quas etiam, si voluero, beant.

Rosmini T. II, p. 287. 288. 317.

[2]) Филельфо къ маркграфу мантуанскому Лодовико отъ 22-го іюня 1453 г.

вѣстно, что маркграфъ не только тотчасъ же исполнилъ эту просьбу, но цѣлые годы дѣлалъ поэту подарки за то, что послѣднiй увѣковѣчитъ его имя [1]). Къ числу самыхъ дорогихъ друзей поэта, которымъ выпала честь собрать приданое для его дочери, принадлежалъ Людовико Скарампо, хищникъ въ кардинальской мантiи. Онъ имѣлъ основанiе жертвовать на безсмертiе въ потомствѣ частью своихъ несмѣтяыхъ богатствъ, которыя много горя принесли другимъ. Ему предоставилъ Филельфо назначить сумму, когда нагло стучался въ его сундукъ со словами Евангелiя: «Ищите и обрящете, просите и дастся вамъ [2])». Епископъ мантуанскiй Галеаццо долженъ былъ дать взаймы сто дукатовъ—на приданое его дочери—извѣстно своеобразное понятiе Филельфо объ этой операцiи. Какъ видно изъ просительнаго письма Филельфо, раньше онъ совсѣмъ не зналъ его [3]). Спустя нѣсколько лѣтъ Филельфо опять выдавалъ дочь замужъ и на приданое не хватало 100 дукатовъ; на этотъ разъ ихъ удостоился чести дать взаймы Пьеро де' Медичи [4]).

Къ подобнаго же рода поборамъ прибѣгалъ поэтъ, если куда нибудь собирался ѣхать или вообще сильно нуждался въ деньгахъ. Отчасти уже извѣстно, а отчасти мы будемъ имѣть случай разсказать, какъ онъ выпрашивалъ лично подачки у самыхъ щедрыхъ государей, любителей литературы, у папы Николая V и Альфонса, короля неаполитанскаго. Въ 1459 г. онъ ѣздилъ изъ Милана въ Римъ—представиться новому папѣ Пiю II и представить двухъ своихъ сыновей. Ученый по пути заѣхалъ въ Мантую къ маркграфу Лодовико, который «радъ былъ его видѣть и очень любезно принялъ», а потому и названъ былъ превосходнымъ государемъ по своей гуманности. Потомъ онъ явился къ герцогу Феррарскому Борзо, который «щедро одарилъ его». Въ благодарность за это поэтъ объявилъ въ своихъ безсмертныхъ письмахъ, что этотъ государь по истинѣ заслуживаетъ того, чтобы о немъ говорили всѣ народы и потомство: онъ обладаетъ всѣми добродѣтелями, а въ особенности возвышеннымъ умомъ и щедростью, тѣми двумя качествами, которыя непремѣнно должны имѣть знаменитые государи. Въ Чезенѣ Малатеста Новелло принялъ его «столько же по королевски, сколько и по философски». Въ Римини онъ посѣтилъ Гисмондо Малатесту Пандольфо, «гдѣ былъ принятъ весьма почетно, и ему оказали всѣ знаки любви». За это маркграфъ, какъ

---

[1]) Къ нему же отъ 8-го декабря 1457 г.

[2]) Филельфо къ кардиналу, патрiарху Лодовико Аквилейскому отъ 23-го iюня 1453 г.

[3]) Отъ 22-го iюня 1453 г.

[4]) Письмо Филельфо къ нему же отъ 17-го мая 1455 г. въ Archivio stor. Ital. 1878 p. 366.

человѣкъ необыкновеннаго ума и гуманный, былъ прославленъ за великія и безчисленныя добродѣтели. Близь Фоссомброне онъ случайно встрѣтилъ Джіакомо Пиччинино, кондотьера наемныхъ войскъ; послѣдній прислалъ къ ученому довѣреннаго человѣка въ гостинницу привѣтствовать его, а на слѣдующій день обмѣнялся съ нимъ нѣсколькими дружескими словами, «оказалъ ему отличное расположеніе и исполнилъ все, чего требовали гуманность и любезность». Филельфо хвалился тѣмъ, что въ благодарности едва ли кто превзойдетъ его; теперь онъ назвалъ его за это Тидеемъ по тѣлесной силѣ, а по уму Алкидомъ [1]).

Съ мелкими деспотами въ родѣ Гисмондо ди Пандольфо Малатеста, владѣтелемъ Римини, или Алессандро Сфорца, владѣтелемъ Пезаро, онъ сносился письменно изъ Милана. Когда послѣдній подарилъ ему краснаго сукна на платье, то Филельфо выпросилъ у него и мѣху на опушку [2]). Трудно было бы доказать, что маркграфы монферратскіе имѣли особенную любовь къ наукамъ. Но когда Филельфо засвидѣтельствовалъ маркграфу Джіованни III свою любовь и уваженіе, это значитъ, что удочка была закинута. А когда онъ благодарилъ его за оказанныя благодѣянія, послалъ ему одно изъ своихъ сочиненій и назвалъ его самымъ щедрымъ изъ государей, это былъ знакъ что рыба попалась [3]). Можно смѣло утверждать, что не было ни одного владѣтельнаго лица въ Италіи, къ которому Филельфо не поддѣлался съ своими изъявленіями уваженія, отъ котораго бы не получилъ любезностей и подарковъ [4]). Отъ его ухаживаній не спаслись и иностранные государи, даже сѣверные, которыхъ вообще не касалась новая литература.

Какъ замужство дочерей, такъ и желаніе пристроить сыновей стоило много заботъ Филельфо. Онъ и это считалъ долгомъ чести владѣтельныхъ лицъ. Любимцемъ его былъ Джіанмаріо, очень похожій на отца по способностямъ, живому уму, понятливости и трудолюбію, а также по легкомыслію и нахальству. Онъ былъ природный грекъ. Хризолорина родила его еще въ Византіи 24 іюля 1426 г. Юноша рано выучился у отца латинскому языку и такъ быстро,

---

[1]) По письмамъ Филельфо отъ 8—22 января 1459 г.

[2]) Филельфо къ Кристофоро Марліано отъ 17-го августа 1454 г.

[3]) Письмо Филельфо къ нему отъ 15-го мая 1454 г., отъ 2 іюня 1439.

[4]) Это замѣчаніе сдѣлалъ еще Cortesius de homin doctis ed. Galletti p. 230: Sed erat vendibilis sane scriptor, et is, qui opes quam scribendi laudem malebat. Constat enim neminem principum illis temporibus in Italia fuisse, quin adierit, quin eum scriptis salutaverit, ut ex his pecuniam eruerct.

что старикъ видѣлъ въ немъ втораго Филельфо, слава котораго разнеслась по всему свѣту [1]). Еще въ 1440 г. онъ послалъ его въ Византію учиться греческому языку у Аргиропуло, какъ когда-то самъ отецъ учился въ томъ же городѣ у Іоанна Хризолора. Но 15-ти лѣтній юноша не вынесъ строгой дисциплины своего учителя, вскорѣ оставилъ его и увлекся разгульною жизнью столицы. Отецъ не получалъ отъ него писемъ, а когда попросилъ Ѳедора Газскаго слѣдить за нимъ, то узналъ, что его любимецъ сильно повѣсничаетъ и задолжалъ [2]). Отецъ тотчасъ же велѣлъ ему возвратиться въ Италію, но сынъ пріѣхалъ лишь чрезъ нѣсколько времени, лѣтомъ 1442 г. Онъ, по видимому, теперь изучалъ право, но постоянно возвращался къ безпорядочной, бродячей жизни. Отецъ часто даже не зналъ, гдѣ его искать. Въ 1449 г. онъ пристроилъ его у герцога феррарскаго Борзо, но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Маріо былъ опять въ Миланѣ, а потомъ снова исчезъ. Въ 1554 г. отецъ упросилъ герцога савойскаго Лодовико дать мѣсто молодому поэту-юристу. Однако и у него онъ не могъ долго оставаться, хотя здѣсь его почтили лавровымъ вѣнкомъ, какъ поэта. Мы не будемъ разсказывать о томъ, какъ молодой человѣкъ ѣздилъ въ Парижъ и другія мѣста, потомъ по нѣскольку лѣтъ опять пропадалъ отъ отца. Какую жизнь онъ велъ въ это время, видно изъ того, что отецъ писалъ ему письма на тосканскомъ нарѣчіи греческими буквами, «чтобы они не дошли до потомства». Сынъ отвѣчалъ на упреки отца тѣмъ, что смѣялся надъ его дряхлостью и т. п. [3]) Надобно замѣтить, что онъ былъ такой писатель и въ прозѣ и стихахъ, что по плодовитости могъ спорить съ старикомъ. Онъ считался такимъ же умнымъ и образованнымъ, какъ старый Филельфо. Но тѣ таланты, которыми прославился его отецъ, уже во второмъ поколѣніи начали вырождаться, такъ что сынъ не стяжалъ ими громкой славы. Поэтому Маріо Филельфо мало обращалъ на себя общественное вниманіе, а вскорѣ о

---

[1]) Вотъ стихи, приведенные у Saxius, p. 179:

> Nate Mari, vita mihi carior, una voluptas
> Spesque patri, praecepta sequi si nostra Philelphe
> Perges, te magnum reddes nobisque tibique
> Illustrmque virum etc.

[2]) Письма на греческомъ языкѣ къ Маріо, Ѳедору Газскому и Аргиропуло отъ 13-го апрѣля 1441 г. въ вольфенбюттельскомъ спискѣ fol. 10. 11. 42, а письмо къ Маріо есть еще въ fol. 45.

[3]) Письмо Филельфо къ Маріо отъ 18-го ноября 1472 г.

немъ и совсѣмъ забыли. Когда началось книгопечатаніе, то его уже оставили въ покоѣ [1]).

Но и старому Филельфо пришлось пережить разрушеніе своихъ плановъ и теорій, именно спекуляціи вѣнками безсмертія. Хотя онъ и въ старости сохранилъ еще увѣренность, что на свѣтѣ есть только одинъ Филельфо, хотя въ притязаніяхъ своихъ онъ скорѣе сталъ наглѣе, чѣмъ скромнѣе, однако слава его стала быстро меркнуть. На закатѣ дней, когда уже у него было множество дѣтей отъ трехъ женъ, иногда передъ нимъ являлся ужасающій призракъ дѣйствительной нужды, на которую ученый до того времени жаловался лишь притворно. Послѣ смерти герцога Франческо онъ опять лишился пріюта и долженъ былъ странствовать по свѣту, какъ во дни своей юности. Онъ напрасно искалъ прочнаго положенія въ Болоньѣ, Сіэнѣ и Павіи. 83-хъ лѣтній старецъ почелъ за счастье для себя, что его еще разъ пригласили наставникомъ греческаго языка во Флоренцію. Впрочемъ въ скоромъ времени послѣ своего пріѣзда туда онъ умеръ 31 іюля въ печальномъ положеніи,—въ томъ самомъ городѣ, въ который пріѣхалъ назадъ тому 42 года, съ торжествомъ ученаго и литературнаго тріумфатора.

Теперь мы должны обратиться къ мелкимъ владѣтельнымъ дворамъ и тѣмъ династамъ, которые въ качествѣ меценатовъ стремились идти по слѣдамъ короля Неаполитанскаго и герцога миланскаго и даже превосходили ихъ, если принять во вниманіе ихъ ничтожныя средства. Тутъ передъ нами въ болѣе яркомъ свѣтѣ являются и направленіе и склонности вѣка, такъ какъ на малой аренѣ все это гораздо рельефнѣе выступаетъ. Какъ ничтожны сами по себѣ мантуанскіе Гонзаги и что могла бы сообщить всемірная исторія о Джіанѣ Франческо II, который возвелъ свой родъ въ маркграфское достоинство бывши простымъ синьоромъ! Но съ его именемъ связано основаніе первой гимназіи новаго времени; при его дворѣ жилъ и подвизался Витторино, великій школьный учитель, основавшій упомянутый нами пріютъ наукъ и руководившій имъ. Онъ вновь оживилъ школу плодотворнымъ духомъ древности. Правда, Витторино не написалъ ни одной книги, ни одного мелкаго сочиненія, но имя

---

[1]) Guill. Favre Vie de Jean Marius Philelfe (написано въ 1810 г.) въ его Mélanges d'histoire littéraire, T. I Genève 1856. въ своихъ обширныхъ и тщательныхъ изслѣдованіяхъ спасъ его отъ забвенія. См. Rosmini Vita di Franc. Filelfo T. III.

его произносилось съ глубокимъ уваженіемъ во всей Италіи и за предѣлами ея. Быть можетъ, это былъ единственный изъ представителей гуманизма, никогда не имѣвшій враговъ. Никто не рѣшался умалять его заслугъ; его хвалятъ даже придирчивый Никколи и завистливый Филельфо [1]).

Сынъ бѣднаго переписчика, едва зарабатывавшаго на насущное пропитаніе своей семьи, Витторино Рамбальдони родился около 1378 г. въ Фельтре, слѣдовательно въ венеціанскихъ владѣніяхъ. Учась въ падуанской высшей школѣ, онъ и самъ долженъ былъ преподавать. Витторино слушалъ пропедевтическія отрасли, логику, физику и этику, а также и лекціи по реторикѣ Джіованни да Равенна, можетъ быть также и Гаспарино да Варзицца. У него явилось особое влеченіе къ математикѣ, которая имѣла въ Падуѣ представителя въ лицѣ Віаджіо Пелакани, написавшаго много сочиненій. Но онъ былъ совершенно непонятенъ для бѣдныхъ студентовъ, и вообще такой вялый преподаватель, что его должны были уволить отъ должности, какъ человѣка безполезнаго [2]). Такъ какъ онъ не въ

---

[1]) Ambros. Travers. epist. VIII, 2. Письмо Филельфо къ Като Савко отъ 28-го сентября 1440 г.—Нѣсколько учениковъ Витторино, писали его біографію или панегирикъ ему. Главный изъ нихъ, написанный еще при жизни наставника, принадлежитъ Сассоло да Прато, который шесть лѣтъ пробылъ въ учрежденіи и о которомъ я говорю подробнѣе въ текстѣ. Его характеристика въ письмахъ у Martene et Durand Collect. ampliss. T. III, p. 841 seq. Второй—Франческо де'Кастильоне, который пробылъ восемь лѣтъ въ школѣ и потомъ былъ секретаремъ архіепископа флорентинскаго Антонино и профессоромъ тамъ же († 1484). Извлеченія изъ его Vita Victorini Feltrensis, приложенной къ Prologus къ Vita Antonini archiep. Florent., есть у Bandini Catal. codd. lat. T. III p. 415 Leg. и напечатаны у Mehus Vita Ambr. Trav. p. 408. Третій и самый подробный это—мантуанца Franc. Prendilacqua Vita Vittorini Feltrensis ed. Abb. N. della Laste, Patavi 1774, книга рѣдкая, которая вышла въ итальянскомъ переводѣ Брамбиллы, Комо 1871. Прямой ученикъ Витторино—Джіованни Андреа, епископъ алерійскій, который къ своему римскому editio princeps Ливія приложилъ похвалу Витторино, но уже указываетъ на своего сотоварища Сассоло. Предисловіе напечатано у Quirinus de opt. script. ed. rec. Schelhorn p. 150 и у Botfield. Preface p. 91. Напротивъ Платина хотя и зналъ Витторино, но не учился у него, а ученикъ его ученика Оньибене изъ Виченцы, почему онъ называетъ Витторино своимъ avus—in sucassione disciplinarum. Самъ Оньибене написалъ только Threnus in Victorinum Feltrensem, указанный Valentinelli Bibl. ms. ad. S. Marci Venez. T. VI. p. 187. Его Vita Vict. Feltr. напечатанъ у Vairani Crem. mon. P. I. p. 14 seq. Не лишено значенія и Vespasiano Vitt. da F., такъ какъ онъ получалъ свѣдѣнія отъ ученика его Грегоріо Корраро.—Изъ новыхъ сочиненій Rosmini Idea dell'otimo precettore nella vita e disciplina di Vittorino da Feltre e de'suoi discipali; Bassano 1801, какъ и всѣ сочиненія отличнаго ученаго, превосходно обработано, такъ что миришься и съ его длиннотою. О популярно-педагогическихъ извлеченіяхъ я не говорю. Полезны сообщенія изъ архивныхъ актовъ Мантуи у Davar Notizie Stor. a studio pubbl. ed. ai maestri—che tennero schuola in Mantova, Mantova 1876.

[2]) Подробнѣе о Пелакани у Affò Memorie d. Scritt. Parmig. T. II p. 108. Въ 1400 г. онъ былъ приглашенъ въ Падую и уволенъ 15 октября 1411 г., quod minus aptus ad

состоянiи былъ помогать Витторино, то послѣднему ничего больше не оставалось, какъ взять Эвклида и работать самому, и онъ сдѣлалъ такiе успѣхи, что впослѣдствiи самъ могъ быть преподавателемъ. При этомъ юноша имѣлъ склонность и къ тѣмъ упражненiямъ, которыя укрѣпляютъ тѣлесныя силы и служатъ развлеченiемъ въ молодые годы. Онъ упражнялся съ товарищами въ бѣгѣ, прыганьи и метаньи копья, кромѣ того воспѣвалъ свою возлюбленную въ латинскихъ и итальянскихъ стихахъ.

Въ зрѣлыхъ лѣтахъ онъ отправился въ Венецiю, гдѣ въ промежутокъ отъ 1414 г. до 1418 г. старался содержать себя преподаванiемъ латинскаго языка, но училъ и даромъ бѣдныхъ дѣтей. Здѣсь онъ встрѣтился съ Гварино, который былъ гораздо старше его, и съ молодымъ Филельфо. Первый училъ его греческому языку, которымъ потомъ онъ самъ ревностно занимался и достигъ основательныхъ свѣдѣнiй. Вызванный въ Падую, онъ преподавалъ и тамъ нѣсколько лѣтъ реторику и философiю, кажется, за ничтожное публичное вознагражденiе [1]). Тамъ же Витторино положилъ основанiе своей репутацiи трудолюбиваго и хорошаго наставника, отсюда же былъ приглашенъ въ Мантую.

Въ Мантуѣ и раньше преподавались высшiе курсы наукъ. Еще въ 1398 г. приглашенные наставники читали для сыновей болѣе знатныхъ гражданъ лекцiи по грамматикѣ и логикѣ, а магистръ Вентурино по праздникамъ объяснялъ Виргилiя, о которомъ здѣсь никогда не забывали [2]). Маркграфъ Джiанъ Франческо, разумѣется, былъ прежде всего по натурѣ солдатъ и довольно часто упоминается историками въ качествѣ предводителя войскъ. Но онъ интересовался также науками и искусствами. Есть одинъ сонетъ, приписываемый ему. Онъ также любилъ исторiю. Это доказывается тѣмъ, что маркграфъ предложилъ Лiонардо Бруни выразить свое мнѣнiе о происхожденiи Мантуи. Это и было поводомъ къ извѣстному сочиненiю послѣдняго [3]). Альберти подарилъ ему латинскiй переводъ своего сочиненiя о живописи [4]). Когда сыновья маркграфа подросли, то кромѣ домашняго образованiя они должны были получить и научное въ школѣ. Прежде всего

---

docendum videretur, eiusque schola auditoribus careret. Этимъ опредѣляется и время ученiя Витторино въ Падуѣ.

1) См. выше стр. 391 402.

2) Davari p. 4.

3) Напечатано какъ epist. X, 25 ed. Mehus съ посвященiемъ Джiанфранческо отъ 27 мая 1418 г.

4) Письмо съ посвященiемъ въ книгѣ Альберти. Kl. Kunstheoret. Shriften, herausg. v. Ianitschek v. 254.

Гонзага обратился къ Гварино, предлагая ему хорошее помѣщеніе, приличное жалованье и столъ при дворѣ. Но въ то время Гварино жилъ счастливо на своей родинѣ въ Веронѣ и ограничился тѣмъ, что поблагодарилъ маркграфа за его лестное мнѣніе о себѣ [1]).

Съ Витторино Гонзага велъ переговоры чрезъ одного венеціанскаго патриція и довольно долго. Дѣло въ томъ, что ученый, жившій съ сихъ поръ въ республикѣ, чувствовалъ нѣкоторое нерасположеніе къ дворамъ и къ придворной жизни. Но ему оказали очень ласковый пріемъ и предложили къ его услугамъ все, что нужно для его дѣятельности. Уже былъ выстроенъ школьный домъ (seminarium), въ которомъ наставникъ долженъ былъ жить съ сыновьями маркграфа и ихъ товарищами. Онъ находился недалеко отъ дворца, но вдали отъ городскаго шума, на берегу небольшаго озера, на зеленомъ лугу, изрѣзанномъ красивыми дорожками, на которомъ дѣти могли играть. Въ домѣ были и галлереи, и залы, и фонтаны, прекрасно устроенные, а стѣны залъ украшены картинами играющихъ дѣтей и т. п. Есть извѣстіе, что граждане называли этотъ домъ casa giocosa (веселый домъ) [2]), очевидно потому, что молодежи тамъ весело жилось. Витторино нашелъ, что все ужъ черезъ чуръ пышно и роскошно устроено, а знатные питомцы, которые должны быть школьными товарищами принца, слишкомъ щеголеваты и изнѣжены, притомъ избалованы. Онъ выбралъ самыхъ благонадежныхъ изъ нихъ и постарался отдѣлаться отъ остальныхъ. Къ воротамъ дома былъ приставленъ вѣрный сторожъ, который никого не выпускалъ и не впускалъ безъ позволенія начальника (ректора).

Здѣсь была школа для принцевъ и для дѣтей придворныхъ. Но ни этимъ, ни своею ближайшею обязанностью усердный наставникъ не хотѣлъ ограничиться. Сердечная доброта и чувство благотворительности заставили его сдѣлать гораздо больше этого. Такъ нерѣдко поступаютъ именно тѣ люди, которые сами провели учебные годы въ борьбѣ съ бѣдностью и нуждою. Сюда являлись ученики всѣхъ сословій, изъ всѣхъ уголковъ Италіи и изъ другихъ странъ, и Витторино съ радостью принималъ бѣдныхъ мальчиковъ. Онъ не только училъ ихъ, но также одѣвалъ, кормилъ, снабжалъ книгами и всѣмъ необходимымъ, часто даже поддерживалъ ихъ неимущихъ родителей. Такимъ образомъ въ училищѣ иногда набиралось до 70 учащихся. Тутъ были дѣти изъ знатныхъ венеціанскихъ домовъ, сыновья

1) Rosmini Vita di Guarino vol. I p. 15.

2) Въ актахъ онъ называется domus Jocosa или la Zocosa. Впослѣдствіи онъ назывался Ginnesio letterario и наконецъ Accademiola S. Georgi. О положеніи дома см. Rosmini p. 72. Davari p. 19.

зажиточныхъ людей, за которыхъ платили, вмѣстѣ съ бѣдными дѣтьми, которыхъ Витторино принималъ изъ состраданія. Для этой цѣли былъ выстроенъ домъ по близости съ школою, большой воспитательный пріютъ. Какъ въ отношеніи преподаванія, такъ и во всемъ прочемъ онъ слился со школою. Въ дѣлѣ благотворительности Витторино нашелъ горячее и дѣятельное сочувствіе въ маркграфѣ, а быть можетъ еще болѣе въ маркграфинѣ Паолѣ изъ дома Малатеста. Онъ жилъ съ своими учениками, какъ отецъ съ дѣтьми, и отдавалъ все, что у него было, такъ какъ самъ почти ни въ чемъ не нуждался [1]). А казначею двора было приказано выдавать ему требуемыя суммы, или наставникъ обращался съ своею добродушною улыбкою къ маркграфу, говоря, что онъ на столько-то сотъ гульденовъ истратилъ больше, и «маркграфъ, вѣроятно, будетъ такъ добръ, что приметъ ихъ въ счетъ». Впослѣдствіи это дѣлалось безъ всякихъ объясненій.

Въ оба заведенія Витторино пригласилъ нѣсколькихъ наставниковъ, которые преподавали грамматику, логику, ариѳметику и метафизику [2]), также учителей живописи, музыки, верховой ѣзды и игры въ мячъ. Кромѣ того постоянно являлись греки, которые отчасти учили своему языку, отчасти переписывали греческія книги и съ своей стороны учились латыни. Изъ этой школы вышло нѣсколько знаменитѣйшихъ гелленистовъ: Ѳеодоръ Газскій, Георгій Трапезунтскій, позднѣе Григорій Тиферна [3]). Вмѣстѣ со школою возникла и библіотека дома Гонзага, въ которой Траверсари въ свой пріѣздъ нашелъ такъ много новаго для себя по части латинской, а въ особенности греческой литературы: отдѣлъ послѣдней заключалъ въ себѣ около 30 томовъ. Эти сокровища, которыми завѣдывалъ Витторино, охотно давались научнымъ изслѣдователямъ, такъ что всегда можно было обращаться за нужными книгами [4]).

Самъ Витторино былъ не только главою этихъ учрежденій, но душею ихъ, все проникавшею и оживлявшею. Безъ него школа была—ничто, но для него въ школѣ заключалось все. Этотъ маленькій, тщедушный, весьма живой человѣчекъ съ веселымъ лицомъ, который

---

[1]) Hospes ille, quinimmo pater pauperum studiosorum, humanitatis suscitator—divitiarum contemptor, ingeniorum sublevator, такъ называетъ его епископъ алерійскій.

[2]) Нѣкоторыхъ грамматиковъ называетъ на основаніи актовъ Davari p. 5.

[3]) Послѣдній уже послѣ смерти Витторино, какъ видно изъ письма Бьондо къ маркграфу Лодовико отъ 26-го декабря 1461 г. въ Cod. ms. Dresd. F. 66 fol. 120. Георгій Трапезунтскій посвятилъ Витторино небольшое сочиненіе de artificio Cicceronianne orationis pro Q. Ligario, въ которомъ его называетъ отцомъ, а себя его питомцемъ. Podius p. 103.

[4]) Ambros. Travers. epist. VIII, 50. 51. Его же Hodoeporicon p. 34. Davari p. 6. Rosmini p. 176.

плакалъ только отъ радости и соболѣзнованія, сердился лишь на безнравственныхъ, да и то это были вспышки. Эта мягкая натура, казавшаяся столь кроткою, обнаруживала необычайную энергію въ сферѣ педагогической дѣятельности. Распоряженія и желанія Витторино такъ свято соблюдались учениками и учителями, что всѣ безпрекословно повиновались ему. И онъ достигъ этого благодаря почти только своему самоотверженію и преданности дѣлу. Въ характерѣ его не было ничего монашескаго, но онъ остался холостякомъ. Когда друзья совѣтовали ему жениться, чтобы имѣть такихъ же сыновей, какъ онъ, то наставникъ обыкновенно говорилъ, намекая на учащееся юношество, что у него и безъ того много дѣтей. Лично Витторино былъ человѣкъ, довольствовавшійся весьма немногимъ: и лѣто и зиму онъ носилъ одно и то же платье, чтобы имѣть возможность одѣвать бѣдныхъ учениковъ, и столь же неприхотливъ былъ въ другихъ отношеніяхъ. Годичное свое содержаніе отъ 240 до 300 гульденовъ онъ обратилъ въ благотворительный фондъ; жилище, столъ и, что̀ всего важнѣе, книги были на попеченіи маркграфа. Единственною его отрадою въ жизни былъ садикъ съ нѣсколькими виноградными лозами и домикъ на возвышеніи Піэтоле, «холмѣ Виргилія», гдѣ по преданію родился пѣвецъ Энеиды. Здѣсь, въ классическомъ уголкѣ, посѣтилъ его однажды Чиріако анконскій, неутомимый путешественникъ-изслѣдователь [1]). Витторино, насколько мы знаемъ, никогда не чувствовалъ потребности видѣть свѣтъ. Однако раза два онъ былъ во Флоренціи, возвращаясь изъ Рима въ сопровожденіи маркграфа Паоло и принца Карла.

Онъ не сочувствовалъ той дѣятельности гуманистовъ, какую они обнаруживали во Флоренціи, Неаполѣ и другихъ мѣстахъ. Витторино видѣлъ, что между современными ему итальянскими учеными едва ли есть одинъ, который бы не нападалъ на другихъ, или противъ котораго не писались бы инвективы. Поэтому онъ не желалъ выступать на литературное поприще. Самъ Витторино ничего не написалъ кромѣ писемъ и рѣчей и вообще ничего не издалъ. Онъ былъ далекъ отъ желанія литературной славы. Скромникъ этотъ былъ того мнѣнія, что по всѣмъ отраслямъ достаточно и даже въ избыткѣ написано древними, впрочемъ говорилъ также, что лучше хорошо поступать, чѣмъ хорошо писать. Литературнымъ трудамъ другихъ, а въ особенности своихъ учениковъ наставникъ радовался безъ всякаго оттѣнка зависти. Развлеченій онъ не любилъ и свои педагогическія занятія считалъ развлеченіемъ, а не трудомъ. Онъ никогда не бывалъ болѣнъ почти до конца своей жизни. Еще подъ семьдесятъ лѣтъ Витторино

[1]) Kyriaci Itin. ed. Mehus p. 28.

былъ въ состояніи заниматься съ учениками отъ шести до семи часовъ кряду съ полной энергіей. Здоровье у него было очень крѣпкое.

Конечно, трудно было избавить Витторино отъ бѣдности и отъ долговъ. При своемъ добромъ, нѣжномъ сердцѣ онъ никогда не умѣлъ распоряжаться деньгами. Добрякъ помогалъ больнымъ, былъ всегда готовъ пособить, чѣмъ могъ, бѣднымъ сиротамъ и вдовамъ. Часто онъ ставилъ себя въ затрудненіе поручительствами, которыя такъ охотно давалъ за такъ называемыхъ друзей. Фамилію Гонзаго совсѣмъ нельзя винить въ скупости. Отъ Джіанфранческо наставникъ получилъ усадьбу въ Ривальта, кромѣ того льготу отъ податей для всѣхъ живущихъ на его землѣ [1]). А послѣ смерти маркграфа преемникъ его Лодовико относился съ такимъ же почетомъ къ старому наставнику; при входѣ его онъ вставалъ. А Карло, другой сынъ маркграфа, подарилъ ему землю въ потомственное владѣніе [2]). Однако на имѣніи Витторино, когда онъ умеръ, наросло столько долговъ, что родственники его отказались отъ наслѣдства.

Новый элементъ въ учрежденіи Витторино—это былъ античный духъ, который вступилъ здѣсь въ союзъ съ духомъ христіанства. По порядкамъ и по предметамъ преподаванія, это не была мрачная и однообразная монастырская школа, не душный казематъ Орбилія [3]). Тутъ предполагалось учить въ духѣ юношески-живаго рвенія, съ которымъ гуманисты изучали веселую древность. Тутъ вполнѣ примѣнялось положеніе Платона, что свободнаго человѣка должно воспитывать свободно, безъ насилія, и проводилась та мысль, что духъ слѣдуетъ многосторонне развивать, а не подавлять. Имѣлись въ виду преимущества античнаго воспитанія передъ монастырскимъ, и педагогическими руководствами были: небольшое сочиненіе Плутарха о воспитаніи и Квинтиліанъ, а идеаломъ—аѳинскій гимназій. Съ другой стороны Витторино былъ чуждъ языческихъ увлеченій. Напротивъ онъ стремился къ строгой религіозности. Всѣ правила церкви выполнялись строго. Передъ столомъ и послѣ стола ученики молились, а во время стола читалось священное писаніе. Старшіе ученики по уставу должны были поститься, каждое утро быть у обѣдни, каждый мѣсяцъ говѣли у монаховъ, блюстителей устава [4]). Вообще Витторино и внѣ школы былъ горячій приверженецъ этихъ монаховъ, самыхъ

---

[1]) Davari p. 7.

[2]) Документъ отъ 12 марта 1445 г. у Rosmini p. 174.

[3]) Орбилій школьный учитель, у котораго учился римскій поэтъ Горацій.

Прим. Пер.

[4]) Vespasiano Vittorino p. 2: La casa suo era uno sacrario di costumi, di fatti e di parole.

благочестивыхъ между благочестивыми. Онъ хотѣлъ достичь того, чтобы въ Мантуѣ не было ни одного монастыря, ни мужскаго, ни женскаго, который не слѣдовалъ бы этому направленію. Тутъ наставникъ видѣлъ связь съ соблюденіемъ правилъ въ своемъ учрежденіи.

Въ школѣ, по правилу, во все время учебныя занятія учениковъ чередовались съ тѣлесными упражненіями. Строго соблюдались часы, назначенные Витторино для занятій и для отдыха. Рядомъ съ ученьемъ шли игры и упражненія на свѣжемъ воздухѣ, служившія для укрѣпленія тѣла и для пріученія его къ холоду и жару. Ученики каждый день упражнялись въ бѣгѣ, борьбѣ, плаваньи, верховой ѣздѣ, игрѣ въ мячъ и стрѣльбѣ изъ лука, и каждый принималъ во всемъ этомъ участіе—смотря по своимъ склонностямъ и по тому роду жизни, къ которому готовился. Иногда даже дозволялось охотиться и ловить рыбу. Или мальчики дѣлились на двѣ партіи, которыя сражались между собою, брали крѣпости, такъ что далеко раздавался громкій крикъ ихъ и поднимались къ небу столбы пыли. Лѣтомъ дѣлались экскурсіи въ Верону, къ Гардскому озеру и на Альпы. Юноши, имѣвшіе способности, обучались также у особыхъ учителей музыкѣ, пѣнію или живописи [1]).

Именно неразлучное сообщество учениковъ въ лицеяхъ и на сборищахъ требовало строгой дисциплины. Въ этомъ отношеніи Витторино былъ неподражаемъ. Онъ сердился на неряшливыхъ, лѣнивыхъ и угрюмыхъ мальчиковъ, также на тѣхъ, которые имѣли слабость щеголять прическою, какъ женщины, любили духи и наряды. Наставникъ могъ сильно разбранить, какъ это нерѣдко бываетъ свойственно именно лучшимъ педагогамъ. Но всего больше онъ сердился на лгуновъ и на тѣхъ, кто позволялъ себѣ нескромныя выраженія или непочтительно отзывался о религіи. Строго наказывалъ онъ за брань и за кощунство. Принцъ Карлъ, человѣкъ уже взрослый, только однажды позволилъ себѣ это. Тогда Витторино позвалъ его къ себѣ во время игры въ мячъ и далъ здоровую пощечину при всѣхъ. Но вообще ученики никогда не подвергались тѣлесному наказанію, исключая особыхъ случаевъ. Вмѣсто этого употреблялись мѣры нравственныя. На мальчиковъ постарше лѣтами воспитатель старался дѣйствовать строгимъ взглядомъ, недовольною миною, укоризною. Любимыхъ питомцевъ онъ награждалъ при выходѣ книгами [2]). Эта любовь

---

1) Hac quaque in re, ut in ceteris, Atticos doctores imitatus, говоритъ Платино.

2) Такъ Bandini Catalogus codd. graec. T. II упоминаетъ объ одной книгѣ, содержащей въ себѣ большую часть сочиненій Ксенофонта, съ надписью: Hunc librum Sassulo pratensi (это біографъ Витторино, о которомъ мы упоминали выше), et discipulo et filio,

[illegible] ученикамъ съ наставникомъ, значительно пережили его въ сердцахъ первыхъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ намъ сами ученики, отзывающіеся о немъ весьма похвально въ письмахъ.

Метода преподаванія Витторино была проста и безъискуственна, всегда приноровлена къ возрасту учащихся и къ учебному предмету; тутъ не было ни вартинъ, ни изысканныхъ выраженій. Онъ прежде всего старался о томъ, чтобы его всѣ понимали, думалъ только о своихъ питомцахъ. Самъ онъ училъ латинскому и греческому языку въ старшихъ отдѣленіяхъ. Витторино упражнялъ учениковъ въ громкомъ и внятномъ чтеніи и при этомъ настаивалъ на вѣрномъ, благозвучномъ произношеніи. Ученики также должны были заучивать наизусть лучшія мѣста изъ поэтовъ, ораторовъ и философовъ. Ораторскія упражненія устраивались по образцу древнихъ риторскихъ школъ: дѣти учились обрабатывать вымышленные сюжеты, такъ что они говорили рѣчи или передъ воображаемымъ судомъ, или передъ сенатомъ, или передъ народнымъ собраніемъ. Лучшею работою по греческому языку считался хорошій переводъ съ греческаго, сдѣланный изящнымъ латинскимъ языкомъ, а высшимъ достоинствомъ послѣдняго—искусное изложеніе. У старика текли слезы отъ радости, когда какой нибудь способный мальчикъ что нибудь писалъ вполнѣ изящно въ прозѣ или стихахъ. Кромѣ этого постоянно объяснялись классики, притомъ съ каѳедры, совершенно такъ же, какъ въ университетѣ, публично или частнымъ образомъ. Изъ древнихъ поэтовъ на первомъ планѣ стоялъ Виргилій, котораго Витторино готовъ былъ предпочитать даже Гомеру по тщательной отдѣлкѣ стиха. Любили также читать Лукана. Напротивъ чтеніе элегическихъ поэтовъ по ихъ нескромности Витторино считалъ опаснымъ для нравственности своихъ питомцевъ. Овидія считалъ хотя непристойнымъ поэтомъ, но увлекательнымъ, и нѣкоторыя изъ его произведеній постоянно читались. Изъ сатириковъ онъ выбралъ Персія и Горація, лирическія стихотворенія котораго высоко цѣнилъ. Наставникъ уважалъ также Плавта и Теренція, какъ представителей извѣстнаго литературнаго рода, но читать ихъ опасался тоже ради ихъ вреднаго вліянія на нравственность. Изъ историковъ онъ уважалъ Саллюстія за простоту его повѣтствованія, Валерія Максима за обиліе историческихъ примѣровъ, но въ особенности любилъ Ливія за его плодовитость и изящное изложеніе главнымъ образомъ въ рѣчахъ. Съ какою признательностью вспоминалъ впослѣдствіи епископъ алерійскій, издавши въ свѣтъ перваго печатнаго Ливія, свои юные годы, когда онъ слушалъ объясненіе декадъ у Витторино. О Цице-

dono dedi cum a mi discederet, ut esset monumentum amoris nostri. Ego Victorinus Feltrensis manu propria scripsi et donum obtuli.

ронѣ наставникъ отзывался такъ, что никогда не слѣдуетъ удаляться отъ этого источника, самаго богатаго и самаго свѣтлаго. Но кромѣ этого онъ хвалилъ и Квинтиліана. Изъ грековъ онъ считалъ Гомера поэтомъ роскошнымъ и полнымъ, какъ море, но также считалъ достойными удивленія Гезіода, Теокрита и Пиндара, каждаго въ своемъ родѣ. Трагедіи Эсхила, Софокла и Эврипида тоже часто читались, не менѣе того Демосѳенъ и Исократъ. Мы и теперь не откажемъ въ сочувствіи его взглядамъ на древнихъ писателей по отношенію къ школьному преподаванію и искусному выбору. Лучшихъ учениковъ онъ знакомилъ потомъ съ сочиненіями Платона и Аристотеля. При такой подготовкѣ, полагалъ Витторино, имъ легко будетъ понимать университетскій курсъ и усвоить его.

Усердное занятіе математическими науками обусловливалось, можетъ быть, особенною любовью къ нимъ Витторино. По его мнѣнію, онѣ изощряютъ умственныя способности, чего до тѣхъ поръ старались достичь діалектическими тонкостями. Тутъ онѣ впервые вступаютъ въ рядъ пропедевтическихъ знаній въ новомъ мірѣ. Онъ заботился также о логикѣ и метафизикѣ.

Совсѣмъ не преподавались въ учебномъ заведеніи Витторино только права и медицина, и потому ученики, желавшіе заниматься ими, должны были поступать въ высшія школы. Но была мысль сдѣлать изъ учебнаго заведенія полную высшую школу. По этому маркграфъ Джіанфранческо, во время пребыванія императора Сигизмунда въ Мантуѣ, просилъ его дать привилегію на публичное преподаваніе наукъ въ этомъ городѣ и сравнять его по правамъ съ Болоньею и Парижемъ [1]). Но этотъ планъ не былъ приведенъ въ исполненіе; по всей вѣроятности, это была больше честолюбивая цѣль маркграфа, чѣмъ желаніе Витторино. Послѣдній посвятилъ свою жизнь не наукѣ, а воспитанію юношества. У него не было другаго честолюбиваго желанія, кромѣ желанія показать иностраннымъ посѣтителямъ самыхъ способныхъ учениковъ. Такъ онъ и поступилъ, когда Траверсари, генералъ ордена Камальдуловъ, пріѣхалъ въ «веселый домъ» и провелъ съ наставникомъ два дня, какъ старинный другъ [2]). Тогда и было вполнѣ видно, какъ учились сыновья владѣтеля: Лодовико, наслѣдникъ всѣхъ его правъ,

---

[1]) Привилегія Сигизмунда отъ 27 сентября 1433 г., включенная въ подтвердительную грамоту Альбрехта II отъ 1 Января 1439 г., у Lünig Cod. Ital. dipl. T. III Francof. et Lips. 1732 p. 1781. Привилегія эта была два раза подтверждена еще Фридрихомъ III. Davari p. 5.

[2]) Totus illi Sermo de literis, de probitate, de modestia, de religione, de viris nostrae aetatis illustribus. Такъ описываетъ это посѣщеніе Траверсари.

коротко знакомый съ Виргиліемъ, Луканомъ и Квинтомъ Курціемъ [1]), Карло, Джіанлючидо, Алессандро и Цецилія, которая впослѣдствіи поступила въ монастырь. Старшіе мальчики переводили уже съ греческаго языка басни Эзопа, Плутархову біографію Камилла, или бесѣду Іоанна Златоуста. Осьмилѣтняя Цецилія умѣла уже читать и писать по гречески, также безъ ошибки склонять и спрягать. А когда Траверсари былъ еще разъ въ школѣ чрезъ два года, то четырнадцатилѣтній Джіанлючидо продекламировалъ ему весьма хорошо двѣсти стиховъ, сочиненныхъ имъ самимъ, въ которыхъ описывалъ торжественный въѣздъ императора Сигизмунда въ Миланъ [2]).

Въ числѣ учениковъ Гварино были многіе, пользовавшіеся впослѣдствіи громкою извѣстностью: Федериго ди Монтефельтро, впослѣдствіи герцогъ Урбинскій и основатель тамошняго пріюта ученыхъ при дворѣ; Джіованни Андреа де' Басси, впослѣдствіи епископъ алерійскій, первый ученый издатель классическихъ писателей; Грегоріо де' Коррери, котораго учитель еще въ школѣ считалъ возрожденнымъ человѣкомъ; на 18-мъ году онъ сочинилъ трагедію Прокна, такъ что старикъ плакалъ отъ радости [3]).

Упомянемъ объ Оньибене да Лониго, преемникѣ Витторино по завѣдыванію школою, о грамматикѣ Перроти и поэтѣ Базиніо изъ Пармы, и еще разъ о тѣхъ грекахъ, о которыхъ уже говорили выше. Развѣ это также не имѣетъ важнаго значенія, что такіе люди, какъ Филельфо и Гварино ввѣряли своихъ сыновей Витторино, что Барбаро посылалъ къ нему учениковъ [4])? Скажемъ въ заключеніе еще нѣсколько словъ о любимцѣ наставника, оставившемъ ему впослѣдствіи памятникъ на латинскомъ языкѣ, о Сассоло да Прато. Онъ и у Филельфо былъ отличнымъ ученикомъ, считался превосходнымъ знатокомъ Цицерона и помышлялъ закончить свои занятія греческимъ языкомъ и литературою въ Пелопоннезѣ. На него возлагали громадныя надежды, и папа Николай съ почетомъ пригласилъ его къ римскому двору. Но по дорогѣ въ Ареццо у него обнаружилась чума, и онъ съ отчаянія бросился въ рѣку

---

[1]) Его переписка съ Гварино у Rosmini Vita di Guarino vol. II. p. 74.

[2]) Ambros. Travers. epist. III, 34. VII, 3. VIII, 49—57 XV, 38. XVI, 47. Hodoeporicon p. 34 Къ Траверсари же адресовано и единственное письмо Витторино, какое у насъ есть, насколько я знаю, у Mittarelli p. 1207.

[3]) Письма Коррери къ своей соученицѣ Цециліи Гонзага въ письмахъ Ambros. Travers. epist. XXV, 20 p. 1075.

[4]) Rosmini p. 249 e. seg. называетъ 40 человѣкъ извѣстнѣйшихъ учениковъ Витторино съ біографическими свѣдѣніями о нихъ.

подлѣ города. Въ Ареццо воздвигли достойный памятникъ несчастному молодому ученому [1].

Въ послѣдніе годы жизни Витторино сталъ прихварывать и умеръ 2 февраля 1446 г. на 69 г. отъ рожденья. Его похоронили, согласно его желанію, въ церкви въ С. Спирито, рядомъ съ могилою его матери, гдѣ теперь, конечно, ничто не напоминаетъ о немъ. Гробъ провожали члены владѣтельнаго дома Гонзага, ученики и множество народа. Бѣдный школьный учитель названъ «отцомъ гуманизма» [2] на медали, выбитой въ память его Пизанелли. Школа, которою онъ руководилъ въ теченіи 21 года, конечно, продолжала существовать, но уже не имѣла того блестящаго положенія и славы, какъ при ея основателѣ. Нѣсколько лѣтъ ею завѣдывалъ ученикъ Витторино, Оньибене, а впослѣдствіи вѣтренный Маріо Филельфо. Вообще же дѣло воспитанія, даже и принцевъ, поручалось безвѣстнымъ личностямъ.

Маркграфъ Эсте въ Феррарѣ дольше, чѣмъ кто либо другой, сохранилъ свое значеніе въ исторіи наукъ и поэзіи. Дворцы и сады, среди которыхъ проходила его жизнь, представляются потомству поросшими лаврами и миртами. Поэты, имена которыхъ связаны съ ними, сами съ своей стороны сдѣлались героями поэзіи. Если для насъ важна исторія предковъ прославленныхъ государей изъ дома Эсте, то весьма заманчиво прослѣдить зарожденіе и ростъ духа меценатства въ этомъ владѣтельномъ домѣ, политическая роль и значеніе котораго были столь ограничены.

И тутъ проходитъ связующая нить, тянущаяся чрезъ цѣлые вѣка, опять отъ Петрарки, вслѣдствіе его связей съ маркграфомъ Никколо II, къ которому онъ по смерти его брата Уго написалъ въ утѣшеніе длинное философское письмо [3]. Тотъ же владѣтель предложилъ Бенвенуто Рамбальди изъ Имолы написать «Книгу

[1]) Письма Филельфо къ Бруни отъ 1 октября 1433 г., къ Сассоли отъ 8 іюня 1441 г. и 30 декабря 1443 г. Объ ужасной смерти его, случившейся 21 іюля 1449 г., сообщаетъ Aliottus epist. III, 46 къ Франческо де' Кастильона, товарищу покойнаго. Vespasiano: Vittorino § 1.

[2]) Надпись гласитъ: Victorinus Feltrensis, summus mathematicus et omnis humanitatis pater. Affo у Basinius Opp. T. II. P. I p. 41. Портретъ Витторино есть и передъ біографіею Росмини.

[3]) Petrarca epist. rer. senil. XIII, 1, у Bandini Bibl. Leop. Laurent. изъ Арквы отъ 5 августа 1370 г., есть также въ Cod. ms. Rep. II fol. 71 лейпцигской городской библіотеки вмѣстѣ съ отвѣтомъ маркграфа per Antonium Bovenium (?) de Pama eius cancellarium.

императоровъ», въ которой послѣднiй вкратцѣ разсказалъ жизнь императоровъ, начиная съ Юлiя Цезаря до Венцеслава [1]). Рамбальди поднесъ ему въ даръ также свой комментарiй къ Божественной Комедiи Данта. Братъ и преемникъ Никколо II, Альберто, содержалъ тоже блестящiй дворъ, хотя въ то время маленькiя владѣнiя его страдали отъ внѣшнихъ войнъ и внутреннихъ волненiй. Охота, пиры и турниры въ Феррарѣ славились, какъ роскошныя празднества, устраиваемыя со вкусомъ. Тутъ были и драматическiя представленiя, въ которыхъ выступали на сцену то ангелы и святые, то аллегорическiя лица въ античномъ одѣянiи и прославляли маркграфа и его домъ. У Альберто была также мысль основать высшую школу въ Феррарѣ, что́ онъ и исполнилъ въ 1392 г. Конечно, судьба ея была такая же, какъ и судьба всѣхъ вновь основанныхъ высшихъ школъ. Она вскорѣ опять пришла въ упадокъ, такъ что ее отъ времени до времени нужно было оживлять новыми мѣрами. Для воспитанiя своего сына, который еще только учился читать и писать, маркграфъ пригласилъ Донато дельи Альбанцани, друга Петрарки, Боккачiо и Салютато, котораго мы встрѣтили школьнымъ учителемъ въ Венецiи. Это показываетъ во всякомъ случаѣ перемѣну въ характерѣ воспитанiя дѣтей владѣтельныхъ особъ.

Маркграфъ Никколо III, питомецъ Альбанцани, наслѣдовалъ отцу своему всего девяти лѣтъ отъ роду въ 1393 г. При дворѣ его мы уже находимъ канцлера съ высшимъ литературнымъ образованiемъ, Бартоломео де ла Мелу, друга Салютато [2]). Когда же онъ умеръ, то его мѣсто занялъ Альбанцани, хотя былъ въ преклонныхъ лѣтахъ. Только теперь его ученыя заслуги были оцѣнены по достоинству [3]). Онъ внушилъ молодому маркграфу нѣкоторую любовь къ изученiю древностей и охоту къ собиранiю книгъ, которыми самъ былъ одушевленъ. Наставникъ перевелъ ему на народный языкъ книгу Петрарки О знаменитыхъ мужахъ, также книгу Боккачiо О знаменитыхъ женщинахъ, къ которой кромѣ того прибавилъ продолженiе. Такъ все прочнѣе укоренялся при дворѣ Эсте духъ Петрарки и новой науки [4]). Самъ маркграфъ, правда, не получилъ научнаго образо-

---

[1]) Эта Augustalis libellus была посвящена Эсте 1 января 1386 г. Rambaldi Comment. s. Div. Commedia vol. da Tamburini vol. I p. III.

[2]) Salutati epist. 12 ed. Mehus адресовано къ нему.

[3]) Въ письмѣ къ нему Салютато отъ 27 августа (1398) у Hortis Studi, s. opere lat. del Boccaccio поздравляетъ его съ новою должностью. Въ прежнихъ письмахъ ibid. p. 728. 729. его называютъ только магистромъ.

[4]) Hortis l. c. p. 115. 602. Petrarchae di vir. illustr. cur. Razzolini vol. II p. V seq. Мы не знаемъ, когда умеръ Альбанцани. Но въ 1408 г. въ одномъ документѣ у Muratori Antiq. Estens vol. II p. 176 уже является канцлеромъ Антонiо де' Монтани.

ванія, какъ слѣдовало бы думать, судя по его наставнику. Какъ ни хвалитъ его Флавіо Бьондо, но все таки не можетъ скрыть, что онъ былъ вполнѣ чуждъ свѣта наукъ [1]). Этимъ онъ хочетъ сказать, что маркграфъ не учился латинскому языку, хотя отецъ его, безъ сомнѣнія, и желалъ этого, приглашая Альбанцани. Этотъ государь любилъ пожить,—какъ вообще всѣ Эсте и прежде и послѣ него,—въ зрѣлыхъ лѣтахъ былъ мужчина полный и веселый, проводилъ время въ празднествахъ, на охотѣ и съ любовницами. Онъ впрочемъ желалъ, чтобы науки и искусства были украшеніемъ его двора [2]). Близкія отношенія самаго младшаго его побочнаго сына Уго къ мачихѣ Паризинѣ Малатеста вполнѣ характеризуютъ степень нравственности, господствовавшей при этомъ дворѣ.

Однако время Никколо III для Феррары, Модены и Реджіо было эпохою цвѣтущаго состоянія. Въ это время миланскій герцогъ Филиппъ Марія неутомимо строилъ новые ковы противъ своихъ сосѣдей, въ верхней и средней Италіи буйствовали шайки наемныхъ солдатъ Бракчіани и Сфорцы, Церковная область страдала отъ войны и смуты, а Неаполитанское королевство было спорною добычею между двумя династіями, ведшими междоусобную войну. Но маркграфъ Эсте съумѣлъ сохранить мирный нейтралитетъ, даже пользовался авторитетомъ въ качествѣ судьи и посредника. Этотъ миръ со всѣми его благами и правленіе, казавшееся кроткимъ въ сравненіи съ жестокимъ деспотизмомъ другихъ династій, составляли свѣтлый фонъ для веселаго придворнаго убѣжища музъ [3]).

Хорошее состояніе финансовъ маленькаго владѣнія дало также возможность снова открыть университетъ въ Феррарѣ, который за восемь лѣтъ передъ тѣмъ былъ закрытъ потому, что дорого стоилъ. Это торжество совершилось 8 октября 1402 г. Большинство докторовъ были тамошніе, не пользовавшіеся особою извѣстностью. Поэтому старались также пригласить знаменитости со стороны, какъ напр. Д ж і о в а н н и д а И м о л а, который долженъ былъ читать гражданское право [4]).

---

1) Blondus Ital. illustr. p. 354.

2) Aeneas Sylvius de vir clar. XI.

3) Jani Pannonii Silva paneg. ad Guarinum Poemata P. I. v. 425:

An non Saturni sunt illic secula patris,
Bella ubi multa fremunt, nisi quae descripta leguntur?
Semper ubi laetas populo plaudente choreas,
Intus festa sonant, et picta palatia surgunt etc.

v. 439: Sola vacat citharis Ferraria sola triumphat,
Principibus foecunda piis, foecunda disertis
Et pariter cunctis habitata Camenis.

4) Anton. Frizzi Memorie per la Storia di Ferrara. 2 edit. vol. II p. 419.

Долгое время гордость университета составлялъ **Уго Бенци** изъ Сіэны, котораго многіе считали первымъ медикомъ своего времени. Онъ раньше читалъ уже лекціи въ разныхъ высшихъ школахъ, также въ Парижѣ и Падуѣ и написалъ объемистыя сочиненія по практической медицинѣ, когда маркграфъ Никколо пригласилъ его въ Феррару, назначилъ своимъ лейбъ-медикомъ и подарилъ ему земли и дома. Эней Сильвій Пикколомини очень хорошо зналъ своего земляка: никто не говорилъ ученѣе съ каѳедры, по его отзыву, никто не былъ заботливѣе и добрѣе его у постели больнаго. Ученому охотно прощали его докучливость. Онъ приводилъ своимъ слушателямъ и посѣтителямъ въ избыткѣ изреченія Гиппократа, Галена и Авиценны, тѣхъ врачей, о которыхъ написалъ свои обширные комментаріи. Но онъ также считался философомъ и богословомъ. Какъ ловкій діалектикъ, Джіованни восторжествовалъ въ спорѣ надъ греками, когда соборъ собирался въ Феррарѣ, и разсуждалъ такъ же свободно о Платонѣ и Аристотелѣ, какъ и о своихъ греческихъ врачахъ [1]).

Старшій побочный сынъ Никколо III-го, Ліонелло, въ это время уже достигъ юношескаго возраста. Чтобы дать ему лучшее воспитаніе, чѣмъ самъ получилъ, маркграфъ пригласилъ къ себѣ знаменитаго **Гварино Веронскаго**. Полагаютъ, что онъ пріѣхалъ въ Феррару въ концѣ 1427 г. [2]). Ему было тогда уже около шестидесяти

---

[1]) Aeneas Sylvius epist. ad. Johannem Campisium отъ 1 іюня 1445 г. Comment. in Anton. Panorm. I. 27; de vir. clar XI Pii II Orat. ed. Mansi T. II p. 3. По изслѣдованіямъ Mazzuchelli Scritt d' Italia vol II P. II p. 790, онъ умеръ въ Феррарѣ въ 1439 г., но не въ 1448 или 1449 г., какъ часто заключали по надгробной надписи (См. Borsetti Hist. Ferrar. gymn. P. II p. 20). По письмамъ къ Кампизіо въ 1445 г., его уже давно не было на свѣтѣ. Съ тѣмъ вмѣстѣ и извѣстіе у Blondus Italia ill. p. 307, будто онъ «недавно» умеръ въ Сіэнѣ, въ первой его половинѣ можно принимать вполнѣ, во второй же оно совсѣмъ не вѣрно.

[2]) Что такія извѣстія неопредѣленны, конечно, странно. Это объясняется двумя обстоятельствами. Вопервыхъ Гварино не собралъ своихъ писемъ, а въ сохранившихся разбитыхъ часто нѣтъ никакой помѣтки. Во вторыхъ ни одинъ изъ современниковъ не сдѣлалъ попытки написать біографію Гварино. Этотъ упрекъ высказываетъ уже Веспазіано Guarino Veronese § 2 его ученикамъ: E se tanti iscolari dotti, quanti governó, avessino fatto il debito loro, arrebbono composto la vita Sua. Janus Pannonius писалъ свой Sylva panegyrica ad Guarinum praeceptorem suum, какъ памятникъ признательности изъ котораго можемъ мы заимствовать нѣкоторыя свѣдѣнія, еще при жизни Гварино въ въ концѣ 1450 г., какъ показываетъ замѣтка о похоронахъ маркграфа Ліонелло и о лѣтахъ Гварино v. 879. Надгробною рѣчью Людовико Карбоне Росмини пользовался лишь мѣстами, но она не вполнѣ напечатана. Она есть также въ мюнхенскомъ спискѣ по Catal codd. lat. bibl. reg. Monac. I. II P. I p. 5. Отъ этого закона трудолюбивый и тщательный біографъ, какъ Росмини vita e disciplina di Guarino vol I—III Brescia 1805 долженъ былъ бороться съ многими пробѣлами и неясностями, и даже архивные розыски мало внесли свѣта. хорошій обзоръ жизни Гварино далъ Eckstein Allq. Encyklop. des Wiss. u. Künste

лѣтъ, и онъ провелъ самую превратную жизнь, такъ какъ судьба бросала его въ разныя стороны. Во сколькихъ мѣстахъ Италіи читалъ онъ свои лекціи съ тѣхъ поръ, какъ воротился изъ Византіи, гдѣ учился у обоихъ Хризолоровъ! Съ какимъ усердіемъ и успѣхомъ преподавалъ онъ языки латинскій и греческій во Флоренціи и Падуѣ! Никто не сомнѣвался въ его основательной учености, нравственной чистотѣ, въ его добродушіи и весьма уживчивомъ характерѣ. Но еще менѣе сомнѣвались въ его педагогическихъ талантахъ, трудолюбіи, умѣньи развивать учениковъ своими доступными наставленіями и неутомимыми повтореніями и блюсти за ихъ нравственностью. Онъ былъ человѣкъ далеко не надменный и не притязательный, довольствовался скромною долею ученаго и наставника, избѣгалъ всякихъ столкновеній и совершенно спокойно относился къ своимъ соперникамъ. Однако Гварино не могъ долго пробыть во Флоренціи, нашелъ было, правда, отличныхъ учениковъ въ Венеціи и Падуѣ, но не встрѣтилъ сочувствія со стороны общества, долженъ былъ пережить и то, что его сочли лишнимъ на родинѣ, въ Веронѣ, и прекратили жалованье. Поэтому намъ понятно, что онъ послѣ двадцатилѣтней скитальческой жизни, сталъ тяготиться дѣятельностью въ республикахъ и съ радостью согласился на призывъ владѣтельнаго лица [1]). Какъ спокойно и мирно провелъ здѣсь наставникъ тридцать лѣтъ своей долговременной и почтенной старости, обнаруживая болѣе плодотворную дѣятельность, чѣмъ обнаруживалъ въ своемъ зрѣломъ возрастѣ.

По видимому, Гварино прежде предстояло заняться только образованіемъ принца, плоды котораго мы вскорѣ увидимъ. Во всякомъ случаѣ ему не предполагалось поручать латинскую городскую школу. Она была лишь недавно устроена, и въ нее приглашали «грамматиковъ», людей совсѣмъ неизвѣстныхъ [2]). Напротивъ его тотчасъ же, или по крайней мѣрѣ вскорѣ, обязали читать въ университетѣ лекціи «о поэзіи», хотя назначили жалованья только 100 лиръ въ годъ. Впрочемъ въ 1433 г. оно увеличено было до 400 лиръ, и постоянно дѣлалась прибавка черезъ каждыя пять лѣтъ. Но и

---

[1]) Ср. его привѣтственное стихотвореніе городу Феррарѣ у Borsetti Historia alm Ferrariae gymnasii

Post tempestates peragrataque rura benigne
Suscipe nos, placidis retinens complexibus, atque
Hospitio dignare tico etc.

[2]) Джіованни да Кампанеа и докторъ Джіованни Финетти. Постановленіе городскаго начальства отъ 13 января 1429 г. и 11 февраля 1440 г. у Borsetti l. c. p. 28. 29.

Гварино не могъ предохранить высшей школы отъ временнаго упадка, и маркграфъ долженъ былъ постоянно поддерживать ее [1]).

Литературныя заслуги Гварино стоятъ на второмъ планѣ. Его греческая грамматика не больше какъ обработка Вопросовъ Хризолора, столь высоко цѣнимаго имъ. Латинская грамматика и нѣкоторыя мелкія сочиненія, тоже по грамматическимъ вопросамъ, просто скудныя руководства для школъ. Собираніе, сравненіе и исправленіе текстовъ латинскихъ классиковъ тоже было не его дѣло, хотя въ молодые годы онъ усердно трудился надъ этимъ и былъ такой же страстный любитель книгъ, какъ и нѣкоторые другіе гуманисты, собратья по профессіи [2]). Напротивъ его переводы съ греческаго читались охотно, хотя онъ перевелъ лишь нѣкоторыя мелкія сочиненія и біографіи Плутарха и часть географіи Страбона по порученію папы Николая V. Гварино былъ сильно занятъ въ то время, когда соборъ засѣдалъ въ Феррарѣ. За нимъ онъ послѣдовалъ во Флоренцію, по видимому, вмѣстѣ съ маркграфомъ, въ качествѣ переводчика съ языковъ греческаго и латинскаго [3]). Этотъ ученый принадлежалъ къ числу немногихъ, знавшихъ основательно оба древніе языка, и на этомъ зиждется его неотъемлемая слава въ ученомъ мірѣ. Стихотворенія его, хотя онъ писалъ ихъ разными размѣрами, остались незамѣченными и, по видимому, потеряны [4]). Въ пору ранней своей дѣятельности онъ говорилъ много рѣчей на разные случаи, особенно въ Феррарѣ, на погребеніе, поздравительныя по случаю бракосочетаній, также семейныхъ праздниковъ и другихъ происшествій въ домѣ маркграфа, привѣтствія по случаю посѣщенія владѣтельныхъ особъ, ученыя, когда занятія снова начинались съ половины октября и онъ принимался за свои чтенія — о томъ или о другомъ древнемъ писателѣ [5]). Всѣ онѣ, насколько намъ извѣстно,

[1]) Постановленіе насчетъ жалованья 1436 г. см. у Frizzi l. c. p. 459 а за 1441 г. у Borsetti l. c. p. 31. Тирабоски допускаетъ, что въ 1441 г. Гварино на нѣкоторое время удалялся изъ Феррары и преподавалъ во Флоренціи, но это лишено основанія такъ какъ онъ 27 мая 1441 объявилъ. что доволенъ своимъ жалованьемъ на дальнѣйшее пятилѣтіе. Во Флоренцію онъ ѣздилъ только съ отцами собора по поводу возсоединенія церквей.

[2]) Ср. его письма у Rosmini vol. II p. 6. 7.

[3]) Rosmini l. c. p. 9. 10.

[4]) Janus Pannonius v. 775:

Nunc gravis heroo graderis, modo curris iambo,
Nunc tristes elegos, modo laeta anapaestica ludis.

Другіе стихи Гварино кромѣ обращенныхъ къ Феррарѣ и къ Альберто де Сартеано, написанные гекзаметромъ, см. у Martene et Durand, Ampliss. Collect. T. III p. 855 не обнародованъ. Есть ли Alda его произведеніе или его сына, объ этомъ я намѣренъ поговорить въ VII книгѣ.

[5]) Janus Pannonius v. 683 sq. Объ его веронскихъ рѣчахъ см. выше стр. 404. Rosmini vol. II насчитываетъ ихъ больше 50. Онѣ часто встрѣчаются по нѣскольку въ руко-

педантичны, нелѣпы, растянуты и обработаны по одному и тому же плану. То же самое слѣдуетъ сказать и объ его письмахъ. Самъ онъ не собиралъ ихъ, а такъ какъ они считались образцовыми письмами замѣчательнаго школьнаго наставника, то нерѣдко встрѣчаются въ сборникахъ того времени отдѣльно или небольшими группами. Во всемъ, что писалъ Гварино, какъ-то чувствуется недостатокъ его живой личности, естественности и красоты рѣчи. Чрезъ два десятилѣтія высказано было такое мнѣніе, что для спасенія своей славы ему лучше бы было ничего не писать [1]).

Но всѣ, безъ всякихъ оговорокъ, признаютъ достоинства Гварино, какъ наставника и воспитателя. Онъ и Витторино—это два великихъ педагога XV столѣтія, и первый по учености, безъ сомнѣнія, гораздо выше, но не можетъ сравниться съ послѣднимъ по искусству устроить заведеніе, по умѣнью разнообразить свои задачи и цѣли, по отеческой преданности благу своихъ питомцевъ. Витторино всегда имѣлъ въ виду, что онъ долженъ готовить своихъ учениковъ для жизни и для разныхъ отраслей дѣятельности, Гварино хотѣлось бы всѣхъ своихъ учениковъ сдѣлать поэтами, ораторами, учителями, какимъ и самъ онъ былъ. Въ латинскомъ и греческомъ языкѣ для него былъ весь міръ, но и преподавалъ онъ ихъ съ блистательнымъ успѣхомъ.

Инструкція для принца Ліонелло простиралась, по видимому, лишь на нѣсколько часовъ дня. Юноша былъ прилеженъ и способенъ, насколько ему оставалось свободнаго времени отъ охоты и другихъ удовольствій [2]). Латинскому языку однако онъ учился такъ много, что съ помощью своего учителя могъ сочинять рѣчи и произносить ихъ. Ему нравились повѣствованія и картины изъ древняго міра. Во флигелѣ зимняго дворца, въ которомъ онъ жилъ, висѣла на стѣнѣ картина, изображавшая бесѣду Аннибала съ Сципіономъ Африканскимъ, которые съ удивленіемъ смотрятъ другъ на друга, какъ расказываетъ объ этомъ Ливій [3]). Гварино гордился этимъ ученикомъ, но, вѣроятно, обучалъ и другихъ принцевъ: при этомъ дворѣ было много побочныхъ сыновей. Но ихъ успѣхами нельзя было похвалиться.

Главная дѣятельность Гварино состояла въ преподаваніи предметовъ воспитанникамъ, жившимъ въ учрежденіи, и въ чтеніи лекцій въ ауди-

---

писяхъ, напр. у Valentinelli Bibl. ms. ad. S. Marci Venez. T. VI p. 214. Catalogus codd. lat. bibl. reg. Monac. T. I P. I p. 15.

[1]) Превосходна также характеристика Paulus Cortesius p. 226 ed. Galleti: Is in domestica et umbratili quadam exercitatione multa scripsit prudenter ac probe..... Genus taen mscribendi inconcinnum admodum est ac salebrosum.

[2]) Ambros. Camald. Hadoepicon, бывшій въ Феррарѣ въ 1432 г., называетъ его adolescentulus mitis et clari ingenii. . docilem invenem.

[3]) Angelus Decembrius de politia lit. II. 14.

торіи университа. Между тѣмъ и другимъ учрежденіемъ была нѣкорая связь, но мы мало знаемъ подробностей о самыхъ занятіяхъ, гораздо меньше, чѣмъ сообщаютъ намъ ученики Витторино объ его веселомъ домѣ [1]). Элементарное преподаваніе латинскаго языка для мальчиковъ, живущихъ въ Феррарѣ, предоставлялось городской школѣ, а быть можетъ, были и второстепенные учителя. Но Гварино не ограничивался обычнымъ преподаваніемъ грамматики. Онъ училъ по своему собственному руководству, въ которомъ излагалъ главныя основы ученія о формахъ и построеніи предложенія, опуская всѣ мелкія подробности, затемняющія суть дѣла, какъ въ прежнихъ грамматикахъ. Уже и тутъ онъ заботился о вѣрности произношенія, правильности орѳографіи и надлежащемъ употребленіи сокращеній. Рядомъ съ этимъ шли упражненія въ слогѣ и съ раннихъ поръ—въ разговорѣ на латинскомъязыкѣ. Дальнѣйшій отдѣлъ преподаванія онъ называлъ историческимъ. Тутъ передавались разсказы изъ древней исторіи и реальныя свѣдѣнія, въ особенности изъ миѳологіи, а главнымъ образомъ напечатлѣвались въ умѣ учащихся примѣры добродѣтелей и пороковъ, дававшіе матеріалъ для писемъ и рѣчей. Чтеніе болѣе легкихъ писателей чередовалось съ письменными упражненіями, которыя разсматривались и обсуждались по вечерамъ. За этимъ грамматическимъ курсомъ слѣдовалъ потомъ реторическій. Здѣсь теоретическою основою и образцомъ былъ Цицеронъ; вырабатывались рѣчи и дѣлались упражненія въ хорошемъ произношеніи ихъ, также сочинялись стихи и обсуждались. Гварино отлично умѣлъ внушить любовь и соревнованіе къ этому дѣлу, умѣлъ давать пищу талантамъ и развивать ихъ энергію постояннымъ поощреніемъ, совѣтами и помощью. Принужденія и тѣлесныхъ наказаній тутъ не было; даже и для слишкомъ шаловливыхъ мальчиковъ они употреблялись очень рѣдко. Вообще достаточно было авторитета и выговора уважаемаго наставника. Правиломъ Гварино, которое потомъ усвоилъ и сынъ его, было не обращаться строго съ дѣтьми во время занятій науками, потому что это отзывается «какимъ то рабствомъ» и часто вселяетъ отвращеніе къ самымъ наукамъ.

Преподаваніе греческаго языка тоже предоставлено было частной школѣ. Оно не считалось обязательнымъ. Но Гварино отстаивалъ его противъ тѣхъ, которые полагали, что безъ него можно обойтись. Онъ доказывалъ, что безъ знанія греческаго языка нельзя правиль-

---

[1]) Большею частію свѣдѣній мы обязаны поэмѣ Silva panegyrica Януса Паннонскаго. Но полезно также и сочиненіе сына Гварино Баптиста de modo docendi et discendi, Argent. 1514, написанное около 1458 г., когда старый Гварино кончилъ переводъ Страбона. Онъ не разъ говоритъ, что дѣлаетъ свои указанія согласно педагогической системѣ отца.

но писать латинскія слова, заимствованныя изъ него, и прочесть ихъ въ стихѣ съ вѣрнымъ удареніемъ. По видимому, всегда ему учились лишь немногіе избранные. Тутъ-то именно являлась у Гварино горячая любовь къ дѣлу, которое самого его увлекла въ Византію. Потому-то онъ и хранилъ такую теплую память объ Эммануилѣ Хризолорѣ. Краткое извлеченіе изъ его грамматики легло въ основу его преподаванія. Но какъ скоро ученикъ пріобрѣталъ нѣкоторый навыкъ въ употребленіи формъ, то Гварино дѣлалъ шагъ дальше въ своей методѣ, которую хвалятъ какъ «мастерской пріемъ». Именно ученикъ долженъ былъ дальше идти самъ, упражняться на чтеніи такихъ писателей, пониманіе которыхъ онъ могъ сдѣлать для себя доступнымъ при помощи хорошаго латинскаго перевода. Младшій Гварино говоритъ объ ученикахъ своего отца, которые въ теченіе года дѣлали такіе успѣхи, что сами могли вѣрно переводить греческія сочиненія на латинскій языкъ. Это и было, конечно, настоящею цѣлью занятій греческимъ языкомъ. Намъ извѣстны подобные примѣры и изъ болѣе ранняго времени. Вспомнимъ о молодомъ Франческо Барбаро, который такъ выучился въ Венеціи у Гварино греческому языку въ «нѣсколько мѣсяцевъ», что могъ пользоваться для своего сочиненія тѣмъ, что прочелъ у Гомера, Геродота и другихъ писателей [1]). Братъ Альберто де Сартеано, правда, уже человѣкъ зрѣлыхъ лѣтъ, посѣтилъ Гварино въ Веронѣ и въ десять мѣсяцевъ выучился греческому языку, начавши съ элементовъ, настолько, что овладѣлъ существеннымъ его строемъ [2]). Изъ товарищей его graeculi, о которыхъ онъ вспоминаетъ, молодой Эрмолао Барбаро уже могъ перевести басни Эзопа, которыя онъ и издалъ съ посвященіемъ Траверсари [3]). Такимъ образомъ изъ школы Гварино какъ бы чудомъ являлось множество ученыхъ и поэтовъ «словно изъ троянскаго коня»,— выраженіе, часто повторявшееся, такъ какъ его любили употреблять. Цицеронъ однажды примѣнилъ его къ Исократу и его школѣ.

Болѣе взрослые питомцы школы, конечно, слушали и всѣ публичныя лекціи Гварино въ университетѣ. Тутъ онъ обыкновенно читалъ по двѣ лекціи утромъ послѣ обѣдни, одну о Виргиліи или какомъ либо другомъ поэтѣ, другую большею частію о Цицеронѣ. Послѣ завтрака опять были латинскія или греческія лекціи, или устраивались

---

[1]) De re uxoria s. fin. in his (literis graecis) vix paucos menses versatus uberes iam ac iocundos fructus colligere videov.

[2]) Alberti a Sarthiano epist. 6. 8. 9. (Opp. Romae 1688), отъ 1422 и 1423 гг.

[3]) Agostini Scritt. Viniz. T. I p. 230. 250. Здѣсь есть приписка къ одной рукописи: Aesopi facbulae traductne pev me Hermolaum Barbarum a. 1422. Kal. Octobriu sub expositione, disertissimi et eruditissimi viri Guarini Veronensis, patris ac pracuptosis mei.

диспуты. Въ лекціяхъ, по видимому, преобладали реальныя и филологическія объясненія писателей. Особенно Энеида освѣщалась съ разныхъ сторонъ, разъяснялись малѣйшія подробности, конечно, указывался и общій смыслъ ея эпизодовъ. Но было обсуждаемо и значеніе отдѣльныхъ словъ, ихъ происхожденіе, употребленіе въ письмѣ и какъ они различаются по смыслу отъ синонимовъ. Все это слушатели записывали вкратцѣ [1]). Такъ какъ этотъ родъ экзегетическихъ чтеній утвердился въ университетахъ, то довольно часто въ старинныхъ печатныхъ книгахъ съ широкими полями встрѣчаются краткія толкованія и однозначащія слова между строками, а длинныя замѣтки на поляхъ. Тщательныя объясненія, въ которыхъ ничего не упускается изъ виду, ничего не остается непонятнымъ, составили славу Гварино.

Ученики стекались сюда не только изо всѣхъ мѣстностей Италіи слушать новый курсъ реторики и поэзіи у Гварино, но также изъ Далмаціи, Иллиріи, Германіи, Венгріи, Богеміи, Польши, Франціи и Англіи, даже съ острововъ Крита, Родоса и Кипра. Въ аудиторію его сбирались не только юноши, но и взрослые люди разныхъ сословій, нерѣдко также и дѣвушки [2]). Антоній Лоски отдалъ своего сына на воспитаніе Гварино въ Феррару, такъ какъ въ Римѣ не было подобнаго заведенія [3]). Поджіо намѣревался самъ выучить своихъ сыновей латинскому языку, но того изъ нихъ, который хотѣлъ вполнѣ посвятить себя философіи, онъ счелъ за лучшее ввѣрить Гварино, кстати и для того, чтобы избавить его отъ тѣхъ соблазновъ, какимъ онъ можетъ подвергнуться во Флоренціи [4]).

Гварино никогда не становился въ оппозицію съ церковью и ея ученіемъ; лично онъ былъ такой же вѣрующій человѣкъ, какъ и другіе. Но онъ былъ чуждъ благоговѣнія предъ монахами, наблюдавшими за исполненіемъ уставовъ, передъ которыми преклонялся Витторино. Поэтому, когда ему было уже восемьдесятъ лѣтъ, то и его наставническое воодушевленіе языческими классиками не избѣжало нападокъ. Быть можетъ, минориты не могли ему простить того, что однажды онъ выразилъ свое одобреніе Гермафродиту Беккаделли. Весною 1450 г. братъ Джіованни да Прато явился

---

[1]) Janus Pannonius Silva paneg. v. 337:

Verborum pars nulla perit, sed cuncta citatis
Excipiunt calamis et longa in Secla recondunt.

[2]) Ibid. v. 354. 474. Carbone y Rosmini vol. III p. 5 sg., гдѣ говорится о 31 ученикѣ большею частію съ біографическими свѣдѣніями.

[3]) Poggius epist. V, 13 ed. Tonelli къ Гварино отъ 18 октября (1433).

[4]) Poggius epist. X, 17. XIII, 36, XIV, 27.

въ Феррару проповѣдникомъ во время поста. Это былъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ ораторовъ среди францисканцевъ, блюстителей устава, поклонникъ прославленнаго Бернардино сіэнскаго и того извѣстнаго Альберто да Сартеано, который когда-то учился у Гварино греческому языку. Ему было сообщено, что Гварино, не смотря на постъ, читаетъ съ своими учениками Теренція. Поэтому монахъ принялся громить въ своихъ проповѣдяхъ нескромнаго поэта, языческихъ писателей вообще, читателей и собственниковъ этихъ книгъ и наконецъ тѣхъ, кто ихъ покупаетъ и продаетъ, Въ особенности предостерегалъ онъ противъ Теренція юныхъ феррарцевъ. Но это не смутило Гварино; онъ обратился къ монаху съ посланіемъ, въ которомъ защищалъ древнихъ прозаиковъ и поэтовъ тѣми самыми доводами, которые были въ ходу со временъ Петрарки. Онъ спрашивалъ его въ шутку, не принадлежитъ ли и Виргилій къ числу тѣхъ поэтовъ, произведенія которыхъ должны быть преданы сожженію[1]). Миноритъ, человѣкъ не лишенный классическаго образованія и краснорѣчія, отвѣчалъ ему длиннымъ полемическимъ сочиненіемъ, въ которомъ восхвалялъ богословіе, какъ первую науку, ставилъ гораздо выше философіи древнихъ и снова вoставалъ противъ чтенія нескромныхъ поэтовъ. А такъ какъ и блаженный Августинъ бралъ подъ свою защиту Виргилія, по его словамъ, то и онъ одобряетъ его и позволяетъ читать молодымъ феррарцамъ за исключеніемъ соблазнительнаго повѣствованія о Дидонѣ [2]). Такимъ образомъ весь споръ былъ перенесенъ на литературную почву. Гварино, конечно, не пускался въ ругательную полемику, въ которую охотно вступили бы съ монахомъ такіе люди, какъ Поджіо, Валла или Филельфо, но не колебался ни минуты продолжать борьбу, и отъ дальнѣйшихъ послѣдствій его могло защитить расположеніе маркграфа.

Жизнь и дѣятельность Гварино были такъ тихи и скромны, что никто не заботился объ его личной характеристикѣ. Только отъ той поры, когда онъ приближался къ старости, мы слышимъ о немъ разсказы отъ его учениковъ и имѣемъ нѣкоторое описаніе его наружности. Это былъ почтенный старецъ съ румянымъ веселымъ лицомъ, ласковый со всѣми, въ разговорѣ охотно допускавшій незлобивыя шутки, но всегда избѣгавшій рѣзкости и раздраженія. Онъ былъ совершенно чуждъ зависти къ товарищамъ по професіи и всякихъ распрь. Поэтому всѣ уважали и любили его, Витторино, тоже наставникъ, Поджіо,

---

1) Посланіе отъ 7 апрѣля 1450 г. у Martene et Durand Ampliss. Collectio T. III p. 857.

2) Iohannis Pratensis Libellus contra Guarinum de non legendis impudicis auctoribus у Zacharias lib. III p. 325.

Филельфо, Валла, не смотря на то, что послѣдніе трое были люди сварливаго нрава. Онъ только радовался дѣятельности и успѣхамъ другихъ и развитію молодаго поколѣнія ораторовъ и поэтовъ. Въ школѣ и аудиторіи былъ сосредоточенъ для него весь міръ. Мы не слышимъ, чтобы онъ когда нибудь оставлялъ Феррару съ тѣхъ поръ какъ пріѣхалъ туда, кромѣ поѣздки на соборъ во Флоренцію, хотя и за восемьдесятъ лѣтъ наслаждался рѣдкимъ здоровьемъ и сохранилъ силы и полную дѣятельность чувствъ, такъ что могъ продолжать свои лекціи. Только въ послѣдніе годы жизни онъ предоставилъ преподаваніе въ школѣ своимъ сыновьямъ или другимъ учителямъ [1]). Правда, онъ не былъ такъ же непритязателенъ и безкорыстенъ въ денежныхъ дѣлахъ, какъ Витторино, отецъ бѣдныхъ, да и не могъ быть [2]). У него подростала цѣлая куча дѣтей, изъ которыхъ сыновья, къ радости отца, всѣ оказывали успѣхи въ гуманныхъ наукахъ. Впрочемъ разъ случилось, что отъ одного изъ нихъ въ отцовскомъ домѣ забеременѣла служанка [3]). Но любимцемъ старика былъ самый младшій сынъ, Баттиста, такой-же знатокъ языковъ латинскаго и греческаго, какъ и отецъ, поэтъ, ораторъ и учитель. Онъ началъ преподавать еще въ очень юныхъ лѣтахъ, перевелъ Агезилая Плутарха, написалъ программу ученыхъ занятій для юношей и сдѣлалъ это «съ умомъ старца», какъ хвалился отецъ. Впослѣдствіи онъ тоже испыталъ много превратностей въ жизни [4]). Такимъ образомъ изъ школы прославленнаго наставника вышли нѣсколько поколѣній фамиліи Гварино, которыя въ теченіи трехъ столѣтій процвѣтали въ наукѣ и поэзіи, большею частію въ Феррарѣ.

Старый Гварино умеръ на девяностомъ году тихо и спокойно, какъ жилъ, благословивъ своихъ сыновей. Папа Пій II, узнавши о его смерти, почтилъ его память въ своихъ Комментаріяхъ. «Ни одинъ изъ ученыхъ нашего времени, говоритъ онъ не оставилъ по себѣ лучшаго имени...»

Джіованни Ауриспа пріѣзжалъ въ Фераррy нѣсколько раньше Гварино, но мы не знаемъ, дѣлалась-ли при немъ попытка основать настоящій университетъ или онъ только обязался учить маркграфскаго

---

1) Janus Pannonius Silva panegyr. v. 822 sq. 879 sq. Cardone y Rosmini vol. II p. 168, 192. Timoteo Maffei ibid. p. 156.

2) Janus Pannon. Epïgr. I, 73, по видимому, намекаетъ на это.

3) Ср. epigr. I, 63. Есть письма сыновей Гварино, именно Джироламо и Эмануила, у Mittarelli p. 379, 380. Тутъ же упоминается Ліонелло.

4) Около 1450 г. онъ уже преподавалъ, какъ мы видимъ изъ Janus Pannonius Silva panog. v. 842. Его Oratio in inchoando foelici. Ferrariae gymnasio habita 1453 указана у Endlicher Catal. codd. phil. lat. bibl. Palat. Viudob. p. 282. Его упомянутой книгѣ De modo docendi et discendi предпослано хвалебное письмо стараго Гварино.

побочнаго сына [1]) Онъ родился въ мѣстечкѣ Ното въ Сициліи и былъ почти сверстникомъ Гварино, можетъ быть, годомъ старше [2]). Въ такомъ случаѣ ему, вѣроятно, было лѣтъ пятьдесятъ, когда онъ возвратился изъ Константинополя въ Италію съ своими книжными сокровищами. Но мы рѣшительно не знаемъ, какъ онъ получилъ свое образованіе, гдѣ выучился греческому языку, что дѣлалъ въ теченіи всей первой половины своей жизни и какъ провелъ эти пятьдесятъ лѣтъ. Онъ еще засталъ эпоху Салютато, когда довольно мало было такихъ ученыхъ, но въ письмахъ канцлера о немъ ни разу не упоминается. Мы слышимъ и то, что онъ сначала былъ канторомъ на своей родинѣ [3]), стало быть, готовился къ духовному званію, но когда это было, неизвѣстно. Въ 1417 г. упоминается, что онъ былъ въ Пизѣ, продалъ Никколи старинный списокъ исторіи Өукидида [4]), но и изъ этого извѣстія мы извлекаемъ только то, что онъ тогда уже принадлежалъ къ числу гелленистовъ. Какъ поэтъ, онъ былъ, вѣроятно, и раньше извѣстенъ въ небольшомъ кружкѣ, а собственно болѣе широкую извѣстность пріобрѣлъ со времени удачныхъ и громадныхъ покупокъ книгъ, что̀ ему посчастливилось сдѣлать на Востокѣ. Мы уже разсказывали выше, какъ безуспѣшны были его попытки преподавать греческій языкъ въ Болоньѣ и Флоренціи. Очевидно, у него не было ни охоты, ни надлежащей подготовки къ такому дѣлу; онъ былъ уже въ пожилыхъ лѣтахъ и любилъ жить спокойно. Вскорѣ послѣ этого онъ, кажется, жилъ въ Римѣ,—но не училъ въ общественной школѣ, а частно преподавалъ греческій языкъ юному Лоренцо Валлѣ. Послѣдній былъ его единственнымъ ученикомъ [5]).

Также неизвѣстно и то, когда Ауриспа явился въ Феррару. Достовѣрно только, что онъ поселился тамъ уже въ февралѣ 1428 года [6]). Очевидно, маркграфъ Никколо отнесся къ нему съ расположеніемъ, какъ къ поэту, могущему составить украшеніе его двора, потому что объ его дѣятельности въ качествѣ воспитателя принца мы ничего не знаемъ: быть можетъ, Гварино освободилъ его отъ этой обязанности. На него часто указываютъ, какъ на примѣръ счастли-

---

[1]) Мѣсто у Aeneas Sylvius de vir. clar. XI: eum Meliaduci filio Protonotario (?) tradidit очевидно испорчено. Этого Meliaducem, котораго имени я не знаю, зналъ и Kyriacus Ancon. Itiner. ed. Mehus p. 30.

[2]) Когда Пій II былъ въ Феррарѣ въ маѣ 1450 г. (Comment. p. 56 — 58) говоритъ про Ауриспу: annum prope nonagesimum agens. Послѣдній вскорѣ умеръ.

[3]) Mongitore Bibl. Sicula T. I. p. 322.

[4]) Ambros. Travers. epist. VI, 8.

[5]) Valla Praefat. in Flegant. lib. II, Antid in Pogum lib. IV p. 335.

[6]) Письмо Филельфо къ нему отъ 28 февраля 1428 г. Вѣроятно впрочемъ Ауриспа жилъ уже въ Феррарѣ, когда Филельфо писалъ ему отъ 23 дек. 1427 г.

ваго человѣка, который ведетъ покойную жизнь благодаря щедрости маркграфа [1]) Если послѣдній подарилъ ему домъ съ усадьбою, то привольная жизнь Ауриспы началась собственно съ тѣхъ поръ, какъ онъ рѣшился сдѣлаться священникомъ и получить приходъ [2]). Къ этому присоединились съ теченіемъ времени другія бенефиціи: онъ сдѣланъ былъ коммендатаріемъ церкви св. Маріи in Vado и пріоромъ монастыря св. Антонино [3]). И сицилійская родина не забывала о своемъ сынѣ: конечно, благодаря расположенію короля Альфонса онъ получилъ тамъ въ 1449 г. аббатство С. Филиппо де Гранди, а въ 1451 г. болѣе доходное — С. Филиппо де Роккадіо [4]). Богатая жизнь на счетъ бенефицій приходилась вполнѣ по вкусу Ауриспѣ. Онъ вовсе не былъ расположенъ напр. обременять себя школою и дюжиною дѣтей. Двѣ дочери и одинъ сынъ, прижитые имъ въ конкубинатѣ, не особенно тяготили его. Для него не составляло особеннаго затрудненія и то обстоятельство, что церковныя дѣла до извѣстной степени привязывали его къ Феррарѣ, когда на него находила охота поѣздить по окрестностямъ, временно принимать на себя должность секретаря у троихъ папъ и жить въ Римѣ въ кругу друзей, получая обильные доходы. Другъ его Беккаделли писалъ ему, что онъ можетъ сдѣлаться епископомъ или кардиналомъ въ неаполитанскомъ королевствѣ, если рѣшится оставить «привольную жизнь въ Феррарѣ» [5]). Но это нисколько не казалось для него заманчивымъ.

Однако странно, что Ауриспу все таки относятъ къ числу истинныхъ ученыхъ людей и литературныхъ знаменитостей. Безспорно, у него были и знанія, и способности. Но если собрать все, что онъ написалъ, то окажется замѣчательно мало. Есть извѣстіе, что въ Римѣ онъ удостоился лавроваго вѣнка. Извѣстны только 7 небольшихъ стихотвореній его, написанныхъ элегическимъ размѣромъ, прелестныхъ по формѣ и содержанію, но больше этого, по видимому, ничего нѣтъ и въ рукописяхъ [6]). Упоминаютъ о собраніи его пи-

---

1) Особенно Aeneas Sylvius de vir. car. XI и Europa c. 52 inter familiares habitum. ditem beatumque facit.

2) Судя по письмамъ Beccatelli epist. Gall. III. 26. 28. это случилось между 1431 и 1435 гг., потому что письма писаны изъ Павіи. Въ послѣднемъ говорится: Aurispa tuus sacerdos plebanus creatus est et Ferrariensi glebae qudommodo adscriptus.

3) Borsetti Hist Ferr. gymn. P. II 36. Antonio Frizzi Memorie per la storia di Ferrara vol IV p. 41.

4) Mongitore T. I. p. 322.

5) Beccatelli epist. Campan. 33. Нельзя иначе понимать слова: Hic etenim capitis tegmen me auctore confestim mutabis.

6) Они напечатаны въ Carmina ill. poetarum Ital. T. p. 489. И слова Филельфо Satyr. dec. I. hec. 5: placidis Aurispa Camoenis dehitus повидимому намекаютъ на его скудную производительность.

семъ; подъ этимъ, вѣроятно, разумѣютъ небольшую группу писемъ, которыя Траверсари приложилъ къ своимъ и изъ которыхъ, дѣйствительно, видно, что Ауриспа былъ хорошій стилистъ [1]). Безъ сомнѣнія, онъ былъ отличный знатокъ греческаго языка, но никакихъ особыхъ заслугъ этимъ не оказалъ свѣту кромѣ перевода двухъ небольшихъ сочиненій Лукіана и другихъ маленькихъ произведеній [2]). Ауриспа обѣщалъ когда-то своему другу Беккаделли перевести въ двѣ недѣли небольшую «жизнь Гомера», которая въ то время была у него одного въ Италіи, но въ теченіи цѣлаго года ничего не сдѣлалъ, хотя, по словамъ Беккаделли, ему только и дѣла было, что «ногти чистить да брюхо чесать» [3]). Очевидно, онъ велъ привольную жизнь человѣка, надѣленнаго богатыми бенефиціями, которая усыпила въ немъ всякое честолюбіе, такъ что поэтъ не хотѣлъ прославиться, владѣя прекраснымъ стихомъ и изящнымъ прозаическимъ слогомъ.

Если что придавало значеніе Ауриспѣ и заставляло цѣнить дружбу съ нимъ, то это его богатое собраніе книгъ. Даже флорентинскіе собиратели не могли безъ зависти смотрѣть на его греческія сокровища, плодъ его поѣздокъ и большихъ покупокъ. Онъ и впослѣдствіи постоянно бралъ сочиненія классиковъ у своихъ друзей и давалъ ихъ переписывать, но былъ извѣстенъ тѣмъ, что долго не отдаетъ ихъ и даже въ состояніи чрезъ нѣсколько лѣтъ считать данную на время книгу за подарокъ. Напр. Филельфо, давшій ему своего Поллукса, не смотря на всѣ просьбы получилъ его только черезъ 23 года. Но самъ Ауриспа ужасно не любилъ давать книги другимъ, и тѣхъ друзей, которые просили у него какую нибудь книгу, томилъ уклончивыми отговорками [4]). Филельфо называлъ его книжною гарпіею и наконецъ сталъ отказывать въ ссудѣ книгъ. Какъ всѣ усердные собиратели, Ауриспа имѣлъ много подобныхъ

---

1) Ambros. Travers. epist. XXIV. 38. 50—60.

2) Особенно часто встрѣчается въ рукописяхъ сравненіе между Александромъ Великимъ, Аннибаломъ и Сципіономъ, въ спискѣ вѣнскаго городскаго архива (v. Böhm die Handschriften Kais. und. Kön. Haus,—Hof. Staatsarchivs, wien 1873, г. 711) съ посвященіемъ Ауриспы ad Baptistam Cáput de Ferro Romanum civem, practorem Bononiae. Переводъ, безъ сомнѣнія, относится къ тому времени, когда Ауриспа преподавалъ въ Болоньѣ.

3) Beccatelli epist. Campan. 9. 10. Janus pannonius epigr. I, 112 очевидно, неправъ, когда онъ говоритъ:

Tam doctus scribat cur nil Aurispa, requiris?
Credatur multo doctus ut esse magis.

4) Филельфо къ Ауриспѣ отъ 23 апрѣля 1448 г. Je uno, mi Aurispa, nemo est n accipiendo liberaliov, in dondo autem nemo rursus avarior.

богатствъ только затѣмъ, чтобы имѣть ихъ [1]). Только тогда, когда имъ овладѣвала прежняя склонность къ торговымъ сдѣлкамъ, онъ продавалъ случайно книгу какому нибудь страстному любителю за дорогую цѣну, и эти деньги всегда старался употребить на выгодныя покупки [2]). Но всѣ знали, что занятія собственника этихъ книгъ и потребность въ нихъ далеко были не въ уровень съ тѣмъ стараніемъ, съ которымъ онъ собиралъ ихъ. Онѣ не приносили ему той пользы, какъ его флорентинскимъ друзьямъ, и оставались мертвымъ капиталомъ въ рукахъ человѣка, надѣленнаго большими бенефиціями и любившаго хорошо пожить. Ему никогда и въ голову не приходило распорядиться, чтобы онѣ стали общимъ достояніемъ послѣ его смерти. Поэтому всѣ онѣ были разобраны и распропали, когда онъ умеръ въ 1450 г. Это былъ человѣкъ богато одаренный природою, но не оставилъ по себѣ сожалѣнія и даже былъ забытъ за шумомъ славы неутомимаго Гварино, съ которымъ жилъ такъ долго подъ одной кровлею [3]).

Мы охотно вѣримъ тому, что маркграфъ Никколо не былъ скупъ по отношенію къ этимъ ученымъ. Благодаря его расположенію, Ауриспа и Бенци стали богатыми людьми, и Гварино тоже могъ бы поправить свои дѣла, если бы заботился о содержаніи только своихъ собственныхъ дѣтей. За посвященія, дѣлаемыя ему, маркграфъ вознаграждалъ прилично, а ученыхъ посѣтителей принималъ роскошно, и въ этомъ отношеніи о немъ шла хорошая молва въ Италіи. Онъ умеръ въ Миланѣ въ 1441 г. и былъ похороненъ въ Феррарѣ въ базиликѣ, которую самъ построилъ. Явился цѣлый рядъ эпитафій въ память его и въ томъ числѣ только четыре, сочиненныя Гварино [4]).

Ліонелло, преемникъ Никколо, былъ первымъ владѣтельнымъ лицомъ въ Италіи, получившимъ воспитаніе у гуманиста, и гдѣ только о немъ ни говорили, всегда непремѣнно упоминали, что онъ былъ

[1]) Въ одномъ письмѣ, напечатанномъ вмѣстѣ съ письмами Ambros. Travers. XXIV, 59 онъ самъ говоритъ: cupiditas quaedam mira, quae me in habendis codicibus tenet.

[2]) Этимъ объясняется шутка въ письмѣ Филельфо отъ 10 іюня 1441 г.: Es tu sane librorum officina. Sed ex tua ista taberna libraria nullus unquam prodit codex nisi cum quaestu. Это однако не даетъ права считать Ауриспу за настоящаго книгопродавца.

[3]) Всего яснѣе отражается личность Ауриспы во множествѣ писемъ, которыя писалъ къ нему Филельфо, большею частію насчетъ книгъ, такъ напр. отъ 4 апр. 1428 г., отъ 12 сент. 1431 г., отъ 30 декабря 1432 г., отъ 13 декабря 1439 г., отъ 10 іюня 1441 г., отъ 18 іюля 1444 г., отъ 18 февраля 1451 г., къ Сассоло да Прато отъ 30 декабря 1443 г., о книгахъ, оставшихся послѣ Ауриспы, къ Леопардо Саббатино отъ 2 января 1461 г. Ауриспа къ Траверсари въ его письмахъ epist. XXIV, 50.

[4]) 22 Эпитафія у Borsetti Hist. Ferrar. gymnas. P. I p. 40. 46.

ученикомъ Гварино. Какъ легко однако владѣтельному лицу прославиться въ литературѣ, если только онъ учился чему нибудь! Поджіо съ восторгомъ говорилъ о немъ, что онъ стремится къ возвышенной цѣли въ жизни, желая самъ прославить свои великіе подвиги классическими трудами, что это божественный умъ, который, не смотря на заботы и труды правленія, еще питаетъ такую сильную любовь къ занятіямъ науками [1]). Филельфо находилъ его добродѣтели достойными зависти и почти божественными. По его словамъ, онъ достоинъ господствовать надъ всею Италіею, онъ по истинѣ рожденъ для славы [2]). Самъ Гварино въ надгробной рѣчи своему ученику сказалъ, что въ отношеніи слога Ліонелло почти достигъ изящества древнихъ писателей. Если мы хотимъ прочесть разнаго рода хвалебные отзывы ему, то намъ стоитъ только раскрыть феррарскія хроники того времени.

Ліонелло еще молодымъ человѣкомъ слышалъ такія необычайныя похвалы себѣ отъ своего наставника, что могъ считать себя уже великимъ талантомъ и думать, что стоитъ только приняться за работу, и онъ сдѣлается литературною знаменитостью. Въ юные годы онъ получилъ поверхностное образованіе, такъ какъ, по видимому, его не прочили въ наслѣдники, и долженъ былъ изучать военное искусство. Поэтому его отправили въ Неаполитанское королевство къ знаменитому кондотьеру Бракчіо. Но маленькое владѣніе могло обойтись и безъ военныхъ талантовъ, и съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ назначенъ наслѣдникомъ престола, онъ могъ посвящать себя мирнымъ занятіямъ разнаго рода и между прочимъ поэзіи. Поэтому въ молодости Ліонелло охотно сталъ учиться у Гварино. Отъ него осталось два прелестныхъ сонета; говорятъ, что Ліонелло написалъ цѣлую книгу подобныхъ стихотвореній [3]), и конечно, были люди, удивлявшіеся его поэтическому дару. Маркграфъ писалъ иногда письма въ легкомъ родѣ, и Гварино тотчасъ же находилъ ихъ слаще меда, предсказалъ превосходному ученику, что онъ со временемъ будетъ властителемъ властителей и почиталъ за счастіе для себя, что помогъ развитію этого таланта [4]). Но принцъ страстно любилъ охоту, и когда онъ приносилъ своему старому учителю, который не могъ раздѣлять съ нимъ этого удовольствія, фазановъ, куропатокъ или оленей, то всегда прилагалъ дружескую записочку. Придворный ученый былъ внѣ себя отъ восхищенія, благодарилъ въ классическихъ

---

[1]) Poggii Epist. V. 18. 19. VI, 3.

[2]) Письмо Филельфо къ нему отъ 28 іюля 1449 г.

[3]) Ant. Frizzi Memorie vol. III p. 449. 506.

[4]) 13 писемъ Гварино къ Ліонелло см. у Pez Theraur Anecdot. nov. T. V. P. III p. 154 sq., cf. epist. 3.

выраженіяхъ, клонившихся къ похвалѣ охотѣ, шутливымъ тономъ расхваливалъ принца, великаго побѣдителя, и считалъ себя уже безсмертнымъ, когда тотъ удостоивалъ его восторженнаго письма [1]). Если Ліонелло предпочиталъ пріятную жизнь въ деревнѣ занятіямъ съ старымъ наставникомъ, то послѣдній находилъ, что это совершенно въ порядкѣ вещей. Между тѣмъ Гварино, «чтобы и въ отсутствіи поддерживать занятія», выработалъ для него письменную программу, золотыя правила, которыя были нѣкогда переданы ему Хризолоромъ. Она состояла въ томъ, чтобы заучивать наизустъ лучшія мѣста изъ классиковъ, постоянно держать записную книжку въ рукѣ и т. п., на что у принца, такъ любившаго удовольствія, едва ли хватало времени [2]). Онъ, по всей вѣроятности, не читалъ и перевода Плутархова Лизандра, поднесеннаго ему въ даръ Гварино ко дню его бракосочетанія [3]). Ліонелло и безъ труда вызывалъ въ своемъ учителѣ удивленіе. А когда онъ въ смыслѣ упражненія говорилъ рѣчь въ похвалу Юлію Цезарю, то наставникъ видѣлъ въ немъ уже втораго Цезаря. «Да, превосходный юноша, усвоивай себѣ добродѣтели великихъ мужей частымъ произношеніемъ рѣчей. короче ознакомься съ ними, прославляй ихъ, люби ихъ, подражай имъ [4])». Когда императоръ Сигизмундъ посвятилъ принца въ рыцари въ 1433 г., то послѣдній за эту милость сказалъ краткую благодарственную рѣчь, за которую Гварино осыпалъ его самыми изысканными похвалами; онѣ лились, какъ изъ рога изобилія [5]). Другую рѣчь говорилъ онъ въ 1436 г. при пріемѣ папы Евгенія IV, который подарилъ ему за это шляпу, украшенную золотомъ, жемчугами и драгоцѣнными камнями [6]). Мы можемъ быть увѣрены, что Гварино принадлежитъ большая доля участія въ этихъ рѣчахъ. Но во всякомъ случаѣ было новостью, что сынъ владѣтельнаго лица говорилъ при придворныхъ торжествахъ латинскія рѣчи, которыя, разумѣется, расхвалились, какъ «памятники его безсмертной славы». Ліонелло приписывается и та заслуга, что онъ первый призналъ подложною переписку Сенеки съ апостоломъ Павломъ. Но и здѣсь мы не можемъ отрѣшиться отъ догадки, что этотъ критическій подвигъ принадлежитъ Гварино и приписывался Ліонелло лишь изъ

---

1) Ibid. epist. 4. 6. 11. 13.

2) Rosmini vita di Guarino vol. I p. 78.

3) Bandini Catal. codd. lat. bibl. Laurent. T. II p. 745.

4) Epist. 2 y Pez l. c.

5) Epist. I отъ 13 сент. 1433 г.. тоже въ изданныхъ Hier. Donzelinus Epistolae Principum etc. Venet. 1574, p. 386. Самая рѣчь у Mitarelli Biblioth. codd. msc. Monast. S. Michaelis Venet. p. 665.

6) Iohannes Ferrariensis ap. Muratori Scriptt. T. XX p. 445.

вѣжливости. Добрый старикъ откровенно признаетъ для себя правиломъ слова Горація: Principibus placuisse viris non ultima laus est. (Не малая похвала тебѣ, коль ты понравился высокопоставленнымъ лицамъ). Онъ беретъ грѣхъ на свою филологическую совѣсть, толкуя здѣсь слово principes словомъ владѣтельныя особы.

Такимъ образомъ наше понятіе о гуманистическомъ образованіи Ліонелло значительно ограничивается. Онъ больше любилъ охотиться, блистать на придворныхъ празднествахъ, чѣмъ искать мудрости минувшихъ временъ въ сочиненіяхъ древнихъ писателей. Конечно, ему хотѣлось казаться ученымъ, человѣкомъ занимающимся наукою, если только можно достичь такихъ лестныхъ похвалъ съ малымъ трудомъ. И мы охотно вѣримъ, что за столомъ или когда онъ прогуливался по своему парку, то любилъ слушать разговоръ на модныя античныя темы и принималъ въ немъ участіе [1]). Маркграфъ собиралъ книги, картины, медали и рѣзные драгоцѣнные камни. Онъ велѣлъ и свои монеты чеканить на образецъ древнихъ римскихъ, такъ что съ одной стороны былъ его портретъ и имя [2]). Онъ имѣлъ разнообразныя сношенія съ учеными и состоялъ съ ними въ перепискѣ, какъ напр. съ Чиріако анконскимъ, который старался расположить его въ пользу своихъ фантастическихъ путешествій, сочинилъ эпитафію его отцу Никколо и посѣтилъ его въ 1449 г. незадолго до его смерти. Тогда Ліонелло показывалъ ему художественныя произведенія живописи, находившіяся у него, напр. изображеніе музъ съ эпиграммами, сочиненными къ нимъ Гварино [3]). Маркграфъ былъ также въ перепискѣ и съ Пьеромъ Кандидо Дечембріо, который жилъ въ Миланѣ. Дечембріо посвятилъ ему надгробную рѣчь, написанную въ честь покойнаго маркграфа Никколо, послалъ ему потомъ біографію герцога Филиппа Маріи раньше ея изданія, просилъ сказать свое мнѣніе, какъ знатока исторіографіи, и вполнѣ согласился съ мнѣніемъ маркграфа, что объ извращенной чувственности Висконти можно или совсѣмъ умолчать, или слегка намекнуть на нее [4]). Поэтому Ліонелло могъ принимать участіе въ дѣятельности литературнаго міра не только какъ меценатъ, но и какъ человѣкъ посвященный въ тайны этого дѣла. Впрочемъ онъ, какъ правитель, вовсе не отличался тѣми добродѣтелями, какихъ можно было ожидать отъ ученика Гварино: онъ

---

[1]) Joh. Ferrariensis p. 457.
[2]) Флавіо Бьондо поздравляетъ его съ этимъ въ письмѣ отъ 1 февраля 1466 г. въ Cod. ms. F. 66 Публ. корол. библ. въ Дрезденѣ fol. 116.
[3]) Colucci Delle Antichita Picene T. XV p. 143.
[4]) Saxius p. 296. Пять писемъ Ліонелло вмѣстѣ съ Письмами Дечембріо въ Ambrosiana. Rosmini Vita di Guarino vol. I p. 109.

былъ человѣкъ строгій, надменный и иногда недоступный, и если сохранялъ должное уваженіе къ старому наставнику, то все таки находили, что онъ уступаетъ своему отцу въ главной добродѣтели правителей, въ щедрости къ писателямъ [1]).

Великая заслуга Ліонелло передъ наукою — это возобновленіе феррарскаго университета, который постоянно приходилъ въ упадокъ не смотря на старанія его дѣда и отца. Вопросъ объ этомъ поднятъ былъ въ 1442 г. лицами, поставленными во главѣ университета (savj). Они прежде всего приняли во вниманіе интересы горожанъ, сыновья которыхъ должны были изучать науки въ другихъ странахъ, вмѣсто того, чтобы наплывъ постороннихъ учениковъ обогащалъ городъ и гражданъ. Вѣроятно, Гварино принималъ участіе въ разработкѣ этого вопроса. Оказалось, что причиною упадка университета служитъ плохое состояніе латинскихъ школъ въ городѣ, и было рѣшено, чтобы съ этихъ поръ никто не содержалъ школы въ Феррарѣ, если не получилъ одобреній за познанія въ гуманныхъ наукахъ отъ двѣнадцати ученыхъ (savj). А дурныхъ учителей положено было выгонять изъ города, «какъ зачумленный скотъ». Въ городскія школы были приглашены ученые люди, какъ напр. Франческо де Кампанеа, Франческо да Рома, Бенедетто Бурсе, который въ то-же время по праздникамъ читалъ публичныя лекціи реторики, объяснялъ Цицерона и Плавта [2]).

Такимъ образомъ и университетское преподаваніе ожпвилось съ приглашеніемъ юристовъ, медиковъ, богослововъ и философовъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ минорить Джіованни да Феррара, исторіографъ фамиліи Эсте [3]). При этомъ вторичномъ открытіи университета Гварино говорилъ торжественную рѣчь, въ которой старался внушить юношеству рвеніе къ занятіямъ науками. Его вліяніе, конечно, было сильно, когда здѣсь была въ первый разъ учреждена особая каѳедра и для греческаго языка. На нее приглашенъ былъ Ѳеодоръ Газскій, человѣкъ съ основательною ученостью, который владѣлъ и латинскимъ языкомъ. Онъ учился ему въ Мантуѣ у Витторино да Фельтре. Нѣсколько лѣтъ былъ онъ профессоромъ, объяснялъ усерднымъ ученикамъ рѣчи Демосѳена и т. п. [4]) Къ числу его слушателей, привлеченныхъ сюда не въ маломъ количествѣ изъ дальнихъ мѣстъ, припадлежалъ мо-

---

1) Aeneas Sylvius de vir. clar. XII.

2) Рѣшеніе Savj отъ 17 января 1442 г. и 11 іюля 1443 г. у Borsetti P. I p. 47, 40, гдѣ названы и имена приглашенныхъ.

3) Johannes Ferrariensis l. c. p. 457.

4) Hodius de graec. ill. p. 57, 58. Обыкновенно полагаютъ, что онъ былъ приглашенъ въ 1447 г., но это едва-ли вѣрно; см. Aliottus epist. III, 19, 10. А около 1450 г. онъ былъ приглашенъ въ Римъ папою Николаемъ V.

лодой Базиніо Базини изъ Пармы, даровитый поэтъ, тоже бывшій ученикомъ Витторино. Онъ быстро выучился греческому языку у Ѳедора Газскаго и, какъ пылкій поклонникъ Гомера, испыталъ свои силы въ героической поэмѣ Мелеагридѣ, въ которой воспѣвалъ Каледонскую охоту и смерть Мелеагра. Небольшая поэма эта была принесена въ даръ Ліонелло д'Эсте, котораго поэтъ обѣщалъ еще особенно прославить. Въ награду за это Базиніо получилъ въ 1448 г. каѳедру латинскаго краснорѣчія. Но онъ вскорѣ долженъ былъ оставить Феррару вслѣдствіе политическихъ недоразумѣній и нашелъ себѣ мѣсто придворнаго поэта въ Римини у фамиліи Малатеста, которое еще больше соотвѣтствовало его талантамъ и желанію, чѣмъ профессорская каѳедра [1]).

Братъ и наслѣдникъ Ліонелло, Борзо д'Эсте, сынъ Николо отъ сіэнской конкубины, тоже оказывается славнымъ дѣятелемъ у ученыхъ льстецовъ. Онъ былъ юноша красивый, веселый, любезный и остроумный. Жители Феррары, въ особенности дамы, чуть не боготворили его. Въ гимнастическихъ упражненіяхъ, верховой ѣздѣ и бросаніи копья онъ не зналъ равныхъ себѣ. Кромѣ того онъ былъ отличный охотникъ, подобно брату, и величественъ во время придворныхъ празднествъ. По роскоши и изящному убранству своего дворца Борзо могъ соперничать съ королями. Можно-бы было принять его за остроумнаго весельчака и безразсуднаго мота, если-бы съ другой стороны онъ не былъ весьма разсчетливымъ политикомъ и превосходнымъ хозяиномъ. Властитель могъ дѣлать большія затраты, потому что много получилъ отъ своихъ предшественниковъ и держалъ кассу въ образцовомъ порядкѣ. Онъ умѣлъ блистать своей щедростью. Его придворные поэты и ученые, а также и знаменитые писатели получали въ награду за свои труды и похвалы иногда такіе подарки, какихъ не дѣлалъ ни одинъ государь, именно по 1000 дукатовъ [2]). Но, вѣроятно, это случалось не часто. Борзо приказывалъ скупать книги, но старшій Гварино, руководившій дѣлами въ этомъ отношеніи, не давалъ той цѣны, какую запрашивали.

Людовико Карбоне сказалъ въ своей надгробной рѣчи въ честь Борзо, что изъ рѣчей этого государя, которыя были слаще меда, онъ научился гораздо большему, чѣмъ изъ цѣлаго Цицерона. Но отзывъ другаго современнаго писателя, тоже состоявшаго на службѣ у маркграфа, показываетъ, что онъ такъ-же плохо зналъ латинскій

---

1) Borsetti P. II p. 30 указываетъ на пригласительный декретъ отъ 25 сент. 1448 г. Affo въ Basinii Opp. T. II P. I p. 9, 10, 12, 36. Мелеагрида ibid. T. I. p. 345 seq.
2) Tiraboschi T. V p. 40.

языкъ, какъ и Франческо Сфорца. При этомъ мы впрочемъ не можемъ отказать обоимъ имъ въ природномъ дарѣ краснорѣчія [1]. Бьондо тоже прямо говоритъ намъ, что Борзо, подобно отцу своему, былъ несвѣдущъ въ наукахъ [2]. Правда, онъ любилъ изящныя искусства, но и то не особенно. Быть можетъ, онъ приказывалъ себѣ читать Ланчилотто, разсматривалъ иллюстраціи, которыя заказалъ для этой книги одному болонскому художнику, любовался золотыми обложками своихъ книгъ и миніатюрами, которыя служили точно такимъ-же украшеніемъ его собраній, какъ для него самого служили украшеніемъ новое платье, или герцогскій титулъ, который онъ купилъ у императора Фридриха. Какъ у Сфорцы совѣтникомъ по литературнымъ вопросамъ былъ Симко Симонетта, такъ у Борзо Лодовико Казелла, его референдарій (докладчикъ). Самъ онъ въ этомъ дѣлѣ ничего не понималъ. Чрезъ посредство этого-же Казеллы можно было войти въ расположеніе Борзо.

И Борзо оказывалъ всякое уваженіе старому Гварино, который все еще былъ первымъ украшеніемъ феррарскаго пріюта музъ. Когда же этотъ почтенный старецъ умеръ, то рѣшено было соорудить ему достойный памятникъ. Сыновья Гварино совѣтовались объ этомъ съ двѣнадцатью учеными людьми (savj). Они вспоминали о томъ, какой надгробный памятникъ соорудили флорентинцы своему согражданину Ліонардо Бруни. Герцогъ поддерживалъ ихъ желаніе. Знаменитому наставнику былъ сооруженъ на общественный счетъ памятникъ изъ порфира въ церкви С. Паоло на четырехъ мраморныхъ колоннахъ съ хвалебною надписью. Памятникъ этотъ разрушенъ вмѣстѣ съ церковью во время землетрясенія въ 1570 г. Тоже было доказательствомъ уваженія къ памяти покойнаго, что Баттистѣ Гварино была присуждена каѳедра его отца рѣшеніемъ сановниковъ университета и утвержденіемъ герцога [3]. Но наряду съ нимъ назначенъ былъ преподавателемъ реторики и піитики и Людовико Карбоне, уроженецъ Феррары, такъ какъ онъ уже преподавалъ эти науки съ 1456 г., часто замѣнялъ престарѣлаго Гварино въ качествѣ придворнаго оратора и говорилъ въ честь его надгробную рѣчь. Когда-же онъ былъ приглашенъ въ Болонью въ 1465 г., то жалованье его выплачивалось Баттистѣ. Впослѣдствіи Карбоне опять воротился въ Феррару и долго украшалъ своей ученостью тамошній дворъ. Это былъ превосходный

---

[1] Ibid. p. 42.
[2] Blondus Italia illustr. p. 354.
[3] Borsetti P. I p. 57, 58, 59, 60.

ученикъ Гварино, которому мы обязаны первымъ печатнымъ изданіемъ писемъ Плинія младшаго [1]).

Мирное время дало возможность феррарской династіи и въ XIV вѣкѣ принимать видное участіе въ развитіи тосканской поэзіи. Но этотъ бездѣятельный миръ въ то-же время породилъ ту удушливую придворную атмосферу, которая мѣшала привольному расцѣту дарованій, такъ что многіе таланты, развернувшіеся было подъ вліяніемъ покровительства владѣтельныхъ особъ, снова поблекли.

Мы уже не разъ указывали на своеобразную связь династическихъ интересовъ съ литературными. Мы встрѣтили это явленіе при дворахъ неаполитанскомъ и миланскомъ; тоже самое видимъ у Гонзагъ и Эсте, которые изъ простыхъ синьоровъ благодаря счастливымъ обстоятельствамъ сдѣлались маркграфами и герцогами. Такое возвышеніе династій, слѣдствіе политическаго дробленія страны и кондотьерства, особенно было въ ходу въ папскихъ викаріатахъ (намѣстничествахъ). И мы постоянно замѣчаемъ одно и то-же стремленіе владѣтелей укрѣпить подъ собою шаткую почву меценатствомъ. Мы приведемъ наиболѣе яркіе примѣры того, какъ эти династы прибѣгали къ самымъ осязательнымъ средствамъ для усиленія своего могущества, къ деньгамъ и войскамъ, а третьимъ средствомъ былъ ореолъ, создаваемый литераторами. Эти династы не могли обойтись безъ придворныхъ поэтовъ и глашатаевъ своей славы.

О владѣтельномъ лицѣ и впослѣдствіи герцогѣ Урбинскомъ, Федериго ди Монтефельтро, мы уже упоминали, говоря объ ученикахъ Витторино. Тогда еще онъ не имѣлъ надежды быть наслѣдникомъ, такъ какъ его незаконное происхожденіе былъ фактъ неоспоримый. Въ Мантуѣ красивый и бойкій юноша былъ любимцемъ городскихъ жителей. Но и Витторино радовался его быстрымъ успѣхамъ въ языкахъ латинскомъ и греческомъ и его скромному поведенію. Конечно, сынъ владѣтельнаго лица не хотѣлъ быть ученымъ, а скорѣе знаменитымъ предводителемъ войскъ, какимъ былъ и его отецъ. Когда онъ читалъ древнихъ писателей, то приходилъ въ восторгъ отъ описанія войнъ и сраженій. При этомъ лицо его разгоралось, и онъ стучалъ ногами въ полъ, какъ будто находился среди жаркой схватки. Его честолюбивою мечтою было сдѣлаться Сципіономъ Африканскимъ [2]).

Дѣйствительно, жизнь его была прежде всего жизнью военнаго человѣка и предводителя: онъ былъ начальникомъ отрядовъ въ войскѣ

---

[1]) Ibid. p. 60. 62. P. II p. 38.

[2]) Rosmini Vittorino p. 353 e. seq. Kyriacus Ancon. Itinerar. p. 36 видѣлъ его въ Урбино и называетъ ingenuae indolis puer.

Франческо Сфорцы, служилъ также подъ начальствомъ Никколо Пиччинино. Впослѣдствіи, уже будучи владѣтельнымъ лицомъ, онъ больше тридцати лѣтъ пробылъ кондотьеромъ королей Неаполитанскихъ Альфонса и Фердинанда и нѣсколькихъ папъ. Между подобными себѣ герцогъ считался единственнымъ человѣкомъ, остававшимся вѣрнымъ своему долгу, вмѣстѣ съ тѣмъ отлично умѣвшимъ составлять военные планы и поддерживать дисциплину въ войскахъ. Но лагерная жизнь не могла потушить въ немъ любви къ наукамъ, которая пробудилась еще въ мантуанской школѣ. Какъ человѣкъ неглупый, онъ строилъ зданіе на прочной основѣ, а основа эта была— знаніе латинскаго языка. Федериго предался основательному изученію исторіи и философіи подъ руководствомъ доминиканца Ладзаро Раканелли, которому впослѣдствіи выхлопоталъ епископскую каѳедру въ Урбино. Маркграфъ читалъ и Аристотеля, но съ особенною любовью историковъ, которые были ближе къ его военному призванію, Ливія, Саллюстія, Квинта Курція и Плутарха. Когда онъ однажды сопровождалъ съ 10 конными отрядами папу Пія II въ Тиволи, у котораго служилъ кондотьеромъ, и мечи сверкали при блескѣ солнечныхъ лучей, щиты и шлемы сіяли, то онъ говорилъ съ ученымъ папою объ оружіи древнихъ, о Троянской войнѣ, которую считалъ не особенно важною, и потомъ оба они никакъ не могли согласиться насчетъ границъ такъ называемой Малой Азіи [1]).

Совсѣмъ инымъ занятіямъ предавался Федериго въ своемъ родномъ Урбино, когда снималъ съ себя вооруженіе. Онъ строилъ зданія по образцамъ античныхъ зодчихъ. Дворецъ его, построенный флорентинцемъ Бакчіо Понтелло, по мнѣнію многихъ, былъ самымъ красивымъ въ цѣлой Италіи. Онъ украсилъ его множествомъ драгоцѣнностей, самыми лучшими картинами, античными статуями, мраморными и бронзовыми; тутъ-же были и всякаго рода музыкальные инструменты [2]). Онъ пригласилъ изъ Фландріи лучшихъ живописцевъ расписывать стѣны залъ. Но самыя дорогія сокровища хранились въ прекрасно устроенной библіотечной залѣ, стѣны которой были украшены изображеніями древнихъ философовъ и отцовъ Церкви. Тутъ-же былъ и портретъ стараго Витторино съ хвалебною надписью.

Федериго съ юныхъ лѣтъ началъ собирать книги. Впослѣдствіи онъ дѣлалъ это въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какъ едва ли кто

[1]) Pii Comment. p. 131.

[2]) Я называю имя архитектора слѣдуя Fil. Ugolini Storia dei conti e duchi d'Urbino vol. I, Firenze 1859 p. 442. Въ пользу Франческо ди Джіорджіо и часто упоминаемаго Л. Б. Альберти нѣтъ доказательствъ.

нибудь другой, впрочемъ больше какъ простой любитель, нежели какъ ученый, понимающій дѣло. Говорятъ, что онъ израсходовалъ на это 30,000 дукатовъ. Герцогъ хотѣлъ имѣть лучшія произведенія всѣхъ литературъ, какъ древнихъ писателей, такъ и церковныхъ, также и средневѣковыхъ, философовъ, богослововъ, юристовъ, медиковъ, латинскія и греческія книги, даже еврейскія, творенія Данта, Петрарки и Боккачіо, также Саллютато, Бруни, Траверсари, Манетти, Валлы, Перотто, Пія II и другихъ знаменитыхъ гуманистовъ. И всѣ эти книги хотѣлъ онъ имѣть по возможности въ красивомъ видѣ, писанныя на пергаментѣ, съ прекрасными миніатюрами, въ обложкахъ, украшенныхъ золотомъ и серебромъ. «Федериго счелъ бы за стыдъ держать у себя печатную книгу», говоритъ Веспазіано брезгливымъ тономъ стараго торговца, поставлявшаго рукописи. Во Флоренціи и Урбино было отъ тридцати до сорока переписчиковъ, постоянно занятыхъ тѣмъ, чтобы пополнять это собраніе. Веспазіано былъ при этомъ агентомъ и правою рукою герцога. Когда онъ былъ въ Урбино, то сравнивали съ каталогомъ урбинской библіотеки каталоги самыхъ большихъ библіотекъ въ Италіи, папской, библіотеки св. Марка во Флоренціи, падуанской, павійской и оксфордской. Оказалось, что библіотека герцога разнообразнѣе всѣхъ другихъ, что она, какъ писанная въ систематическомъ порядкѣ, всегда заключала всѣ произведенія писателя, а не отдѣльныя только сочиненія, какъ это было въ другихъ книгохранилищахъ, которыя собирались постепенно и пополнялись изъ разныхъ источниковъ. Но за то тутъ были большею частью новыя копіи, разумѣется, плохія. Такъ возникло знаменитое урбинское книгохранилище, которое впослѣдствіи Цезарь Борджія увезъ въ Римъ [1]).

Конечно, нельзя думать, чтобы этотъ воинственный герцогъ усердно предавался чтенію книгъ и наукамъ. Онъ былъ страстный поклонникъ чувственныхъ наслажденій и имѣлъ массу незаконныхъ дѣтей, а какъ истинный искатель приключеній, не смотря на свое образованіе, вѣрилъ астрологамъ [2]). Однако Федериго платилъ жалованье чтецамъ, которые должны были читать ему за столомъ и всегда въ свободное время преимущественно исторію войнъ древнихъ

---

[1]) Vespasiano Federico duca d' Urbino § 27—31. Кромѣ списка, сообщаемаго здѣсь Веспазіано, у насъ есть Inventario della librerio Urbinate compilato nel secolo XV da Federigo Veterano, bibliotecario di Federigo, который издалъ Гвасти въ Giornae stor. degli archivi Toscani vol. VI p. 127 e ceg. vol. VII p. 46 e seg. Rosmini Vittorino p. 361. О перевозѣ урбинской библіотекѣ въ Римъ сообщаетъ Iacob Ziegler Acta Paparum y Ranke Deutsche Geschichte. Vol. II. 4 Aufl. s. 264.

[2]) Ugolini l. c. vol. II p 4.

и новыхъ временъ. «Незнаніе наукъ, обыкновенно говаривалъ онъ, недостойно хорошаго государя». И своихъ сыновей старался онъ воспитывать тщательно; они обучались преимущественно латинскому языку и римской литературѣ. Когда его посѣтилъ Флавіо Бьондо, то узналъ съ удивленіемъ, что тринадцатилѣтній Бонконте, который потомъ рано умеръ, умѣлъ переводить хорошимъ латинскимъ слогомъ письма, писанныя на народномъ языкѣ, которыя подавались отцу во время стола [1]). Множество сочиненій, посвящаемыхъ такими людьми, какъ Валла, Перотто, Джіованни Понтано, Аламанно Ринуччини и другими, которыя хранились въ урбинской библіотекѣ въ роскошныхъ экземплярахъ, свидѣтельствуютъ, что Федериго награждалъ ученыхъ и поэтовъ большими подарками. За это они прославляли его, какъ великаго знатока всѣхъ искусствъ военныхъ и мирныхъ, а на счетъ военной славы его увѣряли, что для нея нѣтъ другихъ границъ, кромѣ того пути, по которому движется солнце. [2]). Такимъ образомъ его любимцемъ сдѣлался поэтъ Порчелло де Пандони, всегда готовый говорить стихи, который превращалъ хищническія войны того времени въ величественныя дѣянія древнихъ римлянъ съ помощью античнаго искусства, и котораго мы уже встрѣтили при неаполитанскомъ дворѣ. Онъ воспѣлъ подвиги Федериго, у котораго служилъ придворнымъ секретаремъ, поэтомъ и ораторомъ, въ поэмѣ Фельтрія. Впрочемъ ея единственнымъ представителемъ остался, кажется, только тотъ экземпляръ, который былъ посвященъ герцогу [3]). Федериго награждалъ писателей и переводчиковъ; а они за это старались обезсмертить его имя. Веспазіано называетъ его самымъ достойнымъ послѣдователемъ папы Николая V и короля Неаполитанскаго Альфонса, такъ что послѣ его смерти замѣтенъ былъ недостатокъ высокихъ покровителей [4]).

Соперники герцоговъ Монтефельтро въ политикѣ и военномъ дѣлѣ, а также въ покровительствѣ наукамъ и искусствамъ, были Малатеста, владѣтели Римини и Пезаро, викаріи апостольскаго престола, люди суровые, выросшіе среди войнъ. Однако чрезъ нѣсколько поколѣній мы почти не встрѣчаемъ ни одного члена этой фамиліи, который бы не состоялъ въ личныхъ сношеніяхъ съ зна-

[1]) Блондусъ разсказываетъ объ этомъ въ письмѣ къ Галеаццо Сфорцѣ отъ 22 ноября 1458 г. въ Cod. ms. F. 66 кор. публ. библ. въ Дрезденѣ fol. 89.

[2]) Такъ говоритъ Пирро Перротти въ Введеніи, съ которымъ онъ поднесъ ему въ даръ извѣстную Cornucopia своего дяди Никколо Перотти. Baldi Vita e fatti di Federigo di Montefeltro vol. III, Roma 1824, p. 289. 240.

[3]) Giornale stor. d. archivi Tosc. vol. VII p. 143.

[4]) Въ Prefazione къ Vite § 4.

менитостями литературнаго міра. Тутъ опять виновницею является громкая слава Петрарки, которая всѣмъ внушила уваженіе къ наукѣ, государямъ, знатнымъ людямъ, простому духовенству и школьнымъ учителямъ. Старый Пандольфо Малатеста былъ однажды низвергнутъ кардиналомъ Альборноццо и все-таки вышелъ изъ смутъ викаріемъ апостольскаго престола въ Пезаро и Римини. Ему пришла въ голову странная мысль—обратиться за совѣтомъ къ всесвѣтному мудрецу Петраркѣ, можетъ ли онъ въ свои пожилыя лѣта вступить во второй бракъ. Онъ, дѣйствительно, женился во второй разъ съ одобренія Петрарки, но послѣ того жилъ недолго [1]). Сынъ его, Пандольфо младшій, во время войнъ въ 1372 г. предложилъ у себя убѣжище престарѣлому Петраркѣ и пожелалъ услаждать свою душу пѣснями въ честь Лауры, вѣроятно потому, что языкъ философскихъ сочиненій былъ ему недоступенъ [2]).

Галеотто, владѣтель Римини, для обученія сыновей своихъ пригласилъ Якопо дельи Аллегротти, считавшагося философомъ и человѣкомъ свѣдущимъ въ гуманныхъ наукахъ. Сыновья эти, Карло и Пандольфо, оказались юношами воспріимчивыми. О Карло мы еще узнаемъ нѣкоторыя подробности, но и Пандольфо, который не получилъ владѣній, какъ младшій братъ, хотя всю свою жизнь оставался военнымъ, однако любилъ науки, собиралъ сочиненія классическихъ писателей и нанималъ хорошихъ писцовъ, желая составить библіотеку [3]). Малатеста де'Малатести, владѣтель Пезаро, велъ переписку съ Салютато и нашелъ пѣвца своей славы въ лицѣ Антоніо Лоски. Въ секретари себѣ онъ взялъ гуманистически образованнаго Пьетро Турко, друга Салютато [4]).

Карло, сынъ Галеотто и владѣтель Римини, вскорѣ обнаружилъ плоды своего воспитанія, веденнаго въ гуманистическомъ духѣ. И онъ прежде всего былъ военный человѣкъ и полководецъ, согласно преданіямъ своего дома. Но, какъ человѣкъ умный и образованный, всегда принималъ живое участіе въ изящной словесности и въ наукахъ. Когда Леонардо Бруни посѣтилъ его въ 1409 г., то удивился, встрѣтивъ въ грозномъ кондотьерѣ человѣка, который читаетъ книги, сочиняетъ стихи, пишетъ письма изящнымъ слогомъ,

---

[1]) Petrarca epist. rer. fam. XXII, 1 отъ 11 сент. 1362 г. и примѣчаніе Фракассетти къ переводу этого письма. Этотъ Пандольфо умеръ въ 1364 г.

[2]) Petrarca epist. var. 9 къ нему отъ 4 янв. 1373 г.

[3]) Conte Battaglini Della'corte letteraria di Sigismondo Pandolfo Malatesta Commentario (въ Basinius Opp. T. II, P. I) p. 46. 48.

[4]) Письмо Салютато къ этому Малатеста у Bandini Catal. codd. lat. bibl. Laurent. T. III, p. 572. Antonii de Luschis Carmina p. 30.

притомъ такимъ красивымъ почеркомъ, что могъ бы поспорить съ писцами по профессіи. Бруни былъ хорошо принятъ, сопровождалъ властителя на охотѣ, а когда они возвращались вечеромъ домой, то происходили ученые споры, часто горячіе, такъ какъ Малатеста любилъ защищать свои взгляды краснорѣчиво и стойко [1]). Можно бы было, конечно, объяснить сочувствіе Бруни къ этому воину, въ которомъ онъ почти видѣлъ идеалъ древняго римлянина, благодарностью гостя. Можно было бы принять за лесть восторженныя письма Антоніо Лоски, по словамъ котораго древній міръ считалъ бы владѣтеля Римини за полубога [2]). Но у насъ есть свидѣтельства отъ такого времени, когда лесть умолкла, спустя долгое время послѣ смерти Карло, притомъ свидѣтельства такихъ разнохарактерныхъ людей, какъ Поджіо и Бьондо [3]). А та ретивость, съ которою онъ заботился о воспитаніи сыновей брата своего Пандольфо,—самъ онъ былъ бездѣтенъ—чтобы они, не смотря на свое незаконное происхожденіе, были достойны быть викаріями церкви, тоже показываетъ въ немъ человѣка, который зналъ цѣну высшаго образованія [4]).

И этого-то человѣка гуманисты обвиняли въ грубомъ поруганіи надъ древностью, именно будто онъ велѣлъ повалить въ Мантуѣ древнюю статую Виргилія, разбить ее, или бросить въ рѣку Минчіо, потому что статуи подобаетъ сооружать только въ честь святыхъ, а не языческихъ поэтовъ, или сдѣлалъ это «оскорбленный славою Виргилія». Имя послѣдняго всегда пользовалось великимъ почетомъ на его родинѣ, и, какъ сообщаютъ, народъ выражалъ свои чувства точно такъ же, какъ при видѣ изображенія святаго. Первое извѣстно, а второе весьма вѣроятно. Въ Мантуѣ въ одной церкви давно праздновали память полусвятаго пѣвца, и при этомъ пѣлись стихи, которые будто бы сочинилъ самъ Апостолъ Павелъ. Откуда же вдругъ взялось такое озлобленіе противъ статуи, и что давало Малатестѣ право излить надъ нею свой религіозный фанатизмъ? Какъ могло случиться, что послѣ того, какъ онъ съ честью отразилъ врага отъ стѣнъ Мантуи, онъ обратилъ свой гнѣвъ на поэтовъ, называя ихъ всѣхъ обманщиками, а Цицерона кляузникомъ и краснобаемъ?

---

1) Leon. Bruni epist. III, 9. VI, 7 ed. Mehus.

2) Antonii de Luschis Carmina p. 59.

3) Poggius Histor. populi Florent. ap. Muratori T. XX p. 331: Carolus Malatesta fuit vir tum belli tum pacis artibus egregius et priscis illis maioribus meo iudicio comparandus... studiis praeterea litterarum deditissimus et disserendi cum viris doctrina et ingenio praestantibus, quibus admodum utebatur, cupidus. Блондусъ называетъ его въ упомянутомъ письмѣ къ Галеаццо Сфорца отъ 1458 г. litteris moribusque et gravitate conspicuus.

4) Battaglini l. c. p. 50.

Изъ самой Мантуи нѣтъ ни малѣйшаго извѣстія о чемъ либо подобномъ. Напротивъ, насколько мы можемъ прослѣдить происхожденіе этого разсказа, онъ возникъ въ гуманистическихъ кружкахъ въ Болоньѣ. Пеллегрино Замбеккари, болонскій канцлеръ, и нѣкто Якопо да Фермо первые сообщили его Салютато[1]). Пьеръ Паоло Верджеріо тоже писалъ въ Болоньѣ свою инвективу противъ Карло Малатеста въ формѣ письма къ Людовико Алидози, владѣтелю Имолы. Послѣдній долженъ былъ, по его мнѣнію, посовѣтовать Малатестѣ смыть съ своего имени пятно позора, навлеченное варварскимъ поступкомъ, и возстановить сброшенную статую Виргилія въ болѣе величественномъ видѣ[2]).

Мы знаемъ, что Малатеста во время войны въ 1397 г. былъ у своего шурина Джіанфранческо Гонзаги въ Мантуѣ. Если бы въ то время статуя была сброшена, то главное обвиненіе пало бы на послѣдняго, однако рѣчь идетъ о Малатестѣ. Имѣлъ ли слухъ, упомянутый нами выше, какой нибудь поводъ, или онъ просто выдуманъ, но съ тѣхъ поръ какъ онъ былъ упомянутъ въ инвективѣ Верджеріо и распространенъ, онъ продолжалъ повторяться въ кружкахъ гуманистовъ и въ устной передачѣ былъ разукрашенъ новыми подробностями. Бартоломео Фаціо разсказывалъ, что вслѣдствіе инвективы Малатеста опять велѣлъ поставить статую на мѣсто, чтобы возстановить свою репутацію[3]). Таково представленіе о значеніи молвы, вѣроятно, очень льстившее гуманистамъ. Статуя, го-

---

[1]) Салютато говоритъ объ этомъ въ письмѣ къ Замбекарри отъ 23 апрѣля (1398) у Bandini Catalogus codd. lat. T. III p. 572: qualiter Magnificus Dominus Carolus Malatesta fecerat de Mantuano palatio venustum (конечно, vetustum) venerandumque nostri Maronis simulacrum dirui, vatisque tanti memoriam in patria sua, comminuta statua, quam sibi dedicavit sua civitas aboleri etc.

[2]) Инвектива — такъ вездѣ называется это письмо — впервые издана Бенавидесомъ s. l. et a. Ср. Geiger къ Burckhardt. Die Cultur der Renaissance Bd. I 3 Aufl. s. 201. Слѣдуя Colle, она напечатана въ Венеціи около 1540 г. Обо всемъ этомъ см. Martene et Durand Vett Scriptt. Collect. ampl. T. III p. 868, у Schelhorn Amoenitates lit. T. III edit. alt. p. 225, у Muratori Scriptt. T. XVI p. 215. Догадка Мартена, что авторомъ былъ Гварино, лишена всякаго основанія. У Шельгорна это сочиненіе извѣстно подъ именемъ Леонарда Аретина, на письмо котораго я нашелъ ссылку также въ Catal. codd. lat. bibl. reg. Monac. T. I P. I p. 101: epistola ad. Personum (?) contra Carolum de Malatestis. Настоящаго автора первый указалъ Муратори по списку Ambrosiana, въ которомъ помѣтка письма: Bononiae XIV Kol. Octobris 1392. Но я догадываюсь, что въ спискѣ стоитъ 1397, какъ прочелъ Colle Storia di Studio di Padova vol. IV p. 46. Въ этомъ году Малатеста защищалъ для своего шурина Джіанфранческо Гонзага Мантую, на что намекаетъ и инвектива. Адресъ есть и въ Cod. ms. 1270 лейпц. универс. библіот. fol. 182 вполнѣ: In Carolum Malatestam Invectiva. Petrus Paulus Vergerius illustri Imole domino Ludovico Alidosio Salutem dicit. Въ концѣ здѣсь сказано только ex Bononia.

[3]) Facius de vir. ill. p. 9.

ворили, не только была сброшена съ мѣста, но и брошена въ рѣку. Это мы уже впослѣдствіи слышимъ изъ далекаго Неаполя отъ Понтано, который самъ слышалъ это отъ другихъ [1]). Во всякомъ случаѣ Чиріако анконскій, посѣтившій Мантую изъ любви къ Виргилію, какъ онъ говоритъ, и бесѣдовавшій тамъ съ Витторино, видѣлъ еще мраморную статую, безъ сомнѣнія, прежнюю, и не знаетъ ни о какомъ поруганіи надъ нею [2]).

Племянникъ и наслѣдникъ Карло Малатесты въ Римини былъ Гисмондо ди Пандольфо, имя котораго блеститъ ярче въ исторіи литературы, чѣмъ имена всѣхъ его предковъ и преемниковъ. Правда, и они были люди хорошо образованные, друзья изящной литературы и искусствъ, но только при его дворѣ впервые музы нашли себѣ истинный пріютъ во время его долгаго правленія. Тутъ мы можетъ слышать не одни льстивые гимны наемныхъ писателей и сребролюбивыхъ поэтовъ. Правда, совершенно въ иномъ свѣтѣ изображаетъ его папа Пій II, который поразилъ его отлученіемъ отъ церкви и осудилъ на вѣчныя адскія муки. Чтобы оправдать такой строгій приговоръ, папа распространилъ длинное посланіе, въ которомъ были обнародованы: длинная рѣчь фискальнаго адвоката передъ консисторіею и документы, скорѣе проникнутые желчнымъ тономъ инвективы, чѣмъ правдивости. Тутъ Малатеста выставляется сребролюбивымъ, чудовищемъ, нарушителемъ святости брака, кровосмѣсителемъ, кощуномъ и еретикомъ. По словамъ этого посланія, онъ ограбилъ своихъ подданныхъ, а изъ двухъ законныхъ женъ одну отравилъ, а другую убилъ. Его обвиняютъ въ томъ, будто онъ, ведя диспутъ въ кругу своихъ ученыхъ, отрицалъ безсмертіе души, смѣялся надъ адомъ и доказывалъ, что это просто пугало, выдуманное попами [3]).

Хотя эти страшныя обвиненія какъ бы подкрѣплялись нѣкоторыми подробностями, но тутъ образъ Малатесты является въ искаженномъ видѣ. Безспорно, онъ былъ человѣкъ суровый, необузданный и нерелигіозный, не заботившійся о нравственности и не отступавшій передъ преступленіемъ. Но онъ былъ вовсе не хуже другихъ такихъ же деспотовъ. Однако его никто не обвиняетъ въ противо-

---

1) Ut a maioribus accepi, говоритъ онъ de obedientia lib IV (Opp. Lib. I fol. 34).

2) По его Itinerarium ed Mehus p. 28 онъ видѣлъ въ городѣ marmoreum iam sanctissimi poetae simulacrum suo cum dignissimo epigrammate. Когда это было, трудно вывести изъ его смутнаго разсказа, но во всякомъ случаѣ между 1425 и 1441 гг. У насъ есть надежное свидѣтельство, упущенное изъ виду Гейгеромъ.

3) Булла Discipula veritatis in Pii II Epistt. Mediol. 1481 epist. 6. Рѣчь фискальнаго адвоката Андрея Бенци есть также у Mittarelli Bibl. cod. ms. monast. S. Michaelis Venet. p. 704. Ср. G. Voigt. Enea Sylvio de'Piccolomini Bd. III S. 123 ff.

естественныхъ страстяхъ и безчеловѣчной жестокости, какъ Висконти, и нѣкоторыхъ другихъ мелкихъ владѣтелей. Малатеста и въ дурныхъ поступкахъ обнаруживалъ недюжинную натуру. Конечно, его военные подвиги черезчуръ уже расхваливаются льстецами, его храбрость уподобляется храбрости Ахиллеса, военные таланты—талантамъ Аннибала. Но внѣ этого кружка почти ничего не слышно объ его успѣхахъ и славѣ въ качествѣ предводителя войскъ. Напротивъ, его считали человѣкомъ ненадежнымъ и вѣроломнымъ: онъ служилъ послѣдовательно у венеціанцевъ, у Сфорцы, папы Евгенія IV, Флоренціи и Альфонсу Аррагонскому. Какъ бы ни была сильна его жажда славы, но, кажется, онъ ждалъ ея больше отъ своихъ поэтовъ, чѣмъ отъ подвиговъ. Въ мирное время вмѣсто военныхъ тревогъ Гисмондо занимался охотою, турнирами и придворными праздниками. Быть можетъ, онъ больше выказывалъ свою храбрость противъ вепрей и волковъ и сожалѣлъ, что въ Лаціумѣ нѣтъ также львовъ. Только поэты дѣлали изъ этого геройскіе подвиги. Его хвалители разсказываютъ и о томъ, какой красивый замокъ построилъ онъ въ Римини и какъ «справедливо и честно» управлялъ своими подданными. Объ этомъ мы можемъ составить себѣ понятіе по образцамъ современныхъ ему деспотовъ. Намъ сообщаютъ также, что Гисмондо съ раннихъ лѣтъ утромъ всегда прежде всего слушалъ обѣдню и построилъ въ Римини домъ для францисканцевъ. Церковь св. Франциска было великолѣпное зданіе, сооруженное имъ больше для прославленія своего имени, чѣмъ имени святаго. Планъ ея былъ начертанъ Леоне Баттистою Альберти, скульптурными работами и живописью ее украсили лучшіе художники, именно Лоренцо Гиберти, Лука делла Роббіа, Симеонъ, братъ Донателло и др. На стѣнахъ были изображены отцы Церкви рядомъ съ знаками зодіака и семью планетами; тутъ же двѣнадцать сивиллъ и девять музъ. По стѣнамъ были сдѣланы также ниши, въ которыхъ современемъ должны были помѣщаться мраморныя гробницы поэтовъ и ученыхъ [1]). Этотъ полуязыческій характеръ украшеній отзывался и въ разговорахъ, которые велъ Гисмондо съ своими учеными о богословскихъ, антикварныхъ и философскихъ предметахъ. Тутъ онъ любилъ пошутить и надъ религіею. Но Гисмондо вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживалъ во всемъ этомъ сильный умъ и солидное образованіе. Когда онъ однажды былъ приглашенъ въ Римъ къ столу кардинала Просперо Колонны вмѣстѣ съ Флавіо Бьондо, то шла рѣчь о разныхъ римскихъ древностяхъ, а въ особенности о денежной системѣ древнихъ Римлянъ [2]).

---

[1]) Valturius de re militari ib. XII in fin. Battaglini l. c. p. 64, 68.

[2]) Blondus сообщаетъ объ этомъ въ письмѣ къ Ліонелло д'Эсте отъ 1 февраля 1466 г. въ Cod. ms. F 66 корол. публ. библ. въ Дрезденѣ fol. 116.

О Гисмондо шла дурная молва по поводу множества его любовныхъ похожденій, которыя въ дѣйствительности, конечно, могли оскорблять нравственное чувство и вести къ большимъ непріятностямъ. Но онъ, какъ поклонникъ Петрарки, придавалъ имъ нѣкоторый поэтическій оттѣнокъ восторженнымъ почитаніемъ дамъ своего сердца. Властитель даже достигъ нѣкотораго рода популярности тѣмъ, что риминійскія дѣвицы пользовались его расположеніемъ больше, чѣмъ другія. Гисмондо воспѣвалъ ихъ по образцу Петрарки, только не увѣрялъ въ исключительной и вѣчной любви. Есть его Видѣніе, написанное терцинами, длинное стихотвореніе на смерть Маргариты Риминійской, которую онъ любилъ «искреннею и чистою любовью». Теперь она представляется ему какъ бы покровительницею города Римини. Это стихи страстные, даже нѣжные; ихъ можно, пожалуй, назвать благочестивыми, потому что въ нихъ упоминаются имена святыхъ [1]). Впослѣдствіи ея мѣсто заняла столь прославленная Изотта дельи Атти, тоже изъ Римини. Она долго была его возлюбленною, а съ 1456 г. стала женою и была увѣковѣчена во множествѣ медалей, которыя онъ велѣлъ выбить въ честь ея, и въ цѣломъ потокѣ латинскихъ и итальянскихъ стиховъ [2]). Слава военныхъ подвиговъ властителя и красота его Изотты, Марсъ и Венера стали съ тѣхъ поръ постоянными темами придворныхъ поэтовъ и всѣхъ, кто искалъ милостей при дворѣ.

Но риминійскому владѣтелю дѣлаетъ все таки честь, что его милости не были лишь плодомъ каприза. Конечно, тотъ, кто желалъ получить ихъ, долженъ былъ поддѣлываться подъ восторженный хвалебный тонъ придворной лести. При этомъ дворѣ все вращалось вокругъ маленькаго Августа и его возлюбленной. Но въ литературный кружокъ благосклонно допускались всякаго рода таланты, даже съ благодарностью. Въ томъ уваженіи, которое властитель оказывалъ своимъ поэтамъ и ученымъ, онъ видѣлъ и свою собственную славу. Первымъ его любимцемъ, въ тоже время открывавшимъ путь и другимъ, себѣ подобнымъ, былъ Роберто Вальтуріо родомъ изъ Римини. Мы не знаемъ, занималъ ли онъ какую другую должность, кромѣ должности придворнаго ученаго, совѣтника властителя, который развлекалъ его своею бесѣдою во время стола и въ часы досуга. Онъ постоянно является знатнымъ человѣкомъ, заручившимся расположеніемъ своего покровителя и пользующимся почетнымъ по-

1) Стихотвореніе это у Pale что въ Imanoschritti Palatini vol. I p. 119.

2) Mazzuchelli Notizie intorno ad Isotta da Rimini, Brescia 1759; у меня этой книги не было. Дѣйствительно-ли заслуживала эта дама похвалу своимъ благочестіемъ и состраданіемъ къ бѣднымъ, что ей приписываетъ канцона Галеаццо Марескотти изъ Болоньи у Palermo l. c. p. 135, я не знаю.

ложеніемъ, въ то же время чуждымъ всякаго литературнаго соперничества и вражды. Риминійскіе и другіе поэты старались войти къ нему въ расположеніе, чтобы онъ представилъ ихъ самому владѣтелю [1]). Вальтуріо долго трудился надъ сочиненіемъ о военномъ искусствѣ, въ которомъ въ тоже время хотѣлъ похвалить профессію своего господина и его любовь къ антикварнымъ предметамъ. Изъ этого вышло хорошее произведеніе, хотя въ немъ находили недостатокъ моднаго краснорѣчія. Конечно, авторъ не получилъ никакой раны, какъ онъ увѣряетъ въ шутку, и даже никогда не былъ на войнѣ. Онъ только какъ ученый разработалъ матеріалъ, найденный у древнихъ военныхъ писателей, и мѣшалъ древности военнаго быта съ разными антикварными экскурсами [2]). Эта книга— единственное литературное произведеніе Вальтуріо, но ею онъ заслужилъ себѣ имя истиннаго ученаго. Конечно, и онъ долженъ былъ приноравливаться къ тому тону, какой господствовалъ при дворѣ: ученый величаетъ императоромъ и королемъ Малатесту, викарія церкви, котораго можно было назвать только владѣтелемъ, и всѣ его дѣла называетъ царственными и геройскими. Онъ хотѣлъ внушить своему повелителю мысль о томъ, какъ возвеличилъ онъ славу своего имени, развивши «данный свыше даръ къ изящнымъ искусствамъ» въ бесѣдахъ съ учеными, поэтами, и ораторами, которыхъ осыпаетъ всякими благами и почестями. Повидимому, эти награды въ изобиліи достались ему самому. Вальтуріо долго еще жилъ въ Римини въ большомъ почетѣ и потомъ былъ похороненъ въ церкви св. Франциска, великолѣпно отстроенной Гисмондо, въ мраморной гробницѣ, тамъ, гдѣ было приготовлено мѣсто для придворныхъ ученыхъ и поэтовъ.

Первый изъ иноземныхъ ученыхъ, нашедшихъ пріютъ при риминійскомъ дворѣ, былъ Томмазо Сенека изъ Камерино. Сначала онъ служилъ секретаремъ, а потомъ его сдѣлали и придворнымъ ученымъ, чтобы онъ могъ вести философскіе разговоры и давать полезныя объясненія по антикварнымъ вопросамъ, занимавшимъ

---

1) Два письма къ нему отъ неизвѣстныхъ поэтовъ изъ Римини, изъ которыхъ одинъ Марко, поэта inclytus, другой Доменико Фуско, vates Apollineus, u Bandini Catal. codd. lat. T. II p. 375. Письмо Маріо Филельфо къ нему у Schelhorn Amoenitates lit. T. III ed alt. p. 127.

2) Rob. Valturius de re militari издано нѣсколько разъ, въ первый разъ въ Веронѣ въ 1472 г. украшенное эскизами, рѣзанными на деревѣ. Объ этомъ изданіи упоминаетъ Schelhorn l. c. p. 125. Самое лучшее Parisiis 1532, въ итальянскомъ переводѣ Veronae 1483. Въ парижскомъ изданіи посвященіе состоитъ только изъ словъ: ad Sigismundum... regem et imperatorem Semper invictum, а въ рукописи у Bandini l. c. p. 373 вполнѣ: ad magnanimum et illustrem heroa Sig. Pand. Mal., Splendidis Simum Ariminensium regem ac imperatorem Semper invictum.

повелителя [1]). Но онъ, по видимому, не совсѣмъ годился для этой роли. Сенека принадлежалъ къ числу жалкихъ литературныхъ тружениковъ, которымъ приходилось платиться за свою любовь къ изящной словесности превратностями судьбы и бездомною скитальческою жизнью. Когда онъ пришелъ въ Римини, то былъ уже далеко не молодъ и много успѣлъ постранствовать по свѣту [2]). Но такъ какъ бѣднякъ никогда не пользовался извѣстностью, за исключеніемъ классической учености, которую сама судьба какъ бы навязала ему, то мы всегда слышимъ о немъ лишь случайно, а если бы задаться мыслью шагъ за шагомъ прослѣдить его жизнь, то приходилось бы справляться въ разныхъ архивахъ. Въ 1420 г. мы встрѣчаемъ Сенеку учителемъ латинскаго языка въ анконской школѣ, гдѣ онъ подготовилъ Чиріако къ чтенію Виргилія, но слышимъ также, что онъ въ скоромъ времени удалился оттуда [3]). Въ 1431 г. Сенека былъ преподавателемъ реторики въ болонскомъ университетѣ, но и то только временно [4]). Потомъ мы опять встрѣчаемъ его въ 1434 г. въ Прато, гдѣ ученый, безъ сомнѣнія, опять былъ школьнымъ учителемъ. Но кромѣ того онъ зарабатывалъ себѣ пропитаніе также перепискою классическихъ сочиненій, стараясь облагородить это печальное ремесло нѣкоторымъ проявленіемъ учености и поэтическаго таланта [5]). Это также не принесло ему славы, какъ и его стихи. Всего больше пріобрѣлъ Сенека извѣстности тѣмъ, что его удостоилъ своей дружбы и переписки Филельфо; послѣдній всегда былъ добръ и любезенъ съ тѣми, кто былъ ниже его [6]). Этотъ Сенека нигдѣ не жилъ такъ долго, какъ въ Римини, и такъ хорошо, вѣроятно, ему никогда раньше не жилось. Но и отсюда его вытѣснилъ поэтъ помоложе его и несрав-

---

1) Нѣкоторыя свѣдѣнія о немъ сообщилъ Aug. Battaglini у Basinius Opp. T. II P. I p. 91. Согласно съ этимъ, онъ является секретаремъ 25 января 1440 г. въ Римини (согласно акту) и былъ въ этой должности до 1454 г. Потомъ я полагаю, что только онъ можетъ быть осмѣяннымъ у Basinius Hesperis X, 174 Cacinus (ругательный намекъ, какъ у Филельфо, на Camertinus, Camerinus), котораго Малатеста учитъ ложно мифологіи. Догадка Баттальини p. 153, что это могъ быть Гварино, совершенно неправдоподобна.

2) Филельфо даетъ ему въ письмѣ отъ 23 іюня 1462 больше семидесяти лѣтъ; стало быть, онъ родился около 1392 г.

3) Scalamontius p. 70. См. выше стр. 252. Его называютъ paedagogus et bonarum literarum praeceptor, также grammaticus insignis, что въ данномъ случаѣ не важно.

4) Слѣдуя rotuli у Malagola Ant. Urcelo p. 59. Въ то время онъ, вѣроятно, и написалъ стихотвореніе на тему изъ исторіи города Болоньи, указанное у Tomasinus Bibl. Patav. Manuscr. p. 25.

5) Его письмо къ одному врачу въ Римини отъ 22 ноября 1434 г. изъ Прато при изданіи Tibullus rec. Baehrens, Lips. 1878, p. VIII.—Стихи этого Сенеки, намекающіе на его пребываніе въ Миланѣ, въ Catalogus codd. lat. bibl. Monac. T. II P. I p. 31.

6) Ср. напр. письмо къ нему Филельфо отъ 11 апр. 1433 г.

ненно даровитѣе, такъ что злополучному старику пришлось опять вести скитальческую жизнь [1]).

Базиніо Базини явился въ Римини въ 1449 г. и съ тѣхъ поръ составлялъ украшеніе этого двора. Онъ былъ одинъ изъ даровитѣйшихъ и плодовитѣйшихъ поэтовъ своего времени, только рамки для его таланта и славы были слишкомъ узки, когда онъ жилъ при этомъ маленькомъ дворѣ [2]). Его гуманистическая ученость была самая основательная, какая могла быть въ то время. Онъ вышелъ изъ «веселаго дома» Витторино, котораго называетъ вторымъ Сократомъ и къ которому сохранилъ чувство глубокой признательности [3]). Потомъ онъ также основательно изучилъ греческій языкъ въ Феррарѣ у Ѳедора Газскаго. Базини съ юныхъ лѣтъ имѣлъ влеченіе не къ тѣмъ научнымъ отраслямъ, которыя даются трудомъ, именно къ стилистикѣ и реторикѣ, а къ поэзіи. И въ теченіи многихъ вѣковъ онъ, быть можетъ, былъ первый образованный человѣкъ на западѣ, который вполнѣ понялъ высокія достоинства поэзіи Гомера, изучилъ его съ страстною любовью, образовалъ на немъ свой вкусъ и старался подражать ему. Онъ такъ дорожилъ своими рукописями поэмъ Гомера, что еще незадолго до смерти въ завѣщаніи своемъ, какъ лучшее свое сокровище, отказалъ ихъ Гисмондо, которому былъ обязанъ всѣмъ [4]). Поэтъ такъ хорошо владѣлъ греческимъ языкомъ, что могъ переписываться съ Филельфо греческими гекзаметрами [5]). Въ юности онъ пробовалъ свои силы въ стихотвореніяхъ лирическихъ,

---

1) По словамъ Малаголы l. c. мы Сенека былъ опять въ Болоньѣ между 1458 и 1462 г.; вѣроятно, онъ раньше оставилъ Римини.

2) Его главныя произведенія тщательно издаются подъ заглавіемъ: Basinii Parmensis poetae Opera praestantiora nunc primum edita et opportunis commentariis illustrata (Текстъ редактируется Лоренцо Друди). T. I (текстъ). T. II p. I. II Arimini 1794. T. II p. I содержитъ въ себѣ Affi Notizie intorno la vita e le opere di Basinio Basini и графа Анджело Баттальини della corte letteraria di Sigismondo Pandolfo Malatesta Commentario, въ которомъ весьма подробно и основательно разсмотрѣно все, что̀ сдѣлано при дворѣ Малатесты по части литературы и искусствъ. Напротивъ liber Isottaeus Базини есть только въ книгѣ рѣдкой у насъ, которою я обязанъ мюнхенской придворной библіотекѣ: Trium poetarum elegantissimorum, Porcelii, Basinii et Trebani opuscula nunc primum.... aedita Parisiis 1539.

3) Онъ говоритъ въ epist. ad Nicolaum V y Affo p. 6:

Sed postquam sanctus amico
Accepit tecto me Victorinus, ibi omnis
Rusticitas rapidos nobis efflutxit in euros.

4) Quod si laudis habent aliquid mea carmina, ab illo
Fonte mihi et fluviis magni deflusit Homeri.

5) Греческое стихотвореніе Филельфо къ нему у Muccioli Catal. codd. ms. Malatost. Cesen. bibl. T. II p. 153.

буколическихъ и сатирическихъ. Но идеаломъ его была всегда героическая поэма, и извѣстность онъ пріобрѣлъ впервые Мелеагридою, которую издалъ въ Феррарѣ.

Когда Базини явился къ Гисмондо Малатеста, котораго еще раньше воспѣвалъ въ поэтическомъ посланіи, ему было всего 24 года, и по своему поэтическому одушевленію и необычайной плодовитости онъ казался самымъ настоящимъ пѣвцомъ подвиговъ владѣтеля Римини [1]). А такъ какъ послѣдній состоялъ на службѣ у венеціанцевъ, былъ съ весны 1449 г. въ походѣ и не находилъ случая отличиться геройскими подвигами, то сначала поэтъ избралъ для своихъ произведеній нѣжные сердечные мотивы и воспѣлъ въ четырехъ книгахъ Героидъ разлуку бога войны съ своею Изоттою [2]). Онъ сочинилъ по примѣру Овидія родъ романа въ письмахъ, которыми обмѣниваются между собою Малатеста, Изотта, отецъ ея и Базини. Воинъ пишетъ къ своей божественной возлюбленной (diva); она называетъ его королемъ, какъ его называли постоянно всѣ придворные поэты въ Римини, и божественнымъ. Даже отецъ Изотты одобряетъ ихъ сожительство внѣ брака, такъ какъ она побѣждена любовью короля [3]). Въ послѣдней книгѣ посланій изображается вымышленная смерть Изотты, свидѣтелемъ которой будто бы былъ поэтъ, такъ что послѣдній живо описываетъ ее. Но утѣшеніе для себя владѣтель находитъ въ томъ, что воспѣваетъ ее и что теперь его любовь будетъ жить въ стихахъ [4]). Такимъ образомъ заманчивость элегій Овидія сливается съ тѣми мотивами, которые затрогивалъ Петрарка въ своихъ канцонахъ на смерть Лауры. Но поэтъ не забываетъ похвалить и себя. Находя всюду случай похвалить своего повелителя, онъ влагаетъ въ уста слова, выражающія трогательное влеченіе къ утѣшающимъ стихамъ поэта [5]). Если когда либо было поэтическое произведеніе, авторъ котораго старался угодить двору, то таковъ именно этотъ Изоттей.

---

1) Affò p. 6 ссылается на двустишіе, найденное имъ въ ватиканской библіотекѣ, по словамъ котораго Базини родился въ 1425 г.

2) Isottaeus, напечатанный въ упомянутомъ собраніи въ числѣ произведеній Порчелло, принадлежитъ Базини. Это вполнѣ доказали Affò p. 26 и Battaglini p. 103 на основаніи внутреннихъ причинъ и опираясь на рукописи.

3) Et laesa fueras et virginitate notanda,
Rege sub hoc poteras esse notanda minus.

4) Carminibusque tuis manet aeternumque manebit:
Nec tu quem referas, mortuus esse potest.

5) Grata mihi ante alios scribis quaecunque, poeta
Clare, nec ullius carmina grata magis.
... Scribe igitur, vates, curas mihi deme molestas,
Saepe, precor, curis iamque medere meis.

Въ слѣдующіе годы по возвращеніи Малатесты поэтъ воззвалъ къ музамъ, чтобы онѣ помогли ему прославить храбрость повелителя въ бояхъ и военные подвиги, въ особенности, какъ онъ въ качествѣ флорентинскаго предводителя воевалъ съ королемъ Аррагонскимъ Альфонсомъ. Онъ не обращалъ вниманія на то, что этотъ военачальникъ запятналъ вѣроломствомъ достоинство военачальническаго жезла, ввѣреннаго ему республикою. Такъ возникла Гесперида, обширная поэма, въ которой поэтъ и предъ смертью видѣлъ главный подвигъ своей жизни и поручалъ Гисмондо въ завѣщаніи охранять ее отъ непрошеныхъ поправокъ [1]). Эпическая канва такая же, какъ и въ Иліадѣ Гомера. Совѣщанія и подстрекательства боговъ, Юпитера, Марса, Меркурія, Венеры и другихъ, разнообразятъ дѣйствіе. Описанія, картины сраженій, рѣчи вождей, образы и тѣ пріемы, при помощи которыхъ поэтъ вводитъ ихъ—все это до того рабски скопировано у Гомера, что часто цѣлыя мѣста Иліады переводятся цѣликомъ. Во всемъ произведеніи разсѣяны похвалы Малатестѣ. Но есть одна книга, именно четвертая, которая вся составляетъ непрерывный гимнъ въ честь его, произносимый самимъ Аполлономъ. Даже Изотта играетъ роль классической героини: когда-то Юпитеръ воспламенился любовью къ этой прелестной дѣвѣ, но она пожелала остаться на землѣ въ союзѣ съ своимъ возлюбленнымъ Гисмондо и только уже по смерти соединиться съ Юпитеромъ [2]). Поэтъ ждетъ только одного счастья — раздѣлить лавры съ своимъ героемъ [3]). Но кромѣ своего расположенія послѣдній даритъ ему еще отличное помѣстье и прелестную виллу.

Вскорѣ послѣ этого Базини принялся за новое произведеніе, Astronomica, дидактическую поэму объ астрономіи, матеріалъ для которой большею частью цѣликомъ заимствовалъ у Гигина. Эта поэма тоже посвящена Гисмондо, по видимому, въ разсчетѣ на его пристрастіе къ астрологіи, которое у него было общее съ его предками и съ бо́льшею частію искателей военныхъ приключеній [4]). Конечно,

---

1) Кончена Гесперида около 1455 г., такъ какъ поэтъ Astronom. II, 488 говоритъ:
Quae simulac cecini numeroso carmine bella,
Vix mihi terdenos aetas data viderat annos.

2) Она говоритъ VIII, 33: Non sum mortalis ego ipsa,
Vera fatebor enim, Lephiri Prycheia Nymphe,
Isotheam [5]) superi dixerunt nomine Divam

3) v. 89: Laurus ut aeternum frondes cit et alta coruscat
Sole sub acthereo Semper vergentibus umbris,
Fama ducum ac vatum viret indelebile nomen.

4) I, 10: Tu decus Aoniae, tu spes certissima vatum,
Nec cuiquam potui sibi quam felicius Astra
Dicere, qui rerum causas, qui sidera primus
Cunctorum et vasti scrutaris semina mundi.

5) Греч. слово—равная богамъ. *Прим. перев.*

самъ поэтъ чуждъ подобнаго суевѣрія, даже при случаѣ шутитъ надъ нимъ, но питаетъ страсть къ миѳологіи, а сочетанія звѣздъ и названія ихъ, упоминаемыя въ поэмѣ, часто даютъ поводъ къ миѳологическимъ вымысламъ. Но чтобы не забыть и о славѣ Малатесты, онъ ищетъ ее въ будущемъ. Его герой во главѣ соединенной Италіи сражается съ турками, выгоняетъ ихъ изъ Европы и преслѣдуетъ по берегамъ Малой Азіи. Но такъ какъ его желаніе воспѣвать подобные геройскіе подвиги не могло быть вполнѣ достигнуто, потому что этихъ подвиговъ не было, то онъ опять обратился къ греческимъ миѳамъ и въ поэмѣ Argonautica началъ повѣтствовать о походѣ въ Колхиду, строго слѣдуя поэмѣ Аполлонія Родосскаго, которую лишь свободно обработалъ. Смерть, повидимому, помѣшала ему кончить это произведеніе [1]).

Всѣ эти стихотворенія долго не были оцѣнены и не распространялись, чего заслуживали бы въ сравненіи съ другими подобными плодами музы. По плавности легкаго и изящнаго стиха, по ученымъ прикрасамъ, по разнообразію содержанія Базини могъ соперничать съ лучшими изъ современныхъ ему поэтовъ. Но то, чтб онъ писалъ исключительно для своего «короля», едва ли находило читателей дальше Римини. Скудные сюжеты не могли дать возможности таланту вполнѣ раскрыться. За то владѣтель устроилъ своему поэту, который тоже женился на одной дамѣ изъ Римини, обезпеченное и почетное положеніе въ родѣ того, какимъ пользовался Беккаделли въ Неаполѣ. Базини былъ важнымъ лицомъ при дворѣ, въ большой дружбѣ съ Вальтуріо [2]), и могъ жить спокойно, посвящая свое время музамъ. Къ сожалѣнію, онъ умеръ въ молодыхъ лѣтахъ послѣ кратковременной болѣзни въ маѣ 1457 г. Владѣтель велѣлъ положить тѣло своего Гомера въ мраморную гробницу и поставить въ нишѣ церкви св. Франциска, гдѣ со временемъ долженъ былъ покоиться и Вальтуріо [3]).

Если Малатеста нашелъ въ Базини своего Гомера, то все таки ему еще не доставало Ливія для повѣствованія о его подвигахъ. Тутъ кстати явился къ его двору поэтъ Порчелло, пользовавшійся печальною извѣстностью, который въ послѣднее время произвелъ въ своихъ комментаріяхъ Пиччинино въ Сципіоны, а въ Неаполѣ не могъ ужиться, и въ это время, какъ и во всю свою жизнь, опять искалъ пропитанія. Хотя ему еще не было 50 лѣтъ, однако онъ

1) Написаны только три книги. Но къ послѣднимъ годамъ относится и Dio sympoteos liber, изображающій пиръ у бога Зевса, поэма весьма ученая, но не безъ восхваленій обоихъ Малатеста.

2) Это доказываютъ его письма къ нему у Schelhorn Amoenitates T. III edit. alt. p 126.

3) Завѣщаніе Базиніо 24 мая 1457 г. напечатано въ Opp. T. I p. XII. 30 мая вдова его уже составила инвентарь оставшемуся имуществу. Affo p. 28.

казался старикомъ, жалкимъ, изнуреннымъ. Но его способность писать стихи ни мало не утратилась. Когда онъ явился въ городъ, вѣроятно, въ 1454 г., то тотчасъ же придумалъ рядъ двѣнадцати элегій или посланій, въ которыхъ самый вымыселъ былъ неискусенъ, но поэтъ въ плавныхъ стихахъ заискивалъ расположеніе повелителя, также Изотты и придворныхъ поэтовъ, чтобы они облегчили ему доступъ къ Малатестѣ [1]). Здѣсь громкія похвалы послѣднему влагаются въ уста бога Марса, который называетъ его украшеніемъ сонма полубоговъ; поэтъ говоритъ и отъ своего лица и клянется, что обезсмертитъ его на вѣки [2]), или самъ прославляемый говоритъ гордымъ тономъ завоевателя вселенной [3]). Замѣчательно, что и Изотта прославляется въ такомъ же миѳологическомъ вымыслѣ, къ какому прибѣгалъ Базини въ своей Гесперидѣ, только здѣсь употребляется форма посланій. Уже первое письмо содержитъ въ себѣ объясненіе Юпитера въ любви къ божественной дѣвѣ; онъ восхваляетъ ее за то, что она выше всѣхъ латинскихъ дѣвъ и всѣхъ богинь, но не можетъ помириться съ тѣмъ, что она предпочитаетъ ему Малатесту. Изотта хочетъ остаться вѣрною своему Гисмондо и любить его одного, пока жива. Но пламя любовной страсти Юпитера волнуетъ весь сонмъ боговъ, въ дѣлѣ принимаютъ участіе Меркурій и Луна; наконецъ самъ царь боговъ долженъ успокоиться для умиротворенія Юноны. Въ заключеніе поэтъ обращается къ самой божественной дѣвѣ и обѣщаетъ ей, что она вѣчно будетъ жить въ его стихахъ и ни одна богиня не сравняется съ нею въ славѣ. При этомъ воздаются также должныя похвалы Вальтуріо, Базини и Перлеоне, которые должны споспѣшествовать вступленію поэта въ кружокъ придворныхъ. Они дѣйствительно упросили повелителя принять его, конечно, изъ состраданія и въ виду того, что онъ не казался опаснымъ соперникомъ.

Но его счастіе было не долговременно. Соперничество такъ же было не чуждо этого двора, какъ и неаполитанскаго. Порчелло отдалъ свои стихи на судъ милостивцу гораздо моложе себя, именно

---

1) Напечатано въ Trium poetarum opuscula fol. 7 seq. Что Порчелло былъ авторомъ этихъ 12 посланій, свидѣтельствуетъ и Филельфо въ письмѣ къ Малатестѣ отъ 9 мая 1856 года.

2) fol. 35: Juro per Aonidas duce me tua facta legentur,
Et tua clarescet gloria vatis ope.

Или съ своимъ обычнымъ повтореніемъ сильныхъ словъ:
Vatis ope insignes inter celebrabere reges:
Ibit ad astra ducis gloria vatis ope.

3) Martis ope indomitos populos urbesque subegi:
Mille ducum vici proelio Martis ope.

свои двѣнадцать посланій, о которыхъ упомянуто выше, и это повело къ раздору. Базини вмѣсто ожидаемаго одобренія сталъ указывать промахи и предлагалъ разныя поправки. Соперники разгорячились до озлобленія. Но Базини и во дворцѣ въ присутствіи Малатесты указывалъ на слабые и неправильные стихи и объяснялъ ихъ недостатки тѣмъ, что Порчелло не знаетъ греческаго языка. Тогда обиженный поэтъ вступилъ въ союзъ съ старымъ Сенекою. Они старались объяснить Малатестѣ, что латинскій ученый не нуждается въ греческой мудрости, что время, которое онъ тратитъ на это, пропадаетъ даромъ. Узнавши это, Базини доказывалъ властителю въ посланіи, написанномъ латинскими стихами, что латинскіе поэты, незнающіе по гречески, не могутъ быть истиными поэтами; онъ указывалъ на Виргилія, научившагося многому у Гомера, на такихъ людей, какъ Витторино, Гварино, Бруни, Ѳедоръ Газскій, Филельфо, Перотто, Валла и Поджіо. Сперва Сенека написалъ на него длинную сатиру, въ которой было меньше дѣла, чѣмъ гнусныхъ клеветъ, потомъ его примѣру послѣдовалъ Порчелло. Они старались выставить своего противника непатріотичнымъ поклонникомъ греческой науки, презирающимъ латинскую. Но Базини указывалъ на ошибки въ ихъ сатирахъ, заносчиво называлъ обоихъ стариковъ голодными дармоѣдами, которые, одѣвшись въ солдатское платье, разумѣется, въ угоду властителю, стали общимъ посмѣшищемъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что сначала Порчелло лишился милостей повелителя, потомъ Сенека, и оба должны были оставить Римини [1]).

Намъ не придется больше говорить о жалкомъ нищенствующемъ поэтѣ Порчелло, да и немногое остается сказать о дальнѣйшей его судьбѣ. Сначала онъ явился въ Миланъ, гдѣ Филельфо принялъ въ немъ участіе и снова старался пристроить его у Малатесты [2]). Впослѣдствіи онъ хотѣлъ найдти у Пія II мѣсто секретаря или чтеца за 50 гульденовъ жалованья, чтобы чѣмъ нибудь содержать больную жену, сына, страдавшаго лихорадкой, да и самаго его мучила подагра [3]). Но у папы онъ тоже не нашелъ постояннаго мѣста. Тутъ онъ снова исчезаетъ отъ насъ на долгіе годы. Нѣкоторое

---

1) Объ этомъ спорѣ разсказываетъ Базини въ письмѣ къ Роберто Орси отъ 27 октября (1455 или 1456 г.) въ Anecdota litt. vol. II. Romae 1773 p. 300 seq. Тамъ же p. 405 его посланіе къ Малатестѣ, которое видѣлъ и Росмини Vittorino da Feltre p. 467. 469 вмѣстѣ съ сатирою Сенеки въ другой рукописи. Когда Порчелло оставилъ Римини, нельзя опредѣлить съ точностью, но конечно вскорѣ послѣ изданія Сатиры на Базини, потому что въ непомѣченномъ письмѣ Поджіо epist. XIII, 24 ed. Tonelli рѣчь идетъ объ обоихъ.

2) Письмо къ нему Филельфо отъ 9 мая 1456 г.

3) По перепискѣ Фоскарини у Quirini Diatriba ad Franc. Barbari Epistt. p. 90 seg.

время ему помогалъ Федериго Урбинскій, котораго онъ воспѣлъ въ поэмѣ Фельтрія. Но и тутъ поэтъ не нашелъ прочнаго положенія. Наконецъ онъ снова появляется въ Миланѣ уже старикомъ, но все еще такою же зазорною личностью, служа предметомъ насмѣшекъ для другихъ. Но тутъ у него умерла больная жена, и герцогъ Франческо Сфорца женилъ его на 28-лѣтней вдовѣ, у которой было хорошее наслѣдство [1]). Вѣроятно, онъ и умеръ въ Миланѣ.

Изъ литераторовъ менѣе даровитыхъ, являвшихся въ Римини, назовемъ поэта Требаніо, который тоже воспѣвалъ въ гекзаметрахъ предводителя, посланнаго небомъ и божественнаго, а также и его «бѣлокурую богиню» [2]). Но, разумѣется, онъ недолго прожилъ въ Римини. Замѣчательнѣе его былъ Пьеръ Перлеоне [3]), бывшій любимымъ ученикомъ Филельфо во Флоренціи и Сіэнѣ, который потомъ служилъ при венеціанскомъ посольствѣ въ Константинополѣ, желая въ то же время изучить греческій языкъ и литературу [4]). Впослѣдствіи онъ преподавалъ реторику въ Миланѣ и Генуѣ, жилъ бѣдно, хотя его считали искуснымъ писателемъ въ прозѣ и стихахъ, знатокомъ исторіи и греческой литературы [5]). Въ то время, когда Порчелло прибылъ въ Римини, онъ былъ уже тамъ и пользовался нѣкоторымъ значеніемъ. Извѣстны его рѣчи по случаю бракосочетаній, которыя онъ говорилъ въ присутствіи Малатесты и его двора [6]). Впослѣдствіи съ 1458 г. мы находимъ его въ Венеціи обучающимъ знатное юношество [7]). Тамъ онъ и умеръ въ 1463 г.

Чужеземные посѣтители рѣдко являлись къ риминійскому двору. Но когда туда пріѣхалъ Филельфо, то его приняли съ изысканными почестями. Такъ же точно и Манетти, когда онъ пріѣзжалъ въ Римини въ 1447 г. съ политическимъ порученіемъ. Владѣтель иногда доставлялъ себѣ особое удовольствіе, приглашая къ столу ученыхъ евреевъ, жившихъ въ его владѣніяхъ, чтобы Манетти могъ опровергать

---

1) Объ этомъ разсказываетъ Банделло Novelle p. I nov. VI. Онъ постояно говоритъ только о molti enormi vizi che aveva. Но Порчелло еще не было 70 лѣтъ, когда объ немъ позаботился герцогъ Франческо.

2) Divo Sigismundo Pandulfo Mal. sac. Italiae Oratio ad Jovem Trebanio aur. (?) authore in Trium poetarum opusc. fol. 101.

3) Издатель Miscellanea di varie operette T. II Venezia 1740, который p. 43 сообщаетъ его письмо, нашелъ имя Parlione въ матрикулѣ докторовъ правъ въ Падуѣ въ 1400 г

4) Филельфо рекомендуетъ его Іоанну Аргиропуло въ греческомъ письмѣ отъ 13 апрѣля 1441 г., которое есть въ вольфенбюттельскомъ спискѣ fol. 42.

5) Blondus Italia illustr. p. 347. Письмо Филельфо къ Никколо Фреголо отъ 17 іюня 1449 г.

6) У Mittarelli Bibl. codd. ms. S. Mich. Venet. p. 845.

7) Письмо Филельфо къ нему отъ 10 январи 1458 г.

ихъ ученіе [1]) во время диспутовъ, длившихся по нѣсколько часовъ. Щедрость владѣтельнаго лица можно легко опредѣлить числомъ посвященій, которыхъ его удостоиваютъ представители литературы. Мы помнимъ, какъ осторожно развѣдывалъ Поджіо чрезъ своего друга Вальтуріо, насколько Малатеста «жаждетъ похвалы и славы». Онъ, вѣроятно, былъ доволенъ, потому что и впослѣдствіи обращался къ риминійскому владѣтелю [2]). Филельфо указывалъ на то, какъ онъ намѣревается прославить Малатесту въ своей Сфорціадѣ. Но неизвѣстно, посылалъ ли онъ ему книгу съ посвященіемъ. Только сыну своему Маріо внушилъ онъ мысль воспѣть риминійскаго «Марса» и его возлюбленную въ поэмѣ Изоттида [3]). Это вѣчная тема, вызвавшая элегію и у Джіантоніо Кампано, любимца Пія II. Конечно, Гисмондо нельзя причислить къ меценатамъ въ широкомъ смыслѣ. Въ сущности его щедрость ограничивалась однимъ Римини.

Риминійскій пріютъ музъ представляетъ явленіе поучительное въ томъ отношеніи, что тутъ мы ясно видимъ, какъ все становится ничтожнымъ и мелкимъ въ ограниченной сферѣ, какъ съуживается умственный кругозоръ даже даровитыхъ людей. Какое обиліе разнообразныхъ стремленій обнаружилось передъ нами въ ученыхъ республикахъ Флоренціи и Неаполѣ, какъ плодотворна была дѣятельность Витторино и какую широкую область она захватывала при попечительномъ покровительствѣ Гонзагъ и Эсте! Въ Римини воспѣвается постоянно только воинственный герой и его подвиги весьма сомнительнаго достоинства, только его подруга, и всѣ прикрасы греческой миѳологіи не вознаграждаютъ насъ за однообразіе содержанія и скуку, навѣваемую этими пѣснопѣніями. Развѣ единственною обязанностью поэта было льстить властителю и даровать ему безсмертіе, а самою почетною ролью послѣдняго давать пріютъ придворнымъ поэтамъ и содержать ихъ? По видимому, такъ смотрѣлъ на дѣло старый Гварино, но мы слышимъ мнѣнія и другихъ людей, которые смѣялись надъ тѣмъ заблужденіемъ, будто похвала поэта можетъ сдѣлать мелкаго властелина великимъ Цезаремъ [4]).

---

[1]) Vespasiano Comment. di Manetti p. 44. Манетти республика выбрала для того, чтобы сказать рѣчь Малатестѣ 30 сентября 1453 г. при передачѣ военачальническаго жезла. Она напечатана тамъ же p. 203.

[2]) Poggius epist. 13. 25 ed. Tonelli. Ср. выше стр. 309.

[3]) Quill. Favre Mélanges T. I p. 173.

[4]) Стихи Гварино въ Trium poetarum opusc. fol 108. Janus Pannonius epigr. I, 313 и 214 edit Traiecti 1784:

Cum Malatestaeos, aetas ventura, triumphos,
Cum tet Sismundi splendida facta leges,

Братъ Гисмондо, Доменико, обыкновенно называемый Малатеста Новелло, викарій апостольскаго престола въ Чезенѣ, тоже считался хорошо образованнымъ владѣтелемъ. Особенныхъ похвалъ заслуживалъ онъ своею любовью къ древностямъ и исторіи. Даже и въ томъ видѣли плодъ гуманистическаго воспитанія, что онъ пріобрѣлъ любовь подданныхъ своимъ кроткимъ правленіемъ [1]). Правда, онъ не собиралъ вокругъ себя придворныхъ поэтовъ, не желалъ прославиться великимъ полководцемъ и героемъ, подобно своему брату. Но онъ любилъ поддерживать связи съ литературными знаменитостями своего времени. Поджіо послалъ ему нѣкоторыя изъ своихъ произведеній, но прежде узналъ, будетъ ли за это благодарность [2]). Когда Филельфо въ 1459 г. предпринялъ поѣздку въ Римъ и Неаполь, то и по дорогѣ туда и на обратномъ пути былъ принятъ, какъ владѣтельное лицо, въ Чезенѣ, и получилъ такіе богатые подарки, что тотчасъ же посвятилъ Малатестѣ Новелло переводъ нѣкоторыхъ біографій Плутарха, а впослѣдствіи и первыя пять книгъ своего большаго сборника стихотвореній [3]).

Но самую громкую славу и самую благодарную память даже у поздняго потомства этотъ Малатеста заслужилъ въ качествѣ основателя хорошей библіотеки. Сначала онъ хотѣлъ составить собраніе книгъ стоимостью около 500 гульденовъ для чезенскихъ францисканцевъ. Потомъ рѣшился самъ строить библіотеку и пригласилъ для этого художника Маттео Нути изъ Фано. Это была великолѣпная базилика съ двойнымъ рядомъ коринѳскихъ колоннъ. По надписи, высѣченной въ мраморѣ, она была окончена въ 1452 г. Владѣтель не только заботился о книгохранилищѣ, которое лишь немногимъ уступало самымъ обширнымъ собраніямъ въ Италіи, но и ежегодно тратилъ на него по 900 золотыхъ гульденовъ, которые частію шли на

Nil nisi vana leges levium mendacia vatum,
Quorum sola fuit Calliopea fames.

Urbis Arimineae modicus Malatesta tyrannus
Caesaribussummis maior in orbe sonat.
Sic e formica faciunt elephanta poetae,
Cogunt et muscas fulmina ferre Jovi

1) Blondus Italia illustr. p. 344.
2) Poggius epist IX, 12. 13 ed. Tonelli.
3) Посвященіе Vitae Galbae et Othonis и Bandini Catal. codd. lat. T. II p. 703. О собраніи de iocis et seriis cp. Saxius p 179. На переводъ писемъ Фаларидо, посвященный Малатестѣ Новело. Франческо изъ Ареццо, указываетъ Bandini l. c. p. 662.

ремонтъ и на содержаніе служащихъ, частію на вспоможеніе докторамъ, магистрамъ и богословамъ, которые тамъ трудились [1]).

Изъ дома Малатесты вышла и та владѣтельная латинистка, о которой разсказывали, что она своимъ краснорѣчіемъ вновь завоевала утраченныя владѣнія предковъ. Галеаццо Малатеста, изъ пезарской линіи, отдалъ свою дочь Елисавету замужъ за Джентиле Варано, Камеринскаго владѣтеля. Отъ этого брака родилась **Костанца де Варано**. Отецъ ея прогнанъ былъ войною изъ своихъ владѣній и лишенъ жизни въ 1433 г. въ Реканнати. Дѣвушка выросла у своего дяди Франческо Сфорцы и получила такое основательное образованіе, будто ее готовили занять каѳедру краснорѣчія и поэзіи. Она уже въ дѣтствѣ считалась ученою, была хорошо знакома съ Цицерономъ и съ отцами Церкви, писала рѣчи, письма и стихи гекзаметромъ. Ей было всего 14 лѣтъ, когда она говорила рѣчь на латинскомъ языкѣ передъ Бьянкою Маріею, дочерью и наслѣдницею герцога миланскаго, и цѣлымъ дворомъ, въ которой просила уступить владѣнія ея брату Ридольфо. Рѣчь эта стала ходить по рукамъ и привела въ восторгъ цицероніанца Гвиниморте Варзиццу, такъ что онъ поздравлялъ ее, какъ «красу латинскихъ дѣвъ!» Дѣйствительно, чрезъ два года братъ ея при посредствѣ Франческо Сфорцы снова былъ возстановленъ во владѣніяхъ своихъ предковъ, и при этомъ Костанца сказала къ камеринскому населенію благодарственную и привѣтственную рѣчь. Если мы и не можемъ особенно высоко цѣнить силу ея краснорѣчія, все таки эта знатная дама была удивительнымъ явленіемъ въ кругу писателей, какъ веронская Изотта Ногароли, съ которою Костанца вела переписку. Въ декабрѣ 1444 г. она вышла за мужъ за Алессандро Сфорцу, который вскорѣ потомъ сдѣлался владѣтелемъ Пезаро, однако долго еще писала письма на латинскомъ языкѣ и постоянно подписывалась своимъ литературнымъ именемъ Констанція де Варано [2]).

---

[1]) Wadding Annales Minorum T. VI (Lugduni 1648) p. 135. 136. Muccioli Catal. codd. ms. Malatest. Cesenatis bibl. T. I p. 13. 14.

[2]) Ламіусъ Catal. bibl. Riccard. p. 145 seq. привелъ извлеченіе изъ ея Orationes et epistolae, въ томъ числѣ и обѣ упомянутыя рѣчи. Къ какому времени онѣ относятся, видно изъ Guiniforti Varzizii oratt. et Epistt. p. 134. 142: оба письма къ Костанцѣ отъ 2 іюня 1442 г. и 10 апрѣля 1444 г. Противъ установившагося мнѣнія, будто Костанца умерла 12 іюля 1447 г., уже высказано сомнѣніе. Тутъ, вѣроятно, большая ошибка, потому что въ письмѣ къ Цециліи Гонзага у Lamius p. 147 Костанца сообщаетъ объ убійствѣ архіепископа патрасскаго Пандульфо (Малатеста), а это было въ 1467 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Предисловіе 1—4. Введеніе: Италія и наслѣдіе римской древности стр. 5—6. Италія, какъ колыбель ея возрожденія стр. 6—7. Римская литература въ средніе вѣка стр. 8—9. Церковь какъ ея противница стр. 10—11. Сочиненія классиковъ въ монастыряхъ стр. 11—12. Содержаніе ихъ лишено вліянія на образованіе стр. 13. Подавленіе индивидуализма Церковью стр. 13. Его освобожденіе мірянами стр. 14. Данте Алигіери и древность стр. 14. Его отношеніе къ латинскому языку стр. 14—16. Дантъ и идея славы въ потомствѣ стр. 17. Дантъ, какъ мірянинъ стр. 18. Предшественники гуманизма: Альбертино Муссато 19—20. Ферретo изъ Виченцы стр. 21—22. Джіовани да Черменате стр. 22.

Книга первая.

ФРАНЧЕСКО ПЕТРАРКА; ГЕНІЙ И СИЛА ЕГО ВЛІЯНІЯ.

Сочиненія Петрарки. Письма. Литература по біографіи его стр. 23—24. Историческое значеніе Петрарки стр. 25. Его учитель въ Карпентрасѣ Конвеневоле де Прато стр. 26—27. Его музыкальное образованіе стр. 28. Его занятія правомъ. Виргилій и Цицеронъ стр. 29—30. Петрарка, какъ защитникъ поэзіи стр. 30. Его понятіе о поэзіи стр. 31—32. Латинское краснорѣчіе и слогъ стр. 32—37. Его увлеченіе древностью стр. 38. Онъ розыскиваетъ сочиненія Цицерона стр. 38—39. Книга Цицерона о похвалѣ философіи, о славѣ стр. 40—41. Рѣчи и письма Цицерона стр. 42—44. Петрарка и его книжныя сокровища стр. 45—46. Его мысль объ общественной библіотекѣ стр. 46—47. Петрарка, какъ собиратель монетъ стр. 47. Петрарка и греческій языкъ. Барлаамо стр. 48—49. Петрарка и Гомеръ стр. 49—50. Петрарка въ Римѣ стр. 51. Петрарка и Кола ди Ріенцо стр. 51—59. Петрарка, какъ заступникъ римской свободы стр. 60 — 63. Какъ итальянскій патріотъ стр. 63. Петрарка и Карлъ IV стр. 64—67. Петрарка и гуманизмъ стр. 68. Борьба съ схоластикою стр. 69—70. Съ астрологами, алхимиками и всякаго рода суевѣрами стр. 71—72. Съ врачами стр. 73—75. Съ юристами стр. 75—76. Съ школьною философіею стр. 76—77. Противъ Аристотеля стр. 78. Возвеличеніе Платона стр. 79—80. Отношеніе Петрарки къ религіи и церкви стр. 80—82. Петрарка и блаженный Августинъ стр. 82—84. Его отношеніе къ школьному богословію стр. 84. Борьба съ аверроистами стр. 85—89. Петрарка, какъ апологетъ христіанства стр. 90—91. Петрарка, какъ всесвѣтный

мудрецъ стр. 91—92. Какъ стоикъ стр. 92—93. Какъ республиканецъ и слуга владѣтельныхъ лицъ стр. 94—97. Какъ искатель доходныхъ мѣстъ стр. 98—102. Какъ философъ-отшельникъ стр. 102—107. Культъ дружбы по понятіямъ Петрарки стр. 107—108. Петрарка и Лаура стр. 108—111. Его отношеніе къ Данту стр. 111—112. Высокомѣріе и тщеславіе стр. 113. Ссора съ французскимъ кардиналомъ стр. 114—115. Желаніе славы стр. 116—120. Поэтическое вѣнчаніе въ Капитоліи стр. 121—122. Петрарка, какъ индивидуальная личность, составляющая противоположность среднимъ вѣкамъ стр. 123—124. Сцена въ Монъ-Ванту стр. 124—126. Изученіе самого себя. Діалоги „О тайной борьбѣ своихъ сердечныхъ заботъ", сочиненіе „Объ уединенной жизни" и „О провожденіи времени монаховъ", діалоги „О средствѣ противъ горя и радостей" стр. 126—127. Самопокаяніе стр. 128—130. Философская борьба и ацедія стр. 131—135. Успѣхъ самопокаянія и философское обращеніе стр. 136—138. Извѣстность Петрарки и поклоненіе ему стр. 138—142. Его сочиненія, какъ образцы новыхъ литературныхъ родовъ стр. 143—144. Буколическія эклоги, поэтическія посланія, Африка стр. 144—145. Комедія Филологія стр. 146. Нравственно-философскіе трактаты. Петрарка, какъ историкъ; книга de viris illustribus стр. 146—147. Книги достопамятныхъ событій". Любовь къ землевѣдѣнію и народовѣдѣнію. Рѣчи Петрарки стр. 148. Письма и инвективы. Взглядъ Петрарки на будущую судьбу литературы стр. 148—149.

Книга вторая.

Основатели флорентинской республики музъ. Странствующіе наставники. Появленіе на свѣтъ классиковъ, скрывавшихся въ монастырскихъ библіотекахъ.

Возбужденія, шедшія прямо отъ Петрарки стр. 150. Ихъ сосредоточеніе во Флоренціи стр. 151—152. Лапо да Кастильонкіо, Франческо Нелли, Занобія да Страда стр. 153. Джіованіо Боккачіо, ходъ его образованія стр. 154—158. Боккачіо и Петрарка стр. 158—159. Взглядъ Боккачіо на свои сочиненія, написанныя на тосканскомъ нарѣчіи стр. 159. Боккачіо, какъ ученый. Сочиненіе „О знаменитыхъ женщинахъ" стр. 160. Сочиненіе „О печальной судьбѣ знаменитыхъ мужей" стр. 160—161. Genealogia deorum, книга О горахъ, лѣсахъ и т. д. стр. 161—162. Боккачіо и греческая литература. Леонціо Пиллато. Ученое усердіе Боккачіо къ собиранію книгъ стр. 162—163. Недостижимость высоты генія Петрарки стр. 163. Боккачіо, какъ преемникъ и подражатель Петрарки стр. 164—169. Гармоническое единство его жизни и его личности стр. 170—171. Бѣдность и попытка спастись отъ нея службою у Никколо Акчіайоли стр. 172—174. Житейская философія и жизнь стр. 175. Господство знати и новая образованность во Флоренціи стр. 175—176. Провожденіе времени въ „Парадизо Альберте", и его участники отъ Академіи въ С. Спирито стр. 176—178. Луиджи Марсильи стр. 179—181. Колюччіо Салютато, его образованіе, и отношеніе къ Петраркѣ стр. 181—183. Появленіе „Африки" во Флоренціи стр. 184. Салютато, какъ канцлеръ республики, человѣкъ гуманный и политическій дѣятель стр. 185. Его полемическое сочиненіе противъ Антоніо Лоски стр. 190. Его оффиціальныя письма, какъ образецъ новаго канцелярскаго слога стр. 191—192. Вѣнчаніе его лаврами послѣ смерти стр. 192—193. Литературная дѣятельность Салютато стр. 193—194. Его защита древнихъ поэтовъ и поэ-

зіи противъ Джіовани изъ С. Миніато стр. 194—195. Салютато, какъ собиратель римскихъ классиковъ стр. 195—196. Онъ получаетъ Катулла, Тибулла и Проперція стр. 197. Письма Цицерона, оставшіяся въ книгахъ Петрарки, двѣ группы писемъ Цицерона стр. 197—198. Онъ сравниваетъ и исправляетъ тексты. Вліяніе его на младшее поколѣніе стр. 199—200. Помѣхи распространенію гуманизма. Странствующіе наставники стр. 200—201. Джіованни Мальпагини изъ Равенны стр. 201—207. Гаспарино да Варзицца стр. 207—209. Эммануилъ Хризолоръ стр. 210—218. Успѣхи гуманизма въ началѣ XV в. стр. 219. Скрытые классики и ихъ открытіе Боккачіо въ Монте-Кассино стр. 219—220. Папскіе секретари въ Констанцѣ. Поджіо и его друзья стр. 220—222. Поѣздка въ С. Галленъ стр. 223. Полный Квинтиліанъ стр. 223—224. Argonautica Валерія Флакка, Асконій Педіанъ, „Лѣса“ Стація стр. 225. Манилій, Присціанъ, Витрувій, Вегецій, Помпей, Фестъ, Силій Италикъ, Лукрецій стр. 226. Амміанъ Марцеллинъ, Колумелла стр. 226—227. Поѣздка Поджіо въ Францію; онъ находитъ въ Клюни и Лангрѣ новыя письма Цицерона стр. 227—228. Дальнѣйшіе поиски Поджіо новыхъ сочиненій Цицерона стр. 228—229. Рукопись писемъ Цицерона у Капры. Находка въ Лоди стр. 229—230. Поджіо въ Англіи, въ Кёльнѣ (Петроній), Ноній Марцеллъ стр. 231. Хлопоты Поджіо во время пребыванія въ Римѣ. Призракъ Ливія стр. 232—233. Лѣтописи и Исторія Тацита стр. 233—235. Тацитова Германія, Агрикола и разговоръ объ ораторахъ стр. 237—239. Николай Трирскій стр. 240. Двѣнадцать новыхъ комедій Плавта стр. 241. Сочиненіе Фронтина о римскихъ водопроводахъ стр. 242. Ауриспа находитъ panegyrici veteres. Положеніе латинскихъ классиковъ. Приращеніе церковной литературы стр. 242—244. Перенесеніе литературныхъ памятниковъ древней Греціи въ Италію стр. 244—245. Бруни и Пьетро Мьяно стр. 246. Гварино, Ауриспа и Филельфо привозятъ греческія книги изъ Византіи стр. 246—247. Памятники, статуи, надписи, рѣзные драгоцѣнные камни и монеты. Римскія развалины и надписи. Анонимъ изъ Эйнзидельна, Петрарка, Коле, Синьорили, Донди, Поджіо стр. 248—250. Чиріако де' Пиччиколли Анконскій стр. 251. Его жизнь и ходъ образованія, его путешествія, стр. 252—260. Его собранія и комментаріи стр. 261. Его заслуги по части надписей. Чиріако, какъ поэтъ и ученый стр. 262—263. Его странности и значеніе, стр. 264—266.

Книга третья.

Первый вѣкъ Медичи. Гуманизмъ въ итальянскихъ республикахъ.

Сосредоточеніе гуманистическихъ силъ стр. 267. Республика музъ во Флоренціи. Знать республики. Никколо и Донато Акчіайоли стр. 268—269. Роберто де' Росси, Антоніо Корбинелли и фамилія Строцца стр. 269. Ринальдо дельи Альбицци стр. 270. Антоніо да Паладжіо, Пьеро де Пацци, Маттео Пальміери стр. 271. Леонардо Дати. Козьма де Медичи стр. 271. Его постройки, его меценатство стр. 272—274. Лоренцо де' Медичи стр. 275. Кружокъ литераторовъ, группирующійся вокругъ Козьмы Медичи стр. 275. Никколо Никколи стр. 276—284. Ліонардо Бруни стр. 285—290. Карло Марсуппини стр. 290—291. Амброджіо Траверсари стр. 292—298. Джіанноццо Манетти стр. 298—302. Поджіо, какъ флорентинецъ стр. 303—313. Высшая школа во Флоренціи стр. 314. Попытки водворить въ ней гуманизмъ. Леонціо Пилато. Франческо Бруни стр. 315. Лапо да Кастильонкіо старшій, Верже-

pio, Доменико изъ Ареццо и Антоніо Піевано. Хризолоръ стр. 316. Джіованни да Равенна. Возобновленіе университета въ 1412 г., должность uffiziali стр. 317. Гварино стр. 318—319. Ауриспа стр. 320—321. Франческо Филельфо; его прежняя жизнь и дѣятельность въ Италіи и Греціи стр. 322—323. Приглашеніе во Флоренцію стр. 324. Славное начало его дѣятельности стр. 325. Вражда и раздоръ стр. 326—329. Подосланный убійца. Государственный переворотъ 1433 г. стр. 330. Изгнаніе Козьмы Медичи и торжество Филельфо стр. 331. Возвращеніе Козьмы Медичи. Филельфо удаляется въ Сіэну. Продолженіе борьбы при помощи наемнаго убійцы стр. 332. Приговоръ объ изгнаніи Филельфо; онъ примыкаетъ къ изгнаннымъ знатнымъ фамиліямъ. Его книга de exilio стр. 333. Борьба съ Поджіо путемъ инвективъ стр. 334. Примиреніе Филельфо съ Медичи и Флоренціею и смерть его въ этомъ городѣ. Его профессорская дѣятельность во Флоренціи стр. 335—337. Лапо да Кастильонкіо младшій, стр. 338. Сиротство каѳедры краснорѣчія во Флоренціи стр. 338. Наставники греческаго языка: Георгій Трапезунтскій, Іоаннъ Аргиропуло стр. 339—340.

Взглядъ на образовательныя искусства во Флоренціи. Леонъ-Баттиста дельи Альберти, гуманистъ, историкъ искусства и художникъ стр. 341—346. Союзъ гуманизма съ искусствомъ стр. 347—348.

Святой Антонино, архіепископъ флорентинскій, какъ явленіе противоположное стр. 349 — 350. Посмертная судьба литературныхъ предковъ во Флоренціи. Сужденіе о Дантѣ, Петраркѣ и Боккачіо стр. 351. Діалоги Бруни стр. 352 — 353. Возраженіе Чино Ринуччини и Доменико да Прато стр. 354—355. Чтеніе о Книгѣ Данта стр. 356. Поклоненіе Петраркѣ во Флоренціи стр. 357—358. Біографіи четырехъ великихъ поэтовъ стр. 358—359. Мысль о Пантеонѣ для великихъ Флорентинцевъ стр. 360. Знаменитые канцлеры республики стр. 360—361. Исторіографія республики стр. 362—363.

Переписчики классическихъ книгъ стр. 364. Тебальдо да Каза. Античное письмо стр. 365—366. Книжная торговля. Веспазіано да Бистиччи стр. 367—368. Цѣны книгъ стр. 369. Греческія книги стр. 370. Никколи и мысль объ общественной библіотекѣ стр. 370—371. Устройство библіотеки Marciana стр. 372. Козьма Медичи, какъ основатель другихъ библіотекъ стр. 372 — 373. Канонъ Парентуччели стр. 373 — 374. Библіотека въ домѣ Медичи стр. 374—375. Другіе планы учрежденія библіотекъ стр. 375. Отсутствіе городской библіотеки стр. 376. Флорентинскій духъ стр. 376.

Гуманизмъ въ Сіэнѣ стр. 377—378. Эней Сильвій Пикколомини. Маріано де'Содзини, Агостино Дати, Маттіа Лупи стр. 377.

Гуманизмъ въ Венеціи стр. 379. Отношеніе къ нему знати стр. 379—380. Возбужденіе, шедшее отъ Петрарки стр. 380—381. Бенинтенди де'Равеньяни стр. 381. Донато дельи Альбанцани. Карло Зено стр. 381 — 382. Заккарія Тревизано. Леонардо Джустиніани стр. 383. Лоренцо и Бернардо Джустиніани стр. 384—385. Франческо Барбаро стр. 385—388. Андреа Джуліано стр. 389. Лауро Квирини. Исторіографія въ Венеціи стр. 389 — 390. Иноземные наставники въ Венеціи. Гаспарино да Барзицца. Гварино стр. 391. Витторино да Фельтре. Филельфо стр. 391—392. Георгій Трапезунтскій стр. 392—393. Публичное преподаваніе въ Венеціи. Никколо Сагундино стр. 394. Венеція и общественная библіотека стр. 394—395.

Гуманизмъ въ Падуѣ стр. 395. Муссато. Каррарская династія и Петрарка стр. 395—396. Пьеръ Паоло Верджеріо стр. 396—398. Падуя подъ властью венеціанской республики. Секко Полентоне стр. 398—400. Останки Ливія стр. 400—401. Гуманисты въ Падуѣ стр. 401—402.

Гуманизмъ въ Веронѣ стр. 403. Гварино въ Веронѣ стр. 403 — 404. Изотта Ногароли стр. 404—405.

Гуманизмъ въ Генуѣ. Джіорджіо и Джіованни Стелла. Якопо Брачелли. Никколо Камуліо стр. 405—406.

Книга четвертая.

Гуманизмъ при итальянскихъ дворахъ.

Дворы владѣтельныхъ особъ и гуманисты вообще стр. 407—410. Первый придворный пріютъ музъ въ Неаполѣ при королѣ Робертѣ стр. 411. Петрарка у короля стр. 411—412. Діониджи де'Роберти стр. 413. Королевская библіотека. Паоло да Перуджіа стр. 413—414. Магинардо де'Кавалькантн. Никкола Акчіайоли стр. 414—415. Его отношеніе къ Петраркѣ стр. 415. Заноби да Страда Акчіайоли стр. 416 — 417. Боккачіо у Акчіайоли стр. 418.

Альфонсъ, король Аррагонскій стр. 419—421. Лоренцо Валла; его прежняя жизнь и положеніе въ Неаполѣ стр. 422—424. Его значеніе въ литературѣ стр. 424. Сравненіе Цицерона съ Квинтиліаномъ стр. 425. Діалоги о наслажденіи стр. 426—427. Пересмотръ діалектики. Красоты латинскаго языка стр. 428—429. Инвектива противъ Бартоло. Сочиненіе противъ дара Константина Великаго стр. 429—431. Діалоги о свободѣ воли. Діалогъ о профессіи монаха стр. 431. Споръ Валлы съ фра Антоніо да Битонто и допросъ стр. 432—434. Его попытка примиренія съ Римомъ стр. 435—436.

Антоніо Беккаделли и его Гермафродитъ стр. 436. Голоса одобренія и недовольства этою книгою стр. 438 — 439. Прежняя жизнь поэта стр. 440—441. Его положеніе въ Неаполѣ стр. 442—444.

Споръ между Валлою и Беккаделли стр. 445—446. Вмѣшательство Бартоломео Фаціо стр. 446. Исторіографы при дворѣ короля Альфонса: Валла, Фаціо, Беккаделли стр. 447—448. Другіе ученые при дворѣ Альфонса: Гвиннфорте Варзицца стр. 448 — 449. Джіантоніо Порчелло стр. 449 — 451. Его комментаріи о войнахъ 1452 и 1453 гг. стр. 452. Ауриспа, Марразіо, Уголино Пизани стр. 453. Филельфо и Пикколомини посѣщаютъ Неаполь стр. 453—454. Ѳедоръ Газскій и Манетти въ Неаполѣ стр. 454—456. Посвященія королю Альфонсу. Время Фердинанда, короля Неаполитанскаго стр. 456—457.

Висконти въ Миланѣ. Джіованни Висконти и Петрарка. Джіангалеаццо Висконти стр. 457—458. Джіанмарія. Уберто Дечембріо стр. 458. Антоніо Лоски стр. 459—460. Филиппъ Марія Висконти стр. 460—462. Андреа де Биліисъ. Джузеппе Бриппи стр. 462—463. Гаспарино и Гвиниформе Варзицца стр. 463—464. Антоніо да Ро и его три діалога о заблужденіяхъ Лактанція стр. 465—466. Его книга de imitatione стр. 466. Беккаделли и герцогъ Филиппъ стр. 467. Пьеръ Кандидо Дечембріо стр. 468. Филельфо и герцогъ Филиппъ стр. 468—470.

Гуманизмъ въ павійскомъ университетѣ. Гаспарино Варзицца, Хризолоръ, Беккаделли стр. 471. Валла стр. 472.

Республика въ Миланѣ стр. 473. Положеніе Филельфо стр. 473—474. Герцогъ Франческо Сфорца. Сфорціада стр. 475—478. Система попрошайничества Филельфо и торговля вѣнками безсмертія стр. 479—484. Джіанмаріо Филельфо стр. 484—485 Конецъ жизни Филельфо стр. 486.

Гонзаги въ Мантуѣ. Маркграфъ Джіанфранческо стр. 486. Витторино Рамбальдини да Фельтре, его прежняя жизнь и приглашеніе въ Мантую стр. 487—488. Веселый домъ и лицей стр. 489. Направленіе школы и школьный порядокъ стр. 490. Дисциплина и планъ преподаванія стр. 496. Принцы и выдающіеся ученики стр. 496. Сассоло да Прато стр. 496.

Эсте въ Феррарѣ. Маркграфъ Никколо II и Петрарка. Бенвенуто Рамбальди стр. 497. Маркграфъ Альберто и Никколо III. Донато дельи Альбанцани стр. 498—499. Университетъ въ Феррарѣ. Уго Бенци стр. 499—500. Гварино Веронскій. Его прежняя дѣятельность стр. 500. Гварино, какъ писатель стр. 502. Какъ преподаватель и воспитатель стр. 503—506. Споръ его съ фра Джіованни да Прато стр. 506. Его жизнь въ Феррарѣ стр. 507—508.

Его сынъ Баттиста. Ауриспа въ Феррарѣ стр. 508—510. Его сочиненія стр. 510. Его собраніе книгъ стр. 511. Маркграфъ Леонелло и его образованіе стр. 512—516. Возобновленіе университета въ Феррарѣ. Джіованни изъ Феррары, Өедоръ Газскій, Базиніо Базини въ университетѣ стр. 516—517. Борзо Эсте стр. 517. Лодовико Казелла стр. 518. Памятникъ Гварино. Людовико Карбоне стр. 518.

Федериго ди Монтефельтро въ Урбино стр. 519—520. Его библіотека стр. 520. Порчелло, какъ его придворный поэтъ стр. 523.

Малатеста въ Римини и Пезаро стр. 522—523. Карло Малатеста стр. Низвергъ ли онъ статую Виргилія стр. 524—526. Гисмондо Малатеста въ Римини стр. 526—529. Его любовница Изотта. Роберто Вальтуріо стр. 528—529. Томмазо Сенека въ Римини стр. 529—531. Базиніо Базини стр. 531. Его Героиды стр. 532. Гесперида, Astronomica стр. 533. Argonautica. Положеніе поэта при дворѣ стр. 534. Порчелло въ Римини. Его двѣнадцать элегій стр. 534—535. Споръ съ Базини стр. 535—536. Позднѣйшіе годы жизни Порчелло. Требаніо стр. 536—537. Пьеръ Перлеоне. Меценатство Гисмондо Малатеста стр. 537—538. Малатеста Новелло въ Чезенѣ стр. 539. Его библіотека стр. 539. Костанца де Варано стр. 540.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строка сверху.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать.
172.	21.	сдѣланныя.	сдѣлаться.
235.	8.	оттуда	откуда.
277.	23.	еще	ему.
284.	5.	слово спасенъ вычеркнуть.	
—	12.	лектаторъ	диктаторъ.
304.	34.	начала	началъ.
326.	20.	fie	fixe.
352.	2.	во Флоренціи этихъ тріумвировъ именно на родинѣ ихъ	этихъ тріумвировъ именно на родинѣ ихъ, во Флоренціи.
381.	5.	Бенинтенди	Бенинтенди.
386.	6.	де	de
410.	19.	ихъ	тѣхъ.
—	21.	свою	ихъ.
428.	29.	настроить	построить.
438.	11.	производился	производили.
450.	17.	къ вычеркнуть.	
472.	2.	Аморозію	Амврозію.
519.	3.	XIV	XVI.
531.		Прим. 1. слово мы вычеркнуть.	

ВОЗРОЖДЕНІЕ

КЛАССИЧЕСКОЙ ДРЕВНОСТИ,

или

ПЕРВЫЙ ВѢКЪ ГУМАНИЗМА.

Соч. Георга Фойгта.

Перевелъ съ 2-го нѣмецкаго изданія, передѣланнаго авторомъ,

И. П. РАССАДИНЪ.

Съ предисловіемъ и алфавитнымъ указателемъ.

ТОМЪ II.

Изданіе К. Т. Солдатенкова

МОСКВА.
Типографія М. П. Щепкина, Средняя Кисловка, д. Волковыхъ.
1885

И. П. Рассадинъ.

(Некрологъ).

Корректура послѣднихъ листовъ настоящаго тома была отправлена его переводчику около половины іюня нынѣшняго года. Иванъ Петровичъ чувствовалъ себя такъ плохо, что не могъ уже приняться за нее. Черезъ нѣсколько дней его не стало. Въ лицѣ И. П. русская литература лишилась одного изъ самыхъ честныхъ и образованныхъ тружениковъ и искусныхъ посредниковъ между русской и западной наукой. И. П. происходилъ изъ мѣщанской семьи и родился въ Москвѣ въ 1832 г. Отецъ его, человѣкъ умный и честный, хотя нѣсколько суровый, всю жизнь завѣдывалъ дѣлами разныхъ лицъ и подъ старость добился обезпеченнаго положенія. Какъ большинство людей, пробившихъ себѣ дорогу собственнымъ трудомъ и энергіей, онъ былъ крутаго нрава и не сносилъ никакихъ противорѣчій. Вся семья передъ нимъ дрожала, и мало ласки видѣли отъ него дѣти. Понимая цѣну образованія, онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобъ дать хорошее образованіе своимъ дѣтямъ. И. П. былъ имъ помѣщенъ во 2-ю Московскую гимназію, гдѣ подъ руководствомъ А. Н. Робера прекрасно изучилъ классическіе языки. Окончивъ съ успѣхомъ курсъ наукъ въ гимназіи, И. П. поступилъ въ 1852 г. на историко-филологическій факультетъ Московскаго университета; слушалъ Грановскаго, Кудрявцева, Леонтьева и др. Какое свѣтлое воспоминаніе оставило въ душѣ И. П. пребываніе въ университетѣ всего лучше видно изъ прекрасной статьи его На могилѣ наставника, написанной въ го-

КНИГА ПЯТАЯ.

Гуманизмъ при папскомъ дворѣ. Эпоха Николая V. Занятія гелленизмомъ.

Церковь во всѣ времена сознавала, что она есть созданіе духа и что авторитетъ ея зиждется на духовныхъ силахъ. Поэтому она считала мощное слово своимъ прямымъ орудіемъ для борьбы съ противниками. Чтобы защищать вѣру, назидать и проповѣдывать, уже отцы Церкви не пренебрегали и искусствами, заимствованными у язычниковъ, краснорѣчіемъ и реторикою. Задачею воинствующей церкви всегда было—имѣть въ своей власти самое могучее слово. Великіе папы іерархической эпохи сами искусно владѣли рѣчью, духовенство и монахи писали полемическія сочиненія, наконецъ міряне, хорошо владѣвшіе слогомъ, привлекались къ дѣятельности при папскомъ дворѣ. Если Петръ де Винеа, какъ ловкій риторъ, состоялъ на службѣ у императора изъ дома Гогенштауфеновъ, то противники его, папы, старались заручиться подобными же силами и отстаивать свою политику орудіемъ слова. Къ тому же они поддерживали старинную славу папской канцеляріи, которая всегда считалась лучшею въ свѣтѣ, даже образцовою. Уже въ письмахъ великихъ папъ Иннокентіевъ господствуетъ изящная латынь и рѣчь, болѣе правильная въ граматическомъ отношеніи. Римскій дворъ долженъ былъ поддерживать свою репутацію разсадника и школы хорошаго церковнаго языка [1]).

Но неизбѣжно должны были обнаружиться другія послѣдствія этого стремленія, когда римская церковь пріобщила, въ качествѣ сотрудниковъ, къ своимъ богословамъ и канонистамъ также поклонниковъ вновь воз-

[1]) Delisle въ Bibliothèque de l'école des chartes Sér. IV T. IV, Paris 1858 p. 30.

рожденной древности. Въ большинствѣ случаевъ они были и остались полуязычниками, служили церкви и получали отъ нея содержаніе, но сердце ихъ не лежало къ ней. Здѣсь они должны были составлять не просто только украшеніе, какъ при дворахъ разныхъ государей и владѣтельныхъ особъ: здѣсь ихъ образъ мыслей, всегда свободный по религіознымъ вопросамъ, проникалъ какъ ядъ въ самый организмъ церкви. Но, какъ мы увидимъ, съ одной стороны настоятельная потребность вести борьбу, а съ другой безпечность римскаго двора заставили его привлечь къ себѣ этихъ модныхъ язычниковъ и посвятить въ свои тайны. Наконецъ гуманизмъ побѣдоносно занялъ папскій престолъ въ лицѣ духовныхъ особъ, которыя предавались усерднѣе новымъ наукамъ, чѣмъ дѣлу церкви.

Междоусобныя войны въ церкви, великій расколъ и соборы по вопросамъ о преобразованіи духовенства повели главнымъ образомъ къ тому, что новымъ бойцамъ и героямъ слова открытъ былъ доступъ къ римскому двору. Парижскіе доктора и магистры, а вскорѣ и представители схоластической мудрости во всѣхъ университетахъ приняли живое участіе въ церковной борьбѣ, сдѣлались рѣшителями несогласій и судьями. Съ этихъ поръ и папамъ нужны были новые ратоборцы, и они были не особенно добросовѣстны и осторожны въ выборѣ ихъ. Это эпоха появленія цѣлой литературы памфлетовъ и полемическихъ сочиненій, и языкъ ихъ становится общедоступнѣе, полемическій тонъ оживленнѣе и язвительнѣе. Тутъ были нужны люди, которые бы занимались писаніемъ ругательныхъ инвективъ какъ особымъ искусствомъ.

У папъ было простое средство пристроить гуманиста при своемъ дворѣ. Ему давали должность писца (scriptorium), или секретаря въ канцеляріи или въ аббревіатурѣ. Хотя всѣ должности по своему характеру были непрочны, зависѣли отъ милости папы или кардинала вице-канцлера, однако пожизненность ихъ стала обычаемъ. Онѣ считались прочными мѣстами, и ихъ нужно было покупать. Мѣсто секретаря стоило около 700 гульденовъ. Мѣсто писца (scriptor), которое, конечно, было гораздо ниже, но за то считалось прочнѣе, стоило около 1000 гульденовъ. Въ случаѣ преклонной старости папы или его болѣзни, во время войны или бѣдствій церкви цѣна на эти мѣста падала, но при новой перемѣнѣ условій снова поднималась. Однако большая часть секретарей нѣсколько лѣтъ занимались каноническимъ правомъ, и обыкновенно только такіе и достигали высшаго положенія протонотаріевъ. Вообще служащіе въ канцеляріи не были равны между собою. Простой переписчикъ, который обыкновенно только заготовлялъ бумаги по готовымъ формамъ, всю жизнь оставался второстепеннымъ чиновникомъ и получалъ скудное содержаніе. Напротивъ, человѣкъ, пользовавшійся милостями, ловкій и старательный, которому довѣрялись болѣе серьезныя

дѣла, который писалъ письма къ государямъ и прелатамъ, сочинялъ полемическія статьи, нерѣдко достигалъ высокаго и вліятельнаго положенія. Сверхъ того ему представлялось множество случаевъ пользоваться дозволенными и секретными посторонними доходами. Секретарь легко становился человѣкомъ зажиточнымъ, или по крайней мѣрѣ обезпеченнымъ и хорошо содержалъ свою семью. А если онъ рѣшался вступить въ духовное званіе, то ему отврывалась легкая возможность получать лучшія мѣста, даже высшія церковныя должности. По своей профессіи онъ былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ кардиналами и епископами; его рабочая комната была въ папскомъ дворцѣ. Съ папою онъ бесѣдовалъ лично въ извѣстные дни, поэтому легко становился близкимъ человѣкомъ и довѣреннымъ лицомъ своего повелителя. Не одинъ кардиналъ началъ свое положеніе скромною долею писца въ папской канцеляріи [1]).

Гуманисты поступали въ папскую канцелярію съ разными цѣлями. Большая часть ихъ, конечно, искала содержанія, потому что довольно трудно было найти выгодную сферу дѣятельности для своихъ талантовъ. Если они женились, это ихъ привязывало къ ихъ должности, и они старались извлечь изъ нея возможныя выгоды. А если рѣшались принять посвященіе, то церковь содержала ихъ гораздо лучше, а для ихъ честолюбія открывалась перспектива возвышенія. Но этотъ путь избирали лишь немногіе, въ большинствѣ же случаевъ гуманисты питали отвращеніе къ духовному званію, хотя имъ приходилось довольствоваться конкубинами. Они вполнѣ свыкались съ дѣлами и переносили всякія невзгоды, лишь бы заработать побольше денегъ и современемъ удалиться на покой. Другіе брали на себя лишь нѣкоторыя дѣла, часто отлучались въ отпускъ, или жили при дворѣ какъ люди свободные, конечно, въ ущербъ своей выслугѣ, которая всегда цѣнилась мѣрою труда. Были даже почетные секретари, которые только носили этотъ титулъ, а сами жили во Флоренціи или въ другихъ мѣстахъ. Ихъ рѣдко удовлетворяла эта должность: они чувствовали въ себѣ призваніе къ высшимъ трудамъ, а не къ изученію дѣлъ и дѣловыхъ формъ. Они всегда готовы были предпочесть независимое положеніе придворнаго поэта или по крайней мѣрѣ вліятельнаго государственнаго

---

[1]) Есть нѣкоторыя данныя по вопросу объ оффиціальномъ положеніи секретарей въ полемическомъ сочиненіи Якова Волатерранца въ Analecta litt. vol. I, Romae 1772, p. 122. 124. Но напрасно стали бы мы искать свѣдѣній объ этомъ у Bonamicius de claris pontificiarum epistolarum scriptoribus, edit. alt. Romae 1770. И свѣдѣнія о лицахъ собраны только изъ печатной литературы; они неполны и нельзя ручаться за ихъ достовѣрность. Нѣкоторыя данныя извлекъ изъ ватиканскихъ регестъ мимоходомъ Marini degli archiatri pontifici. 2 voll. Roma 1784. Какъ легко можно бы было пополнить и расширить эти свѣдѣнія въ Римѣ.

канцлера. Должность писца гуманисты во всякомъ случаѣ занимали лишь изъ крайности, пока не явились папы, которые, подобно свѣтскимъ владѣтельнымъ меценатамъ, требовали немногаго отъ ученыхъ секретарей, но за то щедро награждали ихъ за ихъ литературные труды.

Сочли, что разные папы не менѣе пяти разъ предлагали Петраркѣ должность секретаря, и могло бы послѣ этого казаться, что они придавали большое значеніе услугамъ прославленнаго писателя. Но, насколько мы знаемъ, секретарство и труды, съ нимъ связанные, постоянно предлагались ему тогда, когда онъ искалъ новыхъ бенефицій при авиньонскомъ дворѣ. Такое положеніе, которое заставляло его неотлучно жить въ городѣ, казалось ему рабствомъ. Къ тому же при испытаніи его дѣловаго слога, которому онъ подвергся въ 1352 г., оказалось, что его возвышенная, философская рѣчь не годится для канцеляріи. Однако Петрарку глубоко оскорбилъ упрекъ кардинала Талейрана, что онъ не умѣетъ писать ясно, вразумительно для каждаго читающаго, хотя прелатъ сказалъ это по-дружески. Это тѣмъ болѣе было обидно, что и папа Климентъ VI указывалъ на тѣ же недостатки его слога. Поэтъ объявилъ, что для него унизительно писать «пошлымъ слогомъ» законниковъ. Съ тѣхъ поръ онъ постоянно отзывался съ пренебреженіемъ о должностяхъ при папскомъ дворѣ и пожималъ плечами, глядя на «стадо людей, называемыхъ папскими писцами, про которыхъ мы знаемъ, что они скорѣе усердные труженики, чѣмъ люди даровитые». Онъ даже видѣлъ особое право на славу въ томъ, что отклонилъ отъ себя должность, ведущую къ обогащенію, и остался вѣренъ своему стремленію къ «честной бѣдности». Петрарка даже отказался бы, по его словамъ, и отъ епископской каѳедры, потому что ставитъ свободу выше всякихъ сокровищъ. По обыкновенію своему Боккачіо, какъ вѣрный оруженосецъ, держался того же взгляда и пренебрегалъ должностями у папы, какъ рабствомъ [1]).

Всѣ первые гуманисты, получившіе приглашеніе отъ римскаго двора, даже авиньонскаго, были тосканцы по происхожденію, флорентинцы по образованію. Это не случайность. Старинная слава флорентинскихъ нотаріальныхъ школъ стала еще громче съ тѣхъ поръ, какъ Флоренцію признали вмѣстѣ и средоточіемъ лучшаго и возвышеннаго латинскаго языка. Вообще же говоря, и тосканецъ далеко не охотно покидалъ кругъ образованныхъ друзей своей родины.

---

[1]) Petrarca epist. rer. famil. XIII, 4. 5. XIV, 1. 2. XX, 14. epist. var. 55. epist. var. epist. rer. 55. senil. I, 1. 2. 3.XV, 6. (Opp. p. 1058). Apologia contra anonymi Galli calumnias: mihi qui episcopatum nolo quique eum gradum, saepe olim mihi non oblatum modo, sed ingestum semper recusavi, praeferens cunctis opibus libertatem etc.—Boccaccio Lettere p. 147.

Первый истинный гуманистъ, поступившій секретаремъ къ папскому двору, даже, по видимому, искавшій этой должности былъ Занобы да Страда. Онъ, какъ мы помнимъ, когда-то по совѣту Петрарки бросилъ рабскую долю учителя въ латинской школѣ во Флоренціи и искалъ въ Неаполѣ независимаго положенія придворнаго поэта, въ качествѣ придворнаго и секретаря у Аччіайоли. Какъ онъ ни льстилъ послѣднему, однако, по видимому, ему пришлось вести жалкую жизнь въ Неаполѣ. Въ концѣ 1358 г. или въ началѣ 1359 г. папа Иннокентій VI назначилъ его протонотаріемъ и секретаремъ по отдѣлу разрѣшеній. Конечно, Петрарка смотрѣлъ на это какъ на повышеніе, но бранилъ своего поклонника за то, что онъ, изъ за постыдныхъ богатствъ и почестей, отказался отъ свободнаго научнаго труда и домогался должности при вавилонскомъ дворѣ. Наставникъ даже совѣтовалъ ему опять отказаться и снова стать на путь высшей славы [1]). Занобы, отрекшись отъ поэтическихъ плановъ, совсѣмъ отдался должностнымъ занятіямъ и скопилъ такія богатства, о какихъ прежде и не помышлялъ. Онъ былъ назначенъ папскимъ капелланомъ и имѣлъ возможность доставить своему брату Андрею мѣсто пріора во Флоренціи. Конечно, вмѣстѣ съ этимъ муза его умолкла. Письма его въ прозѣ и стихахъ, о которыхъ съ похвалою отзывается Филельфо, конечно, относятся еще ко времени его жизни во Флоренціи. Переводы одного отдѣла нравственныхъ сочиненій св. Григорія и его толкованій на книгу Іова на народный языкъ, вѣроятно, сдѣланы имъ въ Неаполѣ. Но все это, должно быть, утрачено по небрежности его наслѣдниковъ. До насъ дошло развѣ немногое, кромѣ грамотъ за цѣлый годъ, которыя онъ писалъ отъ имени римскаго первосвященника. Почти всѣ онѣ имѣютъ важное политическое значеніе, написаны отличнымъ слогомъ, хотя и дѣловымъ, подчасъ снабжены высокопарными воззваніями. Однако на нихъ уже ясно отпечатлѣлось вліяніе новой школы, которая такимъ образомъ получаетъ право гражданства въ папской канцеляріи. Но смерть похитила секретаря, увѣнчаннаго поэтическими лаврами, въ Авиньонѣ, на 49-мъ г. жизни [2]).

---

[1]) Petrarca epist. rer. famil. XX, 14 отъ 9 февраля (1359), epist. rer. senil. VI, 5. 6 (которымъ указано у Фракассетти надлежащее мѣсто и они отнесены къ 1359 г.).

[2]) Ср. томъ I стр. 153, 154, 416—418. Boccaccio Lettere p. 189. Philippi Villani liber de civ. Florent. fam. civibus ed. Galletti p. 16. Canonico Zanobi da Strada Notizie historiche raccolte dal P. S. M. C. P. Firenze 1878 есть сводъ старыхъ обычныхъ извѣстій. Registrum litera rum apost. Innocentii papae sexti — anno sui pontificatus nono editarum et compilatarum per magistrum Zanobium, 250 папскихъ посланій отъ 5 января до 29 декабря 1361 г., у Martene et Durand Thesaurus novus anecdotorum, Lutet. Paris. 1717, p. 843 seq. Здѣсь есть также на стр. 891 грамота относительно брата секретаря. Сохраненіемъ этихъ писемъ мы, быть можетъ, обязаны Аччіайоли, который послѣ его смерти хлопоталъ объ

Папа Урбанъ V пригласилъ въ Авиньонъ въ 1365 г. въ секретари другаго друга Петрарки, Франческо Бруни, который прежде преподавалъ реторику во Флоренціи. Петрарка не разъ писалъ къ нему и охотно пользовался его услугами при погонѣ за бенефиціями. Въ то время Бруни велъ оживленную переписку съ Салютато. Хотя мы и не знаемъ никакихъ сочиненій его, однако онъ, по видимому, вполнѣ принадлежалъ къ гуманистическимъ кружкамъ. Онъ служилъ нѣсколькимъ папамъ и состарѣлся при римскомъ дворѣ, но жаловался на тяжесть труда и на малое вознагражденіе [1]).

Такъ точно и Салютато прослужилъ нѣсколько времени при римскомъ дворѣ. раньше, чѣмъ приглашенъ былъ занять почетную должность во Флоренціи. Но мы уже выше говорили о томъ, что въ Авиньонѣ онъ совсѣмъ не могъ ужиться, а въ Римѣ тоже пробылъ недолго [2]). Для такого стойкаго человѣка жизнь при папскомъ дворѣ была невыносима. Въ то же время онъ—послѣдній изъ гуманистовъ, служившій еще въ Авиньонѣ. Въ Италіи у нихъ все таки была родина, Римъ—классическая почва для ихъ любимыхъ идей, и сочувственно относились они только къ римскимъ папамъ. При римскомъ дворѣ гуманисты собираются съ начала XV в. въ большемъ числѣ, и многіе изъ нихъ находятъ въ этой службѣ свое призваніе.

Поджіо былъ первый изъ нихъ, и ни одинъ изъ его ученыхъ современниковъ не прослужилъ столько лѣтъ при римскомъ дворѣ, или, по крайней мѣрѣ, въ сношеніяхъ съ нимъ. Онъ оставилъ его въ 1453 г. послѣ полувѣковаго служенія, хотя съ нѣкоторыми перерывами. А десятилѣтіемъ раньше при немъ умерло больше пятидесяти кардиналовъ [3]). Поэтому Поджіо могъ назвать себя старшимъ придворнымъ, ветераномъ куріи. Сколько видѣлъ онъ переворотовъ въ церкви, какія превратности въ судьбѣ папъ во время раскола и собо-

---

ихъ реэстрѣ. См. Tanfani Nicc. Acciaiuoli p. 201. Такъ могло случиться, что у Theiner Codex dipl. dominii tem. S. Ledis T. II, не приведено ни одного документа за этотъ годъ первосвященства. M. (magister) de Strata, который по Amati въ Archivio stor. Ital. Ser. III T. III p. I скрѣпляетъ регистры Григорія XII (1406 — 1490), конечно, уже не Заноби.

1) Въ документѣ отъ 1 сентября 1365 г. у Hortis G. Boccaci ambasciatore in Avignone, Trieste 1875, p. 55 онъ является вмѣстѣ съ Боккачіо флорентинскимъ посломъ къ папѣ. Здѣсь онъ называется еще наставникомъ, а не секретаремъ, на что слѣдуетъ обратить вниманіе при опредѣленіи времени писемъ Петрарки. О его положеніи во Флоренціи ср. Томъ I стр. 315. Salutati Epist. ed. Mehus Praef. p. XXIII: здѣсь онъ въ письмѣ Салютато отъ 14 апрѣля 1380 г. является старикомъ. Другое его письмо къ нему отъ 1371 г. ibid. epist. 31, также у Baluzius Miscell. T. IV p. 511.

2) Томъ I стр. 182.

3) Такъ говоритъ онъ въ своей Oratio in funere cardinalis S. Crucis ed. fin. (Opp. p. 269).

ровъ! Однако сердце его никогда не лежало ни къ церкви, ни къ одному изъ папъ. Секретарь смотрѣлъ на римскій дворъ какъ на доходную статью, а своею настоящею родиною считалъ Флоренцію. Поэтому его положеніе въ Римѣ было исключительное. Тутъ проявляются другія черты характера этого многосторонняго человѣка, достойныя вниманія, которыхъ поэтому мы раньше и не касались.

Проведши юность въ бѣдности и лишеніяхъ, пользуясь благосклонностью Салютато и Никколи, Поджіо устроился въ Римѣ 23-хъ лѣтъ отъ роду. Съ этого начиналъ свое поприще не одинъ бѣдный литераторъ. Онъ былъ домашнимъ секретаремъ кардинала Ландульфо Марамальдо, архіепископа барійскаго. Положеніе это было, вѣроятно не блестящее, такъ какъ прелатъ не былъ признанъ кардиналомъ, да и на архіепископскую каѳедру явились соперники. Но чрезъ нѣсколько времени счатье улыбнулось молодому человѣку: по рекомендаціи одного придворнаго, дружнаго съ Салютато, папа Бенедиктъ IX назначилъ его писцомъ (scriptor), должность выгодная и для его лѣтъ весьма почтенная [1]). Это мѣсто было постоянное, и Поджіо занималъ его при восьми папахъ, хотя не всегда завѣдывалъ дѣлами [2]). Къ этому присоединялись небольшія побочныя должности. При Іоаннѣ XXIII онъ называется тоже писцомъ; потомъ одинъ изъ папъ далъ ему еще право на адвокатуру [3]).

Черезъ десять лѣтъ усердной работы, когда констанцская буря грозила всему прежнему папству, когда Іоаннъ XXIII лишился всего, когда дѣла и доходы, сильно разстроившіеся уже во время раскола, совсѣмъ остановились, казалось, и счастливая звѣзда Поджіо готова

---

¹) Самъ Поджіо говоритъ въ надгробной рѣчи Бруни въ его Epist. rec. Mehus p. CXX, что онъ пріѣхалъ въ Римъ въ первосвященство Бонифація IX и paulo post quam accesserat сдѣланъ scriptor, anno post (послѣ пріѣзда?) Бонифацій умеръ († 1 октября 1404 г.). Стало быть, онъ пріѣхалъ осенью 1403 г. Съ этимъ согласно то, что барійскій кардиналъ велѣлъ Поджіо написать письмо къ Мазо дельи Альбицци, на которое послѣдній отвѣчалъ 5 февраля 1404 г. (stilo communi). Этотъ отвѣтъ въ Commissionni di Rinaldo degli Albizzi ed Guasti vol. I p. 66. Однако Поджіо былъ назначенъ чиновникомъ между февралемъ и 1 октября 1404 г., или покрайней мѣрѣ немного раньше. Салютато поздравляетъ его 23 декабря (1404 г.) Оба его письма у Shepherd Vita di Poggio trad. Tonelli T. II. Append. num. III. V, а къ Поджіо въ Salutati Epist. ed. Rigacci P. I epist. 76. И Marini vol. II p. 127 не напалъ въ ватиканскихъ регестахъ другихъ данныхъ о первомъ назначеніи Поджіо.

²) Онъ отказался отъ него по Marini l. c. 15 мая 1453, стало быть незадолго до своего отъѣзда во Флоренцію.

³) Marini l. c. Благодарственную рѣчь, quod in advocationis officio a pontifice adscriptus fuerit, упоминаютъ Saxius p. 127 и Bandini Catal. cod. lat. bibl. Laurent. T. III p. 498. А къ должности in penitenzieria (исправительный домъ), по видимому, относится Poggius epist II, 2 и XII, 27, гдѣ онъ сообщаетъ Каликсту, что онъ былъ въ должности при четырехъ папахъ.

была закатиться. Какъ ни плодотворно воспользовался онъ своимъ досугомъ въ Констанцѣ, однако думалъ уже перемѣнить карьеру. Онъ надѣялся устроиться въ Англіи, но, какъ оказалось, обманулся въ своихъ ожиданіяхъ. Поджіо слышалъ правда, что Мартинъ V, папа, выбранный въ Констанцѣ, противъ ожиданія возвратился въ Римъ. Но ему въ то же время писали, что многіе чиновники оставятъ службу при римскомъ дворѣ, потому что она даетъ очень плохой доходъ. Священникомъ ему не хотѣлось быть, а другаго ничего не имѣлось въ виду. Профессорское мѣсто во Флоренціи съ жалованьемъ по 600 гульденовъ въ годъ было ему по душѣ, но чрезъ ходатайство Никколи его нельзя было получить—можетъ быть потому, что Поджіо не годился въ преемники Гварино: слабо зналъ греческій языкъ. Оставалось одно—опять воротиться къ прежней должности «и опять зарабатывать пропитаніе письменною работою». Благодаря кардиналу Риччи, открывалась возможность получить мѣсто секретаря. Но какъ оно ни было почетно, все таки это не была желанная «свобода», а напротивъ «начало новаго рабства». Приходилось рѣшиться и на это. Въ февралѣ 1423 г. онъ былъ снова въ Римѣ, а въ маѣ ему безъ всякихъ околичностей поручена была должность секретаря. Папа принялъ его милостиво и давалъ блистательныя обѣщанія. Поджіо опять наложилъ на себя прежнее бремя. Его доходы, конечно, связанные съ исправленіемъ двухъ должностей, стали обильнѣе, такъ какъ папскій престолъ утвердился прочно при строгомъ управленіи папы изъ фамиліи Колоннъ. Онъ однако все еще мечталъ современемъ сбросить съ себя это бремя, когда купитъ домъ, садъ, виноградники, и будетъ имѣть средства для безбѣднаго существованія. Но Поджіо не хотѣлъ взять на себя новой работы, прибавившейся со смертью его товарища Бартоломмео да Монтепульчіано, хотя этимъ путемъ могъ скорѣе обогатиться. Такимъ образомъ ему пришлось еще много лѣтъ исправлять двѣ должности, и его считали не только человѣкомъ зажиточнымъ, а прямо богачемъ [1]).

Съ восшествіемъ на папскій престолъ Евгенія IV и съ открытіемъ базельскаго собора положеніе римскаго первосвященника снова оказалось шаткимъ. Но папа, прогнанный изъ Рима, все таки остался въ Италіи. Поджіо было лестно слѣдовать за нимъ и во Флоренцію. Онъ женился и нашелъ новое счастіе въ семейной жизни. Конечно, секретарь жаловался, что его не цѣнятъ и не награждаютъ такъ, какъ бы слѣдовало награждать такого опытнаго литератора и за-

---

[1]) Poggius epist. I, 11. 17. 22. II, 1. 2. 3. III, 22, 39. Веспасіано ошибается, говоря, что сначала онъ былъ секретаремъ, потомъ писцомъ: in modo che con queste dua dignità tenne ornata e laudobib vita.

служеннаго придворнаго. Но онъ легко могъ обойтись и безъ службы [1]). На дѣло о преобразованіяхъ, задуманное на базельскомъ соборѣ, онъ смотрѣлъ неодобрительно. Но споръ этотъ далъ ему случай выказать свои дарованія. Папы весьма желали имѣть столь находчиваго и искуснаго писателя, какъ онъ, владѣвшаго такимъ бойкимъ слогомъ, умѣвшаго такъ очернить и осмѣять. Поджіо былъ всего менѣе фанатическій сторонникъ церкви, но до мозга костей папскій придворный, жившій доходами отъ куріи, обогатившійся благодаря ей. Поэтому онъ отстаивалъ ея дѣло даже съ личнымъ озлобленіемъ.

У насъ нѣтъ полемическаго сочиненія, написаннаго Поджіо противъ базельскаго собора по порученію папы. Его строгая набожность, по его словамъ, заставила его нѣсколько смягчить бранчивый тонъ. Но мы можемъ читать инвективу, направленную противъ папы Феликса V, возведеннаго на престолъ соборомъ, хотя не знаемъ, первая ли это ея редакція, въ какой она была составлена вскорѣ послѣ избранія антипапы, или смягченная, которая еще разъ была обработана послѣ восшествія на престолъ папы Николая V [2]). Богословскихъ и каноническихъ трактатовъ противъ собора и его папы было достаточно, и Поджіо не прибавилъ къ нимъ своего. Онъ написалъ инвективу, т. е. документъ позорящій и ругательный. Не разъузнавъ хорошенько положенія дѣла [3]), онъ ограничился бранчивыми возгласами, но въ этомъ отношеніи превзошелъ все, что было писано въ полемическомъ духѣ за соборъ и противъ собора. Папу Феликса авторъ называлъ кровожаднымъ волкомъ въ овечьей шкурѣ, золотымъ тельцомъ, воздвигнутымъ на поруганіе вѣры скопищемъ людей пропащихъ, подобныхъ ему, вторымъ Магометомъ, который вводитъ новую, неслыханную, гнусную ересь, гадкимъ чудовищемъ, сыномъ сатаны, прожорливымъ дракономъ и т. д. Отцы собора называются отступниками, развратниками, кровосмѣсителями, грабителями, мошенниками, святотатцами, врагами Бога и высшихъ властей, сборищемъ преступныхъ и закоренѣлыхъ фарисеевъ, а ихъ постановленія—рѣшеніями пьяницъ и полоумнымъ бредомъ.—И въ надгробной рѣчи въ честь кардинала

---

1) Epist. VII, 11 отъ 28 апрѣля (1438 г.): Jam sum in statu eum, ut etiamsi quaestus spes desit, mihi et meis satis sit ad id quod supereat vitae.

2) Poggius epist. VIII, 15 посылаетъ архіепископу миланскому отъ 24 февраля (1440 г.) копію duarum epistolarum quas nomine pontificis scripsi contra Basilienses et idolum illud (папа Феликсъ), въ IX, 20 онъ пишетъ врачу Пьеру Томази, что издалъ nuper oratiunculam contra Infelicem, и письмо это отъ 11 ноября 1447 г. Инвектива напечатана въ Opp. p. 155 seq.

3) На нѣкоторые очевидныя ошибки въ немъ я указалъ въ моемъ сочиненіи Aenea Sylvio Bd. I s. 172 note 2.

Джуліано Чезарини, написанной въ 1444 г., который нѣсколько лѣтъ былъ предсѣдателемъ и духовнымъ главою базельскаго собора, онъ далъ волю своему влеченію. А въ панегирикъ кардиналу вовсе не кстати вставилъ инвективу противъ отцовъ базельскаго собора, въ которой называетъ ихъ волокитами, обжорами, пьяницами, а соборъ— хоромъ ночныхъ совъ. Съ удивительною находчивостью изливаетъ онъ цѣлый потокъ подобныхъ ругательствъ [1]).

Часы досуга Поджіо умѣлъ проводить инымъ образомъ. Въ это время онъ съ такимъ другомъ, какъ Антоніо Лоски, бродилъ по развалинамъ вѣчнаго города, удивляясь ихъ величавости, скорбя о постепенномъ ихъ истребленіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ доискиваясь и значенія ихъ. Глубокое чувство, съ которымъ размышлялъ и мечталъ надъ ними Петрарка, соединялось съ желаніемъ изучать ихъ, воодушевлявшимъ Колу и Чиріако. Ему помогала въ этомъ случаѣ его образованная опытность, удача на открытія, долгое пребываніе въ городѣ и теплое участіе образованныхъ друзей. Когда въ Римъ пріѣзжали художники, Брунеллеско, Донателло и Гиберти, желая измѣрить и срисовать древній циркъ, термы, храмы и базилики, разыскивать статуи, медали и камеи, то Поджіо, безъ сомнѣнія, былъ ихъ проводникомъ, помощникомъ и истолкователемъ [2]). Онъ уже освоился съ Римомъ, сжился съ нимъ, былъ хорошо знакомъ съ его исторіею и питалъ уваженіе ко всякой древности, гдѣ только видѣлъ слѣды ея. Когда-то онъ разыскивалъ въ сокровенныхъ мѣстахъ древнихъ римскихъ писателей и и пріобщая ихъ какъ новыхъ свидѣтелей древняго Рима. Теперь о томъ же говорили и свидѣтельствовали ему и эти разрушающіеся храмы, галлереи, термы, театры, водопроводы, ворота, дворцы и тріумфальныя арки. Онъ старался разгадать ихъ назначеніе по надписямъ, сохранившимся на нихъ. Въ умѣ его возникалъ обильный міръ идей, когда онъ сидѣлъ на мраморномъ обломкѣ тарпейскаго укрѣпленія, среди разрушенныхъ колоннъ, и смотрѣлъ на Капитолій, нѣкогда воспѣтый Виргиліемъ. Теперь онъ поросъ травою и терніемъ, и Поджіо представлялъ себѣ, что́ когда-то чувствовалъ Гай Марій, сидя на развалинахъ Кароагена. Громадный Римъ, лежащій у ногъ его, казался ему какъ бы тлѣющимъ трупомъ исполина, властитель вселенной—обреченнымъ на жалкое рабство. Онъ коротко ознакомился съ развалинами; онѣ нераздѣльно слились съ его изслѣдованіями древностей. Поджіо говоритъ про себя, что хотя онъ съ юныхъ лѣтъ жилъ въ Римѣ, однако къ его удивленію каждый день все ему представляется новымъ, и онъ

---

[1]) Oratio in funere Juliani de Caesarinis § 7, 8 въ Specil. Roman. T.X p. 378 seq. Также и въ сочиненіи de variet. fortunae lib. III p. 99.

[2]) Eug. Müntz въ Révue archèol. 1879 p. 49. 50. Ambros. Travers. Epist.VIII, 12.

оживаетъ духомъ при видѣ этихъ сооруженій [1]). Плоды своихъ изысканій онъ сообщилъ въ перечнѣ развалинъ древняго Рима. И этотъ перечень, какъ образецъ тлѣнности всего земнаго, авторъ помѣстилъ въ сочиненіи, поднесенномъ въ даръ папѣ Николаю V [2]).

Какъ прежде, когда Поджіо отыскивалъ классиковъ въ монастыряхъ Германіи и Франціи, такъ и теперь онъ былъ проникнутъ убѣжденіемъ, что нужно по крайней мѣрѣ спасти для воспоминаній то, что на его глазахъ рушилось, даже варварски уничтожалось [3]). Подлѣ церкви Св. Дѣвы Sopra Minerva еще гордо возвышался среди развалинъ величавый портикъ. Но Поджіо видѣлъ, что многія колонны его были сброшены внизъ и шли на известку. Когда тамъ разводили деревья, то найдена была исполинская статуя Рекубанса. Но сбѣжалась толпа народа смотрѣть на нее, и владѣлецъ съ досады велѣлъ опять засыпать ее землею. Изящный надгробный памятникъ Цециліи Метеллы на Аппіевой дорогѣ Поджіо видѣлъ еще вполнѣ сохранившимся, но видѣлъ, какъ бо́льшая часть его пошла на известку. Онъ возмущался тѣмъ, что въ Капитоліи, въ который съ тріумфомъ входили столько императоровъ, были заложены виноградники и отведено мѣсто для свозки нечистотъ. И дѣло безпощаднаго разрушенія все подвигалось впередъ. Поджіо постоянно указываетъ на гнусный обычай разорять остатки древности, обращая ихъ въ матеріалъ для добыванія извести. Онъ обвиняетъ въ томъ не только невѣжественныхъ горожанъ, но и самого папу Евгенія IV. Мы знаемъ, что когда послѣдній взошелъ на престолъ, то предоставилъ архитектору при постройкѣ своего дворца подвозить мраморъ изъ античныхъ зданій [4]). «Мраморъ, пишетъ въ 1443 г. одинъ флорентинскій купецъ изъ дома Альберти, здѣсь въ Римѣ жгутъ цѣлый день на известку; это возмутительно» [5]). Папы, вы-

---

[1]) Poggius epist. IX, ed. Tonelli, также у Bart. Facius de vir. illustr. ed. Mehus p. 96.

[2]) Poggii Bracciolini Florentini historici de varichate fortunae libri quatour — editi et notis illustrati a Dom Georgio Lutet. Paris. 1723. Часть первой книги, Urbis Romae descripteo, есть также въ Poggii Opp. p. 131 и въ Codex urbis Romae topographicus ed. Urlichs, Wirceburgi 1871 p. 235. Написалъ ли эту часть книги Поджіо еще въ послѣдній годъ первосвященства Николая V, какъ онъ, по видимому, намекаетъ p. 5, или только діалогъ, не знаемъ. Цѣлое сочиненіе посвящено Николаю V.

[3]) Почти въ то же время, когда Поджіо пріѣхалъ въ Римъ, Хризолоръ писалъ сравненіе между древнимъ Римомъ и новымъ. (Томъ I, стр. 210). По его описанію можно было бы думать, что онъ видѣлъ Римъ въ его древнемъ великолѣпіи, если бы этому не противорѣчили сѣтованія Петрарки.

[4]) De muris antiquis esistentilus, ubi fuit Secca antique. Указаніе магистру Philippus Johannis de Picis sculptor marmorum отъ 10 октября 1431 г. въ Archivio Stor. Ital. Ser. III. T. III P. I p. 212.

[5]) У Fabronius Cosmi vita vol. II p. 165.

шедшіе изъ среды гуманистовъ, столь же повинны въ этомъ грѣхѣ, какъ и монахъ Евгеній IV. Вскорѣ намъ придется разсказывать о томъ, какимъ ужаснымъ губителемъ древнихъ зданій былъ прославленный папа Николай V, обуреваемый страстью къ сооруженіямъ, которому Поджіо посвятилъ свою книгу. Пій II въ молодыхъ лѣтахъ выражалъ такое же негодованіе, какъ Петрарка, Поджіо и Бьондо [1]). Онъ подтвердилъ буллою прежнія угрозы отлученіемъ отъ церкви и денежнымъ штрафомъ за разрушеніе развалинъ безъ дозволенія папы. Но и самъ не стѣсняясь велѣлъ брать травертинъ для своихъ построекъ изъ Колизея, Капитолія и другихъ зданій [2]).

Поджіо взывалъ о сожалѣніи къ остаткамъ древности и указывалъ на ихъ безпощадное истребленіе. Этотъ голосъ не остался безъ отклика, потому что Поджіо всѣ боялись. Во время своихъ поѣздокъ по Церковной области онъ искалъ повсюду развалинъ древнихъ построекъ и сообщалъ потомъ Никколи, что̀ онъ нашелъ во Фраскати, Гроттаферрата или Альбано [3]). При этомъ цѣлью его было главнымъ образомъ собираніе надписей. Мы уже знаемъ, какъ подстрекалъ его къ этому Салютато, какъ онъ отыскалъ и увезъ старинную коллекцію аламаннскаго монаха, какъ основалъ собственное собраніе, которое недавно вновь отыскано благодаря счастливой случайности и въ немъ сохранилось много надписей, которыя иначе могли погибнуть [4]). Изъ писемъ собирателя къ Никколи мы узнаемъ и время, и обстоятельства его находокъ и видимъ, съ какимъ усердіемъ онъ это дѣлаетъ, не боясь никакихъ трудовъ. Сначала Поджіо посылаетъ своему другу надписи, найденныя близь Тиволи, потомъ надгробную надпись, открытую по дорогѣ въ Остію на берегу Тибра. Въ 1427 г. Козьма Медичи былъ въ Римѣ. Поджіо съѣздилъ съ нимъ въ гавань, но не нашелъ тамъ ничего. Плодотворнѣе была другая поѣздка, предпринятая въ слѣдующемъ году съ Бартоломео да Монтепульчіано въ

---

1) Часто находятъ въ рукописяхъ его стихи, напечатанные также у Mabillon Musem Ital. T. I p. 97:

Oblectat, me, Roma, tuas spectare ruinas,
Ex cuius lapsu gloria prisca patet.
Sed tuus hic populus muris defossa vetustis
Calcis in obsequium marmora dura coquit.
Impia ter centum, si sic gens egerit annos
Nullum hic indicium nobilitatis erit.

2) Булла отъ 28 апрѣля 1462 г. у Theiner Cod. dipl. dominii temp. S. sedis T. III, p. 422. Ср. Müntz Les arts à la cour des papes P. I, p. 266 P. II, p. 7.

3) Poggius epist. IV, 13.

4) Ср. томъ I, стр. 249. 250.

Ферентино. Тамъ онъ увидалъ одну надпись на крѣпостной башнѣ, но такъ какъ она была высоко, то ее трудно было прочесть; притомъ она закрыта была кустами, и матеріалъ отчасти обсыпался. Двѣ дѣвушки, шедшія мимо, посмотрѣли съ удивленіемъ на страннаго изслѣдователя и своими шутками усладили его труды. Тамъ найдена была и другая надпись, надъ которой Поджіо пришлось проработать нѣсколько часовъ на полуденномъ жару. Вскорѣ послѣ этого онъ добылъ въ Римѣ на Тибуртинскихъ воротахъ еще одну надпись, на которую еще раньше обратилъ вниманіе, но она была совсѣмъ закрыта плющемъ и другою растительностію. Здѣсь сначала нужно было положить много труда на очистку стѣны, что Поджіо тоже сдѣлалъ болтая и смѣясь съ проходившими мимо дѣвушками. Всѣ эти надписи были посланы къ Никколи и включены въ собраніе [1]).

Поджіо и въ Римѣ былъ душею общества, когда въ кружкѣ близкихъ друзей слышались и смѣлыя остроты, и нескромныя рѣчи. Люди образованные и остроумные собирались въ отдаленномъ помѣщеніи самаго папскаго дворца по окончаніи дневныхъ трудовъ. Тутъ они умною и веселою бесѣдою вознаграждали себя за сухія канцелярскія занятія. Тутъ болтали, смѣялись, пили вино, разсказывали разные веселые анекдоты, рѣзвились, не щадили никого, даже его святѣйшество папу Мартина V. Тутъ былъ Антоніо Лоски, который забылъ и про грамматику и про Цицерона и вполнѣ отдавался своему юмору. Тутъ былъ поэтъ Агапито Ченчи де' Рустичи, молодой человѣкъ, бойкій и охотникъ пошутить. Но героемъ нескромныхъ разсказовъ, кромѣ самого Поджіо, называютъ нѣкоего Рацелло изъ Болоньи, вообще неизвѣстнаго намъ. Изъ «Фацецій» Поджіо мы знаемъ, около какихъ темъ вертѣлся разговоръ. Онъ счелъ эти анекдоты стоящими того, чтобы ихъ собрать и изложить хорошимъ латинскимъ языкомъ. Тутъ рѣчь идетъ о распутныхъ кардиналахъ и нахальныхъ духовникахъ, о мужьяхъ-рогоносцахъ и развратныхъ женахъ, о глупыхъ попахъ и хитрыхъ францисканцахъ, о разумныхъ и простоватыхъ врачахъ, о Данте и Филельфо, о соблазнительныхъ и неопытныхъ дѣвицахъ, глупыхъ крестьянахъ и остроумныхъ шарлатанахъ. Тутъ есть замысловатыя изреченія и невинныя шутки, но въ большинствѣ

[1]) Теперь мы читаемъ ихъ во второй его части въ Corpus inscr. Lat. vol. VI P. I ed. Bormann et Henzen p. XXXII. XXXIX. XL, гдѣ ихъ можно легко узнать также по мѣстамъ находки. № 84, по сигламъ h. a. l. r., которыхъ не понималъ Поджіо. Къ сожалѣнію Генценъ упустилъ изъ виду свидѣтельства въ письмахъ Поджіо; это ep. III, 12 (тоже въ числѣ писемъ Ambros. Travers. epist. XXV, 42) III, 19. 20. 21. 22. ed Tonelli.

это — скандальныя нарушенія супружеской вѣрности и грубыя сальности, пестрое сборище разныхъ разсказовъ, подобныхъ тѣмъ, какіе часто наперерывъ передаются нестѣсняющимися собесѣдниками. Частью они перешли по преданію, или подслушаны въ жизни, частію взяты изъ книгъ, частію наконецъ выдуманы подъ веселую руку. Таковы были вечернія развлеченія папскихъ секретарей, изъ подъ пера которыхъ выходили торжественныя буллы и серьезныя граматы. Они называли свое веселое общество, собиравшееся въ Латеранѣ и не щадившее въ своемъ юмористическомъ настроеніи ни міряпъ, ни духовенство, bugiale, мастерскою лжи [1]).

Если бы Поджіо находилъ что нибудь неприличное въ этомъ препровожденіи времени, то, конечно, легко могъ бы и не разсказывать объ этомъ. Но онъ, какъ гуманистъ, любилъ остроты и веселыя выдумки, и не заботился ни о церкви, ни о нравственности. Также точно и записывая фацеціи, онъ радъ былъ, что изложеніе подобныхъ шутокъ легко укладывается въ формы латинской рѣчи [2]).

Далѣе примѣръ Поджіо показываетъ, до чего уже безсильны были противъ новой литературы прежніе руководители общественнаго мнѣнія, нищенствующіе монахи. Евгеній IV, папа-монахъ, окруженный блюстителями устава всѣхъ орденовъ, не особенно былъ расположенъ къ Поджіо. Но послѣдній не обращалъ на это вниманія, тѣмъ болѣе, что и не ожидалъ особыхъ милостей отъ этого целестинца. А какъ его сторонникъ въ борьбѣ изъ-за собора, какъ человѣкъ необходимый въ качествѣ памфлетиста, онъ чувствовалъ свое положеніе твердымъ. Монахи-блюстители съ своимъ святошествомъ стали противны ему съ тѣхъ поръ, какъ получили силу и вліяніе при римскомъ дворѣ.

Во Флоренціи онъ былъ друженъ съ Траверсари, генераломъ Камальдульскаго ордена, который тоже былъ ревностный поборникъ наблюденія за исполненіемъ устава. Тамъ онъ поддерживалъ мирныя отношенія съ простыми миноритами. Но въ Римѣ всѣ эти монахи или вызывали въ немъ желчное настроеніе, или насмѣшку. Почти во всѣхъ его сочиненіяхъ — объ нихъ намъ еще придется говорить — монахи служатъ предметомъ шутокъ, или язвительныхъ насмѣшекъ. А у нихъ не было сильнаго оружія для борьбы съ нимъ. Они должны были бранить его иногда частнымъ образомъ, а онъ, художникъ этого дѣла, платилъ имъ за это разомъ, притомъ публично, путемъ литературы.

---

[1]) Poggius Conclusione Libri Facetiarum (Opp. p. 491). Онъ самъ объясняетъ слово bugiale: mendaciorum veluti officina.
[2]) Ibid. Praefat. (Opp. p. 420).

Если они объявляли его врагомъ вѣры и гонителемъ вѣрующихъ, то онъ съ величайшимъ презрѣніемъ отзывался о слѣпой, нерадивой черни, которая только и понимаетъ, что крики тупоумныхъ монаховъ, а не высокую мудрость древняго міра. А прямо признать себя принадлежащимъ къ подобной черни постыдился бы каждый честный человѣкъ при римскомъ дворѣ, каждый прелатъ: все таки эти монахи несомнѣнно принадлежали къ воинствующей церкви.

Поджіо первый гуманистъ, съумѣвшій долго прослужить и прожить при римскомъ дворѣ. Въ то же время онъ представляетъ собою воплощенное противорѣчіе между классическою древностью и іерархіею. Дѣло не дошло до враждебныхъ столкновеній лишь благодаря равнодушію гуманистовъ къ религіи и церкви съ одной стороны, и ослабѣвшей энергіи этой церкви съ другой. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы увидимъ, какъ гуманисты, все болѣе стекаясь въ Римъ, ведутъ къ прогрессивному вторженію древности въ нѣдра іерархіи.

Когда Поджіо отправился къ римскому двору, то старшій по лѣтамъ другъ его, Л і о н а р д о Б р у н и, подобно ему выросшій въ бѣдности и призрѣнный Салютато, выразилъ желаніе оставить занятія правомъ и тоже искать почетнаго положенія въ Римѣ. Поджіо удалось подѣйствовать на папу Иннокентія VII чрезъ вліятельныхъ доброжелателей, которыхъ онъ вскорѣ нашелъ, также благодаря письмамъ его друга, наконецъ съ помощью рекомендаціи Салютато. Поджіо письмомъ пригласилъ Бруни въ Римъ, а когда онъ пріѣхалъ 24 марта 1405 г., то былъ вскорѣ назначенъ секретаремъ [1]). Онъ служилъ папамъ Григорію XII, Александру V и Іоанну XXIII, однако не привыкъ къ придворной жизни при превратностяхъ ея во время раскола, при разныхъ разъѣздахъ, трепетѣ и бѣгствѣ римскаго двора. Онъ былъ уже не такъ молодъ, да и не такъ гибокъ, какъ Поджіо. Вообще это былъ человѣкъ болѣе серьезный, даже грустный и мрачный, который не могъ легко относиться къ превратностямъ судьбы и шаткому положенію дѣлъ и доходовъ. Въ то же время это былъ закоренѣлый флорентинецъ, который не могъ отвыкнуть отъ своей духовной родины, забыть Никколи и товарищей по школѣ Хризолора. Ему постоянно желалось, чтобы его снова отозвали во Флоренцію. Конечно, урѣзанная

---

[1]) Ср. Томъ I, стр. 285 слл. Bruni epist. I, 1. 3. rec. Mehus. Salutati epist. I, 2. ed. Riggaci, тождественное съ epist. 30 ed. Mehus. Poggii Oratio funebris in obitu Leonardi Aretini при изданіи писемъ послѣдняго у Mehus p. CXX. Такъ изъ письма отъ 17 сент. 1406 г. въ Commissioni di Rinaldo degli Albizzi оказывается, что онъ завѣдуетъ отдѣломъ expeditio litterarum. Дальнѣйшая судьба Бруни при римскомъ дворѣ разсказана нами по его письмамъ, изъ которыхъ Mehus Vita Leon. Bruni передъ письмами p. I и Mazzucheli Scritt d'Italii vol. II T. IV p. 2198 приводитъ наиболѣе существенное.

должность канцлера, предложенная ему въ ноябрѣ 1410 г., могла привязать его только на два мѣсяца. Тогда онъ счелъ за лучшее вернуться къ Іоанну XXIII, у котораго по крайней мѣрѣ, можно было нажить деньги [1])! Духовное званіе было ему вовсе не по душѣ, какъ и Поджіо, да и стало недоступнымъ послѣ женитьбы на аретинкѣ. Съ папою Іоанномъ онъ разъѣзжалъ послѣ этого по Италіи, потомъ отправился въ Констанцъ, гдѣ опять встрѣтился съ Хризолоромъ. Когда же положеніе его папы становилось все болѣе шаткимъ, а бѣгствомъ своимъ изъ города онъ ввелъ въ бѣду и своихъ приверженцевъ, то Бруни воротился на родину, уже довольно богатымъ человѣкомъ, чтобы на досугѣ выжидать лучшаго времени. Жизнь при римскомъ дворѣ послѣ десятилѣтнихъ скитаній опротивѣла ему, какъ и Салютато, не только по множеству дѣлъ, которыя онъ во Флоренціи охотно взялъ на себя, но и потому, что не находилъ въ ней почетнаго положенія, соотвѣтствовавшаго его стоическому идеалу. Когда Мартинъ V пріѣзжалъ во Флоренцію, то Бруни ничѣмъ нельзя было убѣдить — снова поступить на службу къ папѣ.

Болѣе важное значеніе имѣло поступленіе въ папскую канцелярію Антоніо Лоски. Правда, про отца его отзываются какъ про выдающагося доктора правъ, но самъ онъ всегда былъ только магистромъ, ученымъ и поэтомъ. Лоски и въ Миланѣ былъ секретаремъ и вмѣстѣ съ тѣмъ придворнымъ поэтомъ [2]). Но въ Римѣ онъ является придворнымъ, для котораго служба была истиннымъ призваніемъ, который исполнялъ ее со времени своего поступленія при Григоріи XII до самой смерти при шести папахъ, былъ на соборахъ Пизанскомъ [3]) и Констанцскомъ, нимало не думая о перемѣнѣ своего положенія. Онъ рано съумѣлъ обезпечить себя бенефиціями, которыя впрочемъ не помѣшали ему жениться. Такъ же точно съумѣлъ онъ и сосредоточить въ своихъ рукахъ нѣсколько придворныхъ должностей, но затѣмъ, чтобъ усердно исполнять ихъ. Свою грамматическую ученость и цицероновское краснорѣчіе онъ привелъ въ гармонію съ служебнымъ дѣломъ, даже извлекъ изъ нихъ пользу для него. При римскомъ дворѣ Лоски сдѣлался важнымъ лицомъ, однако больше всего любилъ находиться въ обществѣ такихъ друзей, какъ Поджіо, Ченчи и Бруни. Къ этимъ даннымъ о личности секретаря прибавимъ и то обстоятельство, что извѣстія, добытыя изъ ватиканскаго архива, проливаютъ болѣе яркій свѣтъ на дѣятельность подобнаго придворнаго.

---

[1]) Cuius pontificatus quaestuosissimus fuit, говоритъ Поджіо въ oratio funebr.

[2]) См. томъ I, стр. 460.

[3]) Его вообще неизвѣстная Oratio ad utramque collegium cardinalium pro unienda ecclesia in concilio Pisano указана въ Tabulae codd. ms. bibl. Vindob. vol. II p. 217.

Прежде чѣмъ Лоски былъ выбранъ въ секретари Григоріемъ XII, онъ, по видимому, являлся въ Римѣ съ ходатайствомъ къ разнымъ лицамъ [1]). А потомъ онъ сдѣлался близкимъ лицомъ папы, его familiaris, титулъ, которымъ постоянно называютъ его и послѣдующіе папы. Это показываетъ, что онъ пользовался у нихъ личнымъ довѣріемъ. Отъ папы Александра V онъ получилъ еще должность (scrittoria) «за услуги, оказанныя имъ апостольскому престолу». Кромѣ того Іоаннъ XXIII 1 января 1412 г. назначилъ его нотаріусомъ, и въ этой должности онъ является на Констанцскомъ соборѣ, а 22 іюля также аббревіаторомъ. Далѣе въ 1410 г. онъ далъ ему десятую долю доходовъ, а въ 1413 ленъ. При этомъ папѣ можно было хорошо выслужиться. Лоски послѣдовалъ за нимъ въ Констанцъ, но оставилъ этотъ городъ, какъ и Бруни, въ маѣ 1415 г., когда дѣло его папы было рѣшено не въ пользу послѣдняго. Правда, Мартинъ V, при новомъ устройствѣ римскаго двора, опять назначилъ его своимъ секретаремъ 12 декабря 1418 г., но Лоски, по видимому, воротился въ Римъ не раньше 1421 г. Онъ уже былъ старъ и умеръ въ первосвященство Евгенія IV въ 1441 г. [2]).

Лоски былъ при римскомъ дворѣ не простымъ составителемъ буллъ и грамотъ; это видно уже изъ того, что къ его услугамъ часто прибѣгаютъ по политическимъ дѣламъ. При Іоаннѣ XXIII онъ ѣздилъ нунціемъ въ Германію и другія страны. Папа Мартинъ V посылалъ его посломъ въ Миланъ и вторично къ королю Сигизмунду въ Буду, за что онъ возведенъ былъ въ пфальцграфы. И при римскомъ дворѣ онъ велъ часто переговоры чисто политическаго характера отъ имени своего повелителя [3]). Онъ былъ придворнымъ чиновникомъ не только по должности, но и по преданности своимъ повелителямъ. Римъ сталъ для него родиною, особенно когда онъ, какъ изгнанникъ, не могъ явиться въ Виченцу, мѣсто своего рожденія, а къ Милану относился

---

[1]) Въ письмѣ изъ Рима отъ 25 октября 1406 г. у Saxius s. vita e. s. scritti di Ant. Loschi, Padova 1858 p. 161 онъ пишетъ properantissime, dum ad recessum festino. А въ письмѣ отъ 23 іюля 1406 г. ibid. p. 160 его еще не называютъ секретаремъ, но уже называютъ въ passoporto Григорія XII отъ 1 января 1407 г. ibid. p. 182.

[2]) Marini vol. I p. 137, p. vol. II p. 103. 110. Schio p. 100. 104. 177. 182—187, Смерть Лоски опредѣляетъ Schio p. 122 съ возможною точностію: 22 мая 1441 г. составлено имъ завѣщаніе; 28 сентября 1441 г. Барбаро пишетъ (epist. 83 ed. Quirini) сыну Франческо Лоски о собраніи сочиненій покойнаго, при чемъ предполагается раньше письмо соболѣзнующаго характера.

[3]) Schio p. 184. 109. О посольствѣ въ Миланъ упоминаетъ Poggius Hist. Florent. op. Muratori Scriptt. T. XX p. 327. О немъ часто упоминается какъ о ходатаѣ по дѣламъ въ Римѣ въ Commissioni di Rinaldo degli Albizzi vol. II p. 179—192. Его прежнее посольство въ Римъ по порученію даже Микеле Стено у Quirini Diatriba. p. 209.

равнодушно. Лоски и свою музу посвятилъ на служеніе дѣлу, составивъ новую книгу формъ для придворныхъ дѣлъ. Поэтъ хотѣлъ излагать бумаги возвышеннымъ слогомъ Цицерона, какъ раньше его поступалъ Салютато, нѣкогда его личный доброжелатель, который облагородилъ канцелярскій слогъ. Правда, Лоски не могъ побороть представившихся затрудненій, зависѣвшихъ отъ юридическаго характера самыхъ формъ, но несомнѣнно оживилъ латинскій языкъ въ тѣхъ документахъ, которые съ того времени исходили отъ римскаго двора и по своему качеству менѣе были связаны юридическою латынью [1]. Флавіо Бьондо, одинъ изъ самыхъ способныхъ и дѣятельныхъ секретарей младшаго поколѣнія, признаетъ себя ученикомъ Лоски въ канцелярской практикѣ [2].

Ученыя сочиненія и множество стихотвореній Лоски, по видимому, почти всѣ относятся къ тому времени, когда еще занятія въ канцеляріи и аббревіатурѣ не утомили его. Но по своему направленію онъ вполнѣ принадлежалъ къ кружку товарищей, образовавшихъ себя на чтеніи древнихъ писателей и поэтовъ. Онъ никогда не былъ благочестивымъ смиренникомъ, подобно Маффео Веджіо или Грегоріо Корраро, и, не смотря на богатые доходы, не былъ жаднымъ копителемъ денегъ какъ Бруни. Лучшими друзьями его были веселые собесѣдники bugiale, въ особенности Поджіо и Ченчи. Имѣя этихъ людей, онъ называлъ Римъ истинною родиною образованія и краснорѣчія [3]. Щедрое угощеніе, великолѣпныя вина и пышные пиры были до такой степени въ его вкусѣ, что Поджіо почти готовъ былъ назвать его мотомъ. Онъ изображаетъ намъ одну вакханалію въ саду у Лоски, въ которой дѣло началось съ серьезныхъ и образованныхъ разговоровъ, продолжалось шутками и смѣхомъ, а кончилось громкими криками и сумасбродствами. Это былъ тотъ кружокъ папскихъ секретарей, въ который Валла переноситъ свои діалоги о наслажденіи. Къ сожалѣнію, воспоминанія о Лоски не написаны Поджіо. Онъ хотѣлъ сочинить панегирикъ покойному другу, но отказался отъ этой мысли, когда и Ченчи заявилъ претензію на это право дружбы, а потомъ оба они замолкли, какъ нѣкогда послѣ смерти Хризолора.

---

[1]) Facius de vir illustr. p. 3: Scripsit item exempla quaedam et veluti formulas, quibus romana curia in scribendo utercbor, quae etiam ab eruditistimis viris in ujum recepta sunt. Книга эта не сдѣлалась извѣстною. Быть можетъ, часть ея есть въ Formulatium instrumentorum, quibus Curia Roman etc., указанная у Lamius Catal. bibl. Riccardi p. 198.

[2]) Въ письмѣ къ Галеаццо Сфорцѣ онъ говоритъ (1458) въ Cod. ms. F. 66. Кор. публ. библ. въ Дрезд. fol. 88: Antonio Loscho Vicentino, viro eloquentissimo habui. Громкую хвалу воздаетъ онъ ему и въ Italia illustr. p. 370.

[3]) Письмо Филельфо къ нему отъ 19 апрѣля 1429 г.

У насъ нѣтъ живой характеристики личности секретаря, тѣмъ болѣе что самъ онъ не собиралъ своихъ писемъ [1]).

При Александрѣ V въ числѣ секретарей является тотъ Джіакомо да Скарпарія, котораго мы знаемъ какъ поклонника Салютато и одного изъ первыхъ, увлеченныхъ въ Византію желаніемъ изучить греческій языкъ. Воротившись оттуда, онъ продолжалъ свои занятія подъ руководствомъ Хризолора, перевелъ нѣсколько біографій Плутарха, а главное космографію Птоломея—работа громадная для того времени, прославившая его. Будучи папскимъ секретаремъ, онъ поднесъ ее въ даръ своему папѣ въ 1410 г. Но съ тѣхъ поръ о немъ ничего не слышно; есть только извѣстіе, что онъ умеръ въ цвѣтѣ лѣтъ [2]).

И поэтъ Бенедетто да Пиліо, назвавшійся такъ по мѣсту своего рожденія, тоже служилъ писцомъ и аббревіаторомъ у Мартина V. Потомъ онъ жилъ въ Болоньѣ и оттуда сопровождалъ кардинала Аннибальди на Констанцскій соборъ. По его участи мы видимъ, какая опасность грозила Бруни и Лоски, если бы они благоразумно не уклонились послѣ бѣгства своего папы. Когда кардиналъ послѣдовалъ за папою съ своими близкими людьми, то Бенедетто 5 апрѣля 1415 г. былъ схваченъ и надолго запертъ въ башню, гдѣ разсказывалъ о своей жизни въ элегіяхъ (Tristia) и изливалъ тоску по своимъ друзьямъ-гуманистамъ, жившимъ за Альпами. Когда буря миновала и ему улыбнулась свобода, и у Мартина V мы находимъ его снова секретаремъ. Но судьба его замѣчательнѣе его же поэтическихъ и прозаическихъ произведеній, изъ которыхъ становится понятнымъ, почему его имя не упоминается гуманистами [3]).

Въ первосвященство Іоанна XXIII поступилъ секретаремъ Агапито Ченчи де' Рустичи, еще молодой человѣкъ, родомъ римлянинъ. Учителемъ его въ латинскомъ краснорѣчіи былъ въ Римѣ Франческо да Фьяно, о которомъ онъ съ благодарностью и похвалою вспоминаетъ

---

1) Poggius epist. II, 8. III, 32. XIII, 1.

2) Ср. томъ I, стр. 212—212. Marini vol. II p. 103. Bandini Catal. codd. lat. Laurent. T. II p. 67. Неизвѣстно, слѣдуетъ ли считать въ числѣ папскихъ секретарей Гаспарино да Варзиццу. Изъ его ad. Alex. V Pont. gratulatoria carmina и ad Alex. V oratio congratulatoria, о которой упоминаетъ Tomasinus Bibl. Patav. Ms. p. 128, 131 этого еще нельзя заключить. Marini vol. I, 241 считаетъ его также секретаремъ Мартина V, но это также несогласно съ обстоятельствами жизни Гаспарино, насколько мы знаемъ ихъ изъ писемъ.

3) Marini vol. II p. 102. Wattenbach Benedictus de Pilca.... въ сочиненіи къ дню основанія Гейдельбергскаго собранія филологовъ 1856 г. сдѣлалъ сообщеніе изъ его Libellus poenarum, которая сохранилась въ сборникѣ вѣнской придворной библіотеки и обнародовалъ письмо его въ Anzeiger für Kund der Deutschen Vorzeih 1879. Nr. 8.

какъ о поэтѣ и прозаикѣ, хотя онъ вообще мало извѣстенъ. Потомъ онъ усердно учился у Хризолора, котораго чтилъ съ юношескимъ восторгомъ [1]). Но съ хорошимъ знаніемъ греческаго языка и литературы и съ изящнымъ латинскимъ слогомъ въ стихахъ и прозѣ онъ соединялъ основательное знаніе права и получилъ въ Падуѣ степень доктора обоихъ правъ [2]). Такимъ образомъ примѣръ его показываетъ, какъ такой двоякій запасъ знаній помогалъ получать должности, доходы и почетъ.

Подобно своему другу Поджіо, Ченчи поѣхалъ съ папою въ Констанцъ, гдѣ ему вскорѣ пришлось стоять у гроба Хризолора. Потомъ онъ принималъ дѣятельное участіе въ литературныхъ открытіяхъ и перевелъ Похвалу Бахусу ритора Аристида, потому что содержаніе его показалось ему весьма подходящимъ къ странѣ разгульныхъ варваровъ. Папа Мартинъ V, въ первые же дни по своемъ восшествіи на престолъ, 28 ноября 1417 г., назначилъ его секретаремъ, но и должность писца осталась при немъ. При Евгеніи IV онъ опять является секретаремъ, а Николай V кромѣ этого сдѣлалъ его аудиторомъ въ rota. Въ лицѣ Пія II вступилъ на папскій престолъ его старинный другъ, который тотчасъ же сдѣлалъ его своимъ близкимъ человѣкомъ, потомъ референдаріемъ, въ 1460 г. епископомъ анконскимъ, а въ 1463 г. ввѣрилъ ему болѣе богатую епископію въ Камерино. Мы не знаемъ, былъ ли онъ когда нибудь женатъ или овдовѣлъ. Изъ злостнаго отзыва Поджіо, что онъ знакомъ по опыту съ воспитаніемъ дѣтей, этого еще не слѣдуетъ [3]). Полагали, что Ченчи былъ бы возведенъ въ санъ кардинала, если бы смерть не похитила его покровителя и друга Пія II. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и онъ послѣдовалъ за нимъ [4]).

Въ ранней юности Ченчи во многихъ отношеніяхъ сочувствовалъ Поджіо. И его поэтическая душа огорчалась истребленіемъ развалинъ древняго Рима, и онъ былъ веселымъ и цѣнящимъ жизнь собесѣдникомъ bugiale, и онъ считался человѣкомъ, любившимъ заработать побольше денегъ и копить ихъ. Но всему этому нисколько не противорѣчитъ то явленіе, что въ позднѣйшіе годы онъ сталъ скупъ на

---

1) Въ предисловіи къ переводу у Bandini Catal. codd. lat. bibl. Medic. Laurent. T. III p. 374 онъ называетъ его homo sin culla dubitatione dirimus.

2) Такъ въ одномъ документѣ 1451 г. въ университетской книгѣ Лейпцига изд Штубера Nr. 108 онъ названъ utriusque juris doctor и ведетъ одно дѣло, какъ назначенный папою causarum auditor.

3) Poggius epist. VIII, 5 ed. Tonelli.

4) Marini vol. II p. 137. 138. Pius II Comment. p. 100. 196. 329. Campanus Vita Pii II ap. Muratori Scriptt. T. III P. I p. 284.

слова и замкнутъ въ себѣ [1]. Его высоко цѣнили какъ писателя, а въ особенности Пій II, который сдѣлался его другомъ [2]. Но изящныя ли канцелярскія работы его удостоивались такой чести, или онъ мало заботился о распространеніи своихъ произведеній, только и Веспасіано не зналъ его собственно литературныхъ трудовъ. Мы знаемъ лишь два небольшіе перевода съ греческаго, сообщеніе, составленное имъ для своего наставника о Санъ-Галленской библіотекѣ и находкахъ, сдѣланныхъ въ ней, увлекательную рѣчь, сказанную императору Сигизмунду въ Римѣ послѣ его вѣнчанія императорскою короною, и торжественный гимнъ въ духѣ Сафо, пропѣтый въ 1462 г., когда Пій II въ торжественной процессіи принялъ главу св. Андрея [3]. Правда, эти сочиненія вполнѣ достойны похвалъ, расточаемыхъ Ченчи, но какъ писатель и поэтъ онъ столь же неплодовитъ, какъ напр. Ауриспа.

Папою Мартиномъ V, избраннымъ на базельскомъ соборѣ, придворные были довольны, потому что при немъ имъ опять открылась возможность зарабатывать много денегъ. Въ Церковной области снова водворились миръ и покорность, въ Римѣ — безопасность, въ церкви послѣ смутъ и бурь, вызванныхъ расколомъ и соборомъ, единство и подчиненіе, западное христіанство нѣкоторое время тщетно сопротивлялось, но потомъ опять стало спокойно смотрѣть на эксплуатацію своихъ кошельковъ римскими канцеляріями, а для служащихъ въ нихъ это былъ «золотой вѣкъ» [4]. Поэтому къ личности папы они относились довольно равнодушно. Разсказывали между собою удивительныя исторіи, какъ онъ уменьшилъ содержаніе своей духовной семьѣ, давалъ сырую рыбу вмѣсто вареной, жалѣя масла, какъ въ церквахъ тайкомъ задувалъ восковыя свѣчи, находя, что онѣ горятъ даромъ и т. п. [5]. Но Поджіо замѣчаетъ, что его скупость не вредила никому, т. е. не вредила самому Поджіо [6]. Но онъ сомнѣвался, издавать ли ему свой разговоръ О скупости при жизни Мартина V, не заподозрятъ ли его въ томъ, что онъ писалъ противъ самаго папы [7]. Однако послѣдній былъ въ явномъ заблужденіи, если тоже хотѣлъ бы дѣлать большіе заказы у золотыхъ дѣлъ мастеровъ, ткачей ковровъ и пр., быть можетъ, вызываемые необходимостью вновь украсить дворъ и дворецъ. Въ

1) Vespasiano Cencio Romano: Fu uomo di poche parole, di natura molto fredda.
2) Comment. p. 100: cui et prosa eleganter Scribere et carmen facere promtissimum fuit, p. 196: incertum iuris interpres, an orator vel poeta praeclarior.
3) Объ этомъ сообщеніи см. томъ I стр. 240. Рѣчь въ cod. ms. 179 лейпц. унив. библ. fol. 111. Гимнъ включенъ Піемъ въ его комментаріи.
4) Poggius de variet. fort. Lib. III p. 85.
5) Joh. jov. Pontanus de liberalitate l. c. p. 7.
6) Poggius l. c. p. 86.
7) Poggius epist. III, 24. 35. IV, 6 ed. Tonelli.

наукѣ Мартинъ V, по видимому, мало тяготѣлъ. Его правленіе было краткимъ временемъ реставраціи, во время которой папство старалось собрать свои разсѣянныя силы, чтобы имѣть возможность устоять противъ военныхъ смутъ въ Италіи и смутъ среди западныхъ народовъ, вызванныхъ соборами. Изъ кардиналовъ только двое могли считаться покровителями гуманизма, Бранда и Чезарини. Но первый почти всегда былъ въ отсутствіи, какъ легатъ, а послѣдній—настолько бѣденъ, что отъ него нельзя было ожидать большихъ подарковъ.

Однако уже и при этомъ папѣ скромные чиновники канцеляріи, секретаріи и нотаріусы, стали заявлять болѣе гордыя притязанія съ тѣхъ поръ, какъ эти должности начали занимать такіе извѣстные люди, какъ Поджіо, Бруни, Лоски и Ченчи. Они не хотѣли оставаться въ подчиненномъ положеніи. Прежде всего тотчасъ же по восшествіи на престолъ Мартина V, слѣдовательно еще въ Констанцѣ, а потомъ во время обѣденъ и процессій эти лица заявили притязаніе на высшее положеніе передъ адвокатами консисторіи. При этихъ торжествахъ они хотѣли быть ближе къ папѣ, чего, по видимому, и достигли. Поджіо взялся за перо въ защиту своего сословія и предложилъ свое полемическое сочиненіе на судъ кардиналовъ. Онъ никакъ не могъ помириться съ тою мыслію, что такой человѣкъ, какъ онъ, долженъ уступать «площаднымъ крикунамъ», «таможеннымъ чиновникамъ, которые надсаживаютъ глотку изъ за одной корысти». Хотя Бруни уже не принадлежалъ къ римскому двору, однако и онъ, подстрекаемый Поджіо, энергически защищалъ честь секретарей. «Вѣдь въ этой должности, писалъ онъ папѣ,—говорю это безъ всякой заносчивости,—служатъ нѣсколько лицъ, отличившихся въ наукѣ и краснорѣчіи, которыми римскому престолу слѣдовало бы гордиться [1])». За Поджіо и Бруни раздались голоса Лоски, Бьондо и Ауриспы. На базельскомъ соборѣ протонотаріи хотѣли даже идти впереди епископовъ и при этомъ тоже отчасти ссылались на характеръ своей должности, которая приближала ихъ къ особѣ папы, а отчасти и на то, что такіе таланты, какіе нужны для этого занятія, рѣдки [2]). Они не выиграли дѣла, но не устрашились пристрастнаго рѣшенія собора и возобновили споръ о преимуществахъ на конгрессѣ, собиравшемся по поводу войны съ турками въ Мантуѣ. Здѣсь Пій II, который когда-то самъ служилъ секретаремъ, въ общемъ смыслѣ рѣшилъ дѣло въ пользу епископовъ, но четверо такъ называемыхъ почетныхъ протонотаріевъ получили мѣсто непосредственно за папою, къ которому они

---

[1]) Leon. Bruni epist. V, 5.

[2]) Aeneas Sylvius Commenti de concil. Basil. (in opere: Pius II a calumniis vindicatus) ed. Fea p. 68.

раньше должны были пробираться въ качествѣ составителей и чтецовъ апостольскихъ буллъ и грамотъ. Но они должны были занимать это положеніе только въ консисторіи, а не въ церкви и не во время праздничныхъ процессій [1]). По своему характеру споръ этотъ, въ которомъ съ перваго взгляда рѣчь шла только объ этикетѣ, былъ борьбою гуманистовъ съ докторами каноническаго права и противъ значенія духовенства.

Нельзя, конечно, сказать того, чтобы Мартинъ V предпочиталъ секретарей-гуманистовъ лицамъ, получившимъ юридическое образованіе. Когда онъ назначилъ секретаремъ Ченчи, то послѣдній былъ образованнымъ юристомъ, а гуманистомъ лишь какъ бы мимоходомъ. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о Бартоломео Аррагацци да Монтепульчіано, который сдѣлался довѣреннымъ лицомъ папы и вліятельнымъ человѣкомъ при его дворѣ. Однако и онъ былъ прежде всего юристъ и дѣловой человѣкъ. Но и Бартоломео учился немного по гречески у Хризолора, писалъ стихи на латинскомъ языкѣ для собственнаго удовольствія и очень любилъ общество такихъ людей, какъ Поджіо и Ченчи. Онъ былъ любитель и собиратель классическихъ книгъ и въ Констанцѣ воспользовался свободнымъ временемъ для разъискиванія новыхъ классиковъ вмѣстѣ съ Поджіо, которыхъ онъ переписывалъ самъ [2]). Мы не знаемъ, въ какой должности онъ пріѣхалъ въ Констанцъ, вѣроятно, во второстепенной. И онъ, подобно Бруни, не дождался окончанія собора, но удалился во Флоренцію, чтобы тамъ вполнѣ посвятить себя изученію права [3]) Стало быть, Мартинъ V назначилъ его секретаремъ уже въ Италіи, потомъ протонотаріемъ и наконецъ единственнымъ референдаріемъ (докладчикомъ), положеніе почетное въ кабинетѣ папы, которое сдѣлало его весьма важнымъ лицомъ [4]). И при Евгеніи IV онъ былъ заваленъ дѣлами и получалъ большіе доходы [5]). Однако Монтепульчіано постоянно поддерживаетъ дружескія сношенія съ поэтами и гуманистами при римскомъ дворѣ, особенно съ Поджіо. Послѣдній выбираетъ сценою своихъ застольныхъ бесѣдъ объ алчности виноградникъ Бартоломео на Латеранѣ, куда послѣдній приглашалъ его съ Лоски

---

1) Булла отъ 12 іюня 1459 г. въ Bullar. Roman., ed. Cherubini, Pii II const. IV, также у Bzovius Annal. eccl. 1459 § 24. Cf. Pii II Comment. p. 64. Сравни мою книгу Enea Silvio de Piccolomini. Bd. III S 551.

2) Ср. Т. I стр. 221 — 222. Изъ письма Поджіо III, 12 видно, какъ впослѣдствіи Бартоломео старался достать старинную рукопись Лукреція.

3) Wattenbach Benedictus de Pilea a. O.

4) Aeneas Sylvius de vir. clar. XVI. Письма Филельфо къ Транкедино отъ 25 іюля 1460 г. и къ Паризіо отъ 31 октября 1464 г.

5) Мы это знаемъ изъ письма Поджіо epist. III, 39.

и Ченчи. Указываютъ также на сборникъ стихотвореній Бартоломео [1]), но стихи, которые мы читаемъ, темны и неизящны, такъ что намъ понятно, почему они остались неизвѣстными. Однако человѣка съ положеніемъ, богатаго и любимаго въ обществѣ, легко признаютъ поэтомъ, если онъ написалъ стихи и любитъ слушать похвальные отзывы.

Этимъ объясняются тѣ разнорѣчивыя сужденія о немъ, какъ объ ученомъ и поэтѣ, какія раздаются послѣ его смерти. Онъ умеръ въ іюлѣ 1429 г. [2]). Какъ человѣкъ богатый, желая передать потомству свое имя поэта, онъ заказалъ себѣ въ завѣщаніи сдѣлать великолѣпный надгробный памятникъ, который ему должны были соорудить первоклассные художники на родинѣ его, въ Монтепульчіано. Памятникъ соорудилъ Микелоццо, а Донателло изваялъ два барельефа [3]). Странную эпитафію въ гекзаметрахъ написалъ Антоніо Лоски [4]). Когда Ліонардо Бруни случайно проѣзжалъ мимо и видѣлъ куски мрамора, привезенные для памятника въ Монтепульчіано, то онъ излилъ цѣлый градъ насмѣшекъ, въ письмѣ къ Поджіо, надъ суетнымъ поэтомъ, за которымъ не признавалъ никакихъ дарованій и учености [5]). За это Бруни упрекали въ высокомѣріи и неуваженіи къ памяти покойнаго. А когда впослѣдствіи бенедиктинецъ Джироламо Альотти опять сталъ смѣяться надъ Бруни, «который отлично умѣетъ набрасываться на людей, въ особенности когда они умерли», то все таки Поджіо, Ауриспа, Ченчи, Бьондо и Марсуппини втайнѣ радовались этому наказанію гордаго канцлера [6]). Впрочемъ, быть можетъ, обѣ стороны были правы.

Евгеній IV, преемникъ Мартина на папскомъ престолѣ, вышелъ изъ венеціанскаго монастыря и сохранилъ нѣкоторыя добродѣтели монаха, въ особенности безупречный, умѣренный образъ жизни. Въ лѣта ранней юности онъ пѣлъ псалмы и сочинялъ молитвенники и несравненно болѣе заботился о спасеніи своей души, чѣмъ объ

---

1) У Lamius Catal. bibl. Riccard. p. 60 Descriptio mortis formosissimae iuvenculae Bartolomeae de Matalianis de Bononia per Barth. de Montepolciano находится въ мюнхенскомъ кодексѣ (Catal. codd. lat. T. II P. II p. 207).

2) Поджіо (epist. III, 37 отъ 9 іюля 1427) получилъ только что извѣстіе о смерти его въ Ананьи. Годъ подверждается и надгробною надписью.

3) Остатки послѣднихъ хранятся тамъ же. Gaye Carteggio T. I p. 118.

4) У Lamius l. c. Valla Opp. p. 352.

5) Leon Bruni epist. VI, 5 rec. Mehus. Въ письмѣ, къ сожалѣнію не помѣченномъ числомъ, говорится: An tu illum poetam credis fuisse, qui nullam neque scientiam neque doctrinam cognovit, stultitia verò ac vanitate omnes omnino homines superavit?

6) Aliottus epist. I, 15 отъ 1439 г. къ Поджіо, котораго несомнѣнное отношеніе къ неназванному Бруни онъ старался опровергнуть робко. — Быть можетъ, можно отнести къ числу гуманистовъ при дворѣ Мартина V и скриптора Джіованни де'Кривелли, работавшаго по римской исторіи. Но мы знаемъ только заглавіе въ Valentinelli Bibl. ms. ad S. Marc. T. VI p. 35.

образованіи. Гуманистическія вліянія не проникли въ его келью; его не коснулось даже желаніе славы въ потомствѣ, заставлявшее въ то время усиленно биться столь многія сердца. Во время первыхъ лѣтъ правленія ему трудно было удержаться на папскомъ престолѣ: борьба его съ сторонниками Колонны и тѣ войны, въ которыя вовлекли папу его неопытность въ дѣлахъ политическихъ и изъ которыхъ одна вызывала другую, а преимущественно потрясеніе власти галликанскою доктриною и ея органомъ, базельскимъ соборомъ, едва давали ему время перевести духъ. Народный мятежъ прогналъ его изъ Рима, базельскій соборъ низложилъ, а антипапа грозилъ. Ему часто приходилось такъ круто, что онъ не могъ бы содержать и своего двора безъ помощи союзниковъ флорентинцевъ. Въ то время, какъ онъ долженъ былъ ввѣрить дѣло завоеванія и управленія Церковной области въ руки предводителей наемныхъ полчищъ и воинственныхъ кардиналовъ, его личность была окружена монахами. Такъ называемое преобразованіе монастырей, наблюденіе за исполненіемъ устава — вотъ что только и вызывало исключительно его участіе. Какъ муравьи, выражаясь словами Поджіо, ползали вокругъ его престола минориты-блюстители, народъ хлопотливый, лицемѣрный. Папа по цѣлымъ часамъ слушалъ ихъ болтовню, въ ихъ кругу чувствовалъ себя вполнѣ спокойнымъ и счастливымъ [1]). Поэтому и Траверсари, который у своихъ Камальдуловъ поддерживалъ наблюденіе, былъ въ милости у папы. Когда онъ принесъ ему въ даръ сочиненіе Іоанна Златоуста и жизнь его, переведенныя съ греческаго языка, то Евгеній милостиво принялъ ихъ, даже прослушалъ нѣкоторыя мѣста. Но даже и Траверсари замѣтилъ, что это въ сущности мало занимаетъ его [2]). А когда онъ представилъ ему бѣдныхъ грековъ, которые уже начали большими толпами выселяться въ Италію, то для Евгенія это былъ вопросъ церковной политики, а къ греческой литературѣ онъ отнесся равнодушно [3]).

Но и этотъ папа не могъ избѣжать гуманистическихъ вѣяній той эпохи, хотя лично они мало касались его. Его дипломатическая церковная борьба заставила принять на службу искуснаго литератора, потому что противники его нападали съ этимъ орудіемъ. Нѣкоторые гуманисты были также допущены ко двору по рекомендаціи кардиналовъ. Въ этой святой коллегіи уже пробудилось стремленіе къ изученію древности, или, быть можетъ, мода на меценатство стала сильнѣе, чѣмъ при предшественникахъ Евгенія IV. Пьеро Барбо,

---

1) Poggius Dialog. c. hypocrisin l c. Vespasiano. Eugenio IV papa.

2) Томъ I стр. 292. Ambros. Camald. Hedoeporicon. p. 10. 11. 68. Письмо Траверсари къ его брату Джироламо у Bandini Catal. codd. lat. bibl. Medec. Laurent. T. III p. 517.

3) Ambros. Travers. epist. I, 19. II, 20 et al. ed. Canneto.

племянникъ папы и кардиналъ въ Санъ Марко, былъ поклонникомъ древности, по крайней мѣрѣ настолько, что съ большимъ усердіемъ собиралъ античные рѣзные камни и монеты, хотя, конечно, больше изъ любви къ драгоцѣнностямъ [1]). Просперо Колонна былъ тоже поклонникомъ изученія исторіи и антикварныхъ наукъ и обладателемъ библіотеки. Поджіо посвятилъ ему свои застольныя бесѣды о скупости, несомнѣнный признакъ, что въ этомъ порокѣ онъ былъ безгрѣшенъ по мнѣнію литераторовъ. Быть можетъ, онъ сдѣлался бы знаменитымъ меценатомъ, если бы его не слишкомъ занимали другіе интересы какъ главу партіи [2]). Противникомъ его въ коллегіи и въ городѣ былъ Джіордано Орсини. Онъ, повидимому, значительно превосходилъ его въ любви къ наукѣ и искусству. Парадную залу въ его дворцѣ украшала картина, изображавшая сивиллъ, съ надписями, по смыслу которыхъ, пророчества ихъ относили къ Іисусу Христу. И онъ собиралъ библіотеку латинскихъ классиковъ и даже греческія книги, хотя самъ не зналъ греческаго языка. На собираніе рѣдкостей кардиналъ не жалѣлъ ни трудовъ, ни денегъ. Особенно гордился онъ космографіею Птоломея, пріобрѣтенною во Франціи, но когда Траверсари разсмотрѣлъ ее, то оказалось, что это вовсе не старинная рукопись [3]). Мы помнимъ, что изъ Германіи онъ получилъ великолѣпный списокъ комедій Плавта и самъ пытался исправить испорченный текстъ новыхъ пьесъ [4]). Въ качествѣ протектора миноритскаго ордена у него не было недостатка въ искусныхъ людяхъ, которые хлопотали для него въ чужихъ земляхъ. Онъ былъ въ сношеніяхъ съ римскими гуманистами, въ особенности съ Поджіо и Лоски, и особенно сочувствовалъ Траверсари [5]). Даже такой ученый богословъ и знатокъ права, какъ Доменико да Капраника, тоже читалъ Сенеку и по крайней мѣрѣ относился доброжелательно къ болѣе серьезнымъ литераторамъ. Онъ также написалъ не мало сочиненій, конечно, не въ духѣ гуманистовъ, но и не въ чисто схоластическомъ. Изъ его нравственно-богословскихъ трактатовъ въ рукописяхъ часто встрѣчается трактатъ Объ искусствѣ хорошо умереть [6]). Но выше всѣхъ кардиналовъ былъ Никколо д'Альбергати, самый преданный привер-

---

[1]) Aeneas Silvius Comment. in Anton. Panorm. II, 12. Card. Papiens. Comment. p. 371. Raphael: Volaterr. lib. XXII p. 817.

[2]) Blondus Italia illustr. p. 325.

[3]) Объ этомъ говорится въ письмѣ кардинала къ Траверсари, epist. XXIV, 4 rec. Canneto. Geugruphiam ptolemaeo, magna labore magnaque impensa iam pridem ex Gallia addurtam penes mehabeo.

[4]) Ср. томъ I стр. 241.

[5]) Poggius epist. XI, 41. Ambros. Travers. epist. VIII, 42. XIII, 22.

[6]) Bonamicins de clar. pontif. epist. scriptoribus p. 138. 139. Другое сочиненіе у Bandini Catal. codd. lat. bibl. Laurent. T. III. p. 637.

женецъ папы и прелатъ по истинѣ святой жизни, въ то же время дружелюбный покровитель ученыхъ и гуманистовъ. Его расположеніемъ пользовались не только будущій папа Николай V, но также Эней Сильвій Пикколомини, впослѣдствіи папа Пій II, далѣе Поджіо, Филельфо и Манетти. Греческій кардиналъ Виссаріонъ правда еще не открывалъ своего литературнаго двора, но былъ уже заступникомъ всѣхъ болѣе ученыхъ грековъ, которые по какому бы то ни было случаю обращались къ римскому двору.

Двоихъ изъ кардиналовъ папы Евгенія можно отнести не только къ покровителямъ и любителямъ новой литературы, но прямо къ гуманистамъ. Въ пользу Джуліано Чезарини, кумира базельскаго собора, который потомъ былъ важнымъ лицомъ и при дворѣ Евгенія, говорятъ его рѣчи и письма [1]). И Джерардо Ландріани, епископъ лодійскій, былъ тоже образецъ церковной особы, извѣстной не только за щедраго мецената гуманистовъ, но жившей съ ними какъ съ равными себѣ. Если онъ былъ во Флоренціи, то лучшимъ его собесѣдникомъ былъ Поджіо. Послѣдній приглашалъ его къ себѣ на завтраки вмѣстѣ съ Никколи, Бруни и Марсуппини. Поджіо посвятилъ ему свою книгу о дворянствѣ. Пользовавшійся дурною славою авторъ Гермафродита называлъ его «нашъ полубогъ», или «выше боговъ» и часто посѣщалъ его въ Лоди. У него была богатая библіотека классиковъ и между ними нѣсколько рѣдкихъ экземпляровъ. Когда онъ нашелъ въ Лоди превосходный списокъ реторическихъ сочиненій Цицерона, то счастье выпало на долю человѣку достойному, который понималъ дѣло и съ радостью ухватился за находку [2]). Его ученость хвалятъ не даромъ. Епископъ по-дружески спорилъ съ Поджіо по одному грамматическому вопросу, который первый разработалъ съ большимъ знаніемъ дѣла и обставилъ многими примѣрами изъ древнихъ писателей. Рѣчи его, говоренныя въ Базелѣ передъ соборомъ и въ на честь посла королю англійскому, считались изящными художественными произведеніями и списывались [3]). Если были такіе люди при римскомъ дворѣ, то къ нему и безъ поощренія со стороны папы имѣли доступъ знанія, любимыя гуманистами.

Прежде всего правленіе папы Евгенія IV было далеко не прибыльно и не привлекательно для его придворныхъ, такъ какъ они жили доходами отъ дѣлъ. Бури, бушевавшія въ Римѣ и Церковной области

---

[1]) О немъ ср. Voigt. Enea Silvio de' Piccolomini Bd. I, S. 49 ff. 212 ff.

[2]) См. томъ I стр. 229.

[3]) Poggius epist. V, 15. VIII, 31. 39 ed. Tonelli. Beccatelli epist. Gall. I, 37. 39. II, 7. 29. IV, 10. Bruni epist. VIII, 8 ed. Mehus. Базельская рѣчь въ Catal. codd. lat. bibl. reg. Monac. T. II P. III. p. 277, а англійская у Bandini Bibl. Leop. Laurent. T. II p. 242.

и вызванныя неразумными поступками папы съ Колоннами, повели къ его изгнанію. А война съ миланскимъ деспотомъ и особенно грозная оппозиція базельскаго собора поколебали его авторитетъ. Если реформаціонные соборы въ Пизѣ и Констанцѣ во всякомъ случаѣ кончились низложеніемъ римскихъ епископовъ, то того же ожидали и отъ базельскаго собора. Большинство кардиналовъ и епископы даже покинули папу и ожидали, что изъ Базеля возсіяетъ новое свѣтило. Къ этому высшему судилищу обращались всѣ, кто искалъ церковнаго сана, должности, бенефиціи, велъ процессъ или хлопоталъ о разрѣшеніи. Дѣла при куріи остановились, а по временамъ и почти совсѣмъ прекращались. Многія изъ чиновниковъ по невѣрности или по нуждѣ оставляли своего повелителя или удалялись въ ожиданіи. Это время было временемъ испытанія и для секретарей-гуманистовъ. Хотя такіе люди, какъ Лоски и Ченчи, не перешли на сторону приверженцевъ базельскаго собора, однако почти скрываются отъ насъ. Отъ Поджіо мы только и слышимъ, что жалобы на невольное бездѣйствіе и отсутствіе заработковъ. «У насъ дѣла идутъ какъ нельзя хуже», пишетъ онъ уже въ январѣ 1433 г. изъ Рима. За этимъ однако послѣдовало бѣгство папы изъ Рима. И еще въ 1442 г. плакался Поджіо, что римскій дворъ такъ истощенъ, какъ будто доживаетъ послѣдніе дни [1]). Но это было и поворотнымъ пунктомъ. Счастье снова улыбнулось Евгенію IV, а дѣла антипапы стали явно клониться къ упадку. Этимъ объясняется, почему самые знаменитые гуманисты не стремились къ куріи, что въ послѣдней занимали должности большею частію молодые люди, или такіе, которые находили лучшимъ взять плохое мѣсто, чѣмъ никакого.

Первый, кого папа привлекъ въ канцелярію еще на высотѣ своего могущества и чисто изъ непотизма, былъ одинъ молодой венеціанецъ, отецъ котораго былъ его двоюродный братъ и братъ стараго кардинала С. Гризогоно, незаконнаго сына Григорія XII, Григоріо Корраро. Онъ вышелъ изъ воспитательнаго пріюта Витторино да Фельтре и былъ его любимымъ ученикомъ. Уже въ школѣ, ознакомившись съ Виргиліемъ и Гораціемъ и научившись писать стихи, онъ обнаружилъ необычайную плодовитость, какъ поэтъ, притомъ въ разныхъ родахъ. Поэтому Витторино питалъ надежду, что онъ будетъ вторымъ Виргиліемъ. Большая поэма, написанная гекзаметрами, которую онъ посвятилъ своему брату Андрею ко дню его

---

[1]) Poggius epist. V, 4. 10. 16. Онъ пишетъ (VIII, 12) отъ 11 октября 1442 г.: Curiae vero non idem, qui prior, status, quae ita exanimata est, ut extremum spiritum ducere videatur.—Antea curiae opibus sustenbar, nunc plane algeo, nil opis percipiens ab ea.

свадьбы, имѣла темою воспитаніе дѣтей, о которомъ юноша говорилъ съ такимъ же глубокомысліемъ, какъ Франческо Барбаро о бракѣ. Въ шести сатирахъ, посвященныхъ своему учителю, бичевались людскіе пороки и слабости. Миѳъ о Тереѣ и Прокнѣ онъ передѣлалъ въ трагедію, надъ которою плакалъ старый Витторино больше отъ радости, чѣмъ отъ ея трогательности. Массу другихъ стиховъ, которые юный поэтъ производилъ каждый день, онъ впослѣдствіи сжегъ, потому что въ нихъ рѣчь шла о любви или подобныхъ ей предметахъ [1]). Корраро перевелъ также на латинскій языкъ нѣсколько басенъ Эзопа. Корраро явился къ своему дядѣ въ Римъ въ 1429 г. поэтомъ и полуязычникомъ, гордый своимъ классическимъ образованіемъ, талантомъ и славою. Онъ готовился жениться. Его идеалами были Плавтъ, Виргилій, Горацій и Цицеронъ, а собесѣдниками Лоски, Ченчи и Поджіо. Старый кардиналъ, человѣкъ не лишенный учености, привлекъ его къ изученію духовной литературы. Послѣдняя сдѣлала его серьезнѣе, и чѣмъ больше Корраро посвящалъ себя ей, тѣмъ больше освоивался съ мыслью посвятить себя служенію Богу. Корраро принялъ первое посвященіе по совѣту папы Мартина, которому посвятилъ одно лирическое стихотвореніе. Но только послѣ одинадцатилѣтней душевной борьбы онъ окончательно рѣшился посвятить себя церкви. Однако онъ полагалъ, что прежде надобно заботиться о томъ, чтобы Богъ простилъ его, такъ какъ къ духовному званію его привлекала больше любовь къ церковнымъ наукамъ, чѣмъ любовь къ нему, и что въ сердцѣ все еще таилось влеченіе къ язычникамъ. Онъ бросилъ въ огонь стихотворенія непристойнаго содержанія и замѣнилъ ихъ другими религіознаго характера, подобно тому, какъ одно стихотвореніе Горація онъ обратилъ съ нѣкоторыми измѣненіями въ стихотвореніе во славу Іисуса Христа [2]). По видимому, онъ даже восторгался прелестями монашеской жизни, по крайней мѣрѣ настолько, что увлекалъ другихъ. Много читалось его посланіе къ Цециліи Гонзага, которая родилась въ то время, когда Корраро воспитывался въ casa giocosa. Она, подобно своимъ братьямъ, выросла на чтеніи латинскихъ классиковъ и уже писала стихи на латинскомъ языкѣ. Потомъ она пожелала принять постриженіе не смотря на сопротивленіе отца. Въ этомъ намѣреніи ее окончательно утвердилъ Корраро. Онъ совѣтовалъ ей совсѣмъ не читать свѣтскихъ писателей, въ особенности поэтовъ. Авторъ посланія знаетъ по опыту, что они отвлекаютъ умъ отъ божественныхъ наукъ. Вмѣсто Виргилія онъ совѣтовалъ ей

---

[1]) Aliottus epist. II, 4 къ Корраро: quod molle aliquid saperent, utpote in ipsa pueritia abs te confecta. Bucolicum carmen, вообще намъ неизвѣстное, Альотти еще читалъ.
[2]) Gentis humanae pater et redemptor etc. согласно Horat. carm. I, 12 v. 49.

изучать псалтирь, а вмѣсто Цицерона—Евангеліе [1]). Съ подобнымъ же увѣщательнымъ посланіемъ обратился Корраро и къ одному юношѣ, поступившему въ Картезіанскій монастырь. Самъ онъ никогда не дѣлалъ этого шага.

Въ жизни этого неофита есть черта противорѣчія, которая, насколько мы знаемъ, носитъ скорѣе свѣтскій характеръ. Въ 1431 г. папа Евгеній IV назначилъ его протонотаріемъ, и этотъ титулъ Корраро носилъ до самой своей смерти. Но слѣдовъ его оффиціальной дѣятельности не оказывается. Напротивъ, мы встрѣчаемъ юнаго поэта въ свитѣ его дяди на базельскомъ соборѣ. Тамъ 11 октября 1433 г. онъ встрѣтилъ прибывшаго императора Сигизмунда латинскою рѣчью отъ имени собранія, написанною цвѣтистымъ слогомъ гуманистовъ, которую много хвалили. Но ораторъ вовсе не защищалъ дѣла своего благодѣтеля папы, напротивъ предостерегалъ императора противъ его навѣтовъ [2]). Потомъ вмѣстѣ съ римскимъ дворомъ онъ былъ во Флоренціи, гдѣ всего больше любилъ посѣщать библіотеку Никколи и находиться въ обществѣ его и его литературныхъ друзей. Муза его смолкла послѣ монолога, въ которомъ онъ обращается къ Богу, вскорѣ послѣ смерти дяди въ 1445 г. и еще разъ даетъ отчетъ о своемъ обращеніи. Мы также ничего не знаемъ о его занятіяхъ духовною литературою, и въ кружкѣ гуманистовъ больше нѣтъ рѣчи о немъ. Мы знаемъ только, что поэтъ умеръ 19 ноября 1464 г. въ своей богатой коммендѣ, аббатствѣ С. Зеноне въ Веронѣ. Корраро представляетъ собою рѣдкій примѣръ того, какъ человѣкъ, воспитавшійся на античной литературѣ, порываетъ связи съ нею и съ тѣхъ поръ какъ бы сходитъ со сцены, замкнувшись въ болѣе тѣсный кругъ идей [3]).

Непотизмъ и доходы, выдвинувшіе Корраро, по истинѣ не усладили жизнь его товарищу по должности, Флавіо Бьондо. Ему было 35 лѣтъ отъ роду, и онъ уже былъ женатъ, когда долженъ былъ покинуть свой отечественный городъ Форли, вслѣдствіе неудавшагося возстанія противъ фамиліи Орделаффи, и искать мѣста въ изгнаніи. Судя по его учености и тому направленію, по которому онъ шелъ впослѣдствіи, можно думать, что онъ имѣлъ общественное положеніе въ родѣ городскаго писца. Правовѣдѣніе было чуждо ему и высшей школы онъ, по видимому, никогда не посѣщалъ. Правда, онъ хва-

---

[1]) Это посланіе отъ 5 августа (1440 г.) напечатано у Martene et Durand Vett. Scriptt. ampliss. Collectio T. III p. 829 seq. и въ числѣ писемъ Ambros. Travers. epist. XXV, 20.

[2]) Ср. Aschbach. Geschichte Kaiser Siqmund's Bd. IV s. 131.

[3]) Vespasiano Gregorio protonotario appostolico. Обильныя свѣдѣнія о немъ, особенно объ его юношескихъ годахъ и обращеніи см. въ Soliloquium ad. Deum у Agostini Scritt. Viniz. T. I p. 110—134.

лить своего наставника Джіованни Баллистраріо изъ Кремоны, который посвятилъ его въ тайны грамматики, реторики и поэзіи, но послѣдній никогда не пользовался извѣстностью въ литературѣ. Бьондо, вѣроятно, принадлежалъ къ числу тѣхъ не рѣдкихъ самоучекъ, которымъ чтеніе Ливія внушило любовь къ древности и которые потомъ постепенно расширяютъ кругъ своихъ свѣдѣній. Онъ былъ, очевидно, уже хорошимъ знатокомъ древности и литературы, когда въ 1422 г., будучи въ Миланѣ по дѣламъ своего отечественнаго города, разобралъ Цицеронова Брута, найденнаго въ Лоди, и сообщилъ ученому міру [1]). Вскорѣ потомъ мы встрѣчаемъ изгнанника въ Венеціи. Тамъ Бьондо подружился съ Франческо Барбаро, который былъ на десять лѣтъ моложе его, и дружба ихъ, по видимому, ненарушимо продолжалась до конца жизни послѣдняго. Неизвѣстно, занималъ ли Бьондо въ Венеціи какую нибудь должность, какъ можно думать на основаніи того обстоятельства, что онъ получилъ право гражданства благодаря посредничеству Барбаро [2]). Мы не знаемъ также, принялъ ли онъ предложеніе Барбаро, который посланъ былъ преторомъ въ Бергамо въ 1430 г. Онъ хотѣлъ сдѣлать его своимъ секретаремъ. Тогда Бьондо устремилъ свои помыслы къ римскому двору. Но только при Евгеніи IV онъ былъ сдѣланъ нотаріусомъ папской камеры, а черезъ годъ съ небольшимъ—папскимъ секретаремъ, къ чему впослѣдствіи, когда дворъ былъ во Флоренціи, присоединилась scrittoria [3]).

Съ тѣхъ поръ какъ Барбаро поступилъ на службу къ папскому двору, онъ оставался въ ней при четырехъ папахъ, до конца своей жизни, и всегда былъ усерденъ. Всегда признавали его основательное знакомство съ дѣлами, умѣнье вести политическіе переговоры, которые нерѣдко поручались ему, и онъ былъ однимъ изъ немногихъ, которые остались вѣрны папѣ, прогнанному изъ Рима и жившему гостемъ во Флоренціи. Онъ сохранилъ неизмѣнную вѣрность долгу и дѣлилъ бѣдность своего повелителя. Бьондо посвятилъ папѣ Евгенію свое первое обширное сочиненіе антикварнаго характера, Roma instaurata (Возобновленный Римъ), сравненіе древняго Рима съ новымъ. Это было именно въ то время, когда послѣ возстановленія мира папа-

---

1) См. томъ I стр. 280.

2) Говорятъ, онъ былъ городскимъ писцомъ. Но это недоразумѣніе, къ которому легко могло повести письмо Барбаро отъ 22 іюня 1430 г., сообщенное Вильмансомъ въ Gött. Gel. Anz. 1879 s. 1432.

3) Эти данныя вывелъ Вильмансъ при сужденіи о цѣнной диссертаціи Альфреда Мазіуса Flavio Biondo, Sein Leben und seine Werke Lepzig 1879 изъ документовъ папскаго архива. Тогдашній camerlengo папы былъ его племянникъ кардиналъ Франческо Кондольмьери. Вѣроятно, Барбаро рекомендовалъ Бьондо въ Флоренціи.

опять вошелъ въ вѣчный городъ и счастье снова улыбнулось ему. Вообще неизвѣстно о другихъ посвященіяхъ сочиненій этому папѣ монаху. Авторъ имѣлъ полное право сказать, что при тяжелой обязанности, на него возложенной, вовсе не желаніе награды побуждало его къ обширнымъ ученымъ трудамъ. Онъ не умѣлъ заискивать расположеніе у государей и знатныхъ лицъ путемъ лести и посвященій. При томъ по своимъ талантамъ это былъ неутомимый собиратель матеріала, компилирующій; его и приводящій въ порядокъ, а вовсе не блестящій представитель изящной словесности. Стиховъ Бьондо никогда не писалъ. Изложеніе его сочиненій находили не художественнымъ, прозу безцвѣтною и сухою, хотя недостатокъ краснорѣчія и реторическихъ украшеній легко могъ замѣняться искренностью тона, которою проникнуты его сочиненія. А его письма въ которыхъ онъ свободнѣе отъ массы историческаго и антикварнаго матеріала, живы и прелестны[1]). Какъ знатокъ и изобразитель римской древности, Бьондо, безспорно, стоитъ выше всѣхъ своихъ современниковъ, и намъ еще придется говорить о его литературныхъ заслугахъ. Но мы понимаемъ и причину, по которой заслуги писателя не оцѣнены по достоинству. Какъ общественный дѣятель, онъ былъ скроменъ, простъ, кротокъ и трудолюбивъ, а потому не особенно выдавался. Ученый этотъ, по видимому, держался въ сторонѣ отъ общества и пирушекъ Поджіо, Ченчи и Лоски, развязная нескромность которыхъ не согласовалась съ серьезнымъ характеромъ его и положеніемъ семьянина. Онъ былъ чуждъ всякихъ кружковъ, въ которыхъ гуманисты возводили другъ друга въ знаменитости, и о нихъ рѣдко упоминается въ его письмахъ. Бьондо у всѣхъ пользовался уваженіемъ, и у него едва-ли были враги, но не было и щедрыхъ доброжелателей, которые бы ждали отъ него прославленія своего имени. Епископъ Торчелльскій мѣтко примѣнилъ къ нему выраженіе римскаго сатирика Ювенала probitas laudatur et alget (честность хвалятъ, но сама она страдаетъ [2]). Потомство отнеслось къ нему справедливѣе; оно обильно воспользовалось его трудами.

Вскорѣ послѣ Бьондо—мы лишь приблизительно можемъ опредѣлить время—секретаремъ при римскомъ дворѣ является Лапо да Кастильонкіо, ученикъ Филельфо. Безъ сомнѣнія, какъ знатока греческаго языка, его пригласили въ виду предстоящихъ переговоровъ съ

---

[1]) Онъ не собиралъ ихъ въ строгомъ порядкѣ. Его сынъ послѣ его смерти собралъ 35 писемъ, которыя я знаю по Cod. ms. F. 66 королевской публичной библіотеки въ Дрезденѣ. Имъ пользовался и Мазіусъ, приложившій къ своему труду списокъ корреспондентовъ.

[2]) Его письмо отъ 1462 г. у Мазіуса стр. 19 прим. 5.

Византіею о соединеніи церквей. Онъ писалъ изящнымъ слогомъ на латинскомъ языкѣ, былъ основательнымъ знатокомъ греческаго и отлично перевелъ нѣсколько сочиненій Плутарха, Лукіана, Демосѳена и Исократа. А такъ какъ, не смотря на его неблестящія личныя качества и бѣдность, онъ пользовался большимъ уваженіемъ у такихъ людей, какъ Бруни, Траверсари и Филельфо, то ему предсказывали блестящую будущность. Но Бьондо умеръ въ ранней юности въ Феррарѣ отъ чумы во время засѣданій собора. Тамъ онъ незадолго до смерти написалъ въ разговорной формѣ сочиненіе въ защиту римской куріи отъ ея враговъ, нашедшее большой кругъ читателей, но до сихъ поръ не напечатанное [1]). Оно, конечно, относится къ категоріи полемическихъ сочиненій, которыя были вызваны нападками базельскаго собора и для которыхъ съ обѣихъ сторонъ охотно пользовались бойкою реторикою новыхъ художниковъ рѣчи.

Вѣроятно, и Ауриспа былъ приглашенъ въ секретари какъ ученый, хорошо владѣвшій греческимъ языкомъ. Папа, конечно, познакомился съ нимъ еще во Флоренціи. Вѣроятно, не легко было найдти нужныхъ людей, которые могли бы служить писателями и переводчиками при переговорахъ и преніяхъ съ греками. Ауриспа отправляемъ былъ нунціемъ къ королю Кастильскому, въ Сіэну и Венецію, что вполнѣ согласовалось съ его постоянною страстью къ путешествіямъ и перемѣнѣ впечатлѣній. Онъ и при слѣдующихъ папахъ не отказывался отъ секретарства, но такъ какъ владѣлъ хорошими бенефиціями и не особенно нуждался въ доходахъ, то всегда работалъ въ канцеляріи по временамъ, смотря по желанію. Это видно изъ множества его отпусковъ и паспортовъ, хранящихся въ ватиканскомъ архивѣ, а также по долговременнымъ отлучкамъ для покойной жизни въ Феррарѣ, куда онъ отправлялся, когда ему было не по душѣ въ Римѣ [2]).

Около того же времени, какъ и Ауриспа, въ папскую придворную канцелярію поступилъ юный Эрмолао Барбаро, племянникъ знаменитаго Франческо, вѣроятно, рано вдохновленный послѣднимъ къ изученію древности. Нѣкогда онъ вращался во Флоренціи въ кружкѣ Никколи и Траверсари, и они-то внушили ему любовь къ занятіямъ греческимъ языкомъ. Барбаро усовершенствовался потомъ въ школѣ

---

[1]) Ср. томъ I стр. 338. О сочиненіи de commodis curiae Romanae упоминаетъ Aliottus epist. IV, 49. VI, 59. Извлеченіе изъ него касательно грековъ, явившихся на соборъ, у Hodius de Grecis illustr. p. 30. Другія сочиненія у Negri Istoria d. Scritt. Florent. p. 344. На три тома его ненапечатанныхъ сочиненій указываетъ Вильмансъ стр. 1491. Объ его личности см. Vespasiano Lapo di Castiglionchi.

[2]) Marini vol. II p. 142. 143. Время назначенія секретаремъ мы и тутъ не узнаемъ; только уже въ 1437 г. о немъ упоминаютъ, какъ о секретарѣ, по случаю посольства въ Испанію.

Гварино, перевелъ нѣсколько басень Эзопа и подарилъ Траверсари въ знакъ благодарнаго воспоминанія. Это былъ первый плодъ его знаній. Потомъ въ Падуѣ онъ основательно изучалъ права. Папа тотчасъ же назначилъ Барбаро апостольскимъ протонотаріемъ, и этимъ, подобно Корраро, онъ былъ обязанъ своему знатному происхожденію. Мы не знаемъ, работалъ ли онъ когда нибудь въ канцеляріи. Для людей, подобныхъ ему, это назначеніе открывало доступъ къ высшимъ духовнымъ должностямъ. Уже въ 1437 г. ему представлялась возможность занять епископскую каѳедру въ Бергамо, но она отдана была другому лицу. Это раздражило Эрмолао, и онъ покинулъ было римскій дворъ, но въ 1443 успокоился, получивъ епископію въ Тревизо, а впослѣдствіи, будучи епископомъ, составилъ себѣ громкое имя въ литературѣ, хотя изъ его сочиненій напечатаны весьма немногія [1]).

Подобное же поприще, благодаря непотизму, прошелъ при папѣ родомъ изъ Венеціи землякъ Барбаро, Пьеро дель Монте, тоже ученикъ Гварино, учившійся и греческому языку. Возведенный быстро въ должность протонотарія, какъ венеціанецъ, онъ исполнялъ разныя порученія политическаго характера на базельскомъ соборѣ, былъ посылаемъ коллекторомъ въ Англію въ 1442 г. и сдѣланъ епископомъ брешіанскимъ. Но у насъ нѣтъ никакихъ его литературныхъ произведеній кромѣ нравственнаго діалога, въ которомъ собесѣдниками являются Гварино, его наставникъ, Франческо Барбаро и Андреа Джуліано [2]).

Во Флоренціи примкнулъ къ римскому двору Андреа Фьокко, каноникъ своего отечественнаго города, назначенный Евгеніемъ IV секретаремъ и вмѣстѣ писцомъ (scriptor). Это ученый антикварій, нимало не повинный въ томъ, что его книга о римскихъ жрецахъ и должностныхъ лицахъ, посвященная кардиналу Брандѣ, позднѣйшими издателями была приписана почтенному Фенестеллѣ и что его честное имя до новѣйшихъ временъ пятнали позорнымъ названіемъ дерзкаго плагіатора [3]).

---

1) Подробно говоритъ о немъ Agostini Scritt. Viniz. p. 229 e seg. Едва ли однако вѣроятно, что онъ родился около 1410 г. Посвященіе басень Эзопа Траверсари въ его Epist. XXIV, 19 rec. Canneto отъ 1 октября 1422 г., но изъ него видно, что онъ былъ во Флоренціи раньше, чѣмъ учился у Гварино. Въ такомъ случаѣ въ библіотекѣ Никколи онъ былъ просто ребенкомъ-чудомъ. Протонотаріемъ онъ первый разъ названъ въ Franc. Barbarus epist. 29 отъ 12 сентября 1437 г. Точнѣе нельзя опредѣлить времени его назначенія.

2) Rosmini Vita di Guarino vol. III p. 35. Poggius epist. VI, 18 ed. Tonelli называетъ его уже 18 іюля (1437 г.) протонотаріемъ.

3) Эту ошибку замѣтилъ уже Апостоло Зено въ Giornale de'letterati d'Italia t. XI, Vinezia 1712 p. 335. Ср. Lamius Catal. codd. ms. bibl. Riccard. p. 29. Блондусъ, который въ своемъ сочиненіи de romana locutione отъ 1 апрѣля 1435 г. (Cod. ms. Dresd. F. 66 fol. 63) уже называетъ этого Andrea Florentinus секретаремъ, называетъ его

Карло Марсуппини носилъ всегда званіе папскаго секретаря лишь какъ почетный титулъ и, быть можетъ, не составилъ въ канцеляріи ни одного документа. Когда онъ былъ назначенъ, то былъ еще профессоромъ въ флорентинскомъ университетѣ, а когда былъ канцлеромъ, то его считали занимающимъ должность при папѣ, которую могъ бы, конечно, и исполнять, если бы пожелалъ переселиться въ Римъ [1]).

Маффео Веджіо изъ Лоди мы встрѣчаемъ уже какъ поэта въ Миланѣ, гдѣ онъ напрасно старался найти мѣсто или протекцію при дворѣ и избиралъ для своей полу-свѣтской, полу-языческой музы разные сюжеты, даже неприличные [2]). Оба періода его жизни, гуманистическо-поэтическій и благочестиво-созерцательный, рѣзко отличаются между собою, хотя между ними есть нѣкоторая духовная связь. Старый грамматикъ, учившій его въ Миланѣ, двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ повелъ Веджіо слушать проповѣдь брата Бернардино изъ Сіэны, когда послѣдній явился туда въ 1418 г., и хотя Маффео едва понялъ смыслъ его словъ о наказаніи и покаяніи, однако образъ величаваго народнаго оратора навсегда запечатлѣлся въ его памяти [3]). Съ другой стороны онъ безъ всякаго вліянія со стороны почувствовалъ пламенную любовь къ древнимъ поэтамъ. Виргилій сталъ для него кумиромъ, а единственнымъ желаніемъ—посвятить всю свою жизнь поэзіи. Но, подобно многимъ изъ своихъ сверстниковъ, молодой человѣкъ могъ лишь втайнѣ восторгаться ими. Отецъ будущаго поэта заставлялъ его заниматься ненавистной діалектикою, а потомъ правомъ, которое онъ изучалъ

также въ Italia illustr. p. 35: Andreas Floccus apostolicus secretarius canonicusque Florentinus, vir optimus eloquentia et edite de magistratibus opere. Также въ большей части рукописей, насколько онѣ извѣстны, прямо названо его имя. Имя же Фенестеллы я знаю только по списку, указанному въ Giornale stor. d. archivi Tosc. vol. VII p. 147 урбинской библіотеки. Въ самой книгѣ есть частыя указанія на время изданія; сюда же относится въ сочиненія de sacerdot. cap. V сравненіе сана жреца flamen съ степенями христіанской церковной іерархіи.

1) Первый разъ я встрѣтилъ его имя въ Kyriaci Ancon. Itinerarium подъ 18 октяб. 1417 г. p. 6 ed. Mehus, какъ doctissimus et optimus secretarius папы, а потомъ также въ завѣщаніи Поджіо 19 октября 1443 г.: Summi pontificis secretarius et civis Florentinus.

2) Ср. томъ I стр. 438. Сочиненія Поджіо, вѣроятно, напечатаны въ Лоди въ 1491 и 1593 гг., также въ Bibliotheca patrum maxima T. XXVI. Я пользуюсь изданіемъ: Maphei Vegii Laudensis Opuscula sacra, quae reperiri potuerunt, omnia. Nunc primum simul in Germania typis evulgata—въ Magna Bibliotheca veterum patrum T. XV, Coloniae 1622, p. 838 seq. Въ немъ есть между прочимъ и большія сочиненія въ прозѣ. Но нѣтъ книги de rebus antiquis memoralibus Basilicae S. Petri Romae, обнародованной въ Acta Sanctorum (Bolland.) Junii T. VII seu Pars II Supplementi (illustr. a C. Janningo), Antuerp. 1717. Введеніе Яннинга, трактующее о жизни Веджіо и его сочиненіяхъ, не больше какъ компиляція послѣдняго. Vignati Elogio di Maffeo Vegio, Lodi 1855, я знаю только по заглавію.

3) Такъ разсказываетъ онъ въ своей Vita S. Bernardini въ Acta Sanctt. die XX Maii T. V p. 287.

въ Павіи приблизительно съ 1431 г. Но его не привлекало правовѣдѣніе, хотя онъ любилъ древнихъ римскихъ юристовъ, какъ людей умныхъ и краснорѣчивыхъ. Веджіо достойнымъ образомъ закончилъ эти занятія, написавъ книгу де verborum significatione (о значеніи словъ)—словарь, извлеченный изъ трудовъ древнихъ правовѣдовъ, и посвятилъ миланскому архіепископу Бартоломео Капра [1]).

При этомъ Веджіо съ молодыхъ лѣтъ былъ чрезвычайно плодовитымъ поэтомъ, которому не казались недоступными никакія возвышенные сюжеты эпоса и лирики. Особеннымъ сочувствіемъ пользовалась его поэма, воспѣвавшая послѣдніе подвиги Энея и его смерть. Онъ смѣло назвалъ свое произведеніе XIII-ю пѣснью Энеиды. Въ болѣе краткой героической поэмѣ повѣствовалось о смерти Астіанакса, а въ большой, въ 4 книгахъ, излагался миѳъ о золотомъ рунѣ [2]). Двѣ книги двустишій поэтъ посвятилъ Марсуппини, который считался образцовымъ писателемъ элегій и эпиграммъ и превосходно отплатилъ за подарокъ [3]). Часто также упоминается о «сельскихъ поэмахъ» (идилліяхъ), которыя Веджіо сочинилъ въ 1431 г. въ деревнѣ. Но его поэтическія произведенія пользовались великою славою лишь въ дружескомъ кружкѣ. Имъ не доставало легкости, плавности стиха и вообще отдѣлки; онъ увлекался тѣмъ, что стихи легко давались ему [4]).

Веджіо не могъ пріобрѣсть себѣ положеніе на своей ломбардской родинѣ, не смотря на множество стиховъ; тутъ онъ постоянно оставался только поэтомъ, которому улыбалась муза, но не судьба. Послѣдняя стала мало по малу благосклоннѣе къ нему, когда онъ переселился къ римскому двору. Григорій IV назначилъ его датаріемъ незадолго до 1441 г. [5]), что̀ дало ему возможность поселиться въ папскомъ дворцѣ, но немного больше того. Потомъ онъ былъ сдѣланъ аббревіаторомъ и каноникомъ С. Пьетро [6]), а къ дальнѣйшимъ почестямъ и доходамъ, по

---

[1]) Одну рукопись съ посвященіемъ изъ Павіи 15 марта 1433 г. указываетъ Saxius p. 406, другую Valentinelli Bibl. ms. ad. S. Marci Venet. T. III p. 31. Vespasiano Maffeo Vegio § 1 называетъ этотъ Vocabulista—opera molto laudata.

[2]) Всѣ три поэмы есть въ Opp. p. 955 seq. Быть, можетъ, Velleris aurei libri IV самая ранняя, какъ Марсуппини намекаетъ въ Carmina ill. poet. Ital. T. VI p. 284.

[3]) L. c. p. 281. Mazzuchelli Scritt. d'Italia vol. I P. II p. 1005.

[4]) Любопытно сужденіе Беккаделли epist. Gall. IV, 24. Такъ какъ онъ былъ въ отличной дружбѣ съ Веджіо, то сдерживается и только предсказываетъ молодому поэту хорошую будущность, modo sibi tantum non indulgeat. Cortesius de hom. doct. ed. Galetti p. 226 называетъ его ingeniosus, sed aliquanto turgidior, necdum satis politus. Мы не можемъ судить о немъ, потому что этихъ поэмъ нѣтъ.

[5]) Въ этой должности, и только въ этой упоминаетъ о немъ Kyriacus Ancon. Itiner. p. 10 въ октябрѣ 1441 г. Что онъ былъ датаріемъ уже при Мартинѣ V, достаточно опровергнуто у Saxius Hist. lit. typis Mediol. p. 334. 335. 405.

[6]) Объ этомъ мы узнаемъ изъ письма Джіованни Кампизіо къ Энею Сильвію отъ 7 февраля 1444 г., на которое Эней отвѣчаетъ 25 іюня. Это письма 96 и 117 по моему перечню.

видимому, не нашелъ доступа. Тогда онъ еще принадлежалъ къ бѣлому духовенству, но уже стоялъ на пути къ обращенію. Раньше этого поэтъ страстно предавался изученію языческихъ наукъ, а теперь его поразили сочиненія блаженнаго Августина, въ особенности «краснорѣчивая и усладительная книга Признаній», которая со временъ Петрарки многихъ привела къ набожному созерцанію внутренняго человѣка. Теперь Августинъ сдѣлался для него тѣмъ же, чѣмъ былъ прежде Виргилій; онъ внушилъ ему любовь къ серьезному изученію церковной литературы и къ благочестивой жизни. Веджіо посвятилъ себя ему и своей матери Моникѣ, и послѣдней все болѣе и болѣе воздавалъ мистическое почитаніе. Онъ написалъ три книги о жизни и смерти блаженной Моники, сочинилъ службу въ честь ея, а вторую въ память перенесенія ея праха изъ Остіи въ Римъ, гдѣ онъ былъ ввѣренъ августинцамъ-отшельникамъ [1]). Онъ дѣятельно участвовалъ и въ сооруженіи памятника. Наконецъ Веджіо сдѣлалъ послѣдній шагъ: онъ пожертвовалъ свое имущество Богу, поступилъ въ орденъ августинцевъ, блюстителей устава, и былъ похороненъ въ капеллѣ блаженной Моники въ 1458 г. Нѣтъ сомнѣнія, что прежній безпечный и даже нескромный поэтъ сдѣлался человѣкомъ искренно и глубоко благочестивымъ. Его безупречная жизнь, цѣломудріе и набожность хвалятъ и внѣ его ордена [2]). Сочиненія Веджіо чужды всякаго нескромнаго и непріятнаго оттѣнка, даже когда онъ оглядывается на свое прошлое.

Личности Веджіо придаетъ особый интересъ та черта, что муза его, покинувши источники Аганиппы, по выраженію его друга Пикколомини, не умолкла, какъ муза Корраро; напротивъ онъ посвятилъ ее, какъ и свою остальную жизнь, на пользу религіи и церкви. Значительное число его произведеній относится именно къ этому второму періоду ея. Такова много читавшаяся книга О воспитаніи, содержащая въ себѣ въ то же время нравственныя наставленія для юношества. Такъ какъ намъ еще придется говорить объ этомъ выдающемся произведеніи, то здѣсь ограничимся замѣчаніемъ, что Веджіо старается согласить мудрость классиковъ съ ученіемъ священнаго Писанія и церковныхъ писателей. Онъ совѣтуетъ читать Виргилія, Саллюстія и Квинтиліана для образованія ума, но излагаетъ и собственныя религіозныя воззрѣнія и воздаетъ хвалу Богу. Въ книгѣ О стойкости въ монашеской жизни авторъ обращается къ своимъ сестрамъ, которыя молодыми дѣвушками приняли постриженіе подъ именами Елисаветы и Моники. Здѣсь уже вѣетъ монастырскимъ духомъ, хотя авторъ въ то время еще не былъ монахомъ. Но онъ прославляетъ эту жизнь, какъ самую совершенную. Веджіо уже не хочетъ больше

---

[1]) Послѣднее извѣстіе у Jac. Phil. Bergomas Suppl. chron. fol. 162.
[2]) Laur. Valla Opp. p. 342. Vespasiano Maffeo Vegio § 1. 2.

слышать объ Овидіи и Гораціи, обѣщается сестрамъ вмѣсто невѣрнаго въ бракѣ Юпитера воспѣвать хвалу дѣвственности [1]). Что содержатъ въ себѣ разсужденія О послѣднихъ четырехъ моментахъ человѣческой жизни, о смерти, страшномъ судѣ, адѣ и раѣ, видно изъ самаго заглавія [2]). Бернардино Сіэнскій и Николло да Толентино, жизнь которыхъ написалъ Веджіо, главы и основатели ордена францисканцевъ, блюстителей устава, которыхъ считали самыми благочестивыми людьми своего времени. Единственная религіозная поэма, для которой Веджіо снова возсѣлъ на Пегаса и прибѣгъ къ гекзаметру, усвоенному раньше [3]), была Антоніада въ IV книгахъ, которую авторъ посвятилъ Евгенію IV. Но онъ не хотѣлъ въ началѣ обращаться къ Аполлону, или къ кому либо изъ языческихъ боговъ, а призвалъ Христа. Поэтъ не хочетъ воспѣвать ложные вымыслы, подобно древнимъ поэтамъ, а подобно святому отшельнику побораетъ похоти плоти и духа.

Весьма понятно, что поэмы Веджіо, его трактаты и житія святыхъ вскорѣ были забыты, тѣмъ болѣе, что его проза лишена была силы, точности, живости и красоты. За то онъ соорудилъ прочный памятникъ своему каноникату при соборѣ св. Петра въ сочиненіи о древностяхъ базилики. Здѣсь его классическія знанія принесли пользу при изслѣдованіи средневѣковой церковной исторіи. Правда, Поджіо и Бьондо раньше Веджіо обратили вниманіе на топографію, памятники и надписи классическаго Рима, разыскивали древности и спасали ихъ. Но нашъ авторъ примѣнилъ это направленіе къ самой уважаемой святынѣ, церкви, которой самъ принадлежалъ, въ то время, когда ее стали разрушать и перестраивать. За нимъ всегда останется та заслуга, что онъ первый сталъ разрабатывать научнымъ путемъ церковныя древности.

Такимъ образомъ при Евгеніи IV къ римскому двору поступаетъ замѣчательно много гуманистовъ, особенно, если принять во вниманіе, что личный интересъ папы тутъ не игралъ роли. Если новая школа стилистовъ всюду проникала въ нотаріатъ, то и курія не противилась этому. Также же духомъ времени объясняется и тотъ фактъ, что при этомъ папѣ мы встрѣчаемъ въ Римѣ двухъ наставниковъ греческаго языка.

Римскій университетъ, впослѣдствіи такъ называемый sapienza, тоже принадлежалъ къ новымъ учрежденіямъ такого рода, судьба ко-

---

[1]) Трактатъ de perseverantia religionis въ концѣ помѣченъ такъ; Romae apud S. Petrum XIII. Junii 1448. О сестрахъ монахиняхъ упоминаетъ и Valla l. c.

[2]) Эти трактаты, именно озаглавленный Philalethes, и странное, но весьма распространенное Disputatio inter Solem, Terram et Aurum есть въ Opp. Указанный у Zacharias Bibl. Pistor. p. 6 de foelicitate et miseria Dialogus, кажется, не напечатанъ.

[3]) О псалмахъ покаянныхъ, или Давидовыхъ, переложенныхъ имъ въ латинскіе стихи, мы только слышимъ, но ихъ нѣтъ у насъ.

торыхъ колебалась между быть, быть на половину и не быть. Основатель его, Бонифацій VIII, имѣлъ въ виду главнымъ образомъ преподаваніе каноническаго права и богословія и, дѣйствительно, по обѣимъ этимъ наукамъ Римъ имѣлъ по временамъ достойныхъ преподавателей. Но сначала, въ первые семьдесятъ лѣтъ, во время пребыванія папъ въ Авиньонѣ и во время раскола, объ университетѣ почти совсѣмъ забыли. Лишь около 1370 г. о немъ вспомнили, потому что не было юристовъ для практической дѣятельности. Рѣшено было пригласить троихъ преподавателей правъ и назначить имъ по 200 золотыхъ гульденовъ жалованья, также магистра грамматики и логики съ жалованьемъ до 40 гульденовъ [1]). Но мы не знаемъ, состоялось ли это. Потомъ Иннокентій VII вознамѣрился возобновить университетъ. Онъ объявилъ, что изученіе наукъ и искусствъ составляетъ лучшее украшеніе города, и даже обѣщалъ преподавателя греческаго языка, который будетъ объяснять греческихъ писателей. Вѣроятно, при этомъ имѣли въ виду Хризолора, достоинства котораго папѣ могли хвалить такіе люди, какъ Поджіо и Бруни. Было ли что нибудь сдѣлано, тоже неизвѣстно. Папа умеръ черезъ два мѣсяца послѣ своего заявленія, и мы прямо узнаемъ, что все дѣло тотчасъ же остановилось [2]). Чрезъ нѣсколько лѣтъ Хризолоръ, дѣйствительно, пріѣхалъ въ Римъ и даже преподавалъ тамъ, но не какъ университетскій профессоръ, получавшій жалованье, такъ какъ университетъ, по всей вѣроятности, былъ закрытъ.

И послѣ возстановленія папской власти при Мартинѣ V нѣтъ рѣчи объ университетѣ. Тѣмъ больше чести Евгенію IV, что онъ въ первый же годъ своего первосвященства рѣшился возобновить всѣ факультеты, опредѣлилъ права преподавателей и студентовъ и предоставилъ нужные доходы [3]). Гражданское право преподавалъ Антоніо Розелли изъ Ареццо, были призваны также въ Римъ декретисты—Ивоне Копполи и знаменитый Людовико Понтано [4]). Какъ ни неблагопріятно отозвались потомъ на университетѣ смуты въ Церковной области и бури, бушевавшія въ Констанцѣ, онъ однако устоялъ и впослѣдствіи, даже достигъ нѣкотораго процвѣтанія, когда кардиналъ Вителлески сильною рукою возстановилъ порядокъ.

---

1) Актъ, кажется папское распоряженіе, сдѣланное по предложенію консерваторовъ, безъ числа, у Rosmini Storia dell'università degli studj di Roma vol. I p. 271. Тамъ идетъ рѣчь о studium generale propter defectum doctorum iam collapsum.

2) Булла отъ 1 сентября 1406 г. у Raynaldus Annal. l. eccl. 1406 n. 2, Папа говоритъ о huusmodi studia per longissima spatia hactenus intermissa. Theodoricus de Niem De schismate, Norimb. 1332, lib. II cap. 39: Generale studium in ipsa urbe renovavit, quod eo defuncto statim evanuit.

3) Его булла отъ 10 октября 1431 г. у Renazzi p. 274.

4) Renazzi p. 128. 277.

Конечно, нельзя ожидать, чтобы и гуманизмъ принималъ доли участія въ этомъ процвѣтаніи. Стремленія этой школы были слишкомъ далеки отъ направленія университета. Притомъ послѣдній былъ не настолько обширенъ и разностороненъ, чтобы допустить преподаваніе этихъ отраслей, составлявшихъ предметъ роскоши. Но, по видимому, при папѣ Евгеніи были люди, которые могли преподавать греческій языкъ и латинскую реторику. Такъ со временъ папы Мартина въ Римѣ жилъ Ринуччи да Кастильоне [1]), бывшій въ Византіи вмѣстѣ съ Ауриспою. Тамъ онъ выучился греческому языку и пріобрѣлъ много книгъ. Когда онъ воротился на родину, то Траверсари познакомился съ нимъ во Флоренціи. Послѣднему онъ показался безсвязнымъ болтуномъ, который то обвинялъ грековъ въ вѣроломствѣ, то расхваливалъ ихъ гуманность и потому упрекалъ тосканцевъ въ зависти, въ особенности же Бруни называлъ пагубою всякихъ занятій науками. То Ринуччи увлекался изученіемъ древности, то увѣрялъ, что не можетъ раскрыть книги безъ того, чтобъ у него не заболѣла голова. Онъ предлагалъ частнымъ образомъ учить греческому языку всѣхъ желающихъ, но также увѣрялъ, что готовъ дѣлать что угодно, лишь бы не вымаливать хлѣбъ учительствомъ [2]). Онъ потомъ уѣхалъ въ Римъ и училъ тамъ изъ дружбы нѣкоторыхъ частнымъ образомъ греческому языку, а также и преподавалъ публично въ университетѣ. Молодой Валла былъ его ученикомъ. А когда Поджіо сталъ заниматься греческимъ языкомъ въ 1425 г., то въ часы досуга посѣщалъ Ринуччи, читалъ съ нимъ Горгія и учился у него. Онъ хвалилъ ученость симпатичнаго друга, но находилъ, что греческій языкъ онъ знаетъ лучше, чѣмъ латинскій. Николай V сдѣлалъ потомъ Ринуччи своимъ секретаремъ [3]).

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что и Георгій Трапезунтскій уже преподавалъ въ Римѣ при папѣ Евгеніи. Онъ принадлежалъ къ числу немногихъ грековъ, которые выучились на итальянской почвѣ хорошему латинскому языку и реторикѣ, а потому могли преподавать высшій курсъ. Горгій сдѣлалъ опытъ въ Венеціи, но Барбаро рекомендовалъ его римскому двору, такъ какъ вскорѣ должны были открыться переговоры о соединеніи Церквей. Грекъ этотъ давно уже обратился къ «католической истинѣ», поэтому предложилъ папѣ свое сотрудничество въ дѣлѣ соединенія. А когда онъ пріѣхалъ во Флоренцію съ семьею, то сталъ преподавать въ тамошнемъ университетѣ

---

[1]) Самъ себя онъ называетъ тоже аретинцемъ; быть можетъ, онъ воспитывался въ Ареццо.

[2]) Ambros Travers. epist. VIII, 28 къ Никколи отъ 1423 г

[3]) Valla Antidot. in Pogium lib. II. IV (Opp. p. 286. 335). Когда онъ тамъ говоритъ: Rinutius, qui si meliore valeitudine esset, adhuc legeret, то этимъ указываетъ на его продолжительную преподавательскую дѣятельность. Poggius epist. II, 35 IV, 5 ed. Tonelli.

не только греческій языкъ, но также реторику и діалектику, для изученія которыхъ составилъ руководства. Далѣе онъ перевелъ во время собора, съѣзжавшагося по вопросу о соединеніи Церквей, сочиненіе Василія Великаго о божескомъ достоинствѣ Сына и исхожденіи св. Духа, написалъ и собственное разсужденіе о религіозныхъ заблужденіяхъ своихъ соотечественниковъ, какъ раньше его Хризолоръ, въ одно время съ нимъ Виссаріонъ, а послѣ него Аргиропуло [1]). Хотя, по видимому, къ его услугамъ въ церковныхъ дѣлахъ прибѣгали лишь въ неважныхъ случаяхъ, однако онъ пользовался большимъ вѣсомъ какъ наставникъ. Папа сдѣлалъ его своимъ секретаремъ и далъ одному изъ его сыновей scrittoria (должность писца). А когда его государь оставилъ Флоренцію, то Георгій Трапезунтскій послѣдовалъ за его дворомъ въ Римъ, гдѣ продолжалъ свою наставническую дѣятельность съ большимъ успѣхомъ, даже въ греческомъ языкѣ, реторикѣ и экзегезѣ римскихъ писателей считался великимъ знатокомъ дѣла, пока его не вытѣснилъ Валла своимъ соперничествомъ [2]).

Здѣсь кстати упомянуть о старинномъ и знаменитомъ болонскомъ университетѣ и показать его участіе въ гуманистическихъ стремленіяхъ. При этомъ окажется то же явленіе, которое мы уже встрѣтили въ Падуѣ и Павіи, именно что представители прежнихъ наукъ отнеслись безъ предразсудка и зависти къ новой наукѣ древностей, никогда не препятствовали ея успѣхамъ и не нападали на нее. Но новые грамматики и риторы съ своей стороны не могли ужиться рядомъ съ поклонниками выгодныхъ наукъ и доставить своей спеціальности права гражданства въ кругу традиціонныхъ учрежденій. Гуманисты казались большею частію какими-то странствующими искусниками, которые нѣсколько времени пробовали счастья въ Болоньѣ, а потомъ отправились дальше. Причина этому заключалась не въ однихъ ихъ личныхъ свойствахъ, а также и въ неустойчивости той области, которую эти «поэты и ораторы» называли то наукою, то искусствомъ.

Значеніе Болоньи всегда основывалось на ея обширныхъ юридическихъ школахъ, и процвѣтаніе университета всегда обусловливалось

---

[1]) Предисловіе къ переводу сочиненія Василія Великаго, написанное Виссаріономъ, въ которомъ онъ обращается къ папѣ, см. у Vast Le cardinal Bessarion, Paris 1878, p. 169. 450.

[2]) Ср. томъ I стр. 339, 392. Рѣчь Георгія Трапезунтскаго къ папѣ Евгенію de laudibus eius въ Tabulae codd. ms. bibl. Palat. Vindob. vol. I p. 81 была говорена послѣ его пріѣзда во Флоренцію. Уже Marini vol. II. p. 136 предполагалъ, что папа Евгеній назначилъ его секретаремъ, потому что папа Каликстъ въ 1457 г. называетъ его своимъ et nonnullorum praedecessorum секретаремъ, а положительно сообщаетъ это Vespasiano Giorgio Trabisonda § 2. Его преподавательскіе успѣхи въ Римѣ хвалитъ Blondus Italia illustr. p. 346.

степенью прочности правительственной системы и тѣмъ строгимъ порядкомъ, въ которомъ совершались ученыя занятія и жили студенты. Еще Петрарка полагалъ, что онъ въ свои учебные годы, проведенные тамъ же, пережилъ доброе старое время, зажиточное состояніе города, порядокъ гражданской и студенческой жизни, блескъ прелестныхъ празднествъ и славу великихъ наставниковъ, которыхъ онъ сравнивалъ съ древними юрисконсультами. Онъ видѣлъ, какъ нагрянула война, началась борьба партій, стало усиливаться огрубѣніе нравовъ, явилось поколѣніе невѣжественныхъ докторовъ [1]). По временамъ это могло случаться, но общій приговоръ несправедливъ въ томъ отношеніи, что въ Болоньѣ постоянно и съ успѣхомъ старались приглашать въ университетъ лучшихъ юристовъ, какіе только были, а что еще труднѣе—на долгое время удерживать ихъ. Петрарка видѣлъ также, что тамъ прочно основывались профессора его собственной школы и въ размѣрахъ гораздо болѣе широкихъ, чѣмъ въ другихъ университетахъ. Это свидѣтельствуетъ о той многосторонности и свѣжести жизни, какая развилась въ Болоньѣ не смотря на неблагопріятныя временныя условія.

Первый гуманистъ, постоянно преподававшій новую реторику въ Болоньѣ, былъ Пьетро да Муліо, другъ Петрарки и Боккачіо, который впрочемъ, кажется, не оставилъ ни одного выдающагося труда. Въ молодые годы, когда онъ былъ учителемъ Салютато, онъ былъ еще, вѣроятно, далекъ отъ университета, какъ простой школьный учитель. Но съ 1371 г. до самой смерти, постигшей его въ 1382 г., Муліо служилъ профессоромъ въ университетѣ и былъ однимъ изъ его украшеній [2]). Правда, онъ получалъ всего 50 гульденовъ жалованья, тогда какъ первому декретисту и первому цивилисту платили каждому по 400. А что онъ зналъ по-гречески и былъ тѣмъ единственнымъ знатокомъ греческаго языка, о которомъ говоритъ Петрарка, мы сильно сомнѣваемся. Быть можетъ, въ этомъ случаѣ рѣчь идетъ о природномъ грекѣ, одномъ изъ тѣхъ, которые жили въ разныхъ мѣстахъ Италіи и занимались преподаваніемъ. Такъ въ Болоньѣ съ 1382 г. мы встрѣчаемъ двухъ грековъ съ острова Кипра, которые впрочемъ преподавали не греческій языкъ, а астрономію [3]).

---

[1]) Petrarca epist. rer. senil. X, 2. Между прочимъ въ epist. rer. senil. VII, 1 онъ хвалитъ Урбана V за то, что этотъ папа заботится объ университетѣ и старается расширить его.

[2]) Ср. томъ I стр. 182, 326. Theiner Cod. dipl. dom. temp. s. sedis T. III p. 517. Colle Storia dello Studio di Padova vol. IV p. 79 e seg. Cronica di Bologna ap. Muratori Scriptt. S. XVIII p. 524 говоритъ по случаю его смерти: il quale era dottore in grammatica, e fu uno de'grandi valentuomini etc.

[3]) Malagola Della Vita di Ant. Urceo p. 32.

Наряду съ Пьетро пользовался значеніемъ въ Болоньѣ Бенвенуто Рамбальди да Имола, поклонникъ Петрарки и Боккачіо, другъ Салютато, ученикъ Джіованни да Равенна. Наиболѣе извѣстенъ его комментарій къ Божественной Комедіи, который безъ сомнѣнія составленъ былъ изъ лекцій, читанныхъ объ этой поэмѣ въ университетѣ въ 1375 г. Но онъ писалъ также комментаріи къ Валерію Максиму, къ Лукану и эклогамъ Петрарки, можетъ быть, составившіяся такимъ же образомъ. Бьондо называлъ его первымъ грамматикомъ того времени въ Италіи, и мы должны высоко ставить его дѣятельность, хотя она и покрыта мракомъ [1].

Въ эпоху Салютато и въ Болоньѣ былъ человѣкъ подобный ему и дружный съ нимъ, Пеллегрино Замбеккари, вышедшій изъ нотаріата; онъ былъ канцлеромъ городской общины съ 1391 по 1399 г. Подобно своему флорентинскому другу, и онъ съ молодыхъ лѣтъ посвящалъ себя поэзіи на народномъ нарѣчіи и латинскому языку. Послѣднимъ онъ пользовался въ своихъ оффиціальныхъ бумагахъ и въ философской перепискѣ съ такими людьми, какъ Салютато и Верджеріо. Вѣроятно, онъ принадлежитъ еще къ числу тѣхъ лицъ, которыя въ молодые годы воодушевились славою и примѣромъ Петрарки; но его сочиненій нѣтъ, а значеніе зиждется на выдающемся положеніи въ ряду самыхъ раннихъ канцлеровъ-гуманистовъ [2]. Кромѣ его вполнѣ принадлежалъ университету магистръ Бартоломео де Реньо — такъ онъ называлъ себя потому, что былъ родомъ изъ Апуліи. Въ качествѣ профессора реторики въ Болоньѣ, которую никогда не оставлялъ, онъ цѣлые годы объяснялъ Виргилія, Горація, Овидія, Лукана, Стація, Персія, Ювенала, Плавта и Теренція, читалъ лекціи о сочиненіяхъ Цицерона, Валерія Максима и Ливія. Онъ обмѣнивался также съ Салютато длинными латинскими стихотвореніями, которыя доставили обоимъ имена поэтовъ, но мало славы. Однако если принять во вниманіе то сильное вліяніе на умы, какое можетъ имѣть усердный наставникъ, преподающій долгіе годы въ цвѣтущемъ университетѣ новую и привлекательную науку, развѣ его не слѣдуетъ считать свѣтиломъ литературы? Можетъ быть, смерть его заставила riformatori университета пригласить въ 1411 г. Гаспарино Варзиццу, но приглашеніе осталось безъ успѣха. Во всякомъ случаѣ это

---

[1]) Ср. томъ I стр. 497—498. Blondus Italia illustr. p. 351. Tamburini къ его Commentario p. IV. VI. Педантскій комментарій къ Bucolicum carmen Петрарки есть въ приложеніи къ Opp. Venet. 1503 Петрарки.

[2]) Malagola I. c. p. 31. Не доказано того, что Замбеккари зналъ греческій языкъ, и извѣстіе объ этомъ вѣроятно произошло отъ того, что его смѣшали съ Франческо Замбеккари, который жилъ цѣлымъ вѣкомъ позже. Salutatus epist. 17 ed. Mehus писано къ къ болонскому канцлеру.

служитъ доказательствомъ, что уже не считали изученіе древности и новую реторику такими второстепенными знаніями, безъ которыхъ можно обойтись [1]).

Однако дѣятельность гуманистовъ въ Болоньѣ снова пріостановилась на нѣкоторое время, а это не удивительно. Вѣдь наставниковъ выдающихся было немного, и требованія со временъ Салютато значительно повысились. Теперь уже больше не довольствовались учителемъ-поэтомъ, который даже не зналъ чистой латыни и законовъ метрики и не понималъ ни слова по гречески. Съ тѣхъ поръ какъ въ теченіи 20 лѣтъ каѳедра реторики и поэзіи была постоянно занята, мы встрѣчаемъ преподавателями лучшихъ профессоровъ, и это начинается какъ разъ съ того времени, когда университетъ вообще оживился и въ Болоньѣ преподавалъ такой декретистъ, какъ Джіованни да Имола, комментировавшій и весь Corpus iuris. Ауриспа первый былъ тамъ признанъ, по видимому, стилистомъ и хорошо зналъ по гречески. Онъ только что воротился изъ Византіи и пріѣхалъ въ Болонью. Ученый стремился мыслями во Флоренцію и желалъ спокойнаго досуга, а вовсе не каѳедры. Но такъ какъ онъ былъ въ нуждѣ и его уговорили преподавать греческій языкъ въ Болоньѣ, то онъ заключилъ условіе на первый годъ съ 1423 г. до половины августа 1424 г., по видимому, безъ жалованья. Но у него не было ни усердія, ни знаній, нужныхъ для преподавателя, а потому не было и слушателей. «Я обязался здѣсь преподавать греческій языкъ, пишетъ онъ въ началѣ зимняго семестра, но не только не нахожу къ этому случая, а даже и умы столь далеки отъ гуманистическихъ наукъ, что мнѣ противно тутъ оставаться» [2]). Конечно, это отъ него самого зависѣло, если первый наставникъ, начавшій преподаваніе греческаго языка въ Болоньѣ, потерпѣлъ неудачу. Но этимъ не смутились. Вскорѣ является природный грекъ Ѳеодоръ съ острова Крита, бывшій въ 1425 и 1426 г. преемникомъ Ауриспы, вообще личность неизвѣстная [3]). Его мѣсто, если не ошибаемся, занялъ Гварино, но больше года и онъ, вѣроятно, не преподавалъ въ Болоньѣ, а потому мы не

---

[1]) Одно стихотвореніе Бартоломео де Реньо въ 90 гекзаметрахъ указываетъ Bandini Bibl. Leop. Laurent. T. II p. 431. Стихотвореніе Салютато въ нему у Zacharias Iter litt. p. 338. Сюда относится, конечно, Salutati epist. 2 ed. Mehus. Объ его преподавательской дѣятельности говоритъ Бедиктусъ де Пиксо въ своихъ Tristia; ср. Wattenbach Ben. di Pil. въ Festschr. zur Begründung der Heidelberger Philologenversammlung 1865. Тогда (въ 1415 г.) магистра Бартоломео уже не было на свѣтѣ.—Gasp. Barzizzii Opp. ed. Furietto p. 126.

[2]) Письмо въ числѣ писемъ Ambros. Travers. XXIV, 55.

[3]) Malagola p. 39. Я не знаю откуда взято это извѣстіе.

должны удивляться, если ничего не знаемъ о плодахъ его педагогической дѣятельности [1]).

Быть можетъ, самъ Гварино рекомендовалъ въ качествѣ своего преемника молодаго Франческо Филельфо, который недавно воротился изъ Византіи и не нашелъ въ Венеціи во время чумы ни мѣста, ни друзей. Хотя онъ въ то время еще едва ли что нибудь сдѣлалъ, кромѣ того, что выучился греческому языку между греками, однако мечталъ о славѣ и дѣйствовалъ съ громадною самоувѣренностью. Она не повредила ему, напротивъ произвела обаяніе на другихъ и внушила уваженіе къ его наукѣ. Когда онъ явился въ Болонью въ 1428 г., то былъ убѣжденъ, что весь городъ готовится привѣтствовать новое чудо свѣта. Папскій легатъ, кардиналъ д' Аллеманъ, тоже поклонникъ новаго одушевленнаго краснорѣчія, пожелалъ тотчасъ же видѣть его и принялъ съ почетомъ. Его пригласили на годъ читать реторику и нравственную философію. О греческомъ языкѣ при этомъ не было рѣчи, быть можетъ, потому, что онъ не принадлежалъ къ числу ординарныхъ предметовъ, правильно оплачиваемыхъ жалованьемъ. Было дѣломъ неслыханнымъ, что Филельфо назначили 300 дукатовъ жалованья, къ которымъ легатъ изъ собственныхъ средствъ прибавилъ 150. Вообще же профессорамъ реторики и нравственной философіи платили отъ 40 до 50 дукатовъ. Но заносчивыя притязанія и высокомѣріе Филельфо поставили его гораздо выше толпы странствующихъ наставниковъ, которымъ обыкновенно поручалось это дѣло. Хотя въ флорентинскихъ кружкахъ напередъ говорили, что Болонья самое неподходящее мѣсто для преподаванія реторики, однако Филельфо и послѣ открытія семестра былъ поддержанъ сочувствіемъ слушателей. Для него было большою честью, когда ему предложили говорить торжественную рѣчь отъ имени юрисконсультовъ по случаю присяги новому претору 9 іюля 1428 г. [2]). Онъ былъ вполнѣ доволенъ и счастливъ. Но политическій горизонтъ все болѣе и болѣе заволакивался мрачными тучами. Уже въ маѣ ожидали возстанія противъ папскаго владычества. Въ ночь на 1 августа оно вспыхнуло. Подеста и легатъ были захвачены, и

---

[1]) Что онъ вообще преподавалъ въ Болоньѣ, слѣдуетъ изъ свидѣтельства Janus Pannonius Silva panegyr. v. 401 seq., гдѣ Болонья упомянута послѣ Флоренціи. Но съ этимъ не слѣдуетъ ставить въ связь болѣе раннее пребываніе Гварино въ Болоньѣ, засвидѣтельствованное Leon. Bruni epist. III, 14. 15. ed. Mehus и относящееся къ 1410 г. Только за этимъ слѣдовало приглашеніе Гварино во Флоренцію. Напротивъ рѣшаетъ вопросъ то, что Филельфо получилъ первое извѣстіе о томъ, что его желаютъ въ Болоньѣ, чрезъ Гварино, безъ сомнѣнія изъ Болоньи, на что онъ отвѣчалъ Гварино письмомъ отъ 21 декабря 1427 (вольфенб. спис. fol. 5). Хотѣли именно узнать, желаетъ ли онъ быть преемникомъ Гварино.

[2]) Oratio pro sanctissimo (!) iurisconsultorum ordine etc. y Zacharias Iter litt. p. 25.

послѣдняго прогнали. Папа Мартинъ издалъ интердиктъ противъ города, въ которомъ продолжались смятеніе и борьба съ оружіемъ въ рукахъ. Это было тяжелымъ ударомъ для музы Филельфо и его положенія, хотя собственно республиканцы не тревожили его. Онъ покончилъ переговоры, начатые въ это время съ флорентинцами, и въ началѣ апрѣля 1429 г. оставилъ Болонью. Хотя онъ всего годъ преподавалъ въ этомъ городѣ, однако пріобрѣлъ въ короткое время такой авторитетъ, какимъ не пользовался никто изъ гуманистовъ. Черезъ десять лѣтъ, когда Филельфо уже изъ Сіэны обѣщалъ герцогу Филиппу переселиться въ Миланъ, въ Болоньѣ сочли нужнымъ пригласить его на время, хотя онъ не могъ посвятить городу вполнѣ академическаго семестра а только время отъ 1 января до 1 іюля 1439 г. И за это полугодіе ему назначили 450 дукатовъ жалованья, чего, какъ онъ утверждалъ, еще не бывало ни въ Болоньѣ, ни въ другихъ городахъ Италіи. Дѣйствительно, нѣтъ примѣра, чтобы самые знаменитые профессора каноническаго права получали когда нибудь больше 800 дукатовъ въ годъ [1]).

Тѣ наставники, которые преподавали въ Падуѣ гуманныя науки послѣ Филельфо, были далеко ниже его. Сначала опять обязался на годъ кандіотъ Θедоръ. Потомъ, какъ и во многихъ другихъ городахъ раньше, тамъ попыталъ счастья безпріютный Томмазо Сенека и возвращался туда впослѣдствіи не одинъ разъ [2]). Но преподавателя, не знавшаго по гречески, брали лишь въ крайности. Лапо да Кастильонкіо младшій, лучшій изъ учениковъ Филельфо, тоже преподавалъ гуманныя науки въ Болоньѣ раньше 1437 г. [3]). Въ промежутокъ отъ 1438 г. до 1456 г. каθедра греческаго языка совсѣмъ осиротѣла [4]). Баттиста Гварино преподавалъ спустя цѣлое полугодіе послѣ своего отца и былъ нѣкогда его преемникомъ по каθедрѣ реторики и піитики; въ лицѣ его является достойный представитель этихъ отраслей [5]). Но

---

1) См. т. I стр. 323. Письма Филельфо къ Ауриспѣ отъ 23 февраля, 4 апрѣля, 27 мая, къ Джустиніани отъ 1 іюня, къ Палла Строцца отъ 30 авг.. къ Ауриспѣ отъ 13 сент. 1428 г., къ Барбаро отъ 7 апрѣля 1429 г.. къ болонскому сенату и народу отъ 13 сент. и къ Беккаделли отъ 13 сент. 1438 г., къ Като Сакко отъ 13 θевр. 1439 г. Ambros. Travers. epist. V, 14. XXIV, 30. О послѣднемъ приглашеніи Филельфо въ Болонью 1471 г. см. Malagola l. c. p. 58. 430.

2) Ср. томъ I стр. 530.

3) Ср. томъ I стр. 338. Bandini Catal. codd. lat. bibl. Laurent. T. III p. 358 приводитъ извлеченіе изъ его Oratio Bononiae habita in suo legendi initio, въ которой убѣждаетъ юношество идти, подъ его руководствомъ, по стопамъ вождей гуманизма.

4) Malagola p. 41 по rotuli, въ которыхъ перечислены профессора университета; но они начинаются только съ 1438 г.

5) Malagola p. 62. Письмо, въ которомъ старый Гварино сообщаетъ объ этомъ приглашеніи Поджіо, у Shepherd Vita di Poggio trad. Tonelli T. II App. n. XXX.

всѣ они не могли утвердиться здѣсь на долгое время. Болонскій университетъ вообще страдалъ отъ смутъ и неурядицъ, которыя господствовали среди гражданъ со временъ Филельфо и которыя въ состояніи были подавить лишь энергическіе легаты[1]).

---

23 февраля 1447 г. братья-блюстители напутствовали въ послѣднее странствіе папу Евгенія IV, и онъ вскорѣ умеръ. Для гуманистовъ это событіе не имѣло значенія. Но подобно электрическому удару поразило всѣхъ извѣстіе о томъ, что 6 марта въ конклавѣ въ С. Марія Сопра Минерва былъ провозглашенъ папою болонскій кардиналъ. Онъ былъ извѣстенъ весьма многимъ, многіе называли его другомъ, когда онъ былъ еще бѣднымъ магистромъ, и теперь всѣ съ увѣренностью предсказывали, что съ этимъ властителемъ, который нѣкогда принадлежалъ имъ, начнется золотой вѣкъ литературы.

Говоря о флорентинскихъ любителяхъ книгъ, мы уже упоминали о молодомъ Томмазо Парентучелли который взошелъ теперь на папскій престолъ подъ именемъ Николая V. А теперь мы должны еще разъ разсказать исторію его прошлой жизни и образованія[2]). Его родители были люди бѣдные и ничтожные. Увѣряютъ, что онъ собственно родился въ Пизѣ въ 1398 г., но такъ какъ семья долго жила въ

---

[1]) Janus Pannonius поэтому шутитъ въ epigr. I, 266:

Quae poterat dici studiosa Bononia quondam,
Nunc eadem dici seditiosa potest.

Подобнымъ же образомъ Blondus Italia illustr. p. 352.

[2]) Первый, кто еще при жизни папы началъ писать его біографію и издалъ первую книгу въ 1453 г. съ пропусками, былъ Франческо Филельфо. Онъ прямо говоритъ объ этомъ въ письмахъ къ Біаджіо Гиллини отъ 23 января 1462 г. и отъ 9 ноября 1464 г. Но ко второй книгѣ, въ которой предполагалось разсказать всю жизнь папы, онъ не приступалъ. Книги этой, бывшей чистымъ панегирикомъ, не осталось и слѣда. Впрочемъ онъ самъ указывалъ на нее въ своихъ сочиненіяхъ (Vita Nicolai V summi pontificis). Indagini S. libreria Visc. Sforz. App. alla parte I p. 9. Потомъ Манетти написалъ Vita Nicolai V въ 4 книгахъ; она напечатана у Муратори Scriptt. T. III. Прибавимъ къ этому краткую, но весьма хорошую и поучительную біографію Веспасіано. Изъ новѣйшихъ имѣетъ значеніе Vita Nicolai V Romae 1742 г., написанная Dom. Georgius, именно въ своемъ литературномъ отдѣлѣ, такъ какъ авторъ пользовался рукописями ватиканской библіотеки. Тоже самое слѣдуетъ сказать про Zanelli Il pontefice Nicolò V e il resorgimento delle lettere, delle arti e delle scienze in Italia. Roma 1855. О внѣшнихъ событіяхъ жизни и правленіи папы ср. G. Voigt Enea Silvio de Piccolomini Bd. I S. 401—409.

лигурійскомъ городкѣ Сарзана, гдѣ родилась его мать, то обыкновенно его называли прямо Томмазо изъ Сарзаны, не обращая вниманія на настоящее мѣсто его рожденія и фамилію. Онъ еще въ ранней юности изучалъ богословіе въ Болоньѣ, но не могъ тамъ оставаться. Чтобы пріобрѣсти средства къ жизни, Томмазо отправился во Флоренцію и два года занимался тамъ обученіемъ дѣтей—первый годъ въ домѣ Ринальдо дельи Альбицци, а второй у Палла де' Строцци. Жизнь въ этихъ знатныхъ семьяхъ произвела громадное вліяніе на его дѣятельность и образъ мыслей. Онъ возвратился въ Болонью, получилъ степень магистра богословія, потомъ поступилъ на службу къ Никколо д' Альбергати, болонскому епископу. Папа Мартинъ вскорѣ сдѣлалъ послѣдняго кардиналомъ С. Кроче. Это былъ второй рѣшительный моментъ въ жизни Томмазо. Въ теченіи двадцати лѣтъ, до самой смерти этого прелата, онъ былъ его постояннымъ спутникомъ, его вѣрнымъ служителемъ, домоправителемъ и экономомъ его духовной семьи [1]). Альбергати, котораго церковь признала блаженнымъ, дѣйствительно, можно принять за образецъ духовныхъ и монашескихъ добродѣтелей, и имъ могли гордиться братья Картезіанцы [2]). Но тотъ же самый человѣкъ, который носилъ власяницу и спалъ на кучѣ хвороста, въ то же время—фактъ трудно объяснимый—былъ покровителемъ образованныхъ людей и поддерживалъ постоянныя сношенія со многими новѣйшими язычниками, даже съ Поджіо и Филельфо. Парентучелли занималъ средину между этими крайностями. Всего лучше свидѣтельствуетъ о благочестіи кардинала тотъ фактъ, что такой честный человѣкъ, чуждый всякаго лицемѣрія, какъ Парентучелли, многіе годы пользовался его непоколебимымъ довѣріемъ. А въ пользу послѣдняго краснорѣчивѣе всякаго панегирика говоритъ то обстоятельство, что онъ усердно служилъ кардиналу, до самой смерти покоилъ старика, удручаемаго болѣзнями. А сдѣлавшись папою, въ знакъ почтительной признательности, принялъ имя покойнаго благодѣтеля.

Если кардиналъ, человѣкъ съ монашескимъ образованіемъ, все таки покровительствовалъ гуманистамъ, то Парентучелли открывалъ доступъ къ его расположенію, и при его посредствѣ кардиналъ оказывалъ свою щедрость. Поэтому Томмазо снискалъ уваженіе у лите-

---

1) Это, конечно, было положеніе довѣреннаго лица, но не особенно почетное. Джіов. Кавалькапти въ Istorie Fiorentine vol. II, Firenze 1839, p. 299 называетъ его въ шутку: maestro delle maserizie (начальникъ домашней утвари). Обыкновенно ему не дается никакого титула, а просто его называютъ Томмазо изъ Сарзаны, какъ напр. въ самыхъ раннихъ упоминаніяхъ Ambros Travers. epist. VIII, 1. 41, гдѣ онъ называетъ его vir modestissimus atque studiosus, или magister Thomas, какъ въ 1427 г. въ Commissioni di Rinaldo degli Albizzi vol. III p. 129.

2) Литературу о немъ см. въ Enea Silvio Bd. I s. 84.

раторовъ. Еще въ 1427 г. Филельфо, отличавшійся замѣчательнымъ инстинктомъ въ подобныхъ случаяхъ, называлъ молодаго Томмазо изъ Сарзаны своимъ другомъ; онъ очень хорошо зналъ, что кардиналъ любитъ, когда хвалятъ его секретаря и домоправителя [1].

Альбергати жилъ тоже во Флоренціи съ своею духовною семьею, когда папа Евгеній бѣжалъ туда изъ мятежнаго Рима (1434 г). Такимъ образомъ Парентучелли опять встрѣтился съ флорентинскими учеными и покровителями, и высокое положеніе его повелителя доставило ему легкій доступъ въ ихъ кружки. По близости дворца, подлѣ С. Марія Новелла, гдѣ жилъ папа, обыкновенно собирались придворные образованные люди, между которыми главнымъ былъ Поджіо, и флорентинскіе ученые для дружескихъ и литературныхъ бесѣдъ. Тутъ были Бруни, Марсуппини, Траверсари, Манетти, Ауриспа и др. Въ этомъ обществѣ Парентучелли пользовался хорошимъ пріемомъ и былъ не послѣднимъ, когда возникали горячіе споры. Или онъ посѣщалъ академію въ С. Спирито, чтобы съ такими людьми, какъ Ванджелиста да Пиза, поспорить о богословскихъ и философскихъ предметахъ [2]. Девять лѣтъ, считая и кратковременное пребываніе въ Болоньѣ и Феррарѣ, римскій дворъ пробылъ во Флоренціи, и его служащіе стали здѣсь какъ дома. Въ это время и нашъ Томмазо былъ близокъ съ помянутыми учеными, также съ Медичи и Никколи, отчасти даже былъ друженъ. Тогда онъ пристрастился ко всему тому, что увлекало флорентинскихъ гуманистовъ. На него обратили вниманіе и при римскомъ дворѣ. Томмазо принималъ участіе въ дѣлахъ собора и пускалъ въ ходъ свою богословскую діалектику противъ греческихъ заблужденій. До сихъ поръ у него не было ни одной бенефиціи, а теперь папа назначилъ его субдіакономъ римскаго престола съ 300 дукатовъ дохода; кромѣ того онъ получилъ должность архидіакона, съ которою не соединено было никакой пастырской обязанности [3]. Когда его повелитель умеръ отъ мучительной болѣзни (9 мая 1443 г), то Парентучелли ни къ кому не пожелалъ поступать на службу. Вслѣдствіе поѣздокъ въ Германію, въ качествѣ легата, которыя папа поручалъ ему и результатомъ которыхъ было распаденіе опаснаго союза курфирстовъ, Евгеній IV назначилъ его епископомъ болонскимъ, а вскорѣ послѣ этого

---

1) Письма Филельфо къ Томмазо отъ 19 и 31 декабря 1427 г., отъ 1 октября 1432 г. и отъ 20 марта 1433 г. Во второмъ изъ этихъ писемъ онъ говоритъ Томмазо: qui speculum es imagaque et probitatis et gravitatis, а въ послѣднемъ называетъ его кардиналу vir perhumanus et eruditus.

2) Vespasiano Nicola V papa § 5. Ser Filippo di Ser Ugolino § 4. Vangelieta da Piga.

3) Vespasiano Nicola V § 6. 10. Архидіаконство, по словамъ біографіи у Muratori Scriptt. T. XXV p. 275 было въ Феррарѣ, а въ изданіи Мая конечно по ошибкѣ напечатано: in Francia.

и кардиналомъ. Онъ все еще былъ человѣкъ бѣдный, такъ какъ ничего не получалъ въ Болоньѣ, потому что послѣдняя тогда не повиновалась церкви. Чтобы помочь его крайней нуждѣ, папа долженъ былъ назначить его своимъ вицекамераріемъ [1]).

Именно въ такой бѣдности, сопутствовавшей ему до папскаго престола, мы должны искать причину того явленія, что на престолѣ онъ сдѣлался такимъ привѣтливымъ меценатомъ и щедрымъ. Во Флоренціи всего возвышеннѣе казались ему тѣ блестящія формы, въ какихъ являлась тамъ наука и искусство, а всего унизительнѣе, когда писатели и художники терпѣли нужду. Онъ и тогда уже говорилъ, что на постройки и на книги готовъ истратить всѣ свои деньги. Парентучелли нашелъ въ лицѣ Козьмы Медичи такого мецената, который умѣлъ помогать любезно и не задѣвая чести, и теперь къ этому идеалу стремились самые завѣтные помыслы и мечты будущаго папы.

Только по своему темпераменту они различались. У Козьмы хватало терпѣнія спокойно садить отпрыскъ, цвѣтовъ и плодовъ котораго онъ, быть можетъ, не дождется. Но не таковъ былъ папа. Онъ хотѣлъ, чтобы все быстро цвѣло и созрѣвало. Тощій, невысокій востроносый человѣчекъ съ черными сверкающими глазами оживалъ и весь обращался въ страсть, когда заходила рѣчь объ одной изъ его любимыхъ темъ, когда одинъ изъ его служителей не понималъ его по первому намеку или самъ онъ въ спорѣ встрѣчалъ противорѣчіе. Онъ всегда желалъ быть правымъ и былъ самолюбивъ. Поэтому Николай V охотнѣе принималъ къ себѣ въ услуженіе французовъ и нѣмцевъ, чѣмъ итальянцевъ; первыхъ онъ считалъ мягче. Кто не могъ спокойно переносить его вспышекъ, тотъ для него не годился. Римляне объясняли эти выходки вліяніемъ вина, которое онъ, дѣйствительно, не въ мѣру любилъ со времени восшествія на папскій престолъ. Онъ становился самъ не свой, когда не ощущалъ наслажденія жизнію и бодрости. Его торопливая и пылкая бесѣда служила яснымъ признакомъ, что онъ былъ доволенъ, но онъ говорилъ такъ добродушно и, уже будучи кардиналомъ и папою, такъ мягко, что на него никто не долженъ былъ обижаться. Будучи еще епископомъ, Парентучелли былъ врагъ всякаго стѣснительнаго церемоніала, такъ что приходящій къ нему могъ тотчасъ же садиться рядомъ съ нимъ, какого бы званія ни былъ. Онъ тоже удерживалъ своего гостя, желая поболтать съ нимъ, подольше развлечься, а когда послѣдній уходилъ, то хозяинъ провожалъ его до самой двери. Папа былъ чуждъ всякаго притворства и лицемѣрія [2]), отдавался людямъ всею душею и прощалъ имъ

---

[1]) Vespasiano l. c. § 11. 12.

[2]) Vespasiano § 8 особенно ставитъ это на видъ: Era uno uomo aperto, largo, senza sapere fingere o simulare, e nemico di tutti quegli che simulavano o fingevano.

нѣкоторые недостатки, если только они были откровенны. Напротивъ этотъ человѣкъ относился съ непреодолимымъ недовѣріемъ къ каждому, кто былъ скрытенъ и казался какъ бы на сторожѣ. Эти люди лишали его хорошаго расположенія духа. У Парентучелли всегда замѣчалась склонность давать скоро и отъ души, чего у него просили. Въ подобномъ случаѣ онъ не могъ размышлять и соображать: онъ радовался радостью человѣка, получавшаго желаемое. Парентучелли прослылъ щедрымъ раньше, чѣмъ могъ оправдать эту молву.

Чтобы составить себѣ понятіе объ умственныхъ способностяхъ Парентучелли и объ его научномъ образованіи, мы должны оставить безъ вниманія всѣ тѣ похвалы, которыми осыпали его какъ папу. Слѣдуя имъ, его ученость и таланты были безпредѣльны. Въ молодые годы будущій папа считался за ученаго богослова. Его пониманіе было такъ же быстро и поспѣшно, какъ и его темпераментъ. Книги онъ пробѣгалъ съ быстротою молніи и удерживалъ изъ нихъ многое, что ему было особенно полезно въ спорахъ и въ бесѣдѣ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ живыхъ людей, у которыхъ то, что они воспринимаютъ учась, не сливалось съ ихъ существомъ, которые послѣ быстраго обихода снова должны возобновлять это въ своей памяти такъ или иначе. Когда онъ говорилъ, какъ напр. на флорентинскомъ соборѣ или будучи легатомъ, то можно было удивляться запасу его свѣдѣній. Что этотъ человѣкъ зналъ, тѣмъ постоянно обладалъ, но что сообщалъ, того было достаточно лишь для минутной потребности. Вотъ почему папа не считалъ стоящими письменнаго изложенія свои богословскія толкованія и рѣчи: въ сочиненіи трактатовъ его превзошли бы многіе. Это былъ вообще человѣкъ только воспріимчивый, который могъ наслаждаться литературнымъ произведеніемъ, но самъ написать ничего не могъ. У насъ есть лишь одно его письмо, и замѣчательно, что именно это письмо показываетъ, почему оно единственное или, по крайней мѣрѣ, одно изъ немногихъ. Писало оно къ Никколи[1]. Томмазо извиняется, что часто грѣшитъ противъ правила вѣжливости, не отвѣчая на полученныя письма. Онъ относитъ себя въ шутку къ числу тѣхъ людей, которые желаютъ считаться образованными, но, сознавая свою неспособность, лучше готовы молчаніемъ поддержать доброе мнѣніе о себѣ, чѣмъ испортить его выступивъ на сцену. Мы видимъ, что онъ не довѣрялъ себѣ, какъ писателю, и это единственное письмо показываетъ, насколько ему чужда была та легкость изложенія и тѣ цвѣты краснорѣчія, какіе были въ ходу вообще въ флорентинскихъ кружкахъ. Въ этомъ отношеніи Парентучелли былъ сходенъ съ Никколи: и онъ очень хоро-

---

[1]) Оно есть въ письмахъ Ambros. Travers. XXV, 3.

шо зналъ, какія требованія предъявляются къ гуманистическимъ произведеніямъ, такъ что не могъ себя обманывать насчетъ своихъ дарованій. Только Никколи старался тщательно скрывать этотъ недостатокъ, а Парентучелли былъ и въ этомъ отношеніи добросовѣстенъ.

Нельзя отрицать того, что лучшею его чертою, какъ и его друзей, Траверсари и Никколи, было стремленіе собирать рукописи, приводить ихъ въ порядокъ и исправлять. Еще въ молодости онъ весьма охотно жертвовалъ своими небольшими деньгами на книги. Чтобы покупать книги, а другія списывать и украшать миніатюрами, онъ часто занималъ больше, чѣмъ могъ заплатить. Въ библіотекѣ бѣднаго магистра между прочимъ красовались сочиненія блаженнаго Августина въ двѣнадцати красивыхъ томахъ [1]). Онъ особенно старался собрать письма его, находившіяся въ разныхъ рукописяхъ и, къ своей великой радости, собралъ ихъ 216. Эту услугу оказалъ онъ именно Августину, любимцу Петрарки, Никколи и вообще старшихъ гуманистовъ [2]). Каждый разъ, какъ онъ отправлялся легатомъ вмѣстѣ съ своимъ кардиналомъ, онъ привозилъ разныя сочиненія, а особенно изъ Франціи, еще неизвѣстныя итальянской республикѣ ученыхъ, какъ напр. проповѣди Льва Великаго, сборникъ толкованій Ѳомы Аквинскаго на Евангеліе отъ Матѳея, также нѣкоторыя сочиненія Иринея и Ѳеофила. Мы уже раньше разсказали о томъ, какъ онъ нашелъ въ Германіи полный экземпляръ сочиненій Тертулліана и тотчасъ же послалъ его Никколи, какъ драгоцѣнное сокровище [3]). И изъ приведеннаго нами письма видно, что Томмазо искалъ въ монастырскихъ библіотекахъ творенія отцовъ Церкви и вступалъ въ сношенія съ разными лицами, чтобы снимать копіи и сличать разные списки. Самъ онъ писалъ красивымъ почеркомъ и снабжалъ рукописи, принадлежавшія ему, толкованіями на поляхъ и обозначеніями главъ. Очевидно, его всего болѣе воодушевлялъ примѣръ такихъ людей, какъ Никколи и Траверсари, и онъ былъ авторитетомъ не по научнымъ и литературнымъ вопросамъ, а по библіографическимъ и библіотечнымъ. Это именно былъ такой человѣкъ, какого желалъ имѣть Козьма Медичи для составленія росписи книгъ, которыя могли бы служить украшеніемъ монастырской библіотеки. Теперь богатыя средства основателя Козьмы и охота къ собиранію Никколи сосредоточились въ одномъ лицѣ, и это лицо заняло папскій престолъ.

---

[1]) Ambros. Travers. epist. XIII, 18. Vespasiano § 7.

[2]) Въ своемъ библіотечномъ канонѣ (см. томъ I стр. 374) онъ говоритъ объ Августинѣ: Epistolarum quas scripsit incertus est numerus, tamen hucusque.... 216 ex diversis voluminibus collegi.

[3]) Томъ I стр. 244.

Николай V началъ первосвященствовать во время, самое удобное для осуществленія его желаній и стремленій. Базельскія бури стихли, и римскій престолъ снова утвердился прочно. Савойскій антипапа, наскучивъ треволненіями, обманутый и покинутый свѣтскими государями, сложилъ свою тіару къ стопамъ римскаго владыки; самый соборъ разошелся, требованій реформы было уже не слышно. Правда, по временамъ французскіе короли находили нужнымъ изъ политическихъ видовъ пугать римскихъ придворныхъ призракомъ новаго собора, а въ Германіи курфирсты и прелаты слегка составляли заговоры. Но завѣтная политика римскаго двора легко отражала эти угрозы. Съ одной стороны нападкамъ никто не придавалъ серьезнаго значенія, а съ другой конкордатъ и партія императора, единомышленнаго съ папою, парализовали всякія соединенныя усилія противниковъ. За полувѣковою борьбою, за громкими криками и требованіями церковныхъ преобразованій во главѣ и членахъ послѣдовало утомленіе, реакція. Она была такъ рѣшительна и невозмутима, что охватила даже и папу, который вступилъ на престолъ съ благими мыслями о реформахъ.

Если усилія идеологовъ не удаются, то всегда бываетъ естественнымъ слѣдствіемъ противоположное явленіе, къ какому приводятъ всѣ міровыя движенія, торопливое и зазорное стремленіе къ наживѣ и наслажденію. Какъ прежде энергично ратовали противъ злоупотребленій римскаго двора, такъ теперь спѣшили къ нимъ, чтобы по старому кривыми путями добиваться епископствъ, разныхъ мѣстъ и бенефицій. Теперь, послѣ долгаго отлива, снова настало время прилива для кардиналовъ-протекторовъ, адвокатовъ, для цѣлой массы чиновниковъ и для папской казны. Вмѣсто того, чтобы предсказывать торжество антихриста и гибель церкви, рѣшились предоставить судьбу ея Всевышнему и относиться къ ней такъ, какъ она есть.

Войны въ Италіи, конечно, еще продолжались. Но папа держался въ сторонѣ отъ нихъ; онъ спокойно смотрѣлъ, какъ разныя государства разоряли другъ друга съ помощью наемныхъ войскъ и почти гибли, не достигши никакой цѣли. Онъ даже тайкомъ поддерживалъ раздоры подъ маскою посредника, только для того, чтобы Церковная область наслаждалась благами мира. Какъ частный человѣкъ, онъ былъ прямъ и откровененъ, но теперь велъ эту фальшивую игру съ такимъ искусствомъ, что въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ ничего не замѣчали даже самые опытные политики, какъ Козьма Медичи, Франческо Сфорца и даже члены совѣта республики св. Марка. Обстоятельства благопріятствовали ему, и онъ благоразумно пользовался ими, желая доставить себѣ мирный досугъ, какой былъ желателенъ для его завѣтныхъ стремленій. Этого наслажденія досугомъ не нарушило даже и извѣстіе о паденіи Константинополя.

Юбилейный 1450-й г., къ празднованію котораго папа Николай такъ тщательно приготовился, былъ какъ бы торжествомъ возстановленія папской власти. Конечно, не одна только набожная вѣра влекла тысячи людей изъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ къ подножію престола св. Петра. Однако все таки Римъ представлялся средоточіемъ вселенной, и всѣ чтили величіе его духовнаго владыки. Вѣрующіе охотно, безъ ропота, слали обильныя приношенія отовсюду и наполняли папскую казну, которая никогда не была въ такомъ цвѣтущемъ положеніи, какъ въ то время. Всѣ извѣстія согласны относительно быстраго повышенія доходовъ, и въ одинъ банкъ дома Медичи была положена въ то время сумма въ 100.000 гульденовъ золотомъ [1]).

Папа, нося въ душѣ идеалъ Козьмы Медичи, теперь обладалъ такими же богатствами, какъ онъ. Но то, что поступало въ папскую казну, попадало въ его руки и опять уходило на художническія и научныя предпріятія. При римскомъ дворѣ господствовали теперь великолѣпіе и роскошь въ силу того закона, по которому послѣ пережитыхъ опасностей люди стремятся вдвойнѣ насладиться благами жизни. Но они были и личною страстью этого папы. Долго жилъ онъ въ бѣдности и скромно; въ весьма короткое время, именно въ два года, онъ прошелъ степени епископа и кардинала и наконецъ сдѣлался папою. То обстоятельство, что онъ столь быстро получилъ средства для роскошной жизни, увлекало этого воспріимчиваго человѣка. Папа отрѣшился отъ воспоминаній о серьезномъ обликѣ подвижника Альбергати. Онъ хотѣлъ быть римскимъ Козьмою Медичи и сдѣлать изъ Рима вторую, болѣе величавую Флоренцію. Николай V по своей спѣшности не различалъ того, чѣмъ онъ обязанъ церкви, отъ того, насколько папа имѣетъ право удовлетворять своимъ личнымъ вкусамъ. Онъ даже никогда и не думалъ объ этомъ. Онъ чувствовалъ только, что его идеалъ не лишенъ возвышеннаго характера, и съ полною энергіею отдавался его осуществленію.

Если всякій цѣнилъ вдвойнѣ тѣхъ государей, которые умѣли быть Августами и меценатами въ одномъ лицѣ и находить Гомера для прославленія своихъ подвиговъ, который бы увѣковѣчилъ ихъ славу, то почему же и ему, въ рукахъ котораго были ключи отъ небеснаго блаженства, кромѣ истиннаго безсмертія не желать и безсмертія въ потомствѣ? Эта идея, самое заманчивое наслѣдіе классическаго язычества, снова ожила въ умахъ вмѣстѣ съ изученіемъ древнихъ поэтовъ и вообще писателей и незамѣтно оттѣснила на второй планъ христіанскія воззрѣнія. Блестящимъ доказательствомъ торжества ея слу-

[1]) Vespasiano § 19.

жить то, что она въ лицѣ папъ появилась на папскомъ престолѣ и придала ему на долгое время особую окраску.

Такимъ образомъ въ стремленіи къ посмертной славѣ мы должны искать объясненія дѣятельности этого папы, блеска его двора, его пышныхъ построекъ, его покровительства ученымъ и поэтамъ, наконецъ основанія библіотеки. Его стремленіямъ нимало не удивлялись въ то время: онъ хотѣлъ, по признанію одного изъ его біографовъ — панегиристовъ, воздвигнуть себѣ прочные, даже вѣчные памятники, потому что «пламенно желалъ славы» [1]).

Подобно свѣтскимъ государямъ своего времени, папа Николай ввелъ при римскомъ дворѣ великолѣпіе и роскошь. Кто видѣлъ послѣдній при Евгеніи IV, тотъ замѣчалъ громадную разницу; тогда, говоритъ флорентинецъ Веспазіано, еще не было той пышности при римскомъ дворѣ, какая господствуетъ теперь [2]). Съ этихъ поръ прелаты и служители ихъ являлись къ папѣ не иначе какъ въ щелковыхъ одѣяніяхъ, шитыхъ золотомъ, комнаты ватиканскаго дворца были украшены великолѣпными коврами, убранствомъ всякаго рода и наполнены золотыми сосудами. Папская митра была украшена слоновою костью, и самъ папа былъ величественнѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ. Великія церковныя торжества все болѣе принимали характеръ пышныхъ придворныхъ празднествъ. Римскіе храмы должны были дѣйствовать на чувства вѣрующихъ не только своими гробницами и мощами, но также и коврами, шитыми золотомъ, и драгоцѣнною утварью, чтобы величіе апостольскаго престола отражалось и въ блескѣ земнаго величія и церковь являлась силою торжествующею [3]).

Римскіе императоры возвѣстили потомству о славѣ своего господства надъ міромъ пышными постройками, и оно съ благоговѣніемъ останавливалось передъ развалинами послѣднихъ. Когда эпоха императоровъ ожила въ воспоминаніи потомковъ, Висконти и Сфорцы въ Миланѣ, Эсте въ Феррарѣ, Гонзаги въ Мантуѣ стали сооружать величественныя зданія, но величественнѣе всѣхъ Медичи во Флоренціи. Въ сущности они строили даже церкви и монастыри для прославленія своего имени, а не къ славѣ Божіей, Дѣвы Маріи и святыхъ. Украшеніе зданіями новаго Рима относится къ эпохѣ Николая V. А его преемники почти въ теченіи цѣлаго столѣтія шли по пути, предначертанному имъ и приведшему къ эпохѣ процвѣтанія пластическихъ искусствъ при Юліи II и Львѣ X.

---

1) Manetti Vita Nicolai V p. 925.

2) Nicola V Papa § V. Веспасіано писалъ это при Павлѣ II, который въ этомъ случаѣ былъ прямымъ продолжателемъ системы Николая V.

3) S. Antoninus Chronicon P. III tit. XXII cap. XII in princ. Aeneas Sylvius Europa cap. 58. Manetti l. c. p. 923.

Если Николай V является великимъ строителемъ своего времени, то помимо его любви къ великолѣпію имъ руководило и другое побужденіе. Въ сущности онъ былъ человѣкъ робкій, боявшійся малѣйшаго шума оружія и призрака народнаго возстанія. Его тревожная жизнь въ мятежной Болоньѣ, участь его преемниковъ, смуты, происходившія раньше его избранія, а въ особенности заговоръ Поркари, о которомъ мы вскорѣ будемъ говорить, внушали ему необычайный страхъ. Этимъ объясняется его стремленіе оградить себя и свою власть стѣнами и укрѣпленіями. Первою его задачею было возстановить громадныя стѣны вокругъ Рима. Потомъ онъ намѣревался отдѣлить крѣпкою стѣною всю ту часть, гдѣ находился его дворецъ, какъ папскую, vicus curialis, отъ воротъ замка св. Ангела до стѣнъ собора св. Петра, такъ чтобы папскій дворецъ, вдвойнѣ обезпеченный второю окружною стѣною и башнями, имѣлъ видъ крѣпости въ укрѣпленіи. Здѣсь долженъ былъ жить спокойно, не опасаясь никакого нападенія, весь римскій дворъ съ его служителями, ремесленниками и кузнецами. Уже были заложены фундаменты и обозначены тѣ мѣста, гдѣ должны были возвышаться башни. И всѣ прочія постройки въ городѣ были расположены такъ, чтобы могли служить цитаделями. Было возстановлено въ Церковной Области множество укрѣпленныхъ замковъ, и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ устроены въ то же время безопасныя лѣтнія резиденціи для папы. Такъ заботился послѣдній о своей личной безопасности и своихъ окружающихъ на случай войны или возстанія [1]).

Во главѣ построекъ, задуманныхъ Николаемъ V, которыми онъ хотѣлъ превзойти Медичи, стоитъ возобновленіе храма св. Петра по плану, который, какъ съ удивленіемъ увѣряетъ біографъ папы, сдѣлалъ бы базилику верховныхъ апостоловъ, будь она кончена, выше всѣхъ зданій въ мірѣ. И ватиканскій дворецъ былъ весь выстроенъ вновь, съ пышными залами и особымъ кабинетомъ (studio) для папы, въ которомъ онъ помѣстилъ свою частную библіотеку. Мысль о великолѣпномъ убранствѣ новыхъ помѣщеній, по видимому, долгіе годы занимала папу и дала работу цѣлому ряду художниковъ. Наконецъ тѣ сорокъ пунктовъ (stationes), которые были основаны

---

[1]) Platina Vita Nicolai V (edit. s. l. 1664) p, 613, Медали, выбитыя при немъ и изображающія часть новой городской стѣны съ надписью Felix Roma, см. у Bonanni Nomism. Pontif. T. p. 51. То мѣсто въ стихотвореніи Джузеппе Бриппи, въ которомъ онъ воспѣваетъ эти постройки, у Ranke, Die röm. Päpste Bd. III 6 Aufl. Analecken s. 3:

Arces fortificat muris turrimque superbam
Extruit.... ne quis tyrannus ab alma
Quemque armis valeat papam depellere Roma.

папою Григоріемъ Великимъ и надъ возобновленіемъ которыхъ уже трудились Мартинъ V и Евгеній IV, были украшены новыми, болѣе великолѣпными постройками. Трудно было бы перечислить всѣ тѣ церкви, монастыри, виллы и водопроводы, которые были сооружены вновь. Папа былъ занятъ цѣлою массою плановъ и проектовъ, окруженъ цѣлою толпою архитекторовъ, строителей, ваятелей, художниковъ, золотыхъ дѣлъ мастеровъ, торговцевъ коврами и всякаго рода мастерами. Конечно, его восьмилѣтняго правленія не хватило на то, чтобы привести въ исполненіе всѣ эти замыслы. Но уже тѣ скромныя предпріятія, которыя были выполнены, и приготовленія къ болѣе грандіознымъ, остановившіяся за его смертію, возбуждали удивленіе современниковъ. Подобно тому, какъ замокъ св. Ангела превосходитъ высотою постройки древнихъ римскихъ императоровъ, по словамъ Пикколомини, такъ сооруженія Николая V превосходятъ все, что было произведено въ новое время. Если бы его постройки, лежащія въ настоящее время въ развалинахъ, могли быть доведены до конца, то онѣ не уступали бы въ великолѣпіи ни одному сооруженію древнихъ императоровъ. Поэтъ Бриппи готовъ утверждать, что всѣ папы въ теченіи цѣлаго тысячелѣтія не выстроили въ Римѣ столькихъ замковъ, дворцовъ и крѣпостей, сколько одинъ Николай V [1].

Страсть папы къ постройкамъ была еще неудержимѣе съ тѣхъ поръ, какъ со времени юбилейнаго года всѣ кассы были обильно снабжены. Она обнаруживается и въ его неразборчивомъ, даже варварскомъ отношеніи къ созданіямъ языческой и христіанской древности. Какимъ образомъ было возможно, что именно этотъ папа, человѣкъ умный и чтившій памятники, многосторонне образованный, вращавшійся среди такихъ образованныхъ людей, какъ Поджіо и Біондо, столь почтительно относившихся ко всякой древности, такъ вандальски поступилъ съ остатками этой древности! Какія бури временъ выдержала почтенная базилика св. Константина до той эпохи, когда именно папа, боготворимый гуманистами, принялся разрушать ее, желая замѣнить новою постройкою по собственному вкусу! Со времени Петрарки поклонники древности, и Поджіо громче всѣхъ, жаловались на то, что развалины древняго Рима постыдно потребляются невѣждами для до-

[1]) Aeneas Sylvius Historia Friderici III ed. Kollar p. 138. 282; Europa cap. 58. О постройкахъ Николая V весьма подробно говоритъ Манетти p. 930—940. Platina Vita Nicolai V. Далѣе Petrus de Godis Dyalogon de conjuratione Porcaria, изданіе Perlbach, Greifswald 1879, s. 20. Прибавимъ къ этому работу Мюнца, цѣнную по собранному въ ней матеріалу и по тщательной критикѣ его, Les arts à la cour des papes pendant le XV-e et le XVI-e siècle, à Paris 1878 p. 68 seq. Здѣсь есть и стихи Бриппи p. 73. Любопытна оцѣнка труда Мюнца, сдѣланная Киннеахомъ въ Augsburger Allg. Zeitung 23 и 28 іюля 1879 г.

биванія камней и извести. Но ни одинъ изъ невѣждъ не производилъ такихъ опустошеній, какъ этотъ прославленный меценатъ гуманистовъ и художниковъ. Въ одинъ годъ было вывезено больше 2500 возовъ травертина изъ Колизея, отъ S. Maria Nuova, съ форума, изъ большаго цирка, съ авентинскаго холма — для новыхъ папскихъ построекъ. Гораздо больше, чѣмъ когда нибудь, шло на известку мрамора, доставленнаго въ Римъ древними императорами. Самому папѣ, по видимому, это ни мало не казалось страннымъ. Лишь мимоходомъ слышимъ мы жалобы отъ Бьондо и Веджіо. Поджіо обратился съ словами увѣщанія къ папѣ чрезъ любимца его Пьеро де Ночето, только тогда уже, когда оставилъ Римъ. Онъ совѣтовалъ ему оставить разорительную страсть къ постройкамъ [1]), но не хотѣлъ высказать этого папѣ прямо. Поджіо ни словомъ не упоминаетъ о расхищеніи остатковъ древности. Мы почти готовы думать, что ему жаль только денегъ, которыя папа потратилъ не на пособіе литераторамъ. Не будь у насъ въ рукахъ счетовъ казначейства, мы никогда не узнали бы отъ свидѣтелей, состоявшихъ на жалованьи, что этотъ папа обратилъ въ развалины Колизей.

Неумѣренная страсть папы къ постройкамъ и расточительная любовь къ пышности вызвали сильное порицаніе у современниковъ. Это мы знаемъ и изъ оправданія его біографа Манетти, которое онъ заставляетъ папу высказать кардиналамъ уже на смертномъ одрѣ [2]). Онъ имѣлъ основаніе считать необходимыми укрѣпленія замка, потому что соборъ св. Петра и дворецъ папы слѣдовало обезпечить отъ нападенія внѣшнихъ враговъ, быть можетъ, даже турокъ и мятежныхъ римлянъ. Николай V могъ оправдывать улучшеніе домашняго быта придворныхъ, если ихъ спальныя комнаты будутъ устроены такъ, что въ нихъ не могутъ проникнуть «ни разумныя, ни неразумныя твари, кромѣ пернатыхъ». Папа могъ говорить, что величіе и достоинство Рима должны производить и внѣшнее впечатлѣніе на людей и т. п. Но не извѣстно, чтобы до слуха его доходили когда нибудь упреки, и мы не думаемъ, чтобы Николай V, ослѣпленный своимъ самолюбіемъ и поклоненіемъ льстецовъ, унизился до оправданія. Онъ дѣйствовалъ какъ бы по горячности инстинктивнаго влеченія, воодушевленный тѣми идеями, которыми восторгался въ юные годы во Флоренціи, счастливый въ тѣхъ кружкахъ, въ которыхъ

---

1) Epist. XI, 6 ed. Tonelli отъ 25 іюля (1453 г., подъ впечатлѣніемъ извѣстія о паденіи Константинополя): ut cesset ab impensa aedificandi, quam, ut tecum vera loquar, omnes non culpant hoc tempore, sed detestantur. Онъ пишетъ это, по его словамъ, для того, чтобы папа culpam et infamiam fugere posit et laudem consequi.

2) Vita Nicolai V p. 949—952.

искусства и наука сдѣлались потребностью жизни. Дѣйствительно, для искусства было весьма благопріятно, когда мастерскія въ Римѣ, Флоренціи, Венеціи и Парижѣ стали получать большіе заказы, когда художническія силы Италіи и Фландріи нашли для себя почву дѣятельности. Поэтому и исторія искусствъ прославила имя Николая V. Но папу побуждала къ постройкамъ не любовь къ искусству, а любовь къ пышности, жажда славы и безсмертія въ потомствѣ, владѣвшая умами столь многихъ его современниковъ. И онъ, быть можетъ, не вполнѣ сознавая этого, вращался въ сферѣ языческихъ идей, былъ преемникомъ не только Христа и Апостоловъ, но и древнихъ римскихъ цесарей. Навѣрное, ни одинъ изъ римскихъ папъ раньше его не ставилъ такъ беззастѣнчиво на первомъ планѣ собственную личность, не потворствовалъ такъ своимъ вкусамъ и прихотямъ. Въ этомъ отношеніи замѣчательно, что Николай V былъ тоже первымъ папою, вѣрное изображеніе котораго далъ намъ писецъ его канцеляріи, Андреа Гвачіалотти изъ Прато [1]).

Тотъ самый Римъ, который папа задумалъ превратить въ метрополію искусствъ и наукъ, показалъ ему и свои республиканскія тенденціи. Именно величайшему изъ меценатовъ грозило появленіе новаго Колы, который вышелъ изъ среды флорентинскихъ друзей папы, призракъ античной республики, могшій повести къ его низверженію и гибели. Народные трибуны и поборники свободы, появлявшіеся въ Римѣ отъ времени до времени изъ знати, исходили постоянно отъ представленій, заимствованныхъ у Ливія, и хотѣли снова возвратить исконныя права римскому сенату и народу. Безъ сомнѣнія, фамилія Колоннъ задумала послѣднее возстаніе, во время котораго папа Евгеній былъ запертъ въ церкви и едва спасъ свою жизнь постыднымъ бѣгствомъ. Но и тогда революція вспыхнула при кликахъ свободы, и зачинщики ея хотѣли низвергнуть власть духовенства.

Уже въ то время среди этихъ волненій игралъ выдающуюся роль юный римскій рыцарь и гражданинъ, Стефано де' Поркари, происходившій изъ знатнаго рода, по своему образованію и направленію отъявленный врагъ духовенства и республиканецъ въ душѣ, не такой пустой мечтатель, какъ Кола, но человѣкъ смѣлый и энергичный. Онъ еще тогда готовъ быть дать приличное положеніе папѣ въ свободной общинѣ. Замѣчательно, что онъ обязанъ былъ Флоренціи если не образованіемъ, то направленіемъ своего ума. Тамъ Поркари нѣсколько

---

[1]) О немъ есть нѣкоторыя свѣдѣнія у Georgius Vita Nicolai quinti p. 168 и прекрасный критическій трудъ Юліуса Фридлендера (Берлинъ, 1857). Но замѣчательно, что Евгеній Мюнцъ въ Revue archéol. 1879 p. 89 не привелъ ни одного доказательства въ пользу того, что папа Николай V обращалъ вниманіе на произведенія скульптуры.

разъ исправлялъ должность capitano del popolo въ 1427 и 1428 гг. въ которую обыкновенно избирали чужеземцевъ. Но онъ, по видимому, и прежде, и послѣ этого любилъ жить въ городѣ на Арно. Поркари особенно любилъ вращаться въ гуманистическихъ кружкахъ, среди такихъ людей, какъ Поджіо и Чиріако изъ Анконы. Но особенною дружбою республиканецъ былъ связанъ съ Траверсари, въ письмахъ котораго о немъ часто упоминается съ уваженіемъ и похвалою. Самъ Поркари писалъ свои письма въ духѣ гуманистовъ, и если онъ не игралъ видной роли между ними, то радъ былъ и тому, что его стремленія удостоивались похвалы [1]). У насъ есть также одно латинское стихотвореніе, въ которомъ онъ прославлялъ Чиріако анконскаго; вообще его по временамъ называютъ поэтомъ [2]). Пространныя рѣчи, говорившіяся Поркари въ торжественныхъ случаяхъ на народномъ языкѣ въ качествѣ capitano del popolo, распространялись какъ образцы реторическаго искусства, подобно такимъ же рѣчамъ Бруни и Манетти [3]). Во Флоренціи его просто называли Порчіо; вѣроятно, самъ онъ видѣлъ въ этой перемѣнѣ своего имени пріобщеніе себя къ роду Катоновъ. Его никогда, даже и послѣ гибели во время заговора, не принимали во Флоренціи за разрушителя въ родѣ Катилины, какъ впослѣдствіи думали о немъ римскіе придворные [4]).

Послѣ продолжительныхъ поѣздокъ во Францію и Германію, послѣ того, какъ Поркари вдоволь видѣлъ свѣтъ, онъ воротился въ 1431 г. въ Римъ [5]). Мы не знаемъ, что онъ тамъ дѣлалъ и какое принималъ участіе въ революціи 1434 г. Потомъ Поркари, по видимому, пытался примирить бѣжавшаго папу съ возставшими римлянами. Въ сентябрѣ этого года онъ имѣлъ аудіенцію у Евгенія IV; но они разстались не пришедши ни къ какому соглашенію. И тогда еще Траверсари вовсе не смотрѣлъ на молодаго рыцаря, какъ на мятежника, и желалъ, чтобы папа послѣдовалъ его благоразумному совѣту [6]). Потомъ и въ Сіэнѣ

---

1) Мы читаемъ два его письма въ письмахъ Ambros. Travers. XXIV, 27. 28 rec. Canneto. Траверсари пишетъ ему epist. VI, 14: Accepi Suavissimas litteras, tuas vetustatem mire sapientes etc.

2) Это, безъ сомнѣнія, Romanus Portius quidam poeta въ Kyriaci Itinerar. ed. Mehus p. 14. Rosmini Vita di Filelfo T. I p 55 упоминаетъ о веронскомъ кодексѣ, въ которомъ рядомъ съ сочиненіями Цицерона, Петрарки, Бруни и Филельфо есть нѣкоторыя (рѣчи?) Поркари,

3) У Lamius Catal. bibl. Riccard. p. 180 и Zacharias Iter litt. p. 28. Девять сохранившихся рѣчей изъ 17 издалъ Манци въ Testi di lingua inediti, Roma 1816. Ср. Tommasini p. 94.

4) Въ пользу этого говоритъ уже дружба съ Траверсари. Buoninsegni Storia della città di Firenze p. 102 называетъ его cavalier gentile e valentuomo ed eloquente e di grand' animo. Привѣтствіе Поджіо въ его epist. V, 5 ed. Tonelli.

5) Такъ его встрѣтилъ Траверсари, какъ сообщаетъ въ Hodoeporicon p. 11.

6) Ambros. Travers. epist. III, 3. 10.

Поркари занималъ такое же положеніе, какъ во Флоренціи [1]). Съ этихъ поръ въ теченіи многихъ лѣтъ о немъ ничего не слышно. Въ Римѣ онъ едва ли оставался подъ строгою системою управленія Вителлески и Скарампо. Быть можетъ, въ это время онъ обѣднялъ, задолжалъ и сошелся съ сомнительными личностями. Поркари выступилъ на сцену вскорѣ послѣ смерти папы Евгенія, во время конклава. Онъ собралъ въ Арачели шайку людей, готовыхъ на всякое предпріятіе, держалъ къ нимъ пламенныя рѣчи, считая позоромъ, что потомки древнихъ римлянъ стали рабами поповъ. Настало время, по словамъ оратора, свергнуть это иго и снова возстановить свободу. Затѣвалось уже восстаніе, но нѣкоторые прелаты успѣли склонить на свою сторону народъ и успокоили его, обѣщая избавленіе отъ нѣкоторыхъ податей. Когда на конклавѣ былъ избранъ папою Николай V, то онъ съ замѣчательною снисходительностью отнесся къ Поркари, именно простилъ его, вѣроятно, по старому знакомству во Флоренціи, или потому, что не желалъ строго смотрѣть на то, что произошло во время конклава. Поркари былъ удаленъ въ почетное изгнаніе въ Болонью, гдѣ каждый день долженъ былъ являться къ легату, кардиналу Виссаріону, но при этомъ получалъ даже вспоможеніе изъ папской казны.

Изгнанный республиканецъ задумалъ настоящій заговоръ, которымъ руководствовалъ изъ Болоньи. Матеріалъ для этого въ Римѣ былъ всегда наготовѣ, какъ скоро во главѣ движенія становился человѣкъ рѣшительный. Тамъ прежде всего было много обѣднѣвшей знати и такъ называемыхъ рыцарей, пособниковъ Колоннъ и Орсини во время ихъ раздоровъ. Это были настоящіе бандиты и всякаго рода искатели приключеній. Вѣроятно, въ подобной пестрой толпѣ были и люди, дѣйствительно, мечтавшіе о свободѣ. Прежде всего слѣдовало расчитывать на робкую столичную чернь, когда дойдетъ дѣло до грабежа. Рѣшительный ударъ, къ которому готовился самъ Поркари, на этотъ разъ слѣдовало наносить быстро. Въ праздникъ Вознесенья 1453 г., когда папа съ кардиналами будетъ совершать торжественное Богослуженіе въ храмѣ св. Петра, намѣревались поджечь находившіяся по близости конюшни, а во время суматохи заговорщики, по приказанію Поркари, около 700 чел., ворвутся въ соборъ съ крикомъ: «да здравствуетъ народъ и свобода!», схватятъ и окуютъ папу, его любимца Пьеро да Ночето и побьютъ ненавистныхъ прелатовъ, потомъ разгонятъ дворъ и сдѣлаютъ Римъ свѣтскою республикою. Но еще ночью наканунѣ папа получилъ изъ Болоньи извѣстіе о бѣгствѣ Поркари. Зачинщики заговора были схвачены, самъ Поркари взятъ и повѣшенъ 9 января

---

[1]) Траверсари пишетъ epist. I, 20 изъ Сіены отъ 5 апрѣля 1435 г.: что онъ вчера его посѣтилъ cl. Romanus eques Stephanus Porcius praefectus urbis huius.

съ пятью соучастниками въ башнѣ замка св. Ангела. Потомъ еще двѣнадцать человѣкъ подверглись той же участи, хотя было извѣстно, что заговорщиковъ было гораздо больше. Но, по видимому, не хотѣли производить слишкомъ строгаго слѣдствія, потому что оно обнаружило бы участіе въ заговорѣ фамиліи Колонна. Поркари откровенно сознался передъ смертью, что онъ хотѣлъ возвратить Риму его древнюю свободу, отнявъ городъ у духовенства. Говорятъ, его послѣднія слова были: «О мой народъ, сегодня умираетъ твой освободитель!» [1]).

Конечно, этотъ римскій рыцарь, человѣкъ ловкій, пылкій и энергичный, составлялъ прямую противоположность съ пугливымъ папою, собирателемъ книгъ и любителемъ искусствъ, хотя оба они выросли на одной гуманистической почвѣ. Писатели, окружавшіе папу и пользовавшіеся его милостями, нимало не сочувствовали предпріятію Петрарки, какъ нѣкогда Петрарка сочувствовалъ трибуну. Поэтому и папѣ не приходило на мысль объяснять порывы къ свободѣ занятіями древностью. Противъ этихъ затѣй онъ охранялъ себя стражею, стѣнами и башнями, а ученымъ и поэтамъ никогда не отказывалъ въ свободѣ— мыслить и печатать.

Уже въ первые дни своего первосвященства папа Николай показалъ, насколько ему дорога Флоренція и воспоминаніе о тамошнихъ друзьяхъ. Онъ оказался весьма признательнымъ къ Козьмѣ Медичи.

---

[1]) Источники заговора большею частію отличаются придворнымъ оттѣнкомъ. Это прежде всего—письма Л. Б. Альберти у Muratori Scriptt. T. XXV p. 309; это просто письмо, писанное во Флоренцію, въ Tabulae codd. ms. bibl. Vindob vol. III p. 288 и помѣченное такъ: Римъ 14 января 1453 г. Еще письмо Стефано Какчіи и неизвѣстнаго отъ 16 января, сообщенныя Томмазини въ Documenti relativi a Stefano Porcari въ Archivio della Societa Romana di storia patria vol. III, Roma 1879 p. 65, 105. На безыскусственное, но не лишенное претензій сочиненіе Пьетро де Годи уже обратили вниманіе Georgius p. 129 и Манци, и оба слѣдовали той же ватиканской рукописи. Потомъ оно было издано, конечно безъ нея, подъ заглавіемъ: Petri de Godis Vicentini Dialogon de coniuratione Porcaria. Aus einer Königsberger Handschrift herausg. v. Perlbach. Greifswald 1879. Томмазини p. 69 доказалъ, что авторъ былъ юристъ. Поэтому у Мюнца l. c. p. 213 въ 1458 г. является раньше аудиторомъ Каликста III. Длинное и блѣдное стихотвореніе (376 гекзам.) Іосифа В. (ripius) теперь издано вполнѣ у Tommasini p. III seq. Значеніе его ничтожно, а стихи плохи. Но оно обнаруживаетъ образъ мыслей льстиваго придворнаго. Этотъ говоритъ о Римѣ v. 199.

Ergo quid antiquam libertatem anxia queris?
An tua libertas, qua nunc perfungeris, exstat
Parvo tibi?

Напротивъ Porcaria римскаго поэта Орацio, упоминаемыя Зено Diss. Voss. T. I. p. 212, еще не изданы. На другіе источники, гдѣ часто говорится о заговорѣ Поркари, я указалъ въ Enea Silvio Bd. I s. 400. Bd. II s. 115. Ср. также Gregorovius Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter Bd. VII Stuttg. 1870 s. 10 Off.

который и для него сдѣлалъ добро; за это папа назначилъ его хранителемъ церковныхъ доходовъ. Чтобы почтить флорентинскихъ пословъ, въ числѣ которыхъ были такіе люди, какъ Андріоло Аччайоли, Алессандро дельи Алессандри, Пьеро ди Козимо де' Медичи, Нери ди Джино Каппони, Джанноццо Питти, онъ далъ имъ аудіенцію въ публичномъ засѣданіи консисторіи, гдѣ вообще принимались послы императоровъ и королей. Во время другой аудіенціи онъ замѣтилъ въ числѣ ожидающихъ книгопродавца Веспазіано, лавка котораго во Флоренціи была сборнымъ мѣстомъ ученыхъ и который былъ для нихъ совѣтникомъ и помощникомъ. Папа тотчасъ же закрылъ аудіенцію и велѣлъ оставить его одного съ старымъ знакомымъ. Потомъ онъ сказалъ съ улыбкою: «А что, Веспазіано, не поразило ли это нѣкоторыхъ гордецовъ и повѣрили ли флорентинцы, что простой духовный, прежде звонившій въ колокола, теперь сдѣлался старшимъ епископомъ?» [1]).

Едва лишь распространился по Италіи слухъ о возвышеніи Парентучелли на папскій престолъ, какъ отовсюду стали стекаться въ Римъ ученые и образованные люди и предлагать ему свои услуги. А другіе раньше этого наводили справки. Нѣкоторые явились послами отъ своихъ повелителей, которые думали оказать папѣ желанный почетъ выборомъ такихъ представителей. Такъ отъ имени герцога Миланскаго Филиппа явился Гвиницорте Барзицца; въ своемъ обращеніи къ папѣ онъ далъ понять, что вовсе не раздѣляетъ отношенія къ церкви своего государя, который единомышленъ съ отцами базельскаго собора, и предпочелъ бы мѣсто при римскомъ дворѣ [2]). Отъ имени короля Неаполитанскаго явился Беккаделли, и авторъ Гермафродита нисколько не былъ непріятенъ [3]). Папѣ представился также и другъ послѣдняго, Бартоломмео Фаціо, переславши ему напередъ свою книгу de hominis excellentia [4]). Не было никого, кто бы, по крайней мѣрѣ, не поздравилъ папу и не поручилъ себя его расположенію. Въ такихъ случаяхъ люди питаютъ и слишкомъ пылкія надежды часто горько разочаровываются. Ученые, достигшіе вліянія и могущества, не всегда дѣлались меценатами для равныхъ себѣ. Но папа Николай не былъ ученымъ по профессіи; у него не существовало любимаго предмета занятій. Какъ многосвѣдущій дилеттантъ, онъ интересовался всѣмъ.

---

1) Manetti § 15. Vespasiano Nicola V. § 18. 19.

2) Guinif. Bapzizii Oratt. et Epistt. ed. Furietto P. II p. 39. Въ своей рѣчи онъ прямо говоритъ: Suscipe, quaeso, tuoque in grege annumera. Поджіо epist. XI, 15 свидѣтельствуетъ, что впослѣдствіи онъ былъ папскимъ секретаремъ.

3) Его рѣчь къ папѣ у Bandini Catal. codd. lat. bibl. Laurent. T. III p. 632.

4) Письмо его Джіанджіакомо Спинолѣ у Mittarelli Bibl. codd. ms. S. Mich. Venet. p. 372.

Эней Сильвій говоритъ про него [1]), что онъ былъ посвященъ во всѣ свободныя искусства, знакомъ былъ съ философами, историками, поэтами, космографами и богословами. Ему даже не были чужды гражданское право и медицина. Конечно, это отзывается панегирикомъ, но правда, что папа Николай имѣлъ многосторонніе интересы, конечно, безъ стремленія проникать въ глубь предмета, такъ какъ въ сущности онъ былъ больше любителемъ книгъ, чѣмъ науки. На дарованія онъ былъ не особенно требователенъ; напротивъ онъ больше любилъ талантъ, чѣмъ геній. Николай V мало цѣнилъ стихи, рѣчи и самостоятельныя статьи нравственно-философскаго и антикварнаго содержанія, которыми особенно гордились гуманисты. Онъ любилъ труды критическіе и грамматическіе, всего же больше переводы съ греческаго языка. Папа желалъ, чтобы сочиненія древнихъ писателей, исправленные тексты, комментаріи и переводы наполняли и украшали его библіотеку. При этомъ, конечно, онъ не пренебрегалъ и духовными писателями. Поэтому онъ радъ былъ каждому ученому, основательно знавшему греческій языкъ и готовому писать книги въ духѣ Николая V.

Этотъ покровитель всегда имѣлъ наготовѣ кошелекъ съ нѣсколькими цехинами и щедро награждалъ достойнаго изъ своихъ рукъ [2]). И, конечно, у него всего находились трудолюбивые работники. При дворѣ папы въ особенности много явилось второстепенныхъ дѣятелей, и нѣкоторые пользовались у него большимъ вѣсомъ, тогда какъ въ ученомъ мірѣ ихъ едва знали по именамъ. Николая V хвалили за то, что онъ не торговалъ придворными должностями и бенефиціями, какъ это дѣлали его предшественники [3]). Но онъ раздавалъ ихъ литераторамъ, которые работали больше для библіотеки, чѣмъ для канцеляріи, или для церкви [4]). Поджіо шутилъ надъ тѣмъ, что папа набралъ цѣлый отрядъ, даже цѣлый легіонъ секретарей, съ которымъ, пожалуй, можно отразить турокъ [5]). Когда однажды Николаю V замѣтили, что въ Римѣ есть еще нѣсколько хорошихъ писателей, которыхъ онъ не знаетъ, то онъ не хотѣлъ этому вѣрить: иначе они бы явились къ нему, такъ какъ онъ обыкновенно хорошо принималъ и плохихъ поэтовъ [6]).

Замѣтна была очень рѣзкая перемѣна въ сравненіи съ первосвященствомъ Евгенія IV. При послѣднемъ ключами св. Петра тайкомъ

---

[1]) Въ отчетѣ о посольствѣ 1447 г. у Baluzius Miscell. T. VII и Muratori Scriptt. T. III P. II.

[2]) Vespasiano l. c. p. 27.

[3]) Raphael Volaterr. Lib. XXII p. 815.

[4]) Platina l. c. p. 613.

[5]) Epist. XII, 8 ed. Tonelli.

[6]) Hermolaus Barbarus Praefat. in Castigationes Plinianas. Basileae, 1534.

завладѣли окружавшіе его монахи, и лишь нѣкоторые кардиналы пользовались самостоятельностію и вліяніемъ. Теперь преобладающимъ сословіемъ при папскомъ дворѣ сразу сдѣлались ученые, и въ сущности главными изъ нихъ были тѣ переводчики, слогъ которыхъ особенно нравился папѣ. Во время чумы, посѣтившей Римъ въ юбилейный годъ и потомъ возвращавшейся лѣтомъ въ слѣдующіе годы, папа, опасаясь за свою жизнь, оставилъ Ватиканъ и основалъ резиденцію въ Санъ Фабріано. Онъ не покинулъ своихъ переписчиковъ и переводчиковъ, а взялъ ихъ съ собою, тогда какъ подъ страхомъ смертной казни никто, являвшійся изъ Рима, не смѣлъ на семь миль приближаться къ Санъ Фабріано. Лишь нѣкоторые привилегированные кардиналы могли тамъ жить, но и они могли держать при себѣ не больше четверыхъ служителей [1]).

Былъ только одинъ человѣкъ при римскомъ дворѣ, котораго можно было считать любимцемъ папы. Это Пьеро да Ночето, секретарь и кубикуларій папы, въ то же время протонотарій у грамотъ и разрѣшеній. Николай V не былъ въ близкихъ отношеніяхъ ни съ однимъ кардиналомъ, не любилъ вліянія и препятствій. Его даже стѣсняла и та мысль, будто онъ правитъ чрезъ всемогущаго министра. Пьеро вмѣстѣ съ нимъ прошелъ поприще въ домѣ Альбергати, былъ человѣкъ скромный, которому, какъ женатому, была закрыта перспектива дальнѣйшихъ повышеній, и который при папѣ занималъ почти такую же должность, какую послѣдній при Альбергати. Онъ былъ правою рукою папы и вмѣстѣ съ тѣмъ его вѣрнымъ, преданнымъ слугою, вовсе не ученый и не образованный, но, какъ старый придворный, привыкъ къ обращенію съ этими людьми, старинный другъ Поджіо и Энея Сильвія Пикколомини; поэтому послѣдніе часто упоминаютъ о немъ въ письмахъ [2]). Мы встрѣчаемъ тутъ совершенно иное явленіе, чѣмъ вообще водится при дворахъ меценатовъ. Послѣдніе считали литераторовъ своими совѣтниками, и взглядъ ихъ замѣнялъ ихъ собственный: у Франческо Сфорцы былъ Симонетти, у Борзо Эсте — Казелла. А ученый папа ввѣрилъ церковныя дѣла простому секретарю, и расположенія его искали послы и дѣловые люди, а съ придворными литераторами Николай V сносился прямо. Папа былъ независимъ въ своихъ личныхъ сношеніяхъ съ писателями, и послѣдніе были довольны, потому что трудно было облаку затмить для нихъ солнце.

---

[1]) По двумъ извѣстіямъ, посланнымъ прокураторомъ нѣмецкаго ордена къ великому магистру, въ архивѣ, Кёнигсбергскомъ cf. Manetti p. 928.

[2]) О его поприщѣ есть подробности у Marini vol. II p. 147 и у Poggiali Memorie per la stotia lett. di Piacenza vol. II, Piacenza 1879 p. 3 e seg. Въ должности папскаго кубикуларія о немъ упоминается въ одномъ документѣ отъ 19 марта 1454 г. у Zacharias Bibl. Pistor. p. 34.

Мы всего лучше увидимъ, въ какихъ отношеніяхъ находился папа къ своимъ придворнымъ ученымъ и каково было ихъ положеніе, если обратимъ вниманіе на болѣе выдающіяся личности. Тутъ мы встрѣтимъ многихъ старыхъ знакомыхъ, перемѣнившихъ свою прежнюю дѣятельность на болѣе заманчивую подъ покровомъ папы. И здѣсь слѣдуетъ поставить на первый планъ флорентинцевъ, которымъ самъ папа оказывалъ предпочтеніе. Теперь папа готовъ бы былъ пригласить къ себѣ въ Римъ весь тотъ кружокъ флорентинскихъ друзей, которому онъ былъ обязанъ лучшими минутами въ своей жизни! Но Никколи, Траверсари и Бруни уже не было въ живыхъ. Марсуппини былъ канцлеромъ республики и, разумѣется, согласенъ былъ лучше остаться въ своемъ почетномъ положеніи, чѣмъ связывать свою судьбу съ судьбою папы, который какъ человѣкъ, былъ смертенъ. Немного уже осталось лучшихъ людей: Поджіо, Манетти, Альберти;—согласно взгляду Парентучелли, мы должны причислить къ нимъ и книгопродавца Веспазіано. Но папа оказывалъ милости и менѣе знаменитымъ людямъ, которые въ далекомъ городѣ принадлежали къ кружку Козьмы Медичи.

Главою придворныхъ гуманистовъ былъ Поджіо, въ то же время одинъ изъ самыхъ старинныхъ литературныхъ друзей папы, пользовавшійся также расположеніемъ Альбергати. Подобно Николаю V, мысленно онъ постоянно жилъ во Флоренціи, и въ Римѣ между ними снова завязались сношенія [1]). Поджіо могъ положительно доказать, что онъ глубоко уважалъ Парантучелли еще раньше, чѣмъ онъ сдѣлался сперва кардиналомъ, а потомъ папою. Послѣдній былъ простымъ епископомъ и бѣднякомъ, когда Поджіо въ 1446 г. посвятилъ ему свой діалогъ о несчастной жизни государей [2]). Конечно, это первая литературная почесть, оказанная будущему папѣ.

Какъ только этотъ другъ взошелъ на папскій престолъ, Поджіо обратился къ нему съ поздравленіемъ, въ которомъ явился представителемъ всей республики ученыхъ и при этомъ, конечно, не забылъ и себя. Послѣ нѣкоторыхъ утонченныхъ похвалъ и изящныхъ философскихъ выраженій онъ приступилъ и къ настоящей задачѣ. «Я прошу тебя, святѣйшій отецъ, да не изгладится у тебя воспоминаніе о тѣхъ старыхъ друзьяхъ, въ числѣ которыхъ осмѣливаюсь назвать и себя. Ты, разумѣется, очень хорошо знаешь, что общность занятій и благородныхъ обычаевъ скрѣпляетъ узы дружбы.—Въ числѣ твоихъ

[1]) Около 1427 г. Poggius epist. IX, 19 ed. Tonelli.

[2]) Въ изданіяхъ выше предисловія къ этому трактату написано просто: ad claris. virum Thomam, полнѣе въ Cod. ms. lat. 70 мюнхенской придворной библіотеки fol. 303: ad Thomam de Sarzano и съ посвященіемъ: Magnifico domino meo Cancellario pro tunc existente in dieta frankfordensi a. domini 1446. О посвященіи Поджіо упоминаетъ и въ Prooem. Historiae de varietate fortunae p. 3.

другихъ попеченій вспомни и о старыхъ друзьяхъ, къ которымъ и я принадлежу, оказывай имъ помощь, не попусти ихъ бѣдствовать, будь благосклоненъ къ людямъ образованнымъ! Позаботься о томъ, чтобы было много людей, подобныхъ тебѣ, чтобы въ этой области твоего господства основанъ былъ разсадникъ добродѣтелей, чтобы въ эту эпоху процвѣтали свободныя искусства, какъ въ вѣкъ Сатурна (!), они, которыя въ теченіи времени почти угасли и пришли въ забвеніе.— Вѣдь отъ кого намъ ждать имъ поддержки, если не поможешь намъ ты, котораго они вскормили своей грудью, какъ свое любимое дитя! Да, святѣйшій отецъ, изученіе наукъ было въ упадкѣ и знаменитые ученые были въ пренебреженіи (дольше того, чѣмъ было согласно съ справедливостью и ихъ достоинствомъ. Поэтому и рвеніе къ наукамъ охладѣло. Гдѣ не оказываютъ почета добродѣтели и не награждаютъ ее, тамъ никто не чувствуетъ поощренія ее воздѣлывать.—Отъ тебя одного, святѣйшій отецъ, ждутъ того, чѣмъ многіе пренебрегли. Пусть другіе дѣлаютъ другое, тебѣ одному приличествуетъ честь и призваніе возстановить прежнее достоинство и почетное положеніе занятій науками и ученыхъ.—Повторяю еще разъ, пусть между другими твоими заботами будетъ первою, святѣйшій отецъ,—забота о томъ, чтобы поднять и возвысить ученыхъ, оживить благороднѣйшія искусства, и доказать, что ты сталъ выше только саномъ, а духъ твой остался тотъ же. Это твоя настоящая задача, подвигъ, достойный твоего имени и славы; онъ будетъ великолѣпнымъ плодомъ твоего первосвященства. Этимъ ты заслужишь вѣчную награду отъ Бога, безсмертную хвалу у людей. Но такъ какъ ты и самъ намѣреваешься это сдѣлать, святѣйшій отецъ, то теперь я прошу тебя въ особенности объ одномъ: вспомни и о твоемъ Поджіо, который въ теченіи столь давнихъ лѣтъ былъ такъ искренно преданъ твоей добродѣтели, чтилъ тебя всегда преимущественно передъ другими и любилъ! Я уже ветеранъ при римскомъ дворѣ, такъ какъ служу ему сорокъ лѣтъ и однако по истинѣ съ меньшими выгодами, чѣмъ могъ бы ожидать человѣкъ, не совсѣмъ чуждый добродѣтели и гуманистическихъ наукъ. Мнѣ бы пора уже, какъ выслуженному воину, по обычаю древнихъ, удалиться въ деревню, дать покой тѣлу и работать только умомъ. Если я не достигну этого, благодаря твоему расположенію, то не знаю, у кого долженъ просить этой милости» [1]).

Все то, что говорилъ Поджіо о высшемъ призваніи папы, послѣдній самъ вполнѣ сознавалъ. Но онъ не устроилъ для него желаннаго покоя, и Поджіо долженъ былъ дѣлать для него переводы, хотя при

[1]) Poggii Orat. ad Summum Pont. Nicolaum V (Opp. p. 287—292). Въ рукоп. рѣчь помѣчена 1 мая 1447 г., а въ лейпцигскомъ кодексѣ 2-мъ. Ср. Poggius epist. IX, 16. 17. 18.

его слабыхъ свѣдѣніяхъ въ греческомъ языкѣ ему приходилось или обращаться за помощью къ какому нибудь греку, или переводить весьма свободно, описаніями. Однако, вѣроятно, папа помогъ той бѣдѣ, на которую онъ такъ жаловался: вскорѣ послѣ этого старый придворный заявляетъ, что благодаря щедрости папы онъ забылъ о нуждѣ и примирился съ своею судьбою. Его не принуждали слѣдовать за дворомъ, когда послѣдній лѣтомъ 1449 г. переселялся изъ одного замка въ другой, спасаясь отъ чумы. Онъ проводилъ время на своей виллѣ въ Террановѣ, «отдыхая тѣломъ и духомъ», занимаясь своимъ хозяйствомъ, садами и книгами, вспоминая на почетномъ досугѣ о папѣ, которому былъ обязанъ имъ[1]).

Первое свое большое сочиненіе, нравственно-философскій трактатъ объ измѣнчивости судьбы, Поджіо посвятилъ не кому другому, какъ папѣ. Но мы должны здѣсь главнымъ образомъ упомянуть объ его полемическомъ сочиненіи, которое онъ написалъ, очевидно, по порученію главы церкви, именно объ его инвективѣ противъ базельскаго антипапы Феликса. Она писана была въ такое время, когда Николай V старался изгладить послѣдніе слѣды базельскихъ смутъ, быть можетъ, именно тогда, когда Феликсъ V рѣшился изъ Лозанны призвать къ своему суду «нѣкоего Томмазо Каландрини изъ Сарзаны», который осмѣлился взойти на папскій престолъ и называться Николаемъ V[2]).

Если Поджіо былъ служителемъ римскаго двора, то такая писательская услуга имѣла гораздо болѣе значенія, чѣмъ составленіе однообразныхъ буллъ и разрѣшеній. Вообще теперь онъ могъ свободнѣе предаваться своимъ наклонностямъ, чѣмъ при папѣ Евгеніи IV. Съ восшествіемъ на престолъ папы-гуманиста исчезла и толпа босоногихъ лицемѣрныхъ святошъ, которые всегда сердили Поджіо, когда кишѣли вокругъ подобно муравьямъ, по его выраженію, выпрашивая милостей и привилегій и интригуя другъ противъ друга. Въ сочиненіи противъ лицемѣрія, о которомъ намъ еще придется говорить, Поджіо могъ не стѣсняясь заклеймить дворъ Евгенія, какъ гнѣздо лицемѣрія, и сказать любезность новому папѣ, что при немъ это зло вывелось. Онъ не побоялся довольно открыто заподозрить въ лицемѣріи и всѣхъ предшественниковъ Николая V въ сочиненіи, посвященномъ ему[3]). Извѣстно, что папа

[1]) Prologus in Histor. discept. conviv. ad Prosperum Cardinalem de Columna (Opp. p. 32). Poggius epist. X, 2. 4. 5 ed. Tonelli.

[2]) Поджіо въ epist. IX, 20 отъ 11 ноября 1447 г. говоритъ, что онъ издалъ nuper oratiunculam contra Infelicem.

[3]) De var. fort. p. 88 онъ говоритъ объ Евгеніи IV: Ego in eo plures virtutes fuisse cognovi, sive verae fuerint, sive, ut multi objiciunt, fictae.

скорѣе терпѣлъ смѣлыхъ вольнодумцевъ, чѣмъ людей, слегка заподозрѣнныхъ въ мнимой святости, что нищенствующіе монахи ему нужны были лишь для того, чтобы съ помощью ихъ проповѣдей о походѣ противъ турокъ наполнялась казна, но онъ не допускалъ ихъ къ себѣ, какъ Евгеній IV, покровитель монаховъ, блюстителей устава.

Поджіо сталъ при римскомъ дворѣ богатымъ человѣкомъ, но въ то же время 73-лѣтнимъ старикомъ, когда былъ приглашенъ на мѣсто канцлера во Флоренцію, и вскорѣ, отложивши въ сторону дѣла, предался литературному досугу. Почти пятьдесятъ лѣтъ прослужилъ онъ папамъ и никогда ничего не получалъ отъ своихъ должностей, кромѣ наградъ. Папы мелькнули передъ нимъ какъ блуждающія тѣни; ему пришлось покинуть Римъ какъ разъ при единственномъ папѣ, который былъ ему по душѣ. Онъ пріобрѣлъ въ Римѣ много друзей и пережилъ, конечно, тоже многихъ. Хотя Римъ для него никогда не былъ настоящею родиною, все таки онъ умѣлъ и самъ хорошо устроить свою жизнь; но при этомъ тосканская почва никогда не была чужою для Поджіо. Папа неохотно разставался съ нимъ. Поджіо сдалъ свою должность скриптора 15 мая 1453 г., а секретарство оставилъ за собою, какъ почетный титулъ, до самой смерти [1]). Папа предлагалъ ему, въ случаѣ, если бы ему не понравилась жизнь во Флоренціи, опять занять свое прежнее положеніе при римскомъ дворѣ, даже при прощаньи предсказывалъ ему, что онъ и года не вынесетъ отъ флорентинскихъ сплетень и передрягъ. Поэтому и Поджіо могъ надѣяться оставить хорошую память о себѣ у своего доброжелателя и даже въ отдаленіи пользоваться плодами этой дружбы, къ которымъ онъ отъ времени до времени простиралъ руки съ мольбою. Но съ теченіемъ времени о немъ, повидимому, забыли. Онъ узналъ, что папа тратитъ все больше и больше денегъ на постройки, что у него явились новые совѣтники, что онъ «опошлилъ» должность секретаря множествомъ назначеній, почтилъ богатыми денежными подарками и его враговъ, какъ напр. Филельфо, да и Валла назначенъ секретаремъ. Такимъ образомъ для него невозможенъ возвратъ къ римскому двору. Въ сердитый часъ онъ грозилъ направить свое перо противъ папы, что, можетъ быть, принесетъ ему большую прибыль. Такимъ образомъ въ грустной старости курія стала ему чуждою, да и новое положеніе во Флоренціи вскорѣ стало тяготить [2]).

---

[1]) Marini vol. II p. 127 приводитъ числа по регестамъ, но онъ забылъ, что булла Каликста III отъ 20 апрѣля 1455 г., котораго Поджіо назначенъ секретаремъ, только свидѣтельствуетъ о почетномъ титулѣ. Въ своемъ поздравительномъ посланіи (epist. III, 27) Поджіо прямо проситъ папу дать ему dignitas officii, Id non quaestus, sed honoris conservandi gratia cupio.

[2]) Poggius epist. XI, 6. 15. 19.

Подобно Поджіо, и Марсуппини, сохранилъ до конца жизни почетный титулъ секретаря. Онъ былъ тоже одинъ изъ прежнихъ знакомыхъ папы. Андреа Фьокко продолжалъ исполнять должность секретаря и посвятилъ папѣ сочиненіе по римской исторіи [1]). Но впервые открылъ поприще Николай V для флорентинца Леонардо Дати, который когда-то учился греческому языку подъ руководствомъ Траверсари и писалъ не мало стиховъ, хотя постоянно брался за странные сюжеты. Папа назначилъ его секретаремъ 7 мая 1450 г. [2]). До тѣхъ поръ это былъ жалкій стихоплетъ изъ числа тѣхъ, которымъ ничто не удается и о которыхъ никто не желаетъ знать. Траверсари напрасно нѣсколько лѣтъ старался пристроить его у кардинала Джіордано Орсини, вообще благосклоннаго къ гуманистамъ [3]). Потомъ Дати короткое время былъ секретаремъ у кардинала Франческо Кондольмьери, незаконнаго сына Евгенія IV, но не удостоился расположенія папы, хотя посвятилъ ему свою, конечно, ужасную трагедію Гіемпсалъ [4]). Еще въ 1445 г. онъ былъ только поэтомъ, но, по видимому, получилъ небольшую бенефицію [5]). Если папа Николай обезпечилъ его, то это, конечно, объясняется лишь старымъ знакомствомъ, такъ какъ Дати совсѣмъ не годился для службы при римскомъ дворѣ. Онъ сохранилъ свою должность при папахъ Каллистѣ и Піи, а преемникъ послѣдняго, Павелъ II, назначилъ его въ 1467 г. даже епископомъ въ Массу. Но сочиненія его не пользовались славою, хотя нѣкоторые считали поэта авторомъ изящныхъ писемъ. Въ особенности не высоко цѣнилъ его папа Николай V; это видно изъ того, что Дати не поручалось никакихъ переводовъ, да и знанія греческаго языка, пріобрѣтеннаго имъ въ молодые годы, было недостаточно для этого [6]).

Напротивъ Джіаноццо Манетти былъ какъ разъ по душѣ папѣ. Подобно ему, онъ былъ свѣдущъ въ философіи и богословіи, и оба

---

1) См. выше стр. 34. Объ его Historia ab adolescentia C. Julii Caesaris упоминаетъ Lamius Catal. codd. ms. Bibl. Riccard. p. 29.

2) Marini vol. II p. 147. Ср. томъ I стр. 271.

3) Въ первомъ рекомендательномъ письмѣ къ кардиналу отъ 1 февраля 1433 г. (epist. II, 8 rec. Canneto) онъ называетъ его iuvenem, optimum et amicissimum, ardentisque ingenii et prompti. По epist. XIII, 22 отъ 12 февр. 1438 г. онъ хлопоталъ все о томъ же дѣлѣ.

4) Къ этому времени относится его стихотвореніе къ Чиріако анконскому, помѣщенное въ его Itinerar. p. 5. Ср. примѣчаніе Мегуса ibid. p. XXXIII. XXXVI. О Гіемпсалѣ см. Chassang Des essais dramatiques p. 77.

5) Aliottus epist. II, 24 называетъ его 17 іюня 1445 г. своимъ compresbyter.

6) Письмо Филельфо къ нему отъ 29 октября 1464 г. Aliottus epist. V, 59. VI, 12. Vespasiano Vescovo di Massa. Marini vol. II p. 147. 159. О его странной затѣѣ поднести Пію II будто бы переведенное съ этрусскаго сочиненіе Ц. Вибенны ср. G. Voigt. Enea Silvio Bd. III S. 612. Однако Веспасіано, по видимому, смотритъ на эту книгу не какъ на подлогъ, но какъ на остроумную компиляцію.

больше пропитаны академическимъ духомъ Санто-Спирито, чѣмъ гуманизмомъ. Манетти вполнѣ усвоилъ себѣ языки греческій и еврейскій, а папа считался также хорошимъ стилистомъ и отличнымъ ораторомъ. Безъ сомнѣнія, они были знакомы между собою уже много лѣтъ и, быть можетъ, вели споры на площади во Флоренціи и въ монастырѣ Санто-Спирито. Еще въ 1445 г. будущій папа, въ то время епископъ болонскій, возвратившись изъ посольства въ Неаполь, встрѣтилъ своего друга въ Римѣ. Вскорѣ послѣ того они видѣлись во Флоренціи и поддерживали взаимныя сношенія. Когда Манетти уѣхалъ, то епископъ сказалъ окружавшимъ его, что это такой человѣкъ, равнаго которому не могла бы указать древняя римская республика [1]). Когда флорентинцы отправили первое посольство съ поздравленіемъ къ новому папѣ, то казалось естественнымъ пріобщить къ нему Манетти и поручить ему сказать латинскую рѣчь. Мы уже знаемъ, что папа оказалъ особую честь этому посольству, принявъ его въ публичномъ засѣданіи консисторіи. Это заставило Манетти приготовить болѣе длинную рѣчь. Онъ составилъ ее, заперся, заучилъ на память и повторилъ нѣсколько разъ свою пьесу. Въ консисторіи на трехъ скамьяхъ засѣдали длинными рядами кардиналы и зала была полна народа. Въ числѣ слушателей былъ и Веспасіано, сообщившій намъ объ этомъ. Манетти сначала говорилъ тихо, потомъ возвысилъ голосъ, такъ что его могли слышать и тѣ, кто стоялъ далеко. Онъ старался избѣжать многорѣчія и былъ того мнѣнія, что высокое положеніе папы превышаетъ всѣ мѣры человѣческаго краснорѣчія. Но ораторъ осыпалъ папу самыми восторженными похвалами. Если всякое избраніе папы дѣло Божественное, говорилъ онъ, то это послѣднее болѣе Божественно, даже самое Божественное изо всѣхъ. Къ этому «Божественному» возвеличенію онъ возвращался потомъ три раза [2]). Николай V никогда еще не былъ предметомъ такихъ лестныхъ похвалъ, а теперь передъ нимъ и о немъ говорилъ ученый, котораго онъ считалъ первымъ между современниками, говорилъ высокопарной латынью съ сильными превосходными степенями. Онъ слушалъ закрывъ глаза и съ такимъ умиленіемъ, что одинъ изъ близко стоявшихъ придворныхъ счелъ нужнымъ слегка толкнуть его въ плечо, полагая, что его святѣйшество заснулъ. Но это опасеніе перешло въ изумленіе, когда папа отвѣчалъ остроумно на каждый изъ отдѣловъ, на которые распадалась рѣчь Манетти. Рѣчь флорентинскаго оратора,

---

[1]) Vespasiano Nicola V § 9. Comment. di Manetti p. 33. 34.

[2]) Мы находимъ эту рѣчь у Mittarelli Bibl. codd. ms. S. Mich. Venet. p. 716 seq. Веспасіано говоритъ, что она продолжалась часъ съ четвертью. Если только она не была распространена ораторомъ при произношеніи, то мы можемъ дать ей всего полчаса.

или лучше сказать этотъ новый при римскомъ дворѣ родъ торжественныхъ рѣчей сдѣлался предметомъ городскихъ толковъ. Присутствовавшіе флорентинцы жали руку Манетти, благодаря за ту честь, какую онъ доставилъ ихъ отечественному городу. Венеціанскіе кардиналы, завидуя этому, тотчасъ же сообщили о такомъ случаѣ дожу и переслали ему рѣчь Манетти, чтобы и изъ Венеціи былъ присоединенъ къ посольству ученый ораторъ [1]).

Въ 1451 г. Манетти возвращался изъ посольства съ политическою цѣлью отъ короля Неаполитанскаго Альфонса и пробылъ нѣсколько времени въ Римѣ. Папа сдѣлалъ ему неожиданную любезность, 29 іюля назначивъ его папскимъ секретаремъ [2]). Сначала это было больше ничего какъ простая почесть. Манетти еще не думалъ отказаться отъ своихъ занятій и отъ политической дѣятельности во Флоренціи. Но уже въ 1453 г., когда нерасположеніе лицъ, стоявшихъ во главѣ управленія, ясно обнаружилось въ повышеніи налоговъ и злостныхъ обвиненіяхъ, онъ оставилъ отечество и сталъ искать милости царственнаго друга. Николай V тотчасъ же пригласилъ Манетти остаться у него и для приличнаго устройства его жизни назначилъ ему содержаніе въ 600 дукатовъ. Это такое положеніе, съ которымъ можно было сравнить развѣ только положеніе Филельфо при Миланскомъ дворѣ, или Беккаделли при Неаполитанскомъ. Конечно, Манетти не исполнялъ никакой работы по должности. Но такъ какъ, по его словамъ, всѣ кругомъ его были заняты литературными трудами, то и онъ не хотѣлъ даромъ получать жалованья и жить праздно, а потому задумалъ два большія предпріятія—апологію христіанства, направленную противъ евреевъ и язычниковъ, которую предполагалось раздѣлить на 20 книгъ, и новый переводъ всего Св. Писанія съ обоихъ первоначальныхъ языковъ. Къ сожалѣнію, папа рано умеръ, такъ что не могъ достойно наградить автора по окончаніи этихъ громадныхъ трудовъ, которые и не были выполнены по первоначальному плану. Однако Манетти добросовѣстно исполнилъ долгъ признательности передъ своимъ щедрымъ благодѣтелемъ. Послѣдній уже умеръ, когда Манетти написалъ его біографію и прославилъ его. Хотя должность секретаря почетно предоставили ему и папы Каликстъ и Пій, но содержанія не дали. Поэтому онъ принялъ болѣе блестящее положеніе, предложенное ему королемъ Неаполитанскимъ Альфонсомъ [3]).

[1]) Vespasiano Comment. di Manetti p. 37—41. Онъ прямо говоритъ, что самъ все это видѣлъ и слышалъ.

[2]) Число по Marini vol. I p. 146. Vespasiano l. c. p. 63.

[3]) Изъ труда Vespasiano Comment. di Manetti p. 77. 78 не видно ясно, когда Манетти переселился въ Римъ. А самъ онъ говоритъ въ Vita Nicolai V, что это случилось

Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что Леоне Баттиста Альберти находился въ очень близкихъ отношеніяхъ къ папѣ Николаю, и весьма возможно, что при его архитектурныхъ предпріятіяхъ онъ былъ его руководителемъ. Но эта оригинальная личность теряется для насъ изъ виду въ Римѣ, точно такъ же, какъ она замѣчательнымъ образомъ отступала на задній планъ въ дѣятельности гуманистовъ. Онъ не велъ оживленной переписки, и въ письмахъ гуманистовъ о немъ почти не упоминается. Веспасіано, вообще знакомый со всѣмъ литературнымъ міромъ, по видимому, не былъ съ нимъ близокъ. Даже въ документахъ и счетахъ нельзя было найти никакихъ данныхъ касательно его дѣятельности при постройкахъ. Только по скуднымъ замѣткамъ можно заключить, что съ 1451 по 1453 г. Альберти жилъ въ Римѣ. Но, можетъ быть, онъ былъ близь папы во все время его правленія [1]). Не много знаемъ мы и объ его участіи въ предпріятіяхъ папы, именно что подъ его указаніемъ былъ поправленъ и украшенъ фронтонъ Треви, что громадная перестройка храма св. Петра была расположена по его совѣту. Личныя его отношенія съ папою не оставили никакихъ слѣдовъ въ литературѣ, но основательно предполагали, что щедрое обогащеніе Альберти бенефиціями было наградою, которую папа далъ своему архитектору [2]).

Ауриспу и Ринуччи, когда-то вмѣстѣ возвратившихся изъ Византіи, по ихъ направленію мы готовы считать полу-флорентинцами. Относительно Ауриспы извѣстно, что онъ былъ близокъ къ Парентучелли еще въ 1424 г., когда преподавалъ въ Болоньѣ, и онъ могъ сослаться на то, что еще раньше его восшествія на папскій престолъ посвятилъ ему одинъ изъ своихъ небольшихъ переводовъ [3]). Секретарство его было подтверждено въ 1447 г. Однако Ауриспа не торопился пріѣздомъ въ Римъ. Съ тѣхъ поръ какъ папа Евгеній предо-

въ 7-й годъ его первосвященства. Поджіо epist. XI, 7 ed. Tonelli рекомендовалъ его Пьеро да Ночето, говоря, что онъ отправляется въ Римъ, ut se exerceat vel in officio secretariatus vel in obsequiis domini nostri. Письмо не помѣчено числомъ, но въ сборникѣ слѣдуетъ за письмомъ отъ 25 іюля 1453 г. Буллы Каликста III и Пія II по отношенію къ Манетти напечатаны какъ документы къ комментаріямъ Манетти у Веспасіано стр. 152. 153.

[1]) Въ 1451 г. Альберти написалъ въ Римѣ Момуса, см. томъ I стр. 344. Въ 1452 г. онъ показывалъ папѣ свои книги de architectura, какъ сообщаетъ Matthias Palmerius Opus de temporibus sius въ Rerum Italic. Scriptores (ed. Tartinio) T. I ad a. 1452. 14 января 1453 г. онъ сообщалъ о заговорѣ Поркари, живя въ это время въ Римѣ. См. выше стр. 62, примѣчаніе 1.

[2]) Ср. Müntz l. c. p 84. 156. Janitschek Die Gesellschaft der Renaissance in Italien and die Kunst. Stuttg. 1879 s. 117.

[3]) Письмо Ауриспы къ Траверсари отъ 11 іюня (1424) въ Ambros. Travers. epist. XXIV, 51. Въ посвященіи Гіерокла Ауриспа говоритъ: non mercede ductus tibi in minoribus existenti aliqua traduxi tuoque nomini adscripsi.

ставилъ ему эту должность, онъ являлся при римскомъ дворѣ лишь для разнообразія, или когда хотѣлъ искать новыхъ бенефицій, и немного работалъ въ канцеляріи. Хотя ему въ то время было уже восемьдесятъ лѣтъ, однако онъ по прежнему былъ охотникъ до путешествій и до перемѣны мѣстопребыванія. Поэтому ему, вѣроятно, было весьма по душѣ, когда лѣтомъ 1449 г., въ то время какъ въ Римѣ и кругомъ въ его окрестностяхъ на далекое разстояніе свирѣпствовала чума, папа съ немногими придворными переѣзжалъ изъ замка въ замокъ «какъ Скиѳъ», по выраженію Поджіо. Когда онъ заперся въ Фабріано, гдѣ воздухъ находили самымъ чистымъ, то старый Ауриспа единственный изъ секретарей остался при немъ. Онъ работалъ мало, да и дѣла были въ такомъ положеніи, что представляли немного выгодъ [1]). Онъ большею частію наслаждался досугомъ придворнаго ученаго. Ауриспа былъ совѣтникомъ папы по книжному дѣлу, устроивалъ для него покупки въ Венеціи, перевелъ одно небольшое сочиненіе съ греческаго языка и поднесъ его въ даръ своему благодѣтелю [2]). Послѣдній, по видимому, щедро отблагодарилъ его. Въ 1449 г. онъ далъ ему аббатство въ Сициліи, въ 1451 г. другое, болѣе богатое, а въ 1453 г. узаконилъ его сына и двухъ дочерей, прижитыхъ Ауриспою въ конкубинатѣ съ служанкою, далъ также денегъ для сына и на приданое дочерей [3]). Но въ этомъ же году Ауриспа опять отправился странствовать, и мы не знаемъ, когда онъ воротился въ Римъ. Конечно, въ первый годъ правленія папы Каликста онъ былъ еще разъ при римскомъ дворѣ и писалъ разрѣшенія для этого папы, прежде чѣмъ въ послѣдній разъ удалился на покой въ Феррару почти девяноста лѣтъ отъ роду [4]).

Ринуччи да Кастильоне мы уже встрѣтили наставникомъ въ римскомъ университетѣ. Когда папа Николай назначилъ его секретаремъ [5]), то эта милость выпала на долю знакомцу прежнихъ лѣтъ. И Ринуччи раньше перевелъ небольшія сочиненія съ греческаго языка, и наконецъ въ то время, когда Парентучелли былъ кардиналомъ, басни Эзопа

---

1) Poggius epist. X, 1. 3. 5. XII, 11 ed. Tonelli. Что Ауриспа въ 1450 г. опять былъ въ Феррарѣ, видно изъ письма Филельфо къ нему отъ 26 ноября этого года.

2) Это была Hieroclis philosophi in versus Pythagorae aureos Espositio. Посвященіе у Bandini Catal. codd. lat. bibl. Laurent. T. II p. 155 и у Mittarelli l. c. p. 82.

3) См. т. I стр. 509. Marini vol. II p. 143. Этотъ сынъ Ауриспы не есть ли Jo. Aurispa Romanus, о которомъ мы читаемъ стихотвореніе у Zingerle de carminibus lat. saec. XV et XVI ineditis, Oeniponti 1880 p. 97?

4) Грамоты съ его подписью отъ 5, 18 и 19 января 1456 г. у Vespasiano Coment. di Manetti p. 153 и у Ronchini въ Archivio Stor. Sicil. N. S. anno I, Palermo 1876 p. 345.

5) Онъ былъ уже во всякомъ случаѣ секретаремъ, когда Поджіо въ 1453, оставилъ Римъ, потому что въ epist. XI, 6 называетъ его своимъ товарищемъ.

съ его жизнеописаніемъ. Для папы онъ перевелъ только подложныя письма Гиппократа. Но болѣе важнаго порученія въ этомъ родѣ Ринуччи не удостоивали, безъ сомнѣнія, потому что слогъ его не соотвѣтствовалъ вкусу папы [1]). Поэтому намъ понятно, что папа назначилъ секретаремъ такого человѣка, какъ Никколо Сагундино, но не желалъ имѣть его литературныхъ работъ [2]).

Изъ прежнихъ секретарей, состоявшихъ въ должности при восшествіи на престолъ папы Николая, самымъ выдающимся по учености былъ Флавіо Бьондо. Мы уже видѣли, что его привилигированное положеніе при Евгеніи IV зависѣло отъ личныхъ отношеній. Дѣло не въ томъ, что Бьондо принадлежалъ къ тогдашнимъ блюстителямъ за исполненіемъ правилъ. Папѣ была дорога его мирная и скромная преданность въ тяжелыя времена. Онъ собственно не принадлежалъ къ кружку флорентинскихъ друзей, но былъ уважаемъ ими и не былъ противникомъ ихъ стремленій. Какъ же случилось, что Николай V относился съ пренебреженіемъ къ Бьондо, даже съ замѣтною немилостью? Положительной причины мы не знаемъ. Пиколомини, который очень хорошо зналъ дѣла римскаго двора, отдѣлывается общимъ замѣчаніемъ, что папа рѣдко возвышаетъ того, кого любилъ его предшественникъ [3]). Вѣроятно, отчасти справедливо слѣдующее соображеніе. Прежніе придворные, не принадлежавшіе къ друзьямъ юности папы, очевидно, оставались въ тѣни передъ тѣми, которыхъ онъ самъ призвалъ. И Ченни игралъ при Николаѣ V невидную роль; а о Грегоріо Корраро и Маффео Веджіо, двухъ благочестивыхъ людяхъ, въ его правленіе почти нѣтъ и рѣчи. Есть слухъ о противникѣ, нападки котораго отравили Бьондо жизнь при папскомъ дворѣ [4]). Имѣло, конечно, значеніе и увеличеніе числа секретарей, вызвавшее насмѣшки и жалобы у Поджіо. Чѣмъ больше ихъ было, тѣмъ меньше выпадало работы и случая выслужиться на долю каждаго, а Бьондо жилъ литературными трудами съ многочисленною семьею. Конечно, папа лично не былъ имъ недоволенъ; нельзя также допустить и того, чтобы онъ лишь въ данномъ случаѣ слушалъ злыхъ наушниковъ. Поэтому мы должны искать причины невниманія къ Бьондо въ характерѣ его научнаго направленія.

---

[1]) Подробности у Georgius Vita Nicolai V p. 185. Bandini Catal. codd. lat. T. III p. 518, 653, гдѣ упоминается о переводѣ Лукіанова разговора, сдѣланномъ Ринуччи.

[2]) Marini vol. II p. 136. Ср. томъ I стр. 394.

[3]) Europa cap. 58.

[4]) Masius s. 22 предполагаетъ, что это былъ Георгій Трапезунтскій. Въ такомъ случаѣ они, вѣроятно, помирились, а иначе непонятно, какимъ образомъ у Franc. Barbarus epist. 194 отъ 5 ноября 1453 письмо Бьондо привѣтствуетъ Георгія Критскаго, т. е. такъ наз. Трапезунтскаго.

Бьондо былъ собственно изслѣдователь исторіи и древностей, работалъ съ добросовѣстнымъ трудолюбіемъ и громадною начитанностью по источникамъ и умѣлъ искусно пользоваться своимъ матеріаломъ. Свое сочиненіе Roma instaurata онъ посвятилъ уже папѣ Евгенію и издалъ большую часть декадъ. Но именно этимъ работамъ папа вовсе не сочувствовалъ. Было также не трудно отыскать недостатки въ сочиненіяхъ Бьондо. Онъ самъ сознается, что былъ несчастенъ въ усвоеніи греческаго языка [1]). Если ему, какъ историку, нужно было имѣть дѣло съ греческими писателями, то онъ долженъ былъ прибѣгать къ помощи переводовъ. Конечно, въ глазахъ папы Николая Бьондо уже потому стоялъ ниже западныхъ ученыхъ, которые знали нѣсколько по гречески, и грековъ, которые знали порядочно латинскій языкъ. Онъ не могъ дѣлать переводовъ, которые для папы были именно самыми важными вкладами въ литературу. Бьондо правда нѣкогда первый съ пламеннымъ усердіемъ списалъ Цицеронова Брута съ стараго лодійскаго списка и снова подарилъ эту книгу Италіи, также принималъ участіе въ исправленіи Ливія. Но онъ, конечно, не принадлежалъ къ числу лицъ, умѣющихъ заняться новымъ пересмотромъ классиковъ, сдѣлать ихъ по тогдашнему болѣе вразумительными и такимъ образомъ увеличить библіотеку. У Цицерона онъ весьма мало научился краснорѣчію. Быть можетъ, его простой нравъ противорѣчилъ стремленію къ изяществу формъ, а оффиціальныя занятія и механическая работа, какая неизбѣжна при всякомъ историческомъ изученіи, мѣшали усвоить болѣе изящную латынь и игривость выраженія, которыми гордился его вѣкъ. Онъ очень хорошо видѣлъ тѣ преимущества, которыми отличались передъ нимъ другіе. Вообще люди, приближающіеся къ старости, относятся ко всему новому несочувственно и съ предубѣжденіемъ, но онъ съ трогательнымъ отсутствіемъ зависти смотрѣлъ на расцвѣтъ новыхъ школъ въ Италіи, «въ которыхъ пріятно видѣть, какъ ученики не только по окончаніи курса, но уже и тогда, когда они декламируютъ и пишутъ подъ руководствомъ учителя, превосходятъ своихъ наставниковъ въ устномъ и письменномъ краснорѣчіи». Какъ легко достались вѣнки славы Поджіо и Филельфо и какъ трудно было это для Бьондо, и наконецъ онъ самъ себѣ высказалъ сочувственное слово!

Слѣдуетъ поставить на видъ еще одно обстоятельство. Бьондо не умѣлъ льстить, употребляя искусные обороты, или загромождая рѣчь превосходными степенями. Онъ не льстилъ и Евгенію IV. Ученый защищалъ его дѣло съ пылкостью и усердіемъ и доказалъ базельскимъ

[1]) Historiatum ab inclinatione Romanorum dec. I lib. IV in princip. (Opp. Basil. 1559); Vespasiano Biondo §: ebbe qualche notizia delle lettere greche.

противникамъ, что папа вслѣдствіе крайности и оскорбленій былъ вынужденъ на тѣ поступки, которые они объясняли его упрямствомъ. Онъ и папѣ Николаю не воздавалъ много почета, кромѣ того, что исполнялъ свою обязанность. У него также не хватало ловкости поставить себя въ хорошія отношенія съ людьми, имѣвшими вліяніе на папу. Такимъ образомъ Бьондо молча переносилъ пренебреженіе въ теченіи двухъ лѣтъ. А когда лѣтомъ 1449 г. чума прогнала изъ города римскій дворъ и разсѣяла по разнымъ мѣстамъ, и всѣ служебныя занятія пріостановились, то онъ началъ пріискивать себѣ другое мѣсто. Но, увидѣвъ, что его надежды рушились, Бьондо опять воротился къ римскому двору и опять оставилъ его и напрасно снова искалъ случаѣ пристроиться. Онъ то жилъ на какой нибудь виллѣ, то мы встрѣчаемъ его въ Феррарѣ, Равеннѣ, Неаполѣ; вѣроятно, онъ и въ другихъ мѣстахъ ожидалъ поворота своей судьбы къ лучшему. Уже шестидесяти лѣтъ отъ роду, обремененный большимъ семействомъ, теперь поэтъ снова странствовалъ, какъ прежде въ юные годы послѣ изгнанія изъ Форли [1]). Однако въ концѣ концовъ ему не оставалось въ 1453 г. ничего другаго, какъ опять воротиться въ Римъ къ своей должности. Секретарства своего онъ ни въ какомъ случаѣ не лишался и собственно не былъ въ немилости у папы. Послѣдній даже далъ небольшую должность старшему его сыну Гаспаро въ регистратурѣ, въ которой ему приходилось заниматься сличеніемъ регестъ [2]). Теперь была кончена и Italia illustrata Бьондо, и авторъ поднесъ ее въ даръ папѣ съ разными вставками, которыя онъ сдѣлалъ въ назначенномъ ему экземплярѣ для прославленія его [3]). Онъ узналъ, что папа остался доволенъ его книгою [4]). Но и послѣ этого Бьондо остался такимъ же бѣднякомъ, какимъ былъ, и щедрая въ такихъ случаяхъ рука папы не дала ему ничего. Съ трудомъ заработалъ онъ настолько средствъ, что могъ дать тщательное образованіе своимъ сыновьямъ и пристроить съ приличнымъ приданымъ дочерей. Ученый кончилъ свою трудолюбивую жизнь 4 іюня 1463 г. «бѣднякомъ, какъ прилично мудрецу». Папа Пій II почтилъ этого достойнаго

---

[1]) Poggius epist. X, 3. 5. Masius s. 23 ff. Къ этому присоединяется извѣстіе изъ папскихъ регестъ, сообщаемое Вилльмансомъ въ Gött. Gel. Anz. 1879 s. 1500.

[2]) По подписи въ концѣ книгъ регестъ. Archivio Stor. Ital. Ser. III P. I Firenze 1866, p. 178.

[3]) Такъ только и объясняется то обстоятельство, что эти примѣчанія есть въ копіи, списанной Валентинелли Bibl. ms ad S. Marci Venez. T. VI p. 104. тогда какъ въ печатномъ оттискѣ ихъ нѣтъ. Довольно странно, что въ послѣднемъ даже при упоминаніи о Сарзанѣ ни слова не говорится о папѣ.

[4]) Franc. Barbarus epist. 194. 314 ed. Quirino.

человѣка воспоминаніемъ въ своихъ комментаріяхъ и оцѣнилъ его труды, хотя выразился недобрительно объ ихъ содержаніи и слогѣ [1]).

Папа Николай V мало обращалъ вниманія на церковные вопросы, какъ скоро принималъ въ соображеніе литературныя заслуги. Это главнымъ образомъ видно изъ того положенія, какое занялъ при его дворѣ Лоренцо Валла. При Евгеніи IV онъ не смѣлъ явиться въ Римъ, какъ покорно и искусно ни оправдывался передъ папою [2]). Теперь вмѣстѣ съ монахами, заполонившими дворъ Евгенія, устранены были и тѣ личныя и литературныя недоразумѣнія, какія возбудилъ Валла. Правда, мы не имѣемъ прямыхъ доказательствъ, что папа Николай пригласилъ его къ себѣ, да это и само по себѣ невѣроятно, потому что въ такомъ случаѣ онъ назначилъ бы ему жалованье. Мы не знаемъ также и о ихъ прежнихъ сношеніяхъ. Самъ Валла указываетъ на кардинала Виссаріона, какъ на лицо, по совѣту или при посредствѣ котораго онъ переселился въ Римъ [3]). Безъ сомнѣнія, онъ раньше увѣрился въ благосклонномъ пріемѣ. Филельфо считалъ непонятнымъ, почему Валла рѣшился промѣнять обезпеченное и почетное положеніе у такого государя, какъ король Альфонсъ, на невѣрное при римскомъ дворѣ [4]). Мы можемъ только догадываться о тѣхъ побужденіяхъ, какія руководили имъ. Въ Римѣ жили его родные, и потому самый городъ былъ для него второю родиною. Неаполитанскій дворъ сталъ для него непріятенъ вслѣдствіе раздоровъ съ Беккаделли и Фаціо: онъ понялъ, что его лишь глубоко уважаютъ, а настоящій любимецъ государя—Беккаделли. А въ случаѣ нужды онъ тамъ всегда имѣлъ пріютъ. Такимъ образомъ явился въ Римъ еще въ 1447 г. Валла, авторъ книги О наслажденіи, полемическаго сочиненія противъ дара Константина, діалога о профессіи монаховъ, порицатель блаженнаго Іеронима, онъ, наругавшійся надъ нищенствующими монахами и инквизиціею, обвиненный въ томъ, что имѣетъ вольнодумные и презрительные взгляды на религіозное преданіе и на основы церкви. Однако вовсе не слышно, чтобъ его тревожили враги-монахи, чтобъ отъ него требовали чего нибудь въ родѣ отреченія или объясненія, или было бы упомянуто о предосудительности его сочиненій въ отношеніи церкви.

---

1) Pii II Comment. p. 180.

2) См. т. I стр. 436.

3) Antidot. in Pogium lib. IV (Opp. p. 340): vir. de me optime meritus et qui, ut Romam venirem, mihi autor oxiit.

4) Письмо Филельфо къ Валлѣ отъ 18 февраля 1451 г. Нельзя допускать того, что Филельфо въ то время только что узналъ о переселеніи Валлы; онъ не былъ съ нимъ въ постоянной перепискѣ.

Съ другой стороны однако, по видимому, папа нашелъ неудобнымъ надѣлять такого человѣка, какъ Валла, придворными должностями и бенефиціями, которыя, конечно, могъ дать ему, такъ какъ Валла былъ холостъ и, вѣроятно, въ то время готовъ принять посвященіе. 10 ноября 1448 г. онъ былъ назначенъ папскимъ писцомъ и другой должности не получалъ при папѣ Николаѣ. Правда, въ 1453 г, ему хотѣли дать мѣсто секретаря, и объ этомъ хлопоталъ у папы другъ его Тортелло. Дѣлу помѣшали, насколько мы знаемъ, не духовныя лица, а его литературные враги. Фаціо изъ Неаполя заключилъ дружескій союзъ съ Поджіо и по мѣрѣ силъ уговаривалъ его разстроить планы его соперника. Поджіо спрятался за Пьеро да Ночето, любимца папы, и грозилъ своимъ гнѣвомъ, если папа сдастся на эту назойливую просьбу [1]). Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, при жизни папы Мартина, 24-хъ лѣтній Валла искалъ должности секретаря, и тогда тоже Поджіо помѣшалъ ему сообща съ Антоніо Лоски [2]). Теперь ему оставалось утѣшиться тѣмъ извѣстіемъ кардинала Кузы, что папа любитъ его больше, чѣмъ до сихъ поръ показалъ это на дѣлѣ. А на умѣстное возраженіе Валлы, что онъ не принимаетъ его въ число своихъ секретарей, кардиналъ отвѣчалъ, что есть люди, недоброжелательные къ нему, но все это еще удалится [3]). Это уладилось лишь при преемникѣ папы Николая V, а послѣдній ограничился частнымъ изъявленіемъ своего благоволенія.

Валлѣ было поручено перевесть Ѳукидида, конечно, работа почетная и трудная: сочиненія этого писателя находились въ жалкомъ видѣ, такъ что ихъ трудно было понимать и передать языкомъ Саллюстія или Ливія, какъ того желалъ папа. При томъ же Валла былъ не первостепенный геллениетъ и, по видимому, только въ Римѣ опять усердно принялся за изученіе греческаго языка [4]). Когда онъ поднесъ папѣ латинскаго Ѳукидида въ 1452 г., то Николай V собственно далъ ему въ награду 500 скуди [5]).

Болѣе соотвѣтствовала талантамъ этого ученаго вторая обработка Красотъ; онъ посвятилъ ихъ Тортелло, который стоялъ къ папѣ ближе всѣхъ литераторовъ. Все то, что говорилось въ посвященіи, говорилось все равно что самому папѣ. Тамъ между прочимъ читаемъ: «Гдѣ въ теченіи вѣковъ являлся болѣе славный и достойный похвалы мужъ, чѣмъ нашъ общій отецъ и первосвященникъ Николай

---

[1]) Письмо Фаціо къ Поджіо въ Facius de vir. illustr. p. 81. Poggius epist. XI, 15. 25.

[2]) Valla Antid. in Pogium lib. IV (Opp. p. 352).

[3]) ibid. p. 340.

[4]) Это можно заключить по его раннимъ сочиненіямъ, также по исторіи, которую сообщаетъ Jov. Pontanus de principe (Opp. Lib. I fol. 91).

[5]) Valla Antid. In Pogium lib. IV (Opp. p. 335).

V! Можно бы было также сказать, что онъ избранъ въ этотъ санъ приговоромъ мудрѣйшихъ людей, что онъ рожденъ для него. Богъ намъ даровалъ его и удостоилъ нашъ вѣкъ особаго благодѣянія. Если дни папы будутъ сохранены для насъ, то счастлива будетъ судьба грядущихъ поколѣній, насколько люди въ состояніи судить. Нельзя рѣшить, что блистательнѣе, добродѣтели ли его или высокое положеніе въ средѣ людей. А относительно его добродѣтелей нельзя опредѣлить, которой слѣдуетъ отдать преимущество передъ другими, если вообще какая либо изъ нихъ выдается, а не каждая обнимяетъ собою всѣ остальныя. Но всякій можетъ въ высшей мѣрѣ приписать ему ту добродѣтель, какую самъ наиболѣе чтитъ, какъ мы съ тобою проницательность ума во всемъ, а особенно въ наукахъ.— Божественна по истинѣ быстрота и глубина его ума. Какъ часто бесѣдовалъ онъ съ нами и съ другими учеными о научныхъ предметахъ, оставивъ обычныя дѣла! Умолчу о томъ, какою возвышенностью, красотою и обиліемъ знаній отличается его рѣчь, какъ онъ освоился съ разными отраслями наукъ, какъ гуманистическихъ, именно съ исторіею, грамматикою, реторикою, философіею, піитикою и метрикою, такъ и духовныхъ, съ богословіемъ, правами и тою наукою, которую греки называютъ метафизикою. Нѣтъ ничего столь возвышеннаго или тайнаго, что было бы недоступно ему, нѣтъ ничего въ наукахъ—и это еще удивительнѣе,—столь мелочнаго и непріятнаго, что бы отъ него укрылось. Поэтому никогда мнѣ не припадаетъ такого желанія молчать и только наблюдать, какъ въ то время, когда онъ говоритъ».

Валла высказываетъ Тортелло свое желаніе, чтобы послѣдній не показывалъ папѣ этого посвященія; похвала эта предназначается, по его словамъ не только для него, но и для другихъ читателей. Какъ древніе украшали изображеніемъ божества тріумфальную арку или колонну, такъ и онъ хотѣлъ во главѣ своего труда дать мѣсто изображенію Николая V, чтобы лучами его озарялся и самый трудъ. Насколько серьезное значеніе придавалъ онъ своей просьбѣ, обнаруживаетъ другое желаніе, выраженное въ началѣ этого посвященія, именно чтобы книга эта нашла мѣсто въ папской библіотекѣ, и если онъ когда нибудь раскроетъ ее, то это будетъ самою высшею наградою автору за его трудолюбіе [1]).

Кромѣ того Валла желалъ также поступить преподавателемъ въ римскій университетъ, какимъ нѣкогда былъ въ Павіи [2]). До тѣхъ поръ тамъ одинъ Георгій Трапезунтскій занималъ каѳедру реторики и

---

[1]) Посвященіе Красотъ Тортелло см. въ Vallae Opp. p. 1.
[2]) Ср. томъ I стр. 472.

краснорѣчія и не безъ успѣха. Съ лѣта 1450 г. Валла явился соперникомъ ему. Онъ неоднократно увѣряетъ насъ, что началъ это соперничество лишь для прославленія Квинтиліана, къ которому грекъ относился обыкновенно съ пренебреженіемъ вслѣдствіе крайняго пристрастія къ Цицерону. А Валла еще въ юношескомъ своемъ сочиненіи всегда ставилъ его, какъ наставника въ реторикѣ, выше Цицерона и особенно высоко цѣнилъ. При помощи нѣкоторыхъ кардиналовъ Валла получилъ въ университетѣ такое же жалованье, какъ и его соперникъ. Послѣ полугодія грекъ добровольно отказался отъ каѳедры и вполнѣ оставилъ поле битвы за Валлою, и послѣдній съ честью оставался на немъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Замѣчательно, что папа ничего не зналъ объ университетскомъ его преподаваніи: по словамъ наставника, ему не понравилось бы, что его чиновникъ занимается и другими дѣлами кромѣ порученныхъ ему переводовъ [1]).

Странно, что для Валлы время почестей и отличій настало только при папѣ Калинстѣ, который лично нимало не интересовался его учеными трудами. Благодаря ему Валла уже чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ сдѣлался секретаремъ, получилъ множество каноникатовъ при римскихъ церквахъ—и самый лучшій при С. Джіовани и въ Латеранѣ [2]). По видимому, онъ нашелъ себѣ доброжелателей и почитателей среди самыхъ выдающихся кардиналовъ; такіе люди, какъ Виссаріонъ и Николай Куза, были постоянно его друзьями. Притомъ все болѣе возрастало уваженіе къ его уму и учености, а особенно къ его сочиненію Красоты. Но дни Валлы были уже сочтены: онъ умеръ всего пятидесяти лѣтъ отъ роду 1 августа 1457 г. Его похоронили въ латеранскомъ храмѣ, каноникомъ котораго онъ былъ; тамъ еще Паоло Джіовіо видѣлъ его надгробный памятникъ изъ мрамора съ его изображеніемъ и похвальною надписью, по правую сторону отъ входа. Памятникъ этотъ былъ разрушенъ во время поправки церкви при Климентѣ VIII. На надгробный камень, употребленный для устилки мостовой, безъ всякаго уваженія къ памяти Валлы, первый обратилъ вниманіе изслѣдователь древности и критикъ, достойный покойнаго, Нибуръ, и спасъ его отъ гибели [3]).

Упомянутый нами Джіованни Тортелло, котораго мы видѣли другомъ Валлы и вліятельнымъ лицомъ при дворѣ папы Николая, родился въ Ареццо, на родинѣ столь многихъ ученыхъ и поэтовъ гуманистической эпохи. Онъ былъ обязанъ лучшими плодами своего обра-

[1]) Antid. in Pogium lib. IV (Opp. p. 335. 348).
[2]) Marini vol. I p. 241.
[3]) Jovius Elogia doctor. viror. 13. Его чтеніе года смерти, безспорно, единственно вѣрное. Надпись у Цумпта стр. 403. Объ участіи Нибура я сообщаю по его чтеніямъ о римскихъ древностяхъ, изд. Излеромъ, Berlin 1858, S. 11.

зованія Флоренціи. Такъ можно заключить уже по его литературной дѣятельности, даже если бы мы не знали, что тамъ онъ находился въ близкихъ сношеніяхъ съ Ліонардо Бруни [1]). Вѣроятно, онъ зналъ еще Траверсари и Никколи, а у Филельфо могъ учиться греческому языку. Но чтобы черпать знанія изъ болѣе обильнаго источника, Тортелло отправился въ Грецію, занимался также въ Болоньѣ философіею и богословіемъ съ такимъ усердіемъ, что по обѣимъ этимъ наукамъ получилъ степень магистра. Около 1445 г. онъ былъ священникомъ собора своего роднаго города, но не могъ тамъ оставаться, а отправился сначала во Флоренцію, а отуда въ Римъ искать высшей должности при папскомъ дворѣ [2]). Но мы не знаемъ, достигъ ли онъ чего нибудь при папѣ Евгеніи, хотя поднесъ ему въ даръ жизнь св. Аѳанасія, переведенную на латинскій языкъ [3]).

Николай V особенно любилъ именно такихъ людей, которые соединяли богословское образованіе съ классическимъ, были грамматики и гелленисты, имѣли страсть къ пересмотру текстовъ и книгамъ. Вѣроятно, онъ зналъ уже Тортелло во Флоренціи или въ Болоньѣ. Но послѣдній, по видимому, опять прибылъ въ Римъ только въ 1448 г., 31 мая 1449 г. сдѣланъ былъ кубикуларіемъ папы, а потомъ вскорѣ назначенъ субдіакономъ [4]). Уже будучи камераріемъ, онъ стоялъ очень близко къ папѣ, а еще болѣе потому, что Николай V сдѣлалъ его хранителемъ своей библіотеки, своихъ самыхъ дорогихъ сокровищъ. Тортелло въ то же время былъ правителемъ дѣлъ и корреспондентомъ, завѣдывалъ сношеніями папы съ литераторами, переводчиками, книгопродавцами и переписчиками, въ особенности съ тѣми, которые не жили въ Римѣ, и былъ самымъ вліятельнымъ его совѣтникомъ въ этихъ дѣлахъ, какимъ Пьеро да Ночето былъ въ дѣлахъ церковныхъ. Его тактъ, гуманность, привлекательная скромность и отсутствіе зависти заслуживаютъ общую похвалу, а равно и то, что онъ умѣлъ держаться въ сторонѣ отъ раздоровъ и клеветъ литературнаго кружка. Кромѣ того Тортелло былъ замѣчательный писатель. Его сочиненіе о правописаніи, надъ которымъ онъ давно уже работалъ и которое созрѣвало при постоянномъ участіи папы, которому впослѣдствіи и посвящено, долго еще считалось весьма полезнымъ трудомъ. Въ сущности это былъ словарь для переписчиковъ и исправителей текста, энциклопедія, историческія, миѳологическія и географическія

[1]) Leon. Bruni epist. IX, 9 rec. Mehus отъ 1441 г.

[2]) Aliottus epist. II. 38. 39. 45 отъ 13 и 14 декабря 1445 г.

[3]) О немъ упоминаютъ Jac. Phil. Bergomas Suppl. Chron. fol. 283 и Jovius l. c. 108.

[4]) Aliottus epist. III, 21. IV, 4. Первое письмо, въ которомъ поздравляетъ Achiommu, quod apud. Pontificem migraris, не помѣчено, но помѣщено въ числѣ писемъ за 1448 годъ. Marini vol. II p. 338.

свѣдѣнія которой были нужны для пониманія и поправки текстовъ древнихъ писателей. Въ особенности полезно было то, что тутъ были расположены въ алфавитномъ порядкѣ слова, происходящія изъ греческаго языка, письменное употребленіе которыхъ было такъ искажено и непонятно даже для человѣка, свѣдущаго въ этомъ языкѣ. Это былъ трудъ какъ разъ ему же Никколи, любителей книгъ вообще и папы Николая въ особенности [1]).

Мы уже выше упоминали о томъ, что поэтъ Бриппи въ преклонныхъ лѣтахъ оставилъ свой родной Миланъ, гдѣ онъ былъ каноникомъ, чтобы занять при дворѣ папы Николая должность начальника регистратуры [2]). А помимо того папа, по видимому, не обратилъ на него вниманія, даже не тронутъ былъ его благонамѣреннымъ, но жалкимъ стихотвореніемъ, написаннымъ по поводу заговора Поркари. Папа, навѣрное, совсѣмъ не зналъ о его стихахъ въ честь св. Алексѣя, св. Клары и другихъ, въ заключеніи которыхъ онъ каждый разъ поручалъ себя чествуемому или чествуемой. Поэтъ вообще не имѣлъ большаго значенія на его взглядъ [3]). Только у Каликста III удостоился онъ большей милости; умеръ 22 августа 1457 г. и похороненъ въ С. Алессіо [4]).

Изъ Милана прибылъ также къ римскому двору Пьеръ Кандидо Дечембріо. Онъ занималъ приличное положеніе при послѣднихъ Висконти, и оно отравлено было только враждою съ Филельфо. Потомъ онъ явился горячимъ республиканцемъ, но при поворотѣ дѣлъ оказался въ необходимости оставить новый дворъ Сфорцы и свою родину. Николай V ласково принялъ этого многосторонняго дѣятеля; хотя онъ писалъ не особенно изящною латынью, но зналъ по-гречески, и папа далъ ему должность секретаря и потомъ главный надзоръ надъ аббревіаторами. Онъ также поручилъ ему переводъ Аппіана, который Дечембріо сдѣлалъ быстро, но слабо. Дечембріо работалъ нѣкоторое

[1]) Blondus Italia illustr. p. 309. Aeneas Europa cap. 58. Vespasiano Giov. Tortello. Книга эта была издана нѣсколько разъ, и изданія указаны у Фабриціуса и др. У меня было изданіе Tortelli Commentariorum Grammaticorum de orthographia dictionum e Graecis tractarum Opus, Vicentiae 1479. Посвященіе Николаю V, у Bandini bibl. Leop. Laurent. T. I 498.

[2]) Томъ I стр. 468. Валла упоминаетъ о немъ, Antid. in Pogium IV, какъ о papalis regesti praeses, хотя въ ватиканскомъ архивѣ не осталось слѣдовъ его дѣятельности.

[3]) О стихотвореніяхъ въ честь святыхъ ср. Endlicher Catal. codd. phil. bibl. Vindob. p. 269. Mehus Vita Ambr. Trav. p. 78. О времени его смерти по надгробному камню Tommasini l. c. 81. 84. 85.

[4]) Мы не знаемъ, оказалъ ли онъ милость нищенствующему поэту Порчелло, хотя послѣдній однажды по совѣту Веджіо воспѣлъ «Ѳому Магистра» подобно прочимъ (Carmina ill. poet. ital. T. VIII p. 514). Вѣроятно, онъ дозволилъ ему возвратиться въ Римъ, что было запрещено папою Евгеніемъ IV. См. томъ I стр. 450.

время въ канцеляріи и при Каликстѣ III, а потомъ уже въ старости воротился въ Миланъ, гдѣ забыли объ его республиканскихъ грѣхахъ [1]).

Но и въ Римѣ Дечембріо постигла та же участь: онъ встрѣтился съ Филельфо. Послѣдній, подобно Поджіо, зналъ папу еще въ домѣ Альбергати и сказалъ ему нѣсколько лестныхъ словъ, какъ и всѣмъ, кто могъ быть ему полезнымъ въ данное время или въ будущемъ. Когда Парентучелли вышло на долю скромное мѣсто субдіакона съ 300 дукатовъ содержанія, то Филельфо уже видѣлъ въ немъ любимца папы, который легко можетъ достичь болѣе высокаго положенія, и потому просилъ его въ этомъ случаѣ не забыть дружбы [2]). Когда онъ взошелъ на престолъ св. Петра, то Филельфо обратился къ нему съ поздравительнымъ посланіемъ. Теперь онъ ссылался на ихъ прежнюю дружбу, когда онъ самъ назадъ тому лѣтъ двадцать преподавалъ въ Болоньѣ, и Парентучелли, почти сверстникъ ему, учился тамъ же. Потому ли были весьма коротки отношенія между знаменитымъ профессоромъ реторики и бѣднымъ богословомъ? Далѣе онъ спрашивалъ его, не таилась ли въ сердцѣ его съ тѣхъ поръ постоянно любовь къ нему, Филельфо; съ своей стороны онъ увѣрялъ, что его довѣріе и уваженіе къ Парентучелли неимовѣрно возрастало съ каждымъ днемъ. Было упомянуто и о благочестивомъ Альбергати, для котораго Нарентучелли былъ какъ бы сыномъ, а Филельфо дорогимъ другомъ [3]). За этимъ письмомъ тотчасъ же послѣдовало предложеніе папы: пусть Филельфо пріѣдетъ въ Римъ; тамъ онъ можетъ разсчитывать на мѣсто и на всяческое расположеніе. Конечно, секретарство, которое другіе считали для себя великимъ даромъ, было слишкомъ низко для гордаго Филельфо, и онъ мечталъ о чемъ либо повыше.

Именно въ это время ему снова пришла въ голову странная мысль, однажды уже занимавшая его. Еще когда умерла его первая жена Θеодора, дочь Іоанна Хризолора, онъ задумывалъ оставить мірскія

---

1) Вѣроятно, Дечембріо вступилъ въ должность въ 1449 г. Но нѣтъ положительныхъ извѣстій ни объ этомъ, ни о времени, когда онъ сдѣланъ magister brevium. Одно разрѣшеніе, подписанное имъ 7 декабря 1450 г. въ Appiani Hist. Rom. ed. Mendelssohn. vol. I Lips. 1879 p. XXII. Согласно Saxius Hist. lit. typ. Mediol. p. 298 въ книгѣ его писемъ есть граматы отъ имени папъ къ королямъ и владѣтельнымъ лицамъ. Franc. Barbari ep. 226 ed. Quirino. Marini vol. II p. 147. О позднѣйшей жизни Дечембріо въ Миланѣ см. томъ I стр. 459.

2) Ср. его письма къ нему отъ 6 и 9 октября 1440 г. Первое письмо къ нему отъ 19 декабря 1428 г.

3) Письмо Филельфо къ папѣ Николаю отъ 8 апрѣля 1447 г. 6 марта Конклавъ провозгласилъ его избраніе. Приглашеніе папы послѣдовало чрезъ Джіов. Тосканеллу, бывшаго ученика Филельфо.

заботы и суеты и поступить въ духовное званіе. Онъ сообщилъ объ этомъ желаніи папѣ Евгенію и просилъ «причислить его къ своей паствѣ». Тогда онъ могъ бы исполнить свое намѣреніе и безъ папы. Мы понимаемъ, что Филельфо желалъ только промѣнять свое блестящее свѣтское положеніе на болѣе блестящее среди духовенства. Евгеній IV не далъ Филельфо никакого отвѣта: конечно, мысль поэта казалась ему безразсудною и нелѣпою. Послѣдній, тоже отказался отъ нея и женился на Орсинѣ Осnaга, благородной миланской дѣвицѣ, которая въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ къ его многочисленной кучѣ дѣтей отъ перваго брака и незаконныхъ, подарила ему еще трехъ дочерей и одного сына.

Злая судьба хотѣла, чтобы именно въ то время, когда въ Миланѣ безчинствовали республиканскія партіи и грозили разрушить всякій гражданскій порядокъ, умерла и Орсина. Овдовѣвшаго поэта опять осѣнила благочестивая мысль. Но теперь дѣло было уже не такъ просто: двоекратный бракъ по каноническому праву служитъ препятствіемъ къ посвященію, и его можно устранить только папскимъ разрѣшеніемъ. О немъ-то и просилъ Филельфо Николая V, на котораго онъ надѣялся больше, чѣмъ на его предшественника, что онъ откроетъ доступъ къ духовнымъ должностямъ такому знаменитому ученому. Было дѣломъ неслыханнымъ, чтобы подобнаго рода просьба подавалась папѣ написанная гекзаметромъ. Филельфо присоединялъ оба стихотворенія, въ которыхъ просилъ о желаемомъ разрѣшеніи, къ своимъ сатирамъ [1]), въ первыхъ книгахъ которыхъ мы читаемъ самыя злобныя нападки на его враговъ, Козьму Медичи, Никколи, Поджіо и другихъ. Теперь онъ увѣрялъ, что съ дѣтства питалъ пламенное желаніе отречься отъ суетнаго міра и вполнѣ посвятить себя Христу, котораго онъ, замѣтимъ мимоходомъ, называетъ владыкою Олимпа. Тогда его муза, дотолѣ блуждавшая лишь въ мрачныхъ долинахъ, вознесетъ свой голосъ до самыхъ горнихъ высотъ и будетъ прославлять Николая V и папскій престолъ. Плотскія вожделѣнія онъ смирилъ чистыми помыслами и постами, къ тому же они угасли съ лѣтами. Онъ готовъ идти на всякую борьбу и на смерть за папскій престолъ съ усердіемъ и смиреніемъ, куда только ему укажутъ. И самое имя Филельфо для грядущихъ поколѣній будетъ не малымъ поощреніемъ и образцомъ къ торжеству вѣры.

Мы уже слышали отъ Филельфо много заявленій во время его пребыванія во Флоренціи и Миланѣ, свидѣтельствующихъ о его гор-

---

[1]) Это Satyr. dec. IX, hec. 8 и dec. X, hec. 4 — къ папѣ. О времени я замѣчаю по порядку сатиръ. Крайній предѣлъ опредѣляется тою замѣткою, которая есть и въ оттискахъ въ концѣ сатиръ, что Филельфо далъ имъ послѣднюю отдѣлку 1 декабря 1448 года.

дыхъ замыслахъ. Но въ этихъ сатирахъ онъ высказываетъ особенно смѣлую мысль. Поэтъ не шутя вбилъ себѣ въ голову, что папа можетъ сдѣлать его по малой мѣрѣ кардиналомъ, а въ такомъ случаѣ для него откроется путь и къ папскому престолу. Тогда онъ обезпечитъ и самъ себя и своихъ дѣтей. Мы должны только взять въ разсчетъ тѣ намѣренія, которыя онъ приписываетъ папѣ Николаю, и немного знать Филельфо, чтобы понять, какіе воздушные замки онъ строилъ. По его словамъ, папа не захочетъ поставить его въ ряды воинствующей церкви простымъ солдатомъ. Какая тамъ польза отъ него? Повиноваться онъ давно уже привыкъ; чтеніе священнаго писанія и величайшихъ отцевъ Церкви на языкахъ латинскомъ и греческомъ посвятило его въ глубокія тайны вѣры. Поэтому папа долженъ указать опредѣленное положеніе которое намѣренъ ему предоставить (чтобы Филельфо зналъ, что ему дѣлать. Онъ желаетъ всегда и ежедневно быть въ общеніи съ нимъ [1]).

Вѣроятно, Николай V смѣялся надъ кардиналомъ-поэтомъ съ кучею дѣтей и не удостоилъ его отвѣта. Филельфо напрасно ждалъ и мучился нетерпѣніемъ; онъ оставилъ мысль о красной шляпѣ и женился въ третій разъ.

Въ 1453 г. Филельфо не безъ труда удалось выпросить себѣ отпускъ у своего повелителя, герцога миланскаго: онъ хотѣлъ поднести въ даръ королю Неаполитанскому Альфонсу томъ своихъ сатиръ, въ которомъ теперь было 10.000 стиховъ. Два года уже носился онъ съ этою мыслію [2]). Трудно допустить, чтобы герцогъ Франческо не отпускалъ его путешествовать изъ страха, какъ бы его придворный поэтъ не измѣнилъ ему. Но послѣдній не хотѣлъ ѣхать моремъ и оставлять въ сторонѣ флорентинскую область, въ

---

[1]) At postquam sanctae statuis me, maxime Praesul,
Scribere militiae, scribas, precor, ordine certo.
Nam quid grande potest obiicu gregarius ullum
Miles opus, qui, dicta modo imperiumque capessat?...
Da, Pater, ut toto tibi pectore iungar et uno
Tecum tempus agam.

Онъ просилъ еще Евгенія IV: iungat gregi suo per florea prata. Что онъ разумѣлъ подъ этимъ, видно и изъ послѣдующихъ обращеній. Лодризіо Кривелли въ пасквилю спрашивалъ его, почему же Николай V не сдѣлалъ его епископомъ или кардиналомъ, если такъ высоко его цѣнитъ. На это Филельфо возражалъ въ полемическихъ сочиненіяхъ отъ 1 августа 1465 г., смотря на дѣло серьезно, что папа не могъ этого сдѣлать, потому что онъ, Филельфо, уже два раза былъ женатъ. Этимъ объясняются и слова Фонтаны въ его апологіи Филельфо у Saxius p. 227, что папа далъ бы ему красную шапку, nisi digamus fuisset.

[2]) Его письмо къ Никколо Чеба отъ 15 февраля 1451 г.

которой ему послѣ приговора объ изгнаніи грозили отнятіемъ языка. Поэтому Филельфо давно уже велъ переговоры съ Козьмою Медичи, съ которымъ ему очень хотѣлось помириться [1]). Наконецъ пришли къ соглашенію, которое давало путешественнику возможность проѣхать чрезъ флорентинскую область. Передъ своею поѣздкою онъ собралъ съ миланскихъ друзей дань за увѣковѣченіе ихъ имени, чтобы заручиться средствами, потомъ получилъ ее съ тѣхъ владѣтельныхъ лицъ, чрезъ владѣнія которыхъ проѣзжалъ и резиденціи которыхъ почтилъ своимъ посѣщеніемъ. 18 іюля, вскорѣ послѣ полудня, въѣхалъ онъ усталый въ Римъ. Съ самой юности своей не видалъ онъ вѣчнаго города [2]), однако удостоилъ его легкаго обзора и намѣревался на другой день рано утромъ отправиться въ Неаполь. Безъ сомнѣнія, отъ папы онъ не добился ничего. Филельфо еще въ Миланѣ выразился такъ, что папа, правда, кажется ему человѣкомъ съ научнымъ образованіемъ, но въ немъ замѣтны слѣды подчиненнаго положенія, — намекъ на тѣ двадцать лѣтъ, которыя онъ провелъ въ зависимости у Альбергати. Онъ предполагалъ, что эти слова были переданы папѣ его врагомъ Дечембріо, и онъ старался показать, что это клевета [3]). Поэтому онъ не хотѣлъ представляться папѣ. Но распространилась молва объ его пріѣздѣ. Утромъ, только что Филельфо хотѣлъ уѣзжать, явился съ поздравленіемъ Флавіо Бьондо и не могъ надивиться тому, что поэтъ намѣревался привѣтствовать папу уже послѣ своего возвращенія. Николай V еще вечеромъ наканунѣ говорилъ много и милостиво о Филельфо и называлъ его своимъ другомъ. Однако Филельфо не вѣрилъ. Только тогда уже онъ согласился явиться къ его святѣйшеству, когда пришелъ Пьеро да Ночето и шутя повелъ его подъ руку.

Папа Николай былъ въ отличномъ расположеніи духа. Онъ забылъ всѣ тѣ непріятности, какія Филельфо причинилъ его флорентинскимъ друзьямъ, и тѣ предложенія, какія дѣлалъ ему самому. Поэтъ не могъ желать лучшаго и болѣе дружественнаго пріема. «Ну, мессеръ Франческо, обратился къ нему папа, Мы удивлялись, что вы здѣсь въ Римѣ и не посѣтили насъ!» Филельфо оправдывался тѣмъ, что хотѣлъ воспользоваться для этого своимъ обратнымъ проѣздомъ. Но папа тотчасъ же спросилъ о его трудахъ и, услыхавъ о толстомъ томѣ сатиръ, непремѣнно желалъ ихъ прочесть. Цѣлыхъ девять дней

---

1) См. томъ I стр. 335.

2) Что онъ однажды былъ въ Римѣ, это видно изъ его писемъ къ Перлеоне отъ 13 августа 1437 г. и къ Чеба отъ 15 февраля 1457 г.

3) Его письмо къ Транкедино отъ 12 марта 1453 г. Онъ рѣшилъ: Nicolaum quintum mihi videri doctissime eruditum, sed adhuc sapere famulatum

долженъ былъ Филельфо провести въ Римѣ, пока верховный пастырь всѣхъ вѣрующихъ съ удовольствіемъ знакомился со всѣми зазорными происшествіями по его книгѣ [1]). Возвращая ее, папа разсыпался въ лестныхъ похвалахъ, долго говорилъ о томъ времени, когда они въ первый разъ познакомились, о ихъ судьбѣ и потомъ въ мягкихъ выраженіяхъ упрекалъ поэта въ томъ, что онъ не принялъ мѣста при римскомъ дворѣ, которое папа велѣлъ предложить ему тотчасъ же послѣ своего восшествія на престолъ. Филельфо отвѣчалъ, что обязанъ слишкомъ большой признательностью герцогу миланскому. Тогда папа сдѣлалъ ему новое предложеніе, сказавъ, что надѣется выпросить его отъ любезнаго герцога, какъ подарокъ, и дастъ ему должность секретаря съ вознагражденіемъ въ 600 дукатовъ. Пусть Филельфо только обѣщаетъ въ свободное время перевести какое нибудь хорошее сочиненіе съ греческаго языка. Конечно, о красной шапкѣ не могло быть и рѣчи. На прощаньи папа вручилъ ему кошелекъ съ 500 дукатами, прибавивъ: «Вотъ, мессеръ Франческо, эти деньги я даю вамъ на продовольствіе во время пути!» Филельфо благодарилъ тысячу разъ, а папа прибавилъ къ этому залогу возобновленной дружбы, что онъ намѣренъ въ теченіи трехъ лѣтъ заботиться о немъ, чтобы ни онъ, ни дѣти его никогда не терпѣли нужды [2]).

Назначеніе папскимъ секретаремъ послѣдовало 1 сентября 1453 г. Но его святѣйшество имѣлъ планъ, съ которымъ и умеръ, заручиться Филельфо для перевода поэмъ Гомера, о чемъ мы сообщимъ больше подробностей впослѣдствіи.

Какое впечатлѣніе произвело на римскихъ литераторовъ то обстоятельство, что папа оказалъ расположеніе ненавистному Филельфо! Рѣчь о 500 дукатахъ переходила изъ устъ въ уста, а также и слухъ о назначеніи секретаремъ. Дечембріо, его прежній соперникъ, кипѣлъ злобою отъ зависти, Поджіо досадовалъ [3]). Но счастливый поэтъ, столь легко возвратившій себѣ благосклонность щедраго мецената проѣздомъ, рѣшился воспользоваться ею. По возвращеніи въ Миланъ онъ тотчасъ же послалъ папѣ переводъ спартанскихъ изрѣченій Плутарха съ посвященіемъ, наполненнымъ искусно разсчитанною лестью. «Всѣ достойные люди являются къ тебѣ. Всѣ, отличающіеся умомъ,

---

1) Письмо Филельфо къ Никколо д' Арцимбольди, миланскому совѣтнику, изъ Рима отъ 25 іюля 1453 г. Vespasiano Nicola V Papa § 27, T. Filelfo § 3.

2) Письмо Филельфо къ Лодризіо Кривелли отъ 1 августа 1465 г. Vespasiano ll. cc.

3) Ср. письмо Пьера Кандидо (Дечембріо) къ Поджіо отъ 11 августа 1453 г. и отвѣтъ Поджіо у Rosmini Vita di Filelfo T III p. 150, далѣе Poggius epist XI 15 ed. Tonelli.

краснорѣчіемъ или какимъ либо изъ изящныхъ искусствъ, стекаются къ тебѣ. А ты, какъ человѣкъ великодушный и щедрый, никѣмъ не пренебрегаешь, всѣхъ охотно принимаешь, всѣмъ оказываешь величайшую щедрость. — Ты всѣмъ приносишь пользу какъ примѣромъ твоей жизни, такъ и твоимъ великодушіемъ на подарки» [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Филельфо задумалъ болѣе обширное произведеніе, которое, по его соображенію, будетъ еще пріятнѣе папѣ. Именно онъ намѣревался написать біографію папы и послалъ ему первую книгу. До насъ это сочиненіе не дошло, но мы знаемъ его широковѣщательный тонъ, который Филельфо въ этихъ случаяхъ обыкновенно доводилъ до нелѣпости. Впослѣдствіи враги его увѣряли, будто папа призналъ книгу такою вздорною, что бросилъ въ огонь въ присутствіи автора, съ презрѣніемъ далъ ему награду и запретилъ писать дальше [2]). Все это — очевидная ложь, такъ какъ Филельфо писалъ это сочиненіе уже послѣ своего возвращенія въ Миланъ и съ тѣхъ поръ больше не видался съ папою. Мы однако полагаемъ, что папѣ Николаю вмѣсто пошлой лести Филельфо гораздо пріятнѣе было бы имѣть переводъ. Если поэтъ къ первой книгѣ не прибавилъ второй, то причиною былъ или холодный пріемъ, оказанный посланію, или смерть папы, которая могла охладить пылкое чувство благодарности въ душѣ Филельфо [3]). Впрочемъ Николай V для него навсегда остался идеаломъ папы, и онъ указывалъ на него, какъ на образецъ, слѣдовавшимъ четверымъ его преемникамъ.

Если мы изъ группы итальянскихъ ученыхъ, собравшихся при дворѣ Николая V, указали только на болѣе выдающіяся имена, то это еще важнѣе относительно грековъ, нашедшихъ себѣ у него убѣжище. До сихъ поръ намъ представлялся случай только мимоходомъ упоминать о гелленской литературѣ, пробужденной отъ сна. То вліяніе, какое вновь открытая греческая образованность произвела на умы въ первую эпоху, т. е. приблизительно со временъ Петрарки до

---

1) Это Praefatio приложено къ изданіямъ рѣчей Филельфо, также напечатано у Saxius p. 533 и у Miffarelli p. 885.

2) Это извѣстіе, взятое изъ инвективъ, которое мы читаемъ въ письмѣ Горо Лолли къ павійскому кардиналу, притомъ въ сочиненіяхъ послѣдняго, напечатанныхъ съ Pii II, Comment. etc. Francofurti, 1614, p. 493. Ср. вышеупомянутое письмо Филельфо къ Кривелли.

3) Ср. выше стр. 53 пр. 4 оба письма Филельфо къ Гилини.

Николая V, собственно не велико. Лишь слабо и въ отдаленіи гелленскій духъ началъ дѣйствовать на латинскихъ гуманистовъ, и съ трудомъ достигались успѣхи въ познаніи и ознакомленіи съ нею. Отчего же усвоеніе его, начатое Петраркою и Салютато съ такимъ пламеннымъ рвеніемъ, совершалось однако столь медленно? Была ли слаба среда, призванная къ общенію съ нимъ, умерли ли духовныя силы византійско-греческаго міра? Или Западъ слишкомъ сталъ чуждъ духа древней Эллады, такъ что не могъ быстро освоиться съ нимъ, и гуманизмъ Италіи съ его преимущественно риторско-стилистическимъ образованіемъ былъ не подходящимъ сосудомъ для воспріятія новыхъ началъ? По видимому, романскій міръ, въ теченіи вѣковъ проникнутый и руководимый духомъ церкви, утратилъ воспріимчивость къ новой духовной культурѣ, такъ какъ рѣчь шла не объ одномъ только чуждомъ языкѣ. Въ противномъ случаѣ одушевленіе, особенно сильное у тѣхъ, которые лишь съ предчувствіемъ взирали на страну грековъ, гораздо скорѣе привело бы къ успѣхамъ.

У насъ еще не изслѣдованъ вопросъ о томъ, насколько и съ какою оцѣнкою продолжала существовать древняя гелленская литература въ самой византійской имперіи.. Но она все таки сохранилась въ довольно почтенныхъ остаткахъ въ то время, когда была перенесена на Западъ. Съ VI вѣка едвали въ византійскомъ государствѣ памятниковъ ея погибло болѣе, чѣмъ памятниковъ римской литературы у народовъ романскихъ. Среди грековъ языкъ древней Эллады никогда не былъ чуждымъ, непонятнымъ. Постоянное мѣстопребываніе двора и его резиденціи, а также и школьное преподаваніе поддерживали древнюю литературу. По крайней мѣрѣ они способствовали ея существованію точно такъ же, какъ римскіе поэты, историки и философы на западѣ продолжали сохраняться въ средѣ духовныхъ лицъ, монаховъ, учителей и нѣкоторыхъ ученыхъ. Конечно, преобладало богословіе, остановившееся въ своей неподвижности, которая осталась ея характеристическою чертою на западѣ несравненно дольше, потому что схоластика и всякаго рода мистическія ученія представляли для него новую пищу и создавали поприще для умственной дѣятельности. Отъ неоплатоническихъ ученій тамъ нельзя было ожидать никакихъ плодотворныхъ началъ. Даже для лучшихъ умовъ они были почти игрушкою и не знакомили съ древностью. Для людей этого направленія, конечно, изреченія Сивиллы и Гермесъ Трисмегистъ были выше Гомера и Платона. Но даже незадолго до появленія итальянскихъ гуманистовъ въ Греціи все еще списывались и читались такіе писатели, какъ Эврипидъ, Ксенофонтъ, Страбонъ, Плутархъ и Адріанъ [1]). Восточная римская имперія была все таки

---

1) См. перечень подобныхъ рукописей у Gardhhausen Gric. chische Paläographie Leipzig 1979, s. 356 ff.

въ состояніи послать на западъ Хриволора, Георгія Трапезунтскаго, Θеодора Газскаго, Виссаріона и Константина Ласкариса, людей съ гуманистическимъ направленіемъ и образованіемъ.

Насколько почва на западѣ готова была къ воспріятію сокровищъ гелленской литературы? Правда, можно утверждать, что тамъ она не была никогда совершенно чуждою, что въ особенности греческій языкъ во всѣ эпохи такъ называемыхъ среднихъ вѣковъ могъ указать нѣкоторыхъ знатоковъ и любителей. Но знаніе еще не всегда нераздѣльно съ умственнымъ вліяніемъ, а въ особенности такое, которое прививаетъ новую вѣтвь къ корню латинскаго образованія. Римъ, гдѣ нѣкогда гелленскимъ духомъ были проникнуты лучшіе слои общества, гдѣ онъ составлялъ принадлежность моднаго образованія, теперь далеко отринулъ его отъ себя со времени раздѣленія церквей. Въ Италіи были еще мѣстами духовныя лица, знавшія по-гречески, и «грамматики», учившіе этому языку. Въ то время, когда Павелъ діаконъ, вѣроятно, учился этому языку въ Павіи, онъ находилъ въ Италіи еще многихъ подобныхъ себѣ. Но вмѣстѣ съ паденіемъ Лангобардскаго королевства, повидимому, заглохла и эта вѣтвь знаній. И въ первое Возрожденіе, которое началось при Карлѣ Великомъ и снова кончилось приблизительно съ Карломъ Лысымъ, гелленизмъ тоже принималъ нѣкоторое участіе въ умственномъ движеніи. Въ особенности въ школахъ ирландцевъ, у Седулія Скота и Іоанна Скота мы встрѣчаемъ преподаваніе греческаго языка, хотя онъ служилъ только роскошью да и то, конечно, не часто [1]. Нѣкоторые писатели стараются пріобрѣсти покрайней мѣрѣ внѣшній лоскъ греческаго образованія, употребляя нѣкоторыя греческія слова, щеголяя греческими фразами и заглавіями сочиненій. Дипломатическія и общественныя сношенія съ Византіею вели постоянно къ нѣкоторому умственному соприкосновенію, и нѣкоторые греки переселялись на западъ. Поэтому не удивительно, когда Видукиндъ разсказываетъ намъ объ одномъ корвейскомъ монахѣ, который могъ кое-что читать королю Конраду на греческомъ языкѣ [2]), или когда Германъ Контрактусъ восхваляется въ Рейхенау за то, что тоже понималъ по-гречески. Но въ обоихъ этихъ случаяхъ знаніе языка остается безплоднымъ. Оно служитъ при случаѣ средствомъ для сношеній, но не ключемъ къ знакомству съ греческою литературою.

Съ эпохи крестовыхъ походовъ, конечно, сношенія съ греческимъ Востокомъ стали оживленнѣе, но на литературныя сношенія мы не

---

[1]) Подробнѣе объ этомъ у Эберта Geschichte der Literatur des Mittelalters Bd. II Leipzig 1880.

[2]) Res gestae Sax. III, 2.

можемъ указать. Даже ученыя знаменитости не сознавали потребности расширить свои знанія въ этомъ направленіи. Ни Абелардъ, ни Іоаннъ Салисберійскій не знали по гречески, равно какъ и Гербертъ, жившій раньше ихъ [1]). Они даже не выразили желанія приблизиться къ этому источнику познаній. Первый, отъ кого мы, по крайней мѣрѣ, слышимъ жалобу на то, что незнаніе греческаго языка наноситъ вредъ и изученію латинскаго, это—Ричардъ де Бѣри, современникъ Петрарки. Онъ досталъ для своихъ учениковъ грамматики—латинскую и еврейскую, хотя понималъ, что эти языки можно усвоить только при помощи учителей. Но онъ стремился не къ классикамъ древняго міра, а полагалъ только, что нельзя понимать древнихъ церковныхъ писателей безъ греческаго языка [2]).

Въ Сициліи и Калабріи продолжалъ еще жить греческій языкъ, вѣроятно, непрерывно. Это фактъ извѣстный, который является передъ нами наглядно во времена норманскихъ королей и Гогенштауфеновъ. Манфредъ поручилъ одному сицилійцу, Бартоломео изъ Мессины, перевести этику Аристотеля на латинскій языкъ. Въ монастыряхъ базиліанъ, основанныхъ въ видѣ убѣжищъ для грековъ и постоянно бывшихъ въ сношеніяхъ съ греками, продолжались до извѣстной степени и занятія греческимъ языкомъ, какъ доказываютъ ихъ книги. Но они были слишкомъ изолированы, такъ что не могли имѣть никакого вліянія на западное человѣчество [3]).

Этимъ разрывомъ живой связи между греками и латинянами объясняется и то обстоятельство, что переводная литература находится въ весьма печальномъ положеніи. Хотя Западъ снова познакомился съ Аристотелемъ, открывшимъ для него новые пути учености, однако долгое время и изъ его сочиненій были переведены только сочиненія по логикѣ Боэціемъ, а касательно другихъ сочиненій пользовались латинскою передачею арабскихъ переводовъ. Даже и въ то время, когда Аристотель прямо былъ признанъ «философомъ», лишь по временамъ возникаетъ мысль о вѣрномъ переводѣ его сочиненій съ греческаго подлинника. Изъ разговоровъ Платона знали собственно только Тимея въ неполной передачѣ Халкидія. Если и были латинскіе переводы нѣкоторыхъ другихъ разговоровъ, то они встрѣчались очень

---

[1]) Ср. Schaarschmidt Iohannes Saresberiensis, Leipzig 1862, S. 109 ff.

[2]) Richardus de Bury Philobiblion cap. 10.

[3]) Въ бенедиктинскомъ абатствѣ Гротта Феррата, въ римской кампаньѣ тоже были греческія книги. Когда Траверсари осматривалъ ихъ въ 1432 г., то нашелъ, что они обветшали, покрыты пылью и вообще въ жалкомъ видѣ. Онъ не нашелъ почти ничего такого, чего бы не было и въ другихъ мѣстахъ. Ambros. Travers. epist. VIII, 42. Hodoepricon p. 11.

рѣдко и въ немногихъ экземплярахъ [1]). А однако какъ часто отцы Церкви ссылались на Платона! Вся же остальная свѣтская литература гелленовъ для латинянъ была какъ бы похоронена и забыта. Правда, одно время около половины XIV в. былъ въ Италіи монахъ миноритъ Анджело де Чингуло, который «принялъ греческій языкъ отъ Бога» и употреблялъ свои свѣдѣнія на переводы. Но онъ переводилъ не классиковъ, а творенія Іоанна Златоуста, одно сочиненіе такъ называемаго Климака, аббата Синайскаго, и разговоръ святаго Макарія [2]).

Этотъ монахъ, насколько извѣстно, былъ уже современникомъ Петрарки. Тутъ мы видимъ, изъ какого мрака и безвѣстности извлекъ онъ гелленскую литературу, произнеся надъ нею слово освобожденія. Уже первый человѣкъ съ греческимъ образованіемъ, занимавшійся тѣмъ же предметомъ, Калабріецъ Варлаамо, внушилъ ему мысль овладѣть греческимъ языкомъ и его духовными сокровищами, которыя служили образцами для Цицерона и Виргилія. Мы знаемъ, что онъ остановился на началахъ грамматики и что усердіе его охладѣло въ виду потребности—въ качествѣ ученика искать себѣ учителя. Но искра Прометеева огня запала въ его душу и, разгорѣвшись яркимъ пламенемъ, воспламенила сотни и тысячи умовъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ получилъ греческаго Гомера, съ тѣхъ поръ, какъ явился Пилато и перевелъ его поэмы во Флоренціи, на итальянской почвѣ была основана новая родина для гелленскаго духа. Конечно, въ началѣ предѣлы ея были еще незначительны. Боккачіо поразительно мало научился греческому языку, несмотря на то, что цѣлые годы былъ въ общеніи съ Пилато. Онъ никогда не могъ читать греческихъ писателей. Поэтъ едва умѣлъ справиться со стихомъ Гомера или объяснить этимологически какое нибудь греческое слово. Но онъ старается примѣнить къ дѣлу свои скромныя познанія въ греческой мудрости. Онъ подалъ мысль о переводѣ поэмъ Гомера, и благодаря ему былъ

---

1) См. Schaarschmidt l. c. S. 114.

2) Bartolomeus Pisanus Opus conformi tatum, Mediol. 1513, lib. I. fruct. II fol. 107.— Исторія дальнѣйшаго существованія греческой литературы въ латинскіе средніе вѣка, которая, конечно, потребовала бы большой начитанности, принадлежитъ къ числу pia desideria науки. Здѣсь можно указать только на начатки этого дѣла. Совершенно лишенъ критики и неудовлетворителенъ трудъ Gradenigo въ Miscellanea di varie operette T. VIII Venet. 1744, p. 1 e seg., достоинъ вниманія въ этомъ отношеніи, какъ и вообще, Tiraboschi T. V p. 674 и Baldelli Vita di Boccacci. Illustraz. I p. 221 e seg. Написанное на премію сочиненіе Ренана Sur l'étude du grec et des langues orientales en occident pendant le moyen âge, Paris 1849 не являлось въ печати. Cramer de graecis medii aevi Studiis P. I. II, двѣ стральзундскія гимназическія программы 1848 и 1850 гг. — еще лучшее, что у насъ есть, потому что Gidel Nouvelles études sur la literature grecque moderne, Paris 1878 p. 1—278 составлены поверхностно по второстепеннымъ источникамъ.

приглашенъ въ флорентинскій университетъ первый наставникъ греческаго языка. Тамъ онъ распространялъ ту плодотворную мысль, которую потомъ вполнѣ развилъ его младшій другъ Салютато, хлопотавшій о приглашеніи Хризолора [1]).

Когда въ 1360 г. Петрарка написалъ свое посланіе къ Гомеру, воодушевленный переводомъ гомерическихъ поэмъ, который сдѣлалъ Пилато, то онъ думалъ о томъ, сколько есть въ Италіи людей, которыхъ онъ можетъ назвать друзьями великаго пѣвца. Во Флоренціи онъ нашелъ троихъ или четверыхъ, въ Болоньѣ одного, въ Веронѣ двоихъ, въ Сульмонѣ одного, въ Мантуѣ тоже одного, а въ Римѣ ровно никого. По своему пристрастію къ мистической таинственности поэтъ не говоритъ намъ, разумѣетъ ли онъ простыхъ поклонниковъ Гомера, или знатоковъ греческаго языка. Но намъ слѣдуетъ допустить послѣднее, такъ какъ онъ не упоминаетъ о Миланѣ, гдѣ самъ жилъ въ то время. Ученые старались открыть эти личности и указали на Боккачіо, Нелли, Салютато, Франческо Бруни, Фра Тебальдо да Каза, Пьетро да Мульо, Занобі да Страда, Гульельмо да Пастренго, Ринальдо да Вилла-Франки и Марко Барбато [2]). Помимо Боккачіо, котораго, конечно, нельзя считать въ числѣ знатоковъ греческаго языка, и развѣ Тебальдо, который былъ простой переписчикъ, изъ названныхъ лицъ ни объ одномъ нельзя доказать, что они знали даже греческія буквы. Приходится думать о второстепенныхъ личностяхъ, которые случайно знали по-гречески, какъ упомянутый нами братъ Анджело, которому Богъ даровалъ это знаніе, или какой нибудь другой неизвѣстный грамматикъ, или греки и тотъ калабріецъ, котораго судьба занесла въ латинскій міръ [3]).

Если что во время Петрарки и впослѣдствіи служило существенною помѣхою между греками и латинянами, то это было—различіе вѣроисповѣданій. Въ торговыхъ и другихъ сношеніяхъ оно было не такъ ощутительно, но эти сношенія не были и средствомъ умственнаго сближенія, такъ какъ посредницею при нихъ была lingua franca. Никто не учился по-гречески для того, чтобы вести дѣла на востокѣ. Но именно образованные умы раздѣлялъ многовѣковой расколъ, упорная приверженность догматамъ и стойкость въ вѣрѣ со стороны грековъ, надменность и ненависть къ еретикамъ со стороны латинянъ. И у тѣхъ и у другихъ они усилились до племен-

---

1) См. томъ I, стр. 335. О свѣдѣніяхъ Боккачіо въ греческомъ языкѣ см. Hortis Studj s. opere lat. del Boccaccio p. 369 e seq. Körting Boccaccio S. 376 ff.

2) Petrarca epist. XXVI, 12 отъ 9 октября 1360 г. Изъ объяснителей назову только послѣднихъ: Тирабоски, Фракассетти и Hörtis l. c. p. 368.

3) Оба уроженца Кипра, упомянутые на стр. 42, показываютъ намъ, какъ легко это случалось.

рѣдко и въ немногихъ экземплярахъ [1]). А однако какъ часто отцы Церкви ссылались на Платона! Вся же остальная свѣтская литература гелленовъ для латинянъ была какъ бы похоронена и забыта. Правда, одно время около половины XIV в. былъ въ Италіи монахъ миноритъ Анджело де Чингуло, который «принялъ греческій языкъ отъ Бога» и употреблялъ свои свѣдѣнія на переводы. Но онъ переводилъ не классиковъ, а творенія Іоанна Златоуста, одно сочиненіе такъ называемаго Климака, аббата Синайскаго, и разговоръ святаго Макарія [2]).

Этотъ монахъ, насколько извѣстно, былъ уже современникомъ Петрарки. Тутъ мы видимъ, изъ какого мрака и безвѣстности извлекъ онъ гелленскую литературу, произнесши надъ нею слово освобожденія. Уже первый человѣкъ съ греческимъ образованіемъ, занимавшійся тѣмъ же предметомъ, Калабріецъ Варлаамо, внушилъ ему мысль овладѣть греческимъ языкомъ и его духовными сокровищами, которыя служили образцами для Цицерона и Виргилія. Мы знаемъ, что онъ остановился на началахъ грамматики и что усердіе его охладѣло въ виду потребности—въ качествѣ ученика искать себѣ учителя. Но искра Прометеева огня запала въ его душу и, разгорѣвшись яркимъ пламенемъ, воспламенила сотни и тысячи умовъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ получилъ греческаго Гомера, съ тѣхъ поръ, какъ явился Пилато и перевелъ его поэмы во Флоренціи, на итальянской почвѣ была основана новая родина для гелленскаго духа. Конечно, въ началѣ предѣлы ея были еще незначительны. Боккачіо поразительно мало научился греческому языку, несмотря на то, что цѣлые годы былъ въ общеніи съ Пилато. Онъ никогда не могъ читать греческихъ писателей. Поэтъ едва умѣлъ справиться со стихомъ Гомера или объяснить этимологически какое нибудь греческое слово. Но онъ старается примѣнить къ дѣлу свои скромныя познанія въ греческой мудрости. Онъ подалъ мысль о переводѣ поэмъ Гомера, и благодаря ему былъ

---

1) См. Schaarschmidt l. c. S. 114.

2) Bartolomeus Pisanus Opus conformitatum, Mediol. 1513, lib. I. fruct. II fol. 107.— Исторія дальнѣйшаго существованія греческой литературы въ латинскіе средніе вѣка, которая, конечно, потребовала бы большой начитанности, принадлежитъ къ числу pia desideria науки. Здѣсь можно указать только на начатки этого дѣла. Совершенно лишенъ критики и неудовлетворителенъ трудъ Gradenigo въ Miscellanea di varie operette T. VIII Venet. 1744, p. 1 e seg., достоинъ вниманія въ этомъ отношеніи, какъ и вообще, Tiraboschi T. V p. 674 и Baldelli Vita di Boccacci. Illustraz. I p. 221 e seg. Написанное на премію сочиненіе Ренана Sur l'étude du grec et des langues orientales en occident pendant le moyen âge, Paris 1849 не являлось въ печати. Cramer de graecis medii aevi Studiis P. I. II, двѣ стральзундскія гимназическія программы 1848 и 1850 гг. — еще лучшее, что у насъ есть, потому что Gidel Nouvelles études sur la literature grecque moderne, Paris 1878 p. 1—278 составлены поверхностно по второстепеннымъ источникамъ.

ствѣ римской церкви и исхожденіи св. Духа отъ Отца и отъ Сына. Кромѣ того онъ написалъ множество сочиненій по нравственной философіи, ариѳметикѣ, геометріи и музыкѣ. Онъ былъ такимъ образомъ ученый въ греческомъ духѣ, но его сочиненія, написанныя на латинскомъ языкѣ или переведенныя на него, не мало читались и на западѣ, какъ доказываютъ сохранившіяся рукописи [1]).

Мы вполнѣ понимаемъ, почему не пользовались болѣе глубокимъ сочувствіемъ Петрарки ни подобный человѣкъ, ни подобная ученость. Сочиненій его онъ не удостоиваетъ упоминанія, и лишь съ удивленіемъ вспоминаетъ о томъ обстоятельствѣ, что полугреку совсѣмъ не удалось освоиться съ латинскимъ краснорѣчіемъ и реторикою [2]). Но поэтъ долженъ сознаться, что самъ онъ оказалъ мало успѣховъ въ греческомъ языкѣ, такъ мало, что учебныя занятія съ Барлаамо не произвели никакого благотворнаго вліянія на его произведенія. Поэтому онъ не сталъ искать себѣ учителя, когда грекъ оставилъ Авиньонъ и удалился на свою калабрійскую епископію. Конечно, у него Петрарка могъ основательно научиться греческому языку. Но есть основаніе сомнѣваться въ томъ, чтобы монахъ могъ ознакомить его съ классическою литературою. Однако Боккачіо кое-чему научился у него, велъ ли съ нимъ сношенія въ Неаполѣ, или только пользовался замѣтками, которыя Барлаамо сообщилъ усердному собирателю Паоло да Перуджіа [3]). Память о своей дѣятельности этотъ базиліанскій монахъ оставилъ не столько благодаря своимъ сочиненіямъ, сколько вліянію на Петрарку и Боккачіо.

Это же слѣдуетъ сказать и о Леонціо Пилато, который сверхъ того былъ не такой ученый, какъ Барлаамо. Петрарка и его считалъ за калабрійца родомъ и совершенно справедливо. Но такъ какъ онъ хотѣлъ, чтобъ его признавали въ Италіи за природнаго грека, то утверждалъ, что родился въ Салоникахъ, гдѣ онъ, вѣроятно, учился въ высшей школѣ, подобно Барлаамо, котораго Пилато называлъ своимъ наставникомъ [4]). Онъ, конечно, понималъ ученый греческій

---

[1]) О его жизни и сочиненіяхъ см. Mazzuchelli Scrittori d'Italia vol. II P. 368. Fabricius Bibl. graeca ed. Harless vol. XI p. 462. Рукописи его греческихъ сочиненій у Zanetti Graeca D. Marci Bibl. p. 142. 145. 152. Iriatre Reg. bibl. Matrit. codd. graec. ms. vol. I p. 280 seq. Cyrillus Codd. graeci ms. reg. bibl. Borbon. T. II p. 343.

[2]) Petrarca epist. rer. famil. XVIII, 2 (отъ 1354 г.): Sed. erat ille vir, ut locupletissimus graecae, sic romanae facundiae pauperrimus, et qui ingenio agilis, enunciandis tamen affertibus laboraret.

[3]) Genealogia Deor. lib. XV cap. 6. Въ пользу перваго обстоятельства говорятъ то, что онъ называетъ его corpore passillum. Онъ упоминаетъ и объ его сочиненіяхъ, хотя не видалъ ихъ.

[4]) Анонимъ, писавшій изъ Болоньи письмо къ Петраркѣ отъ имени Гомера (epist. rer. famil. XXIV, 12) — быть можетъ, это Салютато, — конечно, по ошибкѣ, вмѣсто Thessalonicensis написалъ Thessalu. Раньше Петрарка считалъ Пилато византійцемъ.

языкъ, но, разумѣется, не былъ знатокомъ его и незнакомъ съ древними классиками, а по латыни выражался какъ средневѣковой монахъ. Замыслы о возсоединеніи церквей, по видимому, и его увлекли въ Италію, а оттуда въ Авиньонъ, какъ и другихъ, старавшихся найти счастье на этомъ поприщѣ. Боккачіо уговорилъ его пріѣхать во Флоренцію, и въ теченіи трехъ лѣтъ онъ жилъ въ его домѣ гостемъ, хотя для хозяина вовсе не казался привлекательнымъ натянутый и угрюмый полугрекъ съ своими нечесанными волосами и нечистою бородою. Поэтъ сильно хлопоталъ о томъ, чтобы пристроить Пилато при университетѣ наставникомъ греческаго языка съ опредѣленнымъ жалованьемъ. Мы имѣемъ извѣстіе, что послѣдній публично объяснялъ Гомера, но учениковъ, которыми бы онъ руководилъ, мы не можемъ указать; вѣроятно, это были тѣ трое, на которыхъ намекаетъ Петрарка, какъ на друзей Гомера во Флоренціи. Но Боккачіо, какъ онъ говоритъ съ гордостью, вообще мало свойственною ему, первый изъ итальянцевъ слушалъ объясненія Гомера у своего гостя, хотя усвоилъ невѣроятно мало, не смотря на продолжительность времени и горячую преданность дѣлу. Онъ тщательно записывалъ всѣ тѣ объясненія, которыя сообщалъ ему греческій наставникъ. Какого рода были эти объясненія и съ какою дерзостью невѣжественный преподаватель удовлетворялъ любознательности своего ученика, показываютъ нелѣпости, встрѣчающіяся въ миѳологіи Боккачіо, при чемъ послѣдній ссылается на авторитетъ Пилато. Если напр. ученикъ спрашивалъ, отчего происходитъ имя Ахиллеса, то мудрый грекъ отвѣчалъ ему: отъ слова ἀ—χιλός, такъ что Ахиллесъ есть человѣкъ, выросшій безъ пищи [1]).

Пилато имѣетъ значеніе вовсе не въ силу своей преподавательской дѣятельности, а страсти къ ученію обоихъ друзей, которые пригласили его. Въ своемъ трогательномъ усердіи готовый на всякія жертвы, Боккачіо воспользовался пребываніемъ этого graeculus, чтобы заставить его сдѣлать переводъ Гомера. Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ Петраркѣ. Еще тогда, когда онъ получилъ греческій экземпляръ поэмъ Гомера

[1]) Ср. томъ I стр. 50. 162. Boccacius de geneal. deor. XV, 6. 7. Я не понимаю, почему не хотятъ принять за время прибытія Пилато во Флоренцію начало 1360 г. Epist. var. 25 Петрарки отъ 18 августа и epist. rer. famil. XXIV, 12 отъ 9 октября 1360 ясно показываютъ, что Пилато только что принялся за переводъ Гомера, и Петрарка получилъ пробу его. Почему онъ не могъ быть начатъ вскорѣ послѣ его прибытія въ домъ Боккачіо? Не знаю также, почему Фракассетти, Landau Boccaccio s. 188. 189 и Körting Boccaccio s. 262 ff. допускаютъ путешествіе Боккачіо въ Авиньонъ и его встрѣчу съ Пилато въ Венеціи. Его слова qui Leontium Pilatum a Venetiis occiduam Babylonem quaerentem a longa peregrinatione meis flexi conciliis, объясняются и простою перепиской.—Что Пилато лѣтомъ 1363 г. (sub aestatis exitum) опять покинулъ Италію, совершенно вѣрно указываетъ Гаспари въ Zeitschrift f. roman. Philologie 1879 s. 585.

отъ Сигероса, онъ всему свѣту оповѣстилъ о своемъ восторженномъ почитаніи пѣвца, котораго не понималъ. Съ Пилато онъ тоже познакомился еще раньше и поручилъ ему перевести начало Иліады прозою. Но не принялъ къ себѣ сожителемъ поэтъ суроваго, неопрятнаго и ворчливаго византійца: такимъ онъ считалъ его въ то время. Ему уже и то досадно было, что Пилато былъ очень непонятливъ при изученіи латинскаго языка и нимало не интересовался римскою литературою, что шутки Теренція вызывали у него развѣ пошлую улыбку. «Этотъ Лео (левъ), говоритъ онъ, играя словами, дѣйствительно, во всѣхъ отношеніяхъ большая скотина [1]». Но все таки онъ не прочь былъ издалека поддерживать литературное предпріятіе Боккачіо, чтобы потомъ присвоить эту заслугу исключительно себѣ. Переводъ, сдѣланный стихъ въ стихъ, слово въ слово, какъ для учениковъ, подобно работѣ Ливія Андроника, конечно, не давалъ никакого понятія о достоинствахъ поэта, но все таки извѣстное знакомство съ содержаніемъ поэмы; а еще хуже то, что самъ Пилато часто совсѣмъ не понималъ Гомера и не особенно былъ силенъ въ латинскомъ языкѣ. Когда спустя нѣсколько лѣтъ и переводъ, и копія, назначенная для Петрарки, были готовы [2], то оба итальянскіе ученые могли хоть что нибудь изъ содержанія гомеровыхъ пѣсень пріобщить къ сокровищницѣ своихъ знаній и передать латинскому міру. Дальнѣйшаго распространенія этотъ жалкій переводъ не имѣлъ [3]. Стараніе друзей пересадить такимъ образомъ творенія Гомера на итальянскую почву кажется намъ важнѣе дѣятельности переводчика.

Года черезъ три Пилато не могъ уже оставаться во Флоренціи и отправился чрезъ Венецію въ Византію, обильно снабженный поруче-

---

[1]) Къ нему и его дальнѣйшему переводу относятся epist. rer. senil. III, 6. V, 1. VI, 1. 2 Петрарки. Вѣроятно, въ присутствіи же Петрарки Пилато слушалъ обѣдню и сказалъ съ пренебреженіемъ: «Я не могу выносить этихъ шутокъ Латинянъ (epist. rer. senil. VII, 1).

[2]) Изъ экземпляровъ Петрарки, находящихся теперь въ Парижѣ и описанныхъ у Delisle Le cabinet des manuscrit sde la bibl. imp. T. I p. 140, мы видимъ впрочемъ, какъ поздно, они были кончены. Иліада явилась только въ 1369 г., при украшеніи Одиссеи Петрарка умеръ.

[3]) Выдержки изъ него у Bandini Catal, codd. lat. bibl. Laurent. T. IV p. 160, у Mehus Vita Amrbos. Travera. p. 273, у Baldelli Vita di Boccaccio p. 264, у Bernays Rentas versionum Homericarum. Bonnae 1850. Потомъ Hortis Studj s. opere lat. dei Boccaccio p. 543 e seq. сообщилъ первыя пѣсни Иліады и Одиссеи. Здѣсь для образца приводимъ только первые стихи:

Iram cane Dea Pelidae Achillis
Corruptibilem, quae innumerabieis Graecis dolores posuit, и
Virum mihi pande, Musa, multimodum qui volde multum
Erravit postquam sacram civitatem Troiae depraedatus fuit etc.

ніями Петрарки — купить ему Софокла, Эврипида и другихъ греческихъ классиковъ. Между прочимъ его отъѣздъ ни въ комъ не вызвалъ сожалѣнія. Въ Греціи, думалъ Петрарка, этотъ человѣкъ, разыгрывавшій въ Италіи грека, разумѣется, явится итальянцемъ. Дѣйствительно узнали, что онъ, сильно ругавшій въ Италіи Западъ и латинянъ, въ Константинополѣ разбранилъ этотъ городъ и восхвалялъ Италію какъ рай. Но озлобленіе Петрарки смолкло при извѣстіи объ ужасномъ концѣ этого искателя приключеній. Когда онъ опять переправлялся изъ Византіи въ Италію, то ударъ молніи убилъ его на бортѣ корабля, уже въ виду Адріатическаго залива [1]).

До тѣхъ поръ занятіе греческимъ языкомъ подвигалось впередъ туго, далеко не съ такою быстротою, съ какою латинское краснорѣчіе совершало свое торжественное шествіе по апеннинскому полуострову. Если бы то удивленіе, съ которымъ древніе римляне относились къ грекамъ, не служило постоянно новымъ поощряющимъ началомъ, то тѣ представители учености, которые впервые явились въ Италію, конечно, не въ состояніи были бы разрушить давнишнее предубѣжденіе противъ этихъ еретиковъ. Дѣла были въ такомъ же положеніи, какъ въ древнемъ Римѣ: тутъ презирали этихъ graeculi — насмѣшливое названіе, которое любилъ повторять еще Петрарка, — но все еще по прежнему уважали ихъ великихъ предковъ. Плоды, оставленные на западѣ дѣятельностью Барлаамо и Пилато, были ничтожны, но благодаря Петраркѣ и Боккачіо и они заронили плодотворное сѣмя, которое должно было выроести въ будущемъ.

Только спустя поколѣніе послѣ Пилато опять явился греческій наставникъ въ Италіи, Эммануилъ Хризолоръ. Но какъ однако восприимчивѣе и плодороднѣе стала литературная почва, которую онъ нашелъ въ Италіи! Впрочемъ и то надобно замѣтить, что онъ былъ совсѣмъ другой человѣкъ, чѣмъ тѣ калабрійскіе богословы. Это былъ, дѣйствительно, византіецъ, игралъ важную роль и въ самой Византіи и былъ знаменитымъ наставникомъ, однимъ изъ послѣднихъ столповъ

Лѣтъ черезъ 80 Валла зналъ только о двухъ экземплярахъ Иліады: одинъ въ библіотекѣ Никколи во Флоренціи, другой въ Миланѣ (см. Indagini s. libreria Visc. Sforza. P. I p. 16. 123). конечно, принадлежавшіе когда-то Боккачіо и Петраркѣ Valla. Invect. in Bart. Facium lib. IV (Opp. p. 622) Парижская рукопись, происходящая изъ Павіи, несомнѣнно, тождественна съ прежнею миланскою. Одиссея въ Падуѣ (Tomasinus Bibl. Patav. Manusc. p. 24 Zeno Diss. Voss. T. I p. 212) ошибочно приписана Хризолору. Сообразно съ этимъ и, вѣроятно, списанный съ нея экземпляръ въ Бреславлѣ, о которомъ сообщаетъ Haase Miscell. philol. lib. IV (Index lecti. hiem. in univ. Vratisl. 1862) p, 6.

[1]) Petrarca epist. rer. senil. VI, 1 По счисленію у Кёртинга Boccaccio s. 263 Пилато погибъ въ концѣ 1366 г.

древняго греческаго образованія, продолжавшаго еще свое существованіе въ риторскихъ школахъ, въ дѣйствительности знавшій именно то, чему у него желали учиться въ Италіи,—далѣе такой человѣкъ, который могъ говорить по латыни не по одной необходимости, и также любилъ римскую литературу и краснорѣчіе. Поэтому къ нему тотчасъ же примкнули лучшіе люди и съ радостью сдѣлались его учениками, Гварино, Роберто де' Росси, Бруни, Ченчи и другіе. Онъ тоже перешелъ въ латинскую вѣру [1]), но его безкорыстная дѣятельность въ пользу его угнетаемаго отечества и императора заставили уважать его, а безукоризненный образъ жизни и философское величіе вызвали почетъ со стороны учениковъ и друзей, который пережилъ самую смерть его. Хризолоръ былъ, дѣйствительно, человѣкъ преданный гуманистическимъ наукамъ и гуманнизму, а не только наставникъ греческаго языка.

Около времени пизанскаго собора явился къ римскому двору въ Болоньѣ греческій посолъ, по имени Іоаннъ; онъ гордился своимъ роскошнымъ костюмомъ, который постоянно мѣнялъ, и служилъ лишь предметомъ насмѣшекъ для придворныхъ. Когда Ліонардо Бруни освѣдомлялся, привезъ ли онъ также греческія книги, то оказалось, что онѣ, оставлены дома, какъ слишкомъ тяжелый товаръ. Съ другой стороны тамъ пользовался значеніемъ молодой Гварино Веронскій, который, можетъ быть, служилъ посредникомъ при сношеніяхъ съ этимъ посломъ и пріобрѣлъ въ Византіи знаніе языка и множество книгъ [2]). Въ такомъ положеніи остались отношенія между природными греками и латинянами, учащимися по гречески. Послѣдніе уже не ждали, пока явится въ Италію обѣднѣвшій грекъ и начнетъ тамъ преподаваніе. Они искали греческой мудрости въ самомъ источникѣ ея, въ Византіи.

Первый, кого благородная жажда знаній увлекла за море, первый паломникъ, отправившійся на классическую почву, на которой звучалъ языкъ Эллады, былъ именно Гварино, уже совершенно зрѣлый молодой человѣкъ, по положенію своему бѣдный школьный учитель, едва зарабатывавшій себѣ насущное пропитаніе. Такъ какъ онъ слышалъ похвальные отзывы о той школѣ, которую содержалъ Эммануилъ Хризолоръ въ Византіи, то съ радостью согласился на предложеніе венеціанскаго купца Паоло Зено—взять его туда съ собою, и былъ принятъ въ домѣ желаннаго наставника въ качествѣ слуги. Послѣ

---

[1]) Hodius de Graecis ill. p. 20 упоминаетъ о его полемическомъ сочиненіи объ исхожденіи Святаго Духа въ смыслѣ латинскаго ученія, сохранившемся въ рукописи въ Парижѣ. Вообще же о Хризолорѣ подробнѣе говорено въ первомъ томѣ стр. 210—218.

[2]) Leon. Bruni epist. III, 14. 15 rec. Mehus.

его отъѣзда онъ сталъ учиться у младшаго Хризолора, Іоанна, достойнаго своего дяди, учился въ теченіи пяти лѣтъ и еще разъ прошелъ ученическое поприще [1]). Онъ ни слова не говоритъ о томъ, какихъ трудовъ и лишеній стоило ему жить тамъ, но объ этомъ позволяетъ догадываться бѣдность, съ которою ему приходилось бороться въ болѣе молодые годы. И при этомъ Гварино нашелъ возможность привезти съ собою еще значительный запасъ книгъ! Мы упоминаемъ здѣсь и о томъ Джіакомо да Скарнаріа, который такъ скоро рѣшился сопровождать въ Византію стараго Кидонія, чтобы въ его школѣ учиться греческому языку. Упомянемъ и объ Аурисиѣ, который отправился туда же, чтобы употребить все свое состояніе на греческія книги и привезти ихъ въ нѣсколькихъ сундукахъ въ Италію [2]).

Франческо Филельфо провелъ около семи лѣтъ въ Византіи частію ученикомъ, частію въ качествѣ переводчика. И онъ собственно учился у Хризолора, а послѣ его смерти у Хризококка, гдѣ его товарищемъ по ученью былъ знаменитый впослѣдствіи Виссаріонъ. Но онъ не придавалъ особой цѣны тому, чему выучился у этихъ наставниковъ, хотя отзывался съ нѣкоторымъ уваженіемъ о своемъ тестѣ и сознавался, что онъ познакомилъ его съ литературою. Если чего онъ достигъ, по его словамъ, то достигъ не въ жалкихъ школахъ, но своимъ трудолюбіемъ и узналъ изъ книгъ, а чисто аттическому языку научился большею частію у своей жены Ѳеодоры. Тамъ, говорилъ онъ, только въ знатныхъ фамиліяхъ, мало мѣшающихся съ чернью, сохраняется во всей чистотѣ литературный языкъ. Мы видимъ, что Филельфо пріобрѣлъ въ Византіи и отъ византійцевъ не столько ученость, сколько навыкъ къ разговору, что и онъ считалъ такого человѣка, какъ Эммануилъ Хризолоръ, рѣдкимъ явленіемъ. Онъ признавалъ себя обязаннымъ не своимъ греческимъ наставникамъ, а Гварино, который пріобрѣлъ свои лучшія познанія тоже самоучкою [3]).

Страсть къ ученію и воодушевленіе итальянскихъ гуманистовъ, въ связи съ ихъ несравненно болѣе основательною грамматическою подготовкою, вскорѣ дали возможность западнымъ ученикамъ обходиться безъ византійскихъ школъ. Поджіо не сдѣлалъ особенныхъ успѣховъ

---

[1]) Поэтому онъ говоритъ въ письмѣ къ Леонардо Джустиніани у Hodius p. 63: sub utroque Chrysolora quantulumcumque opera impendi. И въ письмѣ, сообщенномъ у Rosmini Vita di Guarino vol. II p. 165, онъ съ уваженіемъ вспоминаетъ о младшемъ Хризолорѣ, котораго прямо называетъ племянникомъ старшаго. Ср. томъ I стр. 319.

[2]) См. томъ I стр. 322.

[3]) Ср. томъ I стр. 320. Письма Филельфо къ Перлеоне отъ 13 апрѣля 1441 г., къ Виссаріону отъ 23 января 1448 г., къ Лоренцо Медичи отъ 29 мая 1473 г. Письмо къ Гварино на греческомъ языкѣ отъ 22 ноября (1439 г.), въ вольфенбютельскомъ кодексѣ fol. 15. 40.

въ греческомъ языкѣ во Флоренціи. Но страсть, пылавшая въ его груди, влекла его къ большему, чѣмъ онъ могъ научиться даже у Эммануила Хризолора. Въ Лондонѣ, гдѣ никто не могъ оказать ему помощи, она снова овладѣла имъ. Его тревожила та мысль, что онъ долженъ изучать Аристотеля на чуждомъ языкѣ, и онъ страшно мучился, желая читать его въ подлинникѣ, хотя сознавалъ, что очень мало подвигается впередъ. Воротившись въ Римъ, онъ не скучалъ тѣмъ, что ему въ свободные часы приходилось дѣлать длинный путь къ Ринуччи, у котораго онъ слушалъ объясненіе Горгія [1]). Валла учился греческому языку у Ауриспы и Ринуччи, которые оба не были хорошими наставниками. Правда, Валла и не сдѣлался выдающимся геллонистомъ. А когда онъ разсказываетъ, какъ часто глаза его наполнялись слезами и голосъ замиралъ, когда онъ въ первый разъ читалъ Одиссею, то подобнаго рода чувство стоитъ выше всякой мудрости, какой можно научиться въ Византіи: тамъ еще менѣе были знакомы съ древнимъ пѣвцомъ [2]).

Не легко получить свѣдѣнія о способѣ преподаванія въ умиравшей восточной имперіи. Итальянцы, какъ Филельфо, вѣроятно, отзываются о немъ слишкомъ рѣзко, потому что хлопочутъ лишь о томъ, чему желали такъ научиться. Но ясно, что немногіе наставники даже и въ Византіи обладали еще классическимъ образованіемъ и что преподаваніе греческой грамматики было неосновательно. Когда Перлеоне, ученикъ Филельфо, пожелалъ тамъ усовершенствоваться, то наставникъ могъ ему рекомендовать только Аргиропуло, который въ то время пріѣхалъ на западъ. Но для этого надобно было принаровиться къ его крутому, почти несносному нраву. Въ другихъ общественныхъ школахъ, по мнѣнію Филельфо, учили пустякамъ, а о грамматикѣ, количествѣ слоговъ и удареніи нельзя было получить никакого понятія, и гомеровскаго нарѣчія не зналъ никто. Этому Аргиропуло поручилъ Филельфо и своего единственнаго сына Джіаммаріо. Кромѣ Византіи, въ которой еще только и можно было слышать чистый языкъ, классическія науки вообще считались невозможными. Когда хотѣлъ посѣтить Морею другой ученикъ Филельфо, Сассоло да Прато, любимецъ Витторино, такъ какъ онъ слышалъ о мудромъ старцѣ Гемистѣ Плетонѣ, то Филельфо старался усиленно отклонить его отъ этого намѣренія. По его словамъ, тамъ языкъ совершенно испорченъ, а нравы варварскіе [3]). Теперь мы понимаемъ, почему полуученые греки, бѣжавшіе толпами на западъ, большею частію для того, чтобы

---

[1]) См. выше стр. 40. Poggius epist. I, 8. 11. 18 II, 35 ed. Tonelli.

[2]) Valla Opp. p. 425.

[3]) Письма Филельфо къ Перлеоне отъ 13 апрѣля 1441 г. (a magistris ludi que publice docentur, plena sunt nugarum omnia) и къ Сассоло отъ 8 іюня 1441 г.

зарабатывать средства къ жизни перепискою, были въ такомъ пренебреженіи и наполняли приписки къ своимъ книгамъ жалобами на судьбу [1]).

Соборъ по поводу возсоединенія церквей, открытый въ Феррарѣ въ 1438 г., засѣданія котораго потомъ продолжались во Флоренціи, поставилъ и итальянскій литературный міръ въ продолжительное и плодотворное соприкосновеніе съ византійскимъ. Тогда на западѣ въ первый разъ ближе ознакомились съ византійскимъ дворомъ и съ богословскою ученостью этихъ грековъ. Между ними, собственно говоря, была только одна литературная знаменитость, міровой мудрецъ и платоникъ Георгій Гемистъ Плетонъ: Виссаріонъ еще не пользовался особеннымъ значеніемъ и пріобрѣлъ его уже въ Италіи. Кромѣ того, въ числѣ ихъ были и люди, мастные вести богословскіе споры, но вообще эти почтенные греки служили только предметомъ насмѣшекъ для гуманистовъ. Нельзя было равнодушно относиться къ самой ихъ наружности, какъ ее изображаетъ намъ юный Лапо да Кастильонкіо: одни были съ бородами, доходившими чуть не до пояса, съ грубыми, кудрявыми и нечесаными волосами, другіе съ короткими обстриженными бородами, полуобстриженными волосами на головѣ и съ крашеными бровями. Они большею частію, по словамъ Лапо, смотрѣли такъ странно, что и не смотря ни на какое горе нельзя было бы удержаться отъ смѣха [2]).

Соборъ пришелся въ такое время, когда гуманизмъ въ Италіи былъ еще въ цвѣтущей порѣ своихъ юношескихъ силъ. Многіе лучшіе его представители были привлечены прямо къ службѣ на соборѣ, для литературной обработки матеріала, для переводовъ, для посредничества при личныхъ сношеніяхъ и преніяхъ. Природныхъ грековъ, способныхъ къ этому дѣлу, почти не было, но нашлось достаточное число итальянскихъ гуманистовъ, которые владѣли обоими языками. Когда соборъ былъ окончательно перенесенъ во Флоренцію, и императоръ жилъ тамъ съ своимъ дворомъ и со множествомъ архіепископовъ и епископовъ больше восьми мѣсяцевъ, то они находились въ самомъ средоточіи гуманистической дѣятельности. И императору Іоанну Палеологу, и папѣ Евгенію IV хотѣлось привлечь Филельфо въ качествѣ посредника при занятіяхъ собора. Но тогда онъ не смѣлъ оставить Сіэны, боясь, что сдѣлается жертвою коварства Медичи и другихъ своихъ враговъ. А во Флоренцію онъ совсѣмъ не могъ показаться [3]). Потомъ ихъ усерд-

[1]) Ср. Gardthausen Griechische Palaeographie s. 306 ff., гдѣ приведенъ цѣлый рядъ ихъ.

[2]) Изъ его рукописнаго tractatus de curiae commodis у Hodius p. 30.

[3]) Письма Филельфо къ императору и къ папѣ Евгенію отъ 21 августа и 3 сентября 1438 г.

ными и опытными помощниками были Гварино и Ауриспа, жившіе въ Феррарѣ и потомъ послѣдовавшіе за отцами собора во Флоренцію. Мы охотно вѣримъ первому, что со времени прибытія грековъ у него не было и часа свободнаго [1]). Оффиціальнымъ переводчикомъ при переговорахъ, выбраннымъ папою въ эту должность, былъ Никколо Сагундино изъ Негропонта, человѣкъ больше дѣловой, чѣмъ ученый [2]). Напротивъ Траверсари, генералъ Камальдульскаго ордена, былъ душею богословскихъ совѣщаній. Онъ постоянно смотрѣлъ на возсоединеніе греческихъ еретиковъ съ Римомъ какъ на достославную задачу папъ и какъ на свою собственную. Такъ онъ былъ отправленъ въ Венецію встрѣчать императора и патріарха и постоянно трудился въ Феррарѣ и Флоренціи. Конечно, и онъ, не смотря на свою любовь къ древнимъ отцамъ Церкви, писавшимъ по гречески, былъ недоволенъ этими упрямыми и тупоумными византійцами, которые тянули переговоры до безконечности. Но онъ еще дожилъ до конца собора и составилъ актъ возсоединенія 5 іюля 1439 г. на обоихъ языкахъ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ былъ похищенъ смертью [3]).

Мы не обращаемъ вниманія на то, какіе мотивы рѣшали дѣло при догматическихъ спорахъ о Filioque (и отъ Сына), о главенствѣ римской церкви и объ опрѣснокахъ. Византійцы наконецъ сдѣлали уступки въ виду помощи, обѣщанной ихъ угрожаемой имперіи, почета отдѣльнымъ лицамъ, денегъ и приказанія своего императора. Дѣло возсоединенія не осуществилось, хотя въ жертву ему принесено было прежнее исповѣданіе. Гораздо любопытнѣе и плодотворнѣе по послѣдствіямъ было продолжавшееся рядомъ съ этимъ соперничество между греческими и латинскими учеными. Такъ какъ греки въ особенности гордились своею философіею, то борьба велась подъ знаменами Аристотеля и Платона.

Конечно, фактъ несомнѣнный, что Платонъ замѣчательно поздно былъ понятъ и оцѣненъ на западѣ. Но совершенно ошибочно приписывается эта заслуга грекамъ, будто они первые ознакомили съ нимъ,— тѣмъ грекамъ, которые бѣжали изъ Константинополя, осажденнаго и потомъ взятаго турками. Тѣ греки сами не знали Платона, а напротивъ тѣмъ, что они выдавали за платонизмъ, только помѣшали усвоенію истиннаго Платонова ученія. Латинскіе гуманисты здѣсь сами искали пути къ познанію и нашли его. О высокомъ достоинствѣ Платона

---

[1]) Его письмо къ Барбаро въ числѣ его писемъ ed. Quirino epist. 69 см. томъ I стр. 502.

[2]) Письмо Перлеоне къ нему въ Miscellanea di varie operette T. II p. 43. См. томъ I стр. 394.

[3]) Ср. Wolfgang von Goethe Bessarion I s. 143 ff. Ambros. Traversarii epist. XIII, 20.

возвѣстилъ міру Петрарка больше по предчувствію, потому что не зналъ его; онъ хотѣлъ этимъ преодолѣть общее поклоненіе Аристотелю. У него было 16 платоновскихъ сочиненій, но эти книги только возбуждали въ немъ восторженное чувство, но ничего не говорили его уму. Боккачіо хотѣлъ позаботиться о переводѣ этихъ сочиненій на латинскій языкъ, но желаніе его не осуществилось [1]). Однако тутъ кроется плодотворная мысль. Ліонардо Бруни, ученикъ Хризолора, перевелъ уже нѣсколько платоновскихъ разговоровъ своимъ яснымъ и изящнымъ латинскимъ языкомъ.

Прославленнымъ героемъ между греческими учеными, пріѣхавшими въ свитѣ императора въ Феррару и во Флоренцію, былъ Георгій Гемистъ Плетонъ, родомъ византіецъ, но жившій въ лаконскомъ городѣ Мизитрѣ. Я не могу рѣшить вопроса о томъ, принялъ ли онъ имена Гемистъ и Плетонъ дѣйствительно только на западѣ, можетъ быть потому, что въ немъ совмѣстилась мудрость временъ и что одно изъ нихъ напоминало имя Платона. Это былъ 83-хъ лѣтній старецъ, крайне почтенный съ своими сѣдинами, но сохранявшій пылкость юноши, когда ему приходилось говорить о своихъ платоническихъ идеяхъ. Земляки называли его просто мудрецомъ. Но и на итальянцевъ онъ, по видимому, производилъ сильное впечатлѣніе, когда бывалъ на обѣдѣ у кардинала Чезарини или вращался въ кружкѣ Козьмы Медичи и рѣчь заходила о философскихъ вопросахъ. Хотя онъ внутренно былъ чуждъ греческой церкви, однако неблагопріятно относился къ мысли о возсоединеніи и былъ открытымъ порицателемъ если не Аристотеля, въ чемъ его обвиняли, то несомнѣнно западной схоластики, опиравшейся на этого философа. Плетонъ былъ главою греческихъ мистиковъ, которые вели свое происхожденіе отъ неоплатонизма и теперь подъ знаменемъ Платона выступили противъ латинянъ, окруженные ореоломъ глубокомысленнаго тайнаго ученія.

Еще десятилѣтіемъ раньше Плетонъ въ своихъ Положеніяхъ [2]) развилъ основы новой философской религіи и новаго общественнаго устройства и сгруппировалъ около себя кружокъ «избранныхъ», къ которому принадлежалъ и его ученикъ Виссаріонъ. Въ этой книгѣ проповѣдывалось мистическое богословіе, которое онъ выработалъ на основѣ неоплатонизма и противоставилъ — христіанству съ гордымъ сознаніемъ высшей мудрости, а политическое и соціальное устройство

---

1) См. томъ I стр. 79 слл. Petrarca epist. var. 25 ed. Fracassetti.

2) Πλήθωνος νόμων συγγραφῆς τὰ σωζόμενα par Alexandre, Paris 1858, съ превосходнымъ Notice préliminaire. Fritz Schultze Georgios Gemisthos Plethon und seine reformatorichen Bestrebungen, Iena 1874. Также подъ заглавіемъ: Geschichte der Philosophie der Renaissance Bd. 1.

хотѣлъ измѣнить по образцу устройства древней Лаконіи, наск оно извѣстно изъ Плутархова Ликурга. Своими руководителями числа законодателей и мудрецовъ онъ считаетъ прежде всего астра, потомъ Эвмолпа, который учредилъ у Аѳинянъ элевзи таинства, Миноса Критскаго, Ликурга, Ифита, Нуму, индійскихъ миновъ и мидійскихъ маговъ. Къ числу этихъ наставниковъ пр диняются Пиѳагоръ, Платонъ, Парменидъ, Тимей, Плутархъ, Пор и Ямблихъ [1]). Но истинный источникъ его мудрости, изъ кот онъ черпалъ обильно и притомъ самое важное, это—Проклъ; но не упоминаетъ о немъ, въ чемъ его и упрекаетъ противникъ его. тикъ Геннадій [2]). Оттуда и ведетъ свое начало философскій полите который прикрылъ аллегорическими образами языческихъ боговъ Зевса до Гекаты и излагалъ неоплатоническую теургію и демонологі хаотическомъ обиліи темныхъ образовъ. Однако и эта новая религ чужда была чувственныхъ представленій, правильнаго культа и довъ. Такъ впослѣдствіи и Толендъ, не смотря на противополож церкви, въ своемъ Пантеистиконѣ снова возвратился къ церковной о ности. Плетонъ въ этомъ отношеніи сознавалъ вполнѣ свою само ность, однако сквозь его Положенія всюду проглядываютъ обряды г ской церкви. Мысль снова ввести въ употребленіе аттическій кале есть забава, лишенная всякой игры воображенія. За то онъ сочи сборникъ длинныхъ и скучныхъ воззваній и сухихъ гимновъ къ дѣльнымъ божествамъ гекзаметромъ, при произношеніи которыхъ довало поднимать руки и преклонять колѣна.

Мы не имѣемъ извѣстій, да и не думаемъ, чтобы Плетонъ Италіи проповѣдывалъ свою новую религію. Безъ сомнѣнія, на взглядъ, латиняне были столь необразованные варвары, что въ с ихъ нельзя было набирать эзотериковъ. Однако ему, по видимому, лось окружить свою личность ореоломъ мистическаго глубокомы Языкъ Платона на западѣ былъ извѣстенъ лишь немногимъ и т вполнѣ, и о неоплатонизмѣ вообще никто не зналъ. Уже по этому му легко обманывались, думая, что эти греки съ своею непонятною мифологіею и полуязыческою мудростію не были приверженцами деміи. Объ истинномъ Платонѣ Ліонардо Бруни, безъ сомнѣнія, з гораздо больше, чѣмъ всѣ они, а въ особенности чѣмъ Плетонъ торый, по видимому, былъ короче знакомъ съ своими собствен сочиненіями, чѣмъ съ сочиненіями Зороастра или Пиѳагора. соотечественники его при своемъ мудрствованіи въ духѣ Плето брали на себя важный видъ, подобно египетскимъ жрецамъ, од

---

1) P. 30. 33 ed. Alexandre.
2) Въ письмѣ къ экзарху Іосифу у Alexandre Appendice p. 419. 423. 424.

вовсе не пользовались значеніемъ. Одинъ Плетонъ, которому лѣта давали право на санъ патріарха, когда соборъ закрылся и когда онъ еще имѣлъ совѣщаніе съ Филельфо въ Болоньѣ, увезъ свою славу опять въ Пелопоннезъ, гдѣ и умеръ въ глубокой старости въ 1450 г. [1]).

Именно въ противоположность этимъ грекамъ и въ спорѣ съ ними Аристотель и у итальянскихъ гуманистовъ снова получилъ то значеніе, которое нѣкогда пытался поколебать Петрарка. Такъ какъ греки выдавали себя за платониковъ, то именно поэтому латиняне защищали Аристотеля. Еще въ Феррарѣ слава греческой философіи потерпѣла сильное пораженіе, по крайней мѣрѣ, по мнѣнію итальянца: конечно извѣстно, каковы бываютъ побѣды въ спорахъ. Именно Уго Бенци изъ Сіэны, знаменитый врачъ, а въ то же время и искусный діалектикъ, пригласилъ ученѣйшихъ изъ греческихъ гостей на веселую пирушку, на которой присутствовали также итальянскіе гуманисты и маркграфъ Никколо д'Эсте. Когда пирушка кончилась и столы были убраны, то умный хозяинъ умѣлъ направить разговоръ на тѣ именно положенія, въ которыхъ Платонъ и Аристотель всего болѣе расходились между собою. Онъ объявилъ, что готовъ защищать какую угодно сторону, на которую нападутъ греки, будетъ ли это Академія или школа перипатетиковъ. Греки приняли вызовъ. Нѣсколько часовъ длился оживленный диспутъ. Когда наконецъ Бенци своими доводами и краснорѣчіемъ заставилъ замолчать греческихъ философовъ одного за другимъ, тогда было очевидно, говоритъ нашъ итальянскій свидѣтель, «что латиняне, которые давно превосходили грековъ въ военномъ искуствѣ и славѣ оружія, въ нашъ вѣкъ превосходятъ и въ наукахъ и во всѣхъ отрасляхъ учености» [2]).

Вѣроятно, Бенци не понималъ по гречески, а о философіи Платона зналъ не больше того, что могъ почерпнуть изъ сочиненій Цицерона или изъ отцовъ Церкви. Это былъ настоящій діалектическій турниръ. Напротивъ во Флоренціи были люди, которые дѣйствительно могли читать Платона и понимали его, въ особенности Бруни и Марсуппини; тамъ греки пользовались еще меньшимъ уваженіемъ. Въ этомъ городѣ было довольно много споровъ изъ за Платона и Аристотеля. Такъ заключаемъ мы изъ того, что во Флоренціи Плетонъ написалъ свое

---

[1]) А не въ 1452, какъ доказываетъ Шультце l. c. s. 106. Что онъ былъ въ Болоньѣ отъ 1 января до 1 іюня 1438 г., я заключаю изъ греческаго письма Филельфо къ нему въ вольфенбюттельскомъ кодексѣ fol. 41. Письмо безъ числа, но Филельфо говоритъ, что онъ еще раньше любилъ его въ Болоньѣ за его добродѣтель и мудрость, а это можетъ относиться только къ тому времени, когда самъ онъ во второй разъ преподавалъ тамъ.

[2]) Aeneas Sylvius Europa cap. 52.

разсужденіе о различіи между обоими философами[1]). Оно повело къ безчисленнымъ спорамъ, которые однако — черта характерическая — происходили у грековъ между собою, почти безъ участія со стороны латинянъ.

Но ученіе престарѣлаго Плетона не прошло безслѣдно на Западѣ. Искра его запала въ воспріимчивые умы. Во Флоренціи Козьма Медичи, конечно, дилеттантъ, но такой, который интересовался всѣмъ, что ему казалось возвышеннымъ или глубокомысленнымъ, часто слышалъ, какъ «второй Платонъ» спорилъ о «платоновскихъ мистеріяхъ». Ему казалось, что Западъ еще не созрѣлъ для воспріятія этой высшей мудрости. Онъ представлялъ себѣ «родъ академіи», въ которой она со временемъ будетъ изучаться, и назначалъ мудрецомъ будущаго— сына своего врача, Марсиліо Фичино, которому въ то время было всего шесть лѣтъ. Козьма велѣлъ тщательно воспитывать его и старался собрать всѣ сочиненія Платона и Плотина. Когда питомецъ его уже былъ 30 лѣтъ, то въ 1463 г. онъ поручилъ ему перевести и объяснить сначала Гермеса Трисмегиста, а потомъ нѣкоторыя сочиненія Платона. Плотина Медичи откладывалъ до того времени, когда его философъ вполнѣ возмужаетъ, но не дожилъ до этого срока. Однако онъ заставилъ Фичино на своей виллѣ въ Карреджи прочесть себѣ лекцію о сочиненіяхъ философа. Юноша вполнѣ послѣдовалъ примѣру грековъ: онъ убѣдился, что божественный Плотинъ первый разоблачилъ теологію божественнаго Платона и «тайны древнихъ», что онѣ вполнѣ согласуются съ христіанскимъ ученіемъ, что или Платонъ снова ожилъ въ Плотинѣ, по ученію пиѳагорейцевъ, или оба они были вдохновлены тѣмъ же благимъ существомъ. Такимъ образомъ онъ явился на западѣ основателемъ мистической философской школы, главою которой впослѣдствіи былъ Пико да Мирандола[2]).

Но это была спеціальная отрасль, которая процвѣтала, собственно говоря, въ позднѣйшую эпоху и то на короткое время. Плетонъ пользовался уваженіемъ своихъ земляковъ, но былъ одинокимъ явленіемъ среди нихъ. Изъ числа грековъ, переселившихся въ Италію, у него едва ли были приверженцы. Слава этого мудреца не доставила имъ почета. Напротивъ дѣла ихъ шли въ той же мѣрѣ хуже, въ какой распространялось въ Италіи знакомство съ ихъ языкомъ и литерату-

---

1) Περὶ ὧν Ἀριστοτέλης πρὸς Πλάτωνα διαφέρεται. См. Fr. Schultze s. 80.

2) Marsilli Ficini Prooemium къ переводу Плотина, съ его Exhortatio ad auditores et legentes Plotinum, оба перепечатаны изъ edit. princ. у Botfield Prefaces p. 600 seq. Vespasiano Cosimo de'Medici § 27. Fabronius Magni Cosmi vita p. 136. vol. II p. 226.— И то, что было говорено о платоновскихъ изученіяхъ Николая Кузанскаго, относится къ неоплатонической философіи. Ср. разсказы будущаго алерійскаго епископа, который жилъ шесть лѣтъ въ его домѣ, въ предисловіи къ Апулею у Ботфильда Prefaces p. 68.

рою. Когда они являлись все большими толпами и по большей части обнищавшими, то вполнѣ охладѣло и то благоговѣніе, съ которымъ въ началѣ относились къ этимъ потомкамъ Гомеровыхъ героическихъ родовъ и древнихъ Аѳинянъ. Какъ всѣ видѣли, они не могли отказаться отъ византійской заносчивости, хотя жили на счетъ благодѣяній другихъ. Они были угрюмы и капризны, потому что теперь у нихъ не было тѣхъ удобствъ жизни, къ какимъ они привыкли, и должны были скитаться, учить и льстить знатнымъ. Полагали, что имъ слѣдовало бы примѣняться скромно къ обычаямъ своей новой родины, обстричь свои безобразныя бороды и оставить свою глупую кичливость. Кромѣ того греки оказались замѣчательно неспособными выучиться латинскому языку и народному итальянскому. Съ первымъ освоились лишь немногіе и то послѣ многолѣтнихъ усилій и едва трое или четверо могли выражаться на немъ бѣгло и изящно. Такимъ латинянамъ, которые съ пламеннымъ усердіемъ изучали ихъ языкъ и торопливо спѣшили овладѣть самыми разнообразными сокровищами греческой литературы, они казались людьми лѣнивыми и ограниченными. Тяжелый характеръ византійцевъ плохо согласовался съ итальянскою подвижностью. Уже во время папы Евгенія замѣтно охладѣло у итальянцевъ желаніе поддерживать этихъ греческихъ переселенцевъ, большею частію людей неспособныхъ, которые главнымъ образомъ сосредоточивались во Флоренціи.

При папѣ Николаѣ настало еще разъ счастливое позднее лѣто и для греческихъ изгнанниковъ, хотя кратковременное. Можно было употреблять въ качествѣ переписчиковъ книгъ тѣхъ изъ нихъ, которые могли сносно писать. Главою и покровителемъ всѣхъ, грековъ поселившихся въ Италіи, сдѣлался кардиналъ В и с с а р і о н ъ [1]). О его молодыхъ годахъ,

---

[1]) Bessarionis Opera omnia ed. Migne (Patrologiae graecae T. CLXI) Paris 1866 содержатъ въ себѣ не все, что было напечатано отдѣльно, а только болѣе крупныя философскія сочиненія. — Біографическій матеріалъ большею частію малаго достоинства. Таковъ: Bapt. Platina Panegyricus in laudem Bessarionis, написанный при жизни кардинала, часто печатавшійся съ его Vitae pontificum, тоже Paris. 1530, потомъ у Вёрнера de doctis hom. Graecis p. 81 и Migne p. CIII. Упоминаемая у Hodius p. 152 Oratio in laudem, хранящаяся въ рукописи въ венеціанской библіотекѣ кардинала, конечно, принадлежитъ перу Платины. Michaelis Apostolii Byz. Oratio funebris in Bessarionem ed Fülleborn, Lips. 1793 и у Migne p. CXXVII есть такая же декламація, написанная грекомъ на греческомъ языкѣ. Гораздо выше по своему достоинству, особенно въ отношеніи прошлой жизни кардинала въ Греціи, это—Oratio habita in funere Reverendissimi Cardinalis Graeci. s. l. et a. 6 Bl. 4⁰. Этотъ печатный оттискъ, по видимому, очень рѣдокъ, однако есть въ вѣнской придворной библіотекѣ и въ мюнхенской, экземпляромъ которой я могъ пользоваться. Malvasia велѣлъ отпечатать его или рукопись въ Compendio Storico della basilica de' dodici apostoli di Roma, Roma 1665, p. 255, но и эта книга у насъ составляетъ рѣдкость. Оба codd. Vatic. 2741 и 3920 сообщаютъ эту рѣчь, какъ

Такъ какъ греки явились въ Италію просить помощи, то, благодаря обстоятельствамъ, готовы были за хорошее возмездіе присоединиться къ догматамъ римской церкви. Однако сперва начались длинныя ученыя пренія потому ли, что греческое духовенство не было такъ безусловно согласно на перемѣну вѣры, какъ императоръ, или потому, что хотѣли только сохранить наружную стойкость. Наконецъ Виссаріонъ, горячо споривш͏ій съ латинянами, подалъ добрый примѣръ своимъ землякамъ: онъ былъ первый, убѣдившійся въ правильности догмата объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына, въ торжественномъ засѣданіи собора изложилъ свое исповѣданіе и не могъ достаточно восхвалить для назиданія грековъ то усердіе къ религіи, которое воодушевляетъ римскую Церковь [1]). Своего прежняго сподвижника въ борьбѣ, Марка, архіепископа Эфесскаго, онъ назвалъ сумасшедшимъ и злымъ человѣкомъ, наущаемымъ злыми духами. На первыхъ порахъ наградою новообращенному былъ подарокъ въ 600 скуди. Когда потомъ сочли нужнымъ, по заключеніи собора, дать мѣста новымъ братьямъ по вѣрѣ въ святой коллегіи, то по совѣту кардиналовъ Чезарини и Каприники нашъ Виссаріонъ и смиренный митрополитъ Кіевскій были возведены въ санъ кардиналовъ [2]).

Оба эти кардинала вскорѣ составляли единственный трофей, оставшійся отъ засѣданій собора, которыя закончились во Флоренціи. По своему положенію они могли хлопотать при римскомъ дворѣ о томъ, чтобы стѣсненнымъ византійцамъ оказана была помощь. Кіевскій митрополитъ Исидоръ часто подвергался опасности быть изрубленнымъ турецкими саблями, но всегда успѣвалъ во время спастись, наконецъ сталъ старъ и слабъ и удалился въ свое скромное убѣжище. Подобно ему, и Виссаріонъ былъ неутомимымъ ходатаемъ за грековъ, и въ его воображеніи рисовалась величественная картина крестовыхъ походовъ и упорныхъ битвъ съ турками. Но когда при Каликстѣ III и Піи II дѣйствительно сталъ пробуждаться интересъ къ этому дѣлу, то всѣ его хлопоты обратились въ ничто и окончились, по обыкновенію, забавно. Мало по малу онъ пришелъ къ тому убѣжденію, что его дѣятельность должна ограничиться областью литературы.

Его земляки, graeculi esurientes (голодные греки), переселявшіеся большими массами въ Италію и раньше паденія Византіи и послѣ того, вели жалкую борьбу за существованіе. Но Виссаріонъ былъ такъ счастливъ, что ему не было основаній бояться матеріальной

---

1) Ambros. Travers. epist. II, 19.

2) Raynaldus Annal. eccl. 1438 n. 17. 1439 n. 12. 1462. n. 72. 73. Сочиненіе Виссаріона de processione Spiritus Sancti въ его Opp. ed. Migne, часто встрѣчается въ переводѣ Арнудія, есть у Bzovius Annal. eccles. 1440 § 1—15.

рою. Когда они являлись все большими толпами и по большей части обнищавшими, то вполнѣ охладѣло и то благоговѣніе, съ которымъ въ началѣ относились къ этимъ потомкамъ Гомеровыхъ героическихъ родовъ и древнихъ Аѳинянъ. Какъ всѣ видѣли, они не могли отказаться отъ византійской заносчивости, хотя жили на счетъ благодѣяній другихъ. Они были угрюмы и капризны, потому что теперь у нихъ не было тѣхъ удобствъ жизни, къ какимъ они привыкли, и должны были скитаться, учить и льстить знатнымъ. Полагали, что имъ слѣдовало бы примѣняться скромно къ обычаямъ своей новой родины, обстричь свои безобразныя бороды и оставить свою глупую кичливость. Кромѣ того греки оказались замѣчательно неспособными выучиться латинскому языку и народному итальянскому. Съ первымъ освоились лишь немногіе и то послѣ многолѣтнихъ усилій и едва трое или четверо могли выражаться на немъ бѣгло и изящно. Такимъ латинянамъ, которые съ пламеннымъ усердіемъ изучали ихъ языкъ и торопливо спѣшили овладѣть самыми разнообразными сокровищами греческой литературы, они казались людьми лѣнивыми и ограниченными. Тяжелый характеръ византійцевъ плохо согласовался съ итальянскою подвижностью. Уже во время папы Евгенія замѣтно охладѣло у итальянцевъ желаніе поддерживать этихъ греческихъ переселенцевъ, большею частію людей неспособныхъ, которые главнымъ образомъ сосредоточивались во Флоренціи.

При папѣ Николаѣ настало еще разъ счастливое позднее лѣто и для греческихъ изгнанниковъ, хотя кратковременное. Можно было употреблять въ качествѣ переписчиковъ книгъ тѣхъ изъ нихъ, которые могли сносно писать. Главою и покровителемъ всѣхъ, грековъ поселившихся въ Италіи, сдѣлался кардиналъ Виссаріонъ [1]). О его молодыхъ годахъ,

---

[1]) Bessarionis Opera omnia ed. Migne (Patrologiae graecae T. CLXI) Paris 1866 содержатъ въ себѣ не все, что было напечатано отдѣльно, а только болѣе крупныя философскія сочиненія. — Біографическій матеріалъ большею частію малаго достоинства. Таковъ: Bapt. Platina Panegyricus in laudem Bessarionis, написанный при жизни кардинала, часто печатавшійся съ его Vitae pontificum, тоже Paris. 1530, потомъ у Бёрнера de doctis hom. Graecis p. 81 и Migne p. CIII. Упоминаемая у Hodius p. 152 Oratio in laudem, хранящаяся въ рукописи въ венеціанской библіотекѣ кардинала, конечно, принадлежитъ перу Платины. Michaelis Apostolii Byz. Oratio funebris in Bessarionem ed Fülleborn, Lips. 1793 и у Migne p. CXXVII есть такая же декламація, написанная грекомъ на греческомъ языкѣ. Гораздо выше по своему достоинству, особенно въ отношеніи прошлой жизни кардинала въ Греціи, это—Oratio habita in funere Reverendissimi Cardinalis Graeci. s. l. et a. 6 Bl. 4°. Этотъ печатный оттискъ, по видимому, очень рѣдокъ, однако есть въ вѣнской придворной библіотекѣ и въ мюнхенской, экземпляромъ которой я могъ пользоваться. Malvasia велѣлъ отпечатать его или рукопись въ Compendio Storico della basilica de' dodici apostoli di Roma, Roma 1665, p. 255, но и эта книга у насъ составляетъ рѣдкость. Оба codd. Vatic. 2741 и 3920 сообщаютъ эту рѣчь, какъ

Такъ какъ греки явились въ Италію просить помощи, то, благодаря обстоятельствамъ, готовы были за хорошее возмездіе присоединиться къ догматамъ римской церкви. Однако сперва начались длинныя ученыя пренія потому ли, что греческое духовенство не было такъ безусловно согласно на перемѣну вѣры, какъ императоръ, или потому, что хотѣли только сохранить наружную стойкость. Наконецъ Виссаріонъ, горячо споравшій съ латинянами, подалъ добрый примѣръ своимъ землякамъ: онъ былъ первый, убѣдившійся въ правильности догмата объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына, въ торжественномъ засѣданіи собора изложилъ свое исповѣданіе и не могъ достаточно восхвалить для назиданія грековъ то усердіе къ религіи, которое воодушевляетъ римскую Церковь [1]). Своего прежняго сподвижника въ борьбѣ, Марка, архіепископа Эфесскаго, онъ назвалъ сумасшедшимъ и злымъ человѣкомъ, наущаемымъ злыми духами. На первыхъ порахъ наградою новообращенному былъ подарокъ въ 600 скуди. Когда потомъ сочли нужнымъ, по заключеніи собора, дать мѣста новымъ братьямъ по вѣрѣ въ святой коллегіи, то по совѣту кардиналовъ Чезарини и Капраники нашъ Виссаріонъ и смиренный митрополитъ Кіевскій были возведены въ санъ кардиналовъ [2]).

Оба эти кардинала вскорѣ составляли единственный трофей, оставшійся отъ засѣданій собора, которыя закончились во Флоренціи. По своему положенію они могли хлопотать при римскомъ дворѣ о томъ, чтобы стѣсненнымъ византійцамъ оказана была помощь. Кіевскій митрополитъ Исидоръ часто подвергался опасности быть изрубленнымъ турецкими саблями, но всегда успѣвалъ во время спастись, наконецъ сталъ старъ и слабъ и удалился въ свое скромное убѣжище. Подобно ему, и Виссаріонъ былъ неутомимымъ ходатаемъ за грековъ, и въ его воображеніи рисовалась величественная картина крестовыхъ походовъ и упорныхъ битвъ съ турками. Но когда при Каликстѣ III и Піи II дѣйствительно сталъ пробуждаться интересъ къ этому дѣлу, то всѣ его хлопоты обратились въ ничто и окончились, по обыкновенію, забавно. Мало по малу онъ пришелъ къ тому убѣжденію, что его дѣятельность должна ограничиться областью литературы.

Его земляки, graeculi esurientes (голодные греки), переселявшіеся большими массами въ Италію и раньше паденія Византіи и послѣ того, вели жалкую борьбу за существованіе. Но Виссаріонъ былъ такъ счастливъ, что ему не было основаній бояться матеріальной

---

1) Ambros. Travers. epist. II, 19.

2) Raynaldus Annal. eccl. 1438 n. 17. 1439 n. 12. 1462. n. 72. 73. Сочиненіе Виссаріона de processione Spiritus Sancti въ его Opp. ed. Migne, часто встрѣчается въ переводѣ Аркудія, есть у Bzovius Annal. eccles. 1440 § 1—15.

нужды, и онъ даже могъ облегчать нужды другихъ. Онъ собралъ около себя кружокъ греческихъ и итальянскихъ ученыхъ, которые сопровождали его, какъ преданные кліенты, если онъ утромъ отправлялся изъ своего дворца на Квириналѣ въ Ватиканъ, или за завтракомъ у него спорили о богословскихъ предметахъ. Въ обращеніи съ людьми кардиналъ легче другихъ грековъ научился говорить на латинскомъ языкѣ свободно и плавно, хотя не особенно изящно. Грековъ Виссаріонъ привязывалъ къ себѣ своимъ патріотическимъ сочувствіемъ и всегда былъ ходатаемъ за нихъ передъ римскимъ престоломъ. Зажиточный прелатъ былъ чуждъ и той тяжелой ипохондріи, которой вообще не любили въ византійцахъ, а свойственная грекамъ надменность уступила мѣсто вѣжливости, привѣтливости и тщеславію, которое все таки было гораздо сноснѣе. Литераторамъ было не трудно льстить ему, и за ихъ похвалы Виссаріонъ платилъ расположеніемъ и милостями. Особою славою пользовались его пирушки, на которыя онъ собиралъ своихъ ученыхъ друзей [1]). Въ сущности онъ былъ человѣкъ добродушный и весьма обходительный, а чѣмъ дѣлался старше, тѣмъ болѣе усиливалось въ литературныхъ кружкахъ уваженіе къ греческому кардиналу съ его длинною сѣдою бородою и большими густыми бровями.

Во время Евгенія IV литературный кружокъ, собиравшійся около Виссаріона, конечно, соотвѣтствовалъ его ограниченнымъ доходамъ. Съ Николаемъ V у него не было никакихъ болѣе тѣсныхъ сношеній [2]) и, по видимому, вслѣдствіе однородности стремленій между ними существовало даже нѣкотораго рода соперничество. Когда Болонья, изо всѣхъ городовъ Церковной Области наиболѣе склонная къ возмущенію, вслѣдствіе договора опять сдѣлалась резиденціею папскаго намѣстника, то папа Николай назначилъ греческаго кардинала легатомъ этой провинціи и, слѣдовательно, почетнымъ образомъ удалилъ его изъ Рима. Пять лѣтъ провелъ Виссаріонъ въ Болоньѣ, конечно, не имѣя возможности особенно вмѣшиваться въ общественныя дѣла, которыя остались въ рукахъ фамиліи Бентиволья [3]). Городъ былъ едва успокоенъ, и легатъ могъ приложить свое попеченіе къ университету, который пришелъ въ полнѣйшій упадокъ во время граждан-

---

1) Gaspar Veronensis ap. Muratori Script. T. III P. II p. 1032.

2) Однако слѣдуетъ упомянуть о томъ, что Виссаріонъ нѣкогда посвятилъ Томмазо да Сарзано переводъ небольшой бесѣды Василія, когда будущій папа былъ еще Sacrae paginae magister.

3) Время опредѣляется указами приводимыми, у Gardenigo l. c. p. 150 и у Migne p. CXXI. Первый отъ 27 февраля 1450 г., послѣдній отъ 21 марта 1455 г. Вскорѣ послѣ извѣстія о смерти Николая V (24 марта 1455 г.) Виссаріонъ отправился для конклава въ Римъ и уже не воротился въ Болонью.

скихъ междоусобій. Онъ заботился о возстановленіи зданій и учрежденій, о приглашеніи хорошихъ наставниковъ и о лучшемъ ихъ вознагражденіи. Въ Болоньѣ мы уже встрѣчаемъ нѣкоторыхъ гуманистовъ въ свитѣ легата, небольшой пріютъ музъ, который конечно былъ ничто въ сравненіи съ болѣе блестящимъ пріютомъ папы. Навсегда сохранилось воспоминаніе о томъ, что Виссаріонъ едва не сдѣлался папою послѣ смерти Николая V. Въ одну ночь онъ былъ кандидатомъ значительной партіи въ конклавѣ, именно тѣхъ кардиналовъ, которые желали выбрать папою человѣка, не пользовавшагося большимъ значеніемъ и безъ политическихъ симпатій, но утромъ получило перевѣсъ то мнѣніе, что не слѣдуетъ возводить на папскій престолъ новообращеннаго, и ему былъ предпочтенъ старый Борджіа, взошедшій на престолъ подъ именемъ Каликста III. При немъ и при Піи II Виссаріонъ дѣятельно участвовалъ въ приготовленіяхъ къ крестовому походу, которому предстояло снова освободить его родину. Со времени смерти Пія II, приближаясь къ старости и мучимый каменною болѣзнью, онъ отдался вполнѣ своимъ книгамъ, ученымъ занятіямъ и бесѣдамъ съ греками и латинянами, которыхъ онъ, какъ старикъ, собралъ въ значительномъ числѣ вокругъ себя и былъ положительно средоточіемъ литературной дѣятельности. Въ преклонной старости принялъ онъ на себя важное, но безуспѣшное порученіе во Францію и на возвратномъ пути умеръ въ Равеннѣ, 19 ноября 1472 г.

Богословскія сочиненія Виссаріона почти всѣ относятся къ спорамъ по поводу раздѣленія церквей и Filioque и въ то же время представляютъ собою неутѣшительную апологію его перемѣны вѣры. Когда, спустя десять лѣтъ послѣ завоеванія Константинополя, онъ принялъ санъ патріарха этой области и обнародовалъ окружное посланіе къ греческимъ общинамъ вѣрующихъ, чтобы привлечь ихъ въ нѣдра римской церкви, то указывалъ своимъ землякамъ на эти сочиненія и на свой личный примѣръ. Онъ говорилъ о ночахъ, проведенныхъ имъ безъ сна въ размышленіяхъ и изслѣдованіяхъ вопроса о происхожденіи Святаго Духа и о томъ, какъ онъ наконецъ не могъ отвратить очей отъ истины. Патріархъ полагаетъ, что греки изъ гордости его личными достоинствами должны чтить его пастырскій посохъ и оставить свою старую вѣру. Такимъ образомъ все его богословіе сводится къ одному этому догмату, къ которому онъ перешелъ во Флоренціи и которому обязанъ былъ своимъ счастьемъ въ жизни. Но онъ писалъ также рѣчи, легенды и тому подобныя сочиненія. Намъ еще придется упомянуть о томъ его сочиненіи, которое онъ издалъ въ защиту Платона въ философскомъ спорѣ. Тая въ сердцѣ страстную любовь къ предмету поклоненія своей юности, Виссаріонъ

полагалъ однако, что, какъ кардиналъ римской церкви, онъ обязанъ оказывать уваженіе и Аристотелю. Мы поговоримъ впослѣдствіи и объ его переводахъ съ греческаго, пользовавшихся большимъ значеніемъ. Ему ставили въ заслугу, что онъ вполнѣ овладѣлъ латинскимъ языкомъ, съ которымъ раньше былъ совсѣмъ незнакомъ, хотя не могъ и потомъ легко и краснорѣчиво объясняться на немъ. Самъ кардиналъ былъ того мнѣнія, что грекамъ никогда не удастся достичь въ латинской рѣчи того же изящества, какого достигаютъ природные латиняне, и приводилъ въ доказательство свои собственныя сочиненія. Но ему дѣлаетъ честь, что онъ и въ этой области искалъ посредства, которое внушали ему происхожденіе и положеніе [1]).

Виссаріонъ, какъ одинъ изъ библіомановъ того времени, оказалъ человѣчеству и другую заслугу, которую и теперь еще съ благодарностью признаетъ за нимъ не одинъ изслѣдователь. Весьма понятно, что и въ этой сферѣ его спеціальностью была греческая литература. Кардиналъ самъ разсказываетъ, какъ онъ съ юношескихъ лѣтъ съ большимъ усердіемъ хлопоталъ о пріобрѣтеніи книгъ и въ то время долженъ былъ большую часть ихъ списывать своею рукою. Вѣроятно, охота къ собиранію книгъ пробудилась у него во Флоренціи, гдѣ сильно дѣйствовалъ живой примѣръ Никколи и Медичи, а со времени паденія Константинополя къ этому присоединилось и благородное патріотическое чувство. Когда его отечество погибло подъ ударами варваровъ, то онъ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, спасти отъ гибели произведенія ума древнихъ грековъ и потому съ особеннымъ усердіемъ отыскивалъ болѣе рѣдкія изъ нихъ, которыя трудно было достать. Едва ли онъ получилъ большой запасъ ихъ изъ Греціи и съ острововъ; связи его съ родиною стали, конечно, слабѣе со времени его религіознаго обращенія. За то папа поручилъ Виссаріону въ 1446 г. надзоръ за базиліанскими монастырями Италіи, и этимъ положеніемъ кардиналъ по видимому, энергически воспользовался для своихъ излюбленныхъ цѣлей. Онъ пріобрѣлъ особенно много греческихъ книгъ въ монастырѣ св. Николая въ апулійскомъ городѣ Казоли недалеко отъ Отранто, гдѣ аббатъ Никетасъ былъ вполнѣ преданъ ему. Въ числѣ найденныхъ сокровищъ были нѣкоторыя произведенія греческой литературы, дотолѣ неизвѣстныя. По видимому, онъ бралъ старинныя книги и изъ другихъ монастырей, подвѣдомственныхъ ему, и даже нюренбергскіе камальдулы знали его за покупателя.

---

[1]) Его письмо къ Ласкарису у Hodius p. 177. Обзоръ сочиненій Виссаріона, даже тѣхъ, которыя не напечатаны у Мегуса, да и вообще не напечатаны, есть у Фабриціуса Bibl. graeca T. X, у Бёрнера p. 70—80. Кардиналъ въ своей рѣчи приводитъ и нѣкоторыя такія, которыя до сихъ поръ были неизвѣстны.

Книгопродавецъ Веспазіано хвалитъ также кардинала за покровительство, оказывавшееся имъ переписчикамъ книгъ, постоянно трудившимся для него надъ воспроизведеніемъ книгъ латинскихъ, а тѣмъ болѣе греческихъ. Это были преимущественно бѣдные греческіе священники, которые такимъ трудомъ снискивали себѣ пропитаніе вдали отъ родины; въ томъ числѣ были и такіе люди, которыхъ можно было причислить къ кружку ученыхъ. Мы знакомимся съ ними по ихъ приписскамъ, въ которыхъ они нерѣдко изливали свои жалобы на изгнанничество. Тутъ былъ ученый послѣдователь Аристотеля, Іоаннъ Аргиропуло, призваніе котораго было, несомнѣнно, гораздо выше занятія переписчика [1]), кандіотъ Іоаннъ Розосъ, имя котораго мы встрѣчаемъ подъ многими произведеніями классической литературы, Михаилъ Апостолій, который потомъ сочинилъ надгробное слово своему благодѣтелю, Дмитрій Сгуропуло, Іоаннъ Плузіаденъ, переписавшій для кардинала сочиненія Геродота, Өукидида и исторію Ксенофонта, Козьма Монахъ, Георгій Зангаропуло, далѣе не названный по имени лакедемонянинъ, который самъ себя называлъ человѣкомъ, «гонимымъ Эринніями (фуріями)». Всѣ эти новыя книги должны были переписываться на лучшемъ пергаментѣ, нормальными буквами и снабжаться прекрасными миніатюрами и вензелемъ кардинала, совершенно въ такомъ же духѣ, въ какомъ украшали свои книги владѣтельные любители [2]).

Самъ Виссаріонъ, подарившій свои книги венеціанской республикѣ, насчитываетъ число ихъ, со включеніемъ латинскихъ, до 900 томовъ, цѣнностью на 15.000 дукатовъ [3]). Его собраніе въ то время было, безъ сомнѣнія, самое богатое греческими рукописями на западѣ, и вообще церковной и прозаической литературѣ отведено въ немъ значительное мѣсто. Поэзіи же оказано было поразительно мало почета. Это объясняется исключительно философско-богословскимъ характеромъ образованія кардинала. Гезіодъ и Пиндаръ, по видимому, были совсѣмъ незнакомы ему, а изъ драматической литературы у него были только 4 трагедіи Софокла, тогда какъ Медичи давно уже, благодаря Ауриспѣ, имѣли всѣ семь и три комедіи Аристофана. Такъ оправдывается замѣчаніе Филельфо насчетъ Виссаріона: онъ не зналъ, что у грековъ кто нибудь увлекался стихами [4]).

---

1) См. томъ I стр. 339.

2) См. Zanetti Graeca D. Marci Bibl. p. 111. 113. 116. 137. 174. 183. Valentinelli Bibl. ms. ad S. Marsi Venet. T. I p. 12.

3) Онъ принимаетъ при этомъ, конечно, въ разсчетъ покупку и переписку. Поэтому Платина впадаетъ въ реторическое преувеличеніе, говоря, что онъ скупилъ греческихъ книгъ на 30,000 дукатовъ.

4) Письмо Филельфо къ Джироламо Кастелло отъ 7 апрѣля 1458 г. Списокъ книгъ Виссаріона, съ которыми сначала были недостаточно знакомы по Монфокону, составленъ удовлетворительнѣе по кодексу Riccardica у Migne p. 702.

По странному капризу Виссаріонъ подарилъ свои сокровища, которыя онъ собиралъ столь долго и столь усердно, венеціанской республикѣ. Онъ какъ бы умышленно выказалъ пренебреженніе ко всѣмъ центрамъ латинской литературной дѣятельности. Кардиналъ, по видимому, прервалъ всякія сношенія съ Флоренціею, мѣстомъ своего обращенія, гдѣ никогда особенно не уважали грековъ, а въ Римѣ, его постоянномъ мѣстопребываніи, вѣроятно, съ нимъ случилось что нибудь непріятное. На Венецію же онъ смотрѣлъ какъ на естественную посредницу между Западомъ и греческимъ Востокомъ, какъ на вторую Византію. Здѣсь, по его словамъ, сходятся люди всѣхъ націй, Здѣсь обыкновенно высаживаются пріѣзжіе греки. И самъ онъ тутъ же въ первый разъ вступилъ на западную почву, былъ съ почетомъ принятъ и впослѣдствіи и причисленъ къ гражданамъ республики. Къ упомянутому рѣшенію кардинала въ особенности побудилъ Паоло Морозини. Виссаріонъ выговорилъ только одно условіе, чтобы для библіотеки было устроено приличное помѣщеніе, чтобы она была названа принадлежащею св. Марку и хранилась на общее пользованіе всѣхъ занимающихся наукою. Синьорія съ радостью приняла этотъ драгоцѣнный подарокъ, и еще при жизни кардинала пришли изъ Рима 30 ящиковъ и были переданы прокураторамъ св. Марка. Но республика не оказала никакого дальнѣйшаго участія къ этому дѣлу; тамошнее государство никогда особенно не интересовалось литературою. Еще въ 1490 г. слышатся жалобы, что книги остаются по прежнему въ ящикахъ и портятся. Уже гораздо позднѣе библіотека св. Марка, главнымъ украшеніемъ которой стали книги греческаго кардинала, сдѣлалась благодарнымъ пріютомъ для плодовъ ученаго трудолюбія [1].

Такъ какъ Виссаріонъ лишь мало по малу пріобрѣталъ латинское образованіе, первое основаніе которому было положено въ Падуѣ, то тѣмъ менѣе онъ могъ обойтись безъ хорошихъ латинистовъ, которые у него служили секретарями и собесѣдниками. Но въ началѣ мы не встрѣчаемъ въ ихъ средѣ людей, пользовавшихся литературною извѣстностью. Ихъ гораздо сильнѣе привлекалъ къ себѣ римскій дворъ, особенно при Николаѣ V, чѣмъ служба у кардинала, который въ кругу подобныхъ себѣ считался человѣкомъ бѣднымъ. Венеціанецъ Лауро

---

[1]) Посланіе Виссаріона къ дожу Христофору Моро и венеціанскому совѣту будто бы изъ Витербо отъ 4 или 31 мая, часто печаталось у Бёрнера p. 101, у Г. A. Schmid De bibliothecis p. 67, у Migne p. 700, у Valentinelli l. c. p. 16, гдѣ за вѣрное опредѣленіе времени считается 1648 г. pridie calendas cunias (наканунѣ 1 іюня). Но съ этимъ несогласно то обстоятельство, что постановленіе синьоріи у Agostini Scritt Viniz. T. I p. XXXII уже сдѣлано 23 марта 1468 г.

Квирини, который на востокѣ вполнѣ усвоилъ себѣ и греческій языкъ, долго былъ его ближнимъ человѣкомъ [1]). И про Гаспаро да Вольтерра, бывшаго у него секретаремъ по части сочиненія писемъ, прямо говорятъ, что онъ хорошо зналъ греческій языкъ. А именно это и требовалось для подобной службы, тѣмъ болѣе, что въ домѣ Виссаріона говорили больше по гречески, чѣмъ по латыни [2]). Въ позднѣйшее время наиболѣе выдающимися знаменитостями изъ числа латинскихъ собесѣдниковъ кардинала могли быть Платина, авторъ біографій папъ, и Домиціо да Кальдіеро. Но въ качествѣ ученаго стоитъ выше всѣхъ ихъ молодой человѣкъ, который провелъ лучшіе годы своего образованія у Виссаріона и, пользуясь его покровительствомъ, достигъ высокаго положенія среди духовенства. Это любимецъ изъ числа литераторовъ, Никколо Перотти.

Онъ родился въ 1430 г. въ благородной, но обѣднѣвшей семьѣ и могъ похвалиться родствомъ съ своимъ землякомъ, знаменитымъ юристомъ Бартоло [3]). Перотти обязанъ былъ своимъ первымъ ознакомленіемъ съ свободными искусствами Никколо Вольпе изъ Виченцы, котораго онъ хвалилъ и какъ поэта. Кромѣ того онъ называетъ своимъ наставникомъ даже Витторино да Фельтре, но въ такомъ случаѣ пользовался его уроками еще мальчикомъ, потому что Витторино уже умеръ въ 1446 г. [4]). Замѣчательно, что въ числѣ лицъ, содѣйствовавшихъ умственному образованію Перотти, онъ не называетъ Гварино. Отъ Веспасіано мы узнаемъ, что подъ его руководствомъ онъ учился нѣсколько времени въ Феррарѣ, что его, какъ молодаго человѣка, принялъ къ себѣ въ домъ знатный англичанинъ Уильямъ Грей, впослѣдствіи епископъ Элійскій, тоже желавшій докончить свое образованіе у Гварино. И этотъ покровитель щедро снабжалъ его разными пособіями для занятій. Когда Грей получилъ отъ своего короля порученіе отправиться въ Римъ въ качествѣ прокуратора короны, то онъ взялъ съ собою молодаго Перотти и съумѣлъ найти для него мѣсто у Виссаріона, такъ какъ юноша желалъ получить основательное знакомство съ греческимъ языкомъ. То извѣстіе, что Перотти прослужилъ въ

---

[1]) Впрочемъ въ пользу этого мнѣ извѣстно только одно свидѣтельство у Vespasiano Cardinale Niceno § 4.

[2]) Blondus Italia illustr. p. 307. Судя по формѣ. Volaterra.... nunc Casparis nostri patria, qui.... Bessarionis epistola можно бы предположить это о сынѣ Гаспаро, однако о немъ говорится, что онъ родился въ Форли.

[3]) Это извѣстіе сообщаетъ Blondus въ письмѣ къ Горо Лолли въ Cod. ms. Dresd. fol. 110.

[4]) Эти данныя узнаемъ изъ инвективы Перотти противъ Поджіо въ Miscellanea di varie operette T. VIII. p. 181. Годъ его рожденія опредѣляется тѣмъ замѣчаніемъ, что Перотти шелъ 24-й годъ, когда умеръ Франческо Барбаро.

этомъ домѣ двадцать лѣтъ, вполнѣ согласуется съ собственными его воспоминаніями изъ юношеской поры [1]). Перотти переселился въ Болонью съ Виссаріономъ, который въ то время былъ сдѣланъ легатомъ въ этомъ городѣ. Онъ занималъ или вскорѣ занялъ мѣсто домоправителя, и чрезъ его руки шли свѣтскія дѣла кардинала. Это— положеніе близкаго лица, какое нѣкогда Парентучелли столь много лѣтъ занималъ у кардинала Альбергати. Въ тоже время Перотти былъ для своего мецената, собирателя книгъ, тѣмъ же, чѣмъ Тортелло для папы. Въ Болоньѣ онъ, вѣроятно, выказалъ неиновѣрную дѣятельность. Перотти былъ еще ученикомъ и по лѣтамъ, и по степени своего образованія, продолжалъ свои занятія въ университетѣ и съ такимъ усердіемъ изучалъ богословіе, что впослѣдствіи могъ отличаться и на поприщѣ богословской литературы. Съ еще большею любовью занимался онъ день и ночь греческимъ языкомъ, и случай къ этому въ домѣ Виссаріона былъ гораздо удобнѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ. Въ то же время уже съ 1451 г. онъ преподавалъ въ университетѣ реторику и поэзію. Когда король Фридрихъ III въ январѣ 1452 г. отправлялся въ Римъ для коронованія императорскою короною и бракосочетанія и проѣзжалъ чрезъ Болонью, то юный Перотти держалъ изящную привѣтственную рѣчь отъ имени города. За это ему данъ былъ дипломъ поэта, патентъ на санъ пфальцграфа и титулъ королевскаго совѣтника [2]). Но онъ составилъ себѣ карьеру тѣмъ, что папа Николай поручилъ ему переводъ Поливія. Когда переводчикъ прислалъ ему первую книгу, то всѣ чрезмѣрно хвалили легкость и изящество языка, и никто не замѣчалъ, что эти достоинства пріобрѣтены въ ущербъ Поливію, котораго молодой геллениcтъ рѣдко понималъ и потому относился къ нему свободно, чтобы только краснорѣчиво передать на латинскій языкъ. Папа выразилъ ему полнѣйшую признательность, увѣрялъ, что прочелъ съ большимъ удовольствіемъ всю книгу, и поощрялъ хорошаго стилиста къ продолженію. И слѣдующія книги, а также небольшое сочиненіе о метрикѣ были приняты очень милостиво [3]). Перотти это ободрило къ дальнѣйшимъ переводамъ небольшихъ сочиненій, и онъ поднесъ ихъ въ даръ папѣ, именно сочиненіе Эпиктета о нравственности и небольшой трудъ Плутарха о счастіи римлянъ [4]). Переводчикъ былъ назначенъ папскимъ секретаремъ, а Виссаріонъ постарался доставить ему нѣсколько не-

---

[1]) Vespasiano Cardinale Niceno § 4, Vescovo Sipontino § 1. Vescovo d'Elly § 2.

[2]) Рѣчь у Alb. de Eyb. Margarita poetica. Norimb. 1472 fol. 414. См. G. Voigt Pius II Bd. II s. 38.

[3]) Папскія грамоты отъ 29 августа 1452 г. и 3 января 1454 г. и письмо Перотти къ Тортелло отъ 13 ноября 1433 г. у Georgius Vita Nicolai V p. 206. 207. 183.

[4]) Geopgius p. 183. Endlicher Catal. codd. phil. lat. bibl. Vindob. p. 201.

большихъ бенефицій. Исполнялъ ли онъ дѣйствительно должность секретаря и когда переселился въ Римъ, мы не знаемъ, но, по видимому, до самой смерти папы оставался въ домѣ своего покровителя-грека.

При папѣ Каликстѣ Перотти былъ уже важнымъ духовнымъ лицомъ, которому поручались посольства, и всѣ ожидали, что онъ займетъ болѣе высокое положеніе [1]). Пій II, по рекомендаціи Виссаріона, назначилъ его въ 1458 г. епископомъ сипонтскимъ, но онъ остался въ Римѣ въ кружкѣ своихъ литературныхъ друзей. Съ 1465 г. онъ занялся дѣлами церковнаго управленія и былъ легатомъ въ Умбріи, Сполето и Перуджіи. Ученымъ досугомъ Перотти наслаждался на виллѣ Чентипера близь роднаго Сассоферрато, расположенной въ прелестной мѣстности, среди зелени, и отвсюду омываемой водою. Тамъ находились его книги по духовной литературѣ, тамъ онъ отдыхалъ отъ дѣловыхъ занятій и посвящалъ время исключительно филологическимъ трудамъ. Послѣдніе вмѣстѣ съ годами становились суше, но въ то же время серьезнѣе и основательнѣе тѣхъ, какіе онъ издавалъ въ юности, когда сознавалъ въ себѣ таланты оратора и поэта. Убѣжище своей музы онъ назвалъ Фуджикура, и въ этомъ Sans-souci умеръ 13 декабря 1486 г.; здѣсь же покоится и прахъ его, а не въ соборѣ его епископіи [2]).

Будь собраны сочиненія Перотти, онъ оказался бы такимъ же плодовитымъ писателемъ, какъ напр. Поджіо или Валла. Но многія изъ нихъ осталась не напечатанными, другія изданы отдѣльными оттисками. Въ годы ранней юности, какъ часто дѣлали питомцы Витторино и Гварино, онъ посвящалъ свои силы стилистикѣ и реторикѣ и занимался также краснорѣчіемъ, которымъ составилъ себѣ имя. Перотти, вѣроятно, писалъ не мало рѣчей и стиховъ, но всѣ его поэтическія произведенія потеряны и забыты. Изъ 28 рѣчей извѣстна только одна. Множество писемъ, которыя онъ собиралъ и распредѣлялъ по группамъ, сохранились, кажется, только въ одной рукописи, и изъ нея не было напечатано ничего. Разсужденія Перотти и сочиненія полемическія были мало распространены. Изъ переводовъ обратилъ на себя вниманіе только переводъ Поливія, и то едва ли за-

---

1) Грамота Каликста III отъ 1456 г., въ силу которой Перотти посылаютъ «по дѣламъ церкви въ разныя страны», разумѣется, по дѣламъ крестоваго похода противъ туроиъ, у Bonamicius de clar. pontif. epist. scriptt. p. 154.

2) Jovius Elogia doctor. viror. 18. Стихотвореніе поэта Petrus Myrteus de villa Nicolai Perotti есть въ Carmina ill. poet. Ital. T. VI p 408. Біографія Перотти, написанная В. Гофманномъ, помѣщена въ Allg. Encykl. S. v. Perottus: въ исторической части много ошибокъ, благодаря плохимъ источникамъ, въ литературной — цѣнныя указанія.

служенное; не смотря на плавность и красоту его латыни оказывается, что смѣлый переводчикъ, хотя и жившій въ домѣ Виссаріона, не сдѣлался основательнымъ гелленистомъ. А пишетъ онъ какъ человѣкъ, выучившійся въ школѣ стилистикѣ и усвоившій ее, но излагаетъ содержаніе не рельефно, такъ что въ слогѣ не отражается живая личность писателя. Ему не достаетъ бойкости, силы и остроумія [1]).

На свою настоящую почву онъ вступилъ было собственно въ Болоньѣ, но лучшіе плоды ума его созрѣли уже въ позднѣйшіе годы, когда положеніе Перотти дозволило ему вполнѣ предаваться своимъ склонностямъ, помимо заработка и меценатовъ. Хотя и поэтъ, увѣнчанный лаврами, онъ былъ по призванію не изящный писатель, а ученый филологъ. Его метрика, присланная папѣ въ 1453 г., вызвала сочувствіе къ его заслугамъ; еще во время книгопечатанія она была любимою книгою. Ученый этотъ первый старался извлечь ее изъ чтенія римскихъ писателей и привести въ ученую систему. Но еще больше извѣстности принесла ему латинская учебная грамматика, которую онъ составилъ въ Витербо собственно для своего племянника Пирро. Она пережила его на цѣлое поколѣніе во множествѣ оттисковъ и удостоилась еще похвалы Эразма Роттердамскаго, такъ какъ сообщала не только элементы языка, но и заключала въ себѣ руководство къ изящному краснорѣчію и реторикѣ. Напослѣдокъ, на закатѣ своего жизненнаго поприща, пользуясь досугомъ въ Фуджикура, онъ обработалъ громадное ученое сочиненіе, изданное послѣ смерти Перотти его племянникомъ Пирро подъ заглавіемъ Cornucopiae (Рогъ изобилія). Это комментарій къ Марціалу, въ которомъ авторъ старался исправить его текстъ, въ то же время по громадному собранію матеріала, опередившему на цѣлый вѣкъ голландскаго филолога (Эразма), была сокровищницею латинскаго языка и свѣдѣній по наукѣ о римскихъ древностяхъ по всѣмъ ея отраслямъ. Тутъ Перотти вращался въ родственной ему области, хотя, какъ епископъ, не могъ издать своего сочиненія, посвященнаго изученію нескромнаго поэта. Конечно, ни у Николая V, ни у Виссаріона онъ не составилъ бы себѣ блестящей карьеры этимъ сочиненіемъ [2]).

---

[1]) Какъ и вообще, я привожу съ удовольствіемъ сужденіе Corteius de hom. doct. ed. Galetti p. 232: Huius in orationibus sermo est non inquinatus, et multa habet oratoria ornamenta. Scripsit etiam pleraque toleranda.

[2]) Перотти самъ до извѣстнаго времени (1454 г.) перечисляетъ свои сочиненія въ Epistola ad Jacobum Constantium de ratione studiorum suorum, которое издалъ Mai въ Classicorum autorum e Vaticanis codd. edit. T. III, отчасти также Endlicher l. c. p. 226. Біографическими данными этого посланія я тоже не могъ воспользоваться, какъ и Гофманнъ. Кромѣ его перечня сочиненій см. Fabricius Bibl. lat. med. et inf. aet. ed. Manci T. V p. 122.

Трапезунтскій говорилъ о самомъ себѣ съ забавнымъ высокомѣріемъ: и самъ Гварино, по его словамъ, долженъ сознаться, что онъ пишетъ по латыни столь искусно и оригинально, будто родился въ Римѣ и живетъ въ вѣкъ Цицерона. Это была первая распря ученаго грека, за которою слѣдовало много другихъ. Скоро, благодаря ей, о немъ распространилась невыгодная молва. Поджіо, который самъ спорилъ съ Гварино по поводу Сципіона и Цезаря и высоко цѣнилъ Георгія Трапезунтскаго, думалъ однако, что ему бы слѣдовало употребить свои таланты на болѣе благородное дѣло. А по поводу того обстоятельства, что грекъ приписалъ сочиненіе Агазоне прямо Гварино, онъ выразился двусмысленно [1]). Вскорѣ мы разскажемъ о томъ, какъ именно Поджіо пришлось имѣть самое непріятное столкновеніе съ Георгіемъ.

Барбаро давно указалъ римскому двору на греческаго ученаго какъ на человѣка, особенно пригоднаго для цѣлей церковнаго соединенія, который усердно преданъ римской вѣрѣ и готовъ выступить въ борьбу за нее. Выше мы разсказывали о томъ, какъ онъ во время собора, совѣщавшагося по вопросу о соединеніи Церквей, явился во Флоренцію, сдѣланъ былъ папскимъ секретаремъ, а потомъ профессоромъ въ римскомъ университетѣ [2]). Пока живъ былъ папа Евгеній, онъ съ великою честью держался на каѳедрѣ логики и діалектики, а въ особенности ресторики и краснорѣчія. Преподавалъ ли онъ и греческій языкъ, мы не знаемъ; въ Римѣ къ нему не было никакого влеченія и намъ не указываютъ ни одного его ученика по греческому языку. Вообще онъ, по видимому, зарабатывалъ скудныя средства для своего существованія.

Вмѣстѣ съ восшествіемъ на престолъ Николая V и для него просіяло было новое солнце. Изъ университета, какъ мы уже знаемъ, онъ былъ вытѣсненъ Валлою, такъ что въ концѣ лѣтняго семестра 1450 г. добровольно отказался отъ должности преподавателя. Но этотъ отказъ отъ настанничества, по видимому, мало огорчалъ его, а что онъ удалился вслѣдствіе соперничества, это, быть можетъ, было только мнѣніе Валлы. Вмѣсто того для Георгія открылся новый и болѣе обильный источникъ пріобрѣтеній въ дѣятельности переводчика, такъ какъ папа поручалъ ему работы этого рода. Онъ оказался самымъ подходящимъ человѣкомъ для исполненія любимыхъ задачъ Николая V, готовымъ къ услугамъ какъ по части духовной, такъ и свѣтской литературы грековъ. Притомъ Георгій вполнѣ

---

[1]) Non recte consulti esse videtur. Poggius epist. VI, 21 ed. Tonelli отъ 22 сент. (1437 г.). Полемическія сочиненія до сихъ поръ извѣстны только по рукописямъ благодаря Zeno Diss. voss. T. II p. 19 seq. и Rosmini Vita di Guarino vol. II p. 83 seq.

[2]) См. стр. 40.

владѣлъ изящною латинскою рѣчью и работалъ быстро, такъ что не заставлялъ нетерпѣливаго мецената долго ждать. Намъ весьма понятно, что грекъ этотъ нѣсколько лѣтъ былъ литературнымъ любимцемъ папы. Вообще переводчику часто приходится искать себѣ милостивца, который бы достойнымъ образомъ платилъ за его посвященія, да и папа Николай обыкновенно поручалъ своимъ придворнымъ небольшіе труды. Но Георгій Трапезунтскій былъ почти заваленъ работою, какъ будто папа желалъ, чтобы всѣ переводныя книги выходили изъ подъ его пера. Первый его переводъ, именно переводъ книгъ Евсевія Приготовленіе къ Евангелію, папа принялъ тотчасъ же съ необыкновеннымъ восторгомъ. «Бери, бери! Ты не всегда встрѣтишь Николая», говорилъ онъ, неожиданно даря ему большую сумму денегъ, такъ что Георгій совсѣмъ растерялся. Папа еще не имѣлъ понятія о томъ, до какой степени эта работа лишена была всякихъ достоинствъ. Затѣмъ слѣдовало сочиненіе Кирилла о Св. Троицѣ, также его толкованіе на Евангеліе Іоанна, далѣе бесѣды Іоанна Златоуста. Все это было переведено слишкомъ вольно и недобросовѣстно, что легко объяснить, потому что наемный труженикъ не зналъ надъ собою никакого контроля. И переводъ сочиненія Аристотеля о животныхъ, которому предшествовалъ переводъ его-же Реторики, былъ сдѣланъ раньше 1450 г. въ теченіи двухъ лѣтъ вмѣстѣ съ названными нами трудами [1]). Потомъ, по желанію папы, переведено было сочиненіе Платона О законахъ и поднесено въ даръ благосклонному покровителю. Въ 1451 г. было дано новое порученіе относительно главнаго произведенія Птолемея, такъ называемаго Альмагеста, съ относящимися къ нему старинными толкованіями. Въ началѣ декабря обѣ работы были кончены, но вопіющая къ небу безсовѣстность переводчика была на этотъ разъ такъ очевидна, что папа разразился негодованіемъ, и все счастіе Георгія Трапезунтскаго рушилось [2]).

Раньше уже были высказаны сильныя сомнѣнія касательно перевода Евсевія; вѣроятно, папа дозволилъ переводчику пропускать нѣкоторыя мѣста, противорѣчившія истинному ученію о Тріединствѣ. Но оказалось, что переводчикъ смѣло и произвольно выпускалъ многое, что ему не нравилось, въ другихъ мѣстахъ дѣлалъ вставки и перемѣщалъ цѣлые отдѣлы. Виссаріонъ и Перотти указали папѣ на подобныя искаженія.

1) Онъ самъ говоритъ о нихъ вмѣстѣ въ письмѣ къ Барбаро отъ 27 апрѣля 1450 г.

2) Его письмо къ Барбаро отъ 5 декабря 1451 г. Franc. Barbari epist. 198 ed. Quirino. Что чаша лопнула на Альмагестѣ, говоритъ Георгій и въ экземплярѣ Ambrosiana у Safius p. 157: propter quos (commentarios) postea me destruxit, ut scedulae ostendunt per ignorantissimum Jacobum Cremonensem appositae. Вѣроятно, этому Якову папа далъ книгу для исправленія.

скаго языка, подобно Виссаріону и Георгію Трапезунтскому. Поэтому и ему ничего другаго не оставалось, какъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ еще разъ сѣсть на ученическую скамью въ школѣ Витторино. При сосредоточеніи своихъ занятій и онъ въ три года такъ усвоилъ себѣ латинскій языкъ, что не только свободно владѣлъ имъ, но даже изумлялъ знаніемъ его тонкостей и искусныхъ реторическихъ оборотовъ Өедоръ, безъ сомнѣнія, принялъ вѣроисповѣданіе римской церкви, но, даже и будучи священникомъ, не заявлялъ о перемѣнѣ вѣры въ особомъ полемическомъ сочиненіи объ исхожденіи Св. Духа подобно другимъ своимъ соотечественникамъ. Ему была оказана особая честь. Именно, едва покончивъ съ латинскою школою, Өедоръ Газскій былъ приглашенъ профессоромъ греческаго языка во вновь открытый феррарскій университетъ, вѣроятно, по рекомендаціи Гварино, и во Флоренціи тоже вскорѣ стали имѣть его въ виду [1]. Въ то время онъ еще думалъ возвратиться въ Грецію, но, по видимому, даже и не видалъ своей родины. Рѣшительнымъ событіемъ и въ его жизни было то обстоятельство, что папа Николай V около 1450 г. звалъ его въ Римъ на каѳедру философіи съ приличнымъ жалованьемъ, которую онъ и занималъ впослѣдствіи долгіе годы. Но мы не слышимъ особенно похвальныхъ отзывовъ объ его тамошней наставнической дѣятельности, какъ и въ Феррарѣ. Папа и отъ него требовалъ главнымъ образомъ переводовъ. Онъ поручилъ ему перевести механическія задачи Аристотеля, потомъ Исторію животныхъ; послѣднее сочиненіе перевелъ уже раньше его Георгій Трапезунтскій, который теперь почувствовалъ непримиримую ненависть къ Өедору. По видимому, послѣдній уже въ то время началъ переводить и сочиненіе Өеофраста о растеніяхъ. Впослѣдствіи онъ исполнилъ изрядное количество подобныхъ работъ. Хотя потомъ и находили, что его переводы не заслуживаютъ вполнѣ той славы, какою пользуются, что онъ перевелъ Аристотеля весьма красивымъ слогомъ, но въ ущербъ вѣрности, но въ свое время онъ пользовался большимъ

Te quoque Turciacae fugientem vincla catenae
Eiecit patrio Thessalonica tuo.

Но эти стихи лишь издалека смотрятъ на утраченное отечество друга. Напротивъ письмо Филельфо къ Өедору въ вольфенб. кодексѣ fol. II, относящееся къ веснѣ 1441 г., такъ какъ авторъ желаетъ отъ него слышать о поведеніи своего сына въ Византіи, предполагаетъ его тамъ, какъ и другія греческія письма, къ сожалѣнію, непомѣченныя. См. томъ I стр. 338. 516. Потомъ желаніе Өедора получить какое нибудь мѣсто въ Италіи, о которомъ Филельфо говоритъ въ письмѣ къ Като Сакко отъ 25 октября 1440 г., было выражено еще въ Византіи. Проще предположить, что Өедоръ отправился тотчасъ же въ Италію къ Витторино, слѣдовательно около 1444 г.

[1]) Ср. томъ I стр. 485.

уваженіемъ за эти труды. Филельфо, правда, его старинный и неизмѣнный другъ, называлъ его ученѣйшимъ, знаменитѣйшимъ и самымъ скромнымъ изъ всѣхъ грековъ. Экземпляръ Иліады, писанный рукою Ѳедора, онъ не соглашался уступать ни за какія сокровища въ свѣтѣ [1]). Платина полагалъ, что онъ пишетъ такою латынью, въ которой никто не отыщетъ признаковъ, что авторъ—природный грекъ [2]). Паоло Джовіо былъ того мнѣнія, что нельзя рѣшить, съ котораго языка онъ лучше переводитъ, съ латинскаго ли на греческій или обратно; онъ даже съумѣлъ вполнѣ удачно передать на греческомъ языкѣ все величіе Цицероновскаго краснорѣчія [3]).

Но не смотря на эту славу, не смотря на то, что Ѳедоръ былъ самый симпатичный изо всѣхъ грековъ, притомъ священникъ, которому приходилось заботиться только о себѣ, онъ однако оставался всю жизнь въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Онъ не умѣлъ выставиться на видъ и угождать; въ жизни общественной и практической этотъ грекъ былъ столь же неловокъ и неопытенъ, какъ ребенокъ [4]). Когда папа Николай умеръ, то Ѳедоръ очутился въ такомъ печальномъ положеніи, что не могъ оставаться въ Римѣ. Правда, онъ нашелъ почетный пріемъ и поддержку въ Неаполѣ у короля Альфонса, но, по видимому, это продолжалось только при жизни короля [5]). Мы не знаемъ, когда онъ воротился въ Римъ. Здѣсь его милостивцемъ былъ Виссаріонъ, но за то единственный человѣкъ, который принималъ въ немъ дружеское и дѣятельное участіе. Онъ доставилъ ему небольшое аббатство въ С. Джіованни а Пиро въ Калабріи, уступивши ему какъ своему викарію. Профессорская дѣятельность въ римскомъ университетѣ, несомнѣнно, была почетнѣе, но съ нею онъ голодалъ. Однако, какъ ни печальны были условія жизни для бѣднаго грека, какъ ни пламенно желалъ онъ до конца дней увидать вновь свою греческую родину, пребываніе въ скромномъ приходѣ было для него невыносимо. Для Ѳедора было плохимъ утѣшеніемъ, когда друзья ставили ему на видъ, что онъ живетъ на почвѣ Великой Греціи. Его постоянно тянуло обратно въ Римъ, гдѣ были книги и ученые друзья.

Ѳедоръ Газскій, безъ всякаго сомнѣнія, жилъ въ Римѣ при Павлѣ II и Сикстѣ IV. Именно къ этому времени относятся выдающіяся сочиненія его. Потомство мало оцѣнило великую заслугу, оказан-

1) Письмо Филельфо къ Барбаро отъ 28 февраля 1446 г., къ Виссаріону отъ 23 января 1448, къ королю Альфонсу отъ 23 октября 1456 г.

2) Panegyr. in laudem Bessarionis.

3) Elogia doctor. viror. 26. Ѳедоръ перевелъ на греческій языкъ сочиненіе Цицерона de senectut.

4) Ioa. Jov. Pontanus Opp. lib. I fol. 187.

5) См. томъ I стр. 454.

ную имъ при первыхъ изданіяхъ классиковъ, которыя обнародовалъ въ Римѣ епископъ алерійскій въ компаніи съ нѣмецкими типографами. Онъ былъ старѣйшимъ и самымъ уважаемымъ его сотрудникомъ при пересмотрѣ текстовъ. Въ особенности Плиній и Геллій обязаны его содѣйствію тѣмъ исправнымъ видомъ, въ какомъ печатные экземпляры ихъ разошлись по всему свѣту. Здѣсь еще разъ слѣдуетъ вспомнить о томъ, что и епископъ алерійскій, подобно Θедору Газскому, положилъ основаніе подобной дѣятельности въ школѣ Витторино. Быть можетъ, короткая дружба, связывавшая ихъ, началась еще въ Мантуѣ и въ «веселомъ домѣ [1])».

Это явленіе поразительное, что такой достойный и трудолюбивый ученый всюду высоко цѣнился подобными себѣ, а между тѣмъ на него не обращали никакого вниманія великіе міра сего, въ другихъ случаяхъ бывшіе щедрыми меценатами. Объ этомъ ходило много анекдотовъ. Огорченный возвратился Θедоръ въ свое калабрійское аббатство и умеръ тамъ около 1478 г. На этихъ грекахъ, даже наиболѣе достойныхъ, какъ будто тяготѣло какое проклятіе: счастіе улыбалась имъ бо̀льшею частію подъ конецъ жизни [2]).

Въ заключеніе упомянемъ кратко о византійцѣ Константинѣ Ласкарисѣ, такъ какъ и онъ принадлежалъ къ тѣсному дружескому кружку кардинала Виссаріона. Но онъ пріѣхалъ въ Италію уже послѣ взятія Византіи турками, и центръ тяжести его дѣятельности относится къ тому времени, котораго намъ здѣсь не приходится изображать. Изо всѣхъ грековъ онъ самыми мрачными красками изобразилъ то жестокое гоненіе судьбы, которое постигло этихъ бѣглецовъ. Въ Италію онъ явился подобно рабу, который долженъ все переносить, потому что обязанъ заботиться о своей семьѣ. Даже переписка книгъ, которою сначала, по видимому, содержалъ себя Ласкарисъ, перестала быть для него источникомъ доходовъ: книгопечатаніе разорило переписчиковъ. Осталось одно преподаваніе, плохо вознаграждаемое. Именно въ Римѣ, куда направлялась такая масса грековъ, явилось множество докучливыхъ нищихъ. Поэтому Ласкарисъ питалъ, по истинѣ, озлобленіе противъ вѣчнаго города; онъ даже не хотѣлъ видѣть «этого Вавилона, источника всѣхъ золъ» [1]).

Вообще со времени паденія Константинополя грековъ на итальянской почвѣ было такъ много, что они начали переносить свою мудрость въ другія страны. Вскорѣ они скорѣе согласны были пере-

---

[1]) Епископъ въ посвященіи Геллія папѣ Павлу II такъ хвалитъ своего сотрудника и друга: qui non in una aliqua seorsum facultate, sed in omnibus genevatim animi ingenui disciplinis est doctissimus. (Также у Botfield Prefacies p. 81). Письма Филельфо къ Θедору отъ 22 сентября 1467 г. и къ епископу алерійскому отъ 17 мая 1470 г.

[2]) Нѣкоторыя сочиненія при Bessarionis Opp. ed. Migne p. 985 seq. О литературной его дѣятельности лучшія свѣдѣнія у Бёра въ Allg. Enrycl. s. v. Gaza.

носить иго турецкаго владычества, чѣмъ вести жизнь всѣми презираемыхъ наставниковъ среди латинянъ.

Представимъ себѣ теперь названныхъ нами итальянцевъ, каковы Валла, Поджіо, Дечембріо, также упомянутыхъ нами и другихъ грековъ при одномъ дворѣ, каждаго окруженнымъ учениками и приверженцами, почти всѣхъ въ одинаковомъ положеніи, именно служащими при куріи и придворными учеными, всѣхъ при одинаковомъ занятіи, именно переводчиками съ греческаго языка, всѣхъ стремящимися потуже набить себѣ кошелекъ и пользоваться милостями папы. Весьма понятно, что въ этомъ кружкѣ разыгрывалась зависть, раздоры, клевета и брань. Латиняне и греки цѣлые годы вели ожесточенную борьбу между собою, далѣе греки въ своемъ кружкѣ, латиняне въ своемъ. Какъ Флоренція во время Никколи, такъ теперь въ усиленной степени Римъ сталъ центромъ скандалезной хроники ученыхъ, какъ будто папа Николай вмѣстѣ съ великими умами собралъ около себя и всю грязь литературной жизни.

Эта борьба ученыхъ имѣла общій интересъ, если происходило столкновеніе между такими людьми, какъ Поджіо и Валла. Они давно уже знали другъ друга, но никогда не сближались между собою. Поджіо, бывшій на 27 лѣтъ старше Валлы, уже во время папы Мартина V сердился на то, что юный Валла, едва вышедши изъ школы, рѣшился нападать на риторское искусство Цицерона, тогда какъ на него опиралась вся старшая школа гуманистовъ со временъ Петрарки, и взамѣнъ того хотѣлъ отдать пальму первенства въ краснорѣчіи Квинтиліану. Онъ видѣлъ въ этомъ просто нахальную заносчивость. Потомъ Валла презрительно отзывался о той эпитафіи, которую Антоніо Лоски сочинилъ въ честь Бартоломео да Монтепульчіано, говоря, что она даже хуже стиховъ покойнаго. Но Поджіо и Лоски были весьма близкими друзьями. Они съумѣли исходатайствовать у папы, чтобы Валлѣ было отказано, когда онъ хлопоталъ о мѣстѣ секретаря, или, по крайней мѣрѣ, Валла приписывалъ имъ эту продѣлку. Это закрыло для него доступъ къ желанному поприщу въ дорогомъ для него Римѣ и заставило его удалиться на чужбину [1]). Весьма вѣроятно, что онъ съ тѣхъ поръ желчно отзывался о Поджіо, Лоски и Ченчи, а слова его передавались имъ, и они съ насмѣшливымъ злорадствомъ приняли извѣстіе о томъ, что «новый Аполлонъ» своею книгою О наслажденіи подалъ поводъ къ нападкамъ: эпикурейское ученіе они считали давно отвергнутымъ [2]).

---

[1]) Valla Antid. in Poggium lib. IV (Opp. p. 252). См. т. I стр. 422 и выше стр. 79.

[2]) Poggius epist. V, 13 ed. Tonelli. Объ отзывахъ Валлы касательно его и Лоски онъ говоритъ: Quod ego minime sum admiratus, qui novi mores illius ac loquendi arrogantiam.

Валла, привлеченный надеждою на Николая V, снова явился въ Римъ въ 1447 г. Теперь онъ сталъ первостепеннымъ писателемъ и ученымъ, далеко превосходилъ Поджіо запасомъ свѣдѣній, глубиною изслѣдованія и основательнымъ изученіемъ языка, но, можетъ быть, уступалъ ему въ непринужденной легкости слога и остроуміи. Онъ былъ соперникомъ во всѣхъ отношеніяхъ, потому что, очевидно, хотѣлъ быть товарищемъ Поджіо и по секретарству [1]). Неаполитанскіе враги Валлы, Беккаделли и Фаціо, позаботились о томъ, чтобы ненависть Поджіо не ослабѣла, и передавали ему всѣ ругательства и клеветы, будто бы говорившіяся Валлою королю насчетъ Поджіо и его перевода Киропедіи [2]). Вскорѣ нашелся и поводъ начать борьбу. Поджіо издалъ раньше томъ своихъ писемъ. Теперь ему попался въ руки экземпляръ ихъ, принадлежавшій одному юному каталонцу, ученику Валлы, снабженный критическими замѣчаніями на поляхъ, въ которыхъ были указаны разныя ошибки противъ стилистики и варваризмы. Быть можетъ, самъ Валла не былъ критикомъ, но ученикъ, разумѣется, настроенъ былъ имъ. Поджіо, конечно, обрушился на того, кого не даромъ считалъ настоящимъ противникомъ. Такимъ образомъ къ значительному количеству инвективъ Поджіо присоединилась новая противъ Валлы. Послѣдній отвѣчалъ въ Antidoton, (Возмездіе), а Поджіо написалъ еще четыре инвективы; Валла тоже не остался въ долгу. Грамматическій споръ сталъ дѣломъ второстепеннымъ, а весь интересъ сосредочивался вскорѣ на ожесточенныхъ личныхъ нападкахъ съ обѣихъ сторонъ. Это было настоящимъ полемъ битвы для Поджіо. Если Валла выступалъ побѣдителемъ, осыпая противника самыми гнусными клеветами, то и Поджіо могъ торжествовать побѣду. Небольшими неблаговидными поступками Валлы, дошедшими до него въ искаженной передачѣ, онъ умѣлъ мастерски воспользоваться и заклеймить ихъ именемъ преступленій, даже выдумывалъ послѣднія. Онъ обвиняетъ своего противника въ обманѣ, воровствѣ, подлогахъ, ереси, пьянствѣ и распущенности всякаго рода, сочиняя пикантные анекдоты, и придумывая массу ругательствъ, какъ когда-то въ спорѣ съ Фи-

---

1) Эту зависть впослѣдствіи Поджіо ясно выражаетъ epist. XI, 22, (ложно) утверждая, что Валла, прогнанный королемъ Альфонсомъ, бѣжалъ къ римскому двору при которомъ multa portenta non solum nutriuntur, sed saginantur.

2) Beccatelli epist. Gall. IV, 12 къ Поджіо. Время, когда написано было письмо, опредѣляется упоминаніемъ о Киропедіи Поджіо, которая явилась въ Неаполѣ и о которой упоминаетъ и Поджіо epist. IX, 21 къ Фаціо отъ 23 ноября 1447 г. Это было около времени переселенія въ Римъ Валлы, invidi, teterrimi atque impurissimi hominis.... illius dico, qui tam multa insipienter sapit, qui litteras tantum et syllabas scribentium aucupatur etc. Это слова, отношеніе которыхъ къ Валлѣ ясно и изъ того, что̀ разсказано въ томѣ I на стр. 310.

лельфо. И онъ гордился именно этимъ искусствомъ — предавать презрѣнію врага непомѣрнымъ поношеніемъ, а остроумными и нескромными выходками выставлять противника въ смѣшномъ видѣ [1]). И Валла не удовольствовался защитою, а уличалъ врага своего въ невѣжествѣ въ латинскомъ языкѣ и въ стилистикѣ, приводя безчисленные примѣры, и вообще относился къ нему какъ къ отупѣвшему старцу [2]). По истинѣ жалко было видѣть, какъ два человѣка, пользовавшіеся литературною извѣстностью, въ зависти и злобѣ нападали другъ на друга, какъ драчливые мальчуганы, и какъ каждый вмѣстѣ съ честью другаго топталъ въ грязь и свою собственную.

Чѣмъ дольше шелъ споръ, тѣмъ большее число ученыхъ вовлекалъ онъ въ свою сферу. Никколо Перотти, въ то же время 24-хъ лѣтъ отъ роду, учившійся въ Болоньѣ подъ покровительствомъ Виссаріона, но уже увѣнчанный лавровымъ вѣнкомъ за свою рѣчь Фридриху III и переведшій нѣсколько книгъ Поливія, вздумалъ выступать защитникомъ Валлы. Его доброжелатель Виссаріонъ, хотя не врагъ Поджіо, по видимому, одобрялъ возраженія и смѣлыя выходки Валлы [3]). А послѣдняго, говорятъ, поощрялъ Никколо Вольпе, потому что онъ считалъ Валлу остроумнѣйшимъ и ученѣйшимъ изъ латинянъ. Поджіо это было сообщено изъ Болоньи, и онъ самъ догадывался, что кто нибудь вдохновляетъ Валлу. Онъ письменно грозилъ молодому оруженосцу и предупреждалъ его, притомъ считалъ дѣломъ неслыханнымъ, чтобы Вольпе, старый грамматикъ, до сихъ поръ неизвѣстный ему, и даже этотъ совсѣмъ новый стихотворецъ, этотъ длинноволосый пѣвецъ, безчестный и безстыдный юноша, поэтъ безъ всякой поэзіи, и этотъ грекъ, отупѣвшій учитель, второй Валла по глупости и ничтожеству, дерзали мѣряться съ нимъ силами [4]). Тѣ письма, въ которыхъ Поджіо такъ честитъ молодаго профессора, были переданы послѣдне-

---

[1]) Такъ напр. вмѣстѣ съ epist. XI, 5 онъ посылаетъ одному своему другу свои пять oratiunculae противъ Валлы съ словами: Scio, si eas legeris, non continebis risum, quoniam multis salibus et facetiis sunt refertae.

[2]) Инвективы, которыми поражали другъ друга оба бойца, есть въ ихъ сочиненіяхъ. Но въ сочиненіяхъ Поджіо нѣтъ его четвертой инвективы, хотя въ рукописяхъ она встрѣчается нерѣдко; см. Giornale de'letterati d'Italia T. XI p. 317 и Bandini Catal. codd. lat. bibl. Laurent. T. III p. 438. Первая инвектива Поджіо явилась въ февралѣ 1451 г., а первый Antidoton Валлы въ маѣ того же года. Apologus s. Libellus in Dialogo conscriptus Валлы часто печатался вмѣстѣ съ Elegantiae. Онъ явился послѣ второй инвективы Поджіо, которая, согласно epist. X, 21. 22 Поджіо, могла быть переслана 20 ноября 1451 г. См. Vahlen въ Vallae Opusc. tria I p. 20 seq.

[3]) Письмо Виссаріона къ Валлѣ въ этомъ направленіи, d. Boario (Bononiae) VIII Kal. Novembris указано въ Tabulae codd. ms. bibl. Vindob. vol. II p. 311.

[4]) Его письма къ Перотти, Вольпе и др. въ Miscellanea di varie operette T. VIII p. 181 e seg. и въ Poggii Epistt. ed. Tonelli XI, 21—41.

му и побудили его и съ своей стороны напасть на престарѣлаго канцлера съ правдивою инвективой .[1]). И онъ упрекалъ Поджіо въ старческомъ тупоуміи, чему впрочемъ противорѣчило признаніе въ томъ, что Поджіо выдается изъ среды всѣхъ болтуновъ, ругателей и остряковъ. Вообще же онъ нападалъ довольно удачно въ ироническомъ тонѣ и даже умѣлъ смягчить рѣзкость своихъ нападокъ на извѣстнаго всѣмъ старца тѣмъ, что сохранялъ нѣкоторую долю уваженія къ нему и являлся только защитникомъ Валлы.

Поджіо соблюдалъ до сихъ поръ еще нѣкоторую сдержанность относительно молодаго рыцаря, браня его только въ частныхъ письмахъ, а не въ публичной полемикѣ, Ему, вѣроятно, вовсе не хотѣлось ссориться съ Виссаріономъ, любимцемъ котораго былъ Перотти. Но теперь въ немъ пробудилась прежняя сварливость, и онъ рѣшилъ, что не слѣдуетъ позволять оскорблять себя. Въ одной инвективѣ онъ напалъ и на Перотти такъ свирѣпо и неприлично, какъ когда то нападалъ только на Филельфо и на Валлу [2]). Казалось, что снова возгорится борьба не на животъ, а на смерть. Поджіо узналъ, что его противникъ по примѣру Филельфо подговаривалъ противъ него убійцъ, и флорентинская синьорія жаловалась на это болонской и тамошнему легату Виссаріону. Тогда послѣдній взялъ на себя дѣло примиренія враговъ. Онъ увѣрялъ Поджіо, что толки о злыхъ умыслахъ противъ него лишены всякаго основанія. А своего любимца онъ заставилъ смиренно просить о примиреніи, прощеніи и дружбѣ. Такъ какъ послѣдній обѣщалъ загладить свое прежнее озлобленіе искреннимъ расположеніемъ въ будущемъ, то и Поджіо обѣщалъ съ этихъ поръ любить его какъ сына. Вліяніе кардинала-мецената прекратило эту борьбу навсегда[3]).

Правда, борьба съ Валлою утратила острый характеръ личной вражды и соперничества съ тѣхъ поръ, какъ Поджіо оставилъ римскій дворъ и переселился во Флоренцію. Но она все таки не прекратилась, и оба унесли съ собою въ могилу ненависть другъ къ другу. Мы удивляемся тому, что папа не заставилъ молчать этихъ бойцовъ. Но онъ, по видимому, смотрѣлъ на обмѣнъ инвективъ какъ на искусную борьбу на поприщѣ краснорѣчія и реторики. Валла даже рѣшился посвятить ему книги своего Antidoton; вѣдь папа Николай принялъ же благосклонно

---

[1]) Она напечатана въ Miscellanea l. c. p. 197. Сочинена весною 1454 г., какъ видно изъ писемъ Поджіо и изъ того, что упоминается о недавно случившейся смерти Барбаро.

[2]) Эта Invectiva in Nicolaum Perottum до сихъ поръ не напечатана, но перечислена у Bandini l. c. T. II p. 400 T III p. 488. Начала достаточно. Non est mirandea nescio quem infamem Pusionem adolescentemque impurum, quaestura corporis improbissima fidentem, suis me maledictis mordacibus invasisse etc. Согласно письмамъ, это сочиненіе относится къ маю или іюлю 1454 г.

[3]) Poggius epist. XII, 5. 6. 7. 18.

сатиры Филельфо, въ которыхъ изливалась ненависть и злоба на его прежнихъ флорентинскихъ друзей. Именно во то время Николай V подарилъ Валлѣ своею рукою 500 скуди за переводъ Өукидида, а къ Поджіо относился милостиво, даже когда онъ подалъ въ отставку. Явился и другой примиритель, отъ котораго никто не ожидалъ подобнаго посредничества. Это былъ Филельфо, который хлопоталъ въ то время о примиреніи съ своими прежними флорентинскими врагами. Онъ обратился въ одно и то же время съ посланіями къ Поджіо и Валлѣ [1]), совѣтовалъ обоимъ быть умѣренными и ставилъ имъ на видъ, что они только выставляютъ себя въ смѣшномъ видѣ и навлекаютъ презрѣніе въ глазахъ людей. Филельфо приводилъ изреченіе Агезилая, въ которомъ говорится, что по такимъ ругательнымъ рѣчамъ составляютъ понятіе какъ о томъ, кто ругается, такъ и о томъ, кого ругаютъ. Онъ даже съ раскаяніемъ отнесся къ своему прошлому и признавался, что теперь не можетъ безъ краски стыда читать своихъ сатиръ. Но Филельфо не произвелъ ни малѣйшаго впечатлѣнія ни на Поджіо, ни на Валлу, хотя напоминалъ имъ даже о страшномъ судѣ. Даже и примирительная попытка Барбаро, которому всегда были противны раздоры, осталась безплодною; онъ и умеръ во время этой борьбы [2]). Тогда Поджіо могъ считать себя пророкомъ: Валла былъ отозванъ въ лучшій міръ 1 августа 1457 г., его прежній врагъ Фаціо въ ноябрѣ, а 30 октября 1459 г. и Поджіо [3]).

Изъ грековъ, жившихъ при дворѣ Николая V, извѣстнымъ строителемъ козней былъ Георгій Трапезунтскій, всюду служившій камнемъ претновенія, особенно для латинянъ, для которыхъ была невыносима хвастливая заносчивость природнаго грека. Можно было предвидѣть его столкновеніе съ Поджіо, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ оба они ежедневно встрѣчались въ качествѣ папскихъ секретарей. Мы помнимъ, что еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда Георгій Трапезунтскій затѣялъ первую ссору, именно съ Гварино, Поджіо выразился колко по этому поводу, хотя въ томъ же письмѣ высказалъ глубокое уваженіе къ талантамъ грека [4]). Однако, когда послѣдній пріѣхалъ въ Римъ, то между ними, по видимому установились сносныя отношенія.

---

1) Отъ 7 марта 1453 г.

2) Franc. Barbari epist. 234 ed. Quirino.

3) На Валлу было сочинено слѣдующее двустишіе:

Ne vel in Elysiis sine vindice Valla susurret,
Facius haud multos post obit ipse dies.

Или другое:

Ohe ut Valla silet, solitus qui parcere nulli est,
Si quaeris, quid agat: nunc quoque mordet humum.

4) См. выше стр. 124, примѣч. 1. Тутъ говорится (epist. VI, 21 edit. Tonelli) именно: Trapezunzium vero doctissimum video hominem et admodum eloquentem, cuius scripta mihi admodum placent.

Поджіо уже пользовался его совѣтами, переводя Киропедію Ксенофонта. Папа Николай зналъ очень хорошо, что греческій языкъ былъ слабою стороною Поджіо, и потому, поручая ему переводъ Діодора, указалъ на Георгія, который будетъ помогать въ трудныхъ мѣстахъ [1]). Миръ въ первый разъ былъ нарушенъ, когда Георгій получилъ изъ Венеціи извѣстіе о неблагопріяномъ отзывѣ Поджіо. На этотъ разъ Поджіо извинился и увѣрялъ именемъ своей дружбы, что слова его не должны оскорблять или унижать грека [2]). Очевидно, онъ хотѣлъ сохранить пріятельскія отношенія, которыя были весьма полезны для него. Но Георгій по своей желчной натурѣ не могъ простить ему колкости.

Вскорѣ произошло новое столкновеніе. Грекъ утверждалъ, что онъ не получалъ денегъ изъ папской казны, вѣроятно, назначенныхъ ему за общую работу съ Поджіо. Однажды они были въ папской канцеляріи вмѣстѣ съ нѣкоторыми товарищами. Чтобы раздосадовать Поджіо, Георгій сталъ при всѣхъ хвалиться тѣмъ, что ему принадлежитъ лучшая доля участія въ его переводахъ, но этотъ неблагодарный для развлеченія своихъ друзей написалъ противъ него инвективу и послалъ ее въ Венецію. «Ты лжешь это на свою голову!» вскричалъ Поджіо. Но озлобленный грекъ подбѣжалъ къ нему и далъ старику двѣ здоровыхъ пощечины, потомъ они стали ругаться такъ запальчиво, что товарищи могли съ трудомъ развести ихъ въ разныя стороны [3]).

На этотъ разъ папа принялъ участіе въ дѣлѣ. Конечно, изъ за этой именно сцены Георгій Трапезунтскій долженъ былъ покинуть Римъ. Но потомъ папа простилъ его и позволилъ возвратиться, но въ то же время, по видимому, обязалъ помириться съ Поджіо. Только при этомъ условіи и понятно, что они вели потомъ переписку между собою. Георгій Трапезунтскій раньше жаловался папѣ, что Поджіо посылалъ въ Неаполь бандитовъ убить его. Поджіо отвергалъ это обвиненіе, но въ презрительномъ тонѣ. «Могу поклясться тебѣ всѣмъ святымъ: я не только не замышлялъ убить тебя, но напротивъ воспоминаніе такъ изгладилось изъ моей памяти, что я едва могъ бы сказать, живъ ты или умеръ. Мнѣ нужно бы было много свободнаго времени, чтобы помнить о Георгіи Трапезунтскомъ. У меня никогда не было и на мысли подобнаго преступленія, да и теперь я чуждъ этого; я даже по многимъ причинамъ долженъ желать, чтобы ты еще пожилъ, потому

---

[1]) Самъ Поджіо признается ему: debeo enim tibi plurimum, qui mihi adiutor praecipuus fueris in traductionibus meis. Заявленіе Георгія у Georgius Vita Nicolai V.

[2]) Poggius epist. X, 9 къ Георгію отъ 18 февраля (1450 г.).

[3]) Vallae Antid. in Pogium lib. I ad fin. (Opp. p. 273). Тутъ мы узнаемъ также, что это случилось 4 мая (1451 г.).

что ты потерялъ чрезъ ростовщичество свои деньги, которыми такъ гордился [1])». Подобный тонъ, впрочемъ вполнѣ соотвѣтствовавшій и тону Георгія, конечно, не повелъ къ примиренію. Да въ немъ и не было надобности, такъ какъ самъ Поджіо въ скоромъ времени уѣхалъ изъ Рима.

Насколько мы знаемъ, всѣ итальянцы были на сторонѣ Поджіо и противъ грека. Даже Валла не могъ сочувствовать ему. Это презрѣніе къ грекамъ было почти единственною чертою, общею у всѣхъ итальянскихъ ученыхъ, жившихъ при папскомъ дворѣ. Если Поджіо хотѣлъ какъ слѣдуетъ изругать такихъ противниковъ, какъ Валла и Перотти, то называлъ ихъ semigraeculi (полугреки).

Греки съ своей стороны не составляли дружной семьи. Вскорѣ между ними начались частные раздоры, какъ напр. у Георгія съ Өедоромъ Газскимъ, который публично порицалъ его грамматическія опредѣленія, а потомъ между ними возникъ споръ о томъ, кто выше, Платонъ или Аристотель, такъ что всѣ греки раздѣлились на два враждебныхъ лагеря. Они вели между собою постоянную борьбу еще долго послѣ смерти Николая V. Гемистъ Плетонъ считалъ ученія обоихъ философовъ совершенно несогласимыми, превозносилъ Платона до небесъ, напротивъ Аристотеля и его приверженцевъ жестоко осмѣивалъ. Его сторону на флорентинскомъ соборѣ держалъ Никколо Сагундино; онъ упрекалъ Аристотеля въ томъ, что послѣдній унижалъ заслуги Платона больше изъ зависти, чѣмъ изъ любви къ истинѣ [2]). Брошенную имъ перчатку поднялъ Георгій Сколарій, называвшійся также Геннадіемъ, впослѣдствіи патріархъ Константинопольскій, и отвѣчалъ въ томъ же тонѣ. Конечно, Плетонъ отвѣчалъ еще рѣзче въ своемъ возраженіи. Теперь эта борьба продолжалась въ Римѣ. Өедоръ выступилъ противъ Платона и Плетона, Виссаріонъ явился защитникомъ Плетона, своего наставника, и Платона, воззрѣнія котораго онъ часто находилъ близкимъ къ христіанскому ученію. Ихъ споръ велся еще въ границахъ приличія. Одинъ изъ ученыхъ, пользовавшихся расположеніемъ Виссаріона, бѣжавшій грекъ Михаилъ Апостолій, думалъ угодить своему милостивцу тѣмъ, что съ глубокимъ презрѣніемъ отзывался о Өедорѣ Газскомъ, съ которымъ онъ соперничалъ въ переводахъ Аристотеля. Тогда Георгій Трапезунтскій явился защитникомъ этого философа и сильно нападалъ на Виссаріона. Между ними возникла ожесточенная полемика [3]). По мнѣнію латинянъ, Виссаріонъ вышелъ побѣдите-

---

1) Poggius epist. X, 25 къ Георгію отъ 12 февраля 1453 г. Только этотъ годъ и возможенъ, а не 1452-й.

2) Facius de vir. illustr. p. 21.

3) Boivin въ Mémoires de littérature de l'Acad. Roy. des Inscr. et Belles Lettres T. II. III (тутъ есть и упомянутое письмо Виссаріона) Paris, 1717. 1723. I. G. Buhle

лемъ изъ этой борьбы; ему сочувствовали: Оньибене изъ Виченцы, Марсиліо Фичино, Беккаделли, старикъ Филельфо и Аргиропуло. Перотти, прежній любимецъ кардинала, явился даже его пособникомъ съ сочиненіемъ, направленнымъ противъ Георгія Трапезунтскаго [1]).

Строгій характеръ спора, который вели византійцы между собою, весьма любопытенъ въ сравненіи съ тѣми личными мотивами, которые возбуждали уроженцевъ запада другъ противъ друга. Послѣдніе почти не принимали участія въ борьбѣ академиковъ съ перипатетиками. Однако хотя они никогда не презирали Аристотеля, все таки онъ стоялъ въ ихъ мнѣніи гораздо ниже Платона съ его таинственнымъ и возвышеннымъ ученіемъ. Платоновскія академіи, какъ римская, такъ и сгруппировавшаяся около Лоренцо де' Медичи и неаполитанская, конечно, доходили до странныхъ крайностей, однако были связующимъ звеномъ и движущею пружиною научныхъ стремленій, а не ареною для борьбы.

Такъ шли дѣла въ Римѣ при дворѣ папы Николая V, который впервые своимъ благорасположеніемъ, личнымъ участіемъ и щедростью собралъ вокругъ себя множество литераторовъ. Тутъ снова само собою является желаніе сравнить это явленіе съ флорентинскимъ кружкомъ, который въ началѣ вѣка далъ толчокъ гуманизму. Тамъ мы видѣли личности съ рѣзко опредѣленнымъ характеромъ, которыя сами по себѣ могутъ считаться предвѣстниками новой эпохи и иного образованія, даже помимо ихъ трудовъ по части собиранія книгъ и литературной дѣятельности. Въ Римѣ набираются люди такъ, какъ вообще ихъ можно набирать. Друзья дома Медичи и личности, пользовавшіяся его покровительствомъ, слѣдовали одному общему направленію. Ихъ роднило единство стремленій, какъ ни отличались между собою отдѣльные индивидуумы. Они естественнымъ путемъ образовали обширный союзъ во имя науки. Между искателями милостей папы каждый думаетъ только о себѣ и о своихъ личныхъ выгодахъ, и жалкое соперничество изъ за куска хлѣба порождаетъ вражду между ними. Льстятъ лицу не лишенному достоинствъ, но и не особенно царственному: каждый отъ него получаетъ работу и награду. Если что есть между ними общаго, то не идея, а служба

Gesch. der neuern Philosophie seit der Epoche der Wiederherst. d. Wiss. Bd. II. Göttingen, 1800. Здѣсь есть подробное и прекрасное изложеніе спорныхъ вопросовъ. Tiraboschi T. VI p. 518—543.

[1]) По письмамъ названныхъ лицъ у Valentinelli Bibl. ms. ad S. Marci Venet. T. IV p. 7. 8.

при дворѣ. Расположеніе щедраго папы было въ данномъ случаѣ причиною всякаго соперничества. Его переводчиковъ больше прельщали уже деньги, чѣмъ слава, больше низкая зависть, чѣмъ литературное имя. Относительно самаго папы весьма характеристично, что онъ не давалъ или весьма неохотно позволялъ снимать копіи съ книгъ, подаренныхъ ему и оплаченныхъ имъ; онъ хотѣлъ, чтобы и право собственности и слава оставались за нимъ однимъ [1]).

Побудительнымъ причинамъ соотвѣтствовали также успѣхъ и заслуга. Какіе сильные побуждающіе и поощряющіе мотивы идутъ отъ флорентинскихъ друзей! Они сознаютъ свое назначеніе—пробудить минувшее и навсегда спасти его отъ забвенія. Они изслѣдуютъ и собираютъ съ юношескимъ одушевленіемъ, а вновь найденное побуждаетъ къ дальнѣйшимъ усиліямъ. Они отправляются въ дальнія страны и потомъ собираютъ въ одно мѣсто разсѣянныя сокровища минувшихъ временъ, въ свою Флоренцію. Ученые эти неустанно стремятся къ тому, чтобы изучить ихъ, освѣтить, разъяснить ихъ сущность. Въ ихъ перепискѣ живо чувствуется усиленное біеніе пульса этой юной жизни.

Литературный Римъ Николая V не больше какъ искусственное и блѣдное продолженіе литературной Флоренціи, а уже не самобытное явленіе. Онъ уже призванъ не возрождать и оживлять древность, а разрабатывать добытый матеріалъ и тщательно сохранять его. На мгновеніе насъ можетъ привести въ заблужденіе масса ученыхъ, сгруппировавшихся вмѣстѣ въ кратковременное первосвященство Николая V, и число ихъ трудовъ. Но кто умѣлъ соображать и цѣнить, тотъ долженъ былъ вскорѣ умѣрить свой приговоръ. Уже Валла, хваля папу въ глаза, опредѣлилъ его намѣренія слѣдующимъ образомъ: «Ты приказалъ намъ, знающимъ оба языка, завоевать для тебя всю Грецію, насколько мы можемъ, т. е. переводить для тебя греческія книги на латинскій языкъ [2])». Теперь обратимъ вниманіе на то, какія мысли возникли въ умѣ Пія II при обзорѣ дѣятельности ученыхъ чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, какъ придворные литераторы его предшественника разошлись въ разныя стороны. «Николай V такъ сильно возбуждалъ умы и давалъ имъ пищу, что едва ли можно найти другую эпоху, въ которую гуманистическія науки, краснорѣчіе и изящныя искусства процвѣтали бы полнѣе, чѣмъ при немъ. По крайней мѣрѣ, никто не можетъ отрицать того, что ученѣйшіе люди посвятили ему столько книгъ, сколько не посвящали ни одному [illegible]

[illegible]

[1]) Ср. письмо Георгія Трапезунтскаго къ Франч. Барбаро въ числѣ его писемъ epist. 198.

[2]) Посвященіе его перевода Өукидида папѣ. [illegible]

изъ его предшественниковъ, ни одному императору [1])». А спустя полвѣка, когда сошло въ могилу цѣлое поколѣніе, когда исчезли и малѣйшіе слѣды поклоненія этому папѣ, одинъ проницательный историкъ литературы говоритъ объ эпохѣ Николая V: «Многіе при немъ трудились надъ переводами, побуждаемые ожиданіемъ награды [2])».

Такъ оно и было на самомъ дѣлѣ. Въ сущности прославленный пріютъ ученыхъ, устроенный Николаемъ V, есть не больше, какъ обширное учрежденіе для переводовъ. Но мы не должны относиться съ пренебреженіемъ къ его заслугамъ. Онъ этимъ далъ весьма сильный толчокъ изученію греческаго языка и ознакомленію съ древностью, расширилъ ихъ и распространилъ.

Поводъ къ переводамъ и заслуга, оказанная ими, конечно бываютъ весьма разнообразны. Переводчикъ прежде всего старается оказать помощь людямъ, незнающимъ языка, потому что предполагаетъ читателя, который для своего образованія желаетъ ознакомиться съ произведеніями другаго народа или минувшей эпохи. Только послѣ, при нѣкоторомъ освоеніи съ языкомъ, можетъ возникнуть мысль, что геній одного языка старается сблизиться съ геніемъ другаго, отразиться въ немъ, усвоить себѣ его. При этомъ естественнымъ путемъ переводчикъ начинаетъ съ переводовъ на народный языкъ, назначенныхъ для образованныхъ мірянъ, или владѣтельныхъ особъ, или знатныхъ, въ которыхъ писатель старается пробудить подобный умственный интересъ. Передача же съ греческаго языка на латинскій, съ одного мертваго на другой, только тогда имѣетъ смыслъ, когда есть кружокъ ученыхъ читателей, вполнѣ владѣющихъ латинскимъ языкомъ и сознающихъ, что нѣкогда для римской литературы самобытною основою служила греческая, такъ что нельзя понимать первую безъ знакомства съ послѣдней.

Это поприще пройдено было и гуманистическимъ образованіемъ въ Италіи. И эта школа начала съ переводовъ на народный языкъ, о которыхъ въ настоящее время упоминается большею частію только ради ихъ значенія для языка. А здѣсь они принимаются въ соображеніе лишь настолько, насколько насаются такихъ писателей, которые принадлежали къ числу путеводителей гуманизма, или, насколько переводчиками были сами гуманисты. Ихъ замѣчательно мало. Это объясняется тѣмъ, что въ Италіи человѣкъ образованный обыкновенно проходилъ чрезъ литературную школу и что даже при дворахъ владѣтельныхъ особъ латынь была болѣе или менѣе въ ходу. Предшественникомъ въ этомъ дѣлѣ былъ, насколько мы знаемъ

---

1) Europa cap. 58.
2) Coccius Sabellicus Ennead. X Lib. VI p. 719.

Брунетто Латини: онъ перевелъ рѣчи Цицерона за Марцелла, часть Реторики къ Гереннію и, конечно, нѣкоторыя другія сочиненія [1]. Но для кого были исполнены эти работы, мы не знаемъ; вѣроятно, для флорентинскихъ купцовъ. Были и старые переводы Ливія. Секко Полентоне упоминаетъ, что Боккачіо перевелъ три декады, извѣстныя въ то время; считаютъ вѣроятнымъ, что по крайней мѣрѣ переводъ четвертой декады, посвященной владѣтелю Равенны, Остазіо да Полента, сдѣланъ имъ [2]. Объ итальянскомъ переводѣ толкованій Григорія Великаго на книгу Іова, сдѣланномъ Занобида Страда, можно упомянуть здѣсь ради имени автора; если эта книга часто печаталась, то обязана этимъ почетомъ чистотѣ языка, которая высоко цѣнилась [3]. Переводились по временамъ и сочиненія Петрарки. А самъ онъ удостоилъ передачи латинскою рѣчью одну новеллу Боккачіо, но никогда не профанировалъ классика народнымъ языкомъ. Въ скоромъ времени послѣдній сочли недостойнымъ всякаго соприкосновенія съ ученостью. Только такой второстепенный гуманистъ, какъ Пьеръ Кандидо Дечембріо, старался зарекомендовать себя своему милостивцу, герцогу Миланскому Филиппу, тѣмъ, что поднесъ ему историческое сочиненіе Курція и Светоніеву біографію Юлія Цезаря на народномъ языкѣ [4]. Надменный Филельфо нашелъ намѣреніе герцога заставить его объяснять Божественную Комедію на народномъ языкѣ столь унизительнымъ для себя и нелѣпымъ, что хотя и сдѣлалъ это, однако не скрылъ отъ герцога своей досады [5].

Несравненно высшею заслугою считался переводъ съ греческаго языка. Это была работа ученая и преимущественно разсчитанная на ученыхъ людей. Мы не можемъ указать рѣшительно ни на одинъ примѣръ того, чтобы гуманистъ спустился съ заоблачной высоты греческаго языка до народнаго. Тутъ изящная латынь считалась единственно достойною рѣчью, и уже это одно ограничивало число лицъ, являвшихся

---

1) Новѣйшаго изслѣдованія объ этомъ послѣ Mehus Vita Ambros. Travers. p. 157 seq. мнѣ неизвѣстно. Ср. Hortis M. T. Cicerone p. 21. Что значатъ у Zacharias Iter litt. p. 29 выдержки, приведенныя изъ луккскаго кодекса?

2) Hortis Cenni di G. Boccacci intorno a Tito Livio p. 22. 71. Его же Studj s. opere lat. del Boccaccio p. 421 e seg.

3) Philippo Villani Vite ed. Mazzuchelli p. 65.

4) См. томъ I стр. 468. Это, конечно, ошибка будто, слѣдуя Tanelli Il pontefice Nicolò V, въ ватиканскомъ кодексѣ есть комментаріи Цезаря въ переводѣ Дечембріо.

5) См. томъ I стр. 470. Я намѣревался въ этомъ отдѣлѣ сообщить лишь краткія извѣстія. Въ каталогѣ библіотеки Лоренцо Медичи у Bandini (T. V Catalogus codd. Ital.) указаны и нѣкоторые другіе переводы классическихъ писателей на народный языкъ. Но при большей части ихъ не названо имя переводчика, что, разумѣется, служитъ доказательствомъ, что послѣдній не ожидалъ славы отъ своего труда.

соперниками. Далѣе лишь немногіе были такъ счастливы, что учились греческому языку въ самой Греціи или получали знаніе его изъ первыхъ рукъ отъ грека, который дѣйствительно зналъ языкъ и умѣлъ цѣнить произведенія своей древней литературы. Еще меньше было людей, имѣвшихъ порядочный запасъ классиковъ. Каждый разъ намъ указываютъ какъ на что-то особенное, если у кого нибудь въ ряду книгъ есть и греческія. У многихъ, слывшихъ знатоками греческаго языка, это знаніе шло немногимъ дальше того, чтó въ наше время сообщается въ школахъ, и при этомъ оно лишено было основательности. Такіе люди, какъ Поджіо и Валла, чувствовали свою слабость въ пониманіи греческаго писателя, а такой выдающійся гелленистъ, какъ Франческо Барбаро, все таки больше любилъ читать сочиненія Аристотеля въ латинскомъ переводѣ [1]). Только Филельфо, собственно говоря, могъ свободно читать греческую книгу, писать и говорить на греческомъ языкѣ и въ то же время легко писать изящными стихами и прозою на латинскомъ. Поэтому, въ своей непомѣрной гордости, онъ считалъ себя какъ бы царемъ литераторовъ и съ глубокимъ презрѣніемъ смотрѣлъ на людей необразованныхъ, которые не знали греческаго языка или переводили съ него по ученически [2]). Но ни у него, ни у Гварино не было философскаго образованія, безъ котораго нельзя и представить себѣ переводчика сочиненій Платона или Аристотеля. А Гварино на западѣ по учености былъ ближе всѣхъ къ Филельфо. Это достоинство, конечно, признавали за такими греками, какъ Георгій Трапезунтскій, Ѳедоръ Газскій, Виссаріонъ, но съ другой стороны въ латинскомъ языкѣ они никогда не достигали той легкости, какою отличался Филельфо. Знаніе греческаго языка еще не было распространено. Со временъ Хризолора люди, учившіеся ему, встрѣчали такія препятствія и трудности, которыя преодолѣвались весьма медленно. Даже и книгопечатаніе не могло дать толчка знакомству съ этою отраслью, тогда какъ знакомство съ латинскимъ языкомъ быстро распространилось по всему свѣту вмѣстѣ съ развитіемъ книгопечатанія.

Для греческой литературы еще нужно было посредствующее звено, при помощи котораго она могла бы дать пищу гуманистическому образованію. Но были уже владѣтельные меценаты, знавшіе латинскій языкъ, въ умахъ которыхъ пробудился интересъ къ литературнымъ сокровищамъ Эллады, даже безпокойное стремленіе къ нимъ, которому можно было удовлетворить только путемъ переводовъ. Такіе

---

1) Ср. epist. 122 ed. Quirino.

2) Ср. его эпиграмму, въ которой онъ обращается къ Томмазо Тебальдо, и другую подъ заглавіемъ In eloquii Graeci depravatores у Rosmini Vita di Filelfo T. III p. 163. 164.

люди, какъ Козьма Медичи и Альфонсъ, король Неаполитанскій, совсѣмъ не знали греческаго языка, и не смотря на противныя увѣренія нѣкоторыхъ придворныхъ льстецовъ мы считаемъ себя вправѣ допустить, что папа Николай или мало понималъ греческій языкъ, или совсѣмъ не понималъ. Но и многіе другіе желали, чтобы имъ было легче читать греческихъ писателей, а не бороться прежде всего съ формами словъ, съ разъясненіемъ непонятныхъ мѣстъ, разбирать плохія рукописи и читать такія же пособія. Этимъ объясняется также, почему придавали такое значеніе, труду переводчика, обстоятельство иначе непонятное [1]). Переводчики до извѣстной степени гордились тѣмъ, что вносили въ кругъ латинской образованности духовныя сокровища гибнущей Эллады. Дѣло переводчика называли «подаркомъ латинскому міру,» или «латинскимъ даромъ».

Уже нельзя было довольствоваться старыми переводами нѣкоторыхъ произведеній. Теперь желали знать Аристотеля, а не просто только чтить его, не желали больше выводить изъ его сочиненій или приписывать ему тайныя ученія. «Въ латинскихъ переводахъ греческихъ авторовъ, говоритъ Пій II, которому не удалось въ юности выучиться по гречески и который, живя за Альпами, нѣсколько отдѣлился отъ литературныхъ стремленій Италіи, — «особенно въ старинныхъ, нужно догадываться, что хочетъ сказать авторъ; воскресни опять Аристотель, онъ не призналъ бы своимъ многаго, что приписывается ему [2])».

Къ этому присоединилось во истинѣ странное заблужденіе, не мало поощрявшее усердіе переводчиковъ. О краснорѣчіи, считавшемся главнымъ украшеніемъ древней литературы, имѣли такое понятіе, какое слѣдовало бы имѣть, если бы Цицеронъ считался образцомъ. Читали, что онъ и вообще римляне указывали на Элладу какъ на отчизну красоты, и выводили изъ этого такое заключеніе, что этимъ краснорѣчіемъ должна была въ высшей степени отличаться Эллада. Даже знатоки греческаго языка питали глубокое уваженіе къ сужденіямъ римлянъ и не рѣшались сознаться, если были обмануты въ своихъ ожиданіяхъ. Другіе читатели не удовлетворялись никакими переводами, даже самыми лучшими: они не находили того, чего искали, а такъ какъ не рѣшались приписывать вину чтимымъ ими грекамъ, то всегда приходилось винить переводчиковъ. Оставались при томъ убѣжденіи, что Гомеръ пѣлъ гораздо изящнѣе и восторженнѣе, Өукидидъ повѣствовалъ увлекательнѣе, Демосөенъ выражался трогательнѣе, Платонъ—яснѣе и болѣе легкими предложеніями, Аристотель писалъ живѣе и эффектнѣе. До

---

[1]) Объ этомъ характеристически выражается напр. Франческо Барбаро epist. 127 ed. Quirino p. 185 seq.

[2]) Asia cap. 71.

извѣстной степени это была черта наивная, когда папа Пій позволилъ себѣ сказать, что онъ находитъ Аристотеля, Политику котораго купилъ въ переводѣ Бруни, а Реторику читалъ въ обработкѣ Георгія Трапезунтскаго, «чуждымъ всякаго краснорѣчія», потомъ прибавляетъ, что, собственно говоря, это замѣтили многіе и не могутъ понять, какимъ образомъ Аристотель, по свидѣтельству древнихъ, могъ образовать краснорѣчивыхъ учениковъ [1]). Онъ рѣшился воздержаться отъ сужденія о Ксенофонтовыхъ Достопамятныхъ изреченіяхъ Сократа, потому что не можетъ читать подлинника, а въ латинскомъ переводѣ они ему не нравились. Понятно, что онъ находилъ Арріанову Исторію походовъ Александра Великаго весьма сухою. У итальянскихъ ученыхъ мы не припомнимъ такихъ сужденій. Переводчики старались главнымъ образомъ о томъ, чтобы своимъ латинскимъ краснорѣчіемъ нѣсколько помочь греческому. Но это опять таки давало право читателямъ думать, что со временемъ настанетъ такая пора, когда и въ переводахъ будетъ вполнѣ блистать возвышенное краснорѣчіе грековъ.

Флоренція была матерью и переводной литературы, насколько послѣдняя была вызвана къ жизни усиліями гуманистовъ. Уже переводъ поэмъ Гомера, сдѣланный Леонціо Пилато и начавшій собою рядъ переводовъ подъ эгидою Петрарки и Боккачіо, былъ исполненъ во Флоренціи. Конечно, эта работа, разсчитанная какъ бы на учениковъ и плохая, не могла служить возбуждающею силою. Пилато передавалъ только слова Гомера, а не самаго Гомера, и, навѣрное, ни въ комъ не пробудилъ желанія познакомиться съ пѣвцомъ Иліона. И лучшіе годы дѣятельности Хризолора протекли во Флоренціи. Правда, его переводъ Платоновой республики, въ которомъ переводчикъ старается вѣрно передавать каждое слово, по достоинству не много выше Иліады и Одиссеи Пилато, такъ какъ Хризолоръ не вполнѣ владѣлъ латинскимъ языкомъ. Но онъ самъ очень хорошо зналъ, что простымъ буквальнымъ переводомъ не достигается высшая цѣль искусства, и обыкновенно внушалъ это своимъ ученикамъ [2]). Толчокъ все таки шелъ отъ него. Уже его первые ученики на западѣ старались воспользоваться для переводовъ тѣми плодами, какіе они вынесли изъ изученія греческаго языка: Джіакомо да Скарпарія принялся за переводъ Космографіи Птоломея, Роберто де' Росси за сочиненія Аристотеля, Палла Строцца за Плутарха, Платона и Іоанна Златоуста.

---

1) Pii II Comment. p. 244.

2) Ченчи говорилъ въ протоколѣ къ своему переводу отрывка изъ оратора Аристида у Bandini Catal. codd. lat. bibl. Laurent. T. III p. 574: Sed ut de interpretis natura aliquid dicam, ferebat. Manuel homo sine ulla dubitatione divinus, conversionem in latinum ad verbum minime valere etc.

Мы должны съ уваженіемъ относиться къ этимъ трудамъ, хотя Ліонардо Бруни, самый даровитый изъ учениковъ Хризолора, превзошелъ этихъ переводчиковъ [1]).

Бруни посвятилъ себя преимущественно новому переводному искусству, и его можно считать отцомъ этой литературной отрасли. Имъ онъ занимался всю свою жизнь и пріобрѣлъ себѣ всесвѣтную славу [2]). «Съ тѣхъ поръ какъ великій Хризолоръ, говоритъ онъ, принесъ въ Италію изученіе греческаго языка, гдѣ его уже не знали въ теченіи 700 лѣтъ, мы, молодые люди, образованные имъ, всѣ наши помыслы обратили на то, чтобы пополнить пробѣлы латинской литературы греческими произведеніями. Это была прекрасная юношеская пора подобныхъ трудовъ, когда сердце наполнялось радостнымъ чувствомъ новаго и рѣдкаго знанія». Бруни, конечно, по совѣту Хризолора, принялся за трудъ скромнѣе и систематичнѣе, чѣмъ тѣ флорентинцы, которые прямо хватались за высшія задачи, но не могли сладить съ ними. Онъ началъ не съ Аристотеля или Платона, а съ небольшихъ сочиненій, весьма понятныхъ, почти съ упражненій. Первымъ его трудомъ въ этомъ родѣ было слово св. Василія о пользѣ изученія языческой литературы, апологія занимающихся ею, на которую впослѣдствіи такъ часто любили ссылаться. Онъ съ признательнымъ чуввомъ посвятилъ ее Салютато, который помогъ ему въ изученіи греческаго языка; онъ поднесъ ему въ даръ ее «какъ будто прямо изъ Греціи». Въ то время Салютато первый прикрылся ею, какъ щитомъ, отъ нападеній монаховъ, враговъ языческой поэзіи [3]).

За тѣмъ слѣдовали рѣчи Демосѳена, сначала, конечно, говоренная по поводу Херсонеса, которую Бруни въ ноября 1406 г, посвятилъ Никколи, въ то время еще бывшему его лучшимъ другомъ. Съ нимъ вмѣстѣ онъ слушалъ Хризолора [4]). Потомъ была переведена рѣчь противъ Эсхина ипосвящена Бартоломео Капрѣ, епископу Кремонскому, рѣчь Эсхина противъ Ктезифона и знаменитая рѣчь его великаго противника

---

1) См. томъ I стр. 162. 212. 214. 269 и выше стр. 98. 99.

2) Порядокъ появленія переводовъ Бруни опредѣляется изъ посвященій и предисловій. Указаніе на ходъ этихъ научныхъ трудовъ онъ сообщаетъ въ предисловіи къ Федру Платона, у Schio Ant. Loschi 168 и анонимная Laudatio Leonardi у Bandini l. c. p. 435. Здѣсь берутся въ соображеніе больше группы, чѣмъ отдѣльные труды. Замѣчу, что я здѣсь не намѣренъ приводить неоднократныхъ оттисковъ отдѣльныхъ переводовъ, которые указаны у Фабриціуса и другихъ библіографовъ, тѣмъ болѣе, что многихъ не видалъ.

3) Salutati Epist. ad rev. D. Giovanni Dassaminiato ed. Stolfi p. 221. Въ этомъ посланіи отъ 25 января 1406 г. Салютато говоритъ о переводѣ Бруни, какъ о недавно вышедшемъ. Слѣдовательно, онъ былъ сдѣланъ уже въ Римѣ, куда Бруни отправился въ мартѣ 1405.

4) Bruni epist. II, 5 ed. Mehus.

о вѣнкѣ въ защиту Ктезифона. Изящною передачею ея особенно гордился Бруни и ее также хвалилъ Хризолоръ въ этой латинской формѣ [1]; наконецъ третья олимпійская рѣчь. Всѣ эти переводы составили одинъ большой томъ, полное собраніе, которое Бруни принесъ въ даръ своему бывшему ученику, Николѣ Медичи [2]).

Біографіи Плутарха по своему объему и изложенію были тоже удобны для того, чтобы при переводѣ ихъ упражнять себя умственно въ часы досуга и порадовать друзей посвященіемъ. И другимъ гуманистамъ онѣ служили для той же цѣли. Бруни отдавалъ преимущество біографіямъ римлянъ, содержаніе которыхъ легче связывалось съ извѣстными ему фактами. Насколько мы знаемъ, онъ началъ съ біографіи Марка Антонія, которая была поднесена въ даръ тоже Салютато. Въ то время онъ намѣренъ былъ перевести когда нибудь всѣ эти біографіи Плутарха [3]), но были переведены лишь избранныя, сначала по видимому, Эмилій Павелъ и Гракхи, далѣе Пирръ, Серторій, посвященный имъ товарищу Антоніо Лоски, и Катонъ младшій. Демосѳенъ и Цицеронъ образовали параллель, но біографія Цицерона больше приближалась къ компиляціи, потому что Бруни прибавилъ изъ другихъ источниковъ многое, чего у Плутарха не доставало. Это свободная обработка, которая въ то время не показалась предосудительною, потому что выше всего цѣнился новый матеріалъ. Такіе труды Бруни долгое время пользовались значеніемъ благодаря изящной латыни, что доказывается множествомъ сохранившихся копій. Въ подобномъ-же духѣ былъ и отзывъ такого искуснаго латиниста, какъ кардиналъ Амманнати—Пиколомини [4]). Если отнесемъ сюда же и переводъ Ксенофонтовой книги о тиранѣ, его Гіерона, который еще былъ посвященъ Никколи, то получимъ первую группу переводовъ Бруни, которые были встрѣчены съ восторгомъ и въ первый разъ познакомили Италію съ сокровищами греческой литературы [5]).

Было несравненно труднѣе подарить латинянамъ Платона въ достойномъ его переводѣ, потому что онъ почти не соприкасался съ кру-

---

1) Bruni epist. X, 19 къ Никколи изъ Рима говоритъ объ этой работѣ: Res est summe luculenta, et Ravennati nostro (Мальпачини) valde, ut opinor, placebit, cum refertissima sit oratoriis ornamentis. Хризолоръ въ письмѣ къ Бруни отъ 29 декабря 1410 г. у Cyrillus Codd. graeci bibl. Borbon.

2) Bandini l. c. p. 192. Къ Николѣ Медичи писано и письмо Бруни epist. I, 13. См. томъ I стр. 285.

3) Zeno Diss. Voss. T. I p. 88.

4) Jacobi Piccolominei cardinalis Papiensis epist. 102. 106.

5) Часть посвященія Ксенофонтова Tyrannus Никколи есть у Bandini l. c. p. 395. Мегусъ, упомянувшій въ предисловіи къ письмамъ Бруни и о переводѣ, сдѣлавшемся ему извѣстнымъ, называетъ также traductio actus primae comediae Aristophanis, о времени и подлинности котораго я ничего не могу сказать.

гомъ понятій того человѣка, который воспитался умственно на Цицеронѣ и историкахъ. И самъ Бруни смотритъ на свою обработку Платона какъ на высшую степень возможнаго [1]). Однако первый его опытъ въ этой сферѣ относится еще къ тому времени, когда онъ только что кончилъ уроки Хризолора, т. е. къ 1400 г. Онъ еще былъ полонъ восторженнаго поклоненія Платону, вызваннаго Петраркой и перешедшаго отъ него къ Салютато и Никколи. Это было время, когда еще гуманисты, собственно говоря, совсѣмъ не знали Платона, но, слѣдуя словамъ Цицерона, обыкновенно съ пылкостью возставали противъ всякаго сомнѣнія въ возвышенности его философіи. Однажды Салютато узналъ, что гдѣ-то такое у Доминиканцевъ есть переводъ Федра и другихъ разговоровъ; онъ всячески старался достать копію, притомъ тщательно написанную и красивую, на пергаментѣ [2]). Тимея, переведеннаго Халцидіемъ, знали уже раньше, но онъ былъ рѣдокъ и его находили непонятнымъ. Старый Салютато также поставилъ своему бывшему питомцу въ священную обязанность познакомить Западъ съ Платономъ, и Бруни горячо ухватился за эту мысль, какъ за любимую задачу. Онъ намѣревался перевести всѣ сочиненія Платона, началъ съ неизвѣстнаго намъ діалога, и посвятилъ его потомъ Никколи, своему товарищу по занятіямъ, который постоянно говорилъ съ любовью о «своемъ Платонѣ». Возвышенность и изящная рѣчь философа - поэта становилась для него все яснѣе и яснѣе по мѣрѣ того, какъ онъ, въ качествѣ переводчика, заставлялъ себя обращать вниманіе на отдѣльныя мѣста и продумывать ихъ. До сихъ поръ, по его словамъ, онъ только видѣлъ Платона, а теперь полагаетъ, что познаетъ его. Бруни уяснилъ себѣ ту задачу, какая предстоитъ въ этомъ случаѣ переводчику, если онъ хочетъ удовлетворить требованіямъ образованныхъ людей своего времени. Ясность была для него первымъ условіемъ: онъ спрашивалъ себя, какъ бы выразился самъ Платонъ, если-бы писалъ по-латыни. Бруни не хотѣлъ допускать никакихъ отступленій отъ смысла, переводить слово въ слово, тамъ, гдѣ такой переводъ будетъ понятенъ, а гдѣ при этомъ условіи содержаніе останется темнымъ или не будетъ передано, тамъ онъ предпочиталъ описанія. Надобно было достичь того, чтобы Платона можно было читать безъ затрудненія, даже съ наслажденіемъ [3]).

---

1) Maiora iam ausi, говоритъ онъ въ посвященіи Федра.

2) Salutati epist. I, 3 ed. Mehus.

3) Leon. Bruni epist. I, 8 къ Никколи отъ 5 сентября (1400). Годъ я опредѣляю по упоминанію въ письмѣ о Laudatio Florentinae urbis. См. томъ I стр. 287. Слѣдовательно, и этотъ переводъ относится къ тому времени, cum recens tunc primum e scholis Graecorum exissem.

По видимому, Бруни снова принялся за Платона уже спустя нѣсколько лѣтъ. Начало, вѣроятно, было положено Федономъ, котораго онъ посвятилъ папѣ Иннокентію VII. Кромѣ того, онъ перевелъ письма Платона для Козьмы Медичи [1]), Горгія, который есть въ медицейской библіотекѣ, Критона, Апологію Сократа и, безъ сомнѣнія, напослѣдокъ, около 1421 г., Федра, котораго принесъ въ подарокъ поэту Антоніо Лоски. Но именно эта работа, какъ ни высоко онъ ставилъ ее, встрѣтила мало сочувствія; Лоренцо Медичи, братъ Козьмы, сказалъ, что онъ привыкъ къ Тускуланскимъ бесѣдамъ Цицерона, а книгу Бруни тотчасъ-же бросилъ въ сторону, какъ грубую и шероховатую; и мнѣніе Траверсари было такое-же [2]). Быть можетъ, причина заключалась въ томъ, что Бруни давно уже отказался отъ предположенія своихъ молодыхъ лѣтъ—подарить свѣту всего Платона на латинскомъ языкѣ и ограничился только упомянутыми шестью разговорами. Правда, они въ одно время были довольно распространены, но никогда не пользовались тою же славою, какъ болѣе крупныя его работы, посвященныя Аристотелю.

Извѣстно, что А р и с т о т е л ь въ средніе вѣка былъ гораздо болѣе знакомъ ученымъ, чѣмъ Платонъ. Рано были сообщены арабами его сочиненія по физикѣ, а по логикѣ и метафизикѣ Боэціемъ. Были извѣстны почти всѣ сочиненія Аристотеля, какія мы въ настоящее время знаемъ, въ латинскихъ переводахъ и изложеніяхъ, иногда даже въ нѣсколькихъ, и въ сущности этотъ «философъ», которому обязаны систематикою великіе богословы, никогда не утрачивалъ своего авторитета [3]). Но Цицеронъ хвалитъ Аристотеля какъ писателя краснорѣчиваго и изящнаго; по его словамъ, рѣчь, льется у него золотою рѣкою [4]). Понятное дѣло, что въ его сочиненіяхъ, какія были, ничего подобнаго не оказалось; поэтому заключили, что красоты утрачены благодаря переводчикамъ и излагателямъ, и послѣднихъ вообще, часто вполнѣ справедливо, обвиняли въ томъ, что они до безобразія исказили философа. Таково было еще мнѣніе Петрарки, для котораго Аристотель на греческомъ языкѣ былъ еще недоступенъ; наконецъ онъ рѣшился высказать такой взглядъ, что у Аристотеля нѣтъ и

---

1) Изъ посвященія, которое есть у Zacharias Bibl. Pistor. p. 41, видно только, что это было время политическихъ бурь.

2) Посвященіе Федра у Schio l. c. Ambros. Travers. epist. VIII, 8. 9.

3) Jourdain Recherches critiques sur l'âge et l'origine des traductions latines d'Aristote. Nouv. édit., Paris 1843.

4) De orat. I, 11. 49: Si Aristoteles, si Theophrastus, si Carneades.... eloquentes et in dicendo suaves atque ornati fuerunt. etc. Acad. pr. 38, 119: flumen orationis aureum fundens Aristoteles.

слѣдовъ краснорѣчія [1]). Съ этимъ никогда не согласился бы Бруни, который уже видѣлъ греческіе экземпляры. И онъ находилъ, что латинскій Аристотель, или то, что выдавалось за его сочиненія, нелѣпо и темно, такъ что нельзя читать. Сочиненія великаго философа, по его словамъ, потерпѣли такое превращеніе, что онъ и самъ бы не призналъ ихъ своими — острота, которая потомъ часто повторялась [2]). Но его воодушевляла мысль—возвратить ученому міру истиннаго Аристотеля, притомъ на изящномъ латинскомъ языкѣ, вмѣсто изувѣченнаго схоластиками какъ на Прокрустовомъ ложѣ,.

Вѣроятно, Бруни началъ съ перевода обѣихъ Экономикъ; онѣ посвящены Козьмѣ Медичи, но неизвѣстно въ какое время. Надъ десятью книгами Этики онъ работалъ уже около 1414 г., и онѣ были поднесены въ даръ папѣ Мартину V, избранному въ Констанцѣ [3]). Переводъ Политики тянулся много лѣтъ. Бруни былъ привлеченъ къ этому труду герцогомъ Глостерскимъ, который восторгался его Этикою. Онъ усидчиво работалъ надъ этимъ сочиненіемъ въ то время, когда Филельфо преподавалъ во Флоренціи, и, по видимому, въ нѣкоторыхъ случаяхъ обращался къ нему за совѣтомъ. Когда Филельфо оставилъ Флоренцію въ 1434 г., то работа была близка къ концу, но прошло еще три года, въ теченіе которыхъ канцлеръ республики, занятый массою дѣлъ по своей должности, просматривалъ свою рукопись, провѣряя снова каждое слово, каждое предложеніе. Наконецъ въ 1437 г. переводъ былъ конченъ и поднесенъ папѣ Евгенію IV Флавіо Бьондо. Бруни съ особенною гордостью относился къ этому труду, надъ которымъ провелъ столько ночей и столько обдумывалъ средства своего искусства. Сочиненіе это было почти неизвѣстно въ средніе вѣка, однако настолько извѣстно, что Ѳома Аквинскій воспользовался имъ для своей системы. Правда, былъ латинскій переводъ брабантца Вильгельма фонъ Мербеке, который, какъ намъ сообщаютъ, возникъ подъ вліяніемъ Ѳомы, но по видимому, былъ распространенъ лишь въ немногихъ экземплярахъ. Первый греческій текстъ, какой только былъ въ Италіи, Палла Строцца выписалъ изъ Константинополя, и по нему работалъ Бруни; быть можетъ, онъ сравнивалъ съ нимъ тотъ экземпляръ, который былъ у его пріятеля

---

1) См. томъ I стр. 78. 79.

2) Leon. Aret. Libellus de disputationum usu p. 25. Я вспоминаю, что разговоръ этотъ относится къ 1401 г., слѣдовательно задолго до переводовъ Аристотеля.

3) Первое свидѣтельство у Matthaeus Palmerius de temporibus ad an. 1414. Что Бруни перевелъ Этику въ 1416 г., какъ говорится въ одномъ кодексѣ у Bandini l. c. T. III p. 317, конечно, не можетъ относиться къ окончанію труда и его посвященію, такъ какъ Мартинъ V былъ избранъ только 11 ноября 1417 г. Изъ другаго экземпляра ibid. p. 173 мы видимъ тоже только то, что въ 1427 г. была снята копія.

Филельфо [1]). Самое произведеніе онъ цѣнилъ «какъ величественное, даже царственное», выше котораго по достоинству предмета и по авторитету писателя нѣтъ ничего въ римской литературѣ. Но онъ и въ своей передачѣ думалъ достичь того же блестящаго языка, который находилъ въ оригиналѣ [2]). За другія сочиненія Бруни уже не принимался: ему было около семидесяти лѣтъ. Однако кромѣ перевода двадцати сочиненій онъ написалъ также біографію Аристотеля. Это собственно компиляція изъ разныхъ римскихъ и греческихъ писателей.

Сначала эти переводы Бруни вызвали восторженныя похвалы. Но онѣ были преувеличены. Лишь немногіе могли оцѣнить достоинство трудовъ по сравненію съ оригиналомъ, а сотни людей восхищались яснымъ и благороднымъ языкомъ, на которомъ теперь можно было читать Аристотеля. Теперь, благодаря Бруни, были убѣждены, что узнали настоящаго Аристотеля, ходъ его идей и методу изложенія. Даже самаго переводчика называли вторымъ Аристотелемъ. Его труды быстро распространились по всей Италіи и за Альпами. Даже профессора философіи мѣстами полагали въ основу своихъ лекцій новаго Аристотеля. Такіе люди, какъ архіепископъ миланскій Антонино, мало заботившіеся о краснорѣчіи, однако цѣнили ясность слога и силу выраженія. Даже ученый грекъ позднѣйшаго времени, Андроникъ изъ Салоникъ, признававшій другихъ переводчиковъ за безсовѣстныхъ кропателей, хвалилъ вѣрность переводовъ Бруни. Альдо Мануччи старшій, издавшій въ первый разъ всѣ сочиненія Аристотеля, охотно напечаталъ бы рядомъ съ этимъ и труды Бруни, но напрасно разыскивалъ ихъ повсюду. Онъ былъ того мнѣнія, что Бруни перевелъ всего Аристотеля. Такимъ образомъ труды переводчика долго еще пользовались чуть не каноническимъ значеніемъ [3]).

Но были еще поклонники стараго, схоластическаго Аристотеля, которые старались по мѣрѣ силъ исправлять нѣкоторыя мѣста въ новомъ переводѣ. Они упрекали Бруни въ томъ, что онъ недоста-

---

[1]) Vespasiano Palla Strozzi § 1. Aristotelis Politicorum libri octo rec. Susemihl, Lips. 1872 p. VI. На нѣкоторое участіе Филельфо въ трудѣ намекаетъ Bruni epist. VI, 11.

[2]) Bruni epist. VIII, 1: Est enim opus magnificum ac plane regium. VII, 7: nichil praestantius neque utilius latina in lingua reperiri: tantus est dicendi ornatus, tantaque rerum utilissimarum doctrina. Сюда же относятся epist. VIII, 6. X, 10. Самая книга съ двумя предисловіями, изъ которыхъ одно — посвященіе папѣ Евгенію, печаталась не разъ. См. Susemihl p. XXIX.

[3]) Bruni epist. IV, 19. 22. VIII, 7. IX, 1. Franc. Barbari epist. 127 ed. Quirino p. 188. Manetti Oratio funebr. ap. Mehus in Praef. epistt. p. CI: haec Aristotelica vitio priorum interpretum corrupta atque depravata nunc primum latina effecta fuisse intelligimus etc. Facius de vir. illustr. p. 10. Raphael Volaterr. Lib. XXI. Aldus Manutius Praef. ad edit. princ. operum Aristot., Venet 1495, y Botfield Prefaces p. 203.

точно знакомъ съ философіею. Въ числѣ такихъ критиковъ назовемъ Уго Бенци изъ Сіэны, который питалъ недовѣріе къ Этикѣ, переданной Бруни, потому что въ ней слово Аристотеля τἀγαθόν передавалось не просто словомъ bonum, а двумя словами summum bonum, ошибка, на которую потомъ часто указывали и другіе. Грекъ Димитрій порицалъ Бруни за то, что во введеніи къ Этикѣ онъ похвалилъ и краснорѣчіе Аристотеля, и утверждалъ, что этотъ философъ былъ вовсе не краснорѣчивъ, да и не заботился о краснорѣчіи. Ученый юристъ и извѣстный писатель, Альфонсо де С.-Марія изъ Картагены, впослѣдствіи епископъ бургосскій, смотрѣлъ на новый переводъ какъ на нѣчто въ родѣ ереси, желалъ удержать греческія слова, оставшіяся непереведенными въ старой обработкѣ, и во что бы то ни стало согласить ученіе Аристотеля съ требованіями христіанской морали. Онъ отнесся также подозрительно и къ вѣрности перевода Бруни, хотя не имѣлъ ни малѣйшаго понятія ни о греческомъ языкѣ, ни о тѣхъ задачахъ, какія долженъ имѣть въ виду переводчикъ. Эти нападки глубоко оскорбляли Бруни, но о нихъ вскорѣ всѣ забыли [1]).

Гораздо бóльшую цѣну имѣетъ отзывъ новаго филолога, сравнивавшаго Политику, переведенную Бруни, съ подлинникомъ. При этомъ оказывается, что и точность перевода далеко не заслуживаетъ той похвалы, какой онъ самъ его удостоивалъ. Переводчикъ часто жертвуетъ отдѣльными словами общему смыслу больше, чѣмъ слѣдуетъ, и часто поступаетъ при этомъ съ замѣчательною небрежностью. Онъ позволяетъ себѣ описанія, въ которыхъ едва можно узнать подлинныя выраженія оригинала, или произвольно сокращаетъ текстъ. Выраженія, которыя онъ понималъ не вполнѣ ясно, или которыя казались ему неумѣстными, онъ просто пропускалъ. Однимъ словомъ, будучи переводчикомъ, онъ свободно распоряжался матеріаломъ какъ самостоятельный писатель [2]).

Подобнымъ же образомъ часто обсуждались и переводы позднѣйшихъ гуманистовъ, даже постоянно, какъ только какой-нибудь новый ученый прилагалъ къ нимъ мѣрку своего знанія языка, или взглядъ на задачу переводчика. Но, подобно Бруни, послужившему образцомъ для многихъ послѣдующихъ переводчиковъ, они пользовались при работахъ своихъ далеко не тѣми средствами, какъ филологи новѣйшаго времени для другаго круга читателей и для иныхъ цѣлей. Часто имъ приходилось довольствоваться тою рукописью, какая находилась подъ рукою, будь она хороша, или плоха, и развѣ иногда они доставали у пріятелей другую для сравненія! А гдѣ можно было достать грамма-

---

1) Bruni epist. IV, 22. V, 1. VII, 4. 7. IX, 11. X, 24. 26. Vespasiano Comment. di Manetti p. 98.

2) Susemihl l. c. p. XXX.

тику, чтобы навести справку на счетъ рѣдко встрѣчающейся формы или конструкціи, также словарь, весьма нужный? Можно было справиться у какого-нибудь грека, но греки уже сами не особенно хорошо знали языкъ древнихъ классиковъ. Что же было дѣлать съ пропусками, съ непонятными мѣстами? Эти ученые писали, разумѣется, не для ученыхъ филологовъ, которымъ нуженъ былъ для провѣрки и для критики латинскій текстъ. Они писали для дилеттантовъ, желавшихъ читать и учиться, желавшихъ имѣть новый матеріалъ и требовавшихъ яснаго, легкаго и красиваго слога. Имъ нельзя было давать греческаго писателя со всѣми его трудностями и неясностями, текстъ котораго былъ испорченъ; онъ долженъ былъ явиться красивымъ подаркомъ для латинскаго міра, достойнымъ имени гелленовъ. Не изъ научныхъ соображеній, а ради насущной цѣли Бруни и позднѣйшіе переводчики смѣло жертвовали филологическою точностью. Если работа была сколько-нибудь добросовѣстна, то авторъ гордился своимъ трудомъ, а читатель относился къ нему съ благодарностью. Особенною же заслугою считалось со стороны переводчика, если онъ передавалъ греческаго философа и историка съ тѣми пріемами римскаго краснорѣчія, красоты котораго естественнымъ образомъ предполагались и въ оригиналѣ. Такіе переводы были «подаркомъ для латинянъ».

Съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ смотрѣть и на тѣ странныя для насъ вольности въ своихъ трудахъ, которыя дозволялъ себѣ Бруни въ позднѣйшіе годы. Онъ почти не находилъ различія между изложеніемъ и переводомъ и ставилъ свое имя, а не имя древняго писателя подъ довольно свободно обработаннымъ сочиненіемъ. Онъ на этотъ путь уже въ біографіи Цицерона вступилъ. Свои Записки о греческой исторіи онъ посвятилъ рыцарю Анджело Акчіайоли, какъ самостоятельный трудъ, не упоминая имени Ксенофонта, хотя заимствовалъ все изъ его греческой исторіи (Hellenica). Такъ же точно и его Записки о второй пунической войнѣ были собственно передѣлкою Поливія, хотя на такое происхожденіе ихъ не обратили вниманія при многочисленныхъ копіяхъ и перепечаткахъ, безъ сомнѣнія, и въ посвятительномъ экземплярѣ Бруни. О тайнѣ или обманѣ тутъ не можетъ быть рѣчи; уже Траверсари зналъ, въ чемъ дѣло, когда Бруни принялся за работу [1]). Не иначе, разумѣется, поступилъ Бруни и съ 4 книгами о войнѣ итальянцевъ съ готами, которыя уже въ 1441 г. посвятилъ кардиналу Чезарини. Онѣ навлекли на него прямо обвиненіе въ литературной кражѣ. Эти тоже не больше, какъ обработка Прокопія, но Бруни нигдѣ не называлъ имени этого автора. Первый, кто обнаружилъ

---

[1]) Ambros. Travers. epist. VI, 14 къ Барбаро: Leonardus Aretinus commentaria Scribere de primo bello Punico et Polybio coepit, opus, ut audio, egregium etc.

это, былъ Флавіо Бьондо, когда писалъ свою всемірную исторію; это случилось еще при жизни Бруни. Для своихъ цѣлей Бьондо внушилъ мысль о переводѣ Прокопія, который и былъ сдѣланъ, вѣроятно, молодымъ римляниномъ Кристофоро Персона, и къ своему крайнему изумленію нашелъ, что все это уже есть въ сочиненіи Бруни [1]). Но и самъ Бруни не признаетъ за собой другой заслуги, кромѣ свободной обработки Прокопія; онъ указываетъ на цѣль и говоритъ о своемъ отношеніи къ ней, именно что онъ поступалъ точно такъ же, какъ напр. Ливій съ Валеріемъ Анціемъ или Поливіемъ [2]). Если онъ не называетъ Прокопія, то можно допустить и то, что и въ греческой рукописи не было упомянуто его имени. Именно такая форма обработки дала Бруни возможность свободно обнаружить свой талантъ по части компиляціи, приведенія матеріала въ порядокъ и стилистическаго изложенія и избѣжать тѣхъ притязаній и оковъ, которыя стѣсняютъ переводчика.

Флорентинскіе друзья, насколько они знали по-гречески, слѣдовали примѣру Бруни, даже нѣкоторые изъ старшихъ лѣтами, бывшіе учениками Хризолора, принялись за трудъ въ качествѣ его сподвижниковъ. Роберто де Росси, старый, богатый поклонникъ музъ, бывшій во многихъ отношеніяхъ образцомъ для юныхъ аристократовъ, вознамѣрился употребить свое знакомство съ греческимъ языкомъ и искусство писать по латыни на переводъ сочиненій Аристотеля. Но его труды не были приготовлены къ изданію, а потому не указаны и въ каталогахъ рукописей [3]). Напротивъ Космографія Птоломея, которую перевелъ его другъ Джіакомо д'Анджело да Скарпаріа, слѣдуя по стопамъ своего наставника Хризолора, была дѣйствительно кончена, въ 1410 г., посвящена папѣ Александру V и нѣсколько разъ напечатана [4]). Онъ перевелъ также нѣсколько Плутарховых біогра-

---

[1]) Blondus Histor. Dec. I lib. IV in princ.: ad principium finemque nihil plus habet quam Procopius. Кромѣ перевода Прокопія, сдѣланнаго Христофоро Персона (род. 1410 г.), о которомъ упоминаетъ Paulus Jovius Elogia doctor. viror. 9. 16, неизвѣстно другаго, къ которому могли бы относиться слова Бьондо.

[2]) Bruni epist. IX, 5 ed. Mehus, также въ Epistolae Principum, Amst. 1644 p. 392, къ Чиріако анконскому отъ 31 августа (1441 г.): Est autem haec non translatio, sed opus, a me compositum, quemadmodum Livius a Valerio Antiate vel a Polybio Megalopolitano sumpsit et arbitratu suo disposuit. Epist. IX, 9 онъ говоритъ, что писалъ non ut interpes sed ut genitor et auctor. Что и Чиріако не зналъ о Прокопіи, это видно изъ его такъ наз. Itinerarium ed. Mehus p. 9 и 47: слово nuper (недавно) показываетъ, въ какомъ году написано упомянутое выше письмо Бруни.

[3]) И изъ посвященія Плутархова Фламинина Гварино у Bandini Catal. codd. lat. bibl. Laurent. T. II p. 738 видно только, что отъ Росси ожидали такихъ работъ, но Гварино не видалъ ихъ. О Росси см. томъ I стр. 258. 269.

[4]) Bandini l. c. p. 67. Valentinelli Bibl. ms. ad. S. Marci Venez. T. VI p. 5. О немъ см. томъ I стр. 211. 212. и выше стр. Didot Alde Manuce p. XXXIII зналъ четыре печатныхъ оттиска этой книги.

фій, но онѣ не имѣли значенія, хотя Гварино занимался ихъ просмотромъ и исправленіемъ; слогъ ихъ находили слишкомъ тяжелымъ и сухимъ [1]).

Камальдулъ Траверсари, который тоже принадлежитъ къ числу флорентинскихъ учениковъ Хризолора, больше занимался церковными писателями. Онъ перевелъ разныя сочиненія св. Василія и Іоанна Златоуста, жизнеописаніе послѣдняго, написанное Палладіемъ, также жизнеописаніе Григорія Назіанзина, написанное пресвитеромъ Григоріемъ, проповѣди Ефрема Сирина и т. п. Потомъ онъ перевелъ всѣ сочиненія Діонисія Ареопагита; еще Паоло Джовіо хвалилъ то необычайное краснорѣчіе, съ которымъ онъ перевелъ его сочиненіе о небесной іерархіи [2]). Это была особая область, въ которой у Траверсари нашлось мало сотрудниковъ и послѣдователей, но далеко не мало читателей, какъ позволяетъ заключить множество копій. Любители греческаго языка были рѣдко любителями и церковной литературы, а греческіе богословы съ своей стороны рѣдко владѣли латинскою рѣчью. Поэтому и литературная извѣстность Траверсари главнымъ образомъ основывалась на этихъ переводахъ. Мы уже выше говорили о томъ, какъ онъ старался примириться съ своей совѣстью, переводя свѣтскія сочиненія; именно онъ перевелъ Діогена изъ Лаэрты и издалъ съ посвященіемъ Козьмѣ Медичи. Когда Филельфо много лѣтъ спустя сталъ изучать эту книгу, то онъ нашелъ «почти несчетное количество» ошибокъ и призналъ этотъ трудъ искаженнымъ и нелѣпымъ. Не былъ ли подобный отзывъ еще отголоскомъ его прежней злобы, затаенной со времени флорентинской борьбы [3])?

Быть можетъ, всего яснѣе можно видѣть характеръ и притязанія переводнаго искусства флорентинцевъ въ трудахъ Поджіо. Онъ уже въ зрѣломъ возрастѣ началъ заниматься греческимъ языкомъ, и Ринуччи нѣсколько посвятилъ его въ чтеніе греческихъ классиковъ, а кромѣ него въ болѣе трудныхъ случаяхъ онъ прибѣгалъ только развѣ къ помощи Георгія Трапезунтскаго. Но до основательнаго пониманія греческихъ писателей онъ не дошелъ. Тѣмъ больше ему нужно

---

1) Bandini l. c. p. 746. Minciotti Catalogo dei codici di Padova p. 21. Jacobi Piccolomi nei epist. 107: Guarinus et qui prior laborem hunc novit, Jacobus Angeli in suis traductionibus duri.... ac etiam parum limati.

2) Jovius Elogia doctor. viror. 11. Epistolae nuncupatoriae въ переводахъ Траверсари напечатаны въ собраніи его писемъ lib. XXIII rec. Canneto и писаны большею частію къ папамъ и кардиналамъ. Рѣдко упоминаемыя Opera Dionisii Areopagitae есть напр. въ Catal. codd. lat. bibl. Monac. T. II P. II p. 127.

3) См. томъ I стр. 297. 327. Письмо Филельфо къ Донато Аччіаойли отъ 15 іюля 1461 г.

было прибѣгать къ помощи своего легкаго и красиваго латинскаго слога при переводѣ Киропедіи, которую онъ въ 1447 г. поднесъ въ подарокъ королю Альфонсу. Поджіо такъ смѣло и произвольно пользовался тою свободою, которую умѣренно дозволялъ себѣ Бруни въ переводахъ, что изъ шести книгъ Ксенофонта сдѣлалъ восемь и, вовсе не заботясь о буквальной передачѣ каждой фразы, старался удержать только общій смыслъ. Такимъ способомъ онъ такъ видоизмѣнилъ Киропедію, какъ, по его мнѣнію, могъ-бы написать ее развѣ только римлянинъ. Переводчикъ былъ весьма доволенъ, когда такіе друзья, какъ Марсуппини, хвалили его методу и краснорѣчіе, которыми онъ улучшилъ Ксенофонта. Его ни мало не занимала мысль о томъ, сохранилъ ли при этомъ писатель свою оригинальность; любопытно, что и другіе не обращали на это вниманія, насколько мы знаемъ. Если Валла невыгодно отзывался о книгѣ, то это приписывали его личной враждѣ [1]). Юный Лапо да Кастильонскій пользовался покровительствомъ Траверсари и своихъ флорентинскихъ друзей, а греческому языку учился у Филельфо. Онъ перевелъ множество небольшихъ сочиненій Лукіана и Ксенофонта, но, что важнѣе, 13 біографій Плутарха очень красивымъ латинскимъ языкомъ, такъ что ему предсказывали блестящую будущность на литературномъ поприщѣ, чему помѣшала лишь его преждевременная смерть. Такъ какъ Кастильонкіо былъ человѣкъ бѣдный, то эти мелкія работы давали ему случай многочисленными посвященіями зарекомендовать себя высокимъ покровителямъ, въ числѣ которыхъ мы находимъ папу Евгенія IV, Козьму Медичи, кардиналовъ Вителлески, Чезарини, Орсини и герцога Глостерскаго [2]).

Всѣ другія переводныя работы, какія были сдѣланы раньше папы Николая V, или находятся въ связи съ именемъ Хризолора и стремленіями флорентинскихъ гуманистовъ, или не больше, какъ отдѣльныя явленія, которыя стоятъ внѣ обширныхъ литературныхъ общеній. Такъ Уберто Дечембріо былъ еще непосредственнымъ ученикомъ Хризолора, и когда онъ принялся за обработку Платоновой республики, которую наставникъ его перевелъ слово въ слово, то на это можно смотрѣть какъ на плодъ почтительнаго уваженія къ памяти

---

[1]) См. томъ I стр. 310. Посвященіе королю Альфонсу у Saxius p. 126. Poggius epist. IX, 23. 26. 27. Онъ говоритъ прямо: Sed neque derogo labori meo, qui non sensim, ut multi, auctorem sum secutus, sed historiam scripserim, ut absque fastidio legi queat. Письмо Гварино къ нему—отъ 1 августа (1448 г.) у Shepherd Vita di Poggio trud. Tonell. T. II num. XX.

[2]) См. томъ I стр. 338 и выше стр. 32. 33. Тринадцать біографій Плутарха упоминаетъ Bocchius Elogia ed. Galletti p. 15, но по Bandini Catal. codd. lat. bibl. Laurent. T. II p. 741. 742. T. III p. 359 мы можемъ указать только на десять. Ambros. Travers. epist. XIII, 2. XXV, 36.

покойнаго. Но эту работу кончилъ уже сынъ его, Пьеръ Кандидо, и приготовилъ рукопись къ изданію. Правда, онъ не заслужилъ похвалъ, и его книга не была распространена, что объясняется самымъ ея происхожденіемъ; Пьеру Кандидо привелось защищать ее отъ одного соперника, котораго трудъ тоже не удостоился чести. Мы уже говорили о томъ, что Агапито Ченчи, римскій ученикъ Хризолора, на досугѣ въ Констанцѣ перевелъ небольшой трудъ оратора Аристида. Но онъ никогда не брался за болѣе крупныя работы въ этомъ родѣ. И Пьеръ Паоло Верджеріо проникся во Флоренціи любовью къ гуманистическимъ наукамъ и пользовался тамъ уроками Хризолора. Арріанъ, переведенный имъ, никогда не пользовался значеніемъ, но замѣчательна судьба этой книги. Верджеріо посвятилъ ее императору Сигизмунду (Люцельбургскому), и вмѣстѣ съ нимъ она совершила путешествіе въ далекую Венгрію. Потомъ она попала въ руки Энея Сильвія Пикколомини, который въ 1454 г. подарилъ ее королю Неаполитанскому Альфонсу [2]). Подвиги Александра Македонскаго возбудили въ послѣднемъ сильное любопытство. Но когда начали читать эту книгу въ присутствіи придворныхъ ученыхъ, то нашли слогъ столь неловкимъ и непріятнымъ, что Пикколомини долженъ былъ извиняться, передъ каждымъ говоря, что переводчикъ примѣнялся къ вкусу императора варвара. Альфонсъ поручилъ Бартоломео Фаціо просмотрѣть переводъ и исправить слогъ, чтобъ онъ былъ достоинъ великаго македонянина и королевскаго вниманія. По видимому, Фаціо зналъ плохо греческій языкъ. Но это не смутило его; онъ рѣшился дать только приличную форму изложенію. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ совѣтовался съ другими лицами, Никколо Сагундино и Ѳедоромъ изъ Ѳессалоникъ, или пропускалъ то, что ему было непонятно, дѣлалъ прибавки и измѣненія, гдѣ находилъ это нужнымъ. Короче, онъ поступилъ съ Арріаномъ, выражаясь словами одного озлобленнаго позднѣйшаго издателя этого автора, какъ оселъ, если принять во вниманіе нелѣпости перевода, и какъ разбойникъ, по отношенію къ безстыдному произволу. Однако Арріана долго еще читали въ этомъ «весьма пріятномъ переводѣ» и даже печатали [3]). Если бы основательнѣе изучить сочиненія, написанныя для

---

1) См. томъ I стр. 458. О переводѣ Антоніо Кассарино изъ Палерно, нигдѣ не указанномъ въ каталогѣ рукописей, см. Mongitore Bibl. Sicula T. I p. 58 и Saxius Historia lit. typ. Mediol. p. 225. Этотъ Кассарино, какъ сообщаютъ, десять лѣтъ преподавалъ реторику въ Византіи и погибъ въ Генуѣ во время бунта въ 1444 г.

2) Письма Энея Сильвія къ королю и Беккаделли отъ 27 и 29 января и къ послѣднему отъ 29 іюня 1454 г. въ Cod. ms. 3389 вѣнской придворной библіотеки.

3) Facius de viris ill. p. 8 e Mehus B. Facii Scripta передъ изданіемъ этого труда p. XXXXIV sq., большею частію по письму его современника Діаконо Курло.

государей и меценатовъ, то, вѣроятно, подобнаго рода работъ оказалось бы не мало.

Гварино, не только ученикъ Хризолора, но и продолжатель его школы на западѣ, всегда придавалъ большое значеніе переводамъ, какъ упражненіямъ въ обоихъ языкахъ и средству къ обогащенію латинской литературы. Однако самъ онъ ограничивался лишь небольшими и болѣе легкими сочиненіями до тѣхъ поръ, пока не получилъ предложенія отъ папы Николая V. За болѣе крупныя сочиненія онъ не могъ приняться въ силу своей преподавательской дѣятельности, а за Аристотеля и Платона также и по недостаточной философской подготовкѣ. Мало по малу—такъ какъ онъ рано началъ свою дѣятельность—онъ перевелъ по крайней мѣрѣ десять біографій Плутарха, нѣкоторыя изъ его небольшихъ разсужденій, а главнымъ образомъ свое любимое сочиненіе о воспитаніи дѣтей, также нѣкоторыя сочиненія Лукіана, Исократа и св. Василія [1]). Постоянною темою посвященій была похвала Хризолору, какъ отцу и возстановителю этихъ занятій. Переводы Гварино считались точными и заслуживающими довѣрія, но мы видѣли также, что кардиналъ Амманнати ставилъ его педантскій и лишенный гибкости слогъ наравнѣ съ слогомъ Джіакомо да Скарпаріа. Въ греческой школѣ Гварино переводъ считался образцовою работою развитаго питомца. Такимъ образомъ Леонардо Джустиніани въ первый разъ перевелъ Плутархова Кимона, при посылкѣ котораго Гварино послѣднему тотчасъ же пришло на мысль, какъ бы порадовалъ этотъ трудъ Хризолора, если бы онъ дожилъ до того времени. Потомъ онъ перевелъ по внушенію своего учителя біографію Лукулла и наконецъ, будучи уже судьею въ Фріулѣ, среди дѣлъ республики—біографію Фокіона [2]). Въ позднѣйшіе годы дѣла общественныя поглощали всю его дѣятельность, и ему пришлось проститься если не съ музами, то съ греческими любимцами своей юности. Тоже слѣдуетъ сказать и о Франческо Барбаро, самомъ способномъ ученикѣ Гварино. Едва достигши 17-ти лѣтняго возраста, онъ перевелъ изъ Плутарха біографіи Аристида и Катона, но не подарилъ другихъ литературныхъ трудовъ въ этомъ родѣ [3]). Такимъ образомъ изъ греческихъ писателей первымъ на западѣ

---

[1]) Девять Плутарховыхъ біографій собраны въ кодексѣ, написанномъ въ 1445, у Bandini l. c. T. II p. 740. Къ этому присоединился Лизандръ, котораго онъ посвятилъ Ліонелло д'Эсте ко дню бракосочетанія ibid. p. 745. Θемистоклъ (ibid. 739) былъ посвященъ Карло Зено еще въ 1415 г. Письмо Гварино къ Никколи у Mittarelli Bibl. codd. ms. S. Mich. Venet. p. 479. Замѣчателенъ переводъ Фокіона (ibid. p. 489), такъ какъ Гварино поощрялъ къ этой работѣ и Леонардо Джустиніани. Rosmini Vita di Guarino vol. II p. 4. 129. Giuliari Della lett. Veron. p. 288.

[2]) Mittarelli l. c. p. 490. Agostini Scritt. Viniz. T. I p. 142. Bandini l. c. T. II p. 746. См. томъ I стр. 383.

[3]) См. томъ I стр. 385.

сталъ знакомъ Плутархъ, надъ которымъ могли трудиться многіе переводчики, и изъ разныхъ переводовъ составился сборникъ [1]). Янусъ Панноніусъ, извѣстный ученикъ Гварино, выдержалъ испытаніе, переведши нѣкоторыя нравственныя сочиненія Плутарха и одну рѣчь Демосѳена [2]). Отнесемъ сюда же и Оньибене да Лониго, хотя онъ учился у Витторино да Фельтре: онъ еще юношею перевелъ басни Эзопа и посвятилъ ихъ маркграфу мантуанскому Джіанъ-Франческо [3]).

Мы уже выше говорили о томъ, что Ауриспа былъ близокъ къ флорентинскимъ кружкамъ и даже нѣкоторое время совсѣмъ принадлежалъ Флоренціи. Какъ хорошій знатокъ греческаго языка, притомъ умѣвшій красиво писать по латыни, онъ могъ бы, подобно Бруни, обогатить латинскую литературу переводами. Но намъ извѣстна и его лѣность. Лишь случайно перевелъ онъ одно небольшое сочиненіе, Лукіанова Харона, споръ между Александромъ Великимъ, Аннибаломъ и Сципіономъ въ царствѣ мертвыхъ, Скафидіонъ, рѣчь софиста Филиска и Гіерокла, котораго посвятилъ папѣ Николаю V. Послѣднему онъ посвятилъ одинъ переводъ еще раньше его восшествія на папскій престолъ. Однако именно эти небольшія сочиненія, выбранныя съ тактомъ, особенно разговоры Лукіана, привлекали читателей. Это доказывается тѣмъ, что они часто встрѣчаются въ рукописныхъ сборникахъ [4]).

Извѣстно, что Филельфо сдѣлалъ нѣкоторые изъ самыхъ раннихъ своихъ переводовъ во Флоренціи, напр. рѣчи Лизія и Реторики Аристотеля. Потомъ во всю свою жизнь онъ постоянно и дѣятельно трудился на этомъ поприщѣ, такъ какъ при переводахъ небольшихъ сочиненій Плутарха и Ксенофонта, также нѣкоторыхъ рѣчей аѳинскихъ ораторовъ представлялся самый удобный случай почтить посвященіемъ того или другаго мецената. Его труды читались съ большою охотою, однако ихъ не такъ хвалили впослѣдствіи греки, которые могли основательно судить о подобныхъ вещахъ [5]).

---

1) Подобный сборникъ разсматривается въ Giornale Stor. degli archivi Toscani vol. VII p. 135. 136.

2) Въ Jani Pannonii Opusc. P. II.

3) Mittarelli l. c. p. 667. Ср. томъ I, стр. 393.

4) Cf. Tabulae codd. ms. bibl. Vindob. vol. I p. 103. VII p. 174. О Гіероклѣ см. выше стр. 74 прим. 2.

5) Относительно нѣкоторыхъ трудно опредѣлить время появленія. Но рѣчь Лизія помѣчена въ одномъ вѣнскомъ кодексѣ (Tabulae vol. I p. 35) 9 августа 1429 г., реторика отъ 1 апрѣля 1430, обѣ изъ Флоренціи. И надгробная рѣчь Лизія въ томъ кодексѣ принадлежитъ, конечно, перу Филельфо, но въ такомъ случаѣ годъ 1424 совсѣмъ не вѣренъ, потому что Филельфо пріѣхалъ во Флоренцію только въ апрѣлѣ 1429 г.

Самостоятельное положеніе между переводчиками занимаетъ Валла, который и на этомъ поприщѣ не хотѣлъ идти торною дорогою. Онъ очень хорошо зналъ, чему научился по-гречески у упрямаго Ринуччи, который и самъ былъ небольшой гелленистъ, зналъ также, что онъ не принадлежитъ къ числу основательныхъ знатоковъ этого языка. Валла видѣлъ въ переводахъ упражненіе ума, который такимъ образомъ лучше усвоиваетъ себѣ путемъ сравненія духъ и строй обоихъ языковъ. Онъ началъ скромно съ басень Эзопа, которыя почти въ то же время перевелъ и Оньибене, а послѣ Валлы его наставникъ Ринуччи. Потомъ онъ принялся за рѣчь Демосѳена о вѣнкѣ, хотя хорошо зналъ и высоко цѣнилъ переводъ ея, сдѣланный Бруни. Но его подстрекало къ труду именно это соперничество: Валла хотѣлъ доказать, что хорошо сказанное другими можно сказать еще разъ хорошо, даже надѣялся передать Демосѳена гораздо лучше, настоящимъ латинскимъ языкомъ [1]). Намъ вскорѣ придется говорить объ его переводѣ Иліады и о тѣхъ историческихъ трудахъ, которые поручалъ ему папа Николай V, а объ его исправленіяхъ текста Вульгаты говорилось уже раньше.

Если обозрѣть все, что сдѣлано до сихъ поръ по части переводной литературы раньше Николая V, то мы увидимъ, что все это дѣлалось случайно, безъ всякой системы. Ни одинъ изъ великихъ писателей древней Эллады не былъ переведенъ цѣликомъ на латинскій языкъ. Кромѣ Бруни большая часть литераторовъ, посвящавшихъ себя этому дѣлу, пробовали свои силы на небольшихъ сочиненіяхъ. За поэтовъ еще не осмѣливались браться. Но сколько еще прозаиковъ остались совсѣмъ нетронутыми! На эту-то область и обратилъ теперь вниманіе папа. Воспитавшись въ флорентинскихъ кружкахъ, средоточіемъ которыхъ былъ когда-то Никколи, онъ слѣдовалъ за каждымъ литературнымъ стремленіемъ, о которомъ узнавалъ тамъ, съ пылкою поспѣшностью, но въ то же время съ величайшею самоувѣренностью. Ему, какъ переводчики, особенно нравились Бруни и Траверсари, которые оба умерли. Веспасіано однажды слышалъ отъ него, что онъ понимаетъ духовныхъ писателей въ переводѣ Траверсари лучше, чѣмъ другіе поняли бы ихъ при помощи безконечныхъ толкованій [2]). Конечною цѣлью Николая V, очевидно, было—вмѣстить въ свое

Перечень его переводовъ, сдѣланный имъ самимъ въ Indogini S. libreria, Visc. Sforz. Append. alla Parte I p. 10.

[1]) Est. enim relinquendus character ipse graecus, excogitandus novus, pariendae figurae, numeris omnino serviendum etc. Рѣчь въ Vallae Opuscula tria ed. Vahlen III, s. 138; также I s. 15—18. II S. 357. 435. 439.

[2]) Vespasiano Nicola V papa § 26.

книгохранилище всю греческую литературу, насколько это дозволяли наличныя силы переводчиковъ, въ хорошихъ латинскихъ переводахъ. Поэтому его придворные литераторы и другіе, которыхъ можно было найти для этого въ Италіи, всѣ, кто только зналъ по гречески и умѣлъ хорошо писать по латыни, должны были доставлять ему подобныя работы. Самъ онъ любилъ чтеніе и читалъ очень много, но не могъ прочесть всего, что для него писалось, поэтому довольствовался благороднымъ наслажденіемъ собиранія и увеличенія своихъ сокровищъ. Папа самъ раздавалъ работы, часто съ искуснымъ выборомъ, также по совѣту свѣдущаго Тортелло, а иногда по любви къ писателю и по минутному настроенію. Награждалъ онъ щедро, бóльшею частію изъ собственныхъ рукъ и съ веселымъ видомъ.

Теперь мы укажемъ на болѣе выдающіеся плоды дѣятельности переводчиковъ при этомъ папѣ, но не по именамъ переводчиковъ, а по отдѣламъ, къ которымъ папа-собиратель чувствовалъ болѣе сильное влеченіе.

По части Аристотеля приходилось еще много работать и послѣ Бруни. Но папа былъ, по видимому, того мнѣнія, что эта работа наиболѣе свойственна природнымъ грекамъ. Мы имѣемъ положительное свидѣтельство въ пользу того, что надѣялись современемъ имѣть полное собраніе сочиненій Аристотеля въ латинскомъ переводѣ [1]). Но папа могъ располагать лишь скромнымъ запасомъ силъ, и вскорѣ оказалось, что ихъ далеко недостаточно для осуществленія такого обширнаго предпріятія. Георгій Трапезунтскій началъ съ перевода болѣе обширной реторики, къ чему онъ былъ, по видимому, наиболѣе способенъ, потому что самъ уже написалъ руководство къ этой наукѣ. Затѣмъ въ скоромъ времени вышелъ переводъ сочиненія о животныхъ. Мы знаемъ, что этотъ грекъ перевелъ для папы и нѣкоторые другіе трактаты философа, но знаемъ и то, что своею недобросовѣстностію навлекъ на себя его гнѣвъ. Соблазнившись милостивымъ расположеніемъ папы, онъ сдѣлался чисто наемнымъ рабочимъ, который позорно злоупотреблялъ своими талантами, чтобы полегче и поскорѣе зарабатывать деньги [2]). Хотя онъ уже и въ то же время лишился всякаго занятія, какъ переводчикъ, однако впослѣдствіи перевелъ много другихъ сочиненій Аристотеля, которыя однако не находили признательныхъ меценатовъ, не читались и остались ненапечатанными въ немногихъ экземплярахъ.

---

1) Виссаріонъ говоритъ въ посвященіи метафизики, что онъ сдѣлалъ воззваніе къ знатокамъ обоихъ языковъ, ut omnes fere Aristotelis libros denuo in latinam verterent orationem.

2) См. выше стр. 124 сля.

Соперникъ его, Θедоръ Газскій, человѣкъ гораздо болѣе достойный уваженія, умѣлъ на долгое время заручиться и расположеніемъ папы. Съ его собственнаго греческаго экземпляра онъ перевелъ въ первый разъ механическія задачи,—трудъ, который уже въ то время сильно хвалилъ его покровитель Виссаріонъ [1]. Потомъ онъ перевелъ книгу о животныхъ, вслѣдствіе чего подобная же работа Георгія Трапезунтскаго стала лишнею; это возбудило его непримиримую ненависть [2]. Обѣ эти работы долгое время пользовались необычайною славою. Паоло Джіовіо считалъ ихъ истинными пріобрѣтеніями для латинскаго языка, потому что Θедоръ весьма искусно образовалъ новыя слова; вообще онъ находилъ, что этотъ переводчикъ пишетъ болѣе чистою латынью, чѣмъ кто либо другой [3]. Впрочемъ Джіовіо былъ не гелленистъ. Когда Юлій Цезарь Скалигеръ сравнилъ переводъ Θедора Газскаго съ подлинникомъ, то нашелъ въ первомъ много недостатковъ, а въ особенности ему казалось неумѣстнымъ то, что Θедоръ Газскій заставилъ говорить Аристотеля искусственно украшеннымъ языкомъ, въ чемъ послѣдній не нуждается, что онъ старался превзойти въ этомъ отношеніи самаго Аристотеля [4]. Еще былъ бы страннѣе тотъ фактъ, приводимый Анджело Полиціано, если бы онъ подтвердился, что хотя переводчикъ въ предисловіи къ исторіи животныхъ довольно презрительно смѣется надъ Георгіемъ Трапезунтскимъ, но сильно пользовался его трудомъ [5]. Не передалъ ли папа, какъ это въ то время часто бывало, Θедору Газскому небрежную работу его предшественника для пересмотра и исправленія?

Третьимъ переводчикомъ, трудившимся надъ Аристотелемъ, былъ Грегоріо да Читта да Кастелло (Тиферна, какъ его обыкновенно называютъ): онъ перевелъ Этику, обращенную къ Никомаху, и другую къ Эвдему, обѣ съ одного экземпляра, притомъ плохаго [6]. Но его переводы, при трудахъ Бруни не пользовались значеніемъ, какъ и вообще самая личность его мало выдается. Кар-

---

1) О греческомъ кодексѣ, равно какъ и о самой работѣ упоминаетъ Poggius epist. XII, 1. Письмо Виссаріона къ Θедору Газскому см. въ его Opp. ed. Migne p. 686.

2) Впослѣдствіи онъ снова просмотрѣлъ и исправилъ эту книгу передъ посвященіемъ папѣ Сиксту IV.

3) Elogia doctor. viror. 26.

4) Visus est. barbaris quibusdam, qui temere verborum tumultum quaeritant, etiam, si deo placet, Aristotelem ipsum dicendo superasse. Оцѣнка у Baehr въ Allg. Encykl. s. v. Gaza.

5) Ang. Politiani Epist. lib. XII et Miscell., Antverp. 1567, p. 631. Теперь лишь издатель этой книги могъ бы изслѣдовать этотъ вопросъ.

6) Bandini Catal. codd. lat. T. III p. 175. Кромѣ этого ничего неизвѣстно о множествѣ писемъ, рѣчей и стиховъ, которые записалъ этотъ Грегоріо по словамъ Jac. phil. Bergomas Suppl. Chron. 284.

диналъ Виссаріонъ пополнилъ собраніе сочиненій Аристотеля инымъ путемъ, взявъ на себя переводъ 14 книгъ метафизики. Странное явленіе, служащее доказательствомъ его затаенной зависти! Онъ принесъ въ даръ свой трудъ не папѣ, а королю Неаполитанскому Альфонсу. Онъ считался не изящнымъ, но вѣрнымъ, показывавшимъ философскую ученость автора [1]). Переводъ обѣихъ Этикъ, надъ которымъ впослѣдствіи трудился Манетти въ Неаполѣ, былъ конченъ уже послѣ смерти папы Николая и никогда не появлялся въ свѣтъ, какъ и бо́льшая часть его сочиненій [2]). Кромѣ трудовъ Ѳеодора Газскаго папа имѣлъ мало успѣха въ своемъ стремленіи имѣть переводы сочиненій Аристотеля. Труды, заказанные имъ, вскорѣ были оттѣснены на задній планъ трудами Аргиропуло, который хотя и не считался особеннымъ знатокомъ реторики, какъ Ѳедоръ Газскій и Георгій Трапезунтскій, за то далеко оставлялъ за собою обоихъ своимъ основательнымъ пониманіемъ философіи, какъ ученый перипатетикъ. Даже соперникъ Аргиропуло, Ѳедоръ Газскій, считалъ его переводы выше своихъ собственныхъ. Почти всѣ они посвящены Козьмѣ Медичи или его сыну Пьеро и возникли въ связи съ тѣми лекціями, которыя Аргиропуло читалъ въ флорентинскомъ университетѣ, а не какъ заказная работа, которой Козьма вообще не любилъ. Но папа едва ли дожилъ до этого времени [3]).

Такимъ образомъ Римъ и Флоренція получили всѣ главныя сочиненія Аристотеля въ такой формѣ, въ основу которой былъ положенъ истинный Аристотель, свободный отъ той примѣси, которою надѣлили его арабы и схоластики. Но за то онъ былъ украшенъ цвѣтами Цицероновскаго краснорѣчія, благодаря которымъ чтеніе его было пріятно для избалованнаго вкуса образованной публики. И при этомъ успѣхъ былъ громадный: средневѣковой Аристотель и его комментаторы были уничтожены, церковный авторитетъ Стагирита минулъ навсегда, а на мѣсто всего этого явилось возрастающее пониманіе античнаго философа.

Папа Николай, по видимому, не питалъ никакого сочувствія ни къ Платону, ни къ таинственному неоплатонизму византійцевъ. Онъ все таки былъ лицо духовное и богословъ по своему образованію, такъ что не могъ ставить Платона наряду съ Аристотелемъ или выше его. И здѣсь умъ Козьмы, многообъемлющій и ко всему воспріимчивый, вызываетъ на сравненіе: рядомъ съ перипатетикомъ Агиропуло онъ нашелъ въ своемъ домѣ мѣсто и для Плетона и

---

1) Посвященіе у Valentinelli l. c. Отзывы у Hodius p. 167. 169.

2) Vespasiano Comment. di Manetti p. 92.

3) См. томъ I стр. 340. Bandini Catal. codd. lat. T. II p. 613 T. III. p. 169. 225. 234. 235.

молодаго Фичино, посвященнаго еще въ дѣтствѣ Академіи, а въ своемъ умѣ—для Платона рядомъ съ Аристотелемъ. Папа остался чуждымъ того восторженнаго настроенія, которое отъ Петрарки сообщилось Салютато, а отъ Салютато Никколи и Бруни, внушило последнему его грандіозный планъ и вызвало массу переводовъ изъ сочиненій Платона. Что касается Платоновой республики, которая всего раньше нашла читателей и всего болѣе привлекала ихъ, потому что кое-что о ней знали изъ Цицерона, то онъ, вѣроятно довольствовался тѣмъ переводомъ, надъ которымъ трудились оба Дечембріо, хотя можно сомнѣваться въ его распространеніи. Георгій Трапезунтскій перевелъ только двѣнадцать книгъ о законахъ по порученію папы [1]), но, конечно, и это доставило ему мало удовольствія. Эта та самая книга, въ которой Виссаріонъ впослѣдствіи указалъ массу недоразумѣній и ошибокъ. Изъ разговоровъ Платона были извѣстны только тѣ, которые Бруни подарилъ латинянамъ; на греческомъ языкѣ они конечно были уже у всѣхъ болѣе богатыхъ собирателей книгъ.

Особенное вниманіе обращалъ папа Николай на великихъ историческихъ писателей Греціи. Прошлое грековъ долгое время было покрыто глубокимъ мракомъ, такъ какъ въ разсказахъ и извѣстіяхъ, сообщаемыхъ римлянами, не было никакой связи. Даже у самыхъ ученыхъ гуманистовъ въ этой области мы встрѣчаемъ грубыя ошибки. Опять Ліонардо Бруни первый разсѣялъ этотъ мракъ, издавши Ксенофонта въ вольной обработкѣ. Чтобы передать повѣствованія героевъ греческой исторіографіи достойнымъ ихъ латинскимъ языкомъ, папа выбиралъ для этого не грековъ, а лучшихъ латинистовъ, которые съ самыхъ раннихъ лѣтъ были знакомы съ Саллюстіемъ и Ливіемъ. Надѣялись, что слогъ ихъ годится для перевода Геродота и Поливія, такъ же точно, какъ отъ настоящаго Аристотеля ожидали цвѣтовъ Цицероновскаго краснорѣчія.

Ѳукидида поручено было перевести для папы Валлѣ, конечно, по совѣту Виссаріона. Кардиналъ хлопоталъ и о томъ, чтобы Валлѣ было дозволено переселиться въ Римъ, и вообще высоко цѣнилъ его. Папа Николай, быть можетъ, не въ состояніи былъ вполнѣ опредѣлить трудность задачи, но Валла это могъ сдѣлать, и его обнадеживала обѣщанная помощь кардинала. Но такъ какъ Виссаріонъ вскорѣ послѣ этого былъ посланъ легатомъ въ Болонью, то Валла, ставшій почти чужимъ въ Римѣ и имѣвшій много враговъ, не нашелъ ни у кого помощи. Однако когда переводъ былъ поднесенъ папѣ въ іюлѣ

---

[1]) Объ этомъ см. его переписку съ Барбаро въ ватиканскомъ кодексѣ, о которомъ упоминаетъ Quirini Diatriba p. 79.

1452, то послѣдній былъ очень радъ, подарилъ переводчику тотчасъ же 500 скуди и почтилъ его новымъ порученіемъ перевести Геродота. Но когда филологи впослѣдствіи стали разсматривать эту работу, то нашли переводъ Ѳукидида по крайней мѣрѣ «весьма неровнымъ: переводчикъ колебался между желаніемъ выразиться хорошо по латыни и передать вѣрно текстъ». Въ немъ нашли также много ошибокъ, неточностей и вообще признали небрежнымъ [1]). Надъ Геродотомъ Валла работалъ вяло и, очевидно, безъ особенной охоты. Для него было не безразлично, какъ для Георгія Трапезунтскаго, какія задачи ему давались: онъ желалъ, чтобы онѣ соотвѣтствовали его вкусу. Очевидно, онъ гораздо охотнѣе посвящалъ свое время грамматической и реторической войнѣ съ Поджіо и второй обработкѣ Красотъ. Но Валла очень хорошо зналъ, что папа сильно желалъ имѣть переводы. На обработку Ѳукидида онъ посвятилъ лишь два года съ половиною, но Геродотъ, писатель гораздо болѣе легкій, былъ еще не конченъ въ день смерти папы. Переводчикъ хотѣлъ поднести его тѣни покойнаго: это, конечно, сказка, которою впослѣдствіи біографъ ученаго хотѣлъ доказать его почтительность. Намъ сообщаютъ также, что онъ поднесъ его королю Неаполитанскому Альфонсу, во время одного изъ пріѣздовъ Валлы въ Неаполь, и получилъ отъ него подарокъ. Вотъ почему и вышло такъ, что когда Валла впослѣдствіи отправился туда, то король пожелалъ видѣть его рукопись и получилъ ее, а книга разошлась безъ посвященія. Хотя неаполитанскій ученый Понтано вообще не особенно цѣнилъ этотъ трудъ, однако послѣдній пользовался немалымъ успѣхомъ и удостоился чести быть напечатаннымъ три раза [2]).

При распредѣленіи работъ папа, конечно, не могъ обойти Поджіо, какъ стараго друга, притомъ онъ любилъ его легкій и выразительный слогъ. Онъ и раньше уговаривалъ его перевести Киропедію, которая однако потомъ была посвящена не ему, а королю Неаполитанскому Альфонсу. Теперь онъ перевелъ ему Діодора, притомъ только первыя пять книгъ, въ которыхъ авторъ повѣствуетъ объ Египтѣ, объ азіатскихъ народахъ и о миѳическомъ періодѣ галленской исторіи. Вообще съ этимъ писателемъ познакомились еще недавно; онъ былъ перенесенъ, на итальянскую почву только при Евгеніи IV [3]). Поджіо кончилъ работу въ довольно

---

[1]) См. выше стр. 79. Epist. nuncupatoria Валлы также у Bandini Catal. codd. lat. T. II p. 705. Здѣсь есть и отзывы Гудсона и Генриха Стефани. О ватиканскомъ кодексѣ см. Georgius Vita Nicolai V p. 185. Vallae Opusc. tria ed. Vahlen II s. 359. 360. Golisch de Thucydidis interpretatione a Laur. Valla latine facta Disquisitionis Specimen, Olsnae 1842. Zumpt in der Zeitschr. f. Geschichtsw. IV s. 426.

[2]) Georgius l. c. p. 185. 207. Vahlen l. c. S. 361—369.

[3]) Это сдѣлалъ Гаратонеда Тревиджи, епископъ пелопоннезскаго города Короны. Marini Archiatri pontif. T. I p. 153.

короткое время при помощи Георгія Трапезунтскаго, который не могъ ему въ этомъ отказать ради папы и встрѣчался съ нимъ каждый день въ канцеляріи. И тутъ онъ поступалъ, по обыкновенію, совершенно произвольно. Изъ одной книги греческаго писателя онъ сдѣлалъ двѣ, а текстомъ распоряжался такъ свободно, что переводъ шелъ за трудъ Поджіо, такъ какъ имени Діодора не упоминалось. По его переводу нельзя было замѣтить, что подлинникъ былъ писанъ по-гречески, и онъ особенно гордился этимъ. Трудъ этотъ былъ встрѣченъ весьма сочувственно, читался, печатался, но никто не позаботился справиться объ его отношеніи къ Діодору. Другая половина труда была поручена Дечембріо; онъ началъ съ 16 книги, но сдѣлалъ немного больше ея. Когда папа Николай умеръ, онъ тотчасъ же оставилъ работу, потому что за нее некому было награждать [1]).

Раньше этого папа поручилъ Дечембріо, своему секретарю, переводъ Аппіана. По видимому, у него самого была рукопись, хотя сильно испорченная. Но онъ слышалъ, что во Флоренціи въ библіотекѣ св. Марка есть другая. Поэтому папа обратился къ Козьмѣ Медичи, съ просьбою переслать ее въ Римъ для его переводчика. Въ сентябрѣ 1453 г. Дечембріо перевелъ три, а по счету флорентинской рукописи четыре книги: Lybica, Syriaca, Parthica и Mithridatica; онъ уже обработалъ вчернѣ и первыя двѣ книги исторіи междоусобныхъ войнъ. Несомнѣнно, онъ поднесъ въ даръ папѣ первую часть своего перевода [2]). Но неизвѣстно въ точности, была ли посвящена еще папѣ Николаю и остальная часть его труда, или по крайней мѣрѣ поднесена, или онъ посвятилъ ее послѣ его смерти Альфонсу, королю Неаполитанскому [3]). Ясно, что за неточность и поверхностный характеръ перевода не вознаградила читателей чистая и искусная латинская рѣчь переводчика, все-таки трудъ его напечатанъ былъ нѣ-

---

[1]) См. посвященіе папѣ Поджіо и письмо Георгія Трапезунтскаго къ своему сыну Андрею отъ 1 іюня 1454 г. у Georgius l. c. p. 177. Poggius epist. IX, 31 X, 1. 3. 7. Saxius p. 293. 304.

[2]) Въ этомъ отношеніи вопросъ рѣшается его письмомъ къ Барбаро отъ 16 сентября 1453 г. въ Barbari epist. 227 ed. Quirino. Первыя четыре книги съ посвященіемъ папѣ есть во флорентинскомъ кодексѣ у Bandini Catal. codd. lat. T. II p. 846. T. III p. 353, тоже съ предисловіемъ in priores Appiani Alexandrini libros, которое есть у Georgius Vita Nicolai V p. 20 въ великолѣпномъ кодексѣ лейпцигской городской библіотеки.

[3]) См. объ этомъ у Mendelssohn Quaestiones Appianeae въ рейнск. музеѣ für. Philol. 1876 s. 202 (здѣсь также на стр. 215 грамоту папы къ Козьмѣ Медичи отъ 7 декабря 1450 г.) и въ Appiani Historia Romana ed. Mendelssohn vol. I Lips. 1879, Praef. p. VIII. У Bandini T. II p. 847 есть обѣ первыя книги междоусобныхъ войнъ отдѣльно и съ посвященіемъ Альфонсу. Римскій экземпляръ, описанный у Georgius l. c. p. 191, посвящаетъ королю прямо книги междоусобныхъ войнъ, какъ еще неизданныя, и извѣстіе въ копіи двусмысленно.

сколько разъ. Гораздо позднѣе Филельфо, желая посоперничать съ своимъ старымъ врагомъ и живя опять въ Миланѣ, тоже принялся за переводъ Аппіана, но, по видимому, не кончилъ и не издалъ его [1].

Мы уже разсказывали о томъ, какъ папа поручилъ переводъ пяти книгъ Поливія молодому Перотти и какъ быстро этотъ вѣнчанный поэтъ пріобрѣлъ его расположеніе, славу и сверхъ того получилъ мѣсто папскаго секретаря. Вскорѣ послѣ посылки первой книги, служившей, конечно, пробою, папа благодарилъ его за наслажденіе, доставленное «легкостью и краснорѣчіемъ» его слога. Казалось, сочиненіе Поливія никогда и не существовало ни на какомъ языкѣ, кромѣ латинскаго. Когда же папѣ Николаю былъ поднесенъ весь трудъ, то онъ подарилъ счастливому переводчику кошелекъ съ 500 папскихъ дукатовъ новаго чекана и любезно прибавилъ, что, собственно говоря, онъ долженъ ему гораздо больше и вскорѣ думаетъ еще расплатиться [2]. Но изящный переводъ Поливія пользовался сочувствіемъ и у другихъ читателей. Хотя Поджіо и имѣлъ непріятности съ Перотти, однако не могъ достаточно нахвалиться; онъ говорилъ, что еще не встрѣчалъ болѣе красиваго слога [3]. Славѣ этой книги содѣйствовало и то обстоятельство, что уже въ 1473 г. въ Римѣ ее напечатали нѣсколько разъ Швейнгеймъ и Паннарцъ, а греческій подлинникъ былъ напечатанъ только въ 1520 г., такъ что Поливій въ теченіи больше чѣмъ полувѣка былъ извѣстенъ почти только въ этомъ переводѣ Перотти. Завистники объясняли достоинства этого труда тѣмъ, что онъ выдалъ старинный переводъ Поливія за свой собственный [4], но въ этомъ, вѣроятно, переводчикъ видѣлъ признаніе его таланта, тѣмъ болѣе пріятное. Когда Винценцій Обсопей издалъ въ первый разъ Поливія на греческомъ языкѣ вмѣстѣ съ переводомъ Перротти, то нашелъ, что въ послѣднемъ не только пропущены нѣкоторыя мѣста, но иногда и цѣлыя страницы, чего нельзя объяснить однимъ только искаженіемъ текста [5]. Потомъ Исаакъ Казобонъ совсѣмъ заставилъ забыть эту стряпню, доказавъ,

---

[1]) Его письмо къ Джироламо Кастелло отъ 9 января 1470 г. 20 февраля онъ перевелъ двѣ книги, 30 апрѣля переводъ былъ почти конченъ. Но потомъ его работа забыта. О томъ, что и Тортелло переводилъ Аппіана ad verbum, знаетъ только Jac. Phil. Bergomas Suppl. fol. 283, но его извѣстіе основано на какомъ нибудь недоразумѣніи.

[2]) См. выше стр. 119. Vespasiano Nicola V Papa § 26, Vescovo Sipontino § 2 (тутъ 600 дукатовъ). Посвященіе 5-й книги Николаю V у Bandini l. c. T. II p. 761. 1455-й годъ въ концѣ принадлежитъ, конечно, переписчику, но означаетъ приблизительно и время окончанія труда. Но во всякомъ случаѣ обѣ послѣднія книги были присланы Пію II не какъ только что конченныя.

[3]) Vespasiano Vescovo Sipontino § 2.

[4]) Jovius Elogia doctor. viror. 18.

[5]) У Botfield Prefaces p. 372.

что она пользуется почетомъ только въ глазахъ людей, незнающихъ греческаго языка, что Перотти не понялъ вѣрно ни одной страницы этого писателя, надѣлалъ множество ошибокъ и выказалъ свое крайне недостаточное знакомство какъ съ греческою, такъ и съ римскою исторіею [1]). Такимъ образомъ и здѣсь обнаружилось, какъ слаба была способность папы и его совѣтниковъ къ оцѣнкѣ трудовъ, какъ соблазнительно дѣйствовалъ блескъ латинскаго краснорѣчія, какъ опасна была метода папы, который, заказывая массу работъ, и лучшихъ людей подстрекалъ работать поверхностно и недобросовѣстно.

Космографія тоже принадлежала къ любимымъ научнымъ отраслямъ папы. Птолемей давно уже былъ въ переводѣ Джіакамо да Скарпаріа; стало быть, слѣдовало позаботиться о Страбонѣ. Такъ какъ его сочиненіе было объемисто, то при распредѣленіи трудовъ папа раздѣлилъ его на нѣсколько частей: первыя десять книгъ, въ которыхъ кромѣ введенія заключалось описаніе Европы, долженъ былъ перевести старый Гварино, а другія семь, стало быть Азію и Африку—Грегоріо да Читта ди Кастелло. Вѣроятно, Гварино не легко было достать себѣ греческій экземпляръ [2]). Только въ мартѣ 1453 г. онъ кончилъ небольшую долю перевода и могъ передать его папѣ чрезъ Тортелло. Это была первая крупная работа, за которую онъ взялся, будучи уже 80-лѣтнимъ старикомъ. Гварино и не скрывалъ того, что ожидаетъ значительной награды за свое трудолюбіе, такъ какъ для этой работы долженъ сократить число частныхъ уроковъ и заботиться о содержаніи большой семьи. Если намъ сообщаютъ вѣрно, то по окончаніи первыхъ книгъ онъ получилъ 1000 гульденовъ золотомъ [3]). Гварино, по видимому, или не зналъ, или не обращалъ вниманія на то, что Грегоріо въ это время трудился надъ второю половиною. Послѣ смерти папы онъ перевелъ и остальныя семь книгъ и еще разъ посвятилъ все сочиненіе венеціанскому патрицію Джіакомо Антоніо Марчелло. Такимъ образомъ латинскій Страбонъ въ рукописяхъ встрѣчается то въ переводѣ Гварино, то—обоихъ переводчиковъ [4]). Когда епископъ алерійскій просматривалъ эту, книгу

---

1) Polibii Hist. ed. Is. Casaubono, Francof. 1609, Praef.

2) Объ этомъ онъ просилъ Филельфо, какъ видно изъ его письма къ нему отъ 9 августа 1448 г., но Страбонъ былъ у семьи Джустиніани въ Венеціи. Экземпляръ, переданный Поджіо (epist. X, 7 ed. Tonelli) папѣ 7 декабря 1449 г., навѣрное, не была часть Страбона Гварино.

3) Vespasiano Nicola V § 26, Guarino Veronese § 2. Но дѣленіе по тремъ частямъ свѣта немыслимо. Переписка Гварино съ Тортелло, доходящая до февраля 1455 г., слѣдовательно до самой смерти папы, по ватиканскому кодексу у Gregorius Vita Nicolai V p. 128 и у Rosmini Vita di Guarino vol. II p. 174 seq

4) У Bandini l. c. T. II p. 72 находимъ мы libri VII posteriores Грегоріо отдѣльно. Страбонъ Гварино съ двумя предисловіями, говорятъ, есть въ Венеціи, написанный его

приготовляя въ первый разъ къ печати, то велѣлъ прямо переписать трудъ Грегоріо, какъ благонадежный, но въ работѣ Гварино оказалось много пропусковъ, которые пришлось пополнить по греческому подлиннику съ помощью друзей, Ѳедора Газскаго и Андроника. Они оба не отличались изящною латынью; такимъ образомъ почтенному имени Гварино этотъ трудъ былъ обязанъ своимъ успѣхомъ въ литературномъ мірѣ.

Чтобы пополнить обзоръ переводной литературы, упомянемъ здѣсь о цѣломъ рядѣ отдѣльныхъ трудовъ. Изъ нихъ болѣе крупные опять дѣлались по заказу, а мелкіе были при случаѣ поднесены въ даръ папѣ, въ надеждѣ, что онъ дастъ переводчику болѣе крупную работу. Ѳедору Газскому, лучшему послѣдователю Аристотеля, папа поручилъ также перевести объемистое сочиненіе перипатетика Ѳеофраста, Ученіе о растеніяхъ, и этотъ переводъ былъ тоже впослѣдствіи въ славѣ, какъ Проблемы, и считался истиннымъ подаркомъ латинской литературѣ. Отрывокъ метафизики Ѳеофраста папа поручилъ обработать Грегоріо да Читта ди Кастелло [2]). Мы уже говорили о томъ, что Альмагестъ Птолемея былъ очень скоро переведенъ Георгіемъ Трапезунтскимъ, но за то и безсовѣстно, и вслѣдствіе этого счастливая звѣзда злополучнаго грека померкла. Мы готовы почти думать, что папа вовсе не принялъ этой книги, чтобы не было его имени въ посвященіи. Черезъ нѣсколько лѣтъ Андрей, сынъ Георгія Трапезунтскаго, нашелъ его въ бумагахъ, оставшихся послѣ отца, и поднесъ въ даръ папѣ Сиксту IV, какъ еще неизданный [3]). Мы упоминали и о маленькомъ руководствѣ Эпиктета посвященномъ папѣ Перотти, а также о сочиненіяхъ Гиппократа, переводомъ которыхъ Ринуччи пытался

рукою, а въ копіяхъ встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ, съ извѣстіемъ, что это сочиненіе было кончено въ Феррарѣ 13 іюля 1458 г., по двумъ копіямъ 1456 г. Maffei Verona illustr. Lib. III P. II p. 75. Bandini l. c. T. II p. 71. Rosmini l. c. vol. II p. 4. Didot Alde Manuce, Paris 1875, p. XXXI тоже имѣлъ такой экземпляръ. Рукописи, въ которыхъ трудъ Гварино слѣдуетъ за трудомъ Грегоріо, въ Giornale Stor. degli archivi Tosc. vol. VII p. 133 и въ Tabulae codd. bibl. Vindob. vol. I p. 1. Съ рукописи этого класса въ Римѣ, принадлежавшей, конечно, папѣ Николаю, епископъ алерійскій велѣлъ напечатать латинскаго Страбона въ Римѣ, въ 1471 г. въ первый разъ. Его предисловіе у Georgius l. c. p. 187 и у Quirinus de optimorum scriptt. ed. rec. Schelhornio p. 223. Во всякомъ случаѣ трудъ Грегоріо былъ конченъ раньше, чѣмъ часть Гварино; первый былъ, согласно Matthias Palmerius въ Rer. ital. Scriptt. ed. Tarfinio ad. a. 1454 переданъ папѣ уже въ этомъ году.

1) Bandini Catal. codd. lat. T. III p. 197, гдѣ указаны и оттиски. Отзывы Виссаріона въ письмѣ къ Ѳедору Газскому (Opp. ed. Migne p. 686). По Palmerius l. c. переводъ конченъ въ 1453 г.

2) Bandini l. c. p. 176.

3) См. выше стр. 127. Bandini l. c. T. II p. 71.

заслужить расположеніе папы [1]). Лауро Квирини поднесъ папѣ небольшой переводъ, а молодой Лапо да Кастильонкіо посвятилъ Николаю разговоръ Ксенофонта о домашнемъ хозяйствѣ [2]). Такимъ образомъ мы видимъ наплывъ и второстепенныхъ литературныхъ знаменитостей, искавшихъ вознаграждающаго труда, и можемъ предполагать, что преждевременная смерть папы разрушила много подобныхъ надеждъ.

Теперь обратимъ вниманіе на ту задачу, которую папа считалъ вѣнцомъ переводнаго искусства, которая была его завѣтною мечтою до самой смерти. Если Греки и Римляне прославляли Гомера, какъ царя всѣхъ поэтовъ, то кто же достойнымъ образомъ перевелъ его для латинянъ гекзаметромъ? Очень хорошо знали, что такъ называемый Пиндаръ Ѳиванскій не можетъ быть хорошимъ переводчикомъ его, не хотѣли довольствоваться и буквальною передачею въ родѣ той, какую смастерилъ Леонціо Пилато: въ ней не было ни поэзіи, ни настоящей латыни [3]). Однако эта заслуга Петрарки и Боккачіо повела къ дальнѣйшимъ усиліямъ въ этой сферѣ, потому что желаніе имѣть латинскаго Гомера, какъ и Платона, воодушевило Салютато и Бруни и не остывало во Флоренціи. Салютато старался внушить сочувствіе къ этому дѣлу молодому поэту Антоніо Лоски, чтобы онъ превратилъ грубую работу Пилато въ величественную героическую эпопею. Канцлеръ увѣрялъ, что въ молодыхъ лѣтахъ самъ охотно взялся бы за этотъ трудъ, если бы тогда ему былъ извѣстенъ этотъ переводъ. Лоски столь же мало зналъ по гречески, какъ и самъ Салютато. Но послѣдній не видѣлъ въ этомъ необходимости. Онъ полагалъ, что Лоски слѣдуетъ только придать изящество, виликолѣпіе выраженіямъ, что слабыя мѣста онъ можетъ нѣсколько оживить воззваніями, вопросами и другими пріемами, сдѣлать въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пропуски, въ другихъ прибавки и искуснѣе распредѣлить матеріалъ. Сначала онъ долженъ подарить образованному міру Иліаду, а потомъ Одиссею, или хоть одну изъ двухъ поэмъ. Сначала Лоски, по видимому, горячо ухватился за эту мысль, а потомъ отказался отъ нея, боясь трудности работы [4]). Но послѣ того никто уже не смотрѣлъ такъ наивно на эту задачу, чтобы можно было создать латинскаго Гомера безъ пониманія подлинника, съ по-

---

[1]) См. выше стр. 75.

[2]) Mittarelli Bibl. codd. ms. S. Mich. Venet. p. 982. Bandini Bibl. Leop. Laurent. T. II p. 388.

[3]) См. выше стр. 98.

[4]) Письмо Салютато къ Лоски отъ 21 іюля 1390 г. (1390) у Bandini Catal. codd. lat. T. III p. 570 и со вторымъ отъ 29 сентября у Schio Vita di Ant. Loschi p. 156. 157.

мощью однихъ реторическихъ украшеній. Тутъ выражается флорентинскій взглядъ на переводное искусство, еще вполнѣ дѣтскій.

Съ стремленіемъ Салютато, безъ сомнѣнія, стоитъ въ связи и стремленіе его приверженца Ліонардо Бруни. Онъ, правда, не намѣревался переводить поэмы Гомера стихами, потому что былъ вообще не поэтъ. Но онъ передалъ изящною прозою рѣчи Феникса, Одиссея и Ахиллеса въ IX книгѣ Иліады. Это былъ опытъ, безъ сомнѣнія, относившійся къ его молодымъ годамъ, но мы понимаемъ также, почему онъ не удовлетворялъ самого переводчика. Вовсе не случайно тотъ же самый отрывокъ Марсуппини перевелъ гекзаметромъ [1]). Однако на первыхъ порахъ еще долгое время довольствовались прозаическими переводами, въ которыхъ ученые старались только передать содержаніе, какъ во время Боккачіо. Такъ около 1440 г. разнообразный писатель Пьеръ Кандидо Дечембріо, по желанію Хуана II, короля Кастильскаго, перевелъ 5 или 6 книгъ Иліады, во всякомъ случаѣ четыре первыхъ и десятую, притомъ стихъ въ стихъ, какъ это сдѣлалъ Пилато, какъ бы имѣя въ виду доставить пособіе ученику [2]). И мы нисколько не удивляемся, что подобная стряпня не распространялась. Спустя нѣсколько лѣтъ Валла обработалъ 16 книгъ Иліады латинскою прозою. Собственно непонятно, какую цѣль имѣлъ въ виду переводчикъ. Это впрочемъ не переводъ, да Валла и не хотѣлъ переводить. Напротивъ, онъ желалъ передать читателямъ вольный разсказъ о событіяхъ на основаніи поэмъ Гомера, въ текстѣ котораго по своему соображенію дѣлаетъ пропуски и вставки. Но, подвигаясь впередъ въ работѣ, онъ опять держится ближе оригинала и не старается сгладить своеобразности его эпическихъ оборотовъ. Будь Валла поэтъ, можно было бы думать, что онъ самъ такимъ образомъ расположилъ матеріалъ для вольной обработки. Но онъ, несомнѣнно, не имѣлъ въ виду подобной цѣли. Можно было бы также предположить, что это просто упражненіе въ греческомъ языкѣ и въ искусствѣ переводить, потому что переводчикъ плохо зналъ греческій языкъ. Это доказывается множествомъ ошибокъ и непонятыхъ мѣстъ. Сухой, но плавный и изящный латинскій языкъ—это лучшая сторона его труда, доставлявшая наслажденіе ему во время работы. Однако на

---

1) Небольшая работа Бруни рѣдко встрѣчается въ спискахъ рукописей, у Bandini Catal. codd. lat. T. III. p. 633. Она напечатана съ Praefatio y Baluzius Miscell. ed. Mansi T. III p. 151.

2) Кодексъ Ambrosiana y Saxius p. 303 содержитъ въ себѣ кромѣ посвященія и Vita Homeri только 5 кн., а больше не зналъ и Фаціо (de vir. illustr. p. 24). Въ письмѣ къ Альфонсу Аррагонскому отъ 1451 г. у Saxius p. 293 Дечембріо говорилъ о 6 книгахъ. Если Арджелати указываетъ на 12, то это или ошибка, или Дечембріо впослѣдствіи продолжалъ работу.

его переводъ сначала мало обращали вниманія, но потомъ онъ былъ нѣсколько разъ напечатанъ [1]).

На взглядъ папы эти прозаическіе переводы имѣли лишь значеніе подготовительныхъ работъ. Вѣроятно, съ этою цѣлью онъ поручилъ одному филологу, неизвѣстному намъ, исправить текстъ Пиндара Ѳиванскаго. Онъ посвятилъ это сочиненіе въ новой формѣ папѣ Николаю. Можно было бы думать, что этотъ филологъ не кто иной, какъ Валла, который снова возвысилъ значеніе Пиндара за его чистый языкъ, столь мало цѣнимаго со временъ Петрарки; про Валлу говорили, что онъ предпочитаетъ его Виргилію [2]).

Гуманистамъ было, конечно, извѣстно, что изящный переводъ Гомера стихами удостоится щедраго вознагражденія со стороны папы. Поэтому естественно, что нѣкоторые изъ нихъ почувствовали вдохновеніе и послали папѣ опыты своихъ трудовъ [3]). Изъ поэтовъ всѣхъ способнѣе былъ къ этому дѣлу молодой Базини изъ Пермы. Онъ учился греческому языку у Ѳедора Газскаго, давно уже освоился съ Гомеромъ, соперничалъ съ нимъ во вдохновеніи и былъ искуснымъ поэтомъ. Гекзаметры лились изъ подъ его пера легко и быстро. По видимому, онъ намѣревался воспѣть гибель Трои, слѣдовательно быть продолжателемъ Гомера. Подобно другимъ, Базини тоже желалъ

---

[1]) Самъ Валла упоминаетъ объ этой работѣ въ двухъ письмахъ къ Ауриспѣ и къ кардиналу Ландріани отъ 31 декабря (1444 г.) и 21 января (1445 г.) въ Epistolae principum ed. Donzelino, Amst. 1644, p. 352. 359. Cf. Pentas versionim Homericarum Jacobi Bernaysii studio collecta (Bonnae 1850) p. III. Vahlen передъ Vallae Opusc. fria II s. 370—374). Характеристично то, что Лоренцо Занни, ученикъ Валлы, въ одномъ письмѣ отъ 1456 г. совсѣмъ не упоминаетъ о переводѣ Гомера у Agostini Scritt. Viniz. T. I p. 198. Первое изданіе вышло Brixiae 1474. Я читалъ его въ изданіи 1497 г. Fabricius Bibl. lat. med. et inf. aet. ed. Mansi T. VI p. 282 не указываетъ этихъ изданій, но 3 позднѣйшія. Вотъ для пробы начало книги, которую трудно опредѣлить: Scripturus ego quantam exercitibus Graiis cladem excitaverit Achillis furens indignatio, ita ut passim aves feraeque cadaveribus heroum ac principum pascerentur, te, Calliopa, vosque, aliae sorores, sacer. musarum chorus, quarum hoc munus est proprium, et quae votibus praesidetis, invoco, ut haec me edoceatis, quae mox docere alios possim.

[2]) О ватиканскомъ кодексѣ и посвященіи см. Georgius Vita Nicolai V p. 193. 210. Vahlen Bollae opusc. tria II s. 379. 380. Отзывъ Валлы о Пиндарѣ см. у Jov. Pondanus de sermone lib. I (Opp. Cib. II Venet. 1519, fol. 193).

[3]) Aeneas Sylvius Europa cap. 58: In Homeri vero poemate quod heroico carmine latinum fieri magnopere cupiebat, cum plurimi morem ei gerere conarentur, unus tamen etc. эти слова перифразируетъ Jac. Phil. Bergomas Suppl. Chron. fol. 295, прибавляя къ plurimi: videlicet Georgius Trapezuntins, Laurentius Valla, Gregorius Castellanus (i. e. Tifernas), Demetrius Graecus et alii nonnulli. Откуда взялись эти имена у писателя, который хотя и дѣлаетъ ошибки, но приводитъ свои извѣстія не наобумъ? Что онъ упоминаетъ о Валлѣ, это понятно, особенно если говоритъ и о Пиндарѣ. Грегоріо упоминается по крайней мѣрѣ какъ поэтъ. Георгій Трапезунтскій и Дмитрій не переводили Гомера и не поэты.

бы посвятить свою музу служенію папѣ Николаю V. Но задачу—сдѣлать переводъ Иліады, достойный Гомера, онъ отклонилъ отъ себя, скромно сознаваясь, что она для него непосильна. По его словамъ, онъ не рѣшился бы на это и въ томъ случаѣ, если бы обладалъ талантомъ Виргилія [1]).

Но папа и въ этомъ случаѣ обратился къ переводчикамъ лично. Сначала онъ расчитывалъ на флорентинскаго канцлера **Карло Марсуппини**. Послѣдній въ юные годы удачно перевелъ гекзаметрами Батрахоміомахію и весьма бойкимъ языкомъ. Тогда еще убѣждалъ его Сициліецъ Марразіо, которому онъ посвятилъ свой трудъ, перевести и Иліаду, за переводъ которой не отваживались браться и древніе римскіе поэты, водворить ее въ Тосканѣ, а себѣ пріобрѣсти величайшую славу [2]). И здѣсь множество копій доказываютъ, какъ любили читать эту маленькую поэму и какъ основательны были разсчеты папы на переводчика, своего флорентинскаго друга, котораго онъ кромѣ того назначилъ своимъ секретаремъ. Марсуппини съ юношескимъ восторгомъ принялъ порученіе, хотя понималъ, насколько дерзокъ замыселъ — соперничать съ божественнымъ пѣвцомъ. Онъ перевелъ первую пѣснь Иліады и тѣ рѣчи изъ IX пѣсни, которыя Бруни

---

[1]) О немъ и его сочиненіяхъ см. томъ I стр. 531 сл. Стихи въ Astronomicon I, 21:

Mox quoque Troianas cupiam qui dicere clades,
Magnanimosque duces Graiorum, actamque sub arma
Europam atque Asiae Sigaeo in litore gentem.

Я считаю нужнымъ объяснить въ вышеупомянутомъ смыслѣ, не какъ издатели въ связи съ II, 484, а какъ увѣщаніе Малатесты къ походу противъ турокъ. Въ поэтическомъ посланіи къ Николаю V (Opp. T. II P. 1 p. 13. 14) онъ явно намекаетъ на желаніе папы:

Munere quippe tuo est spes addita vatibus omnis,
Et tibi cum placeant graiae nostraeque camoenae,
Haud indigna putem, si me quoque partibus istis
Addiderim...
Forsitan id rogites quid non ego vertere magnum
Maeonium aggrediar?... convertere nunquam
Experiar magni memorabile carmen Homeri.
Pleraque si vertas videantur rustica vel non
Digna satis..

[2]) Стихи **Сицилійца Марразія** къ Карло въ Carmina ill. poetarum Ital. T. VI p. 255. Приведу лишь нѣкоторые:

Et postquam eloquio cantasti porva rotundo
Aggredere aeternam te praecor Iliadem...
Te petit ille labor, tibi gloria summa relicta est,
Sitque humeris validis Sarcina grata tuis.

Стихи эти встрѣчаются еще у Vincenzo di Giovanni Filologia e Letteratura Siciliana. Nuovi studi (vol. III), Palermo 1879, p. 239.

рѣшился передать прозою. Когда онъ послалъ съ длиннымъ посвященіемъ папѣ, свой трудъ, который по истинѣ прибавлялъ новое украшеніе къ его поэтической славѣ, то послѣдній былъ изумленъ и обрадованъ. Онъ велѣлъ высказать автору свою глубокую благодарность и удивленіе, что онъ такъ вѣрно передалъ стихи Гомера и такъ удачно подражалъ ихъ изяществу и величію. А такъ какъ, по словамъ папы, занятый по должности, онъ не имѣетъ досуга, нужнаго для подобной работы, то пусть пріѣзжаетъ въ Римъ. Тамъ онъ можетъ устроиться такъ, что будетъ въ состояніи вполнѣ посвятить себя этому переводу, не заботясь ни о чемъ другомъ. Въ то же время Поджіо писалъ пріорамъ и гонфалоньеру республики, прося ихъ во имя науки отпустить канцлера. Но надежда папы не сбылась: чрезъ полгода канцлеръ республики и латинскій Гомеръ умеръ [1].

Вмѣсто него взошло новое свѣтило. Молодой римлянинъ Орацiо поднесъ папѣ опытъ своего перевода, который снова возбудилъ въ немъ блестящія надежды и другимъ тоже казался достойнымъ большой похвалы. Молодой человѣкъ, извѣстный папѣ раньше по стихотворенію о заговорѣ Поркари, вскорѣ получилъ должность папскаго писца, и его поощряли къ продолженію труда пышными обѣщаніями. Но переводъ его остался безъ продолженія по причинамъ, неизвѣстнымъ намъ, хотя поэтъ еще долго жилъ при римскомъ дворѣ. По видимому, были забыты и тѣ пѣсни Иліады, которыя онъ перевелъ [2].

Когда и этотъ планъ не удался, оставался еще одинъ дѣятель, которому папа могъ довѣрить переводъ Гомера; это былъ Филельфо.

---

[1]) Стихотворное посвященіе Марсуппини, написанное гекзаметромъ, и большой опытъ перевода изъ первой пѣсни Иліады есть у Bandini Bibl. Leop. Laurent. T. II p. 43 q. Очевидно, Гершель по ошибкѣ въ Naumann's Serapeum Bd. XVI (1855 г.) s. 335. 350. приписалъ это стихотвореніе Яну Паннонскому, потому что нашелъ его въ дрезденскомъ кодексѣ съ другими стихотвореніями его, а Авг. Абель въ Analecta ad hist. renasc. in Hungaria litt. p. 103 сообщилъ его при имени Яна Паннонскаго. Вотъ первые стихи перевода Марсуппини:

Nunc iram Aeacidae tristem miseramque futuram
Diva, cane, et quantos Graiis dedit ille dolores etc.

Aeneas Sylvius de vir. clar. XVI. Hier. Aliottus Epistt. et Opusce. T. II p. 330: Carolus Arretinus.... latinum facere Homerum est adgressus et praegustionem quandam ingenii sui nobis reliquit, librum unum aut item alterum transferens, eleganti quidem carmine ac terso etc. Двѣ грамоты папы отъ 24 октября 1452 г. сообщаетъ Mai въ Specileg. Roman. T. I p. 574, также Bartoli къ Vespasiano Carlo d'Arezzo § 2.

[2]) Aeneas Sylvius Europa cap. 58: Iliadem aggressus nonnulos ex ea libros latinos fecit, dignos, quos nostra miraretur, prisca non improbasset aetas. O Porcaria см. выше стр. 62 прим. 1. При папѣ Каликстѣ въ регестахъ является имя Horacius. См. Amati въ Archivio stor. Ital. ser. III. T. III P. I (1866 г.) p. 180. Здѣсь p. 27 въ каталогѣ книгъ Николая V упоминается о небольшомъ сочиненіи Traductiones Homeri; такъ, можетъ быть, есть и трудъ Орацiо. Подробности см. у Vahlen s. 378.

Ему дѣлались предложенія чрезъ Тортелло тайкомъ отъ герцога Миланскаго; въ нихъ выражается желаніе Николая V, которое мы не можемъ иначе назвать, какъ болѣзненнымъ. Филельфо разсчитывали отозвать отъ миланскаго двора, чтобы онъ могъ работать, ни о чемъ не заботясь. Ему предлагали хорошо устроенную квартиру въ Римѣ и доходное помѣстье въ подарокъ. Кромѣ этого папа хотѣлъ внести въ любой банкъ 100.000 цехиновъ въ вознагражденіе поэта, какъ скоро онъ кончитъ переводъ обѣихъ поэмъ. Съ нимъ уже готовы были покончить, но въ это самое время папа умеръ и унесъ съ собою въ могилу свою лучшую мечту. Какъ ни легко давались Филельфо стихи, однако вмѣстѣ съ римскимъ воздушнымъ замкомъ исчезли и его мысли о переводѣ Гомера [1]).

Но и послѣ смерти папы Николая мысль о латинскомъ Гомерѣ продолжала занимать умы. Это служитъ доказательствомъ, что преподаваніе греческаго языка шло объ руку съ подобнымъ стремленіемъ. Ученикъ Валлы, Франческо д'Ареццо, пополнилъ его Иліаду въ прозѣ и прибавилъ къ ней Одиссею по желанію папы Пія II [2]). Молодой римлянинъ Николло делла Валле перевелъ тоже легкими стихами около IX пѣсень Иліады [3]). Его примѣръ побудилъ къ дѣятельности и Яна Паннонскаго, ученика Гварино, который, будучи епископомъ, давно уже забылъ было своего Пегаса, а теперь попытался перевести часть IX пѣсни Иліады, оставленную учителемъ его безъ перевода [4]). Но пріятною плавностью стиха всѣхъ ихъ превзошелъ молодой Анджело Полиціано, который вмѣстѣ съ Марсуппини перевелъ вторую пѣснь Иліады и издалъ три слѣдующія пѣсни съ посвященіемъ Лоренцо де'Медичи, а потомъ, ограничившись удачнымъ началомъ, оставилъ этотъ неблагодарный трудъ [5]).

---

[1]) Планъ папы въ письмѣ Филельфо къ Лодризіо Кривелли отъ 1 августа 1465 г. Rosmini Vita di Filelfo T. II p. 95 разсматриваетъ вопросъ о томъ, принадлежитъ ли книга, напечатанная Venetiis 1516 Homeri Odyssea.... per Franc. Filelfum o Graeco traducta дѣйствительно ему, или его сыну Маріо, или подложная. Онъ рѣшается стихотвореніемъ сообщеннымъ Guil. Favre Mélanges d'hist. litt. T. I p. 156, въ которомъ Маріо Филельфо перечисляетъ свои сочиненія:

Hesiodique liber, quo fertur origo deorum,
De graeco nuper carmina nostra subit.
Orpheus id quondam, nondum finitus Homerus.

[2]) Vahlen ibid. p. 387—370. Этимъ объясняется та ошибка, что Одиссея въ рукописяхъ приписывается то Карло, то Леонардо д'Ареццо, какъ напр. у Mazzuchelli vol. I P. II p. 1005. Vol. II P. III p. 2412.

[3]) Объ оттискѣ Romae 1474 упоминаетъ Didot Alde Manuce p. XXXVII. Подробности о немъ у Vahlen l. c. p. 376.

[4]) Poem et. Opusc. T. I p. 231 и посвященіе T. II p. 74.

[5]) Его переводъ издалъ Mai въ Spicilegium Romanum T. II.

Папа Николай V былъ, конечно, не язычникъ. Но переводы церковныхъ писателей, заказанные имъ послѣ классиковъ, стоятъ на второмъ планѣ. Классическими писателями онъ интересовался столько-же, сколько когда-то Никколи, но кромѣ послѣдняго для него во Флоренціи былъ и Траверсари постоянно образцомъ въ этомъ отношеніи. Подобно имъ, онъ питалъ особенное сочувствіе къ раннимъ богословамъ. Манетти принялся за переводъ Новаго Завѣта съ подлинника. Ни его, ни папу не смущало то, что въ этомъ высказывалось нѣкоторое недовѣріе къ авторитету блаженнаго Іеронима. Насколько повинулся впередъ трудъ Манетти при жизни папы, мы въ точности не знаемъ, но свѣтъ не удостоился знать тѣ тайны, которыя переводчикъ обѣщалъ раскрыть своимъ трудомъ. Тортелло и Георгій Трапезунтскій перевели жизнь св. Аѳанасія, написанную Григоріемъ Назіанзиномъ, Георгій также передалъ нѣсколько сочиненій св. Кирилла и Василія и жизнь Моисея, написанную Григоріемъ Нисскимъ, съ которыми онъ обращался такъ-же небрежно и произвольно, какъ съ приготовленіемъ къ Евангелію Евсевія. Желаннымъ трудомъ на этомъ поприщѣ папа считалъ переводъ 80 бесѣдъ Іоанна Златоуста на Евангеліе отъ Матѳея. Повторяли разсказъ о томъ, какъ однажды Ѳома Аквинскій, которому показали неизвѣстныя еще 25 бесѣдъ въ переводѣ Оронтія въ Парижѣ, сказалъ, что онъ предпочитаетъ эту книгу цѣлому Парижу. Папа сначала поручилъ этотъ трудъ Георгію Трапезунтскому, имѣвшему то преимущество передъ другими, что быстро исполнялъ все. Но въ этомъ случаѣ онъ далеко не оправдалъ довѣрія папы, такъ что впослѣдствіи поручилъ его Ѳедору Газскому [1]).

Такъ обогатилъ папа множествомъ хорошихъ переводовъ латинскую литературу, а въ особенности свое книгохранилище. Онъ постоянно заботился также объ увеличеніи числа латинскихъ классиковъ и отцовъ Церкви, стоявшихъ въ его шкафахъ. Козьма велъ это дѣло во Флоренціи въ широкихъ размѣрахъ, а Никколи въ скромныхъ, и тамъ постоянно переписывались и покупались книги. Такъ наука вступила въ союзъ съ торговлею для подобныхъ цѣлей. Такъ и папа-собиратель руководилъ этимъ дѣломъ изъ Рима. Насколько его книги идутъ чрезъ руки мелкихъ агентовъ, онѣ ускользаютъ отъ нашего вниманія или, быть можетъ, пропущены въ счетахъ Козьмы. До насъ лишь по временамъ доходятъ извѣстія объ этомъ въ письмахъ ученыхъ, однако мы знаемъ, что весь кружокъ людей, сгруппировавшихся около папы, пользовался своими связями, чтобы удовлетворить его жаждѣ къ подобному пріобрѣтенію. Старинные экземпляры рѣдко можно было купить, такъ какъ и во

---

[1]) Vespasiano Nicola V § 26; Giorgio Trabisonda § 2. Georgius l. c. p. 180.

Флоренціи и въ другихъ мѣстахъ имъ давно уже узнали цѣну и приготовили для нихъ прочное помѣщеніе. Книги, оставшіяся послѣ ученыхъ, постоянно можно было пріобрѣтать, но во время первосвященства папы Николая никто изъ умиравшихъ не оставлялъ большихъ сокровищъ. Притомъ Козьма Медичи быстро являлся, какъ только представлялась возможность добыть хорошія книги. Припомнимъ тѣ высокія цѣны, за которыя Поджіо продавалъ во Флоренціи св. Писаніе и письма блаженнаго Іеронима, хотя это были вовсе не рѣдкія сокровища [1]). Между прочимъ Поджіо и Тортелло были самыми свѣдущими и лучшими совѣтниками папы, какъ скоро дѣло шло о латинской литературѣ.

Подобно кружкамъ Медичи, Николи и Поджіо, у папы возникаетъ стремленіе посылать литературныхъ развѣдчиковъ, которые бы и въ отдаленныхъ странахъ отыскивали затерянныя сокровища классической литературы. Если мы слышимъ, что было нѣсколько подобныхъ миссіонеровъ [2]), то мы должны имѣть въ виду главнымъ образомъ такихъ, которые на греческомъ и турецкомъ востокѣ искали и скупали греческія книги. Въ отдаленныхъ западныхъ странахъ мы встрѣчаемъ лишь одного странствующаго изслѣдователя, оставившаго слѣдъ въ исторіи литературы. Это Альберто Эноке. Онъ былъ не знаменитость, и его едва можно причислить къ второстепеннымъ или третьестепеннымъ ученымъ. Онъ когда-то во Флоренціи вмѣстѣ съ Пикколомини учился у Франческо Филельфо, и ему безъ сомнѣнія обязанъ своимъ знаніемъ греческаго языка. Потомъ Эноке называютъ наставникомъ дѣтей Козьмы Медичи и «репетиторомъ» въ домѣ Барди, подобно тому, какъ нѣкогда папа Николай занималъ такое же положеніе у Альбицци и Строцци. Такимъ образомъ мы встрѣчаемъ его въ тѣхъ кружкахъ, въ которыхъ знакомились съ книгами и научались цѣнить ихъ; быть можетъ, и его знакомство съ папою относится къ тому же времени. Потомъ онъ преподавалъ реторику на своей родинѣ, въ Асколи, въ Перуджіи читалъ лекціи о поэзіи и классическихъ писателяхъ, а папа Николай пригласилъ его профессоромъ краснорѣчія въ римскій университетъ. Называютъ также Эноке авторомъ рѣчей и писемъ, но изъ нихъ неизвѣстно ни строчки. Поджіо спорилъ съ нимъ

---

1) См. томъ I стр. 369.

2) Въ посвященіи своей книги De orthographia папѣ у Bandini Bibl. Leop. Laurent. T. I p. 498 Тортелло говоритъ: Video, quantam adhibes curam in antiquorum nostrorum operibus etquirendius quae deperdita credebantur, ita ut nonnulos ad diversas extremasque mundi partes pro re hac multis cum difficultatibus et impensis destinaveris. Подобнымъ образомъ Ауриспа въ своемъ посвященіи Гіерокла (см. выше стр. 73 примѣч. 3): qui didersos nuncios per diversas mundi partes ad libros perquirendos tam graecos quam latinos tua impensa misisti.

изъ за тѣхъ сплетень, въ которыхъ обвинялъ его, но изъ словъ Поджіо видимъ, что послѣдній имѣлъ о немъ очень невысокое мнѣніе [1]).

Поводомъ къ отправкѣ его послужилъ вновь распространившійся слухъ о полномъ Ливіи, находящемся гдѣ-то въ Даніи или Норвегіи [2]), слѣдовательно тотъ-же призракъ, который часто вводилъ людей въ заблужденіе со временъ папы Мартина V и за которымъ напрасно гонялись Никколи, Поджіо и Козьма Медичи. Папа снабдилъ своего посланца рекомендательными письмами, которыя составилъ Поджіо и которыя должны были открыть ему церковныя и монастырскія библіотеки на скандинавскомъ сѣверѣ и, на берегахъ Вислы и Прегеля [3]). Какія страны дѣйствительно посѣтилъ Эноке, мы не знаемъ. Филельфо [4]) говорилъ только впослѣдствіи, что онъ былъ въ Даніи, но другіе говорили и о Скандинавіи и объ «отдаленнѣйшихъ островахъ на сѣверѣ отъ Германіи». Если мы не ошибаемся, то онъ странствовалъ около четырехъ лѣтъ. Такъ какъ отъ него долго не было никакихъ

---

[1]) Филельфо называетъ его своимъ бывшимъ ученикомъ въ письмѣ къ Каликсту III отъ 19 февраля 1456 г. Ambros. Travers. epist. VII, 5. Vespasiano Enoche d'Ascoli называетъ его maraviglioso grammatico. Poggius epist. VIII, 41. 42 предостерегаетъ его: Neque autem tale est ingenium tuum, non talis dicendi facultas, ut tibi expediat contra me falsis maledictis insungere etc. Fabronius Cosmi vita T. I p. 136. О сочиненіяхъ Эноке упоминаетъ только Jac. Phil. Bergomas fol. 295. У Carboni Memorie int. i letterati d'Ascoli 1830, p. 93 мало новаго. Обзоръ его жизни далъ также Реймонтъ въ Archivio stor. Ital. Ler. III T. XX p. 188.

[2]) См. томъ I стр. 232 сл. Poggius epist. XI, 12 говоритъ по отношенію къ сѣверному Ливію прямо: Novissime a Summo pontifice missus est ad eos libros perscrutandos Enoch Esculanus etc.

[3]) Здѣсь я сообщаю изъ кенигсбергскаго архива грамоту папы Николая V къ великому магистру Людвигу фонъ Эрлихстаузенъ. Она—отъ 30 апрѣля 1451. Dilecte fili. Salutem et apostolicam benedictionem. Jamdiu decrevimus atque ad id omni studio operam damus ut pro communi doctorum virorum commodo habeamus librorum omnium tum latinarum tum graecorum bibliothecam condecentem pontificis et sedis apostolice dignitati, et iam ex iis qui reperiantur omnis generis scriptorum maiorem partem habemus. Sed cum multi libri ex antiquis deficiant, qui culpa superiorum temporum sunt deperditi, ad inquirendum et transscribendum si reperiantur eiusmodi libros mittimus dilectum filium Enoch Esculianum virum doctum graecis et latinis litteris, familiarem nostrum, qui diversa loca et monasteria inquirat, si quis ex ipsis deperditis apud vos libris reperiretur. Idcirco nostri contemplatione velis omnes tui territorii libros sibi ostendere antiquos praesertim et prisce scripture, et simul permittere, ut in tuo territorio scribi possit expensis nostris. Nolumus enim ut aliquis liber surripiatur, sed tantummodi ut fiat copia transscribendi super quibus ipse Enoch tecum loquetur latius ex parte nostra. Datum Rome apud Sanctum Petrum sub anulo piscatoris die ultima mensis Aprilis pontificatus nostri anno quinto etc a. C. 1451. Insuper quia ad diversas mundi partes iturus est: hortomur te, ut in omni sua necessitate nostri contemplatione sibi subveuias.—Poggius. А о томъ, что папа увѣщевалъ монаховъ sotto pena di scomunicatione показывать Эноке книги, какъ сообщаетъ Веспасіано, въ грамотѣ ничего не говорится.

[4]) Письмо къ Каликсту III отъ 19 февраля 1456 г.

извѣстій, то Поджіо, не довѣрявшій учености и проницательности Эноке, былъ того мнѣнія, что изъ этого предпріятія не выйдетъ никакого толку [1]). Года чрезъ два получились свѣдѣнія, но все, что въ нихъ сообщалось о находкахъ, было неутѣшительно [2]). Когда наконецъ Эноке воротился весною 1455 г., уже незадолго до смерти папы, то представилъ списокъ привезенныхъ имъ рукописей, но копій не позволялъ снять, напротивъ требовалъ, чтобы ему прежде какой-либо знатный человѣкъ уплатилъ 200 или 300 гульденовъ за труды. Въ спискѣ нашлись нѣкоторыя новыя сочиненія, именно о поваренномъ искусствѣ древнихъ, приписываемое Целію Апицію, и комментарій Помпонія Порфиріона къ Горацію. Но полагали, что эти мелкія сочиненія не особенно обогатятъ латинскую литературу, а остальное не стоитъ списывать. Мы не знаемъ, принималъ ли папа участіе въ плодахъ своего дорогаго предпріятія. Во Флоренціи, безъ сомнѣнія, объ этомъ дѣлѣ отзывались вообще такъ же, какъ Веспазіано, именно что Эноке не знаетъ толку въ книгахъ и неопытенъ. Славу открытія онъ пріобрѣлъ тѣмъ, что ему приписывали, конечно, ошибочно, спасеніе отъ гибели мелкихъ сочиненій Тацита, которыя онъ привезъ въ Италію [3]).

Важнѣе было пріобрѣтеніе греческихъ книгъ, которыя Николай V и до завоеванія Константинополя и послѣ велѣлъ скупать въ Греціи и въ азіатскихъ владѣніяхъ турокъ. Дѣло это велось тайными аген-

---

1) Poggius epist. X, 17 отъ 22 января (1452 или 1453 г.): Ille enim Enoch adeo solers et diligens fuit, ut ne verbum quidem adhuc ad me scripserit.—Itaque parum spero illum aliquid boni facturum, nisi eum magis fortuna faverit, quam prudentia et industria perquirendi.

2) Poggius epist. IX, 12: Enoch Esculanus, qui adeo diligens fuit, ut nihil iam biennio invenerit dignum etiam indocti hominis lectione. Это письмо, къ сожалѣнію, не помѣченное, уже послано изъ Флоренціи, но отнесено къ письмамъ отъ 1453 г. Оно даетъ поводъ предполагать, что Эноке уѣхалъ вскорѣ послѣ заготовки грамоты.

3) Самый важный отчетъ о находкахъ Эноке есть письмо Карло де'Медичи изъ Рима отъ 13 марта 1455 г. у Gaye Carteggio I p. 163. Онъ послалъ каталогъ Эноке во Флоренцію, безъ сомнѣнія, вскорѣ послѣ того, какъ послѣдній воротился: et (è) in vero da farne più stima per la novità che per la utilità.... Sichè vedete se velete gettare via tanti danari (требуемые 200 или 300 гульд.), per cose la lingua latina può molto bene fare senza esse. Здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе только на четыре номера, tutto il resta non vale una frulla. Безъ сомнѣнія, по этому же списку судилъ и Веспазіано Enoche: trovò poche degno cose di memoria, намекая на Апиція и Порфиріона. Istimo che procedesse per non avere universale notizia di tutti gli scrittori, e quegli ch'erano e quelli che non si trovano. Такіе отзывы немыслимы, если въ спискѣ Эноке были новыя сочиненія Тацита и Светонія. См. томъ I стр. 239. Здѣсь рѣчь идетъ и о другихъ сочиненіяхъ, находка которыхъ впослѣдствіи справедливо или несправедливо приписывалась Эноке. Къ этому прибавимъ fabula Orestis, quae ab Henocho osculano reperta dicebatur, о которой упоминаетъ Анджело Маи въ предисловіи къ Vite Веспазіано и которую Евг. Абель Analecta p. 9 нашелъ въ Миланѣ въ Ambrosiana.

тами, потому что стыдились подобныхъ мирныхъ сношеній съ заклятыми врагами христіанской вѣры, также потому, что бездѣятельность папы во время потрясающаго событія, паденія Константинополя, уже вызывали негодованіе. Оставленная греческая неопрятность и пыль, которою были покрыты пергаментные свитки, полученные изъ турецкихъ владѣній, была для папы пріятнѣе тѣхъ греческихъ пословъ, которые явились къ нему просить помощи и денегъ. Гуманистъ утѣшалъ себя тѣмъ, что Греція не гибнетъ, а только переселяется въ Италію. Не смотря на это, греческія книги долго были еще дороги и рѣдки, потому что переписывать непремѣнно должны были ученые, а ученые не любили этого занятія. Гварино, собиравшій книги со временъ Хризолора, не могъ достать Задачъ Аристотеля и Афоризмовъ Гиппократа. Онъ обратился къ Филельфо и Поджіо, но и послѣдній зналъ только одинъ экземпляръ Задачъ, который былъ у папы Николая и съ котораго переводилъ Өедоръ Газскій, а относительно Афоризмовъ не могъ дать никакихъ указаній. Задачи купилъ, незадолго передъ тѣмъ, Перотти для папы, при посредствѣ кардинала Виссаріона, вмѣстѣ съ нѣкоторыми рукописями. Онъ дѣлаетъ замѣчаніе, что подобныя рукописи встрѣчаются рѣдко и въ годъ можно достать много если двѣ или три греческія книги [1]). Но едва ли онъ имѣлъ такія связи, какъ Ауриспа, который дѣлалъ для папы покупки въ Венеціи. Прежде Византія была неистощимымъ рынкомъ для подобныхъ сдѣлокъ, и тамъ Ауриспа пріобрѣлъ въ молодые годы цѣлые ящики книгъ. Теперь дѣла приняли совсѣмъ иной оборотъ со времени турецкаго завоеванія. Массу книгъ, погибшихъ въ это время, кардиналъ Исидоръ, правда, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ скорби и весьма произвольно, опредѣлялъ въ 120.000 томовъ [2]). Съ тѣмъ вмѣстѣ Византія сдѣлалась на первое время почти недоступною для христіанскихъ купцовъ и агентовъ. Въ Греціи и на греческихъ островахъ приходилось розыскивать книги съ большимъ трудомъ, а при случайныхъ покупкахъ венеціанцы и флорентинцы опережали папу. Но у послѣдняго тоже были энергическіе дѣятели. Такъ по его порученію грекъ Іоаннъ Скутаріота отправился разыскивать греческія сочиненія, или хоть списывать, если нельзя было купить. Замѣчательно, что ему во многихъ случаяхъ указывали на Флоренцію, на домъ Медичи, на друзей послѣдняго и на библіотеку св. Марка [3]). Теперь начали собирать и еврейскія книги, и папа

---

[1]) Его письмо къ папѣ у Zanelli Il pontifece Nicolo V p. 96.

[2]) Письмо Лауро Квирини къ папѣ отъ 1453 г. у Hodius p. 192.

[3]) Грамота папы къ Козьмѣ Медичи отъ 5 февраля 1454 г., у Fabronius Cosmi vita vol. II p. 222.

главнымъ образомъ желалъ имѣть Евангеліе отъ Матѳея на еврейскомъ языкѣ, за которое предлагалъ 5000 дукатовъ [1]).

Изъ всего этого видно, что Николай V больше любилъ собирать книги и производить новыя, чѣмъ прямо поощрять таланты, и конечною цѣлью его стремленій была **папская библіотека**. Его имя должно было со временемъ красоваться рядомъ съ именами Птолемея Филадельфа и Траяна. Быть можетъ, въ болѣе молодые годы онъ самъ былъ того мнѣнія, что хранительницею древнихъ сокровищъ должна служить преимущественно Флоренція, но такъ же естественно и то, что когда онъ взошелъ на престолъ, то Римъ казался ему самымъ достойнымъ городомъ для этого. Здѣсь онъ надѣялся при громадныхъ средствахъ въ короткое время своего правленія осуществить то, что было создано во Флоренціи энергіею одного человѣка, который впрочемъ посвятилъ на это всю жизнь, именно центральный пунктъ книжныхъ сокровищъ для общаго пользованія. Подобное собраніе должно быть всегда готово къ услугамъ придворныхъ прелатовъ и римскихъ ученыхъ, служить лучшимъ украшеніемъ ватиканскаго дворца и сдѣлать Римъ на вѣчныя времена средоточіемъ науки.

Николая V смѣло можно назвать основателемъ ватиканской библіотеки, хотя она была раньше его и только послѣ него стало публичною. Безъ сомнѣнія, у папъ всегда были книги для дѣловыхъ занятій и частныя библіотеки, такъ какъ въ числѣ ихъ придворныхъ было много богослововъ и канонистовъ. Но подобныя собранія, переходившія послѣ смерти собственниковъ къ ихъ родственникамъ, большею частію опять разрозинвались. Бенедиктъ XIII въ Авиньонѣ былъ любителемъ и ревностнымъ собирателемъ книгъ, какъ церковныхъ, такъ и по части классической литературы. Библіотекаремъ былъ одинъ изъ его близкихъ людей (familiares), пользовавшійся особымъ расположеніемъ Бенедикта [2]). Значительное число этихъ книгъ, какъ намъ сообщаютъ, впослѣдствіи перешли въ парижскую библіотеку Кольбера. А то собраніе, которое Мартинъ V велѣлъ доставить въ Римъ, было, безъ сомнѣнія, не больше какъ матеріаломъ, нужнымъ для дѣловыхъ занятій. Еще при папѣ Евгеніи IV римскія библіотеки были гораздо ничтожнѣе и безпорядочнѣе, чѣмъ въ городахъ и при дворахъ второстепенныхъ или третьестепенныхъ владѣтельныхъ особъ. Траверсари осмотрѣлъ ихъ; о папской библіотекѣ и о принадлежащей собору св. Петра онъ прямо говоритъ, что не нашелъ въ нихъ ничего заслуживающаго вниманія [3]).

---

1) Manetti p. 926. Platina in vita Nicolai V.
2) Nicolai de Clemangiis epist. 38 (Opp. ed. Lydius): Curam est bibliothecae apostolicae sortitus, quam optimam atque uberrimam habet pontifex, qui... colligendorum egregiorum libiorum avidissimus. Тогда папа желалъ имѣть письма Плинія младшаго.
3) Ambros. Travers. epist. VIII, 42. 43. XI, 21.

Какъ извѣстно, Римъ со временъ св. Бонифація и еще въ началѣ XIV столѣтія былъ самымъ обширнымъ книжнымъ рынкомъ для латинскаго міра. Но это измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ папы оставили Римъ и предали его запустѣнію. Духовные интересы какъ бы замерли, университетъ, погрузившійся въ зимнюю спячку, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ обнаруживалъ признаки жизни. Этимъ объясняется жалоба гуманистовъ на недостатокъ книгъ въ Римѣ, переписчиковъ, даже пергамента. Въ 1444 г. Эней Сильвій Пикколомини, жившій въ далекой Австріи, хотѣлъ достать себѣ Политику Аристотеля въ переводѣ Бруни. Купить въ Римѣ нельзя было такихъ книгъ, тѣмъ болѣе, что онѣ языческія, какъ замѣтилъ его другъ. Послѣдній съ трудомъ досталъ одинъ экземпляръ у кардинала Колонны. А еще труднѣе было найти хорошаго переписчика, и Пикколомини пришлось довольствоваться копіею, писанною на бумагѣ [1]). Еще во времена Николая V мы слышимъ, что въ Римѣ сильно нуждаются въ переписчикахъ, а какіе были, тѣ были большею частію нѣмцы или французы [2]). Мы видимъ и здѣсь, что страсть папы была не въ уровень съ характеромъ римской общественной и придворной жизни; это было явленіе чужое, флорентинское.

Насколько мы знаемъ, книги папы находились въ двухъ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ: однѣ составляли основу позднѣйшей общественной библіотеки, для которой, вѣроятно, еще готовились выстроить приличное зданіе, а другія помѣщались въ одной изъ залъ папы. Но онъ и на первыя, безъ сомнѣнія, смотрѣлъ какъ на свою собственность, а послѣднія были его дорогимъ сокровищемъ. Послѣ его смерти въ числѣ ихъ оказалось много переводовъ, которыми онъ такъ гордился, въ великолѣпныхъ экземплярахъ, въ какихъ были поднесены въ даръ или переданы ему, большею частію украшенныя бархатомъ и серебромъ. Тутъ была Киропедія Поджіо, Өукидидъ Валлы съ четырьмя серебряными позолоченными застежками, Поджіевъ Діодоръ съ такими же украшеніями, Аппіанъ Дечембріо, Евсевій Георгія Трапезунтскаго, переводы Гомера и т. п., также Ливій, Флоръ, Цицеронъ, Квинтиліанъ, Виргилій, Овидій, Горацій, Теренцій, Стацій, Клавдіанъ и др. Это были любимыя книги Николая V, которыя онъ съ раннихъ лѣтъ желалъ достать или заказывалъ переписать [3]).

---

[1]) Письмо Джіов. Кампизіо къ Энею отъ 7 февраля 1444 г.

[2]) Письмо Карло Медичи отъ 1455 г. у Gaye Carteggio I p. 163.

[3]) Inventarium quorundam librorum repertorum in cubiculo Nicholai pape quinti post eius obitum въ Archivio stor. Ital. ser. III T. III P. I p. 207. Къ этимъ роскошнымъ томамъ, число которыхъ онъ преувеличенно полагаетъ въ 500, конечно, относится разсказъ Веспазіано Vescovo Vicense § 1.

Болѣе обширное собраніе было завѣтною мечтою папы, которой онъ впрочемъ не успѣлъ привести въ осуществленіе: общественная библіотека, доступная для всѣхъ ученыхъ [1]). Это учрежденіе въ послѣдніе пять лѣтъ первосвященства Николая V, т. е. со времени юбилея вѣчнаго города, было главнымъ предметомъ его попеченій. Съ того времени онъ началъ приказывать съ беззавѣтною любовью искать книги и покупать за какую угодно цѣну. Во всѣхъ важныхъ складочныхъ пунктахъ для книгъ у него были свои переписчики, и толпа ихъ окружала его въ Римѣ [2]). А такъ какъ онъ любилъ во всемъ пышность, то—и въ украшеніяхъ книгъ [3]). Все это было предоставлено неутомимой заботѣ Тортелло, а онъ весьма свободно распоряжался деньгами. По разсчету Ассемани [4]) этотъ папа истратилъ на книги больше 40.000 скуди. Впрочемъ извѣстія о числѣ книгъ, собранныхъ имъ, крайне разнорѣчивы, если мы даже выслушаемъ такихъ свидѣтелей, которые по своему положенію могли имѣть точныя свѣдѣнія. Самъ Тортелло, составившій списокъ книгъ папской библіотеки, показывалъ 9000 томовъ [5]). Напротивъ папа Пій II насчитывалъ въ этомъ собраніи всего около 3000 томовъ [6]), а архіепископъ флорентинскій Антонино только 1000 [7]).Такимъ образомъ Манетти и книгопродавецъ Веспазіано были, вѣроятно, всѣхъ ближе къ истинѣ, показывая положительно, что по каталогу въ день смерти папы считалось 5000 томовъ [8]). Для папы было наслажденіемъ ходить среди этихъ сокровищъ, приводить ихъ въ порядокъ и разставлять, велѣть подать себѣ ту или другую книгу и перелистывать ее, разсматривать красивые тома, видѣть свой гербъ на тѣхъ, которыя были ему посвящены или поднесены и напередъ думать о той благодарности, которую со временемъ будутъ воздавать своему благодѣтелю люди науки по прошествіи вѣковъ. Такъ онъ и изображенъ разставляющимъ книги въ одной изъ залъ ватиканской библіотеки,

---

1) Pro communi doctorum virorum commodo, какъ говорилось въ рекомендательномъ письмѣ Эноке.

2) Vespasiano Nicola V § 25. 26.

3) Aeneas Sylvius de rebus Basileae gestis stante vel dissoluto Concilio Commentarius ed. Fea p. 109 сопоставляетъ весьма характеристично: libros nitidos et vestes ornatas amavit.

4) Praef. ad. Vol. 1 Catal. codd. msc. Bibl. Vatic. p. XXI. Buoninsegni Storie della citta di Firenze p. 112: lasciò libri per più di fiorini 30 mila, ai quali fu molto affezionato in sua vita.

5) Vespasiano Giov. Tortello § 1. Здѣсь рѣчь идетъ прямо о volumi.

6) Europa cap. 58.

7) Chronicon hist. p. III tit. XXII cap. 12 in princ.

8) Manetti Vita Nicolai V l. c. p. 926. Vespasiano Nicola V § 25.

Неутолимая страсть къ собиранію, сдѣлавшая домъ Никколи средоточіемъ литературной жизни, въ связи со всеобъемлющимъ взглядомъ и богатыми средствами главы церкви, который съ высоты папскаго престола, быть можетъ, больше видѣлъ у подножія его литературный міръ, чѣмъ міръ вѣрующихъ, все это придаетъ особое значеніе личности Николая V. Но мы замѣчаемъ, что юношеская пора гуманизма миновала, и ученьемъ уже не восторгаются, не принимаются за дѣло съ дѣтскимъ изумленіемъ передъ этимъ новымъ міромъ, въ которомъ страсть къ приключеніемъ вступаетъ въ общеніе съ стремленіемъ къ завоеванію. Гуманисты получили прочныя мѣста при дворахъ, университетахъ, въ канцеляріяхъ и другихъ учрежденіяхъ, и обнаруживаютъ энергичное стремленіе сохранить свое положеніе. Остатки древности собираются въ особыя учрежденія и хранятся тамъ, наконецъ даже подъ покровомъ намѣстника Христа. Приходятъ къ тому убѣжденію, что никакіе новые варвары уже не предадутъ ихъ забвенію и уничтоженію, что они стали прочнымъ достояніемъ человѣчества, хотя медленно увеличивающимся.

Величайшая идея Николая V, публичная библіотека въ Ватиканѣ, не осталась безплодною для потомства. Сначала послѣдовала реакція, такъ какъ частная прихоть папы не перешла къ его преемникамъ. Уже ближайшій изъ нихъ, Каликстъ III, уважавшій только каноническое право, но совершенно чуждый гуманныхъ наукъ, не могъ достаточно надивиться, когда онъ вошелъ въ библіотеку своего предшественника и увидѣлъ роскошные томы съ золотыми и серебряными обложками. «Да, сказалъ онъ, только на это онъ и тратилъ церковную казну!» Двѣсти греческихъ кодексовъ, которые папа считалъ совершенно безполезными, онъ подарилъ престарѣлому русскому кардиналу Исидору, и ихъ растащили его приближенные. Съ другихъ онъ велѣлъ снять золотыя украшенія и перелить въ деньги, нужныя для его любимой затѣи, для войны съ турками [1]). Пій II и Павелъ II тоже не заботились о начинаніяхъ своего предшественника. Основателемъ ватиканской библіотеки, какъ постояннаго учрежденія съ установившимися порядками, былъ уже Сикстъ IV. Онъ организовалъ его и опредѣлилъ фондъ на его содержаніе. Начальникомъ библіотеки онъ назначилъ ученаго съ классическимъ образованіемъ, Джіандреа Бусеи, будущаго епископа алерійскаго, хорошо извѣстнаго по исторіи изданія классиковъ, а съ

---

1) Vespasiano Vescovo Vicense § 1. Впрочемъ не слѣдуетъ представлять себѣ разсѣянія книгъ въ слишкомъ неблагопріятномъ свѣтѣ. Еще Платина (Vita Nicolai V) удивлялся ихъ великолѣпію: Omiffo tot libros Sacros suo iussu descriptos, auro et argento redimitos. hesèt. inspicere bibliotecam pontificiam sua industria et munificentia mirifice austam.

1475 г. не менѣе знаменитаго Платину. Однако Сикстъ только выполнилъ тѣ распоряженія, какія подготовилъ Николай V, а послѣдній съ своей стороны заимствовалъ основную мысль у флорентинскаго гражданина Никколи, а Никколи принялъ ее отъ Петрарки и Боккачіо [1]).

Слѣдовало бы ожидать, что въ первосвященство такого поклонника наукъ, какимъ былъ Николай V, римскій университетъ будетъ процвѣтать. Но именно тутъ и обнаруживается односторонность, и прихотливость его стремленій. То, что онъ сдѣлалъ для университета, несмотря на мирное время и цвѣтущее положеніе финансовъ, было далеко не въ уровень съ тѣмъ, что сдѣлалъ его предшественникъ Евгеній IV, хотя послѣдній не принималъ никакого личнаго участія въ судьбахъ науки. Папа Николай подтвердилъ университетскія привилегіи и прибавилъ часть городскихъ доходовъ, но все таки этого мало. Тутъ, какъ и большая часть папъ, онъ принялся за дѣло съ благимъ намѣреніемъ. Трудно сказать, имѣлъ ли рѣшающее вліяніе на дѣла канцлеръ университета, должность, которая въ то время была соединена съ саномъ кардинала—камерарія. Это былъ Людовико Скарампо, который прославился въ качествѣ перваго заступника церкви и великаго Лукулла. Но онъ былъ канцлеромъ университета еще при Евгеніи IV. Трудно спорить противъ того, что сердце папы-гуманиста не лежало къ этому учрежденію. Намъ неизвѣстно ни одной знаменитости въ области богословія и каноническаго права, которая бы въ то время подвизалась въ Римѣ, а эти отрасли были прямымъ назначеніемъ римскаго университета [2]). Даже тѣ люди, которыхъ Николай V приглашалъ въ Римъ, греки и латинисты, были приглашаемы не для этого учрежденія. Папа не любилъ, если они посвящали свое время другимъ дѣламъ кромѣ переводовъ, исправленія текстовъ и вспомогательныхъ работъ по грамматикѣ.

Поэтому намъ мало сообщаютъ о дѣятельности гуманистовъ въ университетѣ. Мы не знаемъ, занимался ли Ринуччи преподаваніемъ съ тѣхъ поръ, какъ папа сдѣлалъ его секретаремъ. Онъ впрочемъ не имѣлъ никакого значенія. Напротивъ Георгій Трапезунтскій пользовался не малымъ сочувствіемъ, какъ преподаватель діалектики и реторики, быть можетъ, сверхъ того имѣлъ учениковъ, желавшихъ изучить греческій языкъ. Папа, по видимому, былъ весьма доволенъ, когда онъ оставилъ каѳедру съ началомъ дѣятельности Валлы и вполнѣ посвятилъ себя переводамъ. Краснорѣчіе и гуманныя науки со вре-

---

[1]) Reumont Della bibliotheca Vaticana a proposito del libro: La bibliotheca Vaticana della sua origine al presente per Domenico Zanelli, Roma 1857... въ Archivio storico Ital. Nuova serie T. VIII p. I (1858) p. 132 e seg.

[2]) Renazzi Storia dell' universita' degli studj di Roma vol. I. p. 160. 166. 277.

менъ папы Евгенія IV преподавалъ также Пьеръ Оддоне да Монтополи, поэтъ и ораторъ. Стиховъ его мы знаемъ мало, но къ чести его слѣдуетъ сказать, что Помпоніо Лето былъ его ученикомъ [1]). Кромѣ того, говорятъ, папа еще пригласилъ Эноке да Асколи вскорѣ послѣ своего восшествія на престолъ — преподавать реторику и поэзію. Такъ какъ онъ по извѣстности стоялъ почти наравнѣ съ Пьеромъ Оддоне, то, безъ сомнѣнія, какъ знакомцу юныхъ лѣтъ Николая V, ему дана была профессура, и онъ безъ вреда для университета могъ пускаться въ свои долгія странствія [2]). Когда папа въ 1450 г. пригласилъ въ свой университетъ Өедора Газскаго съ годичнымъ жалованьемъ, то заботился не объ учрежденіи, а объ ученомъ. Поэтому мы слышимъ также только о переводахъ послѣдняго, а не о преподавательской дѣятельности, которой бы онъ посвящалъ себя при Николаѣ V.

Если Валла преподавалъ въ университетѣ, то это конечно, дѣлалось не по желанію папы, даже хранилось въ строжайшей тайнѣ. Ученый очень хорошо зналъ, что папа не любитъ, когда его переводчики занимаются посторонними дѣлами [3]). Потомъ онъ, по видимому, преподавалъ постоянно въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ и съ большимъ усердіемъ. Онъ нисколько не устыдился, когда Поджіо упрекнулъ его въ томъ, что онъ занимается жалкимъ учительствомъ; ученый съ торжествомъ указалъ на знаменитыхъ наставниковъ своего времени, каковы Гварино, Витторино и Филельфо. Онъ могъ гордиться тѣмъ, что его лекціи посѣщались и людьми взрослыми, притомъ такими, которыхъ можно считать учеными [4]). Мы охотно вѣримъ тому, что Валла дѣйствовалъ возбуждающимъ образомъ на своихъ слушателей, такъ какъ и самыя сочиненія его сильнѣе вліяли на потомство, чѣмъ чьи либо другія изъ тогдашнихъ гуманистовъ. Прибавьте къ этому его гордое сознаніе своихъ силъ, смѣлую и остроумную полемику и тотъ презрительный тонъ, съ которымъ онъ обыкновенно отзывался о другихъ ученыхъ. Все это такія качества, которыя, какъ извѣстно, внушаютъ уваженіе довѣрчивому юношеству. Онъ производилъ впечатлѣніе энергическимъ отстаиваніемъ своихъ новыхъ положеній, и это въ то же время давало ему случай показать свое остроуміе и притомъ энергически сыпать удары направо и налѣво. Если онъ читалъ лекціи о Виргиліи,

---

1) Ant. Coccius Labellicus Ennead. X lib. VI p. 719. Renazzi l. c. p. 162. Нѣкоторые стихи, которыми онъ привѣтствуетъ появленіе Roma instaurata Бьондо, въ Cod. ms. T. 66 кор. общ. б. въ Дрезд. fol. 62.

2) Renazzi l. c. p. 161.

3) См. выше стр. 81. Онъ говоритъ въ Antid. IV о папѣ: quem scirem non libenter auditurum... me alteri rei quam interpretationi vacare.

4) Antid. in Rogium' lib. II p. 286.

то его наслажденіемъ было каждый день указывать на его безпамятство и недостатокъ отдѣлки, а если излагалъ реторику къ Гереннію, то указывалъ у Цицерона на уклоненія отъ истинныхъ правилъ краснорѣчія [1]). Въ рѣчи, говоренной имъ въ октябрѣ 1455 г. при открытіи курса, онъ восторженно прославлялъ латинскій языкъ, какъ посредствующее звено для наукъ. Но точно съ такою же притязательностью Валла заявлялъ, что пошляки всѣ тѣ, кто писалъ о діалектикѣ, грамматикѣ и реторикѣ [2]). Противники не даромъ упрекали его въ томъ, что онъ считаетъ себя одного основателемъ этой науки. А одинъ изъ его восторженныхъ учениковъ прямо ставитъ Валлѣ въ заслугу, что онъ воскресилъ изъ мертвыхъ латинскій языкъ и истинное краснорѣчіе [3]). Но какъ бы ни думали объ этомъ, Валла имѣлъ большой вѣсъ въ университетѣ, насколько это въ то время было возможно для преподавателя реторики и краснорѣчія, а также несомнѣнно и то, что папѣ Николаю не принадлежитъ въ этомъ отношеніи никакого участія. Университеты нигдѣ еще не были прочными пріютами гуманныхъ наукъ. Такъ и Николай V считалъ истиннымъ пріютомъ ученыхъ не каѳедру, а свой дворъ.

Римскій дворъ и лица, принадлежавшія къ штату высшаго церковнаго управленія, конечно не составляютъ самой церкви. Но духъ, водворившійся въ средоточіи, стремится къ периферіи, повсюду стараясь заявить себя въ церковной жизни. Со временъ Петрарки папы привлекали къ куріи отдѣльныхъ гуманистовъ, желая воспользоваться ихъ стилистическимъ искусствомъ. При Мартинѣ V и Евгеніи IV число ихъ постоянно возрастало. Ученые придворные Николая V не имѣли никакого отношенія къ дѣламъ куріи, но они вскорѣ перешли за черту личныхъ симпатій папы и смѣло дѣйствовали въ духѣ моднаго языческаго образованія. Они перенесли его въ высшіе слои духовенства. Въ то время кардиналы и прелаты имѣли такое сильное влеченіе къ гуманистическимъ наукамъ, что тѣ, которыхъ образованіе носило совсѣмъ иной характеръ, любили по крайней мѣрѣ придавать себѣ видъ поклонниковъ и меценатовъ новой литературы, чтобы не казаться людьми отсталыми, не слѣдующими за модою.

---

1) Poggius epist. XI, 29. ed. Tonelli.

2) Та рѣчь, о которой упоминаетъ Morelli Codd. ms. bibl. Nanianae p. 103, напечатана въ Vallae opusc. tria ed. Vahlen III p. 93.

3) Лоренцо Занни, архіепископъ сполатрскій, въ письмѣ отъ 13 декабря 1456 г. у Agostini Scriff. Viniz. T. I p. 198.

Почти никому не казалось страннымъ, что папа скорѣе готовъ былъ употребить доходы на великолѣпныя постройки, на книги, на содержаніе ученыхъ и поэтовъ, на древности и драгоцѣнности, чѣмъ на нужды церкви или на войну съ турками, что онъ предпочиталъ окружать себя безпокойными литераторами зазорнаго образа жизни, чѣмъ монахами и благочестивыми служителями вѣры, что полемическія сочиненія, сатиры и пасквили занимали его больше, чѣмъ догматическія толкованія и проповѣди. Духовные римскіе кружки и тѣ, въ которыхъ говорилось по латыни, были мало по малу привлечены къ новому культу гуманизма. При Павлѣ II дѣло дошло до того, что одинъ гуманистическій кардиналъ, которому приходилось заботиться о воспитаніи молодаго человѣка, не нашелъ въ Римѣ подходящаго учителя, потому что грамматики казались больше язычниками, чѣмъ христіанами [1]). Но эпохою побѣднаго торжества гуманизма было первосвященство Николая V.

Ни одинъ изъ гуманистовъ не отваживался высказаться прямо и принципіально противъ христіанства. А отъ догматическихъ уклоненій ихъ спасало равнодушіе ко всякому ученію вѣры и богословію. Даже Валла выражалъ свои еретическія воззрѣнія больше для того, чтобы посердить своихъ враговъ клерикаловъ, а не ради самыхъ догматовъ. Притомъ эти герои литературы были люди придворные, такъ что не хотѣли становиться въ оппозицію противъ завѣтныхъ уставовъ церкви. Но несмотря на это, кругъ ихъ идей и идеаловъ былъ совершенно отличенъ отъ церковныхъ и христіанскихъ. Въ глубинѣ души и въ интимной бесѣдѣ проявлялись языческія воззрѣнія, и въ лучшемъ случаѣ стоическая нравственность замѣняла предписанія вѣры. Тѣ немногіе, которые стали благочестивыми въ зрѣломъ возрастѣ—въ тѣхъ кружкахъ, которые мы изучали, можно такими назвать собственно только Корраро и Веджіо—перестали быть гуманистами, хотя Веджіо по прежнему писалъ стихи. Въ цѣломъ гуманизмъ былъ, безъ сомнѣнія, естественнымъ врагомъ церкви, подрывалъ ея основы, а папы и прелаты вскормили его какъ змѣю.

Гуманисты составляли естественную и рѣзкую противоположность съ монахами и монашествомъ. Сами они вели жизнь трудолюбивую и наслаждались гордымъ сознаніемъ своей самостоятельности; тѣмъ болѣе противна была имъ нерадивая монастырская братія, которая отличалась рабскимъ униженіемъ, но въ душѣ кичилась, и

---

[1]) Jacobi Piccolominei epist. 292: quod rari ibi grammatici sunt, qui non geutilitatis quam religionis plus hobeanh.

гуманисты не стѣснялись обнаруживать эту кичливость. Монахи въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ были представителями учености, но классическая древность была для нихъ чуждою областью. Они заискивали расположенія знатныхъ и при дворахъ владѣтельныхъ особъ, но не талантами, а заслугами своей вѣры и подчиненіемъ уставамъ. Народъ считалъ ихъ великими ораторами, но ихъ краснорѣчіе было не искусствомъ, а шарлатанскою ловкостью. Они считали себя солью земли, охранителями вѣры и нравственности, но даже и люди изъ ихъ сословія часто жаловались на нихъ. Ордена ссорились между собою, и почти повсюду господствовало несогласіе. Клеймить пороки имъ было не запрещено, и такой порицатель въ тайнѣ пользовался сочувствіемъ. Монахи—не церковь, точно такъ же, какъ библія не религія; но и они, и она впервые подверглись нападкамъ.

Мы не можемъ уже ставить вопроса о томъ, на чьей сторонѣ была выгода, на сторонѣ-ли нападавшихъ, или тѣхъ, на кого нападали. Нескромность весь свѣтъ считаетъ тѣмъ, что она есть, порокомъ въ заманчивой формѣ. А благочестіе, какъ скоро на него падаетъ хоть тѣнь лицемѣрія, тотчасъ же предается глубокому презрѣнію. Естественные враги вскорѣ должны были узнать другъ друга. Уже и Петрарка не былъ чуждъ этой борьбы. Съ болѣе выдающимися орденами онъ находился въ такой же дружбѣ, какъ и съ прелатами. Къ нищенствующимъ же орденамъ, низшей ступени церковной іерархіи, съ высоты своего философскаго величія онъ относился съ такимъ-же презрѣніемъ, какъ и вообще къ «простому народу». Но такъ какъ они не нападали ни на него, ни на его ученіе, напротивъ даже относились съ уваженіемъ къ автору книги Объ уединенной жизни, то онъ смотрѣлъ благосклонно на ихъ популярность въ тѣхъ слояхъ общества, до которыхъ не спускался самъ. Но писатели новеллъ, Боккачіо, Саккетти и серъ Джіованни любили выставлять монаховъ героями неприличныхъ повѣстей, и въ концѣ XV в. Массучіо да Салерно въ введеніи къ своему Новеллино откровенно высказалъ что, цѣль его новеллъ изобразить «распущенную жизнь лицемѣрныхъ монаховъ» Боккачіо указалъ путь къ этому даже въ своихъ теоретическихъ сочиненіяхъ. Сначала монахи раздражили его тѣмъ, что отзывались о поэзіи какъ о пустой забавѣ, а о поэтахъ какъ о слагателяхъ басень, упрекали послѣднихъ въ ихъ нескромныхъ выходкахъ и обвиняли въ наклонности къ язычеству. Поэтому и Боккачіо не щадитъ этихъ лицемѣровъ, которые принимаютъ на себя такой видъ, какъ будто хотятъ сказать вмѣстѣ съ пророкомъ: «ревность по домѣ Божіемъ терзаетъ меня». Они опускаютъ глаза въ землю, будто погружены въ глубокое размышленіе, ходятъ медленно, въ простомъ одѣяніи, будто совсѣмъ посвятили себя возвышенной созерцательной жизни, говорятъ мало, только когда

ихъ спрашиваютъ, и то со вздохомъ, поднявши глаза къ небу. Но они хотятъ этимъ добиться только того, чтобы народъ указывалъ на нихъ пальцами, вставалъ передъ ними и называлъ ихъ наставниками (равви). Они смиренно повинуются приказаніямъ высшихъ властей, но только для того, чтобы достичь высшихъ степеней. А въ то же время они очень хорошо умѣютъ поставить себя въ свѣтѣ, устраивать браки, присутствовать на пирушкахъ и помогать при составленіи духовныхъ завѣщаній. Слыша о поэзіи и поэтахъ, эти лицемѣры принимаютъ на себя такой видъ, будто приходятъ въ священное негодованіе [1])!

Подобно Боккачіо, и его младшій другъ Салютато, самъ по себѣ чуждый всякихъ раздоровъ и споровъ, только тогда вступалъ въ литературную борьбу, когда нападали на его классическія занятія и на древнихъ поэтовъ, когда напр. Джіованни да Доменико вооружился противъ слишкомъ неумѣренныхъ занятій языческими науками, или Джіованни да Санъ Миніато предостерегалъ молодежь отъ такихъ языческихъ соблазновъ. Съ другой стороны и Салютато, подобно Петраркѣ, при случаѣ хвалилъ монастырскую жизнь и ея священный досугъ [2]). Мы видимъ, что старшіе вожди гуманизма держались еще оборонительнаго положенія.

Но когда гуманизмъ сталъ уже господствующимъ направленіемъ, тогда уже не боялся перейдти и въ нападеніе. Предшественникомъ былъ въ этомъ отношеніи Ліонардо Бруни. Неизвѣстно, что побудило его обнародовать свою сильную полемическую рѣчь противъ лицемѣровъ. Веспасіано увѣрялъ, что знаетъ того достойнаго человѣка, противъ котораго направлена эта инвектива, но не хотѣлъ его назвать. Однако потомъ назвалъ: это Камальдулъ Траверсари, причемъ онъ имѣетъ, конечно, въ виду свою тѣсную дружбу съ Никколи и его размолвку съ Бруни [3]). Но это положительно ошибка. Самъ Бруни говоритъ о ненавистной группѣ людей, которымъ слѣдуетъ объявить непримиримую войну. Онъ упоминаетъ о томъ, что однажды былъ обманутъ двоими изъ числа ихъ, потомъ недавно едва не попалъ опять въ ихъ сѣти. Авторъ инвективы изображаетъ ихъ съ

---

1) Boccatii de geneal. Deor. lib. XIV cap. 5.

2) См. томъ I стр. 193—195.

3) Comment. di Manetti p. 98. Потомъ онъ говоритъ о рѣчи contra hypocritas еще темнѣе Frate Ambrogio § 6: che fu opinione ch' avesse fatta contro a frate Ambrogio. Рѣчь или инвектива напечатана въ Ort. Gratius Fasciculus rerum expetend. Colon. 1535, fol. 154, также отдѣльно съ разговоромъ Поджіо, родственнымъ по содержанію. Lugduni 1689. Очевидно, а это сочиненіе и имѣетъ въ виду Bruni epist IV, 14, написанное къ Гварино около времени Констанцскаго собора: Praeterea his duobus victus longo et continuato taedio quorundam hominum, qui boni haberi volunt, cœum sint mali, oratiunculam veteri more perscriptam in illos dedi.

ихъ невозмутимымъ спокойствіемъ, съ опущенными внизъ глазами, блѣдными лицами, въ грубомъ одѣяніи съ широкимъ капишономъ, съ наклоненными головами, какъ они проповѣдуютъ женщинамъ и глупцамъ, объясняютъ имъ сны и небесныя видѣнія и т. п. Это, безъ сомнѣнія, исконные враги гуманистовъ, которыхъ любитъ изображать такими же чертами и Поджіо, минориты—блюстители устава, самые пронырливые и ловкіе святоши. Имъ дивится народъ, толпами стекающійся слушать ихъ проповѣди, часто благодѣтельствуютъ государи, и они—любимцы папы Евгенія IV. Монахи эти однихъ себя считали послѣдователями св. Франциска, потому что каждую ночь читали молитву св. Дѣвѣ Маріи, каждый день два раза пѣли покаянные псалмы съ двойною литаніею, публично въ братской каялись и постоянно говорили объ умерщвленіи плоти и своей нищенствующей братіи. При этомъ они постоянно старались стѣснить конвентуаловъ—такъ называли ту часть ордена, которая не принимала такъ называемой реформаціи—и нападать на нихъ, чтобы подорвать ихъ популярность. Они высоко ставили брата Бернардино и еще при жизни торжественно готовились встрѣтить его въѣздъ, когда онъ возвращался на своемъ ослѣ, распространяли славу о чудесахъ его. Полагали, что онъ будетъ особенно чтимымъ святымъ новаго ордена, который тоже стремился отдѣлиться отъ францисканцевъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ воспользоваться его лучшимъ наслѣдіемъ.

Такъ же неизвѣстно, что вызвало Филельфо на борьбу съ этими нищенствующими монахами. Вѣроятно, и онъ подвергался личнымъ нападкамъ со стороны ихъ, или его языческая наука [1]. Быть можетъ, самая слава подобныхъ народныхъ ораторовъ раздражала оратора классическаго. Онъ напалъ на нихъ съ своими остротами и бранью такъ запальчиво, какъ обыкновенно нападалъ на другихъ, свѣтскихъ противниковъ. Вѣроятно, многія изъ его нападокъ есть въ его ненапечатанномъ сочиненіи de iocis et seriis (о шуткахъ и серьезныхъ дѣлахъ). Но мы ясно узнаемъ также въ одной изъ его сатиръ [2]) минорита, когда авторъ поноситъ человѣка, который съ высоты своей каѳедры проповѣдуетъ высшія блага вѣчной жизни и изображаетъ ужасы ада, котораго глупая чернь превозноситъ до небесъ, который славитъ имя Дѣвы Маріи съ чувствомъ грѣховной любви. Этого монаха Филельфо называетъ самымъ опаснымъ врагомъ всякой

---

[1]) О поводѣ къ спору сообщаетъ только Ioh. Iov. Pontanus de Sermone lib. V (Opp. Venehtae 1518 lib. II fol. 235). Онъ говоритъ о проповѣди брата Бернардино въ Миланѣ. Но это не согласуется съ данными изъ жизни Филельфо. Или эта сцена происходила въ Сіенѣ, или другой братъ проповѣдывалъ въ Миланѣ послѣ 1439 г.

[2]) Dec. II hec. 5.

дѣвственности и цѣломудрія [1]); ставитъ его наравнѣ съ низкимъ развратителемъ юношества и не скрываетъ той мысли, что, вѣроятно, и все сословіе похоже на него [2]). Вся дѣятельность монаховъ представляется ему пустымъ шарлатанствомъ, и онъ смотритъ на нихъ точно такъ же, какъ на нелѣпыхъ астрологовъ, дѣла которыхъ были въ цвѣтущемъ состояніи при Филиппѣ Маріи [3]). Эту сатиру онъ вручилъ вмѣстѣ съ другими папѣ Николаю V. Хотя послѣдній и не былъ покровителемъ блюстителей устава, однако причислилъ Бернардино къ лику святыхъ. Впрочемъ имя этого монаха было не названо прямо, поэтому это столь же мало смутило папу, какъ и выходки противъ медиковъ и его флорентинскихъ друзей.

Ту же самую борьбу, на которую Филельфо былъ вызванъ случайно, Поджіо велъ систематически и больше четверти столѣтія. Онъ былъ замѣшанъ въ тѣ интриги, которыя вели блюстители устава противъ францисканцевъ—конвентуаловъ. Папа Мартинъ V поручилъ ему составить въ канцеляріи нѣсколько декретовъ, согласно которымъ до рѣшенія главнаго капитула блюстители устава должны быть ограничены въ своей дѣятельности. Въ это время имѣли право проповѣдывать лишь немногіе изъ нихъ, а сооруженіе новыхъ обителей для братіи имъ запрещено. Быть можетъ, Поджіо на этотъ разъ исполнилъ свою обязанность съ особеннымъ усердіемъ. Но блюстители сочли его внушителемъ этихъ мѣръ и начали раздражать своими нападками. Онъ отплатилъ имъ за это. Прежде всего Поджію доказалъ, что они, несмотря на декретъ, хотѣли выстроить новую обитель, притомъ на землѣ, подаренной имъ флорентинцемъ Карло Риказоли вблизи Террановы, мѣста рожденія Поджіо, и виллы, которою онъ тамъ владѣлъ. Этимъ монахамъ, говаривалъ въ шутку Поджіо, лучше бы жить въ лѣсахъ и пустыняхъ, чѣмъ въ такихъ красивыхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ добродѣтель подвергаатся слишкомъ большой опасности [4]). Онъ зналъ порядки придворнаго управленія. Монахамъ было приказано тотчасъ же остановиться постройкой, даже сломать выведенныя стѣны. За это они ославили его врагомъ христіанской вѣры и гонителемъ вѣрующихъ.

---

1) Qui multum flagrare sinit. tentigine cunnum etc.

2) Ecce sacerdotes qui sacra deumque ministrant.

3) V. Rosmini Vita di Filelfo T. III p. 75. 76.

4) Его письмо къ Траверсари въ его Epistt. XXIV, 8, къ Никколи ibid. XXV, 41, и epist. IV, 3, 4 ed. Tonelli. Alberti Sarti anensis epist. 20. 21 и отвѣтъ Поджіо отъ 21 февраля (1430).

Съ тѣхъ поръ Поджіо до преклонныхъ лѣтъ остался непримиримымъ врагомъ ордена. Онъ изображалъ дѣятельность этого учрежденія яркими красками и съ изумительною вѣрностью. Часто, по его словамъ, онъ отправлялся для развлеченія послушать такихъ людей, какъ Бернардино или Альберто де Сартеано, изъ которыхъ одного Церковь римская признала святымъ, другаго блаженнымъ. При Евгеніи IV онъ видѣлъ, какими сѣтями опутали эти блюстители уставовъ папу и его дворъ. Ихъ вліянію приписывалъ онъ и нерасположеніе къ нему первосвященника Накипѣвшая въ немъ злоба высказалась въ разговорѣ противъ лицемѣровъ, въ которомъ собесѣдниками являются Марсуппини съ его заклятою враждою къ духовному сословію и бенедиктинецъ Алiотти. Здѣсь открывалъ тайны старый придворный, служившій больше 40 лѣтъ въ папской канцеляріи и пережившій семерыхъ или осьмерыхъ папъ. Мы составимъ себѣ общую картину, заимствуя черты изъ этого памфлета и изъ другихъ сочиненій и писемъ Поджіо, въ которыхъ авторъ нападаетъ на монашество вообще и на миноритовъ-блюстителей въ особенности.

На причины, побуждающія людей принять монашескій обѣтъ, Поджіо смотритъ какъ безстрастный реалистъ. Большею частію, по его мнѣнію, людьми руководитъ въ этомъ случаѣ желаніе жить праздно. Нѣкоторые изъ нихъ очень бѣдны и слабы, другіе слишкомъ лѣнивы и неспособны, такъ что не могутъ честнымъ трудомъ зарабатывать средства къ жизни. Развратные юноши, ничему не научившись, но промотавшіе свое состояніе, ославивши себя дурною жизнію, хотятъ возстановить свою честь тѣмъ, что дѣлаются монахами и надѣваютъ грязное одѣяніе, не очищая своей души и не оставляя своего прежнаго образа жизни. Большая часть миноритовъ-блюстителей были прежде лѣнивыми хлѣбопашцами и наемниками и поступили въ орденъ для того, чтобы не трудиться.

Самъ онъ, по его словамъ, не добродѣтельный человѣкъ, но презираетъ этихъ людей, которые притворною личиною добродѣтели обманываютъ не только другихъ, но и себя, считаютъ себя безукоризненными и въ своей надменности презираютъ всѣхъ прочихъ людей. Надѣвая грубое и грязное одѣяніе и деревянные башмаки, они гнутъ спину, ходятъ опустивъ голову, блѣдные и истощенные, и думаютъ этимъ доказать святость своей жизни и смиреніе. Но посмотрите на ту толпу лицемѣровъ, которая пріютилась около папы

---

[1]) Dialogus contra hypocrisim s. hypocritas, оттиски котораго приводятся въ томѣ I стр. 296 примѣч. 2. согласно Поджіо epist. IX, 20 ed. Tonelli написанъ въ ноябрѣ 1447 г. Кромѣ того выдаются Hist. conviv. de avaritia (Opp. p. 2 seqq.), de miseria sond. hum. lib. (Opp. p. 100 seq.), изъ писемъ epist. III, 26.

Евгенія IV. Публично они выказываютъ презрѣніе къ золоту, постоянно твердятъ имена Іисуса Христа и Св. Дѣвы Маріи, важничаютъ своими постами, однако умѣютъ пріобрѣтать богатство, обманываютъ набожныхъ людей и соблазняютъ честныхъ женщинъ. Почему они называютъ Спасителя только Іисусомъ, а не Іисусомъ Христомъ, себя послѣдователями Іисуса, а не христіанами, какъ другіе? Они хотятъ съ помощью этого новомоднаго обычая казаться обществомъ избранныхъ. Они говорятъ о своемъ аскетическомъ образѣ жизни, какъ о подвигахъ Геркулеса, толкуютъ о своемъ бѣдномъ одѣяніи, о томъ, что часто встаютъ ночью пѣть и славить Христа. По истинѣ дѣло великое, достойное всякой похвалы,—проводить безъ сна ночи, чтобы пѣть. Что бы сказали эти монахи, если бы имъ пришлось, какъ земледѣльцамъ, идти за плугомъ въ грозу и дождь, часто босыми ногами, часто полураздѣтыми?» Не смотря на строгость правилъ, монахи эти уходятъ изъ монастыря, расхаживаютъ по улицамъ и площадямъ, гдѣ продаются мясо, овощи, масло и рыба. Какъ докучливые попрошаи, а не какъ смиренные просители, они настойчиво требуютъ денегъ, башмаковъ и т. п., чего бы имъ не слѣдовало брать. Они живутъ трудами другихъ, а сами ничего не дѣлаютъ. А самые наглые изъ этихъ блюстителей всюду шнырятъ при дворѣ, чтобы выпросить для своего ордена милостей, льготъ и привилегій, а для себя епископства или кардинальской шляпы. Если потомъ они достигаютъ этого сана, то и папа и ихъ начальники виноваты въ этомъ; они приказали имъ такъ поступать и восторжествовали надъ ихъ пренебреженіемъ къ почестямъ.

А ихъ проповѣди, которыми они такъ превозносятся, утверждая что множество душъ спасли отъ ада!... О, если на нихъ посмотрѣть и послушать ихъ, то и меланхоликъ разсмѣется. Съ тѣхъ поръ какъ проповѣди Бернардино о покаяніи имѣли такой блистательный успѣхъ, что ему хочетъ подражать всякій безстыдный глупецъ. То они дѣлаютъ такіе жесты, будто хотятъ спрыгнуть съ каѳедры, то кричатъ какъ безумные, а потомъ тихо бормочутъ, то неистово стучатъ кулаками по каѳедрѣ, то смѣются, принимая всѣ виды, подобно Протею, и часто бываютъ больше похожи на обезьянъ, чѣмъ на проповѣдниковъ! Они совсѣмъ отдаются своей болтливости и если преслѣдуютъ какую нибудь цѣль, то не спасеніе душъ, а добиваются только сочувствія и любви простаго народа, который заставляютъ смѣяться и этимъ разнообразіемъ развлекаютъ. Добрыя женщины въ восхищеніи, сами не зная почему, и даютъ имъ подарки изъ благочестія. Часто эти проповѣдники останавливаются на нѣкоторыхъ темахъ и всюду толкуютъ о нихъ, часто громятъ избитыми фразами, такъ что ни сами они, ни слушатели ничего не понимаютъ, часто бываютъ такъ глупы и скучны, что слушатели засыпаютъ, часто такъ вооружаются про-

тивъ порока, что скорѣе на оборотъ—проповѣдуютъ его, разсказываютъ глупыя и неумѣстныя вещи или неприличныя исторіи. Поджіо знаетъ про одного изъ такихъ блюстителей, который проповѣдывалъ чуть не раздѣвшись до нага!.. Въ концѣ концовъ они совсѣмъ хрипнутъ и устаютъ, а слушатели уходятъ отъ нихъ глупѣе, чѣмъ пришли. Они вовсе никого не исправляютъ.

У Поджіо постоянно встрѣчаются подобныя картины, а въ особенности въ его Фацеціяхъ, приводится рядъ примѣровъ и разсказовъ про алчныхъ и прожорливыхъ монаховъ, про такихъ святыхъ, которые своимъ гнуснымъ обращеніемъ съ своими духовными дѣтьми нажили себѣ ту блѣдность и худобу, которымъ дивится народъ, говоритъ про оскверненіе святости брака и т. п. Часто встрѣчаются намеки на живыя лица, такъ что ихъ или узнавали, или думали въ нихъ видѣть того или другаго монаха, а нерѣдко авторъ прямо называетъ ихъ по именамъ. Если мы примемъ во вниманіе, что Поджіо былъ важнымъ лицомъ при дворѣ папы Николая V, когда писалъ разговоръ противъ лицемѣрія, что должность секретаря флорентинской республики высоко ставила его надъ массою обыкновенныхъ литераторовъ, когда онъ издавалъ Фацеціи, и если при этомъ вспомнимъ, какъ много читались его сочиненія, а особенно Фацеціи, то ихъ значеніе выступитъ предъ нами въ яркомъ свѣтѣ, и станетъ понятною та глубокая ненависть, какую питали къ нему нищенствующіе монахи.

Весьма понятно, что Поджіо былъ подстрекаемъ къ этой борьбѣ противоположнымъ направленіемъ своей дѣятельности. Онъ, безъ сомнѣнія, не былъ человѣкомъ строго-благочестивымъ, а еще въ меньшей степени можно признать за нимъ реформаторскія стремленія. Но онъ вовсе не желалъ даже внѣшнимъ образомъ отрѣшаться отъ союза съ церковью, даже уважалъ почтительныя отношенія обителей къ монастырю, какъ это было обычаемъ во Флоренціи. Это ему запрещало и уваженіе къ приличію, которое въ подобномъ случаѣ было требовательнѣе самой религіи. Поэтому вовсе не удивительно, что у него были во Флоренціи дружескія связи съ нѣкоторыми монахами, даже съ блюстителемъ устава Траверсари. Но для него было весьма прискорбно, когда его старшій сынъ, которому онъ далъ научное образованіе, вступилъ въ орденъ предикантовъ, блюстителей устава [1]). Но когда самъ Поджіо писалъ свое духовное завѣщаніе въ миноритскомъ монастырѣ С. Кроче, то пожелалъ, чтобъ его похоронили въ немъ. А черезъ годъ послѣ его смерти тамъ же должно было отслужить по немъ сто обѣдень. А если этого не бу-

[1]) Poggius epist. XIII, 39. XIV, 5 ed. Tonelli.

детъ исполнено, то его имущество, отказанное этой обители, должно перейти къ францисканцамъ-конвентуаламъ въ Гангерето, которые должны служить за упокой его души по пяти обѣдень каждую недѣлю. Эти распоряженія онъ сдѣлалъ въ первосвященство папы Евгенія IV, во время борьбы съ лицемѣрными блюстителями за исполненіемъ устава [1]).

Наконецъ упомянемъ здѣсь еще разъ о Валлѣ и объ его ожесточенныхъ нападкахъ на заслуги монашеской жизни и на безбрачіе въ разговорѣ о профессіи монаховъ, равно какъ и объ его распряхъ съ Антоніо да Битонто, тоже народнымъ проповѣдникомъ изъ ордена францисканцевъ-блюстителей. Онъ нападалъ въ обоихъ случаяхъ безъ личныхъ поводовъ, не такъ, какъ старый Гварино нападалъ на проповѣдника Джіованни да Прато, который возставалъ противъ направленія его наставнической дѣятельности и древнихъ поэтовъ [1]). Кто станетъ спорить противъ вліянія и значенія этихъ мужественныхъ, даже дерзкихъ протестовъ! Однако орденъ не могъ одолѣть ни одного изъ противниковъ или заставить отречься; всѣ они, и Бруни, и Филельфо, и Поджіо, и Валла, и Гварино сохранили свое положеніе и пользовались уваженіемъ современниковъ, слѣдовательно вышли изъ борьбы побѣдителями.

Однако церковь не пострадала ни отъ какихъ нападеній со стороны. Сами монахи, даже нищенствующіе, не могли остаться въ сторонѣ отъ новаго направленія, а вступать съ нимъ въ дружественныя отношенія было тоже, что подчиниться ему. Уже въ эпоху Саллютато Филиппо Виллани сообщаетъ намъ странныя извѣстія о монахахъ. Въ орденахъ, по его словамъ, есть, конечно, люди достойные, которые кромѣ чтенія священнаго Писанія увлекаются и мірскою литературою, но они рѣшаются наслаждаться ею лишь тайкомъ, избѣгаютъ гласности, боятся, что ихъ заподозрятъ въ стремленіи къ мірской славѣ [2]).

Но потомъ они преодолѣли эту боязнь, овладѣвшую ими вначалѣ. Примѣръ былъ показанъ во Флоренціи доминиканцами монастыря S.-Maria Novella и францисканцами монастыря С.-Кроче. Потомъ вспомнимъ о Траверсари, генералѣ ордена Камальдуловъ, который былъ въ близкихъ сношеніяхъ съ язычникомъ Траверсари и съ нескромнымъ Поджіо. Онъ восхищался цицероновскимъ краснорѣчіемъ и писалъ ради славы, какъ и вообще всѣ литераторы. Примѣръ генерала ордена принесъ свои плоды: это видно изъ исторіи обители дельи Анджіоли, къ которой онъ принадлежитъ. Паоло Орландини, братъ того же монастыря, на во-

---

1) Завѣщаніе отъ 19 октября 1443 г. въ Giornale storico degli archivi Toscani vol. II p. 1.

2) Изъ его epist. ad. anonymum у Mehus Vita Ambros. Travers. p. 333.

просъ о томъ, прилично ли монаху заниматься языческою литературою, отвѣчалъ утвердительно. Этого мало: какъ на главное основаніе этому, онъ указывалъ на то, что изученіемъ языческихъ сочиненій, можно развить въ себѣ блестящій ораторскій талантъ [1]. А Гвидо, пріоръ обители, призналъ эти науки лучшимъ занятіемъ во время монастырскаго досуга [2]. Такіе взгляды высказывались все рѣшительнѣе и были отстаиваемы даже выдающимися членами ордена. Т и м о т е о М а ф ф е и изъ Вероны, ученикъ Гварино, регулярный каноникъ латеранской конгрегаціи, три раза бывшій генераломъ своего ордена, будущій епископъ рагузскій, писалъ діалогъ противъ тѣхъ, кто считаетъ приличнымъ для членовъ ордена только «блаженное невѣжество», а гуманныя науки признаетъ пагубою благочестія. И эту книгу онъ посвятилъ папѣ Николаю V [3].

Какъ скоро стремленіе къ монашескому благочестію сталкивается съ стремленіемъ къ литературной славѣ на поприщѣ гуманныхъ наукъ, неизбѣжно являются личности съ двойственнымъ характеромъ. Онѣ напрасно стараются примирить между собою эти два стремленія, колеблются и становятся лицемѣрами передъ самими собою и передъ свѣтомъ. Мы видѣли эту внутреннюю борьбу уже у Траверсари. Его выручило въ этомъ случаѣ знаніе греческаго языка и возможность знакомить латинскій міръ съ греческими отцами Церкви и такимъ образомъ въ одно время оказать услугу и Церкви, и гуманистическимъ наукамъ. Но вполнѣ типическимъ представителемъ такихъ двойственныхъ натуръ является одинъ изъ его младшихъ приверженцевъ, бенедиктинецъ Д ж и р о л а м о А л і о т т и. Хотя онъ и второстепенный писатель, но съ этой точки зрѣнія заслуживаетъ вниманія [4].

Онъ родился въ 1412 г. [5], въ Ареццо, на родинѣ столь многихъ ученыхъ и литераторовъ, въ молодости пять лѣтъ учился въ сіэнскомъ университетѣ вмѣстѣ съ Энеемъ Пикколомини, который былъ много старше его лѣтами, занимался грамматикою, философіею и стилисти-

---

1) Изъ его Heptachicon ibid. p. 394.

2) ibid.

3) Zanelli Il pontefice Nicolo V p. 68, видѣлъ это сочиненіе въ cod Vatic. 5076. Объ его апологіи Козьмы Медичи см. T. 1 стр. 273 прим. 1. Его Epistola exhortatoria ad Italiae principes de bello Turcis inferendo, d. Bononiae 1454, указано у Endlicher Catal. p. 4.

4) Hieronymi Aliotti Arretini Epistolae et Opuscula Scarmalie notis et observationibus illustrata. T. I. II. Arretii 1769. Предпосланная біографія Аліотти составлена почти исключительно по письмамъ.

5) По Epist. VIII, 57. Въ другомъ свѣдѣніи epist. VI, 27, по видимому, простая ошибка.

кою, но не выбралъ себѣ никакой особой науки [1]). Мы помнимъ, что въ то время Маттіа Лупи преподавалъ въ Сіэнѣ гуманистическія науки и что тамъ-же возникъ Гермафродитъ Беккаделли. Слѣдовательно, побужденій къ занятіямъ языческою древностью было достаточно. Аліотти былъ бѣденъ и окруженъ бѣдными родственниками. Поэтому въ 1430 г. онъ поступилъ въ монастырь св. Флоры и Луциллы въ Ареццо, хотя не находилъ ничего отраднаго для себя въ монашеской жизни. Онъ былъ еще молодъ, но уже отрѣшился отъ вѣры. Даже въ то время, когда Алліотти «блуждалъ еще во тьмѣ», онъ признается, что когда слышалъ Евангеліе или читалъ посланія Апостола Павла и сочиненія блаженнаго Августина, то не хотѣлъ имъ вѣрить, даже сомнѣвался, были-ли когда нибудь Іисусъ Христосъ, апостолъ Павелъ и блаженный Августинъ. Безспорно, съ нимъ самимъ и его сомнѣніями происходило то же самое, что онъ разсказываетъ съ поэтическими прикрасами про близкаго ему монаха, котораго «древній врагъ» соблазнялъ— образовать свой умъ и посвятить себя гуманистическимъ наукамъ. Онъ больше любилъ читать Виргилія, чѣмъ псалмы, изящныя письма Цицерона предпочиталъ простымъ посланіямъ Апостола Павла, а Ливія и Квинтиліана—пророку Іезекіилю. Онъ сталъ скучать Богослуженіемъ. Если аббатъ, поручалъ Аліотти какое-нибудь церковное дѣло то онъ смотрѣлъ на это какъ на нѣчто непріятное и покорялся съ ропотомъ [2]). Онъ ясно сознавалъ въ себѣ призваніе къ чему-то высшему, но по бѣдности не могъ выдти изъ монастыря. Аліотти не задавалъ себѣ вопроса, можетъ ли монастырь содержать молодаго человѣка, готовящагося къ гуманистическому поприщу.

Во время такой душевной борьбы встрѣтилъ его Траверсари въ Ареццо и убѣждалъ остаться вѣрнымъ своему скромному положенію [3]). По словамъ Аліотти, уже самое появленіе Траверсари избавило его отъ сѣтей сатаны и внушило мысль вступить въ орденъ. Въ монастырѣ никто не принималъ участія въ его гуманистическихъ занятіяхъ. Здѣсь къ нему отнесся съ дружескими поощреніями только одинъ знаменитый и вліятельный монахъ, который тоже изъ низкаго званія возвысился до генерала ордена, и этому участію молодой человѣкъ обязанъ былъ отчасти своими занятіями, отчасти своею склонностью къ направленію блюстителей устава. Монахъ этотъ сдѣлался его образцомъ и въ то же время опорою

---

1) Такъ какъ въ Pii II Defensio (T. II p. 350) онъ опредѣляетъ время своего ученія отъ 1425 до 1430, то, вѣроятно прослушалъ только низшіе курсы.

2) Изъ сочиненій De felice statu religionis monesticae (Opp. T. II p. 141).

3) Онъ самъ разсказываетъ въ Hodoeporicon объ этомъ посѣщеніи въ декабрѣ 1431 г.: Consolati sumus Hieronymum nostrum, quantum licuit, atque ad perseverantiam animavimus etc.

для его честолюбивыхъ стремленій. Аліотти никогда не былъ человѣкомъ вполнѣ религіознымъ, но всегда стремился достичь высокаго и спокойнаго положенія. Мучимый сомнѣніями на счетъ того, можетъ ли монахъ читать книги язычниковъ и прилично ли его сану изученіе краснорѣчія, онъ сталъ писать одно сочиненіе. Авторъ доказывалъ, что эти занятія должны служить монаху «лишь отдохновеніемъ для утомленнаго ума», но что онъ не долженъ искать славы. А одному камальдулу, которому была посвящена книга, Аліотти ставилъ на видъ, что онъ какъ поэтъ, напрасно избралъ для своего таланта свѣтскій сюжетъ, указывалъ ему на обильную духовную пищу, содержащуюся въ книгахъ св. Писанія и допускалъ только такія поэтическія темы, какъ житія святыхъ и страданія мучениковъ. Такъ какъ самъ онъ не былъ поэтомъ, то его теорія вполнѣ согласовалась съ его вкусами и талантами [1].

Ему никто не запрещалъ въ монастырѣ углубляться въ книги. Но когда молодой человѣкъ началъ обнаруживать себя приверженцемъ наблюдателей за исполненіемъ уставовъ, поприще, которое въ то время манило многихъ честолюбцевъ и внесло раздоръ не въ одинъ монастырь, то аббатъ удалилъ его изъ обители [2]. Ему приходилось вести скитальческую жизнь, ища пріюта въ разныхъ мѣстахъ. Онъ охотно поступилъ бы въ орденъ камальдуловъ, чтобы жить подъ покровомъ Траверсари, но въ самомъ Камальдоли слышалъ, что генералъ ордена ищетъ предлога вѣжливо отказать ему, а папа не давалъ разрѣшенія выйти изъ ордена [3]. Изъ этого мы видимъ, что непостоянному монаху не довѣряютъ и не хотятъ ничего знать объ его наукахъ. Правда, самъ онъ всегда увѣрялъ, что стремится не къ блестящему положенію въ свѣтѣ и не къ славѣ своего имени, а предпочитаетъ тихую деревенскую жизнь, гдѣ радуютъ сердце журчащій ручей, тѣнистый лѣсъ, усладительное пѣнье соловьевъ и бесѣда съ книгами. Но собственно цѣлью его желаній былъ хорошо обставленный досугъ, богатая бенефиція, а если можно, то значительная должность и вліяніе. Онъ все еще надѣялся отличиться въ качествѣ ревностнаго блюстителя за исполненіемъ уставовъ, потому

---

[1]) De felici statu etc. Такъ какъ это сочиненіе было посвящено 13 января 1432 г. камальдулу Габріэлле въ монастырѣ дельи Анджіоли во Флоренціи, то оно, очевидно, не предназначалось для Траверсари.

[2]) Аліотти epist. II, 6, говоритъ, что обитель всегда принадлежала къ этому направленію и только впослѣдствіи отстранилась отъ него. Это постоянно утверждали въ подобныхъ спорныхъ случаяхъ.

[3]) Epist. I, 4. Другое письмо Аліотти къ генералу ордена, которое авторъ благоразумно не принялъ въ свое собраніе, есть въ числѣ писемъ Ambros. Travers. epist. XXIV, 13.

что такъ всего лучше можно было зарекомендовать себя у папы Евгенія и его кубикуларія и духовнаго отца, брата Арсеніо. Подвизаться въ качествѣ благочестиваго монаха Аліотти вовсе не желалъ. Онъ утверждаетъ, что какъ человѣкъ слабаго сложенія и здоровья — такимъ постоянно онъ изображаетъ себя,—онъ не можетъ вынести постовъ и бичеваній, требуемыхъ строгими монастырскими правилами. Хотя Аліотти показывалъ видъ, будто презираетъ свѣтъ и шумные города, однако въ 1439 г., когда во Флоренціи ожидали собора и папы, онъ рѣшился отправиться туда, чтобы поступить на службу при римскомъ дворѣ или къ какому нибудь прелату. Теперь его не тревожила суета и шумъ большаго города, и онъ чувствовалъ себя созданнымъ для общественной жизни [1]). Онъ, дѣйствительно, поступилъ на службу къ кардиналу Забареллѣ, епископу флорентинскому, и съ нимъ, какъ съ легатомъ, отправился во Францію. Но Аліотти только и исходатайствовалъ чрезъ него, что бѣдное аббатство S. Maria in Mamma въ аретинскомъ діоцезѣ.

Чтобы заслужить расположеніе папы, Аліотти, находясь въ стѣсненномъ положеніи, трудился надъ сочиненіемъ объ образованіи монаховъ. Но вскорѣ онъ узналъ, что одинъ изъ его сожителей вырвалъ листокъ изъ книги съ ничтожною цѣлью. Авторъ отомстилъ ему тѣмъ, что предалъ такому же поруганію его итальянскіе стихи. Потомъ онъ исправилъ книгу и посвятилъ ее папѣ Евгенію IV, смиренно предоставляя ему бросить ее въ огонь, такъ какъ авторъ не ищетъ мірской славы, которая, по его мнѣнію, скорѣе разсѣевается, чѣмъ дымъ и туманъ. Въ діалогѣ, въ которомъ посредникомъ является покойный Траверсари, «единственный фениксъ нашего времени», снова разсматривается вопросъ о томъ, приличны ли для монаха занятія наукою. Самъ авторъ выступаетъ защитникомъ монашеской простоты, а Траверсари находитъ это забавнымъ, такъ какъ онъ видѣлъ его изящныя письма [2]). Самъ папа не обратилъ вниманія на его книгу и не пожелалъ видѣть его изящныя письма. Только въ 1446 г. Алліотти получилъ достаточно богатое аббатство св. Флоры и Луциллы, изъ котораго когда-то былъ выгнанъ [3]). Но больше онъ ничего не достигъ, не смотря на свои хлопоты, напротивъ именно благодаря имъ. Его исканія епископіи сначала въ Ареццо, потомъ

---

[1]) Epist. I, 9. 11.—I, 12: Nam veterem illam quietem cellulae iam pridem diuturna oblivione sepelivi, et libentius nunc in rebus agendis versor, quam in contemplatione scripturarum, quamquam utrumque faciam, si erit opus. I, 19: ego tum agrestis consuetudinis et vitae prope confectus taedio, cum laadubilium studiorum desiderio incensus etc.

[2]) Epist. I, 28. 29. 30. II, 33. Книга de monachis erudiendis T. II p. 176 seq.

[3]) Epist. II, 67. III, 1.

въ Читта ди Кастелло остались безъ послѣдствій. Онъ умеръ въ своемъ небольшомъ аббатствѣ 20 іюля 1480 г. [1]).

Монахъ, желавшій отличиться, походилъ на поклонника краснорѣчія тѣмъ, что искусно умѣлъ льстить и угождать, также стремленіемъ украшать свои почтительныя посланія къ вліятельнымъ меценатамъ роскошными цвѣтами краснорѣчія. Но у него не было такта лучшихъ гуманистовъ и еще въ большей мѣрѣ литературной извѣстности, которая одна даетъ цѣну подобнымъ посланіямъ. Онъ постоянно старается въ краснорѣчивыхъ выраженіяхъ отклонить отъ себя подозрѣніе въ лести, тогда какъ на самомъ дѣлѣ даже между гуманистами принадлежитъ къ числу самыхъ противныхъ льстецовъ особенно когда хочетъ чего-нибудь добиться отъ лица, занимающаго высокое положеніе [2]). Если въ трудныя минуты своей жизни онъ получалъ письма отъ Траверсари, то благодарилъ его съ преувеличенною преданностью, говоря, что отъ радости не знаетъ, на яву онъ или во снѣ, и какъ часто цѣловалъ эти письма, не будучи въ состояніи цѣловать, священныя руки писавшаго [3])! Какими похвалами осыпалъ онъ Забареллу, получивши рѣчь, говоренную имъ королю французскому [4])! Когда Забарелла умеръ, то Аліотти написалъ въ честь его благодарственное надгробное слово, которое думалъ произнести на похоронахъ. Въ ней и духовенство и народъ флорентинскій сѣтуютъ о потерѣ отца отечества. Но когда онъ льстилъ его преемнику, человѣку иного направленія, то причислялъ своего бывшаго благодѣтеля къ сонму тѣхъ людей, которые стригутъ своихъ овецъ и сдираютъ съ нихъ шкуру [5]).

Аліотти старался поддѣлаться и къ Поджіо, потому что разныя связи послѣдняго при римскомъ дворѣ были полезны для его друзей. Тутъ онъ надѣялся войти въ его расположеніе тѣмъ, что изображалъ себя человѣкомъ отъ природы робкимъ и стыдливымъ, которому трудно признаться въ любви и который смѣлѣе откроется въ этомъ чувствѣ письменно. Послѣ такого введенія онъ прямо высказалъ ему самую грубую похвалу, именно что Поджіо по учености, серьезности и изяществу своей рѣчи стоитъ выше всѣхъ современниковъ и все таки ласковъ и обходителенъ. Аліотти очень хорошо зналъ, что Поджіо

---

1) Cp. G. Voigt. Pius. II Bd. III S. 618.

2) Здѣсь достаточно одного примѣра изъ его epist. II, 9 къ Забареллѣ: et ego enim illius sum ingenii, ut collocata apud me beneficia nullo pacto labi et excidere memoria possint, licet secus fortasse videatur nonnullis, quod natura mea ub officio adsentatoris quam longissime abest, et solet ut plurimum dominis placere adsentatio.

3) Epist. I, 4.

4) Epist. I, 14.

5) Epist. II, 27. 54. Самая рѣчь Opp. T. II p. 111.

неравнодушенъ къ похваламъ [1]), но не зналъ его опытности въ этомъ отношеніи. Чтобы вполнѣ угодить ему, онъ явно противопоставлялъ Поджіо надменнаго и недоступнаго канцлера Бруни, котораго по своей пошлости называетъ осломъ. Ученый этотъ не зналъ и того, что, не смотря на нѣкоторыя недоразумѣнія, Поджіо и Бруни всегда оставались друзьями. Когда это было передано Бруни, то Аліотти весьма постыднымъ образомъ отказался отъ такихъ оскорбительныхъ словъ, указывалъ на свою «безукоризненную жизнь», говорилъ, что онъ никого не оскорблялъ словами и желалъ всегда быть цѣнителемъ Бруни [2]). Дѣйствительно, когда онъ въ одной рѣчи, обращенной къ братіи во время поста въ 1442 г., возставалъ противъ лицемѣровъ, то сослался на извѣстную инвективу, написанную противъ нихъ его «высоко краснорѣчивымъ» землякомъ Бруни [3]). А какъ думалъ объ этомъ эпизодѣ Поджіо, можно видѣть изъ его откровенныхъ признаній Бруни, а также изъ той роли, какою онъ надѣляетъ брата Аліотти въ діалогѣ противъ лицемѣровъ. Однако онъ не порывалъ съ ними сношеній. И впослѣдствіи Аліотти говорилъ объ его «безсмертіи», чтобы заставить его хлопотать въ свою пользу при римскомъ дворѣ [4]).

Аліотти былъ вовсе не монахъ по натурѣ, какъ ни усиливался восторгаться благочестивою жизнью въ монастырѣ и твердить заученыя фразы о глубочайшимъ смиреніи. Поэтому онъ считаетъ нужнымъ постоянно указывать на свою монашескую простоту и кротость и увѣрять въ этомъ всѣхъ [5]) Но онъ уже вкусилъ отъ древа иного познанія, послѣ чего возвратъ къ невинности невозможенъ. Какъ онъ ни изловчается, все таки и въ бѣломъ орденскомъ одѣяніи виденъ «ораторъ и поэтъ». Гдѣ только можно, онъ пользуется этими талантами и возлагаетъ на нихъ свои блестящія надежды. Кромѣ Траверсари и Поджіо, онъ вступилъ также въ сношенія съ Марсуппини и Леоне Баттиста Альберти, съ Григоріо Корраро, Бьондо, съ своими земляками Бенедетто Аккольти и Тортелло, съ Леонардо Дати и Маффео Веджіо.

---

[1]) Nosti, quam sit percupida laudis senectus, говоритъ онъ намѣкая на Поджіо въ epist. II, 7.

[2]) Epist. I, 15. 16: Ego tuus sum, tuarum laudum et ornamentorum praeco et buccinator estiti, sempercue desidero fore.

[3]) Рѣчь см. Opp. T. II p. 293.

[4]) Epist. IV, 5. 8.

[5]) Какъ напр. въ странномъ письмѣ къ генералу ордена камальдуловъ Гомецу (epist. I, 20), въ которомъ онъ самымъ наивнымъ образомъ хвалитъ свою душу и утверждаетъ, что можетъ не стѣсняясь говорить такъ о самомъ себѣ, какъ о постороннемъ. Sum enim apertioris liberalis quenaturae, ut qui nihil fucatum, nihil simulatum recipiam etc.

При этомъ Аліотти носился съ разными литературными планами, хотя не обработалъ ничего, кромѣ писемъ и помянутыхъ нами трактатовъ о монашеской жизни. Когда Траверсари умеръ, то, желая почтить его память признательностью, онъ уговаривалъ Марсуппини и Альберти написать его біографію. Потомъ Аліотти хотѣлъ самъ приняться за эту работу, если монахъ, близко стоявшій къ генералу ордена, доставитъ ему матеріалъ на народномъ языкѣ. Но монахъ этотъ не оказалъ ему подобной услуги [1]). Аліотти отправился во Флоренцію, думалъ учиться по гречески и приготовиться, подобно Траверсари, къ переводамъ сочиненій по церковной литературѣ [2]) Но такъ какъ никто не помогалъ ему, хотя съ другой стороны никто и не мѣшалъ, то во Флоренціи онъ сталъ хлопотать только о томъ, какъ бы получить хорошее аббатство, а занятіе греческимъ языкомъ предоставилъ другимъ. Потомъ онъ принялся за исторіографію и вознамѣрился написать флорентинскую исторію съ той эпохи, на которой остановился Бруни, до своего времени и включить въ нее біографію Евгенія IV. Но Аліотти не нашелъ человѣка, который бы подготовилъ и предложилъ ему матеріалъ для обоихъ этихъ трудовъ; самъ онъ только хотѣлъ изложить его по латыни [3]). Бьондо, съ которымъ онъ совѣтовался о хорошей темѣ, посовѣтовалъ ему написать объ упадкѣ латинскаго языка и его возрожденіи, но атворъ находилъ, что у него мало свободнаго времени для подобной работы, въ сущности же у него не было для этого никакихъ необходимыхъ условій [4]). Это была собственно натура не плодовитая, хотя Аліотти обладалъ нѣкоторымъ запасомъ свѣдѣній и научился писать хорошо по латыни. Самое лучшее, что онъ дѣлалъ, это переписка книгъ для другихъ [5]). У него было скромное аббатство въ Ареццо, но онъ вознамѣрился изъ тщеславія заказать переписку книгъ и небольшихъ сочиненій знаменитыхъ литераторовъ своего времени и такимъ способомъ собрать въ своемъ монастырѣ библіотеку новѣйшихъ писателей. Начать аббатъ хотѣлъ съ сочиненій Поджіо [6]). Но и этотъ планъ остановился въ самомъ началѣ, и онъ ограничился тѣмъ, что собралъ свои собственныя письма [7]). Такъ всю свою жизнь онъ вращался между двумя полюсами, между монашествомъ и гуманистическими науками, не сдѣлавъ ничего полезнаго.

---

1) Epist. I, 18. 21. 22. 23.
2) Epist. II, 9.
3) Epist. II, 46.
4) Epist. II, 46. 48.
5) Epist. II, 63. 64. III, 7.
6) Epist. IV, 6 къ Поджіо.
7) Epist. V, 45. VII, 21. 32. 42. T. II epist. VIII, 18. 38.

Нищенствующіе монахи должны бы были всячески избѣгать классическихъ наукъ, какъ и всякой классической роскоши. Однако и въ этомъ случаѣ не малое число ихъ было привлечено въ сферу гуманизма. Даже о святомъ Бернардино разсказываютъ, что онъ изучалъ краснорѣчіе по образцамъ древнихъ писателей. Мы знаемъ положительно, что въ этомъ упражнялся одинъ изъ его приверженцевъ и послѣдователей, прославленныхъ главъ миноритовъ, регулярныхъ блюстителей устава, народный проповѣдникъ Альберто да Сартеано [1]). Мракомъ неизвѣстности покрыта ранняя юность этого монаха, о заслугахъ котораго краснорѣчиво свидѣтельствуютъ письменные документы его ордена и котораго римская церковь если не причислила къ святымъ, какъ Бернардино, то все-таки наименовала блаженнымъ. Мы только знаемъ, что онъ долгое время жилъ во Флоренціи и былъ друженъ съ Поджіо, Никколи, Траверсари и Бруни. Поэтому ясно, откуда явилась у него ранняя склонность къ гуманнымъ наукамъ. Онъ уже, вѣроятно, въ то время принадлежалъ къ ордену, а потомъ, еще молодымъ человѣкомъ [2]), отправился въ сентябрѣ 1422 г. съ сильною охотою къ ученью къ Гварино, который въ то время содержалъ школу на своей родинѣ, въ Веронѣ. Цѣлью его было усвоить себѣ греческій языкъ и вмѣстѣ съ тѣмъ усовершенствоваться въ латинскомъ краснорѣчіи. Онъ достигъ этого въ 10 мѣсяцевъ, насколько вообще могъ достичь. Неутомимое прилежаніе ученика соотвѣтствовало трудолюбію наставника, такъ что вскорѣ Гварино больше любилъ называть его другомъ, чѣмъ ученикомъ. Несмотря на свое монашеское платье онъ былъ въ сношеніяхъ съ товарищами по занятіямъ греческимъ языкомъ и поддерживалъ переписку съ флорентинскими покровителями, особенно съ Никколи. Въ Веронѣ, въ провинціальномъ капитулѣ своего ордена, онъ говорилъ, публичную рѣчь о таинствѣ причащенія [3]).

---

[1]) Beati Alberti a Sarthiano Opera omnia illustrata a F. Haroldo, Romae 1688. Здѣсь напечатаны три рѣчи и 125 писемъ, которымъ издатель предпослалъ жизнь блаженнаго Сартеано. Изданіе писемъ у Martene et Durand Vett. Schiptt. ampl. Collect. T. III p. 755 seq. можетъ при этомъ быть оставлена безъ вниманія.

[2]) Это безъ сомнѣнія ошибка, или его смѣшиваютъ съ другимъ лицомъ, если Уаддингъ и его преемникъ говоритъ, что онъ уже въ 1415 г. и на 30-мъ году жизни перешелъ въ блюстители, слѣдовательно родился въ 1385 г. Онъ самъ говоритъ въ epist. 25. 33. 87, что in adolescentia и puer pene учился у Гварино. Поэтому было бы произволомъ относить это къ прежнему преподованію Гварино во Флоренціи и допустить, что Альберти учился у него два раза. И Траверсари (Ambros. Travers. epist. VIII, 1) называетъ его verecundus adolescens, чего никто не скажетъ про 38-лѣтняго мужчину особенно если самъ онъ только годомъ моложе.

[3]) De sanctissimo eucharistiae sacramento отъ 1422 г. Траверсари прямо говоритъ, что она сказана въ Веронѣ. О пребываніи Гварино въ Веронѣ см. его epist. 2. 6. 8.

Какъ истинный ученикъ Гварино, во вступленіи ораторъ говорилъ о томъ недовѣріи, какое питаетъ къ своему слабому уму, учености, краснорѣчію и т. д. Онъ привелъ и нѣкоторые тексты изъ запаса вновь пріобрѣтенной греческой учености. Гварино, какъ и всегда, былъ въ восторгѣ отъ своего ученика. А Траверсари, которому молодой монахъ сообщилъ свое произведеніе, чтобы слышать его откровенное мнѣніе о немъ или по крайней мѣрѣ вызвать похвалу, признавалъ благія стремленія и нѣкоторый ораторскій талантъ, но нашелъ содержаніе недостаточно серьезнымъ, а слогъ не особенно легкимъ. Хотя братъ Альберто и выразилъ желаніе подражать изяществу Гварино и легкости рѣчи Поджіо, однако, дѣйствительно, его латынь отзывается темнотою и тяжеловатостью монашеской латыни. Только братья по ордену могли считать его искуснымъ писателемъ. Греческимъ же языкомъ онъ впослѣдствіи никогда не пользовался или прибѣгалъ къ нему мимоходомъ.

Эпохою пребыванія во Флоренціи и Веронѣ закончилось и гуманистическое образованіе нашего минорита. Когда братъ Бернардино, прославленный конгрегаціею святой, говорилъ въ іюлѣ 1423 г. свои проповѣди о покаяніи, то Альберто поспѣшилъ къ нему. Онъ желалъ подъ его руководствомъ изучить народную проповѣдь съ ея чудесами а потомъ странствовать и самому по примѣру его [1]). Съ тѣхъ поръ вся его жизнь посвящена дѣятельности ордена и наблюденію за исполненіемъ уставовъ. Въ капитулахъ и при выборахъ онъ былъ энергиченъ, также при основаніи новыхъ обителей, въ борьбѣ съ конвентуалами, въ ухаживаніи за папами, кардиналами и епископами, если ему нужна была ихъ поддержка и новыя милости. Онъ отправлялся и на востокъ, въ Іерусалимъ и къ священнику Іоанну по дѣламъ ожидаемаго соединенія церквей. А всего больше онъ странствовалъ по городамъ Италіи, гдѣ, подобно Бернардино, громилъ роскошь, женскіе наряды, игру въ кости и карты и потрясалъ умы вѣрующихъ. Его и Джіованни да Капистрано считали самыми достойными послѣдователями Бернардино, столпами конгрегаціи [2]). Старый Гварино, слышавшій проповѣдь Сартеано въ маѣ 1447 г. въ Феррарѣ, крайне гордился этимъ питомцемъ, передъ которымъ ежедневно стояли на колѣнахъ тысячи народа, который въ теченіи четырехъ часовъ могъ говорить не измѣняя голоса, гремѣлъ «какъ труба, даже какъ громъ». Особенно увлекъ этотъ проповѣдникъ однажды своего наставника, когда восхвалялъ науки и, конечно, въ угоду ему, убѣждалъ къ изученію ихъ, при-

---

[1]) Epist. 9 къ Гварино.

[2]) Объ этой сторонѣ его дѣятельности см. Wadding Annal. minor. edit. Lugdun T. V p. 101 seq.

водя примѣры и свидѣтельства изъ древнихъ и новыхъ писателей, изъ поэтовъ и ораторовъ языческихъ и христіанскихъ. За это Гварино воспѣлъ его въ гекзаметрахъ и посвятилъ ему жизнь св. Амвросія [1]. Но народный проповѣдникъ не дожилъ до старости; онъ умеръ, и 15 августа 1450 г. его похоронили въ монастырѣ С. Анджело у воротъ Милана.

И братъ Альберто не уяснилъ себѣ вопроса о томъ, въ какомъ случаѣ ему слѣдуетъ ратовать противъ классическаго язычества и насколько онъ можетъ отрѣшиться отъ своей прежней страсти къ нему. Однажды онъ хотѣлъ предоставить Сципіона Африканскаго за тщету его дѣяній «кичливой древности», а въ другой разъ разсказывалъ брату своего ордена въ капитулѣ опять про Сципіона Африканскаго [2]. Онъ ратуетъ противъ «преданныхъ міру писателей нашего времени», также направляетъ небольшую филиппику противъ «стремящихся къ суетной славѣ [3])», однако самъ послалъ свои сочиненія и письма флорентинскимъ друзьямъ, чтобы вѣжливостями въ простомъ духѣ и своимъ незамысловатымъ и почти грубымъ краснорѣчіемъ вызвать ихъ лестные отзывы. Мы помнимъ, что онъ хотѣлъ разразиться громами противъ Гермафродита и при этомъ даже не считалъ нужнымъ щадить ни своего наставника Гварино, ни друга Поджіо за то, что они похвалили нескромное произведеніе. На сторонѣ его былъ и тотъ братъ Джіованни да Прато, который проповѣдывалъ въ Феррарѣ противъ стараго Гварино, читавшаго постомъ Теренція съ своими учениками [4]. Однако онъ даже въ присутствіи Гварино хвалилъ его методу преподаванія гуманныхъ наукъ!

Съ Поджіо братъ Альберто былъ постоянно въ отличной дружбѣ. Канцлеръ умѣлъ цѣнить классическое образованіе даже у такого монаха, тѣмъ болѣе, что послѣдній во время своихъ миссіонерскихъ поѣздокъ не прочь былъ искать книги для него и для Никколи [5]. Конечно, о проповѣдяхъ его онъ былъ въ душѣ того же мнѣнія, какъ и о проповѣдяхъ его сподвижниковъ. Альберто былъ въ смущеніи, когда въ 1430 г. при постройкѣ орденской обители въ Террановѣ и Гангеррѣ,

---

1) Письмо Гварино отъ 7 мая 1447 г и его посвященіе у Martene et Durand Vett. Scriptt. collect. T. III p. 855. 874.

2) Epist. 43 отъ 23 марта 1436 г.: Scipio Africanus, de quo spirans inflata gentilitas tanta, quamvis mortalia et inania incitat. Напротивъ рѣчь pro electione ministri generalis отъ 1443 г.

3) Contra appetitores vanae laudis, приписанное Ліонелло д'Эсте, напечатано какъ epist. 66.

4) Epist. 103.

5) Poggius epist. III, 35 ed. Tonelli отъ 10 іюня 1429 г.: Albertus de Sarteano, doctus, perhumanus vitaeque, ut puto, integerrimus. Точно также epist. IV, 3.

Поджіо не только помѣшалъ братіи - блюстителямъ, но и сдѣлалъ рѣзкій отзывъ о цѣломъ сословіи. Онъ не желалъ проповѣдывать противъ друга на площадяхъ, поэтому взялся за перо не только въ защиту своихъ сподвижниковъ по ордену, но и съ тѣмъ, чтобы расхвалить ихъ въ литературѣ, дабы «невинные рабы» Божьи не пострадали отъ нападокъ человѣка талантливаго и извѣстнаго [1]). Онъ хочетъ бесѣдовать съ нимъ въ духѣ христіанской любви и потому обыкновенно называетъ его дорогимъ Поджіо, но не хочетъ выдавать и своего сословія. Альберто упрекаетъ его въ томъ, что онъ услаждается изреченіями древнихъ, «словно свиною бардою (!)», какъ повѣствуется въ притчѣ о блудномъ сынѣ. И это прежде всего потому, что Поджіо называетъ напиткомъ Юпитера—превосходное вино изъ Гангерето, котораго онъ не давалъ монахамъ. «Не значитъ ли это поносить Бога или прямо признавать, что Юпитеръ—твой богъ!» Онъ хорошо сдѣлалъ, что смягчилъ тонъ и съ человѣкомъ, мыслящимъ по-мірски, боролся мірскимъ оружіемъ—ученостью и краснорѣчіемъ. Если онъ ссылается на Цицерона, то это имѣетъ такой видъ, будто онъ лишь примѣняется ко взгляду Поджіо: «твой Туллій». Однако классическая ученость льется у него какъ изъ рога изобилія, хотя онъ пересыпаетъ ее цвѣтами христіанскихъ истинъ. Поджіо предоставилъ своему другу, монаху, разглагольствовать и съ юморомъ отнесся къ его нападкамъ [2]).

Разставаясь съ временемъ Николая V, бросимъ бѣглый взглядъ на слѣдующія десятилѣтія и ограничимъ нашу задачу папствомъ и Римомъ. Еще долго помнили, чѣмъ былъ прежній папа для ученыхъ и составителей книгъ; его даже не по заслугамъ возвеличили, какъ идеалъ великодушнаго и милостиваго мецената [3]). До него ученые, не бывшіе ни канонистами, ни богословами, никогда не пользовались такимъ почетомъ, никогда не получали такъ легко и такою толпою должностей и высшаго положенія.

---

[1]) Epist. 20 къ Никколи. Epist. 21 къ Поджіо есть самое сочиненіе.

[2]) Поджіо къ Траверсари отъ 15 марта 1430 г. въ письмахъ Амврозія Траверсари epist. XXIV, 8: Albertus.... satis acriter me reprehendit, sed bono animo. Въ концѣ: Vale et ora pro Poggio tuo, hoc est, ut fiat bonus. Albertus a Sarthiano epist. 89 къ Поджіо отъ 30 марта 1443 г.

[3]) Такъ изображаетъ его напр. епископъ алерійскій, какъ образецъ для папы Каликста. Онъ говоритъ ему въ предисловіи къ первому изданію Комментаріи Николая да Лира у Botfield Prefaces p. 48; Venerare doctos homines, aeternitatis vosa!... Venerare libros, immortalitatis instrumenta! Такова дѣйствительно была программа Николая V.

На первыхъ порахъ отливъ былъ неизбѣженъ. Преемника Николая V, престарѣлаго Каликста III, на котораго выборъ палъ именно въ силу его старческой слабости, воодушевляла только одна мысль—о войнѣ съ турками; а все остальное онъ предоставилъ своимъ родственникамъ изъ дома Борджіа. Если кто хотѣлъ его похвалить, то называлъ канонистомъ. Къ гуманнымъ наукамъ у него никогда не было влеченія. Мы знаемъ, какъ онъ смѣялся надъ собраніемъ книгъ своего предшественника и какъ поступалъ съ греческими рукописями. Въ ученомъ кабинетѣ папы, послѣ его смерти, нашли лишь нѣсколько экземпляровъ Ветхаго и Новаго Завѣта и книги по богословію и каноническому праву [1]). Гуманистовъ, набранныхъ Николаемъ V въ секретари, притомъ во множествѣ, нельзя было удалить сейчасъ-же. Но имъ уже не оказывали предпочтенія. «Кателаны», свита фамиліи Борджіа, съумѣли проникнуть въ канцелярію. Сначала попытались было подносить папѣ въ даръ литературныя работы, но потомъ перестали, потому что это оказалось дѣломъ вполнѣ неблагодарнымъ. Поэтому литераторы смотрѣли на слабоумнаго старца съ презрительной усмѣшкою. Они пустили въ ходъ молву, будто кардиналъ Капраника тотчасъ же по его вступленіи на первосвященническій престолъ сказалъ: «Какъ глупо поступили дураки, что выбрали дурака [2])!» Узнавши, что папа «къ великой общей радости» наконецъ умеръ, Филельфо высказалъ, желаніе чтобы съ блаженнымъ успеніемъ этого «человѣка» миновало время спячки для наукъ [3]).

Тотъ же Филельфо съ восторгомъ привѣтствовалъ новаго папу Пія II, того Энея Сильвія, который уже пользовался громкою славою какъ ораторъ и былъ вѣнчаннымъ поэтомъ, какъ солнце, которое лучами своими разсѣяло густой туманъ. Отъ него ждали даже большаго, чѣмъ прежде отъ Николая V, именно, что онъ соберетъ около себя большой кружокъ ученыхъ, надѣлитъ ученыхъ и поэтовъ жалованьемъ и подарками, должностями и высокимъ положеніемъ. Но люди, сами вышедшіе изъ такого кружка и достигшіе высшихъ степеней, не всегда бываютъ покровителями своихъ прежнихъ товарищей по роду занятій. Пій II, несомнѣнно, питалъ любовь къ наукамъ и искусствамъ. И онъ приказалъ отыскивать греческія и латинскія рукописи и переписывать ихъ; его дворъ опять сдѣлался сборнымъ мѣстомъ архитекторовъ, ваятелей, живописцевъ, золотыхъ дѣлъ мастеровъ и миніатю-

---

1) См. каталогъ у Müntz Les arts à la cour des Papes. I Partie p. 213.

2) Jo. Jac. Pontanus de magnificentia (Opp. lib. I fol. 130).

3) Его письмо къ Виссаріону отъ 13 августа 1458 г.

ристовъ [1]). Но этотъ папа не особенно любилъ грамматическую ученость и греческую литературу. Поджіо, Валла и вообще старшее поколѣніе гуманистовъ, которому онъ обязанъ былъ своимъ образованіемъ, вскорѣ умерло; Филельфо, бывшій когда-то его наставникомъ, возстановилъ его противъ себя своею безстыдною назойливостью. Особенно мало пользовались милостями папы поэты, который самъ когда-то писалъ много стиховъ, и часто вмѣсто награды надъ ними смѣялись. По его словамъ, ораторъ и поэтъ должны быть великими художниками, а иначе они ничего не стоятъ. Это доказываетъ, что Пій II хорошо понималъ недостатки и слабости писателей. Что касается безсмертія въ потомствѣ то онъ полагалъ, что самъ заслужитъ его собственными сочиненіями, такъ что его не слѣдуетъ ждать отъ посвященій и похвалъ другихъ литераторовъ. Уже будучи папою, онъ любилъ остроумныя изреченія, говорилъ хорошія рѣчи и дорожилъ похвалами, писалъ или диктовалъ высокопарныя буллы и грамоты, написалъ Записки о времени своего правленія и учеными трудами хотѣлъ удостоиться славной памяти въ исторіи. У него было лишь нѣсколько литературныхъ любимцевъ, такіе люди, какъ Джіантоніо Кампана и кардиналъ Амманати-Пикколомини, развлекавшіе его своею остроумною бесѣдою и иногда соперничавшіе съ нимъ въ сочиненіи веселыхъ эпиграммъ. Онъ самъ былъ такой замѣчательный писатель, что не могъ быть настоящимъ меценатомъ [2]).

Преемникомъ его былъ Павелъ II. Оскорбленный придворный Платина, писавшій исторію папъ, распустилъ про него молву, будто онъ грубый и принципіальный противникъ классическихъ наукъ и былъ отъявленнымъ врагомъ римской «академіи». Тотъ же папа, по его словамъ, разыгрываетъ изъ себя мецената, если спросить хоть Филельфо, которому онъ не разъ дѣлалъ подарки. Между тѣмъ у насъ достаточно всякаго рода матеріала, на основаніи котораго мы можемъ составить себѣ ясное понятіе о немъ и объ его отношеніи къ академіи. Притомъ отзыву озлобленнаго Платины противорѣчатъ письма Павла II, по которымъ все это дѣло является совершенно въ иномъ свѣтѣ. Но онъ даетъ намъ возможность видѣть характеръ

---

1) По счетамъ казны у Müntz l. c. p. 224. L. Duchesne De codicc. mss. graecis Pii II въ Bibliotheca Alexandrino-Vaticana (Bibliothèque des écoles franç. d'Athènes et de Rome Fasc. XIII). Paris 1880 насчитываетъ 55 греческихъ рукописей съ отмѣткою Пія II, большею частію церковные писатели, также Демосѳенъ и другіе классики. Но какъ могутъ быть въ этомъ числѣ рукописи, писанныя долго спустя послѣ смерти Пія II, въ XVI вѣкѣ?

2) Указываю здѣсь въ моемъ сочиненіи Pius II Bd. III s. 600 ff. на главу Pius als Mäcen der Humanisten.

этихъ самолюбивыхъ литераторовъ, особенно усилившихся при Николаѣ V и все глубже проникавшихъ въ организацію и духъ римскаго двора.

Число секретарей, аббревіаторовъ и писцовъ при папской канцеляріи значительно увеличилось уже со времени Мартина V, но главнымъ образомъ при Николаѣ V, потому что на эти должности стали смотрѣть какъ на бенефиціи, которыми всего удобнѣе было надѣлять разныхъ лицъ, въ особенности же гуманистовъ и поэтовъ. Пій II очистилъ секретарское отдѣленіе, занятое неспособными креатурами его предшественника, и снова наполнилъ людьми своего выбора, непотами и второстепенными гуманистами или такими, которые покупали мѣста. Потомъ онъ сдѣлалъ смѣлый шагъ, именно преобразовалъ составъ коллегіи аббревіаторовъ, имѣвшихъ право на пожизненную несмѣняемость. Онъ оттѣснилъ прежнихъ чиновниковъ и принялъ разныхъ сіенцевъ и другихъ любимцевъ, также частію изъ милости, частію продажею должностей. Павелъ II, всегда бывшій противникомъ Пія, и въ этомъ случаѣ поступилъ противоположно ему. Онъ прогналъ изъ куріи назначенныхъ имъ аббревіаторовъ [1]). Въ числѣ ихъ былъ Бартоломео Сакки да Піадена, извѣстный какъ писатель подъ латинскимъ именемъ Платина, по мѣсту своего рожденія. Въ молодые годы онъ простымъ солдатомъ служилъ у герцога Франческо Сфорцы, потомъ учился въ школѣ Оньибене да Виченца, ученика Витторино да Фельтре, и жилъ въ Мантуѣ и Флоренціи, пока не переселился въ Римъ при папѣ Калликстѣ. Онъ искалъ расположенія Пія II, при которомъ получилъ, или лучше сказать купилъ должность аббревіатора [2]).

Для такого человѣка, какъ Платина, было разумѣется тяжело лишиться не должности, а доходовъ, связанныхъ съ нею. Но это еще не даетъ ему права выставлять себя и всѣхъ потерпѣвшихъ вмѣстѣ съ нимъ — мучениками за гуманистическія науки, а папу Павла — врагомъ послѣднихъ. Удаленные литераторы и чиновники составили сильную оппозицію и думали, конечно, такъ же, какъ Платина. Они, какъ поэты и ораторы, по мнѣнію ихъ, по крайней мѣрѣ сдѣлали столько же для для куріи, сколько получили отъ нея. Людей съ ихъ ученостью папѣ слѣдовало бы напротивъ собрать со всего земнаго шара. Они требовали, чтобы ихъ дѣло было представлено на разрѣшеніе судей Rota, или папа долженъ

1) G. Voigt. Pius II Bd. III s. 550—554.

2) Vairani Cremonensium monumenta Romae extantia P. 1 Romae 1778. Весь этотъ томъ посвященъ Платинѣ, котораго тоже называютъ Кремонцемъ, потому что Піадена находится подлѣ Кремонзе. Тутъ принято въ соображеніе p. 4. 5 и Oratio de laudibus bonarum artium p. 100, обращенная къ папѣ Пію.

дать имъ аудіенцію. Но Павелъ II отказалъ имъ и остался при своемъ рѣшеніи. Тогда Платина обратился къ нему съ угрожающимъ посланіемъ отъ имени своихъ товарищей, въ которомъ говорилось, что они поднимутъ на ноги государей и составятъ соборъ надъ нимъ. Отвѣтомъ на это было заключеніе въ тюрьму непокорныхъ. Было назначено слѣдствіе по дѣлу о пасквилѣ и этой угрозѣ соборомъ. Послѣ четырехмѣсячнаго тяжкаго заключенія Платина едва могъ стоять на ногахъ, и его наконецъ освободили по ходатайству одного кардинала. Но ему запрещено было выѣзжать изъ Рима [1]). Литераторы, которыхъ долго ласкали и баловали и которые потомъ осмѣлились объявить войну папѣ, были жестоко наказаны за свою надменность, Но это было лишь введеніемъ къ болѣе ужасной драмѣ.

Въ то время младшее поколѣніе гуманистовъ и поэтовъ сгруппировалось вокругъ профессора Помпоніо Лето, экзальтированнаго поклонника древности, идеалы котораго таились въ древнѣйшемъ Римѣ и въ древнѣйшихъ словахъ и формахъ латинскаго языка. Его считали человѣкомъ, презирающимъ христіанство, поклонникомъ генія города Рима. По видимому, онъ считалъ и любовь къ дѣтямъ древнимъ римскимъ элементомъ. Его упрекали въ зазорныхъ отношеніяхъ къ одному ученику, молодому венеціанцу, но онъ оправдывался тѣмъ, что только воспѣвалъ его красоту. Но Лето умѣлъ воодушевить своими мечтаніями не только юношей, но и людей зрѣлаго возраста, и собрать около себя. Такъ возникло его «литературное товарищество», академія, члены которой носили римскія или греческія имена, держали совѣщанія въ домѣ своего главы на Квириналѣ и вели диспуты и тамъ же праздновали день рожденія Ромула и Рема [2]). Они называли себя жрецами римской академіи, а основателя ея верховнымъ жрецомъ (pontifex maximus). Они увѣковѣчили свои имена надписями при посѣщеніи катакомбъ [3]). Все это само по себѣ могло считаться невинною забавою. Но весьма вѣроятно, что въ сумасбродныхъ головахъ Лето и его приверженцевъ возникали языческія и республиканскія вожделѣнія.

Въ 1468 г. во время карнавала около 20 человѣкъ этихъ поклонниковъ гуманныхъ наукъ были арестованы по подозрѣнію въ заговорѣ, котораго, но показанію Платины, совсѣмъ не существовало. По видимому, большинство ихъ, какъ и самъ Платина, принадлежали къ академіи. Главою ихъ былъ, какъ говорятъ, Филиппо Бонак-

---

1) Platina in vita Pauli II.

2) Raphael Volaterranus lib XXI. Но онъ видитъ въ этомъ празднествѣ initium abolendae fidei.

3) De Rossi La Roma sotterranea, cristiana T. I, Roma 1864, Prefaz. p. 6. Это было въ 1475 г.

корси, хорошо извѣстный членъ академіи подъ именемъ Каллимаха Эксперіента. При Піи II онъ служилъ при дворѣ и занималъ второстепенную должность. Утверждали, что заговорщики, по низверженіи папы, хотѣли сдѣлать его властителемъ города, даже папою. Подобное обвиненіе само по себѣ довольно безсмысленно. Конечно, чтобы оправдать себя, Платина выставляетъ его человѣкомъ глупымъ, хвастуномъ, который напившись пьянымъ, убивалъ королей, раздавалъ разные титулы и владѣнія, но товарищи никогда не считали его человѣкомъ серьезнымъ. Насъ нисколько не удивляетъ, что папа считалъ подобный заговоръ вѣроятнымъ. Онъ ждалъ мести отъ обиженныхъ аббревіаторовъ. Глава заговора, бывшаго при Николаѣ V, рыцарь Стефано Поркари, тоже былъ гуманистъ, возмечтавшій о возстановленіи римской республики. Гибеллинскія шайки продолжали безчинствовать въ Римѣ, и постоянно слѣдовало опасаться ихъ стачки съ главами разныхъ партій въ городѣ, съ бѣглецами и изгнанниками внѣ города. Еще при Піи II молодой Тибурціо стоялъ во главѣ подобной шайки, задумавшей свергнуть иго духовенства и возстановить древнюю римскую свободу. Павелъ II дѣйствовалъ рѣшительно, подавилъ всякую мысль о заговорѣ и держалъ въ рукахъ матеріалъ для слѣдствія. Каллимахъ, угрожавшій ему больше всѣхъ, бѣжалъ сначала въ Грецію, а потомъ въ Польшу, гдѣ составилъ себѣ удачную карьеру. Платина былъ заключенъ въ замокъ св. Ангела вмѣстѣ съ другими и нѣсколько разъ подвергался жестокимъ пыткамъ, такъ что отчаялся поправить свое здоровье. Онъ зналъ за собою только одно преступленіе, что не донесъ о болтовнѣ Каллимаха; иначе онъ бы послѣдовалъ заблаговременно совѣту Виссаріона и покинулъ Римъ. А въ вольнодумныхъ рѣчахъ академіи онъ не находилъ ничего противозаконнаго [1]). Подозрѣніе противъ него, безъ сомнѣнія, опиралось на его прежній поступокъ. Озлобленный всѣмъ тѣмъ, что онъ перенесъ, онъ говорилъ, что замокъ императора Адріана обратился въ Фаларидова быка, что ученыхъ, неповинныхъ ни въ чемъ, жестоко тиранили. Есть другой разсказъ, болѣе безпристрастный, въ которомъ не придается серьезнаго значенія всему дѣлу. Онъ представляетъ послѣднее съ точки зрѣнія папской заботливости о вѣрѣ и нравственности. Говорятъ, что папа Павелъ II велѣлъ для угрозы пытать въ крѣпости нѣкоторыхъ дерзкихъ и безнравственныхъ римскихъ юношей, которые еще при его предшественникѣ вели распущенную жизнь. Этимъ онъ заставилъ многихъ дурныхъ людей покинуть Римъ. Онъ будто бы часто хва

[1]) Его письмо къ Виссаріону у Vairani p. 33.

лился, что граждане Рима должны благодарить его за исправленіе и вразумленіе своихъ дурныхъ сыновей[1]). И Платина согласился было, сидя въ тюрьмѣ, что папа правъ, карая своеволіе и распущенность, но потомъ онъ говоритъ постоянно объ унизительныхъ его поступкахъ съ академиками.

Между прочимъ поведеніе академиковъ было далеко не въ уровень съ образомъ жизни древнихъ римскихъ стоиковъ. Помпоніо Лето, бѣжавшаго въ Венецію, вытребовали, воротили въ Римъ и тоже посадили въ замокъ св. Ангела. Быть можетъ, сначала онъ дерзко отвѣчалъ допрашивавшимъ[2]). Но тяжкое заключеніе, а можетъ быть и пытки сломили его надменность. Сначала ему пришлось отвѣчать главнымъ образомъ на обвиненіе въ безнравственности и въ презрительномъ отношеніи къ христіанству. Сидя въ заключеніи, онъ написалъ смиренное оправданіе[3]). Свое восхищеніе красотою молодаго венеціаца онъ оправдываетъ примѣромъ Сократа. А свою преданность христіанству доказывалъ тѣмъ, что каждый годъ говѣлъ во время Пасхи, написалъ стихи по случаю остановокъ на крестномъ пути, рѣчи и стихи въ честь Св. Дѣвы Маріи и посланіе о безсмертіи души. Онъ увѣрялъ также, что всегда прославлялъ venerabile numen (досточтимую личность) папы Павла. Однако обвиняемый смиренно сознавался въ томъ, что говорилъ нескромныя рѣчи, и просилъ у папы милости и состраданія. Это и было ему оказано, такъ какъ въ немъ не видѣли опаснаго заговорщика.

Платина, котораго пытали съ особенною жестокостью, свалилъ всю вину на пьянаго и безразсуднаго Каллимаха, и дѣйствительно, по видимому, подозрѣніе въ опасномъ заговорѣ вскорѣ было оставлено. Но процессъ противъ Платины продолжался въ другомъ направленіи. Папа рѣшился дѣйствовать весьма строго противъ софистическихъ и языческихъ бредней этихъ ученыхъ и гуманистовъ[4]). Платину обвинили въ религіозныхъ заблужденіяхъ, доказывая, что онъ въ ученіи о безсмертіи души примкнулъ къ Платону, а въ академическомъ диспутѣ высказалъ даже сомнѣніе въ бытіи Божіемъ. Послѣдняго пункта Платина не могъ отвергать, а указывалъ только въ свое оправданіе на пріемы всѣхъ богослововъ и философовъ. Они отрицаютъ извѣстный предметъ, напр. бытіе Божіе, только затѣмъ, чтобы яснѣе доказать это (inveniendi causa). Онъ не еретикъ и не закоренѣлый фана-

[1]) Cannesius Vita Pauli II ap. Muratori Scriptt. T. III P. II p. 1009.

[2]) Aculeis, какъ намекаетъ Платина въ письмѣ къ нему у Vairani p. 38.

[3]) Изъ этой Defensio Pomponii Laeti de carceribus et confessio по одной ватиканской рукописи сообщаетъ выдержки Gregorovius Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter Bd. VII s. 581.

[4]) Scholasticam licentiam coercere et emendare.

тикъ. Притомъ жизнь его безупречна; онъ по крайней мѣрѣ разъ въ годъ исповѣдывался и пріобщался св. таинъ, въ праздничные дни присутствовалъ при Богослуженіи, когда могъ, не говорилъ ничего оскорбительнаго для символа вѣры, или отзывающагося ересью Карпократіанъ, Павлиціанъ, Манихеевъ и т. д. Но обвиненіе касалось не такихъ уклоненій отъ вѣры, а языческаго образа дѣйствій въ академіи, и въ этомъ отношеніи Платина не рѣшился отрицать своей виновности. Онъ обратился съ скорбнымъ прошеніемъ къ папѣ, полнымъ раскаянія и раболѣпной преданности. Проситель обѣщался сдѣлаться пламеннымъ панегиристомъ папы, если его освободятъ и избавятъ отъ бѣдственнаго положенія, восхвалять въ прозѣ и стихахъ «золотой вѣкъ его счастливаго первосвященства», или совсѣмъ оставить гуманныя науки и посвятить жизнь изученію св. Писанія и христіанской вѣры. Въ трогательныхъ письмахъ къ разнымъ кардиналамъ и прелатамъ онъ просилъ ихъ быть ходатаями за него, большею частію съ обѣщаніемъ хвалить ихъ. Проситель надѣялся главнымъ образомъ на епископа калагоррскаго, начальника крѣпости св. Ангела, Родриго де Санчесъ, большаго знатока правъ, знакомаго и съ гуманными науками. Родриго самъ былъ писатель [1]) и вообще считался другомъ литераторовъ. Онъ вступилъ съ Платиною въ вѣжливую переписку, отвѣчалъ на его почтительныя похвалы и лесть учтивостями, или ироническимъ совѣтомъ смотрѣть на свои страданія въ тюрьмѣ какъ на «упражненія въ добродѣтели» и сохранять стоическую твердость, которую онъ такъ часто внушалъ другимъ, когда имъ приходилось терпѣть [2]).

Папа тоже не былъ тронутъ краснорѣчіемъ узника. Онъ самъ присутствовалъ въ засѣданіяхъ суда, состоявшаго изъ придворныхъ епископовъ, одного доминиканца и одного францисканца, принималъ участіе въ допросѣ и относился къ допрашиваемому очень сурово. Павелъ II выходилъ изъ себя, какъ только упоминалось объ академіи, и сказалъ, что если кто нибудь съ этихъ поръ назоветъ ее серьезно или въ шутку, тотъ—еретикъ! И кардиналъ Барбо, непотъ папы, издѣвался надъ подсудимыми, называя ихъ не академиками, а позоромъ академіи. Не смотря на это, допросъ велся мягко, подсудимые были оправданы по обвиненію въ ереси, а содержались они сначала въ папскомъ дворцѣ, потомъ въ предѣлахъ Ватикана, наконецъ по ходатайству кардиналовъ, изъ которыхъ самое живое участіе въ друзьяхъ принялъ

---

[1]) Объ его сочиненіи De remediis afflictae ecclesiae, посвященномъ Виссаріону, ср. Vast. Bessarion p. 290.

[2]) См. эту обширную переписку Платины изъ замка св. Ангела у Vairani p. 2 q. seq.

Виссаріонъ, ихъ заключеніе ограничивалось стѣнами города Рима [1]). Помпоніо опять могъ занять свою каѳедру, а при Сикстѣ IV можно было возстановить и академію. Теперь и Платинѣ опять дали должность аббревіатора, и папа сдѣлалъ его завѣдующимъ ватиканскою библіотекою и почтилъ порученіемъ написать исторію папъ. Теперь на его имени не было ни одного пятна. Не смотря на то, что самъ папа велъ допросъ и имѣлъ въ своихъ рукахъ хулителей вѣры, и тутъ восторжествовали невѣріе и язычество. Это потому, что не было серьезнаго намѣренія осуждать ихъ.

Притомъ папа Павелъ дѣйствовалъ непослѣдовательно, лишь по личной прихоти и произволу. Имъ руководилъ неопредѣленный страхъ республиканскаго заговора, а не сознательная ненависть къ язычеству. Онъ былъ вообще человѣкъ необразованный, почти невѣжественный, возвысившійся благодаря непотизму и проискамъ. Онъ посвятилъ было себя торговлѣ, прежде чѣмъ дядя его взошелъ на папскій престолъ подъ именемъ Евгенія IV; поэтому и на папскомъ престолѣ его любимыми предметами были монеты, драгоцѣнные камни и другія дорогія вещи. Украшенный драгоцѣнностями, даже нарумянившись, какъ говорила прислуга, онъ всегда имѣлъ величественный видъ. Однако общая страсть къ древностямъ производила впечатлѣніе и на него; онъ былъ любителемъ и знатокомъ древнихъ монетъ и рѣзныхъ камней; самымъ любимымъ его занятіемъ было раскладывать ихъ, взвѣшивать и разбирать надписи [2]). Онъ съ большимъ усердіемъ собиралъ античныя статуи, камеи, медали и бронзовыя вещи. Въ фундаменты своихъ построекъ онъ всегда велѣлъ класть монеты съ своимъ изображеніемъ, обычай, по замѣчанію Платины, скорѣе напоминающій римскихъ цезарей, чѣмъ Лина и Анаклета. При немъ снова характеристикою римской черни сдѣлались слова panem et circenses! (хлѣба и зрѣлищъ въ циркѣ). Онъ усилилъ блескъ карнавала и другихъ празднествъ тѣмъ, что ввелъ новыя увеселенія и повысилъ плату за входъ. Къ скачкѣ лошадей на призъ, бывшей постоянно въ ходу, папа прибавилъ скачку ословъ, буйволовъ, состязаніе въ бѣгѣ молодыхъ людей, стариковъ и евреевъ. На другой день

1) Platina in vita Pauli II. Апологіею Платины можно считать сочиненіе кардинала Кверини: Pauli II, Veneti Pontif. Max. vita (a Cannesio scripta) praemissis ipsius sanctissimi pontificis vindiciis adversus Platinam aliosque obtrectatores, Romae 1740, книга лишенная достоинствъ, составленная по самымъ извѣстнымъ источникамъ. Bissolati Le vite di due illustri Cremonesi (I Bart. Platina. II. M. Girol. Vida). Milano 1856 естественно—на сторонѣ Платины.

2) Уже въ 1455 Карло дè Медичи у Haye Carteggio I p. 163 пишетъ, что монсиньоръ да С. Марко (Барбо) гораздо больше любитъ древнія монеты, чѣмъ самъ онъ. Jacobi Piccolominei, cardinalis Papiensis epist. 281, напечатанное въ приложеніи къ Pii II Comment. Francof. 1614. Eiusd. Comment. ibid. p. 371. Gaspar Veronensis de gestis Pauli II lib. I. Müntz Les arts à la cour des papes P. II, гдѣ на стр. 181 сл. есть важный для исторіи искусства инвентарь сокровищъ кардинала Барбо 1457 г.

послѣ этихъ «игръ» онъ давалъ роскошный обѣдъ правительственнымъ лицамъ города Рима, въ зданіи, сооруженномъ для этого близь С. Марко. Остатки рыбы, мяса, птицы и винъ отдавались бѣднымъ. Папскіе придворные должны были прислуживать за столами: епископъ съ нѣсколькими духовными лицами ходили вокругъ и угощали пирующихъ. Самъ папа бросалъ въ толпу народа серебряныя монеты [1]).

Въ томъ же древнеримскомъ вкусѣ были и игры, которыя нѣкогда Римляне устраивали въ честь папы и въ которыхъ изображалось торжество Августа. Папа на нихъ смотрѣлъ въ окно издали? съ нѣсколькими кардиналами. Въ этомъ замѣтенъ нѣкоторый страхъ. Впереди шли гиганты, затѣмъ слѣдовалъ крылатый купидонъ съ колчаномъ, ѣхала Діана верхомъ, окруженная толпою нимфъ, потомъ 160 юношей во всемъ бѣломъ, изображавшіе древнегреческое войско, цари и властители, побѣжденные римлянами, взятая въ плѣнъ Октавіаномъ Клеопатра, Марсъ, Фавны, Вакхъ и другіе боги, дальше несли доски съ начертанными на нихъ рѣшеніями народа и постановленіями сената, знамена, орлы и другіе военные знаки. Шествіе замыкали сановники города Рима, одѣтые консулами и сенаторами [2]).

Мы далеко не совладали бы съ обиліемъ матеріала, если бы хотѣли прослѣдить позднѣйшую исторію гуманизма въ его проявленіяхъ при папскомъ дворѣ. Кто не знаетъ Сикста IV, открывшаго ватиканскую библіотеку, самаго щедраго изъ всѣхъ папъ, Александра VI, легкомысленно стремившагося къ наслажденіямъ, Юлія II, заимствовавшаго свое папское имя у великаго римлянина, или Льва X, съ именемъ котораго связанъ вѣкъ Медичи со всѣмъ его изяществомъ формъ въ литературѣ и пластикѣ, съ его блеснoмъ искусства!

Изученіе классической древности во всѣхъ отношеніяхъ освободило умы, однако не ниспровергло церкви, хотя произвело въ ней сильныя внутреннія потрясенія, да и не могло ниспровергнуть, только сообщило ей иной духъ и иныя формы. Іезуитскій орденъ, какъ представитель католической реставраціи, и германская реформація, каждая въ своемъ родѣ, играли посредствующую роль въ этой борьбѣ. Первый уже напередъ отказался отъ безплоднаго противодѣйствія новой наукѣ, а скорѣе старается укротить ея необузданные порывы, воспользоваться ея услугами для церкви, подобно тому, какъ нѣкогда служили ей схоластики, и съ ея средствами подвизаться во славу вѣры. А реформація отдѣлила область мышленія отъ области вѣры, старую эпоху отъ новой и предоставила борьбу между ними усиліямъ вѣковъ.

---

[1]) Cannesius l. c. p. 1012. Stefano Infessura Diario della città di Roma ap. Muratori ibid. p. 1140. Platina in vita Pauli II.

[2]) Cannesius p. 1019.

КНИГА ШЕСТАЯ.

Пропаганда гуманизма за Альпами.

Какъ бы кто ни судилъ о ходѣ и успѣхахъ научныхъ стремленій, которымъ посвящалъ себя цѣлый рядъ ученыхъ подъ покровительствомъ Николая V, уже одно это явленіе само по себѣ имѣло неисчислимыя послѣдствія. Римъ былъ не только столицею Церковной области, а папа не только главою ея, но въ то же время они служили средоточіями церковной дѣятельности, охватывавшей собою всѣ народы цивилизованной Европы.

На событіяхъ церковной исторіи съ начала XV вѣка постоянно отражалось уже вліяніе новой науки. На обоихъ великихъ преобразовательныхъ соборахъ, констанцскомъ и базельскомъ, гуманизмъ, дотолѣ бывшій исключительно итальянскимъ, выступилъ на арену всемірной исторіи. Здѣсь на него дѣйствовало соприкосновеніе съ разными націями, но также замѣтны и первые, часто слабые слѣды его вліянія на европейскіе народы. Во время раскола изъ за папской власти, къ которому повелъ базельскій соборъ, гуманисты—писатели не разъ своими полемическими и ругательными сочиненіями принимали участія въ дѣлахъ церкви, рѣшеніе которыхъ въ другихъ случаяхъ предоставлялось богословамъ и канонистамъ. О томъ соборѣ, на которомъ шла рѣчь о религіозномъ возсоединеніи съ греками, можно смѣло утверждать, что его литературная дѣятельность была обильнѣе послѣдствіями, чѣмъ догматическая и церковно-политическая.

Такъ какъ языкомъ гуманизма былъ языкъ латинскій, а его настоящая родина скрылась во мглѣ вѣковъ, то въ немъ напередъ уже даны были космополитическіе элементы, равно какъ и въ церкви. Хотя въ послѣдней итальянское образованіе достигло первенствующей роли, однако въ теченіи всѣхъ среднихъ вѣковъ и въ наукѣ, и въ искусствѣ она была представительницею космополитическихъ идей. А ея задачу—установить общеніе между народами принялъ на себя гуманизмъ. Въ теченіи цѣлаго вѣка его дѣятельность сосредоточи-

валась исключительно въ Италіи, такъ что отраженія его въ другихъ странахъ являются лишь подобно мимолетнымъ, быстро гаснущимъ искрамъ. Дѣйствительно, ему какъ бы предстояло сначала сосредоточить свои силы, прежде чѣмъ дѣйствіе ихъ распространится на весь христіанскій міръ. Въ Италіи онъ уже господствовалъ въ образованныхъ слояхъ общества, распоряжавшихся умственнымъ наслѣдіемъ человѣчества. Тамъ онъ получилъ право гражданства въ университетахъ, среди богатыхъ купцовъ, у знати, у прелатовъ, въ республикахъ и при дворахъ владѣтельныхъ особъ, даже при римскомъ дворѣ. И только во время первосвященства Николая V мы видимъ первые ясные слѣды его пропаганды по ту сторону Альпъ. Авторитетъ церкви и политическое могущество Италіи были въ довольно шаткомъ положеніи, когда Апеннинскій полуостровъ еще разъ явился просвѣтителемъ народовъ, хотя лишь на короткое время. Свободное ученое сословіе, какъ новая общественная форма, классическая древность, какъ новое образовательное начало—вотъ тѣ элементы, которые слѣдовало изучать еще остальнымъ европейскимъ народамъ, но они были скоро усвоены ими.

Религіозныя идеи и іерархическія формы распространились когда-то изъ Италіи по нѣкоторымъ странамъ Европы. Но съ этимъ явленіемъ можно лишь съ натяжкою сравнивать распространеніе классицизма. Тамъ требовалась вѣковая миссіонерская дѣятельность, систематическая организація и централизація, упорныя усилія и настойчивый трудъ. Здѣсь лучи новаго свѣта распространялись какъ бы сами собою, и горючій матеріалъ крылся въ латинскомъ образованіи, повсюду одинаковомъ. Какъ скоро были распространены важнѣйшіе литературные памятники грековъ и римлянъ, разработка ихъ укоренялась сама собою, и ученикъ вскорѣ уже могъ обходиться безъ наставника. Классическая древность, по самому характеру своему, не была исключительною принадлежностью одной какой-либо націи, и ея существенные остатки было удобно переносить, а къ изяществу формъ сѣверные народы были едва ли менѣе воспріимчивы, чѣмъ южные и восточные, у которыхъ впервые возникла цивилизація. Стремленіе къ вѣчной славѣ въ потомствѣ, это новое сѣмя, оплодотворенное гуманизмомъ, находило повсюду воспріимчивую почву. При томъ поклонники древности не чувствовали ни малѣйшей потребности въ авторитетѣ или общемъ связующемъ началѣ, какую чувствовали люди, исповѣдующіе ту или другую вѣру. Такимъ авторитетомъ и началомъ была для нихъ сама космополитическая древность.

Италія могла подать только примѣръ, и отъ нея должны были исходить возбуждающія силы, чтобы поклоненіе древности распространилось и между другими народами. А откуда имъ легче было распространяться, какъ не отъ римскаго двора, посылавшаго своихъ легатовъ

и агентовъ во всѣ страны, куда отовсюду стекались послы и дѣловые люди, духовные и міряне! Можно доказать множествомъ примѣровъ, что письма Поджіо и блестящія рѣчи Пія II расходились въ копіяхъ въ самыя далекія страны. Итальянскіе наставники и чиновники въ трудныя минуты жизни ищутъ мѣстъ у чужихъ государей, а гуманисты пишутъ послѣднимъ и придворнымъ свои изящныя письма, посвящаютъ имъ книги часто въ ожиданіи блестящей награды. Образованный посолъ говоритъ имъ рѣчь слогомъ Цицерона. Въ самой Италіи принимаютъ чужеземныхъ государей съ ихъ придворными, среди которыхъ модный классицизмъ сталъ уже необходимымъ элементомъ жизни. Придворный поэтъ привѣтствуетъ ихъ торжественною рѣчью въ духѣ древнихъ панегириковъ, въ честь ихъ даются празднества, въ которыхъ главную роль играютъ аллегорическіе образы изъ гелленской миѳологіи и герои древней римской исторіи. Кромѣ того въ Италію стремятся путешественники, желающіе изучить утонченность нравовъ и то, что̀ называютъ свѣтомъ. А другіе пріѣзжаютъ въ Венецію и Флоренцію по торговымъ дѣламъ, или въ Римъ поклониться гробницамъ верховныхъ Апостоловъ, а можетъ быть и устроить какое-нибудь дѣло юридическаго характера. Тутъ иностранецъ слышитъ имена великихъ людей, пользующихся общимъ почетомъ и увѣренныхъ въ томъ, что слава ихъ въ потомствѣ упрочена. Быть можетъ, онъ только на улицѣ видитъ величавыя личности Бруни и Марсуппини, знаменитыхъ канцлеровъ флорентинской республики, или ему удается познакомиться и побесѣдовать съ ними. Вѣнчанный поэтъ, преподаватель греческаго языка или новой реторики, у каѳедры котораго собираются сотни восторженныхъ учениковъ,—для него явленія новыя. И онъ отправляется въ аудиторію и слушаетъ съ удивленіемъ профессора, которому хорошо извѣстны всѣ ораторы, поэты, историки и философы давно минувшей эпохи. Когда учебная дѣятельность его кончается, онъ посылаетъ по малой мѣрѣ сына ознакомиться съ новымъ образованіемъ. Или онъ видитъ музей Никколи и виллу Поджіо. Въ первомъ иностранецъ съ перваго взгляда замѣчаетъ, что разбитыя статуи и мраморные сосуды еще служатъ предметами поклоненія, что монеты, уже не имѣющія значенія въ обыкновенной торговлѣ, могутъ имѣть другаго рода цѣну, а пергаментъ, на которомъ писали нѣсколько вѣковъ тому назадъ, дороже неписаннаго. Тутъ онъ видитъ, какъ нѣкоторыя книги пользуются чуть не благоговѣйнымъ почетомъ, а эти любители книгъ не монахи и не юристы; они стремятся не только къ наживѣ въ этомъ мірѣ и къ блаженству въ будущей жизни, но восторженные идеалисты и все-таки довольны жизнью, веселы и ласковы въ обхожденіи. Онъ покупаетъ такія книги или поручаетъ снять копіи переписчикамъ и привозитъ на свою родину источники новаго образованія.

Читатель пойметъ, какъ трудно прослѣдить первое переселеніе гуманизма въ заальпійскія страны. Въ послѣднихъ, конечно, не вдругъ являются великіе ученые или литературные труды, составляющіе эпоху. Чтобы встрѣтить ихъ, намъ придется дойти до конца вѣка, или даже переступить за его черту. Мы здѣсь должны указать только на начатки, на первые слѣды вліяній и впечатлѣній, которыя сами по себѣ не важны, незамѣтны и только въ третьемъ и четвертомъ поколѣніи приносятъ плоды.

Но эти начатки не всегда однородны. То мы встрѣчаемъ постепенный переходъ новаго образованія къ другой націи, то болѣе усиленное движеніе, сопровождающееся разными столкновеніями, даже борьбою. Слѣдовательно, основаніе этого различія заключалось не въ самой сущности гуманизма, который могъ всюду разсчитывать на одинаковый пріемъ, но въ положеніи отдѣльныхъ народовъ по отношенію къ итальянцамъ, которые первые открыли гуманизмъ и были его представителями. На первыхъ порахъ, разумѣется, о проповѣди классической древности судили по людямъ, которые ее провозгласили. Она была постепенно принята романскими народами дружелюбно и утвердила мирно свое господство. Тутъ сказалось племенное родство, римская кровь, какъ и въ іерархическій періодъ высшія сферы итальянской іерархической лѣстницы были сильно заняты французскими и испанскими элементами. Напротивъ германскія племена относились съ недовѣріемъ ко всѣмъ началамъ, какія только шли изъ-за Альпъ, боясь, что за ними кроется итальянское коварство, надменность и порча. Поэтому распространеніе гуманистическихъ идей во Франціи и Испаніи далеко не представляетъ такого интереса, какъ ихъ проникновеніе въ Британію, а тѣмъ болѣе въ коренную Германію, гдѣ видимымъ образомъ увлеченіе заманчивою новизною встрѣчаетъ и противодѣйствіе. Изъ другихъ народовъ особенно выдаются впередъ венгры и поляки; и тѣ, и другіе стоятъ близко къ итальянскому племени, потому что они любимые сыны апостольскаго престола, и ихъ страны лежатъ на периферіи церковнаго владычества на западѣ, на средоточіе котораго они взирали съ тѣмъ большимъ благоговѣніемъ.

Въ глазахъ итальянца гуманиста Англія была баснословнымъ киммерійскимъ уголкомъ обитаемаго міра, въ которомъ боролись между собою изъ за помраченія умовъ дикое невѣжество и отуманивающая голову схоластика. Англосаксы еще въ VIII вѣкѣ получили изъ Рима значительныя книжныя сокровища и выработали себѣ извѣстное образованіе и школьную систему, такъ что въ этомъ отношеніи могли соперничать со всякимъ другимъ народомъ. Ихъ ученые, поэты и историки часто обнаруживали не малое знакомство и съ римскими классиками. Всѣ эти данныя гуманистамъ были мало извѣстны и каза-

лись не важными, какъ и все то, что произошло со временъ древнихъ римскихъ императоровъ. Англичанъ они считали людьми тяжелыми и тупыми, въ которыхъ не предполагали никакого влеченія къ новымъ наукамъ [1]). Къ тому же для оживленнаго умственнаго общенія между Англіею и Италіею не было никакого посредствующаго звена. Тамъ туземныя высшія школы пользовались большимъзначеніемъ: было дѣломъ почти неслыханнымъ, чтобы молодой бриттъ посѣщалъ итальянскій университетъ, или чтобы въ Англію приглашали итальянскаго преподавателя для педагогическихъ цѣлей. Естественное замкнутое положеніе Англіи также обусловливало собою нѣкоторую самостоятельность научныхъ стремленій. Англичане не могли пожаловаться ни на недостатокъ любви къ классической литературѣ, ни на отсутствіе подготовки къ плодотворной разработкѣ ея. Но они были слишкомъ горды, такъ что при всякой встрѣчѣ съ знаменитыми итальянцами не приходили тотчасъ же въ восторгъ.

Въ такомъ положеніи было дѣло уже во время молодости Петрарки. Тогда являлся два раза къ римскому двору въ Авиньонъ Ричардъ д'Анжервиль, обыкновенно называемый по мѣсту своего рожденія Ричардомъ изъ Бери св. Эдмунда, или просто Ричардомъ берійскимъ. Онъ началъ свое поприще наставникомъ принца уэльскаго, будущаго короля Эдуарда III, который назначилъ его своимъ секретаремъ или канцлеромъ, потомъ лордомъ казначеемъ Англіи, а въ 1433 г. епископомъ дергамскимъ [2]). Въ томъ же году, посланный для переговоровъ съ папскимъ престоломъ, онъ встрѣтился съ Петраркою, который оцѣнилъ его, какъ усерднаго собирателя книгъ и человѣка свѣдущаго въ наукахъ. Они говорили о положеніи острова Тулы [3]), но впослѣдствіи, британецъ, по видимому, не особенно былъ склоненъ поддерживать связи съ знаменитымъ пѣвцомъ Лауры [4]). По своему образованію онъ былъ богословъ и философъ, а гуманистическія вліянія не коснулись его. Ричардъ пишетъ такъ же, какъ пишутъ поклонники схоластической науки. Правда, англійскій ученый знаетъ Цицерона, Ливія и нѣкоторыхъ поэтовъ, но не восторгается ими. Аристотеля онъ считаетъ царемъ философовъ. Онъ для него глав-

---

[1]) Boccaccio Lettere ed. Corazzini p. 243: studiis tardus Britannus; p. 363: serus Britannus.

[2]) Извѣстія о болѣе ранней его жизни, какъ онъ является въ 1421 г. въ числѣ chamberlains of Cherter см. въ Academy отъ 20 марта 1880 г.

[3]) Островъ, предполагавшійся къ сѣверу отъ Британіи не вполнѣ ясно опредѣленный древними. Позднѣйшіе писатели такъ называли или сѣверный берегъ Норвегіи, или Исландію, или наконецъ Мэйлендъ, самый большой изъ шотландскихъ острововъ.

Прим. Переводчика.

[4]) Petrarca epist. rer. famil. III, 1. De Sade Mémoiris T. I p 165 seq.

ный философъ, Апполонъ школы. Платонъ стоитъ уже на второмъ планѣ. И онъ сожалѣетъ о томъ, что не знаетъ греческаго языка, но только потому, что безъ него нельзя знать ученія греческихъ церковныхъ писателей. Ричарду желалось бы заняться и еврейскимъ языкомъ, безъ котораго нельзя вполнѣ понимать Библіи, и арабскимъ, потому что безъ него недоступны астрономическіе трактаты арабовъ. Петрарка и Боккачіо, какъ мы знаемъ, отстаивали поэзію, когда ей ставили въ упрекъ, что она замѣняетъ дѣйствительность вымысломъ и ведетъ къ соблазну разными нескромностями. При этомъ они указывали на самую суть ея, на истину, скрытую подъ оболочкою баснм. И нашъ Ричардъ оправдываетъ чтеніе поэтовъ, но только тѣмъ, что на нихъ часто указываютъ церковные писатели и богословы.

Единственная сфера, въ которой Ричардъ берійскій сочувствовалъ Петраркѣ,—это страсть къ книгамъ. Она воодушевляла бритта еще въ лѣта его юности и побуждала къ сношеніямъ съ литераторами и собирателями книгъ. Онъ не могъ понять, какимъ образомъ англійское учащееся юношество больше любитъ проводить время въ пирушкахъ, чѣмъ заниматься перепискою и исправленіемъ книгъ [1]. Ричардъ радъ былъ своему высокому положенію при дворѣ, потому что оно давало ему возможность проникать въ частныя и общественныя книгохранилища, въ особенности церковныя. Какъ канцлеру и казначею, ему всюду былъ открытъ свободный доступъ. Всѣ узнали его страсть и старались пріобрѣсть расположеніе подарками старинныхъ книгъ. Ричардъ не скрываетъ, что такимъ образомъ къ нему поступили многія сокровища изъ монастырскихъ шкафовъ, какъ бы погребенныя въ нихъ. У него хватало средствъ на то, чтобы покупать книги и давать ихъ переписывать. Онъ умѣлъ также воспользоваться своими частыми поѣздками въ Римъ, Авиньонъ и Парижъ для удовлетворенія своимъ наклонностямъ. Съ тѣхъ поръ какъ Ричардъ сталъ епископомъ дергамскимъ, онъ принималъ къ себѣ на службу предикантовъ и миноритовъ, въ которыхъ нашелъ хорошихъ и достаточно ученыхъ помощниковъ при перепискѣ и исправленіи книгъ. Онъ имѣлъ мысль основать со временемъ коллегію въ Оксфордѣ [2], гдѣ его книги будутъ къ услугамъ не только учениковъ, но и всѣхъ студентовъ университета. Это не общественная библіотека, какую имѣли въ виду Петрарка и Никколи. Сочиненіямъ древнихъ римскихъ писателей тутъ отводилось такое же скромное мѣсто, какое они и до того времени занимали. Когда Ричардъ сообщаетъ о томъ, что побудило его

---

[1]) Philobiblion cap. 5: dum liber potationum praeponitur libro patrum; calicibus epotandis, non codicibus emendandis indulget hodie.

[2]) ibid. cap. 18: omnium artium liberalium nutrice praecipua.

собирать книги, то указываетъ на «чистую любовь къ наукѣ и усердіе къ правовѣрному ученію». Свою страсть къ книгамъ и планы библіотеки онъ въ концѣ своей жизни высказалъ въ сочиненіи Филобибліонъ (любовь къ книгамъ), въ которомъ напослѣдокъ, какъ въ завѣщаніи, говоритъ о составленіи спеціальнаго католога и о порядкѣ выдачи книгъ оксфордскимъ студентамъ, Конечно, онъ не принадлежитъ къ числу гуманистовъ, но къ числу дѣятелей, энергически подготовлявшихъ, хотя и съ ограниченною цѣлью, насажденіе гуманизма въ Англіи [1]).

И въ другихъ отношеніяхъ замѣтно, что итальянскій гуманизмъ имѣлъ еще мало вліянія на Англію. Чосеръ человѣкъ много читавшій Овидія, Виргилія и Ювенала, немножко Цицерона и Сенеку, ссылается также и на нѣкоторыхъ другихъ писателей. Знакомый съ Италіею и ея языкомъ, онъ упоминаетъ нерѣдко о великомъ человѣкѣ своего времени, о Петраркѣ, и прославляетъ его какъ увѣнчаннаго поэта, который изяществомъ своей музы озарилъ всю Италію [2]), знаетъ также нѣкоторыя изъ его латинскихъ сочиненій, а изъ ученыхъ трудовъ Боккачіо знаетъ многіе и пользуется ими. Не смотря на это, когда Чосеръ философствуетъ, схоластическая мораль ему родственнѣе, чѣмъ мораль Цицерона и Петрарки. Голова его полна миѳологическихъ и историческихъ свѣдѣній, не оживленныхъ пониманіемъ древности, и потому его ни въ коемъ случаѣ нельзя назвать послѣдователемъ Петрарки [3]). Ученикъ его, Джонъ Лайдгэтъ, тоже зналъ болѣе важныя латинскія сочиненія Петрарки и Боккачіо, но они не вызывали еще въ немъ желанія подражать имъ и не дѣйствовали возбуждающимъ образомъ [4]). Томасъ Арендель, архіепископъ кентерберійскій, находился въ перепискѣ съ Салютато, но намъ неизвѣстно ея содержаніе. Только преобразовательные соборы XV в., подававшіе поводъ къ личнымъ связямъ между прелатами и учеными разныхъ національностей, сблизили также и агличанъ съ итальянскими гуманистами.

---

1) Изъ множества изданій Philobiblion я пользуюсь изданіемъ De bibliothecis nova accenio a J. A. S. D. (Joh Andr. Schid., Helmstadii) 1705 г. По Baleus Script. illustr. mai Brytaniue Catalogus, Basil. 1557, p. 426. Ричардъ кончилъ книгу 24 января 1344 г., а по оксфордскому кодексу у De Sade T. I p. 168. 24 января 1343, причемъ слѣдуетъ принять во вниманіе, что начало года считается съ 25 марта. Я не знаю, издано ли что нибудь изъ epistolae familiares o orationes ad principis, упоминаемыхъ Балеемъ. Ричардъ умеръ 24 апрѣля 1345 г.

2) Cant. Tales v. 7914.

3) Chaucer's Cantorbury-Geschichten übers. v. W. Hertsberg, Hildburgsh. 1866, Einl. s. 42. 44. Kissner Chaucer in S. Beziehungen zur italienischen Literatur. Marburg. 1847.

4) Hortis Studj. s. opere lat. del Boccaccio p. 647.

На констанцскомъ соборѣ присутствовалъ Генри Бофоръ, епископъ уинчестерскій, дядя короля Генриха V. Какъ духовный сановникъ королевской крови, хотя узаконенный только впослѣдствіи, докторъ обоихъ правъ, славившійся своими богатствами, которыя съумѣлъ еще увеличить, онъ былъ главнымъ представителемъ англійской націи. По закрытіи собора папа Мартинъ V возвелъ его въ кардиналы. Онъ всегда считался приверженцемъ папскаго престола. Этотъ великій сановникъ церкви принималъ нѣкоторое участіе въ дѣятельности папскихъ секретарей, разыскивавшихъ старинныя рукописи въ окресностяхъ Констанца, и любилъ, когда его называли поклонникомъ гуманныхъ наукъ. Онъ убѣдилъ Поджіо по закрытіи собора ѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ Англію.

Мы собственно не знаемъ, что именно побудило Поджіо къ такому переселенію. Его тяготили, навѣрное, тѣ смуты при римскомъ дворѣ, виною которыхъ былъ расколъ въ теченіи стольнихъ лѣтъ, такъ какъ онѣ ставили каждаго придворнаго въ шаткое положеніе, даже могли совсѣмъ лишить доходовъ. Собственно канцелярскія дѣла никогда ему не нравились. А возможно и то, что онъ не встрѣтилъ со стороны Мартина V того милостиваго расположенія, какого ожидалъ. Самъ Поджіо говоритъ, будто оставилъ римскій дворъ затѣмъ, чтобы кратковременною работою и неволею доставить себѣ на будущее время отдыхъ и свободу. Однако онъ не поступилъ на службу, обязывавшую его исполнять опредѣленную работу. Онъ положился на общія увѣренія кардинала въ томъ, что основательно устроится въ Англіи. Однако и въ томъ обманулся. Его повелитель былъ постоянно въ дорогѣ по дѣламъ королевства и по своимъ собственнымъ, хотя онъ позаботился о томъ, чтобы Поджіо по крайней мѣрѣ не нуждался въ Лондонѣ ни въ содержаніи, ни въ платьѣ и на досугѣ могъ заниматься науками. Но насчетъ того, чтобы доставить ему покойную жизнь, кардиналъ долго оставался при одномъ обѣщаніи, что при первомъ удобномъ случаѣ выхлопочетъ ему бенефицію. Флорентинецъ по пословицѣ patria est ubi bene est (отечество тамъ, гдѣ хорошо живется) расчитывалъ устроить жизнь свою въ Англіи и надѣялся, что будетъ счастливъ даже среди скиѳовъ и сарматовъ. Но его вскорѣ стала томить тоска по родинѣ, особенно по Флоренціи. На досугѣ онъ хотѣлъ усовершенствоваться въ греческомъ языкѣ. Но самъ онъ не могъ совладать съ Аристотелемъ въ подлинникѣ, и никто не принималъ участія въ подобныхъ занятіяхъ. Никколи постоянно убѣждалъ его продолжать розыски книгъ на англійской почвѣ. Но Поджіо уже напередъ мало надѣялся найти тамъ что нибудь, такъ какъ росписи книгъ нѣкоторыхъ монастырей, добытыя имъ, не сообщали ничего новаго, а въ двухъ мо-

пастыряхъ, посѣщенныхъ имъ вмѣстѣ съ кардиналомъ, не оказалось греческихъ рукописей, и даже въ Салисбери ничего не нашлось. Въ Оксфордѣ онъ, повидимому, совсѣмъ не былъ. А между тѣмъ въ англійскихъ церквахъ и монастыряхъ скрывалось множество классическихъ рукописей. Объ этомъ свидѣтельствуетъ не только историческая и поэтическая литература, возникшая тамъ, но и сохранившіеся въ разныхъ мѣстахъ каталоги [1]). Самъ Поджіо не скрываетъ того, что въ немъ охладѣла прежняя страсть къ розыскамъ, однако она снова пробудилась въ Италіи, когда его стали подстрекать друзья. Неизвѣстно, привезъ ли онъ изъ Англіи новыя сокровища классической и церковной литературы. Онъ мало дѣлалъ поисковъ, да и то побуждаемый Никколи.

Поджіо никакъ не могъ привыкнуть къ лондонской жизни и къ характеру англичанъ. Онъ и впослѣдствіи не могъ говорить объ этомъ народѣ, не упомянувъ объ его страсти поѣсть и выпить. Итальянецъ любилъ разсказывать, какъ тамъ по четыре часа сидѣли за столомъ, какъ ему часто приходилось вставать и мочить глаза холодной водой, чтобы только не заснуть [2]). Не многіе ученые, съ которыми флорентинецъ познакомился, высказывали свою ученость въ діалектикѣ и диспутахъ, какіе были въ то время въ ходу въ университетахъ. Онъ давно бы и охотно разстался съ своимъ высокимъ покровителемъ, если бы имѣлъ болѣе точныя свѣдѣнія о состояніи римскаго двора при Мартинѣ V. Въ Англіи Поджіо все еще надѣялся добиться «свободы и научнаго досуга»; въ духовное званіе ему не хотѣлось поступать, къ учительству онъ питалъ отвращеніе, канцелярская работа наскучила, а «служба у какого нибудь тирана» тоже казалась жалкою. Оставалось только стремиться къ идеалу Петрарки —къ хорошей бенефиціи, съ которою не было бы соединено никакихъ обязательствъ. Онъ и ждалъ ея отъ богатаго и вліятельнаго кардинала. Наконецъ гора родила мышь: Поджіо былъ предоставленъ приходъ съ 120 гульденами дохода, чѣмъ онъ былъ вовсе недоволенъ. Тогда ему предложили другой получше, но въ такомъ случаѣ приходилось отказаться отъ перваго, а съ новымъ принять на себя пастырскія обязанности. А если бы Поджіо пожелалъ перемѣнить его на другой, то лишался половины доходовъ, которыми можно было пользоваться всюду, гдѣ бы онъ ни жилъ, а это для него было особенно желательно. Онъ не хотѣлъ дольше испытывать доброту кардинала, щедраго на обѣщанія, и былъ радъ воротиться изъ страны

1) Deschamps Essai sur Cicéron p. 22. 23
2) Vespasiano Poggio § 1.

варваровъ подъ сѣнь новаго образованія, которое господствовало только въ Италіи [1]).

Пребываніе Поджіо въ Англіи, конечно, не оставило глубокихъ слѣдовъ, но, быть можетъ, имѣло нѣкоторое возбуждающее вліяніе. По видимому, самъ кардиналъ забылъ о своихъ классическихъ порывахъ, хотя мы слышимъ, что онъ построилъ соборную библіотеку въ Кентербери и снабдилъ книгами [2]) и хотя Поджіо и потомъ обмѣнивался съ нимъ дружескими привѣтствіями. Съ нѣкоторыми изъ лицъ, окружавшихъ кардинала, съ которыми Поджіо свелъ знакомство, онъ многіе годы состоялъ въ перепискѣ, и мы знаемъ, что они долгое время посвящали себя занятію новыми науками. Укажемъ на Николая Бильдстона, доктора правъ, впослѣдствіи бывшаго архидіакономъ уинчестерскимъ, который хотѣлъ при посредствѣ Поджіо купить нѣкоторыя сочиненія Петрарки, чего бы они ни стоили [3]). Упомянемъ также о магистрѣ Ричардѣ Петтуортѣ, секретарѣ кардинала, который, оставаясь въ этой должности, разбогатѣлъ отъ бенефицій. Онъ и впослѣдствіи желалъ имѣть пикантныя сочиненія Поджіо, а послѣдній называлъ его «милѣйшимъ братомъ» [4]). Слѣдовательно, все таки въ Англіи запали нѣкоторыя сѣмена гуманизма, хотя и не вызвали подражаній въ литературѣ. Вѣроятно, Поджіо еще въ Англіи познакомился и съ Джономъ Стаффордомъ, бывшимъ съ 1443 г. архіепископомъ кентерберійскимъ; впослѣдствіи это повело къ перепискѣ [5]).

Базельскій соборъ повелъ бы къ новымъ сильнымъ вліяніямъ гуманистовъ на англійское общество, будь на немъ больше англійскихъ епископовъ. Въ началѣ его въ Англію посланъ былъ съ дипломатическимъ порученіемъ Эней Сильвій Пикколомини, который въ Базелѣ игралъ приблизительно такую же роль, какую Поджіо въ Констанцѣ. Хотя онъ только разъѣзжалъ по странѣ, однако воспользовался удобнымъ случаемъ поискать старыхъ книгъ въ соборѣ св. Павла. Ему показали одинъ старинный кодексъ, содержаніе котораго было неизвѣстно, но тамъ говорили, что это—первая латинская Исторія Ѳукидида [6]). И онъ

---

[1]) Poggius epist. I, 6—22 ed. Tonelli. Первое письмо Поджіо изъ Лондона, какое есть у насъ, отъ 5 марта (1420 г.), но оно, вѣроятно, написано уже спустя долгое время послѣ пріѣзда въ Англію. Послѣднее письмо изъ Лондона отъ 25 іюня 1422 г., а слѣдующее уцѣлѣвшее изъ Рима отъ 12 февраля 1423 г. Поэтому Поджіо, вѣроятно, оставилъ Англію осенью 1422 г.

[2]) Онъ умеръ 11 апрѣля 1447 г. Ciaconius Vitae et res gestae Pontif. Roman. et Card. T. II, Romae 1677, p. 845.

[3]) Поджіо называетъ его epist. II, 35 homo perhumanus et familiarissimus mihi.

[4]) Poggius epist. II, 12. 18. 20. 22. 35. V, 22. VII, 11. VIII, 22. IX, 5.

[5]) Poggius epist. IX, 9.

[6]) Его письмо къ Іог. Гиндербаху отъ 9 іюня 1451 г. Поѣздка относится къ 1435 г.

вывелъ неблагопріятное заключеніе объ Англіи, но вскорѣ потомъ въ Базелѣ познакомился съ Адамомъ Мелиномъ. Послѣдній, вѣроятно, былъ такимъ же скромнымъ чиновникомъ канцеляріи, какъ и самъ Пикколомини, но принялъ живое участіе въ занятіяхъ итальянца гуманистическими науками. Этотъ Мелинъ былъ впослѣдствіи статсъ-секретаремъ при королѣ Генрихѣ VI и хранителемъ тайной королевской печати. Онъ сложилъ свою голову на эшафотѣ за то, что былъ замѣшанъ въ интриги Ланкастерской партіи. Это былъ, можетъ быть, первый англичанинъ, умѣвшій писать изящныя письма, уснащенныя классическими выраженіями. Онъ долго велъ переписку съ Пикколомини [1].

Герцогъ Гумфри Глостеръ, сынъ Генриха IV, выставленный придворными интриганами соперникомъ кардинала Бофора, въ то же время считался принцемъ рѣдкой учености, высокимъ меценатомъ ученыхъ и поэтовъ, какого дотолѣ еще не являлось въ Англіи. Сообщаютъ, что онъ получилъ свое образованіе въ Оксфордѣ. Если онъ съ увлеченіемъ занимался астрологіею и такъ называемымъ чернокнижіемъ и съ такимъ же рвеніемъ скупалъ красиво написанныя книги, или заказывалъ ихъ списывать, то это были модныя занятія высшихъ классовъ общества, какія мы встрѣчаемъ раньше и при французскомъ дворѣ, притомъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Труднѣе рѣшить тотъ вопросъ, какъ могъ онъ находить досугъ для ученыхъ занятій во время политическихъ и военныхъ бурь, среди которыхъ протекла вся жизнь его, изучать древнихъ римскихъ писателей и заводить сношенія съ итальянскими гуманистами. Говорятъ, что онъ вызывалъ изъ Италіи наставниковъ для объясненія римскихъ поэтовъ и ораторовъ [2]. Тутъ, безъ сомнѣнія, имѣютъ въ виду преимущественно Тита Ливія изъ Форли, котораго прямо называютъ «поэтомъ и ораторомъ герцога Глостерскаго». Онъ извѣстенъ намъ какъ авторъ Исторіи короля англійскаго Генриха V. Но, что замѣчательно, о немъ совсѣмъ не знаютъ его итальянскіе современники [3]. Безъ сомнѣнія, онъ прославлялъ герцога, посвящалъ ему сочиненія и, подобно Лайдгэту, увѣковѣчилъ его имя

---

[1] Письмо Энея Сильвія къ нему отъ 18 іюля 1443 г., отъ 30 мая и отъ 26 октября 1444 г. Письмо самого Мелина, очевидно, въ отвѣтъ на первое письмо Энея, есть въ числѣ его писемъ edit. Basil. epist. 186. Объ его позднѣйшей участи упоминаетъ Aeneas Sylvius Europa cap. 45.

[2] Письмо Энея Сильвія къ герцогу австрійскому Сигизмунду отъ 5 декабря 1443 г.

[3] Такъ напр. напрасно стали бы мы искать упоминанія о немъ въ Italia illustrata Бьондо, гдѣ однако на стр. 347 съ особеннымъ сочувствіемъ говорится о всѣхъ выдающихся личностяхъ города Форли. Поджіо ни разу не упоминаетъ ни о немъ, ни о герцогѣ Глостерѣ, но это, вѣроятно, объясняется его отношеніемъ къ кардиналу Бофору. Можно сомнѣваться и въ томъ, чтобы Титъ Ливій было его христіанское имя.

въ англійскихъ стихахъ. Далѣе подъ конецъ жизни герцога мы встрѣчаемъ при его дворѣ юнаго Антоніо Беккаріа изъ Вероны, ученика Виторино да Фельтре и друга Филельфо, который отличался эротическими стихотвореніями и перевелъ нѣкоторыя сочиненія съ греческаго языка. Послѣ смерти своего повелителя онъ радъ былъ бѣжать отъ политическихъ треволненій на свою родину [1]). Герцогъ основалъ также библіотеку въ Оксфордѣ, конечно, при одной изъ коллегій. Онъ велѣлъ накупить книгъ, числомъ до 135 томовъ, во Франціи и Италіи. Это были сочиненія большею частію по схоластическимъ отраслямъ и по астрологіи, по части которой онъ и самъ писалъ, но тутъ же были и рукописи классиковъ. Онъ и въ этомъ отношеніи былъ собирателемъ, у котораго были и неизвѣстныя сочиненія. Въ его шкафахъ красовались и древніе панегиристы, и письма Цицерона [2]).

Понятно, что итальянскіе гуманисты охотно вступали въ сношенія съ такимъ богатымъ и сильнымъ меценатомъ, писали ему изящныя письма и посвящали свои сочиненія. Такъ напр. герцогъ читалъ Этику Аристотеля въ переводѣ Бруни, сильно хвалилъ переводчика и убѣждалъ перевести такимъ же образомъ и Политику Аристотеля. Когда Бруни принялся за эту работу, правда, гораздо позднѣе, то онъ послалъ герцогу въ Лондонъ первую часть ея, разумѣется, съ цѣлью посвятить ему въ случаѣ благосклоннаго пріема. Но онъ не получилъ изъ Англіи никакого отвѣта, поэтому съ досады прервалъ сношенія съ полу-варваромъ и посвятилъ свой трудъ папѣ Евгенію IV [3]). Гораздо дружественнѣе были сношенія герцога съ Пьеромъ Кандидо Дечембріо. Послѣдній послалъ ему въ подарокъ переводъ республики Платона, изложенный хорошимъ слогомъ по работѣ Хризолора и потомъ доконченный имъ. Сначала онъ отправилъ первыя пять книгъ. У насъ есть письмо герцога, въ которомъ онъ благодаритъ за посылку и проситъ о продолженіи. Слѣдовательно, онъ обнаруживаетъ желаніе прославиться, чему споспѣшествовалъ итальянскій писатель своимъ посвященіемъ. Герцогъ вполнѣ понимаетъ значеніе новаго образованія, какое возникнетъ изъ возрожденія ла-

---

1) См. Giuliari Della lett. Veron. p. 66.

2) Baleus l. c. p. 583: тутъ идетъ рѣчь объ его сочиненіяхъ по астрологіи. Pauli Gesch. v. England. Bd. V S. 666 ff. Его же Herzog Humfrid von Gloucester.... въ «Bilder aus Alt-England» 2 Ausg. Gotha 1876, s. 334 ff. Объ основаніи книгохранилищъ Глостеромъ, умершимъ въ 1447 г., ср. также Delisle Le cabinet des manuscrits de la bibl. impér. T. I p. 52.

3) Легко можно согласить Leon. Bruni epist. VIII, 6 съ извѣстіемъ Vespasiano Leonardo d'Arezzo § 9. Если здѣсь говорится о герцогѣ Уорчестерскомъ, то такую ошибку исправить не трудно.

тинскаго краснорѣчія и гелленской мудрости. Такимъ образомъ ему былъ посвященъ весь переводъ, и онъ, вѣроятно, выразилъ свою благодарность не одними словами [1]). Это видно изъ того, что Дечембріо и потомъ посвятилъ ему двѣ книги своихъ писемъ, въ которыхъ изложенъ споръ по поводу его перевода Аристотелевой Этики [2]). Мы не знаемъ, видѣлъ ли онъ когда нибудь герцога. Напротивъ Пьеро дель Монте, ученикъ Гварино и папскій протонотарій, около 1439 г. былъ въ Англіи въ качествѣ повѣреннаго по дѣламъ римской куріи и, безъ сомнѣнія, свелъ тамъ дружбу съ Глостеромъ. Потомъ онъ посвятилъ ему свои нравственно-философскіе разговоры [3]). И молодой Лапо да Кастильонкіо послалъ въ подарокъ могущественному герцогу цѣлый рядъ своихъ небольшихъ трудовъ, состоявшихъ, бо́льшею частію изъ переводовъ съ греческаго языка, и нѣсколько другихъ сочиненій [4]). Изъ иноземныхъ владѣтелей кромѣ этого великодушнаго патрона мы не знаемъ ни одного, который бы въ такой ранній періодъ оказывалъ великодушное покровительство новымъ наукамъ.

Во вторую половину вѣка другой англичанинъ знатнаго происхожденія, Джонъ Типтофтъ, графъ уорчестерскій, долгое время жилъ въ Италіи. Англійская исторія знаетъ его только какъ коварнаго интригана и человѣка жестокаго. А въ Италіи, гдѣ онъ пробылъ около трехъ лѣтъ, онъ является человѣкомъ прямымъ, оказывающимъ любовь къ изученію краснорѣчія и греческой древности, жаждущимъ знанія и ласковымъ въ обращеніи, также необыкновенно восторженнымъ собирателемъ книгъ. Конечно, этотъ литературный эпизодъ его жизни былъ невольнымъ слѣдствіемъ его положенія въ Англіи. Уступивъ поле битвы своимъ политическимъ врагамъ, онъ пріѣхалъ въ Венецію и оттуда отправился ко святымъ мѣстамъ. По возвращеніи графъ поселился въ Падуѣ, желая основательнѣе изучить въ тамошнемъ университетѣ латинскій языкъ, которымъ уже владѣлъ, и новѣйшую реторику. Онъ посѣтилъ и старика Гварино въ Феррарѣ, потомъ пріѣхалъ во Флоренцію купить тѣ книги, которыя можно было достать только за деньги. Книгопродавецъ Веспазіано, въ качествѣ превосходнаго чичероне, показывалъ графу городъ. Такъ какъ послѣдній наслышанъ былъ о славѣ пери-

---

1) Его письма отъ 6 февраля и 13 октября 1439 г. у Паули Gesch. v. England a. O. S. 668 и Bilder aus Alt-England по мюнхенской рукописи, у Saxius Hist. lit. typ. Mediol, T. I Prodr. p. 36. 299. 300.

2) Saxius p. 293. 296. Сношенія герцога съ Дечембріо очевидны и изъ перевода Vita Henrici V Тита Ливія на итальянскій языкъ, указанный въ Tabulae codd. ms. bibl. Vindob. vol. II p. 106.

3) См. выше стр. 84.

4) Посвященіе Плутархова Артаксеркса у Bandini Catal. codd. lat. bibl. Laurent. T. II p. 699. 742.

патетика Аргиропуло, то не отказался инкогнито послушать одну его лекцію. Въ Римѣ онъ долженъ былъ по порученію короля вести переговоры съ папою Піемъ II и его кардиналами. Его привѣтственныя рѣчи были художественны по формѣ, такъ что ихъ потомъ списали. Сообщаютъ, будто папа былъ такъ тронутъ краснорѣчіемъ англичанина, что даже плакалъ. Франческо изъ Ареццо посвятилъ графу свой переводъ одного сочиненія Лукіана. Самъ графъ переводилъ сочиненія Цицерона и другихъ писателей на свой родной языкъ. А какъ только онъ возвратился въ Англію въ концѣ 1460 г., то опять вмѣшался въ политическія интриги; мы ничего не знаемъ ни объ его литературныхъ кліентахъ, ни о томъ, какая участь постигла его книги [1]).

Между тѣмъ молодые англичане все чаще и чаще пріѣзжаютъ въ Италію учиться классическимъ языкамъ по новой методѣ и покупать сочиненія классическихъ писателей. Еще гораздо раньше, чѣмъ Поджіо ступилъ на англійскую землю, Бруни пріобрѣлъ литературнаго друга въ лицѣ англичанина Томаса, когда послѣдній пріѣхалъ во Флоренцію. Онъ желалъ купить «произведенія новыхъ поэтовъ», а въ особенности сочиненія самого Бруни. Поэтому ему указали на Никколи. Бруни называлъ его пылкимъ поклонникомъ классическихъ наукъ, «какимъ только можетъ быть человѣкъ его національности» [2]). Въ то время, когда папа Евгеній жилъ во Флоренціи, тамъ находился въ качествѣ прокуратора англійской короны и вмѣстѣ аколюта папы Андрью Ольсъ, благочестивый духовный сановникъ, пользовавшійся большимъ авторитетомъ. Онъ держалъ многочисленный штатъ переписчиковъ и давалъ разныя порученія книгопродавцамъ. И послѣ отъѣзда папы онъ оставался еще около двухъ лѣтъ во Флоренціи, страстно желая увеличить свой книжный запасъ на этомъ литературномъ рынкѣ. По видимому, онъ питалъ особенное влеченіе къ твореніямъ отцевъ Церкви, но сочувствовалъ и тамошнимъ ученымъ, въ особенности, прибавляетъ Веспазіано, если ихъ жизнь была безупречна. Если Ольсъ вращался въ средѣ такихъ людей, какъ Траверсари, то какъ могли его не коснуться атмосфера Медичи и вліяніе древности! Какъ человѣкъ, чуждый честолюбія, онъ удалился въ Англію въ свой скромный приходъ [3]).

Какъ изъ флорентинцевъ особенною извѣстностью въ Англіи пользовался Бруни, такъ впослѣдствіи и феррарская школа Гва-

---

[1]) Vespasiano Duca di Worcestri. Baleus p. 620.

[2]) Leon. Bruni epist. II, 18: Studiorum nostrorum, quantum illa natio capit, ardentissimus affectator. Письмо, вѣроятно, относится къ 1408 г.

[3]) Vespasiano Protonaio apostolico Inghilese. За фамилію Ольсъ столь же мало можно ручаться, какъ и за всѣ иностранныя фамиліи, встрѣчаемыя у Vespasiano. Но какъ о немъ, такъ и Томасѣ я не имѣлъ другихъ указаній.

рино. Она отличалась нѣкоторыми аристократическими чертами герцогской школы, но Гварино и вообще заграницею, да и не даромъ, считался лучшимъ преподавателемъ гуманныхъ наукъ, даже передалъ эту извѣстность своему сыну Баттисту. Первымъ изъ англійскихъ учениковъ его, какого мы знаемъ, былъ юный Уильямъ Грей. Онъ обращалъ на себя вниманіе своимъ родствомъ съ королевскимъ домомъ и своимъ богатствомъ. Сначала онъ изучалъ въ Кельнѣ философію и богословіе, потомъ пріѣхалъ въ Падую заниматься гуманистическими науками. Здѣсь ему посовѣтовали усовершенствовать свое образованіе у Гварино. Онъ жилъ въ Феррарѣ какъ владѣтельное лицо и занималъ цѣлый домъ съ обильнымъ штатомъ прислуги. Чтобъ поскорѣе выучиться, Грей пригласилъ къ себѣ бѣднаго молодаго человѣка, который однако былъ уже хорошимъ латинистомъ, Никколо Перотти, впослѣдствіи знаменитаго грамматика. И онъ заказывалъ переписывать себѣ въ Феррарѣ множество книгъ, какъ уже дѣлалъ раньше въ Кельнѣ и Падуѣ, языческихъ, философскихъ и духовныхъ, а другія сочиненія заказывалъ у Веспазіано во Флоренціи. Послѣ двухлѣтнихъ занятій науками ему дано было въ 1449 г. порученіе отправиться въ Римъ прокураторомъ короля, а въ 1454 г. онъ былъ сдѣланъ епископомъ элійскимъ и королевскимъ совѣтникомъ и воротился въ Англію. По смерти короля Генриха VI онъ окончательно посвятилъ себя дѣламъ своей епископіи, вновь пріобрѣтенной наукѣ и занятіямъ въ своей прекрасной библіотекѣ [1]). Понятно, что примѣръ подобнаго человѣка не остался безъ послѣдствій и что литературныя сношенія между Англіею и Италіею становились все оживленнѣе.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно указать на причины, побуждавшія родственниковъ посылать молодыхъ людей учиться въ Италію. Ричардъ Флеммингъ, извѣстный своею борьбою съ Уайклефомъ, былъ на Констанцскомъ соборѣ и отличился тамъ своими рѣчами и проповѣдями [2]). Его, вѣроятно, коснулось вліяніе новой науки и перешло къ его родственнику, Роберту Флеммингу. Послѣдній отправился въ Феррару къ Гварино, чтобы тамъ почерпнуть знаніе латинской и греческой науки изъ самаго источника. Извѣстный уже по своимъ латинскимъ стихамъ, онъ отправился въ Римъ, сдѣланъ былъ тамъ папскимъ протонотаріемъ, а потомъ повѣреннымъ по дѣламъ короля англійскаго Эдуарда VI. Онъ сочинилъ Lucubratione

---

[1]) Vespasiano Vescovo d'Ely. Warton Anglia sacra P. I Lond. 1791, p. 672. См. выше стр. 118.

[2]) Нѣкоторыя изъ нихъ есть въ Tabulae codd. ms. bibl. Vindob. vol. III p. 361. 362 451. Baleus p. 575.

Tiburtinae (Тибуртинскіе ночные труды), которые посвятилъ папѣ Сиксту IV, составилъ греко-латинскій словарь и написалъ цѣлый томъ стихотвореній, которыя впрочемъ не высоко цѣнились. Умеръ онъ на родинѣ въ Линкольнѣ [1].

И Джонъ Фри изъ Лондона былъ привлеченъ славою Гварино въ Феррару и пріобрѣлъ тамъ отличныя свѣдѣнія какъ въ латинскомъ языкѣ, такъ и въ греческомъ. Потомъ онъ изучалъ медицину и съ особенною любовью—медицинскую ботанику. Эту науку онъ преподавалъ потомъ въ университетахъ феррарскомъ, флорентинскомъ и падуанскомъ. Впослѣдствіи, когда Фри жилъ въ Римѣ, онъ издалъ множество латинскихъ стихотвореній, посвященныхъ графу уинчестерскому. Папа Павелъ II назначилъ его епископомъ батскимъ, но онъ умеръ еще до посвященія въ 1465 г. [2]). Товарищъ Фри, хотя старше его по лѣтамъ, Джонъ Гонторнъ отправился сначала въ Феррару, потомъ былъ хранителемъ большой печати у короля Эдуарда IV. Кромѣ писемъ и рѣчей отъ него остались также стихотворенія [3]). Если мы примемъ во вниманіе то, что называемъ имена лишь людей, занимавшихъ выдающееся положеніе въ государствѣ и церкви, пользовавшихся извѣстностью въ качествѣ ученыхъ или поэтовъ, то должны будемъ признать, что ростки, пересаженные на почву Англіи изъ одной только школы Гварино, пустили глубокіе корни. Этому споспѣшествовало и множество классическихъ книгъ, которыя отправляли въ сундукахъ изъ Италіи. Мы понимаемъ и ту гордость, съ которою Баттиста, сынъ Гварино, указывалъ на толпы юношей, стремящихся въ школу его отца изо всѣхъ отдаленныхъ странъ, «даже изъ Британіи, лежащей внѣ предѣловъ земнаго шара» [4]).

Мы не видимъ въ Англіи ни малѣйшихъ признаковъ колебанія вѣры и нравственныхъ понятій, легкомыслія и нескромности, которыя почти всюду являлись вмѣстѣ съ античными поэтами и ихъ гуманистическими послѣдователями и были причиною недовѣрія къ гуманнымъ наукамъ. Это, конечно, заслуживаетъ вниманія. Въ Италіи это явленіе объясняли твердою преданностью англичанъ религіи, церкви и всѣмъ ея обрядамъ [5]). Правда, изученіе новыхъ наукъ подвигалось въ Англіи медленно впередъ. Войны алой и бѣлой розы, а впо-

---

[1]) Rosmini Vita di Guarino vol. III p. 117.

[2]) Извѣстія о немъ и его сочиненіяхъ у Zeno Diss. Voss. T. I p. 43 и у Baleus p. 614 не лишены хронологическихъ трудностей.

[3]) Baleus p. 617. Rosmini l. c. p. 121.

[4]) Его письмо къ брату Леонелло отъ 24 декабря 1460 г. въ Egyetemes philologiai Közlöny 1880 p. 633: ex Britannia ipsa, quae exstra orbem terrarum posita est.

[5]) Такъ говоритъ Vespasiano Duca di Worcestri § 3: Hanno questi oltramontani grandissima devozione, e massime in tutte le cose della religione.

слѣдствіи религіозныя несогласія значительнымъ образомъ задержали процвѣтаніе гуманистическихъ знаній въ странѣ. Только при королевѣ Елисаветѣ античный духъ вошелъ въ моду при дворѣ и среди аристократіи. Многія черты характера и придворной жизни этой прославленной королевы, на первый разъ поражающія насъ, тутъ находятъ себѣ объясненіе, а параллель при дворахъ итальянскихъ государей и владѣтельныхъ особъ.

Первое въ высшей степени замѣчательное соприкосновеніе нѣмецкаго духа съ духомъ классической древности заставляетъ насъ возвратиться назадъ, въ вѣкъ Каролинговъ и Оттоновъ. Литература, возникшая въ ту эпоху, указываетъ на то обычное явленіе, что нѣмецъ съ радостью принимаетъ всѣ образовательныя начала, какія встрѣчаетъ, но всегда перерабатываетъ ихъ по своему и дѣлаетъ достояніемъ всѣхъ, сообщая имъ универсальный, космополитическій характеръ. Если бы мы захотѣли прослѣдить ходъ взаимныхъ вліяній Италіи и Германіи, то это повело бы насъ слишкомъ далеко всторону. Поэтому мы укажемъ лишь вообще на тотъ фактъ, что оба эти народа постоянно привлекали другъ друга, а потомъ отталкивали, что между ними было много связей, а все таки въ нравахъ и образѣ мыслей существовало глубокое различіе. Въ изяществѣ и утонченности итальянца нѣмецъ видѣлъ только коварство и испорченность, тѣмъ не менѣе эти качества производили на него впечатлѣніе. Неотесанность и простота нѣмца казались итальянцу грубымъ варварствомъ, но онъ не разъ чувствовалъ проявленіе этой самобытной духовной силы и понималъ, что въ подобной прямотѣ кроются нравственные задатки. Подобный антагонизмъ всего рѣзче проявлялся въ борьбѣ изъ за іерархическаго преобладанія Италіи. Безъ сомнѣнія, по умственному развитію итальянецъ стоялъ гораздо выше. Если нѣмецъ видѣлъ въ каждой отдѣльной личности, начиная съ кардинала-легата и кончая послѣднимъ писцомъ римской куріи, человѣка падкаго на деньги, который чинилъ свои вымогательства съ гордостью и презрѣніемъ, если онъ готовъ былъ порвать тѣ церковныя узы, которыя главнымъ образомъ соединяли его съ Италіею, то въ немъ постоянно сказывалось тайное сознаніе, что ему еще слѣдуетъ учиться у этого народа. Нѣмецкій народъ не къ одному народу прилѣплялся съ глубокимъ уваженіемъ и подчиненіемъ, которыя часто имѣли видъ умственнаго рабства, до тѣхъ поръ, пока не выучивался, не прозрѣвалъ духовно и не усвоивалъ себѣ умственныя блага своего сосѣда. Любовь къ новой наукѣ и новому искусству, безспорно, внушена ему

преимущественно итальянцами. Здѣсь мы укажемъ только на первыя ихъ соприкосновенія и столкновенія.

Есть такое мнѣніе, что братья, державшіеся ученія объ общей жизни [1]), занимались уже классическою литературою и что сочиненія Николая Эйса обличаютъ классическую начитанность, въ которой онъ могъ бы поспорить съ начитанностью итальянскаго гуманиста. Но слѣдуетъ имѣть въ виду, что тутъ древніе писатели служили на пользу богословію, и на ихъ произведенія старались наложить схоластическія оковы. Простая начитанность далеко еще не то исключительное увлеченіе гуманистовъ, которое одно можетъ проложить пути для новой науки. Въ Германіи во всѣ времена знали древность и интересовались ею. Если принять въ соображеніе только это, то можно бы было по крайней мѣрѣ съ такимъ же основаніемъ указать на Абелярда и на Іоанна Салисберійскаго. Отдѣльныя личности, питавшія болѣе сильную любовь къ классической литературѣ, чѣмъ другія, встрѣчаются во всѣ періоды среднихъ вѣковъ и во всѣхъ культурныхъ областяхъ, даже въ Вестфаліи, на нижнемъ Рейнѣ и въ Бельгіи. Сократъ Петрарки былъ родомъ изъ бельгійскаго города Кампина. Но мы знаемъ о немъ почти только то, что онъ былъ поклонникомъ Петрарки и главнымъ предметомъ его культа дружбы. Петрарка, по видимому, удивляется, что бельгійская почва могла произвести такого друга. Онъ полагаетъ, что продолжительныя сношенія съ нимъ и любовь къ нему сдѣлали Сократа почти итальянцемъ. Навѣрное, онъ никогда не изслѣдовалъ той основы, на которой возникла эта дружба [2]). И Поджіо былъ еще сильно пораженъ, когда узналъ, что утрехтскій деканъ собираетъ сочиненія Цицерона, что у него есть уже нѣкоторыя его произведенія и онъ желаетъ пріобрѣсти остальныя [3]). Если и были мѣстами хорошія школы, въ которыхъ ученики упражнялись въ чтеніи

---

[1]) Братьями общей жизни, или доброй воли, также Іерониміанами или Грегоріанами назывались нѣкоторыя общины по имени блаженнаго Іеронима и Григорія Великаго. Первая христіанская община въ этомъ духѣ основана Гроотомъ около 1376 г. въ Нидерландахъ. Это было подражаніе первымъ христіанскимъ общинамъ, и члены подобной группы въ которую допускались люди всѣхъ возрастовъ и званій, жили по монашески, трудились преимущественно надъ перепиской книгъ и воспитывали юношество. Они имѣли общія имущества, общую одежду, общій столъ и т. д., не были связаны никакимъ обѣтомъ, но вели строго аскетическій образъ жизни. Братья возставали противъ многихъ злоупотребленій въ церкви, но не противъ ученія. Поэтому ихъ признавали папы, даже соборы. Были и женскія общины этого направленія. Впослѣдствіи онѣ явились и въ другихъ странахъ. *Примѣч. переводчика.*

[2]) Petrarca epist. rer. famil. IX, 2. Сократъ умеръ въ маѣ 1361 г.

[3]) Poggius epist. X, 23 отъ 31 декабря 1451 г.: Miratus sum tam studiosum eloquentiae et optimarum artium virum tam longe ab Italia, cuius haec studia vernacula esse vindentur, reperiri.

классиковъ и учились изящной латыни, то итальянскіе ученые не знали объ этомъ и только случай могъ повести къ сношенію съ ними.

Въ Италіи поэзія и древность вскорѣ стали господствовать при дворахъ и въ высшихъ слояхъ общества. Поэтому слѣдовало бы предполагать, что онѣ всего легче распространятся и въ придворныхъ и аристократическихъ сферахъ Германіи, какъ мы это видѣли въ Англіи. Но оказывается, что германскіе князья и знать составляли рѣзкую противоположность съ большими и мелкими владѣтелями, епископами и крупными купцами, которые въ Италіи старались усвоить себѣ по крайней мѣрѣ внѣшній лоскъ моднаго образованія. Тутъ не было подготовки, а также обширныхъ сношеній и соприкосновенія съ иноземными элементами, которыя пробуждали бы дремавшія умственныя силы народа. Короли и императоры большею частію съ дѣтства были окружены космополитическими вѣяніями. Ихъ образованіе было универсальное, и они легко освоивались въ чужихъ странахъ. Поэтому отъ нихъ можно было бы ожидать, что ихъ и ихъ придворныхъ увлечетъ итальянскій гуманизмъ, если только судьба занесетъ ихъ въ Италію или итальянцевъ къ нимъ.

Какъ могло новое міровоззрѣніе, провозглашенное Петраркою, не коснуться Карла IV, образованнѣйшаго государя своего времени, современника этого великаго человѣка! Онъ въ дѣтствѣ воспитывался въ Парижѣ, получилъ образованіе духовнаго характера, по своему направленію едва ли принадлежалъ одной какой либо націи, говорилъ по латыни и по французски, но выучился также говорить по нѣмецки, по чешски и по итальянски. Онъ не только имѣлъ влеченіе ко всякой наукѣ и искусству, но и доказалъ свою любовь къ нимъ основаніемъ большихъ учрежденій и сооруженіемъ памятниковъ. Карлъ не только вызвалъ къ жизни исторіографію, но и единственный изъ средневѣковыхъ государей принялся самъ писать исторію своей жизни. Но новая наука, пробужденная въ Италіи, которой его юношеское образованіе было чуждо, предстала предъ нимъ лишь въ образѣ нѣкоторыхъ личностей, проникнутыхъ ея воспламеняющими качествами, стремленіемъ къ славѣ и поклоненіемъ величавой древности. Все таки это было событіемъ, когда въ 1350 г. явился въ Прагу Кола ди Ріенци, низвергнутый трибунъ. Конечно, въ глазахъ Карла онъ не имѣлъ никакого политическаго значенія, да и не добился его. Но, находясь въ заключеніи, онъ оставался важнымъ умственнымъ явленіемъ, привлекавшимъ къ себѣ новизною и смѣлостью своихъ идей. Нѣмецкіе и чешскіе магистры, съ которыми онъ говорилъ и велъ диспуты, удивлялись его пламенному краснорѣчію. Этотъ человѣкъ, воспитанный на чтеніи Ливія, называвшій себя рыцаремъ благодаря Св. Духу, трибуномъ свободы, мира и справедливости, освободителемъ

и Августомъ римской республики, явился агитаторомъ, ищущимъ помощи, но съ мистическимъ одушевленіемъ. Послѣднимъ онъ не увлекъ людей, окружавшихъ Карла, однако все таки внушилъ имъ сочувствіе, даже удивленіе къ себѣ. Тѣ письма, которыя онъ писалъ изъ раудницкой тюрьмы къ королю, епископу пражскому Арнету и нотаріусу Іоганну фонъ Неймарктъ, писанныя напыщеннымъ и цвѣтистымъ слогомъ, хранились какъ художественныя произведенія и служили предметомъ подражанія. 1 августа онъ удостоился видѣть самого короля, который, конечно. только улыбнулся, слыша его пророческія откровенія, но принялъ его милостиво, какъ замѣчательнаго фантазера, но, разумѣется, потомъ выдалъ римскому двору [1]).

Та переписка, въ которую вошелъ Петрарка съ Карломъ IV, въ сущности имѣетъ то же содержаніе, какъ и воззванія трибуна. И поэтъ увѣщевалъ короля, во имя вѣчной славы, явиться въ Италію и принять въ Римѣ бразды правленія. Но всесвѣтный мудрецъ и ученый не былъ политическимъ мыслителемъ; такъ на него и смотрѣлъ Карлъ при свиданіи въ Мантуѣ. Онъ милостиво интересовался его особою и его произведеніями, затрогивалъ чувствительную струнку его тщеславія и въ похвалу получилъ отъ него названіе «итальянца», ни словомъ, ни дѣломъ не хлопоча о вѣчной славѣ [2]). Петрарка убаюкивалъ себя надеждою своимъ перомъ снова воскресить величіе Рима и его всемірное владычество. Поэтому онъ глубоко разочаровался, когда императоръ тотчасъ же вслѣдъ за коронованіемъ уѣхалъ изъ Рима, какъ бѣглецъ. Къ этому еще присоединилось вѣнчаніе лаврами Занοби въ Пизѣ, которое устроилъ великій сенешалъ Акчіайоли; Карлъ, безъ сомнѣнія, раньше не слыхалъ имени этого поэта. Мы вспоминаемъ, что онъ выслушалъ лишь небольшую долю рѣчи новаго лавроносца о славѣ, хотя и послѣдній умолялъ его возстановить права великихъ умовъ и величіе имперіи [3]). Карлъ не имѣлъ и понятія о томъ, какъ оскорбителенъ для Петрарки этотъ императорскій вѣнокъ, возложенный на голову второстепеннаго поэта. Поэзіи вообще онъ так-

[1]) Peltzel Kaiser Karl IV. Th. I, Prag 1780. Въ предъувѣдомленіи упоминается о Collectio epistolarum Nicolai tribuni Romani, состоящемъ приблизительно изъ 30 писемъ. Изъ нихъ Паппенкордтъ Cola di Rienzo нро 15. 16 издалъ корреспонденцію съ Іоганномъ Неймарктъ, которая есть съ нѣкоторыми варіантами и въ ms. лейпцигской городской библіотеки Rep. II fol. 71 fol. 51. Здѣсь есть и Tytulus tribuni Romanorum, взятый изъ одного письма къ королю и какъ особенно блестящій принятъ въ книгу формъ. Ср. Friedjung Kaiser Karl IV und sein Antheil am geistigen Leben seiner Zeit, Wien 1876, s. 286 ff. О томъ времени, когда Кола явился въ Прагу, см. Huber Die Regesten des Kaiserreichs unter Kaiser Karl IV Reg. zum fuli 1350. Аудіэнція 1 августа по Vita di Cola ed. Re lib. II cap. 12.

[2]) Ср. томъ I стр. 64—67.

[3]) Ut ingeniorum pariter secut imperii iura requiras; utramque enim ad decus tuum pertinet, imperii atque ingeniorum fines extendere. См. томъ I стр. 416—417.

же не понималъ, какъ и Петраркѣ было непонятно трезвое и благоразумное воззрѣніе императора. Но Петрарка постоянно восторгался тѣмъ, что императоръ удостоилъ его своей дружбы, какъ великаго мудреца своего времени. Впрочемъ и Карлъ смотрѣлъ на прославленнаго философа какъ на человѣка, который придавалъ блескъ его двору и самому ему внушалъ живой интересъ.

Такимъ образомъ отношенія между императоромъ и поэтомъ тянулись еще долгое время. Первый ничѣмъ не жертвовалъ, приближая къ себѣ всесвѣтнаго мудреца, а послѣдній не замѣчалъ, чѣмъ онъ жертвовалъ, какъ древній римлянинъ, итальянецъ и республиканецъ, постоянно являясь къ императорскому двору. Но это личное сближеніе ихъ было плодотворно, потому что заронило въ Германіи сѣмена новаго образованія. Фамилія Висконти, искавшая удобнаго случая примириться съ императоромъ, избрала Петрарку своимъ посломъ, и онъ, не смотря на свое стремленіе къ «уединенію и спокойствію», довольно охотно согласился ѣхать къ «арктическому океану». Какъ рѣдкостный дипломатъ, онъ еще въ Миланѣ, въ то время, когда укладывали его вещи, рѣшился говорить свободно съ императоромъ, «по крайней мѣрѣ этимъ отомстить за самого себя, за Италію и за покинутую страну [1])». 20 мая 1356 г. оставилъ Петрарка Миланъ, но, не нашедши Карла въ Базелѣ, долженъ былъ, дѣйствительно, ѣхать на «край свѣта», въ «отдаленную варварскую страну», въ Прагу. Намъ не сообщаютъ, чтобы онъ тамъ, подобно Колѣ, защищалъ дѣло Рима и Италіи и изумилъ всѣхъ своими свободными рѣчами. Но самъ онъ хвалитъ дворъ за то что придворные приняли его съ утонченною любезностью. Тамъ былъ епископъ пражскій Арнестъ, высокообразованный прелатъ, основатель пражскаго университета, который не разъ высказывалъ ему сожалѣніе о томъ, что ему пришлось пріѣхать къ «варварамъ». Потомъ епископъ Ольмюцскій, Іоаннъ Окко, который увѣрялъ его, что имя Франциска никогда не изгладится изъ его памяти. Это былъ поклонникъ латинскаго краснорѣчія, говорившій впослѣдствіи надгробное слово въ честь имератора Карла и, на итальянскій манеръ, распространившій его въ копіяхъ [2]). Но особенное уваженіе къ Петраркѣ, какъ къ поэту и всемірному мудрецу, высказалъ Іоаннъ фонъ Неймарктъ, канцлеръ императора и епископъ литомышльскій. Мы вскорѣ укажемъ на тѣ послѣдствія, къ какимъ повело это обстоятельство.

---

[1]) Epist. rer. famil. XIX, 13: Sic me saltem, sic Italiam et desertum imperium ulciscar.
[2]) Оно есть у Пельцеля Bd. II s. 946.

Знаменитый гость получилъ патентъ на титулъ пфальцграфа, составленный епископомъ ольмюцскимъ и написанный изящнымъ слогомъ, съ большимъ золотымъ шарикомъ. Какъ скоро онъ хочетъ казаться вѣжливымъ, то сообщаетъ, что ни у императора, ни у окружающихъ его не замѣтилъ слѣдовъ варварства. Но какъ только онъ покинулъ атмосферу двора, которая такъ благодѣтельно повліяла на него, и поѣхалъ на родину по «варварскимъ землямъ», то въ немъ снова пробудилась мысль, что все, что дорого и прекрасно,—въ Италіи [1]).

Съ этихъ поръ Петрарка могъ хвалиться тѣмъ, что состоитъ въ дружеской перепискѣ съ императоромъ, которую отъ имени послѣдняго велъ Іоаннъ фонъ Неймарктъ. Какъ и десять лѣтъ тому назадъ, поэтъ все еще умолялъ Карла явиться въ Италію, возстановить Римъ и римскую имперію. Напротивъ императоръ посылалъ ему подарки и снова звалъ въ Германію, желая слышать его «нравственныя наставленія». Долго отклонялъ эти приглашенія Петрарка подъ разными предлогами. Наконецъ, когда нельзя было больше оставаться въ Миланѣ, когда чума и война прогнали его изъ Италіи, онъ рѣшился ѣхать въ Германію. При этомъ у него мелькала мысль провести при дворѣ императора и остатокъ дней своихъ. Это было въ мартѣ 1362 г. Но онъ принужденъ былъ воротиться, потому что толпы наемниковъ заняли дороги, отказался отъ своего намѣренія и переселился въ Венецію [2]).

Нельзя утверждать того, что эти сношенія произвели глубокое впечатлѣніе на императора. Наука и искусство не были для него умственными потребностями, а предметами роскоши, которыми онъ украшалъ свой дворъ, свою резиденцію въ Прагѣ и свои наслѣдственныя земли въ Чехіи. Этимъ объясняется его страсть собирать рѣдкости; Петрарка никогда не интересовался подобными вещами. Какъ обрадовался императоръ, когда онъ нашелъ въ Аквилеѣ рукописное Евангеліе отъ св. Марка, которое будто-бы этотъ Евангелистъ написалъ по латыни! Онъ тотчасъ-же заказалъ для него роскошный футляръ, украшенный золотомъ и драгоцѣнными камнями, и все пражское духовенство съ архіепископомъ и соборнымъ капитуломъ должно было принять эту книгу въ торжественной процессіи [3]). Рѣдкостями для Петрарки были старинныя рукописи классиковъ и римскія монеты, а у императора никогда не являлось желанія имѣть какого-нибудь Ливія. «Онъ не по-

---

1) Petrarca epist. rer. famil. XIX, 14. 15. XXI, 1, 2 seq.

2) Сюда относятся письма императорскаго канцлера у Пельцеля Th. II s. 360. 361 и Petrarca epist. rer. famil. XXIII, 2 отъ 21 марта (1361), 6. 8 отъ 18 іюля (1361), 9 и 10 отъ 21 марта (1462).

3) Huber Регеста въ 31 октября 1354 г.

мнитъ своихъ древнихъ римскихъ предковъ, говоритъ Боккачіо [1]), и проводитъ время въ укромномъ уголкѣ «среди снѣговъ и за стаканомъ вина». Не смотря на свои связи съ Петраркою, въ глазахъ итальянцевъ онъ оставался чешскимъ варваромъ.

Болѣе глубокое впечатлѣніе произвелъ поэтъ на духовныхъ особъ, окружавшихъ Карла. Епископъ ольмюцскій называлъ его своимъ «наставникомъ и повелителемъ»; по просьбѣ его Петрарка послалъ въ Чехію свои буколическія стихотворенія, приложивъ къ нимъ объясненіе содержанія [2]). Далѣе мы слышимъ объ одномъ пражскомъ схоластикѣ Генрихѣ, который относился къ Петраркѣ съ дѣтскимъ благоговѣніемъ. Но самымъ развитымъ человѣкомъ былъ Іоганнъ фонъ Неймарктъ, какъ его обыкновенно сначала называли по имени того силезскаго околотка, въ которомъ онъ родился. Онъ явился къ Карлу IV почти въ самомъ началѣ его правленія и оставилъ дворъ не задолго до смерти императора. Своему образованію, уму, трудамъ въ канцеляріи и писательскому искусству этотъ человѣкъ былъ обязанъ расположеніемъ государя и тѣмъ, что быстро разбогатѣлъ и достигъ великихъ почестей. Онъ былъ бѣденъ, но получилъ хорошее образованіе, быть можетъ, у премонстратовъ, въ орденъ которыхъ вступилъ. Еще въ 1427 г. мы встрѣчаемъ его въ качествѣ нотаріуса при пражскомъ дворѣ, а въ 1348 г. онъ былъ уже священникомъ въ своемъ родномъ Неймарктѣ, въ 1351 г. является секретаремъ и близкимъ человѣкомъ короля, кромѣ того каноникомъ въ Бреславлѣ и Ольмюцѣ, въ 1352 кандидатомъ на наумбургскую епископскую каѳедру, которой впрочемъ не получилъ, и протонотаріемъ. Въ 1353 г. Іоганнъ былъ возведенъ въ санъ епископа литомышльскаго и является канцлеромъ при дворѣ. Здѣсь мы и встрѣчаемъ его имя въ длинномъ рядѣ разныхъ актовъ. Когда впослѣдствіи Іоганнъ Окко былъ назначенъ архіепископомъ пражскимъ въ 1364 г., то онъ былъ его преемникомъ на богатой ольмюцской каѳедрѣ. Въ этомъ санѣ онъ и умеръ 23 декабря 1380 г., а должность канцлера сложилъ съ себя, кажется, еще въ 1374 г. [3]).

---

[1]) Lettere ed. Corazzini p. 363.

[2]) Petrarca epist, rer. famil. XXIII, 6. 10.

[3]) За ходомъ его жизни слѣдить: Huber Regesten p. XLII ff и еще подробнѣе Benedict во введеніи къ «Das Leben des luil Hieronymus in der Hebers. des Bischofs VIII von Olmüntz». Prag 1880 (Bibliothek der mittelhochdeutschen Literatur in Böhmen Bd. III. Поприще Іоганна, Премонстранц, на которомъ онъ еще въ 1343 г. былъ аббатомъ монастыря Брукъ въ Чехіи, не сходится съ тѣмъ, что въ 1347 г. онъ былъ нотаріусомъ. Однако то обстоятельство, что онъ погребенъ въ Литомышлѣ, въ августинскомъ монастырѣ, основанномъ имъ, опять говоритъ въ пользу этого.

Еще раньше, чѣмъ Карлъ IV прибылъ въ Италію, конечно, вслѣдствіе увѣщательныхъ посланій, полученныхъ королемъ отъ Петрарки, Іоганнъ отважился обратиться къ поэту съ почтительнымъ письмомъ. Петрарка вывелъ изъ этого такое заключеніе, лестное для себя, что его имя уже хорошо извѣстно и въ Германіи. Онъ отплатилъ за эту вѣжливость тѣмъ, что привѣтствовалъ своего поклонника, какъ человѣка, «воспитаннаго на римскомъ краснорѣчіи»[1]. Такъ какъ этотъ Іоганнъ сопровождалъ своего короля въ его римскомъ походѣ и былъ при немъ во время его вѣнчанія императорскою короною, то, безъ сомнѣнія, видѣлся въ это время съ поэтомъ, а потомъ въ Прагѣ вполнѣ насладился его бесѣдою. Онъ смотрѣлъ на него съ почтительнымъ уваженіемъ удивленнаго ученика. Іоганнъ бралъ на себя неимовѣрный трудъ писать возвышеннымъ и почтительнымъ слогомъ, когда обращался къ нему отъ имени императора или отъ своего собственнаго. По отношенію къ лавроносному поэту онъ называлъ себя презрѣннымъ школьнымъ учителемъ и выражался съ рабскимъ смиреніемъ о врожденной слабости своего собственнаго языка и языка нѣмецкой націи и объ его варварскихъ свойствахъ. Онъ стыдился заводить рѣчь о своемъ нотаріальномъ дѣлѣ и своей должности канцлера; въ этомъ отношеніи онъ въ сравненіи съ громогласнымъ Петраркою, по его словамъ, является болтливою сорокою. Канцлеръ былъ глубоко огорченъ тѣмъ, что можетъ только слышать сладкіе звуки эклогъ Петрарки. Поэтому ему оставалось лишь сѣтовать на то, что не посчастливилось быть ученикомъ подобной школы. Іоганнъ желалъ утолять свой голодъ хоть крохами, падающими съ роскошной трапезы священнаго пѣвца, и готовъ быть считать себя счастливымъ, если, опустивъ глаза въ землю, можетъ поклоняться слѣдамъ такого оратора[2].

Эти литературныя стремленія канцлера и его напыщенный слогъ, украшенный цвѣтами поэзіи, имѣли немаловажное значеніе для Германіи. Тутъ видѣнъ первый лучъ зари гуманизма, занимающейся для нѣмецкой страны. Пражская нотаріальная школа пользовалась уже около вѣка большимъ значеніемъ; это доказываютъ намъ сборники формъ, воз-

---

1) Petrarca epist. rer. famil. X, 6. Это письмо относится еще ко времени, предшествующему поздкѣ Карла въ Римъ, что̀ доказывается тѣмъ, что онъ подписывается епископомъ наумбургскимъ.

2) Шесть писемъ канцлера къ Петраркѣ изъ рукописи лейпцигской университетской библіотеки, см. у Mehus Vita Ambros. Travers. p. 221 seq. Въ ихъ числѣ есть, быть можетъ, и такія, которыя онъ писалъ отъ имени епископа ольмюцскаго. Два письма у Пельцеля Th. II s. 360. 351. Другія у Теод. Неймана Die Handscriften der Milisch'schen Bibliothek. in Görlitz — въ Neuer Lausithische Magazin Bd. 23, Görlitz 1846, s. 193. 197, у Фридъюнда s. 422 ff., у Hortis Scritti inediti di F. Petrarca p. 184.

никшіе въ ней. Такимъ образомъ и письма Іоганна стали вліятельными литературными произведеніями, такъ какъ онъ составилъ изъ нихъ особый сборникъ епистолярныхъ формъ. Послѣдній былъ вскорѣ распространенъ подъ заглавіемъ Руководство для канцеляріи Карла IV въ извлеченіяхъ или съ приложеніями, что обусловливается свойствами подобныхъ сборниковъ-образцовъ. Въ немъ содержатся письма, сочиненныя отъ имени императора и отъ собственнаго имени, оффиціальныя и дружескія, письма съ богословскимъ оттѣнкомъ и трактующія въ грубо-юмористическомъ тонѣ о женщинахъ и винѣ, а во второй части формы актовъ. Конечно, автору еще далеко до плодовитости Салютато и его патетическаго одушевленія. Іоганнъ обнаруживаетъ неумѣстное стремленіе къ блестящимъ выраженіямъ и образамъ. Поэтическій тонъ замѣняется изреченіями римскихъ поэтовъ насчетъ Геликона, Піэридъ, кастальскаго источника, меда съ горы Гиметта и другими подобными украшеніями, къ какимъ прибѣгаютъ на первыхъ порахъ, желая выразиться ораторскимъ и поэтическимъ слогомъ. Не смотря на нѣкоторые варваризмы, есть нѣкоторые слѣды «Цицероновскаго краснорѣчія». Весьма замѣтно вліяніе Колы, его напыщенной рѣчи и мистической туманности; конечно, для такого подражателя было недоступно глубокомысліе Петрарки. Но новый родъ краснорѣчія обнаружилъ уже привлекательную и чарующую силу; это замѣтно уже въ канцелярскихъ документахъ временъ короля Венцеслава и пражскаго архіепископа Іоганна фонъ Венценштейнъ [1]).

Іоганнъ фонъ Неймарктъ пробовалъ свои силы и въ стихахъ на латинскомъ языкѣ. Какъ они ни жалки, но имѣли свой кругъ читателей; и въ этихъ опытахъ принималъ живое участіе упомянутый нами архіепископъ пражскій. Другія сочиненія канцлера не имѣютъ отношенія къ гуманизму; извѣстна только жизнь блаженнаго Іеронима, переведенная на латинскій языкъ, которая пользовалась, по видимому, не малымъ сочувствіемъ читающей публики [2]).

Про короля **Венцеслава** нельзя сказать, чтобъ онъ желалъ завести какія либо сношенія съ итальянскими гуманистами, которыхъ теперь являлось все больше и больше. Но въ Италіи желали имѣть съ нимъ общеніе, притомъ путемъ посланій по образцу Данта и Петрарки, чтобы побудить его къ принятію императорскаго титула.

---

[1]) Оригиналъ Summa cancellariae Caroli IV, по видимому, не сохранился. Уже рукопись пражскаго соборнаго капитула 1387 г. у Benedict. p. XIV, конечно, копія. Здѣсь случаются и другія, до тѣхъ поръ неизвѣстныя, рукописи. Обѣ лейпцигскія, кодексъ Rep. II fol. 71 городской библіотеки и Cod. ms 1273 a. университетской библіотеки Formulae quedam litterarum missilium близко родственны между собою.

[2]) О другихъ его сочиненіяхъ см. Benedict s. XIII. XX.

Такъ поступилъ въ 1382 г. гуманистъ Антоніо де Лемако, въ другихъ отношеніяхъ неизвѣстный намъ. Онъ написалъ патріотическое посланіе въ увѣщательно-укоризненномъ духѣ и указывалъ молодому королю на то, что онъ по дѣтски ловитъ пташекъ, вмѣсто того, чтобы по образцу великихъ древнихъ искоренять расколъ въ Италіи, придти съ своими побѣдоносными орлами на помощь ей и Риму и опять возстановить тамъ власть имперіи [1]. Другой писатель въ томъ же родѣ, Леонардо Терунда, тоже изъ Вероны, повторилъ этотъ призывъ въ 1401 г. Онъ однако явился не укоряющимъ совѣтникомъ, а человѣкомъ, глубоко увлеченнымъ мечтою объ итальянско-римской имперіи Венцеслава, и обѣщалъ ему помощь и побѣду отъ имени Италіи [2]. Эти люди не могли хвалиться славными именами, подобно Петраркѣ, поэтому, навѣрное, не произвели никакого впечатлѣнія на короля Венцеслава, но ихъ изящныя письма были включены въ сборникъ формъ.

Напротивъ племянникъ Карла IV, маркграфъ моравскій Іобстъ, былъ человѣкъ, принимавшій участіе въ историческихъ трудахъ. Онъ во Флоренціи приказалъ списать для себя сочиненіе Петрарки о знаменитыхъ мужахъ въ сокращенной редакціи. Но возбуждающимъ лицомъ былъ и въ этомъ случаѣ, кажется, его канцлеръ, Андрей фонъ Виттингау, ольмюцкій соборный деканъ. Онъ питалъ глубокое уваженіе къ Салютато, бывшему идеаломъ всѣхъ канцлеровъ и нотаріусовъ своего времени, и посѣтилъ его будучи во Флоренціи, чтобы засвидѣтельствовать свое почтеніе. Безъ сомнѣнія, подъ его вліяніемъ начали и въ Германіи обращать вниманіе на старинныя рукописи классиковъ. Самъ Іобстъ говорилъ, что онъ видѣлъ когда-то экземпляръ полнаго Ливія, сообщилъ объ этомъ Салютато и даже хлопоталъ, чтобы переписали это сочиненіе для него. Хотя находка оказалась мечтою, однако канцлеръ Андрей хотѣлъ потомъ еще положительнѣе узнать объ очень старинномъ и болѣе полномъ Ливіи въ бенедиктинскомъ монастырѣ любскаго діоцеза и снова встревожилъ Салютато, но все таки Ливія не оказалось [3]. Однако и

1) Vale et veni, o unicum miserandae Italiae praesidium! такъ заканчиваетъ онъ свое посланіе. Т. е. Прощай, и приходи, единственная опора Италіи, достойной состраданія!..

2) Онъ говоритъ, обращаясь къ Венцеславу: dive Caesar, nostra omnium tutela spesque, summe principum princeps instar divinae maiestatis in terris etc. т. е. божественный императоръ, общая наша оборона и надежда, величайшій изъ государей, подобіе величія Божія на землѣ и пр. Оба письма у Палацкаго Ueber Formelbücher—въ Abhandlungen der Kön. Böhm. Ges. d. Wiss. 5 Folge Bd. V, Prag. 1848, s. 34. 40.

3) Письмо Салютато къ маркграфу отъ 24 марта 1393 въ Paradiso degli Alberti vol. I P. I (Docum.) p. 298. Послѣсловіе къ другому письму Салютато къ нему же отъ 20 августа 1397 г. (?), ep. 51 ed. Rigacci, издалъ Гауптъ въ Bericht. d. K. Sächs. Ges. d. Wiss. Bd. II 1850 s. 16. Ср. томъ I стр. 196. О другихъ научныхъ интересахъ маркграфа см. Фридъюнгъ стр. 102 пр. 2.

тутъ мы видимъ нить, связующую владѣтельный нѣмецкій домъ съ метрополіею новой науки.

Всѣ эти Люцельбурги были люди хорошо образованные и развитые, но самымъ энергичнымъ и способнымъ изъ нихъ былъ, безспорно, Сигизмундъ. Его тѣмъ скорѣе коснулось вѣяніе гуманизма, что въ своей жизни, полной превратностей, ему приходилось бывать въ Италіи и вообще часто бесѣдовать съ итальянцами. Съ ними онъ встрѣтился напр. на констанцскомъ соборѣ, о значеніи котораго для пропаганды гуманизма мы уже говорили. Тамъ Сигизмундъ былъ прославленъ поэтомъ Бенедетто да Пиліо, и послѣдній посвятилъ ему эклогу по поводу исторіи собора [1]). Правда, поэтъ былъ столь же ничтоженъ, какъ и его произведеніе, но раньше его ни одинъ поэтъ новой школы не подносилъ въ подарокъ стиховъ нѣмецкому князю.

Въ Констанцѣ Сигизмундъ познакомился и съ Пьеромъ Паоло Верджеріо, который явился на соборъ въ свитѣ кардинала Забареллы. Мы помнимъ что онъ былъ искусный латинистъ и одинъ изъ самыхъ прилежныхъ учениковъ Хризолора, тоже основательно усвоилъ себѣ права, каноническое и гражданское. Однако до тѣхъ поръ онъ не находилъ прочнаго положенія въ Италіи, и нужда довольно часто была спутницею его скитальческой жизни [2]). Когда Сигизмундъ принялъ его къ себѣ на службу, то ему, безъ сомнѣнія, приходилось быть не только поэтомъ и секретаремъ, но также вести болѣе важныя государственныя дѣла и отправляться въ посольства. Его перваго изъ итальянскихъ гуманистовъ встрѣчаемъ мы на службѣ при названномъ дворѣ, ему же первому и пришлось кончить жизнь среди «варваровъ». Конечно, зарабатываемый хлѣбъ былъ тяжелъ для Верджеріо, и онъ горько жаловался на судьбу. Характеристично то, что о немъ почти ничего неизвѣстно съ тѣхъ поръ, какъ онъ уѣхалъ съ Сигизмундомъ въ Венгрію. Въ Италіи о Верджеріо, по видимому, забыли, и въ перепискѣ гуманистовъ его имя больше не встрѣчается; нельзя рѣшить, былъ ли онъ опять въ Италіи. Нисколько не удивительно, что у нѣмцевъ и венгровъ о Верджеріо сохранились лишь скудныя извѣстія. Такъ напр. мы случайно узнаемъ, что во время диспута съ гусситами въ іюлѣ 1410 г. онъ былъ главнымъ ораторомъ католиковъ со стороны пражскаго меньшинства [3]). Слѣдовательно, все таки онъ принималъ участіе въ важныхъ дѣлахъ, и въ актахъ того времени его имя, вѣроятно, часто упоминается. Но Верджеріо въ то же время былъ до нѣкоторой степени вѣренъ своему прошлому, какъ ученикъ Хризолора. Онъ умѣлъ внушить

---

1) См. выше стр. 19. Wattenbach l. c. p. 114. 124.
2) См. томъ I стр. 213. 396 сл.
3) Палацкій Gesch. von Böhmen Bd. III Abth. 2. Prag. 1851 s. 140.

Сигизмунду желаніе—прочесть о подвигахъ Александра Великаго въ историческомъ трудѣ Арріана, а потомъ посвятилъ ему переводъ его. Послѣдній былъ изложенъ сухимъ и простымъ слогомъ, но не буквально, и переводчикъ имѣлъ въ виду лишь ясность. Верджеріо не считалъ нужнымъ заботиться объ украшеніяхъ рѣчи и изяществѣ, потому что ничего подобнаго не было и въ оригиналѣ. Книга эта, безъ всякаго сомнѣнія, была бы забыта, если бы спустя долгое время послѣ смерти переводчика не попала въ руки Пикколомини, который подарилъ ее королю Альфонсу. Будущій папа первый высказалъ то мнѣніе, будто бы Верджеріо прибѣгъ къ этой простой манерѣ изложенія потому, что императоръ не понимаетъ высокой латинской рѣчи, и потому Фаціо рѣшился передѣлать книгу [1]). Занимался ли Верджеріо общественными дѣлами послѣ смерти Сигизмунда, мы не знаемъ. Лишь случайно встрѣчается извѣстіе, что онъ жилъ у гросвардейнскаго епископа Іоанна Витеца; это было въ 1445 г., или вскорѣ послѣ того. Въ преклонныхъ лѣтахъ Верджеріо сталъ слабоуменъ, но по временамъ сознавалъ все. Онъ умеръ въ Венгріи, но о времени его смерти намъ не сообщаютъ. Можно думать, что бѣдность и лишенія не покидали его до конца жизни [2]).

---

[1]) Посвященіе Верджеріо у Zeno Diss. Voss. T. I p. 55. Верджеріо надѣется понравиться королю, si plano ac pene vulgari stilo sensus tantum, non verba, transferrem. Время перевода можно опредѣлить тѣмъ, что Сигизмундъ въ посвященіи названъ императоромъ. О судьбѣ этой книги послѣ смерти Верджеріо сообщаютъ два приведенныя выше, стр. 156, еще неизданныя письма Энея Сильвія отъ 26 и 27 января 1454 г. Эней подарилъ королю Неаполитанскому рукопись, писанную самимъ переводчикомъ: Volumen est papyreum, lacerum et vetustate consumptum — Prima editio est Pauli sua manu conscripta. Къ ветхому уже кодексу относятся и слова, обращенныя къ Беккаделли: Paulus, ut videbis, senio confractus est et ad sepulcrum festinat. Tuum est curare magno vati et tui simili ut exequiae dignae fiant. Съ этого подлинника, отличнаго отъ экземпляра, поднесеннаго Сигизмунду, будущій папа Николай, въ то время еще епископъ болонскій и легатъ у императора (1446), могъ снять копію, а вторую взялъ Эней. Первая, вѣроятно, есть экземпляръ ватиканской библіотеки. И тотъ взглядъ Фаціо, что простота слога разсчитана на степень пониманія Сигизмунда, принадлежитъ Энею: Stilus neque altus, neque admodum ornatus est, quamvis esset Paulus et facundissimus ed elegantissimus.—Sed. voluit in hoc Sigismundo Caesari morem gerere. Neque enim sermonis capax sublimioris Sigismundus.

[2]) Объ его пребываніи въ Венгріи у Витеца упоминаетъ Callimachus De vita et moribus Gregorii Sanocentis въ Analecto ed. Abel p. 162. Слова, сказанныя имъ про Верджеріо и одного бѣглаго грека: contulerunt se ad eundem episcopum (Varadiensem) veluti ad confugium bonorum omnium ac literarum asylum, quoties calamitas aliqua ingruisset—характеристичны. Епископомъ Витецъ былъ съ 4 іюня 1445 г. Завѣщаніе Верджеріо, писанное въ Офенѣ 11 мая 1444 г., по Fraknói Vitez p. 149 находится въ Венеціи въ библіотекѣ св. Марка. Pius II Europa cap. 2 говоритъ только, что онъ умеръ въ Венгріи.

Сигизмундъ, вѣроятно, по временамъ имѣлъ сношенія съ нѣкоторыми гуманистами послѣ констанцскаго собора. Это объусловливалось самымъ его положеніемъ. Онъ былъ королемъ нѣмецкимъ, венгерскимъ и чешскимъ и во время борьбы съ гусситами находился въ постоянныхъ общеніяхъ съ римскимъ дворомъ. Въ посольствахъ постоянно принимали участіе ораторы изъ гуманистовъ. Такъ въ 1426 г. Антоніо Лоски былъ посломъ папы Мартина у Сигизмунда въ Будѣ. Король принялъ его съ почетомъ, хотя онъ былъ только секретаремъ, и возвелъ въ санъ пфальцграфа [1]). А потомъ въ первый годъ базельскаго собора Сигизмундъ долго прожилъ въ Италіи, преимущественно въ Тосканѣ, ведя переговоры о своемъ вѣнчаніи императорскою короною. Едва ли осталось тамъ какое либо воспоминаніе объ его политической дѣятельности, кромѣ воспоминанія о долгахъ короля, но наружность его весьма понравилась итальянцамъ, а еще болѣе итальянкамъ. Сигизмундъ былъ человѣкъ весьма разносторонній, хотя не особенно восприимчивый: въ Италіи онъ, повидимому, главнымъ образомъ хлопоталъ о томъ, чтобы придать себѣ наиболѣе красивый видъ и на закатѣ дней заняться любовными похожденіями. Онъ весьма легко научился утонченности въ обращеніи и даже отличался этимъ. Притомъ король говорилъ не только по-итальянски, но и весьма свободно по латыни, что въ то время еще не часто встрѣчалось и между итальянскими государями. Канцлеръ его, Каспаръ Шликъ, въ то же время и повѣренный по любовнымъ и денежнымъ дѣламъ, съ матерней стороны былъ итальянской крови. Онъ былъ извѣстенъ гуманистамъ и самъ иногда читалъ Ливія [2]). Итальянцы постоянно хвалили и императора за то, что онъ принималъ участіе въ гуманистическихъ стремленіяхъ ихъ родины. Впрочемъ, если посмотрѣть на дѣло поближе, то окажется, что не Сигизмундъ искалъ ученыхъ и поэтовъ, а они его.

Что же представляютъ собою поэтическія вѣнчанія Сигизмунда? Въ Пармѣ, гдѣ онъ жилъ въ апрѣлѣ 1432 г., онъ присудилъ лавровый вѣнокъ нѣкоему Томмазо Камбіаторе изъ Реджіо, юристу, который перевелъ плохими терцинами Энеиду Виргилія [3]). Здѣсь же къ нему явился Беккаделли, извѣстный пѣвецъ Гермафродита; онъ былъ представленъ миланскимъ посломъ Гварнеріо да Кастильоне. Валла говоритъ про него прямо, что въ рескриптѣ онъ названъ поэтомъ: «какъ будто можно дѣлать людей поэтами такимъ образомъ [4])».

---

[1]) Schio Vita d'Ant. Loschi p. 109. Дипломъ на пфальцграфское достоинство отъ 22 августа.

[2]) Письмо Энея Сильвія къ нему отъ 12 января 1444 г.

[3]) Rosmini Vita di Guarino vol. II p. 163.

[4]) Valla in Facium lib. IV (Opp. p. 630).

Но уже не было ни одного общественнаго торжества, ни одного вѣнчанія лаврами, подобнаго тому, какого еще Карлъ IV удостоилъ поэта Заноби да Страда. Патенты на званіе поэта были такими же канцелярскими бумагами, какъ и грамоты на достоинство пфальцграфа, легко давались по рекомендаціи и давали титулъ poeta laureatus. Этой почести удостоился въ то время на своей родинѣ и Уголино Пизани Парискій [1]). Мы слышимъ еще о нѣкоторыхъ вѣнчанныхъ поэтахъ той эпохи, но намъ ничего не сообщаютъ о самомъ короновaніи; вѣроятно, все это дѣлалось въ его канцеляріи во время странствованій по Италіи [2]). А когда Сигизмундъ въ маѣ 1433 г. пріѣхалъ въ Римъ, то Чиріако анконскій былъ его чичероне по древнимъ зданіямъ и развалинамъ. Онъ указалъ на постыдное разрушеніе почтенныхъ остатковъ древности. Сигизмундъ выразилъ сожалѣніе по этому поводу, похвалилъ поклонника древности и избралъ его своимъ близкимъ человѣкомъ [3]). Послѣ вѣнчанія императорскою короною 31 мая Агапито Ченчи говорилъ ему похвальную рѣчь [4]). Конечно, въ это же самое время Маффео Веджіо посвятилъ ему героическую поэму [5]). Быть можетъ, по этому случаю оба они названы вѣнчанными поэтами. Когда императоръ на возвратномъ пути остановился въ Феррарѣ, то Траверсари, генералъ ордена камальдуловъ, имѣлъ у него продолжительную аудіенцію: сначала онъ хотѣлъ только просить о подтвержденіи привилегій своего ордена, но вмѣстѣ съ тѣмъ поднесъ ему въ даръ жизнь Хризолора, переведенную годъ тому назадъ и посвященную папѣ Евгенію IV. Императоръ милостиво принялъ этотъ подарокъ, но потомъ между ними шла рѣчь не о литературѣ, а о базельскомъ соборѣ [6]). И Франческо Барбаро явился въ Феррарѣ къ императору въ качествѣ посла своей республики и привѣтствовалъ его отъ ея имени напыщенною рѣчью [7]). Такимъ образомъ императору былъ почти навязанъ нѣкоторый интересъ къ новой наукѣ и новому краснорѣчію. Но онъ каждый разъ становился совсѣмъ дру-

---

1) См. томъ I стр. 453. Напоминаю и о томъ, что Джувеппе Бриппи привѣтствуетъ Сигизмунда рѣчью въ Миланѣ. См. томъ I стр. 463.

2) Поэтому Ang. Decembris De politia lib. V, 60 называетъ его vir in donandis veterum insignibus omnium facillimus, т. е. человѣкъ, всѣхъ легче дававшій отличія древнихъ.

3) Kyriaci Itinerar. p. 21. См. томъ I стр. 256.

4) Она есть въ Cod. ms. 179 лейпцигской университетской библіотеки fol. 111, а по Quirini Diatriba p. 8 и въ вѣнской рукописи. См. выше стр. 20.

5) Къ сожалѣнію, у Satius p. 338 говорится только: poema heroicum ad Caesarem Sigismuudum. См. выше стр. 36.

6) Рѣчь Траверсари къ Сигизмунду при его Epist. rec. Cannet. p. III. Также см. epist. УI, 1 и его Hodoeporicon p. 38—40.

7) Его рѣчь у Agostini Scritt. Vinis. T. II p. 124.

гимъ человѣкомъ, попадая въ другую сферу; послѣ своего возвращенія изъ Италіи онъ забылъ о тамошнихъ умственныхъ стремленіяхъ.

Преемникъ его, Альбрехтъ габсбургскій, былъ тоже сильная нѣмецкая натура, любилъ войну и охоту, а латинскаго языка совсѣмъ не зналъ. Ему наслѣдовалъ Фридрихъ III, человѣкъ флегматичный, котораго ничто не отвлекало отъ его мирныхъ занятій садоводствомъ, уходомъ за домашними животными, любви къ золоту, драгоцѣннымъ камнямъ, экономическимъ разсчетамъ, дѣламъ съ богатыми евреями и занятіямъ астрологіею и алхиміею. Воспринимать что либо новое онъ былъ совершенно неспособенъ и собственно къ наукѣ никогда не чувствовалъ влеченія. Не смотря на это его дворъ, притомъ въ первое же десятилѣтіе его правленія, явился почвою, на которой были посѣяны сѣмена нѣмецкаго гуманизма. Но самъ Фридрихъ не принималъ въ этомъ никакого участія. Не по молвѣ о немъ, а по настоянію другихъ людей и въ качествѣ искателя приключеній поступилъ въ его имперскую канцелярію Эней Сильвій Пикколомини; онъ-то и былъ между нѣмцами истиннымъ проповѣдникомъ гуманизма.

Итальянецъ, новый секретарь канцеляріи, услуживавшій въ Базелѣ разнымъ прелатамъ своимъ стилистическимъ искусствомъ, усердно старался внушить любовь къ нему нѣмецкимъ князьямъ. Быть можетъ, въ этомъ случаѣ онъ главнымъ образомъ имѣлъ цѣлью выставить на видъ свою личность, которую въ то время цѣнили только по умѣнью писать. Но естественно, что каждый старается вызвать уваженіе и даже сочувствіе къ тѣмъ стремленіямъ, которыя ему особенно по душѣ. Однако всѣ его старанія заинтересовать этимъ дѣломъ Фридриха, короля и императора, остались безплодными. Онъ посвятилъ ему политическій трактатъ, но послѣдній имѣлъ ту же участь, какъ и поэтическіе опыты тирольскаго графа Франческо д'Арко, которому также пришло на умъ послать королю свои стихи. Онъ узналъ отъ Энея, что плоды его сладкозвучной музы покоятся въ книжномъ шкафѣ и, конечно, будутъ тамъ въ сохранности. Гуманистическія науки тутъ не имѣютъ пристанища, какъ высказался откровенно одинъ поэтъ другому, nescit toga barbara versus (варваръ не понимаетъ стиховъ) [1]. Пикколомини удостоился расположенія Фридриха не какъ гуманистъ и писатель, а какъ искусный дипломатъ, который умѣлъ безъ издержекъ доставить ему нѣкоторыя выгоды и избавить его отъ нѣкоторыхъ затрудненій. И въ Италіи, куда Фридрихъ предпринималъ два мирныхъ похода, одинъ для вѣнчанія императорскою коро-

---

[1]) Эней Сильвій къ графу Галеаццо д'Арко отъ 15 ноября 1443 г.

ною, а другой будто бы по обѣту, онъ остался совершенно въ сторонѣ отъ гуманистическаго движенія. Императоръ зналъ немного по-латыни, но говорилъ не смѣло и не свободно, какъ Сигизмундъ, а всегда, когда слѣдовало отвѣчать на торжественныя рѣчи, прибѣгалъ къ посторонней помощи. Самою слабою изъ его царственныхъ добродѣтелей была щедрость, и литераторы очень скоро убѣдились въ этомъ. Поджіо, бывшій въ то время секретаремъ при римскомъ дворѣ, написалъ одну рѣчь, которую долженъ былъ произнести его маленькій сынъ. Но когда онъ во время коронованія увидѣлъ «эту статую, этого холоднаго нѣмца, который умѣлъ только собирать деньги», то избавилъ его отъ безпокойства, а себя отъ труда [1]. И Фридрихъ давалъ поэтическіе дипломы, въ 1442 г. во Франкфуртѣ—Пикколомини, въ 1452 г., во время похода въ Италію, Перотти и Порчелло, а потомъ еще больше десятка, но онъ до того опошлилъ эту почесть, что къ концу вѣка Джіаммаріо Филельфо, сынъ знаменитаго Франческо, самъ увѣнчанный поэтъ и сынъ увѣнчаннаго поэта, въ одной сатирѣ смѣялся надъ всѣми рыцарями, поэтами и пфальцграфами, которыхъ возвелъ въ эти достоинства Фридрихъ. Такіе люди, какъ Аньоло Полиціано и Джіовіано Понтано, сколько извѣстно, не хлопотали о лавровомъ вѣнкѣ [2].

Эней Сильвій Пикколомини писалъ письма къ молодому герцогу тирольскому Сигизмунду, блиставшія ученостью и ораторскими украшеніями. Онъ уговаривалъ его вмѣсто тлѣнныхъ благъ въ этой жизни стремиться къ вѣчнымъ, а источникомъ послѣднихъ считалъ гуманистическія науки. Эней совѣтовалъ ему приглашать къ себѣ ученыхъ преподавателей, хвалилъ тѣхъ государей, которые полагаютъ свою славу не въ одѣяніяхъ, шитыхъ золотомъ, не въ красивомъ головномъ нарядѣ и въ щегольствѣ лошадьми, а въ томъ, чтобы соединять дѣла правительственныя съ занятіемъ науками. Онъ ставилъ ему въ образецъ маркграфа Ліонелло д'Эсте и короля Неаполитанскаго Альфонса [3]. Но не смотря на эти прекрасныя увѣщанія молодой герцогъ любилъ только ухаживать за женщинами и охотиться. Уже въ позднѣйшіе годы на него было произведено нѣкоторое вліяніе съ другой стороны, такъ что его считали покровителемъ латинскихъ поэтовъ.

---

1) Poggii epist. X, 21 ed. Tonelli. Сужденіе Поджіо объ императорѣ видно также изъ его epist. XIII, 14. 38.

2) Tiraboschi T. VI p. 1438—1448.

3) Такъ въ одномъ письмѣ къ юному герцогу отъ 5 декабря 1443 г. Такъ же въ Tractatus de liberorum educatione къ молодому Владиславу, королю чешскому и венгерскому отъ февраля 1450 г.

Государи и князья, по словамъ Пикколомини, виноваты въ томъ, что въ Германіи мало цѣнятъ поэзію; если они охотнѣе держатъ лошадей и собакъ, чѣмъ поэтовъ, то и умрутъ безславно [1]). Ему было бы желательно, чтобы у нихъ была хоть доля того тщеславія, которое заставляло владѣтельныхъ особъ Италіи платить дань напр. Филельфо. Но его старанія были напрасны: и другіе нѣмецкіе князья столь же мало имѣли понятіе о томъ, что онъ хотѣлъ, какъ и упомянутые нами Габсбурги. Когда однажды онъ встрѣтился съ герцогомъ баварскимъ Людвигомъ въ Нейштадтѣ, будучи епископомъ сіэнскимъ, и послѣдній пожелалъ познакомиться, такъ какъ до него дошла молва объ его учености, то спросилъ Энея... о камнѣ, сообщающемъ безсмертіе [2]).

Насколько Эней ознакомился съ нѣмецкимъ дворянствомъ при дворѣ императора и въ другихъ мѣстахъ, онъ находилъ, что оно погружено въ варварство, предано обжорству и не имѣетъ понятія о высшемъ образованіи, бывшемъ гордостью знати итальянской, а особенно тосканской. Конюшня и винный погребъ пользовались въ Германіи такимъ же почетомъ, какъ въ Италіи музеи и библіотеки. Особенно любилъ Эней разсказывать забавныя исторіи про нѣмецкое пьянство, какъ напр. про графа герцскаго Генриха,который ночью будилъ своихъ дѣтей, думая, что имъ хочется пить, и насильно заставлялъ ихъ пить вино. А если они не могли пить, то винилъ свою жену, говоря, что она родила этихъ мальчиковъ, не чувствующихъ жажды, не отъ него, а отъ кого нибудь другаго. Не лучше было мнѣніе Энея о и нѣмецкихъ ученыхъ, о профессорахъ и магистрахъ университета. Онъ находилъ, что они сильно запутались въ лабиринтѣ схоластики, заняты безплодными мечтами и сухими умствованіями. Съ вѣнскими учеными у Пикколомини не было никакихъ сношеній. Онъ былъ совершенно равнодушенъ къ той славѣ, какою пользовался университетъ благодаря такимъ людямъ, какъ Генрихъ Гессенскій и Николай фонъ-Динкельсбюль. Эней почти не вспоминаетъ о Томасѣ Эбендорфферѣ фонъ-Газельбахъ, который пріобрѣлъ большую извѣстность по части богословія и церковной политики, хотя прожилъ съ нимъ много лѣтъ въ Вѣнѣ. А если и вспоминаетъ, то только затѣмъ, чтобы посмѣяться надъ его устарѣлою ученостью. Еще въ вѣнскій университетъ не проникли тѣ новыя начала, разсадникомъ которыхъ была Италія. Въ 1422 г. магистръ Христіанъ фонъ Трауништейнъ, на котораго очевидно уже повліялъ духъ Петрарки и его послѣдователей, осмѣлился утверждать, что обычные диспуты—пустая забава. За это его выгнали изъ факультета искусствъ, и онъ, какъ еретикъ, дол-

---

1) Письмо къ Вильгельму фонъ Штейнъ отъ 1 іюня 1444 г.

2) Письмо Энея Сильвія къ нему отъ 5 іюня 1457 г.

женъ былъ униженно просить прощенія [1]). Какъ часто говорилъ и писалъ Пикколомини то же самое съ отвагою, смѣясь и ругаясь! Вѣнскій университетъ не обращалъ на него вниманія, тѣмъ болѣе, что это учрежденіе во время споровъ, происходившихъ на базельскомъ соборѣ, держалось противнаго взгляда. Типомъ нѣмецкаго поклонника наукъ для него служитъ тотъ лейпцигскій студентъ, которому товарищъ завидовалъ, что въ числѣ 1500 побѣдъ онъ одержалъ побѣду и въ пьянствѣ [2]).

Всѣ хлопоты Энея касательно нѣмецкихъ князей, дворянства и прелатовъ, слѣдовательно тѣхъ слоевъ, въ которыхъ онъ хотѣлъ пробудить духъ меценатства и любовь къ занятіямъ гуманными науками, остались совершенно безплодными. Онъ отчаялся въ научномъ преобразованіи Германіи, потому что всегда видѣлъ одинъ только путь къ этому, тотъ самый, которымъ достигла его Италія. Любопытно, какъ онъ не замѣтилъ того недобраго сѣмени, упавшаго на другую, тоже ничего не обѣщавшую почву, но брошеннаго его руками. Онъ какъ бы не зналъ, что изъ него можетъ развиться громадное растеніе. Въ Германіи представителемъ гуманизма явилось не то сословіе, какъ въ Италіи, Франціи и Англіи.

Въ обѣихъ канцеляріяхъ, членомъ которыхъ былъ Эней Сильвій, имперской и австрійской, весьма медленно группировался небольшой кружокъ секретарей, адвокатовъ, придворныхъ астрономовъ и духовныхъ лицъ, которые сочувствовали ученымъ стремленіямъ своего товарища-итальянца. Все это были посредственности, и ни одинъ не былъ въ состояніи такъ водушевиться, чтобы могъ оставить всторонѣ всякіе разсчеты на выгоды и вполнѣ посвятить себя призванію поэта. Сначала зависть, недовѣріе и насмѣшки сослуживцевъ заставили Энея пережить тяжелые дни. Говорили, что это выскочка, любимецъ канцлера, и хотя сами они вовсе не желали быть образцами добродѣтели, однако его остроумныя и непристойныя рѣчи гораздо сильнѣе возмущали ихъ, чѣмъ собственное обжорство. Потомъ они стали сближаться съ нимъ по одиночкѣ и осторожно; вскорѣ обнаружилось, какимъ сильнымъ соблазномъ служитъ нескромность и вообще распущенность. Письма и философскіе трактаты Пикколомини, а особенно сочиненія эротическія и остроумныя, стали охотно читаться его нѣмецкими друзь-

---

[1]) Aschbach Geschichte der Wiener Universitat im ersten Jahrhundert ihres Bestehens, Wien 1865; s. 345.—Вообще я прошу читателя сравнить съ сказаніемъ въ этомъ отдѣлѣ то, что я говорю объ Энеѣ какъ проповѣдникѣ гуманизма въ Германіи въ моей біографіи Bd. II s. 342 ff. Я не желаю повторяться, поэтому въ предлагаемой книгѣ не такъ подробно говорю о Пикколомини, какъ онъ того заслуживаетъ.

[2]) Этотъ и предъидущій анекдотъ сообщаетъ Aeneas Sylvius Comment. in Anton. Panorm. I, 41.

ями, и они даже подражали имъ; къ этому присоединились подобныя же сочиненія остряка Поджіо, которыя Пикколомини привезъ съ собою. Тотъ фактъ, что они были въ ходу, доказывается множествомъ копій, изъ которыхъ почти каждая найдется въ большой нѣмецкой библіотекѣ. Далѣе примите въ соображеніе, что эти канцелярскіе друзья разсѣялись по разнымъ странамъ Германіи; одного мы встрѣчаемъ городскимъ писцомъ въ Кельнѣ, другаго въ гусситской Прагѣ, третьяго писцомъ совѣта въ Нюренбергѣ, четвертаго канцлеромъ Георгія въ Чехіи, пятаго епископомъ на Одерѣ. Спустя десятилѣтіе они сдѣлали уже замѣтные шаги на пути непристойности, сначала возмущавшей этихъ нѣмцевъ. У насъ есть замѣчательное, хотя небольшое сочиненіе того времени (1454), въ которомъ одинъ изъ учениковъ Энея, Іоганнъ Трестеръ, принялъ за образецъ эротическія сочиненія его [1]). Это разговоръ, въ которомъ доказывается справедливость пословицы: Initium amoris est principium doloris (начало любви—начало горя). Тутъ авторъ вооружается противъ любви, т. е. чувственнаго влеченія, не на основаніи Моисеевой заповѣди, а философскихъ доводовъ, причемъ изреченія Сенеки, Цицерона, Виргилія и Овидія составляютъ странную смѣсь съ христіанскими воззрѣніями. Первый нескромный шагъ, какъ и всегда, состоитъ въ томъ, что хотя не отрицаются простыя нравственныя положенія христіанства, но считаются односторонними и устарѣлыми. Гелленская миѳологія служитъ еще реторическимъ украшеніемъ, но дерзкій авторъ не щадитъ и того, къ чему бы долженъ былъ питать благоговѣніе и незамѣтно впадаетъ въ распущенный тонъ, хотя желаетъ быть только остроумнымъ. Нашу мысль всего лучше пояснить примѣромъ: авторъ упомянутаго разговора при случаѣ сравниваетъ Христа съ Геркулесомъ, а Дѣву Марію съ Алкменою.

Между тѣмъ небольшое число единомышленниковъ, сгруппировавшихся вокругъ Энея Сильвія, терялось въ массѣ людей, относившихся прямо враждебно къ его стремленіямъ. Во многихъ своихъ письмахъ и разсужденіяхъ онъ счелъ нужнымъ защищать древнихъ поэтовъ и ораторовъ отъ нападокъ юристовъ и богослововъ. Онъ еще весьма легко справлялся съ людьми, которые считали поэзію безполезнымъ искуствомъ, потому что она не кормитъ и не даетъ значенія. Эней говоритъ тономъ Поджіо: «Ты, оселъ, не высоко ставишь поэзію, ты, быкъ, презираешь музъ,

[1]) Въ Duellii Miscellan. Lib. I p. 828 seq. Издатель напрасно прибавилъ 1450 г. Въ письмѣ отъ 9 іюля 1454 г. Эней Сильвій разбираетъ присланное ему сочиненіе Трёстера такъ, что ясно отношеніе между наставникомъ и ученикомъ. Ср. мою книгу Pius II Bd. II s. 353. Этотъ Трёстеръ или Тростъ покупаетъ въ 1462 г. въ Венеціи и въ 1467 г. во Флоренціи книги у Веспазіано. См. Catalogus codd. lat. bibl. reg. Monac. T. II P. III p. 31. 142.

ты, свинья, удаляешься отъ гуманныхъ наукъ! [1])». Но гораздо значительнѣе его апологическія сочиненія, когда въ основѣ упрековъ лежатъ нравственныя начала. Тогда ораторъ и софистъ пускаютъ въ ходъ всѣ боевыя силы своего искусства.

Эней слышитъ упрекъ здраваго ума: «Ты хочешь разсказывать мнѣ про дѣла давно забытыхъ людей и убѣдить меня, чтобы я подражалъ имъ!» Это подраженіе есть основа того ученія нравственности, которое постоянно проповѣдывали поклонники древней исторіи, философіи, древнихъ ораторовъ и поэтовъ. Эней вооружается въ защиту нравственной цѣли поэзіи и краснорѣчія. Поэтъ, утверждаетъ онъ, учитъ, какъ слѣдуетъ жить, что должно любить, что—ненавидѣть. Поэтъ указываетъ болѣе соотвѣтственное поприще для ума, чѣмъ духовникъ; пороковъ люди избѣгаютъ лишь по убѣжденію. А призваніе поэта и оратора именно убѣждать. «Если мы хотимъ вникнуть въ сущность дѣла, то кто прославляетъ добродѣтель? Поэты! Кто такъ краснорѣчиво изображаетъ подвиги королей? Поэты! Кто доставляетъ славу и безсмертіе великимъ мужамъ? Поэты! Стало быть, кто порицаетъ поэтовъ, тотъ долженъ опасаться, какъ бы не порицать всѣ добродѣтели и не пренебречь своею славой [2])».

Далѣе Энею ставили такой вопросъ: «Зачѣмъ ты привозишь намъ поэтовъ изъ Италіи, къ чему хочешь испортить чистые нравы Германіи безнравственною распущенностью поэтовъ?»—Читатель можетъ быть увѣренъ, что онъ находилъ что отвѣчать.—Подобно Петраркѣ, Салютато и др., онъ указываетъ на пророковъ Ветхаго Завѣта и на отцовъ Церкви, на блаженнаго Іеронима, Лактанція, Августина, Амвросія, Кипріана и др. Сочиненія ихъ, украшенныя выраженіями древнихъ поэтовъ, доказываютъ, что они изучали поэтическое искусство. То, что порицаютъ у римскихъ поэтовъ, какъ глупое и соблазнительное, есть и въ св. Писаніи, которое однако читается съ большою пользою. Вѣдь можно собирать розы, не касаясь терній и т. д. Конечно, тотъ, кто восхищается этою нескромностью поэтовъ, заслуживаетъ порицанія.

Далѣе въ Германіи говорили, что поэты толкуютъ о многихъ богахъ, воспѣваютъ въ поэмахъ ихъ взаимныя распри, нарушенія супружеской вѣрности и т. п. Да, возражаетъ Эней, въ ихъ время среди язычниковъ было еще неизвѣстно ученіе о единомъ Богѣ. Теперь никому не придетъ на мысль приносить жертву Юпитеру или

---

[1]) Эней Сильвій къ Вильгельму фонъ Штейнъ отъ 1 іюня 1444 г. Но слова эти обращены не къ нему, а къ кичливому юристу, имя котораго не названо.

[2]) Изъ Pentalogus de rebus ecclesiae et imperii у Pez Thesaur. Anecdot. noviss. T. IV P. III p. 545. 646. Подобныя же мѣста можно указать и въ другихъ сочиненіяхъ Энея.

Геркулесу только потому, что онъ читалъ о нихъ у древнихъ поэтовъ. Если поэты повѣствуютъ про пороки и преступленія боговъ, то лишь для того, чтобы отклонить читателя отъ этихъ недостатковъ; этотъ же самый пріемъ употребляютъ и богословы [1]).

Мы не знаемъ, съ кѣмъ собственно велъ эту борьбу Эней, защищая поэзію и гуманизмъ. Тогда еще противъ него не выступали выдающіяся личности. Но онъ постоянно жалуется, что на поэзію не обращаютъ вниманія въ Германіи, презираютъ ее, даже нападаютъ на нее. Итальянское гуманистическое направленіе было встрѣчено общимъ недовольствомъ, часто почти безсознательнымъ. Только тогда, когда Пикколомини покинулъ Германію и взошелъ на папскій престолъ, эта глухая оппозиція нашла своего представителя въ лицѣ Григорія Геймбурга, личности чисто нѣмецкой. Она выступаетъ въ яркомъ свѣтѣ именно въ силу своей противоположности Энею Сильвію, представителю новаго итальянскаго образованія. О столкновеніи ихъ по текущимъ церковнымъ вопросамъ, въ которыхъ шла рѣчь о преобладаніи римскаго престола и обособленіи Германіи, мы здѣсь не будемъ говорить. Столь-же замѣчательна и борьба разныхъ культуръ, въ которой оба эти лица являются типическими представителями своихъ національностей.

Геймбургъ былъ въ Базелѣ юристомъ и посломъ своего государя въ одно время съ Энеемъ Сильвіемъ. Послѣдній былъ человѣкъ ловкій, искавшій тамъ расположенія отцовъ собора и нѣкоторыхъ кардиналовъ. Мы можемъ предположить, что это временное пребываніе Геймбурга на всемірно исторической аренѣ, тѣ рѣчи, которыя онъ тамъ слышалъ, тѣ сочиненія, которыя читалъ въ виду предстоящихъ преній, наконецъ такія личности, какъ кардиналъ Чезарини, тоже заронили сѣмена гуманизма въ его душу. Онъ былъ родомъ изъ Швейнфурта и образовался въ университетахъ вюрцбургскомъ и падуанскомъ, сначала какъ юристъ. Въ Падуѣ онъ получилъ степень доктора каноническаго права. Но Геймбургъ занимался также въ тамошнемъ университетѣ изученіемъ физики, метафизики и этики, т. е. тѣхъ наукъ, которыя въ то время были связаны съ изученіемъ Аристотеля, непонятаго и искаженнаго разными толкованіями [2]). Насколько далеки

---

[1]) Первое и самое подробное сочиненіе въ защиту поэтовъ и поэзіи, написанное Энеемъ въ Германіи, послѣ названнаго нами Пенталога, есть рѣчь, сказанная при вѣнскомъ дворѣ. Она напечатана въ базельскомъ изданіи его сочиненій какъ epist 104. Ср. потомъ трактатъ de liberor. educat p. 282 sq. и письмо къ Сбигневу Олесницкому, кардиналу и епископу Краковскому, отъ 27 октября 1453.

[2]) Собраніе его сочиненій подъ заглавіемъ Scripta nervosa justitiaeque plena etc. ex mss. nunc primum eruta etc. Francofurti 1608 содержитъ не больше того, что сообщилъ въ то время Гольдостъ въ 2-хъ первыхъ томахъ Monarchiae. У меня есть только послѣднее изданіе.—О своихъ юношескихъ занятіяхъ Геймбургъ упоминаетъ въ своей Apologia ap. Goldost l. c. T. II p. 1608. См. моего nir. II. Bd. II s. 349 ff.

были отъ него новыя гуманистическія стремленія въ Вюрцбургѣ, на столько же близки въ Падуѣ и Базелѣ. Геймбургъ былъ въ то время еще молодымъ человѣкомъ; это одинъ изъ тѣхъ людей, которые быстро учатся и которымъ доступна не одна отрасль знаній, у которыхъ жажда знаній вскорѣ умѣряется требованіями жизни, и опредѣленнымъ кругомъ дѣятельности. Его сочиненія показываютъ, что онъ усвоилъ себѣ гуманистическія начала, насколько былъ воспріимчивъ къ нимъ. Геймбургъ умѣетъ кстати приводить примѣры изъ древней исторіи, сослаться на Цицерона Теренція, Виргилія или на одного изъ отцовъ Церкви, писавшаго изящнымъ языкомъ. Нѣмецкій ученый понялъ, насколько пріятнѣе для слуха красивая рѣчь, чѣмъ простая, и при случаѣ выступалъ защитникомъ поэзіи противъ людей, высказывавшихъ къ ней презрѣніе.

Въ Базелѣ Геймбургъ не былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ Энеемъ Сильвіемъ. Вѣроятно, они познакомились уже въ Нейштадтѣ, при дворѣ римскаго короля. Однажды Геймбургъ, хотя нѣмецъ и юристъ, говорилъ съ пылкимъ увлеченіемъ объ изученіи гуманныхъ наукъ. Никто не слушалъ его съ такимъ восторгомъ, какъ тотъ итальянецъ, который предвидѣлъ уже, что такіе люди отдадутъ этимъ наукамъ подобающую честь въ Германіи. Въ тотъ же день онъ поздравлялъ Геймбурга въ посланіи, гдѣ говорилось, что онъ выше обыкновеннаго юриста и краснорѣчіе его близко къ итальянскому [1].

Нѣтъ основаній предполагать, что эта похвала польстила Геймбургу и поощрила его къ болѣе усердному занятію гуманистическими науками. Но мы знаемъ, что въ борьбѣ изъ-за нейтралитета нѣмецкой церкви оба они принадлежали къ разнымъ партіямъ и въ Римѣ, равно какъ впослѣдствіи въ 1446 г. во Франкфуртѣ съ ожесточеніемъ нападали другъ на друга. Это столкновеніе вполнѣ развило въ нихъ взаимную противоположность натуръ. Геймбургъ былъ человѣкъ цѣльный, прямой, свободно мыслящій и остроумный. Онъ не умѣлъ извертываться и кривить душею, могъ честно ненавидѣть, и если въ немъ закипало негодованіе, то онъ или прямо высказывалъ свое мнѣніе, или прибѣгалъ къ насмѣшкамъ и злобной ироніи. Если онъ кого хвалилъ, то обыкновенно говорили, что такой человѣкъ дѣйствительно достоинъ похвалы. Геймбургъ зналъ, что его вообще считаютъ человѣкомъ гордымъ, бранчивымъ и завистливымъ, потому что онъ не льстилъ другимъ и не любилъ, когда ему льстили [2]. Послѣ столкновенія съ Энеемъ онъ относился

---

1) Aeneas Sylvius epist. 120 edit. Basil. Не смотря на слова episcopus Tergestinus, я считаю возможнымъ отнести письмо къ 1444 г. или 1445 г.

2) Геймбургъ говоритъ о себѣ въ ненапечатанномъ сочиненіи, о которомъ мы вскорѣ упомянемъ: Ego ab illo artificio (adulationis) tam abhorreo ut a plerisque vel invidus

враждебно къ папству и ко всѣмъ итальянцамъ. Онъ терпѣть не могъ изящества и гибкости рѣчи, даже въ одеждѣ и обращеніи выказывалъ умышленное презрѣніе къ итальянской щеголеватости именно передъ итальянцами. Ему досаждалъ особенно Пикколомини, а будучи кардиналомъ и папою послѣдній былъ его завзятымъ врагомъ. На отлученіе Пія II онъ отвѣчалъ апологіями и ругательствами, въ которыхъ не зналъ никакой мѣры.

Именно въ то время онъ отрекся отъ гуманистическихъ стремленій и рѣшился всею душею отдаться юриспруденціи. Тутъ мы видимъ самую глубокую и плодотворную черту нѣмецкаго духа. Итальянскіе гуманисты должны уклоняться отъ своей истинной природы, отъ условій дѣйствительной жизни и жить воображеніемъ въ такомъ мірѣ, который они изучили и который никогда не можетъ претвориться въ ихъ плоть и кровь. Ихъ личное *Я* и классическій идеалъ постоянно будутъ составлять непримиримое противорѣчіе, а слова ихъ реторическая фальшь. Для Геймбурга занятіе тонкостями стилистики и античными украшеніями было временною забавою юныхъ лѣтъ въ часы досуга. Суетное стремленіе къ подражанію итальянцамъ не увлекаетъ его, и онъ не можетъ заставить себѣ перенестись отъ дѣйствительности въ сферу ослѣпительныхъ призраковъ. Крѣпкая, самобытная натура Геймбурга не терпитъ ничего неестественнаго. Итальянцамъ это казалось ограниченностью, тогда какъ это была вѣрность природѣ, искренность, на которыхъ зиждилось будущее развитіе нѣмецкаго духа.

Теперь мы видимъ болѣе глубокую причину, по которой Геймбургъ долженъ былъ вступить въ борьбу съ Пикколомини, какъ скоро они встрѣтились на жизненномъ пути. Это борьба нѣмецкаго природнаго дарованія съ гуманистическимъ образованіемъ Италіи.

Въ 1453 Эней Сильвій слышалъ рѣчь, сказанную Геймбургомъ передъ императорскимъ судомъ въ качествѣ адвоката Нюренбергцевъ противъ бранденбургскаго маркграфа Альбрехта Ахиллеса. Онъ обработалъ ее по своему, исправилъ и сгладилъ слогъ и помѣстилъ въ одномъ изъ своихъ историческихъ сочиненій [1]). Все таки и тутъ мы слышимъ слова, сказанныя нѣмцемъ отъ глубины души, слышимъ и его громовые удары. Съ какою поразительною мѣткостью указываетъ онъ на имперскіе законы и документы, какъ онъ разбиваетъ и осмѣиваетъ доводы своего противника, какъ потомъ высказывается отъ полноты души, и рѣчь его льется неудержимымъ потокомъ, за-

---

puter vel superbus, et de me iam ortum est proverbium, ut quos ego laudem hii digni sunt laudori, т. е. я настолько чуждаюсь этого искусства (лести), что многіе меня называютъ или завистливымъ или гордымъ, и про меня сложилась поговорка, что кого я хвалю, тотъ достоинъ похвалы.

[1]) Въ Historia Friderici III in Kollarii Analecta Monum. Vindob. T. II p. 428 sq.

топляя скалы и выходя изъ береговъ! У слушателей бились сердца не отъ изумленія словамъ оратора, а отъ горячаго сочувствія къ тому дѣлу, которое онъ защищалъ. Хотя онъ говорилъ по нѣмецки, но слова его произвели то же самое впечатлѣніе и на Пикколомини. Послѣдній удивляется природному таланту оратора, но въ ораторскомъ искусствѣ считаетъ себя его соперникомъ, и изящная рѣчь для него выше подобнаго краснорѣчія. Мы знаемъ его отзывъ: онъ не хочетъ похвалить краснорѣчіе Геймбурга, и пальма первенства въ этомъ случаѣ присуждается такимъ людямъ, какъ Поджіо, Филельфо, Валла и самъ онъ. Эней говоритъ съ полусочувствіемъ и полупрезрѣніемъ объ «естественномъ краснорѣчіи» [1]). Напротивъ Геймбургъ рѣшительно возстаетъ противъ того искусства, которымъ самъ увлекался въ молодые годы, и признаетъ это прегрѣшеніемъ юности. И тутъ мы видимъ энергическое выраженіе его прямой натуры; сверхъ того мы судимъ объ извѣстномъ занятіи или направленіи тѣмъ безпощаднѣе, что сами когда-то предавались ему, а потомъ оставили его.

Одинъ изъ друзей Геймбурга, Іоганнъ Роде, или Ротъ, былъ увлеченъ Энеемъ Сильвіемъ къ занятію гуманистическимъ искусствомъ, потомъ отправился въ Римъ изучать реторику среди тѣхъ образованныхъ людей, которыхъ собралъ вокругъ себя папа Николай V. Это было именно во время блестящей педагогической дѣятельности Валлы, въ 1454 г. Онъ сталъ учителемъ Роде. Въ письмахъ къ друзьямъ, оставшимся на родинѣ, послѣдній щеголялъ своимъ искусствомъ, сыпалъ цитатами изъ древнихъ поэтовъ, философовъ и ораторовъ, расточалъ въ изобиліи лесть, подобно Валлѣ, и превозносилъ до небесъ новое искусство, которому посвятилъ себя. Подобнаго рода письмо, написанное къ Геймбургу въ Нюренбергъ, не сохранилось, но въ немъ онъ, безъ сомнѣнія, какъ и въ своихъ позднѣйшихъ посланіяхъ, хвалилъ его письма, «весьма изящныя», называлъ его «превосходнымъ и весьма краснорѣчивымъ Григоріемъ Геймбургомъ» и восхвалялъ какъ «украшеніе Германіи». Геймбургу были непріятны подобные лестные отзывы, но онъ высказываетъ это не въ тѣхъ утонченныхъ выраженіяхъ, какія были въ ходу у итальянскихъ гуманистовъ, но съ тѣмъ сильнымъ чувствомъ собственнаго достоинства, которое не нуждается въ заслуженной похвалѣ, а незаслуженной избѣгаетъ. По его словамъ, онъ полагаетъ, что имѣетъ нѣкоторый даръ краснорѣчія, но получилъ его въ наслѣдіе отъ отца. Иногда онъ такъ смѣло пользовался имъ, что даже ученые люди удивлялись тому,

---

[1]) Онъ говоритъ о Геймбургѣ въ Hist. Frid. III l. c. tam facundia puam iuris scientia praestare; въ Comment. in Ant. Panorm. III, 6: Scientia iuris ac facundia inter onnes Germanos facile princeps; Pii II Comment. p. 90: iuris interpres et eloquentia Theutonica insiqni.

какъ можно такъ выражаться на грубомъ нѣмецкомъ языкѣ. Но бóльшей похвалы онъ не стоитъ и долженъ считать все остальное за лесть. Геймбургъ предостерегаетъ своего друга отъ этого порока. Онъ говоритъ, что хвалить кого нибудь—пріемъ коварный; это значитъ, можетъ быть, обмануть его и тѣмъ вкрасться въ его расположеніе. Это такой сладкій ядъ, что лишь съ трудомъ можно побороть въ себѣ желаніе похвалы и славы. Геймбургъ вспоминаетъ о тѣхъ писателяхъ, которые въ сочиненіяхъ своихъ проповѣдуютъ презрѣніе къ славѣ, однако пишутъ эти сочиненія и издаютъ ихъ подъ своими именами только для того, чтобы стяжать славу, чтобы ихъ похвалили за то, что они доказали суетность ея.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ нападаетъ на самую суть стилистическаго искусства. Другъ гордится тѣмъ, что умѣетъ примѣнить къ дѣлу изреченія древнихъ писателей. «Но это служитъ признакомъ возвышеннаго ума, если мы не усвоиваемъ себѣ слогъ того или другаго писателя, а послѣ изученія ихъ сохраняемъ нашу самобытность. Самое лучшее—не собирать частички меда на подобіе пчелъ, но говорить самимъ отъ себя, уподобляясь тѣмъ червямъ, отъ которыхъ получается шелкъ». Въ противоположность искусству краснорѣчія онъ выставляетъ свою серьезную науку гражданскаго права. Теперь, приближаясь къ старости, онъ хочетъ изучать Св. Писаніе и отцевъ Церкви. «Оно не нуждается въ томъ, чтобы его разбавлять водою Цицероновскаго краснорѣчія, или украшать цвѣтами реторики Квинтиліана. Тутъ достаточно рѣчи, разъясняющей дѣло, указывающей смыслъ, разгоняющей тьму. Къ чему здѣсь рѣчь, обильно украшенная искусственными выраженіями? О, какъ часто повторяетъ твой Лактанцій, что истина не нуждается въ прикрасахъ; то же доказываетъ и блаженный Августинъ въ своихъ Признаніяхъ. Однако оба они въ своихъ сочиненіяхъ заимствуютъ многое изъ источника краснорѣчія, изъ котораго черпали въ юности, для того, чтобы примѣниться къ вкусу читателей и увлекать ихъ».

Эти слова говорятъ сами за себя. Роде плохо понималъ ихъ и такъ уже былъ пропитанъ итальянскимъ ядомъ, что отвѣчалъ Геймбургу ученымъ трактатомъ, въ которомъ доказывалось преимущество краснорѣчія передъ юриспруденціей и его взгляды опровергались авторитетомъ классическихъ писателей. Онъ повторялъ здѣсь почти то самое, что говорили его наставники, Эней Сильвій и Валла, вообще вооружался противъ тупости юристовъ, бездарности старыхъ компиляторовъ и науки гражданскаго права [1]).

---

[1]) Оба письма, Геймбурга отъ 16 марта 1454 г. изъ Нюренберга и отвѣтъ Роде изъ Рима отъ 16 мая 1454 г., есть въ Cod. ms. lat. 519 мюнхенской придворной библіотеки fol. 46—64.

Геймбургъ писалъ противъ папы Пія II и его приверженцевъ полемическія сочиненія, въ которыхъ онъ прямо говоритъ свое последнее слово. Они служатъ самымъ яркимъ выраженіемъ его личности. Это гордая самостоятельность, сила, которая часто высказывается то въ грубыхъ рѣчахъ, то въ горькой ироніи! вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы показать итальянцамъ, что и нѣмецъ можетъ знать древнюю исторію и не уступить въ полемикѣ папскимъ нунціямъ и самому папѣ, а также и въ учености, Геймбургъ съ нѣкоторою небрежностью приводитъ изъ нея нѣкоторыя данныя. Вообще онъ пишетъ безъ церемоній, какъ не церемонится въ платьѣ и въ разговорѣ, даже упорно остается при своемъ domesticus stilus (домашній слогъ)—такъ называетъ онъ свои писательскіе пріемы въ противоположность цвѣтистому и изящному слогу папы. «Если ты называешь блестящую рѣчь (nitor sermonis) выраженіемъ истины, говоритъ онъ епископу фельтрскому, пособнику Пія II, то признаюсь, я въ этомъ весьма опытенъ» [1]). Геймбургъ смѣется надъ людьми лицемѣрно смиренными, которые пишутъ о презрѣніи къ славѣ, а сами всѣхъ больше добиваются ея. Кого другаго имѣетъ онъ при этомъ виду, какъ не папу-гуманиста, который такъ часто толковалъ о славѣ на манеръ Цицерона? Того же Энея Сильвія, который привѣтствовалъ его, какъ восходящую звѣзду нѣмецкаго гуманизма, теперь Геймбуръ называетъ «болтливымъ, какъ самая болтливая сорока», «довольнымъ своими словоизверженіями (verbostlatis) и никогда не имѣвшимъ понятія объ юридическихъ наукахъ, который думаетъ, что тутъ все дѣло въ риторскихъ пріемахъ, кропателемъ доказательствъ (orator topicsn) и пустомелею». «Мощна сила краснорѣчія; отнимите его у папы, и тогда почти не за что хвалить его».

Такова оппозиція здраваго нѣмецкаго смысла противъ искуснаго изложенія рѣчи устной и письменной, которое въ Италіи пользовалось преувеличеннымъ значеніемъ. Нельзя отрицать того, что Геймбургъ попалъ въ больное мѣсто. Споръ между имъ и его противникомъ папою былъ какъ бы знаменательнымъ предвѣстіемъ той великой борьбы, которая еще готовилась между двумя націями. Въ этомъ случаѣ Геймбургъ уже сильно напоминаетъ Ульриха фонъ Гуттенъ.

Онъ, безспорно, стоялъ одиноко. Это былъ человѣкъ, знавшій новое краснорѣчіе, но чуждавшійся его съ гордымъ сознаніемъ своей искренности. По своимъ умственнымъ качествамъ онъ могъ прославиться и въ немъ, но пренебрегалъ этимъ. Однако протестъ Геймбурга не остановилъ пропаганды гуманизма. Именно съ тѣхъ поръ, какъ самъ Пикколомини покинулъ Германію — въ маѣ 1455 г. онъ навсегда раз-

[1]) Его Apologia противъ фельтрскаго епископа у Goldost l. c. T. II p. 160 f.

стался съ варварами,—постоянно являлось все большее число приверженцевъ его школы и итальянской, при дворахъ, въ имперскихъ городахъ, въ университетахъ и канцеляріяхъ, въ качествѣ учителей и странствующихъ студентовъ. Это были дѣятели второстепенные, но взятые вмѣстѣ они представляли явленіе, не лишенное значенія. Почти всегда можно указать ихъ связь съ Италіей, или по крайней мѣрѣ она чувствуется. Но достаточно и нѣсколькихъ стиховъ въ новомъ родѣ, нѣсколькихъ писемъ Поджіо или Пикколомини, которыя студентъ приносилъ съ собою вмѣстѣ съ немногими книгами изъ за Альпъ, или слышалъ въ коллегіи университета, чтобы воспламенить умы и вызвать мысль о подражаніи. Остроумныя и нескромныя выходки уже пользовались особымъ сочувствіемъ даже стремились выразить сущность болѣе свободнаго направленія въ нѣкоторой распущенности мысли и жизни.

Можно было бы думать, что прежде всего въ Вѣнѣ слѣдуетъ искать слѣдовъ гуманистической дѣятельности Пикколомини. Но ихъ можно указать лишь въ канцеляріи и въ дѣятельности придворныхъ юристовъ, бывшихъ близкими къ этому итальянцу. Такіе люди, какъ Гартунгъ фонъ Каппель и Ульрихъ Ридереръ, австрійскій канцлеръ, по крайней мѣрѣ выражали сочувствіе и воспріимчивость къ новому ученію. Ульрихъ Зонненбергеръ, преемникъ Шлика по имперской канцеляріи, и Іоганнъ Гиндербахъ, впослѣдствіи епископъ тридентскій, сами пробовали свои силы въ стихахъ. Какъ историкъ, Гиндербахъ былъ тоже пылкимъ поклонникомъ и подражателемъ Пикколомини, съ которымъ, конечно, далеко не равняясь по легкости и ясности изложенія[1]). А все остальное вѣнское общество, даже и ученые тамошняго университета составляли скорѣе противоположность Пикколомини, хотя и тѣ и другіе одинаково враждебно относились и ко двору Фридриха III. Но съ другой стороны и въ вѣнскій университетъ проникали поклонники древности. Первый, кто объяснялъ въ его аудиторіи античныхъ поэтовъ, былъ Георгъ Пейрбахъ, долго путешествовавшій по Германіи, Франціи и Италіи и посѣтившій разные университеты этихъ странъ. Онъ жилъ въ Римѣ въ эпоху папы Николая V въ домѣ кардинала Кузы. Пейербахъ былъ главнымъ образомъ математикъ и астрономъ, но мы знаемъ, гдѣ и какъ онъ воспринялъ гуманистическія начала. Онъ читалъ въ 1454 и 1160 г. лекціи объ Энеидѣ Виргилія, также иногда о сатирахъ Ювенала и стихотвореніяхъ Горація. Его ученикъ, Іоганнъ Мюллеръ изъ Кенигсберга, знаменитый Регіо-

---

[1]) Въ письмѣ къ Пьеро да Ночето отъ 25 сент. 1453 г. Эней Сильвій называетъ его vir bonus et suprae mores suae gentis doctus. Его Continuatio Historia Austriacae Aeneae Sylvii ap. Kollar Analecta Vindob. T. II p. 549 seq. См. G. Voigt Enea Sylvio Bd. II s. 356.

монтанусъ, объяснялъ буколики Виргилія. Читались также лекціи о сочиненіи Цицерона О старости и о Теренціи [1]). Но мы однако также видимъ, что младшее поколѣніе составляетъ оппозицію противъ нарождающагося поклоненія классикамъ и нападаетъ именно на Пикколомини, какъ на идеалъ и оплотъ новой школы. Смѣло выступилъ противъ нея богословъ **Конрадъ Зельднеръ**, который самъ прежде объяснялъ классическихъ писателей въ Вѣнѣ. Онъ былъ вызванъ на это аугсбургскимъ ученымъ Сигизмундомъ Госсемборотомъ, съ глубокимъ уваженіемъ изучавшимъ «поэтовъ». Конрадъ оговаривается, что онъ вовсе не отвергаетъ языческихъ писателей и пользу изученія ихъ, хотя далеко не придаетъ особенной цѣны поэзіи. Но онъ направляетъ свои удары противъ «приверженцевъ епископа сіэнскаго Энея», которые признавали убѣдительными его доводы въ защиту гуманистическихъ наукъ, а потомъ и противъ него самаго. Онъ не находитъ у подобныхъ «поэтовъ» основательныхъ знаній и считаетъ страннымъ увѣнчивать лаврами этихъ людей, не имѣющихъ понятія о семи свободныхъ искусствахъ. Конрадъ цѣнитъ всѣхъ, кто учился чему нибудь путному, но не идіотовъ, подобныхъ этимъ новымъ стихоплетамъ. Ученый говоритъ о «народномъ краснорѣчіи нѣкоторыхъ новыхъ господъ». Какъ старый профессоръ, преподававшій около 25 лѣтъ въ вѣнскомъ университетѣ, онъ любитъ указывать на то, что Австрія тоже имѣла великихъ людей, хотя они не были поэтами. При этомъ Конрадъ называетъ между прочимъ Эберндорфера, надъ которымъ такъ любилъ смѣяться Эней. Аугсбургскій другъ велъ на бой лучшія силы Италіи, Бруни, Верджеріо, Барбаро, Валлу, Поджіо, а главнымъ образомъ Гварино, которому ввѣрилъ своего сына. А Зельднеръ прямо говоритъ, что слышалъ про Поджіо, только мало хорошаго. Изъ остальныхъ гуманистовъ онъ никого не знаетъ. «Ты постоянно хвалишь Гварино, говоритъ онъ своему другу, будто онъ посланъ съ неба и славою его полонъ міръ». Онъ признается, что ни въ Австріи, ни въ Швабіи, ни въ Баваріи, ни въ Венгріи, ни въ Чехіи ничего не слыхалъ о Гварино. По его словамъ, на него производитъ неблагопріятное впечатлѣніе то обстоятельство, что именно итальянцы такъ преданы изученію этихъ наукъ [2]). Кто не замѣтитъ, что въ душѣ этого богослова старой школы таится личная и національная злоба! Кто можетъ также отрицать, что въ его нападкахъ на поэтовъ есть и доля горькой правды! Но

---

[1]) Aschbach Gesch. der Wiener Universität s. 353. 480.

[2]) Оба письма Зельднера къ Госсемброту отъ 19 сент. 1457 г. и 17 авг. 1458 г. въ мюнхенскомъ кодексѣ, составленномъ самимъ Госсемборотомъ у Ваттенбаха Sig. Gossembrot, отдѣльный оттискъ изъ 25 тома Vierteliahrschrift für Geschichte des Oberrheins. По одной глоссѣ Зельднеръ умеръ въ началѣ апрѣля 1471 г.

стараго магистра уже не слушали. Противъ него говорилъ тотъ фактъ, что спустя два дня послѣ окончанія его послѣдней филиппики поэтъ Пикколомини взошелъ на папскій престолъ, какъ духовный глава вѣрующихъ. Всѣмъ извѣстно и то, что именно Вѣна стала центромъ знаменитой школы поэтовъ.

Литературное вліяніе Пикколомини въ той же степени распространилось и на Чехію, исторію которой онъ писалъ. И тамъ мы встрѣчаемъ его старыхъ друзей по канцеляріи: Іоганнъ Тусекъ былъ городскимъ секретаремъ въ Прагѣ, а Прокопъ фонъ Рабштейнъ съ 1453— верховнымъ канцлеромъ. Братъ послѣдняго, Іоганнъ фонъ Рабштейнъ, выступилъ на литературное поприще и какъ самобытный писатель. Онъ жилъ прежде въ Римѣ и, какъ онъ говоритъ, большую часть своей жизни посвятилъ наукамъ. Тамъ онъ коротко ознакомился съ Цицерономъ, Овидіемъ, Теренціемъ и Гораціемъ и изучалъ «реторическія искусства». А потомъ онъ возвратился въ Богемію, желая съ этихъ поръ жить, предаваясь «блаженному научному досугу», что для него было возможно, какъ для пробста (протоіерея) въ пражскомъ Вышеградѣ. По его церковно-политическому діалогу видно, что онъ хочетъ выражаться бойкою и цвѣтистою рѣчью и принялъ себѣ за образецъ Пикколомини [1].—Въ Моравіи мы встрѣтили гуманистическія стремленія еще во времена Петрарки, которыя шли отъ епископа Іоганна и потомъ отъ соборнаго декана ольмюцскаго Андрея. Подобнаго рода увлеченія нерѣдко распространялись. Во второй половинѣ XV вѣка епископъ Черногорскій Протасій является поклонникомъ и покровителемъ гуманныхъ наукъ. Онъ учился въ Падуѣ и тамъ же вошелъ въ дружбу съ Яномъ Паннонскимъ, ученикомъ Гварино, тамъ же читалъ Красоты Валлы и его инвективы противъ Поджіо. Онъ долго еще поддерживалъ связи съ своимъ учителемъ реторики, Галеотто Марціо, и находилъ случаи оказать помощь поэту, постоянно терпѣвшему нужду [2].

Въ Плассенбургѣ у маркграфа Іоганна алхимика основывается на нѣмецкой землѣ нѣчто въ родѣ гуманистической школы. Тамъ живетъ нѣкто Аригинъ, который принялъ это литературное имя изъ любви къ Италіи. Онъ едва ли былъ канцеляристомъ, а скорѣе учителемъ или секретаремъ. Въ своихъ письмахъ онъ является писателемъ посредственнымъ, который усвоилъ себѣ до извѣстной степени стилистику и мѣткія выраженія итальянскихъ гуманистовъ, а при этомъ и ихъ чувство собственнаго достоинства. Аригина постоянно тянетъ

---

[1]) Его Dialogus 1469 г. былъ изданъ М. Іорданомъ въ приложеніи къ сочиненію «Das Königthum Georgs von Podiebrad» Leipz. 1861, а въ лучшемъ видѣ Бахманомъ въ Archiv für österr. Geschichte Bd. 54 Wien 1876, s. 378 ff.

[2]) Analecta ed. Abel p. 90. 91. 92.

въ Италію, и онъ хочетъ всецѣло посвятить себѣ «философіи». Будь у него досугъ, онъ надѣется сдѣлаться звѣздою первой величины [1]). Аригинъ желалъ бы, чтобы его пригласили ко двору какого-нибудь щедраго государя, напр. пфальцграфа Фридриха. Такъ какъ онъ жилъ въ маленькомъ Плассенбургѣ, то ему была доступна лишь небольшая область литературнаго міра. Однако онъ ведетъ переписку съ своими прежними учениками, которая, собственно говоря, безсодержательна и больше служитъ упражненіемъ въ слогѣ. Аригинъ, вѣроятно, никогда не пользовался большимъ значеніемъ, а иначе его имя не было бы предано такому полному забвенію [2]).

Дворъ пфальцграфа Фридриха смѣло можно назвать первымъ нѣмецкимъ пріютомъ музъ на образецъ итальянскихъ. Гейдельбергскій университетъ былъ первымъ въ Германіи, въ которомъ съ сознательною цѣлью допущено было преподаваніе гуманныхъ наукъ. Пфальцграфъ былъ человѣкъ, очевидно, весьма образованный и даровитый. У него былъ свой придворный исторіографъ въ лицѣ капеллана Матвѣя фонъ Кеммать. Послѣдній писалъ свое историческое сочиненіе на нѣмецкомъ языкѣ, но такъ умѣлъ украсить его гуманистическою мудростью и латинскими стихами, что ясно видно его гордое стремленіе. Остальные ученые, писавшіе при этомъ дворѣ стихи и изящныя письма, вѣроятно, были посредственности, но здѣсь чувствовался духъ меценатства, и довольно характеристично, что здѣсь же искалъ пріюта плассенбургскій поэтъ [3]).

Въ Гейдельбергѣ мы встрѣчаемъ и перваго истиннаго «поэта» на нѣмецкой землѣ, такого, который не былъ больше ничѣмъ и про котораго Зельднеръ могъ безошибочно сказать, что онъ, собственно говоря, ничему не выучился. Это Петръ Людеръ изъ Кислау, владѣнія епископовъ шпейерскихъ [4]). Правда, какъ поэтъ и какъ ученый онъ не произвелъ ничего замѣчательнаго. Но это личность типиче-

---

[1]) Non enim mihi dubium dixeris, quin omnes superare possim, si quam desidero studii mei quietem consequi potero.

[2]) Письма его отъ 1456 и 1457 г. и письма къ нему изъ одной вѣнской рукописи см. у Wattenbach Peter Luder s. 58 ff.

[3]) Письмо Аригина къ пфальцграфу отъ 13 февр. 1457 г. и Матвѣя къ Аригину нѣсколько позднѣе у Wattenbach P. Luder s. 60. 61. Въ первомъ слова praestantissimorum virorum copia quam apud te collocasti, т. е. (множество отличныхъ людей, которыхъ ты пріютилъ у себя, служатъ доказательствомъ въ пользу любви пфальцграфа къ наукамъ.

[4]) Wattenbach Peter Luder, der erste humanistische Lehrer in Heidelberg, Erfurt, Leipzig, Basel. Изъ 22 т. Zeitschr. fur die Geschichte des Oberrheins. Karlsruhe 1869. Къ отдѣльному оттиску прибавлено приложеніе къ Исторіи гейдельбергскаго университета. Въ этомъ случаѣ и цѣлыми рядами мелкихъ выдержекъ изъ мюнхенскихъ, вѣнскихъ и берлинскихъ рукописныхъ сборниковъ Ваттенбахъ оказалъ услугу, что собралъ первый и почти одинъ мало извѣстный доселѣ рукописный матеріалъ, проливающій свѣтъ на раннюю эпоху нѣмецкаго возрожденія. Безъ сомнѣнія, еще много его хранится въ старинныхъ библіотекахъ.

ская, нашедшая подражателей и показывающая намъ, почему нѣмецкіе университеты всюду старались держаться всторонѣ отъ этихъ первыхъ провозвѣстниковъ поэзіи и стилистики, и что невѣрно, будто бы они съ самаго начала были встрѣчены съ нерасположеніемъ и завистью. Этого тоже не было и въ Италіи. Но въ Германіи странствующіе поэты отличались еще въ бо́льшей степени страстью къ бродяжничеству, надменностью, попрошайствомъ, стремленіемъ проповѣдывать мораль, зазорною жизнью, поверхностными свѣдѣніями и грубостью нравовъ. Однако нельзя отрицать и того, что и такія натуры могли имѣть воспламеняющее вліяніе и именно ихъ скитальческая жизнь не мало способствовала къ распространенію тѣхъ искусствъ, представителями которыхъ они были.

Людеръ поступилъ бѣднымъ студентомъ въ гейдельбергскій университетъ, но не пошелъ дальше курсовъ логики и діалектики, да и эти мало усвоилъ. Врожденная страсть къ бродяжничеству [1]) влекла его въ даль, въ Италію, въ Римъ. Революція, заставившая бѣжать папу Евгенія IV 4 іюля 1434 г., и буйство солдатъ епископа реканатскаго, послѣдовавшее затѣмъ, не позволили ему тамъ оставаться. Онъ воротился въ Венецію, оттуда отправился моремъ въ Иллирію, Албанію и Македонію, переправился въ Малую Азію, потомъ снова вернулся въ Италію, которую «исходилъ почти всю». Повидимому, онъ долго блуждалъ такимъ образомъ какъ искатель приключеній, конечно, большею частію какъ ученикъ. И только тогда, когда у него начала пробиваться сѣдина на вискахъ, онъ обратился къ занятію гуманными науками и къ поэзіи. Изъ этого мы смѣло можемъ заключить, что Людеръ бродилъ главнымъ образомъ по университетамъ. Нѣмецкій студентъ, по видимому, называетъ себя ученикомъ Гварино или, по крайней мѣрѣ, его послѣдователемъ [2]), но мы не удивляемся, что о немъ не упоминаетъ ни этотъ наставникъ, ни бывшіе товарищи, которые такъ часто говорятъ въ своихъ письмахъ о школьныхъ годахъ. Людеръ занимался нѣкоторое время и медициною, вѣроятно, въ Падуѣ.

Послѣ долгихъ скитаній около 1456 г. Людеръ возвратился на свою нѣмецкую родину—искать расположенія у пфальцграфа Фридриха и примѣнить свои знанія къ дѣлу въ гейдельбергскомъ университетѣ. Онъ намѣревался ввести въ курсъ объясненіе римскихъ классиковъ, «чтобы искоренить нѣмецкое варварство». Профессора, очевидно, не хотѣли допускать его въ свой кружокъ, впрочемъ, безъ сомнѣнія, не

---

1) Mens vaga errabundaque, какъ онъ самъ говоритъ съ гордостью.

2) Правда, онъ говоритъ объ этомъ неясно и неопредѣленно въ элегіи ad Pamphilum:

Primus ego in patriam deduxi vertice Musas
Italiae medio, fonte Guarine tuo.

Т. е. я первый принесъ изъ Италіи поэзію въ мое отечество изъ твоего источника, Гварино.

изъ предубѣжденія противъ античныхъ писателей и новой реторики. Не задолго передъ тѣмъ факультетъ искусствъ закупилъ довольно много классическихъ сочиненій, именно 56 томовъ. Тутъ было много сочиненій Цицерона, Квинтиліана, Валерія Максима, Катилина Саллюстія, комментарій къ Виргилію, трагедіи Сенеки, Виргилій, Луканъ, Теренцій, также письма Петрарки. Слѣдовательно въ Гейдельбергѣ, сначала при дворѣ пфальцграфа, уже пробудилось нѣкоторое стремленіе къ изученію древняго міра. Поэтому вооружались лишь противъ личности Людера. Правда, онъ не могъ назваться магистромъ; о немъ никто ничего не зналъ, и, безъ сомнѣнія, онъ уже въ то время былъ жалкимъ бѣднякомъ. Тѣмъ не менѣе Людеръ явился съ заносчивымъ притязаніемъ оживить поэзію въ Германіи и исправить варварскую латынь своихъ товарищей. Однако пфальцграфъ благосклонно выслушалъ посланника съ итальянскаго Геликона, когда тотъ обвинялъ магистровъ въ зависти къ себѣ и своему великому искусству. Мы знаемъ, что онъ подружился съ Матвѣемъ фонъ Кеммать; быть можетъ, послѣдній и рекомендовалъ его пфальцграфу. Для роли придворнаго поэта Людеръ не годился, былъ притомъ малъ ростомъ, черенъ и грязенъ, какъ самъ себя изображаетъ. А такъ какъ въ университетъ его не желали принять, то меценатъ далъ ему небольшое жалованье и издалъ декретъ о томъ, что онъ можетъ публично преподавать гуманныя науки [1]).

Людеръ оповѣстилъ объ этомъ въ объявленіи на черной доскѣ. Онъ намѣревался начать публичныя лекціи съ объясненія посланій Горація и сочиненій Валерія Максима. Прежде онъ долженъ былъ сказать вступительную рѣчь передъ профессорами. Факультетъ искусствъ требовалъ, чтобы Людеръ сначала представилъ эту рѣчь на его просмотръ. Не только Людеръ, но и магистръ Вильденгерцъ нашелъ подобную мѣру унизительною и объяснилъ ее затаенною завистью профессоровъ. Однако 15 іюля 1456 г. онъ сказалъ свою рѣчь. Онъ разсказывалъ эпизоды изъ своей разнообразной жизни, а потомъ сталъ защищать поэзію доводами, чуть не сотню разъ повторявшимися и въ Италіи, и въ Германіи. Но борьба съ профессорами искусствъ продолжалась. Въ оповѣщеніи 1457 г. Людеръ публично жаловался на то, что діалектика, «обвитая черными змѣями», прогнала остальныхъ сестеръ изъ прочнаго убѣжища, которое они нашли было себѣ, и просилъ принять реторику [2]) Но —что еще было непріятнѣе Людеръ вскорѣ сталъ жаловаться, что студенты не ходятъ на его лекціи поэзіи, каѳедра которой доселѣ была

---

[1]) Suo decreto, говоритъ Людеръ въ оповѣщеніи. А въ рѣчи къ пфальцграфу онъ благодарилъ его за то, что послѣдній его publice poetarum leccioni in hoc suo gymnasio dignum esse percensuit.

[2]) Intimacio poete contra artistas etc. у Wattenbach въ Zeitschrift f. d. Gesch. des Oberrheins Bd. XXIII s. 22.

закрыта по зависти. Такъ какъ однажды казалось, всѣхъ напугало, одно оповѣщеніе лекціи о Сенекѣ, то онъ пропустилъ ее и тотчасъ же объявилъ, что прочтетъ лекцію объ Овидіевой Ars amandi (искусство любить). Кто вращался въ университетѣ, тотъ знаетъ, что значить непріятный товарищъ и какъ относятся къ нему прочіе преподаватели. Если бы мы больше ничего не знали о наставнической дѣятельности Людера, то и этой одной черты было бы достаточно для его характеристики. Можно представить себѣ, въ какомъ одиночествѣ оказался среди варваровъ этотъ проповѣдникъ чистой латыни [1].

Свои лучшія надежды Людеръ возлагалъ постоянно на пфальцграфа. За его первое благодѣяніе онъ сочинилъ въ честь его похвальную и благодарственную рѣчь, украшенную цитатами изъ Цицерона и Виргилія и рядомъ примѣровъ изъ древней и новой исторіи. Онъ превозносилъ мецената, увѣряя, что его восхваляютъ всюду, даже и внѣ предѣловъ Германіи [2]) Впослѣдствіи онъ посвятилъ ему элегію, въ которой самъ пфальцграфъ выведенъ въ поэтической обстановкѣ подъ именемъ Панфила, и тутъ же являются два гейдельбергскихъ доктора, названные Іонасомъ и Цинтіемъ [3]. Но едвали Фридрихъ, платившій ему жалованье и допустившій его къ преподаванію въ университетѣ, сдѣлалъ что нибудь кромѣ этого [4]. Людеръ не ожидалъ отъ нѣмецкой знати ровно ничего; она была чужда гуманныхъ наукъ, и поэтъ не могъ ничего выпросить у нея. Онъ жилъ въ нуждѣ, какъ и всякій бѣдный учитель, принималъ къ себѣ мальчиковъ, училъ ихъ грамматикѣ и читалъ съ ними древнихъ писателей. Но, конечно, они вскорѣ уходили отъ наставника. Во время вакацій онъ отправлялся на педагогическія игры въ Ульмъ или Аугсбургъ. Письма Людера показываютъ намъ, въ какомъ жалкомъ положеніи были его дѣла. Онъ выпрашиваетъ по гульдену или по два у друзей или у лицъ, которыхъ такъ называетъ, но все таки ведетъ распущенную жизнь, служа и Бахусу и Венерѣ. Подобный поэтъ могъ надолго уронить достоинство поэзіи. Но ему дольше нельзя было оставаться въ Гейдельбергѣ. Война, долго готовившаяся, наконецъ вспыхнула и заставила Людера удалиться изъ города въ 1460 г. Ему теперь уже не приходилось имѣть дѣло «съ неподяими», которые изъ зависти набра-

---

[1]) Въ письмѣ къ Аригиду у Ваттенбаха Peter. Luder s. 62 онъ объявляетъ, что утомленъ garrulis barbarorem undique me circumstrepencium vocibus.

[2]) Рѣчь у Ваттенбаха въ Zeitschr. f. d. Gesch. des Oberrheins Bd. XXIII s. 25 ff.

[3]) Объ элегіи ad Pamphilum amicam singularem, посвященной пфальцграфу 28 ноября 1460 г., см. Wattenbach P. Luder s. 27.

[4]) Это чистое хвастовство, когда Людеръ впослѣдствіи въ Лейпцигѣ въ полемическомъ сочиненіи Petrus Luder divi Friderici principis palatii (palatini) Rheni etc. gloriosissimi secretarius, scutifer Romani Imperii.

сывались на него въ Гейдельбергѣ, также, вѣроятно, были снисходительны къ нему и кредиторы, которыхъ онъ оставлялъ.

Привывши къ скитальческой жизни, Людеръ вдругъ является въ Эрфуртѣ. Онъ утверждаетъ, что былъ принятъ съ почетомъ «любителями науки и знаменитостями, которые радовались и считали для себя за честь, что я явился къ нимъ подобно Меркурію, посланному съ неба». Они будто бы просили его вступить въ члены ихъ университетской корпораціи и отвели ему аудиторію въ большой коллегіи. У Людера явилась надежда, что со временемъ онъ воротится на родину съ большимъ почетомъ и кучею денегъ, и этимъ онъ утѣшалъ своихъ гейдельбергскихъ кредиторовъ. Это—то самое высокое мнѣніе о себѣ, которое заставило Филельфо думать, что всюду, куда онъ ни является, его встрѣчаютъ какъ бога. Но по свѣдѣніямъ и талантамъ Людера едва ли можно сравнивать и съ Порчелло. Послѣ своего пріѣзда онъ заявилъ въ публичной рѣчи, сказанной передъ университетской корпораціей, о своихъ спеціальныхъ отрасляхъ, поэзіи и реторикѣ; это была его гейдельбергская вступительная рѣчь, лишь слегка исправленная для Эрфурта. Потомъ лѣтомъ 1461 г. [1]) и слѣдующею зимою онъ читалъ лекціи о Виргиліи, Теренціи и Овидіи и «озарилъ университетъ лучами поэтическаго искусства». Магистръ, рекомендовавшій Людера при отъѣздѣ его одному доктору въ Лейпцигѣ [2]), хвалилъ его какъ человѣка веселаго, пріятнаго въ обращеніи, скромнаго и весьма свѣдущаго. Темныхъ сторонъ характера въ такихъ случаяхъ не касаются. Но и въ Эрфуртѣ Людеръ, вѣроятно, не имѣлъ успѣха, а иначе онъ не оставилъ бы его черезъ два семестра. Онъ самъ намекаетъ, что у него и здѣсь явились «завистники» и враги, которые нашли, что онъ человѣкъ несносный.

Въ Лейпцигѣ Людеръ былъ принятъ въ качествѣ магистра—степень, едва ли соотвѣтствовавшая его познаніямъ. И здѣсь онъ сказалъ вступительную рѣчь, въ которой поощрялъ юношество къ занятіямъ гуманистическими науками. Это, вѣроятно, та самая рѣчь, которую онъ уже разъ исправилъ.

Нельзя сказать, чтобы и въ Лейпцигѣ его встрѣтили враждебно, или что онъ не нашелъ восприимчивой почвы для своего преподаванія. Напротивъ, здѣсь еще раньше прибытія Людера образовался кружокъ людей, занимавшихся науками, которые и безъ руководства преподавателей читали древнихъ поэтовъ и Цицерона и усердно подражали всему тому, чтб доходило къ нимъ отъ итальянскихъ гуманистовъ [3]). Они не разста-

[1]) Его письмо къ Матвѣю фонъ Кемнатъ у Ваттенбаха P. Luder s. 88 изъ Эрфурта отъ 3 мая 1461 г.

[2]) Письмо этого магистра Генриха фонъ Рюнъ у Ваттенбаха l. c. s. 89, вѣроятно, отъ февраля 1462 г.

[3]) Изъ переписки этого кружка Ваттенбахъ P. Luder s. 31. 33. 54 ff. 101 ff. сообщилъ много выдержекъ по Codd. lat. Monac. 216 и 486.

лись съ классическими воспоминаніями и въ своей студенческой жизни, гдѣ играли роль женщины и вино, писали другъ другу письма слогомъ Цицерона, насколько то было возможно при ихъ скудныхъ свѣдѣніяхъ въ латинскомъ языкѣ, высказывали въ нихъ свое знакомство съ древностью и щеголяли гуманистическими фразами. Матеріаломъ для этихъ посланій служили, вѣроятно, случаи изъ товарищеской жизни и пирушекъ. Если студенты говорятъ про своихъ Амазій и Таисъ [1]), то это простыя деревенскія служанки изъ окрестностей Лейпцига, которыя охотно вели компанію съ веселыми молодыми людьми. Или они выдумываютъ нескромные разсказы о любовныхъ похожденіяхъ и украшаютъ ихъ разными подробностями въ духѣ Энея Сильвія, котораго и здѣсь принимали за образецъ даже въ отдѣльныхъ выраженіяхъ. Они, кажется, научились у Пикколомини и политическія извѣстія сообщать изящнымъ слогомъ.

Душою этого кружка былъ **Генрихъ Штеркеръ**, родомъ изъ Меллерштадта въ восточной Франконіи, сынъ бѣдныхъ поселянъ [2]). Молодой человѣкъ хотѣлъ изучать каноническое право, потому что считалъ его самою полезною изо всѣхъ наукъ. Но новое образованіе манило его гораздо сильнѣе и отвлекало отъ тѣхъ научныхъ отраслей, которыя недавно считались настоящею пропедевтикою къ декреталіямъ. Старую діалектику и логику онъ тоже презиралъ, подобно Поджіо и Пикколомини. Говорили, что эти науки изощряютъ умъ, а онъ напротивъ думалъ, что не слѣдуетъ изощрять умъ на безплодныхъ знаніяхъ, что есть отрасли болѣе возвышенныя, которыя оказываютъ ту же услугу и вмѣстѣ съ тѣмъ приносятъ пользу. Это—каноническое право и наука о краснорѣчіи [3]). Онъ былъ очень радъ, когда могъ получить сочиненія Энея Сильвія отъ итальянцевъ, разъѣзжавшихъ всюду съ отпустительными грамотами. Они возбудили въ немъ желаніе изложить свои любовныя похожденія въ формѣ новеллъ. Такъ какъ всѣ подобные люди стремились въ Италію, то и онъ закончилъ свое юридическое образованіе въ Перуджіи. Штеркеръ умеръ въ 1483 г. совѣтникомъ герцога саксонскаго въ Мейсенѣ, гдѣ былъ учителемъ и каноникомъ. Послѣднюю должность онъ имѣлъ еще при трехъ церквахъ. Такимъ образомъ въ сущности стремленія къ полезной дѣятельности у него шли вровень съ стремленіемъ къ изящному. Изъ его товари-

---

1) Первое имя вымышленное (любимая), второе имя знаменитой греческой гетеры.
Примѣч. переводчика.

2) Онъ былъ внесенъ въ списокъ въ Лейпцигѣ въ концѣ лѣтняго семестра 1445 г. Lit. Centralblatt 1869 s.. 1285.

3) Oratorum ars, que viros sola preclaros officit. Hec quamrumque rem persuasibilem facit et ornat. Huic do operam, hec me totum habet. Cuius si partem possem deprehendere, non me quisquam diceret pecuniam gratis consumplisse.

щей по ученымъ занятіямъ выдается **Гартманъ Шедель**, о которомъ мы вскорѣ будемъ говорить.

Эти юноши, любившіе весело пожить сильно были возбуждены, когда весною 1462 г. поэтъ Петръ Людеръ приглашалъ слушать свои лекціи о Теренціи. Его первое оповѣщеніе начиналось словами Senatus populusque romanus, такъ какъ Людеръ хотѣлъ напомнить, что нѣкогда въ древнемъ Римѣ власти щедро вознаграждали преподавателей поэзіи и изящнаго слога. Но подобному примѣру въ Лейпцигѣ, конечно, не подражали. Уже при второмъ оповѣщеніи, въ которомъ Людеръ обѣщалъ избавить своихъ слушателей отъ «кухонной» латыни и отъ возмутительнаго варварства, онъ сдѣлалъ грубую ошибку противъ языка. Профессоръ не могъ отказаться отъ нея, когда по этому поводу возникла литературная полемика съ однимъ неизвѣстнымъ лейпцигскимъ магистромъ [1]). И противникъ Людера не былъ особеннымъ знатокомъ латинскаго языка, но удары, наносимые Людеру за его промахъ, были весьма чувствительны. Во время зимняго семестра онъ хотѣлъ читать также метрику, хотя былъ не особенно силенъ въ ней. Профессоръ оповѣстилъ и о лекціяхъ по реторикѣ и кромѣ краткихъ правилъ намѣревался приводить примѣры и образцы рѣчей. Людеръ уже тогда грозился, что некому будетъ замѣнить его, если онъ удалится. Изъ этого мы можемъ понять, почему онъ оставилъ Лейпцигъ, тѣмъ болѣе, что жалуется на бѣдность и несчастіе [2]). У Людера не было ни одного качества, которыми онъ могъ бы загладить свои недостатки и сколько-нибудь примирить съ собою окружающихъ. Кромѣ стихотвореній, бо̀льшею частію забытыхъ, онъ писалъ письма и рѣчи на разные случаи, сочиненія по метрикѣ, реторикѣ и ученіи о разстановкѣ знаковъ препинанія, которыя, вѣроятно, клалъ въ основу своихъ лекцій. О нихъ тоже вскорѣ забыли. Ни въ одной отрасли онъ не имѣлъ спеціальныхъ знаній, при томъ былъ жалкій стихоплетъ. Во всякомъ случаѣ это былъ человѣкъ не безъ дарованій, но сбившійся съ толку.

Изъ Лейпцига Людеръ отправился въ Падую продолжать занятія медициною, начатыя имъ много лѣтъ тому назадъ. Но, по видимому, онъ и тамъ читалъ лекціи объ Овидіи и другихъ поэтахъ [3]). Потомъ въ 1464 г. мы встрѣчаемъ его въ базельскомъ университетѣ, только что основанномъ. Теперь его называли докторомъ медицины и поэтомъ,

[1]) Въ началѣ семестра онъ приглашалъ въ свою квартиру, ubi omnes volentes lectiones tres (вм. lectionibus tribus), gratis interesse poterunt.... ne semper culinario, ut aiunt, latino aures hominum offendant, т. е. гдѣ всѣ желающіе могутъ присутствовать на трехъ лекціяхъ... чтобы не оскорблять постоянно слухи кухонною латынью.

[2]) Въ письмѣ отъ 12 ноября 1462 г.

[3]) По извѣстію Шеделя у Ваттенбаха въ Zeitschr. f. d. Gesch. des Oberrheins Bd. XXIII s. 38.

но жалованье, которое ему назначилъ городской совѣтъ, онъ получалъ, безъ сомнѣнія, какъ преподаватель краснорѣчія [1]). Людеръ опять вначалѣ хвалится, что счастіе снова улыбается ему. Но оно улыбалось, навѣрное, не долго. Въ 1469 г. ученый оказывается на службѣ у герцога австрійскаго Сигизмунда, а потомъ мы опять теряемъ его изъ виду. Есть еще нѣсколько набожныхъ стиховъ, написанныхъ имъ 8 октября 1474 г., но это послѣднее, что мы знаемъ о первомъ нѣмецкомъ поэтѣ.

Младшій современникъ Людера, который былъ еще гораздо ниже его по умственному развитію и печальному положенію въ жизни, былъ Самуилъ Карохъ фонъ Лихтенбергъ [2]). Онъ учился сначала въ Лейпцигѣ еще раньше появленія Людера, потомъ около четырехъ лѣтъ въ Италіи. Тамъ онъ слышалъ кое-что о новой поэзіи и краснорѣчіи и почувствовалъ въ себѣ призваніе поэта, хотя почти не зналъ этихъ отраслей, а изъ другихъ наукъ ровно ничему не выучился. Воротившись на родину въ жалкомъ видѣ, Карохъ подобно Людеру странствовалъ по разнымъ университетамъ, былъ въ Гейдельбергѣ, Эрфуртѣ и, разумѣется, въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, ведя борьбу съ «кухонною латынью», хотя самъ нисколько не пошелъ дальше ея. Всего дольше онъ пробылъ потомъ въ Лейпцигѣ. Карохъ былъ удаленъ изъ университетской корпораціи по неизвѣстному намъ поводу и не могъ преподавать грамматику, но былъ терпимъ, какъ жалкій нищій и балагуръ. Тамъ онъ съ дозволенія ректора прочелъ свои поэтическія произведенія на Аристотелевскомъ завтракѣ. Это была пирушка, приправленная всякаго рода забавами и дававшаяся въ теченіи каждаго семестра вновь произведенными магистрами въ честь старшихъ членовъ корпораціи, часто въ присутствіи городскихъ бургомистровъ и членовъ совѣта. Рѣчь его, подобно униженнымъ мольбамъ уличнаго нищаго, обратилась въ жалкую просьбу о помощи. Когда онъ въ 1466 г. сказалъ по такому же поводу свою просительную рѣчь, жалуясь на крайность, которую терпитъ уже болѣе девяти лѣтъ, то былъ еще сильнымъ мужчиною въ цвѣтѣ лѣтъ. Большая часть его стихотвореній, рѣчей и посланій, по видимому, относятся къ этому времени. Карохъ почти всегда выбираетъ сюжетами темныя стороны студенческой жизни, попойки и развратъ, надъ безобразіемъ которыхъ любитъ подсмѣяться. Однако эти нескромныя стихотворенія, по видимому, пользовались нѣкоторымъ успѣхомъ, какъ можно заключить по немалому числу

---

1) Wilh. Vischer Gesch. d. Universität Basel 1460—1529, Basel 1860, s. 186.

2) Wattenbach Samuel Karoch v. Lichtenberg, ein Heidelberger Humanist — in der Zeitschrift für die Geschichte des Oberrheins Bd. XXVIII s. 1 ff. Въ рукописяхъ онъ обыкновенно носитъ имя Samuel de Monte Rutilo.

копій; для насъ они важны какъ картины нравственнаго быта дурныхъ слоевъ тогдашней учащейся молодежи. Онъ не выучился писать стихи по образцу классическихъ поэтовъ и сочиняетъ на манеръ вагантовъ [1]) съ риомами. Его проза напыщена, сильно грѣшитъ противъ грамматики и полна варваризмовъ. Но Карохъ все таки не чуждъ притязаній. Онъ выдаетъ себя за приверженца гуманистическихъ наукъ и краснорѣчія, пишетъ новеллы въ подражаніе Энею Сильвію, приводитъ мѣста изъ Петрарки и изъ сочиненій Цицерона, хвалитъ благодѣтельныя итальянскія школы краснорѣчія и совѣтуетъ юношеству посѣщать ихъ [2]). Дѣла его, по видимому, долго были въ такомъ положеніи. Онъ даже опять было поступилъ доцентомъ во вновь основанный ингольштадскій университетъ, но не могъ тамъ долго оставаться. Потомъ и Кароха мы теряемъ изъ виду, какъ Людера, хотя въ Лейпцигѣ о немъ еще вспоминали въ то время, когда появились epistolae obscurorum virorum (письма темныхъ людей) [3]). Онъ не мало также способствовалъ къ тому подрыву довѣрія, какому подверглись преподаватели латинскаго языка и поэты въ нѣмецкихъ университетахъ, пока это дѣло не поправили такіе ученые, какъ Меланхтонъ и Камераріусъ.

Вообще говоря, и въ Германіи университеты не были подходящими учрежденіями для перваго изученія гуманныхъ наукъ, которыя больше предоставляли латинскимъ школамъ. И въ Италіи школы Витторино и Гварино съ ихъ постоянными порядками оказывали несравненно больше услугъ, чѣмъ университеты съ ихъ мѣняющимся составомъ преподавателей. Такимъ образомъ мы опять обратимъ вниманіе на нѣкоторыя личности, которыя въ самой Италіи или литературнымъ путемъ вступили въ общеніе съ представителями новыхъ наукъ и распространили любовь къ послѣднимъ между лицами, окружавшими ихъ.

---

1) См. томъ I стр. 9 и предисловіе къ II тому стр. 1.

2) Изъ сочиненій его въ сборникахъ всего чаще встрѣчается Historia faceta de studente et beano, заглавіе которой впрочемъ постоянно мѣняется. Есть извлеченіе изъ нея у Muther Aus dem Universitäts-und Gelehrtenleben im Zeitalter der Reformation, Erlangen. 1866, s. 7 ff. Barbaralexis съ смѣшанными нѣмецко-латинскими риомами у Zarncke Die deutschen Universitäten im Mittelalter I, Leipz. 1857, s. 84. Arenga de commendatione studii humanitatis atque amenitate estralis temporis сообщилъ Ваттенбахъ въ «Germania» Барія 1874, s., a Arenga petitoria, говорившаяся на prandium Aristotilis 1466 г., есть въ Anzeiger für Kunde der deutschen Vorzeit 188 n. 6, Epistola missiva atque petitoria—de beano fetido ad suum patrem rusticum; тамъ же n. 9, гдѣ объясняется, что epistola de amore cuiusdom studentis erga mulierem civaticam есть передѣлка новеллы Боккачіо, arenga de coristectis et tempestatibus 1470 г. тамъ же n. 4. 5. Другое много не напечатано, напр. Epistola amatoria ap antiquam votulam (Cat. codd. lat. bibl. reg. Monac. T II P. III p. 218), Dialoga, inter virum adolescentem et virginem въ готской рукописи (Germania Jahrg. XX, s. 7).

3) Epist. 13. 25.

Аугсбургскій патрицій, Сигизмундъ Госсембротъ [1]), былъ выдающимся дѣятелемъ въ своемъ родномъ городѣ и даже за предѣлами его. Въ 1458 г. онъ былъ бургомистромъ. Мы не знаемъ, кто ему внушилъ любовь къ поэзіи и краснорѣчію; онъ учился, вѣроятно, въ Италіи, а потомъ на него сильно повліяли сочиненія Пикколомини. Этотъ-то ученый и защищалъ съ юношескою горячностью новую науку отъ нападокъ Конрада Зельднера и другихъ противниковъ. Когда Госсембротъ былъ по дѣламъ въ Ульмѣ, гдѣ въ то время жилъ Петръ Людеръ, то не могъ успокоиться до тѣхъ поръ пока не посѣтилъ поэта на его чердакѣ [2]). Онъ и самъ писалъ стихи [3]). Но любовь Госсемброта къ наукамъ всего сильнѣе выражается въ томъ, что онъ еще въ нѣжномъ возрастѣ послалъ своихъ сыновей въ Феррару, Ульриха и Сигизмунда, учиться въ славной школѣ Гварино. Ульрихъ по пылкой любви къ новому ученію оказался достойнымъ своего отца; остались его письма и рѣчи. Онъ изучалъ потомъ права въ Падуѣ, хотя постоянно питалъ въ душѣ страсть къ изученію поэтовъ. Но онъ то и дѣло жаловался на слабое здоровье, что и заставило его воротиться на родину. Этимъ и объясняется то обстоятельство, что послѣ 1459 г. мы не слышимъ объ Ульрихѣ какъ о гуманистѣ; и вообще о немъ не упоминается въ исторіи Аугсбурга [4]).

Аугсбургъ раньше еще имѣлъ патрона, около котораго собирались ученые и гуманисты, въ лицѣ своего епископа Петра фонъ Шаумбургъ. Впослѣдствіи онъ былъ возведенъ въ санъ кардинала. Такъ какъ онъ въ началѣ вѣка посѣщалъ болонскій университетъ, то мы полагаемъ, что звуки поэзіи и краснорѣчія очаровали его слухъ. Онъ игралъ выдающуюся роль въ церковной политикѣ во время базельскаго собора, принималъ участіе въ дѣлахъ при дворѣ Фридриха III и имѣлъ разнообразныя сношенія съ Пикколомини. Въ кружкѣ Шаумбурга мы встрѣчаемъ и одного изъ самыхъ искусныхъ и дѣятельныхъ дипломатовъ того времени, Лауренціуса Блуменау. Прусакъ по мѣсту рожденія, онъ, вѣроятно, какъ и многіе изъ его земляковъ, учился въ Италіи и получилъ тамъ степень доктора обоихъ правъ. Съ 1447 г. онъ служилъ нѣмецкому рыцарскому ордену и въ трудное время пользуясь полнымъ довѣріемъ великаго магистра, былъ повѣреннымъ по

---

[1]) Wattenbach Sigismund Gossembrot als Vorkämpfer der Humanisten und seine Gegner. Separatabdruck aus dem 25 Bde der Vierteljahrscrift für Geschichte des Oberrheins. Въ основу положенъ собранный самимъ Госсемб ротомъ Cod. lat. Monac. 3941.

[2]) Письмо П. Людера къ аугбурскому городскому писцу Валентину Эберу отъ 31 октября 1460 у Ваттенбаха. P. Luder. s. 86.

[3]) Эпиграмма и двѣ эпитафіи на смерть юнаго короля венгерскаго и чешскаго Владислава (1457), вѣроятно его, въ Catal codd. lat. bibl. reg. Monac. T. II. P. II p. 32.

[4]) Wattenbach Ulrich Gossembrot—въ Anzeiger für Kunde der deutschen Vorzeit 1879 n. 7.

дѣламъ въ Римѣ, особенно нѣсколько разъ въ первосвященство папы Николая V. Когда послѣ покоренія прусскихъ и польскихъ городовъ ему нельзя было дольше оставаться въ Пруссіи, то онъ поступилъ на службу къ герцогу тирольскому Сигизмунду около 1460 г. и вмѣшался въ споръ изъ за бриксенской епископіи, причемъ едва спасся отъ смерти при римскомъ дворѣ и былъ подвергнутъ опалѣ вмѣстѣ съ Григоріемъ Геймбургомъ. Съ арены общественной дѣятельности онъ впослѣдствіи удалился и умеръ картезіанскимъ монахомъ въ 1484 г. И Блуменау, подобно Геймбургу, былъ прежде всего юристъ и политическій дѣятель, но сохранилъ любовь и къ изящной литературѣ, внушенную ему въ Италіи. Блуменау задумалъ написать исторію нѣмецкаго ордена, и тутъ образчикомъ для него были преимущественно древніе историки. У него было большое собраніе классическихъ сочиненій, а въ Римѣ онъ постоянно поддерживалъ сношенія съ любителями книгъ, книгопродавцами и переписчиками. Особенно гордился ученый своимъ Секстомъ Руфомъ, котораго въ Германіи больше ни у кого не было; онъ списалъ его самъ для своего друга Германа Шеделя и, пользуясь своимъ богатымъ запасомъ свѣдѣній по римской исторіи, прибавилъ примѣчанія на поляхъ. Блуменау желалъ также имѣть сочиненія Орозія и Киропедію Ксенофонта въ переводѣ Поджіо. Онъ увѣрялъ, что пріобрѣлъ многія цѣнныя и мало извѣстныя сочиненія древнихъ писателей [1]). Такъ какъ онъ привыкъ къ дѣловому слогу, то въ изложеніи не отличался легкостью лучшихъ итальянскихъ стилистовъ. Однако стремленіе къ красотѣ и склонность къ нравственнымъ разсужденіямъ въ античномъ духѣ весьма замѣтны у него. Если бы мы не знали жизни Блуменау, то могли бы заключить по его письмамъ, что онъ вкусилъ отъ древа языческаго познанія въ Италіи [2]).

Къ числу весьма близкихъ друзей Блуменау принадлежалъ Германъ Шедель, который родился неизвѣстно гдѣ въ 1410 г. Вѣроятно, они учились вмѣстѣ въ Италіи. Шедель изучалъ медицину, но питалъ любовь къ классическимъ книгамъ и гуманистическимъ наукамъ. Блуменау, по видимому, вспоминаетъ объ этомъ времени, когда говоритъ своему другу о любовныхъ похожденіяхъ, которыхъ Шедель не чуждъ былъ и въ зрѣломъ возрастѣ. Онъ жилъ въ качествѣ уважаемаго врача въ Аугсбургѣ, постоянно собирая книги, въ особенности сочиненія классиковъ. Потомъ Шедель былъ физикомъ въ Нюренбергѣ, умеръ тамъ 4 декабря 1485 г. и похороненъ въ церкви св. Зебальда.

---

[1]) Въ письмѣ къ Герману Шеделю онъ говоритъ: Restant namque quae nactus sum in arte humanitatis nonnulla ala nobilissima, plurimis tamen ignota opuscula.

[2]) Подробнѣе о немъ см. у G. Voigt Laurentius Blumenau, Geschäftsträger und Geschichtschreiber des deutchen Ritterordens—въ Preussische Provincialblätter. Folge Rd. IV s. 242 ff: и Scriptores rerum Pruscicarum Bd. IV Leipz. 1870 p. 35 ff.

Племянникъ его Гартманъ Шедель [1]) родился 13 февраля 1844 г., и 16-ти лѣтнимъ юношею поступилъ въ лейпцигскій университетъ. желая подготовиться къ изученію правъ. Онъ получилъ степени баккалавра и магистра искусствъ, но его сильнѣе привлекали гуманныя науки. Онъ принадлежалъ къ студенческому кружку Генриха Штеркера и къ числу трудолюбивыхъ учениковъ Людера. Потомъ въ началѣ 1463 г. юноша оставилъ законы и каноническое право и, подобно своему дядѣ. отправился въ Падую. Тамъ Шедель хотѣлъ изучать медицину и вполнѣ удовлетворить своей любви къ гуманистическимъ наукамъ. Этому не мало содѣйствовали его частыя поѣздки въ Венецію. Онъ, правда, не чувствовалъ въ себѣ призванія быть поэтомъ или стилистомъ, никогда также не былъ невѣрующимъ насмѣшникомъ. Онъ выбралъ вполнѣ опредѣленное направленіе для своихъ наклонностей, указанное ему, быть можетъ, страстью его дяди. Шедель былъ неутомимымъ собирателемъ. Со времени своего студенчества въ Лейпцигѣ онъ списалъ безчисленное множество писемъ, стиховъ и небольшихъ сочиненій, какія только могъ достать, часто переписывалъ одно и то же по нѣскольку разъ. Его не такъ сильно привлекали древніе классики, хотя онъ списывалъ также сочиненія Цицерона и стихи Овидія. Шеделю больше нравились произведенія новѣйшихъ гуманистовъ, модная литература того времени, стихи, эпиграммы, письма и трактаты, всего больше читавшіяся сочиненія Поджіо, Гварино, Пикколомини и т. п. Такимъ образомъ онъ сохранилъ для насъ часть большаго дневника Чиріако анконскаго, который иначе могъ совсѣмъ утратиться. Это памятники и надписи, собранные послѣднимъ на цикладскихъ островахъ. Вообще Гартманъ любилъ собирать надписи. Пока онъ занимался медициною въ Падуѣ, онъ написалъ для себя изрядное количество томовъ, составляющихъ въ настоящее время особаго рода сокровище въ мюнхенской придворной библіотекѣ.

На дѣятельности Никласа фонъ Вейль весьма замѣтно отражается прямое вліяніе Пикколомини. Онъ родился въ аргаускомъ городѣ Бремгартенъ и сначала былъ школьнымъ учителемъ въ Цюрихѣ, а потомъ мы встрѣчаемъ его въ 1445 г. писцомъ совѣта въ Нюренбергѣ, а съ 1449—городскимъ писцомъ въ Эсслингенѣ. Но помимо этого и здѣсь, какъ и въ Нюренбергѣ, онъ продолжалъ свою педагогическую дѣятельность. Вейль училъ молодыхъ людей, жившихъ у

---

[1]) Wattenbach Hartmann Schädel als Humanist—въ Forschungen zur deutschen Geschichte Rd. XI s. 351 ff. Здѣсь говорится и о дядѣ. Гартманъ, слѣдуя матрикулѣ, былъ внесенъ въ списокъ въ зимній семестръ 1455—56, лѣтомъ 1456 былъ сдѣланъ баккалавромъ; а зимою 1459—60 магистромъ hit Centralblatt 1869 s. 1285. Оттиски его историческихъ трудовъ у Potthast Bibloth. hist. s. v. Schedel.

него, латинскому языку, также преподавалъ имъ высшій курсъ реторики, «искусство хорошо выражаться и сочинять стихи». Сверхъ того онъ былъ живописецъ. Когда ему стало тяжко жить въ Эсслингенѣ, то въ 1470 г. онъ поступилъ канцлеромъ на службу къ графу виртембергскому Ульриху и умеръ около 1479 г. Еще въ Нюренбергѣ познакомился онъ съ сочиненіями Пикколомини и съ тѣми, которыя послѣдній распространилъ въ Германіи, именно съ сочиненіями Петрарки, съ новеллою Боккачіо о Гискардо и Гисмондо, переведенною Бруни на латинскій языкъ, и съ нѣкоторыми соблазнительными письмами Поджіо. Вейль объяснялъ подобныя сочиненія своимъ питомцамъ, потому что они были «увлекательны и забавны», и, разумѣется, всего имъ больше нравились любовныя повѣсти. Въ то время, да еще и потомъ долго весьма наивно смотрѣли на средство—сдѣлать латынь пріятною для учениковъ: иногда и нескромныя сочиненія Кароха служили пособіемъ къ изученію латинскаго языка.

Пиколломини былъ уже епископомъ сіанскимъ, когда эсслингенскій городской писецъ отважился познакомиться съ нимъ и даже предложить ему свою дружбу. Пикколомини благосклонно принялъ это предложеніе и поощрялъ его распространять краснорѣчіе въ Германіи, какъ прежде побуждалъ къ тому же Григорія Геймбурга. Дружбу эту скрѣпляла картина Вейля, изображавшая св. Христофора [1]). Не будучи плодовитымъ писателемъ, онъ инымъ способомъ выразилъ свое уваженіе къ «весьма ученымъ поэтамъ» и свое сердечное влеченіе. Начиная съ 1462 г. Вейль перевелъ множество сочиненій, нѣкогда увеселявшихъ учениковъ, на нѣмецкій языкъ и поднесъ ихъ въ даръ государямъ, государынямъ и другимъ высокимъ особамъ. Онъ только былъ въ недоумѣніи, что дѣлать съ самыми нескромными, напр. съ извѣстною новеллою Пикколомини Эвріалъ и Лукреція. Но онъ нашелъ рѣшеніе вопроса у самого автора, который ободрилъ переводчика: если глубоко ученый Эней, взошедшій теперь на папскій престолъ, написалъ эту повѣсть по латыни, то для городскаго писца вовсе не неприлично передать ее на нѣмецкій языкъ. Онъ же впослѣдствіи приготовилъ и первое печатное изданіе всѣхъ писемъ Энея Сильвія [2]).

Знаменитыя школы явились въ Германіи только тогда, когда были въ разныхъ мѣстахъ проложены пути нѣкоторыми дѣятелями. Упо-

---

[1]) Письмо Энея къ Никласу отъ 1452 г. и отъ 3 февраля 1454 г

[2]) Переводы Николая фонъ Вейль являлись сначала отдѣльными выпусками, а съ 1478 г. полнымъ собраніемъ нѣсколько разъ, напослѣдокъ помѣщены Ад. фонъ Келлеромъ въ библіотекѣ литер. кружка въ Штутгартѣ тамъ 57, Штутг., 1861. Stälin Wirtembergische Geschichte Th. III s. 763 G. Voigt Enea Sylvio de' Piccolomini Bd. II s. 355.

мянемъ здѣсь только о первыхъ заведеніяхъ, пользовавшихся впослѣдствіи широкою извѣстностью. Это шлеттштадтская школа, находившаяся подъ руководствомъ Людвига фонъ Дрингенберга, какъ его обыкновенно называютъ по мѣсту его рожденія, недалеко отъ Падербона. Его едвали можно отнести къ гуманистамъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово принималось въ Италіи. Онъ вышелъ изъ школы братьевъ сторонниковъ общенія жизни и потомъ учился въ Гейдельбергѣ, но по крайней бѣдности не могъ отправиться въ Италію, чтобы посѣтить тамошніе университеты. Къ поэтамъ онъ не желалъ себя причислять, и мы не удивляемся, что онъ не особенно сочувствовалъ произведеніямъ поэтовъ, такъ какъ ихъ вымыслы отвлекали умъ отъ священныхъ предметовъ [1]). Такимъ образомъ и школу въ Шлетштадтѣ, въ которую пригласилъ его городской совѣтъ около 1450 г., онъ велъ въ духѣ Іерониміанъ, утверждая питомцевъ въ нравственности и религіи. Тамъ учили болѣе чистой и изящной латыни, и въ этомъ отношеніи школа была пропитана духомъ итальянскаго гуманизма [2]). Въ то время нѣмецкій школьный учитель по своей скромности далеко не славился такъ, какъ итальянскій, но ему предстояла другая, по истинѣ не менѣе блестящая будущность.

Нужно признаться, что до того времени нѣмецкій гуманизмъ совсѣмъ не могъ похвалиться великими именами, почетнымъ положеніемъ и выдающимися литературными произведеніями. Уже это одно достаточно объясняетъ, почему итальянцы ничего не знали о его зарожденіи. Къ этому присоединилось еще другое обстоятельство. Народы составляютъ себѣ своеобразныя представленія другъ о другѣ, связанныя съ предубѣжденіями, отъ которыхъ трудно отрѣшиться и которыя искореняются медленно, вѣками. Неблагопріятные взгляды, постоянно преобладающіе, укореняются всего сильнѣе. Итальянецъ видѣлъ въ нѣмцѣ постоянно лишь грубую первобытную силу, невѣжественнаго варвара. Это сознаніе умственнаго превосходства, конечно, усиливалось съ тѣхъ поръ, какъ изученіе классической древности дало новый сильный толчокъ итальянской образованности. Изученіе это являлось какъ бы національнымъ достояніемъ, котораго не въ силахъ оцѣнить германецъ. Со временъ Петрарки вошло въ моду относиться къ послѣднему съ презрѣніемъ. Великій человѣкъ былъ изумленъ, когда въ Кельнѣ, «въ странѣ варваровъ» нашелъ благоустроенный городъ, отличный порядокъ, почтенныхъ мужчинъ и красивыхъ и опрятныхъ женщинъ [3]). Но когда онъ упоминаетъ объ этомъ городѣ даже мимоходомъ, то не можетъ не упрекнуть рѣзко граждань

[1]) Wattenbach Sig. Gossembrot l. c. s. 58.
[2]) Stüver Die Schule zu Schlettestadt 1450—1560. Leipzig 1880.
[3]) Epist. rer famil. I, 4.

его въ томъ, что они не заботятся о поэзіи, а только о деньгахъ, о снѣ, о желудкѣ и о горлѣ [1]). Петрарка не сдержалъ своей досады, когда Заноби да Страда въ Пизѣ принялъ лавровый вѣнокъ изъ рукъ Карла IV: варварскіе лавры украсили питомца авзонской музы, нѣмецкій рыцарь осмѣлился произнести сужденіе о нашихъ талантахъ! [2]). Съ тѣхъ поръ гуманисты, которыхъ судьба заносила въ Германію, съ особеннымъ удовольствіемъ острили и издѣвались надъ варварами. Даже Бруни, человѣкъ серьезный и скупой на слова, становился веселъ и разговорчивъ, когда разсказывалъ что нибудь о Германіи, гдѣ былъ во время констанцскаго собора [3]). Какой богатый матеріалъ находилъ здѣсь Поджіо для своихъ остротъ! Какъ только онъ вспоминалъ о томъ времени, когда искалъ старинныхъ рукописей на нѣмецкой землѣ, онъ не забывалъ поглумиться надъ нѣмцами за тѣ сокровища, какія увезъ изъ ихъ монастырей. «Нѣмцы, говоритъ онъ въ одномъ письмѣ къ кардиналу Чезарини [4]), нѣкогда были воинственнымъ народомъ, а теперь они отличаются только по части ѣды и питья и способны къ дѣламъ лишь смотря по тому, сколько выпили вина». Позорное бѣгство ихъ отъ гусситовъ при Таусcѣ онъ въ шутку объясняетъ тѣмъ, что кардиналъ-легатъ мало далъ вина своимъ воинамъ, надѣясь побѣдить съ трезвыми нѣмцами.—«И это люди!» вскричалъ онъ въ другой разъ. «Милосердые боги! Это пьяныя, тупыя, сонныя созданія, которыя никогда не бываютъ трезвыми, ненавистныя Богу и людямъ! Живы они или умерли, разобрать нельзя, когда они лежатъ упившись виномъ» [5]).

Пока Пикколомини былъ второстепеннымъ секретаремъ, ему часто приходилось сдерживать свое озлобленіе противъ нѣмцевъ, или выражать его лишь въ письмахъ къ итальянскимъ друзьямъ. Потомъ Германіи и ея императору онъ былъ обязанъ своею епископскою каѳедрою и саномъ кардинала и вообще своимъ возвышеніемъ. Далѣе— такъ какъ онъ велъ постоянную борьбу съ церковными стремленіями нѣмецкихъ князей и прелатовъ, то по неволѣ долженъ былъ осто-

---

1) Epist. metr. II, 11: . . . . Quid inepta Colonia tantis
Una nocet titulis, cui grasia nummi.
Ventris amor studiumque gulae somnurque quiesque
Esse solet potior sacrae quam cura poesis.

2) Praefat. in libros Invectivarum c. medicum quendam (Opp. p. 1199): Ante alios coenobius (Zanobius) noster, vir doctus et quem Ausoniis armatum Musis, barbarica nuper laurus ornavit, deque nostris ingeniis, mirum dictu, index censorque Germanicus ferre sententiam non expavit.

3) Vespasiano Lionardo d'Arezzo § 10.

4) Epist. IV, 24 ed. Tonelli.

5) Invectiva in Felicem Antipapam (Opp. p. 183). Vespasiano Poggio § 3.

рожно обращаться съ націею во всѣхъ отношеніяхъ. Не смотря на это, какъ скоро онъ могъ оставить роль дипломата, то являлся такимъ же надменнымъ итальянцемъ, какъ Поджіо и Бруни.

Но самаго ожесточеннаго хулителя нашли нѣмцы въ лицѣ веселаго Джіантоніо Кампано, который началъ свое поприще придворнымъ поэтомъ папы Пія II. Однажды его посылали (1471 г.) на имперскій сеймъ въ Регенсбургъ, чтобы онъ силою своего краснорѣчія воодушевилъ нѣмцевъ къ войнѣ съ турками. Порученіе это не удалось; онъ мерзъ въ холодной странѣ и терпѣлъ большую скуку, потому что и самъ никого не понималъ, и его не понимали. За то онъ выместилъ свою злобу въ письмахъ и стихахъ ругательствами на нѣмецкій народъ, который внушилъ даже Поджіо уваженіе къ своимъ талантамъ. «Вся страна, говоритъ онъ, представляетъ собою чистый разбойничій вертепъ, и самый знатный представитель дворянства— отъявленный разбойникъ. Жизнь и пьянство тамъ—одно и тоже. Невѣжество невѣроятное: поклонники науки крайне рѣдки, поклонниковъ изящнаго нѣтъ; гуманныхъ наукъ эти люди не въ состояніи понять. У этихъ варваровъ музы не обитаютъ». Ото всѣхъ отдаетъ какимъ то непріятнымъ запахомъ, по его словамъ; ему дѣлается дурно, когда онъ слышитъ даже имя Германіи [1]). Поэтому мы не удивляемся тому, что нѣмцы съ своей стороны мало оказывали уваженія къ итальянскимъ ученымъ, пріѣзжавшимъ къ нимъ. Послѣдніе вообще являлись въ качествѣ нунціевъ или продавцевъ индульгенцій. Такъ ученый докторъ богословіи, Мартино де Фредженo, проповѣдывавшій отпущеніе грѣховъ за участіе въ походѣ противъ турокъ въ 1464 г. въ сѣверной Германіи, Даніи и Скандинавіи, былъ уличенъ въ томъ, что всюду проникалъ въ библіотеки подъ предлогомъ занятія науками и потомъ безстыдно обкрадывалъ ихъ. Но въ Любекѣ похищенныя имъ

---

[1]) Jo. Ant. Campani Epistolae et Poemata rec. Jo. Burch. Menckenius Lipsiae 1707. cf. epist. VI, 1. 2. 6. IX, 45 et al. Издатель писемъ p. 554 прибавилъ Declamationcula de Campani odio in Germanos и собралъ самыя сильныя мѣста. О настроеніи поэта могутъ дать понятіе слѣдующіе стихи (Carm. VIII, 1), написанные имъ послѣ своего возвращенія изъ Германіи:

Accipe Campani, sterilis Germania, terga,
Accipe nudatas, Barbara terra, nates!
Ille dies, iterum qui te mihi forte videndum
Offeret, extremus sit mihi et ille dies.

Т. е. «Къ тебѣ, безплодная Германія, варварская страна, поворачивается спиною Кампанъ!... Да будетъ тотъ день, въ который мнѣ случайно придется увидать тебя, послѣднимъ днемъ моей жизни!

книги задержали силою, несмотря на его угрозы и ругательства. Авторъ одной хроники говоритъ, что его слѣдовало бы сжечь [1]).

Но народы нуждаются другъ въ другѣ, питаютъ ли они взаимную любовь или ненависть. Высшая сила направляетъ ихъ общенія и столкновенія къ высшей цѣли, которую они, можетъ быть, поймутъ лишь по прошествіи нѣсколькихъ вѣковъ. Итальянская любовь къ книгамъ и нѣмецкая страсть къ пріобрѣтенію вскорѣ должны были вступить въ союзъ между собою, плодомъ котораго было ни болѣе ни менѣе, какъ общее образованіе всѣхъ народовъ и созданіе всемірной литературы.

Италія послала одного изъ своихъ гуманистовъ, Пикколомини, въ качествѣ миссіонера къ нѣмецкимъ варварамъ. За то Германія послала въ Италію двухъ хорошихъ мастеровъ, Конрада Швейнгейма и Арнольда Паннартца, устроившихъ въ Субіако первую типографію. Эней Сильвій написалъ начатки латинской грамматики для сына одного нѣмецкаго князя. А тѣ два нѣмца выпустили въ свѣтъ грамматику Доната. Это была первая печатная книга, какая только явилась въ Италіи. Эней Сильвій предостерегалъ тирольскаго герцога Сигизмунда противъ произведеній туманной схоластики. «Если ты хочешь размышлять о религіи и о спасеніи твоей души, писалъ онъ ему 5 декабря 1443 г., то читай сочиненія блаженнаго Іеронима, блаженнаго Августина, Амвросія и Лактанція—однимъ словомъ хорошихъ стилистовъ. Названные нами нѣмцы напечатали въ 1465 г., вслѣдъ за Донатомъ, сочиненія Лактанція и книгу блаженнаго Августина о градѣ Божіемъ. Эней Сильвій посвятилъ свою реторику архіепископу трирскому, маркграфу баденскому, и держалъ къ нѣмцамъ рѣчи въ духѣ Цицерона. Швейнгеймъ и Паннартцъ напечатали сочиненіе Цицерона Объ ораторѣ. Когда они перенесли свою дѣятельность изъ Субіако въ Римъ, то первою книгою, напечатанною въ вѣчномъ городѣ, были дружескія письма Цицерона, подобно тому какъ Эней Сильвій въ Вѣнѣ впервые проложилъ путь своими письмами къ подобной литературной дѣятельности. Итальянскіе гуманисты первые возвратили къ жизни достопочтенныхъ писателей древности, а нѣмецкое изобрѣтеніе спасло ихъ отъ опасности вновь погибнуть и распространило ихъ произведенія по всему образованному міру. Первые могли хвалиться тѣмъ, что разсѣяли тьму варварства, озаривши ее яркимъ свѣтомъ древности, а книгопечатаніе навсегда сдѣлало возвратъ этого

---

1) Хроника францисканца учителя Детмара, изданная Грауторфомъ Th. II s. 283. 300. Kantzow Pomerania hcr. v. Kosegarten Bd. II. s. 198: «Поэтому куда онъ ни являлся, всюду ходилъ онъ въ библіотеки, будто хочетъ заниматься, а что находилъ хорошаго, то присвоивалъ себѣ, или вырѣзалъ изъ книгъ и пряталъ подъ платьемъ и такъ уѣзжалъ, а такъ какъ его не подозрѣвали, какъ папскаго легата, въ такомъ воровствѣ, то онъ скрывался прежде, чѣмъ его обнаруживали».

варварства немыслимымъ. Первые довели до цвѣтущаго состоянія искусство слова, а книгопечатаніе окрилило это слово, сдѣлало его вѣковѣчнымъ и возвело на степень первой міровой силы, владычество которой безпредѣльно и безконечно.

Въ старости Пикколомини находилъ, что человѣчество глубоко развращено и спѣшитъ навлечь на себя грозный гнѣвъ Божій. Въ лицѣ турокъ онъ думалъ видѣть карающую десницу Господа, Который нашлетъ этотъ бичъ народовъ на культурныя страны, какъ нѣкогда наслалъ гунновъ и вандаловъ. Образованіе Италіи, пріобрѣтенное съ такимъ трудомъ, и даже самъ Аристотель, на его взглядъ, не обезпечены отъ гибели. «Несправедливо говорятъ нѣкоторые, будто памятники наукъ не погибаютъ. И для нихъ есть своего рода смерть, хотя нѣкоторые живутъ дольше другихъ. Время все уноситъ съ собою, и нѣтъ ни одного произведенія рукъ человѣческихъ, которое бы со временемъ не исчезло [1])». Такъ судилъ папа-пессимистъ, который основывалъ свои притязанія на славу въ потомствѣ столько же на произведеніяхъ своего пера, сколько на личныхъ качествахъ и дѣлахъ. Онъ не замѣтилъ, что приближается сильный переворотъ въ наукѣ и что уже явилось то искусство, которое вмѣстѣ съ сочиненіями Аристотеля сохранитъ и собственныя произведенія Пія II. Однако какъ охранитель вѣры, онъ видѣлъ, какъ энергично человѣческая мысль подрывала основы той вѣры, на которыя опиралась его церковь. «Писательству, говоритъ онъ въ духѣ будущей инквизиціи, теперь конца нѣтъ, и умы многихъ совратились: они приняли ложные догматы. Поэтому разумно поступаютъ тѣ люди, которые жгутъ осужденныя книги и не всѣмъ позволяютъ писать [2])». О, если бы онъ зналъ то страшное оружіе, которымъ владѣли чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ его смерти люди свободныхъ воззрѣній [3])!

---

[1]) Pius II Asia cap. 71.

[2]) Asia l. c.

[3]) Первый итальянецъ, выразившій свое мнѣніе о новомъ искусствѣ, былъ Л. Б. Альбертц. Онъ говоритъ объ этомъ въ сочиненіи La cifra (Opusc. morali trad. Bartoli p. 200). Онъ разсказываетъ, что, гуляя въ садахъ папскаго бельведера съ протонотаріемъ Леонардо Дати, хвалилъ grandemente quel Tedesco, который изобрѣлъ книгопечатаніе. Благодаря послѣднему во 100 дней можно приготовить больше 200 книгъ при помощи всего трехъ человѣкъ. Затѣмъ слѣдуетъ Gaspar Veronensis (ap. Muratori Scriptt. T. III P. II p. 1046): fuit magna ingenii inventio, говоритъ онъ при извѣстіи о напечатанныхъ книгахъ. Нѣкоторое отвращеніе къ нѣмецкому изобрѣтенію выражаетъ Ang. Politianus Epistt. Antverp. 1567 p. 127. Изъ старшаго поколѣнія гуманистовъ только одинъ Филельфо видѣлъ свои сочиненія напечатанными. Онъ назвалъ новую работу красивою и плодотворною, admiror plurimum. См. его письма къ епископу алерійскому отъ 17 мая и 9 августа 1470 года. Дѣло шло объ его переводѣ Киропедіи и объ его письмахъ. См. Indugini s. libreria Viscont. Sforz. Appendice alle Parte I p. 8. Но письма были напечатаны уже черезъ четыре года послѣ смерти Филельфо.

Бросимъ еще разъ взглядъ на Германію. Только къ концу вѣка здѣсь показались обильные всходы гуманизма, не смотря на презрительное недовѣріе къ итальянцамъ и оппозицію людей въ родѣ Геймбурга. Нуженъ былъ только первый толчокъ изъ Италіи, а потомъ развитіе пошло инымъ, самобытнымъ путемъ. Печатные экземпляры классиковъ избавили юнаго нѣмецкаго гуманиста отъ тяжелаго труда переписки, сличенія рукописей, дороговизны книгъ, — однимъ словомъ отъ многихъ затрудненій, вслѣдствіе которыхъ занятіе наукою для итальянскихъ гуманистовъ стоило такого труда и усилій и вмѣстѣ съ тѣмъ было столь привлекательно. Составить библіотеку стоило уже теперь не особенно дорого и не требовало трудовъ цѣлой жизни. Легкая возможность доставать книги давала способы обходиться безъ учителя. Кто усвоилъ себѣ элементы обоихъ классическихъ языковъ, тотъ шелъ дальше самъ, даже при неблагопріятныхъ условіяхъ. Слѣдовательно, не было нужды обращаться къ итальянскимъ наставникамъ или посѣщать какой-либо итальянскій университетъ. Сами древніе были лучшими и самыми дешевыми наставниками какъ въ Италіи, такъ и въ Германіи.

Императоръ Максимиліанъ былъ первый нѣмецкій государь, въ образованіи котораго замѣтно вліяніе древности, особенно по его живому интересу къ исторіи и космографіи [1]). Вѣроятно, въ этомъ случаѣ не осталось безслѣднымъ двѣнадцатилѣтнее пребываніе Энея Сильвія при дворѣ императора. Намъ сообщаютъ, что Іоганнъ Гиндербахъ, когда зашла рѣчь о воспитаніи юнаго Максимиліана, указалъ императрицѣ Леонорѣ на книгу о воспитаніи государей, написанную Пикколомини для молодаго Владислава, короля венгерскаго [2]). Но мы не замѣчаемъ вліянія итальянской образованности у ученыхъ и эпистолографовъ эльзасскаго кружка, у Петра Шотта, Іоганна Гейлера изъ Кайзерсберга, у Якова Вимпфелинга или у нюренбергцевъ. Они уже являются самобытными дѣятелями, т. е. самостоятельно изучаютъ древность. Проходитъ еще одно поколѣніе, и передъ нами являются личности, слава которыхъ уже не затмѣвается славою итальянскихъ гуманистовъ, именно: Рудольфъ Агрикола, Іоганнъ Рейхлингъ и Конрадъ Цельтесъ. Нѣмецкій гуманизмъ имѣетъ много общаго съ итальянскимъ, но они расходятся въ одномъ отношеніи: плодомъ изученія классической древности въ Италіи былъ религіозный индифферентизмъ, даже затаенная борьба невѣрія съ вѣрою и церковью, напротивъ въ Германіи это изученіе вызвало новую дѣятельность на почвѣ богословія и жизни церковной. Оппозиція про-

---

1) Космографіею авторъ называетъ землевѣдѣніе въ самомъ обширномъ смыслѣ; это собственно—міровѣдѣніе. *Прим. переводчика.*

2) Приписка Гендельбаха въ письмѣ императрицѣ, съ которымъ онъ поднесъ упомянутый трактатъ, отъ 14 мая 1466 г., въ Cod. ms. 3498 вѣнской придворной библіотеки.

тивъ власти римскихъ папъ и религіозности формальной составляла существенный, если не самый глубокій моментъ нѣмецкаго гуманизма [1]).

Въ Венгріи прелаты образовали также звено, соединявшее тамошнее населеніе съ Италіею. Университетовъ въ первой странѣ не было потому, что кто могъ, тотъ охотнѣе отправлялся въ Кельнъ, Лейпцигъ, Прагу и Вѣну, даже во Францію и Англію; съ давняго времени венгры занимались науками всего охотнѣе въ Италіи. Оба народа, и венгры, и итальянцы, чувствовали какъ бы взаимное тяготѣніе, хотя не легко было указать связующія начала. Быть можетъ, причина та, что они довольно далеко были одинъ отъ другаго какъ въ географическомъ, такъ и политическомъ отношеніи, такъ что легко избѣгали столкновеній. А между тѣмъ венгры всегда взирали съ благоговѣніемъ на гробы верховныхъ Апостоловъ и вообще на ту страну, въ которой нѣкогда роднымъ языкомъ былъ латинскій. Это былъ ихъ оффиціальный языкъ, употреблявшійся и на сеймахъ. Итальянецъ съ своей стороны возлагалъ большія надежды на восточныхъ единовѣрцевъ на случай борьбы съ полумѣсяцемъ и греческими еретиками. Именно въ вѣкъ гуманизма турки постоянно угрожали Италіи. Почти каждый годъ венгерскіе послы отправлялись въ Римъ, а римскіе жили постоянно въ Венгріи. Такимъ образомъ итальянское образованіе находило легкій доступъ въ эту страну.

Первое вліяніе, какое мы можемъ прослѣдить, и тутъ шло отъ Пикколомини. Онъ написалъ трактатъ о воспитаніи государей для молодаго Владислава, короля венгерскаго и чешскаго, или, такъ какъ ему было всего еще десять лѣтъ, то собственно для его воспитателя Каспара Венделя. Въ немъ авторъ говоритъ, что мальчикъ, готовящійся къ власти, долженъ получить латинское образованіе, какимъ обладали напр. король Неаполитанскій Альфонсъ или маркграфъ Ліонелло д'Эсте. [2]). И дѣйствительно, по видимому, воспитаніе принца было начато въ этомъ направленіи. Когда Владиславу было 15 лѣтъ, то онъ обратился къ королю Альфонсу, и герцогу моденскому Борзо съ просьбою прислать ему книгъ, въ которыхъ бы изящнымъ слогомъ изображались подвиги древнихъ римлянъ или государей, достойныхъ подражанія [3]). Плодовъ подобныя занятія не принесли, конечно, потому, что Владиславъ рано умеръ.

---

[1]) О позднѣйшей исторіи нѣмецкаго гуманизма есть извѣстія у Мейнерса въ Schensbeschreibengen der Männer n. s. w. 3 Bdl. Zürich 1795—97 у Г. А. Erhard, Geschihte des Wiederaufdlühens wisseuschaftlichen Bildung vornehmlich in Teutschland bis zum Aufange der Reformation c. 3 Bde. Magdeburg 1827—32, а самое лучшее—Hagen, Deutschlnds literat. und religiise Verbinduny im Reformationszeitatter. 3 Bde Elangen 1841—44.

[2]) Trachatus de liberarum educatione февраля 1450 (Opp. Basil. 1551 p. 965 seq.).

[3]) Его посланіе отъ 2 августа 1454 г. въ Analecta ed. Abel p. 156. 157.

И великій Іоаннъ Гуніади, правитель королевства, находился подъ вліяніемъ ново-латинскаго образованія. Какъ ни сильно занятъ онъ былъ государственными дѣлами и войною, однако находилъ время читать любимыя сочиненія Поджіо, и флорентинцу было очень пріятно писать изящныя письма къ славному защитнику вѣры и посылать свои новыя произведенія. Онъ даже самъ вызвался сообщить потомству объ его подвигахъ, если правитель доставитъ ему матеріалъ нужный для этого труда [1]).

Діонисъ Чеши, 24 года занимавшій архіепископскую каѳедру въ Гранѣ, былъ потомъ возведенъ въ санъ кардинала и вѣнчалъ трехъ королей венгерскихъ. Онъ нѣкогда (около 1426 г.) докончилъ свое образованіе въ Падуѣ [2]). Это былъ прежде всего ученый знатокъ правъ, но въ то же время другъ итальянцевъ и ихъ обычаевъ. Но нельзя указать его близкихъ отношеній къ гуманизму.

Истиннымъ основателемъ класcической образованности въ Венгріи былъ Іоаннъ Витецъ изъ Зредны, человѣкъ необыкновенно энергичный и многосторонній. Онъ съ юности былъ знакомъ съ писательствомъ и политическими дѣлами, всѣмъ былъ обязанъ самому себѣ и свою неусыпную дѣятельность увѣнчалъ притомъ ревностью, съ которою старался возбуждать другихъ. Хотя онъ былъ бѣденъ, однако тоже изучилъ въ Италіи не только философію и богословіе, подготовляясь къ духовному званію, но и гуманистическія науки, даже въ большей мѣрѣ. Витецъ былъ секретаремъ Іоанна Гуніади, потомъ епископомъ гроссвардейнскимъ и завѣдывалъ канцеляріею при королѣ Матвѣѣ. Онъ сохранилъ должность канцлера и тогда, когда въ 1464 г. сдѣлался преемникомъ Чеши въ санѣ архіепископа гранскаго, а въ 1471 г. возведенъ въ кардиналы. Стоитъ только почитать его оффиціальныя бумаги и письма, чтобы убѣдиться что образцомъ для него служила флорентинская канцелярія. Рѣчи о войнѣ съ турками, которыя онъ говорилъ на нейштадскомъ сеймѣ въ 1455 г., конечно, не отличаются блестящимъ краснорѣчіемъ, но немногимъ уступаютъ рѣчамъ Пикколомини. Канцлеръ былъ одинаково хорошо знакомъ какъ съ итальянскими государствами, такъ и съ тамошними литературными знаменитостями и со стороны послѣднихъ пользовался большимъ уваженіемъ, тѣмъ болѣе, что часто дарилъ имъ лошадей, дорогіе мѣха и т. п. Съ Флоренціею Витецъ былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ; тамъ онъ заказывалъ копіи исправленныхъ классиковъ, также переводовъ съ греческаго языка и сочиненій гуманистовъ. Любимою мечтою его

---

[1]) Письма Поджіо къ нему отъ 1448 г. напечатаны также въ Analecta ed. Abel p. 158.
[2]) Schmith Archiepiscopi Strigon. T. I p. 251.

было основаніе университета въ Венгріи, который былъ бы въ то же время великимъ національнымъ учрежденіемъ, соединяющимъ въ себѣ всѣ отрасли научнаго и художническаго образованія, какія только процвѣтали въ Италіи. Онъ внушилъ королю Матвѣю мысль о всѣхъ тѣхъ предпріятіяхъ, которыя прославили этого государя какъ мецената. Витецъ показывалъ королю примѣръ и въ любви къ итальянскимъ ученымъ, поэтамъ, архитекторамъ, живописцамъ, ваятелямъ и рѣзчикамъ по дереву. Молодые люди, пристрастившіеся къ гуманистическимъ наукамъ, собирались вокругъ него и называли его своимъ общимъ отцомъ. Ученые и поэты, которымъ судьба не благопріятствовала, находили у него радушный пріемъ, какъ напр. старый Пьеръ Паоло Верджеріо, кипрскій грекъ Филиппъ Подокатеръ, полякъ Григорій Санокъ и Галеотто Марціо изъ Нарни [1]). Еще когда Витецъ былъ епископомъ вардейнскимъ, Пикколомини, въ то время епископъ сіэнскій, посвятилъ ему свою исторію регенсбургскаго сейма 1454 г. [2]). Итальянцы находили возможность посѣщать его и изъ своего далека. Аргиропуло подарилъ ему свой переводъ сочиненія Аристотеля о небѣ, Георгій Трапезунтскій, еще раньше получавшій отъ него подарки,—переводъ одного сочиненія св. Василія [3]). Эти сокровища онъ присоединялъ къ роскошнымъ томамъ своей библіотеки, содержавшей лучшія произведенія по всѣмъ наукамъ [4]).

Въ числѣ юношей, которыхъ Витецъ послалъ на свой счетъ въ Италію изучать на классической почвѣ лучшую науку, болѣе чистую латынь и греческій языкъ, былъ и его племянникъ Іоаннъ Чез-

---

[1]) Philippus Callimachus въ Analecta ed. Abel p. 162. Марціо говоритъ ему въ посвященіи своего сочиненія De homine: tibi studiosi ob munificentiam debent multum.—Maiora enim judicii tui acumen, quam munificentiae vis ipsa contribuit. А въ самомъ сочиненіи: Qui tempstate nostra musas ex toto orbe fugatas ad se revocavit, Hungariamque novum muesarum domicilium constituit, unde factum est, ut, qui dispersi fuerant docti, ad ipsum tanquam ad litterarum parentem turmatim confluxerint. Analecta p. 172. 174.

[2]) Издано Mansi въ Appendix ad Pii II Orationes P. III, Lucae 1759 p. 1 seq.

[3]) Praefationes въ Analecta ed. Abel p. 170. 175.

[4]) Онъ умеръ 11 августа въ немилости у короля. Изъ его оффиціальныхъ писемъ, писанныхъ отъ имени правителя Іоанна и короля Матвѣя, весьма многія напечатаны у Schnandtner Script. rer. Hungar. T. II Vindob. 1746 p. 17 seq. и у Prag. Annal. reg. Hungar. и ихъ можно узнать по благородству слога, если нѣтъ подписи канцлера. Также Johannis Vitez de Zredna episcopi Varadiensis in Hungaria Orationes in causa expeditionis contra Turcas habitae, item Aeneae Silvii Epistolae ad lurdem efaratae 1453—1457. Ed. Frakno'l. Budapestini 1878. Ср. G. Voigt Enea Sylvio Bd. II s. 142. 147. Frankoi heben des Vitez, первый томъ которой вышелъ въ 1880 г. на венгерскомъ языкѣ, была именно по этому недоступна для меня. Кромѣ того см. Aeneae Sylvii epist. Nicolao Hungaro regis Zaditlai tecretario отъ 17 апрѣля 1453 г. въ Cod. ms. 3389 вѣнской придвор. библ. fol 106. Его Comment. in Anton. Panorm. III, 8; Europa cap. 2 Vespasiano Arcivescovo di Strigonia. О библіотекѣ и объ ученыхъ бесѣдахъ происходившихъ въ ней, говоритъ также Николай фонъ Модрусъ Analecta p. 167.

мич е—такъ называлась та деревня, въ которой онъ родился 29 августа 1434 г., недалеко отъ впаденія Дравы въ Дунай. Онъ сталъ болѣе извѣстенъ подъ своимъ литературнымъ именемъ—Я н ъ П а н н о н с к і й. Въ тотъ вѣкъ это былъ самый остроумный поэтъ Венгріи, писавшій на латинскомъ языкѣ [1]. Такъ какъ его родители были бѣдны и притомъ отецъ рано умеръ, то въ немъ принялъ участіе дядя, епископъ вардейнскій; самому ему помогли достичь высокихъ степеней лишь трудолюбіе и наука. Онъ послалъ 13-ти лѣтняго мальчика въ школу къ Гварино Веронскому. Тамъ юный Янъ принадлежалъ къ числу самыхъ способныхъ и прилежныхъ учениковъ. Баттиста Гварино, его товарищъ по школѣ, нѣсколько лѣтъ проживавшій съ нимъ въ одной комнаткѣ, разсказываетъ про его молодость, что утромъ его часто заставали за книгами. За ними онъ забывалъ о пищѣ и питьѣ, а прочитавши разъ стихи совершенно новаго поэта, могъ сказать наизусть, былъ въ состояніи, сочинивши нѣсколько сотъ стиховъ, удержать въ памяти, а потомъ записать, или не запинаясь продиктовать стихотвореніе на заданную тему. Греческому языку онъ выучился въ годъ настолько, что могъ латинскій переводъ обратно передать по гречески. Уже по этимъ немногимъ чертамъ мы видимъ, какъ рано созрѣли таланты Яна, вскорѣ достигшіе своего высшаго развитія; но дальше этого онъ не пошелъ. Онъ былъ хорошимъ поэтомъ еще въ школѣ и запасся обильнымъ матеріаломъ изъ миѳологіи и древней исторіи, а гекзаметры у него слагались весьма легко; кромѣ того онъ освоился и съ элегическимъ размѣромъ, которому вообще отдавали предпочтеніе въ школѣ Гварино. Первыя большія стихотворенія Яна были посвящены Барбаро, составлявшему гордость той школы, изъ которой онъ вышелъ [2]. Затѣмъ послѣдовало большое произведеніе въ панегирическомъ духѣ, гдѣ прославляется Гварино. Тутъ

---

[1] Часто употреблявшееся прежде имя Іоаннъ Чезинге—искаженіе, попавшее въ литературу изъ грамоты Пія II отъ 16 февраля 1460 г. у Kaprinae Hungar. dipl. P. II p. 391. Въ письмѣ папы, взятомъ прямо изъ книги регестъ къ епископу вардейнскому у Theiner. Vet. monum. Hungariae hist. illistr. T. II p. 490 имя это еще передано вѣрно.—Изъ сочиненій его были прежде напечатаны Sylva penegyrica et Epigrammata, Basileae 1518. Poemata—Беатусомъ Ренанусомъ Venet. 1553. Потомъ это вошло въ полное собраніе графа Самуила Телеки, на которое и ссылаюсь: Jani Pannonii Poemata P. I. Oscepulorum P. II. Trajecti ad Rhenum 1784. Прибавлена безпорядочная и безполезная біографія. Потомъ прибавилось много новыхъ сочиненій собранныхъ въ итальянскихъ и нѣмецкихъ библіотекахъ въ Analecta ed. Abel, въ числѣ коихъ длинное письмо Б а т т и с т ы Г в а р и н о даетъ любопытныя свѣдѣнія о молодости поэта. По его плодовитости не мудрено, что находятся еще новые стихи. Такъ стихотвореніе Елавешъ, неперечисленное въ Tabulae Cod. ms. bibl. Vindob. vol. VI p. 122 было извѣстно по крайней мѣрѣ подъ этимъ заглавіемъ.

[2] Analecta p. 108. 109.

и передъ нами еще ярко выступаетъ образъ великаго наставника. Быть можетъ, многія изъ сочиненій Яна Паннонскаго потеряны. Хотя молодой поэтъ писалъ и серьезныя произведенія, напр. воспѣлъ подвиги великаго Гуніади, оказанные въ войнѣ съ Турками [1]), но честолюбивая мечта его со временемъ сдѣлаться Виргиліемъ своего народа не осуществилась. Потомъ онъ писалъ мелкія стихотворенія и множество эпиграммъ, изъ которыхъ многія бойки и остроумны, а въ другихъ онъ желаетъ понравиться нескромными выходками. Проза была не его родомъ и не шла у него дальше правильной гладкости, которую Гварино считалъ высшимъ достоинствомъ. Въ молодыхъ лѣтахъ, отъ которыхъ до насъ не дошло писемъ, онъ, вѣроятно, употреблялъ и пикантные обороты. Переводы небольшихъ сочиненій Плутарха и одной рѣчи Демосоена, безъ сомнѣнія, тоже относятся къ тому времени, когда Янусъ учился еще въ школѣ Гварино. Замѣчательно, что въ то время онъ считалъ Бруни величайшимъ переводчикомъ, а Поджіо — величайшимъ Цицероніанцемъ, или прозаикомъ, величайшимъ же поэтомъ признавалъ Беккаделли. Если онъ прибавляетъ, что Гварино соединяетъ въ своемъ лицѣ всѣ эти достоинства, то это вѣжливая похвала, которой мы не должны принимать буквально [2]).

Юный Янъ былъ предметомъ гордости своего учителя. Черезъ четыре года Гварино говорилъ про него, что онъ выражается по гречески такъ, какъ будто родился въ Аѳинахъ, а по латыни какъ древній римлянинъ. Всѣ удивлялись тому, что не—итальянецъ можетъ достичь такихъ блестящихъ успѣховъ [3]). Всего 15-ти лѣтъ отъ роду онъ обратилъ на себя вниманіе мелкими эпиграммами. Маркграфамъ Феррарскимъ и Мантуанскимъ было пріятно, когда онъ воспѣвалъ ихъ. Когда Янъ былъ во Флоренціи, то Козьма Медичи, Поджіо и Аргиропуло оказали ему дружескій пріемъ [4]). Онъ, по видимому, провелъ въ школѣ Гварино семь лѣтъ, а потомъ учился у него же математикѣ, физикѣ и нравственной философіи. Потомъ въ 1454 г. онъ отправился по волѣ дѣда къ Поджіо изучать папское право и получилъ черезъ четыре года ученую степень. Дядя нашелъ, что пора молодому человѣку выбрать какой нибудь родъ дѣятельности. Въ 1459 г. онъ хлопоталъ у папы Пія II о дозволеніи взять къ себѣ племянника помощникомъ или викаріемъ, чтобы въ слѣдующемъ году онъ получилъ санъ епископа Пяти церквей. Папа неохотно согласился на это. Не только неканоническій

---

[1]) Silva panegyr. ad Guarinum v. 675.

[2]) Tetrastichon in Guarinum въ Analecta p. 98. Blandh. Panormigenam delectant carmina vatem.

[3]) Потому что если Sogliaono il più di questi oltramontani avere poco ingegno, то скромный Веспазіано сообщаетъ мнѣніе каждаго итальянца.

[4]) Vespasiano Vescovo di Cinque Chiese § 2.

возрастъ кандидата, которому еще не было 25 лѣтъ, но и легкій взглядъ молодаго человѣка на жизнь, которого онъ самъ когда-то уговаривалъ заниматься св. Писаніемъ, внушали ему сомнѣніе. Но участіе короля Матвѣя и папскаго легата въ Венгріи, а въ особенности ходатайство вліятельнаго епископа вардейнскаго одержали верхъ надъ всѣми затрудненіями [1]).

Янъ провелъ въ Италіи 11 лѣтъ, исключая кратковременное пребываніе на родинѣ, потомъ возвратился въ Венгрію съ запасомъ латинскихъ и греческихъ книгъ, купленныхъ имъ тамъ. Послѣ этого онъ видѣлъ Италію только разъ, когда его отправляли при посольствѣ короля къ папѣ Павлу II. Онъ настолько сдѣлался итальянцемъ и гуманистомъ, что казался въ родной странѣ какъ бы чужеземцемъ или изгнанникомъ. Навсегда остались въ его памяти впечатлѣнія юности, когда его таланты расцвѣли, какъ въ пору лучезарной весны, и всюду были встрѣчены съ теплымъ сочувствіемъ. Со всѣмъ этимъ сливался образъ почтеннаго Гварино. Онъ привязывался умственно не къ прославленной феррарской школѣ, но къ самому знаменитому наставнику ея. Въ 1451 г. Гварино былъ опять приглашенъ въ свой родной городъ, и всѣ были убѣждены, что онъ приметъ это приглашеніе. Тогда Янъ рѣшился за нимъ слѣдовать [2]). Онъ пользуется всякимъ случаемъ заявить свое уваженіе Гварино не только въ панегирикѣ, подаренномъ ему, но и вообще поэтъ прославляетъ своего бывшаго наставника, какъ главнаго представителя гуманныхъ наукъ и возстановителя латинскаго языка [3]). Уже будучи епископомъ, онъ чтилъ память давно умершаго учителя съ такимъ же благоговѣніемъ, съ какимъ послѣдній въ свое время относился къ Хризолору.

Нѣтъ извѣстій о томъ, былъ-ли молодой епископъ горячо преданъ своей духовной обязанности, а если какія есть, то идутъ отъ льстецовъ, которые безусловно превозносятъ Яна. Вѣроятно, онъ смотрѣлъ на свою епископію какъ на бенефицію, заслуженную имъ въ качествѣ поэта. Онъ воспитался на чтеніи языческихъ поэтовъ, и христіанская религія столь же мало увлекала его, какъ и поэта Беккаделли, бывшаго для него образцомъ. Послѣдній впрочемъ не былъ лицомъ духовнымъ. Янъ, будучи еще шестнадцатилѣтнимъ юношею, покончилъ вопросъ о благочестіи, въ силу котораго народъ стремился въ Римъ, или съ благоговѣніемъ слушалъ такихъ францисканцевъ, какъ братъ Альберто да Сартеано или Роберто да Лекче [4]). Религія

---

[1]) Три стихотворенія Яна къ Пикколомини и его отвѣтъ въ Poemata Яна P. I. Относящіяся сюда грамоты въ книгѣ Pius II Bd. III s. 617.

[2]) Analecta p. 95 Стихотвореніе къ веронцу Чеволе, v. 51 относится, вѣроятно, къ приглашенію, о которомъ я сообщалъ въ томѣ I.

[3]) Такъ напр. въ 4 стихотвореніяхъ въ честь Гварино Analecta p. 124.

Въ связи съ этимъ находится и то явленіе, что производительность его постепенно слабѣла съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ дышать воздухомъ Паннонiи. Янъ находилъ, что писалъ по-латыни лучше, пока жилъ подъ небомъ Лацiума и вращался въ кружкѣ Гварино: въ варварской Венгрiи замолкли бы и Виргилiй, и Цицеронъ, по его словамъ [1]). Случайно онъ перевелъ часть Иліады и Изреченія Плутарха, которыя посвятилъ королю Матвѣю, но при этомъ жаловался, что у него нѣтъ рукописей для сравненія и ученаго матеріала для справокъ. Янъ обѣщалъ также королю—прославить его, но послѣдній, по видимому, не поощрялъ его къ этому [2]). Вообще слишкомъ преувеличено то расположенiе, какимъ онъ пользовался у короля. Политическими дѣлами Янъ не занимался, но потомъ принялъ участiе въ заговорѣ противъ короля Матвѣя. Это онъ сдѣлалъ, безъ сомнѣнія, по влiянію своего дяди. Вскорѣ послѣ этого онъ умеръ въ концѣ 1472 г., такъ что прожилъ немного больше 38 лѣтъ.

Мы знаемъ, на какихъ началахъ впослѣдствiи создался прiютъ музъ при дворѣ короля Матвѣя. Еще отецъ его понялъ цѣну образованія, въ особенности для фамилiи, не рожденной царствовать, и позаботился о многостороннемъ развитiи сыновей. Это то же самое явленіе, какое мы такъ часто встрѣчаемъ въ фамиліяхъ итальянскихъ узурпаторовъ и династовъ; оно кроется въ самой основѣ тираннiи. Однимъ изъ воспитателей молодаго Матвѣя былъ нѣкоторое время Григорiй Санокъ; кромѣ него, вѣроятно, эту должность исправляли духовныя лица венгерскаго происхожденія, которыя кромѣ любви къ войнѣ, конечно, весьма важной для короля Венгріи, развивали въ принцѣ и любовь къ наукамъ и искусствамъ, возвышающую престолъ и дворъ. Матвѣй обнаруживалъ тѣ же самыя наклонности, какъ и Альфонсъ, король Неаполитанскiй. Его завлекали философскіе и богословскіе вопросы, насколько были доступны для него въ легкой бесѣдѣ съ учеными. Но еще больше занимали его древніе историки, какъ напр. Ливій и Курцій, передавшіе потомству славную память о

---

1) Epigr. I, 35:

In Latiis scripsi fortasse latinius oris,
At nunc barbarico barbara in orbe crepo.

Въ письмѣ изъ Пятицерквей отъ 1462 г. (P. II p. 88) онъ говоритъ: Si quid olim de fonte Guarini nostri hauseram, ed tam longa intermissione exaruit.

2) Объ Иліадѣ см. выше стр. Переводъ Плутарха съ посвященіемъ отъ 15 октября 1467 г. въ Analecsta p. 31.—Нѣтъ положительныхъ свидѣтельствъ въ пользу того, что Янъ спасъ отъ погибели бóльшую часть Діодора. Брассиканусъ сообщилъ это Винцентусу Обсопею, которому принадлежитъ первое изданіе 1539 года. См. Botfield Prefaces p. 396.

великихъ мужахъ, такіе поэты, какъ Силій Италикъ, и военные писатели римлянъ. Матвѣй началъ свое правленіе не прямо меценатомъ, что́ весьма понятно. Ему было всего 15 лѣтъ, когда онъ короновался. Какъ долго тревожили его и его королевство политическія смуты и борьба съ оружіемъ въ рукахъ!

Только около 1464 г., въ то время, какъ султанъ Магометъ обратилъ свои побѣдоносные удары противъ Мореи, возникла мысль объ основаніи университета въ Венгріи, который былъ бы средоточіемъ ученыхъ занятій. Инициатива этого предпріятія шла, безъ сомнѣнія, отъ Витеца и Яна Паннонскаго; къ нимъ адресована и папская булла, въ которой Павелъ II изъявлялъ свое согласіе. Когда Янъ ѣздилъ въ Римъ поздравлять новаго папу, то онъ, вѣроятно, совѣщался и насчетъ просьбы короля [1]). Но мысль объ университетѣ не осуществилась въ правленіе короля Матвѣя. Италія по прежнему была для юношества самою желанною страною ученыхъ занятій. И въ феррарской школѣ, которою по смерти стараго Гварино руководили сынъ его Леоне Баттиста и Людовико Карбоне, мы встрѣчаемъ молодыхъ венгерскихъ бароновъ, которые, подобно Янусу, изучали тамъ языки греческій и латинскій [2]).

На итальянской почвѣ возникла и мысль объ обширной публичной библіотекѣ; подобнаго рода учрежденіе король Матвѣй устроилъ въ Будѣ въ красивомъ зданіи. Конечно, нѣтъ возможности рѣшить вопроса о томъ, съ какихъ поръ начали собирать книги для этой библіотеки. Вѣроятно, она возникла такимъ же образомъ, какъ напр. въ Италіи библіотека герцога урбинскаго Федериго. Тѣ книги, которыя были у Іоанна Гуніади и у самаго Матвѣя въ его молодые годы, конечно, составили основу ея. Къ нимъ были присоединены тѣ, какія можно было пріобрѣсть, также рукописи греческія, сирійскія и еврейскія. Покупали старые кодексы, какіе еще можно было купить; при этомъ представителями новѣйшей литературы были нѣкоторыя сочиненія, посвященныя королю. Когда уже на любовь къ книгамъ стали смотрѣть какъ на благородную страсть, то и въ этомъ отношеніи, какъ въ другихъ случаяхъ, обнаружилась необычайная страсть къ великолѣпію. Говорятъ, что король Матвѣй содержалъ въ Офенѣ до тридцати писцовъ и разныхъ художниковъ для украшенія своихъ книгъ. Но такимъ путемъ еще не можетъ составиться хорошая и обширная библіотека, потому что для переписки необходимо доставать хорошіе подлинники. Но подлинники греческихъ писателей во Флорен-

[1]) Булла отъ 29 мая 1465 г. у Pray Annal. reg. Hungar. P. III p. 315.
[2]) Письмо Картезіанца Андрея Паннонскаго къ королю Матвѣю отъ 1 сентября 1467 г. въ Analecta p. 159.

ціи находились въ рукахъ книгопродавца Веспазіано, потому весьма естественно, что и король Матвѣй поручилъ тамъ переписать множество классическихъ книгъ [1]). Всѣ онѣ были приготовлены каллиграфами, изъ которыхъ одни трудились съ пониманіемъ дѣла и добросовѣстно, а другіе какъ ремесленники и переписывали плохо. Это зависѣло отъ свойства переписчиковъ, наблюдателей и исправителей. Но заказы исполнялись постоянно изящно и роскошно, какъ и слѣдовало для короля. Эти книги всѣ были растасканы послѣ смерти Матвѣя въ разныя стороны, такъ что лишь при самыхъ тщательныхъ розыскахъ можно было открыть слѣды ихъ. Иначе ясно обнаружилось-бы родство ихъ съ урбинскими кодексами, возникшими тѣмъ-же путемъ и въ то же время. Но за Матвѣемъ всегда будетъ признаваться та заслуга, что онъ первый изъ государей внѣ Италіи преслѣдовалъ мысль Петрарки и Никколи. Книгопечатаніе произвело коренной переворотъ въ книжномъ дѣлѣ, и слѣдствіемъ его на нѣкоторое время было то, что не обращали вниманія на старинныя и неудобныя книги, которымъ отдали должную дань уваженія лишь при изученіи филологіи [2]).

Собраніе главной основы Корвиновской библіотеки относится къ послѣднимъ десяти или пятнадцати годамъ правленія короля Матвѣя. Въ это время жили при его дворѣ ученые и гуманисты, прославлявшіе его или писавшіе его исторію. Тотъ Галеотто Марціо, котораго привлекъ въ Венгрію Янъ Паннонскій, составляетъ какъ бы авангардъ. Уже въ 1468 г. мы встрѣчаемъ его въ свитѣ королевскихъ придворныхъ, а впослѣдствіи, когда онъ самъ подвергался въ Италіи разнымъ опасностямъ какъ еретикъ, онъ явился еще разъ въ Венгрію. Въ это время онъ написалъ достопамятную книгу о прекрасныхъ изреченіяхъ и поступкахъ короля, котораго прославлялъ точно такъ же, какъ Беккаделли короля Альфонса. И Марціо умѣлъ развлекать Матвѣя своими остротами и лестью, но онъ былъ человѣкъ весьма непостоянный и большой искатель приключеній, такъ что не могъ долго оставаться ни при какомъ дворѣ. Всѣ тѣ, кто являлся послѣ него до Бонфини, были итальянцы. Они ввели при венгерскомъ дворѣ итальянскіе обы-

---

1) Но не у самого Веспазіано, какъ утверждаетъ профессоръ Абель. Лишь одна рукопись, безъ сомнѣнія, заказана была ему, и она попала въ библіотеку Корвина уже отъ Витеца.

2) Довольно обширная старая литература по части библіотеки Корвина уже лишняя послѣ почтеннаго труда Евг. Абеля Die Bibliothek des Königs Matthias Corvinus. Отдѣльный оттискъ изъ Literarische Berichten aus Ungarn, her. v. Hunfalvy Budapest 1878, Bd. II Heft 4. Быть можетъ, слѣдуетъ отнести къ постройкѣ библіотеки то, что въ письмѣ къ Іоанну Корвину, сыну Матвѣя, отъ 10 ноября 1488 г. въ Indagini sulla Libreria Viscontea-Sforzesca P. I. p. 145 говорится: quam (bibliothecam) Serenissima parentis vestri Maiestas summa sub lande et opere vere regia comparat.

чаи и пробудили въ странѣ литературную дѣятельность, которой положила конецъ лишь злосчастная битва при Могачѣ.

Трудно и развѣ только въ отдѣльныхъ случаяхъ можно указать на самыя раннія вліянія, какія гуманизмъ произвелъ на Польшу. И здѣсь его первымъ поклонникомъ былъ первый прелатъ королевства, кардиналъ и епископъ краковскій, Збигнѣвъ Олесницкій. Но какимъ образомъ явилась у него любовь къ этому дѣлу? Мы, правда, знаемъ, что онъ учился въ Краковѣ, но не слышно, чтобы онъ когда нибудь былъ въ Италіи. Онъ вскорѣ вошелъ въ сильное расположеніе короля въ качествѣ его секретаря и считался весьма даровитымъ стилистомъ, который прославляетъ своими блестящими письмами и себя и свое отечество [1]). Трудно рѣшить, кто въ это время служилъ для него образцомъ. Самъ онъ говоритъ только, что не отваживается подражать древнимъ, а только тѣмъ людямъ, какіе явились послѣ нихъ. Слѣдуетъ предполагать Салютато, оффиціальныя письма котораго распространялись быстро и находили обширный кругъ читателей. Въ 1423 г. Збигневъ былъ возведенъ въ санъ епископа краковскаго и оставался въ немъ 32 года, какъ духовная особа, имѣвшая высокое значеніе въ своей сторонѣ и въ общественныхъ дѣлахъ польскаго королевства.

Человѣкъ, столь воспріимчивый и занимавшій такое высокое положеніе, не могъ не быть и потомъ въ общеніи съ новою итальянскою наукою. Безъ сомнѣнія, онъ познакомился съ Филельфо въ то время, когда послѣдній 5 марта 1424 г. говорилъ въ Краковѣ блестящую рѣчь по случаю бракосочетанія короля Владислава, къ которому пріѣхалъ съ кардиналомъ Брандою [2]). Потомъ онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ особаго рода съ Пикколомини: они начались путемъ переписки и поддерживались такимъ образомъ 12 лѣтъ, такъ что авторы писемъ ни разу не видались. Первое посвященіе изящнаго письма кардиналу, которымъ почтилъ его канцеляристъ Пикколомини, въ то

---

[1]) Первое свидѣтельство—это письмо познанскаго епископа Андрея къ нему отъ 25 августа 1423 г. въ Monumenta med. aevi hist. res gestas Poloniae illustr. T. II Pars prior p. 58. Уже тамъ идетъ рѣчь о permulceus dictamen, которое онъ написалъ когда то отъ имени короля.

[2]) Письмо Филельфо къ павійскому кардиналу отъ 26 января 1464 г. въ Jac. Piccolominei card. Papiensis epist. 27. О времени см. Aschbach Gesch. Kaiser Sigmunds Bd. III s. 184.

время еще человѣкъ бѣдный, въ іюлѣ 1442 г., встрѣтило любезный пріемъ. Конечно, итальянецъ цѣнилъ расположеніе такого богатаго прелата, посвятилъ ему свою политическую записку и впослѣдствіи послалъ цѣлый томъ своихъ писемъ, сильно льстилъ ему и кромѣ комплиментовъ получилъ отъ него съ благодарностью прекрасную шубу на куньемъ мѣху. Впрочемъ все это не имѣло бы особеннаго значенія [1]). Но мы видимъ, что и Пикколомини не на шутку удивляется, читая краснорѣчивыя письма съ далекаго востока: онъ привыкъ считать краснорѣчіе преимуществомъ своей націи. Когда онъ, уже будучи епископомъ тріэстскимъ, получилъ въ Нейштадтѣ письмо отъ кардинала въ 1450 г., то съ восторгомъ показалъ его королевскимъ совѣтникамъ и канцелярскимъ писцамъ и прочелъ нѣмцамъ, чтобы они стыдились, что въ Польшѣ есть такіе умные и искусные люди, а въ Германіи никто не умѣетъ писать такъ красиво. Самого кардинала онъ благодарилъ въ изысканныхъ выраженіяхъ. Поляки по словамъ его, прославились тѣмъ, что они раньше нѣмцевъ и венгровъ начали черпать изъ источника латинскаго краснорѣчія и ввели его у себя. Письмо кардинала показываетъ, что въ Польшѣ люди отличаются такимъ же утонченнымъ вкусомъ, какъ и въ Италіи [2]). У насъ есть цѣлый рядъ оффиціальныхъ и дружескихъ писемъ, принадлежащихъ перу польскаго кардинала, и мы очень хорошо узнаемъ по нимъ человѣка, который любилъ ясную и благозвучную рѣчь, умѣлъ искусно выражаться и старался показать себя ученикомъ латинскаго краснорѣчія,—человѣка, который, уже будуче 64-хъ лѣтнимъ старикомъ, сильно занятый государ-ственными дѣлами, по ночамъ изучалъ томъ писемъ своего друга Энея Сильвія [3]).

Въ домѣ этого прелата, до самой смерти его, ровно 24 года прожилъ его секретарь и капелланъ, Янъ Длугошъ, впослѣдствіи быв-

---

[1]) Письма Энея Сильвія къ кардиналу Краковскому отъ апрѣля или мая 1443 г., отъ 13 сентября 1445 г., отъ 27 октября 1453 г.

[2]) Сообщеніе Длугоша кардиналу и отвѣтъ на него Энея, оба отъ мая 1450 г. въ Monumenta T. II Pars post. p. 107. 335. Дальнѣйшія письма Энея къ нему отъ 24 мая 1451 г. и 18 мая 1454 г. p. 118. 153. У насъ тоже есть хвалебные отзывы Пикколомини о кардиналѣ, написанные послѣ смерти послѣдняго (Opp. edit. Basil. 1571 p. 1043) и Europa cap. 25, гдѣ онъ упоминаетъ о письмахъ Збигнѣва multo Sale et Romana elegantia conditas (приправленныхъ множествомъ остротъ и отличающихся римскимъ изяществомъ.

[3]) Нѣкоторыя изъ его писемъ у Dlugoss. Hist. Polon. lib. XIII, другія въ Monum. l. c. Здѣсь также p. 815 его письмо къ епископу сіенскому Энею отъ 10 сентября 1453 г., которое впрочемъ сообщаетъ въ болѣе исправномъ видѣ Cod. ms. 3389 вѣнской придворной библ. fol. 181. Онъ говоритъ въ немъ: Ego sane ex quo aliquid litterarum intelligere coepi, detestatus sum morem illorum, qui nescio qua persuasione ducti eam in dicendo et sententiarum suspensionem et verborum obscuritatem imitantur, ut nonnisi ab attentissima mente quid velint intelligautur etc.

шій каноникомъ краковскаго собора, первый великій историкъ Польши. Правда, его образованіе и латинская ученость носятъ на себѣ замѣтные слѣды болѣе ранней эпохи. Но какъ онъ могъ не усвоить хоть до извѣстной степени изящный вкусъ своего повелителя! Онъ умѣетъ цѣнить Пикколомини, какъ знаменитаго писателя, и восхищается тѣми похвалами, какія послѣдній расточалъ прелату и вообще полякамъ [1]. Быть можетъ, масса работы мѣшала ему заняться изученіемъ древности. Но уже одно стремленіе сдѣлаться историкомъ своего народа показываетъ то вліяніе, какое имѣли на него лица, окружавшія кардинала.

Но и Польша уже въ раннюю эпоху имѣла своего поэта, пропитаннаго духомъ древности, на котораго она могла указать съ такою же гордостью, какъ Венгрія на своего Яна Паннонскаго. Это Григорій Санокъ. Онъ родился въ деревнѣ близъ истоковъ Сана и съ двѣнадцати-лѣтняго возраста странствовалъ по свѣту, ища приключеній, по нѣмецкимъ областямъ, а можетъ быть и дальше. Неизвѣстно, гдѣ и какъ онъ получилъ свое образованіе, а еще труднѣе разъяснить то обстоятельство, какимъ образомъ возникла у него любовь къ древнимъ римскимъ поэтамъ и къ гуманистическимъ стремленіямъ. Потомъ онъ учился въ Краковѣ и получилъ тамъ степень магистра въ 1439 г. Было совершенно новымъ явленіемъ, когда Григорій сталъ объяснять въ университетѣ Буколики и Георгики Виргилія, комедіи Плавта и сатиры Ювенала. Даже люди зрѣлыхъ лѣтъ усердно посѣщали его аудиторію. Онъ сочинялъ эпитафіи и другаго рода стихотворенія; говорятъ, что Григорій написалъ даже комедію въ духѣ Плавта. Повидимому, это былъ человѣкъ безпокойный, любившій наслаждаться жизнью, особенно нескромный въ отношеніи женщинъ. Нѣкоторое время онъ жилъ въ Венгріи въ качествѣ наставника сыновей правителя Гуніади, потомъ у Витеца, епископа вардейнскаго. Онъ написалъ, какъ намъ сообщаютъ, не мало, но всего два историческихъ сочиненія и нѣсколько стихотвореній были обработаны и распространены. Польскій ученый не оставлялъ занятій науками и поэзіею даже тогда, когда король въ 1451 г. далъ ему санъ архіепископа львовскаго, и онъ былъ посвященъ Збигнѣвомъ. Онъ по прежнему любилъ, когда его посѣщали гости, и весело шутилъ съ ними. Конечно, въ Италіи Григорій, быть можетъ, пріобрѣлъ бы себѣ славное имя въ литературѣ, но въ Польшѣ, съ которою былъ связанъ своею духовною дѣятель-

[1] Въ помянутомъ сообщеніи Збигнѣву онъ называетъ его homo inter praestantiores aevi nostri scriptores memorandos, qui autem caesaream latiali eloquentia reddit celebrem. А о себѣ самомъ онъ говоритъ: Dabis veniam, si rudi et brevi sermone utar, deest enim facultas latius eloquendi.

ностію, онъ не могъ вполнѣ развернуть своихъ умственныхъ силъ, а потому и для насъ остается личностью, не вполнѣ ясною [1]).

Архіепископъ львовскій благосклонно принялъ Филиппа Бонаротти, когда послѣдній бѣжалъ изъ Италіи отъ преслѣдованій папы Павла II, направленныхъ противъ «академіи». Онъ первый изъ итальянцевъ пробудилъ гуманистическія стремленія въ Польшѣ, тогда какъ личности, о которыхъ мы упомянули раньше, до извѣстной степени дѣйствовали одиноко. Но его жизнь и дѣятельность относятся уже къ такому времени, о которомъ мы не можемъ здѣсь говорить [2]).

Мы изучаемъ начало гуманизма у романскихъ народовъ, главнымъ образомъ во Франціи, въ концѣ. Это вовсе не потому, чтобы онъ обнаружился слабѣе или позже всѣхъ въ этой странѣ. Напротивъ изо всѣхъ не-итальянскихъ странъ Франціи принадлежитъ первое мѣсто по самостоятельности развитія. На нее всего менѣе вліяла Италія, да она и не нуждалась въ этомъ вліяніи. Тутъ были проложены собственные пути, и дѣятели опирались уже на существующія средоточія умственной жизни, какими были королевскій дворъ и парижскій университетъ. Довольствовались скромною національною пропагандой, не мечтали о новой всемірной литературѣ, какую можно было бы создать на основахъ древнеримской и древнегреческой. Сообразно съ этимъ французскіе ученые подвизаются и на болѣе скромномъ поприщѣ, чѣмъ итальянцы. Они главнымъ образомъ разрабатываютъ реторическое искусство и эпистолярный стиль. Поэты и поэзія у нихъ стоятъ на второмъ планѣ. Они не занимаются новою философіею жизни, и въ сущности остаются вѣрны тому воззрѣнію, которое освящено церковью. Они не стремятся къ тому, чтобы писать исторію по образцу Ливія. У нихъ не является потребности разыскивать и собирать сокровища древней литературы, а изучать греческую не чувствуется ни малѣйшаго желанія. Мысль объ общественной библіотекѣ, какъ о средоточіи литературныхъ интересовъ, французамъ совершенно чужда. У нихъ не образуется и особаго сословія ученыхъ и поэтовъ, и они считаютъ духовное званіе самымъ приличнымъ для ученаго человѣка. Сосредоточиваясь преимущественно въ Парижѣ, эти ученые могутъ составить лишь дружескій кружокъ, но не республику ученыхъ, подобную итальянской, члены которые были разсѣяны по разнымъ городамъ.

---

[1]) Извѣстія о немъ, всѣ основанныя на сочиненіи Callimachus De vita et moribus Gregorii Sanosensis, собралъ съ своею обычною энергіею Цейсбергъ Die polnische Geschichtschreibuny des Miffelalturs, Jeipzig 1873, s. 344 ff.

[2]) И по поводу его прежде всего слѣдуетъ указать на Цейсберга S. 349 ff.

Въ западномъ королевствѣ франковъ проявлялась когда то ученая дѣятельность, опиравшаяся на древнюю римскую литературу, но объ этомъ, конечно, забыли. Однако научныя стремленія, воодушевлявшія не одного монаха эпохи королинговъ, не исчезли безъ слѣда, напротивъ оставили сѣмена, способныя къ развитію. Во французскихъ монастыряхъ и соборныхъ библіотекахъ скрывались классическія сочиненія, оставшіяся отъ той эпохи. По временамъ среди схоластической и богословской учености мерцали и лучи свѣта, шедшіе изъ нихъ и озарявшіе римскую древность. У насъ нѣтъ еще обзора тѣхъ произведеній классической литературы, слѣды которыхъ можно указать въ эпоху королинговъ. Однако если мы прочтемъ сочиненія, въ особенности письма аббата феррьерскаго, Сервата Лупа, который всѣхъ самоотверженнѣе и усерднѣе предавался этого рода занятіямъ, то встрѣтимъ не только большой запасъ свѣдѣній, но—что гораздо важнѣе—энергическое стремленіе пополнить уже существующее собраніе языческихъ книгъ и исправить плохіе экземпляры посредствомъ сравненія съ другими. Онъ полагаетъ, что каждый человѣкъ, сколько нибудь образованный, знаетъ Саллюстія и Ливія [1]). Хотя онъ почти не занимается поэтами, однако ему извѣстенъ даже Катуллъ, все еще рѣдкій писатель [2]). Аббатъ жалуется, что при недостаткѣ учителей и книгъ трудно заниматься этимъ предметомъ, давно оставленнымъ безъ вниманія [3]). По видимому, онъ всего больше интересовался Цицерономъ. У аббата есть его письма, безъ сомнѣнія, дружескія (ad familiares), но онъ достаетъ у одного пріятеля второй экземпляръ, желая исправить погрѣшности своего [4]). Для него списываются Тускуланскія бесѣды, и онъ желаетъ пріобрѣсти рѣчи противъ Верреса. Серватъ Лупъ старается исправить свой плохой экземпляръ Цицеронова сочиненія de inventione (объ изобрѣтеніи) при помощи другаго и достать его разговоръ объ ораторѣ, а также Institutiones Квинтиліана [5]). Слѣдовательно, уже въ то время пробудилась несомнѣнная любовь къ реторикѣ въ духѣ Цицерона, которая впослѣдствіи обнаруживается во Франціи еще сильнѣе, чѣмъ въ Италіи

---

[1]) Vita S. Wigberti (Beati Servati Lupi Opera ed. Baluzius. Edit. II Autwerp. 1710). P. 293.

[2]) Epist. 5 p. 22. Это, конечно, самое раннее указаніе, свидѣтельствующее о знакомствѣ съ Катулломъ раньше Ратерія. Слѣдовательно, онъ является раньше во Франціи, чѣмъ въ Веронѣ.

[3]) Особенно въ epist. I къ Эйнгарду. Но и epist. 4: Nunc litterarum studiis pene obsoletis, quotus quisque inveniri possit qui de magistrorum imperitia, librorum penuria, otii denique inopia merito non queratur.

[4]) Epist. 69. См. мои примѣчанія въ Rhein. Mus. f. Philol. N. F. Bd. 36 S. 374.

[5]) Epist. I, 8. 62. 103.

до Петрарки [1]) По видимому, въ первой странѣ она постоянно входила въ высшій курсъ школьнаго преподаванія.

Франція нисколько не стала ближе сердцу Петрарки въ силу того, что на ея почвѣ онъ провелъ года своей юности и нѣсколько разъ посѣтилъ Парижъ. Онъ не понималъ языка народа, которымъ говорили при дворѣ [2]). Такъ какъ онъ носилъ въ душѣ совершенно иные идеалы, то и слава парижскаго университета произвела на него слабое впечатлѣніе. Поэтъ не обращалъ вниманія на то, что тамъ на пропедевтическомъ курсѣ объясняются и римскіе поэты, и преподается реторика. Вообще Петрарка всюду искалъ сочиненій Цицерона и другихъ классиковъ, а въ Парижѣ, кажется, не счелъ нужнымъ даже и освѣдомиться о нихъ. А между тѣмъ для его друга, Ричарда берійскаго, собирателя книгъ, Парижъ былъ «земнымъ раемъ». «Какою радостью было для меня посѣщать Парижъ, гдѣ дни для меня постоянно были очень коротки! Какія роскошныя книжныя сокровища всякаго рода находятся тамъ! Какъ охотно отдалъ я за нихъ деньги! [3])». Петрарка, разумѣется, и тамъ имѣлъ друзей, какъ напр. Филиппа де Витри, впослѣдствіи епископа города Мо, который перевелъ французскими стихами Превращенія Овидія и разъяснилъ таинственный смыслъ нѣкоторыхъ миѳовъ. За это Петрарка называлъ его единственнымъ галльскимъ поэтомъ [4]). Подобными же друзьями были Николь Оремъ и Пьеръ Берщеръ. Но онъ ставилъ не высоко этихъ друзей и полагалъ, что во Франціи его не поймутъ и не оцѣнятъ достойнымъ образомъ. По видимому, предчувствіе не обмануло Петрарку. Франція не отнеслась къ «новому фениксу» съ тѣмъ благоговѣніемъ, къ какому онъ привыкъ въ Италіи. Кардиналъ, оспаривавшій у него этотъ почетный титулъ, и врачи, смѣявшіеся надъ вмѣшательствомъ поэта въ ихъ спеціальную профессію, были французы. Только подъ конецъ его жизни и послѣ смерти во Франціи начали съ большимъ усердіемъ переписывать его трактаты, читать ихъ и переводить на родной языкъ.

---

1) N. Valois De arte scribendi epistolas apud Gallicos medii aevi scriptores rhetoresque. Paris 1880.

2) Linguam Gallicam nec scio, nec facile possum scire, сказалъ онъ въ 1361 г. какъ посолъ къ королю Іоанну. Т. е. я не знаю французскаго языка, да мнѣ и трудно ему выучиться.

3) Philobiblion cap. 8.

4) Его письмо къ Филиппу де Витри, котораго онъ называетъ musicus и говоритъ комплиментъ Tu poeta nunc unicus Galliarum; это epist. rer. famil. IX, 13 ed. Fracassetti. Объ Овидіи Филиппа см. Paulin Paris Les manuscrits françois de la Bibliothèque du roi T. III p. 177. Здѣсь и слова Tu poeta etc. изъ парижской рукописи, а у Фракассети и въ старинныхъ оттискахъ ихъ нѣтъ.

Уже въ старости Петрарка вступилъ въ полемику, которая дала ему возможность въ рѣзкихъ выраженіяхъ высказать свою національную ненависть къ Франціи и французамъ. Когда папа Урбанъ V въ 1367 г. оставилъ Авиньонъ и снова переселился въ Римъ, то поэтъ поздравлялъ его въ длинномъ назидательномъ посланіи, изображая ему красоту и образованность Италіи въ противоположность съ Франціею. Онъ называлъ французовъ главными варварами и высказалъ то высокомѣрное положеніе, что внѣ Италіи нельзя искать ораторовъ и поэтовъ [1]). Противъ этого возсталъ одинъ питомецъ парижскаго университета, правда, прошедшій курсы грамматическій и реторическій и стремившійся познать премудрость богословія!—имени его мы не знаемъ. Онъ рѣшился написать инвективу противъ прославленнаго поэта и энергично защищать въ ней осмѣянный университетъ и поруганный французскій народъ. Молодой человѣкъ обнаруживаетъ знакомство съ древнею римскою исторіею, съ древними поэтами и прозаиками, но почерпнулъ свѣдѣнія о нихъ не просто изъ сборника, какъ заподозрилъ Петрарка [2]). При этомъ онъ оказывается и искуснымъ писателемъ, который владѣетъ не рѣдкимъ у французовъ реторическимъ талантомъ. Молодой человѣкъ, очевидно, хочетъ на собственномъ примѣрѣ показать, что французъ не менѣе итальянца способенъ къ подобному искусству. Петрарка удостоилъ его отвѣтомъ, въ которомъ снова называлъ французовъ варварами и старался доказать это на основаніи древнихъ историковъ и космографовъ. Однако онъ долженъ былъ сознаться, что все таки они самые цивилизованные варвары [3]). Долго помнили объ его заносчивыхъ насмѣшкахъ, и онѣ, безъ сомнѣнія, не мало содѣйствовали тому, что французская нація не могла забыть его и его сочиненій.

Но не однимъ этимъ объясняется гордое нежеланіе французовъ подражать итальянскимъ образцамъ. Къ этому присоединились и другія побудительныя причины, которыя своеобразно привлекали умы къ древней литературѣ. Сперва господствовала новая мода, начало которой относится къ зрѣлымъ годамъ Петрарки, именно щегольство книгами королей, принцевъ и, разумѣется, нѣкоторыхъ знатныхъ лицъ. Конечно, надобно имѣть въ виду, что оно сначала было слѣдствіемъ ихъ стремленія къ великолѣпію и блеску. Книги дѣ-

---

1) Petrarca epist. rer. senil. IX, 1 начинается такъ: In exitu Israel de Aegypto domus Jacob de populo barbaro etc.—Oratores et poetae extra Italiam non quaerantur.

2) Sive unum manipulum florum, opus vere Gallicum et quod Gallica levitas pro omnibus libris habet.

3) Nec negari posse arbitror, esse Galles barborum omnium mitiores.—Galli cuiusdam anonymi in Franciscum Petrarcham Invectiva и Petrarchae Contra cuiusdam anonymi Galli calumnias Apologia въ сочиненіяхъ Петрарки. О времени сочиненій см. Кёртингъ Petrarca s. 380 ff. и Gaspary въ Zeitschrift fur romanische Philologie 1879 s. 585.

лались предметомъ придворной роскоши, какъ красивое оружіе, вооруженія, дорогіе ковры и постели, или издѣлія изъ благороднаго металла съ пластическими украшенеіями. Въ этомъ случаѣ подобная склонность вызывала дружную дѣятельность наукъ и искусствъ. Королямъ и знатнымъ лицамъ приносили въ даръ каллиграфически написанныя рукописи въ формѣ листа, переплетенныя въ красный сафьянъ съ красивыми металлическими застежками. Для украшенія этихъ рукописей и раскрашиванія заглавныхъ буквъ, для миніатюръ и виньетокъ приглашались самые лучшіе художники. Обыкновенно къ посвященію прилагалась виньетка, изображавшая автора или переводчика, который, стоя на колѣняхъ, подноситъ книгу королю. Упоминается также о желаніи или приказаніи высшаго лица. Мы смотримъ на это какъ на хорошо извѣстный пріемъ, къ которому прибѣгали и итальянскіе гуманисты; сначала старались возбудить любопытство или желаніе этого лица, ему приписывали инициативу и отъ него же требовали приличной награды. Содержаніе этихъ книгъ составляли рыцарскіе романы, сначала въ стихахъ, а потомъ и въ прозѣ. Другіе авторы прибѣгали къ переводамъ классиковъ, которыхъ находили удобными для чтенія принцевъ и достойными украшеній, или имена которыхъ пользовались громкою славою. Брали также сочиненія Петрарки и Боккачіо, считавшіяся наравнѣ съ классическими. Такимъ образомъ при дворѣ господствовало нѣкоторое уваженіе къ древности, выражавшееся въ страсти имѣть великолѣпныя книги и сочиненія съ картинами, а это имѣло и дальнѣйшія послѣдствія. Страсть къ красивымъ книгамъ господствовала, навѣрное, больше вѣка и главнымъ образомъ характеризуетъ какъ французскій, такъ впослѣдствіи и бургундскій дворъ, но ея не чуждаются также въ Англіи, въ Венгріи и при дворѣ императора Максимиліана. Въ этомъ случаѣ, насколько мы знаемъ, всѣмъ давалъ тонъ парижскій дворъ.

Изъ упомянутыхъ нами переводовъ не слѣдуетъ выводить такого заключенія, что французскіе короли относились съ особою любознательностью къ сокровищамъ классической древности. Въ каждое данное время были въ ходу свои книги, которыя съ удовольствіемъ разсматриваютъ, но не читаютъ. Уже король Іоаннъ Добрый, начинающій собою рядъ любителей, совсѣмъ не зналъ латинскаго языка и, навѣрное, не понималъ Ливія, который былъ принесенъ ему въ даръ въ переводѣ. На него произвело весьма мало впечатлѣнія и то, что Петрарка, говорившій ему рѣчь въ 1361 г. на латинскомъ языкѣ отъ имени Висконти, былъ великій ученый. Его придворные находили даже страннымъ, что каноникъ ссылался въ своей рѣчи на языческихъ писателей и допускалъ участіе богини Фортуны въ судьбахъ Франціи [1]).

---

[1]) Petrarca epist. rer. famil. XXII, 13 ed. Fracassetti. Здѣсь ясно видно, что Петрарка по поводу Фортуны былъ въ большомъ затрудненіи.

Сынъ его Карлъ V, за которымъ въ исторіи осталось прозвище Мудраго, имѣлъ нѣкоторое предуготовительное образованіе, свойственное духовному званію, зналъ по латыни и въ свободное время занимался семью искусствами и даже богословіемъ. Говорятъ, что онъ каждый годъ разъ читалъ священное Писаніе. Любовь его къ наукамъ и къ красивымъ книгамъ была въ большой славѣ еще въ его время. Книгохранилище короля, сначала помѣщавшееся во дворцѣ, въ 1367 или въ 1368 г. было перенесено въ одну изъ башень Лувра и размѣщено здѣсь въ трехъ залахъ. Король поручилъ завѣдываніе этими сокровищами своему любимцу Жилю Малэ, который составилъ первый каталогъ въ 1373 г. Извѣстно, что для короля было куплено и списано множество рукописей. У него были самые роскошные экземпляры, въ томъ числѣ много переводовъ. На книгахъ, особенно любимыхъ имъ, онъ самъ подписывалъ свое имя. Были и классическіе писатели. Король, свѣдѣнія котораго въ латинскомъ языкѣ были не особенно сильны, очевидно, не придавалъ никакого значенія подлинникамъ. Но у него были французскіе переводы наиболѣе читавшихся сочиненій Аристотеля, Цезаря Светонія и Ливія, почти всѣхъ сочиненій Сенеки, поэмы Лукана и нѣкоторыя поэмы и стихотворенія Овидія. Вегеція мы находимъ въ оригиналѣ и кромѣ того не менѣе десяти французскихъ переводовъ его. Именъ Виргилія и Цицерона не встрѣчается ни въ одномъ каталогѣ. Можно легко ошибиться, если сдѣлать заключеніе относительно преобладающей склонности короля. Но на нее бросаетъ весьма неблагопріятный свѣтъ то обстоятельство, что онъ собралъ громадное количество астрономическихъ и астрологическихъ книгъ, имѣвшихъ источникомъ большею частію арабскую мудрость, 30 томовъ по геомантіи, 4 по хиромантіи и одну по некромантіи. Это были именно тѣ мнимыя искусства, надъ которыми любилъ такъ жестоко издѣваться Петрарка, но которыя находили горячихъ поклонниковъ и среди другихъ коронованныхъ особъ [1]).

И братья короля, Людовикъ, герцогъ анжуйскій, Филиппъ Смѣлый, герцогъ бургундскій, и Іоаннъ, герцогъ беррійскій, раздѣляли его страсть. И они устраивали книгохранилища въ своихъ замкахъ, остатки которыхъ впослѣдствіи перешли въ обширную парижскую библіотеку. У герцога беррійского мы находимъ многія сочиненія, которыхъ не было въ королевской библіотекѣ: Естественную исторію Плинія, реторику Цицерона, комедіи Теренція и Буколики Виргилія [2]).

---

[1]) Histoire littéraire de la France T. XXIV, Paris 1862, p. 177—180. Delisle T. I, p. 18. 20. 21. 27. 35. 38. О дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ см. сообщеніе въ Révue critique d'hist. et de litt. 1881 Nr. 11 p. 219.

[2]) Delisle p. 54. 58.

Карлъ VI питалъ такую же любовь къ книгамъ, какъ и его отецъ, и, по видимому, раздѣлялъ его богословскій вкусъ. Онъ подтвердилъ за Жиллемъ Малле его должность завѣдующаго библіотекою, которую послѣдній и исправлялъ до самой своей смерти. У него перваго изъ дома Валуа обнаружилось чисто гуманистическое стремленіе— приблизить къ себѣ Монтреля. Послѣдній отважился величать короля титуломъ Du Cicéron и указывалъ ему на Цезаря, Августа и Карла Великаго, какъ на такихъ государей, которые хотѣли прославиться и своимъ знакомствомъ съ свободными науками [1]). Но мы не знаемъ, питалъ ли король стремленіе къ подобной славѣ.

Отъ Карла VII во Франціи никто не ожидалъ, чтобы онъ особенно заботился о наукѣ и книгахъ; напротивъ при немъ собраніе его предковъ было разрознено и растаскано. Однако къ его времени относятся попытки итальянскихъ гуманистовъ вовлечь и Валуа въ кругъ своихъ доброжелателей. Пьеро дель Монте, епископъ брешіанскій, однажды нашелъ случай рекомендовать королю своего друга Поджіо, и послѣдній уже намѣревался посвятить ему одно сочиненіе, только что конченное. Но по своему благоразумному обычаю онъ прежде испыталъ, какой пріемъ встрѣтитъ его подарокъ, и впослѣдствіи счелъ за лучшее почтить имъ папу Николая [2]). Филельфо хотѣлъ лично поднести королю въ даръ пять книгъ своихъ стихотвореній, но и онъ отказался отъ этой мысли [3]). Не смотря на это и Карлъ VII, подобно своимъ предкамъ, любилъ книги роскошно украшенныя. Когда герцогъ миланскій Сфорца дарилъ королю такія книги, которыя греческій художникъ Ѳома снабжалъ картинками, то онъ тотчасъ же заставлялъ объяснять себѣ послѣднія и выражалъ необычайное удовольствіе. При этомъ о содержаніи сочиненій совсѣмъ не упоминается [4]). Вообще не допускали того, чтобы итальянское краснорѣчіе могло встрѣтить любителей и имѣть успѣхъ во Франціи. По временамъ въ монастыряхъ этой страны искали древнихъ писателей, напр. потерянныхъ сочиненій Цицерона. Мы знаемъ, что Поджіо именно съ этою цѣлью посѣтилъ нѣкоторыя мѣстности королевства. Послѣ него велѣлъ произвести тщательные и многосторонніе розыски кардиналъ Ложень, вмѣстѣ съ тѣмъ и епископъ перуанскій. Также одинъ генуэзскій купецъ, Джіанджіакомо Спинола, ведшій во Франціи торговыя дѣла, старался достать для своего друга Бартоломео Фаціо что-

---

1) Johannis de Monsterolio epist. 2, адресованное просто ad principem, но отъ 1395 г. Delisle p. 46.

2) Poggius epist. VIII, 46. ed Tonelli Petro episcopo Bryensi (согласно Mittarelli p. 926 правильнѣе Brixiensi) отъ 14 сентября (1443).

3) Письмо Филельфо къ Антонію Палермскому (Беккаделли) отъ 16 іюня 1456 г.

4) Письмо миланскаго посла къ герцогу отъ 14 февраля 1457 г. въ Indagini s. libreria Visc.-Franz. App. alla Parte I p. 30.

нибудь новое, напр. сочиненіе Цицерона о республикѣ, котораго такъ долго искали. Но его усилія остались, конечно, безплодными. Въ самой Франціи, какъ оказалось, никто не интересовался этимъ [1].

Слѣдовательно, въ переводчикахъ классическихъ сочиненій мы не должны еще предполагать гуманистовъ, а въ короляхъ, которымъ они посвящали свои труды, поклонниковъ языческой литературы. Однако это перенесеніе древности на почву Франціи въ формахъ національнаго языка совершалось гораздо энергичнѣе, чѣмъ на почвѣ Италіи, и это было слѣдствіемъ свѣтскаго образованія, сосредоточивщагося при дворѣ. Тутъ дѣло начинается не съ подражанія классической латыни, а съ разработки національной литературы, достояніемъ которой хотятъ сдѣлать и новыя сокровища.

Первый, кто началъ литературную дѣятельность подобнаго рода былъ Бенедектинецъ Пьеръ Берщеръ, священникъ церкви Сент-Элуа въ Парижѣ. Сначала онъ написалъ нѣсколько нравственныхъ трактатовъ и составилъ карту всего земнаго шара, потомъ будто бы по порученію короля Іоанна перевелъ для него Ливія, т. е. всѣ извѣстныя въ то время части его труда, первую и третью декаду и девять первыхъ книгъ четвертой. Тутъ дѣло не ограничилось однимъ роскошнымъ экземпляромъ, который онъ поднесъ въ даръ королю. Явился цѣлый рядъ копій, и книга читалась съ охотою даже послѣ смерти переводчика, а впослѣдствіи, чтобы пополнить пробѣлъ у Ливія, замѣнили недостающее комментаріями Леонардо Бруни о первой пунической войнѣ; это извѣстная передѣлка Поливія. Такимъ образомъ французскіе образованные кружки ознакомились съ Ливіемъ подобно тому, какъ въ Италіи воздали ему подобающую честь Петрарка и Боккачіо. Это духовное родство между двумя народами обнаруживается и въ томъ, что въ три мѣсяца, которые Петрарка провелъ въ Парижѣ въ 1361 г., Берщеръ почти всегда былъ на его сторонѣ. Но онъ умеръ въ слѣдующемъ году [2]. Нельзя доказать того, что онъ по примѣру Петрарки близко ознакомился съ Ливіемъ, хотя такое предположеніе весьма вѣроятно.

При Карлѣ Мудромъ сильно возрастаетъ число переводовъ. Король желалъ имѣть сочиненіе о Градѣ Божіемъ Блаженнаго Августина, и онъ щедро наградилъ переводчика, который исполнилъ его желаніе. Были переведены и другія сочиненія этого отца Церкви и другихъ ея учителей. Переводились также и сочиненія языческихъ писателей, Сал-

---

1) Переписка этого Спинолы съ Фаціо у Mittarelli Bibl. codd. ms. S. Michaelis Venet. p. 374. 375. Спинола пишетъ: Nulli aut perpauci sunt apud hos Gallos, qui eloquentiae studiiv delectentur aut iis operamdent.

2) P. Paris Les manuscrits etc. T. I p. 32. 34. 35. 37. 38. Hist. litt. l. c. p. 173.

люстія, Светонія, Сенеки, Вегеція, котораго тоже часто желали имѣть. Если не считать Овидія, переведеннаго Филиппомъ де Витри, то Луканъ былъ первый, даже въ теченіи долгаго времени, единственный поэтъ, удостоившійся этой чести. Его поэма была переведена тоже прозою. Не всегда узнаемъ мы имена переводчиковъ. По желанію герцога беррійскаго іоаннитъ и докторъ богословія, Симонъ де Геденъ, рѣшился перевести Валерія Максима, любимаго писателя той моралистической эпохи, и снабдилъ его комментаріемъ. Такъ какъ переводчикъ умеръ во время этой работы въ 1377 г. то ее докончилъ гораздо позднѣе Николь де Гоннесъ [1]). Еще при жизни Петрарки было переведено одно изъ его сочиненій и присоединено къ книжнымъ сокровищамъ короля: это были разговоры О средствѣ противъ горя и радостей, эта «плодотворная книга, богатая нравственными наставленіями». Переводчикомъ былъ Жанъ Данденъ, канонивъ при Сенъ-Шапелѣ [2]).

Всѣ тѣ переводы сочиненій Аристотеля, какіе были у короля, разумѣется съ латинскаго языка, ему дѣлалъ Николь Оремъ, деканъ руанскаго соборнаго капитула и капелланъ короля. Его считаютъ также воспитателемъ и наставникомъ Карла. Это были Политика, Экономика и Этика. Переводчикъ получалъ за это большіе подарки, напр. въ 1371 г. сто ливровъ. Въ 1377 г. король назначилъ его епископомъ въ Лиссье. Какъ бы въ благодарность за эту милость, Оремъ перевелъ и два астрономическихъ сочиненія Аристотеля. Часто указывали на то, что благодаря этимъ трудамъ онъ ввелъ во французскій языкъ множество новыхъ словъ: aristocratie, démocratie, oligarchie, démagogue, architectonique, concentrique, sophisme, sophiste, métaphore и т. п. Говорятъ, что и слова poète и poème не употреблялись до него. Но не являются ли съ новыми заимствованными словами и новыя понятія? Аристотель былъ обязанъ своею славою школѣ; онъ, несомнѣнно, принадлежалъ къ числу тѣхъ писателей, которыхъ король хотя не читалъ, но желалъ имѣть въ своемъ собраніи. Никто не хотѣлъ полюбопытствовать, какъ Оремъ выполнилъ свой трудъ. Петрарка зналъ уже, какъ мало заслуживали имени Аристотеля тѣ сочиненія, которыя были извѣстны подъ этимъ именемъ, но во Франціи его переводили съ искаженныхъ арабскихъ и латинскихъ текстовъ на французскій языкъ. Самъ Оремъ, конечно, не имѣлъ понятія объ этомъ. Очевидно, онъ всецѣло принадлежалъ къ старой школѣ.

---

1) P. Paris T. I p. 43. T. II p. 300. Въ первомъ случаѣ годомъ окончанія труда показанъ 1405-й, во второмъ—1401-й.

2) Hist. litt. l. c. p. 181. 575. Тутъ упоминается, что сочиненіе, множество копій котораго свидѣтельствуетъ о сильномъ сочувствіи публики, иногда выдается за трудъ Николя Орема. Такъ и въ Tabulae codd. ms. bibl. Vindob. vol. II p. 98.

Онъ писалъ также о финансахъ [1]), алгебрѣ и астрономіи. Когда король въ 1366 г. послалъ его въ Авиньонъ къ папѣ Урбану V, то онъ прочелъ ему трактатъ, который назвали образцомъ богословскаго безвкусія по содержанію и по формѣ. Гуманистическихъ стремленій онъ былъ всегда совершенно чуждъ [2]).

Послѣдній изъ этихъ переводчиковъ — ремесленниковъ, вся дѣятельность котораго относится ко времени правленія Карла VI, но обнаружила рѣшительный прогрессъ въ тяготѣніи къ итальянскому гуманизму, Лоранъ де Премьерфэ, какъ его обыкновенно называли по деревнѣ близь Арси-сюръ-Объ, въ которой онъ родился. Онъ былъ простымъ клирикомъ въ Труа; въ 1410 г. его называютъ также секретаремъ герцога беррійскаго Жана. Говорятъ, онъ умеръ въ Парижѣ въ 1418 г. Прежде всего у него возникла новая мысль перевести для двора Цицерона, на котораго при Карлѣ V не обращали вниманія. Лоранъ перевелъ въ 1405 г. сочиненіе Цицерона о старости по приказанію герцога бурбонскаго Людовика, дяди короля, потомъ для него же книгу О дружбѣ. Въ посвященіи къ первому труду онъ хвалитъ Цицерона какъ философа и какъ царя краснорѣчія [3]), но говоритъ, что столь же охотно перевелъ бы и библію, не покажись она книгою опасною для міранъ [4]). Потомъ онъ принялся за Боккачіо, перевелъ его сочиненіе о печальной судьбѣ знаменитыхъ мужей по порученію епископа шартрскаго, а послѣдній поднесъ великолѣпно украшенную книгу въ подарокъ герцогу беррійскому 1 января 1410 г. Въ концѣ переводчикъ приложилъ латинскіе стихи въ похвалу Боккачіо съ французскимъ переводомъ [5]). Ни одинъ предшественниковъ, Премьерфэ насколько мы знаемъ, не выступалъ самобытнымъ поэтомъ. Странная книга Боккачіо увлекла его до такой степени, что онъ и вторично перевелъ ее, причемъ взялъ на себя трудъ распространить содержаніе, прибавить нравственныя разсужденія и объясненія къ тексту. Онъ также принялся и за Декамеронъ, который перевелъ съ латинскаго языка, такъ какъ въ итальянскомъ

---

1) Объ его значеніи въ политической экономіи см. Рошеръ въ Zeitschriff. für die gesammte Staatswisseuschaft Bd. 19. 1863 s. 305 ff.

2) P. Paris T. I p. 221. T. II p. 195. T. IV p. 330. Egger L'Hellénisme en France T. I, Paris 1869, p. 129. О рѣчи Урбану V см. Joh. Bapt. Schwab, Joh. Gerson S. 19.—Изъ менѣе выдающихся переводчиковъ, бывшихъ при дворѣ Карла V, можно назвать только Жана Лефевра и Жана де Куртвюисса. Послѣдній перевелъ для герцога беррійскаго разсужденіе Сенеки о четырехъ добродѣтеляхъ. Delisle T. I p. 60.

3), Tulle noble philozophe et prince d'éloquence dedons la poitrine duquel philosophie naturelle et morale eslut son domicile.

4) Qui est si perilleuse choce es areilles de la gent laie.

5) Vatum terra parens Sacris adamota camenis, Itala rhetoribus predives carmina Pheb. etc.

не былъ силенъ. Въ іюнѣ 1414 г. и этотъ трудъ былъ конченъ. Еще не рѣшено, принадлежитъ ли ему и переводъ книги О знаменитыхъ женщинахъ, имя переводчика которой неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ это уваженіе къ итальянскому главѣ новой наукѣ составляетъ явленіе знаменательное. Боккачіо больше соотвѣтствовалъ вкусу итальянской публики, чѣмъ назидательный Петрарка. Тоже явленіе мы встрѣчаемъ и у Чисера, современника Петрарки. Однако любви къ языческой древности у Лорана не замѣтно. Когда Жанъ де Монтрель, который относился иначе ко всему этому, задумалъ начертать въ залѣ у себя законы Ликурга, взятые у Юстина, то Лоранъ встрѣтилъ это съ клерикальнымъ презрѣніемъ. Онъ назвалъ уставы спортанскаго законодателя пустыми и нелѣпыми: по его словамъ, Іисусъ Христосъ не имѣетъ ничего общаго съ Ликургомъ [1]).

Болѣе сильный толчокъ классическимъ занятіямъ далъ парижскій университетъ, который имѣлъ мало общенія съ королевскимъ дворомъ. Поэтому дѣятели перваго имѣли мало сношеній съ названными переводчиками. Вѣнцомъ наукъ, на которомъ зиждилась слава университета, все еще оставалось богословіе. Если въ одномъ постановленіи университета [2]) говорилось, что мудрость переселилась изъ Аѳинъ въ Римъ, а изъ Рима при Карлѣ Великомъ въ Парижъ, то подъ этимъ разумѣли не мудрость грековъ и римлянъ. Однако въ парижскомъ университетѣ тщательнѣе, чѣмъ въ другихъ, разрабатывались изъ подготовительныхъ отраслей объясненіе римскихъ классиковъ, грамматика и реторика. Къ концу XIV в. питомецъ бурсъ и коллегій обыкновенно знакомился съ такими писателями, какъ Виргилій, Овидій, Ювеналъ, Теренцій, Саллюстій, Ливій, Сенека, Цицеронъ и Квинтиліанъ, притомъ далеко не поверхностно, какъ это мы замѣчаемъ по результатамъ у самыхъ даровитыхъ людей. Юный магистръ Николай Клеманжъ читалъ реторику вообще по Цицерону и лишь въ видѣ исключенія по старинной методѣ—по Аристотелю [3]). Конечно, эти занятія сами по себѣ не могли вести къ самостоятельной цѣли: стремилась къ стилистической и реторической учености, которая могла пригодиться для дѣятельности духовенства напр. въ проповѣди. Нравственныя изре-

---

[1]) Joh. de Monsterolio epist. 46. 47.—P. Paris T. I p. 226. 229. 233. 238. 245. 246. 258. T. II p. 231. Delisle p. 60. 167. Hortis studj. v. opere lat. del Boccaccio p. 613. 617. 731.

[2]) У Bulaeus Histor. univers. Paris. T. V p. 424.

[3]) Nicolaus de Clemangius epist. 5: Equidem in studio Parisiaco etiam saepe Tulianam publice legi rhetoricam, saepe item privatim. Poetae vero summi et optimi Virgilius atque Terentius illic etiam saepe leguntur. T. e. Въ парижскомъ университетѣ я часто читалъ тоже публично Цицероновскую реторику, а часто также и частнымъ образомъ. А поэты самые главные и лучшіе, Виргилій и Теренцій, тоже часто читаются тамъ.

ченія и историческіе примѣры добродѣтелей и пороковъ тоже должны были служить подготовительнымъ средствомъ къ духовному званію.

Но теперь настало время, когда для ораторскаго таланта открылось новое поприще; это—эпоха раскола и преобразовательныхъ соборовъ. Безчисленное множество полемическихъ сочиненій, публичныя рѣчи и споры придали дѣятельности риторовъ характеръ страстной агитаціи. Всюду желали имѣть людей, которые бы умѣли писать въ полемическомъ тонѣ горячо и убѣдительно и говорить блестящія рѣчи. А парижскій университетъ не только принималъ участіе въ этой борьбѣ, но и самъ сталъ церковною силою. Отъ него исходили требованія реформъ, онъ шелъ впереди другихъ университетовъ, въ особенности тѣхъ, которые были внѣ Италіи, и его члены нерѣдко вели отчаянную борьбу въ Пизѣ и Констанцѣ. Они стояли во главѣ новаго движенія, гдѣ требовалась сила слова, и потому старались выработать орудіе для этой борьбы.

Между двумя признанными свѣтилами парижскаго университета, Пьеромъ д'Альи и Жаномъ Шарлье де Жерсономъ, который былъ на 13 лѣтъ моложе перваго, замѣтно большое различіе въ отношеніи ихъ къ классической литературѣ, хотя они вполнѣ согласны въ своихъ церковныхъ и богословскихъ взглядахъ. Первому нельзя отказать въ многосторонней начитанности и реторической возвышенности рѣчи, а послѣдній больше напоминаетъ собою духовныхъ проповѣдниковъ, чѣмъ Цицерона. Но гуманистическихъ стремленій первый былъ еще совершенно чуждъ. Кого попеченіе о будущности церкви заставляетъ заниматься астрологіею, того не коснулся духъ Петрарки и его послѣдователей. Мы понимаемъ, почему д'Альи въ Констанцѣ не вступилъ въ сношенія съ Поджіо и его товарищами и почему итальянскіе гуманисты не обращали на него вниманія какъ на оратора и писателя [1]). Его ученикъ и другъ Жерсонъ въ молодые годы даже пробовалъ писать стихи и иногда упоминаетъ о своихъ произведеніяхъ въ проповѣдяхъ и рѣчахъ, какъ напр. объ одной буколикѣ, относившейся къ расколу. И Петрарка любилъ прибѣгать къ этой поэтической формѣ для такихъ же цѣлей [2]). Жерсонъ любитъ уснащать примѣрами и ссылками не богословскія свои сочиненія, а рѣчи и проповѣди. Д'Альи ссылается на Виргилія, Теренція, Горація, Стація, Цицерона, Сенеку, Цезаря, Саллюстія, Ливія, Светонія, Валерія Максима и другихъ писателей. Какъ ученый по профессіи, онъ давалъ мѣсто подобнымъ украшеніямъ только тогда, когда писалъ въ реторическомъ тонѣ. Слогъ его могъ счи-

1) Tschackert Peter von Ailly. Gotha 1877.

2) Въ своей рѣчи 1403 г. къ папѣ Бенедикту XIII Жерсонъ ссылается на стихи изъ своей буколики у Bulaeus Hist. univers. Paris. T. V p. 71.

таться въ наваррской коллегіи столь-же образцовымъ, какъ и его богословское образованіе, но на немъ мало замѣтно вліяніе древнихъ. Его латынь груба, испещрена галлицизмами и схоластическими выраженіями, нерѣдко темна и напыщенна. Но онъ былъ любезенъ съ молодыми учеными, которые усердно занимались стилистикою и реторикою, если только они ставили богословіе во главѣ всѣхъ наукъ. Это имѣло не малое значеніе для преуспѣянія университета, въ которомъ онъ занималъ мѣсто руководителя въ качествѣ канцлера капитула храма Богоматери. Д'Альи и Жерсонъ и въ другихъ отношеніяхъ сходились съ гуманистами ближе, чѣмъ они сами думали. И они вступали въ борьбу съ діалектикою старой школы, съ тою «искусственною тканью паука», распутываніе которой больше изощряло умъ для борьбы, чѣмъ вело къ истинѣ. Но гуманисты возвеличили ученіе стоиковъ, а парижскіе ученые стремились къ простому и глубокому пониманію св. Писанія и основъ христіанскаго ученія [1]).

Первый истинный гуманистъ во Франціи, у котораго искра итальянскихъ стремленій разгорѣлась яркимъ пламенемъ, былъ Жанъ де Монтрель [2]). И онъ—питомецъ парижскаго университета, но его образованіе шло независимо отъ двухъ великихъ богословскихъ свѣтилъ его. Онъ родился около 1355 г. и былъ только пятью годами моложе д'Альи, а старше Жерсона восемью годами. Своими наставниками Монтрель называетъ Пьера Мангака и Гонтье Коля, которые оба были поклонниками гуманныхъ наукъ, а послѣдній потомъ и королевскимъ секретаремъ вмѣстѣ съ нимъ. Неизвѣстно, изучалъ-ли онъ также богословіе и каноническое право; онъ достигъ иными путями духовныхъ мѣстъ и бенефицій. Монтрель никогда не имѣлъ также ученой степени и относился къ ней съ такимъ-же презрѣніемъ, какъ и итальянскіе модные ученые [3]). За то Монтрель вступилъ на то литературное поприще, которое было для него самымъ подходящимъ по его искусству въ слогѣ. Сначала онъ служилъ при папскомъ дворѣ, конечно, съ такимъ же нерасположеніемъ, какъ и Салютато [4]). Потомъ онъ сдѣлался пер-

---

1) Joh. Bapt. Schwab Johannes Gerson. Würzburg, 1858.

2) Johannis de Monsterolio praepositi Insulensis Epistolae selectae ap. Martene et Durand Vett. scriptt. et monum. ampl. collectio T. II. Parisiis 1724, p. 1311 seq. Къ сожалѣнію, здѣсь изъ римскаго кодекса сообщается всего 76 писемъ, тогда какъ въ полномъ собраніи ихъ больше 200. Самъ авторъ издавалъ ихъ по частямъ. Это доказываютъ epist. 72. 73. 74. Странно, что послѣ того изданія никто не оцѣнилъ литературныхъ заслугъ этого дѣятеля!

3) Такъ epist. 40 онъ хвалитъ одного монаха secundum cor meum, apprime litteris utilibus eruditum et, quod rarissimum est, sine cuiuspiam gradus titulo omni fere scien tiarum genere peritum.

4) Правда, это доказываетъ только его слова въ epist. 60: Qui Romana in curia non parvam dierum portionem consumpsi.

вымъ секретаремъ дофина, также герцоговъ бургундскаго и орлеанскаго, наконецъ канцлеромъ Карла VI, не оставляя побочныхъ должностей при принцахъ. Какъ канцлеръ, онъ писалъ наиболѣе важныя посланія къ папамъ и государямъ, которыя, какъ кажется, потомъ собралъ. Ему ввѣрялись политическія порученія, и онъ былъ вообще человѣкъ, пользовавшійся значеніемъ и вліяніемъ. Поэтому и Монтрель имѣлъ церковные доходы. Обыкновенно его называютъ лилльскимъ священникомъ; но въ силу папскаго разрѣшенія онъ могъ получать доходы изъ этого города не живя тамъ. Онъ имѣлъ разныя бенефиціи при соборахъ и церквахъ и легко находилъ средства увеличивать число ихъ и даже доставлять своимъ друзьямъ. Монтрель самъ говоритъ, что онъ пользуется обильными доходами и нѣсколькими жилищами. Одинъ завистливый недоброжелатель его, служившій секретаремъ у герцога Орлеанскаго, выставляетъ въ неблагопріятномъ свѣтѣ тѣ средства, которыми онъ достигъ такихъ богатствъ и роскошной жизни, и думаетъ, будто онъ домогается Богъ вѣсть какого высокаго положенія. Онъ изображаетъ Монтреля человѣкомъ высокомѣрнымъ, который желаетъ прослыть философомъ, поэтомъ и ораторомъ, передать свое имя потомству и проводитъ весело время съ бѣдными и ничтожными друзьями [1]). Но пышная и роскошная жизнь Монтреля кончилась печальною катастрофою. Въ іюнѣ 1418, когда войско герцога бургундскаго вторглось въ Парижъ, онъ былъ убитъ въ пылу смятенія. Ему было 62 года [2]).

Если такой человѣкъ выбралъ своими руководителями величайшихъ гуманистовъ Италіи, то подобный фактъ былъ тѣмъ знаменательнѣе, что въ этомъ отношеніи онъ былъ единственнымъ ученымъ среди своихъ французскихъ соотечественниковъ. Петрарка былъ для него «величайшимъ философомъ—моралистомъ». Онъ потратилъ два мѣсяца на то, чтобы сравнить свой экземпляръ сочиненія О средствахъ противъ горя и радостей съ нѣкоторыми другими съ перомъ въ рукахъ и исправить его. Монтрель былъ въ восторгѣ отъ той морали и житейской мудрости, отъ множества тѣхъ историческихъ повѣствованій, какія нашелъ въ немъ, и отъ его краснорѣчиваго слога. По его словамъ, его слѣдуетъ назвать зеркаломъ человѣческой жизни. Ученый охотно вѣрилъ, когда еще живые современники Петрарки сообщали, что послѣдній велъ жизнь по примѣру Іисуса Христа. Онъ столь же горячо желалъ имѣть и другія сочиненія Петрарки и, ставилъ ихъ наравнѣ съ лучшими произведеніями классиковъ. Но и Монтрель гнѣвался на Петрарку за тотъ отзывъ, будто внѣ Италіи не слѣдуетъ искать ораторовъ и поэтовъ [3]). По-

---

[1]) epist. 6. 75.
[2]) По глоссѣ на поляхъ въ римскомъ спискѣ его писемъ.
[3]) epist. 38. 64. 60.

нятно, что Боккачіо стоялъ отъ него дальше по своимъ возрѣніямъ, однако онъ мимоходомъ упоминаетъ и объ его сочиненіи О горахъ, рѣкахъ и т. д. [1]). Но непосредственнымъ образцомъ для Монтреля былъ Салютато, флорентинскій канцлеръ. Онъ никогда не видалъ его, но считалъ за счастье имѣть нѣкоторыя его сочиненія. Французскій ученый послалъ въ подарокъ ему и его женѣ прекрасныя произведенія французскаго искусства. Онъ убѣдительно просилъ канцлера позволить списать для него его письма изъ коихъ нѣкоторыя рано распространились по дальнимъ странамъ. Салютато обѣщалъ исполнить его желаніе, но съ условіемъ, что онъ не издастъ ихъ [2]). Чѣмъ Монтрель обязанъ былъ этимъ письмамъ, видно изъ его собственныхъ произведеній въ томъ же родѣ. Для него Салютато— отецъ латинскаго краснорѣчія [3]).

Въ 1412 г. Жанъ де Монтрель явился въ Римъ посломъ отъ своего короля къ папѣ Іоанну XXIII и пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ въ вѣчномъ городѣ. Тутъ онъ подружился съ Ліонардо Бруни, папскимъ секретаремъ, по рекомендаціи котораго могъ обратиться къ Никколи на возвратномъ пути, такъ какъ желалъ видѣть его великолѣпную библіотеку. Быть можетъ, это посѣщеніе повело къ тому, что Монтрель впослѣдствіи заказывалъ въ Италіи переписку книгъ, которыхъ, насколько онъ зналъ, не было ни у кого во Франціи [4]). Такимъ образомъ онъ былъ первымъ и, безъ сомнѣнія, на долгое время единственнымъ французскимъ ученымъ, который преодолѣлъ въ себѣ національное самомнѣніе и рѣшился учиться у заальпійскихъ сосѣдей.

Быть можетъ, многія изъ сочиненій Монтреля забыты или оставлены безъ вниманія. Въ юные годы онъ писалъ и на народномъ языкѣ, сочинялъ стихи, вѣроятно, остроумнаго или нескромнаго содержанія [5]). Мы имѣемъ только избранныя его письма къ друзьямъ. По силѣ краснорѣчія и реторики, онъ довольно близко подходитъ къ своему итальянскому образцу, особенно когда, подобно Салютато, пишетъ по вопросу о расколѣ или впадаетъ въ страстный и раздраженный

---

1) epist. 40.

2) Salutati epist 13 ed. Mehus, такъ же какъ epist. 75 въ числѣ писемъ Монтрѣля. Письмо—раньше 1396 г., когда умерла жена Салютато.

3) epist. 59.

4) Leon. Bruni epist. IV, 2 ed. Mehus къ Никколи: Cum Joanne praeposito Insulensi, qui aliquot menses apud nos fuit a rege Francorum legatus, viro humanissimo atque doctissimo et studiorum nostrorum ardentissimo magna mihi familiaritas est. Это то самое посольство, о которомъ упоминаютъ Joh. de Monst. ep. 64 c. Nic. de Clemangiis epist. 24. 25. О копіяхъ книгъ Joh. de Monst. epist. 66.

5) Epist. 45 онъ боится, что его станутъ порицать за эти nugae, levitas et scurritas in eo quad vulgari sermone editum est.

тонъ. Онъ могъ писать и легкимъ слогомъ. Иногда въ его письмахъ, какъ и въ письмахъ Петрарки, а впослѣдствіи Поджіо, Бруни и Пикколомини, встрѣчаются путевые очерки, написанные бойко, въ юмористическомъ тонѣ. Таково напр. его описаніе монастыря Шарлье близь Санли, или фландрскихъ и нѣмецкихъ городовъ, посѣщенныхъ имъ [1]). Во Франціи онъ первый рѣшился обращаться по классически въ единственномъ числѣ къ папамъ и государямъ.

По своимъ гуманистическимъ стремленіямъ королевскій канцлеръ вообще напоминаетъ Салютато во многихъ отношеніяхъ. Онъ охотно и часто цитируетъ классиковъ, на которыхъ воспитывался его умъ въ юности, изъ поэтовъ въ особенности Виргилія, котораго называетъ солнцемъ краснорѣчія и хвалитъ за глубокомысленную таинственность, и Теренція; а изъ прозаиковъ Саллюстія и Сенеку. Цицеронъ для Монтреля «высшій философъ», но онъ знаетъ также и нѣкоторыя рѣчи его; у него были и его письма. Канцлеръ желалъ имѣть и другія сочиненія римскаго оратора, которыя во Франціи трудно было найти въ одномъ мѣстѣ въ такомъ количествѣ, въ какомъ они были напр. у Петрарки [2]). Вообще ему извѣстны всѣ болѣе распространенные классики; конечно, во Франціи ихъ нельзя было найти въ такомъ изобиліи, какъ во Флоренціи.. Далѣе нельзя отрицать его усилій выработать болѣе чистый языкъ, хотя и у него проскальзывало еще много средневѣковыхъ словъ и формъ. Но онъ сожалѣлъ о томъ, что однажды употребилъ форму proximior вмѣсто propior (ближе: правильна только послѣдняя форма). Часто онъ, подобно Салютато, сомнѣвается въ орѳографіи, напр. правильно-ли написаны слова kaput, kalamus. Если Папіасъ Гугуціонъ и другіе компиляторы не давали ему отвѣта, то, разумѣется, обратиться за совѣтомъ было не къ кому, какъ во Флоренціи обращались къ Никколи [3]).

Если Жанъ де Монтрель былъ ярымъ патріотомъ, то въ этомъ не слѣдуетъ видѣть вліянія Салютато. Но это не обусловливалось и его положеніемъ, какъ канцлера. Въ немъ мы совсѣмъ не видимъ истиннаго придворнаго. Его таланты и богатство обезпечивали ему независимое положеніе. Конечно, должность привязывала канцлера ко двору, но онъ отзывался неблагосклонно о придворной жизни, подобно Петраркѣ, напротивъ любилъ мирную жизнь въ деревнѣ и уединеніе [4]). Но

---

1) epist. 40. 53.

2) epist. 19.

3) Въ epist. 65 производятся концы списка Цицероновыхъ сочиненій, въ которомъ помѣщены libri morales Tullii и нѣсколько рѣчей,

4) epist. 15. 69.

5) epist. 41. 62.

онъ гордился Франціею и любилъ ее. Монтрель хорошо зналъ ея исторію и является горячимъ поборникомъ галликанскихъ церковныхъ вольностей. Франція для него страна справедливости и единственный оплотъ вѣры [1]).

Особенной приверженности къ вѣрѣ у канцлера нѣтъ. Правда, онъ и не язычникъ; при томъ правовѣріи, какое господствовало при дворѣ и въ университетѣ, это повело-бы къ его паденію. Если его вызывали, то онъ говорилъ, конечно, о своихъ занятіяхъ Амвросіемъ, Іеронимомъ, Августиномъ и Григоріемъ. О схоластикахъ, разумѣется, Монтрель не упоминаетъ. Но ясно видно, что онъ больше обращалъ вниманія на «свѣтскихъ наставниковъ», чѣмъ на помянутыхъ отцовъ Церкви, что ему больше были по душѣ законы Ликурга, чѣмъ ученіе первыхъ. Это былъ вполнѣ міряяинъ какъ по жизни, такъ и по характеру ученыхъ занятій. Для такого человѣка въ Парижѣ, конечно, мало было пріятныхъ собесѣдниковъ. Монтрель былъ въ короткихъ отношеніяхъ только съ своимъ прежнимъ наставникомъ, Гонтье Колемъ, міряниномъ, имѣвшимъ жену и дѣтей, а въ особенности съ Николаемъ де Клеманжъ. Но и послѣдній съ лѣтами все болѣе прилѣплялся къ христіанству и богословію, уговаривалъ своего друга, любившаго наслаждаться жизнью, отречься отъ Аполлона и музъ, больше не пить изъ Геликона (!) и не подниматься на Парнасъ, оставить «преступныя языческія заблужденія», а также свои обычныя шутки и разсказы и посвятить по крайней мѣрѣ остатокъ своихъ дней чтенію св. Писанія и служенію Богу [2]). Гуманистъ этотъ былъ одинокимъ явленіемъ на своей родинѣ, въ Сорбоннѣ, тогда какъ во всякомъ большомъ итальянскомъ городѣ нашелъ бы въ то время людей, родственныхъ себѣ по духу.

Николай де Клеманжъ родился около 1360 г. въ деревнѣ того же имени въ Шампани [3]). Двѣнадцати лѣтъ онъ уже оставилъ родину и поступилъ въ бурсу наваррской коллегіи, чтобы пройти учебный курсъ начиная съ грамматики. Д'Альи и Жерсонъ были одинъ послѣ другаго начальниками этой коллегіи и дали ей своеобразное направленіе, которое усвоилъ себѣ и Клеманжъ. Онъ прямо говоритъ, что ни-

---

[1]) Epist. 19 къ папѣ Бенедикту XIII § 7: Franciae regnum insititae basis est et columen ac unicum fidei stabilimentum.

[2]) Joh. qe Monst. epist. 43. 60. Nic. de Clemangiis epist. 10. 19. 92.

[3]) Nicolai de Clemangiis Opera omnia ed. Lydius Lugduni Batav. 1613. Всѣхъ Epistolae, къ сожалѣнію, и здѣсь не помѣченныхъ числами, а только мѣстами, гдѣ писались, въ этомъ изданіи –137. Кромѣ того есть отъ 12 до 15 посланій, написанныхъ отъ имени парижскаго университета. Новое изданія, приготовляемое Гомэ, еще выходило. Полезна біографія Адольфа Мюнтца Nicolas de Clémanges. Sa vie ses écrits. Thèse etc. Strasbourg 1846. Здѣсь разсмотрѣны письма Жана де Монтрёль, котораго авторъ ошибочно называетъ Monstrelet.

когда не былъ въ Болоньѣ, какъ думали при авиньонскомъ дворѣ, и вообще не посѣщалъ Италіи. Только Парижъ и его университетъ воспитали его. Клеманжъ прошелъ тутъ тривіумъ и квадривіумъ либеральныхъ наукъ и былъ въ апрѣлѣ сдѣланъ кандидатомъ факультета искусствъ, чѣмъ обусловливалось право преподаванія, потомъ магистромъ. Въ маѣ 1381 г. онъ началъ читать лекціи [1]). Въ это-то время онъ и преподавалъ реторику по Цицерону, а по временамъ и старинную реторику по Аристотелю, и вѣроятно, также объяснялъ поэтовъ, напр. Виргилія и Теренція [2]). Въ то время онъ преимущественно любилъ гуманистическія занятія, чтеніе поэтовъ, обработку слога и реторику. Подобною склонностью онъ не былъ обязанъ вліянію наставниковъ; сомнительно даже, былъ ли онъ въ то время знакомъ съ старшими современниками, которые занимались этими отраслями и были самыми близкими его друзьями. Таковы Жанъ де Монтрель и Гонтье де Коль. Самъ онъ говоритъ, что его наставникомъ было постоянное и внимательное чтеніе краснорѣчивыхъ древнихъ писателей, неутомимое упражненіе и «природныя умственныя способности [3])». Онъ прибавляетъ, что главнымъ образомъ изучалъ Цицерона и Квинтиліана, но долженъ сказать, что въ отношеніи краснорѣчія ему принесли больше пользы рѣчи Цицерона, чѣмъ его теоретическія сочиненія. И тутъ мы видимъ на примѣрѣ, что для людей даровитыхъ лучшими наставниками были сами древніе.

Съ 1386 г. Николай де Клеманжъ началъ изучать богословіе подъ руководствомъ д'Альи въ той же коллегіи и черезъ пять лѣтъ получилъ дипломъ баккалавра. Степени доктора богословія онъ не получилъ. Это была однако цвѣтущая пора его жизни. Въ 1393 г. его избрали ректоромъ университета. Николай, какъ отличный стилистъ, долго сочинялъ для него памятныя записки и извлеченія, и онъ являлся значительною силою во время еретическихъ волненій, также при рѣшеніи вопросовъ церковныхъ и богословскихъ [4]). Однако его значеніе въ университетѣ основывалось не на богословскихъ свѣдѣніяхъ. Тутъ его слава блѣднѣла передъ величіемъ д'Альи и Жерсона, потому что послѣдніе были въ то же время и канонистами. Бого-

---

1) Bulacus Hist. Univ. Paris T. IV p. 976.

2) Epist. 4. 5.

3) Epist. 4: Studium, usum, exercitium, assiduam attentamque lectionem auctorum eloquentium, cum aliqua forte ingenii aptitudine—pronitas quaedum ingenii et mira supra modum delectatio, quaè meum vefementius animum ad illa studia impellebat, imo rapiebat, atque ab aliis multis studiis non placitis, abducebat. cf. epist. 66.

4) Epist. 42.

словская ученость Клеманжа почти не шла дальше обширнаго, но дилеттантскаго знакомства съ св. Писаніемъ. Это, пожалуй, было направленіе благотворное, но не научное. Его значеніе въ сущности основывалось на его писательскомъ талантѣ и на его моралистическомъ образованіи, которымъ онъ обязанъ былъ древности и св. Писанію.

Жизнь профессора въ то время была сама по себѣ не блестящая. и этотъ классъ людей въ особенности сильно домогался церковныхъ бенефицій. Поэтому Николай сталъ искать должности секретаря при папскомъ дворѣ, т. е. при авиньонскомъ. Папа Бенедиктъ XIII, возведенный на престолъ въ 1394 г., былъ мужъ ученый и ревностный собиратель рѣдкихъ книгъ, не исключая и классическихъ. Николай тотчасъ же отправилъ къ первосвященнику два посланія, обращаясь къ нему въ единственномъ числѣ, какъ къ поклоннику Цицерона, убѣждалъ его искоренить расколъ и рекомендовалъ своего доброжелателя д'Альи, какъ перваго совѣтника по дѣламъ церкви. Правда, Николай не былъ особенно склоненъ къ канцелярской работѣ, но все таки могъ отличиться своими талантами. Кардиналъ Галеотто де Пьетрамала обратилъ на него вниманіе. Это былъ поклонникъ гуманныхъ наукъ, который самъ желалъ прославиться краснорѣчіемъ. Онъ выразилъ свое удивленіе, что французъ могъ достичь такихъ успѣховъ въ реторикѣ и піитикѣ, которыя считалъ господствующими только въ Италіи. Но Николай такъ отличился въ двухъ письмахъ какъ ораторъ и поэтъ, что его пригласили къ римскому двору. Кардиналъ принялъ его съ изысканною любезностью, показалъ ему свою библіотеку, предложилъ пользоваться ею и представилъ папѣ и другимъ кардиналамъ. Когда кардиналъ умеръ въ Вьеннѣ, то Клеманжъ написалъ въ честь его эпитафію элегическимъ размѣромъ. Вѣроятно, онъ пробылъ въ Авиньонѣ больше десяти лѣтъ и былъ, насколько мы знаемъ, первый папскій секретарь, обладавшій гуманистическимъ образованіемъ. Въ то время онъ получилъ должность каноника при лангрскомъ соборѣ. Пока Франція признавала папу, для парижскаго профессора нимало не было предосудительно служить ему. Но когда скопилась гроза надъ головою папы и собрался соборъ въ Пизѣ, то положеніе его стало затруднительнымъ. Николая обвиняли даже въ томъ, будто бы онъ въ 1407 г. составилъ отлучительную буллу противъ короля и королевства, обнародованную папою Бенедиктомъ. Клеманжъ отрицалъ это, утверждая, что онъ уже за три мѣсяца передъ тѣмъ оставилъ курію, такъ что когда появилась булла, онъ жилъ въ Генуѣ. Онъ горько жаловался на своихъ соотечественниковъ, которые клевещутъ на человѣка, пробудившаго во Франціи давно умолкнувшее краснорѣчіе и довелъ его до цвѣтущаго состоянія. Но онъ

все таки остался подъ подозрѣніемъ и на первое время не могъ явиться въ Парижъ [1]).

Цѣлые годы Клеманжу приходилось упражняться въ невольной созерцательной жизни, сначала въ Лангрѣ, потомъ у картезіанцевъ въ Вальпрофонѣ и Фонтэнѣ-дю-Бо. Матеріальной нужды онъ не терпѣлъ, потому что у него были бенефиціи. Кромѣ канониката въ Лангрѣ, другъ его Жанъ де Монтрель доставилъ ему другой въ Лиллѣ и должность кантора въ Банэ; когда онъ получилъ въ послѣднемъ городѣ мѣсто каноника, то долженъ былъ отказаться отъ лангрскаго. Жанъ старался снова увлечь его въ Парижъ, гдѣ онъ могъ поступить секретаремъ ко двору или къ какому нибудь принцу. Но Николай не желалъ этого; онъ не хотѣлъ унижаться до употребленія народнаго языка и боялся, по его словамъ, что утратитъ краснорѣчіе. Онъ опасался также, что въ Парижѣ навлечетъ на себя новыя непріятности. Клеманжъ не хотѣлъ снова поступать и на службу при римскомъ дворѣ, не смотря на приглашенія, но предпочиталъ сосредоточенную жизнь въ уединеніи. Онъ намѣревался заняться въ Лангрѣ изученіемъ св. Писанія, посвятивши столько лѣтъ чтенію поэтовъ и ораторовъ. Теперь Клеманжъ, подобно Петраркѣ, ратовалъ противъ жизни въ городѣ и хвалилъ свое уединеніе; но кардиналъ д'Альи полагалъ, что онъ шутитъ. Впрочемъ Николай искалъ не монастырскаго уединенія, а находилъ столь же плодотворнымъ уединеніе «въ собственной душѣ». Однако онъ наконецъ опять воротился въ Парижъ и снова началъ читать лекціи краснорѣчія и богословія. Неизвѣстно, въ которомъ году онъ умеръ, но въ 1440 г. о немъ говорится уже какъ о покойникѣ [2]).

И его сочиненія извѣстны далеко не всѣ, а въ особенности желательно бы найдти въ парижскихъ сборникахъ нѣкоторыя поэтическія произведенія его юныхъ лѣтъ. Его искусство писать латинскіе стихи заставляетъ предполагать, что онъ много упражнялся въ этомъ родѣ. Почти все, что у насъ есть, относится къ тому времени, когда Клеманжъ посвящалъ свой талантъ только церковнымъ и религіознымъ сюжетамъ. Но онъ непренебрегалъ потомъ и сюжетами другаго рода. Это показываетъ намъ его новелла на латинскомъ языкѣ, которая начинается похищеніемъ и кончается вопросомъ: если женщина убьетъ себя для спасенія своей чести, будетъ-ли это смертнымъ грѣхомъ? Этотъ сюжетъ, внушенный повѣствованіемъ Ливія о Лукреціи, былъ

---

1) Epist. 2. 13. 4. 5. 12. 14. 42. 45. 46.

2) Epist. 14. 19. 28. 104. Сочиненіе De fructu eremi, адресованное къ Д'Альи, въ Opp. p. 121 seq. Müntz. p. 17.

обработанъ въ Италіи Джіованни да Равенна и Салютато, и въ немъ легко можно указать на противорѣчіе языческихъ понятій съ христіанскими. Питомецъ наваррской коллегіи однако не отваживается выразить своего тайнаго удивленія Лукреціи. Онъ не хочетъ хвалить ея поступка, а только «снисходительно извиняетъ его». Но авторъ поставилъ свою Цивидисъ выше римлянки, потому что она не допустила оскорбленія, а предупредила его. Онъ полагаетъ также, что она незадолго передъ смертью раскаялась въ самоубійствѣ и Богъ простилъ ее [1]).

Эта новелла, конечно, возникшая не безъ вліянія новеллы Джіованни да Равенна и нравственныхъ трактатовъ Салютато, служитъ единственнымъ доказательствомъ знакомства Клеманжа съ гуманистическою литературою Италіи. Онъ даже какъ бы умышленно отрицалъ ее. Какъ могъ Николай равнодушно относиться къ Петраркѣ, которому поклонялся другъ его Жанъ де Монтрель! Онъ знаетъ его, но никогда не ссылается на его сочиненія и не хвалитъ ихъ; только разъ вооружается французскій ученый противъ одного его мнѣнія, что внѣ Италіи нельзя искать ораторовъ и поэтовъ. «Италія, говоритъ Клеманжъ, тоже не можетъ указать на другаго поэта и оратора кромѣ Петрарки [2])». По видимому, французская національная гордость помѣшала ему признать первенство Италіи въ дѣлѣ новаго искусства.

Изъ другихъ сочиненій Клеманжа всего больше читались его церковно-политическіе и чисто-политическіе трактаты. Подобно парижскому университету и своимъ прямымъ образцамъ, д'Альи и Жерсону, и онъ постоянно чувствовалъ стремленіе высказаться по животрепещущимъ вопросамъ церкви и государства. Расколъ и испорченность церкви во главѣ и членахъ [3]), бури, не смолкавшія до самаго открытія константцскаго собора и потрясавшія церковную организацію, давали обильный матеріалъ для рѣчей моралисту и богослову, который съ высоты своего нравственнаго величія издавалъ жалобные вопли и увѣщанія. Какъ опытный публицистъ, онъ изображалъ Францію подъ видомъ больнаго организма, просилъ помощи для поруганнаго правосудія и описывалъ ужасы междоусобныхъ войнъ, но не могъ ни-

[1]) Historia de raptoris raptaeque virginis lamentabili exetur, приписанная издателемъ въ Praefatio прямо Николаю де Клемандесъ, у Hommey Supplementum Patrum, Paris. 1866, p. 508 seq.

[2]) Epist. 5, при чемъ слѣдуетъ замѣтить, что онъ заимствуетъ это положеніе Петрарки изъ письма кардинала Пьетрамала, чтобы опровергнуть его.

[3]) Я полагаю, вопреки Мюнцу, что и De corrupto ecclesiae statu liber принадлежитъ Клеманжу, что я по мнѣнію моему доказалъ въ Enea Silvio Bd. I s. 194. Въ то время въ парижскомъ университетѣ никто не владѣлъ тѣмъ слогомъ.

чѣмъ пособить отечеству кромѣ «жалобъ и тяжелыхъ сѣтованій [1])». Такъ и Петрарка, когда предпріятіе Колы рушилось, не могъ ничего дать Италіи кромѣ «слезъ [2])».

И письма Клеманжа по формѣ изложенія нерѣдко приближаются къ трактатамъ. Появленіемъ ихъ мы обязаны тѣмъ обстоятельствамъ его жизни, которыя разлучили его съ родиною, съ д'Альи, Жерсономъ, Жаномъ де Монтрель и Гонтье де Колемъ. Кромѣ нихъ у него почти не было близкихъ людей, которые могли бы оцѣнить его эпистолярный слогъ, выработанный на сочиненіяхъ Цицерона. Подобно своему другу Жану, и онъ нерѣдко вставляетъ въ свои письма картины природы и описанія городовъ; у него есть напр. наглядное изображеніе Ниццы, которую онъ посѣщалъ въ свободное время отъ должностныхъ занятій при римскомъ дворѣ [3]).

Николай Клеманжъ основательно подготовился къ изученію гуманныхъ наукъ. Изъ классическихъ сочиненій онъ зналъ и нѣкоторыя рѣдкія, которыхъ долго не было въ Италіи, изъ поэтовъ Персія, изъ прозаиковъ письма Цицерона къ друзьямъ, которыя въ Италіи первый читалъ Салютато, тогда какъ во Франціи они, по видимому, были не особенно рѣдки; сочиненіе Цицерона Объ ораторѣ, которое получено было въ Италіи въ исправномъ видѣ только въ 1422 г., а въ числѣ разныхъ рѣчей Цицерона и рѣчь за поэта Архія, которую Петрарка нашелъ въ Люттихѣ какъ нѣчто новое. Квинтиліанъ былъ знакомъ ему, хотя мы не знаемъ, въ полномъ ли видѣ или въ искаженномъ, какой былъ въ Италіи раньше находки Поджіо. Письма Плинія младшаго были у его друга Коля. Но какъ ни любитъ онъ ссылаться на классиковъ, приводя рядомъ мѣста изъ св. Писанія, все это служитъ для него лишь украшеніемъ. Онъ не вполнѣ усвоилъ себѣ античный духъ, если не принимать за плодъ его классическихъ изученій освобожденіе отъ астрологическихъ суевѣрій и другихъ призраковъ. Клеманжъ собственно научился у древнихъ только лучшему латинскому языку и болѣе возвышенному слогу. Во всѣхъ его сочиненіяхъ встрѣчается множество схоластическихъ выраженій и варваризмовъ [4]), и онъ не могъ дойти до легкаго и остроумнаго изложенія итальянцевъ.

---

1) Epist. 63 къ Жерсону.

2) Трактаты, на которые я ссылаюсь здѣсь, есть въ Opp. Самъ Николай просмотрѣлъ эти libelli и tractatuli и приготовилъ къ изданію; это видно изъ epist. 109. Къ публицистикѣ не относятся разсужденія De fructu eremi (Opp. p. 121 seq., причемъ вовсе не упоминается о знаменитомъ сочиненіи Петрарки) и De Studio theologico у D'Achery Specileg. T. I ed. nov. p. 472.

3) Epist. 39.

4) Издатель Лидіусъ собралъ ихъ въ Glossarium latinobarbarum.

Но природной способности къ реторикѣ, въ связи съ классическими вліяніями, было достаточно, чтобы обратить на него вниманіе кардинала Пьетрамалы и напомнить ему объ итальянской школѣ. Николай долго и прилежно изучалъ краснорѣчіе. Онъ знаетъ также, что «высшая задача искусства состоитъ въ томъ, чтобы скрыть искусство, потому что чѣмъ сильнѣе оно обнаруживается, тѣмъ больше убѣжденіе теряетъ свою силу». Но онъ все таки впадаетъ въ многословіе, въ изысканный тонъ проповѣдника и въ высокопарность восточнаго краснорѣчія. Чѣмъ больше читаемъ его сочиненія, тѣмъ болѣе является онъ самодовольнымъ, многословнымъ, часто болтливымъ фразеромъ.

По мѣрѣ того, какъ Клеманжъ близился къ старости, онъ все рѣшительнѣе удалялся отъ свободной и живой манеры изложенія своего друга Жана де Монтрель. Хотя послѣдній былъ не мірянинъ, но велъ себя какъ мірянинъ, не смотря на свои бенефиціи. Въ Клеманжѣ выступилъ на первый планъ баккалавръ богословія, и д'Альи и Жерсонъ снова стали его идеалами, такъ какъ они выдавали и классическія занятія лишь за умственныя упражненія юныхъ лѣтъ [1]). Клеманжъ хочетъ посвятить свой литературный талантъ и всѣ свои способности на служеніе религіи и церкви, ссылается только на св. Писаніе, рѣдко даже на отцовъ Церкви, а на классическую мудрость смотритъ такъ же, какъ и Жерсонъ. Онъ уже не восторгается поэтами и приводитъ ихъ изреченія лишь въ видѣ нравственныхъ правилъ [2]). Николай заботится въ рѣчи не о красивыхъ выраженіяхъ, а о серьезныхъ и плодотворныхъ мысляхъ и желаетъ всецѣло посвятить себя изученію св. Писанія. Если краснорѣчіе, по его словамъ, стремится къ ничтожному блеску, то оно уже не краснорѣчіе, а пустая шумиха словъ [3]). Онъ съ пренебреженіемъ относится къ тѣмъ долгимъ годамъ своей жизни, которые онъ нѣкогда посвятилъ изученію языческихъ писателей, и ищетъ спасенія только въ изслѣдованіи Писанія и священныхъ наставниковъ, объяснившихъ его. Какъ гуманистъ рядомъ съ Жаномъ де Монтрель и какъ богословъ рядомъ съ Жерсономъ Клеманжъ занимаетъ лишь второе мѣсто.

Великая заслуга этихъ богослововъ состоитъ въ томъ, что они указывали, какъ на источникъ познанія вѣры, на св. Писаніе и исключительно на св. Писаніе. Но весьма замѣчательно, что ни одинъ изъ нихъ никогда не думалъ о первоначальныхъ языкахъ Писанія и не

---

1) О Жерсонѣ онъ говоритъ epist. 32: Ille praesertim inter caeteros praeceptor meus, pio animarum zelo magnopere accensus, caelestisque itineris dux atque praemonstrator optimus.

2) Такъ онъ пишетъ въ epist. 19 къ Жану де Монтрёль: Satis diu ego et tu fabulis, dum aetas iunior ferebat, indulsimus.

3) Epist. 10 къ нему же. Ср. также мѣсто въ Disputatio (Opp. p. 79).

выражалъ желанія познакомиться по крайней мѣрѣ съ греческимъ языкомъ. Это объясняется лишь преданіемъ парижскаго университета, подъ обаяніемъ котораго всѣ они находились, и гордымъ нежеланіемъ вступать въ союзъ съ направленіемъ, вновь пробудившимся въ Италіи. Даже у людей, у которыхъ обнаружились гуманистческія стремленія, не пробуждалось воспоминаній о древней Элладѣ. Постановленіе вьенскаго собора (1311 г.), въ силу котораго въ университеты парижскій, болонскій, оксфордскій и саламанкскій должны быть приглашены по два наставника для языковъ еврейскаго и греческаго, насколько мы знаемъ, не было приведено въ исполненіе. Только въ 1430 г. французская нація назначила въ Парижѣ жалованье нѣкоторымъ наставникамъ, преподававшимъ языки греческій и еврейскій [1]). Слѣдовательно, это дѣлалось для пользы богословія. Но только въ 1455 г. былъ приглашенъ читать лекціи греческаго языка и реторики гуманистъ, бывшій въ Греціи, Грегоріо да Читта ди Кастелло, съ жалованьемъ во 100 талеровъ.

Но здѣсь мы намѣревались обозрѣть только раннюю эпоху возрожденія во Франціи. Сѣмена, брошенныя ею, не могли пропасть даромъ, но дѣятельность ея въ сущности снова началась гораздо позднѣе. Это объясняется политическими судьбами страны, которыя надолго парализовали умственную жизнь.

Нельзя ожидать, чтобы на иберійскомъ полуостровѣ древность или итальянскіе провозвѣстники ея скорѣе нашли своихъ поклонниковъ, чѣмъ въ другихъ странахъ латинскаго цивилизованнаго міра. Но въ этой семьѣ испанскіе народы не особенно отстали отъ другихъ въ дѣлѣ національной и церковной литературы. Боккачіо называетъ ихъ полуодичавшими варварами, но это съ его стороны кичливое невѣжество [2]); такъ думали въ сущности итальянцы обо всѣхъ отдаленныхъ народахъ. Королевскіе дворы въ Испаніи, университеты, духовенство обнаруживаютъ такую же умственную жизнь, какую мы встрѣчаемъ напр. въ Англіи. Насъ бы не удивило, если бы въ Испаніи явились люди, которые бы выражали восторженное поклоненіе древности или Петраркѣ. Но эта область литературы покрыта мракомъ неизвѣстности, или мы не съумѣли, быть можетъ, открыть слѣдовъ ея. Поэтому мы должны здѣсь ограничиться сопоставленіемъ тѣхъ извѣстій, которыя обнаруживаютъ вліяніе Италіи на сочувствіе къ древности, ея писателямъ и поклонникамъ.

---

[1]) Ut posseut per eosdem in universitate Parisiensi illa idiomata pateferi, говорится въ постановленіи у Bullacus Hist. univ. Paris. T. V. p. 393.

[2]) Lettere ed. Corrazini p. 393: Hispani Semibarbari et efferati homines.

До сихъ поръ нѣтъ никакихъ свидѣтельствъ въ пользу того, что сочиненія Петрарки читались въ Испаніи, или что они по крайней мѣрѣ были извѣстны тамъ. Среди множества почитателей великаго человѣка, которые знали его и которыхъ онъ награждалъ своею дружбою, мы не встрѣчаемъ ни одного испанца. Только во времена Поджіо и послѣ великихъ соборовъ, сблизившихъ между собою ученыхъ разныхъ національностей, мы узнаемъ объ одномъ образованномъ испанцѣ, Фернардо дель Діасѣ, который велѣлъ списать для себя въ Испаніи письма Поджіо, читалъ ихъ съ великимъ наслажденіемъ, горячо желая получить письмо отъ самаго автора. Послѣдній исполнилъ его желаніе и назвалъ испанца человѣкомъ, любящимъ гуманистическія занятія [1]. Потомъ хвалятъ Хуана II, короля Кастиліи и Леона, какъ особаго приверженца учености, и хвалитъ не одинъ Гвинифорте Барзицца, который, очевидно, желалъ поступить къ нему на службу [2]. Въ 1440 г. Пьеръ Кандидо Дечембріо посвятилъ ему шесть книгъ Иліады, переведенныя на латинскій языкъ прозою, къ которымъ онъ приложилъ жизнь Гомера [3]. И король съ удовольствіемъ читалъ сочиненія Поджіо, а послѣдній, узнавши объ этомъ, тотчасъ же послалъ ему свои новѣйшія произведенія и внушалъ далекому меценату уваженіе къ гуманнымъ наукамъ и писателямъ-гуманистамъ [4].—Само собою понятно, что король Аррагонскій Альфонсъ впервые почувствовалъ любовь къ наукамъ и усвоилъ духъ меценатства не въ Неаполѣ. Еще въ Барселонѣ въ 1432 г. онъ принялъ къ себѣ молодаго Гвинифорте Барзицца въ качествѣ исторіографа. Еще въ Испаніи епископъ Сарагосскій, Далмацій де Муро, былъ его великимъ канцлеромъ. Во время Констанцскаго собора Поджіо оцѣнилъ его искреннюю любовь ко всѣмъ наукамъ, и онъ всегда считался доброжелателемъ и другомъ ученыхъ [5].

Также и изъ Португаліи нѣкто Веласкесъ обратился къ Поджіо съ просьбою о краткомъ наставленіи, какъ можно научиться краснорѣчію. Ему рекомендовали изучать Цицерона и Квинтиліана [6]. Замѣчательно, что въ этихъ странахъ легкій и игриво-нескромный языкъ Поджіо встрѣтилъ несравненно больше сочувствія, чѣмъ напр. во Франціи. Потомъ въ вѣкъ великихъ морскихъ путешествій, открытій и борьбы съ африканскими варварами итальянскіе гуманисты

---

[1]) Poggius epist. VI, 6 ed. Tonelli отъ 30 октября (1436 г.).
[2]) Guinif. Barzizzii Oratt. et Epistt. p. 92.
[3]) См. выше стр. 170.
[4]) Poggius epist. XI, 9 къ королю.
[5]) См. томъ I стр. 449. Poggius epist. IV, 14. IX, 19.
[6]) Poggius epist. VI, 4.

обратили вниманіе на далекій западъ. При римскомъ дворѣ съ напряженіемъ слѣдили за отважными экспедиціями и войнами, отличавшимися жаждою приключеній. И на этотъ разъ тотъ же Поджіо восхвалялъ высокое геройство Генриха, знаменитаго, инфанта съ какимъ онъ проникъ «до самыхъ отдаленныхъ береговъ океана», дальше, чѣмъ кто либо изъ древнихъ [1]). Въ 1459 г. португальскій посолъ въ Римѣ во время бесѣды по этому поводу съ учеными слышалъ нѣсколько разъ о желаніи прочесть диковинныя извѣстія «объ Африкѣ и Маврахъ» въ хорошемъ изложеніи. Старый Флавіо Бьондо хотѣлъ принять этотъ трудъ на себя и желалъ получить отъ двора Альфонса V матеріалъ въ безъискусственномъ изложеніи. Но славныя дѣла надѣялись передать потомству въ самой Португаліи [2]).

---

[1]) Poggius epist. IX, 35 отъ 1448 или 1449 г.

[2]) Письма Бьондо къ королю Альфонсу отъ 1 марта 1459 г. и къ послу Iohannes Fernandi отъ 30 января 1461 г. въ Соф. ms. F. 66 королевск. публичн. библ. въ Дрезденѣ fol. 113. 114.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

Стремленія и заслуги гуманистовъ.

Бываютъ умственныя движенія, совершающіяся въ извѣстный періодъ времени или ограниченныя извѣстнымъ пространствомъ. Но бываютъ и такія, которыя не опредѣляются этими условіями и, насколько простирается нашъ взоръ, дѣйствуютъ какъ бы на безграничномъ пространствѣ. Они то вызываютъ выдающіяся явленія, то распроняются путемъ незамѣтной пропаганды и все болѣе и болѣе охватываютъ человѣчество крѣпкими узами. Плоды ихъ въ то же время становятся достояніемъ общаго человѣческаго образованія, историческаго человѣчества. Поэтому мы можемъ сказать, что съ эпохою Николая V и распространеніемъ книгопечатанія классическая древность, давно забытая, становится снова прочнымъ наслѣдіемъ, котораго не можетъ уже погубить никакое варварство. Даже когда Италія впала въ хаотическій безпорядокъ, какъ предсказывали нѣкоторые пессимисты, уже успѣлъ подуть вѣтеръ, который разнесъ сѣмена ея гуманистическаго образованія по другимъ странамъ, и это упрочило его дальнѣйшее существованіе. Поэтому мы полагаемъ, что можемъ заключить нашъ обзоръ этою эпохою.

Разнообразныя личности и группы ихъ то обособляются, то являются передъ нами въ разныхъ сочетаніяхъ. Если мы до сихъ поръ охотно присматривались къ особенностямъ гуманистическихъ движеній въ частности, то теперь постараемся опредѣлить общее направленіе. Если мы до сихъ поръ знакомились преимущественно съ тогдашними гуманистами, то теперь намъ приходится анализировать самый гуманизмъ, идеи котораго воодушевляли всѣхъ ихъ.

Мы встрѣчали въ разныхъ странахъ людей, которые интересовались изученіемъ древности и увлекались формальными тонкостями итальянскаго гуманизма. Но они смотрѣли на изученіе его не какъ на

призваніе жизни и не посвящали ему себя всецѣло, они лишь пришли въ соприкосновеніе съ гуманизмомъ и получили отъ него извѣстную окраску. Истинные гуманисты, общій типъ этого класса людей, гуманистическое сословіе съ извѣстными формами общественнаго быта въ то время, которое мы изучаемъ, были только въ Италіи. Когда ключи св. Петра уже перенесены были за Альпы и народы стремились освободиться отъ единства іерархическихъ узъ, когда духовное владычество надъ міромъ продолжало существовать лишь какъ эхо, тогда Италія, не смотря на это, является еще разъ передовою страною въ дѣлѣ умственной жизни, обладая наслѣдіемъ тѣхъ временъ, когда ея императоры повелѣвали цѣлому міру. Она нашла доступъ къ древности, открыла новый міръ въ мірѣ древнемъ, изслѣдовала его и могла предстать передъ другими народами съ сознаніемъ мудрой наставницы. Что удивительнаго, если для вождей этого новаго образованія Италія все еще «представляется главою Европы и имперіи», «царицею провинцій» и «наставницею народовъ», если они говорятъ о древнихъ римлянахъ какъ о «нашихъ предкахъ», если все это значительно усиливаетъ ихъ гордость передъ «заальпійскими варварами». Петрарка видѣлъ Парижъ, Фландрію съ ея кипучею промышленною дѣятельностію и часть Германіи; во Франціи варварство являлось передъ нимъ еще въ самой мягкой формѣ, но чѣмъ больше онъ путешествуетъ, по его словамъ, тѣмъ болѣе удивляется своей родинѣ Италіи. Какъ только онъ подумаетъ о Сѣверѣ, то сейчасъ же приходитъ на умъ сравненіе съ варварами Скиѳами. А Италія, раздробленная на множество частей, по своему высшему образованію и воспоминаніямъ о священной древности снова представляется ему цѣльнымъ организмомъ, общимъ отечествомъ, врагамъ котораго онъ можетъ противопоставить только жалобы, озлобленіе и память о Маріи и Цезарѣ [1]). Какой другой народъ можетъ помѣряться съ итальянцами богатствомъ талантовъ! То, что совершили чужестранцы, или было уже осуществлено въ Италіи, или изучено ими въ этой странѣ. Вѣдь въ ней хранится основа всякаго образованія, латинскій языкъ; поэтому и умственное развитіе и истинная нравственность есть только въ Италіи [2]).

Мы вспоминаемъ изъ прежняго обзора многія рѣзкія выраженія противъ кичливыхъ и вѣтренныхъ грековъ, прожорливыхъ англичанъ, пьяныхъ нѣмцевъ. Такъ высказывалась насмѣшливость и гордость итальянцевъ. Но они говорятъ высокомѣрнымъ тономъ, какъ бы въ упоеніи своего величія. Такъ какъ они черпали свое краснорѣчіе изъ древняго источ-

[1]) Petrarca epist. rer. famil. VII, 1. XIX, 4.

[2]) Petrarca epist. rer. senil. IX, 1. (Opp. p. 937); Apologia c. cuiusd. Galli calumnias (Opp. p. 1179 seq.); epist. metr. III, 24, гимнъ, посвященный имъ своему итальянскому отечеству при возвращеніи изъ Франціи.

ника императорской эпохи и даже доходили въ своемъ краснорѣчіи до крайности, то ораторамъ часто казалось, что снова должны возвратиться и сила и могущество прежнихъ временъ; и Италія опять будетъ повелѣвать міру. И если современная имъ эпоха не представляла ничего подобнаго, то они надѣялись на будущее. Тогда государи, воспитанные ими и проникнутые высокимъ духомъ древности, создадутъ новый героическій вѣкъ. О если бы они, подобно намъ, могли въ началѣ вѣка видѣть конецъ его! Въ половинѣ его было сокрушено могущество Византіи, греческаго Рима, и древняя Эллада, къ стыду христіанскихъ народовъ, должна была томиться подъ игомъ варваровъ. Къ концу вѣка Италія утратила и послѣднее обаяніе своего могущества, также большею частію свою національную свободу. Ею овладѣли народы, которыхъ она не могла уже назвать варварами. Она не противопоставила этимъ чужеземцамъ той «древней доблести», которую воспѣвалъ Петрарка въ канцонѣ Italia mia. Однако, именно во времена упадка нерѣдко среди націи преобладаетъ грустное воспоминаніе объ ея славномъ прошедшемъ, мечтательная любовь къ отечеству, которое въ своемъ безсиліи взываетъ къ доблести и боевому мужеству предковъ. Когда слабость Италіи манила за Альпы уже чужеземныя войска, то населеніе ея въ своей ребяческой гордости нарядилось въ костюмы и маски древнихъ римскихъ героевъ.

Національной гордости соотвѣтствовало личное самомнѣніе тѣхъ людей, которые смотрѣли на себя какъ на воскресителей славнаго прошлаго, какъ на свѣтила своего времени и на пророковъ будущаго. Мы говорили выше о безграничной надменности Петрарки, указывали нравственную точку зрѣнія на него и признали это свойство такимъ феноменомъ, который почти нераздѣльно связанъ съ его личностью. Послѣдователи Петрарки усвоили лишь небольшую долю того, что у него вытекало изъ сокровеннаго источника, при таинственной борьбѣ собственныхъ стремленій, и играли этимъ какъ мыльными пузырями. Его пылкое желаніе славы у нихъ никогда не было глубоко разъѣдающимъ и мучительнымъ чувствомъ; поэтому у нихъ обнаруживалось лишь мелкое тщеславіе и самообольщеніе. Жизнь и литературная дѣятельность, которыя онъ хотѣлъ привести въ гармонію, у нихъ все болѣе и болѣе разногласили между собою. Правило «познай самого себя», служившее для него источникомъ новой и глубокой мудрости, у нихъ стало опять ничтожною фразой. Они полагали, что уже сроднились съ тою областью, которую онъ открылъ, но вращались въ ней какъ испанскіе хищники въ новой части свѣта, открытой Колумбомъ. То, что у Петрарки можно еще назвать великимъ и поразительнымъ, у нихъ часто оказывается мелкимъ и смѣшнымъ. Ихъ самомнѣніе возрастало то въ силу столкновеній и ли-

тературной борьбы, которую они вели между собою, то вслѣдствіе лести, которою они осыпали другъ друга какъ друзья. Но всего больше портило ихъ то поклоненіе, съ которымъ столь благосклонно и неумѣренно относился къ нимъ тотъ вѣкъ. Государственныя должности и участіе въ посольствахъ доставляли имъ общественное положеніе, придворные преклонялись передъ ними, владѣтельныя лица и кардиналы дружески жали имъ руки. Они были украшеніемъ той мѣстности, гдѣ родились, достопримѣчательностями того города, въ которомъ жили. Закупали ихъ отзывы протекціею и подарками, потому что въ сочиненіяхъ своихъ они являлись вѣстниками славы или хулы, и отъ нихъ зависѣлъ приговоръ потомства. Сами они смотрѣли на себя какъ на руководителей общественнаго мнѣнія.

Даже папы находились подъ вліяніемъ этихъ взглядовъ, пожалуй больше, чѣмъ другіе государи, потому что общественное мнѣніе всего болѣе грозило ихъ власти со времени раскола. Евгеній IV, который часто разсылалъ буллы и войска съ необычайною смѣлостью, будто бы сказалъ, что слѣдуетъ не только любить этихъ гуманистовъ за ихъ ученость, но и бояться ихъ гнѣва, потому что ихъ рѣдко можно оскорблять безнаказанно [1]). Его преемникъ Николай V совсѣмъ преобразился вслѣдствіе лести, потому что онъ постоянно щедрою рукою раздавалъ этимъ людямъ должности, деньги и другія милости. А какъ долго молва считала Павла II варваромъ только потому, что онъ велѣлъ заключить въ тюрьму и пытать Платину, и потому, что послѣдній отомстилъ за это въ жизнеописаніи папы.

Мудрено ли, если представители гуманистическаго образованія были того мнѣнія, что общее вниманіе должно быть обращено на нихъ, что они говорили съ самоувѣренностью о самихъ себѣ, о безсмертіи своего имени и своихъ сочиненій, будто даже сомнѣніе въ этомъ есть преступленіе? Вспомнимъ о Бруни, Марсуппини, Поджіо и Валлѣ. Но по истинѣ великъ былъ въ своемъ самомнѣніи безсмертный Франческо Филельфо, живой типъ всякаго самохвальства. Будучи молодымъ человѣкомъ лѣтъ тридцати, онъ былъ приглашенъ читать лекціи во Флоренціи по стилистикѣ и нравственной философіи и принятъ съ большимъ почетомъ. По своей гордости онъ думалъ, что даже и камни Флоренціи стали-бы хвалить его, если-бы могли говорить [2]). А будучи 80-лѣт. старикомъ, когда уже его превзошли талантами другіе дѣятели, онъ постоянно говорилъ съ тою-же важностью, что на свѣтѣ есть только **одинъ** Филельфо. Если Виргилій, по его словамъ, дѣйствительно

---

[1]) Aegidius Viterbiensis y Ciaconius Vitae Pontif. Roman. T. II p. 885.
[2]) Его письмо къ Никколи отъ 13 апрѣля 1433 г.

выше его по художественности стиха, за то онъ былъ не ораторъ или развѣ посредственный. Если Цицерона слѣдуетъ предпочесть ему по красотѣ прозаической рѣчи, то онъ не былъ поэтомъ. Ни Виргилій ни Цицеронъ не могли писать и сочинять стиховъ на греческомъ языкѣ; это доступно только для Филельфо [1]).

Многіе тогдашніе ученые и поэты передъ смертью думали о загробной жизни, какъ добрые христіане, и вѣрили столь-же твердо въ безсмертіе своей славы въ потомствѣ, какъ Филельфо; однако въ настоящее время имена не пользуются особымъ значеніемъ въ литературѣ; изслѣдователь не обращаетъ на нихъ вниманія, а ученый міръ давно забылъ. Ихъ письма и рѣчи иногда, можетъ быть, перелистываются равнодушно, въ ожиданіи, не найдется-ли въ нихъ какихъ-либо полезныхъ извѣстій. А ихъ стихотворенія, какъ ни восторженно взывали они уже въ первыхъ изъ нихъ къ Кастальскому источнику и ко всѣмъ девяти музамъ, тлѣютъ забытыя въ какой-нибудь библіотекѣ. Эпиграммы Филельфо, даже его Сфорціада, не напечатаны. И если кто брался за пыльные листы поэтическихъ произведеній, то говорилъ другимъ, какъ пошелъ, нескроменъ, тщеславенъ и глупъ былъ поэтъ.

Гдѣ же кроется причина такой рѣзкой перемѣны? Писатели во всѣ времена преувеличивали значеніе своихъ произведеній, но вообще въ другое время рѣдко такъ прославляли литераторовъ, которые потомъ уже спустя столѣтіе были совсѣмъ забыты. Несообразность больше зависитъ отъ сущности дѣла, чѣмъ отъ личностей.

Одностороннее занятіе древностью сдѣлало поклонниковъ ея до извѣстной степени идеалистами и мечтателями. Они измѣряли силы ума своего тѣмъ, что̀ онъ могъ воспринять и разрабатывать, а не своими заслугами. Въ послѣднемъ отношеніи они вполнѣ руководились стремленіемъ къ подраженію. Оно всегда бываетъ ограниченнымъ и дѣтскимъ, но восторженный подражатель не замѣчаетъ этого. Въ сущности древность могла служить лишь средствомъ для образованія, но не могла быть жизненнымъ элементомъ. Изученіе ея могло многостороннѣе воспитывать умы, чѣмъ они дотолѣ воспитывались, но не могло заставить биться сердца новыхъ людей, какъ билось напр.

---

[1]) Онъ такъ восхваляетъ себя въ Lib. IX di iocis et seriis у Rosmini Vita di Filelfo T. III p. 149.

Quod si Virgilius superat me carminis ullis
Laudibus, orator illo ego sum melior.
Sin Tulli eloquio praestat facundia nostro,
Versibus ille meis cedit ubique minor.
Adde quod et lingua possum haec praestare Pelasga
Et Latia. Talem quem mihi des alium?

сердце Плутархова героя, или Ливіева римлянина. Ученыя занятія и дѣйствительная жизнь этихъ поклонниковъ древности должны были оказаться въ странномъ противорѣчіи.

Какъ древность, такъ и христіанство даютъ настоящее воспитаніе дѣтскому уму съ самаго перваго своего зарожденія, первая съ незапамятныхъ временъ сказанія, послѣднее просто безъискусственною повѣстью о жизни и смерти Искупителя. Для ребенка подвиги и страданія героевъ Гомера и трагическихъ личностей галленской миѳологіи представляютъ здоровую пищу. Евангеліе, а не назидательныя творенія Апостоловъ приводитъ насъ самымъ прямымъ путемъ къ христіанству. А возрожденіе древности въ своемъ дальнѣйшемъ ходѣ приняло прямо обратное направленіе. Начали съ поздней римской эпохи, преимущественно съ ея философіи, съ безцвѣтно-плавной рѣчи Цицерона, съ напыщенныхъ изреченій Сенеки. Если къ этому присоединялись статьи изъ Боэція и церковныхъ писателей, то смѣсь житейской мудрости соединялась такимъ образомъ съ началами христіанскими, но въ ней не было на первый разъ плодотворнаго броженія. Любимымъ литературнымъ родомъ были и на долгое время остались нравственно-философскіе трактаты, и гуманисты занимались ими со временъ Петрарки. Въ рѣчахъ и письмахъ всегда проскальзывали мѣткія выраженія древнихъ писателей о добродѣтели, о высшемъ благѣ, о тлѣнности всего земнаго, о славѣ, о дружбѣ и ненависти, о болѣзни и старости. Но философія римлянъ уже въ эпоху Цицерона и Сенеки не дѣйствовала освѣжающимъ образомъ на жизнь. Она была постоянно лишь популяризаціею греческихъ системъ. Могла ли эта философія въ подновленномъ видѣ воспитывать великихъ государственныхъ людей и достойныхъ мучениковъ за истину? Почти то же было и съ любимою стилистикою: благодаря Цицерону, вскорѣ ознакомились съ панегирическими рѣчами императорской эпохи, въ которыхъ самый высокопарный паѳосъ, лесть и безсмыслица соперничаютъ между собою. Гелленская литература, образецъ для римской, долго еще была покрыта глубокимъ мракомъ, даже тогда, когда тысячи людей знали греческій языкъ. Имена Гомера, аѳинскихъ трагиковъ, Демосѳена и Лизія пользовались великимъ почетомъ, но никто еще не принимался за ихъ произведенія съ любовью и знаніемъ дѣла.

Такимъ образомъ и золото и отброски древности стояли почти въ одной цѣнѣ. Исключая немногихъ проницательныхъ людей, большею частію относились къ этой области съ такою же слабою критикою и вкусомъ, какъ богословы и юристы подвизались на своей почвѣ; хотя послѣднихъ и упрекали въ томъ, что они собираютъ всякій хламъ. На выраженія какого нибудь греческаго философа природы, о которомъ упоминалъ Цицеронъ, смотрѣли съ такой же точки зрѣнія, какъ и

Боэція; Моисей и Киръ на мнѣнія служили такими же образцами добродѣтели, какъ Александръ Македонскій или императоръ Траянъ. Тѣ самые люди, которые гордо ратовали противъ авторитета Церкви и схоластики, не менѣе рабски подчинялись авторитету древности.

А какимъ дѣтствомъ отзывается стремленіе—преобразовать политическій и нравственный строй тогдашняго міра по образцу древности! Началась какая-то странная игра: старались подбирать античныя имена и формулы. Римъ снова сталъ столицею (urbs), а замокъ св. Ангела—надгробнымъ памятникомъ императора Адріана. Папу преимущественно любили называть pontifex maximus, а коллегію кардиналовъ—священнымъ сенатомъ. Гонфалоньеры и правители (rettori) городовъ преобразились въ консуловъ и преторовъ. Въ провинціяхъ Церковной области снова появились сабиняне, умбры и пиценты, а земледѣлецъ кампаніи обратился въ марса или герника, въ Савойи снова жили аллоброги, а у генуэзскаго залива лигуры. Ученый Флавіо Бьондо, отчасти педантъ, часто становится въ немалое затрудненіе, когда ему приходится передавать варварскіе термины своего времени языкомъ Цицерона и Ливія. По его словамъ, нѣкоторыя перемѣны именъ будутъ непонятны при перечитываніи собственныхъ произведеній, однако новѣйшіе термины вызываютъ непріятное чувство, такъ что ими не совсѣмъ удобно пользоваться [1]. Другіе обращались съ этими именами крайне произвольно.

И людямъ приходилось какъ бы преобразиться особенно владѣтельнымъ лицамъ и политическимъ дѣятелямъ; о такихъ премущественно и повѣствуетъ древняя исторія. Если они оставались такими, какими были, то поклонникъ древности надѣлялъ ихъ героическими свойствами, заимствованными у Плутарха и Валерія Максима. Онъ говорилъ о маркграфѣ мантуанскомъ, что счастье не довело его до преступной надменности, а несчастіе не сломило. папу же хвалилъ за то, что онъ переносилъ стойко голодъ и жажду. Когда два кондотьера воевали другъ съ другомъ и поселянамъ приходилось доставлять продовольствіе солдатамъ, то предводители обращались у историка въ Аннибаловъ и Сципіоновъ. И это была не юношеская черта, которая могла характеризовать лишь начало гуманизма. Даже Маккіавелли, который былъ не просто кабинетный ученый и умѣлъ оцѣнить политику Цезаря Борджіа, находитъ весьма естественнымъ въ дискурсахъ о Ливіи—поставить династамъ своего времени образцами Тезея и Ромула. Онъ совершенно серьезно совѣтуетъ

[1]) Fl. Blondi Historiarum ab. inclinat. Roman. Dec. III lib. I in princ.

имъ подражать великимъ людямъ; если они не сравняются съ ними, то покрайней мѣрѣ приблизятся къ нимъ [1]). А о великихъ людяхъ онъ составилъ себѣ ученическое понятіе по своимъ классикамъ. Немногіе, серьезно относившіеся по своему неразумію къ классическимъ мечтамъ, потерпѣли горькую неудачу. Коло ди Ріэнцо, который сначала въ Капитоліи думалъ видѣть вокругъ себя древнихъ свободныхъ римлянъ, а себя считалъ Брутомъ, сталъ театральнымъ героемъ. А такъ какъ онъ не могъ отказаться отъ этой роли, то сдѣлался глупцомъ. Преемникъ его, чрезъ сто лѣтъ мечтавшій о римской свободѣ, Стефано де'Поркари, былъ Катилиною по множеству долговъ и по своей необузданности, но не по энергіи и мужеству; и онъ имѣлъ печальную участь. Еще нѣкоторыя личности, устраивавшія свою жизнь по образцу древнихъ героевъ, были каррикатурами. Но тогдашнія владѣтельныя особы въ Италіи не такъ наивно смотрѣли на дѣло: они принимали классическое поклоненіе, но оставались людьми разсудительными и простыми. Одинъ былъ хорошимъ хозяиномъ, другой—любителемъ безопасной охоты, третій—мелочно разсчетливымъ политикомъ, четвертый—самымъ любезнымъ кавалеромъ своего двора. Они позволяли придворнымъ поэтамъ воспѣвать себя, льстить себѣ, но оставались большею частью столь же равнодушными къ поэзіи, какъ и идеалъ ихъ, императоръ Августъ.

Несравненно глубже западали классическія мечты въ воображеніе тѣхъ, которые, какъ бы по призванію, постоянно развивали ихъ, именно самихъ гуманистовъ. Слово и дѣло, призракъ и жизнь находились у нихъ въ замѣчательномъ противорѣчіи. Подобные люди не чужды нѣкотораго донъ-кихотства; это сходство не укрылось и отъ Сервантеса, въ эпоху котораго въ Испаніи поклонялись тому же образованію, какъ въ Италіи въ первой половинѣ XV в. Стоитъ только прочесть предисловіе къ его безсмертному произведенію, чтобы убѣдиться въ этомъ.

Всего глубже это противорѣчіе проникало въ нравственную среду, потому что въ ней человѣкъ всего легче поддается самообману и всего старательнѣе ищетъ средствъ казаться не тѣмъ, что онъ есть. Житейская философія древнихъ представляла собою новый міръ, несравненно многостороннѣе и доступнѣе, чѣмъ неумолимая мораль богослововъ и аскетовъ, разумнѣе и привлекательнѣе, чѣмъ тяжелыя системы разныхъ доктринеровъ, зерцалъ и пр. И это была мудрость, о которой народъ, чуждый литературы, не имѣлъ никакого понятія, новая религія, предназначенная исключительно для умственной аристократіи. Гуманисты въ своихъ

[1]) Principe cap. VI.

сочиненіяхъ почти всѣ проповѣдывали ученіе стоиковъ. Оно имѣло то важное преимущество, что легко мирилось съ нравственными требованіями христіанства и, слѣдовательно, никого не возмущало, какъ тѣ два положенія, которыми, какъ полагали, исчерпывалась система Эпикура, именно что наслажденіе есть высшее благо и что душа не безсмертна. Прославленные древніе герои добродѣтели, по тогдашнему мнѣнію, всѣ стояли на распутьи Геракла и вѣрили въ безсмертіе подъ вліяніемъ Зенона. Стоя тоже имѣла за себя очарованіе величія, а больше всего нравилась тѣмъ, что въ ней цвѣты краснорѣчія такъ благоухали и слово вполнѣ согласовалось съ дѣломъ. Она какъ нельзя болѣе соотвѣтствовала заносчивымъ рѣчамъ, и реторическое искусство сдѣлалось любимымъ занятіемъ новѣйшихъ гуманистовъ, какимъ было у древнихъ народовъ.

Повсюду мы видимъ, что люди, занимающіеся словеснымъ искусствомъ, какъ первою наукою, весьма легко смѣшиваютъ то, что свойственно имъ по природѣ, съ тѣмъ, что они усвоили путемъ изученія. Они какъ бы воплощаются въ матеріалѣ. Проповѣдникъ вскорѣ считаетъ себя столь же священнымъ лицомъ, какъ и его слова. Политическій ораторъ или писатель полагаетъ, будто онъ потому восторгается своимъ дѣломъ, что можетъ говорить о немъ съ одушевленіемъ. Актеръ чувствуетъ, что въ груди его бьется благородное сердце художника, потому что можетъ выразить свое чувство. Однако далеко еще не становится нашимъ нравственнымъ достояніемъ то, что можетъ понять нашъ умъ и что мы можемъ выразить словами. Немногіе такъ безпощадно анализируютъ свое собственное сердце, свое дорогое дитя, что не приписываютъ ему того или другаго самообмана и не считаютъ лучшаго пониманія за лучшее желаніе. Трудно сопоставить свое душевное настроеніе съ своими же мыслями: только примѣръ другихъ людей можетъ указать намъ, какъ ихъ раздѣлять. Наши ученые были какъ бы ослѣплены возвышенностію и красотою новаго міра, въ которомъ они вращались и сущность котораго мечтали снова передать въ словѣ и на письмѣ. Новое воззрѣніе, конечно, не сразу могло сдѣлаться трезвымъ, а новое наслажденіе—разумнымъ. Сначала они увлеклись блескомъ реторики, которая въ сущности нисколько не дѣлала ихъ счастливѣе, какъ и перуанское и мексиканское золото—испанскихъ искателей приключеній. Они полагали, что добродѣтель, какъ высшій идеалъ, и разные виды добродѣтели уже глубоко укоренились въ ихъ сердцахъ, потому что они умѣли говорить о нихъ съ бойкостью Цицерона и съ суровою торжественностью Сенеки. Мы съ удивленіемъ встрѣчаемъ это заблужденіе на каждой страницѣ ихъ сочиненій. Читателю, которому трудно убѣдиться въ возможности подобнаго самообольщенія, можно указать на сочиненія Поджіо, Филельфо и Валлы, которыхъ

вообще можно считать самыми типическими представителями гуманизма. Эти философы совершенно серьезно признавали ничтожными мірскія блага, а блага умственныя и другаго міра цѣнили тѣмъ выше, что могли привести изъ классиковъ и св. Писанія множество изреченій въ этомъ родѣ и множество примѣровъ изъ свѣтской и священной исторіи. Гуманисты думали, что вполнѣ достойны похвалы за свою скромность, если говорили о себѣ съ пренебреженіемъ, утверждая, что не заслуживаютъ никакого почета. Если при случаѣ они могли говорить такъ, какъ блаженный Августинъ, то считали себя вполнѣ смиренными, благочестивыми и преданными Богу. Эти люди воображали, что они по истинѣ честны и искренни, если увѣряютъ то лицо, которому льстятъ, въ своей искренности и умѣютъ изобразить лицемѣріе какъ гнусный порокъ.

Такимъ образомъ въ гуманистическихъ кружкахъ нравственность нимало не подлежала обыкновенному суду совѣсти и витала въ мірѣ призраковъ. Случалось, конечно, что у нѣкоторыхъ въ минуты просвѣтлѣнія являлось ясное сознаніе дѣйствительности, и мы тогда по крайней мѣрѣ въ формѣ общихъ разсужденій слышимъ, что они старались разъигрывать роль Петрарки съ малою пользою для себя, но съ большою смѣлостью. Такъ мы читаемъ: «На словахъ философами являются многіе, но въ жизни ихъ очень немного».—«Хотя люди рѣдко живутъ такъ, какъ пишутъ, однако знаютъ, что имъ слѣдовало бы такъ жить».— «Большею частью люди хотятъ казаться, а не быть. Они ищутъ не плодовъ добродѣтели, а лести за свою мнимую добродѣтель». — «Большинство людей имѣютъ красивый видъ и большею частію предпочитаютъ казаться, чѣмъ быть добрыми».—Но быть—этого мало; это слишкомъ слабо; призракъ прельщаетъ и завлекаетъ въ пріятныя заблужденія. Кому разъ привольно дышалось въ его сферѣ, тотъ снова устремляется въ нее.

Маккіавелли признаетъ пять видовъ добродѣтели, о которыхъ государи должны постоянно говорить и личину которыхъ тщательно носить: они должны казаться любящими, вѣрными, ласковыми, религіозными и честными [1]). «Каждый, прибавляетъ онъ, видитъ то, чѣмъ ты кажешься, и немногіе понимаютъ, каковъ ты въ дѣйствительности, и эти немногіе исчезаютъ въ толпѣ». Мы приходимъ въ ужасъ отъ этой морали, а еще болѣе отъ того безстыдства, съ какимъ она проповѣдуется. Однако среди гуманистовъ, на теоріи которыхъ именно и зиждется образованіе Маккіавелли, видимость давно была аксіомою нравственной жизни и отдѣльныя выраженія, изумляющія насъ въ его Государѣ, встрѣчаются во множествѣ у предшественниковъ автора этой

---

1) Principe cap. XVIII: pietoso, fedele, umano, religioso, intero.

книги. Только они у нихъ еще замаскированы и высказываются не вполнѣ сознательно, между тѣмъ какъ систематическій флорентинецъ приводитъ ихъ въ стройную систему. Слѣдуетъ быть посвященнымъ въ образъ мыслей этихъ высшихъ представителей итальянскаго общества, чтобы понять то всемірно-историческое значеніе, какое получило ученіе объ оправданіи вѣрою, возродившееся у нѣмцевъ.

Извѣстно, что связь между гуманистами, республика ученыхъ, возникла изъ отношеній преподавателей къ ученикамъ и учениковъ между собою, а еще болѣе вслѣдствіе ихъ сплоченія въ группы въ главныхъ республиканскихъ городахъ и при дворахъ. Но здѣсь мы не будемъ говорить о томъ, какъ она сложилась: подобная точка зрѣнія была руководящею при прежнемъ изложеніи. Съ какимъ гордымъ чувствомъ самостоятельности выходили эти гуманисты изъ школы на поприще жизни, какъ высоко превозносились они надъ тѣми, кто занимался правами или медициною! Они служили свободной наукѣ, а она могла доставить имъ выдающееся положеніе рядомъ съ великими міра сего. Никто не спрашивалъ ученаго объ его происхожденіи, будь оно самое низкое или даже зазорное. О большинствѣ ихъ, жизнь которыхъ намъ вообще извѣстна, мы все-таки не знаемъ, кто были ихъ родители. Относительно другихъ, это разоблачаетъ злоязычный противникъ, при чемъ, конечно, и лжетъ. Валла попрекалъ Бартоломео Фаціо тѣмъ, что его отецъ былъ сапожникъ и служилъ рыбакамъ на лигурійскомъ берегу [1]). Если можно вѣрить Поджіо, то отецъ Филельфо зарабатывалъ себѣ пропитаніе въ потѣ лица простымъ поденьщикомъ, а мать зачала сына въ незаконномъ сожитіи, притомъ со священникомъ [2]). Правда это или нѣтъ, Фаціо и Филельфо являлись при дворахъ—дворянами, и ни одинъ знатный не стыдился относиться къ нимъ какъ равный къ равнымъ. Чѣмъ больше церковь, уже искавшая всюду опоры среди міряна, стала требовать отъ своихъ высокихъ представителей высокаго происхожденія и знатныхъ связей, тѣмъ болѣе принципъ равенства происхожденіи и аристократіи талантовъ искалъ пріюта въ кругу ученыхъ.

Преподаватели университетовъ принадлежали большею частію къ монашескому сословію или къ духовенству; каѳедры богословія, каноническаго права и философіи обыкновенно предоставлялись доминиканцамъ или миноритамъ. Изъ выдающихся гуманистовъ мы можемъ назвать только двоихъ братьевъ ордена, камальдула Траверсари и минорита Антоніо да Ро; примѣровъ поступленія гуманиста въ монастырь извѣстенъ только одинъ—Маффео Веджіо. Напротивъ многіе приняли

---

1) Valla Invect. in Bart. Facium Lib. I (Opp. p. 460).
2) Poggii Invect. III in Philelphum (Opp. p. 176) и Facet. (Opp. p. 470).

пастырское посвященіе, одни лишь предварительно и въ ранней юности, другіе съ тѣмъ, чтобы имѣть возможность получать бенефиціи и каноникаты, также достичь высшихъ степеней духовной іерархіи, нѣкоторые также съ тѣмъ, чтобы послѣ веселой юности найдти въ духовномъ званіи спокойное убѣжище. Не малое число ихъ снова слагали съ себя духовный санъ, какъ скоро у нихъ являлось желаніе жениться, или они получали гражданскую должность. Если для этого требовалось разрѣшеніе, то гуманисты получали его легко, частію при помощи хорошихъ друзей при римскомъ дворѣ, частію потому, что на нихъ считали нужнымъ смотрѣть снисходительно.

Мы встрѣтили многихъ замѣчательныхъ гуманистовъ университетскими преподавателями. Однако они еще рѣзко отличались отъ настоящихъ преподавателей. Гуманисты занимались наставничествомъ лишь временно, чтобы заработать деньги; обыкновенно ихъ приглашали только на годъ или на два, а потомъ они уходили, пожавши плоды своей прославленной учености. Быть можетъ, только Гварино могъ похвалиться многолѣтнею дѣятельностью въ университетѣ. Постоянно снова преподавать правила реторики и упражняться съ учениками, или сообщать имъ начатки греческаго языка, имъ было вовсе не по душѣ. Притомъ-же вознагражденіе, по обыкновенію, было скудное, особенно, если сравнить его съ доходами юристовъ и медиковъ; ученики по большей части принадлежали къ самому бѣдному классу. Желаніе имѣть по возможности независимое положеніе, которое уже Петрарка такъ высоко цѣнилъ, осталось отличительною чертою и его послѣдователей. А такъ какъ они въ большинствѣ были люди бѣдные и часто имѣли большія семьи, то снова должны были думать о прочномъ обезпеченіи. Завидна была должность придворнаго поэта или оратора, который сверхъ того развлекалъ государя своею бесѣдою и, быть можетъ, училъ его дѣтей. Но эта счастливая доля досталась лишь немногимъ. А другимъ приходилось довольствоваться должностями въ канцеляріи, которыя были непріятны сами по себѣ, но давали видное положеніе въ государственномъ управленіи, а въ Римѣ холостымъ— надежду на епископскую каѳедру.

То, что совершилъ гуманизмъ въ вѣкъ своей цвѣтущей юности, конечно, не опредѣляется лишь массою сочиненій, оставленныхъ его приверженцами. Ихъ жизнь, ученіе и типически выработавшіяся личности тоже продукты новой культурной эпохи. Но на эти явленія мы не обратили особаго вниманія. Это элементы преходящіе, дѣйствующіе незамѣтно и неуловимо. Оглядываясь назадъ отъ той эпохи, когда началось книгопечатаніе, мы попытаемся обозрѣть ихъ литературныя произведенія, то, что они оставили въ наслѣдіе непрестанно живущей литературѣ.

При этомъ, конечно, нельзя имѣть въ виду специализаціи ихъ трудовъ, а слѣдуетъ освѣтить лишь широкія области и крупныя группы и установить грани развитія [1]. Мы начнемъ, какъ и сами гуманисты, съ разработки языка и письменныхъ памятниковъ древности. Потомъ мы разсмотримъ ихъ собственныя произведенія въ области поэзіи и прозы, насколько ихъ можно подвести подъ разряды, ихъ отношеніе къ философіи, богословію, правовѣдѣнію, къ естествовѣдѣнію и медицинѣ и закончимъ нашъ обзоръ цѣнными трудами по исторіографіи, древностямъ и географіи.

Латинская грамматика въ средніе вѣка, конечно, не была въ пренебреженіи, но все-таки считалась лишь средствомъ къ изученію церковнаго языка. Она служила лишь для школьной выправки. Донатъ и другіе древніе грамматики въ этомъ случаѣ не имѣли уже никакого вліянія. Цѣлые вѣка въ школахъ господствовалъ учебникъ (doctrinale) Александра де Вилладеи со стихами для заучиванія на память. То, что давала ученость, слѣдовало прибавлять къ нему въ видѣ глоссъ и комментаріевъ. Руководство это переходило отъ поколѣнія къ поколѣнію, какъ наставленія, освященныя временемъ. И гуманисты могли лишь постепенно вытѣснить его, такъ что во время книгопечатанія онъ уже былъ изданъ больше 50 разъ. Приложенный къ нему словарь удовлетворялъ большинство, а образованное духовенство имѣло кромѣ того одно изъ лексическихъ пособій, Папія, Гугуціона пизанскаго или католиконъ, а ученые—по два. Хотя гуманисты часто занимались школьнымъ преподаваніемъ, однако не посягали на изложеніе элементовъ латинской грамматики и не измѣняли его. У нихъ лишь постепенно сложилось понятіе о томъ, что грамматика есть наука, которая требуетъ ихъ усилій. Однако они проложили новые пути для этой науки [2].

Съ тѣхъ поръ какъ Петрарка оставилъ школьную скамью, онъ едва ли когда-нибудь думалъ о грамматикѣ. При постоянномъ чтеніи древнихъ писателей онъ настолько усвоилъ себѣ языкъ, насколько можно научиться живой рѣчи изъ разговора. Не его дѣломъ было останавливаться на отдѣльныхъ вопросахъ. Однако въ спискахъ рукописей мы не рѣдко встрѣчаемъ краткое ars punctuandi (искусство

---

[1] Какъ выше, говоря о переводахъ съ греческаго языка, такъ и здѣсь, я не имѣю въ виду постоянно указывать на оттиски и отсылаю желающихъ къ Фабриціусу и извѣстнымъ руководствамъ по библіографіи Гайна, Брюнэ, Грессе и др.

[2] Thurot Noticos et extraits de divers manuscrits latins pour servir à l'histoire des doctrines grammaticales au moyen âge — въ Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque Imp. etc. T. XXII. Paris 1868. Eckstein Lateinischer Unterricht (отдѣльный оттискъ изъ Schmidt Encykl. des ges. Erziehungs-und Unterrichtwesens 2 aufl. Bd. IV).

ставить знаки препинанія), приписываемое ему, но основательно ли, нельзя рѣшить въ краткомъ обзорѣ [1]).

Первыя сомнѣнія, какія встрѣчались гуманисту при списываніи старинныхъ рукописей и исправленія ихъ, какъ и при самостоятельныхъ работахъ, касались о р ѳ о г р а ф і и. Тутъ произволъ и путаница особенно бросалась въ глаза. С а л ю т а т о на закатѣ дней своихъ сказалъ однажды, что онъ около полувѣка заботился о правописаніи, но что ему постоянно приходится бороться съ ошибками. Для него было не все равно, писать ли litera или littera. Онъ справляется объ этомъ въ учебникѣ, у Гугуціона, обращается къ «самому старинному слогу римскаго двора», но больше довѣряетъ своимъ собственнымъ грамматическимъ соображеніямъ касательно производства и флексіи словъ [2]). Салютато подалъ этимъ примѣръ, долгое время имѣвшій силу. Именно во Флоренціи, въ кружкѣ младшихъ друзей Канцлера съ особеннымъ усердіемъ разрабатывались орфографическіе и грамматическіе вопросы. Одинъ врагъ этихъ «фантазеровъ» разсказываетъ, что они съ громкимъ крикомъ спорили на улицахъ о томъ, сколько было двугласныхъ у древнихъ и почему въ настоящее время употребляются только двѣ, которая грамматика лучше, временъ Теренція или временъ Виргилія, или сколько было стихотворныхъ размѣровъ у древнихъ [3]).

Особенно неустанно занимался вопросомъ о двугласныхъ Н и к к о л о Н и к к о л и, который для рѣшенія нѣкоторыхъ затрудненій обращался къ греческому языку и древнимъ надписямъ. Упомянемъ объ его небольшомъ сочиненіи по латинской орѳографіи, котораго онъ не издалъ, вѣроятно, потому, что Гварино осмѣялъ его. Но оно открываетъ собою рядъ сочиненій по грамматикѣ, написанныхъ гуманистами [4]). Быть можетъ, къ этой же категоріи принадлежалъ и трудъ его друга Бруни Isagoge de vitiis gramaticorum (Введеніе касательно ошибокъ грамматиковъ) [5]). Но тотъ же Бруни не поколебался защищать свою форму

---

[1]) Мы бы прямо отвергли подлинность этого сочиненія, если бы въ базельской рукописи, о которой упоминается у Wilh. Vischer Gesch. der Univers. Basel. s. 186, въ заглавіи не было замѣчательной прибавки: Iste est modus punctuandi quem dedit P. Luder.... et est modus egregii oratoris Francisci Petrarchae poetae laureati ad Salutatum oratorem insignem. Нельзя отрицать возможности, что Петрарка по просьбѣ Салютато могъ написать методу интерпункціи, которую далъ въ руководство своимъ переписчикамъ.

[2]) Salutati epist. 11. 19 ed. Mehus.

[3]) Cino Rinuccini въ приложеніи къ Paradiso degli Alberti Vol. I P II p. 303.

[4]) См. томъ I стр. 280.

[5]) Но въ Giornale storico degli archivi Toscani vol. VII p. 54 и, сколько я знаю, тамъ названо заглавіе. Конечно, весьма знаменательные grammatici часто бывали латинскіе учителя.

расположеніе этого сочиненія, облегчавшее изученіе его, такъ и достоинство содержанія. Сочиненіе это было напечатено много разъ, весьма сильно соперничало съ doctrinale, подорвало его традиціонное господство и должно считаться первою учебною грамматикою новаго времени [1].

Изъ гуманистовъ, извѣстныхъ намъ, Георгій Трапезунтскій написалъ также учебную грамматику въ преклонныхъ лѣтахъ въ 1471 г. Первую часть ея онъ посвятилъ своему сыну Андрею, а вторую—миланцу Колѣ Монтано. Онъ оставилъ прежнюю методу и нашелъ удобнѣе сдѣлать извлеченіе изъ Присціана. Хотя его книга и была напечатана въ слѣдующемъ году, однако не пользовалась значеніемъ; въ то время уже давно забыли и объ авторѣ ея [2].

Если не считать отдѣльныхъ опытовъ по орѳогрефіи, законченныхъ книгою Тортелло, то основателемъ научной грамматики среди гуманистовъ былъ по истинѣ геніальный грамматикъ Лоренцо Валла. Онъ былъ первостепенный мыслитель и изслѣдователь на почвѣ языка, и при всей многосторонней его дѣятельности любимымъ предметомъ оставалась все таки грамматика. Онъ направлялъ свои изслѣдованія на разные отдѣлы ея, но тысячи нитей, которыми онъ заправлялъ, сплетались въ его умѣ въ одно цѣлое, проникнутое строгимъ планомъ и великою мыслію. Онъ хотѣлъ возстановить правильность и чистоту латинской рѣчи въ томъ видѣ, какъ она была создана лучшими древними писателями. Она для него священное наслѣдіе, завѣщанное потомству древними римлянами, и это потомство должно сохранять и лелѣять его. Употребленіе ея есть живучій символъ римскаго всемірнаго владычества. Но какъ изуродована она варварами въ теченіи вѣковъ! Валла вознамѣрился очистить ее отъ вѣковаго нароста [3].

Красоты латинскаго языка, главное сочиненіе Валлы, основаны на собраніи примѣровъ и наблюденіяхъ, которыми онъ занимался съ юныхъ лѣтъ при чтеніи писателей и изученіи надписей [4], во время преподавательской дѣятельности и отыскиванія ошибокъ въ сочиненіяхъ своихъ современниковъ. Трудно сказать, когда это сочиненіе получило ту форму, въ которой онъ его издалъ. Мы знаемъ только, что въ 1438 г. авторъ трудился надъ третьею книгою. Въ слѣдующіе годы, безъ сомнѣнія, до конца 1444 г., сочиненіе это было кончено

---

1) См. выше стр. 121.

2) Предисловіе къ Compendium de octo partibus orationis ex Prisciano у Saxius p. 455.

3) Praefat. in Elegant.: ibo in aciem, ibo primus, ut vobis animum faciam! Т. е. я пойду на бой, пойду первый, чтобы придать вамъ духу!.

4) Его привлекаетъ не реальное содержаніе надписей, но такія формы, какъ sibei postereisque sueis, Caius и Caia.

въ шести книгахъ. Но оно было изложено нѣсколько безсвязно и должно было имѣть бо́льшій объемъ по запасу матеріала. Быть можетъ, Валла охотно продолжалъ бы трудиться надъ своими Красотами, если бы папа Николай V поощрялъ его. Но послѣдній думалъ только о своихъ переводахъ. Красоты—книга не систематическая, а рядъ наблюденій латиниста, разсужденій и лексическихъ экскурсовъ. И небольшое сочиненіе объ употребленіи возвратныхъ мѣстоименій se и suus есть такое же разсужденіе, но ему не дано мѣста въ Красотахъ. Въ послѣднихъ Валла разсматриваетъ не одни грамматическіе вопросы, но и съ особою любовью вопросы стилистики и такъ называемаго краснорѣчія. Онъ большею частію изслѣдуетъ, какъ употребляли лучшіе древніе писатели извѣстныя выраженія и обороты и какъ ихъ исказили новые авторы, въ чемъ состоитъ чистая латынь, въ чемъ искаженіе ея и т. п. Безусловными образцами для него служатъ Цицеронъ Квинтиліанъ. Однако онъ не стремится доставить господство настоящему языку Цицерона. Валла смотритъ на Цицерона лишь какъ на представителя цвѣтущей эпохи языка, но считаетъ и Квинтиліана равнымъ ему, признаетъ также полное значеніе и за другими писателями. Онъ отдалъ честь и древнимъ юристамъ, дигесты которыхъ изучалъ, какъ художникамъ языка [1]). Валла не умалчиваетъ и о древнихъ грамматикахъ: онъ цѣнитъ Доната, Сервія, а въ особенности Присціана и Асконія Педіана. Но для него они не имѣютъ значенія авторитетовъ. Авторъ Красотъ часто упоминаетъ о нихъ лишь за тѣмъ, чтобы указать ошибки. Вмѣстѣ съ Исидоромъ для него начинается рядъ невѣждъ, къ которымъ онъ относится съ гордымъ презрѣніемъ, а изъ современныхъ писателей изъ вѣжливости хвалитъ немногихъ друзей. Какъ ни порицали его за это высокомѣріе, однако Красоты пользовались великимъ уваженіемъ еще у современниковъ, даже у нѣкоторыхъ изъ его многочисленныхъ враговъ. А когда онъ умеръ, то авторитетъ ихъ усилился. Уже въ 1471 г., слѣдовательно при первомъ поколѣніи итальянцевъ, современномъ книгопечатанію, книга эта была напечатана два раза, въ Римѣ и въ Венеціи. Правда, новые ученые полагали за одно съ Рейзигомъ, что въ Красотахъ многое неудотворительно, односторонне или невѣрно. Но никто не оспаривалъ у Валлы той заслуги, что онъ указалъ новый геніальный способъ изслѣдованія.

Еще раньше изданія Красотъ Валлы появилось подобное же сочиненіе миланскаго грамматика Антоніо да Ро подъ заглавіемъ de

---

1) Онъ говоритъ Elegant. III, 17: Quod. ad elegantiam pertinct, ego pro lege accipio quidquid magnis auctoribus placuit.

imitatione (о подражаніи). Но оно осталось въ рукописи, а изъ полемическаго сочиненія Валлы, направленнаго противъ него, которое онъ хотѣлъ издать какъ седьмую книгу Красотъ, мы получаемъ о немъ слабое понятіе. Во всякомъ случаѣ неодобрительный отзывъ Валлы о книгѣ его соперника не даетъ намъ права соглашаться съ нимъ не вникнувъ въ дѣло [1]).

Гуманисты писали стихи большею частію по инстиктивному чутью просодіи, усвоенному путемъ чтенія древнихъ поэтовъ и въ подражаніе этимъ образцамъ. О метрикѣ по странному стеченію обстоятельствъ писали люди, которые или вовсе не были поэтами, или развѣ отчасти. Первымъ былъ Пьеръ Паоло Верджеріо, который, какъ сообщаютъ, писалъ свое сочиненіе de arte metrica, изданное еще въ Италіи, вмѣстѣ съ своимъ другомъ, кардиналомъ Забареллою [2]). Затѣмъ, вѣроятно, слѣдовалъ трудъ Оньибене да Лониго, ученика Витторино да Фельтре [3]). Капитальнымъ трудомъ считалась метрика, которую Никколо Перотти поднесъ папѣ Николаю V въ 1453 г. Она тоже напечатана нѣсколько разъ вмѣстѣ съ его небольшимъ сочиненіемъ о размѣрахъ у Горація и Боэція [4]).

Первую греческую грамматику подарилъ латинскому міру Эммануилъ Хризолоръ въ своихъ Вопросахъ. Это была, конечно, лишь обработка Науки (τέχνη) Діонисія Ѳракійца и сообщала только начальное ученіе о формахъ въ видѣ вопросовъ и отвѣтовъ. Потомъ Гварино издалъ книгу своего прославленнаго наставника въ болѣе сжатомъ, но и болѣе ясномъ изложеніи, и она пользовалась большимъ сочувствіемъ, именно по своей совершенно элементарной формѣ и часто печатались. Еще Эразмъ и Рейхлинъ, какъ сообщаютъ, клали ее въ основу своего преподаванія [5]). Уже гораздо позднѣе кромѣ этого перевода явились другіе, болѣе основательные и болѣе серьезные, авторы которыхъ заботились о научномъ изложеніи предмета: это были ученые греки. Такъ во Введеніи въ грамматику Ѳедора газскаго все ученіе объ языкѣ излагалось

---

1) См. томъ I стр. 466. Время, когда появилось полемическое сочиненіе Валлы, опредѣляется приблизительно его письмомъ къ Ауриспѣ отъ 31 декабря (конечно 1444 г.) въ Epistolae principum etc, Amst. 1644 p. 359.

2) Baduber P. P. Vergerio p. 45.

3) Его сочиненіе Libellus de arte metrica съ Grammatices erudimenta, напечатанное Vicentiae 1506 г., приведено у Фабриціуса s. v. Omnibonus Leonicenus, но мнѣ не попадалось.

4) Благодарственная грамота папы за метрику отъ 3 января 1454 г. у Georgius Vita Nicolai V p. 207. См. выше стр. 121.

5) См. томъ I стр. 216. Баттиста Гварино въ сочиненія de modo docendi et discendi называетъ своего отца compendii amantissimus. Оттиски Erotemata у Giuliari Della lett. Veron. p. 281.

въ четырехъ книгахъ; говорятъ, что онъ слѣдовалъ главнымъ образомъ Аполлонію Дисколу. Но въ его книгѣ были также синтаксисъ и обзоръ метрики. Оно предназначалось не для учениковъ, изучающихъ элементы языка; въ особенности послѣднія книги считались весьма трудными и неясными, и новые греки должны были впослѣдствіи писать къ нимъ комментаріи [1]). Рядъ грамматиковъ заканчиваетъ собою **Константинъ Ласкарисъ**. Но онъ больше обратилъ вниманіе на практическую грамматику, хотя его не удовлетворялъ небольшой учебникъ Хризолора. Когда его пригласили въ Миланъ учить старшую дочь герцога Франческо, то онъ обратился къ той книгѣ, по которой впослѣдствіи преподавалъ въ Неаполѣ и Мессинѣ [2]). Этими трудами долго довольствовались, но любимыми учебными книгами, даже въ Германіи, оставались Вопросы Хризолора и обработка ихъ Гварино.—Хуже было дѣло съ **лексикографіею**. Конечно, словари были [3]), но рѣдко и, безъ сомнѣнія, очень плохіе; обыкновенно, ученикъ записывалъ надъ текстомъ латинское толкованіе учителя.

Въ **обработкѣ текста классическихъ писателей** гуманисты не довольствовались пріемами переписчика монаха и наемнаго писца, лишенными всякаго разумнаго отношенія къ дѣлу. Мы знаемъ ихъ пламенное рвеніе спасать отъ гибели сокровища римской литературы, а потомъ и греческой, собирать ихъ и хранить для потомства. Мы знаемъ также, какъ часто они жаловались на искаженіе текстовъ, какъ рано научились цѣнить значеніе старинныхъ рукописей и пользовались всякимъ случаемъ, чтобы сравнивать между собою разные экземпляры, пополнять пробѣлы, исправлять испорченныя мѣста, разъяснять мѣста непонятныя. Имъ не легко было доставать книги: хорошіе экземпляры, исправленные учеными, обыкновенно попадали въ руки богатыхъ собирателей. Поклонники гуманныхъ наукъ, надѣленные лишь лаврами, но не богатствами, должны были сами переписывать ихъ, или по крайней мѣрѣ исправлять. При этой филологической работѣ между ними часто возникали споры, для рѣшенія которыхъ и въ настоящее время нѣтъ метода, равно приложимаго ко всѣмъ случаямъ. Ученые очень хорошо знали, что тутъ важно насколько возможно

---

1) Объ изданіяхъ и переводахъ γραμματικὴ εἰσαγωγή Θеодора Газскаго см. Hodius de Graecis ill. p. 71. 72 и хорошую статью Бера въ Allg. Encyklopaedie s. v. Gaza.

2) Его Compendium octo orationis partium явился въ печати первый разъ Mediolani 1476 г. (Boifield Prefaces p. 163). По послѣднюю обработку сочиненіе получило уже около 1488 г. Предисловіе, котораго нѣтъ въ печатныхъ изданіяхъ, см. у Iriarte Reg. bibl. Matritensis codices graeci ms. vol. I p. 185.

3) Такъ Zacharias Bibl. Pistor. p. 44 упоминаетъ о Vocabulista graecus conversus in latinum, который былъ у Зомино да Пистойя.

приблизиться къ подлиннику, какъ онъ былъ написанъ авторомъ. Но это была задача неразрѣшимая по недостатку пособій, по невозможности добыть и собрать въ однѣ руки существующій матеріалъ. Съ другой стороны гуманисты, понятное дѣло, желали возстановить связный и исправный текстъ, а этого можно было достичь лишь дополненіями и поправками по собственному разумѣнію. Чѣмъ больше ученый довѣрялъ своимъ знаніямъ, остроумію и вкусу, тѣмъ болѣе хотѣлъ стать выше механическихъ переписчиковъ, тѣмъ смѣлѣе и произвольнѣе распоряжался текстомъ. Какъ часто и жестоко упрекали въ этомъ гуманистовъ позднѣйшіе филологи, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда они вслѣдствіе утраты старинныхъ рукописей были принуждены довольствоваться подобными же редакціями XV в.! Конечно, гуманисты трудились не для такихъ критиковъ текста; въ своемъ одушевленіи они хотѣли создать нѣчто цѣльное и законченное, чѣмъ бы могли наслаждаться они сами, ихъ ученики, знатные люди и государи. Имъ приходилось прежде всего возстановлять древность и дѣлать ее доступною для другихъ. Критическая добросовѣстность у нихъ проявлялась еще слабо; эту же черту мы замѣтили и у переводчиковъ съ греческаго языка. Поэтому въ ихъ критическихъ трудахъ и опытахъ надъ исправленіемъ текстовъ отражаются всѣ личныя особенности—начиная съ кропотливой точности до проблесковъ необычайнаго легкомыслія. Мы увидимъ это на рядѣ примѣровъ.

Петрарка читалъ классиковъ съ перомъ въ рукѣ и постоянно старался вникнуть въ смыслъ и ходъ мыслей писателя. Онъ не относился равнодушно къ недостаткамъ своихъ книгъ. Это мы видимъ изъ его жалобъ на подобные недостатки. Но до сихъ поръ не указано его поправокъ ни въ одномъ экземплярѣ классическаго писателя. Валла нашелъ въ Неаполѣ только его Ливія. Правда, онъ не сообщаетъ намъ, по какому признаку открылъ прежняго собственника, но у насъ нѣтъ никакого основанія заподозривать его положительное свидѣтельство. Книга была собственноручно исправлена Петраркою «весьма тщательно», иногда удачно, иногда ошибочно, по отзыву Валлы. Относительно нѣкоторыхъ мѣстъ Петрарка сознавался, что не знаетъ, какъ ихъ исправить [1]). Но нашего уваженія заслуживаетъ одно это усердіе, о которомъ Валла отзывается столь почтительно. Мы не знаемъ, какого рода были глоссы въ амброзіанновскомъ кодексѣ, Виргилія, приписываемомъ Петраркѣ. Но и онѣ во всякомъ случаѣ свидѣтельствовали бы о внимательномъ чтеніи текста. Боккачіо былъ не въ состояніи слѣдовать примѣру своего великаго друга, хотя онъ тоже жалуется на

---

1) Valla in Bart. Facium lib. IV (Opp. p. 602).

порчу рукописей: его собственная латынь была слишкомъ слаба и не всегда правильно, такъ что онъ не могъ рѣшиться на исправленіе ихъ текста. Хотя Салютато, какъ государственный канцлеръ, былъ обремененъ дѣлами, однако взялъ на себя трудъ исправлять тексты путемъ сличенія ихъ съ другими и прилагать свои варіанты въ глоссахъ, которыя потомъ распространялись съ уваженіемъ [1]. Поэтому, какъ видно, старшее поколѣніе гуманистовъ дѣйствовало еще осмотрительно и осторожно. Но какъ опрометчиво было намѣреніе Гаспарино да Барзиццы по собственному соображенію дополнить и возстановить сочиненія Цицерона Объ ораторѣ и Институціи Квинталіана, дошедшія до него въ искаженномъ видѣ и съ пропусками! Конечно, онъ былъ хорошо знакомъ съ Цицерономъ и посвятилъ много времени на исправленіе его сочиненій. Но онъ, очевидно, не ясно сознавалъ границы возможнаго. Его трудъ потерялъ всякое значеніе, когда Поджіо нашелъ въ С. Галленѣ полнаго Квинтиліана, а Ландріани въ Лоди исправный текстъ книгъ Объ ораторѣ [2].

Во Флоренціи главнымъ образомъ Никколи держался болѣе основательнаго метода. Онъ ясно сознавалъ, что старинныя рукописи, которыя давались лишь на время, слѣдовало списывать прежде всего точно, чтобы сохранить текстъ на будущее время. А такъ какъ онъ не надѣялся ни на одного переписчика, то охотно бралъ этотъ трудъ на себя. Лукреція и Колумеллу, присланныхъ ему Поджіо, онъ переписалъ вѣрно, такъ же какъ и Геллія съ одного стариннаго экземпляра. Въ другихъ случаяхъ, когда были подъ руками разныя рукописи, онъ, разумѣется, тоже исправлялъ текстъ сравненіемъ и по соображенію, но по своему характеру не могъ поступать произвольно и опрометчиво [3]. Другъ его Траверсари, по видимому, больше исправлялъ тексты по собственному разумѣнію и вкусу. Когда Барбаро послалъ ему своего Лактанція, испещреннаго ошибками, то онъ обѣщалъ возвратить его не только совершенно исправленнымъ, но и на отличномъ латинскомъ языкѣ [4]. Поджіо приступалъ къ дѣлу съ необычайною самоувѣренностью, какъ будто высшая сила внушаетъ ему, какія выраженія долженъ былъ употребить древній писатель. Когда онъ вмѣстѣ съ Зомино да Пистойя списывалъ въ Констанцѣ найденнаго

---

[1]) См. томъ I стр. 199. Переписчикъ Цицероновыхъ epistolae ad familiares прибавилъ на поляхъ варіанты съ Additio Colucii, Coluccius correxit etc. Bandini Catal. codd. lat. T. III p. 660.

[2]) Томъ I стр. 223. 230.

[3]) См. томъ I стр. 226. 277. Методъ Никколи понялъ уже хорошо Angelus Politianus Epistt. et Miscell. Antv. 1567, p. 536. 547.

[4]) Emendatissimus, eruditus, latinus et urbanus, говоритъ онъ въ epist. VI, 7 rec. Canneto.

въ С. Галленѣ Асконія Педіана, то Зомино обозначалъ мѣста, которыхъ не могъ прочесть, пропусками, а Поджіо, который тоже не могъ ихъ разобрать, или совсѣмъ пропускалъ, или пополнялъ эти пробѣлы и рѣшалъ затрудненія смѣлыми догадками [1]). Какъ впослѣдствіи онъ исправилъ Филиппики Цицерона съ помощью одной старинной рукописи, которая тоже была обильна ошибками, такъ и теперь долго не задумываясь сглаживалъ слогъ писателя [2]).

Мы не знаемъ, какъ Ауриспа исправилъ Тибулла, но, навѣрное, съ знаніемъ дѣла и вкусомъ. Но потомъ этотъ поэтъ попалъ въ руки жалкаго Томмазо Сенеки, который долженъ былъ списать его для одного риминійскаго врача. Но онъ не хотѣлъ работать какъ простой переписчикъ, а спрашивалъ совѣта у друзей во Флоренціи касательно разныхъ мѣстъ; нѣкоторыя выраженія онъ прибавлялъ «тоже по внушенію свыше» и дополнялъ изъ собственной головы то, чего не доставало или нельзя было прочесть въ подлинникѣ. Наконецъ онъ увѣрялъ своего заказчика, что въ Италіи нѣтъ книги болѣе исправной чѣмъ этотъ Тибуллъ, просмотрѣнный имъ [3]).

Гварино постоянно старался исправлять плохіе тексты, которые ему попадались при ученыхъ занятіяхъ и въ школѣ. Указываютъ на два или три коренныхъ труда въ этомъ родѣ, принадлежащихъ ему. Мы вскорѣ упомянемъ объ его Ливіи и Плавтѣ. Заслуги Гварино, оказанныя имъ земляку своему Катуллу, цѣнились такъ высоко, что впослѣдствіи ему приписывали даже открытіе его стихотвореній, хотя ихъ знали еще Петрарка и Салютато [4]). Еще извѣстнѣе былъ его текстъ Естественной исторіи Плинія. Но только спеціальное изслѣдованіе можетъ рѣшить, какъ онъ выполнилъ подобную задачу. Конечно, и онъ хотѣлъ только возстановить понятный текстъ [5]).

---

1) Kiesling et B. Schoell ad Ascon. Pedian. Praefatio p. XXX.

2) Poggius epist. III, 17 ed. Tonelli. Его самонадѣянность видна въ словахъ, обращенныхъ къ Никколи: Sed scis in talibus me esse satis sagacem.

3) Его письмо къ врачу Джіованни до Комини отъ 22 ноября 1434 г. въ Tibullus rec. Baehrens, Lips. 1878, p. VIII. См. томъ I стр. 584.

4) Въ письмѣ изъ Феррары отъ 26 іюля 1456 г., которое можетъ принадлежать только Гварино и находится въ одной рукописи графа Аппони въ Будапештѣ, говорится: Catullum ubi meliorem fecero, ad proprios lares remeare compellam. Ср. Giuliari Della lett. Veron. p. 33.

5) Rosmini Vita di Guarino vol. II p. 5. О Плиніи Гварино свидѣтельствуетъ Valla Opp. p. 602. Амброзіанскій списокъ имѣетъ такую приписку: Emendavit c. v. Guarinus Veronensis, adiuvante Guilelmo Capello. Ferrariae in aula principis an. incarn. verbi 1433 VI. Cal. sept. Giuliari Della lett. Veron. p. 26. 296. Объ исправленномъ комментаріи Сервія къ Энеидѣ см. тамъ же p. 30.

Задача—очистить текстъ Ливія отъ ошибокъ и неясностей, занимавшая еще Петрарку, осталась нерѣшенною и послѣ него. Къ сожалѣнію, мы лишь случайно узнаемъ о подобныхъ трудахъ, за которые въ болѣе скромномъ размѣрѣ брался каждый гуманистъ. Такъ Валла разсказываетъ намъ о нѣкотораго рода коммиссіи, которая по почину кардинала Колонны принялась во Флоренціи за болѣе основательное исправленіе Ливія. Случай собрать для этой цѣли лучшихъ ученыхъ представился во время пребыванія римскаго двора въ этомъ городѣ при Евгеніи IV. Л і о н а р д о Б р у н и, по видимому, былъ главнымъ представителемъ этого кружка; въ немъ участвовали Марсупини, Ченчи, Поджіо, Бьондо и нѣкоторые другіе гуманисты. Невѣроятно и несообразно съ характеромъ этихъ исправителей, чтобы они придавали особое значеніе болѣе раннимъ рукописямъ. Результатомъ было, конечно, исправленіе текста множествомъ разнообразныхъ догадокъ, внушенныхъ общимъ пониманіемъ языка. Какъ извѣстно, каждый въ этой области лелѣетъ только созданіе своихъ увлеченій. Отсюда легко объясняется, почему Валла находилъ пересмотръ Бруни неосновательнымъ, равно какъ и подобные труды Гварино относительно Ливія. Онъ даже имѣлъ случай заявить свое превосходство въ этомъ отношеніи. Когда Беккаделли читалъ Ливія въ библіотекѣ Альфонса, короля Неаполитанскаго, и при этомъ сообщалъ свои догадки и объясненія, то Валла нерѣдко горячо возражалъ ему, и король съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за споромъ своихъ филологовъ. Оба бойца наперерывъ хвалились передъ государемъ, что могутъ исправить всѣ испорченныя мѣста у Ливія. Королевскій экземпляръ былъ полученъ изъ Флоренціи: Козьма Медичи прислалъ его въ подарокъ Альфонсу, когда онъ хлопоталъ тамъ о Ливіи. Исправленіе этой рукописи, сначала шести книгъ, въ которыхъ повѣствуется о второй пунической войнѣ, принялъ на себя Бартоломео Фаціо, придворный исторіографъ, врагъ Валлы, и при этомъ ему помогалъ генуэзецъ Джіакомо Курло [1]). Противъ этихъ поправокъ Ливія направилъ Валла свое полемическое сочиненіе. Хотя онъ обнаружилъ мало перевѣса надъ своимъ соперникомъ, въ отношеніи методы, однако былъ убѣжденъ, что возстановилъ каждое выраженіе въ его «первобытной чистотѣ [2])».

Труды надъ Плавтомъ тоже показываютъ намъ, какъ поверхностно относились въ то время къ критикѣ текста. Когда кардиналъ Орсини

[1]) Послѣдній былъ, кажется, не больше, какъ хорошо образованный переписчикъ. Delisle Le cabinet des manuscrits. T. 1 p. 221 помѣчаетъ Юстина, переписаннаго имъ для короля Альфонса

[2]) Valla Opp. p. 601. 602. 603. 446, гдѣ онъ говоритъ о pristina sinceritas.

получилъ изъ Германіи рукопись, заключавшую въ себѣ двѣнадцать новыхъ комедій Плавта, то критикѣ предстояло рѣшить простой вопросъ, такъ какъ тутъ не приходилось дѣлать сличенія съ другими рукописями. Но затрудненія въ чтеніи, пониманіи и распредѣленіи ролей требовали неистощимаго терпѣнія и постояннаго напряженіи ума. Этими качествами гуманисты обладали въ незначительной степени; они старались поскорѣе кончить дѣло и наслаждаться чтеніемъ писателя. Поджіо чувствовалъ себя способнымъ исправить новыя рукописи, привести ихъ въ порядокъ и съ своею геніальною поспѣшностью дать имъ приличный видъ. Но прежде всего онъ не получилъ рукописи Плавта, потому что кардиналъ думалъ издать ее самъ, а потомъ по настоятельнымъ просьбамъ послалъ въ Миланъ, Феррару и Флоренцію. Всюду были сняты съ нея копіи и сдѣланы исправленія. Въ Феррарѣ этимъ занимался Гварино, во Флоренціи—Никколи и Траверсари. Эти копіи потомъ распространялись, а текстъ постоянно передѣлывался и искажался. Веспазіано признаетъ на Поджіо и Грегоріо Корраро ту заслугу что они установили и очистили текстъ. Поэтъ Беккаделли продолжалъ работать надъ Плавтомъ на основаніи рецензіи Гварино, которую онъ получилъ, вѣроятно, отъ квестора герцога миланскаго, Камбіо Замбеккари. Онъ обѣщалъ своему другу возвратить текстъ римскаго комика вполнѣ исправнымъ. Какъ поэтъ понималъ это, показываетъ другой случай, когда онъ тому же другу обѣщалъ при чтеніи просматривать и исправлять Энеиду Виргилія, а взамѣнъ того просилъ его оказать ему ту же услугу относительно Ливія. Беккаделли любилъ Плавта, но онъ былъ не ученый, а просто вѣтряный поэтъ. Когда нѣсколько молодыхъ людей просили его объяснить имъ нѣкоторыя мѣста у римскаго комика, то онъ указалъ имъ на Гаспарино Барзиццу. Послѣдній могъ легко достать копію, въ Миланѣ. Но поэту Беккаделли Плавтъ не обязанъ ничѣмъ, не говоря уже о чемъ либо хорошемъ [1]). Первый издатель его комедій нашелъ въ 1572 г. новыя двѣнадцать пьесъ въ рукописяхъ такъ перепутанными и исковерканными, что сравни-

---

1) См. томъ I стр. 241. Beccatelli Epist. Neap. 1746 p. 4. 5. 7. (Письма, которыхъ нѣтъ въ другихъ изданіяхъ). Epist. Gall. III, 2. 3. Schepff Antonius Panormita der Verfasser von Plautuscommentarien.... въ Blätter für das Bayerische Gymnasial-und Real-Schulwesen Jahrg XVI 1880. S. 97 ff. Вѣнскій кодексъ у Endlicher Catal. codd. philog. lat. bibl. Palat. Vindob. p. 2, содержащій 20 комедій Плавта, въ числѣ прежнихъ владѣтелей упоминаетъ и объ Antonius Panormitanus, но невѣрно обозначенъ saeculi XV exeuntis. Тогда можно бы было изучить вопросъ о мнимой рецензіи Беккаделли, если это стоитъ труда.

валъ возстановленіе ихъ съ двѣнадцатью подвигами Геркулеса. Однако онъ открылъ, что всѣ рукописи произошли отъ одного основнаго типа [1]).

Только книгопечатаніе указало должныя границы и сообщило новое направленіе стремленіямъ критиковъ текста. Оно создало прочные тексты, которые всюду были доступны для ученыхъ, и облегчило пониманіе дѣла и дальнѣйшія усилія. Въ сущности это дѣло было таково, что редакторъ, отдававшій въ печать, т. е. распространявшій свой трудъ, долженъ былъ работать серьезнѣе и добросовѣстнѣе гуманиста, смѣло пускавшаго въ ходъ всякую догадку.

Въ комментаріи, объясняющемъ классическаго писателя, естественнымъ образомъ имѣлось въ виду школьное толкованіе. Поэтому многіе письменные труды этого рода въ томъ видѣ, какъ они сохранились, представляютъ не плодъ серьезныхъ умственныхъ усилій извѣстнаго автора, а записки какого нибудь ученика, который уловилъ самыя простыя свѣдѣнія, да и то часто невѣрно. Но рядомъ съ этимъ есть и серьезныя работы, исполненныя тщательно для любителей литературы. Часто они посвящены извѣстнымъ лицамъ, какъ самостоятельныя сочиненія. Вѣнецъ подобнаго рода дѣятельности составляетъ ученый комментарій филолога, который уже не довольствуется формою простаго толкованія и глоссы, а заимствуетъ изъ своихъ книжныхъ знаній и побочныя свѣдѣнія и обращаетъ такимъ образомъ свой комментарій въ сокровищницу всякаго рода учености. Начало подобному направленію положилъ августинецъ Діониджи, а закончилъ его Никколо Перотти.

Братъ Діониджи де Роберти, или, какъ его чаще называютъ, Діониджи изъ борго Санъ Сеполькро, другъ Петрарки, но годомъ старше его, въ теченіи многихъ лѣтъ съ большимъ успѣхомъ занимался преподаваніемъ въ неаполитанскомъ университетѣ. Въ это время, безъ сомнѣнія, онъ составилъ комментаріи къ сочиненіямъ Виргилія, навѣрное, къ его Энеидѣ, къ Превращеніямъ Овидія, къ трагедіямъ Сенеки, къ Реторикѣ и Политикѣ Аристотеля. Но если мы не ошибаемся, то все это были—лекціи, распространенныя его учениками. Такъ какъ отъ нихъ ничего не осталось, то мы можемъ только предполагать, что онъ и здѣсь сообщалъ многое изъ запаса своей необыкновенной учености. Во всякомъ случаѣ при началѣ гуманизма онъ первый далъ широкіе размѣры толкованію классиковъ въ университетѣ. Но наибольшую славу пріобрѣлъ себѣ Діониджи подробнымъ комментаріемъ къ девяти книгамъ Валерія Максима, которыя, по своей тѣсной связи съ моралью, пользовались уваженіемъ

---

[1]) Предисловіе Георгія (Мерулы) Александрійскаго у Botfield Prefaces p. 141.

еще въ средніе вѣка и сохранил его за собою въ вѣкъ Петрарки и Боккачіо. Трудъ Діониджи былъ систематическій и посвященъ кардиналу Джіованни Колонна. Цѣлью автора было главнымъ образомъ объяснить историческіе примѣры Валерія другими источниками, особенно Ливіемъ, а также Цицерономъ, Сенекою, блаженнымъ Августиномъ, Григоріемъ и Амвросіемъ. Братъ Діониджи былъ не критикъ текста и не грамматикъ [1]).

Тотъ Пьетро да Мульо, который преподавалъ въ Болоньѣ грамматику и реторику, тоже объяснялъ классическихъ писателей. Но единственное, что намъ осталось отъ него, это—стихи для заучиванія на память. По нимъ ученики должны были усвоивать себѣ содержаніе трагедій Сенеки—пріемъ еще весьма любимый, хотя онъ и заимствованъ у средневѣковой рутины [2]). Вмѣстѣ съ нимъ тамъ преподавалъ Бенвенуто Рамбальди да Имола, толкователь Данта. Были также его комментаріи къ Фарсаліямъ Лукана и къ эклогамъ Петрарки, но особенно важенъ большой комментарій къ Валерію Максиму, который онъ поднесъ въ даръ своему благодѣтелю, маркграфу Никколо д'Эсте. Тутъ онъ сильно нападалъ на другихъ ученыхъ, особенно на брата Діониджи. Но его сочиненія не удостоились печати [3]).

Къ преподавателямъ въ обширномъ смыслѣ при слѣдующемъ поколѣніи принадлежалъ Цицероніанецъ Гаспарино да Барзицца. Онъ подвизался на профессорской каѳедрѣ съ молодыхъ лѣтъ сначала въ Падуѣ, а потомъ въ Миланѣ и, безъ сомнѣнія, занимался толкованіемъ самыхъ разнообразныхъ писателей. Но его комментаріи — цѣлыя сочиненія, тщательно обработанныя. Изъ его собственныхъ словъ мы знаемъ о комментаріяхъ къ Теренцію, къ письмамъ Сенеки и къ сочиненіямъ Цицерона Объ обязанностяхъ. Надъ послѣднимъ, который Барзицца думалъ посвятить маркграфу феррарскому, онъ трудился нѣсколько лѣтъ и всячески хлопоталъ достать для справокъ старый комментарій, о которомъ онъ слышалъ. Кромѣ того Барзицца писалъ о письмахъ Цицерона, о сочиненіи его О старости, о книгахъ Объ ораторѣ, которыя были еще не въ полномъ видѣ, и о нѣкоторыхъ рѣчахъ Сенеки. Такимъ образомъ мы видимъ обильную и пло-

---

[1]) См. томъ I стр. 413. Предисловіе — самое сочиненіе не напечатано — см. у Mittarelli Bibl. codd. ms. S. Mich. Venet. p. 1174 и у Endlicher Catal. codd. bibl. Palat. Vindob. p. 85.

[2]) См. выше стр. 42. Его argumenta tragoediarum Senecae въ Catalogus codd. lat. bibl. reg. Monac. T. II P. III p. 33.

[3]) Экземпляры комментарія къ Валерію см. у Endlicher l. c. p. 84 и у Valentinelli l. c. T. VI p. 29. Rambaldi Comment. S. Divina Commedia volt. da Samburini vol. I p. IV. См. выше стр. 42.

дотворную дѣятельность, о которой однако потомство вскорѣ забыло [1].

Прочнѣе былъ успѣхъ другаго предпріятія, цѣлью котораго было не только вызвать удивленіе къ Цицерону, но и научить основательнѣе понимать его. Именно Антоніо Лоски, бывшій въ то время секретаремъ и придворнымъ поэтомъ у миланскаго герцога, написалъ объясненіе къ рѣчамъ Цицерона, сначала къ четыремъ, а потомъ и еще къ семи. Это были не просто содержанія ихъ. Лоски поставилъ себѣ задачу выше—показать, какъ Цицеронъ примѣнялъ на практикѣ свою реторическую теорію [2]. Къ двѣнадцати другимъ рѣчамъ Сикко Полентоне въ Падуѣ въ 1413 г. приложилъ краткое содержаніе. Когда потомъ въ 1416 г. Поджіо и его друзья нашли въ С.-Галленѣ Асконія Педіана, то оба помянутыхъ сочиненія считались дополненіями къ нему. Поэтому ихъ очень часто списывали вмѣстѣ съ Асконіемъ, а съ 1477 г. они распространялись и въ печатныхъ оттискахъ. По словамъ Бьондо, никакая другая книга того времени не подвинула такъ изученіе краснорѣчія [3].

Само собою понятно, что такой человѣкъ, по крайней мѣрѣ полвѣка неутомимо трудившійся на педагогическомъ поприщѣ, какъ Гварино Веронскій, объяснялъ множество древнихъ писателей. Подъ его именемъ извѣстно было много комментаріевъ, однако мы считаемъ большую часть ихъ лишь записками учениковъ, какъ напр. комментаріи къ реторикѣ къ Гереннію, къ Парадоксамъ Цицерона, къ сочиненіямъ О дружбѣ и объ обязанностяхъ, къ Валерію Максиму, къ комментаріи Сервія къ Энеидѣ, къ Аристотелю и св. Василію [4]. Неизвѣстно, издалъ ли Гварино хоть одну такую работу особою книгою съ посвященіемъ.

---

1) См. томъ I стр. 208. 464. Gasp. Barzizii Opp. ed. Furiettus p. 136. 190. 199. Jac. Phil. Bergomas Suppl. chron. fol. 274.

2) Отсюда первоначальное заглавіе, сохранившееся еще въ рукописяхъ у Bandini Catal. codd. lat. T. II p. 639 и у Zacharias Bibl. Pistor. p. 47: Inquisitio или Inquisitio artis in orationes etc. Въ печатномъ Venet. 1477 заглавіе также: Inquisitio super XI orationes Ciceronis.

3) Гаспарино да Барзицца (Opp. p. I p. 146. 206) зналъ только содержанія Лоски къ 11 рѣчамъ. О Полентоне см. томъ I стр. 398—460. и Kapp de Xicco Polentono p. 39. 40. Blondus Italia Illustr. p. 379 по ошибкѣ говоритъ о 12 рѣчахъ, объясненныхъ Лоски. Рукописи и оттиски см. у Schio Vita di Ant. Loschi p. 134.

4) Иногда на это намекаетъ заглавіе, такъ напр. у Valentinelli l. c. T. IV p. 83: Collectae in Officia Ciceronis secundum Guarinum Veronensem libri tres. Обратите вниманіе также на извѣстительныя рѣчи, которыми онъ приглашалъ къ лекціямъ; въ Catal. codd. lat. bibl. reg. Monac. T. I P. I p. 15: Guarini cr. in Ciceronem de officiis. In Valerium Maximum. Pro Ciceronis epistolis inchoandis. Сюда же относятся и Guarin. in Persium Commentariola cum Prologo у Bandini Catal. codd. lat. T. II p. 398. Число комментаріевъ, приписываемыхъ Гварино, у Giuliari Della lett. Veron. p. 295. Новѣйшіе писатели упоминаютъ и о комментаріи къ Ювеналу. Но это только стихи для заучиванія, заключающія въ себѣ содержаніе 16 сатиръ, см. Bandini Bibl. Leop. Laurentii

Напротивъ когда Антоніо Беккаделли во время своей профессорской дѣятельности въ Павіи вознамѣрился писать комментаріи къ Плавту, то онъ уже напередъ думалъ о цѣлой книгѣ. По его словамъ, его вызывали на это нѣкоторые ученики, что весьма возможно. И самъ онъ сознавалъ себя особенно способнымъ къ такой работѣ, хотя ее считали недоступною для себя люди гораздо болѣе ученые. Впрочемъ мы слышимъ только объ его намѣреніи и о томъ, что онъ хотѣлъ начать съ «Плавтовыхъ ословъ». Но если сравнить несоразмѣрность самонадѣянности веселаго поэта съ его ученостью, то мы не удивимся, что ни онъ, ни другіе не упоминаютъ о подобной книгѣ [1]). Оньибене да Лониго, преподававшій въ Венеціи, извѣстенъ былъ за автора многихъ комментаріевъ, напр. трехъ книгъ къ оратору Цицерона, одной къ Квинтиліану и одной къ Лукану. А объ его комментаріи къ Ювеналу мы знаемъ даже, что во Введеніи къ нему говорилось о заглавіи, о жизни поэта, его характерѣ, стремленіяхъ, числѣ книгъ и т. под. [2]). Относительно Георгія Трапезунтскаго остается подъ сомнѣніемъ, не были ли его объясненія къ Филиппикамъ Цицерона и къ рѣчи за Лигарія просто лекціями, такъ какъ упоминается объ ихъ парафрастической формѣ [3]). Валла, его соперникъ по университету, упоминаетъ о сочиненіи касательно Реторики къ Гереннію, написанномъ имъ самимъ, но еще неизданномъ [4]). Парафразы къ войнѣ съ Катилиною Саллюстія нѣсколько разъ печатались подъ его именемъ; хотѣли отрицать ихъ принадлежность ему по причинѣ ихъ слабаго достоинства, [5]), но, разумѣется, безо всякаго основанія: въ этомъ случаѣ тоже можно допустить, что это записки ученика, составленныя согласно его скромнымъ потребностямъ и пониманію. И комментарій къ Квинтиліану, хорошо засвидѣтельствованный, содержитъ въ себѣ много пустяковъ, однако мы въ нихъ узнаемъ вполнѣ Валлу, когда онъ указываетъ на древнія надписи

T. I p. 506 и у Endlicher l. c. p. 116, а по Tabulae cod. ms. bibl. Vindob. voi. V p. 123 они принадлежать Бат. Гварино, котораго, подобно отцу, довольно часто называютъ Gvarinus Veronensis и котораго сочиненія не всегда можно отличать отъ сочиненій отца.

[1]) Beccatelli Epistt, Neap. 1746, p. 5. Тутъ онъ тѣмъ охотнѣе хочетъ приняться за комментаріи, quod nonnuiis bene litteratees hominibus dura nimis provincia visa est et res omnino desperata. Ep. Gall. I, 36. Т. что нѣкоторые весьма ученые люди признали эта задачу весьма трудною, почти невозможною.

[2]) См. томъ I стр. 392. На тѣ сочиненія указываетъ Bergomas fol. 279,—О Ювеналѣ Muccioli Catal. codd. ms. Malatesti Cesen. T. II p. 147. Fabricius Bibl. lat. med et inf. lat. ed. Mansi T. V, p. 164.

[3]) Bergomas fol. 284. Saxius p. 157. Hodius p. 116.

[4]) Recrim. in Facium Opp. p. 628.

[5]) Zumpt въ Schmidt's Zeitschrift für Geschichtswissenchaft, Bd. IV, Berlin 1845, s. 410.

и ихъ правописаніе, сравниваетъ разныя надписи, чтобы возстановить вѣрный текстъ, указываетъ на его порчу, когда сообщаетъ матеріалъ изъ своего запаса словъ, бранитъ древнихъ грамматиковъ, напротивъ сочиненія римскихъ юристовъ признаетъ образцами хорошей латыни [1]. Мы понимаемъ и тотъ упрекъ, который часто дѣлали Валлѣ въ Римѣ за его толкованія, именно что онъ разражался рѣзкими нападками не только противъ живыхъ, но и давно умершихъ, даже противъ классиковъ и отцовъ Церкви. Эту манеру выставлять на видъ свое превосходство передъ безотвѣтными въ ущербъ другимъ потомъ усвоилъ въ Римѣ Домиціо Кальдерино, который объяснилъ столь многихъ прозаиковъ и поэтовъ [2]. Это предки необузданныхъ филологовъ.

Слѣдуетъ упомянуть также о комментаріяхъ, которыя написалъ Гульельмо Бекки, генералъ августинскаго ордена, впослѣдствіи епископъ фіэзоланскій, къ Этикѣ, Экономикѣ и Политикѣ Аристотеля. Они первые были составлены не по греческому тексту, но уже по переводамъ Ліонардо Бруни и съ тѣмъ вмѣстѣ выходятъ изъ колеи средневѣковаго преданія [3].

Заключимъ нашъ обзоръ исполинскимъ трудомъ Никколо Перотти, надъ которымъ онъ работалъ уже будучи епископомъ до послѣднихъ дней своей жизни. Когда-то друзья побуждали его исправить искаженныя произведенія Марціала. И онъ, проведши много безсонныхъ ночей, собралъ такую громадную массу матеріала и такъ подготовился, какъ будто хотѣлъ разработать языкъ и содержаніе всѣхъ произведеній римской литературы. Однако все-таки онъ далеко не сдѣлалъ всего: имъ комментирована лишь небольшая часть произведеній Марціала. Разсказываютъ также, что онъ счелъ не совсѣмъ приличнымъ для епископа заниматься непристойнымъ поэтомъ. Племянникъ его, Пирро Перотти, издалъ это сочиненіе уже послѣ смерти автора и озаглавилъ эту безпорядочную книгу, сокровищницу разнообразной учености, Рогъ изобилія (Cornucopiae). «У кого есть эта книга, говоритъ Веспазіано, тотъ можетъ узнать обо всемъ, относящемся къ области латинскаго языка, безъ

---

1) Quintiliani Institutiones cum commento Laurentii Vallensis etc. Venetiis 1494. Къ сожалѣнію, только до fol. g. 6, можно ясно отличить, что̀ принадлежитъ Валлѣ Bergomas fol. 283 знаетъ хорошо in Quintilianum commentarios dignissimos Валлы.

2) Paulus Jovius Elogia doctor viror. 21 отлично характеризуетъ его: Ambitioso quidem et nimis aculeato dicendi genere ex aliena inseitia, dum intemperanter perstringit atque remordet, nomen quaerens etc. О комментаріяхъ Кальдерино († 1477) есть разныя свидѣтельства у Giuliari Della lett. Veron. passim.

3) Bandini Bibl. Leop. Laurent. T. 1 p. 453 seq. Комментарій къ Этикѣ относится къ 1455 г., а къ Экономикѣ къ 1467, къ Политикѣ — къ 1476. Въ Предисловіи къ Экономикѣ Бекки прямо говоритъ, что къ лучшему тексту до сихъ поръ нѣтъ комментарія. Но ошибочно приписывать его самому Бруни.

«словарей, грамматикъ и комментаріевъ». Тутъ уже проглядываетъ духъ голландской учености [1]).

Какъ возникла страсть къ изслѣдованію надписей какъ научились цѣнить ихъ, какъ памятники древности и древнѣйшаго латинскаго языка, объ этомъ мы уже говорили. Коло ди Ріенцо первый пытался разбирать ихъ и по нимъ составить понятіе о величіи древняго Рима. Салютато, который принималъ за точку отправленія свои орфографическія занятія, указалъ молодому Поджіо на задачу собрать въ Римѣ и спасти то, что еще найдется. Мы помнимъ, какъ охотно странствовалъ послѣдній по Риму и Кампаньѣ, ища древнихъ надписей, списывая ихъ и составляя сборникъ. Потомъ неутомимый Чиріако Анконскій исполнялъ задачу своей жизни въ качествѣ туриста-изслѣдователя. Всюду въ доступномъ ему мірѣ онъ отыскивалъ надписи латинскія и греческія и вносилъ ихъ въ свои антикварные комментаріи. Этотъ человѣкъ, самъ сильно возбужденный, производилъ громадное вліяніе на другихъ. Множество надписей, которыя онъ обыкновенно сообщалъ своимъ итальянскимъ друзьямъ, Никколи, Бруни, Марсуппини, Гварино, Веджіо, Бьондо, а въ особенности Филельфо, вскорѣ сдѣлались плодотворнымъ достояніемъ науки [2]). Съ тѣхъ поръ ни одинъ гуманистъ не проходилъ равнодушно мимо этихъ остатковъ древности. Ими пользуются какъ источниками древней исторіи и характеристики нравовъ, какъ достовѣрными памятниками языка отъ такого времени, до котораго не восходятъ и самыя древнія рукописи. Конечно, не одинъ ученый составилъ себѣ небольшія собранія ихъ. Такъ напр. мы можемъ смѣло утверждать это о Лоренцо Валлѣ, который въ своихъ грамматическихъ и объяснительныхъ сочиненіяхъ постоянно ссылается только на то, что самъ видѣлъ, а не на прежнія собранія. Когда онъ однажды вознамѣрился изъ Неаполя посѣтить свой отечественный городъ Римъ, то обѣщалъ привезти свои tituli (надписи) и передать Ауриспѣ; быть можетъ, и его Эпитафіи были такимъ-же собраніемъ [3]). Извѣстенъ также сборникъ Помпоніо Лето. Около 1460 г. нѣмецъ Лаврентій Пегемъ (Бегаймъ?), былъ больше 20 лѣтъ близкимъ человѣкомъ у кардинала Родриго Борджіи и составилъ прекрасное собраніе надписей города

---

[1]) Nicolaus Perottus Cornucopiae ed. Aldina 1513. Vespasiano Vescovo Sipontine § 3. Перотти приписываютъ и комментарій къ одамъ Горація.

[2]) См. томъ I стр. 247—248 и выше стр. 13.

[3]) Валла пользовался рукописями и въ упомянутомъ комментаріи къ Квинтиліану fol. d, 5. d, 6. Въ письмѣ къ Ауриспѣ отъ 31 декабря (1444 г.) въ Epistolae principum, Amst. 1644, p. 359. Валла говоритъ: Feram et Elegantias meas cum titulis etc. Что это иначе можетъ значить?

Рима; это сообщаетъ Гартманъ Шедель, который списалъ ихъ. Въ римской рукописи, по которой собиратель обыкновенно называется Anonymus Marucellianus, его имени нѣтъ. Дѣйствительно ли Лаврентій списалъ свои надписи съ камней, былъ ли онъ больше, чѣмъ простой компиляторъ или переписчикъ? Этотъ вопросъ, вѣроятно, можно было бы рѣшить, если бы сравнить надписи, нѣсколько разъ приведенныя въ сочиненіяхъ Валлы, Бьондо и Веджіо, съ его надписями [1]). Мы уже упоминали о томъ собраніи, которое закончилъ Падуанецъ Джіованни Марканова около 1460 г. и впослѣдствіи еще раза два дополнялъ [2]).

Маффео Веджіо былъ первый, котораго уваженіе къ остаткамъ языческой древности заставило обратить вниманіе и на христіанскіе памятники древняго Рима. Онъ изучалъ римскіе храмы съ ихъ памятниками и древностями и въ своихъ достопамятностяхъ храма Св. Петра сообщаетъ рядъ надписей христіанской эпохи, замѣчая мѣстами, что, вслѣдствіе порчи отъ времени, ихъ почти нельзя было разобрать [3]).

«Поэты и ораторы» обыкновенно любили называть себя поклонниками древности и подражателями ея литературѣ. «Поэтами» ихъ называли въ Италіи и Германіи, терминъ, который, во времена Петрарки и Салютато обозначалъ божественнаго пѣвца, а спустя столѣтіе обнищавшаго генія. Было ли упражненіе въ поэзіи и краснорѣчіи на письмѣ и устно новымъ отличительнымъ признакомъ этихъ людей? Эклоги по образцу Виргилія и посланія по образцу Горація сочиняли еще Алкуинъ и Теодульфъ. Почти всѣ роды поэзіи, которые можно было заимствовать у древнихъ, и въ средніе вѣка имѣли своихъ представителей. Правда, гуманисты отвергали леонинскій стихъ [4]) какъ варварскій, изобрѣтенный монахами. Но гекзаметрами безъ риѳмъ довольно часто писали и въ средніе вѣка, въ особенности въ Италіи, Франціи и Англіи, и даже крупныя произведенія [5]). Новымъ было не возвращеніе къ размѣрамъ и поэтическимъ формамъ древнихъ римлянъ; новостью были скорѣе сами поэты. Они довольно сильно и смѣло

---

[1]) Объ anonymus Marcellianus см. Henzen въ Corpus inscr. lat. Vol. VI P. p. XLII.

[2]) См. томъ I стр. 402.

[3]) См. выше стр. 37.

[4]) Леонинскими стихами назывались стихи по имени средневѣковаго поэта Лео, или, какъ другіе полагаютъ, по имени папы Льва II. Поэты нерѣдко писали въ тѣ времена такими гекзаметрами и пентаметрами, средина и конецъ которыхъ риѳмовались.

Прим. перев.

[5]) См. Панненберга о Лигуринѣ въ Forschungen zur deutschen Geschichte Bd. XI, Gött. 1871, s. 184, 190. 191.

выступаютъ со временъ Петрарки, какъ личности, на передній планъ. Ихъ искусство служитъ для нихъ не временнымъ только занятіемъ, а призваніемъ жизни; они составляютъ особый классъ людей, сословіе, которое создаетъ себѣ свои формы жизни и сношеній и, слѣдуя общему направленію, трудятся надъ созданіемъ новой литературы. Это даетъ возможность также прослѣдить развитіе этой литературы не только въ дѣятельности отдѣльныхъ поэтовъ, но и въ цѣлой группѣ ихъ.

Пока Виргилій былъ чтимымъ идеаломъ всѣхъ поэтическихъ стремленій, и тѣ роды поэзіи, въ которыхъ блисталъ его геній, преимущественно вызывали на подражаніе. Не будь Энеиды, не явилось бы и Божественной комедіи. Въ Эклогахъ Дантъ и Джіованни ди Вирджиліо обмѣнивались своими воззрѣніями на міръ и искусство. И Петрарка облекалъ свои таинственные сюжеты въ форму буколической эклоги, и въ этой таинственности видѣлъ сущность поэзіи. Тутъ легко было скрывать подъ формою аллегоріи личные и полемическіе намеки, къ которымъ онъ такъ любилъ прибѣгать. Онъ нерѣдко придавалъ лирическій характеръ канцоны поэтическому посланію, въ которомъ образцомъ его былъ Горацій. Петрарка высоко цѣнилъ героическую поэму, принимаясь за Африку, но вмѣстѣ съ тѣмъ показалъ своимъ примѣромъ, какъ трудно достичь этой высоты, такъ что послѣ него лишь немногіе рѣшались браться за подобную задачу. Конечно, для его таланта были доступны размѣры оды и элегіи, но, по видимому, ритмъ ихъ остался чуждымъ его слуха или онъ не любилъ ихъ. То, что поэтъ могъ въ нихъ выразить, онъ любилъ выражать мелодическимъ народнымъ языкомъ, риѳмуя стихи.

Хотя впослѣдствіи Петрарка любилъ относиться съ пренебреженіемъ къ своимъ Rime, однако онѣ продолжали очаровывать читателей даже тогда, когда его латинскія стихотворенія читались мало или совсѣмъ не читались. Въ теченіе всего XV в. и дольше лучшіе люди гуманистической школы пробовали подражать имъ: Боккачіо, Салютато, Ліонардо Бруни и Леонъ Баттиста дельи Альберти пѣли на манеръ Петрарки. Леонардо Джустиніани, благородный венеціанецъ, въ юные годы воспѣвалъ въ своихъ пѣсняхъ любовь и ея муки, а въ позднѣйшіе—славу Пресвятой Дѣвы Маріи и святыхъ. Маріано де'Содзино, ученый профессоръ правъ, и Доменико де Капраника, серьезный кардиналъ, сочиняли канцоны и сонеты. Этимъ же занимались воскреситель мертвыхъ Чиріако Анконскій и Эней Пикколомини, впослѣдствіи папа Пій II [1]). Изъ владѣтельныхъ лицъ веселому ис-

[1]) И Филельфо въ спискѣ своихъ книгъ въ Indagini s. libreria Visc. Sforza Append. ulla Parte prima p. 10 называетъ Canzoni et sonetti infiniti. И въ какомъ они забвеніи.

кусству посвящали себя Ліонелло д'Эсте и Гисмондо Малатеста риминійскій. Такъ какъ герцогъ миланскій Филиппъ Марія былъ поклонникомъ музы Петрарки, то ее должны были чтить и его придворные поэты, Дечембріо и даже Филельфо, который съ досадою обращался къ «народной рѣчи». Но въ половинѣ вѣка языкъ древняго Рима и античная поэзія играютъ такую важную роль, что современники тѣхъ людей считаютъ почти не стоящимъ труда говорить о своихъ любовныхъ мечтаніяхъ, выраженныхъ на народномъ языкѣ. Они постоянно считались одною забавою; молодые годы были забыты, а люди зрѣлаго возраста смотрѣли на это дѣло лишь какъ на развлеченіе. Эта поэзія не была ступенью къ славѣ, произведенія ея были слабо распространены между друзьями и впослѣдствіи рѣдко печатались, поэтому большею частію потеряны. Только къ концу вѣка, когда итальянскій народъ былъ глубоко оскорбленъ и униженъ вторгшимися чужеземцами, снова пробудилась любовь къ родному языку и, коренясь въ двухъ минувшихъ эпохахъ, привела къ процвѣтанію классическо-романтической поэзіи въ Италіи.

Пастушеская поэзія съ ея таинственными покровами долгое время была еще въ модѣ и послѣ смерти Петрарки, въ какой напр. была поэзія загадокъ въ эпоху Каролинговъ. Боккачіо писалъ и эклоги по его образцу, конечно столь же слабо, какъ онъ и вообще оказывается слабымъ въ своихъ латинскихъ стихахъ. Салютато въ молодые годы тоже былъ страстнымъ поклонникомъ буколической музы. Это онъ самъ сознаетъ и это же доказываютъ его шесть эклогъ, которыя читалъ еще Филиппо Виллани. Друзья его, какъ напр. Томмазо сэръ Риджи изъ Перуджіи, посылали ему свои пастушескія стихотворенія, и онъ радовался, если имена лицъ, выведенныхъ въ нихъ, были искусно придуманы и глубокій смыслъ былъ прикрытъ красивою аллегорическою формою [1]). Но, по видимому, въ его время уже и ею тяготились если смыслъ былъ слишкомъ теменъ или не стоило труда разгадывать его. Салютато выразилъ даже одному лицу, неизвѣстному намъ, недовольство, когда имена въ его буколикахъ и аллегорія не вызывали никакой мысли. Онъ намѣревался отплатить тѣмъ же своему другу, слишкомъ глубокомысленному, но потомъ счелъ эту забаву недостойною себя [2]). Потому эклоги были оставлены на долгое время. Намъ сообщаютъ лишь какъ отдѣльный фактъ, что Пьеръ Кандидо Дечембріо сочинилъ подобное

---

[1]) Salutato epist. 15 ed. Mehus.

[2]) Его письмо къ неизвѣстному по списку Laurentiana, о которомъ упомянулъ и Bibl. Leop. Laurent. T. II p. 429, у Hortis Studia s. op. lat. del Boccaccio p. 67.—

произведеніе подъ заглавіемъ Галатея, а нѣкто Джіакомо бельи Аллегретти изъ Форли даже отличился въ этомъ поэтическомъ родѣ [1]).

Позднѣйшіе гуманисты мало по малу перестали отдавать предпочтеніе отдѣльнымъ родамъ поэзіи и размѣрамъ и желали прославиться именно разносторонностью. Они старались по возможности подражать всему тому, съ чѣмъ познакомились въ римской литературѣ, а особенно прекраснымъ и заманчивымъ образцамъ, сатирамъ, посланіямъ, элегіямъ и эпиграммамъ, рѣже дидактическимъ поэмамъ, одамъ и гимнамъ. Намъ остается здѣсь только указать на самыхъ извѣстныхъ поэтовъ, хотя они часто—простые стихотворцы. Но эпосъ и драму мы отложимъ до особаго обзора.

О Гварино—отцѣ намъ сообщаютъ, что онъ писалъ множество мелкихъ стихотвореній, въ особенности элегій и эпиграммъ, и что онѣ встрѣчаются еще въ итальянскихъ библіотекахъ. То, что обнародовано изо всего этого, проникнуто тѣмъ же сухимъ, назидательнымъ тономъ, какъ и его письма. Отсюда намъ понятно, почему никто не собиралъ его разнообразныхъ произведеній. Почтенному ученому никогда не приходило на мысль, что поэтъ долженъ имѣть извѣстную долю таланта и идей. Онъ слагалъ стихи по правиламъ искусства, какъ училъ тому же и своихъ питомцевъ, и по завѣтному покрою. Его однообразная учительская жизнь рѣдко давала ему хорошіе сюжеты, которые могли бы вдохновлять. Указываютъ въ особенности на одно длинное стихотвореніе, сохранившееся подъ заглавіемъ Pisanus; въ немъ онъ благодаритъ живописца Виттора Пизано, извѣстнаго тоже подъ именемъ Пизанелло въ качествѣ живописца медалей. Онъ подарилъ Гварино картину, изображающую блаженнаго Іеронима. Наставникъ описываетъ ее, хвалитъ художнику ихъ общій отечественый городъ Верону и сравниваетъ поэзію съ живописью, какъ искусства родственныя [2]). Ему приписали быль и элегію Asia, но она принадлежитъ его сыну и преемнику по каѳедрѣ, Баттистѣ Гварино. И послѣдній писалъ множество стиховъ, въ особенности элегическимъ размѣромъ, но они тоже слабы по содержанію и рутинны по пріемамъ, поэтому долго оставались въ неизвѣстности, подобно стихотвореніямъ отца [3]). Судя

О другихъ произведеніяхъ Салютато, написанныхъ гекзаметромъ и пентаметромъ и неважныхъ см. томъ I стр. 193.

[1]) Saxius p. 302. Blondus Italia illustr. Opp. p. 342. Если Бьондо говоритъ про Аллегретти, что знатоки ставили его выше Виргилія, то слѣдуетъ принять во вниманіе, что онъ былъ его землякъ.

[2]) Rosmini Vita di Guarino vol. II p. 5. 66.

[3]) Только недавно Abel Analecta ad hist. renasc. in Hungaria litt. spect. сообщилъ изъ нихъ нѣчто по связи съ Венгріей, что легко найдти по указателю.

по числу рукописей и оттисковъ читалась не мало, особенно въ Германіи, только Альда, юношеское произведеніе поэта. По сюжету и по формѣ она относится къ новелламъ, поэтическому роду, не мало разрабатывавшемуся и латинскими поэтами; это исторія любовныхъ похожденій потомковъ Пирама и Тисбы. Альду, цѣломудренную дѣву, красивый и богатый лигурійскій юноша уговариваетъ бѣжать съ нимъ, но грубо оскорбляетъ передъ обѣщаннымъ бракомъ и убиваетъ, хотя по ея желанію. Увлекательная поэма, въ которой непогребенный трупъ несчастной, согласно античнымъ нравамъ, вызываетъ сострадание идущаго мимо странника, употреблялась даже для школьныхъ толкованій, какъ это доказываютъ глоссы между строками въ рукописяхъ и замѣтки на поляхъ въ печатныхъ оттискахъ [1]).

Самымъ плодовитымъ и многостороннимъ поэтомъ изъ всѣхъ своихъ современниковъ былъ, безъ сомнѣнія, Франческо Филельфо. Стиховъ онъ писалъ много, и они быстро лились изъ подъ его пера, какъ изъ неизсякаемаго источника, но за то были водянисты и слабы. Онъ считалъ ихъ по числу сборниковъ книгами и тысячами. Мы не

---

1) Alda Guarini Veronensis. Carmen elegiacum ed. Suringar. Leidae 1867. Въ этомъ новѣйшемъ изданіи есть и три самые раннie оттиска, изъ коихъ первый Liptzik s. a. есть и въ лейпцигской библіотекѣ, также упоминаются рукописи въ Лейденѣ, Готѣ и Вѣнѣ. Еще и послѣдній издатель не сомнѣвался, что авторъ ея старый Гварино. Но странно уже то, что его современники ни разу не упоминаютъ объ Альдѣ, что аккуратный Росмини не указываетъ ея въ числѣ его произведеній, что она, насколько я знаю, не упоминается въ итальянскихъ каталогахъ рукописей. Напротивъ въ Германіи Альда встрѣчается нерѣдко. Кромѣ готскаго экземпляра и глоссированнаго, находящагося въ Вѣнѣ (Tabulae vol. II p. 199), въ мюнхенской придворной библіотекѣ есть по крайней мѣрѣ три копіи (Catal. codd. lat. T. I P. I p. 79. T. II P. II p. 4. 107. Автора постоянно называютъ Guarinus Veronensis, а въ готской рукописи—poeta Veronensis. Но такъ довольно часто называютъ и Баттисту Гварино, и хотя онъ родился въ Феррарѣ, но самъ считаетъ мѣстомъ своего происхожденія Верону. См. Giuliari Della lett. Veron. p. 146. 147. Насколько мы знаемъ, отецъ его раньше не имѣлъ никакихъ связей въ Германіи, а потомъ сношенія его при сынѣ были весьма оживленныя, и нѣкоторыя изъ мелкихъ его сочиненій напечатаны въ Германіи, такъ напр. еще при жизни его два самыхъ раннихъ изданія Альды. Поэтому весьма важно, что въ вѣнскомъ кодексѣ въ концѣ Альды значилось: Finis elegie Guarini Ferrariensis, и это послѣднее слово исправлено посторонею рукою въ Veronensis. Но, мнѣ кажется, окончательно рѣшаетъ вопросъ то обстоятельство, что въ Histoire litt. de la Francae T. XXII p. 54 авторомъ Альды, безъ сомнѣнія, по рукописи, названъ Jean Baptiste Guarini de Vérone. О времени появленія ея можно только сказать, что лейденскій кодексъ написанъ въ 1464 г., а само произведеніе, вѣроятно, было кончено гораздо раньше. Это такой же случай, какой мы видѣли выше относительно стиховъ къ Ювеналу, заучивавшихся на память. О невѣроятномъ для насъ чтеніи Альды съ мальчиками 9 — 12 лѣтъ см. размѣтку у Янссена Gesch. d. deutschen Volkes seit dem Ausgang des Mittelalters Bd. I Freiburg, 1878, s. 55.

будемъ говорить здѣсь о Сфорціадѣ, которая въ восьми книгахъ содержала 6400 стиховъ, а въ трехъ остальныхъ книгахъ еще нѣсколько тысячъ, хотя первоначально авторъ хотѣлъ написать 24 книги. Но кромѣ ея Филельфо издалъ не менѣе трехъ сборниковъ мелкихъ стихотвореній. Первое мѣсто занимали сатиры, довольно большой томъ, содержавшій въ себѣ 10,000 стиховъ, который поэтъ далъ читать папѣ Николаю V и посвятилъ королю Неаполитанскому Альфонсу [1]). Мы знаемъ, что въ нихъ онъ осмѣиваетъ и позоритъ своихъ флорентинскихъ враговъ. Затѣмъ слѣдовали Carmina, или Оды: 10.000 стиховъ разныхъ размѣровъ, но для двоякаго посвященія тщательно раздѣленные на двѣ половины. Филельфо увлекала мысль писать стихи и на греческомъ языкѣ, потому что на это не рѣшался до него ни одинъ изъ латинянъ, а онъ не хотѣлъ оставить ни одного genus orationis неиспытаннымъ. Это для него было не легко; во время работы онъ просилъ Виссаріона прислать ему тѣ сочиненія, какія у него найдутся относительно количества греческихъ слоговъ, а иначе придется изучать его съ большимъ трудомъ на примѣрахъ. Однако онъ все таки написалъ три книги, содержавшія въ себѣ 2400 стиховъ. Послѣднее собраніе двустишій, эпиграммъ, элегій и разныхъ мелкихъ стихотвореній авторъ озаглавилъ—Шутка и серьезное (de iocis ac seriis). Въ немъ тоже было 10.000 стиховъ, и Филельфо, вѣрный своей методѣ, и здѣсь позаботился о раздѣленіи ихъ: первые пять книгъ онъ посвятилъ Малатестѣ Новелло чезенскому, а остальныя владѣтелю Пезарро, Алессандро Сфорцѣ. По малой мѣрѣ въ 1465 и это собраніе было готово. Мы не знаетъ, что еще послѣ этого сочинялъ Филельфи. Но, вѣроятно, муза его нѣсколько ослабѣла, такъ какъ въ послѣдніе годы посвященія не приносили особыхъ выгодъ. Еще болѣе неблагодарнымъ оказалось потомство; были изданы только декады сатиръ, а остальныя тысячи стиховъ влачатъ печальное существованіе въ нѣкоторыхъ библіотекахъ [2]).

Другіе не могли мѣряться по плодовитости съ Филельфо уже потому, что не могли посвящать музамъ всего своего времени. Антоніо Лоски писалъ посланія гекзаметрами и множество эпиграммъ, которыя впослѣдствіи его ученый сынъ раздѣлилъ на восемь книгъ.

---

1) См. томъ I стр. 480 и выше стр. 84.

2) Письма Филельфо къ Антонію Палермскому отъ 16 іюня 1456 г., къ Палла Строцци отъ 19 января, къ Виссаріону отъ 27 марта, къ Джироламо Кастелло отъ 7 апрѣля 1458 г., къ Лодризіо Кривелли отъ 1 августа 1465 г. Ode grece въ каталогѣ 1495 г. въ Archivio stor. Ital. Ser. III T. XX p. 58. О произведеніи de iocis ac seriis Saxius p. 179. По списку сочиненій въ Indagini s. libreria Visc. Sforz. App. alla Parte I p. 9 Филельфо имѣлъ въ виду продолженіе: De iocis et seriis libri duo, futuri autem quam plurimi.

Но это собраніе, по видимому, потеряно. До насъ дошло множество стихотвореній, которыя носятъ большею частію политическій характеръ. Они написаны тоже гекзаметрами и относятся ко времени его службы въ Миланѣ. Будучи папскимъ секретаремъ, онъ охотнѣе посвящалъ свободное время удовольствіямъ, чѣмъ поэзіи [1]). И Маффео Веджіо писалъ стихи въ молодые годы, и его «сельскія элегіи» пользовались даже нѣкоторымъ значеніемъ; но съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался въ Римѣ человѣкомъ благочестивымъ, онъ сочинялъ только «покаянные псалмы» и обработывалъ другіе религіозные сюжеты [2]). Поэтическимъ другомъ его юности былъ Эней Сильвій Пикколомини. И послѣдній написалъ множество стихотвореній, большая часть которыхъ относится ко времени его ученія въ Сіэнѣ, но есть и такія, которыя написаны во время пребыванія въ Базелѣ и при дворѣ нѣмецкаго императора. Это были посланія, элегіи, эпиграммы, эпитафіи, оды и одна комедія. Но особый успѣхъ имѣли его эротическія и шуточныя произведенія, подобно такимъ же произведеніямъ его товарища по школѣ, Беккаделли, съ которымъ онъ не могъ сравниться по изяществу стиха. Весьма понятно, что эти произведенія исчезли изъ литературнаго обращенія, когда поэтъ сначала сдѣлался епископомъ, потомъ кардиналомъ и папою. Однако есть надежда, что многое явится еще на свѣтъ изъ сокровищницы фамиліи Киджи, въ которой хранится и семейная библіотека Пикколомини [3]).

Поэтическіе лавры Эней дѣлилъ съ своимъ другомъ Агапито Ченчи де' Рустичи. Впрочемъ, хотя послѣдняго часто хвалятъ какъ поэта, однако и его произведенія почти всѣ утрачены, что объясняется его положеніемъ при римскомъ дворѣ [4]). И Грегоріо Корраро тоже былъ весьма плодовитый поэтъ, отличавшійся въ самыхъ разнообразныхъ родахъ еще въ мантуанской школѣ Витторино. Но когда онъ пріѣхалъ въ Римъ, то сжегъ свои эротическіе и шутливые стихи, какъ прегрѣшенія юности, и посвятилъ свою музу исключительно на служеніе христіанской религіи и ея благочестивымъ подвижникамъ. Еще кардиналъ Бембо хвалилъ шесть его сатиръ, посвященныхъ Витторино, въ которыхъ онъ бичевалъ скупость, страхъ смерти и другія слабости человѣчества. А объ его книгѣ эпиграммъ, которую онъ посвятилъ папѣ Мартину V, тотъ

[1]) См. томъ I стр. 460 и выше стр. 18. Antonii de Luschis Carmina quae supersunt fere omnia (ed. Schio) Patavii 1858. Schio Vita di Ant. Loschi p. 130.

[2]) См. выше стр. 37 Rusticanalia epigrammata и psalmos poenitentiales упоминаетъ Bergomas fol. 278. Первые часто встрѣчаются въ рукописяхъ.

[3]) См. G. Voigt Enea Silvio de Piccolomini Bd. II s. 266 ff.

[4]) См. выше стр. 19. 20.

же Бембо отозвался такъ, что ее слѣдуетъ не печатать, а предать забвенію [3]).

Слѣдуетъ вкратцѣ упомянуть и о другихъ поэтахъ, о которыхъ мы уже говорили выше. Извѣстны были лишь немногія стихотворенія Ауриспы, написанныя элегическимъ размѣромъ, но они справедливо цѣнились по ихъ необычайной прелести. А его земляка Марразіо сравнивали съ Овидіемъ и Тибулломъ. Марсуппини написалъ немного поэтическихъ произведеній, но и мы можемъ наслаждаться легкостью его гекзаметровъ. Базиніо Базини пробовалъ въ юности свои силы въ элегіяхъ, сатирахъ, буколикахъ и поэтическихъ посланіяхъ, сочинялъ сентиментальныя героиды и дидактическія Astronomica, но славы въ потомствѣ онъ ожидалъ, какъ Гомеръ, отъ героической поэмы. О, если бы содержаніе его произведеній соотвѣтствовало легкой плавности стиха! И Порчелло легко давались гекзаметры и пентаметры, но онъ ничему не научился и унизилъ свою музу до степени жалкой попрошайки. Янъ Паннонскій обладалъ несомнѣннымъ талантомъ поэтическихъ формъ, но у легкомысленнаго поэта не хватало личной типичности, выдержки для большой работы, также отдѣлки. На него подѣйствовалъ больше примѣръ Беккаделли, чѣмъ его наставника Гварино. Его эпиграммы отличались затѣйливостію и остроуміемъ, а часто и заносчивостью, свойственной юности; часто онъ также соблазнялся тѣмъ, что ему легко давались стихи и принималъ бойкіе стихи за поэзію, а звучныя риѳмы за особое достоинство. Его элегіи гораздо слабѣе: нерѣдко онѣ крайне растянуты и переполнены на школьный манеръ миѳологическо-антикварными украшеніями. Почти всѣ эти поэты имѣютъ также несчастіе увлекаться подражаніемъ; однако имъ не удается мыслить и чувствовать такъ, какъ мыслили и чувствовали древніе римляне. Но такъ какъ они не находятъ сюжетовъ для поэзіи ни въ себѣ, ни въ окружающемъ ихъ мірѣ, то ограничиваются одною формальною стороною.

У многихъ возникала мысль объ обширномъ эпосѣ при чтеніи Энеиды, но она не удавалась прежде всего вслѣдствіе того предразсудка, будто только въ древнемъ мірѣ можно найти достойный сюжетъ и достойныхъ героевъ. Петрарка въ пылу юношескаго увлеченія принялся за Сципіаду, но вскорѣ потерялъ охоту къ ней. Когда она была найдена послѣ его смерти, то въ ней разочаровались даже его поклонники, и поэма была вскорѣ забыта. Неудача Африки подѣйствовала обезкураживающимъ образомъ и на Салютато, который выбралъ

---

[3]) См. выше стр. 30. Agostini Scritt. Viniz. T. I p. 132. 134.

было своимъ героемъ царя Эпирскаго Пирра, но едва ли пошелъ дальше выбора сюжета [1]). Въ молодые годы Маффео Веджіо имѣлъ смѣлость прибавить къ Энеидѣ Виргилія, XIII-ю пѣснь въ которой онъ воспѣвалъ погребеніе царя Турна, бракосочетаніе Энея съ Лавиніею и его смерть. Она имѣла нѣкоторый успѣхъ у современниковъ. За тѣмъ слѣдовала небольшая героическая поэма, предметомъ которой была смерть Астіанакса, и болѣе обширная, въ четырехъ книгахъ, подъ заглавіемъ Золотое руно. И тутъ мы видимъ, какія оковы налагали на поэта формы и пріемы древнихъ, усвоенные ими, и миѳологическіе сюжеты. Въ годы благочестивой жизни онъ покинулъ Аполлона съ его музами и въ четырехъ книгахъ Антоніады воспѣвалъ подвиги пустынника, боровшагося съ искушеніями плоти и духа [2]). Мелеагрида и Аргонавтики Базини обличаютъ смѣлость замысла, но онѣ были неудачны уже по самому плану. Его Гесперида, посвященная прославленію его мецената Малатесты, уже принадлежитъ къ новому направленію, стремившемуся завоевать безсмертіе. И Янъ Паннонскій, еще будучи ученикомъ, рѣшился воспѣть въ эпической поэмѣ битвы старшаго Гуніади съ турками, но вскорѣ, по видимому, забылъ о планѣ ея, тѣмъ болѣе, что милостивецъ уже умеръ, когда поэтъ возвратился въ Венгрію. Наконецъ Сфорціада Филельфо по самой своей тенденціи есть искаженіе возвышенныхъ замысловъ Петрарки. Если послѣдній съ предчувствіемъ мечталъ о высшей славѣ, которою поэтъ можетъ возвеличить свой народъ, то Филельфо полагалъ, что выполнитъ задачу искусства, заставивъ сойти на землю Марса, Палладу и Афродиту и, прикрашивая пошлости своей хроники фразами о Геликонѣ и Піэридахъ. Вообще его героическая поэма была чѣмъ-то въ родѣ векселя, который онъ думалъ во имя безсмертія вымѣнять на звонкую монету.

Латинская драма была не чужда среднимъ вѣкамъ. Еще въ XII и XIII вв. извѣстно нѣсколько комедій, написанныхъ по образцу Теренція, хотя поэты употребляютъ большею частію элегическій размѣръ. Ея настоящею родиною была, кажется, Франція. Теренцій былъ и остался въ школахъ и бурсахъ классическимъ образомъ латинской разговорной рѣчи, конечно, также и школьной комедіи. Напротивъ Плавтъ — тутъ можетъ идти рѣчь только о восьми извѣстныхъ его пьесахъ — и трагедіи Сенеки были не въ ходу въ школѣ, слѣдовательно имъ

---

[1]) См. томъ I стр. 193.

[2]) Все это напечатано въ Maffei Vegii Opuscula въ Magna Bibliotheca veterum patrum T. XV, Colon. 1622, p. 955 seq. — 13-ю книгу Энеиды, слѣдуя Saxius p. 303, написалъ и Пьеръ Кандидо Дечембріо, но то, что есть въ амброз. кодексѣ, не составляетъ ста стиховъ.

и не подражали. Они читались лишь въ небольшихъ кружкахъ ученыхъ и въ монастырскихъ сферахъ [1]). Я не знаю, была ли указана хоть одна латинская трагедія во всѣ средніе вѣка. Теперь гуманистическое движеніе вызвало цѣлый рядъ новыхъ литературныхъ явленій. Съ этихъ поръ, хотя не особенно часто, встрѣчаются и подражанія трагедіямъ Сенеки. Въ комедіи ясно отражается вліяніе Плавта, особенно съ тѣхъ поръ, какъ въ 1429 г. стали извѣстны двѣнадцать новыхъ комедій его. Тутъ авторы относились свободнѣе къ формамъ, а такъ какъ сатурнинскій стихъ имъ былъ непонятенъ, то даже предпочитали писать прозою. Относительно содержанія не стѣснялись грубостями, шутками и неприличными выходками. Новыя комедіи имѣли въ виду исключительно такихъ читателей, которыхъ слѣдуетъ увеселять забавнымъ и остроумными выдумками. Сценическихъ представленій не было, и ни одинъ изъ поэтовъ не принадлежитъ ни къ латинской школѣ, ни къ университетскому кружку.

Замѣчательно и, конечно, не случайно еще одно явленіе. Ни одинъ изъ поэтовъ, которыхъ мы назовемъ, не считалъ драму своею особою областью творчества. За исключеніемъ одного, каждый изъ нихъ написалъ только по одной трагедіи или комедіи, да и то, насколько мы знаемъ, всегда лишь въ молодые годы. На драмы смотрятъ почти какъ на грѣхи юности, о которыхъ не любятъ говорить, о которыхъ непріятно вспоминать. Онѣ не были прочнымъ вкладомъ въ литературу и мало распространялись, такъ что сохранились почти случайно, даже бо́льшею частію извѣстны только по заглавіямъ.

Рядъ трагедій новаго времени началъ Альбертино Муссато въ Падуѣ свою Ecceriniis (Эццелинида), въ которой героемъ является жестокій тиранъ Эццелино. Она, очевидно, написана по образцу Сенеки и его напыщеннымъ языкомъ [2]). Еще новѣе былъ сюжетъ, выбранный Джіованни Мадзини, который изображалъ паденіе фамиліи делла Скала въ Веронѣ (1388 г.), конечно, вскорѣ послѣ этого событія [3]). Но послѣдователи ихъ снова обратились къ сюжетамъ, заимствованнымъ изъ античной миѳологіи и исторіи. Первымъ въ этой области былъ Антоніо Лоски, написавшій Ахиллеса, несомнѣнно раньше 1390 г., слѣдовательно въ молодости. Онъ заимствовалъ сюжетъ изъ Дареса Фригійскаго, а форму опять у Сенеки [4]).

---

1) Peiper въ Rheinisches Museum für Philologie N. F. Bd. 32 (1877 г.). S. 516. 532.

2) Напечатана въ его Opp. ed. Osio, Venet. 1636 и у Muratori Scriptt. T. XX p. 787.

3) Эта Caduta degli Scaligeri извѣстна мнѣ только по Schio Vita di A. Loschi p. 29.

4) Трагедія эта часто приписывалась Муссато, хотя уже Osio сомнѣвался въ этомъ. Только Скіо указалъ на рукописи, въ которыхъ авторомъ названъ Лоски, и издалъ пьесу подъ заглавіемъ Achilles, Prototragoedia Antonii de Luschis, Patavii 1843; обзоръ содержанія тоже въ его Vita di A. Loschi p. 35 seg. cf. p. 32. 30. 131.

Большимъ успѣхомъ пользовалась и не мало была распространена Прогна, трагедія 18-ти лѣтняго Грегоріо Корраро, въ которой онъ переработалъ довольно искусно въ драму извѣстный миѳъ оТереѣ и Прокнѣ, при чемъ обнаружилъ много классическихъ свѣдѣній, пріобрѣтенныхъ имъ въ школѣ Витторино. Онъ очень хорошо зналъ изъ Цицерона, что уже въ древности Акцій сочинилъ трагедію подъ заглавіемъ Терей, и сюжетъ, вызывающій ужасъ, казался ему высоко-трагическимъ. Языкъ пьесы необыкновенно силенъ и выразителенъ, разница, соблюденная въ стихахъ діалога и хоровъ, давала право ожидать отъ поэта всего лучшаго. Еще кардиналъ Бембо ставилъ эту трагедію вмѣстѣ съ упомянутыми сатирами выше всѣхъ его произведеній и называлъ ихъ прекрасными. Одинъ голландскій ученый, который нашелъ ее въ одномъ нѣмецкомъ монастырѣ подъ заглавіемъ Терей [1]), издалъ ее какъ произведеніе трагика Люція Варія временъ императора Августа. Но на самомъ дѣлѣ авторъ не виноватъ въ этой ошибкѣ: если впослѣдствіи, когда стали появляться въ свѣтъ печатныя изданія, его имя было утрачено, то онъ самъ все таки говорилъ о своемъ произведеніи, притомъ съ благочестивымъ раскаяніемъ о суетныхъ помыслахъ своей юности. А изъ его современниковъ Пикколомини упоминаетъ и о трагедіи, и объ ея авторѣ, котораго одного считаетъ возможнымъ назвать представителемъ этого рода поэзіи послѣ Сенеки [2]). Леонардо Дати, бѣдный флорентинскій священникъ, посвятилъ папѣ Евгенію IV трагедію Гіэмпсалъ, которая, по видимому, сохранилась только въ одной парижской рукописи; ее считаютъ весьма слабою по идеѣ, замыслу и стихамъ [3]). Какъ мы видимъ, даже и опытовъ было немного, и только одинъ изъ нихъ имѣлъ истинный успѣхъ.

Съ бо́льшею охотою и успѣхомъ воздѣлывали гуманисты область комедіи, которая въ сущности больше соотвѣтствовала характеру ихъ. Въ этомъ отношеніи они имѣли предшественника въ лицѣ Петрарки. Къ сожалѣнію, объ его Филологіи мы знаемъ немного больше того,

---

1) И указанная у Tomasinus Bibl. Patav. Mss. p. 89 Filomena Tragedia incerti есть, вѣроятно, та же Progne.

2) Я знаю первое изданіе: Progne Tragoedia, nunc primum edita (ab Joa. Riccio) In Academia Veneta 1858 (въ университетской библ. въ Гёттингенѣ). Второе вышло въ Римѣ въ 1368 г., въ 1561 г. также переводъ итальянскими стихами, а изданный Гееркенсомъ Tereus въ Утрехтѣ въ 1787 г. Agostini Scritt. Viniz. T. I p. 128. 134. Самъ Корраро говоритъ о трагедіи въ письмѣ къ Цециліи Гонзагѣ у Martene et Durand Vett. Scriptt. anepla Collect. T. III p. 480 и въ Soliloquium у Agostini l. c. p. 112. Эней Сильвій въ трактатѣ de liberorum educatione.

3) См. выше стр. 70. Chassang Des essais dramatiques imités de l'antiquité au XIV et XV-e siècle. Paris 1852.

что впослѣдствіи онъ стыдился тѣхъ шуточныхъ вещей, которыя писалъ въ юности [1]). Она окончательно потеряна, такъ что мы могли бы сомнѣваться въ ея существованіи, не засвидѣтельствуй его самъ авторъ. По видимому, и изъ позднѣйшихъ гуманистовъ, со временъ Боккачіо, никто не зналъ о ней больше насъ. Слѣдовательно, нельзя утверждать, что она имѣла вліяніе на позднѣйшія поколѣнія. Да подобнаго вліянія и не требовалось для этой литературы, такъ какъ она черпала освѣжающую силу у Теренція. Первымъ по его стопамъ шелъ Пьеръ Паоло Верджеріо въ комедіи Paulus (Павелъ), относительно которой трудно понять, имѣетъ ли она цѣлью больше позабавить читателя, или нравственно назидать его. Въ обработкѣ стиха авторъ, несомнѣнно, подражалъ Теренцію [2]). Напротивъ въ комедіи Сикко Полентоне, городскаго писца въ Падуѣ, подъ заглавіемъ De lege Bibia, или Lusus ebriorum (О законѣ попоекъ, или Забавы пьяныхъ), и безъ увѣренія автора можно догадаться, что онъ хотѣлъ искать сочувствія людей, любящихъ посмѣяться [3]).

Гораздо больше были распространены нѣкоторыя комедіи въ прозѣ, написанныя флорентинцами или по крайней мѣрѣ въ Флоренціи и по грубой нескромности шутки больше соотвѣтствовавшія вкусу тогдашней Италіи, чѣмъ вкусу древнихъ римлянъ. Первою была Поликсена Ліонардо Бруни, исторія любовныхъ похожденій, заканчивающаяся свадьбой. Разговорный языкъ ея бойкъ и веселъ, хотя остроты были не въ характерѣ Бруни. Въ Италіи эта юношеская шутка считалась ниже его серьезныхъ произведеній, и о ней больше не упоминали, когда онъ сталъ серьезнымъ канцлеромъ республики. Напротивъ въ Германіи очень любили эту веселую пьесу. Тамъ ученые въ родѣ Петра Людера даже объясняли ее съ каѳедры, тамъ есть множество рукописей ея, и

---

1) См. томъ I стр. 142. Мы не знаемъ, чѣмъ собственно было маленькое сочиненіе de casu Medeae, приписываемое Петраркѣ. Tomasinus Petrarca rediv. p. 34 называетъ его латинскою комедіею, но, подобно Мегусу, сомнѣвается въ томъ, чтобы авторомъ ея былъ Петрарка. Онъ нашелъ ее въ гаддіанской библіотекѣ. Baldelli Petrarca p. 227, который упоминаетъ объ экземплярѣ медицейской библіотеки, называетъ его просто небольшимъ произведеніемъ въ стихахъ. И въ одной вѣнской рукописи (Tabulae vol. II p. 203) заглавіе такое: Fr. Petrarca de casu Medeae miserrimae.

2) Прологъ ненапечатанной комедіи Paulus comoedia ad iuvenum mores corrigendos у Zeno Diss. Voss. T. I p. 59 и у Saxius p. 393. Поэтъ хочетъ поучать:

Quantum momentum ad diluendas opes
In malis fiet servus,
Quam misere parentes fallat venalis amor.

3) Mehus Vita Ambros. Travers. p. 139. Комедія эта вышла въ итальянскомъ переводѣ подъ заглавіемъ Cattinia di Sicco Polenton. Padovano tradotta del Latino 1482, но я ее не видалъ. Въ рукописи Scriptores illustres latinae linguae Полентоне говоритъ: nostro pro exercitio et delectatione lusimus ludum de lege Bibia multe ais и ae ioco plenum.

напечатана она была тамъ же [1]). Сообщаютъ, что сохранилась еще одна комедія, написанная Бруни, Кальфурнія и Гургулія, въ рѣдко встрѣчающемся оттискѣ, но я не видѣлъ ее. Странно, что о ней не упоминается ни въ одномъ каталогѣ рукописей. При неопредѣленности свѣдѣній объ авторѣ комедій, весьма возможно, что и какое нибудь позднѣйшее произведеніе было приписано автору Поликсены [2]).

Пьесою, подобною ей, быть можетъ, написанною подъ ея вліяніемъ, была Филодоксида Леоне Баттисты дельи Альберти, который этою шуткою началъ свою многосторонюю литературную и художественную дѣятельность еще двадцать лѣтъ отъ роду. Увлекаемый своимъ нѣсколько страннымъ и туманнымъ юморомъ, онъ называлъ себя въ прологѣ Лепидомъ [3]). И это въ свое время дало поводъ Альдо Мануччи издать эту пьесу, какъ важную находку, подъ именемъ древняго комика Лепида. Но въ этомъ случаѣ юный авторъ вовсе не хотѣлъ вводить читателей въ заблужденіе. Это видно изъ того, что онъ посвятилъ свою комедію Ліонелло д'Эсте, ученику Гварино, притомъ другъ его Поджіо вовсе не скрывалъ, что она написана имъ [4]). Хотя и Альберти писалъ свою на половину нравоучительную комедію интриги прозою, однако въ развитіи драматическаго дѣйствія вполнѣ слѣдуетъ Теренцію. При всемъ стремленіи къ естественности, онъ выражается утонченнѣе Бруни, и нѣкоторыя сцены дышатъ искреннею веселостью. Почти къ тому же времени, вѣроятно, относится и Филогенія Уголино Пизани, потому что на нее дѣлается намекъ во время его поэтическаго вѣнчанія королемъ Сигизмундомъ. Но его уважаемымъ образцомъ былъ не Теренцій, а Плавтъ, и онъ заимствовалъ изъ его

---

1) Оттискъ Comedia Poliscene per Leonhardum arentinum congesta, въ концѣ: Impressum Liptzk per Melchiar (sic) Loller Anno domini 1500, очень рѣдокъ, однако есть въ лейпцигской университетской библіотекѣ. Экземпляръ снабженъ рукописными глоссами, широкія поля и пустыя мѣста между строками даже показываютъ, что оттискъ сдѣланъ для профессоровъ. И мюнхенская рукопись (Catal. codd. lat. T. II P. III p. 30) глоссирована. О вѣнскихъ рукописяхъ см. Tabulae vol. III p. 242, vol. VI p. 40.

2) Оттискъ указанъ у Brunet Manuel T. I p. 114.

3) Hem iam nunc video me amplius vobis notum. — Hoc habetis iam nomen lepidus. Ha ha he, et vos lepidi estis.

4) Poggius epist. VI, 23 ed. Tonelli къ Ліонелло отъ 12 октября (1437 г.), также у Bandini Catal. codd. lat. T. III p. 498: Baptista de Albertis, vir singularis ingenii mihique amicissimus, scripsit fabulam quamdom quam Philodoxeos appellat, summa cum elegantia ac venustete. Eam tibi dicavit, ut in tuo nomine edatur. Этимъ устраняются всѣ догадки объ авторствѣ Марсуппини, основанныя на авторитетѣ Альбрехта фонъ Эйбъ. Lepidi comici veteris Philodoxios fabula, ex antiquitate eruta ab Aldo Manuccio, Lucae 1588, не было у меня въ рукахъ; она есть въ Cod. ms. Rep. I. 8-a 99 лейпцигской библіотеки. Анализъ содержанія у Chassang l. c. p. 80.

комедій нѣкоторыя мѣста цѣликомъ, хотя тоже предпочелъ прозу [1]). Пьеръ Кандидо Дечембріо началъ писать комедію Афродизія, но мы не знаемъ, была ли она кончена. Во всякомъ случаѣ она не пользовалась успѣхомъ [2]). И Григорій Санокъ, какъ сообщаютъ, написалъ комедію въ подражаніе Плавту, но мы не знаемъ даже и ея заглавія [3]). А о комедіи, осмѣивавшей лицемѣра, намъ извѣстно только то, что она давалась въ павійскомъ университетѣ въ 1437 г. При этомъ случаѣ напомнимъ читателямъ, что тамъ около 1433 г. преподавали Беккаделли и Валла [4]).

Эней Сильвій Пикколомини тоже написалъ комедію въ духѣ Теренція, Хризиду, дѣйствіе которой происходило въ средѣ зазорныхъ женщинъ и мужчинъ и которая по нескромности своей превосходила всѣ произведенія его предшественниковъ. Это весьма замѣчательно уже потому, что онъ является въ этомъ случаѣ одинокимъ между своими предшественниками и преемниками на папскомъ престолѣ. Но онъ былъ еще міряниномъ, когда во время скучнаго нюренбергскаго сейма въ 1444 г. ему пришла въ голову мысль о ней Потомъ это произведеніе исчезло и вообще извѣстно только въ одной копіи [4]). Вѣроятно, найдутся еще нѣкоторыя болѣе раннія и позднія произведенія въ этомъ родѣ. Но такъ какъ этой литературѣ вообще стали мало сочувствовать, то и мы закончимъ нашъ обзоръ [5]).

Комедія по своему легкому остроумію составляетъ переходъ къ сочиненіямъ непристойнаго содержанія, которыя гуманисты разрабатывали какъ особый литературный родъ. Въ этомъ

---

1) О поэтѣ см. томъ I стр. 453. О Филогоніи упоминаетъ Тирабоски въ одномъ оттискѣ s. l. et a. и Альбрехтъ фонъ Эйбъ пользовался ею въ своей Margarita poetica. Рукописи въ Catal. codd. lat. bibl. reg. Monac. T. I P. I p. 12. 218, далѣе у Dudik Handschriften der Fürstlich Dietrichsteinschen Bibliothek — въ Archiv für öster. Gesch. Bd. 39, s. 492. Указанную въ Catal. codd. lat, T. I P. III p. 3. Francisci Philelphi Comoedia de amore Phebi et Philûgeniae можно бы тоже принять за Филогенію, только любовникъ въ послѣдней названъ Евсевіемъ. О комедіи Филельфо кромѣ этого ничего неизвѣстно.

2) Tiraboschi Storia della lett. Ital. Nuova ediz. T. VI, lib. III cap. 49.

3) Zeiszberg Die polnische Geschichtschreibung s. 346. Говорятъ, онъ открылъ нѣкоторыя комедіи Плавта, но мы знаемъ уже объ открытіи 12 новыхъ пьесъ.

4) Comedia de falso hypocrita. a. 1437 studiis Papiensibus acta въ Catal. codd. lat. bibl. Monac. T. I P. I p. 12.

5) Я нашелъ ее въ Cod. 624 библіотеки Лобковича въ Прагѣ. Нѣкоторыя подробности есть въ моемъ Enea Silvio Piccolomini Bd. II s. 269.

6) Мнѣ извѣстно весьма немногое изъ позднѣйшаго времени, напр. Fraudiphila Антоніо Тридентоне да Парма изъ Affò Memorie degli scritt. Parmig. T. II p. 259. Canteraria comedia Antonii Buzarii, или Barzicii, о которой говорится въ Anzeiger der deutschen Vorzeit 1878 № 6 и 1879 № 1 относится еще къ 1492 г.

случаѣ итальянцамъ помогала ихъ несомнѣнная природная способность, составлявшая противоположность ихъ склонности къ святошеству. Уже первый художникъ тосканской прозы и повѣствовательнаго слога былъ творцомъ непристойной новеллы, и съ тѣхъ поръ эта школа не вымирала въ Италіи. Излюбленнымъ мотивомъ ея была нагая, соблазнительная чувственность; дѣйствующими лицами по большей части были духовныя особы, монахи и монахини, которыхъ авторъ осмѣивалъ. Слѣдовательно, гуманистамъ и не нужно было знать всего того, что разсказывали римскіе поэты въ своихъ произведеніяхъ, чтобы вызвать къ жизни подобные таланты, но они сообщили этому роду новое, классическое направленіе. Самые извѣстные гуманисты не гнушались пробовать свои силы на этомъ поприщѣ и старались своею изящною латынью подражать тому, чему они удивлялись у античныхъ писателей, какъ образцу изящества.

Въ числѣ первыхъ, посвятившихъ себя античной поэзіи еще до Петрарки, былъ Феррето да Виченца. Онъ написалъ по образцу мнимаго Виргилія Priapeia, состоящіе изъ 82 стиховъ, содержаніе которыхъ мы легко можемъ представить себѣ. [1]) Самъ Петрарка виталъ съ своею музою въ такихъ возвышенныхъ сферахъ, что не могъ имѣть подобныхъ стремленій. Но и онъ случайно увлекся желаніемъ разсказать про одного стараго развратнаго кардинала [2]). Такъ же точно и Ліонардо Бруни въ молодыхъ годахъ, когда писалъ комедіи, не устоялъ противъ искушенія пуститься въ стиль нескромной шутки, который даже считался классическимъ! Въ историческомъ сочиненіи Лампридія сказано, что Элагабалъ велѣлъ собрать всѣхъ женщинъ непристойнаго поведенія, въ одно общественное зданіе, привѣтствовалъ ихъ какъ полководецъ рѣчью къ сподвижникамъ и бесѣдовалъ съ ними о разныхъ родахъ чувственныхъ наслажденій. Бруни казалось достойною задачею сочинить рѣчь подобнаго рода, тѣмъ болѣе, что его поощрялъ къ этому Никколи [3]).

---

1) Muratori Scriptt. rer. Ital. T. IX p. 638. И Альберто Муссато Gulielmu Pastregicus de originibus rerum Venet. 1547 fol 13 приписываетъ Priapea. Но такъ какъ Секко Полентоне у Muratori Scriptt. T. IX p. 2 не называетъ ихъ въ числѣ сочиненій Муссато, то, вѣроятно, первый смѣшалъ двухъ друзей.

2) См. томъ I стр. 82 примѣч. 2.

3) Онъ написалъ эту рѣчь въ 1407 г. въ Сіенѣ и въ ней между прочимъ говоритъ: Leonardus Aretinus recreandi ingenii causa rideus ludensque dictavit, unde severiores rogat, ne legant, urbaniores, ne efferant. Мегусъ передъ своимъ изданіемъ писемъ p. 63. Она напечатана въ Hist. aug. scriptt. min. ed. Aldo Manutio, Venet. 1519, p. 291. Выдержки передъ изданіемъ Hermaphr. Форберга p. V. Lampridius in Antonino Heliogabalo cap. XXVI. Leon. Bruni epist. II, 16 ed. Mehus.

О Гермафродитѣ Беккаделли мы уже говорили. Намъ извѣстно, что это произведеніе было враждебно встрѣчено монахами и сожжено ими на кострѣ, но у гуманистовъ пользовалось почти общимъ сочувствіемъ [1]). Теперь мы хотимъ послушать, какъ самъ поэтъ защищалъ его, потому что и онъ видѣлъ, какъ смѣло было его нападеніе на систему нравственности, хотя религіи и Церкви онъ не коснулся. Враговъ своей непристойной книги онъ называетъ или завистниками, или невѣжественною чернью, не имѣющей никакого понятія о почтенныхъ образцахъ древности, которымъ онъ слѣдовалъ какъ поэтъ. Образованный человѣкъ, по его словамъ, долженъ знать, что и «люди ученые и серьезные» писали подобныя вещи, какъ напр. Катуллъ, Тибуллъ, Проперцій, Ювеналъ, а въ молодые годы и Виргилій. И у Овидія часто встрѣчаются непристойности. Солонъ, циникъ Діогенъ и стоикъ Зенонъ тоже сочиняли стихи подобнаго рода, а въ особенности лесбосская Сафо. Даже есть въ этомъ духѣ эпиграмма Платона, хотя онъ вѣрилъ въ единаго Бога [2]). «Кто сомнѣвается въ томъ, что Анней Сенека зналъ объ Іисусѣ Христѣ, былъ другомъ Апостола Павла и причисленъ къ святымъ [3])? Однако, если вѣрить Плинію Секунду, онъ писалъ не только серьезныя сочиненія, но также шуточныя и остроумныя» [4]). Кромѣ того Беккаделли полагаетъ, что можно быть непристойнымъ поэтомъ и все таки безукоризненнымъ человѣкомъ [5]). Онъ ссылается на одного краснорѣчиваго и знаменитаго монаха, проповѣди котораго поэтъ часто слышалъ, вѣроятно,

---

1) Беккаделли называетъ его въ письмѣ къ Гварино (въ изд. Гермафр. Форберга 2) plurimorum' iudicio probatum laudatumque magnifice.

2) Самъ А. Геллій, который приводитъ ее (Noct. Attic. XIX, 11), не утверждаетъ, что она подлинная.

3) Какъ извѣстно, въ отношенія между Сенекою и Апостоломъ Павломъ и въ подлинность ихъ переписки вѣрили до самаго послѣдняго времени.

4) Plinii epist. V, 3.

5) Hermaphr. Epigr. I, 1:

Hac quoque parte sequor doctos veteresque poetas,
Quos etiam lusus composuisse liquet,
Quos et perspicuum est vitam vixisse pudicam etc.

И Epigr. II, 1:

Crede velim nostra vitam distare papyro.
Si mea charta procax, mens sine labe mea est.

Онъ ссылается на Катулла (Carm. XVI):

Nam castum esse decet pium poetam
Ipsum; versiculos nihil necesse est,
Qui tum denique habent salem ac leporem,
Si sunt molliculi ac parum pudici
Et, quod pruriat, incitare possunt.

на св. Бернардино сіэнскаго: проповѣдникъ въ своемъ усердіи часто говорилъ неудобныя рѣчи, такъ что казалось, будто находишься не въ церкви, а на площади; изъ за этого-то будутъ же считать его человѣкомъ безстыднымъ. То же значеніе и ту же цѣль имѣли и его остроумные и шутливые стихи; они тѣмъ почтеннѣе, что откровенны [1]).

Только фацеціи Поджіо могутъ стоять на ряду съ Гермафродитомъ. Эти повѣсти и шутки, большею частію непристойныя, были собраны мало по малу. Они возникли главнымъ образомъ изъ бесѣдъ веселаго общества, въ которомъ одинъ разсказанный анекдотъ вызывалъ другіе; это римское bugiale, въ кружкѣ котораго отличались своимъ остроуміемъ папскіе секретари и адвокаты [2]). Но многое, вѣроятно, заимствовано также изъ провансальскихъ фабльо и другихъ книгъ. Когда Поджіо задумалъ собрать эти разсказы и дать имъ изящную форму, ему было около 58 лѣтъ. Они жадно читались, переходя изъ рукъ въ руки, и списывались, а самъ авторъ дѣлалъ къ нимъ дополненія. Когда имъ дана была окончательная форма, Поджіо было около 70 лѣтъ, но онъ не переставалъ заниматься своею книгою [3]). Старый римскій придворный нисколько не боялся выводить въ своихъ повѣстяхъ духовныхъ лицъ и монаховъ. Авторъ не считаетъ нужнымъ оправдывать характеръ подобныхъ сочиненій примѣрами достойныхъ предшественниковъ. «Ригористы, говоритъ онъ, пусть не читаютъ этой книги, потому что онъ писалъ ее для собственнаго развлеченія, для читателей гуманныхъ и охотниковъ посмѣяться. Умъ долженъ отдохнуть послѣ трудовъ и заботъ, а изящество латинской рѣчи должно проявляться и въ низшей сферѣ» [4]). Замѣчательно также, что представители церкви совсѣмъ не нападали на Поджіо за его книгу. Произведеніе Беккаделли съ ожесточеніемъ преслѣдовалось еще въ тридцатыхъ годахъ столѣтія и было истреблено такъ что осталось всего нѣсколько экземпляровъ; напослѣдокъ онъ долженъ былъ даже раскаяться въ непристойности ея содержанія. А Фацеціи читались во Франціи, Германіи, Испаніи и Англіи. До 1500 года онѣ были напечатаны 26 разъ и явились въ трехъ итальянскихъ

---

1) Anton. Pannormita Poggio, напечатанное въ извѣстіяхъ изъ Гермафродита у Форберга p. 5.

2). См. выше стр. 13.

3) Въ первый разъ упоминается объ этомъ въ Poggius epist. VIII, 4 ed. Tonelli отъ 26 октября (1438): Est enim aliquid in manibus iocosum, quod et ad facetias spectat et risum excitet legenti. Потомъ epist. VIII, 35. IX, 1. Тогда Поджіо называлъ свою книгу Libellus confabalationum, или Confabulationes.

4) Praefat. in Fucet. lib.

переводахъ [1]). Такъ быстро ослабѣло противодѣйствіе монаховъ, такъ безслѣдно исчезло оно въ свободно мыслящую эпоху Николая V.

Сюда относятся еще нѣкоторыя сочиненія, память о которыхъ изгладилась вслѣдствіе появленія позднѣйшихъ сочиненій въ томъ же родѣ, особенно новеллъ, или не была увѣковѣчена печатью. Порчелло де'Пандони считали по неприличію стиховъ соперникомъ Беккаделли; съ самою личностью и именемъ поэта было связано понятіе о безнравственности и цинизмѣ. И Филельфо не отсталъ отъ другихъ: его сочиненіе de iocis et seriis не было издано, но для насъ достаточно отзыва его біографа, который изъ чувства приличія не могъ сообщить выдержекъ изъ находившейся передъ нимъ рукописи [2]). Въ обѣихъ книгахъ, изданныхъ Филельфо подъ заглавіемъ Convivia Mediolanensia (Миланскія бесѣды), застольная бесѣда тоже приправляется подобными вещами [3]), а въ сатирахъ нерѣдко доходитъ до безстыдства своихъ римскихъ предшественниковъ [4]). И здѣсь мы заканчиваемъ нашъ обзоръ Энеемъ Пикколомини, который подражалъ въ распущенности Филельфо и Поджіо и едва ли не превзошелъ своихъ наставниковъ. Его письма эротическаго содержанія, въ которыхъ то оправдывается любовь, т. е. чувственное наслажденіе, то видно легкое отношеніе къ увѣщаніямъ цѣломудрія, его соблазнительная новелла Эвріалъ и Лукреція имѣли въ Германіи такой же успѣхъ, какъ въ Италіи Фацеціи Поджіо, и онъ самъ радовался распространенію своихъ весьма непристойныхъ писемъ и сочиненій. Авторъ даже пошелъ значительно дальше своихъ итальянскихъ соперниковъ. Онъ безъ стыда разсказывалъ свои собственныя похожденія и случаи, разсчитывалъ на распущенное воображеніе читателей и смѣло защищалъ естественныя влеченія. Въ рукописяхъ часто встрѣчается письмо Энея, въ которомъ онъ убѣждаетъ отца принять его незаконнаго сына, разсказываетъ ему, какъ прижилъ его въ Страсбургѣ съ одною англичанкою и напоминаетъ старику объ его собственныхъ грѣхахъ. И подобнаго рода произведенія казались еще увлекательнѣе съ тѣхъ поръ, какъ авторъ ихъ, съ высоты папскаго престола, осудилъ литературные грѣхи своей юности [5]).

---

[1]) По Lud. Hain Repertor. bibliogr S. v. Poggius. См. также Shepherd Vita di Poggio trad. Tonelli T. II p. 120.

[2]) Rosmini Vita di Filelfo T. II p. 154: molto potrebbe nuocere al buon costume per le orribili oscenità che vi sono sparse, e per motti tolti di mezzo ai trivi; e ai postriboli.

[3]) У меня есть изданіе Spiriis 1508 безъ пагинаціи.

[4]) См. напр. Dec. III hec. 2.

[5]) См. G. Voigt Enea Silvio de'Piccolomini Bd. I s. 285 ff. Bd. II s 296 ff.

Гуманисты занимались не столько изученіемъ поэзіи и стиха, сколько— прозаическихъ формъ, относящихся къ стилистикѣ. Это отличительный признакъ, по которому на первый взглядъ можно узнать сторонниковъ новаго направленія, какъ напр. по платью и пріемамъ узнають званіе и состояніе человѣка. Если поэзія дѣйствуетъ раньше, чѣмъ будетъ понято значеніе ея, чаруетъ своимъ ритмомъ и риѳмою органъ слуха, то и благозвучіе рѣчи Цицерона и Ливія плѣняетъ наши чувства и вызываетъ въ насъ чутье красоты. Благозвучіе языка раньше привлекло Петрарку къ изученію древности, чѣмъ содержаніе классическихъ сочиненій. Формальную сторону произведеній тоже можно изучать, анализировать, усвоивать и избирать предметомъ подражанія. Кто хоть разъ насладился ясною, стройною рѣчью лучшихъ древнихъ писателей, тотъ уже не возвращался къ скучному однообразію языка схоластиковъ. Мысли предстояло освободиться отъ школьныхъ и педантскихъ оковъ, а въ то же время языку — подняться на высшую ступень чистоты и красоты. Эту потребность ясно сознавалъ еще Петрарка; онъ не разъ и рѣшительно высказываетъ ее, и ею онъ руководился въ своихъ сочиненіяхъ. Сенека имѣлъ сильное вліяніе на его слогъ, равно какъ и Цицеронъ, хотя ему трудно было подражать въ красотѣ слога подобнымъ образцамъ. Однако древніе научили его избѣгать сухости и вычурности монашеской латыни и писать бойко, разнообразно и изящно, даже въ письмахъ и трактатахъ прибѣгать къ реторическому искусству. Но геніальность, таившаяся въ немъ, и здѣсь перешла границы простаго подражанія, и въ этомъ видно все величіе его личности. Онъ думалъ и писалъ по своему личному вкусу, и слогъ его долженъ былъ служить отраженіемъ его я. Таковъ онъ и былъ дѣйствительно, и поэтъ явился свѣту не новымъ Цицерономъ, а Петраркою. Этимъ объясняются многія превратныя сужденія о немъ: къ писателю прилагаютъ ту мѣрку, которая къ нему не подходитъ [1]).

Эпигоны всегда преувеличиваютъ то, что создала личность, проложившая новый путь, подражатели постоянно придаютъ особое значеніе тому, что̀ можетъ быть предметомъ изученія и подражанія. Поэтому вскорѣ послѣ Петрарки вошелъ въ моду такъ называемый украшенный слогъ, рѣчь, испещренная цвѣтами краснорѣчія, классическими тонкостями и цитатами. Въ каждой фразѣ видно было стремленіе къ искусному выраженію и слѣды ночныхъ ученыхъ занятій. Цицеронъ сказалъ во введеніи къ своимъ Парадоксамъ, что всего пошлѣе и противнѣе то, что̀ не можетъ блистать изяществомъ рѣчи. Это изреченіе стало лозунгомъ школы. И обыкновенныя мысли слѣдовало выражать необычайнымъ образомъ, и въ каждой строкѣ должны были про

---

[1]) См. томъ I стр. 35.

глядывать ученость и духъ древности [1]). Естественнымъ слѣдствіемъ такого стремленія были излишество украшеній и напыщенность. Уже Муссато и Ферретo слѣдовали этому направленію, которое вообще свойственно не гуманистамъ, а если я не ошибаюсь, папской канцеляріи при Иннокентіи III, и ведетъ начало отъ самого папы и отъ Петра де Винеа, только безъ примѣси древности. Изъ гуманистовъ самымъ достойнымъ представителемъ его былъ Салютато, потому что возвышенности выраженій и образовъ у него вполнѣ соотвѣтствовала глубина мыслей и чувствъ. Большею же частію мы встрѣчаемъ этотъ цвѣтистый слогъ у учениковъ и педантовъ, въ особенности если они хотятъ показать себя наставнику въ самомъ выгодномъ свѣтѣ.

Новый способъ изложенія ввелъ Гаспарино да Барзицца. Самъ онъ писалъ и преподавалъ на основаніи теоріи, извлеченной изъ сочиненій Цицерона. Поэтому все, что выходило изъ подъ его пера, было ясно и гладко, но въ тоже время вяло и сухо. Въ употребленіи словъ и построеніи предложеній, насколько было возможно, онъ строго слѣдовалъ Цицерону, но не имѣлъ особеннаго успѣха. Цицеронıанизмъ достигъ господства уже чрезъ полвѣка послѣ него, когда юношеская пора гуманистическихъ изученій миновала. Тогда новое поколѣніе искало новаго пути. Оно удержало легкость и естественность рѣчи Гаспарино, но не связывало себя его пустымъ формализмомъ. Теперь слѣдовало писать непринужденно, какъ будто выраженіе свободно вытекаетъ изъ полноты духа и свобода есть прямой плодъ внутренней красоты. Самымъ оригинальнымъ и блестящимъ представителемъ этого новаго направленія былъ Поджіо. Правда, онъ признаетъ себя ученикомъ Цицерона и въ молодые годы, очевидно, образовалъ себя на чтеніи его сочиненій [2]). А потомъ онъ свободно слѣдовалъ своему живому темпераменту и смѣлымъ порывамъ, не заботясь о правилахъ стилистики, даже о грамматической правильности рѣчи. Всѣ находили его легкій и бойкій слогъ, не чуждый и возвышенности, неподражаемымъ, а изящество и остроуміе особенно увлекательными въ письмахъ. Даже позднѣйшія поколѣнія, предъявлявшія къ латинской рѣчи болѣе строгія требованія, не могли отказать въ сочувствіи его рѣдкому литературному таланту [3]).

---

1) Эстетикъ Paulus Cortesius de hom. doctis ed. Galetti p. 227 выражается по этому поводу такъ: Nam haec aetas—онъ говоритъ о времени Леонардо Джустиніани—ponebat eloquentiam in orationis quadam abundantia, nec plane cognovit, quid esset satis; quum magnam se quisque in dicendo laudem adeptum puturet, si multa acervatim complexus fuisset.

2) Epist. XII, 32: Quidquid tamen in me est, hoc totum acceptum rieero Ciceroni, quem elegi ad eloquentiam docendam.

3) Здѣсь приведемъ лишь нѣкоторые вѣскіе отзывы. Aeneas Sylvius de vir. clar. XVI: qui licet lingua ignarus fuerit, nulli tamen in dicendo fuit inferior. Cortesius p. 228: In Poggio

Филельфо немногимъ уступалъ Поджіо. Правда, онъ не могъ равняться съ нимъ въ субъективной окраскѣ слога и остроуміи, но былъ равенъ по естественной небрежности изложенія. Онъ не бралъ на себя труда еще разъ просматривать и исправлять свои сочиненія передъ изданіемъ. Ихъ ученикомъ по стилистикѣ былъ Пикколомини: и онъ желаетъ писать легко и естественно, какъ говоритъ человѣкъ возбужденный, что и удается ему вполнѣ въ болѣе легкомъ родѣ, именно въ письмахъ; въ рѣчахъ его замѣтно больше обиліе словъ, чѣмъ мыслей, и это часто вовлекаетъ его въ многословіе проповѣдниковъ. Ліонардо Бруни давалъ свободу своему перу лишь въ молодые годы; впослѣдствіи онъ отличался обдуманнымъ и строгимъ изложеніемъ своихъ сочиненій. Къ школѣ легкаго слога принадлежалъ и Валла, который, какъ извѣстно, въ своихъ собственныхъ сочиненіяхъ далеко не достигалъ той чистоты и изящества латинской рѣчи, которой обыкновенно требовалъ отъ другихъ, также Беккаделли, Кампано и кардиналъ Амманати. Многіе другіе готовы бы были слѣдовать этой методѣ, если бы она не требовала нѣкоторыхъ способностей, а усвоивалась простымъ трудолюбіемъ, именно живости и многосторонности ума, находчиваго остроумія и нѣкоторой смѣлости, которая легко преодолѣваетъ всякаго рода затрудненія. Въ этомъ направленіи продолжали писать потомъ лучшіе стилисты въ концѣ XV и началѣ XVI в. Таковы Кортезе, Бембо, Полиціано и Садолети, но они вмѣстѣ съ тѣмъ требовали тщательной отдѣлки слога латыни золотаго вѣка, и, если можно, Цицероновской. Поэтому они смотрѣли свысока даже на Поджіо и на Филельфо, признавали таланты и извиняли недостатки ничтожнымъ еще образованіемъ того вѣка, подобно тому, какъ такіе же отзывы были въ ходу во время Поджіо относительно Петрарки.

Самое простое прозаическое сочиненіе это—письмо, такъ какъ его назначеніе замѣнять личную бесѣду, и столь же естественно эпистолографія сдѣлалась въ рукахъ стилистовъ по профессіи искусствомъ, которое они тщательно разработывали. Но вмѣстѣ съ этимъ откровенный тонъ переписки отступаетъ на заднiй планъ. Письмо писалось съ сознаніемъ того, что оно, какъ изящное произведеніе, передастся друзьямъ, будетъ списываться, разбираться и тщательно сохраняться. А самъ авторъ оставлялъ себѣ черновой набросокъ или приказывалъ писцамъ снимать копію раньше отправки, чтобы современемъ письма легче было

Florentino quaedam species eloquentiae apparuit; in quo si tale artificium fuisset, quale ingenium ad scribendum fuit, omnes profecto eius aequalЧs dicendi gloria vicisset. Erasmus въ разговорѣ Ciceronianus; Naturae satis erat artis, et eruditionis non ita multum.

собирать и издавать. Письмо адресовалось, конечно, одному лицу, но писалось для литературнаго кружка, для потомства и для всѣхъ народовъ, которымъ только знакомъ былъ языкъ древняго Лаціума. Если сообщались такія свѣдѣнія, которыхъ авторъ не желалъ распространять, то онъ прибѣгалъ къ простому средству: писалъ ихъ на народномъ языкѣ. Еще Петрарка не разъ говоритъ, что онъ обыкновенно о домашнихъ и хозяйственныхъ дѣлахъ пишетъ на народномъ нарѣчіи, такъ какъ для такихъ вещей не слѣдуетъ унижать языкъ латинскій. И онъ не ошибся: для любопытнаго потомства не сохранилось ни одной подобной строчки. «То, чего не слѣдуетъ распространять, говоритъ и Филельфо, я пишу на «языкѣ черни», на тосканскомъ, котораго почти не понимаютъ въ другихъ мѣстностяхъ Италіи [1])».

Въ то же время эпистолографія составляла звено, соединявшее гуманистовъ, которые жили порознь начиная отъ Генуи и Венеціи до Неаполя, а иные и внѣ Италіи, и поддерживавшее въ нихъ представленіе объ одной общей республикѣ ученыхъ. Этотъ способъ общенія замѣнялъ для нихъ газеты и разныя другія литературныя изданія, явившіяся гораздо позднѣе. Кто изъ своего мирнаго ученаго кабинета едва видѣлъ дневной свѣтъ, тотъ, посылая и получая множество писемъ, находился все таки въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ подобными себѣ и съ окружающимъ міромъ. Не будь нарочныхъ, которые разъѣзжали по странѣ по дѣламъ политическимъ и торговымъ и въ то же время замѣняли почту, ученые должны бы были томиться въ одиночествѣ и въ небольшихъ мѣстныхъ кружкахъ, гдѣ большею частію шли раздоры.

Для насъ эта литература писемъ служитъ какъ бы зеркаломъ, въ которомъ вѣрно отражаются и образъ мыслей, и жизнь тогдашнихъ литераторовъ. Безъ нея большая часть личностей промелкнули бы передъ нами подобно тѣнямъ и призракамъ безъ крови и индивидуальной жизни, какъ древніе писатели за исключеніемъ Цицерона. Впрочемъ въ этихъ письмахъ не открываются задушевныя тайны, какъ это вообще бываетъ въ дружеской перепискѣ. Эти люди состоятъ въ сношеніяхъ между собою цѣлые годы, даже цѣлые десятки лѣтъ, и мы можемъ видѣть, какъ они относятся къ тому или другому лицу, къ

---

[1]) Его письмо къ Чикко Симонетта отъ дек. 1453 г. у Rosmini Vita di Filelfo T. II p. 304: le cose che non voglio sieno copiate, le scrivo sempre alla g r o s s o l a n a, къ Маркаурелію отъ 30 января 1477 г. ibid. p. 282 и 448: Hoc autem scribendi more (lingua Etrusca) utimur iis in rebus, quarum memoriam nolumus t r a n s f e r r e a d p o s t e r o s. Et ethrusca quidem lingua vix toti Italiae nota est at latina oratio longe ac late per universam orbem est diffusa.

владѣтельному меценату, къ меценату кардиналу, къ товарищу, собутыльнику, наконецъ къ смиренному ученику. Мы подмѣчаемъ и такія мгновенія, въ которыя разоблачаетъ себя самый осторожный человѣкъ. «Кто много пишетъ, тотъ непремѣнно обнаружитъ свои тайные помыслы», сказалъ однажды Пикколомини, а Бруни полагаетъ, что по письмамъ можно составить такое же сужденіе о человѣкѣ, какъ по глазамъ говорящаго [1]). Личность писателя въ письмахъ имѣла возможность высказаться вполнѣ, тогда какъ въ ученыхъ трудахъ, въ поэтическихъ произведеніяхъ, трактатахъ и переводахъ она необходимо отступаетъ на задній планъ.

Характеръ общественныхъ отношеній зависитъ отъ развитія общества и моды; точно такъ же и искусство писать письма. Письма Сенеки и Цицерона, съ тѣхъ поръ какъ послѣднія были найдены и распространены, стали образцами этого литературнаго рода; письма Плинія младшаго читались рѣже и цѣнились не такъ высоко. Однако изъ нихъ сначала заимствовали почти только одну эпистолярную форму. Петрарка ставилъ на адресѣ впереди свое имя, римскую помѣтку, обращался къ мысленному собесѣднику во второмъ лицѣ единственнаго числа, снова ввелъ привѣтствія и тому подобное. Онъ гордился тѣмъ, что такъ же обращался къ императорамъ и папамъ, — обычай, отъ котораго рѣдко отступалъ. Сначала такой пріемъ вызывалъ насмѣшки, однако вскорѣ государи и папы помирились съ этимъ цицероновскимъ ты, съ которымъ обращался къ нимъ великій человѣкъ своего времени [2]). Салютато употреблялъ это ты даже въ оффиціальныхъ письмахъ. Онъ считалъ обращеніе во множественномъ числѣ нелѣпымъ обычаемъ. Не слѣдуетъ обращаться къ отдѣльному лицу такъ, какъ къ народному собранію [3]). Эней Пикколомини, какъ вѣнчанный поэтъ, ставитъ въ укоръ нѣмцамъ тотъ варварскій обычай, что они считаютъ болѣе почетнымъ говорить съ государемъ во множественномъ числѣ. Въ пользу стариннаго благороднаго обычая онъ приводитъ въ примѣръ не только Цицерона, но и Сократа, Демосѳена и Мецената и ссылается на блаженнаго Іеронима и блаженнаго Августина. Но обыкновенно онъ былъ такъ вѣжливъ и благоразуменъ, что оправ-

---

[1]) Leon. Bruni epist. VII, 3: In bono scriptore (epistolarum) praeter verba et sonum inest profecto aliquid repositum et tacitum indicium animi, quod ut in loquente ex oculorum motu, sic in scribente ex vibratione ipsa orationis deprehendas.

[2]) Petrarca epist. var. 32. Исключенія, когда Петрарка употребляетъ множественное число, указалъ Фракассетти. Epist. rer. senil. XV, 1: Styli huius per Italiam non auctor quidem, sed instaurator ipse mihi videor, quo cum uti inciperem, adolescens a coetaneis irridebar, qui in hoc ipso certatim me postea sunt secuti.

[3]) Salutati epist. 14 ed. Mehus. Его письмо къ юному Антоніо Лоски у Schio Vita di A. Loschi p. 157.

дывалъ свой античный обычай учеными основаніями. Однако, будучи епископомъ, онъ опять ввелъ въ употребленіе торжественное **мы**, съ которымъ въ санѣ кардинала обращался даже къ старому другу, но за то и ему позволилъ говорить себѣ **вы** [1]).

Въ письмахъ **Петрарки** личность его отражается гораздо полнѣе, чѣмъ въ его лирическихъ Rime. Къ сожалѣнію, ихъ сохранилось очень мало отъ его юныхъ лѣтъ, такъ что мы не можемъ вполнѣ прослѣдить развитіе его эпистолярнаго слога. Спрашивали, чей примѣръ на него больше вліялъ, Сенеки или Цицерона. Самъ онъ впослѣдствіи, кажется, отдавалъ преимущество Цицерону, потому что послѣдній разсматривалъ философскіе вопросы въ своихъ сочиненіяхъ, а письмамъ ввѣрялъ дѣла личныя, семейныя и касающія обыденной жизни. Нѣкоторые нравственные вопросы, преобладающіе у Сенеки, по его словамъ, встрѣчаются и у Цицерона [2]). Но Петрарка никогда не затруднялся въ выборѣ этихъ образцовъ. Когда онъ въ 1345 г. познакомился съ письмами Цицерона, то былъ уже не новичкомъ въ дѣлѣ сочиненія писемъ. Именно въ своихъ раннихъ письмахъ онъ заимствовалъ у Сенеки почти только форму, а философскій тонъ преобладаетъ въ его позднѣйшихъ посланіяхъ. Какъ ни высоко ставилъ онъ обоихъ древнихъ писателей, однако въ сущности, какъ эпистолографъ, не былъ ученикомъ ни одного изъ нихъ. И здѣсь онъ слѣдовалъ своему собственному соображенію.

Его письма раннихъ лѣтъ, насколько можно судить по оставшимся, письма человѣка, еще вполнѣ наслаждающагося жизнію и умѣющаго въ ней осмотрѣться. Онъ еще не кутается въ философскій плащъ, еще не презираетъ своего собственнаго величія. Петрарка разсказываетъ кардиналу Джіованни Колонна о своихъ поѣздкахъ во Францію, въ Гентъ, Люттихъ и Ахенъ и сообщаетъ ему сказаніе о Карлѣ Великомъ, слышанное въ послѣднемъ городѣ. Или онъ шутливо повѣствуетъ ему о своемъ пребываніи въ Кельнѣ и о томъ, какъ тамъ справлялся праздникъ св. Іоанна [3]). Это первые примѣры легкой бесѣды гуманистовъ, которые съ тѣхъ поръ такъ любили разсказывать о событіяхъ своей жизни и путевыхъ приключеніяхъ, большею частію въ веселомъ тонѣ. Они внимательно смотрѣли на чужія страны и на суету народныхъ массъ. Тутъ матеріалъ даетъ сама жизнь, и разскащикъ хочетъ блеснуть только живымъ изложеніемъ его. Этому Петрарка не научился у Сенеки, да не могъ бы научиться и у Цицерона, если бы ему даже были извѣстны въ то время письма его.

---

1) См. G. Voigt Enea Silvio de'Piccolomini Bd. II s. 279.
2) Praefatio (in libros epistolarum) ad Socratem suum ed. Fracassetti vol. I p. 21. 23.
3) Epist. rer. famil. I, 3. 4.

Въ Италіи онъ потомъ все болѣе и болѣе углублялся въ свои книги и размышленія, средоточіемъ которыхъ было его собственное Я. Окружающій міръ все рѣже наводитъ его на мысль о письмѣ; это только отвлекаетъ его отъ главной и ближайшей цѣли. Но, какъ лирика, его часто увлекало желаніе выразить обиліе идей въ разныхъ видахъ и сочетаніяхъ. Поэтому онъ и письмо сталъ считать удобною формою для того, чтобы высказаться не стѣсняясь планомъ и расположеніемъ. Каждый считалъ за честь видѣть свое имя на адресѣ письма Петрарки, а послѣдній писалъ столь же охотно и неутомимо. Писаніе писемъ стало для него отдохновеніемъ отъ болѣе серьезнаго труда, «облегченіемъ ума» [1]). Часто онъ писалъ безъ всякой опредѣленной цѣли, подобно тому, какъ человѣкъ упивается разнобразіемъ природы, то сходя съ торнаго пути, то наслаждаясь зеленью въ лѣсу. Онъ то погружался въ серьезныя думы о жизни и смерти, то вдавался въ полемику, то жаловался, то шутилъ, разъ являлся наставникомъ, бесѣдующимъ съ ученикомъ, а потомъ опять мечтательнымъ другомъ, большею же частію человѣкомъ, раскрывающимъ свою душу въ бесѣдѣ съ самимъ собою [2]). Петрарка постоянно, какъ бы чѣмъ увлекаемый переходитъ отъ предложенія къ предложенію, постоянно какъ бы подавленъ наплывомъ мыслей, чувствъ, нравственныхъ размышленій и историческихъ примѣровъ, которые всѣ просятся на бумагу. Мы видимъ, какъ онъ, сидя на креслѣ, усердно пишетъ до сумерекъ, пока буквы, постоянно тѣснясь, наконецъ не дойдутъ до самаго края, или пока глубокая ночь, отяжелѣвшія вѣки и уставшая рука не заставятъ подумать о снѣ. То лицо, которому онъ писалъ, уже слабо представлялось ему, и его не занимали даже собственныя мысли. Однажды Петрарка признался аббату въ С. Бениньо, что какая-то сила побуждаетъ его писать, хотя онъ не знаетъ, что и кому писать; но онъ чувствуетъ утомленіе, даже боленъ, если не принимается за письмо: эта работа успокоиваетъ его. «Писанію писемъ, сказалъ онъ въ другой разъ, положитъ конецъ только моя смерть [3])».

Но чѣмъ болѣе Петрарка влагалъ душу въ свои письма, тѣмъ сильнѣе заботился о томъ, чтобы спасти ихъ отъ гибели. Онъ не

---

1) Epist. rer. famil. XII, 5: quidquid tecum loquor, non tui instructio, sed levamen animi mei est.

2) Praefat. in epistt. rer. famil. p. 23: Nihil quasi aliud egi (in epistolis), nisi ut animi mei status, vel si quid aliud nossem, notum fieret amicis.

3) Epist. rer. famil. VIII, 5. IX, 12: Scribere soleo colloquendi quadam non parva dulcedine. XIII, 7: Crucior semper et langueo, nisi dum scribo. XXIV, 13: Unum est enim hoc ex omnibus, cui supremam sola mors imponet manum. Epist. rer. senil. II, 3. XII, 1 in fin. Во многихъ отношеніяхъ прекрасную характеристику и оцѣнку писемъ Петрарки даетъ Körting Petrarca's Leben und Werke s. 11 ff.

посылалъ ихъ не снявши копіи. Поэтъ хвалилъ за этотъ обычай Колу ди Ріенцо [1]) и, очевидно, слѣдовалъ ему съ авиньонскаго періода своей жизни. Для того времени немыслимо, чтобы онъ диктовалъ свои письма: тогда онъ едва могъ содержать домашнихъ писцовъ; но и въ позднѣйшій періодъ этого не замѣтно, да это и невѣроятно, судя по тому, какъ онъ говоритъ о своихъ трудахъ въ такомъ направленіи. Письма посылались тѣмъ лицамъ, къ кому писались, такъ, какъ выходили изъ подъ его пера. Но съ тѣхъ, которыя онъ считалъ достойными безсмертія, онъ приказывалъ раньше отправки снимать копіи [2]). И эти копіи не вносились въ особую книгу, какъ это заведено у дѣловыхъ людей и было въ обычаѣ у нѣкоторыхъ позднѣйшихъ гуманистовъ, но писались на листкахъ и клочкахъ. Отсюда понятно, почему съ годами многія письма Петрарки пропали [3]), чему, безъ сомнѣнія, способствовала и частая перемѣна мѣстопребыванія.

Въ 1359 г. Петрарка изъявилъ намѣреніе собрать свои дружескія письма и, по образцу древнихъ писателей, составить изъ нихъ одну книгу. Имъ руководила та мысль, что въ этомъ сборникѣ будетъ отражаться вся его жизнь, весь ходъ его умственнаго развитія [4]). Поэтому письма слѣдовало расположить по порядку времени, когда они были написаны. Эта работа была бы очень легка, будь письма, написанныя на листкахъ и клочкахъ, аккуратно помѣчены. Но, очевидно, эти помѣтки были такъ же невѣрны, какъ онѣ остались и теперь. Частію ихъ совсѣмъ не было, а еще чаще не было выставлено годовъ, что было весьма важно для приведенія ихъ въ порядокъ. Ихъ пропускалъ и самъ Петрарка, а потомъ и его переписчикъ, потому, что авторъ считалъ достойнымъ передачи только содержаніе письма. Это встрѣчалось и въ письмахъ Цицерона, а въ письмахъ гуманистовъ, къ нашему крайнему сожалѣнію, встрѣчается сотни, даже тысячи разъ. Самъ Петрарка вовсе не расположенъ былъ вдаваться въ критико-хронологическія изысканія на счетъ своихъ писемъ и извиняется «множествомъ занятій» [5]). Онъ могъ

---

[1]) Epist. var. 38.

[2]) Такъ, согласно epist. rer. famil. XIV, 2, онъ не хочетъ оставлять копіи съ дѣловаго письма, которое въ своей досадѣ долженъ былъ написать къ Талейрану: ut exemplaria non reservem, ne displiceam multis. Потерянныя письма онъ можетъ послать еще разъ; см. epist. rer. famil. XVIII, 7.

[3]) Cf. epist. rer. famil. XVIII, 8.

[4]) Это онъ ясно говоритъ въ посвященіи своему Сократу epist. rer. famil. XXIV, 13: Ita enim et progressus mei seriem (si la forte cura fuerit) vitaeque cursum lector intelligete.

[5]) Inter confusionem exemplarium, какъ онъ характеризуетъ эту трудность въ epist. rer. famil. XXIII, 19 къ Boккаcio.

рѣшить иногда вопросъ только своимъ воспоминаніемъ и знаніемъ лицъ, но предоставлялъ это дѣло своимъ писцамъ. Первый, кто принялся за послѣдній трудъ, былъ Гаспаро да Верона [1]). за нимъ слѣдовали трое другихъ, но только пятый, извѣстный намъ Джіованни да Равенна, собралъ въ одинъ томъ 350 писемъ къ радости наставника [2]). Такимъ путемъ возникъ сборникъ «дружескихъ писемъ», потомъ другой меньшаго объема, заключавшій въ себѣ письма «смѣшанныя», которыя трудно было привести въ порядокъ, а впослѣдствіи еще собраніе «старческихъ писемъ», въ которыхъ, не смотря на опытность собирателя, тоже нельзя было соблюсти особой послѣдовательности.

Рядомъ съ этимъ друзья Петрарки составляли небольшіе сборники по подлиннымъ письмамъ, Мы знаемъ отъ Франческо Нелли, его «Симонида», съ какою радостью и торжествомъ получались его письма, какъ они переходили изъ рукъ въ руки и, собранныя въ одинъ томъ, составляли украшеніе какой-либо библіотеки [3]). И у венеціанскаго канцлера Бенинтенди было около сотни писемъ, въ собираніи которыхъ ему помогали и друзья, и лица неизвѣстныя, потому что, какъ самъ онъ признается, онъ не стѣсняясь добывалъ ихъ и furtive (путемъ присвоенія). Но Бенинтенди такъ ревниво оберегалъ это сокровище, что никому не позволялъ снимать копій [4]). Повидимому, эти частныя собранія были потеряны.

Главная суть дѣятельности Салютато заключалась въ сочиненіи безчисленнаго множества политическихъ и дѣловыхъ писемъ. Мы уже говорили о томъ, какое вліяніе они имѣли на характеръ дипломатическихъ сношеній и какъ отъ нихъ ведетъ начало болѣе облагороженный канцелярскій слогъ [5]). Цицеронъ едва ли имѣлъ вліяніе на его

---

1) Я сопоставляю epist. XX, 7 отъ 11 апрѣля (1350 г.): epistolas meas quae maxime cuiusdam ingeniosi hominis et amici digitis concerve съ epist. var. 58 Gaspare Veronensi: Tu qui tuo iure nostra omnia familiariter noscis, quique his otii nostri curis transcribenda p r i m u s animum ac digitum applicasti etc.

2) Epist. rer. famil. XXIII, 19. О болѣе ранней редакціи, которую, конечно, слѣдуетъ допустить, такъ какъ Сократъ, которому былъ посвященъ сборникъ, умеръ въ маѣ 1361 г., а Джіованни да Равенна поступилъ въ домъ Петрарки только въ 1364 г., см. Körting s. 22 ff. Петрарка установилъ заглавіе Epistolae familiarium rerum, но онъ употребляетъ также термины familiares и seniles epistolae.

3) Meneghelli Opere vol. IV, Padova 1831, p. 179. О, если бы изданы были письма Нелля, хранящіяся въ національной библіотекѣ въ Парижѣ! Менегетти просилъ снять для себя копію съ нихъ. Быть можетъ, это собраніе то самое, которое по Indagini s. libreria Visc. Sforz. P. I p. 36 № 392 въ 1432 г. находилась еще въ Павіи: Epistole varie at (!) laureatum dominum Franc. pe.

4) Я намѣренъ издать его письмо къ Петраркѣ по лейпцигской рукописи.

5) См. томъ I стр. 192.

частныя письма: канцлеръ былъ уже пожилымъ человѣкомъ, когда ознакомился съ нимъ ближе. Образцами его скорѣе были Сенека и Петрарка. Главнымъ украшеніемъ письма служили философскія изреченія и классическая ученость; иногда письмо разрастается въ цѣлый трактатъ. Но у Салютато больше, чѣмъ у Петрарки, проглядываетъ его мощная личность: онъ сочувствуетъ друзьямъ и людямъ покровительствуемымъ, которымъ пишетъ, и его мысли принимаютъ личный оттѣнокъ. Однако, по видимому, это серьезное, моралистическое и философское направленіе писемъ всѣмъ наскучило.

Гаспарино да Барзицца, Цицероніанецъ, ввелъ болѣе легкій эпистолярный слогъ. Его любимымъ чтеніемъ были вообще сочиненія Цицерона и въ особенности его письма [1]). Но ему не доставало живости, а въ письмахъ его не было ни малѣйшей занимательности. Едва ли есть собраніе писемъ ничтожнѣе его; содержаніе ихъ вращается въ узкой сферѣ отношеній университетскихъ ученыхъ и въ тѣсномъ кружкѣ друзей. Кромѣ Забареллы и нѣкоторыхъ венеціанскихъ аристократовъ это все какія-то темныя личности. Только его ученики и ученики Джіованни да Равенна умѣли соединить новую форму съ занимательностію содержанія. Теперь письмо должно было блистать не ученостью автора, а его талантами. Живость изложенія, легкость и изящество слога стали его существенными условіями: лучшія мысли должны были казаться минутнымъ наитіемъ, а слѣды учености и отдѣлки исчезнуть. Свѣтскій человѣкъ отличается отъ кабинетнаго ученаго спокойнымъ и свободнымъ обхожденіемъ. Поэтому теперь старались писать просто и непринужденно, какъ бы случайно обмолвливаясь остротами въ пріятной бесѣдѣ. Это называли familiariter scribere (писать свободно). Къ этой школѣ принадлежали всѣ лучшіе эпистолографы XV в.; мы и теперь вполнѣ чувствуемъ чарующую силу ихъ писемъ.

Поджіо — творецъ и образецъ этого слога. У него онъ, дѣйствительно, является благимъ даромъ природы. Однако онъ развивалъ его изученіемъ и упражненіемъ съ юныхъ лѣтъ, когда списывалъ письма Цицерона для Козьмы Медичи, и богатство ихъ содержанія обогатило и его умъ. Нѣкоторое время онъ для упражненія обмѣнивался письмами съ Бруни, хотя послѣдній былъ на десять лѣтъ старше его, и оба они жили во Флоренціи [2]). Къ сожалѣнію, отъ этой переписки ничего не осталось; но мы не сомнѣваемся въ томъ, что молодые люди хотѣли перещеголять одинъ другаго въ остроуміи. Поджіо былъ, дѣйствительно, въ разлукѣ съ своими друзьями только

[1]) Opp. p. 194 ed. Furietto: nescio an alium ex libris meis clariorem habeerem.
[2]) Poggius epist. II, 8 ed. Tonelli напоминаетъ Бруни о томъ времени.

во время констанцскаго собора и когда потомъ уѣхалъ въ Англію. Оттуда онъ написалъ къ Никколи цѣлый рядъ великолѣпныхъ писемъ, заключавшихъ въ себѣ разныя сообщенія и проблески самаго веселаго юмора. Онъ писалъ ихъ быстро, не долго думая [1]), и не оставлялъ у себя копій; конечно, онъ зналъ, что его другъ, любитель книгъ, тщательно сохраняетъ все подобное. Въ нихъ есть прелестное описаніе жизни въ Баденъ Баденѣ и разсказъ о процессѣ, который велся въ Констанцѣ надъ еретикомъ Іеронимомъ Пражскимъ [2]). Оба эти письма быстро распространились до невѣроятной степени, какъ мы видимъ это изъ безчисленныхъ копій, хранящихся въ разныхъ библіотекахъ; онѣ однѣ могли бы, пожалуй, доставить громкую извѣстность Поджіо. Но авторъ самъ вполнѣ понималъ свои таланты. Онъ тщательно избѣгалъ всякихъ украшеній слога, чтобы не показаться педантомъ, самъ хвалилъ себя не стѣсняясь, тогда какъ, по видимому удивлялся, что въ его письмахъ находили хорошія стороны. Поджіо увѣряетъ, что нимало не придаетъ имъ значенія, пишетъ ихъ легко и быстро и часто среди дѣловыхъ занятій [3]). Но какъ могло остаться для него тайною, что именно благодаря этому качеству и прославились его письма [4])?

Л і о н а р д о Б р у н и не могъ вполнѣ равняться съ своимъ другомъ въ этой бойкости и живости изложенія. Правда, и онъ не любитъ корчить изъ себя ученаго, но не можетъ отказаться отъ художественной отдѣлки своихъ произведеній. И онъ умѣетъ вѣрно понять природу и человѣка и живо изображать ихъ. Въ тонѣ, нѣкогда указанномъ Петраркою, онъ описываетъ Никколи свою поѣздку въ Констанцъ, грозную красоту Альпъ, Тридентъ, Боденское озеро и самый Констанцъ [5]). Вообще его письма къ Никколи и Поджіо, относящіяся къ этому времени, самыя увлекательныя, потому что онъ нашелъ въ лицѣ ихъ самыхъ сочувственныхъ читателей. Но и онъ увѣряетъ, что не придаетъ никакого значенія своимъ дружескимъ письмамъ, что онъ долгое время не сохранялъ ихъ, именно до тѣхъ поръ, пока не узналъ, что подъ его именемъ распространяются подложныя письма. Но потомъ онъ рѣшился собрать свои прежнія посланія, а съ тѣхъ, которыя продолжалъ писать, сохранять копіи [6]).

---

[1]) Quidquid in buccam venerat, какъ онъ говоритъ въ письмѣ къ Франческо Марескалько въ Epistt. ed. Tonelli vol. I p. X.

[2]) Epist. I, 1. 2 ed. Tonelli.

[3]) Epist. XII, 3.

[4]) Vespasiano Poggio § 3: Furono e sono molto accette le sua epistole, per la facilità delle iscrivere, che le faceva senza ignuna fatica.

[5]) Epist. IV, 3 ed. Mehus.

[6]) Epist. VII, 10.

Филельфо былъ не менѣе Поджіо убѣжденъ въ естественной увлекательности своихъ писемъ. «Мои друзья весьма высоко цѣнятъ мои письма. Я по истинѣ удивляюсь этому, потому что пишу ихъ безъ всякаго старанія и тщательности, экспромтомъ, не много думая и не передѣлывая потомъ. Я и говорю такъ, какъ пишу. Поэтому, быть можетъ, справедливо, что если мой слогъ не художественъ и не обработанъ, зато легокъ и пріятенъ» [1]). Ученикъ его и Поджіо, Эней Пикколомини гораздо чаще имѣлъ поводъ щегольнуть передъ нѣмцами своею ученостью и классическою начитанностью. Но характеръ его слога такой же, какъ и ихъ. Если ему сообщаютъ, что какой нибудь незнакомецъ особенно восторгается его письмами, то онъ прикидывается удивленнымъ. Можетъ ли это быть! вѣдь онъ пишетъ такъ просто эти письма, совершенно въ тонѣ разговорной рѣчи, и въ нихъ нѣтъ никакихъ украшеній, ничего важнаго. Въ другой разъ онъ говоритъ по такому же поводу: «Я вовсе не дѣлаю усилій, когда пишу, не касаюсь предметовъ слишкомъ возвышенныхъ и неизвѣстныхъ мнѣ, а сообщаю то, чему учился. Того легко понимаютъ другіе, кто самъ ясно мыслитъ. Кто теменъ для самаго себя, разумѣется, не можетъ озарить свѣтомъ и другихъ. Я не люблю сцѣпленія и искуственнаго построенія длинныхъ предложеній. Если у меня есть въ распоряженіи изящныя выраженія, то я не стѣсняюсь употреблять ихъ, а если нѣтъ, то не подыскиваю и пускаю въ дѣло первыя попавшіяся. Я стараюсь только быть понятнымъ» [2]). Насколько эта замысловатая небрежность остроумна, или насколько ее можно изучить, она, дѣйствительно, сообщаетъ прелесть въ особенности письмамъ Поджіо и Пикколомини, которой они не достигли бы ни съ помощью учености, ни съ помощью Цицероновской отдѣлки.

И письма Беккаделли тоже принадлежатъ къ школѣ легкаго слога; и онъ не хочетъ вѣрить, чтобы они могли нравиться ученымъ людямъ, такъ-какъ онъ пишетъ ихъ какъ бы съ налету (raptim cursimque). Если вѣрить ему, то онъ никогда не издалъ бы этихъ мелкихъ «бездѣлушекъ», если бы друзья не просили его объ этомъ настоятельно [3]). Какъ въ жизни, такъ и въ письмахъ онъ любитъ веселыя шутки и остроты. Хотя ему въ этомъ случаѣ и помогалъ его легкій темпераментъ, однако у него нѣтъ основательности и изящества художниковъ этого литературнаго рода. Послѣдніе и въ другихъ мѣстахъ находили подражателей, какъ и все то, что въ

[1]) Его письмо къ Людовико Педрони у Rosmini T. III p. 72, также письмо къ Траверсари въ его письмахъ XXIV, 31.

[2]) Письма Энея къ Гансу Шинделю отъ 20 ноября 1445 г. и къ краковскому кардиналу Збигнѣву отъ 27 октября 1453 г.

[3]) Berratelli epist. Gall. I, 8. Посвященіе Liber I epistt. Campan.

модѣ, но проблесковъ таланта нельзя усвоить подражаніемъ. Валла былъ человѣкъ даровитый, но, занятый болѣе серьезными трудами, онъ вообще не придавалъ никакого значенія слогу писемъ и не собиралъ ихъ. Гварино былъ въ восторгѣ отъ новаго искусства, но былъ вполнѣ школьный учитель и педантъ, такъ что самъ не могъ усвоить его себѣ: онъ любилъ вставлять въ свои письма греческія слова, что показалось бы неумѣстнымъ Бруни и Филельфо, хотя они были въ состояніи писать цѣлыя письма на греческомъ языкѣ.

По содержанію своему письма гуманистовъ чужды всякаго политическаго и клерикальнаго оттѣнка. Напротивъ подобныхъ вопросовъ тщательно избѣгали не изъ опасенія кого нибудь затронуть, а просто изъ презрѣнія къ прозаичной и жалкой дѣйствительности, не заслуживающей вниманія поклонника древности. Въ этомъ случаѣ исключеніе составляютъ письма государственныхъ людей, какъ напр. Франческо Барбаро и Пикколомини, который занималъ въ Германіи совсѣмъ иное положеніе, чѣмъ его сподвижники по литературѣ въ Италіи,—посланія канцлеровъ, которыхъ обыкновенно нѣтъ въ рукописныхъ сборникахъ писемъ, потому что авторы ихъ были въ сторонѣ отъ общественныхъ литературныхъ сношеній, и письма Траверсари, насколько они касаются дѣлъ его ордена. У другихъ владѣтельныя лица, ихъ совѣтники, кардиналы и богатые аристократы берутъ адресы, но только какъ меценаты. Если просмотрѣть адресы писемъ Филельфо, то можно составить себѣ понятіе о томъ, какіе люди въ Италіи интересовались гуманистическою наукою. Письма къ нимъ распадаются на два отдѣла: въ одномъ авторы попрошайничаютъ болѣе или менѣе открыто, въ другомъ благодарятъ, т. е. болѣе или менѣе искусно подготовляютъ попрошайничество. Искусство льстить и льстить тонко, постоянно съ новыми варіяціями, здѣсь практикуется такъ, что можетъ обмануть и ослѣпить, такъ какъ тщеславные меценаты и писатели взаимно ослѣпляютъ другъ друга. Поджіо поступалъ точно такъ же, и съ лѣтами дѣлался тѣмъ назойливѣе, чѣмъ больше хлопоталъ о пріобрѣтеніи денегъ. Наконецъ онъ сталъ писать почти исключительно поздравительныя письма, если напр. кого нибудь изъ лицъ извѣстныхъ ему возводили въ санъ епископа или кардинала. Правда, онъ увѣряетъ, что въ этомъ случаѣ вовсе не имѣетъ въ виду подарка [1], но мы знаемъ, что онъ въ сущности былъ не глупѣе другихъ.

---

[1]) Epist. IX, 9 къ архіепископу Кентербёрійскому (Джону Стаффорду): ne viderer velle aliquem ex meis litteris, ut plurimi solent, quaestam facere.

Эта система попрошайничества была основана на славѣ писателя, пріобрѣтенной умомъ и ученостью. Она была возможна лишь при убѣжденіи меценатовъ въ томъ, что если ихъ будутъ хвалить въ письмахъ, то они достигнутъ вѣчной славы въ потомствѣ. Такой прелатъ, какъ архіепископъ миланскій, велѣлъ тщательно списывать для себя письма Бруни, гдѣ только могъ достать ихъ, и каждое письмо, писанное къ нему, почиталъ за великую честь для себя. Онъ даже старался вызвать на подобныя посланія знаменитаго писателя, чтобы увеличить число ихъ [1]). Филельфо смотрѣлъ на свои письма какъ на хранилище славы, въ которомъ старался собрать имена своихъ милостивцевъ, чтобы даровать имъ безсмертіе [2]). Успѣхъ его писемъ, дѣйствительно, часто былъ такой блестящій, что у него должна была закружиться голова. Когда его теща Манфредина Хризолорина попала въ плѣнъ, при взятіи Константинополя, вмѣстѣ съ двумя дочерьми, то онъ тотчасъ же обратился къ султану съ письмомъ на греческомъ языкѣ, объявилъ ему, что онъ такой человѣкъ, отъ слова котораго зависитъ безсмертіе [3]), приложилъ похвальную оду и просилъ о помощи для своихъ родственниковъ. Его просьба была уважена, и даже завоеватель Константинополя оказался чувствительнымъ къ похваламъ и лести, которыя расточалъ ему знаменитый Филельфо.

Вообще не важны по своему содержанію и тѣ письма, которыми гуманисты обмѣнивались другъ съ другомъ. Часто они служили только залогомъ дружескаго воспоминанія, если представлялся удобный случай послать ихъ. Большею частію въ нихъ обсуждаются мелкія дѣла и вопросы, касающіеся республики ученыхъ: напр. кто нибудь проситъ книгу, напоминаетъ о данной для прочтенія, а тотъ отсылаетъ ее съ благодарностью; иной рекомендуетъ ученика, а другой выражаетъ сочувствіе по поводу какой нибудь семейной радости, или поздравляетъ съ повышеніемъ; сообщается также объ ученыхъ занятіяхъ и литературныхъ открытіяхъ. Иной благодаритъ за оказанную любезность и отплачиваетъ за нее, отражаетъ литературные нападки, самъ нападаетъ на противника, проситъ разъясненія какого нибурь вопроса и т. п. Однако именно эти мелочи рисуютъ намъ яркую картину тѣхъ отношеній, какія господствовали между гуманистами: мы видимъ, что это «хорошее общество» любитъ вѣжливый тонъ и красивыя формы. Валла былъ того мнѣнія, что письма Цицерона такъ похожи на письма его

---

1) Cf. Leon. Bruni epist. V, 3.
2) См. его письмо къ Никк. Чеба отъ 15 февраля 1451 г.
3) Οἱ τοὺς κατὰ φύσιν θνητοὺς ἐκποιοῦσι διὰ τὰς καλὰς πράξεις ἀθανάτους τῇ δόξῃ ἣν πορίζει ὁ λόγος. Письмо отъ 11 марта 1454 г. у Rosmini Vita di Filelfo T. II p. 305.

друзей, какъ будто вышли изъ подъ одного пера [1]). Это можно утверждать съ большимъ правомъ, если сравнить одни съ другими письма самыхъ знаменитыхъ гуманистовъ. Но причины не слѣдуетъ искать далеко. Всѣ они сочинялись по одному и тому же образцу, которымъ служили именно письма Цицерона; они выходили изъ тѣхъ же или родственныхъ школъ, которыя учились одна у другой. И при письменныхъ сношеніяхъ создаются особыя формы сообразно характеру отношеній, какъ формы сношеній личныхъ, и для нихъ между людьми одного сословія и профессіи легко создается извѣстный условный пошибъ, такъ что часто они поражаютъ насъ сходствомъ даже въ образѣ мыслей.

Вообще между гуманистами, по примѣру Цицерона, господствовалъ культъ дружбы, обусловливавшій собою мирныя отношенія. Еще Петрарка вѣрилъ въ идеалъ дружбы, однако онъ принадлежалъ у него къ числу тѣхъ кумировъ, которые зиждились на философскихъ теоріяхъ древнихъ. Но мало по малу дружба и любовь, въ которыхъ гуманисты краснорѣчиво увѣряли другъ друга, стали дѣломъ простой вѣжливости, которая имѣла такое же значеніе, какое у насъ напр. обычай снимать шляпу для привѣтствія. Въ письмахъ этихъ повторяется старая тема съ новыми красивыми варіаціями. Если желали сказать любезность постороннему человѣку, котораго никогда не видали, то видоизмѣняли то выраженіе Цицерона, что дружба можетъ существовать только между хорошими людьми, такъ, что всѣ добродѣтельные люди уже по этому самому друзья между собою и должны любить другъ друга, а добродѣтель изъ вѣжливости предполагалась у лица неизвѣстнаго. Если при этомъ онъ былъ человѣкъ ученый, то къ нему относились какъ къ любимому брату; если же знали, что онъ писатель, то чтили въ немъ даровитаго художника или человѣка начинающаго, подающаго большія надежды [2]). Пикколомини, хотя вполнѣ преданный гуманистическимъ занятіямъ, бывалъ однако и въ разсудочномъ состояніи и въ одномъ мѣстѣ приходитъ къ слѣдующимъ соображеніямъ. «Собственно въ настоящее время имѣетъ значеніе та дружба, съ которою связана существенная польза; той стоической дружбы, которая основана была исключительно на добродѣтели, давно и въ поминѣ нѣтъ.—Дѣло вотъ въ чемъ: мы льстецы,

---

[1]) Elegant. lib. III in princ.: Ita verba et sententiae characterque ipse dicendi ubique sui est similis. Но на сколько невѣрно это замѣчаніе, показалъ напослѣдокъ Шмальцъ въ берлинской Zeitschr. für das Gymnasial-Wesen 1881 s. 87 ff.

[2]) Beccatelli epist. Gall. I, 42: Sane quidem epistolae cum plurifarie nos escornant, tum vero maxime, quod benevolos nobis quotidie comparant. Quamplurimos, quos nunquar. vidi, der epistolas amo, ac mutico amari certe scio.

а не друзья.—Но слѣдуетъ лицемѣрить, потому что всѣ лицемѣрятъ. Будемъ относиться къ людямъ такъ, какъ они есть [1])». Въ сущности никто никого не обманывалъ: всѣ понимали обманъ и платили того же монетою. Намъ все таки пріятно слышать, что насъ любятъ и хвалятъ. Какъ часто и на какіе разные лады выражаютъ гуманисты ту пословицу, какая была въ ходу въ древнемъ Римѣ, когда кто слышалъ преувеличенныя похвалы: Я знаю, что ты лжешь, но все таки это мнѣ пріятно [2]).

Въ обыкновенномъ письмѣ старались обойтись безъ аппарата учености и искусственнаго изложенія, но въ письмахъ ученыхъ имъ снова давалось надлежащее мѣсто, именно въ такихъ, которыя скорѣе походили на трактаты и адресъ которыхъ былъ собственно посвященіемъ. Если дружескимъ письмомъ оказывали честь тому, къ кому его писали, то тѣмъ болѣе такимъ маловажнымъ даромъ. Подобнымъ образомъ почтилъ Поджіо Козьму Медичи, когда послѣдній, послѣ годичнаго изгнанія, снова возвратился во Флоренцію. Въ своемъ письмѣ онъ тотчасъ же признается, что готовъ бы былъ лично принести это поздравленіе уважаемому человѣку, но предпочитаетъ форму письма, потому что оно удобно для распространенія его славы между друзьями [3]). Съ этой же точки зрѣнія мы должны смотрѣть и на тѣ посланія, которыя Филельфо писалъ къ разнымъ государямъ [4]). Это реторическія декламаціи, съ которыми онъ съ такимъ же успѣхомъ могъ бы обратиться къ изящнымъ придворнымъ.

Не легко составить себѣ точное понятіе объ объемѣ гуманистической литературы писемъ, если помимо печатныхъ собраній не принять во вниманіе и тѣхъ посланій, которыя хранятся еще въ рукописяхъ въ итальянскихъ библіотекахъ или сдѣлались жертвою времени. Мы уже говорили о томъ, что множество раннихъ писемъ Петрарки затерялись, также многія оставлены безъ вниманія позднѣйшими издателями. У Салютато была украдена часть его книги копій съ дружескими письмами въ прозѣ и стихахъ, и онъ собственно говоря никогда не имѣлъ намѣренія издавать ихъ, а тѣ, которыя напечатаны,

---

1) Его письма къ канцлеру Шлику отъ 1 ноября и 28 декабря 1443 г.

2) Aliottus epist. IV, 41 передаетъ намъ это въ оригинальной формѣ: Saccio, cho menti per la gola, pur me ne jova.—Janus Pannonius epigr. I 252:

Laudas nimium, priscis et vatibus aequas.
Mentiris, novi; me tamen, Ode, iuvat.

3) Poggius epist. V, 21 ed. Tonelli.

4) Знаменитѣе всѣхъ письмо къ королю французскому Карлу VII отъ 17 февраля 1457 г. Послѣ паденія Константинополя онъ писалъ подобныя письма къ императору Фридриху и королю венгерскому Матвѣю, два къ герцогу Бургундскому, къ Федериго урбинскому, къ дожу и др. Rosmini T. III p. 76.

составляютъ лишь выборъ изъ большихъ собраній, еще уцѣлѣвшихъ [1]). Мы знаемъ только 10 писемъ Пьера Паоло Берджеріо, но въ разныхъ библіотекахъ есть собранія, и въ одномъ изъ нихъ, какъ говорятъ, заключается 148 писемъ [2]). Въ изданіи писемъ Гаспарино да Барзиццы, сдѣланномъ Фуріэтти, ихъ помѣщено всего 108, но мы знаемъ, что въ библіотекахъ, особенно въ амвросіевской, хранится еще множество [3]). Что касается Ліонардо Бруни, то у насъ есть тѣ его письма, которыя онъ самъ привелъ въ порядокъ для изданія. Но множество другихъ, въ томъ числѣ писанныя на греческомъ языкѣ, пропали. Писемъ Поджіо до сихъ поръ извѣстно только около 500, большею частію по тѣмъ сборникамъ, которые онъ самъ составилъ. Ему уже очень поздно пришло на мысль приступить къ изданію всѣхъ своихъ писемъ. Отъ раннихъ лѣтъ были довольно полны только тѣ, какія онъ писалъ изъ Констанца и Лондона Никколи, и которыя послѣдній сохранилъ. Поджіо велѣлъ ихъ списать незадолго до смерти Никколи. Они составили небольшую книгу съ 86 письмами, которая была посвящена одному другу, особенно цѣнившему эти произведенія. Поджіо и въ то время не обращалъ уже вниманія на помѣтки ихъ и на порядокъ. А какое множество писемъ пропало отъ времени его цвѣтущей юности [4])! Но не были приведены въ строгую систему и тѣ письма, которыя онъ писалъ послѣ своего возвращенія въ Римъ. Правда, онъ обыкновенно оставлялъ съ нихъ копіи, но довольно часто и этого не дѣлалось по небрежности, а чаще потому, что онъ спѣшилъ [5]). Когда ихъ накопилось довольно много, такъ что можно было составить цѣлый томъ, то онъ раздѣлилъ ихъ на 10 книгъ и посвятилъ кардиналу Людовико Скарампо [6]).

---

1) Salutati epist. 13 и 14 ed. Mehus. Какъ мало сообщено въ изданіяхъ Мегуса и Ригаччи, показываютъ уже каталоги Бандини, особенно Catal. codd. lat. T. III.

2) Morelli Codd. ms. lat. bibl. Nanian. p. 159. Colle Storia di Padova vol. IV p. 47. Baduber P. P. Vergerio p. 36.

3) Mazzuchelli Scritt. d'Italia Vol. II P. I p. 502. О другомъ собраніи упоминаетъ Tiraboschi Storia d. lett. Ital. Nuova ediz. T. VI lib. III cap. 19.

4) Посвященіе 68 писемъ феррарскому кардиналу Франческо Марескалько въ 1436 или въ началѣ 1437 г. въ изданіи Tonelli vol. I p. X. См. также epist. VII, 7. 22.

5) Epist. VIII, 45. Отъ этого въ существующихъ сборникахъ часто встрѣчаются пропуски въ нѣсколько мѣсяцевъ.

6) Посвященіе patri Loisio archiepiscopo Florentino можетъ относиться только къ этому собранію. Оно есть въ сборникѣ Тонелли vol. I p. XI, къ сожалѣнію безъ всякой помѣтки времени и мѣста. Но въ этой формѣ оно не можетъ быть подлиннымъ, потому что Скарампо оставилъ санъ архіепископа уже въ 1439 г. и былъ сдѣланъ патріархомъ аквилейскимъ. Но письма первыхъ 10 книгъ обнимаютъ время гораздо дальше 1439 г. Поджіо въ первый разъ упоминаетъ о собраніи 10 книгъ въ epist. X, 8 3 февраля (1450 г.), потомъ въ XI, 32. Поэтому то мѣсто, въ которомъ не упоминается еще о возведеніи Скарампо въ санъ кардинала (1440 г.), есть только свойственное флорентинцу воспоминаніе о томъ времени, когда онъ былъ архіепископомъ во Флоренціи.

Онъ готовился издать и второй томъ въ 10 книгахъ, и въ 1450 г. были готовы три, потомъ прибавились еще четыре, но въ преклонной старости онъ сталъ еще медленнѣе работать и не дожилъ до окончанія этого тома. Такъ какъ письма его пользовались большимъ успѣхомъ, то можно надѣяться, что кромѣ этихъ собраній еще многое сохранилось.

Мы можемъ указать также на множество другихъ пробѣловъ въ печатной литературѣ писемъ. О Карло Марсуппини сообщаютъ какъ странность, что онъ написалъ и оставилъ мало писемъ [1]). А у насъ нѣтъ даже ни одного кромѣ тѣхъ посланій, которыя онъ сочинялъ какъ канцлеръ. Въ числѣ сочиненій Джіаноццо Манетти упоминается и о книгѣ его писемъ; мы знаемъ лишь нѣкоторыя изъ нихъ [2]). 23 книги писемъ Траверсари занимаютъ почти тысячу страницъ въ листъ въ изданіи Канетти и Мегуса, однако самъ Траверсари говоритъ, что онъ написалъ ихъ «безчисленное множество», но при собираніи ихъ оказалось въ его распоряженіи сравнительно немного [3]). Письма Джироламо Альнотти авторъ издалъ самъ по малой мѣрѣ въ 12 книгахъ, даже въ одной рукописи есть 16. Новый издатель напечаталъ ихъ въ 9 книгахъ, которыя, по видимому, составилъ произвольно, впрочемъ говоритъ, что заимствовалъ изъ рукописей лишь нѣсколько большій выборъ. Въ такомъ случаѣ потеря для насъ не особенно тяжела [4]). Напротивъ, весьма жалко, что не собраны письма Гварино, который принадлежитъ къ числу весьма почтенныхъ представителей гуманизма, тогда какъ самъ онъ не позаботился объ ихъ сохраненіи. Все таки ихъ есть много во всѣхъ итальянскихъ библіотекахъ, а также и въ иностранныхъ [5]). Упоминаютъ о собраніи писемъ Ауриспы, но мы знаемъ только тѣ изъ нихъ, которыя Траверсари присоединилъ къ своимъ [6]). Изданное кардиналомъ Квирини собраніе писемъ Франческо Барбаро заключаетъ въ себѣ 284 письма этого венеціанца и 94 письма другихъ извѣстныхъ лицъ, къ нему писанныя. Однако тутъ на лицо письма лишь за нѣ-

1) Facius de vir. illustr. p. 12.

2) Negri Istoria d. Scritt. Fiorent. p. 234: Liber unus epistolarum. Въ приложеніи къ Vespasiano Bisticci Comment. d. vita di G. Manetti Траверсари p. 163 seq. издалъ письма, писанныя къ нему.

3) Epist. IV, 26 rec. Canneto. Подобно скромнымъ монахамъ, и онъ былъ будто бы подстрекаемъ друзьями къ изданію своихъ писемъ. Cf. epist. XX, 15.

4) Хотя Альнотти самъ epist. V, 45 думаетъ, что въ числѣ его писемъ есть такія, quae nequaquam adspernandae videantur, которыми не слѣдуетъ пренебрегать. Онъ часто говоритъ о возрастающемъ собраніи своихъ писемъ, а о 12 книгахъ упоминаетъ въ epist. VIII, 38.

5) Rosmini Vita di Guarino vol. II p. 5. Giuliari Della lett. Veron. p. 286.

6) Mongitore Bibl. Sicula T. I p. 322: Epistolarum opus egregium. См. томъ I.

сколько лѣтъ, которыя издатель нашелъ совершенно случайно. Оба красивые тома библіотеки св. Марка въ Венеціи содержатъ въ себѣ 170 писемъ, до сихъ поръ не напечатанныхъ, въ томъ числѣ весьма важныя, которыя Барбаро писалъ къ первымъ государственнымъ дѣятелямъ своего времени по дѣламъ политическимъ и военнымъ. Поиски его другихъ писемъ могли бы увѣнчаться прекрасными плодами [1]). Письма Филельфо, распространившіяся со времени перваго изданія ихъ въ 1485 г. въ Брешіи въ 17 оттискахъ, составляютъ довольно большой томъ. Но въ этихъ изданіяхъ только 16 книгъ, которыя Филельфо предполагалъ напечатать въ одномъ томѣ въ мартѣ 1461 г. Болѣе полное изданіе, вышедшее въ Венеціи въ 1502 г., содержитъ въ себѣ 37 книгъ. Не смотря на это Карло де'Росмини, біографъ Филельфо, нашелъ въ фамильной библіотекѣ Тривульци рукопись, заключавшую въ себѣ всѣ письма лучшаго изданія и сверхъ того еще 11 книгъ неизданныхъ, 90 писемъ еще ненапечатанныхъ и 110 новыхъ греческихъ. Съ этимъ ученымъ, конечно, никто не могъ равняться по обширности корреспонденціи, да онъ же единственный изъ гуманистовъ сберегшій свои письма въ строгомъ порядкѣ и съ полными помѣтками [2]). Изъ писемъ Энея Пикколомини, писанныя до восшествія его на папскій престолъ, которыхъ напечатано болѣе 500, составили еще цѣлыхъ два тома, изъ которыхъ одинъ находится въ Вѣнѣ, а другой во Флоренціи, ждутъ себѣ издателя [3]). Писемъ Беккаделли у насъ есть около 200, но онъ самъ говоритъ, что писанныя изъ Павіи образуютъ только часть, какую онъ могъ собрать впослѣдствіи въ копіяхъ и оригиналахъ [4]). Валла, къ сожалѣнію, не собиралъ своихъ писемъ. Немногіе изданные отрывки ихъ, далеко не составляютъ всей корреспонденціи, какую мы можемъ смѣло предполагать и у него [5]). Письма Пьера Кандидо Дечембріо не считали достойными печати; тѣмъ не менѣе онъ упоминаетъ не меньше какъ о 25 книгахъ, которыя авторъ большими и малыми группами посвятилъ разнымъ благодѣтелямъ [6]). Есть или было нѣсколько большихъ собраній писемъ Никколо

[1]) См. томъ I стр. 388 примѣч. 2.

[2]) Rosmini T. I Prefaz. p. XV. XVI. T. II p. 226. См. томъ I.

[3]) О нихъ я говорилъ въ XVI т. Archiv für Kunde österr. Geschichtsquellen. См. также Bandini Catal. codd. lat. T. II p. 658 seq.

[4]) Epist. Gall. I, 1. См. томъ I стр. 444 прим. 3.

[5]) Онъ говоритъ въ Antid. in Poggium IV (Opp. p. 345): ego enim ideo epistolas meas non habeo, quia eas in libros nec referre, nec transcribere soleo. Что Тритемій называетъ его Liber epistolarum, я не могъ узнать. Два письма къ Марино указываетъ Endlicher. Catal. codd. bibl. Palat. Vindob. p. 136.

[6]) Saxius p. 165. 293 говоритъ только о тѣхъ, какія есть въ Ambrosiana, а о другой группѣ, secunda portio, въ 9 книгахъ, см. Mittarelli Bibl. codd, ms. S. Michaelis Venet. p. 675.

Перотти, но изо всего этого богатства едва ли что нибудь издано [1]). Есть сборники посланій Лапо де Кастильонкіо младшаго въ трехъ книгахъ, которыя тоже доселѣ остаются непочатымъ сокровищемъ [2]). Такимъ образомъ мы видимъ, что, даже не принимая во вниманіе менѣе важныхъ дѣятелей, между гуманистами шла обширная, оживленная и разнообразная переписка, которая служила средствомъ общенія для этой республики ученыхъ и по объему своему составляетъ почтенный литературный памятникъ, ихъ достойный.

За оживленною практикой слѣдовала теорія,—руководства къ сочиненію писемъ для приверженцевъ гуманизма и учениковъ. Первый гуманистъ, писавшій образцы писемъ въ античномъ духѣ и съ античными именами, для назиданія учащихся, былъ Гаспарино да Барзицца [3]). Впослѣдствіи подобнаго же рода письмовникъ составилъ и Джіаммаріо Филельфо для употребленія въ школахъ [4]). По вмѣсто этихъ сухихъ формъ рекомендовали для подражанія настоящія письма, въ которыхъ, разумѣется, недостатка не было. Впрочемъ въ рукописяхъ нерѣдко встрѣчаются и школьныя письма, которыя сочиняются отъ имени разныхъ героевъ греческой, римской и средней исторіи, Плутарха, Исократа, готскихъ и франкскихъ королей, дѣятелей крестовыхъ походовъ, турецкихъ султановъ и древнихъ и новыхъ восточныхъ государей [5]). Важнѣе этого книга формъ, составители которой старались преобразовать прежній слогъ въ духѣ гуманистической теоріи. Такое руководство написалъ Ліонардо Бруни; для придворнаго оффиціальнаго слога то же самое сдѣлалъ Антоніо Лоски [6]). Учебники эпистолографіи, конечно, шли немного дальше этого: и въ нихъ говорилось о формѣ адресовъ, объ обращеніяхъ, о привѣтствіяхъ, о римскомъ календарѣ, рекомендаціяхъ, извиненіяхъ и т. п. Нѣчто въ этомъ родѣ приписываютъ еще Салютато [7]). Къ позднѣйшему времени относятся труды Перотти [8]) и Агостино Дати. Послѣдній, будучи сіэнскимъ канцлеромъ, далъ

---

1) Самъ онъ въ своемъ впрочемъ подозрительномъ письмѣ у Endlicher l. c. p. 226 указалъ Epistolas item plurimas. По свидѣт. Fabricius T. V p. 122 онъ раздѣлялъ ихъ на Epistolae Romanae, Perusianae etc.

2) Wilmanns въ Gött. gelehrt. Anzeigen 1879 Stück 47 s. 1491.

3) Съ 1470 г. они были напечатаны по крайней мѣрѣ три раза, когда Фуріэтти помѣстилъ ихъ въ Barzizzii Opp. P. I p. 220 seq.

4) Guill. Favre Mélanges d'hist. litt. T. I p. 166.

5) Цѣлый рядъ ихъ напечатанъ въ Epistolae principum et illustrium virorum, Amst. 1644.

6) Lamius Catal. bibl. Riccard. p. 262: Leonardi Aretini Formulae epistolarum и Formule di soprascritte (superscriptiones) per lettere. О трудѣ Лоски см. выше стр. 18.

7) Lamius p. 141: Ars dictaminis s. de conscribendis epistolis, quae Coluccio tribuitur.

8) Fabricius T. V p. 122: De conscribendis epistolis.

подробныя наставленія относительно того, какъ писать письма живо, остроумно и гладко: гладки вѣдь, пожалуй, и его безцвѣтныя посланія [1]).

Краснорѣчіе въ собственномъ смыслѣ лучшій плодъ стилистики. Только звучное слово сообщаетъ жизнь всѣмъ стилистическимъ правиламъ, которыми хотятъ развить чувство изящнаго, тронуть слушателя или польстить ему. Но оратору нужна публика, на которую онъ могъ бы дѣйствовать, нуженъ матеріалъ, служащій связующимъ звеномъ между имъ и слушателями. Краснорѣчіе древнихъ было республиканское. Когда были вновь открыты ихъ литературные памятники, то въ большей части итальянскихъ государствъ его примѣненію къ общественнымъ дѣламъ помѣшали деспоты, а въ республикахъ замкнувшаяся въ себя аристократія. Мы слышимъ жалобы на то, что гуманистамъ запрещено говорить публичныя рѣчи. Передъ собраніемъ или передъ владѣтельнымъ лицомъ слѣдуетъ говорить на народномъ языкѣ и хлопотать не объ искусствѣ, а о дѣлѣ. Въ судебныя же мѣста ораторы не имѣютъ доступа [2]). На обоихъ великихъ преобразовательныхъ соборахъ XV вѣка, дѣйствительно, ораторское искусство гуманистовъ имѣло обширное поприще, но вмѣстѣ съ ихъ закрытіемъ оно лишилось доступа въ среду церковной жизни. Гуманисты были всторонѣ отъ духовнаго краснорѣчія. На этомъ поприщѣ подвизались почти исключительно минориты-строгоцерковники, которые своимъ мощнымъ словомъ дѣйствовали на народныя массы, будили совѣсть, потрясали души слушателей и вызывали у нихъ слезы сокрушенія. Не слѣдуетъ думать, что проповѣди, какъ напр. тѣ, которыя приписываются св. Бернардино и Альберто Сартеано, дѣйствительно когда нибудь говорились. Эта сухая мораль, полная схоластическихъ пріемовъ и ученыхъ цитатъ, не могла произвести того впечатлѣнія на народъ, о которомъ намъ говорятъ. Ихъ искусство, какъ и искусство ихъ послѣдователей, состояло въ громоносныхъ возгласахъ, въ изображеніи картинъ страшнаго суда и потѣшныхъ отступленіяхъ. Мы слышали уже отъ самихъ поклонниковъ Цицерона, съ какимъ презрѣніемъ относились они къ этимъ уличнымъ ораторамъ. Послѣдніе не могли пользоваться для своихъ цѣлей классическими украшеніями, хотя и не презирали ихъ за языческое происхожденіе. Слѣдовательно, повторяемъ, вообще гуманистское краснорѣчіе не находило для себя практическаго примѣненія уже потому, что было неразрывно связано съ латинскимъ языкомъ.

---

[1]) Его Isagogicus libellus pro conficiendis epistolis я видѣлъ въ Cod. Catal. 4393 мюнхенской придвор. библ., а письма есть въ его Opp. Senis 1503.

[2]) Facius de vir. illustr. p. 7.

При такомъ неблагопріятномъ положеніи вещей ему приходилось быть дѣломъ роскоши. Раньше всего это удалось ему во Флоренціи. Намъ сообщаютъ, что юный Бруно Казини, умершій въ 1348 г., слѣдовательно, бывшій современникомъ Петрарки, не только публично преподавалъ реторику въ своемъ отечественномъ городѣ, но и заставлялъ своихъ учениковъ декламировать рѣчи и руководствовалъ ихъ въ искусствѣ держать себя, дѣлать жесты и употреблять умѣстныя и сильныя выраженія [1]).

Мы уже выше говорили о рѣчахъ Петрарки [2]). Примѣръ чтимаго имъ Цицерона побуждаетъ его говорить рѣчи, и во многихъ его сочиненіяхъ есть ораторскія тирады, только не говоренныя, а писанныя. Его посланіе къ Колѣ ди Ріэнцо скорѣе есть рѣчь о свободѣ въ духѣ Ливія, обращенная къ гражданамъ семихолмнаго города. Тамъ она была дѣйствительно прочитана въ Капитоліи [3]). Когда поэтъ приглашалъ Карла IV въ Италію, онъ заставляетъ Римъ, въ образѣ сѣдой матроны въ раздранномъ одѣяніи, держать къ нему рѣчь, въ которой изображаетъ все величіе римской исторіи [4]). А когда онъ дѣйствительно являлся передъ государемъ или собраніемъ, то отъ всего того пламени, которое бушевало въ его груди, оставался только пепелъ. Онъ вырабатываетъ свои рѣчи по сухимъ правиламъ хрій, вовсе не по античнымъ образцамъ, а скорѣе по образцу схоластической проповѣди. Въ основу рѣчи онъ кладетъ изреченіе св. Писанія, раздѣляетъ его на обычныя три части и принимается объяснять самымъ безвкуснымъ образомъ. Классическія цитаты, которыя онъ въ нее вставляетъ, не могутъ прикрасить собою ничтожества содержанія. Старались спасти его славу, помрачаемую этими жалкими произведеніями, доказывая, что они не принадлежатъ ему [5]). Такое явленіе объясняется тѣмъ неловкимъ положеніемъ, въ какое попадалъ ораторъ, когда ему собственно нечего было говорить. Когда же Петрарка былъ отправленъ къ королю французскому Іоанну, то съ нимъ были четверо дворянъ—рыцарей и одинъ знатокъ гражданскаго права [6]). Первые были представителями государства, а послѣдній руководилъ всѣмъ дѣломъ, такъ что на долю Петрарки досталось быть украшеніемъ посольства въ качествѣ великаго мудреца. Но онъ не зналъ французскаго языка, а потому не могъ привѣтствовать короля, который съ своей стороны не понималъ его латыни.

---

1) Filippo Villani Liber de famos. civibus ed. Galletti p. 30.
2) См. томъ I.
3) Ad Nicolaum Laurentii de capessenda libertate hortatoria y Fracassetti epist. var. 48.
4) Epist. rer. famil. X, 1.
5) Fulin Il Petrarca dinanzi alla signoria di Venetia p. 297 seq. 306. 310.
6) Онъ упоминаетъ объ этомъ самъ въ рѣчи у Barbeu de Rocher p. 223.

Салютато оставилъ разныя декламаціи и рѣчи, съ которыми впрочемъ можно было познакомиться только по рукописямъ, находившимся во Флоренціи. Это едва ли дѣйствительно говоренныя политическія рѣчи, скорѣе, можетъ быть, простыя упражненія, какихъ послѣ него осталось два. Тутъ мы видимъ, какъ и на этомъ поприщѣ ученые, подобно питомцамъ древнихъ римскихъ школъ, сочиняли рѣчи на вымышленные случаи и на событія изъ римской исторіи. Въ одной изъ нихъ родственники и мужъ стараются отклонить отъ мысли о самоубійствѣ Лукрецію, опозоренную Секстомъ Тарквиніемъ, въ другой она доказываетъ, что ей слѣдуетъ умереть [1]).

Новый толчокъ дали ораторскому искусству многія найденныя и распространенныя рѣчи Цицерона и его реторическія сочиненія, а также возстановленный текстъ Институцій Квинтиліана. Мы уже упоминали о томъ много читавшемся и бывшемъ въ славѣ сочиненіи Антоніо Лоски, въ которомъ онъ по восьми рѣчамъ Цицерона разбиралъ его реторическое искусство, чтобы этимъ путемъ вывести правила практической реторики. Онъ объяснялъ предметъ рѣчей, указывалъ ихъ части и вообще законы составленія и пояснялъ реторическія фигуры. Есть также рѣчи, которыя онъ самъ говорилъ во время своей службы въ Миланѣ [2]). Послѣ Гаспарино Барзиццы, кромѣ его учебника, о которомъ мы сейчасъ упомянемъ, осталось тоже 27 рѣчей, которыя онъ частію сочинялъ на придворные или академическіе случаи, или же по поводу бракосочетаній и похоронъ, но часто сочинялъ для другихъ [3]). Хотя всѣ онѣ отличаются утомительною правильностію, однако изъ нихъ ясно видно, какъ примѣнялись къ дѣлу теоріи, заимствованныя изъ Цицерона и Квинтиліана; каждая фраза напоминаетъ школу, и это скорѣе произведенія профессора краснорѣчія. Но эти ученыя занятія и педагогическіе труды принесли обильные результаты. Во второмъ и третьемъ десятилѣтіи XV вѣка развилась поразительная страсть къ рѣчамъ и захватила всѣ тѣ поприща, гдѣ только можно было кого нибудь прославить. Въ особенности эти рѣчи вошли въ моду при дворахъ государей и владѣтельныхъ особъ. По случаю пріѣзда государя, при заключеніи мира, пріемѣ посольства, во время бракосочетанія и по-

---

1) Обѣ рѣчи есть въ рукописяхъ и печатныхъ оттискахъ въ числѣ писемъ Энея Сильвія (въ edit. Basil. какъ epist. 411). Въ рукописяхъ у Bandini Catal. codd. lat. T. III p. 703 и Muccioli Catal. codd. manus. Malatest. Cesen. T. II p. 69. Салютато прямо названъ авторомъ. См. также Mehus Vita Ambr. Travers. p. 302. Салютато нельзя заподозрить въ подлогѣ. Именно недавно Герм. Мюллеръ въ Blätter fur das bayerische Gymnasial-und Realschulwesen Bd. XIV s. 471 издалъ обѣ рѣчи за античныя, а Кусснеръ тамъ же Bd. XVI s. 9 написалъ къ нимъ ученыя возраженія.

2) См. выше На Orationes указываетъ Tomasinus Bibl. Patav. ms. p. 26.

3) Онѣ есть въ его Opp. ed. Furietto.

хоронъ—однимъ словомъ, какъ только представлялся какой поводъ, придворный ораторъ говорилъ блестящую рѣчь. Въ этомъ случаѣ не отставали и республики, и небольшіе провинціальные города встрѣчали своихъ высшихъ сановниковъ привѣтственными рѣчами, которыя часто приходилось говорить учителямъ латинскаго языка. Даже въ торжественные дни для знатныхъ фамилій, особенно во время бракосочетаній и похоронъ, приглашались риторы. Многія рѣчи сочинялись просто на показъ и говорены не были. Само собой понятно, что въ нихъ постоянно господствовалъ панегирическій тонъ. Въ особенности въ надгробныхъ рѣчахъ хвалебный тонъ доходилъ часто до апоѳеоза.

Во Флоренціи подобнаго рода рѣчи говорилъ и писалъ Ліонардо Бруни, напр. при пріемѣ городомъ папы Мартина V, также надгробныя слова [1]). Потомъ всегда готовъ былъ говорить рѣчи даже безъ приготовленія Манетти, хотя говорилъ какъ неистощимый проповѣдникъ [2]). Поджіо написалъ семь блестящихъ надгробныхъ словъ въ честь друзей своихъ Никколи, Бруни и Лоренцо де' Медичи, также кардиналовъ Альбергати, Чезарини и Забареллы, наконецъ папы Николая V. Но онъ не говорилъ ни одной изъ нихъ, хотя напр. въ надгробной рѣчи Никколи, написанной въ Болоньѣ, предполагаетъ, что стоитъ подлѣ гроба, окруженный флорентинскими гражданами [3]). Первымъ публичнымъ ораторомъ въ Венеціи былъ Леонардо Джустиніани [4]), потомъ Франческо Барбаро, впослѣдствіи Бернардо Джустиніани. Въ Сіэнѣ уже гораздо позднѣе явился публичный ораторъ въ лицѣ Агостино Дати.

При дворахъ владѣтельныхъ особъ, разумѣется, обязанность украшать празднества рѣчами обыкновенно лежала на придворныхъ ораторахъ, исторіографахъ и школьныхъ учителяхъ. Въ Неаполѣ эту должность исполнялъ Беккаделли, въ Миланѣ Лоски, Барзицца старшій, Дечембріо и Филельфо. Множество рѣчей послѣдняго, говоренныя имъ на разные случаи, вѣроятно, были недоступны для большинства уже по своему ученому аппарату, которымъ онъ любилъ приправлять ихъ какъ на каѳедрѣ. Онъ такъ же спекулировалъ

---

[1]) Но онѣ гораздо рѣже встрѣчаются въ рукописяхъ, чѣмъ его другія сочиненія. На группу ихъ указываетъ Mittarelli p. 663.

[2]) Рядъ его посольскихъ рѣчей папамъ и государямъ указываетъ Negri p. 234. См. томъ I и выше.

[3]) Poggius epist. IX, 3. XII, 21. Если онъ говоритъ здѣсь о своихъ 6 надгробныхъ рѣчахъ, то, вѣроятно, не считаетъ рѣчи въ честь Никколи.

[4]) См. томъ I.

ими для славословій, какъ и своими другими сочиненіями [1]). Гварино говорилъ много рѣчей на разные случаи уже въ Венеціи и Веронѣ, а еще больше у фамиліи Эсте въ Феррарѣ. Всѣ онѣ составлены на одинъ образецъ: начинаются похвалою городу или владѣтельному дому, потомъ прославляютъ въ духѣ панегирика предковъ извѣстнаго лица и его самого и кончаются изъясненіемъ событія, послужившаго предметомъ праздника [2]). Но въ этомъ отношеніи его далеко превзошелъ преемникъ его по должности у герцога феррарскаго, Людовико Карбоне. Въ 1469 г. въ одной рѣчи Карлу Фридриху онъ указалъ на тѣ свои заслуги, во имя которыхъ просилъ поэтическихъ лавровъ. При этомъ Карбоне хвалился, что сочинилъ 200 рѣчей, а при торжественныхъ случаяхъ произнесъ до 10.000 стиховъ. Онъ говорилъ, по его словамъ, надгробныя рѣчи въ честь всѣхъ именитыхъ людей своего роднаго города, которыхъ пережилъ, и знатныя невѣсты рѣдко праздновали свадьбу безъ его привѣтственныхъ стиховъ [3]).

Рѣчи Валлы остались ненапечатанными. Онъ и самъ не придавалъ имъ никакого значенія, по крайней мѣрѣ ни разу не упоминаетъ о нихъ въ своихъ остальныхъ сочиненіяхъ. Когда однажды въ Римѣ въ церкви S. Maria sopra Minerva онъ говорилъ торжественную рѣчь въ честь св. Ѳомы Аквинскаго, то кардиналъ д'Этутвиль, французъ съ утонченнымъ вкусомъ, сказалъ, что онъ, должно быть, полоумный. Кардиналъ былъ правъ, говоритъ нашъ историкъ, потому что Валла до нелѣпости преувеличилъ свои похвалы, и вся его рѣчь была какъ бы тканью, составленною изъ пестрыхъ лоскутьевъ [4]).

Между гуманистскими ораторами первое мѣсто занимаетъ Эней Пикколомини. Политическая жизнь, въ сферѣ которой онъ вращался, давала ему поводы и матеріалъ для множества рѣчей, въ которыхъ онъ преслѣдовалъ серьезныя цѣли, и вмѣстѣ съ тѣмъ представляла ему возможность выказать свое искусство. Онъ говорилъ рѣчь въ прославленіе Дѣвы Маріи на базельскомъ соборѣ, въ нѣкоторыхъ посольствахъ велъ переговоры отъ имени короля Фридриха III и про-

---

1) У меня онѣ есть въ изданіи, напечатанномъ въ Парижѣ въ 1515 г. Въ спискѣ его сочиненій въ Indagini s. librería Visc. Sforz. App. alla P. I p. 9 онъ говоритъ: Orationes quam plurimeet invective tam grece quam latine.

2) См. томъ I. Списокъ напечатанныхъ и ненапечатанныхъ рѣчей Гварино см. у Giuliari Della lett. Veron. p. 286. 289—293.

3) Ant. Panormitae Hermaphroditus ed. Forberg p. VIII.

4) Gaspar. Veronensis ap. Muratori Scriptt. T. III P. II p. 1032.—Упомяну мимоходомъ, что извѣстны также 28 неизданныхъ рѣчей его врага, Перотти. Fabricius ed. Mansi T. V p. 122.

износилъ торжественныя рѣчи, а ставши папою до самаго того времени, какъ покинулъ Римъ, направляясь для войны съ Турками въ Анкону, гдѣ и умеръ, сказалъ около 36 рѣчей, которыя счелъ нужнымъ написать. Кампано имѣлъ полное право сказать, что ни одинъ изъ современниковъ не говорилъ такъ часто и по случаю такихъ знаменательныхъ событій. Его рѣчи представляютъ особый интересъ и въ томъ отношеніи, что онъ откровенно выразился объ ихъ разсчитанномъ впечатлѣніи и о реторической теоріи. Искусство Пія II заключалось въ отуманивающемъ потокѣ словъ и въ ихъ потрясающемъ паѳосѣ. Ораторъ любитъ упоминать о томъ, что иногда во время его рѣчей нѣкоторые рыдали и проливали слезы, просили сообщить набросокъ сказаннаго или старались записать его слова. Но по отношенію къ практическимъ результатамъ своихъ рѣчей онъ испыталъ много разочарованій, а особенно будучи папою. Успѣхъ, конечно, льстилъ ему, но впечатлѣніе, произведенное сказанною рѣчью, быстро разсѣивалось. Уже въ старости онъ будто бы сказалъ, что искусственная рѣчь дѣйствуетъ только на глупцовъ, а не на разсудительныхъ людей [1]).

Учебники реторики, во многихъ отношеніяхъ сходные съ учебниками стилистики, составляютъ далеко не обширную литературу, потому что гуманисты любили придерживаться непосредственно Цицерона. Его «старая реторика», т. е. книги de inventione (объ изобрѣтеніи), и та реторика, въ которой онъ обращается къ Гереннію, постоянно пользовались уваженіемъ и читались въ средніе вѣка, такъ что уже Алкуинъ составилъ свой учебникъ на ихъ основаніи. Къ этому присоединились другія реторическія сочиненія Цицерона, которыя послѣ находки въ Лоди быстро распространились, равно какъ и вновь отысканный Квинтиліанъ. Притомъ гуманисты часто выражаютъ такое мнѣніе, что ораторскому искусству скорѣе можно научиться по рѣчамъ Цицерона, чѣмъ по его теоріи. Въ лучшихъ учебникахъ авторы ихъ старались собрать плоды всѣхъ этихъ изученій.

Гаспарино да Барзицца первый издалъ учебникъ подобнаго рода. Его главными руководителями были Цицеронъ и Квинтиліанъ; у него правила собственно краснорѣчія шли рука объ руку съ правилами изящной рѣчи (стилистики). Нельзя думать, чтобы его книга особенно изучалась, судя по малому количеству рукописей [2]). На-

---

[1]) Platina in vita Pii II. Ср. G. Voigt Enea Silvio de' Piccolomini Bd. II s. 271 ff.

[2]) Въ рукописи амвросіевской библіотеки у Mazzuchelli Scritt. d'Italia Vol. II P. I p. 503 носитъ онъ заглавіе: Practica oratoris seu de tribus elocutionis partibus и, кажется, тождественнъ съ De praeceptis elocutionis. Въ Opp. ed. Furietto p. 1 seq.— напечатана только часть de compositione, prima elocutionis parte. Elocutio распадается на три части: compositio, elegantia, dignitas (составъ, изящество, достоинство). Compositio опять включаетъ въ себѣ три фактора: ordo, iunctura, numerus (порядокъ, связь частей, ритмъ).

противъ большое значеніе имѣла реторика Георгія Трапезунтскаго, которую онъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ обученія въ школѣ Витторино, издалъ въ Венеціи и посвятилъ тамошней синьоріи. Хотя противъ него многихъ возстановила заносчивая полемика съ Гварино, однако книга его пользовалась успѣхомъ и, вслѣдствіе своего яснаго изложенія, пережила множество изданій, тогда какъ другія сочиненія того же автора были забыты. Онъ не слѣдовалъ пути, указанному Цицерономъ, а строго держался Гермогена тарсскаго, котораго старался дополнить по Аристотелю. Пользовались также сочувствіемъ и мелкія его сочиненія о художественномъ построеніи рѣчи Цицерона за Лигарія и Филиппикъ. О первой рѣчи онъ писалъ еще по желанію Витторино, которому и посвятилъ свой небольшой трудъ [1]). Эней Сильвій положилъ книгу Гаспарино въ основу своихъ «Правилъ реторическаго искусства», которыя издалъ въ 1456 г. и посвятилъ архіепископу трирскому. Въ этихъ правилахъ заслуга его ограничивается лишь болѣе удобнымъ расположеніемъ матеріала, зато къ примѣрамъ онъ прибавилъ много новыхъ изъ своего собственнаго собранія. И онъ не могъ уяснить себѣ границы между реторикою и стилистикой [2]).

Къ отдѣлу художественныхъ рѣчей гуманисты относятъ и инвективы, тѣ полемическія сочиненія, въ которыхъ они отстаивали себя и нападали на другихъ. Они при этомъ какъ бы разыгрывали роль Цицерона, обрушивающагося на Верреса, Катилину или Антонія. Если бы они сами не смотрѣли на дѣло такимъ образомъ, то по формѣ мы скорѣе причислили бы эти бранныя сочиненія къ посланіямъ. Они издавались въ видѣ разсужденій или сочиненій историческихъ, часто посвящались какому нибудь другу или меценату, но отнюдь не противнику. Характеръ рѣчи формально поддерживается лишь до тѣхъ поръ, пока послѣдняго осыпаютъ бранью.

И тутъ Петрарка первый воспользовался для этой цѣли искусствомъ слова, и мы уже раньше говорили о томъ, какой случай заставилъ его въ первый разъ взяться за перо и написать инвективу [3]), которая была кончена меньше чѣмъ въ сутки. Онъ напалъ въ ней на папскаго врача, который высказывалъ презрѣніе къ поэзіи, и отплатилъ за это презрѣніе сильными нападками на врачебную на-

---

[1]) Rhetoricorum libri V въ первый разъ напечатаны въ Венеціи въ 1470 г., разсужденія De artificio Ciceronianae orationis, pro Q. Ligario вмѣстѣ съ Commentarii in Philippicas Ciceronis Venet. 1472, также при Asconius Pedianus Venet s. a.

[2]) Artis rhetoricae praecepta въ Opp. ed. Basil 1551 p. 992 seq. Voigt Enea Silvio Bd. II s. 272.

[3]) См. томъ I стр. 73.

уку и практику. За первою инвективою слѣдовали еще три. Въ полемическихъ сочиненіяхъ Петрарки, вопреки обычаю прежнихъ вѣковъ, преобладалъ вполнѣ личный элементъ. Онъ считаетъ за личное нападеніе на себя все то, что его противникъ говорилъ въ умаленіе достоинства поэзіи, даже принимаетъ за личное оскорбленіе рѣзкіе отзывы о Плиніи, потому что признаетъ себя заступникомъ всѣхъ древнихъ писателей. Петрарка въ три похода этой «литературной войны» поразилъ на голову своего врага, хотя послѣдній, по видимому, сражался не безъ искусства. Послѣ этого онъ объявилъ, что «уничтожилъ его на вѣки», и память о немъ сохранилась для потомства только благодаря тому, что поэтъ говоритъ о немъ въ своихъ сочиненіяхъ. Врагъ его, по его мнѣнію, раскаялся, что началъ это дѣло. Но Петрарка не называетъ намъ его имени и обратился съ первою инвективою просто къ procaci et insano medico (дерзкому и безумному врачу), потому мы и не знаемъ имени этого несчастнаго. Но Петрарку не столько возбуждала ненависть противъ извѣстнаго лица или цѣлаго сословія, сколько желаніе заявить себя искуснымъ въ рѣчахъ Цицерономъ. Онъ напускается на противника не съ монашескимъ фанатизмомъ, не обвиняетъ его ни въ невѣріи, ни въ ереси, ни въ нравственной испорченности, но громитъ какъ человѣка невѣжественнаго, глупаго и нелѣпаго, исключительно обращаясь къ суду литературной публики. Поэтъ въ сущности столь же мало знаетъ толку въ медицинѣ, какъ его противникъ въ поэзіи: поэтому они борются оружіемъ діалектики и реторики. Грубая брань, высказываемая торжественнымъ тономъ, замѣняла споръ о дѣлѣ. Мы читаемъ поносныя выраженія Петрарки, но и противникъ не щадилъ его, называлъ честолюбивымъ и не въ мѣру надмѣннымъ. По видимому, впослѣдствіи поэтъ отчасти стыдился этого сочиненія и оправдывался въ немъ своею раздражительностью. Однако, не говоря уже о его борьбѣ съ аверроистами, онъ и въ старости нѣсколько разъ велъ подобныя распри. Мы упомянемъ объ его инвективѣ противъ парижскаго магистра, который рѣшился защищать отъ его нападокъ свое отечество, и памфлеты, направленные противъ французскаго кардинала, который при папскомъ дворѣ оспоривалъ у него титулъ феникса [2]). Во всѣхъ этихъ случаяхъ нападеніе на литературное величіе и непогрѣшимость побуждало его къ мести. Но мы не можемъ сказать, чтобы кто нибудь находилъ подобныя полемическія

---

[1]) См. выше и томъ I стр. 115, въ примѣчаніи I стр. 116 говорится и о другой инвективѣ, теперь потерянной.

[2]) И въ сочиненіи Л і о н а р д о Б р у н и, въ которомъ послѣдній нападаетъ на Петрарку (см. томъ I стр. 353), говорится объ инвективахъ, которыми онъ хотѣлъ отличиться какъ ораторъ, что именно ars rhetorica (риторическаго-то искусства) въ нихъ и нѣтъ.

сочиненія недостойными его [1]). Напротивъ, когда послѣ смерти поэта папа Григорій XI хлопоталъ о копіяхъ съ его сочиненій, то въ числѣ ихъ прямо упомянулъ и объ инвективахъ.

Боккачіо, оруженосецъ Петрарки, человѣкъ самаго мирнаго характера, тоже разъ написалъ инвективу, когда сенешалъ Акчіайоли заманилъ его къ своему двору и потомъ обошелся съ нимъ не совсѣмъ благовидно [1]). Гораздо возвышеннѣе былъ взглядъ Салютато. Онъ уважалъ Петрарку какъ образцоваго писателя, но постоянно уклонялся отъ подобныхъ литературныхъ перебранокъ. Поджіо слышалъ, какъ онъ однажды сказалъ по этому поводу, что просто сумасшествіе, если укушенный бѣшеною собакой кусаетъ ее въ отместку [2]). Но когда молодой Антоніо Лоски напалъ въ одной инвективѣ не на него, съ которымъ былъ друженъ, а на Флоренцію и флорентинцевъ, тогда маститый канцлеръ взялся за перо для отпора ему и отвѣчалъ въ сочиненіи, въ которомъ не пощадилъ и его личности. Онъ угрожалъ Лоски вторымъ памфлетомъ, если послѣдній будетъ продолжать свои нападки [3]).

Не такъ возвышенно смотрѣло на вещи младшее поколѣніе. Съ тѣхъ поръ, какъ литераторы стали искать пріюта при дворахъ и во дворцахъ, въ средѣ ихъ возникли самыя возмутительныя сплетни, литературная зависть и соперничество изъ за куска хлѣба. Въ ученой республикѣ неизбѣжно должны были начаться междоусобія, особенно если при одномъ томъ и же дворѣ сталкивались люди разнородныхъ талантовъ. Примемъ также въ соображеніе, что для произведеній этихъ литераторовъ не было другой читающей публики кромѣ ихъ тѣснаго кружка, каждый членъ котораго соперничалъ съ другими, — да кромѣ высокорожденныхъ меценатовъ и нѣсколькихъ дилеттантовъ. Отзывъ кого либо изъ соперниковъ былъ важнымъ событіемъ, сообщался другимъ тайкомъ и наконецъ передавался автору не безъ прибавленій услужливыми друзьями. Послѣдній тотчасъ же вступалъ въ борьбу для защиты своей литературной чести, на его нападенія отвѣчали, и такимъ образомъ возгоралась литературная война. Меценаты и весь гуманистическій кружокъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за ходомъ ея. Весьма вѣрно сравненіе такихъ бойцовъ съ бойцами арены, и спорящія стороны нимало не стыдятся проводить его. Они воображаютъ себя героями по силѣ и ловкости нападеній, по искусству отражать ихъ, указываютъ съ самохвальствомъ на свои побѣды, чтобы устрашить противника, гордятся тѣмъ, что всѣ обращаютъ на нихъ вниманіе. Они пользуются всякимъ подходящимъ средствомъ,

---

1) См. томъ I стр. 173.
2) Poggius epist. XI, 21.
3) См. томъ I стр. 190.

чтобы унизить своего врага: прибѣгаютъ къ самой пошлой брани, къ самымъ наглымъ разоблаченіямъ, къ гнусной клеветѣ; хорошо еще, если дѣло не доходило до драки, какъ напр. между Поджіо и Георгіемъ Трапезунтскимъ, или до кинжаловъ наемныхъ убійцъ, какъ между Филельфо и его флорентинскими врагами.

Если вѣрить инвективамъ, то люди, на которыхъ нападали, должны казаться намъ чудовищами, а съ другой стороны намъ слѣдовало бы преклоняться передъ королемъ Неаполитанскимъ Альфонсомъ, передъ миланскими Сфорцами и Николаемъ V, если принимать на слово хвалебные гимны ихъ литературныхъ паразитовъ. Всякая критика въ этомъ случаѣ напрасна: тутъ нельзя найти даже правдоподобія. И эти люди еще хвалились своими пѣтушиными боями. Вотъ лозунгъ Валлы: «Ссора дѣло позорное, но еще позорнѣе уступать своему противнику» [1]). Когда Филельфо послалъ свои сатиры папѣ Пію II, то онъ считалъ себя ветераномъ, посѣдѣвшимъ въ славныхъ бояхъ [2]).

Нельзя сказать, чтобы гуманисты не знали тона приличной полемики, который свойственъ людямъ почтеннымъ въ спорахъ по ученымъ вопросамъ. Мы видимъ это въ одномъ случаѣ, который, правда, представляетъ одинокое явленіе въ литературѣ того времени. Со временъ Данта ученые часто занимались вопросомъ о томъ, какъ народный языкъ, живущій въ устахъ необразованныхъ людей, относится исторически къ латинскому языку, сохранившемуся въ сочиненіяхъ классиковъ. Однажды случилось, что въ пріемной папы Евгенія IV заспорили объ этомъ собравшіеся секретари. Тутъ были Бьондо, Лоски, Поджіо, Ченчи, Андреа да Фиренце и Ліонардо Бруни, находившіеся между собою въ дружескихъ отношеніяхъ,—почти всѣ тѣ, которые пересматривали Ливія подъ руководствомъ Бруни по желанію кардинала Колонны [3]). Бруни былъ того мнѣнія, что уже у древнихъ римлянъ былъ въ ходу народный языкъ, которымъ и образованные ораторы говорили къ народу, а потомъ уже обработали свои рѣчи «грамматическимъ языкомъ», на которомъ онѣ и дошли до потомства. Съ нимъ были согласны Лоски и Ченчи, но на другихъ основаніяхъ. Наприм. Лоски не могъ допустить того, чтобы сапожники и повара объяснялись когда нибудь на чистомъ латинскомъ языкѣ. Напротивъ, Поджіо

---

1) Valla Opp. p. 460.

2) Ecce dedi Satyras ad te, pater optime, centum,
Quis modo non uno proclia Marte tulii.
Intrepidus miles, cui mens sit conscia recti,
Vulnera nulla fugit, invidiasve timet.-Rosmini T. II p. 313.

3) См. выше.

съ большою самоувѣренностью утверждалъ, что въ то время и толпа говорила тѣмъ же языкомъ, на которомъ писали ораторы. Того же мнѣнія были Бьондо и Андреа, а впослѣдствіи къ нимъ присоединились Франческо Барбаро и Марсуппини. Вопросъ не былъ рѣшенъ окончательно, потому что во время этого спора Бруни позвали къ папѣ. Бьондо написалъ къ нему посланіе и объявилъ войну. Но при этомъ онъ былъ изысканно вѣжливъ съ своимъ противникомъ, называлъ его знаменитѣйшимъ воздѣлывателемъ латинскаго языка, сравнивалъ себя съ Терентомъ, который сражается съ Гекторомъ, и тщательно избѣгалъ всякихъ личныхъ нападокъ [1]). Бруни возразилъ ему въ такомъ же сдержанномъ тонѣ, а потомъ и Поджіо серьезно высказалъ свое мнѣніе въ особомъ разсужденіи. Результатъ этого разногласія былъ неваженъ, такъ какъ у всѣхъ троихъ не было достаточнаго матеріала для рѣшенія вопроса. Впослѣдствіи и Бьондо, трудясь надъ Italia illustrata, полагалъ, что лучше можетъ прослѣдить переходъ латинскаго языка въ народную рѣчь въ эпоху Лангобардовъ. Но приличный, мирный характеръ спора, въ которомъ нѣтъ и тѣни тона инвективъ, можетъ служить образцомъ ученой полемики [2]).

Вообще же личная вражда и зависть высказывалась по всякому малѣйшему поводу въ инвективахъ. Въ этомъ отношеніи мы могли бы сообщить много данныхъ, но коснемся лишь вкратцѣ важнѣйшихъ произведеній подобнаго рода. Когда Бруни писалъ свое ругательное сочиненіе противъ Никколи, то, очевидно, ихъ прежней дружбы давно и въ поминѣ не было; оскорбленіе, нанесенное Бенвенутѣ, послужило лишь поводомъ къ окончательному разрыву [3]). Георгій Трапезунтскій, нападавшій на Гварино въ своей реторикѣ, смотрѣлъ на него какъ на соперника, хотя послѣдній не вызывалъ его на борьбу, и какъ на любимца фамиліи Эсте. Когда онъ впослѣдствіи жилъ въ Римѣ и не имѣлъ никакихъ отношеній къ Гварино, то пожелалъ примириться

---

[1]) Quod (bellum) ea gerere modestia institui, ut nec te impudenter abs me lacessitum, nec me maiorem sententie acquiescendo, durum pervicacemque videri velim.—Nihil a me longius abest quam rixosa et contentiosa rusticitas etc.

[2]) Blondi ad Leonardum Aretinum de romana locutione epistula (этотъ заголовокъ онъ приводитъ и въ Italia illustr.) въ Cod. ms. F 66 королевск. публич. библіот. fol. 63 seq. Отвѣтъ Бруни въ epist VI, 10 ed. Mehus. Трактатъ Поджіо въ Historiae convivales, которыя есть въ Opp. Въ дрезденской рукописи посланіе Бьондо помѣчено: изъ Флоренціи Idibus Martiis (18 марта) 1439 г., очевидно, по ошибкѣ. Напротивъ Вильманнсъ см. Gött. Gel. Anzeigen 1879 s. 1491 нашелъ въ одномъ ватиканскомъ кодексѣ это письмо съ помѣткою отъ 1 апрѣля 1435 г. и отвѣтъ Бруни отъ 7 мая 1435 г., что̀, по видимому, вѣрно.

[3]) См. томъ I стр. 283.

съ нимъ и призывалъ Бога въ свидѣтели, что и тогда не сердился на него, когда писалъ свое сочиненіе [1]).

Гораздо серьёзнѣе была подобнаго рода распря между Поджіо и Филельфо, и только смерть положила конецъ ихъ взаимной ненависти. Съ самаго начала Поджіо только заступался за Никколи и за фамилію Медичи, но мотивы ихъ борьбы были постоянно личные. Съ наукою ихъ раздоръ не имѣлъ общаго ничего [2]). Поджіо считалъ себя первымъ и самымъ страшнымъ бойцомъ на литературной аренѣ, и онъ, дѣйствительно, былъ такимъ. Кромѣ большихъ войнъ, которыми онъ такъ прославился, онъ велъ множество мелкихъ распрь, поводовъ къ которымъ мы не знаемъ, напр. съ Томмазо да Реате [3]), съ Ауриспою [4]), съ нѣкоторыми неизвѣстными лицами, которыя оказались, по видимому, вѣроломными въ политическомъ отношеніи [5]). Онъ напустился и на епископа фельтрскаго, который обвинялъ его въ подлогѣ [6]), на Эноке да Асколи, оклеветавшаго его, ратовалъ противъ лицемѣровъ, противъ базельскаго собора и папы Феликса, по внушенію римскаго двора [7]). Мы уже достаточно подробно сообщали объ его ожесточенной борьбѣ съ Валлою и Перотти, которая съ обѣихъ сторонъ велась путемъ инвективъ. Поводъ и въ этомъ случаѣ былъ ничтожный, и ей положила конецъ только смерть Валлы. Пытались примирять враждующихъ, но вполнѣ удалось устроить искреннее примиреніе только въ одномъ случаѣ. Это во время спора Поджіо съ Гварино по поводу одного безплоднаго вопроса о томъ, кто больше заслуживаетъ удивленіе потомства, Сципіонъ ли Африканскій, или Юлій Цезарь. Поджіо объявилъ, что первый гораздо выше по своей доблести, но въ этомъ случаѣ онъ не затрогивалъ никого изъ современниковъ. Въ сущности первый напалъ Гварино; и только придворная служба заставила его защищать Цезаря въ угоду Ліонелло д'Эсте. При этомъ онъ не пощадилъ своего стариннаго друга. Поджіо не могъ и не хотѣлъ снести этого, но въ сравненіи съ прежнею бранчивостью сдержалъ свой обычный пылъ. Однако помимо другихъ колкостей онъ упрекалъ Гварино въ томъ, будто послѣдній лишь потому сталъ на сторону Цезаря, что заискиваетъ ми-

---

1) См. выше. Отрывокъ письма Георгія Трапезунтскаго есть у Rosmini Vita di Guarino vol. II p. 95. 184.

2) См. томъ I стр. 334—335.

3) Poggii Florentini in Thomam Reatinum spurcissimum ganeonem Invectiva, указанная у Bandini Catal. codd. lat. T. II p. 438.

4) Объ этой инвективѣ, равно какъ и о другой противъ Франческо Веллата, упоминаетъ Валла Antid. in Pogium Lib. I Opp. p. 256.

5) Bandini l. c.

6) См. томъ I.

7) См. выше стр. 68. 191—194. 205—206.

лостей у принца. Барбаро удалось помирить ихъ. Съ тѣхъ поръ въ своихъ письмахъ они соперничали другъ съ другомъ въ доказательствахъ дружбы и любви. Упоминая объ этой размолвкѣ, Поджіо говорилъ, что считаетъ ее полезнымъ умственнымъ упражненіемъ, которое не могло повести старинныхъ друзей къ разрыву. Онъ часто напоминалъ Гварино о томъ, что они остались одни отъ старой школы гуманистовъ [1]).

И Валла велъ борьбу не съ однимъ Поджіо. Въ то время онъ уже успѣлъ напасть на минорита Антоніо да Ро, который раньше былъ друженъ съ нимъ въ Миланѣ, но осмѣлился писать сочиненія также и по грамматикѣ. Впрочемъ сочиненіе Валлы противъ него было скорѣе ученою рецензіей, въ которой по крайней мѣрѣ не было никакихъ личныхъ оскорбленій. Въ борьбѣ съ Бартоломео Фаціо придворное соперничество повело ко множеству грамматическихъ придирокъ [2]). Споръ съ Бенедетто Морандо изъ Болоньи о родствѣ обоихъ царей Тарквиніевъ былъ какъ бы послѣдствіемъ борьбы съ Поджіо, потому что Морандо былъ его другъ [3]).

Вообще всѣ эти раздоры, соединенные съ бранью, не одобрялись никѣмъ, однако за ними слѣдили съ затаеннымъ любопытствомъ, какое всегда возбуждаетъ въ массѣ занимательный скандалъ. Филельфо могъ предложить для прочтенія свои сатиры даже такому папѣ, какъ Николай V, а Валла—свои инвективы противъ Поджіо. Но были и почтенные люди, которые вполнѣ понимали, какъ недостоинъ грубый тонъ такихъ образованныхъ людей. Франческо Барбаро постоянно старался водворить миръ и быть посредникомъ между соперниками, дружными съ нимъ. Валла избралъ его посредникомъ въ своей распрѣ съ Поджіо, но прокураторъ св. Марка отклонилъ отъ себя всякое право судить о тѣхъ клеветахъ, какими они осыпали другъ друга, и не скрылъ своего мнѣнія, что подобная вражда вообще недостойна благоразумныхъ людей [4]). Манетти не хотѣлъ нападокъ ни на чьи литературныя произведенія. «Возьмите перо, обыкновенно говорилъ онъ, и начните писать; вы увидите, какъ это трудно». Самъ онъ не написалъ ни одного сочиненія, сколько нибудь похожаго на полемическое, если не считать такимъ его книгу противъ евреевъ [5]). И Бруни умѣлъ при-

---

[1]) См. томъ I стр. 334. Полемическое сочиненіе Гварино, посвященное Ліонелло д'Эсте, хотя и сохранилось, но не напечатано.

[2]) См. томъ I стр. 446.

[3]) Обѣ направленныя противъ него Confutationes въ Vallae Opp. p. 445 seq. Poggius epist. XII, 3. 10.

[4]) Vespasiano Comment. di Manetti p. 99.

[5]) Leon. Bruni epist. IX, 10. 11 rec. Mehus.

зывать къ миру другихъ, а случайно и Филельфо пришлось играть роль примирителя въ ссорѣ Поджіо съ Валлою. Иногда даже Поджіо говоритъ въ такомъ миролюбивомъ тонѣ, какъ будто никогда не принималъ участія ни въ какой литературной распрѣ. Когда онъ желалъ оставаться нейтральнымъ, какъ напр. въ раздорѣ между Гварино и Георгіемъ Трапезунтскимъ, то признавалъ споръ достойнымъ дѣла, но всякую брань недостойною [1]). Или онъ именно требовалъ отъ тѣхъ, которые посвятили себя изученію гуманистическихъ наукъ, чтобы они доказали собственную гуманность добрыми нравами и презирали клеветниковъ и завистниковъ. Поджіо указываетъ самъ на себя какъ на назидательный примѣръ того, какъ онъ никого не оскорбляетъ, а съ другой стороны и не предполагаетъ въ комъ-либо намѣренія оскорбить его. Но если кто нибудь нападаетъ на него по зависти или злобѣ, то онъ умѣетъ мстить подвижничествомъ въ добродѣтели, если только не вполнѣ презираетъ такого человѣка [2]). Но какъ въ этомъ случаѣ расходились благородныя намѣренія съ дѣйствительностію!

Самыя оригинальныя произведенія литературы возрожденія относятся къ области поэзіи и ораторскаго искусства. Теперь мы переходимъ къ тѣмъ отраслямъ, которыхъ гуманистамъ не приходилось создавать вновь, такъ что вся заслуга ихъ ограничивалась лишь тѣмъ толчкомъ, который они давали наукѣ съ новой стороны, освѣжая ее животворнымъ духомъ древности. Но и въ простомъ отрицаніи, въ борьбѣ съ преданіемъ не рѣдко виденъ важный шагъ впередъ: борьба обнаруживаетъ недостатки прежнихъ системъ и пролагаетъ пути для новыхъ началъ.

Путеводное начало средневѣковой науки заключалось главнымъ образомъ въ традиціонной философіи, т. е. въ схоластикѣ. Поэтому со временъ Петрарки преимущественно она служила для гуманистовъ предметомъ полемики. Беллетристичный гуманизмъ былъ явленіемъ прогрессив-

---

3) Poggius epist. VI, 21: sunt omnino reiciendae voces contumeliis refertae, quae et auditoribus sunt ingratae, et causam nostram minime reddont probabilierem. т. е. слѣдуетъ вовсе остерегаться рѣчей, переполненныхъ бранью, такъ какъ онѣ и для слушателей непріятны и оказываютъ плохую услугу дѣлу.

2) Письмо къ Антоніо да Пистойя въ Quirini Diatriba p. 65: Nulli iniuriam facio. Detractores nullos suspicor, nec si essent pertimesco. Verumtamen si qui forsan vel maligni adversus nos exsbiterint, vel perversitate morum, quos invidia urat, alios bene agendo et virtuti inserviendo ulciscar, alios contemnendo.

нымъ, прямо противоположнымъ сухой и педантской кабинетной учености, и художническія стремленія были въ рѣзкомъ противорѣчіи со школою и замкнутою системой. Истинное человѣческое образованіе рѣдко выходило изъ монастырской кельи и университетской аудиторіи и двигалось впередъ благодаря лишь усидчивымъ трудамъ. Школьный ученый часто, изслѣдуя оболочки, не можетъ добраться до зерна, но также точно и беллетристъ легко можетъ принять за самое зерно пестрые лоскутья оболочки. Первый пожимаетъ плечами при видѣ того, какъ послѣдній выставляетъ на показъ свои наскоро пріобрѣтенныя богатства; а послѣдній любитъ смѣяться надъ педантствомъ, которое не знаетъ что дѣлать съ плодами кропотливыхъ трудовъ, кромѣ того, что постоянно накопляетъ ихъ. Суровая наука всегда стремилась къ тому, чтобы собрать и лелѣять въ кастообразныхъ кружкахъ достояніе, полученное по наслѣдству и пріобрѣтенное вновь. Напротивъ всѣ беллетристы стараются расширить кругъ своей публики и предлагать ей все то, что сами они усвоили именно настолько, чтобы разработанное распространять какъ можно болѣе. Исключительная наука собираетъ массу безплоднаго матеріала и скопляетъ множество сухихъ формъ. А ся скороспѣлая соперница вводитъ множество неразработанныхъ отраслей, тѣша себя непонятою истиной и на лету схваченной полуистиной.

Въ этомъ смыслѣ юный гуманизмъ началъ борьбу съ университетскою наукою. Мы видѣли, что еще Петрарка началъ ее во всѣхъ сферахъ, но направлялъ главнымъ образомъ противъ ея средоточія, именно противъ схоластической философіи. Онъ видѣлъ передъ собою какъ бы громадную твердыню, которая выдерживала всякаго рода нападенія за своими крѣпкими стѣнами, несмѣтными укрѣпленіями и благодаря большому гарнизону. Тѣмъ бо́льшаго удивленія заслуживаетъ его увѣренность въ побѣдѣ. Онъ былъ убѣжденъ, что схоластика должна пасть и падетъ, а передъ его христіанскимъ гуманизмомъ открывается великое будущее. «Посмотри на тѣхъ людей, которые проводятъ всю жизнь свою въ діалектическихъ ухищреніяхъ и софизмахъ и постоянно мучатся надъ рѣшеніемъ безплодныхъ вопросовъ, и выслушай мое предсказаніе относительно всѣхъ ихъ. Вся слава ихъ исчезнетъ вмѣстѣ съ ними, и для ихъ имени и праха достаточно одной могилы [1])». Потомъ эту борьбу продолжали всѣ послѣдователи Петрарки, опираясь на унаслѣдованныя доказательства и придумывая новыя варіаціи. Мы постоянно слышимъ, что они смѣются надъ авторитетомъ Аристотеля, котораго противники ихъ вовсе не понимали, надъ ихъ варварскими терминами, надъ ихъ грубымъ, испорченнымъ

[1]) Petrarca epist. rer. famil. I, 1.

языкомъ, надъ ихъ безплодною діалектикою, надъ ихъ нелѣпыми софизмами и пустыми диспутами. Они осмѣиваютъ научныя знаменитости съ ихъ англійскими, французскими и нѣмецкими именами. Гуманисты не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія на движенія, совершающіяся въ сферѣ схоластической философіи, на великія школы номинализма и реализма, или мистицизма. Даже споръ о томъ, кто выше изъ двухъ философовъ, Аристотель или Платонъ, они предоставляютъ грекамъ и нѣкоторымъ страннымъ чудакамъ, интересовавшимся имъ. Они больше гордились тѣмъ, что могутъ дать читателямъ сочиненія Аристотеля и Платона въ прекрасномъ латинскомъ переводѣ.

Поэтому-то гуманисты удивительно какъ мало оказали успѣховъ на почвѣ систематической философіи. Ліонардо Бруни написалъ небольшое руководство къ нравственности, въ которомъ сравнивалъ ученіе Эпикура съ ученіемъ стоиковъ и отдавалъ преимущество послѣднему, также старался привести его въ связь съ христіанскою этикою. Когда началось книгопечатаніе, то небольшое сочиненіе Бруни, написанное имъ, конечно, въ молодые годы, было уже забыто [1]). Гораздо бо̀льшее вліяніе имѣли Діалектическіе споры Валлы, о которыхъ уже упоминалось раньше [2]), составлявшіе какъ бы продолженіе его смѣлаго разговора О наслажденіи. И въ первомъ полемическомъ сочиненіи видно стремленіе низвергнуть прежнюю систему, какъ несостоятельную, и благодаря этому оно имѣло большое значеніе еще для Эразма и его эпохи. Новая система, которую Валла строитъ на основаніи здраваго человѣческаго разсудка и живаго языка, конечно, не отличается ни творчествомъ, ни глубиною мысли. Наконецъ діалектика Георгія Трапезунтскаго, вся построенная на ученіи Аристотеля, имѣла успѣхъ и распространялась благодаря искусному изложенію. Она служила основою его лекцій, читанныхъ во Флоренціи. Но она не отличается плодотворными заслугами и составлена еще въ духѣ средневѣковаго направленія [3]). Этими тремя сочиненіями исчерпывается все, что̀ произвели старшіе гуманисты на почвѣ систематической философіи.

---

[1]) Нѣкоторыя выдержки изъ него въ Isagogicon moralis philosophiae у Janitschek Die Gesellschaft der Renaissance и т. д. по двумъ вѣнскимъ рукописямъ. Книга упоминается и въ Laudatio Leonardi у Bandini Catal. codd. lat. T. III p. 435, у Vespasiano Lionardo d'Arezzo § 11, у Zacharias Bibl. Pistor. p. 44, гдѣ упоминается и о посвященіи врачу Уго (Бенци).

[2]) См. томъ I стр. 446.

[3]) Это сочиненіе иногда называется Logica, такъ напр. въ изданіи Argentorati 1509 г., бывшемъ у меня. Это, дѣйствительно, очеркъ логики, но самъ авторъ называетъ его Dialectica. О происхожденіи его во Франціи, слѣдовательно около 1440 г., см. Vespasiano Giorgio Trabisonda § 1.

Въ противоположность схоластикамъ гуманисты хвалились тѣмъ, что перенесли философію изъ школы въ дѣйствительную жизнь. Но въ сущности они перенесли ее изъ одной школы въ другую. Ихъ фактическая житейская мудрость была тоже не больше, какъ то обычное благоразуміе, которое съ грѣхомъ пополамъ мирится съ жизнью и требованіями приличія, а школьная ихъ мудрость—стоицизмъ съ христіанскимъ оттѣнкомъ и разными прикрасами, заимствованными у всѣхъ древнихъ писателей. То, что они называютъ философствованіемъ, есть почти повтореніе и варіація классическихъ общихъ мѣстъ о неизвѣстности и неизбѣжности смерти, о тлѣнности всего земнаго, о добродѣтели и порокѣ, о счастіи и высшемъ благѣ, объ юности и старости, о дружбѣ и благодарности, богатствѣ и довольствѣ, гордости и смиреніи, славѣ, скромности и т. п. Часто мы ясно видимъ, что у автора были подъ рукою философскія хрестоматіи, и изъ нихъ онъ узнавалъ, что говорили по тому и по другому вопросу Теренцій, Виргилій, Цицеронъ, Боэцій, Горацій и Августинъ. Изъ отдѣльныхъ цвѣтковъ мудрости при помощи нѣкотораго стилистическаго искусства легко было сплесть вѣнокъ и украсить его историческими примѣрами. Такъ возникъ **философскій трактатъ**. Цицеронъ оставался образцомъ и по отношенію къ формѣ: къ трактату, какъ у него и у Сенеки, пишется приступъ, потомъ онъ развивается по извѣстному плану расположенія; авторы также любятъ прибѣгать для этого къ разговорной формѣ, принятой еще Петраркою.

Между прочимъ здѣсь мы должны еще разъ отличать трактаты **Петрарки** отъ множества трактатовъ позднѣйшихъ писателей. Только люди незнающіе считали первые пустымъ сбродомъ всякаго рода учености и болтовнею. Правда, нѣкоторые маленькіе можно оставить безъ вниманія, какъ ничтожные, напр. разсужденіе объ управленіи государствомъ, объ обязанности и достоинствахъ военачальника, о скупости. Но большія сочиненія объ уединеніи, о досугѣ монаховъ, о средствѣ противъ горя и радости, объ истинной мудрости, о своемъ собственномъ невѣжествѣ и невѣжествѣ другихъ людей, не говоря уже про замѣчательную бесѣду-исповѣдь о тайной борьбѣ его душевныхъ тревогъ, это—по своему глубокому содержанію—опыты жизни человѣка, работающаго надъ своею душею, который пишетъ кровью своего сердца. На ряду съ этимъ остается въ тѣни все то, что онъ приводитъ изъ своихъ классиковъ и отцовъ церкви [1]).

Вскорѣ послѣ Петрарки обнаруживается упадокъ и преимущественно въ томъ, что самобытная умственная жизнь самихъ писателей, исканіе истины и удовлетворенность ею уходятъ на заднiй планъ, уступая мѣсто

[1]) См. томъ I стр. 126—131.

рутинному направленію. Уже трактаты Салютато о мірской жизни и монашествѣ, о почтительности и другихъ болѣе практическихъ вопросахъ мало представляли занимательнаго. Поэтому они остались почти неизвѣстными и не были напечатаны. И изъ позднѣйшей литературы мы можемъ указать лишь на небольшой рядъ заглавій, по которымъ можно судить о содержаніи. На первомъ планѣ стоятъ разсужденія Поджіо, такъ какъ они больше всего читались. Онъ умѣлъ придать имъ особую занимательность, разсказывая шуточные анекдоты, нападая на своихъ литературныхъ враговъ или на монаховъ и юристовъ, или давая полную свободу своей веселости. Такимъ онъ является въ нравоучительныхъ сочиненіяхъ объ обязанностяхъ государя, о печальномъ положеніи владѣтельныхъ лицъ, объ истинномъ благородствѣ, о непостоянствѣ счастія, о человѣческихъ дѣйствіяхъ, о скупости, о томъ, слѣдуетъ ли старику жениться, причемъ Поджіо ловко оправдывалъ свой собственный бракъ. Онъ выработалъ себѣ удивительно простую философскую систему: Эпикурейцы, по его словамъ, слишкомъ распущены, стоики слишкомъ суровы, а перипатетики занимаютъ средину, поэтому онъ и присоединяется къ нимъ [1]). И въ этомъ отношеніи его ученикомъ былъ Эней Пикколомини, у котораго часто письмо разросталось въ цѣлый философскій трактатъ. Для разсужденій въ собственномъ смыслѣ онъ любитъ сюжеты, взятые прямо изъ жизни. Поэтому первое мѣсто занимаютъ его политическія и церковно-политическія Записки или много читавшійся трактатъ О жалкой жизни придворныхъ. Это была любимая тема гуманистовъ, подобно темамъ о рокѣ и судьбѣ [2]). Обо многихъ другихъ сочиненіяхъ гуманистовъ или не стоитъ упоминать, или было говорено раньше. Когда мы узнаемъ, наприм., что Манетти написалъ четыре книги о достоинствѣ и благородствѣ человѣка, а Бартоломео Фаціо тоже о достоинствѣ и преимуществахъ человѣка, или о человѣческомъ счастіи, то у насъ не является желанія ознакомиться съ этими произведеніями и подобными имъ,—такъ какъ они только варьируютъ избитыя уже темы на новый ладъ.

Самый интересный вопросъ, какой только могъ представиться и разрабатываться для практической философіи, это—вѣчно юный вопросъ о воспитаніи. Если міру и въ отношеніи нравовъ и образа мыслей предстояло возродиться по образцу Эллады и Рима, то слѣдовало начать съ юношества. Если мѣсто одряхлѣвшей и несостоятельной науки должна была занять юношеская наука гуманизма, то для этого надобно было начать съ элементовъ латинскаго языка. Толчокъ подобному движенію дало не то обстоятельство, что нѣкоторые изъ гуманистовъ должны были

---

[1]) Epist. II, 14 ed. Tonelli.

[2]) См. G. Voigt Enea Silvio de'Piccolomini Bd. II v. 283 ff.

заработывать средства къ существованію преподаваніемъ латинскаго языка въ качествѣ «грамматиковъ». Мы увидимъ, что именно практическіе дѣятели на почвѣ воспитанія всего менѣе чувствовали желаніе писать о немъ. Но по мѣрѣ того, какъ открывали, что древніе во многихъ отношеніяхъ слѣдовали совсѣмъ инымъ педагогическимъ началамъ, не тѣмъ, какія были въ ходу въ городскихъ школахъ Италіи, пробуждался духъ сравненія и критики, и часто уже напередъ отдавали пальму первенства древности. Такимъ образомъ въ теченіи полувѣка возникла богатая педагогическая литература. Вопросъ о воспитаніи или разсматривали въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, или довольствовались простымъ руководствомъ къ познанію изящныхъ наукъ. Его рѣшали то въ чисто гуманистическомъ духѣ, то въ религіозномъ, то въ свѣтскомъ. Эта литература представляетъ разнообразіе уже потому, что почти каждый воспитатель считалъ идеаломъ или себя самого, или сущность своей духовной жизни. Они согласны только въ одномъ отношеніи: воспитаніе народа, массъ, элементарная школа не вызвали ни у кого мысли. Только воспитаніе будущаго ученаго, да еще знатныхъ сословій и владѣтельныхъ особъ заслуживаетъ ихъ вниманія.

Какъ часто въ этихъ литературно-историческихъ очеркахъ намъ приходится возвращаться въ Петраркѣ! Но здѣсь о немъ слѣдуетъ упомянуть лишь въ отрицательномъ смыслѣ. Подростающее поколѣніе вообще занимаетъ его только въ томъ отношеніи, что представляется ему распространителемъ его славы въ потомствѣ. Ему было чуждо стремленіе руководить и поощрять другихъ въ области тѣхъ знаній, которыя онъ самъ себѣ усвоилъ. Его друзья удивлялись ему, а ученые собесѣдники—вспомнимъ о Джіованни да Равенна—служили у него писцами и при этомъ находили возможнымъ подбирать крупицы его мудрости. Дѣятельность наставника, руководившаго молодежь въ грамматикѣ и свободныхъ искусствахъ, казалась ему жалкою, совершенно недостойною человѣка съ высшими стремленіями. Лишь съ гордымъ сожалѣніемъ вспоминалъ онъ о двоихъ школьныхъ учителяхъ, съ которыми познакомился во Франціи и изъ которыхъ одинъ былъ, безъ сомнѣнія, его прежній наставникъ Конвеневоле да Прато. Люди умные, они однако провели свою жизнь въ неизвѣстности и подъ гнетомъ. Онъ неустанно поощрялъ молодаго Заноби да Страда покинуть свою флорентинскую школу и сдѣлаться свободнымъ поэтомъ. «Развѣ ты хочешь слѣдовать не Цицерону и Виргилію, говорилъ онъ, а драчливому Орбилію» [2])? Ему казалось унизительнымъ и

---

[1]) Орбилій былъ римскій школьный учитель, у котораго учился и про котораго говоритъ поэтъ Горацій. *Прим. перевод.*

[2]) Petrarca epist. rer famil. XII, 3: Pueros doceant, qui maiora non possunt, qui

пошлымъ заработывать этимъ пропитаніе, и онъ предпочиталъ жить бенефиціями, придворными милостями и подарками. Большинство его послѣдователей раздѣляло его презрѣніе къ учительству и предпочитало службу при дворѣ или въ канцеляріи даже преподаванію въ университетѣ. Когда Поджіо, живучи въ Англіи, находился въ сомнительномъ положеніи относительно своего будущаго, то ему больше ничего не оставалось какъ возвратиться къ римскому двору, поступить на службу къ какому нибудь владѣтельному лицу, или держать школу. Первые два рода дѣятельности казались ему весьма жалкими, но учить дѣтей онъ не хотѣлъ ни за какія деньги [1]).

Гварино былъ первымъ наставникомъ, который не стыдился своей профессіи. Не смотря на долговременную педагогическую дѣятельность, онъ не написалъ ни одного теоретическаго сочиненія по этому вопросу; развѣ считать такимъ тѣ краткія правила, которыя онъ послалъ своему владѣтельному ученику Ліонелло д'Эсте и которыя ему нѣкогда передалъ Хризолоръ [2]). Однако онъ сильно двинулъ впередъ педагогику, переведши на латинскій языкъ, въ числѣ другихъ мелкихъ сочиненій Плутарха, и его трактатъ о воспитаніи дѣтей [3]). Это небольшое произведеніе пользовалось необычайнымъ успѣхомъ; на ряду съ Квинтиліаномъ, съ которымъ вскорѣ послѣ этого ознакомились, оно впервые пролило свѣтъ на характеръ воспитанія древнихъ и положило первую основу педагогической науки. Мы имѣли бы вообще поверхностныя свѣдѣнія о преподавательской дѣятельности Гварино, если бы намъ не сообщали многаго объ его системѣ ученики его, сынъ его Баттиста и молодой Янъ Паннонскій [4]). И тотъ отдѣлъ о воспитаніи, который включилъ въ свое сочиненіе о бракѣ молодой Франческо Барбаро, обязанъ своимъ происхожденіемъ непосредственно образу мыслей Гварино, даже дому его.

Такимъ же образомъ и Витторино да Фельтре, другой великій педагогъ XV столѣтія, никогда не писалъ о теоріи воспитанія. Но мы ясно видимъ вліянія древности въ веселой жизни питомцевъ Веселаго дома, въ ихъ пребываніи на чистомъ воздухѣ, въ ихъ играхъ и тѣлесныхъ упражненіяхъ. А его любимый ученикъ, юный

---

bus sedulitas oferosa, mens tardior, udum cerebrum, ingenium implume, sanguis gelidus,—animus gloriae contemptor, lucelli appetens etc.—elementario sene nihil turpius.

1) Poggius epist. I, 12: Nam de docendo in ludo, absit ut id faciam.

2) Его письмо у Rosmini Vita di Guarino vol. I p. 78.

3) Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ, какъ напр. У Якобса и Уккерта Beiträge zur älteren literatur Bd I s. 256 и въ Tabulae codd. ms. bibl. Palat. Vindob. vol. I p. 40 сохранилось посвященіе флорентинцу Анджело Корбинелли. Въ такомъ случаѣ переводъ относится къ 1410 или 1411 г. См. томъ I.

4) См. томъ I стр. 503—506.

Грегоріо Корраро, еще въ Мантуѣ на глазахъ учителя написалъ гекзаметромъ дидактическую поэму О воспитаніи, въ которой старался связать мудрость, почерпнутую у древнихъ, съ практическою дѣятельностью и случайными наставленіями Витторино. Тогда идеаломъ его было призваніе поэта. На этомъ основаніи дѣти должны были главнымъ образомъ затверживать «божественныя произведенія» Виргилія и изучать Цицерона [1]). Упоминаютъ также о педагогическомъ сочиненіи Никколо Перотти, который когда-то былъ ученикомъ Витторино. Но оно, по видимому, принадлежитъ къ той порѣ его жизни, когда онъ сталъ епископомъ, и не было издано [2]).

Небольшое сочиненіе Секко Полентоне, городскаго писца въ Падуѣ, судя по заглавію—которое только намъ и извѣстно—не больше, какъ руководство къ изученію гуманистическихъ наукъ, въ которыхъ самъ онъ впрочемъ былъ не особенно свѣдущъ [3]). Изъ Падуи же вышло сочиненіе по педагогикѣ, вѣроятно, самое раннее изо всѣхъ, написанныхъ гуманистами. Оно явилось раньше перевода Гварино, даже раньше смерти Салютато, случившейся въ маѣ 1406 г., такъ какъ было еще поднесено канцлеру республики. Авторомъ его былъ Пьеръ Паоло Верджеріо. Оно не представляетъ собою систематической педагогики, но лишь нѣкоторыя наставленія касательно физическаго и духовнаго воспитанія. Хотя онъ еще не зналъ Плутарха, однако требовалъ, чтобы снова была введена древнегреческая гимнастика. Юношество должно упражняться въ бѣгѣ, прыганьи, верховой ѣздѣ, кулачномъ бою, стрѣльбѣ изъ лука и бросаніи копья, притомъ воспитываться не въ монастырской замкнутости, а въ большихъ городахъ. Честолюбіе и жажду славы слѣдуетъ поощрять какъ благороднѣйшія пружины благородныхъ личностей. Самыми важными учебными предметами, питающими умъ, являются реторика, піитика, нравственная философія и исторія. Мы ви-

---

[1]) См. выше. Стихотвореніе Quomodo educari debeant pueri изъ Cod. autogr. библ. св. Марка въ Венеціи у Rosmini Vittorino p. 477 seq. Онъ въ немъ обращается къ своему брату Андрею, и оно начинается такъ:

Haec tibi de libris veterum, germane, relegi,
Quaeque super pueris docuit pater optimus olim
Victorinus.

По слову olim (нѣкогда) можно только думать, что Корраро въ то время уже переросъ школу, а не то, что стихи написаны послѣ смерти Витторино. Въ письмѣ къ Цециліи Гонзага (у Martene p. 840) онъ прямо говоритъ, что когда былъ въ Мантуѣ (самое позднее въ 1429 г), то написалъ stilo satirico libellum de educandis et erudiendis liberis. Онъ упоминаетъ о ней рядомъ съ Progne, какъ относящейся къ его полуязыческому времени.

[2]) Книга de puerorum eruditione упоминается только у Fabricius Bibl. ed. Mansi T. v. p. 122.

[3]) De ratione studendi по Kapp. de Xicco Polentono p. 50.

димъ, что уже и это сочиненіе проникнуто гуманистическимъ духомъ. О немъ помнили и тогда, когда авторъ какъ бы исчезъ съ литературнаго поприща и потомъ умеръ. Еще во время Паоло Кортезе и Паоло Джіовіо оно читалось въ школахъ и до самаго XVII вѣка расходилось во множествѣ печатныхъ изданій [1]. Но невѣроятно, чтобы въ эпоху своего появленія оно произвело переворотъ въ литературѣ предмета или въ практикѣ. Тутъ за педагогикой стоялъ вовсе ужь не педагогъ.

Во Флоренціи, гдѣ всегда было не мало латинскихъ школъ, гдѣ поклонники древности составляли сильную выдающуюся и связанную со властями группу, гуманизмъ, безъ сомнѣнія, весьма рано оказалъ вліяніе какъ на домашнее воспитаніе, такъ и на общественное въ школахъ. Мы можемъ предполагать это даже въ эпоху Заноби да Страда и Салютато: отъ современника послѣдняго, именно доминиканца Джіованни да Доменико, мы слышимъ монашескій протестъ. Джіованни, какъ набожный богословъ, протестовалъ и противъ дидактической поэмы Салютато о судьбѣ. Въ другомъ сочиненіи, трактовавшемъ о семейной дисциплинѣ и при этомъ, конечно, о воспитаніи дѣтей, онъ рѣзко порицалъ то явленіе, что тогдашнее юношество пропитывалось ученіемъ язычниковъ, поэмами Виргилія и трагедіями, посланіями Овидія, его Любовнымъ искусствомъ и другими произведеніями, въ которыхъ проповѣдывалась плотская любовь; что впечатлительнымъ дѣтямъ сообщается также много свѣдѣній о ложныхъ богахъ, что они раньше дѣлаются язычниками, чѣмъ христіанами, раньше слышатъ имена Юпитера, Сатурна и Венеры, чѣмъ Отца, Сына и Св. Духа [2]. Но такіе протесты давно уже смолкли подобно гласу вопіющаго въ пустынѣ. Мы знаемъ, какое значеніе придавала городская знать обученію юношества изящнымъ и свободнымъ искусствамъ. И такой человѣкъ, какъ Леоне Баттиста дельи Альберти, посвящаетъ первый отдѣлъ своего сочиненія о семействѣ воспитанію, и отношеніямъ родителей къ дѣтямъ. Мальчиковъ слѣдуетъ воспитывать какъ будущихъ мужчинъ, чтобы они

---

[1] Заглавіе большею частію такое: De ingenuis moribus et liberalibus studiis ad Ubertinum Carrariensem (1407). Старые оттиски у Colle Storia d. studio di Padova vol. IV p. 46. Въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ изданіяхъ книга эта ошибочно приписывается Ліонардо Бруни. См Mehus Scripta Leon. Bruni (передъ его изданіемъ писемъ). Обзоръ содержанія сообщилъ Schweminski P. P. Vergerius und M. Vegius—въ Programm des Marien-Gymnasiums zu Posen 1857. Salutati epist. 28 ed. Mehus, также съ отвѣтомъ Верджеріо у Muratori Scriptt. T. XVI.

[2] См. томъ I стр. 194—195. Regola del governo di cura familiare comp. del b. Giovanni Dominici ed. Salvi p. 134. Трактатъ этотъ относится къ первымъ годамъ XV вѣка.

съ честью содержали свою семью и были полезны государству. Его наставленія отзываются сильнымъ оттѣнкомъ эллинской калокагаѳіи, и онъ, согласно своей художнической натурѣ, требуетъ гармоническаго развитія тѣлесныхъ и духовныхъ силъ. Юношеству слѣдуетъ давать много времени для отдыха, но всѣ ихъ удовольствія должны имѣть характеръ благоприличный и сродный мужчинѣ. Крѣпкому юношѣ не надобно дозволять такой игры, которая не соединена съ упражненіемъ силъ и напряженіемъ. Тѣ игры, которыми надо заниматься сидя, какъ напр. игра въ шахматы и т. п., можно предоставить старымъ и больнымъ. И Маттео Пальміери въ свой Vita civile говорилъ о воспитаніи съ точки зрѣнія гражданской морали. Книга о воспитаніи дѣтей, написанная Джіанноццо Манетти, къ сожалѣнію осталась неизданною; хотя вовсе не язычникъ, онъ конечно не былъ однако чуждъ флорентинскаго направленія.

Самое видное изъ гуманистскихъ сочиненій о воспитаніи, — единственное, которое, при довольно широкомъ планѣ, стремится къ систематической полнотѣ, есть трудъ Маффео Веджіо. Припомнимъ его поэтически-языческую юность и монашеское благочестіе позднѣйшихъ его лѣтъ. Онъ какъ будто хотѣлъ примирить здѣсь оба элемента своей жизни: оттого книга эта хотя вышла нравственно-христіанскою, въ ней однако не видно разрыва ни съ мірскою жизнію, ни съ классической древностью. Приводимые авторомъ писатели, опять въ особенности Плутархъ и Квинтиліанъ, такъ же точно служатъ ему матерьяломъ, какъ Библія и Церковные Отцы; и книга является подконецъ скорѣе малообработаннымъ сборникомъ выписокъ. Но особую прелесть сообщаетъ ей то, что, на ряду съ книжной ученостью, авторъ допускаетъ къ слову и живой опытъ, — испытанное имъ на самомъ себѣ и на своихъ учителяхъ, хотя самъ онъ не былъ ни учителемъ, ни воспитателемъ. Онъ основательно начинаетъ съ рожденья, съ материнскаго или кормилицына молока. Цѣлію ему служитъ славный и дѣловой въ государственной жизни человѣкъ, а не только что ученый. И онъ настойчиво рекомендуетъ гимнастику, такъ какъ тѣлесная сила полезна каждому, и особенно будущему воину. Но всего лучше онъ въ руководительствѣ духовнымъ образованіемъ, и тутъ религіозный смыслъ выступаетъ у него рядомъ съ поэтическимъ. Изъ сочиненій, которыя должно читать мальчикамъ, указываетъ онъ на Псалтырь, на учительныя книги Ветхаго Завѣта, потомъ на вторую книгу Маккавеевъ, которая всѣхъ ближе подходитъ къ римскому краснорѣчію; изъ язычниковъ же—на Саллюстія, на трагедіи, по ихъ нравственной чистотѣ, и особенно на Виргилія, по его изяществу и по тому, что Энеида, подъ поэтическою оболочкой, научила насъ высшимъ тайнамъ философіи. Такимъ образомъ, книга Веджіо

—плодъ кроткаго и здравомыслящаго ума, равно далекаго какъ отъ языческаго, такъ и отъ монашескаго изувѣрства [1]).

Особый и довольно обширный отдѣлъ литературы посвященъ гуманистами воспитанію государей. Этотъ отдѣлъ открытъ Ліонардо Бруни. Онъ еще раньше перевелъ бесѣду св. Василія, въ которой этотъ отецъ Церкви защищаетъ чтеніе языческихъ поэтовъ, и это произведеніе, на которое впослѣдствіи такъ любили ссылаться, посвятилъ Салютато. Потомъ онъ написалъ для ученой Баттисты де'Малатести, изъ фамиліи герцоговъ урбинскихъ, руководство къ занятіямъ гуманными науками, въ которомъ особенно рекомендуетъ изучать римскихъ историковъ и показываетъ, какъ можно выработать изящество слога [2]). Эней Пикколомини въ 1443 г. написалъ къ герцогу тирольскому Сигизмунду письмо, въ которомъ указываетъ молодому владѣтелю на Альфонса, короля Неаполитанскаго, и на Ліонелло д'Эсте, какъ на примѣры литературнообразованныхъ государей, а въ 1449 г.—Зеркало государей для десятилѣтняго Владислава, наслѣдника коронъ богемской и венгерской, гдѣ въ первой части говоритъ о воспитаніи государей. Онъ высказываетъ здравый взглядъ, желая, чтобы государь не былъ ученымъ и однако все же могъ обсудить требованія своего званія [3]). Наконецъ и Филельфо, по просьбѣ шестилѣтняго принца Джіангалеаццо Сфорцы, изложилъ письменно свои педагогическія воззрѣнія [4]). Подобныя посвященія не остались совершенно безплодными, хотя вначалѣ цѣлью ихъ было только оказать вѣжливость государю.

А какое обиліе уроковъ добродѣтели разсѣяли гуманисты въ своихъ философскихъ и педагогическихъ сочиненіяхъ, въ письмахъ, рѣчахъ и историческихъ трудахъ? Въ своемъ увлеченіи къ этикѣ древнихъ, особенно къ стоической, они считали себя наставниками человѣчества; людьми, способными вмѣсто ослабѣвшей церкви принять на себя заботу о высшихъ жизненныхъ цѣляхъ. Тутъ мы можемъ спросить, насколько сами они своимъ образомъ жизни соотвѣтствовали тому

---

1) См. выше стр. 35. Книга De educatione liberorum et eorum claris moribus послѣ перваго миланскаго изданія 1491 г. часто печаталась, также въ Vegii Opuscula въ Magna Bibliotheca veterum patrum. T. XV, Colon. 1622 p. 840 seq. Въ изданіяхъ Parisiis 1508 и Tubingae 1513 она ошибочно приписывается Франческо Филельфо.

2) Mehus перечисляетъ разныя изданія, но пропускаетъ то, которое у меня: Leonhardi Aretini de studiis et literis ad illustrem dominam Baptistam de Malatesta tractatulus. Liptzik 1496.

3) См. G. Voigt Enea Silvio de'Piccolomini Bd. II. s. 290 ff.

4) То, что онъ приводитъ подъ заглавіемъ de educatione liberorum, — его длинное письмо къ Матвѣю Тривіану отъ 1475 г. у Rosmini Vita di Filelfo T. II p. 463, или сочиненіе Веджіо.

возвышенному ученію, которое проповѣдывали и словесно, и въ литературѣ. Насколько мы успѣли оглянуть ихъ, сами собою обнаружились намъ ихъ слабости и недостатки, даже страсти и низкія побужденія, притомъ не одни такія, которыя обусловливались ихъ дѣятельностью и положеніемъ въ жизни, а потому могли заслуживать снисхожденія Мы не будемъ повторять здѣсь того, что сказано раньше. Опредѣлить нравственное состояніе извѣстнаго класса людей уже само по себѣ дѣло трудное. Общій выводъ будетъ приблизительно такой, что гуманисты въ этомъ отношеніи были не хуже, но и не лучше своихъ современниковъ, слѣдовавшихъ иному направленію. Высшее образованіе и видное положеніе въ обществѣ обыкновенно развиваетъ понятіе о чести, но нравственная сила зиждется на иныхъ началахъ. Здѣсь можно говорить только объ одной спеціальной сферѣ, которая тѣсно связана съ жизнью литераторовъ, и въ которой поклонникъ древности вступалъ въ естественное противорѣчіе съ обычаемъ и моралью христіанства.

Разумѣется, нельзя отрицать того, что дѣятельность гуманистовъ открыла просторъ чувственности. Если они допускали многое въ поэзіи, по образцу древнихъ, и это пользовалось одобреніемъ лучшихъ людей, то начала эти были тѣмъ соблазнительнѣе въ жизни, когда рядомъ съ ними шли смѣлая откровенность и утонченное остроуміе. Притомъ распущенность общественныхъ отношеній далеко не соотвѣтствовала посвященію себя обязанностямъ цѣломудрія. Посвященіе себя церкви было такимъ дѣломъ, къ которому каждый гуманистъ относился по своему. Они большею частію были бѣдны, но имѣли хорошихъ друзей при римскомъ дворѣ и надежную протекцію у сановниковъ свѣтскихъ и духовныхъ. Они особенно любили прибѣгать къ церкви, какъ къ благотворительному учрежденію. Но для этого необходимымъ условіемъ было почти всегда поступленіе въ духовное званіе, чему иные безъ труда покорялись. Одни дѣлались священниками, если чаша жизненныхъ наслажденій была выпита до дна и они хотѣли обезпечить себя подъ старость; другіе принимали по крайней мѣрѣ первое посвященіе, не заботясь о тѣхъ обязанностяхъ, какія оно налагало, и удерживая за собою право снова оставить его, если это было нужно. При бѣдности и не обезпеченномъ положеніи въ жизни, бракъ представлялъ неудобства, тѣмъ болѣе, что закрывалъ духовную карьеру. Но конкубинатъ, на который смотрѣли снисходительно даже среди духовенства, часто велъ къ распущенности и скандаламъ, какихъ не выносило приличное общество. Гуманисты сами учились и учили другихъ, какъ можно обойти эти затрудненія дерзкою откровенностью и легкомысленнымъ остроуміемъ. Они первые стали обсуждать подобные вопросы, не стѣсняясь вкусами общества. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Ліонардо Бруни, по тогдашнимъ понятіямъ, поступалъ безукоризненно: пока онъ служилъ при римскомъ дворѣ и надѣялся на повышеніе, онъ доволенъ былъ посвященіемъ, тѣмъ болѣе, что оно не стѣсняло его. А когда оставилъ это поприще, то исходатайствовалъ себѣ разрѣшеніе и женился. Филельфо женился рано и былъ женатъ три раза. Мы уже знаемъ его помыслы о духовной карьерѣ, посѣщавшіе его каждый разъ послѣ смерти жены и увлекавшіе мечтою о красной камилавкѣ. Однако въ своемъ завѣщаніи онъ упоминаетъ и о двухъ побочныхъ дѣтяхъ, а у него ихъ, вѣроятно, было гораздо больше [1]. Какъ онъ ни любитъ всячески срамить своихъ враговъ, однако не признаетъ въ своей собственной жизни ничего зазорнаго. Поджіо во время борьбы съ Валлою укорялъ послѣдняго въ томъ, что отъ него забеременѣла служанка его зятя. Всего постыднѣе тутъ было то, что онъ имѣлъ связь съ простою служанкою. А фактъ самъ по себѣ представляется не столь позорнымъ и самому Поджіо, такъ какъ онъ вѣдь понимаетъ дѣйствіе ночнаго мрака и вина. Признаніе же Валлы идетъ еще дальше упрека его противника. По его словамъ, онъ не хотѣлъ жениться, какъ часто ему совѣтовали близкіе, потому что всегда намѣренъ былъ поступить въ духовное званіе. Но его зять и другіе родственники дразнили этого дѣвственника, притомъ человѣка безстрастнаго, и сомнѣвались въ его способности къ браку. Чтобы доказать имъ, что онъ воздерженъ по убѣжденію, а въ то же время чтобы продолжить свой родъ, готовый прекратиться, онъ прижилъ отъ этой служанки въ два года троихъ дѣтей [2]). Впрочемъ упоминается еще о конкубинѣ, отъ которой онъ имѣлъ сына [3]).

Поджіо принялъ первое церковное посвященіе, потому что безъ этого трудно было имѣть успѣхъ при римскомъ дворѣ. А священникомъ онъ не хотѣлъ быть, такъ какъ это ему казалось самымъ тяжелымъ рабствомъ; по его словамъ, онъ не такъ легкомысленъ, чтобы [illegible]намать на себя такое бремя, которое потомъ придется влачить [illegible] жизнь. Поджіо не скрывалъ того, что всегда былъ героемъ [illegible] похожденій и что въ Римѣ у него есть трое побочныхъ [illegible]. Кардиналъ Чезарини, относившійся благосклонно къ гуманистамъ, уговаривалъ его или поступить въ священники, или жениться. Поджіо отдѣлывался шутками. Онъ говорилъ, что не желаетъ [illegible] стриженія, такъ какъ вмѣстѣ съ волосами человѣкъ теряетъ [illegible]. Кромѣ того, онъ [illegible] [illegible]

[1] [illegible]
[2] [illegible]
[3] [illegible]
[4] [illegible]

шаткая нравственность не соотвѣтствуетъ достоинству духовнаго сана. Кардиналъ упрекнулъ его существованіемъ троихъ дѣтей, что неприлично для духовной особы, и притомъ даже не отъ жены, что неудобно даже для мірянина. Поджіо оправдывался тѣмъ, что у него есть дѣти, что вовсе не зазорно для мірянина, а живетъ онъ безъ жены согласно завѣтному обычаю духовенства.—Этихъ первыхъ троихъ сыновей Поджіо отдалъ въ солдаты, т. е. почти на вѣрную тогда гибель. Потомъ онъ былъ до такой степени вѣренъ конкубинѣ по имени Лючія, что прижилъ съ нею двѣнадцать сыновей и двухъ дочерей. Въ живыхъ оставались еще четверо, когда ему въ 1435 г., къ изумленію друзей, вздумалось жениться. Конкубина была отпущена на всѣ четыре стороны и даже узаконеніе остальныхъ дѣтей отмѣнено [1]). Съ торжествомъ объявилъ 55-ти лѣтній грѣшникъ кардиналу Чезарини о своемъ бракосочетаніи съ Ваджіей: «Богъ былъ милосердъ ко мнѣ, когда я уклонился съ истиннаго пути, по этому теперь щедрою десницею изліетъ на меня свое милосердіе, когда я снова вступилъ на этотъ путь [2])». Онъ самонадѣянно полагался на то, что онъ опытный ветеранъ въ дѣлѣ обхожденія съ женщинами [3]). Дѣйствительно, онъ былъ такъ счастливъ въ супружествѣ, что имѣлъ дѣтей. И теперь еще та увлекательность, съ какою Поджіо умѣетъ говорить обо всемъ подобномъ, примиряетъ насъ съ его прежнею распущенностью, но только мы не должны сопоставлять съ этимъ его, какъ глашатая добродѣтели.

Нѣтъ сомнѣнія, что и тотъ противоестественный порокъ, которому греки дали особое названіе, обнаруживался въ Италіи въ теченіи XV в. не только въ отдѣльныхъ случаяхъ, робко ища мрака, но господствовалъ мѣстами какъ нравственная зараза. Церковь и законодательство, возникшее вмѣстѣ съ нимъ и имъ вызванное, грозили жестоко карать его, заклеймили позоромъ и почти искоренили. Но онъ снова вкрался въ новѣйшее общество вмѣстѣ съ эллинскими миѳами, которые изображали его въ привлекательныхъ формахъ, и съ произведеніями римскихъ поэтовъ, которые относились къ нему легкомысленно и съ увлеченіемъ. Намъ указываютъ на Неаполь, Сіэну и Флоренцію, какъ на главные центры всякой распущенности и противоестественныхъ наслажденій [4]). Именно въ Неаполѣ св. Бернар-

---

[1]) Valla Antid. in Pogium lib. IV (Opp. p. 349. 363). Хотя эти послѣднія извѣстія идутъ отъ самаго отъявленнаго врага Поджіо, однако это такіе факты, которые трудно выдумать.

[2]) Poggius epist. II, 6.

[3]) Epist. XI, 41: ego non tiro in mulierum congressu eram, sed veteranus.

[4]) Anton. Panorm. Hermaphr. epigr. I, 13. Filelfi Satyr. dec. V hec. 10.

дино громилъ своими публичными проповѣдями античный порокъ и возвѣстилъ грѣшникамъ гнѣвъ Божій, который истребитъ ихъ съ лица земли огнемъ, какъ города Содомъ и Гоморру [1]. Первое, чѣмъ гуманисты упрекаютъ другъ друга, это именно этимъ порокомъ. Беккадели обвинялъ въ немъ сіэнскаго грамматика Маттіа Лупи, Филельфо—поэта Порчелло [2], Поджіо—Валлу, Валла—Поджіо и т. д. И здѣсь мы далеко не вполнѣ вѣримъ инвективамъ, но люди чистые нравственно не касаются такой грязи. Поклонникамъ древности вообще приписывались и темныя стороны ея. Это показываетъ обвиненіе, взведенное на Помпоніо Лето, а послѣдній, какъ мы знаемъ, приводилъ въ свое оправданіе примѣръ Сократа.

Какъ философія находилась въ постоянномъ взаимодѣйствіи съ нравственностью, такъ и церковь съ богословіемъ. Всѣ гуманисты относились къ богословской наукѣ, какъ ее въ то время понимали, не иначе какъ къ схоластическимъ бреднямъ. Напротивъ къ вѣрѣ они стояли кто ближе, кто далѣе. Тутъ все опредѣлялось характеромъ личности. Насколько были разнообразны индивидуальныя качества гуманистовъ, настолько же разнообразно было и ихъ отношеніе къ христіанству. Мы видѣли между ними людей благочестивыхъ, почти монаховъ, каковы напр. Веджіо и Корраро, но также и вольномыслящихъ, далеко не скромныхъ. Большая часть ихъ не были ни вѣрующими, ни невѣрующими, и это всего яснѣе отражается въ письмахъ, которыми они обмѣнивались между собою. Еще разнообразнѣе было ихъ отношеніе къ церкви, какъ учрежденію. Одни или прямо принадлежатъ ей, занимая должности священниковъ, епископовъ, кардиналовъ и папъ, а другіе обязаны быть осторожными вслѣдствіе своихъ отношеній къ благодѣтелямъ-прелатамъ, наконецъ третьи относятся къ церкви такъ, какъ то внушаютъ имъ фамильные разсчеты и завѣтныя общественныя приличія. Ни одинъ изъ старшихъ гуманистовъ не становился въ открытую оппозицію этому учрежденію, но у большинства все таки замѣтно скрытое отчужденіе отъ нея. Весьма понятно, что дѣло не доходило до нападокъ на нее, какъ на блюстительницу христіанскаго ученія. И церковь съ своей стороны не возставала противъ новой науки, охотно принимала ея приверженцевъ

---

1) Vespasiano S. Bernardino § 1. 15-я проповѣдь 2-го тома сочиненій Бернардино говоритъ de peccato Gomorrhoeorum. Нищенствующіе монахи называютъ его этимъ именемъ, или содоміею.

2) О Лупи см. томъ I стр. 377. Филельфо противъ Порчелло въ сочиненіи de iocis et seriis у Rosmini Vita di Filelfo T. III p. 161 — 163: онъ-де учитъ своихъ учениковъ вмѣсто грамматики paedicandi leges—furis in pueros—paedico unicus etc. Можетъ быть, Порчелло тотъ Hypocritus, который выведенъ въ Filelfi Satyr. dec. II hec. 5.

въ свои нѣдра, или на службу. Монахи, вооружавшіеся противъ древнихъ поэтовъ и ихъ поклонниковъ и осуждавшіе ихъ, были осыпаемы за это насмѣшками и презрѣніемъ, а проповѣдники изъ нищенствующей братіи долго еще были любимыми предметами забавныхъ шутокъ.

Но авторитетомъ, сдерживающимъ умы въ границахъ серьезнаго направленія, всегда бываетъ вѣдь одна какая нибудь связь, хотя и состоящая изъ разнородныхъ нитей. Кто ослабляетъ одну изъ этихъ нитей, тотъ вредитъ всѣмъ. Наука и вѣра, церковь и духовная жизнь, іерархія и монашество были прочно скрѣплены между собою, представляли единое зданіе, возведенное въ теченіе вѣковъ. Нападеніе на ту или на другую часть его всегда было направлено въ то же время и противъ цѣлаго.

Богословская наука, какъ ее разработывали въ университетѣ, уже не производила возбуждающаго дѣйствія. Тамъ еще пользовались славою великія имена Гуго де С. Виктора, Александра Гальскаго, Ѳомы Аквинскаго, Николая изъ Лиры. Въ сочиненіяхъ гуманистовъ о нихъ едва ли упоминается хоть разъ, а если упоминается, то какъ о знаменитостяхъ особаго рода. Дальнѣйшая разработка науки въ ихъ направленіи была уже невозможна. Ихъ «суммы» или систематическіе своды разъяснялись вновь, и къ ихъ толкованіямъ пріискивались новыя. Разсуждали о Богѣ и о согласимости Его различныхъ свойствъ, о крови Іисуса Христа, о Святой Троицѣ и другихъ подобныхъ предметахъ. Много хлопотали надъ придумываніемъ трудныхъ вопросовъ, чтобы рѣшить ихъ съ помощью школьнаго остроумія. А гуманисты только улыбались и забавлялись надъ всѣмъ этимъ. Далѣе, во время такъ называемыхъ преобразовательныхъ соборовъ, богословіе тѣсно примкнуло къ каноническому праву. Въ полемическихъ сочиненіяхъ той эпохи рѣчь идетъ не о догматахъ, а объ органахъ и строѣ церкви, объ ихъ взаимномъ отношеніи и правахъ. Гуманисты приняли участіе въ борьбѣ церковныхъ партій, писали по порученію своихъ государей политическіе трактаты и инвективы. Но имъ гораздо больше не по душѣ былъ подобный споръ, чѣмъ споръ о Сципіонѣ и Цезарѣ, или о народномъ языкѣ древнихъ римлянъ. Тамъ, гдѣ они сталкивались съ богословіемъ, ученіемъ церкви и самою церковью, мотивы столкновеній были постоянно личные.

Въ юные годы Петрарка, правда, выступилъ противъ раскола, или Авиньонскихъ папъ, но тѣ бенефиціи, которыя онъ получалъ отъ нихъ, все болѣе и болѣе умиротворяли его. Онъ боролся съ аверроистами не потому, что они выступали врагами вѣры или церкви, а потому что были его личными врагами. Съ тѣхъ поръ онъ энергически вырабатывалъ въ себѣ христіанина. Но и помимо этого

рѣзкаго направленія, къ которому привела его полемика, дѣйствительно, онъ лично былъ ближе къ Евангелію, чѣмъ его послѣдователи. Такъ какъ поэтъ хотѣлъ стоять выше толпы не только какъ писатель, но и какъ міровой мудрецъ, то для усовершенствованія его личныхъ достоинствъ ему нуженъ былъ и христіанскій элементъ. Но въ гордомъ сознаніи своего исключительнаго положенія онъ усвоивалъ себѣ тѣ истины христіанства, которыя могъ согласить съ античною мудростью. Между учителями Церкви онъ выбралъ себѣ любимцемъ—блаженнаго Августина. А къ новому богословію, создавшему строгую систему, онъ относился съ нескрываемымъ презрѣніемъ, оставаясь равнодушенъ къ святымъ и чудесамъ, къ вѣрѣ народной и церковной. Онъ не нападалъ на нихъ, потому что предоставлялъ ихъ презираемой толпѣ, но не былъ христіаниномъ въ духѣ своего времени [1]).

Приверженецъ его Боккачіо никогда не посягалъ на достиженіе философской высоты. Онъ смиреннѣе Петрарки преклоняется предъ богословіемъ и церковью. Лишь въ молодые годы, когда онъ какъ бы прикрывался величіемъ наставника, онъ иногда пытался идти по слѣдамъ его. Нѣкоторые богословы презрительно отзывались о чтимой имъ поэзіи, упрекая ее въ язычествѣ и распущенности. За это онъ мстилъ имъ нападками на ихъ науку. По словамъ Боккачіо, они хотятъ придать себѣ особое значеніе тѣмъ, что говорятъ возвышенно и темно о возвышенныхъ и темныхъ предметахъ, напр. о томъ, какъ можно приписывать три лица единому Богу, можетъ ли Богъ создать существо, подобное Ему, почему Онъ не сотворилъ міръ нѣсколькими тысячелѣтіями раньше и т. под. Если что либо говоритъ по этому поводу другой, то они только пожимаютъ плечами, надменно улыбаются и отдѣлываются пустыми замѣчаніями. А потомъ сами пускаются въ длинныя и туманныя разглагольствія, и думаютъ, что такимъ страннымъ путемъ достигаютъ высотъ богословія. Или Боккачіо разсказываетъ про одного маститаго богослова, отличавшагося ученостью и святостью жизни, который во Флоренціи съ каѳедры объяснялъ массѣ слушателей Евангеліе отъ Іоанна, и при этомъ какъ-то завелъ рѣчь о поэтахъ. Онъ тутъ такъ сильно воодушевился, что лицо его пылало, глаза блистали и голосъ гремѣлъ. Онъ всячески завѣрялъ, что никогда не видалъ, да и не желаетъ видѣть ни одного поэтическаго произведенія [2]).

И Боккачіо, пока не сдѣлался съ лѣтами осторожнѣе, любилъ пошутить съ богами эллиновъ и подвергалъ повѣствованія Ветхаго Завѣта

---

[1]) См. томъ I стр. 80—86.
[2]) Boccatius de geneal. deorum lib. XIV cap. 3. 15.

такому же толкованію, какъ и древніе языческіе миѳы. Но при этомъ онъ всегда оставался истиннымъ, хотя не особенно усерднымъ, христіаниномъ, столь же религіознымъ, какъ и другіе флорентинцы, воспитанные въ правилахъ приличія. Поэтъ никогда не отзывался непочтительно о христіанскомъ ученіи и, безъ сомнѣнія, всегда съ благоговѣніемъ исполнялъ церковные обряды, особенно съ тѣхъ поръ, какъ старость и недуги стали удручать его тѣло, а слишкомъ непристойныя сочиненія тяготить душу его. Даже богословіе для Боккачіо теперь—царь наукъ, и онъ старался освоиться съ его трудными вопросами и варварскими терминами, когда объяснялъ Божественную комедію, или скромно предоставлялъ подобныя вещи ученымъ богословамъ, заявляя, что онѣ слишкомъ высоки для его ума [1]).

Первый, кто безъ страха вступилъ въ борьбу съ церковью, былъ Салютато, человѣкъ нрава вовсе не пылкаго и не задорнаго, но открытый и прямой. Не смотря на свою любовь къ классической литературѣ и философіи, онъ не былъ язычникомъ, какъ отзывались о немъ, и не хотѣлъ вступать въ разладъ съ церковнымъ ученіемъ. Но жизненный опытъ и размышленіе развили въ немъ стоическія убѣжденія, и онъ нашелъ, что лучшія ученія древнихъ согласны съ христіанствомъ, которое жило въ немъ, какъ простая вѣра въ Бога и искупленіе. Вполнѣ безупречная жизнь, дѣлавшая честь ученію стоиковъ, прочное положеніе въ жизни, закаленный характеръ, ясный взглядъ, чуждавшійся всего призрачнаго и мелочнаго, обезпечивали его отъ нападокъ, направленныхъ противъ мыслителей и поэтовъ древности и противъ него лично. Именно во Флоренціи подобныя ученыя занятія были дѣломъ моднаго образованія и, безъ сомнѣнія, обнаруживали свое вліяніе и на богословской почвѣ. Уже на собраніяхъ въ Санто Спирито примѣняли аллегористическую методу объясненій, испытанную на изученіи римскихъ поэтовъ, и къ толкованію Св. Писанія, и Салютато былъ самымъ виднымъ представителемъ этого направленія [2]). Поэтому-то во Флоренціи монашество и вооружилось противъ этихъ языческихъ порывовъ.

Самымъ раннимъ борцомъ былъ доминиканецъ Джіованни да Доменико, человѣкъ изъ группы строго-церковныхъ новаторовъ, считавшійся въ то же время весьма ученымъ богословомъ. Въ качествѣ народнаго проповѣдника онъ умѣлъ трогать сердца своимъ громовымъ голосомъ. Его дѣятельность признавалась плодотворною и во Флоренціи, гдѣ онъ былъ въ санѣ викарія монастыря S. Maria Novella, и лица,

---

1) См. томъ I. Hortis Studj s. opere lat. del Boccacio p. 475. Köring Boccaccio s. 365 ff.
2) См. томъ I стр. 159.

стоявшія во главѣ университета, поручили ему толкованіе Св. Писанія. Синьорія ходатайствовала объ этомъ у генерала ордена предикантовъ. Салютато тоже принималъ участіе въ этомъ дѣлѣ, потому что писалъ посланія и расточалъ похвалы замѣчательному проповѣднику [1]). Честолюбіе, таившееся въ душѣ этого монаха, обнаружилось уже впослѣдствіи, съ тѣхъ поръ какъ Григорій XII, въ 1408 г., возвелъ его въ кардиналы и назначилъ архіепископомъ рагузскимъ. Правда, первую должность онъ принялъ такъ же, «какъ Христосъ терновый вѣнецъ», съ намѣреніемъ, искоренивши расколъ, «снова возвратиться въ скромную обитель Св. Доминика» [2]). Но тогдашнее вліяніе его во Флоренціи внушило ему мысль смѣло выступить противъ поклонниковъ древности и Петрарки и ратовать противъ образованія юношества на чтеніи Виргилія и Овидія [3]). Онъ написалъ сочиненіе Lucula noctis противъ тѣхъ, которые съ слѣпою горячностью предавались изученію языческихъ наукъ и чрезъ это впадали въ пренебреженіе религіей. Главнымъ образомъ онъ возставалъ противъ Салютато, который въ своей дидактической поэмѣ de fato et fortuna проповѣдывалъ подобныя опасныя теоріи. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ ни этой поэмы, ни полемическаго сочиненія брата Джіованни; намъ даже неизвѣстно, отвѣчалъ ли ему Салютато.

Канцлеръ республики уже и въ старости вынужденъ былъ, въ продолжительной полемикѣ съ однимъ младшимъ ратоборцемъ монашества, оправдывать еще свою любовь къ римскимъ поэтамъ и изученію ихъ, которое онъ съ такою готовностью поощрялъ во Флоренціи. То былъ братъ Джіованни да Санъ Миніато, камальдулъ обители S. Maria degli Angioli во Флоренціи, той самой, изъ которой вскорѣ вышелъ Траверсари. Сначала онъ старался отвлечь отъ языческихъ наукъ самого Салютато, а потомъ молодаго друга его, Аньоло Корбинелли, и называлъ чтеніе поэтовъ идолопоклонствомъ, пагубнымъ для души. Салютато, выступивъ противъ него, не удовольствовался одною защитою, какъ дѣлали Петрарка и Боккачіо. Онъ въ свой чередъ нападалъ на богословіе и монашество. Канцлеръ видѣлъ сущность поэзіи въ томъ, что она прикрываетъ глубокій смыслъ аллегорическою формою; говорилъ, что и св. Писаніе, конечно, божественно по своему содержа-

---

1) Оба посланія синьоріи отъ 2 іюня 1403 г. у Giovanni Dominici Regola del governo di cura familiare ed. Salvi p. 237. 238.

2) Его посланіе отъ апрѣля 1408 г. ibid. p. 190. Leon. Bruni. epist. II, 19 строже отзывается о немъ.

3) См. выше Въ письмѣ, сообщенномъ Salvi Prefaz. p. CXLIX, онъ говоритъ: Nè la tromba di Tullio, nè la vivola di Virgilio col liuto del Petrarca non potrebbono farmi avere altra fama ch'io m'abbi; nè nolla voglio. Jo rifiuto che i tristi linguacciutti dican bene di me.

нію, но по языку и способу выраженія—не что иное, какъ поэзія; что таинственный смыслъ древнихъ поэтовъ замѣчательно согласуется съ богословскими истинами Писанія. По его словамъ, и въ св. Писаніи, Богъ бесѣдуетъ съ человѣкомъ, равно какъ и у поэтовъ; но это слѣдуетъ понимать символически. Если нѣкоторыхъ поэтовъ упрекаютъ въ непристойности содержанія, то въ св. Писаніи найдется также много неприличныхъ повѣствованій, какъ напр. о Лотѣ, Вирсавіи и друг. А Пѣснь пѣсней гораздо соблазнительнѣе всего, что можно встрѣтить у языческихъ поэтовъ. Можно правдиво ходить по стезямъ Господа, ища истины и у нихъ или въ другихъ языческихъ сочиненіяхъ. Люди, вступившіе въ орденъ, часто дальше отъ Бога, чѣмъ тѣ, кто вращается среди мірскихъ искушеній. Послѣднихъ нельзя упрекать въ томъ, что они стремятся къ суетной славѣ. Монахъ своею простою жизнью приноситъ пользу только себѣ самому, а онъ, Салютато, своими учеными занятіями хочетъ быть полезенъ не только себѣ, но и другимъ, и даже потомству. Который изъ нихъ ближе къ цѣли, вѣдаетъ одинъ Богъ [1]). Салютато постоянно говоритъ тономъ серьезнаго стремленія къ истинѣ. Повторяемъ, онъ брался за перо для полемики только тогда, когда его вызывали на это фанатики клерикалы. Въ пылу подобной борьбы онъ увѣряетъ, что въ его время водились такіе глупые богословы, которые даже осуждаютъ и сочиненіе блаженнаго Августина «О градѣ Божіемъ» за то, что авторъ ссылается въ немъ на Виргилія и на другихъ поэтовъ [2]).

Но подобныя фанатическія нападки монаховъ вскорѣ стали считаться нелѣпыми и устарѣлыми. Поборники ихъ въ той же степени стали рѣже, въ какой гуманисты дѣлались смѣлѣе. Лишь по временамъ слышались возгласы братьевъ-блюстителей ордена св. Франциска въ народныхъ проповѣдяхъ или небольшихъ сочиненіяхъ. Борьба съ ихъ стороны была тѣмъ безплоднѣе, что лица авторитетныя и занимавшія высокое положеніе въ духовенствѣ не поддерживали ихъ. Университеты совсѣмъ почти не возставали противъ нарождавшагося вездѣ язычества. Глава церкви и прелаты больше вѣка равнодушно смотрѣли на дѣятельность новыхъ поэтовъ. Церковные сановники направили всѣ силы свои противъ ораторовъ базельскаго собора, требо-

---

1) Письмо Салютато къ брату Джіованни epist. 26. ed. Mehus. Въ немъ онъ говоритъ, какъ всегда томился cupididate sciendi communicandique, sicut alii nobis suisque temporibus profuerunt, sic aliquid et ego prodessem: Tu, quod sanctae rusticitatis est, solum tibi prodes: ego mihi prodesse conor et aliis. О большомъ полемическомъ сочиненіи см. томъ I стр. 195. Оно написано нѣсколькими годами позднѣе письма. Здѣсь я соединилъ содержаніе обоихъ.

2) Объ этомъ сочиненіи противъ Джуліано Зеннарини, канцлера города Болоньи, упоминаетъ Mehus Vita Ambros. Travers. p. 292.

вавшихъ преобразованій, противъ самостоятельности галликанской церкви и подобныхъ же стремленій германскихъ сеймовъ, противъ ученія Виклифа и гусситской ереси, а съ поклонниками Цицерона находились въ дружественныхъ отношеніяхъ. Люди равнодушные и невѣрующіе во всѣ времена казались церкви менѣе опасными, чѣмъ дерзкіе еретики, которые утверждали, что лучше понимаютъ извѣстную часть писанія, или колебали основы іерархическаго зданія. Новые поэты и философы не выражали никакихъ закоренѣлыхъ заблужденій. Они вообще не воодушевлялись вѣрою, не интересовались душеспасительнымъ назначеніемъ церкви. Ни одинъ изъ гуманистовъ не желалъ мученическаго вѣнца, ни одинъ зато и не взошелъ на костеръ. Если дѣло шло объ ораторскомъ искусствѣ или о лести папамъ, кардиналамъ или государямъ, то языческое краснорѣчіе могло съ восторженною напыщенностью прославлять и вѣру и церковь. Почему же въ такомъ случаѣ не предоставить классической арены этимъ стихотворцамъ и ораторамъ?

Вскорѣ привыкли смотрѣть на увлеченіе язычествомъ, какъ на невинное пристрастіе, котораго не слѣдуетъ строго карать, чтобы не подвергнуться осмѣянію. Кому была охота подымать шумъ изъ-за того, что восторженный ораторъ употреблялъ римскую форму клятвы? Кто могъ обвинять его въ многобожіи, если онъ вмѣсто призыванія единаго Бога говорилъ иной разъ: вы, боги! Кто могъ укорять въ безбожіи поэта, если онъ олицетворялъ плотское вожделѣніе въ формѣ амура или Венеры и вмѣсто Божіей благодати просилъ милости у Аполлона и музъ? Кто рѣшился бы требовать къ допросу философа, если онъ говорилъ о Фатумѣ и Фортунѣ вмѣсто Божественнаго Промысла и приводилъ изреченіе Цицерона рядомъ съ словами Апостола Павла? Кто могъ серьезно негодовать на страннаго мечтателя Чиріако анконскаго, за то, что онъ выбралъ своимъ патрономъ Меркурія и при отъѣздѣ съ острова Делоса обратился къ нему съ писанною молитвою [1])?

Правда, это легкомысленное остроуміе часто доходило до той черты, на которой язычество уже не согласуется съ христіанскимъ ученіемъ и гдѣ извиненіемъ можетъ служить лишь поэтическая вольность. Въ кружкѣ Никколи хвалили Варрона за то, что онъ написалъ такъ много книгъ изящнымъ слогомъ объ религіозныхъ идеяхъ язычниковъ, и вовсе не скрывали той мысли, что его можно предпочесть философамъ церкви и учителямъ католической вѣры. Идеи его слыли гораздо вѣрнѣе церковныхъ. На чудеса святыхъ не обращали никакого

---

[1]) Cino Rinuccini Invectiva въ Paradiso degli Alberti Vol. I P. II p. 303.

вниманія. Во Флоренціи всѣ знали это, однако Никколи не считался язычникомъ. Филельфо въ одномъ стихотвореніи обращался къ папѣ Николаю какъ къ человѣку, который охраняетъ «тронъ Юпитера Олимпійскаго». Когда онъ поздравлялъ одного друга со вступленіемъ въ бракъ, то съ наивною смѣлостью утверждалъ, что всѣ другія таинства основаны на человѣческихъ законахъ и обычаяхъ, только бракъ установленъ самимъ Богомъ въ раю, какъ таинство [1]). Эней Пикколомини былъ уже епископомъ сіэнскимъ, когда писалъ назидательно объ одномъ умершемъ: «Онъ осушаетъ чашу нектара и пьетъ сокъ виноградной лозы въ царствѣ Отца не съ тѣмъ Юпитеромъ, котораго ослѣпленная древность считала высшимъ существомъ, а со Христомъ и Богомъ». Въ томъ же письмѣ онъ называетъ Бога высшимъ цѣлителемъ всѣхъ недуговъ, а «если повѣрить Сенекѣ, то богъ вѣдь каждый самъ для себя [2])».

Въ этихъ поэтическихъ украшеніяхъ былъ, пожалуй, и серьезный элементъ. Кто навыкъ забавляться съ греческими богами и съ римскими поэтами и философами, тотъ, конечно, утрачивалъ пониманіе строгихъ формъ вѣры и искренней религіозности. Какими глазами смотрѣлъ Поджіо на мученическую смерть Іеронима Пражскаго! Онъ одинаково чуждъ понятія о страдальцѣ за вѣру и объ еретикѣ. Онъ видитъ въ Іеронимѣ стоика, который равнодушно, даже съ презрѣніемъ, идетъ на смерть, и сравниваетъ его съ Сократомъ, Муціемъ Сцеволою и Катономъ младшимъ, удивляется его краснорѣчію, когда онъ говоритъ передъ отцами Собора, и находитъ, что оно приближается къ античному. Гуманистъ не хочетъ рѣшать вопроса о томъ, дѣйствительно ли этотъ человѣкъ еретикъ, достойный смерти. Поджіо предоставляетъ это тѣмъ, «кто умнѣе его», именно богословамъ, но не скрываетъ своего сомнѣнія. Такъ онъ писалъ объ этомъ своимъ итальянскимъ друзьямъ, Франческо Барбаро и Бруни, и послѣдніе удивлялись—изящному слогу его письма, хотя Бруни находилъ, что въ немъ замѣтно сильное пристрастіе къ еретику, и желалъ, чтобы на будущее время онъ выражался по этому поводу обдуманнѣе [3]). Но такіе люди, какъ Поджіо, уже отвыкли бояться духовныхъ властей. Если стражи правовѣрія были нѣкогда склонны наказывать своихъ надменныхъ враговъ, то легкомысленные гуманисты избѣгали инквизиціи какъ неуязвимые насмѣшники. Валла увѣрялъ въ своей глубокой преданности матери Церкви, а втайнѣ смѣялся.

При такомъ настроеніи умовъ нельзя ожидать, чтобы гуманисты серьезно занялись богословіемъ. Только Антоніо да Ро оказалъ

---

1) Его письмо къ Федериго Корнеліо отъ 15 октября 1439 г.
2) Письмо къ Пьеро да Ночето отъ 7 мая 1456 г.
3) Poggius epist I, 2 ed. Tonelli. Leon. Bruni epist. IV, 9 rec. Mehus.

услугу своими разговорами о заблужденіяхъ Лактанція. Но онъ былъ, дѣйствительно, богословъ, а грамматика стояла у него на второмъ планѣ [1]). Другихъ прельщала мысль выставить свое знаніе языковъ противъ богослововъ, даже на зло имъ. Для Валлы было истиннымъ наслажденіемъ дать почувствовать свое превосходство богословамъ на ихъ собственной почвѣ, послѣ того какъ они осердились на него за сочиненіе О дарѣ Константина. Такъ онъ поступаетъ въ разговорѣ о заслугахъ монашеской жизни и въ сочиненіи О свободной волѣ, направленномъ въ сущности противъ авторитета Боэція. Къ работѣ надъ принятымъ Церковью переводомъ Новаго Завѣта его сильно подстрекало то обстоятельство, что его критика трудовъ блаженнаго Іеронима сильно вооружила противъ него рутинныхъ богослововъ [2]). Полное удовольствіе доставило ему уже доказательство, что списокъ Библіи, выдаваемый въ Римѣ за рукопись самого Іеронима и всегда показываемый при свѣчахъ, оказалась переписанною по волѣ короля—Валла предполагаетъ Роберта Неаполитанскаго — человѣкомъ невѣжественнымъ. Только ради роскошныхъ украшеній ее принимали за святыню [3]).

Но у Валлы была здравая и смѣлая мысль исправить текстъ по греческому подлиннику и отнестись къ нему съ пріемами филолога,— мысль, всю важность которой понялъ только Эразмъ и воспользовался ею для преобразованія богословской экзегезы. Противники Валлы любили упрекать его въ томъ, что онъ хотѣлъ только придраться къ Іерониму и указать его ошибки, но трудъ его пользовался успѣхомъ у современниковъ. Кардиналъ Виссаріонъ принималъ даже участіе въ немъ, безъ сомнѣнія—помогая Валлѣ своимъ совершеннымъ знаніемъ греческаго языка. Кардиналъ Куза считалъ эту книгу ключемъ къ основательному пониманію св. Писанія и желалъ имѣть копію [4]). Отъ него получилъ ее и папа Николай V, и чтеніе рукописи нисколько его не возмутило. Слѣдовательно, были люди, занимавшіе высшее положеніе, которые не оспаривали у знатока языковъ права вступать и на почву богословія.

Мысль о провѣркѣ такъ же и Ветхаго Завѣта по первоначальному тексту, вѣроятно, принадлежитъ Никколи. Онъ уговаривалъ Поджіо для этой цѣли учиться еврейскому языку, и, дѣйствительно, послѣдній подъ

---

[1]) См. томъ I стр. 465—466.

[2]) Только изъ шуточнаго вызова Поджіо, издать ихъ, если онъ не боится костра. вывели заключеніе, что онъ скрывалъ обѣ книги de collatione novi testamenti. Но Валла прямо указываетъ на нихъ въ Invectiva in Barth. Facium lib. IV (Opp. p. 623), Хорошая оцѣнка этого сочиненія у Vahlen Lorenzo Valla s. 208 ff.

[3]) Invect. in Facium l. c. p. 786.

[4]) Quoniam multum mihi placet et utilis est pro intellectu sacrae scripturae, писалъ онъ Валлѣ. См. его Antid. in Pogium lib. IV (Opp. p. 340).

руководствомъ одного крещенаго еврея началъ заниматься имъ въ Германіи. И онъ исходилъ отъ недовѣрія къ тексту Іеронима [1], но не оказалъ большихъ успѣховъ по этой части. Правда, Ліонардо Бруни впослѣдствіи признавалъ ознакомленіе съ еврейскимъ языкомъ лишнимъ, такъ какъ все, что есть хорошаго на этомъ языкѣ, давно уже переведено на латинскій, а также потому, что значило бы недовѣрять блаженному Іерониму, если захочешь понимать Библію лучше его. Онъ говорилъ объ этомъ точно такъ же, какъ лисица о виноградѣ [2]. Но потомъ Манетти вознамѣрился вновь перевести съ подлинниковъ и Ветхій, и Новый Завѣты. Онъ, дѣйствительно, былъ вполнѣ подготовленъ къ этой работѣ и вообще знакомъ съ богословіемъ. Онъ находилъ, что при дворѣ Николая V у него достаточно свободнаго времени; но только при дворѣ Короля Альфонса перевелъ Новый Завѣтъ, а изъ Ветхаго псалмы, да и эти труды, подобно большинству его сочиненій, остались неизвѣстными [3].

Гуманисты сознавали, что они составляютъ рѣзкую противоположность съ правовѣдѣніемъ и съ сословіемъ юристовъ вообще. Быть можетъ, эта противоположность зависѣла отъ противоположности взглядовъ: человѣку, идеалы котораго кроются или въ давно минувшей эпохѣ, или въ воображаемомъ будущемъ, трудно примириться съ тѣмъ, чьи мысли и дѣятельность принадлежатъ настоящему и повседневной жизни. Сами гуманисты признавали, что для юридическихъ занятій требуются опытные люди и что только наука создаетъ ихъ. При этомъ основа гражданскаго права, изучавшагося и примѣнявшагося въ Италіи, коренилась въ той же римской древности, изъ которой почерпали свою ученость философы и гуманисты. Послѣднихъ раздѣляла отъ юристовъ не наука, а положеніе въ жизни, сословные взгляды. Если ораторъ и поэтъ нападаютъ или на профессора права, или на юриста-практика, то въ обоихъ случаяхъ недостаточно объяснять все дѣло завистью. Въ гражданской жизни юристы играли главную роль: большинство ихъ были обезпечены, какъ нотаріусы, адвокаты и чиновники: «они сидѣли рядомъ съ государями и были придворными оракулами». Въ университетахъ они играли первую роль: они часто водворялись въ нихъ пожизненно, или ихъ приглашали съ повышеніемъ жалованья изъ одного университета въ другой. Кромѣ того они обогащались отъ дачи совѣтовъ и веденія процессовъ. Никколо Тудески, знаменитость по каноническому праву, получалъ въ Болоньѣ 800 скуди, а Флоренція и Падуя вели борьбу изъ за него; напослѣдокъ онъ сталъ

---

[1]) Quia morem Hieronymi in transferendo cognovi. Poggius epist. I, 1 ed. Tonelli.
[2]) Bruni, epist. IX, 12 ed. Mehus.
[3]) Vespasiano Comment. di Manetti p. 91.

архіепископомъ палермскимъ [1]). Въ Падуѣ въ 1406 г. платили знаменитому Джіованни да Имола, а въ 1430 г. незначительному Паоло да Кастро, тоже по 800 дукатовъ [2]). Напротивъ, Валла преподавалъ въ Павіи краснорѣчіе за 50 золотыхъ гульденовъ, а Лауро Квирино въ Падуѣ реторику и нравственную философію за 40 [3]). Когда Филельфо назначили во Флоренціи 300, а потомъ 350 дукатовъ, то это было исключеніемъ [4]). Въ образѣ жизни прославленный юристъ стоялъ настолько же выше знаменитаго гуманиста, насколько государь выше школьнаго учителя.

При этомъ животворный духъ настолько же отлетѣлъ отъ изученія права, насколько онъ пробудился у гуманистовъ. Древніе источники римскаго права были больше затемнены, чѣмъ разъяснены глоссами, а къ глоссамъ присоединились еще толкованія знаменитыхъ преподавателей права, и такимъ образомъ постоянно накоплялась масса запутанныхъ ссылокъ и указаній, опредѣленій къ опредѣленіямъ, раздѣленій и различій, исключеній, возраженій и т. п. Это уже не была эпоха Чино, Бартоло и Бальдо, но наслѣдіе ихъ легло на науку тяжелымъ бременемъ. Немногіе, съ неутомимымъ трудолюбіемъ овладѣвавшіе этою массою учености и внесшіе въ нее нѣкоторый порядокъ, считались великими юристами того вѣка.

Весьма понятно, что люди, всю жизнь корпѣвшіе надъ разными глоссами и т. п., не производили сильнаго впечатлѣнія на героевъ краснорѣчія и изящества. Ихъ любили избирать мишенью насмѣшекъ. Уже Петрарка считалъ кичливымъ глупцомъ канониста Джіованни д'Андреи, свѣтило Болоньи. О знаменитомъ Бартоло разсказывали, что ему приходилось каждый день взвѣшивать себѣ пищу, чтобы поддержать въ равновѣсіи и свой мыслительный механизмъ. Эней Пикколомини однажды посѣтилъ въ его домѣ въ Имолѣ, Джіованни да Имола, который комментировалъ весь Corpus juris и столько лѣтъ былъ гордостью Болоньи. Это былъ человѣкъ, которому все на свѣтѣ было чуждо кромѣ того, что онъ писалъ самъ: лучше бы никогда не видать его [5]).

Новое образованіе, почерпаемое изъ древности, большею частію оставалось чуждо юристамъ. Правда, нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр. Чино, потомъ Маріано Содзини изъ Сіэны, Франческо д'Аккольти и его братъ Бенедетто, Като Сакко, другъ Филельфо, Силано

---

1) См. томъ I стр. 328.
2) Savigny Gesch. des röm. Rechts im Mittelalter Bd. VI 2 Ausg. S. 278. 288.
3) Zumpt (см. томъ I стр. 436. примѣч. 4) по Поджіали. Томъ I стр. 436.
4) Aeneas Sylvius de vir. clar. XIX.
5) Aeneas Sylvius de vir. clar. XIX.

Негро, дѣйствительно, любили изящную латынь и философію Цицерона и писали, даже стихи на тосканскомъ нарѣчіи. Но подобныя занятія были для нихъ забавою въ часы отдыха и не имѣли никакого вліянія на ихъ науку. Гуманистика не сливалась у нихъ съ юридическими знаніями. Никому изъ упомянутыхъ нами лицъ не приходило въ голову преобразовать свою науку путемъ прямаго изученія источниковъ или ввести въ изученіе права римскую древность, которая теперь всесторонне изслѣдовалась. Они не замѣчали застоя въ своей отрасли. Бенедетто Аккольти, основательный знатокъ гражданскаго права, вмѣстѣ съ тѣмъ поклонникъ древности и краснорѣчія, все таки не сознавалъ, что у нихъ есть одна общая цѣль. Онъ признаетъ, что древніе юристы, по красотѣ рѣчи, стояли выше новыхъ, но находитъ, что новые превосходятъ ихъ ученостью и остроуміемъ; къ тому же новые расширили область юриспруденціи введеніемъ каноническаго права [1]). Если въ этихъ взглядахъ и есть доля истины, то все таки они дѣлали невозможнымъ соглашеніе съ гуманистами.

Нерѣдко случалось, что молодые люди, увлекавшіеся культомъ гуманныхъ наукъ, потомъ однако принимались за изученіе права, какъ за болѣе выгодное [2]). Съ другой стороны самые выдающіеся гуманисты въ молодые годы большею частію по принужденію занимались юридическими науками. Таковы Петрарка, Боккачіо, Салютато, Бруни, Веджіо, Беккаделли и Пикколомини. Увлеченные чарами поэзіи, они потомъ оставили юридическія занятія и, какъ отступники, сохранили въ большей или меньшей мѣрѣ ненависть къ навязанной имъ наукѣ. Кто разъ былъ увлеченъ свѣжимъ вліяніемъ гуманизма, тому стала противна эта возня съ сухими формами и формулами, связь которыхъ съ жизнью вполнѣ исчезла изъ сознанія. Прежняго учителя или товарища, въ подражаніе Цицерону, называли leguleius, такъ какъ не хотѣли признавать за нимъ почетнаго званія юрисконсульта.

Петрарка первый порицалъ юриспруденцію какъ науку, разсчитанную лишь на пріобрѣтеніе денегъ, и смотрѣлъ съ презрѣніемъ на ея ученую обработку и на практику юристовъ, съ высоты своего нравственно-философскаго престола [3]). Съ тѣхъ поръ какъ онъ положилъ сѣкиру у дерева, едва ли хоть одинъ изъ его послѣдователей не нападалъ на юристовъ. Его примѣру вскорѣ послѣдовалъ Боккачіо, который постоянно наноситъ лишь какъ бы добавочные удары тамъ, гдѣ его наставникъ первый началъ борьбу. По волѣ отца сво-

---

1) Ben. Accolti Dialogus ed. Galletti p. 123. Объ автор. см. Poggius epist. VI, 8 ed. Tonelli.

2) См. поэтическія письма у Wattenbach Benedictus de Pileo s. 114.

3) См. томъ I стр. 75, 76.

его онъ потерялъ шесть лѣтъ на изученіе права, прежде чѣмъ нашелъ дорогу на Геликонъ и началъ терпѣть нужду. Поэтому его ненависть къ юристамъ была еще глубже, чѣмъ ненависть Петрарки. У древнихъ, по его словамъ, правомъ завѣдывали серьезные люди, посвященные въ великія тайны философіи. Теперь спозаранку приводятъ дѣтей на ту арену, гдѣ позорится право, чтобы они поскорѣе усвоили себѣ страсть къ наживѣ. Юристы много разглагольствуютъ съ каѳедры и признаютъ безполезнымъ ученіе философовъ о справедливости, которымъ послѣдніе хотятъ исправить человѣка. Это люди жестокосердые, безстыдные, распущенные; они затягиваютъ процессы своимъ крючкотворствомъ. Онъ особенно сердится на юристовъ за ихъ шарлатанство, когда они, одѣтые въ пурпурныя мантіи и сопровождаемые толпою кліентовъ, смотрятъ свысока на бѣднаго поэта, какъ на жалкаго нищаго. Но всѣ они, эти гордые преподаватели правъ и предсѣдатели судовъ, по словамъ Боккачіо, страдаютъ однимъ порокомъ,—низкимъ сребролюбіемъ. Не тяготѣютъ ли на ихъ ремеслѣ слезы бѣдныхъ, которыхъ они губятъ своими продажными рѣчами? Однако онъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что имена ихъ, не смотря на роскошное платье, прикрывающее ихъ тѣло, умрутъ вмѣстѣ съ ними, тогда какъ имя поэта будетъ жить вмѣстѣ съ его произведеніями [1]).

О Салютато мы знаемъ только то, что онъ разсматривалъ въ одномъ трактатѣ старый спорный вопросъ, слѣдуетъ ли отдать преимущество юриспруденціи или медицинѣ [2]). Какъ человѣкъ, вращавшійся въ сферѣ государственной дѣятельности и вообще не любившій теоретическихъ нападокъ, онъ едва ли затрогивалъ какую либо отрасль науки или какое либо сословіе, безъ котораго нельзя было обойтись и которое было не замѣнимо. Насколько сохранились его письма, въ нихъ нѣтъ слѣда подобной полемики. Онъ, вѣроятно, желалъ одного: чтобы и юристы знали философію и краснорѣчіе. Напротивъ Ліонардо Бруни, питомецъ его, съ презрѣніемъ отзывался объ юридическихъ наукахъ, которыя когда-то были навязаны и ему. По его словамъ, гуманныя науки совершенствуютъ и облагороживаютъ человѣка. Этому не можетъ содѣйствовать знаніе права. Для образованія все равно, будемъ ли мы, или не будемъ знать, какія были права

---

1) Boccacii de casibus illustr. viror. libri novem Parrhis s. a. fol. 29, гдѣ дискурсъ in leguleos imperitos примыкаетъ къ разсказу о децемвирѣ Аппіи Клавдіи. De geneal. deor. lib. XIV cap. 4.

2) De nobilitate legum et medicinae отъ 10 августа 1399 г. у Bandini Catal. codd. lat. T. III p. 162 и у Mehus при его изданіи писемъ Praef. p. LXXXII. Трактатъ этотъ будто бы напечатанъ также Venetiis 1542 г.

относительно отвода дождевой воды, принадлежалъ ли сынъ рабыни къ собственности господина, нужны ли были непремѣнно семь свидѣтелей при составленіи завѣщанія. На него наводитъ скуку вся эта премудрость какихъ нибудь Чино и Дино. Совсѣмъ иной славы можетъ ожидать тотъ, кто изучаетъ Аристотеля и Цицерона, да онъ можетъ найдти себѣ и блестящее положеніе. Таково было мнѣніе разбогатѣвшаго канцлера [1]).

Когда возгоралась подобная литературная война, то и Поджіо выступалъ на сцену съ своимъ легкимъ оружіемъ шутокъ и остротъ. Въ молодые годы онъ сочинилъ для одного докторанта рѣчь въ похвалу праву. Онъ главнымъ образомъ восхвалялъ правовѣдѣніе древнихъ, которому самъ Петрарка никогда не отказывалъ въ своемъ уважеженіи. Но и въ этомъ случаѣ онъ не могъ оставить своихъ ироническихъ выходокъ. Какъ не хвалить правовѣдѣніе, по его словамъ, если оно доставляетъ почести и титулы? Или, какъ человѣкъ, желающій жить спокойно и мирно, онъ хочетъ, чтобы изучали право и давали ему силу, потому что тогда прекратятся раздоры и войны [2]). Но это было лишь приступомъ къ тѣмъ веселымъ инвективамъ, съ которыми онъ впослѣдствіи выступилъ противъ ученыхъ юристовъ и практиковъ, хотя никогда не занимался правами и зналъ о нихъ не больше того, что и другіе простые люди. Онъ прилагаетъ къ юристамъ то мѣрку своего краснорѣчія, то своей цицероновской добродѣтели. Поджіо вооружается противъ глоссаторовъ, какъ онъ называетъ ученыхъ юристовъ. Надо, говоритъ онъ, состарѣться, чтобы прочесть многочисленные томы ихъ сочиненій съ разными контроверсіями; притомъ они лишены всякаго умѣнья владѣть рѣчью и, по видимому, никогда не читали древнихъ римскихъ правовѣдовъ. Они хлопочутъ только о томъ, что содержитъ въ себѣ контроверсія. И законовѣды-канонисты заботятся только о деньгахъ и почестяхъ. У нихъ есть одни противные стихи, съ которыми они приступаютъ къ изученію своей науки [3]). Римскимъ правомъ занимаются лишь для того, чтобы имѣли пропитаніе сребролюбивые адвокаты. Только въ Италіи,

---

1) Lion. Bruni epist. VI, 6. X, 24.

2) Рѣчь in laudem legum, о которой упоминаетъ самъ Поджіо во введеніи ко второму разсужденію Historiae convivales, часто упоминается напр. у Bandini Catal. codd. lat. T. III p. 499 и у Saxius p. 127. Я знаю ее, какъ pendant къ сочиненію in laudem medicinae, по Cod. ms. Rep. II, 4. 130 лейпцигской Совѣтской библіотеки fol. 140, 157.

3) Онъ приводитъ ихъ въ epist. II, 16:

Dat Galenus opes, dat sanctio Justiniana:
Ex aliis paleas, ex istis collige grana.

Т. е. «Даетъ богатства и Галенъ, даетъ и санкція Юстиніана: изъ другихъ получай мякину, а отъ этихъ чистыя зерна».

притомъ лишь въ одной части ея, оно имѣетъ значеніе, да и тамъ оно подаетъ столько поводовъ къ раздорамъ, что лучше бы его не было. Для кичливыхъ людей, гордящихся изученіемъ Бартоло и Бальдо, важно не то, чтобы добиться истины, а только чтобы запутать ее разными формальностями. Эти адвокаты готовы на все изъ за денегъ: они извращаютъ право и законъ разными мелочными различіями и тонкостями, водятъ своихъ кліентовъ за носъ цѣлые годы, убаюкивая пустыми надеждами, и часто ради денегъ переходятъ на сторону противника. Для рѣшенія вопроса имъ не нужно никакой проницательности ума, а только намять и справки въ запутанныхъ комментаріяхъ, которые сплошь и рядомъ противорѣчатъ другъ другу. Они вовсе не заботятся объ ясности, точности и изяществѣ изложенія древнихъ юристовъ, даже часто не въ состояніи выражаться на латинскомъ языкѣ. Канонисты говорятъ еще напыщеннѣе, чѣмъ цивилисты, и принимаютъ на себя такой видъ, какъ будто хотятъ открыть великія тайны. Такъ называемыя каноническія изданія какъ будто только пишутся для того, чтобы поселить раздоръ среди духовенства. Вся ихъ наука, которая въ сущности основана на произволѣ папъ, есть «новое изобрѣтеніе», которому немного больше трехъ сотъ лѣтъ, и годна только на то, чтобъ вѣчно спорить о приходахъ [1]).

Поджіо, быть можетъ, никогда не бралъ въ руки сводъ законовъ Юстиніана и, навѣрное, никогда не читалъ ни одного сочиненія средневѣковыхъ юристовъ. Гораздо вліятельнѣе его реторическихъ возгласовъ была та борьба, которую велъ съ ними Валла. Онъ началъ ее еще въ молодыхъ лѣтахъ, когда преподавалъ реторику въ Павіи. И здѣсь, какъ въ Болоньѣ и Падуѣ, юристы играли важную роль. Одинъ изъ нихъ однажды высказалъ такую мысль, что Бартоло стоитъ гораздо выше Цицерона: ни одно сочиненіе послѣдняго не можетъ сравняться даже съ самымъ мелкимъ трактатомъ Бартоло, хоть напр. съ его de insigniis et armis. «Вы, искусники рѣчи, сказалъ онъ, хлопочете больше о словахъ, чѣмъ о содержаніи, больше о листьяхъ дерева, чѣмъ о плодахъ его». Цицерона онъ назвалъ невѣжественнымъ пустомелей. Валла тотчасъ же рѣшился отомстить за поношеніе своего искусства. Онъ досталъ помянутое сочиненіе у Като Сакко и въ одну ночь написалъ противъ него полемическую отповѣдь, въ которой хотѣлъ разбить на голову и Бартоло и юристовъ вообще. Самъ онъ впослѣдствіи утверждалъ, что это не ин-

[1]) Poggius Hist. conviv. II. Utra artium, medicinae an iuris civilis praestet. Epist. VI, 8. 11. ed Tonelli. Близко подходятъ къ этому инвективы Энея Пикколомини противъ юристовъ (см. G. Voigt Enea Silvio Bd. II s. 258), а также нѣкоторые отзывы Филельфо напр. въ письмѣ къ Като Сакко отъ 2 іюня 1441 г.

вектива противъ Бартоло, потому что такихъ сочиненій нельзя писать противъ покойниковъ. Однако онъ относится къ нему точно такъ же, какъ относился впослѣдствіи къ другимъ своимъ противникамъ, напр. къ Фаціо и Поджіо, и почему же нельзя нападать на умершихъ, если напр. Петрарка писалъ къ нимъ письма? Притомъ заглавіе не важно для сущности дѣла. Отзывъ Валлы о книгѣ Бартоло былъ уже готовъ заранѣе: «Безсмертные боги! Какъ все здѣсь ничтожно, мелочно и нелѣпо! Можно подумать, что это говоритъ оселъ, а не человѣкъ!» Авторъ обзываетъ Бартоло глупцомъ, болваномъ, также его и подобныхъ ему, т. е. Аккурсія, Бальдо и Дино, называетъ гусями, которые говорили не на римскомъ, а на варварскомъ языкѣ или, къ огорченію другихъ, шныряли по всѣмъ указамъ. Онъ даже вооружается противъ императора Юстиніана, что было преступнымъ оскорбленіемъ величества въ глазахъ юристовъ. Новѣйшимъ законовѣдамъ, повторявшимъ только глоссы, нельзя было высказать яснѣе своего мнѣнія, чѣмъ это сдѣлано у него въ самомъ началѣ: «Изъ юристовъ едва ли есть одинъ, который бы не казался вполнѣ презрѣннымъ и смѣшнымъ. Они не изучали ни одной отрасли наукъ, знаніе которыхъ нужно для свободнаго человѣка, а особенно краснорѣчіе, которымъ усердно занимались древніе юрисконсульты и безъ котораго сочиненія ихъ непонятны. Они такъ скудоумны, такъ безсмысленны и глупы, что я оплакиваю горькую участь гражданскаго права: у него почти нѣтъ толкователей, или лучше оно не можетъ отдѣлаться отъ тѣхъ, какіе есть теперь» [1]).

Валла энергически старался распространять эту инвективу. На слѣдующій же день онъ послалъ ее Като Сакко, потомъ Гварино въ Феррару, который благодарилъ его и былъ вполнѣ согласенъ съ нимъ. Дечембріо, которому Валла посвятилъ свое сочиненіе, читалъ его въ Миланѣ. Юристы были оскорблены не только въ лицѣ своего Бартоло, но и самолично, притомъ всѣ. Въ Павіи еще раньше юридическій факультетъ велъ борьбу съ философскимъ, поэтому Валла смотрѣлъ на членовъ послѣдняго какъ на своихъ союзниковъ. Дѣло дошло до уличнаго скандала, и, если вѣрить одному изъ враговъ Валлы, то безъ заступничества Беккаделли студенты юридическаго факультета публично оскорбили бы его [2]). Во всякомъ случаѣ ему нельзя было дольше оставаться въ Павіи.

И при неаполитанскомъ дворѣ Валлѣ хотѣлось потягаться съ юристами на ихъ собственной почвѣ. Въ бытность его въ Гаэтѣ, когда онъ трудился надъ третьею книгою своихъ Красотъ, онъ читалъ

---

[1]) Инвектива съ посвященіемъ Дечембріо есть въ Vallae Opp. p. 633 seq. См. томъ I.
[2]) Валла отрицаетъ этотъ эпизодъ. См. Invect. in Facium lib. IV. (Opp. p. 629. 630).

Дигесты, очевидно, не такъ, какъ бы сталъ ихъ читать юристъ, но какъ языковѣдъ: съ этихъ поръ въ своей книгѣ онъ постоянно ссылается на древнихъ юристовъ, какъ на руководителей въ употребленіи словъ. Онъ весьма гордился своею инвективою. Онъ разсказываетъ про одного юриста, который признаетъ всю его ученость пустяками, а законовѣдѣніе вѣнцомъ наукъ, даже единственною наукою; но потомъ его пристыдило то возраженіе, что Валла недавно перечелъ и весь Corpus juris. Онъ вызывается черезъ три года написать болѣе основательныя глоссы къ дигестамъ, чѣмъ Аккурсій [1]. Какъ ни презрительно относится онъ къ новымъ юристамъ, которые не имѣютъ понятія о гуманистическихъ наукахъ, однако нельзя отрицать того, что и онъ съ своей стороны не имѣлъ понятія о задачѣ изученія права и ограничиваетъ его область грамматическимъ толкованіемъ древнихъ юридическихъ памятниковъ.

Въ то самое время, когда Валла преподавалъ въ Павіи, тамъ изучалъ юридическія науки Маффео Веджіо, по волѣ своего отца. Въ душѣ онъ былъ всецѣло преданъ поэзіи и древности, однако закончилъ курсъ ненавистныхъ наукъ и составилъ юридическій лексиконъ подъ заглавіемъ de verborum significatione [2]. Подѣйствовало ли на него въ этомъ случаѣ прямое вліяніе Валлы,—нельзя рѣшить; а за позднѣйшее время мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о сношеніи между ними. Поэзія и правовѣдѣніе были для Веджіо тѣмъ же, что свѣтъ и мракъ. Онъ сознается, что раньше питалъ отвращеніе къ законамъ, говоритъ съ пренебреженіемъ о Роффредѣ, Матареллѣ и Райнеріи Фороливенскомъ (изъ Форли), также о Чино и Бартоло, даже о Требоніанѣ, который, по его словамъ, искажаетъ сочиненія древнихъ юристовъ и тѣмъ наноситъ ужасный вредъ латинскому языку. Теперь онъ читаетъ дигесты, совершенно въ иномъ смыслѣ, не для того, чтобы на основаніи ихъ писать безконечные трактаты и комментаріи, но чтобы изучать тонкости и красоты языка древнихъ законовѣдовъ. Лексиконъ его, если и полезенъ для юриста, то конечно ужь не есть что либо очень важное. Онъ только механически привелъ въ алфавитный порядокъ и объяснилъ слова, извлеченныя безъ строгаго выбора изъ Пандектъ. Онъ точно такой же плохой юристъ, какъ и Валла.

Вообще не слѣдуетъ считать мнѣній Поджіо, Веджіо и Валлы «предвѣстіемъ» юридической науки Альціата, Цазія и Куяція. Ихъ заслуга состоитъ лишь въ рѣзкихъ нападкахъ на отжившую методу, паденію

---

[1] Merentur enim, merentur summi illi viri nancisci aliquem, qui eos vere riteque exponat. Praef. in lib. III Elegantiarum. Antid. in Pogium lib. IV. (Opp. p. 356).

[2] См. выше.

которой они не мало содѣйствовали. Историческаго пониманія, наведшаго изученіе римскаго права на новый путь, у нихъ почти такъ же мало, какъ и у ихъ противниковъ. Правда, они постоянно указываютъ на древнихъ римскихъ правовѣдовъ, однако сами ограничиваются «изяществомъ, гладкостью рѣчи, пріятностью слога, силою выраженія, красотою и блескомъ отдѣльныхъ словъ и величіемъ сентенцій». Въ этомъ они видятъ досточтимую руку Муція Сцеволы, Сервія Сульпиція или Антистія Лабеона [1]).

Математическія и естественныя науки ничѣмъ не обязаны первой эпохѣ Возрожденія кромѣ переводовъ нѣкоторыхъ сочиненій Аристотеля и Өеофраста. Странно, какъ мало дѣятельности обнаружили гуманисты на этой почвѣ со времени Петрарки и Боккачіо [2]). Признаютъ же вѣдь они человѣческій умъ орудіемъ всякаго изслѣдованія, а области эти довольно ему близки и по истинѣ не были чужды древности. Они иногда находятся въ личныхъ, но не въ научныхъ сношеніяхъ съ «физиками», преподавателями университетовъ, которые въ то же время были и врачами. Мѣстами мы слышимъ и о такихъ физикахъ, которые занимаются гуманистическими науками, какъ напр. магистръ Джіованни Бальдо де'Тамбени, преподававшій въ университетахъ болонскомъ и флорентинскомъ [3]). Но намъ неизвѣстно, подавала ли когда въ подобномъ случаѣ физика руку изученію древности.

Однако гуманисты и въ этомъ отношеніи оказали великую услугу, которая долго не была оцѣнена. Какъ въ области философіи, богословія и правовѣдѣнія, она просто состоитъ въ нападкахъ на рутинную школьную методу. Они были первыми проповѣдниками просвѣщенія. Мы уже упоминали о той ожесточенной и безпощадной борьбѣ, какую велъ Петрарка съ астрологами, алхимиками, толкованіемъ сновъ и суевѣріемъ во всѣхъ его видахъ [4]). Если Боккачіо и не могъ разомъ подняться на эту высоту, то его преемники выказываютъ рѣшимость не оставлять ея. Мы не знаемъ ни одного гуманиста, который когда либо склонялся на сторону этой суевѣрной мудрости, не смотря на то, что она еще цѣлые вѣка пользовалась уваженіемъ при дворахъ и въ университетахъ. Салютато въ своей

---

[1]) Cf. Ambros. Travers. epist. V, 18, письмо, на которое и Савиньи ссылается въ указанномъ смыслѣ. Dante dal Re I precursori Italiani di una nuova Scuola di diritto Romano nel secolo XV, Roma 1878, даетъ только рядъ случайныхъ выдержекъ.

[2]) О немъ см. въ особенности Hortis Accenni alle scienze naturali nelle opere di Giov. Boccacci. Triest. 1877.

[3]) Его трактатъ, обращенный къ Малатестѣ пезарроскому см. у Bandini Catal. codd. lat. T. I p. 574.

[4]) См. томъ I стр. 70—73.

дидактической поэмѣ de fato et fortuna выступилъ противъ нелѣпости астрологовъ. Въ кружкѣ Николли и Бруни ихъ прямо называли лжецами и обманщиками [1]). Даже одинъ монахъ, именно Антоніо да Ро. въ своемъ разговорѣ о Лактанціи посвятилъ астрологіи особый отдѣлъ. Онъ требуетъ, чтобы она занималась только движеніями и измѣненіями небесныхъ тѣлъ, а не предсказаніями и т. п. [2]). Хотя поэтъ Базини и писалъ свои Astronomica при дворѣ риминійскихъ Малатеста, однако онъ чуждъ астрономическихъ суевѣрій и только смѣется надъ тѣми, которые по затмѣніямъ солнца и луны предсказываютъ гибель вселенной [3]). Сторонниковъ алхиміи и другихъ подобныхъ наукъ Филельфо называетъ глупцами [4]).

Надъ медицинскою наукой и врачами смѣялись, конечно, во всѣ времена, но всегда ихъ считали необходимыми. Гнѣвъ на нихъ Петрарки большею частью зависѣлъ отъ личнаго раздраженія и сталъ мало по малу страннымъ капризомъ. Вообще же говоря, гуманисты не любили нападать на науку, которая въ числѣ своихъ знаменитостей считала Гиппократа и Галена. Но тѣ представители ея, которые по значенію своему въ университетахъ стояли почти наравнѣ съ юристами, и врачи, обогатившіеся отъ своей профессіи, подвергались чистымъ насмѣшкамъ со стороны философовъ и юристовъ. Если поднимался нескончаемый вопросъ о томъ, которая наука выше, юриспруденція или медицина, то сплошь доставалось обѣимъ [5]). Однажды Поджіо сочинилъ для одного докторанта медицины краткую рѣчь въ похвалу ей, гдѣ онъ вложилъ въ уста кандидата вѣскія замѣчанія. Напр. послѣдній говорилъ, что медицина стоитъ выше всѣхъ свободныхъ наукъ уже по самой своей пользѣ [6]). А впослѣдствіи Поджіо любитъ проводить параллель между врачами и адвокатами. «Смѣшно видѣть, какъ эти глупцы, совсѣмъ необразованные, ничего не читавшие и ничему не выучившіеся, разсчитывая лишь на свою наглость, выдаютъ себя за медиковъ. Глупый народъ вѣритъ ихъ словамъ и приглашаетъ ихъ къ больнымъ, а они не только не

---

[1]) Cino Rinuccini Invectiva въ Paradiso degli Alberti. Vol. I P. II p. 30.

[2]) Beck. Diss. de Orosii fontibus etc. p. 25.

[3]) Astronomicon II, 137. См. томъ I.

[4]) Его письмо къ графу Франческо д'Арка у Fabronius Laurentii Medicis vita vol. II p. 22.

[5]) О сочиненіи Салютато и о трактатѣ Поджіо см. выше. Iohannes Aretinus de medicinae et legum praestantia упоминается въ Archivio stor. Ital. T. XX p. 78. Есть также трактатъ Салютато quod medici eloquentiae studeant. Остроумный разговоръ между Никколи, Бруни и Марсуппини, въ которомъ осмѣиваются невѣжественные врачи, обсуждается въ Paradiso degli Alberti Vol. I P. I p. 264.

[6]) См. выше.

облегчаютъ ихъ страданій, а напротивъ усиливаютъ. Благо было бы намъ, если бы подобные люди не родились на свѣтъ вовсе; потому что они, кажется, родились на гибель народа». — «Вы смотрите на больнаго, на его мочу и испражненія, прищурясь и наморщивъ лобъ, какъ будто его тяжкій недугъ требуетъ Богъ вѣсть какого врачеванья. Потомъ вы щупаете пульсъ, по которому узнаете силы природы. Потомъ собирается консиліумъ, и послѣ долгаго спора вы приступаете къ лѣченію, какъ выражаетесь. Въ этомъ отношеніи вы часто настолько не согласны между собою, что становится ясно, насколько ничтожна и темна ваша наука. Если ваша микстура помогла, благодаря счастливой случайности, то вы превозносите до небесъ свое искусство, а если принесла вредъ, то вините больнаго». Эти шарлатаны доставляли Поджіо обильный и желанный матеріалъ и для его Фацецій. Впрочемъ онъ былъ настолько благоразуменъ, что считалъ дѣятельность врачей все таки благотворною, нужною и достойною награды [1]). Слѣдовательно, его нападки объясняются просто желаніемъ острить. О, если бы онъ могъ указать болѣе плодотворный путь для медицины!

Гуманисты съ особою гордостью смотрѣли на свою исторіографію. И дѣйствительно, на этой почвѣ созрѣлъ одинъ изъ самыхъ вкусныхъ плодовъ ихъ дѣятельности, даже и для потомства. Но наружность и тутъ не вполнѣ соотвѣтствуетъ сущности. Историческое искусство, конечно, и раньше не мало разработывалось въ Италіи и произвело Джіованни Виллани. Но съ одною латинскою стилистикой оно не могло достичь высшей степени совершенства. Если гуманисты придавали особое значеніе послѣдней, то легко подвергались опасности поставить на второй планъ содержаніе и направленіе. Они не только желали передать потомству событія и ясно указать ту нить, которая связываетъ прошедшее съ настоящимъ, но и имѣть успѣхъ, достичь славы и увѣковѣчить какъ свое имя, такъ и подвиги тѣхъ дѣятелей, о которыхъ повѣствовали. Они писали большею частію для такой публики, которая желала, чтобы ей угождали, развлекали ее живымъ и украшеннымъ изложеніемъ.

Однажды Цицеронъ высказалъ нѣсколько высокопарныхъ фразъ о значеніи и достоинствѣ исторіи. По его словамъ, исторія есть свидѣтельница временъ, свѣтъ истины, возрожденіе минувшаго, наставница жизни, провозвѣстница прекраснаго [2]). Его новые ученики, начиная съ Петрарки, съ увлеченіемъ повторяли эти фразы, тѣмъ болѣе, что достоинство исторіи, по видимому, заключало въ

[1]) Epist. II, 16 ed. Tonelli.
[2]) De oratore II, 9. 36.

себѣ и достоинство историковъ. Они охотно указывали на нравственную пользу исторіи, и подобныя мысли нерѣдко можно встрѣтить даже въ раннюю эпоху среднихъ вѣковъ. Исторія, по ихъ мнѣнію, имѣетъ своимъ назначеніемъ преимущественно побуждать людей ко всѣмъ добродѣтелямъ, которыя восхваляетъ древность, къ доблести, скромности, любви къ отечеству и великодушію, также къ выполненію всѣхъ требованій, предъявляемыхъ христіанствомъ, а равно и ко всему тому, что украшаетъ личность и казалось древнимъ людямъ самыми полезными качествами, именно къ вѣжливости въ обращеніи къ искусству въ дѣлахъ политическихъ и общественныхъ, а главное —къ краснорѣчію [1]). Далѣе, предполагая, что историкъ въ состояніи и самъ выполнить то, что онъ умѣетъ хвалить и подтверждать примѣрами, взятыми изъ древней жизни, они признали въ себѣ качества политическаго судьи и совѣтника, имѣющаго право занимать почетныя должности и повелѣвать. Уже Петрарка держался этого страннаго заблужденія. Его знакомство съ древнимъ міромъ вызывало удивленіе современниковъ, и его постоянно занимала политическая мудрость древнихъ римлянъ. Поэтому онъ признавалъ за собою право давать совѣты папамъ и императорамъ, указывать на идеалы полководцамъ и мирнымъ государямъ, всюду являться съ своимъ словомъ, гдѣ только шло дѣло о судьбахъ Италіи.

Уже не одинъ историкъ среднихъ вѣковъ искалъ себѣ образца у древнихъ: всегда пользовались большимъ уваженіемъ Саллюстій. Светоній и Валерій Максимъ. Но съ возникновеніемъ гуманизма первое мѣсто занялъ Ливій. Еще Дантъ извлекалъ изъ его сочиненій духовную пищу, а Петрарка и Боккачіо удивлялись его возвышенности [2]). Витторино да Фельтре ввелъ его въ школу, и всюду хвалили возвышенность его ума; онъ былъ прежде всего «обширное море краснорѣчія», и ту же самую похвалу ему находили у Квинтиліана [3]). Для гуманистовъ онъ былъ не только самымъ обильнымъ источникомъ ознакомленія съ древнеримскою жизнью, но также руководителемъ и образцомъ исторіографіи.

Мы отдѣляемъ здѣсь историческое изслѣдованіе отъ изложенія современныхъ историческихъ событій, потому что первое углубляется

---

1) Уже Петрарка полагаетъ цѣль исторіи въ нравоученіи de viris illustr. ed. Razzolini vol. I p. 6: Hic enim, nisi fallor, fructuosus historicorum finis est, illa persequi quae vel sectanda legentibus vel fugienda sunt.

2) Подробности см. у Hortis Cenni di Giovanni Boccacci intorno a Tito Livio. Trieste 1877.

3) Это выраженіе часто встрѣчается напр. въ полемическомъ сочиненіи, напечатанномъ въ Paradiso degli Alberti vol. II p. 79. Beccatelli Epistt. Neap. 1746, p. 4: Nam Livio nihil ferme suavius aut gravius exstat apud Romanos scriptores.

въ давноминувшія эпохи и освѣщаетъ ихъ, а послѣднее носитъ болѣе или менѣе характеръ записокъ. Тамъ преобладаетъ ученость, а здѣсь тенденція и изящество изложенія. Древняя исторія, разумѣется, была любимою областью гуманистовъ, но и она, особенно древне-римская, оставалась для большей части ихъ отрывочною, пестрымъ собраніемъ извѣстій, мѣткихъ выраженій и анекдотовъ, вынесенными изъ непослѣдовательнаго чтенія того или другаго писателя. Лишь немногимъ посчастливилось тогда имѣть полнаго Ливія, а сколь малому числу ихъ были доступны источники, писанные на греческомъ языкѣ! Самъ Петрарка не рѣшался писать исторію Рима, и даже его біографіи великихъ и знаменитыхъ римскихъ мужей, отъ Ромула до императора Тита, казались ему громадною задачею [1]). Это и на самомъ дѣлѣ было такъ, потому что онъ не могъ собрать всѣхъ свѣдѣній, встрѣчавшихся у писателей, а между тѣмъ желалъ работать прямо по источникамъ и съ критическою провѣркою. Поэтому онъ и не довелъ своей книги до конца, а представилъ въ своихъ «Достопамятныхъ исторіяхъ» вторую книгу, расположенную съ нравоучительной точки зрѣнія, и которая въ то же время могла служить дополненіемъ первой.

Его примѣру слабо подражалъ Боккачіо въ своихъ «Знаменитыхъ женщинахъ» и въ сочиненіи de casibus; но никто не смѣлъ приступить къ древней исторіи съ широкимъ взглядомъ Петрарки. Еще страннѣе, что мы не встрѣчаемъ больше ни одного труда на этой почвѣ, который имѣлъ бы хотя какой нибудь успѣхъ. Правда, папскій писецъ Джіованни де' Кривелли, въ первосвященство Мартина V, написалъ компендіумъ римской исторіи, обнимавшій эпоху республики и императоровъ. Онъ также писалъ о междоусобныхъ войнахъ между Цезаремъ и Помпеемъ, между Антоніемъ и Октавіаномъ. Но и эти произведенія до сихъ поръ отысканы только въ одной рукописи и, по видимому, вполнѣ достойны того забвенія, которому были преданы [2]). Болѣе распространенъ былъ обзоръ римской исторіи до Августа, посвященный Пьеромъ Кандидо Дечембріо королю Неаполитанскому Альфонсу. Онъ также не былъ напечатанъ, какъ и другія сочиненія этого миланскаго многописца [3]). Греческая исторія все еще не выходила изъ того мрака, которымъ была покрыта въ средніе вѣка. Если ея родоначальникомъ считаютъ Ліонардо Бруни,

---

[1]) De contemptu mundi Dial. III. (Opp. p. 411): opus immensum temporisque et laboris capacissimus (capacissimum?). См. томъ I стр. 146 и слѣд.

[2]) См. выше.

[3]) Рукописи Epitome historiae Romanae у Saxius p. 298, у Mittarelli p. 875, у Delisle Le cabinet des manuscrits T. I p. 218.—O Historia ab adolescentia C. Julii Caesaris Фіокко см. выше стр. 70.

го эта ошибка произошла отъ заглавія его записокъ о греческой исторіи. Онѣ, какъ мы знаемъ, не что иное какъ вольная обработка эллинской исторіи Ксенофонта. Правда, общество ознакомилось въ новыхъ переводахъ со многими греческими писателями, но никто не хотѣлъ разработать ихъ реальнаго объясненія и возстановить цѣльность историческаго изложенія. Да не было и поощренія къ подобнымъ трудамъ. Щедро награждавшіе меценаты больше заботились о своей собственной славѣ, чѣмъ о славѣ древнихъ грековъ.

Еще менѣе обращали вниманіе на періодъ со времени паденія римской имперіи. Весьма многіе относились къ нему съ презрѣніемъ, подобно писателямъ среднихъ вѣковъ. Уже Петраркѣ была неизвѣстна исторія христіанскаго міра, даже безъинтересна, чужда и непріятна. Одно понятіе о варварствѣ покрывало для него все и внушало ему ту утѣшительную мысль — отстраняться отъ всякаго знакомства съ нимъ, какъ чего-то недостойнаго. И Боккачіо неохотно и поверхностно занимался всѣмъ тѣмъ, что не носило на себѣ античной и классической печати. Въ эпоху Бруни и Поджіо по крайней мѣрѣ стали размышлять о томъ, почему исторія грековъ и римлянъ извѣстна гораздо болѣе, чѣмъ недавняя. Всѣ видѣли причину подобнаго явленія въ томъ одномъ, что первая была писана искусными историками. Ссылались на Саллюстія, который въ 8-й главѣ своихъ войнъ съ Катилиною тоже замѣчаетъ, что дѣянія древнихъ временъ постоянно представляются величественнѣе и возвышеннѣе, но краснорѣчіе писателей возводитъ и обыкновенныя дѣянія въ великія. Поэтому такой писатель, какъ Поджіо, порицаетъ государей, не желающихъ окружать себя учеными и краснорѣчивыми людьми. По его мнѣнію, они стоютъ того, чтобы слава ихъ умерла, вмѣстѣ съ тѣмъ и имя было утрачено для потомства. Вѣдь и для новой исторіи нѣтъ, думаетъ онъ, недостатка въ хорошемъ матеріалѣ. Почему бы не читать напр. съ такимъ же интересомъ о подвигахъ Тамерлана, какъ и Александра Македонскаго? только у перваго не было историка. Поджіо также замѣчаетъ, что Ливій часто разсказываетъ весьма ничтожныя вещи про древнихъ римлянъ, которыя только благодаря его изложенію кажутся велики и достойны, что исторія всегда явится, какъ скоро есть налицо хорошіе историки[1]). Вслѣдствіе этого недостатка у гуманистовъ и не было исторіи среднихъ вѣковъ. Вѣдь здѣсь

---

[1]) Poggius de variet. fort. lib. I p, 34 seq. 77. Тѣ же мысли, даже съ указаніемъ на Тамерлана, встрѣчаются въ Benedicti Accolti Dialogus de praestantia virorum sui aevi ed. Galletti p. 111. 912. И Аурисна въ письмѣ къ болонскому претору (см. томъ I) наивно полагаетъ, что если кажется, будто римляне стояли выше всѣхъ другихъ народовъ, то лишь вслѣдствіе краснорѣчивыхъ похвалъ писателей.

нельзя указывать на такіе случаи, когда городской или придворный писатель обращается къ стариннымъ хроникамъ, чтобы, изложивъ ихъ содержаніе хорошимъ слогомъ и украсивъ рѣчами, создать новое художественное произведеніе и поднести его синьоріи или правящему главѣ династіи. Еще въ меньшей степени относятся сюда хронологическіе обзоры всемірной исторіи, написанные флорентинскимъ архіепископомъ Антонино и Матео Пальміери, потому что они вообще не имѣютъ ничего общаго съ гуманистическою школою.

При такомъ сплошномъ пренебреженіи къ среднимъ вѣкамъ тѣмъ большаго вниманія заслуживаетъ человѣкъ, который именно имъ посвящалъ свою любознательность и лучшія силы въ теченіи десяти лѣтъ. Около 1440 г. Флавіо Бьондо задумалъ написать исторію 1030 лѣтъ, протекшихъ со времени взятія Рима Готами подъ предводительствомъ Алариха. Онъ началъ съ Рима и Италіи, которыя и должны были оставаться средоточіемъ его обширнаго труда. Упадокъ римскаго всемірнаго владычества онъ предполагалъ изобразить вплоть до своей эпохи, когда Римъ «почти дошелъ до такого порядка вещей, при которомъ былъ основанъ въ ничтожномъ видѣ пастухами». Авторъ увѣряетъ, что ему стоило весьма большаго труда собрать множество источниковъ для подобнаго сочиненія, и изъ его писемъ мы узнаемъ, что онъ доставалъ ихъ во всѣхъ странахъ христіанскихъ. А это облегчалось для него его положеніемъ при римскомъ дворѣ и связями съ ученымъ міромъ. Но потомъ ему предстояла болѣе тяжелая задача, воспользоваться безъ всякаго руководства этими разнообразными и трудными источниками для прагматическаго и яснаго изложенія. Притомъ работа прерывалась множествомъ дѣловыхъ занятій, доходомъ отъ которыхъ онъ содержалъ десятерыхъ сыновей [1]). Онъ раздѣлилъ свое сочиненіе на декады, какъ у Ливія, и довелъ его въ 31 книгѣ до войны 1440 г., а въ то же время подвергъ крупныя части его вторичному пересмотру. Окончанію труда помѣшала смерть, однако, еще занимаясь этимъ сочиненіемъ, онъ писалъ и другія крупныя вещи антикварнаго характера. Двѣнадцать книгъ исторіи своего времени онъ окончилъ раньше, боясь, чтобъ смерть не помѣшала

---

[1]) Historiarum ab inclinationo Romanorum (Opp. Basil. 1559) Dec. I lib. I p. 4: Digna profecto causa, cui omnis livor detractiove acquiescat. Письмо Бьондо къ королю Альфонсу отъ 13 іюня 1443 г. въ Cod. ms F. 66 кор. общ. библ. въ Дрезд. fol. 76: Est tamen hec ipsa quam polliceor historia maior quam que a me uno et occupatissimo homine decem filios ex manuum laboribus nutriente absolvi possit etc.—Подробности объ этомъ сочиненіи, въ особенности объ обработкѣ его по частямъ у Alfred Masius Flavio Biondo, Leipzig 1879, стран. 31—47. Paul Buchholz di Quellen der Historiarum Decades des Flavius Blondus. Leipz. Diss. Hamburg 1881.

обработать ихъ, такъ какъ полагалъ, что въ качествѣ современника знаетъ это дѣло лучше другихъ.

Декады Бьондо представляютъ собою первую научную исторію среднихъ вѣковъ, къ которой онъ приступилъ такъ же, какъ Петрарка къ римской, съ намѣреніемъ возсоздать ее по стариннымъ и подлиннымъ источникамъ, отмѣчая средневѣковыя преданія. Его источники, насколько онъ въ двухъ первыхъ декадахъ выводитъ на свѣтъ «похороненную исторію» и пишетъ еще не какъ современникъ, большею частію извѣстны. Впрочемъ, въ числѣ ихъ недавно открыты отрывки исторіи готовъ Аблавія и Гвидона равеннскаго. Но ни это обстоятельство, ни множество допущенныхъ ошибокъ не могутъ ослабить нашего уваженія къ подобному труду. Книга Бьондо остается памятникомъ рѣдкаго самоотверженія и преданности дѣлу, тѣмъ болѣе, что авторъ, какъ самъ онъ сознавалъ, не могъ разсчитывать на особое благоволеніе какого либо мецената. При этомъ приходилось изучать такихъ авторовъ какъ Прокопій, о переводѣ котораго Бьондо еще нужно было хлопотать, такихъ какъ Орозій, Кассіодоръ, Павелъ Діаконъ, церковныхъ писателей и средневѣковыхъ хронистовъ, для чего въ то время надобно было имѣть больше силы воли, чѣмъ для изученія Цезаря, Ливія и Светонія. Авторъ неутомимо разработывалъ новую почву,—трудъ, не обѣщавшій никакой награды. Тутъ онъ сравнивалъ свои источники одинъ съ другимъ, указывалъ въ нихъ ошибки и противорѣчія, насколько это могъ сдѣлать. Бьондо старался установить достовѣрность событій на основаніи самыхъ лучшихъ свѣдѣній. Конечно, гибкость его ума, если подобная и была у него, терялась въ такой громадной работѣ съ ночною лампою и подъ давленіемъ должностныхъ занятій. Слогъ его простъ и понятенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сухъ и не особенно изященъ; ему не доставало времени для художественной обработки его, да онъ и не чувствовалъ къ этому склонности.

Такъ объясняется явленіе, что современники не оцѣнили по достоинству благихъ стремленій Бьондо, тогда какъ съ восторгомъ славили заслуги такихъ стилистовъ, какъ Поджіо и Филельфо. Папа Евгеній IV глубоко уважалъ его лично, но не питалъ никакого сочувствія къ его ученымъ занятіямъ. Мы уже говорили о томъ пренебреженіи, съ какимъ относился къ нему Николай V. Этотъ меценатъ всегда имѣлъ подъ рукою кошелекъ съ золотомъ для своихъ переводчиковъ, но ему не приходило на мысль устроить литературный досугъ для человѣка, разработывавшаго исторію среднихъ вѣковъ и римскія древности. Правда, друзья его, какъ напр. Ліонардо Бруни и Франческо Барбаро, умѣли оцѣнить достоинство труда, но ихъ похвалы не облегчали бремя труженика. Впрочемъ Эней Пикколомини

выразилъ удивленіе, какъ папа Николай можетъ такъ забывать объ авторѣ декадъ. Однако мы не слышимъ, чтобы самъ онъ, ставши папою, наградилъ его. Только тогда, когда закрылась крышка гроба надъ тѣломъ Бьондо, онъ назвалъ его превосходнымъ историкомъ, хвалилъ громадное трудолюбіе покойнаго и пользу его книги, хотя указалъ на его ошибки и на тяжелый слогъ, желая, чтобы онъ былъ искусно обработанъ [1]). Этотъ трудъ взялъ на себя самъ краснорѣчивый папа, но, впрочемъ, не исправилъ ошибокъ. Бьондо ставили въ особую честь то, что самъ папа удостоилъ сдѣлать извлеченіе изъ его труда и обработать слогъ. Когда начали прилежно изучать декады, то все болѣе и болѣе оцѣнивали достоинства сочиненія Бьондо. Паоло Кортезе, на отзывы котораго мы тоже часто ссылались, предпочитаетъ автора всѣмъ его современникамъ по серьезности содержанія [2]).

Нельзя сказать, чтобы обширное сочиненіе Бьондо дало толчокъ изученію среднихъ вѣковъ. Кромѣ исторіи перваго Крестоваго похода Бенедетто Аккольти, посвященной Пьеро де'Медичи, сыну Козьмы, и жизни папъ Платины, мы не имѣемъ выдающихся трудовъ, если не принимать въ счетъ работъ городскихъ хроникеровъ, продолжателей своихъ предшественниковъ. Но по крайней мѣрѣ знаніе средневѣковой эпохи значительно подвинулось впередъ, благодаря заслугамъ Бьондо, хотя при этомъ все таки пользовались сочиненіями Викентія де Белле и Мартина изъ Троппау.

Занятія древностью, областью нейтральною, которая не затрогивала ни вѣры, ни національностей, ни партій, или же давноминувшими вѣками христіанства, вызвали къ жизни и историческую критику. Послѣдняя есть дитя гуманизма, была вскормлена и выращена классическими изученіями. Она нѣкогда и у замѣчательныхъ писателей карловингской эпохи зародилась подъ тѣмъ же вліяніемъ [3]). Еще у Петрарки замѣтны первые слѣды ея. По отношенію къ Цицерону и Сенекѣ онъ уже не безусловный поклонникъ, а отыскиваетъ и понимаетъ ихъ недостатки. Онъ не принимаетъ безъ провѣрки свидѣтельства древнихъ писателей, а по возможности исправляетъ ихъ; для него и легенды о святыхъ не имѣютъ авторитета не подверженнаго никакому сомнѣнію и критикѣ. Императоръ просилъ Петрарку

---

1) Pii II Coment. p. 310: opus certe laboriosum et utile, verum expolitore emendotoreque dignum. Procul Blondus ab eloquentia prisca fuit neque satis diligenter quae scripsit examinavit. Non quam vera, sed quam multa scriberet, curam habuit.—Epitome supra Decades Blondi Пія II есть въ его Opp. Basil. 1551 p. 144.

2). de hom. doctis ed. Galletti p. 230: In excogitando tamen quid scriberet, omnibus his viris, qui fuerunt fere eius aequales, meo quidem iudicio praestitit. И Paulus Jovius Elogia doctor. viror. 14 говоритъ, что Бьондо написалъ декады magno ausu singulari que industria nec infelici eventu.

3) См. Ebert, Geschichte der Literatur im Mittelalter Bd. II, s. 244.

тайкомъ сообщить ему свой отзывъ о льготахъ, будто бы данныхъ Австріи Юліемъ Цезаремъ и императоромъ Нерономъ и включенныхъ въ привилегію Генриха IV 1058 г. По неклассическимъ выраженіямъ онъ тотчасъ же замѣтилъ подлогъ, относительно котораго пражскій дворъ все таки оставался въ сомнѣніи [1]). Какъ Петрарка пришелъ къ духу скептицизма, изъ котораго вырабатывается критика, это ясно. Кто живетъ лишь въ современномъ ему мірѣ тотъ довѣрчиво принимаетъ господствующія въ немъ мнѣнія и взгляды. Только въ томъ случаѣ, когда происходитъ знакомство съ другимъ міромъ, когда области идей скрещиваются, вырабатывается потребность сравнивать и изощряется способность судить. Петрарка очень хорошо сознавалъ, что въ изученіи древности онъ почерпнулъ такую силу, которой бы не вызвала у него никакая діалектика. Немножко этого скептицизма перешло и на довѣрчиваго впрочемъ Боккаччіо. Когда онъ слышалъ, что развалины стѣнъ подлѣ Байи относятъ ко временамъ Кайя Марія, Юлія Цезаря, Помпея и другихъ великихъ римлянъ, то выражалъ на этотъ разъ сомнѣніе. Вѣдь нѣтъ въ сущности никакихъ указаній на то, кѣмъ сооружены были когда-то эти постройки, и объ этомъ ходило много разныхъ басень [2]). Ліонардо призналъ подложнымъ одно письмо Данта, хотя нашелъ его въ Паладжіо среди другихъ рукописей, только сравнивъ почеркъ съ несомнѣнно своеручными письмами творца Божественной Комедіи [3]).

Но и на исторической почвѣ главою критики былъ Лоренцо Валла, который грамматическими занятіями выработалъ въ себѣ талантъ изслѣдованія и анализа. Протестъ противъ авторитета и преданія былъ у него какъ бы въ крови. Для него было истиннымъ наслажденіемъ изслѣдовать спорные вопросы, какъ напр. вопросъ о томъ, существовало ли двое Сенекъ. Для Валлы было торжествомъ, когда онъ открылъ, что переписка между Сенекою и Апостоломъ Павломъ, въ которой еще не сомнѣвался Петрарка, чисто выдумана [4]). Его нападеніе на даръ Константина было образцомъ гуманистической критики, какъ по системѣ доказательствъ, такъ и по смѣлости. Открытіе Валлы, что Люцій Тарквиній былъ не сынъ, а внукъ Тарквинія Приска, повело къ чисто

---

1) Petrarca epist. rer. famil. XXIV, 3, 5. De republ. optim. administr. (Opp. p. 419). Koerting Petrarca s. 505. Alb. Jäger Petrarca's Brief an Kaiser Karl IV über das oesterreichische Privilegium vom Jahre 1058—въ Archiv. f. osterr gesch. Bd. 38. См. томъ I.

2) Lettere ed. Corazzini p. 158.

3) Bruni vita di Dante ed. Galleti p. 48. 49.

4) Vallae in errores Antonii Raudensis Adnotationes (Opp. p. 428).

научной полемикѣ. Ливій, какъ оказалось, самъ колебался въ рѣшеніи этого вопроса, но рѣшилъ его на основаніи большинства свидѣтельствъ въ пользу перваго. Напротивъ, Валла присоединился къ мнѣнію Кальпурнія Пизона, которое онъ прочелъ у Діонисія Галикарнасскаго. Онъ вовсе не говорилъ, что сдѣлалъ какое-либо новое открытіе. Его заслуга состояла въ томъ, что онъ, любя и уважая своего Ливія, не побоялся однако протестовать противъ его авторитета, а противникъ его, Бенедетто Морандо изъ Болоньи, возражалъ ему въ этомъ именно отношеніи. Онъ считалъ дѣломъ неслыханнымъ нападать на Ливія и упрекалъ Валлу въ томъ, что онъ принялся за свой трудъ изъ зависти. Такимъ образомъ ничтожный вопросъ, касающійся исторіи древняго Рима, повелъ къ плодотворной критической полемикѣ [1]). А какъ легко было выработанное такимъ способомъ оружіе перенесть и на другія области преданія, и какіе громадные успѣхи достигнуты имъ въ дѣлѣ ниспроверженія старой системы!

Но ученыхъ, разработывавшихъ древнюю исторію, между гуманистами было немного. Гораздо больше было авторовъ З а п и с о к ъ и такихъ О ч е р к о в ъ с о в р е м е н н о й и с т о р і и, которые имѣли въ виду славу извѣстнаго города или владѣтельнаго лица. Мы часто уже касались ихъ выше и должны были говорить о нихъ подробнѣе. Здѣсь мы разсмотримъ лишь разные взгляды и отдѣльныя явленія. Подобнаго рода исторіографіею занимались еще Муссато и Феррето, предшественники гуманизма; только они еще не думали о наградѣ со стороны высокаго лица или мецената. Государи, какъ говоритъ Феррето, вовсе не имѣли желанія быть прославленными похвалой. Слѣдовательно, прибавляетъ онъ шутя, для писателя нѣтъ и повода искажать исторію [2]). Вскорѣ время этой независимости прошло. Но тѣ немногіе, которые писали свои воспоминанія, обыкновенно не имѣли того положенія, которое открывало бы имъ взглядъ на крупныя событія государствъ и міровыя отношенія.

Небольшой рядъ авторовъ Записокъ открываетъ собою Л і о н а р д о Б р у н и [3]). Онъ начинаетъ съ воспоминаній своего дѣтства, которое

---

[1]) Сочиненія Валлы Duo Tarquinii, Lucius ac Aruns, prisci Tarquinii filiive an nepotes fuerint, adversus Livium Disputatio, обращенное къ королю Альфонсу, и двѣ Confutationes in Benedictum Morandum въ его Opp. p. 438 sq. Antid. in Pogium lib. IV (Opp. p 345). Обѣ инвективы Маранда не напечатаны; кое-что о немъ есть въ Giornale de' letterati d'Italia T. XI p. 325.

[2]) Ferreti Historia ap. Muratori Scriptt. T. IX p. 1051: Neque enim apud principes nostros tanti est sapientia, ut per virtutis semitam ambulantes fama se decorari velint.

[3]) Rerum suo tempore gestarum Commentarius ap. Muratori scriptt. T. XIX p. 914 sq. Послѣ p. 936 Бруни началъ это сочиненіе послѣ смерти нѣмецкаго короля Альбрехта (1439), оно обнимаетъ время отъ 1377 по 1440 г.

совпало съ эпохою великаго раскола, и потомъ разсказываетъ, что доводилось слышать чиновнику римскаго двора, а также и то немногое, чему онъ самъ былъ очевидцемъ. Онъ больше заботился о ясности и возвышенности слога, чѣмъ о самыхъ фактахъ [1]). То же слѣдуетъ сказать и объ исторіи Флоренціи Поджіо, которая повѣствовала почти исключительно о войнахъ республики, но о борьбѣ партій въ городѣ не говорила ни слова [2]). И Бьондо, сообщая о пережитомъ имъ въ своихъ декадахъ, имѣетъ въ виду собственно только войны въ Церковной области, о которыхъ получались каждый день извѣстія при дворѣ папы Евгенія IV, и въ которыхъ онъ самъ нѣсколько разъ принималъ участіе въ качествѣ посла. Современныя событія, происходившія на базельскомъ соборѣ, которыя, не менѣе войнъ, ставили папу въ затруднительное положеніе, онъ затрогиваетъ лишь въ общихъ фразахъ и однообразныхъ жалобахъ, какія обыкновенно раздавались при папскомъ дворѣ.

Гуманисты большею частію обезпечивались при дворахъ, обязанные только льстить тщеславію государей или династовъ. Этимъ объясняется хвалебный тонъ, стремленіе увѣковѣчить мецената, выражающіеся во всѣхъ ихъ историческихъ сочиненіяхъ, разсчитанныхъ на государя и его дворъ. Мелкія дѣянія вѣка, лишеннаго всякаго одушевленія, украшались реторическими фигурами, неважные люди и событія, при классическомъ освѣщеніи, возводились до геройской высоты. Когда Дечембріо прославлялъ подвиги своего повелителя Сфорцы, то писалъ какъ панегиристъ, а когда передавалъ жизнь его предшественника, Филиппа Маріи, то разсказывалъ много про его постыдныя дѣла и жестокіе поступки, какъ Светоній про самыхъ порочныхъ императоровъ. Если же какой нибудь принцъ, напр. Ліонелло д'Эсте, находилъ неприличнымъ, что потомству будутъ переданы такія позорныя извѣстія о владѣтельномъ лицѣ, то историкъ былъ готовъ ограничиться легкимъ намекомъ [3]). Біографъ или придворный историкъ обнаруживали при этомъ крайне странную заносчивость, какъ будто обладаютъ ключами отъ храма вѣчной славы, потому что понаучились у древнихъ писать исторію. Но съ другой стороны этой заносчивости соотвѣтствовала увѣренность даже самаго мелкаго и благоразумнаго владѣтеля, знатнаго лица и кондотьера, что историкъ дѣйствительно обладаетъ этими ключами. Упо-

---

[1]) Literae quidem, nisi sint illustres atque disertae, claritatem rebus afferre non possunt neque memoriam earum in longum extendere. Cortesius p. 225: Consectatur in historia quiddam Livianum, non ausim dicere Ciceronianum.

[2]) См. томъ I стр. 477.

[3]) Извлеченія изъ переписки у Rosmini Vita di Guarino vol. I p. 109.

мянемъ здѣсь еще разъ о поэтѣ Порчелло, который описывалъ мелкую наемническую войну 1452—1453 гг., какъ пуническую, и называлъ полководцевъ Сципіономъ и Аннибаломъ [1]). И венеціанскій аристократъ Джіакомо Зено изображаетъ своего дѣда Карло, который нѣкогда предводительствовалъ войсками, вполнѣ римскимъ консуломъ и заставляетъ его говорить длинныя рѣчи къ Commilitones (соратаямъ) и къ Patres conscripti (сенаторамъ), какъ будто передъ нимъ римскіе легіоны и сенатъ [2]). Одинъ феррарскій хроникеръ, которому тоже не приходится разсказывать о важныхъ событіяхъ, начинаетъ такъ: «Высокимъ душамъ самою природою внушено стремиться къ славѣ и безсмертію. Этою стезею шли всѣ благородные римляне, которые всецѣло посвящали себя республикѣ». «Мраморъ и бронза, продолжаетъ онъ, исчезаютъ, а ораторы, поэты и историки дѣлаютъ безсмертными того, кого прославятъ». Понятно, что восторженный авторъ не забываетъ и самого себя; это видно изъ его словъ: «Что значатъ побѣды Юлія Цезаря въ сравненіи съ изяществомъ его комментаріевъ?» [3]).

Хотя Эней Сильвій Пикколомини и не былъ чуждъ нѣкоторыхъ упомянутыхъ недостатковъ, однако онъ стоитъ гораздо выше всѣхъ авторовъ записокъ и историковъ своего времени. Его дѣятельное участіе какъ въ церковной, такъ и въ свѣтской политикѣ было совершенно иное, чѣмъ участіе его гуманистическихъ товарищей. Почти двѣ трети своихъ возмужалыхъ лѣтъ онъ провелъ въ нѣмецкой землѣ, на базельскомъ соборѣ и при дворѣ императора, даже былъ въ Англіи и Шотландіи. Въ Италіи Пикколомини поселился на долгое время только тогда уже, когда сдѣлался сначала кардиналомъ, а потомъ папою. Онъ могъ писать въ Германіи и о Германіи все, что только хотѣлъ, потому что его повелитель не читалъ его сочиненій, а впослѣдствіи духовный санъ избавилъ его отъ тѣхъ стѣснительныхъ условій, въ которыя ставило положеніе придворнаго. Ему не приходилось ожидать награды за свои историческіе труды; императоръ Фридрихъ былъ чуждъ той мысли, что благодаря Энею можетъ прославиться въ потомствѣ, и ему не нужно было никакого исторіографа. Быть можетъ, Пикколомини одинъ изъ всѣхъ

---

1) См. томъ I стр. 452.

2) См. томъ I стр. 382. Въ такомъ духѣ онъ выражается въ Praefatio въ Vita Caroli Zeni у Muratori Scriptt. T. XIX теоретически о задачѣ историка: effingit cogitationes hominum, sermones conventionesque; temporum rationes, motus, figuras corporum effert etc.

3) У Muratori Scriptt. T. XX p. 424. 453.

ученыхъ товарищей питалъ мысль ввѣрить бумагѣ то, что онъ видѣлъ и слышалъ въ окружающемъ его мірѣ. Ученыя историческія сочиненія его были очень неважны, но онъ настоящій писатель мемуаровъ. Записываніе замѣчательныхъ событій постоянно шло у него рука объ руку съ его разнообразною дѣятельностью. Такъ какъ онъ въ первый разъ увидѣлъ большой свѣтъ въ Базелѣ, то и началъ свои комментаріи съ базельскаго собора и впослѣдствіи написалъ его исторію. Затѣмъ слѣдовала исторія Фридриха III, введеніемъ въ которую служила исторія Австріи. Поѣздка ко двору Альфонса, короля Неаполитанскаго, имѣла слѣдствіемъ тѣ изреченія, которыя онъ во славу короля прибавилъ къ сочиненію Беккаделли, родственному по содержанію. Будучи кардиналомъ, онъ написалъ исторію Богеміи, которая со времени базельскаго собора сильно занимала его, потомъ описалъ часть Европы. Это была историкогеографическая энциклопедія. А будучи папою, сочинилъ подробныя записки, обнимавшія собою время до его выѣзда изъ Анконы, слѣдовательно почти до конца его жизни. Въ то же время это и автобіографія и отчетъ о тѣхъ великихъ событіяхъ, которыхъ очевидцемъ былъ глава папскаго престола. Какъ историкъ, онъ былъ нѣсколько самохвалъ и часто являлся адвокатомъ своей партіи, но большею частію находился въ томъ именно пунктѣ, откуда исходили нити политическаго движенія, и къ которому снова возвращались. Онъ умѣлъ наблюдать и разсказывать, хотя нерѣдко сообщалъ больше того, чѣмъ слѣдовало, а въ другихъ случаяхъ меньше, или подчасъ и больше того, чѣмъ зналъ. Онъ никогда не былъ простосердечнымъ и вѣрнымъ передатчикомъ [1]).

Древніе исторіографы имѣли обычай вставлять въ свое сочиненіе рѣчи, и этотъ обычай былъ тщательно усвоенъ гуманистами. Извѣстно, что Θукидидъ пользовался ими для характеристики даннаго положенія вещей и лицъ. Потомъ Саллюстій и Ливій сдѣлали изъ нихъ реторическія упражненія, а рѣчи ихъ подражателей, гуманистовъ, скорѣе ужь способны бросить совершенно ложный свѣтъ на событія, чѣмъ уяснить ихъ. Это искусственное средство предназначалось для того, чтобы придать нѣкоторое величіе лицамъ, также полноту и оживленіе сухимъ фактамъ, теплоту изложенію. Въ дѣйствительности же много говорить не приходилось, такъ какъ дѣлопроизводство и дипломатія вели больше къ составленію документовъ. Но, судя по историческимъ трудамъ, можно было бы думать, что въ каждой небольшой ратушѣ засѣдалъ римскій сенатъ, и ораторъ въ родѣ Цицерона гремѣлъ противъ заговоровъ, престолы же государей

---

[1]) См. G. Voigt. Enea Silvio Bd. II s. 320—341.

и начальство надъ войсками занимають опытные риторы. Сочиненіе безъ рѣчей не могло имѣть притязаній на названіе классическаго и на славу въ потомствѣ.

Любимой формою гуманистическаго бытописанія была біографія. Рѣзкій выступъ на сцену личности, свойственный тому времени. преобладающая мысль о посмертной жизни въ потомствѣ, обращало умы на индивидуальныхъ дѣятелей и на ихъ значеніе во всемірной исторіи и въ исторіи литературы. Если Италія со временъ Данта стала невпримѣръ богаче самобытными личностями, нежели въ теченіи темныхъ среднихъ вѣковъ. то въ этой же мѣрѣ и взглядъ на нихъ изощрился, и тѣ выраженія, какими ихъ характеризовали, стали полновѣснѣй и разнообразнѣе. Не только святые, государи и прелаты удостоиваются подобной характеристики, не только герои учености и поэзіи, даже второстепенныхъ и третьестепенныхъ дѣятелей старались изобразить съ любовью и передать потомству память о нихъ. Мы еще разъ упомянемъ о томъ, какъ еще Петрарка, въ книгѣ «О знаменитыхъ мужахъ» предпочелъ изложить римскую исторію въ біографическихъ очеркахъ, чѣмъ въ формѣ непрерывнаго разсказа, какъ у Ливія. Боккачіо подражалъ ему въ своихъ Знаменитыхъ женщинахъ и въ сочиненіи О трагическомъ концѣ знаменитыхъ мужей. Тѣ правоученія, въ которыхъ полагали суть историческаго назиданія, и любимыя анедоктическія подробности находили себѣ здѣсь самое подобающее мѣсто. Не станемъ указывать на множество отдѣльныхъ біографій, посвященныхъ государственнымъ людямъ, ученымъ, поэтамъ и художникамъ, историческимъ личностямъ древняго міра и современникамъ. Видное мѣсто занимають сборники о знаменитыхъ мужахъ и женщинахъ, какими мы обязаны Энею Пикколомини, Филиппо Виллани, Бартоломео Фаціо и книгопродавцу Веспазіано. Общаго между ними одно, что они стараются сохранить и передать другимъ память о такихъ личностяхъ, съ которыми встрѣчались въ жизни, или о которыхъ не замолкалъ говоръ современниковъ. Какъ ярко и пластично выступають передъ нами въ многочисленныхъ біографическихъ очеркахъ Веспазіано - все гуманистическое общество, высшіе клерикальные кружки, соціальная жизнь флорентинцевъ и флорентинокъ. А вѣдь онъ не былъ человѣкомъ ученымъ, стремившимся къ художественной формѣ изложенія, однако является въ своихъ Воспоминаніяхъ историкомъ, хотя не желалъ и не сознавалъ этого.

Съ историческимъ изслѣдованіемъ близко родственна та область, которую мы теперь обыкновенно называемъ наукою древностей, именно изображеніе античныхъ учрежденій и обычаевъ. Основателемъ этой части былъ трудолюбивый Флавіо Бьондо. Въ своемъ сочиненіи Roma triumphans (торжествующій Римъ). поднесенномъ имъ

папѣ Пію II въ концѣ 1453 г., онъ собралъ плоды своей удивительной начитанности въ одно антикварное цѣлое. Онъ говорилъ здѣсь о религіи римлянъ, объ ихъ играхъ и театрахъ, о государственномъ управленіи и правоустройствѣ, о налогахъ, податяхъ, торговлѣ, денежной системѣ, о военныхъ порядкахъ и ихъ приложеніи къ войнѣ, о домашней жизни, земледѣліи, пирахъ, виллахъ, которыя изучилъ съ особою любовью, о платьѣ, экипажахъ, наконецъ, въ заключеніи труда, всего подробнѣе—о тріумфахъ. Это было первое произведеніе, задуманное въ широкихъ размѣрахъ по такой части, которой еще никто не касался раньше Бьондо. Мы не рѣшаемся придавать особаго значенія недостаткамъ (какъ напр. нѣсколько сыроватой компиляціи собранныхъ данныхъ) писателя, который только уже въ старости вознамѣрился создать систему новой науки, много обѣщавшей въ будущемъ. Это было его послѣднее крупное произведеніе, однако онъ еще при жизни видѣлъ успѣхъ его. Прелаты и знатные люди хлопотали о копіяхъ съ него, и у него иногда одновременно работало до дюжины писцовъ, чтобы удовлетворить этимъ настойчивымъ требованіямъ. Вскорѣ экземпляры его распространились по разнымъ городамъ Италіи, а также во Франціи, Англіи и Испаніи, и даже такія владѣтельныя лица, какъ маркграфъ мантуанскій Лодовико, должны были ждать очереди [1]). Дополненіемъ къ этому большому труду можно было считать археологическое разсужденіе de militia et iurisprudentia, которое Бьондо вскорѣ послѣ этого посвятилъ Борзо д'Эсте [2]).

Изъ отдѣльныхъ трудовъ по древностямъ мы назовемъ сочиненіе Андреа Фьокко о жреческихъ коллегіяхъ и сановникахъ древнихъ римлянъ,—ославленнаго Фенестеллу [3]). Это вовсе не ничтожная работа, если къ ней не прилагать такого же мѣрила, какъ къ любому древнему классику. Раньше его и Гаспарино Барзицца писалъ о названіяхъ древнихъ римскихъ сановниковъ, и нѣчто подобное написалъ также Дечембріо младшій, но оба эти сочиненія намъ извѣстны только по заглавіямъ [4]). Большой трудъ Роберто Валь-

---

1) Письмо Бьондо къ нему отъ 26 декабря 1461 г. (1460?) въ часто цитируемомъ дрезденскомъ кодексѣ fol. 120. Кромѣ отдѣльныхъ оттисковъ это сочиненіе есть въ Biondi Opp. Basil. 1559. Masius Flavio Biondo p. 57. Время изданія книги я опредѣляю по тому извѣстію, которое Бьондо сообщаетъ въ концѣ, говоря о папѣ Каликстѣ, qui proximo obiit anno.

2) Съ посвященіемъ въ письмѣ отъ 16 января 1460 г. въ дрезд. код. fol. 97. Masius s. 58.

3) См. выше стр. 34. Книга эта посвящена кардиналу Брандѣ, который умеръ 3 февраля 1443 г.

4) Сочиненіе Гаспарино de nominibus magistratum Romanorum Libellus упоминаетъ Mazzuchelli Scrittori d'Italia vol. II P. I p. 508. Книга Дечембріо de muneribus romanae reipublicae, часть его Peregrinae historiae, Saxius p. 298.

турiо о военномъ искусствѣ у древнихъ упоминался уже раньше [1]). Но этимъ и завершился кругъ подобныхъ изученій. Случайно въ разсужденіяхъ и письмахъ мы встрѣчаемъ отрывочные слѣды антикварной начитанности, но у этихъ ученыхъ беллетристовъ вовсе не было охоты, отказавшись отъ наслажденія, сопоставлять въ качествѣ собирателей разныя извѣстія и съ такимъ же наприм. рвеніемъ читать Геллія, какъ Ливія и Валерія Максима. Мы нисколько не удивляемся тому, что политическая и общественная жизнь древнихъ грековъ для ихъ латинскихъ поклонниковъ все еще оставалась книгою за семью печатями, принимая въ соображеніе, что даже болѣе образованные изъ числа ихъ мало были знакомы съ греческой литературою. А природные греки оставались чужды подобныхъ занятій. Кромѣ разсужденія Θеодора Газскаго объ аттическихъ мѣсяцахъ, которое иногда печаталось при его греческой грамматикѣ, мы не знаемъ ни одного подобнаго опыта. Еще менѣе заботились о писателяхъ по части христіанской древности. Въ этой области можно указать только на одного Маффео Веджіо, котораго его положеніе, какъ каноника храма св. Петра, побуждало къ изслѣдованіямъ исторіи, памятниковъ и надписей достопочтенной базилики, и который пошелъ далѣе и открылъ вообще для науки христіанскій Римъ среднихъ вѣковъ. [2]) Но онъ долго не находилъ послѣдователей, именно нашелъ не раньше того, какъ художественный интересъ съ другой стороны привелъ къ изученію памятниковъ.

Гораздо сильнѣе вызывали на антикварныя изслѣдованія развалины и надписи античнаго Рима. При видѣ ихъ бились сердца у такихъ людей, какъ Поджіо и Чиріако; мимо нихъ не проходилъ ни одинъ любитель древности, посѣщавшій Римъ. Но только Поджіо вполнѣ отдался изученію ихъ на многіе годы. Онъ посвятилъ свой перечень римскихъ развалинъ, «Описаніе города Рима», о которомъ мы уже упоминали, какъ законченный трудъ, Николаю V. Но нѣтъ сомнѣнія, что онъ начатъ уже осенью 1403 г., когда Поджіо впервые ступилъ на римскія улицы и площади, быть можетъ, обработанъ еще во время папы Мартина V. Вслѣдъ за нимъ издалъ болѣе важное сочиненіе Бьондо, который явился ко двору Евгенія IV въ 1432 г. и въ первый разъ увидѣлъ городъ императоровъ и

---

1) См. томъ I стр. 529.

2) Vegii de rebus antiquis memorabilibus Basilicae S. Petri Romae, написанное вѣроятно, при Каликстѣ III, въ Acta Sanctorum (Bolland.) Junii T. VII seu Pars. I. Supplementi, Antverp. 1717 p. 61 seq. См. выше стр. 11.

папъ. Впослѣдствіи, когда папа былъ изгнанъ изъ Рима, онъ находился почти десять лѣтъ при римскомъ дворѣ во Флоренціи, и дѣлилъ съ нимъ его печальную участь. А когда папа снова воротился въ Римъ въ сентябрѣ 1443, то онъ приложилъ свое громадное трудолюбіе къ задачѣ — возстановить топографію древняго императорскаго Рима по развалинамъ и памятникамъ при сравненіи извѣстій, встрѣчающихся у древнихъ писателей. Въ 1446 г. онъ посвятилъ три книги своего Roma instaurata папѣ, съ которымъ вѣрно проводилъ дни бѣдствія и который въ то время усердно хлопоталъ о возстановленіи резиденціи, пришедшей въ упадокъ. [1]) Видъ римскихъ развалинъ пробуждалъ въ немъ мысль оживить ихъ, и его огорчало то, что ихъ «оскверняли» ложными и варварскими названіями. Онъ съ большимъ усердіемъ старался отыскать и объяснять остатки древности. Когда его приглашали на большую охоту, которую устроилъ въ 1444 г. кардиналъ Проспero Колонна по случаю пріѣзда молодаго Борзо д'Эсте въ окрестностяхъ Рима, то онъ предпочелъ изучать древности тѣхъ мѣстъ, которыя прилегали къ пути охоты, виллы и мраморныя постройки на латинской дорогѣ и дорогѣ Аппія, виллу Цицерона въ Тускулумѣ, погруженный въ озеро Неми древній кипарисовый корабль, Альбу Лонгу и ея развалившійся театръ и мраморную голову Энея, которую тамъ показывали. [2]) Съ тѣмъ же пытливымъ взглядомъ изслѣдователя смотрѣлъ онъ на римскіе холмы и ворота, на постройки и храмы, на художественныя произведенія, на площади и мосты, на термы и водопроводы, театры и амфитеатры. А объясненія онъ систематически отыскивалъ у древнихъ писателей, которыхъ читалъ очень много. Это былъ сознательный, самобытный изслѣдователь, хотя многія его мнѣнія отвергнуты, какъ несостоятельныя. Но и новый христіанскій Римъ представлялъ для него достойный предметъ изслѣдованія; вмѣстѣ съ консулами, сенатомъ и великолѣпіемъ Капитолія Римъ для Бьондо не утратилъ своего величія. Поэтому онъ прилагаетъ списокъ церквей, капеллъ и священныхъ памятниковъ, не обнаруживая впрочемъ особенной охоты изучать ихъ. Книга его, которую еще современники привѣтствовали съ вос-

---

[1]) Годъ окончанія труда опредѣляется просто, если сопоставить извѣстіе въ Italia illustr. p. 313, по которому онъ посвятилъ папѣ сочиненіе anno ante quarto, съ другимъ p. 320, по которому онъ написалъ это praesenti anno и praesenti Junio, когда въ Римѣ праздновался великій юбилей.

[2]) Его письмо къ маркграфу Ліонелло д'Эсте отъ 13 ноября 1444 г. въ дрезденскомъ кодексѣ fol. 98.

торгомъ, долго занимала первое мѣсто въ литературѣ по части топографіи древняго Рима [1]).

Географія, вѣдѣніе о странахъ и народахъ, вызывала у всѣхъ гуманистовъ живѣйшій интересъ. Они любятъ слушать и разсказывать о путешествіяхъ, объ отдаленныхъ странахъ и чудныхъ обычаяхъ тамошнихъ жителей. Время великихъ открытій было вѣдь и ихъ временемъ. Въ приморскихъ и торговыхъ городахъ Италіи довольно слышали не только о греческомъ Востокѣ, но также объ Индіи и земляхъ священника Іоанна. Знатоки древности любили сравнивать міръ грековъ и римлянъ съ новымъ и живо представлять себѣ то поприще, на которомъ дѣйствовали великіе люди и совершались великія событія. Судьба не дала возможности ни одному изъ гуманистовъ совершить далекихъ и замѣчательныхъ путешествій кромѣ развѣ Чиріако Анконскаго, но многіе изъ нихъ познакомились съ чужими странами. Франціею, Германіею, Испаніею, Англіею, Византіею, Греціею и островами архипелага. А съ Италіею они почти всѣ были коротко знакомы. Какъ охотно и картинно сообщали о ней, показываютъ намъ многія описанія странъ и городовъ, которыя мы читаемъ у Петрарки, Бруни, Поджіо, Пикколомини и др., и географическіе эпизоды въ трактатахъ и историческихъ повѣствованіяхъ. Разумѣется, болѣе обширныя и цѣльныя сочиненія по географіи и этнографіи требуютъ продолжительнаго и систематическаго изученія предмета, все равно собираются свѣдѣнія путемъ собственнаго наблюденія или почерпаются изъ книгъ. Поэтому мы не удивляемся, что собственно число трудовъ, о которыхъ намъ слѣдуетъ упомянуть, весьма не велико и вовсе не даетъ понятія о томъ интересѣ, какой питали къ этому предмету, сообщавшему значительный запасъ свѣдѣній.

Флорентинскій купецъ Кристофоро де Бондельмонти, подобно многимъ изъ своихъ товарищей по профессіи, съ 1414 до 1422 г. пробылъ на греческомъ Востокѣ, преимущественно на островѣ Родосѣ, а отсюда предпринималъ разныя поѣздки на Критъ и на другіе острова архипелага. Онъ написалъ два сочиненія, изъ которыхъ въ одномъ говорилось объ островѣ Критѣ, а въ другомъ объ архипелагѣ. Онъ получилъ образованіе на половину классическое, но любовь къ нему была вызвана въ немъ литературными кружками Флоренціи, и писалъ по латыни, хотя былъ чуждъ изяществъ классическаго языка и основательнаго знанія грамматики. Однако Бондельмонти чи-

---

[1]) Roma instaurata въ Opp. p. 222 seq. Компететный отзывъ о немъ см. у Jordan Topographie der Stadt Rom im Alterthum Bd. I Abth. I, Berlin 1878, s. 77. Masius Flavio Biondo s. 48—51.

талъ Плинія, Валерія Максима, Ливія, нѣкоторыя сочиненія Цицерона и могъ ссылаться на Овидія, Стація и Теренція. Короче говоря, онъ былъ въ состояніи привести въ связь съ своею книжною ученостью все то, что видѣлъ и слышалъ на классической почвѣ. Ученый этотъ зналъ немного по гречески, хотя скорѣе благодаря знакомству съ греками, чѣмъ литературнымъ путемъ. Сочиненіе о Критѣ авторъ посвятилъ Никколо Никколи, а объ архипелажскихъ островахъ — кардиналу Джіордано Орсини. Слѣдовательно, у него были близкія отношенія съ свѣтилами гуманистическаго направленія. Онъ былъ истиннымъ представителемъ того города, въ которомъ торговля приходила на помощь наукѣ [1]).

Главнымъ сочиненіемъ на этой антикварно-исторической почвѣ мы опять обязаны неутомимому трудолюбію ученаго Флавіо Бьондо: это — его Italia illustrata (Объясненная Италія). Возбуждаемый основною мыслію сочиненія Roma instaurata, въ которомъ авторъ искалъ древняго Рима въ новомъ, король Неаполитанскій Альфонсъ выразилъ желаніе видѣть сравненіе всей древней Италіи съ новою. Для подобной широкой задачи не было сдѣлано ровно никакихъ подготовительныхъ работъ. Для этого, кромѣ знакомства съ античнымъ матеріаломъ, нужно было видѣть все самому и собрать самыя разнообразныя свѣдѣнія. Но это не устрашило Бьондо. Однако, на этотъ трудъ онъ употребилъ нѣсколько лѣтъ, тѣмъ болѣе, что приходилось работать въ то же время надъ декадами и надъ сочиненіемъ о Римѣ. Если не ошибаемся, Бьондо уже около 1443 г. составилъ первый планъ сочиненія, въ которомъ впрочемъ еще не было Сициліи и Нижней Италіи и постоянно приходилось дѣлать дополненія и поправки [2]). Окон-

---

1) Descriptio insulae Cretae, встрѣчающееся безъ имени автора въ рукописи, приводимой Bandini Catal. codd. lat. T. II p. 58 и T. III p. 744, но упоминаемое въ другомъ сочиненіи p. 66, будто бы напечатано также въ Creta sacra Фламинія Корнелія Venet. 1755. Другое сочиненіе встрѣчается часто Christoph. Bondelmonti Florentini liber insularum Archipelagi ed. de Sinner. Lips. et Berol. 1824. См. томъ I. Упомянемъ здѣсь и о путевыхъ сообщеніяхъ Венеціанца Никколо де' Конти, который прожилъ 25 лѣтъ въ Индіи и Персіи, проникъ за Гангъ и долго жилъ на островѣ Цейлонѣ. Когда онъ воротился, папа Евгеній IV былъ во Флоренціи. Но его свѣдѣнія дошли до насъ не въ оригиналѣ, а обработанныя въ томъ видѣ, какой Поджіо придалъ имъ въ своей Historiae de varietate fortunae e. Georgio. Paris. 1723 p. 126 seq. и какомъ Пій II изложилъ ихъ Asia cap. 10. 15.

2) Письмо кардиналу Колоннѣ, въ которомъ онъ говоритъ это, см. дрезденскій кодексъ fol. 119, написано въ Феррарѣ; точно также письмо къ Альфонсу отъ 13 іюня 1443 г. ibid. fol. 75 помѣчено Феррарою. Въ первомъ онъ говоритъ: Solus sum hoc in seculo. vel si patienter audis dicam, solus post Octavium Augustum et Plinium fui, qui tante rei tamque necessarie manus apponere et laborem certe immensum assumere volui.

чательная обработка и переписка этого труда началась послѣ разныхъ передѣлокъ въ іюнѣ 1450 г. [1]), и весь онъ былъ поднесенъ папѣ Николаю V въ 1453 г. Названія мѣстностей и городовъ въ восемнадцати провинціяхъ Италіи, по которымъ Бьондо распредѣляетъ свой трудъ, также околотковъ, замковъ, горъ, рѣкъ и источниковъ перечисляются тщательно, и съ ними сравниваются тѣ извѣстія, которыя онъ заимствовалъ у классическихъ авторовъ, изъ надписей и изъ средневѣковыхъ писателей. Многое онъ провѣрилъ какъ очевидецъ, иное узналъ по картѣ Италіи, посланной ему королемъ Альфонсомъ. Онъ приложилъ нѣкоторыя критическія изслѣдованія, которыя, вѣроятно, въ то время считались учеными и остроумными. Однако онъ долгое время не могъ найдти общаго историческаго ключа для объясненія названій и ихъ перемѣнъ. Зато онъ всюду присоединялъ историческія и критическія примѣчанія и при каждомъ городѣ и мѣстности указывалъ на тѣхъ ученыхъ людей, которые родились и жили въ нихъ, а въ особенности тѣхъ, которые отличались заслугами на почвѣ гуманизма. И этотъ обширный энциклопедическій трудъ долго служилъ основаніемъ для всѣхъ подобныхъ изслѣдованій и прекраснымъ памятникомъ ученаго трудолюбія [2]).

Еще шире былъ задуманъ планъ той энциклопедіи землевѣдѣнія и народовѣдѣнія, которую готовился издать Эней Пикколомини, будучи кардиналомъ, а можетъ быть, еще и епископомъ. Надъ нею, какъ увѣряетъ этотъ писатель, онъ проводилъ безсонныя ночи, уже будучи папою, но не кончилъ ея въ тѣхъ широкихъ размѣрахъ, какъ задумалъ раньше. Сочиненіе это, покоясь на географической и этнографической основѣ, должно было въ то же время служить и обзоромъ исторіи, вѣроятно, насколько прожилъ Пикколомини. Поэтому въ ней предполагалось дать мѣсто разнаго рода сборникамъ и личнымъ воспоминаніямъ. По своему характеру престарѣлый папа не могъ строго ограничиться твердо установленными рамками: то онъ пускался въ подробныя характеристики, то дѣлалъ окольныя замѣчанія, то довольствовался сухимъ перечнемъ извѣстій. Поэтому онъ имѣлъ въ виду общее заглавіе [3]), которое шло бы къ нашему нынѣшнему пониманію о космографіи. Сначала онъ говоритъ о землѣ вообще, потомъ характеризуетъ страны и народы послѣдовательно

---

[1]) См. выше. Съ этимъ согласно то обстоятельство, что p. 299 Людовико Фрегозо названъ генуэзскимъ дожемъ (1448 - 1450).

[2]) Напечатанъ и въ Opp. p. 293 seq. Marius l. c. s. 51—56.

[3]) Historia rerum ubique gestarum locorumque descriptio, т. е. Исторія событія, гдѣ бы то ни было происшедшихъ, и описаніе мѣстностей.

отъ востока къ западу. Вполнѣ законченною можно считать только первую часть, изданную въ 1461 году подъ заглавіемъ: Азія, хотя въ ней собственно шла рѣчь только о Малой Азіи и преимущественно, съ весьма понятнымъ интересомъ, о туркахъ. Здѣсь свѣдѣнія ученаго по древности, почерпнутыя изъ новыхъ переводовъ Геродота, Птоломея и Страбона, были все еще богаче, чѣмъ свѣдѣнія папы по новѣйшей и современной ему исторіи. Напротивъ при изображеніи Европы большая часть странъ были извѣстны ему поверхностно, а при обработкѣ другихъ его затрудняло именно обиліе матеріала, и послѣ Бьондо онъ не могъ уже описывать Италію. Но тѣмъ разнообразнѣе были извѣстія по исторіи того времени. Вотъ почему эта именно часть сочиненія сплошь оказывается не полною. Но мы все таки должны удивляться возвышенности взглядовъ автора, когда напр. папа умѣетъ изобразить въ общей связи горы трехъ извѣстныхъ частей свѣта, указать противорѣчія, баснословность въ извѣстіяхъ древнихъ писателей и сообразить совсѣмъ этимъ свѣдѣнія о проникновеніи турокъ въ Арменію и въ черноморскіе края, по мѣрѣ полученія ихъ при римской куріи. И мы, разумѣется, не можемъ относиться свысока къ этому труду, который оказался такою возбуждающею силою въ рукахъ Христофора Колумба [1]).

У гуманистовъ, какъ и у крупныхъ купцовъ венеціанскихъ, генуэзскихъ и флорентинскихъ, были карты Италіи и другихъ странъ, хотя мы, навѣрное, не ошибемся, предположивъ, что онѣ были совершенно неудовлетворительныя и дѣтскія. Раньше мы упоминали о той картѣ Италіи, которую приписывали королю Неаполитанскому Роберту и Петраркѣ, конечно, потому, что она шла изъ Неаполя; географическія названія въ ней были, несомнѣнно, новыя [2]). У Никколо Никколи была прекрасная карта земнаго шара и особыя карты Италіи и Испаніи. А если этому придаетъ особое значеніе книгопродавецъ Веспазіано [3]), то мы можемъ отсюда заключить, что подобнаго рода явленіе было далеко не обычнымъ. И въ бумагахъ, оставшихся послѣ Зомино да Пистойя, оказались карты Италіи и Палестины на пергаментѣ и большое плоскошаріе, на которомъ названія были начертаны греческими буквами: слѣдовательно, онъ полученъ былъ съ грече-

---

[1]) См. G. Voigt Enea Silvio de Piccolomini Bd. II S. 333—336. Alek. von, Humboldt Kosmos Bd. II S. 291.

[2]) См. томъ I, стр. 148.

[3]) Nic. Niccoli § 9: Aveva uno bellissimo universale (mappamondo), dove erano tutti i siti della terra; aveva Italia et Spagna, tutte di pittura.

скаго востока [1]). И Бартоломео Фаціо нашелъ возможность послать одному другу изображеніе земнаго шара съ современными географическими названіями [2]). Ему, конечно, легче было это сдѣлать, потому что онъ былъ генуэзецъ. Но мы не можемъ указать ни на одного гуманиста, который бы самъ могъ чертить карты, кромѣ развѣ Леоне Баттисты Альберти. Послѣдній по крайней мѣрѣ составилъ указаніе, какъ слѣдуетъ правильно начертить Римъ съ его стѣнами, улицами, воротами, церквами и теченіемъ рѣки Тибра [3]). Потомъ папа Пій II поручилъ венеціанцу Джиролaмо Беллавистѣ сдѣлать для себя плоскошаріе, которое, можетъ быть, должно было служить иллюстраціею къ его Космосу [4]).

---

1) Zacharias Bibliotheca Pistor. p. 44. О Зомино см. томъ I, стр. 225.

2) Его письмо у Mittarelli p. 382: Hunc tibi libellum, quamquam incultum mitto, quo orbis terrarum situs continetur, qualis nunc est etc.

3) Его Descriptio urbis Romae у Giov. Batt. de Rossi Piante iconographiche e prospettiche di Roma anteriori al Secolo XVI, Roma 1879, p. 97. 131. Но все таки сомнительно, то ли самое это сочиненіе, которое Mazzuchelli Scritt. d'Italia Vol. I, p. I, p. 317 называетъ Corographia urbis Romae antiquae.

4) Eug. Müntz въ Revue critique d'hist. et de litt. 1880 No. II p. 212.

— Conte Francesco Gaetano, см. Basinius.
Becatellus, Anton. (Panormita) Opera. Antonii Panhormitae familiarium liber. s. l. et a.
— Antonii Bononiae Beccatelli cognomento Panhormitae Epistolarum Libri V. Ejusdem Orationes II. Carmina etc. Venetiis, 1553.
— Antonii Beccatelli Siculi cognomento Panhormitae Epistolarum Gallicarum libri quatuor. Accedit etiam ejusdem epistolarum Campanarum liber. His praemittuntur Epistolae sex ex cod. mss. nunc primum in lucem erutae. Neapoli 1746. (Объ этихъ трехъ изданіяхъ, изъ которыхъ я постоянно ссылался на послѣднее, см. т. I. стр, 444, прим. 3).
— Antonii Panormitae — De dictis et factis Alphonsi regis Aragonum libri IV ed. stud. Dav. Chytraei. Witeberg. 1585.
— Antonii Panormitae Hermaphroditus. Primus. in Germania edidit et Apophoreta adjecit F. C. Forbergius. Coburgi 1824.
Beck, G. F. H., Dissertatio inauguralis de Orosii fontibus et auctoritate, et alia de Antonii Raudensis aliquo opere inedito etc. Marburgi. 1832.
Benvenutus Imolensis, см. Rambaldi.
Bergomas см. Jacobus Philippus.
Bernardi Pierpaolo Vergerio, см. Archivio stor. Ital.
Bessarion — Opera omnia ed. Migne въ Patrologiae Graecae T. CLXI. Paris. 1866.
Bisticci см. Vespasiano.
Blondus, Flavius, Opera. Basillae 1559.
— Epistolae 25 въ Cod. ms. F. 66 - дрезденской королевской публичной библіотеки.
Boccaccio, Giov., Opure vol. IV—VI. Firenze 1723—1724.
— Lettere edite e inedite, tradotte e commentate con nuovi documenti da Corazzini. Firenze 1877.
— Jo. Bocatii περὶ γενεαλογίας deorum libri XV. Basileae, 1532.
— Johannis Bocatii de Certaldis historiographi prologus in libros de casibus virorum illustrium. s. l. et a. (edit. princ.).
— Johannis Boccaccii Certaldi de casibus illustrium virorum libri novem. Parrhisiis s. a.
— Johannis Boccaccii de Certaldo Compendium quod de praeclaris mulieribus ac ad famam perpetuam edidit foliciter. s. l. et. a. (edit. princ.).
(О трехъ послѣднихъ изданіяхъ см. т. I, стр. 160, прим. 1. 3).
Bocchius, Franc., Elogia, см. Villani. Phil., ed. Galletti.
Boerner, De doctis hominibus graecis litterarum graecarum in Italia instauratoribus liber. Lipsiae 1750.
Bonamicius — De claris pontificiarum epistolarum scriptoribus. Edit. alt. Romae 1770.
Borsetti, Historia almi Ferrariae gymnasii P. I. Ferrariae 1735.
Brunus Leonardus (Arretinus) Epistolarum libri VIII rec. Mehus. P. I. II Florentiae 1741.
— Leonardi Aretini Libellus de disputationum exercitationisque studiorum usu, adeoque necessitate in literarum genere quolibet. Basileae apud Henricum Petri primum excusa anno 1536. uti in fronte legitur, vel potius anno 1530. mense Martio quod sub finem indicatur. Ob raritatem et praestantiam denuo editus cum annotationibus Sac. Wilh. Feuerlini. Norimberge 1734.
(Сравни т. I, стр. 353, примѣч. 4).
— Rerum suo tempore in Italia gestarum Commentarius ap. Muratori Scriptt. rer. ital. T. XIX.
— Vite di Dante e di Petrarca, см. Villani, Phil., ed. Galletti.

Botfield, Prefaces to the first editions of the Greek and Roman classics. London, 1861.
Buoninsegni, Domenico di Lionardo (ошибочно Pietro) Historia Fiorentina. Fiorenza. 1580.
— Storie della citta di Firenze dall' anno 1410 al 1460. Fiorenza 1637.
Burckhardt, Jac., Die Cultur der Renaissance in Italien. 3 Aufl. besorgt von L. Geiger. Bd. I. II. Leipzig 1877. 1878.
Calogierá см. Raccolta d'opusculi.
Campanus, Jo. Ant., opera omnia. Venetiis 1502.
— Epistolae et Poemata, una cum vita auctoris. Recens. Jo. Burch. Menckenius. Lips. 1707.
Carducci Studi letterari. Livorno. 1874.
Carmina illustrium poetarum Italorum, T. I. Florentiae 1719. T. VI. VII. 1720. T. VIII. 1721.
Catalogus codicum latinorum bibliothecae regiae Monacensis. Compos. Halm et Laubmann. T. I. P. I—III. T. II. P. I—III. Monachii 1868—1878.
Cavalcanti, Giov. Istorie Fiorentine (ed. Polidori) vol. 1. 11. Firenze 1838, 1839.
Chassang, Des essais dramatiques imités de l'antiquité au XIV-e et au XV-e siècle, Paris 1852.
Cicero Opera rec. Orelli. Edit. alt. contin. Baiterus et Halmius vol. II. P. II. Orationes. Turici 1856.
Coccius Sabellicus, Anton., Opera T. II Basileae 1538.
Codinus Excerpta de autiquitatibus Constantinopolitanis edita opera P. Lambecii. Paris 1655.
Colangelo Vita di Antonio Beccadelli. Napoli 1820.
Colle Storia scientifico-letteraria dello studio di Padova. vol. 111. Padova 1825.
Colucci Delle antichita Picene T. XV. Fermo 1792.
Commissioni di Rinaldo degli Albizzi per il commune di Firenze dal 1399 al 1433, publicate da Ces. Guasti vol. I—III. (Documenti di storia italiana t. 1—III). Firenze 1867—1873.
Corniani I secoli della literatura italiàna T. I Milano 1832.
Corpus inscriptionum Latinarum vol. VI. P. I (Inscriptiones urbis Romae latinae edd. Bormann et Henzen) Berol. 1876.
Cortesius, Paulus, De hominibus doctis, см. Villani, Phil., ed. Galletti.
Cyriacus Anconitanus см. Kyriacus.
Cyrillus Codices graeci mss. regiae bibliothecae Borbonicae T. II. Neapoli 1832.
Dathus, Leonardus, Epistolae XXXIII rec. Mehus. Florent. 1743.
Dati, Goro, Istoria di Firenze dall'anno 1380 all'anno 1405. Firenze 1735.
Decembrius Mediolanensis, Angelus, De politia literaria libri septem. Basileae 1562.
— Petrus Candidus, Vita Philippi Mariae Vicecomitis apud. Muratori Scriptt. rer. ital. T. XX.
— Vita Francisci Sfortiae Mediolanensium ducis ibid.
Deliciae eruditorum ed. Lamius T. XII· Florentiae 1742.
Delisle Le cabinet des manuscrits de la bibliothèque impériale. T. I. Paris 1868.
Deschamps Essai bibliographique sur M. T. Cicéron. Paris 1863.
Documenti di storia ital. см. Commissioni.
Donzelinus, Hier., см. Epistolae principum.
Ebert — Allgemeine Geschichte der Literatur des Mittelalters im Abendlande. Bd. I. II. Leipzig 1874. 1880.
Endlicher Catalogus codicum philologicorum, latinorum bibliothecae Palatinae Vindobonensis. Vindob. 1836.

Epistolae principum et illustrium virorum (ed. Hier. Donzelino) Venet. 1574 и Amstelrodami (Elzevir) 1644.

Erhard, H. A., Geschichte des Wiederaufblühens wissenschaftliche Bildung vornehmlich in Deutschland bis zum Anfange der Reformation. Bd. I—III Magdeburg 1827—1832.

Fabricius Bibliotheca graeca ed. Harless vol. I—XII. Hamburgi 1790—1809.

— Bibliotheca latina mediae et infimae aetatis ed. Mansi T. I—VI. Patavii 1754.

Fabronius Magni Cosmi Medicei vita, vol. I. II. Pisis 1788. 1789.

— Laurentii Medicis Magnifici vita vol. I. II. Pisis 1784.

Facciolati Fasti gymnasii Patavini ab a. 1406 ad a. 1509. T. I. II. Patavii (1757).

Facius, Barthol., De viris illustribus liber ed. Mehus. Florentiae 1745.

Favre, Guill., Mélanges d'histoire littéraire. T. I. (Здѣсь: Vie de Jean-Marius Philelfe 1810), Genève 1856.

— Filelfus, Franc., см. Philelphus.

Fontius Annales см. Villani, Phil., ed. Galletti.

Foscarini Della letteratura veneziana, vol. I. Padova 1752.

Fraknói, Ed., см. Vitez.

Friedjung Kaiser Karl IV und sein Antheil am geistigen Leben seiner Zeit. Wien 1876

Frizzi, Antonio, Memorie per la storia di Ferrara con note del conte Laderchi. 2 ediz vol. III. IV. Ferrara 1850. 1848.

Fulin см. Petrarca e Venezia.

— Enrico, Di Vespasiano da Bisticci e delle sue biografie. Pisa 1878.

Gardthausen—Griechische Palaeographie. Leipzig 1879.

Gaye Carteggio inedito d'artisti dei secoli XIV. XV. XVI. T. I. Firenze 1839.

Geiger, Ludw., Petrarca. Leipzig 1874.

Georgius, Domin., Vita Nicolai V. Pont. Max. Acc. ejusd. Disquisitio de Nicolai V erga litteras et litteratos viros patrocinio. Romae 1742.

— Osservazioni intorno a Em. Grisolora, см. Raccolta.

Giesebrecht, Wilh., De litterarum studiis apud Italos primis medii aevi saeculis. Berolini 1845.

Ginanni Memorie storico-critiche degli scrittori Ravennati. T. I. Faenza 1769.

Giorgi, Domen., см. Georgius.

Giornale de' letterati d'Italia. T. XI. Venezia (1712).

— Storico degli archivi Toscani vol. II. Firenze 1858. VI. 1862. VII. 1863.

Giovanni Dominici Fiorentino dell' ordine de' frati predicatori Regola del governo di cura familiare, ed. Salvi. Firenze 1860.

— da Prato Il Paradiso degli Alberti. Ritrovi e ragionamenti del 1389 a cura di Aless. Wesselofsky, vol. I P. I. II. Vol. II. III. Bologna 1867.

Giuliari, Giamb. Carlo Conte, Della letteratura Veronese al cadere del secolo XV e delle sue opere a stampa. Bologna 1876.

Goethe, Wolfg. von, Studien und Forschungen über das Leben und die Zeit des Cardinals Bessarion 1395—1472. I. Die Zeit des Concils von Florenz. I. Heft 1871.

Gregorovius, Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter. Bd. VI. Stuttgart 1867.

Guarinus, Bapt., de modo docendi et discendi. Argent. 1514.

Guasti, см. Commissioni di Rinaldo degli Albizzi.

— см. Macinghi, Aless.

Gulielmus Pastregicus Veronensis—De originibus rerum libellus. Venetiis 1547.

Hagen, K., Deutschlands literarische und religiöse Verhältnisse im reformationszeitalter. Bd. I—III. Erlangen 1841—44.

Histoire littéraire de la France. T. XXIV. Paris, 1862.

Hodius—De Graecis illustribus linguae graecae literarumque humaniorum instauratoribus, eorum vitis, scriptis et elogiis libri duo. Ed. Iebb. Londini, 1742.
Hortis, Att., Accenni alle scienze naturali nelle opere di Giov. Boccaci e più particolarmente del libro De montibus, silvis etc. Trieste 1877.
— Cenni di Giovanni Boccacci intorno a Tito Livio. Trieste, 1877.
M. T. Cicerone nelle opere del Petrarca e del Boccaccio. Trieste 1878.
— Studj sulle opere latine di Boccaccio. Trieste 1879.
Huber. Die Regesten des Kaisserreichs unter Kaiser Karl IV. Innsbruck, 1877.
Iacobus Philippus Bergomas Supplementum Chronicarum. Venetiis 1513.
Ianitschek. Die Gesellschaft der Renaissance in Italien und die Kunst. Vier Vorträge. Stuttgart, 1879.
Ianus Pannonius—Poemata P. I. Opusculorum P. II. Trajecti ad Rhenum 1784.
Indagini storiche, artistiche e bibliografiche sulla Libreria Viscontea-Sforcesca del castello di Pavia, per cura di un bibliofilo (Girolamo d'Adda) P. I. Milano, 1875. Appendice alla P. I. 1879.
Johannes de Monsterolio praepositus Insulensis epistolae selectae ap. Martene et Durand Vett. scriptt. Collect. T. II.
Jovius, Paulus, Elogia doctorum virorum. Basil. s. a. (1556).
— Elogia virorum bellica virtute illustrium. Basil. 1575.
Iriarte Regiae bibliothecae Matritensis codices graeci mss. vol. I. Matriti, 1769.
Iustinianus, Bernardus, orationes et epistolae. Impressum Venetiis per Bernardinum Benalium s. a. (1492).
Kappius, Joa. Erh.. Dissertatio de Xiccone Polentono. Lisp. 1733.
Koerting Geschichte der Litteratur Italiens im Zeitalter der Renaissance. Bd. I. Petrarca's Leben und Werke. Bd. II. Boccaccio's Leben und Werke. Leipzig, 1878. 1880.
Kyriacus Anconitanus, Itinerarium ed. Mehus. Florentiae 1742.
Lamius Catalogus codicum manuscriptorum qui in bibliotheca Riccardiana Florentiae adservantur. Liburni 1756.
— cм. Deliciae eruditorum.
Landau Giovanni Boccaccio, sein Leben und seine Werke. Stuttgart, 1877.
Lazzaroni, cм. Miscellanea di varie operette.
Leonardus Aretinus cм. Brunus.
Liron cм. Singularités.
Luschis, Antonius de. Carmina quae supersunt fere omnia. Patavii 1858.
Mabillon et Germain Museum Italicum T I (Iter Italicum) Lutec. Paris. 1687.
Macinghi, Alessandra, negli Strozzi. Lettere di una gentildonna Fiorentina del secolo XV ai figliuoli esuli, pubblicate da Ces. Guasti. Firenze 1877.
(Maffei) Verona illustrata. P. II. Verona 1731.
Malagola Della vita e delle opere di Antonie Urceo detto Codro. Bologna, 1878.
Manetti Giannozzo, Dantis, Petrarchae ac Boccaccii vitae, cм. Villani, Phil., ed. Galletti, cм. Mehus Specimen.
— Vita Nicolai V pont. max. ap. Muratori Script II. rer Ital. T. III P. II.
Marchese P. Vincenzo (Domenicano) Scritti vari. Firenze, 1855.
Marini, Gaet., Degli archiatri pontifici, vol. I. II. Roma. 1784.
Marsili, Luigi de', Comento a una canzone di Francesco Petrarca. Bologna 1863 (Scelta di curiosità letterarie inedite o rare dal secolo XIII al XIX).
Martene et Durand Veterum scriptorum et monumentorum amplissima collectio T. II-III. Parisiis, 1724.
— Thesaurus novus anecdotorum T. II. Lutet. Paris. 1717.
Masius, Alfr., Flavio Biondo, sein Leben und seine Werke. Leipzig 1879.

Mazzuchelli Gli scrittori d'Italia. Vol. I. P. I· II. Vol. II. P. I—IV. Brescia 1753—1763 (Прочихъ томовъ у меня не было подъ рукой).
Mehus Specimen historiae litterariae—sive Dantis, Petrarchae ac Boccaccii a Iannotio Manetto saeculo XV. scriptae. Florentiae, 1747.
— Vita Ambrosii Traversarii, Florentiae 1759 (передъ Ambrosii Traversarii Epistt. rec. Canneto).
Meiners Lebensbeschreibungen berühmter Männer aus den Zeiten der Wiederherstellung der Wissenschaften. Bd. I—III. Zürich 1795—1797.
Memorie e documenti per la storia dell università di Pavia. P. II. Pavia, 1878.
Meneghelli, Opere. vol. IV. Padova 1831.
Minciotti Catalogo dei codici manoscritti esistenti nella biblioteca di Sant Antonio di Padova. Padova 1842.
Miscellanea di varie operette (ed. Lazzaroni) T. II. Venezia 1740. VII. 1743. VIII. 1744.
Mittarelli Bibliotheca codicum ms. monasterii S. Michaelis Venetiarum prope Murianum. Venetiis, 1779.
Mongitore Bibliotheca Sicula. T. I. Panormi 1707.
Monsterolio см. Johannes de Monsterolio.
Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia T. II. Codex epistolaris saeculi XV, ed. Sokolowski et Szujski. Cracoviae 1876.
Monzani, см. Archivio stor. Ital.
Morelli Codices manuscripti latini bibliothecae Nanianae. Venetiis 1776.
Mucciоli Catalogus codicum ms. Malatestinae Caesenatis bibliothecae. T. I. Caesenae 1780.
Müntz. Adolphe, Nicolas de Clémanges. Sa vie et ses écrits. Thèse etc. Strasbourg 1846.
Müntz, Eug., Les arts a la cour des papes pendant le XV-e et le XVI-e cièclе. Ptie I. II. (Bibliothèque des écoles françaises d'Athènes et de Rome Fasc. IV. IX) Paris 1878. 1879.
Negri Istoria degli scrittori Fiorentini. Ferrara 1722.
Nicolaus de Clemangiis (Catalaunensis) Opera omnia, ed. Lydius. Lugduni Bat. 1613.
Opuscula. Trium poetarum elegantissimorum, Porcellii, Basinii et Trebani opuscula, nunc primum edita. Parisiis, 1539.
Osio. Documenti diplomatici tratti dagli archivi Milanesi vol. I. Milano 1864.
Palermo I. manoscritti Palatini, vol. I. Firenze 1853.
Palmerius, Matthaeus, De temporibus liber (1294—1448) in Rerum Italicarum Scriptores (ed. Tartinio) T. I. Florentiae 1748.
Palmerius, Matthias, Opus de temporibus suis (1449—1482) ibid. p. 239 seq.
Pannonius см. Janus Pannonius.
Panormita, Antonius, см. Beccatellus.
Papencord Cola di Rienzo. Hamburg und Gotha. 1841.
— Geschichte der Stadt Rom im Mitelaltter, herausgeg. von Höfler. Paderborn 1857.
Paradiso degli Alberti, см. Giovanni da Prato.
Paris, Paulin, Les manuscrits françois de la Bibliothèque du roi T. I — VII. Paris 1836—1848.
Petrarca, Franc., Opera. Venetiis 1503.
— Opera omnia. Basil. 1554 (Этимъ базельскимъ изданіемъ авторъ пользовался преимущественно, а выше названнымъ лишь въ крайнихъ случаяхъ).
— Scritti inediti pubbl. ed. illustt. da Att. Hortis. Trieste 1874.

Petrarca Epistolae de rebus familiaribus et variae ed. Fracassetti vol. I—III. Florentiae 1859—1863.

— Lettere delle cose familiari libri ventiquattro, Lettere varie libro unico-volgarizzate e dechiarate con note di Fracassetti vol. I—V. Firenze 1863—1867.

— Lettere senili volg. e dechiar. con note da Fracassetti vol. I. II. Firenze 1869. 1870.

— Rime secondo l'edizione di Ant. Marsand. Parigi 1847,

— Rime sopra argomenti storici, morali e diversi ed. Carducci. Livorno, 1876.

— Poemata minora quae exstant omnia (recens Rossetti) vol. 1—III. Mediolani 1829—1834.

— Africa cur. Corradini (Padova a Francesco Petrarca il XVII Luglio 1874). Padova 1874.

— De viris illustribus Vitae cura Al. Razzolini. — Le vite degli uomini illustr volgarizzate da Donato degli Albanzani da Pratovecchio per cura di Luig. Razzolini. vol. 1. II. Bologna 1874. 1879.

— Historia Julii Caesaris ed. Schneider. Lips. 1827.

Petrarca e Venezia (offerto dall' Ateneo Veneto). Venetia 1874 (Здѣсь: Valentinelli—Codici manoscritti d'opere di Francesco Petrarca posseduti dalla biblioteca Marciana di Venezia. Barozzi Petrarca et Venezia. Fulin Il Petrarca dinanzi alla signoria di Venetia).

Philelphus, Franc., Epistolarum familiarium libri XXXVII ex ejus exemplari transsumpti: ex quibus ultimi XXI novissime reperti fuere. Venetiis 1502. (Объ отношеніи этого изданія къ другимъ и о моихъ ссылкахъ по адресу и числу см. томъ I стр. 322 прим. 1).

— Orationes cum aliis opusculis. Venet. 1492.

— Satyrarum Decades X. Venet. 1502.

— Convivia Mediolanensia. Spiris 1508.

Piccolomineus см. Aeneas Sylvius.

— Jacobus, cardinalis papiensis. Epistolae, см. Aeneas Sylvius.

Pius II Pont. Max., см. Aeneas Sylvius.

Platina (Barth. s. Bapt., Sacchi da Piadena) Opus de vitis ac gestis summorum pontificum ad Sixtum IV pont. max. deductum s. l. 1645.

Poggius, joh. Franc. (Bracciolini). Basileae. 1538.
(Въ крайнемъ случаѣ я пользовался и изданіемъ Argent. 1515).

— Epistolae. Editas collegit et emendavit plerasque ex codd. msc. eruit, ordine chronologico disposuit notisque illustravit Equ. Thomas de Tonellis, vol 1. Florentiae 1832. II. 1859. III. 1861.

— Epistolae duae editae ab Aug. Wilmanns in indice scholarum in acad. Georgia Augusta per semestre aestivum 1877 habendarum.

— Historia populi Florentini ap. Muratori Scriptt. rer Ital. T. XX.

— Dialogus contra hypocrisim, juxta editionem Lugd. (ut prae se fert) 1679 in Append. ad. Fasciculum rerum expedent. et fugiend. ab Orth. Gratio editum sive T. II op. et stud. Edw. Brown. Londini 1690.

— Historiae de varietate fortunae, Libri quatuor, ed. a Dominico Georgio. Accedunt ejusdem Poggii epistolae LVII quae nunquam antea prodierunt. Lutet. Paris 1723.

Politianus, Angelus. Epistolarum lib. XII. Miscellaneorum Centuria I Antverp. 1567.

Pontanus, Joa Jovianus, Opera omnia soluta oratione composita Lib. I—III. Venetiis in aedibus Aldi 1518. 1519.

— Opera T. I. II. Basileae 1538.

Porcelius. Commentarii comitis Jacobi Piccinini sive Diarium etc. ap. Muratori Scriptt. rer. ital. T. XX.

Porcelius Commentariorum secundi anni (1453) de gestis Scipionis Picinini etc. ibid. T. XXV.
— См. Opuscula trium poetarum etc.
Prezziner. Storia del publico studio di Firenze vol. I. Firenze 1810.
Quirinus, Ang. Maria (cardinalis). Diatriba praeliminaris ad Francisci Barbari epistolas. Brixiae 1741.
— De optimorum scriptorum editionibus rec. Schelhornius Lindaugiae 1761.
Raccolta d'opuscoli scientif. e filol. (ed. da Calogierà) T. XXV. Venezia 1741. (Giorgi Osservazioni int. a Em. Grisolora).
Rafael (Maffeius) Volaterranus — Commentariorum urbanorum libri 38. Apud Claudium Marnium et haeredes Ioannis Aubrii 1603.
Rambaldi, Benvenuto, Imolensis — Commentarii in Dantis comoediam ap. Muratori antiquitates Ital. T. I.
— Benvenuto Rambaldi da Imola illustrato nella vita e nelle opere e di lui Commentario latino sulla Divina Commedia di Dante Allighieri voltato in Italiano da Tamburini vol. I—III. Imola 1855. 1856.
Renazzi — Storia dell' università degli studj di Roma detta comunemente la Sapienza vol. I. Roma 1803.
V. Reumont Lorenzo de' Medici il Magnifico. Bd. I. II. Leipzig 1874.
Richardus de Bury Philobiblion въ De bibliothecis nova accessio a J. A. S. D. (Joh. Andr. Schmid) Helmstadii 1703.
Rinuccini, Filippo di Cino, Ricordi storici dal 1282 al 1460 ed. Aiazzi. Firenze 1840.
Ritschl Parerga zu Plautus und Terenz. Bd. I. Leipzig 1845.
— Ueber die Kritik des Plautus in Opuscula philologica vol. II. Lipsiae 1868.
Ritter, H., Geschichte der Philosophie Th. IX (Geschichte der neueren Philosophie Th. I) Hamburg 1850.
Romanin Storia documentata di Venezia T. IV. Venezia 1855.
Roscoe, Will., The life of Lorenzo de' Medici called the Magnificent vol. I—III. Heidelberg 1825.
Rosmini, Carlo de', Vita di Francesco Filelfo da Tolentino T. I—III. Milano 1808.
— Vita e disciplina di Guarino Veronese e de' suoi discepoli vol. I—III. Brescia 1805. 1806.
Rosmini, Idea dell' ottimo precettore nella vita e disciplina di Vittorino da Feltre e de' suoi discepoli. Bassano 1801.
Rossetti Petrarca, Giul. Celso e Boccaccio. Trieste 1828.
Rossi, G. B. de, im Bulletino dell' Instituto di corrispondenza archeologica per l'anno 1871. Roma 1871.
Sabellicus см. Coccius.
(De Sade) Mémoires pour la vie de François Pétrarque. T. I—III. Amst. 1764—1767.
Salutatus, Linus Colucius Pierius, Epistolae nunc primum in lucem editae a Jos. Rigaccio P. I. II. Florent. 1741. 1742.
— Epistolae nunc primum ex mss. codd. in lucem erutae. Recensuit, Colucii Vitam edidit. Praefatione Animadversionibusque illustravit Laur. Mehus P. I. Florentiae 1741.
(О соотношеніи обоихъ этихъ изданій между собою см. Т. I. страница 191, примѣч. 2).
Salutati Epistola al reverendo D. Giovanni Dassaminiato, tradotta di latino da Niccolò Castellani (ed. Stolfi) (Scelta di curiosità letterarie Disp. LXXX). Bologna 1867.

— Invectiva in Antonium Luschum Vicentinum. Codex ineditus (ed. Dom. Moreni). Florentiae 1826.
Saxius Historia lit.-typogr. см. Argelati.
Scalamontius, Franc., Vita Kyriaci Anconitani см. Colucci Delle antichità Picene.
Schelhornius см. Quirinus.
Schio, Giov. da' Sulla vita e sugli scritti di Antonio Loschi Vicentino Commentarii. Padova 1858.
Schwab, Joh. Bapt., Johannes Gerson. Würzburg 1858.
Shepherd, Will., The life of Poggio Bracciolini. Liverpool 1802.
— Vita di Poggio Bracciolini tradotta da Tomm. Tonelli con note ed aggiunte. T. I. II. Firenze 1825.
Singularités historiques et littéraires (par Liron). T. I. Paris 1738.
Springer Bilder aus der neueren Kunstgeschichte. Bonn 1867.
Tabulae codicum manu scriptorum praeter graecos er orientales in bibliotheca Palatina Vindobonensi asservatorum edidit Academia Caesarea Vindobonensis vol. I—VII. Vindob. 1864—1875.
Tamburini см. Rambaldi.
Theiner Codex dipl. dominii temporalis s. sedis T. II (1335—1389). Romae 1862.
Tibullus Elegiarum libri duo rec. Baehrens. Lips. 1878.
Tiraboschi Storia della letteratura Italiana. 2 a ediz. T. V. VI Milano 1823. 1824.
— Bibliotheca Modenese T. I. Modena 1781.
Tomasinus Bibliothecae Patavinae Manuscriptae (sic) Utini 1639.
— Petrarca redivivus. Edit. alr. correcta er aucta. Patavii 1650.
Tommasini Documenti relativi a Stefano Porcari — въ Archivio della Società Romana di storia patria vol. III fasc. I. II. Roma 1879.
Traversarius, Ambrosius, (Camalduiensis) Latinae Epistolae a Petro Canneto in libros XXV tributae etc. Acc. eiusdem Ambrosii Vita a Laur. Mehus. Florent. 1759.
Traversarius, Beati Ambrosii abbatis generalis Camaldulensis Hodoeporicon. Florentiae (1680).
Ugolini, Fil., Storia dei conti e duchi d'Urbino vol. I. II Firenze 1859.
Vahlen Lorenzo Valla—въ Almanach der Wiener Akad d. Wiss. 1864 (2 Abdruck 1870).
— см. Valla, Laur., Opuscula tria.
Vairani Cremonensium monumenta Romae extantia P. I. Romae 1778.
Valentinelli Bibliotheca manuscripta ad S. Marci Venetiarum. Codices mss. latini T. I—VI. Venetiis 1868—1873.
— см. Petrarca e Venezia.
Valla, Laurentius, Opera. Basileae 1540.
— Opuscula tria ed. Vahlen I — III въ Sitzungsberichten der phil.-hist. Classe der Wiener Akad. d. Wiss. Bd. 61. 62. Wien 1869.
Vegius, Mapheus, (Laudensis) Opuscula sacra, quae reperiri potuerunt, omnia. Nunc primum simul in Germania typis evulgata — въ Magna Bibliotheca veterum patrum T. XV. Coloniae 1622.
Vespasiano da Bisticci Vite di uomini illustri del secolo XV, stampate la prima volta da Angelo Mai (Spicilegium Romanum T. I) e nuovamente da Adolfo Bartoli. Firenze 1859.
— Commentario della vita di Messer Giannozzo Manetti. Torino 1862 (Collezione di opere inedite o rare dei primi tre secoli della lingua). Также у Villani, Phil., ed. Galletti.

Villani, Giovanni, Cronica (ed. Moutier) T. III—VIII. Firenze 1823.
Villani, Mateo, Istorie ap. Muratori Scriptt. rer Ital. T. XIV.
Villani, Philippus, Liber de civitatis Florentiae famosis civibus, ex codice Mediceo Laurentiano nunc primum editus, et de Florentinorum litteratura principes fere synchroni scriptores denuo in lucem prodeunt cura et studio G. C. Galletti. Florentiae 1847. (При нихъ: Lionardo Bruni Le vite di Dante e del. Petrarca.— Dantis, Petrarchae ac Boccaccii vitae ab Jannotio Manetto scriptae.—Leonardi (Bruni) Aretini de Florentinorum republica interprete Benedicto Moneta.—Benedicti Accolti Aretini Dialogus de praestantia virorum sui aevi. — Vespasiano Comentario della vita di Messer Giannozzo Manetti. — Leonis Baptistae Alberti Vita.—Bartholomaei Fontii Annales suorum temporum ab a 1448 ad a. 1483. — Pauli Cortesii de hominibus doctis Dialogus. — Franc. Bocchii Elogia).
— Le vite d'uomini illustri Fiorentini colle annotazioni del conte Mazzuchelli. Firenze 1847 (Collezione di storici e cronisti Italiani. T. VII).
Villari Niccolo Machiavelli und seine Zeit, übers. von Mangold. Bd. I. Leipzig 1877.
Vita Leonis Bapt. Alberti cм. Villani, Phil., ed. Galletti.
Vita di Cola Rienzo ap. Muratori Antiq. Ital. T. III.
Vita di Cola di Rienzo—scritto da incerto autore nel secolo XIV, ridotta a migliore lezione ed illustrata con notè etc. da Zefirino Re. Firenze 1854.
Vitéz, Joa., de Zredna episc. Varadiensis in Hungaria Orationes in causa expeditionis contra Turcas habitae, item Aeneae Sylvii Epistolae ad eundem exaratae. 1453—1457. Ed. Fraknói. Budapestini 1878.
Voigt, Georg, Enea Silvio de' Piccolomini, als Papst Pius II, und sein Zeitalter Bd. I—III. Berlin 1856—1863.
Volaterranus cм. Rafael.
Wattenbach Peter Luder, der erste humanistische Lehrer in Heidelberg, Erfurt, Leipzig, Basel. Aus dem XXII. Bande der Zeitchrift für die Geschichte des Oberrheins. Nebst einem Anhang zur Geschichte der Universität Leipzig. Karlsruhe 1869.
Werunsky Geschichte Kaiser Karls IV. und seiner Zeit. Bd. I. Innsbruck 1880.
— Der erste Römerzug Kaiser Karl IV (1354—1355) Innsbruck 1878.
Wesselofsky cм. Giovanni da Prato.
Zacharias, Franc. Ant., Bibliotheca Pistoriensis. Augustae Taurin. 1752.
— Iter litterarium per Italiam. Venetiis 1762.
Zanelli Il pontefice Nicolò V ed il risorgimento delle lettere, delle arti e delle scienze in Italia. Roma 1855.
Zanetti Graeca D. Marci Bibliotheca Venet. 1740.
Zeissberg Die polnische Geschichtschreibung des Mittelalters. Leipzig 1873.

Содержаніе втораго тома.

Книга пятая.

Гуманизмъ при папскомъ дворѣ. Эпоха Николая V. Занятіе гелленизмомъ.

Гумманизмъ и іерархическая церковь стр. 1—2. Гуманисты въ канцеляріяхъ стр. 2—4. Петрарка и должность секретаря стр. 4. Заноби да Страда, Франческо Бруни и Салютато въ канцеляріи стр. 5—6. Поджіо при римскомъ дворѣ стр. 6—9. Его политическія сочиненія противъ базельскаго собора и папы Феликса V стр. 9—10. Поджіо и римскія развалины стр. 10—12. Поджіо какъ собиратель надписей стр. 12—13. Буджіале и Фацеціи Поджіо стр. 13—14. Борьба съ нищенствующими монахами стр. 15. Леонардо Бруни при римскомъ дворѣ стр. 15—16. Антоніо Лоски и его книга формъ стр. 16—18. Джіакомо де Скарпарія. Бенедетто да Пиліо стр. 19. Агапито Ченчи де Рустичи стр. 19—21. Папа Мартинъ V стр. 21—22. Притязанія секретарей стр. 22—23. Бартоломео Аррагацци да Монтепульчіано стр. 24—25.

Папа Евгеній IV стр. 25. Кардиналы Барбо, Просперо Колонна, Джіованни Орсини, Доменико де Капраника, Альбергати, Виссаріонъ, Чезарини и Ланцріани, какъ покровители гуманистовъ, стр. 26—27. Положеніе римскаго двора во время базельскаго собора стр. 27—28. Грегоріо Корраро стр. 28—30. Флавіо Бьондо стр. 30—32. Лапо да Кастильонкіо, младшій. Ауриспа занимаетъ должность секретаря стр. 32—33. Эрмолао Барбаро стр. 33—34. Пьеро дель Монте, Андреа Фьокко, Марсуппини въ должности секретаря. Маффео Веджіо стр. 34—38. Римскій университетъ раньше папы Евгенія IV и при немъ стр 39. Ринуччи да Кастильоне стр. 40. Георгій Трапезунтскій преподаетъ въ римскомъ университетѣ стр. 40—41. Болонья и ея университетъ раньше Евгенія IV и въ его время стр. 41—42. Пьетро да Мульо. Бенвенуто Рамбальди да Имола стр. 42—43. Пеллегрино Замбеккари. Бартоломео де Реньо стр. 43. Ауриспа, Өедоръ Газскій и Гварино въ Болоньѣ стр. 44. Франческо Филельфо въ Болоньѣ стр. 45—46. Позднѣйшіе преподаватели гуманныхъ наукъ: Өедоръ, Томмазо Сенека. Лапо да Кастильонкіо, Баттиста Гварино стр. 46.

Томазо Парентучелли всходитъ на престолъ подъ именемъ папы Николая V. стр. 47. Его прошлое стр. 47—49. Его характеръ стр. 50—51. Его

образованіе стр. 51—52. Время его первосвященства стр. 53. Его честолюбивыя цѣли стр. 54 55. Роскошь при римскомъ дворѣ стр. 55. Постройки папы и его планы построекъ стр. 56—57. Расхищеніе римскихъ развалинъ стр. 57—58. Стефано де 'Поркари и его заговоръ стр. 59—62. Папа Николай какъ меценатъ. Его предпочтеніе къ флорентинцамъ стр. 63. Ученые собираются вокругъ папы стр. 63—65. Пьеро де Почето стр. 65. Поджіо и папа стр. 66—69. Марсуппини. Фьокко. Леонардо Дати стр. 70. Манетти и папа стр. 70—72. Леоне Баттистъ Альберти. Ауриспа стр. 73—74. Ринуччи да Кастильоне. Никколо Сагундино. Флавіо Бьондо 74—77. Лоренцо Валла въ Римѣ стр. 78—81. Его смерть стр. 81. Джіованни Тортелло стр. 81—82. Джузеппе Бриппи стр. 83. Пьеръ Кандидо Дечембріо стр. 83. Филельфо и папа Николай. Воздушные замки Филельфо стр. 84—86. Пріемъ, оказанный Филельфо въ Римѣ стр. 87—89.

Гелленскій (эллинскій) языкъ и литература въ средніе вѣка стр. 90. Ея судьба въ византійской имперіи стр. 90—91. Невоспріимчивость къ ней Запада стр. 91—92. Отдѣльные переводы греческихъ произведеній стр. 92—93. Петрарка и Боккачіо, пробудившіе любовь къ занятію греческимъ языкомъ стр. 93—94. Барлаамо стр. 95—96. Леонціо Пилато стр. 96—99. Эммануилъ Хризолоръ стр. 99—100. Ученики его первые итальянскіе геллепнсты. Гварино Веронскій стр. 100. Джіакомо да Скарпарія. Ауриспа. Филельфо стр. 101. Поджіо и Валла какъ геллеписты. Школьное дѣло въ восточной римской имперіи стр. 102. Соборъ по поводу соединенія церквей въ Феррарѣ и во Флоренціи стр. 103—104. Платонизмъ. Георгій Гемистъ Плетонъ стр. 104—106. Споръ по поводу Платона и Аристотеля стр. 107. Марсилio Фичино стр. 108. Пренебреженіе къ грекамъ. Виссаріонъ 107—113. Его дѣятельность въ Болоньѣ стр. 113—114. Его сочиненія стр. 114. Его собраніе книгъ стр. 115—117. Его литературный пріютъ. Никколо Перотти стр. 118—121.

Греки при дворѣ Николая V. Георгій Трапезунтскій стр. 122—124. Его переводы для папы стр. 125. Его раздоры и смерть стр. 126—127. Феодоръ Газскій и его переводы стр. 127—129. Константинъ Ласкарисъ стр. 130.

Раздоры ученыхъ въ Римѣ стр. 131. Раздоръ между Поджіо и Валлою стр. 131—133. Вмѣшательство Перотти стр. 133—135. Вражда Поджіо съ Георгіемъ Трапезунтскимъ стр. 135—136. Несогласіе грековъ между собою по поводу Платона и Аристотеля стр. 137—138.

Сравненіе римскаго литературнаго пріюта съ флорентинскимъ кружкомъ стр. 138—139, Переводная литература. Переводы съ латинскаго языка на народный стр. 140—141. Переводы съ греческаго языка на латинскій стр. 141—143. Флоренція—мать этой литературы стр. 144. Переводы Лiонардо Бруни — главнымъ образомъ сочиненій Платона и Аристотеля стр. 145—149. Отзывы о нихъ стр. 150—151. Пособія и стремленія тогдашнихъ переводчиковъ стр. 151—152. Обработка Бруни сочиненій Ксенофонта, Полибія и Прокопія стр. 152—153. Роберто де'Росси и Джіакомо да Скарпарія какъ переводчики стр. 153. Переводы церковныхъ писателей, сдѣланные Траверсари стр. 154. Поджіо и Лапо да Кастильонкіо какъ переводчики стр. 154—155. Другіе переводы, сдѣланные до Николая V. Уберто Дечембріо. Агапито Ченчи. Пьеръ Паоло Верджеріо и его Арріанъ стр. 155—156. Переводы Гварино и его учениковъ стр. 157. Оньибене да Лониго, Ауриспа и Филельфо какъ переводчики стр. 158. Валла стр. 159. Цѣли Николая V и распредѣленіе имъ переводной работы стр. 160. Сочиненія Аристотеля въ переводѣ Георгія Трапезунтскаго, Феодора Газ-

скаго и Грегоріо да Читта да Кастелло стр. 160—161. Дальнѣйшіе переводы сочиненій Аристотеля стр. 162. Платонъ въ пренебреженіи у папы. Греческіе историки стр. 162—163. Ѳукидидъ и Геродотъ, переведенные Валлою, стр. 163—164. Діодоръ въ переводѣ Поджіо и Дечембріо стр. 164—165. Аппіанъ въ переводѣ Дечембріо. Поливій въ переводѣ Перотти стр. 165—167. Страбонъ въ переводѣ Гварино и Грегоріо стр. 167—168. Ѳеофрастъ въ переводѣ Ѳеодора Газскаго. Алмагестъ въ переводѣ Георгія Трапезунтскаго стр. 168—169. Небольшіе переводы. Латинскій Гомеръ какъ предметъ послѣдняго желанія папы. Буквальный переводъ Пилато. Хлопоты Салютато стр. 169. Прозаическіе опыты Леонардо Бруни, Дечембріо и Валлы стр. 170. Провѣрка Пиндара Ѳиванскаго стр. 171. Базини отказывается отъ перевода Гомера стр. 172. Батрахоміомахія въ переводѣ Марсуппини и его попытка перевода изъ Иліады стр. 172—173. ОпытъОраціо. Переговоры съ Филельфо стр. 173—173. Переводы Франческо д'Ареццо, Никколо делла Валле, Яна Паннонскаго и Анджело Полиціано стр. 174. Переводы церковныхъ писателей стр. 175. Николай V какъ собиратель книгъ. Его литературные агенты стр. 175—176. Альберто Энокс да Асколи и его отправка на сѣверъ стр. 176—177. Его находки. Пріобрѣтеніе греческихъ книгъ стр. 178—179. Іоаннъ Скутаріотъ стр. 179. Папская библіотека. Николай V основатель ватиканской библіотеки стр. 180—183. Римскій университетъ при Николаѣ V стр. 184. Преподаватели-гуманисты: Ринуччи, Георгій Трапезунтскій, Пьеръ Оддоне да Монтополи, Энокс, Ѳедоръ Газскій стр. 184—185. Валла какъ университетскій преподаватель стр. 185—186.

Гуманизмъ и церковь стр. 186—187. Нападки гуманистовъ на монашество стр. 187—188. Боккачіо стр. 188. Салютато. Леонардо Бруни стр. 189—190. Филельфо и Поджіо ведутъ борьбу съ нищенствующими монахами, блюстителями правилъ стр. 190—191. Разговоръ Поджіо, направленный противъ лицемѣровъ стр. 192—194. Валла и Гварино. Монахи-гуманисты стр. 195. Траверсари. Орландини. Тимотео Маффеи стр. 195—196. Джироламо Аліотти стр. 196—202. Альберто да Сартеано стр. 203—206.

Взглядъ на ближайшія десятилѣтія по смерти Николая V. Каликстъ III стр. 206—207. Пій II стр. 207—208. Павелъ II и гуманизмъ стр. 208. Бартоломео Сакки да Піадена (Платина) стр. 209—210. Помпоніо Лето и академія. Преслѣдованіе ея. Филиппо Бонаккорси (Каллимахъ Эксперіентъ) стр. 210—213. Личность папы и его характеръ стр. 214. Торжество гуманизма при папскомъ дворѣ стр. 215.

Книга шестая.

Гуманизмъ какъ элементъ космополитскій стр. 216—217. Пропаганда его идетъ изъ Италіи стр. 217—218. Различіе между романскими и германскими народами стр. 219.

Англія и ея образованіе по отзыву итальянца стр. 219—220. Ричардъ д'Анжервиль бёрійскій стр. 220—221. Его собраніе книгъ стр. 221—222. Первые слѣды вліянія итальянскаго гуманизма на Англію. Чосеръ. Лайдгетъ. Томасъ Арёндель. Генри Бофоръ стр. 222—223. Поджіо въ Англіи стр. 223—224 Друзья Поджіо въ Англіи. Николай Бильдстонъ. Ричардъ Петтуортъ. Джонъ Стаффордъ стр. 225. Эней Сильвій Пикколомини въ Англіи.

Адамъ Молинъ. Герцогъ Гумфри Глостеръ стр. 225—226. Его посѣщаютъ Титъ Ливій изъ Форли и Антоніо Беккаріа изъ Вероны. Его сношенія съ Ліонардо Бруни, Пьеромъ Кандидо Дечембріо, Пьеромъ дель Монте и Лапо да Кастильонкіо стр. 227—228. Джонъ Типтофтъ, графъ уорстерскій, въ Италіи стр. 228—229. Томасъ и Андрью Ольсъ въ Италіи. Ученики Гварино: Уильямъ Грей стр. 230. Робертъ Флеммингъ тамъ-же, Джонъ Фри стр. 231, Джонъ Гонторпъ. Нравственная твердость англичанъ стр. 221.

Германія и гуманизмъ. Враждебныя отношенія между національностями германской и итальянской стр. 232. Братья общей жизни и Николай Кузанскій стр. 233. Карлъ IV и Кола ди Ріенцо стр. 234—235. Карлъ IV и Петрарка стр. 235—236. Архіепископъ пражскій Іоаннъ Арнестъ и епископъ ольмюцскій Іоганнъ Окко стр. 236. Іоганнъ фонъ Неймарктъ, канцлеръ Карла IV, епископъ литомышльскій и ольмюцскій, и Петрарка стр. 237—239. Его письмовникъ и сборникъ формъ стр. 240. Король Венцеславъ стр. 240—241. Маркграфъ моравскій Іобстъ и его канцлеръ Андрей фонъ Виттингау. Король Сигизмундъ стр. 241—242. Пьеръ Паоло Верджеріо при его дворѣ стр. 242. Сношенія Сигизмунда съ гуманистами, особенно въ Италіи. Его вѣнчанія поэтовъ стр. 242—245. Фридрихъ III. Эней Сильвій де' Пикколомини въ Германіи стр. 246—247. Его характеристика нѣмецкихъ князей и дворянства стр. 248. Отношеніе Энея Сильвія къ университету стр. 248—249. Его приверженцы въ канцелярской средѣ стр. 249—250. Іоганнъ Трёстеръ. Пикколомини какъ защитникъ поэзіи и реторики стр. 250—251. Его нѣмецкій антиподъ. Григорій Геймбургъ стр. 252—257. Приверженцы и противники Энея въ Германіи. Гартунгъ фонъ Каппель. Ульрихъ Ридереръ. Ульрихъ Зонненбергеръ. Іоганъ Гиндербахъ стр. 258. Георгъ Пейербахъ и Іоганъ Миллеръ изъ Кёнигсберга (Регіомонтанусъ) въ Вѣнѣ. Конрадъ Зельднеръ противъ гуманистовъ стр. 259—260. Іоганнъ Тусекъ, Прокопъ и Іоганнъ фонъ Рабштейнъ въ Чехіи стр. 260. Протасій Черногорскій, епископъ ольмюцскій. Аригинъ въ Плассенбургѣ стр. 260—261. Пфальцграфъ Фридрихъ и его дворъ. Матвѣй фонъ Кемнатъ. Петръ Людеръ стр. 261—262. Его странствованія, дѣятельность въ Гейдельбергѣ стр. 263, въ Эрфуртѣ стр. 265, въ Лейпцигѣ ibid. Гуманистическія стремленія въ Лейпцигѣ. Генрихъ Штеркеръ, Гартманъ Шедель стр. 266. Послѣдніе годы Людера. Самуилъ Карохъ фонъ Лихтенбергъ въ Лейпцигѣ стр. 267—269. Сигизмундъ и Ульрихъ Госсемброть изъ Аугсбурга стр. 270. Петръ фонъ Шаумбургъ, епископъ аугсбургскій. Лауренцій Блуменау стр. 270—271. Германъ Шедель. Гартманъ Шедель и Никласъ фонъ Вейль стр. 271—273. Нѣмецкія школы. Людвигъ фонъ Дрингенбергъ въ Шлеттштадтѣ стр. 274.

Итальянскіе гуманисты и нѣмецкіе варвары стр. 274—276. Нѣмецкіе печатники въ Римѣ. Гуманизмъ и книгопечатаніе стр. 278. Проблескъ гуманизма въ Германіи стр. 279.

Дружественное отношеніе Венгріи къ Италіи и къ гуманизму. Король Владиславъ и Пикколомини стр. 280. Іоаннъ Гуніади. Діонисъ Чеши, архіепископъ гранскій. Іоаннъ Витезъ изъ Зредны, канцлеръ Гуніади стр. 281—282. Іоаннъ Чезмиче (Янъ Паннонскій) стр. 282—287. Галеотто Марціо въ Венгріи стр. 287. Король Матвѣй стр. 288. Библіотека Корвиновъ стр. 289—290.

Гуманизмъ въ Польшѣ. Збигнѣвъ Олесницкій, епископъ краковскій, и Пикколомини стр. 291—292. Янъ Длугошъ стр. 292—293. Григорій Санокъ. Филиппъ Бонаккорси стр. 293.

Самостоятельность гуманизма во Франціи. Характеръ эпохи каролинговъ. Серватъ Лупъ стр. 294—295. Петрарка и его друзья во Франціи стр.

296—297. Его ссора съ парижскимъ магистромъ стр. 297. Щегольство книгами королей и принцевъ стр. 297—298. Іоаннъ Добрый и Петрарка стр. 298. Карлъ V Мудрый и его библіотека стр. 299. Карлъ VI и Карлъ VII стр. 300. Переводы классическихъ сочиненій на національный языкъ. Пьеръ Берщёръ стр. 301. Симонъ де Геденъ и Николь де Гоннесъ. Жанъ Данденъ стр. 302. Николь Оремъ ibid. Лоранъ де Премьерфэ стр. 303—304. Парижскій университетъ, классики и реторика стр. 304. Вліяніе церковныхъ раздоровъ. Пьеръ д'Альи и Жанъ Шарлье де Жерсонъ стр. 305. Жанъ де Монтрёль 306. Его сношенія съ остальными гуманистами стр. 307—310. Николай де Клеманжъ стр. 310—316. Греческій языкъ въ Парижѣ стр. 317. Гуманистическія движенія въ Испаніи. Фернандо дель Діасъ. Король Хуанъ II, кастильскій и леонскій. Король Альфонсъ аррагонскій. Далмацій де Муро. Связь съ гуманизмомъ Португаліи стр. 318—319.

Книга седьмая.

Стремленія, заслуги и труды гуманистовъ.

Національная гордость итальянскихъ гуманистовъ стр. 320. Ихъ личное самомнѣніе стр. 322. Причины ихъ преувеличеннаго сужденія о себѣ стр. 323. Неправильное пониманіе древности стр. 324. Призракъ и дѣйствительность въ нравственной сферѣ стр. 327. Республика ученыхъ и аристократія таланта стр. 328. Положеніе гуманистовъ въ жизни стр. 330.

Заслуги гуманистовъ стр. 331. Область языковъ и памятники древности. Латинская грамматика стр. 332. Латинская ороографія стр. 333. Ороографія Тортелло. Реформа учебной грамматики стр. 334. Rudimenta grammatices Перотти стр. 335. Валла какъ грамматикъ. Его Красоты стр. 336. Латинская метрика. Греческая грамматика стр. 338. Словари. Пересмотръ и исправленіе текстовъ древнихъ классиковъ стр. 339. Комментаріи къ классикамъ стр. 345. Надписи стр. 350.

Произведенія поэтическія и прозаическія. Гуманисты какъ поэты стр. 351. Ихъ стихотворенія на родномъ языкѣ стр. 352. Буколическая эклога стр. 353. Разныя поэтическія произведенія. Гварино Веронскій. Баттиста Гварино стр. 354. Поэма послѣдняго Альда стр. 355. Филельфо какъ поэтъ стр. 355—356. Лоски, Веджіо и Пикколомини стр. 356—57. Ченчи, Корраро, Ауриспа, Марразіо, Марсуппини, Базини, Порчелло и Янъ Паннонскій стр. 358. Эпическіе опыты стр. 359. Латинская драма стр. 359. Трагедіи стр. 360. Комедіи стр. 361. Литература непристойностей стр. 365. Бруни и Беккаделли стр. 366. Фацеціи Поджіо стр. 367. Порчелло, Филельфо и Пикколомини стр. 368. Стилистика прозаическихъ сочиненій стр. 369. Ея развитіе со времени Петрарки стр. 369. Новая школа легкаго слога со времени Гаспарино да Барзицци стр. 370. Эпистолографія стр. 371. Письма Петрарки и собираніе ихъ стр. 372. Содержаніе писемъ гуманистовъ стр. 374. Культъ дружбы въ письмахъ стр. 376. Переходъ письма въ трактатъ. Объемъ письменной литературы гуманистовъ стр. 384. Учебники эпистолографіи, образцовыя письма, сборники формъ. Наука о рѣчи стр. 388. Рѣчи гуманистовъ стр. 389. Учебники реторики стр. 394. Инвективы стр. 395.

Гуманизмъ и завѣтныя научныя отрасли стр. 402. Борьба со схоластической философіею стр. 403. Труды въ области систематической философіи стр. 404. Философскій трактатъ стр. 405. Труды въ области педагогики. стр. 406. Сочиненія о воспитаніи владѣтельныхъ лицъ стр. 412. Нравственная теорія и мораль гуманистовъ стр. 413. Отношеніе гуманистовъ къ богословію и церкви стр. 416. Петрарка и Боккачіо стр. 417. Нападки гуманистовъ на церковь со временъ Салютато стр. 419. Заигрываніе съ язычествомъ стр. 422. Полемика Валлы. Критика вульгаты стр. 423. Отношеніе гуманистовъ къ правовѣдѣнію и къ сословію юристовъ стр. 325. Ихъ отчужденіе отъ математическихъ и естественныхъ наукъ стр. 433. Просвѣщеніе стр. 433.

Гуманизмъ и историческая наука стр. 435. Изслѣдованія въ области древней исторіи стр. 436. Пренебреженіе къ среднимъ вѣкамъ стр. 439. Декады Бьондо стр. 439. Историческая критика стр. 442. Очерки современной исторіи стр. 443. Вставка рѣчей. Біографія стр. 447. Древности стр. 448. Топографія города Рима стр. 449. Географія и путешествія стр. 451. Древняя географія стр. 452. Космографія Энея Пикколомини стр. 453. Географическія карты стр. 454—455.

Указатель

ИМЕНЪ И СОЧИНЕНІЙ КЪ ОБОИМЪ ТОМАМЪ.

(Римскими цифрами обозначены томы, арабскими—страницы).

А.

Августинъ Аврелій, I, 10, 30, 80, 90; II, 37, 40, 52, 329; Августинъ и Петрарка, I, 71, 82—84, 124—127, 157.

Августъ, римскій императ.; его эпиграммы и письма I, 42 (примѣч.).

Аверроисты и Петрарка, I, 77 — 78; аверроисты въ Падуѣ, I, 400.

Агазоне Андреа, II, 123.

Аккветини, см. Джіованни да Прато.

Аккольти Бенедетто, I, 361—362, II, 426—427, 441.

Аккольти Франческо, I, 318, II, 428.

Акчіайоли Донато, I, 268—269, 340.

Акчіайоли Никкола, I, 172—174, 268—269, 414—415, 418.

Акчіайоли Пьеро, I, 340.

Александръ де Вилладеи, II, 332.

Александръ V, папа, II, 15, 17, 19.

Алигіери, см. Дантъ.

Алифе Никколо де', I, 414—415.

Аллегретти Джіакомо дельи, I, 523, II, 354.

Алльеманъ д', кардиналъ, II, 45.

Альбанцани, Донато дельи (Appeninigena—урожденецъ Аппенинъ), I, 370,—II, 381—328, 498.

Альбергатти, Никколо д', кардиналъ, I, 220,—II, 26, 48—49.

Альберти Антоніо, дельи, I, 176, 372,—II, 66.

Альберти Леоне Баттиста, дельи, I, 341—346, 372,—II, 73, 201, 410, 455. Его молодость и ученая подготовка I, 342—343. Его сочиненія, I, 344—346.

Альберто да Сартеано, I, 439, 498, — II, 192, 203—206, 389.

Альбицци Ринальдо, дельи, I, 270.

Альбрехтъ II, нѣмецкій король, II, 246.

Альи, Пьеръ д', кардиналъ, II, 305 — 306, 310—311.

Альнотти Джироламо, II, 24, 196—202, 386.

Альфонсо де С. Марія, II, 151.

Альфонсъ, король аррагонскій и неаполитанскій, I, 309—311, 401, 408, 409—410,—II, 129—143, 155—156, 164, 343.

Амманнати Пикколомини Джіакомо, кардиналъ въ Павіи, I, 143,—II, 371.

Аммiанъ Марцеллинъ, I, 226.

Англія и гуманизмъ, II, 219—232.

Анджело де Чингуло, II, 93.

Андрей фонъ Виттингау, соборный деканъ въ Ольмюцѣ, II, 241.

Анжервиль Ричардъ д', см. Ричардъ бёрійскій.

Анонимъ изъ Эйнзидельна, I, 248—250.

Антонино, архіепископъ флорентинскій, I, 349—350,—II, 439.

Антоніо да Ро, I, 464 — 465, 466, — II,

330, 434. Его діалоги о заблужденіяхъ Лактанція. I, 465,—II, 423. De imitatione I, 466,—II, 338.

Антоніо да Битонто, минорить, I, 432.

Антоніо ди Паладжіо, I, 271,—II, 271.

Антоніо Піевано ди Вадо, I, 316, 356.

Апостолій Михаилъ, II, 116, 137.

Аппіанъ,—въ переводѣ Дечембріо,—II, 83, 165,—въ переводѣ Филельфо,—II, 166.

Аргиропуло, Іоаннъ, I, 269, 339—340,—II, 102, 116, 162, 284.

Argonautica Аполлонія, I, 246.

Аригинъ, II, 260.

Аристида—«Похвала Бахусу» (въ переводѣ Ченчи), II, 20.

Аристотель, I, 77, 259, 374,—II, 92, 107, 115, 137, 143, 148—151, 160—162, 179. Аристотель и Петрарка, I, 77—79. Арист. и Боккаччіо, I, 164. Споръ объ Аристотелѣ и Платонѣ, II, 136. Переводы его на латинскій языкъ:—древнѣйшіе, II, 148—149;—переводы Роберта де Росси, I, 211—212,—II, 153;—перев. Аргиропуло, I, 339,—II, 162. «Этика», переведенная Бартоломео Мессинскимъ, II, 92,—переводы Бруни, II, 149—151, 163, объ «Этики» въ переводѣ Маннетти, I,—II, 162 перев. Грегоріо да Читта ди Кастелло, II, 161. «Метафизика» въ переводѣ Виссаріона, II, 161 — 162, «Экономика» въ перев. Бруни, II, 149, — «Политика» перев. Бруни II, 149,—«Исторія животныхъ»—перев. Григорія Трапезунтскаго II, 128, 162,—Өедора Газскаго II, 128, 161—162. «Реторика» въ переводѣ Григ. Трапезунтскаго II, 125, 162, — перев. Филельфо II, 158; «Проблемы механики»—перев. Өедора Газскаго II, 128, 161—162. Переводы Аристотеля на французскій языкъ, II, 299, 302, 304. Комментаріи къ Аристотелю, II, 345, 347.

Аристофанъ, II, 116.

Арнестъ, архіепископъ пражскій, II, 236, 240.

Аррагацци, см. Бартоломео да Монтепульчіано.

Арріанъ, I, 247,—II, 156, 243.

Арундель, Томасъ, архіепископъ кентерберійскій, II, 222.

Арцимбольди, Никколо д', I, 482.

Асконій Педіанъ, I, 225, 276 (примѣч. 1),—II, 225.

Астрологія и гуманизмъ, I, 71—72, 165, 193,—II, 433—435.

Атти, Изотта дельи, I, 528.

Acedia, міровая скорбь (душевная болѣзнь, I, 130—134.

Ауриспа, Джіованни, I, 320—321, 453, 508—512,—II, 33, 73—74, 101—102, 158, 342, 358, 386. Ауриспа въ Болоньѣ, I, 321, II, 44,—во Флоренціи—I, 321, II; 33,—въ Феррарѣ,—I, 516, II, 33—въ Римѣ, II, 73—74. Ауриспа въ качествѣ собирателя книгъ, I, 244, 245, 247, 318, 320—321, 511. Его «Эпитафія», I, 250 (примѣч. 2).

Б.

Базель, его университетъ, II, 252.

Базини Базиніо да Парма, I, 531—534,—II, 171, 538.

Баллистаріо Джіованни, II, 31.

Бальдо да Перуджіа, юристъ, I, 316.

Бальтуріо Робертъ, I, 309.

Баньоло изъ Реджіо, Гвидо де, аверроистъ, I, 86.

Барбавара Франческо, I, 467.

Барбаро Франческо, I, 207—208, 266, 284, 385, 388, 462, 465, 505,—II, 31, 157, 245, 408.

Барбаро Эрмолао, I, 389, 402,—II, 33.

Барбато Марко, I, 414.

Барбо Никколо, I, 380 (прим. 2).

Барбо Пьеро, см. Павелъ II, папа.

Барди Роберто де', I, 121.

Барзицца, см. Гаспарино и Гвинифорте Барзицца.

Барлаамо, I, 48—49, 413; II, 93, 95.

Барриле Джіованни (другъ Петрарки), I, 414.

Бартоло, юристъ, II, 118, 426.

Бартоломео (Аррагацци) да Монтепульчіано, I, 221.—II, 23, 131.

Бартоломео да Мессина, II, 92.

Бартоломео де Реньо, II, 43, 222.

Batrachiomachia въ переводѣ Марсуппини, II, 172.

Баттифолле, Роберто де', графъ I, 141.

Бекаделли Антоніо (Panormita), I, 309, 378, 422,—II, 344, 348, 366—367, 371, 380;—Бекк. въ Павіи I, 467, 471—472:—въ Неаполѣ, I, 447. Столкновеніе съ Валлою. I, 445. Его «Гермафродитъ», I, 436—440, II, 366. Его письма, II, 380. De dictis et factis Alphonsi, regis Arragoniae, I, 448.

Беккаріа Антоніо, II, 227.

Бекки Гульельмо, II, 349.

Беллависта Джироламо, II, 455.

Бенедетто да Пиліо, I, 222,—II, 19, 242.

Бенедетто, доминиканецъ, во Флоренціи, писецъ и миніатюристъ, I, 272.

Бенедиктъ XIII, папа. II, 180, 312.

Бенинтенди, см. Равеньяни.

Бенци, Уго, I, 500,—II, 107, 500.

Бернардино да Сіена, миноритъ, святой, I, 507, II, 38, 190, 204, 389, 415—416

Бершёръ Пьеръ, II, 301.

Библіотеки:—Петрарки, I, 38—40, 45-47; —въ Монте-Кассино, I, 219;—Никколи, I, 276—277, 370;—Роберта, короля Неаполитанскаго, I. 411;—Медичи, I, 373; —Урбинская, I, 521; библіотека кардиналовъ Колонна, II, 26,—Орсини, II, 26. — Ландріани, II, 27, — Виссаріона II, 115—117, — папскія раньше Николая V и при немъ, II, 180—183,—Ричарда Бёрійскаго, II, 221, — Іоанна Витеца, II, 282, — Корвина, II, 289—290, — французскихъ королей (Луврская библіотека). II, 297—298.

Биліясъ, Андреа де, I, 462.

Бильдстонъ Николай, II, 225.

Бистиччи, см. Веспазіано.

Біографіи, составленныя гуманистами, II, 447.

Блюменау, Лауренціусъ, II, 270.

Богословіе и гуманизмъ, II, 416 и далѣе.

Боккачіо Джіованни, I, 155—156, 315; его отношеніе къ Петраркѣ, I, 95—96, 156—159, 171. Боккаччіо и Дантъ, I, 111, 359. Бок. какъ ученый I, 159—170, 175,—II, 397. Бок. и греческій языкъ и греч. литература I, 162—163. Отношеніе его къ религіи и церкви I, 165—166,—II, 418. Боккаччіо—поборникъ поэзіи, I, 166—168. Полемика съ юристами, I, 164—165. Его «Фіаметта» I, 168 Боккаччіо и забота о славѣ и потомствѣ, I, 169—170. Личность его и образъ жизни, I, 172—174. Его acedia, I, 17. Бѣдность и опытъ поступленія на службу, I, 172—173. Его смерть, I, 174. Бок. какъ открытель соч. Тацита, I, 233-234. Оцѣнка его позднѣйшими писателями, I, 351—356. Его сочиненія, I, 157, 159, 161—162,—II, 447. Его Похвала Петраркѣ и апологія его, I, 154. Его сочиненія на народномъ языкѣ, I, 141, 159, 169. De praeclaris mulieribus, I, 160,—II, 437, 447. De casibus virorum illustrium, I, 161—162, — II, 437. De genealogia deorum, I, 161. De montibus, silvis etc. I. 161. Эклоги, I, 169. Чтенія о Дантѣ, I, 356. Переводъ Ливія, II, 141.

Болесъ, I, 255.

Болонья. Болонскій университетъ и гуманизмъ, II, 41—46, 119.

Бонаттино Падуанскій, I, 19.

Бонифацій IX, папа, II, 7.

Борлей Вальтеръ, I, 38.

Борсо, маркграфъ и герцогъ Феррарскій, см. Эсте.

Бофоръ Генри, епископъ Уинчестерскій, II, 223.

Боэцій, I, 366,—II, 325.

Брагадино Доменико, I, 393.

Браччіолини, см. Поджіо.

Бранда, кардиналъ, I, 22,—II, 291.

Братья общинной жизни (или «доброй воли», или «республика ученыхъ»), II, 233.

Брачелли Якопо, I, 406.

Бриппи или Бривіо Джузеппе, I, 463,—II, 83.

Бриппи или Брввіо Джунипера, I, 463.

Броаспини Гаспаръ Веронскій, 1, 197.

Броссано, Франческоло де, I, 197. 184.

Брунеллеско (художникъ) I, 343, 348, — II, 10.

Брунетто Латини, I, 15, 17, 361,—II, 141.

Бруни Ліонардо изъ Ареццо, I, 189—190, 279, 281, 283, 326, 329, 349. Бруни какъ секретарь куріи, I, 285—286, 354, 359, 366,—II, 323, 414, 425, 428. Его сочиненія, I, 287—288, 351—352,—II, 404. Его письма, I, 288,—II, 379, 385. Записки, II, 443. Рѣчи, I, 288. Рѣчь contra hypocritas, II, 189. Rerum suo tempore gestarum commentarius, II, 443. De laudibus Florentinae urbis, I, 363. Περὶ τῆς τῶν φλωρεντίνων πολιτείας, I, 363. Historia Florentina, I, 287—288. Libellus de disputationum usu, I, 352 и д. Isagogicon moralis philosophiae, II, 404. Isagoge de vitiis grammaticorum, II, 333. De studiis et litteris, II, 412. Polyxena, II, 362. Calphurnia et Gurgulia, II, 363. Vita di Dante e di Petrarca, I, 358.—II, 442. Переводы съ греческаго языка. I, 363,—II, 145, 148—149, 150. 343. Комментаріи къ греческой исторіи и ко второй пунической войнѣ, II, 152.

Гиндербахъ Іоганнъ, еписк. тріентскій, II, 258, 279.
Гиппократъ I, 259. Его письма въ переводѣ, II, 75, 168.
Гieроклъ in versus Pythagorae въ переводѣ, II, 74 (пр. 2), 158.
Historia Papirii, I, 239 (пр. 1).
Глостеръ Гумфри, герцогъ, II, 226.
Годи, Пьеро де, II, 62 (пр. 1).
Голіарды, см. ваганты.
Гомеръ, I, 10, 49, 50, 162, 163, 211, 254, 260, 370, 387 (пр. 3), 495, 511, 531,—II, 97, 98, 129. Переводы на латинскій языкъ II, 97 и д., 143, 170 и д., 187, 288, 318.
Гонзага Алессандро, I, 496.
Гонзага Джіанлючидо, I, 496.
Гонзага Джіанфранческо II, маркграфъ мантуанскій, I, 486, 488, 495.
Гонзага Людовико, маркграфъ мантуанскій, I, 482, 483, 492, 495, 496.
Гонзага Карло, I, 474, 492—496.
Гонзага Цецилія I, 496,—II, 29.
Гоннессъ, Николь де, II, 302.
Гонторнъ Джонъ, II, 231.
Горацій и Дантъ I, 15, 17.
Госсембротъ Сигизмундъ, II, 259, 270.
Госсембротъ Ульрихъ, II, 270.
Грамматика греческая I, 502,—II, 338,—латинская I, 502, 504,—II, 123, 332.
Григоріо да Читта ди Кастелло (Tifernas), II, 161, 167, 317.
Греческій языкъ и литература въ средніе вѣка и receptіon, II, 90, 317.
Грей Вильямъ, епископъ Элійскій II, 118, 230.
Гульельмо да Пастренго, I, 99 (пр. 1), 234, 403.
Григорій Великій, папа, I, 10.
Григорій Назіанзинъ I, 10,—II, 154, 175.
Григорій Нищскій II, 175.
Григорій XI, папа, и Петрарка, I, 113.
Григорій XII, папа, II, 15, 17.
Григорій пресвитеръ, II, 154.
Григорій Санокъ, архіепископъ Львовскій, II, 282, 288, 293, 364.
Гульельмо Бекки, генералъ Августинскаго ордена (его комментаріи), II, 349.
Гуніади Іоганнъ, II, 281, 289.

Д.

Далмацій, архіепископъ Саррагосскій, I, 443.
Данденъ Жанъ (переводчикъ Петрарки «О средствѣ противъ горя»); II, 302.
Дандоло Андреа, I, 381.
Дандоло Леонардо, I, 86.
Дантъ Алигіери, какъ поклонникъ древности, I, 14 и д.—Идея славы, I, 16—18. Дантъ и сочиненія Цицерона, I, 14. Дантъ и Петрарка, I, 110—113. Дантъ какъ личность. I, 18. Accidiosi div. Com., I, 133. Оцѣнка Данта позднѣйшими критиками и образованными людьми, I, 351—359. Чтенія о Дантѣ, I, 356—357.
Дати Агостино, I, 378,—II, 388, 392.
Дати Горо, I, 362.
Дати Ліонардо, I, 222, 271,—II, 70, 361.
Демосөенъ, I, 213, 216. Переводы, II, 33, 158, 325.
Дечембріо Пьеръ Кандидо, I, 215, 468, 470, 476—478, 515,—II, 88, 170, 353, 364. Его сочиненія, I, 478,—II, 83—84, 87—88, 131, 141, 227, 335, 353, 387, 437, 448. Vita Philippae Mariae, I, 477,—II, 444. Vita Franc. Sforciae, ibid.—Переводы съ греческаго, II, 165, 170, 227, 228, 318.
Дечембріо Уберто, I, 458, 463, 477, 214. Эпитафія, I, 478.
Джіакомо д'Анджело да Скарпарія, I, 206, 211—212, 268,—II, 19, 101, 144, 153
Джіованни (Аккетини и Гуаччіалотти) да Прато, I, 177, 356.
Джіованни Анджелико, художникъ, I, 372.
Джіованни ди Андреа изъ Болоньи, I, 76.
Джіованни ди Вирджиліо, I, 16.—II, 352.
Джіованни ди Доменико, доминиканецъ, архіеписк. въ Рагузѣ и кардиналъ, I, 180, 193,—II, 410, 419.
Джіованни да Имола, юристъ, I, 401, 499,—II, 44, 426.
Джіованни Понтано, I, 399.
Джіованни да Прато, I, 506,—II, 195.
Джіованни (Мальпагини) да Равенна, I, 201 (пр. 2), 207, 208, 304, 382. Отношеніе его къ Петраркѣ, I, 202 и д.,—II, 201, 377. Годы путешествія, I, 203—206. Дж. въ Падуѣ, I, 205—206, 398—399; во Флоренціи, I, 206, 317, 356. Его сочиненія, I, 206—207.

Джіованни да Санъ-Миніато, I, 194, 195,—II, 420.
Джіованни да Страда, I, 153.
Джіованни да Феррара, I, 516.
Джіованни ди Андреа, юристъ Болонскій, I, 76, 487 (пр. 1),—II, 426.
Джироламо да Наполи, I, 299.
Джіованни да Черменате, I, 22.
Джіованни Кампизіо, II, 36.
Джульяно Андреа, I, 210 (прим. 1), 218, 389,—II, 34.
Джустиніани Бернардо, I, 384, 393, — II, 392.
Джустиніани Леонардо, I, 230, 262 (пр. 2), 277, 297, 383, 384, 392,—II, 157, 392.
Джустиніани Лоренцо, патріархъ Венеціанскій, I, 384.
Діогенъ Лаэртскій—въ переводѣ Траверсари, I, 297, 327,—II, 154.
Діодоръ, I, 247, 365,—II, 181, 288 (пр. 2); — въ переводѣ Поджіо и Пьера Кандидо Дечембріо, II, 136, 164—165, 181.
Діонизджи (де' Робертъ) да Борго Санъ-Сеполькро, I, 120,—II, 345.
Діонисій Ареопагитъ, I, 259,—II, 154.
Длугошъ Янъ, I, 292—293.
Дмитрій Критскій, священникъ, I, 365.
Доксиteosъ, архіеп. доріонскій, II, 110.
Доменико да Прато, I, 355, 271 (прим. 1).
Доменико д' Ареццо, I, 142, 316.
Домицio Кальдіерино (Calderinus), II, 118, 349.
Донателло, скульпторъ, I, 256, 307, 348, 376,—II, 10, 24.
Донато дельи Альбанцани, другъ Петрарки, I, 201.
Донатъ Элій, Coment. ad Terentium, I, 243.
Донатъ, грамматикъ, I, 10.
Донди Джіовани де', врачъ и физикъ, другъ Петрарки, I, 74, 249.
Драма, обработанная гуманистами, II, 359—360.
Дрингенбергъ, см. Людвигъ фонъ Дрингенбергъ.
Дружескія отношенія между гуманистами (республика ученыхъ), I, 330, 383.
Древности какъ наука, II, 447 и далѣе.

Е.

Евангеліарій (Четвероевангеліе) греческій, I, 376.
Евгеній IV, папа (Condolmiere), I, 283, 292, 305,—II, 8, 12, 14, 20, 24—38, 82, 343, 440.
Еврипидъ, I, 254, 255,—II, 90, 99.
Евсевій.—De praepar. evang. въ переводѣ Георгія Трапезунтскаго, II, 125, 126, (пр. 1), 175.
Ефремъ Сиринъ, II, 154.

Ж.

Жанъ, герцогъ беррійскій, II, 299, 304.
Жерсонъ Жанъ Шарлье де,—II, 305 и д.

З.

Забарелла Франческо, кардиналъ, епиcк. флорент., I, 216, 397,—II, 199, 200, 338.
Замбеккари Пелегрино, I, 525,—II, 43.
Заморео Габріелли, I, 141, 457.
Зангаропуло Георгій, I, 116.
Заноби да Страда; школьный учитель во Флоренціи, I, 153; у Аччіайоли въ Неаполѣ I, 416. Поэтическое вѣнчаніе I, 416, — II, 235; — въ качествѣ папскаг. секретаря, II, 5, 141. Сочиненія, II, 141.
Збигнѣвъ, еписк. краковскій, олесницкій, II, 291 и д.
Зельднеръ Конрадъ, II, 259.
Зено Джіакомо, епископъ въ Фельтре и Беллюно, I, 311,—II, 445.
Зено Карло, I, 382.
Зено Паоло, I, 318 (пр. 2),—II, 100.
Златоустъ Іоаннъ,—въ переводѣ на латинскій языкъ, I, I, 259, 269, 295, — II, 25, 93, 125.
Зомино да Пистойя, I, 222, 364,—II, 335, 339 (пр. 3), 341, 454.
Зонненбергеръ Ульрихъ, II, 258.

И.

Игры въ честь папы, II, 215.
Ингольштадтъ, его университетъ, II, 296.
Инвективы, II, 395 и д.—Инв. Петрарки, I, 73, 115,—II, 395: — Боккаччіо, I, 173,—II, 397; — Салютато, I, 190,—II, 397; — Поджіо, I, 333,—II, 132, 338.

Ириней, II, 52.
Иннокентій, II, 5.
Исидоръ, митрополитъ Кіевскій, кардиналъ, II, 112, 183.
Исократъ—въ переводѣ, I, 384, — II, 33, 157.
Испанія и гуманизмъ, II, 317—318.
Историческія сочиненія гуманистовъ, II, 436.
Historia Papirii, I, 239 (пр. 1), 254, 260.

I.

Іоаннъ Добрый, король французскій, II, 298, 301.
Іоаннъ XXIII, папа, II, 7, 15, 16, 17, 19, 308.
Іоаннъ Салисбюрійскій, I, 9, 10, 29, 38.
Іеронимъ блаженный, II, 424, 425. Его письма, 277, 369.
Іеронимъ Пражскій, II, 379, 423.
Іобстъ, маркграфъ моравскій, I, 196,—II, 241.

К.

Кавальканти Меджинардо де, I, 174, 414.
Каза Джіокоза (casa giocosa, веселый домъ), I, 489, 495,—II, 29.
Каза Тедальдо да, I, 94, 365, 366.
Казелла Людовико, I, 518.
Казини Бруно, II, 390.
Каллимахъ Экспэріенсъ, см. Буонаккорси.
Калликстъ III, папа, II, 126, 183, 207.
Калорія Томасо да Мессина, I, 121.
Кальдіеро Домицію да (Calderinus), II, 118, 349.
Камбіаторе Томазо, II, 244.
Кампанеа Джіованни ди, I, 501 (прим. 2).
Кампанеа Франческо де, I, 516, 501 (прим. 2).
Кампано Джіантоніо, I, 358, 371, 538,—208, 276.
Кампезано Бенвенуто, I, 21.
Камулліо Никколо, I, 406.
Каппелли Паскино де, I, 198, 458.
Каппель Гартунгъ фонъ, II, 258.
Капра Бартоломео, еписк. Кремонскій, архіеписк. Миланскій, I, 229, 237, — II, 145.
Капраника Доменико, кардиналъ, II, 62, 207, 352.
Капраника Никколо, епископъ изъ Фермо, II, 110 (примѣч.).
Каррарская династія, см. Падуя.
Карлъ IV, римскій императоръ, I, 416,—II, 234. Карлъ и Петрарка, I, 64 и д., 142,—II, 235, 239.
Карбоне Людовико, I, 518,—II, 289, 393.
Карлъ V, мудрый, король французскій, II, 299, 301.
Карлъ VI, король франц. II, 300.
Карлъ VII, король франц. II, 300.
Карохъ Самуель изъ Лихтенберга, II, 268.
Карты географическія, I, 277, II, 454—455.
Кассій Діонъ, I, 247, 326.
Кастеллетто Пьетро де, августинецъ во Флоренціи, I, 178, 359.
Кастильонкіо Лапо ди, старшій, юристъ, другъ Петрарки, I, 43, 153, 196, 223, 316.
Кастильонкіо Лапо ди, младшій, I, 338, II, 32, 46, 103, 155, 228, 388.
Квинтиліанъ, institutiones, I, 196, 223, 425,—II, 181, 295, 315, 341, 348-350 (прим. 3).
Кидоній Дмитрій, I, 210—212.
Кипріанъ Цецилій, II, 251.
Кириллъ, II, 125, 175.
Киріакъ, см. Чиріако Анконскій.
Книги: исправленіе книгъ, переписка, составленіе, торговля ими и цѣна,—I, 364—371,—II, 116—117, 160, 183.
Книга образцовъ, II, 388.
Козимо да Кремона, I, 230.
Козьма монахъ, II, 116.
Кола ди Ріенцо—и Петрарка, I, 51—16. Кола въ Прагѣ, II, 240. Собираніе надписей и Descriptio urbis Romae, I, 54, 249, II, 350.
Колленуччіо Пандольфо, I, 457.
Колонна Джіакомо, I, другъ Петрарки, I, 98, 109, 127.
Колонна Джіованни, кардиналъ, I, 26.
Колонна Одонъ, см. Мартинъ V, папа.
Колонна Просперо, кардиналъ, I, 527,—II, 26.
Колумелла, I, 227,—II, 341.
Коль Гонтье, II, 306, 311, 315.
Комедія, II, 361—365. Komoedia de falso hypocrita,—II, 364.
Комментаріи къ классическимъ писателямъ, II, 345 и д.

Конвеневоле (или Конвенноле) да Прато, I, 26—27, 41.

Контарини Андреа, II, 126.

Контарини Захарія, I, 86.

Контарини Франческо, I, 397.

Конти Никколо де, II, 452 (прим. 1).

Копполи Ивоне, юристъ, II, 89.

Корбинелли Антоніо, I, 269, 319.

Корбинелли Аньоло де, I, 194.

Корнелій Непотъ, I, 277.

Корраро Антоніо, кардиналъ, I, 395.

Корраро Грегоріо, I, 144, 244, 380, 389,—II, 28—30, 75, 201, 344, 357, 361, 409.

Краснорѣчіе и гуманизмъ, II, 389 и далѣе.

Кривелли Джіованни, II, 24 (примѣч. 6), 437.

Кривелли Лодризіо, I, 478.

Ксенофонтъ, I, 246, 247, 309,—II, 90, 116, 144. «Киропедія» въ переводѣ Поджіо, I, 309—310, -II, 136, 155, 164. «Гіеронъ» въ переводѣ Бруни, II, 146, 152.—«Hellenica», обработанныя Бруни, II, 152. Переводы мелкихъ сочиненій Ксенофонта, II, 155, 158, 169.

Критика историческая, II, 442.

Курло Джіакомо, I 456 (прим. 1) — II, 343.

Курцій Квинтъ, I, 196, 240, 420, 496,—II, 141.

Л.

Лактанцій, I, 295, 465—466,—II, 277, 341, 424. Du utroque homine, I, 243. Phoenix, I, 246 и д. De ira Dei и De officio Dei, I, 376 (пр. 1).

Ламола, I, 472.

Ландини Франческо il Giero (Francesco degli Organi), I, 177.

Ландріани, Джерардо, епископъ Лодійскій, кардиналъ, I, 229, 435,—II, 27. Нахожденіе имъ сочиненій Цицерона, I, 229, II, 341.

Лапаччини Джульяно, I, 372.

Ласкарисъ Константинъ, I, 340, 457, 476,—II, 130, 339.

Латини, см. Брунетто Латини.

Левъ Великій, папа;—проповѣди, II, 52

Лежень, кард., II, 300.

Лемако Антоніо де, II, 241.

Леонинскій стихъ, II, 351.

Лепидъ, мнимый античный комикъ, II, 363.

Лефевръ Жанъ, II, 303 (пр. 1).

Лейпцигъ, его университетъ, II, 267 и д., 269.

Ливій Титъ, I, 13, 16, 45, 147, 369, 442, 494,—II, 294, 313, 447. Надпись на гробѣ и нахожденіе его останковъ въ Падуѣ. I, 400—401. Отыскиваніе его утраченныхъ книгъ, I, 196, 232, 400—401, II, 181, 241. Пересмотръ и исправленіе текста его сочиненій, I, 421, 445, II, 340, 342. Переводъ его на народный языкъ, I, 421,—II, 149, 296—298, 301.

Ливій Титъ изъ Форли, II, 226

Лизій въ переводѣ, II, 158.

Ліонелло д'Эсте, маркграфъ Феррарскій, см. Эсте.

Ловатто падуанскій, I, 19.

Ломбардо да Серико, I, 147, 157, 396.

Лоренцо ди Марко Бенвенуто, I, 283 (примѣчаніе 4).

Лоски Антоніо, I, 190 (памфлетъ), 198, 200 (сожалѣніе о Салютато), 459, 460,—II, 169, 347, 356, 360, 391. Лоски при папской канцеляріи, II, 10, 13, 22, 24, 244, 392. Его книга канцелярскихъ образцовъ, II, 18, 388.

Луиджи Марсильи, августинецъ, I, 88—89, 177, 179, 181, 274, 280, 358, 359.

Луканъ, I, 17, 21,—II, 299, 302. Комментарій, II, 43, 346, 348.

Лукіанъ — въ переводѣ, I, 511,—II, 33, 75 (пр. 1), 155, 158.

Лукреції, I, 226, 276,—II, 341.

Лупа Серватъ, феррьерскій аббатъ, II, 295

Любовь къ роскошнымъ книгамъ (щегольство книгами) у королей и принцевъ во Франціи, II, 297 и д.

Людвигъ фонъ Дрингенбергъ, II, 274.

Людеръ Петръ, II, 261 и д.

Людовикъ, герцогъ Анжуйскій, II, 229.

Людовикъ, герцогъ Бурбонъ, II, 303.

Люпи Маттіа, I, 378, 416.

М.

Мадзини Джіованни, II, 360.

Маккіавели Никколо, I, 362—363, II, 326, 329.

Максимиліанъ императоръ, II, 317.

Малатеста Карло, владѣтель Римини, I, 122, 528 и д.

Малатеста де'Малатести, въ Пезаро, I, 523.
Малатеста Новелло, Доменико, владѣтель Чезены, I, 483, 539. Его библіотека въ Чезенѣ, I. 539.
Малатеста Гисмондо ди Пандольфо въ Римини, I, 309, 484, 526,—II, 353.
Малатеста Галеотто, владѣтель Римини, I, 523.
Малатеста Пандольфо старшій, I, 523.
Малатеста Пандольфо младшій I, 523.
Малетъ Джиль, II. 299.
Мальпагини, см. Джіовани да Равенна.
Манакъ Пьеръ, II, 306.
Манельмо Ванджелиста. I, 390.
Манетти Джіанноцо, I, 212, 281, 290—298, 303, 327, 557; -М. въ Неаполѣ I, 454 и д.;—въ Римѣ, II, 71 и д. Его сочиненія, I, 300, 353,—II, 72, 162, 175, 386, 392, 406, 411, 425. Его библіотека, I. 375.
Манилій, астрономъ, I. 225.
Мантуя и гуманизмъ, I, 486 и д. См. также Гонзага.
Мануэль, ученый еврей, I, 299.
Марескотти Галеаццо, I, 528 (пр. 2).
Маріано да Вольтерра, I, 438—439.
Маркановa, Джіов., I, 402, II, 351.
Марко, поэтъ въ Римини, I, 529 (пр. 1).
Марразіо Джіов., I, 453,—II, 358.
Марсиліо ди С.-Софія, I, 89, 177, 180, 596.
Марсильи Луиджи, августинецъ,—см. Луиджи Марсильи.
Марсуппини Карло (д'Ареццо), I, 88—89, 179, 121 и д., 207, 212, 256, 284, 290—292, 326, 328—330, II, 35, 66, 172 и д., 358, 386. Batrachiomachia, I. 453.
Мартино де Синья, августинецъ, I, 178.
Мартинъ, V, папа, I, 226,—II, 21—23, 180.
Марціалъ, II, 349; комментарій (cornucopiae Перотти) въ нему, II, 121, 349.
Марціана, библіотека св. Марка во Флоренціи, I, 372.
Марціо Галеотто изъ Нарни, II, 282, 287, 290.
Матвѣй Гуніади Корвинъ, венгерскій король, II, 288—290. Его библіотека, II, 289.
Матвѣй Кеминатъ, II, 261, 263.
Маффеи Тимотео, II, 196.
Медицина какъ наука и гуманизмъ, I. 73 и д., 164,—II, 434—435.
Медичи Джіованни ди Козимо, I, 3 6.
Медичи Козимо (Козьма) де', I, 223, 236, 238, 250 (пр. 2), 256, 259, 271 и д., 276, 308, 324;—II, 108. Основаніе имъ библіотеки, I, 372 и д. Домашняя библіотека Медичи, I. 374.
Медичи Лоренцо Великолѣпный, I, 337, 346, 376,—II, 148.
Медичи Никколо, I, 285, 303 (пр. 2),—II, 146.
Медичи Пьеро ди Козимо, I, 329, 336, 340, 362.—II, 63.
Мелла Бартоломео, де ла I, 498.
Метрика латинская, II, 119, 338.
Микелоццо, скульпторъ, I, 312,—II, 24.
Миланъ и гуманизмъ, I, 457 и д. См. Висконти и Сфорца.
Минкуччи Антоніо де, юристъ, I, 318.
Моlинъ Адамъ, II, 226.
Монашество и гуманизмъ, II, 187 и далѣе. 389.
Монеты и медали, I, 247 и далѣе, 254, 256, -II, 26, 214 (также примѣч. 2).
Монте, Пьеро дель, II,34, 228, 300.
Монтеварки Пьеро де, I, 359.
Монтепульчіано Бартоломео да, I, 221—222.
Монтефельтро Бонконте ди, I, 522.
Монтефельтро Федериго ди, герцогъ Урбинскій, I, 519—522. Его библіотека, I. 522.
Монтополи Пьеръ Оддонъ да, II, 185.
Монтрель Жанъ де, II, 306—311.
Морандо Бенедетто, II, 443.
Морозини, Паоло, II, 117.
Муліо Пietро да, I, 182.
Муро Далмацій де, II, 318.
Муссато Альбертино, I, 19—21, 32, 120,—II, 360, 365 (пр. 1), 370, 443.
Мюллеръ Іоганъ, изъ Кёнигсберга (Ioh. Regiomontanus), II, 258.
Мьяно Пietро, I, 245.

Н.

Надписи, I, 247 и д., 402,—II, 272, 350.
Наставники странствующіе, I, 201 и далѣе.
Наука права и гуманизмъ, I, 75 и д., 164,—II, 425 и д.

Науки естественныя и гуманизмъ, II, 433—434.

Неаполь и гуманизмъ, I, 151, 411 и д.,—II, 431.

Негро Силано, юристъ, I, 473,—II, 426.

Нелли Франческо, другъ Петрарки, I, 94, 153,—II, 377.

Непристойное направленіе въ литературѣ, II, 364 и д.

Неймарктъ Іоганнъ, канцлеръ Карла IV, епископъ Литомышльскій и Ольмюцскій, I, 142,—II, 235—239. Его письмовная и образцовая канцелярская книга, II, 240 и д.

Никколи Никколо, I, 275—284, 294, 303, 318, 319, 326—328, 351—352, 359, 370—371;—II, 333, 341, 454. Его библіотека какъ публичная, I, 372.

Никласъ фонъ-Вейль, II, 272.

Николай де Клеманжъ, I, 314, 315.

Николай V, папа (Томазо Парентучелли или Томмазо да Сарцана), I, 269, 325, 369,—II, 47 и д.—О его возвышеніи, I, 243, 269, 325, 373, -II, 47 и д.—Какъ папа, II, 20, 40, 47 и д. Его постройки, II, 55. Николай V какъ меценатъ, II, 66 и д. Его библіотека, II, 183.

Николай Кузанскій, кард., II, 108 (пр. 2), 233.

Николай Трирскій, I, 228, 235 (прим. 3), 240.

Николо ди Фолиньо, I, 396.

Погароли Изотта, Джиневра и Анджіола де, I 404—405

Ноній Марцеллъ, I, 231.

Ночето Пьеро да, II, 61, 65.

Нути Маттео изъ Фано, архитекторъ, I, 539.

О.

Обработка (исправленіе) текста классическихъ писателей, II, 339 и д.

Овидій, I, 8, 15,—II, 181, 296, 299, 345.

Окко Іоганнъ, еписк. Ольмюцскій и архіеп. Пражскій, II, 236, 238.

Олесницкій, см. Збигнѣвъ.

Ольсина, I, 449.

Ольсъ, Андрей, II, 229.

Оньибене да Виченца (или Лониго), I, 207, 393, 487 (пр. 1),—II, 158, 338, 348.

Ораціо да Рома, II, 62 (пр. 1), 173.

Оремъ Николь, II, 296, 302.

Орестида—Фабула ея, II, 178 (пр. 3).

Оригена Гомиліи, I, 244.

Орландини Паоло, II, 195.

Орсини Джіордано, кард., I, 232, 333, 240,—II, 26, 70, 343.

Орѳографія латин., I, 280, 319, 367,—II, 333 и д.

П.

Павелъ II, папа (Пьеро Барбо), II, 25, 183, 208 и д.

Павія, ея университетъ, I, 471.

Падуя, Гуманистическія движенія во времена Муссато, I, 19 и д., 395. Падуя во времена Каррарской династіи, I, 395 и д.—Франческо II Каррара, I, 395. Петрарка при д. Каррара, I, 96, 146, 395. Джіованни да Равенна въ Падуѣ, I, 206. Падуя и ея университетъ подъ венеціанскимъ господствомъ, I, 398.

Палермецъ (Panormita) Антоніо, см. Беккаделли.

Палладій, II, 154.

Пальміери Маттео, I, 222, 271, 291 (пр. 4), 415 (пр. 2),—II, 411, 439.

Пандекты пизанскіе, I, 376.

Пандони, см. Порчелло.

Panegyrici veteres (древніе панегирики), I, 243,—II, 227.

Паннартцъ Арнольдъ, II, 277.

Паоло да Кастро, юристъ, II, 426.

Паоло да Перуджія, I, 162, 413,—II, 96.

Паоло делла Пергола, I, 393, 396.

Парадизо дельи Альберти, I, 176, 177 (прим. 4).

Парентучелли Томмазо, I, 373, 376. Также см. Николай V, папа.

Парижъ и его университетъ, II, 294, 304.

Парліоне, см. Перлеоне.

Пасквино де Капелли, миланскій канцлеръ. I, 198.

Патрицци Франческо де', I, 377.

Пацци Пьеро де', I, 271.

Пегемъ (Бегаймъ?) Лаврентій, II, 350.

Педагогика, см. Воспитаніе.

Педіанъ Асконій, I, 225, 276 (прим. 1).—II, 342, 347.

Пелакани, Біаджіо, I, 177, 487.

Переводы—съ греческаго языка на латинскій,—II, 140 и д.— на итальянскій народный языкъ, I, 456,—II, 140,—на

французскій. II, 295. 298 и д.

Перлеоне (или Парліоне) Пьеръ, I, 393—394, 406, 537.

Перротти Пикколо, сипонтскій епископъ, II, 118, 119, 133, 153, 179. Его сочиненія, II. 120, 121, 166, 335, 338, 349, 387, 393 (пр. 4), 409.

Персій, II, 315, 347 (пр. 4).

Персона Христофоръ, II, 153.

Петрарка Франческо, I, 23 и д. Біографическая литература о немъ, I, 23 (пр. 1). Автографъ Ресте, I, 111 (пр. 3.). Петрарка какъ гуманистъ, I, 25. Его учитель Конвеневоле, I, 26—27. Вліяніе на него Цицерона и Виргилія, I, 27—29, 123. Его взглядъ на поэзію, I, 30, 31, 34, 167. Его краснорѣчіе и слогъ, I 34—37. Приверженность его къ древности, I, 37, II, 437. Изысканія его относительно сочиненій Цицерона, I, 38—45, 196. Его библіотека классиковъ, I, 45—46, 196.—II, 340. Его мысль о публичной библіотекѣ, I, 46—47, 372. Петрарка какъ собиратель монетъ и медалей, I, 47, 49. Петр. и греческій языкъ, I, 48, II, 93—94, 97. Ученикъ Барлаамо, I, 48. Петр. и Гомеръ, I, 49, 94, 97. Петрарка на развалинахъ Рима, I, 51, 248. Петрарка и Колодіи Ріенцо, I, 51—60. Петр. какъ поборникъ римской свободы, I, 56, 60,—какъ итальянскій патріотъ, I, 60, II, 275, 322. Петрарка и Карлъ IV, I, 64—68, II, 235, 275. Борьба Петрарки со схоластикою, I, 67—70. Петрарка какъ провозвѣстникъ просвѣщенія въ борьбѣ съ астрологами, алхимиками и всѣмъ сверхъестественнымъ, I, 71—72, II, 433. Его борьба съ врачами и ихъ знаніями, I, 63—74,—II, 395,—съ юристами, I, 75—76, II, 427,—со схоластической философіей, I, 76, II, 403. Петрарка и Аристотель, I, 77—79. Петрарка и Платонъ, I, 79—80. Его отношеніе къ религіи и церкви, I, 80—81, II, 417—418. Петрарка и Августинъ, I, 85—88. Петрарки—историческая критика, II, 441—442.

Петрарка какъ міровой мудрецъ, I, 92—94,—какъ придворный, I, 94—97,—какъ искатель бенефицій, I, 98—102,—какъ философъ-отшельникъ, I, 102—106. Его культъ дружбы, I, 107—108,—II, 383—384. Петрарка и Лаура, I, 109—110. Отношеніе его къ Данту, I, 111—113. Высокомѣріе и тщеславіе его, I, 113—120. Презрѣніе къ учительству, II, 416. Жажда славы и вѣнчаніе его какъ поэта, I, 121—122. Петрарка какъ личность, I, 122—124. Сцена на Монъ—Венту, I, 124—126. Самопокаяніе, (Selbstbeichte), I, 127—128. Его acedia, I, 130—135. Философское и нравственное обращеніе, I, 136—138. Почитаніе его потомками, I, Его смерть, I, 183. Слава въ потомствѣ, I, 150, 351.

Петрарка и Боккаччіо, I, 155—158,—II, 141. Петрарка и Салютато, I, 182. Петр. и Аччіайоли, I, 415—416. Петр. и король Неаполитанскій Робертъ, I, 411—412. Петр. и Флоренція, I, 140, 351—354. Петрарка и Венеція, I, 380—382. Петр. и Франція, II, 296 и д. Петрарка и должность папскаго секретаря, II, 4.

Петрарка,—его сочиненія, I, 144—140; письма, I, 23 (прим. 1), 148, 149,—II, 374, 390; рѣчи, I, 148,—II, 390. Инвективы, I, 114—116, 148,—II, 297. Стихи (reime), I, 24—25, II, 352. Trionfi, I, 113. Эклоги и ихъ объясненіе, I, 32, 144, 382,—II, 43, 238, 354. Поэтическія посланія, I, 144,—II, 352. Комедія Филологія, 146.—II, 365. De casu Medeae, I, 146 (прим. 1),—II, 362 (пр. 1). Africa, I, 144—145, 158, 184, 197,—II, 358. Ars punctuandi, II, 332—333. Философскіе трактаты, II, 405. De contemptu mundi s. de secreto conflictu curarum suarum, I, 126, 127—131. De otio religiosorum, I, 126. De remediis utriusque fortunae, I, 126, 137, 143,—II, 302, 307. De vita solitaria, I, 105, 126, 143. De sui ipsius et multorum (aliorum) ignorantia, I, 78, 89—91. De viris illustribus и выдержки изъ этого сочиненія, I, 146, 147, 137, 382 (прим. 1), 396, 498,—II, 437, 447.—Liber rerum memorandarum, I, 148, 198,—II, 437. Itinerarium Syriacum, I, 148. Карта Италіи (?), I, 148,—II, 454.

Петрарка (или Петракко) Джерардо, братъ Франческо, I, 108 (пр. 2), 124, 137.

Петрони Пьеро, I, 165, 166.

Петроній Арбитеръ, I, 231.

Петръ Блуасскій, I, 223.

Петръ де Винеа, I, 191.—II, 370.

Петтуортъ Ричардъ, II, 225.

Пейербахъ Георгъ, II, 258.

Пиза, ея университетъ, I, 315, 316, 337.

Пизанелло, художникъ, I, 349,—II, 354.

Пизани Уголино да Парма, I, 452.—II, 244—245, 363.

Пикколомини Эней Сильвій, I, 281, 325, 377. Никкол. какъ папа Пій II-й: его воз-

вышеніе, I, 239, 325, 377, 378, 445,— II, 225, 273, 292, 364, 373, 426. Пій II какъ папа, II, 12, 21, 22, 183, 207. Пикколомини какъ апостолъ гуманизма въ Германіи, II, 247 и д., 277 и д. Его письма, II, 387, 371, 380, 387, 406. Его рѣчи, II, 371, 393. Его стихотворенія, II, 352, 357. Artis rhetoricae praecepta, II. 395. Его трактаты, II, 406, 412. Его труды по исторіографіи, II, 447. Epitome Decadum Blondi, II, 440. Его «Азія» и «Европа», II, 454.

Пилато Леонціо, I, 315,—II, 97 и д. Его переводъ Гомера, I, 144,—II, 97, 169.

Пиндаръ, II, 116.

Пиндаръ Өиванскій, II, 169, 171.

Письма поэтическія, I, 535, — II, 374, 380—381.

Пиччиколли, см. Чиріако Анконскій.

Пиччинино Джіакомо, кондотьеръ, I, 451—452, 484.

Пій II, папа, см. Пикколомини.

Плавтъ. 12 новыхъ комедій, I, 241. Исправленіе текста, I, 241 (пр. 5), 276,—II, 343—344. Коментаріи, II, 203, 348. Подражанія Плавту, II, 359.

Платина Бартоломео (Савки да Піадена), I, 493 (пр. 1), — II, 109 (пр. 1), 118, 184, 208 и далѣе, 212.

Платонъ, I, 247, 259, 375, — II, 162. Древніе переводы на латинскій яз., II, 92, 147; переводъ Павла Строцца, II, 144. Переводы «Республики» Хризолоромъ и обоими Дечембріо, I, 214, 458,—II, 144, 163. «О законахъ» въ переводѣ Георгія Трапезунтскаго, II, 125, 127, 163. Переводъ Бруни, II, 146—147, 164. Петрарка и Платонъ, I, 79 и д. II, 105. Платонъ и неоплатонизмъ II, 105—106. Споръ о Платонѣ и Аристотелѣ, II, 106, 126.

Плетонъ Георгій Гемистъ, II, 102 — 103, 105, 107, 108.

Плиній младшій; его письма, I, 236, — II, 180 (примѣч. 2), 315.

Плоскошарія, II, 454—455.

Плузіаденъ Іоаннъ, II, 116.

Поджіо (Браччіолини) Джіанъ Франческо, I, 221, 223, 224, 227, 228, 229, 230, 232, 281—283, 284, 359,—II, 66, 101, 200, 275, 300, 342, 370, 423, 429, 432, 434. Поджіо какъ отыскиватель книгъ, I, II. въ Англіи, I, 231, — II, 225. П. при папскомъ дворѣ, I, 304,—II, 6—9, 13—14, 15, 66, 414. Bugialae (веселое общество, собиравшееся въ Латеранѣ), II, 14. Поджіо во Флоренціи, I, 303 и д., 363,—на развалинахъ Рима II, 10—14. Поджіо какъ собиратель надписей I, 249,—II, 12 — 13, 350. Его собираніе античныхъ рѣдкостей, I, 307. Его библіотека, I, 308, 373,—II, его литературная полемика I, 309, — II, 400. Споръ съ нищенствующими монахами, II, 14, 191 и д.,—съ юристами, II, 429,—съ еписк. Зено фельтрскимъ, I, 311,—съ Гварино I, 311,—II, 400,—съ Чиріако Анконскимъ I, 313, — съ Филельфо, I, 329, 331, 333,—II, 400, — съ Базельскимъ соборомъ и папою Феликсомъ, II, 9, 68,—съ Валлою и Перотти, II, 131—135,—съ Георгіемъ Трапезунтскимъ, II, 126, 135 и д. Разногласіе по поводу признанія достоинствъ за народнымъ языкомъ, II, 398—399. Dial. contra hypocrisim, II, 68, 191 и д. Его письма, I, II, 378. Его надгробныя рѣчи, II, 392, Его трактаты, II, 406. Фацеціи, II, 13, 194, 367. Urbio Romae descriptis, II, 12, 449. Исторія Флоренціи, I, II, 155. Переводы съ греческаго, II, 155.

Плутархъ, I, 245, 247, 259, 375, 382, 499,—II, 92. Переводы, I, 269, 382—383, 508, 514, 520, — II, 19, 33, 90, 106, 144, 146, 157, 158, 284, 288.

Подоватеръ, Филиппъ, II, 382.

Полентоне Чикко, I, 205, 239 (пр.), 398 и д.—II, 367, 409. Его сочиненіе de scriptoribus latinis, I, 399.

Полибій въ переводѣ Перотти, II, 119, 120, 166. «Исторія первой пунической войны», передѣланная Бруни. II, 152.

Полиціано Аньоло. I, 341,—II, 174.

Поллуксъ, лексикографъ, I. 511.

Польша и гуманизмъ, II, 291—294.

Помпоніо Лето, II, 210—212, 350.

Помпоній Порфирій, I, 239 (пр. 1), — II, 178.

Помпей Фестъ, I, 286 (пр. 1).

Понтано Джіовано, I, 239 (пр. 1), 456 (пр 1), 457,—II, 410, 334 (пр. 2).

Понтано Людовико, канонистъ, II, 39.

Понтелло Баччіо, архитекторъ, I, 520.

Поркари Стефано де', и его заговоръ, II, 59 и д.

Португалія и гуманизмъ, II, 318—319.

Порчелло Джіантоніо де' Пандони, II, 449 и д., 534 и д.,—II, 83 (пр. 4), 358, 368. Его комментаріи къ войнѣ 1452 и 1453 гг., I, 451.

Поэзія и ея виды, II, 351 и д.
Премьерфе Лоранъ де, II, 303.
Прендилакка Франческо, I. 487 (пр. 1).
Присціанъ, I, 226.
Прокопій. I, 246; его сочиненія исправленныя Бруни. II. 153.
Проперцій, I. 196—197.
Просвѣщеніе и гуманизмъ, II, 426—455.
Протасій, епиcк. черногорскій, II, 260.
Птоломей. Рукописи его «Космографіи», I, 212, 255.—II, 26. Переводъ его Джіакомо да Скарпаріа, 212, —19, 153, 168. Таблицы къ нему, I, 212 (пр.) Переводъ «Альмагеста» Георгіемъ Трапезунтскимъ. II, 126, 127, 168.
Пьетрамала, Галеотто де, кардиналъ II, 312.
Пьетро да Муліо, въ Падуѣ и Болоньѣ, I, 182, 396,—II, 42, 346.

Р.

Рабштейнъ Іоганнъ, II, 260.
Рабштейнъ Прокопъ, II, 260.
Равеньяни Бенинтенди, де', I, 381, — II. 377.
Раканнелли, I, 520.
Рамбальди Бенвенуто да Имола, I, 234 (пр. 2). 356, 497,—II, 43, 346.
Рамбальдони, см. Витторино да Фельтре.
Регіомонтанъ Іоганнъ, см. Мюллеръ.
Reime гуманистовъ на народномъ языкѣ, II, 352.
Реньо Бартоломео де, I, 222.
Реторика, II, 388—394.
Ридереръ Ульрихъ, II, 258.
Римини и гуманизмъ, I, 522; см. также Малатеста.
Римъ. Его развалины, I, 248 и д., 253,—II, 10, 57. Курія и гуманизмъ, II, 1 и д., 38, 171, 175, 180 — 181. Римскій университетъ, особенно во времена Евгенія IV, II, 36 и д., — во времена Николая V, II, 80, 184 и д.
Ринуччи ди Кастильоне, I, 422, — II. 40, 74—75. 168, 184.
Ринуччини Аламанно, I, 289 (пр. 4), 302 (пр. 2). 340, 354.
Ринуччини Чино. I. 354. 191 (пр.), 354.
Ричардъ бёрійскія С. - Эдмундъ (д'Анджервилль), епископъ Дургамскій, II, 92, 220—221, 296.
Роббіа Лука, делла, I, 348.
Роберти, см. Діонизи да борго Санъ-Сепольеро.
Роберто да Лечче, миноритъ, I, 440.
Робертъ, король Неаполитанскій, I, 27. 94. 106, 144, 411, 414 и д.
Роде или Ротъ Іоганнъ, II, 255.
Розелли Антоніо, юристъ, II, 39.
Розеллини Бернардо, скульпторъ, I, 290.
Ронто Маттео, I, 351.
Розосъ Іоаннъ, II, 116.
Росси Роберто де', I, 180, 206, 211, 212, 268,—II, 100, 144, 153.
Рустичи Агапито, см. Ченчи.

С.

Сагундино Никколо, I, 394, 456 (пр. 1),—II, 75, 101, 137. 156.
Саккетти Франко, I, 355.
Сакки Бартоломео, см. Платина.
Сакко Катонъ, юристъ, I, 487 (пр. 1), II, 426.
Саллюстій, I, 45, 494, 520, — II, 301 — 302, 348.
Салютато Колюччіо ди Піеро, I, 179, 180, 181,—II, 169, 428. Сал. какъ секретарь при папскомъ дворѣ, I, 182, II, 6. Отношенія его къ Данту, Петраркѣ и Боккаччіо, I, 182, 183, 184, 190, 351. 355, 357—358, 360. Салютато въ качествѣ канцлера Флорентинской республики. I, 183, 185, 187, 361. Салютато—стоикъ, I, 186,—II, 189, 419. 421. Сал. способствуетъ приглашенію Хризолора, I, 211. Салютато какъ собиратель книгъ, I. 195,—197, 276, 371. Онъ находитъ сочиненія Цицерона, I, 198 и д. Смерть и вѣнчаніе его лавровымъ вѣнкомъ, I, 192—193. Его литературная дѣятельность, I. 193, 348, 351,—II, 333, 350, 353, 359, 370, 377, 384, 388, 391, 406. 421. Политическія письма его, I, 191 и д., II, 308, 377. Его Ars dictami nis I. (пр.). De fato et fortuna, I, 193,—II. 434. Стихи —I, 193. De religione et fuga saeculi, I. 194. Его полемическое сочиненіе противъ Лоски, I, 190, II, 397. Салютато провѣряетъ рукописи классиковъ, I, 199, II, 341. Эпитафія, I, 190 (пр. 2).
Сальвіанъ De providentia Dei, I, 244.
Санкецъ де Аревало Родриго, епископъ Калагоррскій, II, 213.

Сассоло да Прато, I, 487 (пр. 1), 493 (пр. 2), 496,— II, 102.
С.-Галленъ, см. Библіотеки.
С.-Спирито, монастырь во Флоренціи, при немъ академія, I, 178. 299,—II, 49.
Светоній, II, 141, 299, 302. De viris illustribus I, 237. De oratoribus ac poëtis, I, 239 (пр. 1), 399.
Сгуропуло Дмитрій, II, 416.
Секстъ Руфъ, II, 271.
Сенека Л. Анней, I, 19, 123, 127, 134, 199 (прим. 1);—II, 299, 302, 345, 346, 359, 360, 373, 442.
Сенека Томазо, да Камерино, I, 252, 529, 530, 531 (прим. 1), 536; II, 46, 342.
Серавалле Джіованни, I, 351.
Сервій, Comment. ad Aeneid., II, 342 (прим. 5), 347.
Сигеросъ Николай, I, 49—50.
Сигизмундъ, герцогъ Тирольскій II, 247, 268, 271 412.
Сигизмундъ, нѣмецкій король и императоръ, I, 256, 453, 463, 472, 514; II, 17, 21, 156, 242.
Сикстъ IV, папа, II, 183, 214.
Силій Италикъ, I, 226.
Симонетта Джіов., I, 476.
Симонетта Чикко, I, 476, 482, 518.
Синьорили Николо, I, 249.
Сіэна и гуманизмъ, I, 377 и далѣе; II, 414.
Скала Бартоломео, I, 274 (пр. 2), II. 360.
Скаламонте Франческо, I, 251 (прим. 1). 261.
Скарампо Людовико, кардиналъ, I, 483, II, 184, 385.
Скарпаріа Джіакомо д'Анджело да, I, 211, 212, 268.
Скравалле Джіов., ди, I, 351.
Скутаріота Іоаннъ, II, 179.
Создзини Маріано, юристъ, I, 318, 377; II, 352, 426.
Созоменъ изъ Пистойи, см. Зомино.
Сольера Хуанъ, I, 421.
Сонранцо Раймондо, I, 40—41, 42 (пр.).
Софоклъ, I, 246, 495,—II, 116.
Спинола Джіанджіакомо, II, 300, 301 (пр. 1).
Статуи, I. 247, 254, 438; II, 214.
Стаффордъ Джонъ, архіеписк. Кентербюрійскій, II, 225.
Стаціонаріи, I, 364 (пр. 1).
Стацій. Silvae, I, 225.
Стелла Генрико, Георгій и Джіованни, I, 405—406.
Стилистика, I, 209,—II, 369 и далѣе.
Стихотворенія гуманистовъ, писанныя народнымъ языкомъ, II, 352.
Страбонъ, I, 90. Переводы его, сдѣланныя Гуарино и Грегоріо да Читт ади Кастелло, I, 502, 504,—II, 167.
Строцци Лоренцо, I, 270.
Строцци Маттео, I, 270.
Строцци Нанни, I, 270.
Строцци Нефри, I, 270.
Строцци Палла, I, 206, 211, 212, 256, 269, 317, 321, 325, 375, — II. 144, 149.
Строцци Тито, I, 270.
Сфорца Александръ, влад. Пезаро, I, 477, 484, 540.
Сфорца Баттиста, I, 477.
Сфорца Галеаццо Марія, 476, 522 (пр. 1).
Сфорца Ипполитъ, I, 476.
Сфорца Франческо, герцогъ миланскій, I, 475, 476, 482, 518, 540.
Схоларій Георгій (Геннадій), II, 137.

Т.

Таленти Томмазо де' I, 86.
Тамбени Джіованни де' Бальдо, I, 318 (пр. 1). -II, 433.
Тацитъ въ средніе вѣка I, 233—235. Лѣтописи и исторія I, 233 и д. Германія, Агрикола, Діалогъ, I, 237,—178 (пр. 3).
Тедбальдо да Каза, см. Каза да Тебальдо.
Теренцій, I, 494,—II, 311, 363, 364.
Тертулліанъ, I, 244,—II, 43.
Терунда Леонардо, II, 241.
Тибуллъ, I, 197,—II, 342.
Типтофтъ, Джонъ Карлъ Уорчестерскій, II, 223, 228.
Тиферна, см. Грегоріо да Читта ди Кастелло.
Томасъ, бриттъ, II, 229.
Томмазо да Сарцана, II, 48; см. также Николай V, папа.
Томмазо сэръ Риги да Перуджіа, II, 353.
Тортелло Джіованни, II, 81—82, 182, 201. De orthografia, II, 82. 334.

Траверсари Амброджіо, I, 276, 282, 284, 292—298, 326, 327, 329,—II, 14, 154, 199, 245, 341, 386.

Трагедія гуманистовъ, I, 19,—II, 360.

Трапезунтскій, см. Георгій Трапезунтскій.

Требаніо, I, 537.

Тревизано Захарія, I, 383, 401.

Трёстеръ или Тростъ Іоганнъ, II, 250 (и прим. 1).

Тридентоне Антоніо Пармскій, II, 364 (пр. 6).

Труды лексическіе, II, 332, 339.

Тудески Никколо де', канонистъ, I, 317,—II, 425.

Турко Піетро, I, 523.

Туссекъ Іоганнъ, II, 260.

У.

Удзано Никколо, да, I, 317.

Урбанъ V, папа, II, 6.

Урбино и гуманизмъ, см. Монтефельтро.

Уорчестеръ Джонъ Карлъ, см Типтофтъ.

Ф.

Фаціо Бартоломео, I, 309, 424, 446,—II, 63, 156, 406, 455. «Жизнь Альфонса короля Неаполитанскаго», I, 447 — 448. De viris illustribus, I, 447—448, — II, 455.

Феликсъ V, папа, I, 311.

Фенестелла, см. Фіокко.

Фернандо делла Діазъ, II, 318.

Фернандо, король Неаполитанскій, I, 457.

Феррара и гуманизмъ, I, 497 — 519. Университетъ въ Феррарѣ, I, 501, 504, 505, 516 — 517. Стеченіе въ Феррару слушателей курса реторики, I, 506. Феррарскій соборъ (1438), I, 500, — II, 33, 308. Также см. Эсте.

Феррето да Виченца, I, 21, 32,—II, 103, 370.

Филарго Пьетро, епископъ Наваррскій, архіепиcк. Миланскій, папа Александръ V, I, 458.

Филельфо Джіаммаріо, I, 337, 339, 484, 485, 488,—II, 174 (прим. 1), 412.

Филельфо Франческо, I, 282, 318, 322, 365,—II, 45, 101, 141, 300, 323, 324, 335 — 356, 359, 368, 371, 380, 381, 382, 387, 412, 434. Филельфо въ Падуѣ и Венеціи, I, 322—323, 392,—въ Константинополѣ, I, 322—323,- II, 101;—въ Болоньѣ, I, 323, 392,—II, 48; — во Флоренціи, I, 324,—II, 392;—въ Сіенѣ, I, 378, 333;—въ Неаполѣ, I, 453;—въ Миланѣ при герцогѣ Филиппѣ Маріи, I, 468—470; — во времена республики, I, 473;—при герцогѣ Франческо Сфорца, I, 479, до Николая V, II, 87 — 89. Его смерть въ Флоренціи, I, 337. 486. Система попрошайничанья, I, 469—481. Полемика съ ниществующимъ орденомъ II, 190. Полемика съ Никколи. Марсуппини, Поджіо и Медичи I, 328 — 337, 468. Поэтическія произведенія, I, 372, 380. «Сфорціада», II, 359. Комментаріи къ rime Петрарки, I, 470 — 471. «Жизнь Николая V», II, 49 (прим. 1), 86, 89. Переводы съ греческаго, II, 173—174.

Филиппъ де Витри, епископъ гор. Мо, II, 296.

Филиппъ Марія, герцогъ Миланскій, см. Висконти.

Филиппъ Смѣлый, герцогъ Бургонскій, II, 299.

Филлискъ, софистъ, II, 158.

Философія, заслуги и стремленія гуманистовъ, II, 402. Отношеніе Петрарки къ философіи, I, ,—II, 402 и д. — Отнош. къ ней Боккаччіо, I, . Философскіе трактаты, II, 405—40.

Финоти Джіованни де, I, 501 (пр. 2).

Фирмикъ Матернъ, Matheos libri, I, 242 (прим. 1).

Фичино Марсиліо, II, 108, 163.

Фіокко Андреа, II, 34, 70. Его книга De magistratibus (т. наз. Фенестелла), II, 34, 148.

Флеммингъ Ричардъ, II, 230.

Флеммингъ Робертъ, II, 230.

Флоренція, какъ пристанище музъ, I, 151 и д., 268 и д. Общественныя школы, I. 153. Общественная жизнь и новое направленіе въ образованіи съ 1382 г., I, 175, 268, — II, 420. Флоренція и Петрарка, I, 139. Планъ Пантеона по Данту, Петраркѣ и др., I, 360. Флорентинскій университетъ, I, 314. Канцлеръ республики, I, 360. Историческое описаніе Флоренціи, I, 362. Изданіе книгъ и библіотеки во Флоренціи, I, 364, 372. Соборъ по поводу возсоединенія церквей, II, 103.

Фортино Паоло, I, 361.

Франки Вивіано де Нери, I, 199 (и пр. 2).

Франція и гуманизмъ, II, 294—317.

Франческо д' Арко, графъ Тирольскій, II, 246.

Франческо да Пистойя, миноритъ, I, 307.
Франческо да Рома, I, 516.
Франческо ди Лапачино, I, 212 (пр. 3).
Франческо де Фіана, I, 223 (прим. 1), — II, 19.
Фреа Джонъ, I, 231.
Фреджело Марино де, II, 276.
Фридрихъ III, нѣмецкій король и императоръ, I, 451,—II, 119, 133.
Фридрихъ, пфальцграфъ Прирейнскій, II, 261—262.
Фронтинъ, de aquis urbis Romae, I, 242.
Фуско Доменико, I, 529 (примѣч. 1).

Х.

Халкондилъ Димитрій, I, 403.
Хризококкъ, II, 101.
Хризолоръ Іоаннъ, I, 101, 485,—II, 91.
Хризолоръ Эммануилъ, I, 210 (примѣч. 1), 275,—II, 99, 101—102. Хриз. читаетъ лекціи во Флоренціи, I, 212—213, 303, 316, — II, 144; — въ Павіи, I, 214—215;—въ Римѣ, I, 215—216,—II, 39, 41. Смерть его въ Констанцѣ, I, 216. Хризол. какъ писатель, I, 216,—II, 16, 144, 145, 338. Его греческая грамматика (Erotemata), I, 216,—II, 338.
Христіанъ фонъ Траунштейнъ, II, 248.
Хуанъ II, король кастильскій и леонскій, II, 318.

Ц.

Цезарь, см. Юлій Цезарь.
Цицеронъ Маркъ Туллій, I, 29—30, 425,—II, 326; Судьба его сочиненій въ средніе вѣка, I, 35—36,—II, 303; отыскиваніе Петраркою его сочиненій и нахожденіе ихъ, I, 38, 39, 27,—при томъ же рѣчи и письма I, 40—43. Книги: de consolatione, de laude philosophiae, de gloria, I, 40—43, 231, 232, 227—228, — II, 315; Циц. и Боккаччіо, I, 164; Салютато и сочиненія Цицерона, въ особенности письма, I, 197 — 199; de differentis, I, 199; Цицероновы письма, II, 346, 374, 376, 378; рукопись Сервата Лупа, аббата Ферьерскаго, II, 295; рукопись Бартоломео Копра, I, 237; рукопись Поджіо, I, 304, — II, 378; рѣчи Цицерона, I, 229—230, 232, — II, 346; коротенькія изложенія и поясненія къ рѣчамъ Цицерона, писанныя Полентоне и Лоски, I, 399, 460, — II, 347; риторическія сочиненія Цицерона, I, 230,—II, 315, 369—370; переводы Цицерона на итальянскій яз., II, 141,—на англійскій, II, 229,—французскій, II, 305, 309; комментаріи, II, 346; подражаніе слогу Цицерона (олатинизированіе Цицерона), I, 209—209,—II, 405.

Ч.

Чезарини Джульяно де, кардиналъ, I, 233, 293,—II, 27, 112, 414.
Чезена и гуманизмъ, см. Малатеста Новелло.
Чезмиче Іоаннъ, см. Янъ Паннонскій.
Чекко да Асколи, астрономъ, I, 351, 355.
Ченчи Агапито де' Рустичи, I, 215, 222—223,—II, 13, 19—22, 100, 156, 245.
Черменате Джіованни да, I, 22.
Черногорія, см. Протасій.
Чеши Діонисій, архіеп. Грана и кардиналъ, II, 281.
Чино, I, 108.
Чиріако (де' Пиччиколли) Анконскій, I, 250—252. Страсть къ путешествіямъ, I, 252 — 253. Путешествіе, I, 252 — 260. Чиріако какъ ученый, I, 261—263. Его слабости, I, 264 — 266. Его 7 наз. itinerarium, I, 259 (пр. 1). Его комментаріи, I, 260—261. Стихотворенія и сочиненія, I, 262—263.
Чосеръ, II, 222.

Ш.

Шаумбургъ Петръ фонъ, епископъ Аугсбургскій и кардиналъ, II, 270.
Швейнгеймъ Конрадъ, II, 277.
Шедель-Гартманъ, II, 267, 272.
Шедель Германъ II, 271.
Шлеттштадтъ, его школа, II, 274.
Шликъ Каспаръ, канцлеръ Сигизмунда, II, 244.
Штеркеръ Гейнрихъ, II, 266.

Э.

Эбендорферъ Томасъ изъ Газельбаха, II, 248.
Эзопъ въ переводѣ, I, 496, II, 158.
Эклоги II, 353—355,—Данта, I, 15, II, 352,—Петрарки, I, 31—32, 37, 382. II, 352,—Боккаччіо. I, 169,—Салютато, I, 193.

Элегіи Салютато, I, 193--194.
Элли Пьеръ д', кардиналъ, II. 305.
Эммануилъ, еврей, I. 299.
Эней Сильвій, см. Пикколомини.
Энній, I, 196.
Эноке, Альбертъ. да Асколи, I, 237, 240 (пр.), II, 176—178, 185
Эпиктетъ, въ переводѣ Перотти, II, 119, 168.
Эпила Мигуель д' I, 241, 421.
Эпистолографія, II, 371—388.
Эпосъ, обработанный гуманистами, I, 193—194, II, 358.
Эрфуртъ,—его университетъ, II, 265.
Эсте Альберто, маркграфъ Феррарскій, I, 498.
Эсте Борсо, герцогъ Феррарскій, I, 483, 517.
Эсте Ліонелло, маркграфъ Феррарскій, I, 512—516, II, 123.
Эсте Никколо II, маркграфъ Феррарскій, I, 497.
Эсте Никколо III, маркграфъ Феррарскій, I, 498, II, 107.
Эсхилъ, I, 246, 495.
Эсхинъ, въ переводѣ, II, 145.

Ю.

Ювеналъ, I, 13, II, 293, 348.
Юлій Цезарь, I, 303 (пр. 2), 420, 442,—II. 300.

Я.

Янъ Паннонскій (Іоаннъ Чезмиче), епископъ Фюнфкирхенскій, I, 368, 499 (пр. 3),—II, 158. 174, 283 и д., 358, 359.

Ѳ.

Ѳедоръ Газскій, I, 339, 370, 454, 485, 490, 536,—II, 128—130, 161, 162, 186, 338, 449.
Ѳедоръ Критскій (кандіотъ), II, 44, 46.
Ѳеофилъ, II, 52.
Ѳеофрастъ. «Растенія» въ переводѣ Ѳед. Газскаго. II, 128, 168. «Метафизика»—въ переводѣ Грегорія ди Читта ди Кастелло, II, 168.
Ѳома Аквинатъ, II, 52, 417.
Ѳома грекъ, миніаторъ, II, 300.
Ѳукидидъ, I, 245, 324, 509, II, 116. Переводъ Ѳук. Валлою, II, 79, 163, 181.